Россия и независимость Финляндии

1899–1920 гг.

Сборник документов
В трех томах

Редакционная коллегия:
А.Н. Артизов, руководитель Федерального архивного агентства, д-р исторических наук (председатель)
Ю. Нуортева, генеральный директор Национального архива Финляндии (сопредседатель)
А.К. Сорокин, научный руководитель Российского государственного архива социально-политической истории, канд. исторических наук (зам. председателя)
Н.М. Баринова, директор Историко-документального департамента МИД России
Д. Фролов, начальник направления по развитию и связям с Россией и странами бывшего СССР Национального архива Финляндии
П. Хаппонен, директор по научным исследованиям и разработкам Национального архива Финляндии
А.В. Юрасов, зам. руководителя Федерального архивного агентства, канд. исторических наук

Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.

Том 1

От автономии к противостоянию 1899–1908 гг.

Составители:
М.В. Зеленов (отв. составитель), П. Хакала

РОССПЭН
Москва
2021

УДК 94(47+480)
ББК 63.3(2+4Фин)
Р76

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по проекту № 20-19-00192, не подлежит продаже

Россия и независимость Финляндии: 1899-1920 гг. : сборник документов : в 3 т. / отв. сост. М.В. Зеленов. – М. : Политическая энциклопедия, 2021.

Р76

ISBN 978-5-8243-2412-9

Т. 1 : От автономии к противостоянию: 1899–1908 гг. – 2021. – 1006 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2413-6

Сборник документов «Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг.» является результатом совместной работы финских и российских историков. В нем публикуется 1358 документов (более 42 % предстают перед читателем впервые) из ГА РФ, РГИА, РГАСПИ, РГАЭ, РГАВМФ, РГВА, из архивов МИДа – АВПРИ и АВП РФ, Архива Президента Российской Федерации и Национального архива Финляндии. Вкладки содержат 130 фотодокументов (среди них около 70 портретов политических деятелей России и Финляндии), большинство из собраний финских музеев. Научное издание снабжено обширным научно-справочным аппаратом и приложениями.

Первый том сборника документов охватывает период от реформ губернатора Н.И. Бобрикова, вызвавших массовые протесты, до изменения правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. В сборнике представлены не только новые документы, раскрывающие позицию российского правительства и Сейма Финляндии, но и новые сюжеты: работа комиссий Государственного совета по Финляндии, формирование нового механизма управления окраиной России, разработка в Финляндии новой «Формы правления» в 1906–1907 гг. и др. Основу сборника составили документы ГА РФ, РГИА и Финляндского национального архива.

The collection of documents "Russia and the independence of Finland: 1899–1920" is the result of the joint work of Finnish and Russian historians. It contains 1358 documents (more than 42 %, appear for the first time in public) from the State Archives of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive, the Russian State Archive of Socio-Political History, The Russian State Archive of the Military Sea Fleet, the Russian State Military Archive, as well as from the archives of the Ministry of Foreign Affairs – the Archive of the Russian Empire Foreign Policy and the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the Presidential Archive of the Russian Federation and the National Archives of Finland. The tabs contain 130 photographic documents (including about 70 portraits of political figures of Russia and Finland), most of the collections of Finnish museums. The scientific publication is equipped with an extensive scientific and reference apparatus and applications.

The first volume of the collection covers the period from the reforms of the governor N.I. Bobrikov, which caused massive protests, up to the change in the legal status of the Grand Duchy of Finland within the Russian Empire. The collection contains not only new documents revealing the position of the Russian government and the Seimas of Finland, but also new subjects: the work of the State Council commissions for Finland, the formation of a new mechanism for managing the Russian outskirts, the development of a new "Form of Government" in Finland in 1906–1907 and others. The collection is based on documents of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive and the Finnish National Archive.

УДК 94(47-480)
ББК 63.3(2+4Фин)

ISBN 978-5-8243-2413-6 (т. 1)
ISBN 978-5-8243-2412-9

© Федеральное архивное агентство, 2021
© Национальный архив Финляндии, 2021
© Российский государственный архив социально-политической истории, 2021
© Государственный архив Российской Федерации, 2021
© Российский государственный исторический архив, 2021
© Зеленов М.В., 2021
© Политическая энциклопедия, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово от Росархива ... 21
Приветственное слово от Национального архива Финляндии ... 22
Независимость Финляндии и России 1899–1920 гг. ... 22
Введение ... 26
Историческое предисловие ... 29
1. Вхождение Финляндии в состав России ... 29
2. Правовой статус Финляндии в составе имперской России к 1899 г. ... 30
3. Краткая характеристика этапов становления независимости Финляндии и ее правоотношений с Россией ... 33
Археографическое введение ... 36
Краткая характеристика принципов издания ... 36
Состав, свойства и функции элементов структуры сборника документов и их публикации ... 38

РАЗДЕЛ 1
1899–1905 гг.
Ограничение прав Сейма и передача рассмотрения финляндских дел Государственному совету
Часть 1
Январь – февраль 1899 г.
Разработка Манифеста об утверждении Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов. Работа совещания Великого князя Михаила Николаевича
№ 1. Речь Его Императорского Величества Николая II при открытии Финляндского чрезвычайного Сейма ... 42
№ 2. Всеподданнейший доклад Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича председателя Государственного совета о работе Совещания по порядку рассмотрения общих законоположений для империи и Великого княжества Финляндского ... 43
№ 3. Препроводительная записка членам Совещания для разработки порядка рассмотрения общих законов для империи и Великого княжества Финляндского с документами ... 45
№ 4. Записка и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.Б. Прокопе о праве земских чинов в законодательстве ... 45
№ 5. Журнал Совещания для начертания законодательного акта о порядке издания и обнародования законов для империи со включением Великого княжества Финляндского и выработанные Совещанием проекты Манифеста и Основных положений ... 46
№ 6. Всеподданнейший доклад Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича об окончании работы Совещания ... 52

Часть 2
«Февральский» 1899 г. Манифест и политика изменения составления, рассмотрения и обнародования законов, издаваемых для Великого княжества Финляндского
№ 7. Высочайший Манифест об утверждении Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского ... 53

№ 8. Высочайше утвержденные Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского 54
№ 9. Представление («Адрес») Финляндского Сената 55
№ 10. Протест прокурора Финляндского Сената В. Седерхольма на Манифест 3(15) февраля 57
№ 11. Доклад Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II о положении в Финляндии 58
№ 12. Отзыв Комиссии законов Сената на Манифест 3(15) февраля 60
№ 13. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II об отношении Сената к Манифесту 3(15) февраля 61
№ 14. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II о толковании Сенатом содержания Манифеста 3 февраля 62
№ 15. Донесение № 59 начальника Финляндского жандармского управления Ф.А. Фридрихса Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о реакции городского населения Або-Бьернеборгской губернии на Манифест 3 февраля 63
№ 16. Отношение № 165 и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.Б. Прокопе Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о том, что Император оставил представление Сената без последствий 64
№ 17. Из доклада Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II о положении в Финляндии 64
№ 18. Из доклада Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II о положении в Финляндии 66
№ 19. Заметка «Письмо Вдовствующей Императрицы» в финской газете «Päivälehti» об ответе Марии Федоровны на письмо Е. Карамзиной с просьбой отменить Манифест 3 февраля 67
№ 20. Письмо Императора Николая II и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.Б. Прокопе об отказе принимать прибывшую в Петербург с «Народным адресом» многочисленную депутацию 67
№ 21. Письмо Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову 68
№ 22. Отношение («Отзыв») № 141 Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в финский Сенат с предложением разъяснить смысл Манифеста 2(15) февраля с приложением проекта объявления Сената 69
№ 23. Проект объявления Сената о смысле Манифеста 3 февраля 1899 г. 69
№ 24. Циркуляр Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова губернаторам Финляндии о прекращении беспорядков в Финляндии 70
№ 25. Доклад Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II с программой подчинения Финляндии России 71
№ 26. Письмо Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о проведении Манифеста 3 февраля в жизнь 73
№ 27. Циркулярное предписание Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова губернаторам Великого княжества Финляндского с указанием о применении Манифеста от 3(15) февраля 1899 г. 74
№ 28. Заметка члена Государственного совета статс-секретаря Э.В. Фриша «Адрес Финляндского Сената и опровержение на него...» 77
№ 29. «Народный адрес» с протестом против Манифеста 3(15) февраля 83
№ 30. Записка священника А. Якубова Финляндскому генерал-губернатору о фальшивом числе подписей под «Народным адресом» 84
№ 31. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад государственного секретаря В.К. Плеве об образовании при Государственной канцелярии временной комиссии для систематизации финляндских законов 85

№ 32. Отношение («Отзыв») № 215 Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в финский Сенат на представление Финского Сената 17(29) марта с приложением проектов объявления Финского Сената 86
№ 33. Из Всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии по поводу Его Императорского Величества предложений с проектом Устава о воинской повинности и об основных началах устройства и управления финских войск 88
№ 34. Всеподданнейший отзыв земских чинов Финляндии по поводу Высочайших предложений относительно уравнения тягости личной воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи и относительно уравнения военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи 98
№ 35. Решение земских чинов Великого княжества Финляндского, состоявшееся на чрезвычайном Сейме в Гельсингфорсе 104
№ 36. Высочайший рескрипт Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову «По поводу петиции земских чинов Финляндии, вызванной преобразованием воинской повинности в Великом княжестве и Основными Положениями 3 февраля 1899 года, определяющими правила об издании общегосударственных законов, касающихся Финляндии» 108
№ 37. Обзор «Извлечение из речей земских чинов чрезвычайного Сейма 1899 года», сделанный Главным Штабом 108
№ 38. Отношение № 1006 Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова начальнику Генерального Штаба В.В. Сахарову о заключении по проекту Устава о воинской повинности и уравнению военно-финансовой тягости с приложением отзыва от 28 ноября 1898 г. 118
№ 39. Справка о проектах Устава о воинской повинности и позиции Сейма и Сената по этому вопросу 121
№ 40. Отношение № 1258 Финляндского Сената Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову с заключением по проекту Устава о воинской повинности 124
№ 41. Отношение № 1259 Финляндского Сената Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову с заключением об уравнении личной и финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи 126
№ 42. Статья «Стремление придать финляндскому вопросу международный характер» из «Обзора периодической печати» 127
№ 43. Статья «Мнение иностранной печати о введении русского языка в Финляндии» из «Обзора периодической печати» 130
№ 44. Отношение № 7577 министра Императорского Двора барона В.Б. Фредерикса военному министру А.Н. Куропаткину о нежелательности насильственной русификации военнообязанных в Финляндии 131
№ 45. Журнал Высочайше образованного Особого совещания для обсуждения вопроса о введении русского языка в делопроизводство правительственных установлений Великого княжества Финляндского 132
№ 46. Речь Императора Николая II на открытии очередного Сейма 143
№ 47. «Справка» из Представления № 6174 военного министра А.Н. Куропаткина в Государственный совет «О введении нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском» 144
№ 48. Из «Проекта Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском (с объяснительными мотивами)» 146
№ 49. Представление № 6175 военного министра А.Н. Куропаткина в Государственный совет «Об уравнении военно-тягловой повинности Финляндии с таковою же в империи» 150
№ 50. Статья «Проявление финского самосознания» из «Обзора периодической печати» № 3 158

№ 51. Из статьи «Русская государственная идея», опубликованной в «Финляндской газете» 163
№ 52. Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского 163
№ 53. Представление Финляндского Сената Императору Николаю II с протестом против введения русского языка в делопроизводстве Финляндии 165
№ 54. Статья «Отношение прессы к событию» из «Обзора периодической печати» № 5 о реакции на Манифест о введении русского языка 168
№ 54А. Сопроводительное письмо Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова министру статс-секретарю фон В.К. Плеве к представлению Сената 172
№ 55. Статья «Петиция о системе управления» из «Обзора периодической печати» № 5 173
№ 56. Высочайшее повеление об оставлении без последствий петиции земских чинов об управлении краем и приступить к пересмотру Сеймового Устава 178
№ 57. Статья фенномана Ю.С. Юрьё-Коскинена «Открытое письмо моим друзьям» ... 178
№ 58. Статья «Нелегальные органы печати и рекомендуемые ими способы противодействия правительству» из «Обзора периодической печати» № 6 181
№ 59. Отношение № 26 министра финансов С.Ю. Витте государственному секретарю В.К. Плеве с протестом против позиции военного министерства и Финляндского Сейма о введении воинской повинности в Финляндии 190
№ 60. Из дневника начальника Департамента законов Государственного совета А.А. Половцева о ходе обсуждения Устава о воинской повинности в Великого княжества Финляндского в Государственном совете в феврале — мае 1901 г. 213
№ 61. Из Журнала Высочайше учрежденного Особого совещания по делу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском 214
№ 62. Заключение Особого совещания по делу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском 217
№ 63. Письмо министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве бывшему сенатору профессору Ю. Юрьё-Коскинену 219
№ 64. Журнал Общего собрания Государственного совета об Уставе о воинской повинности 220
№ 65. Манифест об издании Высочайше утвержденного для Великого княжества Финляндского нового Устава о воинской повинности 243
№ 66. Из Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском 244
№ 67. Докладная записка капеллана Эсбоской церкви К.Э.С. Генриксона и главного пастора Эсбоской церкви А.А. Флееге Эсбоской церкви Эсбоскому коронному ленсману об отказе публиковать Манифест о воинской повинности 246
№ 68. Докладная записка референта-секретаря Духовной экспедиции Сената Ф. Нордлунда об опубликовании Манифеста о воинской повинности в церквях губернии и реакции на это 248
№ 69. Всеподданнейший адрес финского народа Его Величеству Императору и Великому князю по поводу Высочайшего Манифеста от 29 июня (12 июля) 1901 года и закона о воинской повинности 249
№ 70. Из заключения и проекта Законоподготовительного учреждения по вопросу о пересмотре в некоторых частях Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского 252
№ 71. Из «Памятной записки важнейшим происшествиям в политической жизни Финляндии за 1899–1901 гг.» о противостоянии закону 3.2.1899 и реформе воинской повинности 258
№ 72. Протокол секретного Совещания под председательством Императора Николая II о введении чрезвычайных мер в Финляндии 262

№ 73. Письмо статс-секретаря В.К. Плеве бывшему сенатору профессору Ю. Юрьё-Коскинену 264
№ 74. Проект министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве преобразования системы и аппарата управления Финляндией 265
№ 75. Представление Финляндского Сената по вопросу о согласовании Манифеста от 3(15) февраля 1899 г. с Сеймовым Уставом для Великого княжества Финляндского 272
№ 76. Представление Финляндского Сената по вопросу о пересмотре Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского 273
№ 77. Проект Высочайшего предложения земским чинам Финляндии об изменении некоторых параграфов Сеймового Устава Великого княжества Финляндского 284
№ 78. Предположения Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова об изменении Сеймового Устава 1869 г. 294
№ 79. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова о политическом положении в Финляндии и мерах для установления спокойствия в крае 320
№ 80. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об употреблении русского языка в исходящих от финляндских правительственных установлений бумагах» 329
№ 81. Высочайшее объявление по Великому княжеству Финляндскому «Об определении прав, соединенных с должностью помощника Финляндского генерал-губернатора» 329
№ 82. Из политического завещания Ю. Юрьё-Коскинена «Горизонты» 330
№ 83. Высочайшее постановление об изменении правил и Высочайше утвержденные правила о формах и порядке обнародования узаконений и правительственных распоряжений, издаваемых для Великого княжества Финляндского 332
№ 84. Записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова о положении в крае 333
№ 85. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии» 334
№ 86. Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского «О применении Высочайшего постановления от 18/31 июля 1902 года об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии» 336
№ 87. Из Высочайшего постановления по Великому княжеству Финляндскому «О порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств» 336
№ 88. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об изменении в некоторых частях учреждения Императорского Финляндского Сената» 337
№ 89. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «О расширении полномочий губернаторов Великого княжества Финляндского» 340
№ 90. Высочайше утвержденный доклад № 218 министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве о согласовании Сеймового Устава с Манифестом 3(15) февраля 1899 г. 341
№ 91. Л. Мехелин. Памятная записка о положении в Финляндии, переданная послу Дании в Российской империи графу Бенкендорфу 344
№ 92. Высочайше утвержденное положение Военного совета об учреждении управлений окружных воинских начальников в Финляндии 348
№ 93. «Финляндский народный катехизис» 349
№ 94. Из «Памятной записки противоправительственного движения в Финляндии в 1902 году». Раздел «Толки о восстании» 353

№ 95. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому Высочайше утвержденные инструкции: А. Финляндскому генерал-губернатору и Б. Помощнику его 357
№ 96. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому об изменении инструкции губернаторам 360
№ 97. Рескрипт Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о размере призыва людей в Великом княжестве Финляндском на действительную военную службу в 1903 году 363
№ 98. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия 363
№ 99. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о разделении финляндских учебных заведений на разряды по отношению к отбыванию воинской повинности 365
№ 100. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о льготах по образованию для молодых людей, получивших воспитание в заграничных учебных заведениях 367
№ 101. Отношение № 6683 генерал-губернатора Н.И. Бобрикова министру статс-секретарю В.К. фон Плеве об агитационной деятельности финских граждан за границей с приложением памятной записки начальника канцелярии Генерального штаба о деятельности лиц, удаленных из Финляндии 368
№ 102. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о дополнении Высочайшего постановления от 20 марта (2 апреля) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия 371
№ 103. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о дополнении Высочайшего постановления от 20 марта (2 апреля) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия 372
№ 104. Рескрипт Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о том, чтобы лица, коим воспрещено пребывание в крае, не пользовались публичными политическими и общинными правомочиями 372
№ 105. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому по поводу Высочайшего разъяснения статьи 2 Высочайшего постановления от 1(14) августа 1902 года о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств 372
№ 106. Из «Всеподданнейшей записки Финляндского генерал-губернатора 1902–1903» Императору Николаю II о законодательных и административных мероприятиях в Финляндии с сентября 1892 по январь 1904 г. 373
№ 107. Письмо Е. Шаумана Императору Николаю II, в котором он объясняет убийство генерал-губернатора Н.И. Бобрикова и мотивы 380
№ 108. Листовка о покушении на жизнь Финляндского генерал-губернатора и командующего войсками генерал-адъютанта Н.И. Бобрикова 381
№ 109. Всеподданнейшее донесение нюландского губернатора М.Н. Кайгородова об убийстве Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова 381
№ 110. Именной Высочайший указ о назначении И.М. Оболенского Финляндским генерал-губернатором 383
№ 111. Высочайший рескрипт Императора Николая II о назначении И.М. Оболенского Финляндским генерал-губернатором 383
№ 112. Высочайший приказ об исключении из списков погибшего министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве 384

Часть 3

Октябрь 1904 — октябрь 1905 г.

Деятельность комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства (Комиссии Таганцева)

№ 113. Высочайше утвержденный доклад № 221 товарища министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского Э.А. Эрштрема «о дальнейшем направлении дела относительно разграничения общегосударственного законодательства от местного финляндского» 385
№ 114. Журнал № 1 Подготовительной комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства с приложением проектов 387
№ 115. Речь Императора Николая II земским чинам Великого княжества Финляндского при открытии очередного Сейма 400
№ 116. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора И.М. Оболенского Императору Николаю II о политическом положении в Финляндии в 1904 г. 401
№ 117. Большая петиция Финляндского Сейма Императору об отмене всех законов с 1899 г. 407
№ 118. Именной Высочайший указ о назначении К. Линдера министром статс-секретарем Великого княжества Финдяндского 421
№ 119. Заключение помощника Финляндского генерал-губернатора В.Ф. Дейтриха на петиции Сейма с просьбой отменить Закон о воинской повинности 421
№ 120. Высочайший Манифест о временной приостановке применения Устава о воинской повинности в Финляндии от 29 июня (12 июля) 1901 года 427
№ 121. Высочайшее предложение земским чинам Финляндии о пособии на военные нужды, уплачиваемом финляндскою казною в государственное казначейство 427
№ 122. Из «Определения земских чинов Великого княжества Финляндского» о восстановлении законного порядка в крае 428
№ 123. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора И.М. Оболенского Императору Николаю II о политическом положении в Финляндии в 1905 г. 429
№ 124. Журнал № 2 Подготовительной комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства с приложением проекта закона об ограничении законодательства Великого княжества Финляндского 434
№ 125. Высочайшее утвержденное положение Военного совета об упразднении Финляндского военного округа 457
№ 126. Из Высочайшего манифеста об учреждении Государственной думы 458
№ 127. Отзыв № 1453 министра статс-секретаря Э.А. Эрштрема к Финляндскому генерал-губернатору И.М. Оболенскому о границах употребления русского языка в Финляндии 459
№ 128. Журнал № 3 Подготовительной комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства с приложениями проектов закона об ограничении законодательства Великого княжества Финляндского (с приложениями) 460

РАЗДЕЛ 2

Октябрь 1905 — май 1908 г.

Отмена старого и формирование нового механизма управления Финляндией

Часть 4

Октябрь 1905 — февраль 1906 г.

Восстановление закономерного порядка в крае

№ 129. Манифест об усовершенствовании государственного порядка 484
№ 130. Из Именного Высочайшего указа о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений 485

№ 131. Высочайший Манифест по поводу всеподданнейшей петиции земских чинов Финляндии о мерах по восстановлению закономерного порядка в крае 486
№ 132. Высочайшая Государя Императора и Великого князя Грамота об открытии чрезвычайного Сейма в городе Гельсингфорсе 7/20 декабря 1905 года 487
№ 133. Приветствие (телеграммой) съезда конституционно-демократической партии России из Москвы профессору Тёрнгрену в Гельсингфорс 488
№ 134. Рапорт Финляндского генерал-губернатора князя И. Оболенского Императору Николаю II об общей забастовке 1905 года и сопровождающих ее событиях 488
№ 135. Из сообщения «Финляндской газеты» о назначении Н.Н. Герарда генерал-губернатором 502
№ 136. Из статьи «Пышешие взаимоотношения старофиннов и конституционалистов», опубликованной в «Финляндской газете» 503
№ 137. Именной Высочайший указ об увольнении Линдера с поста министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского и назначении его членом Государственного совета 503
№ 138. Отношение вице-председателя Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о кадровой политике в Сенате 503
№ 139. Речь вице-председателя Хозяйственного департамента Финляндского Сената Л. Мехелина на первом заседании департамента 504
№ 140. Речь вице-председателя Судебного департамента Финляндского Сената Р.А. Вреде на первом заседании департамента 507
№ 141. Речь ландмаршала барона В.М. фон Борна на открытии чрезвычайного Сейма 507
№ 142. Речь Императора при открытии Сейма 508
№ 143. Заметка «О нейтралитете Финляндии» в «Финляндской газете» о позиции Германии и взаимоотношениях России и Финляндии 509
№ 144. Из Именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату «Об изменении положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений» 510
№ 145. Сообщение об отпуске директора канцелярии Финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна и назначении на эту должность Ф.М. Книповича 511
№ 146. Записка министра статс-секретаря Эрштрема генерал-губернатору Н.Н. Герарду об участии финляндцев в Государственной думе 511
№ 147. Обращение финляндских граждан, живущих в Петербурге, «К финляндским гражданам, живущим в империи» с просьбой воздержаться от участия в выборах в Государственную думу 512
№ 148. Письмо статс-секретаря А.Ф. Лангофа генерал-губернатору Н.Н. Герарду о беседе с Императором и своем назначении на должность 513
№ 149. Сообщение «Финляндской газеты» о назначении А.Ф. Лангофа министром статс-секретарем Финляндии 514
№ 150. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору о Комитете по финляндским делам и кадровой политике Лангофа 514
№ 151. Письмо и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского Э.А. Эрштрема Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о статусе должности министра статс-секретаря и своем увольнении 514
№ 152. Представление Финляндского Сената об учреждении при статс-секретариате Великого княжества Финляндского совещательного комитета 515

Часть 5

Февраль — декабрь 1906 г.

Программы разных политических сил по определению статуса Финляндии и ее будущего

№ 153. Отношение № 561 председателя Государственного совета Д.М. Сольского министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу об участии граждан Финляндии в Государственной думе России 520
№ 154. Записка сенатора Л. Мехелина «Статья о Финляндии в проекте Основного закона» 521
№ 155. Письмо сенатора Л. Мехелина председателю Совета министров С.Ю. Витте с критикой проекта статьи Основных законов империи о статусе Финляндии и ее законодательстве 522
№ 156. Отношение Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров С.Ю. Витте о проекте изменений статуса Финляндии 523
№ 157. Циркуляр союза «Войма» об обучении стрельбе 524
№ 158. Доклад Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору Николаю II о законопроектах нового Сеймового Устава и закона о выборах 525
№ 159. Отношение № 265 министра внутренних дел П.Н. Дурново председателю Совета министров С.Ю. Витте о разграничении законодательства 526
№ 160. Из Манифеста об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы 528
№ 161. Представление № 360 министра статс-секретаря А.Ф. Лангофа председателю комиссии графу Сольскому об участии выборных от Финляндии в Государственной думе 529
№ 162. Отношение № 1451 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Государственного совета и председателю комиссии графу Д.М. Сольскому о разграничении законодательства 531
№ 163. Отношение № 1452 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров С.Ю. Витте о разграничении законодательства 534
№ 164. Из Именного Высочайшего указа, данного Сенату «О временных правилах об обществах и союзах» 535
№ 165. Из мемории Совета министров по проекту Основных государственных законов от 10, 12, 14, 18 и 19 марта 1906 г. с уточнением статуса Финляндии 536
№ 166. Сообщение «Финляндской газеты» о создании Особого совещания для предварительного рассмотрения Сеймового Устава и закона о выборах 537
№ 167. Обращение (телеграммой № 0109144) Всенародного русского союза к Императору Николаю II протестом против принятия нового Сеймового Устава Финляндии 538
№ 168. Журнал Высочайше учрежденного Особого совещания для рассмотрения проекта Высочайшего предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе. Заседания 14, 17, 22, 25 и 27 марта, 7 и 14 апреля 1906 г. 538
№ 169. Обращение (телеграммой № 208934) Всенародного русского союза к Императору Николаю II с протестом против принятия нового Сеймового Устава Финляндии 586
№ 170. Отношение № 1725 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу с замечаниями на проект нового Сеймового Устава и закона о выборах 587
№ 171. Из циркуляра союза «Войма» о стратегических планах организации 590
№ 172. Проект правил «О порядке составления и рассмотрения законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского», подготовленный совещанием графа Д.М. Сольского. 1-я редакция 591
№ 173. Представление Главноуправляющего канцелярией Его Императорского Величества барона А.А. Будберга председателю комиссии графу Д.М. Сольскому о разграничении законодательства 592

№ 174. Проект правил о порядке составления и рассмотрения законов общих для империи и Великого княжества Финляндского, а также об учреждении Комитета по финляндским делам 594
№ 175. Из протокола заседания совещания под личным Его Императорского Величества председательством по пересмотру Основных государственных законов о статусе Финляндии в составе империи 597
№ 176. Приглашение на совещание для обсуждения проекта правил о порядке составления и рассмотрения законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского, а также об учреждении Комитета по финляндским делам 600
№ 177. Высочайшее Его Императорского Величества постановление «Относительно русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии» 600
№ 178. Проект указа Правительствующему Сенату о создании Комитета по делам Финляндии. Первый вариант 602
№ 179. Отношение (срочной телеграммой) министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о проекте указа Императора Николая II о комитете и необходимости его приостановить 603
№ 180. Отношение (телеграммой) министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о проекте указа Императора Николая II о комитете и необходимости его приостановить 603
№ 181. Заявление министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа о проекте правил по разграничению законодательства 604
№ 182. Отклик (телеграммой) Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю совещания графу Д.М. Сольскому о проекте создания Комитета по делам Финляндии 605
№ 183. Из Именного Высочайшего указа, данного Сенату «Об упразднении Комитета министров» 605
№ 184. Из Высочайше утвержденных Основных государственных законов 606
№ 185. Записка члена Государственного совета В.Ф. Дейтриха о проекте правил по разграничению законодательства 607
№ 186. Заявление статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа о проекте создания Комитета по делам Финляндии 608
№ 187. Отношение (срочной телеграммой) министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о проекте указа Императора Николая II о комитете и позиции высших чиновников по его содержанию 609
№ 188. Мемория совещания для разработки необходимых в Учреждении Государственного совета изменений. Заседание 20 марта и 20 апреля 1906 года 609
№ 189. Проект указа Правительствующему Сенату о создании Комитета по делам Финляндии. Окончательный вариант 612
№ 190. Циркуляр союза «Войма» «К сведению окружным начальникам» 615
№ 191. Из программы Шведской народной партии 616
№ 192. Всеподданнейшее представление земских чинов Финляндии 617
№ 193. Из программы христианского рабочего союза Финляндии 620
№ 194. Сопроводительная записка № 3945 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу к проекту Сеймового Устава и закона о переходных правилах 621
№ 195. Обращение министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа на имя Императора Николая II «Об утверждении нового Сеймового Устава и других связанных с ним документов» 622
№ 196. Из Манифеста об утверждении Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского 623

№ 197. Высочайше утвержденный закон о выборах для Великого княжества Финляндского 630
№ 198. Высочайший Его Императорского Величества Манифест по Великому княжеству Финляндскому, данный в дальнейшее развитие Высочайшего Манифеста от 4 ноября (22 октября) 1905 г. о мерах к восстановлению закономерного порядка в крае и в целях устранения разлада и беспокойства, проистекающих из обстоятельств минувших лет 633
№ 199. Сообщение «Финляндской газеты» об увольнении И.Л. Горемыкина и назначении П.А. Столыпина председателем Совета министров 634
№ 200. Сообщение (телеграммой) Финляндского генерал-губернатора Н.И. Герарда министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу о свеаборгском восстании 634
№ 201. Сообщение (телеграммой) нюландского губернатора М.Т. Альфтана министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу о восстании в Свеаборге 635
№ 202. Сообщение «Финляндской газеты» о событиях в Свеаборге 635
№ 203. Сообщение «Финляндской газеты» о реакции Сейма на Свеаборгское восстание 637
№ 204. Из сообщения «Финляндской газеты» о роспуске Красной гвардии 637
№ 205. Из обзора финляндской печати на события в Свеаборге, опубликованного в «Финляндской газете» 638
№ 206. Циркуляр Сената о роспуске красной гвардии 640
№ 207. Манифест по Великому княжеству Финляндскому. Закон о свободе слова, собраний и союзов 640
№ 208. Из выборной программы социал-демократической партии 641
№ 209. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о составлении проекта речи Императора при закрытии Сейма 642
№ 210. Речь Императора Николая II при закрытии Сейма 643
№ 211. Из Программы старофинской партии 644
№ 212. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору Николаю II об обществе «Войма» 645
№ 213. Постановление Сената (предписание нюландскому губернатору) о закрытии союза «Войма» 649
№ 214. Отношение № 760 товарища министра внутренних дел А.А. Макарова министру статс-секретарю А.Ф. Лангофу о взаимодействии при наведении порядка в крае 649
№ 215. Отношение № 30 министра статс-секретаря А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о взаимодействии при наведении порядка в крае (сопроводительное письмо к отношению товарища министра внутренних дел А.А. Макарова) 653
№ 216. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду 654
№ 217. Циркулярное предписание Гражданской экспедиции Императорского Финляндского Сената всем губернаторам края о сотрудничестве с полицейской властью империи в поимке революционеров, скрывающихся в Финляндии 654
№ 218. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду об отношении Сената к обществу «Войма» 655
№ 219. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду 656

№ 220. Отношение Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру статс-секретарю А.Ф. Лангофу с проектом постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан 656
№ 221. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о сокращении дел на пленарном заседании Судебного департамента Сената 660
№ 222. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о проекте постановления о приобретении русскими подданными финляндского гражданства 661
№ 223. Из Программы младофинской партии 661
№ 224. Из Программы финляндского аграрного союза 664
№ 225. Высочайшее Его Императорского Величества постановление по Великому княжеству Финляндскому «О некоторых определениях относительно Законоподготовительного Учреждения в Финляндии» 665

Часть 6

Декабрь 1906 — октябрь 1907 г.

Разработка новой «Формы правления»

№ 226. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о необходимости разработки «Формы правления» 666
№ 227. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о разработке новой Формы правления 666
№ 228. Представление прокурора Финляндского Сената Ю. Гротенфельта генерал-губернатору Н.Н. Герарду о деятельности союза «Войма» 668
№ 229. Записка Н.Н. Корево о праве Финляндского генерал-губернатора самостоятельно докладывать дела Императору и необходимости имперскому правительству самому решать все финляндские дела с резолюцией П.А. Столыпина 671
№ 230. Циркулярное письмо № 137 председателя Совета министров П.А. Столыпина В.Н. Коковцеву о необходимости все постановления по Финляндии рассматривать в Совете министров 673
№ 231. Записка и справка помощника управляющего делами Совета министров П.В. Плеве, представленные председателю Совета министров П.А. Столыпину об участии Финляндского генерал-губернатора в заседаниях Совета министров 674
№ 232. Отношение № 374 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу о разработке в Сенате новой Формы правления 676
№ 233. Циркулярное письмо № 180 председателя Совета министров П.А. Столыпина товарищу министра внутренних дел С.Е. Крыжановскому о необходимости все постановления по Финляндии рассматривать в Совете министров 677
№ 234. Отношение № 544 председателя Совета министров П.А. Столыпина начальнику Главного управления Генерального Штаба Ф.Ф. Палицыну о праве Совета министров рассматривать все вопросы по Финляндии 678
№ 235. Журнал Особого совещания под председательством Императора Николая II по некоторым вопросам, касающимся Финляндии 679
№ 236. Перечень мероприятий, выработанный на Особом совещании, на случай восстания в Финляндии 682

№ 237. Всеподданнейший доклад министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Императору Николаю II «По вопросу об издании основного закона взамен Формы правления 1772 года» 683
№ 238. Донесение № 1982 заместителя министра внутренних дел А.А. Макарова Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о деятельности организации «Воїма» 684
№ 239. Донесение № 2428 заместителя министра внутренних дел А.А. Макарова Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о количестве оружия 686
№ 240. Из отношения министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о вотировании военных платежей Финляндии Сеймом и назначении выборгского губернатора 687
№ 241. Из донесения № 1416 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда заместителю министра внутренних дел А.А. Макарову о Воїме 687
№ 242. Отношение министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа министру внутренних дел П.А. Столыпину о заключении Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда по проекту постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан 688
№ 243. Записка профессора Р. Германсона о соотношении имперского и финляндского законодательства и об учреждении совместной русско-финляндской комиссии 689
№ 244. Адрес Сеїма о новой Форме правления. Проект, внесенный младофиннами ... 706
№ 245. Выписка из протокола общего собрания обоих департаментов Императорского Финляндского Сената о рассмотрении новой Формы правления 707
№ 246. Всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сената Сеїму Финляндии относительно новой Формы правления для Великого княжества Финляндского 709
№ 247. Высочайшее Его Императорского Величества предложение Сейму Финляндии, относительно новой Формы правления для Великого княжества Финляндского 719
№ 248. Проект Формы правления для Великого княжества Финляндского..... 727
№ 249. Статья «Потребность в новой Форме правления» из гельсингфорской газеты «Hufvudstadsbladet» 743
№ 250. Письмо председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору Николаю II о позиции статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа в вопросе о порядке рассмотрения финляндских дел 745
№ 251. Отношение № 3515 председателя Совета министров П.А. Столыпина статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу с просьбой прислать выработанный Сенатом проект новой Формы правления 746
№ 252. Статья «К вооружению Финляндии» из газеты «Новое время»..... 746
№ 252А. Отношение № 1204 статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа председателю Совета министров П.А. Столыпину о выработке в Сенате новой Формы правления с приложениями..... 748
№ 253. Особый журнал Совета министров по проекту нового постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи..... 749
№ 254. Доклад председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору Николаю II о неправомерности разработки новой Формы правления Сенатом с предложением приостановить эту работу 754
№ 255. Запрос № 4765 председателя Совета министров П.А. Столыпина к временно исполняющему должность Финляндского генерал-губернатора В.А. Бекману о работе комиссии Сейма и разработке Формы правления 757
№ 256. Отношение № 134895 министра внутренних дел П.А. Столыпина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о неправильном рассмотрении в Абосском гофгерихте дела об обществе «Воїма» 758
№ 257. Всеподданнейшая петиция Сеїма Финляндии о новой Форме правления 760

№ 258. Отношение № 5715 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров П.А. Столыпину о разработке в Сейме петиции о Форме правления 764

Часть 7

Октябрь 1907 — май 1908 г.

Разработка Положения о порядке рассмотрения финляндских дел

№ 259. Из отношения № 6011 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров П.А. Столыпину о порядке ведения финляндских дел 765
№ 260. Из протокольной записи обсуждения на Сейме вопроса об уплате миллионов по воинской повинности 767
№ 261. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору Николаю II о решении Сейма по военным платежам 772
№ 262. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору Николаю II об итогах работы Сейма 773
№ 263. Три варианта проектов Именного указа председателю Совета министров, Финляндскому генерал-губернатору и статс-секретарю Великого княжества Финляндского о порядке рассмотрения финляндских дел 773
№ 264. Из отношения № 6489 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру внутренних дел П.А. Столыпину о «Войме» 776
№ 265. Четвертый проект Именного указа о порядке рассмотрения финляндских дел 777
№ 266. Журнал № 1 Особого совещания по делам Финляндии о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи 779
№ 267. Проект отношения председателя Совета министров П.А. Столыпина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о порядке представления финляндских законопроектов 789
№ 268. Докладная записка председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору о назначении Ф.А. Зейна помощником Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда 792
№ 269. Из письма Императора Николая II председателю Совета министров П.А. Столыпину о возможности назначения Зейна генерал-губернатором и об объявлении Выборга на военном положении 792
№ 270. Докладная записка председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору об объявлении Выборгской губернии на военном положении 793
№ 271. Докладная записка председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору Николаю II 793
№ 272. Записка профессора Э.Н. Берендтса о порочной политике 1898–1904 гг., приведшей к революционному движению 794
№ 273. Сообщения «Финляндской газеты» о назначении Ф.А. Зейна помощником Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда 802
№ 274. Журнал № 3 Особого совещания по делам Финляндии об уплате финляндскою казною Государственному казначейству пособия на военные нужды за 1906 и 1907 годы 803
№ 275. Прошение об отставке Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда 819
№ 276. Письмо Императора Николая II председателю Совета министров П.А. Столыпину об отставке Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда и назначении В.А. Бекмана генерал-губернатором Финляндии 820
№ 277. Из Письма Императора Николая II председателю Совета министров П.А. Столыпину о разговоре с Финляндским генерал-губернатором Н.Н. Герардом 820

№ 278. Особый журнал Совета министров о порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора 820
№ 279. Докладная записка председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору Николаю II с планом ведения финляндских дел и увольнении Н.Н. Герарда 823
№ 280. Письмо вице-председателей Финляндского Сената к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу об официальной встрече Ф.А. Зейна 824
№ 281. Высочайше утвержденное 11 января 1908 г. положение Совета министров о порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора и его помощника 824
№ 282. Из статьи «Безумные обвинения», опубликованной в газете «Uusi Suometar» 825
№ 283. Представление Финляндского Сената о порядке рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Великого княжества Финляндского в особых совещаниях из русских и финляндских представителей 826
№ 284. Речь тальмана П.Э. Свинхувуда при открытии Сейма 829
№ 285. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Н.Н. Герарду о срочной отправке мемории Сената Императору Николаю II 829
№ 286. Отношение № 253 министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа председателю Совета министров П.А. Столыпину о представлении Финляндского Сената о порядке рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Великого княжества Финляндского в особых совещаниях из русских и финляндских представителей 830
№ 287. Именные и Высочайшие приказы об увольнении Н.Н. Герарда с поста Финляндского генерал-губернатора и назначении вместо него В.А. Бекмана 831
№ 288. Сообщение «Финляндской газеты» о запросе октябристов в Государственную думу «о финляндских делах» 831
№ 289. Обзор финской печати с реакцией на запрос октябристов в Государственную думу, опубликованный в «Финляндской газете» 832
№ 290. Отношение профессора Э.Н. Берендтса помощнику управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве с замечаниями на Особый журнал Совета министров от 22 января 1908 г. о порядке направления финляндских дел 834
№ 291. В.Н. Плеве. Замечания на всеподданнейшее представление Сената о порядке рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Финляндии 835
№ 292. Письмо Императора Николая II председателю Совета министров П.А. Столыпину о докладе Финляндского генерал-губернатора Бекмана и необходимости роспуска Сейма 839
№ 293. Отчет Финляндского Сената о прениях на Сейме по вопросу о политическом положении в Финляндии 840
№ 294. Особый журнал Совета министров по вопросу о роспуске ныне собранного очередного Финляндского Сейма 842
№ 295. П.А. Столыпин. Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 года 844
№ 296. Отношение № 2565 Финляндского генерал-губернатора Н.А. Бекмана министру статс-секретарю А.Ф. Лангофу с представлением Финляндского Сената о сооружении памятника на месте боя, происшедшего 10 мая 1808 г. 855

№ 297. Речь Маркова 2-го от Союза имени Михаила Архангела на заседании Государственной думы по поводу запросов о Финляндии 855
№ 298. Речь В.М. Пуришкевича от Союза имени Михаила Архангела на заседании Государственной думы по поводу запросов о Финляндии 867
№ 299. Особый журнал Совета министров от 22 января и 14 мая 1908 года о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи 875

Комментарии 884
Хроника событий 964
Приложение 1. Перечень вопросов по Финляндии, рассмотренных в Совете министров в 1907–1908 гг. 972
Приложение 2. Биобиблиографический справочник Финляндских генерал-губернаторов и министров статс-секретарей. 1899–1908 гг. 974
Указатель имен 979
Указатель географический 991
Список архивных фондов 999
Избранная библиография 1000

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОТ РОСАРХИВА

Уважаемые читатели!

Предлагаемый вашему вниманию трехтомный сборник документов — результат совместного труда российских и финляндских архивистов.

За последние десятилетия плодотворное партнерство архивных служб наших стран развивается особенно активно. Реализован ряд совместных проектов, имеющих большое научное, культурное, общественное значение. Отмечу лишь некоторые из них: это сборник документов «КПСС и советско-финляндские отношения, 1953–1962 гг.», изданный в Тампере в 2001 г.; историко-документальная выставка «Российская империя и становление Великого княжества Финляндского» (2009 г., Хельсинки — Санкт-Петербург); международная научная конференция «От империи к республикам. Россия и Финляндия. 1917–1920 гг.» и сборник документов «Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920 гг.» (М., 2017).

Представляемый историко-документальный сборник продолжает эту традицию. В его подготовке принимали участие Росархив и подведомственные ему федеральные архивы России, архивы МИДа — АВПРИ и АВПРФ, Архив Президента Российской Федерации и Национальный архив Финляндии. Были привлечены не только архивные, но и библиотечные собрания. Сборник, включающий 1358 документов на русском, финском, шведском, немецком, французском, английском языках (577 из них, т. е. более 42 %, предстают перед читателем впервые), представляет собой уникальное по полноте и релевантности академическое издание архивных документов, всесторонне освещающих сложный процесс становления независимости Финляндии.

От лица Росархива и всех российских архивистов приношу искреннюю благодарность финляндским коллегам, прежде всего — Генеральному директору Национального архива Финляндии Юсси Нуортева, директору по научным исследованиям и разработкам Пяйви Хаапонен, начальнику направления по развитию и связям с Россией и странами бывшего СССР Дмитрию Фролову, а также Пертти Хакала и Анне Вартиала. Наша признательность — всем российским участникам проекта: историкам-архивистам, редакторам, переводчикам.

Убежден, что сборник не только станет ценным подспорьем ученым-профессионалам, но и поможет в познании всем, кто интересуется российско-финляндскими взаимоотношениями, ставшими в XX–XXI вв. обнадеживающим примером того, как страны, несмотря на драматическое противоборство в прошлом, конструктивно и взаимовыгодно сотрудничают в настоящем.

Руководитель Федерального
архивного агентства *А.Н. Артизов*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА ФИНЛЯНДИИ

Независимость Финляндии и Россия 1899–1920 гг.

Отделение от Российской империи имеющего автономные права Великого княжества Финляндского и обретение государственной независимости 6 декабря 1917 г. являлось частью политических изменений, начавшихся уже в конце XIX в. Речь идет не только о взаимоотношениях России и Финляндии. На ход событий оказали влияние многие факторы, развивавшиеся на этом фоне.

Во второй половине XIX в. Россия прилагала усилия в укреплении единства огромной империи, состоящей из множества различных территорий. Положение Финляндии, получившей автономные права в1809 г., было исключительно сильным. На Боргоском Сейме Император Александр I утвердил порядок, по которому осуществлялось управление Великим княжеством. В Финляндии сохранялись законы, оставшиеся с времен шведского владычества, шведский язык в качестве административного языка и лютеранское вероисповедание. Финляндия получала собственный Сенат и четырехсословный Сейм, отвечавший за подготовку законов.

Министр статс-секретарь, находившийся в Петербурге и имевший в столице Российской империи свою канцелярию, докладывал о происходящем в Финляндии напрямую Императору. При статс-секретариате действовала финляндская Паспортная экспедиция, поскольку уроженцы Великого княжества Финляндского имели свои паспорта. С 1813 г. Финляндия имела собственное таможенное ведомство, а между Великим княжеством и империей была установлена таможенная граница. Выборгская губерния, так называемая Старая Финляндия, входившая с 1721 г. в состав Российской империи, была присоединена к Великому княжеству Финляндскому в 1812 г.

Благодаря благосклонности Императоров исключительное положение Финляндии укреплялось в течение первых десятилетий автономии. В Финляндии особую популярность приобрел Император Александр II, созвавший в 1863 г. государственный Сейм и сделавший его работу постоянной. Император так же оказал влияние на внутреннее развитие финляндского общества. Важным шагом стал и подписанный Александром II в 1863 г. манифест о языке, который делал финский, наравне со шведским, государственным языком Великого княжества. Великое княжество Финляндское под управлением Сената отвечало за экономическое развитие региона и использование доходов от налогов. В Финляндии был собственный банк и денежная единица — марка, а также почтовое ведомство и почтовые марки. Российские власти не имели в Финляндии общеимперской решающей власти, и за дела Финляндии отвечали собственные должностные лица.

Конечно, абсолютно самостоятельной частью Российской империи Финляндия не могла быть. Важнейшим объединяющим фактором был Император, уважение к которому в Финляндии было даже большим, чем в России. За российское гражданское и военное управление в Финляндии отвечал назначаемый Императором генерал-губернатор, который также возглавлял Финляндский Сенат. Местная администрация тоже была частью русского управления. Провинции возглавляли назначаемые Императором губернаторы, но они должны были руководствоваться финскими законами. Внешние сношения были частью общероссийской внешней политики, хотя в Хельсинки и других крупных городах Финляндии действовали консулы, назначенные разными государствами для ведения торговых дел. В конце периода автономии часть находившихся в Хельсинки иностранных представителей

были консулы, направленные в дипломатический корпус. Для работы они должны были получать разрешение у русских властей, отвечавших за внешние связи империи.

Россия отвечала и за военные дела, хотя у Финляндии были свои небольшие войсковые единицы, самой значимой из которых был 3-й стрелковый Финский лейб-гвардии батальон, известный также как «Финская Гвардия». Значительно число финских офицеров — выпускников Фридрихсгамского кадетского корпуса, добровольно служило в имперских войсках. Армия и флот большой Российской империи давали им возможность карьерного роста, которого Финляндия не могла предложить. В период с 1809 по 1918 г. почти 500 уроженцев Великого княжества служило в Российской армии или на флоте в чине генералов и адмиралов.

До последнего десятилетия XIX в. отношения между Финляндией и Россией оставались довольно хорошими. В финансовом отношении особо значимую роль играла близость Петербурга. Город-миллионник был способен потреблять все те излишки, которые могли произвести сельское, лесное хозяйства и рыбная отрасль Финляндии. Петербург давал работу десяткам тысяч финнов в разных областях — от служащих до ювелиров, трубочистов, горничных и рабочих. Тысячи русских покупали дачи на территории Финляндии или проводили свои отпуска в санаториях Выборга и Хельсинки. Впрочем, проходившая недалеко от Петербурга таможенная граница вызывала критику русских — почему жителям одной империи нужно оплачивать таможенную пошлину за товары, которые перевозятся на собственную дачу, расположенную всего в нескольких десятках километрах!

Общероссийская политика, целью которой была административная унификация Российской империи, нашла свое отражение в изменениях положения Финляндии в 1899–1917 гг.

Автономное положение Финляндии стало вопросом политической доктрины и международного права как в Финляндии, так и в России. Голос финских юристов не был услышан в русской среде или русской администрации.

Отношение Николая II было непостоянным, поэтому в Финляндии к нему не было доверия. Именно поэтому в первую очередь Финляндия обратилась за международной поддержкой своего положения и получила ее. В 1899 г. за сохранение положения Финляндии 1063 выдающихся европейских деятеля науки, культуры и юриспруденции подписали на имя Императора политическую петицию «Pro Finlandia». Среди них были писатели Эмиль Золя, Анатоль Франс, Генрик Ибсен, а также Флоренс Найтингейл, Фритьоф Нансен, Адольф Эрик Норденшёльд и многие другие известные в России деятели. Император отказался принять европейскую делегацию, в состав которой входил в том числе бывший министр юстиции Франции Людовик Трарье. Для России ситуация оказалась неловкой, поскольку ухудшила международную репутацию и во Франции, с которой в 1894 г. был заключен политически важный союзный военный договор «Entente cordiale».

На развитие событий в 1899–1920 гг. оказали влияние не только законодательная работа в России, но и в большей мере нарастание внутреннего общественного напряжения как в России, так и в Финляндии. После русско-японской войны оно привело к политическим изменениям. В 1905–1908 гг. в Финляндии на короткий период вернулись к прежним законам и порядкам, что поддерживалось генерал-губернатором, действительным тайным советником Н.Н. Герардом. Национальный архив Финляндии опубликовал его мемуары в 2018 г. (См.: Н.Н. Герард: забытый генерал-губернатор Финляндии / ред. А. Рантанен, О. Сендхардт, П. Хаппонен, Ю. Нуортева. Хельсинки: Национальный архив Финляндии, 2017). За время его службы в Финляндии была проведена парламентская реформа, благодаря которой в 1906 г. женщины первыми в Европе получили право голосовать и участвовать в выборах.

Во время губернаторства Н.Н. Герарда в 1906 г. в крепости Свеаборг произошло восстание русских военных, спровоцированное революционно настроенными солдатами, влияние которых за время Первой мировой войны 1914–1918 гг. значительно выросло как в русской армии, так и на флоте. Ленин, Сталин и другие революционеры-большевики наладили близкие связи с Финляндией. Это сказалось не только на внутреннем развитии рабочего

движения Финляндии, но и сильно повлияло на начало гражданской войны уже в независимой Финляндии в конце января 1918 г.

Обретение Финляндией независимости 6 января 1917 г. неотъемлемо связано с произошедшими в России изменениями 1917 г., вследствие которых царская власть была свергнута. Западные союзники Российской империи не хотели поддерживать ее ослабление, поскольку война с Германией была еще не окончена. Поэтому международное признание государственной независимости Финляндии предусматривало определение позиции новой российской власти.

Совет народных комиссаров принял решение о признании государственной независимости Финляндии 31 декабря 1917 г., и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет утвердил это решение 4 января 1918 г. Франция, Швеция и Германия признали независимость Финляндии в тот же день, а многие другие суверенные державы в течение января 1918 г.

Несмотря на признание государственной независимости отношения между Советской Россией и Финляндией не нормализовались. Совет народных уполномоченных, сформированный из левого крыла социал-демократической партии Финляндии, начал 27 января 1918 г. восстание, которое поддержали как русские солдаты-революционеры, находившиеся в Финляндии, так и из Советской России. В свою очередь буржуазное правительство Финляндии получило помощь от воюющей с Россией Германии. Отношения были окончательно прерваны, когда Советская Россия признала Совет народных уполномоченных законным правительством и заключило с ним в начале марта 1918 г. мирный договор. Брест-Литовский мирный договор, заключенный несколькими днями позже между Советской Россией и Германией, изменил ситуацию. В середине апреля 1918 г. германские части Балтийской дивизии захватили Хельсинки. Немногим ранее белые разбили красную гвардию в решающем сражении в Тампере. Победа белых окончательно разорвала сотрудничество правительств обоих государств. Из-за отсутствия дипломатических отношений Финляндия не признавала находившегося в Хельсинки дипломатического представителя России.

С 1918 г. Советская Россия и Финляндия воевали друг с другом. Финляндия поддержала независимость Эстонии и Латвии, а также борьбу против Советской России и революционеров в собственной стране. Финляндия стремилась также расширить свои территории на восток и поддержать желание Карелии и Ингерманландии отсоединиться от Советской России. Оказывалась частичная поддержка и белым генералам, но сомнения вызывали их негативное отношение к независимости Финляндии. Прерывание связей и продолжавшиеся боевые действия были тяжелы как для Финляндии, так и для Советской России. Особенно от этого страдали Петербург и Восточная Карелия. Прекращение доставки продуктов и товаров, разрушение ранее выгодного для обеих сторон экономического симбиоза не пошло никому на пользу. Только мирный договор, заключенный в Тарту 14 октября 1920 г. окончил запутанный, полный противоречий период взаимоотношений Финляндии и России.

Уже более ста лет отношения Финляндии и России в 1899–1920 гг. рассматриваются в многочисленных исторических трудах, прессе и документальных фильмах. Несмотря на это в архивах обеих стран есть источники, которые использовались мало либо не использовались вообще. Накануне 100-летней годовщины обретения государственной независимости Финляндии Федеральное архивное агентство Российской Федерации выступило с инициативой о подготовке сборника архивных документов, в который вошли бы значимые документы из архивов России и Финляндии, открывающие новый взгляд на события и порождающие новые дискуссии о решающе важном периоде в истории двух стран. От имени Национального архива Финляндии хотел бы поблагодарить российских коллег за хорошее сотрудничество. Выражаю также слова благодарности за проделанную работу Российскому государственному архиву социально-политической истории (РГАСПИ) и профессору Михаилу Зеленову, внесшему значительный вклад в объединение документальных материалов в трехтомный сборник. В Финляндии работу по подбору документов провел научный

сотрудник Пертти Хакала, также профессор Дмитрий Фролов принял участие в этом издательском проекте.

Начиная с 2005 г. российско-финляндское архивное сотрудничество ведется интенсивно и плодотворно. Публикуемые материалы дополняют полученные из разных российских архивов оцифрованные копии документов, которые способствуют изучению разных этапов истории Финляндии и России от Средних веков до современности. Хотел бы выразить особые слова благодарности за это сотрудничество руководителю Федерального архивного агентства Андрею Артизову и всем директорам и сотрудникам тех архивов, которые ведут с нами эту долгосрочную и профессиональную работу. Совместно с посольством Финляндии в России и Российским историческим обществом мы также смогли предложить площадку для общения ученых и в особенности поддержать молодых исследователей в изучении общих вопросов истории наших стран и их подлинных документальных источников. Я рад этой сплоченности и сотрудничеству многих участников.

Генеральный директор
Национального архива Финляндии,
государственный архивариус *Юсси Нуортева*

ВВЕДЕНИЕ

Сборник документов «Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг.» подготовлен российскими архивистами вместе с финскими коллегами из Национального архива Финляндии и приурочен к 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Финляндией. Он впервые[1] подробно представляет самый драматический период их взаимоотношений: от ограничения автономии в 1899 г., через попытку превратить Финляндию в бесправную провинцию и лишить самостоятельности Сейм и Сенат в 1908 г., через полосу военного противостояния в 1918–1919 гг. — к мирному договору и установлению постоянных дипломатических отношений в 1920 г., огромное значение которых было отмечено в речи Президента Финляндии С. Ниинистё по поводу годовщины Тартуского мира 14 октября 2020 г.

Хронологические рамки каждого тома определяются внутренней динамикой становления независимости Финляндии.

В первом томе «От автономии к противостоянию» сосредоточены документы за январь 1899 — май 1908 г. Значительное место посвящено процессу разработки и внедрения в Финляндии «Высочайшего Манифеста об утверждении Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского» от 3(15) февраля 1899 г. Акты Сейма и Сената, материалы прессы, переписка высших чиновников дают представление читателю о складывании политической оппозиции в Финляндии. Читатель впервые сможет познакомиться с докладами за 1899–1904 гг. Императору Николаю II Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова, чье имя стало нарицательным для всей политики России по отношению к Финляндии — «бобриковщина». Известный только в общих чертах по воспоминаниям С.Ю. Витте и дневнику А.А. Половцева сюжет об обсуждении в Государственном совете нового Устава воинской повинности в Финляндии в 1899 г. впервые предстает в сборнике достаточно подробно. Также впервые читатель может познакомиться с деятельностью комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства (Комиссии Таганцева) в 1904–1905 гг., состоящей из представителей России и Финляндии, с работой Совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного

[1] Взаимоотношениям России и Финляндии посвящена обширная литература, часть из которой указана в прилагаемой «Библиографии». За сто лет опубликованы воспоминания, документальные приложения к книгам, отдельные источники за 1899–1920 гг., но сборников документов, раскрывающих диапазон этих отношений, не было. Однако несколько изданий, посвященных отдельным сторонам или периодам взаимоотношений России и Финляндии, нужно назвать. В 1937 г. Министерство иностранных дел Финляндии выпустило в свет отредактированную Ааро Пакаслахти книгу, отражающую процесс провозглашения и признания независимости Финляндии в 1917–1922 гг. (Suomen itsenäisyyden tunnustaminen / Toim. A. Pakaslahti. Helsinki. 1937). В 1961 г. бывший председатель Временного правительства России в 1917 г., ведущий эксперт Гуверовского института войны, революции и мира А.Ф. Керенский и заведующий кафедрой истории Гуверовского института Роберт Браудер издали двухтомный сборник документов, посвященный национальной политике Временного правительства в 1917 г., в котором большой раздел был посвящен Финляндии (The Russian Provisional Government. 1917. Documents. Selected and edited by R.P. Browder and A.F. Kerensky. Vol. 1. Stanford University Press, 1961). И, наконец, в 1974 г. преподаватель Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, который несколько лет преподавал и учился в Финляндии, Дэвид Кирби собрал документы, раскрывающие историю взаимоотношений России и Финляндии более чем за сто лет (Finland and Russia. 1808-1920: From Autonomy to Independence. A Selection of Documents / edited and translated by D.G. Kirby. L., 1974). Однако этот сборник больше посвящен полемике вокруг основных политических событий, позициям партий и их лидеров, чем законодательные акты, определяющие статус Финляндии.

совета изменений (Совещание графа Д.М. Сольского) в феврале – апреле 1906 г. Новым является сюжет о разработке «Формы правления» в 1906–1907 гг., которая должна была прийти на смену «Формы правления» 1772 г. В сборнике представлены выявленные письма одного из самых известных финских политиков Л. Мехелина и самого эффективного из Финляндских генерал-губернаторов Н.Н. Герарда, дающие представление о развитии политической мысли России и Финляндии в 1906–1908 гг. Том заканчивается публикацией документов, раскрывающих процесс разработки «Положения о порядке рассмотрения финляндских дел» в 1907–1908 гг., дискуссий, развернувшихся в ходе работы Особого совещания по делам Финляндии, о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи.

Второй том сборника документов «Динамика противостояния: 1908–1917 гг.» раскрывает несколько сюжетов, важных для понимания событий 1917 и следующих годов. Прежде всего, это деятельность Совета министров по реализации Постановления Совета министров от 20 мая 1908 г. о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи. Впервые публикуемые переписка председателя Совета министров П.А. Столыпина с Императором, с Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем и Журналы Высочайше учрежденного Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского дают представление о формировании имперской политики по отношению к финляндской окраине. Публикуемые протоколы заседаний русско-финляндской комиссии для составления проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения (Комиссии Харитонова) за март – декабрь 1909 г., а также Представления Сената и Сейма Финляндии раскрывают перед читателем как широкий диапазон позиций политиков России, так и мотивацию и позицию финляндских политиков. Еще больший накал дискуссий среди российской политической элиты демонстрируют впервые публикуемые протоколы созданной в апреле 1910 г. Государственным советом Комиссии для обсуждения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения (Комиссии П.Н. Дурново). Полемика в Государственном совете по законопроекту о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения в июне 1910 г. завершает формирование новых правовых норм взаимоотношений России и Финляндии, закрепляет правовой статус Финляндии в изданном законе от 17(30) июня 1910 г. Таким образом, читатель может проследить как менялся проект закона от текста, представленного Столыпиным, измененным в ходе заседаний Комиссии Харитонова, принятым в редакции Государственной думы, уточненным в Комиссии Дурново и, наконец, принятым в редакции Государственного совета. Публикуемые стенограммы Сейма Финляндии за 1910–1915 гг. знакомят читателя с диапазоном мнений финляндских политиков, которые не были единодушны в оценке политического момента, тактике и стратегии политики по отношению к российскому правительству. В сборнике впервые раскрывается деятельность учрежденной при Особом совещании по делам Великого княжества Финляндского Подготовительной комиссии (Комиссии Корево), публикуются протоколы ее заседаний в 1912–1916 гг. Том завершается разделом «Российская империя и Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны», в котором освещается, какими способами распространялись на Финляндию мероприятия, вызванные военными обстоятельствами. Здесь представлены документы как гражданских, так и военных министерств и ведомств, раскрывающих проблематику взаимоотношений России и Финляндии.

В третьем томе «От противостояния к миру. 1917–1920 гг.», несмотря на совершенно новые этапы становления независимости Финляндии и сюжеты, связанные с этим, сохранены все концептуальные подходы к освещению проблематики, принципы отбора документов и структурирования материала. В центре тома – политика Временного правительства России с февраля по октябрь 1917 г., политика Совета народных комиссаров (СНК) Советской России с октября 1917 по декабрь 1920 г. в области регулирования политического статуса Финляндии и правоотношений с ней. Прежде всего, публикуются журналы и материалы Юридического совещания при Временном правительстве, обсуждавшим правовой статус Финляндии после отмены Монархии. Впервые представлены проекты «Формы правления» и закона о взаимных правовых отношениях России и Финляндии (октябрь 1917 г.), а также процесс разработки и принятия Декрета о государственной независимости Финляндии

(декабрь 1917 г.). Разработка договора с финляндским рабочим правительством в феврале — марте 1918 г. представлена максимально подробно. Впервые публикуются документы, раскрывающие работу русско-финляндской конференции в Берлине в августе 1918 г., ведущей переговоры о мире. Развитие мировой войны, военная интервенция в России, развитие дальнейших событий представлено двумя основными сюжетами: формирование политики по отношению к Финляндии и охране границ в СНК и ЦК РКП(б), а также формирование политики по отношению к Финляндии белогвардейскими правительствами Колчака и Юденича. Том включает в себя впервые публикуемые протоколы переговоров в апреле 1920 г. о перемирии между Россией и Финляндией, протоколы мирной конференции России и Финляндии в июне — августе 1920 г. в Тарту. Эти переговоры завершились заключением договора о мире между РСФСР и Финляндией, 100-летний юбилей которого и отмечался в 2020 г.

Каждый том состоит из предисловия, корпуса документов, научно-справочного аппарата (комментарий, указатели, хроника событий, библиография), приложений.

Для формирования корпуса документов российскими архивистами была проведена работа по их выявлению в РГИА, ГА РФ, АВП РФ, АВПРИ, АП РФ, РГВА, РГАСПИ, РГАЭ, РГАВМФ, НАФ.

В первом томе публикуется 301 документ, из них ранее были опубликованы 133 документа на русском, финском, шведском и английском языках (в том числе около 60 правовых актов, законов, указов Императора). 168 документов (т. е. 56 %) публикуются впервые.

Во втором томе представлено 277 документов, из них ранее публиковались 101 документ (прежде всего правовые акты, стенограммы заседаний Финляндского Сейма, Государственной думы и Государственного совета). 126 документов (т. е. 56 %) публикуются впервые.

В третьем томе опубликовано 830 документов, из них ранее опубликовано 547 (в том числе правовые акты, газетные статьи на английском, немецком, шведском, финском языках). 283 документа (т. е. 34 %) публикуются впервые.

Ряд документов на немецком, французском, шведском, английском, финском языках публикуются впервые. Они специально были переведены для данного сборника. Большая часть их представлена Национальным архивом Финляндии.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Вхождение Финляндии в состав России

История вхождения Финляндии в состав России уходит корнями в XVIII век.

Начавшаяся Северная война против Швеции в 1700 г. принесла Петру I возвращение бывшей Ижорской земли, а в 1702 г. и всей Ингерманландии (Шведской Ингрии), принадлежащей Швеции. Петр построил на этой земле Санкт-Петербург, ставший столицей России. Официальное завоевание Ингерманландии было оформлено Ништадским мирным договором 1721 г. С этого момента на севере Россия стала граничить с Великим герцогством Финляндским, входящим в состав Швеции. На протяжении почти столетия русско-шведские границы не были стабильны (по Абоскому миру 1743 г. еще часть территории, т. н. «старая Финляндия», отошла к России)[1].

Новый передел мира, начавшийся наполеоновскими войнами, естественно, захватил и Швецию, и Россию. В феврале 1808 г. русские солдаты перешли границу со Швецией, крепость Свеаборг пала, шведские войска оставили южную Финляндию, где укрепились русские, расширив освоенную территорию до Аландских островов. В середине марта 1809 г. в результате заговора шведский король Густав IV был свергнут, трон занял его дядя Карл XIII. Осенью того же года Фридрихсгамским миром было закреплено, что вся территория Финляндии с Аландскими островами и частью территории провинции Вэстерботтен перешла во владение России, а через год Актом разграничения Россия отделила шведскую Лапландию от норвежской провинции Финнмарк[2].

Еще в самом начале войны 12(24) марта и 5(10) июня 1808 г. именем Российского Императора «были провозглашены два манифеста, в которых сообщалось, что старые привилегии, права и свободы Финляндии будут сохранены и при царском правительстве»[3]. Накануне Сейма (собрания финляндских сословий) в г. Борго (шведское название города Порвоо) 15(27) марта 1809 г. Александр подписал Манифест, в котором признал «коренные законы, права и преимущества» и «конституции», по которым будут продолжать жить финны в составе России. В речах 16(28) марта и на следующий день российский Император говорил о «фундаментальных законах» Финляндии, которые должны будут остаться в силе в империи. В итоге 29 марта 1809 г., еще до окончания войны, Александр I на заседании Сейма в городе Борго был провозглашен великим князем Финляндским.

Великое герцогство Финляндское, находящееся несколько веков в составе Швеции, по условиям Фридрихсгамского мирного договора, заключенного между Россией и Швецией 5(17) сентября 1809 г., после полутора лет войны, перешло в состав России в качестве Великого княжества Финляндского (ВКФ).

---

[1] Подробнее см.: Куяла А. Финляндия и Россия как страны-соседи с ранних эпох до 1772 года // Русский Сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айранетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XVII: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. С. 9–55; Юрки Пааскоски. Жалованные земли на территории Старой Финляндии, 1710–1812 // Там же. С. 86–112.

[2] См.: Ларс Эрикссон Вольке. Ретроспектива российско-шведских военных взаимоотношений с 1771 по 1809 г. // Там же. С. 56–84.

[3] Франк Неземанн. От завоевания к автономии: политические и государственно-правовые причины особого положения Финляндии в Российской империи // Там же. С. 13.

2. Правовой статус Финляндии в составе имнерской России к 1899 г.

К 1899 г. Россия в административном отношении делилась на 98 крупных частей: 79 губерний (в том числе 8 финляндских), 18 областей и 1 отдел (Сахалинский). К крупным административным единицам относилось Кавказское наместничество (состоящее из 9 губерний) и наместничество на Дальнем Востоке (три области и остров Сахалин). Некоторые губернии для высшего местного надзора, были сгруппированы в генерал-губернаторства: Санкт-Петербургское, Варшавское (из 10 Привислинских губерний[4]), Туркестанское, Степное, Иркутское Военное, Виленское, Ковенское, Гродненское; Киевское, Подольское, Волынское, Финляндское.

Финляндия занимала особое место в составе Российской империи.

Прежде всего, там действовало шведское гражданское и государственное право. В 1734 г. финский риксдаг (Сейм) принял общее гражданское уложение, а в 1772 г. новый король даровал «Форму правления», которая закрепила политическое положение Сейма, ограничив права Монарха, в 1789 г. был принят «Акт соединения и безопасности», ограничивший значение Сейма... в Финляндии была своя судебная система, никак не совместимая с Российской, другое, чем в России, судопроизводство, другое уголовное законодательство, не совместимое с российским.

Верховная правительственная власть принадлежала *великому князю Финляндскому* (который был Российским Императором). Он утверждал ежегодный бюджет, по предложению Сейма делал дополнения и изменения к законам, а для решения высших законодательных вопросов собирал Сейм, акт которого в случае высочайшего утверждения, становился законом (и публиковался в установленном порядке). Если представленный проект великому князю не нравился, то он его откладывал. Но и не утвержденные Сеймом акты не становились законами. Великий князь мог давать поручения председателю Финляндского Сената (Финляндскому генерал-губернатору) для их рассмотрения в Сенате.

В 1869 г. был принят новый Сеймовый Устав, который закрепил периодичность созыва Сейма (каждые пять лет). *Сейм* представлял из себя четырехпалатный законодательный орган [палата рыцарства (шведские дворяне), палата духовенства (финские националисты), палаты горожан (в основном шведы) и крестьян (в основном финны)]. С 1863 г. Сейм стал собираться на регулярные сессии каждые три года. С 1886 г. Сейм приобрел кроме права петиций право законодательной инициативы по всем предметам (кроме тех, которые затрагивают интересы имперских министерств и ведомств).

Финляндский генерал-губернатор, назначаемый Императором, реализовывал имперское управление Финляндией. На основании инструкции 1812 г. он являлся председателем правительства (Сената), находящегося в Гельсингфорсе, и связывал это правительство с Императором, имея право направлять представления о тех или иных начинаниях Сената (с положительным или отрицательным отзывом) через министра статс-секретаря лично в руки Его Императорскому Величеству. Генерал-губернатор обладал всей полнотой административной и исполнительной власти в Великом княжестве. Он являлся начальником полиции и командовал войсками Финляндского военного округа. Раз в год он в сопровождении прокурора и одного члена Сената объезжал Финляндию для ревизии судебных и административных учреждений. Вместе с Хозяйственным департаментом Сената он наблюдал за губернскими правлениями и казначействами. У него был помощник, назначаемый Императором, и канцелярия (директор, два начальника экспедиции и чиновники) для ведения всей переписки. Институт генерал-губернаторства использовался с 1860-х гг. финскими националистами в их борьбе с шведской бюрократией и шведской партией, поскольку Финляндский генерал-губернатор зачастую противостоял министру статс-секретарю ВКФ. Финляндский генерал-губернатор был важнейшей фигурой политической воли великого князя, а также политической воли Сената.

В Сенате (работающему по правилам 1892 г. в редакции 1896 г.) прения велись на шведском языке. Его возглавляли два вице-председателя — руководителя департаментов. Первый

[4] Привислинские губернии — это бывшее Царство Польское.

департамент — Судебный, наблюдал за исполнением правосудия в Финляндии, поскольку являлся высшей судебной инстанцией. Второй департамент — Хозяйственный, состоял из 9 экспедиций, соответствующих министерствам: юстиции, гражданской (внутренних дел), финансов, камерной (государственных имуществ и контроля), милиционной (военной), духовной (сюда относится и народное просвещение), сельского хозяйства, путей сообщения, торговли и промышленности. Общее количество сенаторов должно быть не менее 20 (по десять в каждом департаменте). Они назначались Императором в срок на три года.

Министр статс-секретарь являлся высшим финляндским должностным лицом и представителем финляндцев на аудиенциях у Императора. Он назначался из шведов — преимущественно уроженцев Финляндии, жил в столице империи и мог непосредственно докладывать Императору о жизни в Великом княжестве, представляя интересы Сейма и его законопроекты на высочайшее утверждение, минуя все имперские институты, в том числе и министерства. При статс-секретариате с 1857 по 1891 г. существовал Комитет финляндских дел. Хотя формально статс-секретарь обладал меньшими правами, чем генерал-губернатор, но он всегда был выше по табелю о рангах (всегда 2 ранга, против генерал-губернатора 3 (редко 2-го) ранга).

В Финляндии была своя таможня, таможенное управление и таможенный тариф, регулирующие ее товарооборот с империей и другими государствами и частными лицами. Для урегулирования русско-финских торговых отношений было издано в разное время несколько положений, из которых последнее относилось к 1897 г.

Регулятором денежной системы являлся Финляндский банк, основанный в 1811 г. В 1867 г. Банк был подчинен Сейму. В 1861 г. Финляндия стала выпускать свою монетную единицу — «марку». В 1877 г. введена золотая валюта.

Бюджет, его формирование и распределение отличались от российского. Доходы от таможни, поземельные и личные налоги, государственные доходы поступали в «общий статный фонд», которым распоряжалось финское правительство (Сенат). Статный фонд шел на оплату чиновников (кроме военных). Другие доходы (налоги с винокурения, аренды и т. п.) шли на формирование милиционного (расходы на армию), коммуникационного и «временных» налогов (расходы на образование и т. п.) фондов. Этими тремя фондами распоряжался Сейм, вотируя их на срок от сессии до сессии.

У Финляндии был значительный торговый флот[5], который вел торговлю с иностранными гаванями и зимой при помощи двух казенных ледоколов. Железные дороги принадлежали казне, за исключением 258 км, находящихся в руках частных компаний. Железные дороги находились в ведении «дирекции казенных железных дорог Финляндии», подчиненной Сенату.

В Финляндии была своя армия. С 1772 г. никаких рекрутских наборов не было, в середине XIX в. армия была составлена только из контрактников (сформирована путем вербовки). Воинский Устав 1881 г. ввел правило, что каждый финляндский гражданин подлежит воинской повинности для защиты престола и отечества на 18 лет, из которых 3 года действительной службы, 13 лет в ополчении и 2 года в запасе. 5 тысяч воинов Финляндии служили, не покидая своей Родины.

В Финляндии лютеранская церковь требовала от своих последователей умения читать, поэтому по данным 1890 г. на тысячу лютеран старше 10 лет, приходилось неграмотных 12 человек, православных — 453, католиков — 210 человек. Преподавание в школах и университете шло на шведском и финском языках (русский язык изучался как иностранный). Созданные в 1866 г. финские (помимо шведских) гимназии быстро увеличивали сторонников финской идеи. В 1891 г. в стране было 89 профессиональных школ, три института (политехнический, лесной, сельского хозяйства и молочного дела), Александровский Императорский университет в Гельсингфорсе (университет существовал с 1640 г. в г. Або) с бесплатным обучением (оплачивались только дипломы и экзамены).

В 1889 г. издан закон «о мерах к охранению лиц, занимающихся в разных отраслях промышленности». В 1897 г. были узаконены кассы взаимопомощи для рабочих. Существовало

[5] В 1900 г. было 2182 парусных судна, вместимостью не менее 19 тонн каждое, и 287 паровых судов.

много профессиональных союзов, стремящихся соединиться в одну организацию, охватывающую всю страну. Издавалось несколько рабочих газет. С 1898 г. вступил в силу закон 1895 г. об обязательном страховании рабочих от несчастных случаев.

Финские и российские *политические партии* активно проявляли себя в политическом процессе с достаточно ярко выраженными программами. Возрождение финской национальности в условиях шведской языковой среды начал в 1840-е гг. директор гимназии, публицист, политик Ю.В. Снельман, избранный в 1863 г. сенатором и ставший начальником казначейства, вице-председателем Сената. Он сыграл выдающуюся роль в становлении финского языка в Финляндии в качестве государственного. Снельман был идейным вождем фенноманов, лидером которых в 1890-е гг. стал профессор истории Ю.С. Юрьё Коскинен, внесший лепту в становление концепции, согласно которой угнетение и дискриминацию Финляндии принесло шведское владычество. Органом фенноманской (старофинской) партии была общенациональная газета «Uusi Suometar». В рамках фенноманского движения существовали старофинны (сторонники сотрудничества с российскими властями) и с 1894 г. младофинны (сторонники пассивного сопротивления начинаниям российского правительства).

В 1864 г. А. Шауманом, финским журналистом, политиком и писателем, была основана «Hufvudstadsbladet», самая тиражная газета на шведском языке в Финляндии. Через эту газету он распространял идею о том, что Финляндия соединена с Россией лишь личной унией на Боргоском съезде 1809 г., и не более того. Эту же идею озвучил профессор государственного права, публицист и сенатор Лео Мехелин в 1886 г. Программа шведской партии (тогда либеральной партии) была опубликована в декабре 1880 г. в газете «Helsingfors Dagblad». Программа шведоманов включала в себя требования периодического созыва Сейма, законодательства о печати, расширения власти Сеймa в области налогообложения, точного определения и разграничения административной и законодательной властей, уточнения статуса Финляндии в составе России. Либералы были уверены, что шведский язык — символ связи со Скандинавскими странами, так и символ принадлежности к европейской культуре.

Наконец, финны были гражданами Великого княжества Финляндского, в отличии от русских, которые были подданными Императора (понятия гражданства в имперской России не существовало). В Финляндии слово «государство» на финском языке использовалось впервые в 1848 г. И на протяжении 1860–1870-х гг. почти все элементы государственности в Великом княжестве были реализованы.

Как описал ситуацию один из авторов Энциклопедического словаря:

> «За столетие, которое Финляндия провела в государственном единении с Россией и которое протекло до начала XX в. в полном внутреннем мире и при гарантиях мирного и свободного развития духовных и материальных сил страны, финская нация сделала огромные культурные и экономические успехи. [...] Это преуспеяние и процветание были в последние годы XIX и XX вв. поколеблены внутреннею борьбой, нарушившее прежнее мирное течение народной жизни»[6].

Российские юристы были поставлены в тупик, т. к. такое положение дел не описывалось ни одной известной теорией государственного права. Один из авторитетных юристов, Н.М. Коркунов, кратко описал существование нескольких точек зрения на статус Финляндии:

> «По вопросу о юридическом положении Финляндии в литературе существуют три различных взгляда. Одни считают Финляндию суверенным государством, находящимся в реальной унии с Россией; другие — инкорпорированной провинцией, наделенной значительной степенью автономии; наконец, третьи видят в ней государство, но не суверенное, а присоединенное к России не на началах унии, а на началах подчинения»[7].

---

[6] Финляндия // Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1901. Т. 19. С. 246.

[7] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Том 1. § 18.

К сторонникам теории «особого государства» относятся А.Д. Градовский, С.В. Иванович, Б.Н. Чичерин, противниками этой теории являлись: Н.М. Коркунов, Э.Н. Берендтс, Ф.Ф. Мартенс, Н.С. Таганцев. Отсутствие единого взгляда у российских юристов на сложившуюся систему правоотношений с Финляндией и на ее особый статус среди других частей империи вызван тем, что у монархии также не было единого взгляда на систему взаимоотношений.

Однако финляндские юристы выработали правовую теорию, которая легла в основу стратегии правоотношений с Российской империей. Пользуясь неопределенностью терминологии российского законодательства, университетские профессора, ставшие сенаторами, рождали в своих выпускниках (занимающих все административные посты в Финляндии) уверенность, что Финляндия является полностью автономным государством, объединенным с Россией реальной (а по мнению юриста и сенатора Л. Мехелина — только личной[8]) унией, что вытекает из решений Боргоского Сейма. Поэтому уже в 1880–1890-х гг. политическая мысль Финляндии призывала к «защите каждого дюйма нашего доброго закона», как писал прокурор Сената Монтгомери[9].

Девятнадцатый век почти для всех европейских государств был веком вызревания национальной государственности. Болезни национального роста не прошли мимо России и Финляндии.

3. Краткая характеристика этанов становления независимости Финляндии и ее нравоотношений с Россией

Выделенные периоды и этапы правоотношений России и Финляндии связаны с изменением ее статуса в составе Российской империи и осмыслением этого статуса в политической рефлексии России и Финляндии.

Первый период. 1899–1908 гг. От автономии к противостоянию.

Выделение 1899 г. в качестве рубежного — общепринятая в обширной историографии дата. Она отражает переломный момент в составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского — издание 3(15) февраля 1899 г. Высочайшего Манифеста и Основных положений, регулирующих все этапы законодательного процесса. На первом этапе (с февраля 1899 г.) происходит ограничение прав Сейма и передача рассмотрения финляндских дел Государственному совету. 26 августа 1902 г. несколькими актами статус Сената был изменен: Сенат должен был действовать только под руководством Финляндского генерал-губернатора, полномочия которого были расширены, состав Сената отныне должен был формироваться только по представлению генерал-губернатора Императору, делопроизводство должно было вестись не только на шведском и финском, но и на русском языке[10].

На втором этапе (октябрь 1905 – май 1908 г.) на фоне первой российской революции происходит отмена старого и формирование нового механизма управления Финляндией, который приводит к ограничению полномочий Императора России и сосредоточению власти в Совете министров.

22 октября (4 ноября) 1905 г. Император подписал Манифест «По поводу всеподданнейшей петиции земских чинов Финляндии о мерах по восстановлению закономерного порядка в крае», коим действие закона 1899 г. было приостановлено. Это значило, что все ограничения на законодательную функцию Сейма были сняты, а новые ограничения отсутствовали. Финляндский Сейм и Финляндский Императорский Сенат воспользовались этой правовой ситуацией, чтобы максимально расширить свои полномочия.

---

[8] Мехелин Л. Конституция Финляндии. Пер. с прим. и доп. К. Ордина. М., 1888.

[9] Бородин М.М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905. С. 244.

[10] Дусаев Р.Н., Дусаева М.Р., Ларичев А.А. Эволюция правового статуса Императорского Финляндского Сената в XIX — начале XX века // Юридические исследования. 2017. № 12. С. 64–70.

7(20) июля 1906 г. был Высочайше подписан Манифест, утвердивший новый Сеймовый Устав для Великого княжества Финляндского. Сейм как четырехпалатный законодательный орган (Император обладал правом вето) прекратил свое существование в 1907 г. Сейм стал однопалатным парламентом, упростилась парламентская процедура, было закреплено право законодательной инициативы, усилилось значение комиссий. Закон о выборах от 20 июля 1906 г. не только лишил рыцарство (дворянство) привилегий, закрепил равноправие мужчин и женщин, но и ускорил создание политических партий и партийных программ.

Вся деятельность Совета министров с 1906 по 1908 г. по отношению к Финляндии была направлена на то, чтобы изменить механизм управления, закрыть правовую лакуну. Для этого было разработано Положение Совета министров «о порядке направления Финляндских дел, касающихся интересов империи», принятое 20 мая 1908 г.

Второй период. 1908–1917 гг. Динамика противостояния.

Период с мая 1908 по март 1917 г. в истории правоотношений можно разделить на несколько этапов, которые отражают изменение правового статуса Финляндии.

Первая хронологическая рамка связана с датой Высочайшего утверждения положения Совета министров «о порядке направления Финляндских дел, касающихся интересов империи» 20 мая 1908 г. Этим актом была определена новая схема продвижения нормативно-правовых актов, касающихся одновременно России и Финляндии. Если раньше генерал-губернатор (как председатель Сената) направлял разработанный в Сенате законопроект министру статс-секретарю со своим заключением, а министр статс-секретарь напрямую докладывал Императору этот законопроект (Император мог его принять или не принять), то теперь и генерал-губернатор, и министр статс-секретарь обязаны были направлять законопроекты и в Совет министров. Совет министров обсуждает эти законопроекты и дает свое заключение по ним. И только после этого министр статс-секретарь и Финляндский генерал-губернатор только совместно с председателем Совета министров или министром, курирующим проект, могут представить законопроект Императору. Кроме законопроектов в Совет министров (а не сразу к Императору, как прежде) направлялись и все петиции, и представления Сейма, все представления Сената. Министрам было запрещено напрямую общаться с представителями финляндского управления и давать свои заключения на тот или иной проект.

17(30) июня 1910 г. был утвержден закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения», изменивший политическую архитектуру принятия решений, затрагивающих интересы как Российской империи, так и Великого княжества Финляндского. Можно сказать, что этим законом Финляндия лишалась возможности формировать и проводить самостоятельную политику.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война вызвала, естественно, изменение системы управления и в России, и на ее окраинах. Введение военного положения в Финляндии и передача всей полноты власти Главнокомандующему дало возможность Совету министров проводить в Финляндии те мероприятия, которые считал необходимыми, поскольку в мирное время они не могли быть введены ни силой Совета министров, ни постановлениями Финляндского генерал-губернатора. Таким образом, правовой статус Финляндии был вновь изменен.

Третий период. Март — декабрь 1917 г. От противостояния к независимости.

В марте 1917 г. перестала существовать Российская Монархия. 2(15) марта 1917 г. высшим исполнительно-распорядительным органом с законодательными функциями стало Временное правительство, которое на следующий день провозгласило принцип «преемственности власти» и «непрерывности права», что означало продолжение внутренней и внешней политики имперской России. Временное правительство присвоило себе права великого князя Финляндского. И оно отказывалось передать законодательные права органам Финляндии.

Впервые о независимости Сейм заявил 5(18) июля 1917 г. в законе «Об осуществлении верховной власти в Финляндии» («Сейм Финляндии единолично решает, утверждает и постановляет о приведении в исполнение всех законов Финляндии»). К осени 1917 г. были выработаны два новых документа: проект «Закона о взаимных правовых отношениях Рос-

сии и Финляндии» и проект новой «Формы правления», которые, будучи готовыми к подписанию), не были приняты из-за событий 25 октября (7 ноября).

Произошедшая революция смела старые и создала новые органы власти и управления. 2(15) ноября 1917 г. Временное рабочее и крестьянское правительство приняло «Декларацию прав народов России», ставшую спусковым механизмом к формированию «национальных правительств». В тот же день Сейм принял на себя осуществление власти, принадлежавшей ранее Императору и великому князю. 23 ноября (6 декабря) Сейм одобрил декларацию независимости «К народу Финляндии». 18(31) декабря 1917 г. Совет народных комиссаров утвердил декрет о государственной независимости Финляндии. После этого начинается полоса международного признания независимости Финляндии.

Четвертый период. Декабрь 1917 — декабрь 1920 г. От независимости к миру.

Весь период с конца 1917 до конца 1920 г. наполнен драматизмом: взаимоотношения между Россией и Финляндией развивались не только на фоне продолжающейся мировой войны, но и на фоне гражданской войны, охватившей обе страны. На территории Финляндии с января по май 1918 г. действовали два государственных образования, ведущих между собой не только политическое, но и военное противоборство. Это буржуазная Финляндская республика и Финляндская социалистическая республика. Правительство Советской России поддержало Финляндскую социалистическую республику и заключило с ней 16 февраля (1 марта) 1918 г. международный [торговый] договор. Революционная Финляндия потерпела поражение в мае 1918 г. Оказалось, что отношения между бывшей окраиной и Россией никак не оформлены, в т. ч. и границы между двумя странами (как морские, так и сухопутные) не были определены. В 1919 г. Финляндия столкнулась с двумя Россиями: советской и монархической (правительствами Колчака, Юденича и т. п.). Попытки решить спорные вопросы военным противостоянием не принесли успеха. Понимание того, что победа монархической России в войне с большевиками чревата потерей независимости, качнуло выбор Финляндии к союзу с Советской Россией.

Только стремление к миру, поиск взаимных компромиссов дали возможность подписать мирный договор в 1920 г. Сначала мирные переговоры в августе 1918 г. в Берлине, затем переговоры о перемирии в Раяйоки в апреле 1920 г., наконец, мирные переговоры в Тарту в июне — октябре 1920 г. — вот длинный путь к миру, которые проделали обе страны.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Краткая характеристика принципов издания

Данный сборник является *научным изданием*, целью которого является представить читателю текст документов, а также осветить их историю, внешние особенности и установить место публикуемых материалов среди других исторических источников. Первичный отбор документов преследовал цель создать информационную базу из трех групп документов, которые могли бы раскрыть читателю: 1) предписания органов власти и управления, правила поведения, обязательные для их выполнения в России и Финляндии (правовые нормы), 2) сложный, противоречивый и зачастую длительный процесс выработки этих правовых норм, 3) многогранный исторический процесс, на фоне которого и шла эта правотворческая работа.

Первая группа документов — нормативные правовые акты (Акты Императора, постановления правительства, распоряжения генерал-губернатора, решения Финляндского Сената, постановления Сейма), в которых регулируется статус институтов управления Финляндии (и/или правовое положение граждан Финляндии)[1]. Главная источниковая ценность этой группы документов состоит в том, что в них зафиксирована правовая норма (результат как правового, так и политического процессов).

Выявление этой группы документов проводилось в фондах Российского Императора (ГА РФ. Ф. 601), Совета министров по Финляндии (РГИА. Ф. 1276. Оп. 24), Департамента законов Государственного совета (РГИА. Ф. 1149), Государственной канцелярии (РГИА. Ф. 1162), Канцелярии Финляндского генерал-губернатора (ГА РФ. Ф. 499. Основной архив канцелярии генерал-губернатора находится в Национальном архиве Финляндии[2], там же находятся фонды Сената и Сейма[3]).

---

[1] Почти все законодательные и регламентарные акты, касающиеся статуса Финляндии (статуса институтов власти и управления) с 1899 по 1917 г. были в свое время опубликованы. Прежде всего, это «*Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье*» (далее везде — *ПСЗРИ*). Это максимально полный источник актов Императора, а также актов Совета министров и Высочайше утвержденных Законов, в которых определялся правовой статус Финляндии и правовое положение граждан Финляндии. В ПСЗРИ (которые готовилось долго) включались акты, которые были уже оперативно опубликованы или в «*Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате*» (далее везде — *СУ*) или же в «*Сборнике постановлений Великого княжества Финляндского*» (далее везде — *СПВКФ*). Согласно конституции Финляндии, без опубликования правового акта в СПВКФ он являлся недействующим на территории княжества. К официальным изданиям, в которых публиковались акты имперских органов власти и управления, необходимо добавить «Финляндскую газету», публиковавшую как нормативные правовые акты центральной власти империи, так и распоряжения Финляндского генерал-губернатора и Финляндского Сената.

[2] Национальным архивом Финляндии поддерживается интернет-ресурс Arkistojen portti, который содержит на русском языке информацию по коллекциям Национального архива Финляндии, имеющие отношения к совместной истории России и Финляндии. Оцифрованные описи дел (на финском языке) до 1911 г. включительно находятся в свободном доступе в Электронном архиве. Поиск по названию фонда «Keisaalikuvernöörinkanslia» (https://www.finna.fi/Collection/narc.VAKKA-102570.KA).

[3] Обзорную статью о документах по истории России в Национальном архиве Финляндии см.: Вартиала А.В. Национальный архив Финляндии и документы по истории России // Новгородика-2015. От «Правды русской» к российскому конституционализму. Материалы V международной научной конференции. Сост.: Е.В. Торопова, С.А. Коварская, Я.А. Васильев, Д.Б. Терешкина, Б.Н. Ковалев, Н.С. Федорук. 2016. С. 294–299; см. также обзор документальных источников в Национальном архиве:

Вторая группа документов — делопроизводственные документы (переписка чиновников, протоколы и журналы заседаний комиссий и совещаний[4], циркуляры ведомств и т. п.). В этих документах отражается создание правовой нормы, именно в этом их источниковая ценность[5].

Выявление этой группы документов проводилось как в уже указанных выше фондах, так и в фондах Канцелярии Совета министров по делам Финляндии (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18), Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26), совещаний Государственного Совета (РГИА. Ф. 1544), Юридического совещания Временного правительства (ГА РФ. Ф. 1792), в личных фондах политических деятелей России и Финляндии [например, фонд статс-секретаря В.К. Плеве (ГА РФ. Ф. 586), фонд председателя советского правительства В.И. Ленина (РГАСПИ. Ф. 2), фонд сенатора С. Юрьё-Коскинена и сотрудника статс-секретариата А. Тёрнгрена в Национальном архиве Финляндии] и других фондах и коллекциях.

Третья группа документов (воспоминания[6], материалы прессы[7], источники, отражающие деятельность исполнительных органов и т. п.) не содержат в себе никакой правовой нормы, но расширяют наше знание о динамике политических процессов, содержат оценочные суждения политических лидеров, раскрывают их мышление, в чем и состоит источниковая ценность этой группы материалов.

Ottman, Eljas & Elisa Piispala (toim.): Suomen historian asiakirjal hteet. WSOY ja Kansallisarkisto, Porvoo 1994.

[4] «Журналы заседаний» и «Мемории» являлись аналитическими документами, составляющимися по итогам всех заседаний по конкретному вопросу на основе протокола, который вел делопроизводитель на протяжении нескольких заседаний. Часто к журналу прилагались проекты нормативных правовых актов, которые рекомендовалось принять.

[5] Политическая культура Государственного совета в XIX в. выработала такую форму включения делопроизводственных документов в политическую память высшего чиновничества, как составление специальных тематических сборников (конволюты), объединяющих различные документы, в том числе печатные, в качестве справочных материалов, созданных в ходе разработки того или иного закона. Эти конволюты хранились в ведомственной библиотеке Государственного совета и Совета министров и поступили потом в Публичную библиотеку (ныне РНБ). Источником для составления конволютов являлся делопроизводственный архив Департамента законов Государственного совета (или канцелярия Совета министров). Из архивных дел изымались не только результаты законодательной практики (тексты законов или постановлений), но и делопроизводственная переписка, объясняющая почему разработка закона шла таким или иным образом, каковы были мнения различных министров, Финляндского генерал-губернатора, министра статс-секретаря ВКФ, статс-секретаря Государственного совета и т. д. Именно в этой переписке и формулировался смысл и текст нормативного правового акта (который мог быть и не принят в результате обсуждения). Так на базе дел Департамента законов (РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34.) были сформированы конволюты, посвященные истории разработки и принятия Устава о воинской повинности в Финляндии (архивные шифры в РНБ: 135/286-290 ч. 1, ч. 2, 135/286-291). Конволюты по теме «Проекты о порядке издания общих законов для империи и Финляндии» включают материалы Комиссии великого князя Михаила Николаевича, Комиссии сенатора Таганцева, Комиссии графа Сольского, Комиссии тайного советника Харитонова и т. д. (архивные шифры в РНБ: 135/300-77, 135/300-78, 135/300-79, 135/300-80). Ряд документов воспроизводились типографским способом (и сшивались в виде книг) для внутреннего пользования. См.: «Материалы Высочайше утвержденного под председательством графа Д.М. Сольского Совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений» 1906 г. [СПб., 1906. 80 с.] в конволюте РНБ (135–300. Т. 77 [5]) (1910). Подлинники дел см.: РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15, 25.

[6] Прежде всего см.: Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. 2-е изд. Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 1, 2; Герард Н.Н. Забытый генерал-губернатор Финляндии. Хельсинки, 2017.

[7] См. обзоры и указатели: Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск I–XXII. [СПб.], 1899 – Пг., 1915; Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии, собранные М. Бородкиным. СПб., 1902; Корево Н.Н. Финляндия в русской печати: Материалы для библиографии: 1901–1913. Петроград: Гос. тип., 1915.

После первичного отбора документов был проведен их вторичный отбор (документы, интерпретирующие взаимоотношения между Россией и Финляндией, не включались в основной корпус книги, а привлекались, как правило, только для комментирования тех источников, которые раскрывали фактическую сторону политических взаимоотношений и т. п.).

Состав, свойства и функции элементов структуры сборника документов и их нубликации

Сборник документов «Россия и независимость Финляндии. 1899–1920 гг.» состоит из трех томов, каждый из которых содержит документы за определенный период времени. Документы всех трех томов объединены одним главным видом документов — нормативным правовым актом правительства России, в котором определялся правовой статус Финляндии. Это тот источник права, который позволил объединить все очень разные по драматизму развития политических процессов сюжеты с 1899 по 1920 г. Хронологические рамки каждого тома определяются этапами внутренней динамикой становления независимости. Каждый том делится на части согласно этапам правоотношений между Россией и Финляндией.

Документы в каждом томе публикуются в хронологической последовательности. Документы, созданные до 1 февраля 1918 г., указываются с двойной датой — по григорианскому и по юлианскому календарю (сначала указывается старый стиль, затем новый), с 1 февраля по 1 марта 1918 г. даты также указываются двойные (сначала идет новый стиль, потом старый)[8]. Дата, установленная составителями, указывается в квадратных скобках.

При публикации документа передается тот текст, который выбран в качестве основного (варианты указываются в примечаниях). Главная функция передачи основного текста документа (при сравнении его с вариантами) — установление того текста, который функционировал в объектной политической (международной) среде. Правительственный аппарат как правило составлял типографским образом копии значимых документов для их рассылки и хранения в различных тематических делах (в т. ч. и в конволютах). Созданные типографским способом копии документов полностью передают оригинал (в т. ч. воспроизводят бланк, конечный протокол, резолюции). Поэтому основным текстом официальной переписки является текст, отправленный со всеми реквизитами и подписями или же размноженный типографским способом (при отсутствии машинописного оригинала). Выявленные варианты приводятся в примечаниях. Основным текстом протоколов комиссий Государственного совета, Совета министров, Государственной думы, Сената, Сейма является опубликованный текст, или же текст, воспроизведенный типографским способом и предназначенный для рассылки (опубликования). Основным текстом нормативных правовых актов является опубликованный в официальном издании текст, все остальные варианты приводятся в примечаниях. Редакции публикуются под другими номерами.

Основным текстом ранее опубликованных статей, выступлений государственных и партийных лидеров является текст их первой публикации в газете или журнале, варианты текста приводятся в текстуальных примечаниях.

Неправильно написанные в тексте географические названия, имена собственные не исправляются в основном тексте, правильный вариант указывается в текстуальном примечании. В ряде случаев составители прибегают к необходимой эмендации без оговорок (явные опечатки, раскрытие сокращений и т. д.). Расшифровка сокращений происходит, в основе своей, без оговорок, в ряде случаев расшифровка передается в прямых скобках [].

Вставки в текст и зачеркивания текста описываются в примечаниях ($^{а–а}$). Пропуски в основном тексте документа передаются через примечания. Авторские подчеркивания передаются **жирным шрифтом**. Авторские подчеркивания двумя чертами передаются ***жирным***

[8] Согласно Декрету о введении в Российской Республике западноевропейского календаря от 25 января 1918 г.: «Первый день после 31 января сего года считать не 1-м февраля, а 14 февраля, второй день – считать 15-м и т. д. [...] До 1 июля сего года писать после числа каждого дня по новому календарю в скобках число по до сих пор действовавшему календарю». См.: Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 404–405.

шрифтом курсивом. Подчеркивания других лиц передаются графически. Отчеркивания на полях передаются примечанием. Авторские примечания в тексте передаются через астериск (*) и указываются в примечаниях (*прим. автора, прим. док.*). Редакционные примечания передаются через астериск (*) и всегда выделяются *курсивом*. Изменение почерка или способа воспроизведения передается в текстуальных примечаниях. Сокращенная передача текста передается через прямые скобки [...] и через астериск (*) с указанием, как правило, в примечании содержания опущенного фрагмента.

Большинство элементов, отражающих процесс функционирования документа (исходящий и входящий номер, время отправки телеграммы и т. п.), передаются в легенде («пометы»). Резолюции и отклики на полях передаются как пометы. При передаче текста телеграмм все слова, написанные прописными буквами (как на телеграфной ленте, так и на бланке), передаются строчными. Содержащийся в телеграммах знак препинания, переданный словом ТОЧКА, оставлен, но выделен как отдельное предложение[9]. Бланки при публикации документа не воспроизводятся, но описываются в легенде.

В данном сборнике все документы передаются по новой орфографии, что не оговаривается при публикации, написание слов унифицировано, знаки пунктуации принадлежат редакции. Все документы до осени 1918 г. писались и публиковались по старой орфографии, что не оговаривается при публикации. Декрет СНК о введении новой орфографии от 10 октября 1918 г. перевел оформление всех делопроизводственных документов на новую орфографию с 15 октября 1918 г.

Каждый публикуемый документ снабжен легендой, главной функцией которой являлось его описание. В легенду включено: 1) *Указание на место хранения документа*. Для российского архива это указывается в последовательности: фонд №, опись №, дело №, листы №. Если документ и его копии сохранились в нескольких местах, то сначала указывается место хранения оригинала (или первой копии). Для документов дореволюционного периода сначала указывается место хранения оригинала в РГИА, потом место хранения копии или списка в Национальном архиве Финляндии, или сначала оригинала в ГА РФ, потом копии в РГИА и т. д. Для НАФ указывалось название фонда, далее отдел, год и серия (I/1899, папка Fb: 1791), листы при отсутствии их нумерации не указываются. При наличии типографского экземпляра в конволюте, хранящемся в ГПБ, указывается шифр хранения конволюта, затем номер включенного в него документа и после этого страницы этого документа только в том случае, если воспроизводился не весь документ (напр.: РНБ. Шифр: 135/300-79. Государственный совет. Материалы. Т. 79[3]. С. 121–124). Конволюты в легенде не описываются, описание дается в библиографии.

2) *Описание документа*. При описании документа указывается носитель информации [бумага, ее плотность и разновидность (верже, папиросная бумага)] с указанием ее особенностей (в клетку, в линейку и т. п.); орудие письма (карандаш указывается, если остальные записи сделаны пером или пишущей машинкой); тип письма (рукописный текст, машинописный текст, типографский текст), материал письма (чернила и их цвет; цвет ленты или копировальной бумаги для пишущих машинок не оговаривается, в публикуемых документах использовались только черные чернила). Отдельно оговариваются водяные знаки. Формат листа в абсолютных цифрах не оговаривается, указываются лишь «листы большого формата», или «полулисты» (сложенный вдвое лист, на всех сторонах которого воспроизводился текст документа).

3) *Описание позднейших вмешательств*: пометы (в т. ч. резолюции), штампы, печати. Пометы (в т. ч. делопроизводственного характера) указываются после текста документа, пометы, относящиеся к отдельным частям текста, указываются в примечаниях. Печати описываются отдельно. Вписанные делопроизводителем в бланк исходящие номера и даты отправки не оговариваются, так как бланки не воспроизводятся, вписанные делопроизводителем даты и номера документа в угловые штампы воспроизводятся курсивом вместе со штампами без оговорок.

---

[9] Это указывает на то, что это оригинал телеграммы. Копии телеграмм, снятые в аппарате РВСР, СНК или НКИД, не имеют этого слова, оно заменяется знаком точки.

4) *Указание на место публикации.* Для нормативных правовых актов указывается место их первой официальной публикации (например, «СПВКФ») и место их публикации в корпусе актов (например, «ПСЗРИ»). Место публикации делопроизводственных документов указывается как по первой публикации, так и при включении их в сборники. Отдельно указываются выявленные переводы.

Обоснование редакционной обработки (обоснование авторства, датировки, указание на выбор текста, сделанные сокращения) вынесены из легенды в комментарий или в примечания к тексту, поскольку они не отвечают функции *описания* документа. Определение подлинности в легендах не приводится, т. к. все документы, публикуемые в сборнике, подлинные.

Комментарий как часть научно-справочного аппарата издания сложился в результате комментирования, целью которого в конечном итоге является понимание читателем содержания документа. Содержание документа и его текста (и всего сборника документов) раскрывается понятиями «значение» и «смысл». Значение документа и его текста раскрывается тем, насколько он отразил историческую действительность (исторические факты, события, явления). Для раскрытия значения документа и его текста требуется такой вид комментирования как объяснение. Составитель сборника рассматривает документ и как исторический факт, который нуждается в объяснении (комментировании) — в каком ряду, в какой цепочке событий мы можем более полно понять значение этого документа. Кроме значения в документе и его тексте находится смысл, который автор документа хотел передать или узкому кругу читателей (скрытый смысл), или же широкому кругу читателей (всем понятный смысл). Смысл проявляется как в форме суждений (зачастую оценочных) автора, отражающих его представления о факте или событии, явлении или теории, так и в способах толкования смысла автором суждений. Для раскрытия смысла документа и его текста требуется такой вид комментирования как интерпретация (толкование), задачей которой является устранение неоднозначности в понимании смысла текста современным читателем или же указание на существующую неоднозначность. Таким образом, функции комментария в сборнике заключалась в том, чтобы сделать содержание документа и его текста понятным читателю (через объяснение значения и уточнение смысла).

В выявлении документов участвовали: Т.В. Богданова (РГИА), Л.И. Спиридонова, Н.А. Гоц (РГАВМФ), Б.Ф. Додонов, К.М. Гринько (ГА РФ), П.А. Лысенков (РГАЭ, ГА РФ, РГАСПИ), А.Д. Силаев (РГВА), сотрудники АП РФ, АВП РИ, АВП РФ, Пертти Хакала (Национальный архив Финляндии).

В подготовке текста к изданию для первых двух томов участвовали Р.М. Гайнуллина, В.Н. Колодежный, Е.А. Дремпнов, Т.А. Колесникова, для третьего тома Н.А. Лысенков (один из составителей сборника в 2017 г.), Н.И. Кремень, Н.Е. Орлова, Т.А. Колесникова. Указатель имен и географический указатель готовили В.В. Денисов, М.В. Соловьев, В.А. Елинкин, Р.М. Гайнуллина, А.В. Борисова. Приложения № 1 к томам подготовил В.А. Елинкин. В составлении комментария участвовали М.В. Соловьев, Е.Г. Шевцова. Перевод с немецкого языка осуществлен М.А. Елизарьевой, В.А. Брун-Цеховым, С.А. Гаврильченко; с французского языка Л.Ю. Пантиной и Т.Е. Хвилон, с финского и шведского языков — Пертти Хакала, Анна Вартиала (НАФ) и Т. Снегон (Швеция).

Ответственный составитель выражает глубокую признательность директорам всех архивов за организацию работы при подготовке данного сборника, всем, кто принимал участие и помогал в реализации данного проекта.

В состав руководящей группы вошли Генеральный директор Национального архива Финляндии Юсси Пуортева, директор по научным исследованиям и разработкам Пяйви Хаппонен, начальник направления по развитию и связям с Россией и странами бывшего СССР Дмитрий Фролов. В состав редколлегии Национального архива Финляндии вошли Пертти Хакала и Дмитрий Фролов, в состав рабочей группы вошли Пертти Хакала, Анна Вартиала и Дмитрий Фролов, которым составитель сборника выражает особую благодарность за тщательную подготовку сборника к изданию.

М.В. Зеленов

РАЗДЕЛ 1

1899–1905 гг.

ОГРАНИЧЕНИЕ НРАВ СЕЙМА И НЕРЕДАЧА РАССМОТРЕНИЯ ФИНЛЯНДСКИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕТУ

ЧАСТЬ 1
Январь – февраль 1899 г.
Разработка Манифеста об утверждении Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов. Работа Совещания Великого князя Михаила Николаевича

№ 1. Речь Его Императорского Величества Николая II[1] при открытии Финляндского чрезвычайного Сейма

7(19) января 1899 г.

Представители финского народа!

Вы созваны в Сейм чрезвычайный, и это указывает вам на особое значение вопросов, ныне передаваемых на ваше рассмотрение.

Финляндия, нераздельно соединенная с империей, состоя под покровом и защитой всего Российского государства, не имеет нужды в обособленном от Русской армии войске. Устав о воинской в ней повинности должен поэтому быть согласован с действующим в империи Уставом[2].

Желая, однако, чтобы вновь вводимый Устав в то же время был, по возможности, согласован и с местными особенностями края, Мы признали соответственным проект сего Устава, вместе с основными началами «Положения об устройстве и управлении финских войск», передать на предварительное обсуждение Сейма, в твердой уверенности, что земские чины в точности исполнят возлагаемое на них поручение и тем оправдают Наше Монаршее к ним доверие.

Главные начала, положенные в основу сих законопроектов, направленных к охранению границ и безопасности всего государства, как наиболее согласные с справедливостью, в существе одобрены в Бозе почивающим незабвенным Императором Александром III и Нами.

Да поможет вам Бог совершить предстоящее дело на благо всего верного финского народа, столь же близкое Нашему сердцу, как и благо всех Наших верноподданных.

Пребывая к вам Императорскою милостию Нашею искренно доброжелательными, объявляем чрезвычайный Сейм открытым.

«НИКОЛАЙ»

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34. Л. 697–698. Типографский текст. (В составе «Сборник материалов по составлению и пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии». СПб., 1899. С. 143–144.)

Опубл.: Värnepliktsfrågan i Finland. Handlingar tillkomna i ryska riksrådet vid den därstädes varen 1901 försiggångna behandlingen af den finska värnepliktsfrågan. Stockholm, 1902. P. 9.

Переводы: Finland and Russia. 1808–1920. P. 79–80 (на англ. яз.).

№ 2. Всеподданнейший доклад Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича[3] председателя Государственного совета о работе Совещания по порядку рассмотрения общих законоположений для империи и Великого княжества Финляндского

13(25) января 1899 г.
Согласен
В Царском Селе
13 января 1899 года

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было объявить мне Высочайшую волю о необходимости ныне же обнародовать порядок рассмотрения общих законоположений для империи и Великого княжества Финляндского и с этою целью составить законодательный по сему предмету акт в особом Совещании под моим председательством[4].

Озабочиваясь исполнением такового повеления, вменяю себе в обязанность доложить Вашему Величеству о настоящем положении упомянутого дела.

Вопрос о порядке издания законов общих для всей империи со включением Великого княжества Финляндского, повелению[5] в Бозе почивающего Родителя Вашего Величества[6], подвергался подробному соображению в Особом, под председательством действительного тайного советника Бунге[7] Совещании[8], в котором мнения по сему вопросу разделились.

Большинство членов Совещания, председатель, генерал-адъютанты граф Гейден[9] и Ванновский[10], статс-секретари Фриш[11] и Дурново[12], а равно действительный тайный советник Манасеин[13], полагали, что означенные общие законы могут возникать: или по инициативе министров империи, или по законодательному почину финляндских властей.

В первом случае большинство предлагало соблюдать общий порядок внесения, рассмотрения и утверждения законопроектов, установленный в своде законов Российской империи с тою лишь особенностью, чтобы по составленным министрами империи законопроектам делались сношения с финляндскими властями, а также требовались заключения местных Сената или Сейма, а затем проекты сии с Высочайшего разрешения поступали бы в Государственный совет, в коем обсуждались при участии генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского.

Во втором случае относительно законопроектов, возникающих по инициативе финляндских властей, большинство полагало, что такие проекты подлежат рассмотрению Государственного совета только тогда, когда, вследствие заявления генерал-губернатора или по своему усмотрению, министр статс-секретарь Великого княжества по соглашению с министром империи признает финляндский законопроект общегосударственным, или же когда по поводу сообщенного министром статс-секретарем финляндского законопроекта подлежащим министрам империи, последние в месячный срок заявят, что законопроект имеет общегосударственное значение. О каждом разногласии между министром статс-секретарем и министром империи большинство полагало повергать на Высочайшее благоусмотрение.

По мнению меньшинства членов Особого совещания генерал-лейтенантов барона Альфтана[14], Дена[15] и Проконе[16] и прокурора Финляндского Сената Калошуса[17], проектированный особый порядок представления, рассмотрения и утверждения законопроектов общих для империи и Великого княжества может распространяться лишь на некоторые предметы, с точностью в законе перечисленные.

Затем, когда по финляндским законам требуется постановление Сейма, законопроект вместе с постановлением Сейма вносится в Государственный совет, который не делая, однако, никаких изменений в редакции законопроекта, принятой Сеймом, может высказать только мнение свое о возможности утвердить проект или о необходимости его отвергнуть.

Наконец, в отношении возникающих по инициативе финляндских властей законопроектов, не признаваемых министром статс-секретарем или Финляндским генерал-губернатором имеющими общегосударственное значение, меньшинство вовсе не допускало пере-

дачи оных на заключение министров империи для решения вопроса, относятся ли проекты эти к числу общегосударственных законов.

Главные причины разномыслия между большинством и меньшинством сводились к следующему.

Меньшинство усматривало в проекте большинства нарушение основных законов Финляндии, допускающих, по мнению финляндских членов, издание законов основных, — к коим причислялся ими и законопроект, выработанный большинством, не иначе как по совокупному решению Монарха и Сейма.

Большинство же, имея в виду установить порядок составления и издания общих законов, не указанный ни в своде законов, ни в финляндских местных узаконениях, не могло принять проект, выработанный членами от Великого княжества Финляндского, во-первых, потому что предметы, ими перечисленные, не исчерпывают случаев издания общегосударственных законов, и, во-вторых, по той причине, что проект меньшинства, ограничивая Государственный совет в окончательной разработке общегосударственных законов, представляемых на Высочайшее утверждение, такую разработку всецело возлагал бы на Финляндский Сейм. Независимо от сего проект меньшинства не обеспечивал бы министрам империи возможности наблюдать за тем, чтобы законы, проектируемые для Великого княжества Финляндского, не входили в область общеимперского законодательства.

По представлении действительным тайным советником Бунге возникших в среде Особого совещания различных мнений на Высочайшее воззрение, в Бозе почивающий Государь Император повелел Государственному секретарю внести непосредственно на рассмотрение Государственного совета предположения как большинства, так и меньшинства членов Особого совещания.

Засим, в январе 1895 года, статс-секретарь Плеве[18] всеподданнейше докладывал Вашему Императорскому Величеству обстоятельства настоящего дела, испрашивая указаний относительного дальнейшего его направления.

На всеподданнейшем докладе Государственного секретаря Вашему Императорскому Величеству в 11 день февраля 1895 года благоугодно было Собственноручно начертать: «Не вижу нужды возбуждать о сем законодательный вопрос. Само собою разумеется, что в случае возбуждения закона общего для всей империи с Великим княжеством Финляндским или закона финляндского, имеющего отношение ко всей империи, подлежащие министры должны входить в предварительное сношение с властями и учреждениями Великого княжества Финляндского или власти финляндские с министрами империи. Затем от меня будет зависеть дальнейшее направление дела».

Соображая способы приведения Монаршей воли в исполнение Высочайше предуказанным Вашим Императорским Величеством совещанием, долгом почитаю представить на благоусмотрение Вашего Величества следующие соображения.

Совещанию предстоит выработать законодательный акт, который определял бы на будущее время порядок издания и обнародования законов общих для империи и Великого княжества Финляндского.

Начертание этого порядка в означенном акте имеет составить предмет занятий Совещания, точкою отправления коих должна служить Высочайшая резолюция Вашего Императорского Величества 11 февраля 1895 года в связи с предположениями Особого, под председательством действительного тайного советника Бунге, совещания выработанными большинством членов оного.

На Совещание возлагается окончательно составление законодательного по сказанному предмету акта в такой форме, дабы он воспринял силу закона, по надлежащем его обнародовании установленным порядком, как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском.

Выработанный Совещанием на изложенных основаниях законодательный акт имеет быть непосредственно поднесен к Высочайшему утверждению и подписанию.

В случае одобрения Вашем Величеством таковых соображений, я полагал бы: соответственные им указания преподать в руководство Высочайше образованному особому, под

моим председательством, Совещанию из лиц, Вами, Государь, указанных, на что и испрашиваю Высочайшее Вашего Императорского Величества соизволение.

Михаил

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:I].

РНБ. Шифр: 30–31/5-32. Совет министров. [8: 204–204 об.]

№ 3. Препроводительная записка членам Совещания для разработки порядка рассмотрения общих законов для империи и Великого княжества Финляндского с документами

14(26) января 1899 г.

Препроводительная записка от 14 января 1899 г.
(с семью приложениями)

В дополнение к рескрипту Его Императорского Величества председателя Высочайше образованного Совещания для начертания законодательного акта о порядке издания и обнародования законов общих для всей империи, со включением Великого княжества Финляндского, при сем сопровождаются:

1) Записка по вопросу о порядке издания и обнародования законов общих для империи и Великого княжества Финляндского.

2) Журналы Высочайше утвержденного, под председательством действительного тайного советника Бунге, Особого совещания для рассмотрения всеподданнейшей записки Финляндского генерал-губернатора по делу о кодификации Основных законов Великого княжества Финляндского.

3) Учреждение управления губернии Великого княжества Финляндского (проект генерал-адъютанта графа Гейдена).

4) Свод действующих основных законов Великого княжества Финляндского (проект Финляндского Сената).

5) Заключение Главноуправляющего Кодификационным Отделом при Государственном совете, статс-секретаря действительного тайного советника Фриша, от 1 августа 1890 г., по проекту основных законов Великого княжества Финляндского: «формы правления» и «сословных привилегий», выработанному особым, учрежденным по Высочайшему повелению 9/21 марта 1885 г., комитетом в Гельсингфорсе.

6) Отзыв бывшего министра юстиции, действительного тайного советника Манасеина, от 11 октября 1890 г. за № 27263, по проекту кодификации действующих в Финляндии Основных законоположений и основных привилегий.

7) Справки относительно порядка составления, рассмотрения и утверждения законов и постановлений, касающихся Великого княжества Финляндского.

14 января 1899 года

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:III].

№ 4. Записка и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.Б. Проконе о праве земских чинов в законодательстве

18(30) января 1899 г.

Приемлю долгом обратить внимание Совещания на 4-й пункт I части проекта, одобренного большинством членов Особого совещания под председательством действительного тайного советника Бунге.

На основании Сеймового Устава 1869 г. земские чины Финляндии участвуют в законодательстве по известным вопросам. Участие это выражается постановлением решений,

которые затем всеподданнейше представляются на благоусмотрение Государя Императора и получают силу закона по удостоении Высочайшего утверждения.

В указанном выше пункте постановляется, что когда законодательству в порядке издания и обнародования законов общих для всей империи со включением Великого княжества Финляндского подлежит вопрос, требующий по установленному для Финляндии порядку внесения на Сейм земских чинов, то будет истребовано лишь заключение Сейма, чем нарушается существующее право участия земских чинов в законодательстве. Между тем это право, как основной закон, подтверждено ныне благополучно Царствующим Государем Императором Манифестом от 25 октября 1894 г., а также и августейшими Его Предшественниками.

Генерал-лейтенант Прокопе

18 января 1899 года

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1: IV].

№ 5. Журнал Совещания для начертания законодательного акта о порядке издания и обнародования законов для империи со включением Великого княжества Финляндского и выработанные Совещанием проекты Манифеста и Основных положений[19]

18(30) января — 1(13) февраля 1899 г.

Список

Журнал
Высочайше образованного Совещания для начертания законодательного акта о порядке издания и обнародования законов для империи со включением Великого княжества Финляндского
Заседания 18 и 29 января и 1 февраля 1899 года

Присутствовали:

Председатель — Его Императорское Высочество председатель Государственного совета Государь великий князь Михаил Николаевич.

Члены:

Председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, статс-секретарь действительный тайный советник Сольский[20].

Член Государственного совета, статс-секретарь действительный тайный советник Победоносцев[21].

Председатель Департамента законов Государственного совета, статс-секретарь действительный тайный советник Островский[22].

Председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, статс-секретарь действительный тайный советник Фриш.

Финляндский генерал-губернатор, генерал-адъютант генерал от инфантерии Бобриков*[1,23].

Государственный секретарь, статс-секретарь действительный тайный советник Плеве.

Министр юстиции, статс-секретарь тайный советник Муравьев[24], и

Временно-исправляющий должность министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, генерал-лейтенант Прокопе.

Августейший председатель Совещания, открыв первое его заседание, изволил объявить, что, по воле Государя Императора, для начертания законодательного акта о порядке изда-

*[1] Генерал-адъютант Бобриков не присутствовал в заседаниях Совещания 18 и 29 января 1899 года. (*Прим. док.*)

ния и обнародования законов для империи со включением Великого княжества Финляндского образовано настоящее Совещание, в руководство коему Высочайше преподаны следующие указания Его Императорского Величества:

Совещанию надлежит выработать законодательный акт, который определял бы на будущее время порядок издания и обнародования законов для империи и Великого княжества Финляндского.

Начертание этого порядка в законодательном акте должно составить предмет занятий Совещания, точкою отправления коих имеет служить Высочайшая резолюция, воспоследовавшая 11 февраля 1895 года, по всеподданнейшему докладу Государственного секретаря, относительно дальнейшего направления настоящего дела, в связи с предположениями Особого по оному совещания под председательством действительного тайного советника Бунге, выработанными большинством членов упомянутого Совещания.

На Совещание возложено окончательное составление законодательного по объясненному выше предмету акта в такой форме, дабы он воспринял силу закона, по надлежащем его обнародовании установленным порядком, как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском.

Выработанный Совещанием на изложенных основаниях законодательный акт имеет быть непосредственно поднесен к Высочайшему утверждению и подписанию.

Высочайшая резолюция 11 февраля 1895 года начертана Собственноручно Его Императорским Величеством в следующих выражениях: «Не вижу нужды возбуждать о сем законодательный вопрос. Само собою разумеется, что в случае возбуждения закона общего для всей империи с Великим княжеством Финляндским или закона финляндского, имеющего отношение ко всей империи, подлежащие министры должны входить в предварительное сношение с властями и учреждениями В[еликого] к[няжества] Финлянд[ского] или власти финляндские с министрами империи. Затем от Меня будет зависеть дальнейшее направление дела».

Совещание, приступив к исполнению возложенной на него Государем Императором задачи согласно Высочайше преподанным указаниям, остановилось на следующих соображениях.

Финляндский край, покоренный в начале нынешнего столетия, а в некоторой его части и ранее, состоит в собственности и Державном обладании империи Российской. По воле Российских Монархов край этот получил особый порядок внутреннего управления и Всемилостивейшее удостоверение о сохранении за ним его прав и преимуществ, религии и коренных законов. Сии права и преимущества, особое церковное устройство и законы края не только сохраняют свое действие, но получили во многих частях своих дальнейшее развитие в соответствие потребностям населения Финляндии. Таким образом, единение ее с Россией не препятствовало свободному развитию местных учреждений, а достигнутое Великим княжеством Финляндским благосостояние свидетельствует о соответствии такого единения собственным его выгодам. Тем не менее, взаимные отношения империи и Великого княжества оказываются недостаточно определительными.

Великое княжество Финляндское, управляемое под Верховною властию Всероссийского Императора на основании особенных учреждений, при участии сословий в обсуждении местных законов, составляет нераздельную часть Российского государства. Поэтому, независимо от условий быта Финляндского края и его нужд, некоторые предметы, требующие законодательного определения для этого края, имеют столь тесную связь с общегосударственными потребностями целой империи, что было бы несовместно со строем общеимперского законодательства разрешать сего рода вопросы исключительным действием органов Великого княжества Финляндского. Очевидно, что предначертанные в разрешение таких вопросов законопроекты, пройдя в установленном порядке чрез Финляндский Сейм, подлежат на общем основании соображению в законодательном учреждении государства Российского, откуда должны восходить на окончательное утверждение Верховною властию Монарха. В сем только случае могут быть по всей справедливости обеспечены без ущерба

месячным интересам Финляндии пользы населения и учрежденного порядка целой Российской империи в общегосударственных полях. В удовлетворение этой существенной государственной потребности со времени присоединения Финляндии к России неоднократно издаваемы были узаконения, имевшие общегосударственное значение, в виде: манифестов, указов, положений, мнений Государственного совета, Высочайших постановлений и повелений. Так, в Царствование Императора Александра I[25] воспоследовали 11 декабря 1811 года: 1) манифест, коим Выборгская губерния присоединена к Великому княжеству Финляндскому, с поручением Совету «образовать управление сей губернии, во всех частях, на тех же самых правилах, на коих состоят прочие губернии, Финляндию составляющие»; 2) манифест, коим, согласно с мнением Государственного совета, «старую и новую Финляндию» повелено «совокупно именовать Финляндиею», с тем, чтобы «прежняя Финляндская губерния наравне с губерниями, в Финляндии существующими», состояла «в главном управлении, для сей страны учрежденном», и 3) Именной Высочайший указ Святейшему Синоду, коим за последовавшим соединением старой и новой Финляндии «в одно гражданское управление, духовное ведомство церквей православного греко-российского исповедания, в сей губернии состоящих», оставлено «во всем на прежнем основании под главным управлением Святейшего Синода и настоящего их епархиального начальства» с присоединением «к оному ведомству и всех православных греко-российских церквей, в Финляндии состоящих». Засим, в последующие Царствования, относящиеся до империи и Великого княжества Финляндского, узаконения составлялись и издавались различными путями: одни из них восходили на Высочайшее утверждение по предварительном обсуждении в Государственном совете, другие же не подвергались такому рассмотрению. Равным образом и порядок обнародования означенных законоположений соблюдался различный. Посему на практике случалось, что узаконения, обнародованные в империи и в Великом княжестве, как, например, правила 1844 года о взысканиях по долговым обязательствам и вообще бесспорным делам между финляндцами и обывателями прочих частей империи были впоследствии изменяемы финляндскими постановлениями, в империи не обнародованными.

По силе Основных государственных законов Российской империи первообразное начертание законоположений составляется или по особенному Высочайшему усмотрению и непосредственному повелению Монарха, или же приемлет начало свое от общего течения дел, когда в высших государственных установлениях признано будет необходимым или изменить либо дополнить действующий закон, или составить новое постановление. В этом случае места сии подносят предположения свои установленным порядком на Высочайшее благоусмотрение (ст. 49). Засим, все предначертания законов рассматриваются в Государственном совете, потом восходят на Высочайшее усмотрение и не иначе поступают к предназначенному им совершению, как действием Самодержавной власти (ст. 50). В соответствие сему, в Общем наказе министерствам постановлено, что об отмене или изменении действующих законов министры и Главноуправляющие отдельными частями входят в Государственный совет с представлениями не иначе, как испросив на то предварительно Высочайшее Его Императорского Величества разрешение (ст. 162). Таким образом, по законам Российской империи законодательная деятельность всех призванных к тому учреждений объединяется в лице Монарха, и от Его Державной воли зависит направление законодательных дел. Но так как и направлению Верховною властью, и утверждению Ею законодательных предначертаний предшествует особый порядок их составления и обсуждения в высших государственных установлениях, то деятельность их и подлежит определению точными правилами.

В Своде законов Российской империи выражено лишь, что если «общие постановления и распоряжения по империи могут в чем-либо касаться Финляндии и нужно предварительно знать, в какой мере они сообразны с законами и учреждениями сего края и удобны ли там для исполнения, то надлежит сноситься о сем с министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского» (учр. Мин., с 184, прим. 1). Засим, в Высочайше утвержденной 17 марта 1826 года инструкции статс-секретариату Великого княжества предусмотрено, что

состоявшиеся или впредь имеющие последовать в империи общие распоряжения и постановления могут относиться и до Великого княжества Финляндского и что, с другой стороны, действующие в Финляндии постановления могут подлежать исполнению в империи. Для всех подобных случаев указан путь сношений министров империи с министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского и с Финляндским генерал-губернатором. Обязанности министра статс-секретаря Великого княжества по делам законодательным более подробно определены Высочайшим постановлением 1 августа 1891 года, коим ему повелено: 1) предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов для Великого княжества, а также предложений Финляндскому Сейму, запрашивать заключения министров империи в тех случаях, когда дело, вместе с тем, касается интересов империи и их ведомства, и 2) при всеподданнейших докладах представлять Его Императорскому Величеству законопроекты и предложения Сейму вместе с мнением генерал-губернатора и заключением подлежащего министра империи, когда оно было истребовано.

Дальнейших затем указаний относительно совместной, направленной к единой цели деятельности учреждений империи и Великого княжества по делам законодательным не содержится ни в Своде законов, ни в финляндских постановлениях.

По мнению Совещания, необходимо установить точные по изъясненному предмету правила в развитие приведенных выше положений, кои в общих чертах лишь намечены в Своде законов и постановлениях Великого княжества Финляндского, тем более, что отсутствие надлежащих о сем правил нередко подавало поводы к неверному истолкованию самых оснований, на коих зиждутся отношения Великого княжества к империи.

Соображая далее законы, кои простирают свое действие на империю и на Финляндский край, Совещание рассуждало, что все сии узаконения могут быть подразделены на четыре категории:

1) Законы, которые по существу своему имеют одинаковую силу как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском. К ним принадлежат: Основные государственные законы Российской империи, применение коих в Финляндии обусловливается тем, что она составляет нераздельную часть Российского государства; Учреждение о Императорской Фамилии; акты международных соглашений; законы и постановления, касающиеся внешней защиты государства, и т. п.

2) Законы общие для всей империи со включением Великого княжества Финляндского, которые объявляются к исполнению во всех частях империи, не исключая и Финляндии.

3) Законы, которые хотя и издаются для одного Великого княжества Финляндского, но имеют отношение ко всей империи (напр. законы уголовные).

4) Законы, имеющие исключительно местное для Великого княжества Финляндского значение.

Указанные выше Основные государственные законы империи, Учреждение о Императорской фамилии, акты международных соглашений, равно как законы и постановления о устроении военных сил, — относительно порядка издания коих никаких никогда сомнений не возникало, — по мнению Совещания, должны и впредь быть издаваемы порядком, для законодательства империи определенным, который поныне всегда соблюдался в отношении сих законов, актов и постановлений. Равным образом подлежит оставлению без изменения порядок издания узаконений, имеющих исключительно местное для Финляндии значение, во внимание к засвидетельствованию Августейшего Председателя Совещания о том, что, по Высочайшему предуказанию Его Императорского Величества, не имеется в виду изменять порядок законодательства, относящегося исключительно до внутренней жизни Финляндского края.

Что касается засим законоположений общих для всей империи со включением Великого княжества, а равно местных финляндских постановлений, имеющих отношение ко всей империи, то как для тех, так и для других, по мнению Совещания, надлежит установить единообразный порядок предначертания, издания и обнародования оных.

Перечисление предметов означенных законоположений, по мнению Совещания, не привело бы к намеченной цели. Как бы ни был полно составлен перечень таких предметов, постоянно развивающаяся жизнь всех частей государства Российского может выдвинуть ряд вопросов, имеющих характер дел общих для всего государства. Отсутствие надлежащих о них указаний в перечне несомненно вызовет недоразумения; могут вновь возникнуть сомнения относительно порядка издания узаконений в разрешение не упомянутых в перечне общегосударственных вопросов. Сомнения эти неизбежно повлекут за собою важные неудобства. Между тем, к устранению оных главнейше направлен законодательный акт, начертание коего волею Государя Императора возложено на Совещание.

Следуя поэтому Высочайшим указаниям Его Императорского Величества Совещание признало наиболее правильным установить, чтобы вопросы о применении вновь учреждаемого общего порядка законодательства к отдельным случаям получали разрешение по непосредственному повелению Государя Императора, так как только велениями Верховной Власти может быть устанавливаемо согласное с государственными пользами и справедливостию сочетание общегосударственных интересов с местными.

Основываясь на приведенных выше суждениях, Совещание полагало бы целесообразным, в дополнение к существующим по начертанию законов постановлениям и в руководство подлежащим учреждениям империи и Великого княжества Финляндского, установить следующий твердый и незыблемый порядок их деятельности по составлению и изданию законов общегосударственных.

Первообразное начертание законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, приемлет начало с Высочайшего каждый раз соизволения в тех случаях, когда по общему течению дел управления представится необходимым составить новое постановление или изменить либо дополнить действующий закон. Порядок сей соблюдается в отношении как законов, кои действуют на всем пространстве империи со включением Великого княжества Финляндского, так равно и законов, применяемых в пределах Великого княжества, если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи.

Разрешив таким образом главный в настоящем деле предмет, Совещание, в отношении частностей учреждаемого порядка, руководилось общею мыслью о том, что как при самом первоначальном возбуждении законодательных вопросов, касающихся империи и Великого княжества Финляндского, так и при дальнейшей разработке законопроектов, предначертанных в разрешении таковых вопросов, надлежит принимать в должное соображение особые условия, в которых находится Финляндия.

Вместе с тем, Совещание сочло необходимым установить, чтобы разработка проектов общегосударственных законов сосредоточена была в подлежащих министерствах империи; чтобы финляндские власти сообщали свои заключения по сим проектам, и чтобы последние вносимы были в Государственный совет подлежащим министром империи.

Исходя из сих соображений, Совещание полагало бы постановить следующие правила:

Высочайшее соизволение относительно издания упомянутых выше законов испрашивается подлежащим министром империи и министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского по предварительном их между собою сношении. Финляндский генерал-губернатор, когда по ходу управления Великого княжества признает необходимым восполнить действующие в крае законы в рассматриваемом порядке, сообщает свои по сему предмету предположения для дальнейшего их направления подлежащему министру империи и министру статс-секретарю Великого княжества.

По воспоследовании Высочайшего соизволения относительно издания закона для империи со включением Великого княжества Финляндского министр империи, о доставлении заключений по существу проекта означенного закона сносится с Финляндским генерал-губернатором, министром статс-секретарем Великого княжества и Императорским Финляндским Сенатом.

По тем законодательным предположениям, кои в порядке внутреннего управления Великого княжества Финляндского поступают на уважение Финляндского Сейма, требуется заключение Сейма и в порядке издания вышеозначенных законов. Заключение Сейма имеет состояться на ближайшем его очередном собрании, если не последует Высочайшего повеления о созыве с этою целью чрезвычайного Сейма.

По получении заключений Финляндского генерал-губернатора, министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского и Императорского Финляндского Сената, а в подлежащих случаях и Финляндского Сейма, министр империи вносит законопроект в Государственный совет установленным в его Учреждении порядком. К представлению по сему предмету прилагаются в списках заключения Сената и Сейма.

Затем, в видах всестороннего разъяснения и соображения особенностей местного законодательства Великого княжества Финляндского и бытовых его условий при окончательном рассмотрении проектов законов общегосударственных, Совещание находило бы полезным обсуждать оные в Государственном совете на общем основании не только при участии Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, но также и тех сенаторов Императорского Финляндского Сената, кои, по Высочайшему избранию, будут особо к тому назначены.

Наконец, в отношении обнародования удостоенных Высочайшего утверждения мнений Государственного совета по вышеозначенным законопроектам Совещание полагало бы соблюдать порядок, установленный в сем отношении в империи и Великом княжестве Финляндском.

По поводу проектированного порядка временно исправляющий должность министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского генерал-лейтенант Прокопé заявил, что на основании Сеймового Устава 1869 года земские чины Финляндии участвуют в законодательстве по известным вопросам. Участие это выражается постановлением решений, которые затем всеподданнейше представляются на благоусмотрение Государя Императора и получают силу закона по удостоении Высочайшего утверждения. Между тем, по предположениям Совещания, когда в порядке издания и обнародования законов общих для всей империи со включением Великого княжества Финляндского будет подлежать разрешению вопрос, требующий, по установленному для Финляндии порядку, внесения оного на Сейм земских чинов, имеется в виду требовать лишь заключение Сейма, чем окажется нарушенным существующее право участия земских чинов в законодательстве, каковое право, как основной закон, подтверждено ныне благополучно Царствующим Государем Императором Манифестом 25 октября 1894 года, а также и Августейшими Его Предшественниками.

Выслушав сие заявление, которое генерал-лейтенант Прокопé просил занести в настоящий журнал, Совещание, не вдаваясь в подробное обсуждение возбужденного им вопроса, не могло, однако, с своей стороны не указать на следующие соображения. Предоставленное Сейму право, в силу которого рассмотренные им законопроекты или утверждаются, или отклоняются Верховною Властию, может относиться только к финляндским, а не к общегосударственным законам, так как невозможно допустить, чтобы местный Сейм имел решающий голос по делам, касающимся всего Российского государства, и чтобы высшее законодательное учреждение империи — Государственный совет лишался права докладывать Монарху о поправках, необходимых в законе, составленном для Финляндии, но имеющем общегосударственное значение.

По приведенным основаниям и согласно Высочайше преподанным указаниям Государя Императора, Совещание положило: просить Его Императорское Высочество Августейшего Председателя начертанные, на изъясненных выше основаниях, проекты Манифеста и Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, поднести к Высочайшему подписанию и утверждению Его Императорского Величества.

Подлинный подписали:
Михаил
Д. Сольский, К. Победоносцев, М. Островский, Эд. Фриш, Н. Бобриков, В. Плеве, Николай Муравьев, Виктор Прокопé.
Скрепил: Заведующий делопроизводством Совещания

П. Харитонов[26]

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 150–155 об. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:V].

№ 6. Всеподданнейший доклад Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича об окончании работы Совещания

3(15) февраля 1899 г.

Всеподданнейший доклад от 3 февраля 1899 года

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было возложить на меня председательствование в Высочайше образованном из указанных Вами, Государь, лиц Совещании для начертания законодательного акта о порядке издания и обнародования законов для империи со включением Великого княжества Финляндского.

Совещание, окончив ныне Высочайше возложенное на него поручение, составило проекты Манифеста и Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского.

Всеподданнейше представляя на благоусмотрение Вашего Императорского Величества журнал Совещания, имею счастие поднести к Высочайшему: подписанию — проект Манифеста и утверждению — проект Основных положений.

МИХАИЛ

3 февраля 1899 года

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:VI].

ЧАСТЬ 2
«Февральский» 1899 г. Манифест и нолитика изменения составления, рассмотрения и обнародования законов, издаваемых для Великого княжества Финляндского

№ 7. Высочайший Манифест об утверждении Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для имнерии со включением Великого княжества Финляндского

3(15) февраля 1899 г.

Божией милостью

МЫ, НИКОЛАЙ Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным Нашим*:

Великое княжество Финляндское, воiдя с начала нынешнего столетия в состав Россиiской iмперии, пользуется по великодушному соизволению Блаженныя памяти Императора Александра Благословенного[27] и Его Державных Преемников особыми в отношении внутреннего управления и законодательства учреждениями, кои соответствуют бытовым условиям страны.

Но независимо от предметов местного законодательства Финляндии, вытекающих из особенностей общественного ее строя, в порядке государственного управления возникают по сему краю и другие законодательные вопросы, коi по тесноi связи их с общегосударственными потребностями не могут подлежать исключительному действию учреждений Великого княжества. Порядок разрешения сего рода вопросов не определяется в действующем законодательстве точными правилами, и недостаток оных подавал поводы к важным неудобствам.

В устранение сих неудобств, Мы, в непрестанноi заботе о благе всех без различия верных Наших подданных, признали полезным в дополнение действующих постановлений и в руководство подлежащим учреждениям империи и Великого княжества установить твердый и незыблемый порядок их деятельности по начертанию и изданию законов общегосударственных.

Вместе с тем, оставляя в силе существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд Финляндского края относящихся, Мы почли необходимым предоставить Нашему усмотрению ближайшее указание предметов общеимперского законодательства.

В сих видах Мы Собственноручно утвердили объявляемые вместе с сим Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского.

По примеру Венценосных Предков Наших Мы видим залог процветания Финляндии в теснейшем ее единении с империею. Под сенью Державы Российской, сильная ее защитою Финляндия в течение почти целого столетия неуклонно шла по пути мирного преуспеяния, и Нам отрадно было удостовериться из недавних заявлений земских чинов, что в сердцах финского народа живо сознание преданности Нам и России.

---

* *Далее эта часть начального протокола не воспроизводится (как и в ПСЗРИ).*

Мы уповаем, что основанная на твердых указаниях положительного закона совместная деятельность учреждений империи и Великого княжества Финляндского по тем законодательным делам, которые касаются обоюдных их интересов, послужит к вящему обеспечению действенных польз и выгод Российского государства.

Дано в Санкт-Петербурге, в 3 день февраля, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот девяносто девятое, Царствования же Нашего в пятое.

На подлинном Собственною Его Императорского рукою подписано:

«Николай»

С подлинным верно:
Председатель Государственного совета Михаил

НАФ. Фонд Хозяйственного департамента Финляндского Сената, дело Ее:126. Писарская копия.

Опубл.: ПСЗРИ. Т. XIX. Отд. 1. 1899. СПб., 1902. Ст. 16447; СПВКФ. 1899. № 3. С. 4; Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3/15 февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 5–7.

Переводы: Suomen Suuriruhtinaanmaan Asetuskokoelma, no. 3. Helsinki 1899.

№ 8. Высочайше утвержденные Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского

3(15) февраля 1899 г.

Основные положения

1. Первообразное начертание законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, приемлет начало с Высочайшего каждый раз соизволения в тех случаях, когда по общему течению дел управления представится необходимым составить новое постановление или изменить либо дополнить действующий закон.

2. Порядок сей соблюдается в отношении как законов, кои действуют на всем пространстве империи со включением Великого княжества Финляндского, так равно и законов, применяемых в пределах Великого княжества, если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи.

3. Высочайшее соизволение относительно издания указанных выше законов (ст. 1 и 2) испрашивается подлежащим министром империи и министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского по предварительном их между собою сношении. Финляндский генерал-губернатор, когда по ходу управления Великого княжества признает необходимым восполнить действующие в крае законы в порядке, настоящими Положениями установленном, сообщает свои по сему предмету предположения, для дальнейшего их направления подлежащему министру империи и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского и Императорским Финляндским Сенатом.

4. По воспоследовании Высочайшего соизволения относительно издания закона для империи со включением Великого княжества Финляндского, министр империи о доставлении заключений по существу проекта означенного закона сносится с Финляндским генерал-губернатором, министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского и Императорским Финляндским Сенатом.

5. По тем законодательным предположениям, кои в порядке внутреннего управления Великого княжества Финляндского поступают на уважение Финляндского Сейма, требуется заключение Сейма и в порядке издания законов, упомянутых в статье 2 сих Положений. Заключение Сейма имеет состояться на ближайшем его очередном собрании, если не последует Высочайшего повеления о созыве с этою целью чрезвычайного Сейма.

6. По получении заключений Финляндского генерал-губернатора, министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского и Императорского Финляндского Сената, а в подлежащих случаях (ст. 5) и Финляндского Сейма, министр империи вносит законопроект в Государственный совет установленным в его Учреждении порядком. К представлению по сему предмету прилагаются в списках заключения Сената и Сейма.

7. Законопроект сей рассматривается Государственным советом на общем основании при участии Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, а также тех сенаторов Императорского Финляндского Сената, кои по Высочайшему избранию будут особо к тому назначены.

8. Удостоенное Высочайшего утверждения мнение Государственного совета по упомянутому законопроекту обнародывается установленным порядком как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском.

Опубл.: ПСЗРИ. Том XIX. Отд. 1. 1899. СПб., 1902. Ст. 16447; Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3/15 февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 7–9.

№ 9. Представление («Адрес») Финляндского Сената[28]

6(18) февраля 1899 г.

Согласно Высочайшему манифесту от 3/15 февраля сего года, Ваше Императорское Величество соизволили утвердить некоторые основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского.

Во исполнение Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления Сенат обнародовал сего числа сообщенные Сенату списки с вышеупомянутых Высочайшего манифеста и основных положений; вместе с тем Сенат, коему вверено общее управление края, считает священным для себя долгом, предписываемым как принесенною Сенатом присягою на верность службы, так и вышеозначенным его положением, всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству о сомнениях, которые Высочайший манифест и основные положения вызвали в Сенате.

Внутреннее устройство Финляндии и соотношения ее к империи были установлены Блаженной памяти Императором Александром Первым Высочайшею Грамотою от 15/27 марта 1809 года. Этим торжественным актом, изданным — по Собственным Его Императорского Величества Всемилостивейшим словам — в присутствии Сословий и объявленным в Святилище Всевышнего, Император подтвердил и удостоверил религию, коренные законы, права и преимущества, коим каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика, по конституциям их доселе пользовались. Очевидно, что Император Александр I при этом имел в виду конституционные права, предоставленные подданным прежде действовавшим в Финляндии государственным строем, т. е. выражаясь точнее, издревле принадлежащее им право на самообложение и участие в законодательстве. Но, кроме того, Император находил нужным и впоследствии неоднократно высказывать свои намерения в сем отношении. Так Он открыл Сейм следующими словами: «J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales»*. В манифесте от 15(27) марта 1810 года Император выразил свое намерение управлять Финляндиею «comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit»**. В Высочайшем же манифесте от 9(21) февраля 1816 года Император высказал следующее: «Быв удостоверены, что конституция и законы, к обычаям, образованию и духу финляндского

---

* *«Я обещал поддерживать вашу конституцию, ваши основные законы»* (*фр.*).

** *«как свободная нация, пользующаяся правами, гарантированными ей конституцией»* (*фр.*).

народа примененные и с давних времен положившие основание гражданской его свободе и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отменяемы без нарушения оных. Мы, при восприятии царствования над сим краем, не только торжественнейше утвердили Конституцию и Законы сии с принадлежащими, на основании оных, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительном рассуждении о сем с собравшимися земскими края сего чинами, и учредили особенное правительство, под названием Правительствующего совета, составленного из коренных финляндцев, который доселе Именем Нашим управлял гражданскою частию края сего и решал судебные дела, в качестве последней инстанции, не зависев ни от какой другой власти, кроме власти законов и сообразующейся с оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мерами оказав Наше доброе расположение, которое имели и впредь будем иметь к Финляндским верноподданным Нашим, и надеемся Мы, что довольно утвердили на всегдашние времена данное Нами обещание о святом сохранении особенной конституции края сего под Державою Нашею и Наследников Наших».

На основах, положенных Императором Александром I торжественным актом, управление Финляндии направлялось и развивалось почти в течение целого столетия, в особенности после того, как земским чинам края мудрыми мероприятиями Блаженной Памяти Императора Александра Второго[29] была дана возможность чаще собираться на очередные Сеймы.

Так как империя обладает державною властью, а Финляндия соединена с нею и подчинена ей, то из этого естественно вытекает, что многие вопросы, главным образом касающиеся порядка престолонаследия, Императорской фамилии и международных отношений, совершенно изъяты из действия Финляндских учреждений.

По вопросы, которые по установлениям края, каковыми они были утверждены и применялись Императором Александром Первым и Августейшими Его Преемниками, подлежат действию финляндских учреждений, не могут быть изъяты из закономерного ведения сих учреждений на том основании, что они вместе с тем касаются всего Российского государства или общегосударственных потребностей или же вообще находятся в связи с законодательством империи. По силе означенных установлений, имевших, согласно высказанным неоднократно словам Императора Александра Первого, целью предоставление финскому народу национального и политического существования, Финляндия составляет самостоятельную законодательную *и* административную область, законы которой издаются Монархом при содействии местных учреждений края. В случаях, когда по установлениям края требуется участие земских чинов в законодательном мероприятии, решение их или утверждается Монархом без изменений или же дело считается на сей раз оставленным без последствий. В прочих же случаях от единоличной власти Монарха зависит постановлять решения, кои он признает для края полезными.

Между тем в п. 5 Основных положений установлено, что по тем законодательным предположениям, кои в порядке внутреннего управления Великого княжества Финляндского поступают на уважение Финляндского Сейма, требуется *заключение* Сейма и в порядке издания так называемых общегосударственных законов. Но законопроекты, которые, согласно основным законам Финляндии, должны быть передаваемы Сейму, поступают не на *заключение*, а на *решение* земских чинов, каковое решение, как выше было сказано, или утверждается без изменения или же отклоняется Монархом. Так как изложение основных положений допускает возможность издания закона вопреки заключению земских чинов, то эти положения, следовательно, заключают в себе ограничение права, принадлежащего по основным законам края земским чинам. Такое ограничение возбуждает тем большие опасения, что круг законов, которые могут быть признаны касающимися потребностей государства, ничем не ограничивается, а может быть распространяем на какую угодно законодательную область.

Ввиду того, что рассматриваемые основные положения, следовательно, заключают отступление от основных законов Финляндии, эта законодательная мера по закону не должна была бы состояться без участия земских чинов, так как, по силе § 71 Сеймового Устава,

«издание, изменение, пояснение или отмена основного закона может последовать не иначе как по предложению Государя Императора и Великого князя и с согласия всех сословий».

Ввиду изложенного Сенат считает долгом всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, что рассматриваемый законодательный акт не состоялся в порядке, установленном основными законами Финляндии. Сенат вместе с тем не колеблется всеподданнейше представить, что финский народ, от мала до велика, поэтому не может не усмотреть в означенном акте нарушение конституционных прав его, утрата которых, по мнению народа, не была вызвана никакими действиями с его стороны.

Всемилостивейший Государь! Жители Финляндии никогда не перестанут благословлять память Великодушного Монарха, который при изменении судеб Финляндии, вследствие присоединения ее к империи сумел привязать к Себе этот народ неразрывными узами верности и любви. Финский народ также глубоко чувствует благодарность всем последовавшим милостивым Императорам за покровительство народу и за оказанные ему благодеяния. Он так высоко чтит Священную Особу Монарха и ненарушимость царского слова, что он всегда видел в них непоколебимую опору сохранения законного положения края. Поэтому у Императорского Вашего Величества Сената даже не может возникнуть мысли о том, чтобы в Высочайшие намерения Вашего Императорского Величества могло входить отступление от торжественного удостоверения, данного Вашим Императорским Величеством финскому народу при восшествии Вашем на престол относительно хранения установлений края в ненарушимой и непреложной их силе и действии. Вследствие сего Сенат должен полагать, что в данном случае произошло безнамеренное отступление от конституционного права Финляндии, каковое отступление, оставаясь неустраненным, вызовет глубокую скорбь и уныние в среде финского народа и ослабит ревность его в деле развития образования и благосостояния в этих северных и природою скудно одаренных местностях.

Твердо убежденный в том, что настоящее, также как и прочие правительственные мероприятия Вашего Императорского Величества направлены к благу финского народа, и так как должное соблюдение установленного законами права земских чинов не представляется несовместимым с определенным основными положениями порядком направления дел, Сенат осмеливается всеподданнейше представить:

Не признаете ли Ваше Императорское Величество за благо Всемилостивейше объявить, что означенною законодательною мерою не имелось в виду ограничить права, предоставленные основными законами финскому народу.

Но так как, без сомнения, могут встретиться законодательные вопросы, которые, касаясь общегосударственных потребностей, подлежали бы рассмотрению в ином порядке против по сие время существовавшего, то Сенат, будучи уверен в том, что финский народ не станет уклоняться от уступок и жертв, вызванных действительными потребностями государства, приемлет смелость всеподданнейше ходатайствовать, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству Высочайше повелеть выработать сведущими лицами со стороны как империи, так и Финляндии проект закона о направлении в законодательном порядке вопросов, касающихся общегосударственных потребностей, с тем, чтобы этот законопроект, по тщательном предварительном обсуждении, был передан на рассмотрение земских чинов Финляндии в установленном основными законами порядке.

Опубл.: Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3/15 февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 18–23.

№ 10. Протест прокурора Финляндского Сената В. Сёдерхельма[30] на Манифест 3(15) февраля

6(18) февраля 1899 г.

Ввиду того, что Высочайший манифест, переданный ныне Императорскому Сенату для обнародования, не был издан в том порядке, какой для издания основных законов края уста-

новлен в § 40: Формы правления 21-го августа 1772 года и § 71 Сеймового Устава 1869 года, а также принимая во внимание, – что в составлении проекта этого Высочайшего манифеста не участвовал ни один сведущий и опытный — в законодательных вопросах — финляндец и не было спрошено по сему мнение Императорского Финляндского Сената, прокурор должен прийти к заключению, что Его Величество не был осведомлен о том, какой существенный ущерб наносят вводимые манифестом установления освященной Монаршею клятвою финляндской конституции, а, следовательно, и всему праву финского народа, прокурор не сомневается, что Его Величество, получив всеподданнейший обстоятельный доклад по сему делу, Всемилостивейше соизволит отменить манифест, или, по крайней мере, издать удостоверение о том, что манифестом не имеется в виду лишить земских чинов принадлежащего им по основным законам страны права участвовать в издании законов даже в той законодательной области, о которой говорится в упомянутом Высочайшем манифесте; а потому он, прокурор, считает необходимым, чтобы Императорский Сенат прежде обнародования манифеста обратился к Его Величеству с всеподданнейшим представлением по сему предмету. При этом прокурор не сомневается, что такого рода доклад будет благосклонно принят Его Величеством, и что в нем никоим образом не будет усмотрено что-либо иное кроме добросовестного исполнения всеподданнейшего долга финляндских советников Его Величества.

Опубл.: Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3/15 февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 24–25.

№ 11. Доклад Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II о положении в Финляндии

6(18) февраля 1899 г.

Ваше Императорское Величество.

Считаю долгом всеподданнейше доложить о настоящем положении дел в Финляндии как ввиду современного их интереса, так и выяснения того здесь настроения, которое проявилось за последние дни. Естественно, что финляндцы, приобретение всеми правдами и хорошо известными Вашему Императорскому Величеству неправдами многие льготы, поставившие их в исключительные условия, принимают все старания к удержанию за собою не только раз достигнутого, но с заносчивостью добиваются еще большей самостоятельности и без того возбуждающей справедливые опасения. К сему как бы их поощряло слабое проявление государственной власти в течение почти целого столетия, давая этим им повод полагать, что так это будет и впредь, навсегда.

Возможность наступления настоящего положения дел Ваше Императорское Величество изволили предвидеть, и теперь приходится с этим считаться.

Высочайший манифест от 3-го сего февраля открыто предуказал порядок рассмотрения общегосударственных законов, изъявив их от преобладающего влияния местных высших финляндских учреждений. Считая себя верховными и почти неограниченными правителями Финляндии, Сенат и Сейм усмотрели в Манифесте тяжелый для себя удар. Они при этом также убедились, что в ряду общегосударственных законов будет стоять и новый военный закон, окончательное утверждение которого вопреки уверенности сенаторов и земских чинов может заслонять их местные органы. Имея смелость рассчитывать на возможность постановки Сейма выше Государственного совета даже по делам общегосударственным и с минуты получения Манифеста, потеряв надежду к осуществлению такой иллюзии, оба учреждения вознегодовали и протест свой проявили в дерзкой и неуместной форме, стараясь распространить его и на местное население.

Будучи убежден, что с выражениями открытого неудовольствия справляться удобнее, нежели с проявлениями затаенной злобы, я принужден терпеливо относиться к предосудительным выходкам прессы, ношению траура, прекращению даже частных увеселений,

демонстративному возложению венков на монументы и т. п. общепринятым способом выражения общественных горя и печалей. Преследуя наиважнейшие государственные цели, я считал бы неосторожным пока прибегать к крутым мерам, дабы не обострять отношений и тем не повредить общему ходу дел. Необходимо выждать окончания Сейма, представители которого, при закрытии сессии, надо полагать, не преминут излить накопившуюся желчь в соответствующих речах. Эти последние благодаря тайной поддержке очень может быть будут комментированы в противоправительственном духе необузданною местною печатью, цензуру которой однако же я уже усилил до возможных пределов и дал ей точную программу действий. К сожалению и личный состав цензуры — все местные уроженцы и финские патриоты. Если не появится какого-либо постороннего неблагоприятного фактора, несколько осложнившийся вопрос вероятно тем и разрешится.

Высочайшая воля, выразившаяся в решительном отклонении приема депутаций Сейма и Сената, окажется таким образом вполне благотворною, на что указывает видимо пониженный тон самих депутатов. В отношении этих последних не могу не высказать, что если поведение прокурора Седергельма*, всю жизнь проведшего в Финляндии, еще могло бы быть объясняемо чувством ложного патриотизма, зачастую омрачающего здравый смысл и совесть, то сенатору Тудеру*[1, 31], всем обязанному России, положительно непростительно было стать во главе Сенатской депутации, которая без его на то согласия, не имея руководителя, очень может быть могла бы и не состояться. Еще более предосудительным считаю поведение сенатора Шаумана[32], оказавшего при голосовании вопроса об обнародовании Высочайшего Манифеста неуместное противодействие. Шауман между тем имеет честь принадлежать к составу русской армии и носит чин генерал-лейтенанта Генерального Штаба, что одно должно было оказывать его к особой осмотрительности в данном, крайне деликатном вопросе. Хотя Шауман и заслуживает строгой кары, но избегая теперь новых возбуждений, я полагал бы оставить его пока без преследования, отложив наложение взыскания до предстоящего в текущем же году возобновления личного состава сенаторов. Полагал бы тогда же вносить его в списки оставляемых на предстоящее трехлетие, с чем неизбежно будет и увольнение его из военной службы, так как военный министр едва ли признает возможным дать ему какое-либо назначение.

Такое неискреннее отношение к русским интересам ближайших моих по Сенату сотрудников, на содействие которых, казалось, можно было бы рассчитывать, очевидно указывает, что положиться мне в деловом отношении теперь тут не на кого. Таким образом, между наличным составом доставшихся сотрудников я стою, к сожалению, совершенно обособленно. Не будь осчастливлен Вашим Императорским Величеством столь милостиво оказанной мне твердой поддержкой, я был бы лишен возможности посильно трудиться и энергично осуществлять мне данные Высочайшие указания. Пока приходится работать здесь одному; подобрать же подходящих сюда деятелей нелегко и делать это приходится исподволь и с крайнею осмотрительностию. Более существенных результатов надеюсь достичь соответственным подбором губернаторов, возвышение служебного положения которых должно быть сделано в ущерб чрезмерно забравшего в свои руки власть Финляндского Сената.

Удачное разрешение вопроса о разграничении круга действий этих двух высших органов значительно упростит местное управление и подготовит закрепление впоследствии более тесной связи финляндской окраины вообще, а финского народа в особенности с империей. Этот народ пока еще не идет вразрез с Высочайшими велениями, хотя не подлежит сомнению, что его местные руководители: Сейм, Сенат и университетская профессура в сообществе с печатью, высказывают за его счет воочию неосновательные, противозаконные и крайне дерзкие претензии, подготовляя себе тем в нем соучастника. В бессмысленности ссылок агитаторов на финский народ, заботы о котором считаю одною из главнейших обя-

---

* *Правильно: Сёдерхельма.*

*[1] Сенатор Тудер занимает должность вице-председателя Хозяйственного департамента Сената. (*Прим. док.*)

занностей своих, пришлось мне официально уличить одного здешнего редактора, поместившего в своей газете правительственное распоряжение, успевшее, по его словам, возбудить в населении тревогу, тогда как в действительности оно еще не было даже объявлено, и ему самому стало известно по слуху, притом в совершенно извращенном виде. Солидарность между Сенатом и прессой — несомненна, вследствие чего преследование только газет, я уверен, даст лишь отрицательные результаты.

Следовательно, следя за поддержанием общественного порядка и действуя крайне осторожно и с большим терпением, смею думать, поступаю соответственно истинным условиям современной обстановки. Вполне уверен, что когда умы возбуждены и к тому же злоумышленно продолжаются возбуждения, то самые благоразумные меры, не совсем удачно приведенные в исполнение, могут приводить к нежелательным последствиям. В таких исключительных случаях многое зависит от благоразумия и такта низших исполнителей, а здесь в данное время нельзя уверенно рассчитывать на добросовестность не только этих низших исполнителей, но даже приходится с неподобающим доверием относиться и к высшим лицам местной финляндской администрации. Несмотря на такое положение дел в данное время, продолжаю твердо надеяться при помощи Божьей достигнуть постепенного умиротворения, не прибегая к мерам чрезвычайным. Такая уверенность поддерживается во мне сознанием этой очевидной правоты предъявленных Финляндии скромных требований, пред справедливостию которых должны в конце концов преклониться даже и самые упорные финские патриоты.

Генерал-адъютант Бобриков

Гельсингфорс,
18 февраля 1899 года

FA РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 7–9 об. Рукопись на бумаге верже (½ листа, сложенного вдвое) с водяными знаками: летящий конь-змея с текстом: SCHLEICHER & SCHÜLL ORIGINAL.

№ 12. Отзыв Комиссии законов Сената на Манифест 3(15) февраля

9(21) февраля 1899 г.

На основании §§ 2 и 56 Сеймового Устава, Комиссия законов решила почтительно предложить Высокохвальным земским чинам Финляндии предварительное представление по нижеследующему делу. В Высочайших предложениях, препровожденных в комиссию для разработки, и в приложенных к ним делах встречаются выражения, указывающие на намерение истребовать отзывы Имперских властей по поводу ответа Сейма на помянутые предложения до окончательного решения Его Величеством вопроса о новом законе о воинской повинности в Финляндии, каковой закон признан делом, затрагивающим интересы всего государства. Это обстоятельство, равно как и то, что в Высочайших предложениях требуется от земских чинов лишь отзыв, не могло не привлечь особое внимание комиссии. Но Комиссия, несмотря на это, признала возможным приступить к выполнению настоящего законодательного положения, входящего, очевидно, в область тех дел, которые решаются не иначе как с согласия Сейма в порядке, установленном основными законами. Это предположение, между тем, весьма сильно поколеблено Императорским манифестом от 3/15 текущего февраля и следующими при нем «Основными положениями о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского». Так, ст. 2 означенных положений допускает возможность пересмотра законодательства по военному делу в порядке, указанном в помянутых положениях для общегосударственных законов. Стало быть манифест находится в той нераздельной связи с задачами, порученными этому чрезвычайному Сейму, которая предусматривается § 2 Сеймового Устава, а потому и требует особого внимания со стороны земских чинов, уж с точки зрения выполнения возложенной на них задачи.

Порядок издания законов, предписанный положениями, объявленными при Высочайшем манифесте, существенно отклоняется от действующего по Форме правления от 21-го августа 1772 года и по Сеймовому Уставу от 15-го апреля 1869 года порядка издания законов, без соблюдения которого ни один закон не может получить надлежащей силы на территории Великого княжества. По «основным положениям» земским чинам пришлось бы участвовать в издании государственных или общих для империи и Великого княжества законов лишь отзывами, каковые по рассмотрении их в Государственном совете могут быть изменены при окончательном решении дела Его Императорским Величеством.

Манифестом таким образом имеется в виду изменение действующего основного закона, а подобное изменение может быть совершено лишь «по предложению Императора и Великого Князя и с согласия всех сословий Сейма»; а потому очевидно, что манифест, как изданный без содействия Сейма, не может иметь в Финляндии силы закона. Ввиду приведенного, а также приняв во внимание, что сие обстоятельство может поколебать святость, придаваемую издревле нашим народом законам края и слову Монарха, а, с другой стороны, что сущность дела — как надо полагать — не была полностью изложена Его Императорскому Величеству, то сословия считают своим безусловным долгом не только по отношению к стране, но и к Монарху, немедленно довести это до сведения Его Величества и ходатайствовать об урегулировании упомянутого в манифесте законодательства путем, установленным основными законами.

На основании сего комиссия законов почтительнейше предлагает: чтобы сословия просили ландмаршала и тальманов всеподданнейше доложить Его Императорскому Величеству вышеприведенные соображения.

Опубл.: Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3/15 февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 25–27.

№ 13. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II об отношении Сената к Манифесту 3(15) февраля

9(21) февраля 1899 г.

Ваше Императорское Величество!

Императорский Финляндский Сенат в своем общем заседании 6-го сего февраля по вопросу об обнародовании Высочайшего Манифеста 3-го февраля постановил: повергнуть пред Вашим Императорским Величеством о тех для края опасениях и сомнениях, какие возбуждаются в нем применением настоящего законодательного акта. Вместе с тем Сенат уполномочил своих: вице-председателя Хозяйственного департамента и прокурора лично всеподданнейше представить Вашему Величеству дополнительные по делу разъяснения.

Высказанные сомнения и опасения, по моему глубокому убеждению, не опираются на бесспорные факты истории и представляются явно несправедливыми и совершенно неосновательными. Сенат добивается сохранения за Сеймом никогда не принадлежавших ему прав по изданию всех вообще законов, соприкасающихся к Финляндии, и в допущенном изъятии от сего порядка в отношении общегосударственных законопроектов усматривает нарушение дарованному Великого княжеству автономии и коренных или основных его законов. Сила разума не действует, и не поддаваясь никаким убеждениям, фанатики возражают, что они отстаивают безусловно правое дело. Считая Финляндию за самостоятельную законодательную область и не полагаясь на верность обещаемого им Высочайшим Манифестом выделения законов общегосударственных по непосредственному воззрению Вашего Императорского Величества, Сенат осмелился высказать предположение о возможности подведения под закон общегосударственных всех местных финляндских законов.

О настоящем всеподданнейшем ходатайстве Сената, несмотря на полнейшее мое несочувствие его постановлению, я счел долгом передать на рассмотрение временно-исправляющего должность статс-секретаря Великого княжества Финляндского. Самое постановление

Сената, мною только что полученное, я передам генералу Прокопе вслед за составлением по излагаемым в нем заявлениям моего заключения.

О вышеизложенном священным долгом считаю предварительно донести Вашему Императорскому Величеству.

Если бы Вашему Величеству благоугодно было принять представителей Сената в особой аудиенции, то не соизволите ли Высочайше повелеть и мне при этом находиться? Осмелюсь всеподданнейше доложить, что может быть было бы лучше и осторожнее, еще до Высочайшего приема, настоящее представление Сената всемилостивейше повелеть передать на предварительное заключение Совещания под председательством Великого князя Михаила Николаевича, выработавшего Высочайший Манифест, дабы затем уже, всесторонне выяснить степень основательности Сенатских домогательств, постановить окончательное по ним Высочайшее решение. Настоящие претензии Сената были предусмотрены Совещанием по существу, и с своей стороны оно признало их, как и я вторично признаю, не подлежащими удовлетворения.

Финляндский генерал-губернатор,
Генерал-адъютант Вашего Императорского Величества
Генерал от инфантерии Бобриков
Гельсингфорс,
9 февраля 1899 года

Пометы: сверху слева красным карандашом: 1

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 1–2. Рукопись на $^1/_2$ листа, сложенного вдвое.

№ 14. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II о толковании Сенатом содержания Манифеста 3 февраля

10(22) февраля 1899 г.

Соображения, положенные в основание при составлении Высочайшего Манифеста о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи с Великим княжеством Финляндским, представляются справедливыми и законными.

Неправильно истолковывая истинный смысл Высочайше дарованных Великому княжеству по внутреннему управлению прав и привилегий, Императорский Финляндский Сенат приходит к заключению, что оно составляет самостоятельную законодательную и административную область, законы которой издаются Монархом при содействии местных учреждений края, не исключая даже и тех, которые имеют значение законов общегосударственных. Такого воззрения разделить я не могу, так как из истории отношения Финляндии к России, с минуты ее завоевания и поныне, не вижу соответствующего для того законодательного акта, в силу которого были бы Высочайше утверждены подобные, в указанном смысле понимаемые, основные законы.

Указанное затем Сенатом законодательное право, Сейму предоставленное, очевидно может относиться к финляндским внутренним, а отнюдь не к общественным законам. Ссылка поэтому на § 71 Сеймового Устава не заслуживает внимания.

Высказанное Сенатом далее опасение в отношении возможности неограниченного расширения круга законов, которые могут быть признаны касающимися потребностей государственных, обнаруживает с его стороны лишь неподобающее доверие к словам Высочайшего Манифеста, по точному разуму которых указание предметов общеимперского законодательства исключительно сохранено за Вашим Императорским Величеством.

Упоминаемое Сенатом нарушение конституционных прав финского народа, будто бы допущенное изданием Высочайшего Манифеста, представляется мне простым с его стороны недоразумением, так как я не знаю того бесспорного законодательного акта, которым бы закреплялось за краем конституция в указываемых им пределах.

Не усматриваю убедительных оснований пониманию, в высказанном Сенатом смысле, Высочайшего Манифеста Вашего Императорского Величества при восшествии на престол. Во всемилостивейшем удостоверении предоставленных Финляндии прав и привилегий Сенат очевидно неправильно усматривает подтверждение Основных законов края, в объеме никогда не существовавшем. Основываясь на сем, Сенат всеподданнейше между тем ходатайствует об объявлении финскому народу разъяснения в том смысле, что означенною законодательною мерою не имелось в виду ограничить права, предоставленные ему основными законами. Удовлетворение и сего последнего заявления Сената признаю излишним, так как в самом Манифесте весьма ясно и определенно выражено об оставлении в сих существующих правил издания местных узаконений, исключительно до нужд Финляндского края относящихся. С своей стороны не нахожу также убедительных оснований к обязательному направлению на рассмотрение земских чинов закона, касающегося общегосударственных потребностей. Принимая также во внимание особо важное государственное значение возбужденных Сенатом заявлений и в видах достижения большей осторожности в их разрешении, осмеливаюсь всеподданнейше ходатайствовать пред Вашим Императорским Величеством о предварительном исследовании основательности представления Сената в том же, при Государственном совете, Совещании, на которое державною волею Вашего Императорского Величества было возложено выработать и проект Высочайшего Манифеста.

Генерал-адъютант Бобриков

Гельсингфорс,

10 февраля 1899 года

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 4–5. Рукопись на $^1/_2$ листа, сложенного вдвое.

№ 15. Донесение № 59 начальника Финляндского жандармского управления Ф.А. Фридрихса Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о реакции городского населения Або-Бьернеборгской губернии на Манифест 3 февраля

11(23) февраля 1899 г.

23 февраля 1899 г. Секретно

№ 59 Финляндскому генерал-губернатору

Городское население Або-Бьернеборгской губернии переживает весьма тревожное состояние, вызванное вновь изданными положениями, точно определяющими права местных законодательных учреждений в области общегосударственных интересов. Обыкновенно заранее хорошо осведомленные о всех возбуждаемых в империи политических и законодательных вопросах, касающихся края, финляндцы на этот раз были застигнуты врасплох. Высочайший Манифест от 3-го сего месяца как громом поразил население, усугубив то удручающее впечатление, которое можно было предвидеть при условиях заранее подготовленных. Когда улеглось впечатление первой минуты, неудержимым потоком потекли гражданские слезы, посыпались разговоры о постигшем страну несчастье, о нарушении основных законов, составляющих краеугольный камень народной истории и жизни, эластичность новых положений, не устанавливая определенных рамок для своих действий в области законодательства (местного) вводить режим, который по общему убеждению, должен привести страну к неминуемой гибели и создать аналогичное «к востоку от оз. Ладоги» положение,

словом, культурная и ныне цветущая Финляндия, чрез 10–15 лет представит картину всеобщего разрушения. Такие суждения, открыто высказываемые в высших сферах, переходят в народные массы и здесь, приправленные всевозможными слухами о распущении Сейма, введении русских законов и системы шпионства и проч., производят сильное раздражение. Скорбные статьи прессы, молитвы и проповеди в церквах о наступившем тяжелом времени увеличивают и без того тревожное настроение.

Народная печаль сказывается также и в жизни: Домашние и публичные увеселения, за исключением концертов, посвящаемых пению при криках «ура» возбуждающих патриотических песен, отменены, и витрины торговцев украшаются траурными материями. В учебных заведениях, распоряжением их администраций, уроки танцев и конвенты прекращены и заменены ежедневным пением «Наш край» и Бьернеборгского марша, в устах экзальтированных юношей нередко раздается слово «революция». Словом — городская жизнь оставляет впечатление переживаемого тяжелого национального горя. Сельское население ко всему происходящему остается совершенно равнодушным.

О вышеизложенном имею честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства.
Генерал-майор Фридрихс[33]

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 12–13. Писарская рукопись на бланке «Начальник Финляндского жандармского управления» (½ листа, сложенного вдвое). Подчеркивание красным карандашом.

№ 16. Отношение № 165 и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.Б. Прокопе Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о том, что Император оставил представление Сената без последствий

12(24) февраля 1899 г.

12/24 февраля 1899 года — Господину Финляндскому
№ 165 — генерал-губернатору.

По всеподданнейшему докладу доставленного Вашим Высокопревосходительством при отношении от 10/22 текущего февраля за № 188 представления Финляндского Сената от 6/18 того же месяца по вопросу об обнародовании в Великом княжестве Финляндском Высочайшего Манифеста от 3-го того же месяца Государю Императору благоугодно было в 11/23 день февраля месяца сего года Высочайше повелеть оставить упомянутое представление Сената без последствий, о чем имею покорнейше просить Вас, милостивый государь, сообщить Сенату для сведения.

Подписал: Временно исполняющий должность
министра статс-секретаря — В. Прокопе
Скрепил: Управляющий делами граф Армфельт[34]

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:XII].

№ 17. Из доклада Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II о положении в Финляндии

13(25) февраля 1899 г.

Ваше Императорское Величество.

[...] Для характеристики того, что делается в Або-Бьернеборгской губернии, с преобладающим шведским населением, всеподданнейше представляю подлинное донесение на-

чальника Финляндского жандармского округа. По прочтении сего последнего прокурору, архиепископу Абовскому и Нюландскому губернатору, все трое признали его чрезвычайно преувеличенным и частию даже вымышленным. Генерал-майор де Понт[35] при этом однако же заявил и о появлении во вверенной ему губернии слуха о новом земельном переделе, подтверждение которого могло бы действительно оказать свое вредное влияние, на что я не преминул обратить внимание прокурора и Сената. Обратил внимание я и Архиепископа Иогансона[36] на необходимость вразумления паствы. Донесение генерала Фридерихса* склонен и я считать несколько преувеличенным. Знаю по опыту, такие сравнительно маловажные вести как распущенный здесь еще в ноябре прошлого года слух о назначении в мое распоряжение Полковника Бородкина[37], поднял целую бурю, указывая на впечатлительность населения вообще и городского в особенности.

В видах осторожности я было думал обратиться к населению от себя, заготовил даже представляемый при сем проект особого объявления, но прокурор, Архиепископ и губернатор единодушно высказались за то, что минута к такой мере далеко еще не наступила. Все они заверили меня, что страсти постепенно утихнут и мирная жизнь войдет в свою обычную колею тем скорее, чем местная полиция будет меньше обращать свое внимание на неуместные выходки. На всякий случай, я принял частную меру предосторожности пока лишь в отношении Гельсингфорса, где я установил порядок безотлагательного выхода команд в помощь полиции, по примеру того как выходят они для тушения пожаров. В случае осложнения дел привлеку и Сенат, как главный орган высшего управления краем, к принятию соответствующих мер, способных вести к умиротворению горожан, о чем уже и теперь его предупреждаю.

Производят на меня давление репортеры шведских газет. Двум из них я счел возможным дать аудиенции, однако же при свидетелях, разъяснив, в надлежащих пределах, значение Манифеста и истинные отношения к империи ее финляндской окраины. Допустил эти беседы в уверенности, что пусть газеты лучше передают мои правдивые заключения по этим государственным вопросам, чем при исполнении обмана и лжи заявления местных заправил.

Русские люди воспрянули духом и держат себя самостоятельно. Во вторник я участвовал на очередном офицерском обеде в гарнизонном собрании (было 130 т.) и сегодня присутствую на концерте в Александровской русской мужской гимназии. В прошлое воскресение принимал нового православного архиерея и к устроенному у себя в честь его обеду пригласил все русское начальство и представителей финских учреждений, не исключая и нового шведского архиепископа Иогансона. Хотя и сознаю, что Сейм и Сенат безусловно враждебные учреждения, но стараюсь с их представителями подтверждать добрые отношения в надежде расплату с виновными отсрочить до более благоприятного времени.

В целом ряду действий, вызванных обнародованием Манифеста, Сенат показал себя учреждением, не заслуживающим и не оправдывавшим постоянно оказываемого ему доныне Монаршего доверия. Если бы не Высочайший Манифест 3-го февраля, то не скоро бы были раскрыты истинные стремления финляндцев, дошедших до преступного сознания своих прав на издание даже общегосударственных законов. Столь же преступно и состоявшееся постановление Сената о введении в делопроизводство местных высших учреждений русского языка. Сенат отвергает благодетельную меру эту как несоответствующую его настоящим, заветным интересам, заключающимся не в тесном сплочении с империей, а наоборот в создании полнейшего разъединения. В своем заключении я буду иметь счастье подробно всеподданнейше представить на Высочайшее воззрение Вашего Императорского Величества фактические основания, вполне оправдывающие мой настоящий вывод.

---

* *Правильно: Фридрихса.*

Современная обстановка, по моему мнению, еще не вызывает необходимости принятия более крутых мер. Ведь в сущности финляндцы и не могут предпринимать ничего серьезного.

Генерал-адъютант Бобриков

Гельсингфорс,
25 февраля 1899 года

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 10–11 об. Рукопись на бумаге верже (1/2 листа, сложенного вдвое) с водяными знаками: летящий конь-змея с текстом: SCHLEICHER & SCHÜLL ORIGINAL.

№ 18. Из доклада Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II о положении в Финляндии

21 февраля (5 марта) 1899 г.

Ваше Императорское Величество.

В последнем донесении я имел счастие всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству о несоответственности финляндской полиции данному назначению. Настоящее заключение вполне подтверждаются фактом сбора депутации в пятьсот человек, отправившейся в Петербург для всеподданнейшего ходатайства об отмене Высочайшего Манифеста 3-го февраля сего года. Толпа собралась и отправилась с железнодорожным поездом настолько скрытно, что Нюландский губернатор[38] узнал о том лишь по ее отбытии из Гельсингфорса, где до того она провела некоторое время. Избрание депутатов, сбор подписей участников и порядок представления претензии составляют ряд действий, воспрещенных Высочайшим Манифестом 1826 года, копию с которого при сем всеподданнейше представляю[39]. Такое явление, оставшееся незамеченным для местной полиции, указывает на существование в стране, наряду с правительственными властями, еще и особой тайной администрации, проникнуть в организацию, которой мне пока не удалось. Судя по отрывочным данным можно заключить, что преступным движением орудует известный сепаратист и государственник, бывший сенатор и один из деятельных Сеймовых чинов Мехелин[40] со своими верными единомышленниками. У меня есть нить к постепенному выяснению финляндского революционного фронта, но дальнейшее расследование вести будет однако же нелегко ввиду полной солидарности с Мехелиным большинства членов Сейма и Сената. Разъяснение истины тем труднее, что при современных политических условиях и при односторонности финляндских законов требуется сильная на местах власть, способная прибегать, хоть и крайне неприятной, но подчас неизбежной, административной высылки. В настоящее время вопрос о предположенном пересмотре положения о Финляндском генерал-губернаторе выдвигается на первый план. Многие беспорядки по отношению к интересам империи мною обнаружены и, несмотря на недавнее здесь пребывание, на мою долю выпала масса поучительных наблюдений.

[...] Для достижения поставленной раз цели финляндцы не пренебрегают даже таким средством как обращение к содействию проживающей здесь статс-дамы Карамзиной[41], для которой составляют Мехелин с Маннергеймом[42] особые просительные письма к высокопоставленным лицам. Если решалось упоминать об этом факте, то лишь для возможно более наглядных характеристик истинного направления финляндских сепаратистов.

Высочайшее повеление об учреждении Комиссии для разграничения круга действий Сената и губернаторов, с возвышением авторитета последних — мною получено. Приступаю к собранию необходимого материала, к разработке которого привлеку и вновь назначенного мне в лице генерала Шипова[43] помощника. Если бы губернаторы были самостоятельно поставлены и не подавлены в такой мере Сенатом, то очевидно пропаганда по адресу и составление депутации и могли бы осуществиться. Конечно губернаторы виноваты и теперь, но при наличности многих смягчающих вину обстоятельств. Сослужили свою честную службу

нам столь ненавистные финляндцам жандармы. Может быть придется мне ходатайствовать о распространении надзора их и на остальные личности, остающиеся с уходом казаков без всякого русского надзора.

Генерал-адъютант Бобриков

Гельсингфорс,
5 марта 1899 года

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 21–22 об. Рукопись на бумаге верже (1/2 листа, сложенного вдвое) с водяными знаками: летящий конь-змея с текстом: SCHLEICHER & SCHÜLL ORIGINAL.

№ 19. Заметка «Письмо Вдовствующей Императрицы» в финской газете «Päivälehti» об ответе Марии Федоровны на письмо Е. Карамзиной с просьбой отменить Манифест 3 февраля

5(17) марта 1899 г.

Мелкие заметки
Письмо Вдовствующей Императрицы
Гельсингфорсский корреспондент шведской «Aftonbladet» сообщает:

Весьма почитаемая в Финляндии супруга полковника Карамзина, сестра бывшего министра статс-секретаря Шерваль-Валлена[44], и в свое время бывшая звездою русского Двора, немедленно по объявлении Манифеста отправила письмо к Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне[45], в котором, описывая господствующее в Финляндии угнетенное настроение, просила Вдовствующую Государыню попытаться, чтобы Император отменил Манифест[46]. Несколько дней тому назад госпожа Карамзина получила ответ от Вдовствующей Императрицы, в котором Государыня объявляла, что письмо произвело на нее глубокое впечатление и тронуло Ее Величество тем более, что Она всегда уважала Финляндию. Письмо Ею передано Сыну; это единственное, что можно было сделать, но Ее Величество надеется, что с Божьею помощью все неправильные представления скоро выяснятся и будут исправлены.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 36. Писарская копия перевода и газетная вырезка, наклеенная на лист.

Опубл.: «Päivälehti». 1899, 17 Maaliskuu. № 72. S. 2.

№ 20. Письмо Императора Николая II и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.Б. Прокопе об отказе принимать прибывшую в Петербург с «Народным адресом» многочисленную депутацию

5(17) марта 1899 г.

Два дня тому назад я узнал о прибытии весьма многочисленной депутации из Финляндии. Раньше того я слышал о тайных сборах подписей под какое-то коллективное Прошение, которые происходили по всем приходам. Удивляюсь тому, как могли местные власти допустить такое небывалое явление?

Объявите участникам этой депутации в 500 чел., что я их, разумеется, не приму, хотя и не сердит на них, потому что они не виноваты. Они должны возвратиться по домам и затем уже могут подать свои прошения губернаторам, — кот[орые] представят их ген.-губ[ернатору], а он, наконец, перешлет их ходатайства вам для доклада мне, если они признаны будут уважительными.

Всю вину я всецело возлагаю на Сенат.

Вместо того, чтобы разъяснить истинное значение манифеста 3 февраля, Сенат сам первый показал дерзкий пример неповиновения, не желая тотчас обнародовать манифеста[47]. Такое отношение к своим обязанностям высшего правительственного учреждения края меня глубоко огорчает и возмущает. Я искренно люблю свой финский народ, но, к сожалению, вижу недобрые поползновения со стороны высших кругов Финляндии посеять недоверие между этим добрым народом и мною.

Отпустите приехавшую сюда депутацию с миром, разъясните ей значение манифеста 3 февраля и передайте все касающееся ее в этом письме!

Опубл.: В. Семенников. Николай Романов и Финляндия // Красный архив. 1928. № 8(27). С. 230.

№ 21. Письмо Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову

7(19) марта 1899 г.

Любезный Николай Иванович.

Давно хотелось мне написать вам и поблагодарить вас за обстоятельные и живо интересующие меня письма ваши. Нынешние обстоятельства заставили меня, наконец, взяться за перо.

Начну с того, что откровенно признаюсь вам в том, что я постоянно благодарю бога, направившего мой взор на вас. Действительно, в вас я получил неоценимого помощника, крайне знающего, усердного, настойчивого, хладнокровного во всех своих действиях. Не имей я вас в Финляндии, едва ли я справился бы с нынешними сложными делами, — говорю вам это прямо, потому что таково мое глубокое убеждение. Получили мы с вами наследство в виде уродливого, криво выросшего дома, — и вот выпала на нас тяжелая работа — перестроить это здание или, скорее, флигель его, для чего, очевидно, нужно решить вопрос: не рухнет ли он (флигель) при перестройке? Мне думается, что нет, не рухнет, лишь бы были применены правильные способы по замене некоторых устаревших частей новыми и по укреплению всех основ надежным образом.

Все переживаемые треволнения и вы, и я предвидели, – стало быть, особенно неожиданного ничего не случилось, разве нелепое и упорное сопротивление Сената по поводу замедленного обнародования им последнего манифеста и почти явное, с его стороны, сочувственное отношение к поднятому печатью и вожаками шуму. Очень полезно было бы в этом году никого не наградить из состава этих господ. Когда прибыла сюда самозванная депутация в 500 чел., я написал Прокопе прилагаемое письмо (копия для вас)[48]. Всю вину и ответственность я приписываю Сенату в дело тайного сбора подписей, за спиною местных властей. И это в хваленом благоустроенном крае! Тем более отрадным является одиночное заявление того доброго фермера, о котором вы мне доносили, — думаю, было бы хорошим примером отличить его, если признаете это желательным, медалью[49]. Вполне разделяю ваше мнение о неотложной необходимости теперь же приступить к составлению проекта положения о расширении власти генерал-губернатора, усиления и повышения авторитета губернаторов в ущерб влиянию Сената и своевременности распространения жандармского надзора, а также необходимости коренного улучшения местной полиции[50]. Благополучно разрешив эти дела и покончив с военным законом, мне кажется, нам можно будет удовлетвориться достигнутым результатом: Финляндия будет достаточно закреплена за Россией.

Вообще я спокойно отношусь к настоящему и с верою в полный и окончательный успех нашего безусловного правого дела — к будущему.

Прошу вас продолжать писать мне, — с особым удовольствием читаю ваши письма. Помните, что во мне вы всегда найдете полную поддержку и защиту, ибо за мной — вся Россия!

Дай вам бог здоровья и сил продолжать ваше тяжкое служение родине, служение, столь успешно начатое, сулит счастливое продолжение.

Еще раз спасибо вам от души за нее!
Искренно уважающий вас

Николай.

Опубл.: В. Семенников. Николай Романов и Финляндия // Красный архив. 1928. № 8(27). С. 229–230.

№ 22. Отношение («Отзыв») № 141 Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в Финский Сенат с предложением разъяснить смысл Манифеста 2(15) февраля с приложением проекта объявления Сената

7(19) марта 1899 г.

В. Секретно
В г. Гельсингфорсе
7/19 марта 1899 г.
№ 141

В ИМПЕРАТОРСКИЙ Финляндский Сенат
по Хозяйственному департаменту.

Ряд словесных и письменных заявлений дают мне право заключить, что некоторые обыватели Великого княжества усмотрели в ВЫСОЧАЙШЕМ Манифесте от 3/15 февраля сего года как бы совершенную отмену дарованных финскому народу прав и привилегий, а также прекращение силы действия относящихся исключительно до Финляндии местных законов. Явившаяся ко мне особая депутация заявила даже, что возникло будто бы представление о том, что хотят потрясти все основы общественного строя и права собственности.

Не признает ли Сенат соответственным, в видах успокоения умов, разъяснить истинный смысл Манифеста, что может способствовать ограничению появления частных заблуждений и устранить превратное понимание вышеприведенного законодательного акта?

Если бы предполагаемая мною здесь мера превысила предоставленное Сенату право, то, в таком случае, не признает ли он соответственным, руководствуясь § 14 Инструкции 1892 года, представить о том на ВЫСОЧАЙШЕЕ благоусмотрение, но не выходя из пределов самого Манифеста и прилагаемого здесь проекта объявления?

Вместе с тем я признавал бы необходимым и подтвердить, ввиду мною замеченного неисполнения, к точному руководству ВЫСОЧАЙШИЙ Манифест от 30 июня 1826 года о порядке представления на ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ всеподданнейших прошений.

Генерал-адъютант Бобриков
И. д. Директора Канцелярии (подпись)

НАФ. Фонд Секретные документы Экспедиции юстиции Сената, дело 53/1899. Писарская копия на полулистах большого формата. Подписи — автографы. Типографский текст на шведском языке, типографский текст на финском языке.

№ 23. Проект объявления Сената о смысле Манифеста 3 февраля 1899 г.

7(19) марта 1899 г.

[а] К секретному отзыву Финляндского генерал-губернатора в Императорский Финляндский Сенат от 7/19 марта 1899 года за № 141

Секретно[а]

Обнародование ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста от 3-го сего февраля подало повод некоторым обывателям Великого княжества усмотреть в этом законодательном акте прекра-

[а-а] *Только в писарской копии из НАФ. Другими чернилами, другим почерком.*

щение силы действия местных законов и как бы отмену ВЫСОЧАЙШЕ дарованных финскому народу прав и привилегий по внутреннему управлению, угрожающую краю гибелью. Были заявления из некоторых местностей будто бы о том, что Манифестом имеется в виду потрясти все основы общественного строя и права собственности. Наиболее легкомысленные предположили поэтому возможным добиться изменения настоящего Манифеста путем подачи всеподданнейшего о том ходатайства, устройства публичных демонстраций, произнесения в церквях не всегда соответствующих духу христианской проповеди поучений, возбуждения умов молодежи в стенах учебных заведений, распространения явно нелепых слухов о закрытии Сейма, введении русских законов и т. п.

Внимательное прочтение Манифеста должно убедить каждого здравомыслящего в явной неосновательности вышевысказанного заключения. В законодательном акте этом не только нет причин к подобным заблуждениям, но, напротив, в нем прямо выражено, что **ныне существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд финляндского края относящихся, остаются в своей силе**[6].

Манифестом установлен порядок начертания лишь тех общегосударственных законов, т. е. общих для ИМПЕРИИ и ее неразрывной части — Финляндии, право издания которых и до сих пор никогда не было законом предоставлено [в]Финляндскому Сейму[в]. Указание же на то, какие именно из законов принадлежат этой последней области, САМОДЕРЖАВНЫЙ ЦАРЬ соизволил предоставить СВОЕМУ непосредственному ВЫСОЧАЙШЕМУ благоусмотрению, что служит наилучшим обеспечением истинных интересов финляндского народа.

При таком действительном значении ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста, обнародованного в установленном порядке и для всех верных подданных равно обязательного, об его изменении и речи быть не может, и всякая в этом отношении попытка, законом недопускаемая, может вызвать лишь нежелательные последствия.

Разъясняя истинный смысл ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста, ИМПЕРАТОРСКИЙ Финляндский Сенат выражает твердую уверенность, что благоразумие финского народа и присущее ему чувство законности рассеют настоящее заблуждение, и правильное понимание собственных выгод подскажет неуместность и бесцельность демонстраций, противоречащих требованиям закона и несовместимых с понятием о той преданности, которую финляндцы постоянно заявляют своему ГОСУДАРЮ.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 14–15. Писарская копия синими чернилами на бумаге с водяными знаками.

НАФ. Фонд Секретные документы Экспедиции юстиции Сената, дело 53/1899. Писарская копия на полулистах большого формата. Подписи — автографы. Типографский текст на шведском языке.

№ 24. Циркуляр Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова губернаторам Финляндии о прекращении беспорядков в Финляндии

7(19) марта 1899 г.

Секретный циркуляр генерал-губернатора гг. губернаторам
от 7-го марта

Под влиянием превратного понимания истинного смысла Высочайшего Манифеста от 3/15 февраля сего года в некоторых местностях Великого княжества были допущены разные демонстрации и даже секретно произведены законом неустановленные выборы лиц

[6] *Выделено только в писарской копии ГА РФ.*

[в-в] *в копии ГА РФ:* праву Финляндского Сейма.

в состав особой депутации, которой надлежало представить, в особом адресе, вопреки Высочайшего постановления 30 июня 1826 года, всеподданнейшее ходатайство об отмене вышеуказанного законодательного акта.

Заслуживает при этом особого внимания то обстоятельство, что подобные беспорядки могли быть безнаказанно допущены местными властями и о них, надо полагать, оставалось неизвестным Вашему Превосходительству, высшему представителю полицейской власти и главному блюстителю в пределах губернии общественной тишины, благочиния и порядка.

Предупреждаю, что дальнейшее проявление в губернии преступного бездействия со стороны подчиненных Вам лиц или несвоевременное донесение о подобных весьма важных происшествиях я поставлен буду впредь в необходимость относить к личной ответственности Вашего Превосходительства, а в особых случаях всеподданнейше представить о них и на Высочайшее воззрение.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 35. Писарская копия.

№ 25. Доклад Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова Императору Николаю II с программой подчинения Финляндии России

11(23) марта 1899 г.

Ваше Императорское Величество.

Содержание письма Вашего Величества к генералу Прокопé от 5-го сего марта я разделяю всем существом своим. Дай Бог, чтобы столь твердо выраженное в нем Высочайшее нравоучение Сенату образумило бы его преступных членов и послужило на благо финскому народу. Что делается в статс-секретариате, здесь быстро становится общеизвестным, при том чем секретнее, тем скорее, а поэтому надеюсь, что и до сенаторов дошла такая важная для них весть. Самозваные депутаты, видимо, не успокоенные Финляндским министром статс-секретарем, вообразили себя вправе сообща вырабатывать новый адрес и с этой целью считать как бы узаконенность прибегать к сборищам и скопу, рассчитывая продолжать свою преступную пропаганду. Корень зла, вне всякого сомнения, Сенат и неразрывно с ним сплоченная пресса. На официальное заявление мое о бесцельности усилий, направленным к отмене или изменению Высочайшего Манифеста 3-го февраля, Сенат в официальном же ответе заявил мне, что «имея в виду, что исключительно от собственного Его Императорского Величества благоусмотрения зависит принимать от своих подданных всеподданнейшие прошения и что Императорскому Сенату поэтому не приличествует давать населению **советы или указания** по сему предмету, Сенат не признает возможным принять какие-либо меры». Действительно, высшему органу главного внутреннего управления Финляндии неудобно давать советы и указания к изменению такого порядка (в данном случае очевидно беспорядка), который сам он, под влиянием упорных заблуждений, считает законным. Здесь проявляется со стороны Сената страстность, к которой я стараюсь относиться возможно равнодушнее, выжидая заключения по другому сделанному ему мною предложению — разъяснить народу истинный разум Манифеста путем издания особого печатного объявления, проект которого, мною лично составленный, я дал ему в облегчение по сему труду и в предупреждении превратных толкований. Если Сенат и в этом случае даст уклончивый ответ по теме, фактически уже прямо уличит себя в солидарности с пропагандистами, которые, следовательно, под его покровительством, могут далее свободно совершить свое явно преступное дело. Употребляя все усилия к тому, чтобы флигель не рухнул при неизбежной его перестройке, я, по необходимости, прибегну к упорам. Таким образом, в случае отказа в помощи Сенатом, мне придется помимо него обратиться к губернаторам и сделать их прямыми ответчиками за точное исполнение моих приказаний. Для империи финский народ дороже сенаторов, и поэтому превышение власти в таких исключительных условиях, смею рассчитывать, Ваше Императорское Величество, не вмените мне в преступление.

При дальнейшем противодействии Сената и продолжении, вернее возобновлении, сборища в Гельсингфорсе, придется временно усилить местную полицию, и с этою целью может быть ходатайствовать о командировании сюда казаков, с появлением которых местные заправилы и газеты быстро понизили бы свой дерзкий тон. В ряду последующих затем мер к умиротворению, главнейшею должна быть усиленная охрана, положение о которой вполне соответствует требуемым условиям подобного настроения края. Если я упоминаю об этих устоях, то единственно в том внимании, чтобы Ваше Императорское Величество изволили усмотреть готовность мою ко всяким случайностям. Бог даст, проект этот останется проектом и разве придется прибегнуть лишь к первому из перечисленных устою. Сознавая всю важность и соответственность данным условиям обстановки мудрой народной пословицы «терпение и труд все перетрут», и буду следовать примеру самих же финляндцев, которые из побежденных обратились в победителей, между прочим*[1], благодаря настойчивости и терпению.

Всем сердцем разделяя необходимость предначертанных Вашим Императорским Величеством мер к мирному закреплению за нами Финляндии, осмеливаюсь всеподданнейше доложить еще о следующих десяти, государственное крайне важное значение которым, по глубокому моему убеждению, не может подлежать сомнению. Вот они:

1) Учреждение комиссии для пересмотра программ и учебников, от университета до низших шведо-финских школ. Бог весть, что проповедуется в этих рассадниках просвещения, при отсутствии русского надзора, о России и отношении к ней ее финляндской окраины. Надо, чтобы молодежь приобретала в школе знания, отвечающие общегосударственным интересам. Чем это запущенное дело будет скорее распутано, тем, конечно, лучше. Если Ваше Величество изволите разделять безотлагательность этой меры, то началом ее применения могла бы послужить особая записка к генералу Прокопé, проект которой при сем всеподданнейше представляю.

2) Издание законодательного акта, разъясняющего Великому княжеству государственную связь его с прочими частями империи и Самодержавные права Верховной власти в крае. Под влиянием упорных заблуждений, Финляндский Сенат и его единомышленники, извращая истинный смысл Высочайше дарованным Финляндии прав и привилегий, постоянно проявляли и ныне проявляют преступный ропот и противодействие в применении мероприятий, предначертываемых Вашим Императорским Величеством в целях сближения окраины с центром. Признаю необходимым положить конец такому заблуждению. С появлением испрашиваемого разъяснения, надо полагать, прекратится распространение в Финляндии явно ложных политических теорий, противоречащих несомненным фактам истории и самому началу единства империи. Тогда скорее могло бы исчезнуть извращенное понятие о существовании какой-то конституции или какого-то автономного государства, под влиянием которого даже Сенат с единомышленниками осмысливается разделять мнение преступников, имеющих дерзость подозревать возможность нарушения Всероссийскими Самодержцами тех удостоверений, какие излагались в особых манифестах при вступлении их на престол.

Ввиду чрезвычайно верного значения настоящего акта, составление его, осмеливаюсь всеподданнейше доложить, было бы соответственным возложить на особое, по Высочайшему благовоззрению Вашего Императорского Величества, совещание при Государственном совете.

3) Введение во все местные финляндские управления русского языка, о чем я буду иметь счастье войти с особым всеподданнейшим докладом чрез министра статс-секретаря.

4) Выделение из-под финляндской опеки православных школ, о чем я уже вошел в сношение с нашим архиепископом. Мы достигли независимости от финляндских властей школ ведомства народного просвещения, теперь остается распространить эту благодетельную меру и на православные русские школы, где государственный язык почти забыт.

---

*[1] Разумеют обман, извращение истины, готовность на все неправды и т. п. (*Прим. док.*)

5) Объединить монету и таможни*[2].

6) Усовершенствовать цензурный Устав и привлечь к надзору за прессой губернаторов.

7) Улучшить экономический быт безземельных крестьян на средства финляндских штатных сумм, чем упрочится к России их преданность.

8) Пересмотреть финляндское Уголовное уложение с точки зрения интересов и, главное, достоинства империи.

9) Издание русской газеты, о чем я буду иметь счастие всеподданнейше представить мои по сему предположения, и

10) Ввиду общеизвестного недостатка в Финляндии преданных России людей, необходимо в общегосударственных целях открыть всем российским подданным, имеющим право на вступление в гражданскую службу в силу законов империи, свободный доступ на все гражданские должности в Великом княжестве. Предстоящее, с введением нового военного закона, более успешное распространение русского языка облегчит применение настоящей меры, благодетельной для самой же окраины.

Всеподданнейше представляю настоящую программу в предупреждение возможных случайностей и для успокоения своей совести. Если Ваше Императорское Величество соизволите одобрить в существе эти предположения, то, в таком случае, я буду приступать к приведению их в исполнение отнюдь не вдруг, а постепенно, с большою осторожностью и в строгой системе.

Здесь продолжается немое неудовольствие и проявилась борьба партий, под влиянием которой создается всеподданнейший адрес, вызывающий несочувствие высказанным в адрес мнимых депутаций ходатайствам. По слухам, число подписчиков этого, более нам преданного заявления, доходит будто бы уже до 20 000*[3]. Не могу всеподданнейше не доложить и об отрадном заявлении преданности Вашему Императорскому Величеству православных жителей села Красного Выборгской губернии. Составленный с этою целью протокол, представленный прямо мне, я должен возвратить для направления его чрез губернатора, который, кстати, узнает, что у нас имеются и твердые устои. Считаю долгом всеподданнейше представить страницу из частного ко мне письма священника Якубова, разъясняющий действительный состав участников злополучного адреса.

Генерал-адъютант Бобриков

Гельсингфорс,
11 марта 1899 года

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 38–41. Рукопись на ½ листа, сложенном вдвое.

Опубл.: В. Семенникова. Николай Романов и Финляндия // Красный архив. 1928. № 8(27). С. 230–231 (частично).

№ 26. Письмо Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о проведении Манифеста 3 февраля в жизнь

19 марта (1 апреля) 1899 г.

Царское Село. 19 марта 1899 г.

Любезный Николай Иванович.

Искренно благодарю вас за последующие письма, в которых вы продолжаете описывать состояние умов финляндцев и происки шведской интеллигенции. Неужели этим господам не стало ясною вся бесцельность и даже преступность их темной и дерзкой игры в оппозицию? По-видимому, нет — по крайней мере, я лично убедился в том из последнего моего раз-

*[2] в сущности, этот вопрос уже предрешен. (*Прим. док.*)

*[3] Газетную справку всеподданнейше прилагаю. (*Прим. док.*)

говора с Прокопе. Прочитав ему проект известной вам резолюции по вопросу о воспрещении составления прошений и жалоб скопом[51], я спросил его, согласно ли то с финляндскими законами, на что он разразился целым потоком общих фраз о преданности финского народа, о его единодушии, в смысле отсутствия розни между шведской аристократией и остальными сословиями и т. д. в том же духе; в конце концов, он даже разрыдался и стал умолять не издавать такого повеления, которое, по его словам, больно и незаслуженно тяжко поразит сердце каждого финна. Я ответил, что верю ему (лично), подчеркнув еще раз мое неодобрение всего происходящего в Финляндии и в особенности настроение и действия Сената. Прямо на вопрос мой он не ответил. Поэтому, не придавая пока большого значения запрещению составлять адресы и прошения, я этому делу не дал хода. Лучше, мне кажется, пока мы их не забрали окончательно в руки, дать им потешаться пустяками, наподобие маленьких детей; со временем, разумеется, мы не будем спускать им так безнаказанно всех их проделок. Что касается вашего вопроса о том, что делать в случае получения вами адреса тем или иным путем, то я, конечно, присоединяюсь к предположению вашему о направлении его к статс-секретарю с заключением не в пользу просителей. В исходе этого дела, т. е. в отклонении его мною, нечего сомневаться!

С некоторого времени я думал о способе разъяснения манифеста 3 февраля и нахожу такого рода объявление желательным, но никак не могу уговорить К.П. Победоносцева составить проект такового.

Всею душою разделяю ваш правильный взгляд, ясно изложенный в письме от 11 марта, состоящий из десяти пунктов, намечающий ряд необходимейших мер, которые нам безусловно следует будет принять для бесповоротного мирного закрепления финляндской окраины за Россией. Повторяю сказанное мною в первом письме — для приведения этих благих мер к осуществлению необходимы строгая постепенность, терпение и настойчивая твердость, но последовательность — прежде всего.

Прошу вас, Николай Иванович, беречь свое здоровье, вы слишком занялись письменными работами. Ведь перелом в финляндском вопросе совершился, можно бы немного и отдохнуть, а впоследствии приняться за дальнейшую работу со свежими силами. Дай вам бог всего лучшего!

Николай.

Вполне одобряю проект циркуляра губернаторам[52].

Опубл.: В. Семенников. Николай Романов и Финляндия // Красный архив. 1928. № 8(27). С. 230–231.

№ 27. Циркулярное предписание Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова губернаторам Великого княжества Финляндского с указанием о применении Манифеста от 3(15) февраля 1899 г.

До 22 марта (3 апреля) 1899 г.

А. Проект. Н.И. Бобрикова

До 19 марта (1 апреля) 1899 г.

Проект Циркуляра губернаторам

Некоторые обыватели Великого княжества под влиянием заблуждений усмотрели в Высочайшем Манифесте от 3/15 февраля сего года совершенную отмену дарованных финскому народу преимуществ, религии, церковного устройства, прекращение силы действия исключительно до Финляндии относящихся местных коренных законов и даже нарушение всех основ общественного строя и прав собственности.

В предупреждение дальнейшего распространения таких превратных понятий, явно извращающих истинный смысл Манифеста, считаю долгом разъяснить, что законодательный акт этот устанавливает новый порядок по начертанию и изданию лишь законов общегосударственных, т. е. таких, которые касаются обоюдных интересов империи и нераздельной

с неї ее Финляндскої окраины; засим местные узаконения, исключительно до нужд Финляндского края относящиеся, по точному разуму Высочайшего Манифеста, остаются в своеї силе.

Общегосударственные законы неоднократно и доныне, со времени покорения Финляндии, издавались в виде Манифестов, указаний, положений, мнений Государственного совета, Высочайших постановлений и повелений. Равным образом и порядок обнародования означенных законоположений соблюдался различный. Таким образом, с изданием Высочайшего Манифеста не появился какої-либо новый закон, а лишь установлен единообразный порядок предначертания, издания и обнародования уже до того существовавших узаконений.

Поручаю Вашему Превосходительству, в прямых интересах общественного спокойствия, оказать содеїствие Ваше к возможно более широкому распространению настоящего разъяснения среди населения Вам вверенної губернии, причем старайтесь внушить заблудшим, что Государь Император, любя свої финскиї народ, доверяя его преданности и неусыпно заботясь об его благе, не изволит иметь в виду вводить в Великом княжестве новых порядков, могущих послужить населению во вред или способных, не принося ему пользы, нарушать тот особыї порядок внутреннего управления, который в деїствительности, на самом деле, ему Высочайше дарован Манифестом ныне благополучно Царствующего Государя Императора от 25-го октября 1894 года.

Вместе с тем обращаю внимание Ваше на всю важность строгого исполнения моего распоряжения, сообщенного Вашему Превосходительству в отзыве № 1335 1898 г. При самовольном, тайном от представителей местных законных властеї составлении всеподданнеїшего адреса об отмене Высочайшего Манифеста 3/15 февраля сего года, чины полиции не только не явились прочным оплотом общественного порядка, тишины и благочиния, но, в некоторых местах, непосредственно или через агентов, участвовали в собрании подписей и даже сами заносили под этими листами свои имена.

В заключение считаю необходимым предупредить Ваше Превосходительство, что при возобновлении всеподданнеїших прошений по общим и частным делам Вам надлежит давать ход лишь тем из них, которые, согласно Высочайшему объявлению от 30-го июня 1826 года, предварительно вносились в установленные места и направлялись к Вам законом предписанным порядком.

При каждом представлении ко мне такого прошения предлагаю Вашему Превосходительству излагать личное заключение Ваше о том, заслуживает ли оно удовлетворения или нет и, в обоих случаях, ввиду каких уважительных оснований?

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 53–54. Писарская копия на $^1/_2$ листа, сложенном вдвое.

Б. Окончательный текст

22 марта (3 апреля) 1899 г.
Циркулярное

Финляндскиї
генерал-губернатор
В Гельсингфорсе
22 марта / 3 апреля 1899 года
№ 360

Генерал-губернатору.

Некоторые обыватели Великого княжества, введенные в заблуждение, неправильно усмотрели в Высочайшем Манифесте 3/15 февраля сего года и приложенных к нему «Основных положениях» совершенную отмену дарованных финскому народу преимуществ и церковного устройства, прекращение силы деїствия относящихся исключительно до Финляндии местных коренных законов, а также нарушение даже общественного строя и прав собственности.

В предупреждение дальнейшего распространения подобных несообразных заключений и превратных толкований, явно извращающих истинный смысл вышеупомянутых законодательных актов, считаю необходимым, руководствуясь §§ 26 и 27 Высочайше утвержденной Инструкции Финляндскому генерал-губернатору от 21 января 1812 года, дать Вашему Превосходительству ряд указаний, на случай, если бы и поныне являлась потребность в разъяснении приведенного закона. Вышеуказанные здесь акты устанавливают только прочный и определенный порядок по составлению и изданию законов общегосударственных, т. е. таких, которые касаются обоюдных интересов империи и нераздельной ее части — Великого княжества. Что же касается узаконений, относящихся исключительно до нужд одной только Финляндии, то все они, по точному смыслу Высочайшего Манифеста, будут и впредь составляться и издаваться так же, как и до сих пор.

Законы, имевшие отношение как к империи, так и к Великому княжеству, до настоящего времени разрабатывались властями и учреждениями империи и, утвержденные Всероссийским Монархом, издавались для края в виде Манифестов, положений, Высочайше утвержденных мнений Государственного совета, Высочайших постановлений, повелений и т. п. Таким образом ни в издании, ни в обнародовании их не существовало надлежащего порядка; Высочайший же Манифест 3/15 февраля устанавливает точность и однообразие в важном деле составления, издания и обнародования законов, общих для всей империи со включением Финляндии.

При этом надо иметь в виду, что, благодаря Манифесту 3/15 февраля, интересы финского народа будут оберегаться лучше, чем прежде, так как впредь при рассмотрении законов общеимперских в Государственном совете обязательно будут присутствовать, кроме генерал-губернатора, министр статс-секретарь и несколько сенаторов Императорского Финляндского Сената. Новый закон, ничем не изменяя существующего внутреннего в крае порядка, вносит определенность в область составления общегосударственных законов, относясь при этом с крайней заботливостью к нуждам финляндского населения. Решение же вопроса о том, какие дела нужно будет относить к общеимперскому законодательству, зависит от Монарха.

Ко всему этому необходимо добавить, что Государь Император, любя свой финский народ, доверяя его преданности и неусыпно заботясь об его благе, не имеет в виду вводить в Великом княжестве новых порядков, нарушающих внутреннее его управление и устройство, подтвержденные Высочайшим Манифестом от 25 октября 1894 года.

Настоящее указание признаю необходимым в видах скорейшего, без потери во времени, достижения общественного спокойствия.

Подписал: Генерал-губернатор
Генерал-адъютант Бобриков.
Скрепил и верно: и. д. директора канцелярии
Финляндского генерал-губернатора А. фон-Минквиц

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:XIII].

№ 28. Заметка члена Государственного совета статс-секретаря Э.В. Фриша «Адрес Финляндского Сената и опровержение на него...»[53]

22 марта (3 апреля) 1899 г., не позднее

Адрес Императорского Финляндского Сената от 18 февраля 1899 года и опровержения на него[a]

Опровержения

Финляндия никогда не была самостоятельным государством. До покорения ее Россией силою оружия и присоединения таким образом к империи, Финляндия составляла часть Королевства Шведского и разделяла его судьбу. Она пережила вместе со Швецией ряд политических осложнений, волновавших это государство во второй половине XVIII столетия. После смерти Карла XII[54] шведское дворянство захватило в свои руки управление страною и умалило значение королевской власти[55]. Только со вступлением на шведский престол Густава III[56] Верховная власть возвратила себе должное влияние на ход государственных дел. При этом Короле, в 1772 г., издана была «Форма правления», которая в то время составляла основной закон государственного устройства Швеции. Сим законодательным актом, определившим полномочия королевской власти и права сословий, было допущено широкое участие государственных чинов в делах управления. Но в 1789 г., после так называемого Аньяланского заговора, Густав III издал «Акт соединения и охранения», который принят был шведским дворянством лишь одиннадцать лет спустя в царствование Густава IV Адольфа[57], на Сейме 1800 г. Актом 1789 г. участие шведских государственных чинов в делах управления было в значительной степени ограничено. В § 1 сего Акта было выражено: «Мы признаем, что имеем наследственного Короля, который имеет полную власть управлять государством, защищать, спасать и оборонять его, начинать войну, заключать мир и союз с иностранными державами; миловать, возвращать жизнь, честь и имущество; постановлять, по своему высокому благоусмотрению, о всех должностях государства, которые должны замещаться природными шведскими людьми, и применять и соблюдать закон и правосудие. Остальные дела, относящиеся к попечению о государстве, заведываются, как Королю покажется наполезнейшим». В соответствие приведенному основному положению Акта 1789 г., в § 6 оного было изъяснено, что на «риксдагах государственные чины не занимаются никакими иными делами, кроме тех, какие им предлагает Король, как это было в обычае до 1680 года».

Во время такого могущественного развития королевской власти застало Финляндию покорение ее Россией. Это событие сопровождалось провозглашением следующих актов Верховной Власти. В манифесте 20 марта 1808 г. было возвещено: «Страну сию, оружием Нашим таким образом покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи и вследствие того повелели Мы принять от обывателей ее присягу на верное Престолу Нашему подданство».

В манифесте от 5 июня 1808 г. выражено: «В чреде народов, Скипетру Российскому подвластных и единую империю составляющих, обыватели новоприсоединенной Финляндии с сего времени восприяли навсегда свое место» и далее «Обыватели Финляндии[6] ..... вступив в состав империи Нашей» .....

В мирном трактате, заключенном в Фридрихсгаме 5 сентября 1809 г., в статье IV было выражено, что завоеванные губернии Финляндии «со всеми жителями, городами, портами, крепостями, селениями и островами, а равно их принадлежности, преимущества, права и выгоды будут отныне состоять в собственности и Державном обладании империи Россий-

---

[a] *В типографском варианте 1910 г. перед этим*: Доверительно. Дополнение к Материалам Высочайше образованного, под председательством Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича, Совещания для начертания законодательного акта о порядке издания и обнародования Законов для империи со включением Великого княжества Финляндского. *На типографском варианте помета*: Его Пре-ву Н.В. Плеве.

[6] *Здесь и далее пропуск в тексте, замененный многоточием.*

ской и к ней навсегда присоединяются». Статья же VI означенного трактата была изложена таким образом: «Поелику Его Величество Император Всероссийский самыми несомненными опытами милосердия и правосудия ознаменовал уже образ правления Своего жителям приобретенных Им ныне областей, обеспечив, по единственным побуждениям великодушного Своего соизволения, свободное отправление их веры, права собственности и их преимущества, то Его Шведское Величество тем самым освобождается от священного впрочем долга чинить о том в пользу прежних Своих подданных какие-либо условия». Наконец, в манифесте 1 октября того же 1809 г. о заключении мира между Россией и Швецией было всенародно объявлено: «По следам древних побед, в странах, где Петр I Великий[58] приучил Россов к воинской славе, храброе Наше воинство, мужественно подвизаясь, преоборяя все препятствия, по глыбам льда проницая в места непроходимые, от пределов, к столице Нашей близким, простерло славу Российского оружия до самых отдаленных стран Севера: покорило Финляндию, завладело всеми ее провинциями, одержало знаменитые острова Аландские, и, объяв Ботнический залив, прейдя западную Ботнию, на отдаленных пределах ее утвердило свое обладание. На сем великом пространстве все города, порты, укрепления, самые твердыни Свеаборга пали во власть его».

Приведенные выдержки из всенародно объявленных актов, касающихся завоевания Финляндии, самым несомненным образом убеждают в том, что покоренные русским оружием бывшие шведские провинции Финляндии вошли в состав Российской империи, обращены в собственность и державное ее обладание и составляют нераздельную ее часть.

С присоединением на указанном выше основании Финляндии к России, она, единственно по великодушному изволению Императора Александра I, получила соответственно титулу, дарованному на Боргоском Сейме, наименование и герб Великого княжества, а также Всемилостивейшее удостоверение о сохранении религии, коронных законов, прав и преимуществ, коими каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика, по конституциям их пользовались. Таковое удостоверение подтверждаемо было всеми Российскими Монархами при вступлении Их на Престол.

Финляндский Сенат заявляет, что в упомянутом удостоверении Император Александр I имел в виду «конституционные права, предоставленные подданным прежде действовавшим в Финляндии государственным строем, т. е., выражаясь точнее, издревле принадлежащее им право на самообложение и участие в законодательстве». В этом отношении следует иметь в виду, что порядок издания и обнародования законов в Великом княжестве Финляндском хотя отличается от порядка, установленного по этому предмету Основными законами империи, но не определяется вполне ясными и положительными правилами. Во время шведского владычества в Финляндии, в отношении порядка издания узаконений, как упомянуто выше, имели значение постановления двух законов: Формы правления 21 августа 1772 г. и Акта соединения и охранения 21 февраля и 3 апреля 1789 г. Эти законоположения не были, однако, между собою согласованы. Так, хотя в ст. 40 Формы правления 1772 г. и было выражено, что никакой закон не может быть издан или отменен без ведома и согласия государственных чинов, но постановление сие подверглось, однако, изменению с изданием в 1789 г. Акта охранения и соединения, в ст. 1 которого, между прочим, изъяснено, что дела, относящиеся к попечению о государстве, заведуются, как Королю покажется наполезнейшим. При таком положении шведского законодательства в вышеозначенный период времени не представляется возможным вывести какое-либо точное по сему предмету правило. Из сопоставления же упомянутых законоположений надлежит скорее прийти к такому выводу, что в последний период шведского владычества в Финляндии (с 1789 г. — 1809 г.) участие земских чинов в разрешении законодательных дел и вопросов зависело от Верховной власти. С присоединением Финляндии к России в 1809 г., в отношении порядка издания законов, точно так же не было установлено твердых и определительных правил и лишь в позднейшее время, в Сеймовом Уставе 3 апреля 1869 г., в ст. 71 положительно выражено, что издание, изменение, пояснение или отмена Основного закона может последовать не иначе, как по предложению Императора и с согласия всех сословий. Равным образом и вопросы

о привилегиях сословных, согласно той же статье Сеймового Устава, могут быть разрешаемы лишь при участии земских чинов. Наконец, в ст. 52 Сеймового Устава в новой ее редакции по закону 13 июня 1886 г.*[1] упоминается о таких «общих» законах, установление, изменение или отмена коих зависит от совокупного решения Государя Императора и Великого князя с земскими чинами; но какие именно законы здесь подразумеваются, не выяснено ни в законе 1886 г., ни в позднейших законоположениях.

Таким образом при настоящем положении законодательства по рассматриваемому предмету, участие земских чинов Финляндии в издании законов представляется обязательным только в случаях изменения для отмены основных законов и о привилегиях. Засим вопрос о том, какие именно законы должны быть почитаемы основными или касающимися привилегий сословий, не имеет твердых к его разрешению оснований. Из числа изданных для Финляндии с 1809 г. узаконений лишь весьма немногие законодательные акты признаны Верховною властью основными, а именно Сеймовый Устав 3 апреля 1869 г. (ст. 83), некоторые положения Устава о воинской повинности, с точностью перечисленные в особом манифесте от 6 декабря 1878 г., и закон 11 ноября 1889 г. о праве финских граждан, принадлежащих к христианской вере не евангелическо-лютеранского исповедания, занимать должности и служебные места в Финляндии. Ввиду сего на практике нередко возникают сомнения относительно дальнейшего направления тех либо других законопроектов. Устранение таких сомнений сводится в каждом отдельном случае к разрешению вопроса: не имеет ли предположенное к изданию узаконение характера закона основного либо относящегося к области законов о привилегиях. Разрешение подобных вопросов должно зависеть, за исключением случаев, касающихся вышеупомянутых признанных основными законов, от усмотрения Верховной власти.

Что же касается собственно закона 1886 г., то он действительно устанавливает для Монарха только право veto, но лишь по таким законам, которые возбуждены самим Сеймом. Отсюда следует, что по законам, кои возбуждены не Сеймом, а Высочайшими предложениями, и не касаются вышеуказанных законов основных и о привилегиях, власть Монарха не стеснена утвердить проект Сейма всецело либо с необходимыми изменениями.

Изложенный порядок может относиться, однако, только к постановлениям, касающимся внутреннего законодательства Финляндии, и никоим образом не может относиться к общегосударственным законам, то есть законам, касающимся интересов империи и Финляндии. Хотя по воле Императора Александра I бывшая шведская Финляндия вместе с присоединенными к ней и впоследствии Выборгскою губернией и Вестерботниею получила особый порядок управления, тем не менее внутренняя политическая жизнь этого края и его законодательство не могли развиваться вполне самостоятельно и независимо от польз и интересов империи, без нарушения единства того государственного организма, нераздельною частью коего является Великое княжество. Рядом с местными потребностями финляндского населения стоят общегосударственные интересы России и русского народа, высшим Хранителем коих может быть только Всероссийский Монарх. Одинаково заботясь о благосостоянии

*[1] Земские чины, чины, сверх предоставленного им пред сим права петиции, впредь имеют право вносить на сейме предложения об установлении, изменении и отмене таких общих законов, которые зависят от совокупного решения Государя Императора и Великого князя с земскими чинами. Не могут быть, однако, возбуждаемы предложения об установлении, изменении или отмене основных законов или законов об организации сухопутных и морских военных сил, а также законов о печати; относительно же церковного законодательства следует руководствоваться правилами, особо для сего установленными. Если земские чины, по поводу возбужденного предложения, решат принять новый, а также изменить или отменить прежний закон, то должны представить о сем проект Государю Императору и Великому князю. В случае одобрения проекта земских чинов Государем Императором и Великим князем, имеет быть издано постановление, дословно согласное с этим проектом. Если же проект Государем Императором и Великим князем не может быть одобрен в неизменном виде, то оный считается в целости оставленным без последствий, о чем по повелению Государя Императора и Великого князя земским чинам сообщается не позже ближайшего Сейма. (*Прим. док.*)

отдельных народностей, входящих в состав империи, он облечен, вместе с тем, священным правом направлять жизнь и развитие народностей этих к общему благу государства. Ограничение такого полномочия Верховной власти относительно Финляндии равносильно было бы поставлению местных потребностей завоеванного края выше интересов России, что, очевидно, не могло входить в намерения Русского Государя при устроении им особого порядка управления финляндскими губерниями.

Великое княжество Финляндское, управляемое под Верховною властью Всероссийского Императора на основании особенных учреждений, составляет нераздельную часть Российского государства. Поэтому, независимо от условий быта Финляндского края и его нужд, некоторые предметы, требующие законодательного определения для этого края, имеют столь тесную связь с общегосударственными потребностями целой империи, что было бы несовместно со строем общеимперского законодательства разрешать сего рода вопросы исключительным действием органов Великого княжества Финляндского. Очевидно, что предначертанные в разрешение таких вопросов законопроекты, пройдя в установленном порядке чрез Финляндский Сейм, подлежат, на общем основании, соображению в законодательном учреждении государства Российского, откуда должны восходить на окончательное утверждение Верховною властию Монарха. В сем только случае могут быть по всей справедливости обеспечены, без ущерба местным интересам Финляндии, пользы населения и учрежденного порядка целой Российской империи в общегосударственных целях.

В удовлетворение этой существенной государственной потребности со времени присоединения Финляндии к России неоднократно издаваемы были узаконения, имевшие общегосударственное значение, в виде: манифестов, указов, положений, мнений Государственного совета, Высочайших постановлений и повелений. Узаконения сии составлялись и издавались различными путями: одни из них восходили на Высочайшее утверждение по предварительном обсуждении в Государственном совете, другие же не подвергались такому рассмотрению. Равным образом и порядок обнародования означенных законоположений соблюдался различный. Посему на практике случалось, что узаконения, обнародованные в империи и в Великом княжестве, как например правила 1844 г. о взысканиях по долговым обязательствам и вообще бесспорным делам между финляндцами и обывателями прочих частей империи, были впоследствии изменяемы финляндскими постановлениями, в империи не обнародованными.

Таким образом определенных правил относительно составления, внесения, рассмотрения и утверждения означенных узаконений установлено не было. Между тем в таких правилах издавна встречалась потребность ввиду, с одной стороны, невозможности подчинения общегосударственных целей интересам местным или областным, а с другой — необходимости и последние принимать в должное соображение, насколько того требуют особые условия, в которых находится Финляндия, а равно, насколько они совместны с общегосударственными целями. Установление твердого порядка по изданию законов для империи со включением Финляндии признано было необходимым не только для восполнения пробела в современном законодательстве, но и для устранения той неопределенности, из которой возникали важные неудобства. Предполагалось их устранить путем кодификации законов Финляндии. Сделанные, однако, в этом направлении попытки не достигли намеченной цели. Кодификация, то есть изложение уже действующих законов и приведение их в более связное целое, не разрешала вопроса. Потребовалась не кодификация, а дополнение законов постановлениями общегосударственными, относительно издания которых нет определенных указаний ни в своде законов, ни в изданиях общегосударственных законов, то есть законов для всего Российского государства, составною частью коего является Великое княжество Финляндское.

Порядок издания сих законов никакими постановлениями, ни Имперскими, ни Финляндскими, определен точными правилами не был и только теперь установлен законом 3 февраля 1899 г. Этим законом власти финляндские вовсе не устранены от участия в разработке общегосударственных законов. Напротив того, и Финляндскому Сенату, и Сейму,

и министру статс-секретарю, и Финляндскому генерал-губернатору и, наконец, сенаторам Финляндского Сената по Высочайшим назначениям предоставлено широкое участие в разработке и обсуждении законопроектов общегосударственного значения. Поэтому о каком-либо устранении финляндских учреждений от дел сего рода не может быть и речи. Вместе с тем, не требует, конечно, доказательств то положение, что законодательные вопросы, кои тесно связаны с общегосударственными потребностями, не могут подлежать исключительному действию одних учреждений Великого княжества Финляндского. В этом отношении Финляндия, как часть целого, должна уступать последнему и, следовательно, при разрешении вопросов указанного рода, должна подчиняться общему порядку, установленному в империи в сем отношении. Это положение дел и объяснено в манифесте 3 февраля 1899 года.

Положение Финляндии по отношению к империи обрисовано выше: Финляндия составляет нераздельную часть Россійского государства, управляемую по особому порядку. Но этот порядок, конечно, может касаться законодательного и административного управления только по предметам, не затрагивающим интересов империи. Соответственно сему и Сейм является органом земского представительства Финляндии только по указанным предметам, т. е. не затрагивающим интересов империи. По этим предметам компетенция Сейма, равно как значение его постановлений, нисколько не умалены законом 3 февраля 1899 г., как это категорически и изъяснено в манифесте, сопровождавшем издание этого закона. Засим в вопросах общегосударственных Сеймъ может, очевидно, имѣть значение органа только совещательного, а следовательно, и постановления его по сим вопросам в тех случаях, когда они передаются на его обсуждение, — не могут быть рассматриваемы иначе, как в смысле его заключений. Все сомнения по этому предмету устраняются общим неоспоримым соображением, что предоставленное Сейму право, в силу которого рассмотренные им законопроекты или утверждаются, или отклоняются Верховной властию, может относиться только к финляндским, а не к общегосударственным законам, так как немыслимо допустить чтобы местный Сеймъ имел решающий голос по делам, касающимся всего Россійского государства, и чтобы высшее законодательное учреждение империи, Государственный совет, лишался права докладывать Монарху о поправках, необходимых в законе, составленном для Финляндии, не имеющем общегосударственного значения.

Ввиду изложенного нельзя не признать неосновательным заявление Финляндского Сената, что закон 3 февраля 1899 г. издан с отступлением от порядка, установленного основными законами Финляндии, и, вместе с тем, ограничивает право, по сим законам принадлежащее земским чинам. До настоящего времени не было, да Финляндский Сенат и не указывает и не может указать закона, в силу которого финляндские учреждения — будь это Сенат, или Сеймъ — были бы призваны окончательно решать вопросы, касающиеся всего государства Россійского. Допущение Сеймъ к обсуждению общегосударственных вопросов есть своего рода снисхождение к Финляндии, которое оказать или не оказать всецело зависело от Монаршего усмотрения, ибо в отношении разрешения этих вопросов Верховная власть никаким законодательным актом себя не стеснила.

Если Монархи допускали в ограничение Своей власти расширение полномочий земских чинов в делах законодательства, то такое расширение могло касаться исключительно законодательства, до внутренней жизни Финляндии относящегося. Засим, насколько это собственно законодательство — местное, финляндское — может, при указанной точке зрения, суживаться — так, что установленный законом 3 февраля 1899 г. порядок «может быть распространяем на какую угодно законодательную область, — как заявляет Финляндский Сенат, — трудно заранее предвидеть. Все зависит от постоянно развивающихся взаимных отношений России и Финляндии. Судя по явлениям последнего времени, отношения сии умножаются и развиваются к пользе той и другой страны. По такое развитие взаимных их отношений вполне соответствует историческому ходу событий, приостановить который невозможно, да и к тому же и нежелательно ввиду выгод, от сего проистекающих как для России, так в особенности для Финляндии. Во всяком случае заявление Сената о том, что распространение применения закона 3 февраля 1899 г. «ничем не ограничивается» совер-

шенно несогласно с точным изложением закона, так как направление каждого законопроекта в установленном для общеимперских законов порядке исключительно зависит от Верховной власти и может последовать только с особого каждый раз Высочайшего соизволения.

Выше объяснено положение Финляндии в отношении России и Верховной ее власти. Из всех относящихся к сему предмету законодательных и иных актов нельзя никоим образом вывести разрешаемые вне общеимперского законодательства. Финляндский Сенат, признавая, что Финляндия составляет **самостоятельную** законодательную и административную **область**, законы которой издаются Монархом при содействии земских чинов, указывает на отступление от удостоверения относительно хранения установлений края и на «безнамеренное отступление от конституционного права Финляндии». Удостоверениям Монархов, при вступлении Их на Престол, Сенат придает такое значение, которого они не имеют. Эти удостоверения о сохранении в силе законов, действующих в Великом княжестве Финляндском, не могут быть распространяемы на те общегосударственные законы, о которых идет речь в Основных положениях 3 февраля 1899 г. Финляндия, как при шведском владычестве, так и по присоединении к России, никогда самостоятельного государства не составляла, а в составе Швеции не пользовалась даже и тою самостоятельностью, какою она пользуется под Державным Скипетром Российских Монархов. Финляндия всегда разделяла судьбы Швеции, а ныне России. При таком правильном взгляде на дело не может возникать сомнений в том, что в вопросах общегосударственного значения Финляндия должна следовать за Россией и подчиняться установленному в ней порядку издания законов. Заслуживает внимания признание Сенатом, что соблюдение установленного законами права земских чинов не представляется несовместным с определенным Основными положениями порядком направления дел. Действительно возможное соблюдение этого порядка имелось в виду при составлении Основных положений, в которые поэтому и введено соответственное правило, в статье 5 сих Положений изложенное. Но так как в действующих в Финляндии законах, кроме трех упомянутых выше случаев, не указывается с должною определительностью, какие именно законопроекты следует вносить в Сейм, то принята, в разрешение рассматриваемого вопроса, общая формула — запрашивать Сейм по тем законодательным предположениям, кои в порядке внутреннего управления Великого княжества Финляндского поступают на уважение Финляндского Сейма. В этом отношении никаких изменений законом 3 февраля 1899 г. в действующий по Финляндии порядок не внесено. Как до, так и после издания сего закона, в случаях, прямо непредусматриваемых финляндскими законами, вопрос о передаче или непередаче данного законопроекта в Сейм будет разрешаться, как и доселе разрешался, в каждом отдельном, кроме указанных, случае — Монархом.

Что же касается просимого Сенатом объявления, что означенною законодательною мерою (3 февраля 1899 г.) не имелось в виду ограничить права, предоставленные основными законами финляндскому народу, то такое объявление совершенно излишне. Вопрос об ограничении сих прав, дарованных только в отношении внутреннего законодательства Финляндии, а отнюдь не общеимперского, может, очевидно, касаться только предметов первого из сих законодательств — внутреннего, местного финляндского. В этом отношении, в манифесте прямо возвещено, что оставляются в силе существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд Финляндского края относящихся.

Испрашиваемое Сенатом новое обсуждение дела о направлении в законодательном порядке вопросов, касающихся общегосударственных потребностей, — представляется ныне, после обнародования Высочайшего Манифеста, невозможным и притом не вызывается необходимостью ввиду того порядка, в котором настоящее дело было рассмотрено. Вопрос, разрешенный законом 3 февраля 1899 г., многократно подвергался обсуждению в высших правительственных сферах. В Особом совещании под председательством действительного тайного советника Бунге принимали участие и финляндские представители: ими были предъявлены все те сведения и данные, которые только могли быть ими представлены по настоящему вопросу. Все возражения финляндских представителей были тщательно и все-

сторонне оценены, но никакие доводы не могли склонить их принять мнение имперских чинов, хотя финляндские представители вполне сознавали назревшую потребность определить порядок издания и обнародования общегосударственных для Финляндии законоположений. Заявления и объяснения финляндских представителей были также ввиду Совещания под председательством Августейшего Председателя Государственного совета. В заседаниях Совещания участвовал временно исправляющий должность министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, который сделал особое заявление, нашедшее себе место в журнале Совещания. Таким образом, данное дело было уже рассмотрено сведущими лицами со стороны Финляндии. Дальнейшее обсуждение того же самого дела, конечно, не приведет к какому-либо соглашению взглядов.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 25. Л. 320 об. — 342 (отдельное вложение). Рукопись, размноженная литографическим способом.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2336. Рукопись, размноженная литографическим способом.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [2:1].

№ 29. «Народный адрес» с протестом против Манифеста 3(15) февраля

28 марта (9 апреля) 1899 г.
Перевод

Всемилостивейший
Великий Государь
и Великий князь!

Манифест Вашего Императорского Величества от 3/15 февраля сего года поразил всех в Финляндии и вызвал повсюду чувство печали.

Блаженной памяти Император Александр I утвердил на вечные времена за финским народом его древнее право участвовать в законодательной работе через своих представителей — земских чинов. В царствование в Бозе почивающих Императоров Александра II и Александра III это право получило дальнейшее развитие и было точнее урегулировано.

По в силу основных положений, обнародованных одновременно с Манифестом Вашего Императорского Величества, земские чины лишатся принадлежащего им по основным законам Финляндии права участвовать в законодательной работе в тех случаях, когда рассматриваемый закон будет признан затрагивающим также и интересы империи. Краеугольный камень нашего общественного строя будет этим поколеблен.

Глубоко озабоченные печальною судьбою нашей родины, которая постигнет ее, если ее основные законы будут поколеблены, мы, нижеподписавшиеся финские граждане всех слоев общества, желая выразить у подножья трона волнующие нас чувства, всеподданнейше просим Ваше Величество выслушать нас.

Всемилостивейший Государь!

Под скипетром великодушных Государей и защитою своих законов Финляндия безостановочно развивалась в материальном и духовном отношении. Финский народ старался добросовестно исполнить свой долг по отношению к Монарху и Русскому государству. Нам известно, что в последние годы мы приобрели в России врагов, которые путем злословья стараются подорвать доверие к нашей преданности и добросовестности. Но мы знаем также, что это злословье порождено неправдою. Ни в одной стране уважение к правительству и закону не пустило более глубоких корней, чем в Финляндии. В продолжение девяноста лет, протекших со времени присоединения Финляндии к могущественной России, общественный порядок в нашей стране не был ни разу нарушен. Революционные ученья не находили у нас почвы. Чувство твердой законности и благоденствие еще больше укрепили узы, связующие Финляндию с Россией и сделавшие из первой нераздельную часть

Русской Державы; но эти узы не помешали нам сохранить и развить нашу национальную самобытность, которая есть дар Божий и не может быть стерта никакими принудительными мерами.

Мы не допускаем мысли, чтобы в высокие намерения Вашего Императорского Величества входило придать Манифесту значение угрозы нашему правовому порядку и внутреннему миру. Мы уверены, напротив, в том, что Ваше Императорское Величество обратите всемилостивейшее внимание на впечатленье, произведенное Манифестом и соизволите повелевать, дабы заключающиеся в нем постановления были приведены в согласие с основными законами Финляндии. В наших сердцах нет места сомнению в ненарушимости Царского Слова. Мы ведь все знаем, что наш Всемилостивейший Монарх объявил пред лицом всего человечества, что сила должна уважать право. Но право маленького народа столь же священно, как и право самой великой нации, и любовь его к отечеству есть добродетель пред лицом Всемогущего, с пути которой он не должен уклоняться.

С глубочайшим благоговеньем и неколебимою преданностью пребываем.
Великий Всемилостивейший Государь Император и Великий князь
Вашего Императорского Величества верноподданнейшие
(Под этим адресом подписалось 522 931 финляндских граждан)
Верность предстоящего перевода
удостоверяю г. Або 9 апреля 1899 г. Г. Валлин
И. д. переводчика при губ. правл.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2338.

НАФ. Дело из фонда канцелярии генерал-губернатора I/1899, папка Fb:1791. Рукописная копия.

Опубл.: Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3/15 февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 32–43 (другой перевод).

№ 30. Записка священника А. Якубова Финляндскому генерал-губернатору о фальшивом числе подписей под «Народным адресом»

Не ранее 28 марта (9 апреля) 1899 г.

Я очень сомневаюсь в цифре подписей «народной депутации» под адресом и имею основания подозревать, что из числа 522 931 подписи много, много 10 % подлинных, собственноручных или добытых без насилия. Самый большой % составляют «подписи» (точные записи) имен «людей» невменяемых — несовершеннолетних детей и почивающих в люльках младенцев, за которых «расписывались» дети-грамотеи. Так в Ганге практиковалось, а в деревнях и подавно.

Вашего Высокопревосходительства
Сердечно преданный
слуга, священник А. Якубов

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1178. Л. 42. Рукопись черными чернилами на небольшом листе с водяными знаками: Императорская корона над монограммой готическими буквами SHA, заключенной в обруч, и текстом: EXTRA SUPERFINE.

№ 31. Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад государственного секретаря В.К. Плеве об образовании при Государственной канцелярии Временной комиссии для систематизации финляндских законов

6(18) апреля 1899 г.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «С» (согласен).

В Царском Селе,
6 апреля 1899 года

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть мне войти в соображение вопроса о дальнейшем направлении возложенного в 1892 году на Особое совещание дела по рассмотрению всеподданнейшей записки Финляндского генерал-губернатора о кодификации Основных законов Великого княжества Финляндского, насколько возбужденные сим Совещанием вопросы не разрешаются Основными положениями 3 февраля сего 1899 года о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского.

Во исполнение сего имею счастие всеподданнейше представить нижеследующее:

Означенное Особое совещание посвятило свои труды исключительно обсуждению вопроса о порядке издания общегосударственных для империи со включением Великого княжества Финляндского законов, дальнейшая же разработка внесенных в Совещание проектов и предположений по предмету кодификации Основных законов Великого княжества Финляндского признана была требующею отдельных подготовительных работ. Соответственно сему, по всеподданнейшему докладу председателя Особого совещания, действительного тайного советника Бунге для производства сих работ была учреждена Высочайшим повелением 24 мая 1893 года Особая комиссия из русских и финляндских юристов под председательством тайного советника Неклюдова[59]. Сии подготовительные работы, лишь в общих чертах намеченные во всеподданнейшем докладе председателя Совещания, однако не были начаты, и Особая комиссия к занятиям не приступала. Позволяю себе думать, что такое замедление было вызвано тем обстоятельством, что самое направление трудов Особой комиссии не могло быть определено в точности, за отсутствием указаний о том, что именно сверх правил Сеймового Устава 1869 года, названных Основным законом в самом Уставе, должно считаться Основными или коренными законами Финляндии. Все соображения по сему вопросу, во множестве высказываемые в финляндской литературе и в заявлениях ведомств, не приводят, по мнению моему, и поныне к сколько-нибудь определенному выводу. Действительное разрешение возникших по этому поводу недоразумений может воспоследовать лишь в будущем, как результат не только кодификационной, но и законодательной деятельности, направленной по тому пути, который установлен Основными положениями 3 февраля 1899 года.

Ввиду вышеизложенного, восстановление ныне состава и занятий Особой комиссии с прежнею, предположенною в 1893 году, задачею едва ли может привести к каким-либо выводам практического свойства. Между тем, то благотворное направление законодательной деятельности, которое указано Основными положениями 3 февраля, несомненно вызовет в законодательных учреждениях насущную потребность постоянного обращения с актами финляндских законоположений и выяснения их отношений к законодательству империи. Потребность сия могла бы быть удовлетворена образованием при Государственной канцелярии Временной комиссии из русских и финляндских юристов под председательством одного из статс-секретарей Государственного совета с целью составления справок, сведений и соображений по финляндским законам, необходимых для производства дел, вносимых на уважение Государственного совета в порядке, Основными положениями 3 февраля 1899 года установленном. К обязанностям Комиссии, сообразно сему, относилось бы: собрание, а в подлежащих случаях перевод на русский язык, систематизация и выяснение взаимного между собою и к законам империи отношения финляндских законоположений,

заключающихся как в Полном собрании законов Российской империи, так и в Сборнике Постановлений Великого княжества Финляндского и в других применяемых в Финляндии сборниках. Служа текущим потребностям законодательной деятельности Государственного совета, такая Комиссия, вместе с тем, несомненно, содействовала бы своими трудами спокойному и постепенному выяснению тех недоразумений, кои затемняли собою весь вопрос об Основных законах Финляндии.

Всеподданнейше докладывая об изложенном, по соглашению с Финляндским генерал-губернатором, приемлю смелость испрашивать, не изволите ли Ваше Императорское Величество Высочайше повелеть:

1) Учредить при Государственной Канцелярии временную Комиссию для составления сведений по финляндским законам, необходимых при производстве дел в Государственном совете, и для систематизации финляндских законов вообще.

2) Предоставить Государственному секретарю возлагать обязанности председателя означенной Комиссии на одного из статс-секретарей Государственного совета.

3) Предоставить Государственному секретарю: а) назначать членов Комиссии, равно делопроизводителей оной, из чинов Государственной канцелярии, по своему усмотрению, и из чинов других ведомств, по соглашению с подлежащими министрами, а также с властями Великого княжества Финляндского, б) войти в сношение с министром финансов об отпуске на первое время из государственного казначейства средств на делопроизводство Комиссии, с тем, чтобы впоследствии сии расходы, в размере выяснившейся потребности, были отнесены, в установленном порядке, на казну Великого княжества Финляндского; и

4) Предоставить председателю Комиссии право приглашать к участию в занятиях Комиссии по отдельным вопросам лиц, могущих принести пользу своими показаниями.

Подписал: Государственный секретарь Плеве

6 апреля 1899 г.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:XV].

№ 32. Отношение («Отзыв») № 215 Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в финский Сенат на представление финского Сената 17(29) марта с приложением проектов объявления финского Сената

12(24) апреля 1899 г.
Секретно

12/24 апреля 1899 г.
№ 215

В ИМПЕРАТОРСКИЙ Финляндский Сенат

В секретном отзыве от 7/19 марта сего года за № 290 я высказал всю важность разъяснения, вследствие явных **заблуждений** со стороны **некоторых** обывателей Великого княжества, истинного смысла ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста от 3/15 февраля с основными при нем правилами, **но не выходя из пределов настоящего законодательного акта и приложенного при том отзыве проекта объявления**.

Императорский Финляндский Сенат, между тем, во всеподданнейшем по сему представлении от 17/29 марта вышел из означенных пределов и возобновил ходатайство, по существу уже отклоненное Его Императорским Величеством.

Не усматривая с своей стороны уважительных оснований к тому, чтобы инициатива этого ходатайства Сената исходила как бы из моего вышеуказанного отзыва, я затрудняюсь применить к нему § 15 Постановления о Сенате. Не считаю возможным поддержать настоящее всеподданнейшее ходатайство Сената, как прямо не вытекающее из моего предложения, ограничившегося лишь разъяснением **заблудшим** истинного смысла Манифеста, а отнюдь не выяснением политического отношения Великого княжества к ИМПЕРИИ и истинного значения для него основных законов, что в сущности составляет его действительную цель.

С своей стороны не ожидаю, чтобы возобновление раз ВЫСОЧАЙШЕ отклоненного всеподданнейшего ходатайства Сената или предоставление сему последнему права вновь представить проект мероприятий к рассеянию скорби и уныния, могли бы привести к желаемым результатам, в особенности после уже данных мною по сему указаний, удостоенных Высочайшего одобрения.

Мое предложение от 7/19 марта, весьма точно формулированное и основанное на § 14, а не § 15 Постановления о Сенате, вновь утверждаю, ни в каком случае не может служить уважительным поводом к возобновлению сего последнего ходатайства.

ИМПЕРАТОРСКИЙ Финляндский Сенат может быть признает справедливым принять во внимание настоящее мое разъяснение без сомнения в том случае, если состоявшееся по сему свое решение он не сочтет окончательным.

К сему долгом считаю присовокупить, что редакция всеподданнейшего представления Сената не вполне согласована с моим отзывом от 7/19 марта и приложенным к нему проектом, как это видно из приложенного при сем сопоставления извлечения этих документов. Такое разноречие может дать основание к неправильным заключениям и, вследствие того я считал бы с своей стороны необходимым его устранить.

Генерал-адъютант Бобриков

И. д. директора Канцелярии (подпись)

Приложение к отзыву Финляндского генерал-губернатора от 12/24 апреля 1899 г. № 215

Извлечение из проекта объявления, приложенного к отзыву Финляндского генерал-губернатора в Сенат от 7/19 марта 1899 года за № 141 и из всеподданнейшего представления Сената от 29 марта 1899 г. по поводу вышеприведенного проекта объявления.

Мнение Финляндского генерал-губернатора	Мнение сие, как оно изложено Сенатом
Ряд словесных и письменных заявлений дают мне право заключить, что некоторые обыватели Великого княжества усмотрели в Высочайшем Манифесте от 3/15 февраля сего года как бы совершенную отмену дарованных финскому народу прав и привилегий, а также прекращение силы действия относящихся исключительно до Финляндии местных законов. В законодательном акте этом не только нет причин к подобным заблуждениям, но, напротив, в нем прямо выражено, что ныне существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд Финляндского края относящихся, остаются в своей силе. Манифестом установлен порядок начертания лишь тех общегосударственных законов, т. е. общих для империи и ее неразрывной части — Финляндии, право издания которых и до сих пор никогда не было законом предоставлено Финляндскому Сейму.	Опасения, которые тревожат умы населения Финляндии и которые, как замечено генерал-губернатором, касаются существования прав и привилегий финского народа, действующих в крае законов, основ общественного строя и права собственности, сводятся вообще к опасению за неприкосновенность правового строя края. Но редакция приложенных к Манифесту Основных положений допускает возможность, что такие законы, в издании коих земские чины Финляндии по основным законам края вправе участвовать, впредь могли бы быть издаваемы, изменяемы или отменяемы без согласия земских чинов, если бы они были признаны относящимися к законодательной области, предусмотренной в новых основных Положениях. В этом же смысле цель новых Основных положений понята и генерал-губернатором, и, по мнению генерал-губернатора, объявление о таковом значении законодательного акта от 3/15 февраля могло бы успокоить умы.

И. д. директора Канцелярии A.von Minkvitz[60].

Пометы черными чернилами.

НАФ. Фонд Секретные документы Экспедиции юстиции Сената, дело 53/1899. Писарская копия на полулистах большого формата. Бланк Финляндского генерал-губернатора. Подписи — автограф.

№ 33. Из Всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии по поводу Его Императорского Величества предложений с проектом Устава о воинской повинности и об основных началах устройства и управления финских войск

15(27) мая 1899 г.

Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии от 27 мая 1899 года по поводу Высочайших Его Императорского Величества предложений с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об основных началах устройства и управления финских войск.

Державнейший, Всемилостивейший Государь Император и Великий князь!

Ваше Императорское Величество в Высочайшем предложении передали на рассмотрение земских чинов проект Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и, вместе с тем, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было передать земским чинам другое Высочайшее предложение, об основных началах устройства и управления финских войск, с приложенным к оному проектом Положения по сему предмету.

Кроме того земским чинам были сообщены следующие документы, а именно: два особых всеподданнейших доклада военного министра империи: от 14 ноября 1898 года за № 18, относительно разногласия в документах, касающихся вопроса о признании четырнадцати параграфов Устава о воинской повинности в Финляндии от 27 декабря 1878 года Основными законами; и от 15 января 1899 года за № 2, об изменении Сеймом собственноручно изложенной Государем Императором Александром II редакции § 119 означенного Устава, а также проект упомянутой в первом Высочайшем предложении новой формы присяги для финских войск.

К Высочайшим предложениям, предварительно разработанным учрежденными при Главном Штабе в С.-Петербурге комиссиями, приложены составленные в этих комиссиях документы, а именно, кроме законопроектов, «Объяснения»: I — к проекту Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском, и II — о необходимости выделения из действующего финляндского Устава о воинской повинности тех параграфов, коим присвоен характер основных законов, а также «Объяснения» к проекту «Положения об устройстве и управлении финских войск».

Задача земских чинов в отношении настоящего законодательного вопроса в Высочайшем предложении формулирована иначе чем до сих пор принято было при передаче на рассмотрение Сейма законопроектов, для проведения коих требуется согласие земских чинов.

Между тем ясно, что право земских чинов участвовать в изданиi законов о воинской повинности исключительно основывается на определениях основных законов края. Смысл этих определений подробнее изложен в последнем отделе настоящего всеподданнейшего отзыва. В этой связи можно ограничиться только следующими соображениями. При возбуждении вопроса о введении общей воинской повинности в Финляндии, как видно из документов дела, даже не возникало мысли о том, чтобы необходимый для сего законодательный акт, который не мог не содержать существенные изменения как основных, так и общих законов, мог быть издан без согласия земских чинов. Устав о воинской повинности от 27 декабря 1878 года есть закон, утвержденный Государем Императором и Великим князем в дословном согласии с редакцией, принятой для сего закона земскими чинами края по рассмотрении Высочайшего предложения по сему предмету. Поэтому означенный Устав мо-

жет быть изменен только по согласному решению Государя Императора и земских чинов. Этот порядок и соблюдался до сего времени всегда, когда требовалось какое-нибудь частное изменение Устава о воинской повинности. Тем не менее отступление от указанного порядка возможно теперь, когда возбужден вопрос о таком коренном изменении означенного Устава, которое имело бы последствием замену его новым законом, по содержанию существенно отличающимся от прежнего. Следовательно, земские чины не могут ограничить свое участие в этом деле представлением только заключения, выражающего мнение их о предполагаемых изменениях. Сказанное относится как к проекту нового Устава о воинской повинности, так и к проекту Положения об устройстве и управлении финских войск, потому что и в этом последнем проекте заключаются определения, направленные не только к отмене разных правил Устава 1878 года и зиждущихся на них установлений, но и к изменению общих основных законоположений.

Земские чины признали необходимым выше сего предварительно отметить те предположения, при которых они приступили к обсуждению настоящего вопроса. Вместе с тем земские чины всеподданнейше доносят, что признано соответственным представить общий по обоим Высочайшим предложениям отзыв, так как содержащиеся в них проекты столь близко связаны между собою, что во многих случаях оба проекта должны быть рассматриваемы в совокупности.

В Высочайшем предложении с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском указывается, что единство всероссийской армии требует единообразия в законоположениях, определяющих порядок ее комплектования в мирное и военное время. Но вместе с тем от земских чинов ожидается заключение о том, «насколько новые порядки, проектируемые Уставом, практически удобоприменимы по местным условиям к укладу финляндской жизни». И в Высочайшем предложении об основных началах устройства и управления финских войск Сейму предлагается высказать свое заключение по составленному проекту Положения по сему предмету, «дабы всесторонне оценить и принять во внимание особливые потребности Великого княжества».

Этим признается, что установление единообразия с законами империи не может быть единственною целью пересмотра Финляндского Устава о воинской повинности, так как этот Устав к тому же должен соответствовать существующим в Финляндии условиям.

Настоящий законодательный вопрос, без сомнения, требует всестороннего обсуждения и объективной оценки затрагиваемых им различных интересов. В видах установления верной исходной точки для ближайшего рассмотрения данного предмета необходимо прежде всего подвергнуть обсуждению некоторые более важные вопросы, выяснение которых укажет, в какой степени новые законодательные и организационные меры вызываются необходимостью.

Наиболее важным, по мнению земских чинов, представляется вопрос о том, отвечают ли нынешние жертвы Финляндии на дело обороны требованиям, которые с точки зрения общих интересов Российского государства по справедливости могут быть предъявляемы к Великому княжеству.

В переданном Сейму 1877 года Высочайшем предложении о введении общей воинской повинности в Финляндии, Император Александр II требовал поставки в мирное время не более 5000 человек действующих войск. Земские чины, правда, не ограничились этим, включив в Устав определение об обязательном обучении в течение 90 дней тех обязанных воинскою повинностью, которые не подлежат по жребию поступлению на действительную службу. Но, по-видимому, военные авторитеты в настоящее время уже не придают той, напоминающей милицию, организации, которую таким образом получила большая часть запаса, того значения для обороны, на которое в то время на основании мнения специалистов военного дела рассчитывали земские чины. Не считая, таким образом, этой многочисленной запасной милиции и принимая, с другой стороны, в соображение незначительное увеличение впоследствии мирного состава действующих войск, нельзя не признать, что содержи-

мые Финляндией в мирное время вооруженные силы и, следовательно, также контингент, который Финляндия во время войны может выставить для защиты государства, представляются сравнительно незначительными. Ввиду сего земские чины находят естественным и справедливым постепенное значительное увеличение численности финских войск.

Дабы финские войска могли участвовать в военных действиях сообща с русскими войсками, несомненно, требуется, чтобы между ними не существовало особенной разницы в отношении военной организации и подготовки. Между тем, как усматривается из приведенных ниже данных, требования единообразия в этом отношении уже теперь вполне обеспечены.

В финских войсках применяются без всяких ограничений или добавлений действующие в русской армии Уставы и инструкции, касающиеся: ведения занятий, строевой службы, окопного дела, приготовления рядовых к унтер-офицерскому званию, обучения молодых солдат, внутренней службы, гарнизонной службы, полевой службы, службы в лагерях, обучения стрельбе в цель, посыльщиков, действий войск в бою, тактических занятий с офицерами и гимнастики. Хотя по части внутренней гимнастики в казармах и имеются особые правила для финских войск, но, составляя только развитие соответствующих русских правил, они не касаются общего для русских и финских войск наставления для полевой гимнастики. Таким образом, даже в мельчайших деталях подготовки финских и русских войск не существует никакого различия.

Относительно учебных занятий необходимо заметить, что ведение их в течение учебного года определено в подробностях, причем в инструкцию по этому предмету введены соответствующие нормальные планы. Значение различных отделов обучения, отводимое каждому из них время, и конечная цель всего обучения указаны в точности.

При строевых занятиях всех финских воинских частей употребляются русские командные слова, а потому означенные части без всяких неудобств для действий могут быть сведены в высшие соединения с русскими войсками. Ежедневный порядок, равно как внутренняя служба вообще, в финских и русских войсках совершенно одинаковы. В отношении отправления караульной службы применяется русский гарнизонный Устав, так что и по этой части не может обнаружиться никакого различия. Стрельба в цель в финских войсках также производится во всем на тех же основаниях, как и в русских войсках.

За сим известно, что финские войска во время маневров входили в состав бригад и дивизий вместе с русскими войсками и действовали сообща с другими родами оружия, не вызывая никаких неудобств и не нарушая единства в маневрировании. Когда на финские войска, как это неоднократно случалось, возлагалась сравнительно трудная задача образовать самостоятельные авангарды или арьергарды и боковые отряды и когда им давались важные поручения по разведывательной службе, они, как вообще признавалось, удовлетворительно исполняли эти поручения, обнимающие также представление донесений на русском языке подлежащим начальникам.

Дисциплинарный Устав, служащий к руководству в финских войсках, близко сходен с русским Уставом.

Наконец, вооружение, снаряжение и обмундирование одинаковы как в русских войсках, а равным образом и обоз организован по русскому образцу.

Существование столь близкого единообразия объясняется известными условиями, которые вместе с тем гарантируют возможность сохранения этого единообразия и в будущем.

Со времени присоединения Финляндии к России командные дела именно были подчинены высшему заведованию военных дел империи и находятся поэтому в ведении военного министра, который докладывает Государю Императору и Великому князю все относящиеся к этой области дела, требующие разрешения Монарха, а кроме того все приказы и другие инструкции сообщаются финским войскам обыкновенным командным порядком.

Те же дела, которые ведаются финляндскими административными учреждениями, решаются окончательно Монархом самолично, в качестве Великого князя Финляндского, причем по этим делам не только генерал-губернатор дает свое заключение независимо от

Сената, но производится также сношение с военным министром империи, который, следовательно, не лишен возможности влиять на ход дел. К тому же военный министр фактически имеет возможность возбуждать проекты и по означенного рода делам посредством сношения с генерал-губернатором или министром статс-секретарем и непосредственным докладом Монарху.

Право земских чинов на участие в законодательстве о воинской повинности не служит препятствием к поддержанию и проведению необходимого в военном отношении единообразия. Означенное законодательство вовсе не касается, как утверждают это, таких военных вопросов, по которым «преобладающее значение имеют стратегические соображения». Как содержание, так и незначительный объем финляндского Устава о воинской повинности в связи с множеством административных постановлений, воспоследовавших в пределах Устава после издания его, доказывают какой простор этот Устав оставляет для издания законоположений по данному предмету, без содействия земских чинов. Ввиду сего необходимое единство в руководствовании военным делом всего государства представляется вполне обеспеченным. Тем не менее, при пересмотре финляндского Устава о воинской повинности может быть принято в соображение, не следует ли к ведению военного министра отнести еще некоторые, особо упоминаемые в Уставе дела, которые до сего времени были изъяты из ведения его.

Так как установленный действующим Уставом срок действительной службы оказался достаточным для удовлетворительной подготовки финских войск, то, казалось бы, не имеется повода к увеличению сего срока; такая мера, как ниже будет объяснено, представляется нежелательной во многих отношениях. Что за сим касается срока состояния в запасе и вообще устройства запаса, то нельзя не признать, что нынешняя система не дает для пополнения действующих войск столь удовлетворительного, в отношении боевой подготовки, контингента, как русская система. Ввиду сего, по мнению земских чинов, представляется необходимым преобразовать запас на основаниях, одинаковых с действующими в империи, с тем, чтобы собственно запас состоял только из людей, проходивших действительную службу, и обнимал столько возрастов, сколько требуется для укомплектования войск необходимым числом вполне обученных людей. Подобное преобразование запаса имеет значение в особенности в том случае, если финские войска будут употребляться в продолжительных походах вне пределов края.

При разработке имперского Устава о воинской повинности, несомненно, было признано необходимым принять в соображение социальное положение молодых людей, призываемых на военную службу, а также сообразовать организацию призывов и связанные с ними распорядки с административною системой, с которой могут приходить в соприкосновение учреждения по воинской повинности. Что именно такой образ действия — согласующийся с общими принципами законодательства — был соблюдаем, видно уже из того, что упомянутый Устав был введен не для всей территории империи, так как для отдельных частей ее были изданы Особые положения.

Те же принципы применялись при издании ныне действующего Устава о воинской повинности в Финляндии. Хотя русский Устав был принят образцом во всех частях, где это было признано соответственным, но при этом не колебались дать многим частям финляндского Устава содержание, отличное от русского Устава, когда это признавалось необходимым в видах целесообразности закона.

Превращение финляндского Устава в точную копию имперского Устава являлось бы отступлением от приведенных выше принципов. Ныне оба Устава сходятся в том, что как тот, так и другой сообразованы с реальными условиями, к которым они должны применяться. Созданием же тождественных законов для разнородных условий достигалось бы одно только механическое единообразие, в ущерб деятельности учреждения воинской повинности в Финляндии, и, следовательно, также во вред военным интересам государства. Устав о воинской повинности 1878 года уже подвергался изменениям по указаниям опыта. В настоящее время изменения, казалось бы, также должны ограничиваться теми положениями

Устава, которые нуждаются в исправлении. Переустройство же или упразднение учреждений, успешно выполняющих свою задачу и зиждущихся на хороших традициях, по мнению земских чинов, было бы нерационально.

Выше сего земские чины вкратце изложили соображения, которыми следовало бы руководствоваться при преобразовании Финляндского Устава о воинской повинности, если преобразование это имеет целью полезное развитие военной части в Финляндии.

Однако соображения и цели, которые служили руководством при выработке переданных Сейму в Высочайших предложениях законопроектов и относящихся к ним приложений, имеют совершенно другой характер.

В подтверждение этого земские чины считают необходимым вкратце изложить главное содержание означенных проектов.

1. Те положения Устава о воинской повинности 1878 года, которые имеют значение основных законов, частью касаются по своему содержанию воинской повинности и общей организации вооруженных сил, частью же выражают некоторые основные положения конституции Финляндии. В числе первых встречаются положения, которые не могут оставаться незатронутыми при коренном преобразовании военной части Финляндии, как, например, §§ 3, 9, 13, 19 и 20. Но основные положения конституционного характера, изложенные, например, в §§ 120–122, сохраняют свою силу и значение независимо от всяких изменений, в которых от времени до времени может нуждаться военная организация.

Переданные земским чинам законопроекты, однако, не ограничиваются изменением всех положений первопомянутой категории и лишением их, вместе с тем, значения основных законов; этими проектами, кроме того, имеется в виду полная отмена тех определений Устава о воинской повинности, которые, как выше сказано, выражают некоторые основные положения конституционного характера. Сверх того проектируются новые определения, которые отчасти по изложению, отчасти же по смыслу своему не совместимы с правовым положением Великого княжества. При изложении предположений об увеличении тягости воинской повинности в Финляндии, в «Объяснениях» признано уместным, часто в оскорбительных выражениях, оспаривать и посягать на права, которые, начиная с 1809 года, торжественно утверждались финскому народу монархами России.

Обнаруживающиеся в законопроектах тенденции этого рода подробнее разъяснены в Приложении I к настоящему всеподданнейшему отзыву. Из приведенных в упомянутом приложении данных усматривается, что предлагаемые земским чинам проекты изменений противоречат не только существующим в Финляндии правовым понятиям, но и признанным в России фактам. В частности же, в отношении военного устройства теперь проводится совершенно другая точка зрения, чем та, которой придерживался Император Александр II при присоединении края к России, как это видно из следующих подлинных слов переданного Боргоскому Сейму предложения об устройстве военной части края:

«Sa Majesté fidèle aux principes qu'Elle a adoptés sur l'administration de la Finlande et persuadée d'ailleurs qu'une milice nationale bien organisée est la sauvegarde la plus puissante de la sureté d'un état et que parmi tous les moyens de défense c'est le moins onéreux pour les habitants et surtout le moins préjudiciable aux intérêts de la population et de l'agriculture, est intentionnée de maintenir cette institution sur les bases principales»*.

Другое изречение, которое земские чины ввиду резких порицаний системы воинской повинности в Финляндии не могут обойти молчанием, заключается в тронной речи Императора Александра II при открытии Сейма 1885 года, в которой Монарх высказал, между прочим:

---

* *«Его Величество верно принятым Им принципам управления Финляндией, и убеждено также в том, что хорошо организованное национальное ополчение является наиболее надежной гарантией безопасности государства, и что из всех средств обороны это наименее обременительно для жителей и, прежде всего, наносит наименьший ущерб интересам населения и сельского хозяйства, намерен придерживаться такой организации в качестве основной» (фр.).*

«Безукоризненное исполнение населением воинской повинности и благоприятные результаты летних сборов финских войск, засвидетельствованные генерал-губернатором, доставили Мне истинное удовольствие и убеждение, что финские войска вполне оправдают свое назначение».

Приведенные отзывы явно доказывают, что действовавшие по сие время основные начала военного устройства Финляндии не содержат, как высказывалось, ничего оскорбительного для достоинства и интересов России.

2. Соответственно указанным тенденциям, в законопроектах содержатся разные определения, направленные к уничтожению в области военного устройства всякого различия в правовом и национальном отношениях между Россией и Финляндией. Финские войска и в мирное время могли бы быть переводимы в какие угодно местности России. Русским уроженцам предоставлялось бы отбывать воинскую повинность в рядах финских войск; офицерские должности в этих войсках замещались бы также лицами русского происхождения. Дела финских войск, даже хозяйственные, находились бы в ведении русских окружных учреждений и т. д. Финляндским же учреждениям предоставлялось бы разве только изыскание денежных средств, которые, без участия Сейма и финляндских властей, будут признаны необходимыми. И судя по мнениям, высказанным в сообщенных Сейму журналах и объяснениях комиссий, даже право Финляндии на собственное законодательство, в силу которого народ имеет участвовать в определении воинской тягости, не принималось бы более в уважение.

Принципы права и справедливости должны при этом отступить перед новыми политическими целями. Это доказывается, в частности, тем, что сокращенный срок действительной службы, коим пользуются лица, по степени образования принадлежащие к первому разряду, будет предоставлен только тем из них, которые представят, кроме других свидетельств, также удостоверение в знании русского языка. Воинская повинность, таким образом, должна служить принудительной мерой для распространения в Финляндии знания русского языка. В проекте не обращено никакого внимания на то обстоятельство, что образованная молодежь в Великом княжестве вследствие такого требования в отношении льгот по отправлению военной службы очутилась бы в гораздо худшем положении, чем образованная молодежь в империи. Соответственно с этим условием в проекте установлено такое же требование для лиц, желающих отбывать воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся. Даже эта, предназначенная для лиц с высшим образованием, льгота, отвечающая также интересам войск, следовательно, была бы обставлена в Финляндии требованием познаний, которые молодежью в России приобретаются без всякого труда.

Земские чины вовсе не умаляют значения в Финляндии знания русского языка. Всеми признается, что начальствующие лица финских войск обязательно должны знать русский язык, и так как по практическим соображениям знакомство с этим языком необходимо также на некоторых административных должностях, то со стороны правительства для обеих указанных целей могут быть постановляемы обязательные условия. Что касается частных лиц, состоящих в торговых или иных прямых сношениях с обывателями империи, то уже собственная польза заставит их по мере развития сказанных сношений приобрести более основательное знакомство с русским языком. Но имея в виду, что обыватели Финляндии и России принадлежат к совершенно различным народностям, каждому, кто понимает значение этого этнографического различия и тем более каждому, кому известна непреклонность финского народного характера, становится понятным, что русский язык никогда не может получить общего распространения в этом крае. В Финляндии, как и во всех других странах, подтверждается факт, что масса населения не усваивает других языков, кроме родного. Для лиц же, посвящающих себя общественной службе или занимающихся вообще более широкой деятельностью в этом крае, необходимо знание обоих национальных языков. Изучение сверх того еще русского языка для большинства представляется невозможным.

Из сказанного явствует, что намеченные в проекте Устава о воинской повинности принудительные меры к распространению в Финляндии русского языка не привели бы к ожи-

даемым результатам. Но, помимо безуспешности их, подобные меры должны быть отвергнуты, в особенности если они несправедливо будут связаны с воинской повинностью, исполнение которой есть общая гражданская обязанность, а не род занятий, избираемый по собственному усмотрению каждой отдельной личности. И не подлежит сомнению, что если бы законом были установлены положения, подобные тем, о которых земские чины здесь высказались в отрицательном смысле, то финский народ, который с незапамятных времен участвовал в законодательстве и, вследствие этого, проникся мыслью, что основанием и целью закона должна служить правда, усмотрел бы в таком велении насильственную попытку изменить национальный характер народа, а отнюдь не заботливое попечение о пользах края, которое должно характеризовать мероприятия законодателя.

В связи с этим следует также обратить внимание на воззрения, приводимые в вышесказанных «Объяснениях» относительно понятий отечества и патриотизма. По этим воззрениям, финляндцы не более как группа русских подданных, жительствующая в нескольких русских губерниях, которые образуют одну из окраин империи. Финляндия их родина, но отечеством их является Российское государство. Взгляд этот отражается и в ст. 1 проекта Устава о воинской повинности.

Приведенные, а также другие заявления в делах русских комиссий происходят от непризнания как самого факта, что Финляндию населяет народ нерусский, так и этического значения этого факта, равно как того обстоятельства, что финский народ, как выразился Император Александр I, приобрел также политическое существование.

В зависимости именно от глубоко укоренившихся этических оснований патриотизм во все времена ограничивался известными естественными и историческими пределами, которые не могут быть изменены никакими повелениями. Великое княжество Финляндское есть отечество финляндцев, подобно тому, как Российская империя есть отечество русских. Но так как Финляндия, состоя в неразрывном соединении с империю, составляет часть единой в международном отношения державы, – российского государства, то финский народ никогда не может осуществлять патриотического долга защищать отечество иначе, как участвуя в защите всего государства, безразлично, ведется ли война в пределах Финляндии или вне оной. Это вполне сознается в Финляндии. Но из этой солидарности перед иностранными державами вовсе не следует, что существовавшее до сих пор различие между финскими и русскими войсками должно быть уничтожено. Финские войска будут успешнее исполнять свое назначение на войне, сознавая себя представителями своего народа и зная, что мужественным исполнением долга перед Монархом и государством они также приносят честь своему финляндскому отечеству. Приобретенная обучением боевая подготовка тогда еще более увеличится нравственною силою, порождаемою патриотизмом. Скромное участие Финляндии в обороне Российского государства всегда будет более действительным, если финские войска по-прежнему останутся составною частью финляндских установлений, чем если бы они, с нарушением действующего права, были слиты с армией империи. Предположения, направленные к такому слиянию, представляются тем менее основательными, что финские войска, как выше сказано, организованы и обучены по той же системе, как и русские войска, и потому могут без малейших затруднений действовать сообща с последними.

3. Проект Устава о воинской повинности имеет в виду установление единообразия с русским Уставом не только в отношении сроков службы, но почти во всех подробностях разных отделов Устава. Относительно сроков службы земские чины будут иметь случай высказаться в другом месте. Что же касается единообразия в остальном, то земские чины в предыдущем уже указали на нежелательные последствия, какие могут произойти от радикального применения принципа единообразия. Для дальнейшего выяснения вопроса следует еще упомянуть о различиях в языке, религии, нравах и характере финского и русского народа. Вследствие этих различий, введение в Финляндии Устава о воинской повинности, составляющего точный снимок с действующего русского Устава, поставило бы подлежащих воинской повинности финляндцев в гораздо худшее положение, чем в каком находятся русские молодые люди, отбывающие означенную повинность под руководством своих

соотечественников и на основании правил, сообразованных именно с условиями русской жизни. Что обстоятельства эти обратили на себя Всемилостивейшее внимание Вашего Императорского Величества, земские чины усмотрели из Высочайшего предложения с проектом Устава о воинской повинности, так как в нем предусматривается, что изменения в законопроекте могут оказаться необходимыми ввиду приспособления его к укладу финляндской жизни.

По вопросу о намеченной равномерности и единообразии земские чины не могут не указать особо, что при известных условиях война может иметь гораздо более гибельные последствия для Финляндии, чем для России.

Так, во время восточной войны был истреблен почти весь торговый флот Финляндии, служивший одним из главных источников доходов края и, кроме того, во многих прибрежных пунктах были сожжены ценные склады товаров. В случае новой войны торговый флот может быть опять истреблен и также может быть уничтожена вся внешняя торговля Финляндии. Едва ли возможно заранее исчислить потери от такого тяжелого удара для страны, которая, подобно Финляндии, по географическому положению и своему производству в столь высокой степени зависит от этой торговли.

Этим земские чины не хотят выразить сожаления по поводу приведенного выше обстоятельства; напротив того, земские чины вполне присоединяются к мнению земских чинов Сейма 1877–1878 года о том, что в Финляндии всегда будут «сознавать, что, когда интересы империи требуют объявления или принятия войны, решение об этом не может зависеть от каких-либо соображений местных условий Великого княжества. Финляндия готова, как бы ни сложились обстоятельства, лояльно нести все последствия и испытания войны». Земские чины только желали отметить, сколько различных обстоятельств должно быть принято в соображение при решении вопроса о требованиях справедливости в отношении участия Финляндии в обороне государства.

4. Законопроект, предложенный в 1877 году Императором Александром II земским чинам Финляндии с целью введения в крае общей воинской повинности, был выработан согласно требованиям действующей в Финляндии законодательной системы. Устав о воинской повинности, таким образом, сделался законом, обнимающим все те постановления по военной части, которые, ввиду содержания их, по конституции Финляндии, могут быть издаваемы лишь по согласному определению Монарха и земских чинов и которые поэтому также не могут быть изменяемы в ином порядке. Но, как выше упомянуто, этот Устав оставил широкий простор для издания так называемых административных постановлений. Вся регламентация, которая оказалась необходимой для упорядочения применения правил Устава о воинской повинности и для организации разных отраслей военного управления, фактически была установлена постепенно административными постановлениями.

Эта система — которая, с одной стороны, обеспечивает право народа требованием участия народного представительства в определении прав и обязанностей граждан, и, с другой – предоставляет правительственной власти необходимую для устройства и развития государственного управления свободу действий — устранена при выработке проектов нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве и Положения об устройстве и управлении финских войск. Первый проект содержит, наряду с положениями соответствующими по существу положениям Устава 1878 года, значительное количество регламентарных правил. Если бы весь этот законопроект, с частными изменениями или без оных, был принят земскими чинами и затем утвержден Вашим Императорским Величеством, то ни одна статья его не могла бы быть впоследствии изменена без согласия земских чинов. Но подобный порядок, ограничивающий законодательную власть Государя Императора и Великого князя по административным делам, конечно, не имелся в виду при составлении проекта. С другой же стороны, явно противоречило бы основным законам Финляндии, если бы законопроект, который в главнейших частях должен заменить существующий, земскими чинами принятый Устав о воинской повинности, был полностью рассмотрен как независящий от участия земских чинов административный законодательный вопрос только потому, что в нем содержатся также подробности регламентации.

Проект Положения об устройстве и управлении финских войск страдает такими же недостатками. Большая часть содержания его, правда, имеет характер регламентации, но при том же в проект включены разные определения, которые противоречат или действующему Уставу о воинской повинности или же общим основным законам Финляндии, и которые поэтому не могут быть установлены таким административным законодательным актом, какой, по-видимому, имеется в виду означенным Положением. Крайне неправильны также встречающиеся во многих местах этого Положения, предполагаемого к введению в Великом княжестве, ссылки на русские постановления, которые не имеют силы закона в пределах Финляндии. По этому предмету приводятся подробные разъяснения в конце Приложения I.

В связи с этим земские чины считают необходимым коснуться одного обстоятельства, объясняющего до некоторой степени передачу Сейму проектов означенного рода.

Законопроекты эти были выработаны разными русскими комиссиями на основаниях, утвержденных по Докладу военного министра империи. Финляндскому Сенату, правда, было поручено составить проект Высочайшего предложения касательно Устава о воинской повинности, но так как Сенат при этом был связан содержанием проектов сказанных комиссий, то Сенат мог внести в них главным образом только формальные изменения, из которых лишь немногие были приняты во внимание.

Тот важный принцип, что Монарх управляет страною при содействии местных учреждений, о чем подробнее изложено в отд. 2 Приложения I, между тем содержит, что и разработка законопроектов должна быть поручаема собственным учреждениям края. Это правило и соблюдалось всегда до последнего времени: законопроекты составлялись или непосредственно Сенатом, или же разными комиссиями из финляндских юристов и сведущих лиц и, начиная с 1884 года, также Законоподготовительной комиссией, состоящей в ведении Сената; проекты же Сеймовых предложений составлялись Сенатом на основании выработанных таким образом законопроектов. На приведенном принципе основано, между прочим, определение Высочайшего постановления от 23 июля 1896 года о том, что в общем собрании Соединенных департаментов Сената рассматриваются всякие законодательные вопросы, в числе которых особо упоминаются законы о воинской повинности и военно-уголовные законы.

Этим вовсе не отвергается возможность сношения с имперскими учреждениями по законопроектам, касающимся интересов империи и, конечно, нет надобности особо упомянуть, что Государь Император и Великий князь имеют полное право по законопроектам, касающимся такого предмета как воинская обязанность, требовать заключения и принимать в соображение заявления военного министра, но с докладом таковых Монарху министром статс-секретарем Финляндии. Выработка же законопроектов должна на основании приведенного принципа конституции Финляндии производиться финляндскими гражданами, причем Государю Императору и Великому князю, само собою, принадлежит власть или одобрить проект, или же повелеть составить новый проект на основании преподанных Им указаний.

Последствия несоблюдения вышеприведенных принципов при выработке переданных Сейму Высочайших предложений обнаруживаются как в содержании, так и в форме их. Во всем замечается недостаточное знакомство с правом и общественным строем Финляндии, главным же образом с положением финляндских Основных законов и принятым в Финляндии способом изложения законов. Относящиеся сюда требования в означенных законопроектах в приложенных к ним объяснениях почти совершенно оставлены без внимания. По этому поводу следует также заметить, что, руководствуясь одним только сборником постановлений, нельзя составить себе верного понятия о древнем правовом порядке, органически выросшем на туземной почве и содержащем, кроме того, многие положения, действие коих освящено давностью.

Вышеизложенным земские чины желали указать насколько важно для законодательной работы в Финляндии, а, следовательно, также вообще для спокойного развития края, чтобы содержащееся в конституции края Основное положение о производстве дел финляндскими

учреждениями было соблюдаемо при составлении всяких законопроектов, имеющих восприять силу в Финляндии. Из сказанного также явствует, что при соблюдении правильного порядка и русские интересы могут быть вполне обеспечиваемы, тем более, что Монарх имеет полную возможность, когда признает это необходимым в интересах империи, совещаться с высшими должностными лицами империи, которые фактически всегда имеют доступ к особе Монарха, между тем как в Финляндии с горечью чувствуют, с каким трудом голоса из этого края достигают трона, даже когда дело касается наиболее справедливых и затрагивающих жизненные интересы края вопросов.

Изложенные в предыдущем соображения касательно общего характера законопроектов, переданных Сейму в Высочайших предложениях, казалось бы, дают достаточно оснований к следующим заключениям, а именно:

что проекты эти имеют в виду не только преобразование военной части Финляндии, но в связи с этим и политические цели, осуществление которых глубоко затронуло бы правовое положение Финляндии и имело бы самые пагубные последствия для края и будущего развития его;

что требуемые по проектам изменения не оправдываются обязательствами, лежащими на Финляндии ввиду положения ее в составе Российского государства, и что справедливые требования могут быть удовлетворяемы без подобных изменений, тем более, что уже в настоящее время между финскими и русскими войсками установлено единообразие по существу, насколько оно имеет значение с военной точки зрения;

что в проектах не принято в уважение и не применено действующее право, что, однако, необходимо, дабы новый закон был основан на твердых началах; кроме того, при стремлении к достижению единообразия с русскими законами, совершенно упущены из виду существующие национальные и социальные различия между Финляндией и Россией, и

что в проектах не приняты во внимание ни действующий в Финляндии порядок законодательства, ни система, требующая разрознения законов и административных постановлений.

Вследствие сего земские чины Финляндии не могли, в качестве представителей финского народа, одобрить означенные проекты.

Принимая во внимание основания, на которых выработаны эти проекты, а также указанное выше свойство их в отношении законодательной формы, земские чины также не признали возможным подвергнуть их переработке с целью такого изменения содержания и формы, чтобы они затем могли быть приняты земскими чинами.

Земские чины, однако, не желали ограничиться только отклонением Высочайших предложений.

Ныне, как и всегда раньше, земские чины Финляндии готовы пойти навстречу требованиям, предъявляемым к финскому народу с точки зрения общих интересов империи и Великого княжества, насколько это совместимо с долгом народного представительства охранять драгоценнейшие права страны.

Так как Вашему Императорскому Величеству благоугодно было для рассмотрения настоящего вопроса созвать земские чины Финляндии на чрезвычайный Сейм, то из этого следует заключить, что Ваше Величество признаете важным, чтобы необходимое преобразование военной части Финляндии было осуществлено без замедления. Но преобразование это неизбежно было бы замедлено, если бы земские чины, не признав возможным одобрить переданные Сейму законопроекты, ограничились всеподданнейшим ходатайством о передаче им нового Высочайшего предложения по сему предмету.

Поэтому земские чины, считая долгом по возможности содействовать скорейшему осуществлению целесообразной реформы вооруженных сил края, в сих видах выработали проект постановления, содержащего изменения некоторых частей действующего Устава о воинской повинности.

При этом земские чины руководствовались мыслью дать системе воинской повинности в Финляндии развитие, соответствующее важнейшим военным целям, указанным в проектах Высочайших предложений, с применением при том соображений, изложенных выше сего.

Подробная мотивировка постановления, принятого земскими чинами для представления на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение и утверждение, распределена таким образом, что ниже сего рассмотрены только более важные вопросы, тогда как мотивы изменений, сделанных в определениях сравнительно меньшей важности, приведены в Приложении II к настоящему всеподданнейшему отзыву.

В связи с мотивами сделанных изменений, земские чины также высказались относительно соответствующих статей в проектах Высочайших предложений. Вместе с тем, в подлежащих случаях указаны причины, по которым действующие положения оставлены без изменения.

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34. Л. 724–735 об. Типографский текст (Гельсингфорс. Сенатская типография).

РНБ. Шифр: 135/286-290. Государственный совет. Материалы. Т. 290. Ч. 2 [3]; РНБ. Шифр: 38.80.9.139. [Финляндия. Сейм.] Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии от 27 мая 1899 года по поводу высочайших е. и. в. предложений с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об основных началах устройства и управления финских войск. Гельсингфорс, Сенатская типография. 1899.

Опубл.: The Reply of the Finnish Estates adopted at the Extraordinary Diet of 1899 to the Proposal of His Imperial Majesty Nicholas II., Grand Duke of Finland, for a new Military Service Law in Finland. London: Eyre and Spottiswoode, 1900 (на англ.).

№ 34. Всеподданнейший отзыв земских чинов Финляндии по поводу Высочайших предложений относительно уравнения тягости личной воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи и относительно уравнения военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи

17(29) мая 1899 г.

Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии от 29 мая 1999 года по поводу Высочайших Его Императорского Величества предложений, относительно уравнения тягости личной воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи и относительно уравнения военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи

Державнейший, Всемилостивейший Государь Император и Великий князь!

Ваше Императорское Величество в Высочайших предложениях передали земским чинам проекты постановлений относительно уравнения как личной, так и военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии и в империи.

Так как означенные предложения, согласно Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению о том, что вопросы об уравнении тягости воинской повинности должны быть отнесены к общегосударственным делам, переданы земским чинам на заключение в порядке, установленном приложенными к Высочайшему Манифесту 3/15 февраля 1899 года Основными положениями, то земские чины считают долгом прежде всего всеподданнейше донести, что предусмотренное сказанными Основными положениями общеимперское законодательство по закону не может иметь места в Финляндии. Представив

подробные доводы по этому предмету в всеподданнейшем отзыве по поводу Высочайших Вашего Императорского Величества предложений с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об основных началах устройства и управления финских войск, земские чины, ссылаясь вообще на означенный отзыв, осмеливаются ниже сего привести только следующие соображения.

Торжественно данною и переданною земским чинам в 1809 году утвердительною грамотою Императора Александра I о сохранении основных законов Финляндии была утверждена для Финляндии существовавшая в крае во время шведского владычества конституция, которая содержит, между прочим: что край должен управляться на основании собственных законов его; что Монарх правит и властвует при содействии туземных учреждений; что законы, имеющие воспринять силу в крае, могут быть издаваемы только с согласия земских чинов, за исключением предметов, относящихся к так называемым делам административным и хозяйственным; и что новые или увеличенные налоги и другие повинности не могут быть налагаемы на народ без согласия земских чинов, осуществляющих древнее право народа на самообложение.

Из числа государственных актов и основных законоположений, подтверждающих вышеизложенные положения, земские чины здесь приводят следующие:

а) «По соединении волею Провидения и успехами Нашего оружия Великого княжества Финляндского навсегда к Нашей империи, — – Мы повелели и повелеваем, сообразно с установлениями страны, дабы общий Сейм был созван на 10-е марта сего года в г. Борго. На сей конец уполномоченные всех сословий отправятся туда в порядке, предписанном правилами Сейма для суждений по тем предметам, кои Мы признаем за благо доверить их обсуждению» (Манифест о созыве общего Сейма в г. Борго, от 20 января / 1 февраля 1809 года).

б) «Мы Александр Первый и пр. Объявляем через сие: Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные оное населяющие от мала до велика по конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии; во удостоверение чего и сию грамоту собственноручным подписанием Нашим утвердить благоволили» (Высочайшее Его Императорского Величества удостоверение всем жителям Финляндии, данное в г. Борго 15/27 марта 1809 года).

в) «Соединив сословия Финляндии на общем Сейме и приняв их присягу верности, Мы пожелали при этом случае торжественным актом, объявленным в их присутствии в Святилище Всевышнего, подтвердить и удостоверить сохранение Религии и основных законов, прав и преимуществ, коими каждое сословие в частности и все жители Финляндии вообще доселе пользовались. Обнародуй сим этот акт, Мы полагаем должным вместе с тем известить Наших верных подданных в Финляндии, что следуя старинному и чтимому обычаю этого края, Мы взираем на присягу верности, добровольно и по собственному побуждению принесенную сословиями вообще и депутатами от крестьян в частности за себя и за своих доверителей, как на действительную и обязательную для всех жителей Финляндии присягу — –»*[1] (Высочайшее Его Императорского Величества Объявление всем жителям Фин-

*[1] На языке подлинника: «Ayant réuni les états de la Finlande en une Diète générale, et reçu leurs sermens de fidélité, Nous avons voulu à cette occasion par un acte solemnel émané en leur présence et proclamé dans le sanctuaire de l'Être Suprême confirmer et assurer le maintien de la Religion, des loix fondamentales, les droits et les priviléges dont chaque état en particulier et tous les habitans de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent. En faisant promulguer cet acte par ces présentes, Nous croyons devoir instruire en même tems Nos fidèles sujets de Finlande qu'en Nous conformant à l'usage antique et révéré de ce pays, Nous regardons les sermens de fidélité prêtés par les états en général et par les députés des paysans en particulier en leur nom et en celui de leur commettans de leurs mouvemens propres et spontanés comme bons et obligatoires pour tous les habitans de la Finlande». (*Прим. док.*)

ляндии о принесенной земскими чинами присяге на верноподданство, от 23 марта / 4 апреля 1809 года).

г) «Мы Александр Первый и пр. — – Быв удостоверены, что Конституция и Законы, к обычаям, образованию и духу Финляндского народа примененные и с давних времен положившие основание гражданской его свободе и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отменяемы, без нарушения оных, Мы при восприятии царствования над сим краем не только торжественнейше утвердили Конституцию и Законы сии с принадлежащими, на основании оных каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительном рассуждении о сем с собравшимися земскими края сего чинами, и учредили особенное правительство под названием Правительствующего совета, составленного из коренных финляндцев, который доселе управлял гражданскою частию края сего и решал судебные дела в качестве последней инстанции, не завися ни от какой другой власти, кроме власти законов и сообразующейся с оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мерами оказав Наше доброе расположение, которое имели и впредь будем иметь к финляндским верноподданным Нашим, надеемся Мы, что довольно утвердили на всегдашние времена данное Нами обещание о святом сохранении особенной конституции края сего под Державою Нашею и Наследников Наших; — –» (Высочайший Его Императорского Величества Манифест о переименовании Императорского Правительствующего совета в Императорский Финляндский Сенат, от 9/21 февраля 1816 года).

д) «Король должен управлять государством своим на основании законов Швеции, он и никто другой наблюдать, любить и сохранять справедливость и истину, запрещать, прекращать и уничтожать все то, что несправедливо и незаконно, не губить жизни и чести, тела ниже благосостояния кого бы то ни было, без законного осуждения, и ни лично ни через других отнимать движимого или недвижимого имущества без суда и законного исследования и управлять государством по Королевскому отделу, земскому Уложению и сей Форме правления» (§ 2 Формы правления от 21 августа 1772 года).

е) «Мы (государственные чины и народ) признаем и себя подданными вольными, законопослушными и пользующимися безопасностью под законно-увенчанным Королем, который управляет нами согласно с установленными законами Швеции» (Пункт 2 Акта соединения и безопасности от 21 февраля и 3 апреля 1789 года).

ж) «Король не может издать новых законов ниже старых уничтожать без ведома и согласия государственных чинов» (§ 40 Формы правления).

з) «Его Королевское Величество обязан покровительствовать и защищать государство, особенно противу неприятельских сил, но он не может противу закона, присяги своей при помазании и своего акта уверения наложить на подданных какие-либо военные налоги, новые поборы и подати без ведома, доброй воли и согласия государственных чинов, за исключением однако тех несчастных случаев, когда вооруженное нападение на государство учинено будет: тогда Его Королевское Величество имеет право принимать меры, согласующиеся с безопасностию государства и пользою подданных; но по окончании войны государственные чины должны собраться и новые налоги, войною причиненные, тотчас уничтожаются» (§ 45 Формы правления).

и) «Поелику истинная вольность состоит в том, чтоб непринужденно приносить подать, которая необходимою признана будет для содержания государства, то шведский народ имеет неоспоримое право рассуждать об оном с Королем, соглашаться, отказываться и вновь условливаться» (Пункт 5 Акта соединения и безопасности).

к) «Издание, изменение, объяснение или отмена основных законов может последовать не иначе как по предложению Государя Императора и Великого князя и с согласия всех сословий — – –» (§ 71 Сеймового Устава от 3/15 апреля 1869 года).

л) «Настоящий Сеймовый Устав имеет во всех частях пребывать ненарушимым основным законом для Монарха и земских чинов Финляндии до изменения или отмены оного совокупным решением» (§ 83 Сеймового Устава).

м) «Сохраняя за Собою принадлежащее Нам право в том виде, как оно установлено в Форме правления от 21 августа 1772 года и в Акте соединения и безопасности от 21 февраля и 3 апреля 1789 года и не изменено точными словами в вышеизложенном Сеймовом Уставе, Мы Высочайше одобряем и утверждаем сей Устав как ненарушимый основный закон. Для вящего же удостоверения подписали Мы сие Собственноручно. В С.-Петербурге 3(15) апреля 1869 года» (Утверждение Императором Александром II Сеймового Устава).

В устранение всяких недоразумений, необходимо заметить, что все то, что в вышеприведенных, действовавших при шведском владычестве, основных положениях сказано о Швеции, шведском народе и пр. после 1809 года само собою относится к Финляндии, финскому народу и пр.

На означенных ясных документах и данных основывается право Финляндии на особое устройство, которое не может быть ограничено или изменено без согласия земских чинов края. Это право, которое подтверждается и многими другими актами, в особенности поясняется рескриптом Императора Александра I генерал-губернатору края от 14/26 сентября 1810 года, в котором, между прочим, сказано:

«Намерение мое при устройстве Финляндии состояло в том, чтобы дать народу сему бытие политическое, чтоб он не считался народом, порабощенным России, но привязанным к ней собственными пользами; для сего:

1. Сохранены ему не только гражданские, но политические ею законы».

Так как Финляндия, следовательно, имеет особую конституцию, то ни учреждения империи, ни закон ее о самодержавии не могут иметь силы в Финляндии. Поэтому Государственный совет, равно как и другие учреждения империи не могут действовать в качестве законодательного органа для Финляндии. И так как по основным законам Финляндии, законы, долженствующие служить к руководству в крае, не могут быть издаваемы в другом порядке, кроме определенного конституцией, то до сего времени не существовало настоящего государственного законодательства, и оно не может быть установлено по отношению к Финляндии без изменения конституции края, состоявшегося с соблюдением условий, предписанных этою же конституцией, т. е. по предложению Государя Императора и Великого князя и с согласия всех сословий.

Основные Положения, приложенные к Высочайшему Манифесту 3/15 февраля, устанавливают для издания законов, имеющих воспринять силу в Финляндии, порядок, совершенно отличающийся от порядка, существующего по Форме правления и Сеймовому Уставу, ибо по смыслу упомянутых Основных положений Государственный совет империи сделался бы законодательным органом для Финляндии, и даже по вопросам, для решения коих финляндскими основными законами требуется согласие земских чинов, могли бы быть издаваемы для сего края законы, по содержанию или изложению не одобренные земскими чинами. Но так как установленные Манифестом Основные положения были изданы без согласия земских чинов Финляндии и вообще не в порядке, определенном основными законами края, то они не могли отменить или изменить положений финляндских основных законов о порядке издания законов, имеющих воспринять силу в Финляндии, или, выражаясь словами Императора Александра I, права, обеспеченного за финским народом по конституции его (les "droits que sa constitution lui garantit"*).

Посему остается в ненарушимой силе: что законы, долженствующие воспринять силу на территории Великого княжества Финляндского, могут быть издаваемы Монархом только при содействии собственных учреждений края; что в случаях, когда по конституции Финляндии в законодательном вопросе требуется участие земских чинов, законы для сего края могут быть издаваемы только с согласия земских чинов; и что, следовательно, законопроекты, относительно которых не может состояться согласное решение Монарха и земских чинов, должны вовсе быть оставлены без последствий.

---

* *«права, гарантированные ему конституцией» (фр.).*

К вопросам, для решения которых, согласно вышеизложенному, требуется согласие земских чинов Финляндии, принадлежат также проекты, переданные Сеймy в рассматриваемых Высочайших предложениях.

Относительно, во-первых, предложения об обращении в русские войска новобранцев, оставшихся за пополнением финских воинских частей, следует заметить, что по силе § 45 Формы правления наборы людей на военную службу могут производиться только с ведома, доброй воли и согласия земских чинов и, следовательно, только на условиях, одобренных или предположенных земскими чинами, а равно что финляндские граждане в случае обращения их на службу в русские воинские части кроме того были бы лишены предоставленного им финляндскими Основными законами (§ 16 Формы правления; пункт 2 Акта соединения и безопасности) права подчиняться собственным законам страны и судиться на основании оных. Поэтому правило, которое имеется в виду Высочайшим предложением относительно уравнения тягости личной воинской повинности и которое, вместе с тем, являлось бы изменением основных законоположений действующего Устава о воинской повинности, на основании этих и прочих доводов, приведенных в вышеупомянутом всеподданнейшем отзыве земских чинов, может быть издано не иначе как с общего согласия всех четырех сословий Сейма.

Что, засим, касается предположения об установлении в порядке так называемого государственного законодательства, т. е. без определенного основными законами участия земских чинов, ежегодной уплаты Великим княжеством Финляндским определенного денежного пособия русскому государственному казначейству на военные потребности, то осуществление означенного предположения также являлось бы изменением финляндского основного закона.

Изданием общегосударственного закона упомянутого рода именно было бы нарушено выраженное в § 2 Формы правления и в пункте 2 Акта соединения и безопасности общее основное начало, по которому край должен управляться на основании собственных законов его. Но такая мера коснулась бы не только этого общего основного начала, но и действующего особого постановления о финансовом управлении. Постановление это, взятое из Формы правления 1634 года, изложено в § 5 Формы правления 1772 года и содержит, в современном изложении, между прочим, что Монарх управляет и распоряжается имуществом и доходными статьями казны на основании законов и Формы правления. В случае введения в действие общегосударственного закона по настоящему предмету, были бы установлены находящиеся вне области финляндского законодательства правила, долженствующие служить к руководству, наравне с указанными основными началами, для лиц, которые от имени Великого княжества или финского народа ведают финансами и налогами края. Уже из этого явствует, что означенною мерою был бы изменен финляндский Основной закон.

Сверх сего имеются еще другие положения основных законов, которых коснулась бы предполагаемая мера. Общим правилом в отношении государственного хозяйства служит, согласно § 50 Формы правления и § 27 Сеймового Устава, что государственные доходы должны употребляться на пользу страны, и что Монарх, который по § 5 Формы правления имеет право, за исключением особо предусмотренных случаев, распоряжаться имуществом и доходными статьями казны, следовательно, по закону не может располагать оными помимо указанной цели. Посему общегосударственный закон, прямо предуказывающий подобный порядок, нарушил бы эти установленные основными законами положения. Далее необходимо принять во внимание, что средства, требующиеся сверх Ординарных государственных доходов на покрытие расходов казны, как видно из § 36 Сеймового Устава, должны быть доставляемы распоряжением земских чинов, и что, по выраженному в § 45 Формы правления древнему правовому началу, новые или увеличенные налоги, за некоторыми изъятиями, установленными законом или давностью, не могут быть взимаемы без ведома, доброй воли и согласия земских чинов. Между тем ясно, что увеличение расходного бюджета Финляндии, намеченное Высочайшим предложением об уравнении военно-финансовой тягости воинской повинности, потребовало бы новых налогов, а равно что этим был бы

нанесен ущерб принадлежащему земским чинам праву разрешения налогов, каковое право вящще гарантировано определением в пункте 5 Акта соединения и безопасности, о праве народа добровольно давать все, что необходимо для нужд страны и об этом совещаться, соглашаться, отказываться или вновь условливаться с Монархом. Хотя настоящей вопрос мог бы быть еще подробнее освещен историческо-правовым разбором как этих, так и некоторых других основных положений права Финляндии, но, по мнению земских чинов, приведенные данные уже в достаточной мере доказывают, что постановление, намеченное в Высочайшем предложении, по закону не может состояться без согласия земских чинов.

Так как рассмотрение настоящего вопроса в указанном Высочайшим предложением порядке означало бы, что законы, для издания которых по основным законам требуется участие земских чинов, могли бы быть издаваемы с изменением одобренных земскими чинами содержания и редакции, и не только вследствие этого, но и в других отношениях, противоречило бы основным законам Финляндии и таким образом нарушило бы право финского народа, основанное на конституции его, то земские чины не считают возможным входить в такое рассмотрение Высочайших предложений, которое могло бы иметь характер возможного одобрения мер вышесказанного рода.

Никто, в ком живо сознание правды и справедливости, не может осуждать земских чинов за то, что они, поскольку от них зависит заботятся об охранении прав финского народа — как нынешнего, так и будущих поколений. Вопрос касается устоев общественного строя края, сохранившихся в течение столетий. Финский народ не желает уклоняться от исполнения своего долга, он только желает, чтобы были сохранены и уважены законы и закономерный общественный строй, с которыми сросся этот народ и которые признаны также Монархами России. Если бы даже образ действий земских чинов подвергался неверным толкованиям, вроде тех, которые в изобилии встречались в последнее время, то земские чины осмеливаются надеяться, что Монарх Финляндии, внимая голосу финского народа, поймет положение его. Глубоко серьезны причины, побуждающие финский народ и земских чинов края в настоящую минуту представить своему Монарху, которому Провидением предназначена высокая задача быть также верховным хранителем правового порядка Финляндии, свои заботы о будущности и высказать свое твердое убеждение, что они, охраняя святость своих основных законов, исполняют свой долг перед Монархом и отечеством.

На основании вышеизложенного земские чины всеподданнейше доносят Вашему Императорскому Величеству:

что, так как в Высочайших предложениях положительно предуказывается порядок законодательства по сим вопросам, который противоречит основным законам Финляндии, земские чины не вошли в рассмотрение Высочайших предложений по существу,

земские чины Финляндии пребывают с глубочайшим благоговением и преданностью,

Державнейший, Всемилостивейший Государь Император и Великий князь, Вашего Императорского Величества

верноподданные

За рыцарство и дворянство:
(Подп.) С.В. фон Троиль[61]
Ландмаршал

За сословие горожан:
(Подп.) Т. Вегелиус[62]
Вице-тальман

За сословие духовенства:
(Подп.) Густав Иогансон
Тальман

За сословие крестьян:
(Подп.) Карло Вярри[63]
Тальман

Гельсингфорс, 29 мая 1899 года

Верно: Помощник главного переводчика Г. Гейдеман

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34. Л. 197–203. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/286-290. Государственный совет. Материалы. Т. 290. Ч. 2 [5].

Опубл.: The Reply of the Finnish Estates adopted at the Extraordinary Diet of 1899 to the Proposal of His Imperial Majesty Nicholas II., Grand Duke of Finland, for a new Military Service Law in Finland. London: Eyre and Spottiswoode, 1900 (на англ.).

№ 35. Решение земских чинов Великого княжества Финляндского, состоявшееся на чрезвычайном Сейме в Гельсингфорсе

17(29) мая 1899 г.
Перевод

Решение
земских чинов Великого княжества Финляндского,
состоявшееся на чрезвычайном Сейме в Гельсингфорсе
29 мая 1899 года о нарушении основных законов

Мы, нижеподписавшиеся, земские чины Великого княжества Финляндского и представители финского народа, рыцарство и дворянство, сословие духовенства, сословие горожан и сословие крестьян, заседавшие на нынешнем чрезвычайном Сеймe, объявляем, что Державнейший, Августейший Монарх и Государь Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский и проч., и проч., и проч., Наш Всемилостивейший Государь и Великий князь. Высочайшею Грамотою от 19 июля 1898 года соблаговолил созвать Нас на 19 января сего года, а потому Мы в означенный день и явились сюда в Гельсингфорс.

Приступив к своей деятельности с молитвою к Всевышнему о ниспослании благословения на занятия Наши, Мы, по сообщении Нам в тронной зале 24-го числа последне-упомянутого месяца двух Высочайших предложений с проектами, кои Его Императорскому Величеству благоугодно было передать Нам, предварительно обсудив как эти, так и переданные затем, во время Сеймa на Наше рассмотрение два Высочайших предложения, пришли к следующему решению:

§ 1.

Во всеподданнейшем отзыве от 27 мая 1899 года, изложив доводы, по которым Мы не признали возможным принять Высочайшее Его Императорского Величества предложение с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и не могли не согласиться на изменения в действующем Уставе о воинской повинности и в общих основных законах, предложенные в Высочайшем предложении об основных началах устройства и управления финских войск с принадлежащим к нему проектом Положения по сему предмету, Мы всеподданнейше донесли, что вследствие сделанного Его Императорским Величеством в означенных Высочайших предложениях почина к пересмотру Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском от 27 декабря 1878 года, Мы, с своей стороны, приняли проект постановления об изменении некоторых положений упомянутого Уставе, по каковому постановлению, между прочим, §§ 1, 2, 3, 4, 5, 9, 13, 19, 20, 121, 122 и 123, которые, на основании Высочайшего Манифеста от 6/18 декабря 1878 года, имеют силу основных законов, будут изложены в следующей редакции:

§ 1.

Для защиты престола, отечества и Российского государства каждый финляндский гражданин подлежит воинской повинности на основаниях, сим Уставом установленных.

§ 2.

Землевладельцы края впредь освобождаются от обязанности поставлять войска по поселенной системе, которая, однако, сохраняется в камеральном отношении.

§ 3.

Великое княжество поставляет постоянные войска и ополчение.

А) Постоянные финские войска составляют:

1) действующие войска, пополняемые ежегодными наборами людей и

2) запас, служащий для приведения действующих войск в полный состав и состоящий из людей, уволенных из действительной службы.

Б) Финское ополчение составляется из способных носить оружие лиц, не числящихся в постоянных войсках, а равно из лиц, окончивших срок службы в сих войсках.

§ 4.

Финляндские граждане отбывают воинскую повинность в финских войсках.

Поступление на службу по призывам определяется жеребьем, который вынимается единожды на всю жизнь.

Денежный выкуп от воинской повинности и замена охотником не допускается.

§ 5.

Число людей, потребное для пополнения действующих финских войск, определяется ежегодно Государем Императором и Великим князем по докладу военного министра империи после представления Финляндским Сенатом своих предположений по сему предмету.

Об определенном таким образом числе людей объявляется Сенату Высочайшим рескриптом на имя генерал-губернатора.

§ 9.

Общий срок службы в постоянных войсках для поступающих по жеребью определяется в десять лет, из коих три года действительной службы и семь лет в запасе.

Во время войны состоящие в войсках обязаны оставаться до тех пор, пока того будет требовать надобность.

§ 13.

В случае необходимости привести финские войска в усиленный против мирного штата состав, чины запаса призываются на действительную службу на основании Высочайшего повеления, которое объявляется Сенату Высочайшим рескриптом на имя генерал-губернатора.

Младший возраст призывается раньше старшего. Если призывается не весь возраст, то призыв производится по вынутым при поступлении на службу номерам жеребья, а также в прочем на основаниях, установленных для поступления в действующие войска.

Предположения о покрытии расходов по приведению войск в усиленный состав составляются Сенатом и представляются Его Императорскому Величеству.

§ 19.

Лица, зачисленные в ополчение, состоят в оном до сорокалетнего возраста включительно.

§ 20.

Составляющие ополчение лица именуются ратниками и призываются на службу лишь в чрезвычайных обстоятельствах военного времени.

Ополчение созывается Высочайшим Манифестом.

Призыв совершается, начиная с младших возрастов. Из ратников, перечисленных последними из запаса в ополчение, кроме того призывается необходимое число людей для составления кадров формируемых финских ополченских частей.

Ратники младших возрастов также могут быть обращаемы на пополнение действующих войск в случае недостатка или истощения запаса. Если призывается не весь возраст, то призыв производится со всех жеребьевых участков с соблюдением в прочем порядке, установленного в § 13 относительно запаса.

Ополчение распускается с окончанием войны или и ранее, по миновании в нем надобности. Об этом объявляется Высочайшим рескриптом на имя генерал-губернатора.

Равным образом распускаются по миновании надобности ратники ополчения, призванные для усиления постоянных войск.

§ 121.

В мирное время Великое княжество поставляет действующие войска в составе до двенадцати тысяч человек нижних чинов, распределенных по разным родам оружия, смотря по надобности, и расположенных в губерниях края.

Состав и распределение войск по разным родам оружия, равно как дислокация их, утверждаются Государем Императором и Великим князем по докладу военного министра после представления Сенатом заключения по делу.

§ 122.

Определение снаряжения и содержания войск принадлежит единоличной власти Государя Императора и Великого князя. Расходы по сему предмету производятся прежде всего из сумм общего милиционного фонда; потребные же сверх сего расходы производятся, поскольку они не могут быть покрываемы из Ординарных поступлений казны, из средств, назначенных для этой цели земскими чинами.

§ 123.

Во время войны финские войска употребляются преимущественно для оборонительных мер в Финляндии, но могут быть, поскольку означенные меры не требуют оставления войск в крае, призываемы для содействия обороне государства и вне пределов края. Однако ополченские части не могут быть выводимы из Финляндии в других случаях, как только в том, когда защита столицы империи того требует.

При приведении действующих войск в военное положение и при призыве, указанном в § 13 порядком, потребной для сего части запаса, из остального запаса формируются, по мере надобности, запасные войска, предназначаемые для пополнения убыли, происходящей во время военных действий в рядах действующих войск. О формировании ополченских частей и о случаях употребления ратников ополчения в качестве запаса указано в § 20.

Принимая во внимание, что вышеупомянутое Постановление, согласно упомянутому основными законами Великого княжества порядку законодательства, может быть утверждено и издано лишь в дословном соответствии с принятым Нами текстом закона, Мы в вышесказанном отзыве своем, признавая обязанностью всеподданнейше донести, что Устав о воинской повинности 1878 года остается в силе до тех пор, пока не будет заменен или изменен новым по сему предмету законом, изданным в установленном основными законами порядке по согласному решению Его Императорского Величества и земских чинов, — считали долгом всеподданнейше ходатайствовать, чтобы в случае, если принятое Нами постановление в каком-либо отношении не удостоится Высочайшего Его Императорского Величества одобрения, Его Императорское Величество соизволил повелеть выработать и передать земским чинам Финляндии для установленного основными законами рассмотрения новое Высочайшее предложение о преобразовании воинской повинности в Финляндии.

Вместе с тем Мы во всеподданнейшем отзыве Нашем донесли, что так как принятые Нами изменения действующего Устава о воинской повинности вызывают изменения редакции §§ 5 и 14 Высочайшего постановления от 29 декабря 1885 года о льготах по отбыванию воинской повинности финляндскими гражданами, проживающими в России, то Мы приняли изложенный в означенном отзыве проект постановления по сему вопросу.

В том же отзыве Мы кроме того высказали следующие всеподданнейшие пожелания:

чтобы в случае, если принятое Нами постановление об изменении некоторых положений Устава о воинской повинности будет Высочайше утверждено и численность финских войск в мирное время, следовательно, будет определена не свыше двенадцати тысяч человек, Его Императорское Величество соизволил Высочайше повелеть: выработать проект сформирования новых финских воинских частей тех родов оружия, какие Его Императорскому Величеству благоугодно будет назначить, в таком числе, чтобы и сверхкомплектные люди, предназначенные к перечислению в запас раньше выслуги полного срока могли бы, в пределах нормы двенадцати тысяч человек, быть призываемы в войска, и составить для передачи в Высочайшем предложении на рассмотрение земских чинов расходные сметы и финансовые соображения, потребные для указанного увеличения численности войск, каковое увеличение не должно бы быть приведено в исполнение ранее как в девятилетний срок, и

чтобы Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил в отношении Финляндского кадетского корпуса принять соответствующие меры с целью, упомянутою в сказанном отзыве Нашем.

Наконец, мы по поводу некоторых выражений, встречающихся в приложениях к Высочайшим предложениям и вследствие Высочайшего Манифеста от 3/15 февраля 1899 года, считали долгом в том же отзыве Нашем всеподданнейше донести:

что по конституции Финляндии законы, долженствующие служить к руководству финскому народу, могут быть издаваемы только в установленном основными законами края порядке, по которому предполагается не только, что Монарх при этом пользуется содействием финляндских учреждений, но что законы по предметам, не относящимся к так называемым делам административным и хозяйственным, издаются с ведома и согласия земских чинов;

что, между тем, определенный приложенными к Высочайшему Манифесту Основными положениями порядок издания законов, имеющих восприять действие также и в Финляндии, противоречит финляндским основным законам и конституции, которою на основании оных пользуется Финляндия;

что Манифест и принадлежащие к нему Основные положения, как изданные без согласия земских чинов и вообще вне порядка, установленного основными законами края, не могут иметь силу закона в Финляндии,

что в частности закон о воинской повинности обывателей Финляндии, следовательно, не может без нарушения конституции края быть издан в виде общегосударственного закона или вообще утвержден Его Императорским Величеством иначе, как по принятии его земскими чинами;

что ныне действующий Устав о воинской повинности, как изданный в установленном финляндскою конституцией порядке, не может быть изменен или отменен иначе, как по согласному решению Его Императорского Величества и земских чинов; и

что в случае, если бы Его Императорское Величество признал необходимым особый порядок для издания законов, общих для империи и Финляндии, земские чины ожидают, что Его Императорскому Величеству благоугодно будет передать земским чинам для установленного основными законами рассмотрения Высочайшее предложение с проектом необходимых для указанной цели изменений основных законов Финляндии;

и в связи с этим Мы высказали, что считаем долгом земских чинов, основанным на высшем мировом порядке, придерживаться законов и прав, сохранение коих в ненарушимости в 1809 году было торжественно удостоверено финскому народу.

§ 2.

По поводу Высочайших Его Императорского Величества предложений относительно уравнения тягости личной воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи и относительно уравнения военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи, Мы во всеподданнейшем отзыве от 29 мая 1899 года донесли, что, так как в Высочайших предложениях положительно предуказывается порядок законодательства по сим вопросам, который противоречит Основным законам Финляндии, Мы не вошли в рассмотрение Высочайших предложений по существу.

Для Вящего удостоверения, что нами принято вышеизложенное решение, Мы, земские чины Великого княжества Финляндского, подписали сие, с приложением печатей. Учинено в Гельсингфорсе, мая двадцать девятого дня в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот девяносто девятое.

(Следуют подписи ландмаршала, тальманов и членов сословий)

Верно: Помощник Главного переводчика Г. Гейдеман

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Л. 901–905. Типографский текст на листах большого формата (Сенатская типография).

РНБ. Шифр: 135/286-290. Государственный совет. Материалы. Т. 290. Ч. 2 [2]. Типографский текст на листах большого формата (типография «Бережливость» Генерального Штаба).

№ 36. Высочайший рескрипт Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову «По поводу петиции земских чинов Финляндии, вызванной преобразованием воинской повинности в Великом княжестве и Основными положениями 3 февраля 1899 года, определяющими правила об издании общегосударственных законов, касающихся Финляндии»

8(20) июня 1899 г.

Финляндскому генерал-губернатору

При закрытии вами 18 минувшего мая чрезвычайного Сейма представители сословий довели до Моего сведения о тревожном их настроении, вызванном предстоящим преобразованием воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и обнародованием Манифеста 3 февраля сего года.

К прискорбию Моему из речей ландмаршала и тальманов Я усматриваю, что земские чины не усвоили соображений общегосударственной пользы, коими необходимость этих мер обусловливается, и дозволили себе неуместные о них суждения. Поручаю вам объявить во всеобщее сведение, что суждения сии неправильны и не соответствуют установившемуся с начала нынешнего столетия положению дел, при коем Финляндия есть составная часть государства Российского, с ним нераздельная.

Я желаю также, чтобы финскому народу было известно, что, приняв при восшествии на Престол священный долг печись о благе всех народностей, Российской Державе подвластных, Я признал за благо сохранить за Финляндией особый строй внутреннего законодательства, дарованный ей Моими Державными Предками. В то же время, Я принял на Себя, как наследие прошлого, заботу об определении силою положительного закона отношений Великого княжества к Российской империи. В этих видах Мною утверждены Основные положения 3-го февраля сего года, определяющие правила об издании общегосударственных законов, касающихся Финляндии. В порядке, указанном сим законодательным актом, непоколебимым и впредь, получат дальнейшее направление труды чрезвычайного Сейма и будут приняты в соображение при окончательном начертании военного закона.

Ожидая от вас настойчивого образа действий к утверждению в умах населения края истинного значения мер, предпринимаемых для укрепления связи империи и Великого княжества, Я надеюсь, что верноподданническая преданность финского народа, в которой Я не сомневаюсь, будет засвидетельствована на деле и облегчит вам исполнение Моих предначертаний.

Николай

Опубл.: СПВКФ. 1899. № 28. С. 1; ПСЗРИ. Т. XIX. Отд. 1. 1899. СПб., 1902. Ст. 17159.

НАФ. На особом хранении в сейфе VAY 1/kotelo 7:3. (Изначально архивный шифр Канцелярия Финансового департамента Сената, дело Ei:4.). Писарская копия.

№ 37. Обзор «Извлечение из речей земских чинов чрезвычайного Сейма 1899 года», сделанный Главным Штабом

1899

Извлечение из речей земских чинов
чрезвычайного Сейма 1899 года

...Комиссия Главного Штаба вынуждена коснуться общего направления и духа, в которых составлен всеподданнейший отзыв земских чинов; к этому побуждает то обстоятельство, что Сейм в разных положениях проекта Устава усмотрел «принудительные меры», «насилие» и посягательство на права, которые удостоверены финскому народу, желание «денационализировать» этот народ, «пренебрежение» к национальным чувствам финнов,

неуважение к принципам права и «справедливости» и т. п.*[1] в редакции статьи (24) «Положения об устройстве и управлении финских войск», в которой сказано, что «офицерский состав сих войск пополняется как уроженцами финляндских губерний, так и других местностей империи», Сейм видит «одно из многочисленных доказательств той тенденциозности, которою проникнуты выработанные Комиссией Главного Штаба документы. В критике системы нынешнего запаса Финляндии, высказанной Комиссией Главного Штаба и основанной всецело на мотивах и речах Сеймовых депутатов 1877 г. (например, г. Монтгомери[64] и др.), чрезвычайный Сейм признал оскорбительное "недоверие" и даже "клевету". Комиссия Главного Штаба проектировала положение о том, что "финские войска могут входить в состав дивизий и корпусов вне Финляндии расположенных", что вызывается, конечно самыми естественными и неизбежными требованиями военного дела. Сейм взглянул на это положение, как выражение "недоверия к (финляндским) подданным". Земские чины заявляют, наконец, что они "уверены", что глубоко серьезные обстоятельства (касающиеся политических прав финского народа), не были доложены, по крайней мере в полном объеме, Его Императорскому Величеству, тогда как, с другой стороны, нужно опасаться, что вредные для Финляндии заявления, неправильность которых со временем должна обнаружиться, были доведены до сведения Его Императорского Величества и влиятельных сфер империи». — Вообще, земские чины представляют все дело начатой военной реформы в Финляндии и все соприкасающиеся к ней действия и мероприятия с русской стороны как сплошное нарушение закона. Манифест 3-го февраля 1899 г. они отвергают, объявив, что он в Финляндии «не может иметь силы закона». «Особенно серьезным, — пишут они, — представляется то обстоятельство, что если новый закон о воинской повинности или другие узаконения будут изданы вне порядка, установленного Основными законами края (иначе говоря, в порядке указанным Высочайшим Манифестом 3-го февраля), то подобный закон, хотя и соблюдался бы вследствие внешнего принуждения, не мог бы считаться правомерным и являлся бы только принудительным велением в глазах финского народа, у которого почитание закона передавалось от одного поколения другому. В этом случае так же у многих желающих только творить правду возникнут сомнения относительно требований долга и совести. Нетрудно понять, что эти опасения, эта тревога и это смятение должны будут изгнать из страны целые массы трудоспособных членов общества...» Развивая ту же мысль, земские чины, в другом месте своего всеподданнейшего отзыва, пишут: «...намеченные в проекте Устава о воинской повинности принудительные меры к распространению в Финляндии русского языка» не приведут к желаемой цели; финский народ, который «проникся мыслью, что основанием и целью закона должна служить правда, усмотрел бы в таком велении насильственную попытку изменить национальный характер народа, а отнюдь не заботливое попечение о пользах края, которое должно характеризовать мероприятия законодателя». Попутно земские чины стараются доказать, что «во всем замечается недостаточное знакомство с правом и общественным строем Финляндии, главным же образом, с положением финляндских основных законов». «Следует также заметить, — прибавляют они, — что, руководствуясь одним только сборником постановлений, нельзя составить себе верного понятия о древнем правовом порядке» и т. д. В этом тоне и в указанном духе изложена почти треть всего всеподданнейшего отзыва представителей финского народа.

Судя по всеподданнейшему отзыву чрезвычайного Сейма, земские чины 1899 г. едва ли не более озабочены были изложением теории «государственного» права Финляндии и выражением протеста и критики правительственных мероприятий, вызванных вновь народившимися общегосударственными нуждами и условиями времени, чем рассмотрением Устава и разработкой его применительно к местным условиям Финляндии и к общеимперским требованиям. Усмотрев в проекте Устава о воинской повинности вышеприведенные особенности и, главным образом, отрицание государственных прав Финляндии, земские чины

*[1] Всепод. отзыв сейма. С. 3, 14, 15, 21, 30, 36, 61, 70, 147, 151, 159 — I ч. и 47–48 и др. — II ч. (*Прим. док.*)

признали необходимым «заявить решительный протест против воззрения, по которому финляндская губерния, а не Великое княжество Финляндское, как государство, ставятся основанием законодательства и которое повело бы к тому, что не существовало бы ни особого финляндского гражданства (подданства), ни права на законодательство и управление при содействии одних только финляндских властей, ни даже финляндского отечества». «Нам нечего вообще возражать на то, что дух докладов (Сеймовых комиссий, а следовательно, и самого Сейма) оппозиционный, — сказал Л. Мехелин. — Да, мы можем открыто сознаться, что они целиком представляют собою протест против того направления, в котором хотят вести русскую политику в отношении Финляндии»*[2]. А если в этом заключается главная цель созыва Сейма, то, следовательно, значение сего отзыва определяется само собою.

Еще определеннее высказались земские чины в своих речах, произнесенных во время рассмотрения проекта Устава о воинской повинности в общих собраниях Сейма.

«Оба доклада*[3], — говорил Л. Мехелин, председатель Сеймовой комиссии по пересмотру Устава о воинской повинности, — находятся в теснейшей связи между собой.

Комиссия законов осветила те далеко идущие нарушения нашей конституции, посягательства на политическое положение Финляндии, кои служат целью проекта, сопровождающего Высочайшие пропозиции.

Комиссия Устава о воинской повинности в дополнение к этому продолжала критику по отношению к отдельным подробностям и на этом обосновала свое мнение о том, что земские чины, как представители финского народа, не могут одобрить переданного им «проекта»*.

Затем он упомянул, что Комиссия законов, ввиду политических целей, преследуемых Высочайшими пропозициями, нашла нужным подвергнуть рассмотрению и самый манифест 3-го февраля.

«Можно предвидеть, что те люди, которые приложили свою руку к выработке Высочайших пропозиций и сопровождающих их документов, укажут, что эта критика, вместе с предложением отклонить Высочайшую пропозицию, а также и доклад Комиссии о манифесте, что все это свидетельствует об оппозиционном духе; а влиятельные особы, деятельность коих в последнее время была направлена к тому, чтобы навлекать несчастия на Финляндию, не упустят случая присоединить к этому отзыву и свои нарекания. Но мы не можем допустить, чтобы, определяя наш образ действий, мы руководствовались возможностью порицания и нарекания со стороны наших противников, для которых конституционное Великое княжество Финляндское есть ничто иное как административная окраина или генерал-губернаторство, как гласит один из новейших деструктивных терминов и которые в финском народе почти не видят ничего, кроме материала для пополнения русской армии. Нам нечего вообще возражать на то, что дух в этих окладах оппозиционный. Да, мы можем открыто сознаться, что они целиком представляют собою протест против того направления, в котором хотят вести русскую политику в отношении Финляндии. Но мы можем вместе с тем заявить, положа руку на сердце, что если земские чины Финляндии постановят свое решение, в общем согласное с этими докладами, то они поступят совершенно лояльно по отношению к Монарху»*[4].

Профессор Александровского университета барон Вреде[65], разъясняя точку зрения Комиссии, подчеркнул то обстоятельство, что переданный сословиям проект нового Устава о воинской повинности выработан в Русских комиссиях людьми, которые, по его мнению, совершенно не знакомы ни с правовым положением Финляндии, ни вообще с конституционным законодательством.

---

*[2] Протокол рыцарства и дворянства (на швед. яз.). 1899. С. 82. (*Прим. док.*)

*[3] Комиссий Сейма. (*Прим. док.*)

* *Здесь и далее в подлиннике ко всем закавыченным цитатам приводятся также цитаты на шведском языке (в данной публикации не воспроизводятся).*

*[4] См.: Протокол рыцарства и дворянства. С. 81–82. (*Прим. док.*)

«В этих проектах дело идет не только о реформе военного устройства в Финляндии, но они скорее имеют в виду совершенное уничтожение особой финляндской военной организации и полное слияние финской армии с русскою, подчинение ее русскому начальству, русскому управлению и даже русским законам. Если эти проекты были бы проведены, то чрез это право финского народа на собственное политическое существование было бы совершенно уничтожено»*[5].

Барон фон Борг[66] прямо предложил не входить в рассмотрение по существу первых двух Высочайших пропозиций, так как для этого имеются в наличности те же основания, в силу которых Комиссия законов рекомендует отклонить рассмотрение пропозиций об уравнении личной и финансовой тягости. Оратор предложил дополнить ответ земских чинов заявлением, что, хотя те выражения, с какими переданы были земским чинам Высочайшие пропозиции об Уставе воинской повинности, сейчас же обратили на себя особое внимание земских чинов, последние все же приступили к надлежащему, по конституции, рассмотрению их в том предположении, что возможность проведения этого законодательного дела в порядке, согласованном с основными законами, не была исключена; но это предположение было серьезно поколеблено содержанием, сопровождающих Высочайший манифест 3-го февраля «Основных положений», почему земские чины вошли к Его Императорскому Величеству с особым представлением по сему предмету, хотя и не удостоились получить какое-либо разъяснение, способное рассеять их сомнения. После того 3-го мая были переданы земским чинам для отзыва новые пропозиции об уравнении тягости, с указанием на их неразрывную связь с Уставом о воинской повинности и с прямою ссылкою на вышеозначенные «Основные положения» 2-го февраля, земские чины не нашли уже более для себя возможным входить в рассмотрение по существу переданных на Сейм проектов и что они ходатайствуют, чтобы Его Императорское Величество, милостиво ознакомившись с решением земских чинов и с относящимися к нему документами, соизволил сообщить ближайшему Сейму Высочайшую по сему вопросу пропозицию в тех видах, чтобы не было основания сомневаться, что основные законы страны будут вполне соблюдены*[6].

Георгий Шауман[67]: «При рассмотрении докладов Комиссий выясняется, что на настоящем экстренном Сейме, который собрался для пересмотра Устава о воинской повинности, земским чинам в силу обстоятельств приходится прежде всего иметь дело с другим вопросом, вопросом о сохранении конституции страны, утвержденной клятвою регента. Ни на кого из финских людей не падает ответственности за происхождение манифеста 3-го февраля и за созданное им положение вещей гнусное, как для отдельных граждан, так и для всего общественного устройства, ответственности за все те материальные убытки и нематериальные страдания, кои этим манифестом причинены всему нашему, хотя и маленькому народу.

Пока манифест не будет отменен или не получит разъяснения, которое гарантирует фактическое сохранение нынешнего конституционного порядка в стране, участие земских чинов в таком законодательстве, при коем можно предполагать, что Монарх не примет в уважение местных основных законов, будет неконституционным и должно по этому быть отклонено... полагаю, что земские чины лучше воспользуются своим правом, опирающимся на основные законы, и истина яснее выступит пред Его Императорским Величеством, если чины на этот раз откажутся от обсуждения Высочайших пропозиций»*[7].

Барон Гартман[68]: «Те приложения и бумаги, которые сопровождают Высочайшие пропозиции, все проникнуты недоброжелательством и враждою по отношению финского народа и страны, и это достигает своего высшего пункта в утверждении, что не существует особого финского отечества. По моему мнению, невозможно налагать на финских поддан-

*[5] Там же. С. 84. (*Прим. док.*)

*[6] См.: Протокол рыцарства и дворянства. С. 91–95. (*Прим. док.*)

*[7] Там же. С. 10. (*Прим. док.*)

ных какой-либо военной повинности иначе, как по отношению к их собственному отечеству Финляндии»*[8].

Барон Вреде: «Конечно, есть что-то немыслимое в том, что отдельный финский гражданин может взять на себя обязательство защищать Русское государство во всем его широком объеме. Поэтому я предложил бы, редакционную поправку в том направлении, чтобы в выражении, "всего Русского государства" и т. д. эпитет "всего" был выпущен»*[9].

В духовном сословии никто не решился предложить, как это было у дворян, прямо отвергнуть Высочайшие пропозиции, хотя и не было недостатка в речах, изображавших «тяжелое положение» финского народа, заставляющее надеяться лишь «на помощь Божию»... «Из приложенных к Высочайшим пропозициям актов, — говорил г. Валин[69] (пробст из Улеаборга), — выяснилось, что хотят неслыханным доселе образом попрать драгоценнейшие права Финляндии, унаследованные народом от предков и многими правителями утвержденную Форму правления, которая так глубоко пустила корни в финском народном характере и мировоззрении, что народ финский, после библии, ничего не считает священнее и дороже ее. Вышел знаменитый манифест Его Императорского Величества от 3-го февраля. Это был удар, который так ужасно поразил самое сердце народа, «поранил» его священнейшие чувства в такой степени, в какой ничего подобного не поражало еще наш народ в этом столетии, считая в том числе все голодные и морозные годы»*[10].

«Зачем хотят уничтожить финский народ, как нацию? — восклицал г. Тальгрен[70] (пробст Абоского соборного капитула), — финский народ, который всегда обнаруживал свою верность к властителю и русскому государству, желая лишь под защитою своих законно развиваться в материальном и духовном отношениях? Но Бог поможет, этот гнет не вечно будет тяготеть на народе. Пусть неистовствует в стране леденящая восточная буря, можжевеловый народ, все же, будет жить»*[11].

С.А. Вестерлунд (магистр философии, проректор финского классического лицея в Улеаборге)[71] усмотрел как бы противоречие между Высочайшими пропозициями о воинской повинности и созывом конференции мира; он предложил, чтобы земские чины в своем «ответе» «всеподданнейше указали на те благородные слова, которыми Его Императорское Величество созвал народы на конференцию мира». В своих мотивах г. Вестерлунд, между прочим, привел следующее: «Нам угрожают новые тягости. В то время, как в других местах ожидают улучшения, у нас мы видим перемену к самому худшему. Ибо новое увеличение военной тяготы не только поглощает кровь и деньги, но оно желает покончить с нашей национальной жизнью, оно хочет вылить нас в новую форму, чуждую нам, неудобную и невозможную. Какое иное следствие может произойти отсюда, как не полная гибель...»*[12]

Пастор Бергрот[72] указал на усилившуюся эмиграцию, как на одно из следствий вводимых изменений в отбывании финляндцами воинской повинности. Он утверждал, что эмиграция до сих пор не достигала размеров свыше 9000 человек в год, но с изменением Устава военной службы, она неизбежно должна дойти до 30 000 в год*[13].

Даниельсон[73] (профессор университета и автор целого ряда политических брошюр о Финляндии*[14]) заявил, что судя по официальным сведениям о движении эмиграции, нельзя ожидать увеличения ее в размерах, какие привел г. Бергрот. Число эмигрирующих за последние года, по словам Даниэльсона, колебалось между 1000 и 2000 человек и только иногда доходило за 3000 в год; 9000 эмигрантов в год никогда не было. Г. Даниэльсон высказался и против предложения г. Вестерлунда. По мнению профессора, «было бы не асолютно

*[8] См. Протокол рыцарства и дворянства. С. 25. (*Прим. док.*)

*[9] Там же. С. 30. (*Прим. док.*)

*[10] Протокол духовного сословия. 1899. С. 54. (*Прим. док.*)

*[11] Там же. С. 60–61. (*Прим. док.*)

*[12] Там же. С. 59–60. (*Прим. док.*)

*[13] Там же. С. 61–53. (*Прим. док.*)

*[14] Там же. С. 64–67. (*Прим. док.*)

правильно утверждать о существовании явного противоречия между пропозициями и мирным манифестом, ибо то обстоятельство, что властитель, по мере возможности, старается противодействовать чрезмерным вооружениям и восстановлять мир между государствами, не мешает ему в пределах собственного государства уравнивать военную тяготу».

Если проследить историю вопроса о воинской повинности в нашей стране, продолжал Даниельсон, то мы увидим, что «в то время, когда подготовлялся нынешний Устав, общество или, по крайней мере, мыслящая часть его понимала, что постоянная военная сила в 5000 человек не будет достаточна, если желать в полной мере выполнить свой долг в отношении защиты отечества. Уже тогда в 1876 г. в серии статей, в составлении которых принимали участие опытные военные лица и другие известные в обществе и уважаемые люди, высказались, что недалеко то время, когда военная сила в Финляндии должна будет увеличиться до 15 900»*[15]).

Профессор барон Пальмен[74] (читает в университете историю северных государств), упомянув, что в прежние времена финский народ хотя был и слабее теперешнего принужден был выставлять до 20 000 человек, заявил: «Мы должны сделать такие уступки, чтобы мир признал, что если этот народ любит свободу, то он в то же время готов многим для нее и жертвовать. Положение нашего народа никогда не было таким, каково оно теперь. Дело идет не о защите внешних границ, но о сохранении нашего духовного достояния»*[16].

Г. Отто Доннер[75] (профессор сравнительного языкознания*[17]): «Мне кажется, что было бы малодушием для представителей финского народа пытаться торговаться до крайности из-за тех тягостей и жертв, кои народ этот желает наложить на себя, так как, с другой стороны, дело идет о требовании и желании сохранить национальную самостоятельность, сохранить те учреждения, которыми обусловливается существование народа как нации. Мы должны вспомнить о великих нациях, коим приходится нести большие тяготы, они жертвуют пропорционально во много раз больше, чтобы содержать собственное войско и чтобы защищать собственное национальное существование как народа»*[18].

---

*[15] На сейме в 1899 году земские чины нашли возможным увеличить численность финских войск только до 12 тысяч. (*Прим. док.*)

*[16] Протокол духовного сословия. 1899. С. 75–76. (*Прим. док.*)

*[17] Протокол духовного сословия. 1899. С. 56–58. (*Прим. док.*)

*[18] Сейм и Сенат видят в финансовом войске прежде всего атрибут отдельного финляндского государства и этим, главным образом, объясняется их стремление сохранить обособленность и национальность сих войск.

Мысль об учреждении в Финляндии особого войска возникла еще в 1810 году у гр. Г.М. Армфельта и его друзей (Шернваля, Аминова и др.). Их желание заключалось в том, чтобы финское национальное войско служило «исключительно для Финляндии»; кроме того, они рассчитывали, что при существовании финского войска, русские полки, расположенные в крае, должны будут или совершенно уйти из Финляндии, или значительно уменьшится в числе; те же части, которые необходимо оставить, будучи заперты в крепостях. Создавая свое финское войско, инициаторы этого дела хотели тем поднять национальный дух народа и его стремление к самостоятельности. «Настало время выбирать: быть ли (Финляндии) провинцией, или самостоятельным государством; ...дальнейшая оккупация чужими (т. е. русскими) войсками, которая до сих пор была неизбежным последствием войны, явится признаком того, что Финляндия навсегда исключена из числа наций, и что ее значение и существование понижены». В записках, поданных по этому поводу в 1811 году, предлагались разные проекты организации финского войска. Они исходили из того положения, что «неимение своей защиты недостойно самостоятельной и просвещенной нации». Другие высказались за учреждение «национального войска» с особой гарантией, что оно будет употребляться не иначе, как для защиты Финляндии. «Финны, – писали они, – единственный народ в истории, который по собственной склонности захотел доверить чуждому оружию, другой нации, с иными законами и учреждениями всю свою безопасность, попечение о себе и свое будущее положение».

Отголоски этих заявлений и мыслей определенно звучали в речах сеймовых организаторов 1877–1878 гг., когда они говорили о том «глубоком унижении для Финляндии, которое происходит от того, что содержание караулов приходилось поручать русским войскам», когда они учреждением «своей

В сословии горожан, при общих рассуждениях по поводу доклада комиссии Устава о воинской повинности, было, между прочим, внесено гг. Янсоном[76] и Лилле[77] письменное заявление, в котором они старались доказать, что сословие не должно входить в рассмотрение по существу Высочайших пропозиций по Уставу о воинской повинности. Предложение это, однако, встретило отпор со стороны других членов. Лилле тем не менее старался отстоять свое мнение, заявив: «раз дело твердо стоит так, что земские чины объявили Манифест 3-го февраля, вместе с "Основными положениями", не могущими иметь в нашей стране силы закона, то не представляется иного исхода, как, став на почву основных законов, последовательно настаивать, что земские чины не могут входить в рассмотрение этого дела по существу, но ожидают пропозиции к следующему Сейму в порядке Основных законов»*[19].

Борениус[78] в своей речи сказал, между прочим: «наше конституционное право, утвержденное на ясном и определенном соглашении, в такой степени проникло в нашу нацию, что едва ли найдется и один индивидуум, который не знал бы, в чем, главным образом, состоит это наше право. И это должно было бы быть вполне известно по другую сторону нашей границы. Странно и в высшей степени оскорбительно было увидеть мнения этих неблагоприятных для нас сил, кои промелькнули, чтобы не сказать больше, уже в пропозициях и еще сильнее в сопровождающих их приложениях. Чего хотят эти силы? Какие высшие цели преследуют они? Отчего не говорят они прямо: у нас власть, а потому мы хотим употребить насилие? Это было бы, по крайней мере, откровенно. Так поступить было бы если и жестоко, но откровеннее и честнее, чем, лицемерно показывая благоволение, доброжелательство нашей стране, стараться в то же время набросить на наших умерших государственных людей тень изменнического образа действия. Зачем делают они вид, что желают нам счастья, истинной пользы и усовершенствования, когда на самом деле они лишь имеют целью уничтожить все, что нам дорого, искоренить все, что для нас священно. Финский народ отвергает такое счастье, которое ему навязывается под маскою доброжелательства и лицемерно представляется как единственное и истинное благо, ибо он сам знает очень хорошо, где это счастье. Что касается самой воинской повинности, то очень хотел бы я задать вопрос этим "опекунам единения", какой повод был к составлению этого нового проекта? Какие чувства питали они в своей груди? Что сказали бы они сами, если бы этот закон со всеми его тяжелыми последованиями касался их собственных сыновей? Я хотел бы попросить их постараться живо представить себе это и дать объективный ответ.

Та военная повинность, которую они хотят наложить на нас, напротив, иметь в виду совершенно ясную цель как в языковом, так и в остальных отношениях, амальгамировать нас с другим народом, иначе говоря, уничтожить нашу национальность. Если мы по природе не одно с ними, то зачем они лишают нас дарованного нам провидением права на самостоятельность в жизни и развитии? Между отдельными лицами подобное отношение без дальних рассуждений названо было бы насилием. Не думаю, чтобы между народами, в конце 19-го столетия, это могло бы быть названо иначе»*[20].

В речи оратора Пельконена (инспектора народных школ в Таммерфорсе) встречаем такое место: «Могущественный восточный исполин поднял свой кулак и грозит. Финский народ, как невинное дитя, стоит бестрепетно, в сознании, что он ничего не сделал, за что заслуживал бы наказания. Но и в этот момент финский народ питает убеждение, что испо-

---

хорошей военной силы» признавали возможным прекратить «подчиненное политическое положение» края (генерал Альфтан) и в то же время положить «прочные основы своему государственному устройству» (Лагерборг). (См. II объяснение Комиссии Главного Штаба).

Очевидно, что все те же самые мысли и желания руководили представителями финского народа и на Сейме 1899 года. (*Прим. док.*)

*[19] Протокол представителей городского сословия. 1899. С. 55, 62–63. (*Прим. док.*)

*[20] Протокол представителей городского сословия. 1899. С. 50–51. (*Прим. док.*)

лин, успокоившись, опустит руку и будет уважать наши законы, наши учреждения и наш народ...»*[21]

Как у дворян и горожан, так и в крестьянском сословии было сделано предложение отвергнуть Высочайшие пропозиции без особых рассуждений. Предложение сделал Лайтинен[79], но оно не было принято.

Г. Суутарла[80] заявил: «Наш великий, недавно умерший поэт и писатель говорит: "Народ управляется законом, а не кнутом". Пусть военные власти, которые хотят править судьбою народа, запомнят эти слова и вместе с тем вспомнят, как глубоко, низко упал богатый народ Испании. Есть ли какое-нибудь основание подражать (собственно "обезьянить") образу правления Филиппа II[81]?»

Г. Линдберг[82] пояснил, что те нападки на нашу финскую автономию, которые неустанно появлялись в некоторых русских газетах, теперь возведены в систему, чтобы под маскою «единообразия в Уставе» уничтожить наше государственное и национальное существование. «Ни в чем мы не стараемся вредить, скажут наши противники. Это циническое великодушие, которое высказывается в сопоставлении нас с эстами, татарами, калмыками, кавказцами и др. Наши противники умышленно забыли или нарочно закрыли глаза на тот факт, что финны, в противоположность названным племенам, имеют западную культуру, которая проникла во всю ширь народа».

Многие депутаты признали необходимым выразить и соболезнование, и протест по поводу того, что в приложениях ко Всемилостивым пропозициям проявлено сомнение относительно честности финских намерений и высказаны даже «слухи» о распространении среди финнов духа измены и восстания (Хуопанин[83]). «Эти бумаги уже их содержанием и слогом приводят в смущение; можно было надеяться, что к представителям народа, хотя и незначительного, будут поступать бумаги, приличные по слогу. В этих бумагах говорится, что финны обманывали не только советников Государей, но и Их Самих. Печально видеть подобные оскорбления благороднейших правителей России».

«Комиссии (Сейма) справедливо приводят, что тщетны всякие доводы, представляемые подобным господам. Иронией звучат слова о сближении финского народа с русским при подобных нападках. Насильственными мерами это недостижимо; ...несмотря ни на какую злобу или угнетение, нашей национальности не отнимут у нас никакие силы» (депутат Аулин[84]).

Сеймовая комиссия законов «выяснила, насколько он (манифест) не согласуется с нашими основными законами... но многие, в том числе и я, не могут верить, чтобы Императорское Величество пожелал устранить наши основные законы, Им же утвержденные. Одна мысль, что Императорское Величество не пожелает сдержать Свое высокое Слово и Свое обещание, казалась нам оскорбляющею Его Высокую Особу» (пробст Валин*[22]).

Когда в сословии горожан обсуждался вопрос о личной и финансовой тягости, то депутаты Сундвал[85] и Пельконен заявили, что пропозиции по сему вопросу противоречат порядку основных законов края, и это, по мнению их, можно объяснить не иначе, как тем, что никто не объяснил Его Императорскому Величеству содержание основных законов, прав и привилегий финнов*[23].

Депутат Фразер[86] (отставной капитан гвардии) сказал, между прочим, следующее:

«Да, реакция (в России) сильна, но она (реакция) должна пропасть. И когда она пропадет, то многое изменится. Но ведь именно с этой реакционной стороны исходят в последнее время проекты реформ — это оттуда распространяются все хулы и нападки на право и правду.

---

*[21] Протокол представителей городского сословия. 1899. С. 94. (*Прим. док.*)

*[22] Протокол представителей городского сословия. 1899. С. 52–57. (*Прим. док.*)

*[23] Протокол духовного сословия. С. 92. (*Прим. док.*)

...Но что если наш Великий князь ничего не знает об этих все уничтожающих проектах»*[24].

Рассматривая вопрос о присяге, профессор Германсон[87] (он же был председателем Сеймовой комиссии законов), заявил:

«Предложенное в милостивом предложении совершенно противоположно нашим стремлениям в ненарушимости святости присяги. Может быть не обращено достодолжного внимания на то, что, согласно милостивому предложению, новобранец, вступая на военную службу, обязан дважды присягать. Это уже тяжело. Еще тяжелее оказалось бы положение, если будет утверждена форма присяги, предлагаемая милостивейшею пропозицией.

В присяге заключается обращение к великому Божьему имени; а злоупотребляющий Его именем подвергается наказанию. Правительство не имеет права доводить до такого злоупотребления Божиим именем, и если оно поступает так, то ответственность за это падет на него же. Ради людей, на которых тяжело отзовется подобная предложенная форма присяги, — было бы особенно важно, если сословия будут держаться за действующий § 88.

Правда, этот § 88 действующего ныне военного Устава дает место замечаниям, но в форме присяги этого Устава, найдется все необходимое, что требуется правительством...

По мой взгляд особенно важно, чтобы духовное сословие дало свой отзыв в пользу существующего закона и права»*[25].

При закрытии Сейма ландмаршал, барон фон-Троиль, произнес следующую речь*[26]:

«Ваше Высокопревосходительство!

На предыдущем Сейме, первом в царствование Государя Императора и Великого князя Николая II, земские чины, в всеподданнейшем адресе выражая непоколебимую верноподданническую преданность, любовь и верность финского народа своему Монарху и признавая о обязанности его, вытекающие из неразрывной связи Финляндии с Российским государством, высказали надежду, чтобы Финляндии предоставлено было и впредь развиваться под сенью испытанных и всегда применявшихся великодушными Монархами принципов, вселивших в народе уважение к закону и давших общественному строю характер твердости и спокойствия. При таком правлении в нашем крае царствовали спокойствие и довольство.

Сознание, что законы, в издании которых народ по праву сам участвовал, всегда будут стоять выше всякого насилия и произвола, и что все равны пред таким законом, создало народонаселение, которому удалось неутомимым трудом достичь, по сравнению с географическим положением края и при скудных материальных средствах, относительно высокой степени развития и духовной культуры в честь и на славу великого и могущественного Российского государства, для которого, как думал наш серьезный и консервативный народ, Финляндия стала жемчужной, достойной сохранения.

Однако против этого естественного развития, правильность которого доказана девятидесятилетним опытом, и в том отношении что оно мирным путем сблизило и объединило разные народности, обитающие в Финляндии или временно проживающие в пределах ее, в особенности за последнее десятилетие со все более усиливающейся остротой восстало мнение, согласно которому высшая государственная мудрость заключается в насильственном порабощении малочисленных народностей великими народами, не обращая при этом никакого внимания на различие в мировоззрениях, основанных на характере, воспитании и историческом развитии первых.

В отношении Финляндии, которая при существующем порядке управления, насколько известно, никогда не причиняла русской государственной политике даже тени беспокойства и в благосостоянии которой, казалось бы, нельзя усматривать что-либо несогласное с достоинством Русского государства, применение такой политики, при которой наш народ потерял бы национальное свое существование, а край превратился бы в совокупность

*[24] Протокол рыцарства и дворянства. 1899. С. 58. (*Прим. док.*)

*[25] Протокол духовного сословия. С. 98–99. (*Прим. док.*)

*[26] Протокол рыцарства и дворянства. 1899. С. 95. (*Прим. док.*)

лишь губерний, подчиненных и управляемых русскими государственными органами, было бы противно удостоверениям, торжественно данным финскому народу на Боргоском Сейме, и, кроме того, необходимость подобной политики была бы непонятна уже потому, что по существующему в Финляндии мнению действительные интересы Русского государства должны бы быть наиболее обеспечены, когда государство в так называемых окраинах своих вместо покоренных врагов будет иметь верный, надежный и дружелюбно настроенный народ, который, несмотря на существенное различие между конституцией и основными законами его и соответствующими законоположениями, установленными в России, должен выполнить особую исторически культурную миссию и вместе с тем добровольно, с радостью и благодарностью выполняет все обязательства относительно государства, которые по справедливости могут быть на него возложены.

Подобное обязательство, без сомнения, составляет воинская повинность, которую финский народ уже раньше взял на себя, и которая была предметом обсуждения земских чинов и на настоящем чрезвычайном Сейме.

Что Высочайшие предложения, переданные Сейму по сему вопросу, служат выражением вышесказанной политики ассимиляции, едва ли может быть оспариваемо, и, во истину, тяжело было каждому финляндцу заметить в протоколах Комиссий и в всеподданнейших докладах, приложенных к упомянутым предложениям, немалую долю недоверия и озлобления против финского народа, который, однако, всегда относился лояльно к Российскому государству и неоднократно удостаивался от Августейших Монархов самых милостивых отзывов, что верностью и преданностью своею этот народ постоянно радовал своих Монархов и услаждал их дни. Вместе с тем, определения в ныне действующем Уставе о воинской повинности Финляндии, которые отличаются от русского Устава, но которые тем не менее были Высочайше утверждены блаженной памяти Государем Императором и Великим князем Александром II, объясняются сепаратистскими мотивами; утверждают даже, что сказанное утверждение добыто было подлогами и обманом. Не говоря уже о непристойности, что подобные оскорбительные для чести обвинения взводятся на высокочтимые лица, поставленные Монархами во главе финляндской администрации и, как ныне умершие, не имеющие уже возможности лично защищать себя, любовь финского народа к своей родине даже в прессе и в вышедших в печати брошюрах выставляется почти преступлением. Осмеливаются даже утверждать, что незабвенные благодетели Финляндии, Александр I и Александр II, которые, казалось бы, должны стоять выше подобных презренных наветов, не всегда вполне ясно понимали значение и свойство своих мероприятий на пользу Финляндии. Все это, в связи с настойчивым старанием умалить значение Основных законов Финляндии, должно было до глубины души оскорбить самые святые чувства финского народа; поэтому, и так как опыт доказывает, что напрасно убеждать того, кто не желает убедиться, финский народ ныне охвачен беспокойством и печалью, которые отнюдь не уменьшились обнародованием во время Сейма Высочайшего Манифеста от 3-го минувшего февраля. Так как Государю Императору на докладе статс-секретаря Плеве по вопросу об общегосударственном законодательстве для России и Финляндии 11 февраля 1895 года благоугодно было начертать Высочайшую резолюцию, что Он не видит нужды возбуждать о сем законодательный вопрос, а в Основных положениях, приложенных к названному Манифесту, также не указаны подробнее те вопросы, которые должны считаться общегосударственными, то этот Манифест, изданный не в порядке, установленном основными законами Финляндии, само собою, должен был вызвать сильнейшее смущение в крае.

Под этим впечатлением земские чины, по представлению Комиссии законов Сейма, решили через депутацию, в составе ландмаршала и тальманов прочих сословий, довести до сведения Его Величества об установленном финляндскими основными законами порядке издания действующих в Финляндии законов; но так как Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивейшее объявить, что эту депутацию Он не примет, то земские чины были вынуждены принять на обсуждение вышеупомянутый Манифест в связи с отзывом на предложения касательно законодательства о воинской повинности, которое,

по крайней мере, в некоторых частях, считают общим для России и Финляндии государственным вопросом.

При этом земские чины обращаются к возлюбленному своему Монарху с полным доверием как это подобает лояльному народу, сознающему свои обязанности и свои права. Они уверены, что Монарх, который перед всем светом объявил принципы права и справедливости, от которых зависят безопасность государств и счастье народов, сумеет великодушно и справедливо разрешить конституционный конфликт, возникший по сему вопросу без всякой вины со стороны Финляндии.

Удостоверяя неизменное непоколебимое верноподданническое высокопочитание, преданность и любовь, земские чины ныне обязаны представить на решение Его Императорского Величества согласно основным законам всеподданнейший отзыв финского народа по предложениям, переданным на рассмотрение закрываемого сегодня Сейма.

Опираясь на твердую основу закона, земские чины всеподданнейше надеются, что Его Императорское Величество в этом отзыве усмотрит доказательства готовности финского народа к уступкам и пожертвованиям также в интересах всего государства, и что не будут уничтожены благоприятные результаты девятилетней совместной работы, направленной к взаимной пользе.

Рыцарство и дворянство молит Господа Бога о ниспослании обильного благословения на Его Императорское Величество и на Августейшее Семейство Его».

Председатель комиссии Главного Штаба,

генерал от инфантерии Дандевиль[88].

Члены комиссии:

Генерал-майор Светлов[89]
Генерал-майор Бородкин
Полковник Туркул

Член-делопроизводитель

Подполковник Крицкий

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 36–43. Типографский текст на полулистах большого формата.

РНБ. Шифр: 135/286-290. Государственный совет. Материалы. Т. 290. Ч. 2 [1].

№ 38. Отношение № 1006 Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова начальнику Генерального Штаба В.В. Сахарову[90] о заключении по проекту Устава воинской повинности и уравнению военно-финансовой тягости с приложением отзыва от 28 ноября 1898 г.

16(28) октября 1899 г.

28 октября 1899 года
№ 1006
По № 49950

Секретно
Его Превосходительству В.В. Сахарову
Начальнику Главного Штаба

Милостивый государь,
Виктор Викторович!

Заключение по составленному Высочайше учрежденною при Главном Штабе Комиссиею проекту Устава о воинской повинности в Финляндии мною уже высказано в отзыве к и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского от 28 ноября 1898 г. за № 1393, в копии у сего прилагаемом.

Как тогда, так и при выяснившейся теперь обстановке, я не усматриваю с своей стороны особых причин к тому, чтобы проект этот, вместе с намеченными к нему изменениями, не считался бы по существу соответствующим постановленной цели.

В такой же степени удобоприменимыми признаю я и проектированные законоположения об уравнении личной и военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи, с своей стороны находя высказанные в них соображения и расчеты основанными в общем на началах справедливых, крайне снисходительных и во всех отношениях, не переходящих за пределы возможных требований.

Те же частные изменения, какие я признавал бы соответственным допустить в проекте Устава Комиссии Главного Штаба, изложены в прилагаемом у сего перечне, а заключение по отзывам Сейма и Сената сочту долгом высказать дополнительно, по их получении в установленном порядке.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в моем к Вам истинном почтении и совершенной преданности.

Н. Бобриков

Приложение к № 1006

Копия весьма секретного отзыва Финляндского генерал-губернатора вр. и. д. министра статс-секретаря В. кн. Финляндского от 28-го ноября 1898 г. за № 1393

Для всеподданнейшего Его Императорскому Величеству доклада сообщаю Вашему Превосходительству следующее дополнительное заключение мое по двум проектам Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и проекту положения об устройстве и управлении финских войск:

1) Согласно Высочайшим повелениям от 6/18 июня и 17/29 июля*[1], и по Высочайше утвержденному постановлению особого совещания под председательством статс-секретаря Победоносцева*[2], Сенату надлежало представить чрезвычайному Сейму проект Устава о воинской повинности, выработанный Комиссиею Главного Штаба с участием финляндских представителей и при этом самое предложение Сейму составить согласно дословному его тексту, точно указанному в журнале Особого совещания. Таким образом, Сенату не было предложено составлять ни своего особого проекта Устава, ни проекта Высочайшего предложения Сейму, так как то и другое передано ему в готовом виде и требовалась лишь формальность передачи их Сейму. В данных условиях для представления своего по Уставу заключения в отношении по крайней мере изменения коренных начал, Сенату надлежало испросить в установленном порядке Высочайшее на то соизволение, отнюдь не нарушая при том основной идеи объединения русских и финских войск.

Сенат между тем*[3] выработал свой новый проект Устава, не во всех частях согласованный с основными началами реформы и недостаточно выясняющий Сейму подробности исполнения возложенного на него поручения.

Для более основательного сравнения двух проектов по моему распоряжению составлены прилагаемые при сем ведомости под лит. А и Б с дробным в них перечислением допущенных от Устава Главного Штаба отступлений.

Сравнение между собою двух проектов приводит к тому бесспорному заключению, что проект Главного Штаба в большей мере отвечает Высочайшей воле, обеспечивая собою достижение более тесного сплочения всего военного устройства Финляндии с общею организацией наших вооруженных сил в одно целое, направляемое к общим государственным целям одною русскою военною властию.

Ввиду приведенных оснований и принимая во внимание, что Высочайше утвержденный журнал Особого совещания под председательством статс-секретаря Победоносцева есть

*[1] Переданным Сенату вр. и. д. генерал-губернатора при отзыве от 30 июля / 11 августа за № 1039. (*Прим. док.*)

*[2] Сообщенного Сенату при таком же отзыве от 13/26 августа за № 1103. (*Прим. док.*)

*[3] Применяясь к Высочайшим повелениям, сообщенным ему 23 декабря 1892 г. / 4 января 1893 г. за № 21 и 11 августа за № 1089. (*Прим. док.*)

узаконение последующее и вследствие того отменяющее собою все предыдущие по сему распоряжения, признаю с своей стороны справедливым передать на заключение Сейма лишь проект Главного Штаба, который однако же считал бы соответственным в интересах дела дополнить некоторыми частными указаниями Сенатского проекта, перечисленными в прилагаемой при сем ведомости лит. В и сравнительно несколько более согласованными с укладом местной жизни и особенностями края. Проект Сената, со всеми к нему приложениями, полагал бы в предупреждение недоразумений, оставить без последствий.

Составленное же Сенатом Высочайшее предложение земским чинам считал бы необходимым затем точнее согласовать с текстом журнала особого совещания, без всяких при этом дополнений к принятой этим последним редакции.

2) Проект положения об устройстве и управлении финских войск, составленный также особою при Главном Штабе Комиссией и в равной мере с участием финляндских представителей, передан Сенату не для выработки какого-либо постановления или предложения для Сейма, а единственно лишь на предварительное перед рассмотрением положения в Военном совете, заключение. Поэтому полагал бы и настоящий труд Сената, не во всех отношениях согласованный с Высочайше одобренными главными основаниями, не передавая Сейму, приобщить к тому докладу, который будет подлежать представлению по сему в Военный совет, и

3) Высказанные в записках Сената соображения должны быть отчасти объяснены недоразумением, вызванным главным образом тем, что в данном случае не придано надлежащего значения порядку издания общегосударственных законов*[4].

Этот новый для Финляндии порядок не был обнародован, и вследствие того Сенат несоответственно отнесся к проектам Устава и Положения как бы законам местным. Оба эти узаконения должны быть между тем отнесены к законоположениям общегосударственным, издание которых, согласно Державной Государя Императора воли, совершается при участии Государственного совета в особо для того Его Императорским Величеством предуказанном порядке.

Осуществление Самодержавной, священной для каждого русского верноподданного, воли, с финляндской точки зрения представляется в указанном здесь случае как нечто несогласное с основными финляндскими законами и с автономией края. Подобного воззрения я, конечно, не могу разделить: оно грешит против истины и, ослабляя связь Финляндии с империей, противоречит действительным интересам края.

Входя в политический состав государства Российского и пользуясь притом Высочайше дарованным внутренним самоуправлением, Финляндия, по моему глубокому убеждению, очевидно не имеет и не может иметь особых прав по изданию законов общегосударственных, а тем паче какого-либо преобладающего участия в таком важном деле, как военное, где частные интересы несомненно должны поглощаться одним общим государственным интересом и от которого непосредственно зависит не только целость края, но и самая безопасность всей империи.

Генерал-губернатор,

генерал-адъютант Бобриков

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34. Л. 896–897. Типографский текст (Типография «Бережливость» Главного Штаба).

РНБ. Шифр: 135/286-290. Государственный совет. Материалы. Т. 290. Ч. 2 [10].

*[4] Т. е. общих для империи и Великого княжества, или финляндских, имеющих отношение ко всей империи. (*Прим. док.*)

№ 39. Справка о проектах Устава по воинской повинности и позиции Сейма и Сената по этому вопросу

Июль — октябрь 1899 г.

Проекты Устава о воинской повинности и положения об устройстве и управлении финских войск, равно как и вопрос об уравнении личной и военно-финансовой тягости Финляндии с таковою же в империи, были переданы на заключение чрезвычайного Сейма, причем, как видно из Высочайшего предложения, требовалось, чтобы земские чины, согласовав проект Устава о воинской повинности с началами, действующими в сем деле в империи, высказали свое мнение о применимости новых порядков к условиям финляндской жизни.

Не исполнив этого и уклонясь от рассмотрения вопроса об уравнении личной и финансовой тягости, земские чины самопроизвольно занялись пересоставлением Устава 1878 года, вошли в оценку Высочайшего манифеста 3-го февраля 1899 г. и составили особый трактат по государственному праву Финляндии.

В своих заключениях Сейм, а также и Сенат: а) признали существеннейшие положения комиссии Главного Штаба противоречащими автономии края и несоответствующими его основным законам; б) отвергли допуск в финские войска русских людей, даже из числа постоянно проживающих в Финляндии; в) подтвердили новым положением обязательность для финляндских граждан службы исключительно в собственных национальных войсках; г) предложили довести численность сих войск до 12 000 человек, не обосновывая названной цифры никакими доводами и расчетами; д) устранили возможность постоянного квартирования финских войск вне пределов Великого княжества в мирное время и ограничили разными условиями вывод их из края в военное; е) отклонили упорядочение содержания Устава о воинской повинности исключением из него постановлений, не относящихся к сей повинности и, несмотря на Высочайше одобренный всеподданнейший доклад военного министра от 14-го ноября 1898 г. за № 18, оставили в Уставе двенадцать параграфов в качестве основных законов; ж) сохранили ныне существующий срок действительной службы и, введя организацию имперского запаса, не приняли ополчения 2-го разряда; з) вопреки Высочайшим резолюциям, переданным Сенату при отзывах Финляндского генерал-губернатора от 4-го ноября 1898 г. за № 301 и от 16-го февраля 1899 г. за № 198, исключили требования по русскому языку и 1) отвергли введение общего для армии клятвенного на верность службы обещания.

Ни Сейм, ни Сенат при этом не пожелали принять во внимание того, что единство военных законов и единообразие в устройстве вооруженных сил составляют жизненное требование каждого самостоятельного государства. Земские чины и сенаторы, противясь тесному сплочению финских войск с русскими, находят, что связь между сими войсками и ныне уже достаточно крепка и потребные с точки зрения общегосударственных интересов единство управления и единообразие военных распорядков достаточно обеспечиваются принадлежащею военному министру властью и сосредоточением в руках одного лица главного начальствования над финскими и расположенными в Финляндии русскими войсками. Предложенный проект объединения они считают лишенным характера целесообразности и необходимости, нарушающим правовое положение Финляндии, в обеспечение которого они пытаются не допустить военного министра до законодательных и хозяйственных дел финских войск, и главного начальника этих последних по-прежнему продолжают считать финляндским должностным лицом, обязанным действовать при посредстве финляндских учреждений, подчиненных исключительно финляндским законам. Высказываясь против Высочайше одобренного распространения русского языка и обращения финнов на укомплектование русских войск, а равно не соглашаясь на допуск русских людей в ряды вооруженных сил края и русских офицеров в среду их начальства, земские чины и сенаторы считают меры эти направленными со стороны правительства к достижению новых политических целей, перед которыми, по их словам, должны отступить принципы права и справедливости. Они называют эти меры принудительными, несправедливо связанными с воин-

скою повинностью, насильственною попыткою изменить национальный характер финского народа, большим несчастием, равносильным изгнанию из отечества.

Отвергая вышеуказанные требования, земские чины в доказательствах достаточности единения опираются на то, что в финских войсках приняты одинаковые с русскими войсками: Уставы, командные слова, гимнастические упражнения и т. п. Они предумышленно упускают из вида, что не это составляет залог сплоченности, и что только хороший дух войск, единодушие во взглядах и общие традиции способны сделать из армии цельный и здоровый организм. Неправильный взгляд на местные войска установился в Финляндии, главным образом, со времени Сейма 1877–1878 гг., когда стали считать, что они сформированы только для надобностей и целей Великого княжества, как оплот его автономии.

Можно предположить, что взгляды, господствующие среди депутатов Сейма и членов Сената, в известной мере распространены также среди финских офицеров. Едва ли, кроме того, можно сомневаться в том, что финские войска не сплочены по духу с армией империи и не объединены с ней в той мере, в какой это требуется основными условиями боевой подготовки.

Сейм в своих рассуждениях о новом проекте Устава очевидно был озабочен не действительными требованиями обороны империи, но, единственно сохранением своего обособленного войска, видя в нем один из признаков и оплотов отдельного государства. Соображения эти определенно высказывались еще земскими чинами Сейма 1877–1878 гг.*[1] и всеподданнейший отзыв чрезвычайного Сейма 1899 г. ясно свидетельствует, что они удержались в полной своей силе до настоящего времени.

Находя соображения земских чинов искусственными, произвольными и неубедительными, а тон их отзыва недостаточно почтительным, нельзя в то же время не отнестись с полнейшим одобрением к положениям, проектированным комиссиями Главного Штаба, которые нуждаются разве только в самых незначительных изменениях.

Приняв во внимание все обстоятельства последнего времени, сопровождавшие пересмотр Устава о воинской повинности и связанных с ним вопросов, приходится прийти к заключению, что существенные интересы империи требуют не усиления финских войск, как того добиваются и Сейм, и Сенат, а сокращения их современного состава и даже, в случае, если бы предположенные меры к более тесному сближению их с русской армией были признаны неудобоприменимыми, совершенного их упразднения.

Существование особого финского войска не может быть оправдываемо в настоящее время никакими серьезными соображениями. Ни Сейм, ни Сенат не доказали пользы с государственной и военной точек зрения сохранения в нашей армии особых финских войск. Россия обширна, и, если бы в ней дробились войска по народностям, ее армия не представила бы из себя той могучей силы, какой является она в настоящее время. Армия должна быть едина, и войсковые части, в нее входящие, должны быть связаны между собой не механически, а органически, поэтому в России могут и должны быть только русские войска. Это все положения, не требующие доказательств. В Бозе почивший Император Александр II, вводя в империи всеобщую воинскую повинность, если и сохранил Финляндии ее особые войска, то очевидно в предположении, что они будут стремиться к единению с той великой армией, часть которой они составляют. Его военный министр во всеподданнейшей своей записке

*[1] Для сего достаточно припомнить хотя бы речь Л. Мехелина, председательствовавшего ныне на сейме в комиссии по воинской повинности. В то время он указывал: «Пока это военное устройство не вступило в действие, мы лишены всякой защиты. А ведь отсутствию национальной защиты есть такой важный недостаток наших учреждений... Я не думаю также, чтобы кто-либо мог ожидать, что к тому, которого, хотя бы только по недоброжелательству, можно назвать безоружным, покровительствуемым, будут относиться с таким же уважением, как если бы он был вооруженным союзником... ...весьма важно, чтобы мы, сколь возможно скорее, добились того положения, когда при рассмотрении вопросов о том, что по отношению к нации составляет наше законное право, нельзя было бы отвечать нам: оно немного неясно, это право ваше... Безоружность в этом случае не даст ясности, она, напротив, есть заслоняющая тень вокруг прав Финляндского государства». (*Прим. док.*)

от 12-го февраля 1871 года высказался в том же направлении, исходя из тех соображений, что политическая связь Финляндии с империей должна выражаться в единстве управления военными делами, что никакая часть государства не может иметь своей отдельной вооруженной силы, что офицерский состав финских войск одинаково необходимо пополнять как лицами финляндского, так и русского происхождения и т. п.[91] На таковом докладе военного министра, как известно, положена была собственноручная, одобрявшая его содержание Высочайшая резолюция. Время, однако же, не оправдало этих надежд, и теперь Сейм не только не соглашается на объединение, но проектирует новые правила, способные привести к еще большему обособлению.

Вместе с тем нельзя не высказать убеждения в бесцельности и бесполезности передачи впредь на решение Сейма вопросов, касающихся обороны империи и дальности ее границ. Хотя по мнению финляндских юристов военные законы относятся к области вопросов, подлежащих обязательному рассмотрению Сейма, но на самом деле законы эти, по своему свойству, должны быть отнесены к разряду общегосударственных, в отношении которых вне всякого сомнения и должен быть принят к руководству порядок издания, строго согласованный с основными положениями, объявленными при Высочайшем манифесте 3 февраля 1899 года. Если в 1877 году первоначальный проект Устава об общеобязательной воинской повинности, как и дальнейшие его дополнения и изменения, были переданы на решение Сейма, то не подлежит сомнению, что это было сделано не в силу каких-либо обязательств Монархов, а единственно великодушным побуждением Их Величеств. Это же великодушие и высокая милость Государя Императора явились главным основанием передачи на заключение чрезвычайного Сейма 1899 года проекта нового военного закона.

Верховная власть Императора над военными силами Финляндии основывается на факте покорения этого края, и потому самодержавные права Верховного Вождя единой армии никоим образом не могут исходить из отношений шведских королей к шведским войскам или из мертвой буквы отживших шведских постановлений, действовавших до присоединения Финляндии к России.

Сейму предложено было указать, какие именно изменения в зависимости от уклада местной жизни необходимо произвести в новых военных проектах при условии оставления непоколебимыми главных оснований, Высочайше одобренных двумя Монархами. Указания Сейма в требуемом отношении оказались чрезвычайно малочисленными и несущественными, что дает основание утверждать об удобоприменимости имперского Устава к финляндской территории и финляндским условиям. Особенности края оказались настолько незначительными, что даже взгляды на них Сената и Сейма во многих случаях разошлись между собой коренным образом. Если затем названные учреждения и пришли к соглашению, то лишь вследствие того, что Сенат, не желая расходиться с Сеймом, отказался от своих прежних мнений.

Политические теории, высказываемые земскими чинами и сенаторами в их представлениях, являются совершенно неосновательными и приводятся ими совершенно неуместно. Не вдаваясь в их подробную оценку, достаточно указать в виде примера на следующее обстоятельство, которое в достаточной мере показывает, насколько односторонне и неправильно Сейм и Сенат подбирали нужные им документы. Единственным международным актом, установившим отношения Финляндии к России, является Фридрихсгамский трактат 1809 года, который самым несомненным образом убеждает в том, что покоренные русским оружием шведские провинции Финляндии вошли в собственность и державное обладание Российской империи, составив нераздельную ее часть. Затем к тому же выводу приводят Высочайшие манифесты 20-го марта и 6-го июля 1808 года и 1-го октября 1809 года. Несмотря на всю важность этих документов, ни Сейм, ни Сенат о них вовсе не упомянули, а в основание всех своих толкований положили старо-шведский государственный закон «Форму правления 1772 года». Между тем, учреждениям этим был официально передан всеподданнейший доклад временно исправлявшего должность министра статс-секретаря,

на котором собственною Его Императорского Величества рукою начертано «форму правления пора бы забыть».

Входить в дальнейшее рассмотрение политических воззрений Сейма тем более излишне, что оценка их уже сделана в Высочайшем на имя Финляндского генерал-губернатора рескрипте от 8-го июля сего 1899 г., в котором указана «неправильность таких заблуждений земских чинов и несоответственность их установившемуся с начала нынешнего столетия положению дел».

Однако в неуместном приведении во всеподданнейших отзывах земских чинов и Сената указаний на политические права Финляндии нельзя не усмотреть новой попытки представителей края возобновить прежние домогательства кодификационных комиссий, работы которых вследствие полной несоответственности заявленных в них претензий, не удостоились Высочайшего утверждения.

Что же касается затем критики, которой Сейму дозволил себе подвергнуть манифест 3-го февраля 1899 г., то остается только отметить, что это действие земских чинов является беспримерным нарушением закона. Сейм, созванный исключительно для представления своего заключения по проекту военного закона, счел себя в праве в прямое нарушение § 2 Сеймового Устава 1869 г. и Высочайшего повеления от 13-го июня 1886 г. заняться оценкой манифеста и постановить, что этот законодательный акт, несмотря на то, что он был уже в установленном порядке обнародован, не имеет в Финляндии силы закона.

Постановление это, изумительное по своей смелости, является в то же время неосновательным, так как манифест касается общегосударственного, а не местного законодательства*2, все же права Финляндского Сейма естественно ограничиваются местным законодательством края.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 31–33 об. Типографский текст на полулистах большого формата в составе подборки документов (с. 1–6).

№ 40. Отношение № 1258 Финляндского Сената Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову с заключением по проекту Устава о воинской повинности

16(28) ноября 1899 г.

Перевод отношения Императорского Финляндского Сената к Его Высокопревосходительству Финляндскому генерал-губернатору от 28 ноября 1899 года за № 1258

Отзывом от 19(31) октября сего года за № 1.047, Ваше Высокопревосходительство, препровождая в Императорский Сенат копию с отношения Вр. И. д. Военного министра к Вашему Высокопревосходительству от 15 числа того же месяца за № 49.950 с тремя приложениями, просили Сенат с возвращением приложений доставить в возможно скором времени просимое в упомянутом отношении заключение.

Из означенного отношения Вр. И. д. Военного министра усматривается, что Вр. И. д. военного министра просит сообщить ему заключения Вашего Высокопревосходительства и Императорского Сената по существу переданного в Высочайшем предложении чрезвычайному Сейму сего года проекта Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском, а также одновременно с этим заключения Вашего Высокопревосходительства и Императорского Сената и по существу проектированных в двух особых Высочайших предложениях тому же Сейму законоположений относительно уравнения личной и военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи.

*2 Высочайшая резолюция на массовом адресе. (*Прим. док.*)

В отношении Высочайшего предложения с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском земские чины чрезвычайного Сейма во всеподданнейшем отзыве от 27 минувшего мая изложили вызванные рассмотрением сего предложения соображения и выводы и с своей стороны представили всеподданнейший проект по означенному вопросу. Относительно же последних двух Высочайших предложений об уравнении личной и военно-финансовой тягости в Финляндии с таковою же в империи. Земские чины, в особом отзыве от 29 числа того же мая месяца всеподданнейше донесли, «что так как в Высочайших предложениях положительно предуказывается такой порядок законодательства по сим вопросам, который противоречит основным законам Финляндии, то земские чины не вошли в рассмотрение Высочайших предложений по существу».

По поводу сих всеподданнейших отзывов Императорскому Сенату было Высочайше повелено войти с всеподданнейшим заключением, каковое заключение уже представлено Сенатом в всеподданнейшем донесении от 6 ноября сего года за № 1152.

По отношению к Высочайшему предложению с проектом Устава о воинской повинности Сенат в упомянутом заключении своем по обстоятельном рассмотрении определений и предположений земских чинов присоединился к ним во всех частях. Что же касается Высочайшего предложения относительно уравнения личной воинской повинности, то этот вопрос на самом деле уже был предметом обсуждения земских чинов при рассмотрении ими Высочайше переданного Сейму проекта Устава о воинской повинности, так как земские чины в § 4 принятого ими постановления об изменении некоторых положений Устава о воинской повинности внесли положительное определение о том, что финляндские граждане отбывают воинскую повинность в финских войсках. Таким образом и Сенат, согласившись с земскими чинами, с своей стороны присоединился к тому же решению, согласующемуся с точным смыслом ныне действующего Устава о воинской повинности, причем в оправдание сего решения как земскими чинами, так и во всеподданнейшем заключении Сената приведены доводы весьма серьезного значения также и с военной точки зрения.

Что касается, наконец, Высочайшего предложения относительно уравнения военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи, то земские чины, при рассмотрении проекта Устава о воинской повинности, взвесив средства края, приняли обязательство для края содержать вооруженную силу в составе 12 000 человек, как наибольшую военную тягость, какую в состоянии нести Финляндия. Ввиду сурового климата края, скудости почвы его, редкой населенности и недостатка более обильных источников доходов, а также принимая во внимание, что средства края лишь с трудом и медленно могут развиться, Сенат в своем всеподданнейшем заключении с своей стороны также признал, что земские чины определением своим по сему предмету выказали такую готовность на жертвы в интересах государства, какую только допускают средства Финляндии, а вместе с тем Сенат нашел, что в рассматриваемом решении земских чинов также заключается отклонение Высочайшего предложения относительно уравнения военно-финансовой тягости в Финляндии с таковою же в империи посредством взимания с края особого налога в пользу империи.

Сообразно с сим, ходатайствуя в всеподданнейшем своем донесении о Всемилостивейшем утверждении определений и предположений земских чинов по отношению к Высочайшему предложению с проектом Устава о воинской повинности в Финляндии, Сенат, приняв во внимание, что проекты, заключавшиеся в прочих Высочайших предложениях, были отклонены земскими чинами, и что они, согласно основным законам Финляндии, не могут быть введены в действие без участия земских чинов, всеподданнейше испрашивал о признании сих последних предложений оставшимися без последствия; в заключение Сенат, представив данные для разъяснения вопроса, изложил свое всеподданнейшее мнение относительно порядка, который должен быть соблюдаем для законодательства по сим предметам. Засим Сенат уже не считает возможным дать какое-либо другое заключение по рассматриваемым предложениям, кроме изложенного в означенном всеподданнейшем представлении от 6 ноября сего года.

Препровожденные в Императорский Сенат три приложения при сем возвращаются.

Подлинное подписали сенаторы:

Т. Седергольм[92], Я. Палин[93], К.Ф. Игнациус[94], О. Гюллинг[95], Л. Клуберг[96], Г. Ланген-шельд[97], Г.Р. Идестам[98], Ф.В. Шауман, А. Нюборг[99], И.Г. Сольман[100], В. Энеберг[101], О. Берг-бом[102], А. Шарпантье[103], Г. фон Трояль[104], С.В. Хуберг[105], И. Фельман[106], Г. Бореннус[107], Л. Гришенберг[108], А. Нюберг[109].

Скрепил: Референдарий-секретарь Г. фон Кристиерсон

Верно: Помощник главного переводчика Г. Гейдеман

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901 г. Д. 34. Л. 899–899 об. Типографский текст на полулистах большого формата (типография «Бережливость» Генерального Штаба).

№ 41. Отношение № 1259 Финляндского Сената Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову с заключением об уравнении личной и финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи

16(28) ноября 1899 г.

Перевод отношения Императорского Финляндского Сената к Его Высокопревосходительству Финляндскому генерал-губернатору, от 28 ноября 1899 года за № 1259.

При отношении от 30 марта (11 апреля) 1899 года за № 384, Ваше Высокопревосходительство препроводили в Императорский Сенат доставленную Вам Исправлявшим должность министра статс-секретаря Финляндии копию с отношения к нему военного министра от 24 марта сего года за № 14.424 относительно воспоследовавшей в 23 день того же марта месяца Высочайшей резолюции по всеподданнейшему докладу Военного министра от 22 марта, в котором испрашивалось о признании за вопросом об уравнении личной и финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи общегосударственного значения и о направлении изложенных в том докладе предположений по сему вопросу к законодательному разрешению в порядке, установленном Высочайше утвержденными 3/15 февраля сего года Основными положениями о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, а также экземпляры журнала заседаний Высочайше учрежденной при Главном Штабе Комиссии по пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии, с 7 сентября по 6 ноября 1898 года; вместе с тем Ваше Высокопревосходительство просили Сенат сделать распоряжение о переводе упомянутых отношений за № 14.424 и журнала на шведский и финский языки и о доставлении оных Вам, для передачи земским чинам чрезвычайного Сейма. Затем Ваше Высокопревосходительство, ссылаясь на вышеизложенное и указывая, что, согласно Основным положениям, заключение Сената требуется независимо от заключения по сему предмету чрезвычайного Сейма отношением от 27 октября (8 ноября) 1899 года за № 1.077, ввиду неполучения еще заключения Сената, просили уведомления, для всеподданнейшего представления, почему именно заключение Сената не было доставлено Вашему Высокопревосходительству, независимо от ожидаемого доставления Сенатом заключения по ответному представлению по сему вопросу чрезвычайного Сейма.

Вследствие вышеизложенного Сенат позволяет себе заметить, что, согласно упомянутому отношению Военного министра за № 14.424, Его Императорское Величество соизволил на докладе Военного министра по вопросам об уравнении личной и военно-финансовой тягости воинской повинности Собственноручно начертать лишь следующую резолюцию: «Передать эти вопросы немедленно на заключение чрезвычайного Сейма, ввиду неразрывной связи их с Уставом о воинской повинности». Это побудило Сенат во исполнение объявленной таким образом Высочайшей воли всеподданнейшим представлением от 15 апреля 1899 года за № 439 ходатайствовать, чтобы означенные вопросы, подобно другим предположениям, подлежащим передаче земским чинам, были переданы чрезвычайному Сейму

в виде Высочайших предложений, на каковое ходатайство и воспоследовало Высочайшее соизволение, причем от Сената не было Высочайше истребовано какого-либо заключения.

В дополнение к изложенному Сенат ссылается на свое отношение от сего же числа за № 1.258 по поводу другого отзыва Вашего Высокопревосходительства в Сенат от минувшего октября за № 1.047.

Подлинное подписали сенаторы:

Т. Седергольм, Я. Палин, К.Ф. Игнациус, О. Гюллинг, Л. Клуберг, Г. Лангеншельд, Г.Р. Идестам, Ф.В. Шауман, А. ав Нюборг, И.Г. Сольман, В. Энеберг, О. Бергбом, А. Шарпантье, Г. фон Тронль, С.В. Хуберг, И. Фельман, Г. Борениус, Л. Гриппенберг, А. Нюберг.

Скрепил: Референдарий-секретарь Г. фон Кристиерсон

Верно: Помощник главного переводчика Г. Гейдеман

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901 г. Д. 34. Л. 900–900 об. Типографский текст на полулистах большого формата (типография «Бережливость» Генерального Штаба).

№ 42. Статья «Стремление придать финляндскому вопросу международный характер» из «Обзора периодической печати»

Ноябрь 1899 г.

Стремление придать финляндскому вопросу международный характер.

Между тем, рассуждения на тему о специальной миссии Финляндии и выставление на показ антагонизма коренной России и Финляндии по всем вопросам экономической, духовной и государственной жизни приводят к тому, что защитники Финляндии теряют должный глазомер при суждении о русско-финских отношениях: даже в международной области идея русско-финляндского «государственного единства» ставится под сомнение. «Un état à part», «an independent constitutional state»*, — вот выражения, встречающиеся в статьях, обрисовывающих нынешнее положение Великого княжества. Хотя многими в ученой литературе признано, что Финляндский Сейм не заменяет шведского риксдага, а является лишь ландтагом (голос которого в общеимперских вопросах значит ограничен), в иностранной печати встречаются жалобы, что после Манифеста 3/15 февраля Сейм получает характер только «провинциального парламента». Неверное направление мысли в этом вопросе доходит даже до того, что по поводу инцидента с участником финляндской депутации в Петербурге г. Вольфом[110], носившим звание британского вице-консула «Kölnische Zeitung» в номере от 14-го сентября высказывало следующее оригинальное мнение: «...нельзя сделать человеку упрек, если он своим двойным положением пользуется не во вред собственной стране (т. е. Финляндии), а только на благо чужой (т. е. Англии) или, вернее, на благо обеих стран» (т. е. Финляндии и Англии).

Стремление перенести русско-финляндский спор на международную почву идет еще далее. В датском журнале «Tilskueren» была помещена в сентябре статья, где автор Ивар Берендсен[111] старается доказать, что «Финляндия — не провинция, не зависимое, а свободное государство» (no mere dependent, but a free State). С этой целью, автор делает беглый обзор истории Финляндии с 1780 года и стремится выяснить, что Император Александр I обещал стране сохранение ее конституции и привилегий ради замирения населения и окончательного покорения страны. Это обещание даст автору возможность заключить, что вопрос о Финляндии — международный, и защита прав последней не есть вмешательство во внутренние дела России. В том же духе высказывался и «Finland». В статье «Ирландия и Финляндия»[112] редакция журнала, стараясь польстить Англии в ирландском вопросе, нападает на г. Стэда, который заявил, что Россия уже давно дала Финляндии то, в чем англичане постоянно отказывают ирландцам. Автор статьи старается побороть неизбежное смущение

* *«Отдельное государство» (фр.), «Независимое конституционное государство» (англ.).*

каждого англичанина при такой постановке вопроса тем софизмом, что ирландский вопрос, «главным образом», земельный, а финляндский — только политический, почему первый — домашнее дело Великобритании, а второй имеет политический интерес для всего света, что дает каждому право вмешаться в дело, как ему заблагорассудится. Кроме того, автономия Ирландии была давно ею утрачена, она просит того, чего не имеет, а Финляндия «только что теряет свои права и оберегает себя от замышляемого похищения».

В связи с такими попытками перенести вопрос на международную почву стоит сделанный летом в английском парламенте запрос члена палаты общин г. Atherley Jones[113] по Финляндскому вопросу[114]. Суть запроса сводилась к протесту против усиления военных тягостей Финляндии и против проявления неограниченной Высочайшей Власти по отношению к Великому княжеству. Как это заметил и сам оратор, делавший запрос, лидер палаты общин, г. Бальфур[115], прервал его только тогда, когда речь была окончена. От имени английского Foreign Office отвечал товарищ статс-секретаря по иностранным делам г. Бродрик[116]: «Вопрос, — сказал он, — не входит в сферу ведения английского Foreign Office; британского парламента вопрос также не касается; как правительство и как страна, нам положительно не приходится заниматься этим делом, так как у нас в этом вопросе нет положительно никакой почвы под ногами (no locus standi). Нас не касается никакое улучшение, которое будет введено в положение Финляндии. Мы не давали никаких гарантий Финляндии, не заключали трактатов, касающихся ее; мы не можем вмешиваться в ее дела».

Однако отказ правительств великих держав придать делу международный характер не прекратил усилий в этом смысле со стороны частных лиц. Так, из Гельсингфорса писали в «Indep. Belge», в номере от 11-го октября:

«Pour que nous puissions entrevoir du changement, il faudrait que l'Empire russe s'écroulat, par exemble à la suite d'une guerre malheureuse avec l'Angleterre ou l'Allemagne. Si alors les diverses nations englobées reprenaient une certaine autonomie (comme firent en leur temps les principautés danubiennes), il serait possible que nous retrouvions notre intégrité politique, soit même géographique par une fédération avec les trois autres Etats scandinaves. Mais ce sont la des suppositions. Et il n'est pas besoin d'ajouter que nous ne ferons rien pour hater ou provoquer une crise. Nous sommes et resterons de calmes et loyaux sujets. Nous résistons selon nos droits, sans faillir pour cela à nos devoirs. Les Finlandais, sans y être formellement astreints, ont pris part a la guerre contre les Turcs et s'y sont vaillamment comportés. On ne peut rien leur reprocher, et vous remaquerez que les messages impériaux et leurs commentaires s'en tiennent à de vagues généralités, sans faire allusion même à un abus quelconque de notre part. Et les calomnies de la presse officieuse russe tombent d'elles-mêmes.

Nous ne sortirons pas de la légalité, mais la résistance ne faiblira pas. Le bon droit est avec nous; l'élite intellectuelle de l'Europe nous a manifesté hautement son adhésion à notre cause. Bien qu'on ait affecté en haut lieu d'ignorer ce témoignage, comme on méconnait nos droits, cela pèse, cela compte; et on ne peut pas dire que l'effet moral est perdu»*.

---

* *«Чтобы мы смогли увидеть перемены, нужно было бы, чтобы Российская империя рухнула, например, вследствие неудачной войны с Англией или Германией. Если затем включенные в нее народы восстановили бы определенную автономию (как сделали в свое время дунайские княжества) возможно мы бы вновь обрели нашу политическую целостность, или даже географическую как федерация с тремя другими скандинавскими государствами. Но это лишь предположения. И нет необходимости добавлять, что мы не сделаем ничего, чтобы ненавидеть или провоцировать кризис. Мы есть и останемся спокойными и лояльными подданными. Мы оказываем сопротивление в соответствии с нашими правами, не уклоняясь при этом от наших обязанностей. Финны, не будучи формально обязанными, принимали участие в войне против турок и проявили себя в ней доблестно. Их не в чем упрекнуть и, заметьте, имперские послания и их комментарии сводятся к расплывчатым сообщениям, даже без намека на какие-либо злоупотребления с нашей стороны. И клевета официозной российской прессы стихает сама собой.*

Мы не выйдем за рамки законности, но сопротивление не ослабнет. Правое дело за нами, интеллектуальная элита Европы явно продемонстрировала нам свою поддержку нашему делу. Несмотря на то,

Через неделю, 19-го октября, гельсингфорсский корреспондент этого журнала, по-видимому, спохватился и постарался исправить сказанное раньше:

«Parmi les calomnies dont la presse russe nous a chargés, figurait l'accusation de vouloir nous séparer de la Russie pour nous rattacher à la Suède! C'est simplement absurde, personne n'a jamais songé à cela. Les Finlandais ont accepté sans restriction la domination russe, après que le sort de la guerre eut décidé, en 1809. Ils ont vécu paisibles et heureux sous les empereurs libéraux Alexandre I et Alexandre II. De plus, il s'est produit dans le pays un mouvement exclusivement nationaliste finnois» *. Далее говорится: «En sorte, qu'une agitation pour la réannexion à la Suède trouverait de l'opposition dans le pays même, qui prétend à une indépendance morale»**.

В приведенной корреспонденции подставляется, впрочем, одно понятие под другое: раньше говорилось о *федерации* скандинавских государств, в последней же корреспонденции отрицается мысль о *слиянии* со Швецией (la réannexion à la Suède).

Понятно, вышеприведенную идею сепаратизма нельзя приписывать всем финляндцам, но с существованием ее у некоторых из них приходится считаться, потому что она — результат общего направления в бывших до сих пор русско-финляндских отношениях: все дело в степени проявляемого отчуждения и отрицания общеимперских интересов и задач. Указанное выше явление есть показатель ненормального положения, понимание которого не ускользало от нерасположенных к России, но самостоятельно мыслящих людей. Так, в «Pall Mall Gazette» от 20-го сентября некто E.A. Brayley Hodgetts[117], лично знавший покойного Ордина, автора «Покорение Финляндии»[118], поместил статью, под заглавием: «Respublica in imperio». Статья начинается словами: «Право, у нас, кажется, подняли слишком много ненужной возни по вопросу о Финляндии. Те самые люди, которые раньше никогда не считали Россию способной на дурное дело и всегда принимали ее сторону, теперь вдруг отказались от своей прежней любви». Затем следует возмутительная брань по адресу России, обвинение ее во всех возможных и даже невозможных преступлениях. При совершении всех этих злодеяний поклонники России молчали, — почему же они теперь сантиментально взяли сторону финляндцев? Если глядеть не с финской, а с русской стороны, то окажется, что Финляндия всегда была республикой в империи и «шипом в боку» у Самодержавия. Она пользовалась свободой и привилегиями, в которых было отказано славянским подданным Царя, — и, однако, она была побежденной страной. После балтов, поляков и армян наступила пора финнов. Впрочем, как Император Александр III умел останавливаться на краю пропасти, к которой Его вели министры, так, по-видимому, и Царь Николай II обладает этой способностью. Только в настоящем случае политика русификации, кажется, взяла перевес. Все сторонники Самодержавия пожалеют, что лояльные финны будут обращены в недовольных и революционеров; любители самоуправления тоже будут горевать. Но, это делу не поможет: финны слишком малочисленны и бедны, влияние их в Европе слабо, — им придется покориться».

Отрезвляющее впечатление на лиц, рассчитывавших на иностранное заступничество за Финляндию, должна была произвести потребованная британским посольством в Петербурге отставка британского вице-консула Вольфа, против которого выставлено было обвинение в агитации против Высочайшего Манифеста 3/18 февраля[119]. Даже одержимое русофобией «Times» должно было согласиться, что «принятие британским посланником отставки

что в высших кругах притворялись, что игнорируют это свидетельство того, как пренебрегают нашими правами, это имеет вес, это имеет значение, и нельзя сказать, что моральный эффект утрачен» (фр.).

* *«Среди клеветы, выдвинутой русской прессой, было обвинение в желании отделиться от России, чтобы снова присоединиться к Швеции! Это просто абсурдно, никто никогда не думал об этом. Финны безоговорочно приняли русское господство, после того как был решен исход войны в 1809 г. Они жили мирно и счастливо при либеральных Императорах Александре I и Александре II. Кроме того, в стране появилось исключительно националистическое финское движение» (фр.).*

** *«Таким образом, агитация за повторную аннексию Швецией встретила бы сопротивление в самой стране, которая претендует на моральную независимость» (фр.).*

вице-консула было, без сомнения, при настоящих обстоятельствах, неизбежным». Бальфур же, на запрос в парламенте об этом инциденте, заявил 19-го октября: «содержание письма Вольфа к британскому генеральному консулу было передано посольством в Петербурге по телеграфу в Лондон 13-го сентября, а 15-го из Лондона было отвечено, что отставка Вольфа может быть принята. Очевидно, нельзя было удерживать на посту британского вице-консула русского подданного, принимающего активное участие в агитации против русского правительства. Если бы Вольф не был удален своевременно, русское правительство имело бы полное право отказаться признавать его вице-консулом. Что касается второго предложенного вопроса, то верно известие об отставке девяти других британских консулов в Великом княжестве, ввиду невозможности, по их словам, совмещать консульские обязанности с их политическими правами и обязанностями в качестве граждан родной страны». [...]

Опубл.: Финляндия. Обзор периодической печати. [Вып. 1]. Ноябрь 1899. СПб., 1899. С. 28–33.

№ 43. Статья «Мнение иностранной печати о введении русского языка в Финляндии» из «Обзора периодической печати»

Ноябрь 1899 г.

Мнение иностранной печати о введении русского языка в Финляндии

Так в последнем номере «Finland» помещена статья: «Русский язык в Финляндии»[120]. Автор, с первых же слов, восстает против русского языка, заявляя, что он был всегда главным средством руспфикации. Хотя преподавание этому языку ведется в высших школах Финляндии, он настолько труден, что его скоро забывают, и по Финляндии легче путешествовать, зная немецкий, французский и английский языки, чем русский. Только офицеры, железнодорожные служащие и почтовые чиновники да иные лица, которым знание русского необходимо ex officio, составляют исключение из общего правила. Панславистская пресса старается доказать, что незнакомство с русским языком есть признак нелюбви финнов ко всему русскому, есть признак финского сепаратизма. Но действительная причина незнания языка ясна. Финнам не нужен русский язык: *он не является фактором во внутренней жизни нации.* Русских очень мало в Финляндии, всего около 5000, т. е. 0,2 % населения, так как русская печать неверно дает цифру в 47 000, включая в общее число всех крестьян православного вероисповедания, населяющих восточные области края. Эти последние говорят по-фински. Кроме 5000 чел. русских, осевших на постоянное жительство в Финляндии, имеются еще русские гарнизоны в нескольких городах края, но военный люд часто переводится обратно в Россию; кроме того, русское офицерство в Финляндии сторонится местных жителей.

Многое делалось с целью искусственно насадить русский язык в Финляндии, и положения нового Устава о воинской повинности свидетельствуют о том же стремлении, но все оказывалось до сих пор напрасным. Финляндцу русский язык не нужен ни для практических целей, ни для научных. Кроме того, образованный финляндский юноша для успешного служения своей стране, должен знать оба национальных языка, шведский и финский, а знание западных европейских языков дает ему доступ к научным и литературным сокровищам высококультурных наций, помогая, кроме того, в области торговых сношений. Требовать при таких условиях наряду с современными языками, не говоря уже о мертвых, знакомства с русским, значит предъявлять к ученику невозможные требования. Что же касается народной массы, то нельзя ждать от нее знания чего-либо иного, кроме родного языка и добытых практикой жизни отрывочных сведений по другим.

«Когда Россия разовьет, как она это несомненно сделает в свое время, форму культуры, которая подойдет под умственный строй развитых людей на Западе, когда финны увидят, что изучение русского языка отвечает их интересам, когда русские станут относиться дру-

жественно к их сотоварищам в Финляндии, — нет сомнения, финны сами возьмутся за изучение русского языка, и, таким образом, цели славянофилов окажутся осуществленными гораздо полнее и лучше, чем искусственными и насильственными мерами».

В приведенных рассуждениях обращает на себя внимание, главным образом, фраза, что «русский язык не является фактором внутренней жизни нации». Против этого именно отчуждения и признано нужным бороться, работая над сближением на почве экономических, военных, вообще государственных интересов.

Опубл.: Финляндия. Обзор периодической печати. [Вып. 1]. Ноябрь 1899. СПб., 1899. С. 38–40.

№ 44. Отношение № 7577 министра Императорского Двора барона В.Б. Фредерикса[121] военному министру А.Н. Куропаткину[122] о нежелательности насильственной русификации военнообязанных в Финляндии

11 декабря 1899 г.

Министерство Императорского Двора
Канцелярия
11 декабря 1899 года
№ 7577
На № 59031

Военному министру

По ознакомлении с проектом Устава о воинской повинности в Финляндии, в связи с журналом Высочайше учрежденной Комиссии по вопросу об уравнении личной и военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи, я, с своей стороны, вполне соглашаюсь как с существом проекта, так и с заключительными положениями Комиссии и считаю необходимым указать лишь на следующие поправки, которые, казалось бы, следовало допустить в ст. ст. 46 и 124 проекта.

Исходя из соображения, что обстоятельное ознакомление финляндских уроженцев с русской речью легче всего может быть достигнуто мерами не столько понудительными, сколько поощрительными, являлось бы целесообразным, не вводя в требования 46 статьи проекта обязательного знания русского языка от лиц, упомянутых в 1 п. статьи 45, — предоставить молодым людям, пользующимся по 2 пункту 45 статьи правом на сокращенный срок службы, льготу 1 пункта той же статьи при условии представления удостоверения в знании русского языка. — Соответственно сему в 3 пункте 124 ст. исключить требование обязательного знания того же языка при представлении свидетельств, необходимых для права поступления вольноопределяющимися.

Можно думать, — что подобные льготы, способствуя развитию в уроженцах Финляндии сознания, что правительственная власть не стремится к каким-либо принудительным мерам водворения господствующего языка путем воинской повинности, тем не менее не послужат ко вреду русского дела, так как при введении в проект установленного Комиссиею примечания к 7 статье, служба финляндцев в рядах войск внутри империи явится не только естественной школой русской речи, но и наиболее действительным средством духовного воссоединения Финляндии с империею вообще.

Министр Императорского Двора,
генерал-адъютант барон Фредерикс
Заведующий канцелярией Свиты Его Величества
генерал-майор Рыдзевский[123]

РНБ. Шифр: 135/286-290. Ч. 1. Государственный совет. Материалы. Т. 290. Ч. 1 [11].

№ 45. Журнал высочайше образованного Особого совещания для обсуждения вопроса о введении русского языка в делопроизводство правительственных установлений Великого княжества Финляндского[124]

7(19) января 1900 г.
Список

ЖУРНАЛ
Высочайше образованного Особого совещания для обсуждения
вопроса о введении русского языка в делопроизводство
правительственных установлений
Великого княжества Финляндского
Заседание 7 января 1900 года

Присутствовали:

Председатель:

Председатель Департамента законов Государственного совета, статс-секретарь, действительный тайный советник **Фриш**.

Члены:

Член Государственного совета, генерал-адъютант, генерал от инфантерии граф **Гейден 2-й**.

Член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода, статс-секретарь, действительный тайный советник **Победоносцев**.

Финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа, генерал-адъютант, генерал от инфантерии **Бобриков**.

Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского, Государственный секретарь, статс-секретарь, действительный тайный советник **Плеве**.

Министр юстиции, статс-секретарь, тайный советник **Муравьев**.

Председатель Особого совещания статс-секретарь Фриш, открыв заседание оного, объявил, что по воле Государя Императора настоящее Совещание образовано для обсуждения вопроса о введении русского языка в делопроизводство правительственных установлений Великого княжества Финляндского.

Высочайше образованное Особое совещание, приступив во исполнение Высочайшего повеления Его Императорского Величества к обсуждению упомянутого вопроса, остановилось на следующих соображениях.

Поводом к возбуждению изъясненного вопроса послужила поданная сословием крестьян на очередном Сейме 1897 г. всеподданнейшая петиция относительно установления равноправности финского языка со шведским во внутреннем делопроизводстве и официальной переписке присутственных мест и должностных лиц Финляндии. Петиция эта по Высочайшему повелению 4/16 ноября 1897 г. была внесена на обсуждение общего собрания департаментов Императорского Финляндского Сената, который во всеподданнейшем заключении 19 февраля 1898 г. полагал отклонить означенную Сеймовую крестьянского сословия петицию, подвергнув возбужденный в ней вопрос разработке в особой комиссии, с тем, чтобы выработанный ею проект был внесен в Сенат, а сим последним представлен Государю Императору. Исправлявший должность Финляндского генерал-губернатора, генерал-лейтенант Гончаров[125], полагая также отклонить упомянутую петицию, не высказал, однако, мнения своего относительно заключения Сената, а заявил о необходимости введения русского языка в делопроизводство некоторых правительственных установлений Великого княжества Финляндского. Государь Император, отклонив петицию крестьянского сословия в 17-й день ноября 1899 года Высочайше соизволил отозваться, что об усовершенствовании действующего законодательства относительно употребления финского языка в правительственных установлениях Финляндии Его Императорским Величеством в свое время будут преподаны надлежащие указания.

Подача крестьянским сословием вышеозначенной петиции свидетельствует, что существующее в настоящее время в Финляндском крае употребление в официальной переписке двух языков — шведского и финского, и притом с преобладанием первого над последним — представляется явлением ненормальным. Этот порядок не может удовлетворять потребностям массы населения края, не только не говорящего по-шведски, но не имеющего никакой надобности употреблять шведский язык ни в своей местной сфере, ни в сношениях с ближайшими соседственными местностями, за пределами Финляндии расположенными.

При таком положении официального языка в Великом княжестве Финляндском не мог не выдвинуться вопрос о введении русского языка в делопроизводство местных правительственных установлений. И действительно мысль эта оказывается вовсе не новою.

Заботы правительства о распространении русского языка в Финляндии начались тотчас после присоединения этого края к России. На первых же порах, по включении Великого княжества Финляндского в состав Российского государства, был предпринят ряд мер как к предоставлению русскому языку должного значения в делопроизводстве присутственных мест завоеванной окраины, так и к обучению русскому языку финляндского юношества.

Относительно необходимости введения в делопроизводство русского языка во время присоединения Финляндии к России не было никаких колебаний. Введение русского языка представлялось в то время вопросом совершенно решенным, не вызывавшим никаких сомнений. Шведский язык допущен был лишь временно, «доколе войдет в употребление российский». В 1808 г., ноября 19, Императором Александром I удостоены были предварительного одобрения два акта после рассмотрения их в особом комитете: «план управления Финляндиею» и «положение о учреждении главного правления в новой Финляндии». В § 7 «плана» значилось: «дела (в правительственном комитете) будут производиться, за невозможностью поступить иначе, на ныне господствующем в крае языке (т. е. шведском); но, когда попечениями правительства будут учреждены школы русского языка, этот язык, в качестве главного, будет введен вообще в делопроизводство вместе с финским, как языком народным». В § 6 «положения» предписывалось: «все дела производить на ныне употребляемом в Финляндии языке, доколе войдет в употребление российский».

Вслед за сим положено было начало постепенному введению русского языка в делопроизводство финляндских установлений.

Согласно Высочайше утвержденной 26 октября 1811 г. инструкции финляндской комиссии, дела в Комиссии дозволено было производить впредь до времени на шведском языке, причем журналы и реестры должны были быть немедленно переводимы на русский язык под ответственностью секретаря экспедиции; исполнения же по Высочайшим решениям составлялись в комиссии на русском языке с приложением перевода на шведский язык для отвращения всякого недоразумения.

Однако в дальнейшем своем развитии мероприятия правительства относительно признания за русским языком в делопроизводстве присутственных мест Великого княжества Финляндского значения языка официального подверглись значительным колебаниям и отступлениям. Колебания эти касались, главным образом, требований знания русского языка как непременного условия вступления на службу, без чего, очевидно, не могло установиться и самое делопроизводство на русском языке. В этом направлении, начиная с 1812 г., последовал целый ряд различных по существу своему распоряжений.

Вскоре по издании Высочайше утвержденной 26 октября 1811 г. инструкции, последовал 6 июня 1812 г. Высочайший рескрипт на имя Финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Штейнгейля[126] о назначении срока, а именно пяти лет со времени снабжения училищ учителями русского языка, по истечении которого все молодые люди в Финляндии, намеревавшиеся вступить в государственную службу, обязаны были публично доказать познания свои в русском языке. Ввиду того, что нужные для обучения русскому языку учителя были уже частью назначены в училища, частью же имели быть определены в непродолжительном времени, в дополнение к рескрипту 1812 г. состоялось 10 апреля 1813 г. Высочайшее повеление о том, чтобы по истечении пяти лет считая с 1 мая 1813 г.

никакой студент, кто бы он ни был, не должен был быть принимаем в духовное звание или получить академическое свидетельство для приискания себе публичной деятельности, если он не доказал, что знает русский язык.

Тем не менее общее правило о знании русского языка для вступления в службу не было проведено в жизнь. Ряд последовавших распоряжений сначала ограничил его применение, а затем превратил его в специальное правило для некоторых только должностей. В числе позднейших по сему предмету распоряжений надлежит отметить следующие.

28 мая 1890 г. Финляндский Сенат постановил, чтобы следующие должностные лица по Выборгской губернии обязательно знали русский язык: 1) по губернскому правлению: ландс-секретарь, губернский казначей, помощник губернского казначея, паспортный экспедитор; 2) по Выборгской городской полиции: полицеймейстер, секретарь полицейского управления и все полицейские комиссары, и 3) по сельской полиции: коронные фохты некоторых уездов и коронные ленсманы некоторых округов. На основании пункта 4 Высочайшего манифеста 31 мая 1890 г. знание русского языка обязательно для всех вновь определяемых на службу в почтовые учреждения в городах Великого княжества и в Выборгской губернии. 1 августа 1891 г. Высочайше повелено чинов статс-секретариата Великого княжества Финляндского и канцелярии генерал-губернатора края впредь назначать из русских чиновников, окончивших университетский курс и изучивших основательно местные финляндские законы, а также из финляндцев с высшим образованием, но лишь основательно знающих русский язык. Высочайшим объявлением 2 сентября 1891 г. учреждена должность помощника главного почт-директора в Финляндии, для занятия которой знание русского языка обязательно. Засим, манифестом 7 декабря 1891 г. объявлено: «Для распространения знания русского языка среди служащих в Финляндии, Мы признали за благо, не изменяя установленных пред сим правил относительно обязательного для некоторых чиновников знания русского языка, сим Высочайше постановить, чтобы впредь от лиц, поступающих на государственную службу по гражданскому ведомству в Финляндии, постепенно требовалось знание русского языка, согласно изложенным ниже определениям. Это требование относится преимущественно к лицам, поступающим на службу при правительственных железных дорогах и по ведомствам таможенному и административно-полицейскому, особенно же в приморских городах и местах расположения русских войск. Служащим по учебному ведомству, представившим свидетельство от преподавателя русского языка в университете о знании сего языка, срок службы для производства и для получения пенсии уменьшается на два года. При замещении судейских должностей в пограничных с Россией местностях, следует соблюдать, чтобы лица, назначаемые в сии должности, знали русский язык; кроме того, надлежит иметь в виду, чтобы в городских судах один из служащих мог объясняться на русском языке. При каждом назначении на службу дается безусловное преимущество тому, кто знает русский язык, если он в остальном соответствует установленным в законе требованиям в отношении права на производство по службе. Чтобы воспользоваться этим преимуществом, кандидат обязан к прошению о назначении в должность приложить свидетельство о знании русского языка, выданное преподавателем сего языка при университете или же учителем того же языка при лицее. На должности учителей русского языка в лицеях назначаются преимущественно русские уроженцы с университетским образованием или другие лица, изучившие этот язык при университетах в империи».

15 декабря 1897 г. и 8 сентября 1899 г. состоялись Высочайшие постановления о полиции городов Гельсингфорса, Або, Выборга, Таммерфорса и Бьернеборга. В этих постановлениях содержатся следующие указания: полицеймейстеры в сих городах, а секретари в городах Гельсингфорсе, Або и Выборге должны владеть русским языком; просящийся на должность секретаря в Таммерфорсе и Бьернеборге, если представит удостоверение о знании русского языка, при одинаковых прочих условиях, имеет преимущественное право на занятие должности; при назначении комиссаров, обер-констаблей и констаблей в Выборге, Або и Гельсингфорсе при одинаковых прочих условиях дается преимущество лицам, владеющим русским языком; в Гельсингфорсе, Або, Выборге, Таммерфорсе и Бьернеборге на-

значение обер-констаблей или констаблей производится с тем расчетом, чтобы в полиции состояло необходимое число лиц, владеющих русским языком.

В самое последнее время, а именно 13/25 января 1899 г., воспоследовало Высочайшее повеление, в силу коего к назначению на должности сенаторов, губернаторов и начальников главных управлений не могут быть представляемы лица, не владеющие русским языком. Меру эту, в отношении членов Судебного департамента Сената, Высочайше разрешено осуществить по истечении пяти лет, т. е. начиная с 13/26 января 1904 года.

В качестве общего, однако, правила для всех служащих в Великом княжестве Финляндском ныне действует лишь предписание отдавать при назначении на должности преимущество кандидатам, знающим русский язык. Столь незначительное требование, к тому же на практике далеко не всегда исполняемое, не могло не отразиться на размерах распространения русского языка в делопроизводстве присутственных мест Великого княжества: он оказался введенным в делопроизводство лишь в самых ограниченных размерах. Предпринятые в сем отношении меры сводятся к следующему.

В 1826 г. марта 17 последовал Высочайший манифест об упразднении комиссии финляндских дел в С.-Петербурге и об учреждении статс-секретариата для Великого княжества Финляндского. Согласно § 7 отделения I сего закона, канцелярия статс-секретариата составлена была из двух отделений, из коих первое учреждено для российской переписки, а второе для составления бумаг на шведском языке. Согласно § 6 отделения II того же закона, из представлений генерал-губернатора и Сената должны были составляться, по приказаниям министра статс-секретаря, на его ответственности, записки на русском языке. Означенная инструкция была изменена Высочайшим постановлением 1 августа 1891 г.; по силе статьи 2 сего постановления, министр статс-секретарь должен препровождать генерал-губернатору края тексты Высочайших постановлений, а также законопроектов и предложений Сейму на русском только языке. Равным образом и генерал-губернатор должен сообщать оные Финляндскому Сенату на русском же языке. Точно также на русском языке должны поступать к генерал-губернатору все отзывы и представления Финляндского Сената. Переводы подлинных текстов на шведский и финский языки, равно как и переводы представлений и отзывов Сената на русский язык, возлагаются по распоряжению Сената на ответственность присяжных переводчиков. Всеподданнейшие представления Финляндского Сейма переводятся тем же порядком на русский язык. Практическое применение, впрочем, приведенного закона выражается ныне в том, что подлинные тексты всеподданнейших представлений, равно как отзывов и исходящих бумаг Сената излагаются на шведском языке, но к ним приобщаются переводы на русский язык.

Независимо от сего еще 3 декабря 1866 г. последовало Высочайшее объявление, согласно коему прошения и бумаги на русском языке должны быть беспрепятственно принимаемы в судебных и присутственных местах от лиц, природный язык коих есть русский. Означенные бумаги должны быть переводимы на шведский или финский язык в Сенате, гофгерихтах, губернских правлениях и других присутственных местах, где назначены переводчики русского языка, бесплатно; в присутственных же местах, где таковых должностей не учреждено, вознаграждение должно быть выдаваемо из особых на сей предмет ассигнований. В местах же, где не имеется переводчиков и не назначено сумм на переводы, упомянутые бумаги должны пересылаться в подлежащее губернское правление для немедленного перевода. Вышеизложенные правила подтверждены Высочайшим повелением 4 апреля 1887 г. об употреблении шведского и финского языков в делопроизводстве и служебных сношениях. В сем Высочайшем повелении пояснено, что им «не изменяется существующий порядок делопроизводства и сношений на русском языке».

Наконец, согласно предписанию Финляндского Сената 24 мая 1897 г., годовые отчеты губернаторов представляются генерал-губернатору в двух экземплярах: один на русском и другой на шведском или финском языках, в Хозяйственный же департамент Сената в одном экземпляре на шведском или финском языке.

Что касается забот правительства об обучении финляндского юношества русскому языку, то меры, направленные к осуществлению этой задачи, начались еще в 1812 г. Ряд последовавших с того времени узаконений с целью обучения финляндского юношества русскому языку вне всякого сомнения доказывает, что для достижения поставленной цели сделано было очень много. Преподавание русского языка предписано было ввести почти во всех учебных заведениях края: учреждены были командировки со стипендиями с единственною целью изучения русского языка; организовано было в Московском университете особое преподавание русского языка для финляндских студентов и т. д. К сожалению, действительность не отвечала желаниям и предположениям правительства; к тому же и распоряжения его не отличались твердостью. Так, обязательность обучения русскому языку была отменена в 1863 г.; Высочайшим повелением 1871 г. она восстановлена, но вслед затем, в ряде отдельных распоряжений, она была снова если не уничтожена, то, по крайней мере, весьма ослаблена предоставлением ученикам выбора между русским языком и другими языками или особыми предметами преподавания. Далее установленные в начале сороковых годов командировки финляндских студентов в русские университеты для изучения русского языка очень скоро сокращены, а затем вообще отошли на второй план и заменены выдачею пособий финляндским чиновникам для поездок в Россию с целью изучения русского языка или с иною «полезною для края целью».

Приведенный краткий, в общих чертах обзор распоряжений, направленных к употреблению русского языка в правительственных установлениях Финляндии, показывает, что правительство с давних пор сознавало необходимость этой меры. Осуществление ее представляется неизбежным последствием взаимных финляндской окраины к империи отношений, которые постепенно, сообразно росту государства, развивались и ныне достигли такого фазиса, при котором дальнейшая обособленность края, препятствуя достижению общегосударственных целей, становится вредною для интересов как империи, так и окраины. С точки зрения взаимных польз, введение русского языка в делопроизводство правительственных установлений Великого княжества Финляндского составит одно из действительных средств сплочения этого края с Россией, так как послужит к объединению финляндской окраины с прочими частями государства и в порядке управления, обеспечивая представителю в ней Верховной Власти возможность надлежащим образом исполнять свои в сем отношении обязанности. По справедливому замечанию временно исправлявшего должность Финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Гончарова, — заявившего о необходимости введения русского языка хотя бы в делопроизводство высших установлений края, — представитель Верховной власти в Финляндии встречает при исполнении своих обязанностей существенные неудобства в том, что делопроизводство всех местных правительственных установлений ведется на языке, генерал-губернатору чуждом. К этому взгляду вполне присоединился и Главный начальник края, генерал-адъютант Бобриков, подтвердивший, что незнание русского языка чиновниками Великого княжества, являясь препятствием к сплочению этой окраины с центром, затрудняет высшую в крае власть в управлении оным и вызывает постоянные недоразумения при переводе на местные языки изданных на русском языке постановлений.

По мнению Особого совещания, такое положение дел не должно далее продолжаться.

Обсуждаемое предположение вызвало со стороны Финляндского Сената возражения. По мнению Сената, мысль ввести русский язык в делопроизводство по управлению Финляндиею была действительно высказана Императором Александром I, но впоследствии оставлена; никаких общих мер к осуществлению этого намерения принимаемо не было, и заботы правительства клонились преимущественно к установлению равноправности между языками шведским и финским, которая и определена окончательно Высочайшим постановлением 1 августа 1863 г. Таким образом, мысль об объявлении русского языка официальным языком Финляндии не вытекает из прежних распоряжений и не согласуется ни с общественным строем края, ни с современным положением Великого княжества. Кроме того, введение русского языка в употребление в официальной переписке противоречит зако-

нам страны: в Уложении 1734 г. указано, что в судебных решениях не должен употребляться иностранный язык (чужой), а в «Основных законах» постановлено, что способность, заслуги, опытность и испытанная гражданская доблесть составляют единственное основание для назначения на все правительственные должности в стране. Отсюда Финляндский Сенат заключает, что нельзя к определяемым на службу лицам предъявлять какие-либо иные требования, например, требование об обязательном знании русского языка.

Приведенные возражения Сената составляют, в сущности, повторение доводов, которые обыкновенно выставляются против всех вообще предначертаний о теснейшем сплочении Великого княжества с империею. Доводы эти сводятся, главным образом, к двум относительно таких мероприятий указаниям: на несоответствие их основным законам края и на несогласие их с прежними распоряжениями правительства. По мнению Особого совещания, ни то, ни другое указание не может иметь решающего в обсуждаемом вопросе значения. Очевидно, воспрещение употреблять в судебных местах «чужой» язык неприменимо к языку государства, частью коего состоит Финляндия. Равным образом и правило, предписывающее, при назначении на государственные должности, руководствоваться заслугами, опытностью и гражданскою доблестью назначаемого, не исключает из свойств сей доблести знания русского языка. Что же касается соображения Сената о том, что выраженная первым Российским Монархом Финляндии мысль о введении в ней русского языка была впоследствии оставлена, то такое указание опровергается изданными в Его царствование распоряжениями, свидетельствующими о твердом намерении Его осуществить упомянутую мысль. В этом отношении достаточно сослаться на рескрипт 1812 г. и на повеление 1813 г., устанавливавшие пятилетний срок, по истечении коего незнающие по-русски не должны были быть принимаемы в Финляндии на государственную службу. Точно также и преемники Императора Александра I не оставляли Его намерения относительно распространения в Финляндии русского языка. В подтверждение сказанному надлежит упомянуть о Высочайших повелениях: Императора Николая I[127] – 1826 г. о делопроизводстве на русском языке в статс-секретариате; Императора Александра II — 1866 г. о обязательном приеме прошений на русском языке всеми правительственными установлениями Великого княжества и 1872 г. о введении в училищах края русского языка в число обязательных предметов и Императора Александра III — 1891 г. о требовании знания русского языка от лиц, поступающих на государственную службу по гражданскому ведомству Финляндии.

По поводу возражений Сената Особое совещание сочло долгом высказать, что едва ли вообще необходимо при проведении какой-либо государственной меры в финляндской окраине искать оправдания и объяснения ныне усвоенному по отношению к ней твердому образу действий правительства в прежних течениях государственной мысли по поводу названного края. Для всех предначертаний общегосударственного характера в отношении окраин вообще, а Великого княжества Финляндского в особенности, может иметь значение лишь одно руководящее начало, провозглашенное блаженные памяти Императрицею Екатериною II[128]: «Надеяться могут вспоможения согласно с пользою Нашей империи».

В обсуждаемом вопросе необходимо решить принципиально раз навсегда, какой язык может и должен быть признан языком правительственных установлений Финляндии: язык ли государства, нераздельную часть коего она составляет, язык ли прежних обладателей Великого княжества — шведский, или, наконец, язык туземного населения — финский?

На поставленный таким образом вопрос может последовать лишь один ответ: языком финляндских правительственных установлений должен быть признан язык Державы, в обладании коей находится Финляндия. По справедливому замечанию генерал-адъютанта Бобрикова, русский язык — духовное знамя империи и первейшее условие внутреннего объединения всех ее составных частей. Нельзя также упускать из виду ближайшей практической пользы рассматриваемой меры — обеспечения представителям русской власти в Великом княжестве способов вести дела управления согласно Высочайшим предначертаниям.

Но если вопрос о провозглашении русского языка в Финляндии языком официальным при отвлеченном его решении и не возбуждает сомнений, то иным он представляет-

ся в практическом осуществлении. В государствах разноплеменных политические течения всегда затрудняют образование общегосударственного языка. В борьбе с ними государству приходится прибегать к принуждению, даже стеснять иногда население в самом дорогом его достоянии, в свободном употреблении родного языка. Возникающие отсюда осложнения поселяют в стране недовольство и раздражение; под внешними формами наружного единения укореняется глубокая рознь и злобное отчуждение. На предупреждение подобных явлений следует направить все усилия при введении в употребление русского языка в финляндских правительственных установлениях. В этих видах, по мнению Особого совещания, надлежит вообще избегать установления таких правил, которые могли бы быть поняты в смысле намерения правительства ввести русский язык в употребление вне государственных функций и официальных сношений. Национальная, этнографическая и культурная самобытность финнов всегда признавалась и признается. Согласно сему, в области богослужения, литературы, семьи, в домашнем и вообще частном обиходе употребление местных языков отнюдь не должно быть стесняемо. По этому поводу Особое совещание не могло не высказать общего соображения, что денационализировать подвластные Державе Всероссийской народы правительство не стремилось и не желает, но установить между ними прочную государственную связь — священное право и в то же время священная обязанность правительства и его естественная забота. Засим, в частности, в отношении обсуждаемого вопроса необходимо взвесить и сообразить все его стороны. Важнейшие из них касаются следующих предметов: 1) в каких правительственных установлениях Великого княжества следует ввести в употребление русский язык; 2) в каких пределах употребление этого языка в означенных установлениях необходимо признать обязательным, и 3) в какой срок надлежит привести изъясненную меру в действие.

Соображая сии вопросы, Особое совещание остановилось на мыслях, высказанных бывшим Финляндским генерал-губернатором, генерал-адъютантом графом Гейденом. Мысли эти сводятся к следующим положениям.

Каждое лицо, проживающее в Финляндии, имеет право подавать прошения, жалобы и заявления на одном из трех языков — русском, финском и шведском — во все правительственные места и получать ответы на языке просителя. Генерал-губернатор определяет подробные инструкции в развитие постановления 3 декабря 1866 г.

Желающие получить назначение на вакантную должность в правительственные установления обязаны представить сверх надлежащих свидетельств в компетенции, также аттестаты о знании русского языка и умении составлять деловые бумаги. Аттестаты выдаются из русских университетов и из русских гимназий Гельсингфорса и Выборга за подписью директора, инспектора и учителя русского языка. При неимении кандидатов с такими требованиями могут быть назначаемы временно другие компетентные кандидаты, но только как исполняющие должности, могущие быть смещаемыми во всякое время. В случае надобности допускаются отступления от общего правила (назначение пасторов и проч.), причем право это должно быть предоставлено исключительно Генерал-губернатору.

Вся переписка генерал-губернатора и его канцелярии, а также его штаба по финским войскам, со всеми местными учреждениями и все представления и отзывы сих последних производятся на русском языке.

Ратгаузские и городские суды производят судебные дела на том языке, на котором в месте заседаний ведется делопроизводство в общинном управлении, но ответы выдаются на языке просителя. Дела, поступающие из судов низшей инстанции в гофгерихты, рассматриваются на том языке, на котором производилось дело в низшей инстанции. В Судебном департаменте Сената, а также в хозяйственном по делам судебным, делопроизводство ведется на языке, на котором изложено дело. По всем прочим делам Сената делопроизводство производится временно на одном из туземных языков, за исключением переписки с генерал-губернатором, его канцелярией и штабом, которая обязательно производится на русском языке.

По мнению Особого совещания, изложенные предположения выходят за пределы задачи, возложенной на Совещание — обсудить вопрос о введении русского языка в делопроизводство правительственных установлений Финляндии. Помимо того, что предположения эти имеют в виду определить взаимное соотношение всех трех употребляемых в крае языков — русского, шведского и финского — в переписке не только администрации, но и местного суда, они в слишком широких пределах охватывают обсуждаемый вопрос. Предстоящая реформа языка в области делопроизводства финляндских правительственных установлений на первый раз должна быть осуществлена в более тесных рамках. По глубокому убеждению Особого совещания, проводя в жизнь меры государственные, подобные настоящей, следует ограничивать пределы задачи требованиями крайней необходимости, но уже в этой области действовать решительно. Таким только путем возможно вселить в умах населения сознание совершенной бесполезности какой-либо агитации с целью добиться отмены или смягчения принятой правительством меры.

В связи с сказанным, по поводу затронутого в упомянутых предположениях вопроса о языке в судебных местах Великого княжества Финляндского, Особое совещание рассуждало, что введение русского языка в местное судопроизводство связано с изменением местного судоустройства. Поэтому, дабы не осложнять поставленной на ближайшую очередь задачи, упомянутый вопрос удобнее сообразить после того, как состоится реформа языка в административных установлениях Финляндии. Осуществление этой реформы должно последовать в ближайшем будущем, между тем как преобразование местного судоустройства ввиду сложности такой реформы неизбежно займет немало времени. Замедление в разрешении последнего из указанных вопросов поведет неминуемо к отсрочке введения русского языка в делопроизводство Сената во всех его частях. Но такая мера связана с самым устройством Финляндского Сената, который представляет из себя, собственно, два учреждения: административное — Хозяйственный департамент и судебное — Судебный департамент. Для решения некоторых, весьма, впрочем, немногих дел, оба департамента собираются в общее собрание, но тесной, неразрывной между ними связи нет. По этому поводу в среде Особого совещания было заявлено, что без всякого вреда для дел указанной категории Департамент судебный может быть обособлен в целях отделения судебных функций Сената от административных, и что в этом смысле уже намечается по надобностям управления пересмотр учреждения Сената, который становится все более и более настоятельным. Таким образом, вопрос о языке в делопроизводстве Сената получит соответственное разрешение: в делопроизводстве административном русский язык имеет быть введен в ближайшем будущем, а в делопроизводстве судебном — впоследствии, когда признано будет возможным приступить к осуществлению этой меры.

От сих предположений перейдя к правилам, намеченным генерал-адъютантом Бобриковым, Особое совещание по выслушании изустных его объяснений усмотрело, что правила сии сводятся к следующим положениям:

Ввести русский язык в делопроизводство Сената и его экспедиций (кроме Судебного его департамента), статс-секретариата, канцелярии генерал-губернатора и канцелярии кадетского корпуса.

Обязать все главные и губернские управления вести переписку по-русски, причем прилагать финский перевод при сношениях с учреждениями, выше не поименованными.

Вменить в обязанность всем правительственным установлениям Великого княжества, не исключая и судебных мест, сноситься с властями империи на русском языке и на том же языке принимать прошения от частных лиц в тех случаях, когда последние к ним обратятся на языке государственном.

Требовать при поступлении на службу знания русского языка и удостоверением этих познаний считать дипломы высших и средних учебных заведений империи или свидетельства, выданные особо учреждаемыми для сей цели в Финляндии инспекторами на основании экзамена, производимого при участии учителей русского языка или православных священников.

Вникнув в сии предположения, Особое совещание признало оные в общем отвечающими цели предпринятой по воле Государя Императора реформы.

В отношении тех установлений, в делопроизводстве коих введение русского языка в употребление поставлено на первую очередь, Особое совещание нашло, что мера эта могла бы быть без особых затруднений осуществлена неотлагательно в статс-секретариате Великого княжества, канцелярии Финляндского генерал-губернатора и Финляндской в С.-Петербурге Паспортной экспедиции. По удостоверению министра статс-секретаря Великого княжества и Финляндского генерал-губернатора должностные лица означенных установлений настолько уже ознакомлены с русскою речью и письмом, что могут вести на этом языке как внешнюю переписку, так и внутреннее делопроизводство. Равным образом и делопроизводство в Фридрихсгамском кадетском корпусе могло бы быть ведено по-русски. Распоряжение, однако, по этому предмету должно последовать по военному ведомству от дела сего особо по предварительном сношении министра статс-секретаря Великого княжества с военным министром.

Что же касается Сената — за исключением Судебного департамента, — то введение в его делопроизводство русского языка на первых порах неизбежно вызовет некоторые неудобства. Но это явление надо предвидеть и с ним примириться. Введение в употребление русского языка в высшем административном установлении края составляет всю суть задуманного преобразования. Проведение его в указанной области, без малейших колебаний в сущности коренным образом разрешит вопрос о официальном языке в Финляндии. Не подлежит сомнению, что коль скоро в высшей административной в крае сфере привьются русские речь и письмо, то затем уже не встретится особых препятствий постепенно вводить русский язык в употребление и в остальных правительственных установлениях Великого княжества.

Полагая, вследствие сего, безусловно необходимым в видах достижения намеченной цели предпринятого преобразования постановить общим правилом, что производство дел в Финляндском Сенате (кроме Судебного департамента), как изустное, так и письменное, совершается на русском языке, Особое совещание вместе с тем признало необходимым допустить следующие льготы: а) чтобы относящиеся к делам подлинные документы могли быть читаны на том языке, на каком они составлены; б) чтобы, при выдаче копий с Сенатских определений, могли быть прилагаемы по ходатайству просителей шведские или финские переводы сих определений, и в) чтобы, в течение пяти лет со времени введения русского языка в употребление в делопроизводстве Сената (кроме Судебного департамента) председательствующим в заседаниях оного было разрешено дозволять членам Сената представлять словесные объяснения на шведском или финском языке.

Независимо от сего, по мнению Особого совещания, надлежит оговорить, что и за введением русского языка в употребление в делопроизводстве упомянутых выше правительственных установлений Великого княжества Финляндского этим установлениям не возбраняется принимать и давать установленный ход прошениям частных лиц, писанным на одном из местных языков.

Введение русского языка в одно только административное делопроизводство Сената без одновременного распространения этой меры на те административные управления, с которыми Хозяйственному департаменту Сената и его экспедициям приходится постоянно вести обширную переписку, было бы недостаточно и замедлило бы в будущем осуществление задуманной реформы во всем ее объеме. Усвоение русского языка Хозяйственным департаментом и его экспедициями шло бы весьма медленно, если допустить, чтобы и впредь, после обсуждаемого преобразования, вносимые на разрешение упомянутых установлений подведомственными им установлениями представления и вообще исходящие от них бумаги излагались не на русском языке. При таком порядке, ввиду предположенного разрешения читать относящиеся к делам подлинные документы на том языке, на каком они составлены, внутреннее делопроизводство Хозяйственного департамента и его экспедиций оставалось

бы в нынешнем положении. Ввиду сего, одновременно с введением рассматриваемой меры в действие, по мнению Особого совещания, необходимо постановить, что главные управления, подведомственные Хозяйственному департаменту Сената, а также губернаторы, равно как заступающие их место должностные лица и губернские правления сносятся с установлениями, над ними стоящими, как-то с генерал-губернатором, Сенатом и другими, — исключительно на русском языке.

Далее, останавливаясь на необходимых для успешного введения русского языка в упомянутых установлениях мерах, обусловливаемых составом должностных в оных лиц, Особое совещание приняло в соображение, что установление подробных по сему предмету правил представляется едва ли целесообразным. В действующем по Финляндии законодательстве содержится уже общее постановление: отдавать при назначении на должности преимущество кандидатам, знающим русский язык. В практическом применении этот закон может вызвать ряд частных для приема на службу должностных лиц условий, которые сообразно обстоятельствам могут видоизменяться. К числу этих условий относится и способ удостоверения в лингвистических познаниях кандидатов на должности. Способы эти могут быть весьма разнообразны, и заранее их предуказывать нежелательно. В пояснение высказанной мысли достаточно упомянуть об общеизвестной практической несостоятельности свидетельств о знании предъявляющими их лицами тех либо других языков. По мнению Особого совещания, в подобных случаях недостаточно соблюдение одного формального требования; для успеха дела необходимо удостоверение в действительном знании русского языка ищущими должностей. Изыскание способов таких удостоверений, по мнению Особого совещания, представлялось бы наиболее правильным возложить на начальствующих лиц, от коих зависят самые назначения на должности. Вместе с тем, дабы изыскание означенных способов не могло быть стеснено какими-либо формальными требованиями местных законоположений Великого княжества, Особое совещание сочло полезным дать общее полномочие подлежащим властям в том смысле, что им под руководством и надзором генерал-губернатора вменяется в обязанность принять в установленном порядке благовременные меры к приведению личного состава подведомственных им установлений в такие условия, какие необходимы для успешного введения русского языка в делопроизводство и переписку сих установлений.

Затем по поводу предположения о вменении всем правительственным установлениям Великого княжества, не исключая судебных мест, в обязанность сноситься с властями империи на русском языке и на этом же языке принимать прошения от частных лиц в тех случаях, когда последние обратятся к ним по-русски, Особое совещание заметило, что прием прошений на русском языке обязателен для финляндских присутственных мест и должностных лиц на основании Высочайшего постановления 3 декабря 1866 г., сила коего подтверждена Высочайшим повелением 4 апреля 1887 г. Ввиду сего не могло бы встретиться препятствий ввести в заключение Совещания надлежащую по этому собственно предмету оговорку. Что же касается другой части обсуждаемого предположения об обязательном сношении по-русски всех без изъятия финляндских установлений с властями империи, то это предположение в столь обобщенном виде представляется преждевременным. По мнению Особого совещания, подобное требование, сколь оно ни желательно, возможно, однако, будет предъявить ко всем финляндским установлениям лишь при дальнейшем распространении задуманной реформы, когда всю внешнюю официальную переписку означенные установления в состоянии будут производить по-русски.

В заключение, останавливаясь на сроках, с которых надлежало бы начать ведение переписки на русском языке в вышеупомянутых установлениях Великого княжества, Особое совещание выслушало изустные по сему предмету объяснения генерал-адъютанта Бобрикова и статс-секретаря Плеве. Согласно с высказанным ими мнением, к которому с полным сочувствием отнесся и близко знакомый с Финляндским краем бывший Главный его начальник, генерал-адъютант граф Гейден, Особое совещание признало вполне возможным

сроками обсуждаемого преобразования назначить: для статс-секретариата, канцелярии Финляндского генерал-губернатора и Финляндской в С.-Петербурге Паспортной экспедиции — 18 сентября / 1 октября 1900 г., а для подведомственных Сенату главных управлений, губернаторов, равно как заступающих их место должностных лиц и губернских правлений — 18 сентября / 1 октября 1905 г. В отношении Сената Особое совещание сочло наиболее удобным определить два срока: с 18 сентября / 1 октября 1900 г. установить, чтобы подлинные всеподданнейшие представления, равно как подлинные отзывы и исходящие бумаги Хозяйственного департамента Сената при сношениях с генерал-губернатором, излагались на русском языке и чтобы, в потребных случаях, к подлинным производствам означенного департамента Сената прилагались переводы упомянутых представлений, отзывов и бумаг на один из местных языков, а с 18 сентября / 1 октября 1903 г. ввести в Сенате и его экспедициях (кроме Судебного департамента) как изустное, так и письменное производство дел на русском языке с допущением указанных выше льгот.

На основании всего вышеизложенного Особое совещание полагало бы временно постановить следующие правила о производстве дел и ведении переписки на русском языке присутственными местами и должностными лицами Великого княжества Финляндского:

I. Статс-секретариат Великого княжества Финляндского, канцелярия Финляндского генерал-губернатора и Финляндская Паспортная экспедиция с 18 сентября / 1 октября 1900 года производят дела и ведут переписку исключительно на русском языке.

II. Императорский Финляндский Сенат (по Хозяйственному департаменту) с 18 сентября / 1 октября 1900 г. подлинные всеподданнейшие представления, равно как подлинные отзывы и исходящие бумаги при сношениях с генерал-губернатором, излагает на русском языке. В потребных случаях к подлинным производствам означенного департамента Сената прилагаются переводы упомянутых представлений, отзывов и бумаг на местный язык. С 18 сентября / 1 октября 1903 г. производство дел в Сенате и его экспедициях (кроме Судебного департамента), как письменное, так и устное, совершается на русском языке с соблюдением следующих условий: а) относящиеся к делам подлинные документы могут быть читаны на том языке, на каком они составлены; б) при выдаче копий с сенатских определений могут быть прилагаемы, по ходатайству просителей, шведские или финские переводы сих определений, и в) председательствующим в заседаниях Сената в течение пяти лет с указанного выше срока разрешается дозволять членам Сената представлять словесные объяснения на шведском или финском языке.

III. С 18 сентября / 1 октября 1905 года главные управления, подведомственные Хозяйственному департаменту Императорского Финляндского Сената, а также губернаторы, равно как заступающие их место должностные лица и губернские правления сносятся с установлениями, над ними стоящими, как то: с генерал-губернатором, Сенатом и другими — исключительно на русском языке.

IV. Правительственные установления Великого княжества Финляндского, в делопроизводство коих вводится русский язык, принимают и дают установленный ход прошениям частных лиц, писанным на одном из местных языков.

V. Прошения и бумаги на русском языке принимаются во всех правительственных установлениях Великого княжества Финляндского (Высоч. пост. 3 дек. 1866 г. и 4 апр. 1887 г.). Прошения и бумаги сии в потребных случаях переводятся на местный язык порядком, установленным Высочайшим постановлением 3 декабря 1866 года.

VI. Подлежащим властям вменяется в обязанность под руководством и надзором Финляндского генерал-губернатора благовременно принять в установленном порядке меры к приведению к вышеуказанным срокам личного состава подведомственных им установлений в такие условия, какие необходимы для успешного введения русского языка в делопроизводство и переписку сих установлений.

Подлинный подписали:
Эдуард Фриш
Граф Ф. Гейден
К. Победоносцев
Николай Бобриков
Вячеслав Плеве
Николай Муравьев
Скрепил: статс-секретарь Государственного совета П. Харитонов

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, дело 13/1900, папка Fa:1173. Типографский текст на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь (внутренняя пагинация С. 19).

№ 46. Речь Императора Николая II на открытии очередного Сейма[129]

15(28) января 1900 г.

Представители финского народа.

Я собрал вас для рассмотрения законодательных предположений, до местных нужд Великого княжества Финляндского относящихся. Важнейшие из этих предположений касаются благосостояния края.

За последнее время в области народного хозяйства обнаруживаются неблагоприятные явления. Часть Финляндии была постигнута в минувшему году неурожаем. Вместе с тем возросло выселение в чужие края.

Разрешив Сенату отпустить необходимые средства в помощь пострадавшим от недорода, надеюсь, что эта мера, при участии благотворительности, поможет населению перенести ниспосланное испытание без потрясения домашнего его быта. Я повелел также представить соображения об отмене очередного созыва запаса в учебные сборы текущего года. Вследствие сего люди, подлежащие призыву, получат возможность не отвлекаться от своих обычных занятий.

Повторяющееся из года в год выселение из края сельских рабочих, состоя в зависимости главным образом от общих экономических причин, вызывает надобность в обстоятельном исследовании сих причин и в соответственных мерах предупреждения. В ряду указанных мер главное место должно быть отведено улучшению условий народного труда. К достижению этой цели направлены МОИ указания относительно облегчения безземельному сельскому населению способов приобретать земли. Правильное решение предлагаемых Сейму дел поземельного устройства и сельскохозяйственных будет способствовать осуществлению МОИХ намерений.

Предлежащие вам занятия потребуют всесторонней деловой разработки поставленных на очередь вопросов. Всякие суждения, уклоняющиеся от них к предметам общего государственного значения, не должны быть допускаемы. Подобные суждения на последнем чрезвычайном Сейме внесли в умы населения тягостные и напрасные опасения. Повторение их поселит сомнение относительно соответствия Сеймового законодательства современным обстоятельствам.

Призывая Благословение Божие на ваши труды, объявляю Сейм открытым.

(Высочайше подписано): НИКОЛАЙ

Опубл.: Финляндская газета. 16(28) января 1900. № 7. С. 1.

Перевод: Finland: an English journal devoted to the cause of the Finnish people. 1900. № 9. March. P. 5–6 (на англ.).

№ 47. «Справка» из Представления № 6174 военного министра А.Н. Куропаткина в Государственный совет «О введении нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском»

31 января (12 февраля) 1900 г.

31 января 1900 года
№ 6174

Справка*

I. Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии от 27 мая 1899 г. по поводу Высочайшего Его Императорского Величества предложения с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском, в каковом отзыве земские чины всеподданнейше доносят Его Императорскому Величеству, что переданный Сеймy проект Устава «не мог быть принят земскими чинами»*[1].

II. Перевод всеподданнейшего заключения Императорского Финляндского Сената от 6 ноября 1899 г. по всеподданнейшему отзыву земских чинов Финляндии чрезвычайного Сейма 1899 г. по поводу Высочайшего предложения с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском. В этом заключении Сенат во всем присоединяется к отзыву земских чинов чрезвычайного Сейма 1899 г.

III. Финляндский генерал-губернатор отозвался, что не усматривает особых причин к тому, чтобы проект вместе с намеченными в нем изменениями не считался бы по существу соответствующим поставленной цели. Те же частные изменения, какие генерал-губернатор признавал соответственным допустить в проекте Устава, изложены им особо в ведомости, приложенной к его отзыву и приняты уже во внимание при исправлении представляемого при сем проекта.

IV. Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского, соглашаясь с существом проекта, имеющего определить собою соответственный общегосударственным потребностям порядок отбывания воинской повинности, сообщил свои соображения по содержанию некоторых отдельных статей, каковые соображения также приняты во внимание.

V. Государственный контролер, министр Императорского Двора, Управляющий Морским министерством и министр путей сообщения уведомили, что не встречают вообще препятствий к законодательному утверждению представляемого проекта Устава, а замечания, которые ими сделаны по отношению к разным статьям, изложены в соответствующих местах сего представления, а также в особом к нему *Приложении*.

VI. Министры: юстиции, внутренних дел и финансов в своих заключениях коснулись разных статей и предложили много изменений и дополнений в проектированном Уставе. Значительное большинство их замечаний принято и, согласно их указаниям, произведены соответствующие исправления текста проекта. Не признано, однако, желательным оставить для финляндцев прежний призывной возраст, время призыва, существующие сроки службы, а также не признано возможным принять облегчения тягости личной воинской повинности, предложенные министром финансов.

VII. Министры: народного просвещения, земледелия и государственных имуществ, а также обер-прокурор Святейшего Синода и Главноуправляющий Собственною Его Императорского Величества Канцелярией по учреждениям Императрицы Марии уведомили, что не встречают замечаний по существу выработанного Высочайше учрежденною Комиссиею Главного Штаба проекта Устава о воинской повинности в Финляндии. [...]**

---

* *Перед этим разделом: 1. «Исторический очерк» со сравнительным анализом старого и нового Устава (с. 34), 2. «Соображения» (с. 34–100). Публикуемая «Справка» и «Заключение» завершают второй раздел Представления.*

[1] Всеод. отзыв. С. 77, I. (Прим. док.)

** *Далее воспроизводились отрывки из законов и Высочайший Рескрипт Финляндскому генерал-губернатору «По поводу петиции Земских чинов Финляндии, вызванной преобразованием воинской повин-*

Заключение

Ввиду всего изложенного и признавая представляемый при сем проект Устава о воинской повинности вполне отвечающим Высочайше намеченным целям реформы, я полагал бы:

I. Взамен действующего ныне в Великом княжестве Финляндском Устава о воинской повинности, Высочайше утвержденного 6(18) декабря 1878 г. и вступившего в силу 1 января 1881 г. со всеми к оному разновременно последовавшими дополнениями и изменениями, а равно и Высочайшего Манифеста 6(18) декабря 1878 года, ввести в Великом княжестве Финляндском представляемый при сем в проекте Устав о воинской повинности, составленный Высочайше учрежденной Комиссией Главного Штаба.

II. Вместе с введением Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском полагал бы необходимым постановить:

1) Устав о воинской повинности вступает в силу в 14(1) января 1901 г.

2) До образования окружных по воинской повинности присутствий все обязанности их по новому Уставу должны исполняться призывными присутствиями.

3) Все принятые, а равно состоящие на действительной службе в финских войсках, как по жеребью, так и на правах вольноопределяющихся, а равно и охотниками, со времени вступления в силу сего Устава в отношении *сроков службы* в *войсках*, а равно в *запасе* и *ополчении* подчиняются действию сего нового Устава о воинской повинности.

4) Состоящие ныне в запасе финских войск и отбывшие в рядах их действительную службу перечисляются в запас армии, где и остаются до истечения полного по новому Уставу срока службы.

5) Состоящие в *запасе* из непроходивших *ряды фин*ских воинских частей, а равно находящиеся в финском *ополчении*, со времени вступления в действие нового Устава, если по состоянию здоровья будут отвечать условиям годности к военной службе, перечисляются в ополчение первого разряда и остаются в нем до 43-летнего возраста; негодные же в военной службе, но признанные способными носить оружие, а также лица, кои пользуются по семейному положению льготами первого разряда, зачисляются в ополчение второго разряда, остальные же совершенно освобождаются от военной службы.

6) Состоящие в финских войсках *охотниками:*

а) если не достигли призывного возраста, то обращаются в первобытное состояние с обязательством отбыть воинскую повинность по достижении призывного возраста, причем если по результатам жеребьеметания должны поступить на службу, то время, проведенное в войсках до исключения в первобытное состояние, следует засчитать в общий срок их службы;

б) если же они перешли призывной возраст, то должны быть перечислены в разряд жеребьевых для дослужения установленных сроков.

7) В первый год применения нового Устава о воинской повинности призвать на службу из числа молодых людей тех, которым с 14(1) января по 14(1) октября 1900 г., а также с 14(1) октября 1900 по 14(1) октября 1901 г. исполнилось 21 год.

8) В первый год применения нового Устава не требовать ни от жеребьевых (45 ст.), при определении их прав на сокращенный срок службы по образованию, ни от вольноопределяющихся (123 ст.) представления удостоверения в знании ими русского языка.

9) Подчинить жителей села Райвола (Выборгской губ.) из уроженцев империи действию Общего Устава о воинской повинности 1 января 1874 г. с предоставлением им права отбывать также воинскую повинность и на основании нового Устава о воинской повинности Великого княжества Финляндского.

III. Предоставить военному министру право в течение 10 лет, начиная с года введения нового Устава в действие, уравнять тягость личной воинской повинности Финляндии с та-

---

ности в Великом княжестве и Основными Положениями 3 февраля 1899 года, определяющими правила об издании общегосударственных законов, касающихся Финляндии» от 8(20) июня 1899 г.

ковою же в империи путем постепенного повышения контингента новобранцев из населения Великого княжества до той процентной нормы числа принятых на службу к общему числу подвергавшихся освидетельствованию, которая будет существовать в империи.

IV. Предоставить управляющему Морским министерством по обнародовании нового Устава о воинской повинности в Финляндии войти в Государственный совет с особым представлением о порядке комплектования флота финляндскими новобранцами применительно к 6 ст. Устава, а равно и о соответственном изменении подлежащих статей того же Устава.

Все изложенное имею честь представить на рассмотрение и уважение Государственного совета*.

Военный министр, генерал-лейтенант Куропаткин.
За начальника Главного Штаба генерал-лейтенант Уссаковский[130].

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901 г. Д. 34. Л. 187–187 об., 188–189 об. Типографский текст (типография «Бережливость» Генерального Штаба), размноженный литографским способом с воспроизведением формуляра бланка Главного Штаба Военного министерства (дата и номер вписаны чернилами, подписи – автографы).

РНБ. Шифр: 135/286-291. Государственный совет. Материалы. Т. 291 [1. С. 93–95, 96–98].

№ 48. Из «Проекта Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском (с объяснительными мотивами)»

31 января (12 февраля) 1900 г.
Приложение к представлению
в Государственный совет за № 6174
ПРОЕКТ

Устав о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском
(с объяснительными мотивами).
[Проект 1899 г.]

Глава 1. Общие положения

Ст. 1. Защита ИМПЕРАТОРСКОГО Престола и Российского государства есть священная обязанность каждого русского подданного; а потому мужское население Финляндских, как и прочих губерний России, без различия состояний, отправляет воинскую повинность. Оно отправляет эту повинность на основании сего Устава*[1].

Примечание. Всем постоянно и временно проживающим в Финляндии русским подданным не финляндского происхождения (христианам) предоставляется право отбывать воинскую повинность на основании сего Устава.

[Мотивы]

Сравнивая § 1 Устава о воинской повинности в Финляндии с 1-й статьей Имперского Устава, Высочайше учрежденная при Главном Штабе Комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии нашла, что в упомянутом параграфе вовсе не имеется указания на тот главнейший принцип, который положен в основу всей системы всеобщей воинской повинности, а именно, что эта повинность является одинаково священной обязанностью для каждого русского подданного, без различия состояний и местностей, входящих

---

* *Далее следует «Приложение», в котором перечислены 23 документа, представленные для рассмотрения в Государственный совет (сам Устав, объяснительная записка к нему и переписка).*

*[1] Крупным шрифтом напечатаны статьи окончательного проекта Устава о воинской повинности, вносимого на уважение Государственного Сената, а мелким — проекты статей, бывших на рассмотрении чрезвычайного Сейма в 1899 г. (*Прим. док.*)

в состав империи. Поэтому необходимо, чтобы это общепризнанное начало современной системы воинской повинности сохранило свое место и в Уставе для Финляндского населения.

Из истории составления § 1 видно, что этот § был предложен Сеймy 1877 г. в следующей редакции: «Для защиты престола и государства...» земские чины Финляндии (1877) заменили слово «Государство» словом «Отечество».

При пересмотре (в 1896) Устава в Комиссии Главного Штаба представитель финляндской администрации заявил, что финляндцы под словом «отечество» понимают только Финляндию, и что земские чины Сеймa 1877 г. согласились на введение в крае всеобщей воинской повинности только в том предположении, что финские войска будут предназначены исключительно для защиты сего «отечества», т. е. Финляндии.

Ввиду столь существенных указаний, а также приняв во внимание, что § в нынешней его редакции дает повод к неправильным толкованиям, выделяя Финляндию из состава государственного организма империи и причисляя русских к иностранцам, Комиссия признала необходимым существенно изменить текст сего параграфа. Исходя из положений: 1) что согласно I ст. Основных законов и Высочайших Манифестов 18 февраля 1855 г., 1 марта 1881 г. и 21 октября 1894 г. существует один только нераздельный Престол; 2) что Финляндия неразрывная часть Российского государства; 3) что в Августейшей особе своего Великого князя Финляндия имеет с Россией одного Монарха, олицетворяющего в Себе интересы всей империи и 1) что воинские части, комплектуемые из населения Финляндии не могут иметь иного назначения, чем вся Российская армия — Комиссия нашла необходимым к слову «Престол» придать определение «Императорский» и вместо слова «Отечество» вписать «Российское государство», дабы устранить те неправильные толкования, которые возникли при нынешней редакции, и в то же время возложить на финские войска совместно с русскими войсками священную обязанность охранять неприкосновенность всей империи, как общего для всех русских подданных отечества, а не одной только Финляндии — их родины.

Финляндцы считают себя не русскими подданными, а подданными Его Императорского Величества в Финляндии и находят вместе с тем, что права Финляндии ограничены не суверенитетом Русского государства, а суверенитетом Русского Монарха. Но известно, что суверенитет принадлежит Императору, как Правителю Русского суверенного государства. Поэтому, осуществляя право суверенитета по управлению Финляндией, Император осуществляет его в качестве носителя Русской государственной власти. Ввиду сего финляндцы должны считать себя русскими подданными. Наконец, в новом Уголовном уложении Финляндии (1889) значится «Финляндец или иной подданный Российского государства», следовательно, сим последним законом финляндец, наравне с другими русскими, признается подданным Российского государства.

Вводя примечание в проект, Комиссия имела в виду, главным образом, сыновей тех русских, которые проживают в Финляндии по служебным обязанностям, торговым делам и иным причинам. В настоящее время они обязаны приписываться и отбывать эту повинность в России, что, конечно, для них является иногда крайне затруднительным. Облегчение их положения представлялось бы тем более возможным и справедливым, что для Финляндии настоящим Уставом проектируется такая же повинность, какая существует в остальной империи. Кроме того, Комиссия находила, что русским людям при отбывании ими воинской повинности в рядах финских войск нет вовсе надобности приобретать для этого права финляндского гражданства. Наконец, допуск русских людей в финские войска может содействовать распространению среди сих войск государственного языка империи.

Оговорка о христианах сделана в тех видах, чтобы правом, предоставляемым сим примечанием, не могли воспользоваться евреи.

Чрезвычайный Сейм 1899 г. не нашел возможным согласиться с редакцией 1 ст. проекта. Сейм предлагает ныне изложить его так: «Для защиты престола, отечества и Российского государства каждый финляндский гражданин подлежит воинской повинности...» Эту редакцию можно толковать в том смысле, что под «Престолом» понимается великокняжеский Престол Финляндии, и под «Отечеством» — родина финнов, и что для защиты сего вели-

кокняжеского престола и родины финнов прежде всего предназначаются финские войска, которые, по-прежнему, «остаются учреждением финляндским» (стр. 74, I). Это явствует как из мотивов Сейма (стр. 73, I и 38, 48 II), так и из новой формулировки § 123, который служит дополнением и разъяснением существа § 1. Параграф 123 гласит: «Во время войны финские войска употребляются преимущественно для оборонительных мер в Финляндии, но могут быть, поскольку означенные меры не требуют оставления войск в крае, призываемы для содействия обороне государства и вне пределов края. Однако ополченские части не могут быть выводимы из Финляндии в других случаях, как только в том, когда защита столицы империи того требует». Если принять во внимание ряд оговорок в этом § 123, то указание § 1 — о том, что финляндские граждане отбывают повинность также и для защиты «Российского государства», — остается лишенным всякого почти значения, так как это указание парализуется условиями, заключающимися в приведенных оговорках. — Кроме того при наличности сих оговорок, финляндцы при каждом требовании выведения финских войск в Россию могут выражать свое неудовольствие и находить с своей стороны, что их войска нужны в Финляндии, которой, если не угрожает опасность в данный момент, то она может угрожать в следующий за ним момент при некоторой перемене обстоятельств. Не следует упускать из вида, что мотивы Сейма, естественно, останутся неизвестными и никому необязательными, а голый текст § ясно не выражает того, что сим текстом нужно было выразить.

Оговорка о назначении ополченских частей только для защиты столицы империи (т. е. одного Петербурга) приводить к такому положению, что через Финский залив — который на пароходе можно переехать из Гельсингфорса, напр., в Ревель в течение трех часов, — нельзя будет послать финского ополчения для обороны Прибалтийского края. Помимо всего этого, стремление Сейма сделать защиту Финляндии особой задачей финского войска совершенно неосуществимо (стр. 4, II). Это войско, во-первых, не может своими собственными силами справиться с такой задачей, следовательно, бесцельно ее устанавливать, а, во-вторых, если Финляндия — часть империи, то финляндские граждане не могут иметь отдельных боевых задач, как не могут их иметь жители Остзейских провинций, население Кавказа, татары Крыма и т. д. Все русские подданные одинаково обязаны отстаивать всю совокупность земель государства. Сейм как будто признает, что финские войска в политическом отношении не могут иметь другого назначения, чем русские войска, но сейчас же прибавляет, что из этого не следует, что «по вопросу об *употреблении* сих войск не могут быть приняты в соображение особые обстоятельства» (стр. 73, I).

Далее Сейм доказывает, что Финляндия еще до присоединения ее к России, составляла «особую территориальную единицу» (С. 37, II), почему в настоящее время неправильно говорить о «Финляндских губерниях» наравне с другими губерниями России. Главным доводом Сейма в данном случае является тот факт, что с 1581 г. Финляндии был дан титул Великого княжества. — Финляндия, действительно, называлась то княжеством, то герцогством, и этот титул носили некоторые принцы шведского королевского дома; но с таким титулом, который давался «для почести», не соединялись никакие владетельные права на Финляндию, и сама Финляндия никогда никакими особыми правами, кроме обыкновенных прав шведской провинции, не пользовалась. В Основных законах Швеции 1772 и 1789 гг. о Финляндии особо не упоминается. Точно также не упоминается она и в титуле Шведских королей, тогда как отдельно поименованы Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Гольштинский и пр. — По Фридрихсгамскому миру 1809 г. к России были присоединены губернии Кименегардская, Нюландская, Тавастгуская, Абовская, Вернеборгская, Саволакская, Карельская, Вазовская и Улеоборгская. Впоследствии к сим губерниям присоединены часть Вестерботнии (1809) и вся Выборгская губ., или Старая Финляндия (1811). — Следовательно, нет оснований говорить о Финляндии, как об особой «территориальной единице». Генерал-губернатор Штейнгель во всеподданнейшем рапорте (от 19 августа 1811 г. за № 416) говорил о вверенных ему «Финляндских губерниях». Глава финляндской епархии именуется архиепископом «Финляндским и Выборгским». И т. д.

Первоначально Комиссия Главного Штаба предполагала проектировать *примечание к 1 ст.* в том смысле, что *«всем постоянно и временно проживающим в Финляндии лицам русского происхождения предоставляется»* право отбывать воинскую повинность на основании нового Устава. Но впоследствии по некоторым соображениям примечание было изменено. Министр статс-секретарь Великого княжества статс-секретарь В.К. Плеве в своем заключении по настоящему проекту опасается, что в последней редакции примечание к 1 ст. почти лишено будет практического значения. Указав на законоположения Финляндии, из которых видно, что местом постоянного жительства должен считаться тот приход, в котором каждый финляндский гражданин записан в церковные книги и мантальные списки, министр статс-секретарь приходит к тому заключению, что проживающие в Финляндии лица русского происхождения, очевидно, не будут удовлетворять означенным требованиям закона и, следовательно, не могут быть признаны имеющими в сем крае постоянное жительство, и, таким образом, примечание к ст. 1 останется мертвою буквою или может применяться разве в исключительных случаях. Ввиду сего, для действительного открытия русским людям доступа в ряды финских войск министр статс-секретарь с своей стороны предлагает или вернуться к первоначальной редакции примечания, или исключить из него слово «постоянно».

Государственный контролер, генерал-лейтенант П.Л. Лобко[131], находит полезным в том же примечании слова «лица русского происхождения» заменить выражением: «русские подданные не финляндского происхождения», дабы поляки, немцы и другие инородцы, проживающие в Финляндии, не лишены были права отбывать воинскую повинность в сем крае, наравне с лицами русского происхождения.

Министр внутренних дел с своей стороны также озабочен тем, чтобы русским, постоянно проживающим в крае, предоставлено было право отбывать воинскую повинность по проектируемому праву.

Кроме того, министр внутренних дел, егермейстер Д.С. Сипягин[132], находит еще, что в статье 1 проекта следовало бы выражение: «русского подданного» — заменить словами: «российского подданного», применительно к терминологии, принятой в Уголовном уложении Великого княжества Финляндского. Затем, слова: «как и прочих губерний России» и «оно отправляет эту повинность», возможно было бы, как излишние, исключить. Равным образом, представлялось бы уместным исключить помещенное в примечании к ст. 1 проекта, после выражения «лицам русского происхождения», слово «христианин», так как лица русского происхождения не могут быть не христианами. Сверх того, означенное выражение: «лицам русского происхождения», ввиду его неопределенности, надлежало бы заменить словами «лицам нетуземного происхождения». В соответствии с сим, названный министр полагал бы ст. 1 и примечание к ней изложить следующим образом: «Защита ИМПЕРСКОГО Престола и Российского государства есть священная обязанность каждого российского подданного, а потому мужское население финляндских губерний, без различия состояний, отправляет воинскую повинность на основании сего Устава». Примечание. «Проживающим в Финляндии лицам нетуземного происхождения предоставляется отбывать воинскую повинность на основании сего Устава».

В 1 ст. Общего Устава империи о воинской повинности употреблено выражение «русского подданного», а с этим именно Уставом Комиссия Главного Штаба, да и сам министр внутренних дел, совершенно основательно стремится слить проект финляндского Устава о воинской повинности. Терминологию Уголовного уложения Финляндии Комиссия Главного Штаба старалась сохранить в тех случаях, когда вопросы, затронутые Уставом о воинской повинности, относятся к области уголовной или судебной.

Слить два предложения, как предлагает министр внутренних дел, в одно также едва ли желательно, так как в первом из них говорятся об обязанности населения Финляндских губерний, как и прочих губерний России, без различия состояний отбывать воинскую повинность, а во втором — идет речь о том, что эта повинность отправляется финляндцами на основании «сего Устава». Ввиду большей определенности было бы полезнее сохранить 1 ст.

в первоначальной редакции Комиссии, оставив при этом в примечании к 1 ст. указание и на не христиан, дабы в числе их евреи не получили доступа в войска, комплектуемые преимущественно из населения Финляндии.

Имея в виду все изложенное, а также желая открыть возможно широкий и беспрепятственный доступ русским подданным без различия их происхождения в войска, комплектуемые преимущественно туземцами Финляндии, признается желательным изменить в этом смысле редакцию примечания к 1 ст.

РНБ. Шифр: 135/286-291. Государственный совет. Материалы. Т. 29. [II. С. 3–11]. Типографский текст.

№ 49. Представление № 6175 военного министра А.Н. Куропаткина в Государственный совет «Об уравнении военно-тягловой повинности Финляндии с таковою же в империи»

31 января (12 февраля) 1900 г.

31 января 1900 года
№ 6175

Об уравнении военно-финансовой тягости воинской повинности Финляндии с таковою же в империи

В Государственный совет

По действующему Уставу о воинской повинности, Великое княжество Финляндское, начиная с 1889 г., содержит под ружьем на действительной службе всего 5600 человек. При сопоставлении этого числа людей с тем числом, которое выставляется населением коренной России, оказалось, что Финляндия ежегодно отрывает для военной службы из тысячи людей рабочего возраста 9 человек, тогда как по общему Уставу империи коренное население отрывает 36 человек. Во всеподданнейшем докладе Военного министра от 29 августа 1891 г. за № 141 на это обстоятельство было обращено внимание и тогда же испрашивалось Высочайшее соизволение «на большее уравнение тягости повинности между местным населением Финляндии и населением прочих местностей государства, в особенности коренного русского населения». 8-го сентября того же года это предположение удостоилось Высочайшего одобрения.

Вопрос о том, каким способом произвести это уравнение тягости, рассматривался затем в Особом совещании, состоявшемся 3 апреля 1893 г. под председательством бывшего Военного министра, генерал-адъютанта Ванновского. Из представленных статистических данных Особое совещание усмотрело, что тягость воинской повинности весьма неравномерно распределена между коренным населением империи и населением Финляндии, но, тем не менее, ввиду некоторых особых обстоятельств не признано было желательным ни увеличение численного состава финских воинских частей, ни введение военного налога, который предполагалось для уравнения тягости воинской повинности взимать с тех финляндцев, которые, подлежа набору, освобождаются от него, благодаря малому контингенту призываемых. Так как Финляндия очень мало участвует в общих военных расходах, признано было справедливым привлечь ее к участию в сих расходах в соответственной мере, т. е. чтобы Финляндия расходовала на оборону империи в мирное и военное время пропорционально тому, что расходует остальная Россия на тот же предмет. Иначе говоря, Финляндия обязана увеличить свои расходы на потребности военного дела настолько, чтобы финансовая тягость, падающая на каждого ее обывателя ради сих потребностей, равнялась такой же тягости на тот же предмет жителя коренной России.

Относительно размера сего расхода, тех способов и тех предметов, на которые он должен быть предназначен, Комиссия Главного Штаба по пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии обязана была представить свои соображения. По всеподданнейшему докладу военного министра от 12-го июня 1897 г. за № 7 Его Императорскому Величеству

благоугодно было одобрить предположения Особого совещания и повелеть Комиссии Главного Штаба принять их к руководству при дальнейших работах.

Разбирая вопрос о тягости воинской повинности, исполняемой населением Финляндии, с такою же повинностью, исполняемою остальным населением империи, Комиссия Главного Штаба нашла, что эта повинность состоит из тягости личной и финансовой.

Личная повинность населения Финляндии оказалась в 33/4 раза легче повинности коренного населения империи. Чтобы уравнять ее, Комиссия предложила, не увеличивая числа финских войск, назначать весь избыток ежегодного контингента финских новобранцев в части русских войск, расположенных как в Финляндии, так и в ближайших к ней губерниях Петербургского военного округа.

Что касается финансовой тягости, то добытые Комиссиею по сему предмету материалы показали, что и в этом отношении Финляндия также несет повинность в несколько раз меньшую против империи. Поэтому Комиссия признала справедливым уравнять финансовую тягость Финляндии с таковою же в империи. Между прочим Комиссия обратила внимание на то, что в пределах Финляндии расположены две крепости — Свеаборг и Выборг,– и кроме того наше правительство имеет там некоторое количество русского войска, содержание которого обходится дороже, чем войска, расположенного в других частях империи, ввиду существования в Финляндии своей особой денежной единицы. Это последнее обстоятельство вызывает со стороны русского Государственного казначейства значительный расход на так называемую курсовую надбавку. В течение, напр., 1891, 1892 и 1893 гг. эта курсовая надбавка равнялась в среднем выводе 1 002 964 р. кредит. На все вообще инженерные работы, т. е. на усиление верков и постройки разного рода в районе Свеаборгской и Выборгской крепостей, русская казна израсходовала за десятилетие с 1880 по 1890 г. — 2 075 655 р. За тот же период времени содержание артиллерии (орудий, лафетов, расходы на снаряды, порох) в сих крепостях обошлось в 3 490 544 р. Возложить на финляндскую казну часть расходов по крепостям Свеаборгу и Выборгу Комиссия признала тем более справедливым, что эта казна ничего не расходовала до сих пор на крепости, на усовершенствование артиллерии, на военное судостроение, на минное дело, на оборону берегов и т. п. Так, например, в последнее время на судостроение было ассигновано 90 мил. руб., причем Финляндия не приняла в этом расходе никакого участия.

Однако приступив к более подробному разбору этого дела, Комиссия затруднилась определить в точных цифрах, какая доля финляндского общего бюджета должна идти на покрытие всех вообще военных расходов государства. Такую работу она находила возможным выполнить при содействии специалистов по финансовой части как с русской, так и финляндской стороны.

По докладе сих результатов военным министром Государю Императору, Его Императорскому Величеству благоугодно было в 6 день июля 1898 г. Высочайше соизволить на то, чтобы, не задерживая движения дела по рассмотрению проекта Устава о воинской повинности в Финляндии, приступить «к окончанию работ по уравнению как личной, так и финансовой тягости по исполнению воинской повинности населением Финляндии, в том смысле и направлении, чтобы это население отбывало означенную повинность в таком же процентном отношении, как она отбывается коренным населением империи, причем избыток ежегодного контингента новобранцев, против нынешней финляндской нормы, за пополнением финских войск был распределяем в русские войска, расположенные как в Финляндии, так и в ближайших к ней губерниях Петербургского военного округа, и чтобы финансовая тягость была определена пропорционально таковой же тягости населения империи».

Таким образом, в Бозе почивающий Государь Император Александр III Высочайше повелеть соизволил уравнять вышеупомянутые тягости, а ныне благополучно царствующему Государю Императору благоугодно было Высочайше указать и на то направление, в котором должно последовать означенное уравнение.

В конце 1898 г. Комиссия Главного Штаба с представителями от Министерства финансов и финляндской администрации, всесторонне рассмотрев вопрос по уравнению военно-финансовой тягости, пришла к следующим выводам*[1]:

1) Оставив на финляндской казне непосредственные расходы по содержанию финских войск с их управлениями, установить ежегодную уплату из этой казны Имперскому Государственному казначейству на возмещение военных расходов в сумме 3 783 901 р. или 10 091 664 марки.

2) Довести эту уплату до означенного размера в течение девяти лет, в следующей постепенности:

В 1-й год.....	1 121 296 марок
Во 2-й год.....	2 242 592 марки
В 3-й год.....	3 363 888 марок
В 4-й год.....	4 485 184 марки
В 5-й год.....	5 606 480 марок
В 6-й год.....	6 727 776 марок
В 7-й год.....	7 849 072 марки
В 8-й год.....	8 970 368 марок
В 9-й год.....	10 091 664 марки

3) По истечении 9 лет определение означенной суммы уплаты Государственному казначейству подвергнуть новому пересмотру.

Рассмотрев несколько способов уравнения военно-финансовой тягости Финляндии с таковой же империи, Комиссия признала наиболее целесообразным, простым и справедливым тот, при котором в основание сего уравнения полагается цифра военных расходов, приходящаяся на душу населения. Подойти к этому Комиссия полагала посредством определения разности между военными расходами, падающими на душу населения империи и Финляндии и помножением этой разности на число населения последней.

Рассмотрев с этой целью росписи империи и Финляндии, Комиссия нашла необходимым при определении суммы уплаты из Финляндской казны, с одной стороны, исключить из расчета те расходы по сметам Военного министерства, которые или вовсе не имеют военного характера, или же обладают им лишь отчасти, а с другой — принять во внимание все издержки по обороне, которые находятся в сметах других ведомств. Таким образом, в расчет военных расходов империи вошли: а) по сметам Военного министерства все расходы, за исключением расходов по содержанию административных управлений Туркестанского края, Закаспийской, Кубанской и Терской областей, а равно расходов по Закаспийской железной дороге, переселению казаков, заготовлению специальных резервов продовольствия г. Варшавы, содержанию межевого отделения Забайкальского войска, содержанию Аму-Дарьинской флотилии и Отдельного корпуса жандармов; б) по смете специальных средств Главного Штаба — расходы по постройке казарм; в) по смете Морского министерства все расходы; г) по смете Департамента Государственного казначейства — расходы на выдачу пенсий отставным чинам Военного и Морского ведомств и их семействам, на выдачу пособий нижним чинам, а также по призыву новобранцев до приема их на службу; д) по смете специальных средств Департамента окладных сборов — расходы на квартирное довольствие офицерских и нижних чинов в Царстве Польском; наконец, е) по смете Отдельного корпуса пограничной стражи — все расходы.

Таким же образом по финляндской росписи приняты были в расчет все расходы по милиционному фонду и на содержание Лоцманского ведомства, которое, хотя и не соответствует Морскому ведомству, тем не менее некоторые статьи расхода по содержанию Лоц-

*[1] Вопрос об уравнении личной тягости воинской повинности изложен в представлении в Государственный совет о введении Устава о воинской повинности в Финляндии (в объяснении 6 ст.). (*Прим. док.*)

манского ведомства соответствуют тем же статьям, значащимся у нас по смете Морского министерства.

Расходы империи на военные надобности за пять лет (с 1894 по 1898 годы*[2]) в среднем простирались в год до 357 307 528 р. 80 к., что при населении в 126 411 736 человек (по переписи 28 января 1897 года) составит на душу населения 2 р. 83 к. В Финляндии же при среднем ежегодном расходе за те же годы, в 920 065 392 марки и при населении в 2 556 690 человек*[3] приходится на душу 3,60 марок или 1 р. 35 к., считая 1 р. равным 2,667 марок. Разность между 2 р. 83 к. и 1 р. 35 к., равная 1 р. 48 к. и помноженная на 2 556 690 (население Финляндии) даст в произведении 3 783 901 р. или 10 091 664 марки. Последнее число, по мнению Комиссии, и составляет ту сумму, которую по справедливости Финляндия должна прибавить к своим военным расходам, дабы нести военно-финансовую тягость одинаково с империей. Вышеисчисленная сумма должна быть перечисляема из финляндской казны в общие ресурсы русской казны, за счет коей в настоящее время производятся все расходы по обороне страны и кроме того будут обучаться и содержаться новобранцы-финны, поступившие (по 6 ст. финл. Устава) на службу в русские войска.

Так как затем немедленная уплата Финляндией империи в указанном размере не может не представиться весьма затруднительною для нее, ибо при этих условиях Финляндия должна была бы сразу увеличить свой общий бюджет на 20 %, то Комиссия полагала справедливым довести уплату до исчисленной суммы постепенно в течение 9 лет, так как столь продолжительный период времени даст полную возможность финляндской администрации постепенно изыскать ресурсы для покрытия этой суммы без обременения населения. Вышеозначенная сумма, как исчисленная на изменяемых данных, не может иметь силы бессрочно, а должна находиться в зависимости от прироста населения и колебания военного бюджета империи.

Однако же, такое изменение, по мнению Комиссии, не должно бы последовать ранее истечения первого девятилетия, так как желательно было бы сохранить известную устойчивость во взаимных расчетах между Государственным казначейством и Финляндиею.

Не оспаривая принятого Комиссией способа расчета, финляндские представители в поданном ими особом мнении*[4] заявили некоторые возражения против определенной Комиссией цифры нового расхода. Возражения эти заключались в следующем:

1) Присоединение расходов на содержание Корпуса пограничной стражи к расходам военным не вполне правильно, так как главнейшая обязанность Корпуса заключается в таможенной охране границ в мирное время. Соответствующие расходы в Финляндии отнесены к смете статного фонда.

2) Проектированное Комиссиею увеличение военно-финансовой тягости будет ложиться на население Финляндии гораздо большим бременем, чем ложатся такие же военные расходы на население империи. В видах именно уравнения тягости в расчет должны быть внесены поправки, причем должны быть приняты в соображение: а) сравнительно большая платежная сила населения империи в зависимости от лучших климатических и почвенных условий и естественных богатств территории; б) сравнительно большие средства Имперской казны, доставляемые доходами с государственных имуществ; в) самостоятельность правительства в приискании средств, как, напр., в отношении соображений для увеличения таможенных доходов, между тем как Финляндия в этом отношении отчасти стеснена необходимостью соображаться с торговыми и промышленными интересами населения империи, что и вызвало, напр., состоявшееся в 1897 году понижение пошлин на сахар, ввозимый из империи, и г) налоги и повинности, платимые и отбываемые Финляндией не в казну, а для удовлетворения разных специальных потребностей, как то: на устройство и содержание

*[2] См.: Журнал заседаний Высоч. учр. Ком. С. 25–32. (*Прим. док.*)

*[3] Средние цифры за 1894–1898 годы. (*Прим. док.*)

*[4] См.: Журнал заседаний Высоч. учр. Ком. С. 33. (*Прим. док.*)

всех дорог (за исключением железных), на содержание духовенства, судов низших инстанций, народных школ и почтовых станций, на призрение бедных и на общинное устройство.

Ввиду изложенного, финляндские представители находили, что увеличение военных расходов Финляндии не должно бы превышать 50 % нынешнего бюджета по милиционному фонду.

Приступив к рассмотрению первого возражения финляндских представителей, Комиссия сочла необходимым указать, что присоединение расходов на содержание Отдельного корпуса пограничной стражи к расходам военным сделано, главным образом, ввиду того, что Корпус этот, имея вполне военную организацию, входит в состав военных сил империи, комплектуется из общего контингента новобранцев и даже в мирное время исполняет военные обязанности, как, напр., общую охрану границ, участвует в маневрах и смотрах и т. д. Если, вместе с тем, на чинов Корпуса возлагаются в мирное время и другие задачи, то это обстоятельство не должно иметь решающего значения при обсуждении настоящего вопроса. Соединение военных и мирных функций не исключает необходимости считать расходы по Корпусу пограничной стражи в числе расходов военных, так как не подлежит сомнению, что, если бы у Корпуса было отнято его военное назначение, то соответственно этому пришлось бы в целях сохранения установленной численности армии, увеличить число войсковых частей. С другой стороны, Комиссия признала возможным принять предложение финляндских представителей о присоединении издержек по лоцманскому ведомству к военным расходам Великого княжества только при условии соответственного включения расходов по Корпусу пограничной стражи в число издержек по обороне империи. Хотя финляндские представители и заявляли, что соответствующие по назначению расходам лоцманского ведомства суммы вносятся в сметы Морского министерства, но соответствие это является далеко не полным, и за сим из лоцманского фонда удовлетворяются в значительной мере и потребности коммерческого оборота, для которых не имеется ассигнований по финансовым сметам империи. При таких условиях и принимая во внимание, что лоцманское ведомство в Финляндии комплектуется по найму и вообще не имеет военной организации, Комиссия признала справедливым сохранить проектированное присоединение расходов на Отдельный корпус пограничной стражи к числу издержек по обороне империи.

Что касается дальнейших заявлений финляндских представителей относительно необходимости отступить от исчисленной суммы новых военных расходов, то и с ними Комиссия не нашла возможным согласиться. Указание на меньшую платежную силу населения Финляндии сравнительно с населением империи представляется совершенно недоказанным, а весьма значительные пространства в империи обладают климатом и почвою, нисколько не лучшими по качествам климата и почвы Финляндии и лишены при том морских путей сообщения. Благосостояние Финляндии, как и каждой страны, измеряется не одним земледелием, но и обрабатывающею промышленностью. Земледелием и сельским хозяйством занимается почти населения края, «но внутреннее производство хлебов в Финляндии не удовлетворяет потребности, вследствие чего недостаток приходится пополнять привозным хлебом». Зернового хлеба (и муки) ввозится в Финляндию почти 25 % всего привоза*[5] на сумму от 35 до 40 мил. марок*[6]. Таким образом, главным источником богатства финляндцев является не земледелие; но взамен этого у жителей Финляндии имеются под рукой другие очень хорошие и надежные источники богатства. Таблицы вывоза удостоверяют, что Финляндия извлекает хорошие доходы из продуктов скотоводства (18,73 %), лесных товаров и деревянных изделий (46,39 %), древесной массы, писчебумажного товара (13,78 %), металлических изделий (3 %) и др., для производства которых достаточно благоприятствуют и почва края, и его климат. Следовательно, ставить благосостояние финского народа в столь

*[5] Сельское хозяйство в Финляндии. Изд. сельскохозяйственным управлением 1896 года. (*Прим. док.*)

*[6] Финляндия в торгово-промышленном отношении. Изд. Д-та Торг. и Мануфакт., 1895. (*Прим. док.*)

тесную зависимость от климата и почвы, как делали финляндские представители, нет достаточных оснований.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что главный источник богатства России — хлеб; при неурожае крестьянин в одно и то же время лишается и дохода, и средства к пропитанию, тогда как благосостояние финна в меньшей мере зависит от урожая, потому что у него постоянно остаются другие заработки и верные источники доходов.

С другой стороны, по поводу указания финляндских представителей на то, что имперская казна получает большие, сравнительно с финляндской казной, доходы от государственных имуществ, Комиссия сочла необходимым войти в рассмотрение вопроса об относительном значении в бюджетах империи и Великого княжества доходных поступлений из неподатных источников вообще, а не только от государственных имуществ. Если взять сметные назначения по имперской росписи доходов, напр., за 1897 г.*[7], то доход от казенных имуществ и капиталов и от отчуждения государственных имуществ (§§ 21–27) определен был в сумме 330 077 704 р., что по отношению к общему бюджету (1 413 971 058 р.) составляет всего 23,3 %. Если даже присоединить сюда доход от правительственных регалий в сумме 110 282 680 р. (§§ 16–20), то и тогда итог поступлений по общим категориям не превышает 31,1 % от общего бюджета, т. е. не достигает и третьей части его. Между тем по росписи доходов Великого княжества Финляндского на тот же 1897 г. доход с имуществ казны составляет не менее 23 634 841 марка (по статному фонду доходов с земель и прочих имуществ казны — 3 592 000 м. и ассигнований из сумм Финляндского банка — 249 541 м., по милиционному фонду — 441 320 м., по временным налогам — 1 101 980 м. и по коммуникационному фонду — 18 250 000 м.), что составляет 45,2 % от общего бюджета (52 188 914 м.). С прибавившем же 2 300 000 марок почтового сбора (составляющего в империи регалию) — означенное отношение достигает 49,6 %, т. е. доходы неподатного характера составляют половину бюджета.

Едва ли также может иметь, по мнению Комиссии, значение указание на самостоятельность правительства в установлении ставок таможенного тарифа и на стесненное в этом отношении положение Финляндии. По этому поводу нельзя не заметить, что именно в области таможенных тарифов, касающихся не только внутренней экономической жизни государств, но и международных его отношений, правительство наиболее стеснено в своей самостоятельности. Целый ряд торговых трактатов и конвенций, те или другие политические отношения к разным государствам — все это, независимо от тех или иных потребностей страны, не может не влиять на таможенную политику и законодательство, в смысле установления пределов роста таможенных доходов.

Что касается, наконец, замечания о расходах финляндского населения на местные потребности, то и в этом отношении Финляндия не представляет каких-либо особенностей по сравнению с остальными частями империи. На русских плательщиков также упадают, кроме казенных налогов, весьма значительные денежные сборы — мирские, сословные, общественные и натуральные повинности, вследствие чего и не представляется каких-либо оснований делать по указанным соображениям льготы финляндцам.

К изложенному Комиссия сочла необходимыми присовокупить, что возражения финляндских представителей исходят из того предположения, что все добавочные расходы лягут новым бременем на население. Существует, однако, возможность и другого исхода, покрытия части новых издержек на военные расходы посредством сокращения некоторых уже существующих расходов, особенно по администрации края. Обсуждение этого вопроса не входило в прямые задачи Комиссии, но последняя нашла уместным указать здесь на это обстоятельство для надлежащего разъяснения заявленных в особом мнении замечаний финляндских представителей.

---

*[7] В расчет взяты данные 1897 г., последнего, по которому имеются в виду Комиссии все росписи доходов и расходов Великого княжества Финляндского. (*Прим. док.*)

Наконец, Комиссия не могла не заметить, что предложенный финляндскими представителями размер возможного, по их мнению, увеличения только на 50 % военных расходов Финляндии не основан на каких-либо положительных данных и расчетах. Комиссия, тщательно изыскивая наиболее справедливый и наименее обременительный для финляндской окраины путь к уравнению тягости военных расходов, тем не менее не могла упускать из вида и интересов русских плательщиков, несущих на себе значительно высшие расходы по обороне не только империи, но и той же Финляндии, причем всякая, не оправдываемая необходимостью, льгота для последней будет вызывать несправедливый расход из Имперской казны. Единственною же справедливою и необходимою льготою при исчисленной сумме (10 091 664 мар.) новых издержек Комиссия признала лишь допущение постепенности уплаты таковой русской казне в течение первых 9 лет.

При означенных условиях новый военный расход не может явиться обременительным для финляндской казны. Доходный бюджет Великого княжества, составлявший в 1894 г. 46 764 950 марок, возрос в 1898 г. до 56 248 531 марки*[8]. Таким образом, средний ежегодный естественный рост бюджета за последнее пятилетие составляет 1 896 716 марок. Между тем, если бы уплата сполна исчисленной Комиссией суммы (10 091 664 марки) была рассрочена на 9 лет с прибавкою ежегодно по $^1/_9$ части, то новый ежегодный расход составил бы 1 121 296 марок, т. е. далеко не исчерпал бы нормального бюджетного прироста.

Результаты работ Комиссии по уравнению военно-финансовой тягости были повергнуты на благовоззрение Государя Императора. 23 марта 1899 г. последовало Высочайше повеление: «Передать эти вопросы немедленно на заключение чрезвычайного Сейма ввиду неразрывной связи их с Уставом о воинской повинности». Согласно сему, все дело по уравнению финансовой тягости безотлагательно было передано при Высочайшем предложении названному Сейму.

Чрезвычайный Сейм 1899 г. счел своим долгом всеподданнейше донести, что «так как означенное предложение согласно Высочайшему Его Императорского Величества повелению о том, что вопрос об уравнении тягости воинской повинности должен быть отнесен к общегосударственным делам, передан земским чинам на заключение в порядке, установленном приложенными к Высочайшему Манифесту 3(15) февраля 1899 г. «Основными положениями», а также что предусмотренное сказанными «Основными положениями» общеимперское законодательство по закону не может иметь места в Финляндии и что Манифест, поэтому, вместе с «Основными Положениями» «не могут иметь силы закона в Финляндии»*[9], то ввиду сего, усмотрев, что «в Высочайшем предложении положительно предуказывается порядок законодательства по сему вопросу, который (т. е. порядок) противоречит основным законам Финляндии, земские чины не вошли в рассмотрение Высочайшего предложения по существу»*[10].

Финляндский Сенат «не может отрицать правильности мнения земских чинов» и всеподданнейше доносит, что решение земских чинов, изложенное в отзыве их 27 мая, «на самом деле заключает в себе отклонение предположений, содержащихся в рассматриваемом предложении»*[11], поэтому Сенат всеподданнейше представляет «не должно ли вышеупомянутое предположение быть признано оставшимся на этот раз без последствия».

Справка

I. Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов от 29 мая 1899 г.

II. Перевод всеподданнейшего заключения Императорского Финляндского Сената от 6 ноября 1899 г.

---

*[8] Цифры в обоих случаях взяты за исключением сумм, поступивших по заключенным войскам. (*Прим. док.*)

*[9] Всеподданейший отзыв Сейма от 29 мая 1899 г. С. 2 и от 27 мая 1899 г. С. 57. (*Прим. док.*)

*[10] Там же. С. 3. (*Прим. док.*)

*[11] Всеподданейший отзыв сената 6 ноября 1899 г. С. 27. (*Прим. док.*)

III. Отношение Финляндского генерал-губернатора от 28 октября 1899 г. за № 1006, в котором он признает высказанные Комиссией Главного Штаба соображения и приведенные расчеты по военно-финансовой тягости в общем основательными и основанными на началах снисходительных и справедливых.

IV. Отношение министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского от 21 декабря 1899 г. за № 2, в котором сообщается, что по уравнению военно-финансовой тягости названный министр будет иметь честь представить в заседании Государственного совета некоторые замечания, не подвергающие, однако, изменению основной смысл сего законопроекта.

V. Отношения министров: Императорского Двора от 11 декабря 1899 г. за № 7577; Государственных имуществ и земледелия от 21 декабря 1899 г. за № 867; народного просвещения от 15 декабря 1899 г. за № 30280; Государственного контролера от 22 декабря 1899 г. за № 3737; Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцелярией по учрежд. Императрицы Марии от 9 декабря 1899 г. за № 22912; Обер-прокурора Св. Синода от 9 декабря 1899 г. за № 8460; Управляющего Морским министерством от 14 декабря 1899 за № 16047; юстиции от 13 января 1900 г. за № 1007; внутренних дел от 21 января 1900 г. за № 997 и финансов от 20 февраля 1900 г. за № 19. Все отозвались, что не имеют никаких возражений по вопросу об уравнении военно-финансовой тягости Финляндии с таковою же тягостью империи. Министр же путей сообщения в отзыве от 16 января 1900 г. за № 333, признавая, что предположения Комиссии Главного Штаба по уравнению военно-финансовой тягости «при исторических и существующих экономических условиях, будут для Финляндии в известной мере обременительными, не встретил бы препятствий к их осуществлению, если более непосредственно заинтересованные ведомства признают осуществление это необходимым».

Закон

Высочайший Манифест 3-го февраля 1899 г. с приложенными к нему «Основными положениями» о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского.

Ст. 6. По получении заключений Финляндского генерал-губернатора, министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского и Императорского Финляндского Сената, а в подлежащих случаях (ст. 5) и Финляндского Сейма, министр империи вносит законопроект в Государственный совет установленным в его учреждении порядком. К представлению по сему предмету прилагаются в списках заключения Сената и Сейма.

Ст. 163. Том I, часть II, кн. V. Св. Закон. Российской Имп., изд. 1892 г.: Представление должно содержать в себе: 1) точное указание на существующие Законы или учреждения; 2) недостаток их или важные неудобства, опытом удостоверенные; 3) предположения министра или проект закона, или учреждения; 4) означение тех статей прежнего закона, которые новым постановлением получают отмену, или иное изменение, частью или в целом.

Заключение

Находя вышеизложенные заключения Комиссии Главного Штаба вполне целесообразными и признавая, вместе с тем, что уклонение Финляндского Сейма и Императорского Финляндского Сената от рассмотрения оных по существу не может служить препятствием к окончательному рассмотрению сего дела в порядке Высочайшего Манифеста 3-го февраля 1899 г., я полагал бы:

I) Оставив на финляндской казне непосредственные расходы по содержанию войск, комплектуемых преимущественно финляндскими уроженцами с их управлениями, установить ежегодную уплату из этой казны Имперскому Государственному казначейству на возмещение военных расходов 3 783 901 руб. или 10 091 664 марки.

II) Довести уплату до означенного выше размера в течение девяти лет в следующей постепенности:

В 1-й год.....	1 121 296 марок
Во 2-й год.....	2 242 592 марки
В 3-й год.....	3 363 888 марок
В 4-й год.....	4 485 184 марки
В 5-й год.....	5 606 480 марок
В 6-й год.....	6 727 776 марок
В 7-й год.....	7 849 072 марки
В 8-й год.....	8 970 368 марок
В 9-й год.....	10 091 664 марки.

III) По истечении 9 лет, определение означенной суммы уплаты Государственному казначейству подвергнуть новому пересмотру.

Все изложенное имею честь представить на рассмотрение и уважение Государственного совета.

Приложение. Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов чрезвычайного Сейма от 29 мая 1899 г.

Остальные документы, упомянутые в «справке», приложены к представлению в Государственный совет о введении нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском.

Военный министр,

генерал-лейтенант Куропаткин

За начальника Главного Штаба,

генерал-лейтенант Уссаковский

ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–13. Типографский текст на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь с воспроизведением бланка Главного Штаба Военного министерства.

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34. Л. 191–196. Типографский текст с воспроизведением формуляра бланка Главного Штаба Военного министерства.

№ 50. Статья «Проявление финского самосознания» из «Обзора периодической печати» № 3

Январь – февраль 1900 г.

[...] с подобной же руководящей статьей принципиального значения выступила и старофинская газета «Uusi Suometar», поместив на своих столбцах накануне нового года речь профессора Даниельсона на собрании представителей финского направления. Профессор сделал раньше краткую характеристику заканчивающегося XIX столетия, которое, по его мнению, ознаменовалось повсеместно стремлением народов к достижению внутренней целости. Рост идеи национальности привел к объединению классов и в помощь этому делу возникла и развилась идея народной свободы. Правда, одновременно развивались и государства, где бразды правления находились в руках одного лица с неограниченною властью, но все же установлено ныне опытом, что государственная жизнь требует участия всех классов народа. То же внутреннее объединение замечается и в области литературы и науки, которые перестали быть достоянием высших классов и занялись проявлениями народной жизни. В экономической области то же явление выразилось в интенсивной земледельческой культуре и росте крупных производств; крайности этого явления ныне стремятся побороть осуществлением идеи кооперативного труда (артели).

Затем профессор перешел к Финляндии и, излагая политические заветы знаменитого феномана Снельмана[133], пояснил смысл полувековой борьбы финской партии со свекоманами.

Понятие о нашем положении и об его требованиях мы получили лишь после того, как появился Снельман и разбудил народ. Конечно, и у него были предшественники. Но только

тогда, когда он, будучи уже вполне созревшим мыслителем и лично присмотревшись к быту за границей, начал свою влиятельную деятельность, только после этого цель, к которой следовало стремиться, стала ясна нашим передовым деятелям. В трудах Снельмана руководящею мыслью была *целость народа, воссоединение всех классов.* Он признавал принцип гражданской свободы главным образом потому, что без нее народ не может создать себе государства по своему характеру. Он возбуждал и поощрял стремления превратить народный язык в язык литературы и образования, в язык государственности и суда, и притом не только оттого, что сознавал несправедливость заставлять большинство пользоваться чужим для него языком. Для него куда важнее была идея целости народа и достижение того, чтобы каждый финн чувствовал, что он живет на своей родине, среди своего народа, чтобы он чувствовал себя дома.

Влиянию Снельмана обязаны своим возникновением все важнейшие проявления общественной жизни в течение последних десятилетий.

Сказалось, по его почину, стремление (пробужденное, правда, силою других обстоятельств, но все же вызванное им, Снельманом) в деле охраны *государственной свободы.* На этом поприще, неоспоримо, было достигнуто очень многое. Но в своей главной задаче ревнители этого дела все же не стали на ту почву, которую избрал Снельман. Эти ревнители не руководствовались принципом целости народа, в котором выразилось стремление 19-го столетия. Думали, что можно обеспечить нам государственную будущность и вести наш народ по пути цивилизации, предоставив исключительно высшим классам двигать дело гражданской свободы и развития. Учение Снельмана основано на выводах философии, но чем глубже вникаешь в него, тем более чувствуешь, что оно захватывает душу читателей и побуждает каждого мужа, каждую женщину Финляндии любить свой народ. Это учение требует жертв, достойных пробуждаемой любви. Однако не все считали выставленные требования справедливыми, а исполнение их необходимым для будущности нашего народа. *В высших классах укоренилось мнение, что класс должностных лиц без всякой опасности для страны может оставаться в большинстве шведским, хотя большая часть народа говорит только по-фински.*

«Другого мнения придерживалась та часть общества, которая приняла всецело идеи Снельмана*[1]. На первом плане стала учрежденная и руководимая профессором Ирье-Коскиненом*[134] политическая финская партия; требования ее заключались в том, *чтобы говорящий по-шведски класс чиновников, если он и не может по отношению к языку вполне слиться с финским народом, все же помнил бы, что он класс чиновников в Финляндии* и поэтому в служебных делах употреблял бы язык народа, если дело не касается прав гражданина, говорящего на другом языке. Борьба партий продолжалась 40 лет и затрагивала почти все важнейшие государственные и общественные вопросы, а также вопросы духовной жизни. Среди моих слушателей, несомненно, находятся многие более молодые, не знающие о тех затруднениях, которые нужно было преодолевать в 60-х, 70-х и частью еще в 80-х годах при открытии финских учебных заведений. Только со вступлением в Сенат Ирье-Коскинена, когда ему поручено было управление Духовной экспедицией, этот вопрос выяснился, и дело устроилось так, что теперь и финские, и шведские дети сравнительно легко могут получать на своем языке даже высшее образование. *Воспоследовавшее же в 1863 году при содействии Снельмана Высочайшее разъяснение относительно официального языка в Финляндии до сих пор не исполнено полностью нашим классом чиновников.* Да и вообще нужно заметить, что далеко еще не оправдались все те ожидания в отношении финского языка, на исполнение которых к концу века надеялась молодежь 60-х и 70-х годов. Язык народного большинства еще не достиг того места в общественном строе Финляндии, которое имелось в виду ему отвести к концу истекающего столетия. *Упорное противодействие свекоманов, без сомнения, влияло удручающим образом* в тех случаях, когда от нас самих зависело проведение в жизнь

*[1] Т. е. феноманы. (*Прим. док.*)

* *Здесь и далее в документах Ирье-Коскинен. Правильно: Юрьё-Коскинен.*

этой идеи о финском языке, и когда мы при большем усилии достигли бы больших результатов. Но здесь необходимо принять во внимание также и прошедшее нашего народа, которое научило нас довольствоваться малым, и, кроме того, надлежит иметь еще в виду и внешнее политическое положение. Если бы наш народ мог свободно разрешать свои внутренние дела, то и вопрос об языках, наверное, уже давно был бы доведен до желательного конца подавляющим большинством населения. Но нам приходилось иметь в виду те последствия, которые могли бы возникнуть, если бы распря оказалась долговременной. Последнее время мы вынуждены были идти рука об руку с другою партиею, и эта же необходимость сказалась на чрезвычайном Сейме в деле, потребовавшем полного единомыслия всего народа».

Пояснив, таким образом, что перемирие было вызвано необходимостью, проф. Даниельсон изложил будущую программу действий финской партии в ее заботах о сохранении народом его внутренней целости. Не обошлось, понятно, без намеков по адресу России.

«Одним из важнейших вопросов для финской партии является, между прочим, требование об изменениях в *порядке производства выборов* на Сейм таким образом, чтобы право голоса законодательным путем распространено было на все классы народа более широко, чем теперь. Это требование есть последствие учения Снельмана, но оно в то же время является и требованием общим для всех европейских государств и признается во всех просвещенных странах. Вопрос сводится к тому, можем ли мы оставить этот вопрос неразрешенным? Можем ли мы оставить обширные классы народа в таком положении, что выполняемая нами на пользу процветания родины работа не кажется им своей работой, и они остаются в стороне от этого труда, остаются чуждыми ему? Такие вопросы появляются один за другим, когда думаешь о темной будущности, ждущей нас. Мы все знаем, какой громадной важности вопрос подлежит решению. Может случиться, что решение это снимет с сердца финского народа тяжесть, давящую его ныне, дозволив ему воспрянуть духом и радостно пойти вперед по пути усовершенствования. Но может случиться и противоположное. Может случиться, что финский народ, который сравнительно недолгое время числился в среде свободных народов с собственным правлением, вновь впадет в то сонное состояние, в котором в течение многих столетий приходилось пребывать нашим предкам».

Если, однако, Финляндии грозит опасность, это не значит, — по мнению профессора Даниельсона, — что финны должны бросить свое народное дело и перейти в шведский лагерь. Напротив, финнам нужно в трудных обстоятельствах усерднее работать в прежнем, финском, направлении.

Что предпринять нам, именно нам, последователям учения Снельмана, фенноманским гражданам? Можем ли мы оставить всю ту работу, которая потрачена в продолжение уходящего ныне века, и довольствоваться достигнутыми неполными результатами? Обязаны ли мы сделать это, если скажут нам, что только таким образом сохранен будет мир между партиями? Не думаю. Я глубоко убежден в том, что если и по минований несчастий народу нашему суждена будущность, то мы должны впредь бесстрастно продолжать возводить наше здание на том фундаменте, который нам завещан. Мы должны добиваться *целости народа, его единства*. Без этого мы пропали. О необходимых для такой цели мерах мы должны войти в совместное с противниками нашими обсуждение. Но для кажущегося обманчивого мира мы не можем жертвовать тем принципом, выполнение которого считаем необходимым для бытия и преуспеяния народа.

«Будем стараться проводить мысль об единстве народа во всех отношениях и на всех поприщах: в правительстве, литературе, в обществе, в финансах. В каждой из этих областей кое-что уже сделано, нужно лишь продолжать начатое. С грустью вспоминаю о потере, которую понесла наша наука социологии в лице Акселя Варена[135], столь преждевременно скончавшегося. Его труды доказывают, что фенноманская партия понимает требования времени. Продолжайте его труд. Труды Ханнеса Гебхарда[136] по экономическим вопросам показывают, чему можно научиться за границею. И тут лучшим примером служит нам тот же Снельман и его последователи. Они указывают нам, чего следует придерживаться. Каждое поколение избирает себе свое поприще деятельности; оно не обязано ступать по тем же

самым следам, которые оставили отцы. Оно уже стоит выше, имеет более широкий кругозор; оно имеет право — и даже обязано — выбирать себе направление, применяясь к этому расширенному кругозору. *Но, работая, нужно всегда иметь в виду то главное направление, которое выбрано отцами и которое одобрено историей.* Поступая таким образом, мы можем противостоять ударам судьбы. Если Господь народов предназначил настоящему поколению горчайшую из всех судьбу, то наша очередь показать, что внешние несчастия не уничтожат финского народа, что этот народ, если и согнется под тяжестью судеб, вскоре воспрянет вновь к счастливому и ясному будущему».

О примирении, при гарантии охранения финской самобытности, говорили и другие финские газеты, указывая, что внутренняя работа над охранением самобытности есть единственное спасение от русского влияния. Так, выходящая в Куопио газета «Uusi Savo» говорила: «Теперь настало время, когда наши взгляды должны быть шире, стремления благороднее, намерения тверже. Подъемом душевных сил мы должны добиться нравственной победы. Народ может наружно лишиться своих прав и большей части своего государственного самоуправления, но, несмотря на это, он может укрепить свои внутренние устои, может усиливаться и преуспевать в нравственном отношении. Пусть тот закон, который нам дорог, переменят и низвергнут: мы пребудем в целости, если душевная сила в нас останется живою, прежнею. Если мы не можем уберечься от "государственного" мороза, то, как бы мы ни считали его постигшим нас несправедливо, положим в хлеб наполовину коры, углубим канавы на наших полях в ожидании лучших времен.

Благородные стремления должны, однако, проявляться на деле. Пустыми словами будет все то, что говорили о примирении партий в вопросе об языках, если не устранить поводов к борьбе. "Один дух, два языка!" — такими словами можно восхищаться, но праздничные речи останутся без всякого значения, *если не будут сделаны уступки с обеих сторон.* Условиями мира с финской стороны поставлены следующие три пункта:

1) Запрещение наносить обиды личностям (т. е., вероятно, руководящим деятелям той или иной партии).

2) Уничтожение всяких препятствий к устройству учебных заведений, особенно народных школ, с преподаванием на языке другой партии. Финские и шведские дети имеют право учиться на родном языке.

3) Уничтожение системы переводов во всех учреждениях, до Сената включительно, потому что эта система обидна для громадного большинства финляндского народа.

Если, несмотря на эти уступки, меньшинство (т. е. свекоманы) все же хочет править нами, часто против желания значительного большинства, то пусть его постигнет приговор истории, потому что в таком случае не будет единой, нераздельной Финляндии».

В улеборгской финской газете «Kaiku» помещена была статья на ту же тему: «Редко где народный язык, — говорила газета, — встречал на своем пути, добиваясь своих природных прав, такие преграды, как у нас. Некоторые учреждения и должностные лица, будучи слугами народа, позволяют себе не понимать тех, кому случится иметь дело с их высокими персонами. Хотя законом уже давно признаны равноправными оба языка, бумаги все же пишутся по-шведски, а финнам дают официальные переводы и официальное пояснение, которой должно означать, что перевод не имеет никакого значения. В этом — самая слабая сторона нашего общественного строя. Открывается дорога тем, кого менее всего желательно видеть. Борьба из-за языков кончится тем, что мы получим уведомление о *третьем* официальном языке, с которого будут давать переводы как говорящим по-фински, так и говорящим по-шведски.

Финский народ имеет такое же право получать решения своих присутственных мест в оригинале, как и говорящие по-шведски. Уничтожить систему переводов не трудно. Наши чиновники знают оба языка, так как в университете от поступающих уже давно требовалось "знание, устно и письменно, финского и шведского языков". Нужны только добрая воля и обоюдное соглашение. Тогда вопрос можно было бы поднять на Сеймe».

Образчиком роста финского самосознания может служить одна горячо написанная статья финского молодого критика, Eino Leino[137], помещенная в газете «Päivälehti». Статья вызвала нелестные отзывы со стороны шведских газет края (особенно со стороны «hufvudstadsbladet»), полемические приемы которых не отличаются достоинством и сдержанностью. Однако идея, одушевляющая молодого писателя, хотя и выраженная резко, заслуживает внимания своею силою и свежестью. Он прокладывает новый путь, и путь этот трудовой.

«Сколько людей, — говорит Eino Leino, — еще не поняли разницы между финским и шведским духом, не поняли, что партийная борьба имеет целью не решение простого вопроса об языке, а доставление Европе *новой культуры*. Тут не может быть речи о плодах европейской культуры и о пересадке ее в нашу неплодородную почву; речь идет о насаждении *новых побегов в новую почву*. "Западниками мы не можем быть, восточниками не желаем стать, так будем же финнами", — говорит распространенная поговорка Арвидсона*2. 138. Как много людей до сих пор еще не понимают, что мы тем более унижаем себя, чем более говорим о "западной нашей культуре". Мы должны говорить о финской культуре! и если у нас есть глаза, чтобы смотреть, и уши, чтобы слышать, мы почувствуем, что эта культура более не пустой звук. Эти финские звуки, которые раздаются в ушах иностранцев, эти финские краски, эти световые тоны, которые удивляют людей на художественных выставках Запада, это ведь одни из проявлений того духа, при помощи которого, здесь, в мирной борьбе, мы защищаем свои хладные скалы, стараемся устранить народные бедствия, защищаем свободу совести. Сила слова, могущество духа, вечное царство познания! Царство мира, труда, гармонично бьющихся сердец! За последнее время все более становится ясным, что будущее сокрыто здесь. Взгляните кругом, на Европу! Что вы видите? Гнющие народы, устарелые культуры, грязные идеалы! Киплинг[139], д'Аннунцио[140], Зудерман[141] или Гауптман[142]?! Их создания для грядущих столетий будут далеки от понятия "прекрасного".

Никогда еще внимание Европы не было так направлено на Север, как теперь. Норвежцам принадлежит конец столетия. Кому будет принадлежать начало нового века?

Никогда Финляндия не находилась в более благоприятных условиях, чем ныне. Ни у одной страны в Европе нет теперь стольких искренних друзей, как у нас. Если в нас что-нибудь да есть, то именно теперь наилучшее время проявить наши таланты в науке, в искусстве, в литературе. Молодые люди в дебрях Финляндии, в деревнях и городах! Не чувствуете ли вы, что финскому медведю пришло время проснуться? Для этого не нужно богатства, или ученых степеней. Тут требуется только вера, вера в себя, в родину, в Бога. В нас самих, в глубине наших сердец дух времени, дух народа, дух Божий! Они в нашем собственном сердце. Оттуда их нужно взять и поделиться ими на радость другим людям. Если мы это сделаем, мы исполним наше назначение».

Затем Eino Leino сравнивает финскую и шведскую литературу Финляндии и находит у шведских писателей исключительно скандинавское направление. «Если кто-либо желает узнать, как далеко разошлись у нас финская и шведская культуры, то в этом легко убедиться, взяв в руки первую попавшуюся книжку шведского писателя. В то время как мы углубляемся в Калевалу[143] и в Карелию, они углубляются в Исландию и Эдду[144]. *Для них финский народ начинает жить только с первого крестового похода*[*3], для нас он тогда кончает жить и просыпается *для будущего пышного расцвета только в этом столетии*. Для них "Рассказы прапорщика Столя" Рунеберга[145] представляются высшим произведением национального духа; для нас таким является Алексис Киви[146] и его знаменитая повесть "Семь братьев"[147]».

---

*2 Эта пословица должна читаться иначе: «Быть шведами мы перестали, русскими быть не желаем, так будем же финнами!» Профессор Арвидсон был видным местным деятелем в Финляндии в эпоху присоединения ее к России. Реакция, сказавшаяся после Венского конгресса, заставила его удалиться в Швецию. (*Прим. док.*)

*3 Крестовый поход шведов против язычников финнов. (*Прим. док.*)

Изложенная выше статья молодого финского мыслителя свидетельствует, что обвинение в *скандинавизме*, хотя бы в смысле литературного направления, выставляется против финляндских шведов самими финнами. Но «направление» значит *дух*, общий склад мыслей, приложение способностей, и раз этот дух проявляется в литературе, значит он сказывается и в других проявлениях общественной жизни.

Обзор периодической печати. [Вып. 3]. Январь — февраль 1900. СПб., 1900. С. 12–120.

№ 51. Из статьи «Русская государственная идея», опубликованной в «Финляндской газете»[148]

15(28) апреля 1900 г.

Русская государственная идея

[...] Русское государство есть организм прежде всего нравственно-религиозный, основанный на Истине, провозглашенной Словом Божьим и хранящийся в неизменной чистоте Святою Православною Церковью.

Законы государственные должны согласовываться с этою Православною Истиной и подчиняться ей, дабы жизненная ее сила нигде не встречала препятствий в проникнутом ею государственном организме. [...]

Православная вера, создавшая государство Всероссийское, должна занимать во всех его пределах первенствующее почетное место среди прочих верований, как и русскому народу надлежит первенствующее место, как строителю Русского государства, среди всех прочих населяющих его разнообразных племен. Не желая ни угнетать, ни насиловать их веры, русский народ имеет право во всех местах необъятной Российской империи чувствовать себя не в гостях, а дома, всюду встречая свой язык общепризнанным языком государственным и имея всюду возможность открыто и торжественно исповедовать свою Святую Православную Веру, помогая своему Царю осуществлять, по мере сил человеческих, земной идеал православного государства.

Идеалы Московского государства стали ныне идеалами Всероссийской империи. Вечные начала не стареют. Служению именно вечных духовно-нравственных начал, в применении к жизни государственной, посвятила себя Москва, а за нею и вся Россия, весь русский народ, начертавши на своем знамени: Православная *вера*, Царская *власть*, установленная Богом, а не людьми, и *братское* национальное *единство*.

Опубл.: Финляндская газета. 1900, 28 апреля. № 45. С. 2.

№ 52. Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского[149]

7(20) июня 1900 г.

Объявляем через сие:

Вслед за включением Великого княжества Финляндского в состав Российской империи, по воле Блаженной памяти ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Первого, было положено постепенно ввести в делопроизводство по управлению краем русский язык в качестве главного. МОНАРШЕ предначертание это, заботой об укреплении государственного единства внушенное, не было проведено доселе в исполнение вследствие недостаточной распространенности в Финляндии русского языка. Для устранения сего затруднении были принимаемы разнообразные меры, и еще в последнее время знание государственного языка объявлено обязательным для занятия высших должностей в крае. Ныне, признав своевременным присвоить русскому языку приличествующее ему значение в официальных сношениях и в делопроизводстве присутственных мест Великого княжества, МЫ поручили обсудить сей предмет Особому совещанию, для сего нами учрежденному. Представленные Совещанием

заключения, НАШИМ намерениям соответствующие, определяют их осуществление с постепенностью, свойству дела сообразною. Вместе с тем приняты во внимание потребности частных лиц, коим и впредь обеспечена возможность обращаться в правительственные установления на родном языке также свободно, как они этим пользуются в общественной жизни и частном быту. Утвердив вследствие сего заключения Особого совещания, Мы повелеваем:

I. Статс-секретариату Великого княжества Финляндского, канцелярии Финляндского генерал-губернатора и Финляндской Паспортной экспедиции с 18 сентября / 1 октября 1900 года производить дела и вести переписку исключительно на русском языке.

II. Императорскому Финляндскому Сенату (по Хозяйственному департаменту) с 18 сентября / 1 октября 1900 года подлинные всеподданнейшие представления, равно как подлинные отзывы и исходящие бумаги при сношениях с генерал-губернатором излагать на русском языке. В потребных случаях к подлинным производствам означенного департамента Сената прилагать переводы упомянутых представлений, отзывов и бумаг на местный язык. С 18 сентября / 1 октября 1903 года производство дел в Сенате и его экспедициях (кроме Судебного департамента), как письменное, так и устное, совершать на русском языке с соблюдением следующих условий: а) относящиеся к делам подлинные документы могут быть читаны на том языке, на каком они составлены; б) при выдаче копий с Сенатских определений могут быть прилагаемы, по ходатайству просителей, шведские или финские переводы сих определений, и в) Председательствующим в заседаниях Сената в течение пяти лет с указанного выше срока разрешается дозволять членам Сената представлять словесные объяснения на шведском и финском языках.

III. Главным управлениям, подведомственным Императорскому Финляндскому Сенату, а также губернаторам, равно как заступающим их место должностным лицам и губернским правлениям, с 18 сентября / 1 октября 1905 года сноситься с установлениями, над ними стоящими, как то: с генерал-губернатором, Сенатом и другими, — исключительно на русском языке.

IV. Правительственным установлениям Великого княжества Финляндского, в делопроизводство коих вводится русский язык, принимать и давать установленный ход прошениям частных лиц, писанным на одном из местных языков.

V. Прошения и бумаги на русском языке принимать во всех правительственных установлениях Великого княжества Финляндского [Выс. пост. 3 декабря 1866 г. (н. ст.) и 4 апреля 1887 г. (н. ст.)]. Прошения и бумаги сии в потребных случаях переводить на местный язык порядком, установленным Высочайшим постановлением 3 декабря 1866 года.

VI. Подлежащим властям под руководством и надзором Финляндского генерал-губернатора благовременно принять в установленном порядке меры к приведению к вышеуказанным срокам личного состава подведомственных им установлений в такие условия, какие необходимы для успешного введения русского языка в делопроизводство и переписку сих установлений.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«Николай»

Опубл.: ПСЗРИ. Т. XX. Отд. 1. 1900. СПб., 1902. Ст. 18772; СПВКФ. № 22.

НАФ. Дело из фонда Канцелярии генерал-губернатора 9/I/1901/Fb:3. Машинопись, заверенная помощником секретаря канцелярии министра статс-секретаря Финляндии Е. Нюманом.

№ 53. Представление Финляндского Сената Императору Николаю II с протестом против введения русского языка в делопроизводстве Финляндии

17(30) июня 1900 г.

Перевод всеподданнейшего представления
ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената
от 30 июня 1900 года.

Согласно сообщенному Сенату отношению статс-секретариата Финляндии от 8(21) июня 1900 года, ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было 7(20) числа того же месяца, утвердив представленное Особым совещанием заключение, ВЫСОЧАЙШЕ установить некоторые положения о введении русского языка в виде официального языка в Финляндии, в частности, в статс-секретариат, канцелярии генерал-губернатора, Финляндской паспортной экспедиции и Сенат, а также в переписке губернских правлений и главных управлений с установлениями, над ними стоящими; причем ВЫСОЧАЙШИЙ Манифест по сему предмету был передан генерал-губернатором в Сенат для исполнения. Обсудив значение вышеозначенной меры, Сенат приемлет смелость всеподданнейше донести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ следующее:

Как Сенат уже имел случай донести в всеподданнейшем своем представлении по настоящему вопросу от 20 февраля 1899 года постановление об учреждении Высшего Управления в новой Финляндии, предварительно одобренное Блаженные Памяти ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ I 19 ноября 1808 года, но никогда не объявленное в виде ВЫСОЧАЙШАГО Постановления, а служившее временною инструкцнею для генерал-губернатора в тогда еще только войсками занятой Финляндии, действительно заключало в себе определение о том, что все дела должны производиться на шведском языке «доколе войдет в употребление российский». Но положение Финляндии относительно ИМПЕРИИ окончательно и решительно установлено было только в 1809 году на Боргоском Сейме; и правительственный строй, и права, которые страна тогда получила, должны быть руководящими по отношению к каждому последующему мероприятию касательно этой страны, чтобы распоряжение было основано на законном начале. Распоряжениями, сделанными ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ I на этом Сейме и вновь подтвержденными впоследствии, за Финляндиею, хотя и нераздельно соединенною с ИМПЕРИЕЮ в одно государство, была обеспечена на вечные времена собственная конституция, на основании которой страна должна управляться при содействии собственных ее чиновников, назначенных из среды граждан края; ИМПЕРАТОР же лично объявил, что финский народ имеет быть свободным во внутренних делах (libre dans l'intérieur[a]), что она на будущее время возвышается в число наций (placé désormais au rang des nations), и что ИМПЕРАТОР Своими распоряжениями хотел обеспечить за финскою нациею политическое ее существование и сопряжение с сим права (assurer à la nation finnoise les droits de son existence politique).

Отсюда очевидно следует, что управление краем должно вестись на собственном языке населения, а не на языке, для него чуждом. Это Основное положение, действительно, не только постоянно применялось с изложено ниже сего, составляло также руководящую мысль в распоряжениях АВГУСТЕЙШИХ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Предшественников касательно положения шведского и финского языков в Финляндии.

Те меры, которые принимались в отношении пользования русским языком в Финляндии, не нарушали этого основного начала, а имели другой характер и совершенно другую цель. Оставляя вообще положение туземных языков незатронутым, сии меры частью были вызваны тем обстоятельством, что язык МОНАРХОВ Финляндии — русский, вследствие чего они относились к делам, докладываемым МОНАРХУ, и прежде всего касались статс-секретариата Финляндии и Канцелярии генерал-губернатора; частью же эти меры имели целью облегчить для русских сношения с властями края, в каковых видах знание русско-

[a] *Здесь и далее французский текст вписан рукой делопроизводителя.*

го языка предписано для некоторых чиновников, а равно принимались меры к облегчению ознакомления с этим языком. Отмененный впоследствии распоряжения ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I от 1812 и 1813 гг., на основании которых университетские аттестаты о выдержании правительственных экзаменов по прошествии 5 лет должны были выдаваться только лицам, доказавшим свое знание русского языка, имели такой же характер и, следовательно, также не находятся в связи с вопросом об официальном языке.

Мероприятие, которое ныне имеется в виду и которое заключается во введении русского языка в качестве главного в установлениях края, таким образом, противоречит духу правительственного строя Финляндии, а так как, согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ Манифесту, на русском языке составлялись бы также резолюции Хозяйственного департамента, выдаваемы частным лицам в тех многочисленных делах, которые относятся к области административного судопроизводства, то, как уже изложено Сенатом в вышеупомянутом всеподданнейшем представлении, соответственные правила несовместимы также с Постановлениями общего уложения Финляндии относительно языка судопроизводства.

Вследствие исторически сложившихся условий шведский язык, хотя язык меньшинства, остался официальным языком Финляндии, при соединении ее с ИМПЕРИЕЮ. Между тем АВГУСТЕЙШИЙ ДЕД ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II и ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА АВГУСТЕЙШЕЙ РОДИТЕЛЬ, ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III, снисходя к ходатайствам населения, неуклонно направляли свои попечения к тому, чтобы финский язык занял надлежащее положение в государственном управлении; в частности, ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III постановил, чтобы финский язык также в высшей администрации пользовался одинаковыми правами со шведским. Таким образом, на основании действующих постановлений уже не имеется никаких препятствий для применения финского языка в управлении края в самых обширных пределах, наравне со шведским, и, по самой природе дела, при сохранении нынешнего порядка применение финского языка все более должно распространяться. Ныне же имеющееся в виду мероприятие положило бы конец этому естественному развитию. Вследствие сего мероприятие это для громадного большинства финского народа, говорящего на финском языке, было бы равносильно совершенному рушению надежд, сопряженных с трудами, направленными к возвышению интеллектуального и общественного положения этой части населения, а именно чтобы финскому языку было отведено все более выдающееся место, как в низшей, так и в высшей администрации.

Ввиду вышеприведенных Сенатом соображений, эта мера не может не вызвать в финском народе чувства глубокой скорби и огорчения. Действительное значение ее никому в Финляндии не может представиться иначе, как направленным к денационализированию финского народа.

В журнале Особого совещания признается особенно важным направить все усилия в данном вопросе к тому, чтобы предупредить возникновение в стране недовольства и раздражения. Вышеизложенные соображения, однако, по мнению Сената, доказывают, что эта мера, наоборот, непременно должна породить такие чувства. Вполне ясно, что этим противодействовало бы вызванное чувствами благодарности и любви, вследствие оказанных АВГУСТЕЙШИМИ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Предшественниками благодеяний, сближение финского народа с Россией, которое с течением времени все более упрочивалось и развитие которого ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволили признать желательным. Формальное единство может быть и могло бы в известной мере быть достигнуто, но, будучи вызвано принуждением, оно оставалось бы лишь наружным покровом, под которыми скрывались бы рознь и взаимное недоверие, вместо согласия и доверия.

Но кроме этих чрезвычайно важных правовых и политических соображений Сенат считает долгом всеподданнейше донести, что проведение этой меры в намеченных ныне порядке и пределах встретит притом непреодолимые затруднения. В числе служащих в Сенате, в губернских правлениях и в Главных управлениях имеются лишь весьма немногие,

обладающие сколько-нибудь удовлетворительным знанием русского языка, а еще меньше таких, которые владели бы русским языком настолько, что без неудобств и без риска для правильного изложения дел могли бы пользоваться им в служебной переписке, — если вообще найдутся такие чиновники. По произведенному расчету число состоящих при этих правительственных учреждениях штатных чиновников составляет приблизительно 370, не считая многочисленных сверхштатных чиновников, необходимых для производства дел. Для проведения реформы по крайней мере две трети означенного личного состава должны быть в состоянии беспрепятственно как устно, так и письменно объясняться на русском языке. Побудить всех этих лиц приобрести такое знание русского языка или заменить их другими лицами, обладающими потребными познаниями, было бы невозможно не только в правовом отношении, — так как, согласно основным законам, финляндские чиновники, за некоторыми исключениями, могут быть увольняемы или переводимы на другие должности не иначе, как по приговору законного суда, — но и на практике оказалось бы неосуществимым. Уже теперь слышатся жалобы на трудность полного усвоения обоих туземных языков как в устном, так и письменном их употреблении. Владеть еще по третьему языку такими же познаниями, — которые, кроме того, не имеется случая поддерживать повседневною разговорною практикою, — являлось бы требованием, для большинства не исполнимым и не предъявляемым ни одною страною к своим чиновникам в виде общей нормы. Нельзя также упустить из виду, что сопряженные с этим значительные расходы по обучению для менее состоятельной части населения края прекратят доступ к поприщу высших правительственных должностей, а также, что необходимость прежде всего обращать внимание на знание языков, разумеется, должна понизить общий уровень специального образования служащих и, таким образом, затруднить для правительства выполнение лежащих на нем задач. Как ни важно обращать внимание на интересы всего государства, интересы эти, все же не могут требовать, чтобы на страну навлечены были такие затруднения и такой ущерб.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ! Финляндский Сенат, глубоко проникнутый сознанием своего долга принимать к руководству ВЫСОЧАЙШИЯ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления и указания, питает живейшее желание быть в состоянии верно исполнять этот долг свой. Но с другой стороны, Сенат, которому ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ вверено внутреннее управление краем, равным образом обязан в точности руководствоваться законами и постановлениями края и открыто доносить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ об истинном смысле этих законов, а также высказывать перед ВАШЕМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ мысли и надежды населения и то, что, по мнению Сената, обусловливается благом страны. Ввиду же того, что Сенат согласно вышеизложенному, находит, что ВЫСОЧАЙШИЙ Манифест несовместим с правами, принадлежащими Финляндии на основании соответствующего ее правительственному строю положения в отношении к ИМПЕРИИ — на каковое положение финский народ никоим действием с его стороны не утратил права, — а также что Манифест противоречит правам, присвоенным по основным законам нынешним служащим и не может быть проведен без явного вреда для края, Сенат, побуждаемый своим долгом как перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ, так и перед финским народом, и уповая на великодушие и праволюбие ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, в которых народ этот видит оплот для себя и своих прав, осмеливается всеподданнейше представить вышеизложенные соображения против приведения Манифеста в исполнение и вместе с тем ходатайствовать, не соблаговолите ли ВАШЕ ИМЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ограничить меры по введению русского языка в Финляндии в том смысле, чтобы язык этот вошел в употребление главным образом во всеподданнейших представлениях и заключениях Хозяйственного департамента Сената и в переписке статс-секретариата, Канцелярии генерал-губернатора и Финляндской паспортной экспедиции.

Протокол состоявшегося при производстве сего дела в Сената голосования при сем всеподданнейше прилагается.

Подлинное подписали сенаторы:

К. Тудер.
Ф.В. Шауман.
С.В. Хуберг.
И.Г. Сольман.
В. Энеберг.
Л. Клуберг.
Л. Гришенберг.
А. Шарпантье.
Р. Идестам.
Э. Йонсон[152].
А. ав Нюборг.
Г. фон Тройл.
К.Ф. Игнациус.
О. Гюллинг.
Г. Боренпус.
Э. Бэм*[150].
Г. Лангеншельд.
А. Нюберг.
Ю. Серлакиус[151].

Скрепил: Референдарий-секретарь Э.А. Форсель.
[6-6] Верно: Главный переводчик В. Ганкен [6]

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, дело 13/1900, папка Fa:1173. Л. 279–285. Машинопись на листах большого формата с водяными знаками: keisekliga senaten keisarillinen senaatti, сшитых тесьмой.

№ 54. Статья «Отношение прессы к событию» из «Обзора периодической печати» № 5 о реакции на Манифест о введении русского языка

1900 г.

Отношение прессы к событию

Протест Императорского Финляндского Сената, в каковом смысле было понято и в Финляндии, и за границей всеподданнейшее представление этого правительственного учреждения*[1], в связи с протестом против слуха о том же мероприятии, заключающемся в петиции земских чинов «о неправильностях в системе управления», являлись в сущности отголоском отрицательного отношения к новым мерам правительства со стороны местных политических деятелей.

Это отношение выразилось, по обыкновению, с особенной силой в местной печати, среди которой газета «Nya Pressen» *за день* до общего собрания Сената в двух статьях «Невероятные слухи» и «Функции Финляндского Сената» позволяла себе критиковать распоряжения Монарха и рекомендовала сенаторам тот именно образ действий, который они избрали, войдя с своим представлением к Государю. Несмотря на ясное установление характера Сената как *исполнительного* органа в его учреждении, руководящий орган финляндской оппозиции газета «Nya Pressen» определяла функции Сената на основании старинных шведских установлений. Рассуждая о трех переданных Финляндскому Сенату для исполнения Высочайше утвержденных узаконениях, газета говорила:

«С известной стороны отстаивают мнение, что Сенат может только решить вопрос об опубликовании по существу, с другой же стороны утверждают, что Сенат должен и может решить сперва войти к Его Величеству с представлением, разъясняющим, что три проекта противоречат финляндским основным законам. Различие мнений, вероятно, обусловливается тем, что различный характер функций Сената не представляется вполне ясным представителям этих мнений. На самом деле, Сенат, с одной стороны, может быть признаваем *коллегией советников Монарха* с правом и обязанностью всеподданнейшим представлени-

---

* *Правильно — Бем.*

[6-6] *Вписано чернилами. Фамилия читается нечетко.*

[1] В немецких газетах известие о прошениях сенаторов об отставке сообщалось под заглавием «Die Demission des finnischen ministeriums». (Прим. док.)

ем обратить внимание Его Величества на данные и обстоятельства, в подлежащем случае, по мнению Сената, *не достаточно оцененные*; с другой же стороны, Сенат, собравшись на общее заседание, является высшею административною властью края, *с обязанностью обнародовать и исполнять повеления Монарха, поскольку они согласованы с законами Финляндии.* Из этого само собой следует, что Сенат в каждом случае, когда в проекте или даже в Повелении усматривается нарушение наших законов, прежде всего должен всеподданнейшим отзывом донести Его Величеству о сущности Повеления в этом отношении». Заключение Сената по возбужденным вопросам было уже дано раньше*[2], но газета «Nya Pressen» требовала вторичного рассмотрения и составления представления на Высочайшее Имя. Даже после совершения всей этой процедуры Сенату, по мнению газеты, нужно было еще решить: опубликовать ли Высочайше утвержденные законы или нет? «Уже после отсылки представления, после доклада его Монарху и получения от Него ответа, в зависимости от характера ответа, может возникнуть вопрос об обнародовании, если ответ, вопреки всем предположениям, не окажется согласованным с соображениями, изложенными в отзыве Сената».

Другая газета «Hufvudstadsbladet» по тому же поводу проводила мысль, что сенаторы — «уполномоченные» финского народа и «члены совета Монарха», т. е. пропагандировалась идея «эпохи свободы» в Швеции, когда члены королевского совета считались уполномоченными государственных чинов. В статье под заглавием «Честь должностного лица» говорилось:

«То, что облагораживает деятельность должностного лица есть сознание, что он не только зубчатое колесо в правительственном механизме, но представитель законной общественной власти, способствующий удовлетворению потребностей общественной жизни. Должностное лицо, таким образом, *не есть слуга ни царя, ни народа, но доверенное лицо их обоих*. Его *обязанности к своему народу* не меньше, чем к Монарху. Посредник между этими двумя полюсами долга есть закон, который должен быть единственным руководителем для должностного лица на пути долга. С целью облегчить осуществление этого долга уже с давних времен старались в нашем общественном строе обеспечить должностному лицу самостоятельное положение посредством несменяемости его иначе, как по суду и после следствия. Исключение из этого правила составляют лица, занимающие должности по особому доверию, в особенности члены высшего управления. Монарх назначает и отрешает от должностей своих доверенных лиц по своему Высочайшему усмотрению. Народ при этом не имеет никакого голоса, но он смотрит *на этих членов совета Монарха*, как на сынов той же страны, исполненных тем гражданским духом, который одушевляет весь наш народ, и полагается, как на свою последнюю законную защиту, на их совесть и честь.

Плохо эти высшие должностные лица оправдали бы предоставленное доверие, дозволяющее им *говорить пред Монархом от имени финского народа*, если бы они не старались довести до сведения Монарха те взгляды и чувства, которые питает народ, и то воззрение, которое вообще он имеет на мероприятия правительства.

Унаследованный нами от предков общественный строй стойко выдерживал удары в прежние тяжелые времена именно потому, что он воспитывал *должностных лиц*, считавших своим долгом быть *толкователями законных прав народа перед Монархом»*.

Таким образом, местная печать в своих выводах и заключениях по поводу текущих событий шла гораздо дальше Сената. Финляндские публицисты, склонные считать Сенат (действующий всегда Императорским Именем) своим правительством, в смысле представителя не только Верховной власти, но и народной воли, ожидали от Сената более самостоятельного образа действий. Разногласие между сенаторами в вопросе о том, как далеко можно идти с протестом и законным противодействием мерам верховной власти, вызвала в печати выражение недовольства Сенатом. С которой именно стороны проявлялось в сущ-

*[2] При выработке узаконения о русском языке затребован был отзыв Сената. (*Прим. док.*)

ности наибольшее недовольство можно усмотреть из корреспонденции, посланной из Финляндии в шведскую газету «Göteborgs Handels och Sjöfars Tidning». Корреспондент считал возможным, что финляндские чиновники будут поставлены в необходимость оставлять службу. Газета «Hufvudstadsbladet» возражала против мысли о необходимости для служащих подавать в отставку, заявляя, что это равносильно дезертирству и может быть названо «политикой, открывающей настежь ворота для всех реформ». Такого же мнения держалась по вопросу об уходе служащих лиц и газета «Aftonposten», которая в статье «Уйти или оставаться?» высказывала сожаление о поданном бургомистром города Гейнола прошении об отставке. «На днях, — говорила эта газета, — в одном из подобных прошений об отставке говорилось, что ввиду коренного изменения правового положения в крае, нижеподписавшееся должностное лицо не может считать согласным с своею совестью оставаться на занимаемом им месте. Повод к подаче прошения об отставке не выдерживает критики. Случившееся за последнее время изменило фактическое, но не правовое положение. Теперь, как и сотни лет тому назад, остается непоколебимым, что "желание или сила не есть право края". Представителями этого права суть служащие и должностные лица края, а в особенности те, которые поставлены его охранять. И эта охрана не может быть осуществлена иначе или лучше, как тем, что каждый на своем посту будет продолжать проявлять свою служебную деятельность в полном согласии с предписаниями закона. В этом будет заключаться его ответственность и защита».

Финская газета «Päivälehti» соглашалась с мыслью, что решение Сената опубликовать Манифест было вызвано заботой о «наилучшем охранении края и народа ввиду особого ответственного положения, в которое поставлены сенаторы». Но в то же время эта газета поясняла причину той сильной оппозиции, которую в административных кругах встретило распоряжение об языке, когда говорила: «Опубликование Манифеста *снимает последние препятствия с дороги тех*, которые, пожалуй, думают привести в исполнение свои планы при помощи совершенно чуждого им народа».

Эти русские «планы», по мнению «Hufvudstadsbladet», заключаются в стремлении к *ассимиляции*. Гельсингфорсская газета нашла в одном из русских органов печати фразу: «теперь Россия во всем заняла место Швеции по отношению к Финляндии» и ответила на эту фразу отдельной статьей. «Одно слово говорит иногда гораздо больше, — заявляется в этой статье, — чем целые акты, и такое слово, которое подобно молнии освещает все нынешнее положение, теперь высказано в связи с вопросом об языке. *"Ассимиляция"* — есть та конечная цель, которая теперь уже совершенно откровенно и провозглашена в русской прессе выразителями политики, направленной против нас. Действительно, в истории встречаются случаи, что один народ в продолжение сотен или тысячи лет ассимилировал другую народность. Но это случалось, когда господствующий народ уже обладал относительно более развитой культурой, другой же еще находился в первобытном и бессознательном состоянии. Сравнительная многочисленность населения не играет в таком случае никакой роли. Возьмем пример Финляндии. Финляндия была соединена со Швецией почти в продолжение 700 лет. Шведский язык в течение столетий стал здесь служебным языком и даже языком служебных установлений и школ. *Разве ассимилировались вследствие этого племена, населяющие ныне этот край, у* которых, однако, 700 лет тому назад национальное самосознание было лишь в зачаточном состоянии, и которые находились относительно Швеции в положении провинциалов? Впоследствии одно из населяющих Финляндию племен имело тот же язык и было одного происхождения с населением господствующего края, — но ассимилировались ли финны со шведским населением, со шведскими победителями? Нет! Более высокая культура последнего, к великому счастью для нас, проникла в общество по сю сторону Ботнического залива, но шведский язык, несмотря на его прочное положение, затронул, собственно говоря, местное общество только на поверхности. Финны в эти

700 лет не стали шведами, и даже та часть населения, которая в нашей стране говорит на шведском языке, не "ассимилировалась" с народом Швеции».

Преувеличенные опасения от введения русского языка в делопроизводство местных учреждений высказывали все финляндские газеты как шведские, так и финские. Содержание статей, появившихся по этому поводу в периодической прессе, сводилось к одному и тому же: боязнь ассимиляции и уничтожения основ национальной жизни. В русских газетах вполне правильно указывалось, что такой страх неоснователен. «Неделя», например, говорила: «Высочайшим Манифестом объявлено о постепенном введении русского языка в делопроизводство разных учреждений Великого княжества Финляндского. Для русского языка, как государственного, приобретается еще одна, обширная и чуть ли не последняя из территорий в черте империи. Русский язык как бы вмещается, наконец, в пределы Русского государства, ставшего в последние два века столь разноязычным». «Нет сомнения, что для русского племени значение, приобретенное его родным языком, только выгодно. Многие думают, что в такой же мере оно невыгодно для языков инородческих, так как вытесняет их из области не только государственного управления, но и из жизни вообще. Опасения эти кажутся нам преувеличенными. Если местные языки боятся даже такого слабого соперничества, как появление чужого языка в канцеляриях и судах, то дело этих языков проиграно бесповоротно. Речь народная держится употреблением ее не властями, а народом, причем незначительная практика официальных сношений безусловно тонет в ежедневной, ежеминутной практике бытовой, в сфере *литературы, науки, школы, публичной жизни*. Если народ, как бы он ни был мал, истинно культурен, то язык его — нечто неотъемлемое от его мысли и души».

«Новое время» в передовой статье говорило, что введение русского языка в делопроизводство есть «вопрос объединения и внутреннего сплочения разнородных этнографических элементов, вошедших в русскую народную семью и составляющих с ней одно политическое целое». Хотя этой фразой газета и дала финляндской прессе повод заговорить об угрозе «ассимиляцией», конец статьи иначе поясняет смысл сказанного. Указывая вполне правильно на постепенность, которая установлена Высочайшим Манифестом для введения русского языка в делопроизводство финляндского управления, газета говорит: «Эта важная подробность дела свидетельствует о крайней деликатности русского правительства в отношении своих финляндских чиновников, которым дается необходимое время, чтобы достаточно освоиться с русским языком. Излишне также прибавлять, что интересы местного населения, связанные с введением русского языка в правительственное делопроизводство, ограждены так тщательно и с таким вниманием, что большего в этом отношении едва ли можно желать. Надо надеяться, что статс-секретариат по финляндским делам, как и канцелярия Финляндского генерал-губернатора, в делопроизводство коих русский язык вводится уже с осени текущего года, перестанут быть чем-то вроде финляндских дипломатических канцелярий... Впрочем, самая краткость срока, назначенного этим учреждениям для перехода к делопроизводству на русском языке, служит признаком, что личный состав их уже достаточно подготовлен к настоящей реформе, и что эти былые твердыни финляндской обособленности ныне служат иным задачам, которые намечал для них еще Сперанский[153], советовавший направлять финляндские дела в общую колею с русскими делами непосредственным воздействием государственной власти на местный правящий механизм и искать усилить себя подробностями управления».

Обзор периодической печати. [Вып. 5]. Май — сентябрь 1900. СПб., 1900. С. 75–82.

№ 54А. Сопроводительное письмо Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова министру статс-секретарю фон В.К. Плеве к представлению Сената

19 июня (2 июля) 1900 г.

«19» июня 1900 г.
№ 500.

Его Высокопревосходительству
В.К. Плеве

Милостивый государь,
Вячеслав Константинович

Препровождая при сем Вашему Высокопревосходительству всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сената от 18 июня, считал необходимым выслушать следующее заключение по его содержанию:

1) в представлении этом нет новых уважительных доводов, которые не были бы уже предусмотрены им по данному вопросу в представлении Сената от 20 февраля 1899 года, или которые не были бы уже выяснены в переданному ему журнале Особого, под председательством сената-секретаря Фриша, совещания. Представленные Сенатом соображения не отвечают действительному положению дел и, не обоснованные на достоверных фактах, являются вместо с тем и совершенно несвоевременными.

2) Признаю противозаконным входить Сенату в оценку степени основательности Высочайших манифестов и положений, что учреждению, имеющему счастье именоваться Императорским и действующему в пределах положений Его Императорского Величества, подобает быть послушным орудием Верховной власти, неспособным проявлять преступное неповиновение.

3) Приведенная Сенатом ссылка на возможность вызова введением русского языка чувства глубокой скорби и огорчения среди финского народа, равно как и его утверждение о желании этою мерою денационализировать этот народ, произвольна и лишь свидетельствует о степени упорства Сената и проведению вообще мер, направленных к государственному сплочению, столь необходимому для блага и истинного счастья финского народа.

4) Заявленное 12-ю сенаторами во всеподданнейшем представлении по Высочайшему Манифесту намерение выйти в отставку в случае подтверждения силы этого законодательного акта составляет очевидно неуместную угрозу, заслуживающую тем большего порицания, что она проявлена скопом и указывает, если не на проявление злоумышленной дерзости, то по меньшей мере непростительной бестактности и полного с их стороны неведения закона, определяющего порядок увольнений сенаторов от службы.

Ввиду приведенных оснований, я полагал бы: 1) домогательства Сената оставить без последствия и обязать его, Высочайшим повелением ныне же обнародовать Высочайший Манифест 7 июня, отнюдь же входя в оценку его основательности, и 2) не удерживая на службе сенаторов, заявивших о намерении своем выйти в отставку, предоставить мне входить о том с представлениями, в установленном порядке, имея в виду, чтобы от такого увольнения не могло возникнуть затруднений в ходе отправляемого Сенатом делопроизводства, и чтобы первое такое представление последовало **не ранее обнародования Манифеста от 7 сего июня.**

С истинным почтением и совершенною преданностью,
Имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Н. Бобриков

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, дело 13/1900, папка Fa:1173. Л. 265. Рукопись на бланке «Финляндский генерал-губернатор в Петербурге».

№ 55. Статья «Петиция о системе управления» из «Обзора периодической печати» № 5

1900 г.

Петиция «о неправильностях в системе управления» еще менее, чем петиция о почтовых марках, отвечала требованиям законности, целесообразности и приличия, т. е. тому идеалу, который выставляла газета «Hufvudstadsbladet», осуждая сторонников трезвости и требуя «лояльности в выражении мнений».

Обвинения, выставленные в этой петиции против государственной власти, разделяются на следующие пункты: 1) учреждение в стране надзора за общественным спокойствием при помощи жандармов; 2) ограничение права частных лиц устраивать общества для распространения образования; 3) ограничение права сходок и собраний; 4) произвольное притеснение прессы; 5) введение русского языка, в качестве служебного, в высшие административные учреждения.

Относительно содержания этой петиции следует отметить следующее: жандармская команда была учреждена в Финляндии по Воле Императора Александра Первого 1-го февраля 1817 года, и во многих случаях проявляла свою деятельность и до 1898 года. Вопрос об устройстве обществ вообще и с просветительною целью в частности со времени Императора Николая I входит в исключительную компетенцию Монарха, что подтверждено в новом учреждении Сената. Что касается постановлений о собраниях, то и вопрос о собраниях, согласно тому же акту учреждения Сената, подлежит ведению административной власти. Четвертый обвинительный пункт в петиции земских чинов — о мероприятиях против печати — относится к области законодательства, которая изъята из ведения Сейма. Наконец, последний пункт петиции, касающийся предположений о введении русского языка в делопроизводство правительственных учреждений Финляндии, затрагивает меру, намеченную к осуществлению еще в царствование Императора Александра I и принадлежащую к тем предметам управления, которые никогда не решались иначе, как в административном порядке, без участия Сейма. Из вышеизложенного явствует, что петиция о системе управления нарушала законом установленную компетенцию земских чинов.

Значение Финляндского Сейма как провинциального собрания земских чинов вполне ясно вытекает из определений Сеймового Устава 1869 года. По смыслу Устава, земские чины составляют собрание народных представителей, которое по Высочайшему предложению или — в иных вопросах — по собственной инициативе в законченной форме моций или в форме петиций, занимается обсуждением законодательных вопросов, возникающих в порядке административно-судебного или хозяйственного управления. Никакой политической власти или контроля за органами управления у Сейма не существует, хотя попытки расширения компетенции земских чинов в этом направлении не раз замечались со стороны местных политиков.

Газета «Nya Pressen» в номере от 15-го мая сего года дает указания на такого рода попытки. В статье под заглавием «Отчет прокурора» она говорит: «Земские чины просили на Сейме 1872 года об учреждении высшего суда с несменяемыми судьями и о вменении прокурору в обязанность давать отчет земским чинам о порядке осуществления им надзора за применением законов, однако *без права контроля мероприятий генерал-губернатора и Высшего управления*. Вторая часть петиции удостоилась Высочайшего одобрения и, начиная с Сейма 1877–1878 годов, прокурор регулярно представлял земским чинам отчет о своей служебной деятельности».

Несмотря, однако, на высказанное намерение не подвергать контролю деятельность генерал-губернатора и Сената, земские чины вскоре обнаружили свои действительные стремления. Отчеты прокурора, заключавшие обзор главнейших судебных дел и отзывы о законодательных реформах, не удовлетворяли чинов Сейма. «Nya Pressen» по этому поводу говорила: «Существует отрасль деятельности прокурора, которая весьма мало или даже вовсе не была обсуждаема в его отчетах; мы разумеем тот надзор, который ему надлежит

иметь по отношению к служебной деятельности генерал-губернатора и нашего высшего правительственного учреждения. Чем меньшее значение можно ныне придавать судебно-статистическим сообщениям отчетов, тем большее значение имела бы для земских чинов и для всего края возможность ознакомиться с этою политическою стороною служебной деятельности прокурора».

«Несомненно, — продолжает далее та же газета, — комиссия законов и земские чины Сейма 1897 года придерживались именно такого мнения, когда они относительно отчета прокурора высказали замечание, что отчет этот не удовлетворял вполне требованиям, которые можно предъявлять к такого рода произведениям. Они заявляли, что изложение отдельных судебных дел не дает наглядного представления о состоянии правосудия в крае, и желательно встречать в этих отчетах сведения о том, случалось ли прокурору делать какие-либо распоряжения по поводу незаконных мероприятий правительства».

Ответ прокурора на обращенный к нему со стороны Сейма 1897 года упрек был дан нынешнему Сейму 1900 года: все притязания земских чинов, как и следовало ожидать, были отклонены. Прокурор — говорилось в ответе — предоставляет лично себе право в зависимости от обстоятельств обсуждать и решать в последней инстанции, следует ли и что именно следует упоминать в отчете из политической стороны его служебной деятельности. При этом порицалось непосредственное, вопреки закону, обращение земских чинов к прокурору.

«Nya Pressen» постаралась найти извинение образу действий земских чинов и стала утверждать, что, действительно, относительно политической стороны служебной деятельности прокурора в его отчете имеется большой пробел. «Прокурору следовало бы, уже вследствие того исключительного положения, которое он занимает в общественном строе Финляндии, осведомлять в большем размере земских чинов, а вместе с тем и край, о том, *что он счел себя обязанным предпринять по отношению к служебной деятельности генерал-губернатора и Сената*. В смутное в политическом отношении время потребность эта настолько увеличивается, что достоинство прокурорской должности никоим образом не может выиграть от того, что народ остается без ответа на интересующий его вопрос: что делает прокурор края?»

Обращаясь к изложению содержания петиции об «устранении ошибочных направлений в руководстве управлением Финляндии и о согласовании оного с законами и общественным строем страны» необходимо указать на следующее:

земские чины высказываются против усиления в Финляндии жандармского управления на том основании, что «наблюдение за поддержанием общественного спокойствия и безопасности всегда было в этой стране легкой и простой задачей», «население само заинтересовано в святом соблюдении законов». Русские жандармские чины, — заявляется далее, — не знакомы с местными языками, не знают местных законов. В петиции также утверждается, что обвинения, предъявленные на основании донесений жандармских чинов «обыкновенно оказывались неправильными или по крайней мере ошибочными».

Затем в петиции осуждается временное запрещение основывать новые общества и читать популярные лекции среди простонародья. «Если об этих обществах было доложено Вашему Императорскому Величеству, как о вредных предприятиях, то такое представление было совершенно неправильно и ошибочно». Далее русские коробейники, без приведения соответствующих доказательств, огульно обвиняются в «растлевающей агитации» с целью «подорвать уважение к святости права собственности». Этот отдел петиции оканчивается осуждением проекта закона об ограничении сходок и собраний и жалобой на чрезмерное преследование прессы.

Затем излагается взгляд на генерал-губернаторскую должность, как на исключительно финляндскую, определяется отношение генерал-губернатора к Сенату, и, наконец, упоминается о проекте разграничения круга ведомства между Сенатом и губернаторами. Слух о введении русского языка в делопроизводство главных административных учреждений Финляндии дает земским чинам повод заявить, что эта мера «не согласовалась бы с духом установлений края и с тем *положением, которое Финляндия занимает в соединении с Рос-*

сийским государством». «Эти и другие подобные факты вызвали во всех классах населения Финляндии представление, что лицо, занимающее ныне высшую должность в крае, старается вести управление Финляндией в направлении, не согласующемся с установлениями края и с вышеизложенными бесспорными основными началами»*[1].

Кончается петиция выражением уверенности, что Его Величество, не имея возможности ввиду забот по управлению мировою державою лично наблюдать за управлением Великим княжеством, не получал верных и беспристрастных сведений. Ввиду чего земские чины считают нужным повторить мнение чрезвычайного Сейма о «правах Финляндии с точки зрения высшего мирового порядка».

Речи в сословиях при обсуждении петиции

Изложенное выше заключение Комиссии законов поступило в обычном порядке на рассмотрение отдельных сословий. Речи, произнесенные по этому поводу, были крайне резки по своему содержанию. Оратор дворянского сословия, бывший сенатор Л. Мехелин позволил себе заявить при обсуждении заключения Комиссии законов, что «целью большинства предпринятых за последнее время мероприятий (правительства) было *нарушить* спокойную, простую и разумную общественную жизнь в нашем крае. Во многом из того, что было предпринято, и, в особенности, из того, что проектировалось*[2], *сказывается характер провокации».* Умалчивая о противогосударственном характере политической пропаганды, ведущейся ныне в Финляндии и подрывающей доверие населения к законно-установленной власти, г. Мехелин избрал темой своей речи «этические» основы, придающие «работе над делом просвещения народа характер несомненного права гражданина», особенно в тех случаях, когда работа ведется в «духе, свидетельствующем о солидарности между более счастливыми и менее счастливо наделенными судьбой».

Среди речей, произнесенных в духовном сословии, обращает на себя внимание речь профессора Даниельсона. Оратор признавал, что нынешняя петиция — явление необычайное: «земские чины впервые принуждены обратиться к монарху с жалобой на то, что система, проводимая Его ближайшим представителем в Финляндии, находится в полном противоречии с духом наших законов». Затем профессор говорил о положении Польши и Прибалтийского края относительно империи и не допускал в данном случае сравнения с положением Финляндии. «Мы можем согласиться, что в обширном государстве Российском существуют области, настолько близко соприкасающиеся с территорией, занимаемой собственно русским населением, что историческое развитие шаг за шагом естественно привело к слиянию этих областей с империей. Я говорю о тех областях, которые расположены между главным пространством, занимаемым русской нацией, и морем. Такою областью несомненно была также Западная Русь, значительная часть населения которой русской национальности, хотя властвующие сотни лет были поляками. Что в этих областях, к которым, конечно, следует отнести большую часть Остзейских провинций — понемногу должно было произойти слияние с коренной Россией в отношении языка, национальности и обычаев, не может быть оспа-

*[1] Заслуживает внимания, что Комиссия, подвергшая критике правительственную деятельность, состояла по большей части из служащих лиц, чиновников и духовенства. Комиссия работала под председательством профессора Императорского Александровского университета барона *Р.А. Вреде*, в состав ее входили в качестве членов: от сословия рыцарства и дворянства — *Г. Шернваль* (референдарий-секретарь Императорского Финляндского Сената), *Б.Ю. Гротенфельт* (камерир в таможенном управлении), барон *В.М. фон-Борн* (землевладелец); от духовенства — *И. Шварцберг* (соборный пробст), *Г.Е. Шродерус* (пробст), *К.Е. Стенбек* (пастор из Бьёрнеборгского прихода), *И. Хельман* (пробст); от городского сословия — *А.А. Юсселиус* (асессор абоского гофгерихта), *А. Кумлин* (асессор абоского гофгерихта), *Е.А. Стигцелиус* (асессор абоского гофгерихта), *К.Г. Оккесон* (советник вазаского гофгерихта); от крестьян — *К.В. Холмен* (земледелец из Халико Або-Бьернеборгской губ.), *К.Х. Тейттинен* (каптор из Сердоболя, вице-тальман), *Е. Тенсикала* (земледелец из Итиса Нюландской губ.), *И. Торпа* (земледелец, заседатель уездного суда из Ветели Вазаской губ.). (*Прим. док.*)

*[2] Намек на ограничение права сходок и на введение русского языка. (*Прим. док.*)

риваемо с исторической точки зрения. Но если государственный интерес, необходимость национального сплочения или по крайней мере польза, заставили русское правительство объединить эти области с главной русской территорией, то одинаковый принцип ни в коем случае неприменим к Финляндии, ибо присоединение Финляндии к Русскому государству не было вызвано (в прошлом) потребностью развития русской национальности. Финляндию не предполагалось обратить в область с русской национальностью. Присоединение обусловлено было требованиями стратегического положения Российской Монархии». Затем профессор Даниельсон указал на выгоду для Финляндии от присоединения к империи. «Когда это присоединение совершалось, то не было почти никого, кто бы не предполагал, что оно поведет к покорению, к исчезновению нашего народа и неблагоприятно отзовется на его культурном развитии. Но вскоре этот народ понял, что он возвысился, что только теперь, с его присоединением к России, для него *открылось обширное поприще для деятельности и возможность к развитию*, т. е. народ получил многое из того, чего он не имел, будучи присоединен к Швеции. Это сознание все больше и больше распространялось в нашем крае. Все глубже вкоренялось в сознание всех граждан, что будущность Финляндии наиболее обеспечена при нераздельном соединении с Россией, но именно при таком соединении, при котором Финляндия в своей внутренней жизни могла бы свободно развиваться согласно ее народному характеру, как того требуют особенные условия ее существования. Такое развитие продолжалось год за годом, и этой прежней системой Россия достигла того, что имела здесь народ, подчиненный Монархам России и видевший свое счастие, существенные условия своей будущности в том, чтобы это соединение с Россией и впредь продолжалось ненарушимо. Народ смотрел на это соединение как на необходимое условие для своего счастия и благополучия».

«Теперь, однако, вошла в силу другая система», — продолжал оратор и заявил, что она достаточно охарактеризована в заключении Комиссии законов. «Для всех уже теперь стало очевидным, что та твердая, отрадная уверенность, та вера, что Финляндия развивалась и что финский народ шел навстречу счастливой будущности в соединении с Россией, — эта уверенность поколеблена в нашем крае. Я вполне убежден, что для нас будет несчастием, если это прежнее доверие будет поколеблено, ибо это отнимет у нашего народа значительную часть той рабочей энергии, той радостной силы, благодаря которой наш край достиг своего нынешнего развития».

В заключение оратор сказал: «Мы хорошо понимаем, что отношения между Россией и нашим краем не могут вечно оставаться абсолютно такими, какими они были до сих пор. Развитие может и в данном случае повести к изменениям, и мы можем, тщательно взвесив, найти, что *многие требования, которые нам сначала кажутся чрезмерными и неестественными, имеют, однако, бóльшую основательность, чем мы сперва хотели признать за ними.* При таких обстоятельствах мы готовы (мы это уже доказали) принять на себя новую тягость, когда мы находим, что благо государства фактически требует этого».

Таким образом, профессор Даниельсон признает необходимость поступательного движения в области русско-финляндских отношений. События последнего времени свидетельствуют, однако, о существовании в общественной жизни Финляндии неверной тенденции, направленной на то, чтобы задерживать естественное развитие этих отношений. Непризнание требований русской государственности и неправильное толкование отношений между Монаршей властью и народом указывают, что сторонники умеренных воззрений, вроде профессора Даниельсона, не играют руководящей роли среди местных политических деятелей. Судьба сенатора барона Ирье-Коскинена известна. О том же свидетельствует и отзыв «Nya Pressen» про речь профессора Даниельсона. Газета говорила: «Гармония, вызванная в умах и настроении народа петицией о системе управления, была нарушена режущим ухо диссонансом. Вкрадчивая политика, которую проводит один из профессоров истории в духовном сословии, когда он соглашается простить все, желая показать, что все понимает, не имеет, наверное, многочисленных приверженцев среди его сограждан. У финского народа нет иного желания, кроме того, чтобы ему предоставлена была возможность пользоваться

своим законным правом, но вследствие этого финны не считают себя обязанными отказывать другим в их правах».

Среди ораторов городского сословия следует указать на Шюбергсона[154], сказавшего в своей речи: «Когда нынешний генерал-губернатор вступил в отправление своей высокой должности, он, говорят, выразился, что раньше проведения каких-либо реформ ему желательно в совершенстве ознакомиться с условиями жизни в крае. Эта мысль, по-видимому, не была приведена в исполнение. Иначе земским чинам не пришлось бы прибегнуть к средству, *о котором до сих пор за все время существования Сеймов не было и речи*». Другой оратор городского сословия, Боренцус, забывая о руководящей роли Монарха в системе местного управления, заявил: «никакая политическая система в мире не дает никому права предуказывать направления жизни почти трехмиллионной нации, стоящей на той ступени культурного развития, которого достиг финский народ, если это направление не указывается самим народом»; «неправильности в системе управления находятся в зависимости от неспособности заведующего краем понять политическое положение страны и права народа вообще».

В крестьянском сословии депутат Мерман[155] старался своею речью вызвать удрученное настроение у своих слушателей. Он называл петицию «призывом о помощи, исходящим из груди лояльного и законопослушного финского народа, который не в состоянии понять, почему он посажен на скамью подсудимых и подвергнут чуждому ему полицейскому контролю»; «настроение в стране, — говорилось в другом месте речи, — угнетенное и даже мрачное». Чувства народа оратор определял так: «народ открыто с верноподданническим почтением обращается к своему просвещенному Монарху»; «у финского народа нет тайных слов, не говоря уже о тайных замыслах, чистым стоит перед своим Властелином и чувствует себя оскорбленным тем, что к нему относятся с подозрением». В несколько ином тоне говорил депутат Рейтер. В его речи встречались, например, такие выражения: «с известной стороны хотят заменить закон произволом», «комиссия вполне права, утверждая, что то уважение, с которым прежде относились к высшей должности в крае, ныне совершенно исчезло вследствие мелочных мероприятий и попыток вмешиваться в дела частных лиц».

Скандинавские газеты были особенно довольны прениями Сейма по вопросу о системе управления. «Stockholms Dagblad» называла петицию «резким и откровенным осуждением поведения генерал-губернатора», хвалила «сознание ответственности и мужество тех людей, которые осмелились представить такой обвинительный акт против этого могущественного властелина». Та же газета радовалась, что «цензура совершенно бессильна против заключения Комиссии законов по вопросу о неправильностях в системе управления краем, а также против прений в сословиях, которые были напечатаны во всех газетах края». Другая скандинавская газета «Göteborgs Handels och Sjöfars Tidning» выражалась в том же духе, находя, что петиция земских чинов «не щадит генерал-губернатора и его систему», и выражая надежду, что «в Петербурге понемногу откроются глаза на то, что финляндцы — культурный народ и с ним следует обращаться, как с таковым».

Подачей петиции о системе управления земские чины очередного Сейма 1900 года преступили закон и пределы дарованных им прав, нарушив точный смысл § 51 Сеймового Устава. [...]

Петиция об управлении не была принята. В обзоре излагается обсуждение ее в Комиссии по законодательству.

Обзор печати. [Вып. 5]. Май — сентябрь 1900. СПб., 1900. С. 3–19.

№ 56. Высочайшее повеление об оставлении без последствий петиции земских чинов об управлении краем и приступить к пересмотру Сеймового Устава

14(27) августа 1900.

1. Петицию земских чинов, как поданную в нарушение § 51 Сеймового Устава и заключающую в себе дерзкое порицание административных распоряжений и мер в порядке верховного управления состоявшихся, оставить без последствий.

2. Поставить в известность Ваше Высокопревосходительство, что действия Ваши признаны правильными и соответствующими полученным Вами Высочайшим указаниям.

3. Предложить Финляндскому Сенату приступить к пересмотру Сеймового Устава в видах более точного определения компетенции Сейма и усовершенствования порядка ведения в нем дел.

Опубл.: Финляндская газета. 1900, 4 сентября. № 100. С. 2.

№ 57. Статья фенномана Ю.С. Юрьё-Коскинена «Открытое письмо моим друзьям»

28 ноября (11 декабря) 1900 г.

Выдающиеся события общественной жизни в Великом княжестве

«Открытое письмо к моим друзьям» барона Ирье-Коскинена* было событием, сильно взволновавшим местную жизнь в начале декабря минувшего года. Замечая господство свекоманских воззрений в общественном настроении, заслуженный ветеран финской партии, бывший сенатор барон З. Ирье-Коскинен, воспользовался представившимся случаем, чтобы публично высказаться по этому поводу.

11 декабря, в день, когда барону должно было исполниться 70 лет, его почитатели предполагали устроить ему чествование. Но Ирье-Коскинен отказался от всяких торжеств, а затем в самый день 11 декабря в газете «Uusi Suometar» появилась за его полной подписью статья под заглавием *«Открытое письмо моим друзьям»*.

Письмо гласило: «Мои друзья по случаю исполнившихся мне сегодня 70 лет хотели устроить в мою честь торжественный обед. Я благодарен судьбе, что имею друзей — быть может их не так уж мало числом — которые, чтоб почтить меня, готовы поставить свои имена на подписном листе на обед. Однако по особым причинам, которые я считаю своим долгом объяснить, я отклонил любезное предложение.

Конечно, подобные торжества, сопровождаемые речами, не имеют сами по себе никакого значения. Поэтому я в обыденных условиях мог бы выполнить лежащие на мне обязательства и выслушать хвалебные отзывы, входящие при таких случаях в программу. Однако я был бы при этом поставлен в необходимость оставить — из любезности — невысказанным то, что я думаю о нынешнем положении. Для подобного же лицемерия время, по моему мнению, слишком серьезное, и я не счел возможным согласиться на это, не унижая своего собственного достоинства.

Но то, чего неудобно было бы высказать при праздничной обстановке, я считаю своим долгом ныне в другой форме пояснить финскому обществу. Дело в том, что при нынешних условиях я держусь иного мнения о поведении финской партии, чем многие из моих друзей. Вообще говоря, я даже сомневаюсь, существует ли в данное время какая-либо финская партия, по крайней мере в том смысле, как эти слова понимались прежде. Не приходилось замечать, чтобы эта партия имела какую-нибудь руководящую программу, ибо молчание не есть программа, и непредприимчивость не доказывает какого-либо взгляда. По партия, о ко-

* *Современное написание: Юрьё-Коскинен.*

торой ничего не слышно, и сторонники которой следуют за знаменами разных цветов или вовсе не следуют ни за каким знаменем, не может, по-видимому, считаться действительно существующей.

Сомнения в этом отношении, на мой взгляд, *подтверждаются событиями минувшего лета и последующего затем времени.* Не составляет никакой тайны, что одна многоречивая клика*[1] — как это говорилось: "от имени общественного мнения" — открыто объявила, что Сенат не должен был обнародовать Манифеста Монарха, и что все сенаторы должны были выйти в отставку, выставив Манифест причиной такого образа действий. Многие влиятельные лица финского направления или присоединились к этим голосам, или же молчанием выразили им одобрение. Следствием этого была масса оскорблений, направленных против членов местного правительства, которые иначе поняли свой долг по отношению к краю и народу. И это не единственное явление, характеризующее нынешнее положение. Воспользовавшись ненормальными условиями, в которые поставлена ныне цензура, хотели как в области общественной жизни, так и на других поприщах *достигнуть общего терроризма*[*2], что по моему мнению, может повести только к погибели. И в этом случае со стороны лиц финского направления — по крайней мере, боязливым молчанием — также оказана была поддержка возникновению такого прискорбного положения вещей.

Мой взгляд на эти вопросы был и есть иной, чем тот, которого придерживаются многие из моих друзей. Ограничивая мои возражения вопросом о Сенате, я скажу:

Во-первых, Сенат не имел законного права отказать в обнародовании Манифеста.

Во-вторых, отставка сенаторов не может быть вопросом права или долга; решение вопроса о ней нужно было предоставить собственному суждению каждого отдельного сенатора. Но, в данном случае, те, которые остались, чтоб продолжать свою трудную задачу, оказали финскому народу бóльшую услугу, чем те, которые ушли.

При обсуждении причин нынешней слабости финской партии следует признать, что мы, лица финского направления, мысля о будущности нашего края и народа, были, пожалуй, виновны в слишком большом оптимизме, когда поставили свой гороскоп по констелляции двух Александров[*3] и, вследствие этого, бродили, убаюканные лояльным самообманом. Мы предполагали, что край и народ всегда будут встречать то же отношение к себе. Но условия изменились, и в подобных обстоятельствах, конечно, не так-то легко сейчас же ориентироваться.

Замечательно, однако, что уже 20 лет тому назад И.В. Снельман* со свойственной ему прозорливостью предсказал тот исторический период, в котором мы теперь находимся. Говоря о том, что ассимиляция, слияние — безжалостное слияние — всюду грозило жизни небольших наций, он спрашивает: "Удастся ли Финляндии избежать этого тягостного дня?" и сам же отвечает: "История не подает на это никакой надежды". Затем он добавляет: "О, если б только этот день не настал раньше, чем совершится национальное обновление, чтобы он мог быть встречен здесь народом в полном единодушии!" о каком единодушии говорил И.В. Снельман, не подлежит сомнению. Искусственное единодушие, которое теперь проповедуется, дабы спасти господство шведского языка, не входило в программу этого великого человека.

Но, возражают, вопрос идет теперь не только об языке и национальности, но и об основных законах. Да, конечно. Об этом И.В. Снельман выразился так: "Документы иметь хорошо; но это — старая истина, что мирное орудие пригодно только в том случае, если оно поддерживается хорошим боевым орудием. И, если б даже оба имелись налицо, то все же

---

*[1] Т. е. свекомапская партия. (*Прим. док.*)

*[2] Намек па подпольные издания, возражать которым вследствие цензурных условий, было невозможно. (*Прим. док.*)

*[3] Императоры: Александр I и Александр II. (*Прим. док.*)

* *Здесь и далее в документах: И.В. Снельман. Правильно: Ю.В. Снельман.*

мощный, живой национальный дух важнее, чем оба они вместе взятые. Этот дух является тем большей опорой там, где оборона с оружием в руках невозможна. Национальный дух есть нечто, что можно сгибать, но не сломить; потомство с изумлением увидит его восстающим из земли, подобно духовному видению, в новой форме, но в действительности тем же неизменным духом, который в продолжение столетий создал нацию".

Мы переживаем теперь то несчастное время, которое предсказал И.В. Снельман. Оно застало нас врасплох; оно настало гораздо раньше, чем это можно было допустить, приняв во внимание стадию нашего национального развития, ибо мы не успели своевременно покончить с нашими внутренними неурядицами. Положение теперь изменилось, остается только храбро идти навстречу действительности и исполнить неизбежное: "преклониться, — как сказал И.В. Снельман, — пред внешней необходимостью истории, уповая на высший мировой порядок, который даже в самые тяжелые периоды истории укрепляет надежду на будущее".

Хотя положение в данный момент тяжелое и особенно угнетает неизвестностью, как далеко будут простираться меры, направленные против нас, все же, на мой взгляд, безусловно необходимо, чтобы финская партия, за которой стоит финский народ, не переставала существовать. Но чтоб быть в состоянии существовать, эта партия нуждается, без сомнения, в программе и определенной точке зрения, хотя бы в настоящее время можно было установить только *основные положения этой программы*. Эти основные положения я, с своей стороны, осмеливаюсь здесь изложить.

Первое условие: прекратить всякие сношения с той группой, которая теперь известна под специальным названием *шведской партии*. В действительности же эта так называемая шведская партия состоит только из самых крайних "викингов", для которых существование финского народа не имеет никакого значения рядом с господством шведского языка. Если их сопровождает "хвост, виляющий по-фински"*[4], то это не изменяет положения дел.

Второе условие: Финская партия должна в принципе поддерживать и охранять местное правительство, в предположении, что это правительство делает все, что оно может, для разъяснения положения и сохранения прав народа.

Третий пункт в программе (по моему мнению, наиважнейший, так как он имеет значение для всей нашей будущности) — стремиться упрочить финский язык и основанную на нем финскую национальность с тем большей энергией, что события застигли нас врасплох, и время не терпит промедления.

Я высказал свой взгляд. Слова единичного человека сами по себе не много значат. Но у семидесятилетнего, который никогда не боялся стоять за свои взгляды, есть по отношению к самому себе известная обязанность высказаться на этот раз совершенно открыто.

В заключение, прошу многочисленных моих сограждан, почтивших меня поздравлениями, принять мою искреннюю благодарность. Гельсингфорс, 10 декабря 1900 г.

З[акариас]* Ирье-Коскинен»

Опубл.: Uusi Suometar. 1900, 11. joulukuuta. № 307. P.3. (на фин. яз.); Финляндия. Обзор периодической печати. [Вып. 6]. Октябрь — декабрь 1900. СПб., 1901. С. 31–35 (на рус. яз.).

*[4] Т. е. младо-фенноманы, солидарные во многих вопросах со свекоманами. (*Прим. док.*)

* *Захариас в шведском варианте, в финском: Сакари.*

№ 58. Статья «Нелегальные органы печати и рекомендуемые ими способы противодействия правительству» из «Обзора периодической печати» № 6

Январь 1901 г.

Нелегальные органы печати и рекомендуемые ими способы противодействия правительству. Нападки на Сенат

Конец 1900 года ознаменовался в общественной жизни Финляндии явлениями, дающими интересный материал для определения роли партий, шведской и старофинской, в местной политике.

Вследствие прекращения газет крайнего направления вроде «Nya Pressen», «Aftonposten» и др. деятельность политиков свекоманского лагеря была перенесена в Швецию. Из Стокгольма стали распространяться по Финляндии произведения подпольной литературы, наглядно обнаруживавшие настроение шведской партии. В нелегальных изданиях подвергались нападкам как русская государственная идея и ее представители, так и руководители старофинской партии и местные учреждения (Сенат), образ действий которых клонился к успокоению страстей. В то же время в подпольных газетах подавались советы местному населению, и особенно чиновникам, не следовать распоряжениям правительства, и излагалась программа оппозиционной деятельности.

Такой образ действий свидетельствует, что значение партий в Финляндии не исчерпывается спором за преобладание того или другого языка, и что одним из предметов происходящей между ними борьбы является политическая их программа, в смысле определения отношений, в которых Финляндия стоит к Российскому государству. Стремление к финской самобытности (Фенноманское направление), по-видимому, не вполне исключает у представителей этого направления мысль о возможности совместной политической жизни империи и Финляндии и некоторого развития русско-финляндских отношений. Завет выдающегося фенномана Снельмана, согласно которому «начало мудрости заключается в признании фактов», есть выражение изложенной выше мысли. Отсюда берет начало стремление руководителей старофинской партии, составляющих большинство среди нынешних представителей местного правительства, найти почву для примирения финляндских интересов с требованиями развивающейся русской государственности. Напротив того, шведская партия, по ее собственному признанию, работает в целях сохранения культурных связей населения Финляндии со Швецией, хотя это стремление, получая выражение в попытках применения в законодательстве начал чуждой империи государственности, и порождает искусственный антагонизм между русскими и финляндскими интересами.

Указанное выше различие между программою старофинской и шведской партий выражается, между прочим, в характере оппозиции этих партий русским требованиям. Финская оппозиция — по крайней мере на практике — более закономерна. Наоборот, шведская оппозиция отличается произвольностью толкования законов и таким упорством в применении на практике теории отчуждения от России, как будто весь raison d'être этой партии сводился к ее непримиримости с русскими требованиями.

Направление свекоманской партии выразилось с особенной яркостью в произведениях подпольной литературы, нашедшей доступ в Финляндию в последние месяцы истекшего года. Подпольным изданием, имевшим наибольшее распространение, была газета «Fria Ord» (Свободное слово), распространявшаяся в виде «летучих листков». Как свидетельствует надпись на самых листках, они печатались в Стокгольме, в типографии К.Б. Бострема[156]. Подписка на издание принималась в частных банках Финляндии, причем деньги вносились якобы на текущий счет магистра философии Б. Бека.

С содержанием некоторых подпольных произведений познакомила русскую публику «Финляндская газета».

В предисловии к номеру от 2 октября 1900 г. редакция «Fria Ord» сочла нужным указать на политическую дальновидность сторонников оппозиции. Газета напомнила полемику, возникшую в начале 90-х годов по поводу проведения русским правительством ново-

го Финляндского Уголовного уложения в измененной редакции, издания Манифеста об объединении почты, а также Высочайшего повеления об условиях назначения чиновников статс-секретариата и Канцелярии генерал-губернатора (т. е. допущения в эти учреждения русских людей). По этому поводу «Fria Ord» указывала, что в одной из вышедших в ту пору брошюр автор ее ополчался «против учреждений и лиц, которые должны были стоять на страже интересов страны и законов». По мнению автора, министр статс-секретарь Эрнрот[157] оказался виновным в неисполнении своего долга, когда согласился скрепить Высочайший Манифест 13 декабря 1890 г. о введении нового Уголовного уложения. Его помощник виновен в подобном же проступке, так как он скрепил «почтовый манифест». Генерал-губернатор, которому на основании § 86 Высочайше утвержденной инструкции надлежит блюсти о правах Финляндии, давно уже показал себя солидарным с русскими, борющимися против прав Финляндии. Сенат тоже не оказался на высоте своего положения, и даже прокурор, который совместно с Сенатом мог бы «обуздать» генерал-губернатора, не принял должных мер. Даже Сейм 1891 г., высказывавший, по признанию автора, правильную точку зрения в своих заключениях, не заслуживает, по его мнению, особой похвалы. Более лестного отзыва автора удостоилась пресса, которая, «несмотря на цензурные условия, исполнила по отношению к нынешней политике свой долг по совести и правде». Автор брошюры предсказывал, что «нападение на конституцию страны не ограничится упомянутыми мероприятиями и повлечет новые узаконения в том же направлении».

Когда на эту брошюру последовало возражение, с целью оправдать образ действий тогдашнего министра статс-секретаря, который, по мнению оппонента, не является министром в конституционном значении этого слова, а лишь *исполнителем воли Монарха*, то в опровержение такого взгляда была издана новая брошюра, которая проводила следующую основную мысль: когда издаются повеления, несогласные с законом, то обязанность каждого служащего состоит в исполнении своего долга, как это повелевает закон, а не так, как требует власть. Другими словами, подчиненные служащие лица имеют право проверять правильность издания закона. В духе изложенных выше воззрений и излагалась в дальнейших номерах «Fria Ord» программа действий оппозиции. Например, в номере от 19 ноября 1900 г. говорилось: «Лишь наиболее широкое применение принципа сопротивления может спасти страну, так как только сопротивление новому направлению может предотвратить деморализацию и затруднить извращение правовых понятий у отдельных граждан». Что же следует делать? — задает газета вопрос и отвечает: «Новая система старается поддержать все русское в стране, чтобы мало-помалу крепко утвердить здесь русскую национальность и русский язык. Наше сопротивление должно заключаться в систематическом вытеснении всего русского, а именно: следует избегать употребления новых марок, хотя бы это и влекло известные неудобства и лишние расходы, нужно избегать магазины, имеющие русские вывески или продающие русские марки, надлежит воздерживаться от употребления предметов, носящих русские этикеты. Например, надо перестать курить папиросы "Commerce", пока с коробок этой фирмы не исчезнут русские надписи. Заменим в ежедневном обиходе русские слова, например, "извозчик, лавка" и др., соответствующими *шведскими*. И тому подобное! Распространение общего образования есть одна из тех отраслей деятельности, где должны быть применены основные положения сопротивления. Эта деятельность должна иметь целью вызвать в широчайших кругах народа как в городах, так и в деревне сопротивление новым, неоправдываемым повелениям».

Пропагандируя идею «всеобщего сопротивления», газета «Fria Ord» в особой статье: «Можно ли чего-либо достигнуть при помощи сопротивления чиновников» откровенно высказывает цель агитаторов: единодушием вызванного сопротивления повлиять на Верховную власть. «Не следует забывать, — говорит газета, — что целью подобного образа действий является желание вполне уяснить Государю Великому князю истинное значение мероприятий, на которые враждебные нам советники исторгли Его согласие». Как в пору массового адреса выставляется необходимость доказать этим способом, что «противодействие незаконным повелениям оказывает не клика сепаратистов, как советники Велико-

го князя стремятся Его уверить, а весь финский народ». Наконец, «если чиновники, как высшие, так и низшие, повсеместно откажутся исполнять незаконные повеления, то Сенат в скором времени будет поставлен в необходимость довести до сведения Монарха, что бесполезно понуждать к повиновению каким-либо постановлениям кроме тех, которые изданы согласно законам страны». В заключение статьи «корпус служащих» призывается подать пример, которому нужно всегда следовать и которого, однако, до сих пор не доставало.

«Раз удастся провести на практике Манифест о русском языке, – говорится в другой статье "Fria Ord", — самостоятельность Финляндии будет лишь пустым звуком. Но недостаточно повелений, — нужны и люди, готовые привести их в исполнение. Таких людей пока нет. Наше дело следить за тем, чтобы они не явились из нашей среды, а также, чтобы чужестранцы, к нам посылаемые (т. е. русские), не получали помощи от финских людей!»

Кроме газеты «Fria Ord», в Финляндии распространялись и другие подпольные листки и брошюры, отпечатанные в Стокгольме. Из типографии Бострема была выпущена, например, брошюра, озаглавленная «Призыв к защите родины». В этом произведении анонимный автор, финляндец, призывал финский народ к сопротивлению мерам сплочения Финляндии с империей и называл Россию *«наш старый, вечный, восточный враг»*. Призыв сводился к пропаганде идеи преследования русских коробейников. Автор другой брошюры (типографии Вальстрем и Видстрандт[158]), подписавшийся «Друг родины», предлагал общее сопротивление всем правительственным мероприятиям по сближению Финляндии с Россией. Он резюмировал свою программу действий словами: *«не содействовать, не слушаться, не признавать!»* По словам автора, Манифест о русском языке касается только высших учреждений, а не народа, поэтому нужно организовать оппозицию чиновников; распоряжение о сходках и собраниях нужно «обходить», устраивая собрания частного и семейного характера; русских коробейников следует бойкотировать.

В полном согласии с подпольными изданиями действовали и периодические издания самой Швеции. Они помещали на своих столбцах статьи и заметки финляндских агитаторов. Например, в стокгольмской газете «Aftonposten» какой-то финляндец писал: «Когда Монарх преступает пределы предоставленных ему законом прав, то законопослушный гражданин, будь он должностное лицо или нет, не обязан повиноваться его повелениям. Сохранение конституции, правительственного строя, основанного на основных законах, становится тогда первым долгом граждан и, в особенности, должностных лиц. Им надлежит непоколебимо поддерживать установления края». Через месяц в той же стокгольмской газете были преподаны подобные же советы. «Финскому народу не приходится считать законом насильственные повеления, которые противоречат действительным законам края. Следовательно, если представится возможность избегнуть применения таких повелений, то финский народ не только в праве, но даже обязан это делать, дабы не дать насильственным повелениям приобрести характер действительных законных предписаний, постоянное применение которых придает им в сознании народа значение действительного закона. Ибо до тех пор, пока повеление вызывает послушание только путем насилия, оно может быть отменено одним почерком пера, или же вследствие постоянного нарушения превратиться в мертвую букву».

Программа оппозиционного образа действий с целью обращения новых распоряжений в «мертвую букву» была наиболее полно изложена в брошюре «Реляция об обрусительных мерах лета 1900 года». Брошюру подписали пользующиеся известностью члены свекоманской партии: фон Борн, Карл Маннергейм, Ионас Кастрен[159], Арвид Неовиус[160] и Евгений Вольф.

Коснувшись прежде всего вопроса о публичных собраниях, реляция повторяет аргументы «Nya Pressen» против ограничения сходок и собраний, основываясь на том, что право сборищ есть «естественное право» граждан, возникновение которого относится к временам седой древности. На этом основании выводится заключение, что, хотя свобода собраний не подтверждается постановлениями Основного закона, право собраний все же имеет *«святость»* основного закона.

«Право граждан публично собираться для обсуждения в пределах законности общественных и частных дел, также древне, как и личная свобода в северных странах. Это натуральное право имеет, следовательно, в нашей стране силу на основании обычая и ту святость, которая присвоена основному закону. Отдельные постановления в нашем уложении о наказаниях построены на этом начале.

«В своем ответе на предложения Монарха чрезвычайному Сейму сословия, между прочим, выяснили, что, согласно конституции страны, *законы, не относящиеся до полицейского и экономического законодательства*, могут быть изданы лишь с ведома и согласия сословий, а потому иным порядком возникшее постановление в области основного и общего закона не может иметь силы закона в Финляндии. Сословия также высказались, что считают своим долгом свято сохранять законы, торжественно удостоверенные в 1809 г. финскому народу.

«Из сказанного, казалось бы, явствует, — говорится далее в реляции, — какое значение можно придать постановлению о публичных собраниях в Финляндии, объявленному 2 июля 1900 г. без содействия земских чинов. Должностные лица и чиновники, применяя постановления и указы, имеют право и обязанность исследовать, насколько законно их происхождение, вопрос, с которым и наука, и чиновник имели повод и возможность ознакомиться. Ответ науки был почти единогласный; остается отметить, в свое время, на страницах истории, *ответ чиновника*». И тут же, чтобы чиновник не колебался в решении, авторы реляции прибавляют: «Что эти противозаконные постановления никем, кто соблюдает святость закона, не должны быть приняты к руководству, очевидно». После такого вступления авторы брошюры, находя могущие возникнуть конфликты неприятными и унизительными, переходят к изложению *способов к их устранению*, без особых к тому неудобств. Весьма старательно научают они, как следует поступать, чтобы обойти закон. Прежде всего отмечается тот факт, что новое постановление, как «временная мера», независимо от вопроса об ее законности, не может иметь особо широкого применения: уже исключения в пользу собраний, разрешенных при известных условиях, с научною или педагогическою целью, для свадебных и похоронных церемоний, для общественных выборов, для публичных увеселений, оставляют не мало простора для либерального и разумного толкования постановления. Но, кроме того, само слово «публичный» дает понимать, что частные собрания и отдельные сходки граждан не подпадают под категорию собраний, в устройство которых законодательство будет вторгаться. В этой области гражданам страны предоставляется возможность в замкнутом кружке работать для общественной и частной пользы. Затем указывается разница между публичным и частным собранием и преподаются советы, как под видом частных собраний устраивать публичные.

«По принятому обычаю, приглашение на частное собрание не производится путем объявления. Приглашение участвовать в качестве гостя или хозяина должно производиться лично, устно или письменно, путем подписных листов, писанных или печатных. Кроме того, частный характер предполагает наличность гарантии недопущения посторонних в замкнутый кружок. Естественно, что входная плата не может быть взимаема; недопустима также и сервировка за деньги, но это не мешает тому, чтобы расходы по устройству собрания, на общий стол и пр., были по соглашению разложены на участвующих».

Не ограничиваясь такими указаниями, авторы реляции для вящего вразумления приводят следующий пример: «Допустим, что в общине желают чествовать кого-либо из деятелей общины или какое-либо памятное событие. В таком случае, нельзя, не придя в конфликт с новым незаконным постановлением, объявить или сообщить, что желающие участвовать в празднестве могут записаться или при входе купить себе билет и пр. Инициаторы празднества должны теперь заручиться необходимым частным или общественным помещением, удовлетворяющим требованию закона, а затем предоставить каждому лично возможность заранее в качестве гостя или хозяина присоединиться к сходке, которая, таким образом, хотя и возросшая, остается тем не менее замкнутою и частною. На такое замкнутое собрание, состоящее под защитою права неприкосновенности частной жизни и домашнего очага, никто посторонний, находящийся на службе или нет, доступа не имеет, ибо домашнее спо-

коїствие, составляющее одно из стареїших, самых естественных и священных гражданских прав, строго ограждается уложением о наказаниях. Речи, на нем произнесенные, или суждения, имевшие здесь место, так же, как и слова, произнесенные в недрах семьи, не могут подлежать иной цензуре, кроме тої, которую каждый финскиї гражданин из уважения к закону налагает сам на себя».

«Мы, — продолжают авторы реляции, — хотели указать границы, которых новое постановление о публичных собраниях не имело целью переступать, и те области, которые еще свободны от намеченного им круга действиї. Без сомнения, добровольное соблюдение этих границ свободными гражданами страны будет ощущаться, как большая жертва, но ввиду постановления, возникшего, кажется, единственно с целью вызвать конфликты, едва ли окажется недостаток доброї воли, чтобы, принимая во внимание серьезность нынешнего положения, осторожно пользоваться менее удобными средствами и тем *не давать повода к вмешательству и к применению нового постановления*. Это не равносильно отступлению от правовоі точки зрения, освященной законом и обычаем. Напротив: фактически, неприменением постановления, последнее превратится в мертвую букву».

Затем реляция обращает свое внимание на другие правительственные распоряжения последнего времени и тоже дает указания, как обратить их в «мертвую букву». Надо исследовать, говорится в этом подпольном издании, «в какоі мере возможно фактически на законноі почве и в границах закона уничтожить действие последних распоряженіі». Относительно *постановления о правах русских уроженцев на разносный торг* в Финляндии излагается следующее: «Ни один народ не в состоянии смотреть равнодушно, как толпы уроженцев чужоі страны скитаются кругом, распространяя недоброкачественные товары, вредные болезни и опасные, разрушающие общество, учения. Пусть наш народ, все его граждане вообще и каждыі в отдельности обдумают это. Да будет ясно для каждого, женщины и мужчины, что эти чужестранцы не должны быть принимаемы даже в самом простом доме, не должны получать пищу даже за плату в самоі бедноі хижине, и никто не должен вступать с ними в торговлю и беседу. Против них не должно позволять себе насилия, если только они сами не прибегнут к насилию, но под давлением всеобщеі патриотическоі оппозиции они будут настолько изолированы, что пустыня им покажется более приятноі, чем наша земля. Таким образом, новое постановление, имевшее служить для них опорою, получит обратное своеі цели действие и за прекращением применения обратится также в мертвую букву».

В вопросе о новых почтовых постановлениях «положение граждан представляется труднее», говорят авторы реляции. Что касается внутреннеі корреспонденции, то естественно, что финскиї гражданин, дорожащиї честью и преданныі своеі стране, даже в краінем случае не будет пользоваться иными почтовыми марками, как оплачиваемыми в финскоі монете. Но этого недостаточно: каждыі, и богатыі, и бедныі, должен объявить, что он не принимает отправленіі внутреннеі корреспонденции, оплаченных почтовыми марками с русскоі валютоі. Живущие в стране лица, которые по тоі или другоі причине желают пользоваться русскими почтовыми марками, будут совершенно изолированы от граждан страны; только между собою, в таіном братском союзе, они будут радоваться бесчестию, которое пожелали нанести финскому почтовому ведомству и тем самым автономии страны.

С целью парализовать деятельность жандармского корпуса в Финляндии, в реляции даются следующие указания:

а) Никакие притязания или требования, предъявленные кем-либо из чинов русского корпуса жандармов, на каких бы приказаниях они ни основывались, не могут иметь большего значения, чем таковые же предъявляемые частными лицами.

б) Никто не должен отвечать на вопросы русского жандарма или вступать с ним в какие-либо разговоры.

в) Никто не должен русскому жандарму сообщать о том, что он просит или требует, не следует допускать его туда, куда он требует быть допущенным. Ему нужно отвечать на все отказом.

г) Однако никто не должен налагать рук на русского жандарма или употреблять против него насилия. Если жандарм сам прибегнет к насилию или будет угрожать насилием, то во избежание конфликта следует, протестуя, отступить, призвать полицию и свидетелей, чтобы затем привлечь к суду нарушителя порядка за драку, самоуправство, кражу, нарушение домашнего спокойствия и т. п., в зависимости от свойства дела. В крайнем случае, если нет свидетелей, то можно действовать в состоянии «крайней обороны» на основании §§ 6 и 7 главы 3 Уложения о наказаниях.

Советы руководителей шведской партии крайнего направления не остались без влияния на интеллигентный класс Финляндии; они непосредственно отразились на общественной жизни в Великом княжестве. Нельзя сказать, чтобы случаи пассивного сопротивления распоряжениям власти были очень часты или имели вызывающий характер. Но, с другой стороны, несомненно, что советы агитаторов приняты в Финляндии к исполнению, особенно местным чиновничеством. Корреспонденты газет Швеции и Германии, заодно с подпольными листками, сообщали о случаях обхода постановления о публичных собраниях, об отказе служащих в Сенате скреплять своею подписью подлинники бумаг на русском языке, о нежелании финляндских чиновников воспользоваться предоставленной им возможностью прикомандировываться к статс-секретариату для практического изучения русского языка.

Примеры применения теории пассивного сопротивления не заставили себя долго ждать. Один из авторов реляции барон Борн был первым, перешедшим от слов к делу. Он поместил в газетах объявление, в котором доводил до общего сведения, что им не будут приниматься письма и посылки с почтовыми марками нового образца. Этим дело, однако, не ограничилось. В редакцию «Финляндской газеты» доставлено было составленное другим автором реляции, бароном Маннергеймом, объявление, гласящее: «вход воспрещен русским коробейникам и татарам». Такие объявления были в изобилии развешаны на дверях домов торп, расположенных на принадлежащей барону земле в Тавастгусской губернии. Тем же бароном Маннергеймом было сделано, кроме того, словесное распоряжение, устанавливающее штраф в 20 марок с торпарей, которые купят товар у русских коробейников. Наконец, упомянутый выше барон Борн, крупный землевладелец Нюландской губернии, поместил в газете «Ostra Nyland» объявление, воспрещающее торпарям принимать жандармов, а последним даже ходить по его земле. В то же время барон признал возможным печатно предложить свои услуги в качестве адвоката тем, кто подобно ему будет предъявлять такие же претензии к жандармам. (Газете, принявшей такое объявление от барона фон Борна, главным управлением по делам печати объявлено было предостережение, а цензору поставлено на вид его упущение по службе.)

Настроение образованного класса в Финляндии, носящее следы воздействия программ подпольных изданий, характеризуется следующими чертами в корреспонденции одного норвежца в газету своей страны «Morgenbladet»: «Если финляндец проявляет русские симпатии, его принимают в высших сферах с открытыми объятиями, и он может быть уверен, что сделает карьеру. Следует, однако, заметить, что, к чести финского народа, таких лиц находится очень немного. Всюду, понятно, встречаются единичные низкие личности, которые стремятся вперед. Однако таким личностям в Финляндии приходится испытывать на себе, что значит изменить своему отечеству, около такого человека становится *тихо*. От него сторонятся, как от прокаженного; где он показывается, — оттуда остальные уходят; если он идет в театр, ближайшие к нему места пустеют. Это делается без всякого прямого побуждения; все совершается безмолвно и тихо, как бы по предварительному соглашению».

Тот же корреспондент норвежской газеты указывал на следующий случай: «Наиболее распространенными в Финляндии папиросами являются папиросы "Fennia". С целью угодить русским офицерам, которых очень много в составе гарнизонов всех городов Финляндии, собственник этой фирмы придумал наклеить на коробках этикет на русском языке. С той поры только русские офицеры покупают папиросы "Fennia". Уничтожение русских вывесок на магазинах тоже входит в категорию упомянутых выше фактов».

Другим проявлением теории «пассивного сопротивления» является преследование коробейников. Хотя и не в столь грубой форме, как раньше, оно все же и теперь практикуется в Финляндии. В газетах, правда, приходится встречать сообщения, вроде того, что «Або-бьернеборгским губернатором выдано было в октябре 125 свидетельств на право торговли в разнос, из коих 116 приходилось на уроженцев внутренних губерний России». Но рядом с такими фактами замечаются попытки, осуществляемые не без содействия губернского начальства, всякими постановлениями общего характера сделать торговлю в действительности почти невозможной для русского коробейника. Наряду с этим, однако, немало случаев свидетельствуют, что отношения простого народа к русским торговцам в разнос вполне дружелюбные.

Финская газета «Keski Suomi», в статье под заглавием *«Трудно поверить!»* с негодованием сообщала о случае заступничества народа за русского коробейника. «Жители Саарнярвского прихода, — говорила газета, — вообще слыли до сих пор за просвещенных и отзывчивых к требованиям своего времени граждан. Но Пюхэярвская деревня, очевидно, оказывается совсем другою, по крайней мере если судить по следующему странному явлению. Младший полицейский был назначен следить за порядком на свадьбе у некоего Сауна-Якко. Отправляясь туда, он во дворе "Сауналахти" встретил коробейника Густава Филиппова, который не имеет установленного законом разрешения на производство торговли в разнос, и отобрал у него сумку, несмотря на возражения Сауналахтинского хозяина. Полицейский взял сумку с собою во двор Сауна-Якко. Но хозяин двора, по имени Герман, не знающий нынешних условий и консервативный человек, не дал помещения, где можно было бы спрятать сумку до окончания свадьбы, и, наоборот, заставлял полицейского унести сумку или же отдать ее обратно русскому. Наш полицейский все-таки не согласился на последнее предложение и нанял человека, чтобы снести сумку в церковь. Тогда за ним последовало большое число из приглашенных на свадьбу людей. В конце концов эта толпа насильно отняла сумку у полицейского».

«Прежде такой случай не вызвал бы особого удивления, — говорит газета "Keski Suomi", — но в настоящее, тяжелое время он пятнает честь общины, в которой до сих пор всячески, но, видимо, напрасно, старались распространять просвещение среди глубоких слоев народа. В дополнение к сказанному следует, пожалуй, отметить и другой случай. Недавно некий хозяин Пюхэярвской деревни скрыл сумку и препятствовал отнять ее у коробейника, не имевшего права торговли вразнос. Просто удивительно, что крестьяне так низки и столь мало заботятся о своей национальности».

Другим примером готовности населения в Финляндии относиться без предубеждения к русским является статья под заглавием «Среди русских крестьян», помещенная в финской газете «Tammerfors Nyheter». Отзыв автора статьи, финляндца, о русском крестьянине отличается сердечною теплотою, сочувствием и искренностью и вызывает сожаление, что подобные отзывы составляют редкое исключение в ряду статей финляндских газет о России и русских.

«Если, — говорит автор, — обойти стену недоверия, которою окружает себя русский крестьянин, то можно обнаружить тип людей, в душевных тайниках которых целое сокровище отменных качеств, способных дать русской нации первоклассное место в среде народов. Но, чтобы познать этот тип, необходимо забыть все удобства и привычки к комфорту, так как стол русского крестьянина крайне невкусен, жестко спать на твердом деревянном полу или на лавке у печи, не особенно также приятно вдыхать в себя запах смазных сапогов и старого платья, сидеть и есть, жить и спать в одной комнате с дюжиной себе подобных существ, — все это, повторяю, не совсем приятно для человека даже нетребовательного в своей повседневной жизни. Да, совершить подобный подвиг весьма трудно, и необходимо некоторое самоотверженье, но, вместе с тем, стоит сделать опыт, ибо впечатления, врезываясь в память, возбуждают мысль и дают прекрасное, неизведанное ощущение сердечной теплоты, которые иначе, быть может, никогда не показались бы на Божий свет.

Я пошел в народ, и никогда не сожалел о труде и лишениях, выпавших мне на долю.

Как бы поздно ни въезжал я в забытые маленькие деревушки, меня всегда встречали в высшей степени гостеприимно в лучшей избе, в двери которой я стучался. Никогда я не замечал у крестьян какого-либо недовольства, косых взглядов или неприязненных выходок. Сорок две ночи провел я в крестьянских избах; столько же раз я, будучи совершенно незнакомым человеком, стучался в ворота, просил о гостеприимстве и получал его, — и всего лишь один раз получил отказ, но зато, когда подошел к другой избе, был впущен во двор вместе с лошадью. Для лошади отводилось всегда лучшее место в конюшне, представлявшей из себя дырявый сарай, причем лошади давался лучший овес и лучшее сено.

Меня сажали за стол, уступая первое место в переднем углу под образом; мне подавали лучшие кушанья, мне приготовлялась удобнейшая постель. Ласково расспрашивали меня о моем доме и родне, внимательно слушали то, что я им рассказывал. Я называл себя то казаком, то русским или шведом для пробы, — и всегда прием был одинаков, и я уезжал, сопровождаемый благопожеланиями.

Русские крестьяне научили меня многому, многому. В особенности секрет понимания людей сделали они мне доступным более, чем кто-либо из прочих народов и людей, встречавшихся мне на моем жизненном пути.

Почему же мы, люди, так редко имеем возможность понимать и прощать друг друга, почему мы так мало проявляем желания уважать своих ближних? Я думаю потому, что мы слишком мало знаем друг друга, что мы идем по жизненному пути, чуждаясь ближнего, и не даем себе труда, проникаясь любовью, узнать, что есть в другом человеке хорошего и благородного. Мне часто вспоминаются заученные мною в юности немецкие стихи, кончающиеся так:

Wenn mancher Mann wusste, wer
mancher Mann wäre,
Gäb' mancher Mann mancher Mann
manchmal mehr Ehre*[1].

Немало правды в этих стихах!»

«Финляндская газета», давшая место на своих столбцах переводу этой статьи, говорит в заключение: «Как все это не похоже на слепое озлобление финляндских политических деятелей известного сорта к русским коробейникам, таким же простым русским людям, каких правдиво и тепло описывает финляндец, автор фельетона "Tammerfors Nyheter", и как должно быть стыдно всякому добросовестному финляндцу при сопоставлении с русскими крестьянами "культурных" финляндских деятелей, в роде гг. фон-Борна, Карла Маннергейма, Ионаса Кастрена, Арвида Неовиуса и Е. Вольфа. Эти последние в своей "Реляции" требовали, чтобы с русскими разносчиками в Финляндии поступали как с дикими зверями, отказывали им в крове и пище "даже за деньги", изолировали их так, чтобы "пустыня показалась им более приятною, нежели финляндская земля", — а простые русские крестьяне отводили финляндцу лучший угол, отдавали ему лучший кусок, не спрашивая, кто он: русский или швед, — зная одно, что он человек! Зато как понятно, что финляндские политики боятся сближения простых финских людей с простыми русскими людьми! *Они знают, что сближение поведет к познанию и уважению,* — и опасаются этого, ибо при познании и уважении неминуемо рухнет китайская стена, возводимая ими между финляндскою и коренною русскою жизнью. Но эта стена все равно рухнет, ибо построена на песке из непрочных материалов — *лжи* и *незнании. И* чем скорее она рухнет, тем лучше будет для того самого финского населения, о благе коего, будто бы, заботятся эти своеобразные политики».

В заключение следует, по вопросу о коробейниках, привести отзыв газеты «Fria Ord», подтверждающий тот несомненный факт, что преследование русских коробейников в Финляндии не вызвано какими-либо их преступными или предосудительными действиями. Именно в номере от 2 ноября 1900 г. этой газеты говорится, что само по себе бойкотирование

*[1] Кабы знать да ведать нам людей поближе,
Отдали бы многим мы поклон пониже. (*Прим. док.*)

коробейников не имеет большего значения. Важно то, что финны будут при всех случаях пользоваться тем же способом воздействия. «Этот способ парализует всякое нападение на конституцию; каждый шаг на пути русификации будет вызывать сопротивление... Государь может отменить конституцию и заявить, что отныне в Финляндии, как и в России, закон — Его воля. Его министры вольны Ему посоветовать сделать такой шаг, но есть много причин, заставляющих предполагать, что министры этого не сделают». Затем в следующей статье под заглавием «Конституция» высказывается убеждение, что первое и — надо полагать — непреодолимое противодействие отмене конституции будет оказано Самим Государем. По мнению автора статьи, «отмена конституции будет иметь последствием как экономическое разорение страны, так и политические осложнения».

В собственно финляндской печати, хотя и не столь открыто, как в подпольной, тоже пропагандировалась идея пассивного сопротивления. Например, газета «Abo Tidning», выходящая в Або на шведском языке, в статье под заглавием: «*Что мы можем сделать?*» говорила: «Судьба народов находится в зависимости от поступков и мыслей предыдущих поколений. То, чего отдельная народность в каждом случае хотела, и как поступали ее представители, это и определяет ее судьбу. Настроение народа и поступки правящих лиц имеют свое естественное последствие. Справедливые, мужественные, благородные мысли и поступки могут отчасти смягчить кару, которую нация несет за сделанные прегрешения, или увеличить награды, которые выпадают ей на долю за заслуги предыдущих поколений, но если народ поступает или мыслит неправдиво, трусливо и презренно, то кара увеличивается сама собой и награды умаляются. Грядущая судьба нации в значительной степени находится в зависимости от того, *как нынешнее поколение будет вести себя в дни испытаний.*

«Только тот, кто поступает справедливо, *без боязни последствий*, кто мыслит возвышенно и благородно, и сообразует с этим свое поведение, только тот создает своими действиями и мыслями счастие не только свое, но в будущем и своего края, и народа. Кто же трусливо, с дипломатическими ухищрениями вступает в торг с тем, что он признает справедливым с требованиями закона и совести, кто склоняется пред требованиями власти в надежде таким образом спасти отечество или достигнуть преимуществ если не для себя, то для своего края, тот накликает бедствие на себя и на свой народ, тот повергает нацию еще глубже в бездну мрака и готовит народу будущее, несущее с собой несчастье и разложение».

Выходящая в Бьернеборге финская газета «Kansalainen», применяясь к уровню развития простонародья и вдохновляясь идеей оппозиции и гонения на торговцев-коробейников, с этой точки зрения определяла даже общие понятия, вроде народности и отечества. На тему: «*В чем наша народность?*» в этой газете помещена была статья, которая по форме являлась пародией на рунеберговское стихотворение «Наш край». В статье говорилось:

«Наша народность — в ношении платья домашнего тканья или во всяком случае из материи местного производства.

Наша народность — в украшении стен картинами, изготовленными в нашей собственной стране и изображающими черты наших великих людей, нашу несравнимо прелестную природу, войны наших праотцев, — одним словом, изображающими все наше родное. Следует сорвать с наших стен картины, которых мы не понимаем и не можем любить.

Наша народность — в защите всего своего, хотя бы и старались ниспровергнуть самые святые устои, и хотя бы они, по-видимому, и падали один за другим. Устои права и правды будут стоять вечно.

Наша народность — в ведении торговли с теми, кто кость от кости нашей и плоть от нашей плоти, кому мы можем доверять без смущения... Ничего не значит, если товар окажется сначала несколько дороже. Главное — идея... Когда купец разбогатеет, пожалуй, и цена на товар упадет.

Наша народность — цвета синий и белый... даже и до сих дней. Я видел их в окнах, на дверях, в драпировках вокруг дорогих картин... но на флагштоках не видел».

Опубл.: Обзор периодической печати. [Вып. 6]. Октябрь — декабрь 1900. СПб., 1901. С. 3–19.

№ 59. Отношение № 26 министра финансов С.Ю. Витте[161] государственному секретарю В.К. Плеве с протестом против позиции Военного министерства и Финляндского Сейма о введении воинской повинности в Финляндии[162]

14(27) января 1901 г.
Совершенно секретно

Министр финансов
14 января 1901 года
№ 26

Его Высокопревосходительству
В.К. Плеве

Милостивый государь,
Вячеслав Константинович

Письмом от 20 февраля минувшего года № 19 я имел уже честь сообщить Вашему Высокопревосходительству для доклада Государственному совету заключение свое по проекту Военного министерства, о введении в действие в Великом княжестве Финляндском нового Устава о воинской повинности, а также об уравнении финансовой тягости названной повинности в Финляндии с таковою же тягостью в империи. В этом отзыве я высказал мнение, что к возможному объединению и ассимилированию финляндской окраины с остальными частями нашего обширного отечества все русские люди не могут относиться в принципе иначе, как только с полным сочувствием и с единодушным желанием наиболее успешного завершения этой задачи, но что принципа нельзя смешивать с методом его осуществления и для успеха дела нельзя объединительные начала проводить в жизнь быстро и прямолинейно, не считаясь с установившимся уже общественным порядком, который, будучи делом многовекового развития, связан со всеми понятиями, правами, частными отношениями и привычками народа, и который может изменяться только медленным процессом жизни. Высказываясь поэтому за постепенное и осторожное осуществление реформы, я указывал, что для Финляндии назначение в войска контингента новобранцев в размере 7200 чел. может явиться мерой обременительной, назначение же части их (5280 чел.) в русские войска значительно еще усугубит тяжесть повинности ввиду незнания финнами русского языка и необходимости подчиняться не своим местным, а русским законам. Опасаясь, что решительное и крутое проведение этой меры в жизнь может усилить эмиграцию, ослабить культуру края, породит в населении вражду к России и вызвать другие подобные совершенно нежелательные последствия, я полагал необходимым изыскать способы облегчения для местного населения края последовательного распространения на него общих правил по воинской повинности. В этих видах я предлагал приостановиться привлечением финляндских новобранцев к отбыванию воинской повинности в русских частях войск, расположенных в пределах края и вне его, и до тех пор, пока такое привлечение не окажется возможным, или взимать с финляндской казны в пользу имперской ежегодное пособие, или же допустить вывод из Финляндии в ближайшие к ней губернии Петербургского военного округа 5280 новобранцев в составе целых воинских частей, комплектуемых из сих новобранцев. Соответственно с этим, я полагал далее допустить для Финляндии ввиду особенностей ее климата и быта и дабы облегчить ей постепенный переход к действующему Имперскому Уставу о воинской повинности некоторые частные отступления от постановлений этого последнего Устава относительно призывного возраста, сроков призыва и срока действительной службы в войсках.

Военный министр в представлении своем от 31 января 1900 г. № 6174, которое при составлении первоначального моего отзыва не было мне в полном объеме известно, возражает против вышеозначенных моих предположений и, указывая, что основные начала проекта Устава одобрены уже как в Бозе почивающим Императором Александром III, так и ныне благополучно царствующим Государем, объясняет далее, что замена натуральной повинности денежною противоречила бы основному принципу как проекта, так и Имперского Устава и представила бы то неудобство, что население, занимающее одну общую область

с одинаковыми для всех жителей географическими и экономическими условиями, отбывало бы повинность по двум разным системам.

Отвергая в принципе предложение мое об изыскании способов к облегчению для местного населения края последовательного распространения на него общих правил по воинской повинности, военный министр не признает возможным допустить и какие-либо частные отступления от постановлений действующего Устава о воинской повинности в отношении призывного возраста, сроков призыва и сроков действительной службы в войсках, так как такие изъятия, по его словам, создадут значительные неудобства для комплектования русских частей войск финляндцами и так как, по его, генерала от инфантерии Куропаткина, мнению, нет в сущности достаточных оснований, чтобы ставить одних только финляндцев среди остальных многочисленных русских подданных в совершенно исключительные условия по отбыванию воинской повинности.

Ввиду приведенных возражений военного министра, я, со своей стороны, считаю необходимым представить на благовоззрение Государственного совета дополнительные соображения для более полного освещения высказанного мною взгляда и вместе с тем более точно определить те меры, которые, по моему мнению, должны быть пока приняты в деле организации воинской повинности в Финляндии.

Ранее, однако, чем говорить по существу дела, я считаю необходимым сказать несколько слов по поводу сделанного в представлении заявления о том, что основные начала настоящего проекта Устава одобрены уже Высочайшею Властью. Заявление это, несомненно, имеет большую важность, ибо очевидно, что Высочайше выраженная воля не может подлежать обсуждению Государственного совета, и задача последнего должна тогда ограничиться лишь рассмотрением редакции статей проекта Устава и тех частных положений и вопросов, которые не были представлены военным министром на Высочайшее благовоззрение и не вытекают непосредственно из основных, утвержденных уже Монархом «главных начал».

В первом моем отзыве по соображениям, подробно в нем изложенным, я позволил себе высказать мнение, что Высочайшее предложение, возложившее на земских чинов рассмотрение вопроса о применимости к местным условиям новых порядков, проектируемых Уставом, не лишило названных чинов права входить в обсуждение предположений Военного министерства по существу, и что эти предположения в связи с заключением Сейма подлежат подробному и всестороннему рассмотрению Государственного совета.

Ныне по ближайшем ознакомлении с сообщенными мне материалами, я не нашел опровержения этому мнению. Имеющиеся же в числе их копии с доклада бывшего Военного министра Императору Александру III от 29 августа 1891 г. № 141, в коем изложены предположения генерал-адъютанта Ванновского о пересмотре Устава о воинской повинности в Финляндии, казалось бы, может служить даже подтверждением моему мнению. На докладе этом значится Высочайшая резолюция: «Совершенно одобряю все эти предположения». Буквальный текст такой резолюции едва ли не показывает, что Императором Александром III одобрены не основные начала внесенного ныне на уважение Государственного совета проекта Устава, а лишь предположения о его пересмотре*[1].

---

*[1] По-видимому, значение приведенной выше Высочайшей резолюции ранее в таком же смысле понималось и самим Военным министерством. По крайней мере, повод к такому заключению дает то обстоятельство, что состоявшееся предварительно учреждение при Главном Штабе двух комиссий с представителями от финляндской администрации, Особое совещание под председательством бывшего военного министра, имевшее целью установить для названных комиссий некоторые руководящие начала, в суждениях своих не считало себя связанным заключениями, изложенными во всеподданнейшем докладе, на котором была положена Высочайшая резолюция, и в отступление от предположений доклада «признало необходимым вопрос об уравнении тягости воинской повинности свести к вопросу об уравнении финансовой тягости», в чем собственно заключается и мое предположение, изложенное в названном моем отзыве (Всеподданнейший доклад генерала-от-инфантерии Куропаткина от 22 мая 1898 г. № 6. С. 12 и 13). (*Прим. док.*)

Таким образом, приведенная Высочайшая резолюция на доклад генерал-адъютанта Ванновского, послужившая основанием для всеподданнейшего доклада генерала-от-инфантерии Куропаткина ныне благополучно царствующему Государю, едва ли может служить доказательством того, что Императором Александром III утверждены были главные начала, положенные в основу всего пересмотра Устава.

Обращаясь от этого предварительного замечания к существу дела, я, прежде всего, для устранения всяких недоразумений и неправильных толкований дальнейших моих суждений и выводов, считаю необходимым высказать, что для меня выше всяких споров и сомнений право Самодержавного Русского Монарха принять в отношении Финляндии как составной части единого Российского государства все те меры, которые Он признает необходимыми и который указует Державному Вождю русского народа «священный долг Его печись о благе всех народностей, Российской Державе подвластных». Поэтому, по моему глубокому убеждению, в разрешении настоящего вопроса вся политическая его сторона, все рассуждения об основных законах княжества, о форме его правления и проч. не могут иметь никакого руководящего, а тем более решающего значения, и едва ли правильно, как делают то Военное министерство и Финляндский Сейм, предположения о воинской повинности в Финляндии переносить на почву конституционных прав этой страны и истории их возникновения. Не финляндское законодательство определяет границы компетенции русской Государственной власти, а наоборот русское законодательство, как суверенное, определяет компетенцию особых финляндских учреждений. Манифестами от 3 февраля 1899 г. установлен порядок, в котором должны рассматриваться законодательные дела, касающиеся обоюдных интересов империи и княжества. Пред этою Высочайшею волею должны склониться все верноподданные — ею устраняются и все рассуждения на вышеозначенную тему.

Но вне всяких соображений указанного порядка внесенный Военным министерством законопроект необходимо рассмотреть с другой точки зрения; именно необходимо выяснить, в какой мере соответствует он общегосударственным интересам и в состоянии ли выполнить те цели, ради которых предлагается.

Цели эти, как видно из представления Военного министерства, заключаются, с одной стороны, в ассимилировании Финляндии с Россией, в установлении более тесной связи этой окраины нашей с общим отечеством, а с другой — в уравнении тягости воинской повинности в этой стране с таковою же в империи.

В доказательство необходимости принять самые энергичные меры в этом направлении в представлении Военного министра, в помещенных в нем выдержках из официальных документов и в приложенных к нему материалах указывается на то, что Финляндия, воспользовавшись дарованным ей Императором Александром I особым местным самоуправлением, стала проявлять стремление к автономии, стала добиваться атрибутов отдельного независимого государства до права иметь свое собственное отдельное самостоятельное войско включительно. Для осуществления таких своих несогласных с интересами России стремлений к сепаратизму «финляндцы», по словам генерала от инфантерии Куропаткина, «не только пользовались обстоятельствами, но даже явно злоупотребляли ими»*[2]. Особенно же ярко эта противоправительственная их тенденция проявилась при издании действующего ныне в Финляндии Устава о воинской повинности. В подтверждение этого положения Военный министр дает подробную историю составления и утверждения названного законодательного акта, которая, по его словам, «проливает яркий свет на чрезмерные домогательства финляндцев в области военного законодательства»*[3].

В этой истории смелыми и резкими чертами рисуется деятельность лиц, стоявших в то время во главе финляндского управления. Для достижения своих несогласных с интересами России стремлений они не останавливались перед нарушением «определенно выражен-

*[2] Всеподданнейший доклад генерала от инфантерии Куронаткина от 22 мая 1898 г. № 6. С. 8. (*Прим. док.*)

*[3] Там же. С. 2. (*Прим. док.*)

ной воли Монарха», прибегали к «оговоркам» и «замалчиваниям»*[4] для того, чтобы ввести в заблуждение Государя и военного министра, допускали «неправильности»*[5], совершали «неосновательные», «неожиданные и противозаконные действия»*[6], писали и говорили одно, а делали другое*. Все это подкрепляется и освещается выдержками из речей народных представителей Финляндии на Сейме 1877–1878 гг.

В кратких чертах сущность дела, как она выясняется из представленных военным министром материалов, заключалась в следующем.

В 1870 году, когда в империи разрабатывались положения для введения всеобщей воинской повинности, Государь Император признал справедливым ввести такую же повинность и в Финляндии. При этом имелось в виду «насколько возможно, — при существовании отдельного финляндского войска, — обеспечить общие интересы империи»*[7]. С этою целью Государем было указано, «чтобы военные законы Финляндии, насколько это возможно во внимание к прочим законам и другим обстоятельствам края, были согласованы с подобными же законами империи»*[8]. Между тем, земские чины Финляндии воспользовались этим поводом в совершенно обратном направлении. У «конституционного финляндского государства, созидаемого руководителями общественного мнения последних десятилетий, — говорится в одном из документов, приложенных к представлению Военного министра, — не имелось своей отдельной армии для своих национальных стремлений, армии как атрибута отдельного государства». И вот «с передачею Сейму на рассмотрение Устава о воинской повинности настал удобный случай для восполнения указанного пробела, и земские чины не замедлили им воспользоваться»*[9]. «Преследуя исключительно Цели финляндского “государства” и возможное обособление края от русской державы», они составили Устав[163], «через который, начиная с первого его параграфа, красною нитью проходит правило: «все для Финляндии и ничего для России и русских»*[10]. Для того, чтобы достигнуть утверждения такого явно противоречащего интересам империи Устава, был предпринят ряд действий, дающих Военному министру повод сказать, что утверждение Устава «состоялось при совершенно исключительных обстоятельствах»*[11]. Не говоря уже о том, что самая передача Устава на обсуждение Сейма произошла по ходатайству бывшего генерал-губернатора Финляндии графа Адлерберга[164] и вопреки мнению Военного министра*[12], рассмотренный Сеймом проект Устава был доложен Государю Императору министром статс-секретарем в нарушение § 3 данной ему инструкции, согласно которой он ведает только дела, относящиеся до гражданского управления*[13]. Далее в проект был включен § 120, который, вопреки ясно выраженной воле Государя, закрывал русским людям всякий доступ в финские войска и учреждения. И это важное обстоятельство было скрыто от Государя и Военного министра путем искусственного толкования проектируемого закона, от которого практика немедлен-

---

*[4] Историческая справка об Уставе о воинской новинности Финляндии 1878 г. С. 9, 11. (*Прим. док.*)

*[5] Объяснения Комиссии по пересмотру Устава о воинской новинности в Финляндии о необходимости выделения из означенного Устава тех параграфов, коим присвоен характер основных законов. С. 20–21. (*Прим. док.*)

*[6] Там же. С. 7, 18. (*Прим. док.*)

* Историческая справка. С. 10. (*Прим. док.*)

*[7] Там же. С. 2. (*Прим. док.*)

*[8] Там же. С. 2. (*Прим. док.*)

*[9] Объяснения Комиссии. С. 23. (*Прим. док.*)

*[10] Историческая справка. С. 4. (*Прим. док.*)

*[11] Объяснения Комиссии. С. 19. (*Прим. док.*)

*[12] Всеподданнейший доклад [генерала от инфантерии Куропаткина] от 22 мая 1898 г. № 6. С. 1. (*Прим. док.*) [*Далее разночтения в сносках передаются в квадратных скобках. — Сост.*]

*[13] Объяснения Комиссии. С. 19. (*Прим. док.*)

но отступила*[14]. За сим, в представленном на утверждение проекте была тенденциозно изменена собственноручно установленная Государем редакция § 119 о начальствовании над финскими войсками*[15]. Наконец, желая закрепить за собою право на дальнейшие изменения или дополнения Устава, Сейм «неожиданно и противозаконно» возбудил ходатайство об объявлении некоторых параграфов Устава основными законами края[165], а министр статс-секретарь, испрашивая заключения генерал-адъютанта гр. Милютина[166] по проекту, принятому Сеймом, «мотивируя разные мелочи, не усмотрел необходимости»*[16], обратить внимание на это важнейшее обстоятельство, вследствие чего генерал-адъютант гр. Милютин, рассматривая этот Устав как закон в целом своем составе временный, изъявил на него свое согласие*[17]. Последствием такого замалчивания и таких неправильных действий министра статс-секретаря было то, что государственной важности ходатайство Сейма не было вовсе подвергнуто обсуждению с русской точки зрения и с точки зрения специально военной*[18]. «Военный министр, — говорится в представлении, — давая свое согласие, многого не знал из хода Сеймовых работ: мотивы Сейма и речи земских чинов никогда не были переведены на русский язык, и относительно их Военное министерство оставалось в полном неведении. Военному министру были представлены только проект Устава вместе с заключением Сейма, а не полные и подлинные мотивы и ходатайства Сейма»*[19]. «Если бы, — говорится в одном из приложенных к представлению документов, – военному министру, стоявшему на страже Имперских интересов, было своевременно доложено ходатайство Сейма и объяснено значение перечисления известных параграфов временного военного Устава в основные законы, он серьезно поднял бы свой веский голос против неуместных домогательств финляндцев вмешиваться в решение стратегических вопросов, связанных с обеспечением целости государственных границ; военный министр, подвергнув разбору мотивы Сеймового ходатайства, конечно, не замедлил бы обнаружить полную их несостоятельность, так как стоило только прочесть их и сопоставить с теми параграфами Устава о воинской повинности, к которым они были отнесены, чтобы оценить их по достоинству»*[20].

Таким образом, из приведенных объяснений Военного министерства оказывается, что действующий Устав о воинской повинности в Финляндии был утвержден как бы по недоразумению, вследствие того, что происками финляндцев и неправильными действиями бывших генерал-губернатора и министра статс-секретаря Финляндии, военный министр и даже Высочайшая Власть[167] введены были в заблуждение относительно истинного и действительного значения Устава. В результате финское войско создалось, как говорится во всеподданнейшем докладе генерала-от-инфантерии Куропаткина, «не по русскому, а по шведско-норвежскому образцу»; «получилось нечто среднее между постоянной армией и милицией с кадрами, причем запасу финских войск была придана такая организация, которая допускала возможность быстро проводить через ряды значительную часть населения края, превращая его таким образом в вооруженный народ»*[21]. Десятилетний опыт применения Устава вполне оправдал опасения, указал на недостатки вредного характера, противоположного интересам государства и армии. В самой Финляндии в течение всего периода ничего не сделано такого, что доказывало бы готовность путем изменений действующего Устава перейти к положению, более сближающему его с общим для всего государства военным законодательством. Напротив, имеются неопровержимые доказательства настойчиво преследуемой цели еще более обособить и отделить местное финляндское военное устрой-

*[14] Историческая справка. С. 9–10. (*Прим. док.*)

*[15] Там же. С. 5–6. (*Прим. док.*)

*[16] Объяснения Комиссии. С. 20. (*Прим. док.*)

*[17] Там же. С. 25. (*Прим. док.*)

*[18] Там же. С. 21. (*Прим. док.*)

*[19] Представление военного министерства 31 января 1900 г. № 6174. С. 21. (*Прим. док.*)

*[20] Объяснения Комиссии. С. 21. (*Прим. док.*)

*[21] Всеподданнейший доклад. 22 мая 1898 г. № 6. С. 1. (*Прим. док.*)

ство от общего. Подобные сему стремления даже не маскируются, как это видно из хода кодификационных работ по составлению свода основных законов*[22]. С особенною же яркостью эти стремления выразились при обсуждении проекта нового Устава о воинской повинности в заседаниях Сейма 1899 года. Здесь земские чины «едва ли не более озабочены были изложением теории государственного права Финляндии и выражением протеста и критики правительственных мероприятий, чем рассмотрением Устава»*[23]. В доказательство сего Военным министром представлено «извлечение из речей земских чинов чрезвычайного Сейма 1899 года»[168].

Все изложенные обстоятельства приводят военного министра к убеждению, что объединение финляндской окраины с другими частями общего отечества в военном отношении крайне неотложно. «Мы не можем затрачивать большого количества наших боевых сил на охрану этой окраины и должны по возможности шире пользоваться для этой цели местными средствами и способами; достигнуть же этого нельзя будет до тех пор, пока финские войска не будут русскими по духу и стремлениям, пока они не сплотятся в одно целое с русскими войсками и пока они, со всеми их учреждениями, не будут направляемы к общим государственным целям одною русскою военною властью как в центральном, так и в местном военном управлении»*[24].

Равным образом, по мнению военного министра, и уравнение тяжести воинской повинности в княжестве с таковою же в империи представлялось бы мерою вполне справедливою, ибо нет оснований к предоставлению дальнейших облегчений и льгот Финляндии, население которой в течение столетия старательно оберегалось от тяжести военного расхода за счет бюджета России и от тяжести воинской повинности за счет русского коренного населения, выставлявшего недобираемое с Финляндии число новобранцев*[25].

Картина, нарисованная военным министром в его представлении, производит бесспорно сильное и тяжелое впечатление. Целая народность, входящая в состав империи, получившая от Русских Императоров особые права и привилегии, пользовавшаяся льготами за счет русского коренного населения — рассматривается не заслуживающей того доверия, которое до сих пор ей оказывалось. Вся система управления, применявшаяся к Финляндии в течение трех царствований, бесповоротно осуждается. Против земских чинов, Сената, статс-секретариата и даже против бывшего генерал-губернатора Финляндии, одного из ближайших сотрудников Императора Александра II, графа Адлерберга, предъявляются тяжкие обвинения в стремлении обойти закон, в неисполнении Высочайшей воли, в желании усыпить бдительность Военного министра и ввести в заблуждение Государя Императора.

Я не стану касаться вопроса, насколько правильны все эти обвинения и в какой мере опровергаются они теми объяснениями, которые представлены на Высочайшее благовоззрение земскими чинами Финляндии во всеподданнейшем отзыве их от 27 мая 1899 г.*[26], но я позволяю себе высказать, что под указанным тяжелым впечатлением, при одностороннем и не спокойном освещении вопроса трудно решать дело такой государственной важности, как настоящее.

Организация и размер воинской повинности имеют самое серьезное экономическое значение для Финляндии и не менее важное политическое значение для установления взаимных отношений ее с империей. Подобный вопрос должен выясняться без всякой предвзятой мысли, с полным спокойствием и возможною объективностью, с тем беспристрастием, с которым Государственный совет всегда обсуждает восходящее на его рассмотрение законопроекты, повергая свое всесторонне взвешенное мнение на Высочайшее благовоззрение.

---

*[22] Там же. С. 10 и 11. (*Прим. док.*)

*[23] Извлечение из речей земских чинов чрезвычайного Сейма 1899 г. С. 2. (*Прим. док.*)

*[24] Всеподданнейший доклад. 22 мая 1898 г. № 6. С. 11. (*Прим. док.*)

*[25] Представление военного министерства 31 января 1900 г. № 6174. С. 92 и др. (*Прим. док.*)

*[26] Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии от 27 мая 1899 г. С. 49 и след. (*Прим. док.*)

Поэтому при решении данного дела, по моему убеждению, не могут служить материалом ни приведенные в представлении военного министра исторические справки о неисполнении финляндцами Высочайшей воли, ни подробные объяснения о неправильных действиях министра статс-секретаря, введшего в заблуждение военного министра и Высочайшую Власть, ни, наконец, извлечения из речей земских чинов чрезвычайного Сейма 1877–78 гг., составленные из отдельных фраз и выражений, сказанных несколькими сторонниками автономии Финляндии, за слова и убеждения которых не может быть ответственным весь финский народ. На этой почве невозможно спокойное и беспристрастное отношение к предмету; поэтому все доводы и соображения подобного свойства, затемняющее ум и действующие только на чувство, должны быть устранены из обсуждения дела, которое должно решаться лишь сообразно государственным пользам и нуждам. С точки зрения задачи и требований настоящей эпохи в высшей степени трудно оценивать мероприятия и поступки лиц времен прошедших, и едва ли возможно на основании того письменного материала, который находится в распоряжении военного министра, категорически утверждать, что бывший министр и статс-секретарь Финляндии не доложили ИмператоруАлександру II полностью всего ходатайства Сейма 1877–1878 гг., введя таким образом Его Величество в заблуждение, и что бывший Военный министр не протестовал против предположения Сейма только потому, что положился на отношение министра статс-секретаря, с умыслом неправильно составленное, и не просмотрел самого текста будущего закона. Еще более представляется затруднительным строить совершенно проблематические предположения о том, как поступил бы граф Милютин, если бы имел в руках перевод мотивированного ходатайства Сейма, каковой перевод от его воли зависело потребовать.

Если же отрешиться от всех этих предположений и более спокойно и объективно взглянуть на дело, то, как мне кажется, оно явится в ином несколько свете, и краски, так густо и ярко наложенные Военным министерством, значительно поблекнут.

Говоря о мероприятиях, необходимых для ассимилирования Финляндии, нельзя прежде всего не считаться с теми фактами, что по воле Русских Императоров страна эта почти столетие жила своей особой жизнью и управлялась особым порядком. Следует далее принять во внимание, что устройство завоеванного края на началах, отличных от организации других областей, вошедших в состав империи, давшее ему подобие отдельного государства, было вызвано серьезными причинами, имело в свое время большое значение и сослужило службу в политической истории Русского государства. Едва ли поэтому можно к этой мере Императора Александра I относиться с тем осуждением, которое теперь часто высказывается. Необходимо также помнить, что истинное чувство преданности Самодержавию заключается как в верноподданническом служении царствующему Монарху, так и в беспристрастном и почтительном отношении к памяти в Бозе почивших Самодержцев.

Присоединение Финляндии, бедной по самой природе своей и совершенно разоренной тогда продолжительными войнами, имело для России не столько экономическое или финансовое значение, сколько значение стратегическое, и в то время важно было не обрусение ее, а исключительно та военная позиция, которую она собой представляет. Кроме того, присоединение Финляндии состоялось в тяжелую для России пору. На политическом горизонте Европы тучи все более и более сгущались, и чувствовались уже грядущие события двенадцатого года. Если бы Император Александр I применил тогда к Финляндии те приемы управления, которые обычно прилагаются к покоренным странам, то в трудное для России время борьбы с Наполеоном[169], борьбы, потребовавшей напряжения всех сил народных, Финляндия явилась бы для нас тяжким бременем. В ней, под страхом восстаний и возмущений, пришлось бы содержать большое войско и тратить большие средства на ее администрацию. Император Александр I поступил иначе. Его Величество признал необходимым «внутренним устройством Финляндии предоставить народу сему несравненно более выгод в соединении ее с Россиею, нежели сколько она имела, быв под обладанием Швеции», а действительным для этого средством Государь находил предоставление финскому народу такого положения, «чтобы он считался не порабощенным Россией, а привязанным к ней

собственными его очевидными пользами»*[27]. «Этот храбрый и лояльный народ, — говорил Император Александр I при закрытии Сейма в Борго, — благословит Провидение, приведшее к настоящему порядку вещей. А Я соберу лучшие плоды моих попечений, когда увижу этот народ спокойным извне, свободным внутри, предающимся под покровительством законов и добрых нравов земледелию и промышленности и самым своим преуспеянием воздающим справедливость Моим намерениям и благословляющим свою судьбу».

Последующая история оправдала лучшие ожидания Императора. Ближайшим последствием принятой по отношению к Финляндии политики было быстрое после ожесточенной войны замирение и успокоение края, давшее России возможность сосредоточить все свои силы в борьбе с Наполеоном. По собственным словам Императора Александра I, присоединение Финляндии «имело для России величайшую пользу; без оного в 1812 г. не могли бы Мы, может быть, одержать успеха, потому что Наполеон имел в Бернадоте[170] управителя своего, который, находясь в пяти маршах от нашей столицы, неминуемо принужден бы был соединить свои силы с Наполеоновыми. Мне Бернадот несколько раз это сказывал и говорил, что он имел от Наполеона предписание объявить России войну»*[28]. Затем в течение целого почти столетия ни в политическом, ни в экономическом отношении Финляндия не причиняла никаких забот Русскому правительству и не требовала с его стороны особых материальных жертв и попечений.

Если судить не по речам и статьям отдельных сепаратистов, а по действительным фактам, то за весь указанный весьма большой период времени финляндский народ ни в чем не нарушил верноподданнического долга пред своим Монархом и своих обязанностей по отношению к общему отечеству — России. Преемники покорителя Финляндии много раз с высоты Престола заявляли о «многочисленных доказательствах неизменной преданности и признательности жителей этого края к своим Государям»*[29] и, действительно, ни общих восстаний против русской власти, ни политических заговоров, ни возмущений невежественной толпы, вроде наших холерных, рабочих, еврейских и иных беспорядков, Финляндия совершенно не проявляла, и даже явления подобного рода, происходившие в других частях империи, а равно тревожные внешние события не находили в ней ни малейшего опасного отзвука. Весьма знаменателен тот факт, что в трудное для русской власти время польского восстания, а затем в не менее тяжелую эпоху конца 70-х годов, когда политическое брожение дошло до посягательств на Священную Особу Монарха, Финляндия оставалась совер-

---

*[27] Рескрипт бар. Штейнгейлю 14 сентября 1816 г. (*Прим. док.*)

*[28] Шильдер Н.К. Император Александр I, Его жизнь и царствование. Т. IV. С. 63. (*Прим. док.*)

*[29] *Манифест Императора Александра II о наименовании нового города, сооружаемого близ истребленного пожаром г. Вазы 27/15 апреля 1855 г.* (Жители просили назвать город именем Императора Николая I): «Сей отголосок верноподданнической признательности, не застав уже на земном поприще Блаженной памяти Государя Императора, среди тяжких забот своего Монаршего сердца находившего утешение и в собственных преднамерениях на пользу любезного Ему Великого княжества Финляндского и в искренних чувствах финляндских его верноподданных, постигавших Монаршую попечительность о их настоящем и будущем благоденствии». [...] «Имя сие да послужит вместе с тем любезноверным нашим финляндским подданным залогом Монаршего и сыновнего влечения Нашего пещись об осуществлении благих видов почившего Государя Императора на дальнейшее развитие благосостояния Великого княжества».

Рескрипт Императора Александра III по поводу Высочайшего Его Императорского Величества утверждения установлений Финляндией. С.-Петербург 14/2 марта 1881 г.: «Утвердив установления... [...] Мы исполнили сие с душевным удовольствием, памятуя многочисленные доказательства неизменной преданности и признательности жителей этого края к Своему Государю и Благодетелю, которыми они услаждали Царствование Нашего незабвенного Родителя, всегда нежно заботившегося о их благе».

Рескрипт ныне благополучно царствующего Государя. Ливадия 6 ноября (25 октября) 1894 г.: «Утвердив установления... [...] Мы исполнили сие с душевным удовольствием, памятуя многочисленные доказательства неизменной преданности и признательности жителей этого края к своим Государям, всегда нежно заботившимся о их благе». (*Прим. док.*)

шенно спокойной, и в целом ряде политических преступников, принадлежавших к разным народностям России, не насчитывалось ни одного финляндца.

Равным образом опасения стремлений Финляндии к независимости, чрезмерных домогательств ее в области военного законодательства, возможности обращения населения ее в вооруженный народ, словом все страхи пред отделением Финляндии от России до сих пор лишены были фактической основы. «Под сенью Державы Российской, сильная ее защитою Финляндия в течение почти целого столетия неуклонно шла по пути мирного преуспеяния» и «в сердцах финского народа жило сознание преданности» Русским Монархам и России*[30]. В минуты необходимости и внешней опасности для России финские войска всегда являлись соратниками наших войск, и Финляндия беспрекословно делила с нами и военные успехи, и тяжелые последствия, и испытания военного времени. Так, в Отечественную войну и Крымскую кампанию численный состав ее войска значительно увеличивался; в ту же Восточную войну был истреблен почти весь торговый флот ее, служивший одним из главных источников доходов края; во время польского восстания и войны за освобождение Болгары финские войска принимали участие в походах, а при открытии Сейма 1885 г. Император Александр III в тронной речи засвидетельствовал «безукоризненное исполнение населением воинской повинности» и высказал уверенность, что финские войска вполне оправдают свое назначение.

Для доказательства стремления Финляндии к отделению от России делаются ссылки на финляндское государственное учение, нежелание установить воинскую повинность на началах, одинаковых с империею, на речи депутатов Сеймов 1877–1878 гг. и 1899 г. Все эти доводы едва ли, однако, особенно убедительны.

Учение о самостоятельности Финляндии как отдельного государства, построенное с целью изыскать «средства обеспечения своей самобытности», далеко еще не свидетельствует, что Финляндия стремится к отпадению от России. Такое отпадение до сих пор было совершенно не в ее интересах. Она никогда не составляла независимого государства; ее исторические предания не побуждают ее играть политическую роль в Европе. К тому же народность в ней смешанная. Шведский элемент составляет лишь верхний слой, недостаточно сильный, чтобы стремиться к самостоятельному существованию или к соединению с одноплеменной с этим слоем державой, масса же финнов, боясь гнета шведской партии, из простого чувства самосохранения более тяготеет к России.

Поэтому финляндский патриот может быть верным и преданным гражданином русской державы и, будучи, по выражению Императора Александра II, «добрым финляндцем», «может не забывать, что он член великой русской семьи, во главе которой стоит Русский Император»*[31].

Понятно и недружелюбное отношение финляндцев к предположениям Военного министерства о распространении на них общего Устава о воинской повинности. Повинность эта весьма тяжелая, стремление к уклонению от нее проявляют, далеко не одни финляндцы, и едва ли можно видеть особо опасный признак в том, что последние желают сохранить за собою то льготное положение, которым они по отбыванию названной повинности пользуются, желают закрепить за собою дарованные льготы в форму основных законов и стремятся уклониться от назначения в русские войска, служба в которых была бы для них гораздо более тяжелой, чем в своих финских частях.

Что же касается, наконец, речей некоторых финляндских депутатов, на которые указывает Военное министерство, их рассуждений о том, что Финляндия не обязана защищать Россию, не обязана принимать активного участия во всех войнах империи и проч., то для надлежащей оценки этого явления прежде всего необходимо заметить, что, к сожалению, подобные и еще более возмутительные речи иногда произносятся во многих собраниях народных или сословных представителей до германского рейхстага включительно, а для бес-

*[30] Высочайший Манифест 3 февраля 1899 года. (*Прим. док.*)

*[31] Речь 24 марта 1886 г. в заседании Финляндского Сената. (*Прим. док.*)

пристрастной оценки речей Сейма 1899 г., кроме того, надо принять во внимание, что речи эти, в которых звучит сильное раздражение против России, являются отголоском такого же раздражения против Финляндии, которым проникнуты представленные Сейму труды Военного министерства. Нельзя затем не принять во внимание, что все эти речи представляют собою далеко не выражение мнения народа финского, ни даже мнения Сейма, а лишь взгляды отдельных его членов, принадлежащих по преимуществу к немногочисленной дворянской шведской партии. На Сейме 1877–1878 гг. раздавались и иные речи — речи депутатов, расположенных к России, стоящих за тесное единение с нею. «В среде дворянского сословия, — укорял ораторов, ратовавших против России, граф Кронгельм*[171], — говорят о чужих интересах, когда дело касается войны за Россию. Здесь господа заявляют себя свободными от всякой солидарности с тем государством, которое более полустолетия охраняло нас от всяких чужеземных нападений. Мать согрела и воспитала ребенка, а он после сего отворачивается, не желая делить ее участи»*[32]. В том же смысле высказался и депутат Годенгельм*[33,172]. Равным образом, несмотря на все раздражение, с которыми производились на Сейме 1899 г. дебаты, «многие депутаты признали необходимыми выразить и соболезнование, и протест по поводу того, что в приложениях к Всемилостивым пропозициям проявлено сомнение относительно честности финских намерений и высказаны даже слухи о распространении среди финнов духа измены и восстания»*[34]. При этом названный Сейм признал и высказал, что финский народ никогда не может осуществлять патриотического долга защищать отечество иначе, как участвуя в защите всего государства, безразлично, ведется ли война в пределах Финляндии или вне ее, и что, «когда интересы империи требуют объявления или принятия войны, решение об этом не может зависеть от каких-либо соображений местных условий Великого княжества, и Финляндия готова, как бы ни сложились обстоятельства, лояльно нести все последствия и испытания войны»*[35]. Наконец, необходимо помнить, что все указания на идеи сепаратизма и ненависти к России во всяком случае могут касаться только небольшой группы лиц. Ни Еленев[173], которого никак нельзя заподозрить в пристрастии к финляндцам, ни самое Военное министерство не допускают предположения, чтобы эти идеи до сего времени пустили корни в массу крестьянства, составляющего около 90 % всего населения края*[36].

Если от изложенной политической стороны дела обратиться к стороне экономической, к вопросу о том, насколько в финансовом отношении выгоден оказался для России существующий в Финляндии порядок, то едва ли и в этой области найдутся данные, подтверждающие мнение военного министра о том, что в течение столетия бюджет Финляндии старательно оберегался за счет платежных сил коренной России.

С тех пор, как Финляндии дан был самостоятельный государственный бюджет, страна эта для своего экономического развития не требовала никаких жертв со стороны России. Обделенный природою и разоренный войнами край сам развил свое и духовное и материальное благосостояние. Без субсидий и гарантий со стороны русского Государственного казначейства страна покрылась сетью грунтовых и железных дорог, развила промышленность и торговый флот, поставила народное образование так высоко, что на всем пространстве княжества нет почти безграмотных. Не безынтересен и тот факт, что в то время, как Русскому правительству чуть не ежегодно приходится кормить голодающее население то в тех, то в других частях империи и время от времени тратить на это колоссальные суммы, Финляндия, несмотря на частые в ней неурожаи, обходилась обыкновенно без продовольственной помощи за счет русского Государственного казначейства.

---

* *Правильно: Кронхельм.*

*[32] Объяснения Комиссии. С. 47. (*Прим. док.*)

*[33] Там же. С. 45. (*Прим. док.*)

*[34] Извлечение из речей земских чинов. С. 11. (*Прим. док.*)

*[35] Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов. С. 18. (*Прим. док.*)

*[36] Еленев. Финляндский вопрос. С. 217, 219. (*Прим. док.*)

Все наши затраты на Финляндию в настоящее время ограничиваются $3^1/_2$ миллионами рублей в год и состоят из расходов, производимых не на нужды самой Финляндии. Главную их часть составляют расходы военного ведомства ($2^1/_2$ милл.) на содержание $11^1/_2$ тысяч войска, которое расположено преимущественно по побережью и, следовательно, главным своим назначением имеет защиту границы от внешних врагов, а не поддержание порядка и спокойствия в самой стране. Правильность такого взгляда подтверждается, между прочим, и тем обстоятельством, что в 1891 году Военное министерство признало возможным вывести из Финляндии в С.-Петербургский округ 24-ю пехотную дивизию, заменив ее лишь стрелковою бригадою. Цифру русского войска, расположенного в Финляндии, интересно сопоставить с тем, например, количеством, которое военное ведомство исчисляет для Туркестана, где, по его мнению, 20 тысяч необходимы только для обеспечения спокойствия в тылу действующих отрядов, а также для охраны железнодорожных линий, т. е., проще говоря, для предупреждения вероятных возмущений местного населения.

При этих условиях едва ли справедливо утверждать, что Финляндия жила за счет России. Наоборот, она, может быть, единственная окраина наша, которая не требовала на экономическое и культурное развитие, а равно на обеспечение в ней порядка и спокойствия средств, взятых с коренного населения. Кавказ, Царство Польское, Туркестан, часть Сибири и другие части наших окраин, даже северные губернии, на которые указывает военный министр, убыточны или во всяком случае очень дорого стоили русской казне, а некоторые и ныне стоят, только расходы на них тонут в общем государственном бюджете. Для правильного освещения этого положения достаточно привести немногие данные. Достаточно, например, припомнить, каких громадных, трудно даже исчисляемых жертв потребовало от России замирение Кавказа, и сколько тревог и расходов причиняет и теперь его положение. Не менее внушительны и те расходы, которые произведены в течение минувшего столетия на Царство Польское с его двумя восстаниями. Первое из этих восстаний (1831), не считая потерь многих человеческих жизней и не поддающихся какому-либо более или менее точному учету экономических потрясений в государственном, общественном и частном хозяйствах, может оцениваться в смысле прямых затрат казны в размере свыше 185 милл. рублей*[37]. Второе — мятеж 1863 г., также не принимая в расчет указанных потерь, обошелся в 150 милл. рублей*[38]. При этом для правильного понимания приведенных цифр необходимо иметь в виду, что по государственной росписи 1831 г. расход был исчислен всего

---

*[37] По следующему расчету:

а) при общей сумме ассигнования на обыкновенные потребности Военного ведомства в 1831 г. – 143,6 милл. руб. и при численности армии в то время в 900 000 человек размер обыкновенных расходов определяется в среднем на одного солдата в 159,5 руб., а на 200 000 человек, принимавших участие в военных действиях против Польши, в 31,9 милл. руб.

б) чрезвычайных расходов по случаю восстания было произведено:

в 1831 г.	92 милл. руб.
в 1832 г.	49 милл. руб.
в 1833 г.	13 милл. руб.
Всего	185,9 милл. руб.

См.: Печерин Я.И. «Исторический обзор росписей [государственных доходов и расходов... с 1803 по 1843 год и с 1844 по 1864. СПб., 1896–1898.] С. 134; Пузыревский А.К. «Польско-русская война 1831 г.» [СПб.,] 1890. Т. I. С. 33; Блиох И.С. «Финансы России XIX столетия». СПб., 1882. Т. I. С. 87, 193 и 195. (*Прим. док.*)

*[38] Считая в этой сумме:

а) обыкновенных расходов Военного ведомства по содержанию 637 000 человек, находившихся на нашей западной границе и передвинутых на эту границу из других местностей
86,9 милл. руб.

б) чрезвычайных расходов было произведено:

в 1863 г.	26 милл. руб.
в 1864 г.	37 милл. руб.
	Всего 149,9 милл. руб.

в 407,8 милл. рублей, а по росписи 1863 г.– 347,8 милл. руб., и, следовательно, издержки на подавление польских мятежей достигали почти половины этих сумм. Если затем обратиться к самой молодой окраине нашей — Туркестану, то и здесь расходы, обусловливаемые политическим положением края, успели уже обозначиться довольно ярко. Андижанское восстание, крайне ограниченное по району распространения и числу принимавших в нем участие туземцев и подавленное почти при самом его возникновении, стоило Государственному казначейству свыше 12 милл. рублей*[39].

Кроме указанных единовременных затрат на водворение спокойствия в крае, затрат, которых, как выше упомянуто, Финляндия совершенно не требовала, — русскому Государственному казначейству на прочих окраинах наших приходится ежегодно нести для поддержания порядка громадный расход на содержание военной силы и полиции, тратить большие средства на управление, на экономическое и промышленное развитие, пути сообщения, народное образование и проч. Можно с уверенностью сказать, что в первое время по присоединении все наши окраины, кроме Финляндии, дорого обошлись коренному населению. Так, напр., приплаты казны в Туркестане за 28-летие 1869–1896 гг. по одним лишь обыкновенным расходам равняются 134 милл. руб., т. е. средний размер ежегодного дефицита по краю достигает 4,8 милл. рублей.

При сопоставлении приведенных цифр и данных трудно, казалось бы, говорить о затратах наших на Финляндию и о значительности льгот, ей оказываемых.

Итак, установленная Императором Александром I система управления Финляндией в политическом отношении до сих пор не дала для России неблагоприятных результатов и в то же время избавила Русское правительство от тяжелых затрат на управление и благоустройство края, открыв тем самым возможность сосредоточить силы свои и попечение на других частях империи и иных задачах государственных.

Нельзя, конечно, утверждать, что порядок управления, установленный для Финляндии, во всех своих частях удовлетворяет требованиям и задачам настоящего времени. Наоборот, самостоятельная, не связанная с общеимперскими интересами жизнь княжества, несомненно, создала известную отчужденность между русским и финским населением. Что отчужденность существует — в этом нет сомнений; объясняется она разницею исторически сложившихся культурных условий. Продолжительное владычество Швеции, постоянные сношения через нее с Западной Европой создали то, что финляндская интеллигенция в культурном отношении тяготеет не к России, а к Западу — в частности к Швеции, с которою ее связывают язык высшего класса, религия, право и литература. Поэтому взгляды, понятия, интересы западных, в особенности скандинавских народов, ему сроднее, понятнее, чем наши, и при всяких реформах и нововведениях оно ищет образцов не у нас, а в Западной Европе.

Подобному порядку вещей нельзя, конечно, сочувствовать. Более тесное единение и культурных, и политических интересов княжества и империи весьма желательно; его требуют взаимные выгоды обеих стран. Как я уже говорил, к возможному объединению и ассимилированию финляндской окраины с остальными частями нашего обширного отечества

См.: Всеподданейший отчет [о действиях] Военного министерства за 1863 год. [СПб., 1865.] С. 7; Печерин Я.И. «Исторический обзор росписей [государственных доходов и расходов]... 1844–1864 гг.». 1898 г. С. 218; Блиох И.С. «Финансы России XIX столетия». Т. II. С. 117 и 123. (*Прим. док.*)

*[39] Одним из последствий восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. было предъявление Военным ведомством к Государственному казначейству ходатайства об отпуске средств на усиление нашего стратегического положения в Средней Азии. Расходы на усиление наших войск в Средней Азии были исчислены Военным министерством в суммах: на 1900 г. — 192 000 р., на 1901 г. — 330 000 р., на 1902 г. — 461 000 р. и на 1903 г. — 485 000 р. Если предположить, что с 1904 г. цифра ежегодного расхода на содержание добавочных войск не превысит расходов 1903 г., и если капитализировать означенную цифру из 4 годовых процентов, то оказывается, что Андижанское восстание стоило Государственному казначейству капитала свыше 12 миллионов рублей. (*Прим. док.*)

все русские люди не могут относиться в принципе иначе, как только с полным сочувствием и с единодушным желанием наиболее успешного завершения этой задачи.

Равным образом представляется вполне справедливым, чтобы Финляндия, достигшая под защитой Русского правительства известного экономического благосостояния, несла тяжесть воинской повинности, которую несут прочие части империи.

Поэтому, в принципе, цели, намеченные Военным министерством в его представлении, не могут, казалось бы, вызывать ни споров, ни сомнений, но нельзя согласиться с тем способом достижения этих целей, который рекомендуется названным министерством.

Нельзя разом ломать то, что создавалось и поддерживалось в течение целого века. Перемена политики, чтобы не вызвать смуты и расстройства, должна быть сделана исподволь и с большою осмотрительностью. Ассимилирование Финляндии только тогда окажется действительным, когда произведено будет не силой и принуждением, а мирными средствами, когда финский народ сам оценит ту пользу, которую приносит ему соединение с могущественной державой, а правильное понимание собственных выгод, говоря словами рескрипта 28 февраля 1891 г., «побудит его стремиться к вящему скреплению уз, связывающих Финляндию с Россиею». Известное стремление к сближению с Россией, несомненно, у финнов существует и в настоящее время: знание русского языка все более и более распространяется среди финляндцев, и деловые сношения развиваются год от году. Желательное уничтожение таможенной черты должно послужить сильным стимулом к развитию торгового обмена — этого самого верного и самого мирного средства к взаимному сближению и «вящему скреплению уз, связывающих Финляндию с Россиею».

Крутые и резкие приемы легко могут ослабить нити, которые стали завязываться, могут возбудить национальную вражду, вызвать взаимное недоверие и подозрение и привести к результатам противоположным. Объединительные меры правительства должны поэтому быть осторожны и постепенны.

Соображения эти имеют особое значение в применении к той мере, которую предлагает ныне Военное министерство.

Как справедливо признает это министерство, воинская повинность одна из самых почетных, но и одна из самых тяжелых обязанностей. Тяжесть ее ощущается всем народом до низших классов включительно, и, если на население, привыкшее уже к известному льготному ее отбыванию, возложить разом все ее тягости, то недовольство правительством, существующее пока лишь в верхних слоях и выражающееся до сего времени в речах Сеймовых ораторов, может проникнуть в массу населения.

Соображения Военного министерства о необходимости скорого и неуклонного осуществления намеченной им реформы не вполне для меня понятны даже с той точки зрения, с которой эта реформа предлагается. Если допустить, что Финляндия стремится к сепаратизму, что возможно в ней возмущение против русской власти, то всякое увеличение численности финнов, обученных военному делу, представляется нежелательным[174]. «Интересы России, — писал еще в 1876 г. гр. Милютин, — в сущности были бы гораздо более обеспечены продолжением настоящего безоруженного положения края, по крайней мере до тех пор, пока в населении Финляндии не утвердится сознание в полной солидарности политических и экономических ее интересов с интересами России»*[40].

Признавая, по-видимому, опасным существование отдельных финских войск, Военное министерство предполагает устранить эту опасность назначением финнов для отбывания воинской повинности в русские войска, но мера эта едва ли достигнет своей цели, если только не приведет к совершенно нежелательным явлениям. При культурности населения Финляндии весьма мало надежды на то, чтобы финляндцы, поступившие в русские войска, были ассимилированы в течение нескольких лет средой своих сослуживцев, прониклись теми взглядами, которые будут им внушаться старшими и равными. Земские чины во всеподданнейшем своем отзыве указывают, что «финляндские молодые люди, поставленные

*[40] Представление Военного министерства 31 января 1900 г. № 6174. С. 28. (*Прим. док.*)

в необходимость отбывать воинскую повинность в русских войсках, сочли бы это большим несчастием, так как они при этом очутились бы в чуждой для них обстановке. Они бы не понимали языка высшего и низшего начальства и товарищей, не говоря о различиях в религии, нравах и обычаях, характере и мировоззрениях. Все это неизбежно повело бы к тому, что новобранцы финляндцы, против желания отданные в ряды русских войск, несмотря даже на хорошее обращение с ними, чувствовали бы себя чужими и вследствие скрытного характера своего также считались бы таковыми в войсковой части. Не понимая объяснений, даваемых при учебных занятиях, они невольно пытали бы терпение начальства. Неудовлетворительные, вследствие этого, успехи по службе и неизбежные поэтому выговоры и наказания сделали бы положение их нестерпимым»*[41]. При подобных условиях трудно, конечно, ожидать, чтобы финляндцы, отбывшие повинность в русских войсках, стали русскими по духу и убеждению. Они вернутся на родину, может быть с некоторым далеко не твердым знанием русского языка, но вероятно также, что вернутся с неприязненным чувством по отношению к России, и в случае тех осложнений, которых опасается Военное министерство в стремящейся к автономии Финляндии, мы едва ли увидим весь этот прекрасно обученный нами запас на нашей стороне.

Таким образом, вероятно, что проектируемое Военным министерством увеличение тягости личной воинской повинности в Финляндии с назначением финнов к отбыванию этой повинности в русские войска, не только не достигнет первой, намеченной министерством цели — ассимиляции финляндской окраины с прочими частями империи, но может явиться даже мерой, опасной в военном отношении.

Не достигнута будет и вторая, указываемая в представлении военного министра цель — освобождение коренного населения от той доли тягости личной повинности, которую оно несет ныне за Финляндию. Доля эта первоначально исчислялась Военным министерством в 5280 новобранцев (7200–1920), затем в представлении от 31 января минувшего года понижена была до 4200 (6120–1920). Весьма вероятно, что в дальнейшем, при более тщательной проверке статистического материала, на необходимость которой Министерство финансов указывало уже в первом своем отзыве, она выразится еще меньшей цифрой*[42]. Две-три тысячи лишних новобранцев, коих в случае осуществления проекта Военного министерства ежегодно будет ставить в наши войска Финляндия, являются несомненно весьма малой величиной по сравнению с цифрой общего ежегодного призыва и едва ли отзовутся сколько-нибудь заметным облегчением тягости личной воинской повинности, лежащей на коренном населении, но в то же время можно предвидеть большие затраты из податных средств того же населения, которые придется производить для увеличения численного состава русских войск в Финляндии, если быстрое и значительное отягчение натуральной воинской повинности вызовет здесь сильное неудовольствие.

Поэтому я полагал бы более целесообразным пока совершенно отказаться от всякого увеличения числа новобранцев в названном крае и, в виде временной переходной меры, уравнение тягости воинской повинности в княжестве с таковою же в империи свести исключительно к уравнению тягости финансовой. Уравнение это могло бы быть сделано на основаниях, которые указаны в представлении Военного министерства, причем я полагал бы возможным отказаться даже от той приплаты со стороны финляндской казны, которая проектирована была взамен повинности натуральной*[43]. Такое решение вопроса не будет

*[41] Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов. С. 8. (*Прим. док.*)

*[42] То обстоятельство, что Военное министерство само уже нашло необходимым норму подлежащих призыву на службу финляндских новобранцев понизить до означенного числа, указывает на правильность высказанного финансовым ведомством мнения о несправедливости брать с населения Финляндии, по местным условиям, такой же % новобранцев, какой взимается с прочих губерний империи. (*Прим. док.*)

*[43] Уравнение финансовой тягости воинской повинности основано на расчете, что расход на военные надобности падает на душу населения в империи в размере 2 руб. 83 коп., а в Финляндии 1 руб.

представлять чего-либо исключительного, даже с точки зрения действующих узаконений, ибо и в настоящее время население империи несет воинскую повинность на различных основаниях, а часть его даже вовсе освобождена от этой повинности*[44].

Вопросу о сохранении существующего размера личной воинской повинности в Финляндии нельзя не придавать весьма существенного значения, ибо то или иное разрешение его может иметь серьезные последствия.

Что касается затем прочих изменений, вносимых Военным министерством в действующий финляндский Устав, то, по моему мнению, они должны быть разделены на две группы: к первой отнесены все те постановления названного Устава, которые носят на себе политический характер, в которых прямо или косвенно выражается идея самостоятельности Великого княжества с его собственным особым войском; ко второй — все прочие постановления, которые, хотя и разнятся от постановлений Имперского Устава, но с точки зрения политической представляются безразличными.

Ввиду ясно выраженной в Манифесте от 3 февраля 1899 г. Высочайшей воли, по моему мнению, из будущего Устава о воинской повинности в Финляндии должны быть устранены постановления, имеющие политическую тенденцию, те, которыми оттеняется самостоятельное и независимое от империи положение княжества. В новом Уставе вполне точно должна быть проведена мысль, что финляндская армия существует не для защиты одной только Финляндии, а для защиты общего отечества — России, и что сообразно этому финляндские войска, хотя и имеют постоянное местопребывание в Финляндии, но в случае надобности, для военных действий, совместного обучения с русскими войсками *и* т. п., могут быть временно выводимы за пределы края. Русские офицеры могут быть допущены в ряды финляндской армии на тех же основаниях, на которых финляндцы допускаются в русскую, и, наконец, должны быть точно установлены командные права военного министра и Командующего войсками округа.

Если, таким образом, указанные постановления действующего Устава о воинской повинности в Финляндии, имеющие политический характер, подлежат изменению, то едва ли можно было бы указать столь же серьезные основания для того, чтобы требовать изменения большей части параграфов действующего Устава, совершенно лишенных означенного характера, и делать из такого требования предмет непримиримого разноречия с финляндским Сеймом, находящим изменение этих параграфов соответственно постановлениям обще-

---

35 кон. По поводу этого расчета возможно, конечно, возражение, что средняя цифра, вычисленная для империи, не может быть применена к Финляндии, так как несомненно и в самой империи далеко не все части ее несут в одинаковом размере бремя налогов, а, следовательно, и бремя расходов на военные надобности; напр., местности Центральной России и богатые южные ее окраины несомненно берут на себя большую часть военных расходов, тогда как губернии северные, к которым Финляндия ближе всего подходит по своим климатическим и иным физическим условиям, участвуют в этих расходах на душу населения в сумме менее нормы, вычисленной для всей империи. Необходимо, однако, иметь в виду: 1) что принятие означенной нормы на 10 лет фиксирует размер участия Финляндии в военных расходах, тогда как для империи с течением времени средняя цифра военного расхода не гарантирована от возрастания; 2) что размер пособия для уравнения финансовой тягости воинской повинности будет доведен до означенной нормы лишь постепенно и, следовательно, в первые года окажется ниже ее, и 3) что тягость натуральной повинности в Финляндии будет легче. (*Прим. док.*)

*[44] Общий для империи Устав о воинской повинности не распространяется, однако, на жителей Закавказского края и на инородцев Северного Кавказа, кои отбывают повинность на основании особых положений. Затем, от воинской повинности пока вовсе освобождено население: а) Туркестанского края, Приморской и Амурской областей и некоторых отдаленных местностей Сибири; б) инородческое население Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, всех губерний и областей Сибири, а равно и самоеды, обитающие в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии.

На основании Общего Устава повинность отбывают только 84,4% населения. См. «Комплектование и устройство вооруженной силы». Изд. проф. подполковника Гулевича. СПб., 1900. С. 92, 127. (*Прим. док.*)

имперского Устава неприменимым, по местным условиям, к укладу финляндской жизни. Можно еще допустить, что решение вопроса в указанном направлении представит известные практические неудобства в том случае, если будет сохранено предположение проектированного Устава о том, что часть финнов должна будет отбывать воинскую повинность в русских войсках. Но, если это предположение будет устранено, то многие особенности, отличающие действующий финляндский Устав от Устава империи и касающиеся, напр., порядка вынутия жребия, призывного возраста, обстоятельств, лишающих права принятия на службу, времени призыва, срока службы, изъятий по телесным недостаткам, льгота по семейному положению, отсрочки по имущественному положению, льгота по образованию и т. п., казалось бы, утратят практический интерес. Настаивать же на непременном изменении всех этих особенностей из одного лишь стремления к единообразию ради последовательного проведения «принципа одинаковости» едва ли правильно. Нельзя, казалось бы, забывать, что эти особенности сделались уже предметом долголетней привычки населения, оказали влияние и, так сказать, срослись с его хозяйственным бытом и строем. А ломка привычных условий жизни всегда тягостна и обременительна для населения.

При указанной постановке вопроса и с введением в новый Устав о воинской повинности в Финляндии вышеозначенных изменений будет сделан существенный шаг для достижения намеченных Военным министерством целей, но шаг не столь резкий, не способный вызвать недовольство в массе населения, чуждой политической жизни и весьма чуткой к податному бремени, особенно к тяготам натуральных повинностей. Опыт будущего покажет затем, в каком направлении должна быть далее введена реформа, в настоящем же новый проект Устава должен явиться временной мерой и, следовательно, должен быть утвержден лишь в виде временного закона на тот же, примерно, 10-летний срок, на который утвержден был действующий Устав, и на который рассчитано постепенное уравнение финансовой тягости.

Обращаясь от изложенных общих соображений к постановлениям отдельных статей проекта Устава, имею честь представить на благоусмотрение Государственного совета нижеследующие замечания.

К ст. 4.

Как выше было указано (стр. 26), в Уставе о воинской повинности в Финляндии должна быть точно выражена мысль, что финляндская армия существует не для защиты одной только Финляндии, а для защиты общего отечества — России. Сообразно сему и ст. 4 проекта Устава должна быть дополнена указанием, что финляндские войска, хотя и имеют постоянное местопребывание в Финляндских губерниях, но в случае надобности для военных действий, совместного обучения с русскими войсками и т. п., могут быть с Высочайшего соизволения, последовавшего по представлению военного министра, временно выводимы из пределов названных губерний.

К ст. 6.

Редакция ст. 6, постановляющей об определении существующим в империи законодательным порядком ежегодного контингента взимаемых с населения Финляндии новобранцев, подлежит изменению в соответствии с вышеизложенным предположением (стр. 24) о сохранении установленной действующим законом численности финских войск, а, следовательно, и контингента ежегодно призываемых новобранцев (1920 чел.). Если же такое предложение принято не будет, и признано будет необходимым определять контингент новобранцев на каждый год в отдельности, то, во всяком случае, ст. 6 следовало бы согласовать со ст. 7 Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, в силу коей означенные законы рассматриваются Государственным советом при участии Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, а также тех сенаторов Императорского Финляндского Сената, кои, по Высочайшему избранию, будут особо к тому назначены.

Примечание к ст. 6, говорящее о назначении финляндских новобранцев в русские войска, также надлежало бы исключить.

К ст. 8.

Разделяя соображения земских чинов Финляндии о том, что вследствие холодного климата физическое развитие в Финляндии вообще замедляется, я в письме своем от 20 февраля 1900 г. № 19 высказался за то, чтобы и на будущее время для Великого княжества Финляндского был сохранен срок призывного возраста, принятый действующим там ныне Уставом, согласно которому к жребию призываются лица, коим 21 год от роду минул к 1 января того года, когда производится призыв, а не к 1 октября, как это имеет место в империи и предположено в проекте. Предположение это, однако, отвергнуто военным министром на том основании, что расчет Сейма, по которому, в случае принятия общеимперского правила, призывной возраст финнов будет уменьшен на $9^1/_2$ месяцев, не оправдывается расчетом, произведенным Военным министерством по данным призыва 1882 года. Согласно этому последнему расчету, призывной возраст для финнов понизился бы только на 3 месяца*[46].

Не касаясь теоретической точности того приема, которым пользовалось Военное министерство при составлении своего расчета, нельзя не заметить, что самое перенесение центра тяжести вопроса и разрешение его в зависимости только от того, насколько понизился бы призывной возраст, едва ли представляется правильным. Решающее значение для настоящего вопроса все-таки должна иметь не эта разница, а то обстоятельство, является ли принятая в общеимперском Уставе норма соответственною физическим качествам финского народа. Разрешение этого последнего вопроса, казалось бы, не должно зависеть ни от каких посторонних соображений, так как правильное его разрешение весьма важно и для интересов армии, и для интересов самого населения. Для первой нет никакого расчета принимать, содержать и обучать слабосильных людей, которые, не будучи в состоянии вынести трудов и лишений военной службы, не только не принесут ей пользы, но даже обратятся в бремя, наполняя собою военно-врачебные заведения. Интересы общества также требуют, чтобы ранее достижения совершенной возмужалости молодые люди не призывались к военной службе, так как, будучи призваны ранее, чем следует, они могут быстро потерять здоровье и, вернувшись затем домой, требовать поддержки и попечения со стороны того же населения. «Люди даже крепкого телосложения не могут без вреда для здоровья переносить тягости военной службы, пока организм их еще не успел окончить своего развития и окрепнуть; поэтому к отбыванию воинской повинности следует призывать население только в таком возрасте, когда оно, по физическому своему развитию уже способно без вреда для здоровья нести военную службу. Скорость развития организма зависит от весьма многих условий: жители юга вообще развиваются скорее жителей севера; равным образом влияют и раса, и образ жизни. Понятно, что поэтому и призывной возраст не может быть один и тот же в разных государствах — приходится сообразоваться со скоростью физического развития местного населения»*[47].

В общем выводе врачи полагали бы желательным принимать рекрут не моложе 22–25 лет.

Изложенные соображения дают, казалось бы, право заключать, что мнение земских чинов Сейма о недостаточности для населения Финляндии нормы призывного возраста, при-

---

*[46] Представление Военного министерства 31 января 1900 г. № 6174. С. 54. (*Прим. док.*)

*[47] «Комплектование и устройство вооруженной силы». [Изд. проф. Гулевича 1900 года.] С. 173. Насколько важно иметь армию, составленную исключительно из людей, физически вполне развитых, подполковник Гулевич поясняет следующими примерами: в 1805 году французская армия, пройдя от Булоня до Аустерлица, оставила по пути лишь небольшое число отсталых; она состояла из людей не моложе 22–23 лет, поступивших на службу 20–21 года. В 1809 году французская же армия во время менее продолжительного перехода до Вены засеяла свой путь больными и переполнила госпитали истощенными солдатами; большую часть армии составляли солдаты моложе 20 лет. Еще большее число больных и отсталых было во французской армии в 1813 году, когда в ее рядах были даже 17-летние юноши (см. названное сочинение. С. 174). (*Прим. док.*)

нятой в империи, является не голословным и не лишено основания. Нельзя не заметить, что и в странах наиболее близких к Финляндии по географическому положению и климатическим условиям, каковы Дания и Норвегия, призывной возраст выше, чем в России, именно 22 года. Кроме того, возможно предполагать, что даже установленный действующим ныне в Финляндии Уставом призывной возраст не вполне соответствует быстроте физического развития населения Финляндии. На эту мысль наводит указание финляндских представителей и земских чинов на весьма высокий процент (60 %) лиц, негодных к службе из числа призываемых к воинской повинности. Если бы этот процент подтвердился надлежащею проверкою заявления финляндских представителей, на необходимость таковой проверки ввиду близкой связи этого заявления с вопросом об определении ежегодного контингента финляндских новобранцев *я указывал* в упомянутом выше письме своем, то необычайную высоту этого процента в значительной степени следовало бы объяснять тем, что к отбыванию воинской повинности в Финляндии даже в настоящее время призываются лица, не вполне физически доразвившиеся. К сожалению, такой проверки, как кажется, произведено не было. По крайней мере о ней вовсе не упоминается в представлении военного министра.

Ввиду изложенного в ст. 8 надлежало бы определить, что к жребию призываются ежегодно только те молодые люди, которыми к 1 января того года, когда призыв производится, минул двадцать один год от роду.

К ст. 11.

Далее, в том же письме своем от 20 февраля 1900 года № 19 я высказывался за предпочтительность ввиду местных условий определить срок призыва к исполнению воинской повинности в Финляндии с 15 апреля по 15 мая вместо предположенного в проекте и принятого в империи срока с 15 октября по 15 ноября.

Главная причина, побуждающая военного министра не соглашаться на сохранение установленного ныне в Финляндии времени призыва новобранцев по-видимому кроется в предположении проекта, в силу коего часть финнов должна была бы отбывать воинскую повинность в русских войсках. При этом условии, говорится в представлении военного министра, если оставить два срока для исчисления начала службы один для русских, другой — для финнов, то финны, служащие в русских войсках, стали бы увольняться не одновременно с русскими нижними чинами, что «очевидно неудобно и несправедливо»*[48].

Если принято будет предположение мое о сохранении существующей нормы финских войск, то указанная причина падает сама собою, и возникшее между Военным министерством и Сеймом разноречие по настоящему вопросу утрачивает, казалось бы, для первого из них всякий практический интерес.

Остальные соображения, приводимые военным министром в подтверждение своего мнения, едва ли представляются достаточно убедительными. Ссылка на удобство срока с 15 октября по 15 ноября ввиду того, что к этому времени полевые и другие сельскохозяйственные работы окончены и рабочие наиболее свободны, сама по себе не лишена, конечно, справедливости; тем не менее, для выяснения подобных, имеющих чисто местный интерес и лишенных совершенно политического характера вопросов наиболее компетентным учреждением является Сейм, который, по-видимому, находит, что отвлечение рабочих в весенние месяцы для исполнения обязанностей по отношению к воинской повинности менее невыгодно для края, чем «путаница», вызываемая перенесением срока для найма прислуги. Наконец, ссылка военного министра на прецедент, свидетельствующий, что в законодательном порядке такое перенесение срока возможно, едва ли убедительна, так как из обстоятельств, изложенных по сему поводу в представлении военного министра, видно, что прецедент этот, т. е. перенесение срока, был вызван весьма серьезными причинами, а именно неудобством для промышленников, особенно для земледельцев, ранее существовавшего срока, а также вредностью этого срока для сельского домоводства, т. е. почти для всей экономической жизни страны.

---

*[48] Представление Военного министерства 31 января 1900 г. № 6174. С. 57. (*Прим. док.*)

Наконец, если бы за всем тем Военное министерство полагало необходимым установление срока призыва новобранцев в Финляндии на осенние месяцы, то и в таком случае, казалось бы, возможно некоторое примирение его взглядов со взглядами Сейма. Почвою для такого примирения могли бы быть пример иностранных законодательств. По большинству этих законодательств (Германия, Австро-Венгрия, Франция) призыв новобранцев производится весною, а на службу они поступают осенью*[49]. «Нельзя не заметить», — говорит по поводу этого порядка подполковник Гулевич, — что «ранний срок производства набора для населения гораздо удобнее, чем поздний срок, установленный у нас, так как он даст новобранцу больше времени на устройство своих домашних дел».

Ввиду этого сохранение ныне существующего в Финляндии и принятого на Западе порядка, по-видимому, вполне соответствовало бы местным условиям и в то же время согласовало бы между собою взгляды военного министра и Сейма, ибо призыв совершался бы весною, как то признает правильным Сейм, а поступали бы новобранцы в войска в начале зимы, как того требует военный министр.

К ст. 12.

В отзыве от 20 февраля минувшего года № 19 я полагал возможным, согласно с мнением Сейма, оставить и на будущее время без изменения действующий в Финляндии трехлетний срок службы в войсках вместо принятого у нас пятилетнего. Отклоняя такое предположение, Военное министерство, по точном подсчете и сравнении сроков службы «по действующим в России и Финляндия Уставам», приходит к выводу, что «при переходе финляндцев к новому Уставу им придется для главной массы новобранцев увеличить продолжительность военной службы всего на пять или на шесть месяцев»*[50]. Далее в том же представлении, в котором сделан этот вывод, означенное министерство считает возможным заявить, что и «у нас сроки службы последовательно сокращаются, и есть надежда, что в непродолжительном времени получится возможность еще более уменьшить их продолжительность, и тогда желаемая Сеймом цель будет достигнута естественным порядком, без предоставления исключений, которые в данном деле повлияли бы крайне неблагоприятно, если помнить опять, что часть финнов предназначена будет нести службу в русских полках»*[51]. Но, если все это так, и если притом принять во внимание, что, согласно предположению Министерства финансов, финны не будут отбывать повинности в русских полках, то невольно напрашивается вопрос, стоит ли столь ничтожную разницу в сроках службы делать предметом серьезного разногласия, стоит ли удлинять привычный для финляндцев срок службы в войсках для того, чтобы в ближайшем же будущем низвести его до прежней нормы или для того, чтобы и ранее обходить его «другими», как говорит само Военное министерство, «способами исполнения воинской повинности (например, по ст. 15 — путем временных отпусков на один год и т. п., как это делается и в империи)»*[52]. Настаивая при этих условиях на удлинении срока, означенное министерство само признает, что действует из одного лишь принципа, ибо «принцип должен быть одинаков, так как привилегированное положение одной народности перед другой в военном деле крайне нежелательно*[53]». Такая принципи-

---

*[49] Новобранцы везде призываются в ряды армии в начале зимы (в Италии новобранцы в пехоту прибывают в начале марта), когда уже нет полевых работ; при этом новобранцы к весне (времени, когда можно ожидать мобилизации) уже бывают достаточно обучены. Но в иностранных армиях все операции по набору производятся и заканчиваются гораздо раньше, чем у нас; в Австро-Венгрии к 1 мая, во Франции в июне, в Германии в июле, после чего новобранцы распускаются до осени. У нас же призыв производится только осенью, и новобранцы распускаются по домам всего лишь на несколько дней. ([См.:] «Комплектование и устройство вооруженной силы». [Изд. проф. Гулевича. 1900 г.] С. 150 [60]). (*Прим. док.*)

*[50] Представление Военного министерства 31 января 1900 г. № 6174. С. 59. (*Прим. док.*)

*[51] Там же. С. 60. (*Прим. док.*)

*[52] Там же. С. 61. (*Прим. док.*)

*[53] Там же. С. 61. (*Прим. док.*)

альная настойчивость в делах государственных, конечно, имеет весьма серьезное значение, и в данном случае могла бы быть вполне оправдана, если бы не влекла за собой весьма серьезных последствий экономического характера. Военное министерство считает «в известной мере» справедливыми указания земских чинов Финляндии на то, что удлинение срока службы будет отрывать рабочие руки от земли и повлечет за собою возрастание эмиграции.

Министерство замечает только, что, «если финны будут эмигрировать, желая тем избежать исполнения священной обязанности каждого гражданина отстаивать свое отечество в нужную минуту, то на эту эмиграцию надо смотреть как на бегство от исполнения долга перед отечеством, но не как на основание для уменьшения тягости воинской повинности путем сокращения срока службы»*[54]. Довод этот, однако, мало убедителен: как бы ни смотрело Военное министерство на эмигрантов, от взгляда его печальное значение самого факта со всеми его вредными последствиями отнюдь не изменится.

За сим едва ли есть основание к тому, чтобы увеличивать для финских войск срок состояния в запасе с 2-х до 13 лет, как желает Военное министерство, и даже с 2-х до 7 лет, как предлагает Сеймь. Удлинение срока состояния в запасе значительно увеличит численный состав финских войск в случае мобилизации, и, если Военное министерство всякое усиление этих войск признает нежелательным, то, кажется, было бы непоследовательно открывать возможность подобного усиления косвенной мерой посредством увеличения числа запасных.

К ст. 16.

На основании примечания к ст. 16 руководство для призыва чинов запаса в учебные сборы издается по соглашению министров военного и внутренних дел с Финляндским генерал-губернатором. Таким образом, от участия в составлении означенного руководства совершенно устраняется Финляндский Императорский Сенат. Между тем, подобный порядок едва ли можно признать целесообразным. Несомненно, что составление упомянутого руководства потребует ближайшего соображения с местными условиями. Хотя участие в этом деле Финляндского генерал-губернатора и может в значительной степени служить ручательством того, что при этом местные интересы и особенности не будут оставлены без внимания, тем не менее, казалось бы, нельзя отрицать, что в сем отношении особенно полезно было бы и участие Финляндского Сената, который в вопросах местного значения вообще представляется, очевидно, органом наиболее компетентным, а в вопросах, подобных настоящему, — в особенности, так как ближайшее заведование ими до настоящего времени лежало именно на названном Сенате. По этим соображениям следовало бы в рассматриваемом примечании сказать, что означенное руководство издается по соглашению министров военного и внутренних дел с Финляндским генерал-губернатором, который входит по сему предмету в предварительное сношение с Финляндским Сенатом.

По тем же соображениям подобное изменение надлежало бы, например, допустить и в примеч. к ст. 17, ст. 30, примеч. 5 к ст. 32, примеч. 4 и 5 к ст. 44, примеч. к ст. 45 и 50, примеч. 3 к ст. 59, ст. 64, 160 и проч.

К ст. 18, 24, 26 и 28.

В проект введены постановления об общих гражданских правах и обязанностях военнослужащих (о браке нижних чинов и офицеров, о праве их брать торговые свидетельства и выдавать векселя, об освобождении чинов запаса в течение первого года от податей и повинностей, об освобождении от натуральных повинностей тех финляндцев, кои из запаса будут призваны в ряды войск, о пособии нижним чинам, которые вследствие ран и увечий, полученных на службе, сделаются неспособными уже по увольнении в запас, и проч.).

Включение всех этих новых для Финляндии постановлений в проектируемый Устав основывается на одном только соображении, что соответствующие постановления име-

*[54] Там же. С. 59. (*Прим. док.*)

ются в Уставе империи и что «поэтому было бы полезно иметь те же указания и в Уставе Финляндии»*[55].

Довод этот представляется едва ли убедительным. Все изложенные постановления имеют не военный, а почти исключительно экономический характер, и для целей Военного ведомства в сущности совершенно безразлично, какими гражданскими правами будут пользоваться и какие гражданские обязанности будут нести у себя на родине чины финских войск, в особенности чины запаса. Между тем, если не все, то многие из изложенных предположений для введения их в закон требуют строгого соображения с местными условиями и тщательного согласования с местными узаконениями, существенно отличными от русских.

Ввиду сего, я полагал бы означенные постановления из проекта исключить.

К ст. 40.

Согласно ст. 29 действующего Устава о воинской повинности, в Великом княжестве Финляндском могут быть освобождены от действительной службы те из молодых людей круглых сирот, которые одни управляют доставшимся им по наследству поземельным имением.

Эту факультативную льготу, к которой население уже привыкло, я, с своей стороны, не вижу оснований устранять из будущего Устава, а потому полагал бы включить соответственное постановление в ст. 40 проекта.

К ст. 44.

Ввиду предположенного оставления без изменений действующих ныне сроков службы в войсках и состояния в запасе казалось бы соответственным сохранить и нынешние льготы по образованию, заменив ст. 44 проекта параграфом 32 действующего Устава о воинской повинности в Финляндии.

Во всяком случае, в статье этой при проектируемом 3-летнем сроке действительной службы пункты 2 и 3 подлежат исключению.

К ст. 45 и 46.

Вполне присоединяясь к мнению министра Императорского Двора о том, что «обстоятельное ознакомление с русскою речью легче всего может быть достигнуто не столько "понудительными", сколько поощрительными мерами», я полагал бы желательным исключить ст. 45 проекта, предоставляющую право на льготы лишь лицам, знающим русский язык. Кроме того, сделанные в ст. 46 проекта ссылки на п. 1 ст. 44 надлежало бы заменить ссылками на п. 3 той же статьи (по новой редакции, соответствующей параграфу 32 финляндского Устава).

К ст. 48.

В ст. 48 — при установлении, что финляндскими уроженцами будут комплектоваться только финские войска, подлежат исключению слова: «комплектуемых преимущественно финляндскими уроженцами».

К ст. 49–52.

При оставлении впредь нынешнего контингента финляндских новобранцев в 1920 человек, представлялось бы возможным изъятия от воинской повинности по званию и роду занятий сохранить те же, какие допускаются действующим финляндским Уставом, заменив ст. 49–52 проекта параграфами 34–36 действующего Устава.

К ст. 59.

По ст. 59 проекта в губернии состоят один или два призывных округа, из которых в каждом учреждается Окружное по воинской повинности присутствие под председательством Окружного воинского начальника, и на эти Присутствия возлагаются все действия по призыву новобранцев на службу. Должностей Окружных воинских начальников в настоящее время в Финляндии не имеется, и таковые лишь предполагаются к учреждению. Так как, при оставлении без изменения нынешнего контингента финляндских новобранцев в 1920 человек, учреждение должностей Окружных воинских начальников не вызывалось бы не-

*[55] Представление Военного министерства 31 января 1900 г. № 6174. С. 63. (*Прим. док.*)

обходимостью, и все действия по призыву могли бы производиться и впредь существующими в Финляндии призывными Присутствиями, то казалось бы предпочтительным изложенные в рассматриваемом проекте в ст. 58–122 постановления об учреждениях по воинской повинности, о приписке к призывным участкам, о составлении призывных списков, о перечислении из одного призывного участка в другой, о призыве и проч. – подвергнуть ближайшему согласованию с §§ 37–89 действующего Устава и с теми изменениями в редакции сих параграфов, которые проектируются Финляндскими Сеймом и Сенатом.

К ст. 66, 72, 76, 80 и 90.

Сообразно предложенным изменениям для призывного возраста и времени призыва, определенные в ст. 66, 72, 76, 80 и 90 сроки подлежат соответственному изменению.

К ст. 100 и 104.

По Уставу империи, все призываемые сперва вынимают жребий, а затем уже подвергаются медицинскому освидетельствованию, в Финляндии же это делается наоборот – сперва все свидетельствуются, а затем только пригодным к военной службе дается жребий.

Военное министерство признает, что финляндская система имеет свои известные преимущества и удобства, но, вопреки мнению Сейма, не желает сохранить ее, во-первых, потому что при финляндской системе участь призываемого в известной мере зависит от свидетельствующего, который, «как человек, может действовать под влиянием разных чувств» и, во-вторых, потому что придание одинакового значения для жребия как в России, так и в Финляндии важно в видах достижения единообразия и сохранения общей нормы для определения личной тягости воинской повинности[*56].

Оба эти соображения едва ли правильны. Под «влиянием разных чувств» врачи могут признавать негодными к службе в войсках и освобождать от воинской повинности молодых людей и после вынутия ими жребия с тем же успехом, как и до вынутия, и, если уж говорить о злоупотреблениях, то наша система делает их даже более вероятными, чем финляндская, ибо принимать меры к тому, чтобы по освидетельствовании оказаться негодным к службе скорее будут те, поступление которых уже предрешено жребием, чем те, которые будут рассчитывать на возможность вынуть счастливый, освобождающий их от службы номер.

Что же касается соображения о необходимости единообразия для определения личной тягости воинской повинности, то соображение это отпадает, если принято будет предположение мое об оставлении существующей нормы финляндских войск.

Вообще, если финляндская система имеет, как признает само Военное министерство, известные преимущества, то нет, по моему мнению, основания заменять ее менее совершенной системой, и по вопросу, не имеющему принципиального значения, делать разногласие с Сеймом только потому, что «в России держатся иного порядка».

К ст. 115.

Если финляндские новобранцы не будут назначаться в русские части войск, то из ст. 115 подлежит исключению указание мест, куда должны прибыть лица, назначенные в войска, расположенные в империи.

Прилож. к ст. 115.

В приложенной к ст. 115 форме присяги на верность службы имеется выражение: «в заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего». Так как по обряду лютеранской церкви присяга не сопровождается целованием креста и святого Евангелия, то означенное выражение, согласно замечанию Сейма, возможно было бы исключить. Против такого исключения едва ли может иметь какие-либо возражения и Военное министерство, ибо, как сообщено было в отношении военного министра от 6 марта 1899 г. за № 518[175], «основным законом империи (т. I, ст. 34) раз навсегда установлено, что каждый присягает по своей вере и закону, т. е. по обрядам той религии, к которой он принадлежит»[*57].

[*56] Там же. С. 53, 54. (*Прим. док.*)

[*57] Там же. С. 80. (*Прим. док.*)

К ст. 138.

В ст. 138 проекта, если действующий в Финляндии порядок призыва новобранцев не подвергнется изменению, выражение «Окружных присутствий» следовало бы заменить выражением «Призывных присутствий».

К ст. 144–265.

Главы XIII (ст. 144–171), XIV (ст. 172–197), XV (ст. 198–222) и XVI (ст. 223–265) касаются учета нижних чинов запаса армии, призыва на действительную службу тех же чинов, правил об офицерах и чиновниках запаса и правил об ополчении. Эти главы, в случае, если должности Окружных воинских начальников не будут учреждаемы, подлежали бы пересмотру для решения вопроса о том, на какие местные учреждения и на каких местных должностных лиц могут быть возложены те различные обязанности, которые в проекте возлагаются на Окружных воинских начальников.

К ст. 213.

В ст. 213 нет указания поверстного срока при возможности следования водою на паровых судах; следовало бы, применительно к закону империи, для этого случая определить сто километров в сутки.

К ст. 267.

По примечанию к ст. 267 проекта, в случае неявки призываемого, находящегося за границею, в Присутствие по воинской повинности для освидетельствования, Присутствие это само налагает неподлежащий никакой замене штраф в 2000 марок на семью уклонившегося, а за лиц несемейных — на общину, к которой принадлежит не явившийся. Такое постановление, не предусматриваемое действующим Уставом и могущее, без сомнения, лишь способствовать сильнейшему развитию эмиграции из края, следовало бы исключить из проекта.

Заканчивая изложение замечаний по отдельным статьям проекта, считаю долгом пояснить, что я придаю существенное значение не столько тем частным изменениям и поправкам, кои предложены в этих замечаниях и, конечно, далеко не исчерпывают всего того, что нуждается в исправлениях и изменениях, сколько той общей мысли, которая положена в их основание и должна, по моему мнению, служить руководством для исправления проекта. Вследствие сего, в заключение считаю долгом еще раз заметить, что, исходя из этой мысли, следовало бы сохранить в проекте те предложенные Военным министерством изменения, кои имеют политическое значение, дабы тем устранить выразившиеся в действующем в Финляндии Уставе притязания на независимое от империи положение княжества, во всем же остальном изменить проект в смысле возможного приближения постановлений его к тому порядку, который принят в Финляндии действующим там ныне Уставом. При осуществлении этой последней задачи, которая главным образом сведется к разграничению прав военного министра и Финляндского Сената по заведованию финскими войсками, я полагал бы наиболее правильным принять за основание положение, в силу коего военному министру должны быть предоставлены по отношению к названным войскам все командные права и управление ими в специально военном отношении, за финляндскими же Сенатами сохранены все обязанности по хозяйственной части и снабжение финских войск разными предметами довольствия. Распределение обязанностей по заведованию войсками на этом основании не может представить каких-либо неудобств так, как и в Пруссии, например, организация армии которой считается образцовою, хозяйственная часть совершенно отделена от командной, и обе они вверены независимым друг от друга учреждениям*[58].

Прошу Вас, милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

С. Витте

---

*[58] «Комплектование и устройство вооруженной силы». С. 450–454. [Изд. проф. Гулевича, 1900 г.] (*Прим. док.*)

Пометы: на первой странице сбоку карандашом: Эта записка взята м[инист]ром фин[ансов] обратно ввиду ее резкости.

ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 242. Л. 14–27. Типографский текст на листах большого формата, сшитых в тетрадь (с. 1–39). Пометы карандашом.

РГИА. Ф. 1218. Оп. 1. Д. 1. Л. 403 об. — 413 об. Типографский текст на листах большого формата (в составе рассылки документов. С. 2–12).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:XVI].
РНБ. Шифр: 135/286-291. Государственный совет. Материалы. Т. 291 [6].

№ 60. Из дневника начальника Департамента законов Государственного совета А.А. Половцева[176] о ходе обсуждения Устава о воинской повинности в Великого княжества Финляндского в Государственном совете в феврале — мае 1901 г.

18 февраля (5 марта) — 16(29) мая 1901 г.

18 [февраля]. Воскресенье. Заезжаю к Витте, который чрезвычайно занят ходом в Госуд[арственном] совете финляндского дела. Витте стал во главу оппозиции Куропаткину[177] относительно некоторых предположений по отбыванию финляндцами воинской повинности и особливо отбыванию среди русских войск. Он представил госуд[арственному] совету свое мнение, написанное в сильных выражениях[178]. По совету Палена[179] он представил Государю это свое мнение. Когда вслед за тем он явился для всеподданнейшего доклада, то произошел приблизительно такой разговор:

Г[осударь]. Я читал вашу записку; она очень интересна, но зачем вы не представили мне ее прежде?

Витте. Ваше величество неоднократно меня упрекали в том, что я говорю вам о делах, меня не касающихся. Я и не счел возможным представлять вам эту записку, а по лежавшей на мне обязанности внес свое мнение в Госуд[арственный] совет.

Г[осударь]. Но это дело так важно. К тому же в вашей записке помещено многое, что может возбудить излишние в совете прения.

В[итте]. Если вам угодно, то я могу изменить редакцию своего мнения, исключив все то, что вы желаете. Что же касается прений в совете, то позвольте, Государь, вас уверить, что чем искреннее и смелее будут высказаны мнения членами совета, тем это[а] будет лучше. Финляндцы увидят, что вы передали вопрос на рассмотрение учреждения, серьезно рассматривающего передаваемые ему вопросы, а не безмолвных кукол. При разногласии всегда будет от вашего величества зависеть — принять то или другое.

Впечатление Витте было такое, что Государь колеблется, и если в Госуд[арственном] совете состоится большинство голосов, противное предложениям Куропаткина, то весьма возможно, что Государь согласится с большинством. К этому надо присовокупить, что императрица Мария Федоровна под влиянием, с одной стороны, Копенгагена, а с другой — председателя Российского общества Красного Креста Кремера[180] — финляндского уроженца страстно отстаивает Финляндию от натиска русской бюрократии, в чем Витте убедился из продолжительного с ней разговора. [...]

15 [мая]. Вторник. В о[бщем] собрании Гос[ударственного] совета слушается дело о воинской повинности в Финляндии. Ни прений, ни речей нет ввиду многоглаголия, сопровождавшего заседания Соединенных департаментов. По каждому вопросу собираются лишь голоса, причем мнения более снисходительные в отношении финляндцев получают значи-

[а] *Далее в рукописи зачеркнуто*: выгоднее.

тельное большинство голосов. В итоге побежденным остается Куропаткин и победителем почитается Витте, усердно ему противоречивший.

16 [мая]. Среда. Еду в Петергоф благодарить Государя за полученный от него рескрипт. Прием происходит на ферме. Представляющихся весьма значительное число. Меня принимает в кабинете стоя. При входе застаю его посреди комнаты. Подойдя, говорю ему следующее:

Я пришел благодарить в[аше] в[еличество] за те милостивые слова, коими вам угодно было меня удостоить и коих я поистине не заслуживаю.

Г[осударь] (внимательно выслушал то, что я говорю, ничего не ответил). — А какие у вас вчера в совете большинства по финляндскому делу?

Я (не имея возможности говорить серьезно вследствие огромной ожидавшей моего выхода толпы). — Действительно, большинство вчетверо многочисленнее меньшинства, но самые цифры не имеют значения, так как они составляют лишь последствие многочисленных в последнее время назначений в члены совета.

Молчание. [...]

РГИА. Ф. 583. Оп. 1. Д. 54. Л. 1 об. — 2, 88. Рукопись черными чернилами в книге для записей.

Опубл.: Красный архив. 1923. № 3. С. 76–77, 92–93.

№ 61. Из Журнала высочайше учрежденного Особого совещания по делу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском

7–14 (20–27) марта 1901 г.

Журнал высочайше учрежденного Особого совещания по делу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском.

Заседания 7, 10 и 14 марта 1901 года.

Присутствовали:

Председатель П.С. Ванновский.

Члены: Х.Х. Роop[181], П.П. Семенов[182], Н.Н. Герард[183], Н.И. Бобриков, А.А. Сабуров 1-й[184], В.К. Плеве, П.Л. Лобко, А.Н. Куропаткин, И.Я. Голубев[185], П.К. Гудим-Левкович[186], Д.Ф. Кобеко[187], П.М. Романов[188], А.С. Стишинский[189], О.И. Бергбом, М.О. фон-Блом[190].

Высочайше учрежденное Особое совещание, приступая к исполнению предстоящей ему задачи, приняло во внимание, что Высочайшею волею на него возложено подробное рассмотрение предположений и заключения военного министра по Делу о введении в Великом княжестве Финляндском нового Устава о воинской повинности, с тем, чтобы проект нового по сему предмету закона был представлен на Утверждение Его Императорскаго Величества по рассмотрении его в Соединенном присутствии и в Общем собрании Государственного совета. Посему задача Совещания сводится к изменению проекта военного министра согласно последовавшим уже заключениям Соединенных департаментов законов, гражданских и духовных дел, государственной экономии и промышленности, наук и торговли по главнейшим в сем деле вопросам, а равно введение в этот проект тех частичных исправлений, необходимость коих выяснится при подробном его рассмотрении в Совещании.

[...] 66) Окончив рассмотрение проектированного Устава, Особое совещание заметило, что в него не вошли не имеющие соответствующих правил в русском Уставе §§ 119, 120, 121 и 122 действующего финляндского Устава. По некоторым из предметов, коих касаются означенные параграфы, Соединенные департаменты Государственного совета уже высказали свои суждения. Так, по вопросам об установлении численности контингента новобранцев в Великом княжестве Финляндском и о выводе финских частей войск за пределы Великого княжества (§ 121), соединенное присутствие полагало ввести в заключение по настоящему делу особые постановления. Равным образом, такие постановления оно признало нужным издать и по вопросам о возложении высшего заведывания финскими войсковыми частями на военного министра и главного начальствования оными на командующего войсками Фин-

ляндского военного округа (§ 119). Но так как эти вопросы связаны с вопросом о заведовании хозяйственной частью в войсках и о правах по этой части военного министра и Императорского Финляндского Сената, каковой вопрос остался нерешенным, то Особое совещание с своей стороны нашло, что и установление редакции постановлений, имеющих заменить §§ 119 и 121 финляндского Устава, в коих между прочим упоминается о хозяйственном управлении, должно зависеть от Соединенных департаментов. Засим, по мнению Совещания, полезно было бы дополнить заключение постановлением, соответствующим § 122, а именно, что определение снаряжения и содержания частей войск, пополняемых преимущественно финляндскими уроженцами, зависит от Высочайшего усмотрения, и что расходы по сему предмету производятся из финляндской казны.

2) По заключению военного министра в представлении за № 6174*[1].

67) Обращаясь далее к обсуждению заключения военного министра в представлении за № 6174 и останавливаясь на отделе I оного, Особое совещание заметило, что по смыслу сего отдела новый Устав должен быть введен в действие не только взамен Устава 6(18) декабря 1878 г., но и последовавшего одновременно с его изданием Высочайшего Манифеста, коим §§ 1–6, 9, 13, 19, 20 и 120–123 названного Устава повелено считать основными законами.

Относительно второго из сих предположений мнения членов Совещания разделились.

Три члена (статс-секретарь Сабуров 1-й и сенаторы Бергбом и фон-Блом) заявили, что некоторые из числа статей, объявленных Манифестом 6(18) декабря 1878 г. основными законами, вошли в проект нового Устава в измененной редакции. Статьи эти необходимо вновь признать основными законами, объявив о том установленным порядке. Такая мера, нисколько не противореча Основным положениям 3 февраля 1899 г. о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, вполне оправдывалась бы необходимостью соблюдения существующих для издания местных узаконений правил, оставленных в силе и по издании упомянутых Основных положений. В Финляндии, как известно, существуют два порядка издания законов: при участии Императорского Финляндского Сената и при участии Сейма. Основные законы края, по смыслу § 71 Сеймового Устава, могут быть издаваемы, изменяемы или отменяемы не иначе, как по предложению Государя Императора и с согласия всех сословий. Законоположения 3 февраля 1899 г. указали иной порядок для издания таких законов, которые хотя и имеют характер основных, но касаются интересов общегосударственных. В этом порядке, согласно Высочайшему о сем повелению, и пересматривается ныне Устав о воинской повинности в Финляндии. Таким образом, если при издании нового Устава не будет сделано оговорки о том, какие статьи сего Устава следует считать основными, то ни одна из его статей не может быть изменена без испрошения особого Высочайшего повеления на направление дела по закону 3 февраля 1899 г., сообщения сего дела на заключение Сейма и внесения его в Государственный совет. Едва ли такое положение может быть признано желательным. Общий пересмотр Устава в видах объединения финских частей войск с русскою армиею составляет вопрос общегосударственный. Но, раз новый Устав будет применен в Финляндии, могущие потребоваться частичные изменения в сем Уставе будут составлять вопросы, относящиеся исключительно до местных нужд. Объявление некоторых главнейших статей Устава основными законами имело бы именно тот смысл, что только эти последние статьи подлежали бы пересмотру не иначе, как в порядке, указанном в ст. 5 Основных положений 3 февраля 1899 г. Затем все остальные статьи могли бы быть изменяемы в порядке административного законодательства без участия Сейма. Подобный порядок представлял бы значительные удобства и дал бы возможность избегнуть многих затруднений.

---

*[1] Заключение военного министра в представлении за № 6175 об уравнении военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи не подлежит рассмотрению ввиду суждений по сему предмету Соединенных департаментов. (*Прим. док.*)

На основании изложенного 3 члена полагали: постановления проекта нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском, соответствующие статьям действующего Устава из числа признанных Высочайшим Манифестом 6(18) декабря 1878 г. основными законами, признать вновь основными законами.

При этом один член (сенатор Бергбом) полагал оставить упомянутые постановления в том виде, в каком они приняты земскими чинами Финляндии.

А остальные члены рассуждали, что до издания Манифеста и Основных положений 3 февраля 1899 г. порядок разрешения законодательных вопросов, касавшихся общегосударственных потребностей, не был определен точными правилами. Вследствие сего при издании законов, относившихся к Великому княжеству Финляндскому, иногда возникали сомнения, подлежит ли такой закон утверждению в порядке, установленном для империи, или в порядке местного законодательства. Законоположение 3 февраля 1899 г. вполне устраняет подобные сомнения. В настоящее время правила об издании местных узаконений применимы исключительно к вопросам о нуждах Великого княжества Финляндского. Только такие узаконения могут быть признаваемы основными законами, если это будет оправдываться их значением, и лишь для них одних и оставлен в силе § 71 Сеймового Устава. Для узаконений, издаваемых по общегосударственным вопросам, употребление термина Основных законов в том смысле, какой им придает Сеймовый Устав, было бы совершенно неправильно, так как об этом термине вовсе не упоминается в Основных положениях 3 февраля 1899 г. По силе сих положений законопроекты, составляемые для империи со включением Великого княжества Финляндского, вносятся в Государственный совет либо с заключением Императорского Финляндского Сената (ст. 4), либо с заключением Сейма, когда в порядке внутреннего управления Великого княжества они поступают на уважение земских чинов (ст. 5). Этот последний порядок применен Высочайшею волею к законопроекту о воинской повинности, так как означенная повинность составляет несомненно общегосударственную потребность. Дробить Устав о сей повинности на части и признавать, что некоторые из них менее важны, чем другие или имеют лишь местное значение, представляется решительно невозможным. Если упомянутый Устав удостоится Высочайшего утверждения, то впредь всякие в том изменения, хотя бы частичные, должны подчиняться тому же порядку, который был соблюден при его издании. Применять к некоторым его статьям местный порядок законодательства, — Сеймовой или административный, — значило бы возвратиться вновь к тому положению, которое существовало до издания закона 3 февраля 1899 г. и вызывало затруднения.

Ввиду сего большинство членов Совещания полагало одобрить постановление отдела I обсуждаемого заключения в том виде, в коем оно проектировано военным министром.

68) В статье 1 отдела II предположено ввести новый Устав в действие с 1 января 1902 года (19 декабря 1901 г.).

За минованием указанного срока и признавая нежелательным отлагать применение сказанного Устава на время более продолжительное, нежели то нужно для подготовительных к новому порядку распоряжений, Особое совещание нашло целесообразным ввести сей Устав в действие не позднее 1 января 1903 года (19 декабря 1902 г.).

69) В пунктах 3–6 отдела II определяется положение тех лиц, коих издание нового Устава застанет на службе жребиевыми, вольноопределяющимися и охотниками или же в запасе и ополчении.

В этом отношении Соединенными департаментами уже признано возможным не удлинять срока действительной службы для лиц, которые в момент введения в действие обсуждаемого закона окажутся в рядах войск.

С своей стороны Особое совещание считает возможным предоставить вообще всем выше упомянутым лицам отбыть воинскую повинность по правилам Устава 6(18) декабря 1878 г. за одним лишь изъятием, а именно: так как существующий в качестве самостоятельной части войск запас упраздняется, то все запасные нижние чины, не прошедшие через ряды войск, должны быть перечислены в ополчение первого разряда на соответственные сроки.

70) За последовавшими заключениями Соединенных департаментов относительно призывного возраста, времени призыва, требования знания русского языка от жребиевых 1-го разряда и вольноопределяющихся и постепенного, в течение 10 лет, уравнения личной тягости воинской повинности в империи и в Великом княжестве пункты 7 и 8 отд. II и отд. III заключения военного министра подлежат устранению.

Руководствуясь изложенным, Особое совещание положило: исправленные на основании вышеприведенных замечаний проекты Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и заключения по настоящему делу представить на уважение Соединенных департаментов Государственного совета.

Петр Ванновский, Х. Роop, П. Семенов, Н. Герард, Н. Бобриков, А. Сабуров, В. Плеве, П. Лобко, А. Куропаткин, Иван Голубев, Дмитрий Кобеко, П. Романов, А. Стишинский, Оссиан Бергбом, М. фон-Блом.
статс-секретарь (нрзб)

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34. Л. 949–949 об., 969–972. Типографский текст на полулистах. Подписи — автографы чернилами поверх вписанных карандашом.

РНБ. Шифр: 135/286-291. Государственный совет. Материалы. Т. 291 [7].

№ 62. Заключение Особого совещания по делу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском

8(21) мая 1901 г.
Проект, исправленный по заключениям
Особого совещания

Заключение по делу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском

I. (*Согласно мнению 3 членов Особого совещания*). Проект Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском представить на Высочайшее Его Императорского Величества утверждение вместе с списком статей, которые должны быть признаны основными законами Великого княжества.

I. (*Согласно мнению 12 членов*). Проект Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском представить на Высочайшее Его Императорского Величества утверждение.

II. Означенный Устав (отд. I) ввести в действие в Великом княжестве Финляндском не позднее 1 января 1903 г. (19 декабря 1902 г.) взамен Высочайше утвержденного 6(18) декабря 1878 г. Устава о воинской повинности со всеми к оному дополнениями и изменениями, а равно Высочайшего Манифеста 6(18) декабря 1878 г. о том, какие параграфы действующего Устава должно считать основными законами.

III. В указанный в отделе II срок ввести в действие в Великом княжестве Финляндском следующие постановления:

1) (*Согласно мнению 14 членов Соединенных департаментов*). Число новобранцев из финляндских уроженцев, определяемое ежегодно установленным порядком, не должно превышать 4000 человек, а в первые два года по введении в действие настоящего узаконения — 2000 человек.

1) (*Согласно мнению 23 членов*). Число новобранцев из финляндских уроженцев, определяемое ежегодно установленным порядком, не должно превышать в течение пяти лет по введении в действие настоящего узаконения 2000 человек, а по прошествии указанного срока может быть увеличиваемо, но не свыше 4000 человек.

(*Согласно мнению 4 членов, правило это подлежит исключению*).

2) (*Согласно мнению 17 членов Соединенных департаментов*). Части войск, пополняемые преимущественно финляндскими уроженцами, могут быть как в мирное, так и в военное

время употребляемы на службу, по Высочайшему благоусмотрению, в пределах России и за границею.

2) (*Согласно мнению 22 членов*). Части войск, пополняемые преимущественно финляндскими уроженцами, имеют постоянное местопребывание в Финляндии; временный вывод их из пределов Великого княжества допускается в военное время, а также, с особого Высочайшего соизволения, и в мирное время по надобностям службы.

3) Свободное владение русскою речью и русскою грамотою является непременным условием при производстве в офицеры и в унтер-офицеры.

4) Жители села Райвола Выборгской губернии, не принадлежащие к туземному населению Финляндии, подчиняются действию общего Устава о воинской повинности (Свод. зак., т. IV, изд. 1897 г.), но им предоставляется право отбывать воинскую повинность на основании Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском (отд. I).

IV. До образования окружных по воинской повинности присутствий все обязанности их по новому Уставу о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском (отд. I) возложить на призывные присутствия.

V. Предоставить всем лицам, коих издание нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском (отд. I) застанет в рядах войск, в запасе или в ополчении, отбыть воинскую повинность на основании правил Устава 6(18) декабря 1878 года, но с тем при том, чтобы чины запаса, не прошедшие через ряды войск, были на соответствующий срок зачислены в ополчение первого разряда.

VI. Предоставить министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского и Финляндскому генерал-губернатору совместно с Императорским Финляндским Сенатом принять зависящие меры к скорейшему пересмотру учебных планов в учебных заведениях Великого княжества Финляндского с тем, чтобы русскому языку было отведено в них надлежащее место.

VII. Предоставить министру внутренних дел войти в обсуждение вопроса о применении постановлений о ненаказуемости преступлений и проступков за давностью к лицам, уклонившимся от воинской повинности, и соображения свои по означенному предмету, по сношении с кем следует, внести на уважение Государственного совета установленным порядком.

VIII. Предоставить управляющему Морским министерством войти в обсуждение вопроса о распространении на Великое княжество Финляндское действия постановлений общего Устава о воинской повинности (Свод. зак., т. IV, изд. 1897 г.) относительно отбывания означенной повинности во флоте и предположения свои по сему предмету, по сношении с кем следует, представить на утверждение установленным порядком.

Петр Ванновский, Х. Роон, П. Семенов, Н. Герард, Н. Бобриков, А. Сабуров, В. Плеве,
П. Лобко, А. Куропаткин, Иван Голубев, Дмитрий Кобеко, П. Романов,
А. Стишинский, Оскар Бергбом, М. фон-Блом.
статс-секретарь (нрзб)

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34. Л. 973–974. Типографский текст на полулистах. Подписи — автографы чернилами поверх вписанных карандашом.

РНБ. Шифр: 135/286-291. Государственный совет. Материалы. Т. 291 [7].

№ 63. Письмо министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве бывшему сенатору профессору Ю. Юрьё-Коскинену

8(21) мая 1901 г.

Господин сенатор

Я с большим удовольствием констатировал по Вашему письму тот факт, что в общественном мнении Финляндии появилось движение оппозиции возмущению против империи, систематически поддерживаемому шведской партией. Истинные друзья финского народа сожалеют о поддержке, которую антиправительственные происки этой партии нашли у членов национальной партии, и мне хочется верить, что если чувства доверия и лояльности в Финляндии и ослабели, то не благодаря махинациям партии шведоманов. На самом деле, я не могу признать это ослабление результатом действий Имперского правительства, ибо эти действия никак не посягают на административную автономию вашего края. Если законодательный режим Великого княжества подвергся кое-каким изменениям, не забывайте, что они направлены лишь на издание законов, которые касаются не только Финляндии, но империи в целом.

Вы говорите, чтобы помочь финскому народу вернуть чувства доверия и лояльности, необходимо прекратить «раздражающие меры, которые дают простор возмущениям недоброжелателей». Не собираясь выяснять, насколько эпитет «раздражающие» соответствует истинной природе официальных актов, хочу заметить, что всецело от правящего класса Великого княжества зависит создание такого положения вещей, которое побудит правительство отказаться от любых методов, могущих, с точки зрения финнов, быть квалифицированными как раздражающие. Так, например, Императорский манифест от 7/20 июня 1900 г. требует, чтобы служащие некоторых финляндских учреждений знали русский язык. Выказываемое этим персоналом нежелание подчиниться таковой необходимости может, разумеется, иметь следствием призвание на государственные должности в Великом княжестве русских служащих. Отсутствие дисциплины у должностных лиц края, а также фрондерский дух, которым они открыто щеголяют, вне всякого сомнения, могут дать тот же результат. Финляндскому персоналу достаточно было бы исполнять свои обязанности, чтобы применение этой меры стало излишним.

Что же до новой военной организации Финляндии, льщу себя надеждой, что в конце концов она будет устроена благоприятным для подлинных интересов финского народа образом. Между тем касательно призыва финляндских новобранцев в русские полки я думаю, признавая определенные неудобства такой возможности для финского населения, что эта мера могла быть продиктована настоятельными государственными соображениями. Дай Бог, чтобы Е.В. Император нашел средство примирить эти соображения с чаяниями, питаемыми финским народом.

Прежде чем закончить письмо, хочу особо заверить Вас, господин сенатор, как одного из наиболее почтенных членов финоманской партии, что имперское правительство не имеет ни мотива, ни желания чинить преграды национальному развитию вашего края. Правительство преследует единственную цель: защищать интересы империи, которые должны быть равно дороги всем подданным Его Величества без различия национальности.

Примите заверения в моем глубочайшем уважении.

В. Плеве

С.-Петербург
8/21 мая 1901 г.

НАФ. Фонд личного происхождения сенатора Ю.С. Юрье-Коскинена, папка 19. Рукопись на французском языке на почтовой бумаге верже в полулист, сшитых в тетрадь, со следами сгиба вчетверо.

№ 64. Журнал Общего собрания Государственного совета об Уставе о воинской повинности[191]

15(28) мая 1901 г.

Государственный совет в Общем собрании
15 мая 1901 года

Слушал журнал Соединенных департаментов законов, гражданских и духовных дел, государственной экономии и промышленности, наук и торговли о введении нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об уравнении военно-финансовой тягости воинской повинности Великого княжества с таковою же в империи.

Государственный совет, в Общем собрании, приступив к рассмотрению сего важного по своему государственному значению дела, остановился прежде всего на нижеследующих вопросах, вызвавших в Соединенном присутствии разномыслие.

Вопрос 1. Об установлении в законе численности контингента новобранцев в Великом княжестве Финляндском

Каханов[192], *Герард, граф Игнатьев 2*[193], *барон Икскуль*[194], *Лобко*

Пять членов приняли во внимание, что ни в одном из европейских государств контингент новобранцев не определяется постоянным законом. Это и вполне понятно. Ежегодный контингент людей, призываемых на службу, должен восполнить собою происшедшую в течение года убыль в войсках, которая не может быть точно предусмотрена заранее. Кроме увольнения от службы лиц, отбывших полные сроки службы, убыль эта зависит от многих других совершенно случайных причин, как напр., от болезненности и смертности в войсках, от частичных изменений в их штатном составе и т. п. Ввиду сего, всюду контингент новобранцев определяется ежегодно или чрез краткие периоды особым законодательным актом. Такой порядок установлен ныне и у нас, как по общеимперскому, так и по действующему финляндскому Уставам о воинской повинности.

Правда, в некоторых иностранных государствах норма контингента новобранцев косвенно ограничивается законом, устанавливающим численный состав армии в мирное время. Наш общеимперский Устав о воинской повинности не содержит в себе подобного определения; в финляндском же Уставе имеется § 121, которому было придано значение основного закона и который гласит, что в мирное время Великое княжество поставляет до 5600 человек нижних чинов действующего войска, распределенных по разным родам оружия, смотря по надобности, и расположенных в губерниях края. Это правило ныне имеется в виду отменить. Конечно, с такою отменою и с исключением из проекта Военного министерства постановления об уравнении личной тягости воинской повинности (отд. III закл. в предст. за № 6174) в Уставе о воинской повинности не будет никакого указания на цифру новобранцев. Но, по мнению 5 членов, обстоятельство это едва ли может иметь значение повода к возбуждению тревоги среди массы населения Великого княжества. Если под влиянием распространяемых ложных слухов среди сего населения и возникнут какие-либо опасения, то им не следует придавать преувеличенное значение. Опасения эти исчезнут, коль скоро население на деле убедится, что контингент новобранцев в действительности не возрастает чрезмерно. Означенный контингент будет определяться ежегодно законодательным порядком, причем, несомненно, будут приниматься в должное внимание местные условия и особенности. Как объяснили в присутствии Соединенных департаментов военный министр и Финляндский генерал-губернатор, увеличение состава финских войск не предполагается вовсе. Равным образом, по крайней мере на первое время, нет, по их мнению, необходимости брать в Финляндии более 2000 человек в год, даже в случае допущения назначения финляндских новобранцев на службу в русские части войск. Политические и военные условия могут, однако, неожиданно измениться и вызвать потребность, даже в мирное время, в уси-

лении нашей боевой готовности и увеличении с этою целью числа призываемых на военную службу. Оценка этих обстоятельств может принадлежать одному Верховному Вождю Российской армии. Посему предрешать настоящий вопрос в смысле каких-либо ограничений не представляется оснований.

Вследствие сего 5 членов полагают: не включать в издаваемое узаконение никакого постановления, ограничивающего численность контингента новобранцев в Великом княжестве Финляндском.

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Михаил Николаевич, Его Императорское Высочество Государь Великий князь Владимир Александрович[195], *Его Императорское Высочество Государь Великий князь Алексей Александрович*[196], *Его Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский*[197], *Набоков*[198], *Сольский, Гонецкий*[199], *граф Игнатьев 1*[200], *граф Пален, Победоносцев, Саломон*[201], *Ванновский, Фриш, Половцов, Роop, Маркус*[202], *Мансуров 2*[203], *Рихтер*[204], *Обручев*[205], *князь Волконский*[206], *Дурново, граф Бобринский*[207], *граф Воронцов-Дашков*[208], *Чихачов*[209], *Вешняков*[210], *Горемыкин 1*[211]

А шестьдесят восемь членов рассуждали, что в действующем в Великом княжестве Финляндском Уставе о воинской повинности § 121 определяет численный состав войск, а, следовательно, ограничивает и цифру новобранцев, призываемых для их комплектования. Действительно, эту последнюю цифру нельзя установить раз навсегда, так как она может изменяться и даже колеблется из году в год.

Но это не значит, что приведенное постановление должно быть отменено без замены его указанием хотя бы высшей нормы контингента новобранцев в ближайшие годы. Такое умолчание было бы крайне неудобно. Прежде всего нельзя не заметить, что оно послужило бы поводом к распространению среди простого народа ложных слухов и напрасной тревоги. Неизвестность относительно действительных намерений правительства дала бы возможность политическим агитаторам утверждать, что воинская повинность будет усилена до крайних пределов. Едва ли желательно при нынешних обстоятельствах давать пищу подобным слухам. С другой стороны, численность контингента новобранцев является одним из важных вопросов в деле отбывания означенной повинности. Цифра эта служит мерилом той тягости, которая падает на население.

Вследствие сего во всех государствах означенная цифра прямо или косвенно определяется в законодательном порядке. Ввиду этого, по мнению 68 членов, одновременно с разрешением настоящего дела надлежит определить и высшую норму контингента новобранцев на первые годы действия издаваемого узаконения, причем, дабы не отступать от системы, принятой в общеимперском Уставе о воинской повинности, постановление по этому предмету не следует вводить в проектируемый Устав, а поместить в мнении Государственного совета.

Махотин[212], *Розинг*[213], *Семенов, граф Протасов-Бахметев*[214], *Галкин-Враской*[215], *барон Мегден*[216], *Марков*[217], *Горемыкин 2*[218], *Ермолов*[219], *Кремер, Бобриков, Тернер*[220], *Шамшин*[221], *Сабуров 1, Плеве, Витте, князь Хилков*[222], *Шебеко*[223], *Иващенков*[224], *Петров 1*[225], *Арсеньев*[226], *Куропаткин, барон Фредерикс, Сабуров 2*[227], *Голубев, Муравьев, Тыртов*[228], *Гудим-Левкович, Шишкин*[229], *Петров 2*[230], *Гончаров*[231], *граф Шереметев*[232], *Сипягин, Кобеко, фон-Дервиз*[233], *Шидловский*[234], *Череванский*[235], *Верховский*[236], *Бутовский*[237], *князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий*[238], *Бергбом, фон-Блом*

Что же касается засим самого размера означенной нормы, то 68 членов приняли на вид, что, хотя по этому предмету в Соединенных департаментах и последовало разномыслие, но оно не имеет принципиального значения. Оно сводится лишь к тому, в течение какого срока, — 2-летнего или 3-летнего, — должно быть сохранено существующее число новобранцев. Между тем меньшинство членов Соединенного присутствия, высказавшееся за 2-летний

срок, допускает возможность того, что и по прошествии означенного срока не придется брать сразу контингент в 4000 человек, если ближайшее выяснение современных обстоятельств укажет на необходимость продлить еще на некоторое время предоставляемое финскому населению облегчение. С другой стороны, мнение большинства членов не расходится с предположениями самого Военного министерства, которое в своих объяснениях к проекту Устава полагало довести контингент до 4000 человек лишь на шестой год по введении Устава в действие. Ввиду сего, признавая возможным присоединиться по настоящему вопросу к мнению большинства членов Соединенных департаментов, 68 членов полагают:

Постановить, что число новобранцев из финляндских уроженцев, определяемое ежегодно установленным порядком, не должно превышать в течение пяти лет по введении в действие издаваемого узаконения 2000 человек, а по прошествии указанного срока может быть увеличиваемого, но не свыше 4000 человек.

Вопрос 2. О назначении финляндских новобранцев на службу в русские части войск

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Владимир Александрович, Его Императорское Высочество Государь великий князь Алексей Александрович, Набоков, Сольский, граф Пален, Саломон, Фриш, Половцов, Роop, Маркус, Мансуров 2, Рихтер, князь Волконский, граф Бобринский, граф Воронцов-Дашков, Чихачов, Вешняков, Горемыкин 1, Махотин, Розинг, Семенов, граф Протасов-Бахметев, Марков, Герард, Горемыкин 2, Ермолов, Кремер, Тернер, Шамшин, Сабуров 1, Витте, князь Хилков, Иващенков, Петров 1, Арсеньев, барон Фредерикс, Сабуров 2, Гудим-Левкович, Шишкин, Петров 2, Гончаров, граф Шереметев, Кобеко, Бутовский, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий, Бергбом, фон-Блом

Сорок семь членов приняли во внимание, что обсуждаемый вопрос имеет в настоящем деле первостепенную важность. От его разрешения в том или другом смысле зависит весь характер предстоящей реформы. Главная цель ее заключается в объединении финских войсковых частей с русскою армиею и в устранении из финляндского Устава о воинской повинности всех тех постановлений, которые, имея политическую тенденцию, создают обособленность финских войск. К достижению этой цели и следует стремиться твердо и решительно. Что же касается других правил о воинской повинности, не имеющих отношения к указанной задаче, то при пересмотре оных необходимо сообразоваться с местными условиями и укладом финляндской жизни, дабы коренною ломкою сразу всего порядка, с которым свыклось местное население, не нанести последнему чувствительного ущерба.

Право отбывать воинскую повинность на своей родине и среди своих соплеменников всего дороже этому населению.

По мысли же Военного министерства, к которой присоединилось меньшинство членов Соединенных департаментов, означенное право должно быть отменено, и часть контингента финляндских новобранцев может быть назначаема на комплектование русских войсковых частей. Правило по сему предмету предполагается ввести в закон, подлежащий обнародованию во всеобщее сведение. Таким образом в Финляндии будет объявлено, что по новому Уставу каждый новобранец из финляндских уроженцев может быть призван на службу безразлично в финские или русские части войск.

Обнародование такого правила произведет самое тягостное впечатление. Принятие этой меры было бы крайне нежелательно, тем более что издаваемый Устав о воинской повинности является первым законодательным актом, издаваемым в порядке, предписанном законом 3 февраля 1899 г.

Означенный закон вызвал большое смущение среди финского населения. Оно думало видеть в этом законе колебание всего правового строя родного края и отмену освященного историею и волею пяти Российских Монархов особого законодательного порядка, в котором издаются и отменяются действующие в крае узаконения. Между тем закон 3 февраля

1899 г., по мысли Государя Императора, не был направлен против существующего в Великом княжестве особого внутреннего устройства, а был вызван необходимостью предусмотреть те случаи, когда предстоит издать для Великого княжества закон, имеющий значение и для империи.

В этих случаях, с одной стороны, представлялось недостаточным обсуждение законопроекта лишь учреждениями империи, а с другой — немыслимо было предоставить финляндским земским чинам решающий голос в вопросах, касающихся интересов империи. Необходимо было установить такой порядок, который представлял бы гарантию в том, что вопросы сего рода будут достаточно полно освещаемы пред Государем Императором с точки зрения как общеимперских, так и местных финляндских интересов. Чтобы дать эту гарантию, Государь Император повелел, чтобы всякий относящийся к подобному вопросу законопроект сообщался предварительно на заключение подлежащих финляндских учреждений, а затем вносился в Государственный совет для рассмотрения при участии представителей Императорского Финляндского Сената и высшей финляндской администрации.

При этом в манифесте, при коем издан закон 3 февраля 1899 г., и в самом этом законе положены известные пределы его применения, заключающиеся в том: 1) что Сам Государь Император указывает вопросы, которые подлежат этому особому порядку законодательства, и 2) что существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд Великого княжества Финляндского относящихся, должны оставаться в силе.

Это бережное отношение к местным пользам Финляндии ясно указывает на волю Государя Императора, чтобы интересы ее не были забыты при рассмотрении общих для империи и Великого княжества законов.

Финляндия есть неразрывная часть Российской империи и благо финляндцев так же дорого сердцу Монарха, как и благо всех Его подданных, а потому Государь Император, вверяя Государственному совету обсуждение общих законов, ожидает от него такого же внимательного отношения к нуждам Финляндии, как и к нуждам России. Русская Самодержавная Власть всегда неуклонно и неизменно выполняла «священный долг, пещись о благе всех народностей, Российской Державе подвластных». «С благоволением, заботами и доверием относилась она и к финскому народу, неизменно охраняя дарованные ему Российскими Монархами права и преимущества», и под сенью Державы Российской сильная ее защитой Финляндия в течение почти целого столетия неуклонно шла по пути преуспеяния, а в сердцах финского народа жило сознание преданности Императору и России. Надо, чтобы и впредь народ этот понимал и ценил эту заботливость своего Государя, чтобы «правильное понимание собственных выгод побуждало финнов стремиться к вящему скреплению уз, связывающих Финляндию с Россией».

Посему, если бы, при рассмотрении какого-либо законопроекта, возник вопрос об упразднении существующего особого правового уклада финляндской жизни, отмена его могла бы быть допущена лишь в том случае, когда будет совершенно ясно, что такая отмена необходима для общих государственных интересов.

Между тем едва ли можно признать, чтобы в данном случае в отношении права финляндцев отбывать в мирное время воинскую повинность в пределах родного края и в среде своих соплеменников, существовала подобная необходимость с точки зрения военной организации, которая только и подлежит в настоящее время обсуждению.

Для объединения армии присутствие в русских частях войск нескольких тысяч финляндцев, очевидно, не имеет значения. На состав и дух финских частей эти новобранцы не будут иметь никакого влияния, так как после действительной службы они будут возвращены к частной жизни, и из запаса, по мысли военного министра, будут комплектовать не финские части войск, а вообще русские части, расположенные вне края. Иное дело служба русских уроженцев в финских частях войск, назначение в эти части русских офицеров, требование знания русского языка от офицеров и унтер-офицеров из финляндских уроженцев и, наконец, вывод финских частей из края для обучения в лагерях и на маневрах совместно с русскими войсками. Все эти меры могут действительно послужить к объединению армии,

и если они будут осуществлены, то для указанной цели будет сделано весьма многое и наиболее существенное.

Значение этих мер можно еще усилить путем соответствующих распоряжений при их применении. Для сближения финских частей с русскими можно пользоваться уже практикуемою системою смешивания частей во время учебных упражнений, составляя батальоны из разных рот и роты из разных взводов тех и других частей. Затем, для той же цели может служить и распространение среди нижних чинов из финляндцев знания русского языка. В русских частях ежедневно посвящается один час занятию грамотою, а в Великом княжестве Финляндском, где количество грамотных достигает 97 %, этот час можно употреблять на практическое ознакомление с русским языком. В отношении подготовки офицеров можно принять меры по Финляндскому кадетскому корпусу. Такими приемами можно всего скорее достигнуть сближения, поддерживать взаимные симпатии и избегнуть крутых изменений, сопровождаемых тяжелыми последствиями.

По военный министр указывает на другую цель, которую он хочет достичь. Он полагает, что, служа в русских войсках, финляндские новобранцы ближе узнают и оценят Россию и русских, потеряют свою финскую обособленность и недоверие к России и, вернувшись на родину, будут там в качестве носителей русской идеи способствовать сближению обоих народов.

Как ни привлекательна эта мысль, надежда на осуществление ее, по убеждению 47 членов, совершенно призрачна.

В три года службы финляндский новобранец не сделается русским. В незнакомой ему среде все будет казаться ему чуждым и враждебным, он будет постоянно выводить из терпения и начальство, и товарищей, которых он не понимает, подвергаться взысканиям и насмешкам, и эти три года будут для него связаны с воспоминаниями не о радостной и веселой жизни, а о жизни полной горя и мучений. При этих условиях, вернувшись на родину, он останется тем же финляндцем, но финляндцем озлобленным, и из его рассказов соотечественники его получат о России совсем не то представление, которое ожидает военный министр.

Служба в русских частях не будет выдерживать сравнения с службой в финских частях и в материальном отношении. В последних и жалованье больше, и довольствие лучше. Финские части кроме того размещены в хорошо устроенных казармах. Едва ли было бы целесообразно устранить это преимущество финских частей путем ухудшения их содержания. Доведение же до одинакового уровня содержания русских частей, хотя бы только в тех округах, в которые предполагается направлять финляндских новобранцев, потребовало бы таких финансовых затрат, которые едва ли посильны Государственному казначейству.

Указывают еще на возможность оказания финляндцам разных льгот, которые сделают для них службу в русских частях привлекательною. Но эти льготы не значатся в законе; допущение их будет зависеть от взглядов и усмотрения начальства. Если им придавать такое важное значение, то их нужно закрепить законодательною санкцией.

Военное министерство в своем представлении ссылается на систему, соблюдавшуюся постоянно в течение двух столетий в отношении наших окраин и заключавшуюся в том, что специальные войска, формировавшиеся прежде из уроженцев этих окраин, постепенно упразднялись. Однако сходство предлагаемой меры с указанной системой только внешнее. В тех окраинах, на которые указывает Военное министерство, объединению военной организации предшествовали меры культурные и экономические. Окраина крепко сливалась с империею путем введения там русского языка, русских административных учреждений, преобразования суда, уничтожения таможенной границы и т. д. Встречаясь на каждом шагу в гражданской жизни с русскими людьми и с русскими порядками, местные жители не могли видеть и в совместной с русскими военной службе что-либо необычное. Между тем в Великом княжестве Финляндском весь внутренний строй покоится до сих пор на основаниях, созданных особыми законами. Принятая в отношении края при самом его покорении политика — привязать его к России собственными пользами — побуждала не

только сохранять за ним внутреннюю автономию, но и поступиться в его выгодах некоторыми общегосударственными интересами. Только в последнее время признано возможным приступить к мерам, вызываемым необходимостью более тесного сближения этой окраины с империею. Меры эти, однако, еще не приведены в исполнение. Остается незавершенной разработка многих намеченных законодательных вопросов. Нельзя, напр., не указать, что ныне не произведено еще согласования воинского Устава о наказаниях с Уставом, действующим в империи. Между тем финляндцы пользуются правом судиться по законам края, а, следовательно, для тех из них, которые поступят в русские части войск не по доброй воле, а принудительно, означенное право будет нарушено не только с формальной стороны, но и по существу.

Поэтому, не отвергая предлагаемую меру в принципе, 47 членов находят принятие оной несвоевременным. Быть может через несколько лет она станет вполне осуществимой. Но при нынешних условиях, когда, как заявлял Императорский Финляндский Сенат и как единогласно засвидетельствовали в присутствии Соединенных департаментов Финляндский генерал-губернатор, министр статс-секретарь и сенаторы названного Сената, народ финский весьма встревожен ожидаемой реформой, — от этой меры можно ожидать для государства больше вреда, чем пользы. Она не только не достигнет преднамеченной Военным министерством цели сближения финляндской окраины с империею, но наоборот поведет к усилению розни и недовольства. Финляндцы, направляемые в русские части войск, будут считаться мучениками, в темной среде станут распространяться самые невероятные слухи о тяжелом их положении, и подрастающая молодежь будет поощряться к эмиграции.

Последнее весьма печальное явление имеет место уже и теперь, при одном еще слухе о введении в Финляндии нового Устава о воинской повинности. Официальные данные свидетельствуют, что наблюдаемое серьезное увеличение эмиграции (12 103 чел. в 1899 г. против 3467 в 1898 г.) главным основанием имеет не столько экономические условия, сколько опасение со стороны финнов отягощения воинской повинности и отбывания ее вне пределов Финляндии.

В вопросе, затрагивающем право населения, которым оно дорожит, необходимо действовать осторожно и постепенно. Само Военное министерство заявляет, что оно намерено следовал этому пути. Едва ли, однако, подобная постепенность может быть усматриваема в его предположениях. Если правило о службе финляндских новобранцев в русских частях войск войдет в Устав и будет обнародовано, то всякий поймет его таким образом, что часть этих новобранцев может быть направлена в русские войска немедленно по издании проектируемого закона. Намерение Военного министерства останется никому не известным и не может смягчить впечатление, которое будет произведено при опубликовании Устава во всеобщее сведение. Но если в действительности Военное министерство не желает воспользоваться испрашиваемым им правом, то к чему же издавать закон, который в данный момент вреден и вследствие этого не будет исполняться? Это может подрывать уважение к законодательной власти и представляется совершенно излишним, ибо от этой власти зависит всякий изданный закон изменить, когда это будет признано удобным и необходимым.

Нельзя затем считать устраняющим все возражения и ограничительное правило о размещении упомянутых новобранцев только в частях Финляндского и Петербургского военных округов. Конечно, это правило значительно смягчает первоначально проектированное постановление, в силу коего финляндцы могли бы посылаться на службу во все концы России, тем не менее не следует упускать из вида, что и служба в Петербургском округе, в состав коего входят семь разнообразных губерний (С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Лифляндская и Эстляндская), будет службой вне края и не с своими соплеменниками, а назначение финляндцев в русские части, расположенные в Великом княжестве, не входит в намерения Военного министерства.

Остается еще коснуться последнего довода в пользу отмены права финляндцев на отбывание воинской повинности в специальных частях войск, — довода, имеющего нравственный характер и долженствующего наиболее затрагивать чувства каждого русского человека,

а именно о том, что этого права нет у русского народа. Но русский у себя в России везде дома. Финляндец же в пределах империи долго еще будет чувствовать себя совершенно чуждым. Одно из отличительных свойств финна — это его неподвижность, привязанность к родине, к месту своего рождения, к своей среде, укладу своей жизни и родным обычаям. Достаточно сказать, что $^{9}/_{10}$ финнов живут и умирают в своих коммунах, т. е. в тех самых местах, в которых они родились и выросли. Поэтому для финляндца служить хотя бы и в близкой по климатическим, но чуждой по этнографическим условиям губернии (напр. Псковской или Эстляндской) все равно, что для русского служить на далекой чужбине.

В сущности, вышеприведенный довод сводится к вопросу о национальном самолюбии и зависти к чужому добру. Подобное соображение недостойно русского народа и никогда не найдет отклика в его душе. Россия слишком мощна, чтобы не быть великодушною к меньшему своему брату, и русский народ никогда не поймет, что у этого брата можно отнять благо потому, что он сам им не пользуется.

Закон 3 февраля 1899 г., вызвавший столько неправильных толков, в первый раз применяется к Финляндии, и лучшим средством, чтобы устранить посеянные в финском народе сомнения, было бы применить этот закон по истинному его духу и в направлении, предуказанном Всемилостивейшею волею Государя Императора. Если, без действительной необходимости для общегосударственных интересов, будет отменено дорогое финляндскому населению право, которое оно до сих пор считает обеспеченным внесением его в основные законы Финляндии, то несомненно в глазах этого населения распространяемые между ним ложные толкования о значении и цели упомянутого закона получат серьезное подтверждение. Если же право это будет оставлено в силе, новый Устав о воинской повинности, может быть, и не удовлетворит некоторых лиц, принадлежащих к крайней партии, но финский народ, которому гораздо более доступны реальные результаты закона, чем теоретические вопросы, волнующие политических деятелей, увидит, что он и под сенью нового закона найдет полную защиту его законных и истинных интересов. Заслуживает особого внимания заявление, сделанное в заседании Соединенных департаментов Государственного совета сенатором Финляндского Сената генерал-майором фон-Бломом, о том, что если Его Императорскому Величеству благоугодно будет утвердить законопроект согласно с заключением большинства членов Государственного совета, то в таком виде новый закон успокоит финляндское население и вызовет в нем чувства искренне верноподданнической благодарности к Государю Императору.

На основании изложенного, 47 членов полагают:

1) статью 10 проекта Устава изложить следующим образом:

Ст. 10. Призываемые на службу на основании сего Устава новобранцы отбывают воинскую повинность в частях войск, имеющих местопребывание в Финляндии, пополняемых преимущественно финляндскими уроженцами.

2) с означенною статьею согласовать статьи 17, 116 и 148 проекта.

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Михаил Николаевич, Его Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, Гонецкий, граф Игнатьев 1, Победоносцев, Ванновский, Обручев, Дурново, Каханов, Галкин-Враской, барон Мейден, Бобриков, граф Игнатьев 2, Плеве, Шебеко, барон Икскуль, Лобко, Куропаткин, Голубев, Муравьев, Тыртов, Сипягин, фон-Дервиз, Шидловский, Череванский, Верховский

А двадцать шесть членов находят, что приведение армии к полному единству составляет столь важное условие в ее организации, что необходимо неуклонно стремиться к действительному осуществлению сей задачи. Только тогда, когда все части Российской армии будут составлять одно органическое целое, можно будет рассчитывать, что все они окажутся одинаково в состоянии выполнить свое назначение в деле обороны государства. Устав о воинской повинности 6(18) декабря 1878 г. поставил финские части войск в совершенно обособленное положение. Двадцать лет применения сего Устава показали, что высказанные весьма авторитетными лицами при издании его опасения были вполне справедливы.

На країне важной в стратегическом отношении окраине России, в непосредственной близости с столицею империи образовалось войско, составляющее отдельную группу, сходную с русскими войсками только по некоторым внешним чертам, но совершенно чуждую им по духу, по традициям и внутренней своей организации. Убедившись лично в невозможности для финских частей действовать совместно с русскими войсками, бывший военный министр генерал-адъютант Ванновский должен был испросить Высочайшее разрешение на вывод означенных частей из края для приведения их в соприкосновение хотя бы на время лагерей и маневров с русскими войсками.

Одна из главных причин такой обособленности финских частей заключается в том, что части эти служат для комплектования армии новобранцами одной национальности, которые и не имеют возможности быть зачисленными в другие части. Поэтому при настоящем пересмотре Устава необходимо непременно упразднить право финляндцев служить только в нескольких отдельных батальонах, именуемых финскими.

Такие меры, как установление единства командования, совместное обучение в лагерях и на маневрах с смешиванием частей, распространение среди солдат знания русского языка, допущение русских служить в финских частях и даже назначение в эти части русских офицеров и унтер-офицеров, необходимы и полезны сами по себе, но недостаточны для полного объединения, если в то же время упомянутое право останется в своей силе. Только служба русских и финляндцев в одних и тех же частях, бок о бок, под одним знаменем, порождая продолжительное, повседневное общение, может обеспечить настоящее объединение финских войсковых частей с русскою армиею. Тогда самое название финских частей потеряет свое политическое значение. Финские части станут русскими, комплектуемыми не исключительно, а только и преимущественно финляндцами. Каждого финляндца, призываемого к исполнению воинской повинности, можно будет назначить на службу или в эти части, или в части, комплектуемые русскими уроженцами. Эта мера настолько важная, что отказаться от нее значит отказаться от главного основания пересмотра Устава, предпринятого с целью изменить существующее положение финских войск, служащее наглядным выражением нежелательных в крае стремлений к возможно большему обособлению от империи.

Финляндский Сейм, возражая против назначения финляндских новобранцев на службу в русские части войск, приводит двоякого рода доводы: юридические и бытовые. По его мнению, финляндские граждане в силу действующих в крае основных законов не могут быть лишены права служить в родном крае и судиться по его законам. С другой стороны, служба в русских войсках будет для финляндцев слишком тяжелой. Не зная языка, а также вследствие скрытного своего характера, они будут чувствовать себя чужими между товарищами. При трудности для них понимать объяснения, даваемые на незнакомом языке при учебных занятиях, они будут пытать терпение начальства и невольно навлекать на себя наказания. Лишенные нравственной поддержки за невозможностью пользоваться наставлениями духовника и не приобретая умственного развития, они будут поддаваться соблазнам и искать утешения в крепких напитках. Наконец получение непривычной пищи будет пагубно влиять на их здоровье. Один слух о том, что подлежащие воинской повинности финляндцы будут насильственно обращаемы в русские войска, вызвал, как полагает Сейм, значительное усиление эмиграции из края.

Как те, так и другие доводы, по мнению 26 членов, не имеют серьезного значения. Юридическая сторона не требует подробных объяснений. Вопросы, касающиеся обороны государства, не суть вопросы местной внутренней автономии. Они имеют общегосударственное значение, а потому вполне ясно, что относящиеся к сему предмету законы, хотя бы и имеющие силу основных в Великом княжестве Финляндском, могут быть дополняемы и изменяемы в видах государственной пользы порядком, указанным в Высочайше утвержденных основных положениях 3 февраля 1899 г. Что же касается права суда по финляндским законам, то с осуществлением предположенного пересмотра воинского Устава о наказаниях, действующего в Финляндии, с целью полного согласования его с русским Уставом разли-

чие в наказаниях совершенно изгладится, и за упомянутым правом останется лишь формальное значение.

Засим, как известно, Россия, расширяя свои пределы и включая в свой состав новые территории, населенные разными племенами, постоянно привлекала на военную службу инородцев, образуя сначала из них отдельные полки, а затем заставляя их служить в одних частях с коренными русскими людьми. Такая система соблюдалась в течение 200 лет с целью объединения русской армии. У нас были полки бессарабские, молдаванские, башкирские, крымские, польские и др. Еще недавно на Кавказе были особые части. Даже теперь существует отдельный осетинский дивизион, хотя и имеющий русские кадры.

Все упомянутые специальные войска были постепенно расформированы. Колебания в применении этой системы к польским войскам привели, как известно, к роковым последствиям. Нет поэтому основания отступать от означенной системы и в отношении Великого княжества Финляндского, тем более, что в настоящее время предполагается действовать с достаточною умеренностью и постепенностью. Военное министерство стремится лишь сделать первый шаг к совместной службе финляндцев с русскими.

Нет сомнения, что для каждого новобранца из инородцев служба, в особенности на первых порах, в непривычной обстановке и среде кажется трудной и тяжелой. Верно и то, что содержание финского солдата лучше и обходится дороже, нежели русского. Но финляндцы не одни будут находиться в таких условиях. Кроме них в русских войсках служит масса других инородцев. В числе их множество новобранцев из северных губерний того же финского племени. Присутствие этих людей в тех частях, куда будут попадать финляндцы, будет ослаблять у последних чувство одиночества. Можно кроме того принять меры, чтобы из финляндских новобранцев назначались в части по несколько человек зараз. Но засим, вообще, всякий знающий близко военное дело может удостоверить, что положение инородцев в русских войсках нисколько не тяжелое. Русская армия перерабатывает постоянно массу разнообразных элементов без ломки и насилия. Для нее это дело привычное. Прилагаются всевозможные заботы об умственном воспитании, об удовлетворении религиозных потребностей инородцев и т. д., а доказывать существование в виде общего правила дурного обращения с ними офицеров или солдат невозможно, не извращая действительности. Притом во власти военного начальства имеется масса способов облегчать отправление воинской повинности. Нет сомнения, что в особенности на первое время такие облегчения, как напр., сокращение срока службы, будут в широкой мере применяться к финляндцам, так что для них служба в русских частях, быть может, будет привлекательнее, чем в частях, комплектуемых преимущественно финляндскими уроженцами. Засим, относительно содержания, следует заметить, что разница между довольствием финского и русского солдата в сущности не велика. Так как размеры довольствия различны по округам, то для сравнения надлежит брать не средние цены, а цены Петербургского военного округа. Главная особенность в содержании финских частей состоит в том, что они получают довольствие рыбой и чаем, не установленное в русских частях, и что они размещены в хороших казармах. Но, не говоря о несправедливости существования какой-либо разницы в содержании русского и финского солдата и необходимости по мере возможности сгладить различие в положении людей, живущих иногда бок о бок в одном городе, нельзя не заметить, что довольствие и содержание солдат не может иметь решающее значение в настоящем вопросе. В русские войска будут поступать не солдаты, прослужившие известное время в финских частях и привыкшие к улучшенному довольствию и к хорошим казармам, а новобранцы, у большинства коих дома обстановка и пища во всяком случае не лучше той, какою пользуются русские нижние чины. Прямым доказательством, что финляндцы могут легко привыкать и к русской материальной обстановке, и к общению с русскими, служит то, что многие из них добровольно являются на заработки в разные части империи, даже очень отдаленные от Финляндии, и живут там подолгу без ущерба для здоровья и не падая нравственно.

Все изложенное позволяет надеяться, что финляндцы, отбывшие службу в русских войсках, будут возвращаться домой не с тем, чтобы распространять между своими сопле-

менниками ненависть к России, а наоборот с любовью и преданностью общему отечеству, с сознанием, что для преуспеяния их края выгоднее стремиться не к отделению, а к полному слиянию с могущественным государством.

Таким образом, надлежит признать, что против обсуждаемой меры можно возражать только по политическим соображениям. Опасаются того тягостного впечатления, которое она может произвести в Великом княжестве, и даже усиления эмиграции. Но эмиграция зависит не столько от тревожного положения в крае вследствие происходящей там ныне политической агитации, сколько от неурожаев и вообще экономических условий. Опасения же неудовольствия весьма часто оказываются преувеличенными. Когда последовало распоряжение о выводе финских частей в империю для маневров и лагерных сборов, то также предвещались всевозможные неудобства и затруднения. Говорилось о нарушении дарованных финляндцам прав. Однако мера эта была проведена совершенно спокойно, без малейших замешательств, с нею вполне освоились и ныне она никого не смущает. Даже Сейм признал необходимым включить ее в составленный им проект изменений действующего Устава о воинской повинности. Можно с уверенностью сказать, что каковы бы ни были льготы, которые будут дарованы финляндцам новым Уставом, тревога в крае от этого не уляжется. Найдутся недовольные, которые воспользуются нерешительным характером принятых мер, чтобы утверждать, что русское правительство вынуждено было поступиться своими требованиями из боязни дружного отпора со стороны финского народа. В подобном убеждении, если только оно войдет в сознание финского населения, будет заключаться для последнего весьма серьезная опасность поддаться дальнейшим увлечениям. Но кроме сего, говоря о впечатлении в Финляндии, не следует забывать и о самой России. Нельзя не считаться с теми чувствами, которые может вызвать у русских неравноправность, создаваемая льготами для финляндцев.

При этом 26 членов считают нужным оговорить, что, отрицая такие льготы в смысле права финляндцев, основанного на дарованных им привилегиях, они далеки от мысли о невозможности допущения некоторых смягчений в видах соблюдения при исполнении издаваемого закона известной постепенности. Если такая постепенность была допущена по отношению к другим окраинам, то нет повода не допустить ее и для Великого княжества. Она в значительной степени проводится и в предположениях Военного министерства, так как в первые годы действия нового Устава контингент новобранцев оставляется прежний. Идя далее, можно, для устранения опасений, что финляндцы будут принуждаемы служить вдали от своего родного края, постановить, что они назначаются на службу лишь в войска, расположенные в Финляндском либо Петербургском военных округах. Вместе с тем, так как заранее должно быть известно, сколько новобранцев поступит в русские войска, то необходимо оговорить, что назначение части новобранцев в эти войска производится по особому расписанию, утверждаемому одновременно с определением численности контингента новобранцев и в том же порядке.

В заключение 26 членов находят нужным остановиться еще на замечании о том, что предлагаемая мера является преждевременной, так как в других окраинах объединению их в военном отношении предшествовали другие объединительные меры культурного и экономического характера, как напр., введение русского языка, преобразование административных учреждений, суда и т. д., и что только путем таких мер можно подготовить и выполнить на прочных основаниях объединение военное. 26 членов не отрицают значения всех этих мер. Они безусловно полезны и необходимы. В Великом княжестве Финляндском уже последовали распоряжения, направленные к распространению русского языка. Почтовая часть там уже объединена. Предполагается объединение монетной системы и таможенной части. Но ожидать осуществления всех подобных мер едва ли есть надобность. Опыт показывает, что совместная служба в войсках имеет сама по себе объединяющее влияние. По справедливому замечанию военного министра, пока финляндцы будут служить только в своих национальных частях, эти части будут оставаться обособленными от русской армии. Находясь в таком положении, они в политическом отношении представляют силу, опасную

для самой Финляндии, тогда как после слияния их с русскими войсками та же сила явится для последних подкреплением, которым можно будет гордиться, как гордится ныне Россия финскими офицерами, которые служат в русских рядах.

Руководствуясь изложенным, 26 членов полагают:

1) Статью 10 проекта Устава изложить в следующей редакции:

Ст. 10. Призываемые на службу на основании сего Устава новобранцы отбывают воинскую повинность в частях войск, пополняемых преимущественно финляндскими уроженцами. По особому расписанию, утверждаемому одновременно с определением численности контингента новобранцев и в том же порядке, часть этого контингента может быть назначаема на комплектование других частей русских войск, как в Финляндском, так и в Петербургском военных округах.

2) Означенною статьею согласовать статьи 17, 116 и 148 проекта.

Вопрос 3. О выводе из пределов Великого княжества Финляндского в мирное время частей войск, пополняемых преимущественно финляндскими новобранцами

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Алексей Александрович, Набоков, Сольский, Гонецкий, граф Пален, Победоносцев, Саломон, Фриш, Половцов, Роop, Маркус, Мансуров 2, Рихтер, князь Волконский, граф Бобринский, граф Воронцов-Дашков, Чихачов, Вешняков, Горемыкин 1, Махотин, Розинг, Семенов, граф Протасов-Бахметев, Марков, Герард, Горемыкин 2, Ермолов, Кремер, Тернер, Шамшин, Сабуров 1, Витте, князь Хилков, Иващенков, Петров 1, Арсеньев, Куропаткин, барон Фредерикс, Сабуров 2, Шишкин, Петров 2, Гончаров, граф Шереметев, Кобеко, Бутовский, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий, Бергбом, фон-Блом

Сорок семь членов заметили, что тягость воинской повинности определяется всею совокупностью условий, которыми обставлено отбывание этой повинности. Имея своим основанием обязанность каждого подданного защищать Престол и Отечество, она в действительности распределяется крайне неравномерно. В мирное время к исполнению оной призывается только часть годных к военной службе молодых людей в зависимости от потребности комплектования действующих войск. Необходимо поэтому заботиться, чтобы участь этих людей была по возможности облегчаема. Настоящий вопрос о выводе финских частей войск из края принадлежит именно к числу тех, которые затрагивают близко интересы упомянутых людей, ибо для них вовсе не безразлично, где им придется отбывать службу, в дальнем ли, незнакомом краю, либо вблизи домашнего очага, на месте своей родины.

47 членов не оспаривают, что обсуждаемая мера относится к области военного законодательства и что для целей объединения армии она имеет значение. Но эти отличительные черты означенной меры не исключают возможности действовать при проведении оной осторожно, с постепенностью и бережно относясь к частным интересам, тем более, что в мирное время требования военного дела не могут быть так безусловны, как во время войны. По мнению 47 членов, указание в законе, что финские части войск в мирное время должны быть расположены в Великом княжестве и выводятся оттуда только временно в случае надобности, необходимо, с одной стороны, для населения, в котором нежелательно возбуждать напрасные опасения, а с другой — для тех правительственных властей, на которых лежит исполнение закона. Само Военное министерство в своих предположениях, стремясь к объединению армии, не имело, однако, в виду совершенно уничтожить особые финские части войск. Оно не сочло нужным распространить целиком на Великое княжество Финляндское общеимперский Устав о воинской повинности, предпочитая сохранить для края особый Устав, лишь согласованный в главных основаниях с общим законом. Как видно из его объяснений, финские части должны входить в состав войск Финляндского военного

округа, а не других каких-либо округов империи. Но если решение этих вопросов возможно на означенных основаниях, то едва ли можно утверждать, что оговорка о постоянном месте пребывания указанных специальных частей имеет особое значение и явится закреплением автономности финского войска. Такую мысль нельзя усматривать даже в соображениях по настоящему вопросу земских чинов, которые не встретили препятствий ни к изменению § 1 Устава, касающегося назначения войск, ни к изменению организации запаса, согласившись таким образом на уменьшение количества обученных военному делу людей в крае. Земские чины стремились лишь облегчить, по возможности, тягость воинской повинности, а это стремление представляется вполне понятным.

При обсуждении настоящего вопроса в среде Соединенного присутствия было сделано предложение постановить, что финские части войск должны быть выводимы из края либо по военным надобностям, либо для целей обучения в лагере и на маневры, либо наконец при чрезвычайных обстоятельствах, как, напр., для прекращения народных беспорядков, для тушения пожаров и в других указанных в гарнизонном Уставе случаях, для содействия гражданским властям в пограничных с Финляндиею губерниях, дабы в законе содержалось определение, обнимающее собою все возможные основания для привлечения финских частей войск на службу вне края.

Но 47 членов предпочитают, чтобы в законе вовсе не заключалось перечня оснований для вывода войск из края. Для имеющейся ввиду цели достаточно выразить, что финские части войск имеют постоянное местопребывание в Великом княжестве, и что временный вывод их допускается в военное время, а также с особого Высочайшего соизволения и в мирное время по надобностям службы. При такой постановке проектируемое правило не противоречило бы в сущности ни настоящим предположениям военного министра, ни высказанному в 1871 г. графом Милютиным мнению, из коего не усматривается, чтобы он предполагал выводить финские части из края в мирное время на постоянное, а не на временное лишь пребывание в империи[239]. Правило это отличалось бы от упомянутого предположения военного министра только формой, более мягкой и устраняющей толки о возможности произвольных распоряжений правительственных властей. Как большинство, так и меньшинство членов Соединенных департаментов допускает вывод из пределов Финляндии финских батальонов и в мирное, и в военное время во всех тех случаях, когда Государь Император признает такой вывод необходимым. Разница в мнениях заключается лишь в том, что большинство считает необходимым точно указать в тексте закона на постоянное, обычное местопребывание финских частей войск в пределах Великого княжества Финляндского, меньшинство же полагает нецелесообразным делать такое указание, хотя в дальнейших соображениях своих само высказывает, что финские батальоны, несомненно, без надобности не будут удаляемы из пределов Финляндского военного округа. Казалось бы, что при такой постановке вопроса решительно нет оснований принимать для закона редакцию, которая, не меняя существа дела, может по неопределенности своей вызвать в среде населения напрасные тревоги и опасения, основанные на неосновательном предположении о могущем последовать полном выводе финских войск из пределов Великого княжества на постоянное пребывание в империи.

В заключение необходимо заметить, что правило, проектированное большинством, не составило бы нововведения в нашем законодательстве, так как, согласно примечанию к ст. 9 общеимперского Устава о воинской повинности, отмененному только в 1898 г., новобранцы, принадлежащие к туземному населению Терской и Кубанской областей и Закавказья, распределялись лишь в войсках, на Кавказе расположенных.

Вследствие сего 47 членов полагают:

Постановить, что части войск, пополняемые преимущественно финляндскими уроженцами, имеют постоянное местопребывание в Великом княжестве Финляндском; временный вывод их из пределов Великого княжества допускается в военное время, а также, с особого Высочайшего соизволения, и в мирное время по надобностям службы.

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Михаил Николаевич, Его Императорское Высочество Государь великий князь Владимир Александрович, Его Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, Ванновский, Обручев, Дурново, Каханов, Галкин-Враской, барон Мегден, Бобриков, граф Игнатьев 2, Плеве, Шебеко, барон Икскуль, Лобко, Куропаткин, Голубев, Муравьев, Тыртов, Сипягин, фон-Дервиз, Шидловский, Череванский, Верховский

А двадцать шесть членов высказали, что относительно дислокации в мирное время русских частей войск в законе не установлено никаких ограничений. Но всякое передвижение их совершается по особым Высочайшим повелениям, так как в силу основного начала военной службы дислокация войск зависит от усмотрения их Верховного Вождя. Ввиду поставленной задачи объединения армии, от указанного порядка не может быть допущено для финских частей войск никакого отступления. Всякое подобное отступление составляло бы привилегию, обособляющую эти части войск от остальной русской армии. Вооруженные силы государства могут считаться крепко сплоченными лишь тогда, когда они, без малейших оговорок и ограничений, находятся в полном распоряжении их Главнокомандующего. Ни в одном благоустроенном войске, даже в государствах федеративного устройства, немыслимо такое положение, при котором Главнокомандующий был бы связан указаниями закона в отношении дислокации, перемещения или передвижения войск. Еще менее допустимо такое ограничение в отношении лишь известной незначительной группы войск.

Военная дисциплина требует, чтобы воинские чины беспрекословно исполняли приказания начальства: установление же в законе каких бы то ни было рамок, стесняющих передвижение войск, создаст неизбежно право и возможность подвергать критике действия и распоряжения начальства по этому предмету, как тому и был пример в 1886 г., когда Государь Император Александр III повелел выводить финские части войск из края для лагерей и маневров.

Еще граф Милютин при издании финляндского Устава о воинской повинности писал, что финские войска имеют одинаковое назначение с остальными войсками империи и потому могут быть выводимы за пределы края как в мирное, так и в военное время и входить в состав дивизий и корпусов, расположенных вне Финляндии. Эту мысль и следует осуществить ныне при пересмотре упомянутого Устава, не делая никаких послаблений, так как данный вопрос касается управления войск, а в этой сфере объединительные меры должны проводиться твердо и решительно. Некоторая постепенность и смягчения возможны лишь в тех частях издаваемого закона, которые касаются отбывания воинской повинности населением и затрагивают его гражданский быт или экономические интересы. В сфере же военного законодательства соблюдение подобной системы было бы вредно и не имело бы достаточного оправдания. Не следует забывать, что § 121 действующего Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском принадлежит именно к числу постановлений, введенных в этот Устав по политическим соображениям в видах создания для края автономного войска. И в настоящее время земские чины объясняют, что отмена сего постановления совершенно противоречит правовым, административным и социальным условиям, требующим, чтобы финские войска в мирное время имели постоянные квартиры в пределах Финляндии. Между тем всеми признается бесспорным, что постановления, имеющие политическую тенденцию, должны быть из Устава устранены. Засим нельзя не заметить, что в законе было бы крайне трудно предусмотреть все поводы и основания к перемещению войсковых частей, так как основания эти могут быть весьма разнообразны. Хотя в среде Соединенного присутствия и было высказано, что в этом отношении было бы всего правильнее сделать в законе общее указание на военные надобности, обучения и чрезвычайные обстоятельства, но 26 членов с своей стороны находят, что такое указание было бы далеко не полно и не точно. В виде примера можно привести, что необходимость в перемещении какой-либо части из края может возникнуть ввиду замеченного в ней упадка дисциплины. Этот пример не подойдет под приведенный перечень. Еще менее удобной была бы ссылка

на Устав гарнизонной службы, в котором указаны только случаи призыва войск для содействия гражданским властям. Подлежащий обсуждению вопрос поставлен шире: он касается вообще дислокации войск, а не временного только перемещения их по надобностям службы. Единственная оговорка, которая, по мнению 26 членов, может быть введена в редакцию сказанного правила, должна заключаться лишь в том, что финские части войск могут быть употребляемы на службу как в пределах империи, так и за границей, по Высочайшему благоусмотрению. Когда в самом законе будет выражено, что вывод из края финских частей требует разрешения Высочайшей Власти, то это послужит гарантиею в том, что эти части не будут перемещаемы без надобности. По глубокому убеждению 26 членов, этого указания вполне достаточно для успокоения населения. Трудно даже представить себе, чтобы все финские батальоны были выведены сразу из края и направлены для постоянного квартирования в самые отдаленные части империи, куда гораздо легче передвинуть другие части из ближайших местностей. Такая мера немыслима уже потому, что финские части будут входить в состав войск Финляндского военного округа и, следовательно, не будут удаляемы из сего округа, когда в этом нет необходимости. При такой постановке дела возникшее разномыслие сводится собственно к вопросу о редакции проектируемого правила, ибо очевидно, что Высочайшая Власть может распоряжаться войсками бесконтрольно.

На сем основании 26 членов полагают:

Постановить, что части войск, пополняемые преимущественно финляндскими уроженцами, могут быть в мирное, так и в военное время употребляемы на службу, по Высочайшему благоусмотрению, в пределах России и за границею.

Вопрос 4. О сроке действительной службы в войсках

Гонецкий, Ванновский, Галкин-Враской, барон Менгден, Бобриков, граф Игнатьев 2, барон Икскуль, Лобко, Куропаткин, Голубев, Муравьев, Тыртов, фон-Дервиз, Шидловский, Верховский

Пятнадцать членов заявили, что они признают нежелательным сохранение особого 3-летнего срока действительной службы для финских частей войск. Возможность сохранения сего срока мотивируется, главным образом, соображениями о том, что в финляндском населении грамотность значительно больше нежели в русском, что все финские части расположены в казармах и что в этих частях имеется большой кадр сверхсрочнослужащих. При этих условиях обучение финляндских новобранцев должно идти скорее, нежели русских, а, следовательно, нет и надобности в удлинении срока действительной службы.

Как ни вески на первый взгляд приведенные соображения, 15 членов не могут с ними согласиться.

Прежде всего, нельзя не заметить, что по отзывам местных деятелей даже начальная грамотность далеко не так распространена в Великом княжестве, как некоторые склонны думать. Из финляндцев призывного возраста довольно значительный процент составляют неграмотные или же умеющие только разбирать буквы, но не могущие дать себе отчет в смысле прочитанного. При подобных условиях можно бы говорить не о сокращении службы для всего финляндского населения, а лишь для грамотной его части. Но нельзя не принять во внимание, что и в коренной России в ряды войск поступает ежегодно до 50 000 грамотных. Тем не менее законодатель не признал возможным даровать им сокращенные сроки службы. Казалось бы, поэтому, что и финляндцам нельзя давать эту льготу за одну лишь простую грамотность. И действительно, хотя немного грамотного или смышленого человека можно в очень короткое время обучить солдатскому ремеслу, но для того, чтобы воспитать из него настоящего солдата, вселить в него дух дисциплины, понятие о воинской чести и знамени, требуется гораздо более продолжительный срок. Для этого мало и четырех лет. Весьма сомнительно, чтобы при меньшей, нежели у русских, способности финляндцев к военной службе, из последних могли вырабатываться в самом деле хорошие солдаты в более

короткий промежуток времени, чем какой оказывается нужным для русских. Равным образом расположение войск в казармах и наличность в данное время большего числа сверхсрочнослужащих не могут быть признаны достаточными основаниями к установлению сокращенных сроков службы для финляндцев. И в империи многие войска расквартированы в казармах; но это обстоятельство не создает для новобранцев, попавших в указанные части, каких-либо прав на сокращенные сроки отбывания воинской повинности. Наличности же сверхсрочнослужащих могло бы быть придано важное значение только при том условии, если бы она не зависела от более или менее случайных причин, а была обеспечена за известными частями войск в силу самой их организации.

Указывают еще на то, что трехлетний срок принят в Финляндии согласно предложению бывшего военного министра графа Милютин, что во всех государствах, а в том числе и у нас, существует стремление к сокращению срока действительной службы, и что увеличение сего срока окажется тяжелым для населения Финляндии. Само собою понятно, однако, что мнение, высказанное бывшим военным министром тому назад 25 лет, не должно при совершенно изменившихся условиях иметь решающее влияние на направление дела в настоящее время. Тогда общая воинская повинность только что вводилась в Великом княжестве Финляндском. Теперь возможно уже говорить об ее уравнении с повинностью в империи, хотя бы в отношении сроков службы. Так было поступлено и на Кавказе.

Вопрос о сих сроках имеет для армии первостепенную важность. Недавно в Европе общее течение было направлено к сокращению продолжительности службы до минимума. Однако затем стали обнаруживаться признаки более трезвого отношения к делу. От этих сроков зависит и численность армии, и тягость воинской повинности. У нас в настоящее время имеется запас в слишком 2 миллиона. Если мы захотим удвоить этот запас, то мы должны сократить вдвое срок службы. Но тогда потребуется вдвое же увеличить и ежегодный контингент новобранцев. Для населения такая мера будет несравненно тяжелее, чем нынешнее положение. Повинность будет, конечно, распределяться более равномерно, но зато у населения будет отниматься более рабочих рук. При более продолжительном сроке действительной службы тягость повинности ощутительнее для той группы людей, которая поступает на службу, но масса несет меньшие жертвы. Если ввести в нашей армии более краткий срок службы, то придется, пожалуй, уничтожить все льготы и брать на службу даже единственных сыновей.

Между тем разница в продолжительности службы по Уставам империи и Великого княжества Финляндского фактически вовсе невелика. В империи нижние чины служат всего 3 года 8 месяцев. Засим, хотя срок службы удлиняется в кавалерии до 4 лет, в артиллерии до 5 лет и во флоте даже до 7 лет, но на это никто не ропщет. В Великом княжестве Финляндском имеется драгунский полк, а, следовательно, также есть потребность удержания некоторой части нижних чинов на службе в течение более продолжительного времени, чем в пехоте. Ввиду сего представлялось бы наиболее правильным принять общий порядок, в силу коего общий срок действительной службы определялся бы в 5 лет, а затем от военного министра зависело бы увольнять нижних чинов в запас, в случае представляющейся к тому возможности, и ранее выслуги сего срока. Установление такого порядка было бы и более осторожным, так как для суждения о степени боевой подготовки финских частей войск при нынешнем сроке службы нет достаточных данных, а вместе с тем и более удобным, ибо со временем число русских, отбывающих воинскую повинность в Финляндии, и финляндцев, отбывающих ее в империи, должно все увеличиваться.

Нельзя при этом не заметить, что в настоящее время в Финляндии все годные к военной службе лица, оставшиеся за укомплектованием войск, зачисляются в запас и призываются затем в учебные сборы на 90 дней. Число таких лиц составляет более 15 000 человек, а расходы по их обучению простираются почти до 1 миллиона марок. От этой тягости население будет впредь избавлено, что в достаточной мере вознаградит его за удлинение срока службы всего на 8 месяцев.

Наконец, не следует забывать, что в Финляндии имеется десять русских батальонов, комплектуемых русскими людьми из разных губерний, и что эти люди, размещенные бок о бок с финскими частями, обязаны выслуживать установленные сроки. Неодинаковость положения сих людей и финляндцев будет явно несправедлива.

Все изложенные соображения приводят 15 членов к убеждению в полной необходимости как с принципиальной, так и с практической точки зрения ввести в Финляндии общий срок действительной службы.

Посему 15 членов полагают: установить для лиц, отбывающих воинскую повинность по финляндскому Уставу, срок действительной службы в пять лет и сообразно с сим изложить статью 16, статью 50 с прим. 2, статьи 123, 125 и 132 и примечание к статье 133 проекта.

Его Императорское Высочество Государь великий князь Михаил Николаевич, Его Императорское Высочество Государь великий князь Владимир Александрович, Его Императорское Высочество Государь великий князь Алексей Александрович, Его Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, Набоков, Сольский, граф Игнатьев 1, граф Пален, Победоносцев, Саломон, Фриш, Половцов, Роот, Маркус, Мансуров 2, Рихтер, Обручев, князь Волконский, Дурново, граф Бобринский, Каханов, граф Воронцов-Дашков, Чихачов, Вешняков, Горемыкин 1, Махотин, Розинг, Семенов, граф Протасов-Бахметев, Марков, Герард, Горемыкин 2, Ермолов, Кремер, Тернер, Шамшин, Сабуров 1, Плеве, Витте, князь Хилков, Шебеко, Иващенков, Петров 1, Арсеньев, барон Фредерикс, Сабуров 2, Гудим-Левкович, Шишкин, Петров 2, Гончаров, граф Шереметев, Сипягин, Кобеко, Череванский, Бутовский, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий, Бергбом, фон-Блом

А пятьдесят восемь членов рассуждали, что трехлетний срок обязательной службы в рядах войск для отбывающих воинскую повинность по жребию установлен в Великом княжестве Финляндском по предложению бывшего военного министра графа Милютина (отнош. в Мин. Ст. Секр. Вел. Княж. Финл. от 21 января 1876 г. за № 722). Изменение этого срока в смысле его удлинения, а, следовательно, отмена льготы, которою финское население пользуется в течение 20 лет, возможно было бы лишь в случае крайней в том необходимости.

Между тем веских оснований к принятию такой меры 58 членов не усматривают. Не касаясь политических соображений, выходящих из пределов настоящего вопроса, и не повторяя доводов о нежелательности напрасного возбуждения недоверия и недовольства в умах населения, 58 членов считают лишь нужным заметить, что главное соображение в пользу уравнения сроков действительной службы, а именно объединение армии, имеет, в применении к данному вопросу, лишь внешнее, формальное значение. Фактически сроки действительной службы в частях войск разного рода оружия существуют различные. Для пехоты, кавалерии, артиллерии, специальных войск, казаков и флота срок службы неодинаков, что, однако, не препятствует всем этим частям русской армии составлять единое целое. Если бы объединение финских частей войск с остальными русскими войсками было возможно лишь при условии полного согласования Уставов о воинской повинности в империи и в Великом княжестве Финляндском, то было бы всего проще распространить на Финляндию действие общеимперского Устава, не издавая для нее отдельного законоположения. Если же подобная мера признается неудобной, то в особом Уставе вполне возможно сохранить такие особенности, которые не противоречат в существе преследуемой цели и имеют достаточное основание.

Отступление для Великого княжества Финляндского от общего правила статьи 17 общеимперского Устава о воинской повинности, по мнению 58 членов, вполне оправдывалось бы прежде всего тем, что почти все население края грамотно, тогда как в прочих местностях России грамотных держится пока, за немногими исключениями, на менее высоком уровне. Значение этого обстоятельства не нуждается в пространном объяснении. Всякому понятно, что человек грамотный легче и скорее воспринимает обучение любому делу, чем неграмотный. Засим, финские батальоны сосредоточены в казармах под непосредственным на-

блюдением своих начальников; русские же войска в значительной части располагаются по обывательским квартирам, что затрудняет надзор за ними и их обучение. В финских частях имеется отличный кадр старослужащих, отсутствие коих является, как известно, главным препятствием для перехода к трехлетнему сроку службы в империи.

Изменение трехлетнего срока службы для Финляндии представляется тем менее обоснованным, что само Военное министерство, как видно из представления его за № 6174 (стр. 60), указывая на последовательное сокращение у нас сроков службы, считает переход и в империи к трехлетнему сроку, принятому в главнейших государствах Западной Европы, возможным, причем высказывает даже надежду на осуществимость такой перемены в непродолжительном будущем. В Западной же Европе замечается стремление к дальнейшему сокращению сроков. Так, Германия, идущая в вопросах военного законодательства впереди других стран, с 1893 года понизила срок службы для всех родов оружия, кроме кавалерии и конной артиллерии, до двух лет. Наконец, увеличение трехлетнего срока было бы увеличением тягости воинской повинности для населения Финляндии. Хотя и указывают, что при более длинных сроках службы страдает лишь незначительная группа людей, поступившая в войска, тогда как сокращение сих сроков ложится тяжелее на массу населения вследствие необходимости увеличения контингента новобранцев для укомплектования войск, но 58 членов не могут не заметить, что это соображение никоим образом не касается Финляндии, ибо относительно оной речь идет не о сокращении срока, а об его увеличении, что могло бы иметь следствием лишь сокращение контингента новобранцев при сохранении численности войск в прежнем составе. Но независимо от сего удлинение срока является для населения во всяком случае новым обременением. Экономические последствия воинской повинности определяются не только количеством лиц, отвлекаемых от мирного труда, но и продолжительностью времени, на которое они отвлекаются. Чем дольше длится служба в войсках, тем более нарушаются интересы семей, лишившихся своих работников. Во всех европейских странах замечается стремление к возможному сокращению срока действительной службы в войсках в видах более равномерного распределения между всем населением тягости повинности. Таким образом, удлинение сего срока для Финляндии было бы шагом назад, тем более нежелательным, что увеличение его до пяти лет было бы чисто фиктивным. В действительности, продолжительность службы увеличилась бы только на 8 месяцев, и даже, по распоряжению военного министра, могла бы остаться прежней. Последнее тем вероятнее, что, по удостоверению сенатора Бергбома, финляндские новобранцы в первые годы ученья весьма охотно стараются усвоить себе все требования службы, но, свыкнувшись с нею, они уже после двух лет, не имея возможности научиться ничему новому, начинают сильно тяготиться ею, и, по отзывам начальников финских частей, дальнейшее пребывание их на службе не приносит пользы ни им, ни самому делу.

Недопустимость увеличения срока службы будет еще более понятна, если сопоставить положение русского населения, издавна несущего личную воинскую повинность и перешедшего постепенно от 25-летнего к пятилетнему сроку действительной службы, с положением населения Финляндии, не знавшего до 1878 года личной воинской повинности и отбывавшего ее наймом охотников, а теперь принуждаемого перейти от первоначального трехлетнего к более тяжкому пятилетнему сроку.

В заключение 58 членов считают нужным присовокупить, что население Великого княжества Финляндского с введением нового Устава не будет вполне избавлено от учебных сборов запаса. Эти сборы установляются и по проекту, но только для запаса, прошедшего чрез ряды войск.

Руководствуясь изложенным, 58 членов полагают: сохранить для лиц, отбывающих воинскую повинность по финляндскому Уставу, срок действительной службы в три года, изложив сообразно с сим статью 16, статью 50 с прим. 2, статьи 123, 125 и 132 и примечание к статье 133 проекта.

Вопрос 5. О сроке общей службы

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Владимир Александрович, Его Императорское Высочество Государь великий князь Алексей Александрович, граф Пален, Половцов, Роop, граф Бобринский, граф Воронцов-Дашков, Кремер, Тернер, Шамшин, Сабуров 1, князь Хилков, Бергбом, фон-Блом

Четырнадцать членов заметили, что от продолжительности общего срока службы зависит срок пребывания в запасе. В свою очередь от этого последнего условия зависит численность контингента запасных. Так как запас служит для укомплектования войск при приведении их в военный состав, то чрезмерное увеличение контингента запасных не вызывается необходимостью. С другой стороны, хотя для укомплектования войск может быть призываем и первый разряд ополчения, в который зачисляются все запасные чины, но тем не менее едва ли можно считать, что состояние в запасе или в ополчении представляется безразличным. Запасные значительно более стеснены в своей свободе, они подлежат строгому учету и могут быть призываемы чаще на учебные и поверочные сборы. Таким образом, удлинение срока пребывания в запасе составляет усиление тягости повинности.

Соображая эти условия и принимая во внимание, что в настоящее время в Финляндии лица, прошедшие службу в войсках, зачисляются в запас лишь на два года, а также, что земские чины находили достаточным продолжить срок состояния в запасе до семи лет, 14 членов находят более осторожным назначить общий срок службы в 10 лет, причем состояние в запасе, в зависимости от срока действительной службы в 5 лет или 3 года, определилось бы в 5 или 7 лет. Засим, финляндцы будут зачисляться в ополчение до 43-летнего возраста. А так как ополченцы могут быть призываемы для укомплектования действующих войск в случае войны, то уменьшение срока состояния в запасе нисколько не умалит обязанностей финского населения по защите Престола и Отечества по сравнению с населением коренных губерний России. Очевидно, что при этом военное дело нисколько не пострадает, а между тем население не подвергается тягостному впечатлению, которое неминуемо произведет увеличение срока в общем службы с 5 до 18 лет.

По сим основаниям, 14 членов полагают: общий срок службы в постоянных войсках для лиц, отбывающих воинскую повинность по финляндскому Уставу, установить в десять лет и изложить в соответственной редакции статьи 16, 53 и 134 проекта.

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Михаил Николаевич, Его Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, Набоков, Сольский, Гонецкий, граф Игнатьев 1, Победоносцев, Саломон, Ванновский, Фриш, Маркус, Мансуров 2, Рихтер, Обручев, князь Волконский, Дурново, Каханов, Чихачов, Вешняков, Горемыкин 1, Махотин, Розинг, Семенов, граф Протасов-Бахметев, Галкин-Враской, барон Мегден, Марков, Герард, Горемыкин 2, Ермолов, Бобриков, граф Игнатьев 2, Плеве, Витте, Шебеко, барон Икскуль, Иващенков, Петров 1, Лобко, Арсеньев, Куропаткин, барон Фредерикс, Сабуров 2, Голубев, Муравьев, Тыртов, Гудим-Левкович, Шишкин, Петров 2, Гончаров, граф Шереметев, Сипягин, Кобеко, фон-Дервиз, Шидловский, Череванский, Верховский, Бутовский, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий

А пятьдесят девять членов рассуждали, что удлинение общего срока службы в постоянных войсках, влияя на продолжительность состояния в запасе людей, прошедших чрез действительную службу в рядах войск, не представляет никакой особой тягости в сравнении с зачислением этих людей на то же время в ополчение. Как запасные, так и ратники ополчения первого разряда, в которые все запасные перечисляются по окончании срока состояния в запасе, могут быть призываемы для укомплектования войск в случае войны. Разница заключается лишь в том, что запасным ведется более строгий учет, что, состоя в запасе в ведении военного начальства, они менее отвыкают от службы, чем ратники ополчения, и что

в случае войны они призываются в первую очередь. Между тем вполне естественно, чтобы в военное время на финляндцах лежала обязанность по обороне государства на совершенно равных со всеми русскими подданными основаниях. Какие бы, поэтому, ввиду местных особенностей края, им ни были делаемы льготы при отбывании воинской повинности в мирное время, действие подобных льгот не должно распространяться на период войны. Слагать с финляндцев в это время даже малейшую долю возложенной на всех русских подданных священной обязанности защищать Престол и Отечество представлялись бы явно несправедливым в отношении населения коренных губерний России.

По изложенным соображениям, признавая нужным установить в Великом княжестве Финляндском одинаковый с империей общий срок службы в войсках, 59 членов полагают: общий срок службы в постоянных войсках для лиц, отбывающих воинскую повинность по финляндскому Уставу, определить в восемнадцать лет и изложить в соответственной редакции статьи 16, 53 и 134 проекта указа.

Вопрос 6. О выводе из пределов Великого княжества Финляндского ратников ополчения, призываемых в учебные сборы

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Владимир Александрович, Его Императорское Высочество Государь Великий князь Алексей Александрович, Набоков, Сольский, граф Пален, Победоносцев, Половцов, Роop, Маркус, Мансуров 2, Рихтер, Обручев, князь Волконский, граф Бобринский, граф Воронцов-Дашков, Чихачов, Вешняков, Горемыкин 1, Махотин, Розинг, Семенов, граф Протасов-Бахметев, Марков, Герард, Горемыкин 2, Ермолов, Кремер, Тернер, Шамшин, Сабуров 1, Витте, князь Хилков, Иващенков, Арсеньев, Куропаткин, барон Фредерикс, Сабуров 2, Шишкин, Петров 2, Гончаров, граф Шереметев, Кобеко, Бутовский, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий, Бергбом, фон-Блом

Сорок пять членов высказали, что мысль о выводе финляндских ратников в империю для учебных сборов не может быть допущена. В России подобные учебные сборы происходят всегда в пределах подлежащей губернии. Это является вполне нормальным порядком, так как при сборе ратников на 42 дня каждый час дорог для их обучения, и тратить время на передвижение собранных людей на дальние расстояния было бы нецелесообразно. При выводе финляндских ратников в империю может встретиться затруднение и в привлечении достаточного числа опытных инструкторов, которые настолько хорошо знали бы финский язык, чтобы в короткое время научить ополченцев финнов тому многому, что необходимо им для ознакомления с военным делом. Ввиду сего и дабы устранить всякие по настоящему предмету сомнения, надлежит прямо выразить в обсуждаемой статье, что учебные сборы ополчения должны происходить в пределах края.

На сем основании, 45 членов полагают статью 226 проекта изложить следующим образом:

Ст. 226. Лица, означенные в пункте 2 предшедшей статьи, могут быть, с Высочайшего соизволения, призываемы в учебные сборы в пределах Великого княжества Финляндского, но не более двух раз в течение первых четырех лет по зачислении в ополчение, и каждый раз не долее, как на шесть недель.

Его Императорское Высочество Государь великий князь Михаил Николаевич, Его Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, Гонецкий, граф Игнатьев 1, Саломон, Ванновский, Фриш, Дурново, Каханов, Галкин-Враской, барон Мегден, Бобриков, граф Игнатьев 2, Плеве, Шебеко, барон Икскуль, Петров 1, Лобко, Куропаткин, Голубев, Муравьев, Тыртов, Гудим-Левкович, Сипягин, фон-Дервиз, Шидловский, Череванский, Верховский

А двадцать восемь членов заявили, что хотя в действительности до настоящего времени учебные сборы происходят по возможности в недалеком расстоянии от постоянного места

жительства ратников, тем не менее нельзя предвидеть, какие потребности в этом отношении могут возникнуть в будущем. Весьма вероятно, что со временем признано будет необходимым привлекать ратников к совместному обучению с постоянными войсками в лагерях и на маневрах. Тогда может оказаться нужным передвигать их в зависимости от требований военного их образования. Было бы неудобно, если бы такому передвижению встретилось препятствие в прямом указании закона. Кроме того, оговорка о том, что финляндские ратники ополчения могут быть собираемы лишь в пределах края, поставила бы их в привилегированное положение, что в свою очередь давало бы повод к мысли об обособленности их от прочих частей ополчения. Поэтому, находя предпочтительным не делать подобной оговорки в статье 226 проекта, 28 членов полагают изложить ее следующим образом:

Ст. 226. Лица, означенные в пункте 2 предшедшей статьи, могут быть, с Высочайшего соизволения, призываемы в учебные сборы, но не более двух раз в течение первых четырех лет по зачислении в ополчение, и каждый раз не долее, как на шесть недель.

Вопрос 7. О редакции ст. 1 проекта Устава

Обручев, Тернер, граф Игнатьев 2, князь Хилков, барон Икскуль, Лобко, барон Фредерикс, Тыртов

Восемь членов приняли во внимание, что содержащееся в статье 1 определение цели воинской повинности должно быть редактировано возможно точнее. Это определение имеет глубокий смысл. Чтобы поставить воинскую повинность на высоту, ей свойственную, и выделить этот налог крови из ряда прочих налогов материального характера, законодатель счел нужным указать, что защита Престола и Отечества есть «священная» обязанность.

Говорить при этом еще о государстве нет никакой надобности. Государство и Отечество составляют одно и то же. Но невозможно допустить, чтобы при исполнении упомянутой обязанности возникало малейшее сомнение в том, какой Престол и какое Отечество лица, поступившие на военную службу, обязаны защищать. Для населения империи в этом отношении не требуется никаких пояснений. Всем и без того ясно, что нужно защищать Русского Государя и свое Русское Отечество. Для населения же Финляндии при ее особом правовом укладе и неясности существующих в некоторых общественных классах понятий о ее отношениях к империи подобное пояснение безусловно необходимо. Следует прямо выразить, что в России существует только единый Престол, и что все ее подданные имеют лишь одно Отечество. Для этого может служить лишь выражение: «Всероссийские Престол и Отечество». Термин «Всероссийский Престол» уже усвоен нашим законодательством. Он встречается в основных законах (ст. 3, 4 и прил. III, IV и V). Засим, и выражение «Всероссийское Отечество» представляется вполне правильным. Отечество есть синоним государства, а понятие о «Всероссийском государстве» вытекает из Императорского титула.

На сем основании 8 членов полагают изложить статью 1 проекта следующим образом:

Ст. 1. Защита Всероссийских Престола и Отечества есть священная обязанность каждого финляндца, а потому мужское население Финляндии, без различия состояний, отправляет воинскую повинность на основаниях, в сем Уставе изложенных.

Его Императорское Высочество Государь Великий князь Михаил Николаевич, Его Императорское Высочество Государь великий князь Владимир Александрович, Его Императорское Высочество Государь великий князь Алексей Александрович, Его Высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, Набоков, Сольский, Гонецкий, граф Игнатьев 1, граф Пален, Победоносцев, Саломон, Ванновский, Фриш, Половцов, Роop, Маркус, Мансуров 2, Рихтер, Обручев, князь Волконский, Дурново, граф Бобринский, Каханов, граф Воронцов-Дашков, Чихачов, Вешняков, Горемыкин 1, Махотин, Розинг, Семенов, граф Протасов-Бахметев, Галкин-Враской, барон Менгден, Марков, Герард, Горемыкин 2, Ермолов, Кремер, Бобриков, Тернер, Шамшин, Сабуров 1, Плеве, Витте, Шебеко, Иващенков, Петров 1, Арсеньев,

Куропаткин, Сабуров 2, Голубев, Муравьев, Гудим-Левкович, Шишкин, Петров 2, Гончаров, граф Шереметев, Сипягин, Кобеко, фон-Дервиз, Шидловский, Череванский, Верховский, Бутовский, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий

А шестьдесят три члена рассуждали, что обязанность защищать Престол и Отечество представляется для финляндцев совершенно одинаковою с прочими частями населения России. Поэтому желательно по возможности ближе держаться в сем отношении изложения статьи 1 общеимперского Устава о воинской повинности. Указание на «Всероссийские Престол и Отечество» является необходимым при такой редакции, в которой говорится об обязанности финляндцев, а не русских подданных вообще. Если же в законе будет упомянуто об обязанности «русских подданных», то конечно не может возникнуть на практике никаких сомнений по вопросу о том, какой Престол и какое Отечество имелось ввиду при издании настоящего закона, тем более, что закон этот издается в качестве общегосударственного в порядке, установленном основными положениями 3 февраля 1899 г.

Вместе с тем, ввиду сделанного некоторыми членами Соединенного присутствия указания, что было бы правильнее слова: «русские подданные» заменить выражением: «российские подданные», 63 члена заметили, что до настоящего времени в законодательных актах словам: «русский» и «российский» придается тождественное значение. Кроме того, как удостоверили присутствующие в заседании сенаторы Императорского Финляндского Сената, даже и существующее между этими словами этимологическое различие изгладилось бы в переводе на финский и шведский языки. В общеимперском Уставе о воинской повинности говорится о русских подданных, причем этому выражению присвоен характер определения не этнографического, а политического. Под ним разумеются все народности, населяющие Россию. В таком же смысле его следует употребить и в обсуждаемом проекте. Напротив, принятие исключительно в отношении финляндцев выражения: «российские подданные» могло бы вызвать недоумения.

Руководствуясь изложенным, 63 члена полагают изложить статью 1 проекта следующим образом:

Ст. 1. Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, а потому мужское население Финляндии, без различия состояний, подлежит воинской повинности.

Два члена (сенаторы Бергбом и фон-Блом) объявили, что, не соглашаясь ни с тем, ни с другим мнением, они остаются при особом мнении, которое, на основании статьи 90 Высочайше утвержденного 30 марта сего года учреждения Государственного совета, помещено в приложении к настоящему журналу.

Засим, обращаясь к высказанному в Соединенных департаментах четырьмя членами мнению о признании за некоторыми статьями издаваемого ныне Устава о воинской повинности значения основных законов Великого княжества Финляндского, Государственный совет заметил, что возникшее по этому вопросу разномыслие сводится к тому, следует ли придавать особую важность тем статьям Устава, которые заменили некоторые из статей прежнего Устава, объявленных манифестом 6(18) декабря 1878 г. основными законами, и можно ли употреблять этот термин в отношении узаконений общегосударственных, издаваемых в порядке, установленном законом 3 февраля 1899 года. Не признавая нужным входить ныне в обсуждение сего вопроса ввиду заявления членов, составивших меньшинство в Соединенных департаментах, о том, что, оставаясь при высказанных ими соображениях, они не настаивают на изложении отдела I заключения в проектированной ими редакции, — Государственный совет полагает изложить означенный отдел, согласно мнению большинства членов, следующим образом:

Отд. 1. Проект Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском представить на Высочайшее Его Императорского Величества утверждение.

Наконец, относительно разногласия по поводу отдела IX заключения, уполномочивающего Управляющего Морским министерством войти в обсуждение вопроса о распростране-

нии на Великое княжество Финляндское действия постановлений общеимперского Устава о воинской повинности, касающихся отбывания означенной повинности во флоте, и предположения по сему предмету представить на утверждение установленным порядком, — Государственный совет принял во внимание, что такое полномочие представлялось бы излишним, ибо, и независимо от оного, Управляющий Морским министерством будет в праве возбудить означенный вопрос и испросить Высочайшее разрешение на внесение представления по сему предмету на законодательное утверждение. Поэтому Государственный совет предпочитает упомянутый отдел IX из заключения устранить.

Не встречая затем препятствий одобрить единогласные заключения Соединенных департаментов, Государственный совет заметил лишь следующее:

1) Согласно отделу II заключения, новый Устав о воинской повинности вводится в действие в Великом княжестве Финляндском не позднее 1 января 1903 г. (19 декабря 1902 г.) взамен Высочайше утвержденного 6(18) декабря 1878 г. Устава о воинской повинности со всеми к оному дополнениями и изменениями, а равно Высочайшего манифеста 6(18) декабря 1878 г.

В приведенном постановлении указание срока введения в действие нового Устава представляется недостаточно определительным. Оно устанавливает только крайний предел, до наступления которого упомянутый Устав должен воспринять полную силу. С другой стороны, точное указание времени осуществления реформы было бы затруднительно, ибо оно требует производства целого ряда распоряжений, долженствующих следовать в известной постепенности. Заключительным же моментом явится лишь приступ к первому набору людей по новому порядку. Ввиду сего надлежит в отделе II постановить, что новый Устав о воинской повинности вводится в действие в срок по указанию Его Императорского Величества, а засим в особом пункте оговорить, что первый призыв новобранцев по сему имеет быть произведен в 1903 году.

Согласно с сим, в заключении следует сделать следующие изменения;

1) Отдел II изложить таким образом:

Отд. II. Означенный Устав (отд. I) ввести в действие в Великом княжестве Финляндском в срок по указанию Его Императорского Величества взамен Высочайше утвержденного 6(18) декабря 1878 г. Устава о воинской повинности со всеми к оному дополнениями и изменениями, а равно Высочайшего манифеста 6(18) декабря 1878 г.

2) Дополнить заключение новым (III) отделом следующего содержания:

Отд. III. Первый призыв новобранцев в Великом княжестве Финляндском на основании нового Устава о воинской повинности (отд. I) произвести в 1903 году.

3) Сообразно с вышеизложенным, изменить нумерацию остальных постановлений заключения.

2) На основании последней части статьи 118 проекта Устава, лица, выселившиеся из Финляндии до вынутия ими жребия, но возвратившиеся до достижения 34-летнего возраста, призываются затем к вынутию жребия с новобранцами следующего призыва, и, если окажутся годными к службе, участвуют в жребии с возрастом, который к тому призван.

Правило это может подать повод к сомнениям при сопоставлении оного с статьею 267, по силе коей лица, проживающие самовольно вне пределов России по достижении 21 года с целью уклониться от воинской повинности, привлекаются к уголовной ответственности. Очевидно, что статья 118 должна касаться только лиц, выселившихся из России с надлежащего разрешения, а не самовольно, что и следует в ней прямо выразить, изложив ее в следующей редакции.

Ст. 118. Если кто окажется по ошибке не внесенным в призывной список и вследствие этого в определенное время не призван к жребию, то он, буде пропуск откроется до достижения им тридцати четырехлетнего возраста, призывается к первому следующему затем вынутию жребия с возрастом, который к тому призван. Если же находится в возрасте от тридцати четырех до сорока трех лет, то зачисляется в ополчение.

То же правило применяется и к лицам, выселившимся с надлежащего разрешения из пределов России до вынутия ими жребия, но возвратившимся до достижения тридцатичетырехлетнего возраста.

Руководствуясь приведенными суждениями, Государственный совет в Общем собрании положил:

I. Единогласные заключения Соединенных департаментов законов, гражданских и духовных дел, государственной экономии и промышленности, наук и торговли по сему делу утвердить, причем:

1) Заменить отделы I и II заключения следующими постановлениями:

Отд. I. Проект Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском представить на Высочайшее Его Императорского Величества утверждение.

Отд. II. Означенный Устав (отд. I) ввести в действие в Великом княжестве Финляндском в срок по указанию Его Императорского Величества взамен Высочайше утвержденного 6(18) декабря 1878 г. Устава о воинской повинности со всеми к оному дополнениями и изменениями, а равно Высочайшего манифеста 6(18) декабря 1878 г.

Отд. III. Первый призыв новобранцев в Великом княжестве Финляндском на основании нового Устава о воинской повинности (отд. I) произвести в 1903 г.

2) Отдел IX заключения устранить.

3) Статью 118 проекта Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском изложить следующим образом:

Ст. 118. Если кто окажется по ошибке невнесенным в призывной список и вследствие этого в определенное время не призван к жребию, то он, буде пропуск откроется до достижения им тридцатичетырехлетнего возраста, призывается к первому следующему затем вынутию жребия с возрастом, который к тому призван. Если же находится в возрасте от тридцати четырех до сорока трех лет, то зачисляется в ополчение.

То же правило применяется и к лицам, выселившимся с надлежащего разрешения из пределов России до вынутия ими жребия, но возвратившимся до достижения тридцатичетырехлетнего возраста.

II. Последовавшие при обсуждении настоящего дела разные мнения по вопросам: 1) об установлении в законе численности контингента новобранцев в Великом княжестве Финляндском; 2) о назначении финляндских новобранцев на службу в русские части войск; 3) о выводе из пределов Великого княжества в мирное время частей войск, пополняемых преимущественно финляндскими уроженцами; 4) о сроке действительной службы в войсках; 5) о сроке общей службы; 6) о выводе из пределов Великого княжества ратников ополчения, призываемых в учебные сборы и 7) о редакции статьи 1 проекта Устава, — представить на Высочайшее благоусмотрение и разрешение Его Императорского Величества.

Особое мнение сенаторов Бергбома и фон-Блома по вопросу о редакции ст. 1 проекта Устава

Чрезвычайный Финляндский Сейм, идя навстречу содержавшемуся в Высочайшем предложении о пересмотре Устава о воинской повинности указанию на необходимость устранения всякого сомнения в том, что поставляемые Великим княжеством Финляндским войска служат для защиты не только края, но и империи, — признал нужным дополнить § 1 действующего в Великом княжестве Устава о воинской повинности словами: «и Российского государства». Такое изменение редакции этого параграфа вполне достаточно для достижения имеющейся ввиду цели, ибо не может быть речи о раздельности Престолов Великокняжеского и Императорского, а слово «отечество», как объяснено в отзыве земских чинов, должно быть сохранено, ибо оно служит этическим основанием воинской повинности. Равным образом надлежит сохранить и выражение: «финляндский гражданин», более точное, чем «русский подданный», или же сказать: «финляндские подданные Его Императорского

Величества». Ввиду сего, 2 члена полагают изложить статью 1 проекта в редакции, предположенной Сеймом, а именно.

«Для защиты Престола, Отечества и Российского государства каждый финляндский гражданин подлежит воинской повинности на основаниях, в сем Уставе изложенных».

Подписали: Оссиан Бергбом

М. фон-Блом

РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1901. Д. 34. Л. 1752–1774. Типографский текст. Л. 1871–1893. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/286-291. Государственный совет. Материалы. Т. 291 [10].

№ 65. Манифест об издании Высочайше утвержденного для Великого княжества Финляндского нового Устава о воинской повинности

29 июня (12 июля) 1901 г.

Положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи налагает на его население долг участвовать в защите Престола и Отечества, подчиняясь на ряду со всеми Нашими верноподданными узаконениям, единство русской армии обеспечивающим.

Блаженной памяти Дед Наш Император Александр II в сознании сего важного начала законом 6(18) декабря 1878 года установил для Финляндского края, по примеру прочих частей государства, всеобщее личное отбывание воинской повинности. По прошествии десяти лет со времени применения сего закона, опыт удостоверил его неудобства. Вследствие сего и сообразно преподанным в Бозе почивающим Родителем Нашим и Нами основаниям действующие в Финляндии постановления о воинской повинности были подвергнуты пересмотру для согласования их с общеимперскими.

По завершении сего труда, утвердив для Великого княжества Финляндского новый Устав о воинской повинности, Мы признали за благо облегчить финскому народу переход к иному порядку ее отбывания. Ввиду сего, положили Мы, впредь до Нашего особого указания, зачислять новобранцев только в части войск, пополняемые преимущественно финляндскими уроженцами, а также сократить численность призываемых ежегодно на действительную службу людей. Да будет эта последняя мера, вызывающая упразднение некоторых финских войсковых частей, вящшим засвидетельствованием Нашего намерения не увеличивать до времени личную тяготу населения Финляндии по воинской повинности.

Пребывая в уверенности, что устанавливаемый порядок обеспечит сообразное современным условиям исполнение населением Финляндии общегосударственной обязанности, Мы повелеваем:

I. Устав о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском, сего числа Нами утвержденный, ввести в действие взамен Устава о воинской повинности 6(18) декабря 1878 года со всеми к оному дополнениями и изменениями, а равно Манифеста, в тот же день данного.

II. Первый призыв новобранцев на точном основании нового Устава (отд. I) произвести в 1903 году.

III. Впредь до особого Нашего повеления: а) новобранцев, которые будут зачисляться на службу на основании издаваемого Устава (отд. I), направлять в финские гвардейский стрелковый батальон и драгунский полк и, б) численность призываемых ежегодно людей, начиная с текущего года, соразмерять с потребностью по укомплектованию сих батальона и полка.

IV. В срок, по указанию Нашему, ввести в действие в Великом княжестве Финляндском следующие постановления:

1) Высшее заведывание частями войск, пополняемыми преимущественно финляндскими уроженцами, принадлежит военному министру.

2) Главное начальствование над означенными в статье 1-й частями войск, при расположении их в Финляндском военном округе, вверяется командующему войсками сего округа, который управляет этими частями при посредстве подведомственных ему военноокружных управлений.

3) Определение снаряжения и содержания частей войск, пополняемых преимущественно финляндскими уроженцами, зависит от Нашего усмотрения. Расходы по сим предметам производятся из финляндской казны.

4) Части войск, пополняемые преимущественно финляндскими уроженцами, могут быть как в мирное, так и в военное время употребляемы на службу, по Нашему усмотрению, в пределах России и за границею.

5) Свободное владение русскою речью и русскою грамотою является непременным условием при производстве в офицеры и в унтер-офицеры.

6) Жители села Райвола Выборгской губернии, не принадлежащие к туземному населению Финляндии, подчиняются действию общеимперского Устава о воинской повинности (св. зак. т. IV, изд. 1897 г.), но им предоставляется право отбывать воинскую повинность на основании Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском (отд. I).

V. Приступить к постепенному, по особым Нашим указаниям, расформированию финских армейских стрелковых батальонов.

VI. До образования окружных по воинской повинности присутствий все обязанности их по новому Уставу (отд. I) исполнять призывным присутствиям.

VII. Предоставить всем лицам, коих издание нового Устава о воинской повинности (отд. I) застанет в рядах войск, в запасе или в ополчении, отбыть воинскую повинность на основании правил Устава 6(18) декабря 1878 года, но с тем, чтобы чины запаса, не прошедшие через ряды войск, были на соответствующий срок зачислены в ополчение первого разряда.

Дан в Петергофе в 29-й день июня в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот первое, царствования же нашего в седьмое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:
«НИКОЛАЙ».

Опубл.: ПСЗРИ. Т. XXI. Отд. 1. 1901. СПб., 1903. Ст. 20456.

№ 66. Из Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском

29 июня (12 июля) 1901 г.

Устав
о воинской повинности
в Великом княжестве Финляндском

Глава первая
Общие положения

1. Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, а потому мужское население Финляндии, без различия состояний, подлежит воинской повинности.

2. Денежный выкуп от воинской повинности и замена охотником не допускается.

3. Русским подданным (христианам), не принадлежащим к туземному населению Финляндии, предоставляется право отбывать воинскую повинность на основании сего Устава, если за два года до приписки к призывному участку они сами или родители их приобрели в Финляндии оседлость или постоянные занятия.

4. Финляндским уроженцам предоставляется право отбывать воинскую повинность на основании общеимперского Устава о сей повинности (Свода Зак. Т. IV, изд. 1897 г.), если они сами или родители их имеют недвижимую собственность в избранном ими вне Фин-

ляндии участке или же если они состоят на жительстве в сем участке не менее трех месяцев до дня заявления о выборе одного для явки к призыву.

5. В случае перехода на жительство к местности империи, в которых воинская повинность отправляется по особым положениям, а также в местности, указанные в статье 6, лица, имевшие при этом более пятнадцати лет, отбывают сию повинность на основании настоящего Устава.

6. Жители Лаппмарского уезда, а также общины Куолаярви Кемского уезда, освобождаются, впредь до иного о том Высочайшего повеления, от отбывания воинской повинности, а потому не призываются к жеребью.

7. Население Финляндии отбывает воинскую повинность в постоянных войсках и в ополчении (ст. 222–265). Сие последнее созывается лишь в чрезвычайных обстоятельствах военного времени.

8. Постоянные войска составляют: 1) части войск, пополняемые ежегодными наборами людей, и 2) запас армии, служащий для приведения войск в полный состав и состоящий из людей, уволенных до выслуги полного срока службы.

9. Число людей, потребное для пополнения армии (ст. 8, п. 1), определяется ежегодно по представлениям военного министра порядком, указанным в статьях 4 и 7, Высочайше утвержденных 3 февраля 1899 года (16447), Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, и объявляется Высочайшим указом Правительствующему Сенату, а в Великом княжестве — Императорскому Финляндскому Сенату Высочайшим Рескриптом на имя Финляндского генерал-губернатора.

10. Призываемые на службу на основании сего Устава новобранцы отбывают воинскую повинность в частях войск, пополняемых преимущественно финляндскими уроженцами. По особому расписанию, утвержденному одновременно с определением численности контингента новобранцев и в том же порядке, часть этого контингента может быть назначаема на пополнение других частей Русских войск, расквартированных как в Финляндском, так и в Петербургском военных округах.

11. Поступление на службу по призывам решается жеребьем, который вынимается единожды на всю жизнь. Лица, по нумеру вынутого ими жеребья не подлежащие поступлению в постоянные войска, зачисляются в ополчение.

12. К жеребью ежегодно призывается только один возраст населения, именно молодые люди, которым к 1 января того года (19 декабря предшествующего года), когда призыв производится, минул двадцать один год от роду.

13. Лицам, удовлетворяющим определенным условиям образования, предоставляется отбыть воинскую повинность без жеребья, в качестве вольноопределяющихся, на основании правил, изложенных в главе XI сего Устава, а также в военных постановлениях.

14. Не допускаются к жеребью и на службу не принимаются лица, приговоренные судом к наказаниям, сопряженным с последствиями по §§ 11 и 14 главы II Уголовного уложения Великого княжества Финляндского или же с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ.

15. Ежегодный призыв к исполнению воинской повинности и назначение на службу по жеребью производится с 15(2) апреля по 24(11) июня. [...]

Опубл.: ПСЗРИ. Т. XXI. Отд. 1. 1901. СПб., 1903. Ст. 20456.

№ 67. Докладная записка канеллана Эсбоской церкви К.Э.С. Генриксона[240] и главного пастора Эсбоской церкви А.А. Флееге[241] Эсбоской церкви Эсбоскому коронному ленсману об отказе публиковать Манифест о воинской повинности

22 августа (4 сентября) 1901 г.
Перевод

Г-ну Эсбоскому Коронному Ленсману[242]

В Эсбоскую церковь — как сообщают, через Вас — прислан таинственный документ, содержащий незасвидетельствованную копию, как утверждают, с Высочайшего Манифеста и так называемый «Устав о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском», на котором значатся следующие подписи: «председатель Государственного совета (подписал) "Михаил"»[243], «министр статс-секретарь "Плеве"» — установление и два лица, которые, поскольку нам известно, не имеют решительно никакой ни законодательной, ни правительственной власти в этой стране. Ибо то установление, которое в Великом княжестве Финляндском, кажется, почти соответствует русскому Государственному совету, именуется «Императорским Финляндским Сенатом». Лицо, ныне занимающее должность финляндского министра статс-секретаря, согласно нашему статс-календарю, носит фамилию фон-Плеве, а не Плеве. Над словом «список» перед «манифестом» напечатаны слова («Публиковать в церквах»), очевидно впоследствии прибавленные каким-либо безымянным лицом, которое, по всей вероятности, выставило те же слова перед «Уставом о воинской повинности». Мы обратили внимание на это, так как законы, издаваемые для этой страны, заканчиваются словами: «По Собственному Его Императорского Величества Решению, Высочайшим Его Величества именем, Императорский Финляндский Сенат», после чего следуют подписи подлежащих сенаторов и докладчика. Всего этого, однако, нет в означенном документе, который, поэтому представляется нам своеобразной мистификацией. Поэтому мы не могли прочитать его с кафедры, тем более, что он по своему содержанию существенно расходится с решением последнего чрезвычайного Сейма по вопросу о воинской повинности, и так как согласно нашей конституции, подтвержденной присягою Монархов, новый Устав о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском мог бы быть издан лишь таким образом, что Его Императорское Величество во всех частях одобрил бы упомянутое решение. Принятою нами присягою на верноподданство и верность службы мы обязались повиноваться всем действующим в стране законам и постановлениям. Закон должен считаться действующим до отмены его в установленном порядке. Таким образом, также Устав о воинской повинности от 6/18 декабря 1878 г. должен считаться действующим до отмены его в установленном порядке, т. е. тождественным решением Государя и земских чинов. Поэтому мы, до исполнения сего, присягою и совестью связаны с этим законом и не можем повиноваться ничему другому в этом отношении и тем паче не можем объявить в виде закона. Мы вполне уверены в том, что Император и Великий князь и не требует ничего такого от нас. В своем всеподданнейшем представлении Его Императорскому Величеству по поводу так называемого февральского манифеста Императорский Сенат, между прочим, изложил: «Внутренний порядок Финляндии и ее отношение к империи установлены были Блаженной памяти Императором Александром Первым через Высочайшее удостоверение 15/27 марта 1809 г. Этим, как Императору самому благоугодно было Высочайше назвать его, торжественным актом, объявленным в присутствии земских чинов в святилище, Император утвердил и удостоверил религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословие в особенности и все население Великого княжества, от мала до велика, вообще пользовались до сего времени по конституции. Само собою разумеется, что Император при этом имел в виду те конституционные права, которые согласно действовавшему ранее для Финляндии государственному строю принадлежали подданным, т. е., точнее, их исконное право на самообложение налогами и участие в законодательстве[a] — — — . В том случае, когда конституция

[a] *Дальше в тексте набор тире.*

требует, чтобы решение земских чинов утверждено было Монархом без изменения или дело считалось на тот раз оставшимся без последствий. Всемилостивейший Государь! Обыватели Финляндии никогда не перестанут благословлять память того великодушного Монарха, который, когда Финляндия при присоединении к империи шла навстречу новым судьбам, сумел привязать этот народ к себе нерасторжимыми узами верности и любви. Финский народ также глубоко сознает долг благодарности, лежащий на нем по отношению к его последующим великодушным Монархам за сень, данную этому народу, и благодеяния, оказанные ему. Он питает столь высокое мнение о священной особе Монарха и о ненарушимости дареного слова, что он в них всегда усматривал непоколебимую опору сохранению законного положения страны. В Сенате Вашего Императорского Величества, поэтому, не может возникать мысли о том, чтобы в Высочайшую волю и намерения Вашего Императорского Величества входило отказаться от того торжественного удостоверения финскому народу, которое Ваше Императорское Величество при своем вступлении на престол, дали о сохранении конституции страны в ненарушимой и непреложной ее силе и действии».

Выслушав чтение этого всеподданнейшего представления Сената исправлявшим должность министра статс-секретаря Прокопе, Его Императорское Величество, согласно отзыву его, казался взволнованным по поводу того, что могли думать, чтобы он нарушил свое слово. Имея это пред глазами, мы не считаем себя вправе думать, чтобы присланный Вами, милостивый государь, нам документ удостоился Высочайшего Его Императорского Величества утверждения, если не удалось ввести Его в заблуждение относительно истинной сущности его. В нашей церкви, как и в других церквах страны, на видных местах выставлены удостоверения всех наших возлюбленных Монархов о ненарушимом сохранении нашей конституции и наших законов. На эти удостоверения мы указали нашим прихожанам, которые глубоко опечаленные и взволнованные по поводу вышеупомянутого, присланного Вами нам документа, настойчиво протестовали против прочтения его в церкви. Вследствие этого указания они в значительной степени успокоились.

Мы, наконец, напоминаем о следующем заявлении архиепископа Г. Иогансона в его речи Его Императорскому Величеству при закрытии чрезвычайного Сейма, к каковому заявлению мы вполне присоединяемся: «Решение земских чинов выражает правовое понятие относительно политического положения края, разделенное великими Монархами Финляндии и разделяемое также финским народом. Любовь финского народа к Августейшим Монархам была всегда глубока, и он не хотел бы оскорблять чувства Государя Императора и Великого князя, но он не может отказаться от прав, утвержденных всеми его Монархами и составляющих жизненное условие для существования его в виде народа. Сохранение святости закона безусловно необходимо для нравственного развития народа. Весь финский народ проникнут мыслью: Если бы Государь Император и Великий князь знал, какие душевные муки в настоящее время испытывает верный финский народ, какою скорбью и каким страхом он объят, Всемилостивейший Государь вскоре устранил бы причины печали. И народ уверен, что это не было бы трудно Государю Императору и Великому князю».

Эти свои наблюдения и рассуждения мы сочли долгом сообщить Вам, милостивый Государь, для принятия соответственной и законосообразной меры. Эсбо, 4 сентября 1901 г.

(Подп.) Капеллан К.Э.С. Генриксон

(Подп.) Главный пастор Аксель-Август Флеге*

Перевел Велин[241]

[a-a] Верно: Гвардии Капитан Рейнбот[a-a]

НАФ. Фонд Особый отдел Канцелярии генерал-губернатора, дело 104/IV/1901, папка Гь:43. Л. 62–64. Машинопись на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь ниткой, заверенная гвардии капитаном Рейнботом.

---

* *Правильно: Флееге.*

[a-a] *Вписано чернилами.*

№ 68. Докладная записка референта-секретаря Духовной экспедиции Сената Ф. Нордлунда об опубликовании Манифеста о воинской повинности в церквях губернии и реакции на это[245]

8(21) сентября 1901 г.
Копия

Докладная записка
относительно публикования в церквах Высочайшего Манифеста от 29 июня (12 июля) и Устава о воинской повинности от того же числа и о принятых Императорским Сенатом по этому делу мерах

По напечатании Высочайшего Манифеста от 29 июня (12 июля) и Устава о воинской повинности от того же числа с сделанною на них надписью «публиковать в церквах» в сборниках постановлений Великого княжества Финляндского за 1901 год № 26 до сведения Императорского Сената дошло, что в некоторых местностях предполагается оказать противодействие прочтению названных постановлений в церквах. Ввиду сего начальник Духовной экспедиции сенатор Генец[246] секретным письмом от 8 минувшего августа сообщил о сем всем евангелическо-лютеранским епископам края, прося, чтобы они соответственным образом, соблюдая также секрет, обратили внимание подлежащего духовенства на то, что отдельные духовные лица не имеют право на подобное вмешательство в политические дела края, и что неисполнение ими лежащей на них в этом отношении обязанности является неуместным, тем более, что упомянутые манифест и Устав о воинской повинности не касаются церковного учения и порядка, а между тем отказ духовенства от публикования их, хотя бы от публикования отказалась только часть духовенства, может навлечь на церковь и весь финский народ нежелательные последствия. Уже ранее, а именно 7 августа Гражданская экспедиция предположила всем губернаторам истребовать от подлежащих властей и представить в свое время в Гражданскую экспедицию сведения о том, в какое воскресенье упомянутые Высочайшие Манифест и Устав о воинской повинности публикованы в церквах отдельных приходов губернии.

После того как епископы особыми предписаниями напомнили духовенству отдельных приходов об указанной в вышеупомянутом отношении Духовной экспедиции обязанности его, 62 пастора Боргоской и Нейшлотской епархии подали в Императорский Сенат всеподданнейшие прошения, в коих они; излагая, что земские чины чрезвычайного Сейма 1899 года в всеподданнейшем отзыве по поводу переданных им Высочайших Его Императорского Величества предложений донесли, что в случае, если новый Устав о воинской повинности издан будет вне порядка, установленного основными законами края, за ним не может быть признано силы закона, и что поэтому упомянутые манифест и Устав о воинской повинности не могут быть признаны действительными; что просители священного верноподданническою и духовною присягою обязались соблюдать действующие законы и постановления; что если просителям пришлось бы публиковать для руководства Высочайший Манифест и Устав о воинской повинности от 29 июня (12 июля) 1901 года, совестью их овладели бы тяжкие сомнения, так как они, с одной стороны, обязаны соблюдать Высочайшую волю Его Императорского Величества, но, с другой стороны, данные ими присяги не дозволяют им публиковать для руководства другие законы, кроме имеющих законную силу, и что просителям в качестве приходских пасторов известно, какое глубокое и безнадежное горе овладело даже и низшими слоями финского народа по поводу упомянутых манифеста и Устава, ходатайствовали, чтобы Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивейше освободить их от обязанности публиковать означенные манифест и Устав. Кроме того, два пастора Боргоской епархии и один пастор Нейшлотской епархии заявили, что совесть не дозволяет им публиковать названных постановлений. При состоявшемся 7 и 14 сего сентября докладе этих дел Императорский Сенат, отклонив на основании п. 23 § 100 Высочайшего постановления от 13 сентября 1892 года об учреждении Императорского Финляндского Сената вышеприведенные ходатайства, предложил подлежащим Духов-

ным консисторіям подтвердить подведомственному им духовенству, как они на основаніи дѣйствующихъ постановленій обязаны поступить в данном случае, и сдѣлать распоряженіе о том, чтобы Высочайшіе Манифест и Устав о воинской повинности во всяком случае публикованы были во всех церквах епархій. О таковом постановленіи Императорского Сената сообщено Духовным консисторіям Боргоской и Нейшлотской епархій для сведенія и руководства, а равно, на тот случай, что подобное же противодействие оказано было бы в Абоской архіепархіи и Куопиоской епархіи, Духовным консисторіям и этих епархій для сведенія и руководства в подлежащих случаях.

Пока еще в Духовную экспедицію не поступало сведеній о том, какие меры по поводу сего будут приняты Духовными консисторіями.

Гражданская экспедиция сообщает, что Выборгскій губернатор во исполненіе данного ему 7 минувшего августа предписания представил в Сенат донесенія пасторов Коівистоского, Руоколахтиского и Раутъярвиского приходов Выборгской губерніи, в коих названные пасторы заявляют, что манифест и Устав о воинской повинности не могли быть публикованы, так как прихожане в одних церквах удалились все поголовно, а в других протестовали и пели псалом «Наш Бог твердыня наша».

По слухам известно, что и в некоторых других приходах при попытках духовенства публиковать означенные Высочайшіе постановленія прихожане тем или иным способом мешали духовенству осуществить это намерение, но так как об этом еще не имеется официальных сведеній, то обстоятельства не могут быть изложены подробно. Можно, однако, с достоверностью предположить, что публикация в настоящее время уже беспрепятственно произведена или производится в большинстве приходов края.

Гельсингфорс
по Духовной экспедиціи Императорского Финляндского Сената, 21 сентября 1901 года.
По приказанію
Референдарій-секретарь Ф. Нордлунд
Верно:

НАФ. Фонд Особый отдел Канцелярии генерал-губернатора, дело 104/IV/1901, папка Гь:43. Л. 241–245. Писарская копия на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь.

№ 69. Всеподданнейший адрес финского народа Его Величеству Императору и Великому князю по поводу Высочайшего Манифеста от 29 июня (12 июля) 1901 года и закона о воинской повинности

15(28) сентября 1901 г.

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ АДРЕС ФИНСКОГО НАРОДА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТОРУ и ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПО ПОВОДУ ВЫСОЧАЙШЕГО МАНИФЕСТА ОТ 29 ИЮНЯ (12 ИЮЛЯ) 1901 года И ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОГО ТОГО ЖЕ ЧИСЛА т. н. ЗАКОНА О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО

Подано в Регистраторскую контору Императорского Финляндского Сената, 28/15 сентября 1901 года. Перевод

Державнейшій, Всемилостивейшій Государь Императоръ и Великій князь.

Измѣненіе Вашим Императорским Величеством закона о воинской повинности Финляндіи вызвало повсеместно в крае всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденные Вашим Императорским Величеством 12 іюля (29 іюня) сего года декреты, манифест и закон о воинской повинности, составляют коренное нарушение основ-

ных законов Великого княжества и драгоценнейших прав, принадлежащих финскому народу и всем гражданам края в силу его законов.

Постановление об обязанностях граждан по защите края могут на основании основных законов издаваться не иначе, как с согласия земских чинов. В этом порядке и был издан закон о воинской повинности 1878 года согласным решением Императора Александра II и земских чинов. В царствование Императора Александра III последовали многие частичные изменения этого закона, но каждый раз не иначе, как с согласия земских чинов. Вопреки сему, ныне без согласия земских чинов, объявлено, что закон 1878 года отменяется, между тем как изданные взамен его новые постановления всецело расходятся с решением земских чинов чрезвычайного Сейма 1799 года.

Одно из важнейших прав, принадлежащих каждому финляндскому гражданину — жить и действовать под сенью финляндских законов. Ныне этого права лишены тысячи и тысячи финляндских граждан, так как новый закон о воинской повинности заставляет их служить в русских войсках; воинская повинность превращается в страдание для тех сынов Финляндии, которые насильственно будут зачисляться в войска, чуждые им по языку, религии, правам и обычаям.

Новые постановления отменяют всякое ограничение путем закона ежегодного контингента новобранцев. Сверх того, они вовсе не признают указанного в основных законах права земских чинов участвовать в определении военного бюджета.

Даже ополчение, вопреки основному положению закона 1778 года, поставлено в совершенную зависимость от усмотрения военного министерства.

Впечатление от подобных установлений не смягчается тем, что в манифесте объявлены временные облегчения, которые будут иметь силу в течение неопределенного пока еще переходного времени, так как вслед за временным уменьшением числа призываемых последуют неограниченные призывы на службу в русские войска.

Финляндский народ не просил никакого облегчения тяжести военного бремени. Земские чины, выражающее мнение народа, доказали готовность Финляндии по мере сил увеличить долю участия ее в защите государства, но при условиях сохранения правового положения финского войска в качестве финляндского учреждения.

В противность сему, по новым постановлениям большая часть финских войск будет упразднена, русские офицеры получат право поступать на службу в немногие остающиеся части, даже унтер-офицеры в этих частях обязаны будут владеть русским языком, чем финляндские уроженцы, и особенно из крестьянского сословия, совершенно устраняются от занятия названных должностей; эти войска поступают под ведомство русских управлений и даже в мирное время могут размещаться вне пределов Финляндии.

Эти постановления, не преследующие каких-либо улучшений, стремящиеся лишь уничтожить национальные войска Финляндии, указывают на недоверие, — повода к которому финляндский народ ничем не подал за все время почти столетнего его соединения с Россией.

В новых постановлениях о воинской повинности встречаются также выражения, заключающие в себе отрицание существования у финского народа особого отечества, а у уроженцев края — прав финляндского гражданства. В этих выражениях просвечивают цели, несовместимые с несомненным правом финского народа сохранить, в соединении своем с Россией, то политическое положение, которое ненарушимо было удостоверено за Финляндией в 1809 году.

За последние годы накоплялось над нашим краем много тяжелого горя. Раз за разом убеждались, что установления основных законов края игнорировались, отчасти в законодательных мероприятиях, отчасти замещением важных должностей русскими уроженцами. Администрация края приняла такое направление, как будто задача ее поколебать спокойствие и порядок, препятствовать общеполезным стремлениям и вызывать неприязнь между русскими и финляндцами.

Самым тяжелым несчастьем для края является, однако ж, введение новых постановлений о воинской повинности.

Во всеподданнейшем ответном представлении от 27 мая 1899 года земские чины подробно доложили о том порядке, который по основным законам Финляндии должен быть соблюдаем при издании закона о воинской повинности. При этом они указали, что если новый закон о воинской повинности будет издан в ином порядке, то, даже действуя под давлением силы, он в правовом отношении не может быть признан действительным, а в глазах финляндского народа покажется лишь насилием.

Все, что земскими чинами, таким образом, было указано, продолжает оставаться выражением правосознания финского народа, которое насильственно не может быть изменено.

Надо опасаться весьма тяжелых последствий от повелений несогласованных с законами края. Для чиновников и правительственных учреждений возникает мучительный разлад с чувством долга, так как совесть побуждает их не руководствоваться подобными повелениями. Число трудоспособных граждан уже ранее выселявшихся из опасения грозящих перемен, еще более увеличится, если объявленные постановления приведены будут в действие.

Новые постановления о воинской повинности, как и другие мероприятия, направленные против права финского народа на особое политическое и национальное существование, неминуемо должны подрывать доверие между Монархом и народом, вызывать все усиливающееся неудовольствие, чувство всеобщего гнета и неуверенности, а также создавать величайшие затруднения для общества и для его членов в работе на благо края. Для предотвращения сего не имеется иных средств, как заменить вышеприведенные декреты законом о воинской повинности, изданным при участии земских чинов, а правительственным властям края вообще руководствоваться точно указаниями Основных законов.

Финский народ не может перестать быть особым народом. Сплотившийся благодаря общей исторической судьбе, общему правовому сознанию и культурной работе, наш народ останется верным своей любви к финляндскому отечеству и к своей законом обеспеченной свободе. Народ не уклонится в своем стремлении с достоинством занимать в среде народов свое скромное, судьбою ему указанное место.

Также твердо, как мы верим в наше право и уважаем наши законы, служащие нам опорою в общественной нашей жизни, также твердо мы и убеждены в том, что единству могущественной России не может быть причиняем вред, если Финляндия и впредь будет управляема в согласии с основными началами, определенными в 1809 году, и вследствие этого чувствовать себя счастливою и спокойною в соединении своем с Россией.

Чувства долга перед родиною заставляют жителей всех общин и слоев общества обратиться к Вашему Императорскому Величеству с правдивым и неприкрашенным изложением положения дела. Выше мы указали, что недавно обнародованные постановления о воинской повинности, противоречащие торжественно удостоверенным основным законам Великого княжества, не могут быть признаны имеющими силу закона. Считаем долгом добавить к сему, что военная тягота сама по себе не такого значения имеет для финского народа, как потеря твердых правовых установлений и законных гарантий по отношению к этому столь важному вопросу. Всеподданнейше просим по сему, да соблаговолите, Ваше Императорское Величество, подвергнуть вопросы, затронутые в этом представлении такому Всемилостивейшему рассмотрению, какое вызывается серьезностью их свойства.

Пребываем с глубочайшим верноподданническим благоговением и преданностью.

Державнейший Всемилостивейший Государь Император и Великий князь, Вашего Императорского Величества верноподданные

(Подписи 473 363 граждан Великого княжества Финляндского).

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2347. Л. 1–28. Перевод с финского языка. Копии на русском и французском языках.

РНБ. Шифр: ВП 1126. Всеподданнейший адрес... [б. м., б. г.].

№ 70. Из заключения и проекта Законоподготовительного Учреждения по вопросу о пересмотре в некоторых частях Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского

20 ноября (3 декабря) 1901 г.

Копия с перевода

Заключение и проект Законоподготовительного Учреждения по вопросу о пересмотре в некоторых частях Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского.

I. Введение

На Сейме 1900 года земские чины Финляндии в всеподданнейшей петиции ходатайствовали о принятии мер к устранению разных указанных в петиции ошибочных направлений в руководстве управлением Финляндии и к согласованию оного с законами и общественным строем края. Его Императорское Величество по докладу этого дела, между прочим, соизволил Высочайше повелеть Императорскому Финляндскому Сенату приступить к пересмотру Сеймового Устава Великого княжества Финляндского от 13 апреля 1869 года, в видах более точного определения компетенции Сейма и усовершенствования порядка ведения на нем дел. Засим Императорский Сенат выпиской из протокола от 27 февраля 1901 года предложил первому отделению Законоподготовительного Учреждения под надзором начальника Экспедиции юстиции подвергнуть это дело предварительному рассмотрению в означенных частях и до исхода того же года представить Сенату заключение в проект по сему предмету.

Как указано в протоколе Императорского Сената, Высочайше предначертанный, таким образом, пересмотр Сеймового Устава в отношении определения компетенции Сейма, согласно мотивам, изложенным в отношении статс-секретариата Финляндии от 28 августа 1900 года, призван необходимым, главным образом, в видах предупреждения злоупотреблений предоставленным земским чинам правом петиций. Подача означенной петиции об устранении ошибочных направлений в управлении Финляндии, как изложено в отношении статс-секретариата, признана действием, нарушающим пределы власти Сейма, «так как Сеймовый Устав, определяя порядок участия земских чинов в местном законодательстве и в делах управления по некоторым делам финансовой администрации, не предоставляет им никаких прав на участие в делах общего управления краем, и, в частности, § 51 Сеймового Устава (в редакции закона 1886 года) допускает подачу петиций только по предмету издания, изменения или отмены законов». Изменение же определений Сеймового Устава о порядке ведения на нем дел признано необходимым для того, чтобы, упорядочив Сеймовые занятия, предупредить «нежелательные явления, подобные тем, кои имели место на последних двух Сеймах, когда речи Сеймовых ораторов, получившие широкую огласку путем печати, колебали уважение к установленным властям и подрывали основы государственного порядка».

Ввиду задач преднамеченной, таким образом, законодательной меры, Императорский Сенат признал необходимым произвести тщательное историческое исследование как относительно природы и объема права петиций земских чинов Финляндии, так и относительно порядка ведения дел на Сеймах, в частности по вопросу о предоставлении сословным представителям свободы суждений, с тем, чтобы исследование сего последнего вопроса Законоподготовительным Учреждением было дополнено сравнительным сопоставлением порядка, соблюдаемого на представительных собраниях в других странах.

Во исполнение возложенного, таким образом, на Законоподготовительное Учреждение поручения составлен сначала основывающийся на официальных актах и других доступных сведениях очерк по вопросу о природе, возникновении и развитии публичного права петиций в шведско-финском общественном строе и об объеме принадлежащего земским чинам Финляндии права петиций, а также относительно порядка осуществления свободы суждений на Сеймовых собраниях, согласно прежнему и ныне действующему в Финлян-

дии законодательству; вместе с тем составлен очерк свободы суждений и дисциплинарных мер в представительных собраниях некоторых других стран. Затем, сообразно выясненным, таким образом, данным, принят был к рассмотрению вопрос о подробном определении компетенции финляндского Сеймa и об установлении последствий злоупотребления свободою суждений на Сеймовых собраниях и составлен проект некоторых изменений в Сеймовом Уставе в означенных отношениях, с изложением подробных мотивов. Наконец, на основании резолюций правительства по петициям государственных чинов, Сеймовых решений и других официальных актов в виде приложения к заключению Законоподготовительного Учреждения, составлен, для сведения, свод разных петиций риксдагов и Сеймов, которые были представлены шведско-финским народным представительством по вопросам, касающимся законодательства, судопроизводства и администрации. [...]*

VI. Проектированные изменения в Сеймовом Уставе

Законоподготовительному Учреждению остается перейти к исполнению той части возложенного на него поручения, которая касается составления проекта изменений Сеймового Устава в тех частях, которые указаны были в введении. При этом сперва необходимо принять к рассмотрению вопрос о более точном определении компетенции и земских чинов Финляндии.

Если сравнить права, предоставленные по основным законам Финляндскому Сейму, с правовым положением народного представительства в других странах, то ясно выступает, как умеренны политические права земских чинов Финляндии. Прежде всего это обнаруживается по вопросу о контролирующей власти Сейма в отношении государственного управления. В тех странах, где представители народа пользуются правом участия в законодательстве, народное представительство, по общему правилу, осуществляет также надзор над правительством и его органами, и в сем отношении не только может требовать отчета о правительственных мероприятиях по важнейшим общественным делам, но и устранять допущенные неправильности и привлекать виновных к ответственности. Это право народного представительства в разных странах определяется неодинаково. В некоторых государствах народное представительство возбуждает обвинение и имеет право суда по преступлениям, относящимся вообще к осуществлению государственного управления или по таким, которые совершены советниками Монарха; оно в таких случаях исполняет функции политического суда. По конституциям других стран народное представительство не имеет права суда, а может только возбуждать против советников Монарха обвинение в особом государственном суде, в состав которого входят также члены народного представительства. Наконец, в некоторых государствах народное представительство имеет только право постановить решение о возбуждении обвинения, не оказывая никакого влияния на состав суда.

В Финляндии народное представительство вовсе не имеет таких прав. Земским чинам Финляндии вообще не предоставлена контролирующая власть над органами правительства и правительственною деятельностью в крае. Согласно §§ 8 и 32 Формы правления 1772 г., Государственный совет и коллегии за надлежащее исполнение своих обязанностей отвечают только перед Монархом. Таким образом, не существует конституционной ответственности членов правления и тех правительственных органов, которые в финляндском общественном строе заступили место прежних шведских коллегий. Но и в отношении права земских чинов высказывать свое мнение по поводу осуществления государственного управления установлены весьма тесные границы. Это обстоятельство находится в связи с ограничением права инициативы земских чинов.

---

* *Далее не приводятся следующие разделы: II. Природа, возникновение и развитие публичного права петиций в шведско-финском общественном строе; III. Объем права петиций земских чинов Финляндии; IV. Свобода суждений на сеймовых собраниях и правовое положение народных представителей вообще по-прежнему и ныне действующему в Финляндии законодательству; V. Свобода слова и дисциплинарная власть в представительных собраниях некоторых иностранных государств.*

На основании § 38 Формы правления, как уже выше было замечено, земские чины вообще не имеют права принимать к обсуждению и решению другие дела, кроме переданных на их обсуждение Императором и Великим князем, с некоторыми лишь исключениями, о которых существуют особые правовые нормы. Так, например, земские чины, в особенности в силу специальных определений Сеймового Устава, кроме права моций и петиций, имеют право по собственной инициативе принимать необходимые меры относительно Финляндского банка (§ 68), рассматривать некоторые финансовые вопросы (§§ 27, 36 и 37), устанавливать правила о делопроизводстве и порядке на Сеймовых собраниях и в комиссиях (§ 70), принимать к рассмотрению разные другие вопросы, касающиеся Сеймовых собраний, прений и членов сословий (§§ 5, 8, 17, 18, 19, 20 и 22) и т. д. Вследствие права свободного обсуждения проектов правительства земские чины имеют также право при обсуждении Высочайшего предложения принимать к рассмотрению находящиеся в связи с делом вопросы и, если они не могут быть включены непосредственно в самый законопроект, высказывать свои желания в отзыве на Высочайшее предложение, не придавая им формы особой петиции. На том же основании земские чины могут в принятых ими по поводу Высочайших предложений проектах помещать такие определения, которые вообще относятся к области административного законодательства. Ибо, если земские чины при рассмотрении возбужденного правительством вопроса, когда требуется их участие для издания закона, признают необходимым в принятом ими законопроекте поместить правило, которое могло бы быть издано административным порядком, то они не пользуются при этом правом моции. Земские чины в таком случае только постановляют решение по делу, переданному на их обсуждение. Наконец, за земскими чинами с давних времен признается право во всеподданнейших адресах или через председателей сословий повергать к стопам Монарха выражение благопожеланий, благодарности за правительственные мероприятия, опасений и надежд и т. п.

По поскольку не существует особых правовых норм, действующих на основании положительного определения закона или в силу давности, земские чины вообще не имеют права принимать к обсуждению и решению другие вопросы, кроме переданных им Императором и Великим князем. Это значит, что земские чины Финляндии в отличие от большинства других представительных собраний не имеют, например, права постановлять об ответе на тронные речи, обращаться с запросами к правительственным властям, постановлять резолюции по поводу таких запросов, обсуждать вопрос о недоверии или доверии к правительству и т. п.

Таким образом, представление петиций является единственным предусмотренным в основном законе способом, которым земские чины Финляндии вообще могут пользоваться, чтобы довести до сведения Монарха мнения и желания народа. Поэтому ограничение права петиций тем, чтобы петиции могли касаться только законодательных вопросов, лишило бы народ возможности через своих законных представителей выражать все те многообразные потребности и желания относительно духовного и материального развития края, удовлетворение которых требует не издания закона, а другого рода мероприятий со стороны правительства. В этом отношении достаточно напомнить, что в таком случае все те отрадные страницы из истории права петиций в Финляндии, которые касаются развития народного просвещения, путей сообщения, сельского хозяйства, торговли и промышленности, в будущем почти совершенно исчезли бы. Равным образом, и желания народа относительно целесообразной организации и осуществления общественного управления, хотя они касаются непосредственно всех слоев населения и важнейших его интересов, также вообще не доходили бы до сведения Монарха.

Во внимание к сему Законоподготовительное Учреждение не может отрешиться от убеждения, что право петиций земских чинов не могло бы быть ограничено означенным образом без тяжкого тормозящего воздействия на нормальное развитие общественной жизни. Поэтому Законоподготовительное Учреждение при составлении, согласно возложенному на него поручению, проекта постановлений относительно более точного определения компетенции Сейма, сочло нужным сохранить за земскими чинами право петиций, которым

они с давних времен пользуются, также по вопросам, касающимся отправления правосудия, общественного хозяйства и управления вообще. Это, однако, не значит, чтобы нельзя было изъять из права петиций земских чинов некоторые вопросы, относящиеся к области суда и управления. В сем отношении Законоподготовительное Учреждение, ввиду возложенного на него поручения, считает себя обязанным определить точнее границы права петиций земских чинов.

Таким образом, согласно вышеизложенным соображениям о природе и объеме права петиций, в проекте помещено правило, воспрещающее петиции, которые касаются исключительно частных лиц или заключают в себе ходатайство о правительственных мероприятиях, в каком-либо отношении противоречащих закону. Так как, засим, те отрасли общественной деятельности, которые препоручены судебным местам и органам исполнительной власти, преследуют существенно другие задачи, чем те, которые в основных законах преднамечены для финляндского народного представительства, то, с точки зрения самостоятельности судебной и исполнительной властей, могут быть также приведены соображения в пользу изъятия из права петиций земских чинов таких вопросов, которые требуют рассмотрения постановлений суда по отдельным делам или таких конкретных мероприятий, которые заключают в себе исполнение подлежащею властью законов и постановлений. Наконец представляется до некоторой степени несогласным с духом финляндского правового строя допускать всеподданнейшие ходатайства народного представительства о назначении известного лица на определенную должность или об отрешении известного должностного лица.

Соответственно этим соображениям изложены нижепроектированные изменения в § 51 Сеймового Устава. В видах большей систематичности признано также целесообразным соединить все определения, касающиеся объема права петиций, в 3 пункте § 51.

Предупреждение злоупотреблений свободою суждений Сеймовых депутатов

Что, засим, касается вопроса о предупреждении злоупотреблений свободою суждений Сеймовых депутатов, то вышеизложенный очерк действующих по сему предмету в Финляндии и в некоторых других странах узаконений доказывает, что как мера предоставленной народным представителям свободы суждений, так и гарантии против нарушений соответственных правил Основных законов в Финляндии в некоторых отношениях не так велики, как в других странах.

Как уже выше замечено, в § 46 Сеймового Устава положительно воспрещены «оскорбительные, насмешливые или иначе непристойные выражения о правительстве или частных лицах», а согласно § 63, сословия не должны обсуждать вопросов «такого особенного свойства, что они не должны быть допущены к обсуждению». Таких тесных и в то же время неопределенных ограничений свободы слова в законодательстве других стран не встречается. К тому же вопрос о том, следует ли признать высказанное суждение или возбужденный вопрос непристойными или такого особенного свойства, что они не могут быть допущены к обсуждению, решается в последней инстанции не самим собранием, а председателем. Таким образом, председатель имеет право на основании личного взгляда на дело и руководствуясь собственным толкованием основных законов безапелляционно лишать ораторов слова и не допускать обсуждения возбужденных вопросов. Такое право в других странах вообще не предоставлено председателям представительных собраний; обыкновенно представительное собрание не только само имеет решающую власть в таких случаях, но и само же избирает председателя.

Так, например, во Франции оратор, призванный председателем к порядку во второй раз на том же заседании, может по предложению председателя быть лишен слова на время заседания, если сама палата постановит о том решение, причем, однако, прения не допускаются (регламент Сената от 10 июня 1876 г., статьи 117–119; регламент палаты депутатов от 16 июня 1876 г., статьи 118, 121 и 122). Такой же порядок соблюдается в Германии (регламент рейхстага от 10 февраля 1876 г., § 46), в Бельгии (регламент палаты депутатов от 5 октября 1831 г., ст. 21) и в Дании (регламент лахтинга от 28 ноября 1866 г., § 33; регламент

фолькетинга от 2 мая 1867 г., § 30). Равным образом, в § 56 регламента имперского представительства в Австро-Венгрии от 2 марта 1875 г. определено, что оратор, дважды призванный к порядку, может быть лишен слова председателем, но что палата все-таки может постановить, что желает выслушать оратора и т. д.

Незначительная сравнительно мера самостоятельности и свободы суждений народных представителей на финляндском Сейме не исключает, разумеется, возможности злоупотреблений свободою слова. Однако, по мнению Законоподготовительного Учреждения, нельзя высказаться в пользу установления в законе дальнейших ограничений, увеличивающих число случаев, когда Сеймовые депутаты могут быть лишены слова. Такого рода определения повели бы к тому, что земские чины Финляндии часто не могли бы по внутреннему убеждению высказаться о потребностях и условиях благополучия и преуспеяния народа, а без этого никакое народное представительство не в состоянии выполнить свои задачи. С другой стороны, однако, дисциплинарная власть, которой по финляндским основным законам подлежат Сеймовые депутаты, в случае действительных злоупотреблений свободою слова или иного рода нарушений порядка на Сейме, представляется сравнительно незначительною. Поэтому усиление дисциплинарной власти Сейма, по мнению Законоподготовительного Учреждения, могло бы послужить действительным средством для достижения предначертанной в данном случае цели и в то же время не может подорвать значения народного представительства. Как усматривается из вышеизложенного очерка свободы слова и дисциплинарных взысканий в представительных собраниях некоторых иностранных государств, законодательство других стран также обнаруживает стремление к развитию в том же направлении.

Ввиду сего §§ 8 и 46 Сеймового Устава подвергнуты такому изменению, чтобы все сословия имели право за злоупотребление свободою слова или иного рода нарушения порядка в сословии исключать членов сословия на определенный срок, не свыше четырнадцати дней или на остальную часть сессии. Но чтобы установить потребные гарантии на случай, если бы случайное большинство захотело воспользоваться этим правом для устранения неудобных политических противников, признано необходимым, по примеру § 31 Устава Рыцарского Дома, требовать квалифицированное большинство для постановления решений об исключении членов сословия.

Так как по § 8 Постановления от 3 декабря 1895 г. о введении в действие нового Устава о взысканиях гражданских для Великого княжества Финляндского заключение под стражу за долги совершенно отменено, то конец § 8 Сеймового Устава подвергнут соответственному изменению.

Проект изменений в Сеймовом Уставе, составленный согласно вышеизложенным соображениям, имеет следующее содержание:

Проект изменения §§ 8, 46 и 51 Сеймового Устава Великого княжества Финляндского от 15 апреля 1869 года

Согласно § 71 Сеймового Устава от 15 апреля 1869 г., Высочайше постановляется §§ 8, 46 и 51 того же основного закона, последний параграф по изложению Высочайшего Манифеста от 25 июня 1886 г. изложить в следующей измененной редакции:

§ 8.

Сеймовый депутат должен соблюдать благопристойность и умеренность в своих объяснениях; но он не может быть отдан под суд, или лишен свободы, или же лишен права голоса и заседания на Сейм за выраженные им виды и мнения или за свое поведение в заседаниях Сейма, если сословие, к которому он принадлежит, не даст на то разрешения особою резолюцией, с коею в общем собрании сословия согласились по крайней мере пять шестых из числа присутствующих членов оного. Если депутат будет обвинен в тяжком преступлении, то он не может быть взят под стражу, коль скоро не был пойман на деле, или же когда судья по произведенному следствию не усмотрел повода к определению ареста. За маловажные проступки не должно брать депутата под стражу. (Исключено.)

§ 46.

В общем собрании каждый член сословия имеет право для внесения в протокол свободно говорить и выражать свое мнение по всем обсуждаемым там вопросам, а также о законности всего, что в сословии происходит. Каждый говорит стоя, с своего места, в порядке своего о том заявления и вызова, и никто не имеет права говорить без внесения в протокол.

Никто не должен дозволять себе оскорбительных, насмешливых или иначе непристойных выражений о правительстве или частных лицах. Если сие случится, или если член сословия иным образом нарушит порядок в сословии, то ландмаршал или тальман может лишить его слова или призвать его к порядку, и сословие потом обсуждает, должно ли ему быть сделано замечание или предостережение ландмаршалом или тальманом, или его следует лишить права голоса и заседания на собраниях сословия на определенный срок, не свыше четырнадцати дней или на остальной срок сессии Сейма, или дело подлежит судебному разбирательству, или же оно может быть оставлено без последствий.

§ 51.

Земские чины имеют право вносить на Сейм предложения об установлении, изменении и отмене таких общих законов, которые зависят от совокупного решения Государя Императора и Великого князя с земскими чинами. Не могут быть, однако, возбуждаемы предложения об установлении, изменении или отмене основных законов или законов об организации сухопутных и морских военных сил, а также законов о печати; относительно же церковного законодательства следует руководствоваться правилами, особо для сего установленными.

Если земские чины по поводу возбужденного предложения решат принять новый, а также изменить или отменить прежний закон, то должны представить о сем проект Государю Императору и Великому князю. В случае одобрения проекта земских чинов Государем Императором и Великим князем, имеет быть издано постановление, дословно согласное с этим проектом. Если же проект Государем Императором и Великим князем не может быть одобрен в неизмененном виде, то оный считается в целости оставленным без последствий, о чем, по повелению Государя Императора и Великого князя, земским чинам сообщается не позже ближайшего Сейма.

При возбуждении в Сеймовых сословиях вопросов об общих законах не в виде предложения или вопросов об установлении, изменении или отмене законоположений и постановлений по предметам, относительно которых земские чины не имеют права предложения, или других общих вопросов относительно отправления правосудия, общественного хозяйства и управления края, по которым земские чины с давних времен пользовались правом петиций, донесения Сейма или сословий по сим делам представляются Государю Императору и Великому князю лишь в виде желаний, которые Государем Императором и Великим князем принимаются в уважение по мере признания Им оных полезными для края. Не разрешается, однако, представлять петиции о назначении или увольнении должностных лиц или чиновников, или о принятии таких мер, которые противоречат закону, или по вопросам, требующим рассмотрения какого-либо решения судебной власти, или распоряжений, заключающихся в надлежащем исполнении законов и постановлений, или касающихся правовых отношений частных лиц.

Предложения и петиции по предметам, подлежащим рассмотрению Общей комиссии, имеют быть представляемы Сеймовым депутатом в том сословии, к которому он принадлежит, до истечения четырнадцати дней с открытия Сейма. По окончании же сего срока такие вопросы не могут быть возбуждаемы, если они непосредственно не истекают из постановленного уже в каком-либо сословии решения или другого возникшего во время Сейма случая.

Если Сеймовый депутат намерен представить предложение или петицию, то он заранее извещает об этом председателя сословия.

Кроме сего, все предложения и петиции, предварительно их доклада, должны быть представляемы письменно изложенными секретарю сословия. В одном изложении не следует соединять несколько предметов разного свойства. Каждое предложение должно заключать

в себе доводы, на которых оное основано, и составленный в форме закона проект предполагаемых положений по этому вопросу.

Гельсингфорс, по Законоподготовительному Учреждению, 3 декабря 1901 года.

Подписали: Юлиус Гротенфельт[247], Карл Сёдергольм, Хуго Лилиус[248].

Верно: Помощник главного переводчика Тилло[249].

Опубл.: Материалы по пересмотру Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского от 3(15) апреля 1869 г. СПб., 1904. С. 39–96. (РНБ. Шифр: 17.146.1.37.)

№ 71. Из «Памятной записки важнейшим происшествиям в политической жизни Финляндии за 1899-1901 гг.» о противостоянии закону 3.2.1899 и реформе воинской повинности

Декабрь 1901 г.

Секретно

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА важнейшим происшествиям в политической жизни Финляндии за 1899–1901 гг.

В настоящей записке приводимые факты, служа характеристикой противоправительственного движения в Финляндии, показывают насколько широко развилась агитация в крае вследствие попустительства, содействия и участия в ней многих обществ, частных и должностных лиц и даже правительственных учреждений. Материалом для составления ниже помещенного перечня послужили донесения начальника Финляндского жандармского управления, переписка Канцелярии Финляндского генерал-губернатора и Нюландского губернского правления, причем были использованы лишь сравнительно немногие, на выдержку взятые факты из массы подобных. По некоторым происшествиям, по настоянию генерал-губернатора, Сенатом и губернаторами были произведены расследования, доказавшие, однако, почти полную безрезультатность такого приема, вследствие явного нежелания некоторых губернаторов, магистратов и полиции раскрыть истинные причины происшествий и сопровождавшие их обстоятельства.

I. Противодействие закону 3-го февраля и законопроекту о воинской реформе [...]

II. Общий праздник в пользу прессы [...]

III. Петиция Сейма 1900 г. о ложных направлениях в управлении страной [...]

IV. Противодействие Сената опубликованию закона о введении русского языка [...]

V. Бойкот русских вообще и коробейников в особенности [...]

VI. Бойкот и преследование не выказывающих противодействия правительству лиц [...]

VII. Демонстрации света и мрака, обнаружившие существование «тайного патриотического союза» и вызвавшие собою «кагальный процесс»

Демонстрации выразились: усилением и прекращением уличного освещения, дерзко демонстративными выставками как на улицах, так и в некоторых магазинах, музыкальным шествием студентов по улицам Гельсингфорса, недостаточно строгой оценкой в выборе театральных пьес для устроенных в Рунеберговский день представлений (Два брата), вывеской на домах флагов, устройством кошачьих концертов, рассылкой угрожающих писем, несвоевременным закрытием торговых заведений, преследованием чинов корпуса жандармов и, наконец, дерзким нарушением неприкосновенности домашнего очага.

VIII. Общая в крае агитация путем устройства собраний и празднеств обществ с произнесением противоправительственных и вообще предосудительных речей [...]

IX. Особое участие отдельных лиц в агитации

1) Бывший сенатор Мехелин справедливо считается главою агитации*[1]. [...]

6) Барон фон-Тройль 1 мая в городе Николайстадте возбуждал собравшуюся толпу. Он же пытался привлечь ландс-секретаря (ныне сенатора) Лильеблада[250] к суду за выдачу русским коробейникам разрешений торговать в губернии.

7) Ионас Кастрен 22 января 1901 г. на собрании в доме пожарных в городе Улеоборге произнес резкую политическую речь. В своей речи между прочим он сказал (что вполне подтвердилось расследованием), что Сенат действовал против сознания права и доверия всего народа, опубликовывая некоторые объявления и постановления 1900 года.

8) Графиня А. Маннергейм[251] давала концерты и собирает деньги в пользу «фонда просвещения» (он же фонд Гр. Маннергейм).

9) Помещик граф Крейц, подобно барону Маннергейму и другим, не дозволяет своим торпарям и крестьянам пускать к себе русских коробейников. [...]

XV. Противодействие, оказываемое в губернском правлении и в Нюландской губернии вообще, губернатору, генерал-майору Кайгородову[252]

1) Протестовали против назначения генерал-майора Кайгородова Нюландским губернатором и отказывались признавать его таковым:

1. Большинство общин Нюландской губернии, обратившихся в Сенат с протестом против назначения «русского» Нюландским губернатором.

2. Бургомистр г. Ловизы Кулефельт[253], заявивший генерал-майору Кайгородову лично, что, подчиняясь общественному мнению, он не может признавать его губернатором.

3. Барон фон-Борн[254], председатель межевых судов приходов Перно и Лильендаль, сложивший с себя это звание, не желая служить с «незаконно назначенным» русским губернатором.

4. Судья Кумлин[255] Разеборгского уезда, упорно отказывающийся признавать генерал-майора Кайгородова губернатором и адресующей все бумаги не на имя губернатора, а на имя губернского правления.

2) Противодействовали распоряжениям генерал-майора Кайгородова:

1. Докладчики Нюландского губернского правления, неоднократно обращавшиеся в Сенат с заявлениями, направленными против распоряжений генерал-майора Кайгородова касательно введения русского языка в переписку губернского правления.

2. Исправляющий должность вице-ландс-секретаря Маркелин[256], отказавшийся скрепить циркуляр ленсманам, предписывающий сообщать губернатору о сборе подписей под адресами, петициями и т. д.

3. Вице-ландс-камерир Гольмберг[257], упорно противодействовавший всем распоряжениям губернатора по введению русского языка в переписку губернского правления и позволивший себе в дерзком тоне обратиться к губернатору, за что и был по Высочайшему повелению уволен Сенатом от службы.

4. Два референдарий-секретаря Сената, вернувшие подписанную генерал-майором Кайгородовым бумагу потому, что она была составлена на русском языке. (Против них возбуждено судебное преследование.)

XVI. Подача адресов и коллективных на Высочайшее имя прошений в 1901 году*[2]

1) В начале года сенаторам Блому и Бергбому был подан за подписью 300 человек из Вазаской и Куопиоской губерний адрес, в котором было выражено якобы желание народа по вопросу о воинской повинности.

---

*[1] Об участии г. Мехелина в противодействии новому закону о воинской повинности изложено в отделе № XVII. (*Прим. док.*)

*[2] 4 сентября 1900 года приехала в Гельсингфорс из Иматры депутация с целью порицания действий не покинувших своих мест сенаторов. Инициаторами депутации были капитан Фразер, помещик Терпрус и магистр Андерсон. (*Прим. док.*)

2) 28 февраля прибыла в Гельсингфорс депутация, во главе с домпробстом Валлиным из Улеборга и ректором Розендалем[258], с подписанным 91 780 лицами адресом по вопросу о воинской повинности. Несколько членов депутации под предводительством крестьянина Аулина посетили всех сенаторов, но от подачи адреса в Сенат воздержались.

3) 16 марта была подана в Сенат петиция жителей Иденсальми об оставлении Финляндии отдельного таможенного тарифа.

4) В апреле в Сенат была подана на Высочайшее Имя об упразднении жандармского надзора коллективная петиция за подписями Бруммера, Колана, Игнациуса, Линдфорса[259], Мермана, Трояля, Шарпантье, Костяндера[260], Юлина, Мехелина, Стандер[т]шельда[261] и Васениуса[262].

5) В сентябре в Сенат был подан массовый адрес-протест против закона 29 июня 1901 года о воинской повинности (о чем подробности в отделе XVII).

XVII. Противодействие закону 1901 г. о воинской повинности

А. Общая агитация и печать

1) Происходили тайные собрания в целях обсуждения программы противодействия и составления воззваний, прокламаций и текста адреса-протеста.

1. 19 июля у Мехелина (участники: Л. Мехелин, И. Кастрен, сенатор Хомен[263], Хагельстам[264], полковник Антель[265], инженер Сандберг, председатель дирекции Финляндского банка Вегелиус).

2. 21 июля — у отставного генерала Линдфорса на Тургольме (участники: Мехелин, барон Борн, И. Кастрен, Лилле, Линдфорс, Мексмонтан[266], Боргстрем, Хейер, Хагельстам, Андстен, Линдберг, Валь[267], барон Пальмен, И. Варен, А. Варен).

3. 9 августа — у инженера Хейера[268] и в гостинице Кэми — без участия Мехелина.

4. В Выборге — собрание пасторов.

2) Говорились предосудительные речи.

1. В Нюстадте на народном празднике (Форсман).

2. В Тавастгусе на собрании народа (редактор Хакман и студент Ветерхоф).

3. В Сердоболе на собрании рабочих (Леандер).

3) В газетах помещались резкие статьи.

Газеты: «Даглигт Аллеханда», «Вуокси», «Савонлинна», «Саво Карьяла» за помещенные ими статьи были закрыты навсегда; «Борго Нюа Тиднинг», «Бьернеборгс Тиднинг», «Калева» временно приостановлены; «Обо Упдерреттельсер», «Уси Суометар», «Виипури» — получили предостережение.

4) Широко распространялись прокламации и противоправительственные брошюры.

1. «Намерено ли финляндское духовенство способствовать введение русской воинской повинности». 2. «Как следует поступать в деле о воинской повинности». (Обе исходят с Тургольмского заседания). 3. «Беседа на церковной горе». 4. «Моаб в своем огороде». 5. «28 июля 1901 г.». 6. «Послания юристов в Гельсингфорс». 7 «Новая воинская повинность». 8. Ряд №№ «Фрия Орд».

5) Подпольная литература рассылалась учителям народных школ с целью скорейшей раздачи народу. Кроме того, она распространялась и другими лицами, не исключая и должностных.

[...] **В. Объявление закона**

1) Магистрат в Гельсингфорсе задерживал рассылку Высочайшего Манифеста 29 июня 1901 г. по церквам.

2) Магистрат в Нюстадте отказался разослать Манифест, за что и привлечен губернатором к суду. Однако адвокат-фискал Абоского гофгерихта, оправдывая действия магистрата, не дал делу дальнейшего хода, а напротив того указал на возможность привлечения к суду самого губернатора за незаконное обвинение.

3) 62 пастора просили Сенат избавить их от объявления Манифеста.

4) Боргоская и Нейшлотская епархии, принимая сторону упорствующих пасторов, несвоевременно возбудили вопрос об отмене порядка обнародования законов с церковной кафедры.

5) Пасторами были поданы также и местным властям протесты против объявления закона.

В Нюландской губернии: 1. В Эсбо — пастором Флеге и Генриксоном. 2. В Яла — Гольмбергом. 3. В Экенесе — Энебеком. 4. В Шундео — Линдрусом. 5. В Гельсингфорсе — Бенгельсдорфом.

6) Некоторые пасторы объявляли Манифест при пустой церкви.

В Або-Бьернеборгской губернии: 1. В Або. 2. Иомала. 3. Финстреме. 4. Хаммарланде. 5. Сальтвике. 6. Сунде. 7. Лемланде.

В Вазаской губернии: 1. В Гамла – Карлебю. 2. Якобстадте.

7) Некоторые пасторы перед чтением делали протестующие против Манифеста оговорки.

В Нюландской губернии: 1. В Экенесе — Энебек. 2. В Шундео — Линдрус.

В Выборгской губернии: 1. В Выборге — Гресбек и Сирен. 2. В Ряйсяля — Бергрот.

В С.-Михельской губернии: 1. В Нейшлоте — Оксинен.

В Тавастгусской губернии: 1. В Тавастгусе — Вартиа. 2. В Оривеси — Рейннус.

8) Во многих местах агитаторы вовсе не дозволили прочесть Манифеста.

а) Вырывали Манифест у пастора из рук:

В Нюландской губернии: 1. В Тенала — барон де-ла Шапель. 2. В Снаппертуне — Фегерстрем.

б) Заявляли словесно свои протесты:

В Нюландской губернии: 1. В Шундео — председатель общинного собрания Меллер. 2. В Эсбо — магистр Мюльберг.

В Выборгской губернии: 1. В Люттис — помещик Внала и Гельман. 2. В Руоколахти — доктор философии Тернудд. 3. В Бьеркэ — морской капитан Ремпетти.

В Вазаской губернии: 1. В Лохтео — Эркаль. 2. В Уллава — учитель Ренфорс. 3. В Якобстадте — городской казначей Нюман.

9) Беспорядки вызывались воздействием агитаторов, причем чтение прерывалось или сопровождалось игрою на органе, пением, шумом и удалением прихожан из церкви.

В Нюландской губернии: 1. В Гангэ. 2. В Вихтисе — ленсман Седергольм. 3. В Инго. 4. В Шундео. 5. В Карья-Лохья. 6. В Эсбо. 7. В Карисе. 8. В Гельсингэ.

В Вазаской губернии: 1. В Конгинкангасе — констабль Ангерман. 2. В Николайстадте — брандмейстер Дальстедт. 3. В Якобстадте (2 раза). 4. В Кельвио. 5. В Сейняйоки.

В С.-Михельской губернии: 1. В Пумала. 2. В Нейшлоте. 3. В С.-Михеле. 4. В Хаукивуори.

В Выборгской губернии: 1. В Фридрихсгаме. 2. В Выборге (2 раза) – капитан Фразер, директор банка Ротте. 3. В Люхтяя. 4. В Каукола. 5. В Вирролахти. 6. В Пюттисе. 7. В Тайпальсари. 8. В Клемисе. 9. В Савитаипале. 10. В Вехкела. 11. В Раутаярви. 12. В Яскисе.

В Улеоборгской губернии: 1. В Пюхяярви.

В Тавастгусской губернии: 1. В Руовеси. 2. В Тавастгусе. 3. В Таммела. 4. В Калькалаке. 5. В Оривеси.

В Куопиоской губернии: 1. В Куопио (2 раза). 2. В Юка (2 раза) — управляющий Трупп.

В Або-Бьернеборгской губернии: 1. В Римито. 2. В Бьернеборге. [...]

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 60–68 об. Типографский текст на полулистах, сшитых в тетрадь (с. 1–18).

№ 72. Протокол секретного совещания под председательством Императора Николая II о введении чрезвычайных мер в Финляндии[269]

1(14) и 6(19) февраля 1902 г.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА
о заседаниях особого совещания 1-го и 6-го февраля 1902 года

Возражение членов совещания против применения перечисленных во всеподданнейшем докладе министра статс-секретаря мер:	Опровержение этих возражений генерал-губернатором
1) Ввиду последовавших в Великом княжестве весьма важных преобразований надлежало бы дать краю отдохнуть и не тревожить миролюбивый финский народ новыми мероприятиями, нарушающими дарованное ему внутреннее самоуправление. Такими мерами, несогласующимися с местными законами, можно лишь ожесточить народ и усилить среди него брожение.	1) В систему местного управления необходимые улучшения вводятся постепенно, с соблюдением строгой осторожности и в зависимости от развития самой жизни, причем всегда принимаются во внимание: ВЫСОЧАЙШЕ дарованное Финляндии внутреннее самоуправление, требования действительного*[1] закона, благо финского народа и достоинство империи. Исходя именно из этих положений были, например, задержаны монетная и таможенная реформы. Кроме того, намеченные меры вызываются не обычным состоянием мирного общежития, а прискорбными событиями чрезвычайного свойства. Справедливое применение таких преходящих чрезвычайных мер, направленных против тайных злоумышленников преимущественно образованных классов, не коснется трудолюбивого и мирного финского народа. Усиление же брожения среди дерзких сепаратистов не должно приостанавливать благодетельных для края мер. Дарованное самоуправление не нарушается проектируемыми мероприятиями, так как они являются прежде всего совершенно исключительными, а по характеру своему – административными и потому в их составлении, по существующим законоположениям, не должны принимать участия представители Сейма.
2) Применение высылки из Финляндии, при явном расстройстве органов ее внутреннего управления, может вызвать затруднения и тем ослабить авторитет русской власти, а также в случае ее осуществления без установления за высланными надзора, сосредоточить опасные элементы в пределах соседней нам Швеции.	2) Порядок применения высылки очевидно должен быть всесторонне хорошо обдуман, дабы в ее исполнении не могло возникнуть сколько-нибудь серьезных затруднений. Воспрещение пребывания в пределах некоторых местностей Финляндии, представляя, сравнительно с высылкой, меру более снисходительную, не может вызывать особых опасений. На Швецию, если даже и допустить возможность там организации средоточия финляндских агитаторов, в крайнем случае, можно оказывать воздействие дипломатическим

*[1] Т. е. не воображаемого (*Прим. док.*)

путем, не говоря о том, что самая степень вреда от тайных злоумышленников при нахождении их в Швеции очевидно будет меньше, чем в Финляндии. Большего скопления агитаторов за границей ожидать нельзя, а в малом размере они не опасны. История показывает, что вся их прежняя деятельность в Стокгольме ограничивалась лишь изданием нескольких летучих брошюр. Имеющиеся уже наличные средства в распоряжении местной русской власти дают основание утверждать, что с высылкой, при содействии министра внутренних дел, можно справиться без всяких особых затруднений.

3) Издание обязательных постановлений и других второстепенных законопредположений, при ничтожности от их применения результатов, может вызвать ропот. Меры эти излишни также ввиду закона, будто бы предоставляющего губернаторам право широкого наложения на упорствующих и в административно-полицейской области денежного штрафа.

3) Указание на право губернаторов при наложении денежных штрафов представляется пока спорным и, во всяком случае, касаясь специальных в законе указанных деяний, не может быть распространено на нарушителей общественного порядка.

Что касается остальных второстепенных мер, отвергнутых совещанием, то нельзя не считать их полезными для обуздания нарушителей порядка, особенно ввиду того, что местные суды успели в полной мере обнаружить свою несостоятельность и явное в приговорах пристрастие. Таким образом, воспрещение пребывания в крае или некоторых ее местностях, равно как высылка из Финляндии, должны входить в круг временных полномочий представителя местной русской власти в видах: во 1-х, усиления его авторитета, столь необходимого в это смутное в крае время, во 2-х, предоставления ему возможности более успешного надзора за исполнением ВЫСОЧАЙШИХ повелений, постоянно нарушаемых агитаторами, остающимися безнаказанными, и, в 3-х, предупреждения усложнения многотрудных государственных ВЫСОЧАЙШИХ забот предположенным возложением на священную особу ГОСУДАРЯ новых карательных обязанностей, способных лишь ослаблять среди подданных установившееся сознание, что МОНАРХ есть только источник высшей справедливости и беспредельной милости.

Помета: черными чернилами над текстом посередине: Весьма секретно

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 843. Л. 37–37 об. Типографский текст на листе большого формата в составе подборки документов. Подчеркивания красным карандашом.

№ 73. Письмо статс-секретаря В.К. Плеве бывшему сенатору профессору Ю. Юрьё-Коскинену

10(23) февраля 1902 г.

Ваше Высокопревосходительство

Несколько запоздав с ответом на Ваше весьма лестное письмо от 15 января, прежде всего прошу Вас принять от меня всяческие извинения по этому поводу. Впрочем, полагаю, я могу рассчитывать на Вашу снисходительность. Вопросы, поднятые Вами, имеют столь большое значение, что Вы поймете мое желание ответить на них не ранее, чем по зрелом размышлении.

Ваше письмо, свидетельствующее, что край находится в состоянии тревоги и уныния, содержит, кроме того, оценку нынешнего режима в Финляндии в его кадровой части. По очевидным мотивам позвольте мне не следовать за Вами на эту почву. Добавлю только, что любое должностное лицо, призванное действовать в Финляндии в соответствии с намерениями правительства, обречено нести бремя непопулярности, скажу более – страдать от враждебности тех, кто не сочувствует этим намерениям.

Что касается подавленного состояния умов в Финляндии, таковое прискорбное настроение, столь же питаемое праздными домыслами, сколь реальными фактами, представляет весьма значительную опасность для будущего. Склонное ускорять развитие брожения, это настроение легко может создать серьезные затруднения и правительству, и финскому народу. Вот почему похвальные усилия порядочных людей, которые захотят побороть эту пагубную тенденцию, всегда найдут поддержку правительства. Но – не могу на этом не настаивать – правительство никогда не пойдет на уступки в области законодательства и управления в смысле принятых и еще имеющих быть принятыми мер, направленных на то, чтобы надежно гарантировать интересы Российского государства, иначе говоря, теснее связать политические условия Финляндии с таковыми во всей империи. Впрочем, изъясняясь в таком духе, я готов еще раз повторить заверение, что в виды правительства отнюдь не входит поколебать правовые устои внутренней жизни в Финляндии.

Перехожу к самой существенной части Вашего письма, где речь идет о способах точного определения границ распространения имперского законодательства на Финляндию. Разумеется, желание разграничить законодательные вопросы, имеющие отношение ко всей империи, и те, которые касаются одной Финляндии, вполне естественно, особенно с точки зрения правовой доктрины. Даже из практических соображений я приветствовал бы любое удовлетворительное решение этой проблемы. Вот только не стану скрывать от Вас, что на Совещаниях, имевших место с этой целью в Петербурге, все усилия охватить сферу имперского законодательства четкой формулой или же посредством перечисления различных законов смешанного характера ни к чему не привели. Может быть, нашлось бы средство победить эти трудности, если бы, при благоприятных тому обстоятельствах, Его Величество изволил согласиться с тем, чтобы этот важный вопрос стал предметом предварительного исследования. А пока я предпочел бы ограничиться исключительно приватным обменом взглядами на эту тему. Это не помешает мне быть Вам весьма признательным, если Вы будете столь любезны сообщить мне, совершенно конфиденциально, Ваше мнение о способе решения этого вопроса.

Что касается второй темы, затронутой Вами, – роли русского языка в Финляндии, будьте уверены, что правительство всегда будет иметь задачу проводить в этом отношении распоряжения в соответствии с подлинными интересами края. По достоинству правительства требует, чтобы устная процедура и письменные доклады администрации в случаях, предусмотренных законом, осуществлялись на государственном языке. Также весьма желательно, чтобы этот язык все более и более распространялся среди жителей Финляндии, особенно в правящем классе.

Прошу принять, господин барон, изъявления моих наилучших чувств

В. Плеве

НАФ. Фонд личного происхождения сенатора Ю.С. Юрье-Коскинена, папка 19. Л. 6–12. Рукопись на французском языке на полулистах почтовой бумаги, сшитых в тетрадь, со следами сгиба вчетверо.

№ 74. Проект министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве преобразования системы и аппарата управления Финляндией[270]

[Март 1902]

Еще до заключения в 1809 г. Фридрихгамского мира Русское правительство, решив включить Финляндию в состав Российской империи, объявило вместе с тем обывателям вновь присоединенной к России области о принятом им решении даровать оной особое автономное управление. Этим не был однако предрешен вопрос даже об основных положениях, коими должен был определяться в будущем финляндский правительственный строй. В частности, оставались открытыми вопросы об отношении финляндской администрации к органам центрального управления империи, а также о месте пребывания Комитета главного управления Финляндии. По первому из означенных вопросов в первоначальном проекте «Положения об учреждении главного управления Новой Финляндии» указывалось, что финляндские дела имеют поступать от генерал-губернатора к министрам империи, а по второму – генерал-губернатор Барклай-де-Толли[271] в переданной им статс-секретарю Сперанскому записке, высказал, что Комитет должен заседать в С.-Петербурге. Но эти предположения не удостоились одобрения Блаженной памяти *Императора Александра I*, которому угодно было указать, что финляндские дела должны восходить на Монаршее воззрение помимо министров империи, и что ведающий эти дела Правительствующий совет (переименованный впоследствии в Финляндский Сенат) имеет свое пребывание в крае. Таким образом был создан сохранившийся в основных чертах и поныне административный строй Финляндии, характеризуемый с особою определительностью в Манифесте от 9 февраля 1816 г., согласно которому управление гражданскою частью края вверено «особенному правительству» по зависящему «ни от какой другой власти, кроме власти законов и сообразующейся с оными Монаршей воли». Правда, в С.-Петербурге было учреждено установление для доклада Государю Императору финляндских дел – Финляндский статс-секретариат; но последний, по самому своему учреждению, очевидно не был призван играть активную роль в делах финляндского управления и являлся в большинстве случаев только передаточною инстанцией между генерал-губернатором и Верховною властью. В этом отношении заслуживает внимания, что, согласно приложенной к инструкции статс-секретариату форме докладных записок, последние должны были заключать в себе только изложение мнения Сената и генерал-губернатора; о заключении же министра статс-секретаря в форме не упоминалось, и хотя в последующее время такие заключения стали приводиться, но за редкими исключениями они сводились к испрошению Высочайшего соизволения на осуществление предположений Сената и генерал-губернатора без оценки последних, и только в случае происшедшего в Сенате разногласия или несогласия генерал-губернатора с мнением Сената представлялись соображения в подтверждение того или иного из высказанных по делу заключений.

Таким образом, правительственная власть по управлению Финляндией оказалась всецело сосредоточенною в установлениях, находящихся в Великом княжестве. В частности, это произошло и с делами законодательными. Учреждением Правительствующего совета названному установлению собственно не было предоставлено никаких полномочий по сему предмету, а в означенное учреждение было включено даже указание, что «никакие законодательные меры не могут быть принимаемы Советом» (§ 17); только в случае признанной Советом необходимости «пояснения постановления или закона» он пользовался правом представить мнение свое на Высочайшее усмотрение (§ 18). Но так как, с одной стороны, одновременно с сим не последовало распоряжения, коим начертание проектов узаконений для Финляндии и обсуждение сих проектов возлагалось бы на какое-либо установление импе-

рии, а с другой стороны, для этой цели не было учреждено и специально финляндского органа, то вся деятельность по этому предмету по необходимости должна была осуществляться Советом, а впоследствии Сенатом. С течением времени эти функции Сената получили такое развитие, что в 1884 г. было признано необходимым учредить в ведении Сената особый Комитет под названием «Законоподготовительное Учреждение» для выработки проектов законоположений и постановлений, каковой Комитет в 1892 г. был значительно расширен созданием при нем второго отделения. При этом на первое отделение был в особенности возложен пересмотр относящихся к гражданскому праву отделов уложения и составление проекта их свода в виде общего гражданского закона края, а второму было поручено пересмотреть законы о податях, обороченин, сборе податей и отчетности. В том же 1892 г. было издано новое учреждение Сената, по смыслу коего компетенция Сената не ограничивалась возбуждением ходатайств о пояснении изданных уже постановлений и узаконений, а Сенат уполномочивался повергать на Монаршее воззрение также мнения свои о признаваемых им нужными «законодательных мерах» (§ 14). Соответственно сему, за исключением очень немногочисленных законодательных актов, которые непосредственно затрагивали интересы империи или отношения к ней Великого княжества Финляндского, а потому были и начертаны в Имперских учреждениях, все законодательные предположения по Финляндии разрабатывались в подведомственных Финляндскому Сенату установлениях и обсуждались затем в Сенате в качестве высшего законосовещательного органа для Финляндии.

Такой строй ведавших финляндские дела правительственных установлений не мог, конечно, не отразиться на всем ходе правительственной деятельности по управлению Финляндией и, в особенности на местном законодательстве. Финляндские должностные лица, не знакомые с русскими законами и в большинстве случаев лишенные даже возможности ознакомиться с ними по незнанию русского языка, должны были направлять свою деятельность вне всякой связи с русским правом. Вместе с тем, однако, финляндское законодательство не являлось и продуктом самобытного творчества финского народного духа. Финский народ в пору соединения Финляндии со Швецией не имел самостоятельной культуры. Хотя затем в половине прошлого столетия в Финляндии обнаружилось с большою силою национальное движение, но в государственной жизни оно проявлялось почти исключительно в борьбе за равноправность финского и шведского языков в делопроизводстве присутственных мест. Вне этой области пробуждение и рост финской национальной идеи не оказали сколько-нибудь заметного влияния на правительственную деятельность и не вызвали в ней явлений, отражающих какие-либо особенности финского народного правосознания. Юридический факультет Александровского университета в Гельсингфорсе оставался шведским по своему духу, и его питомцы продолжали воспринимать в нем одни скандинавские правовые воззрения, которые они и проводили впоследствии в жизнь. При этих условиях представляется вполне понятным, что наперекор политической судьбе Финляндии, соединившей Великое княжество с империею, она искусственно приобщалась к государственной и правовой жизни шведского народа, чуждого по крови большинству населения Финляндии, а задачи управления, вытекающие из нового положения Финляндии как составной части Российской империи, оставлялись без осуществления.

Следует заметить, что такое направление государственной жизни Финляндии не могло получить должного противодействия со стороны Финляндского генерал-губернатора, который на основании узаконений, определявших его полномочия, был лишен возможности оказывать надлежащее влияние на деятельность правительственных установлений Финляндии.

Ненормальность подобного положения вещей не требует, казалось бы, доказательств. Финляндия, составляя неразрывную часть государства Российского, не должна оставаться чуждою его государственной жизни. Это не исключает сохранения в Финляндии особого местного законодательства и автономного строя управления. Но, поскольку разрешение возникающих в правительственной жизни Великого княжества вопросов не определяется

особенностями финляндского быта, надлежит стремиться к разрешению сих вопросов на основаниях, принятых в русском, а не шведском законодательстве.

Неудобства, вытекающие из отсутствия связи между финляндским и русским законодательством, сознавались и ранее; с особенною резкостью они обнаружились при издании нового уголовного уложения для Великого княжества, которое оказалось настолько несогласованным с уголовными и судопроизводственными законами империи, что за несколько дней до вступления в силу сего законоположения (20 декабря 1890 г.) было признано необходимым приостановить введение его в действие и приступить к его пересмотру. Вместе с тем, в видах устранения в будущем подобных явлений, Высочайшим постановлением от 1 августа 1891 г. министру статс-секретарю было вменено в обязанность, предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов для Великого княжества, требовать по ним заключение министров империи, если дело касается общегосударственных интересов. Установленный означенным Высочайшим постановлением порядок, конечно, делал невозможным явное нарушение русских интересов изданными в порядке местного законодательства узаконениями. Но, с одной стороны, порядок этот распространялся только на дела, непосредственно касающиеся России, так что все законодательство, имеющее исключительно местное значение, и после издания сего постановления могло развиваться вне всякой связи с законами империи. С другой стороны, и в этой ограниченной области влияние русских государственных установлений могло сказываться только в устранении из проектов финляндских законов правил, которые шли в разрез с интересами империи; за указанными пределами они не могли содействовать такому сближению сих законов с Имперскими, которое соответствовало бы государственно-правовому положению Финляндии в составе Российской империи.

Ввиду приведенных обстоятельств нельзя, казалось бы, не признать, что осуществление предуказанной Вашим Императорским Величеством цели – устранить постепенно обособленность Великого княжества от общей государственной жизни России – встречает значительные затруднения в самом строе финляндского управления, и что поэтому для достижения этой цели необходимо подвергнуть означенный строй некоторым изменениям. Такие изменения отчасти уже намечены состоящей под моим председательством Комиссией при статс-секретариате: они заключаются главным образом в усилении власти генерал-губернатора. Но этого недостаточно. Успех новой объединительной политики будет обеспечен только при том условии, если проведение ее в жизнь будет возложено на правительственный орган, имеющий пребывание в столице империи и постоянно соприкасающийся в своей деятельности с высшими ее государственными установлениями. Таким органом мог бы явиться Финляндский статс-секретариат с несколько измененным против теперешнего учреждением, предоставляющим ему возможность принимать более активное, чем ныне, участие в направлении финляндских дел. Эту мысль не следует понимать в том смысле, что предполагается перенести на статс-секретариат всю законоподготовительную работу, сосредоточенную ныне в Сенате. В сем отношении надлежит иметь в виду, что законодательная деятельность, составляя одно из проявлений органического творчества народной жизни, не должна быть отрываема от последней и нуждается в участии местных сил. Соответственно сему я находил бы, что статс-секретариат только в виде исключения должен принимать на себя составление новых законопроектов. Но ему не следует оставаться учреждением, которое, как это неоднократно случалось до последнего времени, почти механически облекало в форму всеподданнейших записок представления Сената, а надлежит подвергать тщательному и всестороннему рассмотрению выработанные Сенатом предположения, обращая при том особое внимание на согласование местных интересов с общегосударственными потребностями.

В настоящем своем составе Финляндский статс-секретариат едва ли, однако, в состоянии выполнить означенную выше задачу. Поэтому одною из первейших забот правительства должно явиться преобразование сего установления и прежде всего восстановление существовавшего при нем ранее Совещательного присутствия.

Еще в 1802 г., когда в состав Российской империи входила только так называемая Старая Финляндия, то есть Выборгская и часть С.-Мнхельской губернии, Именным Указом Правительствующему Сенату от 19 мая в С.-Петербурге в непосредственном ведении Его Императорского Величества была учреждена «Комиссия для рассмотрения финляндских дел» из лиц, в том же указе поименованных. Как видно из Высочайше преподанного Комиссии подробного наставления, на нее возлагалось всестороннее изучение действующих в означенных губерниях узаконений, а также исследование экономического положения их населения и изыскание мер к устранению «разных вкравшихся от времени в Финляндии злоупотреблений».

После присоединения к России всей Финляндии названная Комиссия, в силу Именного Указа от 20 июля 1810 г., была заменена «Комиссиею финляндских дел»; последняя в свою очередь подверглась коренному преобразованию на основании Высочайшего Манифеста от 25 октября 1811 г., коим впервые с полною определительностью нормирован порядок направления поступающих на Монаршее воззрение финляндских дел.

Согласно сему Манифесту, на уважение Комиссии должны были вноситься все дела по управлению Финляндии, кои «по коренным законам сей страны и по учреждение Финляндского Совета принадлежат к непосредственному решению Верховной власти». Комиссия состояла из председателя и не менее 3 членов, назначаемых Государем Императором из финляндских обывателей. Тем же Манифестом была учреждена должность «статс-секретаря финляндских дел», который, состоя членом Комиссии, докладывал вместе с тем Государю Императору дела Комиссии в присутствии председателя последней.

Высочайшим Манифестом от 17 марта 1826 г. Комиссия Финляндских дел была упразднена, причем основанием к сему в Манифесте указывалось завершившееся уже «образование правительственных и прочих мест и учреждений в Финляндском Великом княжестве, сделавшихся нужными по присоединении онаго к Российской империи», вследствие чего «дела по гражданскому управлению онаго края, по соображении и изложении их в Сенате, не требуют уже дальнейшего до поднесения на Высочайшее воззрение рассмотрения». Взамен упраздненной Комиссии с ее Канцелярией были тогда учреждены Финляндской статс-секретариат и Финляндская Вашего Императорского Величества Канцелярия.

Вторично коллегиальное установление по финляндским делам было образовано в 1857 г. под наименованием Финляндского комитета. В Манифесте от 27 марта / 8 апреля 1857 г. эта мера объясняется желанием «иметь у Престола», кроме министра статс-секретаря Великого княжества, также «и других сведущих в законах и в административном и хозяйственном управлении края лиц», дабы «разнородные и важные дела Великого княжества, на Высочайшее разрешение поступающие, могли быть обсуждаемы в надлежащей полноте». Новый Финляндский комитет по своему учреждению в некоторых отношениях отличался от Комиссии, существовавшей с 1811 по 1826 г. Так, его ведомство распространялось только на дела, вносимые на его обсуждение по Высочайшим повелениям; затем председателем Комитета являлся по своей должности министр статс-секретарь, а непременным его членом товарищ министра статс-секретаря; кроме этих лиц в состав Комитета входили: один член по непосредственному избранию Государя Императора и два члена, назначаемых Верховною властью по представлению генерал-губернатора совокупно с Сенатом, преимущественно из членов Сената, губернаторов и других высших должностных лиц края, члены Комитета назначались каждый раз на три года и сохраняли за собою прежние их должности.

Финляндский комитет существовал на указанных основаниях до 1891 г., когда он упразднен Высочайшим Манифестом от 1 мая, причем ни из сего Манифеста, ни из дел статс-секретариата не видно, какими ближайшими основаниями вызвана эта мера.

Обращаясь к обозрению того участия, которое принимали в законодательной по Финляндии деятельности как учрежденная в 1811 г. Финляндская комиссия, так равно и созданный в 1857 г. Комитет, я не могу не признать принесенную ими пользу в общем очень незначительною. В частности, они не оставили почти никакого следа на деле сплочения Финляндии с Российскою империею. Это обстоятельство находит себе, однако, достаточ-

ное объяснение в том обстоятельстве, что в состав Комитета призывались те же в сущности лица, которыми пополнялся Финляндский Сенат, ибо при указанном условии нельзя было и ожидать, чтобы Комиссия и Комитет будут вносить что-нибудь существенное новое в выработанные Сенатом предположения. Ввиду изложенного, деятельность названных Комиссии и Комитета, свидетельствуя лишь о неудовлетворительной организации этих собственно установлений, не может служить убедительным доводом против учреждения в составе статс-секретариата коллегиального присутствия по финляндским делам. А в пользу создания такого присутствия говорит то соображение, что законодательная деятельность вообще не может осуществляться в порядке канцелярского производства; для ее успешности необходимо, чтобы выработанные в канцеляриях законопроекты, предварительно представления их на одобрение Монарха, обсуждались в особых законосовещательных коллегиях, образованных из должностных лиц, занимающих достаточно независимое служебное положение. Поэтому, коль скоро признается желательным, чтобы из числа издаваемых для Финляндии местных законов одни вырабатывались в Петербурге, а другие, будучи составлены Финляндским Сенатом, подвергались в столице империи пересмотру в видах соображения их с Имперским законодательством, то становится неизбежным и учреждение в Петербурге законосовещательного по финляндским делам присутствия, на уважение которого должны поступать выработанные в столице вновь и переработанные там законопроекты, до утверждения их Вашим Императорским Величеством. При этом представляется, по-видимому, наиболее удобным приурочить такое присутствие к Финляндскому статс-секретариату, который ближе других пребывающих в Петербурге присутственных мест стоит к делам финляндского управления и лучше их осведомлен о нуждах края. С точки зрения обеспечения интересов империи предположение это должно вызвать тем менее возражений, что за последнее время высшие должности в статс-секретариате и Финляндской Вашего Императорского Величества Канцелярии замещались лицами, не принадлежавшими к числу местных уроженцев и проходившими службу в Имперских установлениях. По этому поводу позволяю себе сделать замечание, что вообще деятельность статс-секретариата и состоящих при нем учреждений будет определяться личным их составом, а потому правительство всегда будет иметь возможность посредством соответствующего его видам замещения должностей направить означенную деятельность по своему усмотрению.

Высказываясь на основании всего изложенного за восстановление существовавшего ранее при статс-секретариате Комитета финляндских дел, я полагал бы к предметам ведения сего Комитета отнести рассмотрение всех повергаемых на Высочайшее воззрение, в порядке местного финляндского законодательства, законодательных по Финляндии предположений. Комитет должен состоять под председательством министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского из товарища министра статс-секретаря (который заменяет министра в случае его отсутствия), трех сенаторов Финляндского Сената, по непосредственному избранию Вашего Императорского Величества, статс-секретаря Государственного совета, управляющего отделением свода законов, и Управляющего делами Финляндской Вашего Императорского Величества Канцелярии, с возложением на последнего заведывания делопроизводством Комитета. Кроме того, надлежало бы предоставить министру статс-секретарю привлекать к занятиям Комитета, по соглашению с подлежащими министрами империи, за особое вознаграждение, должностных лиц, состоящих на Имперской службе, а также приглашать в заседания Комитета подлежащих начальников экспедиций Финляндского Сената. Входящие в состав Комитета в качестве постоянных его членов Финляндские сенаторы, статс-секретарь отделения свода законов и Управляющий делами Финляндской Канцелярии должны пользоваться дополнительным по этому званию окладом содержания в размере, примерно, 3000 рублей в год.

Одновременно с учреждением означенного Комитета я признавал бы желательным пересмотреть штаты статс-секретариата и Финляндской Вашего Императорского Величества Канцелярии. Чрез статс-секретариат повергаются ныне на Высочайшее воззрение дела, соприкасающиеся с предметами ведения почти всех министерств империи. При та-

кой разнородности этих дел сколько-нибудь основательная их разработка возможна только при некоторой специализации личного состава сего учреждения, о чем, однако, не может быть речи ввиду его малочисленности. Действительно, по штату статс-секретариата и Финляндской канцелярии в них состоят в настоящее время: министр статс-секретарь, его товарищ, управляющий делами, чиновник для особых поручений, 2 секретаря, 1 помощник секретаря, кассир, архивариус и 3 канцеляриста (переписчики). Между тем учреждение Комитета финляндских дел, несомненно, усложнит делопроизводство статс-секретариата. Кроме того, число производящихся в нем дел, вероятно, возрастет в случай утверждения намеченных Комиссиею при статс-секретариате преобразований в финляндском управлении, так как, с одной стороны, по предположениям Комиссии, расширяется круг должностей, замещаемых Высочайшею властью, а с другой – изменяются условия представления на Монаршее воззрение возникающих между генерал-губернатором и Сенатом разномыслий. Все эти обстоятельства вызывают, по моему мнению, необходимость усилить состав Финляндской Вашего Императорского Величества Канцелярии с таким расчетом, чтобы можно было разделить ее на три отделения, ведающие каждое определенную отрасль дел. При этом представлялось бы справедливым штаты статс-секретариата и Финляндской Канцелярии относительно наименования должностей и их классов поставить в большее соответствие со штатами других канцелярий Вашего Величества. Вследствие сего Я полагал бы: 1) присвоить министру статс-секретарю II, а товарищу его III класс по табели о рангах, 2) переименовать секретарей Финляндской канцелярии в старшие чиновники, а помощника секретаря – в помощника старшего чиновника и 3) учредить вновь одну должность старшего чиновника, две должности помощника старшего чиновника, три должности младшего чиновника и одну должность журналиста канцелярии. В связи с этим подлежат увеличению ассигнования на канцелярские расходы, а также на наем низших канцелярских служителей.

Осуществление изъясненных предположений сопряжено, конечно, с новыми издержками для финляндской казны. Усиление состава Финляндской Канцелярии увеличит расходы по ее содержанию примерно на 60 000 мар. в год, а учреждение Комитета потребуете ассигнование около 50 000 мар. в год на выдачу дополнительного содержания членам Комитета и на вознаграждение привлекаемых к работам в Комитете лиц. Следует, однако, заметить, что командирование двух сенаторов в состав Комитета не вызовет необходимости увеличивать общее число сенаторов, так как одна должность члена Хозяйственного департамента без ущерба для дела оставалась незамещенною около двух лет, а по завершении военного преобразования окажется излишнею должность начальника Милиционной экспедиции.

Я убежден, что, в случае осуществления предлагаемого преобразования статс-секретариата, последний из установления, отстаивавшего обособленность Великого княжества Финляндского, обратится в орган, объединяющий его с империею, и сделается, таким образом, одним из звеньев той цепи, которая связываете финляндское управление с Имперским. Другим звеном этой цепи должно явиться особое высшее государственное установление для соображения имеющих общегосударственное значение законодательных дел в стадии, предшествующей представлению их на Высочайшее благовоззрение. Необходимость создания такого установления вызывается следующими соображениями. За последнее время, по особым Высочайшим повелениям, неоднократно были образуемы Совещания из высших государственных сановников для обсуждения отдельных, возникавших по финляндскому управлению вопросов (напр., по вопросам о кодификации финляндских основных законов, о приостановлении введения в действие уголовного уложения для Великого княжества Финляндского, о порядке издания общих для империи и Великого княжества законов, о введении русского языка в делопроизводство высших присутственных мест Финляндии, об объединении финляндской монетной системы с русскою, о предоставлении Финляндскому генерал-губернатору чрезвычайных полномочий по охране государственного порядка и общественного спокойствия). Самая многочисленность учреждавшихся таким образом Совещаний свидетельствует, по моему мнению, о том, что они служили удовлетворению не временной и случайной, а постоянной государственной

потребности. И, действительно, финляндская жизнь не может не порождать вопросов такой важности, что предварительно разрешения их Верховною властью желательно сообразить их при участии лиц, пользующихся Особым Монаршим доверием. Следует поэтому предвидеть, что и в будущем придется передавать на рассмотрение подобных Совещаний отдельные дела финляндского управления. При этом со временем число таких дел, по всей вероятности, значительно возрастет, ибо исполнение воли Вашего Императорского Величества относительно теснейшего сплочения финляндской окраины с империею потребует принятия ряда мер первостепенной государственной важности. Правда, большинство дел этого рода будет восходить на Монаршее воззрение чрез Государственный совет в порядке, установленном Основными положениями 3 февраля 1899 г. Но самое возбуждение законодательных вопросов в указанном выше порядке должно совершаться с большою осмотрительностью, дабы не вызывать в финляндском народе тревоги и опасений за непоколебимость дарованного Великому княжеству автономного правительственного строя, отмена коего, согласно неоднократно подученным мною от Вашего Императорского Величества указаниям, не входит в Ваши, Всемилостивейший Государь, намерения. Между тем, отдельные ведомства империи поставлены в этом отношении в очень затруднительное положение ввиду малой распространенности в империи сведений о существующих в Финляндии порядках и тех препятствий, с которыми до сих пор сопряжено собрание этого рода сведений и даже ознакомление с действующими в Великом княжестве законами. С этой точки зрения могло бы принести немаловажную пользу предварительное соображение возникающих в отношении Финляндии законодательных предположений при участии нескольких лиц, по своему служебному положению посвященных в общие руководящие начала высшего государственного управления. Приведенные обстоятельства убеждают меня в желательности не только и впредь следовать в этом отношении по тому пути, который избирался доселе, но сделать и дальнейший в сем направлении шаг, учредив постоянное совещательное собрание для рассмотрения важнейших по Финляндии правительственных мероприятий. Подобное установление представляет то бесспорное преимущество пред Совещаниями, для обсуждения отдельных дел особо учреждаемыми, что оно в большей степени обеспечивает последовательность и единство принимаемых в крае мер. Лица, входящие в состав такого Совещательного присутствия в качестве постоянных его членов, будут более подготовлены к участию в разрешении финляндских дел; они будут располагать большими способами принимать в каждом отдельном случае в соображение степень согласованности каждой предположенной меры со всеми другими, как уже принятыми, так и намеченными правительством мероприятиями. Учреждение подобного постоянного Совета вместе с тем вполне соответствовало бы и историческим примерам. Такие установления возникали каждый раз, когда центральная власть приступала к проведению общегосударственных начал в чуждых русскому центру по их племенному составу окраинах империи. В сих видах были в свое время учреждаемы Комитеты Кавказский, Прибалтийский, а также по делам Царства Польского. Деятельность сих установлений, составляя драгоценный опыт минувшего времени, дает основание ожидать, что учреждение подобного Совета по делам Великого княжества Финляндского значительно облегчит осуществление предначертаний Вашего Императорского Величества относительно управления названною окраиною. Означенный Совет мог бы быть образован на следующих главнейших основаниях.

В состав Финляндского Совета входят министры внутренних и иностранных дел, финансов, военный, юстиции, Финляндский генерал-губернатор и министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского.

В заседаниях Совета, буде Вашему Императорскому Величеству не благоугодно собрать оный в Вашем присутствии или возложить председательство в нем на особо назначенное для сего лицо, председательствует старший в чине член Совета.

В Совет поступают для испрошение Высочайшего соизволения на внесение дела в Государственный совет все предположения министров об издании закона, общего для империи с Великим княжеством Финляндским. Кроме того, министром статс-секретарем Великого

княжества Финляндского и Финляндским генерал-губернатором могут быть, с Высочайшего соизволения, вносимы на обсуждение Финляндского совета также предположение о других правительственных мероприятиях.

Заключения Совета повергаются на Высочайшее воззрение в журналах Совета чрез председательствующего члена онаго.

Делопроизводство Совета возлагается на Финляндскую Вашего Императорского Величества Канцелярию, министра статс-секретаря, который присутствует в заседаниях Совета и представляет объяснения по делам.

НАФ. Личный архив сенатор Ю.Р. Даниэльсон-Кальмари. Личный архив, папка 33. Типографский текст на полулистах большого формата, склеенных в тетрадь. Подчеркивание карандашом.

№ 75. Представление Финляндского Сената по вопросу о согласовании Манифеста от 3(15) февраля 1899 г. с Сеймовым Уставом для Великого княжества Финляндского

3(16) апреля 1902 г.

Всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сената от 3/16 апреля 1902 года, по вопросу о согласовании Манифеста от 3/15 февраля 1899 года с Сеймовым Уставом для В.К. Финляндского.

При рассмотрении проекта измерения некоторых частей Сеймового Устава Великого княжества Финляндского, составленного Сенатом вследствие сообщенного Сенату отношения статс-секретариата Финляндии к генерал-губернатору края от 15/28 августа 1900 г. и повергнутого на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение при всеподданнейшем представлении от сего числа, Сенат не мог не обратить внимания на несогласованность между правилами Сеймового Устава о праве земских чинов участвовать в законодательстве, с одной стороны, и постановлениями Высочайшего Манифеста от 3/15 февраля 1899 г. и относящихся к нему Основных положений о порядке законодательства по вопросам, касающимся общегосударственных интересов – с другой. Обстоятельство это, несомненно, заключает в себе существенное неудобство, так как оно, в особенности вследствие неустановления в точности предметов, по которым законодательство должно происходить в указанном означенными постановлениями порядке, вызывает серьезные сомнения относительно права участия в законодательстве земских чинов, по каковому вопросу, однако, для обеспечения правильного хода законодательных работ необходимо иметь вполне точные указания. Ввиду сего Сенат полагал бы желательным принятие законодательной меры, в видах большого согласования положений по этой области законодательства, путем точного определения вопросов, до которых относится порядок, установленный Высочайшим Манифестом от 3/15 февраля 1899 г. и Основными положениями от того же числа. На основании изложенного Сенат всеподданнейше испрашивает Всемилостивейшее Вашего Императорского Величества повеление Сенату выработать проект соответствующих дополнений к Сеймовому Уставу, для передачи его, по Высочайшем одобрении, в виде предложения земским чинам будущего Сейма.

Подлинное подписали сенаторы:

К. Линдер[272].	И.Г. Сольман.	Вальфрид Споре[273].
В. Энеберг.	Г. Боренпус.	Э. Бем.
О. Бергбом.	Г.Э. Фельман[274].	М. фон-Блом.
Э. Форсман[275].	А. Кумлин[276].	Э. Андерсин[277].
Э. Неовиус[278].	А. Генец.	Д.В. Окерман[279].
В.Э. Лильеблад.	В. Гуммерус[280].	

Скрепил: Докладчик-канцелярист Ф. Гренваль[281]

Верно: Помощник главного переводчика Гейдеман.

Опубл.: Материалы по пересмотру Сеймового Устава от 3(15) апреля 1869 г. СПб., 1904. С. 3–4. (РНБ. Шифр: 17.146.1.37.)

№ 76. Представление Финляндского Сената по вопросу о пересмотре Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского

3(16) апреля 1902 г.

Всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сената от 16 апреля 1902 года по вопросу о пересмотре Сеймового Устава для В.К. Финляндского.

Согласно сообщенному Сенату отношению статс-секретариата Финляндии к генерал-губернатору края от 28/15 августа 1900 г., Ваше Императорское Величество по всеподданнейшему докладу всеподданнейшей петиции земских чинов Финляндии от 2 июня того же года о принятии мер к устранению разных указанных в петиции ошибочных направлений в руководстве управлением Финляндии и к согласованию оного с законами и общественным строем края соизволили, между прочим, Высочайше повелеть Сенату приступить к пересмотру Сеймового Устава Великого княжества Финляндского от 15/3 апреля 1869 г., в видах более точного определения компетенции Сейма и усовершенствования порядка ведения на нем дел. Вместе с тем, как усматривается из того же отношения, Сенату надлежало при составлении проекта Высочайшего Сеймового предложения по сему предмету вновь принять к рассмотрению составленные Сенатом по Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению и повергнутые на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение при всеподданнейших представлениях от 6 и 13 февраля 1900 г. проекты Сеймовых предложений об изменении §§ 12, 13 и 15 Сеймового Устава с целью пояснения и развития определений Сеймового Устава о составе недворянских сословий, и об изменении §§ 67, 77, 78, 79 и 80 того же Устава, касающихся порядка составления всеподданнейших представлений земских чинов.

Во исполнение сего Высочайшего повеления Сенат, по предварительном рассмотрении дела в первопомянутых его частях Законоподготовительным Учреждением, составил прилагаемый проект Сеймового предложения, содержащего: 1) проект изменения §§ 8, 46, 51, 52 и 63 Сеймового Устава, 2) проект изменения §§ 12, 13, 14 и 15 Сеймового Устава и 3) проект изменения §§ 67, 77, 78 и 79 Сеймового Устава; относительно общих соображений, которыми Сенат при этом руководствовался, Сенат приемлет долг всеподданнейше донести следующее.

Что касается вопроса о пересмотре Сеймового Устава в отношении определения компетенции Сейма, то, согласно мотивам, изложенным в отношении статс-секретариата, Высочайше предначертанный пересмотр Сеймового Устава в этой его части признан необходимым, главным образом, в видах предупреждения злоупотреблений предоставленным земским чинам правом петиций. Подача вышеозначенной петиции признана действием, нарушающим пределы власти Сейма, «так как Сеймовый Устав, определяя порядок участия земских чинов в местном законодательстве и в делах управления по некоторым делам финансовой администрации, не предоставляет им никаких прав на участие в делах общего управления краем и, в частности, § 51 Сеймового Устава (в редакции закона 1886 г.) допускает подачу петиций только по предмету издания, изменения или отмены законов». По вопросу же об усовершенствовании порядка ведения дел на Сейме из отношения статс-секретариата усматривается, что обстоятельства, при которых состоялась как вышеозначенная петиция, так и петиция земских чинов на Сейме 1900 г. об изменении действующего закона о печати, доказывают необходимость особых определений, чтобы, упорядочив Сеймовые занятия, предупредить «нежелательные явления, подобные тем, кои имели место на последних двух Сеймах, когда речи Сеймовых ораторов, получившие широкую огласку путем печати, колебали уважение к установленным властям и подрывали основы государственного порядка».

Во внимание к целям предначертанных таким образом законодательных мер, Сенат приемлет долг относительно компетенции Сейма всеподданнейше представить следующие соображения.

В числе политических прав, коими земские чины Финляндии пользуются согласно основным законам края, первое место занимают права законодательные и финансовые. Право земских чинов на участие в законодательстве, на основании §§ 40 и 41 Формы правления от 21 августа 1772 г. и § 71 Сеймового Устава, заключается в том, что основные законы и общие законы края могут быть издаваемы, изменяемы и отменяемы не иначе, как с согласия земских чинов, тогда как законодательство в области т. н. административного и экономического права составляет прерогативу Монарха. В отношении податного обложения права земских чинов Финляндии, согласно § 45 Формы правления, п. 5 Акта соединения и безопасности от 21 февраля и 3 апреля 1789 г. и §§ 36, 37 и 72 Сеймового Устава, сводятся к тому, что всякого рода налоги, сверх Ординарных, могут быть налагаемы на жителей края не иначе, как по принятии их земскими чинами, а из права земских чинов постановлять о введении таких налогов (т. н. временных налогов) и установлять порядок их распределения вытекает также право Сейма определять, на какие предметы временные налоги имеют быть употреблены. Кроме того, земские чины, в силу § 50 Формы правления и § 27 Сеймового Устава, имеют право на каждом очередном Сейме получать отчет о состоянии статного ведомства, дабы они могли удостовериться, каким образом доходы казны употреблены на пользу и благо края, а по § 36 Сеймового Устава – также право поверять, каким образом употреблены правительством ассигновки, назначенные для определенных целей на последнем Сейме.

Что касается осуществления законодательных прав земских чинов, то в § 42 Формы правления было определено, что сословия не только имели право принимать или отклонять законопроекты, переданные им Королем, но могли также в случаях, когда сословия желали изменения узаконения в области общего законодательства и по соглашению между собою приняли соответственный законопроект, представлять такой проект через своих тальманов Королю с ходатайством о рассмотрении и утверждении. Впоследствии в п. 6 Акта соединения и безопасности было отменено предоставленное земским чинам право непосредственно принимать законопроекты и представлять их на утверждение Короля. Таким образом, т. н. право законодательной инициативы после этого времени принадлежало исключительно Монарху. Однако Высочайший Манифест от 25(13) июня 1886 г. возвратил земским чинам Финляндии отнятое в 1789 г. у сословий право принимать от себя общие законы и представлять такие законопроекты на Высочайшее благовоззрение и утверждение, и вследствие сего формы осуществления законодательных прав земских чинов Финляндии, таким образом, в настоящее время в существенных частях одинаковы с действовавшими согласно Форме правления 1772 года.

Право петиций земских чинов Финляндии, в прежнее время называвшееся правом жалоб, имеет совершенно другой характер, чем предоставленное таким образом земским чинам право моций. Право петиций по действующему закону, как и в прежнее время, есть право земских чинов или отдельных сословий всеподданнейше повергать на благовоззрение Монарха общие желания, которые Монарх Всемилостивейше принимает в уважение, поскольку он признает это полезным для края. В отличие от права моций, право петиций не предоставляет Сейму постановлять решение по существу относительно предмета петиции, а дает только земским чинам и отдельным сословиям право всеподданнейше ходатайствовать перед Государем Императором и Великим князем о принятии общих мер в данной области. Ввиду сего с принципиальной точки зрения не имеется препятствий к осуществлению земскими чинами права петиций по таким вопросам, которые в иных отношениях находятся совершенно вне компетенции Сейма. Ибо выражением всеподданнейшего желания по какому-либо вопросу не достигается право решения или право участия в той отрасли законодательства, суда или управления, к которой относится предмет петиции.

Предоставленное земским чинам право петиций имеет значение права только на том основании, что земские чины и отдельные сословия имеют, таким образом, драгоценную воз-

можность повергать к стопам Монарха свои всеподданнейшие желания. Но земские чины не имеют права требовать, чтобы Государь Император и Великий князь Всемилостивейше обратил внимание на содержание петиций. Основные законы не предоставляют даже положительно земским чинам права получать Высочайшие ответы на всеподданнейшие петиции, как установлено относительно моций в § 51 Сеймового Устава, хотя, согласно соблюдавшемуся в течение столетий порядку, петиции земских чинов и сословий удостаивались Монархами Финляндии Всемилостивейшего ответа. Таким образом, право петиций земских чинов не заключает в себе какого-либо ограничения в осуществлении Верховной власти Вашего Императорского Величества.

Относительно вопросов, которые могут служить предметом петиций земских чинов, действующие основные законы не содержат никаких подробных определений. Согласно 1 пункту § 51 Сеймового Устава, в изложении Высочайшего Манифеста от 25(13) июня 1886 г., земским чинам предоставлено вообще право петиций, которым они с давних времен пользовались. Засим в пункте 3 того же параграфа постановлено, что «при возбуждении в Сеймовых сословиях вопросов об общих законах не в виде предложения или вопросов об установлении, изменении или отмене законоположений и постановлений по предметам, относительно которых земские чины не имеют права предложения, донесения Сейма или сословий по сим делам представляются Государю Императору и Великому князю лишь в виде петиций».

Из вышеизложенного Ваше Императорское Величество соизволите Всемилостивейше усмотреть, что основное значение по вопросу о праве петиций земских чинов имеет 1 пункт § 51 Сеймового Устава, в котором земским чинам предоставляется как право петиций, так и право моций. Относительно вопросов, по которым земские чины имеют право моций, означенная статья закона содержит определение о том, что моции могут касаться только издания, изменения или отмены таких общих законов, которые требуют согласного решения Государя Императора и Великого князя и земских чинов, но не основных законов, законов об организации сухопутных и морских военных сил и законов о печати; кроме того, здесь содержится ссылка на особый порядок церковного законодательства. Но в отношении пределов права петиций земских чинов 1 пункт § 51 не содержит никаких указаний, и земским чинам предоставляется здесь, без всяких ограничений, право петиций, которым они с давних пор пользовались. Особых определений относительно объема права петиций не содержится также в 3 пункте § 51. Изложенное в этом пункте правило о том, что донесения земских чинов или сословий по вопросам об общем законе, возбужденным не в виде моций, или относительно издания, изменения или отмены законов и постановлений о таких предметах, по которым земские чины не имеют права моций, представляются Государю Императору и Великому князю лишь в виде петиций, очевидно не имеют целью ограничить право петиций земских чинов таким образом, чтобы петиции могли касаться только издания, изменения или отмены Сеймовых законов и административных постановлений, и чтобы, следовательно, из числа предметов, по которым земским чинам предоставляется от имени народа высказывать всеподданнейшие желания, была изъята вся обширная область суда и управления, поскольку удовлетворение выраженного желания не требует издания закона или постановления, а лишь других административных распоряжений или правительственных мероприятий. Такое толкование противоречило бы содержанию 1 пункта § 51, в котором земским чинам предоставляется то обширное право петиций, которым они пользовались с давних времен. Напротив, третий пункт § 51 очевидно имеет целью, при определении значения права петиций в сравнении с правом моций, положительно установить право земских чинов, независимо от предоставленного им права моций по вопросам об общих законах, кроме того также путем петиций ходатайствовать о Высочайших предложениях в области общего законодательства, и вместе с тем этот пункт ясно обеспечивает за земскими чинами право представлять всеподданнейшие петиции об издании, изменении или отмене законов и постановлений о таких предметах, относительно которых земские чины не имеют права

моций, по каковому вопросу в прежнее время иногда возникало разногласие, в особенности в отношении права петиций касательно Основных законов.

Чтобы точнее выяснить объем права петиций, которым земские чины издавна пользовались, и свойство дел, по которым народное представительство в прежнее время осуществляло право петиций, а также ограничения этого права, которые может быть содержатся в прежнем законодательстве, Сенат предписал Законоподготовительному Учреждению представить подробное историческое исследование этого вопроса. Из заключения Законоподготовительного Учреждения, всеподданнейшего при сем прилагаемого, усматривается, что шведско-финское законодательство с древнейших времен вообще не установляло никаких ограничений права петиций сословий, кроме таких, которые вытекают из понятия права петиций и вообще из свойства дела. Исключение составляют только некоторые изданные во время единодержавного правления Короля Карла XI[282] воспрещения жалоб на постановления XVII столетия и на их исполнение; но эти воспрещения вследствие изменений, воспоследовавших в публичном праве Швеции и Финляндии в XVIII и XIX столетиях, потеряли всякое значение для права петиций земских чинов Финляндии. Таким образом, поскольку всеподданнейшие петиции земских чинов не касаются частных дел, а содержат только представления и желания относительно принятия общих мер в пределах компетенции правительства и в порядке, согласующемся с основными законами, земские чины Финляндии, по всеподданнейшему мнению Сената, в настоящее время имеют законное право представлять петиции по каким угодно делам.

Из приложения к заключению Законоподготовительного Учреждения, в котором сопоставлено значительное число относящихся к разному времени жалоб риксдагов и петиций Сеймов с распределением на разряды по предметам, которых они касаются, усматривается, по каким разнообразным вопросам шведские риксдаги в течение столетий и независимо от изменений общественного строя, а затем и финляндские Сеймы, пользовались правом петиций. Оказывается, что право петиций осуществлялось народным представительством: 1) по вопросам законодательным, как то: об основных законах, Сеймовых и административных, 2) в отношении судопроизводства, исполнительного производства и иных видов судебной охраны, а также 3) в обширной области управления, как об организации и порядке управления вообще, так и относительно разных отраслей общего внутреннего управления, военного и финансового управления и иностранных дел. В частности, петиции по вопросам общего внутреннего управления могут быть распределены на следующие разряды: 1) урегулирование личных отношений, как то: относительно переселений, места приписки и пр., 2) полицейская часть, 3) призрение бедных, 4) врачебно-санитарная часть, 5) церковные дела, 6) народное просвещение, науки, искусство и литература, 7) попечение о благосостоянии народа, как то: относительно земледелия, скотоводства, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и других промыслов, 8) торговля, 9) судоходство, 10) пути сообщения и почтовая часть и 11) денежное обращение и кредитная часть.

Из этих указаний ясно видно, по каким многообразным вопросам, относящимся к разным областям общественной жизни, инициатива в течение столетий исходила от представителей народа. Едва ли требуется особо объяснять, что эти выражения права петиций, поскольку они удостаивались просвещенного внимания правительства, имели чрезвычайно важное значение для поощрения духовного и материального развития края.

Согласно § 38 Формы правления, в публичном праве Финляндии действует, в виде Основного положения, правило о том, что земские чины не имеют права принимать к обсуждению и решению другие дела, кроме переданных на их рассмотрение Вашим Императорским Величеством, за исключением таких только случаев, относительно которых существуют особые правовые нормы на основании положительного определения закона или в силу давности. Поэтому представление всеподданнейших петиций является единственным способом, которым земские чины вообще могут повергать на Всемилостивейшее Вашего Императорского Величества благовоззренное мнение и желание народа относительно общих дел края. Ограничение права петиций тем, чтобы петиции могли касаться только

законодательных вопросов, лишило бы, следовательно, народ всякой возможности в лице законных своих представителей высказываться о многочисленных своих нуждах и желаниях относительно духовного и материального развития края, когда удовлетворение таких нужд и желаний не требует законодательных мер, а иного рода распоряжений со стороны правительства. В таком случае Ваше Императорское Величество по вопросу об общественных потребностях и надеждах Финляндии в будущем в значительной мере располагали бы только донесениями подлежащих властей и чиновников, и Ваше Императорское Величество, таким образом, при Всемилостивейших Вашего Величества попечениях о благе края не имели бы более случая Высочайше принимать в уважение мнения, всеподданнейше выраженные в сем отношении от имени всего финского народа его представителями.

Ввиду сего Сенат считает долгом всеподданнейше высказать как свое убеждение, что право петиций земских чинов Финляндии без тяжкого и тормозящего воздействия на правильное развитие общественной жизни не может быть ограничено таким образом, чтобы оно касалось только законодательных вопросов. При исполнении Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления о пересмотре Сеймового Устава с целью более подробного определения компетенции Сейма Сенат поэтому счел долгом по-прежнему сохранить за земскими чинами существующее с давних времен право представлять всеподданнейшие петиции также по вопросам, касающимся отправления правосудия, общественного хозяйства и управления вообще. Это, однако, по мнению Сената, не служит препятствием к изъятию из права петиций земских чинов некоторых вопросов, относящихся к области суда и управления, в видах охранения самостоятельности судебных учреждений и административных властей. Равным образом проектировано воспретить петиции, касающиеся правовых отношений частных лиц или содержащие требования о таких правительственных мерах, которые в каком-либо отношении противоречат закону. Наконец, признано также необходимым запретить всеподданнейшие петиции о назначении или увольнении должностных лиц или чиновников.

Соответственно этим соображениям изложены изменения, проектированные к § 51 Сеймового Устава. В видах большей систематичности в изложении сего параграфа признано, однако, целесообразным соединить все определения, касающиеся объема права петиций земских чинов, в 3 пункте § 51. Прочие изменения в § 51 и в § 52 вызваны стремлением достичь большей точности в терминологии закона.

Что, засим, касается вопроса об усовершенствовании порядка ведения дел на Сейме с целью предупреждения злоупотреблений свободою суждений сословных представителей, то при тщательном рассмотрении соответственных определений Сеймового Устава оказывается, что как пределы свободы суждений, предоставленной народным представителям, так и гарантии, обеспечивающие ненарушимость постановлений основных законов по сему вопросу, в некоторых отношениях в Финляндии не так значительны, как в других странах. В § 8 Сеймового Устава особо указано, что Сеймовые депутаты должны соблюдать благопристойность и умеренность в своих объяснениях, а затем в § 46 воспрещаются всякого рода «оскорбительные, насмешливые или иначе непристойные выражения о правительстве или частных лицах». Кроме того, в § 63 постановлено, что не должны быть принимаемы к рассмотрению вопросы «такого особенного свойства, что они не должны быть допущены к обсуждению». Таких существенных ограничений свободы суждений не содержится в законодательстве других стран; к тому же окончательное решение вопроса о том, следует ли считать какое-либо выражение непристойным или признать за возбужденным в сословии вопросом такое особенное свойство, что он не может быть допущен к обсуждению, зависит от единоличной власти председателя сословия. Таким образом, председатель имеет право на основании личного взгляда на дело и собственного толкования постановлений основного закона безапелляционно лишать членов сословия слова или не допускать обсуждения возбужденного вопроса. Такое право также не находится в распоряжении председателей представительных собраний в других странах; обыкновенно представительные собрания

не только имеют решающий голос по таким вопросам, но кроме того сами же избирают председателя.

Ограниченная, следовательно, мера самостоятельности и свободы слова, предоставленная, таким образом, народным представителям на Финляндском Сейме, не исключает, разумеется, возможности злоупотреблений свободою суждений. Но, ввиду обширной власти, которою ландмаршал и тальманы в силу Сеймового Устава могут пользоваться в видах предупреждения таких злоупотреблений, более строгие ограничения свободы суждений по всеподданнейшему мнению Сената не представляются желательными, потому что они слишком стеснили бы деятельность Сейма и могли бы служить для народного представительства помехой в исполнении возложенных на него задач. Сенат, однако, находит возможным положительно воспретить в § 46 суждения преступного содержания, а также оскорбительные, насмешливые или вообще непристойные выражения о публичных властях и учреждениях, так, чтобы нарушители этого воспрещения могли быть лишены слова, подвергнуты дисциплинарному наказанию или преданы суду. А так как в действующей редакции § 63 может быть недостаточно ясно указано, что ландмаршал и тальманы обязаны не допускать обсуждения вопросов, которые по особому свойству своему не подлежат рассмотрению сословий, то и этот параграф подвергнут соответственному изменению.

Кроме того, дисциплинарная власть, которою подлежащие сословия в настоящее время на основании Сеймового Устава могут пользоваться в отношении Сеймовых депутатов, виновных в действительном злоупотреблении свободою слова или в иного рода нарушении порядка на Сеймовых собраниях, по мнению Сената, представляется недостаточною. В усилении дисциплинарной власти сословий Сенат видит действительное средство для достижения Высочайше предначертанной цели пересмотра Сеймового Устава в рассматриваемой части, тем более, что и в законодательстве других стран замечается стремление к развитию в том же направлении. Поэтому 2 пункт § 46 подвергнут такому изменению, чтобы все сословия имели право за злоупотребления свободою суждений или иного рода нарушения порядка на Сеймовых собраниях исключать членов сословия на определенный срок, не свыше четырнадцати дней, или на остальной срок сессии. Но, чтобы случайное большинство в отдельном сословии не могло воспользоваться этим правом для совершенного удаления неудобных политических противников, признано необходимым, по примеру соответственного определения в § 31 действующего Устава Рыцарского Дома, для постановления об исключении членов сословия на остальной срок сессии требовать квалифицированного большинства голосов; для исключения же на срок не свыше четырнадцати дней достаточно простого большинства голосов.

Так как по § 8 Высочайшего постановления от 3 декабря 1895 г. о введении в действие нового Устава о взысканиях гражданских для Великого княжества Финляндского, заключение под стражу за долги в законодательстве края окончательно отменено, то последний пункт § 8 Сеймового Устава также подвергнут соответственному изменению.

Составленный Сенатом на основании Высочайшего повеления по поводу всеподданнейшей петиции земских чинов на Сейме 1897 г. о пояснении и развитии определений о составе недворянских сословий проект Высочайшего предложения об изменении §§ 12, 13 и 15 Сеймового Устава, повергнутый на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение при всеподданнейшем представлении от 6 февраля 1900 г., имел, между прочим, целью, согласно выраженному земскими чинами в всеподданнейшей петиции желанию, распространить право участия в выборах в сословиях горожан и крестьян на разные группы населения края, которые в настоящее время не имеют представителей на Сейме.

Право участия в выборах в сословии горожан в настоящее время, согласно § 12 Сеймового Устава, в изложении сего параграфа в Высочайшем Манифесте от 20(8) марта 1879 г., принадлежит вообще всем членам городских общин, которые по раскладке обязаны платить подать на общие потребности общины. Однако на основании 3 пункта § 12 избирательного права лишены, между прочим, экипажи купеческого флота, прислуга публичных и част-

ных учреждений и обществ, лица, находящиеся у других в услужении или в постоянной работе или поденщине или другие подобные люди, содержащие себя случайною работою, или же лица, кои занимаются каким-либо ремеслом только для собственного пропитания. При издании Сеймового Устава 1869 г. избирательное право в городах было расширено таким образом, что право участия в выборах Сеймовых депутатов предоставлено было не только пользующимся правом мещанства промышленникам, как это было прежде, но и некоторым другим классам городских обывателей, и вместе с тем установлены были вышеупомянутые ограничения с целью недопущения к выборам лиц, не пользующихся достаточно независимым положением для того, чтобы самостоятельно участвовать в работе на общее благо. Ограничительные правила эти оставлены были в силе при изменении § 12 Сеймового Устава, состоявшемся в силу Высочайшего Манифеста от 21(8) марта 1879 г., на основании которого избирательное право в принципе распространено было на всех обязанных платежем податей в пользу города членов городских общин. Ввиду воспоследовавшего вследствие издания в то же время более либерального закона о промыслах, развития экономических и социальных условий в городах, в смысле большего разнообразия и оживленности, вышеупомянутые ограничительные правила оказались не вполне удовлетворительными. Употребленные в них выражения «находиться у других в услужении или в постоянной работе, содержать себя случайною работою и заниматься каким-либо ремеслом только для собственного пропитания» не соответствуют каким-либо точно разграниченным классам городских жителей, а поэтому нельзя было избегать неточности и шаткости в применении, когда приходилось решать, следует ли то или другое лицо отнести к какой-либо из упомянутых выше категорий. Выражения: «экипажи коммерческого флота и прислуга публичных и частных учреждений» дают более надежное руководство при применении, но и относительно этих выражений в отдельных случаях высказывались разные мнения, и так как ни моряки, ни сторожа не находятся в столь зависимом положении, чтобы они не могли самостоятельно участвовать в общественных делах, то и в отношении этих категорий лиц исключительные правила представляются нецелесообразными. Ввиду этих обстоятельств в всеподданнейшем проекте Сеймового предложения из числа вышеозначенных разрядов лиц только лица, находящиеся в услужении по правилам закона о личном найме, были исключены из общего права участия в выборах, так как зависимость их от хозяина служит реальным основанием для недопущения их к участию в выборах, и, с другой стороны, соответственные правила Устава о личном найме не допускают сомнений относительно того, какие лица должны быть отнесены к этому разряду.

При составлении ныне нового всеподданнейшего проекта по тому же предмету Сенат руководствовался теми же соображениями относительно расширения права голоса при выборах представителей сословия горожан, тем более, что по произведенному по распоряжению Сената в 1901 г. статистическому исследованию вопроса об избирательном праве в сословии горожан оказывается, что число лиц, которые при таком расширении выборного права получили бы право голоса в 1900 г. составило бы не менее 18 216, тогда как в действительности в то время правом участия в выборах пользовались только 23 469 лиц, так что увеличение составляло бы 78 %.

Относительно крестьянского сословия, состав коего определен § 13 Сеймового Устава, по которому правом участия в выборах пользуются только оседлые крестьяне, существенного изменения не воспоследовало вследствие издания Сеймового Устава 1869 г. Однако, как изложено в всеподданнейшем представлении Сената от 6 февраля 1900 г., в продолжение трех слишком десятилетий, истекших с того времени, обстоятельства в существенной степени изменились в том отношении, что, наряду с земледелием, также промышленная и торговая деятельность в деревнях значительно усилилась, а также потому, что благосостояние и образование все более распространяются также среди неоседлого населения. Ввиду этих обстоятельств, в проекте Сената определения о составе крестьянского сословия были подвергнуты такому изменению, чтобы право участия в выборах в этом сословии вообще

принадлежало всем лицам, платящим общинную подать, однако с ограничением, вызываемым введением имущественного ценза.

Согласно произведенному по распоряжению Сената статистическому исследованию вопроса о выборном праве в крестьянском сословии, такое расширение избирательного права в этом сословии в настоящее время повело бы к приблизительному увеличению числа избирателей с 102 184 до 187 800, т. е. приблизительно на 84 %.

Ввиду сего и во внимание к вышеприведенным соображениям вообще Сенат в всеподданнейше представляемом проекте по вопросу о расширении выборного права в крестьянском сословии руководствовался теми же принципами, как и прежде.

Относительно исчисления голосов при выборах Сеймовых депутатов в сословии горожан в настоящее время на основании последнего пункта § 12 в большинстве городов действуют особые принятые подлежащими городами и Высочайше утвержденные выборные Уставы. Согласно этим Уставам, исчисление голосов производится вообще на тех же основаниях, по которым отбываются общинные повинности, а именно: две оброчные единицы дают право на один голос, трем оброчным единицам соответствуют два голоса, четырем оброчным единицам четыре голоса и т. д. до определенного максимального числа голосов. Максимальное число голосов в разных городах определено неодинаково; в настоящее время оно составляет в тринадцати городах десять, в двадцати городах двадцать пять и в одном городе пятьдесят голосов; в трех городах не установлено наибольшего числа голосов. Доход, соответствующий максимальному числу голосов, составляет в зависимости от неодинаковой величины оброчной единицы, колеблющейся в разных городах между 200 и 400 мар., а также от различия максимального числа голосов – в двенадцати городах 2000 мар., в семи городах 10 000 мар., в шести городах 7500 мар., в шести городах 5000 мар., в одном городе 20 000 мар., в одном 6230 мар. и в одном 3500 мар.

Признавая несоответственным, чтобы порядок исчисления голосов на выборах Сеймовых депутатов в сословии горожан, таким образом, в существенной степени определялся подлежащими общинными властями особо для каждого города, Сенат в прежнем своем всеподданнейшем проекте об изменении, между прочим, § 12 Сеймового Устава поместил в этом параграфе подробные определения относительно общих для всех городов оснований исчисления голосов. По этим определениям доход в 1000 мар. давал бы право на один голос сверх предоставленного всем избирателям права на один голос, каждые полные 500 мар. годового дохода сверх 1000 мар. еще по одному до десяти голосов, соответствующих доходу в 5000 мар. Между тем, произведенное после того статистическое исследование этого вопроса доказывает, что и при таком ограничении максимального числа голосов исчисление голосов в городах далеко не соответствовало бы требованиям справедливости по отношению к преобладающему большинству избирателей. На основании этого исследования оказывается, что при нынешнем порядке исчисления голосов, со включением тех разрядов городского населения, на которые, как выше изложено, по мнению Сената, следовало бы распространить избирательное право, влияние на исход выборов распределяется между избирателями, обложенными большим и меньшим числом оброчных единиц в отношении, прямо противоположном поголовному их числу. Так, по этому расчету в отношении числа голосов фактическое меньшинство соответствует:

в городах, где макс. число голосов составляет ... 10 гол.,	76,2 %	всех избирателей
в городах, где макс. число голосов составляет ... 25 “	87,2 %	“ “
в городах, где не установлено макс. числа голосов. – “	89,2 %	“ “

Во всех городах края, в которых общее число избирателей составляет 41 885, а общее число голосов 204 197, девять низших разрядов по числу голосов обнимают 34 720 избирателей, т. е. 82,9 % всех избирателей, а в отношении числа голосов они уступают прочим 7165 избирателям, составляющим только 17,1 % всех избирателей. Девять низших разрядов

имеют 90 527 голосов, а прочие избиратели 113 670 голосов. Исход выборов, следовательно, безусловно зависит от сравнительно малочисленных разрядов избирателей, обложенных высшим податным окладом.

Согласно прежнему проекту Сената по данному вопросу, из общего числа голосов в 129 782 немногим более половины, а именно 65 525 голосов, пришлось бы на долю четырех низших по величине дохода разрядов избирателей, получающих менее 2500 мар. годового дохода, хотя в этих четырех разрядах более 44 350 избирателей, т. е. 85,3 % общего числа избирателей. Избиратели же с доходом в 2500 мар. или более располагали бы почти половиною всего числа голосов, несмотря на их малочисленность, так как таких избирателей всего 7639, т. е. только 14,7 % общего числа избирателей. Если к тому же принять во внимание тот естественный и подтверждаемый опытом факт, что малочисленные избиратели, имеющие большее число голосов, принимают гораздо более деятельное участие в выборах сравнительно с теми, которые имеют один или вообще немного голосов, то можно наверно предвидеть, что более состоятельные избиратели в действительности имели бы еще более преобладающее влияние на исход выборов, чем можно ожидать по числу принадлежащих им голосов. Таким образом, несмотря на сильное понижение максимального числа голосов в большинстве городов, особенно в крупных городах, и сокращение числа подоходных степеней, все-таки при исчислении голосов по величине дохода удержалось бы резкое различие между избирателями, имеющими один или два голоса, и теми, которые располагают большим числом голосов.

Подобный порядок исчисления голосов, без сомнения, чрезмерно стесняет влияние менее состоятельных избирателей и тем самым уменьшает их интерес к выборам. Ввиду сего и признавая необходимым сохранить чувство солидарности между разными классами населения и стараться получить в народном представительстве по возможности точное выражение особых мнений, нужд и желаний отдельных классов населения, Сенат, не колеблясь, решается всеподданнейше проектировать, чтобы применяемая ныне на выборах представителей в сословии горожан система исчисления голосов по величине дохода была устранена из Сеймового Устава.

С другой стороны, по мнению Сената, право участия в выборах отнюдь не должно оставаться вне всякой зависимости от имущественного положения избирателей. Напротив, избирательное право по-прежнему должно бы быть обусловлено известным минимальным доходом. Этим создается гарантия против осуществления выборного права лицами, не имеющими достаточно независимого положения; вместе с тем такое решение вопроса соответствовало бы также выраженному земскими чинами на Сейме 1897 года желанию, чтобы имущественный ценз для выборного права был установлен в основном законе.

Что касается величины минимального дохода, то Сенат, во внимание к имущественным отношениям в городах края вообще, признал соответственным относительно сословия горожан установить минимальный доход в 800 марок. При этом Сенат не упустил из вида, что, так как оброчная единица в городах края в настоящее время, как выше замечено, колеблется между 200 и 400 марок, проектированная норма превышала бы доход, дающий право голоса в тех городах, где оброчная единица менее 400 мар., вследствие чего некоторые лица, пользующиеся ныне правом участия в выборах, лишились бы выборного права. Однако, согласно вышеупомянутому статистическому исследованию, уже теперь минимальный доход в 800 мар. в отношении без малого двух третей всего городского населения является условием участия в отбывании общинных повинностей и, следовательно, также права участия в выборах. В городах же с более низким имущественным цензом лица, доход которых оценен в меньшую сумму, большею частью принадлежат к таким разрядам населения, которые на основании вышеупомянутых изъятий не имеют выборного права. Предположенная Сенатом отмена этих изъятий имела бы последствием увеличение числа избирателей; в г. Таммерфорсе, напр., имеющем большое фабричное население, несмотря на увеличение имущественного ценза с 400 до 800 мар. число избирателей увеличилось бы в довольно значительной степени.

Относительно крестьянского сословия во внимание к имущественным условиям и стоимости жизни в деревнях признано соответственным определить имущественный ценз в пятисот марок.

В виде общего дополнительного определения по вопросу об имущественном цензе Сенат счел долгом проектировать, чтобы лица, владеющие в городах или уезде недвижимостью на праве собственности, и владельцы земельных имений в уезде, пользующиеся в настоящее время выборным правом наравне с лицами, владеющими землею на праве собственности, пользовались правом участия в выборах, хотя бы доход их не достигал установленной нормы, если только они отбывают общинные повинности. Что касается городов, то это правило имеет значение только для самых маленьких городов края, и то, вероятно, в немногих сравнительно случаях. В отношении же крестьянского сословия оно сохранило бы за многими мелкими землевладельцами избирательное право, которым они пользуются в настоящее время. Согласно вышеупомянутому статистическому исследованию, в 1900 году число таких землевладельцев составляло по крайней мере 16 734, т. е. 15,6 % всего числа собственников и владельцев недвижимых имений в уезде, участвующих в отбывании общинных повинностей. Таким образом, проектированное определение, до некоторой степени, обеспечило бы постепенность в развитии политического представительства в крестьянском сословии.

Однако полное равенство голосов всех избирателей, по мнению Сената, не представляется желательным. Всякие доводы говорят в пользу того, чтобы избирателям, достигшим зрелого возраста, семейным или получившим высшее образование, во внимание к этим фактическим и с социальной точки зрения важным различиям, было предоставлено большее влияние на исход выборов. Цель, послужившая поводом к введению подоходного исчисления голосов и заключающаяся в том, чтобы лицам, имеющим больший интерес к общественным делам и способность принимать в них участие, было предоставлено большее влияние на исход выборов, по мнению Сената, вернее достигается выборного права соответственно назначенным принципам, нежели при таком расчете голосов, который исключительно основывается на несущественных отчасти различиях в имущественном положении. Ввиду сего, Сенат в всеподданнейшем проекте Высочайшего предложения поместил определение о том, что лица, участвующие в выборах, кроме одного голоса, предоставленного каждому избирателю, могут иметь до трех добавочных голосов по такому расчету, что лица семейные, достигшие тридцати пяти лет от роду, получают один добавочный голос; лица, получившие школьное образование, точнее указанное в § 12, также один добавочный голос, а лица, получившие университетское или однородное высшее образование, два добавочных голоса. Эти дополнительные определения в связи с повышением предельного возраста, требующегося для участия в выборах, с двадцати одного года до двадцати пяти лет, по мнению Сената, устраняют некоторые опасения по поводу изменений в отношении политического влияния, вызываемых проектируемою реформою.

Вышеизложенные основания для исчисления голосов на выборах Сеймовых депутатов, согласно всеподданнейшему проекту Сената, должны также применяться в отношении крестьянского сословия.

Что касается самого *порядка выборов*, то Сенат признал соответственным для всех недворянских сословий всеподданнейше проектировать некоторые изменения ныне действующих правил. Относительно сословия духовенства в проекте Сената только воспроизведены предположения, изложенные в Всеподданнейшем представлении Сената от 6 февраля 1900 года о допущении в этом сословии т. н. пропорциональных выборов, согласно желанию, выраженному земскими чинами на Сейме 1897 года.

Цель, преследуемая пропорциональными выборами, т. е. охранение интересов меньшинства в политической жизни, по мнению Сената, заслуживает еще большего внимания в отношении представительства городов; эту цель Сенат находит возможным достичь удобнее всего таким образом, чтобы выборы в городах, посылающих на Сейм более одного депутата, производились по избирательным округам так, чтобы каждый округ выбирал одного депутата. Так как давление на округа, по проекту Сената, должно основываться на территори-

альных началах, то такой порядок выборов также имел бы последствием более равномерное распределение политического влияния между отдельными классами населения, обитающими часто в разных частях города.

На основании § 12 Сеймового Устава число депутатов, назначаемых городами в сословие горожан на Сейме, определяется таким образом, что каждый город избирает по крайней мере одного депутата, и если число жителей города составляет шесть тысяч человек или более, то сверх сего назначается один депутат на каждые полные шесть тысяч жителей. Однако этот способ исчисления имеет тенденцию предоставить нескольким крупным городам несоразмерно большое влияние на состав сословия горожан на Сеймах. Поэтому Сенат полагает, что следовало бы модифицировать означенное правило таким образом, чтобы в городах, где число жителей превысить 60 000, число депутатов затем уже увеличивалось одним на каждые полные десять тысяч жителей сверх 60 000, а если число жителей перейдет за 100 000, то также одним депутатом на каждые полные двадцать тысяч сверх 100 000. Пункт первый § 12 в проекте Сената с означенною целью перередактирован.

Относительно крестьянского сословия Сенат признал желательным увеличить число электоров, чтобы, сохраняя двустепенную систему выборов в этом сословии, достичь по возможности точного выражения желаний населения; следствие сего 2 пункт § 13 подвергнут соответственному изменению. Засим, ввиду сильного дробления голосов, часто замечаемого при выборах Сеймовых депутатов в крестьянском сословии, Сенат находит целесообразным установить, чтобы на выборах в этом сословии производилась перебаллотировка, когда ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов. В сих видах Сенат изменил редакцию 2 пункта § 15.

Кроме того, всеподданнейший проект Сената содержит некоторые менее существенные дополнения и изменения Сеймового Устава. Так, § 14 дополнен таким образом, что в числе поводов лишения избирательного права указано также признание недостойным состоять на службе края. В числе приведенных в §§ 12 и 13 обстоятельств, служащих препятствием к осуществлению выборного права, по принципиальным соображениям упомянуто также о недоимках по казенным сборам, а в § 13 оговорено, что и чиновники, и служители губернской администрации не имеют права участия в выборах в крестьянском сословии. По практическим соображениям в §§ 12 и 13 помещены некоторые правила касательно порядка производства выборов; наконец, во избежание неправильного толкования, исключено несколько слов из приведенной в § 15 формы полномочий Сеймовых депутатов недворянских сословий.

По вопросу об изменении порядка составления и отправления исходящих бумаг Сейма в видах возможного ускорения этой части работ Сейма, Сенат считает долгом всеподданнейше донести, что значительное число дел, накопляющееся к каждому Сейму вследствие продолжительных промежутков между Сеймовыми собраниями, ведет к тому, что Сейм не успевает даже рассмотреть всех возбужденных в сословиях вопросов, особенно также по той причине, что необходимость переводить на другой туземный язык все Сеймовые акты в существенной степени задерживает работу Сейма. Ввиду сего едва ли можно ожидать, чтобы все исходящие бумаги могли быть составлены до закрытия Сейма. Тем не менее, однако, по мнению Сената, важное улучшение в намеченном направлении могло бы быть достигнуто введением порядка, проектированного в этом отношении Сенатом в всеподданнейшем представлении от 13 февраля 1900 года. Сенат поэтому приемлет долг всеподданнейше повторить изложенное в прежнем всеподданнейшем представлении Сената предложение о том, чтобы исходящие бумаги Сейма, которые на основании § 77 Сеймового Устава в настоящее время составляются по всем делам Экспедиционною комиссиею впредь составлялись по каждому делу тою Комиссиею, которою дело было предварительно рассмотрено и которая представила по нем земским чинам заключение. Ввиду вышеупомянутых условий этим Комиссиям несомненно приходилось бы, как и Экспедиционной комиссии до сего времени, продолжать свою деятельность и по окончании Сейма. Дабы, однако, заседания этих Комиссий не длились слишком долго, Сенат полагал бы возможным ограничить вы-

шеупомянутую обязанность их таким образом, чтобы подлежащие специальные Комиссии обязательно составляли лишь такие исходящие бумаги, которые содержат отзывы на Высочайшие предложения, тогда как прочие бумаги, насколько они не могли быть изготовлены во время Сейма, составлялись бы, как и до сего времени, Экспедиционною комиссиею.

Согласно с сим составлен проект изменения редакции § 77 Сеймового Устава, причем сделано вызываемое сим изменение и в § 67.

Что касается поверки исходящих бумаг земских чинов, то Сенат полагал бы изменить § 78 в том смысле, чтобы поверка поручалась назначенным земскими чинами доверенным лицам лишь в том случае, если бумаги эти не могли быть составлены до закрытия Сейма.

Во избежание потери времени, вызываемой доставкою исходящих бумаг ландмаршалу и тальманам для подписи, § 79 передактирован таким образом, что ландмаршал и тальманы обязаны в тех случаях, когда подпись их требуется по окончании Сейма, являться для сего в то место, где заседал Сейм, а в случае препятствия для кого-либо из них бумаги подписывались бы вице-ландмаршалом или вице-тальманом.

В всеподданнейшем представлении Сената от 13 февраля 1900 года предположено было также изменить § 80 таким образом, чтобы т. н. Сеймовое решение, содержащее краткий отчет о всех определениях земских чинов и представляемое при закрытии Сейма, могло быть редактировано после сего срока. Ныне, однако, Сенат полагает, что это изменение могло бы быть опущено, так как все-таки представляется возможным, хотя и не без затруднений, составить Сеймовое решение ко времени закрытия Сейма.

В всеподданейшем проекте Высочайшего предложения, который Сенат повергает при сем на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение на предмет передачи его, в случае Высочайшего Вашего Величества соизволения, земским чинам на будущем Сейме, подвергнутые изменению параграфы Сеймового Устава распределены на три особых законопроекта, дабы различные предметы, которых касаются эти параграфы, могли быть рассмотрены и решены независимо друг от друга.

Подлинное подписали сенаторы:

К. Линдер.	И.Г. Сольман.	Вальфрид Споре.
В. Энеберг.	Г. Боренius.	Бем.
О. Бергбом.	Г.Э. Фельман.	М. фон-Блом.
Э. Форсман.	А. Кумлин.	Э. Андерсин.
Э.Р. Неовиус.	А. Генец.	Д.В. Окерман.
В.Э. Лильеблад.	В. Гуммерус.	

Скрепил: Докладчик, канцелярист Ф. Гренваль. Верно: Помощник главного переводчика Тилло.

Опубл.: Материалы по пересмотру Сеймового Устава от 3(15) апреля 1869 г. СПб., 1904. С. 5–23. (РНБ. Шифр: 17.146.1.37.)

№ 77. Проект Высочайшего предложения земским чинам Финляндии об изменении некоторых параграфов Сеймового Устава Великого княжества Финляндского

3(16) апреля 1902 г.

Проект Высочайшего Его Императорского Величества предложения земским чинам Финляндии об изменении некоторых параграфов Сеймового Устава Великого княжества Финляндского

Так как определения действующего Сеймового Устава о праве земских чинов входить к Его Императорскому Величеству с всеподданнейшими петициями и о порядке ведения дел на сословных собраниях, в особенности по вопросу о предоставленной Сеймовым де-

путатам свободе суждений, нуждаются в пересмотре, и постановления Сеймового Устава о составе недворянских сословий по поводу всеподданнейшей петиции земских чинов на Сейме 1897 года признано необходимым пояснить и развить, а также порядок составления Сеймовых заключений оказывается неудовлетворительным, Его Императорское Величество по предварительном рассмотрении вопроса о праве петиций земских чинов и о свободе суждений Сеймовых депутатов в Законоподготовительном Учреждении Высочайше соизволил повелеть составить нижеследующие законопроекты, а именно: 1) проект изменения §§ 8, 46, 51, 52 и 63 Сеймового Устава, 2) проект изменения §§ 12, 13, 14 и 15 Сеймового Устава и 3) проект изменения §§ 67, 77, 78 и 79 Сеймового Устава.

В первом из этих законопроектов главным образом проектированы следующие изменения: пределы права петиций земских чинов определены точнее и, в сих видах, некоторые вопросы, относящиеся к области суда и управления, изъяты из права петиций земских чинов; воспрещены выражения преступного содержания, а также оскорбительные, насмешливые или вообще непристойные выражения о публичных властях и учреждениях в видах предупреждения злоупотребления свободою слова Сеймовых депутатов, и с тою же целью усилена дисциплинарная власть сословий над своими членами таким образом, что всем сословиям предоставлено право за злоупотребления свободою слова и за иного рода нарушение порядка на Сеймовых собраниях лишать депутатов права голоса и заседания на Сейме на определенный срок, не свыше четырнадцати дней, или на остальной срок сессии Сейма, с тем, что в сем последнем случае, по примеру соответственного определения в § 31 действующего Устава Рыцарского Дома, для законности решения требуется квалифицированное большинство.

Относительно вопроса о составе недворянских сословий земские чины в вышеупомянутой петиции, между прочим, полагали желательным распространить избирательное право на некоторые группы населения края, которые в настоящее время не имеют представителей на Сейме; вместе с тем земские чины относительно сословия горожан ходатайствовали о принятии мер к устранению неясности в определениях 3 пункта § 12 Сеймового Устава о членах городских общин, не пользующихся правом участия в выборах.

Ввиду сего и так как по вопросу об определениях означенной статьи закона как земскими чинами, так и правительством уже ранее было признано, что они лишают права участия в выборах также таких лиц, которые занимают сравнительно независимое социальное положение, из указанного пункта исключены определения, которые лишают избирательного права экипажи купеческого флота, прислугу публичных и частных учреждений и обществ, лиц, находящихся у других в услужении или в постоянной работе, поденщиков и других подобных людей, содержащих себя случайною работою, и лиц, которые занимаются каким-либо ремеслом только для собственного пропитания.

Что касается состава крестьянского сословия, то § 13 Сеймового Устава в нижеприведенном проекте подвергнут существенному изменению в том отношении, что избирательное право в крестьянском сословии не обусловлено владением недвижимостью. По проекту, право участия в выборе в этом сословии вообще предоставляется всем числящимся в мантальных списках членам данной общины за исключением лишь таких разрядов лиц, которые и в сословии горожан по-прежнему не будут пользоваться выборным правом, а также чиновников и служителей губернской администрации.

По вопросу об исчислении голосов на Сеймовых выборах в сословиях горожан и крестьян вышеупомянутая петиция земских чинов на Сейме 1897 года исходит из того предположения, что нынешний порядок, согласно которому избиратели пользуются неодинаковым числом голосов по особому расчету, основывающемуся на имущественном цензе, в главных чертах следует сохранить и на будущее время. Между тем, основывающаяся на таком принципе организация выборного права, без сомнения, может чрезмерно ограничить влияние избирателей, находящихся в менее благоприятном экономическом положении, и тем уменьшить их интерес к выборам. Ввиду сего и во внимание также к необходимости сохранить чувство солидарности между разными классами населения и стремиться к тому, чтобы на-

родное представительство служило по возможности верным выражением особых мнений, желаний и нужд отдельных классов населения, проектировано исключить из Сеймового Устава действующую в настоящее время систему расчета голосов по величине имущества.

С другой стороны, однако, сохранено правило, обусловливающее право участия в выборах известным минимальным доходом, для того чтобы избирательным правом пользовались только такие лица, которые занимают достаточно независимое положение. Ввиду различая в имущественных условиях и стоимости жизни, этот минимальный доход для городов и сельских местностей определен неодинаково, а именно для городов – в восемьсот марок, а для сельских местностей – в пятьсот. По соображениям справедливости, а поскольку дело касается сельских местностей, также в видах сохранения желательной последовательности в развитии политического представительства, в отношении избирательного ценза допущено изъятие, предоставляющее избирательное право лицам, владеющим на праве собственности недвижимым имуществом в городах и в уезде, и таким владельцам недвижимых имений в уезде, которые в настоящее время пользуются правом участия в выборах наравне с лицами, владеющими недвижимостью на праве собственности, хотя бы доход таких лиц не был оценен в означенную минимальную сумму, если только они платят подать в пользу общины.

Однако веские соображения говорят в пользу того, чтобы избирателям, достигшим более зрелого возраста, семейным и получившим высшее образование, во внимание к этим фактическим и с социальной точки важным различиям, было предоставлено большее влияние на исход выборов. Ввиду этого в законопроект включено определение о том, что лица, пользующиеся выборным правом, кроме одного голоса, предоставленного каждому избирателю, могут иметь до трех добавочных голосов на следующем основании: лица семейные, достигшие тридцатипятилетнего возраста, один добавочный голос; лица, получившие школьное образование, подробнее указанное в § 12, также один добавочный голос, и, наконец, лица, получившие университетское или иного рода высшее образование, два добавочных голоса.

Значение, придаваемое таким образом в указанном отношении более зрелому возрасту, послужило также поводом к повышению предельного возраста, требуемого для участия в выборах, с двадцати одного года до двадцати пяти лет.

Относительно порядка производства выборов, по поводу возбужденного земскими чинами на Сейме 1897 года вопроса о введении т. н. пропорциональной системы выборов, в § 15 Сеймового Устава помещено правило, допускающее такую систему выборов в сословии духовенства.

С тою же целью, которая имеется в виду этою системою выборов, т. е. в видах охранения интересов меньшинства в политической жизни, относительно представительства городов проектировано правило такого содержания, чтобы в городах, посылающих на Сейм более одного депутата, выборы производились по округам так, чтобы каждый избирательный округ выбирал одного Сеймового депутата.

В связи с сим подвергнут рассмотрению также вопрос о числе депутатов отдельных городов. Действующее в сем оглашении правило, по которому число Сеймовых депутатов отдельных городов на каждые полные шесть тысяч жителей увеличивается одним депутатом, ведет к тому, что несколько больших городов могут приобрести решающее значение по вопросу о составе сословия горожан. Поэтому соответственное определение 1 пункта § 12 изменено таким образом, чтобы в городах с населением свыше шестидесяти тысяч человек число Сеймовых депутатов увеличивалось лишь одним депутатом на каждые десять тысяч жителей, а при населении свыше ста тысяч – одним депутатом на каждые двадцать тысяч жителей.

Сохраняя систему двустепенных выборов для крестьянского сословия, проект содержит также определение, в пользу которого высказались земские чины в всеподданнейшей петиции, о том, что число электоров, выбираемых каждою общиною, увеличивается одним на каждую полную тысячу населения общины. Засим, ввиду сильного дробления голосов, замечаемого часто на выборах Сеймовых депутатов в крестьянском сословии, признано це-

лесообразным установить, чтобы в этом сословии производилась перебаллотировка, когда никто из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов.

Что касается порядка составления и отправления исходящих бумаг Сейма, то некоторые изменения в соответственных определениях Сеймового Устава оказались необходимыми для того, чтобы эта часть работы Сейма выполнялась с наименьшею, по возможности, тратою времени. В сих видах в проекте определено, что общие представления земских чинов вообще составляются тою комиссиею, которою дело было предварительно рассмотрено. Только такие представления, которые не заключают в себе отзыва на Высочайшее предложение, составляются Экспедиционною комиссиею, если не оказалось возможным составить их за время сессии Сейма. Все представления, составленные до закрытия Сейма, поверяются самими сословиями; наконец, для подписи представлений, которые не могли быть составлены за время сессии Сейма, ландмаршал и тальманы должны явиться в то место, где Сейм заседал.

Параграфы Сеймового Устава, подвергнутые изменению, распределены на три особых законопроекта для того, чтобы различные предметы, которых эти параграфы касаются, могли быть приняты к обсуждению и решению независимо друг от друга. Его Императорскому Величеству благоугодно Высочайше передать сим земским чинам на принятие означенные законопроекты, имеющие следующее содержание:

Всеподданнейший проект Высочайшего Манифеста
об изменении §§ 8, 46, 51, 52 и 63 Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского.

§ 8

Сеймовый депутат должен соблюдать благопристойность и умеренность в своих объяснениях; но он не может быть отдан под суд или лишен свободы за выраженные им виды и мнения или за свое поведение в заседаниях Сейма, если сословие, к которому он принадлежит, не даст на то разрешения особою резолюциею, с коею в общем собрании сословия согласились по крайней мере пять шестых из числа присутствующих членов оного. Если против депутата будет возбуждено обвинение в тяжком преступлении, то он может быть взят под стражу только в том случае, если он задержан на месте преступления или если судья по произведенному следствию усмотрел повод к определению ареста. За маловажные проступки не должно брать депутата под стражу.

§ 46

В общем собрании каждый член сословия имеет право, для внесения в протокол, свободно говорить и выражать свое мнение по всем обсуждаемым там вопросам, а также о законности всего, что в сословии происходит. Каждый говорит стоя, с своего места, в порядке своего о том заявления и вызова, и никто не имеет права говорить без внесения в протокол.

Никто не должен позволять себе выражений преступного содержания или оскорбительных, насмешливых или иначе непристойных выражений о правительстве, публичных властях или учреждениях, или частных лицах. Если сие случится, или если член сословия иным образом нарушит порядок в сословии, то ландмаршал или тальман может лишить его слова или призвать его к порядку, и сословие потом обсуждает, должно ли ему быть сделано замечание или предостережение ландмаршалом или тальманом, или его следует лишить права голоса и заседания в собраниях сословия на определенный срок, не свыше четырнадцати дней, или на остальной срок сессии Сейма, или дело подлежит передаче на рассмотрение суда, или же оно может быть оставлено без последствий.

Член сословия может быть отдан под суд или лишен права голоса и заседания на остальной срок сессии Сейма не иначе, как с разрешения сословия по особому постановлению, принятому в общем собрании большинством не менее пяти шестых из числа присутствующих членов сословия.

§ 51

Земские чины имеют право вносить на Сеймe предложения об установлении, изменении и отмене таких общих законов, которые зависят от совокупного решения Государя Императора и Великого князя с земскими чинами. Не могут быть, однако, возбуждаемы предложения об установлении, изменении или отмене основных законов или законов об организации сухопутных и морских военных сил, а также законов о печати. Относительно церковного законодательства следует руководствоваться правилами, особо для сего установленными.

Если земские чины решат принять новый, а также изменить или отменить прежний закон, то должны представить о сем проект Государю Императору и Великому князю. В случае одобрения проекта земских чинов Государем Императором и Великим князем, имеет быть издано постановление, дословно согласное с этим проектом. Если же проект Государем Императором и Великим князем не может быть одобрен в измененном виде, то оный считается в целости оставленным без последствий, о чем, по повелению Государя Императора и Великого князя, земским чинам сообщается не позже ближайшего Сейма.

Земским чинам принадлежит также право петиций, которым они с давних пор пользовались. Петиции земских чинов и сословий, заключающие в себе ходатайство о законодательной мере в области общего законодательства или об издании, изменении или отмене законов и постановлений по предметам, относительно которых земские чины не имеют права предложения, или касающиеся другого общего вопроса, представляются Государю Императору и Великому князю лишь в виде желаний, которые Государем Императором и Великим князем принимаются в уважение по мере признания Им оных полезными для края. Не разрешается земским чинам или сословиям представлять петиции о назначении или увольнении должностных лиц или чиновников, или по вопросам, которые подлежат решению суда, или касаются распоряжений публичной власти по части исполнения законов и постановлений, или же отношений частных лиц, равно как и о принятии мер, противоречащих закону.

Проекты предложений или петиций по предметам, подлежащим рассмотрению Общей комиссии, имеют быть представляемы Сеймовым депутатом в том сословии, к которому он принадлежит, до истечения четырнадцати дней с открытия Сейма. По окончании же сего срока такие вопросы не могут быть возбуждаемы, если они непосредственно не истекают из постановленного уже в каком-либо сословии решения или другого возникшего во время Сейма случая.

Если Сеймовый депутат намерен представить проект предложения или петиции, то он заранее извещает об этом председателя сословия. Кроме сего, все такие проекты предварительно их доклада должны быть представляемы письменно изложенными секретарю сословия. В одном изложении не следует соединять несколько предметов разного свойства. Каждый проект предложения должен заключать в себе доводы, на которых он основан, и составленный в форме закона проект предполагаемых положений по этому вопросу.

§ 52

Предложения Государя Императора и Великого князя, равно как и возбужденные в сословиях проекты предложений, не должны быть принимаемы к окончательному рассмотрению до представления по оным заключения Общей комиссии.

Если в каком-либо сословии будет внесен проект петиции, касающейся общественного вопроса, то сословие может, когда пожелает, также передать вопрос на рассмотрение Общей комиссии.

§ 63

Если ландмаршал или тальман усмотрит, что возбужденный членом сословия вопрос противоречит основному закону или уже состоявшемуся по делу решению, или что вопрос вообще такого особенного свойства, что не должен быть допущен к обсуждению, то он может отказаться от принятия такого вопроса к обсуждению или от представления сословию пропозиции по принятому уже к обсуждению вопросу, причем каждый раз им имеют быть приводимы также причины такого отказа. В иных случаях такой отказ не допускается.

Проект Высочайшего Манифеста
об изменении §§ 12, 13, 14 и 15 Сеймового Устава
для Великого княжества Финляндского

§ 12

Сословие горожан состоит из депутатов от городов края. Для каждого города избирается один депутат; но если число жителей, согласно мантальному списку, доходит до шести тысяч человек, то избираются двое и более, по одному на каждые полные шесть тысяч жителей, до шестидесяти тысяч включительно. Если же население превышает шестьдесят тысяч, то на каждые полные десять тысяч, до ста тысяч жителей включительно, полагается еще по одному депутату, а когда население превышает сто тысяч, то еще по одному депутату на каждые полные двадцать тысяч жителей, сверх ста тысяч. Однако город, имеющий менее тысячи пятисот жителей, может или назначить от себя особого уполномоченного, или же, для выбора общего депутата, присоединиться к другому городу, имеющему на основании вышесказанного право назначить на Сейм только одного депутата.

Право участия в выборах депутатов сословия горожан имеют внесенные в мантальные списки города члены общины, которые по последней раскладке общинных податных сборов обязаны платить общинную подать и которые по раскладке платят оклад, соответствующий доходу в восемьсот марок, или владеют в городе недвижимостью на праве собственности.

Не имеют права выбора:

женщины, замужние и незамужние;

лица, принадлежащие к дворянству или духовенству; нижние чины действующих войск;

лица, находящиеся в услужении по правилам закона о личном найме;

лица, числящиеся недоимщиками по платежу казенных или общинных податей более, чем за предыдущей год.

На выборах депутатов сословия горожан каждый избиратель имеет право на один голос. Кроме того, предоставляется:

лицам, достигшим тридцатипятилетнего возраста и притом женатым или овдовевшим, в последнем случае если у них есть несовершеннолетние дети, по одному голосу, а также

лицам, которые окончили пять классов лицея или соответственного учебного заведения или же высшее народное училище и, кроме того, два класса или двухгодовой курс в народноучительской семинарии, навигационном училище, промышленном училище или земледельческой школе, по одному голосу, а

лицам, получившим право поступления в университет или окончившим курс Финляндского кадетского корпуса, Политехнического института, Мустиналаского сельскохозяйственного института или Лесного института, по два голоса.

От Сената зависит определить, приобретается ли право на добавочный голос посещением или прохождением курса других, не поименованных выше сего, учебных заведений или учебных заведений вне края.

Города, посылающие на Сейм более одного депутата, разделяются магистратом для производства Сеймовых выборов каждый раз на соответственное число избирательных округов, по возможности с одинаковым числом населения; каждый избирательный округ выбирает одного Сеймового депутата. Избирательные округа образуются в порядке, указанном в мантальном списке таким образом, чтобы каждый избирательный округ обнимал известное число целых кварталов или других соответственных частей городской территории.

Потребные сверх сего правила о составлении избирательных округов издаются Сенатом по истребовании заключения подлежащих городов.

Выборы производятся в объявленное время в присутствии магистрата или же, когда город разделен на избирательные округа, особо в каждом округе в присутствии Комиссии, назначаемой магистратом, по списку голосов, закрытыми листками, в порядке, установленном по соглашению пользующихся выборным правом лиц, на основании правил настоящего Сеймового Устава, или же в порядке, который ими впредь будет установлен в присутствии магистрата. Каждый подает свой голос в том избирательном округе, в списке голосов которого он значится.

Список голосов составляется магистратом особо для каждого избирательного округа. В списке показывается каждое, пользующееся выборным правом лицо и число его голосов с указанием оснований для расчета голосов. Список голосов выставляется для просмотра в объявленном месте по крайней мере за четырнадцать дней до производства выборов. Замечания против списка голосов должны быть заявлены магистрату письменно или устно, не позже как за два дня до выборов, в противном случае они не принимаются к рассмотрению. По заявленным замечаниям магистрат объявляет решение в день выборов до начатия их с указанием, что решение может быть обжаловано в порядке, установленном в § 16; магистрату подлежит также внести в список вызываемые решением исправления.

§ 13

Крестьянское сословие состоит из депутатов, избираемых по одному от каждой юрисдикции края. Выборы производятся через электоров, назначаемых от каждой принадлежащей к юрисдикции общины или части общины, и происходят в присутствии уездного суда в одном из судебных округов юрисдикции в объявленный для сего судьею день.

Избрание электоров происходит не позже, как за восемь дней до производства выборов Сеймовых депутатов. При этом каждая община выбирает проживающего в общине электора из числа лиц, пользующихся выборным правом, и сверх сего, по числу значащегося по мантальному списку населения, по одному электору на каждую полную тысячу жителей. На той же сходке избираются кандидаты в числе не менее одной трети числа электоров.

В избрании электоров имеют право участвовать все внесенные в мантальные списки общины члены оной, которые по последней раскладке общинных податных сборов обязаны платить общинную подать и которые по раскладке платят оклад, соответствующий по крайней мере доходу в пятьсот марок, или владеют обложенною мантальным фрельзовою или шкатовою землею, на правах утвержденной оседлости заведывают казенным гейматом, или содержат на аренде коронный бостель, кунгсгорд или кунгсладугорд.

Выборного права не имеют:

женщины, замужние или незамужние;

лица, принадлежащие к дворянству или духовенству; чиновники и служители губернской администрации; нижние чины действующих войск;

лица, находящиеся в услужении по правилам закона о личном найме;

лица, числящиеся недоимщиками по платежу казенных и общинных податей более, чем за предыдущий год.

Каждый избиратель пользуется правом на один голос, но может кроме того иметь до трех добавочных голосов на основаниях, установленных в § 12.

Выборы электоров производятся на сходке, созываемой председателем общинного собрания, который и председательствует на сходке. К таковой сходке применяются правила, действующие относительно общинного собрания, буде в настоящем Сеймовом Уставе не постановлено иначе.

Список голосов для избрания электоров составляется общинною управою, причем в нем должны быть показаны все имеющие избирательное право лица и число их голосов с указанием оснований для расчета голосов. Список этот выставляется попечением общинной управы в течение по крайней мере четырнадцати дней в объявленном месте и затем в объявленное время, не позже как за день до выборов, поверяется в присутствии общинной управы. Замечания против списка голосов должны быть заявляемы при означенной поверке; в противном же случае они не принимаются к рассмотрению; однако, письменные замечания могут быть подаваемы в общинную управу и ранее. По заявленным замечаниям общинная управа объявляет решение в день выборов, до начатия их; при этом управа обязана немедленно внести в список вызываемые решением исправления и затем передать список председателю сходки.

До окончания сходки председателю надлежит объявить, что жалобы на выборы и решения общинной управы по поводу сделанных против списка голосов замечания могут быть подаваемы в указанном в § 16 порядке.

Избранные электоры должны, имея при себе выписки из протокола, веденного при избрании их, собраться для выбора Сеймового депутата в назначенный день и место. Неявка электора не служит препятствием к производству выборов. Выборы производятся закрытыми листками, причем каждый электор пользуется одним голосом.

§ 14

Право участия в выборе электора или Сеймового депутата в недворянских сословиях с соблюдением оснований, установленных в §§ 11, 12 и 13, предоставляется каждому принадлежащему к сословию проживающему в избирательном округе финляндцу, достигшему двадцатипятилетнего возраста; однако, сего права не имеют:

кто в продолжение трех последнепредшествовавших годов не был внесен в оброчные списки края;

кто состоит под опекою;

кто уступил свое имущество на удовлетворение кредиторов и не может удостоверить, что он освободился от их претензий;

кто был присужден к ответственности или оставлен в подозрении за позорное преступление;

кто был объявлен лишенным гражданского доверия или же недостойным состоять на службе края или быть поверенным другого лица;

кто изобличен в том, что он при выборе электора или Сеймового депутата деньгами или подарками старался приобресть голоса или же насилием, или угрозами нарушил свободу выбора;

кто признан уличенным в том, что он, при выборе электора или Сеймового депутата, подал свой голос за вознаграждение;

кто пред тем уже участвовал в выборе электора или депутата другого сословия, кроме того, в котором он после того заявляет себя для участия в выборе.

Право выбора ни в каком случае не должно быть передаваемо другому по доверенности.

В электоры может быть выбираем каждый в избирательном округе, кто сам имеет право участвовать в таковом выборе.

В Сеймовые депутаты недворянских сословий может, с нижеисчисленными изъятиями, быть избираем каждый проживающий в избирательном округе или вне оного член сословия, который сам имеет право участвовать в выборе электора или депутата сего сословия; однако, условие относительно внесения в продолжение трех последнепредшествовавших годов в оброчные списки края не применяется к лицам, состоящим на службе Государя Императора, хотя бы и не в качестве финляндского чиновника.

Сеймовым депутатом не может быть признан:

кто не исповедует христианской веры;

кто участвовал в выборе электора или депутата другого сословия, кроме того, в котором он заявит себя к отправлению обязанностей Сеймового депутата.

Все, что выше сего означено как препятствие к пользованию правом участвовать в выборах, быть избранным и признаваемым в звании Сеймового депутата недворянских сословий, должно также считаться препятствием и к признанию представителя рыцарства и дворянства.

§ 15

При избрании Сеймового депутата в сословие духовенства или горожан выбор решается большинством голосов; если же двое или несколько получат наибольшее и одинаковое число голосов, то между ними решает жребий.

При избрании Сеймового депутата в сословии крестьян тот, кто при первом голосовании получит наибольшее число голосов, признается избранным лишь в том случае, если большинство избирателей подали голоса в его пользу. Если же голоса разделятся так, что никто не получит голосов большинства избирателей, то непосредственно производятся новые выборы между получившими наибольшее число голосов, или если один только получит наибольшее число голосов, то между ним и тем или теми, которые получили наивысшее после него число голосов; относительно этих новых выборов действуют правила, установленные в первом пункте касательно упоминаемых в нем выборов.

Если в сословии духовенства лица, имеющие выборное право, в каком-либо избирательном округе пожелают ввести такой порядок исчисления голосов, чтобы и меньшинство избирателей получило возможность назначать одного или нескольких депутатов, то решение о сем представляется на Высочайшее благовоззрение и утверждение Государя Императора и Великого князя, и утвержденное таким образом решение имеет силу впредь до постановления в том же порядке иного о сем решения.

Лицу, таким образом избранному, немедленно выдается полномочие: Сеймовому депутату духовного сословия Духовной консистории данной епархии или Университетской консистории, депутату сословия горожан – от городского магистрата, а депутату крестьянского сословия – от судьи. Полномочия имеют быть следующего содержания.

«При выборе Сеймового депутата, состоявшемся (тогда-то) между духовенством (такой-то) епархии, между учителями (такой-то) епархии, в Александровском университете, в (таком-то) городе, в (такой-то) юрисдикции, (такой-то) главный пастор, капеллан, проповедник, приходской адъюнкт (такого-то) прихода, капелланства или проповеднического округа; учитель (такой-то) епархии; преподаватель, чиновник Александровского университета, проживающий в (таком-то) городе, в (таком-то) приходе (такой-то) губернии, был избран Сеймовым депутатом духовного, городского, крестьянского сословия; почему он (такой-то) уполномочивается присутствовать на Сейме, имеющем открыться в (таком-то) городе в (такой-то) день, и участвовать в совещаниях и решениях по происходящим там делам. Место и время».

§ 67

О решении дела, рассматривавшегося в Общей комиссии, сия Комиссия, в возможной скорости, имеет быть уведомлена выпискою из протокола.

Если Комиссия при этом усмотрит, что сословия постановили по делу столь разногласные решения, что из различных мнений невозможно образовать законного большинства, то Комиссия старается по возможности согласовать разные мнения и представляет сословиям проект такого соглашения.

Если состоялось большинство, то дело направляется далее в порядке, указанном в § 77.

§ 77

Общие отзывы всех сословий составляются Комиссией, представившей земским чинам заключение по делу. Особой экспедиционной комиссией в составе двух членов от каждого сословия составляется Сеймовое решение; этой же Комиссии может быть поручено составление таких исходящих бумаг земских чинов, в коих не содержится отзыва на Высочайшее Государя Императора и Великого князя предложение и которые не успеют быть составлены до окончания Сейма.

На Экспедиционную комиссию возлагается также вообще отправление общих отзывов всех сословий.

§ 78

Никакая исходящая бумага не должна быть отправляема от земских чинов без поверки оной в присутствии сословий, а если бумага не успеет быть составлена до закрытия Сейма, то она поверяется назначенными для сего земскими чинами довереными лицами.

§ 79

Сеймовое решение подписывается всеми членами сословий; прочие исходящие бумаги земских чинов подписываются лишь ландмаршалом и тальманами, которые в сих видах обязаны, если подпись их требуется по закрытии Сейма, явиться в то место, где заседал Сейм.

В случае препятствия ландмаршала или кого-либо из тальманов, исходящие бумаги подписываются вице-ландмаршалом или вице-тальманом. С состоявшимся сего числа определением Императорского Сената верно. Гельсингфорс, по Экспедиции юстиции Императорского Финляндского Сената, 16 апреля 1902 года.

Скрепил: Докладчик, канцелярист Ф. Гренваль.

Верно: Помощник главного переводчика Тилло.

Опубл.: Материалы по пересмотру Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского от 3(15) апреля 1869 г. СПб., 1904. С. 24–38. (РНБ. Шифр: 17.146.1.37.)

№ 78. Предположения Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова об изменении Сеймового Устава 1869 г.

3(16) мая 1902 г.

Предположения Финляндского генерал-губернатора об изменении Сеймового Устава от 3(15) апреля 1869 года Сеймовый Устав от 3/15 апреля 1869 г.

Сеймовый Устав от 3/15 апреля 1869 г.	Предположения Финляндского генерал-губернатора об изменении Сеймового Устава 1869 года
§ 1. Земские чины Великого княжества Финляндского, кои, быв собраны на Сейме, представляют финский народ, состоят из сословий рыцарства и дворянства, духовенства, горожан и крестьян.	§ 1. Сохраняется без изменений.
§ 2. Земские чины Финляндии собираются по призыву Государя Императора и Великого князя на урочный Сейм по крайней мере каждый пятый год и могут также быть созываемы на чрезвычайный Сейм, коль скоро Государь Император найдет сие нужным. На чрезвычайном Сейме рассматриваются только дела, которые были причиною созвания или иначе будут сообщены чинам Государем Императором, а также вопросы, неразрывно связанные с таковыми делами.	§ 2. Земские чины Финляндии созываются на Сейм Его Императорским Величеством, когда Государь Император найдет сие нужным, посредством Именного Высочайшего указа на имя генерал-губернатора.
§ 3. Сейм происходит в столице края, за исключением тех случаев, когда, по вторжению неприятеля или по другим важным препятствиям, сие окажется невозможным или для безопасности земских чинов непадежным, в каковых случаях Государь Император и Великий князь назначает для их собрания другое место в крае.	§ 3. Сейм происходит в Гельсингфорсе или ином месте по Высочайшему указанию.
§ 4. Призыв на урочный Сейм объявляется не позже как за три месяца, а на чрезвычайный Сейм не позже шести недель до того дня, в который чины должны собраться, и публикуется в церквах края, а также сообщается особо властям и чиновникам, на обязанности коих лежит распорядиться производством Сеймовых выборов, когда таковые должны иметь место. О призыве доводится и до сведения Дирекции Рыцарского Дома.	§ 4. Призыв на Сейм объявляется не позже как за три месяца до того дня, в который чины должны собраться, и публикуется в церквах края, а также сообщается особо властям и чиновникам, на обязанности коих лежит распорядиться производством Сеймовых выборов, когда таковые должны иметь место. О призыве доводится и до сведения Дирекции Рыцарского Дома.
§ 5. Урочный Сейм имеет продолжаться не более четырех месяцев со дня его открытия, а вследствие того, если дела, переданные на обсуждение земских чинов тогда еще и не будут окончены, Государь Император и Великий князь может, коль скоро признает сие за благо, закрыть Сейм и распустить чины. Сейм может также быть закрыт и до истечения четырех месяцев, как скоро о том будут просить все сословия, или Государь Император и без сего найдет к тому повод.	§ 5. Сейм имеет продолжаться не более четырех месяцев со дня его открытия, а затем, хотя бы дела, переданные на обсуждение земских чинов тогда еще и не были окончены, Его Величество может, коль скоро признает сие за благо, закрыть Сейм и распустить чины. Сейм может также быть закрыт и до истечения четырех месяцев, в случае наступления военного времени или когда Государь Император вообще найдет к тому повод непосредственно или по просьбе сословий.

§ 6. Не следует возбранять никакому Сеймовому депутату являться на Сейм и отправлять свои Сеймовые обязанности: однако из сего изъемлются в военное время лица, принадлежащие к военному ведомству, когда им даны поручения по службе.

§ 6. Не следует возбранять никакому Сеймовому депутату являться на Сейм и отправлять свои Сеймовые обязанности.

§ 7. Сеймовый депутат, при исполнении сей своей обязанности не подлежит никаким другим предписаниям, кроме основных законов края.

§ 7 – подлежит исключению.

§ 8. Сеймовый депутат должен соблюдать благопристойность и умеренность в своих объяснениях; но он не может быть отдан под суд или лишен свободы за выраженные им виды и мнения или за свое поведение в заседаниях Сейма, если сословие, к которому он принадлежит, не даст на то разрешения особою резолюциею, с коею в общем собрании сословия согласились по крайней мере пять шестых из числа присутствующих членов оного. Если депутат будет обвинен в тяжком преступлении, то он не может быть взять под стражу, коль скоро не был пойман на деле, или же когда судья по произведенному следствию не усмотрел повода к определению ареста. За маловажные проступки не должно брать депутата под стражу, а также нельзя в продолжение Сейма заключать его за долги в тюрьму несостоятельных должников.

§ 8 – подлежит исключению.

§ 9. Если Сеймовый депутат, во время самого Сейма, или проезда на оный, или обратного пути, будет оскорблен словом или делом, несмотря на сделанное им объявление о своем звании, или же если он по окончании Сейма будет насильственно преследуем за действия на Сейме, то в таком случае учинение преступления против Сеймового депутата считать обстоятельством, особенно увеличивающим виновность. Сие же узаконение имеет силу в отношении секретарей и служебных лиц Сеймовых сословий и комиссий.

§ 9 – подлежит исключению.

§ 10. Рыцарство и дворянство являются на Сейм по Уставу Рыцарского Дома, который имеет быть составлен сообразно с основными законами.

§ 10. Рыцарство и дворянство являются на Сейм по Уставу Рыцарского Дома.

§ 11 (в ред. 1897 дек. 2/147 С.П.Ф., № 48). Депутатами в сословии духовенства состоят архиепископ и епископы, являющиеся на Сейм по созыву оного Государем Императором и Великим князем, и выборные от штатного епархиального духовенства в каждой епархии, числом не менее нижеследующего: от Абоской епархии 10, от Боргоской 7, от Нейшлотской 6 и от Куопиоской 5.

§ 11. Депутатами в сословии Духовенства состоят архиепископ и епископы, являющиеся на Сейм по созыву оного, и выборные от штатного епархиального духовенства в каждой епархии в нижеследующем числе: от Абоской епархии 10, от Боргоской 7, от Нейшлотской 6 и от Куопиоской 5.

Преподаватели и штатные чиновники университета края избирают одного Сеймового

Преподаватели и штатные чиновники университета края избирают одного Сеймового депутата в сословие духовенства с правом, однако, по желанию назначить двух уполномоченных. Равным образом, все штатные преподаватели элементарных учебных заведений избирают Сеймовых депутатов в сословие духовенства, по одному от каждой епархии, причем они могут, по желанию, назначить и двух уполномоченных.
Способ и порядок производства выборов в отдельных епархиях определяются избирателями по взаимному их соглашению.

депутата в сословие духовенства с правом, однако, по желанию назначить двух уполномоченных. Равным образом, все штатные преподаватели элементарных учебных заведений избирают Сеймовых депутатов в сословие духовенства, по одному от каждой епархии, причем они могут по желанию назначить и двух уполномоченных.
Способ и порядок производства выборов в отдельных епархиях определяются избирателями по взаимному их соглашению.
Депутатами от сословия духовенства являются также два или три лица от православного духовенства, по назначению епархиального начальства, и один представитель учебного персонала русских местных народных училищ по назначению генерал-губернатора.

§ 12. (в ред. 1879 марта 8/20, С.П.Ф., № 12). Сословие горожан состоит из депутатов от городов края таким образом, что для каждого города избирается один депутат; по если число жителей, согласно мантальному списку, доходит до шести тысяч человек, то избираются двое и более, по одному на каждые полные шесть тысяч жителей, однако город, имеющий менее тысячи пятисот жителей, может или назначить от себя особого уполномоченного, или же, для выбора общего депутата, присоединиться к другому городу, имеющему на основании вышесказанного право назначить на Сейм только одного депутата.
Право участвовать в выборах имеют члены городской общины, которые внесены в податные списки города и по последней общей таксации обязаны платить подати на общие потребности общины.
Не имеют права выбора:
женщины замужние или незамужние;
лица, принадлежащие к дворянству или духовенству;
экипажи купеческого флота, нижние чины войск и прислуга публичных и частных учреждений и обществ;
лица, находящиеся в услужении у других или на постоянной работе, подепщики и другие подобные люди, содержащие себя случайною работою, и лица, которые занимаются каким-либо ремеслом только для собственного пропитания;
те, за кем числятся недоимки городских податей более, чем за предшествовавший год.
Выборы производятся в присутствии магистрата в объявленный для сего день билетами по обычному в городе выборному порядку.

§ 12. Сословие горожан состоит из депутатов от городов края таким образом, что для каждого города избирается один депутат; по если число жителей, согласно мантальному списку, доходить до шести тысяч человек, то избираются двое и более, по одному на каждые полные шесть тысяч жителей; однако город, имеющий менее тысячи пятисот жителей, может или назначить от себя особого уполномоченного, или же, для выбора общего депутата, присоединиться к другому городу, имеющему на основании вышесказанного право назначить на Сейм только одного депутата.
Право участвовать в выборах депутатов сословия горожан имеют внесенные в мантальные списки города, члены общины, которые по последней раскладке общинных податных сборов обязаны платить общинную подать и которые по раскладке платят оклад, соответствующий доходу не менее шестисот марок или владеют в городе недвижимостью на праве собственности.
Не имеют права выбора:
женщины замужние или незамужние;
лица, принадлежащие к дворянству или духовенству;
нижние чины действующих войск;
лица, находящиеся в услужении по правилам закона о личном найме;
лица, числящиеся недоимщиками по платежу казенных или общинных податей более, чем за предыдущий год.
На выборах депутатов каждый избиратель имеет право на один голос.
Города, посылавшие на Сейм более одного депутата, разделяются магистратом для

Голоса считаются по числу оброчных единиц (skattören) или на других началах, по которым определяется, сколько каждый избиратель обязан платить в городскую кассу на общественные потребности. Если городские жители, имеющие право выбора, пожелают изменить образ и порядок производства выборов, то, при постановлении о сем решении, голоса исчисляются на вышеприведенных началах, и вопрос повергается на воззрение и утверждение Государя Императора и Великого князя. В городах, где по обычаю выборы производятся чрез электоров, каждый электор имеет один голос при выборе Сеймового депутата.

§ 13. Крестьянское сословие состоит из депутатов, избранных по одному из каждого судебного округа в крае. Выборы производятся чрез электоров, назначаемых от каждой принадлежащей к округу общины или части общины, и происходят в присутствии судьи в день, который для сего будет им объявлен. Выбор электоров происходит в созванном надлежащим образом общинном собрании, а где такового не имеется, на мирской сходке, не позже восьми дней до выбора Сеймовых депутатов. В выборе электора участвует каждый мужчина, который имеет жительство в общине, владеет обложенную фрельзовою или шкатовою землею, на правах утвержденной оседлости заведывает казенным гейматом или содержит на аренде коронную бостель, купгсгорд или купгсладугорд, не принадлежит к другому сословию и не состоит на службе края. При этом каждая община выбирает между имеющими в ней жительство и право выбора одного электора и, сверх того, смотря по числу населения, согласно мантальному списку по одному на каждые полные две тысячи человек; голоса же исчисляются по измененному (förmedlade) манталу гейматов. Затем электоры, снабженные выпискою из протокола о их выборе, собираются в определенный день и место, и при избрании Сеймового депутата имеют каждый один голос.

производства Сеймовых выборов каждый раз по числу депутатов на избирательные округа по возможности с одинаковым числом населения.

Правила о составлении избирательных округов издаются Сенатом.

Выборы производятся в объявленное время в присутствии магистрата, или же, когда город разделен на избирательные округа, особо в каждом округе в присутствии назначаемой магистратом комиссии, закрытыми листками по установленному избирателями порядку.

Каждый подает свой голос в том избирательном округе, в списке голосов которого он значится. Список по округам составляется магистратом и публикуется обычным в городе порядком.

§ 13. Крестьянское сословие состоит из депутатов, избираемых по одному от каждой юрисдикции. Выборы производятся чрез электоров, назначаемых от каждой принадлежащей к юрисдикции общины или части общины. Каждая община выбирает одного электора из числа лиц, проживающих в общине и пользующихся правом выбора, и, сверх того, по числу значащегося по мантальному списку населения по одному электору на каждую полную тысячу жителей.

Вместе с тем избираются кандидаты в числе не менее одной трети числа электоров. В избрании электора имеют право участвовать все внесенные в мантальные списки общины члены опой, которые по последней раскладке общинных податных сборов обязаны платить общинную подать и которые по раскладке платят оклад, соответствующий доходу не менее четырехсот марок, или владеют обложенною манталом фрельзовою или шкатовою землею, на правах утвержденной оседлости заведывают казенным гейматом или содержать на аренде коронный бостель, купсгорд или купгсладугорд.

Выборного права не имеют:

женщины замужние и незамужние;

лица, принадлежащие к дворянству или духовенству;

чиновники и служители местной губернской администрации;

нижние чины действующих войск;

лица, находящиеся в услужении по правилам закона о личном найме;

лица, числящиеся недоимщиками по платежу казенных или общинных податей более, чем за предыдущий год.

Каждый избиратель на выборах электоров пользуется правом на один голос.

§ 14. Право участия в выборе электора или Сеймового депутата в педворянских сословиях, с соблюдением оснований, установленных в §§ 11, 12 и 13, предоставляются каждому принадлежащему к сословию, проживающему в избирательном округе и достигшему совершеннолетия финляндцу, даже если он исповедует другою, а не христианскую веру; однако сего права не имеют:
кто в продолжение трех последнепредшествовавших годов не был внесен в оброчные списки края;
кто состоит под опекою;
кто уступил свое имущество на удовлетворение кредитов и не может удостоверить, что он освободился от их претензий;
кто был присужден к ответственности или оставлен в подозрении за позорное преступление;
кто был объявлен незаслуживающим доверия сограждан или недостойным быть уполномоченным от другого;
кто изобличен в том, что он при выборе электора или Сеймового депутата деньгами или подарками старался приобресть голоса или же насилием или угрозами нарушал свободу выбора;
кто признан уличенным в том, что он при выборе электора или Сеймового депутата подал свой голос за вознаграждение;
кто пред тем уже участвовал в выборе электора или депутата другого сословия, кроме того, в котором он после того заявляет себя для участия в выборе.
Право выбора ни в каком случае не должно быть передаваемо другому по доверенности.

Выборы электоров происходят не позже, как за восемь дней до производства выборов Сеймовых депутатов, на общинном собрании или сходке, созываемых и происходящих согласно положению о сельском общинном управлении. Объявление списка голосов производится по установленным общинами правилам. Выборы Сеймового депутата происходят в присутствии уездного суда в одном из судебных округов юрисдикции в объявленный для сего судьею день. Избранные электоры должны, имея выписки из протоколов, веденных при их избрании, собраться для выбора Сеймового депутата.
Неявка электора не служит, однако, препятствием к производству выборов. Выборы производятся закрытыми листками, причем каждый электор пользуется одним голосом.

§ 14. Право участия в выборе электора или Сеймового депутата в педворянских сословиях, с соблюдением оснований, установленных в §§ 11, 12 и 13, предоставляются каждому принадлежащему к сословию, проживающему в избирательном округе и достигшему двадцатипятилетнего возраста русскому подданному; однако сего права не имеют:
кто в продолжение трех последнепредшествовавших годов не был внесен в оброчные списки края;
кто состоит под опекою;
кто уступил свое имущество на удовлетворение кредитов и не может удостоверить, что он освободился от их претензий;
кто был присужден к ответственности или оставлен в подозрении за позорное преступление;
кто был объявлен лишенным гражданского доверия или недостойным состоять на казенной службе или быть поверенным другого лица;
кто изобличен в том, что он при выборе электора или Сеймового депутата деньгами или подарками старался приобресть голоса или же насилием или угрозами нарушал свободу выбора;
кто признан уличенным в том, что он при выборе электора или Сеймового депутата подал свой голос за вознаграждение;
кто пред тем уже участвовал в выборе электора или депутата другого сословия, кроме того, в котором он после того заявляет себя для участия в выборе.
Право выбора ни в каком случае не должно быть передаваемо другому по доверенности.
В электоры может быть выбираем каждый в избирательном округе, кто сам имеет право участвовать в таковом выборе.

В электоры может быть выбираем каждый в избирательном округе, кто сам имеет право участвовать в таковом выборе.

В Сеймовые депутаты недворянских сословий может, с нижеисчисленными изъятиями, быть избираем каждый, проживающий в избирательном округе или вне оного член сословия, который сам имеет право участвовать в выборе электора или депутата сего сословия; однако условие относительно внесения в продолжение трех последнепредшествовавших годов в оброчные списки края не применяется к лицам, состоящим на службе Государя Императора, хотя бы и не в качестве финляндского чиновника.

Сеймовым депутатом не может быть признан:
кто не исповедует христианской веры;
кто не достиг 25 лет от роду;
кто участвовал в выборе электора или депутата другого сословия, кроме того, в котором он заявит себя к отправлению обязанностей Сеймового депутата.

Все, что выше сего означено как препятствие к пользованию правом участвовать в выборах, быть избранным и признаваемым в звании Сеймового депутата недворянских сословий, должно также считаться препятствием и к признанию представителя рыцарства и дворянства.

§ 15. При избрании Сеймового депутата выбор решается большинством голосов. Если двое или несколько получили большее и одинаковое число голосов, то между ними решает жребий.

Лицу, таким образом избранному, немедленно выдается полномочие: Сеймовому депутату духовного сословия от епархиальной или Университетской консистории; депутату сословия горожан от городского магистрата, а депутату крестьянского сословия от судьи. Полномочия имеют быть следующего содержания:

«При выборе Сеймового депутата, состоявшемся (тогда-то) между духовенством (такой-то) епархии, между учителями (такой-то) епархии, в Александровском университете, в (таком-то) городе, в (таком-то) судебном округе, (такой-то) главный пастор, капеллан, проповедник, приходский адъюнкт (такого-то) прихода, капелланства или проповедического округа, учитель (такой-то) епархии, преподаватель, чиновник Александровского университета, проживающий в (таком-то) городе, на (таком-то) геймате, в (таком-то) приходе, (такой-то) губернии, был избран Сеймовым депутатом духовного – городского – крестьянского сословия; почему он (такой-то) уполномочивается присутствовать на Сей-

В Сеймовые депутаты недворянских сословий может, с нижеисчисленными изъятиями, быть избираем каждый, проживающий в избирательном округе или вне оного член сословия, который сам имеет право участвовать в выборе электора или депутата сего сословия; однако условие относительно внесения в продолжение трех последнепредшествовавших годов в оброчные списки края не применяется к лицам, состоящим на казенной службе.

Сеймовым депутатом не может быть признан:
кто не исповедует христианской веры;
кто устранен от сего Высочайшею Властью;
кто участвовал в выборе электора или депутата духовного сословия, кроме того, в котором он заявит себя к отправлению обязанностей Сеймового депутата.

Все, что выше сего означено как препятствие к пользованию правом участвовать в выборах, быть избранным и признаваемым в звании Сеймового депутата недворянских сословий, должно также считаться препятствием и к признанию представителя рыцарства и дворянства.

§ 15. При избрании Сеймового депутата в сословиях духовенства и горожан выбор решается большинством голосов. Если двое или несколько получили большее и одинаковое число голосов, то между ними решает жребий.

При избрании Сеймового депутата в сословии крестьян тот, кто при первом голосовании получит наибольшее число голосов, признается избранным лишь в том случае, когда большинство избирателей подали голоса в его пользу. Если же голоса разделятся так, что никто не получит голосов большинства избирателей, то непосредственно производятся новые выборы между получившими наибольшее число голосов или, если один только получит наибольшее число голосов, то между ним и тем или теми, которые получили наивысшее после него число голосов; относительно этих выборов действуют вышеуказанные правила о выборах в сословиях духовенства и горожан.

Лицу, таким образом избранному, немедленно выдается полномочие: Сеймовому депутату духовного сословия от Духовной консистории данной епархии или Университетской консистории; депутату сословия горожан от городского магистрата, а депутату крестьянского сословия от судьи. Полномочия имеют быть следующего содержания:

ме, имеющем открыться в (таком-то) городе в (такой-то) день, и участвовать в совещаниях и решениях по происходящим там делам. Место и время».

«При выборе Сеймового депутата, состоявшемся (тогда-то) между духовенством (такой-то) епархии, между учителями (такой-то) епархии, в Александровском университете, в (таком-то) городе, в (такой-то) юрисдикции, (такой-то) главный пастор, капеллан, проповедник, приходский адъюнкт (такого-то) прихода, капелланства или проповеднического округа, учитель (такой-то) епархии, преподаватель, чиновник Александровского университета, проживающий в (таком-то) городе, в (таком-то) приходе, (такой-то) губернии, был избран Сеймовым депутатом духовного – городского – крестьянского сословия; почему он (такой-то) уполномочивается присутствовать на Сейме, имеющем открыться в (таком-то) городе в (такой-то) день, и участвовать в совещаниях и решениях по происходящим там делам. Место и время».

§ 16. Если кто желает подать жалобу на произведенные выборы Сеймового депутата в сословиях горожан или крестьян, то имеет просить у производителя выборов надлежащей выписки из протокола, которая должна быть ему выдана не позже, как в два дня; затем проситель обязан, под опасением потери права на иск, не позже четырнадцати дней, считая со дня выборов, представить свою жалобу начальнику губернии, который, буде к тому встретится повод, предписывает, кому следует, в определенный, непродолжительный срок подать по оной объяснение, и потом постановляет по делу решение не позже дня, следующего после того, в который окончился срок подачи объяснения. Недовольный решением начальника губернии может, до истечения восьми дней после сообщения ему оного, подать на решение жалобу тому же начальнику губернии, который немедленно посылает делопроизводство вместе с истребованным объяснением и собственным отзывом в высшую судебную инстанцию края, долженствующую безотлагательно рассмотреть дело и постановить по оному решение.

Жалобы на выборы Сеймового депутата духовного сословия подаются духовными лицами и учителями епархии в Духовные консистории, причем в прочем соблюдается тот же порядок и те же основания, которые выше сего постановлены. Жалобы на выборы университета подаются в четырнадцатидневный срок в высшую судебную инстанцию края.

§ 16. Если кто желает подать жалобу на произведенные выборы Сеймового депутата в сословиях горожан или крестьян, то имеет просить у производителя выборов надлежащей выписки из протокола, которая должна быть ему выдана не позже, как в два дня; затем проситель обязан, под опасением потери права на иск, не позже четырнадцати дней, считая со дня выборов, представить свою жалобу начальнику губернии, который, буде к тому встретится повод, предписывает, кому следует, в определенный, непродолжительный срок подать по оной объяснение, и потом постановляет по делу решение не позже дня, следующего после того, в который окончился срок подачи объяснения. Недовольный решением начальника губернии может, до истечения восьми дней после сообщения ему оного, подать на решение жалобу тому же начальнику губернии, который немедленно посылает делопроизводство вместе с истребованным объяснением и собственным отзывом в высшую судебную инстанцию, долженствующую безотлагательно рассмотреть дело и постановить по оному решение.

В том же порядке подаются жалобы на неправильности в списках голосов в сословиях горожан и крестьян.

Жалобы на выборы Сеймового депутата духовного сословия подаются духовными лицами и учителями епархии в Духовные консистории, причем в прочем соблюдается тот же порядок и те же основания, которые выше сего постановлены. Жалобы на выборы университета подаются в четырнадцатидневный срок в высшую судебную инстанцию.

§ 17. Избранный в Сеймовые депутаты не должен отказываться от сего поручения, буде не может представить препятствий, признаваемых законными по Общему уложению, или не достиг шестидесяти лет от роду.

Отказ от поручения быть Сеймовым депутатом, объявленный при производстве выборов, обсуждается производителем выбора. Если отказ последовал после того, по прежде собрания земских чинов, то причины оного обсуждаются начальником губернии или надлежащею Духовною консисторией или Консисторией университета.

Если кто желает подать жалобу на решение, состоявшееся по отказу от поручения Сеймового депутата, то в сем отношении соблюдаются правила, определенные § 16.

В продолжение Сейма депутат не может отказаться от своего поручения, если не предъявит такого препятствия, которое сословием, к коему он принадлежит, будет признано уважительным.

§ 18. В случае уважения отказа или объявления избранного депутата неспособным отправлять свое поручение, или выбытия оного за смертью, или назначения тальманом имеют быть приняты, кем следует, безотлагательные меры к производству нового выбора. В крестьянском сословии таковой выбор имеют производить электоры, назначенные на тот же Сейм по § 13.

§ 19. Если какой-либо избирательный округ не назначит уполномоченных в надлежащем числе, то подвергается пене, какую признает справедливою сословие, и которую можно считать соответствующею расходам, коим должен подвергнуться по содержанию Сеймового депутата другой такой же округ. Изъятие из сего допускается, однако, для Лапмаркенского судебного округа в случае непазначения им депутата.

§ 20. Избранный Сеймовый депутат получает достаточное и приличное содержание, а также вознаграждение на путевые расходы по проезду на Сейм и обратно, от лиц, имеющих право выбора в том округе, от которого он назначен. Необходимые о сем определения постановляются до выборов; взимание же сих средств и четность по оным возлагаются, без особого за то вознаграждения, на подлежащие магистраты относительно депутатов сословия горожан, и на подлежащих Коронных Фохтов относительно депутатов крестьянского сословия.

§ 17. Избранный в Сеймовые депутаты не должен отказываться от сего поручения, буде не может представить препятствий, признаваемых законными по Общему уложению, или не достиг шестидесяти лет от роду.

Отказ от поручения быть Сеймовым депутатом, объявленный при производстве выборов, обсуждается производителем выбора. Если отказ последовал после того, по прежде собрания земских чинов, то причины оного обсуждаются начальником губернии или надлежащею Духовною консисторией или Консисторией университета; жалобы же на их решения подаются в высшую судебную инстанцию, порядком, определенным в § 16.

В продолжение Сейма депутат не может отказаться от своего поручения, если не предъявит такого препятствия, которое сословием, к коему он принадлежит, будет признано уважительным.

§ 18. В случае уважения отказа или невозможности для избранного депутата отправлять свое поручение, или выбытия оного за смертию, или назначения тальманом имеют быть приняты, кем следует, безотлагательные меры к производству нового выбора. В крестьянском сословии таковой выбор имеют производить электоры, назначенные на тот же Сейм по § 13.

§ 19. Если какой-либо избирательный округ не назначит уполномоченных в надлежащем числе, то подвергается пене, какую признает справедливою сословие и которую можно считать соответствующею расходам, коим должен подвергнуться по содержанию Сеймового депутата другой такой же округ. Эта пеня поступает в кассу сословия. Изъятие из сего допускается, однако, для Ланмаркенской юрисдикции в случае не назначения ею депутата.

§ 20. Сохраняется без изменения.

Что же касается до депутатов духовного сословия, то о сборе причитающегося им содержания следует условливаться в связи с соглашением о порядке выборов.

Подлежащему сословию предоставляется право, по жалобе о том избранного Сеймового депутата, определить количество содержания, причитающегося ему за сие поручение.

Если избранный депутат не явится на Сейм к определенному сроку, то лишается содержания за пропущенное время, буде сословие, к которому он принадлежит, по обсуждению представленного в сем отношении препятствия, признает справедливым постановить такое решение; а кроме того сословие властно приговорить депутата по свойству дела к нене не свыше такого же количества. Сие узаконение применяется и в том случае, когда депутат иным образом, без разрешения сословия и без законного препятствия уклоняется от совещаний сословия. Пени, присужденный таким образом с неприсутствовавшего, поступают в кассу сословия.

§ 21. Чиновник, старающийся иметь чрез свою должность влияние на выбор Сеймового депутата, лишается должности. Кто будет уличен в нарушении свободы выбора подговорами или обещаниями, тот присуждается к тюремному заключению от четырнадцати дней до трех месяцев. Если для таковой цели были употреблены угрозы или насилие, то виновный наказывается заключением в тюрьму от одного месяца до одного года; если же он чиновник, то сверх сего лишается должности.

§ 21 – подлежит исключению.

§ 22. В день, следующий после того, к которому были созваны земские чины, члены рыцарства и дворянства должны, согласно правилам Устава Рыцарского Дома, удостоверить свои права на отправление должностей Сеймовых депутатов, а избранные депутаты сословий духовенства, горожан и крестьян предъявить на рассмотрение свои полномочия пред лицом, назначенным для сего Государем Императором и Великим князем. При этом рассматривается, выданы ли полномочия по установленной форме, и ведется протокол, который сообщается каждой из трех означенных сословий. Лицу, полномочие коего будет признано действительным, выдается входной билет.

Однако же каждому сословию предоставляется впоследствии обсуждать права на отправление должности Сеймового депутата не только такого члена, полномочие коего не было одобрено, но и того, против которого в продолжение Сейма, вследствие настоящего основного закона, встретится замечание.

§ 22. В день, следующий после того, к которому были созваны земские чины, члены рыцарства и дворянства должны, согласно правилам Устава Рыцарского Дома, удостоверить свои права на отправление должностей Сеймовых депутатов, а избранные депутаты сословий духовенства, горожан и крестьян предъявить на рассмотрение свои полномочия пред Сенатом или назначенным им для сего лицом. При этом рассматривается, выданы ли полномочия по установленной форме, и ведется протокол, который сообщается каждому из означенных сословий. Лицу, полномочие коего будет признано действительным, выдается входной билет.

Однако же каждому сословию предоставляется впоследствии обсуждать права на отправление должности Сеймового депутата не только такого члена, полномочие коего не было одобрено, но и того, против которого в продолжение Сейма, вследствие настоящего основного закона, встретится замечание.

Депутат, относительно Сеймовых прав которого в сословии возникнет сомнение, сохраняет между тем качество депутата сословия до тех пор, пока он не будет объявлен не имеющим на то права.

§ 23. В день, назначенный для сбора земских чинов, Государь Император и Великий князь объявляет, кому Он поручил быть ландмаршалом рыцарства и дворянства, и назначает тальманом духовного сословия Архиепископа или, в случае его болезни, или отсутствия, или вакансии его должности, кого-либо другого из Епископов. Притом же назначаются Государем Императором вице-ландмаршал для рыцарства и дворянства и вице-тальман для духовного сословия из числа членов сих сословий.

По получении уведомления об исходе упомянутого в § 22 рассмотрения полномочий, сословия горожан и крестьян немедленно посылают депутации к Государю Императору или к тому, кого Он за Себя назначил, для испрошения тальманов и вице-тальманов, кои тогда для каждого сословия назначаются из числа его членов. До назначения тальманов, в каждом сословии председательствует старший по возрасту из присутствующих в оном членов.

Ландмаршалу и тальманам назначается Государем Императором определенная сумма из средств статного ведомства в виде вознаграждения за особые расходы, причиняемые им Сеймом.

§ 24. Ландмаршал, вице-ландмаршал, тальманы и вице-тальманы приносят пред Государем Императором и Великим князем или пред тем, кого Он за Себя назначит, следующую присягу:

«Я, такой-то, назначенный на этот Сейм ландмаршалом (вице-ландмаршалом) рыцарства и дворянства, тальманом (вице-тальманом) сословия духовенства, горожан, крестьян, обязуюсь и кляпусь пред Богом и Святым Его Евангелием, что я хочу и буду стараться всеми своими силами поддерживать и защищать не только права Государя Императора и Великого князя, но и права и привилегии сословия и земских чинов, согласно с действующими основными законами (для ландмаршала и вице-ландмаршала, и Уставом Рыцарского Дома). Сие обязуюсь я держать свято, в чем Господь Бог да поможет мне телесно и душевно».

Депутат, относительно Сеймовых прав которого в сословии возникнет сомнение, сохраняет между тем качество депутата сословия до тех пор, пока он не будет объявлен не имеющим на то права.

§ 23. В день, назначенный для сбора земских чинов, Его Величество объявляет, кому Он поручил быть ландмаршалом рыцарства и дворянства, и назначает тальманом духовного сословия Архиепископа или, в случае его болезни, или отсутствия, или вакансии его должности, кого-либо другого из Епископов. Притом же назначаются Государем Императором вице-ландмаршал для рыцарства и дворянства и вице-тальман для духовного сословия из числа членов сих сословий.

По окончании упомянутого в § 22 рассмотрения полномочий, генерал-губернатор назначает тальманов и вице-тальманов в сословия горожан и крестьян из числа членов сих сословий. До назначения тальманов, в каждом сословии председательствует старший по возрасту из присутствующих в оном членов.

Ландмаршалу и тальманам назначается Государем Императором определенная сумма в общем порядке из средств статного ведомства в виде вознаграждения за особые расходы, причиняемые им Сеймом.

§ 24. Ландмаршал, вице-ландмаршал, тальманы и вице-тальманы приносят пред Государем Императором или пред тем, кого Он за Себя назначит, следующую присягу:

«Я, такой-то, назначенный на этот Сейм ландмаршалом (вице-ландмаршалом) рыцарства и дворянства, тальманом (вице-тальманом) сословия духовенства, горожан, крестьян, обязуюсь и кляпусь пред Богом и Святым Его Евангелием, что я хочу и буду стараться всеми своими силами поддерживать и защищать действующие законы. Сие обязуюсь я держать свято, в чем Господь Бог да поможет мне телесно и душевно».

§ 25. По учинении присяги ландмаршалом и тальманами, сословия собираются каждое отдельно, приветствуют друг друга посредством депутаций и назначают членов депутации, которая, под предводительством ландмаршала и тальманов, представляется Государю Императору и Великому князю или тому, кого Он за Себя назначил, и, выразив отдельно от каждого сословия верноподданническое почтение оного, просят об определении дня для открытия Сейма.

§ 25. Подлежит исключению.

§ 26. Государь Император и Великий князь, или кто Им для сего будет вместо Себя назначен, объявляет сословиям о дне, назначенном для открытия Сейма. В этот день все сословия по окончании богослужения собираются в тронной зале, где Государь Император, или кто Им будет вместо Себя назначен, приветствует земские чины и объявляет Сейм открытым; после чего сословия, каждое в свою очередь, выражают чрез ландмаршала и тальманов свое верноподданническое почтенне. Государь Император сообщает земским чинам список предложений, которые Он желает передать на обсуждение чинов; однако впоследствии в продолжение Сейма могут быть сообщаемы на рассмотрение чинов и дальнейшие представления.

§ 26. Генерал-губернатор сообщает сословиям о дне, назначенном Его Величеством для открытия Сейма. В этот день все сословия по окончании богослужения собираются в указанном для сего генерал-губернатором месте, где Государь Император, или кто Им будет вместо Себя назначен, приветствует земские чины и объявляет Сейм открытым; после чего сословия, каждое в свою очередь, выражают чрез ландмаршала и тальманов свои верноподданнические чувства в речах, текст коих, не позже как за два дня, представляется на усмотрение генерал-губернатора, Государь Император сообщает земским чинам список предложений, которые Он желает передать на обсуждение чинов; однако впоследствии в продолжении Сейма могут быть сообщаемы на рассмотрение чинов и дальнейшие предложенья, которые, равно как и повеления Его Величества, сообщаются в таком случае Сейму одним из членов Сената, не позже, однако, как в течение месяца по открытии Сейма.

§ 27. На каждом урочном Сейме, при открытии оного или же в течение четырнадцати дней после того, имеет быть сообщаемо земским чинам о состоянии статного ведомства, дабы доставить им сведения об употреблении доходов казны в пользу и на благо края.

§ 27. Подлежит исключению.

§ 28. В каждом сословии должен находиться секретарь для ведения в нем протокола. У рыцарства и дворянства должность сию отправляет секретарь Рыцарского Дома. Сословия духовенства и горожан назначают для сего способное лицо в порядке, который каждым из них будет для себя определен. Секретарем крестьянского сословия Государь Император и Великий князь назначает, до собрания сословия, способное и знающее законы лицо, долженствующее вместе с тем при рассмотрении дел, помогает советами тальмапу и сообщать членам сословия сведения о законных правах и обязанностях каждого. Секретарь крестьянского сословия не должен, без ясно выраженного с своей стороны замечания или

§ 28. В каждом сословии должен находиться секретарь для ведения в нем протокола. У рыцарства и дворянства должность сию отправляет секретарь Рыцарского Дома. Сословия духовенства и горожан назначают для сего способное лицо в порядке, который каждым из них будет для себя определен. Секретарем крестьянского сословия Его Императорское Величество назначает, до собрания сословия, способное и знающее законы лицо, долженствующее вместе с тем при рассмотрении дел помогать советами тальмапу и сообщать членам сословия сведения о законных правах и обязанностях каждого. Секретарь крестьянского сословия не должен, без ясно выраженного с своей стороны замечания или оговорки,

оговорки, вносить в протокол сословия или изготовлять к отпуску что-либо противное основным законам; однако он не имеет никакого голоса в сословии.

Секретарь крестьянского сословия, до вступления в должность, учиняет следующую присягу пред Государем Императором или тем, кто будет Им вместо Себя назначен: «Я, такой-то, назначенный на этот Сейм секретарем крестьянского сословия, обязуюсь и клянусь пред Богом и Святым Его Евангелием, что при отправлении сей должности я хочу и буду стараться всеми своими силами соблюдать и поддерживать как права Государя Императора и Великого князя, так и права и привилегии сословия и земских чинов согласно с действующими основными законами. Все сие обещаюсь я держать свято, в чем да поможет мне Господь Бог телесно и душевно».

Прочий служебный состав, который каждое сословие признает для себя необходимым на время Сейма, назначается сословием.

Секретарь крестьянского сословия пользуется из статных сумм содержанием, которое определяет Государь Император.

§ 29. На каждом урочном Сейме в течение восьми дней после его открытия учреждаются: Комиссия законов, Хозяйственная комиссия, Статная комиссия, Комиссия чрезвычайных податей и Банковая комиссия. Комиссия законов, Хозяйственная и Статная имеют состоять каждая из 16-ти, а Комиссии чрезвычайных податей и Банковая из 12-ти членов, поровну назначаемых в каждом сословии чрез электоров. Одинаковым же порядком выбираются и суплеанты, дабы, в случае встреченных членами Комиссий препятствий, заступать их место.

На чрезвычайном Сейме учреждается лишь столько Комиссий, сколько потребуется для производства рассматриваемых на оном дел.

§ 30. Если вопрос, требующий заключения Комиссии, удобно не может быть отнесен ни к какой из помянутых в § 29 Комиссии, или же для выигрывания времени, или по другой причине, должен быть рассматриваем особою Комиссиею, то земским чинам предоставляется назначить таковую Комиссию.

В случае такого накопления дел в какой-либо Комиссии, что они не могут быть окончены к надлежащему сроку, Комиссия имеет требовать от сословий увеличения числа членов и для ускорения дел разделиться на отделения.

вносить в протокол сословия или изготовлять к отпуску что-либо противозаконное; однако он не имеет никакого голоса в сословии.

Секретарь крестьянского сословия, до вступления в должность, учиняет следующую присягу пред Государем Императором или тем, кто будет Им вместо Себя назначен: «Я, такой-то, назначенный на этот Сейм секретарем крестьянского сословия, обязуюсь и клянусь пред Богом и Святым Его Евангелием, что при отправлении сей должности я хочу и буду стараться всеми своими силами соблюдать и поддерживать действующие законы. Все сие обещаюсь я держать свято, в чем да поможет мне Господь Бог телесно и душевно».

Секретарь крестьянского сословия пользуется из статных сумм содержанием, которое в общем порядке назначается Государем Императором.

§ 29. На каждом Сейме в течение четырех дней после его открытия учреждаются: Комиссия законов, Хозяйственная комиссия, Статная комиссия, Комиссия чрезвычайных податей и Банковая комиссия. Комиссия законов, Хозяйственная и Статная имеют состоять каждая из 16-ти, а Комиссии чрезвычайных податей и Банковая из 12-ти членов, поровну назначаемых в каждом сословии чрез электоров. Одинаковым же порядком выбираются и суплеанты, дабы, в случае встреченных членами Комиссий препятствий, заступать их место.

На каждом Сейме учреждается лишь столько Комиссий, сколько по усмотрению земских чинов потребуется для производства рассматриваемых на оном дел.

§ 30. Сохраняется без изменения.

Каждое таковое отделение должно состоять по крайней мере из двух членов от каждого сословия и имеет от имени Комиссии давать заключения по переданным в оную вопросам.
Каждое сословие может также, буде считает сие необходимым, назначить Комиссию для предварительного обсуждения своих частных жалоб и потребностей.

§ 31. Член Сената не может быть членом Комиссии, и никто не должен быть назначаем в Комиссию, в которой может рассматривать отчет о его служебных действиях.

§ 31. Член Сената не может быть членом Комиссии и никто не должен быть назначаем в Комиссию, в которой может рассматриваться отчет о его служебных действиях или вопрос, в котором он принимал участие, как лицо служащее.

§ 32. Если кто уже избран членом двух Комиссий, то имеет право отказаться от данного ему поручения участвовать сверх того в занятиях какой-либо Комиссии; но впрочем от каждого сословия, по обсуждении заявленных препятствий, зависит решать, может ли назначенный оным член Комиссии быть освобожден от сего поручения.

§ 32. Сохраняется без изменений.

§ 33. Комиссии, каждая для себя, выбирают в председатели одного из своих членов. До производства сих выборов место председателя занимает старший из присутствующих членов рыцарства и дворянства.
Комиссии назначают, каждая для себя, секретаря и прочих служебных лиц, которые могут оказаться для оных необходимыми.

§ 33. Сохраняется без изменения.

§ 34. Комиссия законов имеет давать заключения по поступающим в оную от сословий проектам издания, изменения, пояснения или отмены основных законов, а также общих гражданских, уголовных, церковных и морских уложений.

§ 34. Комиссия законов имеет давать заключения по поступающим в оную от сословий проектам издания, изменения, пояснения или отмены законов, указанных в § 71[а], а также общих гражданских, уголовных, церковных и морских уложений.

§ 35. В Хозяйственную комиссию представляются поступившие на обсуждение и заключение сословий проекты касательно общественного хозяйства края или всяких принадлежащих к оному учреждений, а также изменение, пояснение или отмена относящихся сюда постановлений и Уставов.

§ 35. Сохраняется без изменения.

§ 36. Статная комиссия, которой сообщаются сведения о состоянии статного ведомства, а также все требуемые ею счеты и дела оного, должна давать отзывы о способе доставления средств на покрытие потребностей края, в случае недостаточности Ординарных статных доходов, и в особенности рассматривать,

§ 36. Статная комиссия должна давать отзывы о способе доставления средств на покрытие потребностей края в случае недостаточности Ординарных статных доходов. Если в продолжение Сейма будут представлены какие-либо проекты постоянных или временных ассигновок на статные или общественные потребности,

[а] *Вписано по правому полю красным карандашом вместо зачеркнутого 76.*

каким образом были употреблены ассигновки, назначенные для определенных целей на последнем Сейме. Если в продолжение Сейма будут представлены другие проекты постоянных или временных ассигновок на какие-либо статные или общественные потребности, или для особых целей, или же иные вопросы, состоящие в связи со статными доходами или расходами, или имеющие влияние на оные, то Статная комиссия обязана представить о том отзыв земским чинам.

По предложению ландмаршала или подлежащего тальмана, или председателя Комиссии, Статная комиссия имеет также, на правах земских чинов, определять соразмерное объему и свойству дел вознаграждение не только секретарям сословий рыцарства и дворянства, духовенства и горожан, а также Комиссии, но и служебному составу всех сословий и Комиссий.

или для особых целей, или же иные вопросы, состоящие в связи со статными доходами или расходами, или имеющие влияние на оные, то Статная комиссия обязана представить о том отзыв земским чинам.

По предложению ландмаршала или подлежащего тальмана, или председателя Комиссии, Статная комиссия имеет также, на правах земских чинов, определять соразмерное объему и свойству дел вознаграждение не только секретарям сословий рыцарства и дворянства, духовенства и горожан, а также Комиссий, но и служебному составу всех сословий и Комиссий.

§ 37. Комиссия чрезвычайных податей имеет рассматривать все переданные ей от сословий дела, касающиеся изменений постановлений об отбывании чрезвычайных податей, составлять примерные исчисления доходов от отдельных чрезвычайных податей и, по определению количества сих податей, представлять об основаниях и способе раскладки оных, а вместе с тем заготовлять для земских чинов проекты Уставов о чрезвычайных податях.

§ 37. Сохраняется без изменения.

§38. Банковая комиссия имеет поверять управление Банка в положение фондов, состоящих под ручательством и на попечении земских чинов, давать о том в возможной скорости отчет сословиям и представлять о правилах, признаваемых необходимыми для заведывания сими фондами.

§ 38. Сохраняется без изменений.

§ 39. Все Комиссии начинают свои заседания не позже четырех дней после их учреждения и представляют потом полным собраниям сословий отзывы и проекты по мере изготовления дел.

Если член Комиссии, без законного препятствия или особого разрешения, три раза не присутствовал в заседаниях Комиссии, то об этом доводится до сведения надлежащего сословия, которое затем принимает меры, требуемые обстоятельствами.

§ 39. Все Комиссии начинают свои заседания не позже двух дней после их учреждения и представляют потом полным собраниям сословий отзывы и проекты по мере изготовления дел.

Если член Комиссии, без законного препятствия или особого разрешения, три раза не присутствовал в заседаниях Комиссии, то об этом доводится до сведения надлежащего сословия, которое затем принимает меры, требуемые обстоятельствами.

§ 40. Если Комиссия признает нужным получить словесные или письменные объяснения от должностных лиц или общественных учреждений, не состоящих в заведывании земских чинов, то она обращается к председателю Сената с просьбою о предписании, кому следует, представать требуемые справки.

§ 40. Если Комиссия признает нужным получить словесные или письменные объяснения от должностных лиц или общественных учреждений, не состоящих в заведывании земских чинов, то она обращается к генерал-губернатору с просьбою о предписании, кому следует, представить требуемые справки, не касаясь при

	этом отделов общего управления. Удовлетворение таковых просьб зависит исключительно от усмотрения генерал-губернатора.
§ 41. Если земскими чинами будет постановлено неносредственно или по донесению Комиссии, что какое-либо дело должно быть рассматриваемо двумя или несколькими соединенными Комиссиями, то каждая из сих Комиссий выбирает из своей среды депутатов в равном числе от каждого сословия для рассмотрения дела и представления по оному заключения с освобождением прочих членов Комиссии от участия в обсуждении сего дела. Для таковых сводных Комиссий действуют в прочем те же правила, как для Комиссий вообще.	§ 41. Сохраняется без изменения.
§ 42. При подаче голосов в Комиссии они считаются поголовно по числу всех присутствующих членов. Если голосование происходит закрытыми билетами, то отлагается всегда один билет для открытия в том случае, если голоса при исчислении окажутся разделенными поровну. О предложении решения действуют узаконения, ниже сего определенные относительно сословий. Члену, не согласовавшемуся с решением Комиссий, не возбраняется приложить к отзыву оной свое отдельное мнение, которое в таком случае надлежит излагать письменно; однако, сие не должно задерживать заключения Комиссии.	§ 42. Сохраняется без изменения.
§ 43. Ландмаршал, тальманы и лица, заступающие их места, а также секретарь крестьянского сословия, буде пожелают, имеют присутствовать в Комиссиях, но без права участвовать в совещаниях и решениях.	§ 43. Сохраняется без изменения.
§ 44. Отзывы и представления Комиссии поверяются в присутствии Комиссии или тех ее членов, кои для сего назначены. Исходящие бумаги Комиссии подписываются от ее имени председателем.	§ 44. Сохраняется без изменения.
§ 45. Ландмаршал и тальманы обязаны каждый в своем сословии издавать призывы к общим собраниям, докладывать в оных дела, заведывать и руководить совещаниями, представлять пропозиции для постановления решений, блюсти за порядком в собрании, а также в прочем наблюдать за тем, чтобы не происходило в сословиях при совещаниях ничего противного законам и закрывать общие собрания.	§ 45. Ландмаршал и тальманы обязаны каждый в своем сословии издавать призывы к общим собраниям, докладывать в оных дела, заведывать и руководить совещаниями, представлять пропозиции для постановления решений, блюсти за порядком в собрании, а также в прочем наблюдать за тем, чтобы не происходило в сословиях при совещаниях ничего противного законам и закрывать общие собрания.

Ландмаршал или тальман не принимают участия в совещаниях или голосовании и не должны предлагать ничего, кроме требующегося для исполнения законов, а также отдельных решений земских чинов или сословий и правил, и Уставов, принятых сословиями для производства Сеймовых дел.
Совещания сословий публичны, кроме отдельных случаев, когда какое-либо сословие в сем отношении постановит иначе.
О призыве к общему собранию повещается за день вперед.

§ 46. В общем собрании каждый член сословия имеет право, для внесения в протокол, свободно говорить и выражать свое мнение по всем обсуждаемым там вопросам, а также о законности всего, что в сословии происходит. Каждый говорит стоя, с своего места, в порядке своего о том заявления и вызова, и никто не имеет права говорить без внесения в протокол.
Никто не должен дозволять себе оскорбительных, насмешливых или иначе непристойных выражений о правительстве или частных лицах. Если сие случится, то ландмаршал или тальман воспрещают ему говорить, и сословие потом обсуждает, должно ли ему быть сделано замечание или предостережение ландмаршалом или тальманом или дело подлежит судебному разбирательству, или же оно может быть оставлено без последствий.

Ландмаршал или тальман не принимают участия в совещаниях или голосовании и не должны предлагать ничего, кроме требующегося для исполнения законов, а также отдельных решений земских чинов или сословий и правил, и Уставов, принятых сословиями для производства Сеймовых дел.
Члены Комиссии не могут участвовать в голосовании проектов, в составлении коих они принимали участие.
Все совещания сословий публичны.
Генерал-губернатор, помощник его и члены Сената могут присутствовать на всех заседаниях сословий и принимать участие в совещаниях, при том происходящих.
О призыве к общему собранию повещается за день вперед, с сообщением о том же генерал-губернатору и Сенату.

§ 46. В общем собрании каждый член сословия имеет право, для внесения в протокол, свободно говорить и выражать свое мнение по всем обсуждаемым там вопросам, а также о законности всего, что в сословии происходит. Каждый говорит стоя, с своего места, в порядке своего о том заявления и вызова, и никто не имеет права говорить без внесения в протокол.
Сеймовый депутат должен соблюдать умеренность и благопристойность в своих объяснениях и не должен дозволять себе выражений преступного содержания или оскорбительных, насмешливых или иначе непристойных выражений о правительстве, публичных властях и учреждениях или частных лицах. Если сие случится или если член сословия иным способом нарушит порядок в сословии, то ландмаршал или тальман может лишить его слова или призвать к порядку, и сословие потом обсуждает, должно ли ему быть сделано замечание или предостережение ландмаршалом или тальманом, или его следует лишить права голоса и заседания в собраниях сословия на определенный срок, не свыше четырнадцати дней, или на остальной срок сессии Сейма, или дело подлежит передаче на рассмотрение суда, или же оно может быть оставлено без последствий.
Решения сословий об отдаче члена его под суд или лишения права голоса и заседания постановляются особою резолюциею, принятою большинством не менее пяти шестых из числа присутствовавших членов.
Член сословия может быть и общим порядком отдан под суд и лишен свободы за выраженные им виды и мнения или за свое поведение в Сеймовых заседаниях.

	Государь Император, по представлению генерал-губернатора, за тоже может, помимо согласия сословия, лишать члена сословия права голоса и заседания на срок по своему благоусмотрению или до конца сессии Сейма.
§ 47. Сословия могут собираться в одном месте для совокупного совещания по общему производящемуся на Сейме делу, но без права постановлять там решение; при сем председательствует ландмаршал или, в случае препятствия для него, тот из присутствующих тальманов, который к тому ближе в порядке, соблюдаемом между сословиями по § 1. Если одно сословие желает такого собрания, то оно уведомляет прочие сословия как об этом, так и о предмете совещания. Если к сему желанию присоединится какое-либо другое сословие, то собрание всех сословий имеет состояться. ландмаршал и тальманы условливаются о времени и месте собрания; повестка же об оном дается ландмаршалом накануне.	§ 47. Сословия могут собираться в одном месте для совокупного совещания по общему производящемуся на Сейме делу, но без права постановлять там решение; при сем председательствует ландмаршал или, в случае препятствия для него, тот из присутствующих тальманов, который к тому ближе в порядке, соблюдаемом между сословиями по § 1. Если одно сословие желает такого собрания, то оно уведомляет прочие сословия как об этом, так и о предмете совещания. Если к сему желанию присоединится какое-либо другое сословие, то собрание всех сословий имеет состояться. Ландмаршал и тальманы условливаются о времени и месте собрания; повестка же об оном дается ландмаршалом накануне.
Председатель и члены Сената имеют право присутствовать в совокупном собрании сословий и участвовать в происходящих при том совещаниях; почему председатель Сената имеет быть уведомлен ландмаршалом как о времени и месте таковых собраний, так и о делах, которые там будут рассматриваемы.	Генерал-губернатор, помощник его и члены Сената имеют право присутствовать в совокупном собрании сословий и участвовать в происходящих при том совещаниях; почему генерал-губернатор и Сенат имеют быть уведомлены ландмаршалом как о времени и месте таковых собраний, так и о делах, которые там будут рассматриваемы.
Когда совещания по делам, производившимся в совокупном собрании, объявлены оконченными, тогда каждое сословие постановляет в своем помещении решения по оным, не допуская дальнейших рассуждений по сим предметам.	Когда совещания по делам, производившимся в совокупном собрании, объявлены оконченными, тогда каждое сословие постановляет в своем помещении решения по оным, не допуская дальнейших рассуждений по сим предметам.
§ 48. По делам, лично касающимся какого-либо члена сословий, он может присутствовать при совещании, но не при постановлении решения.	§ 48. Сохраняется без изменения.
§ 49. Кто не принадлежит к Евангелическо-лютеранскому исповеданию, тот не должен участвовать в обсуждении представленных на Сейме проектов касательно Церковного уложения для лютеранских приходов края или прочих церковных дел сих приходов.	§ 49. Сохраняется без изменения.
§ 50. Повеления и предложения Государя Императора и Великого князя, кои не были переданы сословиям уже при открытии Сейма, сообщаются им одним из членов Сената края.	§ 50 – подлежит исключению.
§ 51 (в ред. 1886 июня 13/25 С.П.Ф., № 22). земские чины, сверх предоставленного им пред сим права петиции, впредь имеют право	§ 51. Земские чины имеют право вносить на Сейме предложения об установлении, изменении и отмене таких общих законов, которые

вносить на Сейме предложения об установлении, изменении и отмене таких общих законов, которые зависят от совокупного решения Государя Императора и Великого князя с земскими чинами. Не могут быть, однако, возбуждаемы предложения об установлении, изменении или отмене основных законов или законов об организации сухопутных и морских военных сил, а также законов о печати; относительно же церковного законодательства следует руководствоваться правилами, особо для сего установленными.

Если земские чины по поводу возбужденного предложения решат принять новый, а также изменить или отменить прежний закон, то должны представить о сем проект Государю Императору и Великому князю. В случае одобрения проекта земских чинов Государем Императором и Великим князем имеет быть издано постановление, дословно согласное с этим проектом. Если же проект Государем Императором и Великим князем не может быть одобрен в неизменном виде, то оный считается в целости оставленным без последствий, о чем, по повелению Государя Императора и Великого князя, земским чинам сообщается не позже ближайшего Сейма.

При возбуждении в Сеймовых сословиях вопросов об общих законах не в виде предложения или вопросов об установлении, изменении или отмене законоположений и постановлений по предметам, относительно которых земские чины не имеют права предложения, донесения Сейма или сословий по сим делам представляются Государю Императору и Великому князю лишь в виде петиций, которые Государем Императором и Великим князем принимаются в уважение по мере признания Им оных полезными для края.

Предложения и петиции по предметам, подлежащим рассмотрению Общей комиссии, имеют быть представляемы Сеймовым депутатом в том сословии, к которому он принадлежит, до истечения четырнадцати дней с открытия Сейма. По окончании же сего срока такие вопросы не могут быть возбуждаемы, если они непосредственно не истекают из постановленного уже в каком-либо сословии решения или другого возникшего во время Сейма случая.

Если Сеймовый депутат намерен представить предложение или петицию, то он заранее извещает об этом председателя сословия.

Кроме сего, все предложения и петиции, предварительно их доклада, должны быть имеют лишь местное значение. Не могут быть возбуждаемы предложения об установлении, изменении или отмене законов, указанных в §§ 71 и 75, или законов об организации сухопутных и морских военных сил, а также законов о печати; относительно же церковного законодательства следует руководствоваться правилами, особо для сего установленными.

Если земские чины по поводу возбужденного предложения решат принять новый, а также изменить или отменить прежний закон, то должны представить о сем проект Государю Императору. В случае одобрения сего проекта Его Императорским Величеством имеет быть издано постановление, дословно согласное с этим проектом. Если же проект Государем Императором не может быть одобрен в неизменном виде, то оный считается в целости оставленным без последствий, о чем, по Высочайшему повелению, земским чинам сообщается не позже ближайшего Сейма.

Земским чинам принадлежит также право представлять Государю Императору петиции, являющиеся выражением пожеланий сословий. Петиции могут касаться вопросов об общих законах, по которым земские чины имеют также право предложения вопросов об установлении, изменении или отмене законоположений, по которым они такого права не имеют, вопросов о финансовом управлении, поскольку земские чины в нем участвуют, и вопросов о таких отдельных начинаниях правительства, которые соответствовали бы действующим законам и Уставам. Петиции могут Его Императорским Величеством приниматься в уложение по мере признания Им оных полезными для края.

Проекты предложений или петиций по предметам, подлежащим рассмотрению Общей комиссии, имеют быть представляемы Сеймовым депутатом в том сословии, к которому он принадлежит, до истечения четырнадцати дней с открытия Сейма. По окончании же сего срока такие вопросы не могут быть возбуждаемы, если они непосредственно не истекают из постановленного уже в каком-либо сословии решения или другого возникшего во время Сейма случая.

Если Сеймовый депутат намерен представить проект предложения или петиции, то он заранее извещает об этом председателя сословия.

Кроме сего, все такие проекты, предварительно их доклада, должны быть представляемы письменно изложенными секретарю сословия.

представляемы письменно изложенными секретарю сословия. В одном изложении не следует соединять несколько предметов разного свойства. Каждое предложение должно заключать в себе доводы, на которых оное основано, и составленный в форме закона проект предполагаемых положений по этому вопросу.

В одном изложении не следует соединять несколько предметов разного свойства. Каждый проект предложения должен заключать в себе доводы, на которых он основан, и составленный в форме закона проект предполагаемых положений по этому вопросу.

§ 52 (в ред. 1886 июня 13/25, С.П.Ф., № 22). Предложения Государя Императора и Великого князя, равно как и возбужденные в сословиях предложения, не должны быть принимаемы к окончательному рассмотрению до представления по оным заключения Общей комиссии.
Если в каком либо сословии будет возбуждена петиция, касающаяся общественного вопроса, то сословие может, когда пожелает, также передать вопрос на рассмотрение Общей комиссии.

§ 52. Предложения Государя Императора, равно как и возбужденные в сословиях проекты предложений, не должны быть принимаемы к окончательному рассмотрению до представления по оным заключения Общей комиссии.
Если в каком либо сословии будет внесен проект петиции, хотя и не касающейся предмета, подлежащего в общем порядке рассмотрению комиссии, то сословие может, когда пожелает, также передать вопрос на рассмотрение Общей комиссии.

§ 53. Когда в каком-либо сословии докладывается в первый раз предложение, то оное, буде сословие с общего согласия тотчас не передаст его в Комиссию, должно оставаться на столе до будущего собрания, когда имеет быть постановлено о таковой передаче.
Когда в Комиссию передается проект изменения основного закона или отчет о состоянии статного ведомства, то при сем не должны происходить обсуждения ни в каком сословии; но если член сословия пожелает представить к протоколу свое мнение по другому делу, то и оное имеет быть передано в Комиссию, лишь бы чрез сие не была задержана передача дел.
Если возникнет вопрос, в какую Комиссию должно быть передано дело, то таковой вопрос может быть оставлен на столе только на то собрание, в котором был возбужден, а в следующее должен быть разрешен непременно.

§ 53. Сохраняется без изменения.

§ 54. Отзыв Общей комиссии особо сообщается каждому сословию и, если возможно, принимается к рассмотрению одновременно во всех сословиях.

§ 54. Сохраняется без изменения.

§ 55. До призыва сословий к общим собраниям ландмаршал и тальманы собираются вместе с двумя членами от каждого сословия и секретарем крестьянского сословия для могущего оказаться необходимым соглашения относительно докладывания дел.
Предложения Государя Императора и Великого князя всегда должны быть принимаемы в сословиях к обсуждению преимущественно пред прочими.

§ 55. До призыва сословий к общим собраниям ландмаршал и тальманы собираются вместе с двумя членами от каждого сословия и секретарем крестьянского сословия для могущего оказаться необходимым соглашения относительно докладывания дел.
Предложения Государя Императора всегда должны быть принимаемы в сословиях к обсуждению преимущественно пред прочими.

§ 56. Отзыв Общей комиссии, по докладе его в первый раз по поступлении, оставляется на столе. При следующем докладе отзыв, происходило ли обсуждение или нет, вновь оставляется на столе, коль скоро того требуют два или более члена; но, по докладе дела в третий раз, по оному должно быть постановлено решение. Предварительные представления и запросы Комиссии разрешаются немедленно, буде не потребуется оставление дела на столе.

В канцеляриях сословий во всякое время должен быть доступен список оставляемым на столе делам и принадлежащим к ним бумагам.

§ 56. Сохраняется без изменения.

§ 57. Когда вопрос, по которому был представлен отзыв Комиссии, принимается к окончательному рассмотрению, тогда сословие, смотря по обстоятельствам, или немедленно постановляет по оному решение, или же, буде дело признается требующим дальнейшего разъяснения, возвращает оное в Комиссию.

Коль скоро Комиссия, в которую одним сословием дело возвращено, усмотрит, что состоявшимся по оному постановлением других сословий оно уже решено, то уведомляет о том сословие, возвратившее дело. В противном случае Комиссия обязана представить новое заключение.

Когда затем заключение вновь будет сообщено сословиям, то с оным поступается в порядке, установленном в § 56, без дальнейшего возвращения в Комиссию.

§ 57. Когда вопрос, по которому был представлен отзыв Комиссии, принимается к окончательному рассмотрению, тогда сословие, смотря по обстоятельствам, или немедленно постановляет по оному решение, или же, буде дело признается требующим дальнейшего разъяснения, возвращает оное в Комиссию.

Коль скоро Комиссия, в которую одним из сословий возвращено дело из числа указанных в § 73, [...]трит, что состоявшимся по оному постановлением других сословий оно уже решено, то уведомляет о том сословие, возвратившее дело. В противном случае Комиссия обязана представить новое заключение.

Когда затем заключение вновь будет сообщено сословиям, то с оным поступается в порядке, установленном в § 56, без дальнейшего возвращения в Комиссию.

§ 58. При окончательном решении дела читаются все принадлежащие к оному бумаги, если того желает член сословия. Никакое дело, по которому происходило обсуждение, не должно быть принимаемо к окончательному решению до тех пор, пока сословие, по представлению ландмаршала или тальмана, не объявило суждений окончательными; после чего согласно с обсуждением представляется пропозиция для постановления решения. Если заключение Комиссии, во всем его объеме, или же иной вопрос будет разрешен согласием или несогласием, то первая пропозиция ландмаршала или тальмана должна предлагать о согласии. Если на сие последует ответ отрицательный, то в следующей пропозиции принимаются в соображение обнаружившиеся при совещаниях по делу замечания или отзывы. Если дело состоит из нескольких частей, удобно не могущих быть решенными в одной связи, то по каждой части представляется особая пропозиция в установленном здесь порядке.

§ 58. Сохраняется без изменения.

§ 59. Предлагаемая ландмаршалом или тальманом пронозиция о решении всегда должна быть составлена таким образом, чтобы на оную можно было ответить только «да» или «нет». На представленную пронозицию не возбраняется делать замечания, но с тем, чтобы уже не происходило новых обсуждений по самому вопросу. По одобрении представленной пронозиции сословием и по получении на оную ответа ландмаршал или тальман, по своему пониманию, объявляет о данном ответе. Если на это не последует возражения, то имеет остаться при том, и решение составляется согласно ответу, который ландмаршал или тальман признал имеющим перевес. Член сословия, не одобряющий понимания ландмаршала или тальмана об ответе сословия, имеет право требовать голосования, чего возбранять не должно.

§ 59. Сохраняется без изменения.

§ 60. При подаче голосов имеет быть письменно составляема и поверяема пронозиция голосования, а также ясная контрапронозиция, и непосредственно затем производимо голосование; но воспрещается делать пронозицию о том, должно ли иметь место голосование, ниже приступить по оной к подаче голосов.

§ 60. Сохраняется без изменения.

§ 61. Подача голосов всегда производится билетами, на которых напечатано «да» или «нет». Между одобрительными и отрицательными билетами, которые имеют быть просты и закрыты, не должно быть никакой наружной разницы. Голоса считаются поголовно. Ландмаршал или тальманы обязаны, во избежание равенства голосов за и против, при каждом голосовании вынимать и отлагать до вскрытия билетов один из них. Если при счете прочих билетов число голосов окажется разделившимся поровну, то отложенный билет вскрывается и постановляет решение.

§ 61. Сохраняется без изменения.

§ 62. Несогласившийся с решением может представить для внесения в протокол свое несогласное с решением мнение; но сие ни в каком случае не должно вести к новому обсуждению уже решенного вопроса.

§ 62. Сохраняется без изменения.

§ 63. Ландмаршал или тальман не должен отказываться от принятия к обсуждению вопроса, возбужденного членом сословия, или от представления сословию пронозиции по уже пропущенному вопросу, за исключением случаю, когда, по его мнению, вопрос противоречит основному закону или уже состоявшемуся решению по делу, или впрочем такого особенного свойства, что не должен быть допущен к обсуждению, причем каждый раз им имеют быть приводимы причины такового отказа.

§ 63. Сохраняется без изменения.

§ 64. Решение не должно быть изменяемо при поверке; но не воспрещается делать к оному прибавления, не ведущие к изменению. Отзыв члена сословия и последовавшие по оному суждения, с согласия члена и дозволения сословия, могут быть при поверке исключаемы из протокола, но только не такие, на которых очевидно основывается решение.

§ 64. Сохраняется без изменения.

§ 65. Сеймовый депутат, не присутствовавший при постановлении по делу решения в сословии, к которому он принадлежит, имеет право после того заявить к протоколу, что он не принимал участия в таковом решении, но не должен делать на оное никакого замечания.

§ 65. Сохраняется без изменения.

§ 66. Каждое сословие сообщает прочим сословиям выписки из протоколов о решениях своих касательно дел, по которым представила заключение Общая комиссия, а также по другим вопросам, не касающимся какого-либо сословия отдельно. При необходимости в большей поспешности сословиям также не возбраняется взаимно сообщать свои решения чрез депутации; но при этом всегда имеет быть представляема сверенная секретарем сословия копия с пропозиции, на которой основано решение, и читаема в прочих сословиях предводителем депутации.

§ 66. Каждое сословие сообщает прочим сословиям выписки из протоколов об окончательных решениях своих касательно дел, по которым представила заключение Общая комиссия, а также по другим вопросам, не касающимся какого-либо сословия отдельно. При необходимости в большей поспешности сословиям также не возбраняется взаимно сообщать свои решения чрез депутации; но при этом всегда имеет быть представляема сверенная секретарем сословия копия с пропозиции, на которой основано решение, и читаема в прочих сословиях предводителем депутации. При этом, однако, не допускается какого либо обсуждения уже решенного дела.

§ 67. О решении дела, рассматривавшегося в Общей комиссии, сия Комиссия, в возможной скорости, имеет быть уведомлена выпискою из протокола.

Если Комиссия при этом усмотрит, что сословия постановили по делу столь разногласные решения, что из различных мнений невозможно образовать законного большинства, то Комиссия старается по возможности согласовать разные мнения и представляет сословиям проект такого соглашения.

Если же большинство уже состоялось, то делопроизводство передается в Комиссию земских чинов, о которой упоминается в § 77.

§ 67. О решении дела, рассматривавшегося в Общей комиссии, сия Комиссия, в возможной скорости, имеет быть уведомлена выпискою из протокола.

Если Комиссия при этом усмотрит, что сословия постановили по делу столь разногласные решения, что из различных мнений невозможно образовать законного большинства, то Комиссия старается по возможности согласовать разные мнения и представляет сословиям проект такого соглашения.

Если состоялось большинство, то дело направляется далее в порядке, указанном в § 77.

§ 68. На каждом урочном Сейме земские чины избирают от каждого сословия по равному числу поверенных, которые, соображаясь с составленною и утвержденною чинами инструкциею, имеют наблюдение за управлением фондами Финляндского банка, состоящими под ручательством и на попечении чинов. Выборы сии должны происходить отдельно в каждом сословии и столь заблаговременно, чтобы назначенные поверенные могли вступить в отправление своих обязанностей еще во время собрания чинов.

§ 68. На каждом Сейме земские чины избирают от каждого сословия по равному числу поверенных, которые, соображаясь с составленною и утвержденною чинами инструкциею, имеют наблюдение за управлением фондами Финляндского банка, состоящими под ручательством и на попечении чинов. Выборы сии должны происходить отдельно в каждом сословии и столь заблаговременно, чтобы назначенные поверенные могли вступить в отправление своих обязанностей еще во время собрания чинов.

Чины назначают также на каждом Сейме ревизоров, одного от каждого сословия, для производства ревизий, коим ежегодно подвергаются означенные фонды.
Для заступления, при встретившихся случаях, месть банковых поверенных и ревизоров, чины назначают к ним сунлеантов в необходимом по их усмотрению числе.

Чины назначают также на каждом Сейме ревизиров, одного от каждого сословия, для производства ревизий, коим ежегодно подвергаются означенные фонды.
Для заступления, при встретившихся случаях, месть банковых поверенных и ревизоров, чины назначают к ним суплеантов в необходимом по их усмотрению числе.

§ 69. При всех выборах соблюдается, чтобы именные билеты для признания их действительными были просты, закрыты и точны в отношении к имени лиц, а также верны относительно числа оных. Между лицами, получившими одинаковое число голосов, в случае надобности, решает жребий.

§ 69. Сохраняется без изменения.

§ 70. Подробные правила, признаваемые необходимыми для производства Сеймовых дел и для норядка в сословиях и в Комиссиях, установляются земскими чинами, а но делам, относящимся к какому-либо отдельному сословию, сим сословием. В эти правила не должны быть включаемы определения, противные основным законам или другим действующим постановлениям.

§ 70. Подробные правила, признаваемые необходимыми для производства Сеймовых дел и для норядка в сословиях и в Комиссиях, установляются земскими чинами, а но делам, относящимся к какому-либо отдельному сословию, сим сословием. В эти правила не должны быть включаемы определения, противные действующим постановлениям.

§ 71. Издание, изменение, ноясиение, или отмена основного закона может носледовать не иначе, как по предложению Государя Императора и Великого князя и с согласия всех сословий; предложение же но таковому предмету разрешается на Сейме, на котором оно носледовало, или же, если по крайней мере два сословия того требуют, оставляется нерешенным до следующего Сейма, когда оно имеет быть принято к окончательному рассмотрению.
Относительно вопросов об изменении или отмене данных сословиям привилегий, льгот и преимуществ или о пожаловании новых привилегий действуют узаконения, установленные о том в Форме нравления.

§ 71 (3). В случае сообщения на разрешение Сейма предложения Его Имнераторского Величества по изданию, изменению, ноясиению или отмене в части или в целом настоящего Устава или Высочайшего новеления от 11 ноября 1889 года, Сеймовое решение может носледовать не иначе, как с согласия всех сословий.

§ 72. Решением земских чинов но всем вопросам считается согласное заключение сословий. Если не все сословия согласятся относительно оснований для какой-либо чрезвычайной нодати, о способе применения оных или о раскладке таковой нодати, и если не состоялось соглашения, как сказано в § 67, то дело предоставляется обсуждению Комиссии чрезвычайных нодатей, с усилением при том числа ее членов, согласно определению в § 74. Если две трети участвующих в голосовании членов усиленной таким образом Комиссии одобрят проект Комиссии чрезвычайных нодатей относительно одной или нескольких

§ 72 (4). Если не все сословия согласятся относительно оснований для какой-либо чрезвычайной нодати, о способе применения оных или о раскладке таковой нодати, и если не состоялось соглашения, как сказано в § 67, то дело предоставляется обсуждению Комиссии чрезвычайных нодатей, с усилением при том числа ее членов согласно определению в § 74. Если две трети участвующих в голосовании членов усиленной таким образом Комиссии одобрят проект Комиссии чрезвычайных нодатей относительно одной или нескольких частей оного, которых земские чины пред тем не могли единогласно принять, то проект этот

частей оного, которых земские чины пред тем не могли единогласно принять, то проект этот считается заключением земских чинов. Если же такое большинство не состоится, то Комиссия чрезвычайных нодатей обязана представить об иной раскладке или же о других основаниях и способе для отбывания той части чрезвычайной нодати, к которой относится непринятая часть нервого проекта Комиссии.
Если не носледнет единогласного решения всех сословий но какой-либо ассигновке на особые нотребности, и если нонытка о соглашении оказалась безуснешною, то решение вопроса предоставляется усиленной Статной комиссии. Когда при голосовании но крайней мере две трети всех голосов не будут даны в нользу разрешения ассигновки, то вопрос считается земскими чинами неодобренным.

§ 73. Все дела, за исключением номянутых в §§ 71 и 72, решаются но заключению трех сословий. Если два сословия ностановили одно решение, а два нрочие другое, то вопрос считается на том Сейме не решенным и остается при прежде установленном, кроме случаев, ближе определенных в § 74.

§ 74. Если нри решении какого-либо из вопросов, номянутых в § 73, сословия ностановили столь разногласные заключения, что из разных мнений невозможно образовать законного большинства, или если два сословия пришли к заключению, несходному с заключением двух остальных но вопросу, который, но определению земских чинов, не может быть оставлен нерешенным, и буде нонытка согласовать оные остается безуснешною, то комиссия, предварительному рассмотрению которой нодлежало дело, имеет неносредственными выборами в сословиях быть усилена до нятнадцати членов от каждого сословия; усиленная таким образом комиссия должна произвести совокупное и ноголовное голосование или безусловного и окончательного принятия, или непринятия нрежнего представления Комиссии в трех частях, в которых разошлись заключения сословий. До нриступления к нодаче голосов в усиленной Комиссии имеют быть составлены для того пронозиции простою Комиссиею и нереданы на рассмотрение и одобрение сословий. При голосовании, до нриступления к исчислению билетов, откладывается один из них, чтобы, в случае, если но исчислении нрочих окажется равенство голосов, вскрыть его для ностановления решения.

считается заключением земских чинов. Если же такое большинство не состоится, то Комиссия чрезвычайных нодатей обязана представить об иной раскладке или же о других основаниях и способе для отбывания той части чрезвычайной нодати, к которой относится непринятая часть нервого проекта Комиссии.
Если не носледнет единогласного решения всех сословий но какой-либо ассигновке на особые нотребности, и если нонытка о соглашении оказалась безуснешною, то решение вопроса предоставляется усиленной Статной комиссии. Когда при голосовании но крайней мере две трети всех голосов не будут даны в нользу разрешения ассигновки, то вопрос считается земскими чинами неодобренным.

§ 73 (1). Все дела, за исключением номянутых в §§ 71 и 72, решаются но согласному заключению не менее трех сословий. Если два сословия ностановили одно решение, а два прочие другое, то вопрос считается на том Сейме не решенным и остается при прежде установленном, кроме случаев, ближе определенных в § 74.

§ 74 (2). Сохраняется без изменения.

Состоявшееся таким образом по большинству голосов заключение усиленной комиссии считается решением земских чинов.

§ 75. Если Государь Император и Великий князь потребует отзыва земских чинов по делам, касающимся общественного хозяйства или общественных учреждений, то в совокупном представлении сословий доносится Государю Императору о согласном заключении чинов, или, при несогласии между сословиями, об отзыве каждого отдельного сословия.

§ 75. Если Его Императорское Величество потребует заключения земских чинов по какому либо законодательному вопросу или по делам, касающимся общественного хозяйства или общественных учреждений, то в совокупном представлении сословий доносится Государю Императору о согласном заключении чинов, или, про несогласии между сословиями, об отзыве каждого отдельного сословия.

§ 76. Решения, составляющие ответы на сообщенные земским чинам Высочайшие предложения, а также представления на Имя Государя Императора, состоявшаяся по совокупному заключению чинов, повергаются на Высочайшее обсуждение посредством письменных донесений.

§ 76. Решения, составляющие ответы на сообщенные земским чинам Высочайшие предложения, а также представления на Имя Государя Императора, состоявшаяся по совокупному заключению чинов, повергаются на Высочайшее благовоззрение посредством письменных донесений.

§ 77. Все совокупные донесения всех сословий, а также Сеймовое решение составляются и отправляются особою Экспедиционною комиссиею, состоящею из двух членов от каждого сословия.

§ 77. Общие отзывы всех сословий составляются Комиссиею, представившею земским чинам заключение по делу. Сеймовое решение составляется особою Экспедиционною комиссиею, состоящею из двух членов от каждого сословия; этой же Комиссии может быть поручено составление таких исходящих бумаг земских чинов, в коих не содержится отзыва на Высочайшее предложение и которые не успевают быть составлены до окончания Сейма.
На Экспедиционную комиссию возлагается также вообще отправление общих отзывов всех сословий.

§ 78. Никакая исходящая бумага не должна быть отправляема от земских чинов без поверки оной в присутствии сословия или поверенных лиц, чинами для сего назначенных.

§ 78. Никакая исходящая бумага не должна быть отправляема от земских чинов без поверки оной в присутствии сословий, а если бумага не успеет быть составлена до закрытия Сейма, то она поверяется доверенными лицами, назначенными для сего земскими чинами.

§ 79. Сеймовое решение подписывается всеми членами сословий; но прочие исходящие бумаги земских чинов – только ландмаршалом и тальманами.

§ 79. а) Сеймовое решение подписывается всеми членами сословий; прочие же исходящие бумаги земских чинов – только ландмаршалом и тальманами, которые в сих видах обязаны, если подпись их требуется по закрытии Сейма, явиться в то место, где заседал Сейм.
В случай препятствия для ландмаршала или кого-либо из тальманов исходящие бумаги подписываются вице-ландмаршалом или вице-тальманом.
§ 79. б) Все Сеймовые дела и занятия Комиссий должны быть закончены не позже, как в месячный срок по закрытии Сейма.

§ 80. Для закрытия Сейма Сеймовые депутаты в определенный Государем Императором и Великим князем день собираются по окончании богослужения в тронном зале, где сословия чрез ландмаршала и тальманов выражают пред Государем Императором или пред тем, кого Он для сего назначит, свое верноподданническое почтение и доброжелание, после чего ландмаршал передает Сеймовое решение, и Государь Император, или кто будет к сему Высочайше назначен, объявляет Сейм закрытым и распускает земские чины.
По возвращении сословий в места своих собраний, они, прежде чем разойдутся, прощаются взаимно посредством депутаций.

§ 80. Для закрытия Сейма Сеймовые депутаты в определенный Государем Императором означенным в § 2 порядком день собираются по окончании богослужения в указанном для сего генерал-губернатором месте, где сословия чрез ландмаршала и тальманов выражают пред Государем Императором или пред тем, кого Он для сего назначит, свои верноподданнические чувства, с соблюдением требования, приведенного в § 26, после чего ландмаршал передает Сеймовое решение, и Государь Император, или кто будет к сему Высочайше назначен, объявляет Сейм закрытым и распускает земские чины.

§ 81. Сообщенные земским чинам Высочайшие предложения, отзывы комиссий, а также представления чинов на Высочайшее Имя и Сеймовое решение особо издаются в печати. Сеймовое решение включается также в собрание действующих в крае общих постановлений.

§ 81. Сообщенные земским чинам Высочайшие предложения, отзывы комиссий, а также представления чинов на Высочайшее Имя и Сеймовое решение печатаются в особом сборнике.

§ 82. Общие расходы и издержки по Сейму, за исключением помянутых §§ 23 и 28, покрываются из доходов, поступающих от чрезвычайной подати или из других общественных средств, состоящих в распоряжении земских чинов.

§ 82. Сохраняется без изменения.

§ 83. Настоящий Сеймовый Устав имеет во всех своих частях пребывать ненарушимым основным законом для Монарха и земских чинов Финляндии до изменения или отмены оного совокупным решением.
Для вящего же удостоверения засвидетельствовали, подкрепили и утвердили мы сие подписью наших имен и приложением наших печатей, что состоялось в Гельсингфорсе в четырнадцатый день мая месяца, в год по Рождестве Христовом тысяча восемьсот шестьдесят седьмой.

§ 83. Настоящий Сеймовый Устав может быть Монархом изменен или отменен в порядке, указанном в §§ 71 или 75.

От имени рыцарства и дворянства:
И.М. Норденстам[283], Ландмаршал.
(М.П.)
От имени сословия горожан:
Ф.В. Френкель[285]
Тальман.
(М.П.)

От имени духовного сословия:
Эдуард Бергенгейм[284]
Тальман.
(М.П.)
От имени сословия крестьянского:
Август Мякипеска[286]
Тальман.
(М.П.)

Сохраняя за Собою принадлежащее Нам право в том виде, как оно установлено в Форме правления от 21 августа 1772 года и в Акте соединения и охранения от 21 февраля и 3 апреля 1789 года и не изменено точными словами в вышеизложенном Сеймовом Уставе, Мы Высочайше одобряем и утверждаем сей Устав как ненарушимый основной закон. Для вя-

щего же удостоверения подписали Мы сие Собственноручно. В С.-Петербурге, 3(15) апреля 1869 года.

АЛЕКСАНДР.

Министр статс-секретарь граф Армфельт[287].

Опубл.: Материалы по пересмотру Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского от 3(15) апреля 1869 г. СПб., 1904. С. 97–126. (РНБ. Шифр: 17.146.1.37.)

№ 79. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова о политическом положении в Финляндии и мерах для установления спокойствия в крае[288]

9(22) мая 1902 г.

При всеподданнейшем докладе 5-го апреля сего года, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было передать особую записку с изложением предположений, направленных к успокоению взволнованных в Финляндии умов населения.

В дополнение к словесному по сему докладу всеподданнейше представляются письменные замечания на предложенные в записке меры.

Край охвачен брожением и смутой. Начало их относится ко времени появления Высочайшего Февральского манифеста 1891 года и Высочайших предуказаний о необходимости некоторых объединительных реформ, намеченных в Бозе почивающим Государем Императором Александром III, т. е. к тому времени, когда с высоты Престола раздалось первое твердое и определенное слово по вопросу о политических правах Финляндии и ее отношениях к империи. Этих слов было достаточно, чтобы поднялись шведоманы, до того времени хозяйничавшее в крае без надлежащего за ними русского контроля.

Следуя завету Державного Родителя, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было пойти по тому же пути объединительных мероприятий, направленных к столь необходимому сплочению этой ближайшей к столице окраины с центром Вашего Царства. Всемилостивейше вверяя управление Финляндией новому генерал-губернатору, Ваше Императорское Величество соизволили повелеть ему последовательно вести Финляндский край к теснейшему единению с общим для всех верноподданных отечеством, усмотрев в этом благо финского народа*[1].

Исходя из той же главной руководящей идеи духовного и материального скрепления частей Вашей Державы в великий и могучий государственный организм, Ваше Величество благоволили издать манифест 3-го февраля 1899 года, одобрить военную реформу, упразднившую армейские финские войска, соизволили повелеть ввести в высших административных учреждениях края русский государственный язык как язык единого в России правительства и тому подобные мероприятия первостепенной государственной важности.

Теперь все в крае вовлечено в борьбу, имеющую целью противодействовать сим объединительным реформам, доказать их несправедливость и незаконность и, наконец, запугать правительство, дабы оно отменило свои распоряжения и впредь не предъявляло Финляндии русских требований, истекающих из государственной необходимости, так как финляндцы не желают быть введенными в круг политической жизни Российской империи. Благодаря усиленной агитации шведоманов и младо-финской партии все в крае поднято на ноги для оппозиции и пассивного сопротивления русскому правительству: вызвана усиленная деятельность частных обществ; Сеймы и Сенат выступали с протестами; народ вовлечен был к подписанию нескольких адресов; развилась большая подпольная литература; суды отказываются приговаривать виновных к наказанию; повсюду применен широкий и грубый

*[1] Высочайший рескрипт от 17 августа 1898 года. (*Прим. док.*)

бойкот, запугавший слабохарактерных; население отказывается под влиянием разных воздействий и денежных вознаграждений высылать своих сыновей в призывные присутствия; некоторые офицеры бывших финских частей встали в ряды недовольных и оказывающих противодействие и, наконец, в Гельсингфорсе, Выборге и Таммерфорсе агитаторам удалось вызвать даже уличные беспорядки, которые пришлось подавить силой.

Край необходимо умиротворить. Надо восстановить правильное течение в нем жизни. Было предложено для достижения этой цели увеличить власть генерал-губернатора, лишенного в настоящее время всяких полномочий и вынужденного поэтому иногда безучастно наблюдать происходящие на его глазах беззакония и сходки, не имея никаких средств к их предупреждению и устранению. Кроме того, признавалось необходимым самым настойчивым образом продолжать начатые реформы в принятом безусловно верном направлении. Меры эти не были одобрены и власть начальника края до сих пор не усилена новой инструкцией, почему агитаторы и ослушники, оставаясь недосягаемыми и безнаказанными, продолжают свою преступную работу и открытое глумление над предъявляемыми требованиями и русскими людьми.

Всеподданнейше же представленная Вашему Императорскому Величеству записка предлагает совершенно иной способ действия и озабочена, главным образом, изысканием случаев и возможности сделать недовольным и противодействующим финляндцам уступки и поблажки.

Вникнув в содержание записки, необходимо прийти к следующим заключениям.

Прежде всего в записке обращают на себя внимание некоторые крупные противоречия, которые таким образом сами собой подрывают устойчивость предлагаемых ею мер. Так, например, в начале записки шведоманы совершенно основательно признаются главными виновниками происходящей смуты, а в конце – предлагается учреждение, преимущественно из них, особого комитета при статс-секретариате. Далее, установив вполне верное положение, что уступки и колебания в принятии решительных мер в период проявления смуты надолго подорвут авторитет правительства и вредно отразятся на ходе дела, автор в то же время предлагает меры, которые в существе своем являются уступками и колебанием. В записке доказывается, что администрация и суд Финляндии проявили свою несостоятельность. При таком условии было бы осторожнее и последовательнее воздержаться от основания нового административного учреждения в виде Особого комитета при статс-секретариате. Со дня вступления нынешнего генерал-губернатора в управление краем было сознано, что главный представитель Государственной власти в крае «не располагает сколько-нибудь действительными способами для охранения общественного спокойствия»*[2]. Настоящее положение в Финляндии еще настоятельнее указывает на необходимость увеличения постоянной власти генерал-губернатора и возвышения его над местными учреждениями, и в этом смысле составлен в Петербурге проект новой Инструкции для начальника края, где, между прочим, и намечено подчинение некоторых решений Сената согласию генерал-губернатора. В записке же вопреки всему этому выражено желание оставить генерал-губернатора в прежнем положении, не увеличивая значения его власти.

Перехожу к рассмотрению проектируемых запиской мероприятий, предназначенных для успокоения финляндского населения.

Автор записки прав, утверждая, что главным поводом происходящих брожений было издание Высочайшего Манифеста 3-го февраля 1899 г. Сенат и Сейм остались недовольны тем, что в основных положениях общеимперского законодательства не определены его пределы, почему, по мнению финляндцев, область его применения, постепенно расширяясь, может или вовсе упразднить местную законодательную деятельность или, в лучшем случае, свести ее к делам второстепенного значения. Ввиду сего записка предлагает, а Сенат уже

*[2] О предоставлении Финляндскому генерал-губернатору особых полномочий. 1901 г. С. 10. (*Прим. док.*)

представил ходатайство о том, чтобы при предстоящем пересмотре Сеймового Устава были определены пределы общегосударственного законодательства. Так как предположение это является центральным и наиболее существенным во всей записке, то необходимо рассмотреть его в подробностях.

Попытка к установлению определенной границы между предметами общеимперского законодательства и местного была произведена в 1893 году в Особом совещании Н.Х. Бунге и кончилась неудачей.

Если бы даже было возможно перечислить все предметы общегосударственного законодательства, все-таки это не может быть полезным и желательным, так как прежде всего ведет к ограничению Самодержавной власти в пределах Финляндии, к чему давно уже усиленно стремятся местные агитаторы. Кроме того, такой перечень неизбежно поставит Финляндию в особое положение, выделив ее из состава России, что будет противоречить всей объединительной политике последних двух царствований.

Напротив, отсутствие перечня в Манифесте 3-го февраля 1899 года полезно в том отношении, что даст возможность Вашему Императорскому Величеству свободно направлять дела Финляндии к согласованию с русскими интересами, поставить край на подобающее ему место (провинции) среди остальных частей империи, лишить Великое княжество всяких атрибутов отдельного «государства», короче – налагать на Финляндию Свою Державную руку во всех тех случаях, когда она будет отказываться следовать русской политике. Мудрость Манифеста 3-го февраля 1899 года заключается именно в золотых словах о том, что «оставляя в силе существующие правила об издании местных узаконений, исключительно до нужд Финляндского края относящихся, Мы почли необходимым предоставить Нашему усмотрению ближайшее указание предметов общеимперского законодательства». Иначе не может и не должно быть.

Основные положения 3-го февраля 1899 года как касающиеся общегосударственного закона выработаны в учреждении империи, изданы Верховной властью единолично, без участия финляндского Сейма. Все это сделано безусловно правильно, с соблюдением достоинства, соответствующего Великой Державе. Государственный совет не вошел поэтому, в 1901 году, в обсуждение, высказанных финляндским Сеймом и Сенатом соображений о силе и значении порядка, установленного Манифестом 3-го февраля, и не согласился также на передачу проекта финляндского Устава о воинской повинности на заключение земских чинов края после его рассмотрения в высшем учреждении империи*[3]. Теперь и заграничные ученые стали признавать Манифест 3-го февраля вполне справедливым и отвечающим требованию обстоятельств. Финляндия, говорят они, страна подчиненная и своего собственного правителя не имеет. А из природы подчиненности вытекает, что правитель главного государства по отношению к подчиненной стране пользуется не только правами ее главы, но и полномочиями правителя главного государства. Вашему Императорскому Величеству принадлежат поэтому полномочия по отношению к Финляндии не только как Великому князю, но и как Императору, как Правителю Российской империи. Издавая Манифест 3-го февраля, Монарх России мог, следовательно, действовать исключительно в качестве Императора как главы верховного государства, а не Великого князя Финляндии, т. е. мог действовать, не руководствуясь финляндскими законами*[4]. Издания Манифеста 3-го февраля требовали интересы русского государственного единства, и подчиненная империи Финляндия, какими бы правами и привилегиями она не пользовалась, не может тормозить деятельности Государственного совета Великой России. Объединение составляет жизнен-

*[3] Государственный совет. Соединенные Департаменты. Заседания, происходившие в феврале, марте и апреле по Уставу о воинской повинности Финляндии. 1901 г. С. 2, 107. (*Прим. док.*)

*[4] Таково, напр., мнение профессора Рема из Эрлангена (Финляндия. Обзор периодической печати. Октябрь – декабрь 1900 г. С. 52–155). (*Прим. док.*)

ное условие всякой державы и оно-то требовало Манифеста 3-го февраля, который отнюдь не касается особых порядков внутреннего управления, дарованных Финляндии*[5].

Если допустить дополнение к Манифесту 3-го февраля 1899 года в виде каких-либо поправок или перечней, кои будут изложены в Сеймовом Уставе Финляндии, то принцип, положенный в основу закона 3-го февраля, будет нарушен, и окажется, что к общегосударственному закону имеются какие-то исправления и дополнения в местном провинциальном постановлении. В этом сказалась бы непоследовательность и кроме того был бы причинен серьезный ущерб достоинству русской государственной власти. Если к закону 3-го февраля потребуются какие-либо добавления или пояснения, их надлежит издать помимо провинциального земского собрания, каковым по существу своему является Финляндский Сейм.

Ограничение Верховной власти не даст благоприятных результатов. В вопросе согласования местного законодательства с общеимперским, финляндцы стремятся к ограничению силы и значения Манифеста 3-го февраля и надеются даже на его полную отмену впоследствии, как это видно уже из разъяснения ходатайства Сейма, явившегося в финской печати*[6]. Если бы допустить некоторое ограничение Манифеста 3-го февраля, в виде особой Монаршей милости к финляндцам, то естественно ожидать, что такая новая милость явилась последствием каких-либо государственных заслуг финского народа перед Престолом или вызвана хорошим их поведением; но ни того, ни другого налицо не имеется. Напротив, в настоящее время финляндцы не просят, а требуют уступок в свою пользу и для этого прибегают к самым предосудительным приемам и способам, выставляя, например, действия русского правительства в печати всего мира в самом предосудительном виде. Несмотря на то, что в Высочайшем рескрипте от 7-го апреля сего года, финляндцы предупреждались о том, что уклонение от призыва приведет Ваше Императорское Величество «к убеждению, что установившийся в течение истекшего столетия порядок управления Финляндией не обеспечивает спокойного течения государственной жизни и повиновения властям», смута в крае не только не уменьшилась, но еще более разрослась и окрепла.

При таких условиях едва ли своевременно думать об уступках с русской стороны, особенно имея к тому же в виду Высочайший рескрипт от 8-го июня 1899 года, в котором, в ответ на прежние подобные же домогательства финляндцев, было с высоты Престола изречено обещание, что Манифест 3-го февраля должен остаться «непоколебимым и впредь».

Передача на Сейм вопроса об установлении границы между предметами общеимперского и местного законодательства означала бы крутой поворот в принятой системе управления Финляндией. Если допустить вмешательство земских чинов в столь важное дело, то надо иметь, по крайней мере, полную уверенность в том, что оно принесет большие и благие результаты и прежде всего умиротворит край. Но подобной гарантии не имеется. Разве можно быть уверенным, имея перед собой историю прежних Сеймов, что «вторая государственная власть» (как финны называют Сейм) непременно примет предложение Монарха? Имеется, напротив, основание теперь же утверждать, что некоторые вопросы (напр.: о войске, финской монете, таможне и др.) земские чины Финляндии не пожелают отнести к области общегосударственных. В таком случае Верховной Власти придется самой вписать их, и у финляндцев явится новый предлог недовольства, так как не будут исполнены их желания и не будут соблюдены их воображаемые основные законы, которые, по их понятиям, требуют, чтобы Монарх принял решения Сейма и притом в той именно редакции, которую установят земские чины.

Следовательно, предлагаемая мера не ведет к прочному умиротворению Финляндии.

Что касается разработанного Сенатом постановления об употреблении народных языков в официальной жизни Финляндии, то, – в видах успокоения финнов и для поддержания Сената, престиж которого значительно поколеблен агитаторами-шведоманами, – постановление это можно считать небесполезным.

---

*[5] Это мнение шведа Georges // «Финляндская газета». 1902. № 71. (*Прим. док.*)

*[6] Статьи проф. Даниельсона в «Uusi Suometar» с. г. (*Прим. док.*)

III. После того записка признает необходимым, чтобы обещание сохранения основных черт местного административного строя нашло себе ясное выражение в Высочайшем слове. С этим предложением трудно согласиться, так как в последнее время в актах*[7], исходивших от Высочайшего Имени, много раз повторялись обещания сохранить существенные особенности местного управления и эти обещания не только не производили желаемого впечатления, но скорее притупляли внимание к ним, почему впредь было бы неосмотрительно ставить Верховную власть в подобное положение. Кроме того, едва ли предусмотрительно вновь связывать правительство такими обещаниями, которые легко могут стать помехой в дальнейших его государственно-объединительных стремлениях.

Заявление автора записки о том, что по убеждению местного населения генерал-губернатор действует единолично и бесконтрольно, сделано совершенно голословно. Не зная оснований для сего утверждения, нет возможности с ними считаться и представить здесь соответствующие объяснения.

Рекомендуемая же запиской совокупная и согласная деятельность генерал-губернатора и Сената по управлению краем за истекшее столетие не привела к хорошим последствиям и, следовательно, на деле не оправдалась. Напротив, она привела к двоевластию, которое дает весьма плачевные результаты и поглощает много времени у генерал-губернатора на борьбу с Сенатом, неизменно стоящим в оппозиции всем требованиям русской власти. Двоевластие это необходимо или уничтожить, или ограничить до крайних пределов, если впредь в программе правительства будет значится государственное сплочение финляндской окраины с центром, так как ни Сенат, ни другие учреждения Финляндии, не станут, конечно, содействовать сплочению. Единственным проводником идеи единения может быть только генерал-губернатор, а впоследствии и те русские люди, коих ему удастся привлечь на службу в Финляндии.

Таким образом эти меры успокоения, если бы и принесли некоторую пользу для умиротворения края, то были бы куплены совершенно несоответственной ценой, в прямой ущерб русской государственной программе.

Автор записки находит полезным «приостановиться» реформами. Едва ли подобной мерой можно достичь успокоения края, так как финляндцы прежде всего объяснят эту простановку как результат своего дружного отпора и противодействия и как слабость русской власти, усомнившейся в своих правах и действиях. Полумеры, как свидетельствует история, всегда вредны, почему целесообразнее осторожно, но твердо и без колебаний идти вперед, чтобы начатыми реформами сдвинуть Финляндию с прежнего ее основания настолько, чтобы она более даже не мечтала о возможности восстановления прежней независимости от русских требований и влияний. Приостановка дает только время агитации усилиться для новых противодействий намеченной объединительной программе.

Особое внимание обращает на себя желание автора записки восстановить равновесие между финляндскими партиями и для этой цели поддержать шведоманов.

Заслуги шведской партии по отношению к Финляндии очень сомнительны; для ограждения же русских интересов она ничего, конечно, не сделала. В последнее время эта партия сеяла лишь смуту в Финляндии, а ранее работала над ее отторжением от России. За что же ее в таком случае вознаграждать и поддерживать? Сам автор записки признает, что в Сенат нельзя возвращать представителей шведской партии, и что на губернаторских должностях они вредны (как показал пример Вазаского губернатора Бьернберга[289]), а потому автор записки проектирует восстановление комитета при статс-секретариате. По положением скромных советников в Петербурге шведоманы не будут удовлетворены, особенно после того, как они в течение почти столетия безраздельно заправляли краем. Благодаря стараниям главным образом шведской партии Финляндия остается отчужденной от России, а записка озабочена тем, чтобы вознаградить эту партию, призвав ее вновь к деятельности, кото-

*[7] В Высочайшем Манифесте 3-го февраля 1899 г. и в Высочайшем рескрипте от 8 июня 1899 г. и др. (*Прим. док.*)

рая неизбежно будет противоправительственной. Ошибка прежней политики заключалась именно в том, что были оставлены в Финляндии шведский язык, шведские законы и порядки. В крае преобладает финское население (85 %), оно тяготится властью шведов и потому вряд ли справедливо и полезно русскому правительству продолжать навязывать финнам шведское влияние. Шведская партия в благодарность за то, что два или три их представителя будут назначены в комитет при статс-секретариате, конечно, никакой признательностью к русской власти не проникнется и по-прежнему будет дерзко работать против всех русских начинаний в этом новом проектируемом учреждении. Но помимо сего, едва ли теперь уже наступило время простить ей грубую агитацию последних лет, продолжающуюся и по сей день, и ту смуту, в которую она повергла весь край вследствие своего нерасположения и неблагодарности к России. Ни малейших признаков раскаяния партия не обнаружила.

Предлагаемая мера, во всяком случае, не в состоянии повлиять на успокоение края. Два-три шведа – пусть даже не уступающих в своей противоправительственной деятельности бывшему сенатору Л. Мехелину – в комитете статс-секретариата слишком незначительное нововведение, чтобы оно могло существенно отразиться на настроении умов. Оно скорее в состоянии раздражить обойденную финскую партию, которая не будет иметь своих представителей в этом комитете Великого княжества.

Самый комитет приходится признать совершенно бесцельным при статс-секретариате. Это достаточно доказано его прошлым, когда он усиливал лишь оппозицию генерал-губернатору. Комитет был упразднен Державною волею в Бозе почивающего Родителя Вашего и, насколько известно, по особому ходатайству генерал-губернатора графа Гейдена. Если может явиться теперь надобность в особом комитете, то образование его соответственнее было бы допускать при генерал-губернаторе, и то скорее как учреждение временное, организуемое по мере надобности, из переменных, а не постоянных членов, обладающих разного рода специальными знаниями и опытностью. Такой комитет был бы в состоянии более правильно и всесторонне осветить генерал-губернатору текущие вопросы. При такой организации всеподданнейшие доклады по управлению Финляндией могли бы с полным успехом повергаться лично и письменно Вашему Императорскому Величеству непосредственно генерал-губернатором, которому вверено управление краем и который один несет за нее ответственность перед Монархом.

Записка указала на ряд уступок и послаблений, кои правительству надлежит сделать для успокоения умов в Финляндии. Но где же залог того, что финляндцы будут удовлетворены сими уступками и прекратят свои требования и агитацию? Ведь еще имеется, помимо указанных в записке, много других вопросов, которые всегда рождали большие разногласия между финнами и русскими и к которым финны относятся, как к историческому своему наследию и потому не склонны к каким-либо по ним уступкам и ограничениям. Так, они смотрят на свою родину, как на отдельное государство, имеющее свой особый великокняжеский трон; они признают себя финляндскими подданными, ожесточенно не желают допускать русских людей в свои учреждения и в свою среду; они остаются при убеждении, что Форма правления 1772 года и Акт Соединения и Безопасности 1789 года составляют конституцию Финляндии и т. д. Добившись путем преступной агитации, дерзкого ослушания законов и грубого бойкота известных благоприятных для себя результатов, они, очень естественно, пойдут далее и потребуют возможной независимости и закрепления навсегда своей монеты, таможни и т. д. При политике уступок совершенно невозможно охранить русские государственные интересы и предвидеть пределы дальнейших послаблений.

При наличных условиях и по опыту управления Финляндией необходимо, прежде всего, твердо и неуклонно продолжать осуществление той программы, которая была намечена Державным Вашим Родителем и развита и дополнена Вашим Императорским Величеством. Финляндия должна быть русской провинцией и оставить всякие притязания на обособленность, могущую носить государственный характер; в ее главнейших учреждениях должен быть водворен русский государственный язык, так как очевидно, что правительству надлежит говорить на одном языке на всем пространстве империи; финляндцы обяза-

ны считать себя русскими подданными и признавать Россию своим общим политическим отечеством, русские люди должны быть в пределах Финляндии у себя дома, назначаться на все должности края наравне с местными уроженцами и пользоваться всеми правами и преимуществами, предоставленными финляндцам, так как члены господствующей нации не могут быть на положении чужаков и обделенных в своем же государстве.

Что же касается Высочайшего Манифеста 3-го февраля 1899 года, то желательно, чтобы он оставался в полной своей силе и неприкосновенности, как важнейший и полезнейший акт, изданный со времени присоединения Финляндии к России. Если к сему закону потребны будут дополнения, то их надлежит составить в учреждении империи, издать единоличною Самодержавною властью без участия в сем деле Финляндского земского Сейма и без всяких о том следов в Сеймовом Уставе Финляндии.

Пока местные учреждения будут пополняться одними финляндцами, до тех пор они неизбежно будут противодействовать русским начинаниям. Без увеличения власти генерал-губернатора немыслимо согласование местных интересов с русскими и проведение в жизнь преобразований, истекающих из требований теснейшего сплочения частей империи.

Вся эта программа, подробно всеподданнейше доложенная в совещаниях, происходивших под Личным председательством Вашего Императорского Величества первого и шестого февраля сего года, ничего не изменяет в обещаниях, данных Монархами со времени завоевания Финляндии, и ни в чем не нарушает дарованных Великому княжеству прав по внутреннему самоуправлению.

Кроме того, эта программа вовсе не имеет в виду обрусения населения. Финны, оставаясь финнами, могут быть в то же время хорошими русскими подданными.

Гельсингфорс 9 мая 1902 г.

Приложение

В последнее время Вашему Императорскому Величеству неоднократно угодно было давать Высочайшие указания относительно общего направления правительственной деятельности в Финляндии.

В видах точного исполнения Монаршей воли, дозвольте, Ваше Величество, в сжатом очерке изложить существо этих указаний с кратким пояснением тех практических последствий, коими осуществление оных должно отразиться на управлении Великим княжеством.

Ваше Императорское Величество изволили повелеть, чтобы наряду с неуклонным проведением в жизнь новых начал управления, возвещенных Высочайшими Манифестами 3-го февраля 1899 г. (об общеимперском законодательстве), 7-го июля 1900 г. (о введении русского языка в присутственные места Великого княжества) и 29-го июня 1901 г. (о новом порядке отбывания воинской повинности), правительство поставило себе особою целью успокоить взволнованные умы населения.

Достижение этой важной государственной задачи конечно составит первостепенную заботу ближайших исполнителей Высочайших предначертаний; но для осуществления ее недостаточно ревностного желания быть добросовестными исполнителями Монаршей мысли, недостаточно и благожелательного отношения к населению Финляндии и ее историческим судьбам, а необходимо определенное представление о существе мер, в коих должна выразиться политика успокоения. В этом отношении следует иметь в виду, что благожелательное отношение к управляемым не должно переходить в бездействие власти, так как колебания в принятии решительных мер против теперешних проявлений смуты надолго подорвут авторитет правительства и сделают невозможным осуществление на деле начинаний последнего времени. Так, отмена призыва нынешнего года будет равносильна отказу от закона о воинской повинности, а уступка в этом отношении даст агитации возможность сосредоточить все усилия на том, чтобы помешать в будущем году введению русского языка в делопроизводство Сената. Добиться этого результата противникам теперешнего направления будет тем легче, что отрицательное отношение к переменам в личном составе

и к привлечению на службу русских чиновников может именно войти в программу «мер успокоения».

Надлежит при этом принять во внимание, что современная смута в Финляндии, гнездившаяся до сих пор главным образом в крупных городских центрах, в последнее время с успехом распространяется и в сельских местностях. Возможно, поэтому, ожидать, что во многих местах будет оказано противодействие призыву при деятельном поощрении этого противодействия со стороны некоторых представителей местной администрации и судов. Три губернатора, например, отказались последовать указаниям Сената относительно способов понуждения сельских общин к исполнению закона, а судебные места, наполненные ставленниками шведской партии, доходят в своем дерзком неповиновении власти до того, что привлекают к судебной ответственности тех представителей административной власти, которые при исполнении своей должности следуют предписаниям закона, а не внушениям шведоманов.

Вследствие сего, независимо от принятия тех или других мер успокоения края, предстоит крайняя необходимость привести в порядок администрацию и суд, очистив в особенности от пособников смуты губернаторский состав и суды. Чем надежнее по составу служащих будут администрация и суд, тем успешнее можно будет развить систему умиротворяющих способов управления.

Переходя к выяснению этих способов, необходимо прежде всего отдать себе отчет в том, чем порождено и поддерживается теперешнее возбужденное состояние умов в Финляндии. В этом отношении нельзя не признать, что существующее брожение вызвано изданием Манифеста 3-го февраля 1899 года и главным образом тем, что в основных положениях общеимперского законодательства не определены его пределы, так что, по мнению финляндцев, область его применения постепенно расширяясь, может или вовсе упразднить местную законодательную деятельность, или в лучшем случае свести ее к делам второстепенного значения.

Возникшее после издания февральского Манифеста волнение в кругах населения, интересующегося политическими вопросами, постоянно росло в течение трех последних лет и под влиянием смелой агитации начинает проникать в народные массы, стоявшие прежде в стороне от политики. Агитация эта нашла себе пищу, кроме Манифеста 3-го февраля, и в других распоряжениях правительства, как-то: в Манифесте о признании русского языка языком государственным, а также в предпринятом пересмотре некоторых постановлений, касающихся управления края (генерал-губернаторской инструкции, учреждения Сената и Устава о службе гражданской). Кроме того, агитаторы обостряют положение толками и слухами о действиях генерал-губернатора, которому приписывают намерение уничтожить существующий порядок вещей в Финляндии, к чему должны привести замышляемые будто бы новые преобразования, в том числе учебная реформа. Слухи о последней особенно волнуют население, и во всяком распоряжении, касающемся училищного дела, стоустая молва усматривает подтверждение слухов об обрусительных вожделениях правительства. Тревожное настроение, кроме этих общих причин, имеет и специальные, находящиеся в зависимости от существования в крае двух партий – шведской и финской, из коих первая, управлявшая краем в течение столетия, вытеснена за последнее время из высших установлений; противодействуя Сенату, партия эта борется с ним за власть и сеет смуту в надежде этим путем вернуть себе прежнее влияние.

Из приведенных соображений вытекает и программа будущей правительственной деятельности. Программа эта должна заключаться в следующем.

Установление определенной границы между предметами общеимперского законодательства и местного. Труд этот мог бы быть приурочен к предстоящему пересмотру Сеймового Устава, в который надлежало бы ввести соображенное с общею мыслью Манифеста 3-го февраля постановление, определяющее пределы местного законодательства. Проект

такого постановления следовало бы предложить Сейму 1904 года вместе с вырабатываемыми ныне предположениями об избирательной реформе.

Осмотрительное, хотя и последовательное, проведение в жизнь предположенной программы о делопроизводственных языках финляндских присутственных мест. Попечение о русском языке не должно переходить пределы, начертанные манифестом 7-го июня 1900 года. Вместе с тем, не позднее лета нынешнего года надлежит объявить разработанное уже Сенатом постановление об употреблении народных языков в официальной жизни Финляндии. Эта мера устранила бы толки относительно обрусительных намерений правительства и дала бы удовлетворение финскому народному чувству, так как сфера применения финского языка получила бы некоторое распространение.

Сохранение при предстоящем изменении «Учреждения Сената» и некоторых других финляндских узаконений основных черт местного административного строя. В совершаемых ныне трудах по пересмотру генерал-губернаторской инструкции, Учреждения Сената и постановлений о гражданской службе наряду с усилением генерал-губернаторской власти, утверждением служебной дисциплины и упразднением обидного для русского народного чувства ограничения в отношении права русских уроженцев занимать должности по финляндской службе должна найти себе ясное выражение Высочайшая Вашего Величества воля о том, чтобы финляндский строй управления в существенных его особенностях остался незыблемым. Финляндией и впредь следует управлять не через единоличную и бесконтрольную, по крайней мере по убеждению местного населения, власть генерал-губернатора, а посредством совокупной и согласной деятельности тех высших установлений края, кои ныне призваны творить в этом управлении волю Монарха, единого источника правящей власти в Великом княжестве.

Меры успокоения в ближайшем практическом значении этого выражения. Необходимо приостановиться возбуждением каких-либо вопросов, административных или законодательных, кроме тех, кои уже поставлены на очередь. В особенности желательно не тревожить население подготовительными работами по преобразованию учебного дела.

Восстановление равновесия между финляндскими партиями по участию в управлении краем. Быть может было бы своевременно приблизить несколько к правительству шведскую партию, которая в настоящее время устранена от дел высшего управления. Возвращение в Сенат представителей этой партии было бы в данное время вредно, также как и предоставление им влиятельных административных постов, подтверждением чему служит пример Вазаского губернатора Бьернберга. Но полное устранение шведской партии от совещательного по крайней мере участия в делах управления едва ли осмотрительно в политическом отношении. Подобное участие, давая удовлетворение властолюбивым вожделениям людей, привыкших стоять у кормила правления, внесло бы некоторое успокоение в ряды шведоманов и вместе с тем гарантировало бы правительственные решения от односторонних взглядов, навеянных лицами финской партии.

Теперешний уклад управления Финляндии не дает, однако, возможности предоставить представителям шведской партии соответствующее приведенным суждениям положение. В этих видах необходимо было бы восстановить существовавший до 1891 года Совещательный комитет при министре статс-секретаре. Учреждение такого Комитета с несколько измененным соответственно теперешним обстоятельствам устройством явилось бы серьезною мерою успокоения общественного мнения Финляндии, а вместе с тем и новым способом проведения объединительных задач, предуказываемых Вашим Величеством. В Финляндии значение Комитета определилось бы тем, что уроженцы Финляндии, и в том числе представители исконной правящей партии, призывались бы освещать с своей точки зрения важнейшие вопросы управления. Для сближения же финляндского управления с имперским в этот Комитет могли бы быть призываемы представители имперских ведомств, что могло бы устранить надобность в Особых комиссиях, в среде имперских установлений, образование которых всегда с тревожным недоверием встречается в Финляндии.

Всеподданнейшим долгом поставляю себе изложенные мысли повергнуть на Всемилостивейшее воззрение Вашего Императорского Величества.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 54–59 об. Типографский текст на листах большого формата, сшитых в тетрадь.

№ 80. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об употреблении русского языка в исходящих от финляндских правительственных установлений бумагах»

6(19) июня 1902 г.

Сего числа состоялось Высочайшее постановление об употреблении финского и шведского языков в делопроизводстве судебных и иных присутственных мест Финляндии (см. выше); в дополнение к Высочайшему объявлению от 3 декабря 1866 года (н. ст.), изданы, с Высочайшего соизволения, нижеследующие правила относительно изложения на русском языке некоторых исходящих от Финляндских правительственных установлений бумаг.

§ 1. Финляндские должностные лица, состоящие в должностях, для занятия которых по действующим законоположениям обязательно знанием русского языка, а также суды и иные присутственные места, в состав которых обязательно входят такие служащие, должны выдавать просителям и тяжущимся всякого рода бумаги на русском языке, буде на сем языке изложена обращенная к ним письменная или устная просьба, и самим просителем или тяжущимся не заявлено ходатайства о выдаче ему бумаги на финском или шведском языке. Все прочие должностные лица, суды и присутственные места к выдаваемым или просителям в указанном случае бумагам, составленным на финском или шведском языке, обязаны прилагать русские переводы, которые изготовляются и оплачиваются по правилам, изложенным в Высочайшем объявлении от 3 декабря 1866 года (н. ст.) и Высочайшем Рескрипте от 23 января 1867 года (н. ст.).

§ 2. Все служебные бумаги, документы, сообщения и объявления, обращаемые к общинам и сельским обществам, в коих протоколы по делам общественного управления ведутся на русском языке, излагаются на этом языке должностными лицами, состоящими в должностях, для занятия которых обязательно знание русского языка, а также судами и иными присутственными местами, в состав которых входят такие служащие. Остальные же власти и должностные лица снабжают таковые бумаги, документы, сообщения и объявления переводами на русский язык в порядке, указанном в предшествующем параграфе.

Опубл.: СПВКФ. 1902. № 18. С. 5; ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 1. 1902. СПб., 1904. Ст. 21608.

№ 81. Высочайшее объявление по Великому княжеству Финляндскому «Об определении прав, соединенных с должностью помощника Финляндского генерал-губернатора»

6(19) июня 1902 г.

По всеподданнейшему представлению, в изменение и дополнение подлежащих узаконений сим Высочайше постановлено:

§ 1. Должность помощника Финляндского генерал-губернатора полагается в третьем классе по утвержденной для Великого княжества Финляндского Табели о рангах. Среди должностных лиц гражданского ведомства Финляндии помощник генерал-губернатора есть старшее после генерал-губернатора лицо и во всех собраниях и заседаниях занимает первое по нем место.

§ 2. Помощнику Финляндского генерал-губернатора производится из финляндских статных сумм жалованье в двадцать тысяч марок и содержание, не входящее в расчет пен-

сии, также в двадцать тысяч марок. При разъездах по делам службы он получает прогоны и суточные деньги по второму классу действующего Путевого регламента.

§ 3. При увольнении от должности, помощник Финляндского генерал-губернатора пользуется пожизненною пенсиею из казенных сумм на основании постановлений о пенсиях гражданских чиновников.

Кроме того, он участвует во вдовьей и сиротской кассе гражданского ведомства по первому разряду.

Опубл.: СПВКФ. 1902. № 19. С. 23; ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 1. 1902. СПб., 1904. Ст. 21611.

№ 82. Из политического завещания Ю. Юрьё-Коскинена «Горизонты»

9(22) июня 1902 г.

Перспективы

Оставленный в стороне от происходящих событий здесь, в Юли-Руско, хотел бы углубиться в настоящее положение народа Финляндии, чтобы предугадать какие перспективы на самом деле могут открыться для этого народа, этничность которого не обещает большего, если мы не сможем предположить, что враждебный миру порядок сформируется иным образом, нежели как нынешняя ситуация дает понять. Период правления Александра II дал многим из нас добрые надежды на то, что государственное положение Финляндии могло бы основываться на независимой государственности: финский народ, будучи защищенным двухсторонней лояльностью, мог бы наравне с русским народом развивать свою, характерную для него культурную жизнь, хотя конечно влияние на внешний мир всегда оставалось бы незначительным. Это была почти согласованная программа, по крайней мере нам так казалось. По случайности наученные, мы уже начинаем понимать, что эта программа не могла бы продолжаться. Тот безмолвный договор вскоре прервался. Это предполагало, что с нашей стороны не давалось бы повода подозревать, что у нас были бы далеко идущие государственные цели, и со стороны русских опять же, что естественные желания огромной державы к поглощению не коснулись бы Великого княжества Финляндского. Ничьи предпосылки не осуществились. Мы с нашей стороны ушли слишком далеко в стремлении развить ту внутреннюю независимость, которая при благосклонном содействии Александра Второго была вначале. Один за другим ставились вопросы о своем торговом флаге, нейтралитете, личной унии. Вместо того, чтобы во времена Николая I скрывать от всего мира те автономные привилегии, которыми мы уже тогда, хоть и в тесных рамках, но пользовались, эта «politique d'effacement»* стала чувствоваться неловкой и унизительной.

Должна же Европа знать, что Финляндия была отдельной страной, если не государством. И это стремление не нужно считать странным или же порицать. Было же достигнуто то, что было важным в жизни народа практически: своя монетная система, временные заседания Сейма, собственные войска. Этого же всего невозможно совершенно скрыть.

Но в тоже время в русском народе вспыхнуло чувство народной силы, которое быстро переросло в шовинизм. Этот старый разлад с поляками дал русизму новый импульс, и обновление германской империи поднял в русских желание к соревнованию до крайности. Бисмарк был великим человеком эпохи, который не жалел средств, чтобы расплавить в общем гражданском котле все чужеродные империи элементы. Этому примеру и России надо было следовать; это было естественно дружелюбной целью заинтересованного отечества. Тогда заметили, что в четырех милях от имперской столицы была чужая граница, которую нельзя было пересечь, не пройдя таможенного контроля, граница, за которой русские деньги

---

* *«политика стирания» (удаления) (фр.). В данном случае: политика отстранения, политика оставаться невидимым.*

не имели полного хождения и русский язык практически неизвестен. И в этом краю преобладал даже не собственный язык, а язык чужого государства – шведский. И поднялся крик еще большей силы – завоевание Финляндии в 1808–1809 гг. было напрасной попыткой; это надо было изменить тем или иным способом.

Долгое время финны не имели полного представления о той буре, которая ожидалась в будущем. Те немногие, кто вблизи видел развитие и формирование общего мнения в России – Йоханнес Гриненберг[290], когда был в Петербурге, Волд. Ден[291] после назначения – конечно предостерегали об опасности. Они не были услышаны. Наоборот, наши газеты продолжали бурные словесные баталии с русской прессой. В самом правительстве не было принято ничего кроме того политического курса, который все яснее становился виден в империи: в России занимались резким протекционизмом, у нас же было невозможно идти в том же направлении, но и не была распространена та программа свободной торговли, которую наши теоретики выучили по книжкам. Под руководством дуумвирата Бруноу[292] и Л. Мехелина процветал полный либерализм. Почти незаметно ограничили власть Монарха, и Мехелин, посещая Петербург, читал российским государственным мужам раздражающие лекции о настоящих принципах правительственного дела. Вряд ли кто-то из правительственных мужей кроме Норрмена*· [293], воспитанного школой Л.Г. фон Гартмана[294], догадался предостеречь об опасных попытках Мехелина. Но прежде всего шовинизм пришел и в нашу страну, чтобы властвовать. Было совершенно естественным, что, наконец-то, столкнулись финский шовинизм и русский шовинизм. Долгое время правитель был нашей защитой – le tampon qui amorti les chocs**. Вскоре Императора склонили на сторону русских идей, и наша позиция оказалась в опасности. Так постепенно, но автоматически мы оказались в той ситуации, в которой находимся сейчас. Народ, численность которого поднимается не больше чем на полтрети к миллиону, теперь сражается с сильнейшим государством мира.

Теперь главным стремлением партии старофиннов, иными словами отечественных правительственных кругов, стало примирение или выстраивание по-новому отношений как бы с правителем, но на самом деле с народом России. Ясно одно, что это не может произойти, если не будет пожертвована какая-то часть наших прежних завоеванных привилегий, но конечно же не больше, чем это необходимо. На каких условиях мы можем примириться, никто не может точно сказать, поскольку более могущественный в мире обычно диктует условия мира, если вскоре и он легко сможет заметить, что в его собственных интересах не делать эти условия для побежденного слишком обременительными. Разумеется, для обеих стран желательно, чтобы смогли достичь постоянного, прочного мира, чтобы неприятные недоразумения больше или, по крайней мере, в ближайшем будущем не повторились. Для нас, более слабой стороны, это вопрос жизни. Поэтому в кризисной ситуации нам необходимо довольствоваться определенным ограничением наших прав, если нам останется хотя бы возможность для внутренней национальной культурной жизни и для развития.

Надеюсь к этому мы и придем, если только сумеем использовать хладнокровное терпение, которое от нас требуют сегодняшние обстоятельства. [...]

НАФ. Фонд личного происхождения сенатора Ю.С. Юрье-Коскинена, папка 19. Рукопись на шведском языке с многочисленными правками и пометами карандашом и чернилами на листах большого формата в линейку со следами сгибов, сшитых в две тетради.

Опубл.: Paasikiven muistelmia sortovuosilta I. Werner Söderström Osakeyhtiö. Porvoossa 1957 (раздел III. Yrjö-Koskinen ja Suomen-Venäjän kysymys).

---

* *Правильно: Норрман.*

** *амортизатор, поглощающий удары (фр.).*

№ 83. Высочайшее постановление об изменении правил и Высочайше утвержденные правила о формах и порядке обнародования узаконений и правительственных распоряжений, издаваемых для Великого княжества Финляндского

27 июня (10 июля) 1902 г.

Высочайше утвержденные Правила о формах и порядке обнародования узаконений и правительственных распоряжений, издаваемых для Великого княжества Финляндского

Высочайшее постановление, по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского. (СПВКФ. 1902. № 24. С. 2.) – По всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, Высочайше повелено:

§ 9 отделения 2 Высочайше утвержденной 17 марта 1826 года (н. ст.) Инструкции статс-секретариату Великого княжества Финляндского – отменить.

В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений утвердить нижеследующие

Правила

1. Для финляндских узаконений, состоявшихся по всеподданнейшим докладам министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, вследствие представлений Финляндского генерал-губернатора, Императорского Финляндского Сената, земских чинов Финляндии и в других случаях установляется прилагаемая при сем форма Высочайших постановлений.

2. За исключением законов, означенных в предшедшей (1) статье, все прочие, применяемые в Финляндии узаконения имеют действие в формах, установленных для законодательства империи.

3. В порядке управления Финляндиею Именные Высочайшие указы даются на имя Финляндского генерал-губернатора.

4. Определения (предписания, резолюции и решения, кроме постановляемых в судебном порядке), объявления (кроме объявлений о молитвенных днях) и другие подобные акты Императорского Финляндского Сената посылаются подведомственным Сенату местам и лицам в виде Сенатских указов. Означенные указы, а также Сенатские решения (приговоры, определения), постановляемые в судебном порядке, и выдаваемые Сенатом грамоты составляются по формам, при сем приложенным.

5. Все узаконения, подлежащие обнародованию в Финляндии, по Высочайшем утверждении оных, препровождаются в подлинниках или надлежаще заверенных списках к Финляндскому генерал-губернатору, который распоряжается их обнародованием.

6. Заключаемые Россиею с иностранными державами Договоры, Трактаты, Конвенции и другие Высочайше утвержденные международные акты обнародываются, в случае надобности, тем же порядком, как узаконения.

7. Обнародование узаконений совершается посредством заслушания их в Сенате и напечатания в Сборнике постановлений Великого княжества Финляндского, а в особых случаях и посредством всенародного прочтения в церквах или в других местах по определению генерал-губернатора.

8. Узаконения заслушиваются, по предложениям генерал-губернатора, в Общем собрании Хозяйственного департамента Сената, которое составляет и подписывает определение о передаче заслушанных им узаконений в Сенатскую типографию на предмет напечатания оных в Сборнике постановлений Великого княжества Финляндского.

9. Означенным в предшедшей (8) статье порядком заслушиваются в Общем собрании Хозяйственного департамента Сената и обращаются к напечатанию также те определения Сената (ст. 4) и правительственные распоряжения, коим придается общеобязательное значение.

10. В Сборнике постановлений Великого княжества Финляндского помещаются только издаваемые Верховною Властью узаконения и росписи казенных доходов и расходов, Высо-

чайше утвержденные международные акты, а также те Сенатские определения и правительственные распоряжения, коим придается общеобязательное значение.

11. Все акты, Высочайше утвержденные и от Верховной Власти исходящие, печатаются в Сборнике постановлений без всяких изменений и дополнений и с точным означением притом времени и места (буде последнее указано) Высочайшего утверждения или подписания сих актов. С подобною же точностью печатаются в Сборнике постановлений определения Финляндского Сената и правительственные распоряжения.

12. Сборник постановлений издается в русском подлиннике и в точных переводах его на местные языки, финский и шведский. Русский, финский и шведский тексты каждого помещаемого в Сборнике узаконения или иного постановления следуют непосредственно один за другим.

13. Узаконения, подлежащие всенародному прочтению, рассылаются по принадлежности распоряжением губернаторов.

(Приложения см. в конце тома)[295].

Опубл.: СПВКФ. 1902. № 24. С. 2; ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 1. 1902. СПб., 1904. Ст. 21770.

№ 84. Записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова о положении в крае

17(30) июля 1902 г.

Секретно

В записке от 10-го января 1901 г. я, между прочим, излагал:

«Политическое положение Финляндии теперь таково, что не только усиление ее вооруженных сил является опасным, но и возникает сомнение в соответствии русским интересам самого существования финских войск... Чтобы провести в жизнь положения и требования нового Устава, надо сперва усовершенствовать местное Финляндское управление, причем настоятельно и безотлагательно необходимо: придать генерал-губернатору значение действительного начальника края; преобразовать Сейм и реформировать Сенат; распространить в административных учреждениях края знание русского языка, дабы исподволь подготовить возможность замещения в них местных должностей доверенными русскими людьми, без которых нельзя рассчитывать и на успех самого приведения военной реформы в исполнение»...

События прошлого и текущего годов оправдали мои соображения. К отбыванию воинской повинности явилось только 45,9 % всего числа призывавшихся. Имею основание ожидать, что в будущем году, когда вступит в силу новый Устав о воинской повинности, число явившихся еще более уменьшится[a].

Причина такого грустного явления кроется, конечно, не в страхе финского народа перед военной службой, а в той преступной пропаганде, которая успела охватить весь край, терроризировать население и повлиять на местную администрацию. Агитация стремится к тому, чтобы подготовить массовое противодействие, в предположении, что неповиновение скопом, оставаясь безнаказанным, может заставить русскую власть отказаться от начатых в Финляндии объединительных преобразований. Оппозиция достигла уже того, что на ее сторону стали все суды края, часть духовенства и администрации – эти крайне влиятельные элементы в деле поддержания порядка в Финляндии. Судьи, отказываясь признать, как за ВЫСОЧАЙШИМ Манифестом 3-го февраля 1899 года, так и за изданным на основании его новом Уставе о воинской повинности, «силу и святость закона», не усматривают в неявке к призыву преступления и потому стали оправдывать явно виновных лиц.

---

[a] *На полях карандашом:* Несмотря на рескрипт 7 апр[еля].

Местная русская власть стоит теперь в полном бессилии перед двумя явлениями: все более и более развивающеюся агитацией, которая остается безнаказанной в своей преступной пропаганде, приведшей Финляндию к состоянию близкому к анархии и, затем, перед массовой неявкой в призывные присутствия, которая, вследствие преступного пристрастия и бездействия местного суда, привела к тому, что *свыше 12 000 человек*, отказавшихся от исполнения священной обязанности по воинской повинности, остаются безнаказанными.

Все эти обстоятельства вновь показывают, что в Финляндии, с одной стороны, нет достаточно сильной русской власти, могущей бороться со злом и пресекать его, и с другой – что некоторые существующие в крае порядки не соответствуют общегосударственным интересам.

Бороться с финляндской оппозицией, при неимении к тому соответствующих средств, чрезвычайно трудно и потому является необходимость в принятии особых мер к умиротворению края. Меры эти должны быть поставлены в зависимость от преследуемой ими цели. Современное положение в Великом княжестве требует, на мой взгляд, *временного* распространения на него правил, соответствующих положению об усиленной охране. Эти правила, усилив в требуемой степени власть генерал-губернатора, дадут ему возможность побудить население и местные финляндские учреждения к исполнению требований законов, *особенно изданных в последнее время и направленных к государственному сплочению.*

Что касается установившегося в крае порядка, то события последнего времени указывают на необходимость устранения из системы управления всего того, что создает вредную в политико-государственном отношении обособленность Финляндии и дает возможность Сейму, Сенату, гофгерихтам, губернским управлениям и другим учреждениям явно противодействовать предначертаниям Всероссийского МОНАРХА. Необходимо последовательно и осторожно, но неуклонно продолжать осуществление мудрых предначертаний ныне благополучно царствующего ГОСУДАРЯ и незабвенного Державного ЕГО РОДИТЕЛЯ, в Бозе почивающего ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Только твердая власть образумит финляндцев и только дальнейшие преобразования в духе начатых уже реформ, по глубокому моему убеждению, сольют Финляндию с империей в едином русском царстве.

Генерал-адъютант Бобриков

С.-Петербург

17-го июля 1902 г.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 843. Л. 38–38 об. Типографский текст на полулисте большого формата.

№ 85. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии»

18(31) июля 1902 г.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, в присутствии Своем в Петергофе 18/31 июля 1902 года Высочайше соизволил, в изменение, отмену и дополнение подлежащих узаконений, утвердить следующее постановление об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Великом княжестве Финляндском.

I. Существующее ныне ограничение в праве занятия должностей гражданского ведомства по управлению Великого княжества Финляндского лицами, не принадлежащими к финляндскому гражданству, не распространяются на русских уроженцев.

II. В отношении прав на вступление в службу и занятие должностей гражданского ведомства по управлению Великого княжества Финляндского с кандидатами Императорского Александровского университета уравниваются: *а)* кандидаты и действительные студенты всех Императорских Российских университетов и Демидовского юридического лицея;

б) удостоенные испытательными комиссиями при Императорских Российских университетах дипломов 1-й или 2-й степени; *в)* окончившие с чинами IX, X или XII классов курс Императорского Александровского лицея и Императорского училища правоведения, а равно окончившие по I и II разрядам курс Александровской военно-юридической академии.

III. В отношении назначения на классные должности гражданского ведомства по управлению Великого княжества Финляндского, увольнения от сих должностей и назначения к временному их исправлению установляются правила, изложенные в следующих (1–8) статьях, причем правила сии не применяются к Императорскому Александровскому университету, Финляндскому банку, Финляндскому кадетскому корпусу, а равно к должностям лоцманских офицеров и к служащим в магистратах и ратгаузских судах.

1) Должности III, IV и V классов замещаются, по донесении генерал-губернатором об открывшейся вакансии, Высочайшими грамотами и Высочайшими приказами.

2) Должности VI класса замещаются Высочайшими приказами, по представлению генерал-губернатора.

3) Должности VII–IX классов замещаются подлежащим департаментом Сената, с согласия генерал-губернатора. Этот порядок не распространяется на должности, замещение которых, в силу особых узаконений, предоставлено единолично генерал-губернатору.

4) Должности X и низших классов замещаются: в Канцелярии генерал-губернатора – ее директором; в гофгерихтах и подведомственных им местах президентами гофгерихтов; в губернских и уездных учреждениях – губернаторами; в Особых и Главных управлениях и подведомственных им учреждениях – начальниками или председателями сих управлений, по принадлежности; должности городских фискалов – прокурором Сената.

5) По отношению к должностям VII и низших классов сохраняется порядок соискания должностей, составления списков кандидатов и обжалования оных. Списки представляются назначающей власти вместе с отзывом подлежащего начальства о том, кому из кандидатов оно полагает дать предпочтение. Власти, от которой зависит назначение, предоставляется избрать достойное лицо из числа соискателей, удовлетворяющих установленным в законе для занятия должности условиям.

Должности губернского нотариуса и камер-фервандта замещаются по истечении тридцатидневного, а должности смотрителя губернской больницы и общей больницы для душевнобольных, а также смотрителя магазинов – по истечении четырнадцатидневного срока соискания.

Полицейские должности как в городах, так и в уездах замещаются без соискания и составления кандидатских списков.

6) Увольнение от должностей по прошениям производится тою же властью, как и назначение.

7) При отсутствии точных определений в законе о том, кто вступает во временное исправление подлежащей должности, назначение к временному исправлению должностей V и VI классов производится по распоряжению генерал-губернатора, по должностям от VII до IX класса – подлежащим департаментом Сената с согласия генерал-губернатора, и по должностям X и низших классов – по распоряжению тех властей, от которых зависит окончательное назначение на должность.

8) В Финляндском статс-секретариате, Финляндской Его Императорского Величества Канцелярии и Финляндской Паспортной экспедиции в С.-Петербурге должности V и высших классов замещаются, по представлению министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, Высочайшими приказами и Высочайшими грамотами, должности VI класса, также по представлению министра статс-секретаря, – Высочайшими приказами, должности VII–IX классов – приказами министра статс-секретаря, а должности X и низших классов – приказами Управляющего делами Финляндской Его Императорского Величества Канцелярии и начальника Паспортной экспедиции, по принадлежности.

Опубл.: СПВКФ. 1901. № 32. С. 3; ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 1. 1902. СПб., 1904. Ст. 21901.

№ 86. Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского «О применении Высочайшего постановления от 18/31 июля 1902 года об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии»

18(31) июля 1902 г.

Государь Император по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского в присутствии Своем в Петергофе 18/31 июля 1902 года Высочайше соизволил утвердить прилагаемое у сего постановление об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии, и повелел Сенату обнародовать оное установленным порядком, с тем чтобы впредь до вступления в действие Высочайшего постановления об изменении в некоторых частях действующего Учреждения Императорского Финляндского Сената: *а)* замещение должностей VII–IX классов и назначение к временному их исправлению производилось с соблюдением порядка, указанного в § 30 означенного Учреждения, и *б)* относительно замещения должностей в Сенате и состоящих при нем учреждениях сохранили силу действующие по этому предмету узаконения.

Вместе с тем, Его Императорскому Величеству благоугодно было в виде временной меры:

1) допустить поступление на службу и занятие должностей гражданского ведомства по управления Великого княжества Финляндского на равных правах всех лиц, окончивших курс высших гражданских и военных учебных заведений империи и Финляндии, – и

2) предоставить Финляндскому генерал-губернатору при замещении всех должностей по финляндскому управлению допускать в каждом отдельном случае те изъятия из требуемых законом условий поступления на службу, кои он признает необходимыми.

Опубл.: СПВКФ. 1902. № 32. С. 10; ПСЗРИ. Т. XXII. Отделение 1. 1902. СПб., 1904. Ст. 21902.

№ 87. Из Высочайшего постановления по Великому княжеству Финляндскому «О порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств»

1(14) августа 1902 г.

Государь Император по докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского 1/14 августа 1902 года в Петергофе Высочайше соизволил в отмену, изменение или дополнение подлежащих узаконений утвердить нижеследующее постановление о порядке удаления от службы должностных лиц, занимающих по административным ведомствам Великого княжества Финляндского должности от V до XIV класса.

1. Должностное лицо может быть удалено от службы, когда оно: 1) подвергнется в судебном порядке за преступное деяние, не относящееся к службе, какому-либо наказанию, хотя бы и не соединенному с потерею права на службу; 2) обнаружит неспособность к исполнению своих служебных обязанностей; 3) позволит себе при отправлении обязанностей службы или вне оной несовместные с долгом службы и служебным положением поступки; 4) подвергнется взятию под стражу по делам о взысканиях гражданских, или опеке за расточительность, или окажется несостоятельным должником.

2. Удаление от службы влечет за собой немедленное увольнение удаляемого в отставку, но он сохраняет за указанными в законе понятиями, приобретенные им пенсионные права. [...]

Опубл.: СПВКФ. 1902. № 32. С. 2; ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 1. Ст. 21920.

№ 88. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об изменении в некоторых частях учреждения Императорского Финляндского Сената»

26 августа (8 сентября) 1902 г.

Государь Император по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского в присутствии Своем в Петергофе 26 августа (8 сентября) 1902 года Высочайше соизволил в изменение и дополнение подлежащих узаконений утвердить нижеследующее постановление об изменении в некоторых частях Учреждения Императорского Финляндского Сената.

1. Императорскому Финляндскому Сенату вверено, под руководством его председателя — генерал-губернатора, главное внутреннее управление Финляндии в пределах, Учреждением Сената и подлежащими узаконениями указанных.

2. Общее собрание Соединенных департаментов Сената созывается генерал-губернатором. В означенном Собрании рассматриваются дела: 1) по Высочайшим повелениям в него вносимые; 2) об избрании члена от Сената в Церковный Собор, и 3) о сомнениях относительно принадлежности дела к ведению того или другого департамента.

3. В составе Хозяйственного департамента Сената образуется Особое присутствие из Общего собрания сего департамента и двух членов Судебного департамента, назначаемых к сему Высочайшею Властью, из числа сенаторов, знающих русский язык, при возобновлении полномочий Сената на срок таковых полномочий. К ведению означенного Особого присутствия относится:

1) обсуждение и представление на Высочайшее воззрение законодательных предположений;

2) разрешение судебного преследования за служебные преступления должностных лиц административных ведомств, в случаях, когда это зависит от Сената;

3) разрешение отступлений от требований закона относительно: *а)* признания несовершеннолетних свободными от опеки; *б)* расторжения браков; *в)* освобождения от обязанности вступления в брак лиц, которые, будучи обручены или дав обещание жениться, прижили детей; *г)* дозволения вступить в брак в воспрещенных степенях родства или свойства, а также ранее достижения указанного в законе возраста, или же лицам, кои признаны виновными при расторжении брака, и *д)* освобождения от предписанных для поступления на службу испытаний в науках;

4) назначение по судебному ведомству на должности, замещение коих зависит от Сената, и увольнение от сих должностей по прошениям, а также разрешение жалоб по составлению кандидатских списков и по замещению должностей в подчиненных Сенату судебных местах;

5) назначение членов Законоподготовительного Учреждения;

6) увольнение чинов судебного ведомства в отпуск, с разрешением пребывать за границею или без такового разрешения, когда отпуск не может быть разрешен низшим присутственным местом;

7) принятие на судебную службу уволенных от оной лиц, кои в этом случае лишаются производимой им пенсии, и

8) учреждение в городах ратгаузских судов и магистратов, изменение состава и круга деятельности этих присутственных мест и учреждение в них новых должностей.

4. В Сенате председательствует генерал-губернатор; если генерал-губернатор не имеет возможности присутствовать в Сенате, то председательствует помощник генерал-губернатора. В случае отсутствия помощника генерал-губернатора в Собраниях Сената по департаментам и отделениям, по особому назначению генерал-губернатора, председательствуют вице-председатели департаментов, а в отсутствие последних старшие члены.

5. Нижеследующие дела рассматриваются Сенатом не иначе, как в присутствии генерал-губернатора или его помощника: 1) решенные в экспедициях Хозяйственного департа-

мента Сената дела, предлагаемые генерал-губернатором на рассмотрение департамента на основании статьи 23 настоящего постановления; 2) дела об отмене изданных губернскими властями и городскими, и сельскими общинными учреждениями обязательных постановлений; 3) дела, касающиеся личного состава должностных лиц (о назначении на должности, об увольнении от службы или в отпуск, о возбуждении судебного преследования и т. п.); 4) правила о порядке присутствия и делопроизводства в департаментах Сената. Все остальные дела должны быть рассматриваемы в присутствии генерал-губернатора или его помощника, если о том последует предложение Главного начальника края.

6. В заседаниях Сената, происходящих под председательством генерал-губернатора, может также участвовать, с правом голоса, его помощник.

7. Кроме дел, восходящих на Высочайшее утверждение, генерал-губернатору, по его требованию, представляются, немедленно после решения дела, протоколы по всем заслушанным в Сенате делам.

8. Независимо от того, участвовал ли генерал-губернатор в рассмотрении в Сенате дела или нет, он может представить на благоусмотрение Его Императорского Величества, Государя Императора замечания на определение Сената, причем, буде найдет нужным, делает распоряжение о приостановлении приведения сего определения в исполнение, впредь до воспоследования Высочайшего разрешения. Но приведение в исполнение определений, постановленных в судебном порядке, в сих случаях генерал-губернатором не приостанавливается.

9. Генерал-губернатору принадлежит, по званию председателя Сената, высшее руководство экспедициями Сената, Канцелярией Хозяйственного его департамента и состоящими в ведении Сената учреждениями. Он блюдет за общим порядком в Сенате и производством в нем дел, назначает время заседаний Сената и делает распоряжения о представлении дел к докладу. Генерал-губернатору присвоено также главное управление Сенатским зданием со всеми его принадлежностями.

10. Генерал-губернатору предоставляется распределять членов Департаментов Сената по отделениям; если для предварительной разработки какого-либо вопроса потребуется назначить Комиссию из членов Сената или других лиц, то выбор их зависит также от генерал-губернатора.

11. Очередь для пользования сенаторами своим летним вакантным временем определяется генерал-губернатором.

12. Ежегодные поездки начальников экспедиций для инспекции совершаются по предложениям генерал-губернатора или с его разрешения.

13. Чиновники Сената и состоящих в ведении его Канцелярии учреждений, занимающие должности ниже VI класса, назначаются, с соблюдением порядка, указанного в статье 5 отдела III Высочайшего постановления от 18/31 июля 1902 года, генерал-губернатором, по избрании их вице-председателем Судебного департамента и начальниками экспедиций Хозяйственного департамента и прокурором, каждым по своей части, и по представлениям помощника генерал-губернатора. От генерал-губернатора зависит также увольнение чиновников Сената, по прошениям, от службы, а равно разрешение им отпусков.

14. В управлении делами Сената, его экспедиций, Канцелярии Хозяйственного департамента и состоящих в ведении последней учреждений генерал-губернатору содействуют его помощник, а также вице-председатели департаментов, заменяя его, согласно устанавливаемому им распределению занятий, в распоряжениях по таковому управлению.

15. Чиновники и прочие служащие в Сенате и состоящих при нем учреждениях должны при исполнении своих обязанностей руководствоваться предписаниями генерал-губернатора и Сената и вообще исполнять приказания, полученные от генерал-губернатора, его помощника и подлежащего начальства.

16. Прошения на Высочайшее Имя подаются, если о том не предписано иначе, в Сенат для дальнейшего направления в установленном порядке. Жалобы и прошения, приносимые Императорскому Финляндскому Сенату, а также представляемые ему донесения, заключе-

ния прокурора и прочие поступающие в Сенат бумаги, должны быть писаны на имя Императорского Финляндского Сената.

17. Общему собранию Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената предоставляется рассмотрение всеподданнейших жалоб и прошений по различным делам, если о порядке рассмотрения сих жалоб и прошений не существует иного предписания. В отношении причин к оставлению означенных жалоб и прошений без рассмотрения, а также к оставлению их без последствий Сенат руководствуется правилами, изложенными в нижеследующих статьях (18 и 19). Во всех прочих случаях всеподданнейшие жалобы и прошения представляются, с заключениями по ним генерал-губернатора и Сената, на Высочайшее благовоззрение.

18. Из числа всеподданнейших жалоб и прошений оставляются без рассмотрения: 1) жалобы и прошения, в которых не имеется означения имени и явственной подписи того лица, от коего подана просьба, или не указано место жительства просителя, либо не означены имя, звание и место жительства составителя просьбы, когда она писана другим лицом; 2) жалобы и прошения, заключающие в себе несколько разных, отдельных один от другого, предметов, имевших или долженствующих иметь особые производства; 3) жалобы и прошения, писанные беспорядочно или бессмысленно, на клочках бумаги или с неприличными выражениями; 4) подаваемые несколькими лицами скопом прошения, адресы и петиции, кои, под видом ходатайств о нуждах края, клонятся к осуждению действий правительства или к колебанию общественного порядка и спокойствия.

19. Из числа всеподданнейших жалоб и прошений оставляются без последствий: 1) жалобы на места низшие и средние, а также жалобы и прошения о таких предметах, по которым в общем законном порядке надлежит обращаться к служебному начальству или к установленным ведомствам и учреждениям; 2) жалобы и прошения, заключающие в себе повторение всеподданнейшего ходатайства, оставленного без последствий, если притом в подкрепление оного не приведено вновь открывшихся обстоятельств, подтвержденных достоверными доказательствами; 3) прошения служащих лиц о каких-либо наградах, приносимые без ведома их начальств; 4) жалобы на увольнение от должности по предоставленной начальству власти.

20. Прошения о помиловании или смягчении участи лиц, приговоренных к наказанию или отбывающих оное, по рассмотрении сих прошений Судебным Департаментом Сената, должны быть направляемы к генерал-губернатору, для представления на Высочайшее благовоззрение с мнениями генерал-губернатора и Сената.

21. Прошения лиц, присужденных за бродяжество к казенной работе, о смягчении участи и об освобождении от работ окончательно разрешаются Судебным Департаментом Сената.

22. Каждая экспедиция Хозяйственного департамента должна вести списки всем решаемым ею делам и ежемесячно представлять оные генерал-губернатору, который по рассмотрении сих списков, если не найдет поводов к замечаниям, возвращает их для хранения в подлежащую экспедицию.

23. Решения экспедиций могут быть передаваемы генерал-губернатором на рассмотрение Общего собрания Хозяйственного департамента Сената.

24. Экспедиция юстиции имеет обязанностью разрабатывать законодательные предположения по вопросам, не отнесенным к ведению других экспедиций. Экспедиция юстиции производит также дела о разрешении возбуждения судебного преследования за служебные преступления должностных лиц административных ведомств.

25. Когда Сенат уклоняется от требований законов или постановлений, то прокурор обязан сделать о том замечание с указанием вместе с тем, в чем заключается противозаконность действия Сената, причем, если представление его будет оставлено без последствий, прокурор имеет право чрез генерал-губернатора подробно донести о деле Государю Императору.

26. Настоящим постановлением отменяются §§ 2, 11, 26, 30, 33, 35–37, 51, 53, 56, 79, 80, 85–88, § 102 (часть 1), § 121 (часть 2) и § 134 Учреждения Императорского Финляндского Сената 13 сентября 1892 года (н. ст.), § 6 Высочайшего постановления 23 июля 1896 года

(н. ст.) о предоставлении Финляндскому Сенату окончательно решать некоторые дела, восходившие на Высочайшее благовоззрение, Инструкция прокурору Императорского Финляндского Сената 31 января 1812 года (н. ст.) и Высочайшее постановление 8 мая 1876 года (н. ст.) о реляции, которую прокурор Императорского Сената впредь имеет сообщать на Сейме земским чинам.

Опубл.: СПВКФ. 1902. № 32. С. 30; ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 1. 1902. СПб., 1904. Ст. 21983.

№ 89. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «О расширении полномочий губернаторов Великого княжества Финляндского»

26 августа (8 сентября) 1902 г.

Государь Император по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского в присутствии Своем в Петергофе 26 августа (8 сентября) 1902 года Высочайше повелеть соизволил сверх дел, подлежащих разрешению губернаторов Финляндских губерний на основании действующих узаконений, предоставить им:

1) рассматривать и решать прошения об увеличении окладов содержания за выслугу лет чиновникам и служителям губернской администрации, если в законности таких прибавок не имеется сомнения, представляя о разрешенных прибавках Финансовой экспедиции Хозяйственного департамента Сената;

2) в порядке, установленном § 77 Высочайшего постановления 8 декабря 1873 года (н. ст.) об общинном городском управлении, утверждать или отвергать предположения об изменении окладов содержания городских чиновников и служителей, поскольку они до сих пор представлялись на рассмотрение Сената и не касаются содержания бургомистров, ратманов, нотариусов, магистратских секретарей, городских фискалов, городских фохтов или городских врачей, с тем, чтобы в случаях, когда казна участвует в отпуске содержания, проекты новых штатов по-прежнему представлялись на рассмотрение Сената;

3) определять размер вознаграждения, которое должно быть выдаваемо состоящим в городах края полицейским служителям за наблюдением порядка при разных увеселениях, устраиваемых частными лицами с платою за вход;

4) учреждать новые ярмарки, упразднять прежние и обнародовать их сроки;

5) по выслушании подлежащего прихода и провинциального врача, разрешать в отдельных случаях, в виде исключения, погребение покойников на закрытых уже кладбищах;

6) рассматривать арендные предложения и заключать арендные контракты на срок не более шести лет на принадлежащие казне, неподведомственные Лесному управлению, одинокие статговые имения, луга, острова, рыбные ловли и проч., если прежняя арендная плата или доход не превышает тысячи марок, а также утверждать переводы таких контрактов, причем заверенные копии с заключенных за каждый год контрактов, а также с переведенных за это же время контрактов, должны быть, до исхода следующего января месяца, представлены Камерной экспедиции Хозяйственного департамента Сената;

7) разрешать переводы арендных контрактов на бывшие королевские усадьбы, бостели милиционного и гражданского ведомств и другие однородные казенные имения, если предоставлено удостоверение, что подлежащие арендаторы исполнили свои обязанности по обработке и содержанию строений, и при том контракт не изменяется и представленное поручительство представляется достаточным с тем, чтобы ежегодно, до исхода января месяца, о таковых состоявшихся за предыдущий год переводах губернатор представлял Камерной экспедиции Хозяйственного департамента Сената;

8) по выслушании подлежащей власти или чиновника разрешать продажу из казенных бостелей кормовых средств и леса, поврежденного бурею, а также продажу валежника и сухоподстоя из казенных гейматов с тем, чтобы о данном разрешении и вырученных от про-

даже деньгах губернатор представлял Камерной экспедиции Хозяйственного департамента Сената;

9) по истребовании заключения Лесного управления рассматривать и решать вопросы о продаже леса из имений духовного ведомства, если не расходятся мнения относительно употребления выручаемых при этом сумм;

10) рассматривать и утверждать цены, объявленные на торгах за содержание в исправности отнесенных на казну дорожных и мостовых участков;

11) назначать к выдаче и слагать со счетов, буде сие по действующим узаконениям не зависит от другой власти, вознаграждение за поездки, совершенные с надлежащего разрешения на счет казенных сумм с тем, чтобы счет путевых издержек, в случае надобности, предварительно был одобрен подлежащим учреждением;

12) назначать к выдаче и слагать со счетов вознаграждение за осмотры и иные подобные производства в казенных бостелях и иных казенных имениях и за клеймение деревьев в таких бостелях и на казенных островах, когда вознаграждение должно производиться из казенных сумм;

13) на основании надлежаще утвержденных оценок угодий назначать к выдаче и слагать со счетов вознаграждение за расходы по возделыванию земель, доставшихся по генеральному размежеванию казенному бостелю или другому имению, состоящему в ведении Камерной экспедиции Хозяйственного департамента Сената, с тем, чтобы о сделанном распоряжении губернатор представлял названной экспедиции;

14) назначать к выдаче и слагать со счетов вознаграждение за расходы на служебную корреспонденцию, которые некоторыми чиновниками по действующим постановлениям уплачиваются авансом;

15) покрывать и слагать со счетов случайные расходы по казенным хлебным магазинам и издержки по производимым в них описям, а также исключать из инвентарных описей этих магазинов пришедший в негодность инвентарь и продавать его за счет казны;

16) слагать со счетов разрешенные из фонда благотворительных и рабочих заведений пособия, а также постановлять о выдаче обществам призрения бедных вознаграждения из казенных сумм, которое на основании действующих правил о призрении бедных причитается сим обществам;

17) слагать со счетов выданное свидетелям по уголовным делам вознаграждение, когда таковое по несостоятельности плательщиков или по другой причине не могло быть возмещено казне или определением суда обращено на счет казны.

Опубл.: СПВКФ. 1902. № 32. С. 48; ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 1. 1902. СПб., 1904. Ст. 21984.

№ 90. Высочайше утвержденный доклад № 218 министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве о согласовании Сеймового Устава с Манифестом 3(15) февраля 1899 г.

13(26) сентября 1902 г.
Копия
Высочайшее соизволение последовало в Петергофе
13/26 сентября 1902 г.
статс-секретарь Плеве

13 сентября 1902 года
№ 218

О согласовании Сеймового Устава с Манифестом
3/15 февраля 1899 года

При составлении Финляндским Сенатом во исполнение Высочайшего повеления от 14/27 августа 1900 года проекта изменения некоторых частей Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского Сенат обратил, между прочим, внимание на неудобства,

вытекающие из несогласованности постановлений Сеймового Устава относительно прав земских чинов по участию в законодательстве с изданными при Высочайшем Манифесте от 3/15 февраля 1899 г. «Основными положениями» о порядке составления, рассмотрения и обнародования законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского. Особенно неудобным представляется, по мнению Сената, неуказание в законе предметов, по которым законодательные мероприятия должны быть осуществляемы в порядке «Основных положений» от 3/15 февраля 1899 года, так как при этом условии возникают сомнения относительно пределов прав земских чинов. Вследствие сего и признавая желательным устранить указанную выше несогласованность посредством точного перечисления дел, до которых «Основные положения» 3/15 февраля должны относиться, Сенат всеподданнейше испрашивает Всемилостивейшее соизволение выработать проект соответствующего дополнения Сеймового Устава для передачи оного, по Высочайшем одобрении, в виде предложения земским чинам будущего Сейма.

В отзыве своем по настоящему делу Финляндский генерал-губернатор помимо указания на крайнюю неопределенность и необоснованность объяснений Сената, а также на невозможность составить исчерпывающий перечень предметов общеимперского законодательства заявляет, что эта мера, с русской государственной точки зрения, представляется недопустимою, как клонящаяся к ограничению Самодержавной власти. Вместе с тем генерал-адъютант Бобриков считает настоящее время особенно неблагоприятным для осуществления намеченного Сенатом мероприятия, ибо, с одной стороны, продолжающееся в крае и после издания Высочайшего рескрипта от 7/20 апреля брожение может потребовать изменений в управлении Великим княжеством, а с другой – означенное мероприятие могло бы быть истолковано как вынужденная агитаторами у правительства уступка, свидетельствующая о слабости власти. К изложенному Финляндский генерал-губернатор присовокупляет, что если бы, тем не менее, изменение или дополнение «Основных положений» 3/15 февраля 1899 года было признано необходимым, то эту законодательную меру надлежало бы провести чрез Имперские учреждения без участия Сейма и без изменения Сеймового Устава.

Повергая изъясненное на Ваше, Всемилостивейший Государь, воззрение, вменяю себе в обязанность всеподданнейше доложить, что указание Сената на желательность внести большую определенность в понятие об общеимперском законодательстве не вызывает с моей стороны принципиальных возражений. Правда, в представлении Сената не приведены даже главнейшие начала, которые Сенат намерен положить в основание своего проекта, а при означенном условии трудно судить о том, удастся ли Сенату выработать такой проект, который, не нарушая общегосударственных интересов, может удостоиться Высочайшего Вашего Императорского Величества одобрения. Но по существу начертание подобного проекта нельзя считать делом безусловно неисполнимым, ибо за время почти столетнего состояния Финляндии в собственности и державном обладании Российской империи накопилось достаточно законодательного материала, могущего послужить надежным основанием для размежевания общеимперского и местного финляндского законодательств на началах согласного с государственными пользами и справедливостью сочетания Имперских интересов с местными.

Что касается затем вопроса о своевременности осуществления обсуждаемой меры, то в сем отношении следует принять во внимание, что удовлетворение ходатайства Сената отнюдь не должно предрешать, что на рассмотрение Сейма будет передано предложение по настоящему делу. Напротив того, если бы в Финляндии произошли события, вызывавшие необходимость привести в исполнение угрозу, изложенную в Высочайшем рескрипте на имя Финляндского генерал-губернатора от 7/20 апреля сего года, то есть приступить к коренному преобразованию правительственного строя Финляндии, то на первую очередь, конечно, придется поставить прекращение работ по разграничению общеимперского законодательства от местного. Нельзя, однако, упускать из вида, что удовлетворение ходатайства Сената может успокоительно подействовать на население. В этом отношении

надлежит принять во внимание, что современная смута, имеющая ближайшим и непосредственным источником преступную деятельность отдельных лиц, успела охватить обширные слои населения, которые, вопреки всем заявлениям государственной власти, дают веру распространяемым агитаторами слухам о решимости правительства лишить Финляндию ее автономии. Соответственно сему, наряду с полицейскими и карательными мерами, направленными против агитаторов и лиц, противодействующих государственной власти, следует, по моему мнению, озаботиться изысканием и таких мероприятий, которые, отнимая почву у агитации, могли бы оказать воздействие на массу населения. Достижению указанной цели могли бы, по-видимому, способствовать распоряжения, которые на деле свидетельствуют, что Имперское правительство не только не стоит за теперешнюю неопределенность положения, а, напротив, готово идти навстречу всякой попытке найти удовлетворительный выход из этого положения. С изъясненной точки зрения я придаю удовлетворению представления Сената столь существенное значение, что считаю долгом поддерживать его даже в предвидении того, что попытка Сената может не увенчаться успехом.

По приведенным основаниям и находя, что признание за обсуждаемым делом общегосударственного значения не может служить препятствием к участию в его разработке Финляндских Сената и Сейма, тем более, что участие сих органов в общегосударственном законодательстве положительно предусматривается «Основными положениями» 3/15 февраля 1899 года, я, в первоначально представленном по этому делу всеподданнейшем докладе, испрашивал Ваше, Всемилостивейший Государь, соизволение на приведение в исполнение предположений Сената.

Ныне, ввиду поданной Вашему Императорскому Величеству записки генерал-адъютанта Бобрикова[296], приемлю всеподданнейший долг повергнуть на Высочайше воззрение нижеследующие дополнительные соображения собственно по вопросу о порядке дальнейшего направления настоящего дела.

Представление Сената может возбудить некоторые сомнения по означенному вопросу, ибо, приводя обсуждаемое дело в связь с производящимся ныне пересмотром Сеймового Устава, Сенат как будто предусматривает совокупное разрешение указанных двух дел в порядке местного Сеймового законодательства. Само собою, однако, разумеется, что об этом не может быть речи.

Закон, перечисляющий предметы общегосударственного законодательства, явится одним из тех учредительных актов, коими будет определяться положение Финляндии в составе Российской империи. Такого рода правовые нормы, очевидно, не могут быть устанавливаемы в порядке местного финляндского законодательства, а должны быть облекаемы в форму законов общегосударственных. Порядок начертания и издания последних нормируется ныне «Основными положениями» 3/15 февраля 1899 года. Соблюдение в настоящем случае означенного порядка, конечно, не может почитаться безусловно обязательным. Подобно тому, как «Основные положения» 3/15 февраля были выработаны в Особом совещании из высших сановников империи, точно также и начертание проекта законодательного акта, разграничивающего общеимперское и местное финляндское законодательство, могло бы быть возложено на такое же Совещание, с тем, чтобы заключение последнего непосредственно поступило на Монаршее утверждение. По моему, однако, мнению, веские доводы говорят в пользу направления дела в порядке, установленном февральским Манифестом.

В сем отношении надлежит иметь в виду, что установление точных границ общеимперского законодательства может последовать только после всестороннего соображения дела с самых различных точек зрения, а такая разработка дела, казалось бы, лучше всего обеспечивается соблюдением порядка, указанного в «Основных положениях» 3/15 февраля, которыми к участию в общегосударственном законодательстве кроме Имперских ведомств и высшего законосовещательного учреждения империи призываются Финляндские Сенат и генерал-губернатор, министр статс-секретарь и в некоторых случаях – также земские чины Финляндии.

Затем, применение в сем случае «Основных положений» 3/15 февраля представляло бы то преимущество, что оно с особою наглядностью свидетельствовало бы о неуклонной решимости государственной власти, допустив некоторые частные измены в сих положениях, сохранить незыблемыми основания установленного февральским Манифестом общего для империи и Финляндии законодательства.

Высказываясь вследствие сего в принципе за направление настоящего дела в порядке «Основных положений» 3/15 февраля, я вместе с тем, однако, нахожу, что вопрос о сем не может получить теперь же окончательное разрешение.

Для такого решения необходимо прежде всего располагать более подробными сведениями об основаниях, на которых могло бы состояться предположенное размежевание общегосударственного и местного финляндского законодательства. И, поддерживая ходатайство Сената, я именно имел в виду предоставить ему выработать более полные по этому предмету данные, причем я полагал, что только после такой предварительной разработки дела Сенатом можно будет прийти к определенному заключению об осуществимости его предположения и приступить к начертанию, в порядке общегосударственного законодательства, соответствующего законопроекта.

На основания вышеизложенного приемлю всеподданнейший долг испрашивать Высочайших указаний, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству, не предрешая в настоящее время дальнейшего направления дела, предоставить Финляндскому Сенату разработать и повергнуть на Высочайшее воззрение подробные предположения о делах, имеющих быть отнесенными к общегосударственному законодательству.

Статс-секретарь Плеве

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–5. Типографский текст на полулистах большого формата с воспроизведением формуляра бланка «статс-секретариат ВКФ».

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [1:XVII].

№ 91. Л. Мехелин. Памятная записка о положении в Финляндии, переданная послу Дании в Российской империи графу Бенкендорфу

6(19) ноября 1902 г.

ПМ [промемория]

Положение в Финляндии за несколько лет претерпело серьезные изменения.

До 1899 г. политические волнения здесь были неизвестны. Ход дел был более регулярным. Общественный порядок поддерживался без усилий. Сейм, несмотря на полную свободу своих решений, не был охвачен духом оппозиции, он в целом [а] работал сообща с [а] правительством. Генерал-губернатор и Сенат пользовались у народа большим авторитетом.

Ныне все изменилось. Сильнейшее беспокойство и великое недовольство овладели умами: петиции, адресованные Императору огромным числом жителей Финляндии, тому доказательство. Многочисленные отставки и увольнения высокопоставленных должностных лиц – сенаторов, губернаторов, начальников бюро, членов апелляционных судов – свидетельствуют о ненормальном состоянии управления делами. Полиция была значительно увеличена и, кроме того, в ряде случаев прибегала к помощи русских жандармов и казаков. Периодическая печать попала под железное ярмо. Чрезвычайный Сейм 1899 г. единодушно воспротивился планам военного режима, которые служили предметом обсуждения на его заседаниях. Сейм 1900 г. в петиции Императору принес жалобу на генерал-губернатора, который, по мнению Сейма, дал управлению краем вредное направление. Авторитет генерал-

[а] *Написано от руки над*: оказывал лояльное содействие замыслам.

губернатора сильно пострадал, так же, как и авторитет Сената, который обвиняют в чрезмерном преклонении перед волей генерал-губернатора.

В нынешнем году положение еще ухудшилось. Меры по применению нового военного законодательства 1901 г. встретили сопротивление, возможно, не предусмотренное: муниципальные собрания отказались прислать делегатов в призывные комиссии, а 14 000 молодых людей 21 года, призванных в армию, т. е. две трети от общего числа, не повиновались призыву. Вещь неслыханная в этом краю, где призывам новобранцев по военному законодательству 1878 г. все всегда повиновались должным образом. Не следует игнорировать мотивы такого сопротивления. Дело в том, что закон 1901 г., изданный без содействия Сейма, не признается народом за настоящий закон. Каковы будут средства, к коим прибегнет г. Бобриков для принуждения 14 000 непокорных? Сейчас, когда мы пишем, это пока неизвестно. Зато известно, что большое число молодых людей в этом году покинуло родной край, чтобы уклониться от призыва по новому закону, который обязывает их служить в русских войсках.

* * *

Начало новой политике в отношении Финляндии положили проекты военной реформы и манифест 3/15 февраля 1899 г. Военные проекты разрабатывались комиссиями, учрежденными при Военном министерстве; одного-двух финских офицеров позвали заседать в этих Комиссиях, но, кажется, их советы не возымели на решения комиссий никакого влияния. Манифест 3/15 февраля составлялся на тайном совещании нескольких высших русских деятелей и одного финна, чье мнение не было принято во внимание большинством. Так что справедливо будет сказать, что две названные нами меры суть акты русской политики: правительство Великого княжества никакого отношения к этому не имеет.

Манифест 3/15 февраля создал законодательную процедуру, позволяющую сделать законы ОБЩИМИ для империи и Великого княжества, дабы регулировать таким образом законодательные вопросы, касающиеся интересов двух стран, тогда как ранее вопросы такого рода регулировались ИДЕНТИЧНЫМИ законами, подготавливавшимися путем обмена мнениями между компетентными русскими и финскими властями и затем издававшимися и в империи, и в Великом княжестве.

Эта идея совместного законодательства не была удачно применена в редакции положений, приложенных к манифесту. Там нет никакого ограничения законодательных предметов, которые могут быть подчинены процедуре, устанавливаемой положениями. Определение этих предметов настолько расплывчато, что позволяет распространить новую законодательную процедуру на вопросы, которые в действительности касаются только Финляндии. А бесспорные права Финляндского Сейма ущемляются статьей 5 положений, отводящей Сейму лишь совещательную роль в вопросах, которые, согласно этой процедуре, подлежат рассмотрению Государственным советом империи. Весьма серьезные возражения, высказанные и Финляндским Сенатом, и Сеймом по поводу манифеста и приложенных к нему положений, таким образом, отнюдь не лишены оснований.

Очевидно, что фундаментальные законы Великого княжества отодвигаются в сторону условиями положений. Но, уходя с правового пути, нельзя создать прочных институтов. А в данном случае не сделано даже ПОПЫТКИ реализовать правовым способом предложенную цель. Говорят, со стороны Сейма было величайшей дерзостью сказать Императору, что акты 3/15 февраля не могут рассматриваться финским народом как легитимные. Но любой, кто беспристрастно прочтет эти заявления Сейма, вынужден будет признать, что они проникнуты серьезной искренностью и глубокой убежденностью, не имеющими ничего общего с дерзкой ажитацией оппозиционного собрания. В любом случае, политическая мудрость требовала бы не делать вид, будто впечатление, произведенное на Финляндию манифестом 3/15 февраля, ничего не значит; ибо не в интересах России оставить без всяких изменений закон, чья основная цель не будет достигнута, если не внести в него необходимые изменения. Вековой опыт послужит достаточным руководством при выборе

предметов, которые могут успешно регламентироваться общими для империи и Великого княжества законами. Также внимание Его Величества уже обращено на необходимость определить эти предметы. Как только положения, установленные при содействии Сейма, уточнят сферу совместного законодательства и полномочия Сейма в этом отношении, манифест, измененный таким образом, перестанет быть в глазах финнов актом, угрожающим их конституционным правам.

Что касается военного вопроса, очевидно, что ситуация, созданная мерами 1901 г., совершенно не выгодна России. Финские войска были хорошо обучены и проникнуты наилучшим боевым духом; они расформированы. Преданность финского народа Императору, характерное для этого народа чувство долга, его стремление заслужить доверие Монарха – все это ценные качества, особенно в случае войны. Уверенная в сохранении своих законов и учреждений, чувствующая, именно поэтому, абсолютную солидарность с империей Финляндия в конфликте с европейскими державами служила бы верным щитом России. Но ничем не оправданные акты произвола сделали из нее страну, которая чувствует себя лишенной своих прав, угнетенной, оскорбленной в лучших чувствах. Это сделано не только путем навязывания финнам незаконного военного порядка, не соответствующего их нравам и национальным идеям, но и путем их подчинения в течение четырех лет нестерпимому режиму, олицетворяемому нынешним генерал-губернатором.

Конечно, Россия достаточно могущественна, чтобы сломить любое сопротивление финского народа посылаемым ему указам. Россия может направить в Финляндию достаточно войск, чтобы обследовать села и леса и выловить непослушных призывников, которые не спаслись посредством эмиграции. Можно даже ввести там военное положение силами русского оружия, дабы г. Бобриков осуществлял террористическую власть, которой он требует, и которая позволит ему хватать финских патриотов и ссылать их в Сибирь.

Но действительно ли в интересах великой России так свирепствовать против маленькой Финляндии?

Она обеднеет, потеряв из-за эмиграции молодежи большую часть самых крепких своих работников*[1]. Она также обеднеет вследствие режима, который уничтожит всякую веру в будущее и, тем самым, всякий дух предприимчивости. Уровень ее интеллектуальной культуры понизится из-за высылки наиболее умных людей. Выгода, которую получит Россия от всего этого, – заметное уменьшение ее экспорта в Финляндию и не менее заметное возрастание ее государственных расходов, поскольку насильственные меры требуют много денег, а в конечном счете успешное насаждение в сердцах финнов чувств ненависти и злобы.

Люди, которые инспирировали акцию, предпринятую против Финляндии, и руководят ею, не думали о моральной стороне такой политики. Видимо, их доктрина такова, что сила превыше права, а величие состоит в попрании прав слабых. Однако эта доктрина столь же ложная, сколь пагубная. Правительство большой страны должно быть сильным, спору нет. Но оно должно пользоваться своей силой для сохранения и защиты законных прав – никак не для их уничтожения. Все, чего просит Финляндия, – сохранить права, торжественно ей гарантированные. В Финляндии не было ни мятежей, ни заговоров, ничего, что оправдывало бы угнетательскую политику, от которой она страдает четыре года. Эта политика воистину не способна укрепить узы, связывающие Финляндию с Российской империей.

Есть, однако, правило, которое следовало бы соблюдать даже тем, кому безразличны требования морали. Это правило, практическую ценность которого демонстрировала история во все времена и во всех странах и которое гласит, что не нужно пускаться в политические предприятия, более или менее неосуществимые.

Тем не менее именно это сделали в отношении Финляндии.

---

*[1] Число эмигрировавших через порт Ханко в 1899–1901 гг. составило от 10 600 до 12 600 чел.; в 1902 г. к 1 октября оно достигло 17 200 чел. За 1891–1898 гг. в среднем эмигрировало всего 3378 чел. (*Прим. док.*)

Основные меры, характерные для новой российской политики в отношении Финляндии, имеют целью русификацию финского народа. Между тем эта цель неосуществима. Две силы противостоят ей: стойкость рас – финской и шведской, составляющих финскую нацию, и степень цивилизованности, какой уже достигла эта нация. Можно сделать финский народ несчастным народом, народом-мучеником – но нельзя смешать его с русским народом.

Начали заменять финляндские законы законами, изготовленными в С.-Петербурге и вдохновленными прежде всего г. Бобриковым. Это не получится, разве что поверхностно. У того, кто знает Финляндию, нет никаких сомнений в том, что финны сберегут в сердцах культ собственных законов – законов, которые являются плодом основательной народной эволюции, происходившей в течение столетий. Традиционные идеи этого народа касательно политической и социальной организации, прав и обязанностей граждан преобразовать не удастся.

Здесь уместно отметить одну странную черту, также характерную для нынешнего режима. Манифест 3/15 февраля 1899 г. дал понять, что принятый в Финляндии законодательный порядок останется в силе для всех вопросов, касающихся только внутренних дел Великого княжества, тогда как вопросы, затрагивающие также интересы империи, будут рассматриваться в соответствии с положениями, приложенными к манифесту. Тем не менее несколько законодательных актов, принадлежащих к первой категории, например, от 20 сентября 1902 г., изданы без учета законодательного порядка, установленного основным законом. Они издавались не по положениям 3/15 февраля 1899 г., это исключительно финляндские законы, но притом они приняты без содействия Сейма, каковое обязательно для законов подобного рода. Таким образом, они составляют особую категорию; это законодательство, не отвечающее ни конституции Великого княжества, ни декларациям манифеста 3/15 февраля.

В Финляндию хотят направить русских должностных лиц, даже не требуя от них знания языка и законов края. Что хорошего это даст России? Лишь рост недовольства финнов, которым присутствие этих должностных лиц все время будет напоминать, что правительство желает положить конец их национальному существованию. А еще это способ испортить отношения между русскими и финнами.

* * *

Любое расследование, имеющее целью уяснить преимущества, извлекаемые Россией из нового режима, которому подчинена Финляндия, покажет сугубо отрицательный результат. Прежде всего очевидно, что кризис, постигший Финляндию, хоть и не причиняет прямого вреда собственно в рамках внутреннего управления империи, но и пользы никакой не приносит. Что же касается общих интересов всей Российской империи, то следует заметить, что режим, который заставляет страдать одну, некогда счастливую часть этой империи, а именно Финляндию, – безусловно режим неправильный: он не заботится об общих интересах в истинном смысле слова. Процветанию России никак не способствует политика, задерживающая развитие Финляндии. Очевидно также, что высокое положение Российской империи в международной политике не будет больше ни высоким, ни прочным, если будет уничтожена автономия Финляндии в тщетных попытках задушить ее национальный дух.

* * *

Наблюдения и мысли, кратко изложенные в этих заметках, неизбежно ведут к заключению, что правильно понятые интересы России отнюдь не требуют продолжения режима произвольного угнетения Финляндии, а требуют, напротив, возврата к тем принципам, которые на протяжении XIX века господствовали в актах русского правительства относительно Финляндии.

Такой возврат можно совершить без шумихи, без лишнего дезавуирования образа действий последних лет. Но есть две безотлагательные меры, которые обязательно необходимы при желании начать эру примирения.

Первая – назначение на место генерал-губернатора человека, достойного представлять Императора и Россию в Финляндии. Если желательно руководить управлением Финляндии с мудростью и умеренностью, в том духе, который внушит финнам уважение и вызовет у них доверие, то невозможно оставить пост генерал-губернатора в руках г. Бобрикова.

Другая мера касается должности статс-секретаря Финляндии. Интересы России не могут требовать, чтобы основными положениями финляндской конституции пренебрегли, доверив эту должность русскому. Будучи обязан обсуждать с компетентными министрами империи все финляндские дела, затрагивающие интересы России, и представлять Императору с докладом о таких делах рекомендации этих министров, министр статс-секретарь не сможет злоупотребить своим положением, дабы представить вещи в неверном свете, в ущерб России. Если есть желание усмирить кризис и возродить в Финляндии доверие и спокойствие, одно из основных условий этого – назначение финляндца на пост статс-секретаря Великого княжества.

Для восстановления нормального положения в крае необходимо также будет изменить состав Сената Финляндии, в нынешнем своем составе Сенат утратил всякий престиж по причине слабости, которую он выказал перед г. Бобриковым. Число сенаторов – десять по Департаменту юстиции и десять или одиннадцать по Административному департаменту. Из 21 сенатора в общей сложности не менее семнадцати вынуждены были покинуть посты с лета 1900 г., не желая оказывать содействие незаконному режиму. Эти семнадцать сенаторов, и даже прокурор Сената, были заменены людьми по выбору г. Бобрикова. Новый генерал-губернатор не найдет у этих сенаторов помощи, каковая понадобится ему, чтобы исправить зло, причиненное за последние годы. Следует предусмотреть, что он представит Императору новые кандидатуры на посты сенаторов, после того как познакомится с людьми, которых можно будет иметь в виду для этого. А тем временем было бы полезно уполномочить генерал-губернатора собрать комиссию, члены которой будут избраны из лучших людей, зарекомендовавших себя в Сейме, чьей задачей будет разработка планов необходимых мер для урегулирования нынешнего кризиса. Затем эти планы должны пройти официальные инстанции и быть проверенными высшими русскими сановниками на предмет их соответствия интересам империи, прежде чем будут представлены Императору.

В минувшие времена никто не отклонялся от правила, согласно которому ответственность за любые меры, касающиеся интересов Великого княжества, возлагалась на финляндцев. Русские должностные лица, в сущности, не зная Финляндии и не имея времени изучить ее законодательство и историю, неизбежно рискуют совершить серьезные ошибки при подготовке проектов, которые должны относиться к компетенции финляндских властей. Опыт последних лет достаточно это продемонстрировал. Недоразумений и осложнений можно будет избежать, соблюдая в будущем вышеупомянутое правило.

НАФ. Лео Мехелин. Личный архив. Папка 92. Машинопись с правкой черными чернилами (на французском языке) на листах полутонкой бумаги.

Опубл.: Adolf Törngren. På utländsk botten: Från Finlands författningskamp åren 1899–1914. Helsingfors. 1930. P. 329–334 (на шведском яз.).

№ 92. Высочайше утвержденное положение Военного совета об учреждении управлений окружных воинских начальников в Финляндии

16(29) декабря 1902 г.

Высочайше утвержденным 16 декабря 1902 года положением Военного совета определено:

1. Ввести в действие прилагаемый при сем штат управлений окружных воинских начальников в Финляндии.

2. Учредить по сему штату Управления окружных воинских начальников: среднего разряда в городах Гельсингфорсе, Тавастгусе и Николайстаде и низшего разряда в городах Або, Бьернеборге, Выборге, Сердоболе, С.-Михеле, Куопио, Иоэнсу, Ювяскюле, Улеаборге и Брагестаде.

(Приложения см. в конце тома.)

Опубл.: СУ. 1903. 7 февраля. Отд. I. Ст. 198; ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 1. 1902. СПб., 1904. Ст. 22296.

№ 93. «Финляндский народный катехизис»

Не позднее 31 декабря 1902 г.
Извлечение

«Финляндский народный катехизис» составлен в вопросах и ответах
Напечатан в Стокгольме, в типографии О.Л. Сванбека в 1902 году
На заглавной странице имеется цитата:
«Господь убереги нашу страну!
Другого нам ничего не нужно»

– В чем состоит дурная политика? Во всех тех действиях, которые ведут к разрушению законов отечества.

– Как следует соблюдать хорошую политику? Всегда необходимо придерживаться только тех законоположений, которые утверждены Сеймом.

– Как следует издавать законы в Финляндии? Государь, совместно с Сеймом, устанавливает финские законы. Государь, Великий князь, правитель, но все же народ управляется самим собою. Так должно было бы быть!

– Разве у нас, в действительности, нет самоуправления? Теперь больше нет! Государь, самодержец, Государь, Великий князь, совершил насилие против наших основных законов и затоптал ногами все повеления!

– Как это могло случиться? При содействии негодных, преступных слуг!

– Кто они такие? Члены нашего внутреннего правительства.

– Разве конец общего разрушения финских законов так близок? Да, решай сам! Раньше ты законы для себя сам издавал – теперь настало другое время! Раньше ты свободно мог говорить под защитою своих законов – теперь за это наказывают! Раньше ты мог говорить на своем родном языке – теперь везде слышится чужой язык! Раньше тебя судили судьи, которых нельзя было устранить, ежели они соблюдали закон и правду – теперь невинно могут тебя посадить в тюрьму задариваемые, низменные должностные лица! Раньше ты один торговал в своей стране дозволенным товаром – теперь же устраняют тебя алчные чужестранцы! Раньше защищали страну собственные сыны страны – теперь проживают в украденных у нас казармах чужие войска. Раньше у нас процветала правда и честность – теперь же открылся прямой путь для лжи и закононарушения!

...Запечатлей прежде всего в своей памяти очертания Иуды, помни его не только дома, но и в дороге, когда ложишься спать и когда встаешь со сна.

Приобрети себе фотографию изменника для того чтобы при встрече его поступить с ним, как сказано будет ниже.

ГЛАВА I
Об изменниках

– Если встретишь изменника, не давай ему дороги, пусть он тебе даст дорогу, так как ты имеешь право ходить свободно, а он стоит вне защиты страны.

– Ежели от этого произойдет ссора, то призови полицию и скажи ей, что имеешь дело с изменником отечества, которого нужно было бы арестовать.

– Не кланяйся изменнику, если даже и был с ним раньше знаком и считался его другом, не окажи ему эту честь, ибо низок тот, кто изменил отечеству!

– Требуй, чтобы изменника изгоняли из публичных мест, как то: гостиных и столовых гостиниц, музеев, выставок, концертов, театров, собраний, аукционов, пароходов и пристаней.

– Если ты в путешествии, то требуй, чтобы изменник был изгнан из твоего вагона, и старайся повлиять в том же духе на других путешественников, пусть же изменник останется в отдельном вагоне.

– Избегай всяких денежных дел с изменником. Никогда не дисконтируй его векселя, не одалживай ему денег, не поручайся за него, не закрепляй за ним имущество, не покупай и не продавай ему никаких ценных бумаг и акций и т. п.

– Постарайся подействовать на прислугу, чтобы она не прислуживала изменнику, хотя бы он платил бы даже дороже других. «Один он долго не посмеется!» (поговорка).

– Ежели изменник твой начальник, то избегай всего, что не касается службы; на его привет не нужно отвечать, ибо «Радость собаки в хвосте!» (поговорка).

– Не унижайся чтобы просить покровительства у изменника, ибо «Лучше вода от брата, чем пиво от чужого» (поговорка).

– Никогда не ищи, хотя бы под защитою закона и правды, должности, денежной помощи, экстренной пенсии, когда твои соперники имеют больше шансов на эту должность (намек на представление соискателями свидетельства о знании русского языка); в особенности не проси этого у изменника. «Многие булки красивые с виду, все же начинены отрубями!» (поговорка).

– Не следует тебе участвовать при похоронах изменника, ежели бы его даже никто не провожал, потому что дурная память об нем его всегда будет сопровождать, держа терновый венок в высохшей руке.

– Нужно забыть, что он когда-либо занимал пост при управлении краем и на вечные времена нужно его причислить к изменникам отечества. Ежели ты невежливо отнесешься к епископу или губернатору, которые не честно служили родине, то это только твое право честного человека; ежели ты поступишь иначе, то ты сам являешься изменником.

Изменниками называются те лица, которые занимают высокое общественное положение и в решающий момент отступили и содействовали ухудшению хода отечественного дела. К ним мы причисляем всех тех сенаторов, в особенности прокуратора страны, гофгерихтских президентов, епископов и губернаторов, которые по отношению отечества упустили из виду свою обязанность. Всех прочих мы причисляем к группе помощников и посвящаем им главу.

Помощники бывают трех родов:

а) Такие авторитетные лица, которые замечены, что они в своих мнениях и действиях солидарны с изменниками, будут занесены в черную книгу.

б) Такие лица, которые еще под наблюдением и надзором. К этой группе, или категории *сволочи* (курсив подлинника), принадлежат те, которые словами и делом стали на сторону изменников, поэтому гражданам следует обращаться с ними таким же образом, как они обращаются с их более властными господами, изменниками.

в) К последней группе или категории *прохвостов* (курсив подлинника) принадлежат те ненадежные лица, которые уже выказывали симпатию к заблуждениям, но которые все же не нарушили окончательно закон и постановления.

ГЛАВА II

– Лиц без твердого характера и поддающихся соблазнам властных не следует выбирать в доверенные должности, как то: на должности общинных и городских уполномоченных и вообще во все гражданские административные учреждения и т. п.

– В те частные школы, учителя которых не смеют открыто высказывать свои политические взгляды, тебе не следует посылать детей; в тех же правительственных учебных заведениях, где непатриотизм или незаконные мнения уже получили место, нужно тебе при содействии училищного совета постараться заставить переменить беспорядок.

– Того директора или школьного инспектора, который в партийных интересах уговорит, или посредством угроз заманит школьников на незаконный путь, следует сейчас же отметить прохвостом; такого директора нужно опасаться, он «волк в овечьей шкуре».

– По отношению выбора газет, ты должен быть очень строг; тебе не следует выписывать и держать дома таких газет, как, напр., «Uusi Suometar», «Uusi Aura», «Wiipuri», «Kotkan Sanomat» и другие, взгляд которых преступен, общественная мораль плоха, а образ действия в политическом отношении отравлен. Если ты обладаешь акциями этих газет, то постарайся их сбыть.

– Тебе следует стараться отвратить финский народ от чтения газеты «Uusi Suometar», которая ведет нашу свободную Финляндию к погибели.

– Что же касается до чужестранных купцов, которые у нас на основании незаконного постановления повсюду в крае производят торговлю, а равно тех русских торговцев, которых ныне так много расплодилось на гельсингфорском рынке и на площадях, то тебе не следовало бы иметь с ними никакого дела. Особенно на все это обратить особенное внимание наших школьников. Проходи ты, школьник и школьница, мимо его, щекочущих ваши нервы, яблок и мороженого, а вы, хозяйки, прекратите покупать у этих грязно-сальных восточных пришельцев.

– Если твой ленсман, коронный фохт, пастор прохвосты, то и в обыденных жизненных условиях не угождай им, а у доктора, если он той же масти, не ищи помощи.

– Если твой пастор прохвост, то ходи в церковь соседнего прихода, так как тебе мало пользы слушать проповеди о почитании властных в месте Господнем.

– Старайся быть независимым от своего ленсмана, если он принадлежит к числу прохвостов.

– Ты не должен от русских коробейников покупать их хлам, а равно им ничего не продавать. Этим способом их вернее всего можно прогнать из нашей страны.

– Не давай им ни пищи, ни ночлега, а гони их на улицу, так как эти восточные гости не заслуживают иного обхождения!

– Не арендуй чужестранцам, а тем более изменникам и сволочам, твой лес для охоты, воду для рыбной ловли.

– Пред должностными лицами не унижайся, не снимай шапки, если у обращающегося к тебе господина шапка на голове, хотя бы он был сам губернатор. В помещении ты все же должен в честь хозяйки снять шапку, хотя бы этого не исполнил губернатор.

– Если твой губернатор или другие чиновные лица чужой национальности, то ты все же настойчиво требуй, чтобы они тебе угождали, как и раньше, на твоем родном языке согласно закона, выработанного с соизволения Государя, членами Сейма. Не подчиняйся угрозам восточных господ – они против пассивного сопротивления ничего не в силах сделать, ибо: «Птица не летит выше, чем ее крылья подымают» (поговорка).

– В своем доме ты хозяин, не позволяй ленсману или губернатору, еще менее русскому чиновнику, вторгаться в твою хату, слуг князя, как бы высоко они не стояли, тебе все же не следует просить, ибо ты король в своем помещении, а твой дом твоя крепость.

– Действуй сам открыто и решительно, не подавай ни малейшего повода к предположениям, что ты игнорируешь постановлениями, действуй точно и соответственно с ними, а против точного закона и постановления не ищи ВЫСОЧАЙШЕГО благорасположения – в этом польза отечеству, а тебе честь!

– Не гонись за чинами или орденами, в наше время утешительнее, если домогательство к получению подобных мишурных украшений осуждалось бы. От чего же многие патриоты сами величают себя и еще другим разрешают величать себя сенаторами, когда они уже давно вышли из этой преступной корпорации? Бросьте употребление слова сенатор! Не к чести вам называться этим именем наравне со званием изменника.

– Если ты в движении и в дозволенной работе, то не позволяй чиновному лицу беспокоить тебя, не прекращай съезда собрания, лекций, концерта, если не случится что-либо противозаконного, хотя бы он тебе угрожал насилием, но предложи ему лишь убраться.

– Особенно при общинных, ратгаузских и других заседаниях следует тебе твердо требовать, чтобы свобода слова на них уважалась; ленсману и прочим его подручным не позволяй вмешиваться в дела, а требуй их удаления.

– Ты, гражданин, не должен бояться и сомневаться в употреблении тех привилегий и прав, которые тебе утверждены клятвой и предоставлены законом. Ты пользуешься законным собранием и свободным словом, а не насильственными ограничениями, а потому употребляй это право бесстрашно!

– Прохвост тот ленсман и полицейский, которые нарушают эти основозаконные принципы; если они это делают по глупости, то их следует образумить, но если они действуют в угоду насильственному правительству, то с ними следует покончить всю любовность и привлекать к законной ответственности.

– Необходимо, чтобы наши власти прекратили бы бесчинства, которые происходят во время прогулок русских войск, так как они во время прогулки мимо мирных домовладельцев позволяют себе горланить свои безнравственные песни.

– Городскому начальству следует также настойчиво требовать, чтобы городские площади и рынки не уступались бы русским войскам для обучения солдат, что во многих местах случается. Этот слабый надзор вообще порицаем. Прохвост то начальство, которое не принимает меры к устранению подобного уличного и домашнего нарушения.

– Ты, городской гражданин, управляй своим любопытством, особенно по отношению войсковых и православных церковных представлений; не ходи смотреть солдатские марши и церковные парады, будь настолько просвещен, чтобы не обращать внимание на подобные зрелища. Докажи, что ты игнорируешь подобною наружною прелестью, которая тебе не по душе, ибо: «Значительное кажется еще значительнее, когда на это смотрит народ» (поговорка).

– Ввиду неспособности наших внутренних правителей, которые не сопротивлялись, а объявили последние повеления, вся наша надежда сосредоточена на судей нашей страны. Если ты судья в Финляндии не отступай от закона, защищай его, держи его свято и в самые трудные минуты дай твоему народу твердую якорную стоянку, за что он может зацепиться. Ты будешь устранен – хорошо! Но если пойдешь на службу к врагам, то ты все же будешь устранен, хотя несколькими месяцами позже. Что же после этого разумнее? Упорствовать или повиноваться? Упорствовать! Так как ты упорствуешь против ложного и лукавого правительства! а потому ты, финляндская судебная корпорация, встань как один человек на защиту нашего закона и на главу свою сплети лавровый венок, вечный в летописях Финляндии! Надейся на Бога – он источник и закон.

Прохвост и тот, который высказал свою лояльность тем, что не подписался под массовыми адресами, чтобы этим выдвинуться.

– Гражданин, помни о подвигах твоих праотцев. Чаще рассказывай народу и сам читай: о героях прапорщика Столя, сочинения Топелиуса[297], Тегнера[298], Сигнеуса[299] и Снельмана, почерпни в них для своей души благородные чувства и, даст Бог, этим укрепишь свой патриотизм.

– Ты должен лично принимать участие в патриотических предприятиях и даже, при надобности, помогать денежными взносами, чтобы наше право не могло бы рухнуть.

Многие граждане смешивают антагонистов собственной страны или изменников с их подручными «чужестранцами с востока», поселившимися у нас за последнее время, и которые также, наверное, одобряют учение изменников – но это в сущности неверно. Так как эти пришельцы вообще не знакомы с нашими положениями, их жизненный кругозор совсем иной, они не знают ни нашего языка, ни закона и от этих чужестранцев нельзя и требовать той же ответственности, как от наших мужей. Поэтому не смешивай чужестранцев с нашими мужьями! Но когда эти чужеземцы поступают также как изменники, то они, с своей стороны, ответственны и наказуются бойкотом, а потому:

– с подлым чужеземцем, который действует против своей совести, нужно обходиться как с прохвостом,

– в разговоре с чужеземцем будь осторожен, не доверяйся им слишком.

– Никогда с этими восточными пришельцами не входи в подозрительные сделки, все это следует избегать во имя чести своей страны.

– Если ты заводчик, фабрикант, оптовый торговец и т. п., то не унижайся для собственной выгоды вступать в сделку с восточными соседями, это умаляет наши принципы и направлено против финляндского закона и постановлений.

– Не ищи должности или повышений, если тебе для этого нужно отступить от дарованных тебе прав – лучше быть мужем свободного языка, чем подчиненным насилия.

– По отношению восточных соседей научись придавать вес их мыслям и познавай их сердца, тогда их слова тебе не страшны, а перед их действиями тебе не нужно будет преклоняться.

– Если ты любишь родину, то никогда не получай путевое пособие для изучения русского языка. Прохвост тот человек, который протягивает руку к подобным деньгам. Но таких в настоящее время много!

– Главное, гражданин, не сомневайся – ночь не столь длинна, чтобы не показался рассвет.

– Надежда еще впереди, смерть не страшна, когда имеются средства для спасения.

– Крепко верь в то, что Финляндия еще раз, как неоднократно и раньше, сделается свободною и облагороженною от нынешнего гнета.

– Это может случиться только тогда, когда финский народ теперь же накажет законным порядком и немедленно тех, которые допустили заключить нас в цепи.

– Читай поэтому прилежно народный катехизис, соблюдай в ежедневной жизни его советы и руководства. Они не построены на сыпучем песке – а их писал опыт и отечественная любовь.

– А в заключение ты, лояльный мой соотечественник, преклони совместно со мною колени пред твоим и моим всемилосерднейшим небесным Отцом, Господом Богом и молись о защите нашей родины, где дома разрушены, жены украдены, дочери посрамлены, сыновья застрелены; когда же крыша твоего жилища поломана и когда ты все потеряешь, то у тебя все же останутся двое: Господь Бог и родина.

– Бог, да убережет нашу мать-родину! Мы знаем, что мы много потерпели. Сирота никогда не получит впредь теплую материнскую доброту, как бы неустанно он ее не искал по всему миру.

Бог да защитит родину!

Аминь! Аминь! да совершится так!

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2352. Типографский текст на ¼ листа, сшитых в брошюру.

Опубл.: Suomen kansalaiskatkismus: esitettynä kysymyksissä ja vastauksissa. O.L. Svanbäck 'in kp 1902 (на финском яз.).

№ 94. Из «Памятной записки противоправительственного движения в Финляндии в 1902 году». Раздел «Толки о восстании»

31 декабря 1902 г. (13 января 1903 г.)
Секретно

Памятная записка противоправительственного движения в Финляндии в 1902 году

Содержание

I. Противодействие призыву 1902 года.

II. Агитация в обществах и собраниях.

III. Агитация духовенства.

IV. Агитация школы.

V. Агитация университета.

VI. Агитация в литературе.

VII. Содействие агитации со стороны почты, таможни и цензуры.

VIII. Противоправительственная деятельность отдельных лиц.

IX. Толки о восстании.

Примечание. Материалом для составления ниже помещенного перечня послужили донесения Нюландского, Тавастгусского и вновь назначенного Выборгского губернатора, начальника Финляндского Жандармского управления и переписка Канцелярии Финляндского генерал-губернатора, причем были использованы лишь сравнительно немногие на выдержку взятые факты из массы подобных. [...]

IX. Толки о восстании

Возможность подготовки восстания заставляют подозревать:

А. Сбор денег с преступными целями.

I. С некоторых общественных платных гуляний сбор получил неизвестное назначение, а, по негласным сведениям, он поступил в так называемый «патриотический фонд». Такие гулянья состоялись в Выборге, Фридрихсгаме, Котке и многих других городах и деревнях.

II. Сбор денег в так называемую «Sotakassa» (Военная касса*[1]) производился:

а) в Выборге, в банках Северном и Союзном, во всех организованных обществах и у гг. Вольфа, Хейкеля[300] и Фразера (по подписке);

б) в окрестностях Борго (Нюландской губернии) – гг. Бакманом и Царас;

в) в окрестностях селений Свартбек и Шельвик (той же губернии) – приказчиком Сумбергом;

г) в гг. Куопио и Котке (сборщики не выяснены).

д) в Таммерфорсе – кондуктором Пюман;

е) в Ганге сбор произведен в городском клубе (не менее 10 марок с каждого лица);

ж) в Торнео – ректором местной школы Нурдбергом[301];

з) по негласным сведениям – некоторыми пасторами под видом кружечного сбора;

и) в г. Фридрихсгаме сбором денег заведует уездный врач Хорнборг, лично доставляющий эти суммы в Гельсингфорс;

к) в селении Инкеройс отставной ротмистр Туландер собрал до четырех тысяч марок в окрестных деревнях.

Примечание. В «Sotakassa», по слухам, перечислены все негласные экономические суммы расформированных финских войск. К октябрю 1902 г. фонд этот достиг, как говорят, 28 миллионов марок.

III. По негласным сведениям, с началом восстания все чиновники, заведующие казенными кассами, в том числе и 8 губернских казначеев, сдадут хранящиеся у них деньги лицам, заведующим «патриотическим фондом».

IV. В последнее время всевозможные сборы денег легко производятся под прикрытием помощи для голодающих.

V. 19 августа / 1 сентября, 6/19 сентября и 12/25 сентября в помещении общества «Друзей шведской образованности»*[2] обсуждался отчет о состоянии собранных в текущем году денег в «патриотический фонд». Общую сумму его отчет определяет в 10 милл. марок, при-

*[1] Предназначенную, по мнению бывшего Выборгского губернатора генерал-маiора Рехенберга, для пособий уволенным в отставку финским офицерам, но действительное назначение которой нока не выяснено. (*Прим. док.*)

*[2] См. выше, гл. V отд. II-го на С. 11–12. (*Прим. док.*)

чем деньги эти хранятся в банках Стокгольма и Берлина, а общество располагает 15 тысячами марок на текущие расходы*[3].

Б. Заготовка оружия и боевых припасов.

I. Во всех оружейных магазинах за последнее время бо́льшую часть товара составляют немецкие магазинные ружья. Всюду выставлены на окнах пачки патронов, боевые патронташи. Замечено, что магазины посылают агентов по деревням, где предлагают поселянам оружие на самых льготных условиях, – до 1 марки ежемесячной платы, причем оружие исключительно нарезное. Число самих магазинов заметно увеличилось, что указывает на увеличившийся спрос.

II. Слухи о ввозе оружия.

а) Впервые слухи о ввозе оружия из Швеции и Англии и об организации тайных складов распространились настойчиво в июне 1900 г., но затем замолкли.

б) о ввозе оружия и военных припасов через шведскую границу, «чтобы разгромить Россию», снова начала сообщать в январе 1902 г. финская газета, издающаяся в Америке.

в) На острове Кренгольм близ г. Ганге, а также в имении барона Таубе

«Прест-кюля» заподозрены склады оружия.

г) На чугунно-литейном заводе Хегфорс состоялся съезд окрестных помещиков и интеллигентов в присутствии рабочих. Речи велись о необходимости отрядить доверенное лицо для закупки оружия за границею. Склад оружия – в д. Холлола-Лахтис и на самом заводе Хегфорс.

д) Заподозрена доставка ружей пароходами через Ганге под видом ящиков с американскою свининою.

е) На народном гулянье близ Николайштдтата барон Тропль советует рабочим запасаться оружием.

ж) Увеличилось число вагонов с взрывчатыми материалами, двигающихся от гор. Ганге.

з) Заподозрена перевозка 400 ружей финским студентом в Финляндию через шведскую границу близ Торнео.

и) Слухи о перевозе ружей в тюках хлопка; в Таммерфорсе подозревается хранение 10 000 ружей и револьверов, в том числе много дальнобойных.

й) Слух о существовании склада оружия близ казарм бывшей запасной № 27 роты у д. Орпвеси; винтовки якобы зарыты в землю в саду крестьянина Антила.

к) 2 ноября 1902 года возник слух о том, что ввоз оружия якобы приостановлен до зимы, когда он будет закончен маленькими партиями на ручных санках по льду Ботнического залива (доклад Ю. Пюлькинена в Абосском обществе «друзей шведской образованности»).

л) 13 ноября 1902 г. жандармский унтер-офицер Чаадаев в Выборге слышал разговор рабочих (около 40 ч.) о предстоящем восстании, причем говорилось о заготовленном в разных пунктах Финляндии оружии; на вопрос Чаадаева, как провезено последнее, спрошенный отвечал, что оружие доставлено на датском пароходе в разобранном виде: стволы в водопроводных трубах, а приклады среди листового свинца; по словам датских матросов, уже до 25 тысяч ружей ввезено через Або, Гельсингфорс и Або-Бьернеборгскую губернию.

м) В приходе Польвиярви каждый крестьянин обзавелся ружьем (в том числе много берданок).

н) В г. Иоэнсу у торговца Питю – целый склад ружей разных систем.

о) Одно официальное лицо под влиянием излишне выпитого вина призналось агенту, что в августе месяце ввезено до 10 000 Маузеровских ружей, и что ввоз продолжается, но от дальнейших расспросов отказалось.

п) Учитель народной школы Сало внушил ученикам, что всем им нужно уметь стрелять, ибо скоро Финляндия с помощью Швеции, Норвегии и Англии восстанет против России;

*[3] Оказывается, судя по тому же отчету, что Стокгольмский агент растратил 4000 марок и не мог представить оправдательных документов. Это вызвало командировку в г. Стокгольм особого ревизора. (*Прим. док.*)

оружие и другие боевые припасы якобы уже заготовлены и до поры до времени хранятся зарытыми в землю, а дальнейший ввоз продолжается.

р) В заседаниях общества «Друзей шведской образованности» в г. Або 6/19 и 12/25 сентября*[4] происходил доклад некоего Бергбума о ввозе оружия и о том, как надлежит его хранить. Главное заведование доставкой оружия сосредоточено в Гельсингфорсе, в Улеоборге (заведующий Бергбум) и в Николайштате (еще не выяснено, кто заведующий). В Стокгольме имеется особый отправитель (прежде Левинг, теперь предположено избрать другое лицо). Для изучения способа хранения ружей в земле был командирован за границу бывший командир финской № 4 запасной роты, отставной капитан барон Ребиндер; по его совету остановились на покрытии ружей густым слоем мыла, обворачивании в особую, пропитанную бумагу, после чего каждые 6 винтовок укладываются в особые ящики, предварительно обернутые в толевые листы.

Г. Бергбум тут же демонстрировал 9 ручных бомб, начиненных динамитом, а также упомянул об изготовлении пироксилиновых патронов бывшими финскими офицерами.

В том же заседании сообщалось о водворении в край взрывчатых веществ в холщевых мешках вместе с искусственным удобрением. Последняя партия сплавлена вверх по рекам Пюхяноки и Каланоки (Улеоборгской губернии). Винтовки перевозятся большими партиями на мелких парусных судах.

с) Имеются сведения, что с ведома и при участии финских властей весною и летом на пароходах из-за границы в города Гамла-Карлебю и Якобштат доставлено несколько сотен винтовок под видом разного товара. Распоряжался этим начальник местного отделения Союзного банка Лаббарт, заведующий одним из складов оружия.

т) Во многих местах г. Николайштадта удалось подслушать разговоры, что на островах около города имеются склады оружия.

у) Деятельность таможни содействует доставке оружия, особенно благодаря транзитным отправлениям.

В. Обучение населения стрельбе и военным эволюциям. Подготовка кадров.

Все пожарные общества по воскресеньям стали повсеместно заниматься военными эволюциями.

Сердобольская семинария под видом уроков гимнастики устраивает на плацу резервной роты учения, следуя по улицам города под звуки Бьёрнеборгского марша.

Все общества молодежи за последние два года занялись упражнениями в стрельбе, которая производится на призы.

В финской газете «Калева» 4 ноября напечатан отчет о такой стрельбе в различных приходах Улеоборгской губернии. То же наблюдалось в Тавастгусе.

Некоторые учителя народных школ стали обучать стрельбе даже школьников, убеждая в необходимости ныне каждому финну быть стрелком.

На деньги «патриотического фонда» идет эмиграция в Англию и Швецию, где эмигранты поступают на обучение в войска, с целью затем составить кадры для восстания*[5].

---

*[4] См. выше, гл. V отд. II-го на С. 11–12. (*Прим. док.*)

*[5] Поступившие в шведские войска для обучения военному делу финляндцы разделяются на 2 категории. Первая категория в числе 600 человек зачислены якобы в шведские войска на 3 года, проходят унтер-офицерскую программу обучения и производятся в это звание по выдержании установленного испытания, которое имеет быть в г. Кальмар при унтер-офицерской школе.

Довольствие всякого рода они получают от королевского правительства; из финляндского же тайного «патриотического фонда» им отпускается по 300 крон в год (около 120 р.). По окончании экзамена им единовременно будет выдана сумма в 700 крон, а наиболее нуждающимся из сумм того же тайного фонда будут приобретены торпы на берегу Ботнического залива в Финляндии с обязательством возвращать стоимость торпы фонду.

Вторую категорию составляют лица, получившие среднее или высшее образование, коих в настоящее время имеется около 230 человек. Эти лица зачислены в шведские войска на правах вольноопределяющихся на два года, и они готовятся к офицерскому званию. Проходят они службу в войсках,

В случае восстания для участия в нем намерены вернуться также и эмигранты из Америки.

При организации стрелковых обществ инструкторами приглашаются офицеры упраздненных батальонов. Ружья употребляются преимущественно военные, Маузеровские.

Слухи о переходе многих бывших финских офицеров (особенно драгун) на службу в Швецию*[6].

Постоянные разъезды бывших финских офицеров по Финляндии без оплаты пассажирских билетов.

Г. Слухи и толки о возможности восстания. [...]

Пометы: на 1 странице над текстом карандашом: Придется еще добавить извлечение из так называемого катехизиса.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 843. Л. 41, 56 об. – 57 об. Типографский текст на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь (С. 1, 30–34).

№ 95. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Высочайше утвержденные инструкции: А. Финляндскому генерал-губернатору и Б. Помощнику его»

13(26) марта 1903 г.

Государь Император по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского в присутствии Своем в Царском Селе 13(26) марта 1903 года Высочайше повелеть соизволил:

I. В отмену Высочайше утвержденной 31 января (12 февраля) 1812 года Инструкции Финляндскому генерал-губернатору, а также в изменение, дополнение и отмену других подлежащих узаконений ввести в действие прилагаемые при сем Инструкции Финляндскому генерал-губернатору и его помощнику.

II. Отменив §§ 3–12, 14–19, 21 и 23–25 Высочайшей инструкции 7 апреля 1884 года (н. ст.) для Канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского.

А. Инструкция Финляндскому генерал-губернатору.

1. Финляндский генерал-губернатор есть высший представитель Государственной власти в Финляндии и, состоя по своей должности председателем Императорского Финляндского Сената, является вместе с тем Главным начальником гражданского управления в крае.

Права и обязанности генерал-губернатора по званию председателя Сената определяются в Учреждении Сената и изданных в его изменение и дополнение постановлениях, а по

присутствуя ежедневно в течение двух часов на лекциях в военных училищах. Эти молодые люди получают, кроме всего казенного довольствия от шведского правительства, еще 500 крон из финского «патриотического фонда».

Паспортами они снабжены в большинстве случаев настоящими на свое легальное звание, имя и фамилию, так как до 1 ноября н. ст. 1902 г. всем, уклонившимся от призыва в крае, паспорта выдавались беспрепятственно.

12/25 сего ноября в г. Або в помещении общества «Друзей шведской образованности» директор Абоского акционерного банка г. Васаперна делал доклад членам вышеуказанного общества относительно произведенных им расходов в гор. Стокгольме по удовлетворению жалованьем тех финских новобранцев, которые ныне поступили в шведские войска.

Из доклада выяснилось, что в настоящее время изучают военное дело в шведских войсках 1138 финляндских уроженцев, из коих 862 будущих унтер-офицеров, а 276 готовятся к офицерскому званию. (*Прим. док.*)

*[6] Есть основания полагать, что около 9 бывших офицеров финских войск с полковником Шауманом во главе участвовали в сходе 30 октября 14 ноября в гостинице Кеми. (*Прим. док.*)

званию Главного начальника гражданского управления – в настоящей Инструкции и других подлежащих узаконениях.

2. Генерал-губернатор назначается и увольняется Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату и Высочайшим приказом в установленном порядке. О последовавшем своем назначении генерал-губернатор уведомляет Императорский Финляндский Сенат для зависящих распоряжений.

3. Генерал-губернатору принадлежит объявление Высочайших повелений.

4. К генерал-губернатору препровождаются на предмет представления Его Императорскому Величеству все дела, кои в порядке местного гражданского управления Финляндиею имеют быть повергаемы на Высочайшее благовоззрение. По всем таковым делам генерал-губернатор прилагает, если признает нужным, свое письменное заключение.

5. Генерал-губернатор представляет на Высочайшее Его Императорского Величества благовоззрение:

1) краткий отчет по управлению краем;

2) отчеты и ведомости на основании Учреждения Сената и других узаконений, и

3) донесения о чрезвычайных происшествиях.

6. Генерал-губернатор повергает на Всемилостивейшее Его Императорского Величества благовоззрение представления по местному Финляндскому управлению о награждении как должностных, так и прочих лиц, оказавших отличие или полезные подвиги.

7. Генерал-губернатору предоставляется, независимо от установленного хода дел, повергать на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение о всех тех предметах, о коих он признает сие необходимым.

8. Генерал-губернатор ответствует пред Государем Императором за порядок и общее состояние управления в крае.

9. Генерал-губернатор направляет деятельность всех учреждений и должностных лиц, блюдет за точным исполнением законов, постановлений и распоряжений по всем отраслям управления и печется об охране общественного порядка и спокойствия.

10. В обстоятельствах чрезвычайных, когда, по недостаточности или безуспешности установленных мероприятий и распоряжений подлежащих властей, окажется необходимым неотложное принятие особых мер, превышающих предоставленные генерал-губернатору полномочия, генерал-губернатору, под его личною ответственностью, предоставляется принимать сии меры, о чем он немедленно доносит Его Императорскому Величеству.

11. Генерал-губернатору подчинены все отрасли местного гражданского управления, в том числе магистраты, а также общинное управление в городах и селениях, за исключением лишь некоторых учреждений, состоящих в особом ведении, как, например, Императорский Александровский университет. Однако и сии учреждения подлежат надзору генерал-губернатора, который при замеченных в них упущениях или неустройстве по предоставленной ему высшей административно-полицейской власти в крае напоминает о скорейшем их исправлении, а в случаях важных принимает необходимые меры, извещая о сем кого следует. Сообразно сему все учреждения и должностные лица края исполняют требования, предложения и предписания генерал-губернатора и без замедления способствуют ему во всех делах, в коих он по своей должности может нуждаться в их содействии.

12. Генерал-губернатор ревизует все места и власти, ему подведомственные. Для извлечения из делопроизводства административных установлений края необходимых ему сведений, генерал-губернатору предоставляется командировать в оные должностных лиц по его избранию.

13. Генерал-губернатор наблюдает за скорейшим производством всеми подчиненными ему местами и лицами порученных им дел. В случае замеченных генерал-губернатором упущениях по исполнению данных предписаний или замедления, не оправдываемого свойством дела, он распоряжается производством надлежащего расследования и привлечением виновных к ответственности.

14. Генерал-губернатору предоставляется присутствовать на заседаниях всех правительственных и общественных установлений в Финляндских губерниях и требовать от них надлежащие отчеты и сведения, а равно подлинные дела и протоколы. Ему же представляются копии со всех циркуляров и распоряжений, издаваемых подлежащими правительственными и общественными местами и должностными лицами.

15. По приведению в исполнение узаконений и распоряжений генерал-губернатор действует чрез места и лица, коим по учреждениям и Уставам местного управления сие исполнение принадлежит. В случаях чрезвычайных или при отсутствии надлежащих начальств генерал-губернатору предоставляется, минуя высшие места и лица, действовать чрез низшие. Места и лица, получившие приказания генерал-губернатора, немедленно приводят их в исполнение и доносят о сем своему непосредственному начальству.

16. Генерал-губернатор имеет право вызывать к себе для личных объяснений по делам службы всех должностных лиц края, не исключая служащих по выборам, а также частных лиц, находящихся в месте постоянного или временного его пребывания. Генерал-губернатору предоставляется также определять, какие должностные лица обязаны ему представляться по их назначении или выборе на должность, или при приезде их в Гельсингфорс, или в случае приезда генерал-губернатора в ту или другую местность.

17. Генерал-губернатору принадлежит высшая полицейская власть в губерниях Финляндии и главное начальство над полициею в городах и уездах.

18. Генерал-губернатор принимает меры к предотвращению и пресечению распространения вредных учений, могущих повести к нарушению порядка, к возбуждению недовольства правительством или вражды между различными частями населения.

19. Генерал-губернатору предоставляется: 1) разрешать всякого рода лотереи, а равно подписки и сборы пожертвований, вещевых или денежных, устраиваемые с общеполезными или благотворительными целями, и утверждать приглашения к таковым лотереям, подпискам и сборам; 2) устанавливать надзор за тем, чтобы собранные означенными способами (п. 1) вещи и деньги были переданы и употреблены по назначению, и 3) разрешать публичные собрания на основаниях, указанных в Высочайшем постановлении от 2 июля 1900 года (н. ст.) (18913) или предоставлять это, по своему усмотрению, подведомственным ему чинам.

20. На генерал-губернатора возлагается главный надзор за печатью в Финляндии. В сих видах генерал-губернатору предоставляется: 1) прекращать временно или навсегда периодические издания, согласно правилам Высочайшего постановления от 29 января 1900 года (н. ст.) (18014), и 2) в особо уважительных случаях закрывать всякого рода публичные библиотеки и общественные читальни, а также типографии.

21. Генерал-губернатору принадлежит общий надзор за всеми финляндскими учебными заведениями; направляя учебное дело в духе преданности юношества Государю Императору и России, он лично или при посредстве состоящих при нем должностных лиц удостоверяется в надлежащей постановке в означенных учебных заведениях преподавания и воспитания.

22. Генерал-губернатор с особой заботливостью следит за торговлей, промышленностью и земледелием и во всем, что от него зависит, содействует развитию оных.

23. Генерал-губернатор имеет высший надзор за обеспечением народного продовольствия.

24. Генерал-губернатор имеет высший надзор за своевременным и правильным взиманием податей, оброков, сборов и других казенных доходов, а равно за отчетностью в оных.

25. Оказывая всем и каждому покровительство и защиту, генерал-губернатор не оставляет без внимания поступающих к нему основательных прошений и жалоб. Жалобы на действия всех правительственных и общественных мест и должностных лиц могут быть приносимы генерал-губернатору, который либо разрешает их собственною властью, буде сие предоставлено ему по закону, либо направляет просителей по принадлежности, донося Его Императорскому Величеству о делах особой важности.

26. По вступлении в должность, а равно, когда обстоятельства того потребуют, генерал-губернатор объезжает подведомственные ему губернии и, в случае необходимости, принимает меры к прекращению упущений и беспорядков. Генерал-губернатор может предложить кому-либо из должностных лиц, не исключая сенаторов, сопутствовать ему при поездке.

Во время сих поездок генерал-губернатор ревизует делопроизводство судебных и прочих правительственных и общественных присутственных мест и должностных лиц, состояние казначейской части и казенных магазинов, осматривает храмы, монастыри, школы, богадельни, больницы, тюрьмы и прочие учреждения, наблюдает за исправностью казенных и общественных зданий, дорог, мостов, перевозов, почтовых станций и т. п.; вникает с подробностью в состояние торговли, заводов, фабрик, ремесел, рукоделий, хлебопашества, скотоводства и всех отраслей народного хозяйства и исследует образ и средства народного продовольствия.

27. Порядок и формы сношений генерал-губернатора с высшими учреждениями, министрами и главноуправляющими, а также с другими главными начальниками губерний и с местными установлениями и властями, определены особо.

28. Когда генерал-губернатор не может самолично заведовать своею должностью, то, донеся о сем Государю Императору, предлагает помощнику вступить в полное отправление должности генерал-губернатора и уведомить о сем Сенат.

29. При генерал-губернаторе состоят Канцелярия и другия установления и должностные лица, на основании особых о том постановлений. Порядок производства дел в Канцелярии определяется генерал-губернатором.

Б. Инструкция помощнику Финляндскою генерал-губернатора.

1. Помощник генерал-губернатора, назначаемый и увольняемый тем же порядком, как и генерал-губернатор, разделяет труды последнего по управлению краем. О последовавшем назначении помощника генерал-губернатор уведомляет Императорский Финляндский Сенат для зависящих распоряжений.

2. Во время пребывания генерал-губернатора в крае и отправления им самим своей должности, помощник исполняет поручения генерал-губернатора по всем частям гражданского управления. От усмотрения генерал-губернатора зависит вверить помощнику какую-либо отдельную часть своих прав и обязанностей. Однако право объявлять Высочайшие повеления, представлять всеподданнейшие заключения, представления, отчеты и донесения, а также приостанавливать приведение в исполнение определений Сената, не может быть поручаемо генерал-губернатором помощнику.

3. По поручению генерал-губернатора помощник его производит обозрение губерний и ревизию гражданских учреждений, причем для прекращения открываемых злоупотреблений и беспорядков принимает все меры, которые предоставлены генерал-губернатору, донося о делах большей важности на его усмотрение.

4. В отношении принятия и направления прошений и жалоб помощник во время обозрения края пользуется правами генерал-губернатора, причем по предметам, восходящим на Высочайшее усмотрение или требующим сношения с высшими учреждениями, министрами и Главноуправляющими империи, доносит генерал-губернатору.

5. В случаях, указанных в статье 28 Инструкции генерал-губернатору, помощник его вступает в полное отправление генерал-губернаторской должности, о чем уведомляет Сенат.

Опубл.: СПВКФ. 1903. № 19. С. 2; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 22635.

№ 96. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому об изменении инструкции губернаторам

13(26) марта 1903 г.

Государь Император по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского в присутствии Своем в Царском Селе, 13/26 марта 1903 года

в дополнение и изменение Инструкции губернаторам Великого княжества Финляндского и должностным лицам, состоящим на службе в губернских правлениях от 29 декабря 1894 года (н. ст.) и других подлежащих узаконений Высочайше постановить соизволил:

1. Управление каждою губерниею вверяется губернатору, который подчиняется генерал-губернатору и Императорскому Финляндскому Сенату, по принадлежности.

2. Если обнаружено деяние, которое заключает в себе покушение против Государя Императора, либо члена Императорского дома, либо образа правления Российского государства, или которое в ином отношении вредно для государства, общественного порядка и спокойствия, или если замышляется такое преступление, то губернатор обязан немедленно донести о том генерал-губернатору, а также в видах предупреждения такого деяния и для привлечения виновных к ответственности, принять все меры, вызываемые данными обстоятельствами, о чем он и доносит генерал-губернатору.

3. Губернатор пользуется ежегодно вакантом в течение одного месяца в определяемое генерал-губернатором время, о чем сообщается Сенату. Увольнение губернатора в отпуск на срок не свыше одного месяца сверх ежегодного ваканта зависит от генерал-губернатора. Если губернатор нуждается в более продолжительном отпуске, то прошение его о сем повергается генерал-губернатором на Высочайшее благоволение вместе с представлением о назначении на время отпуска исправляющего должность губернатора.

4. Когда губернатор вследствие отсутствия, болезни или иной причины, сам не отправляет своей должности, а также, когда должность губернатора является вакантною и ее исправление не возложено на особое лицо, в управление губерниею вступает ландссекретарь, который в таких случаях несет ответственность за сохранение спокойствия, порядка и безопасности в губернии; но дела, отнесенные к ведомству губернской конторы, разрешаются в порядке, указанном в § 45 Инструкции губернаторам от 29 декабря 1894 года (н. ст.).

5. Кроме должностных лиц, указанных в штатах губернских правлений, в состав последних могут быть назначаемы чиновники сверх штата.

6. Производящиеся в губернском правлении дела докладываются губернатору ландссекретарем и ландскамериром, а также, по усмотрению губернатора, и другими состоящими при губернском правлении чиновниками, кои по закону могут занимать должности докладчика губернского правления. Докладчик излагает губернатору свое мнение и участвует в обсуждении дела, но решение постановляется губернатором единолично. При несогласии с решением губернатора докладчик обязан во всяком случае скрепить соответствующую исходящую бумагу, но имеет право внести свое особое мнение в протокол, который приобщается к делам губернского правления.

Примечание. При действии временных полномочий, предоставленных генерал-губернатору относительно замещения должностей Высочайшим повелением 18/31 июля 1902 года (21901), доклад дел в губернских правлениях, с разрешения главного начальника края, может быть возлагаем и на чиновников, не удовлетворяющих указанным в законе условиям.

7. Губернатору предоставляется передавать ландс-секретарю, вице-ландссекретарю, ландскамериру и вице-ландскамериру право разрешать своею властью некоторые исполнительные и другие несложные дела, а также уполномочивать их именем губернского правления вести предшествующую окончательному решению переписку по всем делам. Распоряжение по этому предмету губернатора должно быть облечено в письменную форму.

8. Губернатор может поручить ландссекретарю и ландскамериру вскрывать поступающие в губернское правление бумаги и распределять их по принадлежности.

9. При всякого рода публичных собраниях, лекциях, увеселениях и проч. губернатору должны быть отводимы места, соответствующие его служебному положению в качестве высшего должностного лица в губернии.

10. Губернатор имеет право вызывать к себе для личных объяснений по делам службы всех должностных лиц губернии (не исключая служащих по выборам), если они ниже его по классу должности, а также частных лиц, находящихся в месте постоянного или временного местопребывания губернатора. Губернатору представляется также определять, какие из

числа означенных должностных лиц обязаны ему представляться, по их назначении или по выборе в должность, или по приезде их в губернский город, или в случае его приезда в ту или другую местность вверенной ему губернии.

11. Губернатору предоставляется в назначенное им время производить в случае надобности, лично или чрез подведомственных ему должностных лиц, осмотр: *а)* частных фабрик, заводов, верфей, мастерских и всех прочих промышленных и торговых заведений; *б)* оружейных магазинов, а также магазинов и складов взрывчатых веществ, и *в)* всякого рода книжных магазинов, библиотек и читален, учрежденных для общественного пользования.

12. Увольнение в отпуск председателей магистратов разрешается губернатором.

13. Ходатайства о разрешении лотерей, а также всякого рода сборов или подписок с благотворительною или общеполезною целью, представляются губернатором с его заключением на усмотрение генерал-губернатора.

14. Сверх определенных действующими узаконениями обязанностей губернаторов на них возлагаются следующие обязанности:

а) принимать меры к немедленному обнародованию, в установленном порядке, узаконений и правительственных распоряжений, подлежащих всеобщему в губернии исполнению и сведению;

б) блюсти за тем, чтобы узаконения и правительственные распоряжения точно, неуклонно и без замедления исполнялись как губернскими властями и подведомственными им должностными лицами, так равно общинными управлениями и всем населением губернии;

в) наблюдать за точным исполнением действующих постановлений и распоряжений о праздновании высокоторжественных и табельных дней, об устройстве публичных собраний, чествований и шествий и о вывешивании флагов;

г) иметь надзор за исполнением узаконений о паспортах со стороны иностранцев и русских подданных, не состоящих финляндскими гражданами;

д) в случае совершения инспекционной поездки помощником генерал-губернатора, встречать его на границе губернии и представлять ему статистический рапорт о состоянии оной;

е) оказывать во всех необходимых случаях содействие военному начальству и войскам;

ж) наблюдать за содержанием в порядке и безопасности пароходов и в этих видах производить их осмотр, лично или чрез подведомственных ему должностных лиц;

з) выдавать русским крестьянам разрешение на разносную торговлю, а также наблюдать за тем, чтобы все лица, имеющие право торговать в разнос или заниматься другими дозволенными промыслами в Финляндии, пользовались этим правом беспрепятственно;

и) заботиться о поощрении земледелия и побочных его промыслов и производить с этою целью осмотры земледельческих и маслобойных школ, школ для обучения уходу за домашним скотом и т. п., представляя о произведенных осмотрах Сельскохозяйственной экспедиции Хозяйственного департамента Сената;

й) иметь попечение об улучшении экономического быта населения, в особенности посредством облегчения безземельному населению приобретения собственных земли и жилищ.

15. Одновременно со вступлением в действие настоящего постановления отменяются §§ 1, 7, 9, 29 (п. 7), 33, 44 и 75 Инструкции 29 декабря 1894 года (н. ст.) губернаторам Великого княжества Финляндского и должностным лицам, состоящим на службе в губернских правлениях.

Опубл.: СПВКФ. 1903. № 19. С. 21; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 22636.

№ 97. Рескрипт Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о размере призыва людей в Великом княжестве Финляндском на действительную военную службу в 1903 году[302]

20 марта (2 апреля) 1903 г.

На основании статьи 9 Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском число людей, потребное для пополнения армии, определяется ежегодно порядком, указанным в статьях 4 и 7 Высочайше утвержденных 3 февраля 1899 года Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского.

Согласно сему, утвердив ныне последовавшее в Государственном совете с соблюдением означенного порядка по представлению военного министра мнение о размере предстоящего в сем году призыва людей в Великом княжестве Финляндском на действительную военную службу, повелеваем: призвать в 1903 году на основаниях, в Уставе о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском определенных, для пополнений лейб-гвардии 3 финского стрелкового батальона сто девяносто человек, полагая в этом числе и тех, которыми представлены будут в предстоящий в сем Великом княжестве призыв освобождающие от военной службы зачетные рекрутские квитанции прежнего времени.

Николай

В Царском Селе
20 марта / 2 апреля 1903 года

НАФ. Фонд Хозяйственный департамент Финляндского Сената, папка Ее:134. Писарская копия на полулистах большого формата.

Опубл.: СПВКФ. 1903. № 17. С. 2; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 22682. С. 69.

№ 98. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия

20 марта (2 апреля) 1903 г.

Высочайшее постановление о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия.

Государь Император по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского в присутствии Своем в Царском Селе 20 марта (2 апреля) 1903 года Высочайше соизволил утвердить следующее временное Постановление о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия.

1. Генерал-губернатору предоставляется:

а) делать распоряжение о закрытии на срок гостиниц, книжных складов и магазинов и вообще торговых и промышленных заведений;

б) воспрещать всякие общественные и частные собрания;

в) закрывать частные общества и их отделения;

г) воспрещать пребывание в Финляндии лицам, признанным им вредными для государственного порядка или общественного спокойствия; мера сия, кроме случаев, не терпящих отлагательства, принимается генерал-губернатором не иначе, как с Высочайшего разрешения, и может сопровождаться водворением таковых лиц в определенной местности империи.

2. Лица, предназначенные к водворению в империи, передаются в распоряжение министра внутренних дел, от которого зависит подчинить их гласному надзору полиции на основании действующих в империи узаконений. По письменному предложению генерал-гу-

бернатора или губернатора лица сии могут быть задерживаемы чинами общей полиции или отдельного корпуса жандармов и содержаться под стражею до отправления в место назначения. Те же меры применяются к лицам, которые не были непосредственно предназначены к высылке в определенную местность, но после воспрещения им пребывания в Финляндии не выбыли в назначенный срок из края или самовольно возвратились в оный.

3. Указанные в статьях 1 и 2 настоящего Постановления лица вместе с удалением их из пределов Финляндии могут быть лишаемы производящихся им из казенных сумм пенсий, не иначе, однако, как с испрошением в каждом отдельном случае Высочайшего на сие соизволения.

4. Губернаторам финляндских губерний предоставляется разрешать в административном порядке как дела о нарушении Высочайшего постановления о публичных собраниях от 2 июля 1900 г., так и те дела о нарушении изданных ими единолично или по соглашению с городским управлением обязательных постановлений или полицейских правил, об изъятии коих из ведомства суда ими объявлено во всеобщее сведение. Виновные в сих нарушениях присуждаются губернатором к денежному штрафу в размере, определенном подлежащими правилами, но не свыше 400 марок, каковой штраф, в случае несостоятельности осужденного к уплате оного, заменяется тюремным заключением по правилам, изложенным в § 5 главы II Уголовного уложения. Жалобы на постановленные губернатором определения могут быть приносимы осужденными генерал-губернатору в двухнедельный со дня объявления определения срок только в случае нарушения губернатором пределов власти или неправильного применения закона; решения генерал-губернатора считаются окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежат.

5. Городские магистраты, а также городское и сельское общинные управления подчиняются высшему надзору генерал-губернатора и ближайшему губернаторов*, на следующих основаниях:

а) О лицах, избранных в бургомистры, ратманы, председатели и вице-председатели городских уполномоченных, а также в другие должности по городскому или сельскому общинным управлениям, доносится местному губернатору, от которого зависит утвердить представленного кандидата в должности. В случае двукратного отказа в утверждении избранного лица должность замещается Хозяйственным департаментом Сената по соглашению с генерал-губернатором.

б) Бургомистры и ратманы магистратов, председатели и вице-председатели городских уполномоченных, а также другие лица, состоящие на службе по городскому или сельскому общинным управлениям, могут быть административным порядком удаляемы от службы Хозяйственным департаментом Сената по соглашению с генерал-губернатором с соблюдением правил Высочайшего постановления от 1/14 августа 1902 года.

в) Губернаторам предоставляется приостанавливать исполнение постановленных подведомственными им общинными властями решений, не соответствующих общим государственным интересам или нуждам местного населения, либо нарушающих требования закона. О таковых решениях губернатор представляет вместе с тем генерал-губернатору, который, в случае признания их подлежащими отмене, предлагает о том Хозяйственному департаменту Сената.

Настоящее постановление остается в силе в течение трех лет со дня обнародования его в Сборнике постановлений Великого княжества Финляндского.

Подписал: министр статс-секретарь Плеве

СПВКФ. 1903. № 19. С. 38; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 22688. С. 70.

---

* *Так в тексте. Правильно: Губернатору.*

№ 99. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о разделении финляндских учебных заведений на разряды по отношению к отбыванию воинской повинности

27 марта (9 апреля) 1903 г.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему представлению Императорского Финляндского Сената 27 марта / 9 апреля 1903 г. в Царском Селе Высочайше соизволил утвердить нижеследующий Список финляндским учебным заведениям, с разделением их на разряды по отношению к отбыванию воинской повинности.

Названия учебных заведений	Права, представляемые воспитанникам, не окончившим полного курса
Первый разряд А. Высшие учебные заведения	
1. Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе	Права окончивших курс в заведениях первого разряда
2. Политехнический институт в Гельсингфорсе	то же
3. Эвойский лесной институт	то же
4. Мустиальский земледельческий институт	Права, коими воспитанники пользовались при поступлении в Институт
Б. Средние учебные заведения 1. Полные лицеи, нормальные, классические и реальные (для прошедших курс семи классов). Примечание. Лица, выдержавшие в установленном порядке испытание в знании лицейского курса, за исключением древних языков, пользуются при отбывании воинской повинности правами, предоставленными воспитанникам учебных заведений первого разряда	Окончившим курс пятого класса – права окончивших курс в заведениях второго разряда; не окончившим курса сего класса – права окончивших курс в заведениях третьего разряда
2. Все частные лицеи (училища для совместного обучения мальчиков и девочек, учебные заведения и пр.), как существующие, так и впредь открываемые, с разрешения Сената, приблизительно на тех же основаниях, как казенные заведения соответствующего типа (для прошедших не менее семи классов)	Окончившим курс пятого класса – права окончивших курс в заведениях второго разряда; не окончившим курса сего класса – права окончивших курс в заведениях третьего разряда
3. Финляндский кадетский корпус	Окончившим курс пятого класса – права окончивших курс в заведениях второго разряда; не окончившим курса сего класса – права окончивших курс в заведениях третьего разряда
4. Фармацевтическое заведение при Александровском университете (для выдержавших испытание на студента фармации)	Права окончивших курс в заведениях первого разряда. Ученики фармации пользуются правами, принадлежащими им по полученному образованию
5. Высшие земледельческие училища	Права окончивших курс в заведениях второго разряда, буде воспитанниками до поступления в училище не приобретены высшие права

Продолжение табл.

6. Высшие училища садоводства	Права окончивших курс в заведениях второго разряда, буде воспитанниками до поступления в училище не приобретены высшие права
7. Молочно-хозяйственный институт в Мустиале	то же
8. Навигационные училища: Отделение морских капитанов	Права окончивших курс в заведениях второго разряда
9. Высшие коммерческие училища, для поступления в которые требуется окончание курса нятого класса лицея или соответствующие стенень образования	Права окончивших курс в заведениях второго разряда, буде воспитанниками до поступления в училище не приобретены высшие права
10. Рисовальная школа Финляндского общества поощрения художеств в Гельсингфорсе	то же
11. Гельсингфорсский музыкальный институт (для выпущенных с дипломом)	то же
Второй разряд 1. Правительственные пяти-, четырех- и трехклассные элементарные училища	Права окончивших курс в заведениях третьего разряда
2. Пяти-, четырех- и трехклассные общинные и частные училища (лицеи, училища, реальные и городские, училища для совместного обучения мальчиков и девочек)	то же
3. Семинарии для образования народных учителей	то же
4. Училище Финляндского миссионерского общества в Гельсингфорсе	Права окончивших курс в заведениях третьего разряда, буде воспитанниками до поступления в заведение не приобретены высшие нрава
5. Низшие земледельческие училища; училища молочно-хозяйственные, для скотников и скотниц и для садоводства (с двухгодичным курсом)	то же
6. Промышленные училища	то же
7. Навигационные училища: Отделение для шкиперов и штурманов дальнего и каботажного плавания	то же
8. Коммерческие училища, не отнесенные к нервому разряду	то же
9. Высшие ремесленные училища	то же
10. Центральное училище прикладных искусств в Гельсингфорсе	то же
11. Рисовальная школа Финляндского общества поощрения художеств в городе Або	то же
12. Рисовальная и чертежная школа общества любителей искусств в городе Выборге	то же
13. Гельсингфорсский музыкальный институт (для лиц, не удостоенных дипломов)	то же
14. Оркестровая школа Гельсингфорсского филармонического общества	то же

Окончание табл.

15. Училища для кистеров и органистов в гг. Гельсингфорсе, Або и Выборге	то же
Третий разряд 1. Высшие народные училища	
2. Практические училища при семинариях	
3. Зимние сельскохозяйственные курсы, курсы для сельских хозяев и хозяек	
4. Низшие ремесленные училища	
5. Курсы машинистов при промышленных училищах	
6. Постоянные училища ручного труда и профессиональные (с продолжительностью курса не менее одного года)	
7. Вечерние курсы для торговых приказчиков	
8. Мореходные классы	
9. Училище для местных сторожей в Эвойсе	
10. Школы для кузнецов	
11. Частное учебное заведение для образования братьев милосердия в Сердоболе	
12. Семинарии для образования амбулаторных учителей	

Министр статс-секретарь Плеве (подпись)

НАФ. Фонд Хозяйственный департамент Финляндского Сената, папка Ее:134. Писарская копия на полулистах большого формата.

Опубл.: СПВКФ. 1903. № 18. Ст. 30. С. 2.

№ 100. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о льготах по образованию для молодых людей, получивших воспитание в заграничных учебных заведениях

27 марта (9 апреля) 1903 г.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему представлению Императорского Финляндского Сената 27 марта/9 апреля 1903 г. в Царском Селе Высочайше соизволил утвердить нижеследующие Правила о льготах по образованию для молодых людей, получивших воспитание в заграничных учебных заведениях:

Воспитывающимся в иностранных учебных заведениях молодым финляндцам, окончившим курс в финляндских учебных заведениях первого и второго разряда, по представлении ими удостоверенного подлежащим русским посольством или миссией свидетельства о нахождении в учебном заведении, предоставляются для окончания образования отсрочки в поступлении на действительную службу в таком порядке и на такой срок, как о том постановлено в статье 47 Устава о воинской повинности 1901 года.

Молодым финляндцам, воспитывающимся в иностранных учебных заведениях или окончившим курс в оных, но не окончившим перед тем курса в финляндских заведениях, упомянутых в пункте 1-м, могут быть предоставлены означенные в Уставе о воинской по-

винности 1901 года отсрочки и льготы по отбыванию воинской повинности не иначе, как с Высочайшего разрешения, испрашиваемого, по ходатайству о том просителя, Императорским Финляндским Сенатом.

Такие молодые люди обязаны к своим прошениям об отсрочке или льготе прилагать выданные учебным заведениям и засвидетельствованные в подлинности русским посольством или миссиею диплом или аттестат и свидетельство о безупречном поведении и прилежном учении и вместе с тем представлять засвидетельствованные тем же порядком сведения о правах в отношении срока службы, какие по законам того государства, где заведение находится, предоставлены лицам, окончившим курс в данном учебном заведении, а также об объеме преподавания в оном.

Министр статс-секретарь Плеве (подпись)

ПАФ. Фонд Хозяйственный департамент Финляндского Сената, папка Ее:134. Писарская копия на полулистах большого формата.

Опубл.: СПВКФ. 1903. № 18. Ст. 31. С. 7.

№ 101. Отношение № 6683 генерал-губернатора Н.И. Бобрикова министру статс-секретарю В.К. фон Плеве об агитационной деятельности финских граждан за границей с приложением памятной записки начальника канцелярии Генерального Штаба о деятельности лиц, удаленных из Финляндии

30 сентября (13 октября) 1903 г.
Весьма секретно

30 сентября 1903 года.
№ 6683[а]

Его Высокопревосходительству В.К. Плеве
г. министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского

Милостивый государь
Вячеслав Константинович

С переселением за границу, преимущественно в соседнюю Швецию, удаленных из Финляндии главарей противоправительственной агитации, деятельность последних, по донесениям начальника Финляндского жандармского управления генерал-майора Фрейберга*[1,303], приняла еще более организованный и опасный характер. Сплотившись в тесный кружок, сосредоточенный в Стокгольме, лица эти продолжают свою противоправительственную деятельность. Пользуясь близостью и удобством сношений с Финляндиею, при посредстве периодически получающих особые инструкции эмиссаров, они под покровом строжайшей тайны стремятся увлечь мирное население края на путь открытого сопротивления правительству и даже возможных покушений против представителей власти.

Пытаясь вместе с тем войти в сношения с русскими заграничными революционерами и связать свою деятельность с их программою, стокгольмский кружок финляндских агитаторов замышляет и воздействие в широкой степени на общественное мнение Западной Европы для возбуждения недовольства русским правительственным режимом вообще, стараясь вызвать на этой почве препятствия успехам русской политики во всех отношениях.

Беспрепятственное осуществление такой программы, облегчаемое положением этих лиц в соседней Швеции, не может быть допускаемо с точки зрения общих государственных интересов. Если Ваше Высокопревосходительство разделяете настоящие мои соображения, то не изволите ли признать полезным войти по сему в сношение с министром иностранных

[а] *Вписано чернилами.*

*[1] Как о том подробнее изложено в прилагаемой у сего записке. (*Прим. док.*)

дел в видах оказания надлежащего воздействия на Шведское правительство, которое могло бы установить с своей стороны надзор[6] за высланными, дозволяющими себе действия, направляемые к распространению в Финляндии антиправительственной пропаганды.

К сему присовокупляю, что перечень лиц, высланных до настоящего времени из пределов Финляндии, сообщается мною вместе с сим графу Ламздорфу и г. Российскому чрезвычайному посланнику при Дворе Его Величества Короля Шведского и Норвежского.

Благоволите, Ваше Высокопревосходительство, принять уверение в моем к Вам глубоком уважении и искренней преданности.

Н. Бобриков

Весьма секретно

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

о деятельности лиц, удаленных из края на основании Высочайшего постановления от 20 марта сего года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия

(Составлена на основании донесений начальника Финляндского жандармского управления).

По имеющимся агентурным сведениям, удаленные из Финляндии главари противуправительственного движения, избрав по большей части местом постоянного жительства Швецию, в настоящее время, пользуясь возможностью беспрепятственных между собою сношений и отсутствием всякого за их действиями надзора, успели сплотиться в прочную организацию, своего рода революционный комитет, продолжающий направлять преступную деятельность оставшихся на родине единомышленников. Во главе Комитета находится бывший сенатор Лео **Мехелин**, членами его состоят: Конни **Циллиакус**[304], Аксель **Лилле**, барон фон-**Борн**, Евгений **Вольф**, Ионас **Кастрен** и бывшие сенаторы **Гриненберг** и **Нюберг**, а обязанности делопроизводителя иногда выполняются книгопродавцом Венцелем **Хагельстамом**. Остальные удаленные из Финляндии лица также примыкают к Комитету, не играя, однако, выдающейся роли и лишь исполняя получаемые распоряжения. Только граф Карл **Маннергейм** и фабрикант Регуэль **Вольф**[305], по-видимому, отстранились от деятельности комитета, причем первый из них даже намерен уехать в Лондон для приискания себе занятий.

Деятельность Комитета осуществляется при посредстве оставшихся в Финляндии доверенных лиц, периодически являющихся в Стокгольм за получением инструкций, а также при помощи обширной переписки. До последнего времени главным агентом для сношений с Финляндией являлся доктор философии Арвид **Неовиус** (уже удаленный ныне из пределов края), а кроме него, насколько известно: фабрикант Август **Черкнер**, адвокат Арне **Седергельм***[306] (из Выборга), владелец Гельсингфорсского железного магазина О. **Рейлунд** и многие другие, еще не выясненные агентурою лица.

Непрерывность сношений с Финляндией облегчалась, кроме того, постоянными и деятельными посещениями Стокгольма финляндцами, особенно участившимися в текущем году, причем на более важные сходки Стокгольмских агитаторов вызывались из Финляндии необходимые им лица, в том числе Герадстевдинг Эдвин **Вильгрен**[307] (состоящий на службе в Сенате), сын барона Борна Эрнст Виктор фон **Борн**[308], директор Нюландского банка Вернер **Веллинг**[309], доктора Ярл **Хагельстам**[310] и Адольф **Тёрнгрен**[311], директор пароходного общества [«]Ларс **Крогиус**[»], директор банка Леонард фон **Пфалер**[312], Улеоборгский консул **Равандер**[313], Михаил **Лонден****[314] (из Экенеса) и многие другие. Сходки эти устраивались частью в гостинице Рюдберг, частью в помещении редакции «Fria Ord»[в].

---

[6] *Несколько строк на полях отчеркнуто синим карандашом.*

* *Правильно – Седергольм.*

** *Правильно – Линден.*

[в] *Вписано чернилами.*

Общая программа Комитета преследует продолжение противуправительственного движения в еще более широкой степени, причем предположено даже войти в сношения с русскими революционерами для взаимного друг другу содействия в целях ниспровержения существующего в империи государственного строя. В тех же видах Стокгольмские агитаторы намерены усилить, насколько возможно, свое воздействие на общественное мнение Западной Европы, путем словесной и печатной пропаганды, направляя его не только против личности и действий Государя Императора, но и вообще стараясь вредить русской политике во всех отношениях.

В частности, Комитетом решено всячески стараться выяснить положение, занятое Сенатом в вопросе о высылке, и затем путем разного рода оскорбительных действий, направленных против личности нынешних сенаторов, добиться их ухода со службы. Для обеспечения своей партии большинства в составе будущего Сейма решено убедить единомышленников, остающихся в Финляндии, держаться возможно более осторожного образа действий, дабы избегнуть высылки.

Для подкупа иностранной прессы начать усиленный сбор пожертвований, а для восстановления общественного мнения Западной Европы против России комитет намерен разослать эмиссаров в разные государства для распространения повсюду враждебных русской политике воззрений. Особенное внимание предположено обратить на коронованных особ, парламентских и общественных деятелей. Насколько известно, сам Л. **Мехелин** намерен отправиться в Париж; в Англии проживает брат гельсингфорского профессора **Реутера**[315], доктор Юлиус **Реутер**[316]; Ионас **Кастрен** уже побывал в Карлсбаде и Висбадене, а в Италию командирован известный Генрих **Биоде** (замешанный в убийстве министра внутренних дел егермейстера **Синягина**) для сношений с тамошними анархистами в целях подготовки враждебной Государю Императору демонстрации по прибытии Его Императорского Величества в Рим.

Агитаторы останавливаются на мысли о необходимости прибегнуть к политическим убийствам, но ввиду крайней неподвижности финского населения, они намерены войти в сношение с русскими заграничными революционерами и воспользоваться ими для своих целей, на что, будто бы, уже и последовало согласие последних под условием материального воспособления. Существует план посылки таких русских агентов в Финляндию под видом русских коробейников, к которым финны издавна привыкли; с другой стороны, в этом виде агенты менее обратят на себя внимание местных властей. Об этом ведутся деятельные сношения также и с революционными кружками главных русских городов (Петербурга, Варшавы, Одессы), равно как и с Швейцарией, причем Комитет настаивает и на том, чтобы русские подпольные издания уделили на своих столбцах место защите финляндских интересов.

Комитет по-видимому располагает достаточными денежными средствами, образованными путем частных пожертвований, сборов, отчислений от торговых прибылей, добровольных вычетов из содержания служащих, особых копилок, выделения части доходов от лотерей и увеселений, наконец, перечисления значительной части денег, пожертвованных в так называемый «фонд народного образования» и на пострадавших от недорода.

Наиболее оживленные сходки в Стокгольме с участием специально вызванных из Финляндии лиц были посвящены вопросам о мерах к облегчению бегства из края неявившихся к последнему призыву военнообязанных, а затем предстоящей монетной реформе, для борьбы с которой решено прибегнуть к следующему средству. Образованное в Стокгольме при участии виднейших представителей революционной партии особое «кредитное акционерное общество», занимаясь для вида кредитными операциями, должно будет иметь тайною целью – постепенное извлечение денег из Финляндии. К этому делу предположено привлечь все Финляндские банки, которые уже и посылали в Стокгольм своих делегатов. При успехе задуманных операций, они медленно, но верно должны будут привести Финляндию к денежному кризису, который затем легко будет объяснить, как результат мероприятий русского правительства.

Из всего изложенного усматривается, что программа деятельности кружка удаленных из Финляндии вожаков агитации приняла ныне опасный характер, угрожающий общественному порядку и безопасности в крае. Особенно террористическими воззрениями отличаются более молодые члены кружка с Конни **Циллиакусом** во главе, хотя в числе сторонников крайнего образа действий состоит и престарелый Мауну **Розендаль**. **Циллиакус** намерен создать особую «Боевую организацию» по образцу, усвоенному русскими революционерами, причем члены ее не должны знать друг друга и быть посвящены в планы руководящего всеми делами центрального комитета, который знает их всех, тогда как каждый из второстепенных агентов знает только одного члена центрального управления.

Что же касается до Л. **Мехелина**, то он, по-видимому, не сочувствует крайним мерам, предпочитая оставаться в прежних пределах противодействия на законной почве. Насильственные действия, по его мнению, должны лишь повредить успеху агитации, и он склоняется всего более к идее международного третейского суда, в котором роль обвиняемого должна выпасть на долю России.

За директора канцелярии Финляндского
генерал-губернатора Генерального Штаба
Подполковник Нивe
За начальника Отделения (*подп. нрзб.*).

Пометы: на письме Бобрикова посередине наискосок поверх текста чернилами: г. министр приказал принять настоящую переписку к сведению. 4/XI *Слева сверху чернилами (дрп., дрч.)*: № 3/4 (секретно)

ИАФ. Фонд Документы под грифом «Секретно» статс-секретариата Великого княжества Финляндского, VSV 9, папка Fc:2. Письмо Бобрикова – машинопись на полулистах, бланк «Финляндский генерал-губернатор». Подпись – автограф. Памятная записка – машинопись на полулистах большого формата, сшитых нитью. Подписи – автографы чернилами.

№ 102. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о дополнении Высочайшего постановления от 20 марта (2 апреля) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия

27 ноября (10 декабря) 1903 г.

Государь Император по всеподданнейшему представлению Финляндского генерал-губернатора в присутствии Своем в Царском Селе 27 ноября (10 декабря) 1903 года Высочайше повелеть соизволил на срок действия Высочайшего постановления от 20 марта (2 апреля) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия предоставить Финляндскому генерал-губернатору, одновременно с возбуждением в установленном порядке производства об удалении от службы должностных лиц административных и училищного (кроме служащих в Императорском Александровском университете) ведомств от V до IX классов, а равно бургомистров и ратманов магистратов, председателей и вице-председателей городских уполномоченных, а также других лиц, состоящих на службе по городскому или сельскому общинным управлениям, делать распоряжение о немедленном устранении таких лиц от исполнения служебных обязанностей, с лишением их части или всего получаемого ими содержания.

Опубл.: СПВКФ. 1903. № 57 А.С. 4; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 23584.

№ 103. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому о дополнении Высочайшего постановления от 20 марта (2 апреля) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия

4(17) декабря 1903 г.

Государь Император по всеподданнейшему представлению Финляндского генерал-губернатора в присутствии Своем в Царском Селе 27/17 декабря 1903 года Высочайше повелеть соизволил, на срок действия Высочайшего постановления от 20 марта (2 апреля) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия, предоставить губернаторам право утверждать лиц, назначаемых к временному исправлению должностей бургомистров и ратманов магистратов, председателей и вице-председателей городских уполномоченных, а также и других должностей по городскому или сельскому общинным управлениям, с тем, чтобы в случае неизбрания таковых лиц в определенный начальником губернии срок или избрания людей неблагонадежных, губернаторы своею властью возлагали временное исправление указанных должностей на известных им лиц, удовлетворяющих установленным в законе для их замещения требованиям.

Опубл.: СПВКФ. 1903. № 57 А.С. 2; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 23638.

№ 104. Рескрипт Императора Николая II Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о том, чтобы лица, коим воспрещено пребывание в крае, не пользовались публичными политическими и общинными правомочиями

21 декабря 1903 г. (3 января 1904 г.).

По всеподданнейшему представлению Мы признали за благо Высочайше повелеть, чтобы лица, коим в силу пункта *г* статьи I Высочайшего постановления от 20 марта (2 апреля) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия воспрещено пребывание в крае, не пользовались публичными политическими и общинными правомочиями, предоставляемыми неопороченным финляндским гражданам.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«Николай»

Опубл.: СПВКФ. 1904. № 1. С. 24; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 23764.

№ 105. Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому по поводу Высочайшего разъяснения статьи 2 Высочайшего постановления от 1(14) августа 1902 года о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств

26 декабря 1903 г. (8 января 1904 г.)

Государь Император по всеподданнейшему представлению Финляндского генерал-губернатора 26 декабря 1903 года (8 января 1904 г.) в разъяснение статьи 2 Высочайшего постановления от 1(14) августа 1902 года (21920) о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств Высочайше указать соизволил, что чиновники, пенсионные права которых определяются Высочайшим объявлением от 28 июля 1826 года (н. ст.), не могут считаться имеющими право на пенсию в случае удаления их в порядке означенного постановления от 1(14) августа 1902 года от службы за политическую неблаго-

надежность, противодействие распоряжениям правительства и другие несовместные с служебным долгом поступки.

Опубл.: СПВКФ. 1904. № 3. С. 2; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 23797.

№ 106. Из «Всеподданнейшей записки Финляндского генерал-губернатора 1902–1903» Императору Николаю II о законодательных и административных мероприятиях в Финляндии с сентября 1892 по январь 1904 г.

21 февраля (5 марта) 1904 г.

Всеподданнейшая записка

Ваше Императорское Величество [...]*

Усиление правительственной власти

Итак, я в праве всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что местные власти и органы по-прежнему продолжали в начале отчетного года широко применять систему сопротивления государственным требованиям России. Смута росла и крепла на свободе, и главному начальнику края, не имевшему никакой фактической власти, приходилось быть зрителем общего настроения и лишь удостоверять совершившиеся события. Так продолжалось, примерно, до обнародования новых постановлений о Сенате, об удалении со службы[317], преданий суду и др. – Первым законом «главное внутреннее управление Финляндии» вверялось Сенату, но уже «под руководством его председателя – генерал-губернатора».

13 марта 1903 года состоялось утверждение новой инструкции генерал-губернатору, которая оставалась без пересмотра с 1812 года. По определению сего закона, генерал-губернатор сделался «высшим представителем государственной власти» в Финляндии. Этим его власть была поднята на должную высоту и вместе с тем вынут из угла здания финляндской измышленной «государственности» один из ее основных камней. Генерал-губернатора обязали теперь следить за учебным делом края, представлять всеподданнейшие отчеты о состоянии Финляндии; на него возложено «направлять» деятельность всех учреждений и должностных лиц. Ему же разрешено в чрезвычайных обстоятельствах принимать особые меры.

Эти новые законы дали возможность представителю русской власти, так сказать, оправиться и начать водворение должного порядка в крае. Но, к сожалению, за долгие минувшие годы смута успела пустить столь глубокие корни, что этой власти оказалось теперь уже недостаточно для обуздания крамольников, которые ходили с поднятыми головами, бросая вызывающие взгляды на местные власти, клеймя сенаторов «изменниками» и грубо бойкотируя русских, уверенные в том, что, если полиция привлечет их к ответственности, то суд их оправдает.

В этих крайне неприятных и стесненных обстоятельствах, видя, что лояльный финский народ сбивается с толку, и краю грозит серьезная опасность от постоянного пренебрежения законом и властями, я вынужден был возобновить мое ходатайство о предоставлении генерал-губернатору временных чрезвычайных полномочий, чтобы избавить правительство от необходимости применения более серьезных мер для охранения государственной цельности и безопасности. Трудно мне было решиться на этот шаг, так как я отлично понимал и значение чрезвычайных мероприятий, и то неблагоприятное впечатление, которое они всегда вызывают в обществе. Но другого исхода не представлялось. Крайность положения настойчиво требовала экстренных и решительных мер. Мне ясна была вся тягость того положения, в которое ставилась этим ходатайством Верховная власть; приходилось просить у Монарха утверждения законоположения, менее всего соответствовавшего Его любвеобильному сердцу, привыкшему миловать, а не карать. Все это было взвешено и принято мною во внимание, но верноподданнический долг обязывал меня испытать все средства для предотвращения

* *Далее раздел «Продолжение агитации в крае» здесь не приводится.*

зла, которое стало грозить гибелью целой окраине, расположенной у самых ворот столицы империи и потому требующей особенного попечения и внимания. Я твердо помнил также, что большинство членов Особого совещания, состоявшегося 1 и 6 февраля 1902 года под Высочайшим председательством Вашего Императорского Величества высказалось против своевременности применения чрезвычайных мероприятий. Но сгруппировавшиеся новые обстоятельства все нагляднее, все яснее показывали, что если не приступить теперь же к искоренению зла самыми решительными средствами, то будет поздно, и всякое уважение к власти окажется в Финляндии потерянным. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было милостиво снизойти к моему возобновленному ходатайству, и я счастлив настоящим всеподданнейшим отчетом засвидетельствовать перед Вами, Державный Государь, что даже умеренным применением чрезвычайных мер мне удалось прервать дальнейшее развитие смуты и достичь весьма заметного успокоения умов в крае.

20 марта 1903 года было подписано постановление о «временных мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия». Эти меры, как сказано в Высочайшем на мое имя рескрипте, вызваны были «дерзновенным противодействием», «пагубными примерами неповиновения закону» и нарушением «злонамеренными людьми» обычного спокойного течения жизни. Закон введен на три года и предоставил начальнику края разные права по отношению к частным общинам, учреждениям и отдельным гражданам, вплоть до права воспрещения вредным лицам пребывания в пределах Финляндии.

Чем выше сделалось вследствие этого закона положение генерал-губернаторской власти, тем осмотрительнее и осторожнее она применялась мною в сознании ответственности перед Царем, родиной и историей. Список главных виновников крамолы был составлен давно; но ранее применения оного к делу я поручил особому совещанию, состоявшему из помощника генерал-губернатора, вице-президента и прокурора Сената, рассмотреть этот список и высказаться о внесенных в него лицах.

Когда таким путем мои предположения были проверены, я наметил к удалению из края наиболее виновных в смуте. В числе их находились между прочим бывший сенатор Л. Мехелин, помещик барон фон-Борн, учитель Юлиус Люлю, отставной капитан гвардии Фразер и др. Преступность их действий, особенно за последние годы, не могла возбуждать уже никаких сомнений. Но, кроме того, случилось так, что перед высылкою их из края, при обыске, у некоторых из них найдены были документы, которые оказались чрезвычайно ценными для восстановления истории смуты в Финляндии. Отобранная у них частная переписка и черновые наброски не только раскрыли редкую по поучительности для правительства картину, но, вместе с тем, совершенно случайно явились полным подтверждением того, что я вполне верно наметил главарей движения и правильно оценил современное политическое положение Финляндии. Частная переписка эта заслуживает тем большего внимания, что в ней друзья, обменивавшиеся письмами, конечно, открывали свою душу и высказывали полностью все, что у них было на уме. [...]*

Сейм 1904 года

В деле замирения края остается еще один очень-очень сложный вопрос о созыве очередного Сейма 1904 года.

Начиная с 1863 года, когда возобновлены были финляндские Сеймы, земские чины края всегда и последовательно состояли в тайной или открытой оппозиции русскому правительству. Где только возможно было, Сеймы ограничивали Верховную власть и устраняли русских людей. В последние десятилетия поведение земских чинов становилось все более вызывающим и дерзким. Все это не прошло незамеченным, и в Высочайшем рескрипте от 8 июня 1899 года Ваше Императорское Величество осудили поведение земских чинов и на-

---

* *Далее разделы «История смуты», «Признаки умиротворения края», «Деятельность агитаторов за границей» здесь не приводятся.*

звали их суждения «неуместными» и «неправильными». 7 апреля 1902 года последовал еще более строгий Высочайшей рескрипт. При таких условиях созыв Сейма 1904 года может явиться как бы известным поощрением прежней вызывающей деятельности земских чинов и показать, что правительство примирилось с тоном Сеймовых ораторов. Кроме того, Сейм 1904 года может создать новую возможность сплотиться с только что и с таким трудом рассеянной и разъединенной оппозиции. Главари смуты вновь могут столковаться и захватить в свои руки инициативу нового сопротивления. Эти обстоятельства говорят за то, что осторожнее было бы Сейма вовсе не собирать.

Но тем не менее я склонился, хотя и условно, к иному решению и подал пока свой голос за созыв Сейма 1904 года. Поступая так, я руководствовался следующими соображениями.

Восстановление обычного течения жизни в крае наступит тем скорее, чем менее окажется поводов у агитаторов к возбуждению населения против русского правительства. Несозыв Сейма может, конечно, послужить одним из поводов к усиленно преступной пропаганды. Затем передо мною всегда стояло Царское обещание, данное 3 мая 1900 года, о созыве очередного Сейма в 1904 году. Правда, что с тех пор политическое положение настолько осложнилось, что явилась необходимость в принятии чрезвычайных мер; но тем не менее верноподданнический мой долг побуждает употребить все усилия, чтобы раз изреченное Монаршее слово было исполнено, вне всяких осложнений и новых обстоятельств. Кроме того, Самодержцы Российской Державы, по любвеобильному своему сердцу, всегда правили милостию, а не карой. Созывом Сейма финляндцам предоставится случай загладить свою вину, а Европе дано будет понять, что у нас нет намерения лишать Финляндию ее внутреннего самоуправления. «Ключ от Сейма» передается таким образом в руки самих финляндцев. От политического такта их будет затем зависеть, как воспользоваться оказанным им доверием и серьезным шагом, сделанным правительством для умиротворения края. Если при всем том финляндцы поведут себя дурно и покажут свою политическую незрелость, то, естественно, что дальнейшее существование Сейма должно быть признано бесполезным и бесцельным. Во всяком случае, я ходатайствовал о созыве Сейма не ранее октября 1904 года, чтобы иметь время еще более определенно выяснить настроение умов в крае и узнать результаты предстоящего призыва, который собственно является наглядным показателем силы агитации в Финляндии.

Перечень преобразований

Действия правительства за отчетное время были многочисленны и весьма разнообразны. При всех реформах, как прежде, так и теперь, главным руководящим началом, которое никогда не упускалось мною из вида, служило Высочайшее Вашего Императорского Величества указание вести Финляндскую окраину к государственному скреплению и политическому объединению с остальными частями империи.

С 1 октября 1903 года все делопроизводство Хозяйственного департамента Сената стало происходить на русском государственном языке. Реформа эта должна быть отнесена к лучшим страницам истории Финляндской окраины, за время ее состояния под владычеством России. Только со дня фактического водворения в Финляндии государственного языка положено начало действительного и прочного сближения ее с остальной Россией. Реформа эта дала уже заметные результаты и в будущем, несомненно, принесет существенные плоды. Представитель русской власти вошел в Сенат, как фактический его председатель и руководитель. Впредь членам Сената затруднительно будет вести свою особую политику, независимую от воззрений начальника края, как это делалось в течение целого столетия. А впоследствии, когда в состав Сената введены будут в должном числе еще русские люди, можно быть уверенным, что значение этого административного учреждения сделается совершенно иным, чем прежде.

Ничто так не сближает и не разделяет людей, как язык. Финляндия оставалась чуждой нам вследствие господства в ней шведского языка. С водворением в ней русского языка она сблизится с нами и сольется с остальной империей. Оставление шведского языка так долго

в администрации и школе Финляндии было политической ошибкой, направлению которой теперь положено прочное начало. Впредь Финляндия не уйдет из русских рук и не останется вне русского контроля.

Начавшееся практическое применение государственного языка в Сенате повлекло уже за собою умножение числа уроков русского языка (до 40) в средне-учебных заведениях и вообще заметно стало расширять область применения этого языка, так как после Сената личный состав главных управлений и губернских правлений также должен будет перейти к делопроизводству на русском языке. Подготовительные работы в этом направлении уже начаты. Русский язык с 1903 года войдет исподволь в круг служебных обязанностей служащих на железных дорогах и в таможне.

Однако при всех заботах о русском языке не забыты также нужды и желания финского населения края, которому обеспечено право пользования своим родным языком в церкви, школе, семье и во всех общинных, судебных и низших административных учреждениях края. Требуя знания государственного языка от известных категорий чиновников-финляндцев, я в то же время вменял в обязанность русским чиновникам знакомство с местными языками края.

По отношению к финляндским учебным заведениям приняты меры к пересмотру учебников истории и географии, а также книг для классных чтений, чтобы пресечь впредь распространение среди учащихся извращенных понятий о политическом положении Финляндии.

Потребность в знании государственного языка побудило некоторых финнов отдать своих детей в русские учебные заведения. Вследствие этого значение русских школ возрастет само собой. Приняв во внимание указанные обстоятельства, я стал ходатайствовать об учреждении в Финляндии особой дирекции русских школ. Эта дирекция должна будет оживить и объединить все школьное дело Финляндии и заменить собой устарелый и случайный по своему составу совещательный комитет.

Значительную пользу русскому школьному делу принес народоучительский съезд, открытый мною в Гельсингфорсе в июне 1903 года.

Та же забота о поднятии русского дела на должную высоту побудила учредить при Гельсингфорсском университете кафедру русской истории, русского права и государствоведения. Сенат, стоя на точке зрения Финляндского государства и желая добиться рассмотрения манифеста 3-го февраля 1899 года на Сеймe, ходатайствовал о предоставлены ему права выработать перечень общегосударственных законов. Ходатайство его было уважено; но до сих пор перечень не составлен, и я сомневаюсь, чтобы подобная задача могла быть удовлетворительно исполнена финляндским учреждением, стремящимся к обособлению края и исходящим из положения, что Финляндия обладает правами отдельного государства.

Следующей, также уже начатой, законодательной работой первостепенной важности для Финляндской окраины является пересмотр Сеймового Устава 1869 года. Этот закон выражает собою то, что принято называть конституционным порядком Великого княжества. Трудность дела заключается в том, чтобы устранить из Устава все то, что в глазах партии сепаратистов-государственников ограничивает права Самодержавного Монарха империи и дает земским чинам поводы вмешиваться в управление краем и злоупотреблять своими правами. Работа производится, но еще не закончена.

Вопросом огромной государственной важности является предстоящая коренная реформа лоцманского ведомства. В настоящее время реформа коснулась только объединения с Морским министерством в области всеподданнейших представлений.

По этим ограничиться невозможно. Финляндские шхеры представляют при плавании в них почти неодолимые трудности. Фарватер их вполне известен только местным прибрежным жителям. Финляндские лоцманы по необходимости обслуживают и наши военные суда, которые становятся таким образом в известную зависимость от них. А между тем эти лоцманы стоят вне всякой зависимости от нашего Морского министерства и могут, особенно если подпадут влиянию своих агитаторов, очень вредить делу общегосударственной обороны. Примеры злоупотребления лоцманами своими обязанностями очень много-

численны в истории кампании 1854–1855 годов, когда они водили по шхерному лабиринту английские военные суда.

Все это, в интересах государственной безопасности, указывает на необходимость серьезного преобразования лоцманского дела в том направлении, чтобы оно находилось, как в материальной, так и в служебной зависимости от русской военной власти. Подготовительные в этом смысле работы уже начаты под моим руководством, но, вследствие их сложности и серьезности, потребуют всестороннего обсуждения.

Соблюдение государственных интересов империи вызвали еще целый ряд мероприятий, частью уже вполне законченных, частью только начатых. Так:

По перечислении в Финляндии русских уроженцев ожидаются новые правила. Ограничения, существовавшие по приобретению русскими земельной собственности в Финляндии, отменены и, наконец, члены православных причтов, не пользующиеся правом финляндского гражданства, освобождены от уплаты городских налогов.

Чтобы прочнее поставить русское дело в крае, расширены штаты канцелярии генерал-губернатора и при начальнике края открыты четыре новых должности чиновников особых поручений. Эта последняя мера на практике оказалась очень полезной, так как дала мне возможность замещать должности губернаторов и начальников главных управлений на время их отпуска, болезни и при других подобных случаях.

Немалой пользы для дела объединения Финляндии с центром России я ожидаю от учреждаемого в Гельсингфорсе отделения русского Государственного банка[318]. Оно подготовит переход к существенной реформе финансового объединения, имеющего государственное значение и в то же время будет содействовать развитию в Финляндии русской промышленной и торговой предприимчивости.

Одновременно с учреждением отделения банка постановлено финляндские кредитные билеты, изготовляемые ныне за границей, по израсходовании существующего их запаса, печатать впредь в Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Справедливость и стремление к государственному объединению России побудили затем обратить внимание на необходимость сравнения прав судов, приписанных к портам империи, без различия ее частей. В настоящее время дело поставлено так, что по финляндскому морскому законодательству все выгоды приходятся на долю Финляндии, а не России. Между тем, как это выражено во всеподданнейшем отчете Его Императорского Высочества Великого князя Александра Михайловича[319], «казалось бы, следовало держаться того соображения, что если какие-либо преимущества могли иметь место между завоеванной страной и великодушной ее победительницей, то, без всякого сомнения, они должны принадлежать последней, а не наоборот, как это установилось в России по отношению к Финляндии...» Ваше Императорское Величество благоволили собственноручно отметить у этих слов: «Совершенно справедливо».

Первая моя попытка уравнения судовых прав не встретила поддержки со стороны Сената; но раз руководящее начало начертано Вашим Величеством, то таковое будет, конечно, при первой возможности, осуществлено.

Введение в 1901 году нового Устава о воинской повинности и упразднение большей части финских войск потребовали закрытия Фридрихсгамского кадетского корпуса и упразднения Милиционной экспедиции Сената, а также финляндского Криг-комиссариата. Последние учреждения поддерживали только крайне вредное в военном деле двоевластие, а корпус, совершенно чуждавшийся русских элементов, воспитывал в своих питомцах начала сепаратизма, которые быстро развивались, когда финский офицер попадал на службу в Финляндию.

Введение нового Устава о воинской повинности должно было завершиться установлением новых штатов для окружных и губернских по воинской повинности присутствий, что однако еще не осуществлено в том размере, который мною был представлен и соответствует действительной потребности.

В прямой зависимости от упразднения финских воинских частей находился вопрос о военных расходах, которые несла Финляндия и обязана впредь нести по обороне государства. Сохраненный финский гвардейский батальон с оставшимися финскими военными учреждениями перешли на иждивение русской казны. От расходов, которые падали ранее на финляндскую казну по содержанию всех финских воинских частей, было бы несправедливо освободить Великое княжество, а потому по рассмотрении этого сложного вопроса в особом совещании при Главном Штабе, а также во вверенном мне округе, я ходатайствовал об издании Высочайшего повелевая о возмещении русской казне части тех ассигнований, которые по финляндскому бюджету были определены на содержание финских войск. Ходатайство было уважено и в Государственное казначейство перечислена из финляндской казны, но пока лишь часть бесспорно причитающейся сему казначейству суммы.

Финляндские агитаторы, крайне недовольные упразднением финских войск и новым Уставом о воинской повинности, задумали организовать свою защиту Великого княжества, но уже против русских требований и для этой цели стали тайно ввозить оружие в край и обучать население стрельбе, почему пришлось выработать запретительные правила, ограничивающие ввоз оружия и устройство стрельбищ.

Продолжавшиеся в крае беспорядки и отсутствие в нем должного надзора побудили меня поднять вопрос об усилении полиции и жандармского надзора. При существующей в Финляндии обстановке без них нельзя было приступить к делу умиротворения края. Конечно, все это сопряжено с новыми расходами; но как только население создаст такие условия, при которых можно будет не обременять долее финляндской казны подобными выдачами, и как только затихнет агитация, я первый буду хлопотать о сокращении сих штатов.

В настоящее время общество настолько еще терроризировано крамольниками и держится воззрений ложного патриотизма, что нельзя, к сожалению, обойтись без усиленной полиции. Чтобы заставить чинов полиции правильно и добросовестно исполнять свои обязанности, пришлось уничтожить материальную ее зависимость от городских магистратов и установить новый порядок выдачи им жалованья. Чтобы существовали внешние знаки, свидетельствующие о принадлежности Финляндии России, финляндская полиция одета теперь в общерусскую полицейскую форму и к ее чинам предъявляются известные требования по русскому языку. Коронные фохты и ленсмана причислены к чинам полиции. Кроме того, постановлено награждать полицейских чинов медалями на основаниях, существующих в коренной России. Там, где городская полиция прежде зависела от магистратов, теперь она подчинена коронным фохтам и ленсманам, а через них и губернаторам. Магистраты, злоупотребляя своим положением, пользовались полицией для своих антирусских целей.

По отношению к почте, цензуре и печати создалась необходимость принять новые меры, так как все они не только слабо исполняли свои обязанности, но нередко явно и усердно содействовали агитации. Ввиду этого, почте даны новые правила для досмотра подозрительной корреспонденции, чтобы тем преградить доступ в Финляндию запрещенной литературы. Директор почты, протестовавший против новых порядков, был уволен со службы. Что же касается цензурного Устава, то он, при моем изучении, оказался с большими пробелами и недостатками, почему я возбудил уже вопрос о подробном его пересмотре.

В железнодорожном управлении за отчетный период обращено внимание на распространение русского языка, постановление о котором состоялось еще в 1891 году*[1], но оставалось без должного практического применения, а также на расширение и обновление штата, для чего издано новое положение об управлении финляндскими казенными дорогами.

Что касается связи финляндской железнодорожной сети с общеимперскою, то проект этого соединения с технической точки зрения выработан; степень же денежного участия в этом деле государственного казначейства и финляндской казны должны определиться в начале 1904 года в Комиссии из высших государственных чинов.

*[1] Постановление Великого княжества Финляндского от 7 декабря 1891 года. (*Прим. док.*)

На должность главного директора финляндских железных дорог назначен Генерального Штаба полковник Драчевский[320]. Такое назначение должно повлиять на привлечение русских людей и на ход всего железнодорожного дела в направлении сближения его с русским.

По завершении некоторых частей обширной военной реформы, а также по установлении делопроизводства в Сенате на государственном языке и проч. я усмотрел возможность приступить к делу финансового объединения. Вследствие моего всеподданнейшего ходатайства Особое совещание статс-секретаря Фриша начало свои заседания в конце 1903 года. Задача реформы сводится к определению оснований, на коих может быть вновь введена или восстановлена в Финляндии российская монетная система, действовавшая в крае до 1865 года. Финляндии была дарована тогда особая монетная единица (марка), составлявшая подразделение русского рубля и равная 25 ее копейкам. Финляндцы же впоследствии отступили от этого основного положения и, перейдя к золоту, приравняли свою марку к франку и таким образом всякая ее связь с монетной системой России порвалась. После того финансы края совершенно обособились и явились в глазах финляндцев атрибутом их отдельной «государственности». Опыт же истекшего времени кроме того показал, что такое обособление причиняло России один только убытки. Русский рубль подвергся в пределах Российской империи биржевой игре, и русская казна вследствие этого обязана была увеличить свои выдачи на содержание в Финляндии русского войска, русских учебных заведений и др. Подобный порядок, конечно, ненормален и должен быть отменен, путем нового монетного объединения.

В тесной связи с монетным преобразованием стоит таможенное объединение. В течение 1903 года при Министерстве финансов происходили заседания экспертов с целью подготовить указанное дело.

Эмиграция продолжалась в значительном размере, хотя она за отчетный год уменьшилась почти на 6 тысяч человек*[2]. Побуждают к выселению хронические недороды, неудовлетворительный социальный строй, рост безземельного пролетариата и подстрекательство агитаторов. Облегчают выезд эмиграционные конторы, которые берут на себя главнейшие хлопоты по заготовке заграничных паспортов и пароходных билетов. Паспорта часто писались на чужое имя и возвращались потом по почте в Финляндию. Рядом с эмиграцией необходимо отметить и очень заметную иммиграцию, которая нагляднейшим образом свидетельствует, что причина выселения кроется главным образом в экономических условиях жизни, а не в одном страхе перед воинской повинностью.

Трудный и сложный вопрос о безземельных продолжал разрабатываться в Комиссии, но скоро привести его к желательному концу не имеется ни сил, ни средств. Рассматривался преимущественно проект колонизации безземельными казенных лесных участков. Но чтобы попутно удовлетворять наиболее насущным потребностям неимущего класса, отпущены были, с Высочайшего соизволения, крупные казенные суммы на покупку продававшихся больших имений, с тем, чтобы из них нарезать земельные угодья бобылям и торпарям на самых льготных условиях.

Очень большого напряжения сил и средств потребовали последствия неурожая. На недород 1902 года в некоторых частях Финляндии одних казенных воспособлений израсходовано более 9 миллионов марок, не считая затрат по покупке семян для обсеменения, убытков от понижения тарифа для перевозки хлеба и т. п. Доброхотные пожертвования дали возможность одиннадцати местным комитетам Красного Креста, руководимым женой генерал-губернатора, организовать бесплатное продовольствие в Гельсингфорсе, Николайстадте, Улеоборге и Куопио. Людям, оставшимся без работы в Гельсингфорсе, выдавались в течение двух месяцев бесплатные обеды и оказывалась врачебная помощь.

Прежние предупредительные меры по отношению к сходкам были настолько смягчены вследствие известного успокоения умов и меньшего числа противоправительственных выходок, что я разрешил даже, хотя и не без некоторых предосторожностей, празднование

*[2] В Швеции за 1903 год эмиграция достигла небывалых размеров (29 944 чел.). (*Прим. док.*)

столетия дня рождения национального поэта Рунеберга, чествованию памяти которого, особенно в последние годы, придавался обыкновенно враждебно-демонстративный характер по отношению к коренной России.

Я не смею утруждать внимания Вашего Императорского Величества описанием изменений меньшего значения, произведенных за отчетный период, например, в деле упорядочения выдачи паспортов, сокращения переписки, увеличения окладов сенаторов и губернаторов, по вопросам об увеличении штатов полиции, по административному удалению от службы с целью обуздания крамолы, по контролю над избранием должностных лиц общинного управления и т. п.

Финляндский генерал-губернатор,
генерал-адъютант Бобриков
21 февраля 1904 года С.-Петербург

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 115–115ц. Типографский текст на листах небольшого формата, сшитый в брошюру (С. 1, 7–10, 29–41).

Опубл.: Бобриков Н.И. Всеподданнейшая записка Финляндского генерал-губернатора (Н.И. Бобрикова) 1902–1903. СПб., 1904.

№ 107. Письмо Е. Шаумана[321] Императору Николаю II, в котором он объясняет убийство генерал-губернатора Н.И. Бобрикова и мотивы

Не позднее 3(16) июня 1904 г.

Копия с перевода.

ВСЕДЕРЖАВНЕЙШИЙ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ Государь и Великий князь.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! При помощи прокурора Финляндского ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Сената, который, невзирая на то, что предлагает закон и право, слепо повинуется приказаниям генерала Бобрикова, генерал-губернатору Бобрикову удалось достичь полного беспорядка и беззакония в Великом княжестве Финляндском. Законы отстраняются и оскорбляются открыто лживыми и фальшивыми представлениями. Генерал-губернатору Бобрикову и министру статс-секретарю Плеве удалось принудить ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО издать такие Постановления и принять такие меры, которые оскорбляют те законы, которые ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО при вступлении на престол обещали оставить непоколебимыми и неизмененными в своей полной силе.

Законопослушнейшие и лучшие служащие в стране отставляются без законного следствия и суда и на их место назначаются всевозможные искатели приключений, в моральном отношении падшие индивиды и лица, которые по существующим законам страны не имеют права служить на государственной службе. Самые интеллигентные и верноподданные сограждане арестовываются и высылаются: нет никакой гарантии личной свободы.

Так как министр статс-секретарь, докладывающий ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ дела, касающиеся Великого князя Финляндского, не финляндский уроженец, не знает финляндских законов и обычаев и имеет одинаковые интересы с генерал-губернатором Бобриковым, то ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО не будете иметь представления о настоящем положении, не будете знать требований законов страны.

Так как не предвидится, даже в отдаленном будущем, что действительное положение дойдет до ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и что генерал-губернатор Бобриков будет отозван, то остается лишь одно – взяться за самозащиту, попробовать сделать генерал-губернатора Бобрикова безвредным: средство насильственное, но единственное.

Ваше Величество! я жертвую при этом собственною жизнию и со своей стороны еще раз желаю убедить ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО в том, что тяжелые недоразумения существуют в Великом княжестве Финляндском, да и во всем Русском государстве.

Свое решение я, после долгих взвешиваний, принял один.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! Имея смерть перед глазами, я клянусь, что мое решение и действие не есть результат заговора. Один я принял решение и один я привел его в исполнение. Зная сердечную доброту ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и благородные намерения, умоляю ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО об одном – узнать о действительном положении в государстве, Финляндии, Польше и Остзейских провинциях.

Пребывая с глубоким чувством и верноподданничества, вседержавнейшего, всемилостивейшего Государя Великого князя.

ВАШЕГО Императорского ВЕЛИЧЕСТВА всеподданнейший и всепокорнейший подданный.

Подписи нет. Перевел

Гельсингфорсский полицеймейстер полковник Карлстедт[322].

На чистом экземпляре, найденном в кармане преступника, который был запечатан в конверт на имя ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, подписи нет; на черновике же, найденном при обыске квартиры, было подписано – «Евгений Шауман».

Помощник полицеймейстера штабс-капитан Гольмберг[323]

Верно:

НАФ. Фонд Канцелярия генерал-губернатора, дело XVI/I/1904, папка Fb:158. Перевод на русский язык. Машинопись на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь.

№ 108. Листовка о покушении на жизнь Финляндского генерал-губернатора и командующего войсками генерал-адъютанта Н.И. Бобрикова

3(16) июня 1904 г.

От Нюландского губернатора

Сегодня, 3-го июня, в 11 час. утра в здании Сената, на площадке лестницы второго этажа совершено покушение на жизнь Финляндского генерал-губернатора и Командующего войсками, генерал-адъютанта Н.И. Бобрикова. Тремя выстрелами из револьвера Его Высокопревосходительство ранен в шею и живот и контужен в грудь; рана в живот серьезная.

Преступник Евгений Шауман, камер-ферванд главного управления училищного ведомства в Финляндии, тут же застрелился. Операция извлечения пули из области живота произведена в хирургической клинике благополучно.

Генерального Штаба генерал-майор Кайгородов

Гельсингфорс, 3-го (16-го) июня 1904 года

НАФ. Фонд Канцелярия генерал-губернатора, дело XVI/I/1904, папка Fb:158. Листовка.

№ 109. Всеподданнейшее донесение Нюландского губернатора М.П. Кайгородова об убийстве Финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова

4(17) июня 1904 г.

Копия с всеподданнейшего донесения Нюландского губернатора от 4 июня 1904 года

Всеподданнейше доношу ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что сего 3-го июня, в четверг, в день обычного председательствования генерал-губернатора в общем собрании Хозяйственного департамента ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената, генерал-адъютант Бобриков к 11 часам утра прибыл пешком к зданию Сената. Отпустив сопровождавших Его Высокопревосходительство штаб-офицера для особых поручений V класса полковника Львовского[324] и личного адъютанта ротмистра Тимирязева, а равно и меня, генерал-губернатор проследовал один в сенатский вестибюль и затем поднялся

вверх по лестнице. Когда генерал-адъютант Бобриков вступил на площадку среднего этажа, откуда по коридору влево вел ход в залу Сенатских заседаний, в него со ступеней следующего, ведущего наверх трапа лестницы находившимся там ранее лицом произведено было три выстрела из револьвера. Одна из пуль причинила только контузию груди, будучи остановлена висевшим на ней, в числе прочих, орденом Св. Равноапостольного великого князя Владимира; другая пуля проникла в полость живота и нанесла наиболее тяжкое поранение; третья задела шею, не причинив серьезных повреждений.

На звуки выстрелов бросился от дверей залы заседания на помощь сенатский сторож Пукко; преступник же, отбежав несколько шагов, успел двумя выстрелами в сердце покончить с собою.

Несмотря на полученные серьезные поранения, генерал-адъютант Бобриков без посторонней помощи вошел в зал заседания и на обращенные к нему вопросы сенаторов старался их успокоить. Появление крови на платье около шеи убедило присутствующих в поранении, и тогда обращено было и самим генерал-адъютантом Бобриковым внимание также и на рану в полости живота. Немедленно вытребованный военный врач произвел Его Высокопревосходительству первоначальную перевязку, после чего генерал-губернатор был перенесен в свой дом, где вызванные профессора признали необходимыми произвести операцию в помещении городской хирургической клиники.

Генерал-адъютант Бобриков, все время находясь в полном сознании и делая распоряжения, выразил желание приобщиться Святых Тайн.

По совершении Таинства раненый генерал-губернатор перенесен был к часу дня на носилках в клинику, где лучшими наличными врачами города при участии военного врача немедленно было приступлено к операции, продолжавшейся 55 минут. Произведено чревосечение, удален значительных размеров отрезок поврежденной тонкой кишки и вынута пуля.

Несмотря на успешно произведенную операцию, вследствие значительной потери крови деятельность сердца стала, однако, ослабевать и около восьми часов вечера явилось опасение за неблагоприятный исход. К двенадцати часам ночи положение стало безнадежным, и в час семь минут пополуночи генерал-адъютант Бобриков тихо скончался. В 3 часа ночи тело почившего было перенесено в дом генерал-губернатора.

Убийца оказался вице-герадсгевдингом, камер-фервандтом Главного управления училищного ведомства в Финляндии, Евгением Шауманом, сыном уволенного в 1900 году в отставку сенатора Шаумана. Благодаря прежней своей службе в Сенате в должности сверхштатного писца и продолжавшихся частых посещений Сената, Шауман имел возможность, не возбуждая ничьего подозрения, пройти в здание Сената боковым ходом и через помещения экспедиций выйти на площадку главной лестницы, где он и поджидал приближения генерал-губернатора. Револьвер убийцы был восьмизарядный, системы Браунинг, в магазине которого оказалось 3 неизрасходованных патрона.

К производству предварительного полицейского дознания при участии чинов Отдельного корпуса жандармов было приступлено немедленно вслед за совершением преступления.

До сих пор соучастников еще не обнаружено. Население города спокойно, порядок нарушен не был.

Верно:
Директор Канцелярии Финляндского генерал-губернатора,
Генерального Штаба полковник
Сверял и верно:
Начальник отделения,
Генерального Штаба полковник

НАФ. Фонд Канцелярия генерал-губернатора, дело XVI/1/1904, папка Fb:158. Машинопись на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь.

№ 110. Именной Высочайший указ о назначении И.М. Оболенского[325] Финляндским генерал-губернатором[326]

17(30) июня 1904 г.

Именной Высочайший указ, данный Правительствующему Сенату.

1904 года, июня 17-го.

Состоящему при министре внутренних дел шталмейстеру Двора Нашего, генерал-лейтенанту по адмиралтейству князю Оболенскому – Всемилостивейше повелением быть Финляндским генерал-губернатором с оставлением шталмейстером Двора Нашего.

Опубл.: Финляндская газета. 1904, 7 июля. № 97. С. 1.

№ 111. Высочайший рескрипт Императора Николая II о назначении И.М. Оболенского Финляндским генерал-губернатором

17(30) июня 1904 г.

Высочайший рескрипт, данный на имя шталмейстера Высочайшего двора генерал-лейтенанта по адмиралтейству князя Ивана Оболенского.

Князь Иван Михайлович.

Великое княжество Финляндское со времени присоединения к Российской державе пользуется особым строем местного управления и внутреннего законодательства. Я питаю уверенность, что строй этот, отвечающий бытовым условиям страны, может быть сохранен для блага Финляндии и на будущее время, и что гнусное злодеяние, недавно омрачившее общественную жизнь в крае, дело рук безумца и немногих его соумышленников, к преступлению коих финский народ не причастен.

Забота о теснейшем единении Финляндии с остальною империею всегда составляла неуклонную задачу государственной власти; таковою она должна остаться и впредь. Постепенное достижение указанной цели было вменено Мною в первейшую обязанность покойному Финляндскому генерал-губернатору генерал-адъютанту Бобрикову. С разумною твердостью исполнял почивший государственный деятель возложенный на него долг, пока безвременная кончина не прервала его самоотверженного служения, стяжавшего ему почетное имя в летописях утверждения русской государственности на северной окраине.

Признав за благо призвать вас на должность Финляндского генерал-губернатора, Я ожидаю от вашей преданности и ваших дарований, что в управлении вверенным вам краем вы будете ревностным исполнителем Моих предначертаний. Особому попечению вашему поручаю укрепить в сознании финского народа убеждение, что исторические судьбы его неразрывны с судьбами России, и что дальнейшее преуспеяние Финляндии под сенью Русского государства и дарованных ей учреждений зависит от прочного водворения в стране мирного течения жизни.

Пребываю к вам неизменно благосклонным.

На подлинном Собственною Его Императорского величества рукою написано: «НИКОЛАЙ».

В Петергофе. 17-го июня 1904 года.

Опубл.: Финляндская газета. 1904, 7 июля. № 97. С. 1.

№ 112. Высочайший приказ об исключении из списков погибшего министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве[327]

20 июля (2 августа) 1904 г.

[Из высочайших приказов] По Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 20-го июля 1904 года, № 22.

Исключается из списков: умершій, министр внутренних дел, министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского, статс-секретарь, сенатор, дѣйствительный тайный совѣтник *фон-Плеве*.

Опубл.: Финляндкая газета. 1904, 6 августа. № 114. С. 1.

ЧАСТЬ 3
Октябрь 1904 – октябрь 1905 г.
Деятельность комиссии по разграничению общегосударственного и местного Финляндского законодательства (Комиссии Таганцева)

№ 113. Высочайше утвержденный доклад № 221 товарища министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского Э.А. Эрштрема[328] «о дальнейшем направлении дела относительно разграничения общегосударственного законодательства от местного финляндского»

18(31) октября 1904 г.

Список Высочайшее соизволение последовало 19 октября (1 ноября) 1904 года в Царском Селе. Товарищ министра статс-секретаря Эрштрем

18 октября 1904 года
№ 221

О дальнейшем направлении дела относительно разграничения общегосударственного законодательства от местного финляндского

Вопрос об установлении особого порядка издания законов, общих для всего Российского государства со включением Великого княжества Финляндского, получивший разрешение в Основных положениях от 3/15 февраля 1899 года, был впервые возбужден в Особом совещании, Высочайше учрежденном в 1892 году под председательством действительного тайного советника Бунге. При этом участвовавшими в Совещании представителями финляндского управления было заявлено о необходимости ввести в закон перечень предметов, относящихся к области общегосударственного законодательства, но это предложение было отвергнуто большинством Совещания, находившим, с одной стороны, что представленный Совещанию проект перечня является неполным и, с другой – что с течением времени практика может выдвинуть ряд новых, не включенных в означенный перечень, вопросов, имеющих характер общих для всей империи дел. Тот же вопрос о разграничении областей общегосударственного и местного финляндского законодательств возникал и в Особом совещании, образованном под председательством Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича для начертания законодательного акта о порядке издания и обнародования законов для империи со включением Великого княжества Финляндского. Но и это Совещание высказалось против подобного разграничения и признало наиболее правильным установить, что направление дела в вновь учреждаемом общем порядке законодательства должно в каждом отдельном случае определяться непосредственным повелением Государя Императора. Изъясненное заключение Особого совещания удостоилось одобрения Вашего Императорского Величества, и соответствующее указание было включено как в Высочайше утвержденные 3/15 февраля 1899 года Основные положения, так и в Всемилостивейший Манифест, при котором сии Положения были обнародованы.

Обнаружившееся в Финляндии после издания означенного законодательного акта волнение побудило Финляндский Сенат войти с всеподданнейшим представлением о выработке и передаче на рассмотрение земских чинов в установленном «основными законами» порядке законопроекта относительно законодательства по вопросам, касающимся общегосударственных потребностей. В представлении этом Сенат одну из причин означенного

волнения усматривал в том, что круг законов, которые могут быть признаны касающимися потребностей всего государства, ничем не ограничивается, а может быть распространен на какую угодно законодательную область. Приведенное представление Сената было, однако, по Высочайшей воле оставлено без последствий 11/23 февраля 1899 года, а когда Сенат вслед затем, ссылаясь на те же обстоятельства, возбудил ходатайство о разрешении ему представить проект мероприятий, которые могли бы рассеять «скорбь и уныние населения Финляндии», Ваше Императорское Величество, на всеподданнейшем докладе исправлявшего должность министра статс-секретаря 5 июня 1899 года Собственноручно начертать соизволили: «В представлении Сената усматриваю неправильное толкование Манифеста 3-го февраля и домогательство возобновить отклоненное уже Мною ходатайство. Ставлю это Сенату на вид».

Тем не менее при пересмотре во исполнение Высочайшего повеления 14/27 августа 1900 года некоторых частей Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского Сенат вновь обратил внимание на неудобства, вытекающие из несогласованности постановлений сего Устава относительно права земских чинов участвовать в законодательстве с «Основными положениями» от 3/15 февраля 1899 года; признавая, с своей стороны, что неуказание в законе предметов, по которым законодательные мероприятия должны быть осуществлены в порядке этих «Основных положений», порождает сомнения относительно пределов полномочий земских чинов, Сенат представил всеподданнейшее ходатайство о разрешении выработать проект соответствующего дополнения Сеймового Устава с точным перечислением дел, до которых «Основные положения» 3/15 февраля должны относиться, для передачи сего проекта по Высочайшем его одобрении в виде предложения будущему Сейму.

В всеподданнейшем докладе, при котором настоящее представление Сената было повергнуто на Высочайшее воззрение, бывший министр статс-секретарь излагал, что, по его мнению, дополнение «Основных положений» 3 февраля 1899 г. в смысле внесения в них большей определенности явится бесспорным их усовершенствованием, и что вместе с тем за время почти столетнего состояния Финляндии в собственности и державном обладании Российской империи накопилось достаточно проверенного опытом законодательного материала, могущего служить надежным основанием для размежевания имперского и местного финляндского законодательств на началах согласного с государственными пользами и справедливостью сочетания общегосударственных интересов с местными. По означенному докладу Ваше Императорское Величество, не предрешая дальнейшего направления дела, 13/26 сентября 1902 г., Всемилостивейше соизволили предоставить Сенату разработать и повергнуть на Высочайшее воззрение подробные предположения о делах, имеющих быть отнесенными к общегосударственному законодательству.

Во исполнение таковой Высочайшей воли Финляндским Сенатом была образована Комиссия для начертания соответствующего законопроекта. После изготовления Комиссией такового проекта Сенат нашел, однако, что в этом деле должны быть приняты в соображение не только особенности финляндского строя, но и общегосударственные интересы, а для этого необходимо иметь в виду взгляды по сему вопросу подлежащих должностных лиц империи. Вследствие сего Сенат ныне всеподданнейше ходатайствует, чтобы предварительно составления окончательного проекта по рассматриваемому делу оно для подготовки было передано в Комиссию, в состав коей вошли бы представители как от империи, так и от Великого княжества. Вместе с тем, на случай, если сие ходатайство удостоится Высочайшего одобрения, Сенат испрашивает разрешение войти с всеподданнейшим представлением относительно лиц, имеющих принять участие в Комиссии в качестве представителей от Финляндии.

Финляндский генерал-губернатор не встречает препятствий к осуществлению предположений Сената об учреждении подготовительной Комиссии и избрании в ее состав членов, с тем, чтобы на назначение председателя и членов Комиссии было исходатайствовано Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление.

Повергая приведенные обстоятельства на Ваше, Всемилостивейший Государь, воззрение, обязываюсь всеподданнейше доложить, что я не считаю себя вправе входить в рассмотрение по существу вопроса о желательности и допустимости размежевания областей общегосударственного и местного финляндского законодательств, ибо этот вопрос должен почитаться разрешенным в утвердительном смысле Высочайшим повелением от 13/26 сентября 1902 года и предметом настоящего доклада может служить только определение порядка дальнейшего направления дела о таковом размежевании. В сем отношении надлежит, казалось бы, признать, что законопроект, отмежевывающий область общегосударственного законодательства, ранее представления его на Высочайшее утверждение, должен подвергнуться обсуждению в особо для этого образованном Совещании, подобно тому, которое выработало «Основные положения» 3/15 февраля 1899 г. Но в теперешнем своем положении дело является недостаточно разработанным для того, чтобы поступить на уважение Государственного совета или вышеуказанного Особого совещания; оно требует тщательного соображения с существующими в науке права учениями, а в особенности с теми постановлениями имперского и местного финляндского законодательств, за которыми могло бы быть признано общегосударственное значение. Соответственно сему было бы желательно передать дело на обсуждение подготовительной комиссии, состоящей из представителей империи и Великого княжества, причем, по свойству возлагаемой на Комиссию задачи, в состав ее должны войти преимущественно лица с ученой подготовкою.

Вследствие сего не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству:

Для обсуждения предположений о разграничении общегосударственного и местного финляндского законодательств, выработанных в учрежденной Финляндским Сенатом Комиссии, образовать Подготовительную комиссию, с тем, чтобы имеющий последовать с ее стороны отзыв был затем передан на заключение Финляндских Сената и генерал-губернатора.

Назначить председателем Комиссии первоприсутствующего в Уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената действительного тайного советника Таганцева[329] и членами: тайного советника Мартенса[330], действительных статских советников Сергеевского[331], Судейкина[332], Берендтса[333] и генерал-майора Бородкина.

Предоставить Финляндскому Сенату войти с всеподданнейшим представлением о назначении в состав Комиссии членов от Финляндии.

Товарищ министра статс-секретаря Эрштрем

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 162–164. Типографский текст в составе сборника «К вопросу о законах общих для империи и Великого княжества Финляндского». СПб., 1906. С. 69–73.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [3:1].

Опубл.: К вопросу о законах общих для империи и Великого княжества Финляндского. СПб., 1906. С. 69–73.

№ 114. Журнал № 1 Подготовительной комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства с приложением проектов

19 ноября (2 декабря) 1904 г.

Высочайше учрежденная Подготовительная комиссия по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательств

ЖУРНАЛ № 1

Заседание 19 ноября 1904 года

Присутствовали:

Председатель: Действительный тайный советник Н.С. Таганцев.

Члены: Таїные советники Н.Д. Сергеевскій и Ф.Ф. Мартенс, генерал-майор М.М. Бородкин, действительные статские советники В.Т. Судейкин и Э.Н. Берендтс, Архиепископ Г.Г. Иогансон, президент гофгерихта Г.А. Борещус, статскій советник Р.И. Даніельсон, профессора барон Э.Ф. Пальмен и Р.Ф. Германсон и полковник в отставке К.С. Антель.

Открыв заседание, председатель Комиссии обратился к присутствующим с нижеследующею речью:

Государю Императору и Великому князю благоугодно было возложить на нашу Комиссію обсуждение предположеній о разграничении общегосударственного и местного финляндского законодательств.

Я не буду подробно излагать Вам всем хорошо известную исторію этого вопроса, но остановлюсь только на главнеїших пунктах, долженствующих служить отправною точкою и нашей работы.

Законом 3 февраля 1899 года точно определен особый порядок рассмотрения законов как общегосударственных, имеющих быть применимыми и в Великом княжестве Финляндском, так и местных финляндских, имеющих общегосударственное значение, но в нем не содержится никаких указаній на категории или отделы законов, относящихся к исключительно местным или к общегосударственным.

В Особом совещании статс-секретаря Бунге, подготовлявшем закон 3 февраля 1899 года, и в Особом совещании под председательством Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича поднимался вопрос о таком разграничении законов, причем в первом из помянутых Совещаній даже рассматривались предположения по этому предмету, внесенные членами Совещания от Финляндии, но вопрос был разрешен отрицательно, ввиду трудности априорного установления этих границ и опасений, что таким точным установлением могут быть нарушены интересы и имперские, и местные.

В самом законе 3 февраля 1899 года постановлено, что вопрос о том, следует ли известный законопроект направить в порядке, установленном этим законом, разрешается в каждом отдельном случае Его Императорским Величеством по докладу подлежащего министра империи и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского.

Но и после издания закона 3 февраля 1899 года вопрос о необходимости точного установления законов, подлежащих направлению в этом особом порядке, возбуждался не раз Финляндским Сенатом, и наконец 13/26 сентября 1902 года Государь Император соизволил предоставить Финляндскому Сенату выработать свои предположения по сему предмету, не предрешая дальнейшего направления дела.

Сенат в свою очередь образовал Подготовительную комиссию из 7 лиц, которая и составила свои предположения, причем отдельно от проекта, составленного от имени всей Комиссии, был представлен и особый проект трех членов этой Комиссии.

По Сенат, полагая необходимым, ранее окончательного представления выработанных предположений на благовоззрение Государя Императора, иметь в виду и мнение по сему предмету представителей империи, исходатайствовал Всемилостивейшее соизволение на образование смешанной Комиссии, каковая по Высочайшему повелению от 19 октября сего года и учреждена под моим председательством.

По этому Высочайшему повелению на нашу Комиссию возложено: 1) рассмотреть предположения Комиссии, образованной Финляндским Сенатом: 2) составить отзыв об этих предположениях, и 3) сообщить свой отзыв на заключение Сената и генерал-губернатора.

Приступая к нашей работе, я в настоящем заседании полагаю установить порядок занятій Комиссии и просить нашего сочлена Власия Тимофеевича Судейкина принять на себя заведование делопроизводством, а также озаботиться подготовкою справочного материала по затронутым Сенатскою комиссиею вопросам и приглашением в заседания переводчиков в интересах членов, не говорящих по-русски (это предложение, по изъявлении действитель-

ным статским советником Судейкиным согласия, было принято Комиссиею). Далее, по моему мнению, казалось бы удобным исполнить предстоящую нам работу в нижеследующем порядке:

а) так как вырабатываемый законопроект будет служить дополнением закона 3 февраля 1899 года, то прежде всего рассмотреть вопрос о том, насколько важен, нужен и возможен законодательный перечень предметов общегосударственного законодательства;

б) обсудить отдельные предположения Комиссии Финляндского Сената в том порядке, в коем они изложены в составленном ею перечне, и указать, нет ли необходимости чем-нибудь пополнить этот перечень, и наконец

в) коснуться указанного в предположениях Сенатской комиссии порядка направления проектируемого закона.

Предложенный председателем порядок обсуждения дел в Комиссии был ею одобрен единогласно, с принятою, по предложению тайного советника Сергеевского, оговоркою, что, при рассмотрении составленного Сенатскою комиссиею перечня предметов общегосударственного законодательства, таковой, в случае надобности, может быть подвергнут и сокращению; если же некоторые из пунктов перечня, состоящие в тесной связи между собой, представится более удобным рассмотреть совместно, то они, с разрешения председателя, могут быть выделены в особую стадию работ Комиссии.

По окончательном утверждении порядка занятий Полковник Антель от имени всех финляндских членов Комиссии выразил председателю живейшую благодарность за сделанное им сообщение о Высокомилостивых предначертаниях, положенных Государем Императором в основание деятельности настоящей Комиссии; по удостоверению полковника Антеля, все население Финляндии ожидает и надеется, что работы Комиссии приведут, в конечном результате, к восстановлению в крае законного порядка и к отмене несогласных с законом административных распоряжений, вследствие чего представляется весьма желательным скорейшее заключение трудов Комиссии с таким по возможности расчетом, чтобы окончательный ее отзыв был составлен до закрытия предстоящего очередного Сейма земских чинов.

Ходатайство о возможно скорейшем ходе работ Комиссии было поддержано в отдельности и Архиепископом Иоансоном.

Председателем было заявлено, что обсуждение упомянутых полковником Антелем административных распоряжений в задачу Комиссии не входит; что все меры к скорейшему окончанию занятий Комиссии будут приняты, и что в настоящее время занятия эти должны быть прерваны лишь на тот срок, в течение коего делопроизводством Комиссии могут быть представлены исторические справки по каждому из включенных в перечень Сенатской комиссии предметов общегосударственного законодательства.

Закрывая заседание, действительный тайный советник Таганцев сообщил присутствующим, что Государь Император, принимая его в качестве председателя настоящей Комиссии, Всемилостивейше пожелал последней, с помощью Божиею, успешно окончить возложенную на нее работу; он же, председатель, с своей стороны позволяет себе высказать пожелание, чтобы работа эта кончилась с возможным удовлетворением столь неразрывно связанных интересов империи и Финляндии.

Председатель Комиссии

Члены

Член Комиссии,
Заведывающий делопроизводством

Приложение № 1

Проект всеподданнейшего представления Императорского Финляндского Сената о разграничении общегосударственного и особого финляндского законодательств, составленный Комиссиею в составе сенаторов Энеберга, Окермана, Гуммеруса и Форселя, Архиепископа Иогансона, президента Вазаского гофгерихта Бореиуса и профессора, статского советника Даниельсона

Ввиду несогласованности между определениями Сеймового Устава Великого княжества Финляндского о праве земских чинов участвовать в законодательстве, с одной стороны, и постановлениями Высочайшего Манифеста от 15(3) февраля 1899 года и относящихся к нему Основных положений о порядке законодательства по вопросам, касающимся общегосударственных интересов – с другой стороны, Сенат 16 апреля 1902 года всеподданнейше ходатайствовал о Всемилостивейшем разрешении выработать проект соответствующих дополнений к Сеймовому Уставу в видах согласования положений в этой области законодательства путем точного определения вопросов, до которых относится вышеуказанный порядок. Во внимание сего Ваше Императорское Величество Всемилостивейше соизволили, как то явствует из сообщенного Сенату отношения статс-секретариата Великого княжества Финляндского к генерал-губернатору края от 28(15) сентября того же года, по состоявшемуся 26(13) сентября докладу всеподданнейшего представления Сената, не предрешая дальнейшего производства дела, предоставить Сенату выработать и представить на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение подробные предположения о том, какие дела должны быть отнесены к области общегосударственного законодательства.

При исполнении сего Высочайшего повеления Сенат принял в соображение следующие обстоятельства.

Согласно установленному основными законами Финляндии порядку, законы для Великого княжества издаются Монархом при участии земских чинов края, за исключением некоторых предметов, относящихся к области т. н. экономического законодательства, по которым, по установившемуся в силу давности обычаю, участия земских чинов не требуется. В обоих случаях Монарх осуществляет Свою власть при содействии финляндских властей и дела докладываются министром статс-секретарем Великого княжества. Этот порядок законодательства, соблюдение которого в существенной степени содействовало благополучию и преуспеянию финского народа, по убеждению Сената, не вредил общегосударственным интересам. Ибо в тех случаях, когда законодательные меры по Финляндии касались вопросов, затрагивающих общегосударственные интересы, делалось по Высочайшему повелению, предварительно окончательного их решения, сношение с подлежащими русскими властями и запрашивалось их заключение.

Между тем Ваше Императорское Величество, как усматривается из Высочайшего Манифеста от 15(3) февраля 1899 года, признали необходимым, чтобы законодательные вопросы, касающиеся общегосударственных интересов, могли рассматриваться в другом порядке, а именно в порядке, предначертанном в означенном Высочайшем Манифесте и в приложенных к нему Основных положениях; при применении этого порядка народное представительство Финляндии не имеет более значения законодательного фактора, а представляет только свое заключение наравне с другими финляндскими учреждениями, и подготовка дел главным образом возлагается на имперские власти.

В Высочайшем Манифесте и Основных положениях не указано подробно, какие дела могут стать предметом законодательства в указанном порядке, независимом от действия основных законов Финляндии. Но точное определение этих дел, по мнению Сената, необходимо в видах достижения прочного основания для особого законодательства Финляндии,

приноровленного к учреждениям и потребностям края, и, следовательно, также для обеспечения правильного поступательного движения общественного развития Финляндии.

Ввиду неоднократных Всемилостивейших удостоверений Вашего Императорского Величества о сохранении особого порядка внутреннего управления Финляндии, Сенат полагает, что Августейшее намерение Вашего Императорского Величества заключалось в том, чтобы только такие вопросы были изъяты из области финляндского законодательства, которые так близко касаются общегосударственных интересов, что рассмотрение их исключительно в порядке финляндского законодательства не может быть признано соответствующим существу дела. В сем отношении, по мнению Сената, на первом месте стоят вопросы, касающиеся войска, монеты, почты и телеграфа, как находящиеся в тесной связи с общегосударственными интересами или имеющие важное практическое значение для сношений между империею и Великим княжеством. Однако некоторые из этих вопросов имеют такое большое значение для внутренних условий Финляндии, что невозможно без риска для национальной и экономической самобытности края изъять их без всяких ограничений из области финляндского законодательства, хотя бы установленный Манифестом 15(3) февраля 1899 года порядок, предоставляющий земским чинам и Сенату некоторое право участия в рассмотрении вопросов общегосударственного законодательства, и был сохранен в силе, как предполагал Сенат при составлении настоящего проекта, на будущее время.

Что касается в частности военных дел, то Сенат, ввиду Основных положений, выраженных в Высочайшем Манифесте и Уставе о воинской повинности для Великого княжества Финляндского от 12 июля (29 июня) 1901 года, не колеблясь проектирует отнести к области общегосударственного законодательства такие относящиеся сюда вопросы, как, напр., вопросы об отбытии воинской повинности, об организации и управлении военных сил и проч., по которым предоставление Монарху единоличной решающей власти могло бы содействовать укреплению единства армии. Однако особое положение Финляндии в государстве, по мнению Сената, требует, чтобы при этом принимались в соображение господствующие в крае условия и нравы, дабы народ относился к обязанности защищать государство и отечество с любовью и выполнял ее с наибольшим успехом. Ввиду этого войско должно быть в Финляндии в известном смысле национальным учреждением. Первым условием в этом отношении представляется, по мнению Сената, чтобы военнообязанные финляндцы отбывали воинскую повинность в особых войсковых частях. Мотивы этого требования приводились неоднократно как Сенатом, так и земскими чинами, когда стоял на очереди вопрос о преобразовании финских войск.

Далее Сенат полагал бы необходимым установить, чтобы власти, заведующие призывом и хозяйственною частью финских войсковых частей, были финскими, тем более, что содержание этих войсковых частей, разумеется, должно лежать на обязанности финляндской казны, и Сенат уверен, что такое определение не подрывало бы единства армии. Из намеченной организации хозяйственной части следует, что финские войсковые части, в виде общего правила, должны быть расположены в пределах края, хотя эти войсковые части, как входящие в состав государственной армии и долженствующие участвовать в обороне государства, могли бы переводиться за пределы Великого княжества в военное время, а также в мирное время, когда, по благоусмотрению Вашего Императорского Величества, это вызывается особыми обстоятельствами.

Весьма важным представляется, как по принципиальным, так и по практическим соображениям, чтобы военное начальство было вполне знакомо с нравами и духовным складом нижних чинов. Для этого, однако, прежде всего требуется, чтобы начальство владело языком, на котором говорят нижние чины, что является также условием нравственного воздействия на нижних чинов, без которого подчинение начальству является лишь наружным принуждением. Знание финского языка, на котором говорит огромное большинство военнообязанных финляндцев, должно бы поэтому быть установлено в виде условия назначения в офицерские и унтер-офицерские должности при финских войсковых частях. Кроме

того, желательно было бы, чтобы начальство знало также шведский язык, но, по практическим соображениям, это едва ли может быть установлено в виде непременного требования.

В видах единства государственной армии необходимо, чтобы общие нормы, определяющие порядок поддержания дисциплины, были одинаковы для всей армии. Ввиду этого издание военно-уголовных законов, близко касающихся дисциплины и субординации, также для финских войсковых частей целесообразнее всего отнести к области общегосударственного законодательства. Однако, по мнению Сената, в отношении применяемых наказаний и общих начал исполнения наказаний необходимо было бы принимать при этом в соображение особые условия Финляндии и нравы финского народа, и этим вызывается издание для финских войсковых частей особого Устава о наказаниях, согласующегося, впрочем, с общим русским воинским Уставом о наказаниях.

Расходы на содержание финских войсковых частей, как уже выше замечено, разумеется, должны быть отнесены на счет финляндской казны. Для этой цели в распоряжении правительства прежде всего находятся средства милиционного фонда, которые могут быть усилены свободным остатком по общему статному фонду. В случае же недостатка этих средств потребные суммы должны быть указаны земскими чинами. Вследствие сего и в видах обеспечения финансовых прав земских чинов необходимо, чтобы наивысшая численность мирного состава финских войсковых частей, непосредственно влияющая на военный бюджет, была установлена в законе.

Максимальную численность этих войсковых частей, по мнению Сената, целесообразнее всего определить в виде известного процента народонаселения, так чтобы она увеличивалась по мере возрастания населения без изменения закона. Составление окончательного проекта относительно наивысшей численности мирного состава требует, однако, подробного исследования этого вопроса, которого Сенат в настоящее время не может произвести. Поэтому Сенат всеподданнейше ходатайствует о Всемилостивейшем разрешении, в случае, если представление Сената в этой его части в принципе удостоится Высочайшего уважения, войти, по истребовании заключения органов военного управления, с всеподданнейшим проектом Высочайшего предложения по сему вопросу.

Пока оставался в силе Устав о воинской повинности 1878 года, Финляндия участвовала в военных расходах государства, главным образом, только посредством содержания финских войсковых частей. Военные расходы Финляндии за это время, напр., в 1900 году составляли приблизительно 7 300 000 мар., т. е. около 2 мар. 70 п. на одного жителя. Ныне, ввиду развития финансовых средств края за последние десятилетия, справедливость требует, чтобы Финляндия приняла на себя больше расходов по военному делу. В этом отношении, по мнению Сената, представляется соответственным, чтобы на финляндскую казну была отнесена известная доля военных расходов государства. Так как, однако, ввиду ограниченных экономических средств Финляндии невозможно, не подрывая скромного благосостояния края, определить участие его в этих расходах соразмерно народонаселению и не представляется также возможным установить в этом отношении какую-либо другую пропорцию, то Сенат все-таки находит, что максимальный расход Великого княжества на военные цели может быть определен в известной сумме на единицу населения, так чтобы средства, которые могут быть расходуемы на военные цели, увеличивались по мере роста населения и общего благосостояния. Относительно размера этой максимальной нормы Сенат не считает возможным высказаться в настоящее время, и потому Сенат также в отношении этого вопроса, который по тем же причинам, как и вопрос о численности войска, подлежит разрешению посредством Сеймового закона, всеподданнейше ходатайствует о Высочайшем разрешении представить всеподданнейший проект в связи с проектом Высочайшего предложения земским чинам. При этом Сенат считает долгом отметить, что определение в законодательном порядке наивысшего размера численности войск и расходов на военные цели не означает установления военного бремени края на вечные времена, так как, по твердому убеждению Сената, в случае необходимости дальнейшего увеличения численности войска

или военных расходов, финский народ не преминет по мере сил принять на себя новые тяготы в этом отношении.

В число дел, которые в случае, если, по усмотрению Монарха, это требуется общегосударственными интересами, могли бы быть отнесены к области общегосударственного законодательства, Сенат включил также монетную часть. При этом Сенат руководствовался тем, что Монархи края неоднократно указывали на желательность согласования монетной части Финляндии с имперскою. Но так как Финляндия в своей экономической жизни в существенной степени зависит от заграничной торговли и прочность монетной системы в этом отношении имеет чрезвычайно важное значение, то, по мнению Сената, необходимо установить законодательным порядком, что металлическая монета и в будущем будет единственным законным платежным средством в Финляндии, и что положение Финляндского банка останется без изменений. При таких условиях земские чины, быть может, признают возможным отказаться от принадлежащего им в настоящее время права участия в законодательстве по монетной части.

Относительно почты Сенат исходит из отмеченного выше предположения, что в намерения Вашего Императорского Величества входит изменение некоторых учреждений Великого княжества лишь поскольку это требуется необходимым согласованием с соответственными учреждениями империи, с сохранением финляндских учреждений в прочих отношениях в прежнем положении. Ввиду сего и так как порядок, уже введенный Высочайшим Манифестом от 12 июня 1890 года, по-видимому, обеспечивает желаемое единство в этой области управления, Сенат, с точки зрения общегосударственных интересов, полагает нужным проектировать только, чтобы административные законы по почтовой части, по усмотрению Монарха, в установленных Высочайшим Манифестом пределах могли быть издаваемы в порядке общегосударственного законодательства. Почта в Финляндии, таким образом, оставалась бы по-прежнему финляндским учреждением, доходы и расходы которого входили бы в бюджет Великого княжества и заведование которым было бы возложено на финляндские власти, с сохранением однако без изменений основных положений, установленных Высочайшим Манифестом относительно высшего заведования финляндскою почтою.

Хотя телеграф в Финляндии, за исключением железнодорожных телеграфных проводов, всегда был имперским учреждением, Сенат все-таки в число данного рода дел включил также телеграф, только на том основании, что впоследствии обстоятельства могли бы вызвать постройку новых телеграфных проводов на счет финляндской казны. Если бы таким образом возник финляндский телеграф, то, по мнению Сената, было бы соответственным, чтобы он, в отношении законодательства и управления, занимал такое же положение, как финляндская почта.

В Сенате возник вопрос, не следует ли по существу дела отнести к данного рода отраслям управления также телефоны, служащие в сущности для тех же целей, как почта и телеграф. Однако, ввиду совершенно частного характера телефонов в Финляндии, Сенат не счел нужным войти с таким предположением, тем более, что действующее ныне в этой области законодательство оказалось вполне целесообразным, так как телефоны быстро распространились на пользу торговых оборотов, а с другой стороны и государственные интересы могли быть обеспечены надлежащим образом посредством соответственных условий телефонных концессий.

Равным образом и относительно таможенной части в Сенате возник вопрос об отнесении некоторых частей относящегося сюда законодательства к области законодательства общегосударственного. Однако, по мнению Сената, весьма важные соображения говорят в пользу сохранения за таможенным законодательством во всех отношениях значения финляндских дел. Так как таможенные пошлины прежде всего имеют значение податного обложения, то таможенное законодательство должно быть сообразовано с финансовыми потребностями страны и с платежною силою населения и отдельных отраслей промышленности. Только при таком условии таможенные пошлины могут доставлять казне желаемый доход,

не парализуя промышленной жизни. В частности, относительно Финляндии указанные обстоятельства, ввиду ограниченных средств края, заслуживают особенного внимания, так как таможенное законодательство, не соответствующее существующим в крае условиям, легко могло бы нанести существенный вред экономической жизни населения и еще более затруднить для него и без того тяжелую борьбу за существование. К тому же таможенные пошлины играют в Финляндии столь важную роль в доходах казны, что финансовая самостоятельность края, можно сказать, прямо зависит от таможенных поступлений, и что Финляндия без них не могла бы покрывать предстоящих увеличенных расходов на военные надобности. Так как, засим, Монарху также по основным законам Финляндии принадлежит право постановлять о таможенных ставках и о порядке взимания таможенных пошлин, то и без особых мероприятий в порядке общегосударственного законодательства для общего Монарха возможно в отношении таможенной части Финляндии принимать в соображение, в соответственных случаях, интересы империи, обеспечивая таким образом выгоды, которые при иных условиях достигаются таможенными союзами.

Соображения, приведенные относительно таможенной части, применимы в некоторых отношениях также к торговым сношениям Великого княжества и империи. В данном случае, однако, законодательство прежде всего должно иметь целью облегчение торговых сношений, и потому Сенат, не колеблясь, проектирует, чтобы вопрос о товарообмене между Финляндиею и империею на будущее время был отнесен к делам, которые, по усмотрению Монарха, подлежали бы рассмотрению в порядке общегосударственного законодательства, причем, разумеется, будут приниматься в соображение также потребности Финляндии.

Равным образом и некоторые другие, касающиеся как Великого княжества, так и империи вопросы, в отношении которых применима точка зрения взаимности, как то, напр.: относительно предоставления русским уроженцам права гражданства в Финляндии и другие вопросы, перечисленные ниже сего под № 9–15, Сенат считает возможным отнести к числу дел, которые, по усмотрению Монарха, подлежали бы рассмотрению в порядке общегосударственного законодательства, так как Сенат убежден, что и таким образом интересы Финляндии будут приниматься в соображение. Сказанное относится также к некоторым другим, ниже сего подробнее указанным вопросам, вызываемым положением Финляндии в государстве.

Согласно вышеизложенному, Сенат всеподданнейше полагал бы, с сохранением в прочих отношениях действующего для Великого княжества Финляндского особого порядка законодательства, установить, что относительно нижепоименованных вопросов законодательные меры, по выслушании подлежащих финляндских учреждений, могут быть приниматься в порядке, который Его Императорское Величество признает за благо определить в сем отношении:

1) относительно отбывания воинской повинности финляндскими гражданами и об организации и управлении военных сил, с тем, однако:

а) чтобы финляндские граждане не были обязаны отбывать воинскую повинность в других частях, кроме комплектуемых преимущественно финляндскими гражданами;

б) чтобы наивысшее число военнообязанных, которое в Финляндии в мирное время может быть ежегодно призываемо на действительную службу, а также суммы, которые могут быть расходуемы из финляндских казенных средств на военные надобности, устанавлялись с согласия земских чинов, а именно наивысшее число призыва в процентах населения и размер военных расходов в определенной сумме на единицу населения;

в) чтобы хозяйственная и интендантская часть означенных войсковых частей, а также распоряжения, требуемые для призыва военнообязанных к отбыванию воинской повинности и на действительную службу, зависели от финляндских властей;

г) чтобы эти войсковые части лишь по повелению Его Императорского Величества могли быть переводимы для несения службы вне пределов Великого княжества, и

д) чтобы от офицеров и унтер-офицеров этих войсковых частей требовалось знание финского языка;

2) относительно наказания за преступления, совершенные воинскими чинами, и о судопроизводстве по таким делам, с тем, однако, чтобы был издан особый Устав о наказаниях, составленный применительно к местным условиям Финляндии;

3) относительно конской повинности для военных надобностей, с тем, чтобы потребные в сем отношении исполнительные действия были возложены на финляндские власти;

4) относительно ограничений в праве собственности на недвижимое имущество в крепостных районах;

5) относительно металлической монеты, с тем, однако:

а) чтобы металлическая монета оставалась единственным законным платежным средством в крае, и

б) чтобы положение Финляндского банка оставалось без изменений;

6) относительно почты, которая, однако, по-прежнему остается финляндским учреждением, состоящим в заведывании финляндских властей;

7) относительно телеграфа;

8) относительно привоза товаров из империи в Великое княжество и наоборот;

9) относительно приписки русских уроженцев в число финляндских граждан;

10) относительно подсудности и специальных правил по делам, касающимся преступлений, совершенных обывателями Финляндии в России или обывателями русских губерний в Финляндии;

11) об исполнении в Финляндии решений судебных мест империи по тяжебным делам;

12) относительно содействия, оказываемого судебными и административными властями Финляндии таковым же властям в империи;

13) относительно наследства и завещаний русских уроженцев, оставивших имущество в Финляндии;

14) относительно охраны русских фирм и товарных знаков в Финляндии;

15) относительно охраны литературного и художественного имущества русских уроженцев в Финляндии;

16) относительно судопроизводства по делам, возбуждаемым в Финляндии против воинских чинов, и о порядке вызова лиц гражданского звания в военные суды, и

17) относительно принятия иностранцев в число подданных Его Величества по Финляндии.

Вышеприведенные ограничительные определения под ст. ст. 1, 2, 3, 5 и 6 остаются в силе впредь до изменения или отмены их, с согласия земских чинов, в порядке, установленном для внутреннего законодательства Великого княжества.

При составлении вышеприведенного проекта Сенат не упустил из виду, что впоследствии может оказаться соответственным отнести и другие вопросы, кроме вышеперечисленных, к числу подлежащих рассмотрению в порядке общегосударственного законодательства. Сенат, однако, убежден, что в таком случае необходимое расширение области общегосударственного законодательства не встретит препятствий, так как земские чины, без сомнения, обнаружат понимание требований общегосударственных интересов.

Проект Сената, как уже выше замечено, заключает в себе существенное ограничение прав земских чинов на участие в законодательстве. Ввиду сего Сенат предполагает, что важный законодательный акт, о котором идет речь, состоится при установленном основными законами участии земских чинов, что представляется также крайне важным, если последствием этой законодательной меры, как Сенат осмеливается надеяться, явится возвращение к нормальным условиям в Финляндии. Сенат поэтому приемлет долг всеподданнейше ходатайствовать о Всемилостивейшем разрешении составить по сему предмету проект Высочайшего предложения для передачи земским чинам на ближайшем Сейме.

Особое мнение

По мнению нижеподписавшегося, в настоящее время не имеется достаточных оснований для отнесения к области общегосударственного законодательства вопросов, касаю-

щихся монетной части. Монета является средством обмена и общность монеты у двух или нескольких народов, несомненно, содействует до некоторой степени облегчению товарообмена между данными народами. Общие интересы народов, поэтому, постепенно поведут к введению общего для всех мерила ценности, как уже теперь многие народы имеют общую систему мер и весов. Но, предварительно достижения этой цели, должны быть вполне разрешены некоторые вопросы, прежде всего вопросы о неколебимой прочности ценности монеты и о величине монетной единицы. Коль скоро эти вопросы будут разрешены, затруднений относительно согласования монетной части в империи и Финляндии уже не окажется, и законодательство по этому вопросу может тогда состояться на общую пользу как при издании общего для всего государства закона, так и посредством особых законов для обеих стран. Финляндский народ, пользующийся в настоящее время неоценимыми выгодами прочной монетной ценности и соответствующей его экономическим условиям монетной единицы, достиг этих выгод благодаря законодательным актам, состоявшимся в 60-х и 70-х годах, без какого-либо ущерба для общегосударственных интересов. Выгоды эти могли бы быть утрачены для Финляндии без всякой пользы для государства, если бы монетная часть Финляндии была урегулирована общегосударственным законом, пока еще не наступил подходящий для такой меры момент.

Г. Боренius

К вышеизложенному особому мнению присоединяется Г. Иогансон

Нижеподписавшийся также находит, что все изменения относительно монеты в Финляндии, которые действительно могли бы потребоваться в не слишком отдаленном будущем, могут быть осуществлены без выделения монетной части из области финляндского законодательства.

И.Р. Даниельсон

Приложение № 2

Особый проект, составленный сенаторами Энебергом, Окерманом и Форселем в качестве членов учрежденной при Сенате Комиссии

Ввиду несогласованности между определениями Сеймового Устава Великого княжества Финляндского о праве земских чинов участвовать в законодательстве, с одной стороны, и постановлениями Высочайшего Манифеста от 15(3) февраля 1899 года и относящихся к нему Основных положений о порядке законодательства по вопросам, касающимся общегосударственных интересов, – с другой, Сенат 16 апреля 1902 года всеподданнейше ходатайствовал о Всемилостивейшем разрешении выработать проект соответствующих дополнений к Сеймовому Уставу, в видах согласования положений в этой области законодательства путем точного определения вопросов, до которых относится вышеуказанный порядок. Во внимание сего Ваше Императорское Величество Всемилостивейше соизволили, как то явствует из сообщенного Сенату отношения статс-секретариата Великого княжества Финляндского к генерал-губернатору края от 28(15) сентября того же года, по состоявшемуся 26(13) сентября докладу всеподданнейшего представления Сената, не предрешая дальнейшего производства дела, предоставить Сенату выработать и представит на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение подробные предположения о том, какие дела должны быть отнесены к области общегосударственного законодательства.

При исполнении сего Высочайшего повеления Сенат принял в соображение следующие обстоятельства.

Согласно издавна существующему в Финляндии порядку, законы для Великого княжества издаются Монархом при участии земских чинов края, за исключением некоторых предметов, относящихся к области т. н. экономического законодательства, по которым участия земских чинов не требуется. В обоих случаях Монарх осуществляет Свою власть при содействии финляндских властей, и дела докладываются министром статс-секретарем Великого

княжества. В тех случаях, когда законодательные меры по Финляндии касались вопросов, затрагивающих общегосударственные интересы, делалось, предварительно окончательного их решения, сношение с подлежащими русскими властями и запрашивалось их заключение.

Между тем Ваше Императорское Величество, как усматривается из Высочайшего Манифеста от 15(3) февраля 1899 года, признали необходимым, чтобы законодательные вопросы, касающиеся общегосударственных интересов, могли рассматриваться в другом порядке, а именно в порядке, предначертанном в означенном Высочайшем Манифесте и в приложенных к нему Основных положениях; при применении этого порядка народное представительство Финляндии не имеет более значения законодательного фактора, а представляет только свое заключение наравне с другими финляндскими учреждениями, и подготовка дел главным образом возлагается на имперские власти.

В Высочайшем Манифесте и Основных положениях не указано подробно, какие дела могут стать предметом законодательства в указанном порядке. По точное определение этих дел, по мнению Сената, необходимо в видах достижения прочного основания для особого законодательства Финляндии, приноровленного к учреждениям и потребностям края, и, следовательно, также для обеспечения правильного поступательного движения общественного развития Финляндии.

Ввиду неоднократных Всемилостивейших удостоверений Вашего Императорского Величества о сохранении особого порядка внутреннего управления Финляндии, Сенат полагает, что Августейшее намерение Вашего Императорского Величества заключалось в том, чтобы только такие вопросы были изъяты из области финляндского законодательства, которые так близко касаются общегосударственных интересов, что рассмотрение их исключительно в порядке финляндского законодательства не может быть признано соответствующим существу дела. В сем отношении, по мнению Сената, на первом месте стоят вопросы, касающиеся войска, монеты, почты и телеграфа, а также таможенной части, как находящиеся в связи с общегосударственными интересами или имеющие практическое значение для сношений между империею и Великим княжеством. Однако эти вопросы имеют отчасти такое большое значение для внутренних условий Финляндии, что невозможно, без риска для национальной и экономической самобытности края, изъять их, без всяких ограничений, из области финляндского законодательства, хотя бы установленный Манифестом 15(3) февраля 1899 года порядок, предоставляющий земским чинам и Сенату некоторое право участия в рассмотрении вопросов общегосударственного законодательства, и был сохранен в силе, как предполагал Сенат при составлении настоящего проекта, на будущее время.

Что касается, в частности, военных дел, то Сенат, ввиду Высочайшего Манифеста и Устава о воинской повинности для Великого княжества Финляндского от 12 июля (29 июня) 1901 года, проектирует отнести относящиеся сюда вопросы к области общегосударственного законодательства. При этом, однако, представляется необходимым, чтобы принимались в соображение также господствующие в крае условия и нравы, как то отчасти уже сделано в упомянутом Высочайшем Манифесте и Уставе о воинской повинности, дабы народ относился к обязанности защищать государство и отечество с любовью и выполнял ее с наибольшим успехом. Засим Сенат осмеливается еще представить, в виде общего желания финского народа, чтобы военнообязанные Финляндии отбывали воинскую повинность в особых войсковых частях. Мотивы этого желания приводились неоднократно как Сенатом, так и земскими чинами, когда стоял на очереди вопрос о преобразовании финских войск.

Далее нельзя не признать весьма важным как с принципиальной, так и с практической точки зрения, чтобы военное начальство было вполне знакомо с нравами и духовным складом нижних чинов. Для этого, однако, прежде всего требуется, чтобы начальство владело языком, на котором говорят нижние чины. Знание не только государственного языка, но и финского, на котором говорит огромное большинство военнообязанных финляндцев, должно бы поэтому быть установлено в виде условия назначения в офицерские и унтерофицерские должности при финских войсковых частях.

В видах единства государственной армии необходимо, чтобы нормы, определяющие порядок поддержания дисциплины, были одинаковы для всей армии. Ввиду этого издание военно-уголовных законов, столь близко касающихся дисциплины и субординации, также для финских войсковых частей целесообразнее всего отнести к области общегосударственного законодательства. Однако при издании военно-уголовных законов для финляндских войсковых частей, по мнению Сената, следовало бы, в отношении применяемых родов наказаний, принимать в соображение особые условия Финляндии и нравы финского народа.

Для военных надобностей в распоряжении правительства прежде всего находятся средства милиционного фонда и имеющиеся в общем статном фонде остаток. В случае же недостатка этих средств, потребные суммы, по действовавшим до сего времени узаконениям, указывались земскими чинами. Каково бы ни было окончательное решение этого вопроса, во всяком случае, в видах обеспечения финансов Финляндии, было бы крайне важно, чтобы основания участия края в военных расходах государства были установлены на продолжительный срок при участии земских чинов.

В число дел, которые в случае, если, по усмотрению Монарха, это требуется общегосударственными интересами, могли бы быть отнесены к области общегосударственного законодательства, Сенат включил также монетную часть. При этом Сенат руководствовался тем, что Монархи края неоднократно указывали на желательность согласования монетной части Финляндии с имперскою. Но так как Финляндия в своей экономической жизни в существенной степени зависит от заграничной торговли, и прочность монетной системы в этом отношении имеет чрезвычайно важное значение, то, по мнению Сената, следовало бы сохранить ныне действующее определение о том, что металлическая монета составляет единственное законное платежное средство в Финляндии, а также оставить без изменений положение Финляндского банка как эмиссионного учреждения.

Относительно почты Сенат исходит из отмеченного выше предположения, что в намерения Вашего Императорского Величества входит изменение некоторых учреждений Великого княжества лишь поскольку это требуется необходимым согласованием с соответственными учреждениями империи, с сохранением финляндских учреждений, в прочих отношениях, в прежнем положении. Ввиду сего и так как порядок, уже введенный Высочайшим Манифестом от 12 июня (31 мая) 1890 года, по-видимому обеспечивает желаемое единство в этой области управления, Сенат, с точки зрения общегосударственных интересов, полагает нужным проектировать только, чтобы вопросы, касающиеся заведования и управления почтовою частью, по усмотрению Монарха, в установленных Высочайшим Манифестом пределах, могли быть рассматриваемы в порядке общегосударственного законодательства. Почта в Финляндии, таким образом, оставалась бы по-прежнему финляндским учреждением, доходы и расходы которого входили бы в бюджет Великого княжества, и заведование которым было бы возложено на финляндские власти, с сохранением, однако, без изменений основных положений, установленных Высочайшим Манифестом относительно высшего заведования финляндскою почтою.

Хотя телеграф в Финляндии, за исключением железнодорожных телеграфных проводов, всегда был имперским учреждением, Сенат все-таки в число данного рода дел включил также телеграф, только на том основании, что впоследствии обстоятельства могли бы вызвать постройку новых телеграфных проводов на счет финляндской казны. Если бы таким образом возник финляндский телеграф, то, по мнению Сената, было бы соответственным, чтобы он, в отношении законодательства и управления, занимал такое же положение, как финляндская почта.

В Сенате возник вопрос, не следует ли по существу дела отнести к данного рода отраслям управления также телефоны, служащие в сущности для тех же целей, как почта и телеграф. Однако, ввиду совершенно частного характера телефонов в Финляндии, Сенат не счел нужным войти с таким предположением, тем более, что действующее ныне в этой области законодательство оказалось вполне целесообразным, так как телефоны быстро распространились на пользу торговых оборотов, а с другой стороны, и государственные интересы мог-

ли быть обеспечены надлежащим образом посредством соответственных условий телефонных концессий.

Более тесное соединение финляндской таможенной части с имперскою также неоднократно было предметом Высочайших указаний и серьезных обсуждений русских и финляндских властей. Сенат, с своей стороны, равным образом не может не признать важности такого сближения в видах единства государства по отношению к другим странам. В сем отношении Сенат приемлет долг проектировать, чтобы установление таможенных ставок по заграничной торговле и организация контроля за единообразным их применением были отнесены к общегосударственному законодательству. При этом Сенат предполагает, что в необходимой мере будут принимаемы в соображение как экономические потребности края, так и доходы казны, в числе которых таможенные поступления занимают столь важное место, что от них, можно сказать, зависит финансовая самостоятельность края, и что Финляндия без них не могла бы покрывать ожидаемых расходов на военные надобности. По проекту Сената, согласно которому таможенные ставки и контроль за их применением определялись бы общегосударственным законодательством, но в прочих отношениях таможенное ведомство оставалось бы финляндским учреждением, положение таможенной части Финляндии было бы аналогично с положением, в котором находится почтовая часть края в силу Высочайшего Манифеста от 12 июня (31 мая) 1890 года.

Вопросы, касающиеся торговых сношений Великого княжества и империи, по существу дела и применительно к таможенным ставкам по заграничной торговле, должны бы подлежать рассмотрению в порядке общегосударственного законодательства. Сенат поэтому проектирует, чтобы товарообмен между Финляндиею и империею в будущем причислялся к делам, которые, по усмотрению Монарха, могли бы рассматриваться в порядке общегосударственного законодательства, причем, разумеется, принимались бы также в соображение потребности Финляндии.

Кроме того, и некоторые другие вопросы, касающиеся как Великого княжества, так и империи и перечисленные ниже сего под №№ 10–18, Сенат считает возможным отнести к числу дел, которые, по усмотрению Монарха, подлежали бы рассмотрению в порядке общегосударственного законодательства, так как Сенат убежден, что и таким образом интересы Финляндии будут приниматься в соображение.

Согласно вышеизложенному, Сенат всеподданнейше полагал бы, с сохранением в прочих отношениях действующего для Великого княжества Финляндского особого порядка законодательства, установить, что относительно нижепоименованных вопросов законодательные меры, по выслушании подлежащих финляндских учреждений, могут быть приниматься в порядке, который Его Императорское Величество Высочайше установил в Манифесте от 15(3) февраля 1899 года и относящихся к нему Основных положениях или впредь признает за благо определить в сем отношении:

1) относительно отбывания воинской повинности финляндскими гражданами и об организации и управлении военных сил;

2) относительно наказания за преступления, совершенные воинскими чинами, и о судопроизводстве по таким делам;

3) относительно конской повинности для военных надобностей;

4) относительно ограничений в праве собственности на недвижимое имущество в крепостных районах;

5) относительно металлической монеты;

6) относительно вопросов, касающихся заведования и управления почтовою частью;

7) относительно телеграфа;

8) относительно таможенных ставок на заграничные товары и контроля за единообразным их применением;

9) относительно привоза товаров из империи в Великое княжество и наоборот;

10) относительно приписки русских уроженцев в число финляндских граждан;

11) относительно подсудности и специальных правил по делам, касающимся преступлений, совершенных обывателями Финляндии в России или обывателями русских губерний в Финляндии;

12) об исполнении в Финляндии решений судебных мест империи по тяжебным делам;

13) относительно содействия, оказываемого судебными и административными властями Финляндии таковым же властям в империи;

14) относительно наследства и завещаний русских уроженцев, оставивших имущество в Финляндии;

15) относительно охраны русских фирм и товарных знаков в Финляндии;

16) относительно охраны литературного и художественного имущества русских уроженцев в Финляндии;

17) относительно судопроизводства по делам, возбуждаемым в Финляндии против воинских чинов, и о порядке вызова лиц гражданского звания в военные суды, и

18) относительно принятия иностранцев в число подданных Его Величества по Финляндии.

При составлении вышеприведенного проекта Сенат не упустил из виду, что впоследствии может оказаться соответственным отнести и другие вопросы, кроме вышеперечисленных, к числу подлежащих рассмотрению в порядке общегосударственного законодательства. Сенат, однако, убежден, что в таком случае необходимое расширение области общегосударственного законодательства не встретит препятствий, так как земские чины, без сомнения, обнаружат понимание требований общегосударственных интересов.

Проект Сената, как уже выше замечено, заключает в себе существенное ограничение прав земских чинов на участие в законодательстве. Ввиду сего Сенат предполагает, что важный законодательный акт, о котором идет речь, состоится при участии земских чинов, что представляется также крайне важным, если последствием этой законодательной меры, как Сенат осмеливается надеяться, явится возвращение к нормальным условиям в Финляндии. Сенат поэтому приемлет долг всеподданнейше ходатайствовать о Всемилостивейшем разрешении составить по сему предмету проект Высочайшего предложения для передачи земским чинам на ближайшем Сейме.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–5, 7–16. Типографский текст (С. 1–21).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [3:II].

№ 115. Речь Императора Николая II земским чинам Великого княжества Финляндского при открытии очередного Сейма

26 ноября (9 декабря) 1904 г.

Высочайшая Его Императорского Величества Государя Императора речь земским чинам Великого княжества Финляндского при открытии очередного Сейма в г. Гельсингфорсе 9 декабря (26 ноября) 1904 года.

Представители финского народа.

Признав за благо призвать вас ныне на очередной Сейм и назначить следующий Сейм на 1907 г., Я тем самым хотел явить новый знак доверия Моего к финскому народу. При этом Я должен, однако, с прискорбием отметить, что за последнее время мирное течение общественной жизни края неоднократно нарушалось противодействием, оказываемым частью населения Финляндии Моим предначертаниям, а летом текущего года оно омрачилось убийством высшего представителя государственной власти в Финляндии. До сведения Моего было доведено, что, по распространенному в Финляндии мнению, непременным условием восстановления спокойствия в крае признается изменение, а отчасти и отмена некоторых, изданных за последнее время узаконений и принятых в их исполне-

ние мер. Между тем из числа таковых узаконений одни устанавливают более тесную связь между Великим княжеством Финляндским и империею, другие же имеют целью предоставить государственной власти способы подавления встреченного ею противодействия. Сии последние постановления по существу своему имеют только временное значение, и Мне отрадно будет отменить их, когда Финляндский генерал-губернатор донесет, что устранились обстоятельства, вызвавшие их издание. Что же касается узаконений первого рода, к которым относятся Основные положения 3/15 февраля 1899 г. о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, Манифест от 7/20 июня 1900 г. о введении русского языка в делопроизводство Сената, Главных управлений и губернских правлений Финляндии и утвержденный 29 июня / 12 июля 1901 г. Устав о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском, то Я решил оставить в непреложной силе главные начала сих государственных актов. Но, дабы с большею точностью определить отношение общеимперского законодательства к местному финляндскому, Я признал возможным, во внимание к ходатайству Моего Финляндского Сената, сделать распоряжение о начертании законопроекта о разграничении сих законодательств.

Доверяя вашему благоразумию и ожидая, что вы посвятите ваши силы на деловую разработку требующих вашего разрешения важных законодательных и экономических вопросов, молю Бога, да просветит Он ваш разум и ниспошлет Свое благословение на ваши труды.

Объявляю Сеймом открытым.

«НИКОЛАЙ»

Опубл.: Финляндская газета. 1904, 12 декабря. № 185. С. 1; СПВКФ. № 57А.

№ 116. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора И.М. Оболенского Императору Николаю II о политическом положении в Финляндии в 1904 г.[334]

15(28) декабря 1904 г.

Всеподданнейшая записка
Финляндского генерал-губернатора, генерал-адъютанта князя Ивана Оболенского
о политическом положении в предСеймовый и петиционный периоды очередного
Сейма 1904 г.

При назначении меня Финляндским генерал-губернатором Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивейшее выразить Высочайшую уверенность в возможности сохранения особого строя местного управления и внутреннего законодательства Финляндии.

Вслед за вступлением моим в должность мне представилась депутация старофиннов, заявившая о всеобщем искреннем стремлении к восстановлению в крае нормального порядка, причем ею было высказано, что лучшим к тому средством послужил бы созыв земских чинов.

При совершенном затем мною объезде края последовал от представителей местного населения целый ряд таких же заявлений, в которых выражалось убеждение в умиротворяющем значении Сейма. На это мною неизменно указывалось, что восстановление в крае мирного течения жизни есть также первейшее желание и Вашего Императорского Величества, но что осуществление сего всецело зависит от благоразумия самих финляндцев.

Ввиду осложнившегося за последние годы состояния края и развития противоправительственной агитации, осторожность побудила, особенно после злодеяния 3 июня и выяснившихся из дела отставного сенатора Шаумана данных, относиться с недоверием к внешним признакам умиротворения.

Тем не менее созыв земских чинов являлся желательным в том внимании, что его отсрочка давала бы новый повод для дальнейшего развития смуты, возбудив в населении

опасения в упразднения самого Сеймa. Сроком созыва земских чинов Вашему Императорскому Величеству благоугодно было назначить 23 ноября. После сего, во избежание всяких нареканий на правительственную власть, местным административным учреждениям и лицам подтверждено было о точном соблюдении § 21 Сеймового Устава, воспрещающего вмешательство в избрание Сеймовых представителей; чинам общей полиции указано следить за тем, чтобы ничто не препятствовало свободе выборов, а в печати допущено более широкое обсуждение политических вопросов и задач будущего Сеймa. Благодаря этому в достаточной мере выяснились взаимные отношения партий и настроение общества.

С того времени, как борьба из-за местных языков потеряла остроту и финский язык при поддержке русской власти стал равноправен шведскому, финноманы и шведоманы сосредоточили все свои усилия на противодействии русским государственным началам, различаясь в этом отношении лишь способами своих действий.

Шведская партия, оберегая старошведские порядки и не теряя связей со Швецией, в лице крайних своих представителей мечтает о Скандинавской федерации; националисты-финны хлопочут о поглощении различных, входящих в состав населения края, народностей и образовании особой финской нации, а крайняя их фракция – младофинны, используя те же начала, вносит в них еще и основы зарождающегося в крае социализма.

Каждая партия жаждет власти и добивается замещения всех должностей и мест своими приверженцами, дабы тем приобрести, в прямых своих интересах, действительное влияние на население.

Малочисленный финский народ и его партии, опасаясь быть поглощенными огромною Россией, одинаково проникнуты страхом перед нею и поэтому – враждою ко всему русскому. Пользуясь под охраной могущества империи выгодами политической неприкосновенности и обеспеченного существования, финляндцы тем не менее всеми силами добиваются ограничения Верховной власти Русского Самодержца в пределах Великого княжества.

Конечно, в виде исключения и здесь встречаются преданные Вашему Императорскому Величеству и расположенные к России люди, но они из чувства национального и родового единства уклоняются от участия в политической жизни.

Наряду с этими партиями в крае имеются и тайные организации, оказывающие свое вредное на население влияние. Судебный процесс о государственной измене Шаумана подтвердил существование активной революционной партии, имеющей целью систематическую подготовку к вооруженному восстанию; розыск же по делу об убийстве генерал-адъютанта Бобрикова в связи с подпольными воззваниями указал на образование еще и партии террористов, главари которой преимущественно сосредоточились в Стокгольме и вошли в непосредственное сношение с русскими революционерами всех фракций.

До последнего времени народ относился довольно безучастно к борьбе партий. Однако агитаторы, воспользовавшись воинскою повинностью, непосредственно затрагивающею интересы всего населения, ныне успели уже внушить даже сельским обывателям, что русская власть будто бы попирает их исконные права и нарушает самоуправление края.

Достижение крамольниками этой цели оказывалось тем легче, что и чрезвычайный Сейм 1899 года высказался в том же направлении, а вследствие почти векового попустительства русской власти общинные учреждения и за ними само население привыкли считать собрание земских чинов за нечто высшее противу Верховной власти.

Переходя затем к оценке состава Сеймa, следует иметь в виду, что в курии Рыцарства принимают участие представители всех дворянских родов, причем преимущественное право главы рода на участие в Сейме может быть передаваемо им как в пределах рода, так даже и передоверено членам других дворянских родов*[1]. Вследствие этого, а также и значительного числа дворянских родов в Финляндии, дворянская курия оказывается наиболее

*[1] На нынешнем сейме таких заместителей до $^1/_3$ всего состава курии. (*Прим. док.*)

многочисленною*[2], а по составу своему не отвечающею основному историческому понятию о поместном дворянстве, так как в значительном большинстве своих членов состоит преимущественно из лиц либеральных профессий, утративших всякую связь с землей. Благодаря такому своему составу, дворянская курия не является в Сейме элементом консервативным, а, наоборот, представляет собою собрание лиц в большинстве шведского происхождения, не связанных друг с другом общими имущественными интересами и имеющим свойства интеллигентного пролетариата, склонного не только к протесту против требований русской правительственной власти, но далее и к резким действиям*[3].

Городская курия, состоя главным образом из лиц свободных профессий, ближе всего подходит к дворянской, отличаясь от последней лишь тем, что пополняется путем избрания.

Курия духовенства образуется по выборам, частью из лиц духовного звания, преимущественно обеспеченных пользованием церковным земельным имуществом, частью же из учителей и профессоров. Большинство в курии этой принадлежит духовенству, вследствие чего она и отличается более умеренным направлением.

Тот же характер носить и курия крестьян, избираемая из среды землевладельцев всех общественных классов.

Такое представительство не удовлетворяет и самих финляндцев, неоднократно указывавших, что Сейм является представителем не всего финского народа, а лишь ничтожного его меньшинства. И действительно, общее число в крае дворян и духовенства не превышает 3000 человек; городских избирателей – едва 30 000, а крестьян, пользующихся правом выбора, не более 300 000. Таким образом, первые две курии, имеющие половину голоса Сейма, оказываются представительницами одной лишь тысячной части населения Финляндии: курия горожан одной сотой, а курия крестьян одной десятой. Следовательно, правом участия в деле народного представительства пользуется немного более одной десятой всего трехмиллионного населения Финляндии. При этом нельзя не отметить, что в городском сословии, в котором число избирательных голосов определяется количеством оброчных единиц, нередко случается, что депутат сам себя избирает, как, например, в г. Кристинестаде, в котором на выборах участвовало 34 избирателя с 1008 голосами, из коих самому избранному принадлежало 534. Согласно Высочайшему предложению, переданному настоящему Сейму, порядок выборов в городском и крестьянском сословиях предложен к изменению.

Выборная кампания текущего Сейма отличалась особым оживлением, причем шведоманы и младофинны объединились под общим именем «конституционалистов», и, собрав необходимые для выборов средства, оказались победителями; старофинны, не сумевшие организоваться, потерпели поражение.

Сторонники конституционной партии в дворянской курии составляют 90 %, в духовном сословии конституционалисты и старофинны поделились пополам, в городской курии конституционалистов – 92 %, в крестьянском же их 59 $^{1}/_{2}$ %.

Выборы сопровождались, по обыкновению, многочисленными собраниями, на которых обсуждались программы партий. Обращало на себя особенное внимание то, что на этот раз, вопреки § 7 Сеймового Устава, депутатам предъявлялись избирателями «mandates imposatif», в которых им предписывали принятие мер к отмене большинства узаконений

---

*[2] На нынешнем сейме 188 членов (при 224 дворянских родах), тогда как в духовном сословии их 48, в городском 73 и в крестьянском 62, т. е. общее число дворян превышает совокупность всех членов остальных курий на 5 человек. (*Прим. док.*)

*[3] Примером могут служить: попытка повлиять на назначение ландмаршала, вследствие того, что кандидат на эту почетную должность не пользуется расположением дворянства; устроенная ландмаршалу демонстрация при первом посещении им Рыцарского Дома, когда дворяне встретили его, не вставая, публичное обвинение прокурора Сената в неисполнении им будто бы служебного долга и требование смещения его с должности под угрозою возможности повторения «Шаумановского» выстрела (речь г. Седергольма в заседании рыцарского сословия). (*Прим. док.*).

последнего времени и в случае неудовлетворения этого требования отказ от исполнения обязанностей депутата.

Еще до открытия Сейма представители разных сословий и партий, являясь ко мне и заверяя о своей верноподданности Вашему Императорскому Величеству, позволяли себе, однако, находить незаконными и подлежащими отмене или пересмотру все Ваши, Всемилостивейший Государь, Высочайшие повеления.

В печати и обществе горячо обсуждался вопрос о праве участия в Сейме высланных из Финляндии лиц. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивейше разрешить пребывание в крае для участия в Сейме, впредь до его закрытия, тем из них, кто законно избран или состоит лично старшим представителем дворянского рода*[4].

Весьма знаменательны те овации, которые были оказаны возвратившимся на родину. Особенно торжественны и многолюдны были встречи в Гельсингфорсе, где некоторых из прибывших несли на руках, а у других толпа выпрягала из экипажей лошадей и везла на себе. Чествуемые благодарили от имени отечества, Мехелин же выразил признательность за оказанные ему «королевские почести».

Тем не менее мера эта, устранив многие причины, могущая повести к осложнению в самом начале работы Сейма, лицам, высланным из края, пресекла возможность, не неся никакой ответственности, агитировать и руководить деятельностью Сейма из-за границы. Ныне же, участвуя в заседаниях, они поставлены в необходимость умерять свои действия, так как в случае закрытия Сейма в неурочное время в глазах большинства населения явятся главными в том виновниками.

Вышеупомянутые демонстрации, в связи с возобновлением противодействия подготовленным мерам по предстоящему призыву военнообязанных*[5], исключая всякую возможность для меня возбудить перед Вашим Императорским Величеством всеподданнейшее ходатайство об отмене еще до открытия Сейма чрезвычайных полномочий. Поэтому, когда тальманы духовенства и крестьяне, ссылаясь на выраженное в Высочайшей речи Всемилостивейшее желание отменить эти полномочия, просили меня войти с таковым представлением, то им было указано, что они, как честные люди, сами несомненно сознают, что современное положение не допускает с моей стороны возбуждения такого ходатайства, которое могло бы последовать, разве только при их ручательстве, что намеренное противодействие правительству более не повторится. Ответом на это было молчание.

Пред торжественным открытием Сейма сословия обменивались речами, в некоторых выражали друг другу свои надежды на возвращение к порядкам, существовавшим до 1898 г.

Торжество открытия, хотя и протекло совершенно спокойно, но для достижения сего потребовалось проявление с моей стороны настойчивости, внушавшей земским чинам опасение, что открытие Сейма, в случае уклонения от точных требований Сеймового Устава, может и не состояться*[6]. Содержание Высочайшей Вашего Императорского Величества

---

*[4] Действию такой Высочайшей милости оказались подлежащими: выборные депутаты в сословии горожан – Лунденцус и Нюберг, сословие крестьян – Фельман, а также дворяне: барон фон-Борн, Христерсон, Сегерстроле, Варен, Мехелин, Фразер и Эстландер и, сверх того, допущенные, в виде особого изъятия, Кулефельд и Гриненберг. Характерно, что с помянутыми лицами прибыли из Стокгольма также и бывший редактор навсегда закрытой в 1900 г. за вредное направление газеты «Вуп Pressera» Аксель Лилле, предупредивший свою высылку заблаговременным выездом из края и принятием шведского подданства, а ныне пожелавший проникнуть на Сейм под видом корреспондента, и выбывший из Российского подданства, а затем высланный за границу граф Крейц. Обоим не было разрешено сойти с парохода, и они возвратились в Швецию. (*Прим. док.*)

*[5] Обнаружены уже и подпольные, помеченные Гельсингфорсом и днем созыва Сейма, циркуляры, в которых от имени «конституционалистов», предлагается неуклонно следовать в этом противодействии прежним приемам пассивного сопротивления. (*Прим. док.*)

*[6] Поводом к этому послужили: протест дворянской курии против содержания речи ландмаршала и предположенная к произнесению речь тальмана горожан, выслушать которую я не признал возможным и которая вследствие сего, по моему настоянию, была заменена другою. (*Прим. док.*)

речи явилось для финляндцев неожиданным разочарованием, ею предусматривались главнейшие их притязания и, таким образом, предпосылался надлежащий на них ответ. Руководствуясь заранее выработанною в Стокгольме программою, подсказанною подпольною газетою «Fria Ord», Сейм вовсе не принял во внимание Высочайшей речи и дальнейшие его действия носили такой характер, как будто бы таковая совершенно произнесена не была.

Настроение Сейма ясно выразилось уже при выборе электоров и Сеймовых комиссий, в состав которых были избраны в большинстве лица, уволенные от должностей в административном порядке, высланные из края и заведомо антиправительственного направления.

Из числа комиссий тотчас же приобрела преобладающее значение «Особая» петиционная комиссия, состоящая из наиболее видных представителей крамолы*[7], под председательством Лео Мехелина, который оказался избранным еще в председатели как статной, так и экспедиционной комиссии. Выбор его и барона Борна в состав этой последней объясняется намерением дать им возможность оставаться в Финляндии и после закрытия Сейма, так как на обязанности Комиссии лежит завершение Сеймовых дел без указания определенного на то срока.

Общее число петиций и моций – 328, из коих в дворянском сословии внесено 35, в курии духовенства – 57, в городском сословии – 94 и в крестьянском – 142. Рассмотрение большинства из них, имеющих весьма важное значение, было отложено, а внимание земских чинов всецело сосредоточилось на способе осуждения в форме петиции всех принятых мер и изданных законов за истекшее шестилетие. Многие депутаты при этом предполагали даже не приступать вовсе к обсуждению Высочайших предложений впредь до удовлетворения ходатайств о восстановлении «законного в Финляндии порядка».

Эти петиции, еще мною официально не полученные, неся явный характер не ходатайств, а дерзких требований, и открытого протеста, сведены были в одну общую*[8] под названием «Петиции о восстановлении положения вещей, согласного с основными законами». В ней требуется отмена или пересмотр 36-ти законодательных актов*[9], в том числе: отмена распоряжения о почтовых марках русского образца, разрешения русским торговли вразнос наравне с местными уроженцами, введения русского языка в делопроизводстве моей Канцелярии, статс-секретариата и Сената, отмена нового Устава о воинской повинности и, наконец, Манифеста 3-го февраля 1899 года.

Даже распространение на Финляндию в целях безопасности государства имперских узаконений о полевом управлении войск в военное время, об управлении крепостями и о местностях, объявленных на военном положении, очевидно ничего общего с «основными законами Финляндии» не имеющих, вызвало требование пересмотра этих узаконений при участии земских чинов. Независимо сего возникло ходатайство о преобразовании Сейма, замене его двумя палатами, а равно и о составлении «новой и полной Формы правления», соответствующей «государственному положению Финляндии».

Отношение Сейма к русскому языку сказалось немедленно же по его открытии. Первое, основанное на § 40 Сеймового Устава, обращение ко мне для получения документов сопровождалось, вопреки Высочайшему Манифесту от 7/20 июня 1900 года, требованием от

---

*[7] Например, – удаленные из края: Фельман, Гриненберг, Лунденну; фон Борн, удаленные со службы Эман, Шернваль, демонстративно вышедший в 1900 г. в отставку бывший сенатор Игнациус, директор банка Хейкель, резкая речь которого в качестве тальмана горожан на закрытии Сейма 1900 г. навлекла на него Высочайшее неудовольствие и другие. Из общего числа избранных в различные комиссии на долю «конституционалистов» приходится 78 %, причем число лиц, скомпрометированных в политическом отношении, достигает 53 % всего состава. (*Прим. док.*)

*[8] Вопреки указанию § 51 Сеймового Устава. (*Прим. док.*)

*[9] Список этих узаконений, почти по той же системе и в той же редакции, опубликован был еще до Сейма подпольною газетою «Fria Ord». Помянутый перечень, заблаговременно разработанный и отпечатанный в Стокгольме, прочтен был Мехелиным по его приезде уже в готовом виде в заседании комиссии вместе с первоначальною редакцией самой петиции, что вызвало среди более умеренных членов Сейма неудовольствие. (*Прим. док.*)

меня и моей Канцелярии официальных переводов на местные языки, на коих земские чины желали иметь также и все документы из Хозяйственного департамента Сената. Статная комиссия в доставлении ей бумаг на государственном языке усмотрела «повод к приостановке своей деятельности» и просила содействия тальманской конференции к тому, чтобы «подобные беспорядки более не повторялись», председатель же этой Комиссии Мехелин, свободно владеющей русскою речью, признал в этом «нарушение доброго порядка и законности» и довод в пользу «немедленной отмены Высочайшего Манифеста о введении русского языка».

Претензии эти последовали уже после того как в устранение могущих быть затруднений мною в распоряжение ландмаршала и тальманов назначены были Сенатские переводчики, почему я в ответе своем и указал тальманской конференции, что за сделанными распоряжениями считаю вопрос исчерпанным.

Вышеизложенное указывает, что земские чины вместо того, чтобы спокойно приступить к исполнению возложенных на них Сеймовым Уставом законодательных работ, позволили себе выйти из пределов означенного Устава и под видом петиций занялись лишь обсуждением изданных за последнее время узаконений и критикою правительственных мероприятий. Ввиду сего прихожу к заключению, что в настоящее время нет никакой надежды на то, чтобы при посредстве Сейма могло быть достигнуто успокоение края, тем более, что с настроением земских чинов вполне согласуется и общее настроение населения.

Финляндцы, ненавидя Россию, стремятся при всяком к тому удобном случае подчеркнуть свою верность Престолу «Великого князя Финляндского» и лояльность финского народа. Считаю, однако, верноподданническим долгом засвидетельствовать пред Вами, Всемилостивейший Государь, что подобные заявления на самом деле оказываются лишь одними словами. Истинной верности государству Российскому, которой были бы вправе ожидать наши Великодушные Монархи, постоянно осыпавшие край Своими благодеяниями, в этом народе не существует. Заявлениями о верноподданнических чувствах финляндцы всегда прикрывали и прикрывают свои стремления добиться получения различных привилегий и льгот, хотя бы и в ущерб интересам всей империи.

Все высшие слои общества ведут неустанную борьбу и усиленную пропаганду в народе в видах обеспечения возможно большей замкнутости и обособленности края, особенно проявили свою деятельность в пограничной Выборгской губернии, сохранившей экономическое тяготение к Петербургу. В то же время они всячески волнуют народ, задерживая тем поступательный ход государственных объединительных мероприятий. В настоящее же время во всей Финляндии с напряженным вниманием следят за тем, что происходит в остальной России, считая настоящий трудный для Нас исторический момент особенно благоприятным для того, чтобы добиться уступок и переместить центр тяжести управления в руки Сейма и других своих учреждений. Громко раздаются голоса, требующие, чтобы как Сенат, так и статс-секретариат были пополняемы лицами, исключительно финляндского происхождения и притом не одним доверием Вашего Величества облеченными, а выдвинутыми Сеймом и пред ним ответственными.

Для достижения своих целей финляндцы пользуются своими связями не только в высших общественных, административных и придворных сферах Петербурга, но даже некоторых иностранных дворов. Мало того, завязав сношения с русскими террористами, они мечтают воспользоваться предполагаемою ими в ближайшем будущем в России революцию в видах ниспровержения ненавистного им, еще со времен шведских*[10] самодержавия. Так в заседании одной из Комиссий Мехелин, доказывая необходимость упорного отстаива-

*[10] По тексту королевской присяги 1772 года король клялся «отвергать ненавистное самодержавие». Все расчеты подсудимого Шаумана были построены также на ниспровержении в России «тиранства», как это значится в отобранной у него собственноручно написанной им записке. (*Прим. док.*)

ния разных требований, ссылался на предстоящую, якобы в России революцию, имеющую вспыхнуть не далее шестинедельного срока.

Твердое убеждение в справедливости всего изложенного дает мне право и обязывает в ограждение блага Вашего Императорского Величества и России всеподданнейше доложить, что всякие уступки Финляндии вообще, а в переживаемое тяжкое для России время в особенности, могут принести только один непоправимый вред государству и будут приняты финляндцами не как осуществление их блага или как милость, но лишь как доказательство слабости власти и предлог к новым, еще более дерзким домогательствам. Если сельское население еще и не представляет собою вполне готового к вспышке горючего материала, то, наоборот, остальные классы, как образованные, так и полуобразованные, на всех поприщах общественной жизни сознательно ведут Финляндию к обособлению от России и, прямо или косвенно, пытаются пробудить активную крамолу.

О последующем положении Сейма и вытекающих из него обязанностях для правительственной власти в Финляндии мною будет всеподданнейше повергнуто на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение дополнительно.

[а-а] Финляндский генерал-губернатор князь Иван Оболенский[а-а] 28[б] декабря 1904 года.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2355. Л. 1–11 об. Машинопись на полулистах, сшитых в тетрадь. Подпись – автограф; Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 116–127. Машинопись (С. 1–12) на полулистах большого формата, размноженная литографическим способом. Л. 128–132 об. Машинопись (С. 1–10) на полулистах большого формата в составе подборки документов.

№ 117. Большая петиция Финляндского Сейма Императору об отмене всех законов с 1899 г.[335]

19(31) декабря 1904 г.

Перевод

«БОЛЬШАЯ» ПЕТИЦИЯ Сейма 1904–1905 гг.

Передано г. Мехелиным
7/20 янв[аря] 1905 г.

ДЕРЖАВНЕЙШИЙ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ Государь Император и Великий князь.

Для земских чинов Финляндии, собравшихся на Сейм, согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА призыву, ныне предстоит первым и непременным долгом повергнуть к стопам ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА откровенное представление относительно пагубных условий, господствующих ныне в крае, и о тех мерах, которые требуются для восстановления порядка, спокойствия и счастья.

Несмотря на все обстоятельства, которые за последние годы могли скрыть от ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА действительное положение вещей, ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ не безызвестно, что в Финляндии в течение целого ряда лет господствует сильная тревога и угнетенное настроение, вызванные изданием без участия земских чинов разных постановлений, имеющих весьма важное значение, по таким вопросам, относительно которых, согласно основным законам, законодательные меры не могут быть приниматемы помимо земских чинов, причем, в Финляндии стала применяться правительственная система, роковым образом отзывающаяся на общественной и частной жизни. Земские чины уповают на то, что в настоящем всеподданнейшем их ходатайстве по вопросу, имеющему ныне жизненное значение для народа, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО не ус-

[а-а] *Вписано чернилами. В копийных экземплярах (Ф. 499) отсутствует.*

[б] *Вписано чернилами. В копийных экземплярах впечатано.*

мотрите желания поддерживать и продлить конфликт, уже и так длящийся слишком долго, а глубоко сознаваемую потребность в законе и порядке и желание содействовать восстановлению этих величайших мирских благ общества и, тем самым, также прежнего отношения между МОНАРХОМ и народом. Согласно с сим нижеследующее изложение правового вопроса имеет лишь целью уяснить основные положения, которых придерживаются земские чины Финляндии в качестве представителей финского народа, и сделать, таким образом, возможным правильное суждение относительно нынешнего положения вещей во всем его объеме.

Посредством ВЫСОЧАЙШЕГО удостоверения ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, торжественно переданного земским чинам Финляндии в 1809 году в г. Борго, утверждены были в виде конституции Финляндии действовавшие перед тем в крае основные законы, а именно: Форма правления 1772 года и Акт единения и безопасности 1789 года вместе с различными постановлениями, касающимися народного представительства. В силу положительных определений этих основных законов и изданного в 1869 году Сеймового Устава, – как земскими чинами, по особым причинам, подробнее изложено на Сейме 1899 года во всеподданнейшем отзыве на ВЫСОЧАЙШЕЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА предложение о воинской повинности, – законы для Финляндии могут быть издаваемы не иначе как при содействии земских чинов, за изъятием лишь так называемых экономических или однородных с ними постановлений. Те возражения, которые делались в последнее время против прав Финляндии, сводятся, по-видимому, главным образом к тому, что, хотя означенные законодательные акты и являются основными законами Великого княжества Финляндского, они все-таки не могут иметь значения по вопросам, касающимся интересов всей Российской империи. Ввиду сего и принимая во внимание, что, по-видимому, во имя таких общегосударственных интересов исходатайствованы у ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА постановления, несовместимость коих с основными законами Финляндии не подлежала сомнению, земские чины полагают возможным ограничиться следующими замечаниями по вопросу о значении общегосударственных интересов по отношению к основным законам Финляндии:

Так как Российский ИМПЕРАТОР в то же время есть Великий князь Финляндский, то вследствие сего применялся такой порядок, что ИМПЕРАТОР, с одной стороны, в качестве главы Российского государства, решал, что ОН может требовать от Финляндии ввиду общегосударственных интересов и, с другой стороны, в качестве Великого князя Финляндского, в силу обширной власти, сосредоточенной по основным законам края в руках МОНАРХА, имел возможность законным образом принимать в Финляндии такие меры, которые по справедливости признавались необходимыми в интересах всего государства. Таким образом, на финляндской территории могли свободно производиться дислокации войск, и обыватели должны были на основании закона оказывать требуемое при этом содействие по постою и по поставке подвод. Крепости и всякого рода укрепления могут быть сооружаемы беспрепятственно, и необходимая для них земля отводится, по повелению МОНАРХА, путем экспроприации. Железные дороги должны по мере надобности принимать воинские перевозки; даже частные железные дороги в случае мобилизации поступают в заведывание правительства. Для войсковых частей, формированных по финляндским законам, МОНАРХ мог издавать всякие положения и инструкции, которые представлялись необходимыми для организации финских войск в соответствии с русскими и т. д. Другими словами, основные законы Финляндии предоставляют МОНАРХУ и зависимым от НЕГО Финляндским органам правления обширную возможность принимать на финляндской территории такие меры и издавать такие постановления, которые ОН, в качестве главы Российского государства, признает необходимыми. В связи с этим следует заметить, что, хотя в Финляндии действует другой порядок законодательства, чем в империи, все-таки и такие дела юридического или экономического свойства, которые касаются взаимных интересов империи и Великого княжества, могли быть разрешаемы удовлетворительным образом по-

средством согласованных между собою русских и финляндских законодательных актов, подготовленных при участии подлежащих властей обеих стран.

Так как, однако, несмотря на это, все-таки утверждают, что всякие законы и постановления, признанные необходимыми в интересах России, во всякое время могут быть издаваемы для финского народа, независимо от определений конституции края, и так как смысл такого взгляда на дело характеризуется направленными против Финляндии мерами, которые за последнее время исходатайствованы были у ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА во имя мнимых общегосударственных интересов и которые имели роковое значение, то земские чины вынуждены в опровержение такого воззрения сослаться на подлинные акты и на высшие истины.

Определения основных законов положительно исключают всякий новый закон или новую подать, не основывающиеся на конституции. Торжественно переданный земским чинам акт удостоверения, без всяких оговорок и ограничений установляет, что основные законы должны быть хранимы в ненарушимой и непреложной их силе и действии, а Манифест 21/9 февраля 1816 года содержит в дополнение к сему аутентичное разъяснение ВЫСОЧАЙШЕГО удостоверения относительно того, что оно заключает в себе удостоверение о святом сохранении в силе особой конституции края под державою МОНАРХА и Его наследников. Следовательно, законы, стоящие наряду с конституцией или направленные против нее, положительно противоречат этим актам. Эта конституция, как выразился уже ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I, и составляет основу гражданской свободы и спокойствия народа.

От финского народа, как от всякого другого, воспринявшего историческое существование, долг его требует, чтобы он поддерживал в своей среде право и справедливость и такой правовой порядок, который ввиду особых условий, в которых он живет, является необходимым для того, чтобы он сам и отдельные члены его могли действовать согласно своему назначению. Финский народ не может поэтому относиться равнодушно к мерам, препятствующим или служащим помехой такой деятельности или влекущим за собою лишь возможность влачить жалкое существование. Имея перед глазами события последнего времени, доказывающие существование в России воззрений, сознательная цель которых заключается в более или менее полной денационализации Финляндии, финский народ должен, поэтому, свято придерживаться торжественно дарованного ему правового порядка, который, согласно Собственным Словам а в г у с т е й ш е г о его Учредителя, должен был обеспечить за финским народом политическое существование и внутреннюю свободу.

На основании вышеизложенного земские чины Финляндии осмеливаются поэтому выразить надежду, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО признаете естественным, что земские чины не могут изменить или отказаться от своего убеждения, относительно того, что есть истина и право по вопросу о силе и святости основных законов Финляндии.

———

Отмеченные выше новые воззрения на общегосударственные интересы проявились совершенно неожиданно в Манифесте 15/3 февраля 1899 года и в относящихся к нему «Основных положениях о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского». Этот законодательный акт, обнародованный без соблюдения Финляндской конституции и явившийся для финского народа совершенно неожиданно, возбудил повсюду в стране чрезвычайное смущение и тревогу. Ясно было, что установленный Манифестом законодательный порядок несовместим с финляндскими основными законами, так как решению Сейма придается в нем только значение заключения, вследствие чего все вопросы, которые было бы признано соответственным подвести под действие этого Манифеста и относительно которых не установлено даже никакой определенной границы, были бы изъяты из сферы предусмотренного основными законами соучастия Финляндского Сейма. Ввиду сего, земские чины на чрезвычайном Сейме 1899 года всеподданнейше донесли ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что «Манифест и относящиеся к нему Основные положения, состоявши-

еся помимо согласия земских чинов Финляндии и вообще не в установленном основными законами порядке, на этом основании не могут иметь в Финляндии силы закона».

Согласно такому правовоззрению всякая законодательная мера, принятая по правилам Манифеста и относящихся к нему Основных положений, не имеет значения обязательного для финского народа закона.

Упомянутые Основные положения, правда, применены были на практике только один раз, и то лишь отчасти, а именно по вопросу о новом военном законе. Но пока Манифест и Основные положения от 15/3 февраля 1899 года не отменены или заменены другим законодательным актом в соответствии с основными законами, они остаются угрозой для конституционного порядка законодательства в Финляндии и источником злополучных правовых конфликтов.

Издание новых узаконений в неустановленном основными законами порядке, обнаружило свои вредные последствия с особенной силою при попытках применения Устава о воинской повинности от 12 июля (29 июня) 1901 года. Тысячи молодых людей, не явившихся к призыву по той причине, что они видели в новом Уставе нарушение основных законов края, подверглись карательным последствиям тяжкого свойства, как-то запрещению вступления в брак, и навлекли на себя разного рода угрозы. Нравственные конфликты, испытываемые военнообязанными, еще обострились вследствие распоряжения о принесении воинской присяги, содержание которой не согласуется с финляндскими законами. Для того, чтобы принудить общины края к соучастию в проведении упомянутого Устава, на них налагались произвольные, часто неслыханно высокие штрафы или принимались другие столь же недостойные средства. Многие выборные должностные лица общин по той же причине подвергались штрафам и отрешались от должности, что сопряжено было с тяжкими вторжениями в предоставленное по закону общинам самоуправление, которое вследствие сего в существенной степени пошатнулось. Судьи и другие чиновники, которые по долгу своему не считали возможным руководствоваться постановлениями, не имеющими силы закона, увольнялись от службы без следствия и суда. Нравственный авторитет властей вследствие произвольных мер, применявшихся с целью принудительного проведения Устава о воинской повинности, серьезно поколеблен. В военном же отношении осуществленная таким образом помимо согласия земских чинов реформа не имела других видимых результатов, кроме упразднения верных своему долгу и хорошо обученных финляндских войсковых частей, за исключением Гвардейского батальона, тогда как число призываемых на действительную службу, в видах облегчения перехода к новой системе и для того, чтобы народ с большей готовностью подчинялся новому Уставу, сокращено до 190 чел. в год приблизительно.

Еще гораздо более тяжкие и печальные замешательства можно, однако, предвидеть в случае, если бы правительство в видах полного применения нового Устава решилось призвать военнообязанных на действительную службу в русских войсковых частях, независимо от того, расположены ли они в Финляндии или вне оной. Относительно такой, несогласной с финляндскими основными законами, военной службы земские чины стоят на той же точке зрения и питают те же опасения, которые были выражены чрезвычайным Сеймом 1899 года в отзыве его на ВЫСОЧАЙШЕЕ предложение относительно нового Устава о воинской повинности. Так как вопрос о воинской повинности в Финляндии и находящиеся в связи с ним обстоятельства не могли быть прочным образом урегулированы Уставом 1901 года, и так как для общества безусловно необходимо, чтобы новые замешательства и несчастия, которые возникли бы при дальнейшем применении этого Устава, были предупреждены, то земские чины осмеливаются высказать надежду, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволите ВЫСОЧАЙШЕ повелеть, чтобы применение воинского Устава от 12 июля (29-го июня) 1901 года посредством немедленной приостановки призыва было прекращено впредь до решения в предусмотренном основными законами порядке вопроса о воинской повинности в Финляндии, и чтобы карательные последствия, установленные по поводу этого Устава в видах введения его в действие и за неявку к призыву, были отменены. Ввиду же того, что впредь до разрешения вопроса о воинской повинности в законном

порядке могут потребоваться временные мероприятия, земские чины надеются, что на рассмотрение Сейма передано будет ВЫСОЧАЙШЕЕ предложение о таких мерах, которые не могут состояться в административном порядке. Что, в частности, касается временного комплектования гвардейского батальона людьми, поступающими на службу добровольно, земские чины признают возможным объявить, что дальнейшее с их стороны содействие в сем отношении при нынешнем положении дела не требуется.

Особым звеном в числе несчастий, постигших страну вследствие издания и введения в действие нового Устава о воинской повинности, являются те законодательные меры, которыми поколеблено положение судей и прочих чиновников. К гарантиям правового порядка принадлежат те определения основных законов, в силу которых судьи могут быть отрешаемы от должности не иначе, как на основании законного следствия и суда. Так как и в отношении административных властей применение законов составляет важную часть возложенных на них задач, то и чиновники административного ведомства, за исключением некоторых разрядов, гарантированы по правилам основных законов против произвольного увольнения от службы. В данном отношении установлено, например, в утверждении Акта единения и безопасности 1789 года, что «все судьи высших и низших судов и все низшие чиновники, не занимающие положения доверенных лиц и не состоящие по губернскому управлению, могут быть лишаемы своих должностей не иначе как на основании законного следствия и суда по правилам закона и воинских артикулов». Вопреки этим законоположениям, в двух постановлениях от 14/1 августа 1902 года установлен иной порядок удаления от должности судей и других чиновников. Состоявшие на правительственной службе чиновники увольнялись частью согласно этому новому порядку, частью же даже без соблюдения его, и мера эта отзывалась на них особенно тяжело ввиду того, что они при этом лишались пенсии, на которую они имели право. Колебание самостоятельности правосудия и низведение чиновников ради политических целей в положение зависимости от приказов Высших властей и от благосклонности и произвола начальства ведет и уже привело к столь вредным последствиям, что отмена этих постановлений, из коих постановление об удалении от должности судей названо временным, должна быть причислена к важнейшим мерам, необходимым для восстановления законного порядка.

Когда бывший генерал-губернатор, стараясь сломить противодействие при проведении несогласного с основными законами Устава о воинской повинности, встретил затруднения вследствие обнаружившегося повсюду в крае правомерного конституционного образа мыслей, он исходатайствовал себе чрезвычайные полномочия в силу временного постановления от 2 апреля (20 марта) 1903 года, «О мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия». Это постановление самым ясным образом доказывает несостоятельность системы, которая с 1899 года стала господствовать в управлении краем. Каких-либо причин к введению такого порядка, – который может быть приравнен к объявлению страны на военном положении и который ни при каких условиях не допускается действующим правовым строем, – не существовало: мятежные движения или противодействие законным распоряжениям властей нигде не обнаруживались.

Отнюдь не содействуя поддержанию порядка и спокойствия, упомянутое постановление, само по себе и в применении на практике, представляется неслыханным нарушением всего правового строя Финляндии. Все многочисленные направленные против безупречных финляндских граждан вторжения в сферу личной свободы и благосостояния в виде выселения из края, ссылки в Россию, незаконного заключения под стражу и домашнего обыска являются в каждом отдельном случае нарушением законов страны. Поэтому нельзя не признать безусловно необходимым, чтобы означенное постановление и изданные впоследствии в разъяснение и дополнение его постановления от 26/13 августа, 10 декабря (27 ноября) и 17/4 декабря 1903 года и 3 января 1904 года (21 декабря 1903 года) немедленно были отменены, и чтобы вместе с тем прекращено было применение всех состоявшихся на основании сих постановлений мер, направленных против отдельных лиц и общин.

Наряду с тяжкими испытаниями, постигшими финский народ более или менее в виде непосредственного последствия нового Устава о воинской повинности, также другие меры, глубоко захватывающие правовой строй и культуру страны, преисполнили население душевной болью и сильной тревогою. Знаменательные в жизни народа труды по поднятию финского языка и предоставлению ему естественных его прав в области государственной и культурной жизни наряду со шведским языком, посредством постановлений о применении финского языка в судах и административных местах и учреждениях высших учебных заведений, едва были завершены, как состоялось постановление, которое, в случае оставления его без изменений, в существенной степени уничтожило бы плоды этой патриотической реформы. В Манифесте 20/7 июня 1900 года определено, что русский язык должен занять место национальных языков страны в делопроизводстве Хозяйственного департамента Сената, а также в переписке центральных административных учреждений и губернских правлений с генерал-губернатором и Сенатом. Это постановление нарушает неотъемлемое право финского народа на национальное также в отношении языка государственное управление и не может быть проведено без беспорядка и застоя в правильном ходе делопроизводства, а также ненадежности и замешательства в управлении краем. Из всего населения Финляндии, составляющего по мантальной переписи приблизительно 2 800 000 чел., только 8000 чел. считают родным языком русский, а потому основательное знание русского языка встречается в Финляндии редко и недостижимо в таком объеме, чтобы делопроизводство важнейших административных учреждений края могло происходить в надлежащем порядке и со знанием дела на русском языке. В представленном в сословиях духовенства и Крестьян проекте петиции, между прочим, указано, что переписка административных мест главным образом относится к делам, касающимся интересов общин и частных лиц, и что она уже по этой причине должна бы вестись на туземных языках края. Введение русского языка в административных местах края в предначертанном в Манифесте 1901 года объеме не может не возбуждать неудовольствия среди народа, тем более, что согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ разъяснению Манифеста 1900 года, даже частные лица в Выборгской губ. через два года, а в прочих частях края через пять лет, считая с 1 января 1904 года, обязаны принимать по своим делам исходящие бумаги Сената исключительно на упомянутом незнакомом им языке.

Определение 12 п. Постановления от 10 июля (27 июня) 1902 года, согласно которому финляндские законы подлежат обнародованию в русском **подлиннике** с приложением финского **перевода** также противоречит основным законам. Так как каждый принятый земскими чинами закон утвержденный МОНАРХОМ, должен быть обнародован в буквальном соответствии с одобренным земскими чинами текстом, то рассматривавшиеся на Сейме финский и шведский тексты, по воспоследовании ВЫСОЧАЙШЕГО утверждения, получают значение подлинника наравне с русским текстом, поступившим на благовоззрение МОНАРХА.

Земские чины вполне признают пользу состоявшихся до 1900 года мероприятий правительства, направленных к тому, чтобы говорящие на русском языке чиновники или русские переводчики состояли в тех финляндских правительственных учреждениях и административных местах, в которые уроженцам империи приходится обращаться по своим делам. Равным образом всегда признавалось необходимым, чтобы в статс-секретарате и в канцелярии генерал-губернатора русский язык применялся в таком объеме и с такою основательностью, которые требуют специальные задачи этих учреждений. Приведенные земскими чинами выше соображения направлены не против мероприятий, имеющих в виду удовлетворение действительных нужд, а против постановлений, клонящихся к удалению национальных языков края из административных мест.

Вредные последствия мероприятий по введению русского языка в управлении краем уже ясно обнаружились для всей страны. На место многих высших и низших чиновников, вынужденных оставить свои должности, назначались чаще всего лица, недостаточная компетентность которых выкупалась только посредственным знанием русского языка. Мало

того, стремление к ускорению обрусения администрации повело к тому, что многие должности замещались русскими уроженцами, не обладающими необходимыми данными для удовлетворительного выполнения административных задач в Финляндии. Незаконность таких назначений не устраняется тем, что особым постановлением от 31 июля 1902 года в отношении русских уроженцев отменены существующие ограничения права не финляндских граждан занимать правительственные должности в Финляндии. Определения основных законов о том, что право финляндского гражданства является условием назначения на финляндскую правительственную службу, не могут быть отменены помимо согласия земских чинов, а потому вышеозначенное, изданное в административном порядке постановление не имеет силы закона. В какой степени должны страдать интересы общества и частных лиц вследствие применения этого постановления, усматривается уже из того, что по правилам его не требуется даже, чтобы русские уроженцы, поступающие на финляндскую службу, предварительно изучили туземные языки и вообще сдали те экзамены, которые установлены для финляндцев. Опыт последних лет вполне подтверждает правильность вышесказанного.

Во всех частях края обнаруживается все возрастающее неудовольствие по поводу системы, которая стала господствовать в управлении Финляндиею с 1899 года и которая уже повела к значительным замедлениям, упущениям и беспорядкам в делопроизводстве правительственных учреждений. Причины такого положения дела нетрудно найти. К числу таких причин относится то обстоятельство, что дела многих органов управления, в особенности в канцелярии генерал-губернатора, в губернских правлениях и у низших административных властей, в невероятной степени увеличились с тех пор, как обнаружение оппозиционного образа мыслей, противодействие всякому более или менее либеральному течению в общественной жизни и политические доносы стали в значительной мере отнимать время в названных правительственных учрежденьях. Другою причиной является то, что при замещении должностей губернаторов и ландссекретарей, а также других высших и низших административных должностей, по удалении занимавших эти места компетентных и законопослушных лиц, выбор бывшего генерал-губернатора почти исключительно останавливался на таких лицах, которые не обладали необходимыми знаниями и прочими условиями компетентности. Так, напр[имер], невозможно, чтобы обязанности ландссекретаря, имеющие большей частью юридический характер, могли быть удовлетворительным образом выполняемы русским офицером или иным лицом, незнакомым с финляндским правом. Так как крайне важно, чтобы заведывание железными дорогами велось со знанием дела, в должном порядке и с сознанием ответственности, земские чины признают необходимым выразить, какие тревожные чувства распространились в крае после последних перемен в личном составе этой крупной отрасли управления по поводу всего того, что стало известно относительно руководства данным правительственным учреждением. Во многих городах края полицейское управление несообразно расширено с тем последствием, что казна и общины должны нести по этой части несоразмерно высокие расходы. Между тем, задачи полиции вообще осуществляются хуже, чем прежде по той причине, что заведывание полициею возложено на неподходящих лиц и в число полицейских чинов приняты отчасти даже нравственно запятнанные личности, а также такие лица, которые не знают туземных языков.

Нарушением права Финляндии на внутреннее самоуправление является также возложение полицейских и других служебных обязанностей в Финляндии на особый русский корпус жандармов, кроме чего осуществление такой деятельности лицами, не подчиненными финляндским законам и не несущими за свои действия ответственности по правилам этих законов, угрожает правовой безопасности отдельных граждан. Для восстановления законного порядка требуется, следовательно, также отмена постановления от 10 ноября (28 октября) 1903 года об утверждении инструкции для отдельного корпуса жандармов в Финляндии, равно как и постановлений от того же числа относительно некоторых функций корпуса жандармов.

В связи с вопросом о применявшемся за последние годы порядке замещения разных должностей земским чинам остается еще выразить, какие тревожные чувства возбудило повсюду в крае назначение русского уроженца на должность *министра статс-секретаря*. Согласно основным положениям правового строя Финляндии должность эта может быть вверена только финляндскому уроженцу, это, однако, не было соблюдено в августе 1899 года. В Финляндии уже тогда опасались, что для лица, не знакомого с законами и общественной жизнью края, с правами финского народа и с его духовными и материальными интересами, невозможно будет докладывать МОНАРХУ финляндские дела таким образом, чтобы действующее право и истинное положение вещей всегда выяснялись надлежащим образом для руководства при решении МОНАРХОМ поступающих на его благовоззрение дел. Многолетний опыт вполне подтвердил основательность этих опасений. Замещение должности *министра статс-секретаря* финляндским уроженцем несомненно является непременным условием для того, чтобы управление Великим княжеством могло вновь принять нормальное направление, благодетельное для края.

Дабы обеспечить от судебного преследования чиновников, которым надлежало проводить новую систему управления, во временном постановлении от 14/1 августа 1902 года было определено, что обвинение против чиновников, нарушивших права частных лиц, может быть возбуждено не иначе, как с согласия подлежащего начальства. Это постановление ведет к тому, что произвольное правонарушение во всякое время может остаться без наказания ввиду произвольного отказа в разрешении привлечь виновного к ответственности и, таким образом, в существенной степени сокращает гарантии отдельных граждан против незаконного превышения власти; оно издано в неустановленном основными законами порядке и, несомненно, должно быть отнесено к числу тех постановлений, которые не могут быть оставлены в силе.

Финляндские граждане издавна имели право собираться для обсуждения общественных вопросов. Право это не может быть законным образом отменено помимо согласия земских чинов. Между тем, свобода собраний фактически уничтожена изданным административным порядком временным постановлением от 2 июля 1900 года, отмена которого представляется тем более настоятельною, так как свобода собраний имеет великое и благодетельное значение в общественной жизни.

Девяностолетний опыт доказал, что основные начала установленной учреждением 18 августа 1809 года организации высшего правительственного места Финляндии представляются весьма целесообразными. Несмотря на это и хотя основные положения, касающиеся организации Сената, в законодательном отношении таковы, что для изменения их требуется согласие земских чинов, постановление от 8 сентября (25 августа) 1902 года и некоторые другие постановления ввели такие изменения, которые предоставили генерал-губернатору в качестве председателя Сената преобладающий голос, несовместный с коллегиальным порядком, установленным означенными основными началами. Это изменение приобрело еще большее значение вследствие содержащейся в постановлении от 26/13 марта 1903 года новой инструкции генерал-губернатору – по званию главного начальника гражданского управления, так как эта инструкция чрезмерно расширила пределы власти и задач генерал-губернатора, кроме чего 10 п. инструкции даже разрешает ему в чрезвычайных обстоятельствах принимать меры, превышающие предоставленные ему полномочия, что могло бы быть истолковано в смысле предоставления права не соблюдать действующие законы.

В вышеизложенном приведены не все законодательные меры, состоявшиеся с 1899 года в порядке, несогласном с основными законами. В прилагаемом к настоящему Всеподданнейшему представлению перечне перечислены в хронологическом порядке как упомянутые выше, так и другие постановления данного рода. Непосредственная отмена некоторых из них не вызывает неуверенности относительно того, что именно вместо них должно считаться действующим законом, тогда как в случае отмены остальных, в полном объеме или в некоторых частях, потребовались бы особые временные распоряжения или законодательные меры.

Земские чины не привели также всех ненормальных явлений в области администрации, которые возникли вследствие политики последних годов. Хотя из вышеизложенных замечаний относительно этих ненормальных порядков вытекает, что значительная часть общественных задач администрации за последнее время осуществлялась с неменьшей тщательностью и знанием дела, чем прежде, все-таки росписи расходов за минувшие годы обнаруживают постоянное и весьма значительное возрастание расходов по разным отраслям управления. Так, общий итог такого рода увеличений расходов в росписи 1904 года по сравнению хотя бы только с росписью 1903 года составляет около двух миллионов марок. Из числа этих новых расходов приходится, круглым счетом, 274 000 марок на Хозяйственный департамент Сената, 27 000 марок на статс-секретариат, 145 000 марок на канцелярию генерал-губернатора и на чиновников особых поручений при генерал-губернаторе, 92 000 марок на губернские правления, 329 000 марок на долю казны в расходах на городскую полицию (к чему следует еще причислить дополнительный расход в 1904 году в 280 000 марок), 21 000 марок на цензуру, 25 000 марок на «окружные и губернские по воинской повинности присутствия», 114 000 марок на таможенное ведомство, 214 000 марок на оклады содержания по центральному управлению железных дорог, кроме чего 687 000 марок ассигновано на корпус жандармов.

Из всего вышеизложенного усматривается, что коренное изменение существующей системы представляется крайне необходимым также в области администрации, и что для этой цели требуются также значительные перемены в личном составе правительственных учреждений.

———

В стране, где как в Финляндии, поколение за поколением росли и жили в сознании, что закон должен служить руководством в деятельности как частных лиц, так и правительственной власти, нарушение законного порядка самим правительством, первой задачей которого служит поддержание силы законов, является в глазах народа ниспровержением общественного строя в его основах. Начавшийся в 1899 году режим обнаружил многообразное действие как в общественной деятельности, так и в разных областях частной жизни. Финский народ подвергся ужасному нравственному конфликту.

Последствиями же системы последних лет являются: общая необеспеченность драгоценных личных прав, начинающаяся дезорганизация и уничтожение хорошей администрации, основательные опасения, что и правосудие, древнейшая и первейшая из задач общества, потерпит тяжкий ущерб, глубокие нравственные конфликты у многих лиц, которых надо причислить к наиболее достойным элементам общества, независимо от того, возвышали ли они свой голос или страдали в тиши, с другой же стороны, распространяющаяся все более деморализация и карьеризм, которые пышно разрастаются наряду с угнетением других элементов, возрастание числа преступлений в местах, где полицейский состав значительно увеличен, и ясно обнаруживающееся ослабление уважения к закону и праву.

В экономическом отношении страна также страдает от необеспеченности правового порядка, парализующей предприимчивость в хозяйственном быту и лишающей ее многих тысяч трудоспособных людей вследствие необычайного возрастания эмиграции.

Крайнее усиление цензуры и беспощадное преследование печати препятствовали до последнего времени открытому проявлению неудовольствия. Имеется основание предполагать, что и повергаемые на благовоззрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА официальные представления не выясняли действительного положения края за это время. Известно также, что бывший генерал-губернатор всегда старался представить дело в таком виде, будто только незначительная доля населения недовольна новым режимом. Необходимо, чтобы истина достигла, наконец, ступеней трона. Народное представительство, сознающее свою компетентность в данном вопросе, решается по долгу своему войти с представлением относительно действительного положения вещей.

Финляндский народ, удостаивавшийся столь частых доказательств благосклонности своих МОНАРХОВ, не может отказаться от надежды, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ

ВЕЛИЧЕСТВО примете к сердцу печальные последствия мероприятий, характеризующих правительственную политику за указанное время. Надежда эта основывается также на том, что интересы России, как в международной политике, так и в отношении внутреннего управления империи, за все девяносто лет с 1809 по 1899 год никогда не терпели вреда или неудобства вследствие соблюдения прав Финляндии. Хотя впоследствии проявился другой взгляд на требования русских интересов, все-таки отсюда не следует, чтобы удовлетворение их в порядке, несогласном с финляндскими законами, могло быть признано правомерным.

Никакой человеческий закон не может оставаться без изменений. При наличности действительных оснований действующие законы Финляндии могут быть изменены. Но правомерным образом это может состояться только в том порядке, который установлен в основных законах Финляндии, то есть не иначе, как с согласия Финляндского Сейма, когда изменение касается основных законов или другого закона, изданного при участии земских чинов.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I даровал Финляндии конституционный образ правления. Об этом свидетельствует историческая действительность финляндской государственной жизни, а также Собственные слова ИМПЕРАТОРА. «Этот народ на будущее время возведен в число наций». «С того момента, когда произволением Промысла судьба Финляндии была НАМ вверена, НАШЕ намерение заключалось в том, чтобы управлять этою страною таким способом, который согласовался бы со свободою нации и с обозначенными за нею в ее Конституции правами». «Созыв сословий на общий Сейм, учреждение Правительствующего совета в среде наций, сохраненный без нарушений порядок судебной и исполнительной власти... обеспечивают за финляндской нацией политическое ее существование и вытекающие отсюда права». «Намерение МОЕ при устройстве Финляндии состояло в том, чтобы дать народу сему бытие политическое так, чтобы он считался народом, не порабощенным России, но привязанным к ней собственными пользами; для сего сохранены ему не только гражданские, но и политические его законы».

Возвращение к законному порядку не сопряжено с такими затруднениями или замешательствами, чтобы потребные для сего меры, по практическим соображениям, следовало распределить на более продолжительный срок времени. Напротив, можно считать не подлежащим сомнению, что изменение существующей системы в намеченном направлении имело бы самые удовлетворительные результаты, если оно состоится в таком объеме, чтобы цель его немедленно осуществилась, тогда как медленность при отмене вышеуказанных несогласных с основными законами постановлений, которые по праву не имеют обязательной для граждан силы и потому при применении должны вызывать справедливое противодействие, продлили бы необеспеченность правового порядка и угнетенное вследствие сего состояние общественной жизни без какой-либо соответственной выгоды. Земские чины уверены, что и само правительство ощутит чрезвычайное облегчение при выполнении своих задач и достигнет в своей деятельности невозможных при нынешней системе успехов, если необходимый, во всяком случае, шаг сделан будет сразу так, чтобы немедленно было восстановлено доверие народа к намерениям правительства.

Земские чины не могут не обратить внимания на то, что в настоящее время не имеются необходимые данные для нормального хода Сеймовых работ. При этом земские чины отнюдь не имеют в виду только резкое противоречие между постановлением 2 апреля 1903 года и теми правовыми гарантиями, которыми обставлено народное представительство по Сеймовому Уставу, а скорее всю государственную систему, нарушающую законный порядок. Установленные в основных законах права земских чинов, как усматривается из вышеизложенного, систематически не соблюдались и конституция, таким образом, фактически поколеблена. Пока такая система не оставлена и пока правительство не доказало на деле, что оно признает права земских чинов, Сейм действительно не может иметь никакой уверенности в том, что за его решениями, как по законодательным, так и по финансовым вопросам, будет признано то значение, которое принадлежит им по основным законам. Приходится также опасаться, что возвращение к конституционному образу правления только

было бы замедлено, если бы Сейм оставил без внимания ненормальность того обстоятельства, что хотя земские чины созваны для осуществления предоставленных им по основным законам прав, множество постановлений, изданных с нарушением прав Сейма, все-таки остаются в силе и применяются.

Земские чины признают необходимым указать и на эту сторону нынешнего положения вещей, повергая к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА представление относительно великого жизненного вопроса финского народа, то есть по вопросу о восстановлении в Великом княжестве законного порядка.

Потребные для данной цели мероприятия, необходимость которых мотивирована выше сего, заключаются вкратце в следующем:

1) ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление о том, чтобы применение Устава о воинской повинности от 12 июля 1901 года, посредством немедленной приостановки призыва, было прекращено, и чтобы отменены были установленные по поводу сего Устава карательные последствия, причем, ввиду того, что впредь до решения в предусмотренном основными законами порядке вопроса о воинской повинности могут потребоваться временные меры, таковые меры должны быть проведены в законном порядке. Вместе с тем, земские чины полагают необходимым объявить, что они признают за правительством право без дальнейшего содействия со стороны Сейма распорядиться временным комплектованием гвардейского батальона людьми, поступающими на службу добровольно.

2) Отмена временного постановления от 2 апреля 1903 года о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, равно как и разъяснений и дополнений к сему постановлению, а также сделанных на основании этих постановлений распоряжений по отношению к отдельным лицам и общинам; отмена 10 п. постановления от 26 марта 1903 года о новой инструкции генерал-губернатору и отмена постановлений от 10 ноября 1903 года, касающихся возложения на отдельный русский корпус жандармов служебных обязанностей в Великом княжестве.

3) Отмена I и II ст. постановления от 31 июля 1902 года об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии, и постановлений от 14 августа 1902 года о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств и судебного ведомства, а также постановления от 14 августа 1902 года о порядке возбуждения судебного преследования за служебные преступления должностных лиц.

4) ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление о том, чтобы изданные при Манифесте от 15/3 февраля 1899 года основные положения не применялись, пока затронутые в них вопросы не будут урегулированы законодательным актом, состоявшимся с согласия земских чинов.

5) Изменение Манифеста 20 июня 1900 года и 12 п. постановления от 10 июля 1902 года в том смысле, чтобы финский и шведский языки вновь заняли подобающее по существу дела и по праву место в области администрации и суда.

6) Пересмотр прочих упоминаемых в настоящем всеподданнейшем представлении и в приложении к нему постановлений в видах устранения из них определений, несогласных с основными или общими законами.

7) Устранение обнаруживающихся в области администрации ненормальных явлений, вызванных в особенности порядком замещения некоторых должностей.

По причинам, не требующим особого разъяснения, некоторые из вышеприведенных мероприятий представляются по свойству своему крайне спешными; сюда относятся приостановка применения Устава о воинской повинности и отмена постановления 2 апреля 1903 года и распоряжений, к которым оно подало повод, а также отмена в возможно непродолжительном времени упомянутых в 3 п. постановлений. Так как соответственные меры не требуют подготовительных работ или распоряжений, то земские чины с тем большею уверенностью уповают на то, что вышеприведенное обстоятельство удостоится ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО внимания.

Прочие вышеперечисленные меры одинаково необходимы для восстановления законного порядка, но так как некоторые из них требуют особой подготовки, то земские чины

всеподданнейше представляют на благовоззрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, что ввиду отсутствия при существующих условиях необходимых данных для нормального хода Сеймовых работ, представляется крайне важным, чтобы земские чины, в возможно скорейшем времени, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ удостоены были сообщения о том, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволили ВЫСОЧАЙШЕ повелеть составить потребные для данной цели проекты и заключения.

Так как направление и цель соответственных мероприятий усматриваются из вышеизложенного, то не представляется нужным входить в ближайшее рассмотрение содержания тех законодательных актов, которыми должны быть проведены необходимые изменения в тех постановлениях, о которых идет речь. В случае, если бы ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО относительно некоторых вопросов признали более соответственным не восстановлять силы прежних узаконений, а издать новые законоположения, земские чины, ввиду настоящего положения дел, надеются, что потребные для сего ВЫСОЧАЙШИЕ предложения переданы будут земским чинам еще на нынешнем Сейме.

ДЕРЖАВНЕЙШИЙ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
и ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ.

Финский народ никогда не добивался каких-либо выгод на счет России и не обнаруживал стремлений, клонящихся к ослаблению политических уз, соединяющих его с империею. Он и теперь ничего не просит, кроме того, что торжественно было обеспечено за ним, а именно сохранения в силе финляндских законов. Соединение Великого княжества с империей зиждется на самом надежном основании, когда управление Финляндией осуществляется согласно установленной в основных законах конституции края под покровительством августейших МОНАРХОВ.

Вопросы, касающиеся взаимных отношений империи и Великого княжества, в будущем, как и в прежние времена, наверно, всегда могут быть удовлетворительным образом разрешены, если при их рассмотрении принимаются во внимание также интересы и права, драгоценные для Финляндии. Но те воззрения, которые за последнее время стали оказывать влияние на политику по отношению к Финляндии и затем наложили печать на действия правительственной власти в Великом княжестве, заключают в себе столь разрушительные тенденции, что финский народ с напряжением всей нравственной и национальной силы сопротивления должен охранять свои права и свое существование от вторжения таких воззрений.

Нельзя себе представить, чтобы продление такого конфликта было желательным для России. Для Финляндии устранение этого конфликта имеет самое жизненное значение. ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО имеете власть посредством мероприятий, не нарушающих интересов русской нации, освободить финский народ от горьких испытаний, постигших его за последние годы, и восстановить в крае порядок, спокойствие и счастье. Земские чины обращаются ввиду этого от имени всего финского народа к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ с всеподданнейшим ходатайством, взывая к справедливости и великодушию, которые всякий народ уповает встретить у своего МОНАРХА.

На основании всего вышеизложенного земские чины – **особо представляя на благовоззрение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА о крайней важности немедленной приостановки призыва к отбыванию воинской повинности и безотлагательной отмены постановления от 2 апреля 1903 года и распоряжений, к которым оно подало повод,** – всеподданнейше ходатайствуют перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЕЛИЧЕСТВОМ: **чтобы ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было ВЫСОЧАЙШЕ принять меры, которые требуются для восстановления в Финляндии согласного с основными законами образа правления и законного порядка.** Земские чины Финляндии пребывают с глубочайшим верноподданническим благоговением, преданностью и усердием,

ДЕРЖАВНЕЙШИЙ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

верноподданные и слуги.

От имени рыцарства и дворянства. От имени сословия духовенства.
От имени сословия горожан. От имени сословия крестьян.
Гельсингфорс, 31 декабря 1904 года.

Перевод

ПРИЛОЖЕНИЕ

Так как во всеподданейшем представлении земских чинов затронуты лишь важнейшие постановления, изданные с 1899 года вопреки действующему по основным законам законодательному порядку, то в настоящем приложении приведены наряду с ними также и другие равным образом состоявшиеся несогласно с действующими законами постановления и общие распоряжения, которые следует иметь в виду при принятии мер для восстановления законного порядка. Перечень этот не полон в том отношении, что в него не внесены такие постановления, в которых лишь отдельные определения не имеют законного основания, а также различные распоряжения, дополняющие или примыкающие к изданным по тому же предмету главным постановлениям.

1) Манифест 15/3 февраля 1899 года с принадлежащими к нему основными положениями о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО.

2) Постановление министра внутренних дел империи от 18/5 мая 1900 года, объявленное предписанием Экспедиции путей сообщения от 15 июня того же года, содержащее измененные правила касательно употребляемых в Финляндии знаков почтовой оплаты.

3) Манифест от 20/7 июня 1900 года о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных присутственных мест Великого княжества Финляндского.

4) Постановление от 2 июля 1900 года о публичных собраниях в Великом княжестве Финляндском.

5) Постановление от 2 июля 1900 года о производстве торговли русскими уроженцами.

6) Манифест от 12 июля (29 июня) 1901 года и Устав о воинской повинности в Финляндии от того же числа.

В связи с этими постановлениями находятся:

а) Рескрипт 25/12 января 1903 года о мерах взыскания с военнообязанных, не явившихся к призыву 1902 года.

б) Рескрипт 31/18 декабря 1903 года о мерах взыскания с военнообязанных, не явившихся к призыву 1903 года.

в) Предписания от 18/5 февраля 1904 года о порядке призыва к отбыванию воинской повинности лиц, переселившихся в Финляндский Лапмаркен, и

г) Постановление от 18/5 февраля 1904 года о приведении к присяге финляндских новобранцев евангелическо-лютеранского и методистского вероисповеданий по форме, установленной в войсках империи.

7) Постановление от 10 июля (27 июня) 1902 года об изменении форм и порядка обнародования узаконений и правительственных распоряжений в Великом княжестве Финляндском.

8) Постановление от 31/18 июля 1902 года об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии.

В связи с постановлением 31 июля 1902 года находятся следующие постановления:

а) Отношение статс-секретариата от 9 сентября (27 августа) 1902 года, содержащее ближайшие указания относительно применения сего постановления.

б) Постановление от 11 марта 1901 года, согласно 2 п. которого должностные лица, принесшие присягу на верность службы в империи, освобождаются от принесения таковой присяги при переходе их на службу в Финляндии.

9) Постановление от 14/1 августа 1902 года о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств.

К этому постановлению примыкают:

а) Разъяснение от 7 мая (24 апреля) 1903 года, согласно которому означенное постановление от 14 августа 1902 года применяется ко всем лицам, служащим по учебному ведомству, за исключением ИМПЕРАТОРСКОГО Александровского университета.

б) Разъяснение от 8 января 1904 года (26 декабря 1903 г.) относительно п. 2 того же постановления о том, что чиновники, удаленные от службы вследствие политической неблагонадежности, противодействия распоряжениям правительства или других несовместных с долгом службы поступков, не имеют права на получение пенсии.

10) Постановление от 14/1 августа 1902 года о порядке удаления от службы должностных лиц судебного ведомства.

11) Постановление от 14/1 августа 1902 года о порядке возбуждения судебного преследования за служебные преступления должностных лиц.

12) Постановление от 8 сентября (26 августа) 1902 года об изменении в некоторых частях учреждения ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената.

13) Постановление от 26/13 марта 1903 года об утверждении инструкции генерал-губернатору Финляндии и его помощнику.

14) Постановление от 26/13 марта 1903 года об изменении инструкции губернаторам.

15) Постановление от 2 апреля (20 марта) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия.

К постановлению от 2 апреля 1903 года примыкают еще следующие восемь постановлений, приведенные ниже сего под лит. а – з:

а) Разъяснение от 26/13 августа 1903 года о том, что должностные лица государственной и общественной службы, коим воспрещено пребывание в Финляндии, подлежат немедленному удалению от службы в силу самого удаления их из края.

б) Постановление от 10 декабря (27 ноября) 1903 года о дополнении постановления от 2 апреля 1903 года относительно того, чтобы на срок действия сего постановления генерал-губернатору было предоставлено, одновременно с возбуждением производства об удалении от службы (в административном порядке) разных должностных лиц государственной и общественной службы, делать распоряжение о немедленном удалении таких лиц от исполнения служебных обязанностей с лишением их части или всего получаемого ими содержания.

в) Постановление от 17/4 декабря 1903 года о том, чтобы, на срок действия постановления 2 апреля 1903 года, губернаторам было предоставлено право утверждать лиц, назначаемых к временному исправлению должностей бургомистров и ратманов магистратов, председателей и вице-председателей городских уполномоченных, а также и других должностей по городскому и сельскому общинным управлениям с тем, чтобы, в случае неизбрания таковых лиц в определенный начальником губернии срок или избрания людей неблагонадежных, губернаторы своей властью возлагали временное исправление указанных должностей на известных им компетентных лиц.

г) Рескрипт от 3 января 1904 года (21 декабря 1903 года) о том, чтобы лица, коим воспрещено пребывание в крае, не пользовались публичными политическими и общинными правомочиями, предоставляемыми неопороченным финляндским гражданам.

д) Постановление от 10 ноября (28 октября) 1903 года об утверждении инструкции чинам отдельного корпуса жандармов в Финляндии.

е) Постановление от того же числа относительно различных постановлений касательно служебной деятельности лиц отдельного корпуса жандармов и чиновников и служащих таможенного ведомства в Финляндии.

ж) Постановление от того же числа относительно сношений чинов отдельного корпуса жандармов и гражданских властей.

з) Постановление от 11 июня (29 мая) 1903 года о хранении и продаже огнестрельных оружия и припасов, а также взрывчатых веществ и об устройстве стрельбищ.

16) Постановление от 9 июля (26 июня) 1903 года о том, что церковные соборы должны собираться не иначе, как с разрешения генерал-губернатора.

17) Постановление от 2 июня (20 мая) 1904 года о распространении на Финляндию действия положений о полевом управлении войск, об управлении крепостями и правил о местностях, объявляемых на военном положении.

18) Постановление от 9 июня (27 мая) 1904 года о мерах к объединению денежных систем империи и Великого княжества Финляндского.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 2. Л. 29–58. Машинопись, размноженная литографическим способом.

№ 118. Именной Высочайший указ о назначении К. Линдера министром статс-секретарем Великого княжества Финдяндского

10(23) января 1905 г.

Именной Высочайший указ, данный Правительствующему Сенату
1905 года, января 10-го.

Вице-председателю Хозяйственного департамента нашего Финляндского Сената, Двора Нашего егермейстеру Линдеру – Всемилостивейше повелеваем быть министром статс-секретрем Великого княжества Финляндского с оставлением его егермейстером.

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 29 января. № 9. С. 1.

№ 119. Заключение помощника Финляндского генерал-губернатора В.Ф. Дейтриха[336] на петиции Сейма с просьбой отменить закон о воинской повинности

Апрель 1905 г.

Заключение
помощника Финляндского генерал-губернатора, тайного советника Дейтриха
по возбужденному в петиции земских чинов Сеймa 1904 и 1905 гг.
вопросу о воинской повинности

Во всеподданнейшей петиции своей земские чины, исходя из того положения, что воинский Устав 1901 года издан без участия Сейма, ходатайствуют о немедленной, впредь до разрешения Сеймом вопроса о воинской повинности, «согласно Основных законов», отмене призыва текущего года и комплектования лейб-гвардии 3 стрелкового финского батальона охотниками.

Соображения, на которых основано это ходатайство, совершенно тождественны с теми, которые были высказаны еще на чрезвычайном Сейме 1899 года. Земские чины, как в то время, так и ныне, отказываются признавать за Манифестом 3/15 февраля 1899 года и основными к нему положениями силу и значение общеобязательного в Финляндии законодательного акта и находят, что Устав о воинской повинности 1901 года, как изданный на основании положения сего Манифеста, незаконен и потому не может быть применяем в пределах Великого княжества. Требуя таким образом урегулирования вопроса о воинской повинности при посредстве Сейма, земские чины в виде переходной меры предлагают пополнить финский батальон охотниками по найму, на что не требуется согласия Сейма.

В заключении своем по этому вопросу Сенат, хотя и не поддерживает ходатайства Сейма о приостановления действия воинского Устава 1901 года и не высказывается за отмену призыва текущего года и за пополнение гвардейского батальона охотниками, но тем не менее находит, что необходимо немедленно же принять меры «к временному урегулированию вопроса о воинской повинности, при участии земских чинов согласно основным законам»,

и что в этих целях было бы соответственно предложить Сейму «чтобы Устав о воинской повинности от 29 июня (12 июля) 1901 года, впредь до окончательного решения данного вопроса, применялся только в пределах, требуемых для комплектования финского гвардейского батальона, и чтобы за это время из финляндских казенных сумм отчислялись пособия на покрытие общегосударственных расходов по военному ведомству.

С принципиальной точки зрения между воззрениями Сейма и Сената различия нет. Оба эти учреждения, вполне согласно между собою, находят, что Устав о воинской повинности издан будто бы неправильно и что для того, чтобы возыметь в Финляндии силу закона, он должен быть предложен вновь на разрешение земским чинам. Различие во взгляде лишь в том, что Сейм, до окончательного разрешения вопроса о воинской повинности, требует полного приостановления действия означенного Устава, а Сенат, желая сохранить гвардейский батальон как отдельную финскую воинскую часть и сознавая, что предложение Сейма о том, чтобы батальон пополнялся охотниками ни в каком случае принято быть не может, лишь предлагает немедленно узаконить этот Устав получением согласия Сейма на то, чтобы в виде переходной меры военнообязанные могли быть призываемы на военную службу по правилам этого Устава, но притом исключительно лишь в один финский батальон.

Удовлетворение этого ходатайства, в форме ли предложенной Сеймом или Сенатом, означало бы, что русская государственная власть отказывается от своего взгляда на закономерность Манифеста 3/15 февраля 1899 года и признает, что прошедший через Государственный совет и удостоившийся Высочайшего утверждения Устав о воинской повинности незаконен и должен прежде своего применения в Финляндии получить еще санкцию от местного провинциального законодательного учреждения. Кроме того, нельзя не отметить, что передача уже раз решенного в порядке общеимперского законодательства вопроса о воинской повинности на вторичное решение его Сеймом логически повлекла бы за собою необходимость признания, что все распоряжения и меры высших финляндских административных лиц и Сената последних 6-ти лет, направленные к приведению в исполнение Высочайше утвержденных постановлений сего Устава, незакономерны и нарушают права финляндцев, а потому и подлежат отмене. При этом следует иметь в виду, что многие из этих мер принимались по непосредственным указаниям Его Величества, изложенными в рескриптах и Высочайших повелениях на имя Финляндского генерал-губернатора.

Борьба крайних финляндских партий против Устава о воинской повинности 1901 года является принципиальной борьбой против всех объединительных мероприятий русского правительства, и потому уступка по этому вопросу будет понята в Финляндии как поражение русской государственной идеи и крутой поворот в сторону полной обособленности финляндской окраины от остальной России.

Эти соображения приводят меня к заключению, что домогательства Сейма, поддержанные Сенатом, подлежат безусловному отклонению.

Что же касается до ходатайства Сената о передаче еще нынешнему Сейму Высочайшего предложения о назначении и определении размера пособий государственному казначейству на военные потребности из финских казенных сумм, то таковое, по мнению моему, также подлежит отклонению, ибо вопрос этот, по Высочайшему повелению, согласно основным положениям Манифеста 3/15 февраля 1899 года, признан относящимся к общеимперскому законодательству и внесен еще в прошлом году на уважение Государственного совета. Передача же его в настоящее время на решение земских чинов поэтому едва ли соответствовала бы достоинству власти.

Независимо мероприятий, направленных к временному урегулированию вопроса о воинской повинности, Сенат в заключении своем коснулся также и тех начал, которые следовало бы, по его мнению, положить в основание Сеймового предложения, могущего дать окончательное и удовлетворительное разрешение воинского вопроса. Предположения Сената сводятся к следующему: 1) финляндские граждане отбывают воинскую повинность в особых войсковых частях, в которые кроме финляндцев могут поступать только проживающие в Финляндии русские уроженцы; 2) части эти в мирное время должны быть рас-

положены в Финляндии; 3) все офицеры обязаны знать финский язык; 4) состав войсковых частей в мирное время определяется в 12 000 человек или же исчисляется соответственно количеству населения; 5) хозяйственная часть должна находиться в ведении финляндских властей, и 6) срок службы мог бы быть определен согласно Уставу 1901 года. Что касается до остальных, относящихся к порядку отбывания воинской повинности, вопросов, то таковые Сенат находит возможным разрешить в порядке административного законодательства.

Таким образом, предложение Сената клонится к полному пересмотру Устава о воинской повинности 1901 года при посредстве Сейма и к воссозданию упраздненных в 1901 году обособленных финских войсковых частей с отдельным хозяйственным управлением. Несомненно, что если бы состоялось разрешение Сенату выработать на этих началах Высочайшее предложение земским чинам, то последние приняли бы его без возражений, как вполне отвечающее их желанию иметь отдельное национальное войско. Однако едва ли такое разрешение вопроса соответствовало бы русским интересам. История показывает, что образование отдельного областного инородческого войска в пределах единого государства никогда не увеличивало его военного могущества, а порождало лишь попытки к политической самостоятельности при посредстве вооруженного восстания. В течение 70 лет после своего присоединения к Российской империи Финляндия не имела правильно организованного войска. Император Александр I по завоевании Великого княжества в 1809 году оставил ему прежнее военное устройство, состоявшее из двух родов войск: поселенных, комплектовавшихся самим населением, и вербовочных, содержавшихся на счет финляндской казны. Войска эти, однако, в следующем же 1810 году были расформированы под предлогом предоставления стране «отдыха и возможности финансовых сбережений» и воинская повинность заменена вакантною податью. В последующие годы вплоть до 1876 года в Финляндии то формировались отдельные войсковые части на прежних началах, то отменялись и вновь заменялись вакантною податью. По введении же в России общей воинской повинности был возбужден вопрос о необходимости распространения ее и на Финляндию. Согласно сему, был выработан отдельный для Великого княжества Устав, благодаря которому и вопреки мнению военного министра, генерал-адъютанта Милютина, Финляндия получила свое отдельное национальное войско. Нельзя при этом не отметить, что местные политики, из которых некоторые и до сих пор живы и продолжают руководить общественным мнением и Сеймом*[1], придавали учреждению отдельного финского войска значение не усиления военной мощи всей империи, а лишь вооруженной силы, призванной стоять на страже исключительно одних лишь финляндских интересов против общегосударственных. Эта точка зрения проводилась на Сейме 1878 года в речах почти всех ораторов, в числе которых Лео Мехелин, например, требуя принятия Устава о всеобщей воинской повинности, между прочим, говорил: «к безоружному не будут относиться с таким уважением, как к вооруженному союзнику», «безоружность при отстаивании своих прав перед другими государствами не дает ясности – напротив, она является заслоняющею тенью вокруг прав финского государства». Очевидно, что при взгляде на учреждаемое войско, как на будущего охранителя прав финского народа против посягательств союзного государства (т. е. России), составители Устава 1878 года должны были по возможности так организовать его, чтобы оно являлось не слитым воедино с остальными вооруженными силами государства, а составляло резко отделенную от него часть с собственными резервами. Устав 1878 года вполне осуществил высказашую на Сейме Монгомери мысль, «что необходимо так организовать оборону страны, чтобы она дала партию инструкторов финскому народу для обучения его употреблению оружия и придания ему возможности взяться в минуту опасности за меч». Воинская повинность по Уставу 1878 года и была так организована, что войска являлись инструкторами той молодежи, которая не попадала в ряды действующего войска. К 1901 году запас таких обученных людей составлял 100 000 человек. Такое положение дела не могло не озабочивать русских военных сфер, которые очевидно не могли забыть, к чему повело образование при

*[1] Лео Мехелин, Шауман, генерал Альфтан, Монгомери, Антель, барон Борн. (*Прим. док.*)

Императоре Александре I особого польского войска. Изданием Устава 1901 года имелось в виду слияние финских войсковых частей с остальною русскою армией, их денационализация и объединение на почве общего командного начала. Практического применения этот Устав, однако, по настоящее время еще не имел, так как одновременно с его изданием все 8 финских стрелковых батальонов, а затем и драгунский полк были расформированы, и в ряды войск стало призываться лишь 190 новобранцев исключительно для пополнения одного Л.-Гв. 3-го стрелкового финского батальона. Призывы новобранцев в 1902 и 1903 годах встретили при своем осуществлении всеобщее противодействие.

Духовенство отказывалось оглашать в церквах новый Устав о воинской повинности, административные, судебные и общественные учреждения и лица открыто объявили его незаконным и не исполняли ни одного обращенного к ним требования, основанного на постановлениях этого Устава, общины не выбирали членов на усиление воинских присутствий.

Тайная местная шведская организация, руководившая уже много лет финляндскими делами исключительно в интересах своей партии, организовала так называемое «пассивное сопротивление» начинаниям русской власти. Для агитации были собраны значительные денежные средства, лиц, которые полагали необходимым подчиняться требованиям воинского Устава, бойкотировали; всячески препятствовали успеху призыва, убеждая молодежь, при посредстве подпольных газет и почти явной устной пропаганды, не являться на призыв. Чтобы сломить это, можно сказать, почти всеобщее сопротивление, была по указанию Сената применена против сопротивлявшихся общин, отказывавшихся от выбора членов на усиление призывных присутствий, система денежных штрафов. В связи с тем же противодействием изданы были и новые законы, ограничивавшие право общественных собраний, определяющие способ удаления от службы должностных лиц в административном порядке, даны генерал-губернатору обширные чрезвычайные полномочия, расширены права губернаторов в отношении общин, удалены со службы многие судьи, губернаторы и другие чины администрации и, наконец, главари сопротивления высланы из края. Благодаря принятым мерам, сопротивление должностных лиц судебного и административного ведомств, а равно и общественных учреждений, значительно ослабло и призыв 1904 года прошел почти нормально: призывные явились в количестве около 83 %*[2] (нормально 88 %). Потерпев крушение в пассивном сопротивлении Уставу 1901 года, крайние оппозиционные элементы перешли к террору и убили генерал-губернатора Бобрикова и прокурора Императорского Финляндского Сената Ионсона.

Настойчивость и твердость, проявленные русской государственной властью в понуждении финляндцев подчиниться требованиям воинского Устава 1901 года, вытекали исключительно лишь из того, что Устав этот был издан на основании законодательного акта (Манифеста 3/15 февраля 1899 года), указывавшего, что Финляндия рассматривается, как составная часть единой Великой Российской империи и в известных, затрагивающих интересы всей империи вопросах подчиняется в законодательном отношении имперским учреждениям. В сущности же генерал-адъютант Бобриков никогда не стремился создать в Финляндии, согласно ст. 10 Устава 1901 года, отдельные части, пополняемые преимущественно финляндцами, и не желал образования многочисленного обученного военному делу запаса, что несомненно имело бы место, если бы постановления означенного Устава были осуществлены. Наоборот, ввиду политического положения Великого княжества, не допускавшего, а в настоящее время еще менее допускающего образование каких бы то ни было отдельных местных войсковых частей и обученного запаса, покойный генерал-губернатор настоял в 1900 году на отмене очередного созыва запаса в учебные сборы, а затем в следующем году на упразднении как этого запаса, так и кадров к нему. Одновременно с Высочайшим утверждением Устава 1901 года было испрошено соизволение Его Императорского Величества на расформирование 8 финских стрелковых батальонов и сформирование вместо них

*[2] В значительной степени такой большой % явившихся объясняется тем, что призывалось на службу только 190 человек и исключительно в один лишь финский гвардейский батальон. (*Прим. док.*)

соответствующего числа русских. Вместо ежегодного контингента в 2200 человек число призывных было ограничено 500-ми. В действительности же вследствие упразднения по Высочайшему повелению финского драгунского полка призывалось в последние годы не 500, а всего лишь по 190 человек исключительно для пополнения одного Л.-Гв. 3-го финского стрелкового батальона. Благодаря этим мерам, все действующие финские войска были сведены к одному гвардейскому стрелковому батальону, запас обученных военнообязанных вследствие естественной убыли и непополнения его новыми людьми, значительно сократился и через несколько лет, если он не будет вновь пополняем, должен совершенно иссякнуть. Обращает на себя внимание, что генерал-адъютант Бобриков считал необходимым упразднение также и последней финской военной части Л.-Гв. 3-го финского стрелкового батальона. Весною 1903 года мне было поручено покойным генерал-губернатором выяснить, находят ли такое упразднение своевременным и желательным военный министр и министр статс-секретарь. Выслушав мой словесный доклад, генерал-адъютант Куропаткин и статс-секретарь Плеве просили меня передать генерал-адъютанту Бобрикову, что принять на себя инициативу в этом деле они не находят удобным, но согласны поддержать его всем своим авторитетом, если вопрос этот будет поднят помимо них. Таким образом, в течение 5½ лет своего генерал-губернаторства в Финляндии генерал-адъютант Бобриков систематически стремился к полному уничтожению в Великом княжестве местной вооруженной силы и считал, что чем меньше Финляндия имеет обученных военному делу людей, тем это более соответствует интересам России. Требование же исполнения постановления воинского Устава 1901 года, повторяю, вызывалось лишь тем соображением, что закон этот был первым законодательным актом, изданным в порядке Манифеста 3/15 февраля, и отказ от его применения мог вызвать у финского населения предположение о необязательности основных положений означенного Манифеста.

События последнего времени всецело оправдали принятые по почину генерал-адъютанта Бобрикова мероприятия, направленные к упразднению особого финского войска с весьма обширными резервами.

Из уголовного дела бывшего генерал-лейтенанта Генерального Штаба и сенатора Шаумана с полною очевидностью выяснилось, каким тяжким ударом для сепаратической партии было упразднение финских войск и несозыв за последние годы запаса для обучения. Из собственноручной записки Шаумана и из бумаг, найденных у агитатора Люлю, усматривается, что генералом Шауманом был выработан целый план организации стрелковых обществ, при посредстве которых финское население должно было обучаться в военных целях стрельбе пулями. В разосланной от тайного «Центрального комитета» инструкции, по всей вероятности, составленной тем же Шауманом, рекомендовалось упражнение в стрельбе из маузеровских ружей по мишеням: стоя, с колена, лежа и залпами. Та же записка Шаумана не оставляет никакого сомнения в том, что организация обучения населения стрельбе была задумана лишь после упразднения финских батальонов и несозыва запаса. Шауман прямо заявляет, что означенные обстоятельства оставили страну без защиты и что поэтому необходимо немедленно озаботиться организацией таковой, чтобы не остаться безоружным, когда наступит день свергнуть «ненавистное самодержавие».

Полное введение в действие воинского Устава 1901 года вновь создало бы, хотя и в несколько иной более смягченной форме, но тем не менее все-таки отдельное финское войско и многочисленный к нему запас вполне обученных людей (статьи 10 и 16 Устава о воинской повинности Великого княжества Финляндского).

Образование в Финляндии многочисленного и прошедшего через войсковые кадры запаса по местным условиям представляется не только нежелательным, но и прямо в политическом отношении опасным. Условия финляндской жизни не имеют ничего общего с условиями других инородческих окраин России, например, Прибалтийского края и Польши. Финляндия никогда органически не сливалась с Россией, она всегда являлась отдельной автономной провинцией, с особыми границами, собственными законами, администрацией,

судом, таможнями, финансами и с отдельным законодательным учреждением. При наличности таких условий обучение враждебного России населения военному искусству рано или поздно, но несомненно повлечет за собою плачевные для безопасности государства последствия, тем более, что вооруженное восстание может быть весьма быстро и успешно организовано. Имея в своем распоряжении всю администрацию и весьма крупные казенные капиталы в иностранных процентных бумагах, финляндцы могут закупить и провезти через многочисленные шхеры прежде, нежели даже об этом узнает русская власть, достаточное количество оружия и других боевых припасов для поголовного вооружения всего местного населения. Возможность попытки со стороны Финляндии, хотя и в отдаленном будущем, силою оружия отторгнуться от России после событий последнего времени нельзя уже отвергать. Поэтому правильно понятые интересы России требуют принятия заблаговременно всех мер к тому, чтобы в будущем население Великого княжества не имело своей отдельной вооруженной силы и не могло воспользоваться неблагоприятно сложившимися для России политическими обстоятельствами и поднять против нее вооруженное восстание.

Достигнуть этого можно, по мнению моему, лишь полною отменою личной воинской повинности и заменою ее вакантною податью*[3]. Двенадцатитысячный финляндский корпус с стотысячным хорошо обученным запасом, находящийся в соседстве с Петербургом, при известном нерасположении финляндцев к русским в критические минуты жизни Российского государства будет всегда служить для финляндских политиков отличным оружием давления на русское правительство, ведь единственно с этою целью, а не для защиты России учреждено отдельное финское войско.

Финляндцы хотели, по выражению Лео Мехелина, на Сейме 1878 года этим способом внести «ясность» в отношении к другому государству, т. е. России и заставить его относиться «с уважением к вооруженному союзнику, т. е. к Финляндии. Едва ли в интересах России допустить финляндцев вносить таким способом «ясность» в их отношениях к империи, в состав которой они входят.

Высказываясь за отмену личной воинской повинности в Финляндии, я тем не менее не нахожу возможным отмену призыва текущего года вслед за ходатайством о том Сейма, так как таковая несомненно будет принята как в России, так и в Финляндии за уступку и слабость власти и за крутой поворот в сторону обособленности финляндской окраины.

Для избежания этого, весьма вредного в политическом отношении впечатления, я считал бы более целесообразным и осторожным произвести призыв сего года и только после его окончания, но до приема призывных приостановить применение воинского Устава 1901 года, освободить одновременно новобранцев сего года от зачисления в гвардейский батальон. Мера эта поведет к желаемому упразднению и самого батальона или же к обращению его в русский, так как приостановление впредь призывов в Великом княжестве лишит возможности пополнять батальон новобранцами из числа финляндских граждан.

Предлогом для приостановления действия воинского Устава 1901 года впредь до времени могло бы служить указание на отсутствие после расформирования финских батальонов особых войсковых частей, в которых, согласно ст. 10 означенного Устава, надлежит по преимуществу зачислять финляндцев. Сформирование же таких новых частей в настоящее время представляется невозможным.

Что касается до вакантной подати, то таковая могла бы быть определена или непосредственно по Высочайшему повелению, как это имело место 15 марта 1810 года и 21 апреля 1868 года, или же разрешена при участии Сейма. Надлежит, однако, иметь в виду, что зем-

*[3] Во всеподданнейшем отчете Финляндского генерал-губернатора за 1898–1902 гг. генерал-адъютант Бобриков категорически высказал мысль о желательности полной замены натуральной воинской повинности в Финляндии денежною. (*Прим. док.*)

ские чины могут оказаться весьма несговорчивыми относительно размеров подлежащей выплате суммы, и тогда возникнут весьма нежелательные осложнения.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 133–143. Машинопись (С. 1–11) на полулистах большого формата, размноженная литографическим способом в составе подборки документов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 66. Л. 387–397. Машинопись (С. 1–11) на полулистах большого формата, размноженная литографическим способом в составе подборки документов.

№ 120. Высочайший Манифест о временной приостановке применения Устава о воинской повинности в Финляндии от 29 июня (12 июля) 1901 года

16(29) марта 1905 г.

Высочайший Манифест о временной приостановке применения Устава о воинской повинности в Финляндии от 29 июня / 12 июля 1901 года.

Божиею Милостию

Мы, Николай Второй, Император и Самодержавец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем через сие: что, снисходя к всеподданнейшему ходатайству земских чинов Финляндии об устройстве военной части в Великом княжестве и приняв во внимание, что окончательное разрешение сего ходатайства не может последовать ранее завершения трудов особо учрежденной Комиссии по разграничению областей общегосударственного и местного финляндского законодательств, Мы признали за благо временно приостановить применение Устава о воинской повинности в Финляндии от 29 июня / 12 июля 1901 года на основаниях, изъясненных в предложении Нашем, сего числа земским чинам данном.

На основании Собственного Его Императорского Величества рукою подписано:

«Николай»

В Царском Селе
16/29 марта 1905 года.
Министр статс-секретарь Лангоф[337]

Опубл.: СПВКФ. 1905. № 15. Ст. 37; ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. 1. 1905. СПб., 1908. Ст. 25980.

№ 121. Высочайшее предложение земским чинам Финляндии о пособии на военные нужды, уплачиваемом финляндскою казною в государственное казначейство

16(29) марта 1905 г.

Высочайшее предложение о пособии на военные нужды, уплачиваемом финляндскою казною в Государственное казначейство.

Ввиду того, что окончательное разрешение просьбы земских чинов об устройстве военной части в Финляндии не может последовать ранее завершения трудов особо учрежденной Комиссии по разграничению областей общегосударственного и местного финляндского законодательств Государь Император и Великий князь, снисходя к ходатайству собранного ныне Сейма, признает за благо временно приостановить применение Устава о воинской повинности от 29 июня / 12 июля 1901 года, с тем чтобы финляндская казна с 1 января 1905 года до истечения 1907 года уплачивала Государственному казначейству ежегодное пособие на военные нужды.

Во внимание к средствам края, представляется справедливым назначить размер этого пособия в девять миллионов марок.

По донесению Финляндского Сената, свободные доходы милиционного фонда составляют, за вычетом издержек фонда, около 1 200 000 марок в год и таким образом являются недостаточными для покрытия этого расхода. Вследствие сего, по указанию Его Императорского Величества, в течение 1905, 1906 и 1907 гг. будут ежегодно перечисляться для этой надобности из статного фонда в милиционный фонд по 7 000 000 марок. Для пополнения недостающей затем суммы на покрытие вышеозначенного расхода в течение финансового периода 1905–1907 годов Его Императорское Величество предлагает земским чинам ассигновать из прибылей Финляндского банка по 1 800 000 марок в год.

Означенное предложение Высочайше утверждено в Царском Селе 16/29 марта 1905 года.

Министр статс-секретарь Лангоф.

РНБ. Шифр: 30/5-39. В составе справки Совета министров от 3.11.1910. С. 5.

№ 122. Из «Определения земских чинов Великого княжества Финляндского» о восстановлении законного порядка в крае[338]

2(15) апреля 1905 г.

Мы, нижеподписавшиеся земские чины Великого княжества Финляндского и представители финского народа: рыцарство и дворянство, духовенство, сословие горожан и крестьянское, заседавшие на нынешнем очередном Сейме, объявляем, что Державнейшій Августейшій Монарх и Государь Николай Второй, Император и Самодержец Всероссійскій, Царь Польскій, Великій князь Финляндскій и проч., и проч., и проч., наш Всемилостивейшій Государь и Великій князь, Высочайшею Грамотою от 26(13) августа 1904 года соизволил созвать нас к 5 декабря минувшего года, почему мы в означенный день и явились сюда в Гельсингфорс.

Приступив к своей деятельности с молитвою к Всевышнему о ниспослании благословения на занятия наши, мы собрались в Тронном зале 9 числа последнепомянутого месяца, где нам были сообщены Высочайшие предложения и проекты, кои Его Императорскому Величеству благоугодно было передать нам. По предварительном обсуждении этих и переданных позднее, во время Сейма, на наше рассмотрение Высочайших предложений и по сообщении нам обзора мер и распоряжений правительства по состоявшимся на последнем очередном Сейме определениям земских чинов, удостоившимся Высочайшего Его Императорского Величества одобрения и утверждения, а также прочих постановлений, которые Его Величеству благоугодно было издать по поводу происходивших на означенном Сейме совещаний, мы пришли к следующему решению:

§ 1.

Первейшим и непременным долгом нашим сочли мы повергнуть к стопам Его Императорского Величества откровенное представление относительно пагубных условий, господствующих в крае, и о тех мерах, которые требуются для восстановления порядка, спокойствия и счастья.

Поэтому мы по поводу представленных нам проектов петиций на основании единогласного определения всех четырех сословий, ходатайствовали в всеподданнейшем представлении от 31 декабря 1904 г. о Высочайшем Его Императорского Величества повелении принять меры, которые требуются для восстановления в Финляндии согласного с основными законами образа правления и законного порядка, в каковых видах нами намечены следующие, признанные нами необходимыми мероприятия, а именно:

1) Высочайшее повеление о том, чтобы применение Устава о воинской повинности от 12 июля 1901 г. посредством немедленной приостановки призыва было прекращено, и чтобы отменены были установленные по поводу сего Устава принудительные меры, причем, ввиду того, что впредь до решения в предусмотренном Основными законами порядке вопроса о воинской повинности могут потребоваться временные меры, таковые меры должны быть проведены в законном порядке;

2) отмена временного постановления от 2 апреля 1903 года о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, равно как и разъяснений и дополнений к сему постановлению, а также сделанных на основании этих постановлений распоряжений по отношению к отдельным лицам и общинам; отмена п. 10 постановления от 26 марта 1903 года о новой инструкции генерал-губернатору и отмена постановлений от 10 ноября 1903 года, касающихся возложения на отдельный русский корпус жандармов служебных обязанностей в Великом княжестве;

3) отмена ст. I и II постановления от 31-го июля 1902 года об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии, и постановлений от 14-го августа 1902 года о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств и судебного ведомства, а также постановления от 14-го августа 1902 года о порядке возбуждения судебного преследования за служебные преступления должностных лиц;

4) Высочайшее повеление о том, чтобы изданные при Манифесте от 15 февраля 1899 г. основные положения не применялись, пока затронутые в них вопросы не будут урегулированы законодательным актом, состоявшимся с согласия земских чинов;

5) изменение Манифеста от 20 июня 1900 г. и п. 12 постановления от 10 июля 1902 г. в том смысле, чтобы финский и шведский языки вновь заняли подобающее по существу дела и по праву место в области администрации и законодательства;

6) пересмотр прочих, упоминаемых в означенном всеподданнейшем представлении и в приложении к нему, постановлений, в видах устранения из них определений, несогласных с основными или общими законами; и

7) устранение обнаруживающихся в области администрации ненормальных явлений, вызванных в особенности порядком замещения некоторых должностей. [...]

Опубл.: СПВКФ. 1905. № 36. Ст. 68; Финляндская газета. 1905, 6(19) декабря. № 176. С. 1.

№ 123. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора И.М. Оболенского Императору Николаю II о политическом положении в Финляндии в 1905 г.

7(20) апреля 1905 г.

Копия

Вторая Всеподданнейшая записка Финляндского генерал-губернатора, генерал-адъютанта князя Ивана Оболенского – о политическом положении в период очередного Сейма в 1905 г.

Петиционный период Сейма, как было всеподданнейше доложено Вашему Императорскому Величеству в записке от 28 декабря 1904 года, завершился подачею так называемой «большой петиции», после чего земские чины приостановили свою деятельность до 11(24) января. Но и по окончании этих каникул к разработке законодательных вопросов не было приступлено под предлогом ожидания удовлетворения требований петиции. Такой образ действий особенно поддерживался в дворянской и городской куриях, причем забастовке придавалось значение протеста против современной «неконституционной» системы управления.

Заняв обструкционное положение, курии только для вида собирались на краткие заседания, на которых занимались вопросами исключительно политическими, стараясь придать им характер вызова по отношению к правительству. А между тем, параллельно с видимою бездеятельностью Сейма были организованы тайные заседания с участием лиц, к Сейму непричастных, в которых в действительности и вырабатывался план действий Сейма.

Такое поведение земских чинов не могло не отозваться и на настроении всего края.

Приведенные в первой моей всеподданнейшей записке слова Мехелина о предстоящем в России мятеже оправдались: беспорядки в Петербурге и других местах империи состоя-

лись именно в указанный им срок. Одновременно состоялись противуправительственные демонстрации в Гельсингфорсе и других городах Финляндии. Манифестации эти хотя и совпали с событиями в империи, однако существенно от них отличались, как сравнительно второстепенным участием в них рабочих, отсутствием забастовок и нарушений обычного строя трудовой жизни, так и резко выраженною враждебностью ко всему русскому.

В Гельсингфорсе толпа с возгласами против Самодержавия и России демонстрировала у моего дома, дома моего помощника и квартиры прокурора Сената, у казарм русских стрелков, у русского театра, и в то же время устроила овацию у рыцарского дома и казарм Л.-Гв. 3-го стрелкового финского батальона, несколько нижних чинов которого были замечены в этой толпе. На второй день демонстрации были остановлены энергичными мерами полиции, пустившей в ход холодное оружие; в прочих же городах края беспорядки были прекращены без помощи войск, кроме Улеаборга, но и здесь войскам пришлось прибегнуть к действию оружием.

Ввиду распространенных слухов об ослаблении Гельсингфорсского гарнизона посылкою войск в Петербург сделано было распоряжение о временном усилении этого гарнизона и назначен общий парад войскам, расположенным в городе и его окрестностях. Меры эти произвели соответствующее впечатление и спокойствие более не нарушалось.

Упомянутые беспорядки совпали с возвращением на родину остальных помилованных Вашим Императорским Величеством политических высланных, которым при встрече были сделаны овации.

Продолжавшаяся агитация «партии активного сопротивления» привела к убийству прокурора Императорского Финляндского Сената и покушению на жизнь Выборгского губернатора. Следует отметить, что первое из этих злодеяний направлено было против соотечественника за непоколебимую преданность долгу и верность его Высочайшей воле Вашего Величества. Покойный прокурор никогда не скрывал своих убеждений о необходимости для Финляндии теснее сблизиться с Россией и действовал в неуклонном сознании обязанности оградить население своей родины от влияния преступной крамолы. Вот почему на этом истинно-честном человеке сосредоточилась вся ненависть так называемой партии «конституционалистов». Однако земские чины отнеслись безучастно к смерти прокурора и ни в чем не выразили своего порицания совершенному преступлению; единичныя же по сему заявления в духовной и крестьянской куриях встречены были протестами большинства депутатов, находивших, что событие это «не касается земских чинов»; в среде же дворян и горожан вовсе замолчали это злодеяние. Заслуживает внимания, что в данном случае значительная часть финского народа не оказалась солидарной с Сеймом и открыто осудила убийство, а вице-канцлер университета Даниельсон не остановился перед публичным выражением упрека местному шведскому обществу в одобрении этого «преступного деяния». Негодуя против конституционалистов, старофинны прямо называли их «партией убийц» и погребению прокурора придали заметный отпечаток народной финской патриотической манифестации против шведской олигархии.

Обвинения были столь сильны, что конституционалисты принуждены были прибегнуть к защите и старались возложить всю ответственность за политические убийства на русское правительство, которое нарушением в крае «законного порядка», якобы, неизбежно приводит к таким преступлениям. Обострение розни между партиями, однако, не препятствовало им дружно добиваться удовлетворения всех притязаний, заявленных земскими чинами. Доказательством этого служит, между прочим, прибытие из Або в Гельсингфорс особой депутации старофинноманов, выразившей сперва доверие Сенату, а затем явившейся ко мне и просившей о поддержании перед Вашим Императорским Величеством всех без исключения ходатайств Сейма. В ответ на это мною было указано, что содержание пред Сеймовой речи Вашего Императорского Величества ясно показывает, что на затронутых земскими чинами вопросах уже было сосредоточено внимание Вашего Величества, и что удовлетворение благоразумных желаний народа во многом зависит от его поведения и наступления более спокойных дней в жизни всего государства.

Последовавший затем Высочайший Манифест от 16 марта сего года о временной приостановке действия Устава о воинской повинности 1901 года, равно как и отмена Высочайшего постановления от 1/14 августа 1902 года об административном увольнении от службы должностных лиц судебного ведомства были встречены первоначально проявлениями всеобщего удовлетворения. В печати и на народных сходках приветствовали эту меру как предзнаменование скорого удовлетворения и всех остальных притязаний. Под таким впечатлением к моему возвращению в Гельсингфорс подготовлялись даже приветственные манифестации, от которых я счел долгом уклониться.

При обсуждении же Высочайшего Вашего Императорского Величества предложения об ежегодном денежном ассигновании Государственному казначейству на время приостановления действия закона о воинской повинности 1901 года на Сейме раздались заявления, принявшие характер резких осуждений этой меры. Обращалось внимание, что этим разрешена лишь незначительная часть ходатайства земских чинов, и отмечалось, что закон о воинской повинности 1901 года не отменен, а лишь временно приостановлен. В среде дворян многие усматривали нарушение основного закона в том, что страна за уничтожением «против волн земских чинов» собственного войска и заменою его «чуждою краю солдатчиною» не только лишилась национальной обороны, но облагается сверх того «контрибуцией», знаменующей собою «состояния рабства и унижения».

В результате Сейм, выйдя из пределов данного ему предложения, касавшегося лишь части десятимиллионного годового взноса на военные потребности из прибылей Финляндского банка, счел себя вправе решить вопрос о всей сумме взноса, причем вопреки Сеймовому Уставу вотировал ассигнование это не на весь бюджетный период, а только на один год. Точно также вопреки тому же Уставу только на год были установлены налоги. Этим, а также утверждением расходов по Сейму ограничилась деятельность земских чинов по сделанным им предложениям. Затем вплоть до самого закрытия Сейма они продолжали посвящать большую часть времени критике правительственных мероприятий и новым дерзким заявлениям и требованиям*[1].

Нарушение земскими чинами Сеймового Устава в то время, когда этот основной закон, по словам финляндцев, не затронут даже их «врагами по ту сторону восточной границы», признавалось многими способным подорвать уважение к этому закону со стороны русского правительства. В курии крестьян некоторые депутаты сообщили о сделанных им по этому поводу запросах их избирателями и предложили выразить недоверие Сеймовым комиссиям, которые бастуют по приказанию «неведомого кружка», состоящего вне самого Сейма. Большинство земских чинов на все это категорически указывало, что первое место в настоящее время принадлежит вопросам политическим, а потому все дела экономического или законодательного свойства, равно как и Высочайшие предложения следует отложить до времени удовлетворения всех политических требований Сейма и пока не останавливаться пред нарушением Сеймового Устава и не входить в юридическую оценку этих нарушений.

---

*[1] Таковые были, например, предложения: об ассигновании пяти милл. казенных денег на вознаграждение материального ущерба высланных из края и удаленных от службы; о восстановлении всех этих лиц в прежних должностях и званиях и удалении всех русских чиновников («толпы чужеземцев») и вообще должностных лиц «Бобриковского режима»; о сокращении пределов власти генерал-губернатора и упразднений должности его помощника и т. п. Деятельность губернаторов, как русских, главным образом, Выборгского, так и местных, была подвергнута резкой критике, а Улеаборгскому и Куопускому губернаторам даже предъявлены были особыми депутатами требования об уходе их в отставку. Цензура признавалась излишнею и открыто восхвалялась подпольная литература, как «распространявшая верные сведения», а редакции важнейшей из нелегальных газет «Fria Ord» воздана была в сейме публичная благодарность за ее полезную деятельность. Дошло даже до открытых заявлений о бесполезности петиций к такому правительству, «которое не пользуется доверием народных представителей», и до советов «протянуть в России руку людям нового времени». (*Прим. док.*)

При таком образе действий Сейма представлялось очевидным, что ни продление сессии, ни даже ее отсрочка на осень, о чем просили земские чины, не могут обеспечить в будущем перехода его к законной работе.

Закрытие Сейма состоялось 2/15 апреля сего года. На последнем заседании, хотя Сейм и был продолжен на неделю сверх предельного четырехмесячного срока, тем не менее во всех куриях протестовали против «внезапного» роспуска земских чинов. Под предлогом необходимости определить смету последующих лет, самим Сеймом предумышленно ограниченную годовым сроком, земские чины обратились с всеподданнейшим ходатайством о созыве еще в текущем году чрезвычайного Сейма. Такое ходатайство объясняется, с одной стороны, желанием к осени текущего года добиться во что бы то ни стало ответа на большую петицию, а с другой – осуществления заветной мечты местных политиканов об установлении ежегодных сессий народных представителей.

Завершившийся ныне Сейм несомненно имеет весьма большое показательное значение. Бездеятельность его в отношении разработки законодательных вопросов и занятие его исключительно вопросами политическими, а также резкие протесты против мероприятий правительства, окончательно выяснили истинное отношение финляндцев к России. Особенно ярко выказалось на настоящем Сейме отсутствие верноподданнической преданности Престолу Самодержца как дворянства, так вообще образованных и полуобразованных классов Великого княжества. Сочувствие большинства этих классов тому сепаратическому движению, которое характеризует общественную жизнь Финляндии за последнее полустолетие, отныне не подлежит сомнению. Местное финляндское население, не исключая и низших его слоев, со времени установления периодических созывов земских чинов несомненно приобщилось к политической жизни: оно настойчиво стремится к дальнейшему расширению своего участия в управлении краем и к обособлению в самостоятельный национально-государственный организм при сохранении лишь призрачной связи с империею. Как показывает история, Сеймы постоянно становились в оппозицию к русскому правительству, и разница была только в степени ее напряженности, в зависимости от внутреннего и внешнего политического положения всего государства.

Чрезмерное увлечение политической жизнью и идеей национальности вообще присуще небольшим народам, которые всегда опасаются поглощения со стороны более крупных наций. Отсутствие широких задач, интересов, и главное, обязанностей, наполняющих жизнь больших государств, способствует развитию среди этих мелких народностей крайних политических вожделений, что в Финляндии ярче выражается еще и вследствие исключительно-благоприятного ее положения под оплотом России. Никакие даже самые либеральные формы русского управления краем, как бы гуманны они ни были, не удовлетворят населения Великого княжества и не прекратят в нем брожения против того, хотя бы и доброжелательного бездействия со стороны империи, которое она обязана оказывать в общегосударственных интересах. Такое воздействие будет принято всегда за ненавистную русскую опеку.

Политическая ненадежность Финляндии указывает на государственную необходимость обращения ее в состояние полной безоружности. Отбывание финляндцами воинской повинности даже и в русских войсках приведет к постепенному накоплению в крае обученных военному делу людей, познания которых будут к тому же освежаться периодическими учебными сборами. Другими словами, Финляндия при этих условиях не перестанет быть «вооруженным народом», и русская власть собственными руками доставит ей то положение вещей, которого, по упразднении финских войск, стремились достигнуть[а] организаторы крамолы, подобные бывшему генерал-лейтенанту Шауману, уличенному судом в изменнических замыслах. При посредстве выработанного Шауманом плана стрелковых обществ финское население должно было обучаться в военных целях стрельбе пулями под руководством офицеров и унтер-офицеров упраздненных финских войск. Как видно из собственноручной

[а] *Текст в экземпляре Ф. 586 обрывается.*

его записки, план этот именно и был задуман после расформирования финских батальонов и прекращения учебных сборов их запаса, каковые обстоятельства, по его убеждению, оставили страну без защиты, почему и являлось необходимым заменить ее другою, чтобы не остаться безоружным, когда наступит день свержения «ненавистного самодержавия».

Покойный генерал-адъютант Бобриков в своем всеподданнейшем отчете за 1898–1902 гг. (стр. 189) высказал глубокое убеждение в том, что **«упразднение финских войск, прекращая существование если не совершенно сомнительной, то во всяком случае условно преданной Вашему Величеству вооруженной силы, должно быть отнесено к разряду достопамятных и многознаменательных законодательных актов»**, и приходил к заключению, что в общегосударственных интересах было бы правильнее вовсе отказаться от натуральной воинской повинности и перейти к замене ее денежною. **«При современных обстоятельствах, – писал он, – нельзя рассчитывать на то, чтобы местные уроженцы, прошедшие службу даже в рядах русских войск, возвратились бы в свои общины настолько преисполненными чувством долга и любви к России, чтобы преступное влияние агитаторов не могло обратить их в орудие своей пропаганды»**.

Считая необходимым также упразднение Л.-Гв. 3-го стрелкового финского батальона, предместник мой весной 1903 года поручил своему помощнику выяснить, признают ли такое упразднение своевременным и желательным военный министр и министр статс-секретарь фон Плеве, которые оба изъявили согласие поддержать всем своим авторитетом такое ходатайство, если оно будет возбуждено помимо их.

Такого же взгляда о предпочтительности для интересов России полной безоружности Финляндии придерживался и генерал-адъютант граф Милютин, как это и выражено им в отзыве к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского от 27 января 1876 года за № 722.

Все вышеизложенное приводит к убеждению, что отнюдь не следует допускать вновь распространения на Великое княжество действия общей воинской повинности и во всяком случае не образовывать отдельных финских или смешанных воинских частей, преимущественно пополняемых финляндскими уроженцами. Л.-Гв. же 3-й стрелковый финский батальон, с которым безусловно связаны мечты финляндцев о восстановлении финских войск, неизбежно подлежит безотлагательному выводу из края для переформирования в русскую воинскую часть уже вне пределов Финляндии. С приостановкою в настоящее время на 3 года притока в этот батальон финских новобранцев совершится естественным путем преобразования этой последней ячейки национального войска, что, таким образом, явится последствием удовлетворения ходатайства Сейма, но не результатом распоряжения русской власти. Таковое обстоятельство нельзя не признать весьма благоприятным.

Что же касается вновь установленного военного налога, то таковой является лишь временным возмещением за неучастие Финляндии в отбывании воинской повинности, почему его следовало бы сделать постоянным и постепенно повышать пропорционально приросту народонаселения.

Так как при изъясненных обстоятельствах для поддержания авторитета русской власти единственным средством является внушение уважения силою, то желательно расквартирование в пределах Финляндии возможно большего количества войск. Одно присутствие их способно предотвратить большую часть враждебных русскому правительству действий.

В заключение считаю долгом всеподданнейше обратить Высочайшее внимание Вашего Императорского Величества на то, что Всемилостивейшее дарование амнистии политическим высланным, а также предоставление полной свободы Сеймовой деятельности способствовали ослаблению заграничной агитации в пользу Финляндии, и в последнее время финляндский вопрос перестал быть предметом враждебных нападок иностранной печати на политику России.

По существу, до настоящего времени никаких уступок финляндцам не сделано. Приостановка действия воинской повинности несомненно отвечает государственным интересам, тем более, что и самый закон 1901 года, не будучи никогда применен в полном объеме,

не имел практического значения. Не ослабляя ни в чем боевых сил государства, простановка эта привела к большему участию Финляндии в военных издержках империи, отчасти лишила агитацию почвы и ослабила связи агитаторов с населением. В то же время органы правительства освободились от тяжелой борьбы с противодействием Уставу о воинской повинности, повлекшей за собою необходимость издания и принятия целого ряда исключительных мер и законоположений, применение которых безусловно озлобляло большинство народонаселения и ставило его во враждебные отношения ко всем должностным лицам, послушным Высочайшей Вашего Императорского Величества воле. Кроме того, представилась возможность избегнуть усиления военных гарнизонов Финляндии в такое время, когда войска всего нужнее государству для других более важных целей.

На современное состояние края и на действия земских чинов нынешнего Сейма несомненно оказали влияние военные неудачи и внутренние смуты, но и в будущем, даже при наступлении более благоприятных для России политических обстоятельств, улучшение отношения Великого княжества к империи возможно лишь при создании между ними тесной экономической связи. Только при наступлении такой поры, когда, как писал в 1876 году генерал-адъютант граф Милютин, **«в населении Финляндии утвердится сознание полной солидарности политических и экономических ее интересов с интересами России»**, и, по моему глубокому убеждению, возможно будет привлечь финляндцев к несению священного долга защиты Императорского Престола и Всероссийского Отечества на основаниях, равных с прочими верноподданными Вашего Величества.

20[6] апреля 1905 года

[в-в]Финляндский генерал-губернатор князь Иван Оболенский[в-в]

Пометы: (на Ф. 601): рукой Императора знак рассмотрения: °/°

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2355. Л. 12–22 об. Машинопись на полулистах, сшитых в тетрадь. Подчеркивания красным карандашом. Подпись – автограф; Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 145–154. Машинопись (С. 1–11), размноженная литографическим способом; Ф. 586. Оп. 1. Д. 1483. Л. 1–7. Машинопись (первые 7 страниц), размноженная литографическим способом.

№ 124. Журнал № 2 Подготовительной комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства с приложением проекта закона об ограничении законодательства Великого княжества Финляндского

21 апреля (4 мая) – 5(18) мая 1905 г.

Высочайше учрежденная Подготовительная комиссия по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательств

ЖУРНАЛ № 2

Заседания 21, 22, 23 апреля и 5 мая 1905 года. Присутствовали:

Председатель: действительный тайный советник Н.С. Таганцев. Члены: тайные советники Н.Д. Сергеевский и Ф.Ф. Мартенс, генерал-майор М.М. Бородкин, действительные статские советники В.Т. Судейкин и Э.Н. Берендтс, архиепископ Г.Г. Иогансон, президент гофгерихта Г.А. Боренius, статский советник Р.И. Даниельсон, профессора барон Э.Ф. Пальмен и Р.Ф. Германсон и полковник в отставке К.С. Антель.

---

[6] *Вписано только в экз. Ф. 601.*

[в-в] *Вписано рукой Оболенского только в экз. Ф. 601.*

По открытии заседания 21 апреля Комиссия выслушала сообщение председателя о том, что неблагоприятно сложившиеся обстоятельства заставили отступить от намеченного в предыдущем заседании плана работ и продлить перерыв в занятиях Комиссии несколько долее, нежели то предполагалось первоначально. Причиною этого послужило отчасти некоторое замедление типографской работы по набору и отпечатанию исторических материалов и справок, отчасти же недостаточно спокойное политическое настроение последнего времени. Выразив по этому поводу надежду, что предстоящие занятия Комиссии пойдут уже с возможною, по обстоятельствам дела, быстротой и непрерывностью, председатель предложил затем вниманию присутствующих переданный ему от имени шести членов Комиссии (Г.Г. Иогансона, Г.А. Боренгаупа, Р.И. Даниельсона, барона Э.Ф. Пальмена, Р.Ф. Германсона и К.С. Антеля) особый проект закона «О некоторых ограничениях законодательства Великого княжества Финляндского, вызываемых положением его в Российском государстве», вместе с пояснительным к сему проекту меморандумом.

По поводу означенного проекта названные члены Комиссии представили нижеследующие объяснения. В представленном проекте они желают ответить на содержащиеся в двух промемориях, доставленных членам Комиссии, вопросы, которые на первых заседаниях Комиссии были предложены ей для разрешения и из коих главные два формулированы так:

«Следует ли и возможно ли определить в законе род законоположений, распространяющихся на Великое княжество Финляндское, но имеющих общегосударственное значение?» и «Не следует ли признать, не входя в обсуждение особенных условий, относящихся к изданию воинских Уставов для Великого княжества Финляндского 1878 и 1901 гг., что законы о порядке отбывания воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об организации и управлении воинскими частями, из уроженцев сего края образуемыми, должны быть отнесены к группе законов общегосударственных, подлежащих изданию в особо для сего установленном порядке?» Согласно Основным законам Финляндии, особое законодательство сего края не является таковым, которое простиралось бы лишь на какие-нибудь особые категории предметов, но в силу свойства связи края с Россией некоторые вопросы, касающиеся порядка престолонаследия, времени наступления совершеннолетия Монарха, внешняя политика и др., указанные в §§ 2 и 3 упомянутого законопроекта, по существу дела должны быть изъяты из сферы законодательства Великого княжества Финляндского. Хотя сии предметы и не были определены особым законодательным актом, однако вопрос этот в Финляндии не возбуждал сомнений. Но отсутствие прямых постановлений об этом, по их мнению, являлось одною из причин тому, что в России за последнее время начали требовать особого общегосударственного законодательства, перенося сюда также такие предметы, которые принадлежат к сфере финляндского законодательства, и настолько расширяя область общегосударственного законодательства, что оно могло бы обнять чуть ли не какие угодно вопросы. Это, конечно, вызвало среди населения Финляндии глубокое беспокойство, мешая правильному течению взаимных отношений. Ныне, по возбуждении вопроса о точном размежевании сфер разных видов законодательства, финские члены составили законопроект, который мог бы служить основою работ Комиссии и в который ими включены в качестве изъятых из сферы финляндского законодательства как вопросы, признанные независимыми от финляндского законодательства, так и вопросы, могущие быть переведенными в область общегосударственного законодательства. По причинам, независевшим от воли составителей, проект этот разработан с большою поспешностью.

Возможные недочеты и промахи могли бы быть исправлены и дополнены во время работ Комиссии. С точки зрения законодательной техники можно возразить, что нет надобности определять в законе то, что не возбуждает сомнений, как, напр., предметы, указанные в §§ 2, 3 и отчасти § 4, равным образом в Финляндии в законодательной практике повсюду соблюдалось это правило, представляющееся тем более обоснованным, что прямое определение вопросов, не возбуждающих сомнений, может повести к неясности. Но так как законодательство Финляндии, согласно основным законам края, не является таковым, которое простиралось бы лишь на какие-нибудь особые категории предметов, и так как теперь над-

лежит с возможно большею точностью указать те ограничения его, которые должны иметь силу, то упомянутые в §§ 2 и 3 предметы не могли быть выпущены, ибо иначе законопроект был бы неполон и не соответствовал бы своей цели. Что же касается до соотношения между представленным ими проектом с проектом, составленным Сенатскою комиссиею, то он, с одной стороны, содержит вопросы, не встречающиеся в перечне проекта Сенатской комиссии, как то, постановления о порядке престолонаследия, вопросы внешней политики и др. С другой же стороны, в нем отсутствуют некоторые вопросы, указанные в упомянутом перечне. Но относительно сих последних необходимо заметить, что приведенная Сенатская комиссия имела в виду составить не окончательный проект, а лишь перечислить вопросы, могущие эвентуально стать предметом общегосударственного законодательства. Оба проекта, однако, исполнены одним и тем же стремлением, а именно желанием уладить возникший в последнее время конфликт путем точного размежевания сфер общегосударственного и особого финляндского законодательства. Лишь с соблюдением вышеуказанных принципов, а равно путем передачи вырабатываемого законопроекта земским чинам согласно основным законам Финляндии, в крае можно восстановить спокойствие и порядок и можно достичь взаимного понимания, являющегося наиболее существенною целью данной Комиссии. Мало того, предлагаемый со стороны шести членов проект устраняет возможность столкновений и в будущем, так как в § 9 этого проекта предусмотрен порядок, путем которого в будущем можно не только удовлетворять возможной надобности в новых подобных законах, но изменять и совершенствовать проектируемый закон.

К изложенному шесть членов присовокупили, что при составлении своего проекта они имели в виду не только заключение Сенатской комиссии о делах, имеющих быть отнесенными к общегосударственному законодательству, но также и ту принципиальную точку зрения по сему предмету, которая была столь определенно выражена народными представителями края на Сеймах 1899 и 1904/5 годов. В петиции от 31 декабря 1904 года земские чины последнего Сейма – с которыми шесть членов Комиссии не могут не признать себя в данном вопросе вполне солидарными – высказались по этому поводу следующим образом:

«Манифест 15/3 февраля 1899 года, изданный без соблюдения финляндской конституции и явившийся для финского народа совершенною неожиданностью, возбудил повсюду в стране чрезвычайное смущение и тревогу. Ясно было, что установленный Манифестом законодательный порядок несовместим с финляндскими основными законами, так как решению Сейма придается в нем только значение заключения, вследствие чего все вопросы, которые было бы признано соответственным подвести под действие этого Манифеста и относительно которых не установлено даже никакой определенной границы, были бы изъяты из сферы предусмотренного основными законами участия финляндского Сейма. Ввиду сего земские чины на чрезвычайном Сейме 1899 года всеподданнейше донесли, что Манифест и относящиеся к нему Основные положения, состоявшиеся помимо согласия земских чинов Финляндии и вообще не в установленном основными законами порядке, на этом основании не могут иметь в Финляндии святости закона. Согласно такому правовоззрению всякая законодательная мера, принятая в силу Манифеста и относящихся к нему Основных положений, не имеет значения обязательного для финского народа закона. Упомянутые Основные положения, правда, применены были на практике только один раз (и то лишь отчасти), а именно по вопросу о новом военном законе. Но пока Манифест и Основные положения от 15/3 февраля 1899 года не отменены или не заменены другим законодательным актом, изданным в соответствии с основными законами, они остаются угрозою для конституционного порядка законодательства в Финляндии и источником злополучных правовых конфликтов». Земские чины признавали необходимым указать и на эту сторону нынешнего положения вещей, когда они на минувшем Сейме в петиции о восстановлении в Финляндии законного порядка, между прочим, выразили необходимость Высочайшего повеления о том, чтобы «изданные при Манифесте от 15/3 февраля 1899 года Основные положения не применялись, пока затронутые в них вопросы не будут урегулированы законодательным ак-

том, состоявшимся с согласия земских чинов», подготовлению какового законодательного акта шесть членов ныне считают себя обязанными содействовать.

Выслушав приведенные заявления шести членов и ознакомившись с содержанием проекта и меморандума, Комиссия (председатель и пять членов: Н.Д. Сергеевский, Ф.Ф. Мартенс, М.М. Бородкин, Э.Н. Берендтс и В.Т. Судейкин) признала, однако, невозможным положить означенные материалы в основание своих предстоящих трудов. В этом отношении Комиссией было принято во внимание, что когда 19 октября 1904 года временно управлявший статс-секретариатом Великого княжества Финляндского товарищ министра статс-секретаря Эрштрем всеподданнейше представил Государю Императору свои предположения по вопросу о дальнейшем направлении дела относительно разграничения областей общегосударственного и местного финляндского законодательств, Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил образовать Подготовительную комиссию собственно для обсуждения выработанных в учрежденной Финляндским Сенатом Комиссии предположений по сему предмету.

Из соображения приведенных обстоятельств дела следует заключить, что согласно Высочайшему о том предуказанию, в основу работ Подготовительной комиссии должны быть положены проекты, выработанные особою Комиссией Финляндского Сената, и что поэтому предположения шести членов могут иметь в настоящем случае значение только вспомогательного материала. Обращаясь, засим, к обзору означенных предположений по их содержанию, Комиссия заметила, что они не покрывают собою проекта Сенатской комиссии во всем его объеме и, следовательно, также и по существу своему не могут быть признаны заменяющими оный. Независимо от сего Комиссией было указано, что отдельные положения проекта шести членов страдают отчасти некоторой незаконченностью, отчасти же несоответствием с проектом и запискою Сенатской комиссии. Так например, круг имперских законов, имеющих безусловное применение в Великом княжестве Финляндском и поименованных в §§ 2 и 3, крайне сужен; с другой стороны, в проекте говорится только о таких вопросах общегосударственного значения, которые, согласно действующим в Финляндии постановлениям, входят в область Сеймового законодательства; между тем существует еще сложная сфера так называемого экономического законодательства, в коей Сейм играет роль не законодательного фактора и носителя законодательной власти, а лишь роль эксперта, дающего весьма ценные, но отнюдь не обязательные заключения. И в этой сфере нередко возникают вопросы, могущие стать предметом общегосударственного законодательства. Некоторые из таковых административно-законодательных вопросов и указаны в записке Сенатской комиссии; между тем о них совсем не говорится в проекте шести членов, и таким образом возможность конфликтов на данной почве в будущем остается неустраненной.

По поводу сего шестью членами приведены изложенные в особой записке соображения.

Находя, ввиду указанных причин, соответственным при дальнейшем обсуждении дела основываться главным образом на проекте Сенатской комиссии, с тем, однако, чтобы выработанные шестью членами предположения имелись при этом в виду в качестве дополнительного материала, Комиссия остановила далее свое внимание на группировке законов, имеющих применение в Великом княжестве Финляндском. В этом отношении в Комиссии было указано, что Финляндия управляется на основании законов трояkого рода. Некоторые законы империи, хотя и не объявляются к исполнению в крае, однако имеют действие на пространстве всего государства, не исключая и Финляндии; к числу таких «бесспорных» законов (то есть законов, относительно применения коих в Финляндии никогда никаких сомнений не возникало) принадлежат: Учреждение о Императорской фамилии, акты международных соглашений и некоторые другие. Ко второй группе относится главная часть законов Великого княжества, издаваемых Монархом по соглашению с земскими чинами края, и наконец к третьей – законы административно-экономического свойства, издаваемые по единоличному усмотрению Монарха в качестве Великого князя Финляндского. Законы двух последних групп издаются в порядке финляндского законодательства, тогда как законы первой категории – исключительно в порядке имперского законодательства

и размещаются, по принадлежности предмета, в соответствующих частях Свода законов Российской империи. Наряду с сим со времени издания Манифеста 3 февраля 1899 года образовалась новая, четвертая, группа законов общегосударственных, издаваемых в особом порядке, установленном в «Основных положениях» от того же числа. Так как, однако, ни в Манифесте, ни в Основных положениях по существу не определено, какие это законы и каких именно сторон государственной жизни они могут касаться, то Комиссия (причем шесть членов, исходя из своей точки зрения, приведенной выше, в введении) полагала необходимым, предварительно детального обсуждения составленного Сенатскою комиссиею законопроекта, обратиться прежде всего к выяснению принципиального вопроса о том – следует ли и возможно ли установить в законе перечень предметов общегосударственного законодательства?

По этому последнему вопросу в среде Подготовительной комиссии возникло существенное разномыслие. Два члена (сенатор Сергеевский и генерал-майор Бородкин) отвергали необходимость и пользу такового перечня, находя его не только неправильным по существу, но и вредным и опасным для интересов империи. По мнению названных членов, разграничение общеимперского и местного финляндского законодательств посредством установления в законе проектируемого перечня являлось бы возможным и уместным только тогда, когда перечень этот мог бы быть определен исчерпывающим, с точки зрения общегосударственных интересов, образом. Такой перечень, между тем, невозможен. Нельзя не видеть, что самый признак, по которому может быть отличаемо общее законодательство от местного, а именно признак общегосударственного интереса, с одной стороны, и местного интереса, с другой – не поддается общему априорному определению: строго говоря, всякий местный интерес имеет или может иметь в то же время общее значение. Вопросы, теперь кажущиеся маловажными, могут получить завтра огромное значение; другие – важнейшие в прошлом, могут оказаться также скоро ничтожными.

Установление перечня предметов для разграничения двух сфер законодательства – общего и местного, если и употребляется иногда в законодательствах Западной Европы, то применение этого приема совершается совсем в иной конструкции, чем предлагаемая ныне, а именно: в перечневом порядке определяется компетенция местного законодательства, а все то, что не введено в перечень, остается в ведомстве законодательства общегосударственного. Так ставится дело в Австрии: компетенция местных ландтагов определена в порядке перечня; все прочее принадлежит Имперскому законодательству. Не такого рода перечневый прием предлагается ныне: желают дать перечень не местного, а общего законодательства. Таким образом, все, не указанное в перечне, будет признаваться предметом местного законодательства, хотя бы в действительности, по конкретным условиям, и касалось интересов общегосударственных. Подобный перечень, между тем, есть не что иное, как гарантия финляндской обособленности, и вовсе не соответствует задачам общегосударственного законодательства. Если финляндцы настойчиво добиваются перечня, то русские государственные люди до последнего времени не менее твердо и единодушно его отвергали, сознавая кроющуюся в нем опасность. Совещания 1892 и 1899 годов действительного тайного советника Бунге и Великого князя Михаила Николаевича, отклонив предположение о составлении перечня предметов общего законодательства, признали единственно правильным, чтобы направление дел в общем законодательном порядке определялось в каждом отдельном случае непосредственным повелением Государя Императора. Такое заключение удостоилось Высочайшего одобрения и соответственное правило было внесено как в Высочайше утвержденные 3 февраля 1899 г. Основные положения о составлении законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского, так и во Всемилостивейший Манифест, при котором эти Положения были обнародованы. Когда затем Финляндский Сенат опять возбудил ходатайство о перечне предметов общего законодательства, то бывший генерал-губернатор генерал-адъютант Бобриков, помимо указаний на необоснованность объяснений Сената, а также на невозможность составить перечень, признавал эту меру вредною с русской государственной точки зрения и клонящеюся в действительности

не к разграничению сфер законодательства, а к ограничению прав Верховной власти и к ограничению Манифеста и Основных положений 3 февраля 1899 года.

Сверх сего, нельзя, казалось бы, не остановиться на следующих соображениях: законы общегосударственные, все финляндские узаконения, за исключением Сеймовых, а равно русские имперские законы, все одинаково исходят от Самодержавной власти. Поэтому в предварительном разграничении посредством точных перечней предметов сих однородных по источнику порядков законодательства не представляется даже и практической необходимости, так как такое разграничение может быть с полным удобством произведено в каждом отдельном случае или соглашением подлежащих властей и установлений, или расчленением законопроекта на его составные части, или указанием той же Самодержавной власти. В ином положении находится финляндское сеймовое законодательство, которое обусловливается взаимодействием двух факторов: Монарха и земских чинов, хотя ближайший характер этого взаимодействия и не представляется бесспорным. Не будучи ограничено в своих пределах точными постановлениями закона, кои не допускали бы возможности колеблющихся толкований, Сеймовое законодательство постоянно расширяется на счет административно-экономического и вместе с тем нередко вторгается в сферу интересов общегосударственных, а также в сферу прав русских и православных людей в Финляндии. Порядок общегосударственного законодательства дает единственную возможность устранять эти вторжения в неподлежащие сферы и смягчать наносимый ими вред. Сообразно сему, не сфера общего, а сфера местного Сеймового законодательства нуждалась бы в точном определении, и она действительно поддается такому определению. Взамен перечня предметов общегосударственного законодательства России со включением Финляндии было бы целесообразнее установить точный перечень вопросов, подлежащих обсуждению финляндского Сейма, и тем положить предел произвольному расширению его компетенции.

Если порядок, установленный в статьях 1 и 3 Основных положений 3 февраля 1899 года, представляется, с точки зрения финляндцев, недостаточно гарантирующим их интересы, то исправления надобно искать в установлении особых гарантий внимательности и объективности при рассмотрении каждого дела. В качестве таковых могли бы быть признаны: 1) сообщение проектов, возникающих в Финляндии и разрабатываемых финляндскими установлениями к сведению министров империи, а равно проектов, разрабатываемых в имперских установлениях к сведению министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, генерал-губернатора и Финляндского Сената, буде проекты сии не сделались гласными путем печати; 2) предварительное, до доклада Его Императорскому Величеству, рассмотрение вопроса о направлении дела в порядке закона 3 февраля 1899 года в каком-либо коллегиальном совещании, например, в особом присутствии Государственного совета, и т. д.

К изложенному два члена присовокупили, что Сенат в своем ходатайстве о дополнении Сеймового Устава перечнем исходит из положения, которое в основе своей является едва ли правильным. Указывая на несогласованность сего Устава с Основными положениями 3/15 февраля 1899 г., Сенат находит, что в силу означенных Положений народное представительство Финляндии лишается значения законодательного фактора. Это неправильно потому, что Сеймовый Устав определяет порядок издания местных законов, а вопроса об издании общеимперских законов вовсе не касается, почему земские чины никакими правами по отношению к общегосударственному законодательству никогда не были облечены. Их роль по Сеймовому Уставу строго ограничена известными предметами местного, внутреннего, финляндского законодательства. Высочайший Манифест 3 февраля подтвердил эти особые учреждения внутреннего управления и законодательства Финляндии и, следовательно, никакого ущерба правам земских чинов не причинил. По мнению Сената, перечень необходим «в видах достижения прочного основания для особого законодательства Финляндии». Особое законодательство края сохраняется Манифестом 3 февраля. Если некоторые вопросы, относившиеся прежде к сфере внутреннего финляндского законода-

тельства, впоследствии будут переведены в область общегосударственных законов, то этим основа и существо особого законодательства Финляндии не изменяются.

Опасения финляндцев, что каждый вопрос может быть изъят и проводим в порядке Манифеста 3 февраля, решительно ни на чем не основаны: финляндское население не может жаловаться на произвольные по отношению к нему действия Всероссийских Монархов, которые в основу своих действий всегда полагали и полагают требования закона. Неосновательно предполагать, что впредь с Финляндией будут обходиться без всяких руководящих норм справедливости и явной логической необходимости. Практика прежних лет, начиная со дня присоединения Финляндии, показала, что путем особого законодательного порядка для края издано очень небольшое, относительно, число постановлений и притом таких, которые естественно подлежали выработке в центральных учреждениях империи; как например, о православном духовенстве, управлении войсками, таможне и т. п.

Начиная с прошлого царствования, на финляндской окраине последовательно проводится политика сближения или «теснейшего единения», и Высочайшие Манифесты и рескрипты последних лет неоднократно подтверждают требования этой политики. Если составить перечень предметов общегосударственного законодательства, то он неизбежно подчеркнет особое положение Финляндии, как края, определенно размежевавшегося с Россией в известной области и закрепившего это особым законодательным актом, которому финляндцы желают придать значение основного закона. Такое выделение Финляндии из состава России будет противоречить всей объединительной политике двух последних царствований. Наконец, в Высочайшем рескрипте от 8 июня 1899 г. в ответ на прежние подобные домогательства финляндцев с высоты Престола было указано, что Манифест 3 февраля должен остаться «непоколебимым и впредь».

По изложенным соображениям два члена решительно высказались против установления в законе проектируемого перечня.

А председатель и восемь членов (Ф.Ф. Мартенс, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс, Г.Г. Иогансон, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Антель) признавали такой перечень возможным и желательным. Приводимые против него возражения сводятся, главным образом, к тому, что точное и исчерпывающее указание в законе предметов общегосударственного законодательства представляется неосуществимым, так как самый признак общегосударственного интереса весьма изменчив и, всецело завися от обстоятельств данного времени, не поддается общему априорному определению. По этому поводу надлежит, однако, заметить, что хотя, с одной стороны, составление перечня, раз навсегда исчерпывающим образом устанавливающего предметы общегосударственного законодательства, на самом деле невозможно, однако, с другой – вполне уместно указать те предметы, которые ныне могут считаться таковыми, что отнесение их к области общегосударственного законодательства представляется необходимым. Ни один законодательный акт, как бы глубоко и всесторонне обдуман он ни был, не может претендовать на вечное, неизменное существование; для каждого закона неизбежно должно наступить время, когда требования развивающейся жизни опередят установленные в нем нормы и сделают их устарелыми, обветшалыми. Имея это в виду, Комиссия не ставит своею целью составление такого перечня, который отвечал бы всем требованиям полноты; но Комиссия находит необходимым считаться с поставленною ей, практически сознанною, задачею разграничения сфер общегосударственного и особого финляндского законодательств, и в этой области признает себя обязанною выполнить все, что лежит в ее власти. Если бы, таким образом, составленный ею законопроект впоследствии оказался не отвечающим запросам жизни и потребовался бы новый пересмотр этого акта на началах, согласных с указаниями опыта, то такой пересмотр мог бы быть осуществлен в том же порядке, в каком предполагается издать и данный законопроект.

Возможность составления перечня предметов общегосударственного законодательства признавалась и бывшим министром статс-секретарем Плеве, который в представленном по этому поводу всеподданнейшем докладе, между прочим, указывал, что «по существу, начертание подобного проекта нельзя считать делом безусловно неисполнимым, ибо за время

почти столетнего состояния Финляндии в собственности и державном обладании Российской империи накопилось достаточно законодательного материала, могущего послужить надежным основанием для размежевания общеимперского и местного финляндского законодательств на началах согласного с государственными пользами и справедливостью сочетания имперских интересов с местными». Изъясненные соображения статс-секретаря Плеве удостоились 13 сентября 1902 года Высочайшего одобрения, причем Его Императорскому Величеству благоугодно было, не предрешая дальнейшего направления дела, Всемилостивейше предоставить Финляндскому Сенату разработать и повергнуть на Высочайшее воззрение подробные предположения о делах, имеющих быть отнесенными к общегосударственному законодательству. Таким образом, вопрос об установлении обсуждаемого перечня предрешен Личным указанием Его Императорского Величества, и Комиссия не имеет ни возможности, ни права уклоняться от посильного разрешения задачи, ради которой она по Высочайшему повелению созвана.

Обращаясь к существу вопроса, Комиссия не могла не заметить, что поставленная ей задача – чисто практического свойства и заключается в установлении прочной связи между империей и Финляндией. Такая связь, казалось бы, наилучше может быть обеспечена путем точного разграничения законодательных областей общегосударственной и финляндской. Ибо повсюду, где отдельные народности сталкивались друг с другом и где, следовательно, возникала опасность конфликтов и споров на почве взаимно-противоположных интересов, эти народности стремились к тому, чтобы заботливым размежеванием своих компетенций обеспечить себе возможность дальнейшего мирного сожития и культурного преуспеяния. В этом отношении можно сослаться на пример Австро-Венгрии или Соединенных Штатов Северной Америки: каждый из отдельных штатов этой последней имеет свои законы и учреждения, свою точно определенную компетенцию; между тем в делах общих выступает Верховная власть Союза, пределы которой с неменьшею точностью определены в законе. Обращаясь к Финляндии, следует отметить, что она не есть простой конгломерат губерний, а отдельный культурно-обособленный край, имеющий свои интересы и свои национальные стремления. Это признается и самим законодательством, притом не только прежнего, но и новейшего времени; так, например, Манифест 1899 года упоминает о «бытовых условиях страны», об «особенностях общественного ее строя» и о «нуждах финляндского края». Сближение этого обособленного края с империей может идти двояким путем: оно может быть направлено или в сторону объединения национального, или же только политического. Первое заключает в себе многое, что не имеет ничего общего с интересами чисто государственными, и потому легко переходит в крайности; при резко выраженных расовых и культурных особенностях оно вообще едва ли возможно. Наоборот, сближение политическое – необходимо.

Независимо от изложенных соображений, необходимость законодательного установления перечня имеет за себя еще и другие глубокие основания. Согласно заявлению шести членов Комиссии, за последние годы по данному вопросу высказывались два противоположных взгляда, примирение которых было по существу невозможно. Одно мнение, существующее в России, заключается в том, что русское правительство может по собственному усмотрению относить каждый вопрос, даже когда он касается Финляндии, к области общегосударственного законодательства. По другому же мнению земские чины Финляндии, согласие коих требуется при издании каждого закона, касающегося Финляндии, не должны содействовать изменению границ сферы финляндского законодательства. Разница между этими двумя мнениями настолько велика, что согласование их, по-видимому, невозможно. Однако имеется основание полагать, что ни одно из этих мнений не имеет в настоящее время преобладающего значения ни в России, ни в Финляндии. Уже факт учреждения настоящей Комиссии служит доказательством того, что взгляд русского правительства на дело не совсем тот, каким он был в 1899 году. Вопрос ныне заключается не в том, должна ли быть проведена точная грань между общегосударственным и особым финляндским законодательствами, а в том, как и где она должна быть проведена. Да и в Финляндии в насто-

ящее время смотрят на этот вопрос иначе, чем в то время, когда он возник впервые. Ныне сознают, что земские чины должны дать свое согласие на отнесение некоторых вопросов, бывших до сего времени предметом финляндского законодательства, в области законодательства общегосударственного. События последних лет привели к убеждению, что изменение в рассматриваемом ныне отношении неизбежно и представляется возможным также и с точки зрения финляндцев. Хотя все еще есть отдельные лица, которые считают своим правом и долгом отклонять требования относительно общегосударственных законов, все-таки мнение это, насколько известно, не имеет особенно значительного числа приверженцев ни на Сеймe, ни в Сенате, ни вообще в среде финского народа. Все более преобладает воззрение, что Финляндии необходимо считаться с взглядами, господствующими в России, и что поэтому финский народ, иногда даже и в таких случаях, когда он не убежден в необходимости изменения постановлений, касающихся законодательной компетенции, так как цель могла бы быть достигнута и без этого, все-таки не должен упорно отстаивать свое мнение. Финский народ, следовательно, может идти на уступки, лишь бы ему и при новых условиях гарантировано было существование в качестве особого народа с собственным политическим бытием.

В связи с сим следует указать еще на одно обстоятельство: финляндцы смотрят на данный вопрос не исключительно как на правовой, но и как на вопрос культурный, и для них «старые акты» сами по себе не являются самым главным основанием для решения вопроса. Они могут быть в установленном законом порядке изменены и народ от этого не пострадает: их могут заменить новые и лучшие акты. Но то, от чего Финляндия ни при каких условиях не может отречься, это древнее историческое право ее жить под сенью твердых, точно определенных законов так, чтобы финский народ вполне знал, что право и что закон. Без этого условия культура в Финляндии совершенно невозможна; существование нации находится в полнейшей зависимости от этого условия и без него народ не может иметь культурного существования. Весь финский народ, без различия партийных взглядов, горячо желает восстановления порядка, при котором господствовали бы точно определенные законы, при котором право опять вступило бы в силу, конечно такое право, про которое и здесь в России могли бы сказать, что в нем обращено должное внимание на интересы государства. Историческое развитие требует сближения Финляндии с Россией, и финский народ вынужден во многих отношениях оставить замкнутость, в которой он жил; ему необходимо поступиться многими национальными предрассудками и лучше прежнего ознакомиться с идейными стремлениями в империи. Но всего этого возможно достигнуть, не понуждая финский народ отказаться от своего права, и шесть членов Комиссии убеждены в том, что, несмотря на это право, Россия имеет все необходимые гарантии, обеспечивающие государственные интересы.

На основании вышеприведенных соображений председатель и восемь членов (Ф.Ф. Мартенс, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс, Г.Г. Иогансон, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Антель) высказались за установление в законе точного, по возможности, перечня предметов общегосударственного законодательства. С своей стороны, президент гофгерихта Г.А. Боренгиус, в принципе высказываясь за ограничение сферы финляндского законодательства, заявил, что окончательное суждение по вопросу о том, должно ли быть осуществлено такое ограничение именно путем установления перечня предметов общегосударственного законодательства или иным образом – будет им представлено впоследствии дополнительно.

Ввиду сделанных шестью членами Комиссии в представленном ими законопроекте (§§ 2–4) указаний на исключение из области местного финляндского законодательства и таких определяемых имперскими законами вопросов, как порядок престолонаследия, время наступления совершеннолетия наследника Престола, вопросы о войне и мире, акты международных соглашений и т. п., Комиссия вошла в обсуждение вопроса о том, следует ли вообще включать в вырабатываемый перечень предметов общегосударственного законодательства те бесспорно имперские законы, которые, в силу государственного и между-

народного положения Финляндии как составной части государства Российского, имеют применение в Великом княжестве Финляндском, независимо даже от распубликования их в этом крае. Суждение об означенной категории законов имело место и в Особом совещании под председательством Великого князя Михаила Николаевича, но ввиду признания бесспорности факта применения их на всей территории государства, выработанный Совещанием и санкционированный Манифестом 3 февраля 1899 года особый порядок издания общегосударственных законов не коснулся этих бесспорно имперских законов. Соответственно с сим и Высочайшее повеление 13/26 сентября 1902 года, предоставляя Финляндскому Сенату разработать предположения о делах, имеющих быть отнесенными к общегосударственному законодательству, касается лишь таких общих для империи и Финляндии законов, которые охватываются Манифестом 3 февраля 1899 года; настоящей же Комиссии в силу Высочайшего повеления от 19 октября/1 ноября 1904 года предстоит рассмотреть именно предположения Сенатской комиссии по вышеозначенному предмету, вследствие чего, с формальной стороны, обсуждение вопроса о бесспорно имперских законах, казалось бы, выходит за пределы установленной Высочайшим повелением компетенции Комиссии. Но, разрешая отрицательно, с формальной точки зрения, поставленный шестью членами вопрос, Комиссия, однако, приняла на вид, что предположения эти, как и всякий иной предмет исследования, должны быть рассмотрены со стороны их содержания в видах выяснения вопроса о необходимости каких-либо в них изменений или дополнений, а так как между законами общегосударственными, определение коих составляет непосредственную задачу Комиссии, и распространяющимися на Финляндию бесспорно имперскими законами могут оказаться точки соприкосновения, то Комиссия нашла возможным обменяться мыслями по существу предмета.

При рассмотрении означенного вопроса по существу шесть членов Комиссии, указывая с своей стороны на необходимость включения в разрабатываемый законопроект ссылки на вышеупомянутые бесспорные законы, рассуждали, что лишь при этом условии будет возможно установить точные границы между общегосударственным и финляндским законодательством. Помянутый законопроект, по их мнению, явится ограничением финляндского законодательства и, в частности, тех прав по участию в законодательной деятельности, которые присвоены земским чинам основными законами края, ввиду чего в законопроекте должны быть перечислены все без исключения вопросы, подлежащие изъятию из области финляндского законодательства. Являясь, таким образом, кодификацией правил, определяющих рамки местного финляндского законодательства, будущий закон по справедливости должен коснуться не только допускаемых во имя общегосударственного интереса ограничений местного законодательства, но и тех отраслей имперского законодательства, на участие в коих финляндцы никогда не претендовали. В противном же случае в новом законе окажется несомненный пробел, могущий дать повод думать, что, кроме предметов бесспорных, в законе опущены и другие менее бесспорные предметы, которые при тех или иных обстоятельствах также могут быть отнесены, без специального о них упоминания в законе, к области общегосударственного законодательства, а при таких условиях ожидаемые от издания нового закона успокоение умов и восстановление закономерного порядка в Финляндии достигнуты не будут. Включая в свой проект такие вопросы, непринадлежность коих к области финляндского законодательства стояла и стоит вне всякого сомнения, шесть членов Комиссии вовсе не руководились намерением расширить в каком-либо отношении компетенцию земских чинов и имели в виду лишь признание означенного бесспорного факта земскими чинами, а не участие в законодательстве по этим вопросам.

Председатель и остальные члены Комиссии не сочли возможным присоединиться к изложенному мнению по нижеследующим основаниям. Высказанная шестью членами мысль о желательности кодификации всех тех узаконений, коими определяются взаимные отношения имперского и финляндского законодательств, заслуживает, и по мнению остальных членов, полного внимания, поскольку такой кодификацией могли бы быть устранены всякого рода сомнения в помянутых взаимных отношениях и, в частности, те печальные

недоразумения, которые породила на практике устарелая шведская Форма правления, требующая между прочим даже принадлежности Монарха к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию и т. п. Если бы подобная кодификация осуществилась, то в сводном законоположении, которое явилось бы новой Формой правления для Финляндии, конечно было бы уместно указать и на те общеимперские законы, которые по самому существу своему бесспорно действуют в Финляндии, тем более, что вопрос, по существу бесспорный (как, например, положение православной церкви в Финляндии, пункт 1-й § 4-го проекта шести членов), может стать объектом спора в отношении некоторых частностей (определение гражданских прав той же церкви, судопроизводство по делам о преступлениях служителей сей церкви и т. п.), но изъясненные соображения едва ли могут быть применены к настоящей Комиссии, образованной не для составления новой Формы правления, а для обсуждения «предположений» Финляндского Сената о размежевании означенных двух областей законодательства. Сенат же в первоначальном представлении своем (от 3/16 апреля 1902 года) о размежевании сих областей предполагал облечь соответствующий законопроект в форму дополнительных правил к Сеймовому Уставу, в каковом Уставе не может быть места бесспорно имперским законам, которые даже не распубликовываются в Финляндии. Независимо от этого, включение бесспорно имперских законов в перечень предметов общегосударственного законодательства не отвечало бы строго практическому характеру задач Комиссии. В деле разграничения общегосударственного и местного финляндского законодательств существенное значение имеют лишь те вопросы, по которым между империей и Финляндией возникали или могут возникнуть какие-либо разногласия, а так как по вопросам, указанным в §§ 2–4 проекта шести членов, никогда никаких конфликтов не возникало, то всякое правило или определение об объеме действия указанного рода законов в Финляндии, будучи введено в текст вырабатываемого законопроекта, могло бы лишь повести к весьма нежелательным недоразумениям. Если же сопоставить мнение шести членов с тем обстоятельством, что, согласно § 9-му представленного сими членами проекта, весь новый закон почитается основным, т. е. может быть издан и изменен не иначе, как с согласия всех четырех сословий Финляндского Сейма, то практически дело может свестись не к одному лишь констатированию земскими чинами бесспорного факта применения в Финляндии упомянутых имперских законов, а к передаче этих законов, в том числе и основных законов Российской империи, на обсуждение и решение Финляндского Сейма в отношении их силы и применения в Финляндии, что совершенно недопустимо с общегосударственной точки зрения.

Засим при дальнейшем обмене мнений Комиссия признала, что если бы по завершении непосредственно возложенной на нее Его Императорским Величеством работы, оказался в ней пробел, которого опасаются шесть членов при невключении в разрабатываемый перечень упомянутых без спорных законов, то по сему предмету могли бы иметь место особые суждения.

Перейдя засим к обсуждению возбужденного шестью членами вопроса о необходимости передать на рассмотрение Финляндского Сейма в порядке Сеймового Устава законопроект о признании известной группы законов общими для империи и Великого княжества, Комиссия не пришла по этому вопросу к единогласному заключению.

Два члена Комиссии (Н.Д. Сергеевский и М.М. Бородкин), останавливаясь на подлинных выражениях Высочайше утвержденного 13/26 сентября 1902 года всеподданнейшего доклада статс-секретаря Плеве («не предрешая в настоящее время дальнейшего направления дела»), считали вопрос о порядке дальнейшего направления вырабатываемого законопроекта выходящим из круга действий Комиссии; что же касается существа дела, то, по мнению двух членов, определение предметов общегосударственного законодательства есть само по себе задача общегосударственная, а посему ни в каком случае не может быть осуществлено в порядке местного финляндского законодательства. Передача этого вопроса на решение финляндского Сейма, во-первых, означала бы признание за Финляндией вполне самостоятельного государственного положения, и притом первенствующего по сравнению

с империей, а во-вторых, явилась бы ограничением Самодержавной власти не в отношении местного финляндского законодательства, а в сфере общегосударственных задач, и, таким образом, воля Государя Императора по общегосударственным вопросам была бы ограничена властью даже не общегосударственного, а местного финляндского собрания. Это соображение не опровергается указанием, что впредь до издания перечня предметов общегосударственного законодательства остается в силе закон 3 февраля 1899 года, ибо говорить о сохранении в силе этого закона возможно лишь при прохождении через Сейм ныне проектируемого первого перечня; в дальнейшем же, когда перечень будет однажды утвержден и потребуется дополнить его, – ни о каком сохранении закона 3 февраля 1899 года не может быть, очевидно, и речи, и местный Финляндский Сейм явится единственным решителем вопроса общегосударственного значения.

Председатель и остальные девять членов Комиссии, с своей стороны, не могли не принять в соображение, что согласно действующим в Финляндии «основным законам» общим правилом для издания касающихся Финляндии узаконений является издание таковых в порядке особого финляндского законодательства, Сеймового или административного по принадлежности, а потому проектируемые ныне изъятия из этого общего правила, как изменяющие основной закон, могли бы, с юридической точки зрения, получить законную силу в Финляндии лишь в случае утверждения их в порядке Сеймового Устава. Кроме того и с практической точки зрения, главнейшая задача Комиссии – водворение законности и спокойствия в Великом княжестве Финляндском – может быть достигнута по удостоверению шести членов Комиссии (Г.Г. Иогансона, Г.А. Борениуса, Р.И. Даниельсона, барона Э.Ф. Пальмена, Р.Ф. Германсона и К.С. Антеля) лишь при том непременном условии, чтобы вырабатываемый Комиссиею перечень предметов общегосударственного законодательства был принят земскими чинами в качестве сеймового финляндского закона и затем санкционирован Монархом. Присоединившиеся к такому заключению председатель Комиссии и три члена (Ф.Ф. Мартенс, В.Т. Судейкин и Э.Н. Берендтс) с своей стороны заявили, что они отнюдь не имеют при этом в виду отмены Основных положений 3 февраля 1899 года о порядке издания общегосударственных законов. Главные начала сих Положений являются незыблемыми, как это было подтверждено с высоты Престола в Высочайшей речи, обращенной к земским чинам последнего Финляндского Сейма. По смыслу же Высочайшего повеления от 13/26 сентября 1902 года, вырабатываемый проект, не касаясь вовсе процессуальных правил, которые изложены во второй части закона 3 февраля 1899 года, имеет лишь дополнить первую часть этого закона точным разграничением областей общегосударственного и местного финляндского законодательств. А так как предположенный к составлению перечень предметов общегосударственного законодательства, затрагивающих существенные местные интересы, несомненно явится ограничением принадлежащих Финляндскому Сейму прав по участию в местном законодательстве, то такое постановление, казалось бы, может быть издано лишь с согласия земских чинов. Видеть ограничение Самодержавной власти Российского Императора в передаче упомянутого законопроекта Сейму нельзя уже и потому, что Высочайшее соизволение на выработку Финляндским Сенатом предположений о предметах, имеющих быть отнесенными к общегосударственному законодательству, а тем более образование настоящей Комиссии, как бы предуказывают Державную волю Государя Императора изменить установленный в п. 1 Основных положений 3 февраля 1899 года порядок, при котором всякая законодательная мера без согласия земских чинов может быть объявлена имеющею общегосударственный характер; с другой же стороны, следует иметь в виду, что, в случае несогласия Сейма на включение того или иного вопроса в число предметов общегосударственного законодательства, за Монархом остается право отказать в утверждении определения Сейма и тем самым сохранить закон 3 февраля 1899 года в настоящем виде, впредь до воспоследования по сему предмету особых Его Императорского Величества указаний.

В результате обмена мнений по указанному вопросу Комиссия большинством десяти голосов против двух признала целесообразным, чтобы проект законодательного акта, перечисляющего общие для империи и Великого княжества законы, был предложен на решение

Финляндского Сейма в установленном Сеймовым Уставом порядке. Вместе с тем Комиссия признала, что земским чинам должно быть предоставлено определить лишь область общегосударственного законодательства; порядок же рассмотрения и издания законов общих для империи и Великого княжества имеет быть установлен волею Государя Императора и Великого князя, причем от благоусмотрения Его Императорского Величества будет зависеть, сохранять ли в сем отношении порядок, начертанный в Основных положениях 3 февраля 1899 года, или сделать в оном какие-либо изменения.

[Приложения]

Приложение № 1

Проект и объясиительиая к иему записка, представленные от имеии шести члеиов Комиссии

(Г.Г. Иогансона, Г.А. Борениуса, Р.И. Даниельсона, барона Э.Ф. Пальмена, Р.Ф. Германсона и К.С. Антеля).

I. Проект закона о некоторых ограничениях законодательства Великого княжества Финляндского, вызываемых положением его в Россиiском государстве

§ 1.

Законы, долженствующие иметь силу в Финляндии, издаются согласно основным законам края, за изъятиями, установленными в настоящем законе.

§ 2.

Относительно порядка престолонаследия, времени наступления совершеннолетия Наследника Престола, порядка управления за время несовершеннолетия Государя Императора и Великого князя и когда Государь Император и Великий князь вообще в течение более продолжительного времени лишен возможности управлять государством в Финляндии действуют правила, установленные или впредь устанавляемые для империи, причем этого рода дела не могут служить предметом финляндского законодательства.

§ 3.

1. Вопросы о воiне и мире, а также о союзах с иноземными государствами относятся к делам общегосударственным. Постановления Государя Императора по таким делам имеют силу для Финляндии в одинаковоi мере, как и для других частеi Россиiского государства.

2. Договоры с иноземными государствами, касающиеся внутреннеi администрации Финляндии, законодательства или отправления правосудия в ней, заключаются Государем Императором в порядке, установленном законодательством империи относительно иностранных дел вообще, но мероприятия по приведению в исполнение заключенных договоров определяются постановлениями основных законов Финляндии.

§ 4.

1. Православная церковь в Финляндии подчиняется собственному духовному правлению по законам этоi церкви. Постановления о гражданских делах ее издаются Государем Императором и Великим князем в порядке, определяемом основными законами Финляндии.

2. Учебные заведения для проживающего в Финляндии русского населения, содержимые на средства русского государственного казначеiства, являются учреждениями имперскими и подчиняются имперским же законам и управлению.

3. Это же правило применяется по отношению к существующему в Финляндии в настоящее время общему телеграфу, буде Государем Императором не будет постановлено о том иначе.

4. Прочие публичные учреждения Финляндии, установленные для отправления правосудия, администрации или общественного блага вообще, остаются учреждениями Великого княжества и подчиняются его законам и управлению.

§ 5.

1. Закон о монете Великого княжества Финляндского от 9 августа 1877 года и Постановление о переходе к золотоi монете от того же числа остаются в действии и имеют силу, при-

своенную общим законам по основным законам Финляндии, но имперская золотая монета должна быть принимаема в Финляндии как законное платежное средство по металлической стоимости ее, наравне с собственною монетою края.

2. Государь Император и Великий князь определяет, должны ли и при каких условиях русские кредитные билеты и русская разменная монета быть принимаемы при платежах в казенные кассы и такие учреждения, которые состоят в исключительном ведении правительства.

§ 6.

Для защиты Престола, отечества и Российского государства все финляндские граждане подлежат воинской повинности.

Государь Император определяет порядок утверждения для Финляндии законоположений об отбывании воинской повинности, а также касающихся организации и управления военных сил. Однако следующие определения остаются в силе впредь до изменения их, с согласия земских чинов, в порядке, установленном относительно изменения финляндских общих законов.

а) Финляндские граждане отбывают воинскую повинность в поставляемых Великим княжеством и пополняемых финляндцами и проживающими в Финляндии русскими войсковых частях.

б) Срок службы в мирное время для военнообязанных, зачисляемых в упомянутые войсковые части, не может быть определяем свыше трех лет действительной службы и свыше семи лет состояния в запасе.

в) Хозяйственная и интендантская часть означенных войсковых частей, а также распоряжения, требуемые для призыва военнообязанных к отбыванию воинской повинности и на службу, зависят от финляндских властей.

г) В мирное время упомянутые войсковые части стоят в Финляндии, но могут, по повелению Государя Императора и Великого князя, быть назначаемы к временному несению службы вне пределов Великого княжества.

д) Офицеры и унтер-офицеры финских войсковых частей назначаются из финляндских граждан, а в случае недостатка таковых лиц с надлежащею для сего подготовкою – из русских, владеющих обоими местными языками.

е) Присвоенные финляндским гражданам основными или иными финляндскими законами права не ограничиваются постановлениями о воинской повинности. Однако осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей не должно служить препятствием в отбывании воинской повинности и исполнению требований военной службы.

ж) Воинская присяга приносится финляндскими гражданами по формам, согласованным с формами, утвержденными для финских войск в 1817 году.

з) Число финляндских граждан, состоящих в качестве нижних чинов на действительной службе, не должно в мирное время превышать 12 000 (альтернативно: 9 с каждой тысячи мужского населения края).

и) На вооружение, снаряжение и содержание войсковых частей назначается из финляндских общих сумм ежегодно десять миллионов марок (альтернативно: 3,5 марки на каждого жителя). Нетребующаяся на означенную цель часть этой суммы обращается, по определению Государя Императора и Великого князя, на другие военные надобности в Финляндии.

к) Относительно воинской повинности в Финляндии действует особый Устав. Предварительно издания или изменения этого Устава земским чинам Финляндии и Финляндскому Сенату предоставляется высказаться о составленных с означенною целью проектах.

§ 7.

Расположенные в Финляндии русские войска подчиняются законам империи. Государь Император определяет, в каком порядке должны быть предъявляемы правовые претензии жителей края к чинам названных войск.

§ 8.

В случае необходимости издать для империи и Великого княжества согласующиеся законоположения, Государь Император определяет порядок предварительной разработки их. Затем вопрос о таком законе по отношению к Финляндии рассматривается и решается в порядке, установленном основными законами Финляндии.

§ 9.

Закон этот почитается основным и может быть изменен лишь с соблюдением определений § 71 Сеймового Устава.

II. Объяснительная записка к проекту

На вопросы, поставленные в предложенных членам Комиссии двух записках, финляндские члены полагали бы ответить следующим образом:

Уже на основании правового порядка, установленного в 1809 году при присоединении Финляндии к России, имеются некоторые дела, касающиеся России и Финляндии, упорядочение коих не зависит от финляндского законодательства.

Кроме этих дел имеются другие, относительно которых может быть установлено, что законы о них издаются в порядке, определяемом Государем Императором. Однако относящиеся сюда дела должны быть строго ограничены законом. Кроме того, необходимо, чтобы в законе содержались постановления, обеспечивающие права Финляндии, и чтобы закон этот передан был в Высочайшем предложении земским чинам Финляндии, так как он заключал бы в себе изменение основных законов края. К этого рода делам могут быть отнесены дела, касающиеся военной части. Вопрос о том, имеются ли кроме означенных еще другие такие же дела, на этот раз не подлежит рассмотрению.

Приступая к мотивировке своих взглядов, финляндские члены считают долгом прежде всего выразить живейшее желание об упорядочении и установлении правовых отношений между Россией и Финляндией, так, чтобы устранены были по возможности поводы к недоразумениям и достигнуто было прочное согласие.

Для выяснения поставленных вопросов необходимо иметь в виду следующие обстоятельства: 1) Россия приобрела в 1809 году Финляндию, так что Финляндия ныне соединена с империей в одно государство; и 2) переданным в Боровском соборе 17/29 марта 1809 года земским чинам Финляндии удостоверением о сохранении конституции Финляндии Императором было торжественно отведено Финляндии в этом государстве положение страны с собственною конституцией, согласно которой Монарх управляет Финляндией, а население ее по-прежнему пользуется политическими и иными правами по законам страны.

Из этих положений – доказательства коих вкратце изложены в всеподданнейшем отзыве земских чинов от 27 мая 1899 года – следует, с одной стороны, что жители Финляндии подчиняются прежним своим законам и новейшим законоположениям, утверждаемым Монархом к руководству согласно конституции края, – вывод, сделанный самим Императором Александром I и выраженный в словах, что финский народ «placé désormais au rang des nations»*, что он должен быть «libre dans l'intérieur», «sous l'empire de ses lois»** и управляться «comme une nation libre et jouissant droits que sa constitution lui garantit»***.

Но так как, с другой стороны, право управления Финляндией принадлежит Российскому Монарху, то вопросы, касающиеся порядка престолонаследия, времени наступления совершеннолетия Наследника Престола, порядка управления за время несовершеннолетия Монарха или когда Монарх вообще в течение более продолжительного времени лишен возможности управлять государством, не могут быть предметом финляндского законодатель-

---

* *«помещенный отныне в ряд наций» (фр.).*

** *«внутренне свободной», «под властью собственных законов» (фр.).*

*** *«как свободная нация, пользующаяся правами, гарантированными ей конституцией» (фр.).*

ства, и в этом отношении в Финляндии непосредственно применяются правила, установленные или установляемые впредь основными законами империи.

Далее, так как Финляндия является частью Российского государства и, следовательно, не занимает по отношению к иноземным государствам какого либо особого положения, и в 1809 году, разумеется, не имелось в виду, чтобы иностранная политика России находилась в какой-либо зависимости от основных законов Финляндии (которые, впрочем, и за время шведского владычества предоставляли Монарху «полную власть» в означенном отношении), то вопрос о праве Государя Императора ведать иностранною политикою и о порядке рассмотрения иностранных дел зависит от законов империи и не может быть предметом финляндского законодательства.

Так как, однако, утвержденные для Финляндии основные законы положительно исключают всякое иное законодательство, кроме основанного на конституции, и так как Император в переданном земским чинам торжественном удостоверении, отнюдь не устанавливая каких-либо ограничений или оговорок в этом отношении, напротив прямо объявляет, что коренные законы и права жителей Финляндии будут сохранены в ненарушимой и непреложной их силе и действии, то финский народ подчинялся исключительно своим собственным законам, а именно прежним его законам и новым, утвержденным Монархом к руководству согласно основным законам Финляндии. Следовательно, в Финляндии господствовало, за некоторыми допускавшимися на особых правовых основаниях изъятиями, свое финляндское законодательство.

По этому поводу приведенное правило, что в Финляндии господствует свое финляндское законодательство, ограничивалось следующим образом.

Так как русские войска могут быть располагаемы в Финляндии и они, разумеется, подчинены законам империи, то в финляндских законах не могут быть установляемы обязательные для них правила. Ввиду того, что правовой порядок Финляндии является частью правового порядка, существующего в Российском государстве, расположенные в Финляндии русские войска обязаны были не нарушать финляндских законов, но это еще не значит, чтобы на них могли быть налагаемы обязанности в порядке финляндского законодательства. Из этого следует, что порядок осуществления правовых претензий жителей края по отношению к чинам названных войск определяется Государем Императором.

В связи с сим находится то обстоятельство, что учрежденный в Финляндии, первоначально для военных целей, телеграф являлся имперским учреждением и, следовательно, не подчинялся финляндским законам. Правда, что телеграф в настоящее время фактически является учреждением далеко не исключительно военным – что не вполне правильно – но последствием первоначального положения его остается, что телеграф в качестве имперского учреждения в Финляндии не подчинен финляндскому законодательству.

Такое же положение занимают также учрежденные и содержимые на средства русского государственного казначейства учебные заведения, предназначаемые для проживающего в Финляндии русского населения.

Вполне естественным, наконец, считается то обстоятельство, что православная церковь в Финляндии подчиняется Государю Императору и собственному духовному правлению по законам этой церкви и что относящиеся и сюда дела не были предметом финляндского законодательства. Это представляется естественным также и по той причине, что шведское законодательство, хотя для него и не имелось в этом отношении никаких правовых препятствий, не касалось данного рода вопросов. Лишь церковно-гражданские дела лиц православного вероисповедания регулируются Государем Императором и Великим князем в порядке, установленном относительно таких финляндских законов, которые могут быть издаваемы без содействия земских чинов.

Если предполагается издать законодательный акт, содержащий постановления, ограничивающие законодательство Великого княжества Финляндского, то представляется вполне основательным, не взирая на несущественные возражения, которые в том или ином отноше-

нии могут быть сделаны с чисто теоретической точки зрения, положительно установить, что указанного рода дела не входят в область финляндского законодательства.

При решении вопроса о дальнейших ограничениях этого законодательства следует иметь в виду, с одной стороны, требования интересов всего Российского государства, а с другой – значение того обстоятельства, что финский народ по происхождению, языку, религии, национальному характеру, культуре и нравам отличается от русского, что он вследствие исторического развития в продолжение многих веков, являющегося результатом не одних только человеческих расчетов, сложился в отдельную от других наций единицу и что народу этому при присоединении его к России обеспечено было существование в качестве особой нации, благодаря утверждению для него собственного общественного строя и торжественному обещанию о святом – как говорится в одном из позднейших актов – сохранении этой особенной конституции под Державою Монарха и Его Наследников (Высочайший Манифест от 9/21 февраля 1816 года, являющийся автентическим разъяснением основного документа).

Так как при этом предстоит обсудить вопрос в первоупомянутом отношении с точки зрения интересов Российского государства, то представляется основательным заменить недостаточно определительное и вводящее поэтому в заблуждение выражение «интересы» словом «задачи» и поставить вопрос, чего требуют задачи Российского государства – т. е. задачи, которые следует признать общими для русского и финского народов. Для надлежащей оценки того обстоятельства, что финский народ является другим, чем русский, необходимо иметь в виду, что всякий народ с собственною национальностью, занявший место в истории, в силу высших законов имеет назначением развиваться и развивать свою национальность и свойственные ему способности в целях, для которых они ему даны. Сообразно с сим необходимо предоставить также и финскому народу развиваться и развивать свою национальную жизнь всесторонне и свободно, без наложения на него неестественных тормозящих уз. Условием для сего является собственный, зависящий от особого быта, в частности же от мировоззрения народа, и поддерживающий правду и справедливость правовой порядок, а также надлежащее обеспечение и ограждение этого правового порядка. Нельзя, казалось бы, не признать и этой истины.

Исходя при разрешении поставленного вопроса с точки зрения основанного в 1809 году правового порядка, нельзя не признать, что, как отмечено уже выше, Финляндия не имеет собственной иностранной политики, ибо она является делом Российского государства. И так как финский народ представляется малым по сравнению с русскою нациею, то нельзя не признать справедливым мнения, считавшегося и до сего времени вполне естественным, что решающее значение для иностранной политики государства имеют задачи русской нации и что дела, касающиеся этой политики, как уже упомянуто было выше, должны производиться исключительно по имперским законам.

Что затем касается внутренних дел в противоположность иностранной политике, т. е. вопросов о законодательстве, отправлении правосудия и администрации, то следует признать за правило, что они должны разрешаться сообразно особым задачам финского народа. Правило это, разумеется, не может не подвергаться известным модификациям в зависимости от характера соединения края с Россиею, но все-таки оно должно оставаться правилом. Непризнание означенного правила было бы равносильно непризнанию высших истин о значении отдельных народностей и повело бы к осложнениям и несправедливости. Общегосударственные интересы также не могут обусловливать подобного пренебрежения, так как интересы государства требуют того же, чего и задачи государства. К задачам государства не может относиться установление и поддержание такого порядка вещей, который имел бы последствием невозможность для финского народа развиваться и развивать свои способности вполне или свободно, или который заставлял бы его влачить жалкое существование. Задачи великой русской нации, разумеется, гораздо более обширны, чем задачи финского народа, но по существу они не могут быть высшего свойства, так как относительно всех народов, больших и малых, можно сказать, что задачи их определены высшим порядком.

На этом основании следует предположить, что к задачам Российского государства не относится лишение финского народа, якобы в интересах русской нации, условий свободного и всестороннего развития согласно требованиям своеобразного его быта. Скорее следует признать задачею всего государства – а следовательно и отвечающим его интересам, – способствование естественному развитию обоих народов и сохранению необходимых для сего условий и прежде всего правового порядка.

Между тем, как уже отмечено выше, нельзя не признать, что модификации этого правила, вытекающие из характера соединения Финляндии с Россией, а именно в том смысле, что России должна быть предоставлена в военном отношении полная свобода действий на территории Финляндии, и что Финляндия по справедливости обязана содействовать поддержанию могущества государства по отношению к иноземным государствам и в частности отражению нападений, имеющих целью завладеть финляндскою территорией или оторгнуть Финляндию или часть ее от Российского государства.

В первоупомянутом отношении следует иметь в виду, что согласно финляндскому закону, могущему быть измененным лишь по определению самого Монарха, Монарху принадлежат весьма обширные права по принятию в отношении Финляндии мер, которые он в качестве главы всего государства признает необходимыми в интересах государства. Кроме того, правовые отношения, в силу приведенных выше обстоятельств, уже в настоящее время сложились так, что Россия имеет в военном отношении полную свободу действий на финляндской территории. Помимо того, что, как уже отмечено выше, могут быть предпринимаемы какие угодно дислокации войск, для облегчения их население подвергнуто постоянной повинности, и до сего времени не слышалось жалоб на то, чтобы население отбывало эту повинность в недостаточной мере. Правда, что законодательство в этом отношении страдает неполнотою, но недостатки законодательства заключаются не в том, чтобы военные надобности не были достаточно обеспечены, а в том, что население не ограждено от чрезмерных требований. То же самое относится и до обязанности населения поставлять подводы для надобностей войск, так что в этом отношении уже не может быть принимаемо каких-либо дальнейших мер в целях облегчения дислокации войск. Далее, управление финляндскими казенными железными дорогами всецело находится во власти Монарха и частные железные дороги в случае войны подчиняются правительству, так что имеются необходимые гарантии в удовлетворении требований, предъявляемых военным ведомством к железным дорогам. Насколько известно, по этому поводу не возникало каких-либо основательных жалоб. Законы края не ставят препятствий в устройстве крепостей и других оборонительных средств, и Монарху принадлежит право определять об отчуждении земель для каких бы то ни было оборонительных целей. Наконец Монарх, а в некоторых случаях и военный министр, могут в силу обстоятельств, изложенных в всеподданнейшем отзыве земских чинов от 27 мая 1899 года, определять о вооружении, снаряжении и содержании поставляемых Финляндией войск, а равно о распределении их по отдельным родам оружия, и издавать инструкции и правила, благодаря чему возможна единообразная организация финских и русских войсковых частей.

Поэтому за Россией в военном отношении, казалось бы, обеспечена полная свобода действий на финляндской территории.

Что засим касается второго вопроса, т. е. требуется ли, ввиду обязанности Финляндии по мере справедливости участвовать в обороне государства, установление особого, не находящегося в зависимости от основных законов Великого княжества, порядка законодательства по военной части, то мы, вполне признавая существование таковой обязанности, не находим, чтобы это было необходимо для достижения означенной цели. Но, на основании приведенных ниже сего доводов, мы тем не менее считаем возможным высказаться за упорядочение дела таким образом, чтобы Государь Император определял о порядке издания законов, касающихся отбывания финляндскими гражданами воинской повинности, а также об организации и управлении войск, но с тем, чтобы при этом для обеспечения жизненных

интересов финского народа сделаны были некоторые оговорки в пользу законодательства, требующего участия земских чинов.

Для полного освещения вопроса необходимо сперва указать на долженствующие возникнуть в Финляндии сомнения относительно целесообразности измененного порядка и на обстоятельства, благодаря коим можно было бы, по нашему мнению, упорядочить это дело удовлетворительным образом, без всякого изменения существующего порядка.

Как бы глубоко воинский Устав ни затрагивал интересы частных семейств, мы все-таки сознаем, что, когда этого требуют стратегические или вообще чисто военные соображения, вопросы могут и должны подлежать решению Монарха, который при этом, разумеется, может выслушать мнение военного министра и других военных властей.

Что затем касается военной тягости, которую по справедливости должна нести Финляндия, то следует иметь в виду, что решающее значение для иностранной политики и для войн, которые России приходится вести в качестве Великой державы, имеют интересы России. Поэтому нельзя признать справедливым, чтобы Финляндия обязана была нести это бремя соразмерно с Россией. «Могущественное Российское государство, политические интересы которого распространяются на две части света», как высказано было Сеймом 1878 года в всеподданнейшем отзыве по поводу Высочайшего предложения о всеобщей воинской повинности, «нередко может оказаться вынужденным решать конфликты оружием или же преследовать цели, которые не имеют ничего общего с финляндскими интересами. Задачи малого народа в отношении военных усилий не могут быть измеряемы одною меркой с задачами Великой державы. Если бы Финляндия обязана была с неограниченною солидарностью активно участвовать во всех войнах, к которым может дать повод историческое назначение России, то весьма возможно, что Финляндия ослабла бы без соответствующей пользы, так как в порядке вещей, что лавры победы и плоды борьбы пожинались бы государственным орлом. Увеличение власти, возрастание влияния на мировую политику, расширение владений, подъем национального чувства и т. п., служащие вознаграждением за сопряженные с каждою войною жертвы, – все это падало бы на долю империи, в качестве державы, которая собственно вела войну, но не на Финляндию, ничтожные сравнительно военные силы которой лишь в незначительной степени могли бы оказывать влияние на исход, когда приходилось бы далеко от родины решать международные осложнения оружием. Если бы финский народ при всех обстоятельствах желал избегать тягости, налагаемой войною, то это несомненно свидетельствовало бы об отсутствии чувства долга и об эгоистичном пренебрежении обязанностями, вызываемыми соединением с империею. Но, с другой стороны, Финляндия была бы слишком высокого мнения о своих силах, если бы она заявила, что может деятельно участвовать во всех войнах России».

Что при основании существующего ныне между Россией и Финляндией правового отношения вопрос понимался так, о том свидетельствует Высочайшее предложение Боргоскому Сейму относительно войск края.

Уже в течение столетий основным началом правового порядка, сохранение которого в 1809 году было торжественно обещано финскому народу, являлось, чтобы народ не обременялся большею военною тягостью, чем какую он сам или представители его признали возможным принять на себя. Если бы начало это не было сохранено и утвержденное в 1809 году взаимное правовое положение России и Финляндии в этом отношении было изменено, то последствием было бы, что Россия одна могла бы налагать на Финляндию какие угодно тягости. Между тем как история, так и опыт доказывают, что случайные политические и национальные веяния могут дать повод к тяжким несправедливостям. Следует иметь в виду, что указанное начало не означает, чтобы финский народ мог по собственному усмотрению определять размеры военной тягости, напротив, установленные в законном порядке тягости останутся в силе до изменения их по общему решению Монарха и земских чинов. За последнее время земские чины неоднократно принимали на себя увеличенные в этом отношении обязательства. Мимоходом можно отметить, что европейская война, даже если бы она имела благополучный для России исход, могла бы оказаться в высшей степе-

ни пагубною для Финляндии, которой для поддержания народного хозяйства приходится прибегать к товарообмену и морскому сообщению с иноземными государствами и которая, следовательно, в случае войны могла бы быть лишена этих источников дохода. Доказательством того, как тяжело это может отразиться на Финляндии, служит Восточная война в 1850-х годах, во время которой погиб почти весь, имеющий столь важное для края значение, торговый флот. Все это приводится не с тем, чтобы сетовать на подобные потери. Финляндия, по выражению Сейма 1877 года, «готова при всех превратностях судьбы лояльно нести последствия и испытания войны». Но когда речь идет о военной тягости Финляндии, необходимо принимать в соображение также и указанного рода обстоятельства. Но важнее всего тот факт, что финский народ другой, чем русский, и что, хотя Финляндия и обязана содействовать обороне государства и в частности отражению нападений, имеющих целью отторгнуть какую-либо часть финляндской территории от Российского государства, справедливость все-таки не требует, чтобы Финляндия содействовала обороне государства таким же образом, как и Россия.

По вопросу об отбывании воинской повинности должны быть приняты во внимание отчасти те же соображения: если для Финляндии будут установлены одинаковые определения как и для России, то воинская повинность окажется для сынов Финляндии фактически тяжелее, чем для русской молодежи, так как при этом не будут, а если и будут, то в недостаточной степени, приняты во внимание своеобразные условия быта в Финляндии. В особенности же тяжело было бы для небольшой подчиненной нации, если бы молодежь ее обязана была служить за пределами родного края или же среди людей другой нации. Правда, что военнообязанные также и в великих державах за время службы могут быть командируемы за пределы отечества, однако войска господствующей нации, командируемые в страну, которая от нее зависит, находятся в совершенно другом положении, чем военнообязанные подчиненной нации, выводимые за пределы родины. В Финляндии не могут рассчитывать, чтобы указанного рода соображения всегда принимались во внимание, тем более, что фактически указывалось на то, что военная служба должна бы служить средством к денационализации финского народа. Мы же с своей стороны должны отметить, что, хотя наш народ является незначительным и во многих отношениях отсталым от больших наций, он все-таки обязан сохранять себя в виде особого народа и развивать свою национальную культуру. И этим, как нам кажется, мы отнюдь не нарушаем наших обязанностей по отношению к России. Наконец, оказалось возможным принимать в установленном основными законами Финляндии порядке меры к единообразной организации финских и русских войсковых частей. Приведенные доводы, по нашему мнению, исключают необходимость изменений.

Между тем, имея в виду, что для Финляндии является прямо-таки жизненным условием, чтобы положение ее в составе государства не давало повода к пререканиям, мы полагали бы желательным, по мере возможности, согласовать даже и более строгие военные требования с справедливыми интересами финского народа. На этих основаниях мы признаем возможным высказаться за упорядочение дела таким образом, чтобы Государь Император определял порядок утверждения законоположений, касающихся отбывания финскими гражданами воинской повинности, согласно представленному нами законопроекту. Проектированные при этом оговорки вызваны отчасти желанием предотвратить излишнюю тяжесть, отчасти же нравственными и иного рода мотивами. Мотивы эти следующие.

Если неопытные молодые люди с неустановившимся еще нравственным складом, очутившись далеко от родины и домашней обстановки, вынуждены будут жить в казармах, они легко могут поддаться искушениям, которые приносят за собою крепкие напитки и развратный образ жизни. Такие же искушения, правда, встречаются и на родине, но когда военнообязанные юноши находятся под начальством своих соотечественников и пользуются духовным призрением, которое местная церковь дает своим членам, родина имеет возможность посредством нравственно-просветительных учреждений, организуемых частными гражданами, содействовать охранению нравственности состоящих на военной службе молодых людей и общему облагораживанию их, тогда как они, лишившись всего этого, легко

могут погибнуть навсегда. Значение этих обстоятельств ясно для всех, кто серьезно относится к жизни. Но, не говоря уже о воспитательном значении, которое имеет свое родное начальство для молодых военнослужащих, вообще представляется крайне важным, чтобы начальство состояло из лиц, которые принимают близко к сердцу интересы и благо своих подчиненных, знакомы с их бытовыми условиями и характером и умеют обращаться с ними сообразно с этим. Но, обладая этими качествами, начальство также ввиду строгости военной дисциплины легко может давать повод к проступкам со стороны нижних чинов, в особенности же со стороны вышедших из народа, который, как, например, население в некоторых местностях Финляндии, отличается характером отчасти вспыльчивым, отчасти же строптивым и упрямым и во многих отношениях противоположным характеру русской молодежи. Все это может гибельно отразиться даже на молодых людях с твердым и хорошим характером. Зная предубеждение и неприязненное к Финляндии настроение некоторых русских, которые в проявлениях финляндского патриотизма усматривали признаки враждебного отношения к России, в Финляндии не может не вызвать глубочайшей озабоченности мысль, что военнообязанные лица не будут стоять под начальством своих же соотечественников. Если поэтому земские чины Финляндии откажутся от своего права участвовать, в том же объеме, как и до сих пор, в законодательстве о воинской повинности, то они все же, нужно предполагать, не могут сложить с себя обязанности по мере возможности заботиться о предупреждении или уменьшении серьезных опасностей и затруднений, ожидающих молодежь Финляндии.

В связи с этим вопросом находится непременное требование о согласовании воинской присяги с мировоззрением народа. Пренебрежение требованиями, предъявляемыми в данном отношении человеческой совестью, являлось бы насилием над совестью и ослаблением святости присяги. В военном же отношении применение форм присяги, существовавших в Финляндии по крайней мере в течение 60 лет (с 1817 по 1877 год), не может иметь никаких вредных последствий.

Вышеприведенные соображения до некоторой степени относятся также до охранения физического состояния военнослужащих. Вследствие этого хозяйственное управление и интендантская часть должны быть вверены туземным учреждениям и властям. Далее, мы, согласно с вышеизложенным, признаем необходимым указать, что в законе по-прежнему должно быть подтверждено право финского народа самостоятельно решать, может ли он принимать на себя увеличенные тягости и какие тягости народ в состоянии нести, не рискуя своим внутренним развитием.

Этими же соображениями подтверждается необходимость издания особого, сообразованного с условиями Финляндии закона об отбывании воинской повинности в Финляндии, а также необходимость доставления земским чинам и местному правительству края возможности представить свои отзывы о проектах такого закона.

Однако определениям об этих оговорках можно не придавать силы основных законов, для изменения которых требуется согласие всех четырех сословий. Достаточно признать за ними характер общего закона, изменение которого может состояться по Высочайшему предложению, принятому тремя сословиями и утвержденному Верховною властью.

В связи с этим также возбужден вопрос о том, не должен ли и воинский Устав о наказаниях быть издан в том же порядке, как закон о воинской повинности.

В Финляндии вообще сильно опасаются последствий, которые могут возникнуть от подчинения молодых военнослужащих действию уголовного Устава, не согласованного с правовыми понятиями самого народа. Согласившись в 1877 году на введение в Финляндии общей воинской повинности, земские чины положительно высказали, что согласие их обусловливалось тем предположением, что воинский Устав о наказаниях не будет издан помимо участия народного представительства. Ввиду существующих в крае опасений, и так как вопрос этот не может иметь практического значения в военном отношении, мы нахо-

дим наиболее соответственным оставить это дело без всяких изменений. Дисциплинарный Устав не затрагивался бы этим, а зависел бы исключительно от Монарха.

Вследствие предложенного Комиссии вопроса о том, не должно ли законодательство о военно-конской повинности также быть изъято из области финляндских основных законов, мы можем заметить, что земские чины на Сейме 1897 года, по существу согласно с переданным им Высочайшим предложением, приняли закон по этому предмету, в § 1 которого сказано: «Для пополнения потребности в лошадях финских и расположенных в Финляндии русских войск при мобилизации, а также для сохранения в военное время полного комплекта лошадей для действующих в крае войсковых частей, все владельцы лошадей обязаны, за вознаграждение, уступать лошадей в порядке, сим законом установленном». Вообще же в этом законе проводится основное начало, согласно которому военные власти в данном отношении должны получать все, что они признают необходимым, хотя удовлетворение этих потребностей возложено на финляндские власти, с присвоением, однако, военному министру права воздействия на решение относящихся к этому предмету дел. Закон этот, правда, еще не утвержден, но если он удостоится Высочайшей санкции, то этим, казалось бы, будут удовлетворены требования военного ведомства.

Что касается вопроса о крепостных эспланадах, то по этому предмету 30 мая 1896 года издано принятое земскими чинами и Его Императорским Величеством Высочайше утвержденное постановление, которое в отношении права собственности и владения на недвижимое имущество в пределах крепостных эспланад дает военным властям право требовать всех тех ограничений в отношении застройки и иного видоизменения поверхности, какие Монарх, в видах обороны крепости, признает необходимым установить. Таким образом, военные интересы вполне обеспечены и при таком положении вещей представляется вполне соответственным, что финляндский закон, который также, как и другие законы не могут быть изменяемы без распоряжения Монарха, устанавливает правила, которые должны служить к руководству в видах должного возмещения лиц, понесших материальный убыток. Этого требует святость права собственности. Изъятие этого вопроса из области финляндского законодательства было бы тем более несправедливым, что по означенному закону всякое вознаграждение за уменьшение ценности имущества, причиняемое предусмотренными в законе распоряжениями, должно уплачиваться финляндскою казною.

В настоящее время, как уже отмечено выше, не подлежит рассмотрению вопрос о том, должны ли еще и другие вопросы, кроме вышеизложенных, быть изъяты из области финляндских основных законов. Финляндские члены Комиссии теперь лишь желают представить следующие общие заключения из изложенного ими выше мнения своего.

Согласно утвержденному в 1809 году правовому порядку, законодательство, отправление правосудия и администрация в Финляндии являются внутренними ее делами, зависящими от основных законов края. Это следует из того, что основные законы Финляндии, исключающие всякое другое законодательство, кроме основанного на конституции, были торжественно утверждены без каких бы то ни было оговорок или ограничений, причем в основном документе содержится вышеприведенное положительное удостоверение о сохранении их в полной силе и действии.

В этом не заключается отрицание того, что России должна быть предоставлена полная свобода действий в военном отношении на территории Финляндии или же отрицание обязанностей Финляндии по отношению к России в деле государственной обороны. Но эти интересы России удовлетворяются отчасти тем, что Российский Император в то же время есть Великий князь Финляндский, и что Монарху по финляндским Основным законам принадлежат обширные права, предоставляющие ему возможность принимать в Финляндии меры, признаваемые им необходимыми в вышеупомянутых интересах, отчасти же тем, что интересы эти вообще обеспечены финляндскими законами. Нельзя отрицать и того, что в будущем могут оказаться желательными изменения в финляндских законах, но по некоторым делам Монарх имеет законодательное право независимо от земских чинов, и что касается дел, для

решения коих требуется содействие земских чинов, то Сейм неоднократно соглашался на столь крупные изменения действовавших ранее основных норм, что можно предположить, что он и в будущем не откажется от содействия при осуществлении необходимых законодательных мер. Для опровержения того мнения, что Финляндия вовсе не должна иметь возможности предъявлять какие-либо права в отношении этого рода дел, и что на Финляндию, следовательно, могут быть возлагаемы какие угодно обязанности, следует привести, что финский народ является отдельною нациею с собственными задачами и что Российский Император при присоединении края к России в Святилище Всевышнего, как Он Сам выразился, утвердил за финским народом такое положение, что новые законы и новые тяготы не могут быть налагаемы на него без собственного его содействия. И это право принадлежит Финляндии, согласно удостоверению Монарха, с такою святостью, что оно может быть изменено лишь с согласия представительства. Как отмечено уже выше, финский народ получил удостоверение «о святом сохранении», под Державою Монарха и Его Наследников, утвержденной конституции и прав «droits que sa constitution lui garantit»*. Что это не является неправильным пониманием торжественного удостоверения Монарха, и что Монарх действительно желал таким великодушным образом согласовать интересы России и Финляндии, усматривается с достаточной ясностью из секретного рескрипта на имя генерал-губернатора Финляндии, от 14/26 сентября 1810 года, в котором встречаются следующие выражения:

«С присоединением Финляндии к России, вся цель Наших к сей стране предположений была достигнута. Из этого проистекало: ...чтоб внутренним устройством Финляндии предоставить народу сему несравненно более выгод в соединении его с Россией, нежели сколько он имел, быв под обладанием Швеции... Намерение Мое при устройстве Финляндии состояло в том, чтоб дать народу сему бытие политическое; чтоб он считался не порабощенным России, но привязанным к ней собственными его очевидными пользами; для сего сохранены ему не только гражданские, но политические его законы».

Из всего этого следует, что правилом относительно законодательства по-прежнему должно считать, что законодательство для Финляндии происходит согласно основным законам Финляндии. Если, во внимание к взаимным интересам, окажется желательным издание согласующихся между собою законов для Финляндии и России, то Монарх определяет о подготовке законодательных вопросов, а затем уже собственно законодательная работа зависит от законов обеих стран. При этом не надобно опасаться, что не будет обращено должного внимания на интересы России, тем более, что Монарх всегда имеет при себе своих русских советников, тогда как голосу финского народа трудно дойти до Царя. К тому же принятие в Финляндии законодательных мер, вызываемых одними лишь русскими интересами, было бы несправедливым и не соответствовало бы задачам государства, т. е. общим задачам России и Финляндии.

В составленном нами для пояснения нашего взгляда законопроекте содержатся предположения отчасти о разъяснении, отчасти же об изменении финляндских основных законов. В случае, если признано будет необходимым утвердить постановления об ограничении законодательства Великого княжества Финляндского, следует передать Высочайшее предложение о том земским чинам для рассмотрения в порядке, указанном в § 71 Сеймового Устава, так как основные законы могут быть изменяемы и разъясняемы лишь с согласия всех сословий.

В проекте этом нами также указано, как, по нашему мнению, мог бы быть в законном порядке разрешен вопрос об обращении русской монеты в Финляндии. Так как вопрос этот не подлежит ныне обсуждению, то мы на этот раз оставляем его в стороне, но в случае надобности не преминем пояснить его и высказаться по поводу переданной нам по сему предмету записки.

---

* *«права, гарантированные его конституцией» (фр.).*

В проект не включено никаких определений о правах, предоставленных в 1890 году министру внутренних дел и Главному управлению почт и телеграфов в империи. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что земские чины на минувшем Сейме постановили войти по делу с всеподданнейшим представлением о восстановлении порядка, существовавшего в этом отношении до 1890 года, что представляется тем более необходимым, что при нынешнем положении оказалось фактически невозможным осуществление многих вызываемых потребностями края важных улучшений в этом учреждении. На случай, если Его Императорское Величество тем не менее признает необходимым сохранить нынешний порядок, законопроект, подлежащий передаче земским чинам, следовало бы дополнить постановлениями о почтовой части в Финляндии. [...]*

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 17–37. Типографский текст (С. 1–41); Ф. 1276. Оп. 24. Д. 30. Л. 2–22. Типографский текст (С. 1–41).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [3:III].

№ 125. Из Высочайше утвержденного положения Военного совета об упразднении Финляндского военного округа

3(16) июня 1905 г.

Военный совет журналом 28 мая 1905 года положил:

1) к 1 июля 1905 года упразднить: а) должность Командующего войсками Финляндского военного округа, б) Военно-окружной совет и в) все отделы Военно-окружного управления Финляндского военного округа.

2) Находящиеся в ведении Военно-окружных управления Финляндского военного округа крепости, заведения и учреждения передать в ведение подлежащих Окружных управлений Петербургского военного округа.

3) Свести войска, в Финляндии расположенные, в особый армейский корпус, присвоив ему наименование «22-й армейский корпус».

4) Для вновь учреждаемого 22-го армейского корпуса сформировать Корпусное управление, присвоив сему управлению штат, установленный для Корпусных управлений армейских корпусов Европейской России (т. е. на мирное время штат № 1 кн. II Свода Шт. военносух. вед., изд. 1893 г., с последовавшими к нему изменениями (прик. по военн. вед. 1892 г., № 304), а на военное время штат № 2 той же книги Свода Шт.), с тем, чтобы из штата мирного времени были исключены: а) Управление корпусного ветеринара и б) Управление начальника артиллерии корпуса.

5) Штаты отделов Военно-окружного управления Петербургского военного округа усилить согласно прилагаемому при сем дополнительному штату сих учреждений (прил. 1).

6) Управление заведующего войсковыми зданиями вне крепостей упразднить, а взамен его учредить две финляндские инженерные дистанции (Восточную и Западную) согласно прилагаемому при сем штату (прил. 2).

7) Подчинить во всех отношениях лейб-гвардии 3-й стрелковый Финский батальон начальнику гвардейской стрелковой бригады.

8) Расположенные в Финляндии полевые артиллерийские части подчинить начальнику 1-й Финляндской стрелковой бригады, причем наблюдение за специальной подготовкой и за технической частью в названных частях производить распоряжением окружного начальства.

---

* *Далее следуют приложения: 2) особое мнение сенатора Н.Д. Сергиевского, 3) речь Р.И. Даниельсона в заседании 22 апреля, 4) записка шести членов комиссии (Г.Г. Иогансона, Г.А. Бореццуса, Р.И. Даниельсона, барона Э.Ф. Пальмена, Р.Ф. Германсона, К.С. Антеля), прочитанная в заседании 22 апреля, 5) особое мнение М.М. Бородкина от 21 апреля.*

9) 55-й драгунский Финляндский полк, отдельный Оренбургский казачий дивизион и 6-й полевой жандармский эскадрон подчинить начальнику штаба 22-го армейского корпуса*.

Опубл.: СУ. 1905. Октября 8. Отд. I. Ст. 1635; ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. 1. 1905. СПб., 1908. Ст. 26335.

№ 126. Из Высочайшего манифеста об учреждении Государственной думы[339]

6(19) августа 1905 г.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ
ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ,
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ
и прочая, и прочая, и прочая
Объявляем всем нашим верноподданным:

Государство Российское созидалось и крепло неразрывным единением царя с народом и народа с царем. Согласие и единение царя и народа – великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей, является и доныне залогом ее единства, независимости и целости материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем.

В манифесте нашем, данном 26 февраля 1903 г., призывали мы к тесному единению всех верных сынов Отечества для усовершенствования государственного порядка установлением прочного строя в местной жизни. И тогда озабочивала нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни. О сем не переставали мыслить самодержавные цари, наши предшественники.

Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов.

В сих видах, сохраняя неприкосновенным основной закон Российской империи о существе Самодержавной власти, признали мы за благо учредить Государственную думу и утвердили положение о выборах в Думу, распространив силу сих законов на все пространство империи с теми лишь изменениями, кои будут признаны нужными для некоторых, находящихся в особых условиях, ее окраин.

О порядке участия в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского по вопросам общих для империи и сего края узаконений будет нами указано особо.

Вместе с сим повелели мы министру внутренних дел безотлагательно представить нам к утверждению правила о приведении в действие положения о выборах в Государственную думу, с таким расчетом, чтобы члены от 50 губерний и области Войска Донского могли явиться в Думу не позднее половины января 1906 года.

Мы сохраняем всецело за собой заботу о дальнейшем усовершенствовании учреждения Государственной думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету соответственные в свое время указания.

---

* *Далее текст не приводится.*

Питаем уверенность, что избранные доверием всего населения люди, призываемые ныне к совместной законодательной работе с правительством, покажут себя перед всей Россией достойными того царского доверия, коим они призваны к сему великому делу, и в полном согласии с прочими государственными установлениями и с властями, от нас поставленными, окажут нам полезное и ревностное содействие в трудах наших на благо общей нашей матери России, к утверждению единства, безопасности и величия государства и народного порядка и благоденствия.

Призывая благословение господне на труды учреждаемого нами государственного установления, мы с непоколебимой верой в милость божию и в непреложность великих исторических судеб, предопределенных божественным промыслом дорогому нашему отечеству, твердо уповаем, что с помощью всемогущего бога и единодушными усилиями всех своих сынов, Россия выйдет с торжеством из постигших ее ныне тяжких испытаний и возродится в запечатленных тысячелетней ее историей могуществе, величии и славе.

Дан в Петергофе, в 6-й день августа, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое.

Опубл.: ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. 1. 1905. Ст. 26656.

№ 127. Отзыв № 1453 министра статс-секретаря Э.А. Эрштрема к Финляндскому генерал-губернатору И.М. Оболенскому о границах употребления русского языка в Финляндии

24 сентября (7 октября) 1904 г.
Копия с отзыва министра статс-секретаря
Великого княжества Финляндского
к Финляндскому генерал-губернатору
от 24 сентября (7 октября) 1905 г.
за № 1453

Государь Император, по всеподданнейшему докладу петиции земских чинов 24 сентября (7 октября) сего года Высочайше соизволил:

I. в изменение, дополнение и разъяснение действующих узаконений постановить:

1) Должности, занятие которых по действующим в Финляндии узаконениям обусловлено высшим специальным образованием, полученным их соискателями в финляндских учебных заведениях, могут быть замещаемы и лицами, получившими соответствующее высшее образование в империи.

2) При замещении должностей чиновников особых поручений при генерал-губернаторе и его Канцелярии, а также должностей по Канцелярии генерал-губернатора и по полиции (не исключая коронных фохтов и ленсманов), генерал-губернатору предоставляется в исключительных случаях допускать те изъятия из требуемых законом условий поступления на службу, кои он признает необходимыми.

3) Русский язык применяется в переписке Главных управлений, губернаторов и губернских правлений с генерал-губернатором, его Канцелярией и статс-секретариатом Великого княжества Финляндского, а также с установлениями и должностными лицами империи, во всех остальных сношениях сих мест и лиц, а также в внутреннем их делопроизводстве, сохраняются местные языки на прежних основаниях.

4) Указы, решения, резолюции, предписания и определения Финляндского Сената и его экспедиций, обращаемые к правительственным установлениям, в делопроизводство коих не введен русский язык, а также к общинам, в коих протоколы общественных собраний ведутся на местных языках, и к частным лицам, заявившим свою просьбу на местном языке, излагаются на финском или шведском языке по правилам Высочайшего постановления от 19 июня 1902 г. в точном соответствии с остающимся в Сенате русским подлинником или протоколом, за подписью подлежащего начальника экспедиции и за надлежащею скрепою.

II. Отменить: а) временные правила, установленные Высочайшим повелением от 18/31 июля 1902 г. [объявленные в отношении министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского к Финляндскому генерал-губернатору от 27 августа (9 сентября) того же года], б) ст. III Высочайшего Манифеста от 7/20 июня 1900 г., и в) временные правила, установленные Высочайшим повелением от 18/31 декабря 1903 г. [объявленные в отношении министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского к Финляндскому генерал-губернатору от 28 декабря 1903 г. (10 января 1904 г.)].

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 516. Л. 23 об. – 24. Типографский текст в составе подборки документов (С. 14–15).

№ 128. Журнал № 3 Подготовительной комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства с приложениями проектов закона об ограничении законодательства Великого княжества Финляндского (с приложениями)[340]

5 (18) мая – 14 (27) октября 1905 г.

Проект

Высочайше учрежденная Подготовительная комиссия по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательств

ЖУРНАЛ № 3

Заседания 5, 10, 11 и 12 мая, а равно 12, 13 и 14 октября 1905 года. Присутствовали:

Председатель: действительный тайный советник Н.С. Таганцев.

Члены: тайные советники Н.Д. Сергеевский*[1] и Ф.Ф. Мартенс, генерал-майор М.М. Бородкин, действительные статские советники В.Т. Судейкин и Э.Н. Берендтс, архиепископ Г.Г. Иогансон, президент гофгерихта Г.А. Боренпус, статский советник Р.И. Даниельсон, профессора барон Э.Ф. Пальмен и Р.Ф. Германсон и полковник в отставке К.С. Антель.

Представитель от Военного министерства: Генерального Штаба генерал-майор В.И. Марков[341].

В заседании 5 мая Подготовительная комиссия приступила к обсуждению содержащихся в проектах Комиссии Финляндского Сената предположений относительно урегулирования воинской повинности в Финляндии. Председателем действительным тайным советником Н.С. Таганцевым был предложен на рассмотрение Подготовительной комиссии общий вопрос: относятся ли законы о порядке отбывания воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об организации и управлении воинскими частями, пополняемыми уроженцами этого края, к группе законов общегосударственных, подлежащих изданию в особо для сего установленном порядке?

При происшедшем по сему предмету между членами Комиссии обмене мнений шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренпус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Антель), в развитие положений, изложенных в представленном ими особом проекте, а именно в первой части § 6*[2], и пояснительном к нему меморандуме, представили нижеследующие объяснения. В силу правовых отношений, существующих между империей и Великим княжеством, Финляндия несомненно обязана содействовать защите империи и охране ее могущества по отношению к иностранным державам. Согласно этому принципу финский контингент российских военных сил должен быть организован таким образом, чтобы насколько возможно было достигнуто единство армии в военно-техническом отношении, дабы она в случае войны могла развить наибольшую силу сопротивления. В какой степени подобное единство достигалось во время действия Устава 1878 года, это вопрос

*[1] Сенатор Н.Д. Сергеевский присутствовал в заседаниях 5 и 11 мая. (*Прим. док.*)

*[2] Приложение № 1 к Журналу № 2. (*Прим. док.*)

другой: однако, едва ли, по мнению шести членов, можно отрицать, что при условиях, изложенных в представленном ими проекте, может быть достигнуто желательное единство в военно-техническом отношении, так как вся организация финских войсковых частей передается в руки Имперских военных властей. Ввиду этого трудно представить себе, чтобы те немногие определения, которые финляндцы в виде исключения хотели бы сохранить за своим особым законодательством, могли бы фактически повредить этому единству. Однако же для Финляндии и ее народа эти правовые положения имеют чрезвычайное значение, и народ отнесся бы к отказу от этих правовых положений со страхом, о котором чужеземец едва ли может составить себе правильное представление. С другой стороны, нельзя обойти молчанием вопрос о том, соответствует ли требованиям справедливости, чтобы правовые положения, о которых теперь идет речь, были сохранены за финляндским законодательством. Наш великодушный Государь заявил, что право и справедливость должны служить основанием в сношениях между народами; поэтому надо надеяться, что эти принципы будут применены и в настоящем случае.

Финский народ путем векового развития стал «нацией», отличной от других народов, он дошел до сознания своей особности, доразвился до национального самосознания. Затем его национальное существование получило признание и подтверждение со стороны великодушного Монарха, торжественно даровавшего ему особую конституцию и, следовательно, особое политическое существование с известными, неотъемлемыми политическими правами. Вследствие сего на долю финского народа выпали свои особенные, хотя по сравнению с великими нациями и весьма скромные, задачи, в том числе задача развивать свои свойства и дарования ради достижения той цели, для которой они были ему даны, а также охранять в пределах края право и справедливость. Это не есть отрицание обязанностей Финляндии по отношению к русскому государству; желательно только доказать, что в число этих признанных обязанностей не должно быть включено требование, чтобы Финляндия принесла в жертву свои наиболее драгоценные политические права.

С древнейших времен к числу наиболее ценимых своих прав народ относил то положение, на основании которого нельзя ни дать ему новых законов, ни возложить на него новых повинностей без его на то согласия. Путем последовавшего в 1809 году подтверждения конституции были закреплены за финским народом и эти права – «les droits que sa constitution lui garantit»*. Едва ли теперь существует какая-либо необходимость отменять некоторые, наиболее ценные из этих прав. Что военный вопрос в 1809 году рассматривался совершенно с другой точки зрения, нежели ныне, это явствует из подписанного Сперанским Высочайшего предложения земским чинам. Впоследствии земские чины согласились на введение всеобщей воинской повинности, хотя эта жертва в то время казалась очень тяжелой; на Сейме 1899 года они согласились удвоить мирный состав войск и значительно расширить компетенцию военного министра. Теперь же речь идет о таком изменении правового положения, чтобы военное законодательство было изъято из сферы действия финляндских законодательных органов и стало независимым от земских чинов края, с таким только исключением, чтобы некоторые юридические определения, имеющие особую важность для финского народа, по-прежнему признавались относящимися к компетенции особого финляндского законодательства. Едва ли, по мнению шести членов, справедливость требует, чтобы и это право было принесено в жертву, то есть, чтобы финский народ и земские чины Финляндии отказались от всякого права на участие в законодательстве относительно воинской повинности и, таким образом, вполне предоставили себя во власть общеимперского законодательства по вопросу, имеющему самое глубокое и существенное значение как для каждой семьи в отдельности, так и для всего народа? Излишне напомнить слова Императора Александра I, «что приобретением Финляндии Россия достигла всех своих предположений относительно этой страны и что Он признал возможным установить в Финляндии

* *«права, гарантированные его конституцией» (фр.).*

такой строй, чтобы за нею были оставлены также ее политические законы, и чтобы финский народ считался не порабощенным Россией, но привязанным к ней собственными его очевидными пользами». И помимо этого ясно, что едва ли найдется народ, который согласился бы добровольно на такие жертвы.

Сильные, вполне независимые нации находят необходимым включить в свои основные законы постановления, могущие защитить политический организм против случайных течений, оказывающихся впоследствии пагубными. Слабый же, несамостоятельный народ в еще большей степени чувствует потребность охранять законы, гарантирующие его национальные интересы против таких течений. Вероятно, Император Александр I имел в виду именно подобные отношения, когда он указывал на «droit de son existence politique»*. Убеждение в необходимости такого обеспечения еще более чувствуется потому, что имеется политическое мнение, считающее ассимиляцию маленького народа высокою, похвальною или же, по крайней мере, дозволенною задачею для великой и могущественной нации. Если, однако, считать, что многообразие народов основано на высшем порядке, что вообще разнообразие внешней природы существует не для того, чтобы быть уничтоженным, а для того, чтобы, служа высокому и мудрому мировому порядку, составлять прекрасное единство, что, поэтому, наконец, многообразие народов служит особой, высокой цели, то нельзя считать справедливым мнение, ставящее целью истории уничтожение разнообразия и всеобщее нивелирование. Невозможно, следовательно, считать справедливым требование, чтобы народ, достигший политических прав для защиты своей национальной жизни, своего национального развития и своих особенных культурных задач, жертвовал этими правами, сдаваясь в полное распоряжение другого. Даже больше того, если бы народ финский теперь согласился принести эту жертву, то сие не принесло бы с собою ожидаемой пользы. Не прошло бы много времени, как снова водворились бы в Финляндии недовольство, тревога и опасения, ибо упоминаемая жертва не могла бы не показаться неестественной.

По изложенным соображениям шесть членов полагали, что с финляндской стороны будет сделана достаточная принципиальная уступка ради достижения единства российской армии, если будет одобрен выработанный ими проект, согласно коему Устав о воинской повинности во всех частях, кроме немногих постановлений, особенно близко соприкасающихся с наиболее ценимыми финским народом правами, изгоняется из сферы действия финляндского законодательства и переносится в область законодательства общегосударственного. Предположенные в названном проекте исключения никоим образом, по мнению финляндских членов Комиссии, не могут повлечь за собою нарушения единства армии, а являются лишь естественным и органическим последствием утвержденных для финского народа прав, которые он считал и считает оплотом и которые в его сознании сливаются с понятием о законной свободе. Немыслимо вводить такую тяжелую обязанность, каковою является «общая воинская повинность», в силу одного повеления, то есть без участия законодательного представительства края. По действовавшему ранее законодательству установление для граждан общеобязательной воинской повинности могло произойти лишь по определению земских чинов, утвержденному Государем Императором; в таком порядке был введен Устав о воинской повинности 1878 года, и потому он во всех частях почитался законом, принятым земскими чинами и утвержденным Верховною властью. Если же ныне предлагается из этого правила существенное отступление, предложенное в проекте финляндских членов, то это будет ограничением особого финляндского законодательства в пользу законодательства общегосударственного, а отнюдь не наоборот.

Издание Устава о воинской повинности 1901 года в административном порядке понималось в Финляндии как нарушение основных законов края. Финляндцы совсем не желают избегать исполнения своих обязанностей по отношению ко всему государству; но именно указанное отступление от основных законов вызвало тревожное настроение среди населения. Ныне Государь Император, снисходя к всеподданнейшему представлению земских

---

* *«право на ее политическое существование» (фр.).*

чинов последнего Сеймa об упорядочении этого вопроса в законном порядке, Всемилостивейше повелел приостановить впредь до времени применение Устава 1901 года. Этим, разумеется, имелось в виду приостановить также все бедствия, которым подвергалась Финляндия в течение последних лет. Но это не может быть достигнуто при условии сохранения в неизменном виде указанного, вызвавшего жалобы, Устава.

Самым естественным способом, согласно господствующему среди обширных слоев финского народа мнению, было бы издание, как и в 1878 году, нового полного Устава о воинской повинности при законном содействии народных представителей края. Однако уже земские чины Сейма 1899 года всеподданнейше изъявили готовность удовлетворить все справедливые требования, которые могут быть предъявлены финскому народу по вопросу о содействии обороне всего государства и которые вызываются правовыми отношениями, существующими между Финляндией и Россией. Имея это в виду, шесть членов выработали свой проект, в каковом, по их мнению, нормированы те ограничения, которые земские чины согласились бы внести в сферу действия финляндского законодательства.

При этом шесть членов по вопросу о воинской повинности полагали своей задачей выделить в своем проекте те частные предметы, которые должны быть оставлены за финляндским законодательством, дабы все остальное было отнесено к области законодательства общегосударственного. В таком именно смысле составлен в названном проекте § 6, на основании коего общий порядок утверждения для Финляндии законоположений о воинской повинности, а также касающихся организации и управления военных сил, всецело предоставляется усмотрению Государя Императора, и только некоторые частного характера положения, перечисленные в десяти пунктах указанного параграфа (от а до к), признаются относящимися к компетенции финляндских законодательных органов узаконениями, подлежащими изменению в порядке, установленном относительно финляндских общих законов, то есть с согласия трех сословий*[3]. Таким образом, предлагаемый законопроект (во всем его объеме) содержит предположения отчасти о разъяснении, отчасти же об изменении финляндских основных законов. А потому названный проект, чтобы получить силу закона, должен быть в виде Высочайшего предложения передан земским чинам края для рассмотрения в порядке § 71 Сеймового Устава*[4].

Возражая на приведенные объяснения финляндских членов Комиссии, два члена (Н.Д. Сергеевский и М.М. Бородкин) утверждали, что финский народ получил возможность развивать свою национальность и свою культуру, главным образом, благодаря России. Русские Монархи великодушно поставили Финляндию в особенно благоприятные и исключительные условия, и в настоящее время никто не нарушает этих условий и не отнимает у финнов их прав и привилегий. Вырабатываемые в Подготовительной комиссии правила и проекты отнюдь не направлены к стеснению Финляндии. Ни национальному, ни политическому существованию финского народа ничто не угрожает; об ассимиляции же не было и речи. Разнообразия в природе никто не собирается уничтожить, и Финляндия по-прежнему может развивать свои задачи и свои особенные свойства. Нет намерения возлагать на финский народ какие-либо новые повинности помимо его воли, чему доказательством служит настоящая Комиссия, в состав коей входят также и финляндцы. Равным образом, не имеется в виду и обходить прав Сейма и земских чинов. Но, при рассмотрении вопроса, выдвинутого впервые в 1893 году, о предметах, относящихся к области общегосударственного законодательства, невозможно не считаться с положением, в котором находится Финляндия по отношению к России. Невозможно при таких условиях, как это делают финляндцы, ставить на первый план исключительно интересы финской национальности, ее правовой порядок, ее внутренние дела и задачи. Все это должно быть принято во внимание, взвешено и оценено, но впереди всего надлежит поставить требования и задачи всего государства, мировые интересы Всероссийской империи, частью которой является Финляндия.

---

*[3] Приложение № 1 к Журналу № 2. (*Прим. док.*)

*[4] Приложение № 1 к Журналу № 2; § 9. (*Прим. док.*)

Шесть финляндских членов Комиссии признают, что Финляндия имеет обязанности по отношению к русскому государству, но «в число этих обязанностей, говорят они, не может входить требование, чтобы Финляндия принесла в жертву свои наиболее драгоценные политические права». Обязанность по обороне всего государства есть долг, а не жертва; государство требует в этом случае от своих граждан не жертвы, в смысле милости и уступок, а исполнения долга, в смысле естественной и неизбежной обязанности. Далее, вовсе не выставляется требование о принесении в жертву «наиболее драгоценного политического права». В Манифесте 3 февраля 1899 года определенно сказано, что «по тем законодательным предположениям, кои в порядке внутреннего управления Великого княжества Финляндского поступают на уважение финляндского Сейма, требуется заключение Сейма» (п. 5 Основн. полож.). Шестью членами предлагается положение, чтобы проекты законов в указанных случаях поступали на решение, а не только на заключение Сейма. Однако необходимо быть справедливым и последовательным до конца. Речь в настоящем случае идет о предметах общегосударственного, а не местного финляндского законодательства. Невозможно учреждению окраины в таких вопросах предоставлять решающего голоса, сохраняя за высшим центральным учреждением – Государственным советом – голос совещательный. При таких условиях общеимперские законы будет санкционировать не Император Всероссийский, а Великий князь Финляндский. Признать правильность такого государственного порядка невозможно. Финляндия, как часть империи, должна в данном случае и в данное время считаться с существующим государственным строем России. Самодержавная Верховная власть, совершенно правильно издав Манифест 3 февраля 1899 года, дала вполне достаточную гарантию Финляндии, что ее интересы будут соблюдены. Вопросы не минуют в подлежащих случаях ни ее Сената, ни Сейма, а в Государственном совете обеспечено присутствие нескольких представителей края.

Военное законодательство, правда, входило в сферу финляндского законодательства до 1899 года, когда возникла мысль изъять его оттуда, каковую мысль нельзя не считать правильною. В области действия финляндского законодательства военное дело находилось неправильно, без каких-либо оснований, и военный министр граф Милютин в свое время указывал на это обстоятельство, но его мнение не было в достаточной мере оценено. Дело обороны империи есть предмет общегосударственного законодательства; этого теперь отрицать нельзя. Начинают понимать это и в Финляндии. И если это так, то ясно, что по вопросам общегосударственного законодательства Финляндский Сейм не может иметь решающего голоса. Следовательно, отказываясь от военного законодательства, Финляндия не жертву приносит, а восстановляет правильное положение, исправляет явную ошибку прошлого.

На сем основании два члена полагали, что, во-первых, Устав о воинской повинности в Финляндии Государственным советом и Государем Императором уже отнесен к области законов общегосударственных, в чем сомнений ныне возникать не может. Он несомненно не может принадлежать к числу местных финляндских законов, притом совершенно независимо от согласия или несогласия Сейма. Во-вторых, никаких ограничительных оговорок, подобных тем, которые заключаются в предположениях Комиссии Сената или в представленном Подготовительной комиссии проекте шести членов, допустить невозможно. Ибо, если считать упомянутые оговорки условиями (то есть признать, что вопросы, в них предусмотренные, не входят в состав общегосударственного закона, а должны оставаться предметом местного законодательства), то принять их нельзя, прежде всего, потому, что это явилось бы предрешением самого содержания Устава о воинской повинности, чего Комиссии не предоставлено; а затем еще и потому, что условия подобного рода, как не трудно видеть, уничтожают всякое практическое значение Устава в качестве закона общегосударственного и приводят к образованию отдельного, национального войскового состава, в зависимости от усмотрения Сейма и местных финляндских властей. Если же признать эти ограничительные оговорки простыми пожеланиями, то о них едва ли уместно Комиссии рассуждать.

К изложенному сенатор Н.Д. Сергеевский присовокупил, что он, руководствуясь точными словами Высочайше одобренного 13 сентября 1902 года всеподданнейшего доклада бывшего министра статс-секретаря В.К. Плеве, был уверен, что определение предметов общегосударственного законодательства ни в каком случае не будет передано на решение Финляндского Сейма и что при предварительных переговорах по предмету назначения сенатора Н.Д. Сергеевского в число членов настоящей Комиссии ему было объявлено, что передача вопроса на решение Сейма не предполагается. По поводу последнего заявления сенатора Н.Д. Сергеевского председатель действительный тайный советник Н.С. Таганцев разъяснил, что Государю Императору благоугодно было возложить на настоящую Подготовительную комиссию обсуждение предположений о разграничении общегосударственного и местного финляндского законодательств, и что исполнение этой задачи, по единогласно принятому в первом заседании членов Комиссии мнению*[5], обязывало рассмотреть предположения Комиссии, образованной Финляндским Сенатом; составить отзыв об этих предположениях и сообщить свой отзыв на заключение Сената и генерал-губернатора края. Таковы были первоначальные предначертания, при наличности коих воспоследовало Высочайшее соизволение на образование настоящей смешанной Комиссии и на назначение гг. членов, вошедших затем в состав оной. При таких условиях, по мнению председателя, едва ли представляется возможным обусловить принятие каждым членом дальнейшего участия в делах в зависимости от передачи или непередачи на предварительное решение Сейма тех или других постановлений Комиссии, самое же участие членов в работах Комиссии вытекает из Высочайшего назначения.

По существу затронутого вопроса, председатель Н.С. Таганцев, остальные русские члены (Ф.Ф. Мартенс, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс) и представитель от Военного министерства В.И. Марков указывали, что как Комиссия Сената, так равно и финляндские члены настоящей Комиссии предположили отнести законы о воинской повинности в Финляндии и об организации и управлении финских воинских частей к предметам общеимперского законодательства. Но при обсуждении самого порядка признания сего основного вопроса, как равно и других, указанных в проектах Комиссии Сената положений, подлежащими отнесению к области общегосударственного законодательства, мнения членов разделились, причем два вышеназванных члена (Н.Д. Сергеевский и М.М. Бородкин) полагали этот вопрос разрешенным, с одной стороны, 1 и 3 пунктами Высочайшего Манифеста 3 февраля 1899 года, а с другой – самым фактом издания Устава о воинской повинности для Великого княжества Финляндского 1901 года, тогда как, напротив того, финляндские члены Комиссии считали, что приведенное толкование как пунктов 1 и 3 Высочайшего Манифеста, так и факта издания Устава о воинской повинности не представляется бесспорным, ибо ни означенный Высочайший Манифест, ни Устав 1901 года не были, по мнению названных шести членов, изданы в порядке, установленном основными законами Великого княжества, утвержденными по воле Российских Государей, и, в частности, Сеймовым Уставом 1869 года. На сем основании вышеозначенные шесть членов и пришли к заключению, что законопроект, устанавливающий какие именно предметы подлежат отнесению к области общеимперского законодательства, должен быть рассмотрен Сеймом соответственно § 71 Сеймового Устава. Председатель же, три члена и представитель от Военного министерства, находя с своей стороны также, что Высочайший Манифест 1899 года составляет законодательный акт, отмена или изменение коего может воспоследовать лишь в установленном для сего Имперскими законами порядке, в то же время указывали, что существеннейшие положения названного Высочайшего Манифеста, а именно те, кои определяют порядок и условия рассмотрения законов, отнесенных к разряду общегосударственных, подлежат и по существу отнесению к сфере действия имперских законов и не могут быть по основаниям, подробно изложенным в предшествующем журнале № 2, предметом рассмотрения в настоящей Комиссии. Но, принимая засим во внимание, что задача Комиссии состоит

*[5] Ср. Журнал № 1. С. 2–3. (*Прим. док.*)

в выработке предположений относительно проведения границы между областями общеимперского и местного финляндского законодательств, председатель, названные три члена и представитель от Военного министерства находили, что для правильного и справедливого установления этой границы нельзя упускать из вида порядок дальнейшего рассмотрения и утверждения предположений по сему вопросу, долженствующих в случае их утверждения составить дополнение к Высочайшему Манифесту 3 февраля 1899 года.

К сему, казалось бы, необходимо присовокупить, что учреждение настоящей Подготовительной комиссии последовало вследствие ясно выраженной воли Государя Императора достигнуть, с одной стороны, закономерного успокоения финского народа, а, с другой – твердого охранения интересов государства, коего Финляндия составляет лишь одну неразрывно связанную с целым часть. Как свидетельствует вся история края, заботы Российских Государей с момента присоединения Великого княжества к империи были направлены к охранению и развитию национальных сил финского народа под сенью дарованных ему великодушием Монархов местных законов, особых прав и привилегий. Преуспеяние Финляндии, как материальное, так и интеллектуальное, доказывает в достаточной мере, насколько благотворны были эти заботы. Указанные благожелательные отношения Верховной власти не изменились и ныне, в этом убеждает самое возникновение настоящей Комиссии, ее состав и поставленные ей задачи. Неуклонная воля Государя Императора точно определить и упрочить положение финляндцев в среде народов, входящих в состав Российской империи, отнюдь не угрожает национальному развитию края. Проекты Комиссии Сената и шести финляндских членов свидетельствуют о том, что сознание необходимости особого порядка рассмотрения законопроектов по вопросам, общим для империи и Великого княжества, уже проявляется среди финляндцев или, по крайней мере, благоразумной части местного населения, ввиду чего, казалось бы, осуществление возложенной на настоящую Комиссию задачи не должно встретить противодействия и со стороны законодательного органа Финляндии, то есть Сейма. На сем основании председатель, названные три члена и представитель от Военного министерства заключили, что признание и закрепление предуказанных Его Императорским Величеством начал для разграничения предметов общеимперского и местного финляндского законодательств в установленном для Великого княжества Финляндского законодательном порядке не нарушило бы ни интересов империи, ни предначертаний Высочайшего Манифеста 1899 года. Что же касается вопроса о том, должен ли быть издан новый Устав о воинской повинности или сохранен действующий закон 1901 года, то председатель, три члена и представитель от Военного министерства полагали, что решение оного не входит в задачу Комиссии в настоящее время. Если будет признано, что закон о воинской повинности относится к области общеимперского законодательства, то уже от Государя Императора будет зависеть, сохранить ли действующий Устав, коего применение ныне временно приостановлено, или отменить его совершенно.

Независимо от сего председатель, три члена и представитель от Военного министерства сочли необходимым указать на то, что одним из важнейших условий для того, чтобы любой народ мог спокойно развивать свои культурные задачи, является наличность вооруженных сил, достаточно мощных, чтобы охранять целость и безопасность государства от врагов внешних, причем эта необходимость тяжелым бременем ложится на экономическом развитии государств. Между тем эта задача, то есть охрана государства, до сих пор по отношению к окраинам ложилась своею тяжестью почти исключительно на население Центральных губерний России. Ради содержания армии в России была введена, например, в XVIII веке подушная подать; вскоре для успешного поступления этого налога введена была паспортная система и, наконец, круговая порука со всеми тяжкими их последствиями для экономического и общественного развития населения. Все это тяжело отражалось на благосостоянии коренного населения России и значительно задерживало экономическое и общественное развитие русского народа. Только со времени освободительной эпохи Императора Александра II обращено было внимание на тяжелое экономическое положение русского народа, и отчасти было положено начало к постепенному изменению ранее действовавшей подат-

ной системы в видах равномерного распределения налогового бремени между отдельными народностями, входящими в состав империи. Наряду с льготами в платеже налогов окраины пользовались таковыми же в несении рекрутской повинности, и последняя всею тяжестью падала на внутренние губернии, – даже введенный в 1874 году Устав о воинской повинности не коснулся некоторых, живущих на окраинах инородцев, как например киргизов и т. п.

Таким образом несомненно, что центральные губернии России затрачивают очень много ради обеспечения мирного культурного развития своих многочисленных окраин в ущерб развитию собственных культурных и экономических задач, и что исправление указанной неравномерности есть проявление разумной государственной политики. Указание на бедность или на суровый климат некоторых окраин, хотя бы, например, Финляндии, и объяснение этим их привилегированного положения в отбывании всех повинностей едва ли убедительно, потому что те же самые соображения приложимы также к северным губерниям России. Следовательно, если бы правительство и предположило установить более широкое участие Финляндии в несении воинской повинности, то в этом нельзя видеть какого-либо стремления ограничить политические права финского народа или задержать его культурное развитие, так как означенное предположение имело бы в виду лишь осуществление справедливости, вытекая из сознания необходимости равномернее распределить тяжесть содержания вооруженных сил государства между коренным населением и обитателями окраин.

Ввиду всех приведенных соображений председатель Н.С. Таганцев, три члена Комиссии (Ф.Ф. Мартенс, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс) и представитель от Военного министерства В.И. Марков признавали допустимым и желательным, а финляндские члены (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренпус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Антель) полагали необходимым, чтобы вопрос об отнесении Устава о воинской повинности в Финляндии и связанных с оным узаконений к группе законов общегосударственных, подлежащих изданию в особо для того установленном порядке прежде представления его на Высочайшее благовоззрение был передан на рассмотрение и решение Сейма. Два же члена (Н.Д. Сергеевский и М.М. Бородкин) находили, что и по этому предмету, согласно Манифесту от 3 февраля 1899 года, надлежало истребовать лишь заключение Сейма.

Установив, таким образом, что законы об организации военных сил в Финляндии и о порядке отбывания финляндцами воинской повинности должны быть отнесены к области предметов общегосударственного законодательства, Комиссия засим перешла к рассмотрению изъятий из приведенного Основного положения, предлагаемых в проектах Комиссии Сената и шести членов, причем прежде всего обратилась к обсуждению предположения о сохранении в местных финляндских законах особого правила о том, в каких именно воинских частях должны отбывать эту повинность обыватели Великого княжества (пункт *а* в проектах Сената и в § 6 проекта шести членов*[6]). При этом Комиссия обратила внимание на разницу в изложении указанных пунктов: тогда как в проекте Сенатской комиссии говорится лишь о том, что финляндские граждане не должны быть обязаны отбывать воинскую повинность в других частях, кроме комплектуемых преимущественно финляндскими гражданами, согласно проекту, представленному шестью членами Комиссии, предполагается, что финляндские граждане будут отбывать названную повинность в войсковых частях, поставляемых Великим княжеством и пополняемых финляндцами и проживающими в Финляндии русскими.

По сему поводу шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренпус, Р.И. Даниельсон, Р.Ф. Германсон, барон Э.Ф. Пальмен и К.С. Антель) в развитие положений, изложенных в объяснительной записке к предложенному ими вниманию настоящей Комиссии законопроекту, сообщили, что вопросы, перечисленные в десяти пунктах § 6 названного проекта, они считают настолько глубоко захватывающими правовые отношения финского народа, что принятие всего проекта земскими чинами, по их мнению, может последовать лишь при условии,

*[6] Приложение № 1 к Журналу № 2. (*Прим. док.*)

если все перечисленные в указанных десяти пунктах определения будут отнесены к области особого финляндского законодательства. Обращаясь засим к первому из выше означенных пунктов, а именно к пункту *а*, названные шесть членов находили, что прежде всего религиозно-нравственное воспитание молодых финляндцев будет значительно затруднено, если они будут поступать в ряды русских войск, вдали от влияния их родителей и близких, а также культурных условий, к которым они привыкли на родине, в виде обществ трезвости и тому подобных благотворно действующих на их нравственность учреждений. А затем и в бытовом отношении положение финляндцев, взятых в русские войска, будет весьма тягостно, так как финляндцы не приспособлены служить в чуждой обстановке и питаться непривычною им пищею. В этом случае финляндское юношество при оторванности от родины и при незнакомстве с русским языком было бы поставлено в более тягостное положение, нежели русское.

Независимо от сего шесть членов находили, что и с военно-технической точки зрения начала, положенные в основу предложенного ими проекта, не должны бы вызывать серьезных возражений. При действии Устава 1878 года единство армии было в значительной мере достигнуто, что можно видеть, между прочим, из того, что финские войска, организованные на основании сего Устава, в 80-х годах заслужили одобрение со стороны высших военных властей империи. Однако, начиная с 1891 года, начался пересмотр действовавшего тогда Устава о воинской повинности и завершился он изданием в 1901 году нового Устава, вызвавшего ряд конфликтов и практических затруднений. Едва ли можно утверждать, чтобы главная цель Устава – установить единообразие в армии – была достигнута, ибо первым последствием его введения было совершенное упразднение финских войск. Затем в течение нескольких лет в целях укомплектования одного гвардейского батальона был производим набор военнообязанных, несоразмерно большой по отношению к количеству требовавшихся новобранцев. Указанные обстоятельства не могли не вызвать затруднений, что и побудило земские чины прошлого Сейма всеподданнейше представить Государю Императору о положении вещей, последствием чего явилось Высочайшее повеление о приостановлении впредь до времени применения в крае названного Устава.

На сем основании шесть членов полагали, что то единообразие, к которому должен был стремиться Устав 1901 года, на самом деле достигнуто не было, вследствие чего, по их мнению, желательное единство армии должно быть достигнуто иными средствами и при других условиях. При этом финляндские члены Комиссии считали необходимым руководствоваться также и соображениями о том, что будет казаться справедливым в глазах финского народа. Если же принять во внимание, что при обсуждении в Государственном совете последнего Устава о воинской повинности для Финляндии значительное большинство членов не усматривало, чтобы единству русской армии препятствовало существование особых финских воинских частей с особыми правами и обособленным положением, как равно и то обстоятельство, что указанное мнение разделялось высшими представителями военной власти в империи, то едва ли ныне предлагаемый в проекте шести членов Комиссии порядок является с государственной точки зрения неприемлемым.

К сему шесть членов присовокупили, что согласно предложенному ими вниманию Подготовительной комиссии проекту не имеется в виду создавать крупные военные части (дивизии, бригады), а лишь более мелкие (батальоны), которые и в мирное время действовали бы совместно с русскими воинскими частями. При таких условиях обособленность указанных воинских частей значительно бы уменьшилась, так как только внутренние дела финских войск регулировались бы на основании финляндских законов. Указанными здесь соображениями, по мнению шести членов, и объясняется различие в изложении обсуждаемого пункта в их проекте сравнительно с тем же пунктом в проекте Сената.

С другой стороны, председатель и четыре члена (Ф.Ф. Мартенс, М.М. Бородкин, В.Т. Судейкин, Э.Г. Берендтс*[7]), равно как и представитель от Военного министерства В.И. Мар-

*[7] Сенатор Н.Д. Сергеевский в заседании 10 мая не присутствовал. (*Прим. док.*)

ков рассуждали, что закон о воинской повинности, как и прочие военные законы, находится в зависимости от военно-политического положения всего государства. Этим положением определяется, какие средства и силы может и должно население давать государству для его обороны. Что же касается данных, на основании которых может быть правильно решена эта задача, то таковые могут быть в точности известны лишь общеимперской власти. Таким образом, закон о воинской повинности несомненно должен быть отнесен к предметам общегосударственного законодательства. Общегосударственная точка зрения при решении этого вопроса, конечно, должна преобладать, однако, не настолько, чтобы вызывать антагонизм со стороны местного населения или налагать на него какие-либо тяготы, не вызываемые необходимостью. Россия должна в интересах государственной справедливости стремиться к тому, чтобы все народности, входящие в состав империи, отбывали воинскую повинность по возможности на равных началах. Поэтому и Финляндия как нераздельная часть России должна наравне с прочими окраинами подчиняться общегосударственным интересам и выработать в своем населении сознание неизбежности такого подчинения. Путь к примирению вытекающих из сего положения обязательств указан в словах нашего военного авторитета Драгомирова: «сила не в силе, а в согласии, любви».

Обращаясь к обсуждению рассматриваемого вопроса с точки зрения военно-технической и бытовой, председатель, четыре члена и представитель от Военного министерства указывали, что вооруженные силы организуются главным образом для защиты государства от внешних врагов. Этим определяется и особый критерий, прилагаемый при оценке военных сил: их подготовленность и пригодность для целей войны. Из того же положения вытекают особые, предъявляемые к войскам требования: чтобы солдат подавлял в себе чувство самосохранения, воспитывая в себе готовность жертвовать на войне жизнью. Все военное воспитание должно подготовлять солдата к этой цели; ибо на войне солдаты делают то, чему их учили в мирное время. Переход от мирного положения к военному должен быть возможно менее резок, должен совершаться естественно, без ломки.

Между тем, если принять высказанное шестью членами мнение, то едва ли будут удовлетворять выставляемым военною наукою требованиям проектируемые войсковые части, поставляемые Великим княжеством и пополняемые финляндскими гражданами и живущими в Финляндии русскими. Если они и не составят отдельной армии, то, во всяком случае, явятся обособленными войсковыми частями, имеющими свой отдельный командный состав, свою особую хозяйственную часть и т. п. Конечно, они должны быть предназначены для совместных действий с русской армией на войне, безразлично в пределах ли Финляндии или вне оной. Но в этом случае и могут произойти нежелательные с военной точки зрения последствия, так как упомянутые части войск войдут в состав прочих воинских частей. Высшее начальство над ними будет русское, к которому они не привыкли. Сомнительно, чтобы при таких условиях эти части могли сделаться послушным орудием в руках начальства, так как неизбежны будут затруднения между высшим русским и низшим финляндским начальством. Затем, убыль как в офицерском составе, так равно и среди нижних чинов будет пополняться из среды лиц, входящих в состав русской армии; но в таком случае окажутся в этих частях или офицеры, не приспособившиеся к своим нижним чинам, или, обратно, нижние чины, плохо применяющиеся к своим офицерам. Далее, тыл армии имеет весьма сложную организацию; сюда относятся учреждения хозяйственные, санитарные и другие. В этом отношении нельзя себе представить, чтобы обособленная организация финских войск проходила через все расположение армий до самого тыла. Названным войсковым частям придется, следовательно, поневоле пользоваться русскими учреждениями, которые финнам покажутся чуждыми и к которым они не привыкли еще в мирное время. Наконец, в случае войны в пределах самой Финляндии, финские войска будут быстро мобилизоваться и пополняться, русские же части, расположенные в крае, окажутся лишенными запаса, так как финский запас для них будет непригоден, а своих запасных придется доставлять из центральных губерний, что потребует значительной траты времени и средств. На сем

основании существование отдельных финских воинских частей с особенной организацией представляло бы серьезные неудобства в военно-техническом отношении.

При всем том, однако, нельзя не остановиться и на соображениях шести членов о тех неудобствах, которые, по их мнению, ожидают финляндцев в том случае, если последние будут принуждены отбывать воинскую повинность в русских войсковых частях или вне пределов края, в этом отношении указывают прежде всего на возможную денационализацию финляндцев. Насколько такое опасение, рассуждали председатель и четыре члена, справедливо, сказать довольно трудно, так как опыта в этом отношении пока не было. Если под словом «денационализация» разуметь забвение языка, охлаждение религиозных чувств, ослабление привязанности к родному краю, – то такой денационализации в данном случае опасаться нечего. В русской армии служит много инородцев (эстонцы, поляки, кавказцы, татары и т. д.), и до сих пор в их среде не замечалось утраты ими своих национальных особенностей, а поэтому нет никаких оснований предполагать, что это именно должно случиться с финляндцами. С другой стороны, чувству национальности присуща еще другая черта, – некоторая узость взгляда, нетерпимость, непризнание ничего чужого. Денационализация в этом смысле должна быть признана скорее желательной. Если финляндцы при совместной службе с русскими утратят именно эту черту, – то они тем самым устранят главное препятствие к культурному сближению обеих народностей. Служба в русских войсках расширит их кругозор, приучит к новой обстановке, разовьет в них находчивость. За последнее время польза такого сближения понята многими финляндцами; но сознание его важности еще не проникло глубоко в массы, и народ по-прежнему боится чужих условий жизни, незнакомой обстановки.

Таким образом, казалось бы, следует считать полезным, чтобы финский народ привыкал постепенно к мысли о сближении, чтобы он сошелся с русским народом посредством службы в войсках. Несомненно, что для этого нужны справедливые правовые нормы, регулирующие это сближение; но это одна сторона дела, – теоретическая. Кроме того, несомненно нужна и реальная почва для такого сближения. Нельзя упускать из вида, что основная задача Подготовительной комиссии заключается в согласовании взаимных интересов России и Финляндии. Но раз это так, то интересы России требуют, чтобы в ее армии не существовало посторонних тел.

Другая цель занятий Комиссии – умиротворение края. В этом отношении русская власть готова идти навстречу желаниям финляндцев и облегчить им переход к новому положению: контингент новобранцев будет включаться в состав армии не сразу, а постепенно. Финляндцы, таким образом, сами убедились бы на деле, что никакого стремления к их денационализации со стороны русских властей не существует. Указанная постепенность предусмотрена и в Уставе 1901 года (ст. III Высочайшего Манифеста).

Наконец, нельзя не указать, что предполагаемое изъятие из общего порядка представляется и юридически неправильным. Если признать, что порядок отбывания воинской повинности в Финляндии составляет предмет общегосударственного законодательства, то очевидно, что только общеимперским законом может быть определена система распределения новобранцев между войсковыми частями. А посему предположения и пожелания, высказанные в проекте шести членов, могли бы быть приняты во внимание при применении Устава о воинской повинности в Великом княжестве, но они ни в каком случае не могут быть превращены в непреложные нормы местного финляндского законодательства.

По всем сим соображениям председатель, четыре члена и представитель Военного министерства пришли к заключению, что никаких особых финских воинских частей существовать не должно, ввиду чего обсуждаемый пункт *а* не может составить предмет особого местного законоположения.

Далее Комиссия перешла к обсуждению предположений Сенатской комиссии относительно предоставления Верховной власти империи права выводить финские войсковые части из пределов Финляндии (пункт *г* в проекте Комиссии Сената и в § 6 проекта шести

членов*[8]. По сему вопросу шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренцус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Антель) в развитие доводов, приведенных с их стороны в пользу предложенной ими редакции пункта *а*, указывали, что с точки зрения финляндских интересов главная задача заключается в том, чтобы проектируемые воинские части были расположены в пределах Финляндии, а не в Финляндском и Петербургском военных округах, как то устанавливается статьею 10 Устава 1901 года, и чтобы они могли быть выводимы за пределы края не иначе, как по Высочайшему Государя Императора повелению. Если, как было указано при разборе связанного с этим вопросом пункта *а*, духовно-нравственное воспитание финляндских военнообязанных будет затруднено в случае поступления их на службу в расположенные вне пределов края русские войска, то таковы же будут последствия и в случае вывода, без крайней в том необходимости, финских войсковых частей из Финляндии в чужую для них обстановку. На чужбине опасность подпасть губительному влиянию пьянства и разврата увеличится, так как финляндское юношество в данном случае будет лишено благодетельного влияния общественных организаций, кружков и, наконец, родителей. Вопрос этот сильно тревожит население Финляндии, и финский народ считает необходимым включить в самый закон о воинской повинности известные условия, представляющие гарантии против вывода войск за пределы родного края в мирное время.

На приведенные объяснения председатель, четыре члена (Ф.Ф. Мартенс, М.М. Бородкин, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс*[9]) и представитель от Военного министерства генерал-майор В.И. Марков возразили, что по общему, действующему в империи правилу отдельные части армии могут быть переводимы из одного места в другое лишь по повелению Его Императорского Величества. Ввиду сего нет основания предполагать, что этот же принцип не будет применяться по отношению к войскам, комплектуемым из финляндских уроженцев.

С другой стороны, необходимо отметить постоянную заботливость правительства об интересах отдельных народностей. Так, например, кавказские уроженцы, привыкшие к жаркому климату, зачисляются на службу лишь в южные округа ввиду большой заболеваемости среди них, замеченной при переводе их в округа, расположенные на севере. Что же касается религиозно-нравственных потребностей разных служащих в русских войсках иноверцев, то таковые служили и продолжают служить предметом постоянного попечения со стороны высших военных властей империи. Так, во время крымской кампании 1854–1855 годов в осажденной крепости Свеаборге были учреждены особые молельные дома для евреев, магометан и т. д. Затем по вопросу об опасном на чужбине влиянии всяких пороков на военнообязанных финляндцев председатель, четыре члена и представитель от Военного министерства находили, что и в пределах империи финляндские юноши могли бы в целях воздержания от пьянства и разврата образовывать свои кружки трезвости. В русских войсках служат, например, магометане, которым их религия воспрещает пить вино, и ничто не мешает им воздерживаться от пьянства, раз того требуют их религиозные и нравственные убеждения. Указывать же в данном случае на желательность влияния родителей и близких едва ли возможно, тем более, что и в самой Финляндии войска не могут быть расположены непременно в той местности, где проживают родители военнообязанных.

Кроме сего, нигде в Уставе 1901 г. не сказано, что финляндцы будут отбывать воинскую повинность непременно вне Финляндии: предположено лишь, что войсковые части, комплектуемые преимущественно финляндскими уроженцами, будут размещены в пределах Петербургского военного округа, в состав коего ныне, по упразднении отдельного финляндского округа, входит также и Финляндия. В этом случае и другие народности, как, например, поляки, литовцы и т. д. будут находиться не в лучшем положении, нежели в каком окажутся финляндцы. А коренное население России, которому приходилось и приходится служить на всех окраинах, даже самых отдаленных или таких, примерно, как Кушка в средней Азии, где климатические и гигиенические условия чрезвычайно тяжелы и смертность

*[8] Приложение № 1 к Журналу № 2. (*Прим. док.*)

*[9] Сенатор Н.Д. Сергеевский в заседании 10 мая не присутствовал. (*Прим. док.*)

от лихорадок очень велика, как несло прежде, так и впредь будет нести указанную повинность при наиболее тяжких, сравнительно с инородцами, условиях. Наконец, вопрос о размещении войсковых частей составляет столь важную сторону специально военного законодательства, что включение особого по сему предмету постановления в гражданские местные законы представляется совершенно неправильным.

По указанным соображениям председатель, четыре члена и представитель от Военного министерства полагали, что замечания, высказанные ими относительно пункта *а*, приложимы также и к пункту *г*.

Засим Комиссия перешла к обсуждению содержащегося в проектах Сенатской комиссии и финляндских членов предположения, чтобы командный состав, т. е. офицеры и унтер-офицеры, в проектируемых войсковых частях обладал знанием одного или обоих местных языков. При сем Комиссия приняла на вид разницу в редакции соответствующего пункта по проектам шести членов и Сенатской комиссии. Тогда как Комиссия Сената ограничивается лишь установлением правила, чтобы от офицеров и унтер-офицеров указанных войсковых частей требовалось знание финского языка (пункт *д* Сенатского проекта), проект шести членов идет далее, устанавливая положение, что офицеры и унтер-офицеры финских войсковых частей назначаются из финляндских граждан, а в случае недостатка таковых лиц с надлежащею для сего подготовкою, из русских, владеющих обоими местными языками (§ 6, пункт *д*)*[10].

По сему поводу между членами Комиссии возник обмен мнений, причем шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренгус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Антель), объясняя целесообразность своей редакции пункта *д*, указывали, что следует считать ненормальным положение, при котором офицеры и унтер-офицеры в войсках не будут знать языка, на котором говорят подчиненные им нижние чины. Указанные начальствующие лица должны воспитывать своих солдат; между тем, в случае незнакомства их с языком последних, нравственное воздействие первых на нижних чинов будет недостаточно, и все воспитание ограничится одними внешними приемами. Однако, в видах достижения единства и сплоченности армии необходимо, чтобы офицеры понимали язык своих солдат и могли им вразумительно передавать свои приказания. Ибо не трудно представить себе, какие затруднения могут возникнуть в минуту опасности от того, что солдаты не будут понимать приказаний своих начальников.

По сим соображениям шесть членов полагали правильным включить в свой проект положение о необходимости требовать от офицеров и унтер-офицеров финских войсковых частей знания обоих местных языков. Несомненно, что преобладающее большинство населения Финляндии говорит на финском языке, но, тем не менее, и шведский язык продолжает быть родным языком некоторой части населения, живущего преимущественно в береговой полосе края вдоль Финского и Ботнического заливов, так что и знание этого языка для командного состава в войсках должно считаться необходимым. Удовлетворяющих таким требованиям офицеров, в достаточной мере подготовленных, нетрудно найти в Финляндии. Но это обстоятельство, конечно, не исключает важности знания со стороны офицеров и унтер-офицеров также и русского языка.

Для того же, чтобы предоставить русским уроженцам возможность поступать в названные войсковые части, сделано к пункту *д* соответствующее добавление, в коем устанавливается, что, в случае недостатка лиц с достаточною подготовкою из числа финляндских граждан, в офицеры и унтер-офицеры могут быть назначаемы и русские, владеющие обоими местными языками. Однако такой порядок, по мнению шести членов, надлежало бы допустить лишь для переходного времени; впоследствии возможно было бы восстановить упраздненный ныне финляндский кадетский корпус или учредить какое-нибудь иное учебное заведение, дабы недостатка в подходящих людях не было.

---

*[10] Приложение № 1 к Журналу № 2. (*Прим. док.*)

А председатель Н.С. Таганцев, пять членов (Н.Д. Сергеевский, Ф.Ф. Мартенс, М.М. Бородкин, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс) и представитель от Военного министерства генерал-маїор В.И. Марков указывали, что в проекте Комиссии Сената говорится только относительно необходимости знания финского языка, причем в объяснительной к проекту записке указывается, что требовать знания также и шведского языка не найдено возможным по практическим соображениям. Что же касается знания финского языка офицерами и унтер-офицерами, то таковое, конечно, желательно, но делать его обязательным для командного состава едва ли возможно. Напротив того, знание русского языка для унтер-офицеров крайне важно (относительно офицеров это подразумевается само собою), так как во время воїны нельзя будет для пополнения их убыли найти других, знающих финский язык; в то же время убыль среди нижних чинов будет пополняться из русского запаса, вследствие чего знание унтер-офицерами русского языка совершенно необходимо. Но и в мирное время нелегко достать потребное количество офицеров, знающих финский язык. В таковых и прежде, при существовании лишь 8 батальонов, ощущался недостаток, так что приходилось прикомандировывать офицеров из запаса, задерживать их на службе долее срока и т. д.; теперь же, когда численность выставляемого воїска предположено увеличить почти вдвое, т. е. до 12 000 человек, положение сделается еще более затруднительным. Наконец, в состав русской армии входят лица разных народностей, число коих по последней переписи свыше ста, и поэтому не представляется никакой возможности возлагать на командный состав изучение всех языков и наречий; долголетняя же практика показала, что к командному русскому языку привыкают очень скоро. В русской армии служит весьма много инородцев, не понимающих в начале службы русского языка, как, например, эсты, татары и т. д., но и они, как показал опыт, весьма быстро привыкают и приучаются понимать команду.

На сем основании председатель, названные пять членов и представитель от Военного министерства полагали, что и к разбираемому пункту должны быть применены соображения, высказанные по первому пункту, но при этом председатель Н.С. Таганцев и два члена (Ф.Ф. Мартенс и Э.Н. Берендтс) высказались за желательность помещения в Уставе о воинской повинности для Финляндии указания о том, что офицеры назначаются преимущественно из числа лиц, знающих финский язык, а унтер-офицеры обязательно из числа таковых. Между тем остальные русские члены (Н.Д. Сергеевский, М.М. Бородкин и В.Т. Судейкин) высказались в том смысле, что такого правила включать в Устав о воинской повинности нет оснований.

Далее Комиссиею были рассмотрены предположения Сенатской Комиссии относительно численности наличного состава проектируемых финских воїсковых частей и расходов на их содержание (в проекте Сенатской комиссии пункт *б*, коему соответствуют в проекте шести членов пункты *з* и *и*)*[11]. При этом было обращено внимание, что в то время, как проект Комиссии Сената лишь предполагает, что наивысшее число военнообязанных и сумма расходов на военные надобности будут устанавливаться с согласия земских чинов: в первом случае в процентном отношении к населению, а во втором – в определенной сумме на единицу населения, проект шести членов (в пунктах *з* и *и*) содержит определенное указание на максимум как контингента состоящих на действительной военной службе в мирное время, каковой определяется в 12 000 человек, так и суммы расходов на вооружение, снаряжение и содержание указанного контингента, каковая определена в десять миллионов марок в год.

В разъяснение своего предположения шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренгиус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Антель) заявили, что число военнообязанных показано ими лишь примерно и что таковое может, при окончательной переработке проекта, быть изменено. Важен с их точки зрения лишь принцип, согласно коему максимальное число призываемых на военную службу граждан должно быть определено по взаимному соглашению Государя Императора и земских чинов. Однако этому законода-

*[11] Приложение № 1 к Журналу № 2. (*Прим. док.*)

тельному принципу нельзя придавать силы основного закона; для его изменения достаточно согласия лишь трех сословий, как для изменения общего закона вообще.

К сему названные шесть членов присовокупили, что в развитии военного дела в Финляндии можно усмотреть три стадии. Первоначально были организованы войска милиционные; затем, когда эта система оказалась неудовлетворительной, были введены войска вербованные. Но и таковые вскоре оказались не на высоте требований, которые к ним следовало предъявлять, будучи в то же время крайне обременительными для населения. Ввиду сего решено было заменить и эту систему иною, более современной, и по первому предложению Верховной власти земские чины согласились на введение в стране всеобщей воинской повинности, что несомненно являлось крупной жертвой со стороны населения. На сем основании финляндские представители полагали, что при соблюдении законных форм финский народ и впредь готов будет идти навстречу справедливым требованиям Имперских властей.

Что же касается вопроса об ассигновании сумм на содержание войск, то шесть членов находили, что это – предмет внутреннего законодательства. Форма правления (§ 50) требует, чтобы «доходы страны употреблялись к пользе и благосостоянию государства», и на сем основании Сейму предоставлено право контроля над их расходованием. По раз войсковые части будут организованы, то не подлежит сомнению, что земские чины обязаны будут ассигновать необходимые на их содержание средства. Для империи же совершенно безразлично, из какого именно источника эти суммы будут исходить. При этом определение максимума расходов на содержание войск имеет, по мнению шести членов, то преимущество, что, в случае получения остатков, таковые, по усмотрению Верховной власти, могут расходоваться на другие однородные надобности, например, на постройку крепостей или других военных сооружений. Наконец, указанный порядок предположен лишь для мирного времени, в случае же войны Государь Император, согласно основным законам, делает необходимые распоряжения независимо от Сейма.

Возражая на приведенные объяснения, один член Комиссии (М.М. Бородкин) указал, что вопрос о численности наличного состава финских войсковых частей стоит в тесной связи с внешней политикой империи, ибо от политических обстоятельств данного времени зависит необходимость держать под ружьем то или другое количество войск. Ввиду сего один член полагал, что по настоящему предмету желательно лишь заключение Сейма, тем более, что Сейм собирается только в известные периоды, с промежутками в три или четыре года, вследствие чего определенный земскими чинами максимум контингента военнообязанных оставался бы неизменным в течение более или менее продолжительного срока, тогда как в империи контингент устанавливается ежегодно. На сем основании генерал-майор Бородкин находил, что употребленное в проекте выражение «с согласия земских чинов» надлежит исключить.

А председатель Н.С. Таганцев, остальные члены (Ф.Ф. Мартенс, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс)*[12] и представитель от Военного министерства В.И. Марков рассуждали, что определить максимальное число военнообязанных, как то предложено в проекте шести членов, едва ли целесообразно, так как число призывных есть величина изменчивая и раз навсегда установлено быть не может, вследствие чего, казалось бы, редакцию Сенатского проекта следует предпочесть изложению соответствующего пункта в проекте шести членов, т. е. признать необходимым, чтобы на известный период времени наивысшее число призываемых в процентном отношении к населению определялось по соглашению с земскими чинами, а количество действительно подлежащих ежегодно призыву объявлялось особым Высочайшим рескриптом. Признавая, с своей стороны, что этот вопрос существенно отличается от предшествующих, так как в данном случае идет речь не о порядке отбывания воинской повинности или управления воинскими частями, а о размере возлагаемой на жителей края личной повинности, и что при обращении к Сейму в установленном порядке легче достигнуть удовлетворительных результатов, председатель и названные три члена, а равно

*[12] Сенатор П.Д. Сергеевский в заседании 10 мая не присутствовал. (*Прим. док.*)

представитель от Военного министерства полагали, что вопрос о численности контингента военнообязанных в Финляндии, при достижении соглашения по другим, указанным выше пунктам, мог бы быть решен в том смысле, что максимальное количество призываемых в процентном (по расчету 9 на 1000 человек мужского населения) отношении к населению периодически определялось бы при содействии земских чинов с соблюдением условий, установленных для издания или изменения общих законов, для чего требуется согласие лишь трех сословий, и с оговоркою о возможности превышения этих пределов ввиду особых потребностей, вызываемых военным временем.

Переходя засим к вопросу об ассигновании средств на содержание проектируемых войских частей, председатель, три члена (Ф.Ф. Мартенс, В.Т. Судейкин, Э.И. Берендтс)*[13] и представитель от Военного министерства указали, что и в данном случае редакция Сенатского проекта является более целесообразной, нежели редакция, принятая в проекте шести членов. Сенат ставит вопрос принципиально, тогда как в проекте шести членов тот же вопрос поставлен конкретно, с указанием на максимум ассигнуемых средств. Проектируемая финляндскими членами Комиссии приблизительная сумма 10 миллионов марок рассчитана, по-видимому, на содержание 12 000 человек (или, альтернативно, 3,5 марки на каждого жителя края). В случае же необходимости увеличить это количество войск, возникнет, по мнению председателя, трех членов и представителя от Военного министерства, затруднение, так как размер обложения в проекте шести членов поставлен в зависимость от величины населения, а не от численности войск, что в данном случае представлялось бы более соответственным.

Сообразно сему и на основании только что изложенных соображений о предельной величине контингента председатель, названные три члена и представитель от Военного министерства признавали возможным допустить установление предельного обложения на содержание финских войсковых частей при содействии Сейма, приняв этот пункт в редакции Комиссии Сената, но с двумя оговорками: 1) что в случае необходимости увеличения суммы на содержание финских войсковых частей должно последовать новое Высочайшее о том предложение Сейму и 2) что в случаях чрезвычайных созыва Сейма не требуется.

К изъясненному мнению присоединился также профессор Р.Ф. Германсон; а генерал-майор М.М. Бородкин и по отношению к разбираемому вопросу полагал правильным применить соображения, высказанные им по поводу предельного определения количества военнообязанных.

Засим Комиссия рассмотрела содержащиеся в проектах Сенатской комиссии и шести членов совершенно однородные предположения относительно особой организации хозяйственных и интендантских учреждений для финских войсковых частей, как равно учреждений, от коих должны исходить распоряжения о призыве военнообязанных к отбыванию войской повинности и на действительную службу (пункт *в* в обоих проектах*[14]). При возникшем по сему предмету обмене мнений в Комиссии, шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренгиус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Ангель) указывали, что особое устройство хозяйственной и интендантской части в финских войсковых частях необходимо, главным образом, ввиду значительной разницы в бытовых условиях, существующих в Великом княжестве по сравнению с империей. Ввиду сего шесть членов полагали, что особо организованные для сего финские учреждения с большим успехом сумеют удовлетворить потребности своих войсковых частей, вытекающие из этих бытовых условий, тогда как потребности, общие для всей армии, например, по снаряжению, вооружению войск и т. д., конечно, будут удовлетворяться попечением хозяйственных и интендантских учреждений империи, причем последним будет принадлежать руководящая роль, в видах достижения единства.

*[13] Приложение № 1 к Журналу № 2. (*Прим. док.*)

*[14] Приложение № 1 к Журналу № 2. (*Прим. док.*)

Таким образом, по мнению шести членов, вопрос об организации войск останется в области компетенции общеимперских властей, и только исполнительные учреждения, ведающие хозяйственную и интендантскую часть, будут финляндскими, но действующими по инструкциям, издаваемым в империи. В разъяснение своего проекта финляндские члены Комиссии сослались на порядок, принятый в германской армии, где не существует общеимперского Военного министерства, а соответствующие функции исполняются военными министрами отдельных государств, входящих в состав Германской империи, что не мешает правильности и согласованности их действий и единству общегерманской армии.

Возражая на приведенные объяснения шести членов, председатель Н.С. Таганцев, четыре члена (Ф.Ф. Мартенс, М.М. Бородкин, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс*[15]) и представитель от Военного министерства В.И. Марков заявили, что пример Германии в затронутом вопросе не является убедительным, так как условия ведения войны там и в России весьма различны. Развитие сети железных дорог и телеграфов позволяет в Германии каждой войсковой части поддерживать постоянную связь с центром. Между тем в России пути сообщения далеко не так еще развиты, как в Германии, а в военное время финляндским войскам, участвующим в совместных действиях с русскою армиею вдали от Финляндии придется поневоле прибегать к содействию русских учреждений, так как только через них возможен будет непрерывный подвоз необходимых материалов. Ввиду сего связь финских войск с Финляндией неминуемо прервется; если же при этом производить снабжение этих войсковых частей распоряжением финляндских учреждений, то действие таковых, при отдаленности театра военных действий, будет слишком медленно: пока дойдут запасы войска могут очутиться без саног, без мундиров и т. д. Правда, Лейб-гвардии финский стрелковый батальон участвовал в Турецкой кампании 1877–1878 годов, но то была лишь незначительная войсковая часть, один батальон, в настоящем же случае речь идет о гораздо большей массе солдат: в мирное время 12 000, а в военное время, быть может, 25 000, что равняется почти целому корпусу. В таком случае, конечно, затруднения должны возрасти пропорционально увеличенной численности. Поэтому, казалось бы, едва ли на деле был бы удобен предлагаемый порядок, согласно коему, при наличности общеимперского законодательства по интендантской части исполнительные учреждения были бы финляндские.

По сим соображениям председатель, четыре члена и представитель от Военного министерства, не отрицая в принципе, что передача в мирное время интендантской части в ведение местных финляндских властей, действующих под руководством имперских, возможна, полагали, однако, что ввиду значительных затруднений, долженствующих возникнуть в военное время от такой постановки дела, указанное предположение едва ли может составить предмет закона, являющегося, по существу, исключением из Устава о воинской повинности.

При обсуждении второй части означенного пункта *в*, в коей как Сенатской комиссией, так и шестью финляндскими членами высказано предположение о том, чтобы распоряжения, требуемые для призыва военнообязанных к отбыванию воинской повинности и на действительную службу, зависели от финляндских властей*[16], шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Борещус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон и К.С. Антель) в развитие положений, предложенных в их проекте, указали, что должностные лица призывных по воинской повинности присутствий, хотя и могут быть русскими по происхождению, должны при исполнении своих обязанностей, по их мнению, руководствоваться финляндскими законами о воинской повинности и подчиняться финляндским судам. Призыв, по мнению названных шести членов, должен относиться к компетенции финляндских гражданских властей, и все инстанции, ведающие дела, относящиеся к призыву, в том числе и Окружные воинские начальники, должны быть финляндскими должностными лицами. В этом финляндские члены усматривают залог согласной с основными законами организации воинской повинности в Великом княжестве.

---

*[15] Сенатор Н.Д. Сергеевский в заседании не присутствовал. (*Прим. док.*)

*[16] Сенатор Н.Д. Сергеевский в заседании не присутствовал. (*Прим. док.*)

По сему поводу председатель Н.С. Таганцев и прочие члены Комиссии (Ф.Ф. Мартенс, М.М. Бородкин, В.Т. Судейкин, Э.Н. Берендтс*[17]), а равно и представитель от Военного министерства В.И. Марков возразили, что гражданские чины, входящие в состав присутствий по воинской повинности, как по Уставу о воинской повинности 1878 года, так и по Уставу 1901 года, были и остаются финляндскими должностными лицами, подчиненными в их действиях финляндским законам. Что же касается входящего в состав Призывных присутствий Окружных воинских начальников, то означенные лица, являясь связующим звеном между войском и населением, казалось бы, не должны быть подчинены гражданским властям, как равно и военный член, входящий в состав как губернских, так и призывных присутствий, в качестве представителя от армии. По изложенным соображениям председатель, названные четыре члена и представитель от Военного министерства, находя, что Окружные воинские начальники и военные члены присутствий по воинской повинности и по существу не могут быть подчинены гражданским властям, полагали более целесообразным оставить без изменения порядок, установленный в сем отношении Уставом о воинской повинности в Финляндии 1901 года, тем более, что этот порядок вполне соответствует порядку, установленному в империи.

Возобновив занятия после летнего перерыва, Комиссия в заседании 12 октября приступила к обсуждению тех пунктов в проекте шести членов, коим соответствующих не имеется в предположениях Сенатской комиссии, и прежде всего остановилась на вопросе о сроке службы. В этом отношении проект шести членов содержит предположение, чтобы срок службы в мирное время для военнообязанных, зачисляемых в войсковые части, поставляемые Великим княжеством и пополняемые финляндцами и проживающими в крае русскими, не мог быть определяем свыше трех лет действительной службы и свыше семи лет состояния в запасе*[18].

По этому поводу шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренius, И.И. Серлахиус*[19], Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен и Р.Ф. Германсон) указали, что обсуждаемый пункт, как равно и три других пункта, не рассмотренных в Комиссии Сената, не были включены в проект Сенатской комиссии лишь ввиду спешности, с которой разрабатывался названный проект. Затем, когда Финляндским членам настоящей Комиссии пришлось обстоятельнее ознакомиться с вопросом о воинской повинности, они сочли своею обязанностью включить в свой проект определение о сроке службы, содержащееся в пункте *б*. По существу, названные шесть членов считали затронутый вопрос об установлении в законе предельного срока службы для финляндских граждан чрезвычайно важным и отсутствие такого определения в законе столь существенным дефектом, что при его наличности весь закон был бы, по их мнению, встречен с большим недоверием со стороны финляндцев. Конечно, финляндцы не вправе требовать, чтобы воинская повинность для них была легче, чем для других подданных Государя Императора; они к этому и не стремятся. Трехгодичный срок службы установлен в проекте шести членов ввиду того, что, по слухам, и в империи имеется в виду сократить срок службы также до трех лет. По всем сим соображениям названные шесть членов считали справедливым и желательным изъять указанный пункт *б* из компетенции общегосударственного законодательства, с тем, чтобы соответствующее определение было включено в издаваемый с согласия земских чинов закон.

---

*[17] Сенатор Н.Д. Сергеевский в заседании не присутствовал. (*Прим. док.*)

*[18] Приложение № 1 к Журналу № 2, § 6, пункт *б*. (*Прим. док.*)

*[19] Назначенный членом Комиссии вместо полковника в отставке К.С. Антеля, уволенного от занятий вследствие болезни. (*Прим. док.*)

Не разделяя мнения финляндских членов, председатель Н.С. Таганцев и два члена (М.М. Бородкин*[20] и В.Т. Судейкин), а равно представитель от Военного министерства В.И. Марков указали, что каждая статья Устава о воинской повинности стремится примирить требования военной службы, с одной стороны, и интересы населения – с другой. К числу определений, имеющих в виду гарантировать население от чрезмерной тяготы отбывания воинской повинности, должны быть отнесены содержащиеся в каждом Уставе правила как о предельном сроке службы, так и о разного рода льготах по семейному положению или по образованию, а равно об отсрочках и т. п. Если, поэтому, признать, что нужны особые гарантии для населения по вопросу об определении срока службы, то с не меньшим правом можно вслед затем потребовать таких же гарантий и по вопросу о льготах, отсрочках и других изъятиях из общего порядка. Тогда в самом Уставе не останется ничего, кроме общих мест и правил инструкционного характера. Приняв на вид, что Военным министерством уже принимаются меры к возможному сокращению в интересах населения срока действительной службы в войсках и что нет основания предполагать, чтобы проектируемые облегчения не коснулись также Финляндии, председатель Комиссии, названные два члена и представитель от Военного министерства находили, что выделять вопрос о сроке службы из общего Устава о воинской повинности и относить его к области особого финляндского законодательства нет оснований.

При особом мнении по сему вопросу остался таёный советник Ф.Ф. Мартенс, который, не находя также оснований включать вопрос о сроке службы в виде изъятия в издаваемый при содействии Сейма закон, тем не менее считал уместным и желательным, чтобы высказанные по этому поводу соображения были отмечены в журнале в виде пожеланий, заслуживающих быть принятыми во внимание при окончательном решении вопроса об урегулировании воинской повинности в Финляндии.

Затем Комиссия перешла к рассмотрению содержащихся в проекте шести членов предположений об отношении воинской повинности к гражданским правам военнообязанных в Финляндии. В названном проекте (в пункте *е*) предлагается, чтобы присвоенные финляндским гражданам основными или иными финляндскими законами права не ограничивались постановлениями о воинской повинности; однако, при условии, что осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей не должно служить препятствием к отбыванию воинской повинности и исполнению требований военной службы*[21].

При происшедшем по сему вопросу обмене мнений в Комиссии шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренпус, И.И. Серлахиус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен и Р.Ф. Германсон) объяснили, что в разбираемом пункте *е* их проекта речь идет не об офицерах, кои состоят на военной службе добровольно, а лишь о нижних чинах, отбывающих обязательную воинскую повинность. При этом шесть членов полагали, что постановления относительно воинской повинности не должны вторгаться в область законодательства гражданского, а если бы такое вторжение оказалось неизбежным, то оно должно быть допущено не иначе, как в порядке особого финляндского законодательства. Таково значение первой части разбираемого пункта *е*. Притом, насколько известно шести членам, некоторые права военнослужащих (напр., относительно продажи спиртных напитков) ограничены в силу постановлений финляндского законодательства, ввиду чего нет оснований отступать от этого порядка в других случаях. Однако это обстоятельство, конечно, не должно давать финляндским гражданам возможность уклоняться от отбывания воинской повинности, оговариваясь предоставленными им по закону гражданскими правами, в каковом смысле содержится определение во второй части пункта *е*. Отсутствие же сего пункта в проекте, по мнению на-

---

*[20] Назначенный вместо сенатора Н.Д. Сергеевского членом Комиссии сенатор Н.А. Мясоедов в заседании не присутствовал по болезни, а действ. ст. сов. Э.Н. Берендтс не мог прибыть вследствие железнодорожной забастовки. (*Прим. док.*)

*[21] Приложение 1 к Журналу № 2, § 6, пункт *е*. (*Прим. док.*)

званных шести членов, даст земским чинам возможность опасаться, что общегосударственная законодательная власть будет решать вопросы о гражданских правах финляндцев, как та же власть в 1901 году решила вопрос о воинской повинности; а такая возможность, несомненно, вызвала бы в Финляндии тревогу. По сим соображениям названные шесть членов Комиссии, считая необходимым по затронутому вопросу стать на твердую почву ясного отграничения областей законодательства общеимперского и особого финляндского, полагали необходимым сохранить проектируемый ими пункт *е* в полной неприкосновенности.

А председатель Н.С. Таганцев и два члена (М.М. Бородкин и В.Т. Судейкин*[22]), а также представитель от Военного министерства В.И. Марков рассуждали, что отношение законов военных к гражданским правам военнослужащих во всех цивилизованных странах одинаково: состояние на военной службе не прекращает, а только в известных случаях ограничивает пользование общегражданскими правами. Это же начало положено в основание действующего в империи Устава о воинской повинности и нет никаких причин предполагать, что в отношении к финляндцам будет допущено уклонение от общего порядка. С другой же стороны, выделение из Устава о воинской повинности вопроса о гражданских правах военнослужащих и отнесение его к области особого финляндского законодательства произвело бы лишь путаницу и вызвало бы целый ряд пререканий между различными законодательными инстанциями и притом по совершенно несущественному вопросу. По изложенным соображениям председатель, названные два члена Комиссии и представитель от Военного министерства находили, что рассмотренный пункт *е* подлежит исключению из законопроекта.

При особом мнении также и в настоящем случае остался тайный советник Ф.Ф. Мартенс, высказавший относительно пункта *е* те же соображения, которые были им изложены по вопросу о сроке службы для военнообязанных в Финляндии.

Далее Комиссией был рассмотрен пункт *ж* проекта шести членов, в коем предполагалось, что воинская присяга будет приноситься финляндскими гражданами по формам, согласованным с формами, утвержденными для финских войск в 1817 году*[23].

При сем от имени шести финляндских членов барон Э.Ф. Пальмен указал на некоторую с их точки зрения односторонность изложения разосланных членам Комиссии материалов по вопросу о присяге финских войск и на некоторые, заключающиеся в них, неверные данные, на что член Комиссии заведующий делопроизводством В.Т. Судейкин возразил, что делопроизводство не принимает на себя ответственности в настоящем случае, так как в отпечатанных материалах было не только точно указано, но и подчеркнуто, что соответствующие данные относительно присяги взяты из всеподданнейшего доклада военного министра. К сему действительный статский советник В.Т. Судейкин присовокупил, что Делопроизводство по поручению председателя Комиссии составляло лишь материалы справочного характера, а не историю предмета, составление которой выходит за пределы обязанностей Делопроизводства, и что всем членам Комиссии предоставлена была возможность сделать своевременно указания на вкравшиеся в материалы неточности, каковые указания были бы несомненно приняты во внимание.

В развитие доводов, изложенных шестью членами в объяснительной записке к их проекту*[24], названные члены (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренгиус, И.И. Серлахиус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен и Р.Ф. Германсон) заявили, что форма воинской присяги, введенная в Финляндии Уставом 1901 года, причинила многим военнообязанным в крае тяжкие страдания совести, ибо, присягая по указанной форме, финляндский новобранец давал клятвенное обещание верно и нелицемерно служить Самодержцу Всероссийскому, между тем как об основных законах Великого княжества в тексте присяги не упоминалось вовсе.

---

*[22] Сенатор Н.А. Мясоедов и действительный статский советник Э.Н. Берендтс в заседании не присутствовали. (*Прим. док.*)

*[23] Приложение 1 к Журналу № 2, § 6, пункт *ж*. (*Прим. док.*)

*[24] Приложение 1 к Журналу № 2. С. 36 и далее. (*Прим. док.*)

Это обстоятельство давало повод присягающему опасаться, что он своею присягою нарушает торжественно дарованные краю основные законы и особые права, а такое положение порождало нравственный конфликт, последствия которого были чрезвычайно тягостны. Засим и с религиозной точки зрения указанная форма воинской присяги должна считаться неудовлетворительною, так как финляндцы – лютеране, а по воззрениям лютеран крест, целованием коего по принятому в русских войсках обычаю запечатлевается присяга, имеет иное догматическое значение, нежели в православной церкви. Наконец, весь § 6 предлагаемого шестью членами Комиссии проекта есть нечто цельное и дроблению не подлежащее; перечисленные в десяти пунктах сего проекта изъятия из общего Устава о воинской повинности столь существенны с точки зрения финляндского правопонимания, что ни один из этих пунктов не может, по мнению шести членов, быть исключен из проекта без ущерба для полноты проектируемого закона. Конечно, это не устраняет возможности всестороннего обсуждения и некоторых изменений в редакции, но в основных чертах все изложенные пункты должны найти себе место в законе. Приняв, ввиду изложенного, во внимание указания, сделанные по сему вопросу еще весною настоящего года, названные шесть членов полагали в окончательной редакции изложить разбираемый пункт *ж* в следующем виде:

«Воинская присяга приносится финляндскими военнообязанными по принятому в крае обычаю и по формам, редакция которых не содержит ничего противоречащего правовому порядку края».

Напротив того, председатель Н.С. Таганцев, три члена (Ф.Ф. Мартенс*[25], М.М. Бородкин, В.Т. Судейкин) и представитель от Военного министерства В.И. Марков считали такое постановление в Сеймовом законе совершенно неуместным. Приняв за исходную точку Высочайшую резолюцию, последовавшую 24 января 1899 года на всеподданнейшем докладе бывшего военного министра генерал-адъютанта Куропаткина:

«Форма присяги, указанная в законе для всей русской армии, должна быть обязательна и для части ее – финских войск», председатель, названные три члена и представитель от Военного министерства находили, что Монарх есть единый вождь всей армии, от коего исходят распоряжения как о войне и мире, так и о расположении и перемещении частей войск. Эти положения одинаковы для военнообязанных во всей империи, и в русском тексте присяги перечислены все обязанности воина как по отношению к своему Верховному Вождю, так и по отношению к отечеству. Невозможно допустить, чтобы установленную Государем Императором в качестве Верховного Вождя армии форму присяги обсуждал Финляндский Сейм с точки зрения соответствия или несоответствия этой присяги местным финляндским законам. К тому же речь здесь идет о специально военной присяге, а не о присяге на российское по Великому княжеству Финляндскому подданство, в каковой, конечно, должны быть приняты во внимание особенности финляндского правопорядка. Засим общим правилом является, что всякий военнослужащий приводится к присяге по обрядам своего вероисповедания, а посему, если лютеранин не может, по своему вероучению, целовать крест, то он и не обязан этого делать и может не произносить относящихся к этому обряду слов присяги. На сем основании, казалось бы, следует признать излишним проектируемое шестью членами правило об установлении в финляндском законе особой присяги для финских войск. Таким образом, председатель, названные три члена и представитель от Военного министерства пришли к заключению, что рассмотренный пункт *ж* следует из проекта исключить, но к сему присовокупили, что в виде пожелания они считают необходимым поддержать сделанное шестью членами заявление о желательности дополнить форму воинской присяги в том смысле, чтобы в оной был упомянут титул Великого князя Финляндского и чтобы в тексте присяги не содержалось чего-либо противоречащего основным законам края.

*[25] Сенатор Н.А. Мясоедов и действительный статский советник Э.П. Берендтс в заседании не присутствовали. (*Прим. док.*)

Наконец рассмотрению Комиссии был подвергнут пункт *к* разбираемого проекта шести членов, содержащий предположение об издании относительно воинской повинности в Финляндии особого Устава, причем, предварительно издания или изменения оного земским чинам края и Финляндскому Сенату должно быть предоставлено высказаться о составленных для означенной цели проектах*[26].

По этому поводу шесть членов (Г.Г. Иогансон, Г.А. Боренгус, И.И. Серлахиус, Р.И. Даниельсон, барон Э.Ф. Пальмен, Р.Ф. Германсон) заявили, что с точки зрения финляндского права является желательным, чтобы относительно воинской повинности в Финляндии был издан, хотя и в порядке общеимперского законодательства, но все же специальный Устав, согласованный с местными условиями и правовыми понятиями. В сих видах необходимо, чтобы проект Устава предварительно был рассмотрен Финляндским Сенатом, а затем и земскими чинами. Местные особенности общественной жизни и правовых отношений в Финляндии столь существенны, что издать один общий Устав о воинской повинности для империи и Великого княжества было бы чрезвычайно затруднительно, так как в этом Уставе пришлось бы сделать множество оговорок и примечаний касательно Финляндии. На этом основании гораздо удобнее, по мнению шести членов, издать особый Устав о воинской повинности в Финляндии, согласованный во всех существенных своих чертах с Уставом имперским. Что же касается порядка издания будущего Устава о воинской повинности в Финляндии, то названные шесть членов полагали, что таковой, конечно, предуказан в Манифесте 3 февраля 1899 года; главный вопрос для них заключается не в порядке издания Устава, а в том, чтобы особые законодательные органы края, Сенат и Сейм, имели возможность высказать свое мнение по вопросу об окончательном урегулировании в Финляндии вопроса о воинской повинности.

А председатель Н.С. Таганцев, три члена (Ф.Ф. Мартенс*[27], М.М. Бородкин, В.Т. Судейкин), как равно и представитель от Военного министерства В.И. Марков находили, что Высочайший Манифест 3 февраля 1899 г. дает вполне достаточную гарантию в том, что местные особенности Финляндии будут приняты во внимание при издании того или другого закона, затрагивающего интересы как империи, так и Великого княжества. Конечно, каждый общегосударственный закон, касающийся также интересов Финляндии, будет издаваться отдельно, ибо он должен быть особо опубликован в Великом княжестве. Равным образом нет оснований сомневаться, что в каждом подобном случае будут иметь возможность высказать свое заключение местные законодательные органы: Сенат и Сейм. Но требовать, чтобы в местный финляндский закон было включено определение о том, в каком именно порядке должен быть издан тот или другой общегосударственный закон, хотя бы и касающийся интересов Финляндии – это с русской точки зрения совершенно недопустимо, так как сие противоречило бы духу основных законов империи и ставило бы законодательные органы имперские в подчиненное и зависимое положение в отношении к таковым же органам Финляндии. Таким образом, этого одного пункта было бы достаточно, чтобы сделать невозможным соглашение между русскими и финляндскими членами настоящей Комиссии. На сем основании председатель, названные три члена и представитель от Военного министерства полагали необходимым исключить из законопроекта шести членов рассмотренный пункт *к*.

Приложение № 1

Финляндским членам Комиссии доставлены были собранные для надобностей Комиссии материалы, между прочим, по вопросу о воинской повинности. Мы не признаем удобным ныне входить в подробную оценку изложения этих материалов, так как это задержало бы занятия Комиссии и не соответствовало бы выраженному многоуважаемым председателем Комиссии желанию. Тем не менее нельзя не указать на то обстоятельство, что матери-

*[26] Приложение № 1 к Журналу № 2, § 6 пункт *к*. (*Прим. док.*)

*[27] Сенатор Н.А. Мясоедов и действительный статский советник Э.Н. Берендтс в заседании не участвовали. (*Прим. док.*)

алы во многих отношениях представляются односторонними и в некоторых частях не вполне точными. Это можно сказать, напр., относительно изложения истории издания Устава о воинской повинности 1878 г., между прочим, в той части, которая касается отношения к этому вопросу военного министра и министра статс-секретаря Финляндии. В этой части изложение всецело основано на освещении вопроса со стороны Военного министерства и в нем приводится напр. предъявленное министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского обвинение, будто он утаил от тогдашнего военного министра, что некоторые параграфы Устава о воинской повинности, согласно проекту земских чинов, должны были получить значение основных законов. Но в изложении ничего не говорится ни об объяснениях, представленных по делу земскими чинами и Сенатом, ни о том, что в всеподданнейшем докладе министра статс-секретаря особо указано на означенное обстоятельство, так как в нем отмечено, что вышеупомянутые параграфы могут быть изменены лишь с согласия всех четырех сословий.

На тот случай, если при последующих прениях по вопросу о воинской повинности окажется необходимым, мы просим дозволения возвратиться к этому вопросу, которого мы здесь коснулись лишь мимоходом. [...]*

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 55–90. Типографский текст (Л. 1–41).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [3:IV].

---

* *Далее следовали приложения: 2) доклад товарища министра статс-секретаря Эрнтрема Императору «О дальнейшем направлении дела относительно разграничения общегосударственного законодательства от местного финляндского» от 18 февраля 1904 г., 3) особое мнение сенатора Н.Д. Сергеевского от 5 мая 1905 г., 4) мнение Сергеевского об ограничительных оговорках по Содержанию Устава о воинской повинности, 5) мнение, прочитанное от имени финляндских членов комиссии К.С. Антелем, 6) речь профессора Р.Ф. Германсона, произнесенная в заседании 10 мая 1905 г., мнение К.С. Антеля, 8) речь Р.Ф. Германсона, произнесенная 11(24) мая 1905 г., 9) замечания, высказанные 12 мая М.М. Бородкиным по поводу речи Р.Ф. Германсона.*

РАЗДЕЛ 2

ОКТЯБРЬ 1905 – МАЙ 1908 г.

ОТМЕПА СТАРОГО И ФОРМИРОВАПИЕ ПОВОГО МЕХАПИЗМА УПРАВЛЕПИЯ ФИПЛЯПДИЕЙ

ЧАСТЬ 4
Октябрь 1905 – февраль 1906 г.
Восстановление закономерного норядка в крае

№ 129. Манифест об усовершенствовании государственного норядка[342]

17(30) октября 1905 г.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная – его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих предначертаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за законномерностью действия постановленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе, в 17-й день октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Опубл.: СУ. 1905, 17 октября. Отд. 1. Ст. 1658; ПСЗРИ. Отд. 1. 1905. М., 1908. Т. 25. Ст. 26803.

№ 130. Из Именного высочайшего указа о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений[343]

19 октября (1 ноября) 1905 г.

На основании общего министерского наказа в порядке государственных сил министерства представляют установление, посредством коего Верховная исполнительная власть действует на все части управления. Верховной власти подчинены все министры и главноуправляющие отдельными частями, хотя бы они и не имели названия министров, но когда им вверено главное управление государственных дел, в общем разделении их отдельное министерство составляющих. В соответствие сему все министерства и главные управления составляют единое управление и ни одно из них не может отделяться от других ни в видах управления, ни в общей его цели.

В развитие сих коренных начал министерского устройства и в целях вящего его объединения, необходимость коего вызывается также предстоящими министрам и главноуправляющим отдельными частями, с образованием Государственной думы, новыми обязанностями, признали мы за благо установить соответственные требованиям времени меры к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений.

Вследствие сего повелеваем:

I. В замене действующего учреждения Совета министров (свод. зак. т. 1, ч. 2, изд. 1892 г.), постановить нижеследующие правила:

1. На Совет министров возлагается направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления.

2. Совет министров состоит из министров и главноуправляющих отдельными частями, принадлежащими к общему министерскому устройству. Главные начальники прочих ведомств участвуют в Совете лишь по предметам своего ведомства. Товарищи главных начальников ведомств участвуют в Совете министров только в случае вступления в управление ведомством.

3. Совет министров состоит под председательством одного из министров по избранию государя Императора или особо призываемого к тому монаршим доверием лица. [...]

5. В тех случаях, когда Императорскому величеству благоугодно председательствовать в Совете министров, председатель Совета участвует в нем на правах члена.

6. Председатель Совета министров... может на тех же основаниях, как установлено для министров, участвовать по делам всех ведомств в Государственной думе и Государственном совете...

7. Председатель Совета министров по тем подлежащим ведению Совета делам, кои требуют высочайшего разрешения, входит со всеподданнейшими докладами к Императорскому величеству, а о прочих предметах повергает на высочайшее благовоззрение в случаях, заслуживающих монаршего внимания.

8. Председателю Совета министров предоставляется обращаться к начальникам отдельных ведомств и частей управления о доставлении необходимых ему сведений и объяснений. [...]

11. Совет министров приступает к рассмотрению подлежащих его ведению дел по предложениям председателя Совета или по сообщению того министра либо главноуправляющего отдельной частью, к ведомству коего дело относится.

12. Предположения главных начальников ведомств, равно как Особых совещаний, Комитетов и Комиссий по предметам законодательства, а также иным подлежащим ведению Государственной думы и Государственного совета, не могут быть вносимы в сии установления без предварительного рассмотрения в Совете министров главных оснований этих предположений и существенных их частей.

13. Никакая имеющая общее значение мера управления не может быть принята главными начальниками ведомств помимо Совета министров. Председателю Совета доставляются министрами и главноуправляющими отдельными частями безотлагательно сведения о всех

выдающихся происходящих в государственной жизни событиях и вызванных ими распоряжениях и мерах. Таковые меры и распоряжения председатель Совета, если признает нужным, предлагает на обсуждение Совета.

14. Дела, относящиеся до ведомства Императорского Двора и уделов, государственной обороны и внешней политики вносятся в Совет министров, когда последует на то высочайшее повеление, или когда начальники подлежащих ведомств признают сие необходимым, или же когда упомянутые дела касаются других ведомств.

15. Предположения начальников ведомств, принадлежащих к общему министерскому устройству, о замещении главных должностей высшего и местного управления поступают на обсуждение Совета министров. Правило сие не распространяется на должности по ведомству Императорского Двора и уделов и по управлению армией и флотом, а также на должности дипломатические.

16. Если по делам, рассмотренным в Совете министров, не состоялось единогласного заключения, то на дальнейшее направление их председатель Совета испрашивает указаний Императорского величества.

17. Главными начальниками ведомств сообщаются председателю Совета министров предварительно все подлежащие представлению на высочайшее благоусмотрение всеподданнейшие доклады, имеющие общее значение или касающиеся других ведомств. Такие всеподданнейшие доклады вносятся на рассмотрение Совета его председателем или же по соглашению с подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью, докладываются сими последними непосредственно Государю Императору, притом в случае надобности в присутствии председателя Совета министров. [...]

Опубл.: СУ. 1905, 19 окт. Отд. 1. Ст. 1660; ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. 1. 1905. М., 1908. Т. 25. Ст. 26820.

№ 131. Высочайший Манифест по поводу всеподданнейшей петиции земских чинов Финляндии о мерах по восстановлению закономерного порядка в крае[344]

22 октября (4 ноября) 1905 г.

Высочайший Его Императорского Величества Манифест
О мерах к восстановлению закономерного порядка в крае

Дан в Петергоф, 22 октября / 4 ноября 1905 г.

Божьею Милостью,

Рассмотрев окончательно всеподданнейшую петицию земских чинов Финляндии от 31 декабря 1904 года о мерах к восстановлению закономерного порядка в крае, МЫ признали их заслуживающими Нашего внимания и подлежащими осуществлению. Вместе с тем, в развитие установленных Основными законами прав финского народа МЫ Высочайше повелели составить проекты важных преобразований основных законов на предмет передачи таковых представителям народа.

Вследствие сего МЫ повелеваем приостановить действие основных положений, объявленных при НАШЕМ Манифесте от 3/15 февраля 1899 года, пока затронутые в них вопросы не будут урегулированы законодательным актом, и отменить Постановление от 2-го апреля 1903 года о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, с разъяснениями и дополнениями к оному, и повеления от 10-го ноября 1903 года, коими отдельному корпусу жандармов предоставлены служебные права в Великом княжестве[345]; пункт 12 Постановления от 10-го июля 1902 года об изменении форм и порядка обнародования узаконений и правительственных распоряжений в Великом княжестве Финляндском; постановление от 8-го сентября 1902 года об изменении в некоторых частях Учреждения ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената, Постановление от того же числа о расширении полномочий губернаторов Финляндии и Постановление от 26-го Марта 1903 года об

утверждении инструкций Финляндскому генерал-губернатору и его помощнику, равно как Постановление от того же числа об изменении инструкции губернаторами и Устав о воинской повинности от 12 июля 1901 года, Постановление от 31-го июля 1902 года об изменении некоторых правил, касающихся службы чинов гражданского ведомства в Финляндии, Постановление от 14-го августа 1902 года о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств, Постановление от того же числа о порядке возбуждения судебного преследования за служебные преступления должностных лиц и Постановление от 2-го июля 1900 года о публичных собраниях.

Вместе с тем МЫ повелеваем Сенату немедленно приступить к пересмотру остальных требующих изменений и перечисленных в петиции постановлений.

Независимо от сего МЫ признали за благо Высочайше поручить Сенату:

Составить проект нового Сеймового Устава в смысле современного преобразования организации финского народного представительства с применением начал всеобщего и равного права подачи голосов при избрании народных представителей[346];

Выработать проекты основных законоположений, предоставляющих народному представительству право поверять закономерность служебных распоряжений членов правительства и обеспечивающих гражданам края свободу слова[347], собраний[348] и союзов[349], и

Составить проект закона о свободе печати[350] и немедленно издать объявление о прекращении деятельности предварительной цензуры[351].

Проекты эти, по коим уже отчасти совершены подготовительные работы, МЫ ожидаем от Сената столь благовременно, чтобы они могли быть переданы земским чинам на том чрезвычайном Сейме, созыв которого МЫ одновременно с сим повелели.

МЫ твердо уповаем, что намеченный НАМИ меры, внушенные попечением о благе Финляндии, послужат к укреплению уз, соединяющих финский народ с его МОНАРХОМ.

НИКОЛАЙ

В Петрограф, 22 октября / 4 ноября 1905 г.

Министр статс-секретарь Линдер.

Опубл.: СПВКФ. 1905. № 49. С. 1; ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. 1. 1905. СПб., 1908. Ст. 26846.

№ 132. Высочайшая Государя Императора и Великого князя Грамота об открытии чрезвычайного Сейма в городе Гельсингфорсе 7/20 декабря 1905 года

22 октября (4 ноября) 1905 г.

Высочайшая Государя Императора и Великого князя Грамота земским чинам Финляндии об открытии чрезвычайного Сейма в городе Гельсингфорс, 7/20 декабря 1905 года

Дана в Петрограф, 22 октября/4 ноября 1905 года. На основании Сеймового Устава от 3/15 апреля 1869 года МЫ сим ВЫСОЧАЙШЕ повелеваем открыть 7/20 декабря 1905 года в городе

Гельсингфорсе чрезвычайный Сейм для рассмотрения нижеследующих дел:

1) предложений об ассигновании средств на разные расходы в 1906 и 1907 годах и о взимании потребных для сего временных налогов, а также о заключении государственного займа, преимущественно на железнодорожные сооружения;

2) проекта нового основного закона о народном представительстве в Финляндии на началах всеобщего и равного избирательного права, с установлением ответственности местных правительственных органов перед народными представителями края;

3) проекта основных законоположений, в частности, о свободе печати, собраний и союзов.

Ожидая от всех и каждого точного исполнения сей МОНАРШЕЙ воли НАШЕЙ, пребываем к вам ИМПЕРАТОРСКОЮ милостью НАШЕЮ благосклонны.

НИКОЛАЙ

В Петергоф, 22 октября/4 ноября 1905 г.
Министр статс-секретарь Линдер

Опубл.: СПВКФ. 1905. № 49. С. 3–4; ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. 1. 1905. СПб., 1908. Ст. 26847.

№ 133. Приветствие (телеграммой) съезда конституционно-демократической партии России из Москвы профессору Тёрнгрену в Гельсингфорс

28 октября (10 ноября) 1905 г.
Гельсингфорс
профессору Тёрнгрену

Helsigfors Moskou 419407 74 28 3 40N

Комитет конституционно-демократической партии горячо приветствует Финляндию, восстановленную и освобожденную после столь героической борьбы. Объединенные в эти времена гнета и уныния взаимными симпатиями, общими бедами и одинаковым стремлением к свободе, Финляндия и Россия, благодаря тесному, но свободному союзу, отныне будут стремиться к прогрессу и мирному развитию в своей жизни.

Бюро комитета.

Пометы о принятии 28.X.05.

НАФ. Фонд личного происхождения врача, политика Адольфа Тёрнгрена, папка 6. На телеграфном бланке «Телеграфь Telegrafen». На французском языке.

Опубл.: Törngren A. Från Finlands strid för rätt och frihet. Personliga upplevelser åren 1901–1914. 1942. С. 232–233 (на шведском языке).

№ 134. Рапорт Финляндского генерал-губернатора князя И. Оболенского Императору Николаю II об общей забастовке 1905 года и сопровождающих ее событиях

13(26) ноября 1905 г.
Копия[а]

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
Финляндского генерал-губернатора
Рапорт

Всеподданнейше повергаю пред ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ нижеследующее мое донесение о бывшей в Финляндии общей забастовке и сопровождавших ее событиях.

Толчок к политической забастовке был дан тем движением, которое происходило в империи в первой половине октября сего года. Это движение встретило в Финляндии сочувствие, главным образом, среди двух групп населения: рабочих и политиканствующей интеллигенции, связанной с революционными партиями в империи.

[а] *Только в копиях НАФ и ГА РФ.*

Рабочие, организовавшиеся по всей Финляндии в союзы, за последнее время заметно поддались агитации крайних социалистов, особенно ввиду того, что последний Сейм отказался от рассмотрения пропозиции ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА об изменении закона об избирательном праве в смысле приближения к всеобщему и равному голосованию. С другой стороны, революционные элементы и партии конституционалистов задумали воспользоваться беспорядками в империи с целью добиться не только уступок со стороны правительства, но и низложения стоящей в крае у власти партии старофиннноманов.

Сведения о серьезных размерах забастовки в империи и слухи о предстоящем даровании ей либеральной конституции, свободы слова, союзов и собраний – побудили обе эти партии решиться на активные действия, для чего они решили соединиться с рабочими корпорациями, обещая последним в Сейме поддержку их желаний.

Первыми предвестниками движения явились депутация и ряд телеграмм, посланных разными кружками к служащим на Петербургском участке Финляндских казенных железных дорог с требованием примкнуть к общеимперской забастовке. Для предотвращения сего вечером 15-го октября были командированы в Выборг два директора железнодорожного управления, тем не менее 16-го вечером толпа народа задержала отходящий в Петербург почтовый поезд, а ночью забастовка распространилась и на Карельскую линию.

К 1-му часу дня 17 октября были созваны рабочие сходки во всех городах Финляндии, на которых было постановлено созвать общую сходку в Гельсингфорсе в 2 часа дня 18 октября, в целях установления дальнейших агрессивных мер, в зависимости от степени удачи забастовки по всему краю. Решение забастовать было принято единогласно. Такое решение произвело сильное впечатление, ввиду чего возбуждение и без того взволнованного населения достигло крайнего напряжения.

Этим обстоятельством революционеры и конституционалисты решили воспользоваться для осуществления своих намерений на следующий день 18 октября.

Между тем в 2 часа ночи на 18 октября я в телеграммах Российского телеграфного агентства прочел об издании ВЫСОЧАЙШЕГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Манифеста от 17 октября о расширении прав Думы, ответственности перед ней правительственных органов и расширении избирательного права вместе с дарованием свободы печати, собраний и союзов, т. е. Манифест удовлетворял именно тем требованиям, которые выставлялись рабочими и конституционалистами. Предвидя, что отсутствие в Манифесте, который уже на следующее утро получит общую известность, указания на предоставление подобных же прав финскому народу вызовет при современном состоянии края острое брожение, я решился созвать на следующее утро Сенат для обсуждения сего вопроса, и, хотя официально и не получал еще текста Манифеста, но не сомневался в том, что права Всемилостивейше дарованные сим Манифестом всему русскому населению могут быть распространены и на Великое княжество Финляндское.

С утра 18 октября началась полная забастовка. Кроме забастовавших еще накануне железных дорог и фабрик, в течение дня забастовали: трамваи, извозчики, телефон, газовое и электрическое освещение, торговопромышленные заведения, магазины, лавки*[1], учебные заведения, даже большинство правительственных учреждений. Единодушие забастовки объясняется тем, что агитаторы стали усиленно распространять слух, что ВЫСОЧАЙШИЙ Манифест от 17 октября не есть милостивое дарование ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ прав своим верноподданным, а лишь государственный акт, к изданию которого правительство было вынуждено забастовщиками, и что всеобщая забастовка заставит правительство и в Финляндии сделать такие же уступки. Доверие к распространенному агитаторами слуху оказало несомненное влияние на принятые во время дальнейших сходок решения добиться осуществления всех политических требований минувшего Сейма, тем более, что таковые не только не превышали вновь дарованных населению империи прав, но даже оказывались далеко ими превзойденными.

*[1] За исключением торгующих съестными припасами. (*Прим. док.*)

В 11 час. утра агитаторы явились в ИМПЕРАТОРСКИЙ Финляндский Сенат и заявили сенаторам, чтобы они немедленно прекратили свои занятия и безотлагательно подали в отставку, о чем мне и доложил явившийся ко мне вице-председатель Хозяйственного департамента – Стренг[352]. Так как к этому времени забастовали и экспедиции ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената, то я поручил сенатору Стренгу собрать Сенат в генерал-губернаторском Доме к трем часам дня. Кроме того, так как для меня было очевидно, что ВЫСОЧАЙШИЙ Манифест от 17 октября, устанавливающий начало ответственности правительственных органов перед народным представительством, неминуемо вызовет перемены в составе Сената, не пользовавшегося доверием большинства земских чинов минувшего Сейма, я пригласил к себе вице-канцлера Александровского университета – Даниельсона и ректора барона Вреде, двух наиболее ярких представителей старофиноманской и конституционной партий, для совещания о положении дел. Прибывшие ко мне гг. Даниельсон и Вреде обещали посетить меня вечером снова совместно с наиболее влиятельными из своих сторонников, с которыми они считали необходимым предварительно посоветоваться.

К двум часам дня на площади перед железной дорогой собралась многочисленная толпа, а затем в доме пожарного общества, собрались представители конституционной партии вместе с представителями от рабочих.

В 3 часа дня я открыл в своем доме общее собрание департаментов Сената и по прочтении телеграммы с текстом ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста от 17 октября предложил Сенату обсудить вопрос о тех ходатайствах, кои надлежало возбудить в целях согласования широких гражданских и политических прав, дарованных ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ 17 октября всем ВАШИМ верноподданным, – с особенностями положения правового Финляндии и желаниями ее населения, и вместе с сим выработать подлежащее всеподданнейшее представление.

Между тем состоявшаяся на железнодорожной площади сходка приняла, под влиянием крайних революционеров, ряд резолюций противоправительственного характера, после чего толпа совершенно неожиданно двинулась к Сенату. Проходя мимо полицейского управления, толпа заняла его и, обезоружив полицейских, предоставила рабочим корпорациям организовать собственную стражу.

Одновременно забастовала почти вся полиция (до 90 %)*[2], о чем и сообщила полицей-мейстеру через особую депутацию.

Ввиду упомянутых событий городские уполномоченные, собравшиеся в заседание, выразили свое сочувствие забастовщикам и поручили магистрату сформировать для охраны города особую стражу.

Узнав, что сенаторы по моему приглашению заседают у меня, толпа двинулась к моему дому, имея с собою большие красные флаги с финляндским гербом. Все это произошло в несколько минут; некоторые из толпы предложили подняться на крышу моего дома и заменить поднятый на нем Российский флаг одним из принесенных толпою флагов, но попытка эта не была приведена в исполнение. Флаги с финляндским гербом были подняты на станции железных дорог, магистрате, Сенате, университете, Сеймовом доме, стас-архиве, финляндском банке, рыцарском доме.

Как только мне стало известно о приближении толпы – Штабу корпуса было сообщено, что может немедленно возникнуть надобность в войсках, а затем и губернатором была послана записка, чтобы войска были в полной готовности. Между тем толпа, дойдя уже до 15 тысяч человек, совершенно преградила возможность сообщения с моим домом. Начальник Финляндского жандармского управления узнав о таком положении вещей, дал об этом знать командиру корпуса. Последний, как потом оказалось, направил в находящиеся недалеко от моего дома гвардейские казармы полусотню казаков, которая, якобы, должна была поступить в мое распоряжение, а между тем я об этом не был извещен даже военным

*[2] На сенатской площади полицейские чины разоружились, сняли форму и при кликах «Элякен» присоединились к забастовщикам. (*Прим. док.*)

начальством, не потрудившимся установить со мною связи, несмотря на последовавшие сообщения о серьезности положения; ввиду чего в течение последующих трех часов, когда толпа начала угрожать насилием, представитель ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА находился в совершенно беспомощном и изолированном положении, в доме, находящемся однако не более, как в 10 минутах ходьбы от мест расквартирования большинства частей гарнизона.

Выделившаяся из толпы депутация, состоявшая, как оказалось, из крайних революционеров, потребовала прекращения заседания Сената и моего выхода к ней. После настоятельного требования по ходатайству губернатора я принял ее в комнате, соседней с залом заседания. Депутация эта заявила, что она уполномочена народом требовать выхода в отставку всего Сената и моего выезда из края. На мое указание депутации, что таковой выезд генерал-губернатора, представителя ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, из края равносилен объявлению военного положения, последовал ответ – «да это война, но только без оружия». После чего депутация требовала допуска к сенаторам.

Не обратив внимания на мое запрещение и мой протест, она все-таки ворвалась в зал заседания, чему, за отсутствием вооруженной силы, я воспрепятствовать не мог. Сенаторам депутацией было предъявлено требование о немедленной их отставке.

В это время прибыла другая депутация от лица многочисленного соединенного собрания конституционалистов и рабочих*[3]. Депутация эта требовала безотлагательного удовлетворения большой петиции, немедленной отставки моей, министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского и сенаторов, предания местному суду уже осужденного военным судом Прокопе*[4], увольнение финских членов из состава Комиссии действительного тайного советника Таганцева и немедленного созыва чрезвычайного Сейма для рассмотрения двух вопросов: об урегулировании бюджета и о всеобщей, равной и прямой подачи голосов с преобразованием управления краем на демократических началах при ответственном пред Сеймом правительстве и с установлением свободы печати, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Я ответил депутации, что ввиду издания ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО Манифеста от 17 октября, Сенат как раз занят обсуждением тех вопросов, которые служат предметом их требований, почему их приход ко мне только мешает окончанию начатой работы.

Затем, когда я вновь открыл заседание Сената, эта депутация просила вызвать одного из сенаторов из заседания. К ним вышел сенатор Вуоренхеймо[353], и она просила его убедить Сенат немедленно подать в отставку и о своем решении сообщить собравшейся толпе в целях ее успокоения. Так как тем временем в заседании были рассмотрены все главнейшие вопросы, я передал председательствование вице-председателю сенатору Стренгу, а сам спустился в нижний этаж своего дома, дабы, приняв доклады находившихся там лиц, лучше выяснить обстановку. Между тем, как оказалось, сенатор Вуоренхеймо вернулся в заседание и уговорил сенаторов немедленно привести в исполнение уже ранее принятое ими решение выйти в отставку, о чем сейчас же объявил народу. Без моего ведома сенаторы открыли двери на балкон, выходящий на улицу и сообщили толпе о подаче ими в отставку. Раздалось громкое «Элякен» и с пением патриотических песен толпа стала расходиться. Сенат же, по моему настоянию, продолжил заседание у меня в доме до 2 часов ночи.

Скоро после ухода толпы ко мне явились гг. Вреде и Данielьсон с приглашенными ими представителями конституционалистов, гг. Мехелин и Гротенфельт и представителями старофиннoманов гг. Доннер, Гебхард и Брандер[354]. Обменявшись с ними мнениями о современном положении Финляндии и сообщив о работе Сената, я просил их и со своей стороны указать на те меры, которые, по их авторитетному мнению, могли бы послужить к успокоению страны и к распространению на нее тех начал, которые Манифестом 17 октября были

*[3] гг. Бонсдорф, Ионас Кастрен, Свинхувуд, Георгий Шауман, Ренваль, барон Котен, капитан Фразер и г-жа Текла Хультин. (*Прим. док.*)

*[4] Убийца жандармского поднолковника Крамаренко. (*Прим. док.*)

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ обещаны всем ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА верноподданным. Свою работу эти господа мне обещали принести на следующий день.

Затем я принял меры к возможному выяснению происшедших событий и осведомился о положении телеграфного сообщения, которое, как оказалось, одно только работало исправно и в этот день оставалось вне сферы влияния забастовщиков.

Из всего состава Гельсингфорсской полиции остались верными своему долгу только три обер-констабля и семнадцать констаблей. Из них была сформирована особая команда под начальством моего чиновника для особых поручений Дидрихса[355] и ею охранялся внутри все время мой дом и дом, где помещалась моя канцелярия, и квартиры большинства русских служащих. Среди вышеупомянутых чинов полиции считаю долгом особо отметить обер-констабля Тимберга, который в этот день, несмотря на толпу, все время простоял на улице пред дверью моего дома. Полицеймейстер же подполковник ав-Энгельм[356] оказался в невозможности нести свою службу, причем за все время дневных происшествий не сделал ни одной попытки к удержанию своей власти.

Как только курьеру удалось выйти из дому, мною был вызван взвод казаков для посылок и пехотный внутренний караул для охраны.

Весь город был погружен во мрак; улицы были сравнительно пусты. Обе стражи, как организованная из рабочих корпорацией и присвоившая себе затем громкое имя «национальной гвардии», так и стража, образованная муниципалитетом, с фонарями в руках поддерживали порядок.

Так прошел первый и самый знаменательный день общей забастовки.

Утром 19 октября мною был приглашен командир 22 армейского корпуса с его начальником Штаба, которых я ознакомил с положением дела, после чего предложил им следующие вопросы: первый – могу ли рассчитывать, что гарнизон Гельсингфорса справится с мятежным населением города, имея в виду, что в движении участвуют, кроме прочих, 20 000 организованных рабочих. На это начальник штаба генерал Преженцев[357] ответил, что пред толпою в 20 тысяч, да еще частью вооруженной, гарнизон по малочисленности своей может только отступить, и что элементы, которые за последнее время усилили численность гарнизона, не только не увеличили его действительную силу, но даже ослабили ее. Второй – могу ли я заменить забастовавшую полицию – полицейской службой войск, на что, как Корпусным командиром, так и его начальником Штаба было признано, что замена полиции и патрулирование города войсками также неподсильны относительно слабому гарнизону, который может быть только усилен своею же частью, стоящей в Тюсьбю и состоящей всего из 2-х батарей и одной роты стрелков. Выслушав категорические заявления о бессилии войск оказать мне активное содействие к подавлению крамольного движения, а также имея в виду, что с забастовкой полиции я не могу быть уверен в своей осведомленности, я пришел к убеждению, что при возможности агрессивных действий толпы – не буду в состоянии гарантировать неприкосновенности мирного населения, почему должен избрать способ действий без расчета на содействие местного гарнизона. Придя к такому заключению, заявил командиру корпуса, что надеюсь получить содействие отряда судов балтийского флота, который уже раз был послан лично ВАШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ в Гельсингфорс на случай возникновения там беспорядков и, что ввиду того, что в Гельсингфорсе нет собственно русских учреждений, кроме моей Канцелярии, Жандармского управления, Государственного банка, Казначейства и помещений, занятых самими войсками, то, при бессилии гарнизона действовать активно и возможности нападения на самые войска, разбросанные в городе малыми единицами, я, для упрощения задачи войск, признаю необходимым перенести свою канцелярию в Свеаборгский морской порт (Свеаборгский порт находится в самом городе Гельсингфорсе, в местности, называемой Скатуденом). Таким образом, исчезнет необходимость охранять генерал-губернаторский дом и Канцелярию, касса же казначейства, Государственного банка, равно как и Жандармское управление – могут быть перенесены в крепость Свеаборг, следовательно, главная задача войск будет заключаться в охране самих себя. При этом надо иметь в виду, что, так как железные дороги находятся в руках забастовщиков, что

массовый привоз оружия в край установлен фактами, и что в крае имеется до 400 офицеров и несколько тысяч нижних чинов всего 4 года тому назад расформированных финских войск, – возможно появление в городе вооруженных частей, почему, в случае действительного появления таковых в тылу войск, по мнению моему, надо войскам сосредоточиться в одном месте, которое было бы в связи с крепостью, и такое место именно и есть порт на Скатудене, снабженный перевозочными средствами. Такое действие необходимо еще и потому, что если город будет занят мятежниками, то нужно иметь развязанные руки, чтобы ставить мятежникам условия и, в случае их непринятия, действовать по городу с эскадры. Если же войска останутся разбросанными по казармам и будут там окружены, то эскадра и крепость не будут в состоянии им оказать немедленную помощь, боясь поражать с мятежниками и своих. Не опровергая ни одного из моих доводов, генералы: барон Зальца[358] и Преженцев заявили о невозможности для войск сосредоточиться на Скатудене, так как в казармах хранятся неприкосновенные запасы, которые они бросить не могут, и, наконец, их могут упрекнуть в трусости. На это я возразил, что они не хотят по приведенным доводам оставить казармы, а между тем могут быть вынуждены оставить их в каждую минуту по желанию любого забастовщика, который прервет водопровод, и что если действительно будет мятеж, то за испорченные казармы и неприкосновенный запас страна заплатит.

Из подробного изложения моих переговоров ясно, что опираться на войска, расположенные в крае, мне уже не представлялось возможным, тем более, что гарнизоны всеобщей забастовкой были совершенно друг от друга разобщены, и что войсковые начальники не предпринимали ничего, чтобы восстановить с ними связь. После этого я обратился телеграммой к Главному командиру в Кронштадт с просьбой о присылке в Гельсингфорс отряда броненосцев.

Ввиду отказа военных властей поддерживать порядок рассылкой патрулей по городу и забастовки полиции, я немедленно по уходе командира корпуса вызвал бургомистра и заявил ему, что не прибегну к участию войск по несению полицейской службы и согласен на поддержание порядка городской добровольной стражей, но с тем непременным условием, чтобы она была объединена под одним начальством и находилась в постоянной связи с губернатором и со мною. Бургомистром были к тому немедленно же приняты меры, но так как обе стражи не согласились подчиниться общему начальнику, начальник муниципальной стражи отказался от несения своих обязанностей, и последняя вскоре перестала действовать. Зато отставной капитан Кок[359], начальник стражи, организовавшейся из рабочих корпораций, изъявил полную готовность поддерживать связи с магистратом, губернатором и мною и не могу не отдать должной справедливости этому энергичному человеку, – он блестяще при помощи своей стражи, так называемой «национальной гвардии», сумел поддерживать порядок, принимая все, мною и губернатором даваемые, указания к руководству.

Поднятые на разных зданиях красные флаги с финляндским гербом этой стражей немедленно были убраны и за все время забастовки в городе Гельсингфорсе не было ни одного случая проявления какого-либо насилия или беспорядка, что при событиях такого рода является большой редкостью. По отношению к русским жителям эта стража проявила изысканную предупредительность и сделала все возможное для их безопасности. Все питейные заведения были ее распоряжением закрыты, в ресторанах же в известные часы разрешалось подавать завтрак и обед, но без крепких напитков. Зато, когда в русском офицерском собрании не хватило запасов пива, капитан Кок не только допустил продажу необходимого количества из складов пивоваренного завода, но даже, за забастовкой извозчиков, распорядился присылкой его на подводе. После полудня ко мне явился профессор Даниельсон с некоторыми единомышленниками и заявил, что он согласно данному мне обещанию сделал все возможное для выработки совместно с конституционалистами программы мероприятий по успокоению края и применению к нему начал Высочайшего Манифеста 17 октября, но что он и его друзья старофинноманской партии увидали полную невозможность совместной работы с конституционалистами. Вместе с тем он, как от имени своих друзей, высказал суждение, что по их убеждению в настоящее время одна только партия конституционали-

стов имеет возможность внести успокоение в крае, так как она в общественном мнении края пользуется наибольшим доверием и, кроме того, само применение провозглашенного ВЫСОЧАЙШИМ Манифестом 17 октября начала ответственности правительственных органов перед народным представительством вызывает необходимость призыва этой партии к работе в Сенате, так как эта партия представляет несомненное большинство Сейма.

Затем ко мне явилась депутация от студентов социал-демократов и в очень корректной форме заявила, что она очень сожалеет, что г-н Мерне и другие лица накануне ворвались в мой дом, уверяя, что они депутаты от народа, в то время, как никто их не уполномочивал. Вместе с тем депутация ознакомила меня с требованиями организованных рабочих социалистов. Требования эти – сводились к следующему:

Предоставление свободы слова, печати, собраний и союзов и созыв Учредительного собрания на основании равной, всеобщей подачи голосов для разработки новой Формы правления Финляндии.

После этого ко мне явилась депутация от союза рабочих в лице председателя и вице-председателя союза и капитана Кока. Разговор мой с этой депутацией длился около 2 часов, причем я старался выяснить истинные желания рабочих. Они оказались тождественными с высказанными мне студентами социалистами. Тогда я постарался выяснить* рабочим, что их желания законно невыполнимы, что созыв Учредительного собрания помимо Сейма есть государственный переворот, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО не можете отступить от утвержденного ВАШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ с согласия земских чинов основного Сеймового закона. Такое действие не могло бы не вызвать недовольство среди огромного большинства сельского населения, строго придерживающегося законности, и привело бы к нареканиям на рабочих. С другой стороны, я разъяснил рабочим, что раз только им будет предоставлено право всеобщего и равного голосования, они на равных правах с остальным населением войдут в состав Сейма и на самом законном основании, не насилуя чужого права, могут добиваться осуществления своих желаний, и что с точки зрения практической политики такая тактика для их же целей наиболее выгодна. Из ответов депутатов я вынес впечатление, что наиболее спокойные элементы организованных рабочих будут удовлетворены созывом Сейма и предоставлением последнему выработать новую Форму правления, но с непременным условием обязательного включения в предложение Сейму начала всеобщей и равной подачи голосов.

Затем депутация высказала мне свое сожаление по поводу впечатления, произведенного стачкой на некоторых русских, главным образом, военных, полагавших, что стачка направлена именно против них. Стачку эту устроили они, рабочие, конституционалисты же и некоторые революционные элементы только к ним примкнули. Рабочие не имеют и не могут иметь каких-либо сепаратистических тенденций. Раз в России признано равное и всеобщее голосование, и раз всему народу предоставлено полное самоопределение, наиболее тесное сближение с коренной Россией может лишь послужить к упрочению мира и тишины, совместной дружной работы к достижению всеобщего благополучия.

После ухода представителей рабочего союза ко мне вновь пришел г. Даниельсон с своими сторонниками-старофиннами и сообщил, что, по их мнению, можно будет согласиться на созыв Учредительного собрания, которого требуют рабочие путем ВЫСОЧАЙШЕГО предложения Сейму о созыве такого собрания и законной передачи Сеймом своих полномочий собранию.

Я не счел нужным останавливаться на этих соображениях, так как вообще не мог ходатайствовать о созыве Учредительного собрания, а тем более о составлении подобного ВЫСОЧАЙШЕГО предложения, которое к тому же рисковало не быть принятым конституционным большинством Сейма, и в таком случае значительно лишь обострило бы отношения Сейма с партией рабочих.

---

* *Так в тексте.*

Вечером ко мне явился г. Мехелин со своей программой, которая мною и была представлена ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ через министра статс-секретаря вместе с всеподданнейшим ходатайством Сената. В эту программу он полагал включить отмену русского языка в делопроизводстве Сената и особый рескрипт о скорейшем замещении местными уроженцами должностей, занятых уроженцами империи, но мною было указано на все неудобство этих вставок, и он от них отказался.

Ознакомившись, таким образом, со взглядами разных партий и убедившись в невозможности составить смешанный Сенат и смешанную политическую программу, я решился на представление ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ программы конституционалистов и согласился на составление ими списков Сената, так как эта партия, как выше было упомянуто, представляла собою большинство Сейма, пользовалась в крае наибольшим доверием и сами старофинноманы в лице своих наиболее выдающихся представителей заявили, что они уступают ей свое место в уверенности, что эта партия лучше сумеет удовлетворить желания населения, причем даже умеренные из организованных рабочих помирились бы с этой партией ввиду включения ею в свою программу начала общего и равного права голоса. Хотя г. Мехелин и его друзья еще недавно были признаны политически опасными и даже были высланы из пределов Финляндии, но я решился все же остановиться на них, так как они одни могли внести умиротворение, и к тому же новые начала, провозглашенные в ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМ Манифесте ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, отнимали у деятельности означенных лиц противоправительственный ее характер, и сами эти лица публично заявили о своей полной лояльности. В действительности же означенные лица являются по существу наиболее консервативными элементами в крае и, по моему глубокому убеждению, их силою и авторитетом в настоящее время следует воспользоваться с целью затормозить слишком быстро несущиеся передовые течения социалистов и демократов. В настоящее время, когда старофинноманы перешли на сторону демократов, созыву учредительного собрания в Финляндии могут воспрепятствовать либо русские штыки, но лишь в значительном большем количестве против теперешнего, либо объединенные в лице конституционного Сената авторитетные консервативные элементы края. Между тем само собою разумеется, что созыв учредительного собрания, нарушающий всякую преемственную связь в историческом развитии Финляндии при мирном сельском населении, чтущем свои традиционные обычаи и законы, был бы большим бедствием, не говоря о тех роковых последствиях, которые он имел бы для империи, где революционные элементы, конечно, не упустили бы случая воспользоваться такими примерами и еще с большей настойчивостью стали бы требовать созыв такого же собрания в России. Эти веские причины и привели меня к решению вечером 19 октября остановиться на программе г. Мехелина и поручить ему составить список будущего Сената, который мною затем был передан министру статс-секретарю для представления ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Вечером в тот же день в Гельсингфорс через Або прибыл камергер Стояновский[360] на Лоцманском пароходе. Так как он следовал курьером к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, то мною был задержан крейсер Азия для дальнейшего его следования.

Воспользовавшись тем, что камергер Стояновский, по его заявлению, отправлялся непосредственно к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, я ознакомил его вкратце с положением дела. Не имея сведений о том, что камергер Стояновский имел счастье доложить ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, я однако не могу умолчать о появлении в периодической печати корреспонденций, составленных на основании рассказов Стояновского и настолько расходившихся с истиной, что вынудили даже несколько официальных опровержений.

20 октября ко мне опять явился ряд депутаций от разных кружков и партий, обещая сделать все от них зависящее для предупреждения беспорядков, которые бы вынудили необходимость действий войск. То же самое обещали посетившие меня в этот день гг. Даниельсон, бургомистр Гартман и капитан Кок, причем, однако, все трое считали положение крайне серьезным, так как агитаторы, прибывшие на локомотиве из Таммерфорса, сооб-

щили о мобилизации и вооружении рабочих разных городов для направления их поездами в Гельсингфорс.

Ввиду сего и дабы войска не подвергались врасплох нападению по частям, я повторил командиру корпуса совет приготовиться к сосредоточению всего Гельсингфорсского гарнизона на Скатудене. Как и ранее предложение это не встретило, однако, сочувствия. Так как прибытие поездов с рабочими могло произойти неожиданно и первою целью их движения, очевидно, явился бы опять дом, в котором жил представитель власти в крае, я решил свое пребывание на следующий день перенести в управление порта на Скатудене и туда же перенести свою Канцелярию и Управление губернатора, чем освобождал войска от обязанности охранять меня, губернатора и мою Канцелярию и предупреждал возможность повторения событий 18-го октября. На Скатуденском же полуострове даже самые большие толпы народа не могли бы окружить меня и отрезать от сообщения с военными властями и крепостью. Кроме того, порт был соединен военным телефоном со Свеаборгской крепостью, где была телеграфная станция, единственная, действие которой забастовщики не могли бы остановить, что было особенно важно, так как накануне забастовщики явились в находящуюся рядом с моим домом городскую станцию телеграфа и заявили, что разрешают ей работать при условии контроля всех проходящих через нее телеграмм. Признав неудобным лично быть в зависимости от добровольной стражи капитана Кока, несмотря на данные заверения, я одновременно сделал распоряжение о перенесении ценностей Государственного банка и Казначейства в Свеаборг, куда накануне переехал весь наличный состав жандармов во главе с генералом Фрейбергом. Тогда же поручил и. д. Главного директора Финляндских казенных железных дорог Церемониймейстеру графу Бергу[361] сделать, по обстоятельствам, все возможные попытки к предотвращению прибытия поездов с вооруженными рабочими. При помощи Гельсингфорсской добровольной стражи, по ее собственному заявлению, возможно было надеяться поддержать порядок в городе, если не прибудет чужой беспокойный элемент из других городов Финляндии, где, как например, в Таммерфорсе, имелось до 40000 рабочих.

На железных дорогах тем временем образовался свой Особый забастовочный комитет, который подчинился Общему Финляндскому забастовочному комитету. Как оказалось, в первый день в него были выбраны интеллигентные конституционалисты, но уже на следующий, – их всех заставили уйти и были выбраны простые рабочие социалисты. Этот Комитет явился в управление железных дорог, потребовал немедленного прекращения занятий и заявил, что железнодорожная забастовка не кончится, пока не будет удален ряд служащих, которые им были неугодны. С этого момента всякая работа управления прекратилась и железные дороги оказались в руках Комитета, который никого не допускал на вокзал, а сам не был в состоянии справиться с сложным для него механизмом отправления поездов для надобностей стачечного Комитета и потому обратился за содействием к директорам управления. Этим воспользовался и. д. Главного директора. Собрав заседание правления 20 октября вечером в моем доме, он обрисовал директорам серьезность положения, указал им, что от них зависит предотвратить возможное кровопролитие и поручил употребить все свое влияние к тому, чтобы войти в связь с стачечным Комитетом и через него предотвратить прибытие в Гельсингфорс поездов с рабочими. Должен отдать справедливость директорам, что эту задачу они исполнили с большим тактом и уменьем, они добились того, что стачечный железнодорожный Комитет циркулярно по всем дорогам сделал распоряжение, чтобы никакие поезда не отправлялись без телеграфного распоряжения, подписанного одним из настоящих директоров. Давая разрешения на отправку поездов для следования стачечного Комитета из одного города в другой, они заявили, что не дадут разрешения на отправку поездов с рабочими и, хотя целый большой поезд с крайне беспокойными элементами уже готовился к отбытию из Або в Гельсингфорс, стачечный Комитет заявил по телеграфу в Або, что в случае выхода поезда полотно дороги будет испорчено, благодаря чему удалось этот поезд задержать и дальнейших попыток в этом направлении ни в Або, ни в других городах после этого сделано не было.

Таким образом, за невозможностью захватить железные дороги в свои руки при помощи войск все-таки удалось предотвратить массовый привоз революционных элементов путем непосредственного воздействия на стачечный Комитет.

В 8 час. вечера директором Лоцманского и Маячного ведомства генерал-маїором Шеманом[362] на яхте «Элекеен» мною было отправлено к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского для доклада ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнейшего ходатайства Сената о распространении на Финляндию основных начал, провозглашенных ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИМ Манифестом 17 октября.

На следующий день должен был праздноваться день восшествия на престол ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ввиду чего я призвал капитана Кока и предложил ему озаботиться, чтобы на всех правительственных зданиях на следующее утро подняты были русские флаги, и чтобы были приняты меры к ограждению порядка во время следования войск к церковному параду.

С утра 21 числа приказания эти были в точности исполнены, по городу были расклеены объявления, предупреждающие жителей об имеющемся состояться параде и артиллерийском салюте по случаю высокоторжественного дня. По пути следования в Собор порядок везде был образцовый, а на тротуарах была масса публики, причем капитан Кок просил у Корпусного командира извинение за то, что торговую площадь, по которой проходили войсковые части, не успели еще вымыть после утреннего базара.

По окончании торжественного молебствия и церковного парада, я поехал в управление порта, куда пригласил и все, находившееся в соборе военное начальство. На совете в порту, изложив снова обстоятельства современного положения, я указал на возможность всяких случайностей и, следовательно, необходимость принять меры к тому, чтобы не быть отрезанными от порта и крепости, войти в сношение с разбросанными гарнизонами в стране и остановить тыловое движение по железным дорогам, где это будет возможно. С приходом же эскадры, которую я с часу на час ожидаю и на успокоительное воздействие которой рассчитываю, все же надо иметь в виду на случай действий необходимость сосредоточить войска в одном месте, чтобы дать возможность эскадре принять участие в общих действиях без риска поражать своих.

По окончании заседания, согласно принятому накануне решению, я остался в Управлении порта, куда к этому времени переехал Нюландский губернатор и была перенесена моя Канцелярия.

В 5 час. дня на рейд Гельсингфорса прибыла эскадра, в составе броненосцев «Александра II», «Славы» и крейсера «Память Азова», под начальством капитана II-го ранга Нивинского.

Из бесед моих с должностными лицами и многими жителями Гельсингфорса, легко было заметить то сильное впечатление, которое произвел на местное народонаселение приход эскадры. Явилась уверенность, что с приходом этой военной силы вряд ли может произойти вооруженный мятеж и нападение на сухопутный гарнизон.

Около 8 часов вечера я приехал на флагманский броненосец «Александр II», куда вызвал коменданта Свеаборгской крепости для совместного совещания с начальником отряда и тут же вручил коменданту известную сумму денег для нужд переехавших в Свеаборг русских семей, главным образом, жандармских.

Во время совещания моего на броненосце «Александр II» с комендантом крепости и начальником отряда судов было передано командиром порта генерал-маїором Клеопиным[363], что им в 8 час. вечера получено письмо от барона Зальца следующего содержания: «С часу на час ожидается нападение на войска. Прошу вытребовать 2 роты из Свеаборга, сообщить на эскадру с просьбой осветить город и приготовить десант. Гвардейские финские казармы мною приказано очистить. Предполагаю действовать в окрестностях Нюландских и Абоских казарм. Вам посылаю в порт четыре орудия. Пришлите паровой катер к Нюландским казармам».

Не имея возможности войти в оценку сведений и обстоятельств, которыми руководствовался корпусный командир к принятию упомянутых мер, так как он не счел даже нужным меня о сем уведомить, я, тем не менее, просил начальника отряда немедленно осветить город прожекторами, а коменданта крепости – выслать просимые роты. Между тем распоряжение барона Зальца заставило командира порта снять станцию беспроволочного телеграфа, находящуюся при его доме в другой части города, при помощи которого возможно было сообщение с Ревелем, а при содействии одного из судов эскадры и непосредственно с Кронштадтом.

То же распоряжение около 10 час. стало известно в городе и породило страшную панику в русских семьях, последствия которой с большим трудом были предотвращены состоящими при мне для особых поручений чиновниками. По моему приказанию еще 19 октября были составлены списки всем семьям русских служащих для представления им возможности переехать в крепость Свеаборг в случае действительной опасности. Выждав окончания инцидента, вызванного действиями корпусного командира, и приказав связать броненосный корабль «Слава» телефонами с портом и крепостью, я переехал в 1 час ночи на этот корабль, где по распоряжению начальника отряда мне и моей семье было предоставлено помещение. Брейд-вымпела, присвоенного должности генерал-губернатора, не поднимал, так как на корабле имел лишь ночлег, а остальное время находился в порту. Утром 22 октября к стоящей на рейде эскадре присоединился крейсер «Адмирал Корнилов». Проверив обстоятельства, которые послужили основанием ночной тревоги, мне стало известным, что главным поводом были слухи о прибытии в город по железной дороге членов стачечного Комитета и, хотя, как было выше упомянуто, с ним состоялось соглашение о неотправлении поездов с иногородними рабочими без согласия одного из правительственных директоров, но такое соглашение могло каждый час измениться, почему после переговоров с магистратом я счел нужным еще раз письменно обратиться к командиру порта с запросом – заняты ли войсками железнодорожные узловые станции, а ввиду ночного страха, охватившего и часть иностранной колонии, – просил о командировании в каждое консульство военных постов для успокоения консулов. Нюландским же губернатором было заготовлено успокоительное объявление к русскому населению, которое к 4 час. дня удалось напечатать в типографии Финляндской газеты при помощи одного незабастовавшего наборщика и распространить через оставшихся при мне чинов полиции. От забастовочного Комитета было также распространено объявление, успокаивающее русских жителей.

В тот же день к и. д. Главного директора Финляндских казенных железных дорог явилась депутация от железнодорожного стачечного Комитета с ходатайством о возобновлении выдачи служащим жалованья, выдача которого была прервана в самом начале забастовки. Этим обстоятельством граф Берг воспользовался, чтобы водворить в управление тех служащих, увольнения которых первоначально потребовал Комитет. Явившись в заседание стачечного комитета, он объявил, что охотно исполнит эту их просьбу в случае, если они дадут обещание признать всех служащих управления и предоставят последним возможность приступить к исполнению своих обязанностей. Обещание это было дано и все служащие в управлении, не исключая тех, кто силой был вначале удален, получили возможность вернуться к своим занятиям, хотя общая забастовка еще не кончилась.

В шестом часу пополудни генерал-маїором Шеманом были доставлены мне от министра статс-секретаря Линдера ВЫСОЧАЙШИЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА МАНИФЕСТ от того же 22 октября и Грамота о созыве чрезвычайного Сейма.

«Элекеен» пристал у городской пристани и, за неимением извозчиков, генерал-маїор Шеман пешком пришел в Управление порта. За ним немедленно образовалась толпа большая, ожидавшая его приезда. Неизвестно, кем было доложено начальнику отряда в порту, что идет силою в один батальон толпа, вооруженная ружьями. Была пробита тревога, артиллерия выехала вперед, и взвод казаков поскакал навстречу толпе. В это время я со своим адъютантом гулял по улице, ведущей в управление порта, и вовремя успел остановить не-

сущихся вперед казаков, благодаря чему и было избегнуто столкновение, которое при абсолютной темноте на улицах могло бы иметь серьезные последствия.

Немедленно по получении ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста, я разослал приглашения сенаторам и всем лицам разных партий, бывших у меня в эти дни, явиться для ознакомления с Манифестом на броненосец «Слава» и в торжественном заседании в присутствии начальника отряда и командиров судов, бывших в парадной форме, прочел собравшимся ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ Манифест ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. Но вместе с этим заявил им, что этот Манифест не может быть объявлен в крае, охваченном беспорядками, в городе, где толпа может совершить насилие над Сенатом. На это мне сенаторы заявили, что они на следующее утро соберутся в частном доме, где и заслушают Манифест, напечатание же его произведут при помощи двух вольных работников из частной типографии. Такое предложение меня крайне удивило, и я, конечно, отвергнул его. Знаменательно, что лица, составлявшие правительство последних лет, признавали возможным в тайном заседании заслушать и объявить волю ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, а бывший сенатор г. Л. Мехелин восстал против такого порядка и сказал, что Манифест ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА не может быть заслушан иначе как в торжественном общем собрании ИМПЕРАТОРСКОГО Сената.

Так как Бургомистр заявил мне, что он сейчас не может ручаться за поддержание порядка в случае общего собрания Сената, то я объявил, что официально передам в Сенат Манифест лишь тогда, когда будет полная гарантия сохранения в городе порядка.

В четвертом часу ночи ко мне явились представители рабочих. Ознакомившись с текстом Манифеста, они заявили, что, вероятно, не согласятся на прекращение забастовки, так как рабочие желают созыва Учредительного собрания. Вместе с тем они мне представили список лиц, которые по их выбору должны были бы получить от ВЫСОЧАЙШЕЙ Власти санкцию на управление краем впредь до созыва учредительного собрания. В списках этого, так ими именуемого «временного правительства», избранного приблизительно по числу сенаторов, значились лица всяких партий. Несмотря на мои убеждения о невозможности в настоящее время представить на усмотрение ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА такой список для назначения новых сенаторов и необходимости прекращения забастовки политической, – рабочие стояли на своем. Тогда я предложил им пригласить ко мне нескольких из перечисленных в списке лиц и решил попытаться воздействовать на рабочих через лиц, ими же выбранных и пользующихся их доверием.

В эту же ночь были изготовлены магистратом литографированные листки с воззванием о прекращении забастовки и возвращении к порядку, а утром они были расклеены и распространены по городу.

К 2 час. дня 23 октября опять состоялось большое собрание на железнодорожной площади. Резолюция, предложенная забастовочным Комитетом на усмотрение собрания, заключалась в предложении отложить разрешение вопроса – продолжать или не продолжать забастовку до следующего дня по выяснении результата совещания, назначенного мною на тот же вечер с лицами, выбранными рабочими в кандидаты «временного правительства».

С утра еще Комитетом забастовщиков были разосланы телеграммы в разные города Финляндии, вызывающие этих лиц приехать с экстренными поездами в Гельсингфорс, и в тот же вечер ко мне явились наиболее крайние элементы из числа кандидатов на «временное правительство» вместе с издателем газеты «Гельсингин Саномат» передового младофинномана и бывшего издателя подпольной газеты «Вапайта Лехтиа» Эро Эрко*[364]. Разговор мой с этой депутацией длился более 3 часов. Мною приложены были все усилия к разъяснению положения дела и его значения для Финляндии, так как я чувствовал, что от этой беседы будет зависеть вопрос о возможности, при подобающих условиях, опубликования на следующий день ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО Манифеста ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и прекращения всеобщей забастовки.

---

* *Правильно – Ээро Эрко.*

Я спросил депутатов, удовлетворены ли их желания ВЫСОЧАЙШИМ Манифестом, на что они ответили, что рабочие им не могут удовлетворяться. Манифест объявляет о созыве Сейма для разработки новой Формы правления, между тем рабочие не доверяют Сейму. Более 20 лет они обращались к Сейму о предоставлении им права голоса, но напрасно. Конституционалисты им неоднократно обещали свою поддержку при выработке формы представительства и каждый раз обманывали их. У них не имеется никаких гарантий, что представители привилегированных сословий Сейма одобрят однопалатную камеру, избираемую на основании равной и всеобщей подачи голосов. Но теперь они не дадут себя обманывать. Они требуют немедленного созыва Учредительного собрания помимо Сейма, в противном случае они будут продолжать борьбу до крайности, не прекратят забастовки и чувствуют в себе достаточно силы, чтобы достигнуть победы, лишь бы генерал-губернатор обещал не вмешиваться в их партийную борьбу. Высказав им все то, что мною ранее было сказано депутации рабочего союза, я добавил, что дальнейшая забастовка явилась бы протестом против самого Манифеста и была бы весьма опасна, как им самим, так и всем. Пока стачка имела целью заявление желания свободы слова, печати, союзов и собраний, восстановление прежнего порядка, о котором единогласно ходатайствовали земские чины, право голоса рабочим, равноправность и другие современные идеалы, – все партии, весь финляндский народ сочувствовал забастовке и безропотно нес тягости и убытки, которые она ему причинила. Но, когда все это Манифестом дано и забастовка продолжается, симпатии народа несомненно резко изменятся в отношении партии рабочих. Продолжение же забастовки при этих условиях может вызвать и другие нежелательные последствия. Порядок до сего времени сохранился образцовый, но это положение, особенно с увеличением нужды, может измениться. Разного рода люди легко могут воспользоваться забастовкой для всяких бесчинств и грабежей и тогда придется прибегнуть к вмешательству вооруженной силы. Если же по этой причине беспорядки разовьются, начнутся насилия над мирными жителями, которых местными силами нельзя будет прекратить, то через 20 минут артиллерийского огня с эскадры – город превратится в кладбище. Желают ли они взять на себя ответственность за кровь, которая в случае продолжения забастовки, весьма возможно потечет, ибо я ни в коем случае не допущу насилий. Когда основными законами края установлено, что воля народа выражается законным Сеймом, от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА нельзя ожидать незаконного созыва Учредительного собрания. Воля ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ясно выражена в Манифесте и раз этот Манифест ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ подписан, он никоим образом не может быть изменен и никакие стачки не заставят меня ходатайствовать о подобных изменениях. При таких условиях продолжать забастовку было бы, по моему мнению, безумно. Раз ВЫСОЧАЙШИМ Манифестом провозглашен принцип равного и всеобщего права голоса, – рабочие в свое время войдут в Сейм и законно проведут там свои желания; что же касается кандидатов в так называемое «временное правительство», то их можно пригласить в ту предСеймовую комиссию при Сенате, которая будет вырабатывать проект нового закона.

Мои слова неожиданно для меня самого возымели действие: встал Эро Эрко и, обращаясь к своим товарищам, заявил, что он поражен и радуется тому, до какой степени генерал-губернатор хорошо понял положение края и взаимное отношение партий и, в свою очередь, стал убеждать лиц, оказавших ему доверие, прекратить стачку.

Весьма характерно, что не успела эта депутация уйти, как ко мне явился отставной капитан Фразер, принадлежащий к партии конституционалистов и член той депутации, которая в первый день беспорядков требовала моей отставки. Он от имени своей партии просил разрешения сочленам ее, под предводительством офицеров Л.-Гв. 3 финского стрелкового батальона, вооружиться ружьями, обуздать рабочих и заставить их прекратить забастовку. Разрешения на это я, конечно, не дал, указав Фразеру, что функции войск никому передаваемы быть не могут и посоветовал успокоить членов конституционной партии, так как у меня есть основание надеяться, что с наступающим днем забастовка кончится и порядок не будет нарушен без всякого содействия его партии.

С утра 24 октября начали открываться магазины, заработала электрическая станция и некоторые другие промышленные заведения.

В 11 час. утра в порт явился в парадной форме референдарий-секретарь Сената и доложил мне, что Сенат собрался на торжественное заседание и ждет получения Манифеста. Я передал Манифест референдарий-секретарю, который в сопровождении моего чиновника особых поручений Дидрихса подъехал к парадному подъезду Сената, перед которым собралась огромная толпа. Немедленно, по заслушании Манифеста официальные издания его на местных языках были розданы народу.

Радостная весть разнеслась по городу и была по телефону передана по всему краю. Собравшийся на Сенатской площади народ выслушал с непокрытыми головами русский национальный гимн, а на ступени Трона в Сенате были возложены цветы. Ко мне являлись депутации, выражавшие благодарность от разных слоев населения и политических групп, просившие повергнуть свои верноподданнические чувства перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ. Те же чувства я был счастлив засвидетельствовать перед ВАШИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ от имени ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената. При наступлении сумерек была зажжена иллюминация. Не было во всем городе окна, перед которым не горели бы свечи.

Организованные рабочие не нарушали общего настроения. Сходка их приняла, согласно предложенной мною формуле, резолюцию, в которой было сказано, что, хотя не все желания рабочих удовлетворены, но для общего блага они соглашаются на уступки и прекращают забастовку.

На следующий день капитан Кок и его добровольная стража сложили с себя свои обязанности и передали их законному полицеймейстеру.

Так кончилась шестидневная всеобщая забастовка.

Не могу не засвидетельствовать перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ о преданной долгу деятельности в описанные тяжелые дни директора моей Канцелярии Зейна[365], Нюландского губернатора Львовского, чиновников особых поручений: Шабельского, Дидрихса и в. д. церемониймейстера графа Берга, из которых последний одновременно исполнял должность Главного директора Финляндских казенных железных дорог и помощника делопроизводителя графа Кронгельма.

Со дня проявленного уличной толпой насилия в моем доме над Сенатом, военная власть, как было выше упомянуто, не оказала мне никакого содействия, чем в последующие дни невольно заставила прибегнуть к содействию местных политических партий для поддержания порядка. За это время я на опыте убедился, что общий порядок не только в городе, но и во всей стране может быть восстановлен при умелых действиях и без участия войск одной только силой и престижем Верховной власти, так как верность ЕЙ финского народа наглядно подтверждалась в эти тяжелые дни.

Все происшедшее движение было направлено не против МОНАРХА и России, а лишь против строя последних шести лет, обещанного к отмене в прочитанной при открытии последнего Сейма речи ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и окончательно отмененного ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ 22 октября. Между тем большинство русских служащих людей Финляндии, пережившие в ней годы борьбы, отождествляли ненависть к себе и своим делам с ненавистью, будто бы, к ГОСУДАРЮ и России, и стали громко кричать о мятеже финляндцев и необходимости залить всю Финляндию кровью. Окруженный этими лицами и встречая пассивное сопротивление со стороны военных властей, недовольных уничтожением, при моем назначении, военного округа, я нашел поддержку лишь в немногих. Большинство корреспонденций в телеграфные агентства и русскую прессу были полны инсинуаций и заготовлялись не без участия служащих у меня лиц. Отчасти этим обстоятельством я только и мог объяснить себе, что в самый момент зажжения иллюминации в Гельсингфорсе и полного ликования на пути умиротворения края, в Свеаборгской крепости раздался первый пушечный выстрел, извещавший приближавшемуся пароходу о вступлении крепости на военное положение, объявленное не в установлен-

ном законном порядке и даже без моего ведома. Подобные действия военных властей и явное нарушение вверенных мне законом ответственных прав не имели роковых последствий лишь благодаря удачно сложившимся обстоятельствам.

Публично оскорбленный пред всеми военными и гражданскими властями вверенного моему управлению края сомнением АВГУСТЕЙШЕГО Главнокомандующего в верности моему долгу и присяге ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, я очевидно не мог более с пользой нести службу, почему и был вынужден ходатайствовать перед ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ о замене меня другим лицом. Ныне единственным утешением себе поставляю возможность доложить ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что успокоение последнего волнения Финляндии произошло без пролития крови, при полном сохранении достоинства ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ и без изменения положения Великого княжества в составе Российской Державы.

Оставляю свой пост с ВЫСОЧАЙШЕГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволения с сознанием свято исполненного долга пред ВАМИ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ, и Россией.

[а] Подлинный подписал:[а] [б]Финляндский генерал-губернатор, генерал-адъютант князь Оболенский[б].

13[в] ноября 1905 года.

г. С.-Петербург

[г]Верно: Кронгельм[г]

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2355. Л. 27–47. Машинопись на полулистах, сшитых в тетрадь. Подпись – автограф.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 237–263. Машинопись (С. 1–27, 2 и 3 экз.) на полулистах большого формата. Копия с многочисленными пометами простым и красными карандашами.

НАФ. Фонд Канцелярии генерал-губернатора, папка Hd:80. Машинопись (3 экз.) на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь.

№ 135. Из сообщения «Финляндской газеты» о назначении Н.И. Герарда генерал-губернатором[366]

12(25) ноября 1905 г.

Финляндский генерал-губернатор, Действ. т. сов. Н.И. Герард.

Высочайшею Грамотою от 9-го(22-го) сего ноября председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, сенатор, Почетный Опекун, действительный тайный советник Николай Николаевич Герард назначен Финляндским генерал-губернатором*.

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 12(25) ноября. № 168. С. 1.

[а-а] *Только в копии НАФ и ГАРФ (Ф. 499).*

[б-б] *Вписано чернилами в подлиннике (Ф. 601).*

[в] *Вписано чернилами в подлиннике (Ф. 601).*

[г-г] *Только в копии НАФ и ГАРФ.*

* *Далее в сообщении приводится обширная биография Н.И. Герарда.*

№ 136. Из статьи «Нынешние взаимоотношения старофиннов и конституционалистов», опубликованной в «Финляндской газете»

14(27) ноября 1905 г.

267 номер газеты «Uusi Suometar» от 22-го ноября представляет для русского читателя большой интерес в том отношении, что дает довольно полную характеристику современного положения в Финляндии. Почти каждая статья так или иначе характеризует это положение. На первом месте находится статья «Страна без правительства», в которой указывается, что список сенаторов, составленный Мехелином, не получил Высочайшего утверждения, как представляющий только лиц партии Мехелина. Бароны Пальмен и Вреде, которым было поручено составить новый список кандидатов из лиц различных партий, не имели успеха в попытке потому, что Мехелин с партией отказался произвести какие-либо перемены в своем списке. Нынешний Сенат, отставка которого уже принята, занимается лишь текущими делами в ожидании сдачи дел новым сенаторам.

В следующей статье «Бобриковская система возобновляется» приводятся те поступки шведской партии, который возбуждают раздражение в старофиннах. От шведов «уже получили приказ подать в отставку статский советник Даниельсон, главный директор почт, школьное управление, абоский гофгерихт...»*.

Далее помещаются 27 телеграмм от различных групп финского населения министру статс-секретарю Линдеру с просьбою довести до сведения Государя о том недовольстве, которое возбуждает составленный Мехелином список кандидатов в новый состав Сената. В других газетах помещаются телеграммы на имя г. Линдера с требованием отказа его от должности[367]. **.

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 14(26) ноября. № 169. С. 2.

№ 137. Именной Высочайший указ об увольнении Линдера с поста министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского и назначении его членом Государственного совета[368]

15(27) ноября 1905 г.

[Государственному совету] ноября 15-го. Двора нашего егермейстеру, министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского Линдеру – Всемилостивейше повелеваем быть членом Государственного совета с оставлением его егермейстером.

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 23 ноября (6 декабря). № 170. С. 1.

№ 138. Отношение вице-председателя Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о кадровой политике в Сенате[369]

15(28) ноября 1905 г.

Ваше Превосходительство,

Я должен был бы незамедлительно подтвердить письмом депешу, которую препроводил Вашему Превосходительству вчера, но из-за уложившего меня в постель приступа лихорадки мне было невозможно писать. К сему прилагаются копии указанной депеши и той, что я

---

* *Далее говорится о применении насилия со стороны союзников (шведов и младофиннов) к своим политическим оппонентам.*

** *Далее приводятся выдержки из других статей.*

послал нынче утром относительно порядка, в каком г-н Вильскман[370] должен быть помещен в список по правилам «старшинства»[а].

В биографических заметках, которые я Вам дал, находятся сведения, что г-н Х. Лилиус был президентом от сословия буржуазии в Сейме в 1904–1905 гг. Следует добавить, что он исполнял эту обязанность с большим тактом и общепризнанными беспристрастностью и умеренностью. Что до г-на Г.В. Вильскмана, он пользуется весьма хорошей репутацией как судья.

У меня предчувствие, что прибытие Вашего Превосходительства в Гельсингфорс откроет эру плодотворного труда на благо Финляндии. Могу Вас заверить, что все те, кто будет призван участвовать в этом труде, посвятят себя ему с величайшим усердием и с совершеннейшей преданностью.

Прошу Ваше Превосходительство принять заверения в моем глубочайшем уважении.

Гельсингфорс, 28 ноября 1905 г.

Л. Мехелин

Его Превосходительству господину Н. Герарду, генерал-губернатору Финляндии

[6-]Копия:

Вместо Свингувуда*[.371] предложим в должность начальника Гражданской экспедиции асессора гофгерихта Хуго Лилиуса, а вместо Лилиуса, который в списке был предложен членом Судебного департамента, в сию последнюю должность герадстевдинга и асессора гофгерихта Густава Вернера Вильскмана[372].

Копия:

Имею честь прибавить, что место Вильскмана по старшинству между Кумлином[373] и Лундениусом[374.-6].

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 9–9 об. Рукопись на листе небольшого формата на французском языке. Л. 10. Рукопись на листе небольшого формата на русском языке.

№ 139. Речь вице-председателя Хозяйственного департамента Финляндского Сената Л. Мехелина на первом заседании департамента[375]

21 ноября (4 декабря) 1905 г.

Сегодня первое собрание совершенно нового состава сенаторов, назначенных вместо вышедших в отставку. Это преобразование состава Сената вызвано тем изменением системы правительственной политики, которое вступает в силу на основании Всемилостивейшего Манифеста, данного Государем Императором и Великим князем 4-го ноября 1905 года на благо финляндского народа.

Определениями первой части Манифеста Его Императорское Величество, сонзволив на петицию земских чинов Финляндии от 31-го декабря 1904 года, устранил препятствия к восстановлению законного порядка в стране. Сенату предстоит, с одной стороны, принять исполнительные меры, необходимые для достижения этой важной цели, с другой – изготовить для той же цели проекты изменения узаконений, затронутых вышеозначенною петицией и не отмененных Манифестом 4-го ноября.

Последняя часть сего Высочайшего Манифеста открывает для населения Финляндии перспективу многознаменательных реформ основных законов[376]. Его Императорское

[а] *Последнее слово написано по-русски.*

* *Правильно: Свинхуфвуд.*

[6-6] *Текст написан по-русски.*

Величество возложил на Сенат поручение выработать проект нового Сеймового Устава, имеющий задачею современную реформу организации финляндского народного представительства с применением начал всеобщего и равного избирательного права. Вопрос этот обсуждался в стране с живейшим интересом, причем проявилось сильное течение общественного мнения в пользу однопалатной системы. При исполнении вышеупомянутого поручения Сенат должен поставить себе в обязанность не только воспользоваться содействием опытных сограждан при подготовке реформы, но также иметь в виду при окончательном составлении Сеймового предложения, что великий шаг к истинно демократическому народному представительству должен быть совершен так, чтобы народ мог принять его с чувством удовлетворения[377].

Относительно других упомянутых в Манифесте реформ основных законов можно заметить, что предуказанное содержание их сделает таковые краеугольными камнями на пути конституционного развития. Существенное условие общественного благосостояния состоит в том, чтобы члены правительства неуклонно следовали законам в своих служебных мероприятиях; посему необходим контроль народного представительства в этом отношении. Установление свободы печати, собраний и союзов как прав, принадлежащих гражданам по основным законам, способно в высокой степени содействовать развитию сильного общественного духа и предупреждать водворение в служебной деятельности боязни света и бюрократических тенденций.

Изложенные задачи Сената составляют, однако, лишь часть той программы, с которою мы вступаем в свою должность и которая, по мере поступления разных дел на наше обсуждение и когда-то требуется существом дела, будет представляться на благоусмотрение Его Императорского Величества.

Реформа судоустройства в судопроизводства давно уже поставлена на очередь и тщательно разработана, но еще не могла быть осуществлена. Доведение сего вопроса до благополучного разрешения увеличит гарантии, предоставленные членам общества вашим древним правопорядком. Начало гражданского самоуправления, осуществленное лишь в общинных управлениях, должно получить более широкое применение, так что выборные органы самоуправления в более обширных административных округах будут ведать различные дела, ныне подлежащие правительственным установлениям.

В Финляндии, как и в других культурных странах, в наши дни необходимо признать одною из важнейших задач внутренней политики поощрение и облегчение – насколько это зависит от правительственных мероприятий – стремлений рабочего населения к улучшению его экономического и социального положения.

Начатые в восьмидесятых годах прошлого столетия законодательные мероприятия в этом направлении теперь должны быть довершены, дабы получилась возможность предложить преобразованному народному представительству проекты разносторонних социальных законов. Что касается в особенности условий сельской жизни, то особенно важною задачею является не только содействие путем целесообразных мероприятий подъему мелкого земледелия, но также и предоставление неоседлому населению, как это было предположено ранее, преимуществ владения землею или усадьбами.

Сенат должен в скорейшем времени приступить к пересмотру действующих законов о спиртных напитках, приняв во внимание народное мнение, усиленно требующее, чтобы законодательство оказывало в большей мере, нежели до сих пор, поддержку стремлениям, направленным против злоупотребления крепкими напитками.

В области учебного ведомства необходимо теперь же освободить средние учебные заведения от тех тяжких испытаний, которым они были подвержены в последние годы. Особенно необходимо возвращение к прежним программам преподавания в казенных учебных заведениях, а также предоставление частным школам принадлежавшего им ранее права организовать обучение. Обширная подготовительная работа по исследованию относящихся сюда вопросов и в других отношениях имеется в поданной минувшим Сеймом петиции по учебному ведомству. Вопрос о преобразованиях, затрагивающих народное образование во всем его объеме, включая и народные школы – потребность каковых преобразований уже ощущается – должен быть предоставлен особой предварительной разработке специалистов.

Наряду с завершением начатых ранее предварительных работ по преобразованию налогов, смета расходов должна быть теперь же подвергнута пересмотру в видах установления, в каких частях ее возможны сбережения без ущерба для существенно полезных целей.

Проект расширения железнодорожной сети должен быть составлен в тех пределах, в коих финансовое положение края допускает оплату новых железнодорожных работ за счет избытка доходов и при помощи государственного кредита.

На основании Высочайшего Манифеста от 4-го ноября 1905 г. Сенат должен немедленно выработать проект изменения действующих постановлений об употреблении русского языка в правительственных учреждениях, причем должно иметь в виду возвращение национальным языкам, по желанию земских чинов края, того положения, какое подобает им по правовым и естественным основаниям[378].

Соответствующее сему изменение в области деятельности Сената должно быть предпринято немедленно уже по фактическим соображениям, как последствие нового состава сего присутственного места. В обоих департаментах Сената должны быть в точности применяемы правила об употреблении финского и шведского языков в исходящих бумагах, переписке и протоколах судебных и административных учреждений, распространяющихся на всю страну. В тех случаях, когда употребление того или другого местного языка действующим постановлением поставлено в зависимость от усмотрения властей, каждое дело вообще должно вноситься в протокол Сената на том языке, финском или шведском, на котором составлены входящие бумаги или должны быть изготовлены исходящие бумаги или переписка; вместе с тем при ведении протоколов вообще финскому языку должно быть предоставлено место, подобающее ему, как языку преобладающего большинства населения.

Задача восстановления законного порядка в тех административных установлениях, где это оказывается необходимым, не может быть осуществлена, в отдельных случаях, без перемен в личном составе. В этом отношении возможны лишь такие мероприятия, которые основаны на законах; придерживаясь сего, Сенат должен также принять в руководство начала умеренности и не простирать означенных личных перемен за пределы необходимости. Между прочим, по отношению к лицам, не состоящим финляндскими гражданами и назначенным при режиме последних лет на финляндскую государственную службу, Сенату надлежит стараться достигнуть того, чтобы эти лица не оставались более в своих должностях[379].

Унаследованная от отцов верность финляндского населения законам составляет силу нашего общества. Идеи, несовместные с нашим правосознанием, могли быть занесены сюда бурными течениями нашего тревожного времени и могли приобрести сторонников там, где не встречали зрелой критики; но они не могли серьезно проникнуть в среду народа, искони усвоившего себе закономерную свободу. Не подлежит сомнению, что у нас преобладает воззрение, что здоровое развитие законов и гражданских прав в этой стране может быть успешно осуществлено только в порядке, намеченном основными законами. Нынешний момент является историческим поворотным пунктом, призывающим общество всеми силами содействовать рассвету лучшего будущего для нашего общества. Лица, призванные совершить подлежащую правительству долю этой благотворной работы, будут почитать себя счастливыми, если то, что они будут в силах совершить, не слишком далеко отстанет от предъявляемых к ним требований. И мы таим в сердцах своих надежду, что недалек уже день, когда прекратятся раздоры, порожденные в дни испытания различным пониманием способов устранения грозивших опасностей, когда согласие и единодушие дадут новую силу населению Финляндии.

Ввиду того, что речь, которую я имел честь произнести, является результатом предварительного обсуждения лиц, занявших ныне места в Сенате, я полагаю, что Сенат найдет целесообразным, хотя пределов ведомства Хозяйственного департамента касается лишь часть изложенных в программе вопросов – постановить занести эту речь в протокол и довести до всеобщего сведения через официальные газеты.

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 23 ноября (6 декабря). № 170. С. 2.

№ 140. Речь вице-председателя Судебного департамента Финляндского Сената Р.А. Вреде на первом заседании департамента

21 ноября (4 декабря) 1905 г.

Сегодня, когда Судебный департамент Сената собрался в первый раз в своем новом составе, я в качестве вице-председателя департамента, считаю долгом приветствовать всех членов и пожелать всем нам сил и способностей, дабы удовлетворительно исполнить предстоящее вам важное и ответственное дело.

Первейшею задачею Судебного департамента, как органа исконно принадлежащей Монарху страны Верховной судебной власти, теперь, как и прежде, является: отправлять правосудие в высшей инстанции и наблюдать, чтобы суды в стране действовали справедливо, сообразно с законами и постановлениями. Его возвышенное назначение, таким образом, состоит в том, чтобы без пристрастия и лицеприятия, но и вне зависимости от внешних влияний, насколько это возможно при свойственных людям условиях, осуществлять идею правосудия и тем поддерживать и укреплять среди населения страны уважение к закону и праву. Посему руководящей звездой в деятельности департамента должно быть начало правосудия. И это справедливо не только в отношении судебной деятельности департамента, но и прочих его задач, из числа коих я назову лишь две.

Согласно старинному положению нашего публичного права, которое было отменено всего несколько лет тому назад, департаменту надлежит, после предварительных работ в Судебной экспедиции, ведать разные дела, относящиеся к области судебной администрации; в том числе особенно важны дела о замещении должностей в судебных местах.

Судебный департамент подготовляет также вместе с Хозяйственным департаментом весьма многие и важнейшие законодательные вопросы.

Таким образом, задачи департамента и трудны, и ответственны. Но я знаю, что у нас есть добрая воля добросовестно исполнить наш долг, и надеюсь, что мы соединенными силами и с Божьей помощью осуществим те требования, какие могут быть справедливо предъявлены к департаменту.

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 23 ноября (6 декабря). № 170. С. 2.

№ 141. Речь ландмаршала барона В.М. фон Борна[380] на открытии чрезвычайного Сейма[381]

7(20) декабря 1905 г.

[Приветственные речи в день открытия чрезвычайного Сейма]

Речь ландмаршала, барона В.М. фон Борна.

Ваше Высокопревосходительство.

Вследствие Высочайшей Грамоты Его Величества Императора и Великого князя и повеления основного закона, рыцарство и дворянство Финляндии снова собралось на Сейм, дабы вместе с другими сословиями, от имени финляндского народа, обсудить и решить важные вопросы, которые будут предложены земским чинам согласно Высочайшему Манифесту от 4-го ноября 1905 года.

В этом Манифесте Его Величества финляндский народ видит не только правомерное восстановление правового порядка и государственной конституции Великого княжества, как таковые исторически развились, но также великодушное исполнение того незабвенного обещания дальнейшего развития конституционно-монархического образа правления в нашей стране и гарантий его сохранения, которое было дано уже сорок лет тому назад Августейшим Дедом Его Величества пред собранием земских чинов страны. Этим для народа Финляндии открывается новое время с новыми горизонтами, и глубоко укоренившееся

в нашем народе законопослушание будет ручательством счастливого развития, тогда как взаимное доверие представит вернейшее основание для тех уз, которые исконно соединяли в нашей стране Государя и народ. В глубоком сознании важности минуты и требований будущего земские чины страны приступят к рассмотрению важных вопросов, предложенных Его Величеством на разрешение земских чинов.

Не менее многозначительна та работа, которая начата на основании Высочайшего Манифеста по восстановлению законного порядка как в судебной области, так и в различных отраслях административной области, и с напряженным вниманием следят за этой работой во всей нашей стране. Сознание непреклонного намерения Его Величества достигнуть и в этой области полного применения законов края в соединении с доверием к установленному Его Величеством в Великом княжестве правительству с его председателем, генерал-губернатором страны, смягчать легко объяснимое нетерпение нашего народа и устранить могущие встретиться затруднения.

Рядом государственных актов Его Величество начал новую эпоху в истории Своей мировой державы. К чувству полной надежд радости, с которой акты эти были встречены всем миром, осмеливаемся присоединить свой голос и мы, научившиеся глубоко познавать богатые источники добра и благородства, скрывающиеся в русской народности. Да увенчает Провидение, руку кого так часто изведал и финляндский народ, успехом это деяние, многозначительное для всего человечества.

Рыцарство и дворянство просят Ваше Высокопревосходительство повергнуть перед Его Величеством Императором и Великим князем выражения верноподданнического почитания рыцарства и дворянства и вместе с их всеподданнейшими чувствами клятву рыцарства и дворянства в верности и преданности, их горячие благопожелания Его Императорскому Величеству и Его Августейшей Супруге, Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику, Ее Величеству Вдовствующей Императрице и Императорскому Дому.

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 11(24) декабря. № 179. С. 2.

№ 142. Речь Императора при открытии Сейма

9(22) декабря 1905 г.

Высочайшая Его Императорского Величества Речь земским чинам Великого княжества Финляндского при открытии чрезвычайного Сейма в г. Гельсингфорсе 22 декабря 1905 года.

Представители финского народа

Данным Мною 22 октября (4 ноября) сего года Манифестом, а также Грамотою, коею Я созвал вас на чрезвычайный Сейм, было возвещено, что на рассмотрение ваше будут переданы проект преобразования организации финского народного представительства с применением начал всеобщей и равной подачи голоса, а также другие законопроекты, клонящиеся к обеспечению свободы граждан. Выработка этих сложных проектов, равно как и предложений об окончательном урегулировании бюджета на 1906 и 1907 годы, не могла быть завершена к 20 декабря. Тем не менее Я признал за благо собрать вас в этот день, дабы еще до 1 января могли быть приняты временные финансовые меры, вызываемые тем, что срок действия постановлений о некоторых временных налогах прекратится с исходом текущего года. По рассмотрении вами предложения о сих временных финансовых мерах может оказаться необходимым прервать на некоторое время занятия Сейма. После этого перерыва вы приступите к разрешению самой важной задачи настоящего Сейма. Почин к преобразованию народного представительства в Финляндии сделан Мною в том убеждении, что предоставление права участия в избрании народных представителей всем гражданам, без различия общественного и имущественного положения, возвысит против настоящего значение деятельности Сейма в жизни народа. Я рассчитываю, что новые права, которые

даруются населению Финляндии прочими, вносимыми на обсуждение Сейма, новыми законами, будут использованы всеми гражданами Финляндии на благо края.

Призывая благословение Божие на ваши труды, объявляю Сейм открытым.

Николай

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 10(23) декабря. № 178. С. 1; СПВКФ. 1905. Ч. 2. № 57. С. 1.

№ 143. Заметка «О нейтралитете Финляндии» в «Финляндской газете» о позиции Германии и взаимоотношениях России и Финляндии[382]

10(23) декабря 1905 г.

О нейтралитете Финляндии.

В № 342 «Hufvudstadsbladet» от 22-го декабря напечатано: «Dagens Nyheter» от 19-го декабря содержит на месте передовой редакционную статью под заглавием: «Тучи на востоке». Изложив содержание заметки «Нового Времени» и некоторые вольные замечания по ее поводу, упомянутая шведская газета пишет следующее, конечно, относящееся на ее счет:

«Подобно тому, как британская империя имеет своим противовесом на материке Германию, так и эта последняя в свою очередь требует сильной государственной комбинации в своем восточном соседстве.

Но если таким образом исходить от мысли, что исполинское русское государство останется жить, хотя бы и в измененных формах, возникает вопрос: каким образом можно примирить эту мысль с освобождением "окраинных народов" от того неполноправного положения, в каком народы эти держались в период самодержавия.

Вопрос этот особенно деликатен, когда дело касается Финляндии, область которой начинается всего в 30 километрах от столицы империи. Для России Финляндия представляет собою одну из важнейших стратегических позиций; Россия должна держать ее в своих руках в военном отношении, дабы иметь возможность обороняться. Предоставить Финляндии автономию, заменить включение ее в состав империи личной унией, по мнению "Нового времени", то же самое, что оставить Россию беззащитною с этой стороны. Может быть еще хуже: может оказаться достаточным перемены генерал-губернатора для того, чтобы финляндский аванпост с своей собственной армией стал пунктом нашествия на империю. Такое положение необходимо предупредить. Здесь можно сослаться на слова профессора Сергеевского, сказанные в 1902 году, что, если бы Финляндия каким-либо образом достигла государственной независимости, необходимо было бы принять самые решительные меры, чтобы положить конец подобному положению.

К счастью, можно предположить, что люди, высказывающие подобные угрозы, сами не вполне верят таким обвинениям. Они должны знать, что финляндцы меньше всего желают вырваться из государственных отношений, которые, при благоустройстве, должны послужить на пользу обеим сторонам. Конфликт начнется лишь с претензии, что Финляндия составляет провинцию империи и должна иметь своих представителей в Государственной думе, как Ирландия в британском парламенте. Нет ничего неправдоподобного в том, что, когда Государственная дума соберется, она выскажется в пользу подобного слияния. Мотив мы видели: он в том, что Россия должна держать Финляндию в руках в военном отношении. Но страна, занятая чужими войсками, никогда не может чувствовать себя уверенною в своем самоопределении, как бы торжественно ни было подтверждено это ее право.

Есть ли какой-нибудь выход из этой опасной дилеммы? Да, он был указан еще в 60-х годах, когда либеральный проблеск в империи принес некоторые облегчения для Финляндии. Тогда финляндцы грезили об автономии, обеспеченной нейтралитетом, подобным бельгийскому и швейцарскому.

Сравнение с Бельгией и Швейцарией было, быть может, слишком дерзко, и так как Финляндия не может достигнуть такой же независимости, как эти государства. Но есть

другой пример, приводившийся нами раньше, именно – нейтралитет Северной Савоии, который не мешает нейтральному округу составлять нераздельную часть Великой державы – Франции. Подобный порядок для Финляндии одновременно соответствовал бы желаниям страны и жизненным интересам самой империи. Это было бы средством соединить самоуправление одной стороны – в том объеме, какой возможен при государственном единении – с военными интересами другой стороны. Ведь интерес финляндской позиции для России состоит не в том, чтобы пользоваться ею для нападения на небольших и слабых соседей, а в том, чтобы за нею чувствовать себя безопасною от нападений извне. И эта безопасность может быть приобретена нейтралитетом, исключающим возможность неприятельской высадки на финляндских берегах.

Необходимо предвидеть, что финляндский нейтралитет может быть осуществлен лишь в связи с скандинавским, а, пожалуй, и с общим северным нейтралитетом. Как это должно сделаться и какие другие международные задачи выдвинутся в связи с этим, здесь не место разбирать. Надо оставить в стороне и вопрос, – с какой стороны удобнее всего взять на себя почин по этому делу. Но серьезность положения заставляет не упускать из вида ни одной конъюнктуры, пока не представится такая, которая может обеспечить мирное развитие северных народов. Смена идей на востоке идет с такой быстротой, что бывшее в один день утопией, становится на другой полной действительностью».

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 10(23) декабря. № 178. С. 2.

№ 144. Из Именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату «Об изменении положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнении к нему узаконений»[383]

11(24) декабря 1905 г.

Манифестом, 17 октября с. г. изданным, мы возвестили о непреклонной воле нашей, не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь к участию в ней, в мере возможности, те классы населения, кои избирательными правами не пользовались, предоставив дальнейшее развитие общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

Согласно сему, в изменение положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений, повелеваем:

I. Предоставить участие в избрании выборщиков в городские избирательные собрания (Пол. о выб. Ст. 19): 1) лицам, владеющим в пределах города, на праве собственности или пожизненного владения, не менее года недвижимым имуществом, обложенным государственным налогом или городским сбором; 2) лицам, владеющим в пределах города не менее года торговопромышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства; 3) лицам, уплачивающим в пределах города не менее года государственный квартирный налог; 4) лицам, уплачивающим в пределах города не менее года основной промысловый налог на личные промысловые занятия; 5) лицам, не менее года занимающим в пределах города на свое имя отдельную квартиру, и 6) лицам (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживающим в пределах города и получающим содержание или пенсию по службе государственной или по службе в земских, городских либо сословных учреждениях или на железных дорогах*.

Опубл.: СУ. 1905. 12 декабря. Отд. 1. Ст. 1973; ПСЗРИ. Отд. 1. Том. XXV. СПб., 1908. Ст. 27029. С. 877–878; Финляндская газета. 1905, 17(30) декабря. № 182. С. 1.

* *Текст далее не приводится.*

№ 145. Сообщение об отпуске директора канцелярии Финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна и назначении на эту должность Ф.М. Книновича[384]

24 декабря 1905 г. (6 января 1906 г.)

[МЕСТНАЯ ХРОНИКА] Государь Император, по всеподданнейшему докладу представления Финляндского генерал-губернатора 22 декабря 1905 г. (4 января 1906 года) Всемилостивейше соизволил разрешить директору канцелярии Финляндского генерал-губернатора, генерального штаба генерал-майору Зейну, согласно прошению, по болезни, четырехмесячный отпуск с сохранением всего получаемого им содержания и казенной квартиры[385].

Вместе с тем Его Императорскому Величеству благоугодно было повелеть возложить исправление должности директора канцелярии генерал-губернатора на время отпуска генерал-майора Зейна на вазаского губернатора коллежского советника Книновича с сохранением производящегося ныне сему последнему по должности губернатора содержания[386].

Опубл.: Финляндская газета. 1905, 24 декабря (6 января 1906 г.). № 186. С. 3.

№ 146. Записка министра статс-секретаря Эрштрема генерал-губернатору Н.И. Герарду об участии финляндцев в Государственной думе

24 декабря 1905 г. (6 января 1906 г.).

Глубокоуважаемый Николай Николаевич.

Только что мною получено письмо от П.А. Харитонова, который сообщает, что граф Сольский считает необходимым, в исполнение Манифеста 6 августа, включить в пересматриваемое ныне учреждение Государственной думы правила, отличающие участие в ней представителей Финляндии. Вследствие сего Петр Алексеевич просит меня дать движение этому вопросу, статс-секретариат своими силами ничего в настоящем деле сделать не может, и разработка его, конечно, должна будет производиться в Гельсингфорсе. Однако, пользуясь тем обстоятельством, что письмо Харитонова по способу изложения является полуофициальным, я и с своей стороны не вхожу с Вами до поры до времени в официальные сношения. Насколько мне известно, князь Оболенский предлагал Сенату заняться вопросом об участии финляндцев в Думе, но кажется Сенатом ничего не сделано. Мое личное мнение таково, что пока не окончила своих занятий Комиссия Н.С. Таганцева (которая не упразднена, хотя фактически не работает), до тех пор нельзя формулировать никаких положений относительно общегосударственного законодательства. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы сообщили Ваш взгляд.

Переводы речей ландмаршала и тальманов немедленно по получении отосланы мною в Царское Село.

Глубоко Вас уважающий и совершенно преданный

С.-Петербург
24 декабря 1905 г.
Эрштрем

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–2. Рукописный текст на бумаге верже $^1/_8$ листа, согнутого вполовину, с водяными знаками: Handgjord Post и изображения в круге.

№ 147. Обращение финляндских граждан, живущих в Петербурге, «К финляндским гражданам, живущим в империи» с просьбой воздержаться от участия в выборах в Государственную думу

Январь 1906 г.

К финляндским гражданам, живущим в империи.

Из газет стало известно, что некоторые финляндские граждане, живущие в империи, заявили о своем желании участвовать в выборах в Государственную думу. По этому поводу Петербургская городская управа заявила, что финляндцам принадлежит не только право выбора, но также и право избрания в Государственную думу.

На этом основании мы обращаемся к нашим соотечественникам, живущим в империи, с нижеследующим разъяснением:

Со времени соединения Финляндии с Россией законодательство нашей страны зависело от Финляндского Сейма. Без согласия Сейма ни один закон в Финляндии не мог иметь законную силу. Следовательно, и Государственная дума не может создавать законы, которые связывали бы Великое княжество Финляндское.

Таким же образом и Финляндский Сейм не может создавать законы, имеющие силу в империи.

Финляндия и империя составляют, таким образом, совершенно чуждые друг другу области для законодательства.

Финляндский гражданин, как таковой, имеет право выбора и избрания в Финляндский Сейм. Одновременно он не может иметь такие же политические права по отношению к Государственной думе. Поэтому участие финляндского гражданина в выборах в Государственную думу должно считаться вторжением в чужую область законодательства. Подобный случай имел бы место, если бы живущие в Финляндии русские стали претендовать на политические права в Финляндии, не приобрев там права гражданства.

Финляндский гражданин может пользоваться своими политическими правами только в Финляндии. Если же он желает участвовать в созидательном политическом труде в пределах империи, то ему надлежит отказаться от своих политических прав в Финляндии. Только натурализовавшись, он тогда как русский гражданин может принимать участие в Государственной думе.

Петербургская городская управа, давая вышеуказанное объявление, не обратила, повидимому, внимание на допущенную ею неточность чисто принципиального свойства и заключающуюся в том, что одно и то же лицо одновременно пользуется политическими правами в двух странах, совершенно отличных друг от друга в отношении законодательства.

На основании всего вышесказанного, мы находим, что долг каждого Финляндского гражданина, живущего в империи, обязывает его воздержаться от участия в выборах в Государственную думу, хотя бы даже на это последовало согласие подлежащих лиц.

Что это мнение господствует в Финляндии – видно из многочисленных по этому вопросу статей в финляндской печати и мнений, высказанных выдающимися правоведами.

Желательно, чтобы Финляндские граждане, ознакомившись с вышеизложенным мнением, распространяли его между своими соотечественниками, живущими в империи.

Во избежание недоразумений, следует помнить, что все вышеизложенное относится лишь к тем лицам, живущим в России, которые пользуются правом финляндского гражданства.

Финляндские граждане, живущие в С.-Петербурге.

С.-Петербург, январь, 1906 г.

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, дело 949, папка Гb:33. Типографский текст на финском, шведском и русском языках.

№ 148. Письмо статс-секретаря А.Ф. Лангофа генерал-губернатору Н.И. Герарду о беседе с Императором и своем назначении на должность

25 января (7 февраля) 1906 г.

С.-Петербург 25 января 1906 года

Милостивый государь
Николай Николаевич!

Из телеграммы Его Величества, равно как и из моего служебного письма Вашему Высокопревосходительству, уже известно о моем назначении министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского. Теперь позволю себе объяснить Вашему Высокопревосходительству каким образом это назначение состоялось, несмотря на то, что я, по причинам, о которых Вам уже известно, заявил Вам, что я откажусь от этой должности, если она будет мне предложена. Я считал, что дело этим уже закончено и был совершенно спокоен, но совершенно для меня неожиданно я получил приказание в Воскресение явиться к Его Величеству. Государь Император предложил мне принять должность министра; на что я просил разрешения доложить совершенно откровенно о причинах, по которым я, в интересах Его Величества и Финляндии, должен отказаться от лестного для меня предложения. Государю Императору было известно, что я желал отказаться, но при этом Его Величеству угодно было сказать мне, что Он меня так хорошо знает и безусловно мне доверяет и очень желает, чтобы я принял на себя исполнение трудных и ничтожных обязанностей министра статс-секретаря. Разговор продолжался 1 $^{1}/_{4}$ часа, и я старался, насколько мог, доказать желательность назначения одного из тех двух лиц, которые считали кандидатами Финляндии, т. е. либо графа Армфельта[387] или же губернатора Бьернберга, но Его Величество тем не менее сказал, что Лично Он желает, чтобы я принял должность. Я уже не счел себя в праве упорствовать и Его Величество меня назначил, высказав при этом уверенность, что я сумею заслужить доверие стороны.

Я не имею возможности в письме передать всех подробностей моего разговора, но из вышеуказанного Ваше Высокопревосходительство уже изволите усмотреть, что я не только ничего не сделал для своего назначения, но на обороте сделал все, что мог, для того, чтобы был назначен другой. Теперь, когда мое назначение уже является делом совершенным, я твердо решил делать все, что в моих силах для того, чтобы оправдать высокое доверие, которое мне оказано, и заслужить доверие моей родины.

Я убедительно прошу Вас, Ваше Высокопревосходительство, верить в искренность моего желания быть полезным на том тяжелом и ответственном посту, который я волею Государя Императора призван занять. Его Величество предоставил мне право избрать моего товарища, и я предложил эту должность губернатору Бьернбергу, он мне обещал еще сегодня дать окончательный ответ и имею основание надеяться, что он будет утвердительный.

Сегодня весь служебный состав статс-секретариата был мне представлен, я вступил в отправление своей должности. При первой возможности предполагаю приехать в Гельсингфорс и буду иметь честь представиться Вашему Высокопревосходительству.

Прошу Вас, Ваше Высокопревосходительство, принять уверение в глубоком моем уважении и преданности.

А. Лангоф

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–2 об. Рукопись на $^{1}/_{2}$ листа, сложенного вдвое со следами сгибов вчетверо.

№ 149. Сообщение «Финляндской газеты» о назначении А.Ф. Лангофа министром статс-секретарем Финляндии[388]

26 января (8 февраля) 1906 г.

[МЕСТНАЯ ХРОНИКА] Высочайшею грамотой от 23-го января (5-го февраля) сего года командиру 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-майору Августу Лангофу Всемилостивейше повелено быть министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского.

Опубл.: Финляндская газета. 1906, 26 января (8 февраля). № 15. С. 3.

№ 150. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору о Комитете по финляндским делам и кадровой политике Лангофа

26 января (8 февраля) 1906 г.

Ваше Императорское Величество!

Назначение нового министра статс-секретаря Финляндии вновь пробудило у здешних политиков надежду восстановить упраздненный в 1891 году Комитет по финляндским делам, составленный при статс-секретариате в 1857 году исключительно из финляндцев. Такой Комитет может иметь только одну цель: как можно более связать статс-секретаря, следить за его деятельностью и направлять ее исключительно в интересах местной политики, без всякого соображения с общегосударственными интересами. Казалось бы, следует наоборот стремиться к тому, чтобы статс-секретарь проникся этими последними и сблизился с другими министрами Вашего Величества, а не отстранился от них, находясь в среде только своих сограждан и подвергаясь постоянно их влиянию.

Сейчас я узнал также, что генерал Лангоф предложил должность товарища статс-секретаря губернатору Бьернбергу. Ваше Величество! ежели это не поздно, ради Бога, откажите в этой просьбе: такое одновременное занятие высших должностей двумя финляндцами было бы пагубно, очевидно, за этими лицами и остальные должности по Канцелярии будут предоставлены финляндцам, и таким образом уже не лицо, а все учреждение явится органом чисто местных стремлений, с полным пренебрежением к общегосударственным интересам. Закон 1891 года, ограждавший как это учреждение, так и генерал-губернатора от столь одностороннего влияния, обратится в мертвую букву или будет вовсе отложен.

По всем приведенным основаниям приемлемо смелость всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество отказать в обоих представлениях, приведенных выше, ежели они будут сделаны.

Финляндский генерал-губернатор Герард

26 января 1906 г.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2361. Рукопись на ½ листа, сложенного вдвое.

№ 151. Письмо и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского Э.А. Эрнтрема финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о статусе должности министра статс-секретаря и своем увольнении

30 января (12 февраля) 1906 г.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич.

В двух Ваших письмах, полученных в течение последних дней, Вы позволили сослаться на примечание 1 к ст. 184 учр. Мин. Мне представляется, однако, что указанный закон едва ли относится к тем делам, по которым сделана эта ссылка. Насколько я понимаю это приме-

чание, оно имеет в виду случаи, когда возникает вопрос о распространении на Финляндию принятой по империи меры. Что же касается вопроса о том, коим должно быть доложено Государю то или другое дело, то этот вопрос разрешается Инструкцию статс-секретариату, которою определяется, что дела, относящиеся до общего **гражданского** управления Финляндии, докладываются министром статс-секретарем. Из этого можно заключить, что по делам военным, поскольку ими не затрагиваются финансовые или хозяйственные вопросы, всеподданнейший доклад представляется не статс-секретарем, а военным министром. Такой порядок соблюдался и раньше; напр., расформирование драгунского полка и кадетского корпуса последовало по докладу военного министра, а министр статс-секретарь входил с докладом только относительно пенсий и заштатного содержания офицерам. Затем все дела, касающиеся отношений к иностранным державам, всегда (по крайней мере насколько я помню) докладывались Его Величеству министром иностранных дел.

Доклад дел о русском языке состоится, вероятно, еще не очень скоро[389]; министр потребовал ряд справок и еще не дал указаний, в каком смысле следует изложить его мнение.

Моя судьба решится, надо думать, на днях. Кажется, я буду назначен сенатором[390]. Меня это назначение вполне устроит при условии, что не очень обидят на содержании, так как своих средств я не имею.

Крепко жму Вашу руку. Глубоко Вас уважающий и искренне преданный

С.-Петербург 30 января
Эрштрем

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 9. Л. 13–14 об. Рукопись черными чернилами на ½ листа, сложенного вдвое со следами сгибов.

№ 152. Представление Финляндского Сената об учреждении при статс-секретариате Великого княжества Финляндского Совещательного комитета[391]

30 января (12 февраля) 1906 г.
Копия

Перевод всеподданнейшего представления Хозяйственного департамента
ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената
от 12 февраля 1906 года

В первые годы по соединении Великого княжества Финляндского с Российскою империею порядок всеподданнейшего доклада финляндских дел был урегулирован только временно; но ВЫСОЧАЙШЕЮ инструкциею от 6 ноября (25 октября) 1811 г. для этой цели в С.-Петербурге учреждена была Особая комиссия. Назначение Комиссии заключалось в «рассмотрении и приуготовлении дел, кои по коренным законам сей страны и по учреждению Финляндского Правительствующего Совета (Сената) принадлежат к непосредственному решению Верховной власти». Комиссия состояла из трех, по крайней мере, членов, со включением председателя, которые все назначались ВЫСОЧАЙШЕЮ властью из обывателей Финляндии. Кроме того, в состав Комиссии входил статс-секретарь, назначаемый равным образом из обывателей Финляндии ВЫСОЧАЙШЕЮ властью, статс-секретарь докладывал Государю Императору дела в присутствии председателя Комиссии.

ВЫСОЧАЙШИМ манифестом от 17 марта 1826 г. эта Комиссия была упразднена. Главным мотивом при этом было указано, что уже не требуется особого рассмотрения дел по подготовке их в Сенате. Вместе с тем в манифесте сказано: «Желая при том установить для Финляндии сообразный с утвержденными НАМИ кореннными законами и основными постановлениями сего края порядок по докладу НАМ дел, зависящих от решения ВЫСОЧАЙШЕЙ власти, МЫ сохраняем звание статс-секретаря Великого княжества Финляндии». Манифест содержит инструкцию статс-секретариату, которая большею частью остается в силе по сие время.

В начале царствования ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Александра II вновь возникло предположение посредством учреждения совещательного комитета увеличить гарантии тщательной подготовки дел в статс-секретариате. В вступлении к ВЫСОЧАЙШЕМУ Манифесту от 8 апреля (27 марта) 1857 г. сказано: «Желая, чтобы все подданные НАШЕГО Великого княжества Финляндского ненарушимо пользовались правами и преимуществами, им принадлежащими по коренным законам края и особым установлениям, и чтобы разнородные и важные дела Великого княжества, поступающие на разрешение НАШЕ, могли быть обсуждаемы в надлежащей полноте, Мы признали необходимым, кроме министра статс-секретаря Великого княжества, иметь постоянно у престола НАШЕГО и других лиц, сведущих в законах и в административном и хозяйственном управлении края. Вследствие сего ВЫСОЧАЙШЕ повелеваем учредить при статс-секретарнате Финляндском постоянный комитет». В состав Комитета 1857 г. входили министр статс-секретарь в качестве председателя и четыре члена, в том числе помощник министра статс-секретаря по званию своему и три члена, назначаемых ВЫСОЧАЙШЕЮ властью, один непосредственно и два по представлению генерал-губернатора совокупно с Сенатом. Комитет рассматривал те дела, кои по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению вносились на его обсуждение министром статс-секретарем.

Комитет этот был упразднен ВЫСОЧАЙШИМ Манифестом 13/1 мая 1891 года.

При историческом сравнении различных периодов деятельности статс-секретариата нельзя не прийти к тому выводу, что статс-секретариат вообще лучше удовлетворял своему назначению, когда в состав его входил совещательный Комитет, чем в те времена, когда министр статс-секретарь при руководстве делами этого учреждения занимал изолированное положение. Сенат, бесспорно, всегда старался повергать на благовоззрение МОНАРХА только такие предположения, которые имели целью действительную пользу края, и в своих всеподданнейших представлениях с потребною полнотою излагать мотивы проектируемых им законодательных мер или правительственных распоряжений. Нередко, однако, случается, что министр статс-секретарь при всеподданнейшем докладе нуждается в сведениях, не содержащихся в представлениях Сената. В числе же законодательных вопросов встречаются столь обширные проекты и мотивы, что требуется краткое изложение существенного их содержания, чтобы при всеподданнейшем докладе не отнималось у МОНАРХА без нужды драгоценное время. Составление же такого краткого и точного изложения дела является весьма ответственною задачею, которую вернее можно выполнить, когда министр статс-секретарь пользуется содействием Комитета из сведущих лиц, чем при участии одних только чиновников Канцелярии, к тому же возможность совещаться с таким Комитетом даст министру статс-секретарю твердую опору в отношении правильного толкования действующих законов.

Ввиду этих соображений по убеждению Сената представляется необходимым, чтобы при статс-секретариате вновь был учрежден совещательный Комитет однородного состава с существовавшим с 1857 до 1891 г. Далее Сенат в обоснование этого предположения приемлет долг изъяснить, что законодательная деятельность в Финляндии, несомненно, должна будет на долгое время принять более интенсивный и многосторонний характер, чем за последнее время, вследствие чего множество законодательных реформ должны будут восходить через министра статс-секретаря на ВЫСОЧАЙШЕЕ Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Сенат полагает, что для пользы дела круг деятельности Комитета следует несколько расширить по сравнению с инструкцией 1857 г., согласно которой Комитет рассматривал только дела, передаваемые на его обсуждение по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению. По мнению Сената, правильнее, чтобы все поступающие из Сената от генерал-губернатора дела, за исключением лишь вопросов о замещении должностей и об увольнении от службы, предварительно всеподданнейшего доклада рассматривались в Комитете. Указанное изъятие мотивируется тем соображением, что дела о назначении и увольнении чиновников не требуют особых разъяснений, сверх имеющихся в представлениях генерал-губернатора и Сената. В отношении же прочих дел предварительное установление различных категорий, из

которых одни подготовлялись бы к докладу в комитете, а другие только министром статс-секретарем, представляется затруднительным.

Засим было бы целесообразно, чтобы возбуждаемые имперскими властями вопросы, подлежащие передаче генерал-губернатору или в Сенат, поступали к ним вместе с заключением или разъяснениями комитета, когда это требуется свойством дела. Комитету должно быть также предоставлено решать вопрос о том, в каких случаях состоявшиеся в империи правительственные распоряжения или законодательные меры должны быть через статс-секретариат доводимы до сведения Сената.

Согласно изложенным соображениям Сенатом составлены определения прилагаемого всеподданнейшего проекта постановления касательно задач и обязанностей комитета.

Относительно состава комитета Сенат всеподданнейше проектирует, чтобы все три члена, заседающие в комитете вместе с министром статс-секретарем и его помощником, назначались сроком на три года ВЫСОЧАЙШЕЮ Властью по совокупному представлению Сената и генерал-губернатора. По Манифесту же 1857 г. в таком порядке назначались два члена, третий же назначался непосредственно ВЫСОЧАЙШЕЮ Властью бессрочно. Но основная идея проектируемого комитета требует, чтобы члены его, заседающие в нем не по званию своему, как министр статс-секретарь и его помощник, периодично могли меняться, так чтобы в комитет всегда привлекались рабочие силы из Сената, сообразно обстоятельствам времени.

Так как нынешний состав Сената не может быть сокращен, то назначение трех сенаторов членами проектируемого совещательного комитета осуществимо не иначе, как со включением в штат Сената еще трех членов, из коих, смотря по обстоятельствам, один числился бы по Судебному департаменту и два по Хозяйственному или наоборот. Ввиду расходов по переезду в С.-Петербург и обратно и дороговизны жизни в столице представляется справедливым, чтобы сенаторам, назначаемым в комитет, сверх сенаторского оклада в 20 000 марок отпускалось добавочное содержание по 10 000 марок каждому.

Избрание кандидатов в члены комитета, производившееся в общем собрании обоих департаментов Сената во время действия инструкции 1857 г. обыкновенно происходило при личном участии генерал-губернатора. Этот порядок сохранен и в выработанном Сенатом всеподданнейшем проекте ВЫСОЧАЙШЕГО постановления. При этом в проект включено определение о том, что кандидаты первого состава могут быть избраны также из лиц, не состоящих членами Сената, так как учреждение комитета, как выше замечено, вызывает увеличение числа сенаторов.

Ввиду сопряженных с учреждением совещательного комитета расходов, составляющих, со включением содержания чиновнику, состоящему докладчиком и секретарем комитета, приблизительно 100 000 марок в год, Сенат не решился бы проектировать подобное расширение организации статс-секретариата, если бы Сенат не был убежден, что учреждение от которого зависит окончательная подготовка финляндских дел, подлежащих докладу Вашему императорскому Величеству, должно располагать столь многосторонею опытностью и знаниями, чтобы оно при всяких обстоятельствах могло с полным успехом выполнять свою важную задачу.

Сенат поэтому приемлет долг всеподданнейше ходатайствовать перед Вашим Императорским Величеством о ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМ утверждении представляемого при сем всеподданнейшего проекта постановления об учреждении при статс-секретариате Великого княжества Финляндского совещательного комитета.

Подлинное подписали сенаторы:

Л. Мехелин, А. Нюберг, Г. Лилиус, О. Шильдт[392], К.Ф. Игнациус, Ф. Шернваль[393], О. Доннер, И.К. Кари*.[394], Л. Грипенберг, К. Антель, К.И. Стольберг**.[395].

---

* *Правильно: Ю.К. Кари.*

** *Правильно: К.Ю. Стольберг.*

Скрепил Референдарий-секретарь А. Дегергольм[396]
Перевод проверил главный переводчик Гейдеман
Перевел Тилло
С подлинным верно:
Директор Канцелярии Ф. Книпович
Сверял и верно: За начальника отделения Стромилов

Копия
Перевод

Всеподданейший проект постановления об учреждении Совещательного комитета при Финляндском статс-секретариате

Государь Император, по всеподданнейшему представлению Финляндского Сената соизволил ВЫСОЧАЙШЕ утвердить следующее постановление

§ 1.

При Финляндском статс-секретариате учреждается постоянный Совещательный комитет в составе министра статс-секретаря в качестве председателя, помощника министра статс-секретаря и трех членов Финляндского Сената.

§ 2.

Комитет рассматривает все поступающие в статс-секретариат от генерал-губернатора и Сената дела, представляемые на ВЫСОЧАЙШЕЕ Его Императорского Величества решение, за исключением вопросов о замещении должностей и прошений об увольнении от должности.

По более важным делам комитет составляет пояснительную записку, вызываемую обстоятельствами дела, и представляет также свое заключение по делу, если к тому имеется особый повод. Составленная комитетом записка и заключение его представляются Его Императорскому Величеству вместе с докладною запискою, составляемою согласно инструкции статс-секретариату от 17 марта 1826 года.

§ 3.

Поступающие в статс-секретариат отношения имперских властей, имеющие в виду принятие каких-либо мер со стороны финляндского правительства, докладываются комитету. При передаче таких отношений генерал-губернатору или в Сенат комитет приобщает к ним отзыв или разъяснения, которые представляются необходимыми.

§ 4.

В случае воспоследования в империи правительственных распоряжений или законодательных мер такого свойства, что, по мнению комитета, Сенату необходимо иметь о них сведение, извещение о таких распоряжениях и мерах доставляется статс-секретариатом в подлежащую экспедицию Сената.

§ 5.

Три сенатора, состоящие членами совещательного комитета, назначаются Его Императорским Величеством, по всеподданнейшему представлению о кандидатах, избранных генерал-губернатором и Сенатом сообща.

Состоящие членами комитета сенаторы назначаются на трехлетний срок, в течение которого они остаются членами Сената.

При выборе кандидатов первого состава могут быть избраны также сведущие по части законодательства и управления Финляндии лица, не состоящие членами Сената; при назначении их членами комитета они вместе с тем ВЫСОЧАЙШЕ назначаются сенаторами.

§ 6.

На заседаниях комитета должны присутствовать, кроме председателя, по крайней мере два члена.

В отсутствие министра статс-секретаря председательствует его помощник.

§ 7.

Дела докладываются в комитете и протокол его ведется чиновником статс-секретариата, назначенным для сего министром статс-секретарем. За исполнение этих обязанностей Е г о И м п е р а т о р с к о е В е л и ч е с т в о, по представлению министра статс-секретаря, назначает особое вознаграждение.

§ 8.

Каждому из сенаторов, назначенных членами комитета, причитается сверхприсвоенного сенаторам оклада вознаграждение за пребывание в С.-Петербурге добавочное содержание в десять тысяч марок в год.

§ 9.

Круг деятельности и занятия статс-секретариата, установленные ВЫСОЧАЙШИМ манифестом и инструкцией от 17 марта 1826 г., в прочих отношениях учреждением совещательного комитета не изменяются.

Составлен согласно с состоявшимся сего числа определением ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената. Гельсингфорс, по канцелярии Хозяйственного департамента, 12 февраля 1906 года.

Референдарий-секретарь А. Дегергольм
Перевод проверил главный переводчик Г. Гейдеман
Перевел А. Тилло
С п о д л и н н ы м в е р н о: За экспедитора Окер-Блом[397]

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 3. Л. 28 об. – 32. Типографский текст в составе подборки документов (С. 4–11) на полулистах, сшитых нитью.

ЧАСТЬ 5
Февраль – декабрь 1906 г.
Программы разных нолитических сил но онределению статуса Финляндии и ее будущего

№ 153. Отношение № 561 председателя Государственного совета Д.М. Сольского министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу об участии граждан Финляндии в Государственной думе России

12(25) февраля 1906 г.

12 февраля 1906 года
№ 561

Его Превосходительству А.Ф. Лангофу

Милостивый государь Август Федорович

В Манифесте 6 августа минувшего года всенародно провозглашено, что о порядке участия в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского по вопросам общих для империи и сего края узаконений будет указано особо.

Одновременно с изданием этого Манифеста, 6 того же августа, Высочайше учреждено Особое, под моим председательством, совещание для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Думе правил.

Независимо от сего, по Высочайшему повелению, 28 октября прошлого года воспоследовавшему, образовано было, под моим председательством, Совещание для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений.

Совещание это, завершая свой труд, в представленной Его Императорскому Величеству 6 сего февраля мемории, коснулось дальнейших работ, вызываемых реформою Государственного совета на предположенных основаниях. В сем отношении Совещание в числе других своих предположений высказало, что предстоящий коренной пересмотр учреждения Государственного совета вызовет такие вопросы, которые потребуют законодательного разрешения. К числу этих вопросов относится и вопрос о направлении предусматриваемых[а] в учреждении Государственного совета (ст. 31 п. 21) проектов законов, кои действуют на всем пространстве империи со включением Великого княжества Финляндского, равно законов, применяемых в пределах Великого княжества, если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи. Эти законопроекты подлежали рассмотрению в порядке, установленном Высочайшим Манифестом и Высочайше утвержденными основными положениями 3 февраля 1899 г. (Собр. узак., 207). Хотя сии законодательные акты не отменены, но действие их лишь приостановлено, тем не менее указанного рода проекты не могут впредь поступать в Государственный совет помимо Думы, тем более, что в Манифесте 6 августа 1905 г. возвещено об участии в Думе представителей Финляндии по означенным делам. Таким образом в отношении порядка рассмотрения упомянутых законопроектов надлежит выработать соответственные предположения при участии главного в крае начальства и статс-секретариата Великого княжества.

[а] *Вписано над строкой.*

Озабочиваясь приведением в исполнение возвещенной в Манифесте 6 августа прошлого года Монаршей воли о привлечении к участию в Государственной думе выборных от Финляндии по вопросам общих для империи и сего края узаконений, долгом считаю обо всем вышеизложенном поставить Ваше Превосходительство в известность и с тем вместе просить Вас, милостивый государь, сообщить мне Ваши по изъясненному предмету предположения в непродолжительном, по возможности, времени.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности[6].

[в] (Подписал) граф Сольский[398]

Верно: экспедитор Ив.Герасимов[-в]

Пометы: слева сбоку рукой делопроизводителя: Такого же содержания Его Высокопревосходительству Н.Н. Герарду – № 562.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2. Машинопись на бланке «Председатель Государственного совета». Дата и номер вписаны делопроизводителем. Л. 109–109 об. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:1].

№ 154. Записка сенатора Л. Мехелина «Статья о Финляндии в проекте основного закона»[399]

12(25) февраля 1906 г.

Записка сенатора Мехелина

Статья о Финляндии в проекте Основного закона

«Великое княжество Финляндское, состоя в державном обладании Российской империи и составляя нераздельную часть государства Российского, в внутренних своих делах управляется на Особых основаниях».

Заметки

«Державное обладание».

Слова эти не имеют необходимой для закона определенности. Они во всяком случае противоречат известному факту, что органы управления Финляндии не подчинены правительственным органам империи.

«Нераздельная часть государства Российского».

Если бы Финляндия составляла часть государства Российского, то законодательная власть империи распространялась бы и на Великое княжество, которое в таком случае не имело бы ни своих особых законов, ни своих особых финансов, ни своего особого правительства, состоящего в непосредственном отношении к Императору, Великому князю Финляндии. Торжественным актом утверждая прежние основные законы страны, Император Александр I тем и гарантировал Финляндии государственную автономию. Финляндия нераздельно соединена с Российским государством, но не включена в состав оного. Лишь в международных отношениях Великое княжество составляет часть Российской Державы.

«Во внутренних своих делах управляется на особых основаниях».

И это не точно. Что такое эти особые основания? Законы ли или правительственные распоряжения? Кто их постановляет – Император Российский или Великий князь Финляндский? Законодательная власть империи или законодательная власть Великого княжества?

---

[6] *В тексте письма предложен вариант для отношения Н.Н. Герарду:* Примите, ваше Высокопревосходительство, уверение в отличном моем к вам уважении и совершенной преданности.

[в-в] *Вписано рукой делопроизводителя.*

Употребление в законе выражения, дающего повод таким вопросам, конечно, невозможно. Финляндия, с первого дня соединения с Россиею, управлялась по своим особым основным законам, для изменения которых потребуется одобрение и согласие Финляндского Сейма. На этом именно основывается правовое и политическое положение Финляндии.

Основные законы, впрочем, применяются не только «во внутренних делах» страны.

Редактор статьи о Финляндии, вероятно, не имел в виду создать новые нормы касательно правового положения Финляндского Великого княжества. По термины или выражения упомянутой статьи, как видно из вышеизложенного, до такой степени не ясны и не точны, что финляндцы видели бы в ней новое нарушение прав страны, и что применение оной едва ли было бы возможно без недоразумений, не желательных для Русского правительства и опасных для Финляндии.

В следующем проекте выражено существующее правовое положение Великого княжества:

Великое княжество Финляндское, нераздельно соединенное с Россиiскою империею и составляя в международных отношениях часть Россиiской Державы, управляется по своим особым законам.

Альтерн[ативно]. Или, лучше:

Великое княжество Финляндское нераздельно соединено с Россиiскою империею, но управляется по своим особым основным законам.

ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1488. Л. 5–5 об. Типографский текст на полулистах (верстка подборки документов «Материалы, заимствованные из дела Канцелярии Комитета министров по Совету министров по проекту Основных законов империи. 1906 г.». С. 9–10).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [3:III]. Чистовой вариант.

№ 155. Письмо сенатора Л. Мехелина председателю Совета министров С.Ю. Витте с критикой проекта статьи Основных законов империи о статусе Финляндии и ее законодательстве

12(25) февраля 1906 г.

Письмо сенатора Л. Мехелина председателю Совета министров графу С.Ю. Витте от 12/25 февраля 1906 года

Господин граф,

Полагаю своим долгом уведомить Ваше Превосходительство, что я почел неизбежным сообщить министру статс-секретарю Финляндии основное содержание мнения, которое я представил Вам относительно проекта, с коим ознакомился sub secreto*.

Г-н Лангхоф** обещал мне хранить строжайшую тайну по этому вопросу. Зная, что он в курсе дела, Ваше Превосходительство может быть сочтет возможным, чтобы мы, по его и моей инициативе, поделились тем, что еще произойдет относительно сего предмета, столь необычайно важного для Финляндии.

Манифест 22 окт. (4 нояб.) 1905 г. позволил нам выйти из мрачного периода беззакония, который с 1899 г. угрожал всей будущности финского народа. Мы вновь начинаем жить.

---

* *По секрету (лат.).*

** *Правильно – Лангоф.*

Мы надеемся, что положение Финляндии в ее политическом союзе с Россией вскоре будет полностью восстановлено таким, каким оно должно быть согласно нерушимым обещаниям Александра I.

Эта надежда будет жестоко разбита, если новый Основной закон империи вместо того, чтобы отражать в точных терминах то, что составляло самую суть актов 1809 г., будет содержать на эту тему ложные и двусмысленные тезисы согласно редакции барона И[400]. Это станет триумфом приверженцев политики Плеве и Бобрикова. Это станет дверью, открытой тенденциям слияния и господства, которые уже причинили достаточно зла.

«Державное обладание»[а] послужит предлогом, чтобы направлять против Финляндии какие угодно удары.

Какой, однако, удивительный контраст. В тот самый момент, когда Российской империи будет дан закон, который обеспечит ей царство права, – тем же законом воспользуются, дабы предать забвению вековое существование Основных законов Великого княжества, которые являют собой оплот его прав, и в то же время, когда Российская власть их уважает, самую надежную гарантию верности финского народа Монарху и империи.

Но нет, это невозможно. Даже те, кто питает дурные намерения в отношении Финляндии, должны будут хорошо подумать, прежде чем просить Его Императорское Величество об одобрении статьи закона, противоположной духу Его последнего Манифеста финскому народу.

Я глубоко признателен Вам, господин граф, за то, что предоставили мне случай высказать мое мнение о злополучном проекте барона И.

Я уехал из С.-Петербурга с надеждой, что Ваше Превосходительство примет тот или иной из правильных текстов, которые я Вам передал.

Прошу Ваше Превосходительство принять заверения в совершенном моем уважении и искренней преданности.

Гельсингфорс, 25(12) февраля 1906 г.
Л. Мехелин

ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1488. Л. 4–4 об. Типографский текст на полулистах (верстка подборки документов «Материалы, заимствованные из дела Канцелярии Комитета министров по Совету министров по проекту Основных законов империи. 1906 г.». С. 7–8). Текст на французском языке с правкой корректора.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [4:II]. Чистовой вариант.

№ 156. Отношение Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров С.Ю. Витте о проекте изменений статуса Финляндии[401]

15(28) февраля 1906 г.

Письмо Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров графу С.Ю. Витте от 28 февраля 1906 г.

Глубокоуважаемый граф Сергей Юльевич.

Возвращая Вам записку сенатора Мехелина по вопросу об изменении ст. 4 наших основных законов, я, согласно Вашему желанию, спешу сообщить проект тех изменений, которые бы, на мой взгляд, можно внести в наши законы. В этом отношении я придерживаюсь текста

[а] *Слова в кавычках написаны по-русски.*

различных законодательных актов, которыми уже определялись отношения Финляндии к России.

Великое княжество Финляндское, составляя часть Российского государства, состоит с ним в неразрывном соединении.

1. Великое княжество Финляндское управляется, согласно с его законами, особыми установлениями.

2. Российский Император есть вместе с тем и Великий князь Финляндии, вследствие чего относительно порядка престолонаследия, срока совершеннолетия Наследника, управления во время несовершеннолетия Императора, а также относительно других подобного рода вопросов для Финляндии должно иметь силу все, что установлено или впредь будет установлено для России.

3. Отношения Финляндии к иностранным державам зависит от отношений Российского государства и с ними одинаковы.

4. Два последние пункта, которые и составлены лишь для полноты, могли бы быть изменены, в особенности 4, в котором можно бы вовсе не упоминать об отношениях Финляндии к иностранным державам, а сказать категорически, что международные отношения с иностранными державами, насколько они касаются Великого княжества Финляндского, определяются Императорской властию.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: Николай Герард

28 февраля 1906 года

ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1488. Л. 6–6 об. Типографский текст на полулистах (верстка подборки документов «Материалы, заимствованные из дела Канцелярии Комитета министров по Совету министров по проекту Основных законов империи. 1906 г.». С. 11–12).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [3:1].

№ 157. Циркуляр союза «Войма» об обучении стрельбе[402]

Февраль 1906 г.

М[илостивый] г[осударь]!

Для организации и подготовки энергичных и решительных действий, а также и быстрых передвижений, необходимо, чтобы люди, принадлежащие к «Союзу Войма», постоянно упражнялись согласно Уставу, вырабатывая необходимую выносливость. Для этой цели вместе с сим препровождаются вам руководства для упражнений на лыжах и проч. – Просим вас раздать эти руководства предводителям «Союза Войма» на месте вашего жительства. Кроме этих упражнений пусть и впредь занимаются стрельбой до тех пор, пока хватит огнестрельных припасов. – Следующие наставления для дальнейшего продолжения обучения стрельбе будут высланы позже. Просим вас употребить все старание и все средства для возможно скорейшего и основательного обучения по прилагаемому руководству, так как это, подобно стрельбе, развивает «Союз Войма» для защиты свободы, законов и прав нашей страны.

Просим как можно скорее прислать подробный список всех лиц, записавшихся в союз.

Г. Гельсингфорс, февраля 1906 г.

От имени «Союза Войма» Эро Кальске[403]
Петровская, 7

Опубл.: Акты по «делу Войма» с пояснениями. Перевод. Гельсингфорс. Типография Императорского Сената. 1908. С. 6.

№ 158. Доклад Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору Николаю II о законопроектах нового Сеймового Устава и закона о выборах[404]

17 февраля (2 марта) 1906 г.
Копия
На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою начертано:
«Председателем назначаю статс-секретаря Фриша; членами сенаторов – Сергиевского и Гарина[405]».
В Царском Селе 4 марта 1906 года.
Финляндский генерал-губернатор Герард.

Во исполнение Высочайшей воли, выраженной в Всемилостивейшем Манифесте от 22 октября (4 ноября) 1905 года, Императорским Финляндским Сенатом составлен проект предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе и о законе о выборах для Великого княжества Финляндского. Означенные законопроекты вносят существенные изменения в организацию законодательного учреждения Великого княжества, заменяя прежний, построенный на сословных началах Сейм, периодически созываемый волею Монарха, постоянным представительным учреждением, составляющим одну палату, основанным на началах всеобщего и равного избирательного права и ежегодно собирающимся в силу закона.

Столь значительное изменение формы народного представительства требует внимательного к нему отношения. Обыкновенный порядок представления на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение текущих дел, возникающих в Великом княжестве, едва ли соответствует важности настоящего преобразования и способен обеспечить всестороннее рассмотрение столь обширных и сложных проектов. В подобных настоящему случаях неоднократно по Высочайшим повелениям образовывались Комиссии и Совещания, имевшие задачей обсудить предварительно докладу Государю Императору то или другое дело, относящееся до управления Финляндии. В случаях особенно важных такие Комиссии и Совещания составлялись частью из представителей финляндских учреждений, частью из лиц, назначаемых по Высочайшему избранию из числа занимающих высшие государственные должности в империи. Здесь я позволяю себе упомянуть лишь о трех случаях:

1) в начале шестидесятых годов прошлого столетия возник вопрос о созыве в Финляндии первого после полувекового перерыва Сейма; в Бозе почивающей Император Александр II Всемилостивейше соизволил созвать для рассмотрения возбужденного вопроса Особое, под личным Своим председательством совещание, в составе которого, кроме тогдашнего генерал-губернатора графа Берга[406] и министра статс-секретаря графа Армфельта, были Высочайше назначены еще князь Горчаков, граф Блудов и представители от Великого княжества Финляндского,

2) утвержденный в 1889 году вновь выработанный проект уголовного уложения Великого княжества Финляндского, заключавший в себе положения, несогласованные с соответствующими постановлениями законов империи, вслед затем в 1890 году был по Высочайшему повелению подвергнут пересмотру в Особом совещании под председательством тогдашнего Финляндского генерал-губернатора графа Гейдена в составе министра юстиции действительного статского советника Манасеина, статс-секретаря действительного тайного советника Фриша и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского генерал-лейтенанта Эрнрота, и

3) в 1893 году составленный тогдашним Финляндским генерал-губернатором графом Гейденом проект «Учреждения управления губерний Великого княжества Финляндского» был также рассмотрен в Особом Высочайше учрежденном совещании под председательством действительного тайного советника Бунге в составе членов по Монаршему назначению, а именно: Финляндского генерал-губернатора, министров: военного, юстиции и внутренних дел, Главноуправляющего кодификационным отделом при Государственном

совете и его товарища, а также одного сенатора и прокурора Императорского Финляндского Сената.

В соответствие с сим представлялось бы необходимым настоящие проекты Сеймового Устава и Закона о выборах, прежде представления их на Высочайшее утверждение, подвергнуть предварительному рассмотрению в Особом совещании под председательством лица по Высочайшему избранию, в составе: министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, двух членов Правительствующего Сената империи и двух членов Императорского Финляндского Сената, и затем проекты эти повергнуть на Высочайшее утверждение вместе с заключением сего Совещания.

Что касается до порядка действий означенного Совещания, то краткие правила о сем могли бы быть представлены на Высочайшее благоволение вслед за сим, ежели настоящее представление удостоится Всемилостивейшего утверждения*.

О вышеизложенном всеподданнейшим долгом почитаю представить Вашему Императорскому Величеству.

Подписал: Финляндский генерал-губернатор Герард.

2 марта 1906 года.

С подлинным верно:

Директор канцелярии Финляндского генерал-губернатора

Сверял и верно: Начальник отделения

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–2. Машинопись на полулистах большого формата в составе подборки документов.

№ 159. Отношение № 265 министра внутренних дел П.Н. Дурново[407] председателю Совета министров С.Ю. Витте о разграничении законодательства[408]

18 февраля (3 марта) 1906 г.

[а] 18 февраля 1906 года
№ 265[-а]

Его Сиятельству С.Ю. Витте

Милостивый государь,
граф Сергей Юльевич

После издания Высочайшего Манифеста 22 октября минувшего года, коим отменяются большинство узаконений, разновременно изданных за последние годы, в целях установления более тесной связи Великого княжества Финляндского с остальными частями империи, нельзя отрицать, что в политическом положении Финляндской окраины произошли значительные перемены. Но, вместе с тем, не подлежит сомнению, что отменяя означенные узаконения, указанный Манифест не имел в виду изменения правового положения Финляндии в составе Российской империи, в державном обладании коей, составляя ее нераздельную часть, Великое княжество находится почти уже столетие. Отсюда очевидно, что вопрос о необходимости строгого согласования дел финляндского управления с общегосударственными интересами России должен по-прежнему составлять предмет особых забот правительства.

Представляя для всех ведомств первостепенное значение, вопрос этот наиболее близко касается вверенного мне министерства. В области внутреннего управления имеется ряд законоположений общего для империи и Великого княжества значения, как, например, по

---

* *На полях впечатано*: На подлинном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: «Не вижу необходимости».

[а-а] *Только в типографских экз.*

охранению общественного спокойствия, по почтовой и телеграфной частям и др., при применении коих никоим образом нельзя предоставить разрешение возникающих сомнений исключительному ведению органов управления Великого княжества Финляндского.

Между тем, нельзя не усмотреть, что изменения, внесенные за последние месяцы в дела по управлению Финляндиею, не только касаются местного управления, но и простираются на деятельность статс-секретариата Великого княжества, который должен представлять собою главное звено, связующее общие вопросы управления Финляндским краем с деятельностью отдельных министерств. Это ясно выразилось при назначении генерал-майора Лангофа на должность министра статс-секретаря. Тотчас после его назначения вся финляндская печать горячо стала обсуждать вопрос о необходимости восстановления бывшего при статс-секретариате (с 1857 по 1891 г.) совета по финляндским делам из финляндских сенаторов, которые обсуждали бы дела совместно с министром статс-секретарем.

Несомненно, что осуществление этого проекта грозило бы поставить производство дел, имеющих отношение к Финляндии, в исключительную зависимость от финляндских установлений, так как генерал-губернатор, призванный защищать общеимперские интересы, был бы поставлен между Сенатом в Гельсингфорсе, с одной стороны, и отделением Сената в С.-Петербурге – с другой, и таким образом мнение его постоянно поглощалось бы мнением Финляндского Сената, и все дела, повергаемые на Высочайшее усмотрение министром статс-секретарем имели бы одностороннее освещение. На эти предположения некоторыми русскими повременными изданиями было обращено особое внимание и не без основания указывалось, что при таком порядке вещей Финляндский статс-секретариат не замедлил бы обратиться в замкнутое посольство иностранного государства.

В настоящее время, судя по заявлению генерала Лангофа при приеме чинов статс-секретариата, проект этот по-видимому оставлен, но конечная цель его – исключительно финляндское влияние на развитие законодательства и ход управления Великого княжества – может быть всегда осуществлена другим более легким способом, именно, путем изменения личного состава нынешнего статс-секретариата, признаваемого сторонниками государственного обособления Финляндии не соответствующим их видам. Результат окажется тот же: дела, имеющие отношение к Финляндии, будут доходить до Государя Императора лишь под углом финляндской точки зрения, без серьезной гарантии в том, что ими не затронуты интересы общегосударственного управления. Такое положение дел, особенно теперь при существующем в Финляндии настроении, внесет еще большую неопределенность в отношениях между империею и Великим княжеством, чем это замечалось в прошлом. Между тем, именно эта неопределенность и полная несогласованность русских и финляндских интересов и породили те многочисленные недоразумения, тяжкие последствия коих мы теперь переживаем.

По мнению моему, наилучшим выходом из такого положения вещей являлось бы восстановление коллегиального при статс-секретариате органа, но очевидно на совершенно иных, чем прежде, основаниях, путем введения в состав статс-секретариата лиц, призванных стоять на страже общеимперских интересов, в виде постоянного комитета из представителей наиболее заинтересованных финляндскими делами Министерств: внутренних дел, военного и финансов, назначаемых Высочайшею Властью, по представлениям подлежащих министров. Комитет этот имел бы своею задачею предварительное рассмотрение, по сношении в случаях надобности с заинтересованными ведомствами, подлежащих представлению на Высочайшее благовоззрение проектов законоположений для Великого княжества, а также предложений Финляндскому Сейму, которые имеют общегосударственное значение или затрагивают интересы отдельных ведомств империи. При этом, на министра статс-секретаря надлежало бы возложить обязанность повергать заключения проектируемого комитета на благоусмотрение Его Величества вместе с своим мнением и мнением Финляндского генерал-губернатора.

Изъясненный порядок, по мнению моему, не представляется чем-либо новым, так как является, в сущности, лишь дальнейшим развитием действующего законоположения,

а именно, пункта первого Высочайшего Его Императорского Величества постановления от 1 августа 1891 г. о некоторых изменениях порядка производства дел и замещения должностей в высших правительственных учреждениях Великого княжества Финляндского (Сбор. пост. Вел. кн. Финл. 1891 г. № 27), согласно коему министру статс-секретарю Финляндии вменяется в обязанность, предварительно всеподданнейших докладов проектов новых законов для Великого княжества, а также предложений Сейму, запрашивать заключения министров империи, в тех случаях, когда дело касается их ведомства и общеимперских интересов, и засим о заключениях ведомств представлять Государю Императору при всеподданнейших докладах законопроектов и означенных предложений.

Признавая изложенные соображения имеющими, в общегосударственных видах, важное значение и, в частности, близкое касательство к вопросам вверенного мне ведомства, считаю долгом своим довести о сем до сведения Вашего Сиятельства и просить Вас, милостивый Государь, не сочтете ли Вы возможным возбудить затронутый мною вневедомственный вопрос в том порядке, который Вы изволите признать наиболее для сего подходящим.

Примите уверение в отличном уважении и совершенной преданности.

П. Дурново

№ 265.
18 февраля 1906 г.

Пометы: сверху слева чернилами: № 98. *Сверху по центру карандашом:* 19/II 906. *Сверху справа красным карандашом:* Внести в Совет. *Снизу по центру чернилами:* № 171. Сбоку карандашом (запись стерта): *нрзб*! к понедельнику 19 февраля, к 5 час. (*далее 3 слова нрзб*).

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 3. Л. 1–4 об. Машинопись на бумаге верже с водяными знаками: Original Ligat Mills, бланк «Министр внутренних дел». Подпись – автограф (факсимиле?). Л. 13–14 об. Типографский текст в составе подборки документов; Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 102–103 об. Типографский текст. Л. 171–172 об. Типографский текст. Л. 180–181 об. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:V:1)].

№ 160. Из Манифеста об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы[409]

20 февраля (5 марта) 1906 г.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ, ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ
и прочая, и прочая, и прочая
Объявляем всем Нашим верноподданным:

Манифестом 6 августа 1905 года Мы возвестили о созыве Государственной думы из выборных от населения, утвердив того же числа ее учреждение. Манифестом 17 октября минувшего года Мы предоставили Государственной думе новые в делах законодательства полномочия. С тем вместе Нами одобрено предположение о переустройстве Государственного совета на началах видного участия в нем выборных от населения.

Исполняя таковое намерение Наше, Мы повелели выработать необходимые вследствие того в учреждение Государственного совета изменения, а также подвергнуть пересмотру учреждение Государственной думы для согласования его с началами, 17 октября прошлого года Нами провозглашенными. Труд сей ныне исполнен.

К участию в законодательной деятельности Государственного совета призываются, в равном числе членами, присутствующими в нем по назначению Нашему, выборные члены от духовенства господствующей в России Православной Церкви, от дворянства и земства,

а также представители науки, торговли и промышленности. В сем обновленном составе Государственному совету предоставляются в делах законодательства равные с Государственною думою права.

Сохраняя незыблемым коренное положение Основных государственных законов, на основании коего никакой закон не может иметь своего совершения без Нашего утверждения, Мы постановляем впредь общим правилом, что со времени созыва Государственного совета и Государственной думы закон не может воспринять силы без одобрения Совета и Думы.

Но во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней Нам непосредственно. [...]*

О порядке обсуждения законопроектов, общих империи и Великого княжества Финляндского, Нами в свое время будут преподаны надлежащие указания. [...]

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:
«НИКОЛАЙ».

Опубл.: СУ. 1906, 21 февраля. Отд. 1. Ст. 196; ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1909. Ст. 27423. С. 48–149.

№ 161. Представление № 360 министра статс-секретаря А.Ф. Лангофа председателю комиссии графу Д.М. Сольскому об участии выборных от Финляндии в Государственной думе

22 февраля (7 марта) 1906 г.

[а-а]7 марта 1906 года
№ 360[а-а]

Его Сиятельству графу Д.М. Сольскому

Милостивый государь,
граф Дмитрий Мартынович

Письмом от 12 февраля 1906 г. за № 561 Ваше Сиятельство просили моего заключения по вопросу о приведении в исполнение возвещенной в Манифесте 6 августа минувшего 1905 г. Монаршей воли о привлечении к участию в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского по предметам общего для империи и сего края законодательства.

Вследствие сего долгом почитаю сообщить, что ввиду воспоследовавшего 20 февраля Высочайшего Манифеста, в коем не содержится указаний на привлечение в Государственную думу выборных от Финляндии, а лишь объявление, что о порядке обсуждения законопроектов, общих для империи и Великого княжества Финляндского, Государем Императором в свое время будут преподаны надлежащие указания, казалось бы, следует заключить, что первоначально выраженное в Манифесте 6 августа 1905 г. предположение о привлечении выборных от Великого княжества Финляндского к участию в Государственной думе империи ныне изменено.

По моему глубокому убеждению едва ли участие в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского может быть полезным для решения общих для империи и Великого княжества Финляндского вопросов, главным образом, ввиду нижеследующих соображений: неоспоримыми актами Финляндии предоставлена самостоятельность в области местного законодательства, чем она пользовалась до издания основных положений 3 февраля 1899 г., и, как показал опыт недавнего прошлого, законодательные меры, проведенные не в указанном в Основных законах Финляндии порядке, вызывая во всех слоях

---

* *Далее о порядке рассмотрения законов через Государственную думу и Государственный совет.*

[а-а] *Только в типографском экз.*

населения неудовольствие и встречая даже при практическом осуществлении их противодействие, отнюдь не содействовали упрочению столь желательного в интересах государственного порядка спокойствия в жизни населения этого края, так резко отличающегося от остального в бытовом и этнографическом отношениях.

Независимо от правовых оснований, коренящихся в предоставленном волею Русских Монархов особом финляндском законодательстве, к которым так привязан финский народ, не лишены значения и практические соображения, указывающие на затруднительность целесообразного осуществления выборов в Думу. Предполагается, что население, пользующееся правом иметь представителей в таком учреждении как Государственная дума, изберет из своей среды людей опытных, знающих и умеющих отстаивать интересы населения, коим оно вполне доверяет, между тем при малой распространенности русской речи в Финляндии несомненно пришлось бы выбрать лиц, совершенно незнакомых с русским языком, и поэтому население края находилось бы в постоянной тревоге, опасаясь, что неясное изложение избранными им представителями нужд края в Думе, благодаря неудачным переводам и, наконец, невозможности для финляндцев высказать мысль на языке, понятном для членов Думы, послужит причиной принятия тех или иных законоположений, противоречащих интересам края. По сим основаниям изданные при таких условиях законы отнюдь не могут получить среди населения желательного авторитета.

В вышеупомянутом Манифесте от 20 февраля Государю Императору угодно было указать лишь на Высочайшее намерение установить в будущем некоторые правила о порядке обсуждения законопроектов общегосударственного значения, не предрешая однако вопроса о тех основаниях, которые имеют быть приняты при составлении упомянутых правил. Все вышесказанное приводит к выводу, что для обсуждения законов, общих для империи и Финляндии, имеется в виду установить порядок, отличный от предначертанного Манифестом 6 августа.

Ввиду сего последнего я обязуюсь представить мои предположения по поводу особой организации учреждения для обсуждения вопросов, имеющих общее значение для империи и Великого княжества Финляндского.

Несомненно, благодаря особенностям финляндского законодательства и существующим экономическим и правовым отношениям возникают интересы, которые не могут быть без ущерба для Финляндии или империи разрешены каким-либо односторонним решением законодательной власти. Если Финляндии со дня ее присоединения к империи предоставлено право самостоятельного обсуждения законодательных вопросов благодаря признанию Русскими Государями основных законов, то само собою разумеется, что ее права на самостоятельное участие в законодательстве отнюдь не могут быть умалены с учреждением Государственной думы, как они не были умалены и при существовании Государственного совета, когда все важнейшие вопросы до издания Манифеста 3 февраля 1899 г. проходили только через Сейм. Следуя историческому пути, достоинство и прочность коего поддерживается всем прошлым законодательством, казалось бы нежелательным вносить в существующие правовые условия перемены, не оправдываемые прошлою историей. Поэтому Сейм, как и раньше, должен совмещать в себе законодательную власть и в своей деятельности не должен быть подчиненным иному русскому учреждению, а быть как и в настоящее время независимым. Для обсуждения же вопросов, затрагивающих взаимные интересы империи и Великого княжества Финляндского, как, например, таможенной системы, почтового и телеграфного дела и т. п., по которым до сих пор испрашивалось по закону 1891 г. мнение соответствующих министров империи, должно быть образовано независимое от других государственных властей, кроме Монарха, из русских и финляндцев совещание, состоящее под председательством особо назначенного Государем Императором лица. Разработанные и одобренные сим совещанием законопроекты передаются на обсуждение в той части, которая касается империи, – Государственной думе, а Финляндии – Сейму, которые и постановляют по ним решения. Рассмотренные в этих учреждениях законопроекты подносятся на

утверждение Государя Императора и Великого князя и после сего законы издаются в установленном для империи и Финляндии порядке.

Предлагаемый мною проект установления Особого совещания представляет собою то практическое удобство, что дает возможность финскому населению чрез своих представителей определенно высказаться по наиболее важным для него интересам, а с другой – только при таком порядке власти могут принять на себя пред страною ответственность за целесообразность и применимость изданных законов.

Разумеется, я позволяю себе высказать мою мысль в общих чертах, так как решение такого сложного и практически трудного вопроса может быть осуществлено лишь при содействии местных финляндских властей, несущих ответственность перед краем.

Сообщая об изложенном, прошу Ваше Сиятельство принять уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

[а] Ваш покорнейший слуга А. Лангоф [а]

№ 360[б]

7[б] марта 1906 года.

Пометы: снизу карандашом: 384

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 96–100 об. Машинопись на бланке «Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского». Подпись – автограф. Л. 113–114 об. Типографский текст с воспроизведением формуляра бланка.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:IV].

№ 162. Отношение № 1451 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Государственного совета и председателю комиссии графу Д.М. Сольскому о разграничении законодательства[410]

24 февраля (9 марта) 1906 г.

24[а] февраля/9[а] марта 1906 года

№ 1451[а]

Копия[б]

Его Сиятельству графу Д.М. Сольскому

г. Председателю Государственного совета

Милостивый государь,

граф Дмитрий Мартынович

Вследствие письма от 12 сего февраля за № 562, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что для решения вопроса о порядке рассмотрения и издания узаконений общих для империи и Великого княжества Финляндского необходимо прежде всего наметить вопросы, подлежащие разрешению путем издания таких узаконений, и в зависимости от сего разрешить и поставленный мне вопрос о порядке издания последних.

Образованный под председательством действительного тайного советника Н.С. Таганцева Комитет о разграничении общегосударственного и местного финляндского законодательства остановился в самом начале своей работы, и потому ныне предстоит наметить таковые вопросы, имеющие общее значение и подлежащие разрешению с соблюдением как

[а-а] *Вписано чернилами рукой Лангофа.*

[б] *Вписано чернилами.*

[а] *Вписано чернилами.*

[б] *Только в машинописном списке.*

общих интересов империи, так и местных интересов края, на основании тех данных, которые выдвинуты действительной жизнью.

Вопросы эти следующие:

1) Прежде всего представляется необходимым установить вполне определенно и точно положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. В основных законах империи не имеется достаточных данных для разрешения этого вопроса, так как определение ст. 4 свода Основных государственных законов, в которой говорится, что с Императорским Всероссийским Престолом неразделен Престол Великого княжества Финляндского, не разрешает вопроса о положении княжества в составе империи и о взаимных отношениях империи и Великого княжества. Содержание означенной статьи не соответствует также тем актам, на основании коих Великое княжество вошло в состав империи и заняло в нем известное положение. Еще в 1864 г., когда по Высочайшему повелению образован был Особый комитет для составления проекта объяснений и дополнений Основных законов Великого княжества Финляндского, Комитету этому Высочайше преподаны были для руководства между прочим следующие правила и соображения:

а) Великое княжество Финляндское, составляя часть Российского государства, состоит с ним в нераздельном соединении.

б) Великое княжество управляется согласно с его формою правления и законами.

в) Российский Император есть вместе с тем Великий князь Финляндский, вследствие чего, относительно порядка престолонаследия, срока совершеннолетия Наследника, управления во время несовершеннолетия Императора или когда Он по другим причинам в течение продолжительного времени не может управлять государством, а также относительно других подобного рода вопросов для Финляндии должно иметь силу все, что установлено или впредь будет установлено для России.

2) Пользуясь широкою автономиею во внутреннем управлении, Великое княжество Финляндское не самостоятельно в двух областях управления: в международных сношениях с иностранными государствами и в организации военных сил. Относительно первых Финляндия всегда и без всяких возражений подчинялась действиям и распоряжениям Имперской власти, и потому вопрос этот не нуждается в разработке.

В вышеназванных правилах, Высочайше преподанных к руководству Комитету 1864 г., в п. 4 по этому поводу было сказано: «отношения Финляндии к иностранным Державам зависят от отношений Российского государства и с ними одинаковы».

Гораздо сложнее представляется вопрос об организации военных сил, так как вопрос этот, с одной стороны, касается одной из существеннейших потребностей государственного быта России, а с другой – затрагивает коренные законы Финляндии и существенные ее интересы[411]. Вопрос этот распадается на целый ряд частных вопросов, каковы: а) о порядке издания Устава об отбывании воинской повинности уроженцами Великого княжества; б) о праве имперской власти выводить местные войска из пределов края; в) об условиях назначения офицеров и унтер-офицеров из русских уроженцев в войска, пополняемые преимущественно финляндскими уроженцами; г) о форме воинской присяги, приносимой финляндцами; д) об организации хозяйственного управления местных войск и др. Сюда же относится вопрос об участии финляндской казны в расходах государственной обороны и вопрос о порядке определения размера этого участия[412].

3) Весьма существенным представляется в настоящее время вопрос о том, какими средствами располагает имперская государственная власть в борьбе с революционным движением, когда оно переходит в границы Великого княжества Финляндского. Сюда относится вопрос о наблюдении за деятельностью революционеров, о порядке задержания их на финляндской территории и вопрос о праве и порядке изъятия известных дел из общей подсудности и передачи их военному суду и о введении военного положения.

4) Представляется необходимым определить, какие государственные власти, действующие в пределах Финляндии, должны быть отнесены к органам местного управления и какие имеют характер общегосударственный. В настоящее время возникло разногласие

относительно генерал-губернатора и его канцелярии, статс-секретаря и канцелярии Финляндского статс-секретариата. В связи с этим являются вопросы: а) распространяется ли на эти учреждения требование коренных законов Финляндии, что все должности в крае могут замещаться лишь финляндскими уроженцами, и б) возбужденный вследствие Манифеста 22 октября 1905 г. вопрос о подчинении должностных лиц Финляндии контролю народных представителей.

5) К общегосударственным вопросам относится также и вопрос о преподавании русского языка в местных учебных заведениях и в особенности вопрос об употреблении этого языка в делопроизводстве местных правительственных установлений и в сношениях местных властей с генерал-губернатором. После издания Манифеста 22 октября 1905 г. вопрос об употреблении русского языка в делопроизводстве стал значительно ограниченным, касаясь лишь Сената, генерал-губернатора с его канцелярией и статс-секретариата, а также сношений этих учреждений между собою и лиц непосредственно подчиненных генерал-губернатору с сим последним[413].

6) Далее весьма существенным является вопрос о правах русских уроженцев, проживающих в Финляндии. В настоящее время положение русских уроженцев в пределах края крайне неопределенно и ненормально, так как они, будучи подданными империи в пределах Великого княжества Финляндского, входящего в состав той же империи, рассматриваются как иностранцы, что является тем несправедливее, что финляндские уроженцы в пределах остальной части Российской империи пользуются всеми личными, государственными и общественными правами. Поэтому необходимо выработать точные нормы, определяющие как личные и имущественные права русских уроженцев в пределах Великого княжества, так и их права политические, т. е. права на участие в государственном и общественном управлении.

7) Кроме перечисленных вопросов есть еще много других, не имеющих характера политического, но затрагивающих весьма существенные материальные интересы обеих частей Российской империи, каковы: таможенный, почтовый, монетный, железнодорожный и многие другие.

Наконец встречаются иногда и дела административные, вытекающие из распоряжения административной власти в одной части государства, а правильность коих оспаривается в другой.

Краткий перечень этих вопросов, имеющих важное общегосударственное значение, должен, казалось бы, привести к заключению, что учреждения, установленные для разрешения законопроектов, относящихся до одной Финляндии, недостаточны для рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы общегосударственные.

Порядок их разрешения должен одинаково ограждать интересы обеих частей России и быть согласован с действующими в них государственными учреждениями. Конечно нельзя допустить, чтобы законодательные учреждения империи были устранены от разрешения законодательных вопросов, имеющих общегосударственное значение, и вновь вводимые в ней представительные собрания, без сомнения, должны принять участие в этой работе. Но с другой стороны, широкие права автономии, дарованные Великому княжеству, сохранение которых является лучшею гарантиею правильных отношений Финляндии к империи, исключают возможность признания подчиненного положения представительного собрания Великого княжества по отношению к такому же собранию империи; вот почему в финском обществе с большими опасениями прислушиваются к тем проектам, на основании которых Финляндский Сейм был бы устранен от обсуждения так называемых общегосударственных законов или же потерял значение решающего законодательные вопросы учреждения, а взамен того было бы установлено участие лишь нескольких представителей от Финляндии в Государственной думе. Казалось бы, следует принять в основание другое начало, а именно, что все подобные законы подлежат рассмотрению законодательных учреждений как империи, так и Великого княжества, после чего уже проекты, при известных условиях, получали бы силу закона.

Не менее важным представляется вопрос о порядке возбуждения и предварительной подготовки подобных законопроектов. Инициатива их возбуждения может исходить иногда от имперских, иногда же от Финляндских властей; в последнем случае эта инициатива принадлежит Финляндскому Сенату, в первом – Совету министров. Казалось бы, что в том и в другом случаях необходимо, чтобы законопроект вносился в законодательные представительные учреждения в таком виде, чтобы он был уже согласован с действующим в обеих частях России законодательством, и чтобы интересы сих обеих частей были вполне обсуждены. Для этого необходимо, по моему мнению, учредить Совет, под председательством особого лица по непосредственному избранию Государя Императора, в составе Финляндского статс-секретаря и четырех членов: двух по избранию Финляндского Сената и двух из числа Имперских сенаторов. Этому же Совету могли бы быть представлены заключения по тем административным делам, о которых упомянуто выше и которые, касаясь обеих частей России, вносятся на Высочайшее усмотрение. Устройство подобного Совета было бы, на мой взгляд, во всяком случае необходимо, так как нынешний порядок, при котором общегосударственные вопросы докладываются Его Императорскому Величеству без тех гарантий, которые могли бы дать подобный совет, не может быть признан нормальным.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверение в отличном моем к вам уважении и совершенной преданности.

Н. Герард[в]

С подлинным верно: Вр. и. д. директора Канцелярии Финляндского генерал-губернатора Ф. Книпович

Сверил и верно: начальник отделения Ганскау[г]

Пометы: на оригинале слева посередине рукой Герарда: нужно нам однако двинуть этот вопрос. Доставьте мне копию и этой бумагой. *Ниже:* Исполнено

Штамп: на оригинале сверху справа: Госуд. канцелярия. 23 мар. 1906

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 3. Л. 8–12 об. Машинопись на бланке «Финляндский генерал-губернатор», подписи делопроизводителей – автографы. Л. 16а – 17 об. Типографский текст по копии; Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 91–95. Машинопись на бумаге верже. Подпись – автограф. Л. 105–107 об. Типографский текст. Л. 110–112. Типографский текст (по подлиннику). Л. 174–176 об. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:III].

№ 163. Отношение № 1452 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров С.Ю. Витте о разграничении законодательства

24 февраля (9 марта) 1906 г.

24[а] февраля / 9[а] марта 1906 года
№ 1452[а]

Его Сиятельству графу С.Ю. **Витте**
г. Председателю Совета министров

Милостивый государь,
граф Сергей Юльевич

[в] *Только в подлиннике и в типографском тексте (по подлиннику). Далее только в машинописной копии и типографском тексте по копии.*

[г] *В типографском экз.:* N

[а] *Вписано чернилами.*

Вследствие письма от 20 сего февраля за № 258, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что возбужденный в письме министра внутренних дел, в копии ко мне препровожденном, вопрос об установлении порядка разработки и рассмотрения проектов законоположений, касающихся империи со включением Великого княжества Финляндского возбужден был уже ранее председателем Государственного совета графом Сольским, в ответ на запрос коего я дал отзыв, в копии при сем прилагаемый[414].

Из отзыва этого Ваше Сиятельство изволите усмотреть, что я вполне разделяю мнение действительного тайного советника Дурново о необходимости установления порядка рассмотрения вышеозначенных вопросов, имеющих общегосударственное значение, но полагал, что проектируемое мною для сего учреждение Совета с постоянным составом представляется более целесообразным, чем учреждение Комитета из представителей отдельных ведомств, так как члены такого Совета, занимаясь постоянно этого рода делами, будут обладать большею опытностью, что будет служить гарантией правильности и всесторонности обсуждения подлежащих его рассмотрению вопросов.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Н. Герард

Пометы: Сверху справа красным карандашом: Внести (*далее неск. слов неразборчиво*). *Сбоку слева простым карандашом:* пр. напечатать к субботе. *Снизу чернилами:* № 222.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 3. Л. 7–7 об. Машинопись на бланке «Финляндский генерал-губернатор». Подпись – автограф. Л. 15. Типографский текст; Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 104. Типографский текст. Л. 173. Типографский текст. Л. 182. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:V:2)].

№ 164. Из Именного Высочайшего указа, данного Сенату «О временных правилах об обществах и союзах»[415]

4(17) марта 1906 г.

Впредь до издания в соответствии с Манифестом 17-го октября 1905 года Общего закона о союзах и обществах мы признали за благо ввести в действие временные по этому предмету правила. Соответственные предложения были выработаны Советом министров и затем, по предуказанию нашему, внесены на обсуждение Государственного совета.

По рассмотрении последовавших по сему делу в Государственном совете заключений, повелеваем:

I. Постановить следующие временные правила об обществах и союзах:

1. Обществом, по смыслу настоящего узаконения, почитается соединение нескольких лиц, которые, не имея задачи получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель, а союзом – соединение двух или нескольких таких обществ, хотя бы через посредство их уполномоченных.

2. Общества и союзы могут быть образованы без испрошения на то разрешения правительственной власти с соблюдением правил, изложенных в нижеследующих статьях.

3. Общества, в коих образуются отделения, а также союзы, должны иметь Устав и подчиняются правилам, изложенным в статьях 6–8 и 21–40, министру внутренних дел предоставляется во всякое время, по ближайшему своему усмотрению, закрывать общества, в коих образованы отделения, а также союзы, если деятельность этих обществ и союзов признается им угрожающей общественному спокойствию и безопасности.

4. Действие настоящего узаконения не распространяется: а) на союзы и общества, преследующие религиозные цели, и б) на общества, образуемые с разрешения учебного начальства учащимися в учебных заведениях из своей среды.

5. Лица, желающие учредить общество или союз на основаниях, не соответствующих правилам настоящего узаконения, обязаны представить проект Устава такого общества или союза подлежащему министру или главноуправляющему отдельной частью для утверждения этого Устава в установленном порядке.

6. Воспрещаются общества: а) преследующие цели, противные общественной нравственности, или воспрещенные уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности, и б) управляемые учреждениями или лицами, находящимися за границей, если общества эти преследуют политические цели.

7. Несовершеннолетние, а также учащиеся в низших и средних учебных заведениях не допускаются ни к образованию общества, ни к участию в них. Учащиеся в высших учебных заведениях могут быть допускаемы к образованию обществ, действующих вне учебных заведений, а равно к участию в таких обществах, лишь на основаниях, особо определяемых в Уставах подлежащих учебных заведений.

8. Лица, состоящие на военной и военно-морской службе, подчиняются в отношении образования обществ и участия в них действию высочайшего повеления 16-го декабря 1905 года.

9. Служащие, хотя бы по вольному найму, в правительственных установлениях, или на казенных и частных железных дорогах, или в телефонных предприятиях общего пользования могут образовывать в своей среде общества для целей благотворительных или для удовлетворения духовных и материальных своих потребностей, но не иначе, как на основании Устава, утверждаемого начальством. Министры и главноуправляющие отдельными частями определяют, кому из начальствующих лиц в правительственных установлениях, на казенных и частных железных дорогах и в телефонных предприятиях общего пользования предоставляется утверждение означенных Уставов, а равно дают этим лицам обязательные для них по упомянутому предмету указания. Уставы обществ, в состав коих входят служащие в разных ведомствах, утверждаются по соглашению подлежащих министров и главноуправляющих.

10. Означенные в статье 9 общества не могут в своей деятельности преследовать цели политические или же несовместные с требованиями служебного долга, с служебными отношениями и с существующим порядком и условиями службы. Соединение указанных обществ в союзы воспрещается*.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение. На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

Опубл.: СУ. 1906, 7 марта. Отд. 1. Ст. 308; ПСЗРИ. Т. XXVI. Ст. 27479.

№ 165. Из мемории Совета министров по проекту Основных государственных законов от 10, 12, 14, 18 и 19 марта 1906 г. с уточнением статуса Финляндии[416]

10–19 марта (23 марта – 1 апреля) 1906 г.

Выдержка из Мемории Совета министров
(10, 12, 14, 18 и 19 марта 1906 г., С. 7, 8)

«Наряду с указанием отдельных прерогатив Верховной власти и отношения Ее к вновь образованным законодательным учреждениям существенно важным представляется кос-

* *Текст далее не приводится.*

нуться в Основных законах правового положения Финляндии в составе Российского государства. По отсутствию в действующем законодательстве достаточно определительных о сем правил и ввиду необходимости особо осторожного отношения к этому обострившемуся ныне вопросу в заседание Совета министров приглашены были члены Государственного совета: Финляндский генерал-губернатор Н.Н. Герард и председатель Комиссии по разграничению общегосударственного и местного Финляндского законодательства Н.С. Таганцев.

Выслушав высказанные названными лицами подробные соображения, Совет министров нашел наиболее правильным ограничиться ныне введением в Основные законы империи только таких общих относительно правового положения Финляндии правил, которые представляются бесспорными с точки зрения существующих законов и ввиду сего будут пользоваться признанием со стороны благоразумной части финского населения. Таким требованиям удовлетворяла бы статья 2 переданного Вашим Величеством проекта Основных законов с некоторым, однако, изменением ее текста. Статья эта проектирована в следующих выражениях: «Великое княжество Финляндское, состоя в Державном обладании Российской империи и составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется на особых основаниях». Совет министров находил бы предпочтительным заменить конец статьи более точною формулою, именно: «управляется особыми установлениями на основании особого законодательства» и кроме того не помещать в оную упоминания о «Державном обладании». При всей исторической своей верности, упоминание сие, могущее показаться финляндцам не сколько обидным, едва ли здесь необходимо в качестве юридического определения, с другой же стороны, для устранения всяких сомнений относительно распространения на Великое княжество Финляндское прав Российских Государей по верховному управлению, Совет министров полагал пополнить под лежащую статью проекта определительною оговоркою о принадлежности Государю Императору власти управления в пределах всего государства Российского (т. е. по терминологии, усвоенной в современном нашем законодательстве, в пределах и империи, и Великого княжества).

ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1488. Л. 9–9 об. Типографский текст на полулистах (верстка подборки документов «Материалы, заимствованные из дела Канцелярии Комитета министров по Совету министров по проекту Основных Законов империи. 1906 г.». С. 17–18).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [4:VI].

№ 166. Сообщение «Финляндской газеты» о создании Особого совещания для предварительного рассмотрения Сеймового Устава и закона о выборах[417]

11(24) марта 1906 г.

[МЕСТНАЯ ХРОНИКА] Государю Императору благоугодно было в 4 день сего марта, по всеподданнейшему докладу Финляндского генерал-губернатора, Высочайше повелеть, чтобы составленные Финляндским Сенатом проекты Высочайшего предложения ныне собранному чрезвычайному Сейму Финляндии о новом Сеймовом Уставе и о законе о выборах, прежде представления их на Высочайшее утверждение, подвергнуты были предварительному рассмотрению в особом совещании под председательством лица по Высочайшему избранию, в составе министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, двух членов Правительствующего Сената империи и двух членов Императорского Финляндского Сената[418] («Русск. государство»[419]).

Опубл.: Финляндская газета. 1906, 11(24) марта. № 39. С. 3.

№ 167. Обращение (телеграммой № 0109144) Всенародного русского союза к Императору Николаю II протестом против принятия нового Сеймового Устава Финляндии[120]

12(25) марта 1906 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

Всемилостивейший Государь, многие законопроекты по Финляндии затрагивают интересы Вашего Императорского Величества и неразрывные с ними интересы России, эти законопроекты, рассмотренные только в порядке местного финляндского законодательства, получают одностороннее освещение, причем, как показал опыт, умаляются державные прерогативы империи. Из указанных законопроектов особо важное значение имеет ныне поставленный на очередь проект Финляндского Сеймового Устава. Ввиду сего русское собрание повергает к стопам Вашего Императорского Величества свое всеподданнейшее ходатайство о том, чтобы проект Сеймового Устава, как закона общегосударствен-[...]*

Пометы: Подана в *Петербурге* 1906 г. *6 ч. 50 м.* по п. б. 12 марта / Получена в *Царском Селе* 1906 г. *7 ч. 30 м.* по п. б.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 21. Л. 1. Телеграфный текст на ленте, наклеенной на бланк «ИМПЕРАТОРСКИЙ Телеграф в Царскосельском Дворце» с рукописными пометами об отправлении.

№ 168. Журнал Высочайше учрежденного Особого совещания для рассмотрения проекта Высочайшего предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе. Заседания 14, 17, 22, 25 и 27 марта, 7 и 14 апреля 1906 г.[121]

14 марта – 14 апреля (27 марта – 27 апреля) 1906 г.

ЖУРНАЛ

ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного Особого совещания для рассмотрения проекта ВЫСОЧАЙШЕГО предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе.

Заседания 14, 17, 22, 25 и 27 марта, 7 и 14 апреля 1906 г.

Присутствовали:

Председатель: председатель Департамента законов Государственного совета, статс-секретарь, действительный тайный советник **Э.В. Фриш**.

Члены: министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского генерал-майор **А.Ф. Лангоф**.

Вице-председатель Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената, сенатор **Л.Г. Мехелин**.

Сенатор, тайный советник **Н.Д. Сергеевский**. Сенатор, тайный советник **Н.Н. Гарин**.

Сенатор Императорского Финляндского Сената **Л.Г. Гриненберг**.

Заседание 1 (Вторник, 14 марта)

Фриш открывает заседание указанием на ВЫСОЧ[АЙШЕЕ] пов[еление][a] 4 марта и 9 марта 1906 г. На основании сих ВЫСОЧАЙШИХ повелений ближайшей задачей Совещания является рассмотрение проекта Сеймового Устава. Каково должно быть это рассмотрение? Его следует рассмотреть в связи со старым и указать существенные отличия

* *Далее текст обрывается.*

[a] *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

от прежней редакции. При этом следует руководствоваться тем основным соображением, чтобы права и прерогативы Верховной власти были охранены.

С другой стороны, необходимо остановиться на следующем соображении. В ВЫСОЧАЙШЕМ Манифесте от 6 авг[уста], как известно, упомянается, что о[6]... Этот вопрос ни в какой мере не подлежит обсуждению настоящего Совещания и будет рассмотрен в другом Совещании с иным составом. Настоящему же Совещанию не следует осложнять свою работу привключением вопроса о том, какие законы должны быть отнесены к числу общегосударственных, в каком порядке они должны быть издаваемы и проч. Нашему обсуждению подлежит лишь Сеймовый Устав и все то, что подлежит действию Сейма в отношении особого финл[яндского][в] законодательства. Иначе, возникло бы то существенное неудобство, что по одному и тому же вопросу были бы высказаны противоположные мнения.

Итак, нам следует рассмотреть, каков новый Устав, в чем заключаются вносимые им нововведения, соблюдены ли интересы МОНАРХА и империи.

Мех[елин]. Вопрос об общегосударствен[ном] законодательстве и Манифест 6 авг[уста], по моему мнению, не входят в нашу задачу.

Серг[еевский]. Я также полагаю, что нам предстоит рассмотреть Сеймовый Устав как норму особого финляндского законодательства, не касаясь при этом упомянутых вопросов. При этом мы должны обратить внимание: не затронуты ли где интересы империи и Верх[овной] власти и нет ли в Уставе чего-нибудь такого, что задевает общегосударственный интерес. Я должен предварить, однако: мы не имели достаточного времени для подготовки.

Фр[иш]. Я не хочу стеснять гг. членов в свободе суждения: если что будет на первых порах опущено, мы сможем потом возвратиться к этому вопросу. Точку зрения, на которой мы остановились, я попрошу занести в журнал: тот вопрос до нас не относится, нам не поручен.

Мехелин[г]286. Но ведь та же точка зрения выражена и в докладе Сената. (Отмечает ходатайство Сената о рассмотрении лишь общих начал, но не деталей).

Фриш. Об этом я получил указания лично для себя от ГОСУДАРЯ. Угодно перейти к Уставу?

Лангоф (повторяет основную мысль). Так ли я понял: мы будем рассматривать статьи Устава лишь с той точки зрения, содержат ли они что-либо, касающееся интересов империи и МОНАРХА?

Фриш. Да.

Сергеевский. Но не с точки зрения **правовых** отношений империи и Финляндии. Это вопрос особый и слишком сложный: он заведет нас чересчур далеко. Не думаю, однако, чтобы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР был ограничен в праве поручить нам рассмотрение **всех** статей Устава.

Фриш. Нет сомнения. ВЫСОЧАЙШИЕ повеления, как они мне переданы, не содержат подобного ограничения. (Читает оба ВЫСОЧАЙШИХ повеления). Сопоставляя их, я нахожу, что отличие второго ВЫСОЧАЙШЕГО повеления от первоначальных, удостоившихся ВЫСОЧАЙШЕГО одобрения, предположений генерал-губернатора, только в законе о выборах: он ныне уже не поручается нашему рассмотрению. Итак, перехожу[д] к Уставу. Предложение обсудим после.

§ 1. **Гарин.** Возражает против его изложения. Почему редакция этого § изменена? к этому нельзя усмотреть оснований, ибо прежняя была лучше. Теперь указывается, что Сейм есть «представитель» финского народа. Это неверно: представителем народа является всегда МОНАРХ, и даже в респ[ублике] таким представителем признается президент. Поэтому

---

[6] *Далее в стенограмме небольшой пропуск.*

[в] *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

[г] *Здесь и далее в этом документе все фамилии в стенограмме при публикации передаются без сокращений (в документе они все сокращены).*

[д] Пере *вписано карандашом над строкой.*

я полагаю, что следует сохранить **прежнюю** редакцию с изменениями применительно к новой организации Сейма.

Мехелин. Читает швед[скую] редакцию (representerar), из которой Совещание усматривает, что спорное выражение есть не более, как плохой перевод. **Единогласно принято** заменить словом «представляет». (**Сергеевский.** Предлагает при этом соединить § 1 и § 2 в один, но **Мехелин** и другие финляндские члены возражают против внесения таких детальных исправлений редакции. Совещание отвергает предложение Сергеевского).

§ 2: принять без прений.

§ 3: **Сергеевский.** возражает против заключительного правила: оно неясно изложено и может быть понято в смысле лишения МОНАРХА права распустить Сейм ранее 3-х лет (после новых выборов).

Гриненберг. Наша мысль была не та (см. «мотивы»).

Сергеевский. Да, это было бы так, если бы не было этих трех заключит[ельных] строк. Они во всяком случае излишни, так как высказанная вами мысль ясна и без них, из одной левой части этого параграфа.

Фриш. По-моему, указанной Сергеевским мысли тут нет. Но, пожалуй, и я находил бы, что нет необходимости в этой добавке.

Лангоф. Редакция действительно нисколько неясна: надо немного изменить текст.

Фриш. Мысль Сергеевского не согласна и с мотивами, я полагаю, что в отношении нового Сейма ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР имел такое же право роспуска, как и в отношении предыдущего.

Мехелин. Конечно. Наша мысль только в том, что каждый трехлетний период начинается с каждых новых выборов (сличается швед[ский] текст: неясности и в нем).

Гриненберг. Без добавки нашей была бы также неясность: вышло бы, что полномочия выборных в отдельных случаях могли бы длиться более 4 года.

Сергеевский. Ну, и без нее ясно, что этого не может быть!

Фриш. Итак, исправим редакцию так, чтобы мысль составителей была ясно выражена.

Все соглашаются на это.

§ 4: принять без возражений.

(Краткий диалог по поводу пр[оведения] выборов: выясняется их цель, см. доклад Сената).

§ 5: **Сергеевский.** В этом § заключается один принципиально большой, хотя практически и незначительный, вопрос. Статья говорит о финляндских гражданах, значит – русские уроженцы, проживающие в Финляндии, не пользуются никакими правами по участию в выборах. Указание на то, что так было и по старому Уставу, здесь не может иметь решающего значения: в то время в России не существовало Думы, и для русских, проживающих в Финляндии, не было никакого ущерба от того, что они не пользовались избирательными правами: ведь и в империи они не участвовали в представительстве. Теперь, однако, положение изменилось: русские уроженцы, проживающие в Финляндии, не будут пользоваться политическими правами, тогда как в империи они их имели бы. При данной постановке вопроса они будут лишены **всяких** прав по выборам (пример: в Германии каждый участвует в выборах, если не в рейхстаг, то во всяком случае в местный парламент). При включении в текст § указания на русских уроженцев, они, ввиду принятой в Уставе системы пр[ямых] выборов, получили бы возможность, хотя бы в малом числе, проходить на Сейм. У нас финляндские уроженцы могут участвовать в выборах и быть избираемыми. Тут, следовательно, нужна простая взаимность.

Мехелин. В воззрениях сен[атора][c] Сергеевского кроется некоторая ошибка. В Финляндии проживает немало лиц русского происхождения, которые, однако, в то же время суть и финляндские граждане; все они пользуются правами по выборам. Само собой разумеется, что для пользования политическими правами необходимо быть гражданином страны,

[c] *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

это совершенно общее правило. Мы точно также твердо придерживаемся того же мнения, и в этом нельзя видеть никакого злого намерения по отношению к русским уроженцам. С другой стороны, требование о предоставлении русским уроженцам политических прав в Финляндии не может сводиться к вопросу о буржуазии: это вопрос права, и больше ничего. Германия на примере: она есть федерация, чего нет в данном случае. Наконец, сделаться финляндским (уроженцем) гражданином для русского урож[енца] легко и просто: процедура перечисления не сложна.

Сергеевский. Русский не иностранец в Финляндии как финляндец не иностранец в России.

Мехелин. Я должен указать на это, что правовые нормы, действующие в России и Финляндии не одинаковы, и что законодательство Финляндии существует особо рядом с законодательством империи.

Лангоф. Мне кажется, что этот вопрос стоит в ближайшей связи с законом о выборах, который нашему рассмотрению не подлежит. С другой стороны, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО указал мне, что ни одно из прав, принадлежащих Финляндии по действующему Уставу, не должно быть умалено. Между тем, в § 14 действующего Уст[ава] указано, что право участия в выборах принадлежит только финляндским гражданам; не следует изменять этого указания и в проекте.

Гриненберг. Присоединяется к мнению Мехелина. Независимо от сего в § 1 значится, что Сейм представляет финский народ. Отсюда вывод, что надо быть финляндским гражданином, чтобы иметь право участия в нем. Что же касается самого порядка приобретения прав финляндского гражданства, то для русских уроженцев он действительно несложен.

(**Мехелин** вкратце излагает этот порядок. **Фриш** требует справку).

Мехелин. Однако каков бы ни был этот порядок, данное правило не может быть изменено.

Сергеевский. Но ведь вносимая нами поправка никакого ущерба правам Финляндии не причинит. Наконец, я не требую, чтобы право участия в выборах было предоставлено каждому русскому уроженцу; в этом отношении возможно установить какие-нибудь ограничительные условия: напр., можно поставить требование владения недвижимостью или занятия промыслом при условии трехлетнего проживания в крае. Что же касается до ссылок финляндцев на национальное отличие их от русских, то можно ли придавать этому вопросу какое-либо решающее значение, если они сами находят, что с перечислением в финляндское гражданство влияние происхождения отпадает: перечислился и никакого отличия нет.

Мехелин. Я разумел здесь разницу не в расовом отношении, а в политическом.

Сергеевский. Во всяком случае, это всегда останется нотой разлада между Россией и Финляндией. Эту ноту разлада необходимо устранить. Ведь практически вопрос сводится к требованию предоставления политических прав сравнительно небольшой группе лиц: 1000–2000, если не менее.

Фриш. Наиболее серьезный аргумент в пользу предоставления избирательных прав русским сводится к тому, что ведь русский, проживающий в Финляндии, перестает ими пользоваться и в России. Значит, он совершенно лишается политич[еских]* прав.

Сергеевский. Да, за исключением лиц, проживающих в Финляндии, в качестве владельцев недвижимости и приезжающих в империю для участия в выборах по какому-либо основанию (напр., тоже по имущ[ественному] цензу).

Фриш. Этот вопрос мы не разрешим без справки.

Мехелин. Но если существуют какие-либо ограничения или затруднения для приобретения финляндского гражданства, то их можно устранить законодательным порядком.

Лангоф. Наше правило весьма важно сохранить. Другой вопрос – имеются ли какие-нибудь затруднения приобрести финляндское гражданство, и если да, то их легко устранить.

---

* *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

Мне известно, что в Петербурге проживают несколько десятков тысяч финляндцев, оставаясь финляндскими гражданами и не приобретая прав русс[кого][3] гражданства.

Сергеевский. К этому нет у них оснований: у нас финляндцы ни в чем не ограничены.

Гарин. Если финляндцы остаются в финляндском гражданстве, то это они делали, главным образом, по соображениям о воинской повин[ности][4], которая в Финляндии более облегчена. (тоже **Сергеевский**).

Мехелин. Подобные вопросы только затрудняют рассмотр[ение] Устава.

Фриш. Справка нам разъяснит дело, тогда мы вернемся к этому вопросу, а пока отложим. **Формулирую**: для участия русских уроженцев в выборах требуется прожитие в крае в течение 3 лет, а также владение там недвижимою собственностью или занятие промыслом. Из сего исключаются, однако, военнослужащие, которые **никогда** этого права не приобретают, так как не имеют его и в империи. По этому поводу я ставлю **новый** вопрос о воинских чинах.

Гарин. В Совещании было высказано мнение, что нам не следует отступать от норм, установленных действующим Уставом. Это верно. По при обсуждении отдельных положений этого Устава необходимо иметь в виду те условия времени, при которых они создавались, и подойти к их оценке с современной точки зрения. Обращаясь к вопросу о военнослужащих, я должен указать, что в эпоху разработки Устава 1869 г. в Финляндии существовала поселенная система войск. В настоящее время устройство армии совершенно иное. Если мы, невзирая на это, сохраним в силе действующее правило о признании за офицерами политических прав, тогда, при наличности в империи запрета им принимать участие в политической жизни, мы получим, что отдельные части одной и той же армии пользуются неодинаковыми правами. Это недопустимо: право должно быть одно, как едина сама армия. Следовательно, ссылка на Устав 1869 г. здесь неприложима, и проект должен быть изменен.

Сергеевский. В 1869 г. была совсем другая картина: теперь армия организована на иных началах. И немыслимо допустить, чтобы часть офицеров ее, я говорю о финляндцах, служащих в русской армии, пользовалась политическими правами, другая нет. Наконец, того же потребуют себе и нижние чины.

Мехелин. Я не касаюсь вопроса о единстве армии. Теперь с отменой Устава о воинской повинности, в сущности, нет и вопроса о военных чинах; мы думаем, однако, что войска будут, и тогда нам придется с ним считаться. По нашему мнению, офицеры должны пользоваться всеми правами наравне с прочими гражданами, а, следовательно, в том числе и по участию в выборах. К тому же практически этот вопрос едва ли может иметь особое значение, так как право выборов присвоено лишь лицам, достигшим 24-летнего возраста, т. е. времени, когда военнообязанные уже успевают отбыть воин[скую] повинность (читает стр. 8 предст[авления] Сената).

Лангоф. В 1869 г. кроме поселенных войск существовал так же и Л[ейб]-гв[ардейский] Стрелковый батальон, офицеры которого пользовались правами по участию в выборах. Ограничения в сем отношении были установлены лишь для нижних чинов, но офицеры должны быть гражданами.

Сергеевский. Да, но надо, чтобы права их были одинаковы для всей армии.

Лангоф. Для Финляндии это старое правило: оно существует более 4 лет.

Фриш. Настоящий вопрос вызывал сомнения и у нас, при выработке Положения о Государственной думе, у нас также хотели допустить военнослужащих к участию в политической жизни страны. По именно с **военной** стороны и встретились наиболее решительные протесты против подобной меры; по этому предмету было даже особое указание ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА о недопустимости военных к участию в выборах и это ВЫСШЕЕ указание было принято в основу разрабатывавшегося проекта. Настоящее соображение и влияет на русских членов, которые говорят о невозможности дуализма в правах армии.

---

[3] *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

[4] *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

Мехелин. Когда вопрос о новом воинском законе будет опять поставлен на очередь, тогда он, можно думать, будет разрешен иначе: финские войска будут обособлены от прочей армии. Вообще говоря, финляндские войска были организованы иначе, чем русские; и офицеры их, участвуя в политических правах, несли свои обязанности также хорошо, как и русские. Но офицер должен быть гражданином – это прежде всего. Наконец, это даже и не вопрос в настоящую минуту, потому что у нас нет войск.

Сергеевский. Да, мы о будущем и не говорим: пока трудно сказать, что будет с военным вопросом в Финляндии впереди. Я именно обсуждаю дело с точки зрения теперешнего положения вещей...

Лангоф. Начало, принятое в проекте, соответствует духу Манифеста 22 октября: Манифест говорит о **всеобщем** праве голоса. Из этого правила, по возможности, не следует дел[ать] исключений.

Сергеевский. Но Манифестом и не установлено никаких норм: он дал только поручение.

Мехелин. Нет, это принципы. (Читает Маниф[ест] и Грамоту).

Сергеевский. Сенатор Мехелин, говоря о финских офицерах, разумеет будущие финские войска. Но ведь мы ставим вопрос на современную почву: мы говорим о тех офицерах, **которые теперь находятся на службе в русских войсках**. Таких офицеров немало. И что же мы получим: право выбора в Думу они не имеют, но выбирать в Сейм они же могут!

(Мехелин ссылается на мантальные списки. Сергеевский опровергает).

Фриш. Придаете ли вы вопросу об офицерах из финляндских граждан значение капитальное?

Сергеевский. Нет, я особенно настаивать не стал бы: это палка о двух концах.

Фриш. Обойти молчанием этот вопрос нам, однако, неудобно: мы имеем повеление ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА по поводу выборов в Думу. Поэтому, нам необходимо занести этот вопрос в **Журнал**. Возражения наших оппонентов сводятся к двум положениям: ссылкам на прежний Устав и на Манифест 22 октября. Мы со своей стороны указываем на неудобства дуализма. Не будем выражать в журнале, что мы, **безусловно**, не согласны, но соображения наши все же изложим.

Мехелин. У нас, в маленькой Финляндии лишать офицеров права выборов было бы чувствительно, тем более, что большинство их голосовало в сословии дворян.

Фриш. Вопрос возбуждает сомнения с принципиальной точки зрения: нет сомнения, что офицеры, безусловно, надежный элемент, и участие их в представительном собрании может быть даже желательно. Но тут другое: устраняя офицеров, хотели избавить армию от вмешательства в политическую жизнь и тревоги.

Сергеевский. К тому же сословий, по проекту, нет, тогда была картина одна, теперь другая: теперь пойдут не в Дом, а в палату.

Мехелин. Такие офицеры-финляндцы, которые служат в русских войсках, конечно, не будут избраны в депутаты.

Сергеевский. Нет, я знаю примеры.

Лангоф. Во всяком случае, шансов на это мало.

Мехелин. Следовательно, это вопрос вовсе не практики, а чисто принципа.

Сергеевский. Возможны еще и такие конфликты: начальство запретит офицеру ехать на выборы, а он уедет. Столкновения неизбежны и нежелательны.

Фриш. Итак: не будем делать по этому вопросу прямого разногласия. Но нам в журнале нельзя на нем не остановиться. Осветим вопрос всесторонне и представим на разрешение ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Все согласны.

(Затем **Сергеевским** возбужден интересный лишь для самих финляндцев вопрос о полноте п. 7 парагр[афа] о находящихся под судом).

§ 6: принят. (**Мехелин.** разъясняет значение слова «независимо от местожительства»).

§ 7: **принят с редакционной поправкой** (по предложению **Сергеевского**: «посягательство», **Фриш,** «которые посягают». Финляндские члены (**Гриненберг**) согласились, что выражение «за попытку» неудачно).

§ 8: **принят с редакц[ионной] поправкой (Гарин,** указывая, что прежняя редакция была точнее, предлагает к ней вернуться. Мысль эта отклонена: в Уложении 1734 г. выражение «законные препятствия» объяснено неточно (**Сергеевский**). Нужна ли вообще эта ссылка? едва ли (**Фриш**). Решено заменить лишь слово «одобренный» словами: «признанные уважительными»).

Фриш. По этому § еще сомнение: он относится к тому случаю, когда лицо уже избрано в депутаты; тогда отказ недопустим. Но в проекте я не вижу указание, что вообще выбирать его можно только с согласия его. Не следует ли проявить это здесь?

Мехелин. Мы поместили это в избирательном законе (§ 20).

Фриш. (Читает). Но это очень важно. И прежде это было выражено в самом Уставе. (§ 17 ?)

Мехелин. Мы смотрели на дело так, что не следует загромождать Основной закон слишком детальными правилами, которые к тому же – общепризнаны.

Фриш. Если хотите – оставим.

§ 9: принять с редакц[ионными] поправками.

Сергеевский. Возбуждает вопрос о словах «права и истины» и предлагает заменить их словами «права и правды» – ВСЕ СОГЛАСНЫ. Далее: к чему заключительное указание?

Фриш. Мысль изложена неверно: что депутат должен повиноваться Основным законам – это ясно. Но сказать, что он не связан... и т. д. неверно.

Сергеевский. Он связан и другими законами и присягой.

Мехелин. Здесь выражена мысль, что депутат должен слушаться предписания основн[ых] законов и ничего другого: ни приказов начальства, ни мандатов выборщиков и т[ому] под[обное]. Следов[ательно], речь идет только о том, **как** он должен исполнять свое поручение (ср. «Мотивы»).

Фриш. Не следует ли тогда сказать: он должен соблюдать основные законы и не должен слушаться никаких др[угих] предписаний?

Сергеевский и **Гарин**: высказываются за старую редакцию, причем, первый предлагает вторую часть статьи опустить вовсе. Далее предлагает вместо «осн[овной] зак[он]» сказать Сейм[овый] Уст[ав].

Фриш. Отклоняет и повторяет свое предложение.

Мехелин. На это мы согласны.

Фриш. Редактирует: он обязан при этом соблюдать Основные законы и не связан никакими иными указаниями.

§ 10: принять (условно). **Фриш.** Этот § стоит в связи с § 5; если наши предположения о воспрещении военным быть депутатами будут приняты, то соответств[ующее] изменение внесем и сюда. Иначе – сохраним без изменений.

§§ 11–15: **приняты без изменений**.

Заседание 2(17) марта

§ 5. **Фриш** предлагает закончить вопрос о русских уроженцах.

Сергеевский. Избирательное право должно быть распространено и на всех русских уроженцев, за исключением военных. При этом, применительно к п. 2, следует установить трехлетний ценз пребывания в крае (при условии владения недвиж[имостью] или занятия промыслом). Главнейший аргумент, приведенный в пользу обратного положения, заключается в том, что избирательным правом могут пользоваться только граждане, и что перечисление уроженцев империи в финляндское гражданство легко. Справка доказывает, однако, что это не так: перечисление затруднено разными условиями. Оно никогда не было легко, – если не считать периода до 40-х годов, когда оно совершалось сравнительно проще. С этого же времени начинаются различные стеснения по разнообразным мотивам. Нынешнее положе-

ние вопроса: 1000 руб. взнос или 6 л[ет] пребывания в крае, полицейское свидетельство. В 1900 г. – запрещение перечисления. После того появились два проекта реформы в данной области: Сената и смешанной комиссии при Мин[истерстве] внутр[енних] дел. Оба они, однако, не облегчают перечисления: много ограничений у Сената (см.), еще более в проекте Мин[истерства] внутр[енних] дел (требуются исключительные поводы для перечисления, необходимо удостоверение Мин[истерства] о неимении препятст[вий]). Дело это дальнейшего движения не получило ввиду указаний Сената на необходимость полного пересмотра законодательства по сему предмету.

Фриш. Ну, а как смотрите вы на ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление 1900 года?

Лангоф. Цитирует заключение Бобрикова (1900).

Сергеевский. Этот отзыв последовал в ответ на сообщение министра статс-секретаря о приостановке. Одновременно (в 1900 г.) с этим поступил и проект Сената. Дело происходило так: министр статс-секретарь докладывал ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ прошение двух лиц о перечислении их в Финляндию; по этому частному поводу дана общая резолюция о приостановке.

Лангоф. Мне кажется, что вопрос об изменении § 5 в предполагаемом смысле не подлежит нашему рассмотрению. С другой стороны, вопрос о степени легкости перечисления не имеет прямого отношения к делу.

Фриш. Мы и не возбуждаем вопроса о пересмотре законодательства по сему предмету. Мы обсуждаем лишь, не следует ли предоставить избирательное право русским уроженцам. Сенатор Сергеевский указывает только **мотив** к такому изменению § 5.

Сергеевский. Эта связь двух вопросов (об избирательном праве и о перечислении) не мной и предположена; аргумент, что перечисление совершается просто, выдвинут сенатором Мехелиным. Кончаю мысль: утверждение это опровергается справкой, которая доказывает, что перечисление вовсе нелегко. С другой стороны, я обращаю внимание на текст пункта 2, из которого видно, что лица, три года не числившиеся в мантальных списках, **не** пользуются избирательным правом. Русские уроженцы в списки эти не заносятся: заносятся только их недвижимости, которые и уплачивают сбор, вот почему я полагал бы необходимым дополнить выставленное мной требование трехлетнего прожития в крае следующей альтернативой: **или трехлетнее занесение в мантальные списки их имуществ.**

Мехелин. Я имел в виду ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление 1900 г.; анализируя же старые законы, я нахожу, что для некоторых категорий лиц (дворян, чин[овников]) затруднения к перечислению в Финляндии установлено не было. Что же касается предложения включить в § 5 указание на русских уроженцев, то оно неудобно, так как наш закон построен на иных началах: у нас нет цензовых условий, Сергеевский предполагает ценз. Таким образом, предполагаемое изменение не имело бы за себя глубоких оснований: оно усложнило бы вопрос и противоречило бы и в практических интересах вносить это правило в основной закон.

Фриш. Попутно я обращаю внимание, что для иностранцев условия приобретения финляндского гражданства облегчены, они не платят 1000 р[уб.] взноса и должны прожить в крае всего 3 года, тогда как от русских требуется не только взнос, но и, альтернативно, 6 лет.

Лангоф. Эти ограничения не вызваны желанием ставить русским какие-либо затруднения: они вызваны требованиями самой империи, уроженцы которой перечислялись в Финляндии, чтобы избежать рекрутской повинности. Замечу, кстати, что я уже давно имел в виду написать генерал-губернатору о возбуждении вопроса относительно перечисления, и я убежден, что каких-либо затруднений в этой области не будет сделано.

Фриш. Вы указываете важное соображение: **само** русское правительство затрудняло перечисление.

Сергеевский. Едва ли этим одним вызваны ограничения. В финляндских законах видна тенденция затруднить переход; внесены требования экономические и внутриполитиче-

ские[к]: не допускать к себе лиц, необеспеченных или неблагонадежных. С другой стороны, соображения о рекр[утской] повинности неприложимы теперь (а ограничения все же существуют), да и прежде повинность эта не распространялась на купцов. Едва ли, следовательно, эти ограничения вызваны желаниями России. Наоборот, они внесены самой Финляндией, что доказывает их экономическая сторона. И эти **экономические** поводы существуют и в настоящее время, почему затруднения и продолжают оставаться в силе.

Гарин. Насколько мне известно, у нас не существует оговорок, чтобы финляндцы были лишены в империи избирательных прав. Соображения, которыми вызвано это широкое правило, должны быть приложены и к русским в Финляндии. Основание должно быть одно, и двух мерок здесь прилагать нельзя. В принципе, сенатор Мехелин прав, что надо быть гражданином страны, чтобы пользоваться в ней политическими правами; но если Россия признает своим гражданином финляндца, то должно быть и обратно.

Мехелин. Если бы зашел об этом вопрос, финляндское правительство без колебаний признало бы справедливость лишения избират[ельных] прав финляндцев, проживающих в России. Такое мое убеждение. Потому что в этом наша принципиальная точка зрения, наше твердое и общее правило.

Фрин. Суждения доказали, что точка зрения сенатора Мехелина («перечисление легко») не вполне подкрепляется фактом. Оказывается, что вопрос этот не только неясен, но даже подлежит пересмотру. Со своей стороны, присоединяюсь к Н.Д. [Сергеевскому]. Значит, у нас будет по этому предмету разногласие. Во всяком случае, требование 24-летнего возраста и другие условия § 5 сохраняют свою силу и для русских уроженцев?

Сергеевский. Да.

Фрин. А женщины?

Гарин. Вообще, вопрос о женщинах мы обошли без внимания. Замечу только, что всеобщее голосование существует, напр., во Франции, но о предоставлении женщинам избирательных прав там и не упоминают. Вы выдвигаете новый принцип, ваши основания... (см. предст[авление] сенатора). Это дело ваше.

Фрин. В какой мере женщ[ины] уже теперь пользуются политическими правами?

Мехелин. (проверить по закону). В общинах политическими правами пользуются женщины sui juris*·[л]: они могут быть избираемы на должности по призрению бедных и т. п. Я не нахожу поэтому, чтобы в нашем проекте было что-либо слишком новое. По опыту мы знаем, что на этом поприще женщины работают вообще весьма успешно.

Гарин. Я признаю основательность этих доводов.

Фрин. Значит, прямых возражений нет. Но отметим в журнале: **почему** мы не возражали против этого правила.

Сергеевский. Гарин не возражал, но все же, сомневался. Я же не встречаю в этом вопросе и сомнений. Это есть вопрос местного финляндского законодательства, и интересы империи им не затрагиваются. Замечу, однако, что назначение женщин на должности по общинному управлению не связано с активным политическим правом, оно пассивно. С другой стороны, неизбежным последствием предоставления женщинам избирательных прав будет установление полного равноправия их с мужчинами и на низких ступенях. Уравнение пойдет везде. Но и это, повторяю, дело внутреннее, финляндское. Лично я высокого мнения о финляндских женщинах (женщ[ины] в университете, их серьезность, работоспособность). Как они пользуются полит[ическими] правами в других государствах на это ответить трудно: опыта слишком еще мало (подробность: требование многоженства). Итак, вопрос – чисто местный, я не возражаю.

Фрин. Итак, оставим этот вопрос.

§ 16. **Принят без прений.**

[к] *В тексте*: внутренненолитические.

* *«своего права» (лат.).*

[л] *Вписано от руки.*

§§ 17 и 18.

Сергеевский. Между §§ 17 и 18, с одной стороны, и 24 – с другой, усматривается противоречие; может быть это недосмотр. В §17 есть как бы лишние слова «без особого созыва», а по § 24 Сейм открывается и день открытия назначается по повелению ГОС[УДАРЯ] ИМПЕР[АТОРА].

Гриненберг. Это два разные момента. § 17 говорит о созыве Сейма, 24 – о торжественном открытии. Под созывом разумеются разные подготовительные действия, напр., – проверка полномочий и т. д.

Фриш. С какого же момента начинаются собственно занятия Сейма?

Гриненберг. После торжественного открытия.

Сергеевский. Но это не устраняет противоречия (?). С другой стороны, противоречие идет и далее: чрезвычайный Сейм (19) требует особого созыва, очередной – нет.

Лангоф. С очередным Сеймом дело представляется так: созыв депутатов – к 1 февраля; затем открытие Сейма следует в первых числах того же месяца, в день назначенный по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению.

Мехелин (читает §§ 2 и 26 действующего Устава). По старому Уставу также различаются день созыва и день открытия.

Сергеевский. Объяснительная записка об этом ничего не говорит.

Гарин. По § 2 действующего Устава, Сейм **созывается** также по указанию ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Фриш. Итак, на то, что Сейм будет собираться ежегодно, мы не возражаем. По мы указываем, что день созыва в настоящее время определяется ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ, а по проекту – самим законом.

Мехелин. Читает объяснения Сената по этому поводу (10).

Сергеевский. Итак, это не недосмотр. Однако нигде в мире палата не собирается без призывного акта; это совершенно общее правило. И если § 17 проекта устраняет такой акт, то в этом нельзя не видеть ограничения прерогатив МОНАРХА. Вопрос о созыве Сейма не нов; однако, по существу его никогда никаких сомнений не возникало: всегда признавалось бесспорным, что Сейм должен созываться по Указу ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; сомнения возбуждались лишь о формах созыва (дело 1902 г. о пересмотре Сейм[ового] Уст[ава][м]; ВЫСШЕЕ повеление 9 июня 1902 г.; ВЫСШЕЕ повеление 8/20 июня 1899 г.; резолюция 16 июля 1899 г. о Рескриптах; повеление 19 мая 1900 г. – сообразит этот вопрос при пересмотре Сеймового Устава). Эти ВЫСОЧАЙШИЕ повеления не исполнены: в проекте вопрос не только не пересмотрен, но даже самый акт созыва отменен.

Фриш. Сенатор Сергеевский приводит весьма важное указание, что существует ВЫСШЕЕ повеление о соображении вопроса относительно формы созыва Сейма при пересмотре Сеймового Устава.

Мехелин. Этот пересмотр предполагался в совершенно иной форме: был вопрос о пересмотре нескольких §§ Устава. Теперь вопрос ставится иначе: выработан совершенно новый Устав. С другой стороны, по Уставу 1869 г. Сейм собирался раз в 5 лет; тогда естественно было, что созыв зависел каждый раз от усмотрения МОНАРХА и производился Грамотами (эту форму генерал Бобриков хотел изменить). Но если Сейм будет собираться ежегодно, то удобнее и лучше, если срок созыва будет определен в законе. В этом случае нет надобности устанавливать особый акт созыва.

Фриш. На это можно возразить, что наша Дума, напр., будет собираться ежегодно, день же ее созыва имеет быть установляем ВЫСОЧАЙШЕЙ волею. Определенного принципа, след[овательно], в этом отношении не существует.

Сергеевский. Одно другому не мешает. Означение срока «1 февраля» нахожу излишним.

Мехелин. Каждое 1-е февраля ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР может давать ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление об открытии Сейма.

[м] *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

Фриш. Это было бы не всегда удобно. По-моему, надо, чтобы то и другое определялось ВЫСОЧАЙШЕЙ Властью: и день открытия, и день созыва. Иначе в отдельных случаях могут возникнуть нежелательные конфликты. Если, напр., депутаты соберутся к 1 февраля, а день открытия, по тем или иным причинам, будет назначен значительно позже, то это окажется и неудобно для депутатов, и может произвести невыгодное впечатление на народ. С этой точки зрения я полагаю, что вообще нежелательно означать в законе день созыва.

Сергеевский. Буква закона едва ли остановит правительство от созыва в другой срок, если это будет существенно необходимо! Итак, срок не нужен. При этом следует иметь в виду, что в § 17 определена и продолжительность Сейма: 90 дней. Если же открытие Сейма последует позже, то неизвестно – с какого момента считать этот срок. Могут возникнуть неудобства.

Гриненберг. Установление в законе определенного срока созыва имеет существенные выгоды: для депутатов весьма важно знать наперед, когда именно они будут заняты по Сейму. Не следует упускать при этом из вида, что, согласно § 3 проекта, депутаты выбираются на трехлетний срок. Механизм подготовительных к Сейму работ вообще сложный; удобнее, если заранее известно время собрания Сейма. Эти чисто практические соображения заставляют отдать предпочтение нашей системе.

Фриш. Я придаю § 17-му вообще весьма существенное значение. Далее в нем читается: закрытие Сейма раньше или позже 90-дневного срока может последовать только тогда, «когда...» Выражение «Сейм решит» показывает, что в этих случаях необходим своего рода Сеймовый закон. Ну, а если Сейм **не** «решит», тогда он будет продолжаться, или, наоборот, закроется до окончания работ?

Сергеевский. Эти правила связаны с предписаниями § 18-го. Проект вообще ограничивает МОНАРХА в правах по закрытию Сейма: ГОСУДАРЬ может, в таких случаях, лишь **распустить** Сейм, но закрыть его до истечения 90 дней – не может.

Фриш. При этом вновь избранный Сейм, по § 18, не может быть распущен ранее 90 дней. Правило это противоречит § 2-му действующего Устава.

Мехелин. Это – наша новая система: Сейм должен работать 90 дней. Этот срок необходим, чтобы он мог рассмотреть бюджет, и закон сам определяет нормальный период Сеймовых занятий. Если ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР будет почему-либо недоволен депутатами. Он вправе распустить Сейм; вновь избранная палата собирается и работает 90 дней, что необходимо, чтобы новые депутаты успели закончить работы предыдущего Сейма, рассмотреть бюджет и т. д. Иначе могут возникнуть серьезные затруднения и замешательства. Нельзя предположить, однако, чтобы **новое** (вторичное) распущение Сейма стало необходимым, прежде чем правительство убедится в том, как он работает.

Фриш. Итак, эта система проведена сознательно. Как ваше окончательное заключение, Н[иколай] Д[митриевич] по первому вопросу о созыве Сейма?

Сергеевский. Я нахожу систему проекта неудобной и стеснительной для Верховной власти. Акт созыва должен быть, как был он и раньше, но форма его не так важна.

Мехелин. Если акт созыва будет сохранен как прерогатива ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, то он сам и определит его форму. Во всяком случае, форма Грамоты предпочтительнее, так как она предполагает Собственноручную подпись ГОСУДАРЯ.

Сергеевский. Подпись ГОСУДАРЯ равно значится и на Рескриптах. Можно, однако, избрать для этого акта посредствующую, среднюю между Рескриптом и Грамотой, форму ИМПЕРАТОРСКОГО указа. Повторяю, однако, что это вопрос второстепенный, и я ему большой важности не придаю, тем более, что нигде в действующем законе и не определено – какова должна быть эта форма. Суть в **наличности** этого акта, зависящего от воли ГОСУДАРЯ. Определение в законе точного дня созыва (1 фев[раля]) в отдельных случаях может быть неудобно, и по существу излишне. Что касается вопроса о 90 днях, как точном сроке занятий Сейма, то определение его точно также должно принадлежать усмотрению ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, который и не обязывается в этом случае испрашивать со-

гласие Сейма, иначе – неизбежные конфликты, не говоря уже о заключающемся в таком правиле ограничении прерогатив МОНАРХА.

Мехелин. Если закон определяет 90-дневный срок, то это он делает в предположении, что в течение его работы Сейма будут закончены. Конечно, может быть случай, что какое-либо ВЫСОЧАЙШЕЕ предложение поступит к концу сессии, тогда Сейм испрашивает разрешение продлить свои занятия, и ГОСУДАРЬ соглашается. Если, однако, возникнет необходимость закрыть Сейм раньше, – то кто будет об этом судить? Естественно сам Сейм. Он сам и определит, может или не может он закончить свои работы до срока.

Фрих. Но ведь это может вызвать конфликты!

Мехелин. Будем надеяться, что их не будет. Мы предполагаем нормальный порядок вещей.

Сергеевский. Нельзя ставить вопрос о **продлении** срока в зависимость от согласия Сейма. Вы указываете случай, когда Сейм сам **просит** о продлении, но ведь может быть и обратный случай: когда Сейм не пожелает сидеть долгие срока. В этом случае нельзя лишать МОНАРХА права продлить занятие Сейма, раз Он признает это необходимым. Взять хоть финансовые вопросы: Сейму предложено, например, рассмотреть дополнительное финансовое предложение, а он расходится, или так: не успев рассмотреть до срока всех финансовых дел, он прекращает занятия! Ведь это узаконенная обструкция. Ответь отрицательно, но **ответь**. Итак, продление срока должно зависеть от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Далее перехожу к вопросу о **закрытии** Сейма. Проект предусматривает два способа: распущение Сейма или закрытие его с согласия депутатов. По первый способ ограничен уже тем, что он не может быть применен ко всякому Сейму: к новому Сейму, собравшемуся после новых выборов, он не приложим. С другой стороны, распущение Сейма – мера сама по себе экстраординарная и может применяться лишь в чрезвычайных случаях. Иногда таких обстоятельств на лицо может и не быть, а закрыть Сейм желательно; но он не соглашается – и вот три месяца надо терпеть и слушать, что они там говорят. Это последнее соображение в еще большей степени приложимо к Сейму, которого **нельзя** (по закону) распустить. Итак: закрытие Сейма также должно быть поставлено в зависимость от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Мехелин. Здесь вопрос в принципе. Если в законе определен 90-дневный срок занятий Сейма, то сокращение или продление его не может зависеть только от воли МОНАРХА: нужно еще и согласие Сейма. Это необходимо, чтобы внести порядок в бюджетный вопрос. Существуют практические затруднения к роспуску Сейма до того времени, когда он закончит работы. Нет надобности предполагать такие опасности, о которых говорит сенатор **Сергеевский.**

Фрих. Вы хотите определить день созыва и срок работ Сейма в законе, – в каком? в **основном**, т. е. не подлежащем изменению иначе, как в особом порядке. Поэтому я считал бы более правильным сказать так: «Сейм собирается ежегодно 1 февраля, буде ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ не постановлено иначе». Далее: Сейм созывается и распускается актом Верховной власти. Наконец: Сейм продолжается 90 дней, буде ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ не постановлено иначе. Все это должно быть выражено в самом законе.

Гриненберг. Я присоединяюсь к сенатору Мехелину.

Фрих. А по вопросу о новом Сейме после новых выборов: он должен продолжаться 90 дней? Ни больше, ни меньше?

Мехелин и Гриненберг. Да.

Гарин. Вы говорите, что это необходимо, чтобы новый Сейм успел закончить обсуждение бюджета. Но ведь, практически, еще неизвестно, что успеет сделать предыдущий Сейм до роспуска: может быть бюджетный вопрос им уже и рассмотрен. Следовательно, это соображение не может быть решающим.

Мехелин. Сейм, собравшийся после новых выборов, должен просидеть свой срок, чтобы показать свою работу. К нему надо присмотреться, прежде чем решать распустить его. Мы ведь имеем в виду нормальные условия.

Фриш. Итак, по этим вопросам у нас будет разногласие.

Сергеевский. В сущности, соображения сенатора Мехелина не опровергаются нашими предположениями. В действительности ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР будет, конечно, соображаться с положением вещей, и без повода, не дав Сейму высказаться, не станет распускать Сейма. Обратное предположенье невозможно.

Мехелин. Но у Сейма должны быть **гарантии**, что он не будет распущен завтра.

Сергеевский. Вопрос не столько практического свойства, сколько вопрос о прерогативах МОНАРХА: власть ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА должна остаться прежней. Следовательно, это касается интересов империи.

Фриш повторяет свое заключение, добавляя: право Сейма представлять о досрочном закрытии или продлении срока – сохраним. По § 18, равным образом, права МОНАРХА в отношении закрытия или распущения нового Сейма должны быть закреплены.

§ 19: **принят**.

Возбуждался вопрос о словах: «равно как и вопросы, находящиеся в неразрывной связи с такими делами».

Сергеевский. Кто определяет эту «связь»? Сам Сейм. Вообще добавка эта имела лишь значение прежде, когда Сейм собирался лишь на 5-й год и не имел права моции; теперь же, когда Сеймы будут собираться ежегодно, причем ближайший очередной Сейм может во всем объеме осуществить свое право моции, указанная добавка утрачивает смысл, так как каждый такой вопрос может быть возбужден в форме моции.

Мехелин. Я согласен, что эта добавка уже не так необходима, как прежде.

Сергеевский. Она заключала в себе как бы скрытое право моции для чрезвычайного Сейма, который такого права не имел.

Мехелин. Наша мысль: чрезвычайный Сейм, рассматривая переданное ему предложение, находит, что оно связано с каким-либо другим вопросом, по существу близко с ним соприкасающимся. Он и обсуждает его. Это указание все же полезно, так как чрезвычайный Сейм не пользуется правом моции, ни правом петиции (?)

Фриш. Здесь весьма важно, что сам Сейм разрешает вопрос о связи и, таким образом, поднимает и обсуждает в сущности любой вопрос.

Лангоф. Но это текст Устава 1869 г., неизмененный и с изданием закона 1886 г. о моциях.

Сергеевский. Ну, это вопрос кодификации. При ежегодности Сеймов характер этого старого правила Устава 1869 г. совершенно меняется. Ясно, что это просто – упрощенное право моции.

Мехелин. Практически, вопрос не особенно важен, если будет признано, что обсуждаемая на Сейме тема не находится в связи с главным вопросом, то ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР властен отложить дело. Этим исчерпывается все.

Сергеевский. Возможны конфликты.

Мехелин. Едва ли. Все мотивы к включению данного правила заключаются в словах: «в неразрывной связи». Если такой связи нет, вопрос не может быть возбужден.

Лангоф. Так было в течение 30 лет. Зачем будем менять?

Фриш. Итак, мы все согласны, что теперь положение представляется иным, и что особенной надобности в сохранении этого правила нет. Однако не будет большой важности, если оно и будет сохранено. Примем.

§ 20: **принят с редакционным изменением.**

Фриш. Что значит выражение «**общих** постановлений»? Ведь, под общими, по обычному порядку, разумеются Сеймовые законы. В таком ли смысле употреблено это слово здесь?

Мехелин. Здесь мы разумеем всякие акты Верховной власти: законы, указы и прочее.

Сергеевский. Здесь надо бы сказать: для обнародования узаконений и распоряжений правительства.

Мехелин. Если слово «общих» возбуждает сомнения – исключим его.

Фриш. И заменим термином «финляндских».

§ 21: **принять**.

Гарин. Нужна ли столь точная нормировка: Сеймовые депутаты предъявляют свои полномочия с 11 часов утра! Нигде в других законодательствах этого не делается, особенно в осн[овном] законе.

Фрин. К тому же это может внести ненужные стеснения для самого Сейма.

Мехелин. Но до этого часа Сейм и не существует!

Лангоф. Такое указание вообще удобно и полезно.

Фрин. Если вы считаете его возможным – сохраним.

§ 22: **принят с редакционной поправкой.**

Фрин. Помещенное на строке второй выражение «тем не менее», мне кажется излишне: не следует ли его исключить?

Сергеевский. Оно придает всему выражению оттенок некот[орой] иронии.

Гарин. Это тем более неудобно, что речь идет о лице, назначаемом по выбору ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Мехелин. По-шведски «linval»[*] то же самое. Впрочем, возможно и исключить.

§ 23: принят с редакционной поправкой.

Сергеевский. Зачем это ограничение власти МОНАРХА: тальман и вице-тальман избираются самим Сеймом? По действующему Уставу, назначение это принадлежит ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Фрин. В данном случае я не могу не присоединиться к проекту – и вот почему. При обсуждении Положения о Госуд[арственной] думе у нас уже возникал вопрос, не следует ли предоставить утверждение председателя Думы ВЫСОЧАЙШЕЙ Власти. При этом, однако, указывали на возможность нежелательных конфликтов, если, напр., МОНАРХ не утвердит лица, избранного большинством; поэтому решили не вносить подобного правила.

Мехелин. По действующему Уставу, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР назначает только ландмаршала, вице-ландмаршала и тальмана духовн[ого] сословия. Дворянство у нас невелико по составу, и выдающиеся представители его обыкновенно известны МОНАРХУ. Не то в многочисленных сословиях горожан и крестьян: там назначение делается генерал-губернатором, по ВЫСОЧАЙШЕМУ поручению. Таким образом, здесь едва ли может возникать вопрос об ограничении прерогатив МОНАРХА, если ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР уступал свое право ген[ерал]-губ[ернатору].

Фрин. Что касается вопроса о **назначении** председателя правительственной властью, то это, во всяком случае, нежелательно. Я, поэтому, присоединяюсь к проекту. – Все согласны.

Гарин. Тут есть и другой вопрос: почему прежняя присяга заменена торжественным обещанием?

Мехелин. У нас в Финляндии существует много сект, между которыми есть и такие, которые не признают присяги. Немало у нас и свободомыслящих. Весьма естественно, что среди членов Сейма будут лица из этих категорий. Чтобы не стеснять их, сделана эта замена.

Гарин. Хорошо, но в проектируемом тексте сказано: «охранять права как ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, так и Сейма, и финского народа», – тогда как в действующем: «права ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и права и привилегии сословия и земских чинов» (24). Если сопоставить § 23 с § 1, увидим противоречие, так как по § 1 Сейм представляет **финский народ**. Я держался бы старой редак[ции].

Мехелин. Народ, как совокупность граждан, несомненно, имеет известные права.

Фрин. Но не было ли бы тогда правильнее сказать: права ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и финского народа? Ведь Сейм есть **часть** народа.

Мехелин. Нет сомнений, что это так.

Сергеевский. Ставить все эти три понятия рядом – едва ли удобно и верно. Прежде говорилось «права сословия и земских чинов». Это было понятно, потому что сословия имеют те или другие права, но народ? Неопределенно.

---

[*] *Вписано от руки.*

Гарин. Права народа – термин совершенно неясный и неуловимый, и ровно ничего не говорит. Но если так, то в **Основной** закон вносить его нельзя. Что такое права народа с юридической точки зрения? Определить этого нельзя. Права сословий и права Сейма – дело другое: эти понятия ясны.

Мехелин. Мы разумеем здесь совокупность прав гражданских.

Сергеевский. Это неправильно.

Мехелин. Едва ли. Напр., избирательные права, принадлежащие каждому гражданину и т. д.

Гарин. Повторяю, содержание этого термина мне непонятно. Может быть, вы намекаете на суверенитет? («par la code du people»*)°?

Лангоф. Мы имеем в виду все вообще права, которыми пользуется народ.

Сергеевский. Неясно!

Гарин. Я не настаиваю на безусловном исключении этих слов, но, как хотите, термин этот – не юридический, сюда можно уложить все, вплоть до международных отношений.

Фрин. Я предложил бы сказать: права финских граждан. Это хоть определенно: граждане имеют права, напр., право личной неприкосновенности.

Сергеевский. Это – поэтический образ, не формула. Всякий поймет это выражение, как претензию на суверенитет.

Гриненберг. Я не убежден высказанными доводами. К чему менять? Ни прерогативы МОНАРХА, ни интересы империи ведь этим не затронуты.

Фрин. Итак?

Сергеевский. Раз так упорно отстаивают, значит, в этом выражении что-нибудь да есть!

Мехелин. Важных мотивов к исключению не представлено. Не **мы** проектируем это – Сенат.

Лангоф. Нет никакого соприкосновения ни с интересами империи, ни МОНАРХА. Я за проект.

Сергеевский. Изменять закон одно, изменять проект – другое. Тем более, где мотивы этого нововведения?

Фрин. Положим, мотивы были: в старом Уставе сказано: «права сословий». Теперь сословий больше нет.

Мехелин. Мы хотели выразить известное противоположение: с одной стороны, стоит МОНАРХ, с другой – народ, который представлен Сеймом. Ведь и старая редакция не была вполне точна: сословия не представляли народ. Мы исправили эту неточность.

Фрин. Хорошо, примем. С о г л а ш а ю т с я.

Сергеевский. Есть еще одно выражение, на которое я хочу обратить внимание: «согласно основным законам Вел[икого] княж[ества]». В империи есть свои основные законы, обязательные и для Финляндии.

Мехелин. Но это одно и тоже.

Сергеевский. Нет: есть особые Основные законы империи, действующие в Финляндии. Ipso jure[n]**.

Мехелин. Они и для нас основные законы.

Фрин. Да, но это здесь не указано: здесь говорится только об Основных законах «Великого княжества». Поэтому я полагал бы слова эти исключить. С о г л а ш а ю т с я.

§§ 24 и 25: **приняты без прений.**

§ 26. **Сергеевский.** В § 26 обращает на себя внимание абзац второй. В представлении Сената он не объяснен, сказано только, что изменение сделано «для ясности». Между тем, разница с существующим порядком громадна: в старом Уставе существует две группы средств,

---

* *По народному кодексу, по народному праву (фр.).*

° *Выражение вписано от руки.*

[n] *Вписано от руки.*

** *по самому закону (лат.).*

здесь одна. Существующее ныне по закону деление финансов на две части, на статный фонд и фонд временных налогов, в проекте исчезает, и управление ими делается однородным.

Мехелин. Действительно, первый взгляд на статью может внушить такую мысль; но если сравнить эту статью с другими, напр., с § 43, то вопрос выясняется. В Уставе 1869 г. (ст. 36) вопрос этот урегулирован недостаточно полно. Но принцип и там, и здесь одинаков: когда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО предлагает Сейму ассигновать известную сумму на расходы, тогда Сейм запрашивает от подлежащей Комиссии расчет денежных средств казны, который ему нужен, чтобы решить вопрос – нужно ли действительно такое ассигнование. Напр., идет речь о новом налоге: необходимо проверить, нужен ли он и нельзя ли обойтись иными источниками доходов. Эта проверка и делается путем рассмотрения всего бюджета. Теперь Сейм будет собираться ежегодно и могут возникнуть затруднения: части бюджета, которые зависят от Сейма?.. (устал). Итак, в сущности принцип один и тот же. Что он сохранен у нас, видно из § 43.

Фриш. Итак, картина такова: если Ординарных доходов недостаточно, Сейм ассигнует необходимые средства; но для того, чтобы решить вопрос, нужны ли они действительно и в каком размере – он просматривает расчеты казны. И только. Нам здесь констатируют мысли проекта, нужно только более ясное его изложение. Мысль, следовательно, та, что бюджет сообщается Сейму лишь для **сведения**.

Мехелин подтверждает.

Фриш. Я не вывел, однако, такого заключения из чтения проекта. Чрезвычайно важно, чтобы **изложение соответствовало этой мысли**. Мне ясно то, что говорит действующий Устав, ясно, что говорит сенатор **Мехелин.** Но проект – неясен.

Гриненберг. В шведском тексте это яснее (читает).

Сергеевский. Основание наших недоразумений, вероятно, в том, что в проекте нет прямых указаний на статный фонд, иными словами, нет антитезы.

Мехелин. О статном фонде неудобно говорить в Основном законе. **Сергеевский.** В проекте исчезло название и «статной Комиссии»!

Гриненберг. По-шведски оно осталось.

Фриш. Почему же его изменили в русском. Бюджет – это целое, статный фонд – его часть. Надо удержать это название и по-русски. – Итак, принципиально несогласий нет. Виновато плохое изложение: его надо исправить, чтобы это понимали не только мы, но и все. Прошу сенаторов Сергеевского и Гарина пересмотреть относящиеся сюда статьи и представить проект новой их **редакций**.

Заседание 3(22) марта

Фриш. Прошлый раз мы выслушали объяснение сенатора Мехелина, из которого видно, что изменений по существу бюджетного вопроса в проекте не предполагается.

Мехелин. Проектируя новый Устав, Сенат не имел в виду внести какое-либо умаление прерогатив МОНАРХА в данной области. Редакция § 26 неудовлетворительна и не вполне точна, мы можем ее несколько изменить, чтобы не было сомнений и недоразумений, а именно: слова «обзор финансовых вопросов» заменить словами **«свод тех вопросов об ассигнованиях, которые передаются на обсуждение Сейма»**. Эти слова, более ясные сами по себе, в то же время и более соответствуют шведскому тексту. Равным образом, в § 43 слова «о средствах и нуждах казны» следует заменить словами «об ассигнованиях». В Совещании было высказано, что в соответствующих статьях проекта необходимо сделать указание на «статный фонд»; но выражение «средства казны» более точно, так как оно шире и обнимает не только Ординарные доходы, но и средства, получаемые от временных налогов, – что и имелось в виду в этих статьях.

Сергеевский. Ограничиться поправками, предлагаемыми сенатором Мехелиным, нельзя: недоразумения останутся. Бюджет Финляндии образуется из средств двоякого рода (из Ординарных доходов и временных налогов), юридически значение которых неодинаково: первые состоят в распоряжении правительства, вторые – назначаются не иначе, как с согласия земских чинов. Это различие, строго проводимое в действующем Уставе, должно быть

сохранено и в проекте. Между тем, в § 26 мы этого не видим: читая этот параграф, можно думать, что различие это более не существует, что оно уже отменено каким-либо законодательным актом. Так как, однако, в действительности такой отмены не произошло, то в изложении § 26 нельзя не видеть умаления прав МОНАРХА. Не устраняется этот недостаток и поправкой Мехелина: «предложение», передаваемое Сеймy, будет касаться все же обеих частей бюджета. Такие же сомнения возбуждаются и по §§ 35, 43, 61 и 80: везде встречаются выражения, придающие им оттенок, какой Сенатом «не» предполагался.

1) § 26 соответствует § 27 действующего Устава. В последнем отчетливо сказано: «сообщаются сведения о состоянии статного ведомства»; в § 26 проекта не говорится ни о «статном ведомстве», ни о «сообщении сведений»; в нем упоминается о передаваемом Сеймy ВЫСОЧАЙШЕМ предложении – каком? Обнимающем **обе** части бюджета, ибо оно касается всех финансовых вопросов. И для всякого читающего ясно, что отныне вся финляндская казна, уже не разделяющаяся на две особые части, передается в ведение земских членов. Для исправления этой неточности, мало проектируемой поправки, а надо прямо возвратиться к тексту действующего Устава, где поддерживаемая Сенатом мысль изложена совершенно ясно. Замечу, что в проекте только **один** раз упоминается об Ординарных доходах (§ 43), да и то не в виде антитезы временным налогам.

2) Далее по § 35 (соответствует § 29 действующего Устава). В нем уже не упоминается более о двух комиссиях, статной и чрезвыч[айных] податей, а говорится об одной: бюджетной. Правда, в мотивах указано, что эта комиссия может быть разделяема, в случае надобности, на два отделения, но в Уставе это не выражено. И подобная система лишь подкрепляет мои недоумения: читая § 43, я вижу, что в нем обе части бюджета слиты, так как и в нем говорится о средствах казны, т. е. всего бюджета, без разделения и без антитезы.

3) Далее по § 63 (что касается § 61, то он не столь резок), в нем читаем: «если...» Опять: **всякое** ассигнование и **всякая** казна. Смысл, пожалуй, и ясен, но это прямо не выражено. Наконец,

4) по § 80 (соответст[вует] § 82 дейст[вующего][р] Устава): прежде картина была ясна: часть расходов по Сеймy уплачивалась из статных средств, часть – из средств земских чинов. А теперь сказано просто: из средств **казны**, без определения из какой ее части. Ясно, следовательно, что от ныне сам Сеймъ будет определять, откуда покрываются эти расходы: из **всей** казны. Картина слияния и здесь налицо. **Резюмирую**: ограничиться небольшими поправками нельзя, ибо они недоразумений не устраняют. Если не внести радикальных изменений, возникнет мнение, что вопрос о слиянии обеих частей бюджета предрешен проектом Устава. Для этой цели необходимо:

1) восстановить § 27 действующего Уст[ава][с],

2) в § 35 восстановить две комиссии прежнего Устава или же указать на разделение бюджетной комиссии на два отделения (что, впрочем, труднее),

3) в § 43 точнее разграничить функции двух комиссий или двух отделений,

4) в § 63 указание на бюдж[етную] ком[иссию] соответственным образом изменить, а так же внести добавление, что речь здесь идет об ассиг[новании] из земских средств, наконец,

5) в § 80 указать, из каких именно средств покрываются Сеймовые расходы. Итак, я стою за более глубокие изменения в смысле приближения к действующему Уставу.

Мехелин. Почти все замечания сенатора Сергеевского основаны на недоразумении. Так, в § 26 проекта он хочет восстановить § 27 действующего Устава: но ведь это вопросы совершенно разные! и правила § 27 действующего Устава вошли в § 27 проекта. Выражение «статные средства» можно, конечно, поставить взамен слов «средства казны», но последнее лучше, потому что обнимает все, а статный фонд есть только часть общих средств.

Сергеевский. Да, это возможно, но сути дела не меняет.

[р] *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

[с] *Далее все подобные сокращения расшифровываются составителем без оговорок.*

Мехелин. Что касается § 43 проекта, то в нем сказано то же, что в § 36 действующего Устава, и «бюджетная комиссия» соответствует «статной»; во всяком случае, мысль, лежащая в основе обеих статей, одинакова. § 43 дает лишь более точную систему, чем § 36, но есть и разница. Разница эта обусловливается тем, что по проекту Сейм предполагается созывать ежегодно, и, следовательно, в общей финансовой системе должны быть сделаны изменения: расчет средств на один год сделать проще и легче, чем на 3 или 4 года. В отношении же ВЫСОЧАЙШЕГО предложения «о средствах» и нуждах казны замечу, что практика нынешних Сеймов дает примеры подобных предложений, где наряду со средствами, находящимися в заведывании земских чинов, приводятся расчеты Ординарных сред[ств] (читает дело 1900 г.). Еще ошибка Сергеевского: он думает, что разница между статьями расхода, покрываемого из статного фонда, и статьями расхода, покрываемого из временных налогов, установлена в законе... (недоразумение: Сергеевский протестует). И в старом, и новом Уставе одинаково указано (§ 36 и § 43), что комиссия дает отзыв о средствах **всяких вообще** потребностей края, но когда? Когда недостаточно Ординарных статных доходов. А для этого она должна иметь перед глазами расчет этих доходов.

Фриш. Да, это так. Но сомнения Сергеевского вызваны иным соображением: Сейм, несомненно, вправе знакомиться с состоянием Ординарных средств, но он не имеет права делать ассигнований из статного фонда.

Мехелин. Это выражено в § 43 проекта, который был и в действующем Уставе (§ 36). Они одинаковы по мысли. Что же касается слова «казна», то оно означает совокупность всяких средств.

Сергеевский. В своих замечаниях я связывал вместе § 27 действующего Устава с §§ 26 и 27 проекта и указывал, что принятый в старом Уставе термин «статное ведомство» заменен словом «казна».

Мехелин. Перехожу к возражениям Сергеевского о комиссиях. Замечу по этому поводу, что данный вопрос, по существу своему, есть чисто внутренний, финляндский, и нисколько не затрагивает ни прерогатив МОНАРХА, ни интересов империи. Посмотрим, однако, какова их роль. По § 36 действующего Устава, статная комиссия «должна давать отзывы...», а комиссия чрезвычайных податей... § 37. Эти обе задачи будет теперь исполнять одна: коми[ссия] бюдж[етная] (43).

Фриш. Я понял слова Сергеевского так, что в старом Уставе вследствие разделения функций между **двумя** комиссиями весь вопрос был яснее изложен.

Мехелин. Однако нельзя сказать, чтобы § 36 действующего Устава, который говорит о статной комиссии, говорил лишь о статном фонде и вовсе не затрагивал бы вопроса о временных налогах.

Фриш. Я думаю, что останавливаться на вопросе о том, будет одна или две комиссии – нам не стоит.

Сергеевский. По поводу слов Мехелина, что вопрос о комиссиях есть чисто финляндский и нас не касается, замечу, что нет и **запрета** говорить о подобных вопросах!

Мехелин. Наконец, по поводу § 80 проекта возражу, что и он не затрагивает интересов МОНАРХА. До сих пор действовала одна система, теперь будет другая: Сеймы станут ежегодными. Прежде расходы по Сейму были экстренными, теперь они превращаются в обыкновенные. Следовательно, едва ли было бы соответственным придерживаться старого порядка и относить их почти всецело на средства земских чинов.

Фриш. Итак, мысль § 80 такова: Сеймовые расходы – обыкновенные и будут покрываться из общих сумм, а если их недостаточно – из чрезвычайных ассигнований. Этим выражается также, что Сеймовые расходы не должны падать на избирателей, а на казну. Вообще мне кажется, что принципиальной разницы во взглядах обеих сторон нет. Но сенатор Сергеевский хотел бы более рельефного выражения основной мысли; я просил бы его указать, как это следует сделать.

Гриненберг. Я добавлю к словам Мехелина еще следующее. Сенатор Сергеевский сопоставил § 26 с § 27 действующего Устава. И здесь, и там говорится об отчете, о состоянии

статного ведомства. По какой это отчет? По § 27 действующего Устава, это отчет за прошлое время, а по проекту это расчет на **будущее** время. Это не одно и тоже. И § 26 проекта следует сопоставить не с 27, а с 36 действующего Устава. Из него видно, что подобный расчет нужен статной комиссии для исполнения ею своих задач, и ей всегда давался. Следовательно, § 26 не вносит чего-либо нового. Далее, по поводу слова «казна» по-шведски statskassan, т. е. тоже слово, что было и ранее. Теперь при переводе сделали замену и поступили правильно, потому что расчет должен обнимать собой не только статный фонд, но и те временные налоги, которые требуются к установлению. Так было и всегда; нового и тут ничего. Далее, «бюджетная комиссия» по-шведски «statsutskatt» слово то же, что и прежде; можно, следовательно, восстановить старый перевод, но это едва ли будет правильно. Наконец, деление средств на Ординарные доходы и временные налоги не вполне правильно: точной грани нет (напр., комиссионный фонд, состоящий в заведывании земских чинов, обнимает собой весь железнодорожный бюджет, а следовательно, и Ординарные доходы от железных дорог).

Сергеевский. Нового здесь только то, что определенной грани между обоими видами средств не существует, но и этот вопрос посторонний, так как мы здесь не занимаемся наследованием финансовых вопросов. Тоже замечу по поводу слов Мехелина о том, что две части сметы (1900) между собой фактически переплетаются: мне известно, что Сеймовая практика обнаруживает склонность к некоторому обобщению фондов; однако принцип сохраняется и там (далее повторяет свои предположения по §§ 26, 35, 43, 53 и 80).

Лангоф. Если в § 26 внести наши поправки, то недоразумения устраняются.

Сергеевский. Несогласен: пока не будет ясной антитезы, оно останется.

Мехелин. Но она выражена в § 43.

Сергеевский. Нет. И я не откажусь составить проект.

Фриш. Не достаточно ли выразить в журнале общее начало, признаваемое нами всеми, с добавкой, что некоторые члены находят желательным, чтобы текст таких-то §§ был точнее изложен применительно к этому принципу, – или же следует установить примерную редакцию?

Сергеевский. Я – за второе.

Фриш. Я также: может быть, мы достигнем примирения.

Лангоф. Какие §§? 26 и 43?

Мехелин. А наименование комиссии?

Фриш. Мне казалось бы, что проектируемое название возможно оставить: ведь и при наличности одной комиссии, можно вполне ясно отметить две стороны ее деятельности.

Сергеевский. Если бы было установлено две комиссии, то было бы легко изложить § 43, и вообще удобнее, тогда не нужно было бы проводить эту антитезу по другими §-ам.

Фриш. Предлагает Сергеевскому выработать редакцию.

Далее Совещание соглашается заменить помещенное в последней части § 26 слово «сообщения» словом «повеления». **Мотив**: неуместно, по технике нашего законодательства термин «сообщения» применяется к сношениям мест и властей равных, к тому же и старый Устав (§ 50) говорит о «повелениях» (**Гарин** и **Сергеевский**).

§ 27: **окончательное решение отложено. Часть I**: будет переработана Сергеевским.

Часть II: **Сергеевский.** Правило это (стоящее в связи с § 41) заключает в себя два вопроса: об отчете прокурора и об отчетах Сената. Первый установлен в 1876 г., простым ВЫСОЧАЙШИМ повелением и позже внесен в Учр[еждение] Сен[ата]. В 1902 г. статья эта отменена, а Манифестом 22 окт[ября] снова восстановлена.

Фриш. Следует ли вносить это правило в Сеймовый Устав, т. е. в Основной закон?

Мехелин. Это сделано по следующим соображениям: так как отчет прокурора вносится на Сейм постоянно, начиная уже с 1876 г., то этот порядок стал теперь обыкновением, общим правилом; само по себе это правило является чрезвычайно полезным, обеспечивая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ возможность знать, каким образом прокурор исполняет свои обязанности. Таким образом, в данном правиле никоим образом нельзя видеть попытки к умалению прав МОНАРХА, а скорее наоборот.

Гарин. Не возражая против полезности этого положения самого по себе, замечу только, что не усматривается оснований перенесению его в Сеймовый Устав. В настоящее время оно восстановлено в Учрежд[ение] Сената; пусть там и остается. Оно уже было отменено однажды; весьма возможно, что впредь вновь встретится необходимость его отменить, между тем, включение в Сеймовый Устав его закрепит настолько, что всякие попытки в сем отношении будут парализованы.

Мехелин. Когда вещь признана полезной, весьма хорошо придать ей надлежащую прочность. Какие основания не делать этого? Ведь мы боремся именно за то, чтобы систему усмотрения преобразовать в твердый порядок, основанный на законе. Прокурор Финляндского Сената занимает в ряду прочих властей совершенно особое положение; кто будет его контролировать? Очевидно – Сейм, потому что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР не всегда может сделать это САМ.

Гарин. Мы возражаем не по существу, но лишь против переноса этого правила в Сеймовый Устав.

Сергеевский. Тем более что тем самым мы превращаем его в закон совершенно иного порядка. Когда правило это отменялось, возражения против него были сделаны только с одной стороны: фактически отчет прокурора касался не только Правосудия и соблюдения законов вообще, но и многого другого, напр., деятельности ген[ерал]-губернатора. Это было признано нежелательным. Поэтому, я думаю, что нет никакой возможности идти далее простого восстановления этого правила и превращать его в незыблемый основной закон, тем более, что этим затрагиваются и прерогативы Верховной власти. Итак, по-моему, настоящее правило должно быть оставлено в Учр[еждении] Сената.

Мехелин. Не следует упускать из вида, что Манифест 22 октября предуказывает также составление законопроекта об ответственности членов правительства перед Сеймом. Это дает еще большее основание к включению данного правила в Сеймовый Устав. Определение такого рода, как содержащееся в § 41 проекта, не может быть установлено административным порядком.

Фриш. Конечно, связь между этим параграфом и правилами об ответственности членов правительства, несомненно, существует. Но ведь § 31 проекта открывает возможность для ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА требовать заключений Сейма по разного рода делам, а, следовательно, между прочим, и по отчету прокурора. К чему устанавливать Основным законом право Сейма давать заключение и по этому частному вопросу?

Мехелин. § 31 относится к вопросам общего законодательства, например, о постройке железных дорог и т. п. Вопрос об отчете прокурора есть вопрос иного порядка: этот отчет он обязан дать Сейму и ГОСУДАРЮ. И это новость только по форме, а не по существу. Правило это полезно, а, следовательно, должно быть закреплено. Почему быть столь консервативными и бояться всяких новшеств?

Сергеевский. Без глубоких причин не следует административный закон превращать в основной. Впоследствии это может помешать каким-либо реформам в данной области: тяжелое движение Сеймового законодательства замедлит, если не остановит совсем, исполнение желаний правительства. К тому же, в этом превращении – вред для прерогатив МОНАРХА. В частности, конец § 27 совсем новый: его не было в законе 1902 г., ни в действующем Уставе. Что касается ссылки на Ман[ифест] 22 окт[ября], то я думаю, что это соображение скорее может относиться к Сенатской отчетности: вот это – настоящая мера надзора. Однако, по моему мнению, даже и этому правилу не место в Уставе, так как порядок ответственности правительства еще имеет быть определен **впоследствии особым** законом. Нельзя предрешать наперед содержание этого закона, да еще частично: можно, пожалуй, установить директивы, но не частности, детали.

Мехелин. Я также держусь мнения, что в вопросах о преобразовании административного законодательства в Сеймовое необходима осторожность; но в данном случае за нас практика почти 30 лет: едва ли здесь можно говорить об опрометчивости. Засим, включение в § 40 указания на право Сейма поверять закономерность служебных распоряжений членов

правительства сделано на том основании, что мы надеялись закончить выработку законопроекта об ответственности одновременно с Сеймовым Уставом.

Сергеевский. Это неправильно: это дело будущего закона.

Мехелин. Но так как этот будущий закон имеет установить права Сейма по надзору, то об этом и уместно оговорить в Сеймовом Уставе.

Фриш. Сомнения нет, ссылка должна быть сделана.

Сергеевский. Да, но детали?

Мехелин. Это не детали: это директив. Нет деталей и в § 27; там говорится о принципах, об отчетности прокурора, и отчетах Сената. Фактически, годовые отчеты Сената существуют.

Фриш. Итак, по мнению вашему, ч[асть] II § 27 и § 41 **не** подлежит включению в Устав, по крайней мере, до тех пор, пока не будет издан закон об ответственности?

Сергеевский. Да. Второй мой принципиальный вопрос: следует ли вообще вносить в административный закон то, что принадлежит области административного законодательства?

Фриш. Следовательно, когда тот закон будет выработан, тогда может возникнуть вопрос о перенесении данных правил в Сеймовый Устав. Пока, казалось бы, и преждевременным.

Лангоф. Однако наш проект соответствует Манифесту 22 октября на основании пункта 2, подобные указания могут быть внесены в Сеймовый Устав. Общие принципы должны быть в Уставе, а подробности в особом законе.

Сергеевский. Но ведь общий принцип изложен уже в § 33.

Фриш. В грамоте сказано: «с установлением»... Действительно, предуказание есть: в самом Сеймовом Уставе должны быть изложены указания и установлен принцип.

Сергеевский. Я согласился бы с этим, если бы ответственность правительства исчерпывалась двумя этими способами: установлением отчетности прокурора и Сената. Но ведь это еще не все.

Мехелин. Я не понимаю, почему § 40 может затрагивать прерогативы МОНАРХА?

Гарин. По-моему, правила § 27 об отчетах подлежат исключению. Отчеты пишутся не только Сенатом, но и губернаторами; быть может, по мысли будущего закона об ответственности, следовало бы сделать указание и на них. Между тем, здесь уже будет закреплено, что Сейму передаются только отчеты Сената.

Сергеевский. Вообще, перенесение административного законодательства в область Сеймового крайне опасно именно ввиду этого свойства сего последнего «закреплять» устанавливаемые им нормы: даже переименования должностей нельзя будет сделать.

Лангоф. Но наш проект соответствует духу Грамоты 22 октября.

Сергеевский. Однако в Манифесте вопрос об ответственности обособлен от вопроса о Сеймовом Уставе. Иначе следовало бы тогда включить уже весь проект закона об ответственности в этот Устав.

Лангоф. По крайней мере, общие его принципы. Но можно ли говорить об умалении прерогатив МОНАРХА, если проект совпадает с предуказаниями Грамоты?

Сергеевский. Место для правил о Сенатских отчетах в Учр[еждении] Сената.

Фриш. Итак, вы полагаете, что данные правила не подлежат включению в проект?

Сергеевский. Да.

Мехелин. Я за проект, здесь мы не устанавливаем ничего несогласного с правами МОНАРХА.

Лангоф. Я тоже, имея в виду указания Грамоты.

Фриш. По существу, это одна из подробностей осуществления надзора над органами местного управления. И я лично не придавал бы этому вопросу принципиального значения.

Гарин. Я нахожу, что данное правило лишено содержательности и практического значения, в статье говорится о представлении отчета, но как? в каком порядке и в какой форме? Ничего этого не определено.

Мехелин. Но если отчет будет бессодержателен, Сейм донесет ГОСУДАРЮ, и ОН повелит Сенату исправить отчет.

Фриш. Итак, важное соображение Н.Д. состояло в том, что правило § 27 меняет действующий закон. На это нам возразили, что настоящая мера предрешена Грамотой. Наше возражение, что это преждевременно, и что порядок ответственности должен быть определен другим законом. В сущности, я не придаю этому вопросу большого значения. Ваше окончательное мнение.

Гарин. Этот вопрос связан с § 33 и § 41.

Фриш. Итак, **отложим** до перехода к ним.

§ 28: **разногласие** по 1 части.

Гарин. Вопрос о праве петиций поставлен слишком широко: оно ничем не ограничено.

Сергеевский. По существу это расширение пределов § 51 действующего Устава, и притом крайне неопределенное. Подойдут ли сюда, например, петиции о назначении и увольнении должностных лиц? Серьезное исследование Сената в 1902 г. и его выводы: право петиций не должно быть слишком широко (см.). Я полагал бы, что к этой системе и следует вернуться.

Мехелин. У нас не было намерения расширять это право, и против его ограничения в разумных пределах мы не стали бы спорить. Однако замечу, что в 1902 г. были специальные причины, вызвавшие желание ограничить право петиций: большая петиция Сейма, коснувшаяся деятельности генерала Бобрикова.

Фриш. Мы говорим не о его мнении, а о мнении Сената.

Сергеевский. Кроме того, у самого Бобрикова, как видно из представленного им проекта, и не было мысли об ограничении.

Фриш. Это вообще вопрос посторонний, оставим его. Важно, однако, мнение Сената. Итак: следует ли внести какие-либо ограничения или нет? (попутно отмечает неудобство изложения «требует распоряжения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА»).

Гарин. Читает дело 1902 г.

Лангоф. Но ведь это относится к прошлому!

Гарин. Да, но мнение это рельефно.

Лангоф. В действующем Уставе ограничений нет.

Сергеевский. В § 51 его сделана простая ссылка. Вот почему и потребовалось специальное исследование со стороны Сената о пределах его права.

Фриш. По что же, собственно здесь важно? Ведь если ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ представят нежелательную петицию. Он в ней откажет вот и все.

Мехелин. Допустим, что депутат станет просить у Сейма представить подобную петицию, председатель ему откажет! к тому же определить право петиций по содержанию невозможно, и определение того, что не дозволено, должно входить в круг власти председателя. Закон должен избегать этого. Пусть, тем не менее, Сейм согласится представить подобную петицию – опасности нет: в ней откажут. Исторические же примеры показывают, насколько разнообразно содержание петиций.

Фриш. Нельзя ли предположения Сената изложить кратко? Например, петиции, не противоречащие закону и не нарушающие прав частных лиц.

Сергеевский. Еще: и не касающиеся вопросов о назначении или увольнении должностных лиц.

Фриш. С другой стороны, как это ни трудно, но что-нибудь сказать нужно: сам председатель Сейма нуждается в указаниях закона о том, что собственно дозволено, что нет. Иначе ему возразят: мы можем говорить обо всем.

Сергеевский. Я вообще против усмотрений, нужна почва закона.

Лангоф. Включение ограничений, которых нет в действующем Уставе, приведет к умалению прав Финляндии.

Гарин. Это не совсем так. В действующем Уставе не сказано, что петиции допускаются по **всем** вопросам. Наоборот, исследование Сената и показывает, что право это не было безграничным.

Мехелин. Права МОНАРХА этим не затрагиваются: Он пользуется правом отказа.

Фриш. Однако нежелательно, чтобы известного рода петиции вообще доходили до МОНАРХА.

Мехелин. Сеïм не будет входить с подобными петициями.

Гарин. В настоящем проекте вы делаете огромный шаг вперед: у вас нет опыта, и сказать, что будет говорить новый Сеïм и каков он будет вообще, пока нельзя. И вы не соглашаетесь поставить хоть какие-нибудь границы этому праву? Нужна большая осторожность в таком деле.

Фриш. Это очень важно. Нельзя ставить Верховную власть в положение, предусмотреть которого мы не можем.

Гриненберг. Нигде в **законе** право петиций не ограничено. Ставить границы неудобно: возможны пробелы, что практически приведет к еще худшему положению. Я за редакцию проекта.

Гарин. Безграничного права и не было. Указание на возможность отклонения петиции МОНАРХОМ – верно, однако, нельзя ставить ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА... и т. д. Опыта нет... и т. д.

Фриш. Предлагает редакцию: «не противоречащие закону и не касающиеся увольнения и назначения должностных лиц».

Лангоф. Перечислить все трудно. Цель же проекта 1902 г. была – ограничение прав Сеïма.

Сергеевский. Нисколько. Сенат об этом и не думал.

Гарин. Мы представим редакцию.

Фриш. Внося эти правила, мы даем указание, необходимое для председателя Сеïма.

Мехелин. Вы хотите выразить древнее право петиций, – это весьма трудно. Перечневая система допускает пробелы, а импровизировать опасно.

Фриш. Обсудим окончательно в следующий раз. Наши соображения дают основания к выводу: как будто, здесь Сеïму дается новое право. Еще вопрос: о каком Сеïме здесь идет речь – о всяком или только об очередном?

Гриненберг. Это право было предоставлено всякому Сеïму: в § 51 не сделано ограничений для чрезвычайных Сеïмов. Практически же этот вопрос и не возбуждался, так как опыта не было: у нас теперь всего второй чрезвычайный Сеïм.

Сергеевский. Вопрос о чрезвычайных Сеïмах следует возбудить и по многим другим статьям.

(Определения решения не было).

Фриш. Перейдем ко II части. Это вообще вопрос большой.

Сергеевский. И возбуждает сомнения.

Гарин. У нас, по учреждении Думы, адресы запрещены.

Фриш. Какие адреса здесь предусмотрены?

Мехелин. Адресы, составляемые членами Сеïма.

Фриш. Но это должно быть ясно выражено, чтобы не было сомнения, что это не адреса от третьих лиц.

Сергеевский. По моему мнению, в тексте следует добавить слова: «с надлежащего разрешения». Иначе придется и здесь установить те же ограничения, какие будут установлены для петиций. Сделать обязательным принятие всяких адресов – невозможно. С другой стороны, сомнительно – надо ли вообще упоминать в законе об адресах? Нигде этого не делается.

Гарин. Что такое адрес сам по себе. Более торжественная форма петиции и больше ничего. Но ничто не мешает всякое пожелание облечь в форму петиции. Надо ли только говорить об этом в основном законе? Ведь даже и при данном сейчас толковании это излишне.

Мехелин. Конец абзаца, мне кажется, гарантирует от всяких не желательных неожиданностей в этом отношении.

Сергеевский и Гарин. Но лучше об адресах и не упоминать: это те же петиции. Исключить.

Фриш. От петиций адресы отличаются тем, что они касаются вопросов, по которым не требуется... и т. д. (см.). Поэтому, казалось бы соответственнее внести и во II часть те же ограничения, как в часть I, но не исключать.

Гарин. Моции, петиции, адреса – к чему такое разнообразие определений? Ведь возможно придумать и еще что-нибудь в том же роде. И еще закреплять в основном законе...

Сергеевский. Адрес, может быть, и не принят, а петицию нужно принять.

Гарин. Удобно ли вообще подобное правило? Тут придется входить в соглашение с земскими чинами, что не всегда желательно. Будущий Сейм – загадка, состав его совершенно новый, тенденции неизвестны, тут могут быть сюрпризы. Между тем, наличность этого правила заставляет его принять адрес, даже против желания.

Мехелин. Вижу, что общее мнение против. Но следует обратить внимание еще вот на что: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР не живет в Финляндии, а когда МОНАРХ всегда живет вдали от народа, весьма важно, что бы последний имел право представлять Ему адресы, когда это будет вызываться обстоятельствами.

Фриш. У меня сомнение в одном: Если мы не включим никакого правила об адресах, не будет ли это хуже?

Мехелин. Если вы опасаетесь неожиданностей, тогда исключите это правило.

Фриш. Я придаю большое значение тому, чтобы ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ не было представляемо адресов нежелательного свойства. Но и уравнение их с петициями также опасно, тогда их необходимо будет принимать.

Гарин. Я предложил бы, ввиду этого, включить слова «с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения».

Фриш. Или так: не иначе, как с предварительного разрешения и по рассмотрении в Сеймовой комиссии.

Мехелин. Порядок – невозможный и противоречащий идее адресов.

Гарин. Но ни одно законодательство не устанавливает подобных правил об адресах!

Фриш. Итак, исключим. Разногласие.

§ 29: **принят**.

Сергеевский. В перечне предложений, который Сейму возбуждать запрещается, опущены законы о печати.

Мехелин. До издания Манифеста 22 октября законы о печати принадлежали к числу издаваемых по воле МОНАРХА. В Манифесте же 22 октября определено составить и т. д. Такой закон, как видно из Грамоты, должен быть издан при участии Сейма.

Фриш. Грамота предусматривает издание основных законоположений о свободе печати. Отсюда следует, что закон этот будет основным.

Мехелин. Принципы свободы печати, как и повсюду в законодательствах других стран, должны быть выражены в Основном законе (права предложения нет), а развитие их, в частности, – в специальном законе, издаваемом в порядке общего законодательства.

Фриш. Занести это объяснение в журнал. Право моций будет существовать по законам о печати, изданных в общем порядке.

Сергеевский. Прежде закон о печати принадлежал к числу административных норм, и права моций в отношении его не существовало, было лишь право петиций. Тем не менее, в 1886 г. особо оговорили, что земские чины не могут вносить предложений по этой части. Теперь предполагается часть его сделать основным, часть общим, следовательно, право моций уже будет...

Фриш. Это было естественно, так как правительство желало сохранить за собой право **цензуры**. Теперь это условие отпадает, печати дана свобода. Таким образом, право моций будет относиться лишь к частностям, подробностям закона о печати.

Мехелин. Читает Манифест. Цензура у нас уже упразднена.

Фриш. Соглашается с объяснениями.

§ 30: принять (редакционная поправка «моций»).

Фриш. Но надо провести это по всему Уставу.

§ 31: принять (Фриш предлагает заменить слово «сод...» словом «согласие» (ср. § 753 Устава). «Это в ваших же интересах»!)

Заседание 4(25) марта

Статьи 25 и 27, ч. 1: **отложены** до следующего заседания. По статье 28: разговор **не** возобновлялся.

§ 32: по обсуждении **принят** с поправками:

1) окончательная редакция: «по делам его ведомства».

2) предположительная редакция: **«Ответ дается с соблюдением правил, изложенных в Учр[еждении]** Сената».

§ 33: по обсуждении **принят** с поправкой: **«служебных распоряжений членов правительства»**, т. е. как в Манифесте, а не Грамоте, но было неясно сказано, и в заключительном слове председатель сказал: «служба расп... правительственных органов», т. е. опять смешал обе редакции).

§ 34: **принят** без прений.

§ 35: **разногласие** по вопросу о комиссии Основных законов (в связи с сим тоже по § 40 ч. 2).

(Мне кажется, однако, что и ч. 1 § 40 падает).

В конце добавить слова: «лишь те», «которые».

§§ 36 39: **приняты** без прений.

§ 40: **разногласие** по части II (см. выше 35; сомнение).

§ 41: **разногласие** по части II.

(разговоров по этой части не было: на разногласие мне указал председатель. Мотивы см. выше, 27, ч. 2).

§ 42: **принят** без прений.

§ 43: отложен.

§ 44: **принят** без прений.

§ 45: по кратком обсуждении **принят**, с добавкой: **«но без права участия в прениях»**, прежде было: в совещаниях и решениях. Спросить.

§ 46 прежде было разногласие: части I и II соединить и изложить согласно с § 40 действующего Устава.

§ 47: **принят** без прений.

§ 48: по обсуждении принят с поправкой: согласовано с § 46 действующего Устава.

§ 49: **принят** без прений.

§ 50: по обсуждении **принят** в измененной редакции: **«Обсуждение дел на Сейме происходить как на финском, так и на шведском языке»**.

§ 51: по-видимому, будет разногласие (из-за добавки слова «Председатель» и исключения слова «публ.») **принят**. Сенатор Гриппенберг окончательно не высказался.

§ 52: по обсуждении **принят**.

§ 53: **принят** без прений.

§ 54: принят, с добавлением о том, **что дела, передаваемые Сейму лишь на заключение, подчиняются тому же порядку, и не подвергаются троекратному чтению и не могут быть откладываемы до другого Сейма.**

(не была дана редакция и не указано где поместить).

§§ 55 и 56: **приняты** без прений.

§ 57: **отложен**.

§ 58: по кратком обсуждении **принят**.

§§ 59 и 60: **приняты** без прений.

§ 61: **отложен**.

Заседание 5(27) марта

§ 57: (конец) **отложен** (по просьбе Мехелина).

§ 61: **отложен (Сергеевский)**. Однако «государственное заключение» решено заменить словами «правительственное заключение».

§ 62: **принят** без прений.

§ 63: **принят** (условно: по связи с 26, 43 и т. д.).

§§ 64–68: **приняты** без прений.

§ 69: **принят** с изменением в редакции: **«противным основным законам или вообще противным законам»**.

Мне казалось бы лучше: «основным или иным законам».

§§ 70–72: по кратком обсуждении **приняты**.

§§ 73, 74: **приняты** без прений.

§ 75: **принят** с исправлениями: часть 1: **«то об этом, по воспоследовании повеления Государя Императора, сообщить ближайшему Сейму»**.

Часть II: поручение Мехелину и Сергеевскому: исправить редакцию.

§ 76: **принят** без прений.

§ 77: по обсуждении **принят**, с поручением Сергеевскому обдумать перевод слова «landtagsbelutett».

§ 78: **разногласие**: конец исключить.

§ 79: **разногласие**: исключить.

§ 80: **принят** (условно: по связи с 26, 43 и т. д.).

§ 81: **отложен** (Мехелин).

Обзор замечаний генерал-губернатора:

1. 18 и 19 разногласие **осталось**.

§ 28: **Мехелин.** Дал новую редакцию; она принята; но решили сделать указание на **«очередной»**. Разногласие.

Часть II: Принята редакция: **«Проекты адресов, представляемых Сеймом Государю Императору и Великому князю по особым поводам или по поводу особых событий, предварительно рассматриваются в Комиссии, в порядке, для петиций установленном»**.

Разногласие устранено.

Заседание 4(25) марта

Фриш. § 32 может возбудить сомнения. Будем впредь руководствоваться также и отзывом генерал-губернатора. (По остальным статьям вернемся к нему потом). Читает по § 32 замечание генерал-губернатора.

Сергеевский. Главное мое замечание близко к генерал-губернаторскому: управление коллегиальное, а ответственность отдельных лиц, как это сделать? Как будут направляться интерпелляции к членам Сената? К каким членам – всем или только заведующим экспедициями. Все это наводит меня на одно: этот § принадлежит к конкретным правилам об ответственности, которые будут определены Особым законом. Поэтому я полагал бы: исключить его из проекта.

Мехелин. По поводу замечания генерал-губернаторского о коллегиальности Сената, этот § не обязывает сенаторов отвечать на запросы.

Фриш. Это не выражено. Член Сената может отклонить интерпелляцию Сейма?

Мехелин. Да. Например, возьмем начальника Финансовой экспедиции. У него просят объяснений по делу. Для ответа назначают день. Тогда начальник Экспедиции спрашивает разрешения у Сената, и тот постановляет, может он отвечать или нет.

Фриш. Но это не выражено в статье. Порядок же, сам по себе, этот правилен.

Мехелин. Эти подробности и не могут быть выражены. Таково положение и в других государствах: Совет министров.

Фриш. Но в статье сказано о члене Сената.

Мехелин. Но Сената в целом не имеет права сноситься с Сеймом.

Возьмем, например, секретный запрос.

Сергеевский. Это так. Но этого нет в законе. Это все логично. Но должно быть в законе.

Мехелин. У нас 9 Экспедиций, 9 сенаторов – начальников их, к ним и должен быть предъявлен запрос.

Сергеевский. Но этого нет.

Фрин. Мне кажется, что дело обстоит так: в том, будущем законе будет сказано обо всех других подробностях, кроме интерпелляций: о них все должно быть сказано здесь. Должно быть ясно сказано.

Сергеевскнй. Да, это было бы другое дело.

Фрин. Надо выработать редакцию в этом смысле.

Мехелин. Но в Учр[еждении] Сената уже сказано, какие вопросы могут быть предлагаемы начальникам Экспедиций и как они отвечают.

Фрин. Тогда добавить: ответ дается по правилам Учр[еждения] Сената.

Мехелин. Вот именно.

Сергеевскнй. Я смотрел иначе. Я думал, что в том законе будет определено все. Надо указать здесь: роль Сената, к какому члену может быть предъявлен запрос и другие подробности.

Фрин. Всякому ли члену Сената может быть сделан запрос?

Мехелин. Нет. Не следует определять подробностей, само собою разумеется, что о финансах запрос может быть сделан финансовому и т. д. Сенаторы же без портфеля заменяют других.

Фрин. Надо определить: запрос делается Сеймом членам Сената. Предполагается ли, что Сейм может указать на того, кто должен отвечать. Нет: ответить может другой, кто ведает дело. Ответ дает тот, на которого это возложено Учреждением Сената, и в том же порядке (согласно Учреждения ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената).

Мехелин. Если это вы находите удобным, сделаем. Но я считал бы это излишним.

Лангоф. В статье сказано какому сенатору – «подлежащему».

Фрин. Но сделано в конце статьи, а надо это сделать и в начале. Или же сказать «членам».

Сергеевскнй. Еще вопрос: «по общему делу». Что это?

Мехелин. Это дела по управлению (Allgemiens[т]).

Сергеевскнй. Тогда и надо сказать: по вопросам **управления**.

Мехелин. Но входит ли сюда, например, выработка законопроекта?

Фрин. Как так: это и не будет «обществ[енное] дело», а дело управления.

Сергеевскнй. Тогда сказать **«по делам его ведомства»**.

Фрин. Надо вообще выразить ту мысль, что интерпелляции могут касаться **всего** ведомства Сената.

Лангоф предлагает редак[ционные] поправки, их отклоняют, как бесполезные: статья и в старой редакции понятна.

Решают: добавить «по дел[ам] его вед[омства]» и 2) ответ должен быть дан согласно Учреждения Сената.

§ 33 **Фрин.** Мы уже говорили о значении этой статьи: это ссылка на будущий закон. Но вот: что значит «правит». В Манифесте это сказано ясно, и в Грамоте: «местных правительственных органов».

Гриненберг. Да. Но это здесь источный перевод.

Фрин. «Правительство» может относиться и к Верховной власти.

Этого не указано.

Мехелин. У нас «местные». Это те органы, которые управляют губерниями.

Сергеевскнй. Ну, это узко. По отношению к империи – все органы управления Финляндии суть местные. И это важное выражение. § 40 часть II надо и там также сказать.

Мехелин. Но в Манифесте этого слова нет.

Сергеевскнй. А в Грамоте есть.

Мехелин. Лучше как в Манифесте: членов правительства.

Сергеевскнй. Мы не можем останавливаться на Манифесте: § 32 включен в проекте и только на основании **Грамоты**.

[т] *Вписано* в *машинопись. Правильно: allgemein – общего характера (нем.).*

Гарин. «Правительство» слишком широко: генерал-губернатор, министр, товарищ его и друг. В Манифесте ведь сказано: «служебных распоряжений», – это суживает объем дела.

Фриш. Надо принять или Грамоту, или Манифест, но не соединять отдельные выражения из обоих актов. Но лучше Грамоту.

Мехелин. (спорит) в законе, который будет действовать в Финляндии, неудобно сказать «местный», с русской точки зрения можно.

Фриш. Это верное замечание. С финляндской точки зрения это неудобно.

Гарин. Или Манифест или Грамота. Если Грамота неудобна, тогда надо: **буквально** взять **Манифест**. А под выражение «Члены правительства» Верховная власть уже не подойдет.

Мехелин. В проекте будущего закона мы точно перечислим, кто подойдет: ни Верховная власть, ни генерал-губернатор.

Фриш. Скажем: «служебное распоряжение правовых органов». Согласовано.

§ 34. принят.

§ 35. **Сергеевский.** Общий вопрос: о комиссиях. Не следует ли восстановить 2 комиссии? (статных и чрезвычайных податей).

Фриш. Это было бы проще.

Сергеевский. Вы согласны с этим?

Мехелин. Здесь, еще раз повторяю, ошибка. По § 36 старого Устава статная комиссия должна была заниматься не только статным фондом, но и временным налогом (еще раз повторяет подробно её роль).

Фриш. Я бы остановился на другом вопросе: на комиссии законов и Основных законах. Последняя чаще ничем не будет заниматься.

Мехелин. Она учреждалась и раньше рядом с первой. Она будет заниматься толкованием основных законов: они у нас есть и старые и новые, потребность в толковании их может всегда встретиться.

Гарин. Я присоединяюсь к тому взгляду, что о комиссии Основных законов не надо упоминать: компетенция её не определена; кроме того, часть II § 35, где сказано, что Сейм может учреждать еще и другие комиссии, делает ненужной такую чисто факультативную комиссию.

Мехелин. Комиссия Основных законов будет заниматься запросами (см. § 40). Вообще никакого влияния на главный вопрос: о прерогативах МОНАРХА!

Гарин не согласен на комиссию основных законов.

Сергеевский. О закономерности в действиях правительства надо ведь рассуждать с точки зрения не только основных законов, но и **вообще** всяких законов. А чтобы всегда вопросы эти передавать в комиссию основных законов, нет оснований.

Мехелин. Это вопрос чисто внутреннего управления и интересов империи не затрагивает.

Гарин. Мы узаконим такую комиссию в качестве постоянного органа (для затрагивания больных вопросов, которые будут вызывать новый и новый разлад).

Мехелин. У нас нет инициативы по основным законам. С соизволения ГОСУДАРЯ: случаи вообще редкий. Тогда пришлось бы передавать и эти вопросы в комиссию законов. Но комиссия законов завалена и без того делом.

Гарин. По части II § 35 предусмотрено образование новых комиссий.

Образуйте ее ad hoc* и туда и передавайте.

Фриш. Я думаю, что часть II § 40 не нужна, ей место в будущем законе. Случаи же возбуждения ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ вопроса об основном законе вообще редкий. Нужна ли комиссия основных законов в качестве постоянного органа тогда? Итак?

Мехелин. Полезно и необходимо. Не могу согласиться.

Лангоф. Это вопрос чисто внутренний. Я за проект.

Гарин. Комиссия эта лишняя. Она становится обязательной и постоянной, это неудобно.

---

* *специально для этого случая (лат.).*

Мехелин. В вырабатываемом проекте будущего закона прямо сказано, что поверка закономерности дело комиссии основных законов. Но Манифест предуказывая права Сейма в этом отношении, предусматривает тем самым учреждение Особой комиссии для этой цели.

Гарин. Но к чему давать ей такое название? и такая Комиссия будет учреждаться на основании § 35 часть II: ad hoc.

Сергеевский. Ну для чего, например, была бы у нас в Думе такая Комиссия «об изменении конституции»? К тому же Осн[овные] зак[оны] [(]Осн[овные] зак[оны] Финляндии, осн[овные] зак[оны] империи[)]. Ныне у вас вопрос о том, какие законы основные, старый вопрос; сюда относятся всякие: например, и сословные. У нас же истинно конституционные законы, конституция страны. Эта Комиссия была бы зерном, из которого могут выйти проблематичные результаты, неожиданные для вас самих.

Гарин. Будут ставить вопросы о Форме правления: а это вызовет острые споры, конфликты.

Мехелин. Наши мотивы трояки: 1) по инициативе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА могут быть **переданы** вопросы об издании Основных законов, 2) могут возникнуть споры на Сейме относительно **толкования** Основных законов, она дает толкование, 3) исследовать причины обвинения против членов правительства. А затем общее соображение: никакого влияния на прерогативы МОНАРХА.

Сергеевский. Отсюда вывод один: Сейм может ее каждый раз создать особо, если **нужно**. По зачем постоянная?

Мехелин. Члены ее выбираются из знающих и опытных лиц: они всегда готовы дать ответ на вопрос об Основных законах.

Гарин. У нас в Думе, например, депутат для пересмотра Основных законов.

Фриш. Достаточно. Итак, в § 35 **не упоминать, в § 40 часть II исключить**. Прочее особое мнение (финляндское).

Есть по § 36 и § 37 что-нибудь?

Сергеевский. Возвращаюсь к § 35 о чрезвычайном Сейме. Во всем Уставе это неясно: какие §§ к нему применяются и какие нет. Можно думать, что **не** все правила. Но какая именно – не ясно, по тексту Устава не видно.

Фриш. Поясняю: в некоторых §§ говорится о чрезвычайном Сейме. Отсюда: в остальных отношениях к нему применяются общие правила: надо выдержать систему. Если все правила относятся, то надо сделать о том соответствующую оговорку.

Гриненберг. Все применяется, но для чрезвычайного Сейма необязательно назначение всяких комиссий. Надо подразумевать здесь добавку: «лишь», которая и оттенит эту мысль.

Сергеевский. Но в § 35 не сказано, что пункт I § 35 к чрезвычайному Сейму не относится. Я не возражаю, но лишь отмечаю эту неполноту.

Мехелин. Все общие правила применяются и к чрезвычайным Сеймам. Но о **чрезвычайных** мы говорим особо лишь тогда, когда есть какая-нибудь **особенность**. Это не ясно.

Сергеевский. Я сомневаюсь, чтобы все. Например, конец § 57 к чрезвычайному Сейму применен быть не может (толкует). Это есть пример неразработанности, там очевидный пробел: как поступать с отсрочками на чрезвычайном Сейме?

Мехелин. Нельзя предвидеть вопросов, которые вызовут необходимость созыва чрезвычайного Сейма, все зависит от обстоятельств, некоторые вопросы не могут быть отложены, другие могут. Он отложит до первого Сейма после новых выборов (хотя это и не обязательно). (Беспорядочные разговоры на эту тему).

Фриш. Прекратим. По § 35 концу добавим «лишь те». Согласны.

§§ 36–39: приняты. 40 часть II **разногласие**.

§ 41. часть II **разногласие** (по связи с 27).

Фриш. Что значит «общих»?

Мехелин. Всезаконы, зависящие от согласного решения, кроме **основных**, мы называем: от согласного решения.

Фриш. Но если комиссия Основных законов не пройдет, то слово это придется пропустить (заметить).

§ 42 – принят.

§ 43 – отложен.

§ 44 – принят.

§ 45. **Сергеевский.** О тальманах: с голосом или без голоса?

Фриш. Да, в действующем Уставе об этом прямо выражено: § 43.

Сергеевский. Гораздо более, это необходимо указать, что в § 51 проекта о членах Сената аккуратно сказано. А о тальманах умолчание.

Мехелин. Конечно, они не принимали участия в прениях.

Фриш. Добавим «без права участия в прениях». Согласны.

§ 46. **Сергеевский.** Конец этого § отличается от § 40 действующего Устава тем, что все шло через Сенат. А здесь прямо или через губернатора.

Мехелин. Было разногласие по этому вопросу и у нас и в комиссии.

Фриш. Но зачем непосредственно?

Мехелин. Например, в Гельсингфорсе нет нужды сноситься через Сенат.

Сергеевский. Это не объяснено. Едва ли удобно, чтобы правительство не знало о сношениях Сейма, едва ли это стройный порядок управления. Вредить едва ли может, но старое правило более соответствовало порядку управления.

Мехелин. Лишний порядок, волокита.

Лангоф. Упрощение делопроизводства.

Гарин. Большое сомнение, полное смешение функций административных и законодательных. Этим правилом законодательный орган может изъять из административных установлений всякие **акты**. Непосредственное вмешательство законодательной власти в административную часть, остановка административной деятельности.

Мехелин. Но всегда просимые акты сообщаются в копиях.

Фриш. Примем?

Мехелин. Это практично и удобно. Незачем устанавливать сложный порядок через Сенат.

Гарин. Вы не знаете конфигурации будущего Сейма: было бы осторожнее держаться старого.

Фриш. Итак, примем «копии»?

Гарин. Тут ведь речь не о справках, а прямо об актах.

Фриш и Сергеевский. Не вернемся ли к старому?

Гарин. Да.

Фриш. А на копии с актов согласны?

Сергеевский. В действующем Уставе (§ 40): порядок выдержан, здесь нет.

Лангоф. Старое правило было редактировано шире, там названы иные органы.

Сергеевский. Но по общинным делам значится не всегда у общинных властей, а иногда и повыше!

Фриш. I и II соединить и согласовать согласно с действующим Уставом.

§ 47 принять.

РАЗНОГЛАСИЕ.

§ 48. **Фриш.** Сомнение по поводу слова «лично». В § 46 действующего Устава более ясно.

Мехелин. Это относится и к отсутствующим лицам и членам правительства.

Сергеевский. Это не выражено! и по-шведски также, так что: 1) заочные оскорбления не подойдут, 2) о правительстве – не подойдут.

Фриш. Если оскорбительное выражение сказано лично мне, то будет **личное** оскорбление, но оно же, произнесенное в другой комнате, заочное, которое (неразборчиво). Здесь очевидно неясность изложения. Да это правило и невозможно по существу: если говорят оскорбительное про правительство, например, председатель не может остановить.

Мехелин. Но смысл у нас тот же, что и в старом Уставе, редакция только более короткая.

Сергеевский. Но тогда не о чем спорить, если мысль одинаковая. Вы должны тогда тем легче согласиться на поправку.

Лангоф. Все равно: нельзя оскорблять как присутствующих, так и отсутствующих.

Сергеевский. (Нет. См. изложение). Но тут другое о **правительстве** (пропуск). Ведь мы только на это и указываем. Вы же согласны, что этого не следует быть. А все же спорите!

Фриш. Депутат скажет нехорошее о Сенате, а председатель не может его остановить.

Сергеевский. В проекте 1902 г. Сенат шел дальше, запрещались вообще выражения «преступного содержания».

Фриш. Я считаю, что замечание генерал-губернатора правильно.

Трудно с ним спорить. Я к этому присоединяюсь. Угодно?

Мехелин. Да, но не буквально, придерживаясь старого?

Фриш. Нет, лучше п о - ст ар о м у. С о г л а сн ы.

§ 49. **Фриш.** Сеїм может закрыть заседание. Вопросов нет? Принято.

§ 50. **Гарин.** Правило новое.

Мехелин. Для шведского языка оно внесено. До сих пор дворянское сословие вело суждения преимущественно по-шведски; городское по-фински, духовенство и крестьяне – 2 языка. Поэтому, мы сказали **равные права** для обоих языков. Этим мы имели в виду устранить недоразумения и произвол большинства.

Гарин. Но какая нужда включать?

Фриш. Ну, основание понятно: чтобы не дать права большинству делать односторонние постановления, не допускать другого языка.

Гарин. А кто будет определять, какой язык?

Фриш. Это верно! Ведь сказано: «или», значит можно требовать, чтобы был один язык. Цель, таким образом, не достигнута.

Сергеевский. Да, и сам Сеїм скажет вдруг: обсуждать на таком то языке. Поэтому лучше исключайте: подобные детали должны быть определяемы наказом. Давление со стороны финской массы едва ли будет. Надо бы: «допускаются как финский, так и шведский языки».

Фриш. Да: как тот, **так** и другой.

Гриненберг. Мы очень обсуждали этот вопрос.

Гарин. Никакого правила до сих пор не было, усмотрение Сеїма. Теперь внесено правило. Каково оно по существу видно: всякие другие языки исключены. А какой из двух – неясно. Отрицать закон этот не нужно. Надо: как шведский, **так** и финский. Иначе ваша цель не достигнута.

Лангоф. Предлагает: «Обсуждение дел на Сеїме происходит на финском или на шведском языке».

Фриш. Отличное начало, но надо: «**как** на финском, **так** и на шведском».

Мехелин. Но и по нашей редакции нельзя запретить того или другого языка.

Фриш. Нет можно, оба допущены, но какой? Кто-нибудь да должен это определить.

Мехелин. Из вашей редакции можно будет вывести заключение: все должны знать **оба** языка. А это нежелательно и невозможно.

Гарин. Но вы сделали прямо противно тому, что хотели!

Мехелин. Скажем «и».

Соглашаются: **«Обсуждение дел на Сейме происходит как на финском, так и на шведском языке».**

С о г л а сн ы.

§ 51. **Гарин.** О публичности: исключается генерал-губернатор. Это видно из сравнения с § 49 проекта.

Фриш. Действующий Устав говорит: § 47 часть II.

Мехелин. Здесь идет дело обо **всех** собраниях Сеїма как открытых, так и закрытых. И если бы сказали о генерал-губернаторе, то для него было **бы обязательство** присутствовать. Вот почему генерал-губернатора не назвали. Хорошо, что его не замешивают в прения.

Сергеевский. Надо оговорить о членах Сената, о праве присутствия, тогда им будет отводиться место. Первое замечание: генерал-губернатор никуда не допускается, не только в закрытые, но и в публичные заседания.

Фрин. По § 47 старого Устава он участвовал в прениях.

Сергеевский. Второе замечание, вообще устройство, по усмотрению Сейма, совсем закрытых заседаний неудобно. Делать тайну от правительства – это вопрос огромный. Ибо, по проекту все правительство может быть удалено.

Фрин. Это именно вытекает из сопоставления § 49 с § 51.

Сергеевский. Я даже образцов таких по иностранным законам не знаю, главу правительства вовсе не пускать, а прочих изгонять!

Мехелин. Когда обсуждаются вопросы дисциплинарные, тогда только Сейм и устраивает, обыкновенно, закрытые заседания. Но на такие заседания неудобно пускать членов правительства. А по прочим вопросам заседания обыкновенно бывают открытые.

Фрин. Нет, у вас сказано: «буде Сейм»... § 49.

Мехелин. Но это исключения, когда, например, идет обсуждение речей, ответных на тронную. Присутствие правительства неудобно. Опыт уже был в этом направлении.

Сергеевский. Тогда надо указать случаи в законе.

Мехелин. Этого нет ни в одной конституции.

Сергеевский. Извините, это верно лишь для публики. А у вас исключены и члены правительства.

Фрин. Итак: § 49 – без изменений. Он яснее и верен.

Мехелин. Мы согласны на генерал-губернатора.

Фрин. Хорошо. Итак, добавим: **Председатель** Сената... на «публичных» – пропустим заседания Сейма. (Это их дело соблюдать приличие бывать и на таких закрытых заседаниях, где, например, обсуждаются вопросы дисциплинарные). Итак, согласны?

Гриненберг. Я прошу позволения **обдумать** этот §.

Фрин. Хорошо. **Мы на этом** остановимся, а вы – как вам угодно будет.

§ 52. **Сергеевский.** Нужно ли упоминание о мотив[ах]? Ведь дела, касающиеся **православных**, могут также входить в предмет обсуждения Сейма.

Мехелин. Церковное уложение содержит не только правила административного свойства, но также и обязанности духовных лиц при исполнении их должности. Что касается православных, то в этом отношении другое положение: организация православных приходов определяется законами не Сеймовыми, а административными, зависящими от генерал-губернатора.

Фрин. Ведь остается в силе закон 11 года о православных приходах[422].

Мехелин. Да.

Сергеевский. У меня было 2 **Сеймовых** закона, касавшихся православных приходов.

Мехелин. Но они не касались **организации** приходов, а, следовательно, вопросов о финансах не должно быть.

Сергеевский. Участие иноверцев при обсуждении евангелистско-лютеранского исповедания повлиять в **дурном** смысле никак не может. Но пользу принести может, а здесь дела этого рода разрешаются исключительно лютеранами. Обида для иноверцев, так как их дела разрешаются при участии лютеран. Но на изменении этого § я не настаиваю так как было в старом (§ 49) Уставе. Но, в сущности говоря, зачем сохранять?

Фрин. Да, для нас это непонятно.

Мехелин. Мы не настаивали также. Но...

Фрин. У нас в Государственном совете...

Гарни. Принципиальная неточность. Пока присяга сохранялась в Уставе подобное правило было понятно. А теперь, когда присягу (из внимания к свободомыслящим) заменили торжественным обещанием, вдруг – статья о привилегиях лютеран. Непоследовательно.

Мехелин. Да это верно. Но у нас есть привилегии для евангелистско-лютеранского духовенства. Нужно постепенное движение законодательства для изменения старых форм.

Сергеевский. Но женщины! Вот так постепенность! Во всяком случае ядро оскорбления. Я настаивать не буду, впрочем.

Фрин. Итак, **примем**? **Принято.**

§ 53 – тоже.

§ 54. **Сергеевский.** Общее замечание (ст. 57). Неясно: к делам, по которым требуется лишь **заключение** Сейма, применяются ли правила этого параграфа? о движении дел по § 31 не сделано указаний, в каком порядке дела идут?

Фрин. Т. е. надо ли обсуждать в комиссии, применяется ли к ним троекратное чтение и т. д.

Мехелин. В комиссии – да, передаются.

Гриненберг. Но троекратное чтение не применяется.

Сергеевский. Тогда надо оговорить, что это правило только для закона, по которому требуется **согласное решение**. Ибо правил по § 31 нет, следовательно, можно думать, что да.

Фрин. Но нам пояснили, что не применяются.

Сергеевский. Слово «принятие» не должно применяться к случаям требования заключений. Иначе путаница. Одним словом, пояснение нужно. Итак: в каком порядке идут заключения?

Мехелин. Они – в комиссию хозяйственную. Она дает отзыв Сейму.

Сейм постановляет.

Сергеевский и **Фрин.** В каком порядке, однако?

Сергеевский. Это пропуск – ясно.

Мехелин. У нас всегда употребляется «пропозиция» во всех случаях.

Фрин. Это сделать просто. Добавить: в случаях, требующих § 31.

Сергеевский. Надо это высказать.

Гриненберг. Согласен.

Мехелин. В § 62, абзац II сказано: это значит, что одного чтения довольно.

Сергеевский. И это к запросам генерал-губернатора не относится.

Фрин. Дело ясно: сложный порядок лишь для дел, подлежащих **решению**. А если **заключению**, то надо только передать в комиссию и без права отсрочки.

Единогласно принять: **сделать добавку**, но где – не решено.

§ 55 и следующие.

Сергеевский. В общем возражений не имею. Не следует ли только разобщить «предложения» и «моции»? (указывают, что это принято).

§§ 55 и 56 – **приняты**.

§ 57. **Сергеевский.** Конец: не оттенено о праве 3-й части депутатов потребовать отсрочки до... Что это значит? Отсрочки на год, на два или на три? Волей-неволей иногда придется распустить Сейм. Таким образом, 3-я часть может по закону созвать Сейм и принудить к распущению, потому что по всем пропозициям и моциям будут говорить: отсрочки. А по чрезвычайному Сейму? Еще хуже. Допустить этого для чрезвычайного Сейма нельзя: отсрочивать он не может. Дай ответ, хотя отрицательный, но дай. Итак: правила об отсрочке к чрезвычайному Сейму не применяются.

Гриненберг. Это вопрос новый. Спешно составляли.

Мехелин. Я поясню о чрезвычайном Сейме. **Отложим** до понедельника.

§ 58. **Гарин**: Конец «изменений» – каких?

Сергеевский. Это пропозиции или моции – безразлично. Смысл: если изменение – они новые.

Фрин. Но кем сделано изменение? **ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ – если пропозиция, или членами Сейма – если моция.**

Сергеевский. Для устранения сомнений добавим: в сих моциях, или пропозициях.

Мехелин. Здесь речь о проекте, который есть результат обсуждения пропозиции. Если Сейм, обсуждая этот проект, сделает изменения, тогда можно его отложить.

Сергеевский. Обструкция.

Гриненберг. Да, мы имели это в виду. Но будет принят тогда старый проект, тогда отсрочки быть не может.

Гарнн. Опасно. Просить утвердить. Затем в нем, например, надо изменить наименование. Нельзя! Возможность обструкции.

Принят.

§ 59. **Сергеевский.** «По тому же делу», но не **той же** самой пропозиции.

Гриненберг. Я думаю, что это может быть та же пропозиция, но были надежды на успех.

Лангоф. Измененная.

Принят. Редакционные изменения Лангофом, (а не совещанием): «к передаче Сейму предложений ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА или к внесению на нем моции по тому же делу».

§ 60 – без прений.

§ 61. **Сергеевский.** У меня есть замечание. Во всяком случае дела финансовые отсрочивать нельзя. Но какова картина? Согласие требуется $^{2}/_{3}$ голосов.

Мехелин. А прежде – 4-х сословий.

Сергеевский. Это проще. Ну, а не состоится большинства, $^{2}/_{3}$: нет налога, нет заїма. То есть $^{1}/_{2}$ росписи не утверждена. Новые постоянные налоги – тоже. Это был недостаток и старого Устава: что было делать, если не утверждает?

Фриш. Виноват. Сейм росписи не утверждает. Если общие средства недостаточны, он вотирует временные налоги. Вдруг не состоится $^{2}/_{3}$. Тогда: общие доходы со старыми постоянными налогами, но не хватает большой суммы для исполнения **всей** росписи, что делать?

Мехелин. Принцип прежде был тот же (часть росписи должна отпасть).

Сергеевский. В новом проекте нет и «переходной стадии», которая была в прежнем Уставе? Если бы возможность столкновения с парламентом была предусмотрена. А то ведь нет. Финляндский бюджет таков, что могут быть этим созданы задержки в управлении. Неудовольствия выйдут страшные. В старом Уставе тот же дефект. И был такой вопрос: что делать?

Фриш. Да что делать? Кто может сказать, на **какие** расходы могут быть обращены наличные средства?

Мехелин. Случай 85 года. Просили денег для постройки госпиталя. Ассигновали дополнительный налог. Комиссия отказала. И не было никаких затруднений, взяли из свободных средств.

Фриш. Но я говорю о другом случае: **не** хотят налога, который предложен!

Мехелин. Подождут с исполнением задачи.

Сергеевский. Я и хотел докончить. Роспись показывает, что статного фонда не хватает. Был такой случай. Пошли на справки по другим конституциям, право правительства предложить бюджет до разных сроков. Остановились на мысли: необходимо разрешить так, или иначе. Подобное указание – в § 46 Формы правления: действует старый бюджет. Не следует ли и нам дополнить здесь этот пробел? Иначе останется одно насилие.

Мехелин. Но правило Формы правления действует! Оно не отменено.

Сергеевский. По шведскому праву того времени, росписи не было.

Мехелин. Была.

Сергеевский. На известный предмет. А обобщений не было. Итак, возвращаюсь, хотели установить подобное правило.

Мехелин. Отказать в новом налоге – дело другое. § 46 Формы правления действует в случае отказа в **продолжение старых** налогов. Но это вопрос конституционный. Он в нашу задачу не входит. Наша задача: в пределах Устава. Свыше этой задачи мы и не шли. Этот проект не затрагивает Формы правления. И вообще, ведь вопрос чисто конституционный.

Фриш. Но ведь из § 61 следует, что никакой компенсации не будет.

Мехелин. По конституции других стран, в случае отказа палаты – правительство продолжает бюджет, притом весь.

Сергеевский. Однако в 85 году вопрос возник.

Фриш. И я думаю, что такой конституционный вопрос уже предрешен здесь. $^{2}/_{3}$ решают оставить без последствий – это есть разрешение вопроса по существу, а между тем, это правило в Сеймовом Уставе. Мы говорим об исправлении Сеймового Устава. Это был дефицит, его надо исправить. И мы хотим этого улучшения. Но в чем же оно будет заключаться?

Сергеевский. Останутся в силе все прежние временные налоги. И назначение тоже.

Фриш. По статный фонд может быть в другом положении. Он может быть больше. Тогда Сейм говорит: у вас средств больше. Как же тогда **продолжать** временные налоги? Несправедливо.

Сергеевский. Да...

Фриш. Вопрос очень сложный.

Сергеевский. Оговорку внести: буде статный фонд недостаточен.

Фриш. А кто решит этот вопрос о недостаточности? Вот что! и заметьте, что Сейм ежегодный. Затруднений меньше. Правило Формы правления в случае обструкции.

Сергеевский. Но Сейм не утвердит **употребления** налогов.

Потребности, раньше определенные, не могли бы быть покрыты.

Гриненберг. Это поведет к тому, что нельзя налагать налогов без согласия Сейма, срок истек, а он продолжается.

Сергеевский. Да, если **нотребность** была уже раньше утверждена Сеймом.

Фриш. Но на каком основании откажут?

Сергеевский. А конфликт по политическим причинам.

Фриш. Это будет отказ. И тогда статья 46 Формы правления.

Мехелин. И все-таки, это против смысла. Если расчет, сделанный на Сейме о статном фонде, покажет, что денег больше, чем думал Сенат – тогда только не дадут.

Сергеевский. Это предусмотрено, однако, везде.

Мехелин. Не везде. На практике да, но в законе не везде.

Гарни. Позвольте обдумать, вывод нужен.

Мехелин. Временные налоги составляют незначительную часть бюджета.

Сергеевский. Все-таки!

Фриш. Отложим до следующего заседания.

Мехелин. Этого нельзя говорить в Уставе: **право МОНАРХА** (в чем оно состоит) трудно выразить.

Фриш. Да. Раз предполагают новый налог, и Сейм откажет, этот налог быть введен не может (все согласны). Но положение может быть другое, **отказ в фондах, ранее ассигнованных**. Что делать? Сейм сказал: есть средства. Однако же отказ.

Фриш. Поговорим еще. Но надо еще осветить. Тут большая разница: 1) отказ в налоге новом и 2) невотирование.

Сергеевский. Но и в части бюджета это дает тот же конфликт!

Сергеевский. А правительство скажет – нет у меня денег никаких.

Мехелин. В случае конфликта распустить Сейм.

Сергеевский. А денег нет! Отложено.

———

Видимо здесь два вопроса:

1) отказ в новом налоге.

2) отказ в налоге старом, в его **продолжении** на новый срок. Во втором случае я различал бы два оттенка:

а) случай простого **пререкания**, б) случай **обструкции**.

———

Заседание 5(27) марта

§ 57 – Конец.

Фриш. Относится ли это правило к чрезвычайному Сейму? (начало же статьи применяется).

Мехелин. Я дал резюме по этому вопросу вообще. В некоторых §§ прямой, только очередной. §§ 19 и 35 только о чрезвычайный. По § 57 концу: вопросы его, очевидно, откладываемы быть не могут. Надо переделать редакцию. Отменить и указать, мы принимаем принцип, **посоветуемся с Сенатом**.

Фриш. Согласен. Тогда и вернемся, наш общий взгляд – это к чрезвычайному Сейму не относится. § 61: отложим.

Сергеевский. § 61: удобны ли «государственные» займы.

Фриш. По-шведски они показываются как прежде. Statslan, а в русском – изменено.

Мехелин. В старом Уставе не было вообще об этих займах, а в практике это выражение всегда употреблялось.

Фриш. Не сказать ли «финляндские» займы, или «правительственные».

Последнее правильнее.

Лангоф. Это вопрос перевода.

Сергеевский. Но ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР утверждает **русский** текст, а не шведский.

Фриш. Я стоял бы за «правительственный», а не «казенный», потому, что займы обеспечиваются всем достоянием Финляндии, а не только статным фондом. Угодно? с о г л а с н ы.

§ 62: без прений.

§ 63: **Сергеевский.** Не говорится: о **каких** ассигнованиях идет речь, а между тем упоминается о **решении** земских чинов по этому вопросу. А между тем власть земских чинов на статный фонд не распространяется.

Мехелин. Вопросы об ассигнованиях обсуждаются: 1) или по предложению ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 2) или по петициям. При этом, Сейму приходится справляться с состоянием казны, и надо выждать, чтобы финансовая комиссия дала отчет об ее общем положении.

Фриш. Это скорее недоразумение: спор о **редакции**, а не по существу.

«Ассигнование может относиться только к суммам, которые «вотирует сам **Сейм**».

Сергеевский. Я поднял вопрос преждевременно: надо сперва рассмотреть § 26 и т. д.

Фриш. Тогда и вернемся. Может быть, немного исправим редакцию. Принято.

§§ 64–68: без прений.

§ 69. **Гарин.** § 63 действующего Устава было шире права тальмана.

Кроме того: над **всяким** законом.

Фриш. Это верно. Например, случай, если возбужденный вопрос противоречит Уголовному уложению.

Мехелин. Это значит: если депутат нарушает, например, правила Сеймового Устава, тогда тальман не допускает обсуждения.

Сергеевский. Но это будет так, если считать просто: «законом».

Например, депутат предлагает **простунок**: убить человека.

Фриш. Я сомневаюсь в этом. Всякое предложение **нового** закона ведет к отмене старого, депутат может **критиковать** свободно старый закон. Но как выразить другую Вашу мысль, как выразить, что он не можете предлагать какого-либо незаконного **простунка**? Старый закон (63) широк, но может быть следовало бы внести и это указание, которое помещено там.

Сергеевский. Как это по-шведски? «То, что противно закону», то есть законом **запрещено**.

Мехелин. Да, лучше сказать «**противных**».

Сергеевский. И просто «закону».

Мехелин. А в старом было: «основному».

Сергеевский. Но зато там была еще прибавка, которая дополняла узкое указание на **основные** законы.

Фриш. Я думал бы: «противных **Законам**».

Мехелин. Я за «основные».

Гарин. Но это суживает власть тальмана, тогда надо восстановить и добавку.

Сергеевский. Я не возражал бы: вопрос о столкновениях между тальманом и депутатами есть вопрос важный, прежде всего, для вас, а не для нас.

Мехелин. Но в основных именно законах и определено, что депутат **не** может предлагать и говорить, и что нет. Почему не оставить?

Фриш. Оставим, с о г л а с н ы; но тогда добавим что-нибудь вроде старого текста.

Сергеевский. Да. Ведь многое можно предложить, что противно закону, а не только основному.

Гарин. Например, предложение бойкота и т. п. Ведь это не противно **основному** закону.

Сергеевский. Да, тогда тальман остановить **не** может.

Мехелин. Может.

Сергеевский. Нигде этого нет.

Гарин. Восстановить старую редакцию.

Лангоф. Она тоже неопределенная: произвол тальмана.

Сергеевский. Да, но это все же лучше.

Фриш. Добавим: «или вообще противным законам». ПРИНЯТО.

§ 70. **Фриш.** Часть II. Она есть и в других конституциях.

Гарин. Но было сказано: «отзыв». Это было шире.

Фриш. Но многие он берет, как же оставим в протоколе прения (читает). Но ведь это то же самое! Примем.

§ 71: **Фриш.** Замечание по поводу редакции: «по» звучит странно. Признают нестройным и неясным. П р и н я т о.

§ 72: **Фриш.** Замечание генерал-губернатора: неясно изложено.

Лангоф. «На первом листе» заменить «первыми».

Фриш. Оставим без изменения.

§ 73: без прений.

§ 74: без прений.

§ 75: **Фриш.** Есть замечание генерал-губернатора: передавать моции на **заключение Сената**.

Мехелин. Это невозможно. Когда Сенат даст заключение? До комиссии? Но тогда он будет иметь значение подготовительного учреждения. Но если после тогда 2 раза одно дело будет обсуждаться Сеймом: до Сената и после него.

Фриш. У нас: Дума рассматривает предложение и может затем предложить министру выработать проект. Если министр откажется, тогда сама Дума предлагает проект закона, выработав его в своей комиссии.

Мехелин. Сенат есть Совет при **МОНАРХЕ**. Он не может играть роли помощника Сейма. Общее правило, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО дает приказание Сенату выработать представление.

Фриш. Генерал-губернатор говорит: «...до обсуждения в Сеймовой комиссии». Значит, комиссия будет обсуждать **заключение Сената**.

Гриненберг. Это неловкое положение для Сената: он дает отзыв ГОСУДАРЮ по Его повелению, а не Сейму.

Сергеевский. Мнение это очень принципиально: оно всякую моцию пропускает через Сенат, она тогда может превратиться в правительственный проект: если применить наш Думский порядок, то выводы: обсуждение принадлежит не Сенату, а Законодательному Учреждению или Сенатской экспедиции. Но генерал-губернатор идет дальше, он хочет **каждую** моцию пропустить через Сенат.

Мехелин. Неудобно: иное положение для Сената! у нас Сенат не имеет инициативы.

Фриш. Итак, **замечание генерал-губернатора не примем**. Все: н е т.

Сергеевский. Вот мое замечание: § 75 соотв. 75 и 76 старого Устава. Те говорят о порядке предоставления актов на ВЫСОЧАЙШЕЕ утверждение. Они трояки: 1) решения Сейма по пропозициям, 2) по моциям и петициям и отзывы (ст. 31). Иначе: решения и заключения.

Они в старом и упомянуты. Здесь недосмотр: о заключении ни слова. Итак, это к тому же общему вопросу, который я возбудил, что по § 31 нет точных правил.

Фриш. 1 абзац говорит о решении по делам, заслуживающих согласного решения, то есть по пропозициям и моциям. 2 абзац, конечно, неверен. Надо добавить и о заключении.

Гриненберг. Смысл: Сейм постановляет **решение** дать по делу.

Заключение.

Фриш. Читает. Да надо так...

Гриненберг. Например, финансовые предложения: они не подойдут под первую часть, которая говорит о решениях по общим заключительным вопросам.

Фриш. Не сказать ли: решение и заключение?

Сергеевский. Нет, это едва ли: решение не подойдет.

Фриш. Но ведь есть решения и по финансовым вопросам, как указал **Гриненберг.**

Сергеевский. Не лучше ли сохранить действующую редакцию?

Мехелин. Проект полнее. В старом Уставе моций не хватает (закон 1886 г. вышел позже Устава). В § 29 проекта говорится о моциях. Вот почему мы изложили так.

Фриш. В 1886 г. этот принцип изложен с полной ясностью.

Мехелин. Да, мы, так сказать, перенесли сюда то, что сказано там. Это систематичнее. Я предложил бы: решения и заключения. (По-шведски один термин beslut[y], который охватывает все).

Сергеевский. Но решение по финляндским вопросам можно бы отнести к 1 части.

Фриш. Это было бы лучше.

Сергеевский. Вставить: «или по поводу ассигнований».

Мехелин. Но 1 абзац так составлен, что он касается **только** законодательных вопросов.

Сергеевский. Тогда оттенить здесь прочие.

Фриш. «Принятые Сеймом решения, содержать ответ на предложение об ассигновании суммы», а равно заключение содержит ответ на предложенные Сеймом запросы и т. д. (как в статье).

Гриненберг. Это будет узко: предложение иногда отделяется от ассигновки. Это не будет точно.

Мехелин. Я предложил бы без неудобностей дать общий принцип: тут решения, заключения, ходатайства.

Фриш. Но ведь редакцию можно изложить: прочие принятые Сеймом решения и заключения.

Мехелин. Мы предложим редакцию.

Сергеевский. И я тоже. Еще замечание. Конец абзаца. Прежде Сеймы были не ежегодны. Тогда правило сообщения о следующем Сейме было уместно. Но теперь: когда разница в.., оно теряет значение, если ответа не последует? Опасное положение: ответа нет ergo, проект принят. А этого, между тем, может и не быть. Не опасно ли сохранить это правило? Ведь проект может быть задержан у ГОСУДАРЯ.

Мехелин. Общим правилом у нас на Сеймах было, что Сенат давал Сейму отчет обо **всех** пропозициях. Теперь возьмем случай: возможен такой случай, как оставление, временно, принятого проекта без ответа. Тогда Сенат скажет Сейму: ответа нет, но решение последует.

Сергеевский. Но какая природа такого акта: ответа нет, что это значит? «Полузакон».

Фриш. Надо было бы отметить эту мысль: ответ сообщается первому Сейму, который состоится по получении ответа от ГОСУДАРЯ.

Гриненберг. Но это же ведь и сказано!

Сергеевский. Нет. Сказано: об этом по поведению ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА сообщается **следующему** Сейму. Зачем следующему?

Гарин. Выпустить: «следующему».

---

[y] *Вписано в машинопись. Beslut – решения (швед.).*

Гриненберг. Надо оттенить: следующему Сейму **по воспоследовании** решения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Фриш. «То об этом, по воспоследовании повеления ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, сообщается ближайшему Сейму».

Согласны.

Фриш. Мотивируем по иностранным конституциям: считается не утвержденным (Англия).

Мехелин. У нас отлично. Необходимо, чтобы сообщалось Сейму, чтобы тот мог возобновить моцию.

§ 76 – без прений.

§ 77. **Фриш:** Генерал-губернаторское замечание, его продолжение.

Гриненберг. Никогда этого не было: только тальманы подписывают. А свод Сеймовых решений и заключений – подписывали и депутаты.

Сергеевский. Но надо это выразить в статье. Ибо landtagsbeslutet[Ф] у нас не ясен: одно это решение, или свод.

Фриш. Иначе выходит, что каждое решение подписывается.

Сергеевский. Отложим. «Ведомость» эта не нравится.

Фриш. «Сеймовые решения и заключения в совокупном их изложении». Мы на этой мысли остановимся.

Сергеевский. Я подумаю.

§ 78. **Сергеевский.** Конец. Тоже было в действующем Уставе. Уже не первый раз возникает об этом вопрос. Этот Сборник постановлений обнимает все общеобязательные акты: узаконения и распоряжения правительства. Туда же эти Сеймовые решения, притом до их утверждения ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ. Бывали случаи: не только не утверждения, но были и замечания (по петициям). Картина неудобная: сперва выговор, потом решение. Кроме того, неутвержденные акты выдвигались наряду с утвержденными. Закон 1902 г., п. 10 (читает) мотив этого закона. (См. по-старому неясно изложено: может быть какое-то собрание (неясно) могло помимо собрания). Теперь проект Устава не так игнорирует, но изменяет этот закон. Едва ли можно.

Мехелин. С точки зрения практической пользы, мы сохранили старое правило: для всех заинтересованных вопросами права легче найти Сборник постановлений, а следовательно, и всякие сведения о том, как Сейм отнесся к проекту, что с ним сделал и т. д. Я, например, постоянно справляюсь.

Сергеевский. Но и в другом издании найти их было бы тоже легко.

Мехелин. Но у нас нет другого издания, если бы было – тогда другое дело.

Фриш. Мне кажется, надо придержаться текста действующего закона. И, следовательно, не в Сборнике. Скажем просто: «должны быть изданы в печати». И, например, о решениях, вылившихся в закон, не сказано, что они печатаются в Сборнике.

Мехелин. Об этом сказано в другом акте: Законе 1902 г.

Фриш. Тогда исключим конец.

Гриненберг. Я не согласен. Это есть и в действующем Уставе. И нет основания менять этот порядок.

Мехелин. В старом шведском тексте было «Samling[х]», а в русском переводе сказали неясно.

Сергеевский. Из закона 1902 г. видно, что Сеймовое решение не печатается в Сборнике.

Мехелин. А в основном законе будет сказано об этом.

Гарни. Подобных изданий нигде нет: в сборниках печатаются везде только утвержденные законы. Для юриста-практика это чрезвычайно удобно: путаницы нет. Нельзя печатать в подобном издании то, что **не** утверждено, что не закон. Зачем в основном законе указы-

---

[Ф] *Вписано в машинопись. Landtagsbeslutet – решение ландтага (швед.).*

[х] *Вписано в машинопись. Дословно: коллекция, сборник.*

вать, где именно печатать. Пусть будет сказано: в п е ч а т и, а где – вопрос практики, вопрос факта: как ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР повелит.

Фриш. Итак? Исключить?

Мехелин. Мы любим традиции.

Фриш. Итак, р а з н о г л а с и е.

Лангоф. Я – за проект.

§ 79: **Фриш.** Замечание генерал-губернатора: исключить о министре статс-секретаре и его товарище.

Лангоф. Лично я считаю, что это только **право**, а не обязанность. Если бы я хотел дать разъяснение по какому-либо делу, которое меня интересует, то я и могу дать. Но требовать от меня нельзя. Это не есть **ответственность** перед Сеймом и т. п.

Сергеевский. Тут вопрос не о праве. Другая есть сторона вопроса: учреждение должности министра статс-секретаря сфера административного закона. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР может ее упразднить. Товарища сперва не было, потом был... в Основной закон. Надобности в этом нет.

Мехелин. Существование министра статс-секретаря, как докладчика, не есть административный закон: их Формы правления видно, что секретарь должен быть. Манифест НИКОЛАЯ I 1826 г. об учреждении должности министра статс-секретаря: там есть выражение, взятое из Формы правления.

Фриш. Я не думаю, чтобы это было так. Проект устройства, выработанный в Борго: там другое – министрами империи. Вот как было. ГОСУДАРЬ сам зачеркнул и написал «**Нет, через особое МНОЮ назначенное лицо**». Его резолюция.

Мехелин. По Его указанию и был намечен статс-секретарь. Но я лично придаю значение замечанию генерал-губернатора.

Мехелин. По это правило вошло в Манифест.

Лангоф. Если бы речь шла об ответственности – дело другое. Но тут только право присутствовать. Он имеет право, но не обязанность.

Гарин. Нет оснований вводить то, чего не было в старом Уставе (читает Формы правления). Тут и все!

Мехелин. По это вошло в Манифест 1826 года.

Сергеевский. А вам будут делать разные вопросы. Что вы скажете? Неудобно. Я бы в такое положение не хотел попасть!

Фриш. Итак, угодно согласиться с Императором?

Сергеевский и Гарин. Да.

Мехелин. Взаимоотношения между Сеймом и правительством должны быть совершенно искренни и доверчивы. Но чем больше возможности осветить для Сейма положение, тем больше условий для такой сердечности.

Гарин. Но вот вопрос: удобно ли закреплять основным законом то, чего в нем не было?

Фриш. Конец неясен: какие это лица?

Мехелин. Туманно объясняет: финляндские должностные лица, которые могут быть созданы и назначены.

Сергеевский. Тут предполагается какое то новое учреждение?

Мехелин. Да, да...

Фриш. Но надо ли это предвидеть? Если ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР пожелает учредить этих лиц – будет составлено особое предложение о них.

Мехелин. Кроме Сената может быть назначено какое-нибудь должностное лицо, которое должно представить отзыв ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Фриш. Это будет такое умаление Сената, какого я себе представить не могу!

Мехелин. Например, Комитет финляндских дел. Положение этих членов высокое.

Фриш. Ну, а разве они посылались в Финляндию?

Гриненберг. Нет. Но могут быть посланы.

Фриш. Ну, так... Неясно...

Сергеевскій. Загадочно.

Фрпш. Я с формальной стороны: я не могу присоединиться к закону, который неясен. Нельзя антецентировать в Сеймовом Уставе такое правило, которого еще нет.

Итак: согласны с генерал-губернатором? Финляндцы нет! Р а З Н О Г Л А С И Е.

§ 80. **Фрпш.** Пока отложим. Хотя он не возбуждает сомнений.

§ 81. **Фрпш.** I часть: все ли законы перечислены? Все.

Фрпш. Затем я прочту заключение генерал-губернатора по поводу Сеймового Устава. (читает стр. 5-6). В этом отношении мы ведь согласны с генерал-губернатором, не так ли? Мы тогда останавливались на этом и решили занести в журнал, что Сеймовый Устав издается для законодательства собственно Финляндского, – и говорили, что это следовало бы отметить в Уставе.

Сергеевскій. Да, хорошо сделать это здесь в § 81 (читает писаный проект).

Мехелин. Для чего?

Фрпш. Чтобы показать, что Сеймовый Устав касается только течения дел, касается предметов финляндского законодательства.

Мехелин. Зачем говорить? в Сборнике этого не было. Было бы ограничение неудобное, если бы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил указать на будущее время, что этот же порядок применяется и к общегосударственным делам, то вышло бы неудобство.

Сергеевскій. Мы не касаемся этих вопросов: мы так и согласились ведь.

Фрпш. Я потому возбудил этот вопрос, что мы именно не можем предрешать – какие это законы, каким порядком издаются. Сеймовый Устав относится до вопросов особого финляндского законодательства и других вопросов не касается. Так нами решено. Но, быть может, это надо выразить в проекте? Эту мысль лишь подсказал генерал-губернатор.

Мехелин. Нет вопроса о расширении финляндского законодательства, а, следовательно, и об ограничении.

Лангоф. Я понял наши суждения так: совершенно оставим вопрос в стороне, и в законе не для чего об этом говорить.

Сергеевскій. Но никакого указания на другой порядок у нас нет.

Гриненберг. Я не согласен! Решили: Комиссия не будет касаться общегосударственных законов. Если вставили эту добавку, то затронем, хоть и косвенно, вопрос об общегосударственном законодательстве. Этим как будто мы предрешаем. (Какая граница между законами финляндскими и общими).

Сергеевскій. Нет, это выяснение того, чего касается Сеймовый Устав.

Мехелин. Генерал-губернатор не предлагал включать правила об этом. Это и не будет, к тому же, точно. Например, вопрос о трактате, которым требуется изменить Финляндский закон. Тогда Сейм решает этот вопрос. Но это не чисто «местный» вопрос.

Сергеевскій. Но вопрос будет выделен и предложен Сейму особо.

Фрпш. Мой взгляд: дарованные Финляндии права не должны быть нарушаемы. Эта вставка только подтверждает права, а не отнимает их.

Лангоф. Устав ясен и без этого разъяснения в § 81.

Мехелин. Бессодержательно: какие это предметы?

Фрпш. Все, что входит в финляндское законодательство, то и подчиняется правилам этого Устава.

Мехелин. Невозможно оговаривать этого в Уставе. Это абсолютно невозможно.

Фрпш. Нами было сказано, что и Сенат так смотрел. Генерал-губернатор тоже. Надо ли упомянуть в законе?

Гарпи. Если верно по существу, то не все ли равно, где поместить?

Мехелин. Нет закона, который разграничивал бы эти законы. Я ссылаюсь на Манифест о Думе: такой закон будет, но пока еще нет. Нельзя вперед вносить подобное ограничение.

Фрпш. Если у нас возникло сомнение: что это имеет вид предрешения, то оговорим в журнале только.

Сергеевский. Предрешаем ли мы что-нибудь этой вставкой? Ведь это признание факт только. А, кроме того, это закрепление особого финляндского законодательства.

Фриш. Многое, что касалось финляндского законодательства, разрешалось иным порядком. А мы ведь закрепляем, что этим «незаконным» порядком дела не должны разрешаться. Наша мысль: все, что относится до внутреннего финляндского законодательства, должно быть разрешаемо на основании Устава: никто другой не может рассматривать того же.

Мехелин. Предложение недостаточно: есть законодательные вопросы, которые не касаются только внутреннего законодательства. Тогда и приходим к задачам Государственной комиссии.

Сергеевский. Я не стал бы делать этого до Думы. По теперь положение другое: закрепить желательно, что законы финляндские не должны быть издаваемы экстралегальным порядком.

Фриш. Я тогда согласился на такую мысль: в журнал и только.

Мехелин. Мы предложим Сенату: что скажет. Вы согласны отложить этот новый вопрос? Это есть только в одном иностранном законодательстве.

Фриш. Я думал, что это желательно для вас. Если не принимаете – как угодно. Я настаивать не буду.

Сергеевский. И я подумаю.

Фриш. Совсем не предрешим.

Сергеевский. По поводу абзаца II. Что это? Все правила о земских чинах применяются только к однопалатному Сейму, кроме тех законов, которые этим Уставом отменены. А какие это законы? Только те, которые упомянуты в I части. Остальные действуют. Значит и Устав Р[ыцарского] Дома?[423] Но там ряд правил о Сейме. Не возникнет ли сомнения: какие статьи Устава Дома отменены? Не сказано. А ведь к тому же Устав отменялся иначе, чем Основные законы. О других сословных правилах (например, духовных) может быть тоже сомнение. В деле 1869 г. об этом прямо говорилось. Ныне этого не сделано. Могут быть недоразумения. На Сейме могут поднять вопрос.

Мехелин. Ст. 10 Устава 1869 г.: она отменена будет вместе с Уставом[424], [ц-]а с нею упадут и ст[атьи] Уст[ава] Р[ыцарского] Дома[-ц]. Это будет внутренний вопрос сословия переработать свой Устав Дома. Составить проект нового Устава это ни neli additional[ч] – это отмена косвенная.

Сергеевский. Научно это верно. Но практически, ст. 1 Устава Р[ыцарского] Дома не отменена.

Фриш. Не оставить ли след в журнале?

Сергеевский. Ну, а в законах о духовенстве?

Мехелин. Там, впрочем, все экономические статьи, а не статьи о представительстве.

Сергеевский. Нет, кажется, есть.

Фриш. Занесем разъяснение в журнал.

Мехелин. Постановления о привилегиях духовенства отменены уже, теперь отменить самый Устав 1869 г. и все. Кроме того, в законе 97 г. тоже указано.

Гарин. Устав Р[ыцарского] Дома специальный. Тут может быть вопрос толкования.

Сергеевский. Да хоть какой-нибудь след оставить.

Фриш. Не будем останавливаться.

Фриш. Вернемся назад по замечанию генерал-губернатора. По §§ 17 и 18: мы согласны. А вы?

Мехелин. Нет.

Фриш. Мне кажется, что можно бы и согласиться.

Лангоф. Это фиктивное уменьшение.

[ц-ц] *Вписано поверх строки в машинопись.*

[ч] *Вписано в машинопись. Четыре дополнительных [статьи].*

Фриш. Нет, это решительное, но вынужденное – **распускать**. А это ограничение, и я придаю ему большое значение: это большие пертурбации в жизни, роспуск. Когда можно было бы просто закрыть пораньше!

Мехелин. Наша мысль – регулярно действующее учреждение, а тогда это должен быть закон, а не усмотрение.

Фриш. Но мы не возражали против ежегодности, а тогда не есть ли это спор о... Нет, не согласны. Далее по редакции: Я, собственно, неясности не заметил.

Сергеевский. И я также.

Фриш. Не будем останавливаться. Далее о воинских чинах. Он говорит о финляндских уроженцах, служащих в России. Закл[ючения] Ми[нистерст]в.

Лангоф. Я говорил «не находит нужным» – было в действующем Уставе.

Фриш. Мало ли что было в 1869 г. Но ведь теперь новая речь о Думе.

Это не наше дело: закон 91 г. относится к вам. Мы рассматривать не будем.

По § 19: будет изменение соответственно нашим предположениям.

§ 26: вместе с Сергеевским.

§ 28: **Мехелин** предлагает новую редакцию: принимают с изменениями.

Фриш. Вопрос об очередном.

Мехелин. Читал ответ по этому поводу (смысл: и чрезвычайный должен иметь право).

Сергеевский. За генерал-губернатора.

Лангоф. Это было в действующем Уставе.

Фриш. Итак?

Сергеевский и **Гарин** за генерал-губернатора. Р А З Н О Г Л А С И Е.

Фриш. Об адресах. Не согласиться ли нам с генерал-губернатором?

Мехелин. Читает объяснения Сената.

Фриш. Туманно: в законе так нельзя говорить.

Сергеевский. Можно согласиться с генерал-губернатором, но с оговоркой «с выражением благопожеланий». Но ведь и это неудобно.

Фриш. Сомнение: ведь адреса идут в Комиссию. Все же это некоторая гарантия.

Поэтому предлагает: буде... в форме адреса, то... (выражать в форме адреса благопожелания).

Главное сомнение: исключим. А адресы все-таки будут подаваться... И лучше все-таки, если в комиссию. Надо об этом подумать. Не надо ли так: «испросить предварительно ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения».

Мехелин. Это весьма важная причина, которая заставила нас установить это правило. В тайне адреса создать нельзя – всегда будут знать о нем заранее. А предварительное ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение – невозможно в законе.

Фриш. Нельзя ли так: «Проекты адресов, представляемых Сеймом ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ при наличности особых обстоятельств или особых событий, должны быть рассматриваемы в Комиссии в порядке для петиций установленном». Тогда разногласия не будет. (И генерал-губернатор по боку).

§ 29 – Nihil novi*.

Заседание 6. (7 апреля)

Фриш. Возвратимся к старому. § 77 – мнение генерал-губернатора о петициях.

Мехелин. Так никогда не было.

Фриш. Но это замечание генерал-губернатора.

Мехелин. § 77 соответствует прежнему правилу (79).

Фриш. Принимаем или нет?

Мехелин. Это к делу нашему не относится.

---

* *ничего нового (лат.).*

Фриш. Петиции представляются ГОСУДАРЮ. Надо, чтобы все депутаты знали о содержании.

Сергеевский. Мотивов у генерал-губернатора нет? Какого рода поводы? а вот, когда петиция, поданная ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, была подписана тальманами, а депутаты заявили.

Мехелин. Такого случая не было.

Фриш. Не будем останавливаться долго.

Лангоф. 79-й никогда не вызывал недоразумений.

Фриш. Наше возражение могло бы быть: да или нет в старом. А по существу?

Мехелин. Я был на всех Сеймах и не знаю ничего подобного.

Фриш. Доведем о замечании генерал-губернатора до сведения. Рассмотрели и удостоверились, что не было, но ввиду замечаний генерал-губернатора доведем до сведения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Мехелин. Я на это не согласен, я против изменения.

Гриненберг. Практичнее не подписывать, петиций много.

Мехелин. Бывало до 200 петиций, а они были полезны для управления. Всегда предложения рассматривались первыми. Никогда не оставляются на конец.

Фриш. Это существенное возражение. Скажем генерал-губернатора возражения, они основательны до известной степени, им ближе знать положение дел, а потому финляндские члены – против, а мы – **на возражение генерал-губернатора**.

Так решают.

Фриш. «Сеймовое решение»: тут все, и петиции, и замечания. Скажем: «свод Сеймовых определений».

Далее ст. 31: применяется ли к заключениям порядок отсрочек? На чрезвычайном Сейме: не отлагаются, то есть отсрочки не допускаются. А к заключению?

Гриненберг. На очередном Сейме то же, что и на чрезвычайном: заключение не могут быть отлагаемы. § 57 – только к предложениям. § 62 – ко всем остальным делам, следовательно, и к заключениям.

Фриш (Сергеевскому). Это Вас удовлетворяет?

Сергеевский. Это не совсем ясно. А между тем дело важное: вдруг не дадут заключения, как быть? § 62, по-моему, не относится: там говорится о решениях.

Гриненберг. Надо изменить: «определенный».

Фриш. Примем. А если Сейм не дает заключения – делать нечего. Ведь это по делам, которые решает Сам ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР.

Мехелин. Общее правило: все дела на том самом Сейме, кроме тех, по которым допущена отсрочка.

Фриш. Оставим след об этом в журнале, если это у нас неясно. Скажем: оставим в журнале хорошей след, что совершенно согласились с такими объяснениями.

———

Фриш. Вопрос по § 61: об отказе в ассигновках.

Мехелин. По нашему мнению, достаточно статьи 46 Формы правления. Если сейчас не постановить определенного решения – продолжаются ассигновки. А если откажет, то...

Фриш. Вот именно такой случай: отказываешь, говоришь: есть. Тогда делать нечего. Ну, а если просто отказать?

Мехелин. Тогда 46 Формы правления.

Фриш. Поступим также? отметим в журнале?

Лангоф. Читает 46 статью: «то следует оставаться при старой».

Сергеевский. Этого мало. Надо оговорить: что все прежние налоги продолжаются. А этого в 46 статье не видно: это только в случае роспуска Сейма.

Мехелин. Нет, а закрытие Сейма. Это старое выражение.

Сергеевский. На этом я настаивать не буду: это формула конституционная. Оставим след.

Фриш. Скажем: выслушав, убедились, что в Сеймовый Устав не следует вводить. И если возбуждаются еще сомнения, то это предмет Особого закона. Хотя у нас это правило выражено прямо.

Гарин. Я полагал, что в Сеймовом Уставе не место. Но в журнале выразим.

Мехелин. Новый закон не отдаляется от старого: не все вопросы финансовые должны быть разрешаемы в Уставе.

Фриш. Но мы это и говорим. Отметим в журнале.

Фриш. Далее: о § 57. Вопрос этот совершенно ясен. Читает предположение Мехелина. Примем?

Все согласны.

Фриш. Итак, остаются вопросы финансовые. Перейдем к ст. 26.

Насколько удобно слово «ассигновки»? Может быть «ассигнование»?

Мехелин. Конечно.

Фриш. Читает проект Сергеевского.

Сергеевский. Две части записки финляндских членов: общие соображения и проект. Там отчетливые мысли. Мы и стремимся к таким мыслям. Но недоразумения наши вызваны совершенно отдельными друг от друга мыслями. Это движение есть с 70-х годов. (Берендтс). Кроме того, сенаторы не имели в виду

(пропуск целая страница)

сделать это. А в Комиссии выработали этот текст (с вариациями у Сената) именно с этой целью. Мысль Комитета: статное ведомство должно быть передано Сейму. Разделение голосов. Решено было редактировать условно. По § 43 сказано: должен быть приурочен к объединению казны. Вот этот характер слияния и выражен в ст. 26. Поэтому то я и был внимателен к этим §§. Но я не буду упираться на своем тексте. Вот было мое предложение по 26: читает. Но, в сущности, можно было бы и исключить вовсе. Но вот почему оставим, отдельно желали говорить о финансовых вопросах, ну, предмет изложения. Я согласен на него, но надо изменить. У меня остается:

1) предложение и 2) расчет. Финляндские члены излагают: не понимаю – зачем? Ведь это то же самое! а тогда к чему менять?

Фриш. Ваши слова взяты из § 43, буквально.

Сергеевский. Да! а вы их заменяете, зачем?

Мехелин. Сенат не принял проекта Комиссии и редактировал заново: не изменять существующего порядка. Перехожу к проекту Сергеевского, он обратен своей цели! и мы также против этой мысли.

Сергеевский. Я и думал бы поэтому: исключить. А в слиянии сомневаюсь.

Гриппенберг. Рассмотрению Сейма подлежат также средства на такие-то потребности.

Сергеевский. А я заимствовал из 43 статьи.

Фриш. Итак: в предложении должно быть сказано, каким способом ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР предполагает удовлетворить. Я предложил бы: «...на те потребности, которые...» Остановимся на этом. А конец?

Сергеевский. «Для сведения», то есть не для решения.

Фриш. Да, для рассмотрения.

Сергеевский. А они исключили.

Мехелин. Сейм должен сперва рассмотреть расчет о средствах. Но это и не значит «решить». Это скорее – рассмотрение, а не для сведения.

Сергеевский. Нет, это и есть для сведения. Лояльный Сенат в этом случае: отказ в средствах или петиция. Все это и возможно при «сведении».

Мехелин. Слово «расчет» по существу противоречит слову для «сведения». Это невозможно!

Сергеевский. Надо устранить все поводы к недоразумениям.

Фриш. Я думаю, они будут рассматривать только в одном отношении: верен ли расчет. А тогда надо бы изложить эту мысль подробнее.

Мехелин. Не следует вдаваться в такие подробности. Если статных доходов недостаточно, в бюджетной Комиссии делают расчет.

Фриш. Не сказать ли: **для уяснения сего прилагается расчет**.

Мехелин. Мы написали свой проект в видах достижения единогласия. Но изъятий мы не хотели бы.

Лапгоф. Ну, а по нашей редакции разве можно думать, что земским чинам дано право распоряжаться всеми средствами.

Фриш. Что должен делать Сейм с расчетом. Рассмотреть: действительно ли нужны средства. Ну а это и есть то, что вы говорите.

Мехелин. Согласен.

Фриш. Итак, единогласно принят с тремя изменениями (2, 3 и 4 абзацы).

Мехелин. по 27: сравнивает с измененным текстом. Мы согласны на восстановление старого текста.

Фриш. «Сообщено». Принято.

§ 43 – отложен.

§ 61. **Сергеевский.** § этот говорит о временных и постоянных налогах. Предполагают их сохранить. Основание (см.). Это объяснение сюда не относится: постоянные налоги Сеймовому законодательству не подлежат.

Мехелин. Нет, подлежат.

Фриш. Это надо выяснить. Ведь можно думать, что все постоянные налоги подлежат Сейму.

Сергеевский. приводит Берендтса. 77 год, 85 г. – таможенный тариф.

Фриш. Итак, о каких постоянных налогах говорится здесь?

Мехелин. Между налогами временными и постоянными только та разница, что временные – на срок, постоянные – бессрочно. 1863 г.: проект преобразования подушной подати. А это постоянный. Постоянные налоги назначаются на неопределенный срок. Таможенный налог не подлежит ведению Сейма. И он – посредством петиций.

Фриш. Итак, только те налоги, которые входят в комиссию Сейма: срочные и бессрочные.

Сергеевский. Итак: две мысли: одного и того же слова.

Фриш. Итак, надо выяснить. Предлагает.

Мехелин. Это ненужно. Все понимают так!

Фриш. Я не предлагаю исключить, а добавить: подлежащие решению Сейма и только. Но почему вы считаете, что и без этого ясно?

Сергеевский. Я за Гарина: просто исключить; и временные, и постоянные.

Фриш. Но отчего не сказать ясно, о чем идет речь?

Мехелин. Потому, что это лишние слова. В законе надо избегать лишних слов.

Сергеевский. Но ведь временные и постоянные – тоже лишние.

Лапгоф. Лишне прибавлять: и без того ясно. К недоразумениям не приведет.

Гарин. Нужно указать: какие, иначе недоразумения. Если неудобно для шведского текста, то...

Фриш. Но и в дальнейшем лишние слова. Я предлагаю невинную вещь: почему же вы спорите. Ведь по существу ясно: о тех налогах, которые установляет Сейм. Поэтому я и предлагаю: **«подлежащие решению Сейма»**.

Итак, разногласие по редакции?

Мехелин. Согласны.

Фриш. Скажем: для большей ясности (бессрочные Сеймовые), «государственных» – исключить.

РАЗНОГЛАСИЕ.

Фриш. Ясно и без этой добавки, что это заем, заключенный по решению Сейма.

Гарин. Государство одно, но две части: империя и Великое княжество.

Фриш. Я не имею ничего против «...займ Великого княжества».

Гарин. Нет, лучше исключить.

Мехелин. Финляндия была государством.

Сергеевский. Когда? Это вы так думаете?

Мехелин. Не суверенное, но государство.

§ 63. **Сергеевский.** Я добавил бы: из средств чрезвычайных налогов. Надо оговорить, чтобы не было недоразумений. «Решение» даст повод (петиции сюда не относятся). Нельзя, следовательно, говорить о всяких ассигнованиях. Я предложил бы: из средств, находящихся в распоряжении Сейма.

Мехелин. Бюджетная комиссия должна давать заключение о займах. Но если она без предварит...

Сергеевский. Замена постановлением недостаточна. Надо мою оговорку.

Мехелин. Разве мемуары, которые представлены, не должны быть принимаемы к окончательному решению. Вот наша мысль.

Фриш. Действительно, надо. Если Сейм, не выслушав Комиссию постановит о петиции.

Грипенберг. Я объясню. Идет речь об ассигнованиях. Они рассматриваются в хозяйственной Комиссии. Следовательно, первое решение Сейма состоится не по отзыву бюджетной Комиссии, а другой.

Следовательно, первое должно быть условное. А Комиссии бюджета – окончательное. Вот весь смысл статьи.

Сергеевский. Мое недоумение остается, иначе надо оговорить о тех делах. Ведь там не может быть «ассигнования», а только «предположение».

Фриш. Не постановим ли и то, и другое?

Сергеевский. Не установляется здесь прямо слияние, но дается возможность его.

Гарин. Надо и изложить так, как идет речь: два понятия, следовательно, надо и два определения.

Фриш. «Ассигнования» ведь не будет речи в том случае.

Мехелин. Старый § 36: и там не только об ассигнованиях, но и о петициях по Ординарным средствам.

Фриш. Надо выразить: и к случаю ассигнования, и к случаю петиции. Иначе не будет сказано ничего. **«Из средств, находящихся в распоряжении Сейма, или о петициях, касающихся статного ведомства»**. Но тогда «решение» может ли остаться? Надо «определение». П р и н я т о.

§ 80. **Сергеевский.** В старом Уставе было: читает. Картина была ясная. В проекте: из средств казны. Из какой части? Из той и другой. Опять слияние. Я и предполагал: из средств чрезвычайных налогов. Я получил контрпроект. Дело становится еще яснее: имеют в виду статное ведомство. Но тогда еще больше сомнений: § 43: расходы по Сейму определяются Сеймом. Вот теперь и ясно: Сейм распоряжается статным ведомством. Поэтому: как в старом Уставе «из средств, находящихся в распоряжении Сейма».

Мехелин. Ш мотив: ежегодный расход. И тогда они не суть экстраОрдинарные расходы. Бюджетная комиссия определит часть расходов по Сейму. До сих пор депутаты получали от своих избирателей, теперь от... (см. 14). Итак, расходы, определяемые бюджетной Комиссией, будут незначительны.

Фриш. Но о путевых издержках в § 14.

Грипенберг. Там о размере не говорится.

Мехелин. Средства эти средства наряда, откуда бы они ни шли.

Фриш. Я думаю, что ваше замечание, Н.Д., вызвано не изложением; неудобно говорить о чрезвычайных налогах; их может и не быть в данном году. Мне кажется, что раз есть § 14, то можно сказать: или из статных или из чрезвычайных. Но тогда 43 статья неверна: «решение» нельзя сказать.

Лапгоф. Конец § 43 говорит только о способе определения **размера** вознаграждения: **сколько** ему причитается.

Фриш. Естественно, что Сейм и делает подобные расчеты.

Мехелин. Это будет исключением, опасности для финансов нет.

Сергеевский. Сеймовый Устав не может делать исключений.

Гарин. Вопрос в принципе.

Фриш. Укажем, что бюджетная Комиссия обязана делать **расчет**, но не говорит, как это будет ассигновываться. На это существует общий порядок. Итак, скажем: «составление расчета».

Гримпберг. Неясность.

Фриш. Никакой неясности. Тогда § 80 оставим без изменений.

Мехелин. А кто постановит об этом?

Гарин. Тот, кто имеет право!

Мехелин. Будут затруднения: секретари. Беспорядочные суждения. Решают: «о размерах вознаграждения, назначаемого и т. д.».

§ 80 без изменений.

§ 43 отложим.

Фриш. А проект предложений?

Сергеевский. Есть одобрения, утверждения и т. д., которые не всегда удобны. Притом и для нас. Для Финляндии можно, а России не доросла! Даже и для Финляндии это неудобно: как еще пойдет у вас самих!

Заседание 7(14) апреля

Поправки к пропозиции приняты без прений.

§ 43. **Сергеевский.** Я по старому Уставу и проекту, у них новых.

Фриш. Одна фраза. (Читает: а равно прочие...) Что тут разумеется? 1) общее предложение, 2) отдельное предложение о чрезвычайных налогах, что же еще?

Мехелин. Читает § 36 старого Устава. Мы вкратце тоже самое.

Фриш. У Сергеевского правильнее: могут быть моции, а у вас этого нет...

Мехелин. У нас это есть: конец 2 абзаца.

Фриш. Ни это, ни того.

Мехелин. Моций или петиций о временных налогах никогда не было.

Сергеевский опровергает.

Гримпберг.

1) предложение общее – сводное, 2) отдельные предложения по налогам, 3) те частные предложения, которые есть в «сводном» предложении или других средств.

Сергеевский. Здесь идет речь только о пропозициях и моциях. А у вас это исчезает – неясность.

Фриш. Но моций о чрезвычайных налогах у вас нет вовсе.

Мехелин. Есть и другие вопросы: о гарантии Сейма по кредитному обществу и т. д.

Мехелин. Предлагает: «проекты, касающиеся финансовых вопросов, подлежащих решению Сейма».

СОГЛАСНЫ.

Сергеевский. Другой вопрос: в том же заключении? Почему в том же? Выходит: по всем финансовым вопросам Комиссия должна представить одно заключение. Зачем? Неясно. Я не возражаю, но только недоумеваю. Это старый вопрос о будущем финансовом годе в одном замечании?

Мехелин. Да, это наша мысль.

Фриш. Но ведь возможно, что Комиссия даст несколько замечаний.

Мехелин. Да. У нас мысль: свод заключений.

Гримпберг. Да, это свод.

Фриш. А особая?

Гримпберг. Тоже может.

Сергеевский. Я понял: но у вас «замечание». Спорить, впрочем, не буду.

Фриш. Итак, принято.

§ 27. **Гримпберг.** «Статное ведомство».

§ 50. Мысль моя: равноправие для обоих языков: чтобы заставить
депутата нельзя было.

Сергеевский. «Или» альтернатива. А ваша мысль кумулятива.

Грипенберг. Что нас держит: обязательно переводить. Это очень деликатный вопрос.

Фриш. Но при вашем положении имеется опасность: могут постановить – говорить на одном.

Грипенберг. Неловко изменять.

Мехелин. Я это сознаю: есть опасность. Но у нас, я убежден, поймут так: один может говорить по-фински, другой – по-шведски. Принято е д и н о г л а с н о.

Сергеевский. Но потребовать перевода у вас можно.

Фриш. Не добавить ли «одинаково».

Мехелин. Лучше не изменять. Это вызовет сомнения и осложнения.

Фриш. Пусть. Но у вас может быть тогда конфликт.

Сергеевский. Затруднения будут и для нас: определять простым большинством, бороться будет нельзя. Скажут: такие-то.

Мехелин. По-фински, такие-то – по-шведски.

Фриш. Финны требуют равноправности, это понятно. Но надо выразить.

Мехелин. По нашей редакции и вопроса об этом не будет.

Фриш. «При обсуждении дел» – только. Да. Но мысль ваша выражена нехорошо.

Сергеевский. «Допускается употребление одинаково как финского, так и шведского языка».

Мехелин. Конечно, можно редактировать лучше. Но мы просили бы оставить.

Фриш. Нельзя ли выразить в журнале. Мы понимаем так-то: есть опасность, но нам дали удостоверение, что смысл этого такой, как мы говорим.

(**Гарин.** Сопоставить с § 72).

Фриш. Я защищаю меньшинство. Но если нам говорят, что они этого не опасаются.

Сергеевский. Но и ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР будет в положении тяжелом, отменить.

§ 61: «Государственные» займы. Примем «статные». Мы не встретили возражений к этому слову.

Переходный закон.

Сергеевский. То есть: трех лет не досидит вынужденный роспуск Сейма.

Грипенберг. Объясняет: 4 года.

Сергеевский. Может быть затяжка. Нужды нет повторять о 1907 годе: Сейм в действительности может собраться в 1908 году.

Гарин. 1 часть подлежит, по нашей мысли, исключению.

Мехелин. Да, но ведь там общее правило: 1 февраля. А в 1907 г. уже назначено.

Гарин и **Сергеевский.** И этого довольно.

Сергеевский. Не создавать затруднений, а сказать осторожно: Сейм не должен заседать дольше трех лет. С этой точки зрения 1909 г. оставлять опасно.

Мехелин. 3 года он и не будет заседать: например, 2 года и 2 месяца.

«Следовательно, выборы производятся в год третьего заседания очередного Сейма».

РГИА. Ф. 1276. Оп. 24. Д. 79. Л. 1–86. Машинопись, размноженная литографическим способом; Оп. 18. Д. 2. Л. 59–144. Машинопись, размноженная литографическим способом. Оп. 18. Д. 66. Л. 523 об. – 541 об. Типографский текст (в составе подборки).

№ 169. Обращение (телеграммой № 208934) Всенародного русского союза к Императору Николаю II с протестом против принятия нового Сеймового Устава Финляндии

15(28) марта 1906 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

Всемилостивейший Государь. Истинно русские люди, коим дорога добытая великими народными жертвами целость государства, глубоко смущены слухами о составляемых буд-

то бы в Финляндии законопроектах, главным же образом о поставленном на очередь проекте Финляндского Сеймового Устава, долженствующим быть представленным на утверждение Вашего Императорского Величества, имеющим конечной целью если не порвать, то во всяком случае ослабить узы, соединяющие Финляндию с русским государством. Верим несомнительно, что единство и целость России имеют в Тебе, Государь, непоколебимого охранителя, почитаем и нашим верноподданническим долгом выразить глубокое убеждение, что ослабление политического единства во вверенном Тебе Богом государстве может быть лишь источником беды непреуспеяния для дорогой нашей Родины.

ВСЕНАРОДНЫЙ РУССКИЙ СОЮЗ

Пометы: [Подана в *Москве*] [190]6 [г.] *8* [*ч.*] – [м. по п. д.] 15 марта / [Получена в] *Царском Селе* [190]6 [г. *9 ч.*] *18* [*м.* по п.] д.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 21. Л. 2–3. Телеграфный текст на ленте, наклеенной на бланк «ИМПЕРАТОРСКИЙ Телеграф [в Царскосельском]» с рукописными пометами об отправлении.

№ 170. Отношение № 1725 Финляндского генерал-губернатора Н.И. Герарда статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу с замечаниями на проект нового Сеймового Устава и закона о выборах

17(30) марта 1906 г.

Копия с отношения Финляндского генерал-губернатора к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского от 17/30 марта 1906 г. за № 1725.

Для доклада Государю Императору имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству составленный Императорским Финляндским Сенатом всеподданнейший проект Высочайшего предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе и о законе о выборах для Великого княжества Финляндского.

По поводу препровождаемого проекта долгом считаю высказать следующее.

Высочайшим Манифестом 22 октября (4-го ноября) 1905 года Его Императорскому Величеству благоугодно было предписать Императорскому Финляндскому Сенату составить проект нового Сеймового Устава в смысле современного преобразования организации финского народного представительства на началах всеобщего и равного права подачи голосов.

Во исполнение означенного Высочайшего предначертания Сенат составил прилагаемый проект, в общем соответствующий Высочайшей воле и удовлетворяющий желаниям и потребностям населения Финляндии.

В частности, однопалатная система находится в соответствии с демократическим строем финского народа, в котором высшие классы не пользуются какими-либо существенными привилегиями и в правом положении представителей отдельных классов населения не было и нет сколько-нибудь значительного различия.

Принцип всеобщего и равного права подачи голосов, предуказанный Высочайшим Манифестом 22 октября 1905 года, может быть применен без всяких опасений ввиду довольно высокого уровня общественного развития, благодаря целой сети школ, распространяющих образование во всех слоях населения.

Установив двадцатичетырехлетний возрастной ценз для активного и пассивного избирательного права, проект внес существенное изменение в ныне действующий закон, по которому (§ 14 Сеймового Устава 1869 г.) возраст для активного избирательного права определяется в 21 год, а для пассивного в 25 лет. По вопросу этому возникло разногласие в Сенате, причем поданы были голоса как за сохранение ныне действующего возрастного ценза, так и за определение такового для активного и пассивного избирательного права возрастом в 21 год.

В большей части конституционных государств достижение совершеннолетия дает активное и пассивное избирательное право. Но, считая нужным отметить вносимое проектом изменение, я не возражаю по существу вопроса, так как оно всецело касается внутреннего управления краем, с нуждами которого нынешний состав Императорского Сената вполне ознакомлен и принятое им решение основано на зрелом и всестороннем обсуждении настоящего вопроса.

Так же точно я не могу возражать и против распространения политического избирательного права на женщин. При разрешении этого вопроса Императорский Сенат принял в соображение общественное мнение, обнаружившееся в последнее время и существующие в крае условия, при которых финская женщина в общем достигла значительного уровня умственного развития и занимает довольно самостоятельное положение в обществе[425].

Пропорциональная система выборов, представляющаяся несколько сложною по проекту Сеймового Устава, без сомнения, в весьма непродолжительном времени получит легкое применение на практике при той точности и аккуратности, с какими функционируют местные общественные учреждения; сама же по себе она заслуживает полного одобрения, так как обеспечивает, по-видимому, интересы сравнительно небольших групп и партий, на которые делится население, давая им возможность иметь своих представителей в Сейме наряду с депутатами от более значительных групп. Наконец, для предупреждения необдуманных и скорых решений и перемене в законодательстве под влиянием случайных общественных направлений и течений введен порядок обязательного рассмотрения законопроектов в Особых Сеймовых комиссиях. Мысль, положенная в основу этих предположений, заслуживает полного одобрения.

Вполне полагаясь на полную компетентность нынешнего Императорского Сената в разрешении тех вопросов, которые касаются внутреннего управления краем и затрагивают интересы и желания местного населения, я нахожу нужным остановиться прежде всего на двух предметах:

1) о значении проектируемого закона для установления порядка рассмотрения законопроектов общих для империи и Великого княжества Финляндского и 2) о том, насколько проект этот затрагивает прерогативы Верховной власти.

По первому предмету долгом считаю высказать, что Императорский Финляндский Сенат, коему вверено главное внутреннее управление Финляндии (§ I Высочайшего постановления 13 сентября 1892 г.) мог составить и составил проект закона о законодательной деятельности представительного учреждения, компетенция которого ограничивается Великим княжеством Финляндией, не затрагивая вопросов, имеющих значение как для империи, так и для Великого княжества, и не предрешая вопроса о порядке издания законов сего рода. В этом отношении проект Сеймового Устава находится в полном согласии с Высочайшими Манифестом 20 февраля настоящего года, в коем установлено, что о порядке обсуждения законопроектов, общих для империи и Великого княжества Финляндского, Высочайшею Властью в свое время будут преподаны надлежащия указания.

По второму вопросу считаю необходимым заметить, что по ныне действующему Сеймовому Уставу земские чины собираются по призыву Государя Императора и Великого князя (§ 2 Сеймового Устава); по проекту же предполагается установить, что очередной Сейм будет собираться без особого созыва (§ 17 проекта). Хотя такое изменение, на мой взгляд, имеет весьма небольшое практическое значение, так как ежели предположенное время созыва Сейма окажется удобным для местного населения, то нет повода опасаться, что это время не будет избрано и Высочайшею Властью – тем не менее я не могу не заметить, что право созыва составляет исключительную прерогативу Верховной власти согласно 38 § Формы правления 1772 года, согласно же § 39 того же Основного закона все прерогативы Верховной власти должны быть строго охраняемы от всяких на них посягательств. Поэтому к изменению существующего порядка нет основания.

По § 5 действующего Сеймового Устава, продление или сокращение времени заседания земских чинов на урочном Сейме составляет прерогативу Государя Императора и Ве-

ликого князя, по § же 17 проекта продление или сокращение срока заседания Сеймa может последовать или по велению Государя Императора согласно ходатайству Сеймa или по постановлению Сеймa, последовавшему вследствие предложения Государя Императора. Таким образом, значение Верховной власти в этом вопросе проектируется уменьшить и соответственно усилить влияние Сеймa, что допущено быть не может.

Установляя, затем, в § 18 порядок роспуска очередного Сеймa, проект в конце того же § говорит, что новый Сейм, собранный после новых выборов, не может уже быть распущен ранее девяноста дней со дня начала Сеймa. Это является тоже ограничением прав Верховной власти, которое в исключительных случаях может представить практическое неудобство.

Переходя затем к более подробному рассмотрению отдельных положений проекта Сеймового Устава и закона о выборах, я считаю долгом указать, что редакция многих параграфов Сеймового Устава в русском переводе очень неудовлетворительна и нуждается в пересмотре, и в этом отношении проект закона о выборах изложен гораздо лучше.

Как на особенно неудачно редактированные считаю долгом указать: на последнюю часть § 3, п.п. 5 и 7 § 5, § 7, § 8, § 12, § 19, § 22, § 32 и последнюю часть § 72. По существу же содержания отдельных параграфов проекта Сеймового Устава признаю необходимым заметить следующее:

Из сопоставления §§ 5, 6 и 10 следует прийти к заключению, что воинские чины могут быть избираемы в Сеймовые депутаты. Это не согласуется с § 6 Положения о выборах в Государственную думу. А так как многие финляндские уроженцы состоят на действительной службе в армии и флоте, то положения Сеймового Устава следовало бы в этом отношении согласовать с положениями о выборах в Государственную думу, и во всяком случае вопрос этот требует предварительного заключения военного и морского министров.

Согласно § 19 проекта созвание чрезвычайного Сеймa и определение срока его закрытия зависит от Государя Императора и Великого князя. Затем в том же § определяется ранее какого дня не может быть назначен срок его открытая и далее какого срока Сейм не может продолжаться. Так как определения эти касаются Верховной власти, то их надлежало бы изложить не в столь резкой форме. Напротив, последнюю часть того же параграфа, касающуюся предметов ведомства чрезвычайного Сеймa, следовало бы изложить более категорически и выразить, что на чрезвычайном Сейме запрещается возбуждать другие вопросы, кроме переданных Сейму.

Пунктом вторым § 26 проекта устанавливается обязанность правительства вносить ежегодно на рассмотрение Сеймa бюджет, чего в ныне действующем Сеймовом Уставе нет, казалось бы необходимым объяснить, с какою целью сообщается Сейму бюджет, большая часть которого не подлежит обсуждению Сеймa. Также точно неясным представляется упоминание в той же статье об обзоре финансовых вопросов, передаваемых на обозрение Сеймa.

§ 28 проекта установляет право подачи петиций. Такое право, ввиду § 19 того же проекта, следовало бы предоставить лишь очередному Сейму. Упоминание же о том, как отнесется к этим петициям Верховная власть, представляется излишним.

Последний пункт § 28 проекта, касающийся права Сеймa подавать адресы на Высочайшее имя, следовало бы дополнить указаниями, каких предметов адресы эти могут касаться, как это выражено в объяснениях Сената, изложенных в представлении от 5 сего марта.

2-й пункт § 29 проекта отличается от соответствующего п. 1 § 81 ныне действующего Сеймового Устава тем, что ограничение права моций не касается законов о печати. Я считаю нужным лишь отметить это обстоятельство, не возражая против редакции означенного пункта § 29 проекта.

В § 32 проекта устанавливается право Сеймовых депутатов делать запросы по общественному делу членам Сената. Соответствующего права не принадлежит депутатам по ныне действующему Уставу. В означенном § проекта не определена, однако, роль Сеймa в этом вопросе, и кроме того представляется неясным, какое значение могут иметь разъяснения, даваемые отдельными членами Сената, которые являются лишь членами кол-

легального правительственного учреждения и потому не могут быть ответственными за действия правительства в том смысле как это установлено относительно министров конституционных государств.

2-й пункт § 48 проекта редактирован иначе, чем соответствующий 2-й пункт § 46 ныне действующего Устава, причем последняя редакция о недозволении оскорбительных, насмешливых или иначе непристойных выражений о правительстве или частных лицах представляется более полной сравнительно с вновь проектируемой, и потому, казалось бы, должна быть сохранена в прежнем виде.

По поводу § 75 проекта Сеймового Устава долгом считаю заметить, что решения Сейма по вопросам, возбужденным так называемыми моциями, постановляются без всякого заключения по ним правительственной власти. Было бы лучше в интересах дела, если бы вопросы эти после возбуждения их на Сейме и до обсуждения их в Сеймовой комиссии сообщались на предварительное заключение Сената, что гарантировало бы более разностороннее их освещение и давало бы Верховной власти основание относиться с большим доверием к постановленным решениям.

Из содержания § 77 проекта не видно подписываются ли петиции всеми Сеймовыми депутатами, хотя это, по моему мнению, необходимо и должно быть точно выражено в законе.

По § 79 проекта на министра статс-секретаря Финляндии и его товарища распространяется предоставленное § 51 вице-председателям и членам Сената право участвовать в заседаниях Сейма и высказывать свое мнение вне очереди. Положение это я признаю неправильным, так как министр статс-секретарь является лишь докладчиком по делам Финляндии при Особе Государя Императора и ему не вверена какая-либо отрасль внутреннего управления краем, вследствие чего он, таким образом, не может быть приравниваем к членам местного финляндского правительства.

Этим ограничиваются мои замечания по проекту Сеймового Устава. Проект же закона о выборах, по моему мнению, разработан с большею тщательностью и, относясь исключительно до предметов внутреннего управления краем, не вызывает с моей стороны никаких возражений.

Верно: Стромилов[a]

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 17. Л. 3–7. Машинопись на полулистах большого формата.

№ 171. Из циркуляра союза «Войма» о стратегических планах организации[426]

Март 1906 г.

Об общих стратегических планах можем только сказать, что русские войска разъединим и заставим сдаться частями. Телеграф захватим, а железные дороги в наших руках. Впредь до времени будем помогать русским братьям в их борьбе за перемену государственного строя, ибо чем более они ослабят нашего противника, тем легче будет наша освободительная борьба, и тем меньше жертв она потребует. В продолжение этого времени наши способные дипломаты постараются ослепить русское правительство, обманывая его. Стало быть будем неустанно подготовляться, пока не дадут знак о начале действий, которые мы мужественно исполним. После открытия навигации все шансы на нашей стороне, и тогда быть может увидим такие же геройские подвиги, как и в последнюю финляндскую кампанию, когда наши герои действовали, одушевленные патриотизмом. Да здравствует будущая финляндская республика.

Г. Гельсингфорсъ, марта 1906 г.

Эро Кальске.

Опубл.: Акты по «делу Войма» с пояснениями. Перевод. Гельсингфорс. Типография Императорского Сената. 1908. С. 2.

[a] *Вписано чернилами.*

№ 172. Проект правил «О порядке составления и рассмотрения законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского», подготовленный совещанием графа Д.М. Сольского. 1-я редакция

22 марта (4 апреля) 1906 г.

Проект о порядке составления и рассмотрения проектов законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского

1) Проекты законов, кои должны иметь применение как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском, составляются, с Высочайшего каждый раз соизволения, когда по течению дел управления представится необходимым издать новый закон или отменить, приостановить действие, изменить или дополнить закон действующий.

2) Высочайшее соизволение относительно составления проекта общего закона для империи и Великого княжества испрашивается председателем Совета министров по предварительном сношении с Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем Великого княжества.

3) По воспоследовании Высочайшего соизволения относительно составления проекта общего закона для империи и Великого княжества выработанный законопроект, по одобрении его Советом министров, передается в заключение Финляндского Сената, Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества. По получении их отзывов и рассмотрении таковых в Совете министров, предначертанный законопроект вносится подлежащим министром или Главноуправляющим отдельною частью в Государственную думу и получает дальнейшее движение в установленном порядке.

4) Законопроекты, кои в порядке внутреннего управления Великого княжества подлежат ведению Финляндского Сейма, предварительно внесения в Государственную думу, передаются в Сейм и рассматриваются в ближайшем очередном его собрании, если не последует Высочайшего повеления о созыве чрезвычайного Сейма. По рассмотрении Сеймом переданного ему законопроекта последний поступает в Думу. Если Дума, не отклоняя законопроекта, признает необходимым внести в него изменения, дело для нового его рассмотрения может быть по постановлению Думы, либо возвращено в Сейм, либо передано в Особую комиссию, образуемую из равного числа членов Сейма и Думы, по выбору Сейма и Думы, по принадлежности. В Комиссии председательствует один из ее членов по выбору самой Комиссии. Из Комиссии дело с ее заключением вносится в Думу и получает дальнейшее движение в установленном порядке.

5) Финляндскому Сейму предоставляется избирать для участия при обсуждении Государственною думою и Государственным советом рассмотренных Сеймом законопроектов: в Думе – двадцать, а в Совете – десять членов Сейма, коим присваиваются права и обязанности членов Думы и Совета.

6) Проект закона, для Великого княжества предначертанный, если он касается общегосударственных потребностей или находится в связи с законодательством империи, сообщается, в соответствующих частях, Финляндским генерал-губернатором министру статс-секретарю Великого княжества и им передается, с своим заключением, председателю Совета министров, которым испрашивается Высочайшее соизволение на внесение законопроекта подлежащим министром или Главноуправляющим отдельною частью в Государственную думу для дальнейшего затем движения в установленном порядке с применением правил, постановленных статьями 4 и 5.

П. Харитонов[а]

Пометы: на корректуре (Л. 124): сверху: Корректура 22 марта 1906 г. Не рассылалась. *Снизу*: Проект этот представлен был гр. Д.М. Сольскому и Э.В. Фришу, а также передан В.Ф. Дейтриху. *На корректуре (Л. 177)*: Корректура 21 марта 1906 г. Не рассылалась.

[а] *Только в рукописи.*

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 117–122 об. Рукопись черными чернилами на правой стороне листов большого формата с отметками Фриша. Автограф П. Харитонова. Л. 124–124 об. Корректура. Л. 177–177 об. Корректура.

№ 173. Представление главноуправляющего канцелярией Его Императорского Величества барона А.А. Будберга[427] председателю Комиссии графу Д.М. Сольскому о разграничении законодательства[428]

2(15) апреля 1906 г.

Милостивый государь,
граф Дмитрий Мартынович.

Обсудив и обдумав различные взгляды, высказанные в Совещании под председательством Вашего Сиятельства при обмене мыслей по вопросу об установлении порядка рассмотрения законопроектов общих для империи и Великого княжества Финляндского, позволяю себе представить Вам некоторые по сему предмету общие соображения.

Затруднения, связанные с этим вопросом, так велики потому, что вытекают из Особого положения, занимаемого Финляндиею в Российском государстве.

Если теория личной унии и не имеет реального основания, то едва ли более правилен взгляд, отрицающий, что Финляндской окраине Императором Александром I создано было совершенно особое положение, подтверждавшееся Его Державными Преемниками при Их Воцарении. Существо особого положения Финляндии всего нагляднее было выражено графом Сперанским словами: «Финляндия есть государство, а не губерния». Самое определение созданного для Финляндии порядка мы имеем из уст Императора Александра Павловича в беседе с графом Армфельдом[429] в 1811 году: «Клянусь Вам, – сказал Государь, – что эти порядки нравятся мне гораздо более, чем пользование свободною волею, основанной лишь на моей личной воле и предполагающей в Монархе такую степень совершенства, которая, увы, не свойственна человечеству. Здесь (т. е. в Финляндии) я могу ошибиться только в таком случае, если бы я этого пожелал, так как все сведения предоставляются в мое распоряжение, там (т. е. в России) я окружен одними сомнениями и почти всегда привычками, заменившими собою законы, ...я имею в виду присоединить в скором времени старую Финляндию к остальной ее части и даровать ей ту же конституцию и те же формы свободы». (Император Александр I. Его жизнь и царствование. Н.К. Шильдер. Т. III).

Не взирая, однако, на такое коренное различие между образом правления в империи и в Великом княжестве, сознававшееся, надо полагать, и Державными Преемниками Императора Александра I, таковое не вызывало существенных затруднений как в вопросах законодательства, так и в делах административных и не признавалось умалением достоинства Российского Самодержавного Государя и самой России.

Лишь с того времени, когда правительство в своем стремлении к внутренней ассимиляции окраин коснулось таких сторон общественной жизни Финляндии, которые признавались доселе неприкосновенными, могли возникнуть те вопросы, которым в настоящее время правительство обязано обострением отношений между Российским государством и этой его составной частью.

Имев счастье в недалеком еще прошлом, а именно 1885 году, сопровождать Императора Александра III в Высочайшее путешествие в Вильманстранд и Гельсингфорс, я могу засвидетельствовать, что если русские люди и не могли чувствовать себя в Финляндии как дома, лояльность финляндцев, сказавшаяся в самом восторженном приеме Царственной Четы, не могла подлежать никакому сомнению.

Разумно ли будет теперь, когда главнейшее затруднение, – коренное различие в образе правления, в значительной мере исчезло, не воспользоваться этим крайне благоприятным обстоятельством, чтобы безотлагательно вернуться к взаимным отношениям прошлого, и не будет ли ошибкою всякая медлительность в этом вопросе?

Едва ли возможно согласиться с соображениями г. председателя Совета министров, указавшего на то, что нельзя связывать судьбу финляндского законодательства с нашим новым законодательным аппаратом. Мы не можем не исходить из того предположения, что аппарат этот способен работать, и за неимением другого мы вправе требовать признания его законности и Финляндией. Ждать, пока этот вопрос выяснится, значило бы, как было замечено, приостановить на неопределенное время возможность издания в России законов, касающихся и Финляндии. К тому же неразрешение вопроса об общем для империи и Финляндии законодательстве до созыва Государственной думы немилуемо предоставит ей голос в этом деле и заставило бы опасаться применения при его разрешении отвлеченных теорий минуты, ничего общего с государственным правом и пользою не имеющих.

Между тем, имея ныне возможность основывать взаимные отношения империи и Финляндии на однородных началах государственного строя, казалось бы менее затруднительно установить порядок, который, сохраняя Финляндии внутреннюю самобытность, обеспечит единство законодательных мер во всех вопросах, общих для обеих сторон.

Если невозможно определить заранее признаки законов, общих для империи и для Финляндии, то позволительно усомниться в самой необходимости такого определения. Законы «общие» для России и Великого княжества не однородны по существу. Их следует, мне кажется, подразделить на три группы:

1. Законы, издаваемые в Финляндии, которые в той или иной мере затрагивают интересы России или русских подданных в пределах Финляндии.

2. Законы, издаваемые в России, распространение которых на Финляндию признается нужным Русским правительством и законодательными учреждениями.

3. Законы, издаваемые в России, имеющие в виду ее отношения к Финляндии.

1) Охрана интересов России в отношении первой группы вполне обеспечена тем, что закон в Финляндии не может воспринять силы без Монаршего соизволения Российского Государя.

2) Вопрос о второй группе, казалось бы, предрешен Манифестом 6 августа 1905 года, возвестившим об участии выборных от Великого княжества Финляндского в трудах Государственной думы. Поэтому в настоящее время надлежало бы безотлагательно, соответственно принятому в империи, установить порядок участия финляндских выборных в Государственной думе, а также в Государственном совете нового образования, возникшем после обнародования Манифеста 6 августа.

Нежелание Финляндии воспользоваться даруемым ей правом, на возможность которого указывалось не раз, не должно служить препятствием к установлению в законе этого права, как не препятствует производству выборов неиспользование избирателями предоставленного им права.

Вопрос о распространении на Финляндию данного закона должен быть в представлении в Думу и в Совет оговорен особо и составлять предмет особого обсуждения в этих законодательных учреждениях.

Наконец третья группа законов, издаваемых в России и имеющих в виду ее отношения к Финляндии, представляющая, конечно, наибольшие затруднения, требует со стороны России великодушного отношения более сильного к слабому, т. е. предоставления Финляндии всех способов представления своих доводов против или в изменение законодательных предположений, возникших в России по отношению к Финляндии.

Рассмотрение таких законопроектов Финляндский Сеймом и применение в дальнейшем ходе законодательных работ согласительных Комиссий, системы нескольких чтений и определенных сроков между таковыми, а также права всеподданнейших петиций Сейма могло бы значительно смягчить для Финляндии тот неоспоримый факт, что ей в конечном итоге придется подчиниться закону, основанному на признанной окончательно общегосударственной пользе.

Вообще я решаюсь высказать, что в вопросе об отношениях России и Финляндии желательно раз навсегда встать исключительно на почву государственной пользы, не заботясь о соображениях политического характера, а тем менее об ограждении достоинства России,

не могущего быть этим затронутым. Чрезмерные притязания Финляндских доктринеров не могут казаться обидными для России; доказывать Финляндии свое превосходство и силу России нет надобности, а между тем вопросы в роде Финляндского, возникающие на политической почве в настоящее трудно переживаемое нами время, способны отвлечь часть сил, необходимых Родине для восстановления внутреннего мира, а географическое положение Финляндии заставляет желать скорейшего установления порядка, исключающего опасение недоразумений в ближайшем будущем.

Точность и определенность не только в жизни частной, но и в государственной, составляют лучший залог взаимных отношений, свободных от недоразумений и потрясений. Поэтому твердое и справедливое с государственной точки зрения решение вопроса о взаимных отношениях Российского государства и его части я признаю совершенно неотложным и думаю, что Финляндия подчинится тому решению, которое будет основано не на политике, а на государственном разуме.

По всем изложенным соображениям я полагал бы, что законы первой группы в особой законодательной нормировке не нуждаются.

Что законопроекты второй группы подлежат расследованию лишь в законодательных учреждениях империи, при участии выборных представителей от Финляндии, избираемых на основаниях, подлежащих установлению ныне же. Финляндские представители участвуют в Русских законодательных учреждениях по всем делам, а не исключительно по делам финляндским.

Законы третьей группы подлежали бы предварительному обсуждению Сейма и поступали бы за сим в государственную Думу и Совет при намеченных мною условиях, обеспечивающих всестороннюю их оценку с точки зрения интересов Финляндии.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вашему Сиятельству отменное мое почтение и глубокую преданность.

2-го апреля 1906 года
Барон Будберг

Пометы: на 1 странице снизу карандашом: 602. (СПб форм).

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 186–192. Рукопись черными чернилами на ½ листа, сложенного вдвое. Л. 193–195, 205–207. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:VII].

№ 174. Проект правил о порядке составления и рассмотрения законов общих для империи и Великого княжества Финляндского, а также об учреждении Комитета по финляндским делам[430]

[5 апреля 1906 г.]
Проект

I

В отношении порядка составления и рассмотрения проектов законов общих для империи и Великого княжества Финляндского постановить следующие правила:

1) Проекты общих для империи и Великого княжества Финляндского законов, кои должны иметь применение как в империи, так и в Великом княжестве, составляются, с Высочайшего каждый раз соизволения, когда по течению дел управления Советом министров признано будет необходимым издать новый закон или отменить, приостановить действие, изменить или дополнить закон действующий.

2) Предварительно испрошения Высочайшего соизволения на составление проекта закона общего для империи и Великого княжества, подлежащий министр или Главноуправ-

ляющий отдельною частью входить в сношения по сему предмету с Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем Великого княжества и, по получении их отзывов, вносит в Комитет по финляндским делам предположения об издании упомянутого закона.

3) По воспоследовании Высочайшего соизволения на составление проекта общего закона для империи и Великого княжества, выработанный в подлежащем министерстве или Главном управлении законопроект, по одобрении главных его оснований Советом министров, передается на заключение Финляндского Сената, Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества. По получении их отзывов, дело вносится подлежащим министром или Главноуправляющим отдельною частью в Комитет по финляндским делам.

4) Предначертанный Комитетом по финляндским делам законопроект, с Высочайшего соизволения, передается подлежащему министру или

5) Главноуправляющему отдельною частью для внесения в Государственную думу установленным порядком.

6) Законопроекты, кои в порядке внутреннего управления Великого княжества подлежат ведению Финляндского Сейма, предварительно передачи подлежащему министру или Главноуправляющему отдельною частью для внесения в Государственную думу, предлагаются Сейму и рассматриваются им в ближайшем очередном его собрании, если не последует Высочайшего повеления о созыве чрезвычайного Сейма. По рассмотрении Сеймом переданного ему законопроекта, постановление по оному Сейма сообщается министром статс-секретарем Великого княжества подлежащему министру или Главноуправляющему отдельною частью для внесения в Думу.

7) Если Государственная дума или Государственный совет, не отклоняя законопроекта, признают необходимым внести в него изменения, дело для нового его рассмотрения может быть, по постановлению Думы или Совета, либо возвращено в Сейм, либо передано в Особую комиссию, образуемую из равного числа членов Сейма и Думы или Совета по выбору Сейма и Думы или Совета, по принадлежности. В комиссии председательствует один из ее членов по выбору самой Комиссии. Из Комиссии дело, с ее заключением, вносится в Думу и получает дальнейшее движение в установленном порядке.

8) Финляндскому Сейму предоставляется избирать в Государственную думу двадцать, а в Государственный совет десять членов Сейма (мужского пола), коим присваиваются права и обязанности членов Думы и Совета.

9) Проект закона, предначертанный для Великого княжества, если он касается общегосударственных потребностей или находится в связи с законодательством империи, сообщается, в полном объеме или в соответствующих частях, Финляндским генерал-губернатором министру статс-секретарю Великого княжества и им передается, с своим заключением, председателю Совета министров. По получении его отзыва, министр статс-секретарь Великого княжества вносит дело в Комитет по финляндским делам.

В случае признания Комитетом по финляндским делам, что предначертанный для Великого княжества законопроект, в полном объеме или в соответствующих частях, касается общегосударственных потребностей или находится в связи с законодательством империи, дело получает дальнейшее направление в порядке, указанном статьями 4–7.

II

Взамен статей 4–7 отдела I

4) Предначертанный Комитетом по финляндским делам законопроект, с Высочайшего соизволения, передается подлежащему министру или Главноуправляющему отдельною частью для внесения в Государственную думу установленным порядком, и, вместе с тем, предлагается Финляндскому Сейму.

5) Если в отношении указанного в предшедшей (4) статье законопроекта решения, принятые Государственною думою и Государственным советом, с одной стороны, и Финлянд-

ским Сеймом – с другой, не согласуются между собою, то законопроект передается в собрания уполномоченных от Думы и Совета и от Сейма, избираемых из своей среды Думою в числе 40, Советом – 20 и Сеймом – 60 (мужского пола) уполномоченных.

6) Уполномоченные от Государственной думы и Государственного совета и уполномоченные от Финляндского Сейма собираются в С.-Петербурге и заседают отдельно. Каждое собрание принимает свои решения на основании голосования и по абсолютному большинству голосов наличных уполномоченных.

7) Если после троекратного письменного обмена мнений оба собрания не придут к соглашению, то каждое собрание имеет право предложить другому собранию решить дело посредством общего голосования. С этою целью созывается соединенное заседание обоих собраний, но лишь для того, чтобы подвергнуть законопроект голосованию без прений. Решение принимается по абсолютному большинству голосов наличных уполномоченных. Если бы в одном собрании уполномоченных оказалось более, чем в другом, то число уполномоченных одного собрания, превышающее число уполномоченных другого, выбывает по жребию, дабы в обоих собраниях оставалось равное число уполномоченных.

Решение, принятое большинством уполномоченных в соединенном их собрании, представляется Императорскому Величеству. Если составится равное число голосов уполномоченных, то дело решается Императорским Величеством.

Если не последует соглашения между собраниями уполномоченных относительно размера кредита, подлежащего отнесению на средства империи и Великого княжества Финляндского, то размер такого кредита для империи и Великого княжества определяется Императорским Величеством на срок не более трех лет.

III

Учредить Комитет по финляндским делам на следующих основаниях:

1) Комитет образуется под председательством лица по непосредственному Высочайшему избранию: а) из трех сенаторов, Высочайше назначенных из числа присутствующих в департаментах Правительствующего Сената: одного – в первом или втором, другого – в гражданском кассационном и третьего – в уголовном кассационном, по представлении каждого из сих департаментов, по принадлежности, и б) из трех сенаторов Императорского Финляндского Сената, Высочайше назначенных, по представлению Сената.

2) Председатель Совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями, а также министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского, его товарищ и Финляндский генерал-губернатор состоят членами Комитета по своим званиям.

3) Министры и главноуправляющие отдельными частями могут заменить себя своими товарищами.

4) В заседаниях Комитета могут принимать участие с правом голоса министры и главноуправляющие отдельными частями в числе не более двух.

5) В Комитете соображаются и вырабатываются как проекты законов общих для империи и Великого княжества, так равно, в полном объеме или соответствующих частях, предначертанные для Великого княжества проекты законов, кои касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи.

6) Ведению Комитета подлежат дела административные, кои хотя и не требуют изменения действующих узаконений, но по тесным связям Великого княжества Финляндского с прочими частями империи, имея близкое отношение к обоим управлениям, требуют как с той, так и с другой стороны совместных однообразных действий и распоряжений. Дела этого рода вносятся в Комитет Финляндским генерал-губернатором или министром статс-секретарем Великого княжества, или же министром либо главноуправляющим отдельною частью, по предварительном обсуждении предположений сих последних в Совете министров.

7) Положения Комитета, равно как последовавшие в оном разные мнения, представляются на Высочайшее утверждение и разрешение.

8) Для производства дел по Комитету состоит при нем Канцелярия, управляемая директором, труды коего разделяет вице-директор. Канцелярия состоит из старших и младших делопроизводителей и прочих чинов по штату.

9) Расходы по содержанию Канцелярии Комитета относятся, в определенных частях, на средства империи и Великого княжества.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 197–199. Типографский текст. Л. 202–204. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:VII].

№ 175. Из протокола заседания Совещания под личным Его Императорского Величества председательством по пересмотру Основных государственных законов о статусе Финляндии в составе империи

7(20) апреля 1906 г.

[...] Перейдем ко 2 статье*[1]. Она мне больше нравится в первоначальной редакции; в этой редакции она представляется более крепкою. Там помещены слова, что Финляндия находится в Державном обладании Российской империи.

Граф С.Ю. Витте. Эти слова не имеют никакого реального значения, а между тем они могут вызвать большие осложнения с Финляндией.

А.А. Бирилёв[431]. Нельзя не придавать особого значения этим словам.

Желательно сохранить упоминание об обладании Финляндией. Говорят, что выражение это может вызвать неприятности, но лучше пойти на них один раз, чем поколебать навсегда положение Финляндии в отношении России, в Державном обладании коей она находится со времени ее покорения. Все уступки ни к чему не приводили; в этом отношении сделали многое, даже устранили русский язык. Но ни до чего доброго этим путем не дошли.

Его Императорское Величество. Надо подтвердить существующее положение. Это имеет первостепенную важность в моих глазах.

Князь А.Д. Оболенский. По действующему закону престолы Финляндии и России неразрывно связаны. Из проектируемой же редакции вытекает противоположное. Было до сих пор объединение престолов, а теперь, когда связь с Россией ослабела, хотят ей присвоить обладание Финляндией. Это значит создавать рядом с Петербургом революционный очаг и П.Н. Герард говорит, что такое правило вызовет революцию.

Э.В. Фрин. О престолах упоминается в статье 4 действующих Основных законов.

А.С. Стишинский. Упоминание о Державном обладании драгоценно и вызовет горячее сочувствие в России.

Граф С.Ю. Витте. Дума с Финляндией соприкосновения иметь не будет, даже финский пролетариат соприкосновения не имеет с русским пролетариатом. Но если Дума будет революционная, то Финляндия примкнет к Думе. Этим путем мы создадим весьма сложные отношения, создадим коалицию Сейма в Гельсингфорсе с Думою в Петербурге.

М.Г. Акимов[432]. В Фридрихсгамском договоре значатся слова

«Державное обладание», но это не вошло в закон и теперь достаточно сказать, что Финляндия составляет нераздельную часть суверенитета. Этим определятся взаимные отноше-

---

*[1] Ст. 2 по проекту, внесенному в Совет министров: Великое княжество Финляндское, состоя в державном обладании Российской империи и составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется на особых основаниях.

Ст. 2 по проекту Совета министров:

Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства. (*Прим. док.*)

ния. Но при этом надо установить, что законодательное учреждение России будет издавать законы, общие для России и Финляндии. Цель будет таким образом достигнута. Раздражения же вообще вызывать не следует.

А.А. Сабуров. В 1 статье сказано: Российская империя едина и нераздельна; значит Финляндия входит в ее состав.

Его Императорское Высочество Великий князь Владимир Александрович . Надо оставить статью 4 Основных законов в том виде, как она существует.

Граф К.И. Пален. Статья 4 издана в 1832 году; в ней говорится и о престоле Царства Польского.

Граф Д.М. Сольский. Статья 4 выражает неверную мысль. Финляндия никогда престола не имела.

Э.В. Фриш. Сепаратистические тенденции имеют основание в действующем законе, так как статья 4 говорит как бы о личной унии. Оставлять упоминание о Царстве Польском не было бы надобности, ибо при обряде коронования ИМПЕРАТОР коронуется и Царем Польским. Кроме того, статья 4 содержит в себе неверное изложение Манифестов. По смыслу ее, престолы соединены; в коронационных же Манифестах говорилось различно. ИМПЕРАТОР Александр III признал необходимым изменить 4 статью, но Государственный совет затруднился относительно способов приведения этого изменения в исполнение. Засим в Манифестах Вашего императорского Величества о вступлении на Престол и Короновании изложено иначе, чем в Манифесте покойного ГОСУДАРЯ, так что 4 статья оказывается несогласованною с позднейшими Манифестами.

Барон Ю.А. Икскуль[433]**.** Статья 4 основана на Манифесте 1808 года.

Его Императорское Высочество Великий князь Николай Николаевич. Финляндия – это вулкан. Ожидать обострений надо без сомнения. От всякой редакционной поправки, если она может внести обострение, лучше отказаться.

Князь А.Д. Оболенский. Надо изменять только то, что по необходимости надо менять, а о том, что из новых законодательных актов прямо не вытекает, нет надобности упоминать.

Граф С.Ю. Витте. Если мы переживем невзгоды и в Думе не будет изменников, тогда финляндский вопрос неопасен. А если Дума будет крестьянская, безыдейная и поведут ее на поводу революционеры и так называемая интеллигенция, то это будет дом сумасшедших. Зачем же Государь Император возьмет на себя разрешение финляндского вопроса? Пусть Дума лучше возьмет его на себя. Если она будет национальная, то она пойдет дальше, чем шли ГОСУДАРИ; она всякий вопрос проведет. Правительству же нет надобности возбуждать против себя финляндцев и соединять их с Думой.

Барон А.А. Будберг. Опасения одинаковы и в случае принятия редакции Совета министров. Самое лучшее взять первую часть из первоначального проекта, а конец – в редакции Совета министров.

Граф С.Ю. Витте. Это будет противоречие.

М.Г. Акимов. Старый закон 1899 года приостановлен, вследствие чего наступил застой в законодательной деятельности. Надо же знать, кто будет издавать общие законы для России и Финляндии. Скажут, это неизвестно, ибо есть только личная уния. Надо однако закрепить права России – это и дает проект Совета министров. Без этого закрепления русским нельзя существовать в Финляндии; они не могут там жить.

Д.А. Философов[434]**.** Финляндия принадлежит к государству Российскому, но не входит в состав империи. Державное обладание Российской империи – это уже другое. Это уже будет начальствование России и будет особенно неприятно финляндцам.

Граф Д.М. Сольский. Теперь ненормальное время; если сказать Державное обладание империи, то это может вызвать неудовольствие.

Барон Ю.А. Икскуль. А если сказать, что особое законодательство, то это уже отделение.

Э.В. Фриш. Вторая редакция статьи 2 проекта согласна с законом 3 февраля 1899 года. Первая же редакция исторически верна, так как соответствует Фридрихсгамскому договору; это единственный международный акт, по которому установлена принадлежность Финляндии к России. Но сказать: «в обладании Российской империи» будет несогласно с терминами законодательства. Это то выражение, которое в проекте Уголовного уложения относительно Финляндии надо было изменить. Поэтому установлено, что выражение Российское государство объемлет империю и Великое княжество, а противополагается сему выражению наименование империи или Великого княжества.

Его Императорское Величество. 2 статью принять по проекту Совета министров. Перейдем к статье 3.

А.А. Бирилёв. Относительно языков в статье 3*[2] надо упомянуть, что местные наречия могут употребляться наряду с государственным языком. Это было бы полнее.

А.А. Сабуров. Постановления об употреблении государственного языка имеют временный, часто меняющийся характер. Даже в государственных учреждениях Финляндии не всегда применяется русский язык. Вообще правило о языке не имеет значения Основного закона.

А.С. Стишинский. Правило о государственном языке имеет далеко не временное значение. Первая часть статьи 3 проекта должна существовать, пока существует Россия, а сомнения А.А. Сабурова касаются употребления местных языков на основании особых законов.

М.Г. Акимов. Единство языка имеет громадное значение даже и для государственной целости.

Граф С.Ю. Витте. В этом вопросе Дума, чтобы приобрести голоса окраин, пойдет на уступки. Если не будет Основных законов, коих Дума не может касаться, то могут дойти до требования, чтобы в армии и флоте говорили не на русском языке. Но сказать о местных языках и наречиях, что они употребляются наряду с русским языком, было бы тоже неверно, ибо это далеко не везде требуется; например, в земском кредитном обществе Царства Польского этого не требуется. А если ввести такое правило, то надо требовать его исполнения, а это немыслимо. Поэтому надо сказать, что в государственных и общественных установлениях условия употребления местного языка определяются Особым законом и что русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях.

Его Императорское Величество. Я с этим согласен. На этом мы сегодня покончим. Опять мы соберемся в воскресенье (9 апреля) в 9 часов вечера.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 25. Л. 279 об. – 282. Типографский текст. Опубл.: Протоколы заседаний Совещания под личным его Императорского величества председательством по пересмотру основных государственных законов 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года. СПб. [1906]. С. 7–23. (РНБ. Шифр: 17.147.1.27).

*[2] Ст. 3 по проекту, внесенному в Совет министров:

Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в государственных и общественных установлениях, а также в армии и во флоте. Употребление, наряду с общегосударственным, местных языков и наречий определяется особыми законами.

Ст. 3 по проекту Совета министров:

Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в государственных и общественных установлениях, а также в армии и во флоте. Употребление местных языков и наречий определяется особыми законами. (*Прим. док.*).

№ 176. Приглашение на Совещание для обсуждения проекта правил о порядке составления и рассмотрения законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского, а также об учреждении Комитета по финляндским делам[435]

16(29) апреля 1906 г.

По распоряжению Г. председателя Совещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений, государственная Канцелярия имеет честь уведомить, что **в среду** 19 апреля, **в 2 часа пополудни**, в Мариинском дворце назначено заседание сего Совещания для обсуждения проекта правил о порядке составления и рассмотрения законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского, а также об учреждении Комитета по Финляндским делам.

Печатные материалы по означенному делу разосланы 7 апреля[436].

Форма одежды – сюртук.

16 апреля 1906 г.

РГИА. Ф. 1455. Оп. 1. Д. 15. Л. 221. Рукописный текст, размноженный литографическим способом. Фиолетовая краска.

№ 177. Высочайшее Его Императорского Величества постановление «Относительно русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии»[437]

20 апреля (3 мая) 1906 г.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу представления Императорского Финляндского Сената, в присутствии Своем в Царском Селе 20 апреля (3 мая) 1906 года Высочайше соизволил утвердить следующее постановление относительно русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии.

§ 1.

1) Всеподданнейшие проекты Сеймовых предложений и заключающихся в них законов, равно как и постановлений, подлежащих обнародованию административным порядком, излагаются как на русском, так и на финском и шведском языках, но к докладу Его Императорскому Величеству, Государю Императору и Великому князю представляется только русский текст.

К всеподданнейшим представлениям Сейма и к принятым Сеймом законопроектам, распоряжением Сената также приобщается русский текст.

2) К всеподданнейшим на Высочайшее Его Императорского Величества Имя представлениям и заключениям Императорского Финляндского Сената, составляемым в подлиннике на финском или шведском языке, приобщается всегда перевод на русский язык.

3) Русский перевод финского или шведского подлинника приобщается также к отношениям Сената к генерал-губернатору.

4) Вышеизложенные правила относятся как к Общему собранию обоих департаментов Сената, так и к Судебному и Хозяйственному департаментам, а определения пунктов 2 и 3 также к прокурору Сената.

§ 2.

1) Все упомянутые в § 1 проекты и исходящие бумаги переводятся на русский язык состоящими в Сенате присяжными и ответственными переводчиками.

2) Русские переводы упомянутых в пунктах 1 и 2 § 1 всеподданнейших представлений и проектов подлежат проверке для установления точного их соответствия с подлинниками в особой Проверочной комиссии из трех членов, назначаемых Хозяйственным департаментом Сената.

3) Главный переводчик русского языка или, в соответствующих случаях, один из помощников его участвует в занятиях Проверочной комиссии в качестве члена и заверяет верность проверенных в Комиссии переводов.

§ 3.

Все исходящие бумаги генерал-губернатора и его Канцелярии составляются на русском языке. К бумагам, препровождаемым генерал-губернатором и его Канцелярией в Сенат, а также в другие финляндские правительственные установления и к должностным лицам в пределах края, приобщается финский или шведский перевод.

§ 4.

1) Все исходящие бумаги министра статс-секретаря и статс-секретариата, препровождаемые к генерал-губернатору и в его Канцелярию, составляются на русском языке; к бумагам, коими сообщается решение Государя Императора и Великого князя, приобщается засвидетельствованный перевод на финский или шведский языки.

2) Законы и постановления, утвержденные Его Императорским Величеством, передаются генерал-губернатору и в Сенат в изложении как на как на русском, так и на финском и шведском языках.

3) Переписка статс-секретариата с прочими Финляндскими властями ведется на финском или шведском, а с русскими властями на русском языке.

§ 5.

Финляндская Паспортная экспедиция употребляет русский язык в переписке с генерал-губернатором и его Канцелярией и с русскими властями, а в остальной переписке финский или шедский язык.

§ 6.

К представлениям губернаторов генерал-губернатору и к переписке их с русскими властями приобщается русский перевод, заверенный присяжным переводчиком. Представления губернаторов к генерал-губернатору по делам, не подлежащим оглашению, а также вся переписка в виде писем и телеграмм излагается на русском языке.

§ 7.

1) Состоящие в некоторых городах при магистратах переводчики русского языка обязаны, в случае надобности, исполнять обязанности переводчика для перевода с русского языка и на русский по судебным делам в местных ратгаузском суде и магистрате.

2) Относительно знания русского языка как условия назначения на некоторые должности в Губернском правлении и по губернской администрации в Выборгской губернии сохраняют силу изданные перед сим правила.

3) Сенат определяет, в каких местах края от чиновников, занимающих известные должности в почтовых учреждениях, на железнодорожных станциях, при полицейских учреждениях и в таможнях, требуется знание русского языка.

§ 8.

Высочайшее объявление от 3 декабря 1866 года (н ст.), об обязанности судебных и других присутственных мест Финляндии принимать прошения и документы, писанные на русском языке, остается в силе.

§ 9.

1) Должности присяжных переводчиков русского языка сохраняются в тех учреждениях и присутственных местах, где таковые в настоящее время имеются.

2) В судебных местах в пограничных с империею местностях назначаются, в случае надобности, присяжные переводчики русского языка.

§ 10.

Сборник постановлений Великого княжества Финляндского печатается как в финском и шведском изданиях, так и в русском.

§ 11.

Настоящее постановление вступает в силу взамен Высочайшего Манифеста от 7(20) июня 1900 года (18772), о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных присутственных мест Великого княжества Финляндского и Высочайшего

постановления от 6(19) июня 1902 года (21608), об употреблении русского языка в исходящих от финляндских правительственных установлений бумагах, действие которых посему прекращается. Равным образом, прекращается действие некоторых изданных перед сим определений об обязательном требовании знания русского языка от лиц, назначаемых на административные должности, поскольку означенные определения не согласуются с правилами настоящего постановления.

Опубл.: СПВКФ. 1906. № 17. С. 1; ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1909. Ст. 27752.

№ 178. Проект указа Правительствующему Сенату о создании Комитета по делам Финляндии. Первый вариант[438]

[22 апреля (1 мая) 1906 г.]
Проект

Указ Правительствующему Сенату

В видах всестороннего соображения проектов законов, кои должны иметь применение как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском, а также других, касающихся сего края дел, к Нам восходящих, признали Мы целесообразным подвергать сии проекты и дела предварительному обсуждению в особом установлении при условиях, обеспечивающих одинаково интересы как империи, так и Великого княжества.

Вследствие сего Повелеваем:

I. Учредить Комитет по финляндским делам.

II. Комитет образовать, под председательством лица по непосредственному избранию Нашему из назначаемых Нами членами Комитета сроком на три года двух сенаторов Правительствующего Сената и двух сенаторов Императорского Финляндского Сената.

III. Председателю Совета министров, министрам и Главноуправляющим отдельными частями, а также министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского и Финляндскому генерал-губернатору состоять членами Комитета по своим должностям с правом заменять себя своими товарищами и помощниками.

IV. К ведению Комитета отнести:

1) Предположения об издании, отмене, приостановке действий, изменении или дополнении законов, кои должны иметь применение как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском, – вносимые в Комитет подлежащими министрами или Главноуправляющими отдельными частями по предварительном обсуждении в Совете министров и сношении с Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского.

2) Проекты предложений Наших Сейму земских чинов Великого княжества Финляндского.

3) Представления Императорского Финляндского Сената, к Нам восходящие.

4) Представляемые Нам решения Сейма земских чинов Великого княжества.

5) Дела административные, кои хотя и не вызывают изменения действующих узаконений, но по тесным связям Великого княжества Финляндского с прочими частями империи, имея близкое отношение к обоим управлениям, требуют как с той, так и с другой стороны рассмотрения и соображения, вносимые в Комитет Финляндским генерал-губернатором или министром статс-секретарем Великого княжества, или же министром либо Главноуправляющим отдельною частью, по предварительном обсуждении предположений их в Совете министров.

6) Дела, вносимые на рассмотрение Комитета по особым повелениям Нашим.

V. Положения Комитета, равно как последовавшие в оном разные мнения, представлять на Наше воззрение для дальнейшего затем направления в установленном порядке дел, по коим те положения состоялись.

VI. Для производства дел по Комитету образовать при нем Канцелярию с отнесением расходов по ее содержанию, в определенных частях, на средства империи и Великого княжества.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 230–230 об. Типографский текст на полулистах большого формата в составе подборки документов (С. 5–6). Л. 234–234 об. То же. Экз. Сольского. Л. 237–237 об. То же. Экз. Лангофа с многочисленными поправками. Л. 246–246 об. То же. Экз. Фриша с поправками. Л. 252–252 об. То же. Экз. барона Икскуля с поправками.

№ 179. Отношение (срочной телеграммой) министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о проекте указа Императора Николая II о Комитете и необходимости его приостановить

23 апреля (6 мая) 1906 г.

Срочная. Гельсингфорс. Финляндскому генерал-губернатору.

Гельсингфорс Петербурга ПР СР 16051 75 23 11 26 н

Я получил проект указа о Комитете, составленный в такой форме, что если он будет принят, то произведет в Финляндии по моему глубокому убеждению такое же впечатление, как февральский манифест 1899 года, и весь Сенат и я должны выйти в отставку, так как проект неприемлем. Ведению Комитета подлежат по проекту все без исключения дела, относящиеся до Финляндии. Необходимо приостановить, в противном случае боюсь, что последствия будут печальны.

Министр статс-секретарь Лангоф.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 16. Л. 2. Телеграфный текст на ленте, наклеенной на бланк «Телеграф» со следами марки и с рукописными пометами о принятии.

№ 180. Отношение (телеграммой) министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о проекте указа Императора Николая II о Комитете и необходимости его приостановить

23 апреля (6 мая) 1906 г.

Гельсингфорс. Генерал-губернатору.

Пр. Гельсингфорс Петербурга 16476 61/62 23 6 37 дн.

Переговорил с графом Сольским, который вполне согласен, что проект подлежит коренному изменению. Он и граф Пален находят, что нет необходимости спешить до Думы и следует передать на заключение Финляндского Сената. Я полагаю, что Сенат не сделал бы затруднения, но впечатление [от] этого закона в Финляндии было бы совершенно другое. Убедительно прошу Ваше высокопревосходительство поддержать это.

Министр статс-секретарь Лангоф.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 16. Л. 3. Телеграфный текст на ленте, наклеенной на бланк «Телеграмма» со следами марки и с рукописными пометами о принятии.

№ 181. Заявление министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа о проекте правил по разграничению законодательства

23 апреля (6 мая) 1906 г.

По основным законам Великого княжества Финляндского Монарх правит страною при помощи финляндцев.

Из этого основного начала следует, что задачи Комитета, образованного из русских и финляндцев для представления заключений по финляндским законодательным вопросам, должны ограничиться такими вопросами, которые действительно касаются империи и Финляндии. Сюда относятся прежде всего вопросы, по которым требуются для обеих стран одинакового содержания законы, а вместе с тем и такие, по которым должен быть издан закон лишь для одной страны, но предмет которых затрагивает также права и интересы другой страны. Между тем проект не ограничивает задач Комитета этими вопросами, но напротив того оставляет возможность передавать в него даже и такие вопросы, которые вовсе на касаются империи, ибо, как то усматривается из вступительной части проекта, на обсуждение Комитета могут передаваться не только проекты законов, кои должны иметь применение как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском, но также и все другие, касающиеся сего края дела. Это обстоятельство уже делает проект неприемлемым с финляндской точки зрения.

Засим по проекту в Комитет передаются не только законодательные вопросы, но и административные дела, которые по Основным законам Финляндии ведаются исключительно финляндцами. Такие вопросы должны быть во всяком случае изъяты из ведения Комитета.

Кроме того, проект не заключает в себе ни малейшего указания на то, что действующие определения финляндских законов о порядке рассмотрения и решения законодательных вопросов, должны соблюдаться также и по отношению к тем делам, по которым будут представляться заключения Комитета.

Относительно отдельных частей проекта считаю долгом изложить, ввиду спешности дела, лишь нижеследующее.

По статье I. Наименование «Комитет по финляндским делам» представляется односторонним, ввиду того, что Комитет ведал бы дела, касающиеся как империи, так и Финляндии.

По статье III. Интересы Великого княжества не обеспечиваются в той мере, как интересы империи, ибо, согласно этой статье, число русских членов Комитета будет безусловно превосходящим.

По пунктам 2, 3 и 4 статьи IV. Определения этих пунктов не содержат в себе никаких разграничений в отношении рода дел.

По пункту 5 статьи IV. Этот пункт упоминает об административных делах, которые ни в каком случае не должны были бы быть вносимы на заключение Комитета.

По статье V. Эта статья изложена неясно, в том смысле, что дела, обсуждавшиеся в Комитете, поскольку они касаются Финляндии, безусловно должны представляться на Высочайшее воззрение министром статс-секретарем.

Из приведенного казалось бы явствует, что проект во многих отношениях затрагивает финляндские Основные законы. Вследствие сего он не может быть, согласно закону, утвержден к руководству иным порядком, как при условии, что он будет принят финляндским Сеймом. Если же, тем не менее, узаконение помянутого содержания было бы издано без содействия Сейма, в административном порядке, то такая мера была бы несомненно принята финским народом как серьезное нарушение основных законов края, что могло бы в своих последствиях повлиять пагубным образом на будущность страны. Эта мера возбу-

дила бы в финском народе, который в ней видел бы повторение Манифеста 3/15 февраля 1899 года, такое же покойство, как и этот Манифест[а].

Министр статс-секретарь
Великого княжества Финляндского А. Лангоф
[6-6]23 апреля 1906 г.[6]

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 238–239 об. Машинописный текст на полулистах большого формата. Л. 254–255 об. Машинописный текст на полулистах большого формата. Подпись – автограф. Л. 260–260 об. Типографский текст в составе рассылки 23 апреля. Л. 269–269 об. То же. Экз. Таганцева с множеством замечаний. Л. 281–281 об. То же в составе рассылки. Л. 307–307 об. То же в составе рассылки Императору Николаю II.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:XI:2].

№ 182. Отклик (телеграммой) Финляндского генерал-губернатора Н.И. Герарда председателю совещания графу Д.М. Сольскому о проекте создания Комитета по делам Финляндии

23 апреля (6 мая) 1906 г.

Мысль об учреждении Финляндского комитета возбуждает здесь большое волнение. Я надеюсь, что волнение утихнет, ежели будет подвергнуто обсуждению Сената. Считаю очень желательным передать проект на заключение Сената*[1].

Финляндский генерал-губернатор Герард.

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:XI:3].

№ 183. Из именного Высочайшего указа, данного Сенату «Об упразднении Комитета министров»[439]

23 апреля (6 мая) 1906 г.

Указом Нашим, 19 октября 1905 года (26820) Правительствующему Сенату данным, об укреплении единства в деятельности министерств и Главных управлений Мы установили на новых началах деятельность Совета министров и с тем вместе предуказали необходимость распределения оставленных временно в ведении Комитета министров дел между другими учреждениями, равно как определения порядка разрешения сих дел.

Ныне, по рассмотрении предположений Совета министров по изъясненному предмету, в связи с указом Нашим, 20 февраля сего года Правительствующему Сенату данным, о переустройстве Государственного совета, повелеваем:

I. Комитет министров упразднить.

II. Из дел, кои на основании существующих законоположений вносились в Комитет министров и Соединенное присутствие Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета, впредь направлять:

1) в общем законодательном порядке – дела, подлежащие законодательному обсуждению по силе указа Нашего, 20 февраля сего года Правительствующему Сенату данного,

---

[а] *Далее только в подлиннике и типографском тексте.*

[6-6] *Вписано чернилами.*

[1] К мнению действительного тайного советника Герарда присоединились статс-секретарь граф Витте и граф Сольский, а также барон Икскуль. (Прим. док.)

о переустройстве Государственного совета, а также на основании Учреждения Государственной думы и утвержденного Нами 6 июня 1905 года (26345) мнения Государственного совета. [...]*

V. За указанными выше изъятиями прочие дела, подлежащие, согласно действующим законоположениям, внесению в Комитет министров, равно как дела о назначении усиленных пенсий и пособий служащим и их семействам, отнести к ведению Совета министров, предоставив ему обсудить возможность дальнейшей передачи некоторых из сих дел в другие учреждения и изменения порядка их разрешения. [...]**

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставить учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Опубл.: СУ. 1906, 24 апреля. Отд. 1. Ст. 602; ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. 1. Ст. 27804.

№ 184. Из Высочайше утвержденных Основных государственных законов[440]

23 апреля (6 мая) 1906 г.

ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ

1. Государство Российское едино и нераздельно.

2. Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства.

3. Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами.

Глава первая. О существе Верховной самодержавной власти

4. Императору Всероссийскому принадлежит Верховная самодержавная власть. Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает.

5. Особа Государя Императора священна и неприкосновенна.

6. Та же Верховная самодержавная власть принадлежит Государыне Императрице, когда наследство Престола в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского; но супруг Ее не почитается Государем: он пользуется почестями и преимуществами наравне с супругами Государей, кроме титула.

7. Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственною думою.

8. Государю Императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по Его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном совете и Государственной думе.

9. Государь Император утверждает законы, и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

10. Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего государства Российского. В управлении Верховном власть Его действует непосред-

---

* *Далее указываются те дела, которые поступают на рассмотрение в департаменты Государственного совета, непосредственно министру юстиции. Указывается, какие дела министры и главноуправляющие отдельными частями могли докладывать непосредственно Императору.*

** *Шестой пункт о преобразовании Канцелярии Комитета министров в канцелярию Совета министров.*

ственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим Его Именем и по Его повелениям.

11. Государь Император, в порядке верховного управления, издает, в соответствие с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей Государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов.

Опубл.: СУ. 1906, 24 апреля. Отд.1. Ст. 603; ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. 1. Ст. 27805.

№ 185. Записка члена Государственного совета В.Ф. Дейтриха о проекте правил по разграничению законодательства[441]

23 апреля (6 мая) 1906 г.

Записка члена Государственного совета В. Дейтриха,
от 23 апреля 1906 года

В Совещании была высказана мысль, что Комитет по финляндским делам должен, между прочим, ведать все законопроекты, которые в порядке финляндского управления восходят на Высочайшее утверждение. Мысль эта, вполне казалось бы справедливая, однако, по мнению моему, не нашла себе выражения в присланном проекте. В ст. 2 § IV проекта говорится лишь о проектах Высочайших предложений Сейму, но не упоминается вовсе о проектах законоположений, возбужденных на самом Сейме. Упомянуть об этом я находил бы необходимым, ибо ведь ходатайства Сейма (моции) могут касаться вопросов не только Сеймового законодательства, но и административного, область которого, по финляндскому праву, значительно больше. Если не будет упомянуто об моциях в законе, то, при способе финляндского толкования законов, окажется, что по законопроектам, возбужденным Сеймом, никакого заключения Комитета, будто бы, не требуется. Не худо было бы упомянуть, что и все петиции Сейма, на Высочайшее Имя приносимые, подлежат до доклада их Его Величеству рассмотрению того же Комитета.

На основании ст. 9 § IV подлежат ведению Комитета все представления Императорского Финляндского Сената, на Высочайшее Имя восходящие. При этой редакции, которой я весьма сочувствую, все представления Сената не только по законодательным вопросам, но и в порядке местного управления будут проходить чрез Комитет, который и будет иметь возможность высказать по ним свое заключение. Казалось бы, необходимо было бы в эту статью включить указание на то, что в Комитете рассматриваются не только представления Сената, но и проекты оных постановлений по Великому княжеству. Такая оговорка, по мнению моему, необходима потому, что в области административного законодательства проекты Высочайших постановлений могут быть изготовляемы не только в Сенате, но и в статс-секретариате. Если будет упущено указание на статс-секретариат и редакция ст. 3 § IV останется без изменений, то окажется, по буквальному смыслу настоящего проекта, что проекты Высочайших постановлений по Великому княжеству, изготовленные в статс-секретариате, не подлежат ведению Комитета. Этим не преминут воспользоваться и будут представлять на Высочайшие утверждения законопроекты, изготовленные в статс-секретариате, помимо Комитета. Возможность такого обхода закона необходимо было бы избежать.

Ввиду этого я полагал бы ст. 2, 3 и 4 § IV проекта изложить в следующей редакции:

Ст. 2. Проекты предложений Наших Сейму земских чинов Великого княжества Финляндского, **а также возбужденные Сеймом проекты новых законопроектов**.

Ст. 3. Представления Императорского Финляндского Сената, к Нам восходящие, и **проекты иных постановлений по Великому княжеству Финляндскому**.

Ст. 4. Представленные Нам решения и **петиции** Сейма земских чинов Великого княжества.

В заключение считаю не лишним упомянуть, что учреждение Комитета надлежит исполнить не только Указом Правительствующему Сенату, но необходимо, чтобы одновременно министр статс-секретарь поднес к подписанию Его Величества проект соответствующего Высочайшего постановления, которое и будет подлежать опубликованию в Финляндии. Это замечание мое, быть может, и не нужно, но для памяти я его считаю долгом сделать.

В. Дейтрих[а].

23 апреля 1906 года.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 248–248 об. Рукопись черными чернилами.
РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77[5:X].

№ 186. Заявление статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа о проекте создания Комитета по делам Финляндии

24 апреля (7 мая) 1906 г.

В возражениях, которые я имел честь представить 23 текущего апреля против доставленного мне вечером 22 того же апреля проекта Указа относительно учреждения Комитета по финляндским делам, я уже отметил, насколько то было возможно при краткости оставшегося в моем распоряжении времени, те недостатки, коими, по моему мнению, страдает проект, и изложить те основания, по коим этот проект представляется несовместимым с Основными законами Финляндии и с присвоенным стране, в силу этих законов, правовым положением.

При рассмотрении ныне предлежащего измененного проекта Указа я нашел, что, ввиду моих возражений, к вступительной части сделано дополнение, согласно коему учреждение Комитета имеет целью установить предварительное всестороннее соображение таких вопросов, которые могут касаться интересов империи. Между тем отдельные статьи, в которых перечисляются и определяются вопросы, подлежащие ведению Комитета, изложены так, что они обнимают собою все финляндские вопросы, касающиеся и законодательства, и управления. Это положение не изменяется тем, что статья V дополнена определением, в силу коего эти вопросы должны будут обсуждаться в Комитете исключительно с точки зрения их соответствия интересам империи; ибо этим дополнением от обсуждения в Комитете не изъемлется никакая группа вопросов. Во внимание сего и так как возражения, приведенные мною в остальных частях против проекта (например, относительно наименования Комитета, его состава и о том, что к ведению его отнесены административные дела), оставлены вовсе без уважения, я не могу не признать, что изложенное мною в сказанных возражениях во всем существенном относится и к ныне предлежащему вопросу.

Поэтому я считаю необходимым подтвердить изложенное мною в этих возражениях, а именно, что проект во многих отношениях затрагивает финляндские Основные законы и что он, вследствие сего, не может быть, согласно закону, утвержден к руководству для финского народа, если он не будет принят финляндским Сеймом. Дабы поставить этот вопрос, грозящий привести вновь к прискорбному правовому конфликту, на правильный и согласный с Основными законами края законодательный путь, необходимо, предварительно принятия окончательного по сказанному вопросу решения, передать его, поскольку

[а] *Подпись только в рукописи.*

он касается Финляндии, в Императорский Финляндский Сенат для подготовительного обсуждения и представления заключения.

Министр статс-секретарь
Великого княжества Финляндского (подписал) А. Лангоф
[а] 24 апреля 1906 года [а]

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 301–302. Машинописный текст на полулистах большого формата. Подпись – автограф. Л. 309–309 об. Типографский текст в составе рассылки Императору (С. 11–12).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:XI:4)].

№ 187. Отношение (срочной телеграммой) министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Герарду о проекте указа Императора Николая II о Комитете и позиции высших чиновников по его содержанию[442]

25 апреля (8 мая) 1906 г.

Срочная. Гельсингфорс. Генерал-губернатору.
Гельс ПБГ 18390. СР 67 25 11 50 ДП
Среду утром проект указа будет представлен на высочайшее благовоззрение. О необходимости передать на заключение Сената высказались графы Витте и Пален, барон Будберг, Половцев. Не знаю точно окончательного мнения графа Сольского, увижу его только среду в 2 часа. Представляю от себя Его Величеству всеподданнейшее письмо. Думаю, что было бы хорошо, если ваше Высокопревосходительство еще пошлете телеграмму графу Сольскому.
Министр статс-секретарь Лангоф.
Штамп: Срочная

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 16. Л. 4. Телеграфный текст на ленте, наклеенной на бланк «Телеграф» с рукописными пометами о принятии.

№ 188. Мемория Совещания для разработки необходимых в учреждении Государственного совета изменений. Заседание 20 марта и 20 апреля 1906 года[443]

[25 апреля (8 мая) 1906 г.]

Высочайшим Вашего Императорского Величества Манифестом 6 августа 1905 года об учреждении Государственной думы возвещено было, что о порядке участия в Думе выборных от Великого княжества Финляндского по вопросам общих для империи и сего края узаконений будет Вашим Величеством указано особо. Засим, в Высочайшем Манифесте 20 февраля 1906 года о переустройстве Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы провозглашено было, что о порядке обсуждения законопроектов общих для империи и Великого княжества Финляндского Вашим Императорским Величеством в свое время будут преподаны надлежащие указания.

Совещание для разработки необходимых в учреждении Государственного совета изменений по поводу предметов его ведомства, в числе коих значатся указанного рода законопроекты, признало необходимым вопрос о порядке их рассмотрения подвергнуть соображению при участии Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского.

[а-а] *Вписано чернилами.*

Приступив затем к исполнению этой задачи в присутствии особо приглашенных членов Государственного совета действительного тайного советника Таганцева, егермейстера Линдера и тайного советника Дейтриха, а также при участии действительного тайного советника Герарда и генерал-майора Лангофа, Совещание приняло во внимание, что вопрос об установлении особого порядка издания законов, действующих на всем пространстве Российского государства, со включением Великого княжества Финляндского был разрешен Высочайшим Манифестом и Высочайше утвержденными Основными положениями 3 февраля 1899 года.[а-а] Эти законодательные акты, возбудили в Финляндии сильное волнение вследствие издания их без участия земских чинов Великого княжества. Ныне действие их Высочайшим Вашего Императорского Величества Манифестом 22 октября/4 ноября 1905 года приостановлено[а-а]. При таких обстоятельствах нельзя не предвидеть, что и те по обсуждаемому предмету правила, которые могли бы быть выработаны в настоящее время, по категорическому удостоверению Финляндского генерал-губернатора, поддержанному как нынешним министром статс-секретарем Великого княжества, так и его предшественником егермейстером Линдером, также вызвали бы в Финляндии сильнейшее брожение умов, дальнейшее возбуждение коих в настоящее время представлялось бы крайне нежелательным. В то же время[6], издание подобного закона перед самым открытием Государственной думы едва ли было бы [в-в] и в России [в-в] встречено сочувственно. Напротив того, есть полное основание предвидеть, что издание этого закона помимо Думы [г-г] может быть [г-г] сочтено за ее обход в столь важном вопросе, каким представляется вопрос об отношениях России к Финляндии. При таком положении дела Совещание предпочитало бы воздержаться ныне от разрешения [д-д] сего важного [д-д] вопроса, отложив его до более благоприятного времени.

Приходя к такому заключению, Совещание[е] не могло, однако, не обратить внимания на то, что восходящие на благовоззрение Вашего Императорского Величества законопроекты и другие дела, касающиеся Великого княжества Финляндского, [*-*] не подвергаются [*-*] ныне,

---

[а-а] *в первом варианте*: Но эти законодательные акты, выработанные без участия земских чинов Великого княжества, возбудили в нем настолько сильное волнение, что действие их Высочайшим Вашего Императорского Величества Манифестом 22 октября/4 ноября 1905 года о мерах к восстановлению закономерного порядка в крае было приостановлено.

Отредактировавший этот текст Фриш написал на полях: Манифест такого названия не имеет, а по существу, хотя эти слова и помещены в Манифесте, но воспроизведение их в мемории крайне нежелательно. (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 244 об.).

[6] *в первом варианте далее зачеркнуто Фришем*: судя по первому состоянию общества

[в-в] *Вставлено в первый вариант Фришем.*

[г-г] *Вписано в первый вариант Фришем вместо зачеркнутого*: будет.

[д-д] *Вписано в первый вариант Фришем вместо зачеркнутого*: так называемого финляндского.

[е] *в четвертом варианте*: Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского генерал-майор Лангоф подал 23 сего апреля особое письменное, при сем прилагаемое, заявление, к коему присоединились: статс-секретари граф Пален и Половцов, действительный тайный советник Тернер и шталмейстер барон Будберг. От Финляндского генерал-губернатора действительного тайного советника Герарда получена телеграмма от 23 сего апреля, при сем прилагаемая. К мнению Финляндского генерал-губернатора присоединился статс-секретарь граф Витте. *Далее вписано чернилами*: граф Сольский, а также барон Икскуль.

В первом варианте отсутствует. Во втором варианте: Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского подал письменное заявление, при сем прилагаемое. *В третьем варианте*: Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского генерал-майор Лангоф подал 23 сего апреля особое письменное, при сем прилагаемое, заявление, к коему присоединился статс-секретарь граф Пален. От Финляндского генерал-губернатора действительного тайного советника Герарда получена телеграмма от 23 сего апреля, при сем прилагаемая.

[*-*] *в первом варианте*: освещаются. *Исправлено бароном Икскуль* (Л. 250 об.).

в порядке их представления, [э]предварительному всестороннему соображению[э] с точки зрения русских[и] интересов[и].

Вследствие сего Совещание [к](кроме статс-секретарей графа Палена и Половцова, действительных тайных советников, Герарда и Тернера, статс-секретаря графа Витте, Шталмейстера барона Будберга и генерал-майора Лангофа)[к] признало необходимым для предварительного обсуждения означенных выше дел и проектов учредить особый[л] Комитет[м], образовав его, под председательством лица по непосредственному Вашего Императорского Величества избранию, из Высочайше назначаемых членами Комитета, сроком на три года, двух сенаторов Правительствующего Сената и двух сенаторов Императорского Финляндского Сената, с тем, чтобы членами Комитета по своим должностям состояли председатель Совета министров, [н]и подлежащие[н] министры и Главноуправляющие отдельными частями, а также министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского и Финляндский генерал-губернатор, с правом замены себя своими товарищами или[о] помощниками. Заключения[п] Комитета, равно как последовавшие в оном разные мнения, должны представляться на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение для дальнейшего затем направления в установленном порядке дел [р]и проектов[р], по коим [с]последовали заключения и мнения в Комитете[с]. Для производства же дел по Комитету надлежит образовать при нем самостоятельную Канцелярию, с тем, чтобы расходы [т]на ее содержание[т] относились, в определенных частях, на средства империи и Великого княжества.

Согласно с сим, Совещание [у](кроме статс-секретарей графа Палена и Половцова, действительных тайных советников Герарда и Тернера, статс-секретаря графа Витте, Шталмейстера Барона Будберга и генерал-майора Лангофа)[у] положило: проект Именного указа Правительствующему Сенату по указанному предмету поднести к Высочайшему Вашего Императорского Величества подписанию.

Резолюции:

Л. 273: (на втором варианте): ввиду важности соображений, заявленных министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского, я полагал [*1–2 сл. нрзб.*] обсудить вновь проект указа при участии генерал-губернатора Д.Т.С. Герарда. – Если новое обсуждение не признается возможным, то прошу присоединить меня (по существу) к мнению генерала Лангофа. [*1 сл. нрзб.*] Пален. 24 апреля 1906 г.

[э-э] *в первом варианте*: преимущественно. *Икскуль вписал*: всестороннему соображению (Л. 250 об). *Во втором варианте*: всестороннему обсуждению.

[и] *Только в третьем и четвертом вариантах. В первом варианте*: финляндских. *Во втором варианте отсутствует.*

[й] *Во втором варианте далее*: не только одних финляндских, но также и русских.

[к-к] *в первом варианте отсутствует. Во втором варианте*: (кроме генерал-майора Лангофа). *В третьем варианте*: (кроме статс-секретаря графа Палена, действительного тайного советника Герарда и генерал-майора Лангофа).

[л] *Только в окончательном варианте.*

[м] *Только в окончательном варианте. В первом, втором и третьем вариантах далее*: по финляндским делам.

[н-н] *Только в окончательном варианте.*

[о] *в первом варианте*: и. *Во втором и третьем вариантах*: или

[п] *в первом варианте*: Положения

[р-р] *в первом варианте отсутствует.*

[с-с] *Только в третьем и окончательном вариантах. В первом варианте*: они состоялись, в установленном порядке *Во втором варианте*: состоялись положения и мнения Комитета.

[т-т] *в первом варианте*: по ее содержанию.

[у-у] *в первом варианте отсутствует. Во втором варианте*: (кроме генерал-майора Лангофа). *В третьем варианте*: (Кроме статс-секретаря графа Палена, действительного тайного советника Герарда и генерал-майора Лангофа).

Л. 286 (на третьем варианте): Я присоединяюсь к мнению Николая Николаевича Герарда. Граф Витте. 24-го.

Л. 288 (на третьем варианте): [*неск. сл. нрзб.*] кроме графа Палена, прошу указать и на меня. Ф. Т[ернер]. По этому поводу я имел сегодня [*1 сл. нрзб.*] с Его Спят[ельством] графом Д.М. Сольским.

Л. 291 (на третьем варианте): ввиду телеграммы Финляндского генерал-губернатора казалось бы необходимым новое обсуждение дела в присутствии Н.Н. Герарда и при участии вновь назначенного председателя Совета министров, без выслушания которого [*2 сл. нрзб.*] при разрешении столь важного для империи вопроса. Независимо от этого мотива участие председателя Совета министров настоятельно, если будет издан закон, в силу коего ему придется скрепить проектируемый указ. Ив. Голубев. 24 апреля 1906.

Л. 295 (на третьем варианте): Согласен с мнением графа Палена и Герарда. Половцов.

Л. 298 (на третьем варианте): Присоединяюсь и я к заявлению генерал-маїора Лангофа, находя вообще, что такой сложный и спорный вопрос не может быть разрешен сломя голову, и что, если рассмотрением его настолько опоздали, что уже нет возможности его всесторонне обсудить, то лучше оставить его в настоящее время вовсе не затронувшим. Лично остаюсь при тої постановке, которую изложил в письме на имя председателя Совещания. Будберг. 24 апр. 8 ½ вечера.

Л. 299 (на третьем варианте) рукой Ю.А. Икскуля: Остаюсь при высказанном уже мною словесно мнении, что, ввиду телеграммы д. т. с. Герарда дело следует пересмотреть. 24/IV 6.

Л. 304 (на четвертом варианте) сверху справа рукой П. Харитонова: Список мемории, представленной Государю Императору.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 228–229. Типографский текст (первый вариант). Л. 250–251. Типографский текст (второй вариант). Л. 278–279. Типографский текст (третий вариант). Л. 304–305. Типографский текст с рукописными пометами Харитонова (четвертый вариант).

РИБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:VII]. С. 71–73 (окончательный вариант).

№ 189. Проект указа Правительствующему Сенату о создании Комитета по делам Финляндии. Окончательный вариант

[25 апреля (8 мая) 1906 г.]
Проект[а]

Указ Правительствующему Сенату

В видах предварительного[б] всестороннего соображения проектов законов, кои должны иметь применение как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском, а также других,

---

[а] *Во втором варианте*: Министр статс-секретарь Великого княжества подал особое по настоящему делу заявление. (*Прим. док.*) *В третьем варианте*: Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского генерал-майор Лангоф подал 23 сего апреля особое по настоящему делу, при сем прилагаемое, заявление, к коему присоединились: статс-секретарь граф Пален. От Финляндского генерал-губернатора действительного тайного советника Герарда получена телеграмма от 23 сего апреля, при сем прилагаемая. (*Прим. док.*) *В четвертом варианте*: Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского генерал-майор Лангоф подал 23 сего апреля особое по настоящему делу, при сем прилагаемое, заявление, к коему присоединились: статс-секретари граф Пален и Половцов, действительный таїный советник Тернер и шталмейстер барон Будберг. От Финляндского генерал-губернатора действительного таїного советника Герарда получена телеграмма от 23 сего апреля, при сем прилагаемая. 24 сего апреля генерал-маїор Лангоф подал второе заявление, при сем прилагаемое. Ко мнению Финляндского генерал-губернатора присоединил статс-секретарь Витте. (*Прим. док.*). *Далее вписано чернилами*: и граф Сольский, а также барон Икскуль.

[б] *Во втором и следующих вариантах. Вставлено Фришем. Л. 246.*

[в]восходящих к Нам дел, касающихся интересов империи[в], признали Мы целесообразным подвергать сии проекты и дела [г]до дальнейшего направления их в установленном порядке[г], соображению[д] в особом установлении[е].

Вследствие сего повелеваем:

I. Учредить Комитет по[ж] делам, [з]касающимся общих интересов империи и Великого княжества Финляндского[з].

II. Комитет образовать, под председательством лица по непосредственному избранию Нашему из назначаемых Нами членами Комитета сроком на три года двух сенаторов Правительствующего Сената и двух сенаторов Императорского Финляндского Сената.

III. Председателю Совета министров [и]и подлежащему министру или Главноуправляющему отдельной частью[и], а также министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского и Финляндскому генерал-губернатору состоять членами Комитета по своим должностям с правом заменять себя своими товарищами или помощниками.

IV. К [й]предметам ведомства[й] Комитета отнести:

1) Предположения об издании, отмене, [к]приостановлении действия[к], изменении или дополнении законов, кои должны иметь применение как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском, – вносимые в Комитет подлежащими министрами или Главноуправляющими отдельными частями по предварительном обсуждении в Совете министров и сношении с Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского.

2) Проекты предложений Наших Сейму[л] Великого княжества Финляндского;[м] представления Императорского Финляндского Сената, к Нам восходящие [о]и проекты Высочайших постановлений[о], [п]а также[п] представляемые Нам:[р] решения [с]и заключения[с] Сейма[т] Великого княжества, [у]равно петиции и адресы Сейма[у], [ф]с тем, чтобы эти дела подлежали рассмотрению Комитета по существу лишь поскольку они затрагивают интересы других частей империи[ф].

[в-в] *В первом и втором вариантах*: касающихся сего края дел, к Нам восходящих. *В третьем варианте*: восходящих к Нам дел по Великому княжеству, кои могут касаться интересов империи.

[г-г] *Во втором и следующих вариантах. Вставлено Фришем.*

[д] *В третьем и следующих вариантах. В первом и втором вариантах*: предварительному обсуждению.

[е] *В первом, втором и третьем вариантах далее*: при условиях, обеспечивающих одинаково интересы как империи, так и Великого княжества.

[ж] *В первом, втором и третьем вариантах далее*: финляндских. *Вычеркнуто Сольским.*

[з-з] *В четвертом варианте. Предложение Сольского.*

[и-и] *В первом, втором и третьем вариантах*: Министрам и Главноуправляющим отдельными частями. Исправлено Сольским.

[й-й] *В первом варианте*: веденню.

Во втором варианте: предметам ведения.

В третьем варианте: ведомству.

[к-к] *Во втором и следующих вариантах.*

[л] *В первом варианте далее*: земских чинов.

[м] *В первом, втором и третьем вариантах далее с нового абзаца*: 3).

[о-о] *Во втором и следующих вариантах. Во втором и третьем вариантах далее с нового абзаца*: 4).

[п-п] *В четвертом варианте.*

[р] *Двоеточие во втором и следующих вариантах.*

[с-с] *Во втором и следующих вариантах. Вставлено Фришем. Л. 246.*

[т] *В первом варианте далее*: земских чинов.

[у-у] *Во втором и следующих вариантах. Вставлено Фришем. Л. 246. В третьем варианте*: а равно.

[ф-ф] *В четвертом варианте.*

3)[x] Дела административные, кои [щ]не вызывая[щ] изменения действующих узаконений,[ч] по тесным связям Великого княжества Финляндского с прочими частями империи, имея близкое отношение к обоим управлениям и требуют рассмотрения[ш] как с тоей, так и с другоей стороны[ш].

4)[ы] Дела, вносимые на рассмотрение Комитета по особым повелениям Нашим.

V. [э-э]Комитету рассматривать отнесенные к его ведомству дела и проекты с точки зрения их соответствия интересам всего Россиiского государства с нераздельною его частью – Финляндией[э-э]. Заключения[ю] Комитета, равно как последовавшие в оном разные мнения, представлять на Наше воззрение для дальнейшего затем направления в установленном порядке дел [я-я]и проектов[я-я], по коим те [аа-аа]заключения и мнения в Комитет последовали[аа-аа].

VI. Для делопроизводства[66] дел по Комитету образовать при нем Канцелярию с отнесением расходов [вв-вв]на ее содержание[вв-вв], в определенных частях, на средства империи и Великого княжества.

Правительствующиi Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

Резолюция Голубева: Л. 292 об. (на третьем варианте): Трудно обязать Финляндских сенаторов и министра статс-секретаря рассматривать дело с точки зрения интересов одноi империи. Состав Комитета проектирован именно для справедливого ограждения интересов и империи и Вел. княжества. Для Верховноi власти могут иметь значение освещение дел не одностороннее, а суждения, направленные к согласованию предположениi по законодательству к управлению с потребностями и пользою всего государства.

РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 306–306 об. Типографский текст на полулистах большого формата с рукописными пометами (четвертый вариант). Л. 230–230 об. Типографский текст на полулистах большого формата (первый вариант). Л. 259–259 об. Типографский текст на полулистах большого формата (второй вариант). Л. 285–285 об. Типографский текст на полулистах большого формата (третий вариант).

РНБ. Шифр: 135/300-77. Государственный совет. Материалы. Т. 77 [5:VII]. С. 74–75 (окончательный вариант).

---

[x] *В первом и втором вариантах*: 5).

[ч] *В первом, втором и третьем вариантах далее*: но.

[щ] *В четвертом варианте.*

[ш] *В первом, втором и третьем вариантах далее*: рассмотрения и соображения, вносимые в Комитет Финляндским генерал-губернатором или министром статс-секретарем Великого княжества, или же министром либо главноуправляющим отдельною частью, но предварительном обсуждении предположениi их в Совете министров. *Вычеркнуто Сольским.*

[ы] *В первом, втором и третьем вариантах*: 6).

[э-э] *В четвертом варианте. В третьем варианте*: Комитету рассматривать отнесенные к его ведомству дела и проекты исключительно с точки зрения их соответствия интересам империи. *Окончательное исправление сделано Сольским.*

[ю] *В первом и втором вариантах*: Положения. *Правка Лангофа в первом варианте. Л. 237 об.*

[я-я] *В третьем и четвертом вариантах.*

[аа-аа] *В третьем и четвертом вариантах. В первом варианте*: положения состоялись. *Во втором варианте*: те положения и мнения состоялись.

[66] *В третьем и четвертом вариантах. В первом и втором вариантах*: производства.

[вв-вв] *В первом варианте*: но ее содержанию.

№ 190. Циркуляр союза «Войма» «К сведению окружным начальникам»

Апрель 1906 г.

«К сведению окружным начальникам»

Ввиду того, что наш циркуляр от марта месяца, благодаря стараниям шпионов суометарьянцев, попал в руки нашего злейшего врага «Нового Времени», то просим впредь не показывать их никому, кроме лиц вполне надежных. Разыскивайте усердно шпионов и даже отправляйте их на тот свет, главное, чтобы они не были нам опасными, ибо они могут испортить наше дело.

Заметьте, как таинственны были японцы в своих военных приготовлениях, благодаря чему и победили русских.

В скором времени получим оружие, которое привезем надежными путями, так как попытка г-на М. привезти оружие по ошибке не удалась. Предостерегите жителей, так как ходят слухи о прибывших сюда русских шпионах, которые разыскивают склады оружия, чтобы потом завладеть ими при помощи войск. Особенно же следует пока спрятать винтовки, привезенные «Джон Графтоном». Во время упражнений вместо винтовок можно употреблять палки. Следует устраивать состязания в доставке почты на дистанциях не менее 200 километров, чтобы привыкнуть к быстрым передачам приказаний в таких местностях, где не существует иного способа для этого. В настоящее время производятся опыты между Улеоборгом и Гельсингфорсом. Выбирайте способных, согласных на то и бойких лиц, которые будут обучены военными для разведок. На собрании, на котором были прочтены все ответы провинциальных отделений союза Войма, решено было выждать осени, тем более, что крестьяне не желают принять участия в действиях, пока не уберут урожая. К тому времени наши собратья в России надеются свергнуть нынешнее правительство. В ввозе скорострельных орудий произошла какая-то ошибка потому, что недостает некоторых частей, вследствие чего пока нельзя упражняться в стрельбе из пулеметов. Убедите народ в том, что дело наше наверное удастся, для чего следует всем, подобно бурам, восстать поголовно, а потом, когда этим обратим внимание Европы, русские не могут с нами обращаться как с бунтовщиками, но должны будут признать за нами права воюющего государства.

Поддерживайте мужество, рассказывая народу о победах наших собратьев в России и о грубом насилии русского правительства, под которое мы попадем, если не освободимся от России. Агитируйте народ, чтобы он уничтожил все следы Бобриковщины и требовал увольнения всех чиновников, исполнявших незаконные приказания, хотя бы они были назначены даже самим Монархом. Обратите внимание, как выгоняют Бобриковских асессоров из главного таможенного управления. Наши патриоты, таможенные чиновники и служащие, несмотря на запрещение Монарха, вынуждают уходить незаконных чиновников, показывая этим, что требование народа выше монарших приказаний, и что народная воля высший закон в Финляндии. Растолкуйте основательно народу, что наше дело справедливо, и расскажите, как наш дипломат Лео Мехелин каждый день учит и руководит генерал-губернатором, заставляя его исполнять свои приказания. Уже нашли много сторонников между телеграфистами в Финляндии, ибо большая часть их желает отомстить правительству за оскорбление, вынесенное ими по поводу почтово-телеграфной забастовки. Весь железнодорожный персонал безусловно на нашей стороне, в особенности после того, как директор Бернер, поддерживаемый своими подчиненными, удалил из железнодорожного управления генерала Драчевского. На почте также следят за перепиской шпионов и задерживают опасные для нас корреспонденции. На таможенное ведомство можем вполне полагаться. Полиция очищена и вполне надежна. Уговаривайте православных, живущих в Финляндии, перейти из восточной веры в лютеранство, чтобы этим они показали свой патриотизм.

Господа начальники: действуйте, воодушевляйте! Подготовляйте народ днем и ночью! Народ просыпайся, ибо с каждым днем приближается решительный момент, и чем единодушнее приготовимся и вооружимся, тем вернее наша победа. Не пропускайте ни одной минуты, но поднимите народ, чтобы он показал, что в нем еще не погас отцовский дух, и что

в Финляндии еще существуют герои, которые достойны славного названия финляндского «hakkapeliitta» (рубака). Победа или смерть. Вот наш девиз.

Гельсингфорс, в апреле 1906 года.

Уполномоченный председатель союза «Войма»
Эро Кальске

Опубл.: Акты по «делу Войма» с пояснениями. Перевод. Гельсингфорс. Типография Императорского Сената. 1908. С. 2–5.

№ 191. Из программы Шведской народной партии*

7–8(20–21) мая 1906 г.

Когда делегаты Шведской партии съехались в Гельсингфорсе 20 и 21 мая 1906 г. для обсуждения состава партии на будущее время, было решено на съезде принять наименование «Шведской народной партии» и, отложив до ближайшего партийного съезда обсуждение остающихся в порядке дня вопросов, признать ныне нижеследующую программу:

Шведская народная партия, в качестве конституционной партии, впредь, как и доселе, будет защищать и укреплять принадлежащие финскому народу согласно основным законам права. В качестве ближайшей цели своих стремлений в этом направлении партия выставляет требование новой Формы правления с расширением прав народного представительства, особенно в области вопросов законодательства и обложения.

Язык и вопросы образования

1) Ныне действующее, изданное в административном порядке, постановление об языках от 19 июня 1902 г. должно быть заменено законом об языках, изданным при содействии Сейма и построенным на следующих основаниях:

каждый имеет право обращаться к суду или в другое присутственное место в крае на своем языке, шведском или финском, и на том же языке получать протоколы, решения и другие исходящие бумаги;

судебные и присутственные места, служебная деятельность коих охватывает лишь одну общину или несколько общин с одним и тем же официальным языком, должны в переписке между собой употреблять официальный язык общины; но все другие должностные лица и чиновники имеют право употреблять тот язык, который в каждом отдельном случае наиболее соответствует цели данной бумаги или дела, или, если это будет признано нужным, оба языка.

2) Так как в большинстве городов страны и во многих сельских общинах ее обе группы языков представлены в довольно значительном числе, то является справедливым, чтобы каждый член такой общины, обращающейся по какому-либо делу к должностному лицу или чиновнику общины, получал все исходящие бумаги на своем родном языке, шведском или финском. В соответствии с сим, общины в крае должны рассматриваться, как частью одноязычные, частью двуязычные. В качестве общего правила можно установить, что в городских и сельских общинах, где меньшинство представляет известную часть, предположительно одну пятую, или если оно не ниже, по крайней мере, двух тысяч лиц, занесенного в мантальные списки населения, общинный официальный язык должен быть установлен на принципах равноправия; в прочих городах и сельских общинах официальный язык общины есть тот язык, на котором говорит большинство занесенных в мантальные списки членов общины, но отдельное лицо должно иметь право в законно засвидетельствованном переводе получать исходящие бумаги на том языке, который оно употребляет, или на котором

*[1] Программа шведской народной партии переведена с брошюры «Svenska folkpartiets program». Helsingfors. 1907. (*Прим. док.*)

оно желало бы получить исходящую бумагу, в случае если меньшинство представляет одну десятую или если оно не ниже, по крайней мере, 1000 лиц; и вообще, по мере возможности община должна стараться обеспечить права меньшинства.

3) Для вступления на государственную службу или на такую городскую службу, для которой требуется утверждение правительства, впредь как и доселе, должна оставаться в силе обязанность кандидата в речи и на письме беспрепятственно владеть обоими туземными языками.

4) Говорящее по-шведски население края должно неотступно держаться требования, чтобы образование на родном языке давалось его детям не только в народных школах, но также и в высших образовательных учреждениях, как общеобразовательных, так и профессиональных, поддерживаемых государством, согласно действительной потребности.

5) Шведским частным учебным заведениям, независимо от языка данной части края, должна быть даваема казенная субсидия по расчету наименьшего среднего числа учеников в классе, например, 10, и субсидия такому учебному заведению не должна уничтожаться ранее, чем опыт нескольких лет не обнаружит, что установленное среднее число более не достигается.

Основания для казенной субсидии должны быть определены законом.

6) Шведские народные школы, а также другие образовательные культурные учреждения, должны поддерживаться казною на тех же основаниях, как и финские.

7) Обязанность университетских преподавателей знать также и шведский язык должна быть установлена путем дополнения действующих определений касательно знания ими финского языка. В университете, Политехническом институте и других высших учебных заведениях преподаватели должны сами выбирать язык преподавания и иметь право свободного соглашения по этому предмету между собою и со студентами*.

Опубл.: Политические партии в Финляндии. Программы партий старофинской, шведской народной, младофинской, социал-демократической, христианского рабочего союза и аграрного союза. С предисловием Н.А. Кочкарева. СПб., 1909. С. 41–43.

№ 192. Всеподданнейшее представление земских чинов Финляндии

19 мая (1 июня) 1906 г.

Перевод всеподданнейшего представления земских чинов Финляндии от 1 июня 1906 года

В Высочайшем Манифесте 4 ноября (22 октября) 1905 года Ваше Императорское Величество соизволили выразить намерение принять на Себя почин к современному преобразованию организации финляндского народного представительства на началах всеобщего и равного избирательного права. По предварительной подготовке этого дела в Особой комиссии и по представлении ею заключения, Финляндский Вашего Императорского Величества Сенат выработал, в главных чертах согласно предположениям Комиссии, законопроекты, которые с некоторыми изменениями 3 мая (20 апреля) удостоились Высочайшего Вашего Императорского Величества одобрения и затем переданы были земским чинам на нынешнем Сеймe для рассмотрения в установленном Основными законами порядке в виде Высочайшего предложения относительно нового Сеймового Устава, закона о выборах для Великого княжества Финляндского и закона, содержащего переходные правила.

Проектированный переход от сословного представительства к однопалатной системе, с применением начал всеобщего и равного избирательного права, составляет коренной

* *Далее следует раздел: «Социальные вопросы».*

перелом последовательного исторического развития, который однако, по мнению земских чинов, вполне оправдывается существующими условиями.

В то время, когда утвержден был ныне действующий Сеймовый Устав, разделение представительства на четыре сословия, без сомнения, соответствовало еще до некоторой степени общественным потребностям. Это соответствие оказалось однако непрочным. Экономическое и социальное развитие следующих десятилетий повлекло за собою глубокие изменения во внутреннем складе общества, которые имели последствием, что наряду с общественными кассами, имевшими перед тем политическое влияние, стали выступать неизменно разраставшиеся новые классы, требовавшие участия, на одинаковых с прежними условиях, в выборе представительства. Политическое пробуждение, обнаружившееся за последние годы во всех слоях населения, еще более усилило несоответствие между сильно развившейся социальною жизнью и теснымн рамками сословного представительства. Быстрое и полное устранение этой аномалии вызывается общими общественными задачами, потребностью в новых гарантиях правильного хода мирного культурного труда и необходимостью укрепить и упрочить чувство солидарности между различными элементами населения.

Представительство, которое имеют в виду рассматриваемые законопроекты, соответствует требованиям общественного развития и отличается гармоничным строем с твердыми и ясными очертаниями. Порядок производства выборов при предположенном в § 1 проекта закона о выборах разделении края на округа, обеспечивает в значительной степени требования пропорциональности, а, следовательно, и справедливости, так что имеется полное основание ожидать, что интересы, имеющие для общества важное значение, хотя они и поддерживаются непосредственно только меньшинством, найдут себе место в народном представительстве наряду с интересами, поддерживаемыми большинством. Вызванные введением однопалатной системы особые правила, коими проект Сеймового Устава имеет в виду обеспечить основательность и последовательность работы народного представительства, заключают в себе все необходимые гарантии для того, чтобы решения постановлялись по зрелом обсуждении на основании возможно полного выяснения обстоятельств дела, смотря по свойству каждого отдельного случая.

Во внимание к приведенным соображениям земские чины приняли Высочайшее предложение во всех существенных частях без изменений.

По некоторым частным вопросам земские чины сочли однако нужным изложить текст закона яснее.

Относительно периодичности Сеймов в § 17 проекта нового Сеймового Устава определено: «Очередной Сейм собирается по особому каждый раз созыву ежегодно первого февраля, буде Государь Император и Великий князь не постановит иначе». Так как очевидно имеется в виду, что Сейм должен собираться ежегодно, как то явствует также из §§ 26 и 74 и из введения к Высочайшему предложению, то выражение «иначе» представляется двусмысленным и употреблено по-видимому по недосмотру, а потому земские чины, в предотвращение возможных недоразумений, с своей стороны одобрили этот параграф с заменою приведенного выражения словами *«другой день года»*.

Встречающееся в финском тексте того же законопроекта выражение «väliaikaisille valtiopäiville»* заменено синонимным выражением *«ylimääräisille* valtiopäiville»**, последовательно употребляемым в Высочайшем предложении для обозначения чрезвычайных Сеймов.

Согласно § 4 проекта закона о выборах общинная управа в каждой общине «в начале января месяца того года, в котором очередной Сейм соберется в третий раз со времени последних Сеймовых выборов», назначает избирательную Комиссию. Это правило основывается на том предположении, что Сеймовые выборы должны производиться в том же году,

---

* *Временному сейму (фин.).*

** *Дополнительному сейму (фин.).*

в котором очередной Сейм собирается в третий раз по производстве выборов сего Сейма. На таком же предположении основывается также § 7 проекта закона о выборах, а в § 37 положительно указано, что выборы производятся 1 июля того года, в котором очередной Сейм собирается в третий раз со времени последних Сеймовых выборов. Все эти правила в свою очередь предполагают существование в Сеймовом Уставе определения о том, что очередной Сейм собирается в первой половине каждого года.

Но так как по § 17 проекта нового Сеймового Устава Монарх может определить, что очередной Сейм должен собраться только осенью, то может возникнуть противоречие между относящимися сюда правилами, ибо в таком случае по § 3 Сеймового Устава новые выборы должны производиться в третий год после предыдущих выборов, а по § 37 проекта закона о выборах они должны бы состояться годом раньше, так как Сейм уже на год раньше собрался бы «в третий раз со времени последних Сеймовых выборов».

В видах устранения этого противоречия встречающееся в §§ 4 и 7 проекта закона о выборах выражение «того года, в котором очередной Сейм соберется в третий раз со времени последних выборов» заменено земскими чинами словами «того года, в *котором истекает трехлетний срок со времени последних Сеймовых выборов*». Однородное изменение сделано также в § 37 того же проекта.

Новая редакция может, правда, иметь последствием, что в случаях, когда очередной Сейм в год производства выборов созван лишь во втором полугодии, депутаты будут заседать на четырех очередных сессиях Сейма. Но иного исхода для устранения отмеченного противоречия трудно подыскать без изменений по существу проекта, а, с другой стороны, предположенный случай не сопряжен с серьезными неудобствами. Если же будет признано необходимым не допускать подобных случаев, то от Государя Императора и Великого князя зависит назначать сроки очередных Сеймов таким образом, чтобы предупреждалась возможность отмеченного земскими чинами последствия или же воспользоваться принадлежащим Ему правом постановить о производстве новых выборов.

В финском тексте § 15 проекта закона о выборах двусмысленное выражение «ynnä kuluvan vuoden loppuun saakka ulottuvia lisäluetteloja»*, заменено земскими чинами словами «*ynnä 7 §:ssä mainittuja lisäluetteloja*»**, и соответственно с сим в шведском тексте слова «tillsammans med tillägsförteckningar för tiden till och med det löpande året» («с дополнительными списками до текущего года включительно») заменены словами «*jämte i 7 § omnämnda tilläqqsförteckningar*» («с упоминаемыми в § 7 дополнительными списками»).

Вышеприведенные изменения касаются редакции закона. Изменение по существу потребовалось лишь в § 56 закона о выборах.

Подобно тому, как избирательные записки, поданные в пользу кандидатского списка того же общества избирателей, образуют вместе особую группу голосов, в п. 2 § 56 определено, что из записок, в которых вообще значатся те же самые кандидаты таким же способом, образуется особая группа.

Такой порядок возбуждает однако сомнения как с принципиальной, так и с практической точки зрения.

Если без всяких ограничений предполагается, что избиратель, внесший в свою избирательную записку имена своих кандидатов, желает присоединиться к какой-либо группе, то таковое толкование его намерений может заключать в себе нарушение его воли. К тому же не имеется основания приравнивать избирателей, не образовавших в установленный срок особого общества и не объявивших своего кандидатского списка, к избирателям, выполнившим эти условия. Предоставляемое проектом право подобного запоздалого образования особых групп избирателей, без сомнения, способствовало бы уменьшению числа официальных кандидатских списков и открывало бы обширное поле для тайной агитации.

---

* *плюс дополнительные списки до конца этого года (фин.).*

** *плюс дополнительные списки, упомянутые в § 7 (фин.).*

Практические затруднения при применении п. 2 § 56 также немаловажны. Вполне возможно, что в избирательном округе средней величины окажется около тысячи писанных избирательных записок. Для сортировки их по правилам рассматриваемой статьи могло бы потребоваться до полумиллиона сравнений, на что потребовалось бы чрезмерно много времени. Далее необходимо принять в соображение близкую связь, в которой находятся п. 2 § 56 и § 61. В случае сохранения первого из них число групп избирательных голосов с общими кандидатами могло бы возрастать беспредельно, так как по п. 2 § 56 особую группу могут составить хотя бы две только записки с общими кандидатами. При этом приходилось бы применять § 61 в таких пределах, которые не имелись в виду и которые требовали бы совершенно излишних и медлительных подсчетов при установлении результатов выборов.

По приведенным соображениям земские чины признали нужным исключить этот пункт.

Согласно Высочайшему Вашего Императорского Величества Манифесту от 4 ноября 1905 года и Высочайшей грамоте о созыве Сейма от того же числа, настоящему чрезвычайному Сейму имеют быть переданы законопроекты об ответственности членов правительства перед народным представительством, а также относительно свободы печати, собраний и союзов. Между тем известно, что проекты Высочайших предложений по этим предметам еще не доложены Вашему Императорскому Величеству, так что еще может пройти некоторое время до поступления этих вопросов на обсуждение Сейма и окончательного их рассмотрения. Ввиду сего и так как в заключительной статье проектируемого Сеймового Устава сказано, что им отменяется ныне действующий Сеймовый Устав, то непоступление некоторых из обещанных Высочайших предложений могло бы иметь последствием, что утверждение нового Сеймового Устава и относящихся к нему закона о выборах и переходных правил было бы признано необходимым отложить впредь до окончательного рассмотрения земскими чинами тех вопросов, которые преднамечено передать на обсуждение настоящего чрезвычайного Сейма. Но отсрочка окончательного решения главного вопроса нынешнего Сейма по многим причинам представляется нежелательною.

Поэтому земские чины в проекте закона, содержащего переходные правила, поместили новый, четвертый параграф относительно срока, с которого проектированные в Высочайшем предложении законы имеют вступить в силу, причем земские чины всеподданнейше повергают на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение определить число и месяц, с которого новый Сеймовый Устав и принадлежащие к нему закон о выборах и переходные правила должны воспринять действие.

Так как следующий Сейм, в силу § 1 содержащихся в Высочайшем предложении переходных правил, а также ввиду необходимости урегулировать ту часть бюджета, которая зависит от Сейма, должен собраться в 1907 году, то земские чины вместе с тем всеподданнейше выражают надежду, что для вступления в силу новых законов Ваше Императорское Величество Высочайше соизволите назначить подходящий срок в текущем году.*

РНБ. Шифр: 79–9/30. Финляндия. Сейм. Перевод всеподданейшего представления земских чинов Финляндии от 1 июня 1906 года. [Гельсингфорс: Сенат. тип., 1906].

№ 193. Из программы христианского рабочего союза Финляндии

3–6(16–19) июня 1906 г.

Программа христианского рабочего союза Финляндии

(Принята на первом собрании представителей христианского рабочего союза Финляндии в Таммерфорсе 16–19 июня 1906 года)

---

* *Текст далее не приводится.*

Христианский рабочий союз Финляндии стремится, на основах христианства и любви к отечеству, освободить народ как от гнетущего господства капитала, так и от мировоззрений, унижающих христианскую веру.

I

Так как жизненным условием для нашего народа является прежде всего живая и действительная вера в Бога, то поэтому союз стремится к такой эволюции условий общественной жизни, чтобы они способствовали сохранению и усилению в нашем народе евангельского христианского учения и христианской жизни.

Примечание. Принадлежащие к союзу общества и отдельные члены могут принадлежать к любой церкви или вере, но могущие возникнуть религиозные разногласия улаживаются согласно Евангелию и евангелическо-лютеранскому вероисповеданию*.

Опубл.: Политические партии в Финляндии. Программы партий старофинской, шведской народной, младофинской, социал-демократической, христианского рабочего союза и аграрного союза. С предисловием Н.А. Кочкарева. СПб., 1909. С. 93.

№ 194. Сопроводительная записка № 3945 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу к проекту Сеймового Устава и закона о переходных правилах

17(30) июня 1906 г.

Копия с отношения Финляндского генерал-губернатора к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского от 17/30 марта 1906 г. № 3945.

Для доклада Государю Императору имею честь препроводить Вашему Превосходительству всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сената от 26 июня сего года за № 716 об утверждении принятых ныне собранным чрезвычайным Сеймом проектов Сеймового Устава и закона о выборах для Великого княжества Финляндского, равно как и закона, содержащего переходные правила, переданные на обсуждение земских чинов Высочайшим предложением от 20 апреля (3 мая) 1906 г.

Принятые земскими чинами законопроекты в общем вполне соответствуют Высочайшему предложению и в них допущены лишь некоторые изменения по поводу которых имею честь объяснить следующее:

§ 17 проекта в Высочайшем предложении был изложен в следующей редакции. «Очередной Сейм собирается, по особому каждый раз созыву, ежегодно первого февраля, буде Государь Император и Великий князь не постановить иначе.....».

земские чины находят, что так как, очевидно, предполагается, что Сейм должен собираться ежегодно, что явствует также из §§ 26 и 74, равно как из введения к Высочайшему предложению, выражение же «буде Государь Император и Великий князь не постановит иначе.....» неопределенно, то земские чины во избежание недоразумений приняли этот § с заменою слов «не постановит иначе» словами «не назначит другого дня года».

Хотя такая замена и вносит некоторое изменение смысла этого параграфа, но ввиду того, что по смыслу законопроекта Сейм должен быть собираем ежегодно и Государю Императору принадлежит право во всякое время его распустить, я не встречаю препятствий к утверждению означенного параграфа в принятой земскими чинами редакции.

---

* *Далее, после общей части, следуют требования в области социального положения различных групп населения, демократических прав и свобод, аграрной программы.*

Против проектируемой земскими чинами замены одного выражения другим соответствующим в финском тексте § 57 проекта Сеймового Устава я также ничего возразить не могу.

Равным образом я не имею никаких возражений против изменения текста §§ 4, 7 и 37 закона о выборах и против исключения п. 2 § 56 того же законопроекта, вполне соглашаясь с доводами Сейма и заключением Сената.

Наконец ходатайство земских чинов о том, чтобы Государю Императору благоугодно было назначить срок, с которого представляемые законопроекты должны вступить в действие, вполне оправдывается тем, что ныне действующий Сеймовый Устав должен сохранить силу до окончания нынешнего чрезвычайного Сейма, которому предстоит рассмотреть еще несколько Высочайших предложений, причем я присоединяюсь к ходатайству Сената о том, чтобы сроком вступления в силу этих законопроектов было назначено 1 октября сего года.

Верно: Стромилов

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 17. Л. 8–8 об. Машинопись на полулисте большого формата. Подчеркивание карандашом.

№ 195. Обращение министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа на имя Императора Николая II «Об утверждении нового Сеймового Устава и других связанных с ним документов»

1(14) июля 1906 г.

1/14 июля 1906 г.
№ 200

Об утверждении проекта нового Сеймового Устава и других, связанных с ним законопроектов

Его Величеству благоугодно было утвердить принятый земскими чинами Сеймовый Устав, Закон о выборах для Великого княжества Финляндского и закон, содержащий вызываемые ими переходные правила. Сеймовый Устав Его Величеству благоугодно было утвердить Собственноручною Подписью. Сроками для вступления в действие всех трех узаконений назначено 1 октября/18 сентября сего 1906 года.

В Петергофе 7/20 июля 1906 года. Министр статс-секретарь А. Лангоф.

Во всеподданнейшем отзыве на Высочайшее Вашего Императорского Величества предложение о новом Сеймовом Уставе и законе о выборах для Великого княжества Финляндского земские чины ныне собранного чрезвычайного Сейма донесли, что они приняли содержащиеся в означенном предложении законопроекты, с немногими лишь изменениями.

В проекте Сеймового Устава земские чины сделали одну редакционную поправку в финском его тексте и, кроме того, изложили начальные определения § 17 в несколько иной редакции, дабы из него вполне ясно усматривалось, что Сейм должен собираться ежегодно. Означенный параграф, изложенный в Высочайшем предложении в следующих выражениях: «Очередной Сейм собирается по особому каждый раз созыву, ежегодно первого февраля, буде Государь Император и Великий князь не постановит иначе...» земские чины изменили следующим образом:

«Очередной Сейм собирается, по особому каждый раз созыву, ежегодно первого февраля, буде Государь Император и Великий князь не назначит другого дня года...»

Что касается проекта закона о выборах, то в нем земские чины исключили пункт 2 § 56, как практически неудобный, а также внесли незначительные, чисто формальные, изменения в §§ 4, 7, 15 и 37.

Наконец, в содержащиеся в том же Высочайшем предложении переходные правила земскими чинами включен новый (4-й) параграф, согласно которому установление срока вступления в действие Сеймового Устава и закона о выборах зависит от благоусмотрения Вашего Императорского Величества.

В истребованном по настоящему делу заключении Финляндский Сенат всеподданнейше доносит, что изменения, внесенные земскими чинами как в § 17 проекта Сеймового Устава, так и в некоторые параграфы законопроекта о выборах, не дают повода к каким-либо с его стороны замечаниям. Что же касается предположенного земскими чинами дополнения переходных правил указанием на срок вступления означенных законопроектов в силу, то, признавая с своей стороны необходимым установить, дабы новые законы восприяли действие до исхода текущего года, Сенат всеподданнейше представляет о Всемилостивейшем назначении сроком для вступления в силу всех трех вышепоименованных узаконений 1 октября настоящего года. Всеподданнейше представляя об изложенном, Финляндский Сенат ходатайствует о Высочайшем утверждении принятых земскими чинами: нового Сеймового Устава, закона о выборах для Великого княжества Финляндского и закона, содержащего вызываемые ими переходные правила.

Финляндский генерал-губернатор вполне присоединяется к настоящему заключению Финляндского Сената, поддерживая также и ходатайство его о назначении сроком вступления в силу новых узаконений 1 октября сего года. В частности, по поводу проектированного земскими чинами изменения § 17 Сеймового Устава, действительный тайный советник Герард замечает, что хотя такая замена и вносит некоторое изменение смысла этого параграфа, но ввиду того, что по смыслу законопроекта Сейм должен быть собираем ежегодно и Государю Императору принадлежит право во всякое время его распустить, он не встречает препятствий к утверждению означенного параграфа в принятой земскими чинами редакции.

Повергая изъясненное на Ваше, Всемилостивейший Государь, благовоззрение, обязываюсь всеподданнейше доложить, что ныне действующий Сеймовый Устав от 3/15 апреля 1869 года августейшим Дедом Вашего Императорского Величества, в Бозе почивающим Императором Александром II, был утвержден в особо торжественной форме, знаменовавшей чрезвычайное значение упомянутого акта для всего населения Великого княжества Финляндского. Указанная форма утверждения представляет, правда, значительные отступления от обычного в сем отношении порядка, установленного в недавнее время Высочайшим постановлением от 27 июня/10 июля 1902 года. Принимая во внимание, однако, что новый Сеймовый Устав коренным образом изменяет состав и организацию Финляндских Сеймов и, следовательно, имеет особо важное значение для края, приемлю смелость всеподданнейше испрашивать, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству Всемилостивейшее утвердить означенный Устав Собственноручною подписью.

Министр статс-секретарь (подпись)

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, всеподданнейший доклад 200/1906, папка Cc:582. Писарская копия с воспроизведением формуляра бланка «статс-секретариат Великого княжества Финляндского».

№ 196. Из Манифеста об утверждении Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского

7(20) июля 1906 г.

Ввиду выяснившейся необходимости дать дальнейшее развитие новым Основным законам организации финляндского народного представительства и по обсуждении сего законодательного вопроса в порядке, установленном в § 71 Сеймового Устава от 3(15) апреля 1869 года, Мы признали за благо сим утвердить к руководству принятый земскими чинами Финляндии по Нашему Величайшему предложению новый Сеймовый Устав для Великого княжества Финляндского следующего, слово в слово, содержания:

Глава I
Общие основания

§ 1. Сеïм Великого княжества Финляндского представляет финскиï народ.

§ 2. Сеïм образует одну палату в составе двухсот Сеймовых депутатов.

§ 3. Выборы Сеймовых депутатов производятся каждыï третиï год одновременно во всеï стране. Полномочия Сеймового депутата начинаются с объявления его избранным и продолжаются до окончания следующих выборов.

Государь Император и Великиï князь, буде признает то нужным, постановляет о производстве новых выборов до истечения упомянутого в пункте первом трехлетнего срока. В этом случае, если не последует нового роспуска Сеïма, полномочия депутатов продолжаются также в течение трех лет.

§ 4. Сеймовые депутаты избираются посредством прямых и пропорциональных выборов, для чего краï разделяется на избирательные округа, число коих должно быть не менее двенадцати и не более восемнадцати.

Буде по местным условиям потребуется отступить от пропорциональноï системы выборов, то сверхозначенного числа могут быть образуемы один или несколько избирательных округов для выбора только одного Сеймового депутата.

При выборах все избиратели имеют одинаковое право голоса. Избирательное право не может быть осуществляемо чрез поверенного. Подробные правила об избирательных округах, а также о времени и порядке производства выборов установлены Особым законом о выборах.

§ 5. Право участия в выборах Сеймовых депутатов принадлежит всем финляндским гражданам, как мужчинам, так и женщинам, коим до начала года, когда производятся выборы, исполнилось двадцать четыре года.

Избирательным правом, однако, не пользуются:

1. кто состоит на действительноï военноï службе;
2. кто состоит под опекою;
3. кто не числился в мантальных списках края за последние три года;
4. кто не уплатил, по иноï причине, кроме удостоверенноï общинным управлением бедности, наложенных на него за последние два года казенных податеï;
5. кто пользуется лично для себя пособием от учреждения общественного призрения бедных, если пособие это не случаïное;
6. кто не уплатил, по иноï причине, кроме удостоверенноï общинным управлением бедности, наложенных на него за последние два года казенных податеï;
7. кто приговорен за бродяжничество к общественным работам – до исхода третьего года после того, в котором он освобожден был из работного дома;
8. кто на основании законного приговора должен считаться лишенным неопороченного имени или признан недостоïным состоять на службе края или быть уполномоченным от другого лица;
9. кто уличен в том, что он на Сеймовых выборах покупал или продавал голоса, или покушался на то, или подал голос в разных местах, или же насилием или угрозою нарушил свободу выборов – до исхода шестого календарного года после постановления окончательного по делу приговора.

§ 6. В Сеймовые депутаты могут быть избираемы, независимо от местожительства, все пользующиеся избирательным правом.

§ 7. Должностные лица за посягательство повлиять своею служебною властью на Сеймовые выборы лишаются должности.

За нарушение свободы выборов подговорами или обещаниями виновныï подвергается тюремному заключению на срок не свыше трех месяцев. Если виновныï употребил при этом насилие или угрозы, то он подвергается тюремному заключению на срок от одного месяца до одного года включительно; должностные лица за такое преступление кроме того лишаются должности.

Если работодатель не допустит, по возможности, служащего у него избирателя к осуществлению избирательного права, то он подвергается денежному взысканию.

§ 8. Лицо, объявленное на основании Закона о выборах избранным в Сеймовые депутаты, не может быть освобождено от сего поручения, если им не указаны законные препятствия или иные причины, признанные Сеймом уважительными.

§ 9. Сеймовый депутат обязан при осуществлении своих полномочий руководствоваться велениями права и правды. Он обязан при этом соблюдать Основные законы и не связан никакими иными указаниями.

§ 10. Сеймовому депутату не должно быть воспрещаемо явиться на Сейм и осуществить свои полномочия.

§ 11. Сеймовый депутат не может быть привлечен к судебной ответственности или лишен свободы за выраженные им мнения или вообще за его поведение во время прений, если Сейм не изъявил на то согласия постановлением, принятым большинством пяти шестых присутствующих членов.

§ 12. Во время Сейма Сеймовый депутат не может быть без согласия Сейма заключен под стражу за преступное деяние, кроме тех случаев, когда о задержании его состоялось определение суда или он застигнут при совершении преступления, влекущего за собой наказание тюремным заключением на срок не менее шести месяцев.

Сеймовый депутат, арестованный во время следования на Сейм на ином основании, кроме упомянутого в пункте первом, должен быть освобожден, буде о том состоится постановление Сейма.

О заключении Сеймового депутата под стражу должно быть немедленно сообщено тальману.

§ 13. Если Сеймовый депутат во время следования на Сейм или обратно или во время Сейма оскорблен будет словом или действием и нанесшему оскорбление известно, что он Сеймовый депутат, или если против него учинено насилие после Сейма, за действия его по званию Сеймового депутата, то учинение такого преступления против Сеймового депутата считается особенно увеличивающим вину обстоятельством.

Сказанное о Сеймовых депутатах применяется также к секретарям и служащим Сейма.

§ 14. Сеймовые депутаты получают от казны содержание и кроме того вознаграждение за проезд на Сейм и обратно.

Содержание за время очередного Сейма составляет тысячу четыреста марок, если же Сейм был распущен или полномочия Сеймового депутата прекратились до исхода девяноста дней со дня открытия Сейма, то пятнадцать марок в день. На очередном Сейме, собравшемся, по распущении Сейма и по производстве новых выборов, не в установленный законом срок, равно как и на чрезвычайных Сеймах оклад содержания определяется по приведенному суточному расчету, с тем, однако, чтобы оклад этот в общей сложности не превышал тысячи четырехсот марок.

§ 15. Если Сеймовый депутат не прибудет своевременно на Сейм или, без согласия Сейма, не явится в заседание, не имея на то причины, уваженной Сеймом, то Сейм может присудить его к вычету из содержания по пятнадцати марок за каждый пропущенный день и кроме того к денежному взысканию не свыше суммы вычета. При неявке, несмотря на наложенное денежное взыскание, Сейм может объявить Сеймового депутата лишенным сего звания.

Глава II
Открытие, роспущение и закрытие Сейма

§ 16. Сейм заседает в главном городе края, кроме случаев, когда это, вследствие вторжения неприятеля или по другим важным препятствиям, является невозможным или угрожало бы безопасности Сейма; в таких случаях, место собрания назначается в пределах края Государем Императором и Великим князем.

§ 17. Очередной Сейм собирается ежегодно, по особому каждый раз сызнову, первого февраля, буде Государь Император и Великий князь не определит иной день года, и расходится по Высочайшему о том повелению в девяностый затем день, за исключением случаев, когда Государь Император и Великий князь, по Личному Своему усмотрению или по ходатайству Сейма, постановит, что Сейм имеет быть закрыт раньше или позже означенного срока.

Если упомянутый в предыдущем пункте или вообще определенный в настоящем Уставе для известных случаев срок приходится на праздничный день, то назначенным на такой случай сроком считается ближайший следующий непраздничный день.

§ 18. Если Государь Император и Великий князь во время очередного Сейма постановит о производстве новых выборов, то Сейм распускается в срок, объявленный по повелению Государя Императора и Великого князя. В таком случае после новых выборов очередной Сейм собирается вновь либо первого числа ближайшего календарного месяца по исходе девяноста дней со дня распущения, или же раньше, в срок, назначенный Государем Императором и Великим князем.

Если постановление о производстве новых выборов издано после закрытия очередного Сейма и выборы не могут быть окончены ранее первого числа следующего февраля месяца, то открытие очередного Сейма отсрочивается до первого числа календарного месяца после объявления об исходе выборов.

§ 19. Созвание чрезвычайного Сейма и определение срока его закрытия зависит от Государя Императора и Великого князя.

Срок открытия чрезвычайного Сейма назначается не ближе пятнадцатого дня, считая со дня объявления о созыве; заседания же его продолжаются не долее, как до последнего перед началом очередного Сейма непраздничного дня включительно.

На чрезвычайном Сейме рассматриваются только дела, послужившие поводом к созыву Сейма или вообще переданные Сейму Государем Императором и Великим князем, равно как и вопросы, находящиеся в неразрывной связи с такими делами.

§ 20. Постановления Государя Императора и Великого князя, упоминаемые в §§ 16, 18 и 19, объявляются в установленном для обнародования финляндских постановлений порядке.

Постановление о новых выборах сообщается кроме того губернаторам, а также тем властям и Комиссиям, от коих зависят распоряжения о производстве выборов.

§ 21. В день, назначенный для собрания Сейма, все Сеймовые депутаты должны с 11 часов утра в подробно объявленном аншлагом порядке предъявить свои полномочия тому или тем лицам, коих Государь Император и Великий князь назначит на проверку таковых. При первом предъявлении полномочий удостоверяется, выданы ли они подлежащею властью и в установленной форме.

Список имеющих надлежащие полномочия депутатов доставляется Сейму на следующий день до 10 часов утра.

Сеймовый депутат, явившийся после начала Сейма, допускается к участию в заседаниях по предъявлении тальману полномочия, одобренного установленным в первом пункте порядком.

§ 22. Если полномочие Сеймового депутата не одобрено, то Сейм имеет право решить, может ли он на основании сего полномочия быть допущен на Сейм.

Если во время Сейма на основании сего Устава будет сделано возражение против правоспособности Сеймового депутата, то вопрос также решается Сеймом, за исключением тех случаев, когда возражение, вследствие обжалования выборов, уже поступило или может поступить на решение подлежащей власти.

Засим вопрос о действительности Сеймовых выборов не может быть принят к рассмотрению на Сейм, за исключением тех случаев, когда сделано возражение, что при выборах или при распоряжениях по производству выборов допущены явно преступные действия или что при определении исхода выборов произошла несомненная ошибка. Если к тому же

в таких случаях очевидно, что преступное действие или ошибка могли оказать влияние на исходе выборов и изменение уже не может состояться в порядке обжалования, то Сейм, в видах исправления допущенных неправильностей, может принять меры соответственно определениям Закона о выборах.

Сеймовый депутат, право которого на это звание оспаривается, тем не менее сохраняет полномочия Сеймового депутата, впредь до объявления его неимеющим на то права.

§ 23. На второй день Сейм собирается в 10 часов утра на общее собрание, которое начинается с переклички по упомянутому в § 21 списку. На этом собрании Сейм избирает из своей среды тальмана и двух вице-тальманов.

Засим тальман и вице-тальманы в присутствии собравшегося Сейма дают один за другим следующее торжественное обещание:

«Я, такой то, обещаю при исполнении своих тальманских обязанностей всеми силами стараться охранять права как Государя Императора и Великого князя, так и Сейма и финского народа, согласно основным законам».

Впредь до сего председательствует старший по возрасту Сеймовый депутат. Протокол ведет лицо, назначенное председательствующим.

Секретари и личный состав Канцелярии назначаются в порядке, определенном Сеймом.

§ 24. В день и час, объявляемый по повелению Государя Императора и Великого князя, члены Сейма, после богослужения, собираются в тронном зале, где Государь Император и Великий князь, или кто Им будет вместо Себя назначен, приветствует Сейм и объявляет его открытым, после чего Сейм через тальмана выражает свое верноподданническое высокопочтение.

§ 25. При закрытии Сейма, Сеймовые депутаты, после богослужения, в назначенное Государем Императором и Великим князем время, собираются в тронном зале, где тальман пред Государем Императором или тем, кто им вместо Себя назначен, выражает верноподданническое высокопочитание и благопожелания Сейма и передает свод Сеймовых определений, после чего Государь Император и Великий князь, или кто Им будет к сему назначен объявляет Сейм закрытым.

Глава III
О порядке поступления дел на рассмотрение Сейма

§ 26. При открытии Сейма сообщается, по повелению Государя Императора и Великого князя, какие предложения Он передает при этом на рассмотрение Сейма.

В начале каждого очередного Сейма ему передается предложение о доставлении средств на те потребности, для покрытия которых Ординарные статные доходы являются недостаточными; для разъяснения сего к предложению прилагается расчет Ординарных средств и потребностей казны на следующий финансовый год.

Предложения, которые к тому времени не могли быть переданы Сейму, могут, однако, быть переданы на рассмотрение его также и впоследствии.

Повеления и предложения Государя Императора и Великого князя, передаваемые Сейму после открытия его, доставляются Сейму одним из членов Сената.

§ 27. Немедленно после открытия очередного Сейма ему должно быть сообщено о состоянии статного ведомства, дабы Сейм мог удостовериться, каким образом доходы казны употреблены на пользу и благо края.

§ 28. Согласно представленному пред сим земским чином праву, очередной Сейм может представлять Государю Императору и Великому князю петиции, которые Государь Император и Великий князь принимает во уважение, поскольку признает это для края полезным.

Проекты адресов, представляемых Сеймом на имя Государя Императора и Великого князя в исключительных случаях или по поводу особых событий, предварительно рассматриваются в подлежащей Комиссии, в порядке, установленном для петиций.

§ 29. Сейм имеет право принимать к рассмотрению внесенные Сеймовыми депутатами в надлежащем порядке моции об издании, изменении или отмене таких законов, которые зависят от согласного решения Государя Императора и Великого князя и Сейма.

Не разрешается, однако, вносить на Сейм моции, касающиеся Основных законов или законов об организации сухопутной или морской обороны; относительно издания церковных законов применяются правила, постановленные особо.

§ 30. Моции или проекты петиций могут быть вносимы Сеймовыми депутатами в четырнадцатидневный срок по открытии Сейма в письменном изложении. После сего срока Сеймовым депутатам не разрешается вносить моции или проекты петиций, буде таковые не вызываются непосредственно состоявшимся уже решением Сейма или другим происшедшим во время Сейма случаем.

Моции должны содержать изложенный в форме закона проект, а также соображения, на которых он основывается.

Не разрешается в одном представлении соединять дела разнородные.

§ 31. Если Государем Императором и Великим князем затребовано заключение Сейма по делу, о котором Государь Император и Великий князь может постановить без согласия Сейма, то Сейму надлежит в таковых видах рассмотреть дело и предоставить по оному заключение.

§ 32. Сеймовый депутат, желающий сделать запрос члену Сената по делам его ведомства с целью рассмотрения его в виде отдельного вопроса в общем собрании, должен представить тальману точно формулированный запрос в письменном изложении. Отложив слушание запроса до одного из следующих заседаний, Сейм постановляет, без предварительного обсуждения, может ли быть сделан данный запрос или нет. В утвердительном случае запрос сообщается, распоряжением тальмана, подлежащему члену Сената, который, буде он не признает запрос подлежащим отклонению, входит в соглашение с тальманом относительно времени сообщения разъяснений по этому запросу.

§ 33. Право Сейма входить в обсуждение закономерности служебных распоряжений членов правительства и порядок рассмотрения таких дел определяются Особым законом.

Глава IV
О подготовке дел

§ 34. В трехдневный срок по открытии Сейм избирает не менее тридцати пяти выборщиков и необходимое число кандидатов к ним для выбора членов Сеймовых комиссий.

Выборщики и кандидаты к ним назначаются посредством пропорциональных выборов. Подробные правила о порядке производства выборов издаются Сеймом к руководству впредь до иного о том определения.

§ 35. На очередных Сеймах в пятидневный срок по открытии назначаются: Комиссия основных законов, Комиссия законов, Комиссия хозяйственная и Комиссия бюджетная, каждая в составе не менее шестнадцати членов, и Банковая комиссия в составе не менее двенадцати членов. Одновременно с выбором членов Комиссий избираются также кандидаты к ним в числе не менее четвертой части членов Комиссий.

Сейм может также, в случае необходимости, назначать другие Комиссии, причем в такие Комиссии, если в состав их входят не менее двенадцати членов, могут быть передаваемы также дела, подготовка которых вообще, по свойству их, относится к ведению установленных в законе Комиссий.

Комиссиям представляется, когда дела того требуют, разделяться на отделения, которые, каждое от себя, представляют заключения от имени Комиссии. Если в таком случае окажется необходимость усилить состав Комиссии, то дело представляется на решение Сейма.

О Комиссиях экспедиционной и поверочной постановлено в § 76. Чрезвычайный Сейм назначает лишь те Комиссии, которые необходимы для подготовки дел, подлежащих рассмотрению Сейма.

§ 36. Если выборщики при назначении какой-либо Комиссии не могут прийти к соглашению относительно состава ее, то выборы членов производятся в порядке, установленном в § 34.

§ 37. В восьмидневный срок по открытии Сейм назначает для предусмотренного в § 57 обсуждения особых дел большую Комиссию в составе шестидесяти членов, избираемых в порядке, установленном относительно назначения выборщиков.

§ 38. Члены Сената не могут состоять членами Комиссий. Равным образом в Комиссии вообще не могут быть избираемы лица, отчет о служебной деятельности которых может подлежать поверке данной Комиссии.

В отношении выборов членов большой Комиссии применяется, однако, только ограничение, установленное в первом пункте.

§ 39. Сеймовые комиссии избирают, каждая из своей среды, председателя и вице-председателя и назначают секретарей и других служащих, по мере надобности.

Первое заседание созывается и на нем председательствует, впредь до выбора председателя, старший член Комиссии.

Комиссиям предоставляется для известного дела избрать из своей среды одного или нескольких докладчиков, которые при обсуждении дела на общем собрании Сейма или в большой Комиссии сообщают необходимые сведения.

§ 40. К ведению Комиссии Основных законов относится подготовка переданных в нее вопросов об издании, изменении, пояснении или отмене Основных законов.

Комиссией Основных законов подготовляются также вопросы, возникшие вследствие права Сейма поверять законномерность служебных распоряжений членов правительства.

§ 41. Комиссия законов представляет заключения по переданным в нее проектам об издании, изменении, пояснении или отмене общих законов.

[...]

Представление решений и заключений Сейма

§ 75. Если Сейм по поводу предложения Государя Императора и Великого князя об издании, изменении, пояснении или отмене Основного закона или по поводу предложения или моции, относительно другого закона, зависящего от согласного решения Государя Императора и Великого князя и Сейма, постановил принять законопроект, то таковой проект повергается, при представлении Сейма, на Высочайшее Государя Императора и Великого князя благовоззрение на предмет утверждения и издания закона. Если же Государь Император и Великий князь не признает возможным утвердить проект без изменений, вследствие чего проект всецело останется без последствий, то об этом сообщается ближайшему, по воспоследовании повеления Государя Императора и Великого князя, Сейму.

Прочие постановленные Сеймом решения и заключения, содержащие ответ на переданные Сейму предложения и запросы Государя Императора и Великого князя, равно как и те ходатайства на Высочайшее Имя, относительно которых состоялось определение Сейма, повергаются на благовоззрение Государя Императора и Великого князя в виде представлений.

[...]

Заключительное определение

§ 80. Настоящий Сеймовый Устав, коим отменяются Сеймовый Устав для Великого княжества Финляндского от 15 апреля 1869 года и Манифесты от 20 марта 1879 года, 25 июня 1886 года и 14 декабря 1897 года, должен оставаться в силе во всех частях, как незыблемый Основной закон, впредь до изменения или отмены его по согласному решению Монарха и Сейма Финляндии.

Определения, действующие по закону в отношении земских чинов края, применяются впредь к Сейму, в том составе, который он имеет по сему Основному закону, буде в настоящем Сеймовом Уставе не имеется иного о том постановления.

Для вящего утверждения подписали Мы сие Собственноручно.

НИКОЛАЙ.

В Петергофе 7(20) июля 1906 года.

Министр статс-секретарь А. Лангоф.

Опубл.: СПВКФ. № 26. С. 1; ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. 1. Ст. 28081;

Корево Н. Сеймовый Устав для Великого княжества Финляндского, высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб., 1913. С. 7–85.

№ 197. Высочайше утвержденный закон о выборах для Великого княжества Финляндского[444]

7(20) июля 1906 г.

Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому (СПВКФ. 1906. № 26, С. 27). – Государь Император, по всеподданнейшему представлению земских чинов Финляндии, в присутствии Своем в Петергофе, 7(20) июля 1906 года, Высочайше соизволил утвердить нижеследующий Закон о выборах для Великого княжества Финляндского.

Закон

ГЛАВА I

Об избирательных округах и учреждениях

§ 1.

Для выборов Сеймовых депутатов Финляндия разделяется на следующие избирательные округа:

1. Избирательный округ Нюландской губернии;

2. Южный избирательный округ Абоской губернии, обнимающий уезды Аландский, Вохмоский, Вирмоский, Пиикиисский, Халиккоский и Маскуский;

3. Северный избирательный округ Абоской губернии, обнимающий уезды Ульфсбюский, Икалисский, Тюрвяский и Лоймиёкский;

4. Южный избирательный округ Тавастгусской губернии, обнимающий уезды Таммелаский, Хаухоский и Холлолаский;

5. Северный избирательный округ Тавастгусской губернии, обнимающий уезды Биркалаский, Руовесиский и Ямсяский;

6. Западный избирательный округ Выборгской губернии, обнимающий уезды Кюмменеский, Лапвеисский и Страндаский;

7. Восточный избирательный округ Выборгской губернии, обнимающий уезды Яскисский, Эйряпяский, Кексгольмский, Кроноборгский, Сердобольский и Сальмисский;

8. Избирательный округ С.-Михельской губернии;

9. Западный избирательный округ Куопиоской губернии, обнимающий уезды Рауталампиский, Куопиоский и Иденсальмиский;

10. Восточный избирательный округ Куопиоской губернии, обнимающий уезды Либелитсский, Иломантсский и Пиелисъярвиский;

11. Восточный избирательный округ Вазаской губернии, обнимающий уезды Лауккаский и Куортанеский;

12. Южный избирательный округ Вазаской губернии, обнимающий Ильмолаский уезд, а также уезд Корсгольмский, за исключением общин Илистаро и Сторкюре;

13. Северный избирательный округ Вазаской губернии, обнимающий общины Илистаро и Сторкюре, Корсгольмского уезда, а также уезды Лаппоский и Педерсэреский;

14. Южный избирательный округ Улеоборгской губернии, обнимающий Салоский, Хапаярвиский и Каянаский уезды и общины Улео, Улеосало, Кемпеле, Лумиоки, Лиминка, Теммес, Тюрнявя, Мухос и Утаярви, Улеоского уезда;

15. Северный избирательный округ Улеоборгской губернии, обнимающий Кемиский уезд и общины Куйваниеми, Ийо, Хаукипудас, Киймиики, Илкиймиики, Пудасъярви, Тайвалкоски и Кусамо, Улеоского уезда, и

16. Лапмаркенский избирательный округ, обнимающий Лапмаркенский уезд.

Город причисляется к тому округу, к которому принадлежит прилегающая к нему местность.

В первых пятнадцати округах избираются посредством прямых и пропорциональных выборов сто девяносто девять Сеймовых депутатов, распределенных по округам соразмерно численности их населения по мантальным спискам. Распределение производится Сенатом каждый десятый год и публикуется в Сборнике постановлений.

Лапмаркенский избирательный округ избирает одного депутата в порядке, установленном § 53.

§ 2.

Для каждого избирательного округа учреждается заблаговременно до Сеймовых выборов Центральная комиссия в составе пяти членов, заседающая в том городе, где находится Губернское правление. Центральная комиссия пятнадцатого избирательного округа является в то же время Центральною комиссиею шестнадцатого округа.

Председатель и два члена Центральной комиссии с одним кандидатом назначаются Сенатом, а два члена и один кандидат – городскими гласными того города, где Комиссия заседает; полномочия их продолжаются впредь до назначения новой Комиссии.

Центральная комиссия назначает себе в помощь секретаря, необходимых счетчиков и прочих служащих.

§ 3.

Выборы Сеймовых депутатов производятся в каждой общине или, если община разделена на несколько избирательных участков, в каждом участке.

Если в сельской общине числится более тысячи пятисот жителей, то она разделяется Общинною управою на избирательные участки таким образом, чтобы население каждого участка не превышало означенной нормы, поскольку местные условия не требуют отступления от сего правила, чтобы участки составляли цельные части общины, разграниченные сообразно условиям сообщения. Города с населением свыше трех тысяч человек, равным образом, разделяются магистратом на необходимое число избирательных участков.

Общины с меньшим числом жителей против вышеуказанного также могут быть разделены на избирательные участки, если Общинная управа или магистрат признают это необходимым.

Произведенное Общинною Управою или магистратом разделение должно служить к руководству, хотя бы и было обжаловано, впредь до вступления в законную силу состоявшегося по жалобе решения.

Помещение для производства выборов отводится в каждом избирательном участке общиною.

§ 4.

В каждой сельской общине Общинная Управа в начале января месяца того года, в котором истекает трехлетний срок со времени последних Сеймовых выборов, назначает Избирательную комиссию в составе председателя и четырех членов для производства в общине выборов Сеймовых депутатов. Если по постановлению Государя Императора и Великого князя были произведены новые выборы, то новая Избирательная комиссия назначается в январе месяце следующего после таковых выборов года.

Если община разделена на избирательные участки, то для каждого участка назначается Особая комиссия.

Председатель и члены Комиссии, равно как необходимое число кандидатов к ним, избираются из числа пользующихся избирательным правом лиц, проживающих в общине; срок их поручения продолжается впредь до назначения новой Комиссии.

§ 5.

В городах обязанности Избирательной комиссии исполняет магистрат.

Если город разделен на избирательные участки, то магистрат, для производства самих выборов, разделяется на соответствующее число отделений и, в случае надобности, приглашает членов для заседания в этих отделениях.

В городах, где не имеется магистрата, установленные в настоящем Законе обязанности магистрата исполняются Орднингсманским судом.

ГЛАВА II

Об избирательных списках

§ 6.

Избирательный список составляется для каждого избирательного участка его Избирательною комиссиею.

Если город разделен на избирательные участки, то избирательный список для каждого участка составляется магистратом.

§ 7.

Для руководства при составлении избирательного списка, подлежащий Производитель мантальной переписи доставляет в Избирательную комиссию в январе месяце того года, в котором истекает трехлетний срок со времени последних Сеймовых выборов, список всех лиц, достигших к началу этого года двадцатичетырехлетнего возраста и проживающих в избирательном участке по мантальным спискам предыдущего года, с распределением их по деревням и гейматным нумерам, а в городах – по городским частям и кварталам.

Кроме этого списка, Производитель мантальной переписи составляет три дополнительных списка, по одному для каждого из следующих затем трех лет, с показанием, в том же порядке, проживающих в избирательном участке лиц, которым в предшествующем году должно исполниться двадцать четыре года.

Списки эти пишутся на бланках, доставляемых Производителю мантальной переписи распоряжением Сената.

Если известны обстоятельства, лишающие показанное в списке лицо избирательного права, то это отмечается в списке против его имени.

§ 8.

Немедленно по поступлении упоминаемого в § 7 списка, Избирательная комиссия, тщательно проверив его, вносит в список пользующихся избирательным правом лиц, опущенных в нем, и исключает из него всех, кто не пользуется избирательным правом. Затем список снабжается надписью о том, что это список избирателей данного избирательного участка, и подписывается членами Комиссии.

При проверке должен присутствовать Коронный ленсман или Городской фискал; подлежащее же духовенство и настоятели приходов обязаны, на основании церковных книг и реестров, сообщать Комиссии необходимые сведения.

§ 9.

Список избирателей должен быть доступен для просмотра, под надлежащим наблюдением в подходящем месте, в пределах избирательного участка, с 1 до 15 марта включительно, о чем объявляется в порядке, установленном для общинных публикаций.

Если кто полагает, что он неправильно исключен из списка избирателей или что другое лицо неправильно в нем значится, то ему предоставляется, по желанию, подать письменное заявление об изменении списка в Избирательную комиссию 16 марта до 12 часов дня или же ранее того – председателю Комиссии.

Опубл.: СПВКФ. 1906. № 26. С. 27–53; ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. 1. Ст. 28095.

№ 198. Высочайший Его Императорского Величества Манифест по Великому княжеству Финляндскому, данный в дальнейшее развитие Высочайшего Манифеста от 4 ноября (22 октября) 1905 г. о мерах к восстановлению закономерного порядка в крае и в целях устранения разлада и беспокойства, проистекающих из обстоятельств минувших лет

9(22) июля 1906 г.

Объявляем чрез сие: Манифестом от 4 ноября (22 октября) 1905 года Нами отменен ряд постановлений и законоположений, изданных в период времени с 1899 года. Ныне в дальнейшее развитие сего Манифеста и в целях устранения разлада и беспокойства, проистекающих из обстоятельств минувших лет, Мы признали за благо, согласно с принадлежащими Нам по Основным законам края правами, Высочайше повелеть исполнить следующее:

Жители Финляндии и общины в крае, подвергшиеся денежным или иным взысканиям за уклонение от исполнения определений, содержащихся в Высочайшем постановлении от 2 июля 1900 года о публичных собраниях в Великом княжестве Финляндском, в Высочайшем Манифесте от 12 июля (29 июня) 1901 года и в Уставе о воинской повинности от того же числа, а также в Постановлении от 2 апреля (20 марта) 1903 года о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия или в изданных в развитие сих постановлений, рескриптах, предписаниях или распоряжениях, освобождаются от всех указанных в сих узаконениях карательных последствий, причем штрафы, взысканные или уплаченные на основании оных, подлежат возвращению распоряжением Нашего Финляндского Сената, буде они не возвращены уже по всеподданнейшему о том ходатайству.

Жители края, учинившие за время с 30(14) октября по 30(14) ноября 1905 года, словами или действием, преступления против публичных властей или общественного порядка, предусмотренные §§ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16 и первою частью § 17 главы 16 Уголовного уложения Великого княжества Финляндского, освобождаются от всяких за сии преступления наказаний и преследований.

Бежавшим или без дозволения отлучившимся из края жителям Финляндии предоставляется в течение года со дня обнародования настоящего Манифеста вернуться в край, не опасаясь наказания за означенный проступок, причем желающим удостоиться сей Монаршей Нашей милости, но не имеющих возможности возвратиться в край до исхода указанного срока, надлежит в течение года явиться для заявления о сем к Нашим, пребывающим за границею посланникам, дипломатическим агентам и консулам.

Вместе с тем признали Мы за благо разъяснить, что должностные лица и чиновники, а также находившиеся на правительственной службе служители не подлежат преследованию и ответственности за служебные действия, совершенные ими на основании отмеченных Манифестом нашим от 4 ноября (22 октября) 1905 года постановлений и законоположений или вследствие предписаний, данных в силу этих узаконений.

Если в каком-нибудь из упомянутых в предыдущих пунктах случаев нарушены права частных лиц, то сей Манифест не лишает их права иска в законном порядке, но Финляндскому генерал-губернатору и Нашему Финляндскому Сенату предоставляем входить к Нам с всеподданнейшим представлением о возмещении из казенных средств причиненных убытков, буде к тому имеется основание.

С чем соображаться каждому, до кого сие касаться может. Для вящего утверждения подписали Мы сие собственноручно.

Николай

в Петергофе
9/22 июля 1906 года
Министр статс-секретарь А. Лангоф

НАФ. Фонд Хозяйственный департамент Финляндского Сената, папка Ее:138. Подлинник манифеста с контрассигнатурой А. Лангофа.

Опубл.: СПВКФ. 1906. № 37. С. 1; ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. 1. Ст. 28106.

№ 199. Сообщение «Финляндской газеты» об увольнении И.Л. Горемыкина и назначении П.А. Столыпина[445] председателем Совета министров[446]

11(24) июля 1906 г.

[ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА] Именными Высочайшими указами Правительственному Сенату председатель Совета министров действительный тайный советник Горемыкин увольняется от должности с оставлением членом Государственного совета. Министр внутренних дел действительный тайный советник Столыпин назначается председателем Совета министров с оставлением в должности министра внутренних дел.

Опубл.: Финляндская газета. 1906. 11(24) июля. № 104. С. 1.

№ 200. Сообщение (телеграммой) Финляндского генерал-губернатора П.П. Герарда министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу о свеаборгском восстании[447]

19 июля (1 августа) 1906 г.

Петербург Гельсингфорса 3193 ПР 238 19 3 25 ДНЯ Принята 19/VII. 1906 г.

Подробности событий в Гельсингфорсе и Свеаборге телеграфированы мною председателю Совета министров, сегодня же мною доведено до Государя Императора нижеследующее: в ночь с 17 на 18 июля в Свеаборгской крепости минная рота, а затем крепостная артиллерия подняли мятеж. Остальные части остались верными долгу. Произошло кровопролитное столкновение. С прибытием из Гельсингфорса двух рот 2 Финляндского стрелкового полка мятежники удалились из крепости. В их руках остались несколько судов и укрепления на близлежащих островах. Вслед за сим в управлении Свеаборгского порта на Скатудене моряки произвели тоже мятеж. В несколько часов он был подавлен благодаря совместной деятельности трех минных крейсеров с моря и 2 финл. стрелк. полка[448], с суши мятежников обезоружили, некоторые скрылись, задержаны сто десять моряков и 11 частных лиц, из них один русский. События эти вызывали волнения в Гельсингфорсе, Красная гвардия[449] и рабочие союзы объявили всеобщую забастовку. До сих пор она осуществляется лишь частично на частных заводах и мастерских, желая помешать прибытию войск. Красная гвардия повредила вчера железнодорожный путь в трех местах, сегодня он исправлен. Поврежден местами телеграф. Сегодня утром прибыл в Гельсингфорс командир 22 армейского корпуса барона Зальца и батальон пехоты с пулеметной ротой[450]. Следуют другие воинские части. Сообщение с Свеаборгской крепостью установлено, задержанные мятежники предаются суду, также возбуждается уголовная ответственность против виновных в преступных воззваниях и порче железнодорожного пути. Магистрат и Сейм обратились к народу с призывом к порядку[451]. В остальных местах Финляндии порядок нарушен не был.

Финляндский генерал-губернатор Герард.

Пометы: Сверху справа карандашом: Получено в 9 час. веч. 19 июля / 1 августа.

НАФ. Фонд личного происхождения министра статс-секретаря Финляндии А. Лангофа, папка 4. Телеграфная лента, наклеенная на бланк телеграммы.

№ 201. Сообщение (телеграммой) нюландского губернатора М.Т. Альфтана[452] министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу о восстании в Свеаборге

19 июля (1 августа) 1906 г.

Пбг Гельсингфорса 3192 СР ПР 84 1 3 20 ДН
Принята 19/VII. 1906 г.

В Свеаборге пушечная пальба с перерывами с 3 часов утра. Мятежники владеют пока частью крепости. В Гельсингфорсе сравнительно спокойно порядок соблюдается вполне. Участие Красной гвардии состоит в том, что она старается произвести перерыв в железнодорожном движении. Кроме рабочих металлических заводов, кои в числе 3 или 4000 уже раньше забастовали, делают стачку рабочие по строительному и столярному делу. Железные дороги, трамваи, извозчики находятся в деятельности, пароходное движение поддерживается вне Гельсингфорса, в губернии совершенно спокойно = Альфтан

Пометы: Сверху справа карандашом: Получено в 9 час. веч. 19 июля

НАФ. Фонд личного происхождения министра статс-секретаря Финляндии А. Лангоффа, папка 4. Телеграфная лента, наклеенная на бланк телеграммы.

№ 202. Сообщение «Финляндской газеты» о событиях в Свеаборге[453]

20 июля (2 августа) 1906 г.

События в Свеаборге

В воскресенье, 16-го июля, нижними чинами свеаборгской минной роты было заявлено неудовольствие на то, что деньги взамен винной порции не были выданы им на руки, а обращены на улучшение пищи. Разъяснения и увещания начальства успокоили недовольных, но на следующий день, вероятно под влиянием сторонних агитаторов, неудовольствие перешло в открытый мятеж, к которому примкнула крепостная артиллерия, в то время, как крепостной пехотный полк остался верным долгу. Мятежники арестовали начальника артиллерии генерала Агеева[454] и офицеров; артиллерийский полковник Нотара[455] был ранен несколькими выстрелами; затем мятежники бросили его в море с камнем на шее. Это и другие, изложенные ниже сведения, передаются по сообщениям местных газет, так как перерыв телеграфных и телефонных проводов и прекращение частного пароходного сообщения с Свеаборгом лишают возможности получить прямые и точные известия.

По газетным сообщениям, мятежные артиллеристы заняли острова Лагерный (Сандхами), Михайловский, Александровский и часть старой крепости; остальные части – в руках коменданта крепости генерала Лайминга, располагающего крепостным пехотным полком, который усилен присланными войсками из Гельсингфорса. Перестрелка из ружей, пулеметов и орудий между верными присяге войсками и мятежниками продолжалась с половины одиннадцатого до часу ночи и возобновлялась утром. Одна граната попала в свеаборгский собор; число убитых и раненых в точности неизвестно, указанная в местных газетах цифра в 500 человек крайне преувеличена. Часть раненых доставлена в гельсингфорсский лазарет, часть расположена в крепостном госпитале. Женщины и дети были вывезены из Свеаборга на пароходах и лодках в город.

Следующий день, т. е. вторник 18-го, прошел в Свеаборге сравнительно спокойно. Но вечером, около 8 часов, опять слышны были ружейные залпы и орудийные выстрелы. Утром же 19-го с трех часов началась страшная канонада: это обстреливалась центральная часть крепости – так называемый Комендантский остров, со всех фортов, занятых мятежниками. Непрерывное обстреливание длилось до седьмого часа утра, а затем после некоторого промежутка возобновилось и продолжалось в течение всего дня.

В пять с половиною дня на Михайловском острове, занятом мятежниками, взорвался пороховой погреб; последствия неизвестны.

В седьмом часу прибыли броненосцы «Богатырь» и «Цесаревич», которые приступили к обстреливанию мятежных фортов. Сообщение, однако, с крепостью, хотя и под огнем, поддерживалось оставшимися у коменданта пароходами: «Бомба», «Свеаборг» и «Опыт»; остальные перевозочные средства в руках мятежников.

В казармах свеаборгской роты на Скатуддене мятеж начался утром во вторник с прибытием четверых штатских агитаторов. Сторож у ворот не хотел пропустить неизвестных ему людей, но они проложили себе путь браунингами, проникли во двор казарм и были встречены сочувственно меньшинством чинов роты, очевидно подготовленных предшествовавшей агитацией. По приказу агитаторов мятежники арестовали офицеров, подняли на мачте красный флаг, насилием и угрозами принудили присоединиться к себе остальных нижних чинов, не желавших изменять долгу. Усиленные несколькими местными рабочими, которых мятежники вооружили ружьями и штыками, они пробовали двинуться в город, чтобы занять гауптвахту, но, встретив высланных для усмирения стрелков и казаков, отступили. Попытки агитаторов воодушевить их речами остались бесплодными, и мятеж, благодаря совместной деятельности трех минных крейсеров «Эмира Бухарского», «Финна» и «Казанца» с моря и 2-го финляндского стрелкового полка с суши, был в несколько часов потушен. Мятежники сдались и были обезоружены; зачинщики вероятно успели разбежаться, переодетые в штатское платье. Задержано сто десять моряков и 9 частных лиц, из них один русский. События эти вызвали волнение в Гельсингфорсе. Красная гвардия и рабочие союзы объявили забастовку; до сих пор однако она осуществилась лишь частично на частных заводах и мастерских. Подробности о движении в рабочем населении в эти дни будут собраны «Финляндскою газетою» впоследствии.

Стоящие в северной и южной гавани названные выше минные крейсера сохранили верность присяге. Некоторые из них обстреливали мятежные казармы из ружей и скорострельных орудий. Заслуживает быть отмеченным геройский подвиг мичмана де-Ливрона. Посланный снять поднятый мятежниками красный флаг, молодой офицер исполнил поручение под градом пуль; возвращаясь на катер, он был тяжело ранен, был доставлен в военный госпиталь и скончался от ран через несколько часов.

Начальник финской «Красной гвардии» капитан Кок выпустил воззвание, в котором выразил сочувствие мятежникам и объявил всеобщую забастовку. Позже такое же объявление было расклеено на фонарных и телеграфных столбах, по-фински и по-шведски, от имени «Комитета большой забастовки», но не встретило сочувствия в населении. Рабочие на некоторых постройках, фабриках и мастерских забастовали, но торговые заведения, трамваи, извозчики, типографии и пр. работают, магистрат, Сейм, администрация призывают население к спокойствию.

Отряд из 85 вооруженных «красных гвардейцев» во вторник утром прибыл на станцию Фредриксберг и потребовал, чтобы начальник станции остановил вопреки расписанию идущий из Гельсингфорса почтовый поезд. Получив отказ, «красные» сами остановили поезд и сели в вагоны, отказавшись платить за проезд. Они вышли в Рихимяках, где Кок потребовал дать в его распоряжение паровозы и вагоны. Его отряд, усиленный 80 местными «красными», снял рельсы между станциями Рихимяки и Рюттюля, с одной стороны, и Хикия – с другой, а также взорвали железнодорожный мост длиной в девять метров, заявив, что делают это дабы помешать движению воинских поездов; затем поврежден в некоторых местах телеграф.

Вчера утром прибыл в Гельсингфорс командир 22 корпуса барон Зальца и батальон стрелков с пулеметной ротой; следуют и другие части войск. Задержанные мятежники предаются суду, возбуждается также уголовная ответственность против виновных в преступных воззваниях и порче железнодорожного пути. В остальных местах Финляндии порядок не нарушен.

Опубл.: Финляндская газета. 1906. 20 июля (2 августа). № 109. С. 1.

№ 203. Сообщение «Финляндской газеты» о реакции Сейма на Свеаборгское восстание

20 июля (2 августа) 1906 г.

Заседание Сейма

В заседании Сейма во вторник все сословия внесли в свои протоколы такого содержания отзывы по поводу серьезного положения вещей, в котором очутился теперь главный город страны вследствие возмущения, вспыхнувшего в Свеаборге[456]. Рыцарство и дворянство: «Ввиду нынешнего серьезного положения вещей, когда в главном городе страны началась вооруженная борьба среди расположенных здесь русских войск, сословие признает своим долгом выразить свое убеждение в том, что финскому народу следует тщательно воздержаться от всякого активного вмешательства в борьбу, происходящую теперь в русском обществе. Борьба русского народа за свою свободу вызвала в нашем народе глубочайшее сочувствие. Но мы не имеем никакого права вмешиваться в нее. Наша особая задача обязует нас защищать наше самостоятельное национальное развитие и нашу закономерную древнюю свободу, являющуюся необходимым условием этого. Наше твердое убеждение состоит в том, что таким образом мы вместе с тем исполним свой долг по отношению к великому народу, с которым мы соединены». Остальные сословия внесли в свои протоколы приблизительно одинаковые отзывы, за исключением городского, выразившего между прочим, что «долг каждого финского гражданина – не только самому воздерживаться от всякого уклонения от законного порядка, содействовать поддержанию правильного взгляда на требования закона от каждого гражданина, – но тоже содействовать своим законным властям в их мероприятиях по поддержанию безусловного порядка среди нас».

Опубл.: «Финляндская газета». 1906, 20 июля (2 августа). № 109. С. 3.

№ 204. Из сообщения «Финляндской газеты» о роспуске Красной гвардии

20 июля (2 августа) 1906 г.

Роспуск «Красной гвардии»

Императорский Финляндский Сенат, ввиду преступного участия так называемой «Красной гвардии» в недавних событиях в Гельсингфорсе и Свеаборге, решил принять меры против этого сообщества и других, ему подобных.

В этом отношении Сенатом посланы следующие предписания.

1) Нюландскому губернатору:

«Хотя сообщество, именуемое "Красной гвардией", в течение нескольких месяцев действовало в Гельсингфорсе, не испросив в установленном порядке разрешения, однако до сих пор его существованию не ставилось препятствий со стороны властей, так как сообщество объявляло своею целью поддержание порядка на рабочих собраниях и других подобных сему случаях; притом же в настоящее время в законодательном порядке разрабатывается проект закона о собраниях и союзах на новых началах.

Между тем опыт последних дней уяснил, что вышеупомянутое общество дозволило себе такие действия, которые не только не содействуют поддержанию порядка, но напротив, являются тяжкими преступлениями против общественной безопасности; члены сообщества не только подвергли опасности железнодорожное движение путем разрушения рельсового пути, но и нападали на людей и совершали убийства при помощи огнестрельного оружия.

Посему предлагается вам объявить сообществу "Красная гвардия" в Гельсингфорсе, что оно не может существовать долее, и наблюсти, чтобы затем сообщество отнюдь не проявляло какой бы то ни было деятельности. Если же подобные ему другие общества дозволят себе совершать в пределах губернии насильственные или иные действия, угрожающие

общественной безопасности, надлежит вам и по отношению к ним поступать упомянутым выше образом»*.

Опубл.: Финляндская газета. 1906, 25 июля (7 августа). № 111. С. 1.

№ 205. Из обзора финляндской печати на события в Свеаборге, опубликованного в «Финляндской газете»

29 июля (11 августа) 1906 г.

[ИЗ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ] [Финляндские газеты по поводу событий в Гельсингфорсе и Свеаборге] Местная печать не могла не отозваться на недавние трагические события в Гельсингфорсе и Свеаборге. Приводим обзор статей важнейших газет.

«Hufvudstadsbladet», № 206, писал: «Все указывает на то, что причины событий связаны с общим ужасающим брожением во всей Российской империи – движением, последствий которого невозможно теперь еще предвидеть, но которое окончится укреплением свободы в этой злосчастной империи».

«На чьей стороне стоят симпатии финского народа в этой русской борьбе за свободу,– говорит газета, – в этом не может быть никаких сомнений. Но чем оживленнее мы желаем, чтобы свобода вышла победительницею в этой борьбе за законность, чтобы законный порядок вещей, основывающийся на гражданской самодеятельности, основался бы в этой империи, с которою наша страна связана, тем необходимее нам соблюдать строжайшую корректность по отношению к борьбе. Нет у нас лучшего способа, чем явиться живым примером того, что народ, пользующийся свободою под охраною законов, прогрессирует в своем развитии и благосостоянии. В русских радикальных сферах установился тот взгляд, что Финляндия – страна, живущая своею обособленною, самостоятельною жизнью, и что ей не следует вмешиваться в русские дела.

Так вполне определенно выразился член Государственной думы Аладьин[457]. Дальнейшее участие Финляндии в русских делах было бы непоправимою ошибкою, и со стороны русских было бы непростительно требовать этого».

«С вашей общественной точки зрения нельзя не порицать строго, что среди нас нашлась группа граждан, не желающая сознавать этого. Положение теперь крайне непрочное и может с часу на час измениться, но больше чем когда-либо необходимо соблюдать хладнокровие и относиться к нему сознательно. Нельзя не сказать откровенно, что часть Красной гвардии, во главе с ее начальником и стоящими с нею заодно, своим участием в событиях последних дней навлекли на страну неисчислимые опасности, за что не может их не осудить каждый мыслящий гражданин. Какая может быть польза от всеобщей забастовки, к которой господин И. Кок и его "комитет большой забастовки" теперь так бессмысленно приглашают? Может ли эта забастовка принести какую-либо пользу восставшим войскам или вообще русской борьбе за свободу? Много было разговоров об объявленном Красною гвардиею ее назначении, – содействовать поддержанию общественного порядка. Но что может быть опаснее для общественного спокойствия и порядка, чем общая забастовка, оставляющая без занятий массу населения и возбуждающая ее настроение?»

«Шествие во вторник 31-го августа Красной гвардии по гельсингфорсским улицам со знаменами побудило русские военные власти выслать казачьи патрули для поддержания общественного порядка; эти патрули отстраняли толпы любопытных зрителей от тех мест, где можно было предвидеть опасность».

«Прокламация господина Кока доказывает, что автор ее под влиянием событий утратил способность здраво относиться к событиям. Красная гвардия, объявившая своею задачею содействие сохранению общественного порядка и безопасности, в эти дни проявила себя не

* *Далее текст не приводится.*

только своею деятельностью на железнодорожных линиях, но и вообще крайне опасною для общественной жизни. Как выражение симпатий к русскому освободительному движению, действия Красной гвардии были положительно нецелесообразны. Русское движение носит массу доказательств сознательного отношения к положению нашего народа, отстраняясь от всего, могущего доставить нам неприятные осложнения».

«События последних дней еще раз подтвердили, что мы только спокойным и разумным отношением к событиям в России, активно не вмешиваясь в них, окажем наибольшую пользу русскому народу и вместе с тем не дадим никакого повода для вмешательства в наши дела с русской стороны».

«Обстоятельства однако доказывают, что некоторая часть нашего населения, не сознающая опасности и ответственности, не может относиться спокойно к событиям, подвергая этим опасности наше положение. Крайне унизительно для нас, что русские военные власти находят поводы для вмешательства в дела, подлежащие только ведению наших гражданских властей, в мероприятия для сохранения общественного порядка. Общество должно серьезно подумать и принять энергичные меры для устранения в будущем подобного нарушения общественного спокойствия. Если авторитет и сила общественных охранных команд окажутся недостаточными для поддержания общественного порядка, то пусть правительство подумает о мероприятиях, могущих впредь гарантировать общественный мир и порядок, могущие быть нарушенными событиями, вроде событий последних дней». [...]*

По мнению газеты «Laatokka» № 87, «после роспуска Государственной думы сомнений не оставалось, что волнения в России отразятся и на Финляндии, только в какой мере, – предугадать было трудно. Дни прошедшей недели уже определили, насколько русская революция коснулась нас: она ограничилась пока лишь Свеаборгом и Гельсингфорсом, вся же остальная часть страны осталась спокойной; это спокойствие, наверно, и в будущем не нарушится. Конечно, Финляндия всегда симпатизировала борьбе за свободу, т. е. той борьбе, которая в настоящее время ведется в империи. Страна, сама испытавшая такой же кризис, не может оставаться равнодушной, если точно такая же борьба ведется бок о бок с ней среди народа, связанного политическими узами с нами. Но сочувствие наше не может перейти те границы, за которыми нормальная жизненная колея теряет свой след и кидает путешественника на опасный путь. Нет, мы должны твердо держаться раз намеченного плана и не уклоняться ни в ту, ни в другую сторону. Активное участие Красной гвардии в волнениях войск Свеаборгской крепости, объявление Коком всеобщей забастовки, порча железнодорожного пути – все это меры более чем безумные. Кто уполномочил г-на Кока мутить народ и облекать Красную гвардию такою властью, какой никто и никогда не предоставлял? Мы доверились этой организации, наделили ее правом охранять общественный порядок, и что же вышло, оправдала ли она наше доверие? Вместо спокойного и авторитетного отношения к своей обязанности, она занялась разбойничеством и хищническими набегами, не гнушаясь даже пролитием крови своих собратьев, того же финского народа. Ей не жаль загубить несколько человеческих душ, она не входит в прямые интересы своей страны, даже готова бросить ее на растерзание, так пусть же она одна понесет наказание за свои неправильные действия, нежели весь народ станет подвергаться опасности и лишениям из-за нее одной. С настоящей минуты Красная гвардия всецело лишается доверия к ней не только умеренных финских партий, но даже крайней группы людей, принадлежащих к социал-демократам, ибо и последние в свою очередь жестоко осудили ее необдуманный образ действий».

«Но это еще не все. Безумный поступок этой горсти людей заставил в нашем главном городе русских солдат и казаков восстановлять порядок. Вряд ли кому-либо из финляндских граждан желательно такое вмешательство, это каждому понятно, почему и охранная гвардия немедленно отказалась от исполнения своей тяжелой обязанности».

---

* *Далее в обзоре публикуются статьи из шведской «Nya Pressen», социал-демократической «Työmies», старофинской «Uusi Suometar». (Прим. сост.)*

Осудив действия Красной гвардии, в заключение газета приходит к тому же выводу, как и «Uusi Suometar», т. е. чтобы охрана была организована на законных основаниях или в крайнем случае усилена полиция с содержанием за счет казны.

Опубл.: Финляндская газета. 1906. 29 июля (11 августа). № 113. С. 2.

№ 206. Циркуляр Сената о роспуске красной гвардии[158]

30 июля (12 августа) 1906 г.

[Окончательный роспуск красной гвардии] Императорский Финляндский Сенат постановил разослать начальникам всех губерний края следующий циркуляр:

«Ввиду поступления дальнейших сведений относительно организации Красной гвардии и ее поведения в различных местностях края, Императорский Сенат признал необходимым, в расширение предписания, сообщенного вам, г. губернатор, в циркуляре от 4-го августа, предписать вам немедленно объявить всем, находящимся в губернии отделениям Красной гвардии, что они не могут существовать долее. Вам, г. губернатор, надлежит наблюсти, чтобы эти отделения отнюдь не проявляли какой бы то ни было деятельности».

Опубл.: Финляндская газета. 1906, 30 июля (12 августа). № 114. С. 1.

№ 207. Манифест по Великому княжеству Финляндскому. Закон о свободе слова, собраний и союзов[159]

7(20) августа 1906 г.

Объявляем чрез сие. По передаче земским чинам Высочайшего предложения относительно основных законоположений о свободе слова, собраний и союзов и по обсуждении сего законодательного вопроса в порядке, установленном в § 71 Сеймового Устава от 3(15) апреля 1869 года, Мы признали за благо сим утвердить к руководству принятый земскими чинами закон по сему предмету следующего, слово в слово, содержания:

Закон

В развитие и для обеспечения общих прав финляндских граждан сим устанавливаются следующие определения, имеющие силу Основного закона:

Финляндские граждане пользуются свободою слова и правом издавать в печати письменные изложения или изображения, и предварительно не должны быть чинимы сему препятствию.

Финляндские граждане имеют право, без предварительного разрешения, собираться для обсуждения общественных дел или для других дозволительных целей и образовывать общества, преследующие задачи, не противные закону или нравственности.

Правила о том, что должно быть соблюдаемо при пользовании этими правами, имеют быть изданы в установленном для общих законов порядке.

Для вящего утверждения подписали Мы сие Собственноручно.

НИКОЛАЙ

Опубл.: СПВКФ. 1906. № 38. С. 1; ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. 1. Ст. 28208.

№ 208. Из выборной программы социал-демократической партии[460]

7–14 (20–27) августа 1906 г.

Выборная программа социал-демократической партии

А. Осуществление политической демократии

I. Расширение прав представительства

а) Право законодательства

Законодательные права представительства должны быть расширены в том смысле, чтобы представительство могло свободно обсуждать и разрешать любые законодательные вопросы и законопроекты, а для этого необходимо:

1) дополнить бюджетные права Сейма в том смысле, чтобы это право охватывало собою также и таможенные налоги, и платежи за услуги, оказываемые общественными учреждениями и властями частным лицам;

2) право Монарха единолично распоряжаться в области экономического законодательства должно быть отменено, и представительству должны быть даны те же права, что и в других отраслях законодательства;

3) представительству должно быть даровано полное право инициативы относительно основных законов и законов, касающихся церковных вопросов;

4) абсолютное право Главы государства отказывать в утверждении законов должно быть отменено; в случае конфликта Он может обратиться или к новому, собранному путем немедленно же произведенных выборов представительству, или же к всенародному голосованию.

б) Влияние и контроль представительства над общим управлением страною

Представительству должно быть даровано право в достаточной степени влиять и наблюдать за общим управлением страною, а для этого необходимо:

1) чтобы непосредственная власть распоряжения, принадлежащая Главе государства, была по возможности ограничена, и чтобы все руководство исполнительною властью было передано в руки независимого от Главы государства и пользующегося доверием Сейма правительства;

2) чтобы всегда один из членов правительства скреплял своим именем все постановления и решения Главы государства, которые тем самым приобретают силу, и брал полную ответственность за них на себя;

3) чтобы члены правительства были ответственны перед Сеймом не только за законность своей деятельности, но и за ее целесообразность, и притом так, чтобы за общую деятельность всего правительства отвечали все его члены в совокупности, и кроме того, чтобы каждый член в отдельности был ответствен за свою деятельность;

4) чтобы Сейм имел право наблюдать за деятельностью правительства во всех отношениях и для этого рассматривать любые имеющиеся у правительства или подчиненного ему ведомства деловые документы, на основании которых каждый депутат может предъявить членам правительства требующий ответа вопрос, на который последние в свою очередь должны отвечать перед представительством.

в) Право представительства распоряжаться и наблюдать за управлением казенными средствами

Представительству должно быть дано право распоряжения и деятельного надзора за государственным имуществом и заведованием казенными средствами, путем:

1) дарования представительству права определять общий характер управления доходными государственными имуществами;

2) предоставления представительству законом утвержденного права окончательно решать относительно необходимого государственного займа, его величины и той цели, на которую он должен быть употреблен;

3) представления ежегодно, в целях составления финансового закона, которым следует руководиться при управлении казенными средствами, на рассмотрение Сейма составлен-

ной на следующий финансовый год, по возможности полной и обстоятельной, росписи государственных доходов и

4) расходов, относительно которой Сейм имеет неограниченное право окончательного решения;

5) ответственности правительства перед Сеймом как за соблюдением финансового закона, так и вообще на целесообразность управления казенными средствами, за которыми Сейм наблюдает при помощи происходящей ежегодно экстренной надлежащей ревизии.

II. Изменение Сеймового Устава

а) Устранение ограничений избирательного права

Пятый параграф Сеймового Устава должен быть изменен так, чтобы избирать представителей имел право каждый финляндский гражданин, которому исполнился 21 год, и чтобы, таким образом, все постановления, ограничивающие всеобщее право голоса, были устранены.

б) Открытое голосование в представительстве

Параграф 66-й Сеймового Устава должен быть изменен в том смысле, чтобы все происходящие в представительстве голосования совершались открыто.

Эти требования, касающиеся изменения Основного закона, будут представлены в виде петиций.*

Опубл.: Политические партии в Финляндии. Программы партий старофинской, шведской народной, младофинской, социал-демократической, христианского рабочего союза и аграрного союза. С предисловием И.А. Кочкарева. СПб., 1909. С. 68–70.

№ 209. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о составлении проекта речи Императора при закрытии Сейма

20 августа (2 сентября) 1906 г.

Христиания, Воксенколлен, 2 сентября 1906 г.

Ваше Превосходительство,

Ввиду более чем двухнедельного перерыва моего пребывания в Норвегии вследствие событий, которые потребовали моего возвращения в Гельсингфорс 2 августа, Ваше Превосходительство соблаговолили позволить мне продлить мое отсутствие на несколько дней после 1 сентября. При той же оказии 12 августа, когда речь зашла о составлении проекта речи Его Величества на церемонии закрытия Сейма, Вы высказали мнение, что эта речь должна носить актуальный характер и потому не может быть подготовлена сильно заранее. Следовательно, а также потому, что закрытие Сейма предположительно сможет состояться не ранее чем около 15 сентября[461], мое сотрудничество в редактировании проекта не исключено, если я смогу вернуться в первую неделю сентября.

Поскольку кожная болезнь («нервная экзема»), которой я страдал с первых дней июля и которая обострилась после путешествия в августе месяце, требует тщательного лечения, мне было невозможно выехать немедленно.

По этой причине я сразу же по прибытии указанной телеграммы составил к услугам Вашего Превосходительства проект речи. Я позволил себе уведомить Вас об этом вчера следующей телеграммой:

---

* *Далее следуют разделы: «Б. Преобразование законов, касающихся гражданских свобод», «В. Общинное право голоса», «Г. Сельскохозяйственный вопрос», «Д. Законодательство относительно защиты рабочих», «Е. Страхование от неработоспособности и старости», «Ж. Реформа обложения», «З. Запретительный закон относительно крепких напитков», «И. Школьный вопрос», «Й. Положение женщины», «Требования собрания торпарей в Таммерфорсе», «Национальный вопрос».*

«Задерживаемый болезнью еще на несколько дней, я отправил сегодня сенатору Антеллу* проект речи, чтобы его незамедлительно передали Вашему Превосходительству в переводе».

Я очень хорошо понимаю, что моя помощь в редактировании заключительной речи не так уж Вам необходима; Вы, разумеется, более компетентны, нежели я, чтобы придать этому документу особый, приличествующий ему характер. Но, поскольку Ваше Превосходительство соблаговолили оказать мне честь просьбой о моем сотрудничестве и поскольку желательно, чтобы речь выражала относительно текущего положения мысли, разделяемые также Сенатом, – я нашел своим долгом сделать что мог, чтобы внести со своей стороны вклад в данную работу.

Мой проект, возможно, дошел до Вас слишком поздно. В таком случае прошу Ваше Превосходительство принять в соображение непредвиденные и неблагоприятные обстоятельства, каковые стали тому причиной.

Сегодня врач разрешил мне уехать через несколько дней. Я буду в Гельсингфорсе в следующую пятницу или субботу (7 или 8 сентября). Таким образом, я буду в распоряжении Вашего Превосходительства, если Вы пожелаете поручить мне, как на открытии Сейма, зачитать тронную речь на финском и шведском языках.

Прошу Ваше Превосходительство принять заверения в моем глубоком уважении и моей искренней преданности.

Л. Мехелин

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 16–17. Рукопись на французском языке.

№ 210. Речь Императора Николая II при закрытии Сейма[462]

5(18) сентября 1906 г.

Высочайшая Его Императорского Величества
Речь

земским чинам, прочитанная от Высочайшего Имени генерал-губернатором, 5-го (18-го) сего сентября в Тронном Зале Гельсингфорсского Императорского Дворца при закрытии чрезвычайного Сейма:

Представители финского народа!

Вы были призваны на чрезвычайный Сейм для обсуждения проектов преобразования Основных законов, касающихся прав представительства, прав печати, собраний и союзов, а также некоторых законов, не имеющих значения основных, но затрагивающих важнейшие стороны государственной жизни, как например, порядок избрания Сеймовых депутатов.

Ныне, после продолжительной, девятимесячной работы, вы окончили вам поставленную задачу, и Я с удовольствием удостоверился, что вы внесли в ваш труд необходимые для его успеха знание, спокойствие и беспристрастие. Некоторые из рассмотренных вами законопроектов Мною уже утверждены; соображения ваши, высказанные при обсуждении остальных, будут приняты Мною во внимание.

Благодарю вас за неоднократно в течение этой сессии выраженные Мне верноподданнические чувства. Я не сомневаюсь в их искренности.

В нынешний чрезвычайный Сейм в последний раз собиралось в Финляндии сословное представительство, с давних пор призываемое Монархами к соучастию в законодательной работе. Оно заканчивает ныне свою деятельность разработкою нового Сеймового Устава и закона о выборах, распространяя политические выборные права на всех без различия граждан, независимо от их общественного положения или иных условий. Да послужат эти законы прочным основанием дальнейшего развития края в области права и культуры.

---

* *Правильно – Антелю.*

К сожалению, в некоторых местах края в последнее время обнаружилось в среде рабочих недовольство своим экономическим и правовым положением. Надеюсь, что это тревожное состояние умов и брожение исчезнут, коль скоро народ найдет в закономерном обсуждении его пожеланий вернейший путь к удовлетворению своих потребностей.

Правительство с своей стороны, озабочиваясь развитием законов и установлений в соответствии с современными требованиями, не преминет сделать почин в изыскании законодательных мер, которые бы были направлены к улучшению быта трудящихся либо обездоленных членов общества. Я ожидаю, что в недалеком будущем окажется возможным изготовить для Сейма проекты реформ, касающихся экономического положения сельскохозяйственных и промышленных рабочих.

В такое время как нынешнее, когда общественные и государственные преобразования коснулись самых существенных сторон народной жизни, необходимо, чтобы все благомыслящие люди приняли деятельное участие в предстоящем разрешении задач, вновь выдвигаемых современною жизнью. Искренно желаю, чтобы между правительственными властями и частными гражданами установилось плодотворное взаимодействие.

Воссылая вместе с вами молитвы к Всевышнему о благоденствии Финляндии, объявляю заседание Сейма закрытым.

«Николай»

Опубл.: Финляндская газета. 1906, 7(20) сентября. № 135. С. 1; СПВКФ. 1906. № 45. С. 2.

№ 211. Из Программы старофинской партии

9–11(22–24) октября 1906 г.

Программа финской партии
Принята общим съездом партии в Гельсингфорсе
(22–24 октября 1906 года)

А. Государственно-правовое положение Финляндии

Расширение прав представительства

Финская партия считает необходимым, чтобы в следующую сессию Сейма на одобрение представительства был внесен законопроект, который ясно определил бы положение Финляндии в составе Российской империи и обеспечил бы внутреннюю самостоятельность, которою пользуется наша страна, и чтобы в ближайшую сессию был представлен проект новой формы правления для нашей страны, который, будучи построен на базисе старых Основных законов, расширил бы власть представительства, особенно дарованием Сейму права принимать участие и иметь решающий голос при определении таможенных налогов, расходовании так называемых Ординарных средств казны и при установлении оснований заведывания казенными имуществами.

Б. Программа относительно языка

1) Финский язык в качестве национального должен быть языком всех казенных ведомств, властей и казенных учреждений.

Однако население шведских местностей имеет право получать деловые документы на шведском языке от всех тех ведомств, служебный район которых охватывает собою всю страну, а также от тех властей, в служебном районе которых имеется хотя бы одна шведская община или такая финская, в которой значительное меньшинство шведское. Вместе с тем это население имеет право подавать деловые документы вышеупомянутым властям на своем языке.

Это должно быть установлено Основным законом.

2) Для поступления на службу необходимо полнейшее знание финского языка. При этом следует наблюдать, чтобы чиновники, назначаемые в район с шведским населением, знали шведский язык, и чтобы в учреждениях, служебный округ которых заключает в себе такой район, имелось достаточное число чиновников, знакомых со шведским языком.

3) В финских областях казна может поддерживать и субсидировать только финские учебные заведения.

4) В университете и других высших учебных заведениях страны входящее в обязанность наставников преподавание должно вестись на финском языке.

5) Казна должна деятельно помогать и щедро субсидировать такие стремления, целью которых является распространение финской культуры*.

Опубл.: Политические партии в Финляндии. Программы партий старофинской, шведской народной, младофинской, социал-демократической, христианского рабочего союза и аграрного союза. С предисловием Н.А. Кочкарева. СПб., 1909. С. 20–21.

№ 212. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.И. Герарда Императору Николаю II об обществе «Войма»[463]

14(27) октября 1906

События последнего времени несомненно доказывают, что общественный порядок и спокойствие в Финляндии в настоящее время не могут считаться вполне обеспеченными.

События эти доказывают также, что в крае существуют организации, которые не желают подчиниться даже незначительным ограничениям, установленным законодательством для обеспечения контроля за их деятельностью со стороны государственной власти в целях предупреждения злоупотребления свободой союзов, и существуют вне всякого контроля означенной власти. Помимо изложенного, несомненным является и то положение, что упоминаемые сообщества преследуют скрытые политические цели. Одна из таких организаций, известная под названием «Красной гвардии», выступавшая долгое время в роли мирной рабочей организации национального финского характера, отстаивая интересы социал-демократической партии, открыто проявила тесную связь с русскими революционерами во время Свеаборгского возмущения, что и вызвало распоряжение ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената о прекращении ее существования[464].

Позднее ряд отдельных фактов и промелькнувших в печати отрывочных сведений привел к раскрытию иной нелегализированной и тщательно скрывавшей свое существование организации под названием союза Силы – Woima** – сообщества, имевшего за собою, насколько позволяют судить собранные по моему распоряжению по настоящее время данные, симпатии шведской части населения.

Первоначально, при появлении в печати минувшею весной, отрывочных и крайне неопределенных сведений об этом обществе[465], существование его отрицалось.

В ответ на сделанный мною по этому поводу первый официальный запрос, Нюландский губернатор донес мне, что полицейским расследованием установлено, что между спортсменами действительно возникала мысль о соединении их в общество, под названием «Woima», для подъема в крае интереса ко всякого рода спорту, но что нет признаков действительного существования такого общества[466]. Шведская же печать и раздававшиеся в обществе голоса

---

* *Далее следуют разделы: «В. Учебная программа», «Г. Аграрная программа», «Д. Сокращение и улучшение состава чиновников», «Е. Обновление судебного ведомства», «Ж. Преобразование системы обложения», «З. Общинное право голоса», «И. Рабочий вопрос», «Й. Свобода совести и гражданский брак», «К. Церковно-хозяйственные вопросы», «Л. Церковное право голоса», «М. Законодательство относительно спиртных напитков», «Н. Уничтожение регламентированной проституции», «О. Правовое положение женщины».*

** *Правильно: Voima.*

решительно оспаривали подлинность оглашенных циркулярных воззваний общества Воїма за подписью некоего Эро Кальске (псевдоним), призывавших граждан к поголовному вооружению и восстанию, приписывая их происхождение провокаторству. Тем не менее неясные и противоречивые объяснения как должностных лиц, так и общественных деятелей, с которыми мне пришлось встретиться при личных обращениях за разъяснением вопроса о существовании вышеупомянутой организации, привели меня вскоре к несомненному убеждению в справедливости возникших слухов[467].

Письмами 10 и 21 мая я просил распоряжения министра внутренних дел о розыске через Департамент полиции и сообщении мне каких-либо документов, циркуляров, воззваний или же вообще иных осязательных данных, на основании которых представилось бы возможным установить с несомненностью существование в крае тайной организации, называющейся союзом Силы. Вследствие сего министром внутренних дел мне было доставлено несколько воззваний и циркуляров за подписью некоего Эро Кальске[468], псевдоним центрального комитета общества Воїма, как оказалось впоследствии.

Кроме того, по моему распоряжению местный русский орган печати – «Финляндская газета» обратилась к обществу с просьбой помочь освещению вопроса присылкою редакции находящихся, по слухам, в обращении в крае листков, распространяемых обществом «Woima»[469]. В ответ на это обращение двумя лицами были доставлены два гектографированных воззвания центрального комитета на финском языке, вполне сходных по содержанию с известными мне уже ранее и с материалами, доставленными мне позднее Министерством внутренних дел. Позднее в некоторых финских газетах были перепечатаны тайные воззвания центрального комитета этого общества к его провинциальным отделениям, на основании которых можно судить, что это общество употребляло свои средства на приобретение боевых ружей, принимало меры к снабжению ими своих членов и вводило тайное обучение последних различным военным приемам.

Далее обнаружилось, что в некоторых местах оно встретило сочувствие даже со стороны общественных учреждений: так, в городе Куопио, как оказалось при рассмотрении отчета о распределении городскими гласными дохода от питейных заведений за 1905 год, обществу под названием «Woima» было выдано пособие в 300 марок. На запрос мой по этому поводу губернатор донес, что в Куопио существует общество спортсменов «Куопион Воїма», что оно основано недавно, утвержденного Устава не имеет, и что выданное пособие предназначалось на приобретение гимнастических приборов. Распоряжением моим действия этого общества прекращены впредь до утверждения Сенатом надлежащего Устава. На судебном разбирательстве по поводу убийства рабочими инженера Гефферта в Мола в Выборгской губернии[470] допрошенные красногвардейцы глухо упоминали о запасах боевого оружия, имеющегося, по народной молве, в распоряжении общества Воїма. Наконец, существовали и иные, хотя и не вполне конкретные признаки, дававшие некоторое право предположить об участии организации «Woima» в незаконном ввозе в Финляндию оружия и боевых припасов.

На основании приведенных данных 19 сентября с. г. я предложил Императорскому Финляндскому Сенату озаботиться производством самого тщательного расследования относительно существования в крае нелегализированной организации – «Воїма», для выяснения ее деятельности, состава участников, средств и преследуемых ею задач и целей. При этом мною указывалось Сенату на необходимость обсуждения принципиального вопроса о недопустимости дальнейшего существования в крае подобного рода стоящих вне закона сообществ и о неотложном принятии мер к прекращению существования союза «Силы» в случае справедливости имевшихся о нем сведений[471]. Сенатское расследование по этому делу производится в настоящее время.

Между тем в самое последнее время выступили еще более определенные факты для оценки незаконной и преступной деятельности этого общества. 15 сентября на пароходе «Ханхи», пришедшем в Гельсингфорс из Бьернеборга, был доставлен под грузом кирпича в 29 ящиках транспорт боевого оружия, состоявший из 540 дальнобойных ружей, 250 штыков и до 100 металлических гильз крупного калибра, пригодных для начинки взрывчатым

веществом (изготовления бомб)[472]. Транспорт был обнаружен полицией[473] и конфискован: при первоначальном расследовании оказалось, что ящики были адресованы в Гельсингфорс на имя лица, принадлежавшего в прежнее время к партии активного сопротивления, ныне издателя лис²тка крайнего направления – «Wastaisuus» – некоего Маннелина[474]. На полицейском дознании по этому делу Маннелин заявил, что конфискованные ружья предназначались для Гельсингфорсского отделения общества Войма, для упражнения его членов в стрельбе в цель; при этом он отказался объяснить, для какой цели предназначались гильзы, заявив, что назначение их ему неизвестно.

Судебное следствие по этому поводу шло первоначально по ложному пути, ограничившись рассмотрением дела исключительно с точки зрения нарушения таможенного Устава[475]. Такое отношение местного суда к правонарушению, явно заключающему в себе все признаки угрозы существующему порядку и общественной безопасности, представлялось явно тенденциозным. Ввиду сего мною было заявлено прокурору Сената требование о строгом и всестороннем расследовании дела по существу, а также о выяснении вопроса о том, не являются ли Маннелин, другие лица виновными в преступлении, предусмотренном в § 2 п. 3 или же § 4 главы 11 Уголовного уложения – приготовлениях к низвержению существующего государственного строя.

Губернаторам же Або-Бьернеборгскому и Вазаскому было предписано о производстве точного расследования о происхождении доставленного на пароходе Ханхи в Гельсингфорс оружия, вывезенного, по первоначальным сведениям, из пределов ВЫСОЧАЙШЕ вверенных их управлению губерний.

В связи с вышеприведенными сношениями моими с ИМПЕРАТОРСКИМ Финляндским Сенатом вопрос об организации «Woima» стал тогда впервые в крае достоянием широкой гласности и оживленного обсуждения в печати. Возникшая отсюда резкая газетная полемика, разделившая печать шведоманскую и примыкающую к ней по направлению младофинноманскую – с органами старофинноманской партии на два враждующих лагеря, не щадящих друг друга в разгаре партийного озлобления, сильно способствовала близкому к действительности ознакомлению с вопросом.

Выступая во главе оппозиции, орган старофиннов газета «Uusi Suometar» поместила ряд статей, заключающих в себе, с одной стороны, свод обвинений союза Войма в противоправительственной деятельности, с другой – ряд упреков попустительству и бездействию некоторых чиновников в этом деле[476].

В своей полемике шведские газеты избрали исходным положением признание за обществом Войма значения исключительно спортивного общества, преследующего цели облагораживающего физического оздоровления юношества, объясняя обличительное рвение суометарианской печати стремлением дискредитировать правительственную партию конституционалистов.

Тем не менее, становившиеся все более определенными обвинения старофинноманской прессы не могли не обратить моего серьезного внимания: указывая на ряд известных ей, большею частью по слухам, случаев водворения в крае заботами общества Войма партий боевого вооружения, она определила количество приобретенного этим союзом оружия до 9000 ружей. Вместе с тем ею предъявлено было открытое обвинение к некоторым должностным лицам, при содействии которых, будто бы, были водворены отдельные транспорты оружия. То же мнение было высказано и на происходившем в недавнее время в Гельсингфорсе съезде старофиноманов, выразивших осуждение как самой организации, имеющей целью вооружение части населения ради обеспечения партийных интересов и защиты стремящихся к захвату власти элементов, оказывающей развращающее влияние на мирное и законопослушное по природе население края, так и правительственной власти, относящейся инертно в деле расследования одного из важнейших явлений местной общественной жизни.

С другой стороны, полное отсутствие опровержений по существу от лица шведской и младофиноманской печати, как бы подтверждало наихудшие предположения. Сторон-

---

[а] *Вписано чернилами.*

ники сообщества Войма ограничивались обещанием, что представители этого, будто бы организующегося еще в Финляндии, союза вскоре соберутся в Гельсингфорсе, огласят отчет о своих действиях и, изобличая несправедливость возведенных на них обвинений, заявят ходатайство ИМПЕРАТОРСКОМУ Финляндскому Сенату о рассмотрении и утверждении их Устава.

Новый материал и данные, извлеченные из упомянутой мною газетной полемики, послужили основанием для нового моего обращения к Сенату с предложением произвести всестороннее и тщательное расследование по поводу указываемых случаев вывоза в пределы края запрещенного оружия и вооружения им части населения.

Предварительно окончания производящихся ныне по моему требованию административного и судебного расследований по настоящему делу, я не считаю возможным высказаться с достаточною определенностью относительно значения и представляющейся для общественного порядка угрозы в лице финляндской организации союза «Силы». Притом я надеюсь, что в настоящее время судебное следствие раскроет ее истинное значение, состав участников и средства, которыми располагает эта скрывавшаяся организация.

Ныне уже состоялся в Гельсингфорсе обещанный сторонниками Воймa съезд представителей отделений этого союза, охватившего как видно, своею сетью всю Финляндию[477]. От имени означенного союза обращено к ИМПЕРАТОРСКОМУ Финляндскому Сенату ходатайство о допущении официального существования союза в крае по примеру спортивных и стрелковых обществ, существующих в Швеции и в западных государствах[478]. При этом представлено Сенату объяснение по поводу подготовительного периода образования этого общества, возникновение которого совпадает с октябрьскими событиями минувшего года, и представлен разработанный проект Устава. Но за целым рядом дозволительных побуждений, выдвигаемых в качестве мотивов к созданию этой организации, следующие объяснения политического значения этого общества заслуживают внимания: «...у многих граждан в разных частях края возникла мысль собрать разрозненные силы вокруг общей патриотической идеи, собрать их для создания нравственно физически здорового поколения, которое, независимо от партийных взглядов, должно быть объединено в общей работе по защите народной свободы и борьбе против сил, враждебных обществу. Разные спорты должны быть нейтральной областью, в которой все могут сойтись для этой общей работы, и, таким образом, возникла мысль об учреждении спортивного союза "Силы", обнимающего всю страну»[479].

Соображения эти заведомо туманные, свидетельствуют, что общество «Woima» не есть только спортивное общество, но преследует политические цели и стремится приобрести значение в стране помимо законно действующих учреждений. Если же прибавить, что существование его, по сознанию самих представителей его, продолжается более года, что оно тщательно скрывалось не только от правительственного надзора, но и от лиц в нем неучаствовавших, что оно стремилось получить военную организацию и что оно тайным образом снабжалось незаконно приобретенным оружием, – то все объяснения о том, что эта организация не представляет для края никакой опасности, кажутся наивными и не заслуживают доверия. Это поняла суометарианская партия, которая весьма содействует раскрытию во всяком случае преступной организации.

[а] Финляндский генерал-губернатор Герард 27 октября 1906 г.[а]

Пометы: сверху слева синим карандашом рукой Николая II знак ознакомления: °/°

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2361. Л. 2–6 об. Машинопись на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь.

Опубл.: Финляндская газета. 1906. 19 октября (1 ноября). № 158. С. 1 (в другой редакции, частично, под заголовком «Общество Voima»).

[а-а] *Вписано рукой Герарда.*

№ 213. Постановление Сената (предписание юландскому губернатору) о закрытии союза «Войма»[480]

27 октября (9 ноября) 1906 г.

После того как Гражданская экспедиция Императорского Сената, ввиду выясненной деятельности в стране тайного союза под названием «Voima», предписанием от 7-го сентября 1906 года предложила всем губернаторам немедленно постараться приобрести и сообщить экспедиции по возможности более полные и благонадежные сведения об организации, цели и деятельности союза, губернаторы представили требуемые сведения. Помимо того временное управление упомянутого союза представило в Сенат объяснение о цели и деятельности союза, Устав спортивного союза «Voima», два выработанных союзом наставления для упражнений в спортах и стрельбе, а равно и другие циркулярные письма, разосланные под псевдонимом Эро Кальске.

Хотя ныне финляндским гражданам и гарантировано основнозаконными постановлениями право учреждать союзы, право это однако не безгранично. Что касается собственно организованного и вооруженного по-военному союза, то таковой не может быть допустим ни в одном благоустроенном обществе, коль скоро подобный союз не подвержен особому контролю Государственной власти. Выражая этот общепризнанный принцип, земские чины последнего Финляндского Сейма, одобрив переданный им проект закона о свободе союзов, одобрили также и постановление, что организованные по-военному союзы, задача которых требует употребления огнестрельного оружия, могут быть учреждаемы только с разрешения Сената.

Союз «Voima», по-видимому, существовавший еще до одобрения вышеупомянутого постановления, не заручившись разрешением в действовавшем тогда порядке, тем не менее, насколько это видно из представленных союзом документов, был в некоторых отношениях организован по-военному; наравне с тем в задачи союза входило устройство упражнений в стрельбе и полевых движениях.

На основании вышеприведенного Сенат постановил поручить вам, г. губернатор, объявить управлению союза «Voima», указавшему своим местопребыванием город Гельсингфорс, что союз не имеет права продолжать свою деятельность, о чем Гражданская экспедиция, согласно решению Императорского Сената, объявляет губернатору для сведения и исполнения.

Опубл.: Финляндская газета. 1906, 29 октября (11 ноября). № 163. С. 1.

№ 214. Отношение № 760 товарища министра внутренних дел А.А. Макарова[481] министру статс-секретарю А.Ф. Лангофу о взаимодействии при наведении порядка в крае[482]

27 октября (9 ноября) 1906 г.

Совершенно секретно

Копия.

Его Превосходительству
А.Ф. Лангофу

Милостивый государь,
Август Феодорович.

Из результатов целого ряда расследований, судебных дел и известий русской и заграничной прессы усматривается, что с некоторого времени многие местности Великого княжества Финляндского сделались пунктами не только временного убежища для представителей русского революционного движения, укрывающихся от законного преследования, но даже постоянною базою преступных организаций, злоумышляющих против неприкосновенности государственного строя, а равно жизни должностных и частных лиц. В пределах

Финляндии происходят совещания революционных шаек, действующих в России, причем на этих собраниях вырабатываются планы преступных предприятий, формируются кадры исполнителей таковых, приобретается оружие, взрывчатые вещества и т. п. Означенные замыслы осуществляются путем самых опасных посягательств уголовного характера, а в последнее время получены сведения о том, что пребывающие в Финляндии революционеры решили организовать злодейское покушение на жизнь Священной Особы Государя Императора.

Почти все без исключения революционные акты, задумываемые и разрабатываемые в названной местности, являются проявлением деятельности тайных групп, существующих в империи, образуемых русскими подданными и выполняющих свои планы в пределах империи путем преступлений, а потому участники таковых подлежат юрисдикции не Финляндских, а Имперских судов. Стремление означенных лиц к проживанию в Финляндии обусловливается исключительно почти полной неприкосновенностью их в этом крае, создаваемой, главным образом, отсутствием таких законоположений, которые могли обосновать и обеспечить правильную борьбу с преступлениями путем организованной взаимодеятельности властей Имперских и Финляндских. Условия эти мало-помалу вызвали такое ненормальное положение вещей, благодаря коему представляется безусловно затруднительным сохранение порядка в расположенной недалеко от границы резиденции Императора и ограждение от опасности не только высших должностных лиц и государственных денежных средств, но даже и неприкосновенности личности Монарха. В то же время пребывание русских революционеров в Великом княжестве, где они совершенно беспрепятственно и почти открыто устраивают свои совещания и занимаются революционной агитацией среди расквартированных в крае русских войск, с несомненностью действует растлевающе на местное население, в коем уже замечается образование террористических организаций, приступивших к ограблению («экспроприации») денежных сумм финляндской казны, к устройству лабораторий разрывных снарядов и т. п., причем можно с уверенностью сказать, что упомянутые группы, руководимые одними с русскими революционерами целями насильственного свержения существующего ныне во всей России экономического и государственного строя, будут интенсивно развивать свою преступную деятельность в Великом княжестве, если Имперские и местные власти не озаботятся немедленным пресечением означенных революционных предприятий.

Осведомившись относительно указанных обстоятельств, Его Величество Государь Император изволил выразить категорическое пожелание, чтобы Императорское правительство выработало ныне же совместно с властями Великого княжества меры, которые действительно ограждали бы интересы государственного порядка и личной безопасности граждан России.

Обращаясь вследствие сего к обсуждению этого вопроса, я нахожу, что одним из главных средств борьбы с преступлениями является своевременное исполнение таких следственных действий, которые, с одной стороны, обеспечивали бы судебные доказательства на предмет привлечения виновных к законной ответственности, а с другой – предупреждали бы уклонение уличенных в преступлении лиц от следствия и суда. Только при правильной, отвечающей задачам уголовного преследования постановке упомянутых мер могут быть достигнуты цели борьбы с угрожающими террористическими посягательствами революционных деятелей, а потому представляется ныне же необходимым обсудить те законоположения, которыми нормируется выполнение в империи и в Великом княжестве отдельных требований о производстве обысков и арестов по делам уголовного характера.

Что касается до производства обысков, то, согласно § 14 Высочайшего постановления от 19 декабря 1889 года за № 39, «при наличности правдоподобных оснований для подозрения кого-либо в злоумышлении против безопасности государства или в другом тяжком преступлении или же в укрывательстве преступника, у него для раскрытия дела может быть в случае необходимости произведен домовый обыск начальником губернии, коронным фохтом и ленсманом в уезде и членом магистрата, городским фискалом или полицейским долж-

ностным лицом в городе». Постановление это, в связи с 189 ст. Учрежд. Суд. Установлений, дает право производить в Финляндии обыски по основаниям, которые могут заключаться в сообщениях полицейской или судебной власти империи, причем как действующий в ней Устав уголовного судопроизводства (ст. 257 и 258), так и цитированный выше параграф Постановления от 19 декабря 1889 года уполномочивают на производство обысков не только судебные, но и полицейские власти. Вместе с тем, определяется и вполне закономерная возможность обращения чинов полиции империи к полиции Великого княжества (и наоборот) о производстве обысков в месте жительства подозреваемого лица. В видах установления порядка, обеспечивающего успешность этих следственных действий, представляется необходимым как точное указание помещений, подлежащих обыску, так – главное – тех предметов, которые необходимо изъять и приобщить к делу, каковые обстоятельства могут быть выясняемы на местах исключительно должностными лицами, осведомленными в обстоятельствах дела и в оценке значения предметов, находимых при обысках. В этом отношении, несомненно, незнание языка, на коем составлены издания и рукописи, осматриваемые при обыске, может лишить последний всякого значения, а потому желательно присутствие при обыске представителя той власти, от коей исходит требование о производстве названного следственного действия, для дачи соответственных указаний, обязательных для органов, исполняющих требование. Вместе с тем необходимо заметить, что переоценка должностными лицами, делающими обыск, достаточности оснований для производства такового, едва ли может быть допустима, так как в делах выдающейся важности (коими, собственно, и вызывается настоящее сношение) всякое промедление может бесповоротно лишить расследование успеха, а с другой стороны – по Имперским законам должностное лицо, распорядившееся о производстве обыска без достаточных оснований, подлежит преследованию за превышение власти, с устранением ответственности тех, кто в порядке предъявленного ему правильного с формальной стороны требования выполнил таковое. Изложенные соображения могли бы быть формулированы в следующем разъяснении:

«Упомянутые в § 14 Высочайшего постановления от 19 декабря 1889 года за № 39 обыски производятся по требованиям, последовавшим от судебной или полицейской властей империи, причем представители сих властей, если признают необходимым, могут присутствовать при означенных обысках для соответственных указаний на месте относительно мест производства обысков и предметов, подлежащих выемке и приобщению к делу.

Примечание. В случаях особой важности, когда от промедления могут исчезнуть следы преступления или улики, означенное выше требование может быть передаваемо подлежащим финляндским властям судебными и полицейскими органами империи непосредственно и по телеграфу».

Обращаясь затем к затронутому выше вопросу об арестах в пределах Великого княжества, необходимо прежде всего установить, что мера эта может быть выполняема по инициативе Имперских властей только в отношении лиц, учинивших преступления в пределах империи. К этому роду деяний относится также и принадлежность к шайкам, образовавшимся в империи для совершения в ней преступлений. Существующие ныне правила, регулирующие выдачу преступников и лиц, обвиняемых в уголовных деяниях, представляются настолько не отвечающими интересам правосудия, что разъяснение их является настоятельно необходимым. Прежде всего круг лиц, уполномоченных домогаться выдачи, определяется лишь на основании 760 ст. II ч. XVI т. Свода законов, в коей выражено, что «в случае отлучки обвиняемых, местный суд имеет право преследовать их и в другом краю и требовать высылки их». Таким образом, Постановление это допускает экстрадицию по требованию только суда, как бы устраняя такое же право судебных следователей и полиции, тогда как именно ею в империи, а равно и в Финляндии, производятся предварительные расследования, всегда сопряженные с наиболее серьезными и неотложными мерами розыска.

Кроме того нельзя не заметить, что употребленное в 760 ст. II ч. XVI т. Св. зак. выражение «местный суд имеет право преследовать» не отвечает и фактическому положению вещей, так как означенный закон (представляющий собою дореформенный кодекс судо-

производственных правил) заключает в себе и внутреннее противоречие при сравнении действующих ныне в империи и в Финляндии постановлений о производстве дознания и следствия. На основании Высочайшего постановления от 20 октября 1898 года за № 45 следствие по арестантским делам (§ 24, 26 и др.) производятся в Финляндии судом, органов же власти, соответствующих русским судебным следователям, не существует, а в то же время в империи суды, созданные по судебным Уставам 1864 г., не производят следствий и потому требований о высылке лиц, подлежащих привлечению к ответственности на основании данных следствия, предъявлять вовсе не могут. Посему и в силу введения в империи почти повсеместно упомянутых судебных Уставов, приведенное в 760 ст. XVI т. выражение «местный суд» надлежит относить и к судебным следователям империи, пользующимся правами суды. Наряду с этим нельзя не остановиться и на том, что на основании 1035 ст. действующего в империи Устава уголовного судопроизводства, дела о государственных преступлениях исследуются чинами Отдельного корпуса жандармов под руководством лиц прокурорского надзора, причем все протоколы и постановления, составляемые в порядке этого закона (ст. 1035 и след.), имеют силу и значение актов следственного производства и подлежат оглашению на суде. Поэтому и требования, предъявляемые жандармскими чинами на основании Устава уголовного судопроизводства и скрепленные представителями прокуратуры, должны быть приравнены по обязательной их силе к распоряжениям судебных следователей. Что касается затем до характера мероприятий, вызываемых требованиями об аресте и выдаче, то в этом отношении даже правила, установленные соглашениями между Россией и иностранными государствами, более обеспечивают успешность борьбы с преступлениями, сравнительно с нормами, определяемыми законодательством Великого княжества Финляндского. Так, на основании конвенций, заключенных: с Великим Герцогством Гессенским в 1869 г. (ст. 8), с Италией в 1871 г. (ст. 10), с Бельгией в 1872 г. (ст. 6), с Испанией в 1877 г. (ст. 10), с Баварией в 1869 г. (ст. 8), с Австрией 3–15 октября 1874 г. и др., немедленное арестование подлежащего выдаче лица должно иметь место не только по предъявлении постановления судебной власти, но по первому (даже телеграфному) требованию «правительства» (т. е. органов административных), требующего экстрадиции, причем оно обязано доставить задержавшей обвиняемого иностранной власти судебные акты о выдаче в течение определенного срока, продолжительность коего в приведенных дипломатических договорах определяется в размере от трех недель до одного месяца. Столь существенные постановления вызваны, несомненно, общими всем государствам целями действительной, а не фиктивной борьбы с преступлениями, и, казалось бы, не могут отсутствовать в системе, обеспечивающей интересы порядка и законности в империи и Великом княжестве.

На основании изложенного представляется необходимым дополнить соответствующие законоположения Великого княжества нижеследующими разъяснениями:

«Находящиеся в Великом княжестве Финляндском лица, обвиняемые в совершении преступлений в пределах империи, подлежат по требованию полицейской или судебной власти империи, а равно и чинов корпуса жандармов по делам, производимым последними на основании Устава уголовного судопроизводства – арестованию и высылке в распоряжение органов, предъявивших означенное требование, причем, если таковое выражено в форме постановления судебного учреждения, или следователя, или жандармского чина в порядке судебных Уставов, то упомянутые аресты и выдача должны быть осуществлены беззамедлительно. При обстоятельствах, не допускающих по определению Имперских властей, отлагательства, указанные аресты производятся и по требованию полиции, в нужных случаях передаваемому по телеграфу, но с тем, чтобы в течение месяца со дня отсылки требования было доставлено финляндским властям постановление судебного учреждения, или следователя, или действующего на основании Устава уголовного судопроизводства жандармского офицера о задержании обвиняемого и доставлении его в распоряжение указанного в требовании учреждения или должностного лица империи. Неполучение такого постановления в течение названного срока влечет за собою немедленное освобождение арестованного из-под стражи».

Обращаясь, наконец, к вопросу о том порядке, в коем могли бы быть изданы изложенные выше постановления, я нахожу, что при неотложности принятия действительных мер борьбы с описанными выше тяжкими преступлениями, едва ли представляется возможным ожидать обсуждения упомянутых предположений Сеймом, ближайшее собрание коего состоится лишь в апреле 1907 г. Наряду же с этим § 14 Высочайшего постановления от 13 сентября 1892 г. об учреждении Императорского Финляндского Сената уполномочивает его в нужных случаях «представлять на Высочайшее Его Величества благоусмотрение мнение свое о признанных им нужными законодательных мерах и пояснениях в изданных уже постановлениях или узаконениях». При этом надлежало бы принять во внимание, что проектируемые в настоящем письме постановления могут быть рассматриваемы не как особые правила, а как «пояснения» к приведенным выше, существующим уже законоположениям.

Сообщая об изложенном, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать в соответственных распоряжениях к осуществлению изъясненных предположений, присовокупляя, что полученные сведения об организации в пределах Великого княжества новых, задуманных для выполнения в империи террористических предприятий первостепенной важности, вызывает, по мнению моему, необходимость в наискорейшем разрешении поднятого Министерством внутренних дел вопроса.

Примите, Ваше Превосходительство, уверения в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Макаров

№ 760
«27» октября 1906 года
С подлинным верно:
Управляющий делами Финляндской Его Императорского Величества Канцелярии
(подпись)

НАФ. Фонд Секретные документы гражданской экспедиции Сената, дело 216. Машинопись на бланке «За министра Внутренних Дел», заверенная в УД Канцелярии Е.И.В.

№ 215. Отношение № 30 министра статс-секретаря А.Ф. Лопухина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о взаимодействии при наведении порядка в крае (сопроводительное письмо к отношению товарища министра внутренних дел А.А. Макарова)

28 октября (10 ноября) 1906 г.
Совершенно секретно

28 октября/10 ноября 1906 г.
№ 30

Господину Финляндскому генерал-губернатору

Государю Императору благоугодно было повелеть безотлагательно приступить к организационной взаимодеятельности властей имперских и финляндских для обеспечения закономерного предупреждения и пресечения преступлений, учиняемых отдельными жителями империи против правительственных властей империи в тех случаях, когда означенные лица прибывают в Финляндию на временное жительство с целью уклонения от законного суда и следствия. Во исполнение таковой монаршей воли министр внутренних дел в секретном письме от 27 сего октября (9 ноября) за № 760 точно определил то взаимодействие, в котором власти империи нуждаются для ограждения интересов государственного порядка и личной безопасности граждан империи от посягательств революционных элементов, прибегающих к разного рода насильственным мероприятиям.

Препровождая Вашему Высокопревосходительству копию с вышеупомянутого письма министра внутренних дел, имею честь, во исполнение Высочайшего повеления Государя Императора, покорнейше просить об изложенном сообщить Императорскому Финляндско-

му Сенату для зависящих от Сената распоряжений к осуществлению настоящей Высочайшей воли с тем, чтобы представление Сената по настоящему вопросу было мною получено для доклада Государю Императору в возможно непродолжительном времени и, буде возможно, не позже как в семидневный срок.

Министр статс-секретарь (подпись)

Управляющий делами (подпись)

НАФ. Фонд Секретные документы гражданской экспедиции Сената, дело 216. Машинопись на бланке «статс-секретариат Великого княжества Финляндского», бумага с водяными знаками: герб Финляндии с текстом: № 2 Tervakoski Aktiebolag. 1906.

№ 216. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду

3(16) ноября 1906 г.

Его Превосходительство

Генерал-губернатор г-н Герард, перевод проекта Комиссии относительно циркулярного письма губернаторам[483].

Проект мемории Его Величеству еще не готов[484], но будет переведен до завтрашнего заседания в 2 часа.

С уважением

Л. Мехелин

Пятница 16 нояб. 06

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 7. Рукопись на небольшом листе бумаги на французском языке.

№ 217. Циркулярное предписание Гражданской экспедиции Императорского Финляндского Сената всем губернаторам края о сотрудничестве с полицейской властью империи в поимке революционеров, скрывающихся в Финляндии

4(17) ноября 1906 г.

Циркулярное предписание Гражданской экспедиции Императорского Финляндского Сената всем губернаторам края от 17 ноября н. ст. 1906 года

Согласно полученным сведениям, русские уроженцы, совершившие в пределах империи преступление и подлежащие поэтому привлечению там к следствию и суду, за последнее время все в большем числе стали искать убежища в Финляндии. Вследствие сего Императорский Сенат на основании действующих постановлений и правовых принципов предлагает вашему превосходительству:

по письменному требованию подлежащей власти в империи об арестовании и выдаче таковых лиц для привлечения их к судебной ответственности беззамедлительно оказывать требуемое содействие, если к требованию приложено удостоверение о том, что властью империи, от которой зависит сделать распоряжение о задержании обвиняемого, постановлено о задержании обвиняемого по поводу определенного преступления;

в случае предъявления такового требования по телеграфу, не выжидая поступления вышеозначенного удостоверения, на законном основании временно арестовать обвиняемого, который, однако, должен быть освобожден из-под стражи, если удостоверение это не поступит в тридцатидневный срок со дня получения телеграммы; и отбирать и высылать

вместе с арестованным вещи, найденные у него и служившие средством совершения преступления или приобретенные им путем преступного деяния, а также иные вещественные доказательства.

Вместе с тем Императорский Сенат считает долгом обратить внимание вашего превосходительства на то, что когда судебною или полицейскою властью в империи по поводу преступлений, упоминаемых в § 14 Высочайшего постановления от 19 декабря 1889 года о введении нового Уголовного уложения в Финляндии, предъявлено требование о производстве обыска у пребывающего в крае русского уроженца, письменно, или, в случаях, не терпящих отлагательства, по телеграфу, вам надлежит распорядиться о принятии подлежащею финляндскою властью требуемой мери, однако с соблюдением при этом установленных законом правил о порядке производства обысков, причем назначенные для сего подлежащею властью в империи представитель суда или чиновник гражданского ведомства могут присутствовать при производстве обыска и чрез производящее обыск лицо предлагать обвиняемому вопросы, а также сообщать и получать сведения по касающимся производства обстоятельствам.

Об изложенном Гражданская экспедиция согласно состоявшемуся сего числа определению Императорского Сената сообщает вам к сведению и руководству, а также для извещения кого следует.

Опубл.: Финляндская газета. 1906, 9(22) ноября. № 169. С. 1.

№ 218. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду об отношении Сената к обществу «Войма»

6(19) ноября 1906 г.

Гельсингфорс, 19 ноября 1906 г.

Ваше Превосходительство,

Когда я посылал Вам вчера письмо Сената нюландскому губернатору касательно общества «Воїма»[485], время не позволило мне добавить замечания, которые могли быть необходимы.

Ваше Превосходительство, возможно, заметили, что решение Сената по поводу общества «Воїма» составлено не в тех же выражениях, что решение, которым постановляется роспуск «Красної гвардии». Причина тому следующая.

Красная гвардия была распущена ввиду преступных деяний, совершенных ею 31 июля – 2 августа.

Общество «Воїма» виновно в том, что образовалось таїно и имело целью, среди прочего, давать своим членам своего рода военную подготовку. Но известные по сию пору факты не доказывают, что это общество имело революционные наклонности. Что касается ввоза оружия, в коем его можно подозревать, это вопрос, который подлежит судебному расследованию и не должен влиять на административное решение, принятое вчера Сенатом.

Принимая, кроме того, в соображение, что подписавшиеся под заявлением, адресованным Гражданскої экспедиции Сената от имени общества «Воїма», – и, вероятно, многие члены этого общества – деїствовали более в наивном заблуждении, нежели с преступными намерениями, мы подумали, что достаточно будет напомнить им, что военная организация их общества незаконна, и что общество «Воїма» не имеет права на существование. Мы полагаем, этого хватит, чтобы незамедлительно прекратить любую деятельность, таїно и неблагоразумно начатую основателями этого предприятия, – деятельность, которая до сих пор не привела ни к чему кроме распространения оружия, о коем со временем будут более полные сведения.

Осмелюсь просить Ваше Превосходительство соблаговолить осведомить о содержании этого письма генерала Лангофа.

Примите, Ваше Превосходительство, выражение моего уважения и преданности.

Л. Мехелин

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 14–15. Рукопись на французском языке.

№ 219. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду

6(19) ноября 1906 г.

Ваше Превосходительство,

Имея честь передать Вам в этом пакете проект мемории Его Величеству, в которую внесены редакционные поправки, надеюсь прислать Вашему Превосходительству в течение часа новый образец письма губернаторам, каковое было исправлено под Вашим председательством[186].

Если имеют место какие-либо замечания, прошу Ваше Превосходительство сообщить их мне до 2 часов.

Прошу Ваше Превосходительство принять заверения в моем совершенном уважении и искренней преданности.

Л. Мехелин

Гельсингфорс, 19 ноября 1906 г.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 8. Рукопись на французском языке на бланке Хозяйственного департамента Сената.

№ 220. Отношение Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру статс-секретарю А.Ф. Лапгофу с проектом постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан[187]

14(27) ноября 1906 г.

14/27 ноября 1906 года
№ 7162
в Гельсингфорсе

Г. министру статс-секретарю
Великого княжества
Финляндского

Для доклада Государю Императору имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству всеподданнейшее представление Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената с проектом Высочайшего постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских подданных.

Указанный проект был выработан, во исполнение Высочайшего повеления от 20 апреля (3 мая) текущего года по поводу возбужденного в Особом совещании по пересмотру Сеймового Устава вопроса о предоставлении русским уроженцам избирательных прав в Финляндии. Но прежде обсуждения сего проекта полагаю необходимым коснуться общего вопроса о правовом положении русских в Финляндии и сравнить его с теми правами, которые принадлежат финляндским гражданам в империи.

Русское законодательство по отношению к финляндцам проникнуто одним неизменным принципом, в силу коего им при переходе на жительство в империю предоставляются все те же права, коими пользуются русские уроженцы, и на тех же условиях их приобретения. Это касается, как частноправовой сферы, так и прав публичного характера. Поэтому финляндец, поселившийся в России, не только пользуется всеми правами наравне с русскими в сфере

личных и имущественных прав, но он наравне с русскими занимает без исключения всякие должности по государственной службе и участвует в выборах в общественные и законодательные учреждения, т. е. является совершенно полноправным субъектом политических прав*[1]. При этом для приобретения и пользования всеми этими правами в России закон не требует ни выбытия или оставления финляндского гражданства, ни особого акта приобретения русского гражданства. Перечисление финляндских уроженцев к обществам сельских и городских обывателей в империи производится казенными палатами по сношении с финляндскою Паспортною экспедициею. (Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 21 марта 1905 г.). Таким образом, для перечисления финляндских уроженцев в сельские и городские общины требуется такое же распоряжение казенной палаты, как при переходе лиц бывших податных состояний из одного общества в другое.

Совершенно из другого начала исходит по отношению к русским уроженцам финляндское законодательство. До настоящего времени как проживающие, так и не проживающие в Финляндии русские были приравнены к иностранцам, и исключение из этого правила было сделано в сравнительно недавнее время лишь в отношении прав приобретения недвижимостей и каботажа. Во всех остальных случаях русские подданные рассматриваются как иностранцы, таким образом, они лишены весьма многих существенных прав, присущих им на всей остальной территории государства. Относительно личных и имущественных прав русские уроженцы лишены права в Финляндии учреждать банки или состоять в них директорами или членами правления, не могут выкуривать и продавать вино, им не разрешается сооружать железные дороги, русские врачи не имеют права докторской практики, аптекари содержать аптек и шкипера командовал финляндскими судами; наконец в отношении торговли русские уроженцы лишены права заниматься торговлею и промыслами без разрешения общинных властей и губернаторов.

Далее, в сфере общественного самоуправления и законодательной деятельности русские уроженцы остаются бесправными, сколько бы лет они ни жили в крае, каким крупным делом ни занимались и сколько повинностей они бы ни несли. Что же касается прав государственной службы, то положение шведской формы правления 1772 г., согласно которой никакие должности не могли быть замещаемы «чужими иностранными людьми», большинством финляндских юристов толкуется в смысле приравнивания русских к понятию «чужой иностранец», и таким образом на практике постоянно применялся этот закон*[2]. Для того, чтобы русский получил указанные здесь политические права, он должен перестать быть русским подданным, принять финляндское гражданство и, следовательно, порвать со своею родиною, то есть перестать нести в ней те повинности, которые лежат на нем в империи.

Но приобретение финляндского гражданства поставлено в довольно строгие условия. Согласно статьям 5 и 6 ныне действующих правил о порядке перечисления обывателей империи в Великое княжество Финляндское (прил. к ст. 312 т. IX св. зак.) «российский подданный, а равно и жительствующий в России иностранец, который будет просить о принятии его в число подданных Его Императорского Величества в Финляндии, должен письменно обязаться действительно переселиться в Великое княжество, и сверх того в пользу фонда финляндских богаделен и рабочих заведений внести единовременно тысячу рублей. Посему не принимаются к рассмотрению прошения о записке, если к ним не приложены как упомянутое обязательство, так и свидетельство о внесении означенной суммы в Финлянд-

*[1] Как далеко проводится это начало, может служить указанием то обстоятельство, что финляндские граждане пользуются и пользовались в империи такими преимуществами, которые принадлежат исключительно лицам русского происхождения, напр., покупка имений в Западном крае, награждение майоратами за службу в Царстве Польском и т. д. (*Прим. док.*)

*[2] Когда в 1902 г. было признано нужным предоставить и русским уроженцам право занятия должностей гражданского ведомства, то на этот предмет было испрошено особое Высочайшее повеление (от 18/31 июля 1902 г.) «в изменение, отмену и дополнение» существовавших законов. (*Прим. док.*)

скую Паспортную экспедицию в городе С.-Петербурге. Сия сумма возвращается просителю в таком только случае, когда в просьбе его, по Высочайшему повелению, будет отказано. От платежа означенного единовременного взноса освобождаются только несовершеннолетние и непристроенные собственные дети приписывающихся или уже приписавшихся в Финляндии лиц, а также дворяне и отставные чиновники, если лица сии не приписываются в Финляндии к торговому и промышленному классу».

Такова разница принципов, положенных в основание обоих законодательств: с одной стороны, полное равноправие в империи финляндских граждан с русскими уроженцами, с другой – в Финляндии приравнение, за небольшими изъятиями, русских граждан к иностранцам. Если бы Финляндия была совершенно независимым государством, тогда бы такое различие в двух законодательствах не могло быть допущено в силу принципа, так называемого, международной взаимности. Тем менее понятно, что такое различие утвердилось при существующих отношениях Великого княжества Финляндского к Россiйской империи. Отсюда понятно, что, по крайней мере в империи, это положение признается ненормальным, и не раз возникали попытки изменить в различных частях финляндское законодательство по отношению к русским или наоборот, а ныне раздаются голоса, требующие приравнения в империи финляндцев к иностранцам и лишения их всех преимуществ, которое предоставляет им нынешнее законодательство. Казалось бы, что ни это мнение, в котором чувствуется более раздражения, чем сознательного обсуждения взаимных интересов двух частей государства, ни частичные изменения финляндских законов, совершенные притом с нарушением основных начал здешнего законодательства, не разрешают вопроса во всем его объеме и с точки зрения основных принципов.

Обращаясь к настоящему проекту Сената, я нахожу, что он рассматривает вопрос лишь в пределах, поставленных Особым совещанием по пересмотру Сеймового Устава, в видах предоставления прав участия в Сеймовых выборах тем из пребывающих в Финляндии и достигших 24-летнего возраста русских уроженцев, которые прожили в крае не менее трех лет или имущество которых занесено в ментальные списки на предмет взимания налогов и податей в последние три года; поэтому было бы желательно, чтобы в новое законоположение не были включены такие постановления, которые имеют более широкое значение и затрагивают другие стороны, которых не касается настоящий законопроект.

Разрешая поставленный вопрос, Сенат исходит из того же начала, которое лежит в основании ныне действующего финляндского законодательства, а именно, что русский подданный есть иностранец в Финляндии, и что с принятием финляндского гражданства он перестает быть подданным в империи и порывает с нею все прежние связи (п. 3 ст. 3 проекта). Это выражение в проекте в форме требования о том, что русский уроженец к прошению о сообщении ему прав финляндского гражданства должен приложить удостоверение подлежащей власти в империи в том, что не имеется препятствий к выбытию просителя из империи. Сенат не определяет подробно, что он разумеет под выражением «выбытие», но так как в данном случае не может быть речи о перемене подданства, то под этим выражением следует разуметь прекращение тех прав и обязанностей, которые связаны с принадлежностью к известному сословию. Но возбуждаемый здесь вопрос требует всестороннего рассмотрения: ежели принятие финляндского гражданства будет соединено непременно с отказом от принадлежности такого лица к сословию в империи, то предполагаемый закон получит без сомнения весьма ограниченное применение; так напр., едва ли можно ожидать, что отказ в империи от принадлежности к дворянскому и купеческому сословию будет уравниваем теми правами, которые приобретаются принятием финляндского гражданства. Самая необходимость поставить приобретение этих прав в зависимость от отречения от всех прав и обязанностей в империи не может быть установлена без подробного обсуждения возбуждаемых при этом сомнений и, казалось бы, вопрос этот требует рассмотрения не по поводу только настоящего представления, но во всем его объеме, отдельно от настоящего дела.

Но кроме повинностей, связанных с принадлежностью к тому или другому сословию или с тем или иным занятием, русский уроженец несет и обязанности гражданина. Главная из них – воинская повинность. Казалось бы, что принятие финляндского гражданства не ос-

вобождает от этой обязанности русского подданного, родившегося в империи до принятия финляндского гражданства и уже обязанного в силу своего рождения исполнить эту повинность. В проекте Сената этот вопрос затрагивается § 2; но с предполагаемым решением едва ли можно согласиться. По смыслу этого параграфа обязанность военной службы в империи сохраняется только за лицом, достигшим 15-летнего возраста, ежели оно пожелает приобрести финляндское гражданство; едва ли однако можно найти какой-либо повод к освобождению от этой повинности малолетних, коих родители после их рождения вошли в состав финляндской общины. Когда вопрос о воинской повинности в Финляндии будет разрешен, то одновременно с ним будет, без сомнения, решен вопрос и о том, в каких войсках следует отбывать воинскую повинность русским уроженцам, которые сами или родители коих приняли финляндское гражданство. При настоящем же положении нет, казалось бы, основания избавлять от воинской повинности лиц, родители коих приобретут права финляндского гражданства во время их малолетства.

Самый переход в финляндское гражданство несколько облегчен в представленном законопроекте сравнительно с нынешним временем, но все-таки ему ставятся чрезмерно строгие условия. Особое совещание по пересмотру Сеймового Устава предполагало, что права финляндского гражданства могут быть приобретаемы как трехлетним жительством в крае, так и приобретением в нем недвижимой собственности. Сенат отвергает это последнее условие; он находит невозможным, чтобы русские уроженцы могли приобретать права гражданства в Финляндии на том лишь основании, что они владеют в крае недвижимостью, напр., дачным участком, на котором они живут только несколько месяцев летом или которым они сами вовсе не пользуются. Если бы владение недвижимостью само по себе могло служить основанием для приобретения прав гражданства, то отсюда вытекало бы, по мнению Сената, что приобретенное таким образом право в случае продажи недвижимости должно бы прекратиться (представление, стр. 4 и 5). Эти рассуждения едва ли можно признать убедительными: почему для русского уроженца признается недостаточным даже владение недвижимостью в Финляндии для приобретения в ней прав гражданства, тогда как уроженец края приобретает эти права в силу рождения, не владея такою недвижимою собственностью и не имея даже никаких средств существования. Здесь в полной мере опять выражается то начало финляндского законодательства, которое находится в столь резком противоречии с русским и о котором уже говорилось выше. Еще менее можно понять выраженную в соображении Сената мысль, что ежели право владения недвижимою собственностью служит основанием для приобретения права гражданства, то с утратою этой собственности должно прекратиться и приобретенное право; таким образом даже приобретение прав финляндского гражданства создает для русского уроженца Особое положение, в силу которого предполагается, что он может лишиться этого права, ежели изменится основание в приобретении оного.

Далее, согласно § 4 проекта, решение вопроса о предоставлении русскому уроженцу прав финляндского гражданства предполагается предоставить Высочайшей Власти по представлению Императорского Финляндского Сената. По мне кажется, что так как в этом акте не заключается ни оставления прежнего подданства, ни принятия нового, то нет никакого основания требовать для этого санкции Верховной власти и решение этого вопроса может быть предоставлено Сенату по соглашению с генерал-губернатором, тем более, что в таком порядке разрешается вопрос о принятии иностранцев в число русских подданных по Финляндии.

Для принятия русского уроженца в число финляндских граждан требуется еще, чтобы желающий приобрести права финляндского гражданства был неопороченного поведения и был в состоянии содержать себя и свою семью. Против этого требования ничего возразить нельзя, но, казалось бы, что неопороченное поведение должно удостовериться не полицейской властью (п. 2 § 3 проекта), а сведениями о судимости данного лица, причем всякий не наказанный в Финляндии за преступление, влекущее за собою лишение гражданского доверия, или не лишенный прав по приговору уголовного суда в империи, не может считаться лицом опороченного поведения.

Ввиду всего вышеизложенного я нахожу, что вопрос о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан может быть всесторонне разрешен лишь в связи с общим вопросом о правовом положении русских в Финляндии; тем не менее нет, казалось бы, препятствий теперь же утвердить проект Сената, составленный вследствие Высочайшего повеления и в большинстве своих постановлений согласный с теми суждениями, которые изложены в журнале Особого совещания по пересмотру Сеймового Устава, но с тем однако, чтобы по содержанию настоящего проекта прежде его окончательного утверждения был затребован отзыв министров внутренних дел и финансов, и чтобы в проект этот были внесены следующие изменения: в § 1 как основание для ходатайства о приобретении прав финляндского гражданства следует указать владение в крае недвижимым имуществом.

§ 2 изложить в том смысле, что приобретение прав финляндского гражданства не освобождает от воинской повинности русских уроженцев, обязанных этою повинностью.

§ 3 изменить в том, чтобы: 1) из п. 1 исключить требование о представлении свидетельства о поведении; 2) из п. 2 исключить то же требование; 3) п. 3 – совершенно исключить.

§ 4 изменить в том, чтобы разрешение ходатайства о приобретении финляндского гражданства было предоставлено Императорскому Финляндскому Сенату по соглашению с генерал-губернатором.

§ 5 изменить в том, чтобы вместо слов: проситель считается финляндским гражданином, – было написано: «проситель приобретает права финляндского гражданства».

(Подписал) Генерал-губернатор Н. Герард.

(Скрепил) Директор Канцелярии Ф. Кишшович.

С подлинным верно:

Старший чиновник Финляндской Его Императорского Величества Канцелярии Е. Нюман[488]

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 66. Л. 542–552 об. Типографский текст с воспроизведением формуляра бланка на полулистах большого формата в составе подборки документов (С. 49–55).

Опубл.: Финляндская газета. 1906, 23 ноября (6 декабря). № 177. С. 1–2 (под заголовком: «Заключение Финляндского генерал-губернатора по вопросу о приобретении русскими уроженцами прав финляндского гражданства»).

№ 221. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о сокращении дел на пленарном заседании Судебного департамента Сената

18 ноября (1 декабря) 1906 г.

Ваше Превосходительство,

На заседании Сената 21 ноября я предложил подготовить меры, которые поспособствуют сокращению растущего числа дел, подлежащих решению пленума Административного департамента Сената.

Имею честь передать Вашему Превосходительству в этом пакете перевод на русский язык указанного предложения на случай, если Вы пожелаете с ним ознакомиться.

Прошу Ваше Превосходительство принять заверения в моем совершенном уважении и искренней преданности.

Л. Мехелин

Гельсингфорс, 1 декабря 1906 г.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 6. Рукопись на французском языке на бланке Хозяйственного департамента Сената.

№ 222. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Герарду о проекте постановления о приобретении русскими поддашными финляндского гражданства[489]

19 ноября (2 декабря) 1906 г.

Гельсингфорс, 2 декабря 1906 г.

Ваше превосходительство,

Газета «Nya Pressen» содержит сегодня резюме заключения, с которым Вы выслали в Государственный секретариат разработанный Сенатом проект постановления об условиях, на которых русские могут приобретать финляндское гражданство.

Читая это резюме, я усомнился в его точности; есть пассажи, очевидно плохо переведенные.

Ввиду этого и поскольку вопрос натурализации русских в Финляндии имеет столь большое значение как с точки зрения права, так и в связи с практическими интересами, что мне было бы полезно узнать мнения Вашего Превосходительства по этому предмету в том виде, как они выражены в заключении, о котором идет речь, осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство предоставить мне его копию.

Прошу Ваше Превосходительство принять заверения в моих чувствах уважения и преданности.

Л. Мехелин

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 18. Рукопись на французском языке на бланке Хозяйственного департамента Сената. Перевод.

№ 223. Из Программы младофинской партии

26–27 ноября (9–10 декабря) 1906 г.

Программа младофинской или конституционной финской партии

(Принята собранием представителей партии 9-го и 10-го декабря 1906 г.)*[1] Партия высказывает свое глубокое убеждение, что вернейшею гарантиею сохранения народного правосознания и основывающихся на нем народных прав и необходимым условием мирной эволюционной деятельности является тщательное соблюдение законности и правового порядка. Из этого следует:

1) что ни один гражданин, будь он частным лицом или чиновником, высокопоставленным лицом или простолюдином, не имеет права по каким-либо причинам или во имя благого намерения отступать от законов, хотя бы это отступление и имело общественный или политический характер;

2) что партия считает своею патриотическою обязанностью очищение, возвышение и укрепление правового и политического народного сознания;

3) что партия всеми силами содействует законности и справедливости и не прекратит своих требований относительно возвращения законности в страну, пока оно не будет осуществлено во всей полноте и во всех областях права и политики;

4) что партия может приступить к совместной политической деятельности только с теми партиями, которые вполне признают и соблюдают эти нравственные и правовые принципы.

*[1] Перевод из сборника программ финляндских партий, изданного на финском языке. (*Прим. док.*)

Реформа основных законов

Государственно-правовое положение Финляндии

Следует создать такой Основной закон, который точно определил бы государственно-правовое положение Финляндии и был бы утвержден особо финляндскою и русскою законодательною властью.

Новая Форма правления

Следует провести новую стройную и дополненную Форму правления, которая расширила бы значительно права представительства, установив, между прочим, что представительство должно принимать участие в таможенном законодательстве, рассмотрении сметы государственных доходов и расходов в ее целом и вообще в утверждении политико-экономической программы.

Дополнение закона об ответственности

Закон о праве народного представительства наблюдать за закономерностью мероприятий правительственных лиц должен быть дополнен таким образом, чтобы и министр статс-секретарь и его товарищ были ответственны перед представительством за свои служебные действия.

Высший суд

Вместо Судебного департамента Сената должен быть при посредстве Основного закона учрежден особый Высший суд, которому должна быть передана юрисдикция Судебного департамента и члены которого должны быть несменяемы.

Административно-правовой суд

Для рассмотрения и решения административно-правовых дел необходимо учредить особый административно-правовой суд, которому должно быть передано право решения по этим делам, принадлежащее в настоящее время Хозяйственному департаменту Сената.

Чиновники

Государственный бюрократический механизм должен быть упрощен, удешевлен и сделан более энергичным в своей деятельности.

Бюрократизм, выражающийся в деятельности против народа или в стремлениях уклониться от соблюдения постановлений закона, необходимо устранить и провести также и в этой области принцип демократизма.

Языки

Общий взгляд партии по вопросу о языках

Младофинская партия считает своею задачею поднятие финского языка до уровня господствующего культурного языка нашей страны и занятие им первенствующего положения в качестве официального языка.

Господствующим культурным языком финский язык не может сделаться путем законодательных и политических мероприятий; для этого необходимо, чтобы граждане, воодушевленные финским национальным духом, действовали энергично в целях обеспечения и развития финской культуры.

Официальный язык и язык преподавания должны быть установлены на началах справедливости. Мы, претерпевшие в этом отношении насилие с русской стороны, не можем теперь, регулируя положение в Финляндии, стараться при помощи официального языка и языка преподавания «офинннть» шведский элемент народа, мы не можем унизиться до того, чтобы согласиться со взглядами народов и государств, которые не признают прав меньшинства, но заставляют всех употреблять «государственный язык». Поэтому финский язык должен быть главным служебным языком Финляндии, но шведскому языку должно быть обеспечено справедливое положение в качестве языка меньшинства.

Упорядочение законодательства о языках

Права финского и шведского языков должны быть обеспечены постановлениями Основного закона, включенными в новую Форму правления. Положение языков в нашей стране должно быть урегулировано зависящим от представительства законодательством, постро-

енным на основании фактического распределения языков среди населения. В основу законодательства относительно языков должен и впредь быть положен язык общины, который в свою очередь зависит от распределения языков среди членов общины, и сообразно с этим страна делится на одноязычные и двуязычные общины. Более крупные области считаются двуязычными, если в них входит даже одна иноязычная или двуязычная община.

Официальным языком в одноязычной общине является язык этой общины. Однако частные лица имеют право при обращении к государственным (но не общинным) властям пользоваться и другим туземным языком. Власти постановляют свое решение на языке общины; только в том случае протокол судебного заседания может вестись на другом туземном языке, если власти или обвиняемый в преступлении об этом ходатайствуют. В двуязычных общинах собственно официальным языком является язык большинства населения. Однако следует заметить, что:

1) в переписке между ведомствами Высшая власть употребляет язык низшей;

2) в деловых бумагах и документах, относящихся к другой общине, употребляется язык этой общины (или большинства ее населения);

3) в деловых бумагах, предназначающихся для частных лиц, употребляется тот язык, о котором причастные к делу лица ходатайствовали или на котором они изъяснялись, письменно или устно.

Итак, официальным языком финский язык должен быть в Сенате, во всех центральных управлениях и во всех губернских правлениях, а также в меньших служебных районах, исключая тех, большинство населения которых шведское.

От чиновников, служебный район которых охватывает всю страну, требуется основательное знание финского языка. В одноязычной области требуется от чиновника полное знание языка этой области. В двуязычных требуется основательное знание языка большинства населения и удовлетворительное знание языка меньшинства. В одноязычной области необходимо также удовлетворительное знание другого туземного языка.

Требования партии относительно реформ в области языков

Итак, эти требования, сообразно с предыдущим, следующие:

1) Права туземных языков, финского и шведского, должны быть гарантированы ясными постановлениями основных законов.

2) Финский язык, в качестве языка огромного большинства населения, должен быть путем закона, изданного при содействии Сейма, сделан главным официальным языком.

3) В финских и охватывающих всю страну служебных районах, а также в таких двуязычных, где большинство населения – финское, от чиновников требуется полнейшее знание финского языка.

4) Дети финских родителей должны иметь возможность, если будет налицо достаточное количество учеников, учиться в народных школах на своем языке в тех общинах, где шведский язык является языком большинства; также и наоборот. Средним учебным заведениям дается субсидия от казны только в том случае, если в таком учебном заведении имеется достаточное количество учеников из данного учебного района, родным языком которых является язык преподавания в этом учебном заведении.

5) В университете, политехникуме и других высших учебных заведениях положение языков должно быть определено таким образом, чтобы нужды финского образования и финских учащихся были вполне удовлетворены; следовательно, финский язык должен быть в них главным языком преподавания. По всем Ординарным предметам преподавание должно вестись безусловно на финском языке.

6) Казна должна энергично содействовать развитию финского образования и поддерживать в особенности финскую литературу путем выдачи писателям пособий и стипендий*.

---

* *Далее следуют разделы: «Аграрная программа», «Рабочий вопрос», «Реформа обложения», «Общинное право голоса», «Расширение местного самоуправления», «Законодательство о крепких напитках», «Правовое положение женщины», «Учебная программа», «Церковные вопросы».*

Опубл.: Политические партии в Финляндии. Программы партий старофинской, шведской народной, младофинской, социал-демократической, христианского рабочего союза и аграрного союза. С предисловием Н.А. Кочкарева. СПб., 1909. С. 45–49.

№ 224. Из Программы финляндского аграрного союза*[1]

27–29 ноября (10–12 декабря) 1906 г.

(Принята на собрании представителей в Seinäjoki 26 и 27 октября и в Lahti 10–12 декабря 1906 года, причем правление союза принуждено было разъяснить в некоторых местах формулировку принятой собранием в Lahti программы; нижеследующая программа помещена в Форме, одобренной собранием)*.

Общая программа

Вопрос о законности

Союз выражает твердую уверенность, что сильнейшею гарантиею сохранения правосознания финского народа и основанной на нем национальной самостоятельности, а также необходимым условием мирной преобразовательной работы является точное следование законности и незыблемому правовому порядку, и что ни один государственный чиновник, никакой отдельный гражданин или группа граждан не имеют права, путем толкования или во имя благих намерений, уклоняться от законности и правового порядка и игнорировать их; из этого следует:

а) что союз считает своею патриотическою обязанностью очищение, возвеличение и укоренение этого правосознания;

б) что союз всеми силами стремится к осуществлению законности и справедливости и к обеспечению самостоятельности финского народа;

в) что только те могут вступить в союз и действовать заодно с ним, кто следует вышеприведенным принципам нравственности и права**.

Вопрос о языках

а) Финский язык должен быть главным языком, а финская культура господствующей в этой стране.

б) В условия компетентности для занятия должностей не должно входить знание шведского языка, кроме как в шведских местностях и в тех центральных управлениях, в служебном районе которых имеются общины с шведским населением.

в) Официальным языком финляндских служебных учреждений, на котором составляются протоколы и ведется служебная переписка, должен быть финский. Жители шведских местностей могут получать деловые бумаги из центральных управлений на своем языке.

г) Официальным языком университета и других высших учебных заведений является финский и все штатные преподаватели должны читать лекции на этом языке.

д) Шведских учебных заведений в финских местностях нельзя поддерживать субсидиями из казенных средств.***

Опубл.: Политические партии в Финляндии. Программы партий старофинской, шведской народной, младофинской, социал-демократической, христианского рабочего союза и аграрного союза. С предисловием Н.А. Кочкарева. СПб., 1909. С. 93, 97–98, 101–102.

---

[1] Этот союз не имеет ничего общего с основанным в Улеоборге 1 мая 1906 г. аграрным союзом, так как новый аграрный союз получил свое начало в т. н. «конституционных» сферах, что видно из пункта его общей программы, относящегося к «законности», поэтому, во избежание недоразумений, новый союз называется также «конституционным аграрным союзом». (Прим. док.)

** Далее следует раздел «Аграрная программа» (не приводится).*

*** Далее следуют пункты: «Расширение прав представительства», «Устав о призрении бедных должен быть изменен», «Обновление законодательства об общинном правлении» и другие.*

**** Далее следуют пункты: «Рабочий вопрос», «Женский вопрос» и другие.*

№ 225. Высочайшее Его Императорского Величества постановление по Великому княжеству Финляндскому «О некоторых определениях относительно Законоподготовительного Учреждения в Финляндии»

28 ноября (11 декабря) 1906 г.

Государь Император по всеподданнейшему представлению Императорского Финляндского Сената в присутствии Своем в Царском Селе 28 ноября (11 декабря) 1906 года взамен определений Высочайшего постановления от 23 мая 1892 года (н. ст.) о мероприятиях к пересмотру некоторых частей действующего законодательства Высочайше повелеть соизволил:

При учрежденном, согласно Постановлению 11 июля 1884 года (н. ст.), Комитенте, именуемом Законоподготовительным Учреждением в Финляндии, открывается второе отделение, в составе одного Старшего и двух Младших членов, назначаемых Сенатом каждый раз сроком на три года.

Первое отделение в нынешнем составе Законоподготовительного Учреждения главным образом вырабатывает законопроекты, относящиеся к областям основных законов и общего законодательства; второе же отделение преимущественно рассматривает дела, касающиеся пересмотра прочих частей законодательства.

Содержащиеся в постановлении 11 июля 1884 года (н. ст.) правила о руководстве деятельностью Законоподготовительного Учреждения и надзоре за нею, об усилении состава этого Учреждения, в случае надобности, приглашением сведущих лиц и об обязанности членов его докладывать в Сенате рассмотренные Учреждением дела, имеют служить к руководству также в отношении второго отделения Законоподготовительного Учреждения.

Каждое отделение может приглашать сведущих лиц для участия в рассмотрении известного дела в качестве совещательных членов.

Оба отделения Законоподготовительного Учреждения собираются, под председательством Старшего члена первого отделения, на общие заседания, если Сенат по какому-либо делу признает это необходимым. Члены одного отделения Законоподготовительного Учреждения могут быть также назначаемы для участия в рассмотрении известного дела в другом отделении.

Для второго отделения Законоподготовительного Учреждения служит к руководству прилагаемый при сем штат*.

Опубл.: СПВКФ. 1906. Ст. 61. С. 1; ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. 1. Ст. 28633.

---

* *Штатное расписание не приводится.*

ЧАСТЬ 6
Декабрь 1906 – октябрь 1907 г.
Разработка новой «Формы нравления»

№ 226. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о необходимости разработки «Формы нравления»

13(26) декабря 1906 г.

Гельсингфорс, 26 декабря 1906 г.

Ваше Превосходительство,

Следуя Вашему желанию, имею честь передать Вашему Превосходительству прилагаемый доклад об обстоятельствах, каковые, по мнению Сената, делают необходимой разработку проекта Основного закона, который заменил бы «Форму правления» 1772 г. и различные законы с поправками к ней.

Позволю себе напомнить по этому случаю, что Сенат официально уполномочен предпринять подготовительную работу такого рода. В ст. 102 Постановления 13 сентября 1892 г. говорится: «Судебной экспедиции (Сената) надлежит выступать с инициативой законодательных мер в области Основных законов» и т. д. Слова «выступать с инициативой» в этом месте означают: предлагать Сенату способы к разработке законопроекта.

Я постарался составить мой доклад как можно более сжато, но не сумел сделать его короче. Если Вы найдете его слишком длинным для цели, о которой идет речь, прошу простить меня за то, что утруждаю Вас его сокращением.

Прибавляю копию доклада на случай, если Ваше Превосходительство захочет поделиться им с г-ном Лангхофом.

Прошу Ваше Превосходительство принять заверения в моем совершенном уважении и искренней преданности.

Л. Мехелин

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 11–11 об. Рукопись на французском языке на бланке Хозяйственного департамента Сената со следами сгиба.

№ 227. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о разработке новой Формы правления

13(26) декабря 1906 г.

Копия

Его Высокопревосходительству
Господину Финляндскому генерал-губернатору

Уже ранее я имел случай лично сообщить Вашему Высокопревосходительству, что Сенат признал необходимым войти в предварительное обсуждение вопроса о составлении проекта нового Основного закона для Великого княжества Финляндского взамен старой Формы правления 1772 года. Согласно выраженному при этом Вашим Высокопревосходительством желанию, имею честь письменно изложить мотивы возбуждения этого важного вопроса.

С давних пор двумя главнейшими основными законами Финляндии являлись: Форма правления и Сеймовый Устав (называвшийся до 1809 года Уставом риксдага).

При открытии Сейма 1863 года Император Александр II объявил о своем намерении повелеть выработать проект изменения прежних Основных законов в видах полного их согласования с новыми условиями, возникшими по соединении Финляндии с империею. Засим воспоследовало Высочайшее повеление о составлении, с сохранением прежнего распределения содержания Основных законов, следующих проектов, а именно 1) проекта новой Формы правления на основании Формы правления 1772 года и Акта соединения и безопасности 1789 года, которым в некоторых частях изменена была Форма правления, с развитием некоторых положений согласно Высочайше утвержденной инструкции от 7/19 декабря 1864 года, и 2) проекта нового Сеймового Устава на прежних основаниях, с развитием их равным образом согласно указаниям опыта.

В результате этих трудов получился изданный с согласия земских чинов новый Сеймовый Устав 3/15 апреля 1869 года; но проект Формы правления признано было необходимым подвергнуть новому пересмотру, вследствие чего передача земским чинам Высочайшего предложения относительно новой Формы правления была отсрочена на неопределенное время.

В 1883 году по Высочайшему повелению Императора Александра III назначена была Комиссия для составления проекта кодификации Основного закона со включением в него всех основных законоположений, относящихся к области Формы правления. Представленный Комиссиею в 1887 году проект рассмотрен был в Сенате и подвергся при этом редакционному изменению, после чего Сенат при всеподданнейшем представлении от 22 мая 1891 года поверг на Высочайшее благоволение проект Основного закона взамен Формы правления 1772 года и специальных узаконений, которых с течением времени изменены были некоторые определения Формы правления. Проект этот предполагалось передать земским чинам при Высочайшем предложении. По Высочайшему повелению проект этот предварительно всеподданнейшего доклада был передан на заключение Особой комиссии в составе русских и финляндских чиновников; но Комиссия не выполнила возложенного на нее поручения, и проект кодификации остался без дальнейших последствий.

Из вышеизложенного усматривается, что уже давно сознается потребность в новой Форме правления. В настоящее время эта потребность еще ощутительнее, чем прежде. В государственно-правовом законодательстве Финляндии, правда, воспоследовала важная реформа вследствие Сеймового Устава 7/20 июля 1906 года и Закона о выборах от того же числа. Новый Сеймовый Устав установляет ясные и полные нормы для деятельности народного представительства, а также в отношении порядка рассмотрения Высочайших предложений и осуществления права законодательной инициативы Сейма. Но Сеймовый Устав не имеет целью устранить существующие недостатки в остальной области основных законов, которую обнимает Форма правления. Между тем крайне важно, чтобы основной закон, определяющий право органов государственной власти, и вообще также служит[a] основою правопорядка, в отношении ясности, последовательности и полноты вполне удовлетворял требованиям, которые могут быть предъявляемы к такому закону.

По этой причине Сенат счел долгом приступить к подготовке такого законодательного акта. Сенат при этом не установил вперед подробной программы, и назначенной по данному вопросу Комиссии из членов Сената надлежит тщательно обсудить те изменения и дополнения действующим Основным законам, которые представятся необходимыми в связи с систематизациею и редакционным исправлением текста, что уже само по себе служит руководящею программою для этой законодательной работы.

Сенат полагает, что дело это может быть представлено для всеподданнейшего доклада лишь после того, как Сенатом по рассмотрении предварительного труда Комиссии выработ-

[a] *На полях поставлен знак вопроса, над подчеркнутым словом вписано*: (служащий).

тан будет такой проект, который Сенат с полным убеждением в его целесообразности сочтет возможным повергнуть на Высочайшее Его Императорского Величества благовоззрение[6].

Подписал: Л. Мехелин

Гельсингфорс, 26 декабря 1906 года

С подлинным верно: Директор Канцелярии
Финляндского генерал-губернатора Ф. Книпович

Сверял и верно: За начальника Отделения О. Янушковский

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 71–72. Машинопись на полулистах большого формата. Подписи делопроизводителей – автографы.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [1:6]. С. 24–26.

№ 228. Представление прокурора Финляндского Сената Ю. Гротенфельта генерал-губернатору Н.Н. Герарду о деятельности союза «Войма»

23 декабря 1906 г. (5 января 1907 г.)

Перевод представления прокурора
Императорского Финляндского Сената
Господину Финляндскому генерал-губернатору
от 5 января 1907 года

Предписанием от 23 октября сего года Ваше Высокопревосходительство сообщили мне по делу об оружии, конфискованном 15 сентября на паровой барже Ханки во время стоянки ее в Сандвикской гавани в г. Гельсингфорсе и в доме № 1 на Рихардской улице, что конфискованное оружие, как оказалось, привезено за счет издателя газеты «Vastaisuus[a]» Карла Маннелина и, по его заявлению, предназначалось для спортивного союза «Voima»; по поводу сего Ваше Высокопревосходительство предложили мне принять зависящие меры к производству самого тщательного расследования по обстоятельствам дела, дабы выяснить вопрос, не является ли редактор Маннелин или другие лица виновными в преступлении, предусмотренном п. 3 § 2 или § 4 гл. II Уголовного уложения; вместе с тем Ваше Высокопревосходительство просили уведомления о последующем. Засим, в дополнение к означенному предписанию, Канцелярия Вашего Высокопревосходительства, при отношениях от 20 ноября и от 3 и 12 декабря 1906 года, препроводила ко мне разные относящиеся к делу документы.

Ознакомившись вследствие сего с протоколами производившегося пред тем по делу дознания, я признал необходимым дальнейшее расследование обстоятельств дела и потому 2 ноября предложил и. д. докладчика Нюландского Губернского правления, вице-градсгевдингу Артуру Седергольму приступить к производству в законном порядке тщательного дознания в видах выяснения всех обстоятельств, находящихся в связи с привозом в край оружия, пользуясь при этом, в случае надобности, содействием подлежащих публичных обвинителей и полицейских властей, и представить мне затем протокол дознания[490]. Засим вице-градсгевдинг Седергольм, окончив дознание, представил мне 15 декабря протокол, донося, со своей стороны, относительно обнаруженных дознанием данных следующее:

I. В июле месяце сего года в деревню Пиелакс Вазаской губернии с нарушением действующих таможенных узаконений были привезены 298 ящиков ружей системы «Веттерлин в Швейцарии» с принадлежащими к ним патронами и затем отправлены далее в разные местности; из этой партии подлежащими таможенными властями впоследствии конфискованы были: в Гельсингфорсе – 28 ящиков, содержащих всего 537 ружей и 250 штыков, и в

[6] *Последний абзац отчеркнут и на полях впечатано*: Собственноручная пометка генерал-губернатора: «Мне кажется, что для этого Сенат должен быть особо уполномочен».

[a] *Здесь и далее все иностранные слова вписаны в машинопись чернилами.*

Бьернеборге – 108 ящиков, содержащих всего 204 000 патронов и 116 ружей, причем в том же городе из означенной партии найдено 26 опорожненных ящиков, содержавших патроны; из этого города по железной дороге отправлено в Куопио 63 места ружей и патронов, из коих по крайней мере некоторая часть прибыла в место назначения.

II. Это оружие с принадлежностями к нему, которое было отправлено и распределено преимущественно руководителями «спортивного общества Voima», было предназначено для этого общества, причем, однако, не выяснено, чтобы оружие было ввезено в край распоряжением центрального управления общества в Гельсингфорсе в качестве такового.

III. Общество «Voima» не преследовало исключительно спортивных целей, но являлось союзом, долженствующим также служить кадром обнимающей всю страну охранной дружины, имеющей целью поддерживать и укреплять возникшую вследствие притеснений предыдущих лет и особенно во время всеобщей забастовки в ноябре 1905 года идею обороны закономерного общественного строя, как против всякого режима, нарушающего конституцию края и благоприобретенные права граждан, так и против других враждебных обществу элементов.

IV. Таинственность, коею центральное управление общества «Voima» в Гельсингфорсе окружало себя, была обусловлена не только тем обстоятельством, что общество, не имея надлежаще утвержденного Устава, открыло довольно широкую деятельность, но и тем, что союз из финляндских граждан, располагающий, быть может, оружием, по всему вероятию, при господствующих ныне в России обстоятельствах был бы заподозрен в революционных замыслах.

Препровождая при сем к Вашему Высокопревосходительству протокол дознания в заверенном переводе, считаю долгом, с своей стороны, сообщить следующее. Я ознакомился с протоколом и в главных чертах присоединяюсь к выводам производителя дознания, который, по моему мнению, добросовестно выполнил возложенное на него поручение. Как и производитель дознания, я нахожу, что не обнаружено обстоятельств, указывающих на то, чтобы привезенные в край за счет союза «Voima» ружья и огнестрельные припасы предназначались для целей, имеющих характер преступления против Верховной власти. Сотрудник газеты «Uusi Suometar» Эйно Войонмаа[491], согласно показаниям его в протоколе дознания, правда, полагает, что союз «Voima», будучи некоторого рода охранною дружиною для обеспечения общественного порядка против анархических элементов и эвентуально против режима, который нарушал бы конституцию и законы края, в то же время преследует также другую цель, а именно отделение Финляндии от России, если бы к тому представился случай при возникновении в империи внутренних беспорядков. Однако г-н Войонмаа, уклонившись от дальнейшего допроса, не привел более подробных оснований в подтверждение своего взгляда на дело, а между тем впоследствии разные лица, заслуживающие по-видимому доверия (напр., допрошенные под №№ 9, 10, 13, 44, 101, 102, 110, 113, 119, 134 и 135), в том числе и принадлежащие к старофинской партии (как напр., вице-герасдгевдинг Вэйне Арвекари № 133), привели такие обстоятельства, которые положительно указывают на неправильность его мнения.

Содержание циркуляров под псевдонимом Эро Кальске, относительно которых удостоверено, что они составлены временным центральным правлением союза «Voima», равным образом не может служить основанием для утверждения, что ружья привезены были в край за счет этого союза, с целью покушения против Верховной власти. В некоторых циркулярах, подписанных тем же псевдонимом и особенно в циркуляре с пометкою «крайне секретно», в котором говорится о необходимости приступить к вооруженной борьбе ко времени открытия навигации 1906 года для изменения государственного строя, содержатся, правда, заявления противоположного характера, но, по моему мнению, им нельзя придавать в данном случае никакого значения, так как, судя по всему, циркуляры эти подложные и, вероятно, исходят из какого-то мутного источника, который, быть может, и удастся обнаружить при предписанном мною дальнейшем дознании об этих циркулярах.

Относительно деятельности редактора Маннелина также не обнаружено данных, уличающих его в преступлении, указанном Вашим Высокопревосходительством. Редактор Маннелин, как и некоторые другие члены центрального правления союза «Voima» в Гельсингфорсе, уклонились, правда, от допроса, не соображаясь при этом с § 6 Высочайшей Инструкции прокурору от 12 февраля 1812 года и § 50 Высочайшего постановления от 13 сентября 1892 года. Отказ их и нежелание сообщить подробные объяснения по некоторым указанным производителем дознания обстоятельствам могло бы придать делу неблагоприятный вид, но хотя нельзя не признать, что дознание оказалось бы полнее, если бы лица эти стали на ту же точку зрения, как некоторые провинциальные деятели союза «Voima», все-таки это обстоятельство не влияет на общий результат дознания, так как цели союза и назначение привезенного за его счет в Финляндию оружия выясняются в достаточной мере разными обстоятельствами, удостоверенными произведенным дознанием и помимо него. События и перевороты последнего времени, правда, могли возбудить у отдельных лиц мысли о том, чтобы, не взирая на святость и силу законного порядка, воспользоваться при случае благоприятными обстоятельствами в видах достижения, с нарушением закона, более самостоятельного политического положения для Финляндии. Подобные намеки появлялись иногда в органах радикальной буржуазной печати. Но, по моему мнению, таким заявлениям нельзя придавать более серьезного значения; укрепление и поддержание конституционного строя и прав страны, вероятно, прекратит их, и к тому же, насколько известно, никто не переходил от слов к делу. Что же касается редактора Маннелина, уличенного в том, что он принимал участие в перевозке оружия, то в видах разъяснения дела, я сделал распоряжения о просмотре появившихся за его подписью и инициалами статей в газете «Vastaisuus», причем оказалось, что изложенные в них политические взгляды не обнаруживают в авторе намерений, имеющих характер преступления против Верховной власти.

Дознание выиграло бы в отношении полноты, если бы допрошены были железнодорожный чиновник, который, по существующим правилам, должен был принять 27 июля сего года на Куопиоской станции поезд, с которым прибыл из Бьернеборга товарный вагон № 6892 с ружьями, а также чиновник, который в то время исправлял должность начальника этой станции, так как они, может быть, сообщили бы сведения относительно этого товарного вагона и его выгрузки. Равным образом, в видах полноты, можно было бы допросить также председателя и секретаря Куопиоского отделения союза «Voima». Но лица эти во время производства дознания не находились в Куопио и окончание дознания было бы чрезмерно замедлено в случае допроса как этих, так и, может быть, некоторых других лиц, из которых, напр., лицо, у которого значился на жительстве «Эро Кальске», не могло быть в данное время разыскано, а потому я нахожу вполне соответственным, что дознание было заключено без выслушания этих лиц с предоставлением подлежащим властям принять зависящие от них дальнейшие меры по делу.

Кроме данных, обнаруженных дознанием в отношении задач союза «Voima» и назначения привезенного им в край оружия, из протокола усматривается, что разные чины таможенного ведомства и полиции, и, может быть, также некоторые железнодорожные служащие, равно как и и. д. городского фискала в г. Бьернеборге Айно Лейкко оказались виновными в проступках и упущениях по службе. Из них чины таможенного ведомства, по поступившим ко мне сведениям, распоряжением Таможенного управления уже привлечены к ответственности. И. д. городского фискала Лейкко, принимавший, по-видимому, деятельное участие в ввозе оружия, скончался. Полицеймейстеры же за служебные проступки и несовместный с долгом службы образ действия подлежат дисциплинарной власти губернатора и Вашего Высокопревосходительства.

Относительно складов ружей, привезенных в край, но еще не отысканных, розыски продолжаются подлежащими властями, и в сих видах, а равно для прочих мероприятий Таможенному управлению доставлен один экземпляр протокола дознания, кроме чего для той же цели в Таможенное управление передан протокол дознания, произведенного ленсманом Куриккаского прихода по делу о провозе оружия в названном приходе. Наконец выпись

соответственных частей прилагаемого протокола доставлена также Управлению железных дорог.

Подписал: Прокурор Ю. Гротенфельт

Скрепил: Секретарь Й. Уггла[492]

Перевод проверил: Главный переводчик Гейдеман

НАФ. Фонд 1-е отделение канцелярии генерал-губернатора, дело VI:1/1907, папка Гь:333. Машинопись на русском языке (перевод с шведского языка). Бумага с водяными знаками: keisekliga senaten keisarillinen senaatti. Многочисленные пометы карандашом. Подпись переводчика – автограф.

№ 229. Записка Н.Н. Корево[493] о праве Финляндского генерал-губернатора самостоятельно докладывать дела Императору и необходимости имперскому правительству самому решать все финляндские дела с резолюцией Н.А. Столыпина[494]

25 декабря 1906 г. (7 января 1907 г.)

Учреждение Совета министров от 19 октября 1905 года имеет целью направление и объединение действий главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления. Вряд ли можно сомневаться, что при этом в отношении высшего государственного управления имелось в виду установить единство политики на всем пространстве государства Российского, не исключая и входящей в его состав Финляндии. Ввиду сего позволяю себе высказать следующие соображения.

I

Обособленное положение генерал-губернатора Финляндского до законов 19 октября 1905 года и 23 апреля 1906 года*[1] соответствовало обособленности отдельных министров и не представляло, поэтому, такой несообразности, какую оно представляет ныне. Если другие генерал-губернаторы не состоят членами Совета министров, то это вполне объясняется тем, что они состоят в ведомстве Министерств внутренних дел или военного и т. д., но Финляндский генерал-губернатор находится в ином положении, и его отсутствие в составе Совета министров является вредным как для Совета, так и для него самого. Действительно, будучи представителем идеи государственного единства на Финляндской окраине, генерал-губернатор должен иметь, с одной стороны, опору в Совете министров для проведения единой общегосударственной политики, с другой же – он обязан осведомлять Совет о состоянии Финляндии. Совместные действия Финляндского генерал-губернатора с Советом министров к тому же предусмотрены и действующим законом, ибо вносимые им в Совет записи должны рассматриваться в его личном присутствии.

*[1] Статьи 27, 32 прим. 1, 46 и 61 Учр. Ком. мин сохранили сил ввиду отдела V закона 23 апреля 1906 г. и по отношению к Совету министров. В последний раз упомянутые статьи имели применение в 1904 г., когда статс-секретарь Плеве, принимая во внимание, что предполагаемая тогда мера о предоставлении имперским и финляндским местным властям права непосредственных друг с другом сношений, имела своим предметом отмену постановлений, вошедших в состав Свода законов Российской империи, и издание новых правил, обязательных для всех министров империи, высказался за осуществление этой меры не путем одностороннего и всеподданнейшего доклада министра статс-секретаря, а путем внесения соответствующей записки Финляндского генерал-губернатора в Комитет министров, согласно статье 27 его Учреждения (дело статс-секретаря Великого княжества Финляндского. 1905 г. № 48. Л. 4 об. – 6). (*Прим. док.*)

Записки эти вносятся генерал-губернатором*[2], – когда он признает сие нужным и когда по ним не требуется изменения Финляндских законов, – по делам, которые «по тесным связям Великого княжества Финляндского **с прочими частями империи**» имеют близкое отношение к обоим управлениям и требуют рассмотрения с обеих сторон. А так как дела упомянутого рода могут возникать не только по управлению Финляндского генерал-губернатора, но и по Имперским ведомствам, то председателю Совета министров и следовало бы, разумея Финляндского генерал-губернатора в числе тех Главных начальников ведомств, которые участвуют в Совете министров лишь по делам своего ведомства (1905 г. Окт. 19, I, ст. 2), приглашать Финляндского генерал-губернатора в надлежащих случаях к участию в Совете министров на правах его члена. При этом генерал-губернатор мог бы лично осведомлять Совет о изготовляемых по Финляндии законопроектах и проектах Высочайших предложений Сеймy и в свою очередь получать от Совета необходимые указания, каковым путем и вносился бы необходимый корректив к действующему постановлению 1891 года. Согласно этому закону, решение того, какие финляндские дела касаются интересов империи, предоставлено не министрам империи, а единоличному усмотрению министра статс-секретаря Финляндии. Такой ненормальный порядок тем более нуждается в скорейшем исправлении, что, как показывает практика, весьма многие вопросы, затрагивающие ближайшие интересы империи, были решены в порядке финляндского законодательства без всякого осведомления имперских властей. Напомним столь известные примеры, как выделение в 1811 г. Выборгской губернии в состав Финляндии, установление в 1860 и 1877 гг. особой финляндской монеты, образование в 1878 г. отдельной финской армии, с этих пор не обязанной, как было до 1878 г., действовать вне пределов Финляндии, а также возникшую в 1896 г. переписку с министром статс-секретарем военного министра, который, несмотря даже на закон 1891 г., не был поставлен в известность о расширении полномочий Финляндского Сената в отношении финских войск.

II

По мысли, легшей в основание Учреждения Совета министров, являются, очевидно, недопустимыми, без осведомления Совета министров, и сношения отдельных Имперских ведомств с министром статс-секретарем Финляндским, которые и ныне продолжаются по заведенному порядку. Нельзя допускать, чтобы статс-секретариат получал от разных русских ведомств заключения, может быть, противоречивого характера, что́, конечно, было бы устранено предварительным обсуждением этих заключений в Совете министров. Слишком невыгодно то положение, когда объединенное Финляндское министерство, каким является Финляндский Сенат, через посла в Петербурге (министр статс-секретарь), вступает в переговоры с отдельными министрами, среди которых, после законов 1905 и 1906 гг., несомненно должно быть единение. Но ведь единение достижимо лишь по совместном рассмотрении дела, а этого то и нет в данном случае. Разногласия в заключениях русских ведомств по финляндским делам, касающимся интересов империи, слишком часто встречались в нашей практике, чтобы не бояться их повторения. Поэтому является своевременных установить, в виде инструкции по всем министерствам, чтобы проекты даваемых министру статс-секретарю заключений министров империи по делам, относящимся до Финляндии, обязательно докладывались председателю Совета министров, от которого

*[2] На осуществление этого предположения последовало 26 февраля 1904 года Высочайшее соизволение, и 4 мая того же года за № 3008 генерал-адъютант Бобриков внес в Комитет министров записку об изменении порядка сношений Имперских и местных Финляндских присутственных мест и должностных лиц в том смысле, чтобы сношения экспедиций Сената, губернаторов, губернских правлений и Главных управлений Великого княжества Финляндского с окружными, губернскими и уездными учреждениями и властями империи совершались непосредственно на общем основании. (Там же. Л. 15 об. – 16). С этим мнением генерал-адъютанта Бобрикова вполне согласился преемник его по должности Финляндского генерал-губернатора, генерал-адъютант князь Оболенский. Но Комитетом министров означенная записка по существу еще не рассмотрена. (*Прим. док.*)

зависело бы вносить их на рассмотрение всего Совета или местного совещания заинтересованных министров. Пора прекратить несоответствующие современному государственному строю положение, к которому финляндцы привыкли в совместных с русскими комиссиях. Являясь в такие совещания все с одним установившимся убеждением, финляндцы с удовольствием видят, что русские по прежнему не спелись и спорят между собой даже в их присутствии, спорят и возражают друг другу не только представители разных ведомств, но даже и представители одного какого-нибудь министерства не стремятся к предварительным соглашениям.

На основании изложенного председателю Совета министров надлежало бы:

1. в силу статьи 2 отдела I закона 19 октября 1905 г., приглашать Финляндского генерал-губернатора в подлежащих случаях к участию в Совете министров на правах его члена.

2. Преподать в инструкционном порядке всем министрам указание о том, чтобы проекты сообщаемых ими министру статс-секретарю заключений по делам, относящимся до Финляндии, обязательно докладывались председателю Совета министров на предмет обсуждения их в Совете или в частном совещании заинтересованных министров.

Предлагаемые нами меры имеют пред проектируемыми смешанными Комитетами и Делегациями, которые когда-то еще будут созданы, то преимущество, что их можно провести скоро и не в законодательном порядке. Они ведь не затрагивают даже вездесущих Финляндских основных законов, ибо не касаются порядка утверждения законов, но устанавливают лишь осведомленность русских властей в том, что до сих пор слишком от них скрывается. Конечно, эти меры не дадут средств исправить ошибки в прошлом, но они оберегут нас хотя бы от некоторых ошибок в будущем, что́ особенно важно ввиду многочисленных проектов, которые Финляндский Сенат ныне спешит провести.

П. Корево

Пометы: на 1 странице над текстом слева рукой Столыпина: 1) Может ли это быть сделано Выс. утвержденным положением Совета министров?

2) Как избежать случайности в деле внесения вопросов в Совет м-ров? ведь порядок этот все же факультативный и будет находиться в зависимости от доброй воли генерал-губернатора или случайной осведомленности председателя Совета министров.

25 декабря

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 16. Л. 1–1 об., 2–5 об. Машинопись. Подпись – автограф.

№ 230. Циркулярное письмо № 137 председателя Совета министров П.А. Столыпина В.Н. Коковцеву[495] о необходимости все постановления по Финляндии рассматривать в Совете министров[496]

5(18) января 1907 г.

Доверительно

Милостивый государь,
Владимир Николаевич.

Высочайшим постановлением от 1 августа 1891 года (Сборн[ик] постан[овлений] Финл[яндии], № 27) министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского Высочайше повелено: предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов для Великого княжества, а также предложений Финляндскому Сейму запрашивать заключения министров империи в тех случаях, когда дело вместе с тем касается интересов империи, причем заключение подлежащего министра империи, когда таковое было запрошено, должно быть представляемо Его Императорскому Величеству при всеподданнейших докладах законопроектов и предложений Сейму. Засим в позднейшем Высочайшем повелении от 12 февраля 1900 года по частному вопросу о железнодорожном строительстве указано

было, что предположения Финляндского Сената по расширению железнодорожной сети, за исключением подъездных путей местного значения, должны быть докладываемы Его Величеству вместе с заключениями министров военного, финансов и путей сообщения.

Ныне за воспоследованием 19 октября 1905 г. и 23 апреля 1906 г. законоположений, имеющих целью объединение действий главных начальников ведомств империи по предметам законодательства и высшего государственного управления я считаю необходимым, чтобы заключения отдельных министров, сообщаемые министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского по делам, относящимся до Финляндии, были, в интересах единства управления, ближайшим образом согласованы с общим направлением деятельности Совета министров. Поэтому имею честь обратиться к Вам, милостивый государь, а-с покорнейшею просьбою, в тех случаях, когда, по ходу дела вверенному Вам ведомству будет предстоять надобность сообщить заключение министру статс-секретарю Финляндии, предварительно не отказать осведомлять меня о содержании проектированного заключения, дабы я имел возможность, в случае необходимости, предложить означенное дело на обсуждение Совета министров[а-а].

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверения в глубоком моем уважении и истинной преданности.

Подписал: П. Столыпин

Верно: [б-б]Экспедитор канцелярии Иванов[б-б]

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 16. Л. 17–17 об. Машинопись с воспроизведением формуляра бланка «Председатель Совета министров». Подчеркивания и отчеркивания карандашом.

Опубл.: П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 127–128.

№ 231. Записка и справка помощника управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве[497], представленные председателю Совета министров П.А. Столыпину об участии Финляндского генерал-губернатора в заседаниях Совета министров[498]

5(18) января 1907 г.

1. Предполагаемые меры, поскольку они касаются установления единства в заключениях министров, даваемых в подлежащих случаях министру статс-секретарю, могут быть проведены простым предложением председателя Совета министров Господам министрам.

2. Что касается участия Финляндского генерал-губернатора в заседаниях Совета министров, по приглашению его председателя, в силу статьи 2 отдела I закона 19 октября 1905 г., то, при сочувствии генерал-губернатора этой мере, он не преминет воспользоваться таким приглашением. Если же генерал-губернатор такой мере не сочувствовал бы, то это значило бы, что он прежде всего является противником единства общественной политики, каковое положение могло бы тем менее быть терпимо, чем опаснее состояние государства. Вместе с тем протест генерал-губернатора против этой меры или уклонение от ее исполнения послужили бы открытым доказательством того, что он прямо становится на сторону финляндских сепаратистов и поддерживает программу самостоятельного финляндского государства, соединенного с Россией лишь неопределенной связью так называемой личной унии в особе Монарха. Поэтому ожидать какого-нибудь противодействия со стороны генерал-губернатора, как принесшего верноподданническую присягу Всероссийскому Императору, едва ли возможно. Если же, свыше всяких ожиданий, произошло бы что-либо подобное, то,

[а-а] *Отчеркнуто на полях карандашом.*

[б-б] *Вписано чернилами.*

конечно, следовало бы найти более достойного защитника имперских интересов в Финляндии, причем хороший исход может указать прилагаемая историческая справка.

В том случае, если указание статьи 2 отдела I закона 19 октября 1905 г. представится недостаточным для установления порядка приглашения Финляндского генерал-губернатора к участию в Совете министров на правах его члена, то не имеется никаких препятствий к тому, чтобы порядок этот был ныне особо определен Высочайше утвержденным положением Совета министров, подобно тому, как Высочайше утвержденным 21 апреля 1834 г. (П.С.З., № 7010) положением Комитета министров, даже без особого его распубликования по Финляндии, было установлено сохраняющее свою силу правило об участии Финляндского генерал-губернатора в Комитете (а ныне Совете) министров при обсуждении вносимых им записок. Такой акт был бы не более, как постановлением в порядке Верховного управления и ни мало не относился бы к сфере местного финляндского законодательства, а представлял бы лишь логическое развитие положения 1834 г.

3. Конечно, осведомленность председателя Совета министров может и при осуществлении предлагаемых мер оставаться более или менее случайною, в зависимости от доброй воли генерал-губернатора. Первым коррективом этого могло бы явиться устранение лиц, обладающих злою волей.

Но если признано было бы предпочтительным законодательным путем изменить ненормальный существующий порядок, по которому определение того, какие финляндские дела касаются интересов империи, представлено не министрам империи, а единолично министру статс-секретарю Финляндии, и при котором статьи свода законов империи изменяются и теряют силу по докладу министра статс-секретаря даже без ведома министров империи и кодификационного учреждения, то надлежало бы всеподданнейше представить на благоусмотрение Его Императорского Величества, не благоугодно ли Ему будет в порядке финляндского административного законодательства издать Высочайшее постановление примерно следующего содержания:

«В изменение и дополнение Инструкции генерал-губернатору от 31 января 1812 года, Инструкции статс-секретариату от 17 марта 1826 года и Высочайшего постановления от 1 августа 1891 года установить, что все законопроекты по Великому княжеству Финляндскому, а также проекты Высочайших предложений Сейму должны быть сообщаемы министром статс-секретарем для сведения или на заключение подлежащих министров империи». Проекты таких заключений подвергались бы, как указано выше, предварительному обсуждению в Совете министров или частном совещании министров. Затем, последовавшие заключения докладывались бы, согласно постановлению 1891 года, Его Императорскому Величеству министром статс-секретарем, а в важнейших случаях, как это и практикуется, им же совместно с генерал-губернатором.

Такого рода предложение было сделано еще в 1892 г. в совещании Н.Х. Бунге генерал-адъютантом Ванновским и встретило обычные возражения со стороны финляндцев, как всегда уверявших, что посылка дел на заключение Имперским министров нарушает непосредственные отношения Финляндии к Особе Монарха. Конечно, такие же возражения пришлось бы услышать и ныне; может быть Финляндский Сенат даже отказался бы распубликовать подобное административное постановление, хотя несомненно, что Государь Император вправе его издать и не нарушать тем законов Финляндии, как не были они нарушены пунктом I прилагаемого постановления 1891 года.

Историческая справка

В 1831 году Финляндский генерал-губернатор Закревский[499] был назначен министром внутренних дел с оставлением в должности генерал-губернатора. В то время, когда не было ни железных дорог, ни телеграфов, ни телефонов, все же считалось возможным управлять Финляндией из Петербурга. Совмещение графом Закревским двух столь ответственных должностей, очевидно, не казалось странным Императору Николаю I. Может быть, дальновидный Государь именно и хотел того, чтобы Финляндия управлялась из Петербурга, ибо, уволив министра внутренних дел Закревского в 1833 году от должности Финляндского

генерал-губернатора, он назначил на эту должность князя А.С. Меньшикова[500], опять-таки с оставлением в должности начальника Главного Морского Штаба. Такое совмещение продолжалось до 1855 г., и все привыкли к тому, что генерал-губернатор только наездами бывает в Финляндии. У князя Меньшикова была даже особая канцелярия по финляндской части в Петербурге. Если вспомнить, что заседания Финляндского Сената ведутся на шведском языке, которого почти все наши генерал-губернаторы в Финляндии не знали, как не знает его и Н.Н. Герард, и что у князя Меньшикова был помощник, генерал Теслев[501], председательствовавший в Сенате, то совмещение должностей, какое продолжалось в Финляндии с 1831 по 1855 г., конечно, не было случайным, обеспечивая бóльшее единство, чем мы это видим ныне.

Мысль о восстановлении этого порядка, хотя и в несколько иной форме, была вновь возбуждена Финляндским генерал-губернатором графом Гейденом. Собираясь после шестнадцати лет службы в Финляндии оставить этот высокий пост и находя необходимым соединить Финляндский военный округ с С.-Петербургским, граф Гейден подал записку, в которой полагал полезным назначить Финляндским генерал-губернатором Его Императорское Высочество Великого князя Владимира Александровича[502] с оставлением в должности Главнокомандующего войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа, а его помощником генерал-лейтенанта Гончарова. Последний председательствовал бы в Сенате и пересылал бы все дела в Петербург к генерал-губернатору, от коего они поступали бы к министру статс-секретарю для всеподданнейшего доклада. По мнению графа Гейдена, по делам особой важности генерал-губернатор должен иметь личный доклад у Его Величества. (Напомним, что рескриптом 9 июня 1826 года генерал-губернатору предоставлено объявлять изустно ему данные Высочайшие повеления к исполнению как статс-секретарю, так и Сенату).

В случае, если бы один из членов Совета министров состоял в то же время в должности Финляндского генерал-губернатора, указанные в особо поданной записке меры нашли бы себе лучшее осуществление, и никто из финляндцев не мог бы оспаривать подобного совмещения ввиду указанных прецедентов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 16. Л. 13–16. Машинопись на листах большого формата.

№ 232. Отношение № 374 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу о разработке в Сенате новой Формы правления

6(19) января 1907 г.
Копия

Отношение г. Финляндского генерал-губернатора
г. Министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского
от 6/19 января 1907 года за № 374

Получив сведение, что в Императорском Финляндском Сенате разрабатывается целый ряд вопросов, законопроекты по которым предполагается внести на рассмотрение Сеймов ближайших годов, и в том числе вопрос о составлении проекта нового закона для Великого княжества Финляндского взамен старой Формы правления 1772 года, я просил вице-председателя Хозяйственного департамента сенатора Мехелина изложить мне письменно мотивы возбуждения этого важного вопроса.

Вследствие сего сенатор Мехелин препроводил ко мне записку, в копии при сем прилагаемую, из которой усматривается, что Сенатом разрабатывается лишь материал для составления проекта Основного закона о Форме правления, и что основанием для деятельности Сената по этому вопросу послужило то обстоятельство, что Высочайшее повеление в Бозе почившего Императора Александра II, объявленное Государем при открытии Сейма 1863 года, осталось до сих пор без исполнения. Согласно выраженной тогда Монаршей воле

был составлен проект новой Формы правления на основании Формы правления 1772 года и Акта соединения и безопасности 1789 года, согласно Высочайше утвержденной инструкции от 7/19 декабря 1864 года. По проект этот не был передан на рассмотрение земских чинов, так как было признано необходимым подвергнуть его новому пересмотру.

Затем в 1883 году по Высочайшему повелению в Бозе почившего Императора Александра III назначена была Комиссия для составления проекта модификации основного закона со включением в него всех основных законоположений, относящихся к области Формы правления. Составленный Комиссиею проект был рассмотрен в Сенате и подвергся при этом редакционному изменению, после чего Сенат, при всеподданнейшем представлении от 22 мая 1891 года поверг на Высочайшее благовоззрение проект основного закона взамен Формы правления 1772 года и специальных узаконений, которым с течением времени изменены были некоторые определения Формы правления. Проект этот предполагалось передать земским чинам при Высочайшем предложении. По Высочайшему повелению проект этот предварительно всеподданнейшего доклада был передан на заключение Особой комиссии в составе русских и финляндских чиновников; но Комиссия не выполнила возложенного на нее поручения, и проект кодификации остался без дальнейших последствий.

Из этих данных Сенат усматривает, что потребность в издании новой Формы правления сознавалась уже давно и Сенат считает крайне важным, чтобы Основной закон, определяющий права органов Государственной власти и вообще служащий основою правопорядка, в отношении ясности, последовательности и полноты власти удовлетворял тем требованиям, которые могут быть предъявлены к такому закону.

Сообщая об изложенном для доклада Государю Императору, я прошу Ваше Превосходительство доложить также Его Императорскому Величеству, что вопрос об издании новой Формы правления может поступить на обсуждение Сейма не иначе, как по Высочайшему предложению в порядке, установленном Сеймовым Уставом для Великого княжества Финляндского.

Подписал: Генерал-губернатор — Н. Герард
Скрепил: Директор Канцелярии — Ф. Книпович
С подлинным верно: Директор Канцелярии — Ф. Книпович
Сверял и верно: За начальника отделения — О. Янушковский

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 73–74. Машинопись на листах большого формата. Бумага с водяными знаками: герб Финляндии с текстом: № 1 Tervakoski Aktiebolag 1906. Подписи делопроизводителей – автографы.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [1:6]. С. 27–28.

№ 233. Циркулярное письмо № 180 председателя Совета министров П.А. Столыпина товарищу министра внутренних дел С.Е. Крыжановскому[503] о необходимости все постановления по Финляндии рассматривать в Совете министров[504]

8(21) января 1907 г.
Доверительно.

Милостивый государь,
Сергей Ефимович*.

Поэтому имею честь обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою, в тех случаях, когда, по ходу дела ведомству внутренних дел будет предстоять надобность сообщить заключение министру статс-секретарю Финляндии, предварительно доклады-

* *Текст далее не публикуется, так как он идентичен первой части циркулярного письма от 5 января 1907 г. (Док. № 230).*

вать мне о содержании проектированного заключения, дабы я имел возможность, в случае необходимости, предложить означенное дело на обсуждение Совета министров.

Прошу ваше превосходительство принять уверения в глубоком моем уважении и истинной преданности.

Подписал: П. Столыпин.

Верно: [a-a]Экспедитор канцелярии Иванов[a-a]

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 16. Л. 19–19 об. Машинопись на листе большого формата с воспроизведением формуляра бланка «Председатель Совета министров».

№ 234. Отношение № 544 председателя Совета министров П.А. Столыпина начальнику Главного управления Генерального Штаба Ф.Ф. Палицыну[505] о праве Совета министров рассматривать все вопросы по Финляндии[506]

31 января (13 февраля) 1907 г.

Доверительно

31 января 1907 года
№ 544

Его Превосходительству
Ф.Ф. Палицыну

Милостивый государь,
Федор Федорович.

Высочайшим постановлением от 1 августа 1891 года (Сборн. Постан. Финл., № 27) министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского Высочайше повелено: предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов для Великого княжества, а также предложений Финляндскому Сейму запрашивать заключения министров империи в тех случаях, когда дело вместе с тем касается интересов империи, причем заключение подлежащего министра империи, когда таковое было запрошено, должно быть представляемо Его Императорскому Величеству при всеподданнейших докладах законопроектов и предложений Сейма. Засим в позднейшем Высочайшем повелении от 12 февраля 1900 года по частному вопросу о железнодорожном строительстве указано было, что предположения Финляндского Сената по расширению железнодорожной сети, за исключением подъездных путей местного значения, должны быть докладываемы Его Величеству вместе с заключениями министров военного, финансов и путей сообщения.

Ныне, за воспоследованием 19 октября 1905 г. и 23 апреля 1906 г. законоположений, имеющих целью объединение действий Главных начальников ведомств империи по предметам законодательства и высшего государственного управления, я считаю необходимым, чтобы заключения отдельных министров, сообщаемые министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского по делам, относящимся до Финляндии, были в интересах единства управления ближайшим образом согласованы с общим направлением деятельности Совета министров. Принимая во внимание, что Высочайше утвержденным положением об образовании Генерального Штаба Вашему Превосходительству вверена отдельная часть военного управления, имею честь обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою, в тех случаях, когда, по ходу вверенных Вам дел, будет предстоять надобность сообщить заключение министру статс-секретарю Финляндии, предварительно не отказать осведомлять меня о содержании проектированного заключения, дабы я имел возможность в случае необходимости предложить означенное дело на обсуждение Совета министров.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в глубоком моем уважении и истинной преданности.

[a-a]Подписал: П. Столыпин[a-a]

[a-a] *Вписано Столыпиным.*

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 16. Л. 20–21. Машинопись с воспроизведением формуляра бланка «Председатель Совета министров».

№ 235. Журнал Особого совещания под председательством Императора Николая II по некоторым вопросам, касающимся Финляндии

1(14) февраля 1907 г.

Журнал
Особого совещания под личным председательством
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА по некоторым вопросам,
касающимся Финляндии, в г. Царское Село, 1-го февраля 1907 г.

Присутствовали: ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ[507], председатель Совета министров Гофмейстер П.А. Столыпин, морской министр генерал-адъютант Дикov[508], военный министр генерал-лейтенант Редигер[509], министр иностранных дел гофмейстер Извольский[510] и начальник Генерального Штаба генерал-лейтенант Палицын. Делопроизводитель – начальник Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА – генерал-майор Раух[511].

Открыв совещание, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО предложил АВГУСТЕЙШЕМУ Главнокомандующему изложить те вопросы, которые, по мнению Великого князя, требуют разъяснения и указаний в смысле общего направления деятельности Военного Ведомства в Финляндии.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, указав на возложенное на Него волею ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА главное руководство военными операциями в Финляндии в случае возникновения в ней вооруженного восстания, полагает необходимым обсуждение нижеследующих вопросов:

1) Разъяснение политической обстановки и отношения иностранных держав к военным действиям в Финляндии. Уже при подготовительных работах к таковым операциям необходимо знать, чего можно ожидать от иностранных держав и особенно от Швеции, так как только строгий нейтралитет последней обеспечит фланг оперирующих войск. Затем, одновременно с операциями внутри Финляндии, необходима будет самая строгая блокада берегов, чтобы лишить страну всех подвозов продовольствия и военных припасов, что одно, быть может, принудит Финляндию к покорности. Между тем таковая блокада, нарушая интересы иностранных держав, вероятно также потребует предварительных с ними сношений.

2) Наличность в Финляндии не только значительного количества ружей, но и пулеметов, и орудий безусловно подтверждается. Места хранения некоторых орудий обнаружены. Полагая, что захват орудий явится фактом первостепенного значения, необходимо выяснить, желателен ли таковой захват, и как его использовать в общегосударственном смысле.

3) Современная дислокация войск в Финляндии, разбросанных по многим отдаленным гарнизонам, вызывается соображениями внутренней политики и крайне опасна в случае вспышки восстания. Быть может заблаговременный, ранее открытого восстания, ввод новых войск под видом маневров или военных прогулок желателен и сможет предупредить таковой взрыв. Осуществление сего, однако, связано с значительными трудностями в отношении расквартирования.

4) Насущная необходимость обнародования границ крепостных районов как самая действительная мера для обеспечения безопасности крепостей Выборга и Свеаборга.

5) Соединение в скорейшем времени Финляндских железных дорог с Имперскими при помощи моста через Неву, что крайне необходимо вообще в интересах обороны столицы и всего Финского побережья.

6) Сохранение воинских начальников в Финляндии как единственных агентов военного начальства во многих городах Финляндии.

Министр иностранных дел по первому пункту высказал, что вопрос об отношении иностранных держав следует рассматривать с двух сторон: с международно-политической и международно-юридической. Не изучив до сего этого вопроса и не обладая ныне положительными данными, он ответить не может. Вопрос требует самого обстоятельного обсуждения, к чему немедленно будет приступлено, причем, после некоторых подготовительных работ, полагал бы необходимым обсуждение это исполнить в особом вневедомственном совещании. Так, например, подлежит серьезному расследованию, в каких пределах может быть установлена блокада берегов Финляндии. Однако уже теперь можно безошибочно сказать, что в парламентах, прессе и широких общественных кругах Западной Европы наши военные операции по подавлению восстания в Финляндии сочувствия не встретят. Некоторого сочувственного отношения можно будет ожидать разве только от Императора Германского, и Гофмейстер Извольский примет меры, чтобы попытаться узнать взгляды Его по этому вопросу, но к таковому разъяснению следует приступить с крайней осторожностью. Наконец весьма серьезным представляется вопрос об Аландских островах, на которых особой конвенцией 1856 года ограничены суверенные права России. Толкование сей конвенции весьма затруднительно. Уже летом прошлого года, когда островами в качестве базы пользовалась эскадра Великого князя АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА, в иностранной прессе был поднят вопрос об этих островах и встречались указания на упомянутую конвенцию, хотя дипломатическим путем никаких запросов по этому поводу сделано не было. Ныне, ввиду заявления АВГУСТЕЙШЕГО Главнокомандующего о крайне важном значении этих островов в случае установления блокады берегов Финляндии, на рассмотрение сего вопроса будет обращено особое внимание, причем можно надеяться, что Франция и Англия особых препятствий к урегулированию его не окажут.

Начальник Генерального Штаба, обращаясь к рассмотрению вопроса о вооружении Финляндии, указал, что, по-видимому, склады орудий преимущественно сосредоточиваются к востоку от Выборга, в районе р. Вуоксы, и что таковой выбор вряд ли случайный, а скорее обусловлен какими-нибудь причинами, вероятно предполагаемым планом действий. Поэтому захват этих орудий, если только это исполнимо, может дать положительные результаты в смысле расстройства выработанного плана действий, а вместе с тем таковой захват даст весьма веский козырь в руки правительства. На основании этих соображений генерал Палицын полагает, что следует приступить к захвату орудий и пулеметов, но лишь там, где можно действовать безусловно наверняка.

Председатель Совета министров, указав, что прежде всего необходим в Финляндии представитель твердой власти, перешел к рассмотрению необходимых мероприятий. Положение в Финляндии весьма серьезно, но искать поводов для взрыва нарыва немедленно – не следует, так как с точки зрения внутренней политики настоящий момент ввиду предстоящего собрания Государственной думы для этого неблагоприятен. Вместе с тем и для Финляндии восстановленный в империи порядок и проявленная твердость власти составляют данные с Финляндской точки зрения, неблагоприятные для начала восстания, а потому нижеследующие меры, доказав активность действий правительства, не вызовут восстания, а скорее предупредят или отдалят его. Меры эти:

1) арест главных деятелей революции среди войск и проживающих в Финляндии русских, что будет исполнено по мере окончательного выяснения этих лиц; 2) обнаружение и арест орудий и пулеметов; 3) объявление границ крепостных районов; наконец 4) усиление войск вводом новых частей, если это возможно, или замена некоторых частей, менее надежных, новыми.

Военный министр, обратив внимание на тяжелые климатические условия Финляндии, указал, что ввод новых войск теперь же, зимою представляет большие затруднения, а потому, не откладывая производство арестов и захват орудий, полагал возможным вводить новые войска лишь весною, когда станет теплее.

Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, присоединяясь к этому мнению, высказал, что всякого рода военные действия в Финляндии зимою крайне затруднительны вследствие обилия снега и невозможности движения без дорог, а потому с военной точки зрения

представляется, конечно, желательным отсрочить до весны поход в Финляндию. Что же касается захвата орудий, то операция эта представляется ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ рискованной, так как последствия ее неизвестны и их предвидеть трудно.

За отдаление необходимости военных действий до весны высказался также министр иностранных дел, указавший, что и с международной точки зрения настоящий момент неблагоприятен ввиду происходящих ныне переговоров с Японией, которые, можно надеяться, примерно через два месяца будут приведены к благополучному окончанию.

Председатель Совета министров, подтвердив, что с точки зрения внутренней политики также желательно обождать с военными действиями, перешел к рассмотрению тех последствий, к которым могут привести производство теперь же арестов главарей революции, захват орудий и распубликование границ крепостных районов. Меры эти, соединенные с наличием твердой власти в крае, не вызовут взрыва восстания, а наоборот отдалят или вовсе предупредят его, так как докажут активность действий правительства, и вместе с тем отчасти фактически затруднят таковой взрыв.

Распубликование границ крепостных районов необходимо исполнить немедленно, в интересах безопасности крепостей. Для осуществления сего казалось бы необходимым вызвать Финляндского генерал-губернатора и предъявить требование о немедленном распубликовании, разъяснив при этом, что согласно закону все подробности взаимных отношений гражданских и военных властей в пределах крепостных районов, а следовательно и могущие возникнуть при применении закона неудобства, подлежат дальнейшему рассмотрению и соглашению обоих ведомств. При таком порядке приведения в исполнение, все будут знать, что это не повод или вызов неудовольствия, а лишь вполне законное требование. В заключение гофмейстер Столыпин заявил, что назрела необходимость разрешения вопроса о порядке издания и обнародования для Финляндии законов общегосударственного значения, вопроса временно отложенного.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, указав, что вопрос о соединении Имперских железных дорог с Финляндскими находится на пути к осуществлению и что оставление впредь управлений военных начальников в Финляндии желательно, изволил нижеследующим образом обобщить результаты совещания:

По тщательном выяснении прийти к арестам главарей революции и постепенному, в мере возможности, захвату орудий; одновременно с этим распубликовать границы крепостных районов; остальные же радикальные меры отложить на 2 месяца, т. е. до весны, когда, в случае необходимости, в них могут принять участие и наши морские силы.

[a-]Генерал-адъютант Николай, председатель Совета министров Столыпин,
генерал-адъютант Диков, генерал-лейтенант Редигер, Гофмейстер
Извольский, генерал-лейтенант Палицын,
Делопроизводитель свиты Его Величества генерал-майор Раух[-a]

Пометы: сверху слева синим карандашом знак просмотра Императором: °/°

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2366. Л. 1–4. Машинопись на полулистах, сшитых в тетрадь. Подписи – автографы.

[a-a] *Подписи – автографы.*

№ 236. Перечень мероприятий, выработанный на Особом совещании, на случай восстания в Финляндии

[1(14) февраля 1907 г.]

1) О дипломатической подготовке.

Отношения к иностранным державам в случае восстания, военных действий и тесной блокады берегов Финляндии. Таковые действия быть может вызывают необходимость предварительных сношений с иностранными государствами.

2) О вооружении Финляндии.

Имеются фактические данные утверждать, что вооружение края приняло размеры, внушающие серьезные опасения. Обнаружены как ружья, так и пулеметы и орудия. Хотя и нельзя утверждать, в какую форму выльется военная подготовка края, тем не менее предвидится возможность взрыва всеобщего восстания.

3) О дислокации войск в Финляндии.

Настоящая дислокация частей 22-го корпуса небольшими гарнизонами по сему краю отвечает соображениям внутренней политики, требующей присутствия русской военной силы во всех крупных центрах края. В военном отношении при современной обстановке в крае подобная разбросанная дислокация войск представляет серьезную опасность, и обстановка требует более сосредоточенного расположения на южном побережье.

Заблаговременный ввод подкреплений в Финляндию под видом маневров или военных прогулок.

4) О распубликовании границ крепостных районов.

Промедление в распубликовании границ районов угрожает безопасности крепостей, так как в мирное время комендант лишен возможности знать, что делается в непосредственной близости к крепости, а в военное – не может в полной мере использовать средства района в целях обороны.

5) О соединении Финляндской железнодорожной сети с Имперской постройкой жел.-дорожного моста через р. Неву.

Вопрос этот ВЫСОЧАЙШЕЮ волею решен, и финляндская казна обязана внести 2,5 миллиона марок на постройку моста, что, однако, до сего времени не выполнено. Между тем вопрос о соединении железных дорог имеет чрезвычайное значение для обороны Финляндии, а косвенно, и столицы империи.

6) Об оставлении не упраздненными управлений окружных воинских начальников в Финляндии.

Распределенные по всему краю, управления эти, помимо своего круга деятельности по учету русского запаса, служат прекрасным средством для военного начальства быть в курсе всего, происходящего в крае. Кроме того, существование этих управлений, содержащихся на счет финляндской казны, является удостоверением того, что правительство не отказалось от принятого решения привлечь окраину к участию в общегосударственных повинностях.

В этих видах необходимо оставление управлений воинских начальников впредь до разрешения вопроса о воинской повинности с оставлением их по-прежнему на содержании финляндской казны.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2366. Л. 5–5 об. Машинопись.

№ 237. Всеподданнейший доклад министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Императору Николаю II «По вопросу об издании Основного закона взамен Формы правления 1772 года»

7(20) февраля 1907 г.
Копия

7/20 февраля 1907 года
№ 44

По вопросу об издании Основного закона
взамен Формы правления

Доложено Его Величеству в Царском Селе 7/20 февраля 1907 года.
(Подп.) Министр статс-секретарь А. Лангоф
Верно: За Управляющего делами Н. Скалон

При открытии Сейма 1863 года в Бозе почивший Император Александр II объявил о своем намерении повелеть выработать проект изменения прежних Основных законов в видах полного их согласования с новыми условиями, возникшими по соединении Финляндии с империею. С означенною целью учрежден был в конце 1864 года Комитет, который, согласно Высочайше утвержденной для него 7/19 декабря того же года инструкции, должен был при исполнении возложенного на него поручения иметь в виду не только, чтобы Форма правления 1772 года и Акт соединения и безопасности 1789 года, а также указанные Его Величеством в инструкции узаконения были соединены в один акт или Основной закон под названием Уложение для Великого княжества Финляндского, но и чтобы законоположения, вносимые из прежних законов в новый акт, были с точностью сохраняемы сколь это возможно при необходимом уяснении выражений. Кроме того, Комитету было поручено составить проект полного Сеймового Устава на основании прежних по сему предмету узаконений, но с развитием их согласно указаниям опыта. Из выработанных Комитетом законопроектов удостоился Высочайшего утверждения, по принятии его земскими чинами, лишь Сеймовый Устав, проект же Уложения признано было необходимым подвергнуть новому пересмотру, вследствие чего передача земским чинам Высочайшего по сему предмету предложения была отсрочена на неопределенное время.

Затем в 1884 году по Высочайшему повелению Государя Императора Александра III учрежден был Особый временный комитет для составления систематического свода всех действующих узаконений, относящихся к государственному праву Финляндии с присовокуплением примечаний о том, что в практике права стало действовать взамен неприменимых или неполных основных законоположений. Выработанный этим Комитетом проект Формы правления для Великого княжества Финляндского был передан на рассмотрение Финляндского Сената с заключениями по оному министра юстиции и Кодификационного отдела при Государственном совете и затем повергнут Сенатом на Высочайшее благовоззрение при всеподданнейшем представлении от 22 мая 1891 года. Тогда же Сенат всеподданнейше представил Государю Императору составленный им Свод действующих Основных законов Великого княжества Финляндского. Предполагалось, что упомянутый проект Формы правления будет передан при Высочайшем предложении земским чинам Финляндии; но по Высочайшему повелению, воспоследовавшему 14/27 января 1892 года, этот проект, а также составленный Сенатом Свод основных законов и всеподданнейшее по сему предмету представление Сената были переданы Особому совещанию, учрежденному по всеподданнейшему докладу бывшего Финляндского генерал-губернатора, генерал-адъютанта графа Гейдена под председательством действительного тайного советника Бунге для обсуждения вопроса об Основных законах Финляндии. Труды этого Совещания не были закончены и вследствие сего проект кодификации остался без последствий.

Между тем в государственно-правовом законодательстве Финляндии воспоследовала важная реформа, выразившаяся в издании Сеймового Устава и Закона о выборах, удостоившихся Высочайшего Вашего Императорского Величества утверждения 7/20 июля минув-

шего года. Новый Сеймовый Устав дает ясные и полные нормы для деятельности народного представительства, а также в отношении порядка рассмотрения Высочайших предложений и осуществления права законодательной инициативы Сейма, но он не устраняет существующие недостатки в остальной области Основных законов, которую обнимает Форма правления 1772 года. Ввиду сего и в том соображении, что вышеприведенные обстоятельства свидетельствуют о сознаваемой уже давно потребности в издании новой Формы правления, Финляндский Сенат счел долгом приступить к подготовке такого законодательного акта, который определял бы права органов Государственной власти и вообще служил основою правопорядка, удовлетворяя в отношении ясности, последовательности и полноты всем требованиям, которые могут быть предъявлены к такому закону. При этом Сенат не установил вперед подробной программы, и назначенной по данному вопросу Комиссии из членов Сената надлежит тщательно обсудить те изменения и дополнения действующих Основных законов, которые представятся необходимыми в связи с систематизацией и редакционным исправлением текста, что́ уже само по себе служит руководящею программою для этой законодательной работы. Затем Сенат полагал, что это дело может быть представлено для всеподданнейшего доклада лишь после того, как Сенатом по рассмотрении предварительного труда Комиссии, выработан будет такой проект, который Сенат с полным убеждением в его целесообразности сочтет возможным повергнуть на Высочайшее благовоззрение.

С своей стороны Финляндский генерал-губернатор просил меня ныне же представить Вашему Императорскому Величеству настоящее дело и вместе с тем доложить, что вопрос об издании новой Формы правления может поступить на обсуждение Сейма не иначе как по Высочайшему предложению в порядке, установленном Сеймовым Уставом для Великого княжества Финляндского.

Изъясненные обстоятельства настоящего дела приемлю всеподданнейший долг повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

(Подп.) Министр статс-секретарь А. Лангоф

С подлинным верно: За управляющего делами финляндской Его Императорского Величества канцелярии Н. Скалон

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 60–62 об. Машинопись с воспроизведением формуляра бланка «Статс-секретариат Великого княжества Финляндского». Подпись Н. Скалона — автограф.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [1:6]. С. 7–19.

№ 238. Донесение № 1982 заместителя министра внутренних дел А.А. Макарова Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о деятельности организации «Войма»

8(25) февраля 1907 г.

Доверительно
Его Высокопрев[осходитель]ству
Н.Н. Герарду

Милостивый государь,
Николай Николаевич.

По поводу секретно распространяемых в Финляндии воззваний «Woima», заключающих в себе призыв к вооруженному восстанию, Ваше Высокопревосходительство в письме от 21 сентября минувшего года за № 5975 изволили высказать, что так как по имеющимся в Вашем распоряжении сведениям организация «Woima» действительно существует и так как она образовалась тайно, не имеет утвержденного Устава и, по-видимому, снабжает своих членов боевым оружием, то Императорскому Финляндскому Сенату предложено про-

извести расследование об этом сообществе и затем обсудить вопрос о прекращении его деятельности.

В настоящее время о результатах означенного расследования представляется возможным судить по заключению прокурора Сената, опубликованному в текущем январе месяце в № 11 «Финляндской газеты».

Как усматривается из этого документа, при производстве расследования сотрудник газеты «Uusi Suometar» Эйно Войонмаа заявил, что сообщество «Woima», «наряду с намерением образовать известного рода охранный корпус для защиты общественного порядка против анархических элементов, а также против такого режима, который хотел бы устранить конституцию и законы страны, вместе с тем преследовало и другую цель, именно отделение Финляндии от России, когда представится к тому случай вследствие возникновения беспорядков в империи». В подтверждение последней части этого показания заявитель, по мнению прокурора, не привел никаких доказательств, вследствие чего и ввиду противоположных показаний других опрошенных по делу лиц прокурор приходит к убеждению, что «расследование не выяснило каких-либо обстоятельств, указывающих, что оружие и огнестрельные припасы, ввезенные в страну за счет союза "Woima", были доставлены в целях государственной измены». Подобный вывод не соответствует однако действительности, так как в прямом противоречии с ним находится факт поимки в минувшем году нескольких крупных партий боевого оружия (в феврале 50 ружей, в августе 180 ружей и 24 000 патронов и в сентябре 537 винтовок и 550 штыков), водворенного в край контрабандным путем по всей вероятности не без участия сообщества «Woima», как это можно заключить из случая задержания доставленного в Гельсингфорс транспорта боевого оружия, который вместе с значительным количеством воинского обмундирования был выписан членом помянутого сообщества Маннелином. Помимо сего, если даже и признать неосновательным заявление свидетеля Войонмаа в той части, где указывается на стремление сообщества добиться отложения Финляндии от России, – остается неопровергнутым, судя по редакции заключения прокурора, утверждение названного свидетеля, что союз «Woima» стремился организовать «охранный корпус» для борьбы с анархизмом и защиты привилегий края. Подобные замыслы тайного сообщества во всяком случае не могут не быть признаны в высшей степени опасными с точки зрения государственного порядка и спокойствия.

Точно также вызывает недоумение и высказанное прокурором мнение относительно воззваний сообщества «Woima», заключающих в себе указание на подготовление сообществом вооруженного восстания. Все эти воззвания прокурор признает подложными, не приводя в своем заключении в подтверждение сего никаких оснований.

Равным образом представляется недостаточно обоснованным и взгляд прокурора по вопросу о деятельности вышеуказанного главаря сообщества Маннелина, который помимо водворения в край транспорта оружия, доставленного на пароходе «Hanhi», изобличается еще дознанием и в занятии рассылкою оружия. Не усматривая в таковых поступках Маннелина признаков государственной измены, прокурор за отказом Маннелина дать какие-либо объяснения по настоящему делу основывает свое мнение исключительно лишь на результатах просмотра сочинений Маннелина, не заключающих в себе указаний «на изменнические замыслы автора».

Не вполне также правильным признавалось бы заключение прокурора и по вопросу о порядке привлечения к ответственности полицейских чинов, признанных на основании настоящего расследования виновными в «проступках и упущениях по должности». В отношении всех этих лиц прокурор находит возможным ограничиться наложением на них лишь дисциплинарных взысканий. Между тем серьезный характер деятельности сообщества «Woima» несомненно усугубляет вину помянутых полицейских чинов, которых поэтому представлялось бы более соответственным подвергнуть по всей строгости законов наказаниям по суду.

Наконец, совершенно непонятною является ссылка того же прокурора на недостаточность материала по вопросу об отправке целого вагона оружия в Куопио из Бьернеборга, по

каковому делу остались недопрошенными весьма существенные свидетели исключительно из-за желания прокуратуры более быстро закончить дознание.

Сообщая об изложенном, имею честь просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в сообщении мне о том, какие распоряжения последовали по поводу означенного заключения прокурора Императорского Финляндского Сената.

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности.

Макаров

№ 1982
8 февраля 1907 года

НАФ. Фонд 1-е отделение канцелярии генерал-губернатора, дело VI:1/1907, папка Гb:333. Машинопись на бланке «За министра внутренних дел». Подпись – автограф.

№ 239. Донесение № 2428 заместителя министра внутренних дел А.А. Макарова Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о количестве оружия

16 февраля (1 марта) 1907 г.
Доверительно
16 февраля 1907 г.
Его Высокопрев[осходитель]ству
Н.Н. Герарду

Милостивый государь,
Николай Николаевич.

По полученным из агентурного источника сведениям в последнее время тайное сообщество «Сила» заручилось согласием порохового завода «Окер» в Швеции и оружейного завода «Марлин» в Америке на поставку для нужд сообщества 20 000 кило бездымного пороху и 40 000 скорострельных винтовок.

По тем же сведениям, в одном только г. Гельсингфорсе имеется в настоящее время около 48 000 винтовок системы «Марлин», которые небольшими партиями хранятся в принадлежащих частным лицам погребах и складах.

Точно также весьма значительное количество оружия, ввезенного в край контрабандным путем, хранится в гор. Таммерфорсе, куда, между прочим, минувшею осенью была доставлена целая баржа с винтовками.

Хотя полиция в Гельсингфорсе, Таммерфорсе и Бьернеборге вполне осведомлена о месте нахождения складов оружия, но так как полицеймейстеры этих городов оказывают явное покровительство преступной деятельности сообщества, и так как двое из них, изобличенные произведенным по распоряжению Финляндского Сената расследованием в рассылке оружия, до сего времени не уволены еще от занимаемых ими должностей, то к изъятию помянутых складов оружия никаких мер не принимается.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, покорнейше прося принять уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности.

Макаров

№ 2428
16 февраля 1907 года

НАФ. Фонд 1-го отделения канцелярии генерал-губернатора. Д. VI/1907: 1. Л. 85–85 об. Машинопись на бланке «За министра внутренних дел». Подпись – автограф.

№ 240. Из отношения министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о вотировании военных платежей Финляндии Сеймом и назначении выборгского губернатора

18 февраля (3 марта) 1907 года

Петербург 18 февраля/3 марта 1907 года

Глубокоуважаемый Николай Николаевич! [...]*

По вопросу о 10 миллионах я получил 16-го числа запрос от министра финансов, но я предполагаю на днях поехать к нему и переговорить с ним; желательно, чтобы Министерство финансов не возбудило еще вопроса об этом. Это может затруднить проведение дела в Сеймe. По-моему, самое лучшее будет испросить соизволения Его Величества повелеть Сенату создавать проект предложения, и Сенат не имеет, по моему глубокому убеждению (которое разделяет также проф. Германсон), права отказать, весь вопрос только в том, как составить предложение. Я с своей стороны предупреждаю некоторых сенаторов в необходимости пойти на встречу желаниям Его Величества. Во всяком случае я **до доклада** приеду переговорить с Вами по этому делу. Ст[атс]-секр[етарю] Коковцову я объясню причины, почему вопрос не был передан последнему сословному Сейму, именно потому, что имелись достоверные сведения, что Сейм отклонил бы предложение и это вызвало бы нежелательный конфликт; если новый Сейм не примет предложения, то конечно конфликт неминуем, т. к. от этих денег здесь ни под каким видом не откажется, но в случае отказа Сейм и отвечает за последствия. Я однако же надеюсь, что благоразумие берет верх, хотя, конечно, ничего нельзя сказать вперед, не зная состава будущего Сейма. Если бы Сейм вотировал эти деньги, я убежден, что он сразу заслужил бы расположение Его Величества. [...]**

Воспользуюсь случаем просить Вас принять уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности

А. Лангоф

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 15. Л. 9, 10 об. – 11 об. Рукопись на полулистах, сшитых в тетрадь, на бланке «Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского».

№ 241. Из донесения № 1416 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда заместителю министра внутренних дел А.А. Макарову о Войме

24 февраля (9 марта) 1907 г.

24 февраля / 9 марта 1907 г. Секретно

№ 1416 А.А. Макарову,

товарищу министра внутренних дел

Милостивый государь,

Александр Александрович.

Вследствие письма от 16 сего февраля года за № 2428 имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что при несуществовании в Финляндии политической полиции и при сравнительно малом развитии сыскной полиции в этом крае представляется крайне затруднительным проверить степень достоверности сообщенных Вами сведений о заказах за границею тайным сообществом «Сила» партии бездымного пороха и огнестрельного оружия и об имеющихся в гг. Гельсингфорсе и Таммерфорсе тайных складах боевого оружия.

Ввиду сего и в интересах обнаружения преступной деятельности союза «Сила», если таковая действительно продолжается и после постановления Императорского Финляндского

---

* *Далее о военных крепостях.*

** *Далее о кандидатурах на должность выборгского генерал-губернатора.*

Сената о закрытии этого союза, я прошу Ваше Превосходительство сообщить мне, не могут ли быть приняты с Вашей стороны какие-либо меры к обнаружению каким путем и способом предполагается доставить в Финляндию приобретенные с этою целью в Америке порох и винтовки, а также более подробные сведения о том, где и у каких лиц в пределах края предполагаются склады боевого оружия.

Что же касается сообщения Вашего о преступном попустительстве в деле сообщества «Воймa» со стороны полицеймейстеров городов Гельсингфорса, Таммерфорса и Бьернеборга, то все сведения о неправильных действиях по службе этих двух последних обнаружены лишь при производстве дознания, произведенного по распоряжению прокурора Сената и мною потребовано от них объяснение согласно установленному на этот предмет порядку. [...]

НАФ. Фонд 1-е отделение канцелярии генерал-губернатора, дело VI:1/1907, папка Гb:333. Машинопись (2 экз). Отпуск.

№ 242. Отношение министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа министру внутренних дел П.А. Столыпину о заключении Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда по проекту постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан[512]

24 февраля (9 марта) 1907 года

24 февраля / 9 марта 1907 года
№ 426

Господину министру внутренних дел

Вследствие отношения от 19 февраля сего года за № 4373 имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копию с отзыва Финляндского генерал-губернатора от 14/27 ноября 1906 г. за № 7162, по проекту постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан.

Вместе с тем считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству, что возражения Финляндского генерал-губернатора по представленному Сенатом проекту были в моем отношении от 25 января/7 февраля сего года за № 233 изложены с некоторыми отступлениями от вышеупомянутого отзыва генерал-губернатора по взаимному соглашению с действительным тайным советником Герардом, несколько изменившим первоначальное свое по сему вопросу заключение. Не признавая, с моей стороны, возможным согласиться с изложенными генерал-губернатором в помянутом отзыве его соображениями по вопросу о правовом положении вообще русских в Финляндии и принимая во внимание, что этот в высшей степени сложный общий вопрос требует особого и всестороннего обсуждения отнюдь не в связи с частным вопросом о порядке перечисления русских уроженцев в Финляндию, я при личном свидании с действительным тайным советником Герардом изложил ему мои по сему соображения. При этом между мною и генерал-губернатором достигнуто было согласие, выразившееся в том, чтобы вопрос о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан был разрешен не в связи с общим вопросом о правовом положении русских в Финляндии, и чтобы в проекте Сената были сделаны лишь следующие изменения:

По § 1. Для лиц, владеющих недвижимым имуществом в пределах Великого княжества, сократить время проживания в крае с 3 лет до 2 лет.

По § 2. Против оставления этого § в проекте закона генерал-губернатор не возражает ввиду его соответствия ст. 3 кн. 1. Т. IV свод. зак. Российской империи.

По § 3. В п. 1 перед словом *поведении* прибавить слово *беспорочном*. Это соответствует как § 1 проекта, так и ныне действующим законоположениям (на пр. Высоч. постановл. от 29 марта 1858 г.), по которым требуется свидетельство о поведении как просителя, так и всех переселяющихся членов его семейства.

II. 2 изложить: удостоверение подлежащих административных властей о том, сколько времени проситель проживает в крае, о его беспорочном поведении и также, что он в состоянии содержать себя и свою семью.

II. 3. Слово *выбытие* заменить словом *переселение*.

По § 4. На изменение этого § в том смысле, чтобы решение ходатайства было предоставлено Сенату по соглашению с генерал-губернатором, действительный тайный советник Герард не настаивает.

В том предположении, что и Ваше Превосходительство найдете возможным согласиться с вышеизложенными, одобренными действительным тайным советником Герардом, соображениями, имею честь присовокупить, что при всеподданнейшем докладе проекта Сената я во всяком случае имею в виду доложить Его Величеству в подлиннике соображения генерал-губернатора, изложенные в отзыве его от 14/27 ноября 1906 г. за № 7162.

Если бы признавалось необходимым теперь же возбудить затронутый Финляндским генерал-губернатором вопрос об общем правовом положении русских в Финляндии, каковой вопрос, как выше уже изложено, может быть рассмотрен и разрешен совершенно независимо от составленного Финляндским Сенатом проекта закона о переселении русских в Финляндию, то прошу Ваше Превосходительство не отказать уведомить меня об этом, дабы я имел возможность высказать мои соображения по затронутому действительным тайным советником Герардом вопросу. Этот вопрос сложнее и требует пересмотра многих действующих в Финляндии законоположений, на что, конечно, потребуется сравнительно много времени, между тем как ощущается настоятельная необходимость в скорейшем решении вопроса о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан, разрешаемого составленным Финляндским Сенатом проектом законоположения по последнепомянутому вопросу.

Подписал: министр статс-секретарь *А. Лангоф*
Скрепил: управляющий делами *А. фон-Минквиц*

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 66. Л. 541–541 об. Типографский текст с воспроизведением формуляра бланка «статс-секретариат Великого княжества Финляндского» на листах большого формата в составе подборки документов (С. 47–48).

№ 243. Записка профессора Р. Германсона о соотношении имперского и финляндского законодательства и об учреждении совместной русско-финляндской Комиссии[513]

Май 1907 г.
Перевод

Записка
по вопросу о согласованных законах для Российской империи и Великого княжества Финляндского и об учреждении смешанной русско-финляндской Комиссии
[а-а](Составил проф. Р. Германсон)[а-а]

Для правильной оценки дела необходимо:

I. первоначально привести в ясность относящиеся к предмету вопросы, касающиеся существа действующего ныне правопорядка;

II. рассмотреть в какой мере в силу этого правопорядка, могут быть соблюдаемы в законодательстве и управлении Финляндии интересы России и в какой мере интересы Финляндии;

[а-а] *Вписано в машинопись в экз. ГА РФ.*

III. попытаться далее выяснить, какие средства к законному соблюдению интересов России предоставляет существующий ныне порядок;

IV. рассмотреть различные проекты общего законодательства для империи и Великого княжества, и

V. равным образом рассмотреть вопрос о смешанной комиссии.

I

Ныне существующий правопорядок

Необходимо помнить следующее:

Император Александр I заявил иноземным краям и Финляндии, что Он желает соединить Финляндию с Россией в одно государство под скипетром Императора Всероссийского и от этого заявления Император не отказался.

На Сейме же в Борго положение Финляндии в этом государстве было установлено тем, что Император собственноручно подписанным актом, переданным земским чинам Финляндии при торжественном чествовании ими Монарха в Боргоском соборе, утвердил как финляндскую конституцию – «la Constitution de la Finlande» – те основные законы, которые перед тем составляли государственное уложение Швеции и как таковое являлись также в пределах Финляндии ее основными законами; отсюда вытекало, что Император будет в качестве Великого князя Финляндского править этою страною согласно с помянутою ее конституциею. И представляется очевидным, что это было признано и земскими чинами от лица финского народа.

Вследствие сего в настоящее время действуют следующие положения: во 1-х) *Великое княжество Финляндское соединено неразрывно с Российскою империею в одно государство под скипетром Российского Монарха*;

во 2-х) *в этом государстве Финляндия занимает положение страны, имеющей собственную конституцию*;

в 3-х) *Российский Император в качестве Великого князя Финляндского правит этою страною согласно ее конституции и основанных на этой конституции законов.*

По существу же утвержденной для Финляндии конституции действует положение:

1) Право Финляндии не может быть подвергнуто изменению иначе как путем закона, изданного с согласия народного представительства в установленном конституцией порядке.

Что Император Александр I признавал возможным таким путем соединить интересы России с выгодами финского народа явствует не только из публичных заявлений Императора, но также из секретного рескрипта Финляндскому генерал-губернатору от 14/26 сентября 1810 года, где между прочим говорится: что «соединением Финляндии с Россией достигнута цель всех Наших планов по отношению к этой стране» и что отсюда вытекает правило, согласно коему «в отношении внутреннего порядка в Финляндии следовало обеспечить за ее народом несравненно большие выгоды в соединении с Россией, чем он пользовался под владычеством Швеции, в каковых видах явствует из дальнейшего «намерение Мое при устройстве Финляндии состояло в том, чтобы дать народу сему бытие политическое, чтобы он считался не порабощенным России, но привязанным к ней собственными его очевидными пользами; для сего 1) сохранены ему не только гражданские, но политические его законы и 2) самое управление под вашим наблюдением вверено Финляндскому Совету» и т. д.

В полном соответствии с вышеприведенным Император высказал в тронной речи, которою Он Лично закрыл Боргоский Сейм, что финский народ стал «placé désormais au rang des nations, libre dans l'interieur, sous l'empire de ses loix»*, а также в Манифесте от 15/27 марта 1809 года, что Император изначала решил править Финляндией, «comme une nation libre

* *«Отныне стал нацией, внутренне свободной под властью собственных законов» (фр.).*

et jouissant des droits, que sa constitution lui garantit»*, указывая при этом, что образ действий Его подтверждает вышеприведенное похожение и обеспечивает за «la nation finnoise les droits de son existence politique»**.

Все эти обстоятельства имеют существенное значение при выяснении вопроса об интересах России и всего государства в отношении Финляндии.

Затем надо иметь в виду:

в 5-х) *финляндская конституция исключает всякое иное законодательство для Финляндии кроме основанного на ее собственной конституции и всякое иное осуществление публичной власти и правомочий, кроме того, которое присуще согласно основным законам Монарху и финскому правительству*; а также

в 6-х) *законодательная власть, осуществляемая по основным законам Финляндии Монархом, в некоторых случаях без содействия Сейма, не ограничивается определенными делами, но, как принципиальная общая власть, может осуществляться во всем, чего требуют интересы и задачи Финляндии.*

Однако:

в 7-х) *по некоторым правовым основаниям* имеются изъятия от приведенных положений, обусловливаемые следующими обстоятельствами:

При утверждении в 1809 году особой конституции для Финляндии не предполагалось, что Финляндия, которая должна была соединиться с Россией в одно государство, займет самостоятельное положение по отношению к иным странам, предполагалось только поставить ее самостоятельно в отношении *«внутреннего порядка»*, иными словами в вопросах, касающихся осуществления публичной власти по отношению к постоянным или случайным жителям края, Финляндия должна была стать свободною «libre dans l'interieur», – говорилось тогда, – «sous l'empire de ses loix»***, т. е. под властью своих законов.

Эти положения вытекают: первое – из того обстоятельства, что об утверждении финляндской конституции не были оповещены иностранные державы, подобно тому как и в Финляндии утверждение конституции не было понято в том смысле, что оно дает Финляндии самостоятельность по отношению к другим державам, а второе положение, или то, что все касающиеся принятия мер в отношении лиц, пребывающих в крае, т. е. всякое мероприятие, относящееся до законодательства, правосудия и управления, должно было зависеть от основных законов Финляндии и следовательно считаться финляндскими делами, следует из того, что конституция была утверждена без оговорок и ограничений, и это подтверждается неоднократными заявлениями Императора, в особенности же секретным рескриптом 1810 года.

Отсюда следует, что отношения к чужим державам не регулируются финляндским законодательством; иностранные дела являются делами общегосударственными, которые ведаются Российским Императором, на основании действующего в империи порядка, ибо соединение Финляндии с Россией, само собою разумеется, не могло внести изменений в установленный в империи порядок рассмотрения и решения иностранных дел.

Итак из вышеприведенных правил существуют следующие изъятия:

а) *вопросы*, относящиеся до войны и мира и *затрагивающие иностранную политику* вообще являются *делами общегосударственными, которые решаются Императором* как верховною главою всего государства *по законам империи*;

точно также и *все остальные сношения с иностранными державами*, а посему и заключение государственных договоров, касающихся в частности Финляндии, *зависят от Императора как главы государства*;

---

* *«как нация, свободная и обладающая правами, гарантированными ей собственной конституцией» (фр.).*

** *Обеспечивает «финской нации право на ее политическое существование» (фр.).*

*** *«под властью собственных законов» (фр.).*

следовательно, этого рода дела не могут быть урегулированы финляндским законодательством; однако,

в противоположность сему, все мероприятия, относящиеся до внутреннего порядка, иными словами те мероприятия, которые сопряжены с осуществлением публичной власти по отношению к постоянным или случайным жителям края, *зависят от основных законов Финляндии и являются поэтому финляндскими делами.*

Между тем, существует мнение, что основные законы Финляндии действительно могут быть признаны имеющими силу по отношению к мероприятиям, вызываемым финляндскими интересами, но что в вопросах, касающихся общегосударственных интересов, Император должен иметь право принимать, в особо установленном порядке, законодательные и иные меры.

При этом упускается из виду: что основные законы Финляндии были утверждены без всяких оговорок, что они безусловно исключают всякое иное законодательство, и что они были утверждены к непреложному руководству в полной силе. С тем положением, что конституция, исключающая всякое иное законодательство для Финляндии, была утверждена к руководству в полной силе, несовместимо положение, гласящее, что Император все-таки, когда бы интересы государства того ни потребовали, может также и в ином порядке издавать законы для Финляндии. Собственно, для обеспечения от подобных мероприятий и были утверждены основные законы Финляндии, и только, в предположении, что они дают такое обеспечение, Император мог высказать, что Финляндия будет пользоваться теми правами, которые обеспечивает ей конституция, теми правами, которыми обусловливалось ее политическое существование. И только в позднейшее время стало высказываться противоположное мнение, противоречащее установленным в основных законах политическим правам финского народа.

Другое дело, что существуют вопросы, до которых финляндское законодательство, на ином основании, не может касаться.

Приведенные выше в п.п. 1–4 *Основные положения, на которых зиждется соединение Финляндии с Россией*, по которым России принадлежит право обладать Финляндией в неразрывном единении с собою, образуя одно государство, и к которым относится также, что Российский Император есть и Великий князь Финляндский, не могут быть изменены одним финляндским законодательством, и так как к этим положениям относится так же, что Российский Император есть и Великий князь Финляндский, то

в порядке финляндского законодательства не могут быть устанавливаемы никакие определения, касающиеся порядка наследования престола и совершеннолетия наследника, регентства во время несовершеннолетия Императора или когда Он будет лишен возможности править государством, а также правовых отношений членов Императорского дома.

Но эти законы не относятся ни к законам общегосударственным, ни к законам общим для империи и Великого княжества; они являются всецело законами имперскими, и каким бы изменениям они не подвергались в порядке имперского законодательства, для Финляндии остается в силе вышеприведенное положение: «Российский Император есть Великий князь Финляндский», со всеми вытекающими из сего последствиями.

Затем: так как Финляндия является частью Российского государства, власть которого должна поддерживаться в нем повсюду, а следовательно и в пределах Финляндии, и так как России принадлежит право обладать Финляндией в таком соединении с собою, то изначала считалось само собою понятным, что Россия может содержать свои войска в Финляндии для осуществления своей военной власти в этой стране, а также на ее берегах и прилегающем к ней море. Поэтому, по самому существу дела:

русская военная власть в Финляндии подчиняется исключительно Имперским законам и военному начальству; поэтому *она не может быть подчинена ни финляндскому законодательству, ни финляндским правительственным органам*, хотя она конечно обязана сообразоваться с существующим в крае правовым порядком.

Ибо лица, принадлежащие к военным силам одного края и пребывающие как таковые вне пределов своего края, не могут подчиняться законам или властям чуждого им края; по правилам взаимных отношений независимых государств войска, находящиеся в пределах другого государства, пользуются экстерриториальностью.

Далее признавалось, что:

если для надобностей военной власти необходимо содержать в Финляндии русские учреждения или если вообще империя по закону может иметь в Финляндии свои учреждения, то таковые не подчиняются финляндскому законодательству и финляндскому правительству, хотя личный состав этих учреждений, поскольку он не принадлежит к войсковым частям, вне своих прямых обязанностей не может пользоваться указанным преимуществом.

Здесь неуместно вдаваться в выяснение этих отношений или стремиться к установлению такой редакции положения, о котором идет речь, чтобы она не давала повода ни к каким возражениям. В данном случае важно лишь указать общие черты. Вообще говоря, выше приведенные положения соблюдались. Однако в отношения русского телеграфа в Финляндии следует заметить, что если бы он всецело оставался военным учреждением, то против его положения в Финляндии нельзя было бы привести возражения. Что же касается финляндского почтового ведомства, то мероприятия 1890 года следует признать отступлением от истинных Основных положений.

Наконец,

греко-российская церковь по вопросам, признаваемым духовными, считалась стоящею вне сферы финляндского законодательства, что зависело, главным образом, от положения этой церкви как государственной в империи и имеющей главою Императора.

II

Поскольку должно соблюдать в управлении, законодательстве и администрации интересы России и поскольку интересы Финляндии

Ввиду того, что иностранные дела относятся к государственным, которыми ведает Государь Император в качестве Верховного вождя всего государства, в этих делах должны иметь решающее значение интересы всего государства; но в отношении внутренних дел должны соблюдаться интересы России, когда вопрос касается осуществления публичной власти в империи, когда же требуется осуществление публичной власти согласно основным законам Финляндии, решающее значение получают задачи и интересы Финляндии.

При этом однако надо иметь в виду:

В вопросах внешней политики задачи и интересы России должны, по общему правилу, считаться государственными. Ибо великая нация может иметь по отношению к чужим державам и мировым событиям такие задачи, которые не присущи небольшому народу; а то обстоятельство, что Финляндия соединена с Россией, не должно вести к тому, чтобы Россия отказывалась ради Финляндии от мероприятий внешней политики, требуемых задачами русской нации.

Итак, необходимо принимать как правила (не исключая однако возможности изъятий):

во 1-х) в вопросах войны, мира и союзов, а также при ведении иностранной политики вообще задачи и интересы всего государства, которые по общему правилу должны совпадать с интересами России, должны иметь решающее значение, невзирая на то, что интересы Финляндии могут требовать иного. Но

во 2-х) *во внутренних делах*, т. е. в делах, сопряженных с осуществлением публичной власти в Финляндии, решающими должны быть финляндские интересы и задачи (подобно тому как Монарх, осуществляя Свою власть в империи, действует сообразно с ее интересами).

Между тем иностранная политика государства и поддержание целости государства и его внешней мощи требуют и внутренних мероприятий, в особенности направленных к обороне. И так как Финляндия соединена с Россией в одно государство, а внутренние мероприятия в ней могут совершаться лишь в согласии с Основными законами Финляндии, то следует признать, что:

в 3-х) *на Финляндии лежат известные обязанности по отношению к государству в видах поддержания его целости и внешней мощи*, т. е. Финляндия имеет в этом отношении известные задачи, которые должны быть исполнены при осуществлении публичной власти согласно финляндским основным законам, иными словами, *некоторые финляндские дела по своему свойству таковы, что при заведовании ими необходимо соблюдать внешние интересы России.*

Не может быть речи о том, чтобы здесь выяснить природу и объем указанных обязанностей. Необходимо лишь указать некоторые отправные точки.

По вопросу о тех жертвах, которые могут быть потребованы ради упомянутых целей от финского народа, следует заметить, что внешняя политика России сообразуется и по общему правилу должна сообразоваться с задачами и интересами русской нации, и что, с другой стороны, финский народ является особою нациею, и как таковой должен иметь свои особенные задачи. Поэтому, если даже Финляндия не может иметь никаких притязаний в вопросах, относящихся к внешней политике в собственном смысле этого понятия, но зависит в этом отношении от России, несет обязанности, вытекающие из интересов России и должна, следовательно, подчиняться им, то все-таки нельзя признать правильным и справедливым, чтобы Финляндия служила интересам России таким же образом и с такими же пожертвованиями, как сама Россия. И это вполне согласуется с тем взглядом, которым руководствовался Монарх, утверждая нынешнее положение Финляндии. В предложении Боргоскому Сейму «Sur l'organisation de la force militaire», – говорится, – «Sa Majeste fidèle aux principes qu'Elle a adoptés sur l'administration de la Finlande et persuadée d'ailleurs qu'unemilice nationale bien organisée est la sauve-garde la plus puissante de la sureeté d'un Etat et que parmi tous les moyens de défense c'est le moins onéreux pour les habitants et surtout le moins préjudiciable aux interêts de la population et de l'agriculture, est intentionnée»* и т. д.

Отсюда вытекает само собою, что национальное войско, о котором здесь идет речь, должно быть передовою оградою для безопасности страны и в силу этого иметь задачею защищать страну и от тех врагов, которые пожелают оторгнуть ее от соединения с Россией.

К числу мероприятий по поддержанию целости и мощи государства относятся, само собою разумеется, мероприятия, направленные к предупреждению, пресечению и преследованию злоумышлений против целости государства, его военной силы, оборонительных учреждений и проч. Кроме того интересы обороны могут требовать соблюдения их и в других отношениях, например, при устройстве путей сообщения и т. п.

При этом однако следует заметить:

Положение Финляндии не сопряжено с обязанностью принимать меры или воздерживаться от мероприятий вопреки действующего в Финляндии права или же вводить в законе определения, противоречащие господствующим в народе правовым понятиям. Подобный взгляд является простым и ясным последствием того, что страна получила свою конституцию, в силу которой ее народ был возведен в число наций и, следовательно, имеет и обязанность, и право стремиться к осуществлению того, что является правдою в его сознании. И это истина, с которою следует считаться во всех вопросах, касающихся обязанностей Финляндии по отношению к России.

Что касается прочих мероприятий, требуемых, по-видимому, интересами обороны, то приведенное выше не означает, что стратегические или вообще военные взгляды должны быть решающими, хотя они и должны быть принимаемы во внимание. Противоположная точка зрения привела бы к тому, что существующие в стране пути сообщения лишь в незначительной мере служили бы интересам общественного движения, и что страна, вследствие

---

* *«по организации вооруженных сил», – говорится, – «Его Величество верен принципам, которые он принял в отношении управления Финляндией и убежден в том, что хорошо организованное Национальное формирование является наиболее мощной защитой безопасности государства, и что из всех средств обороны оно является наименее обременительным для жителей и прежде всего предназначено быть наименее пагубным для интересов населения и сельского хозяйства»* (*фр.*).

сего, отстала бы от других стран в экономическом развитии настолько, что она не имела бы достаточно сил держаться относительно их в независимости. Да на самом деле вообще сравнительно редко приходится принимать в соображение интересы обороны во внутренних делах. В заключение следует заметить, что по утвержденной для Финляндии конституции в решении вопросов о некоторых из указанных мероприятий должно участвовать народное представительство. И если, несмотря на жертвы, приносимые от времени до времени земскими чинами Финляндии, не все требования, предъявляемые к Финляндии, были удовлетворены, то это является одним из последствий положения, присвоенного Финляндии и ее народу, как особой нации с особой конституцией. Подчиненное положение Финляндии не распространяется так далеко, чтобы на нее можно было или следовало возлагать сверх того, что она уже обязана нести по действующему праву, какие угодно тяготы или тяготы, не признаваемые ею возможными и соответствующими ее положению. Искони в Швеции и Финляндии признавалось за правило, что новые тяготы и повинности не могут быть налагаемы на народ помимо согласия его самого или его представителей; этот стародавний принцип, хорошо известный Императору Александру I во время утверждения Им финляндской конституции, принадлежит к числу тех, которые при сем были утверждены к руководству. Являясь особой нацией, с своею собственною культурою и с пробудившимся национальным сознанием, финский народ, за которым утверждением конституции признано таковое положение, может заявлять притязания на то, чтобы приведенные Основные положения уважались. Точно также и финляндское законодательство должно иметь возможность изменяться сообразно требованиям развития и изменившимся обстоятельствам.

Вышеизложенное относится, в применимых частях, и к прочим случаям, в которых соединение с Россией обусловливает соблюдение ее интересов.

В 4-х) То обстоятельство, что Россия и Финляндия соединены в одно государство, обусловливает известные обоюдные обязанности в видах содействия поддержанию имеющимися налицо средствами существующего в обеих странах правопорядка, поскольку то совместимо с законом и правовыми воззрениями.

Вот почему в порядке вещей, что Финляндия не только карает злоумышления против Российского государственного строя, а также иные преступления, содеянные или предумышленные против русских учреждений, но и предупреждает подобные деяния, поскольку то является согласным с законами, а также выдает России преступников и т. д.

В 5-х) Наконец, так как, согласно выше изложенному, является правилом, чтобы при осуществлении публичной власти в России решающее значение придавалось ее интересам, а при осуществлении публичной власти в силу финляндских Основных законов интересам и задачам Финляндии, то по самой природе вещей необходимо, чтобы и те, и другие интересы были, в пределах возможности, приведены в равновесие путем обоюдных уступок; чтобы законодательство одной страны относилось с возможным вниманием к гражданам другой, а также чтобы сношения между обеими странами были, по возможности, облегчены.

Однако в указанных отношениях каждая страна имеет право постановлять решения, руководствуясь тем, что допускают или требуют собственные ее задачи и интересы, но конечно в соответствии с существующим правопорядком. В особенности же здесь надо обратить внимание на одно обстоятельство, уже ранее указанное мною публично, но нередко упускаемое из виду, невзирая на полную его справедливость. Во всех мероприятиях, направленных к осуществлению обоюдных выгод, необходимо принять в соображение то обстоятельство, что малочисленный народ не может без опасения относиться к мероприятиям, которые угрожают поглощением его преобладающею нацией. В подобных случаях такой народ естественно предпочитает, чтобы не издавались постановления о взаимных льготах. Он находится в ином положении, чем преобладающая народность, ибо последней не угрожает та же опасность. Постановления о взаимности в таких случаях фактически не имели бы одинакового значения для обоих народов, так как для одного из них подобные меры в действительности были бы сопряжены с более или менее значительными выгодами, для другого же – с большим ущербом, хотя бы и при некоторой малой пользе. Итак, по справед-

ливости эти обстоятельства должны быть приняты в соображение. Если же народ не желает пожертвовать своими законноустановленными правами, охраняющими его национальное бытие и являющимися условием достижения преднамеренной ему цели, то он поступает вполне правомерно – ибо эта цель основывается на высшем мировом порядке – и может рассчитывать на понимание и верную оценку; в таком образе его действий никто не усмотрит пренебрежения с его стороны своими обязанностями по отношению к другому народу, пока закон и правда строго соблюдаются.

Между тем существует мнение, гласящее, что общегосударственный интерес может быть затронут в любом вопросе, и требующее поэтому, чтобы общегосударственные интересы соблюдались и во внутренних делах, ввиду того, что они имеют преимущество пред интересами Финляндии.

Мнение это представляется на первый взгляд вполне правильным, но оно упускает из виду существенные обстоятельства.

Во внешних делах, как выше указано, политические интересы России должны признаваться общегосударственными и имеющими решающее значение, хотя бы в особых интересах Финляндии оказывались необходимыми иные мероприятия, и Финляндии вследствие сего пришлось испытать весьма даже ощутительные трудности и потери.

Но если тот же взгляд применить к внутренним делам, – как очевидно и делают, признавая также в этих делах интересы русской нации общегосударственными, то последствием явится положение совершенно отличное от того, которое имелось в виду, когда для Финляндии утверждалась ее конституция и ее народ был признан особою нацией, и следовательно, подобно другим нациям, получил право стремиться к осуществлению особых своих задач. Раз считается возможным пренебречь тою истиною, что финский народ образует особую нацию, которая согласно высшему порядку имеет свои собственные задачи, то являются возможными и требования, сводящиеся на деле к тому, что при возникновении русских интересов в какой-либо области общественной жизни, эти интересы должны считаться общегосударственными, даже если интересы Финляндии идут в противоположном им направлении, и в качестве общегосударственных должны стать решающими также и во внутренних мероприятиях, если в виде исключения не будут приняты в соображение интересы Финляндии. Итак, Финляндия должна во всех областях общественной жизни занимать подчиненное и служебное положение; ей нельзя идти свободно по пути внутреннего развития согласно своим задачам, если иной порядок вещей не будет выгоден для России. В действительности ведь и признавалось, что государственные интересы требуют единообразия во многих разнородных областях, а это, разумеется, равносильно тому, чтобы существующие условия были преобразованы наподобие русских, и чтобы решающими стали русские интересы. Что в этом замечается нежелание признавать финский народ особою нацией и культурным народом, хотя и незначительным по сравнению с русским, кажется, нельзя отрицать. Ссылающиеся в подтверждение изложенного учения на то, что русский народ является великою и могущественною нацией, исходят из того начала, что большинство и физическое превосходство владеют правом, но это начало и неправильно, и опасно, ибо недалеко быть может то время, когда народные массы усвоят его и будут делать выводы из учения, пренебрегающего высшими этическими истинами. К тому же в основании его лежит односторонний взгляд на понятие *государственные интересы*. Ибо правильно понимаемый государственный интерес, казалось бы, требует, чтобы как великая русская нация, так и финский народ могли свободно и возможно беспрепятственно идти по пути внутреннего своего развития и, следуя независящим от человеческого произвола *требованиями правды*, развиваться и развивать свои прирожденные силы для целей, основывающихся на началах высшего порядка. И в той же мере, в какой эти высшие истины будут признаваться всеми в государстве, в той же мере будет расти его могущество.

По всем вышеприведенным соображениям следует отрицать указанное учение о том, что государственные интересы требуют, чтобы Финляндия занимала подчиненное и служебное положение во всех областях общегосударственной жизни, и было бы неправильным при-

нимать его исходной точкою при попытках к урегулированию взаимных отношений между Россией и Финляндией.

III

Какие средства к соблюдению интересов России предоставляет существующей ныне порядок

Так как иностранные дела ведаются по имперским законам, то здесь необходимо рассмотреть лишь вопрос о том, насколько по существующему порядку производства финляндских дел возможно надлежащее соблюдение справедливых или умеренных требований России в тех случаях, когда оно представляется необходимым.

В этом отношении следует прежде всего отметить, что соединение Финляндии с Россией характеризуется не одним только объединением Финляндии в одно с Россией государство, но также тем, что Государь Российский является Великим князем Финляндским, и это последнее обстоятельство именно в данном отношении имеет крайне важное значение. Ибо в силу прав, принадлежащих Монарху по основным законам Финляндии, Государь в качестве Великого князя Финляндского имеет в обширном объеме возможность принимать и указывать по отношению к Финляндии меры, признаваемые Им в качестве Государя России и главы государства, справедливыми.

Согласно финляндской конституции от Монарха как держателя Верховной власти зависит все законодательство, ибо ни один закон не может вступить в силу, не будучи утвержден Монархом, кроме того Монарху принадлежит инициатива в законодательстве по вопросам, требующим содействия Сейма, а также право издавать, помимо содействия народных представителей, так называемые постановления по части благоустройства и благосостояния. Сверх того Монарх как держатель исполнительной власти руководит управлением края и, следовательно, в пределах закона, может преподавать правительству края, Сенату, отправляющему по поручению Монарха присвоенные Ему конституцией полномочия, равно как и прочим властям необходимые по усмотрению Его указания. К числу прав Монарха относится также и то, что Он, если о том в законе не постановлено иначе в виде исключения, волен сохранить за Собою право Личного разрешения вопросов, порученных ныне Сенату, и что Он сообщает Сенату указания относительно пользования предоставленными последнему полномочиями.

О соблюдении русских интересов при окончательном разрешении Монархом финляндских дел считали долгом заботиться лица, занимавшие пост генерал-губернатора и назначавшиеся постоянно из числа русских, и это являлось для них возможным ввиду того, что все дела, представляемые из Финляндии на благовоззрение Монарха, передаются через генерал-губернатора. Кроме того, генерал-губернатор и по своему положению может иметь надзор за тем, чтобы русские интересы соблюдались в финляндских установлениях. Но мало того: Высочайшим постановлением от 1 августа 1891 года определено, что министр статс-секретарь Финляндии обязан, предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов для Великого княжества, а также предложений Финляндскому Сейму запрашивать заключения министров империи в тех случаях, когда дело вместе с тем касается интересов империи и вверенных им ведомств. Кроме того, согласно Уставу о воинской повинности 1878 года, на военного министра империи возлагались рассмотрение и доклад Монарху дел по части финских войск, когда они не относились до законодательства или хозяйственного управления, по каковым последним делам, однако, запрашивалось его заключение.

Вследствие всех этих обстоятельств и в силу действующего в крае законодательства, не подлежащего изменению помимо распоряжения со стороны Монарха, местные власти и установления, а также средства обывателей могут быть в обширной мере использованы в целях содействия квартированию войск, необходимому для поддержания военной власти в пределах Финляндии. В облегчение сего на обывателей края может быть возложена обязанность по размещению войск с использованием повинности сельского населения по

перевозке войск и их тяжестей, причем все это выполнялось так, что, насколько известно, не встречалось нареканий на недостаточное отбывание этих повинностей.

Далее управление финляндскими казенными железными дорогами находится вполне в руках правительства, а частные железные дороги в случае грозящей войны переходят в заведование правительства, ввиду чего имеются достаточные гарантии в соответствии железных дорог военным требованиям. Крепости и иные оборонительные сооружения могут быть возводимы на основании законов края, причем от Монарха зависит повелеть об отводе земли путем экспроприации для всякого рода оборонительных целей. И наконец, в отношении тех войсковых частей, которые обязана была формировать Финляндия, Монарх, а в некоторых случаях и военный министр, могли в столь обширной мере распоряжаться снаряжением, содержанием и распределением войск по разным родам оружия, как и вообще издавать Уставы и предписания, что финские войска могли бы быть до мельчайших подробностей согласованы с русскими.

К сему следует еще присовокупить, что высшие чины империи, имеющие сравнительно легкий доступ к особе Государя, во всякое время могут исходатайствовать повеление Монарха о рассмотрении в законном порядке тех вопросов, относительно коих это, на их взгляд, представляется необходимым в интересах империи. Против сего не встречается препятствий со стороны финляндского закона или справедливых финляндских интересов, лишь бы не нарушался установившийся в Финляндии законный порядок подготовки, производства и доклада дел, а также принимались надлежаще в соображение финляндские интересы. И это равносильно тому, чтобы окончательное решение Монарха по существу не испрашивалось предварительно дачи заключения с финляндской стороны. Ибо, хотя Монарх по основным законам Финляндии и не стеснен в постановлении решения о проведении мер в Финляндии без предварительного отзыва со стороны своего финляндского правительства, однако было бы неправильным решать финляндские дела без надлежащего рассмотрения того, что требуют задачи и интересы Финляндии, и также как со стороны министра статс-секретаря Финляндии было бы неправильным стараться утаивать от Монарха сведения, которые должны являться для Него необходимыми при постановлении решения, так и со стороны русских государственных деятелей было бы несправедливым домогаться разрешения Монархом финляндских дел до получения Им сведений о тех соображениях, какие могут быть приведены с финляндской стороны – и это независимо от того обстоятельства, что формально обязательным решение может являться лишь тогда, когда оно сообщается министру статс-секретарю для составления соответственной исполнительной бумаги.

Из вышеизложенного явствует, что соблюдение справедливых интересов России возможно ввиду того,

что ни один закон в Финляндии не может состояться без утверждения общего Монарха (в качестве Великого князя Финляндского);

что Монарху принадлежит почин в законодательстве по всем вопросам и право издания по некоторым из них узаконений помимо содействия Сейма;

что Монарх, как держатель также исполнительной власти, пользуется обширными правами преподавать необходимые, по Личному Его усмотрению, указания, а также руководить администрацией и давать назначаемому Им финляндскому правительству повеления относительно управления краем;

что высшие чины империи во всякое время могут исходатайствовать распоряжение Монарха о мерах, относящихся до законодательства и администрации;

что предварительно доклада министром статс-секретарем проектов новых законов и постановления, равно как предложения Сейму, затрагивающих интересы империи, запрашиваются заключения подлежащих министров в империи; и

что финляндские генерал-губернаторы всегда считали долгом отстаивать интересы России.

Из всего вышеизложенного должно, казалось бы, явствовать, в сколь обширном объеме предусмотрено, чтобы при проведении мер в Финляндии соблюдались интересы России, и, в связи с сим, я не могу еще раз не отметить следующее:

Права, принадлежащие Финляндии как в силу конституции, так и ввиду того, что финский народ является особой нацией, не обусловливают необходимости пребывания ее народа в положении подчиненного во всех областях общественной жизни, с отведением его претензий о предоставлении ему возможности устраивать свои дела соответственно требованиям его задач на второй план, коль скоро иной образ действий представляет какую-либо выгоду для России; правильнее та точка зрения, что интересы государства наипаче заключаются в свободном развитии как Финляндии, так и России соответственно их задачам и нуждам, почему неукоснительный контроль над заведованием финляндскими делами представляет собою нечто неестественное и до известной степени оскорбительное.

Не было случая, чтобы при устройстве имперских дел были приняты меры к соблюдению финляндских интересов, но наоборот признается, что если в подобных случаях интересы империи требуют оставления без внимания интересов Финляндии, то это допустимо, буде не установлены выгоды или обязанности под условием взаимности.

К тому же необходимо помнить, что если бы при проведении мер в административном порядке все-таки были упущены из виду какие-либо русские интересы, которые действительно должны были быть приняты в соображение, то это ранее или позже было бы принято на вид и легко могло бы быть исправлено. Наконец, как дознано на опыте, гласность ныне настолько утвердилась и отношения впрочем установились такие, что сказанные интересы фактически выделяются и без детальных определений. В связи с сим я считаю долгом отметить одно обстоятельство, которое по крайней мере некоторыми обыкновенно упускаются из виду, а именно то, что за время соединения Финляндии с Россией издано немало постановлений, являвшихся на взгляд финляндцев продиктованными только русскими соображениями, что тем не менее не препятствовало соблюдению и исполнению их в Финляндии, как не выходящих из пределов полномочий Монарха и его права входить в рассмотрение требований, предъявляемых задачами и интересами Финляндии, равно как ее обязанностями по отношению к России. Издание подобного рода постановлений обусловливалось, разумеется, по крайней мере отчасти тем, что министры империи, как и окружающая Монарха среда, внимание коих по весьма естественным причинам было приковано к русским интересам, находили случай обратить на них внимание Монарха. И можно, не забывая своей благодарности к великодушным русским Монархам, с финляндской стороны отметить известный факт, что требованиям великой нации присуща некоторая естественная тенденция к фактическому их преобладанию. Вникая поэтому в значение пробудившегося национального сознания, не следует удивляться, если небольшой народ в положении Финляндии сознательно относится к своим собственным культурным задачам и старается оградить развитие своей национальной жизни посредством обеспечивающих его узаконений, считая себя вправе требовать, чтобы подобные узаконения действительно соблюдались.

По вопросу же о возможности издания согласованных законов для империи и Великого княжества заслуживает внимания следующее:

Если такие законы вызываются необходимостью, то Монарх может назначить особую в каждом отдельном случае Комиссию из русских и финляндских членов для подготовки вопроса, но самое издание закона, поскольку оно касается Финляндии, должно иметь место при соблюдении основных финляндских законов. Выше уже было отмечено, что участие Сейма не требуется относительно всех законодательных дел. В равной мере не представляется необходимым учреждать для сего Особую комиссию. Монарх, не нарушая закона, может непосредственно издать постановление по предмету, не требующему содействия Сейма, хотя мероприятие, проведенное без предоставления финляндским властям возможности дать заключение по оной, даже если она и не заключает в себе формального нарушения закона, может являться пренебрежением интересами, которые должны были быть приняты в соображение. Отсюда между тем вытекает, что, если Монарху угодно будет, по издании

закона для России ввести согласованный с ним закон также в Финляндии, то, удостоверившись, что для этого не требуется содействие Сейма, Он, как Великий князь Финляндский, может по докладу министра статс-секретаря Финляндии издать соответственный закон. Очевидно, что такой закон может быть издан Монархом и по предварительном, до утверждения соответствующего закона для империи, освещении вопроса с финляндской стороны и точки зрения, причем нелишне еще раз повторить, что надлежащее соблюдение интересов Финляндии по правилу должно требовать выслушания по делу финляндских властей.

Основное положение, которого должно придерживаться в случаях, подобных данным, и по смыслу коего законы, подлежащие введению в действие в Финляндии, могут быть издаваемы лишь в согласии с конституцией края, затемняется в некоторой мере тем обстоятельством, что при издании для империи и Великого княжества согласованных законов (как, например, Высочайшего постановления от 6 ноября 1843 года о порядке наследования в движимом имуществе, оставшемся после лиц, водворенных в империи, временно пребывающих в Финляндии, и после финляндцев, временно пребывающих в империи и проч.) в законах, изданных по Великому княжеству содержались определения, которые могли быть соблюдаемы лишь в империи и наоборот. Однако правильное положение дела станет ясным, если представить себе, как поступили бы в подобных случаях независимые государства, если бы им предстояла надобность установить в известных отношениях единообразный порядок. В таком случае между ними, разумеется, был бы заключен международный договор со внесением в него тех определений, которые подлежали бы соблюдению в обеих странах. Затем договор был бы обеими сторонами обнародован к руководству без исключения из него – как то обыкновенно бывает – определений, подлежащих соблюдению лишь в одной из стран. Было бы лишнею околичностью составлять на основании договора особые законы для каждой страны. То же самое усматривается и в отношениях между Финляндией и Россией. О заключении договоров между Россией и Финляндией не может быть речи уже потому, что Монарх не может договариваться с самим собою. Взамен того Он, по надлежащей подготовке дела властями обеих стран, издает для них одинаковые по содержанию законы, причем нет надобности из закона, изданного для одной страны исключать то, что должно быть соблюдаемо лишь в другой и наоборот. Такой закон не составляет закона общего для империи и Великого княжества, а в данном случае предлежат два согласованных друг с другом закона, имперский и Великого княжества, равно как и заключенный между двумя независимыми государствами и обнародованный в обеих странах договор не создает единого закона для подлежащих стран. Как выше сказано, по Финляндии, пока конституция ее не изменена в порядке Основных законов, могут быть издаваемы одни лишь финляндские законы.

IV

Оценка различных проектов общего для империи и Велнкого княжества законодательства

Проект, согласно коему Государственная дума в составе, усиленном несколькими членами из финляндцев, должна быть законодательным органом для империи и Великого княжества, упускает из виду:

во 1-х) что представители Финляндии в Думе составляли бы столь незаметное меньшинство, что их присутствие фактически имело бы крайне мало значения и являлось бы лишь неудачной и как бы обидной попыткой скрыть тот факт, что для Финляндии законы издает Россия;

во 2-х) что Финляндия из-за языка вообще не могла бы посылать в Думу тех лиц, которые всех лучше отстаивали бы интересы края, каковое обстоятельство имеет немаловажное значение, хотя оно в сравнении с прочими и не из главнейших, и

в 3-х) что по существу дела является необходимым, чтобы финский народ, хотя он и не суверенен и не претендует на суверенность, однако, как особая нация в числе культурных народов, обладал по крайней мере внутренней свободою, и что, где это требование не уважа-

ется, там распоряжения ложатся игом, порождая горечь в сердцах с сопровождающими ее прискорбными деяниями.

Между тем в основание требований о присвоении Думе вышеозначенного положения приводятся существующие условия в Германской империи, рейхстаг которой является всеобщим законодательным органом. Но при этом упускают из виду *значительную разницу* между условиями в Германии и здешними.

Во-первых, Германская империя обнимает не два только отдельных государства; одно великое и могущественное, другое сравнительно незначительное, а 25 государств, из коих многие руководятся одинаковыми интересами по отношению к империи и правительства которых имеют представителей в союзном совете, окончательному решению коего подлежат дела, бывшие на рассмотрении рейхстага. Тут, следовательно, ни одно государство не находится в том невыгодном положении, в каком в случае проведения рассматриваемого плана, находилась бы Финляндия по отношению к России.

Второе, еще более важное отличие заключается в том, что между населениями отдельных германских государств нет различия в национальности, но что они вместе образуют одну великую германскую нацию, научившуюся из своего прошлого и своего развития высоко ценить это единение и воодушевлявшуюся во времена, когда не существовало политического единства, пламенным желанием такого единения, хотя местами направленным к сему стремлениям и противопоставлялись партикуляристические тенденции. При таковых условиях далеко простирающееся политическое объединение является не только понятным, но и справедливым.

Совсем иначе дело обстоит с Россиiскою империей. Господствующая нация, т. е. русский народ, как выше уже было сказано, является в отношениях историческом, эволюционном, лингвистическом, вероисповедном, этнографическом и бытовом совершенно иною народностью нежели финская. Этим, согласно высшим законам, нарушение коих не проходит безнаказанно, обусловливается то, что каждый народ во внутренних делах осуществляет свои зависящие от особых условий задачи и имеет обусловливаемые этими задачами законы. Из правовых отношений Финляндии к России и существующего правопорядка вытекает, что Финляндия не занимает независимого положения по отношению к иноземным странам, что во внешних делах решающими должны являться интересы России и что задачи в данном отношении Финляндии исчерпываются тем, чтобы в пределах справедливых и умеренных требований способствовать сохранению целости государства и поддержанию внешней по отношению к другим странам его мощи; но во внутренних делах Финляндии, как то и предполагалось в 1809 году, должна быть предоставлена свобода под сенью собственных ее законов; иной порядок является неестественным.

По другому проекту общее законодательство предполагалось осуществлять путем введения мер, подобных применяемым в Австро-Венгрии и заключающихся в том, чтобы в случае возникновения между обоими народными представительствами разногласия по вопросу, обусловливающему необходимость общего или согласованных законов, дело передавалось на рассмотрение делегаций, из которых одна была бы избрана Государственною думою и Государственным советом, а другая – Финляндским Сеймом, причем дела, по коим не было бы достигнуто согласного решения делегаций, разрешались бы посредством совместного голосования.

Если введение особого установления для издания согласованных или общих законов необходимо, то предположенный проект является едва ли ни единственным, способным служить исходной точкой в обсуждении сего вопроса.

Нельзя однако упускать из виду следующего:

По проекту, выработанному в 1906 году, предполагалось, что дела, по коим не состоялось соглашение между делегациями, подлежат разрешению Государя Императора. Но, если эти делегации будут выбираться не по пропорциональной системе выборов, то в результате может оказаться, что в состав русской делегации ввиду националистических веяний, – а таковые встречаются в жизни каждого народа, – войдут одни только поборники оз-

наченных тенденций, причем Финляндия могла бы ощутительно пострадать. И даже, если бы обстоятельства и не сложились столь неблагоприятно для Финляндии, то тем не менее передача подобной делегации прав народного представительства являлась бы равносильною принесению в жертву обусловливаемым соединением с другой страною соображениям выгоды от разрешения встречающихся вопросов в том порядке, какой народные представители собственно признавали бы правильными, и предоставлению некоторой части народного представительства тех прав, которые по основным законам должны принадлежать ему в целости, а при известных обстоятельствах даже изъявлению согласия на разрешение дел наперекор мнению как самого народного представительства, так и избранной им делегации.

Отсюда вытекает, что в случае введения рассматриваемого установления необходимо было бы заранее законодательным путем точно определить дела, на которые распространялась бы его компетенция. Так это установлено и в Австро-Венгрии. Количество означенного рода дел так незначительно, и если бы рассматриваемая система была проведена у нас, то, несомненно, из числа дел, подлежащих в Австро-Венгрии рассмотрению делегаций, по крайней мере из компетенции финляндской делегации были бы изъяты вопросы внешней политики.

Приемлемость этой системы, разумеется, находится в зависимости от характера тех детальных определений, которые подлежали бы введению. Впредь до времени я не усматриваю необходимости входить в оценку их.

Ввиду вышеизложенного представляется излишним выяснять, что данный вопрос может быть разрешен не иначе, как при содействии Сейма.

V

Вопрос о смешанной Комиссии

представляется подлежащим рассмотрению здесь независимо вопроса об особом установлении для согласованного законодательства по некоторым предметам по той причине, что разрешение последнего вопроса, если он вовсе будет принят к обсуждению, сопряжено с соблюдением различных формальностей и потому потребует немало времени, тогда как меры к учреждению Особой комиссии признавалось возможным принять непосредственно.

Задача смешанной Комиссии должна, по всему вероятию, заключаться в том, чтобы давать отзывы относительно русских интересов при решении финляндских дел, предусмотренных в п. 1 Высочайшего постановления 1 августа 1891 года.

При этом представляется необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства:

во 1-х) *с одной стороны*, встречаются такого рода финляндские дела, при решении коих должны быть принимаемы в соображение интересы России, ибо Финляндия вследствие соединения ее с Россией имеет по отношению к государству обязанности, которые сводятся отчасти к участию ее в обороне государства и поддержанию внешней его мощи, отчасти же к мероприятиям в целях содействия сохранению существующего в империи правопорядка, и кроме того, даже при отсутствии определенной обязанности блюсти выгоды России, по существу соединения представляется необходимым принимать их по возможности в соображение;

во 2-х) *с другой стороны*, население Финляндии по национальности, развитию и культуре является совсем иным народом нежели русский; вследствие сего обладая собственною конституцией, предоставляющею народу политическую свободу и не подлежащею изменению иначе как при содействии народного представительства в установленном конституцией порядке, он может относить себя к числу культурных народов; как таковой он имеет свои особые задачи и может рассчитывать на свободное развитие и беспрепятственное осуществление своих задач согласно внутренним своим задаткам и условиям своего существования;

в 3-х) к положению общего Монарха, относится:

с одной стороны, он как Государь России имеет входить в рассмотрение справедливых и умеренных требований, предъявляемых Россией к Финляндии в силу того обстоятельства,

что Финляндия объединена в одно с Россией государство, принимая, разумеется, при сем во внимание, что Россия не может предъявлять требований, не исполнимых по существующему в Финляндии правопорядку; и с другой – Монарх в своих распоряжениях по Финляндии, – т. е. когда Он утверждает финляндские законы, повелевает о передаче предложений Сейму или вообще преподает финскому народу или финляндским властями к руководству повеления и указания, – действует в качестве Великого князя Финляндского по законам края и, следовательно, соображается при этом с требованиями собственных задач Финляндии, буде они обусловливаются обязанностями ее по отношению к России или задачами государственной власти исключительно лишь в отношении к финляндскому обществу;

в 4-х) по силе конституции Финляндии Монарх отправляет эту свою власть в качестве Великого князя Финляндского при содействии одних лишь финляндских властей, причем те лица, на которых возлагается производство общественных дел, будучи по происхождению финляндцами, назначаются, действуют и увольняются согласно финляндским законам.

Последнепомянутый принцип основывается на следующих обстоятельствах, которые прошу разрешить мне выяснить и мотивировать подробнее в особой записке.

Земское уложение 1442 года (утвержденное в Форме правления 1772 года к соблюдению в применимых частях одновременно с самою Формою правления) категорично определяет, что король, совещаясь с своим советом, имеет править Швецией и властвовать над своим шведским государством при посредстве природных шведов, – и этим имелось в виду исключить норвежцев и датчан, хотя Норвегия и Дания *в то время* были соединены с Швецией под властью одного короля, – а также, что Он не имеет права назначать в свой шведский совет чужестранцев или предоставлять им власть над крепостями и землею. По допущении с течением времени неоднократных изъятий из приведенных правил, этот исконный принцип был снова восстановлен основными законами периода свободы и Формою правления 1772 года, а также Актом Соединения и Безопасности 1789 года, которые гласят: что Король имеет управлять государством согласно королевскому закону, Уложению государства и Форме правления, а равно по уложению Швеции и Акту безопасности; что, так как государство обширно, дела же слишком многочисленны и важны, чтобы король единолично мог справлять их, то Ему необходимы в помощь чиновники и гевдинги, и что на государственную службу могут быть назначаемы одни только природные шведы (однако с тем, чтобы некоторые исключения и уклонения признавались допустимыми).

Нельзя, казалось бы, допустить, чтобы учреждением смешанной комиссии имелось в виду нарушение какого-либо из вышеприведенных Основных положений.

Ибо неестественно было бы требовать, чтобы финский народ, за которым раз была признана *свобода во внутренних его делах* под сенью *собственных его законов* и следовательно сохранено было право наравне с другими нациями охранять свою национальность и развиваться по возможности свободно и разносторонне, равно как развивать прирожденные свои задатки, а вследствие сего и свой правопорядок, дабы иметь возможность действовать в целях осуществления своего назначения и обусловливаемых им задач, отказался от этого своего положения и еще более, чем доныне, стал подчиненным в разных отношениях России. Подобная обязанность не вытекает из соединения Финляндии с Россией. К тому же и отказ от выгоды, заключающейся в том, что Монарх правит страною при содействии местных властей, был бы для финского народа сопряжен с значительным ущербом. Раз независимыми нациями признана необходимость обеспечения за страною и народом означенной выгоды путем внесения в законы соответственных определений, то тем более необходимым сохранение этого Основного положения является для финского народа, как соединенного с великой и могущественной нацией, интересы коей и так возьмут свое. Так как учреждение смешанной комиссии, по сведениям, обусловливается собственным Его Императорского Величества желанием, то можно полагать, что назначение ее исчерпывается приисканием для подлежащих случаев целесообразного способа получения удовлетворительных сведений относительно интересов России и отношения их к финляндским, дабы Государь, рас-

полагая необходимыми при окончательном докладе финляндских дел данными, мог разрешать их с полною уверенностью.

Сообразно сему следовало бы при установлении характера и задач предполагаемой Комиссии принять на вид следующие обстоятельства:

Круг ведения Комиссии необходимо, по возможности, ограничить теми из повергаемых на Высочайшее благовоззрение проектами узаконений, которые, по всей очевидности, затрагивают важные интересы империи. Ибо чем дальше будут распространяться правомочия Комиссии, тем более учреждение ее будет являться установлением унизительной опеки со стороны господствующей нации над нацией подчиненною, хотя последняя по праву и принадлежала бы к числу культурных народов и утверждением ее конституции была бы признана свободною во внутренних своих делах. Но сверх того цель подобной меры была бы истолкована в том смысле и в действительности сводилась бы к тому, что принятие или непринятие мер по финляндским делам было бы поставлено в зависимость от тех выгод, на которые Россия могла бы рассчитывать в том или другом случае, даже если бы при этом по правовому положению Финляндии решающий голос должен был принадлежать ее задачам и интересам. И, наконец, такая Комиссия являлась бы, или по крайней мере представляла бы собою Совет или совещательное Учреждение, при содействии которого Государь по некоторого рода делам управлял бы Финляндией, а это, очевидно, противоречило бы тому Основному положению, что Монарх правит Финляндией при содействии финляндских властей.

Затем: определения о Комиссии равным образом не должны быть составлены в том смысле, чтобы ей был присвоен характер посредствующей между Монархом и Сенатом инстанции. В приснопамятном Манифесте 9/21 февраля 1816 года, в коем Император Александр I между прочим заявляет, что данное Им обывателям Финляндии на Боргоском Сейме обещание имело в виду непреложное соблюдение особой конституции края под скипетром Монарха и его преемников, Государь указывает, что учрежденный в Финляндии Сенат предназначен находиться *в непосредственных отношениях к особе Монарха*; нарушению же этого положения путем введения посредствующей инстанции не могло бы быть не придано рокового значения. Наконец, Комиссия и в прочем не должна носить характера совещательного при Монархе Учреждения, с уклонением от вышеприведенного Основного положения, а ей надлежит, как то, вероятно, и было намерением Его Императорского Величества, являться Особым совещанием, имеющим приводить в ясность и освещать русские интересы при законопроектах, затрагивающих таковые, а также отношение этих интересов к финляндским, дабы Монарх, располагая всеми необходимыми при докладе на Его благоусмотрение финляндских дел данными, мог разрешать их с полною уверенностью.

По может ли Учреждение смешанной русско-финляндской Комиссии состояться в административном порядке, – это особый вопрос, при разрешении коего могли бы служить к руководству следующие обстоятельства:

К числу Основных положений, на коих зиждется соединение Финляндии с Россией, принадлежит, как выше было сказано, то, что Государь России одновременно является Великим князем Финляндским, и это обстоятельство, несомненно, уже изначала признавалось существенною гарантией в соблюдении справедливых интересов России при осуществлении публичной власти в Финляндии, хотя последней и присвоено положение страны с собственною конституцией и с предоставлением ее народу свободы в отношении внутреннего распорядка. Вследствие сего общий Монарх, как то уже и было сказано, в качестве Государя России входит в рассмотрение справедливых и умеренных требований, предъявляемых к Финляндии, и при постановлении финляндским властям и народу к руководству своих решений, действует как Великий князь Финляндский, соображаясь с требованиями задач и интересов Финляндии. При этом представляется вполне естественным, что Монарх при разрешении повергаемых на Его благоволение финляндских дел может усмотреть надобность в выяснении характера тех русских интересов, коих могут коснуться

Его решения, дабы иметь возможность приступить к решению с уверенностью. Поэтому за время соединения Финляндии с Россией неоднократно случалось, что Монарх, предварительно разрешения финляндских дел, не встречая возражений, запрашивал мнения высших чинов империи.

Правда, дело обстояло бы несколько иначе в суверенном государстве, где бы закон гласил то же, что в Финляндии, а именно, что Монарх имеет управлять и властвовать лишь при содействии собственных граждан края, – Финляндия же не единственная страна, где установлены подобные основные правила. В такой стране признавалось бы неконституционным, если бы Монарх принял за правило совещаться частным образом с кем-либо другим кроме собственных граждан страны, тогда как закон стремится именно к ограждению национальных интересов посредством воздержания от влияния на дела страны тех, относительно кого нельзя предположить, чтобы ими руководило сочувствие или интерес к означенным делам. Но в отношениях между Россией и Финляндией указанное положение общего Монарха, вменяющее Ему в обязанность входить в известных случаях в оценку требований, предъявляемых задачами и интересами обеих стран, обусловливало то, что, когда дело действительно касалось справедливых интересов России, с финляндской стороны не усматривалось оснований к возражениям против того, что Монарх запрашивал также мнения русских людей; и не подлежит сомнению, что сказанный образ действий будет применяться и впредь, какие бы в данном отношении ни были изданы определения.

Отсюда однако еще не вытекало бы, что изданным в административном порядке постановлением можно было бы создать *постоянное* установление для совещаний относительно интересов России и Финляндии в финляндских делах, а лишь что отсутствие по сему предмету определений, поскольку существующие ныне признаются неудовлетворительными, принадлежит к числу тех присущих основным законам края недостатков, на которые указывал в своей тронной речи при открытии Сейма 1862 года Император Александр II, находя их подлежащими устранению посредством передачи на принятие земских чинов соответственных дополнений, – если не оказалось бы возможным осуществить административным путем то, что в настоящее время признается необходимым.

На самом деле мне представляется, что учреждение *постоянного* установления вышеозначенного рода не могло бы не являться хотя бы исключительным уклонением от вышеприведенного Основного положения финляндской конституции. А именно, я не могу отказаться от той мысли, что в данном случае путем финляндского постановления было бы создано или финляндское учреждение с включением в него лиц нефинляндского происхождения, или же нефинляндское учреждение, противоречащее часто помянутому общему положению.

Если же передача дела Сейму по той или другой причине не может состояться, а между тем вопрос должен быть разрешен в рассмотренном выше направлении, то на мой взгляд, п. I Высочайшего постановления 1891 года мог бы служить исходной точкою для мер, против которых с точки зрения законности нельзя бы было привести никаких возражений, хотя с другой стороны, они и представлялись бы менее привлекательными.

Означенное определение Постановления 1891 года, нужно полагать, основывается на том положении, что Монарху как Великому князю Финляндскому желательно предоставить России высказываться относительно ее интересов, когда они затрагиваются определениями финляндских законопроектов, предварительно постановления Им по делу решения в качестве Великого князя Финляндского и следовательно при содействии финляндских властей. И это, казалось бы, находит себе оправдание в существующем соединении с Россией. На самом деле против сего не представлялось возражение со стороны земских чинов Финляндии. При таких обстоятельствах финляндские основные законы не были бы затронуты, если бы Монарх в качестве Государя России распорядился принять меры к тому, чтобы в тех случаях, когда министр статс-секретарь Финляндии, согласно действующим в Финляндии узаконениям (п. I Высочайшего постановления 1 августа 1891 года), препровождает к министрам империи, запрашивая их заключение относительно определения ка-

сающихся интересов империи, заключение давалось Особым совещанием из русских, усиленным во избежание односторонности суждения, финляндскими членами по избранию Сената.

В заключение мне остается выразить надежду, что стремления с финляндской стороны к ограждению права финского народа на свободное развитие своей национальности и своего внутреннего распорядка, а также святости его законов, будут оценены по внутренним их побуждениям, а не истолкованы в смысле попытки к пренебрежению требованиями справедливости или существующими обязанностями по отношению к России.

По самой природе тех условий, над коими не властен человек, каждый народ, достигший известной точки цивилизации и не расслабленный нравственно, должен стремиться к сохранению своей национальности и условий свободного своего развития. Что же касается святости закона, соблюдение которой в Финляндии в настоящее время является не менее необходимым нежели когда-либо, то на горьком опыте подтвердились нижеследующие слова земских чинов Финляндии в всеподданнейшем их отзыве по переданным чрезвычайному Сейму 1899 года предложениям относительно нового Устава о воинской повинности и проч.: «Где святость закона не охраняется, там подрывается осуществление этических задач закона, ибо от этого может затемниться правовое сознание и ослабнуть чувство законности; не подлежит также сомнению, что разрушительные для общественного строя силы будут искать себе почвы и в Финляндии, когда устои правового сознания народа будут поколеблены».

[6-]В мае 1907 г.[-6]

Пометы: на машинописи (Ф. 1276. Оп. 18. Д. 45. Л. 33) карандашом сверху справа: Секретно. Перевод *Снизу:* № 4291

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 31. Л. 1–34. Машинопись на полулистах, сшитых в тетрадь. Пометы рукой Финляндского генерал-губернатора Герарда.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 25. Д. 32. Л. 1–16. Типографский текст на листах большого формата, сшитый в брошюру (С. 1–30). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 45. Л. 33–64. Машинописный текст на листах большого формата с водяными знаками: герб Финляндии с текстом: № 1 Tervakoski Aktiebolag 1906. Л. 66–80 об. Типографский текст на листах большого формата, сшитый в брошюру (С. 1–30). Л. 1–22 об. Извлечение из записки. Машинописный текст на листах большого формата с водяными знаками: герб Финляндии с текстом: № 2 Tervakoski Aktiebolag 1907. Л. 23–31 об. Извлечение из записки. Типографский текст (С. 1–18).

РНБ. Шифр: 135/300-79. Государственный совет. Материалы. Т. 79 [6].

№ 244. Адрес Сейма о новой Форме правления. Проект, внесенный младофиннами

Май 1907 г.

Адрес МОНАРХУ

(проект, внесенный младофенноманской группой)

Новый Сеймовый Устав осуществил справедливое желание финского народа о реформе народного представительства на основе общего и равного избирательного права. Совершеннее, чем когда-либо раньше, представляет ныне Сейм Финляндии финский народ. А по сему в еще более сильной форме, чем ранее, будут находить себе выражение через посредство этого представительства глубочайшие чувства и задушевнейшие пожелания финского народа.

[6-6] *Вписано в машинопись (ГА РФ). В типографских экз.:* Подписал профессор Р. Германсон.

Хотя финский народ и с радостью приветствовал меры ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, направленные к осуществлению выраженных в ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМ Манифесте от 4 ноября 1905 г. гарантий, что в управлении нашим краем будет восстановлен законный порядок, он (народ) с беспокойством констатирует, что возвещенный в указанном Манифесте с высоты Престола принцип в некоторых пунктах еще не осуществлен.

Прежде всего, народ наш не может забыть, что вопрос о финских войсках еще не урегулирован в законодательном порядке, но продолжает находиться в том неопределенном положении, в котором он остался после того, как, в противность основному закону, были распущены финские стрелковые батальоны и финский драгунский полк в 1901 году, а финский гвардейский батальон в 1905 году.

Равным образом, важная часть внутреннего управления Финляндии, финляндское почтовое ведомство, все еще в противность основному закону остается в зависимости от Министерства внутренних дел империи. Различные должности по финляндской государственной службе продолжают заниматься лицами, которые в качестве нефинляндских граждан, не могут оставаться на службе без нарушения основных законов.

И, наконец, финляндский народ не может оставить без упоминания, что один финляндский гражданин, совершивший преступление в Финляндии в противность постановлениям финляндского закона был судим в России и продолжает там отбывать определенное ему судом наказание.

Эти противозаконные условия, глубоко затрагивающие права нашей страны, нашу внутреннюю самостоятельность и развитие, а равно и гражданские права, таковы, что новое представительство Финляндии не исполнило бы, по нашему мнению, своих обязанностей, как по отношению к финскому народу, так и к его правителю, если не высказало бы вполне откровенно ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ те огорчения, которые так живо ощущаются народом вследствие того, что принцип законности, являющийся условием преуспеяния нашего народа и его будущего развития, осуществлен еще не вполне.

Ввиду сего нижеподписавшиеся осмеливаются почтительно просить представителей Финляндии всеподданнейше ходатайствовать перед ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ о том, чтобы принцип законности был проведен по всем областям государственной жизни.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 7 8 об. Машинописный текст на полулистах большого формата с водяными знаками: Royal academy.

№ 245. Выписка из протокола общего собрания обоих департаментов Императорского Финляндского Сената о рассмотрении новой Формы правления

19 мая (1 июня) 1907 г.

[а] Выписка из протокола общего собрания обоих департаментов Императорского Финляндского Сената от 1 июня 1907 г.[а]

Копия с перевода 1907 г., 1 июня, в одиннадцать с половиною часов дня в общее собрание обоих департаментов Императорского Финляндского Сената явились

Сенаторы:

Вице-председатель Хозяйственного департамента Императорского Сената Мехелин, вице-председатель Судебного департамента Императорского Сената барон Вреде, Игнациус, Грипенберг, Нюберг, Нуммелин[514], Шернваль, Снельман[515], Тимгрен[516], Вильскман, Лундениус, Пальдани[517], Альмквист[518], Лилиус, Доннер, Кюандер[519], Стольберг, Кастрен[520], Гранострем[521] и Вегелиус.

[а-а] *Только в типографском тексте.*

Присутствовал также прокурор Императорского Сената Гротенфельт.

Докладывался отложенный с 9 ноября 1906 года вопрос о составлении проекта новой Формы правления для Великого княжества Финляндского.

Отмечено было в протоколе, что Императорский Сенат упомянутого числа передал дело для подготовки в Комиссию, и что Комиссиею выработаны проекты сеймового предложения о новой Форме правления для Великого княжества Финляндского и всеподданнейшего представления по делу.

По прочтении и рассмотрении означенных проектов Императорский Сенат постановил войти к Его Императорскому Величеству с следующим всеподданнейшим представлением по делу:

. . . . . .

К этому представлению определено было приложить следующий проект Сеймового предложения:

. . . . . .

Разногласие возникло относительно следующих статей законопроекта: в отношении § 14 сенаторы Кастрен, Стольберг и Лилиус, находя, что, по преобразовании представительства, возведение в дворянское, баронское и графское достоинство уже не имеет такого значения, чтобы необходимо было включать основное правило о сем в Форму правления, полагали исключить § 14 из законопроекта.

В отношении § 64 сенатор Стольберг высказал следующее: так как новые штаты правительственных установлений согласно предлежащему проекту подлежат рассмотрению Сейма в связи с урегулированием росписи доходов и расходов, то было бы последовательным и соответственным установить посредством закона также правила о пенсиях должностных лиц.

Согласно законам и постановлениям присвоенные правительственным должностям пенсии являются такими же основанными на принятом казною обязательстве расходами, как и статьи расхода, предусмотренные в п. 3 § 64, а потому и относительно первых следовало бы для большой ясности положительно указать, что они подлежат уплате подлежащим лицам и внесению в роспись. То же следовало бы установить и касательно пособий от казны (экстраординарных пенсий), которые разрешаются по усмотрению Монарха. Но так как относительно разрешения этих пособий и размера их не имеется никаких указаний в законе и постановлениях, то следовало бы согласовать и этот расход казны с общим порядком урегулирования бюджета, установленным в рассматриваемом проекте, таким образом, чтобы новые пособия от казны разрешались в пределах особого ассигнования, включаемого для сего в роспись расходов.

§ 64 подлежал бы, следовательно, по мнению сенатора Стольберга, дополнению в указанном выше смысле.

Относительно п. 1 лит. е § 79 сенаторы Нюберг, Вегелиус, Кастрен, Стольберг, Доннер, Лилиус, Тимгрен, Шериваль и Нуммелин полагали, что пункт этот следовало бы исключить так, чтобы о назначении членов гофгерихтов действовали правила, установленные в § 81 относительно судей вообще.

Из п. 1 § 82 сенатор Вегелиус полагал исключить последнее предложение на том основании, что он, хотя и находит вполне основательным назначение пенсий уволенным без прошения должностным лицам, занимающим должности, замещаемые по доверию Монарха, тем не менее считает неудобным включать правило о сем в Форму правления.

Сенаторы Кастрен и Стольберг полагали, что как по формальным причинам, так и по существу, в Форму правления не следовало бы включать особого правила о пенсиях уволенным без прошения должностным лицам, занимающим должности, замещаемые по доверию Монарха.

Сенаторы Снельман, Гриппенберг и Игнациус разделяли мнение сенатора Вегелиуса.

Вместе с тем отмечено было в протоколе, что сенатор Игнациус за время рассмотрения §§ 35–39 законопроекта отсутствовал из заседания по другим служебным делам.

[6]С подлинным верно: Ганскау за директора канцелярии
Финляндского генерал-губернатора Ганскау[522]
Сверял и верно: За начальника отделения Розенгейм[6]

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 50–51. Машинописный текст на полулистах большого формата с водяным знаком: герб Финляндии с текстом: 1906. Л. 52–53. Машинописный текст на полулистах большого формата с водяными знаками: герб Финляндии с текстом: № 2 Tervakoski Aktiebolag 1907.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [1]. С. 12–13.

№ 246. Всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сената Сейму Финляндии относительно новой Формы правления для Великого княжества Финляндского

19 мая (1 июня) 1907 г.

Перевод всеподданнейшего представления **Императорского** Финляндского Сената, от 1 июня 1907 года.

Генерал-губернатором и министром статс-секретарем уже всеподданнейше донесено Вашему Императорскому Величеству, что Сенат в конце минувшего года приступил к подготовительным работам по составлению проекта нового основного закона для Великого княжества Финляндского, который заменил бы прежние основные законы, Форму правления 1772 года и Акт соединения и безопасности 1789 года. Работы эти ныне закончены, и в виде результата Сенат всеподданнейше повергает при сем на Всемилостивейшее Вашего Императорского Величества благовоззрение прилагаемый проект Высочайшего Сеймового предложения относительно новой Формы правления для Великого княжества Финляндского.

Необходимость пересмотра старых основных законов как по содержанию, так и по форме уже давно признана. Однако предварительные меры, принимавшиеся с этою целью в царствование Блаженныя памяти Императоров Александра II и Александра III, не привели к разрешению вопроса. Между тем неудобства, вытекающие из того, что важные определения основных законов, будучи первоначально составлены применительно к иным условиям, чем какие господствуют ныне, частью могут быть неправильно поняты лицами, не обладающими необходимыми юридическими познаниями, частью же не дают полных указаний для всех встречающихся случаев, – неудобства эти с течением времени становились все более ощутительными. Сенат убежден, что устранение этих неудобств составляет важнейшую задачу законодательства в настоящее время.

Всеподданнейший проект, новой Формы правления выработан на следующих основаниях:

Прежде всего Сенат старался систематизировать и изложить в простой и ясной редакции все ныне действующие основные законоположения, не относящиеся в области Сеймового Устава, с включением и таких правовых норм, которые действуют в силу давности.

При этом обращено внимание и на такие вопросы, относительно которых должны бы содержаться определения в основных законах, но по которым непосредственно применимых основных законоположений до сего времени не издано. Подобного рода пробелы следовало бы устранить.

Далее Сенат счел нужным, по тщательном обсуждении, удовлетворить в проекте необходимости дальнейшего развития конституции: в отношении некоторых заключающихся в ней предметов.

[6-6] *В копии на Л. 51*: Верно: А.Э. Раутавара. Перевел: помощник главного переводчика Рингваль. С подлинным верно: директор канцелярии Финляндского генерал-губернатора Ф. Кипович. Сверил и верно: за начальника отделения О. Япушковский.

В вступительной части проекта Высочайшего предложения приведены вкратце те соображения, которые служили руководством при составлении отдельных правил нового закона. Из этого обзора усматривается также согласуются ли эти правила с действующим правом или же заключают в себе изменение или дальнейшее развитие его.

В настоящем всеподданнейшем представлении Сенат приемлет долг отметить главные черты законопроекта и изложить мотивы, на основании которых проектируемая законодательная мера, по мнению Сената, не может ограничиться одною только кодификациею действующих законов.

Ваше Императорское Величество уже в минувшем году соизволили в принципе одобрить предположения Сената о преобразовании нынешнего Судебного департамента Сената в особый Высший суд. В предположении, что законопроект по этому вопросу, переработанный в некоторых частях, согласно предначертаниям Вашего Императорского Величества, и повергнутый 18 марта сего года на Высочайшее Вашего Величества благовоззрение, поведет к намеченной реформе, Сенат руководствовался этим при составлении проекта Формы правления, в которую должны войти основные определения о Сенате и Высшем суде. Согласно этим определениям, Сенат в качестве высшего правительственного учреждения края по организации и задачам в общем соответствовал бы нынешнему Хозяйственному департаменту. Это последнее название отныне исчезло бы, так как название «Сенат» обозначало бы именно упомянутое учреждение; при этом признано соответственным дать нынешним экспедициям более правильное название департаментов без изменения, однако, круга власти их. По § 27 проекта, Государь Император и Великий князь издает в виде особых постановлений специальные правила относительно организации Сената, круга деятельности общей канцелярии и отдельных департаментов, равно как и о том, какие центральные или местные правительственные установления или общественные учреждения подчиняются канцелярии и отдельным департаментам. По аналогии с сим и в отношении генерал-губернатора приведены лишь главнейшие определения с тем, чтобы издание ближайших инструкций генерал-губернатору зависело от Монарха. Такой же порядок соблюден по вопросу о министре статс-секретаре. В проекте Формы правления, таким образом, помещены лишь те определения о высших правительственных учреждениях края, которые по существу дела относятся к области основных законов, с сохранением за Государем Императором и Великим князем права по-прежнему, административным порядком издавать все ближайшие правила о функциях этих властей.

Определения о Финляндском статс-секретариате в С.-Петербурге вводят особую реформу, а именно, учреждение совещательного комитета, который по организации своей отличался бы от Комитета, существовавшего в 1857–1891 гг., только тем, что кроме министра статс-секретаря и его товарища в состав его входили бы не три, а лишь два члена. Не только многочисленность, но и разнообразный характер поступающих в статс-секретариат дел требуют, по мнению Сената, чтобы министр статс-секретарь мог располагать содействием следующих лиц, когда приходится по важным вопросам, в особенности законодательным, составлять такие обзоры и пояснительные изложения, которые давали бы Государю Императору и Великому князю возможность, не входя в детальное рассмотрение докладываемых проектов в их совокупности, с достоверностью судить о содержании и значении их. Ваше Императорское Величество еще в прошлом году 29(16) ноября соизволили в виде временной меры в облегчение задачи министра статс-секретаря назначить, по представлению его, для сей цели двух лиц. Не подлежит, однако сомнению, что правильный совместный труд в совещательном комитете гораздо более соответствует означенной цели, чем упомянутый временный порядок. К тому же учреждение комитета не изменяет положения и функций министра статс-секретаря, а потому Сенат смеет надеяться, что Ваше Императорское Величество признаете учреждение при статс-секретариате совещательного комитета полезным и Всемилостивейше соизволите на внесение краткого указания о нем в проект Формы правления (§ 37).

Финляндскій правопорядок с давних времен характеризуется тем, что слуги государства, как высшие, так и низшие, должны строго придерживаться закона и отвечать за законность своих служебных дѣйствій. На самом дѣлѣ гарантіи соблюденія закономѣрнаго порядка составляют существенную часть конституціоннаго образа правленія. При составленіи проекта Формы правленія Сенат стремился к полному и послѣдовательному проведенію упомянутаго общаго начала. Поводом к дальнѣйшему развитію дѣйствующих по сему вопросу опредѣленій служит также то обстоятельство, что Ваше Императорское Величество соизволили принять на себя почин к законодательной мѣрѣ в видах предоставленія Сейму права проверять закономѣрность служебных распоряженій членов правительства. Признаніе за Сеймом такого права, конечно, не имѣло цѣлью какое-либо измѣненіе власти Государя Императора и Великого князя, которые и по старым основным законам в особенности направлена к поддержаніе силы закона. Представляется, однако, соотвѣтственным, чтобы в новом основном законѣ яснѣе была выражена обязанность правительственных властей всегда держаться на почвѣ закона (п. 2 § 25, § 51, п. 2 § 55, § 83).

По вопросу о законодательной власти проект в главных чертах согласуется с дѣйствующими по настоящее время основными началами.

«Власть издавать новые законы и измѣнять, пояснять или отмѣнять старые законы принадлежит Государю Императору и Великому князю совокупно с Сеймом» (§ 52). Правило это соотвѣтствует содержанія §§ 40–43 Формы правленія 1772 года. § 11 законопроект изложен, таким образом, чтобы из него ясно вытекало, что изданіе постановленій по предметам, касающимся административных задач, принадлежит Государю Императору и Великому князю в том же объемѣ, как и до сего времени. Однако некоторые вопросы, относительно которых в настоящее время издаются административные постановленія по свойству своему таковы, что они, по мнѣнію Сената, требуют содѣйствія Сейма. Сюда относятся:

Основное начало организаціи университета и средних учебных заведеній (§§ 85 и 86). Представляется, несомнѣнно, важным, также с точки зрѣнія правительственной власти, чтобы опредѣленія, составляющіе основу названных учрежденій, были одобрены народным представительством и путем установленія их в законѣ приобрѣли характер прочности. С другой стороны, требуется более легко примѣнимый порядок измѣненія для регламентарных правил о подробностях организаціи, и потому такіе правила и впредь издавались бы административным порядком.

Опредѣленіе о языкѣ судебных и административных мест края. Исходя из принципов, получивших постепенно примѣненіе в отношеніи употребленія финскаго и шведскаго языков в судебных и других учрежденіях, проект установляет, что данного рода опредѣленія в будущем должны быть, издаваемы не иначе как при содѣйствіи Сейма. Проектированное Сенатом в § 75 правило вызывается особо щекотливым свойством дѣла и потребностью устойчивости в вопросѣ, касающемся как національнаго чувства, так и практических интересов, а также тем обстоятельством, что относительно языка дѣлопроизводства в общем законѣ уже содержится основное опредѣленіе.

В п. 1 § 92 указано, что законодательство Великого княжества Финляндскаго не касается управленія православной церкви в Финляндіи в духовном отношеніи. Правило это, воспроизводящее только правовую норму, дѣйствующую с 1811 года, признано необходимым включить в Форму правленія, чтобы устранить всякіе сомнѣнія относительно того, что и по новому основному законѣ означенные дѣла не относятся к области финляндскаго законодательства. По п. 2 однако узаконенія, касающіеся гражданских дѣл православных приходов, в будущем требовали бы содѣйствія Сейма. Такой порядок, по мнѣнію Сената, вызывается тем, что подобные узаконенія, в законодательном отношеніи, должны быть приравнены к законам, касающимся общинных дѣл.

Проектированное таким образом расширеніе области общаго законодательства на счет административнаго не имѣет такого значенія, чтобы правительственной власти причинялись тем какіе-либо неудобства, и так как, с другой стороны, в пользу такого измѣненія

имеются уважительные причины, то Сенат надеется, что проект и в отмеченных частях удостоится Высочайшего Вашего Императорского Величества одобрения.

Наиболее крупная реформа проекта касается финансовой части. Поэтому определения гл. VII, о государственном хозяйстве, требуют особой мотивировки.

По вопросу о податном обложении основные законы края в виде общей правовой нормы установляет, что для введения нового налога, равно как и для увеличения или вообще для изменения существующих требуется согласие народного представительства. Существует, однако, исключение из этого правила, заключающееся в том, что таможенное обложение определяется единоличною властью Монарха. Это важное исключение объясняется тем, что таможенный тариф в XVIII столетии рассматривался главным образом как средство регулировать товарные цены в пользу внутреннего производства. По издании Формы правления 1772 года, в которой не имеется особого правила о порядке, решения дел по таможенной части, применялось такое толкование, что утверждение таможенного тарифа зависит исключительно от Монарха. В таком положении вопрос этот остается по сие время, хотя уже Император Александр II в инструкции 19 декабря 1864 года Высочайше назначенной комиссии основных законов сонзволил высказаться за такое расширение финансовых прав земских чинов, чтобы общие основания таможенного обложения определялись совокупным решением государя Императора и земских чинов.

При предстоящем пересмотре основных законов представляется весьма важным устранить такое исключительное положение таможенного тарифа в финансовой системе края. Еще за полстолетия тому назад преобладающее большинство населения питалось и одевалось главным образом продуктами и изделиями собственного сельского хозяйства и домашнего производства. Иностранные, обложенные пошлиною, изделия потреблялись преимущественно немногочисленными состоятельными классами населения. Ныне экономические условия настолько изменились, что и беднейшие пользуются для удовлетворения своих потребностей иностранными товарами. Входящие в цифру таковых товаров таможенные ссоры в настоящее время составляют почти для каждого наибольшую часть платимых ежегодно налогов. В связи с сим доход казны от таможенного обложения неуклонно возрастал, тогда как поступления прочих налогов отчасти держались на том же уровне, отчасти же лишь медленно повышались. В росписи 1907 года таможенный доход исчислен в 40 260 000 мар., тогда как доход от прочих прямых и косвенных налогов, составляет всего только 14 444 000 мар.

Ввиду столь важного значения таможенного обложения как для финансов края, так и для хозяйственного быта всего населения налог этот в будущему, по мнению Сената, в случаях, когда окажется необходимым изменить таможенный тариф, должен подлежать рассмотрению Сейма наравне с прочими налогами. При этом однако Сенат исходить из того предположения, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет удержать за Монархом право без участия Сейма утверждать таможенный тариф для привозимых в Финляндию товаров русского происхождения. В соответствии с сим изложен п. 2 § 60 Формы правления.

К числу казенных доходов относятся также сборы за пользование общественными учреждениями и путями сообщений. На эти сборы следует смотреть не как на налоги, а скорее, как на прямое вознаграждение за оказанные услуги, и так как установление таких сборов находится в связи с попечением о хозяйственной части данного рода учреждений, то Сенат сохранил в проекте порядок, действующий в сем отношении в настоящее время. Признано необходимым ввести лишь одно изменение, а именно установить участие Сейма по вопросу об определении учебной платы в казенных учебных заведениях. Изменение это мотивируется тем, что учебная плата, имеющая в финансовом отношении весьма небольшое значение, составляет важный расход для родителей, платящих за обучение своих детей, причем следует также отметить, что в Финляндии и высшие разряды учебных заведений посещаются детьми всех классов общества.

Реформы, вводимые в прочих отношениях в гл. VII, имеют главным образом целью достижение единства и устоïчивости бюджета.

Согласно § 24 Формы правления 1772 года ежегодно составляется роспись доходов и расходов с соблюдением, прежде всего, чтобы ординарные расходы покрывались ординарными же доходами. Наравне с этим в § 18 определено, что «поселенная система воïск» сохраняется для поддержания военных сил, что означало требование особого бюджета милиционного ведомства. В § 45 сказано, что Монарх не может налагать на подданных какие-либо новые налоги без согласия земских чинов. Акт соединения и безопасности 1789 года, изменивший в разных частях Форму правления, но не по финансовым вопросам, установляет в п. 5, в виде общего принципа, что народ имеет бесспорное право вступать с Монархом в соглашение о том, что необходимо давать на содержание государства, т. е. другими словами, что в случае требования временного налога земские чины имеют право входить в обсуждение потребностей, на удовлетворение которых налог предназначается, и необходимости проектированного налога.

На Боргоском Сеïме 1809 года земские чины, по поводу Высочаïшего предложения о податном обложении, составили роспись доходов и расходов для Великого княжества Финляндского. При этом применены были основные начала, установленные в упомянутых §§ 18 и 24 Формы правления. Имелось в виду, чтобы казна обходилась без временных налогов. В этих пределах велось финансовое хозяйство до 1863 года. По мере возрастания благосостояния края, доходы казны от таможенных пошлин и других налогов постепенно увеличивались, но бюджет все-таки был слишком ограниченный для проведения более обширных мер с целью способствования развитию края.

1863 год, когда стал вновь созываться Сеïм, составляет также в области финансов поворотный пункт внутренней истории Финляндии. Бюджет был подкреплен податными реформами и введением новых налогов, благодаря чему оказалось возможным удовлетворять культурные интересы, остававшиеся перед тем без поощрения. Открылась также возможность с согласия и под гарантиею земских чинов заключать государственные заïмы для железнодорожных построек.

Сеïмовым Уставом 1869 года (§§ 36, 37 и 72) дополнены были прежние определения о порядке подготовки и решения финансовых вопросов на Сеïмах, без изменений, однако, вышеприведенных основных законоположений. § 36 упомянутого Сеïмового Устава основывался на деïствовавшем издавна принципе, согласно которому подыскание новых средств для потребностеï края имеет место только в случае недостаточности ординарных поступлений казны. Однако выяснение наличности сего условия сопряжено было с большими затруднениями, потому что необходимо было определить вперед доходы и расходы на продолжительный срок от трех до пяти лет. Как со стороны правительства, так и со стороны Сеïма соблюдалась краïняя осторожность при оценке доходов следующих годов. Финансовая статистика показывает, что ординарные доходы для каждого периода исчислялись ниже деïствительных поступлений. Вследствие сего фактически взимались временные налоги и заключались заïмы, хотя в то же время накоплялись свободные средства в статном фонде, в которые поступали ординарные доходы по бюджету, не подлежавшему утверждению Сеïма. В этом заключается явная несообразность. Финансовое хозяйство, вероятно, возможно было вести более плодотворным способом, если бы применялась система объединенного бюджета и расходование средств казны в более широких пределах основывалось на взаимодеïствии между правительством и народным представительством.

Ныне, когда Сеïм на основании Сеïмового Устава 20 июля 1906 года должен собираться каждый год, отпадают неудобства, вызывавшиеся тем, что основывающиеся на решении земских чинов бюджеты временных налогов, коммуникационного и милиционного фонда составлялись на сроке от трех до пяти лет, тогда как бюджет статного фонда, хотя и исчисленный бюджетною Комиссиею Сеïма на тот же период, составлялся правительством для каждого года особо. Бюджетные расчеты отныне по всем фондам будут обнимать лишь один год.

Однако действительное единство бюджета недостижимо, пока Государем Императором и Великим князем единолично определяется порядок расходования ординарных доходов, тогда как Сейм на расходы, передаваемые на его решение, может обращать только поступления от временных налогов или займов или такие средства, которые по особой причине состоят в распоряжение Сейма, как то прибыли Финляндского банка и казенных железных дорог.

Полагая вследствие сего необходимым изменить отмеченное разграничение бюджетных вопросов в отношении порядка их разрешения, Сенат однако не считает нужным принять за образец такие иностранные конституции, по которым бюджет во всей совокупности и во всех частностях ежегодно вотируется народным представительством. Выработанный Сенатом проект напротив имеет задачею целесообразным способом развить прежние определения основных законов в таком направлении, чтобы установилось более полное взаимодействие между правительством и Сеймом по части финансового хозяйства с сохранением необходимой устойчивости финансов.

Из относящихся сюда определений особого внимания заслуживает § 64.

Этот параграф расширяет участие Сейма в рассмотрении расходов казны. При этом, однако, проектировано, что Сейм при рассмотрении бюджета не может изменять действующих штатов правительственных установлений и общественных учреждений или расходы, основывающиеся на лежащих на казне обязательствах. Кроме того, сохранено право Государя Императора и Великого князя по-прежнему единоличною властью утверждать ассигнования на пенсии и пособия. Таким образом, собственно только в пределах подвижных частей бюджета – как то: по кредитам на поощрение земледелия и других промыслов, на пособия для научных и художественных целей, на возведение построек за счет казны и на другие общественные работы – предположено предоставить Сейму участие в определении ежегодного бюджета, тогда как он до сих пор имел такое право лишь в тех случаях, когда для данного рода расходов требовались временные налоги. По мнению Сената, представляется соответственным, чтобы господствующие взгляды и желания могли проявлять свое действие по вопросу о том, в каких пределах казенные средства должны быть расходуемы для подобных целей. Кроме того, правительство впредь не могло бы издавать новых повышенных штатов для правительственных установлений без передачи их на решение Сейма (п. 1 § 65). Сенат находит, что правительству послужило бы на пользу, если бы оно располагало содействием народного представительства в решении часто весьма трудных и сложных вопросов, возникающих при необходимости улучшения окладов содержания личного состава правительственных установлений. Однако, ввиду важности устойчивости штатов содержания, Сейму по п. 1 § 64 не предоставляется права инициативы по этим вопросам.

На случай, если бы Сейм включил в бюджет кредиты на такие мероприятия или цели, который Государь Император и Великий князь признает не заслуживающими уважения, в § 66 указано, что такие кредиты могут быть исключены из бюджета, предварительно Высочайшего повеления об обнародовании его к руководству. В соответствии с таковым правом Монарха в п. 2 § 65 определено, что кредиты, включенные в бюджет по инициативе Сейма, должны быть в росписи обозначаемы как эвентуальные.

Выраженное в § 67 правило, воспроизводив определение, содержащееся в § 24 Формы правления 1772 года, и на самом деле является условием прочности финансов. Превышение кредитов в некоторых случаях может, однако, оказаться неизбежным. Поэтому необходимо, чтобы такие изъятия могли быть допускаемы Монархом. Определение о том, что правительством могут быть принимаемы чрезвычайные финансовые меры по случаю войны, содержится в § 98.

На основании нового Сеймового Устава Государь Император и Великий князь может распустить Сейм и постановить о производстве новых выборов. Может случиться, что Сейм по производстве новых выборов не успеет собраться в том же году столь заблаговременно, чтобы он мог рассмотреть и принять бюджет на следующий год. Для таких случаев в п. 3 § 66 установлено, что последний действовавший перед тем бюджет, по постановлению Го-

сударя Императора и Великого князя, применяется в пределах возможного, впредь до издания новой росписи доходов и расходов.

Сенат считает долгом всеподданнейше представить еще некоторые соображения, имеющие важное значение для решения рассматриваемого вопроса. Расходы финляндской казны в настоящее время обнаруживают сильное возрастание. Необходимо развить народноучилищную часть не только посредством улучшения начального обучения, но и введением обязательного посещения народных училищ. Вследствие сего, годовой расход в скором будущем на 8–10 милл. превысит нынешнюю норму. Все подготовляемые ныне меры социально-политического характера, направленные частью к облегчению для многочисленного неоседлого населения приобретения земли, частью же к обеспечению положения лиц рабочего класса, лишившихся по старости или болезни трудоспособности, – все эти меры увеличат расходный бюджет на миллионы. Так как к этому прибавятся расходы на финские войска, сформирование которых, по мнению Сената, не может быть долго откладываемо, а также на развитие санитарной части и на другие культурные потребности, то очевидно, что бюджет вскоре уже не будет находиться в таком благоприятном положении, чтобы ежегодно получались крупные остатки. Напротив, необходимо будет приступить к новым обширным мерам податного обложения. При этом, также на основании действующих основных законов, поступающие в настоящее время в «статный фонд» ординарные доходы, всецело должны быть прежде всего обращены на покрытие увеличенных расходов. Сейм имел бы право подвергнуть рассмотрению и исчислить также ординарные расходы, чтобы точно определить сумму, подлежащую покрытию увеличенными налогами. Таким образом, на основании прав, сопряженных с правом вотирования временных налогов, во всяком случае установилась бы такая бюджетная система, которая в существенной степени ограничивала бы нынешние права правительственной власти в отношении расходования ординарных доходов казны.

Принимая далее в соображение:

что принципиально правильно, чтобы народное представительство, как и во всех других конституционных странах, участвовало в установлении казенных расходов, от величины которых зависит также размер налогов;

что определения проекта касательно бюджета обеспечивали бы правительству необходимую устойчивость таких кредитов, которые требуются для надлежащего ведения финансового хозяйства; и

что бюджет, по проекту, содержал бы потребные кредиты в распоряжение правительства на непредвиденные надобности, и Монарх кроме того имел бы право допускать превышение бюджета, когда это безусловно необходимо для какой-либо важной цели.

Сенат не признал возможным при составлении проекта новой Формы правления сохранить определения о финансах в прежнем их виде и всеподданнейше ходатайствует, чтобы Ваше Императорское Величество Всемилостивейше соизволили уважить доводы, приведенные выше сего в обоснование этой части проекта.

Некоторые из определений, содержащихся в главах «Общие права граждан», «Учебная часть» и «Церковные общества», уже затронуты в предыдущем. Глава IX «Разные постановления о государственной службе» вызывает следующие пояснения. § 77 выражает содержащуюся в старых основных законах правовую норму, согласно которой доступ на финляндскую правительственную службу открыт только финляндским гражданам, и вместе с тем имеет целью, во внимание к указаниям опыта, разъяснить спорный иногда вопрос о том, какие изъятия совместимы с сохранением этого правового принципа. Что касается в частности п. 4, то Сенат счел долгом принять в соображение, что замещение некоторых должностей в статс-секретариате и в канцелярии генерал-губернатора русскими уроженцами признается необходимым по практическим причинам. Правило Постановления 1-го августа 1891 года о том, что должности в этих учреждениях должны быть замещаемы русскими чиновниками, составляет, однако, отклонение от основного закона. Так как необходимо устранить такое нарушение закона, то подробные правила, требуемые для целесообразного

разрешения вопроса, были бы неуместны в Форме правления, а потому в упомянутом пункте только оговорено, что такие изъятия допускаются, и что постановления о сем издаются особым законом. В надежде, что Ваше Императорское Величество Всемилостивейшие соизволите на легализирование затронутого вопроса, Сенат не преминет представить впоследствии всеподданнейший законопроект по данному предмету на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

За последние десятилетия на правительственную службу принимались женщины частью по учебному ведомству, частью же на низшие должности по некоторым отраслям администрации. По новому Сеймовому Уставу женщины получили активное и пассивное политическое избирательное право, и в этом заключается уважительный повод открыть им доступ на правительственные должности в более широких пределах, чем до сих пор, – каковая реформа мотивируется и тем обстоятельством, что женщины во все увеличивающемся числе обучаются в университете. Ввиду необходимости издать по сему предмету специальные правила, в проекте (п. 8 § 78) только упомянуто, что постановления о расширении права женщин занимать правительственные должности имеют быть изданы в виде закона.

Правила §§ 79–82 основываются на действующем праве. Сенат счел возможным предположить, что при всяких условиях будет признаваться целесообразными, чтобы должности, упоминаемый в пунктах *а-д* § 77, замещались Государем Императором и Великим Князем Самолично. Порядок этот распространен в п. *е*) также на членов гофгерихтов, хотя и не упущено из виду, что асессоры гофгерихтов с 1896 года назначаются Судебным департаментом Сената и только советники гофгерихтов Монархом. Подготовляемый в настоящее время законопроект касательно, между прочими, организации судебных мест имеет в виду отменить такое распределение членов гофгерихта на два разряда и, так как должности эти настолько важны, что замещение их должно бы зависеть от Монарха в порядке, соблюдавшемся до 1896 года, то Сенат счел нужным изложить определения проекта в соответствии с сим.

Как к главе IX, так и к главе X относится вопрос о канцлере университета. Должность вице-канцлера была необходима, пока университет состоял под покровительством наследника Цесаревича в звании канцлера. Ныне, по прекращении этого преимущества, Сенат по практическим соображениям полагает более целесообразным соединить должности канцлера и вице-канцлера в одну так, чтобы канцлер, стоя во главе университета, отправлял свою должность в том месте, где находится университет. При этом сохранялся бы, однако, действующий порядок направления университетских дел, решаемых непосредственно Монархом, таким образом, чтобы они препровождались канцлером непосредственно к министру статс-секретарю (п. 2 § 85).

В главе XII, Войско, Сенат поместил только такие определения, которые должны быть признаны относящимися исключительно к области законодательства Великого княжества. При этом предположено, что вопросы, касающиеся положения финских войск по отношении к русской армии, прав и обязанностей военного министра империи по делам финляндского военного ведомства и пр. в свое время будут урегулированы особыми законодательными мерами. – Несоответственно было бы совершенно обойти молчанием этот вопрос в Форме правления, потому что и в Форме правления 1772 года содержатся правила об основах организации военных сил, и к тому же за важнейшими определениями Устава о воинской повинности 1878 года признана была сила основных законов.

Хотя Форма правления по главному содержанию своему состоит из норм, касающихся осуществления государственной власти в пределах Финляндии, все-таки в таком основном законе должно быть указано также политическое положение Великого княжества по отношению к империи. Это и сделано в §§ 1 и 2, в которых выражено существенное содержание государственных актов, коими Император Александр I, обращаясь к земским чинам Финляндии и при их содействии, установил основы соединения Финляндии с Российскою империею. Под этими актами подразумеваются Высочайшее поведение от 20-го января (1-го февраля) 1809 года о созвании общего Сейма в городе Борго к 10(22) марта, удостоверение

Императора всем обывателям Финляндии, данное в городе Борго 15(27) марта 1809 года, торжественный акт в Боргоском соборе 17(29) того же месяца, на котором означенное удостоверение было прочитано и передано ландмаршалу как старшему председателю Сейма, и на котором земские чины принесли присягу на верность новому Монарху с обещанием также со своей стороны хранить конституцию края и приветствовали Императора как Великого князя Финляндии, и, наконец, объявление Императора от 23-го марта (4-го апреля) 1809 года всем жителям Финляндии, в коем говорится о торжественном акте в Борго и отмечается значение его. Содержание этих государственных актов не заключается в таких правовых нормах, которые могут быть создаваемы или изменяемы законодательными мерами, они содержат в себе главным образом ненарушимое обещание Императора-завоевателя о сохранении за Финляндиею, при соединении ее навсегда с Россиею, прежних ее основных законов, и, с другой стороны, данное земскими чинами Финляндии под присягою от имени финского народа обязательство признавать Российского Императора как Великого князя Финляндии. Созданное в 1809 году политическое положение Финляндии остается в силе независимо от изменений, которым могут подвергаться основные законы по установленному в них порядку. § 1 и п. 1 § 2 проекта имеют целью придать этому правильное выражение. Вместе с тем п. 2 § 2 изложены таким образом, чтобы в нем только констатировалось, как прямое следствие положения Финляндии по отношению к империи, что порядок престолонаследия и относящиеся к сему вопросы не относятся к области законодательства Великого княжества. Согласно приведенным соображениям признано необходимым положительно выразить в Форме правления, что сказанное в § 1, а также в § 2, третий пункт которого вытекает из вышеизложенного, сохраняется в силе, хотя бы все прочие определения этого основного закона были изменены или отменены. Указание о сем включено в последнем параграфе законопроекта.

В упомянутом п. 3 § 2 определено положение Финляндии в международных отношениях. Этот пункт изложен следующим образом:

«Политические отношения Финляндии к иностранным государствам зависят от отношений к ним империи и одинаковы с сими последними», что соответствует точке зрения, бесспорно признаваемой с 1809 года как с русской, так и с финляндской стороны. Тот факт, что иностранная политика России имеет решающее значение для Финляндии, не исключает, однако, возможности обращать внимание на особые интересы Финляндии и на действующие в ней законы в международных договорах, в особенности в таких, которые касаются торговли и мореходства, а также вопросов процессуального и частного права. Это признавалось также с русской стороны. Применительно к сему и в соответствии с обыкновенно соблюдавшеюся практикою, Сенат поместил в п. 3 § 69 необходимые правила о международных договорах, касающихся Великого княжества.

В том же § 59 вкратце изложен порядок, с успехом применявшийся перед сим, когда возникали вопросы об издании согласующихся законов или постановлений в империи и в Великом княжестве, для урегулирования взаимных интересов или какого-либо дела, касающегося обеих стран. Предварительное рассмотрение проектов таких мероприятий также в будущем должно, по-видимому, происходить в порядке переписки между подлежащим министром в империи и финляндскими властями в связи с подробною разработкою проекта в Комиссии смешанного состава или же без такого производства. По одобрении проекта Государем Императором на основании доклада в общем порядке, установленном для прочих дел, законодательный вопрос подлежит разрешению по правилам, действующим в обеих странах в отношении законодательства. Соответственные определения п.п. 1 и 2 § 59 проекта Формы правления, конечно, ограничиваются тем, что подлежит соблюдению относительно Финляндии.

Что касается мотивов прочих, не затронутых выше сего определений проекта, то Сенат всеподданнейше ссылается на соображения, приведенные в вступлении к проекту Высочайшего Сеймового предложения.

Державнейший, Всемилостивейший
Государь Император и Великий князь!

В сознании чрезвычайной важности и значения настоящего законодательного вопроса Сенат с величайшею тщательностью обсудил каждую часть проекта, повергаемого ныне на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение. Сенат осмеливается надеяться, что Форма правления, изданная в главных чертах в соответствии с этим проектом, внесет ясность в вопросы бывшие темными, укрепит основы финляндского общественного строя и повысит сознание ответственности у тех властей, которые ведают управлением Великого княжества, а также что этот основной закон вместе с тем, предоставляя Сейму расширенные права по некоторым вопросам, будет содействовать доброму согласно между правительственною властью и народным представительством.

Дух беспокойства охватил современную общественную жизнь. Новые идеи о преобразовании социального строя и о реформах, могущих доставить многочисленным обездоленным членам общества более благоприятные условия жизни, прорвались наружу в большинстве стран и породили требования, которые должны быть подвергнуты рассмотрению и приняты в соображение, хотя бы они и не могли быть удовлетворены сразу или в краткий срок. Идеи эти достигли также Финляндии; и здесь правительство и законодательная власть должны с ними считаться. Наступившая недавно в этой стране новая эпоха во многих отношениях является эпохою преобразований. В такое время особенно важно, чтобы конституция, как основа правопорядка, имела прочность, ясность и полноту, необходимые для предупреждения ошибок в действиях органов правительства. Между тем важнейшая часть конституции Финляндии, Форма правления, устарела; она, таким образом, находится в разладе с остальною частью конституции, заключающейся в Сеймовом Уставе, при пересмотре которого оказалось необходимым провести совершенно новые принципы. Проект новой Формы правления, основываясь прежде всего на испытанных уже началах, удовлетворяет, однако, также неотложным потребностям развития.

Ваше Императорское Величество имеете в своей власти принять на себя инициативу реформы основных законов, о которой идет речь. Сенат глубоко убежден, что такая инициатива не только современными, но и будущими поколениями будет с благодарностью оценена как дело царского великодушия и благого попечения о финском народе. Не подлежит также сомнению, что новая Форма правления, укрепив гарантии мирного национального развития Финляндии, окажет благоприятное влияние на отношения между империею и Великим княжеством и таким образом послужит также на пользу империи.

Сенат всеподданнейше ходатайствует:

чтобы Ваше Императорское Величество в случае Всемилостивейшего одобрения составленного Сенатом проекта Высочайшего предложения относительно новой Формы правления для Великого княжества Финляндского соизволили передать его Сейму на принятие.

Протокол состоявшегося при докладе дела голосования всеподданнейше при сем представляется.

Подлинное подписали сенаторы:

Л. Мехелин.	Р.А. Вреде.	К.Ф. Игнациус.
Л. Гриппенберг.	А. Нюберг.	Ю. Нуммелин.
Ф. Шернваль.	Г. Снельман.	К.И. Тимгрен.
Г. Вильскман.	Ф. Лунденциус.	Э. Пальдани.
К. Альмквист.	Г. Лилиус.	О. Доннер.
В. Кюандер.	К.И. Стольберг.	К. Кастрен.
А.В. Гранстрем.	Т. Вегелиус.	

Скрепил: Референдарий-секретарь Ф. Грепваль.

Пометы: На литографии (РГИА, РНБ) чернилами сверху справа: Доверительно

РГИА. Оп. 18. Д. 35. Л. 111–117 об. Машинопись, размноженная с помощью литографии на плотных квадратных листах большого формата. Л. 10–21. Типографский текст на листах большого формата [Сенатская типогр.]. С. 1–23; Д. 89. Л. 117–127 об. Типографский текст на листах большого формата [Сенатская типогр.]. С. 1–23.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [2]. Типографский текст. [Экз. № 25]; [3]. Машинопись, размноженная с помощью литографии (экз. Никольского) на плотных квадратных листах большого формата; РНБ. Шифр: 37.54.2.297. Перевод Всеподданнейшего представления Императорского Финляндского Сената, от 1 июня 1907 года. Б.м., [190-?].

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, папка Гb:33. Типографский текст на листах большого формата [Сенатская типогр.]. С. 1–23.

№ 247. Высочайшее Его Императорского Величества предложение Сейму Финляндии, относительно новой Формы правления для Великого княжества Финляндского[523]

19 мая (1 июня) 1907 г.

Секретно. В области финляндских основных законов та часть, которая касается состава народного представительства, политического избирательного права и форм и порядка деятельности Сеймa со времени соединения Финляндии с Российскою империею, уже дважды подвергалась систематической и коренной реформе, а именно в первый раз при издании Сеймового Устава от 15 апреля 1869 года и затем при издании Сеймового Устава от 20 июля 1906 года. В остальной же области основных законов за то же время принимались только такие законодательные меры, которые вводили новые определения по каким-либо особым предметам. Вследствие сего Форма правления 21 августа 1772 года, измененная к тому же в важных частях уже в 1789 году актом соединения и безопасности, лишилась первоначального своего характера единообразного полного основного закона, обнимающего правовые нормы по всем относящимся к конституции вопросам, которые не принадлежат к области Сеймового Устава.

Ввиду сего неоднократно возникал вопрос об устранении отмеченных недостатков. Однако составленные для сей цели проекты новой Формы правления или кодифицированного основного закона вследствие возникавших при разрешении дела затруднений не были проведены в законодательном порядке.

Издание нового Сеймового Устава, в котором, как и в Уставе 1869 года, нельзя было не затронуть некоторых вопросов, которые относятся также к области Формы правления, является новым поводом к пересмотру и кодификации основных законоположений, содержащихся в законах 1772 и 1789 гг. и в некоторых позднейших законодательных актах.

Его Императорскому Величеству поэтому благоугодно было признать, что эта важная законодательная мера не должна быть долее откладываема.

При составлении передаваемого при сем Сейму проекта новой Формы правления имелось в виду:

внести в него из прежних основных законов все те Основные положения, которые по указаниям опыта и впредь должны бы оставаться в силе и сохранить в главных чертах существующие учреждения, но с изменением и дополнением, в развитие конституции края, тех частей, относительно которых это оказалось необходимым, а также

в формальном отношении систематизировать содержание закона и ясно определить права и обязанности публичных властей, поскольку они должны быть установлены в основном законе.

Для руководства при рассмотрении отдельных частей проекта сообщаются следующие сведения.

I. Общие постановления

В законе, имеющем столь обширное значение, как Форма правления, на первом месте должны быть постановлены определения, указывающие общий характер его содержания. Что, в частности, касается §§ 1 и 2, то они имеют только целью вкратце воспроизвести важнейшее содержание государственных актов, служащих основою правового положения Финляндии в соединении ее с империею.

II. Государь Император и Великий князь

§ 8 согласуется в главных чертах с § 2 Формы правления 1772 года, хотя ныне и признано необходимым изменить редакцию его.

Приведенные в § 9 прерогативы Монарха в отношении Сейма также должны быть включены в Форму правления, хотя ближайшие определения по сему предмету содержатся в Сеймовом Уставе, на который и имеется ссылка в этом параграфе.

Определения § 10 дополняются правилами главы о законодательстве. Здесь имеется только в виду указать на принадлежащие Государю Императору и Великому князю право инициативы и право законодательной санкции.

Из разных определений Формы правления 1772 года (§§ 20, 21, 23, 24, 27 и 28) вытекает, что инструкции и постановления, имеющие служить руководством в управлении краем, не относятся к области общего законодательства, зависящего от Монарха и земских чинов совокупно. В означенном основном законе, однако, не указано, каких предметов могут касаться законоположения, издаваемые Монархом единолично. Граница определялась главным образом содержанием общего Уложения 1734 года и приравненных к нему в законодательном отношении законов, кроме чего признавалось, что постановление, изданное без участия народного представительства, может содержать правила, необходимые для приведения в действие законов, но лишь такие, которые не изменяют определений закона. В области экономического и полицейского права, лишь некоторые части которого вошли в состав Уложения 1784 года, стремление к созданию более устойчивых правовых норм повело к тому, что вопросы, о которых раньше издавались административные постановления, постепенно перешли в область законодательства, на которое распространяется участие земских чинов. Настоящий проект не имеет целью изменять общие нормы относительно объема административного законодательства, действующие частью на основании прежних основных законов, частью же в силу давности. Согласно с сим изложен § 11 законопроекта, причем, однако признано необходимым в особых пунктах указать важнейшие предметы, которые могут касаться постановления, издаваемые без участия Сейма. На основании других определений новой Формы правления (§§ 75, 85, 86 и п. 2 § 92) Сейму предоставляется, однако, участие в законодательстве по некоторым вопросам, которые перед сим разрешались административным порядком.

Из прочих определений гл. II §§ 12–15 содержат правила, заключающиеся также в действующей Форме правления; в § 16 упомянута прерогатива, принадлежащая Монарху в силу давности, причем в п. *а)* приведены такие общие условия приобретения прав финляндского гражданства, которые и перед сим признавались необходимыми; § 17 о праве Государя Императора и Великого князя передавать Сенату осуществление некоторых принадлежащих Монарху правомочий, по содержанию своему, не является нововведением; § 18 имеет только целью указать, что власть Монарха в общей ее совокупности не исчерпывается определениями настоящей главы; § 19 определяет вкратце порядок доклада финляндских дел Монарху, установленный в подробности на основании § 21 Формы правления 1772 года Манифестом 17 марта 1826 года.

III. Правительственные установления

А. Сенат и генерал-губернатор

Постановление, составляющее уже без малого сто лет основу организации Сената, а именно учреждение Правительствующего Совета от 18 августа 1809 года, издано, как из-

вестно, по рассмотрении земскими чинами Высочайшего о сем предложения на Боргоском Сейме. Однако учреждение Совета не является во всей совокупности таким законом, который мог быть издан лишь с согласия земских чинов. При составлении проекта предполагалось установить полные определения об этом новом правительственном установлении, которое имелось в виду учредить по поводу отделения Финляндии от Швеции и соединения ее с Российской империей. При этом не было проведено различия между основными положениями, заменившими определения основных законов 1772 и 1789 гг. и требовавшими поэтому согласия земских чинов, и правилами регламентарного характера, относящимися к области административного законодательства. Учреждение 1809 года с течением времени изменялось и, наконец, всецело заменено было постановлениями, изданными административным порядком. При этом, однако, всегда соблюдалось, что основные начала организации Сената, в том виде, как они определены были в 1809 году при участии земских чинов, не должны быть односторонне изменяемы правительственною властью.

При составлении проекта новой Формы правления предстояло провести упущенное из виду в 1809 году разграничение между предметами, принадлежащими к разным областям законодательства. Его Императорскому Величеству благоугодно было признать соответственным, чтобы в проект включены были определения о Сенате в объеме, необходимом для обеспечения в отношении организации, задач и правомочий Сената в главных их чертах той прочности и устойчивости, которые составляют цель основного закона. Согласно с сим изложены §§ 20–24. Одинаковые соображения служили руководством но вопросу о §§ 28 и 29, касающихся генерал-губернатора. С другой стороны, на основании §§ 27 и 30 сохраняется право Государя Императора и Великого князя издавать особыми постановлениями ближайшие правила о Сенате и его департаментах и о служебных обязанностях генерал-губернатора. Проведенное таким образом разграничение между областью основного закона и административного законодательства основывается отчасти на принципиальных соображениях, отчасти же на указаниях опыта относительно того, по каким предметам чаще могут требоваться изменения.

Так как нынешнее разделение Сената на два департамента с преобразованием Судебного департамента в особый высший суд, прекращается, то признано уместным не давать более подразделениям Сената, соответствующим нынешним экспедициям Хозяйственного департамента, не отвечающего важному значению их названия «экспедиция», а переименовать их в департаменты; вместе с тем предположено наименовать старшего чиновника каждого департамента канцелярии-советником, каковое название лучше указывает характер функций этих чиновников, чем название референдарий-секретарь.

Определение п. 2 § 25 соответствует основным началам проекта особого основного закона, предоставляющего Сейму право проверять законномерность служебных распоряжений членов правительства. Также с точки зрения Монарха требуется, чтобы Сенат неуклонно следовал закону, и чтобы таким образом в случае, если бы при докладе дела Государю Императору и Великому князю упущено было из виду какое-либо требование закона и это могло повлиять на решение дела, Сенат входил с всеподданнейшим представлением, вызываемым обстоятельствами. – П. 1 § 26 устанавливает определенный порядок относительно годового отчета о деятельности Сената, а п. 2 того же параграфа вытекает из § 32 Сеймового Устава.

Положение прокурора, согласно § 31 проекта, предположено сохранить во всем существенном без изменений.

Опыт доказал, что особое установление с функциями законоподготовительного Учреждения, о котором говорится в § 33, необходимо для того, чтобы законопроекты могли вырабатываться с потребною тщательностью и осмотрительностью. § 34 имеет целью установить основные начала правильного финансового контроля.

Б. Финляндский статс-секретариат в столице империи

По вопросу о том, в каком объеме в форму правления должны войти определения о министре статс-секретаре и статс-секретариате, приняты к руководству те же соображения, как и относительно Сената. Вместе с тем Его Императорскому Величеству благоугодно было расширить нынешнюю организацию статс-секретариата включением в него, согласно § 37 проекта, в виде постоянной составной части совещательного комитета, в главных чертах однородного с Комитетом, который административным порядком был учрежден в 1857 году и упразднен в 1891 году. В Комитет назначались бы на определенный срок члены Сената, а потому при подготовке дел к докладу всегда имелись бы в непосредственном распоряжении те разъяснения, которые могли бы потребоваться сверх того, что приведено в всеподданнейших представлениях Сената и генерал-губернатора. – в п. 1 § 39 сведены определения § 21 Формы правления 1772 года и упомянутого манифеста 17 марта 1826 года относительно скрепы статс-секретаря и ответственности его за исходящие бумаги; второй пункт основывается на тех же принципах, как и п. 2 § 25.

IV. Управление

По этому предмету в §§ 40–42 приведены лишь такие общения нормы, которые имеют неизменное значение для общественного строя и такого свойства, что не должны быть допускаемы отступления от них в тех законах и постановлениях, которыми регулируется управление в отдельных его отраслях.

Судебные учреждения.

В проекте закона о Высшем суде оговорено, что первые два параграфа его должны иметь силу основного закона. Определения эти по свойству своему относятся к Форме правления и потому включены в настоящей проект; к ним присоединены из того же закона некоторые другие правила, в видах указания в общей связи главных задач высшего суда.

§ 45 определяет в п. 1 нынешнее положение гофгерихтов в судебной организации и засим воспроизводит вкратце касающиеся гофгернхтов § 15 Формы правления 1772 года.

§ 47 имеет в виду создание нового установления, потребность в котором становится все более настоятельною, а именно коллегиального учреждения, имеющего задачею решать в высшей инстанции тяжбы, возникающие в разных отраслях управления. До сих пор такие дела решались Хозяйственным департаментом Сената, но с этим сопряжены существенные неудобства как для сторон вследствие накопления дел в Сенате, замедляющего их решение, так и для членов Сената, которые не успевают, без ущерба для своих задач по управлению, знакомиться с данного рода делами. Как указано в § 47, особый законопроект об административном суде имеет быть выработан и в свое время передан на рассмотрение Сейма.

II. 1 § 50 соответствует § 16 Формы правления 1772 года; второй пункт, а также § 51 воспроизводят нормы действующего права, которые перед сим не были выражены в основных законах, хотя они собственно должны бы заключаться в них.

Законодательство.

Из пояснений, приведенных относительно § 11, уже усматривается, что проект Формы правления по вопросу о законодательной власти в главных чертах основан на действующих началах. Но так как существующие по данному предмету основные законоположения недостаточно ясны и полны, то необходимо было в формальном отношении придать этой части Формы правления совершенно новый вид и притом положительными правилами установить порядок, который соблюдался при рассмотрении правительством законодательных вопросов, частью только на основании практики, и то не всегда без отступлений.

Определения §§ 52–56 по существу большею частью согласуются с действующим правом. Новыми по содержанию являются лишь следующие:

В п. 3 § 52 указано, что законом впредь называется каждый законодательный акт, изданный на основании согласного решения Государя Императора и Великого князя и Сейма. Этим достигается полезное и в практическом отношении разграничение между законами, изданными Монархом и Сеймом, и постановлениями, каковое название, согласно

§ 11, должно впредь употреблять для обозначения всякого рода узаконений, издаваемых Монархом единолично. Разграничение это, как известно, до сих пор не соблюдалось; проектированный порядок стал применяться лишь за последнее время, тогда как прежде такие законодательные акты, которые издавались при участии земских чинов, также назывались постановлениями, когда они не обнимали более значительной области права.

Нововведением является также определение о том, что Высший суд дает свой отзыв по законопроектам, относящимся к области законов основных, или же гражданских, или уголовных. Такой порядок вызывается тем, что Сенат по упразднении Судебного департамента, который в Общем собрании обоих департаментов Сената участвовал в составлении данного рода законопроектов, не располагал бы в прежнем объеме познаниями и опытностью по означенным областям законодательства. Отзыв Высшего суда устраняет этот недостаток.

Далее в п. 2 § 55 установлено правило, которое перед сим не было выражено в законе, хотя общий принцип, на котором оно основывается, не был чужд существующему правовоззрению. Правило это дополняет п. 2 § 25.

В § 57 определен порядок, который должен соблюдаться в редких, правда, случаях, когда пояснение закона без промедления должно быть объявлено к руководству. Такого рода пояснение закона, как известно, не есть только толкование закона, но по значению своему должно быть приравнено к законодательному акту, устраняющему недостаток или неясность в действующем законе. Предоставляя правительству право издавать такие пояснения закона без участия Сейма, необходимо, однако, обставить такое право ограничением времени, как это и сделано в проекте.

§ 59 имеет целью установить правильный порядок рассмотрения предусмотренных в нем дел, поскольку это касается финляндского законодательства, применительно к порядку, который до сего времени чаще всего соблюдался по таким вопросам.

VII. Государственное хозяйство

Уже в 1864 году возник вопрос о предоставлении земским чинам участия в таможенном законодательстве. Ввиду преобладающего значения, которое таможенные поступления постепенно приобрели для финансов Великого княжества, Его Императорскому Величеству благоугодно отказаться от права единолично утверждать таможенный тариф. Это важное расширение финансовых прав народного представительства обусловлено, однако тем, чтобы определение таможенных пошлин с привозимых в Финляндию русских изделий попрежнему зависело от Государя Императора и Великого князя, так как этим легче всего могут быть обеспечены интересы торговых сношений империи и Великого княжества на пользу обеих стран; § 60, который расширяет, таким образом, права Сейма, в прочих отношениях основывается на действующих нормах.

Второй пункт § 61 также предоставляет Сейму новое право, а именно право участия в определении учебной платы в казенных учебных заведениях. Относительно сборов, упоминаемых в п. 1, следует заметить, что они скорее относятся к хозяйственной части управления, чем к финансам и что разные практически соображения говорят в пользу сохранения нынешней системы утверждения их правительством.

§ 62–66 заключают в себе важную реформу нынешнего бюджетного права. Роспись доходов и расходов должна по этим правилам получить единство, которого ему до сего времени не доставало. Право Сейма входить в рассмотрение вопросов об открываемых кредитах не ограничивается более такими расходами, на которые требуются временные налоги. Изъяты только такие кредиты, которые перечислены в п. 2 § 64. Это изъятие, относящееся к кредитам на пенсии и пособия, касается прерогативы Монарха, которая ввиду деликатного нередко свойства таковых вопросов должна быть сохранена в силе. Ограничения по вопросу о рассмотрении бюджета, упоминаемые в п.п. 1 и 3, имеют другой характер. Штаты расходов правительственных установлений и общественных учреждений в будущем, со-

гласно п. 1 § 65, зависали бы от согласия Сеймa, но утвержденные в надлежащем порядке штаты, – а таковыми должны быть признаны также штаты, действующие ко времени вступления в силу новой Формы правления, – не могут быть односторонне изменяемы Сеймом при рассмотрении бюджета, а лишь в порядке, указанном в рассматриваемой статье закона. Сохранение без изменений бюджетных расходов, упомянутых в п. 3 § 64, по утверждении их Сеймом, впредь до прекращения данного рода обязательств вызывается правовыми соображениями. Перечисленные правила имеют, таким образом, только целью обеспечить устойчивость бюджета, необходимую для правильного ведения финансового хозяйства и выполнения принятых обязательств. Прочие же части бюджета, обнимающие изменяющиеся статьи расхода, и предположенные новые расходы случайного или постоянного характера, на основании п. 4 § 64 подлежат обсуждению Сеймa при ежегодном рассмотрении бюджета. Такой же порядок вводится п. 2 § 65 в отношении таких, не включенных в переданный Сейму бюджет, кредитов, о которых может быть возбужден вопрос во время сессии Сеймa. Правило о том, что кредит, вопрос о котором возбужден членами Сеймa должен быть обозначен в росписи как эвентуальный, объясняется тем, что предметы, на которые кредиты разрешаются, должны быть одобрены Монархом.

Так как изменения или новые меры в области податного обложения требуют согласного решения Государя Императора и Великого князя и Сеймa, каковое решение должно быть издано в форме закона, то подобные дела не могут быть рассматриваемы лишь как часть бюджетного вопроса. О порядке рассмотрения вопросов податного обложения постановлено в § 63.

В п. 2 § 66 предусмотрена необходимость, чтобы на каждый год был утвержден бюджет. По существу дела роспись, одобренная Сеймом, подлежит утверждения без изменений. Из этого правила, однако, должны быть допущены изъятия, а именно: 1) по вопросу о вышеупомянутых эвентуальных кредитах, 2) на случай, если бы какой-либо кредит был изменен вопреки § 64, и 3) также для таких случаев, когда принятый Сеймом закон о налоге не утвержден Государем Императором и Великим князем. Такое неутверждение закона о налоге, конечно, имеет последствием, что исчисленные поступления от такого налога, если они внесены Сеймом в роспись, должны быть исключены из нее, с подысканием соответственного аванса впредь до урегулирования дела при участии Сеймa. Для финансового хозяйства, несомненно, полезнее, чтобы Монарх в установленных в § 66 пределах мог исключать или изменять бюджетные статьи, чем, если бы основной закон требовал, чтобы бюджет либо был утвержден без всякого изменения, или же, в случае невозможности одобрить отдельную статью, был отклонен во всем его объеме с таким последствием, что прежней бюджет в пределах возможного оставался бы в силе еще на один год, как бы ни представлялось важным воспользоваться частью новых кредитов отклоненного бюджета.

Определение п. 3 § 66 признано необходимым установить для таких исключительных случаев, когда Сейм по каким-либо причинам не имел бы возможности постановить решение о бюджете до начала того года, для которого он предназначается. Единственный подходящий исход для поддержания при таких условиях финансового хозяйства заключается в продлении последнего утвержденного пред тем бюджета за исключением, однако, таких статей дохода и расхода, которые к началу нового финансового года лишились законной силы, например, если временный налог был вотирован на определенный срок.

§§ 60–70 казалось бы не требуют особой мотивировки.

VIII. Общие права граждан

Так как следует признать соответственным, чтобы Форма правления, составляющая главный Основной закон края, обеспечивала за обывателями личную свободу и общения гражданские права, то в настоящей главе приведены также такие правила, которые прежде заключались в других законах. Что касается отдельных определений, то § 71 по существу имеет прогрессивный характер, так как им отменяются всякие принудительные паспортные меры; § 72 вводит в Форму правления Основной закон 20 августа 1906 года; §§ 73 и 74 в свя-

зи с заключающимся в другой главе § 95 придают свободе совести силу Основного закона, а § 75, исходя из принципов, постепенно получивших применение в отношении употребления финского и шведского языков в делопроизводстве судебных и других правительственных мест, установляет, что правила по сему предмету впредь могут быть издаваемы лишь в виде закона.

Разные постановления о государственной службе

В § 77 воспроизведено прежде всего общее правило прежних Основных законов о том, что финляндские правительственные должности должны быть замещаемы финляндскими гражданами.

Важнейшее изъятие, признававшееся с 1809 года, заключается в том, что генерал-губернатор может быть назначен также из русских граждан.

Третий пункт основывается на указаниях опыта относительно должностей, которые иногда замещались не финляндцами за отсутствием вполне компетентных финляндцев. При этом применялось специальное правило § 10 Формы правления 1772 г., которое, однако, изложено в слишком неопределенных выражениях, так что не признано возможным воспроизвести его редакцию.

Определение п. 4 имеет целью допустить в Основном законе такую специальную законодательную меру, которою было бы урегулировано вызываемое практическими соображениями назначение некоторых русских чиновников в статс-секретариат и в канцелярию генерал-губернатора.

Первый пункт § 78 изложен в соответствии с действующей нормою Основных законов. Второй пункт установляет право диспенсации в отношении требований компетентности на основании ныне действующих постановлений и принципов. Третий пункт установляет силою Основного закона право женщин занимать правительственные должности, предоставляя вместе с тем специальному закону ближайшее развитие этого права.

§§ 79–81 имеют целью дать ясное руководство относительно порядка решения дел о замещении должностей, в главных чертах согласно порядку, соблюдавшемуся перед сим частью в силу Основного закона, частью же на основании других постановлений.

§ 82 согласуется с ныне действующими нормами по вопросу о правовом положении чиновников, однако с дополнением относительно таких высших чинов, которые могут быть уволены, если Монарх «признает для пользы страны необходимым вверить должность другому лицу». Лицам, которые таким образом без прошения должны оставить свою должность, признано необходимым присвоить соответственное право на пенсию. Сохраняя в силе принцип несменяемости в прежних пределах, проект проводит различие между двумя разрядами чиновников, чиновники, служащие в должностях, упомянутых в п. 2, пользуются несменяемостью в виде права, обеспеченного Основным законом, тогда как относительно прочих должностей, на которые в настоящее время распространяется принцип несменяемости, в п. 3 сказано, что изменения в данном отношении могут быть введены также общим законом.

Обеспечивая за чиновниками известные права, Основной закон должен содержать также правила об обязанности их следовать закону, а также о праве частных граждан требовать от нарушивших их права чиновников удовлетворения или вознаграждения убытков. Определения о сем содержатся в §§ 83 и 84.

X. Учебная часть

В Форме правления 1772 года не содержится определений об университете и учебной части. Однако существование академий, гимназий и школ было обеспечено привилегиями духовенства 1723 г., подтвержденными Формою правления 1772 года. Засим узаконения об университете и школах издавались административным порядком. Его Императорскому Величеству благоугодно было признать, что в новой Форме правления, имеющей вообще

назначение упрочить положение общественных учреждений, образовательные учреждения также не должны быть упущены из виду. § 85 обеспечивает за университетом испытанное право его на самоуправление, определяя, что основные начала организации университета не подлежат изменению без участия Сейма, и что для изменений прочих постановлений его статутов, которые по-прежнему могут быть делаемы административным порядком, требуется инициатива консистории университета.

Средние учебные заведения также приобрели такое обширное значение в культурной жизни нации, что признано необходимым предоставить Сейму участие в установлении основных начал этих учебных заведений.

Разные вопросы народноучилищного дела уже теперь относятся к области Сеймового законодательства. Дальнейшее расширение прав народного представительства в этом отношении вызывается также тем, что введете обязательного посещения школ, требует издания узаконений, ограничивающих права родителей относительно обучения детей. В § 87 ясно выражено, что такого рода узаконения не могут быть изданы административным порядком.

§§ 88–90 не требуют особых пояснений.

XI. Церковные общества

Правила § 91 не препятствуют полному проведению основных начал свободы совести. Они только служат выражением того взгляда, что в новом основном законе не должны быть упущены из виду существующие условия, глубоко коренящиеся в образе мыслей и строе жизни народа.

Второй пункт § 92 содержит правило, которое мотивируется тем соображением, что рассматриваемый здесь вопрос по свойству своему имеет характер общинного дела, и что поэтому в будущем законодательство по данному предмету требует участия Сейма.

Так как в основном законе надлежит установить пределы веротерпимости по вопросу об отправлении культа разных вероисповеданий, то в §§ 93 и 94 приведены соответственные определения в развитие действующего закона.

XII. Войско

§ 96 нормирует законодательный порядок по делам финляндского военного ведомства, причем указано, что вопросы о кредитах на военные надобности подлежат разрешению на общих основаниях, изложенных в главе о государственном хозяйстве.

Первый пункт § 97 согласуется с соответственным определением Устава о воинской повинности 1878 года, имеющим силу основного закона. Второй пункт устанавляет в отношении хозяйственной части военного управления такую же ответственность, которой подчинены иные отрасли хозяйственного управления.

Первый пункт § 98 воспроизводит в главных чертах § 13 Устава о воинской повинности 1878 года. Второй пункт соответствует второй части § 45 Формы правления 1772 года, однако, с видоизменением, вызываемым современными условиями.

Заключительный § 99 признано необходимым изложить согласно заключительному определению Сеймового Устава 20 июля 1906 года. Но так как общие нормы, на которых основывается соединение Финляндии с Российскою империею в силу государственных актов 1809 года и которые в существенном их содержании воспроизведены в §§ 1 и 2 законопроекта, должны оставаться в силе, хотя бы все прочие определения Формы правления были изменены, то в § 99 включена соответственная о сем оговорка.

Во внимание к важному прогрессу, который означает собою предлежащий проект Формы правления как в отношении гарантий правомерного осуществления задач правительственных властей, так и относительно участия народного представительства в решении общественных дел, Его Императорское Величество ожидает, что народ Финляндии под охраною такого основного закона с более твердою уверенностью и с лучшим успехом в состоянии будет трудиться для развития родного края. В таковом уповании Его Императорскому

Величеству благоугодно Высочайше передать Сеймy на рассмотрение в порядке, установленном в Сеймовом Уставе для издания и изменения основных законов, следующий:

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 118–124 об. Машинопись, размноженная с помощью литографии на плотных квадратных листах большого формата. Л. 22–31. Типографский текст на листах большого формата. [Сенатская типогр.]; Д. 89. Л. 128–137. Типографский текст на листах большого формата. [Сенатская типогр.].

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [4]. [Экз. № 58]. С. 1–14. [Типогр. Гос. совета].

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, папка Fb:33. Типографский текст на листах большого формата. [Сенатская типогр.].

№ 248. Проект Формы правления для Великого княжества Финляндского

[19 мая (1 июня) 1907 г.]

Проект Формы правления для Великого княжества Финляндского
Общие постановления

§ 1.

Великое княжество Финляндское нераздельно соединено с Российскою империю, но управляется на основании своей собственной конституции, содержащейся в основных законах Великого княжества.

§ 2.

1. Российский Император есть Великий князь Финляндский.

2. Относительно порядка престолонаследия, времени наступления совершеннолетия наследника престола и порядка управления за время несовершеннолетия государя Императора и Великого князя или когда по иной причине необходимо иметь заместителя Монарха для Финляндии имеют силу правила, установленные или устанавливаемый впредь о сем в законах империи.

3. Политические отношения Финляндии к иностранным государствам зависят от отношений к ним империи и одинаковы с сими последними.

§ 3.

1. Государь Император и Великий князь при вступлении на престол издает о сем населению Финляндии манифест, в коем вместе с тем дается удостоверение о сохранении законов страны.

2. Манифест прочитывается во всех церквах и храмах, после чего достигшие совершеннолетия обыватели страны подтверждают присягою верноподданство Монарху и верность закону.

§ 4.

Государь Император и Великий князь управляет Финляндиею при содействии финляндских властей и должностных лиц, которые отвечают по закону за свои советы и распоряжения.

§ 5.

Народ участвует чрез своих созванных на Сейм представителей в законодательстве и упорядочении государственного хозяйства. Относительно организации Сейма и порядка рассмотрения на нем дел установлено в Сеймовом Уставе.

§ 6.

1. Право гражданства в Финляндии принадлежит, в силу рождения, каждому, кто родился от финляндских родителей.

2. Право это может также быть в установленном порядке приобретено уроженцами других стран.

3. Посредством брака с финляндцем уроженки других стран приобретают право гражданства в Финляндии.

§ 7.

Границы Финляндии остаются в том виде, в каком они ныне установлены, и могут быть изменены не иначе, как по совокупному решению государя Императора и Великого князя и Сеймa.

Государь Император и Великий князь

§ 8.

1. Государь Император и Великий князь соединяет в **СЕБЕ** все принадлежащие правительственной власти полномочия, как установлено в сей **ФОРМЕ** правления. Распоряжения его должны быть ограждены от всякого порицания.

2. Государь Император и Великий князь охраняет правопорядок и всякую деятельность на благо страны и имеет надзор за тем, чтобы публичные власти, как высшие, так и низшие, соблюдали законы страны в обеспечение прав и свободы граждан.

§ 9.

Государю Императору и Великому князю принадлежит:

а) созывать Сейм на ежегодные очередные сессии;

б) постановлять о производстве Сеймовых выборов;

в) открывать и закрывать Сеймы;

г) в случае надобности, созывать Сейм на чрезвычайные сессии; и

д) распускать Сейм и постановлять о производстве новых выборов. О всем этом установлено подробнее в Сеймовом Уставе.

§ 10.

1. Государь Император и Великий князь решает, какие предложения по законодательным вопросам и иным делам должны быть переданы Сейму.

2. Принятые Сеймом закон может воспринять силу лишь по утверждении его государем Императором и Великим князем.

Государю Императору и Великому князю принадлежит власть без содействия Сейма издавать постановления по таким предметам, которые в силу давности регулируются предписаниями правительственной власти, и, следовательно, в частности, относительно

а) исполнения законов и всего, что требуется для их проведения;

б) заведывания казенным имуществом;

в) организации административных правительственных установлений и общественных учреждений и осуществляемой ими для разных общественных целей деятельности;

г) однако в таковые постановления не должны быть включаемы правила, изменяющие закон.

§ 12.

Государю Императору и Великому князю принадлежит право назначать должностных лиц. Право это осуществляется отчасти им самолично, отчасти же подлежащими властями, коим это право предоставлено в силу закона или постановления государя Императора и Великого князя; при этом должны быть соблюдаемы основные положения, установленные в сей форме правления.

§ 13.

Государь Император и Великий князь может, путем помилования, отменить или смягчить наказание.

§ 14.

Государь Император и Великий князь может возводить в дворянское достоинство финляндских граждан, выказавших заслуги пред Монархом и отечеством, а также жаловать дворянам баронское и графское достоинство.

§ 15.

Государю Императору и Великому князю принадлежит высшее начальство над военными силами Финляндии.

§ 16.

Государю Императору и Великому князю принадлежит власть по ходатайству о том,

а) предоставлять право гражданства в Финляндии российским гражданам и подданным иноземных государств, если проситель прожил в Финляндии три года и вел себя безупречно;

б) освобождать от подданства финляндских граждан, к переселению коих в другие страны не встречается законных препятствий; и

в) предоставлять российским гражданам и иностранцам право владеть недвижимостью в Финляндии.

§ 17.

Решение дел, упомянутых в §§ 11 и 16, может быть государем Императором и Великим князем, в большем или меньшем объеме, предоставлено Сенату.

§ 18.

О власти государя Императора и Великого князя в остальных отношениях постановлено в отдельных частях сей Формы правления.

§ 19.

Все финляндские дела, зависящие от самоличного решения Монарха, за исключением военных командных дел, докладываются государю Императору и Великому князю министром статс-секретарем Финляндии.

Правительственные установления

A. Сенат и генерал-губернатор

§ 20.

1. Общее управление Великим княжеством вверено Сенату, находящемуся в главном городе страны.

2. Генерал-губернатор есть председатель Сената и высшее должностное лицо Великого княжества.

3. Первый член Сената есть вице-председатель его. Число остальных сенаторов определяется государем Императором и Великим князем; при этом, по крайней мере, трое из сенаторов должны быть сведущи в законах.

4. При Сенате должен также состоять прокурор, который должен обладать выдающимися познаниями по судебной части.

§ 21.

1. Задачею Сената является:

а) представление государю Императору и Великому князю заключений и предположений по делам, которые решаются Монархом самолично и о предварительной разработке коих в настоящей Форме правления не постановлено иначе;

б) приведете в исполнение решений государя Императора и Великого князя; и

в) руководство управлением страны с нравом решать, не повергая предварительно на Высочайшее Государя Императора и Великого князя благовоззрение, такие дела, решение которых Государем Императором и Великим князем предоставлено Сенату в силу особого постановления или же относительно которых это установлено в законе.

2. В какой мере дела, касающиеся судебной администрации, университета и военной части, изъяты из ведения Сената, усматривается из разных постановлений.

§ 22.

1. В состав Сената входят:

а) общая канцелярия Сената;

б) департаменты в таком числе, какое требуется для целесообразного распределения отдельных отраслей управления; и

в) Экспедиция прокурора.

2. Вице-председатель Сената есть начальник общей канцелярии. Каждый департамент имеет начальником сенатора.

3. При руководстве занятиями в канцелярии и департаментах ближайшими помощниками начальников состоят канцелярии-советники.

4. Прокурор есть начальник Экспедиции прокурора и имеет при себе помощника.

§ 23.

1. Когда генерал-губернатор не присутствуете, в заседание Сената, прениями Сената руководит вице-председатель. В случае отсутствия вице-председателя, место его заступает старший по службе сенатор.

2. В заседаниях Сената по общему правилу должны присутствовать все члены; однако менее важные дела могут рассматриваться в отделениях Сената. Для решения дел требуется присутствие, по крайней мере, пяти членов.

3. Если при голосовании по поводу двух различных мнений голоса разделяются поровну, то дело признается решенным согласно с мнением председателя.

4. Ответственность по решениям Сената несет каждый, кто участвовал в рассмотрении дела, если им не заявлено для внесения в протокол, особое мнение. Докладывающий дело чиновник имеет право, если решение Сената несогласно с его заключением, требовать внесения заключения его в протокол.

§ 24.

1. Каждое рассматриваемое в Сенате дело должно быть подготовлено в подлежащем департаменте или в канцелярии.

2. Каждому департаменту надлежит следить за управлением по своему ведомству и принимать меры к исполнению законов, постановлений и решений Сената. В остальном права департаментов определяются в порядке, указанном в § 27.

§ 25.

1. В случае возникновения по какому-либо делу сомнения относительно права Сената решить его окончательно, дело повергается на благовоззрение государя Императора и Великого князя.

2. Если какое-либо, сообщенное Сенату для исполнения, решение государя Императора и Великого князя окажется противоречащим закону, то Сенат обязан войти с всеподданнейшим представлением об отмене или изменении этого решения и вместе с теми донести, что оно не может быть приведено в исполнение.

§ 26.

1. В начале каждого года составляется под наблюдением вице-председателя отчет о важнейших сторонах деятельности Сената за предшествовавший год, каковой отчет представляется государю Императору и Великому князю и в отпечатанном виде передается Сейму.

2. Когда, согласно определению Сейма, члену Сената делается запрос по делу, относящемуся к его ведомству, то он заявляет о семи Сенату на предмет постановления решения, которое может оказаться необходимым со стороны Сената.

§ 27.

Государь Император и Великий князь определяет особым постановлением ближайшие правила относительно организации Сената, круга деятельности и прав общей канцелярии и отдельных департаментов, а также какие центральные или местные правительственные установления и общественные учреждения подчиняются канцелярии и отдельным департаментам.

§ 28.

1. Генерал-губернатор имеет, по званию председателя Сената, блюсти за надлежащим производством поступающих в Сенат дел и за соблюдением повелений государя Императора и Великого князя.

2.Все представления Сената на имя государя Императора и Великого князя восходят чрез генерал-губернатора, который может, если он не участвовал в рассмотрении дела в Сенате, приобщить к представлению Сената свое особое заключение.

3. Генерал-губернатор принимает все повеления государя Императора и Великого князя по финляндским делам и передает их в Сенат.

4. Если генерал-губернатор не согласен с мнением Сената по подлежащему решению Сената делу, относительно которого, в силу особых постановлений, должно быть испрошено заключение генерал-губернатора, когда он не участвовал в рассмотрении его, то дело повергается на благовоззрение государя Императора и Великого князя.

5. Если генерал-губернатор пожелает возбудить проект о принятии законодательной или административной меры, то он передает вопрос в Сенат на предмет рассмотрения его в порядке, в котором рассматриваются проекты, возбуждаемые в Сенате.

§ 29.

1. Генерал-губернатор в качестве высшего должностного лица в Великом княжестве обязан иметь надзор за отдельными отраслями управления и может в сих видах требовать сведения от начальников и правлений правительственных установлений и общественных учреждений, а также производить необходимые ревизии.

2. Если генерал-губернатор по поводу добытых таким образом сведений признает необходимым, чтобы подлежащим лицам или учреждениям сделаны были напоминания или сообщены указания, то он уведомляет о сем Сенат, на предмет принятия соответственных мер.

3. В обстоятельствах чрезвычайных, когда окажется необходимым неотложное принятие мер для поддержания общественного порядка, генерал-губернатор может непосредственно давать приказания подлежащим губернаторам, причем однако о таковых распоряжениях генерал-губернатора должно быть одновременно сообщено Сенату.

4. При генерал-губернаторе состоит канцелярия, директор которой под служебною ответственностью, скрепляет все исходящие от генерал-губернатора бумаги.

§ 30.

Ближайшие определения относительно служебных обязанностей генерал-губернатора утверждаются государем Императором и Великим князем особым постановлением.

§ 31.

1. Прокурор обязан иметь надзор за соблюдением властями страны законов и за добросовестным исполнением обвинителями и другими должностными лицами своих обязанностей так, чтобы не были нарушаемы права ни знатных, ни низких, ни богатых, ни бедных. Дела судебных учреждений и правительственных установлений должны быть доступны прокурору. Если прокурор усмотрит, что кем-либо из должностных лиц совершен проступок по службе, то он следит за тем, чтобы виновный привлечен был к ответственности.

2. Прокурор возбуждает или поручает подлежащей власти возбудить вызываемое обстоятельствами обвинение по делам, которые передаются для этого на его распоряжение Сенатом, Высшим судом или административным судом или по которым он сам признает необходимым принять таковую меру.

3. В случае допущения Сенатом или генерал-губернатором, или членом Сената при отправлении службы отступления от закона, прокурор обязан сделать о том замечание, с указанием вместе с тем, в чем заключается закононарушение; если же замечание будет оставлено без внимания, то прокурор обстоятельно доносит о том государю Императору и Великому князю. Если это даст повод к возбуждению судебного преследования против члена Сената, то преследование возбуждается прокурором в особом суде, упоминаемом в § 49 сей Формы правления.

4. Прокурор обязан представлять государю Императору и Великому князю, а также Сейму за каждый год отчет о сделанных им по службе распоряжениях и об обстоятельствах, замеченных им в отношении исполнения законов. Сейм может по поводу этого отчета войти к государю Императору и Великому князю с вызываемым обстоятельствами представлением.

5. Прокурору надлежит, по требованию, представлять генерал-губернатору просимые сведения и заключения.

6. В случае надобности помощник прокурора обязан исправлять должность прокурора.

§ 32.

При Сенате должны иметься: Законоподготовительное и Ревизионное Учреждения.

§ 33.

1. Законоподготовительному Учреждению надлежит по поручению Сената вырабатывать проекты законов и постановлений.

2. Члены Законоподготовительного Учреждения назначаются Сенатом в необходимом числе и на определенный срок. За лицами, назначенными в члены Законоподготовительного Учреждения, сохраняются занимаемые ими должности.

§ 34.

1. Ревизионное учреждение, организация которого утверждается особым постановлением, имеет задачею проверку балансов казны и выяснение при этом не только верности цифр, но и закономерности доходов и соответствия расходов с утвержденною росписью доходов и расходов.

2. Отчет о произведенной годовой ревизии представляется вице-председателю Сената, который требует от подлежащих властей объяснения по сделанным замечаниям. Засим отчет, по докладе его в Сенате, представляется Государю Императору и Великому князю, а также доставляется прокурору и в отпечатанном виде передается в бюджетную комиссию Сейма.

Б. Финляндский статс-секретариат в столице империи

§ 35.

1. Существенною задачею министра статс-секретаря, как сказано в § 19, является доклад финляндских дел государю Императору и Великому князю.

2. При его же посредстве должна происходить переписка между финляндским правительством и правительственными властями империи.

§ 36.

1. В столице империи должен находиться статс-секретариат Финляндии, который подчиняется министру статс-секретарю.

2. В помощь министру статс-секретарю при исполнении им своих служебных обязанностей назначается товарищ, который также обязан, в случаях когда министр статс-секретарь находится в отлучке или по другой причине не может исполнять своих обязанностей, исправлять его должность.

3. В остальном организация статс-секретариата утверждается Государем Императором и Великим князем особым постановлением.

§ 37.

Для подготовки к докладу более важных дел учреждается совещательный комитет, председателем которого состоит министр статс-секретарь, а членами товарищ министра статс-секретаря и два сенатора, которые назначаются Государем Императором и Великим князем, по представлении Сената, на известный срок.

§ 38.

В случаях, когда в поступившем из Сената проект закона или постановления содержатся определения, касающиеся империи, таковые определения, предварительно окончательной подготовки дел к докладу, должны быть министром статс-секретарем сообщаемы подлежащей имперской власти, заключение которой при докладе дела представляется Государю Императору и Великому князю.

§ 39.

1. Министр статс-секретарь отвечает за правильность исходящих бумаг, которыми сообщаются решения Монарха. Каждая такая бумага должна быть скреплена или же подписана министром статс-секретарем.

2. Если при докладе какого-либо дела Государь Император и Великий князь остановится на решении, которое, по мнению министра статс-секретаря, несогласно с законами, то министр статс-секретарь обязан, если мнение его не удостоится одобрения, ходатайствовать

о затребовании по данному вопросу заключения Совещательного комитета в составе усиленном для сего приглашением прокурора.

3. Скреплением или сообщением решения Монарха министр статс-секретарь принимает на себя ответственность за его законномерность.

Управление

§ 40.

1. В отношении общего управления Великое княжество по-прежнему делится на губернии, уезды и общины.

2. Сенату предоставляется принимать необходимые меры по образованию или изменению округов для специальных отраслей управления.

§ 41.

1. Губернским управлением, как и до сего времени, руководят губернаторы, причем они пользуются содействием докладывающих дела чиновников, хорошо ознакомленных с законодательством и порядком управления страны. Докладчик отвечает, наравне с губернатором, за законность распоряжений и решений последнего, буде им не заявлено для внесения в протокол особое мнение.

2. Общинное управление должно быть основано на началах самоуправления граждан, как о том постановлено в Особых законах.

3. Порядок и объем, в которых начала самоуправления должны быть применены к более крупным административным единицам, чем общины, определяются законом.

§ 42.

В центральных правительственных установлениях, учрежденных или учреждаемых впредь для заведывания отдельными отраслями государственного управления, ответственность за сделанные распоряжения лежит на всех участвовавших в постановлении решения должностных лицах, не заявивших для внесения в протокол, особое мнение.

Судебные учреждения

§ 43.

1. Высший суд осуществляет права Государя Императора и Великого князя по судебным делам.

2. Этот суд обязан также иметь надзор за отправлением правосудия судьями и производителями взысканий.

3. Прошения о помиловании по уголовным делам рассматриваются Высшим судом.

§ 44.

1. Высший суд состоит из президента и необходимого числа юстиции-советников.

2. Дела, касающиеся судебной администрации, которые на основании разных постановлений подлежат введению Высшего суда, подготовляются в том департаменте Сената, к которому отнесены такого рода дела. При рассмотрении их в Высшем суде участвует начальник этого департамента.

3. Относительно обязанности высшего суда давать заключения по законодательным вопросам постановлено в §53 сей Формы правления. Если Высший суд признает необходимым изменение или пояснение закона, то он входит с представлением к Государю Императору и Великому князю о принятии таковой законодательной меры.

4. Упоминаемые в пп. 2 и 3 дела рассматриваются Высшим судом в Общем собрании. Остальные же дела могут быть рассматриваемы по отделениям, буде высший суд не постановит иначе. Для законности решения Высшего суда требуется присутствие пяти членов.

§ 45.

1. Гофгерихты суть общие суды второй инстанции, из коих каждый ведает судопроизводством в определенном законом районе.

2. Гофгерихты состоят, как и до сего времени, из президента и необходимого числа членов.

3. Гофгерихты должны также иметь наблюдение и попечение о том, чтобы в подведомственных им судах правосудие отправлялось по закону, чтобы судьи низших судебных инстанций и производители взысканий надлежащим образом исполняли свои обязанности, и чтобы, в случае совершения кем-либо из них проступка по службе, виновный привлекался к ответственности.

§ 46.

Об общих судах низшей инстанции постановлено в закон.

§ 47.

Для рассмотрения в высшей инстанции дел административно-правового характера, которые до сего времени окончательно решались Хозяйственным департаментом Сената, учреждается особое судебное место под наименованием Административного суда, который должен состоять из президента и необходимого числа членов и осуществлять свои задачи согласно определениям издаваемого о сем Особого закона.

§ 48.

В Уголовном уложении для финских войск постановляется о делах, подсудных военным судам.

§ 49.

Об особом суде, рассматривающем дела по обвинению членов правительства за противозаконные действия при отправлении должности, постановлено в Основном законе от[a] года, о праве Сеймa поверять законномерность служебных распоряжений членов правительства.

§ 50.

1. Ни по какому поводу не могут быть учреждаемы чрезвычайные или случайные суды, и финляндские граждане не могут быть судимы другим судом, кроме того, которому они подсудны по законам страны.

2. Воспрещается содержать кого бы то ни было долговременно под стражею без привлечения к следствию и суду.

§ 51.

1. Каждое судебное решение должно быть основано на надлежащем законе и на приводимых в решении доводах.

2. Если судья усмотрит, что постановления изданы с отступлением от установленного основными законами порядка, то он не должен применять таких постановлений.

Законодательство

§ 52.

1. Власть издавать новые законы и изменять, пояснять или отменять старые законы принадлежит Государю Императору и Великому князю совокупно с Сеймом.

2. Под законом здесь подразумеваются также и Основные законы. Основными законами почитаются настоящая Форма правления и Сеймовый Устав от 20 июля 1906 года, а также разные законы и постановления, изданные пред сим, с присвоением им святости основного закона и не отмененные настоящею Формою правления, а равно законы, издаваемые впредь в порядке, установленном для издания Основных законов.

3. Все другие законодательные акты, общие и специальные, издаваемые впредь по согласному решению Государя Императора и Великого князя и Сейма, именуются законами. Однако значение закона имеют также законодательные акты, изданные перед сим под другими названиями в том же порядке.

4. Относительно власти Государя Императора и Великого князя издавать постановления по разным предметам без содействия Сейма постановлено в § 11. Государь Император и Великий князь может также по таким предметам требовать заключения Сейма или передавать законопроекты на принятие Сейма.

---

[a] *в тексте пропуск.*

§ 53.

1. Принадлежащее Государю Императору и Великому князю право законодательной инициативы осуществляется передачею Сейму предложений с законопроектами.

2. Проекты предложений составляются Сенатом. Когда дело относится к области Основных законов или же законов гражданских или уголовных, то по делу испрашивается заключение высшего суда и приобщается к представлению Сената на имя Государя Императора и Великого князя.

3. Законодательная инициатива Сейма осуществляется моциями, которые вносятся сеймовыми депутатами. Моции, однако, не должны касаться Основных законов или же закона, относящегося до организации сухопутной или морской обороны.

4. Порядок пользования правом моций установлен в Сеймовом Уставе, в котором также содержатся определения о порядке постановления Сеймом законных решений по вопросам, касающимся Основных законов, и по иным законодательным делам.

§ 54.

1. По представлении Сенатом, а в упомянутых в п. 2 § 53 случаях также и Высшим судом, заключения по принятому Сеймом закону он повергается на утверждение Государя Императора и Великого князя, причем закон может быть утвержден лишь в редакции, одобренной Сеймом. Если Государь Император и Великий князь не признает возможным утвердить закон без изменений, то эта законодательная мера всецело остается без последствий.

2. В введении к тексту закона обозначается, что издание его состоялось по определению Сейма, утвержденному Государем Императором и Великим князем.

§ 55.

1. Каждый утвержденный Государем Императором и Великим князем закон передается в Сенат в целях обнародования его для всеобщего сведения и руководства. Основные законы подписываются Государем Императором и Великим князем Самолично и скрепляются министром статс-секретарем, другие же законы подписываются Сенатом при обнародовании их.

2. Если Сенат усмотрит, что редакция переданного для обнародования закона не согласуется с редакцией, принятою Сеймом, то Сенат, не публикуя закона, доносит о сем Государю Императору и Великому князю для принятая мер, вызываемых обстоятельствами дела.

§ 56.

1. Законы публикуются в сборник постановлений Великого княжества Финляндского, печатаемом в финском и шведском, а также в русском изданиях.

2. В том же сборнике публикуются также постановления, издаваемые, согласно § 11, Государем Императором и Великим князем, а равно положения и правила, которые Сенату предоставлено издавать для общего руководства без представления о том Монарху.

§ 57.

1. Если в промежуточное между двумя Сеймами время окажется необходимым неотложное пояснение закона, по какому-либо предмету, то Государь Император и Великий князь по представлению Сената, поддержанному Высшим судом, издает такое пояснение закона, с тем чтобы действие его продолжалось не долее как до конца года, в котором вновь соберется Сейм. Для окончательного урегулирования вопроса этому Сейму должно быть передано предложение.

2. Однако Основные законы не могут быть поясняемы в порядке, указанном в п. 1.

§ 58.

1. В отношении издания или изменения церковного уложения евангелическо-лютеранской церкви соблюдаются правила церковного уложения от 6 декабря 1869 года.

2. Изменение или отмена действующих по настоящее время правил, содержащихся в изданных для отдельных сословий привилегиях и удостоверениях, производится в порядок, установленном для изменения Основных законов.

§ 59.

1. Если возникнет вопрос об упорядочении посредством закона или постановления, издаваемого с согласующимся содержанием как для Российской империи, так и для Великого княжества Финляндского, какого-либо дела, касающегося общих стран, и если Его Импера-

торское Величество признает за благо учредить для подготовки дела комиссию из русских и финляндских представителей, то представители от Финляндии назначаются Сенатом.

2. Засим делу, поскольку оно касается предназначаемого для Финляндии закона или постановления, дается дальнейший ход в порядке, установленном в настоящей Форме правления для издания закона или постановления.

3. Когда Государем Императором заключается международный договор, касающийся также и Финляндии, и поэтому требуется заключение Сената, то Сенат обязан выяснить, являются ли определения, которые имеются в виду включить в договор, по содержанию своему такими, что они в силу настоящей Формы правления не могут без согласия Сейма быть изданы для руководства в Финляндии, и в утвердительном случае составит проект Сеймового предложения по делу. Государь Император и Великий князь постановляет, по докладу министра статс-секретаря, о публикации договора в Финляндии.

Государственное хозяйство

§ 60.

1. Не могут быть вводимы новые налоги, или же увеличиваемы, или иным образом изменяемы налоги, уже существующие, или взимаемы сверх срока разрешенные на известный срок налоги буде не последует на это согласие Сейма, в соответствии с которым издается закон по делу.

2. Действие правила п. 1 распространяется впредь и на таможенное обложение, с тем, однако, что за Государем Императором и Великим князем сохраняется право без содействия Сейма утверждать таможенный тариф товарам русского происхождения, привозимым из империи в Финляндию.

3. Вопросы об основаниях отбывания общих повинностей рассматриваются в порядке, установленном относительно вопросов об обложении налогами.

4. Для заключения государственных займов требуется согласие Сейма.

§ 61.

1. Государю Императору и Великому князю принадлежит власть утверждать почтовые сборы, маячные сборы, тарифы казенных железных дорог и каналов, плату за пользование прочими общественными учреждениями, а также пошлины за исходящие бумаги властей и должностных лиц и размер вознаграждения последним за отдельные производства.

2. Плата за обучение в казенных учебных заведениях устанавливается с согласия Сейма.

§ 62.

1. На каждый год составляется роспись доходов и расходов, которая основывается, прежде всего, на исчислениях Ординарных доходов и потребностей казны, но, кроме того, должна содержать потребные в данном году новые и случайные расходы с проектом изыскания средств, которые могут оказаться необходимыми, сверх Ординарных доходов для покрытия всех расходов.

2. Сейму передается в начале каждой очередной его сессии предложение с проектом росписи доходов и расходов на следующий календарный год.

§ 63.

1. Проекты о введении нового или изменении существующего налога или же о заключении государственного займа, хотя бы они и были приняты в расчет при составлении проекта росписи доходов и расходов, должны быть, кроме того, передаваемы Сейму в особых предложениях в виде законопроекта.

2. В случае возбуждения на Сейме проекта о введении временного налога, таковой проект также должен обсуждаться как особое дело. Ожидаемые по проектированному таким образом и одобренному Сеймом временному налогу поступления показываются, по утверждение закона о временном налоге Государем Императором и Великим князем, в росписи в числе статей дохода.

§ 64.

1. Действующие штаты правительственных установлений и общественных учреждений не могут быть при рассмотрении росписи доходов и расходов изменяемы Сеймом, буде о сем не имеется проекта в предложении. Если Сейм признает необходимым сокращение или увеличение какого-либо из упомянутых штатов, то Сейму надлежит войти к государю Императору и Великому князю с особым о том представлением. В случае воспоследования соизволения Государя Императора и Великого князя на таковое представление, изменение включается в роспись доходов и расходов на следующий год.

2. Государю Императору и Великому князю принадлежит власть единолично утверждать включенные в роспись ассигнования на пенсии и пособия от казны, за исключением ассигнований на пенсии учителям и учительницам народных школ.

3. Проценты и погашения по государственным займам и прочие ассигнования, основанные на каком-либо принятом казною обязательстве, не могут быть изменяемы или исключаемы Сеймом; равным образом не может быть постановляемо решение о сокращении размера одобренного каким-либо из предыдущих Сеймов, значащегося в росписи доходов и расходов ассигнования в распоряжение Государя Императора и Великого князя.

4. Прочие включенные в роспись доходов и расходов статьи расхода подлежат рассмотрению и решению Сейма. В число их должен также быть включен примерный кредит на расходы, основывающиеся на законе или постановлениях, но не показанные особо в росписи, а также необходимое ассигнование в распоряжение правительства на непредвиденные потребности.

§ 65.

1. Проекты, касающиеся новых штатов для правительственных установлений или общественных учреждений, а также ассигнований на разные цели, смотря по роду и объему дела, либо включаются лишь в предложение, содержащее проект росписи доходов и расходов, либо излагаются, кроме того, подробнее в особых предложениях.

2. Ассигнования, которые сверх вышеупомянутых, проектируются во время Сейма посредством предложений или сеймовыми депутатами, включаются, в случае принятия их Сеймом, в роспись доходов и расходов. При этом однако соблюдается, чтобы ассигнования, проектированные Сеймом и требующие следовательно утверждения Государя Императора и Великого князя, показывались в росписи как эвентуальные.

3. Относительно порядка рассмотрения на Сейме финансовых вопросов в остальном постановлено в Сеймовом Уставе.

§ 66.

1. К принятой Сеймом росписи доходов и расходов при докладе ее Государю Императору и Великому князю приобщается заключение Сената.

2. Если эвентуальное ассигнование упомянутого в п. 2 § 66 рода не будет одобрено Государем Императором и Великим князем, то оно исключается из росписи. Если окажется, что какая-либо статья расхода, которая, согласно § 64, не может быть непосредственно изменена Сеймом, показана в росписи в сокращенном или увеличенном размере или же исключена из нее, то такое изменение исправляется согласно предложению. В случае, если принятый Сеймом закон о временном налоге, исчисленные поступления по которому показаны в росписи в виде статьи дохода, не удостоится утверждения Государя Императора и Великого князя, то статья эта исключается из росписи, с обозначением в ней, что возникающий таким образом недостаток подлежит покрытие авансом, о возмещении которого должно быть передано предложение ближайшему Сейму. Засим роспись без изменения в других частях утверждается и публикуется в Сборнике постановлений к руководству.

3. В случае непринятия Сеймом росписи доходов и расходов до начала года, на который она предназначается, Государь Император и Великий князь, по представлению Сената, постановляет, что впредь до утверждения новой росписи доходов и расходов должна применяться изданные перед тем росписи за исключением таких статей дохода и расхода, для которых по наступлению нового финансового года уже не имеется законных оснований.

§ 67.

1. Роспись доходов и расходов должна применяться в точности, под наблюдением Сената, причем показанные в ней ассигнования не должны быть превышаемы, кроме случаев, упоминаемых в § 98, или когда Государь Император и великий князь по представлению Сената признает безусловно, необходимым разрешить дополнительное ассигнование для какой-либо важной цели.

2. Проекты расходов, разрешение коих зависит от государя Императора и великого князя, могут быть повергаемы на Высочайшее решение лишь по представлении Сенатом отзыва по ним. Действию этого правила, однако, не подлежит ассигнование в распоряжение государя Императора и Великого князя.

§ 68.

1. Сенат и отдельные департаменты его обязаны иметь надзор за тем, чтобы казенное имущество, недвижимое и движимое, заведывалось добросовестно и на пользу страны.

2. Если Сейм усмотрит какие-либо в сем отношении упущения, то Сейм входит к государю Императору и великому князю с представлением об исправлении таковых. Сейм должен быть извещенен о принятых по поводу сего мерах.

3. Не допускается отчуждение или пожалование казенных имений и заклад, или пожалование налогов, или приносящих доход прав казны, буде Сейм не изъявит на то согласие.

§ 69.

Чеканка монеты Великого княжества разных установленных законом достоинств производится на монетном дворе финляндской казны.

§ 70.

1. Финляндский банк должен, как и до сего времени, состоять под надзором и в ведении Сейма и под руководством назначаемых Сеймом уполномоченных.

2. Банк управляется на основании Устава, принятого Сеймом и утвержденного государем Императором и великим князем.

3. Штат расходов для Финляндского банка не включается в роспись доходов и расходов. Вопросы, касающиеся этого штата, рассматриваются в особо установленном порядке.

4. От Сейма зависит определять должна ли и в каком именно размере годовая прибыль банка быть обращаема на удовлетворение потребностей казны.

VIII. **Общие права граждан**

§ 71.

1. Властям, воспрещается чинить какие-либо вторжения в личную свободу, домашнюю неприкосновенность или же приобретенные права финляндских граждан, буде не имеется на то основания в законе.

2. Каждый финляндский гражданин имеет право в пределах страны свободно избирать местожительство, переезжать из одной местности в другую и, если не имеется законных к тому препятствий, без разрешения властей отправляться за границу; и имеет право избирать род занятий и приобретать всякого рода земли, которые могут переходить в частную собственность.

§ 72.

1. Финляндские граждане пользуются свободою слова и правом издавать в печати письменные изложения или изображения, и предварительно не должны быть чинимы сему препятствий.

2. Финляндские граждане имеют право, без предварительного разрешения, собираться для обсуждения общественных дел или для других дозволительных целей и образовать общества, преследующие задачи, не противные закону или нравственности.

3. Правила о том, что должно быть соблюдаемо при пользовании этими правами, имеют быть изданы в порядке, установленном для издания общих законов.

§ 73.

Свобода вероисповедания финляндских граждан не должна быть нарушаема со стороны властей или каких-либо церковных обществ.

§ 74.

Различие пола, вероисповедания или звания не влечет за собою различия в общих правах финляндских граждан.

§ 75.

1. Каждый финляндский гражданин имеет право при обращении к суду или административным властям пользоваться по своему делу родным своим языком: финским или шведским.

2. Определения о языке в делопроизводстве судебных и других правительственных установлений страны могут впредь быть устанавливаемы лишь законом; при этом должны быть, по возможности, принимаемы во внимание затрагиваемые означенными определениями права сторон.

§ 76.

Об общем и равном избирательном праве на Сеймовых выборах постановлено в Сеймовом Уставе.

IX. **Разные постановления о государственной службе**

§ 77.

1. На финляндскую государственную службу могут, за упомянутыми ниже исключениями, быть назначаемы лишь финляндские граждане.

2. Генерал-губернатором Государь Император и Великий князь назначает русского или финляндского уроженца, которому Его Величество признает за благо вверить этот высокий пост.

3. Должности по технической части, преподавательские должности при университете и иных высших учебных заведениях и должности преподавателей иностранных языков в училищах могут, в случае надобности, быть замещаемы способными уроженцами других стран.

4. В некоторые должности при финляндском статс-секретариате и канцелярии генерал-губернатора могут быть назначаемы также русские уроженцы, как то будет установлено Особым законом.

§ 78.

1. Основанием для определения на все должности должны служить способность, заслуги, опытность и испытанная гражданская добродетель.

2. Сенат может, по ходатайству о том, освобождать от установленных для компетентности к занятию должностей по администрации края испытаний в науках, если признает, что проситель обладает познаниями, которые требуются для занятия должности.

3. О расширении права лиц женского пола занимать государственные должности устанавливается законом.

§ 79.

1. Государь Император и Великий князь назначает самолично:

а) вице-председателя и членов Сената, министра статс-секретаря и его товарища, канцлера Александровского университета и прокурора;

б) президента и юстиции-советников Высшего суда, а также президентов гофгерихтов, причем в эти должности, по представлению Высшего суда, назначаются лица, известные правосудием и знанием законов и обладающие навыком и опытностью по судейским обязанностям;

в) президента и членов административного суда, по представлению Сената, с тем чтобы в этот суд назначались как лица, опытные в судейских делах, так и лица, обладающие опытностью по административным делам;

г) губернаторов, канцелярии-советников и камериров Сената, а также начальников центральных правительственных учреждений, по представлению Сената;

д) помощника прокурора, по представлению прокурора, и юстиции-секретарей, по представлению Высшего суда; и

е) членов гофгерихтов, по составлении гофгерихтом кандидатского списка, с включением в него трех сведущих в судейских делах лиц, каковой список представляется высшим судом, по рассмотрении поданных по поводу списка жалоб, при собственном его отзыве;

2. Государь Император и Великий князь назначает Самолично или же предоставляет Сенату назначать помощников начальников и членов центральных правительственных учреждений.

§ 80.

1. Должности при Финляндском статс-секретариате и канцелярии генерал-губернатора замещаются в порядке, утверждаемом Государем Императором и Великим князем.

2. Должности профессоров и другие должности при Александровском университете замещаются по правилам университетских статутов.

3. Относительно порядка замещения должностей бургомистров и ратманов в городах, должностей в Финляндском банке и по ведомству евангелическо-лютеранской церкви, а также относительно производства по военной службе действуют особые правила.

§ 81.

1. Судейские должности, кроме упомянутых в § 79 замещаются высшим судом, буде Государь Император и Великий князь не сохранил за собою право замещения их.

2. Согласно с повелением Государя Императора и Великого князя замещаются:

а) должности в судебных учреждениях, отчасти высшим судом, отчасти же тем судом второй инстанции, которому подведомственна должность, однако с сохранением за гофгерихтами принадлежащих им исстари прав по замещению должностей; и

б) должности по управлению и при учебных заведениях, – отчасти Сенатом или его департаментами, отчасти же губернским правлением или правлением того правительственного учреждения, которому подведомственна данная должность.

3. Упомянутые в сем параграфе должности объявляются, предварительно замещения их, вакантными для соискания и замещаются на основании кандидатского списка, в который властью, которой поданы прошения, вносятся три наиболее заслуженных соискателя. Составленный таким образом кандидатский список может быть обжалован. Если же должность замещается властью, которой подаются прошения, то кандидатского списка не составляется.

4. Определениями п. 3 не отменяются несогласные с ними правила, изданные касательно порядка замещения разных должностей в некоторых отраслях управления.

§ 82.

1. Должностные лица, назначенные Государем Императором и Великим князем без составления кандидатского списка и не принадлежащие к судебному ведомству, могут быть уволены от должности, когда Государь Император и Великий князь признает для пользы страны необходимым вверить должность другому лицу. Уволенные таким образом без прошения получают пенсию в размере половины полного оклада пенсии, буде они по летам службы не имеют права на высший оклад пенсии; они, однако обязаны принять другую однородную должность, если таковая будет им предложена.

2. Лица, занимающие судейские должности, как высшие, так и низшие, а также те, из поименованных в § 79 должностных лиц, к которым не может быть применена п. 1 сего 82 параграфа, и должностные лица в судебных учреждениях могут быть лишены должности не иначе как по законному следствию и суду. Равным образом они могут быть переводимы в другие должности лишь с собственного их согласия. Действие сего правила распространяется также на лиц, занимающих такие из упоминаемых в пп. 2 и 3 § 80 должностей, по которым в настоящее время присвоено это преимущество.

3. Впредь до установления законом иных правил остальные должности, с коими до сего времени было сопряжено упомянутое в п. 2 преимущество, сохраняют таковое.

4. Относительно прав и обязанностей должностных лиц, должности коих упраздняются, постановлено особо.

§ 83.

1. При всякого рода служебной деятельности должны быть в точности соблюдаемы законы.

2. Власти или должностные лица, давшие противозаконное предписание или иным образом сделавшие противозаконное распоряжение, подлежат за это законной ответственности.

3. Правила п. 2 § 51 применяются также по отношению к административным правительственным учреждениям.

§ 84.

Каждый, права которого нарушены или которому причинены убытки противозаконным распоряжением или упущением должностного лица, имеет право в порядке, указанном подробнее в законе, требовать присуждения его к наказанию и возмещению убытков.

X. **Учебная часть**

§ 85.

1. Александровский университет в главном городе страны должен содержаться согласно применявшимся до сего времени, указанным в статутах университета началам его организации, к которым относится также право на самоуправление; начала эти могут быть изменяемы лишь при содействии Сейма, тогда как остальные определения статутов могут быть изменяемы Государем Императором и Великим князем по представлению консистории университета и по истребовании отзыва Сената по делу.

2. Во главе управления университета стоит канцлер. По делам, которые должны быть повергаемы на Высочайшее Государя Императора и Великого князя решение, канцлер препровождает всеподданнейшее представление непосредственно к министру статс-секретарю.

§ 86.

1. На счете казны содержатся элементарные учебные заведения для высшего общего образования.

2. Основания организации этих учебных заведений определяются законом.

§ 87.

Организация народноучилищного дела и обязанности общин по отношению к нему, а также обязанность родителей в отношении школьного образования детей определяются законом.

§ 88.

Учебные заведения для преподавания художеств, технических ремесел, земледелия и его побочных промыслов, а также торговли и мореплавания должны быть содержимы казною или же, по мере надобности, субсидируемы ею.

§ 89.

1. Финляндским гражданам предоставляется учреждать в стране школы и другие воспитательные заведения, с организацией в них преподавания на началах, признаваемых ими целесообразными.

2. Об учреждении частной школы и об учебном плане ее должно быть заявлено подлежащему департаменту Сената, который делает распоряжение о производстве в школе временами инспекции компетентным правительственным чиновником. Если в такой школе преподаются науки, противные закону или нравственности, то заведение это, в случае, если данное вследствие сего предостережение останется без последствий и это будет надлежащим образом удостоверено, лишается Сенатом права на дальнейшее существование.

3. Домашнее преподавание не подлежит контролю со стороны властей.

§ 90.

Правила §§ 86–89 не распространяются на русские училища, учрежденные в Финляндии для детей русских родителей и содержимые на средства империи.

XI. Церковные общества

§ 91.

1. Евангелическо-лютеранская церковь сохраняет свое положение в качестве общей церкви финского народа, об организации и управлении которой постановлено в церковном уложении от 6 декабря 1869 года.

2. На службу в духовных консисториях и на должности, с коими сопряжена обязанность преподавания евангелическо-лютеранского вероучения, не могут быть назначаемы лица других вероисповеданий.

§ 92.

1. Законодательство Великого княжества не распространяется на управление православною церковью в Финляндии в духовном отношении.

2. Правила изданных пред сим финляндских постановлений относительно гражданских дел православных приходов, остаются в силе впредь до изменения их законом.

§ 93.

Лица, исповедующие другие христианские вероучения, имеют право отправлять свою веру и образовывать приходы, согласно изданным или издаваемым впредь законам.

§ 94.

1. Упоминаемое в § 93 право распространяется также на последователей Моисеева закона.

2. Лицам, исповедующим другие не христианские учения, не возбраняется отправлять свою веру, буде при этом не совершаются деяния, противные закону или нравственности.

§ 95.

Каждый финляндский гражданин, достигший восемнадцатилетнего возраста, может выйти из вероисповедного общества, к которому он принадлежит, перейти в другое такое общество или совокупно с другими образовать новое вероисповедное общество, но тот, кто угрозою или прельщением пытается склонить другого к отпадению от его вероисповедного общества, карается по закону.

XII. Войско

§ 96.

1. Закон о воинской повинности или иных основаниях укомплектования финских войск, о сроке службы, о численности войск в мирное время, а также о порядке и условиях призыва на службу в мирное и военное время издается, как и уголовное уложение для войск, в порядоке, установленном в гл. VI сей Формы правления относительно иного рода законодательства.

2. Принадлежащая Государю Императору и Великому князю, согласно § 11, власть издавать постановления об исполнении законов и об организации управления, распространяется и на военное ведомство.

3. Кредиты для военных целей утверждаются в порядке, установленном выше сего в гл. VII относительно других вопросов об ассигнованиях.

§ 97.

1. Служащие в финских войсках генералы, штаб- и обер-офицеры и гражданские чиновники, а также нижние чины должны быть финляндские граждане.

2. Офицеры и гражданские чиновники, коим вверено хозяйственное управление войск, подлежат такой же ответственности по закону, как и прочие должностные лица в стране.

§ 98.

1. Если возникнет вопрос о приведении финских войск на военное положение, то, предварительно постановления Государем Императором и Великим князем по делу решения, должно быть истребовано заключение Сената относительно необходимых для сего мер. В заключении этом должны также содержаться сведения о положении финансов казны.

2. В случае мобилизации финских войск по повелению Государя Императора и Великого князя Сейму передается предложение об указании средств на покрытие военных расхо-

дов. Если Сеймъ не в сборе, то Государь Император и Великій князь уполномочивает Сенат принять с указанною целью временные меры; вместе с тем Сеймъ, буде не предстоит в скором времени открытие очередной его сессии его, созывается на чрезвычайную сессию для рассмотрения упомянутого предложения.

Заключительное определение

§ 99.

1. Настоящая Форма правления должна оставаться в силе во всех частях как незыблемый Основной законъ впредь до изменения или отмены его по согласному решению Монарха и Сейма Финляндии. Правила §§ 1 и 2 остаются в силе, хотя бы прочие определения сей Формы правления были изменены или отменены.

2. Настоящею Формою правления отменяются Форма правления от 21 августа 1772 года и Акт соединения и безопасности от 21 февраля и 3 апреля 1789 года, а также все встречающиеся в других законах и постановлениях определения, противоречащие сей новой Формы правления.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 124–138 об. Машинопись, размноженная с помощью литографии на плотных квадратных листах большого формата. Л. 31 об. – 49 об. Типографский текст на листах большого формата. [Сенатская типогр.]; Оп. 18. Д. 89. Л. 137 об. – 156 об. Типографский текст на листах большого формата. [Сенатская типогр.].

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [4]. [Экз. № 58]. С. 15–42. Типографский экз.

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, папка Fb:33. Типографский текст на листах большого формата. [Сенатская типогр.].

№ 249. Статья «Потребность в новой Форме правления» из гельсингфорсской газеты «Hufvudstadsbladet»

25 мая (7 июня) 1907 г.

Потребность в новой Форме правления:

Характер того самоуправления, которым пользуется наш народ с 1809 года, известен каждому, кто не остается глух к свидетельству наших законов и государственных актов. Он вполне выяснен не только нашими собственными исследователями и учеными, но и наиболее выдающимися современными авторитетами в области государственного права, в многочисленных и блестящих отзывах по данному предмету, высказанных в год *coup d'état**[1]. Если, тем не менее, права нашей страны и оспаривались некоторыми русскими учеными и государственными людьми, то это покоится, главным образом, не на неясности актов, определяющих объем нашей автономии, но на намеренно ложном толковании этих постановлений и даже на полном отрицании за ними силы и значения.

Между тем нужно согласиться, что слабым пунктом нашего политического положения является то обстоятельство, что у нас нет сводки нашей конституции, основных черт существа нашего государственного строя. Уже тот факт, что в 1809 году при закреплении действующего в крае законодательства не были точно поименованы имевшиеся в виду особые основные законы, дал повод к превратным толкованиям, нашедшим себе призрачную поддержку в том обстоятельстве, что в силу нового положения нашего края часть постановлений шведской конституции естественно теряла свою силу. Вместе с сим, вследствие переме-

*[1] *государственного переворота (фр.).*

Здесь разумеются различные изданные за границей брошюры, инспирированные самими же финляндцами. (*Прим. док.*)

ны политического положения края, некоторые определения в Основных законах, служащие краеугольными камнями в системе нашего законодательства, стали, что совершенно ясно, применимы не в своей первоначальной форме, но в обусловленном обстоятельствами хотя и чисто внешнем изменении, что дало врагам нашей автономии в империи случай под личиной толкования закона вести интриги против нашего государственно-правового положения.

Этот недостаток, – отсутствие сводки и своевременного выступления с основными установлениями нашего государственного строя, – уже давно был отмечен нашими лидерами, а равно признавался и некоторыми Монархами. Уже в первое время по присоединении нашего края к России возникали планы, имевшие целью заполнить этот пробел, но по причине неблагоприятного развития политических отношений эти планы пришлось оставить до настоящего времени. С возрождением в Финляндии конституционной жизни вопрос о новой Форме правления стал вновь на очередь и, согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ указанию, в 1865 году выработан был обстоятельный проект по данному вопросу. По различным обстоятельствам это дело не могло быть в то время доведено до благополучного конца. Как в 1885 году, так и в 1890 г. вопрос этот был предметом долговременных рассуждений и подготовлений, не приблизившись, однако, к своему разрешению. И не только с финляндской стороны финляндскими юристами и политиками выдвигался этот проект. Мы можем упомянуть, например, о знаменитом проекте графа Гейдена «Учреждение об управлении губерниями Великого княжества Финляндского»[524]. Потребность в ясной и наглядной сводке основ нашего государственного строя признавалась всеми сторонами; воззрения расходились лишь в отношении содержания и объема этих прав. Это-то различие мнений и послужило причиной, что все попытки в этом направлении терпели до сих пор крушение.

С восстановлением в последние годы закономерного образа управления вопрос о новой Форме правления, конечно, вновь выступил на первый план, и Сенат, вступивший в управление краем в декабре 1905 г., поставил в числе своих важнейших задач доведение этого вопроса до благополучного разрешения. При том бремени работы, которое лежит на плечах нынешнего правительства, подготовка этого неотложного и щекотливого дела естественно потребовала немало времени; но ныне дело настолько подвинулось вперед, что составленный по сему предмету проект пропозиции на этих днях был заслушан в соединенном заседании департаментов Сената и в ближайшем будущем будет переслан далее для получения официального утверждения. Зная характер и свойства ныне пребывающего у власти Сената, можно быть уверенным, что представляемый им проект разработан со всей той заботливостью и знанием предмета, каких требует важность дела, и что права нашей страны обеспечены им наилучшим образом, но что вместе с тем достаточно внимания уделено политическим условиям и возможности достигнуть результата в этом деле.

Хотелось бы надеяться, что инициатива, проявленная нашей совещательной камерой в этом исключительной важности деле, увенчается бóльшим успехом, чем прежние попытки. И по крайней мере в этом вопросе, пусть Сенат знает, что в этой своей попытке он имеет за собою весь наш народ. В самом деле новая Форма правления признается всеми классами населения и всеми партиями, как жизненная потребность для нас, как условие спокойного и нормального развития нашего общества.

Конечно, как бы прекрасно и недвусмысленно ни была составлена новая Форма правления, она не может представлять абсолютной гарантии против нападения на наши права – пока остается возможность, чтобы те партии в империи, которые ненавидят свободу и самоуправление, оказывались у власти. Но все же Форма правления в каждом отдельном случае будет представлять надежный оплот для нашего края, так как нарушение конституции не будет тогда прикрываться неясностью или ложным толкованием главных принципов нашей автономии, но тотчас же, перед глазами всего мира, предстанет как *coup d'état*. И та утомляющая, беспокоящая и во всяком случае возбуждающая агитация, которая в течение целого десятилетия ведется в империи против нашей страны, и которая в своей существен-

ной части построена на очевидно превратных толкованиях характера и содержания наших Основных законов, несомненно потеряет всякое основание и заманчивость с появлением Формы правления с вполне ясными положениями.

Решение Сената теперь же, не считаясь с неясностью политической конъюнктуры, поставить вопрос о новой Форме правления в порядок дня, приветствуется всей страной с чувством полного удовлетворения.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 3–5 об. Машинописный текст на полулистах большого формата с водяным знаком: Royal academy. Перевод в составе справки.

Опубл.: Hufvudstadsbladet. 1907, 5 июня (23 мая). № 150.

№ 250. Письмо председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору Николаю II о позиции статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа в вопросе о порядке рассмотрения финляндских дел[525]

24 июня (7 июля) 1907 г.

Вашему Императорскому Величеству 12/25 минувшего мая министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского доложен был проект предложения Сейму Финляндии с законопроектом о промыслах, причем, как видно из его письма ко мне от 30 мая/12 июня сего года, генерал-лейтенант Лангоф довел до Высочайшего сведения, что проект представлен на утверждение Вашего Императорского Величества без предварительного сношения с министрами империи.

Необходимости в таком сношении генерал-лейтенант Лангоф не усматривал ввиду того, что, согласно объяснениям его, интересы империи в этом законопроекте лишь затрагиваются по вопросу о тех правах, которые по новому законопроекту предположено предоставить в отношении производства промыслов уроженцам империи, причем права эти сравниваются с таковыми же правами финляндских граждан; посему означенный проект не относится, по мнению министра статс-секретаря Финляндии, к тем постановлениям, по которым закон 1 августа 1891 года требует предварительных сношений с имперскими властями.

В действительности же, законопроект о промыслах вовсе не уравнивает нефинляндцев, а в их числе и русских с финляндцами, так как, согласно § 15, только финляндские граждане будут пользоваться избирательным в промысловые депутаты правом. Такое ограничение в правах русских в Финляндии несомненно затрагивает интересы империи, а потому министру статс-секретарю и надлежало запросить для доклада Вашему Величеству заключения имперских ведомств. Независимо сего, я полагаю, что вообще всякий финляндский законопроект, даже уравнивающий права финляндских и русских уроженцев в Финляндии, ближайшим образом касается интересов империи и имперских ведомств. Так, например, предоставление русским уроженцам наравне с финляндскими права союзов и собраний могло бы вызвать возражения со стороны Министерства внутренних дел, которое в интересах охраны внутреннего спокойствия империи высказалось бы, если бы спрошено было его заключение, против предоставления упомянутых прав русским в Финляндии, по крайней мере, в нынешнее время. Между тем, с точки зрения министра статс-секретаря, подобный вопрос также не подлежал бы предварительному заключению имперских ведомств.

О таком неправильном толковании, которое даст Высочайшему постановлению от 1 августа 1891 г. министр статс-секретарь Финляндии, всеподданнейшим долгом почитаю доложить Вашему Императорскому Величеству, присовокупляя, что одновременно с сим я предполагаю войти в сношение с генерал-лейтенантом Лангофом на предмет доставления вышеуказанного законопроекта о промыслах, по рассмотрении его Сеймом и до доклада Вашему Императорскому Величеству, на заключение подлежащих министров империи.

Председатель Совета министров Столыпин 24 июня 1907 г.

Опубл.: П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 37–38.

№ 251. Отношение № 3515 председателя Совета министров П.А. Столыпина статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу с просьбой прислать выработанный Сенатом проект новой Формы правления[526]

24 июня (7 июля) 1907 г.

24 июня 1907 года
№ 3515

Его Превосходительству А.Ф. Лангофу

Милостивый государь,
Август Феодорович.

По имеющимся у меня сведениям, Императорский Финляндский Сенат выработал проект новой Формы правления Финляндии.

Ввиду сего долгом считаю покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить мне копию Высочайшего повеления, согласно коему Сенат приступил к составлению означенного законопроекта. При этом обязываюсь пояснить, что, по моему мнению, подобный законодательный акт, ближайшим образом касающийся положения, которое Финляндия занимает в составе Российского государства, не может получить утверждения в порядке внутреннего финляндского законодательства, а потому, до доклада Государю Императору, подлежит обсуждению Совета министров с точки зрения статьи 2 основных государственных законов (Свод. зак. т. I, ч. I, изд. 1906 г.).

Прошу Вас, милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

[а] Подписал: П. Столыпин

Верно: За экспедитора канцелярии Совета министров В. Зальман [а].

Пометы: сверху справа чернилами: Отпуск *Снизу слева карандашом:* № 4091

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 54. Машинопись на бланке «Председатель Совета министров» на бумаге с водяными знаками: Royal academy. Номер вписан чернилами.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [1]. С. 5.

№ 252. Статья «К вооружению Финляндии» из газеты «Новое время»

29 июня (12 июля) 1907 г.

К вооружению Финляндии

В № 11232 от 21 июня мы сообщали сведения нашего корреспондента из Лондона о конфискации английским правительством 90 тыс. ружей, предназначавшихся к ввозу в Россию. Предположения наши, что это дело не какой-либо русской местной организации, а дело организованного консорциума, вроде финляндского союза «Войма», находят себе подтверждения в напечатанной вчера телеграмме из Стокгольма. В ряде наших статей за время управления северною окраиною Н. Герарда и при нынешнем составе статс-секретариата с Лангофом во главе, мы указывали на значение союза «Войма», поставившего себе целью отделение Финляндии от России при благоприятном случае, в ожидании революции в империи; указывали на доставку в Финляндию пулеметов, ружей, патронов и даже взрывчатых предметов на глазах полиции, таможенных и железнодорожных властей. В конце концов Н. Герарду как генерал-губернатору под давлением имперской власти и русской печати, мнение которой разделялось и значительнейшею частью местной финской печати, пришлось возбудить дело против союза «Войма». В предложении своем прокурору от 23 февраля с. г. Н. Герард решается указать: 1) что общество «Войма» поставило себе задачею отделение Финляндии от России; 2) что в нем участвуют многие должностные лица,

[а-а] *Вписано делопроизводителем. В типографском варианте:* П. Столыпин.

не исключая полиции; 3) что общество вооружает Финляндию, выписывая из-за границы в большом количестве оружие; 4) что обнаружены склады в Бьернеборге, Хайстиле, Вазе, Куркке, Котке, Або, Гамла-Карлебю, Улеаборге и Куопио; 5) что некоторые циркуляры, выпущенные обществом «Войма», заключают в себе явный призыв к вооруженному восстанию в целях отделения от России, причем намечаются даже сроки, и 6) что предположение прокурора о подложности некоторых воззваний не подтверждается положительными данными. Таким образом, Н. Герард указывает на государственную измену.

Все это было написано 4 месяца назад, но дело не подвинулось ни на шаг. Общество «Войма» продолжает свою деятельность, оружие ввозится. Кроме писания Н. Герард, как и следовало ожидать, никаких действительных мер не принял. 29 апреля за № 2777 Н. Герард посылает новое предписание прокурору Сената. Особого внимания заслуживает редакция этого предписания, исходящего от высшего представителя русской власти: «Ныне из помещенного в газетах содержания предложения, внесенного по сему делу адвокат-фискалом Нюбергсоном в абоский гофгерихт, я, однако, усматриваю, что адвокат-фискал дал по этому делу совершенно неправильное заключение и выступил в нем в роли защитника тайного союза "Войма", доказывая, что цель этого союза не только не может считаться преступною, но должна составлять долг каждого гражданина...» Отсюда следует заключить, что если бы шведоманские газеты были более осторожными, то Н. Герард так бы ничего и не знал, что делает прокурор и суд и, конечно, ничего не написал бы прокурору. В заседании абоского гофгерихта 4 июня И. Гумерусу*, как поверенному привлеченных к суду, оставалось только ссылаться на отзыв адвоката-фискала Нюбергсона и просить суд не входить вовсе в рассмотрение дела, так как обвиняемые не могут быть подвергнуты какому-либо наказанию. Допрошенные судом члены союза «Войма» К. Маннелин, магистры Фабрициус[527] и Мексмонтан, Стенберг[528] и др. отказались указать источники средств союза, откуда они получают жалованье, указали, что оружие поставляет «целый консорциум», не входящий в правление союза. К. Маннелин дополнил, что союз «Войма» ставил своей задачей в случае возможной новой реакции всеми находящимися в распоряжении средствами защищать свободу страны и граждан. У союза было более 100 отделений в крае. Что если Монарх, паче чаяния, снова обратился бы к насильственным мерам, то он, Маннелин, считает долгом каждого гражданина бороться, причем употребление оружия стало бы возможным.

Заниматься вопросом о консорциуме, вооружающем весь край, суд нашел излишним.

Циркуляры союза «Войма», выпущенные в Гельсингфорсе в мае сего года, сообщают следующее. Союз находит, что адвокат-фискал Нюбергсон слишком открыто заступается за союз, вынуждая таким образом Н. Герарда обратить официальное внимание на его действия, а это все-таки вредит делу, хотя в благоприятном решении абоского суда сомневаться нельзя; что союз действует энергично, хотя под другим названием; что флаг финляндского государства будет белый с двумя синими параллельными полосами вдоль и поперек, в углах останутся белые квадраты, а на середине между полосами будет финляндский герб. Союз одобряет осторожные действия Мехелина, так как союз еще не настолько приготовлен, чтобы его поддержать открыто. Пример польского восстания рекомендует соблюдение крайней осторожности; пусть сперва русские приготовят почву, – глубокие борозды легче провести в рыхлой земле. Кадеты и революционеры помогут в благодарность за разрешенные им съезды в Финляндии. Циркуляр кончается словами: «Дай Бог, чтобы дядя Герард остался у нас подольше, тогда все пойдет хорошо, но если на его место назначат кровопийцу Бекмана[529], то наше освобождение придется отложить на более удобное время».

Итак, по делу о вооружении Финляндии занимаются следующие лица: генерал-губернатор Герард, прочитав болтливые шведоманские газеты, продолжает переписку с прокурором Сената. Сенат награждает членов союза «Войма» пенсиями (полицм. Эман) и связь свою с деятельностью союза поддерживает через некоторых своих членов. В свою очередь Герард представляет прокурора, Мехелина, Вреде и др. к высоким наградам, прокурорский

* *Правильно – Гуммерус.*

надзор силится доказать, что цель союза – это есть священный долг каждого финляндского гражданина.

Министр-докладчик А. Лангоф, разойдясь с мнением Герарда о преступности целей союза «Войма», рассылает бесплатно, даже при собственноручных письмах, статс-секретарскую брошюру «По поводу преступного распространения нелепых слухов о вооружении Финляндии»; брошюрой этой Лангоф имел наивное, чтобы не сказать иначе, желание наградить «Правительственный Вестник», но тут словами Кречинского он мог только сказать: «Сорвалось!»

Союз «Войма» получает оружие от какого-то «консорциума», ознакомиться с которым Герард видимо вовсе не желает, вооружает своих членов, назначает собрания и знакомит отсутствующих своих членов рассылаемыми циркулярами с текущею своею деятельностью.

Конечный результат этих занятий ясен, также как и решение, какое будет вынесено из храма финляндской Фемиды.

Но не пора ли эту комедию кончить? Не время ли прекратить это глумление финляндцев над русскою властью на этой окраине? Расследование дела о ввозе оружия в Финляндию, о целях общества «Войма», о разных консорциумах по доставке военных припасов должно происходить под непосредственным руководством и наблюдением имперских властей. Здесь затрагиваются интересы высокогосударственного значения; дело идет о водворении спокойствия во всей империи и прежде всего на наших окраинах. Полная наша неосведомленность того, что делается на окраине при Герардах и докладчиках Лангофах, влечет за собою вопросы об автономиях. Мы рвем Россию на части собственными руками!!! Не революция ли это на казенные средства с казенными чиновниками?

Опубл.: Новое время. 1907. 29 июня (12 июля). № 11240.

№ 252А. Отношение № 1204 статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа председателю Совета министров П.А. Столыпину о выработке в Сенате новой Формы правления с приложениями

9(22) июля 1907 г.

Его Превосходительству П.А. Столыпину

Милостивый государь,
Петр Аркадиевич.

Письмом за № 3515 Ваше Превосходительство просили меня сообщить Вам копию ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, согласно коему ИМПЕРАТОРСКИЙ Финляндский Сенат приступил к составлению проекта новой Формы правления для Финляндии, при чем указали, что, по Вашему мнению, вопрос о дальнейшем направлении такого законопроекта, до доклада ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, подлежит обсуждению Совета министров с точки зрения статьи 2 основных государственных законов Российской империи.

Во исполнение выраженного Вашим Превосходительством желания и в объяснение того положения, в котором находится вопрос о составлении новой Формы правления для Финляндии, имею честь препроводить при сем копии моего по этому предмету всеподданнейшего доклада от 7/20 февраля 1907 года за № 44. Из этого доклада усматривается, что о разработке Сенатом материалов для составления помянутого законопроекта было своевременно доложено ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и что главным основанием для этой законоподготовительной работы послужило неисполненное до настоящего времени ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление в Бозе почивающего ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, изъясненное в прилагаемых при сем в копиях: ВЫСОЧАЙШЕЙ речи ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА при открытии Сейма 1863 года и ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной 7/19 декабря 1864 года инструкции Комитету, на который было возложено составление проекта объяснений и дополнений Основных законов Великого княжества. Затем, хотя по

силе §§ 26 и 29 Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского от 7/20 июля 1906 года право законодательной инициативы по вопросам, касающимся основных законов, принадлежит исключительно Государю Императору и Великому князю, но за силою § 14 Учреждение ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената от 13 сентября 1892 года и Сенат пользуется правом представлять на ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА благоусмотрение мнение о признаваемых Сенатом нужными законодательных мерах. Обсуждению же на Сейме, как это объяснено и в вышеупомянутом всеподданнейшем моем докладе от 7/20 февраля сего года, такой законодательный вопрос может подвергнуться конечно лишь в том случае, если ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно будет передать на рассмотрение Сейма соответствующее Высочайшее предложение.

Что же касается затронутого Вашим Превосходительством вопроса о дальнейшем направлении проекта новой Формы правления для Финляндии, то обязываюсь сообщить, что по поступлении сего проекта в статс-секретариат вместе с заключением по оному Финляндского генерал-губернатора, все требуемые законом 1 августа 1891 года меры будут с моей стороны своевременно приняты.

К сему присовокупляю, что при всеподданнейшем докладе 7/20 февраля сего года настоящего дела, Его Величеству благоугодно было высказать предположение о составлении Особой смешанной комиссии из представителей империи и Великого княжества, которой надлежало бы представить свое заключение по имеющему быть составленным Финляндским Сенатом законопроекту; но рассмотрение законопроекта в смешанной Комиссии конечно не препятствует обсуждению его и в Совете министров, если Ваше Превосходительство признаете его подлежащим такому обсуждению.

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности

А. Лангоф

№ 1204[а]
9/22[а] июля 1907 года

Пометы: сверху справа чернилами: 12/VII 907 г. *Сверху по центру синим карандашом*: 11 июля к с Мр. *Слева сбоку синим карандашом*: к докладу.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 57–59. Машинописный текст на полулистах с бланком «Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского». Бумага с водяными знаками: Original Ligat Mills. Подпись Лангофа – автограф.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [1]. С. 5–16.

№ 253. Особый журнал Совета министров по проекту нового постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи[530]

20 июля (2 августа) 1907 г.

ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ
20 июля 1907 года
По проекту нового постановления о порядке приобретения прав
финляндского гражданства уроженцами империи

Одновременно с ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИМ одобрением 20 апреля 1906 года проекта предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было ВЫСОЧАЙШЕ повелеть ИМПЕРАТОР-

[а] *Вписано чернилами.*

СКОМУ Финляндскому Сенату выработать без замедления проект нового постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи, с тем, чтобы при составлении этого проекта были приняты в соображение касающиеся означенного вопроса суждения по поводу § 5 проекта Сеймового Устава, изложенные в журнале ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного в прошлом году под председательством статс-секретаря Фриша Особого совещания для рассмотрения проекта ВЫСОЧАЙШЕГО предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе.

Во исполнение изъясненной монаршей воли Сенат выработал проект постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан, а министр статс-секретарь Финляндии, предварительно представления сего проекта на ВЫСОЧАЙШЕЕ утверждение, сообщил его на заключение Министерств внутренних дел и финансов.

Названные ведомства, рассмотрев означенный законопроект и руководствуясь указаниями, преподанными в циркулярном письме председателя Совета министров от 5/8 января сего года о порядке направления министру статс-секретарю Финляндии заключений министров империи, доставили проекты своих отзывов по настоящему делу председателю Совета, признавшему необходимым ввиду важности дела подвергнуть его обсуждению в Совете министров.

Приступив к рассмотрению упомянутого законопроекта в связи с представленными ведомствами заключениями, Совет министров обратил, прежде всего, внимание на то, что, как видно из отзыва министра внутренних дел, выработанный Финляндским Сенатом проект постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи вызвал со стороны финляндского генерал-губернатора двоякого рода замечания: первоначальные, более подробные, и последующие, весьма краткие и значительно отступающие от первых. Последние – указанные краткие замечания и были сообщены министром статс-секретарем Финляндии имперским министрам, но при этом им не было указано оснований предлагаемых генерал-губернатором изменений в проекте. Поэтому, признав нужным ознакомиться также и с теми мотивами, на коих основан был отзыв Финляндского генерал-губернатора, гофмейстер Столыпин просил министра статс-секретаря Финляндии прислать ему копию с отзыва по сему делу действительного тайного советника Герарда. В ответ на это генерал-лейтенант Лангоф, препровождая копию с просимого отзыва, сообщил, что «возражения Финляндского генерал-губернатора по представленному Сенатом проекту были в отношении министра статс-секретаря *изложены с некоторыми отступлениями от помянутого отзыва генерал-губернатора*, по взаимному соглашению с действительным тайным советником Герардом, *несколько изменившим* первоначальное свое по сему делу заключение». Из дальнейшего изложения усматривается, что соглашение это достигнуто путем словесных переговоров при личном свидании генерал-лейтенанта Лангофа с действительным тайным советником Герардом, причем, по-видимому, в письменную форму облечено оно не было, и, таким образом, те мотивы, которые побудили генерал-губернатора отказаться от своего первоначального, весьма обстоятельно разработанного и обоснованного заключения, остаются неизвестными. По этому поводу министр внутренних дел счел нужным отметить, что едва ли такой способ действий может быть признан отвечающим цели всестороннего выяснения дела.

Переходя затем к обсуждению самого законопроекта, гофмейстер Столыпин остановился сначала на вопросе о том порядке, в каком этот законопроект должен быть рассмотрен и издан. Ни первоначальное, ни позднейшее заключения генерал-губернатора совершенно не касаются этого вопроса, и только из отношений министра статс-секретаря возможно усмотреть, что он предполагает разрешить это дело путем всеподданнейшего доклада в порядке местного финляндского законодательства. С такой точкой зрения министр внутренних дел считает невозможным согласиться ни с формальной стороны, ни по существу. С формальной стороны подобное направление настоящего дела представляется недопустимым уже потому, что § 7 проекта намечает к отмене ряд узаконений, из коих, например, ВЫСОЧАЙШЕЕ постановление от 1 марта 1858 г. и два ВЫСОЧАЙШИХ постановления от

29 марта того же года внесены в свод законов Российской империи (П.С.З. № 32709, 32770, 32814; Зак. сост., ст. 14 (прим.), прил. Б. отд. I и II); по существу же, этот законопроект является настолько близко затрагивающим серьезнейшие интересы империи, что его с полным основанием можно назвать в одно и то же время и законом финляндским, и законом русским.

Рассматриваемый законопроект является типичным образцом законов общегосударственного значения, а потому разрешение его в порядке местного законодательства, как то предполагает министр статс-секретарь, – явилось бы, по мнению гофмейстера Столыпина, нарушением статьи 2 основных государственных законов, согласно которой Великое княжество Финляндское управляется на основании особого законодательства лишь во *внутренних* своих делах. Ввиду сего и так как настоящий вопрос, как объяснено выше, не может быть отнесен к числу «внутренних дел Финляндии», то следует признать, что дальнейшее движение его могло бы последовать не иначе, как в порядке общеимперского законодательства. Что касается существа содержащихся в обсуждаемом проекте правил, то в этом отношении министр внутренних дел отметил, что в первоначальном заключении финляндского генерал-губернатора приведен подробный сравнительный очерк правового положения русских в Финляндии и финляндцев в империи, причем действительный тайный советник Герард с полной основательностью указывает, что если в империи финляндские граждане вполне уравнены в правах с русскими уроженцами, то в Финляндии, наоборот, уроженцы империи поставлены в положение иностранцев. Эта разница принципов, положенных в основание законодательств империи и Финляндии по данному предмету, отражается и на тех нормах, коими определяется перечисление русских уроженцев в финляндское гражданство и обратно. Так, по законам империи, для перечисления финляндских уроженцев в сельские и городские общины необходимо лишь соответствующее распоряжение казенной палаты, между тем как по финляндским законам перечисление русских уроженцев в Финляндию обставлено весьма строгими и стеснительными условиями.

На это обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание, но разрешение данного вопроса в желательном для русских смысле всегда встречало противодействие со стороны Финляндии. За последнее время такое требование было вновь выдвинуто в Особом совещании под председательством статс-секретаря Фриша для рассмотрения проекта ВЫСОЧАЙШЕГО предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе. Названное Совещание в лице своего председателя и русских членов находило, однако, возможным сделать Финляндии некоторые уступки в данной области и, не настаивая на *полном* уничтожении особого акта перечисления, наметило максимум требований, которые «могли бы быть приняты в качестве оснований для приобретения русскими уроженцами прав финляндского гражданства вообще» (журнал, стр. 8). «Разрешение этого специального вопроса, – говорится далее в журнале, – не может, однако, иметь место в Сеймовом Уставе, и означенный принцип, по мнению председателя и двух членов, мог бы быть принят в качестве руководящего начала в будущем при предстоящем пересмотре правил о порядке перечисления русских уроженцев в Финляндии».

По всеподданнейшему докладу означенного дела, ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ 20 апреля 1906 г. благоугодно было, как указано выше, ВЫСОЧАЙШЕ повелеть Финляндскому Сенату выработать проект нового постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи с тем, чтобы при составлении этого проекта были приняты в соображение основания, изложенные в журнале Особого совещания по поводу обсуждения § 5 проекта Сеймового Устава.

Из соображения вышеизложенных обстоятельств настоящего дела министр внутренних дел приходит к заключению, что по смыслу ВЫСОЧАЙШЕГО повеления 20 апреля минувшего года выработанный Сенатом законопроект должен бы содержать в себе нормы, облегчающие и упрощающие переход российских уроженцев в число граждан Великого княжества.

Ближайшее ознакомление с отдельными правилами законопроекта убеждает, однако, министра внутренних дел, что эта ВЫСОЧАЙШЕ предуказанная цель Сенатом в значительной мере затруднена и осложнена ненужными подробностями. Так, сокращая срок обязательного, до перечисления, пребывания в Финляндии с шести до трех лет и тем, с внешней стороны, как бы облегчая условия перехода русских уроженцев в финляндское гражданство, проект в то же время вводит в эти условия ряд новых требований, совершенно неизвестных действующему законодательству, как то: требование двукратного засвидетельствования благонадежности просителя и требование согласия той общины, где проситель намерен поселиться. Указанные требования по существу своему таковы, что фактически они неизбежно поставят разрешение на переход в финляндское гражданство в полную зависимость от свободного усмотрения местных властей. С другой стороны, в законопроекте совершенно упускается из вида второе из намеченных Совещанием условий перечисления, а именно трехлетнее владение недвижимостью в Финляндии, а существующее в действующем законодательстве правило о приобретении прав финляндского гражданства поступлением на службу края – предположено к отмене, притом в порядке местного законодательства, хотя правило это внесено также в свод законов Российской империи (Зак. сост., ст. 14 (прим.), прил. Б). Наконец, проект не обнаруживает никаких попыток устранить начавшееся уже издавна смешение понятий подданства и гражданства и скорее даже затемняет этот вопрос, вполне ясно разрешенный финляндским Уголовным уложением в том смысле, что финляндцы – российские подданные. Что касается отзыва министра финансов, то статс-секретарь Коковцов отметил, что, согласно указаниям в журнале Особого совещания статс-секретаря Фриша, право приобретать финляндское гражданство следует предоставить не только тем русским уроженцам, которые прожили в Финляндии в течение 3 лет, но и тем, имущество которых занесено в манталыные списки на предмет взимания налогов в последние три года. Подобная постановка этого вопроса, по мнению министра финансов, представляется тем более справедливой, что и при таких условиях русские уроженцы будут пользоваться меньшими правами сравнительно с правами финляндских уроженцев, для перехода которых в империю не требуется ни предварительного проживания их в течение определенного срока в империи, ни владения там недвижимым имуществом, так как для перечисления финляндцев в мещане или крестьяне империи необходимо лишь представление приемного приговора подлежащих мещанского или сельского общества или волостного схода, а также документов, удостоверяющих самоличность просителя и принадлежность его к числу финляндских уроженцев.

Сообразив изложенное и разделяя со своей стороны вышеприведенные заключения министров внутренних дел и финансов по рассматриваемому законопроекту, Совет министров остановил свое внимание, главным образом, на затронутом гофмейстером Столыпиным формальном вопросе о порядке направления означенного дела. В сем отношении Совет усматривал, что обсуждаемый законопроект, отменяющий ряд узаконений, из коих некоторые внесены в свод законов Российской империи, по существу своему непосредственно затрагивает ее коренные интересы, ибо касается определения личных прав, предоставляемых уроженцам империи по перечислению в финляндское гражданство. Отсюда следует, что этот законопроект, относящийся к области общих для империи и Великого княжества дел, в равной мере затрагивающих интересы и империи, и Финляндии, может получить правильное разрешение лишь в порядке общегосударственного законодательства. Изъясненный взгляд находит себе авторитетное подтверждение и в трудах ВЫСОЧАЙШЕ учрежденного в 1892 году под председательством действительного тайного советника Бунге Совещания для рассмотрения всеподданнейшей записки Финляндского генерал-губернатора по делу о кодификации Основных законов Великого княжества Финляндского. Согласно заключениям названного Совещания, принятым и финляндскими его членами, к категории общих для всей империи со включением Великого княжества Финляндского законов отнесены были, между прочим, следующие предметы: 1) общие условия принятия иностранцев в подданство по всей империи с включением Великого княжества, и 2) порядок приобретения

прав финляндского гражданства уроженцами империи и порядок приписки финляндских уроженцев в русских губерниях.

Обращаясь далее к существу того порядка, в котором должны быть разрешаемы в настоящее время подобные обсуждаемому законопроекту дела общегосударственного значения, Совет министров принял на вид, что основными правилами 3/15 февраля 1899 года был установлен особый порядок составления, рассмотрения и обнародования законов, издаваемых для империи с включением Великого княжества Финляндского, но за силой Манифеста от 22 октября/4 ноября 1905 г. действие указанных основных правил было приостановлено, а возвещенная в Манифестах от 6 августа 1905 года и 20 февраля 1906 года ВЫСОЧАЙШАЯ воля о том, что о порядке обсуждения таковых законов в свое время имеют быть преподаны особые указания, не приведена еще в исполнение. При таких условиях единственным основанием для разрешения возникающего вопроса должны почитаться ныне основные государственные законы, ограничивающие пределы особого финляндского законодательства исключительно внутренними делами Великого княжества (Осн. Гос. зак., ст. 2) и устанавливающие для всех прочих законодательных дел единый и одинаковый по отношению ко всем частям государства Российского порядок законодательства через Государственную думу и Государственный совет (Осн. Гос. зак., ст. 7 и 86). В этом именно порядке, по убеждению Совета министров, и мог бы только получить осуществление выработанный ИМПЕРАТОРСКИМ Финляндским Сенатом законопроект о порядке перечисления русских уроженцев в Финляндию, причем предварительно он подлежал бы точному согласованию с замечаниями имперских ведомств, из числа коих военное и морское, вопреки ВЫСОЧАЙШЕМУ постановлению 1 августа 1891 г., не были запрошены генерал-лейтенантом Лангофом, хотя перечисление русских уроженцев в Финляндию непосредственно связано с изменением условий отбывания ими воинской повинности. Соответственно с этим, настоящее дело имеет получить дальнейшее движение не иначе как по одобренному Советом министров законодательному представлению министра внутренних дел в Государственную думу. При этом гофмейстер Столыпин в присутствии Совета заметил, однако, что он, со своей стороны, во внимание к неспокойному в политическом отношении внутреннему состоянию империи, считал бы немедленное возбуждение подобного вопроса несвоевременным, так как борьба с непрекращающейся преступной деятельностью отдельных лиц и целых сообществ могла бы еще более затрудниться в случае облегчения условий приобретения прав финляндского гражданства русскими уроженцами.

Считая излишним, ввиду изъясненного заявления министра внутренних дел входить в подробное обсуждение отдельных постановлений проекта, Совет министров признал тем не менее вполне правильным мнение управляющего Министерством юстиции сенатора Люце, заметившего, что вопрос о порядке перечисления русских уроженцев в Финляндию не должен быть рассматриваем отдельно от более общего вопроса – о правовом положении русских в Финляндии. Неразрывная связь между этими двумя вопросами усматривалась также Финляндским генерал-губернатором в первоначальном его по данному делу отзыве. Изъясненного взгляда придерживается и Совет министров, полагающий, что последнеуказанный вопрос может быть разрешен в свое время лишь в смысле полного уравнения правового положения русских в Финляндии и финляндцев в империи.

Руководствуясь приведенными суждениями, Совет министров *полагает*:

Выработанный ИМПЕРАТОРСКИМ Финляндским Сенатом проект ВЫСОЧАЙШЕГО постановления о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан признать подлежащим направлению в порядке общеимперского законодательства (Свод зак., т. I, ч. I, изд. 1906 г., ст. 86), с предоставлением министру внутренних дел, когда он признает сие своевременным, внести соответствующий по указанному предмету законопроект на законодательное рассмотрение.

О вышеизложенном Совет министров долгом почитает всеподданнейше повергнуть на ВЫСОЧАЙШЕЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благовоззрение и уведомить Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Финляндии.

Подписи: П.А. Столыпин, А.А. Поливанов[531], А.И. Николаев, М.А. Остроградский[532]
Скрепа: Помощник управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве.
Пометы: слева сверху рукой Николая II:
Согласен. *Справа сверху рукой делопроизводителя:* Собственной Его Величеств рукой написано:
«Согласен» в Петергофе, августа «19» дня 1907 г. Председатель Совета министров Столыпин[а].

Опубл.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг.. М., 2011. С. 523–527 (публ. по: Ф. 1276. Оп. 20. Д. 13. Л. 167–172; Ф. 1276. Оп. 18. Д. 21).

№ 254. Доклад председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору Николаю II о неправомерности разработки новой Формы правления Сенатом с предложением приостановить эту работу[533]

[24 июля (6 августа) 1907 г.]

По составленному Императорским Финляндским Сенатом проекту
Высочайшего предложения Сейму об издании новой
Формы правления для Финляндии

Ввиду дошедших до меня сведений о том, что Императорским Финляндским Сенатом изготовлен проект Высочайшего предложения Сейму об издании новой Формы правления для Финляндии, я обратился к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского с письмом, в котором просил уведомить меня, на основании какого Высочайшего повеления Сенат приступил к составлению проекта Формы правления. Одновременно с сим я просил исправляющего должность Финляндского генерал-губернатора доставить мне для ознакомления текст упомянутого предложения, в ответ на что генерал-лейтенант Бекман сообщил мне три экземпляра русского перевода названного законопроекта, отпечатанного в сенатской типографии в Гельсингфорсе.

С своей стороны, генерал-лейтенант Лангоф препроводил ко мне копию всеподданнейше представленного Вашему Императорскому Величеству 7 февраля текущего года доклада, содержащего в себе донесение о работах Финляндского Сената по данному предмету, причем, в объяснение обстоятельств настоящего дела, особым письмом на мое имя, сообщил, что главным основанием для упомянутой законодательной работы послужило неисполненное до настоящего времени Высочайшее повеление в Бозе почившего Императора Александра II, изъясненное в Высочайшей речи при открытии Сейма 1863 г. и Высочайше утвержденная 7/19 декабря 1864 года инструкция Комитету, на который было возложено составление проекта основных законов Великого княжества Финляндского. Независимо от сего, Финляндский Сенат руководствовался также § 14-м своего Учреждения, изданного в 1892 году, по силе коего Сенат пользуется правом представлять на Высочайшее благоусмотрение мнение свое о признаваемых им нужными законодательных мерах. Обсуждение же на Сейме таковой законодательный вопрос может подвергнуться лишь в случае, если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет передать Сейму соответствующее Высочайшее предложение. К изложенному генерал-лейтенант Лангоф присовокупил, что, при всеподданнейшем докладе 7/20 февраля сего года настоящего дела, Ваше Императорское Величество соизволили высказать предположение о составлении смешанной Комиссии из представителей империи и Великого княжества, которой надлежало бы представить свое заключение по имеющему быть составленным Финляндским Сенатом законопроекту.

Повергая настоящее дело на Ваше, Всемилостивейший Государь, благовоззрение, вменяю себе в обязанность всеподданнейше доложить, что я с своей стороны не могу признать

[а] *Подпись – автограф.*

сделанныя Финляндским Сенатом распоряжения о составлении проекта упомянутого предложения отвечающими закону, равно как и сообщенные министром статс-секретарем объяснения по сему предмету достаточно обоснованными.

Так, обращаясь, прежде всего, к приведенному генерал-лейтенантом Лангофом указанию о том, что главным основанием для упомянутой законодательной работы послужило неисполненное, будто бы, до сего времени Высочайшее повеление Императора Александра II, преподанное еще в 1863 и 1864 гг., почитаю долгом всеподданнейше объяснить, что означенное повеление не может считаться сохранившим доселе свою силу, так как во исполнение сего повеления Финляндским Сенатом был своевременно выработан и представлен проект Формы правления для Финляндии, который, ввиду многочисленных его недостатков, не удостоился Высочайшего одобрения и был оставлен без дальнейших последствий. Ввиду сего в 1884 году Финляндский Сенат мог приступить к составлению нового законопроекта по тому же предмету лишь в силу особого Высочайшего повеления в Бозе почивающего Родителя Вашего Императорского Величества, блаженной памяти Императора Александра III, учредившего Временный комитет для выработки систематического свода всех действующих узаконений, относящихся к государственному праву Финляндии. Составленный Комитетом проект Формы правления был сообщен вместе с замечаниями министра юстиции и главноуправляющего кодификационным отделом при Государственном совете на рассмотрение Императорского Финляндского Сената. Предполагалось, что труды Сената будут переданы при Высочайшем предложении земским чинам Финляндии, но взамен того, согласно Высочайшему повелению от 14/26 января 1892 года, они поступили на дальнейшее обсуждение Особого совещания под председательством действительного тайного советника Бунге вместе с выработанным Финляндским генерал-губернатором графом Гейденом проектом «Учреждения управления губерний Великого княжества Финляндского». В заседании названного Совещания 25 октября 1892 г. председателем его была высказана мысль, что вопрос о внесенных в Совещание проектах не может быть разрешен до установления твердого порядка рассмотрения и издания касающихся Финляндии общегосударственных законов. Поэтому, оставив в стороне составленный Сенатом законопроект, Особое совещание посвятило свои труды, главным образом, разработке проекта правил о порядке общегосударственного законодательства, который, впрочем, точно также не получили Высочайшего утверждения. Окончательное разрешение сего последнего вопроса последовало лишь 3 февраля 1899 г., когда по предварительном обсуждении его в новом Совещании под председательством Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича были изданы Манифест и Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов общих для империи и Великого княжества Финляндского. Что же касается выработанного Сенатом проекта Формы правления и других проектов, то для рассмотрения их была образована особая Комиссия под председательством тайного советника Неклюдова, за смертью его не закончившая своих трудов*[1]. Изложенная история вопроса о новой Форме правления для Финляндии позволяет заключить, что хотя труды означенных Комиссий и не удостоились Высочайшей санкции, но обстоятельство это не может еще служить основанием к тому, чтобы считать вышеупомянутые Высочайшие повеления 1864 и 1884 гг. сохранившими силу и до сих пор, так как финляндские учреждения в свое время выполнили данные им поручения.

Признавая, таким образом, приведенное соображение, послужившее, по свидетельству министра статс-секретаря, главным основанием для Сената к составлению упомянутого законопроекта, не имеющим значения, я вместе с тем обязываюсь всеподданнейше доложить, что, по мнению моему, современное положение обсуждаемого вопроса находится в условиях, близко напоминающих обстоятельства, с которыми в 1892 году пришлось встретиться Особому совещанию действительного тайного советника Бунге при рассмотрении одно-

*[1] Согласно Выс. нов. 1891 г. проект Формы правления подлежал рассмотрению в Гос. совете. (*Прим. док.*)

родных проектов. Как и в то время, ныне точно также не имеется твердо установленного особого порядка издания общих для империи и Великого княжества законов, ибо действие Основных положений 3 февраля 1899 года за силою Манифеста 22 октября/4 ноября 1905 года приостановлено, а возвещенная в Высочайших Манифестах от 6 августа 1905 года и 20 февраля 1906 года Державная воля Вашего Императорского Величества о привлечении представителей Великого княжества Финляндского к участию в Государственной думе при обсуждении законопроектов сего рода доныне не нашла себе действительного осуществления. Вследствие сего, рассмотрение столь важного законопроекта, как предложение Сейму о новой Форме правления для Финляндии в порядке, установленном для дел чисто местного значения или хотя бы по предварительном обсуждении его в смешанной Комиссии из русских и финляндских юристов, не соответствовало бы общегосударственному характеру этого законопроекта, непосредственно затрагивающего достоинство, права и интересы империи.

Если бы, однако, Вашему Императорскому Величеству угодно было признать издание такового акта в настоящее время допустимым, то дальнейшее направление сего дела могло бы последовать, по моему крайнему убежденно, единственно в порядке, установленном в статье 86 Основных государственных законов, то есть через Государственную думу и Государственный совет. Действительно, в статье 2 упомянутых законов значится, что Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства. Из рассмотрения текста приведенной статьи явствует, что особый законодательный порядок установлен лишь для внутренних дел Великого княжества Финляндского и что, поэтому, дела общегосударственного значения (а следовательно, между прочим, и настоящее дело) подлежат направлению в общем определенном Основными законами законодательном порядке (Осн. Гос. Зак., ст. 86). Установление же особого порядка разрешения общегосударственных дел, затрагивающих вместе с тем и интересы Финляндии, потребовало бы введения в наши Основные государственные законы нового существенно изменяющего их правила, а, следовательно, означенная мера возможна лишь в том случае, если бы Ваше Императорское Величество в порядке статьи 8 тех же Основных государственных законов признали нужным изменить сии законы в целях выполнения предуказаний Ваших, последовавших в Манифестах 1905 и 1906 гг.

Переходя, за сим, к формальной стороне дела и останавливая свое внимание на соображениях, приведенных министром статс-секретарем в оправдание действий Финляндского Сената, самовольно приступившего к составлению проекта Высочайшего предложения Сейму о новой Форме правления, я не могу признать этих соображений заслуживающими уважения. Правда, § 14 Учр. 1892 года предоставляет Сенату право повергать на Высочайшее благоусмотрение мнение свое о признаваемых им нужными законодательных мерах, но такое право не заключает в себе полномочия представлять по своему почину на Монаршее воззрение проекты Высочайших предложений Сейму, особенно, как это имеет место в настоящем случае, по вопросам, касающимся Основных законов края. Право законодательной инициативы по вопросам сего рода всецело зависит от усмотрения Вашего Императорского Величества (Сейм. Уст., §§ 26 и 29), вследствие чего к составлению проектов предложений Сейму по таким вопросам Сенат может приступать не иначе, как по воспоследовали особого Высочайшего на то повеления. Так как, однако, в настоящем случае подобного повеления Сенату не было дано ни ранее, ни при всеподданнейшем докладе 7/20 февраля текущего года, то и составление им проекта Сеймового предложения о новой Форме правления следует признать действием незакономерным.

В заключение, не входя в подробное обсуждение выработанного Сенатом законопроекта во всей его полноте, почитаю долгом коснуться содержания некоторых отдельных его статей. В этом отношении не могу не заметить, например, что по силе §§ 60 и 62 некоторые отдельные отрасли законодательства и управления, как то: таможенное законодательство, а также заведование правительственными фондами, предположено передать в ведение Сей-

ма. Ввиду того, что в настоящее время эти предметы состоят в исключительном ведении Вашего Императорского Величества без всякого участия со стороны Сейма, с принятием настоящих предположений Сената область принадлежащих Вашему Императорскому Величеству прерогатив была бы существенно сокращена. С другой стороны, §§ 1 и 2 законопроекта стремятся присвоить Финляндии значение особого государства, состоящего в соединении с империей на началах унии, и, следовательно, стоят в прямом противоречии со статьею 2 Осн. гос. зак., по силе коей Великое княжество Финляндское составляет нераздельную часть Российского государства. Равным образом, § 2 п. 3 и § 59 п. 3 несовершенством своей редакции могут породить неправильную мысль, будто бы Финляндия обладает известными правами в области международных отношений.

Таким образом, Императорский Финляндский Сенат не только выработал проект Формы правления, не имея на то прямого Высочайшего повеления, причем в означенном проекте сделал попытку ограничить прерогативы Вашего Императорского Величества, но и вторгся в область Основных законов Российской империи, почин пересмотра коих не предоставлен ни Государственной думе, ни Государственному совету, ни Совету министров, а принадлежат единственно Вашему Императорскому Величеству (осн. гос. зак., ст. 8).

Не касаясь оценки таковых действий Императорского Финляндского Сената, приемлю долг всеподданнейше повергнуть на Ваше, Всемилостивейший Государь, благовоззрение, неблагоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству повелеть мне объявить Финляндскому генерал-губернатору для извещения Финляндского Сената: 1) что к разработке проекта Высочайшего предложения Сейму о новой Форме правления Сенатом приступлено без особого на то Высочайшего повеления; 2) что в составленном законопроекте о новой Форме правления для Финляндии усматриваются постановления, несогласованные со статьею 2 Основных государственных законов Российской империи, и 3) что затем все дальнейшие работы по сему делу должны быть немедленно приостановлены.

Пометы: на экз. РГИА сверху справа: **Копия** *На экз. ГА РФ сверху справа*: **Проект** № 18

ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1489. Л. 1–8. Машинопись на листах большого формата.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 77–84. Машинопись на листах большого формата (чистовой вариант). Л. 85–91 об. Машинопись на листах большого формата (черновой вариант с пометами Плеве).

№ 255. Запрос № 4765 председателя Совета министров П.А. Столыпина к временно исполняющему должность Финляндского генерал-губернатора В.А. Бекману о работе Комиссий Сейма и разработке Формы правления[534]

26 августа (8 сентября) 1907 г.

26 августа 1907 г.
№ 4765

Секретно
Его Пре-ву В.А. Бекману

Милостивый государь,
Владимир Александрович.

По имеющимся у меня сведениям, в Комиссии Основных законов ныне созванного Сейма Финляндии обсуждалась программа работ названной Комиссии, причем было решено программу эту представить на обсуждение общего собрания Сейма. В указанной программе первое место занимает вопрос о новой Форме правления для Великого княжества, который обсуждался Комиссией, несомненно по поводу и в связи с поданными на Сейм по сему предмету петициями.

Находя, что Финляндский Сейм, действуя таким образом, косвенным путем нарушает § 29 Сеймового Устава, предоставляющий лишь Монарху право инициативы по законам основным, препровождаю при сем Вашему Превосходительству в копии состоявшийся по

аналогичному случаю Высочайший рескрипт в Бозе почивающего Императора Александра II земским сословиям Великого княжества Финляндского по всеподданнейшей петиции их об издании закона о печати в Финляндии, данный в С.-Петербурге 27/15 марта 1872 года. Этим рескриптом разъяснено, что дарованным земским чинам правом петиции ни в чем не изменяется единственно Монарху принадлежащее право инициативы по вопросам, касающимся Основных законов края, а потому и время, и способ возбуждения таких вопросов зависят исключительно от монаршего благоусмотрения.

Вместе с сим имею честь просить Ваше Превосходительство своевременно поставлять меня в известность о ходе дел на Сеймe, в особенности по важнейшим вопросам настоящего момента.

Примите, милостивый Государь, уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: П. Столыпин

Верно: [a-]За экспедитора канцелярии Сената Вл. Зельман[-a]

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 93–93 об. Машинопись на листе большого формата с воспроизведением формуляра бланка «Председатель Совета министров». Внизу листа счищено две строчки записи.

№ 256. Отношение № 134895 министра внутренних дел П.А. Столыпина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о неправильном рассмотрении в Абоском гофгерихте дела об обществе «Войма»[535]

17(30) сентября 1907 г.

Секретно

Его Высокопрев[осходитель]ству

Н.Н. Герарду

Милостивый государь,
Николай Николаевич.

При целом ряде писем Вашему Высокопревосходительству разновременно было препровождено несколько копий с циркуляров существующего в княжестве преступного общества «Woima», каковые документы Вами были переданы прокурору Императорского Финляндского Сената вероятно с целью разоблачения означенной опасной организации.

Вслед затем Императорский Абоский гофгерихт, приступив к рассмотрению доставленных в гофгерихт, при посредстве прокурора Императорского Финляндского Сената, из канцелярии генерал-губернатора циркуляров и писем центрального комитета союза «Сила» (Woima), изобличающих противоправительственные направления и деятельность названного союза, обратился к генерал-губернатору с ходатайством о сообщении сведений о том, откуда и каким путем означенные циркуляры получены Министерством внутренних дел. Свое ходатайство гофгерихт мотивировал соображениями о том, что произведенным по предложению прокурора Сената Гельсингфорским городским фискалом дознанием, обнаружена подложность части вышеупомянутых документов. Принимая во внимание, что изданные от имени общества «Woima» и переданные засим в гофгерихт, в связи с возбужденным против членов этого союза судебным преследованием, материалы были сообщены в канцелярию генерал-губернатора из Департамента полиции, Вы предварительно дальнейших по сему делу сношений, приказали просить департамент сообщить свое заключение по поводу вышеизложенного ходатайства Абоского гофгерихта.

[a-a] *Вписано чернилами.*

В ответ на это директор названного департамента письмом за № 128440 уведомил действительного статского советника Книповича, что департамент мог бы войти в рассмотрение возбужденного гофгерихтом вопроса лишь по ознакомлении с расследованием, произведенным прокурором Сената, каковое дознание и было затем доставлено в переводе означенному департаменту.

По рассмотрении этого производства прежде всего оказалось, что оно имеет своим предметом расследование не преступной деятельности союза «Воїма», а вопроса о виновных в подлоге большинства из доставленных Вам циркуляров этого сообщества. Кроме того, прокурор Сената занялся также разработкою совершенно посторонних делу обстоятельств, касающихся преступных действий и. д. переводчика Вашей канцелярии Кахилаїнена, сообщившего присланные Министерством внутренних дел Вашему Высокопревосходительству документы газете «Uusi Suometar». При этом расследование о подлоге циркуляров «союза Woima» свелось к экспертизе почерков и стиля документов, признанных подлинными, с листками, объявленными подложными, а также к допросу целого ряда «господ» членов означенной противоправительственной организации. Опираясь на их заявлениях, а также на несходстве почерков (и еще на некоторых совершенно не существенных данных), прокурор пришел к выводу о подложности большинства циркуляров[536], упустив из виду, что заявления лиц, которые именно и должны быть обвиняемыми по этому делу, не могут иметь решающего значения, и что в сообществе может быть несколько лиц, на коих возлагается переписка воззваний, почему и означенное различие почерков не может иметь никакого значения. Подобное явно тенденциозное направление дела заканчивается дословно следующею фразою: «Но ввиду того, что на Министерство внутренних дел в империи указано как на ближайшее место появления этих документов, возможность производства дальнейшего следствия приходится считать исключенною».

Эта явно лживая инсинуация в связи с изложенною выше характеристикою всего производства, внесенного в Абоский гофгерихт, с очевидностью свидетельствует о полной невозможности доверять какие-либо деловые документы представителям Финляндской власти, ввиду чего возбужденное Абоским гофгерихтом ходатайство не подлежит удовлетворению.

Сообщая о сем для извещения сего судебного места о сущности моего распоряжения, я не могу вновь не отметить перед Вашим Высокопревосходительством этого нового доказательства полной неискренности финляндских властей и неуклонного стремления их использовать всякий случай во вред имперскому правительству вплоть до безнаказанного возведения в официальных бумагах клеветнических обвинений против целого министерства. Несомненно, что при более энергическом отстаивании интересов русской власти такие чиновники, как Альбрехт, позволивший себе включить в дознание вышеприведенную дерзкую фразу, не могли бы оставаться на службе, и такой исход мог бы быть при надлежащем настоянии достигнут, не взирая на ссылки финляндского правительства на законы, которые оно умеет применять весьма широко в случаях уличения кого-либо в симпатиях к России.

Примите, милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

П. Столыпин (подпись)

№ 134895

17 сентября 1907 г.

НАФ. Фонд 1-е отделение канцелярии генерал-губернатора, дело VI:2/1907, папка Fb:333. Машинопись на бланке «Министр Внутренних дел».

№ 257. Всеподданнейшая петиция Сейма Финляндии о новой Форме правления[537]

19 сентября (1 октября) 1907 г.

Копия с перевода всеподданнеїшеї петиции Сеїма Финляндии от 1 октября 1907 г.

При соединении Финляндии с Россиїскою империею Финляндии была гарантирована торжественными словами Монарха тогдашняя ее конституция. Основные законы Швеции, таковыми, как они действовали тогда, стали таким образом основою конституции страны.

Входившие первоначально в эти законы положения о составе и деятельности народного представительства, или Сеїмовыї Устав, были затем предпринятыми дважды, в 1869 и 1906 гг., изменениями совершенно обновлены. Законоположения же, составляющие Форму правления Финляндии, или, иначе говоря, правила об отправлении правительственноїї власти в Финляндии, были лишь в отдельных частях дополнены. Наш образ правления содержится, таким образом, все еще преимущественно в Форме правления 1772 г. и Акте соединения и безопасности 1789 года.

Эти последние Основные законы также уже давно нуждаются в соответствующеї реформе.

Уже непосредственно по выходе этих законов обнаружилось разногласие о настоящем их смысле. В особенности же редакция Акта соединения и безопасности местами неточна. Новые и еще большие несообразности были последствием того обстоятельства, что сии Основные законы Шведского государства при заложении фундамента настоящего политического положения Финляндии стали в новом положении Великого княжества Финляндского формою его правления. Некоторые положения этих Основных законов чрез присоединение Финляндии к Россиїскому государству потеряли сами собою смысл, другие же получили изменившееся значение.

Кроме нахождения, таким образом, первоначально двух, имеющих фундаментальное для нашего государственного строя значение, актов, из коих состоявшиїся позднее отчасти изменил положения более раннего, относящиеся к области образа правления определения встречаются также в сословных привилегиях. Наряду с сим имеют некоторые места королевского отдела земского уложения, ссылка на которое делается в Форме правления 1772 г., действующую силу. Некоторые положения были позднее отменены. Одно и то же место закона может, таким образом, содержать как действующие ныне, так и отмененные определения. К сему следует прибавить, что проведенными позднее законодательными мерами были сделаны важные прибавления к приведенным положениям, которые в то же время были дополнены, каковые прибавления и изменения, по свойству поименованных старых актов, не могли быть включены в оные.

Вследствие сего определения закона об образе правления в стране не имеют единства и точности, подобающих изложению закона вообще, а основного в частности.

Из такого положения вещеї вытекают значительные неудобства. Формальные недостатки в наших Основных законах затрудняют понимание настоящего их смысла тому, кто не имеет познаниї по истории права и правоведению, последствием чего были недоразумения и ложное толкование. Содержание этих законов, правда, не подает повода к сомнению в том, что касается жизненных вопросов нашеї страны, а вековое применение укрепило еще смысл их. Не взирая на все это, было бы крайне желательно, чтобы лжетолкования, имеющие целью уничтожить обеспеченную за страною государственную (statlig[а]) автономию, были лишены даже кажущеїся опоры. Одинаково необходимо изложить Основноїї закон так, чтобы граждане, так как закон должен служить для них руководством, без затруднения могли понимать его. Особенную важность обстоятельство это приобретает в стране, где существует всеобщее избирательное право.

[а] *Вписано чернилами.*

Образ правления у нас нуждается, однако, не только в формальной переработке, но и в дальнейшем развитии входящих в оный принципов.

Более ста лет прошло с того времени, когда увидели свет акты, имеющие фундаментальное значение для образа правления в стране. Законы оставались неизмененными, между тем, как время шло вперед. Развитие права и влияния народного представительства, необходимое для того, чтобы характер и культура народа могли получить вполне соответствующее выражение в действующем его законе, во многом еще не свершилось. Есть различные области законодательства и государственной жизни, которые существующий у нас образ правления или создавшийся за отсутствием точных положений обычай оставляют в одни руки правительства, но которые ныне получили значение, недоставшее им прежде, вследствие чего существовавшее во времена появления наших Основных законов соотношение между правительством и народным представительством подверглось изменениям в неблагоприятном для авторитета народного представительства направлении. На различных поприщах, на которых немногим более ста лет тому назад не сказывалась нужда в постановлениях конституционного характера, в настоящее время требуются законодательные меры и охрана в порядке конституционного законодательства.

Одно из начал существующего у нас образа правления составляет право народа к самообложению. Во время составления Формы правления, правда, право это толковалось и понималось так, что право таможенного обложения не принадлежало народному представительству, но это уклонение от указанного принципа не имело в то время особого значения ввиду малого количества таможенных поступлений. За время же, прошедшее с тех пор, произошли, однако, большие изменения. Таможенное обложение стало важнее всех других родов обложения в такой степени, что оно нынче составляет более 70 % общей суммы налоговых поступлений. Таможенный сбор, приходящийся на каждого обывателя, в течение неполного столетия стал пятьдесят раз больше первоначальной ставки. При таких условиях неимение Сеймом права высказываться по таковому обложению не соответствует духу наших Основных законов. Общая польза народа остается также необеспеченною, так как упорядочение такового, на экономии частного гражданина сильно отзывающегося и тоже ложащегося особенно на менее состоятельных граждан, обложения, требуют точного и всестороннего знакомства с нуждами народа, каковое знакомство может быть приобретено лишь при содействии народного представительства.

Но и в ином отношении положения существующего у нас образа правления нуждаются в развитии, а именно, в отношении прав Сейма по вопросам государственного хозяйства.

Пока постоянные расходы казны вообще покрывались ординарными доходами казны, могло казаться естественным, что правительство, независимо от Сейма, распоряжалось таковыми казенными средствами, так как правительство тогда было обязано этими же средствами справляться и с нуждами казны. Но после того, как в норму вошло то положение, что ординарных доходов казны недостает на нужды ее и означенная обязанность правительства, таким образом, на самом деле прекратилась, соответствующее сему право правительства оказалось противоречащим духу наших Основных законов, как это с очевидностью усматривается из п. 5 Акта соединения и безопасности и выражено также в § 43 Сеймового Устава. Так как необходимость новых налогов, в сущности, зависит от того, каким образом ординарные доходы казны расходуются, роспись же доходов и расходов казны составляет органическое целое, то право народного представительства обсуждать и решать, нужен ли новый постоянный или временный налог, вообще, и в каком размере, оказалось бы лишь кажущимся, если бы право представительства участвовать также и в определении употребления ординарных расходов казны не было вполне обеспечено законом. Почему в новую Форму правления должны бы войти положительные постановления о том, что Сейм имеет право участвовать в утверждении бюджета полностью. Ввиду того, что Сейм ныне собирается ежегодно, такому развитию прав Сейма не препятствуют даже такие помехи, которые раньше могли оказаться в том обстоятельстве, что финансовый период обнимал несколько лет.

Влияние на право народа к самообложению оказывают равным образом и те основные принципы, согласно которым дающее доход казенное имущество и казенные учреждения управляются, так как неизбежность налога в известной степени зависит от поступлений по ним, не говоря о том, что образ действий казны по этой части представляет и так не малый интерес для общественной экономии. Важно и поэтому, чтобы за представительством в Форме правления было обеспечено право участвовать в утверждении того экономического плана, по которому таковая государственная деятельность отправляется.

Кроме области государственно-экономической существуют другие важные сферы законодательства, в отношении которых права Сейма следовало бы выяснить и обеспечить Основным законом.

Сейм ограничивается здесь приведением из этих областей лишь двух. Основные законы Финляндии появились при таких обстоятельствах, когда потребность определений об официальном языке страны не чувствовалась, почему в них и нет прямых на этот счет указаний. Общее уложение содержит только предписание о том, что чужой язык не должен быть употребляем в приговорах, высказывая таким образом то важное основное правило, что язык народа должен быть официальным языком страны. В пределах, указанных этим общим принципом, правительство давало законы об употреблении финского и шведского языков в судебных и других присутственных местах. Однако, ввиду особых условий, законодательство о языках у нас является имеющим большое значение, близко затрагивающим права частной личности делом, почему настоящее законодательство во всем его объеме должно бы быть поставлено в зависимость от участия Сейма. Таковое право Сейма должно бы быть оговорено в Форме правления со включением входящего в действующий закон основного правила, что народ должен управляться и обслуживаться на собственном его языке[538].

Важную область в законодательстве, по которой в силу установившегося обычая Сейм не имел права участвовать, составляет учебное ведомство. Но в современном обществе дело обучения играет столь важную роль в жизни народа, что с интересами народа не вяжется, чтобы при определении руководящих норм учебного дела Сейм был в стороне. В Форме правления, поэтому, следовало бы оговорить, что Сейм имеет право участвовать в определении основ для организации университета и школ в стране.

Могучую опору своего национального существования народ Финляндии видит в том, что закон ненарушаемо соблюдается как чиновниками, так и частными лицами. По сему поводу Сейм находит необходимым, чтобы правовые гарантии в управлении страною по закону через новую Форму правления были дополнены и усилены. В действующем Сеймовом Уставе говорится, что Сейм имеет право проверять законность служебных распоряжений членов правительства. Законодательство, требуемое для осуществления такового права Сейма, еще не закончено, но Сейм ожидает Высочайшего по сему предмету предложения. Естественно, что принципы такового законодательства будут введены в кодифицированную Форму правления. Но по мнению Сейма было бы необходимо, чтобы в Форме правления наряду с изложением входящего в правовой наш порядок принципа, что каждый чиновник как высший, так и низший, ответственен за свои служебные действия, определения, касающиеся этого принципа, получили дальнейшее развитие.

К гарантиям, подлежащим введению в нашу правовую жизнь, Сейм считает относящимся и учреждение высшего суда с несменяемым составом. Принцип несменяемости судей, составляющий важную гарантию беспристрастия в отправлении правосудия, одно из начал наших старых Основных законов. Сему явно противоречит то обстоятельство, что правило это не проведено в отношении Высшего суда.

Державнейший, Всемилостивейший Государь Император и Великий князь.

Необходимость кодификации и новой редакции Формы правления Финляндии, равно как и развития изложенных в ней начал, уже давно признавалась и монархами страны. Августейший предшественник Вашего Императорского Величества, Государь Император и Великий князь Александр II, соизволил при открытии Сейма 1863 г. вы-

разиться: «Многие положения Основных законов Великого княжества не могут быть более применены к условиям, созданным соединением его с империею, другие же страдают отсутствием требуемой точности и определенности. Желая устранить эти недостатки, я дам выработать проекты различных разъяснений и дополнений к ним для передачи на рассмотрение земских чинов на будущем Сейме». Далее Монарх в этой же, вечно памятной тронной речи, дал слово, «придерживаясь конституционно-монархических начал, поддерживаемых убеждениями финского народа», расширить принадлежащее представительству страны по основным законам право самообложения. Когда же Государем Императором и Великим князем Александром II была назначена Комиссия, которой было поручено подготовить исполнение сего обещания, он в данной им Комиссии инструкции выразился, что содержание Формы правления должно было, согласно изложенным в ней принципам, быть подвергнуто дальнейшему развитию, в каковых видах было, между прочим, указано, что в Форму правления должны были войти постановления о том, что общие правила таможенного обложения определяются Монархом и представительством совместно и что принадлежащая Монарху юрисдикция отправляется Высшим судом, члены коего несменяемы. Особые обстоятельства имели последствием, что работа означенной Комиссии, равно как и проекты, выработанные назначенною Государем Императором и Великим князем Александром III с одинаковою целью Комиссиею, еще не стали законом.

В Высочайшем манифесте от 4 ноября (22 октября) 1905 г. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было заявить о всемилостивейшем соизволении на дальнейшее развитие установленных Основными законами прав финского народа и, согласно сему обещанию, утвердить для Финляндии основанный на всеобщем и равном избирательном праве совершенно переработанный Сеймовый Устав вместе с положениями конституционного характера, гарантирующими гражданам страны свободу слова, собраний и союзов.

Финляндский Сейм смелость приемлет всеподданнейше ожидать, что Ваше Императорское Величество соизволите провести соответствующую требованиям времени реформу финляндских Основных законов доведением до конца давно ожидаемой, долго подготовляемой законодательной работы для создания новой кодифицированной Формы правления для Финляндии.

По внесении на Сейме предложения об обращении к Монарху со всеподданнейшею петициею о составлении новой кодифицированной Формы правления, стало известным, что Финляндским Вашего Императорского Величества Сенатом на благовоззрение Вашего Императорского Величества повергнут всеподданнейший проект Высочайшего предложения по таковому законодательству. Сейм, тем не менее, считает своим долгом и со своей стороны высказать живо чувствуемое, независимо от общественного положения и разногласия во взглядах, всем народом Финляндии твердое упование на то, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет дать выработать и на конституционное рассмотрение Сейма передать Высочайшее предложение о новой, кодифицированной Форме правления, в которой действующие, относящиеся к области образа правления, положения были бы в развитом и дополненном, соответственно требованиям настоящего времени, виде собраны.

Финляндский Сейм пребывает, Державнейший, Всемилостивейший Государь Император и Великий князь, с глубочайшею верноподданническою преданностью. От имени Финляндского Сейма:

(Подписи тальмана и вице-тальманов)

Верность перевода удостоверена переводчиком канцелярии Финляндского генерал-губернатора Мелартиным[539].

С подлинным верно: За директора канцелярии
Финляндского генерал-губернатора Ганскау
Читали верно: За начальника отделения Зильберг[540]

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 128. Л. 2–6. Машинописный текст на полулистах большого формата с водяными знаками: герб Финляндии с текстом: № 2 Tervakoski Aktiebolag 1908. Подписи делопроизводителей – автографы. Подчеркивание красным карандашом. Л. 7 об. – 8 об. Типографский текст; Д. 66. Л. 472 об. – 475 об. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [5]. С. 2–8.

НАФ. Фонд статс-секретариат Великого княжества Финляндского, дело 949, папка Гь:33.

№ 258. Отношение № 5715 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров П.А. Столыпину о разработке в Сейме петиции о Форме правления[541]

21 сентября (4 октября) 1907 г.

21 сентября/4 октября 1907 года
№ 5715

Его Высокопревосходительству
П.А. Столыпину
г. председателю Совета министров

Милостивый государь,
Петр Аркадиевич.

Вследствие письма от 26 минувшего августа за № 4765[542] имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что вопрос о новой Форме правления, согласно сообщению Императорского Финляндского Сената от 25 сего сентября не передавался Сенатом ни Сейму, ни какой-либо из его Комиссий; на Сейме же означенный вопрос возник на основании представленных проектов петиций, в коих Сейму предлагается войти к Его Императорскому Величеству с всеподданнейшим ходатайством о том, чтоб Его Величество соблагоизволил, пользуясь принадлежащим Монарху единолично правом инициативы по вопросам, касающимся основных законов, Всемилостивейше повелеть выработать и передать Сейму Высочайшее предложение относительно новой Формы правления.

В настоящее время по рассмотрении в Сеймовой комиссии Основных законов вышеуказанных петиций, Сейм постановил представить на Высочайшее Государя Императора благовоззрение петицию по означенному вопросу.

В данном случае Сейм руководствовался § 28 Сеймового Устава 1906 года, на основании которого земские чины могут представлять Государю Императору петиции согласно представленному им перед сим праву. До издания же ныне действующего Сеймового Устава сеймовые сословия, по точному смыслу измененного Высочайшим Манифестом 13/25 июня 1886 года § 51 Сеймового Устава 1869 года, могли представлять Государю Императору петиции также по вопросам об установлении, изменении или отмене законоположений, относительно которых земские чины не имеют права предложения.

Доклад Комиссии по поводу означенной выше петиции выслушан и принят почти без прений.

Примите, милостивый Государь, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Н. Герард

Пометы: сверху слева чернилами: № 3054 *сверху справа*: 23С к СПр

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 95–95 об. Машинописный текст на квадратном листе с водяными знаками: KOH-I-NOOR P&H и бланком «Финляндский генерал-губернатор». Подпись – автограф.

ЧАСТЬ 7
Октябрь 1907 – май 1908 г.
Разработка Положения о порядке рассмотрения финляндских дел

№ 259. Из отношения № 6011 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров П.А. Столыпину о порядке ведения финляндских дел[543]

5(18) октября 1907 г.

5/18 октября 1907 года
№ 6011

Господину председателю Совета министров

При письме от 21 сентября с. г. за № 5148 Ваше Высокопревосходительство препроводили ко мне копию с Высочайше одобренного 15 сентября с. г. журнала Совета министров от 23 августа с. г. по проекту нового закона о свободе печати Финляндии и просили меня уведомить Вас о последующих моих распоряжениях по настоящему делу.

Прежде всего, что касается этого последнего вопроса, то я нахожу, что с моей стороны по этому делу в настоящем его положении не может быть сделано никаких распоряжений, так как принятые земскими чинами проекты законов о свободе печати и о дополнении главы 16 Уголовного уложения должны быть доложены Его Императорскому Величеству министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского с заключением по этим проектам Совета министров, после чего Высочайшее по этому делу повеление будет объявлено финляндским властям в установленном порядке и ими исполнено.

Но я не могу не остановиться на другом весьма существенном вопросе, который возникает сам собой при обсуждении настоящего дела, а именно вопросе о порядке рассмотрения таких законопроектов, которые касаются Финляндии и вместе с тем затрагивают существенные интересы империи.

Не могу прежде всего не приветствовать того внимательного отношения к этого рода законопроектам, которое замечается в последнее время со стороны Совета министров, обсуждающего подробно вопросы, по коим требуются заключения отдельных ведомств. До последнего времени этого не замечалось, и потому результатом направления таких законопроектов в министерства было обыкновенно сообщение краткого чисто формального отзыва, излагавшего лишь отношение того или другого ведомства к данному вопросу. Но как этот вновь введенный порядок обсуждения законопроектов, так и порядок доклада этих дел Его Императорскому Величеству представляется далеко несовершенными и приводят часто к нежелательным последствиям.

Согласно порядку, ныне действующему, генерал-губернатор этого края дает свое заключение по каждому законопроекту, направленному для доклада Государю Императору, будет ли то проект закона, издаваемого единолично Монархом или же проект закона, вносимого на обсуждение Сейма или уже принятого последним.

Но давая свое заключение, генерал-губернатор имеет в виду только те стороны вопроса и только те обстоятельства, которые затронуты законопроектом и на которых основываются его составители. В том случае, если этот законопроект затрагивает интересы империи и поэтому должен поступить на обсуждение имперских властей, генерал-губернатор не всегда знает, какие вопросы могут возникнуть при обсуждении законопроекта этими властями, какие могут встретиться против него возражения и какие могут возникнуть по

поводу такового сомнения. Если бы и генерал-губернатор, и представители местного Сената имели возможность обсудить совместно с представителями заинтересованных ведомств империи данный законопроект, то очень часто многие обстоятельства были бы полнее освещены, многие сомнения разъяснены и разномыслие во многих случаях было бы устранено и привело бы к приемлемому решению. При существующем же порядке может случиться одно из двух: или законопроект может пройти и получить Высочайшую санкцию без достаточного наблюдения интересов общегосударственных или же может случиться, что при издании соответствующего постановления не будет обращено достаточного внимания на интересы местные и таковое не будет согласовано с действующими в этом крае законами и ранее изданными постановлениями. Последнего рода явление к крайнему сожалению наблюдалось слишком часто в местном законодательстве в течение нескольких лет, предшествовавших изданию Манифеста 22 октября 1905 года. В этот период времени, как небезызвестно Вашему Высокопревосходительству, было издано для этого края очень большое число Высочайших постановлений, затрагивающих самые существенные интересы как русских уроженцев, так и всего государства. Но постановления эти не были согласованы с местным законодательством, часто противоречили коренным законам края, ранее удостоившимся Высочайшего утверждения, и результатом такого несоответствия было то, что эти Постановления были отменены в 1905 году ввиду петиций Сейма и представления местного Сената. Между тем такая постоянная отмена только что изданных Высочайших постановлений колеблет авторитет закона и может вселить среди местного населения убеждение, что законы, стремящиеся обеспечить общегосударственные интересы, есть нечто временное, случайное и являются лишь результатом личного взгляда данного представителя власти. Такое явление с точки зрения общегосударственных интересов, конечно, нельзя признать желательным и потому представляется необходимым так обставить обсуждение законопроектов, затрагивающих интересы империи, чтобы они были рассмотрены всесторонне, чтобы не были упущены никакие обстоятельства, но с должным вниманием были взвешены все доводы представителей власти и империи, и Финляндии.

Наконец, я не могу не обратить внимание Вашего Высокопревосходительства еще на порядок, в котором были в последнее время испрошены Высочайшие повеления по законопроектам, составленным в местных учреждениях для Финляндии. Согласно § I Отд. II Инструкции статс-секретариату Великого княжества Финляндского и п. I Высочайшего постановления 1 августа 1891 года о некоторых изменениях порядка производства дел и замещения должностей в высших правительственных учреждениях Финляндии, такие Высочайшие повеления должны быть испрашиваемы министром статс-секретарем Финляндии, который обязан делать и всеподданнейший доклад сих дел. Между тем журналы Совета министров по делам Финляндии в последнее время неоднократно подносились на Высочайшее утверждение без соблюдения сего порядка, причем в журналах этих оказывались положительные ошибки и обнаруживалось недостаточное знакомство с местным законодательством*[1]. Кроме того, нарушение столь существенного закона создает большие затруднения в дальнейшем ходе этих дел и вызывает в обществе справедливые нарекания.

Соображая все вышеизложенное, я остаюсь при мнении, что наилучшим способом разрешения дел, возникающих в Финляндии и имеющих общегосударственное с империей значение, было бы учреждение совета из представителей власти империи и Великого княжества.

Вопрос этот обсуждался в прошлом году в особом совещании под председательством бывшего председателя Государственного Сейма графа Сольского. В этом совещании я изложил тогда подробно свои предположения по сему вопросу, сводившиеся к тому, чтобы для

*[1] На такие ошибки я указывал в письмах моих на имя Вашего Высокопревосходительства от 16 сентября с. г. за № 5591 и от 21 сентября с. г. за № 5715 и в отношении от 16 сентября с. г. за № 5590. В настоящем журнале при обсуждении порядка рассмотрения законопроектов о печати упущен из виду новый Сеймовый Устав. (*Прим. док.*)

обсуждения финляндских законопроектов, затрагивающих интересы империи, был образован особый Совет под председательством лица по Высочайшему избранию из двух сенаторов Правительствующего Сената и двух сенаторов Императорского Финляндского Сената с тем, чтобы такого рода дела обсуждались в этом Совете при участии подлежащих министров, а также финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Финляндии, и чтобы заключение Совета докладывалось Его Императорскому Величеству одновременно с докладом представления Сената или Сейма по данному вопросу.

К сожалению, журнал означенного Совещания был составлен неудовлетворительно, так как в нем не только не было приведено мое мнение по возбужденному вопросу, но и ничего не было сказано о том, что председатель Совещания входил со мною по означенному вопросу в предварительное сношение. Вопрос этот не получил до сего времени разрешения, хотя, как изложено выше, разрешение его представляется настоятельным.

Генерал-губернатор (подписал) Н. Герард

Директор канцелярии (скрепил) Ф. Книпович

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 52–53 об. Машинописный текст с вопроизведением формуляра бланка «Финляндский генерал-губернатор», размноженный литографическим способом. Угасающий текст.

№ 260. Из протокольной записи обсуждения на Сейме вопроса об уплате миллионов по воинской повинности

15(28) октября 1907 г.

Отчет о прениях в заседании Финляндского Сейма 28 октября 1907 года по вопросу о пособии Государственному казначейству от финляндской казны на военные нужды за 1906 и 1907 годы.

Финляндский Сейм

Заседание 28 октября

Вопрос о 20 миллионах

(«Hufvudstadsbladet» № 295, 29 октября)

Деп. Эстландер[544] (Шв[едская] нар[одная] партия). Чем более проходит времени, тем более оправдывается то, от чего предостерегали подавшие особое мнение в Комиссии на Сейме 1904–1905 гг., а именно, что вследствие условий, при которых Сейму пришлось тогда принимать решение, это решение, ввиду возможной неосторожности его редакции, могло в будущем дать повод к притязаниям, которых страна не захочет или не сможет удовлетворить. Что редакция того ответа не во всем была удовлетворительна, это особенно сказалось при обсуждении ныне предлежащего Высочайшего предложения в Комиссии Основных законов. Выдающийся недостаток в ответе Сейма на Высочайшее предложение 1904–1905 гг. состоял, мне кажется, в том, что правовая сторона вопроса была изложена тогда в неясных выражениях, и в особенности то, что сказано касательно Устава о воинской повинности 1878 года, легко могло повести к невольному заблуждению. Вместе с тем, не было посвящено достаточного внимания тому, чтобы одобрение Высочайшего предложения надлежаще обеспечивало необходимость законодательных мер в области, затронутой решением, а именно по вопросу о воинской повинности в основном законе. При обсуждении дела в 1905 году я имел случай, противясь обсуждению Высочайшего предложения, напомнить вместе с тем, что Сейм должен ясно высказаться касательно Устава о воинской повинности 1878 года, поскольку он затронут в решении.

Ныне в особом мнении по поводу отзыва, данного, согласно предписанию Сейма, Комиссией Основных законов, я высказался о тех формальных условиях, при которых, по моему мнению, могло бы быть принято Сеймом решение об ассигновании подобного рода, и в особенности о том, насколько это Высочайшее предложение могло быть принято к рас-

смотрению. Мне кажется, что Комиссия Основных законов не вполне мотивировала свои утверждения. В особенности, по-моему, должна быть отвергнута мысль, что предлагаемая уплата русскому государственному казначейству должна быть рассматриваема в связи с вопросом о вознаграждении за то, что Устав 1878 г. ныне не применяется. Употребление финляндских статных сумм для указанной цели могло бы иметь место лишь при изменении Устава 1878 года, и так как подобного изменения не произошло, и этот Устав лишь фактически изъят из употребления, то из этого никоим способом нельзя, как это сделала Комиссия, вывести заключение, что издержки на военные надобности могут быть одобряемы, независимо от содержания этого Устава. Я не хочу ныне возбуждать разъясненный мною в особом мнении вопрос о том, что это Высочайшее предложение, противное Основным законам по своей исходной точке зрения и по содержанию, не должно приниматься к рассмотрению. Такое понимание дела очевидно не встретит сколько-нибудь сильной поддержки в Сейме. Но я принужден по другим причинам, подробнее развитым в моем особом мнении, настаивать на отклонении этого Высочайшего предложения.

Я чувствую себя обязанным сказать несколько слов о тех условиях, в которых было принято решение Сеймом 1904–1905 гг., а также о той политической точке зрения, с которой я вынужден рассматривать вопрос в настоящее время. Решение Сейма 1905 г. было принято в том предположении, что Монарх в Высочайшем предложении заявил о признании им за Сеймом права участия в законодательстве о воинской повинности, а также признал, что это законодательство может иметь место лишь при содействии Сейма в указанном Основными законами порядке. Далее, условием было признано также, что Высочайшее предложение по вышеуказанному предмету будет в ближайшем времени передано Сейму. Что касается первого предположения, то оно опирается на слова Манифеста 29 марта 1905 г. и на Высочайшее предложение Сейму того же года. Так как в этих актах указывается, что Его Величество изъявил согласие на всеподданнейшее представление земских чинов Финляндии об упорядочении военной части в крае, то сословия сочли возможным заключить о существовании тех предположений, на которые я только что указывал. По моему мнению, такое воззрение не выдерживает критики. Выражения помянутых Манифеста и Высочайшего предложения, на которые тогда опирались, едва ли содержат больше, чем дает их буквальный смысл, а именно, что Его Величество, приостановив призыв того года, соизволил также, чтобы незаконный Устав 1901 года был временно приостановлен в действии. По какого-либо общего одобрения представления, сделанного земскими чинами по вопросу о воинской повинности, из этого документа вычитать нельзя. К тому же и это ограниченное одобрение Монарха было связано с условием, а именно, что окончательное разрешение вопроса последует лишь по завершении трудов особой Комиссии по разграничению общеимперского и местного финляндского законодательств.

Следовательно, ранее окончания работ этой, так называемой Таганцевской, Комиссии не могло иметь место окончательное разрешение вопроса о воинской повинности. Это обстоятельство определенно указывает, что Монарх оставил за собой возможность окончательного разрешения этого вопроса без Сейма единоличною волею Монарха.

Это указывает также, что предположение, при котором Сейм 1905 г. нашел возможным дать пособие на ограниченный срок, именно то предположение, что это пособие будет лишь временным, на самом деле не существовало. Пояснением этого служит отзыв, данный генерал-губернатором касательно проекта Высочайшего предложения Сейму 1905 г. Об этом отзыве говорится в § 8 отношения Комиссии Основных законов в статную Комиссию. Относительно Таганцевской комиссии здесь говорится:

«Ранее окончания работ этой Комиссии – по мнению генерал-губернатора – остается неизвестным, будут ли отнесены к области местного законодательства некоторые вопросы, касающиеся воинской повинности. Ввиду сего генерал-губернатор не считал возможным в Высочайшем предложении Сейму касательно вакантной подати заявить, как это предлагает Сенат, о необходимости урегулирования вопроса о войсках при содействии земских чинов Финляндии, согласно Основным законам». Правильно было бы сказать, что эти прин-

ципы не остались без внимания при окончательной редакции Высочайшего предложения. И те документы, которые были после получены и которые повлияли на это дело, не исключают возможности, что это воззрение продолжает держаться и лежит в основе и нынешнего Высочайшего предложения.

Итак, предположений, при которых Сейм 1905 года давал свое согласие на Высочайшее предложение, на самом деле не существовало. И еще менее они, по моему мнению, существуют ныне. Ибо те предположения, на которых был построен отзыв земских чинов, как кажется, не были уважены Верховною властью. Да в освещении тех документов, которые Комиссия Основных законов имела случай изучить и реферировала в своем отзыве, представляется сомнительным, были ли даже представлены Монарху эти предположения в отзыве земских чинов. Особенно то место, которое касается права распоряжения статными суммами. Это можно заключить, между прочим, из того, что тогдашний Сенат в неясном и, как ныне можно заявить, в извращенном виде представил Монарху содержание, значение и поводы к тому, что Сейм частью изъявил согласие на Высочайшее предложение 1905 года. Кто ознакомился с отзывом Сената от 6 июня 1905 года касательно ответа земских чинов на Высочайшее предложение может составить себе суждение об этом. Этот отзыв реферирован на стр. 12 отзыва Комиссии Основных законов. Если бы даже и не приходилось иметь сомнений относительно того, в каком свете эти признанные Сеймом за вполне выясненные обстоятельства были представлены Его Величеству, то все-таки следует, при обсуждении настоящего положения, иметь в виду, с одной стороны, несоответствия, существующие между требованиями, выраженными в пропозиции Сейму 1905 года и ныне заседающему Сейму, а с другой – те представления и требования, которые заключаются в ответе Сейма 1905 г. В то время, как пропозиция обещала уничтожить закон 1901 г. прекращением набора рекрутов и сделала это с условием, чтобы Сейм взамен его назначил денежное вознаграждение на три года, Сейм назначил в ответ на это подобное вознаграждение на один год, но не как вознаграждение за освобождение от незаконной воинской повинности 1901 года, а потому, что Сейм видел в этом средство для восстановления законности в области воинской повинности. Оно является, таким образом, своего рода вакантною податью взамен исполнения постановлений закона о воинской повинности 1878 года. Итак, пропозиция заключала в себе требование, ответ же Сейма был ответом на нечто совершенно другое.

Неразрешенными и неясными остались при этом также и те существенные обстоятельства, что пропозиция имела основания, совершенно различные от тех, которые лежали в основе ответа Сейма, так как пропозиция исходила из совершенно иного понятия о праве Сейма принимать участие в ассигновании тех казенных средств, которые должны были быть употреблены на данный предмет. Другими словами, ответ Сейма, а также доклад этого ответа в известном духе Государю сделали то, что исходные пункты, лежавшие в основе решения Сейма, не получили надлежащего освещения. Обязанность Финляндии, установленная законом 1878 года, принимать участие в обороне Российской империи также не была точно разъяснена. Мне кажется поэтому, что Сейму трудно теперь снова поддерживать те же исходные пункты, которые в 1905 г., как тогда думали, были найдены для происшедшего тогда соглашения, как его называли, между Монархом и народом. Согласие на пропозицию может, по моему мнению, лишь продлить то опасное недоразумение, которое всегда существовало в этом вопросе. То обстоятельство, что в ближайшем будущем не предвидится пропозиции относительно окончательного урегулирования вопроса о воинской повинности, и что, таким образом, нельзя иметь в виду устранения глубоко захватывающих несообразностей, наконец, существующее теперь несогласное с законами положение – все это, по моему мнению, указывает на то, что Сейм не имеет должной уверенности в том, будут ли признаны законные права Сейма и будет ли он согласно Основным законам призван к соучастию при окончательном разрешении этого вопроса. Согласие на пропозицию может, по моему мнению, при таком положении легко принять характер признания тех принципов, на которых основана пропозиция. Из согласия же можно было бы вывести то заключение, что Финляндия отказывается от права иметь соответственную воинскую повинность, согласс-

ную с конституционными и национальными Основными положениями, заключающимися в законе о воинской повинности 1878 г.

При таком положении дел я не могу признать, чтобы в настоящее время Сейм был обязан согласиться на пропозицию, а поэтому в заключение я настаиваю, ссылаясь на сказанное в моем особом мнении, на отклонении Высочайшего предложения.

Деп. Няс[545] (Шведская народная партия) присоединился в существенных пунктах к предыдущему оратору. Кроме того, он хотел заметить, что вполне соглашается с первым особым мнением, в котором предлагается урегулировать наш военный вопрос на основах национальной милиции.

Деп. Репвалль[546] (младофинн) был того мнения, что вопрос этот должен считаться попыткою устранить тот конфликт, который произошел между Монархом и народом по поводу вопроса о воинской повинности. История шведского народа может указать большое число конфликтов между Монархом и народом, которые могли быть при желании устранены. Происшедший в настоящий момент конфликт является следствием дуализма в нашем правительстве. Чтобы разъяснить этот конфликт и придать ему другое освещение, чем то, которое дал г. Эстландер, оратор сделал сообщение о тех превратностях, которые вопрос о воинской повинности претерпел как со стороны правительства, так и на Сейме 1904–1905 года. В этом сообщении оратор критиковал мероприятия прежнего Сената по устранению конфликта. Он коснулся того отношения, которое правительство переслало Монарху 1905 г. вместе с отношением по финансовым делам. Сенат не указал на те точки зрения, которые заставили Сейм отпустить требуемую сумму. Вся деятельность тогдашнего правительства шла вразрез с правосознанием народа, и поэтому голос сеймовых сословий не был услышан Монархом. Сенат действовал таким образом, что у Монарха получилось неправильное представление о желаниях народа, так как Сенат не желал и не осмеливался выражать со своей стороны желание народа. Конфликт, затронутый оратором в начале речи, был вызван перепиской между Сенатом и нынешним генерал-губернатором. Последний выражал полученное Монархом в 1905 г. неправильное представление о желании народа. Сенат же защищает народное желание. Далее оратор высказал тот взгляд, что принципиальное согласие, заключающееся в решении Сейма 1905 года, является связующим и для теперешнего Сейма. Палата обязана устранить этот конфликт. Средства следует ассигновать, чтобы разрешить наш военный вопрос.

Статная комиссия не обратила в достаточной степени внимание на это в своем заключении, поэтому оратор предложил, чтобы имеющиеся на странице 4-й определения гласили, что палата постановляет выплатить государственному казначейству из финляндских статных сумм 20 миллионов марок в качестве окончательной ликвидации требуемых в Высочайшем предложении Сейму 1904–1905 гг. 30 миллионов. [...]

Деп. Ахмаваара[547] (младофинн) заявил, что в международных конфликтах решающим моментом бывает часто не право, а сила. Так и в настоящем случае. Оратор высказал далее, что если мы желаем, чтобы наши требования права и справедливости были услышаны, то мы должны соблюдать свои собственные обещания. Он полемизировал против того мнения, что ассигнование вознаграждения будет крушением конституционализма, и что оно является уступкою перед оппортунизмом. Но и последний должен получить свое, что подтверждается, по мнению оратора, венгерским государственным мужем Францом* Деаком[548]. Вопрос слишком важный для того, чтобы его можно было делать предметом агитации. Оратор полемизировал в этом направлении с г. Туркпа[549].

Деп. Ирье-Коскинен[550] (старофинн) высказал, что каждый уже согласовал свои взгляды по этому вопросу со своим сознанием. Он считал прения излишними, т. к. каждый готов бросить жребий о судьбе отечества (возгласы: «хорошо!»).

---

* *Правильно: Ференцом.*

Деп. Даниельсон-Кальмари (старофинн) заявил, что ему не хотелось, чтобы история этого вопроса была сегодня затронута. Однако он намерен возражать на речь Ренвалля. Деп. Ренвалль был в этот вечер в затруднительном положении. Он имел по-видимому случай углубиться в дело, но несмотря на это он должен был заклеймить заявление г. Даниельсона-Кальмари как традиционное и партийное. Деп. Ренвалль изобразил положение Сената в 1905 году неправильно. Сенат просил Монарха, чтобы в пропозиции было определенно заявлено, что военный вопрос должен быть урегулирован. Сенат не думал только о выгодах настоящей минуты, но и о будущности, и ради этой будущности он был готов на жертву. По мнению оратора, последнее имеет совершенно другой характер, чем разрешение, полученное этим вопросом.

Утверждение г. Ренвалля, будто бы тот же Сенат неправильно передал Монарху ответ Сейма, неверно. Оратор не брался решить, были ли действия Сената правильны с формальной точки зрения.

Следствие, выведенное г. Ренваллем, ничем не оправдывается, т. к. неправда, чтобы Монарх не знал об этом. Оратор не мог допустить, чтобы человек, который все время, начиная с большой забастовки, докладывал дела Монарху, не исполнил своей задачи в данном случае.

При возражении на речь г. Ренвалля, оратор не хотел повторять уже раньше сказанного. Он желал только заявить, что теперешний Сенат допустил ошибку, не исполнив обещания, данного в свое время Монарху некоторою частью конституционалистов. Оратор присоединился к г. Пальмену в вопросе о значении настоящего Положения.

Деп. Алкио[551] (аграрий) был того мнения, что мы переживаем теперь время, подобное периоду до февральского манифеста. Мы не должны уступать в требованиях, потому что это может обратиться в привычку. Что касается осложнений, которые могут возникнуть вследствие отказа, то оратор полагал, что достоинство и ответственность Сейма требуют, чтобы он говорил открыто.

Деп. Спельман (младофинн) предложил отказать.

Сенатор Мехелин заявил, по-фински, что причины к ассигнованию требуемого вознаграждения являются настолько вескими, что все сомнения должны исчезнуть; причины, которые могут быть приведены против ассигнования, не могут перевесить причин, требующих уплаты. Не может быть речи об уклонении от какого бы то ни было права страны, вопрос касается здесь экономического и временного урегулирования воинской повинности, что и может быть совершено вполне законным путем. Статная комиссия вполне удовлетворительно доказала это. При составлении ответа палата имеет возможность высказать свое мнение относительно вопросов, стоящих в связи с данным. [...]

Деп. Неовиус (Шведская народная партия) не одобряет самого духа заключения. Если оно будет одобрено, то Экспедиционная комиссия не будет иметь никакого руководства в вопросе о теории замены. Так как здесь не может быть решено относительно содержания ответа (отношения) в его целости, оратор составил свое особое мнение несколько более обширно, так что из него ясно видно желание Сейма в деле выдачи вознаграждения и урегулирования военного вопроса.

Деп. Седергольм[552] (Шведская народная партия) в нескольких словах заявил, что относительно редакции заключения он придерживается того же мнения, как и г. Неовиус, но не может согласиться с предложением г. Неовиуса, потому что оно, по его мнению, заключает в себе противоречие; оратор предложил следующую редакцию.

Сейм, заявляя, что предположения, из которых Высочайшая пропозиция исходит в вопросе о праве распоряжаться финляндскими статными суммами, не согласны с законами Финляндии и могут внести ограничение законного права народного представительства, и что поэтому данные предложения не могут быть Сеймом одобрены, постановляет, что, так как ответ финляндских Сеймовых сословий на Высочайшее предложение Сейму 1904–1905 гг. относительно пособия для русского государственного казначейства дал повод к толкованиям, что такое пособие в десять миллионов марок имелось в виду и на 1906 и 1907 гг.

и ввиду положенных в основу помянутого ответа предположений, что разрешение военного вопроса согласно с Основными законами не будет более задержано, следует выплатить русскому государственному казначейству еще 20 миллионов из финляндских статных сумм.

Деп. Сетяля[553] (младофинн) заявил, что он вполне придерживается взглядов, выраженных в заключении Комиссии Основных законов. Главный вопрос заключается в том, следует ли ассигновать или не следует, и при этом руководящим мотивом должна служить выгода и благо страны, а не вопрос о праве. Оратор считает, что сомнения относительно отказа должны концентрироваться вокруг вопроса, хватит ли у нашего народа моральных сил для борьбы с реакцией, которая наступила бы после отказа.

Оратор отвечает на вопрос отрицательно; хотя такое признание и весьма унизительно, но наш народ теперь слишком раздроблен для того, чтобы вновь с успехом пользоваться пассивным сопротивлением в качестве оружия. Оратор присоединился под конец к предложению г. Седергольма. [...]

Прения закончились в 1 ч. 50 м. ночи, и затем Сейм приступил к баллотировке сделанных в течение прений предложений, – т. е. отклоняющих предложений гг. Туркна, Эстландера и Алькио и предложений гг. Седергольма, Кастрена и Ренвалля, которые стояли за ассигнование и предлагали различные изменения в пунктах резолюций доклада бюджетной Комиссии.

Сначала баллотировались первоначальный проект деп. Седергольма и проект деп. Туркна (первое особое мнение). 105 голосами против 90 был одобрен проект Седергольма. Затем простым голосованием были отвергнуты проекты деп. Эстландера и деп. Алькио (второе особое мнение). Этим голосованием были отвергнуты, следовательно, все проекты отклонения Высочайшего предложения.

При баллотировке между оставшимися проектами изменений были отвергнуты проекты деп. Седергольма и Ренвалля и к последнему голосованию остался проект деп. Кастрена и заключение бюджетной Комиссии. Последнее победило 65 голосами против 50. Кроме того, было подано 75 чистых бюллетеней.

РНБ. Шифр: 63–7/767. Отчет о прениях в заседании Финляндского Сейма 28 октября 1907 года по вопросу о пособии Государственному казначейству от финляндской казны на военные нужды за 1906 и 1907 годы. [Гельсингфорс, 1907].

№ 261. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору Николаю II о решении Сейма по военным платежам

16(29) октября 1907 г.

Вчера вечером состоялось заседание Финляндского Сейма по вопросу об уплате Государственному казначейству 20 миллионов взамен отбывания воинской повинности в 1906 и 1907 годах. Большинством 104 голосов против 90 Сейм принял заключение бюджетной Комиссии об уплате всей этой суммы. Об этом заседании Сейма, которое предполагалось только в пятницу, я узнал лишь вчера.

По соглашению с Петром Аркадиевичем Столыпиным я сегодня вечером уезжаю в Гельсингфорс и возвращаюсь обратно в будущий понедельник, 22 октября, для обсуждения вопроса о правильности постановления Сейма.

О сем приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству.

Финляндский генерал-губернатор Герард

С.-Петербург

16 октября 1907 г.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2361. Л. 7. Рукопись.

№ 262. Докладная записка Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда Императору Николаю II об итогах работы Сейма

20 октября (2 ноября) 1907 г.

Сегодня состоялось закрытие Финляндского Сейма в полном порядке. Провозглашение ура! в честь Вашего Императорского Величества было принято восторженно.

Исполняя волю Вашего Величества, я не объявил Высочайшего удовольствия Сейму по поводу его занятий, так как вопрос о признании правительством постановления Сейма о 20 миллионах окончательно не решен; поэтому я ограничился заявлением, что выраженные от имени Сейма его тальманом верноподданнические чувства будут повергнуты мною на Всемилостивейшее благовоззрение Государя Императора.

Из последних постановлений Сейма самое отрадное касается русских коробейников, Высочайшее предложение принято без изменения.

Финляндский генерал-губернатор Герард

20 октября 1907 г.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2361. Л. 8. Рукопись.

№ 263. Три варианта проектов Именного указа председателю Совета министров, Финляндскому генерал-губернатору и статс-секретарю Великого княжества Финляндского о порядке рассмотрения финляндских дел [554]

23 октября (5 ноября) 1907 г.

Вариант № 1

Проект

Именной Высочайший указ
Правительствующему Сенату

Постановлением Нашим 1 августа 1891 состоявшимся (Сборн. Пост. Финл., № 27) министру статс-секретарю Финляндии предписано было, предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов для Великого княжества и предложений Финляндскому Сейму запрашивать заключения имперских министров в случаях, когда дело вместе с тем касается интересов империи и их ведомства.

Опыт применения изъясненного постановления выяснил, однако, что им не ограждается в достаточной мере надлежащее направление общих для империи и Великого княжества Финляндского дел, определение коих вверяется единоличному усмотрению министра статс-секретаря. Вместе с тем, означенное постановление является также и недостаточно полным, так как наряду с министром статс-секретарем Финляндии в нем не упомянуто о Финляндском генерал-губернаторе и не содержится указания на представляемые нам сими должностными лицами всеподданнейшие доклады по общим административным и подготовительным к законодательным мерам делам. Наконец, постановление это, состоявшееся до воспоследования Указа нашего 19 октября 1905 года о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений, оказывается несогласованным с новым устройством государственных установлений.

Вследствие сего, почитая своевременным восполнить отмеченные пробелы постановления 1 августа 1891 г., мы признали ныне необходимым в соответствии с возложенною на преобразованный Совет министров задачею объединения отдельных частей государственного управления, предоставить сему Совету и суждение о том, какие из возникающих по Финляндии дел затрагивают вместе с тем интересы империи и требуют, следовательно, ближайшего со стороны имперских ведомств соображения.

Согласно с сим, на основании статьи 11 основных государственных законов (Свод. зак. т. I. ч. I. изд. 1906 г.) Повелеваем:

I. Министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского и Финляндскому генерал-губернатору, по принадлежности, предварительно представления на уважение наше сообщать на заключение Совета министров, с приложением копий всех относящихся к делу документов, проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского как сеймовых, так и административных; б) предложений наших Финляндскому Сейму; в) всеподданнейших докладов имеющих общий административный характер или касающихся испрошения Высочайших поручений на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся Сеймовых петиций или представлений Сейма.

II. Председателю Совета министров по получении означенных в отделе I проектов в кратчайший срок уведомлять министра статс-секретаря или генерал-губернатора о состоявшемся по делу заключения Совета. За сим дела, по существу коих имперские ведомства выскажут заключения, несогласные с мнением министра статс-секретаря или генерал-губернатора, докладываются нам председателем Совета министров или подлежащим министрам империи совместно с министром статс-секретарем или генерал-губернатором.

III. Министру статс-секретарю и Финляндскому генерал-губернатору сообщать председателю Совета министров о всех состоявшихся по докладам их повелениях наших с препровождением списков с указанных в отделе I законов, предложений и докладов, удостоившихся Высочайшего уважения.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

Вариант № 2

Проект

Именной Высочайший указ
Председателю Совету министров министру
статс-секретарю Финляндии
Финляндскому генерал-губернатору

Признавая необходимым в соответствии с воспоследовавшим по Указу нашему 19 октября 1905 года преобразованием Совета министров внести некоторое изменение в порядок представления на наше уважение финляндских дел, в видах согласования сего порядка с объединенным в Совете министров общим государственным управлением, повелеваем:

I. Министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского и Финляндскому генерал-губернатору, по принадлежности, предварительно представления на уважение наше сообщать на заключение Совета министров, с приложением копий всех относящихся к делу документов, проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского, как сеймовых, так и административных; б) предложений наших Финляндскому Сейму; в) всеподданнейших докладов, имеющих общий административный характер или касающихся испрошения Высочайших поручений на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся сеймовых петиций или представлений Сейма.

II. Председателю Совета министров по получении означенных в отделе I проектов в кратчайший срок уведомлять министра статс-секретаря или генерал-губернатора о состоявшемся по делу заключении Совета. Засим дела, по существу коих имперские ведомства выскажут заключения, несогласные с мнением министра статс-секретаря или генерал-губернатора, докладываются нам председателем Совета министров или подлежащим министром империи совместно с министром статс-секретарем или генерал-губернатором.

III. Министру статс-секретарю и Финляндскому генерал-губернатору сообщать председателю Совета министров о всех состоявшихся по докладам их повелениях наших с препровождением списков с указанных в отделе I законов, предложений и докладов, удостоившихся Высочайшего уважения.

Вариант № 3

К нему проект Указа председателю Совета министров

Проект

Именной Высочайший указ
Финляндскому генерал-губернатору
министру статс-секретарю

Признавав за благо, в соответствии с возложенною за преобразованный Совет министров задачею объединения отдельных частей государственного управления, предоставить сему Совету и суждения о том, какие из возникающих по Финляндии дел затрагивают вместе с тем интересы империи и требуют, следовательно, ближайшего со стороны Имперских ведомств соображения, повелеваем:

I. Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского, по принадлежности, предварительно представления на уважение наше сообщать на предмет заключения Совета министров в кратчайший срок, с приложением копий всех относящихся к делу документов, проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского, как сеймовых, так и административных; б) предложений наших Финляндскому Сейму; в) всеподданнейших докладов, имеющих общий административный характер или касающихся испрошения Высочайших поручений на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся сеймовых петиций и представлений Сейма.

II. Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю сообщать председателю Совета министров о всех состоявшихся по докладам их повелениях наших с препровождением списков с указанных в отделе I законов, предложений и докладов, удостоившихся Высочайшего уважения.

III. В тех случаях, когда Совет министров встретит какие-либо сомнения или препятствия относительно предположенного финляндскими властями направления или разрешения дела, вам иметь по оному доклад у нас не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим министром.

К варианту № 3

Проект

Именной Высочайший указ
председателю Совета министров

В соответствии с возложенною на преобразованный Совет министров задачею объединения отдельных частей государственного управления, мы признали ныне необходимым предоставить сему Совету и суждение о том, какие из возникающих по Финляндии дел затрагивают вместе с тем интересы империи и требуют, следовательно, ближайшего со стороны имперских ведомств соображения. Вследствие сего, Именными Высочайшими указами нами сего числа Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского данными, мы признали за благо повелеть:

I. Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского, по принадлежности, предварительно представления на уважение Наше сообщать на предмет заключения Совета министров в кратчайший срок, с приложением копий всех относящихся к делу документов, проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского, как сеймовых, так и административных; б) предложений наших Финляндскому Сейму; в) всеподданнейших докладов, имеющих общий административный характер или касающихся испрошения Высочайших поручений на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся сеймовых петиций и представлений Сейма.

II. Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю сообщать председателю Совета министров о всех состоявшихся по докладам их повелениях наших с препро-

вождением списков с указанных в отделе I законов, предложений и докладов, удостоившихся Высочайшего уважения.

III. В тех случаях, когда Совет министров встретит какие-либо сомнения или препятствия относительно предположенного финляндскими властями направления или разрешения дела, Финляндскому генерал-губернатору или министру статс-секретарю иметь по оному доклад у нас не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим министром.

Сообразно сему Всемилостивейше повелеваем вам по получении означенных в отделе I проектов в кратчайший срок уведомлять Финляндского генерал-губернатора или министра статс-секретаря Финляндии, по принадлежности, о заключении Совета министров по всем вышеозначенным делам.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 43–47 об. Машинопись на листах большого формата, размноженная литографическим способом. Угасающий текст.

№ 264. Из отношения № 6489 Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда министру внутренних дел П.А. Столыпину о «Войме»

27 октября (9 ноября) 1907 г.

27 октября/9 ноября 1907 г.
№ 6489

Секретно
Высокопревосходительству
П.А. Столыпину

Милостивый государь,
Петр Аркадьевич.

Вследствие письма от 17-го минувшего сентября сего года за № 134895[555] имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что по получении такового я сообщил Або-скому гофгерихту, что Вы не признали возможным удовлетворить ходатайство гофгерихта о сообщении сведений о том, откуда и каким путем получены были Министерством внутренних дел циркуляры и письма центрального комитета союза «Woima».

При этом по поводу тех данных и соображений, которые изложены в означенном Вашем письме, я долгом считаю сообщить нижеследующее. [...]

Деятельность по настоящему делу городского фискала Альбрехта, по моему мнению, ничем не отличается от действий других представителей власти и ему нельзя более других поставить в вину отсутствие энергии в расследовании обстоятельств дела. При оценке однако же служебной деятельности этого чиновника я не могу оставить без внимания, что в течение двух последних лет он выступал в качестве публичного обвинителя по многим очень серьезным политическим делам, каковы: дело об ограблении отделения Государственного банка в Гельсингфорсе, дело о финских участниках Свеаборгского мятежа, дело об агитаторах Детлафе* и Григорьеве[556], а на этих днях он выступит обвинителем по делу о лиге революционеров-террористов, по которому заключено под стражу десять обвиняемых. По всем этим делам он проявил большую энергию и полную объективность при преследовании виновных, и, как известно, по двум первым делам состоялись уже обвинительные приговоры. Эта энергичная деятельность городского фискала Альбрехта возбудила против него местных социал-революционеров, которые произвели на него покушение посредством взрыва бомбы, подложенной под его дом[557]. Что же касается расследования означенного должностного лица по поводу циркуляров и воззваний от имени союза «Woima», полученных моею канцелярией из Департамента полиции, то я должен обратить внимание Вашего

* *Правильно – Деплова.*

Высокопревосходительства, что прежде передачи этих документов для расследования прокурору Сената я входил по сему вопросу в сношение с товарищем министра внутренних дел Макаровым, который письмом от 16-го декабря 1906 года за № 24717 уведомил меня, что с его стороны не встречается препятствий к передаче этих документов прокурору Сената для приобщения их к производящемуся расследованию по делу о сообществе «Woima». Прокурор Сената поручил затем городскому фискалу Альбрехту произвести расследование по поводу этих документов. Произведенное г. Альбрехтом расследование я признавал также крайне неудовлетворительным, на что и указал в предложении своем на имя прокурора Сената от 29 апреля (12 мая) сего года, в котором и настаивал на более твердом и правильном направлении всего дела о союзе «Woima». В конце протокола означенного расследования помещена следующая фраза: «...ввиду того, что на Министерство внутренних дел в империи указано, как на ближайшее место появления этих документов, возможность производства дальнейшего следствия приходится считать исключенною». В этой фразе Ваше Высокопревосходительство усматриваете инсинуацию по отношению к Министерству внутренних дел. Между тем буквальный смысл этой фразы указывает лишь на то, что городской фискал находил невозможным продолжать расследование за пределами Финляндии для выяснения вопроса, когда и при каких обстоятельствах означенные документы были получены в Министерстве внутренних дел, тем более, что означенные циркуляры и воззвания, как видно, не были распространены в Финляндии. Таким образом, по моему мнению, означенная фраза получила в переводе на русский язык значение, какого она не могла иметь в намерениях г. Альбрехта.

Примите, милостивый Государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Н. Герард (подпись)

НАФ. Фонд 1-е отделение канцелярии генерал-губернатора, дело VI:2/1907, папка Гь:333. Машинопись. Отпуск.

№ 265. Четвертый проект Именного указа о порядке рассмотрения финляндских дел[558]

30 октября (12 ноября) 1907 г.

Проект

Вариант № 4

К нему проект Высочайшего повеления
председателю Совета министров
Высочайший рескрипт
Финляндскому генерал-губернатору
министру статс-секретарю

Признав за благо, в соответствии с возложенною на преобразованный Совет министров задачею объединения деятельности отдельных частей государственного управления, предоставить сему Совету и суждения о том, какие из возникающих по Финляндии дел затрагивают вместе с тем интересы империи и требуют, следовательно, ближайшего со стороны министерств и главных управлений соображения, повелеваем:

I. Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского, по принадлежности, предварительно представления на уважение наше сообщать председателю Совета министров на предмет заключения сего Совета, с приложением копий всех относящихся к делу документов, проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского как сеймовых, так и административных; б) предложений Финляндскому Сейму; в) всеподданнейших докладов общего административного характера или касающихся испрошения нашего разрешения на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся сеймовых петиций и представлений Сейма.

II. Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю сообщать председателю Совета министров о всех состоявшихся по докладам их повелениях наших, с препровождением списков с утвержденных нами законоположений и предложений, а также представлявшихся нам всеподданнейших докладов.

III. В тех случаях, когда Совет министров не найдет возможным согласиться с предположенным финляндскими властями направлением или разрешением дела, Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского иметь по оному всеподданнейший доклад не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим министром.

К варианту № 4

Проект

В соответствии с возложенною на преобразованный Совет министров задачею объединения деятельности отдельных частей государственного управления, мы признали ныне необходимым предоставить сему Совету и суждение о том, какие из возникающих по Финляндии дел затрагивают вместе с тем интересы империи и требуют, следовательно, ближайшего со стороны министерств и главных управлений соображения. Вследствие сего, рескриптами нашими сего числа на имя Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского данными, мы признали за благо повелеть:

I. Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского, по принадлежности, предварительно представления на уважение наше сообщать председателю Совета министров на предмет заключения сего Совета, с приложением копий всех относящихся к делу документов, проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского как сеймовых, так и административных; б) предложений Финляндскому Сейму; в) всеподданнейших и докладов общего административного характера или касающихся испрошения нашего разрешения на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся сеймовых петиций и представлений Сейма.

II. Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю сообщать председателю Совета министров о всех состоявшихся по докладам их повелениях наших, с препровождением списков с утвержденных нами законоположений и предложений, а также представлявшихся нам всеподданнейших докладов.

III. В тех случаях, когда Совет министров не найдет возможным согласиться с предположенным финляндскими властями направлением или разрешением дела, Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского иметь по оному всеподданнейший доклад не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим министром.

Сообразно сему Всемилостивейше повелеваем вам по получении означенных в отделе I проектов в кратчайший, по возможности, срок уведомлять Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, по принадлежности, о заключении Совета министров по всем вышеозначенным делам.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 49–50 об. Машинопись на листах большого формата, размноженная литографическим способом. Угасающий текст.

№ 266. Журнал № 1 Особого совещания по делам Финляндии о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи[559]

19 октября (1 ноября) и 3(26) ноября 1907 г.

Доверительно

ЖУРНАЛ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОГО
ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
для обсуждения некоторых вопросов,
касающихся Великого княжества Финляндского
№ 1
Заседание 19 октября и 3 ноября 1907 года
О порядке направления финляндских дел,
касающихся интересов империи

Присутствовали:

Председатель Особого совещания: председатель Совета министров, министр внутренних дел, статс-секретарь Столыпин.

Члены:

Член Государственного совета, Государственный контролер, сенатор, тайный советник Харитонов.

Член Государственного совета, тайный советник Дейтрих. Сенатор, тайный советник Гарин.

Состоящий при военном министре, генерал-майор Бородкин.

В заседании 3 ноября по особому приглашению принял также участие: действительный статский советник, доктор финансового права Берендтс.

Высочайше учрежденное Его Императорским Величеством Особое совещание для обсуждения некоторых вопросов, касающихся Великого княжества Финляндского, приступив к своим занятиям, с благоговейным вниманием выслушало заявление своего председателя о том, что Его Величеству угодно было выразить монаршую волю, дабы в Совещании этом получили разработку и надлежащее освещение некоторые озабочивающие правительство вопросы финляндского управления, ближайшим образом затрагивающие вместе с тем и общегосударственные интересы. По указанию гофмейстера Столыпина при рассмотрении означенных вопросов следует остановиться, прежде всего, на самом порядке направления тех из возникающих по финляндской окраине дел, по которым ввиду связи их с имперским управлением требуются заключения имперских ведомств. Истребование этих заключений основывается на Высочайшем постановлении 1 августа 1891 года, вменившем министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского в обязанность, предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов по Финляндии и предложений Сейму запрашивать заключения министров империи в тех случаях, когда дело вместе с тем касается интересов империи и их ведомства; поступившие заключения при докладе дела повергаются на благовоззрение Его Императорского Величества.

Более чем пятнадцатилетний опыт применения означенного Постановления, изданного с целью ограждения интересов империи от возможного нарушения их в порядке финляндского законодательства, убеждает, однако, что этот закон является крайне несовершенным и в действительности вовсе не обеспечивает для имперских властей возможности следить за движением законодательства в Финляндии.

На недостаточность правил Постановления 1891 года было обращено внимание еще в 1892 году со стороны Высочайше учрежденной под председательством действительного тайного советника Бунге Особой комиссии для рассмотрения всеподданнейшей записки Финляндского генерал-губернатора графа Гейдена по делу о кодификации основных законов Великого княжества Финляндского. В первом же заседании этой Комиссии, 25 октября 1892 года, тогдашний военный министр генерал-адъютант Ванновский заметил, что при существовании правил вышеупомянутого Постановления вопрос о том, заключается ли

в издаваемом для Финляндии узаконении какое-либо предписание, затрагивающее общегосударственные интересы, может быть решаем в некоторых случаях односторонне, так как сообщение проектов означенных узаконений на предварительное заключение министров империи зависит от единоличного усмотрения министра статс-секретаря; таким образом, министры империи лишены возможности своевременно высказать свое заключение по вопросам, получающим окончательное решение без предварительного с ними сношения. Соглашаясь с мнением военного министра, бывший министр внутренних дел, статс-секретарь Дурново, с своей стороны, указал, что для устранения вышеотмеченного неудобства представлялось бы желательным установить, чтобы министры империи были своевременно поставляемы в известность о всех законоположениях, проектируемых для Великого княжества Финляндского, за исключением лишь проектов таких инструкций и правил, которые издаются на точном основании действующих узаконений и которые не содержат в себе изменения или дополнения существующих законов.

Приведенные суждения русских членов Комиссии действительного тайного советника Бунге вызвали возражения со стороны представителей Великого княжества Финляндского. Министр статс-секретарь фон Ден находил, что порядок издания законов, касающихся интересов империи, определен был лишь полтора года тому назад в Высочайшем постановлении 1 августа 1891 г., а так как не приведено никаких фактов, доказывающих недостаточность этого закона для ограждения интересов империи, то и не следовало бы изменять порядка, столь недавно получившего утверждение Верховной власти. С своей стороны, сенатор Финляндского Сената барон фон Альфтан представил по поводу предположений статс-секретаря Дурново особое мнение, в котором указывал, что проектируемый министром внутренних дел порядок подрывает то непосредственное отношение, в котором на основании Всемилостивейших манифестов Российских монархов и основных законов Финляндии правительство и земские чины Финляндии поставлены к Особе Его Величества. Между тем, по мнению барона Альфтана, вышеозначенный порядок сам собою вызывает постороннее вмешательство во все внутренние, чисто финляндские дела и, без существенной надобности поставляя правительство сего края «в тягостную и еще небывалую зависимость» от имперских властей, лишает его необходимой свободы действий, приводя, вместе с тем, к неминуемому замедлению всех без исключения законодательных дел.

Изложенные возражения финляндских членов Комиссии едва ли, однако, являлись основательными. Прежде всего, по поводу заявлений генерал-лейтенанта фон Дена, надлежит указать, что уже в то время несовершенства закона 1891 года обнаружились во всей полноте, ибо как раз незадолго перед тем (именно 13 сентября 1892 г.) было издано новое Учреждение Финляндского Сената, состоявшееся помимо сношений с властями и ведомствами империи. Между тем, в составе этого Учреждения имеется, например, ряд предписаний (§§ 110, 111 и 128), касающихся Милиционной экспедиции Сената и, следовательно, подлежавших предварительному просмотру и одобрению со стороны военного министра империи, который к тому же на основании действовавшего в то время Устава о воинской повинности 1878 года являлся военным министром и для финских войск.

Не более убедительною представляется также ссылка сенатора фон Альфтана, будто бы новый порядок нарушает непосредственные отношения финляндских властей к Особе Государя Императора. Предварительный просмотр финляндских законопроектов со стороны министров империи есть простая и ничьих прав не нарушающая мера предосторожности, отсутствие которой фактически привело к тому ненормальному положению, что министр статс-секретарь в настоящее время нередко докладывает Его Величеству дела, касающиеся важнейших интересов империи, тем самым поставляя центральную государственную власть в тягостную и, к сожалению, слишком часто проявлявшуюся зависимость от интересов окраины. Что же касается указаний на неизбежное при новом порядке замедление в движении законопроектов, то на это позволительно возразить, что если бы подобное замедление и существовало в действительности, то одно это обстоятельство еще не могло бы

служить поводом к сохранению современного порядка вещей, при котором интересы всего государства отодвигаются на второй план перед интересами одной из его окраин.

Приняв в соображение вышеизложенное и обращаясь затем к подробной оценке Постановления 1891 года по существу, Особое совещание пришло к единогласному заключению, что высказанные в свое время в Комиссии действительного тайного советника Бунге суждения по поводу недостатков сего Постановления должны быть признаны вполне обоснованными. Действительно, разрешение вопроса о том, касается ли данный проект интересов империи или нет, предоставлено действующим законом всецело министру статс-секретарю, который в зависимости от личных своих взглядов и политических соображений решает по собственному усмотрению, следует ли сообщить законопроект на предварительное заключение имперских министров и, в утвердительном случае, каких именно. Таким образом, имперские ведомства имеют возможность высказываться по содержанию финляндских законопроектов только при условии, если министр статс-секретарь признает это желательным и необходимым. В противном случае министры империи получат сведения о деле лишь тогда, когда в Сборнике постановлений Финляндских появится утвержденный Высочайшею властью закон.

Наряду с этим, в Постановлении 1891 года не указано, какие меры могут быть приняты со стороны имперских властей, если будет обнаружено, что распубликованный по Финляндии закон затрагивает интересы коренной России, но издан без установленных сношений с подлежащими ведомствами. Остается невыясненным, может ли подобный закон, как состоявшийся в нарушение предписанного порядка, быть объявлен не имеющим силы или хотя бы приостановлен в своем действии впредь до пересмотра его кем следует? Равным образом, в Постановлении не содержится никаких указаний и относительно того, какая именно власть уполномочена выступить в данном случае в качестве охраняющей права империи, а также в каком порядке должен последовать всеподданнейший доклад по такого рода делу? Наконец, влечет ли за собою обнародование означенного закона какую-либо ответственность для финляндских властей (т. е. для генерал-губернатора, Сената и министра статс-секретаря), и если да, то в какой мере и в каком порядке? На все эти вопросы Постановление 1 августа 1891 года не дает ответа, а на практике подобные с нарушением законного порядка состоявшиеся законы признаются сохраняющими полную силу и не вызывают никаких протестов со стороны подлежащих властей. Среди состоявшихся за последнее время по Финляндии узаконений возможно насчитать немало таких, которые ближайшим образом затрагивая весьма важные интересы империи, были изданы без сношения с имперскими ведомствами и тем не менее распубликованы в Сборнике постановлений наряду с актами, состоявшимися в законном порядке. Таковы, например, Манифест от 22 октября/4 ноября 1905 года о мерах к восстановлению «закономерного» порядка в крае, Постановление 20 апреля 1906 года о русском языке в делопроизводстве административных учреждений Финляндии и другие.

Далее, согласно Постановлению 1891 года, законопроекты, затрагивающие интересы империи, сообщаются министром статс-секретарем на заключение тех министров, ведомства которых они касаются. Такой порядок направления дел представляется, по мнению Особого совещания, также неправильным. По точному смыслу закона, решающей инстанцией, которая по своему выбору определяет, в какие именно ведомства должен быть направлен данный законопроект, является опять-таки министр статс-секретарь, то есть должностное лицо финляндского управления, может быть, не вполне осведомленное о компетенции и круге власти каждого из отдельных министров. Вследствие сего на практике нередко возникали случаи, что законопроект или направлялся в неподлежащее установление или сообщался только одному из заинтересованных ведомств по произвольному выбору статс-секретариата, как это в недавнее время имело место в отношении проекта постановления о перечислении русских уроженцев в Финляндию, переданного на заключение министров внутренних дел и финансов, но не сообщенного министрам военному и морскому, до круга ведения которых этот законопроект в одинаковой мере относился. Затем, представление

Финляндского Сената относительно отмены Высочайшего постановления 1904 г. о распространении на Финляндию действия положений о полевом управлении войск и об управлении крепостями и правил о местностях, объявленных на военном положении было сообщено на заключение лишь военного министра, тогда как приморское положение крепостей Свеаборга и Выборга обязывало министра статс-секретаря сделать сношение и с морским министром. Равным образом, представление Сената по вопросу о дальнейшем назначении императорских покоев в нынешнем здании станции С.-Петербург финляндских железных дорог было доставлено министром статс-секретарем на предварительный просмотр министра путей сообщения и не было сообщено министру Императорского Двора. Наконец, принятый чрезвычайным Сеймом 1905/6 г. законопроект о свободе печати в Финляндии был передан на заключение одного министра внутренних дел, вопреки мнению генерал-губернатора, требовавшего сообщения этого проекта также министрам Императорского Двора, финансов, военному и иностранных дел.

Указанным не исчерпываются, однако, несовершенства Постановления 1891 года, которое должно быть признано недостаточно обеспечивающим интересы империи даже и в тех случаях, когда сношение с заинтересованными ведомствами фактически произведено. В этом отношении закон не дает никаких гарантий того, что поступившее заключение будет доложено Его Императорскому Величеству в надлежащей полноте и в надлежащем освещении. Этими словами Особое совещание не выражает, конечно, принципиального недоверия к деятельности министров статс-секретарей; однако, ввиду существенных нарушений, неоднократно имевших место в прошлом, как например, при издании Устава о воинской повинности 1878 г. или Уголовного уложения 1889 г. Совещание полагает, что Государственная власть вправе и должна требовать строжайших гарантий для охраны всех своих интересов, а не основывать дело лишь на доверии к отдельным личностям. Таких гарантий не существует в Постановлении 1891 года, хотя они легко могли бы быть установлены, например, в виде правила о совместном докладе дела министром статс-секретарем с подлежащим министром империи.

Наконец, Особым совещанием было отмечено, что вторая часть статьи 1 закона 1891 года возлагает на министра статс-секретаря обязанность «представлять Его Императорскому Величеству законопроекты и предложения Сейму вместе с мнением генерал-губернатора и с заключением министра империи, когда таковое было запрошено». Из этого видно, что закон не предоставляет министру статс-секретарю права передавать последовавшие по проекту заключения имперских ведомств на дальнейшее рассмотрение Сената или генерал-губернатора, а требует от него прямого доклада таковых заключений Его Величеству. Между тем, состоявшееся в недавнее время заключение Совета министров по делу об управлении финляндскими казенными железными дорогами подверглось дальнейшему обсуждению со стороны местных властей.

Если, таким образом, коренной недостаток Постановления 1891 г. заключается в чрезмерной широте усмотрения, предоставленной министру статс-секретарю в области выбора дел, затрагивающих, по его мнению, интересы империи, то естественною поправкою к сему явилось бы возложение на названное должностное лицо обязанности сообщать правительству проекты всех без исключения узаконений, предполагаемых к изданию по Великому княжеству Финляндскому. При этом условии сама имперская власть входила бы в рассмотрение вопроса о том, насколько данный законопроект касается интересов империи, причем суждения ее по этому предмету несомненно отличались бы большею компетентностью, нежели суждения министра статс-секретаря. Вместе с тем, была бы устранена существующая ныне зависимость русских министров от названного должностного лица.

Кроме проектов, имеющих законодательный характер (а именно: проектов новых законов, как Сеймовых, так и административных, и проектов Высочайших предложений Сейму), на предварительное заключение имперских властей, по мнению Особого совещания, должны быть сообщаемы также: во-первых, проекты всеподданнейших докладов министра статс-секретаря, имеющих общее административное значение или касающихся испрошения

Высочайшего разрешения на составление проектов законов или пропозиций Сеймy, и, во-вторых, проекты всеподданнейших докладов, касающихся Сеймовых петиций и представлений Сейма. В настоящее время подобного рода доклады никогда не передаются имперским властям для предварительного отзыва и только в редких случаях сообщаются им уже по воспоследовании Высочайшей резолюции для сведения (как это, например, было сделано генерал-лейтенантом Лангофом в отношении представленного им весною текущего года всеподданнейшего доклада относительно расследования дела об организации и деятельности союза Войма). Между тем, как это доказал только что упомянутый пример, приводимые в таких докладах факты, касающиеся должностных лиц и ведомств империи, не всегда излагаются в достаточно полном и всестороннем освещении, что, при своевременных указаниях со стороны заинтересованных ведомств, легко могло бы быть в каждом отдельном случае исправлено.

Установив, таким образом, тот основной принцип, что на заключение имперских ведомств должны быть передаваемы все проекты законов и докладов, всеподданнейше повергаемых министром статс-секретарем на благовоззрение Его Императорского Величества, Особое совещание остановилось на вопросе о том, какой именно власти они должны сообщаться и может ли быть сохранено за министром статс-секретарем принадлежащее ему ныне по закону право собственного выбора ведомств, признаваемых им причастными к данному делу. При обсуждении настоящего вопроса Особое совещание приняло в соображение, что Основные государственные законы предусматривают ныне лишь двоякий порядок законодательства: особый – для внутренних дел Финляндии (ст. 2) и общий – для всех остальных (ст. 86), то есть как для дел чисто имперского значения, так и для дел, связанных с интересами империи и Финляндии одновременно. С другой стороны, с обнародованием Манифеста 17 октября 1905 г. и утверждением Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. порядок осуществления законодательной власти в империи подвергся коренному изменению, ввиду чего поднесение Финляндскими министром статс-секретарем и генерал-губернатором к Высочайшему Его Императорского Величества утверждению в порядке местного законодательства таких законопроектов, которые касаются интересов империи, могло бы стать в коллизию с компетенцией Государственной думы и Государственного совета. В предупреждение сего, а также в видах надзора за точнейшим соблюдением статьи 2 Основных государственных законов Особое совещание признавало правильным и согласным с духом новейшего русского законодательства постановить, что все финляндские законопроекты и проекты всеподданнейших докладов должны быть направляемы министром статс-секретарем к председателю Совета министров для передачи на заключение сего Совета, причем от председателя, в случае признанной им надобности, зависело бы ближайшее распределение поступивших дел по отдельным ведомствам до обсуждения их в Совете. Такой порядок, по мнению Совещания, являлся бы тем более целесообразным, что, за воспоследованием Высочайшего указа 19 октября 1905 года деятельность всех начальников отдельных ведомств приведена к единству, соответственно чему все всеподданнейшие доклады по империи, имеющие общее значение или касающиеся других ведомств, подлежат предварительному сообщению председателю Совета министров.

Проектируемая передача всех дел финляндского управления на предварительный просмотр Совета министров могла бы вызвать с финляндской стороны упрек в том, что на практике подобный порядок неизбежно должен повлечь за собою чувствительное замедление в обычном течении этого рода дел. Во избежание сего Особое совещание полагало установить, что председатель Совета министров обязан в кратчайший, по возможности, срок уведомлять министра статс-секретаря о заключении Совета министров по всем вышеозначенным делам. Само собою разумеется, однако, что в тех случаях, когда дело будет признано затрагивающим интересы империи, Совет министров не может быть связан особенно кратким сроком на представление своего по делу отзыва, так как внимательное изучение законопроектов, нередко весьма сложных, и составление по оным подробных заключений могут потребовать в отдельных случаях, в особенности, когда возникнет необходимость в со-

бранш справок по источникам финляндского права, довольно продолжительного времени. Ввиду сего Совещание признавало более осторожным никаких точно определенных сроков в сем отношении впредь до времени не устанавливать, тем более, что некоторое замедление в ходе отдельных финляндских дел, касающихся интересов империи, не будет иметь, конечно, столь вредных последствий, какие могли бы возникнуть от слишком поспешного, а потому и недостаточно глубокого изучения вопроса.

По существующему порядку все законопроекты, предполагаемые к изданию по Великому княжеству Финляндскому, повергаются на благовоззрение Его Императорского Величества министром статс-секретарем единолично, независимо от того, имеют ли эти законопроекты исключительно внутреннее для Финляндии значение или касаются также интересов империи. Сохранение такого порядка на будущее время Особое совещание полагало возможным допустить лишь в отношении законопроектов первой категории, то есть таких, по коим со стороны Совета министров не последует возражений против дальнейшего направления их в порядке особого финляндского законодательства (ст. 2 Осн. Гос. Зак.). Что же касается тех случаев, когда Совет министров не найдет возможным согласиться с предположенным финляндскими властями направлением или разрешением дела, то, по мнению Особого совещания, доклад такого, вызвавшего сомнения или замечания, дела мог бы быть вверяем министру статс-секретарю Финляндии не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим министром.

Далее финляндская практика дает немало примеров, что состоявшаяся по делу Высочайшая резолюция остается необнародованной и не сообщенной к сведению министров империи, вследствие чего и не может быть принимаема во внимание при рассмотрении аналогичных дел. В виде примера возможно указать на состоявшееся 7/19 мая 1899 года Высочайшее повеление, согласно коему при представлении в будущем всеподданнейших ходатайств, касающихся средств сообщения, предпочтение должно отдаваться приведению в надлежащее состояние ныне существующих железнодорожных линий, а также должна быть принята во внимание необходимость соединения железнодорожной сети в Финляндии с таковою же в империи. Означенное повеление, хотя своевременно и сообщенное генерал-губернатором Сенату, не было ни распубликовано в Сборнике постановлений Финляндии, ни сообщено подлежащим министрам, а потому и не могло быть ими принято к руководству при изъявлении в 1906 году согласия на постройку новой железной дороги на крайнем севере Финляндии (Кеми-Рованиеми). В видах предупреждения подобных неправильностей на будущее время Особое совещание признавало существенно важным оговорить, что по воспоследовании Высочайшей резолюции по делу министр статс-секретарь Финляндии обязан немедленно сообщить председателю Совета министров о состоявшемся повелении Его Императорского Величества с препровождением списка с удостоившегося Всемилостивейшего утверждения закона или предложения или же представлявшегося Его Величеству всеподданнейшего доклада.

Наконец, так как по силе действующих узаконений (необнародованный Высочайший рескрипт 9 июня 1826 года) Финляндский генерал-губернатор также облечен правом непосредственного доклада Его Императорскому Величеству по делам вверенного его управлению края, то настоящие правила, приуроченные к деятельности министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, Особое совещание находило соответственным распространить и на генерал-губернатора.

Вышеизложенные предположения об установлении нового порядка предварительного рассмотрения и всеподданнейшего доклада дел, касающихся Великого княжества Финляндского, имеют своею целью устранить существующую неосведомленность русских властей относительно важнейших вопросов текущего финляндского законодательства и Верховного управления и тем предотвратить возможность проведения в порядке особого всеподданнейшего доклада мероприятий, клонящихся в ущерб законным правам, интересам и достоинству империи. Настоящий вопрос, по убеждению Особого совещания, имеет, однако, и другую сторону, не менее важную.

Согласно общей системе, унаследованной Финляндией еще от времен шведского владычества, действующее финляндское законодательство делится на два вида: на законодательство общее и законодательство административное или экономическое. Коренное различие между обоими видами законодательства сводится к тому, что законы общего значения могут быть издаваемы Верховною властью лишь при участии Сейма, тогда как законы административные или экономические участия народного представительства не требуют и могут быть издаваемы Его Императорским Величеством единолично, через посредство Финляндского Сената или даже помимо его. Таково различие формальное; что же касается различия по существу, то есть вопроса о том, какие именно законы относятся к области общих или Сеймовых, и какие – к области административных, то ответить на этот вопрос исчерпывающим образом нет никакой возможности, так как грань, размежевывающая обе эти группы законов, нигде в источниках шведского или финляндского права с точностью не определена; исторически же она представляла весьма резкие колебания, передвигаясь по эпохам то в ту, то в другую сторону. В те периоды, когда власть Короля по тем или иным причинам ослабевала, как то случилось, например, в малолетство Карла XI, пределы общего законодательства немедленно расширялись, тогда как в периоды развития и силы королевской власти корона не только крепко удерживала в своих руках те законодательные прерогативы, которые переходили к ней путем исторического преемства, но и нередко распространяла их на предметы, дотоле входившие в область законодательства риксдагов.

Взаимоотношение групп общих и административных законов представляет те же колебания и в Финляндии по присоединении ее в 1809 году к Российской империи. До 1863 года, то есть до эпохи созыва финляндских Сеймов августейшим Дедом Его Императорского Величества, блаженные памяти Императором Александром II, границы экономического законодательства постепенно расширялись, причем в административном порядке был издан ряд узаконений по традиции шведских времен, относившихся к области законодательства общего, как, например, постановления об изменении различных статей Отделов о наказании и судопроизводстве Общего уложения и др. После же 1863 года началось обратное течение, причем Сейм в ущерб правам Монарха стремился захватывать в свои руки многие области законодательства, исторически подлежавшие исключительному ведению Верховной власти. Сюда относятся, напр., вопросы об организации общинного самоуправления городского и сельского, о законном заступлении (laga försvar) малолетних и неимущих, Устав о найме прислуги, правила о свободе торговли хлебом, об организации банкового дела, межевой Устав и проч. Во всех этих вопросах Сейму могла принадлежать лишь совещательная роль; между тем, даже не взирая на статью 39 Формы правления 1772 года, строго воспрещающую народному представительству посягать на власть и права Монарха, финляндские Сеймы присвоили себе в данной области решающий голос. Следует отметить при этом, что, при трудности для русских властей следить за правомерным развитием финляндского законодательства, главная вина в таком незаконном вторжении Сеймов в сферу Высочайших прерогатив должна быть отнесена на счет Финляндских Сената и прокурора, которые не противодействовали росту законодательной власти Сейма и сокращению таковой же власти Монарха.

С изложенной точки зрения проектируемое Особым совещанием сообщение всех финляндских законопроектов на предварительный просмотр Совета министров империи представляет новое и особо важное значение. Такой просмотр откроет для Совета возможность своевременным вмешательством предотвратить могущие возникнуть и в будущем попытки со стороны финляндских Сеймов и Сената расширить компетенцию народного представительства за счет исторически унаследованных прерогатив Его Императорского Величества. В числе таковых именно попыток со стороны финляндских учреждений расширить область Сеймового законодательства можно указать Высочайшее предложение Сейму 1907 года по межевой части, долженствующее заменить изданные в административном порядке постановление и регламент 15 мая 1848 года или на изготовленный Финляндским Сенатом весною текущего года проект предложения по вопросу об ассигновании из состоя-

щих в распоряжении правительства статного и милиционного фондов 20 миллионов марок в качестве пособия на военные нужды. Нередко в тех же целях расширения компетенции Сеймa в одном законопроекте соединяются предметы Сеймового и административного законодательств.

В заключение Особое совещание признавало необходимым остановиться на выяснении двух весьма важных вопросов, имеющих ближайшую связь с обсуждаемым делом, а именно: 1) не следует ли допустить, чтобы финляндские законопроекты, передаваемые на рассмотрение Совета министров обсуждались в нем или в какой-либо особой подготовительной Комиссии при участии финляндских должностных лиц, и в каком именно порядке могло бы последовать издание предположенных Совещанием в изменение Высочайшего постановления 1 августа 1891 года правил, если бы Его Императорскому Величеству угодно было Всемилостивейше соизволить на приведение их в действие.

По первому из этих вопросов Особое совещание высказало следующие соображения. Мысль об учреждении Особого совета для обсуждения финляндских законопроектов, касающихся интересов империи, неоднократно возникала и раньше и близка была к практическому исполнению весною 1906 года, когда Высочайше учрежденное под председательством статс-секретаря графа Сольского Совещание (образованное для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений) проектировало поднести к Высочайшему Его Императорского Величества подписанию Указ об учреждении Комитета по делам, касающимся общих интересов империи и Великого княжества. Однако предположения совещания графа Сольского не получили осуществления вследствие предъявленных Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем настояний о том, чтобы ввиду возбуждаемого сими предположениями волнения в Финляндии, они переданы были на обсуждение Финляндского Сената. Оценивая же упомянутую меру по существу, Особое совещание находило, что в тех случаях, когда в Имперских учреждениях вырабатывается мера, имеющая быть приведенною в действие и в Финляндии, участие финляндских членов может принести известную пользу по ближайшей осведомленности их в местных условиях края. Опыт указывает, однако, что при всей кажущейся бесспорности этого положения практическое его осуществление в виде неоднократно созывавшихся смешанных из русских и финляндских членов Комиссий, не приводило к благополучным результатам. Подобного рода смешанные коллегии вели в действительности не к согласованию взаимных интересов империи и Финляндии, а к резкому их противопоставлению и не достигали своей цели, создавая лишь тягостные осложнения в ходе подлежащих дел. Причины этого явления понятны и кроются в том, что смешанные коллегии, не обладая решающею властью, не имеют побудительных оснований путем взаимных уступок приходить к соглашению, всегда рассчитывая, что Высшая воля Монарха решит дело во всем его объеме так, как этого желает та или другая сторона. Как бы то ни было, но в отмеченных только что случаях учреждение смешанной Комиссии имеет хотя бы теоретическое основание. Тогда же, когда вопрос идет лишь о том, чтобы дать по выработанному финляндцами проекту заключение русских властей, участие финляндских членов не вызывается никакими соображениями. В таких случаях, с точки зрения имперских интересов, учреждение смешанной Комиссии излишне, так как при рассмотрении вопроса о том, насколько данный законопроект соответствует нуждам империи и согласуется с нормами действующего в ней законодательства, нет надобности в участии представителей Финляндии. С другой же стороны, участие последних не требуется и для освещения дела с точки зрения нужд и интересов Финляндии, ибо каждый финляндский законопроект, разработанный в местных учреждениях при содействии местных сил, уже по одному этому должен быть всецело приурочен к интересам края. Наконец, нельзя не заметить, что при истребовании заключений от имперских ведомств постоянное участие финляндских представителей недопустимо еще и потому, что оно могло бы ставить имперские ведомства в неудобное положение вырабатывать свои заключения по финляндским делам совместно с финляндцами, в то время как финляндские проекты вырабатываются без всякого участия представителей имперских ведомств. По всем приведен-

ным основаниям Особое совещание высказалось против учреждения смешанных коллегий для оценки финляндских законопроектов с точки зрения русских интересов и полагало, что эта обязанность может принадлежать единственно имперским ведомствам, объединенным ныне в лице Совета министров, в заседания коего по этим делам мог бы приглашаться в потребных случаях Финляндский генерал-губернатор (Учр. Сов. Мин., изд. 1906 г., ст. 8).

Переходя, наконец, к вопросу о том, в каком порядке могло бы последовать издание предполагаемых правил, Особое совещание приняло на вид, что осуществление их фактически повлечет за собою, конечно, изменение статьи 1 Высочайшего постановления 1 августа 1891 года, изданного в порядке местного финляндского законодательства. Тем не менее направление настоящего дела в том же порядке, по мнению Совещания, не может быть признано в данном случае желательным и допустимым.

Особое совещание выше уже имело случай изъяснить, что проектируемые правила имеют в виду достигнуть двоякого рода цели: ограждения законных прав и интересов империи, с одной стороны, и охраны исторически сложившихся прерогатив Его Императорского Величества – с другой. Иными словами говоря, сущность означенных правил сводится к установлению известного надзора со стороны Совета министров за деятельностью высших органов финляндского управления в видах устранения для них возможности проводить мероприятия, несовместные с интересами империи и Монарха. С указанной точки зрения поставленный выше вопрос разрешается уже сам собою. Вытекая из понятия суверенитета, принадлежащего России по отношению к завоеванной ею Финляндии, власть такого надзора является вполне самостоятельной и не требует для своего обоснования каких-либо иных доказательств или оправданий. Если, однако, империя как носительница суверенных прав по отношению к Великому княжеству Финляндскому обладает властью верховного надзора за общим течением в нем дел и направлением его политики, то само собою понятно, что имперское правительство не может быть лишено полномочия определять по своему усмотрению те нормы, которые имеют своею задачею обеспечить действительность и реальную силу подобного надзора.

Приведенные суждения принципиального характера находят себе подкрепление как в тексте статьи 2 Основных государственных законов, по точному смыслу которой Великое княжество Финляндское составляет нераздельную часть Российского государства, так и в том соображении, что издание в порядке финляндского законодательства правил, касающихся компетенции и прав Государственной думы и Государственного совета, а также Совета министров, не соответствовало бы ни достоинству империи и ее Основным законам, ни тому положению, которое занимает законодательство Финляндии по отношению к законодательству империи.

По всем этим соображениям Особое совещание приходит к заключению, что настоящий вопрос должен быть разрешен закономерною деятельностью Имперских, а не местных финляндских установлений, причем по существу намечаемой меры она, согласно статье 11 Основных государственных законов, может быть установлена Именным Высочайшим указом председателю Совета министров, в порядке Верховного управления состоявшимся. Что же касается Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря, то Высочайшая Его Императорского Величества воля по сему предмету могла бы быть наудобнейше преподана им, по мнению Совещания, в форме особых Высочайших рескриптов.

На основании вышеизложенного, Особое совещание полагает:

Прилагаемые при сем проекты Именного Высочайшего указа председателю Совета министров, а также Высочайших рескриптов на имя Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Финляндии всеподданнейше повергнуть на Всемилостивейшее Его Императорского Величества благовоззрение.

[a-a] П. Столыпин, Харитонов, Дейтрих, Н. Сергеевский, Гарин, М. Бородкин, Э.Н. Берендтс

Помощник Управляющего делами Совета министров Плеве[a-a]

[a-a] *Подписи – автографы, запись Плеве – внизу листа.*

Проект
(Именной Высочайший указ)
председателю Совета министров

В соответствии с возложенною на Совет министров задачею объединения деятельности отдельных частей государственного управления мы признали за благо предоставить сему Совету и суждение о том, какие из возникающих по Великому княжеству Финляндскому дел затрагивают вместе с тем и интересы империи и требуют, следовательно, ближайшего со стороны министерств и главных управлений соображения. Вследствие сего рескриптами сего числа на имя Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского данными, мы повелели им:

I. Предварительно представления на уважение наше препровождать к вам, для сообщения заключения Совета министров, проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского как Сеймовых, так и административных; б) предложений Финляндскому Сейму; в) всеподданнейших докладов общего административного значения или касающихся испрошения нашего разрешения на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся Сеймовых петиций и представлений Сейма.

II. В тех случаях, когда Совет министров не найдет возможным согласиться с предположенным подлежащими властями Великого княжества направлением или разрешением дела, представлять нам всеподданнейший по сему делу доклад не иначе, как совместно с вами или подлежащим министром.

III. Сообщать вам о всех воспоследовавших по докладам их повелениях наших с препровождением списков утвержденных нами законоположений и предложений, а также самых всеподданнейших докладов.

Сообразно сему повелеваем вам по получении означенных выше проектов в кратчайший по возможности срок сообщать Финляндскому генерал-губернатору и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского, по принадлежности, заключения Совета министров по всем вышеуказанным делам.

Проект
(Рескрипт)
Нашему Финляндскому генерал-губернатору

В соответствии с возложенною на Совет министров задачею объединения деятельности отдельных частей государственного управления, признав за благо предоставить сему Совету и суждение о том, какие из возникающих по Великому княжеству Финляндскому дел затрагивают вместе с тем и интересы империи и требуют, следовательно, ближайшего со стороны министерств и главных управлений соображения, повелеваем вам:

I. Предварительно представления на уважение наше препровождать к председателю Совета министров для сообщения заключения сего Совета проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского как Сеймовых, так и административных; б) предложений Финляндскому Сейму; в) всеподданнейших докладов общего административного значения или касающихся испрошения нашего разрешения на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся Сеймовых петиций и представлений Сейма.

II. В тех случаях, когда Совет министров не найдет возможным согласиться с предположенным подлежащими властями Великого княжества направлением или разрешением дела, представлять нам всеподданнейший по сему делу доклад не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим министром.

III. Сообщать председателю Совета министров о всех воспоследовавших по докладам вашим повелениях наших с препровождением списков утвержденных нами законоположений и предложений, а также самых всеподданнейших докладов.

Проект
(Рескрипт)
Нашему министру статс-секретарю
Великого княжества Финляндского

В соответствии с возложенною на Совет министров задачею объединения деятельности отдельных частей государственного управления, признав за благо предоставить сему Совету и суждение о том, какие из возникающих по Великому княжеству Финляндскому дел затрагивают вместе с тем и интересы империи и требуют, следовательно, ближайшего со стороны министерств и главных управлений соображения, повелеваем вам:

I. Предварительно представления на уважение наше препровождать к председателю Совета министров для сообщения заключения сего Совета проекты: а) новых законов для Великого княжества Финляндского как Сеймовых, так и административных; б) предложений финляндскому Сейму; в) всеподданнейших докладов общего административного значения или касающихся испрошения нашего разрешения на составление проектов законов или предложений Сейму, и г) всеподданнейших докладов, касающихся Сеймовых петиций и представлений Сейма.

II. В тех случаях, когда Совет министров не найдет возможным согласиться с предположенным подлежащими властями Великого княжества направлением или разрешением дела, представлять нам всеподданнейший по сему делу доклад не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим министром.

III. Сообщать председателю Совета министров о всех воспоследовавших по докладам вашим повелениях наших с препровождением списков утвержденных нами законоположений и предложений, а также самых всеподданнейших докладов.

РГИА. Ф. 1726. Оп. 26. Д. 1. Л. 1–15. Чистовой вариант. Типографский текст на полулистах большого формата, скрепленных в брошюру. Подписи – автографы. Оп. 18. Д. 54. Л. 58–181. Проекты журнала с пометами и редактурой участников совещания. Черновые варианты. Типографский текст.

РНБ. Шифр: 135/300-78. Государственный совет. Материалы. Т. 78 [7].

№ 267. Проект отношения председателя Совета министров П.А. Столыпина Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду о порядке представления финляндских законопроектов[560]

Ноябрь 1907 г.

« » ноября 1907 года
№

Проект
Его Высокопре[восходительст]ву
Н.Н. Герарду

Милостивый государь,
Николай Николаевич.

Отношением от 5/18 октября сего года за № 6011 Ваше Высокопревосходительство, сообщая мне о некоторых замечаниях Ваших по поводу удостоившегося 15 минувшего сентября Всемилостивейшего одобрения Государя Императора особого журнала Совета министров по проекту нового закона о свободе печати в Финляндии, изволите возбуждать общий вопрос о порядке представления на Высочайшее благовоззрение таких Финляндских законопроектов, которые, вместе с тем, затрагивают существенные интересы империи.

Действующий порядок направления означенных дел состоит в том, что последние, при заключении Финляндского генерал-губернатора, поступают к министру статс-секретарю, который запрашивает по ним заключения имперских ведомств, и затем дела эти повергаются министром статс-секретарем на благовоззрение Его Императорского Величества. Признавая объясненный порядок несовершенным, ибо он не обеспечивает, по вашему мнению,

надлежащего выяснения и согласования интересов империи и Великого княжества, вы предлагаете изменить его в том смысле, чтобы дела сего рода обсуждались предварительно в Особом смешанном совете из представителей власти империи и Финляндии, при участии подлежащих имперских министров, министра статс-секретаря и Финляндского генерал-губернатора, и чтобы заключения совета докладывались Его Величеству одновременно с докладом представления Финляндского Сената или Сейма по данному вопросу.

Входя вследствие сего в рассмотрение возбуждаемого Вашим Высокопревосходительством общего вопроса об учреждении Особого совета для обсуждения Финляндских законопроектов, касающихся интересов империи, считаю необходимым отметить, прежде всего, что указанная мысль близка была к практическому исполнению весною 1906 года, когда Высочайше учрежденное под председательством статс-секретаря графа Сольского совещание (образованное для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений) проектировало поднести к Высочайшему подписанию Указ об учреждении Комитета по делам, касающимся общих интересов империи и Великого княжества. Однако, как известно Вашему Высокопревосходительству, предположения Совещания графа Сольского не получили осуществления, вследствие предъявленных вами (в телеграмме от 23 апреля 1906 г.) и министром статс-секретарем настояний о том, чтобы ввиду возбуждаемого сими предположениями волнения в Финляндии они переданы были на обсуждение Финляндского Сената. Оценивая же предлагаемую вами меру по существу, я весьма усомнился бы в практической ее пользе, ибо, как указывает опыт, все подобного смешанные коллегии вели в действительности не к согласованию взаимных интересов империи и Финляндии, а к резкому их противопоставлению и не достигали своей цели, создавая лишь тягостные осложнения в ходе подлежащих дел. Причины этого явления вполне понятны и кроются в том, что смешанные коллегии, не обладая решающею властью, не имеют побудительных оснований путем взаимных уступок приходить к соглашению, всегда рассчитывая, что Высшая воля Монарха решит дело во всем его объеме так, как этого желает та или другая сторона. Притом не следует упускать из вида, что с точки зрения имперских интересов учреждение смешанной Комиссии желанно, так как при рассмотрении вопроса о том, насколько данный законопроект соответствует нуждам империи и согласуется с нормами действующего в ней законодательства, нет надобности в участии представителей Финляндии. С другой же стороны, участие последних не требуется и для освещения дела с точки зрения нужд и интересов Финляндии, ибо каждый финляндский законопроект, разработанный в местных учреждениях при содействии местных сил, уже по одному этому оказывается всецело пригодным к интересам края. Наконец, не могу не заметить, что в той стадии движения рассматриваемых дел, о которой теперь идет речь, то есть в стадии истребования заключений от имперских ведомств, участие финляндских властей недопустимо еще и потому, что оно ставило бы имперские ведомства в неудобное положение вырабатывать свои заключения по финляндским делам совместно с самими же финляндцами. Такое положение неприемлемо даже логически; по несоответствию лиц с возлагаемою на них задачею*[1] и, конечно, не было бы принято и финляндцами, если бы русская власть возымела мысль усиливать состав их учреждений русскими членами для совместной с финляндцами выработки заключений по исходящим от имперских ведомств предположениям. По всем приведенным основаниям, я должен высказаться против учреждения смешанных коллегий для оценки Финляндских законопроектов с точки зрения русских интересов и полагаю, что эта обязанность может принадлежать единственно имперским ведомствам, объединенным ныне в лице Совета министров, в заседания коего по этим делам мог бы приглашаться Финляндский генерал-губернатор (Учр. Сов. Мин., изд. 1906 г. ст. 8). Что же касается указания Вашего Высокопревосходительства на противоречие это-

*[1] Финляндцы должны были бы участвовать в составлении русского заключения по финляндским делам. (*Прим. док.*)

го порядка, соединенного с представлением журналов Совета министром по финляндским делам на Монаршее благовоззрение, с действующими в Финляндии узаконениями, по силе коих Высочайшие повеления по законопроектам, выработанным Финляндскими учреждениями должны быть испрашиваемы министром статс-секретарем, то я, со своей стороны, не усматриваю в этом какого-либо нарушения Финляндских законов, ибо журналы Совета министров, санкционируемые Государем Императором составляют лишь одну из стадий дела, а окончательные Высочайшие повеления по финляндским делам будут и впредь (пока действует постановление 1-го августа 1891 г.) испрашиваться министром статс-секретарем. Оговариваюсь при этом, что в некоторых случаях, а именно, когда Его Величество найдет нужным передать известное дело, начавшееся в финляндских учреждениях, но признаваемое им общегосударственным, к дальнейшему направлению в обще-Имперском порядке, состоявшееся по журналу Совета министров Высочайшее повеление является окончательным. Таково, например, воспоследовавшее 19 минувшего августа Высочайшее повеление относительно порядка разрешения законопроекта о принятии русских уроженцев в число финляндских граждан. В заключение не могу не остановиться на сделанном Вашим Высокопревосходительством замечании, что в подносимых на Высочайшее уважение журналах Совета министров оказывались положительные ошибки и обнаруживалось недостаточное знакомство с местным законодательством.

Считаю нужным войти по этому предмету в некоторые подробности.

По поводу приведенной Вашим Высокопревосходительством ссылки на письмо Ваше от 16 сентября сего года за № 5591, и на отношение от того же числа за № 5590, почитаю долгом вновь заявить, что (как это изъяснено мною в ответных письмах на Ваше имя от 21 и 26 октября за №№ 5624 и 5738), я положительно не могу усмотреть в журнале от 19 августа текущего года по вопросу о перечислении русских уроженцев в Финляндию какой-либо ошибки или упущения со стороны Совета министров.

Далее, по поводу письма Вашего от 21 сентября за № 5715[561], считаю необходимым объяснить, что мои замечания относительно готовившейся Сеймом петиции о новой Форме правления были вызваны имевшимися у меня сведениями, согласно которым Сеймовые депутаты, в ущерб своим прямым обязанностям по рассмотрению переданных им Высочайших предложений, слишком много времени отдавали составлению разнородных петиций. Как ныне стало известно, возникал даже вопрос о продлении занятий Сейма.

Что касается указания Вашего о том, что в журнале по проекту закона о свободе печати упущен из вида новый Сеймовый Устав, то в этом отношении я позволю себе заметить следующее. Так как каких-либо ближайших пояснений по данному предмету Ваше Высокопревосходительство не изволите приводить, то я могу лишь догадываться, что в настоящем случае Вы подразумеваете ту часть журнала, в которой изложены соображения по вопросу об ограничении прерогатив Монарха путем передачи законопроекта о печати из области административного в область Сеймового законодательства. При этом Ваше Высокопревосходительство, очевидно, имеете в виду, что такая передача вполне согласуется с § 29 действующего Сеймового Устава, в котором действительно отсутствует бывшее в прежнем Уставе указание на воспрещение Сейму касаться в своих вопросов о печати (§ 51). Умолчание об этом в журнале не явилось, однако, результатом какого-либо недосмотра, а было сделано вполне сознательно. Дело в том, что Сеймовый Устав 1906 года издан позднее Высочайшего Манифеста и Грамоты 1905 года, и самый § 29 оного подвергся вышеуказанному изменению именно на основании сих актов, толковавшихся финляндцами в том смысле, будто бы в них выражена Высочайшая воля о передаче законопроекта о печати на обсуждение Сейма. Поэтому все доводы журнала, весьма естественно, были направлены только против приведенного толкования Манифеста и Грамоты 1905 года как первоисточников, а не против позднейшего Сеймового Устава 1906 года, упоминание о котором представлялось, таким образом, по существу дела совершенно излишним.

Сообщая об изложенном, прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверения в моем отличном уважении и совершенной преданности.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 54–56. Машинопись с воспроизведением формуляра бланка «Председатель Совета министров», размноженная литографическим способом. Фиолетовая краска. Угасающий текст.

№ 268. Докладная записка председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору о назначении Ф.Л. Зейна помощником Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда

8(21) ноября 1907 г.

Ваше Императорское Величество,

Обдумав все подробности предстоящих относительно Финляндии распоряжений, я пришел к убеждению, что посвящать Н.Н. Герарда в предположения Вашего Величества невозможно, так как он не сможет удержать тайны от Лангофа и Книповича.

Я полагаю, что надлежит поступить так: 1) немедленно издать указ о назначении помощником генерал-губернатора генерала Зейна, причем желательно, чтобы Ваше Величество дали знать Н.Н. Герарду о предстоящем назначении и о том, чтобы он, т. е. Герард, в ближайшие дни будет вызван в Петербург для переговоров с ним о Финляндских делах, 2) Вызвать Н.Н. Герарда только тогда, как все приготовления будут закончены и сообщить ему о введении военного положения лишь в момент его введения, 3) Вызванного мною уже из Гродно Зейна немедленно послать в Гельсингфорс, дабы он в критическую минуту был исправляющим должность генерал-губернатора. Так как долго тайну удержать трудно, то желательно все эти распоряжения сделать как можно скорее. Предупредить Герарда о назначении к нему помощником Зейна желательно непосредственно от Вашего Величества, т. е. не через статс-секретариат. Преждевременный приезд Герарда был бы также вреден для дела.

Представляя все эти соображения Вашему Величеству, приемлю долг просить соизволить о последовавших распоряжениях дать мне знать.

В Государственной думе всеподданнейший адрес будет видимо принят в субботу, так что прием Думы (полагаю в Царском Селе) мог бы, если бы Вашему Величеству было благоугодно, состояться в середине будущей недели.

8 ноября 1907 года

Председатель Совета министров Столыпин

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 2–2 об. Рукопись на бумаге верже.

№ 269. Из письма Императора Николая II председателю Совета министров П.А. Столыпину о возможности назначения Зейна генерал-губернатором и об объявлении Выборга на военном положении

9(22) ноября 1907 г.

Петр Аркадьевич

С предположениями Вашими относительно предстоящих распоряжений по Финляндии я согласен. Так как Зейн – генерал, то мне кажется, что назначение его помощником ген[ерал]-губ[ернатора] должно состояться военным приказом[562]. Будучи вызван сюда и уз-

нав о состоявшемся решении без его ведома, Герард немедленно попросится[а] оставить должность ген[ерал]-губ[ернатора] и уже более в Гельсингфорс не вернется[563].

Поэтому Зейну придется сразу исправлять должность ген[ерал]-губ[ернатора], тем более, что ген[ерал] Бекман будет в Выборге.

Очень важно теперь же приступить к выработке текста указа и правительственного сообщения, в которых нужно ясно и определенно изложить причины объявления Выборгской губернии на военном положении. Считаю также полезным опубликование оповещения от имени выборгского военного генер[ал]-губерн[атора] населению этой области – немедленно по вступлении его в должность. Лучше заранее все подготовить спокойно. [...]

Николай.

Опубл.: Красный архив. 1924. Т. 5. С. 15; П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 39.

№ 270. Докладная записка председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору об объявлении Выборгской губернии на военном положении

10(23) ноября 1907 г.

Приемлю долг доложить Вашему Величеству, что охранное отделение получило неопровержимое доказательство того, что революционеры осведомлены о решении, касающемся Выборгской губернии, вследствие чего часть их уже выехала оттуда, а часть спешно готовится к выезду.

Проболтался ли кто-нибудь из членов Совещания, или же стали известны военные приготовления – не знаю, но приходится обсудить вопрос о том, не следует ли отложить всю операцию на несколько недель, дабы дать революции вновь осесть в Выборгской Губернии. Пока необходимо все же установить кордон по границе. Генерал Лангоф тоже что-то пронюхал, так как телефонировал мне о том, не желаю ли я вызвать сюда губернатора Троиля[564] для указания ему об усилении полицейских мер против революционеров.

Председатель Совета министров Столыпин

10 ноября 1907 года

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 3. Рукопись на бумаге верже.

№ 271. Докладная записка председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору Николаю II

11(23) ноября 1907 г.

Сегодня неучаствовавший в Финляндском совещании[565] министр Фролов[566] с большою тревогою спрашивает меня по телефону, осведомлен ли я о каких-то мероприятиях, готовящихся против Финляндии. На вопрос мой, откуда идут эти слухи, он ответил мне, что идут приготовления в войсках, которые направляются в Финляндию.

Вследствие сего я думаю, что всплыло все не из-за болтливости кого-либо из посвященных, а вследствие невозможности скрыть военных приготовлений.

Я видал сегодня генерала Рауха и во вторник буду иметь совещание с ним, с генералом Бекманом, Зейном и Бородкиным. Дозвольте, Ваше Величество, продолжить приготовления, довести их до конца, но затем приостановиться и дать окончательный сигнал через несколько недель, когда революционеры успокоятся. Тогда, по словам генерала Райха, его надо будет предупредить лишь за три дня, ввиду того, что все распоряжения уже сделаны.

[а] *у публикаторов переписки Столыпина*: попросился.

Быть может это и лучше, так как к тому времени и Зейн осмотрится на месте, и выяснится вопрос о денежном вознаграждении и некоторые другие.

Я не понял, прикажете ли мне сообщить военному министру о назначении генерала Зейна приказом по военному ведомству, или Ваше Величество уже соизволили сами сделать соответствующее распоряжение? Мне было это представляется крайне спешным.

Н.Н. Герард хочет приехать в конце этой недели для обсуждения положения, вызванного ответом Сейма о двенадцати миллионах.

Председатель Совета министров Столыпин

11 ноября 1907 года

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 3–3 об. Рукопись на бумаге верже.

№ 272. Записка профессора Э.Н. Берендтса о порочной политике 1898–1904 гг., приведшей к революционному движению

18 ноября (1 декабря) 1907 г.

Записка

[а] профессора Э. Берендтса 18 ноября 1907 года [а]

Приемлю смелость представить Вашему Высокопревосходительству мои соображения по поводу вновь поставленного на очередь финляндского вопроса.

Попытка решить этот сложный вопрос в направлении, соответствующем интересам Российского государства, привела к осложнениям, кои отразились на жизни России весьма вредным образом.

Если даже только одна четверть того, что рассказывается в известной книге финляндца Конни Циллиакус о развитии русского революционного движения[567], соответствует истине, придется согласиться, что политика 1898–1904 гг. дорого обошлась России.

Упомянутый автор утверждает, что финляндцы сорганизовали силы русских революционеров; Финляндия стала громадной конспиративной квартирой против России, где готовились и обсуждались все те преступные действия, которые потрясли все основы русской государственности. Есть основание полагать, что финляндцы принимали участие как в подстрекательстве Японии против России, так и в организации известного январского движения 1906 года.

Нельзя сомневаться в том, что если бы не разыгралась японская война 1904–1905 гг., финляндцы не имели бы возможности так быстро, сравнительно, уничтожить результаты мер, принятых в 1898–1904 годах; но столь же несомненно, что козни финляндских сепаратистов не перестали бы и без японской войны угрожать спокойствию России; известно также, что финляндцы сумели возбудить симпатии к себе как Западной Европы, так и широких слоев русского общества. Доказательства – известная депутация знатных иностранцев в 1899 году, систематическая полемика против политики русского правительства в большинстве органов иностранной прессы (которую финляндцы же снабжали материалами) и довольно громкий ропот в русском обществе по поводу обиды, якобы, нанесенной ни в чем-де неповинным финляндцам. Несомненное право Финляндии, таково было очень распространенное мнение в то время, нарушено законодательными и административными актами Русской державной власти.

Те, кто по мере своих сил и познаний старался защитить мероприятия России, были заподозрены в неискренности, в желании подслужиться или в отсутствия серьезных познаний в области финляндского права. Когда пишущий эти строки был назначен профессором Императорского С.-Петербургского университета по кафедре финляндского права, он был встречен академическим персоналом более чем холодно, заподозренный в желании подго-

[а-а] *Только в машинописи.*

товить чиновников, готовых угнетать финляндцев. Многих усилий стоило убедить лишь некоторых в том, что преподавание финляндского права в русском университете имеет такую же raison d'être[6], как и преподавание права мусульманского.

Высочайший Манифест 22 октября 1905 г. был встречен и во многих слоях русского общества радостно, и Верховная власть была принуждена произнести слова: «о восстановлении законного порядка», то есть признать во всеуслышание, что ее мероприятия в 1898–1904 гг. были незаконны.

В конце концов оказалось, что положение России в отношении Финляндии стало хуже, нежели до 1898–1899 гг.

Эти факты не могут не вызвать сомнения не в цели, которую преследовала Верховная власть в указанный выше период времени, а в способе и средствах, при помощи которых она хотела достигнуть цели.

Верховная власть не сомневалась в своем праве изменять компетенцию Сеймового законодательства Финляндии. Она не сомневалась в том, что органы законодательства в Финляндии созданы в 1809 г. исключительно для участия во внутреннем законодательстве Финляндии, причем вопросы о том, что считать внутренним законодательством, что нет, должны быть решаемы для каждого случая отдельно и односторонне Верховною властью. При этом Верховная власть исходила от весьма правильной точки зрения, прекрасно формулированной статс-секретарем графом Витте в письме на имя бывшего Государственного секретаря В.К. Плеве от 14 января 1901 г. «Не финляндское законодательство определяет границы компетенции русской Государственной власти, а, наоборот, русское законодательство, как суверенное, определяет компетенцию особых финляндских учреждений».

Между тем это воззрение, по существу единственно правильное, не могло не встретить возражений и противодействий в Финляндии, ибо проведение этого принципа в практике являлось почти для всех чем-то совершенно новым, разрывом с полувековыми традициями.

Немногие знали, что в течение всего XIX столетия наиболее важные из законодательных актов Финляндии, даже такие, которые не касались интересов империи (как напр., Устав Александровского университета 1828 г.), были подвергаемы в негласных комитетах и совещаниях критике имперских ведомств.

Официальные же обращения к Финляндии и финляндцам со стороны Верховной власти в 1809 и 1816 гг., а затем с 1862 до 1898 г. благодаря употреблению слов неопределенных, допускавших двустороннее толкование все сызнова давали пищу финляндцам считать всю совокупность законов, действующих в Финляндии, за нечто цельное, обособленное, вторжение в которое даже во имя самых священных интересов и прав России, признавалось нарушением слов Александра I, далеко не всегда ясных и противоречащих другим словам того же Монарха. – Финляндские ученые и публицисты усердно занялись трудом: из различных Монарших слов создать цельную правовую систему, которая, если бы она в своей полноте и со всеми своими выводами была известна русским Монархам, едва ли осталась бы без их решительных авторитетных возражений.

Для меня лично стоит вне сомнения, что русские Монархи как Александр I, так и Александр II, говоря о конституции и конституционных началах, основных или коренных законах, подразумевали действительно принципы ограничений Монархии, но только те скромные ограничения власти, которые были допущены королем Густавом III в 1772–1789 гг. Посему ни Александр I, ни Александр II, ни даже Александр III не запрещали ссылаться на остатки от конституционных законов Швеции, от Формы правления 1772 г. и Акта соединения и безопасности 1789 г. И в Финляндии, насколько я изучил этот вопрос, уже с 1809 г. не сомневались, что во всяком случае Акт соединения и безопасности 1789 г. утвержден Монархом; сомнение вызывал уже в начале XIX столетия вопрос, имелась ли в виду также и Форма правления 1772 г. К сожалению, ни генерал-губернаторы, ни министры статс-секретари не обращали внимания на неблагоприятные последствия, вытекающие из такого более чем

[6] *смысл существования (фр.). Вписано в машинопись.*

странного порядка вещей, при котором и власть, и ее органы и подданные ссылались на конституцию, на Основные законы, не зная в чем состоит конституция и как далеко простирается сила так называемых Основных законов.

Финляндские советники Монарха побуждали его неоднократно повелеть приступить к кодификации Основных законов, но эта кодификационная работа не могла иметь успеха, ибо не опиралась на аутентически ограниченный материал, если не считать Высочайшей инструкции 1864 г. с ее трудно исполнимым поручением: соединить в одно целое Форму правления 1772 г. и Акт соединения и безопасности 1789 г., то есть два конституционных закона, из которых каждый исходил из различных принципов при определении прерогатив Монарха. Даже повеление Императора Александра II: положить в основу кодификации I пункт Акта соединения и безопасности 1789 г. не давало твердого руководства, ибо шведские конституционные акты XVIII столетия были богаты пышными фразами, но очень бедны точно определенными юридическими нормами.

Благодаря такому состоянию основной части финляндского законодательства получилось нечто весьма странное. Вместо аутентического толкования неясных, весьма растяжимых и часто противоречащих друг другу отрывков из бывших шведских Основных законов, нарастала постепенно система научного толкования финляндскими юристами. Пополняя своими работами пробел, оставленный законодателем, ученые легко поддались искушению подыскивать оправдание новым политическим тенденциям, все энергичнее проявлявшимся с 60-х годов, а в особенности с первой половины Царствования Императора Александра III, когда корифеи юридико-политической науки Финляндии: Мехелин и Монтгомери вошли в Сенат. Как всегда при такого рода работах ученых, исследователи легко отыскивали то, что они желали искать, и упорно отказывались замечать то, чего не искать они заранее решились.

Таким образом, в Финляндии мы имеем дело с системой конституционных принципов, созданных не законодателем, а учеными, членами Императорского Александровского университета и публицистами, получившими в нем свое юридическое образование и воспитавшими там же свое политическое мировоззрение. Это обстоятельство имело немаловажные последствия. С 60-х годов начинается демократизация университета. Его воспитанники, вышедшие из всех слоев общества, занимая все должности в крае, начиная с сенаторов и кончая полицейским ленсманом и даже констеблем, проводят заимствованные от профессоров взгляды и юридические понятия в народ. Популярные курсы и народные университеты, вызванные к жизни преимущественно студентами университета, действуют в том же направлении. Укоренившиеся с 60-х годов правовые и политические взгляды имеют характер религиозной веры, непоколебимой и тогда, если доказательства в истину ее догматов оказываются шаткими. Редко встретить народ, до такой степени ровно во всех слоях (за редкими исключениями) проникнутый одними и тем же правовыми взглядами и политическим мировоззрением. Различные партии в этом народе борются из-за некоторых выводов из основных предположений, но согласны на счет этих непоколебимых и бесспорных в их глазах основ. Ни шведоманы, ни старофинноманы, ни младофинноманы, ни даже социалисты не сомневаются в том, что Финляндия есть государство, притом конституционное, что оно таково с 1809 г., что финляндцы – нация, которая имеет, согласно высшим мировым законам, особую задачу в истории, что всякое более тесное единение с Россией может неблагоприятным образом отразиться на исполнении указанных «высшим мировым законом» задачах финляндской нации. Эта глубокая вера в необходимость охранять обособленность финляндской нации объясняет и то странное явление, что финляндцы, столь часто ссылающиеся на справедливость, легко примиряются с явной несправедливостью, заключающейся в том, что Финляндия не участвует в должной степени в сухопутной защите Российского государства и совсем не участвует в расходах на содержание флота, дипломатического корпуса, консулов и в содержании Царствующего Дома, а также с таким несправедливым положением вещей, при котором русским в Финляндии отказывают в тех правах, коими финляндцы пользуются в России.

Этим же ходом мысли обусловливаются и другие странности, как, напр., следующая. Ни один финляндский юрист не решился бы признать за германской властью права, занявши с оружием в руках Эльзас и Лотарингию в 1870 году, до заключения Франкфуртского мирного трактата устанавливать государственно-правовой строй этих завоеванных имперских областей. В течение 1900–1904 гг. в Финляндии не реже, чем в самой России, приходилось слышать замечание, что русское правительство не имеет права распоряжаться Маньчжурией без согласия суверена-Китая. Однако все финляндские юристы не сомневаются в том что государственно-правовое положение Финляндии могло быть определено Александром I весной 1809 г. во время полного разгара войны со Швецией до заключения мирного трактата в Фридрихсгаме. Таким образом в форме юридических рассуждений установилась и поддерживается в Финляндии определенная политическая вера, сторонники которой с полной нетерпимостью относятся ко всем тем, кто оспаривает ее догматы, заподазривая их в недобросовестности и пристрастии.

Эта политическая доктрина, которую я позволил себе назвать политической верой, одна из причин, склоняющих вожаков финляндского народа, а затем и широкие слои общества, уклоняться от более тесного единения с Россией. Вторая причина заключается в следующем.

Нельзя не признать, что с великих реформ Императора Николая II 1905–1906 гг. общественно-правовой строй коренной России и других окраин во многом уступал установленным в Финляндии порядкам законодательным и административным (в отношении судоустройства и судопроизводства Финляндия далеко отстала от России).

Несомненно и в эпоху шведского владычества, и в эпоху с 1809 г. не все должностные лица вели себя всегда безукоризненно. Но говоря вообще, – те публично-правовые отношения, которые наиболее затрагивают интересы граждан, были хорошо регулированы. Неприкосновенность жилища, собственности, личности почти всегда строго соблюдалась. Финляндское право не знало административной высылки: зато губернаторы пользовались дискреционным правом налагать денежные штрафы, как меры понуждения к исполнению законов и административных обязательных постановлений. Финляндское право проводит отчетливую черту между законом и административным распоряжением, и закономерность действия органов исполнительной власти обеспечена была постановлением, дававшим каждому гражданину право привлекать даже губернатора к ответственности перед гофгерихтом в случае нарушения им прав граждан. Закономерность действия органов управления в Финляндии во многом содействовала развитию культуры в крае, между тем как у нас отсутствие закономерности в управлении все сызнова побуждало Монархов, начиная с Петра Великого, к строгим мерам и угрозам, а в Высочайшем указе 12 декабря 1904 года указано вновь на необходимость обеспечить закономерность.

Нельзя также не признать, что со времени созыва Сейма 1863 года финляндское законодательство как по вопросам, относящимся к гражданскому праву, так и к организации общественного хозяйства, развивалось в весьма благодетельном для края направлении. В Финляндии реже, чем в России, издавались законы, непринаровленные к реальным условиям жизни, ибо в законодательстве участвовали представители всех сословий, и среди них бок о бок с теоретиками было немало людей, практически знакомых с нуждами различных отраслей общественной жизни.

Главное же, эти законы действительно исполнялись. К сожалению, про наши законы этого сказать нельзя. Добросовестность их исполнения далеко не всегда соответствовала воле Верховной власти.

Финляндцы боялись, что изменение в законодательной компетенции земских чинов повлечет за собой замену твердых правовых основ жизни началом административного усмотрения.

Эта боязнь ярко выражена в следующих словах одного из наиболее умеренных финляндских политиков, профессора Даниельсона, сказанных им в заседании так называемой Таганцовской Комиссии:

«Но то, от чего мы ни при каких условиях не можем отречься, это древнее историческое право наше жить под сенью твердых, точно определенных законов, так, чтобы народ наш вполне знал, что право и что закон. Без этого условия культура в Финляндии, в том виде, как мы понимаем культуру, совершенно невозможна: существование нашей нации находится в полнейшей зависимости от этих условий. Без него финский народ не может иметь культурного существования, где отсутствует это условие, там мы потеряли почву под ногами».

Таково политическое мировоззрение финляндцев. Редко встретить финляндца, несогласного с этими взглядами, и нельзя не признать, что те, кто отклоняется от них, не принадлежат к надежным и действительно уважаемым по образу жизни и деятельности членам общества.

Имеется еще один фактор, который не может быть оставлен без внимания.

В значительной части нашего интеллигентного общества Финляндия пользуется глубокими симпатиями. Эти симпатии обусловлены не только внешним обликом финляндской общественной жизни; столь же значительную роль играет стойкость финляндцев в защите того, что ими признается правом и законным порядком. Общеизвестно, что наша интеллигенция, как столичная, так и та, которая играет руководящую роль в земском самоуправлении, с конца 50-х годов прошлого столетия не отказывалась от мысли о необходимости замены абсолютно-монархического строя – строем Монархически-конституционным. Уже этот факт побуждал весьма многих видеть в Финляндии образец, коему следует подражать и который, именно как образец, должен быть охраняем в своей неприкосновенности. Наша интеллигенция восхищалась благосостоянием и благоустройством Финляндии, не размышляя о том, не обусловлено ли это благосостояние тем, что Финляндия, благодаря редкому великодушию России, в течение почти 70 лет была свободна от тяготы милитаризма и могла сбереженные громадные сравнительно суммы затрачивать на поддержку народного хозяйства и народного образования. Привычка восхищаться нашей «русской заграницей» стала почти общераспространенной. Попытки Верховной власти, если не порвать с финляндской обособленностью, то по крайней мере смягчить ее, проявлявшиеся впервые в 1890 г., совпали с тем периодом в новейшей истории России, который считается периодом сильнейшей реакции. Чем больше сгущалось в коренной России, в Балтийских губерниях, в Польше и т. д. неудовольствие реакционным направлением нашей внутренней политики, тем ярче становились симпатии к Финляндии, которая, благодаря особым условиям, могла и путем печати, и через Сейм выражать свои протесты. То было время, когда каждый протест против правительства, независимо от его обоснованности или необоснованности, считался добродетелью и каждая защита даже совершенно справедливых требований его, – признаком отсталости или недобросовестности. Финляндская политика нашего правительства была «eo ipso»[в] и без всякой критики осуждена многими, весьма многими. Даже в высших сферах, близких к престолу, замечалась неприязнь к этой политике. Ясное тому доказательство прения в Государственном совете в 1901 году по поводу нового закона о воинской повинности в Финляндии. Так как финляндцы были всегда хорошо осведомлены о всех настроениях в русском, в особенности в высшем, обществе, сознание этих живых симпатий давало все новую пищу их упорству в отстаивании всего, так сказать, насиженного капитала автономных привилегий. Увлечение Финляндией и ее правами приводило к совершенно, иногда, неожиданным выводам и результатам. Пишущему эти строки пришлось убедиться, что перед финнофильством не в состоянии устоять даже христианские воззрения и чувства. В кружках, отличавшихся глубоко христианским духом, ему пришлось слышать одобрения убийства Н.И. Бобрикова и восхваления его убийцы. Хотя в настоящее время, благодаря отчасти событиям в октябре 1905 г., отчасти благодаря тому, что общество узнало о том, что террористы слишком легко находят убежище в Финляндии, симпатии к этой стране несколько сократилась, тем не менее правительству и впредь придется считаться с этим неосязаемым, но очень сильным союзником Финляндии.

[в] *«вследствие этого» (лат.). Вписано в машинопись.*

В 1899–1904 гг. была сделана попытка пересилить упорство и сепаратизм Финляндии. Говоря про сепаратизм, я не понимаю под этим словом стремление отделиться от России; для этого финляндцы слишком умны. Их отнюдь не соблазняет мысль о возвращении к положению вещей до 1809 года. Как их материальное, так и духовно-нравственное благосостояние в значительной степени связано с тем редко выгодным положением, которое они занимают в составе Российского государства. Они пользуются всеми выгодами принадлежности к Великой державе, не участвуя или участвуя в сравнительно незначительной степени в несении военных и финансовых тягот. Под сепаратизмом я понимаю настойчивое стремление отказаться от всякого сомнения с русским законодательством и русским управлением.

Про политику указанного выше периода я решаюсь высказаться откровенно: она полна крупнейших роковых ошибок. Главнейшая ошибка заключается в попытке исправить в 5 лет то, что было упущено в течение 90.

В самые решительные моменты истории публично-правового развития Финляндии (в 1809 г. и в 1863 г.) Верховная власть не установила порядка рассмотрения таких законодательных вопросов, которые или имеют общегосударственный интерес, или касаются интересов коренной России. Можно возразить, что понятно само собой, что компетенция финляндских законодательных учреждений может касаться только внутренних финляндских вопросов. Однако едва ли было возможно помириться с таким молчаливым признанием важного государственно-правового начала. Речи Императора Александра I в 1809 г. и речь Императора Александра II в 1863 г. дали повод к самым противоречивым толкованиям. Мне не известно ни одного случая (до 1891 г.), когда Верховная власть сочла необходимым аутентически, словами, не допускающими сомнения, истолковать различные слова и грамоты Монархов.

С 1809 по 1891 г. вопросы, касавшиеся весьма важных общегосударственных интересов, – обсуждались, рассматривались и решались самым различным образом.

В 1812 г. 8 сентября Император Александр I дал рескрипт, в котором (п. 2) финляндским войскам была пожалована привилегия быть употребленными исключительно для защиты Финляндии и С.-Петербурга. В 1822 г. по просьбе этих же войск эта привилегия была отменена. И то, и другое совершилось без всякого совещания с русскими органами. В царствование Императора Александра II был издан Устав о воинской повинности в Финляндии (в 1878 г.), причем было вытребовано только заключение Военного министра графа Милютина. Вопросы об отделении финляндской денежной системы от имперской (в 1860, 1865, 1877 гг.) обсуждались негласно в Финансовом комитете. В 1828 г. проект Устава Императорского Александровского университета был подвергнут обсуждению в Особом комитете при Министерстве народного просвещения. Но ни в 1852 г., когда этот Устав был заменен новым, ни в 1860 и 1870 годах, когда изменены были правила об изучении русского языка в финляндских учебных заведениях, означенное имперское ведомство не было спрошено.

Когда в 1861 г. Император Александр II решил созвать сперва предварительную Комиссию для рассмотрения накопившегося законодательного материала, а затем в 1863 г., когда Монарх решил созвать Финляндский Сейм, эти важные вопросы обсуждались в негласном совещании под личным председательством Его Величества. Однако, когда по приказанию Монарха была составлена программа для работ кодификационного Комитета для составления проекта Уложения для Великого княжества Финляндского (программа, которая признавала особую государственность Финляндии), а в 1869 г., когда был изготовлен новый Сеймовый Устав, имперские власти были устранены от всякого участия в этом деле фундаментальной важности, в противоположность тому, что было сделано в 1830 годах, относительно кодификационных работ в Финляндии.

Можно перечислить ряд случаев, когда в официальных актах Финляндия называлась «провинцией», но столь же часто встречается название «государство».

В царствования Императоров Александра II и Александра III в официальных актах не раз упоминаются в качестве Основных законов Финляндии как Форма правления 1772 г., так и Акт соединения и безопасности 1789 г. Я не вхожу в оценку мотивов таких цитат или

в рассуждение о правильности или неправильности этих ссылок, несомненно важно то, что ни разу Верховная власть до царствования ныне благополучно Царствующего Государя Императора не выражала публично своей воли относительно основательности и права ссылаться на эти акты.

Когда Император Александр II утвердил Сеймовый Устав 1869 г. это утверждение было облечено в форму торжественного признания законов 1772 и 1789 как норм, определяющих прерогативы Монарха, и Устав был назван ненарушимым фундаментальным законом, подлежащим отмене или изменению не иначе, как по обоюдному согласию земских чинов и Монарха.

Нельзя не сомневаться в том, что советники Монарха, склонив его к подписанию этого акта в такой форме, поступили едва ли правильно (так как финляндские юристы сами не согласны на счет того, какие из статей старых шведских законов потеряли силу, какие нет), но нельзя удивляться тому, что в Финляндии приветствовали эти царские слова, как устраняющие всякое сомнение в том, что главные конституционные акты Финляндии именно эти старые шведские законы, и что Сейм «вторая государственная власть», с которой в известных случаях Монарх должен входить в соглашение.

Столь же понятно, что финляндцы, не имея перед собой никакого аутентического толкования юридической природы связи Финляндии с империей и пределов законодательной компетенции Сейма, почувствовали себя твердыми на основе своего собственного, развитого их юристами, правовоззрения, что всякое ограничение компетенции Сейма все равно в каком направлении, все равно по каким мотивам не иначе может быть совершено, как с согласия Сейма.

В этом развитии политической мысли в Финляндии я не вижу никакой mala fides[г]. Всякая провинция, поддержанная в течение почти полустолетия словами и действиями Верховной власти — в своем политическом сепаратизме – переживет неминуемо такой же умственный процесс. Притязания финляндцев на признание особой финляндской государственности встретили поддержку не только в финляндской юридической и политической литературе, но и в литературе западноевропейской, и даже русской. (Такие авторитетные ученые, как Градовский[568], Сергеевич[569], Андреевский признали связи Финляндии с Россией даже за реальную унию, другими словами были даже plus finlandais, que les Finlandais[д], из которых только Мехелин признавал эту реальную унию). Лишь в 1891 г. в рескрипте Императора Александра III от 28 февраля впервые Верховная власть указала на необходимость установления особого порядка для рассмотрения и решения вопросов общегосударственного значения, но редакция рескрипта не была настолько ясна, чтобы побудить финляндцев привыкнуть к мысли о предстоящем изменении в том, что у них было принято считать за несомненную компетенцию Сейма.

Несмотря на то, что, как выяснилось в Особом совещании по кодификации Основных законов Великого княжества под председательством Н.Х. Бунге (1891–1898), не только ярые сторонники обособленности Финляндии, как генерал Альфтан, но и столь умеренные финляндцы, как покойный министр статс-секретарь генерал фон Ден, не колеблясь, высказались, что по мнению, господствующему в Финляндии, изменение компетенции Сейма (как она признавалась, напр., в 1877–1878 гг.) не может совершиться без согласия Сейма. 3 февраля 1899 г. были опубликованы Высочайше утвержденные основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи с включением Великого княжества Финляндского. Содержание этих правил общеизвестно.

Я не имею сведений о том, рассчитывала ли Верховная власть на готовность финляндцев подчиниться беспрекословно новому закону, или же она, не обольщаясь этой надеждой, решила не считаться с упорством финляндцев. Если верно первое предположение, нельзя не признать, что генерал-губернатор не поставил Верховную власть в известность о том, как

[г] *недобросовестности (лат.). Вписано в машинопись.*

[д] *больше, чем финляндцы (лат). Вписано в машинопись.*

мыслит финляндский народ. Если же верно второе предположение, нельзя также не признать, что Верховная власть в то время питала глубокую веру в неизменную лояльность финского народа. Действительно, русских войск в то время было в Финляндии мало. Финские войска распущены лишь после 1901 г. Полиция была всецело в руках финляндцев. Одним словом, ничего не было подготовлено для подавления могущих возникнуть волнений. В 1899 г. финляндцы не обратились к активному противодействию. Они решились на пассивное сопротивление.

Я не могу согласиться с мнением, что это несочувствие к новым правительственным мерам было обусловлено агитацией и заявлением так называемой шведской партии. 3 года подряд я проводил все лето в Финляндии (в 1899, 1900 и 1901 гг.). В течение моей службы в статс-секретариате я по поручению покойного В.К. Плеве неоднократно посещал Финляндию и должен признаться, что я встретил только одного финляндца (шведского происхождения), который оказался сторонником акта 3 февраля 1899 г. Я встречал и шведоманов, и финноманов, которые признавали в принципе необходимость издания закона о порядке рассмотрения общегосударственных законов, но все, с кем мне пришлось говорить по этому поводу, начиная с покойного члена партии старофиноманов барона Ирье-Коскинена и кончая молодыми студентами (с которыми мне, как секретарю канцлера Александровского университета, приходилось часто иметь дело), объявили мне, что они признают способ издания этого закона в 1899 г. за нарушение Основных законов Финляндии, признанных Верховной властью если не в 1809 г., то во всяком случае в период 1863–1890 гг.

Я убежден, что если бы в 1899 г. Верховная власть предложила Сейму закон 3 февраля 1899 г. на обсуждение, он бы отверг его. Но я столь же убежден, что если бы Верховная власть созывала в период 1899–1905 гг. один Сейм за другим, настойчиво предлагая означенный закон, Сейм в конце концов подчинился бы.

Предвижу возражение, что русская государственная Верховная власть есть суверенная власть и над Финляндией, однако я не могу не обратить внимания на то обстоятельство, что суверен в течение почти столетия не пользовался этим своим суверенным правом и тем содействовал упрочению в Финляндии если не писанного, то обычного конституционного права, вероятно, не соответствующего во всех своих частях намерениям Александра I.

Подтверждение того мнения, что Финляндский Сейм в конце концов подчинился бы требованию правительства относительно изменения сферы его компетенции (а такое изменение имелось и имеется в виду, ибо, напр., вопрос об организации воинской повинности еще в 1878 году входил в компетенцию Сейма как органа законодательного, впредь же введен в его компетенцию лишь в смысле компетенции органа законосовещательного), я нахожу в следующем месте речи известного финляндского политика профессора Данielьсона, сказанной в заседании так называемой Таганцовской комиссии 22 апреля 1905 г.:

«Да, и в Финляндии в настоящее время смотрят на этот вопрос (речь идет об изменении порядка издания общегосударственных законов) иначе, чем в то время, когда он возник впервые. Ныне сознают, что земские чины должны дать свое согласие на отнесение некоторых вопросов, бывших до сего времени предметом финляндского законодательства, к области законодательства общегосударственного. События последних лет привели к убеждению, что изменение в рассматриваемом ныне отношении неизбежно и представляется возможным также и с точки зрения финляндцев. Хотя все еще есть люди, которые считают нашим правом и долгом отклонять требование относительно общегосударственных законов, все-таки мнение это, насколько нам известно, не имеет более значительного числа приверженцев ни на Сейме, ни в Сенате, ни вообще в среде нашего народа. Все более преобладающее значение получает мнение, что нам необходимо считаться со взглядами, господствующими здесь, в России, и что мы, поэтому, иногда даже и в таких случаях, когда мы не убеждены в необходимости изменения постановлений, касающихся законодательной компетенции, так как цель могла бы быть достигнута и без этого, все-таки не должны упорно отстаивать свое мнение. Мы, следовательно, можем идти на уступки, лишь бы нам и при

новых условиях гарантировано было существование в качестве особого народа с собственным политическим бытием».

На это можно ответить: какое дело Верховной власти суверенной державы России, которой подчинена Финляндия, до того, как смотрят финляндцы на меру, признанную необходимою в интересах всего Российского государства?

На это я позволю себе возразить, что интересы России требуют приведения в действие принципов, на которых построен закон 3 февраля 1899 г. таким путем, чтобы они стояли незыблемо и не колебались ни благодаря пассивному сопротивлению финляндцев, ни благодаря ропоту русского общества по поводу нарушения Монарших обещаний, которые, может быть, неверно поняты были в 1809 г., но против толкования коих Верховная власть не протестовала почти 90 лет.

Если Верховная власть решилась идти по пути принудительного октропирования закона о порядке издания общегосударственных законов, то еще лучше было бы объявить об упразднении всех дарованных Финляндии в 1809 г. привилегий и затем определить русским законодательным порядком условия политической организации Финляндии. Если же Верховная власть не решалась на эту радикальную меру, то следовало бы действовать мирным путем, то есть сделать попытку склонить Финляндский Сейм к добровольному подчинению требованию Верховной власти.

По долгу службы и присяги считаю себя обязанным почтительнейше советовать Вашему Высокопревосходительству не вступать вновь на путь политики 1899–1904 гг., когда с одной стороны, финляндцам пришлось выслушивать уверения в том, что права и преимущества не будут нарушены, и шаг за шагом принимались меры, которые по укоренившемуся воззрению финляндцев признавались именно нарушением этих самых прав и преимуществ.

Если повторится со стороны правительства то, что сделано было в 1899–1904 гг., повторится и то, что делали финляндцы в этот период, то есть глухое сопротивление, жалобы перед всем миром на нарушение конституции, близкая связь с подпольными в России.

Не знаю достаточно ли окрепла Россия после потрясений 1905–1906 гг., чтобы спокойно встретить вражду малочисленного финляндского народа, но упорного и тесно сплоченного.

Я полагаю, что еще не настало время подвергать едва успокаивающуюся Россию новым беспокойством из-за окраины, которая, если дать России окончательно обновиться и укрепиться, сама волей-неволей ей подчинится.

Э. Берендтс

С.-Петербург
18 ноября 1907 г.

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 304–317. Рукопись и писарская копия в журнале на листах в линейку. Л. 318–333. Машинопись на листах большого формата, размноженная литографическим способом.

№ 273. Сообщения «Финляндской газеты» о назначении Ф.А. Зейна помощником Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда

23 ноября (6 декабря) 1907 г.

[Придворные известия] в понедельник, 19-го сего ноября, Его Величеству Государю Императору имел счастье представиться помощник Финляндского генерал-губернатора, генерального штаба генерал-майор Зейн. [Действия правительства] Именной высочайший указ, данный Правительственному Сенату. Ноября 16-го. «Гродненскому губернатору, генерал-майору Зейну – Всемилостивейше повелеваем быть помощником Финляндского генерал-губернатора»[570].

Опубл.: Финляндская газета. 1907. 23 ноября (6 декабря). № 167. С. 1.

№ 274. Журнал № 3 Особого совещания по делам Финляндии об уплате финляндскою казною Государственному казначейству пособия на военные нужды за 1906 и 1907 годы

24 ноября (7 декабря) 1907 г., 21 декабря 1907 г. (3 января 1908 г.)

Копия

Доверительно

На подлинном Его Императорскому Величеству благоугодно было
Собственноручно начертать: «**Согласен**», в Царском Селе,
11 января 1908 года
Скрепил: Председатель Совета министров Столыпин
Верно: Помощник управляющего делами
Совета министров Плеве[a]

Журнал
Высочайше учрежденного Особого совещания
для обсуждения некоторых вопросов, касающихся
Великого княжества Финляндского
№ 3
Заседания 24 ноября и 21 декабря 1907 года

Об уплате финляндскою казною государственному казначейству пособия на военные нужды за 1906 и 1907 годы

Присутствовали:

Председатель Особого совещания: председатель Совета министров, министр внутренних дел, гофмейстер Столыпин.

Члены:

Член Государственного совета, государственный контролер, сенатор, таЙный советник Харитонов.

Член Государственного совета, таЙный советник Дейтрих.

Член Государственного совета, сенатор, заслуженный ординарный профессор Императорского С.-Петербургского университета, таЙный советник Сергеевский.

Сенатор, таЙный советник Гарин.

Состоящий при военном министре генерал-лейтенант Бородкин.

В заседаниях Совещания по особому приглашению приняли также участие: министр финансов, статс-секретарь, действительный таЙный советник Коковцов; военный министр, генерал от инфантерии Редигер; финляндский генерал-губернатор, действительный таЙный советник Герард, и действительный статский советник, доктор финансового права Берендтс, а в заседании 21 декабря сверх того министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского, генерал-лейтенант Лангоф.

Приступив к обсуждению вопроса об уплате финляндскою казною государственному казначейству пособия на военные нужды за 1906 и 1907 годы, Особое совещание приняло прежде всего во внимание, что означенный вопрос имеет уже довольно продолжительную историю. Высочайшим Манифестом от 16/29 марта 1905 года возвещено было, что, снисходя к всеподданнейшему ходатайству земских чинов Финляндии об устройстве военной части в Великом княжестве и имея в виду, что окончательное разрешение сего ходатайства не может последовать ранее завершения трудов Комиссии по разграничению областей общегосударственного и местного финляндского законодательств, Его Императорское Величество признал за благо временно приостановить применение Устава о воинской повинности в Финляндии от 29 июня/12 июля 1901 года, на основаниях, изъясненных в Высочайшем предложении, того же числа земским чинам данном.

---

[a] *Подпись Плеве – автограф.*

В переданном земским чинам одновременно с сим Высочайшем предложении указано было, что Государь Император и Великий князь во внимание к ходатайству Сейма Всемилостивейше соизволил временно приостановить применение вышеназванного Устава с тем, чтобы финляндская казна с 1 января 1905 до истечения 1907 года уплачивала государственному казначейству ежегодное пособие на военные нужды в размере 10 миллионов марок.

«По донесению Финляндского Сената, – говорилось далее в означенном предложении, – свободные доходы миллионного фонда составляют, за вычетом издержек фонда, около 1 200 000 марок в год и, таким образом, являются недостаточными для покрытия этого расхода. Вследствие сего, по указанию Его Императорского Величества, в течение 1905, 1906 и 1907 годов будут ежегодно перечисляться для этой надобности из статного фонда в милиционный фонд по 7 000 000 марок. Для пополнения недостающей затем суммы на покрытие вышеозначенного расхода в течение финансового периода 1905–1907 годов Его Императорское Величество предлагает земским чинам ассигновать из прибылей Финляндского банка по 1 800 000 марок в год».

Во всеподданнейшем отзыве на приведенное Высочайшее предложение земские чины прежде всего указали, что, по мнению их, финляндский бюджет, согласно местным законам (§ 27 Сеймового Устава 1869 г., подтверждаемый также § 50 Формы правления 1772 г.), вообще не может быть обременяем какими-либо взносами в имперское казначейство, если таковой взнос не будет признан со стороны Сейма полезным для края или вызываемым его обязанностями по отношению к империи. В частности, в отношении сумм милиционного фонда земскими чинами было заявлено, что упомянутый фонд не может быть обращаем на надобности, чуждые его прямому назначению, без их на то согласия; на этом основании земские чины вошли в рассмотрение вопроса о пособии во всем его объеме, а не только в той его части (1 800 000 м.), которая зависела от их разрешения. Наконец, ссылаясь на внезапное закрытие Сейма и на позднюю передачу ему Высочайшего предложения, земские чины объяснили, что они не имели возможности утвердить бюджет на весь финансовый период 1905–1907 годов и «посему изъявляют свое согласие на уплату требуемых взносов лишь в течение одного (1905) года».

То обстоятельство, что земские чины в своем ответе соглашались отпустить пособие лишь на один год и, кроме того, заявили притязание на распоряжение средствами милиционного фонда, являлось весьма существенным нарушением закона, так как по смыслу действовавшего в то время Сеймового Устава такое ассигнование должно было быть разрешено ими на весь трехлетний период 1905–1907 годов, распоряжение же средствами милиционного фонда исторически всегда принадлежало правительству. Неправомерность образа действий земских чинов тем более заслуживает быть отмеченной, что, согласно установившимся традициям, для замены личной воинской повинности денежным взносом не требовалось вовсе согласия Сейма, и такая мера могла быть осуществлена единоличным распоряжением Монарха – как то и имело уже место в 1810 и 1868 годах прошлого столетия при введении так называемой вакантной подати взамен поставки солдат.

Состоявшееся, по представлению Сейма, Высочайшее постановление имело следующее содержание: «Государь Император по всеподданнейшему представлению земских чинов Финляндии в присутствии своем в Петергофе 6/19 июля 1905 года Высочайше соизволил утвердить нижеследующее постановление о пособии на военные нужды, уплачиваемом финляндскою казною в государственное казначейство в 1905 году.

В 1905 году, по перечислении 7 000 000 марок из общего статного фонда в милиционный, свободные доходы сего последнего фонда отпускаются государственному казначейству, и та сумма, которая сверх сего требуется для пополнения этого отпуска до 10 000 000 марок, ассигнуется из средств фонда временных налогов, но в размере, не превышающем 1 800 000 марок».

Приведенное Постановление является, по буквальному своему смыслу, несколько неясным, так как в нем не выражено вполне определенно – по чьему именно распоряжению должны быть перечислены из статного фонда в милиционный 7 000 000 марок и взяты сво-

бодные доходы милиционного фонда. Указанная неточность выясняется при сопоставлении текста закона с текстом препроводительного отношения*[1] министра статс-секретаря на имя Финляндского генерал-губернатора (от того же числа и года, за № 1177), которое было изложено в следующих выражениях: «Государь Император по всеподданнейшему докладу представления Финляндского Сената 6/19 июля сего года повелев перечислить 7 000 000 марок из общего статного фонда в милиционный и отпустить в 1905 году свободные доходы сего последнего фонда государственному казначейству в пособие на военные нужды, Высочайше соизволил утвердить по всеподданнейшему представлению земских чинов Финляндии прилагаемое у сего Постановление об ассигновании в том же 1905 году требующейся для пополнения помянутого отпуска до 10 000 000 марок суммы из средств фонда временных налогов, но в размере, не превышающем 1 800 000 марок».

На основании изъясненного закона в 1905 году финляндская казна уплатила имперскому казначейству требуемое пособие полностью.

В роспись доходов и расходов по Великому княжеству Финляндскому на 1906 год подлежавшая перечислению в имперское казначейство сумма в 8 200 000 марок (по статному и милиционному фондам) включена не была. При этом в нарушение Высочайшего постановления от 1 августа 1891 года проект росписи не был сообщен на заключение имперских ведомств, а на соответствующий запрос Департамента государственного казначейства Финляндская канцелярия ответила, что причитающееся с Великого княжества пособие будет уплачено финляндскою казною и в 1906 году.

Финляндский генерал-губернатор с своей стороны обратился в Сенат с предложением выработать проект пропозиции собранному в то время Сейму об ассигновании на 1906 и 1907 годы по 1 800 000 марок на военные нужды, обратив в то же время внимание и министра статс-секретаря на неполноту выработанной Сенатом росписи. Тем не менее роспись была представлена на Высочайшее утверждение в недополненном виде, причем Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивейше повелеть, чтобы вопрос об ассигновании на военные нужды представлен был на его благовоззрение впоследствии, после более точного его выяснения, с тем, чтобы ассигнование это, в случае одобрения его Государем Императором, было включено в роспись дополнительно. – Что же касается проекта предложения Сейму, то выработать таковой Финляндский Сенат отказался. Признавая такой отказ Сената совершенно необоснованным, действительный тайный советник Герард просил министра статс-секретаря представить настоящей вопрос на Высочайшее разрешение. Дело это, однако, Государю Императору министром статс-секретарем своевременно доложено не было.

При сообщении проекта росписи на 1907 год Финляндский генерал-губернатор заявил, что он согласен на его утверждение лишь при условии той же оговорки о включении в роспись вышеозначенного кредита, в случае Высочайшего его одобрения, дополнительно, – с этою оговоркою роспись текущего года и удостоилась Высочайшего утверждения, последовавшего 7/20 февраля 1907 года.

Около того же времени министр финансов, признавая своевременным возбудить вопрос о получении государственным казначейством от финляндской казны военного пособия за 1906 и 1907 годы, обратился к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского с просьбою сообщить некоторые данные, необходимые для выяснения и дальнейшего направления означенного вопроса. На это генерал-лейтенант Лангоф ответил, что, хотя настоящей вопрос не был передан на рассмотрение последнего чрезвычайного Сейма, но Высочайшего повеления об освобождении Финляндии от уплаты названного пособия не последовало, да и не испрашивалось. Поэтому он, министр статс-секретарь, имел в виду во

*[1] По поводу сего действительный тайный советник Герард в заседании 21 декабря изустно объяснил, что отношение за № 1177 не было известно Сейму, который, как можно предполагать, вполне добросовестно считал, что согласие его на отпуск государственному казначейству военного пособия распространяется и на предназначаемые для сего средства статного фонда. (*Прим. док.*)

исполнение Высочайшей резолюции при утверждении росписей на 1906 и 1907 годы тотчас по окончании в марте месяце Сеймовых выборов испросить Высочайшее Его Императорского Величества повеление Финляндскому Сенату выработать проект предложения нынешнему Сейму об отпуске вышеуказанного пособия за эти годы в том же размере, как и за 1905 год. Признавая в то же время желательным, чтобы в видах обеспечения успешного и закономерного решения этого дела министр финансов приостановил дальнейшее движение сего вопроса до тех пор, пока по оному не последует постановления Сейма, генерал-лейтенант Лангоф выражал полную надежду на то, что настоящее предложение будет разрешено земскими чинами в утвердительном смысле.

По всеподданнейшему докладу сего дела статс-секретарем Коковцовым Его Императорское Величество не встретил препятствий к тому, чтобы погашение долга финляндскою казною государственному казначейству за 1906–1907 годы в сумме 20 миллионов марок было произведено в срок, предусматриваемый министром статс-секретарем Великого княжества; вместе с тем Государь Император Высочайше указать соизволил и повелел сообщить генерал-лейтенанту Лангофу, что, согласно приложенному к Манифесту 16/29 марта 1905 года предложению земским чинам, 8 200 000 марок (из 10 000 000 марок) в год подлежали уплате Российской казне из статных сумм и милиционного фонда, находящихся в распоряжении Его Величества. Означенное Высочайшее повеление состоялось 2 марта 1907 года.

28 того же месяца по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Финляндии последовало Высочайшее повеление Финляндскому Сенату выработать и представить на Всемилостивейшее благовоззрение проект предложения Сейму об отпуске государственному казначейству пособия на военные нужды за 1906 и 1907 годы в том же размере и на тех же основаниях, как и за 1905 год.

Составленный Сенатом на этом основании проект предложения весною текущего года был передан генерал-губернатору края для дальнейшего направления в установленном порядке. Проект сопровождался особым всеподданнейшим представлением, в коем Сенат подробно изложил как юридическую, так и финансовую стороны настоящего вопроса. Со стороны юридической Сенат находил, что приведенные земскими чинами в 1905 году соображения, по которым всякое пособие из средств финляндской казны в государственное казначейство на военные надобности требует согласия народного представительства независимо от того, из каких именно фондов такое пособие имеет производиться, – являются бесспорно правильными. Руководствуясь этим, Сенат счел себя вправе составить настоящий проект в том смысле, что Сейму предлагается изъявить согласие на перечисление в имперскую казну всей суммы в 20 миллионов марок; кроме того, во введении к предложению Сенатом было выражено, что данный расход требуется по особому поводу и что, таким образом, возобновления его в будущем не предполагается.

Что касается финансовой стороны вопроса, то в этом отношении Финляндский Сенат, ссылаясь на сильное увеличение расходов казны за последние два года, высказывался за необходимость рассрочки требуемого пособия на двухлетний срок, а именно на 1907 и 1908 годы. При этом, общий итог средств милиционного фонда со включением в него 1 700 000 марок, причитающихся финляндской казне за переданное русскому военному ведомству имущество расформированных финских войск, исчислялся Сенатом в количестве 7 400 000 марок; недостающая же за сим для покрытия всего испрашиваемого расхода сумма в 12 600 000 марок подлежала, по мнению Сената, перечислению в милиционный фонд из сбережений общего статного фонда без всякого дополнительного на то ассигнования из средств, состоящих под контролем и в распоряжении Сейма.

Приведенный проект Высочайшего предложения не встретил, однако, поддержки Финляндского генерал-губернатора, который в заключении своем по обсуждаемому делу указал, что проект этот в существенных чертах расходится с преподанными Его Императорским Величеством указаниями. Находя, прежде всего, проектируемую Сенатом передачу вопроса о всей сумме пособия на решение Сейма совершено неправильной, генерал-губернатор

в то же время полагал, что и самые финансовые расчеты Сената требуют некоторых исправлений. Так, например, сумма неуплаченного еще военным ведомством вознаграждения за переданное ему имущество упраздненных финских войск, исчисленная Сенатом в размере 1 700 000 марок, никоим образом не может приниматься в соображение без согласия на то министра финансов. С другой стороны, Сенатом не предусмотрено ассигнования из фондов, находящихся в ведении Сейма, которое, применительно к Высочайшему предложению 1905 года, должно быть определено в размере 3 600 000 марок. Наконец, что касается предположенной Сенатом рассрочки пособия на два года, то таковая, по мнению генерал-губернатора, не может быть испрошена иначе, как с согласия министра финансов.

Исходя из таких соображений, Финляндский генерал-губернатор составил свой проект предложения Сейму по настоящему предмету, изложенный в основных чертах применительно к Высочайшему предложению 1905 года.

Вышеприведенное представление Финляндского Сената вместе с заключением по оному генерал-губернатора было доставлено министром статс-секретарем министру финансов на заключение. С своей стороны статс-секретарь Коковцов, препровождая упомянутые документы председателю Совета министров, уведомил, что он разделяет высказанные по сему делу действительным тайным советником Герардом замечания и что проектируемая генерал-губернатором редакция предложения, как отвечающая обстоятельствам дела, признается им приемлемою. Вместе с тем, министр финансов спрашивал согласия гофмейстера Столыпина на представление выработанного Финляндским генерал-губернатором проекта предложена Сейму к Высочайшему утверждению без предварительной передачи этого дела на обсуждение Совета министров. На оба эти заявления министра финансов со стороны председателя Совета министров последовало согласие.

6 июля текущего года министр финансов представил Его Императорскому Величеству новый всеподданнейший доклад по настоящему делу. В означенном докладе статс-секретарь Коковцов объяснил, что ввиду последовавшего в начале июня перерыва в занятиях Сейма и вызванной этим отсрочки в разрешении вопроса о пособии, им было сообщено министру статс-секретарю Финляндии, что, за силою Манифеста 1905 года, уплата пособия государственному казначейству, по крайней мере в той части, которая упадает на суммы статного и милиционного фондов, могла бы быть произведена и без представления сего вопроса на рассмотрение Финляндского Сейма. По этому поводу генерал-лейтенант Лангоф имел с министром финансов словесные объяснения, в коих высказал, что, хотя такое мероприятие и является ввиду Высочайшего Манифеста 16/29 марта 1905 года, по его убеждению, возможным, тем не менее, при господствующем ныне в Финляндии настроении оно могло бы иметь весьма нежелательные последствия, как то: выход в отставку Финляндского Сената. Между тем, едва ли есть необходимость прибегать в настоящее время к такой решительной мере, как ассигнование 16 400 000 марок до рассмотрения Сеймом предложения об ассигновании пособия на военные нужды, так как он, министр статс-секретарь, питает значительную надежду, что пособие будет разрешено Сеймом. Если бы, однако, против ожидания, последовал со стороны Сейма отказ, то тогда применение предложенной меры имело бы полное оправдание. Разделяя изъясненный взгляд, статс-секретарь Коковцов, с своей стороны, находил возможным отсрочить разрешение настоящего дела до возобновления сессии Сейма, с тем, однако, чтобы, в случае непринятия Сеймом Высочайшего предложения, все 20 000 000 марок были уплачены государственному казначейству из сумм милиционного и статного фондов. Такая отсрочка, по мнению министра финансов, представлялась допустимою ввиду того, что не позднее 25 октября нынешнего года вопрос об уплате пособия должен был получить во всяком случае то или иное разрешение.

28 июля 1907 года по всеподданнейшему докладу министра статс-секретаря Государь Император Высочайше повелеть соизволил передать нынешнему Сейму Высочайшее предложение о пособии на военные нужды, уплачиваемом финляндскою казною в государственное казначейство. Означенное предложение было утверждено в редакции, проектированной Финляндским генерал-губернатором с некоторым лишь изменением в цифрах отчислений

из фондов статного и милиционного, но с сохранением как общей их суммы в совокупности, так и той доли пособия, которая была предположена генерал-губернатором к отнесению на средства, состоящие в распоряжении Сейма. «Вызываемый настоящею мерою расход, – говорилось в Высочайшем предложении, – прежде всего должен быть обращен на средства милиционного фонда, которые, однако, недостаточны для означенной цели, так как, по донесению Финляндского Сената, остаток средств милиционного фонда к началу текущего года – 2 036 000 марок – и ожидаемые доходы фонда за 1907 год – 1 817 000 марок – составят всего 3 853 000 марок. Вследствие сего, по указанию Его Императорского Величества, к этой сумме будет отчислено из сбережений статного фонда 12 547 000 марок. Для пополнения же недостающей затем суммы на покрытие вышеозначенного расхода Его Императорское Величество предлагает Сейму ассигновать из состоящих в его распоряжении средств необходимую сумму в размере, не превышающем 3 600 000 марок за два года».

Изложенное в вышеуказанной редакции Высочайшее предложение о военном пособии было передано на рассмотрение однопалатного Сейма, собранного на основании нового Сеймового Устава 1906 года, причем до заслушания этого предложения в общем собрании Сейма оно подверглось предварительному обсуждению в Комиссиях Основных законов и бюджетной. Возбужденный в первой из этих Комиссий общий вопрос о том, насколько испрашиваемый отпуск денежных средств государственному казначейству на военные нужды является допустимым с точки зрения финляндских Основных законов, остался при голосовании в неопределенном положении, так как мнения разделились поровну, и был разрешен в утвердительном смысле лишь по жребию; что же касается бюджетной Комиссии, то данное ею заключение было одобрено общим собранием Сейма и положено в основание представленного им всеподданнейшего отзыва.

В означенном отзыве Сейм объясняет, что, по смыслу действующих в крае основных законов, Финляндия обязана содействовать обороне государства лишь в форме содержания финских войск и что средства финляндской казны, подлежащие расходованию, согласно § 50 Формы правления и § 27 Сеймового Устава, лишь на пользу и благо края, не могут быть употребляемы на уплату налогов в пользу империи. «Государственно-правовое положение Финляндии, – заключает Сейм, – следовательно, не таково, чтобы Финляндия была обязана отпускать денежные пособия на содержание имперских войск». Если бы, поэтому, вопрос касался принципиальной стороны дела, то есть замены установленной Основными законами военной организации денежным сбором, то такая замена была бы невозможна без изменения означенных законов; но так как в данном случае речь идет лишь о временном ассигновании на определенное число лет, то с точки зрения Основных законов к такому отпуску не может встретиться препятствий, «если признано будет, что это служит на пользу и благо края».

Переходя за сим к обзору тех средств, из которых может быть отпущено требуемое ассигнование, Сейм заявляет, что Монарх не в праве единолично определять порядок расходования сумм милиционного фонда и что, равным образом, финляндские законы не дают Его Величеству полномочия употреблять средства статного фонда на покрытие пособия государственному казначейству помимо согласия на то со стороны Сейма. Приняв вследствие сего к рассмотрению вопрос об ассигновании упомянутого пособия во всем его объеме (а не только в отношении 3,6 милл. марок, на что испрашивалось согласие Сейма в Высочайшем предложении), Сейм постановил «перечислить 20 000 000 марок из средств финляндской казны в государственное казначейство». Независимо от сего, ввиду необходимости прекратить нынешнее временное положение, при котором Устав о воинской повинности 1878 года не применяется, хотя он и не отменен в законном порядке, а также ввиду того, что соглашение, состоявшееся по сему вопросу на Сейме 1904/5 годов со взносом ныне вотированного пособия должно почитаться выполненным, Сейм счел своим долгом ходатайствовать, «чтобы военный вопрос без замедления был разрешен в установленном основными законами порядке».

Финляндский Сенат в представленном им общем заключении по всем отзывам Сейма относительно кредитов на 1908 год с своей стороны находит, что выраженный Сеймом взгляд на правовую сторону настоящего вопроса, вполне согласный со взглядами на этот предмет земских чинов Сейма 1904/5 годов, основывается на коренных законах Финляндии. Испрашивая, вследствие сего, Высочайшее повеление уплатить 20 000 000 марок из средств финляндской казны государственному казначейству, Сенат вместе с тем заявляет, что относительно ходатайства Сейма об урегулировании военного вопроса им будет представлено особое всеподданнейшее заключение.

По поводу вышеприведенного решения Сейма относительно отпуска 20 миллионов марок Финляндский генерал-губернатор в своем отзыве указывает, что решение это является несогласным с Высочайшим предложением. На рассмотрение Сейма был передан лишь вопрос об ассигновании 3,6 милл. марок из состоящих в его распоряжении средств, вопрос же о том, насколько такая уплата соответствует Основным законам Финляндии, вовсе не подлежал его обсуждению. Не находя высказанных Сеймом суждений по сему предмету правильными уже потому, что со времени присоединения Финляндии к России воинская повинность была не раз заменяема так называемой вакантной податью по единоличному распоряжению Монарха без всякого участия Сейма, – генерал-губернатор оспаривает также и правильность постановленного Сеймом по настоящему делу решения. Останавливаясь затем на вопросе о том, какое значение может иметь это решение, действительный тайный советник Герард находит, что, согласно первой части § 75 Сеймового Устава 1906 года, лишь те решения Сейма, которые касаются издания, изменения, пояснения или отмены Основного или общего закона, могут быть или утверждены Его Императорским Величеством без изменения или оставлены без утверждения, вследствие чего принятый Сеймом проект остается без последствий. Все же остальные решения и заключения Сейма, о которых упоминается во второй части § 75 означенного Устава, повергаются на благовоззрение Государя Императора в виде представлений, и такие решения и заключения, хотя бы они и отступали от Высочайших предложений, могут быть приняты во внимание для дальнейших распоряжений в той их части, которая представляется подлежащею исполнению. Настоящий отзыв Сейма принадлежит к последнего рода заключениям или решениям. По коренным законам Финляндии Монарх распоряжается доходами казны, а если доходы эти оказываются недостаточными, то Сейму надлежит постановить решение о временном налоге или указать иной источник для покрытия дефицита.

Обыкновенно с этою целью Сейм вотирует «временные налоги», под которыми разумеются подати и сборы, взимаемые согласно принятым Сеймом на определенный срок постановлениям. Коль скоро Сейм устанавливает новый временный налог, Монарх предписывает взимать его, и этим ограничиваются все распоряжения по этому предмету. Соответственно этому, не требуют утверждения Монарха и решения Сейма касательно ассигнований, вотируемых из фондов, распоряжение коими зависит от него. Монарх в силу такого решения Сейма отдает приказ об отпуске и расходовании ассигнованных сумм. Если Монарх признает необходимым воспользоваться вотированным Сеймом ассигнованием, то он может это сделать во всей сумме или в части по своему усмотрению.

Обращаясь от этих общих положений к настоящему случаю, генерал-губернатор поясняет, что, хотя постановленное Сеймом решение и не соответствует Высочайшему предложению, но в нем заключается и согласие Сейма на ассигнование суммы 3 600 000 марок на пополнение недостающих средств для названного пособия. Сеймовое постановление дает, таким образом, возможность осуществить во всей полноте Высочайшее предложение. Поэтому настоящее решение следует лишь принять во внимание и, основываясь на нем, дать уже предписание Сенату об ассигновании всего пособия государственному казначейству со внесением подлежащей расходной статьи в роспись 1908 года. Руководствуясь изложенным, генерал-губернатор предлагает испросить Высочайшее повеление о том, чтобы во внимание к последовавшему на Сейме ассигнованию необходимых сумм из временных налогов и прибылей Финляндского банка предписано было Императорскому Финляндскому

Сенату иметь в виду сие постановление при составлении росписи доходов и расходов на 1908 год.

* * *

Ознакомившись с предшествующим ходом и современным положением настоящего дела и обращаясь к обсуждению его по существу, Особое совещание остановило свое внимание прежде всего на тех принципиальных суждениях, которые приведены в ответе Сейма на переданное ему Высочайшее предложение о военном пособии.

В сем отношении присутствовавшими в заседании Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем Финляндии было заявлено, что, не придавая преувеличенного значения резкому тону, в котором написан Сеймовый отзыв, они видят в означенном отзыве правильное изложение господствующих в крае правовоззрений на объем бюджетных прав Сейма.

Если суждения сего последнего изложены с некоторой прямолинейностью и даже резкостью, то это обстоятельство находит себе объяснение как в отличительных свойствах финского народа, национальный характер которого носит в себе черты известной решительности и прямоты, так и в недостаточной пока опытности Сейма, впервые сформированного на основании нового Устава. Относясь к ненужно резкому тону отзыва с осуждением, нельзя в то же время упускать из вида, что, согласно § 76 Сеймового Устава, исходящие бумаги составляются не Сеймом, а особою Экспедиционною комиссиею. Поэтому Сейм не может быть признан действительным автором редакции обсуждаемого отзыва: Сейм только постановлял решение, мотивы же писала Комиссия. Наоборот, просматривая протоколы Сеймовых заседаний, легко убедиться, что речи отдельных ораторов отличались в высшей степени сдержанным и даже прямо благожелательным тоном. С другой стороны, действительный тайный советник Герард и генерал-лейтенант Лангоф затруднились бы признать обсуждаемый отзыв Сейма, хотя и не соответствующий Высочайшему предложению, в чем-либо противоречащим действующим в Финляндии законам и вообще не находят в нем даже чего-либо нового. Выраженные в рассматриваемом документе мысли являются лишь повторением совершенно однородных с ними суждений, неоднократно высказывавшихся и в прежнее время, например, в 1905 году в ответе земских чинов на Высочайшее предложение о военном пособии и в представлении Сената от 30 мая 1907 года по проекту Высочайшего предложения нынешнему Сейму. В Финляндии сыздавна укоренилось воззрение, что Монарх является полновластным распорядителем статного фонда лишь постольку, поскольку средства упомянутого фонда остаются в пределах края, и что, поэтому, во всех тех случаях, когда возникает вопрос о перечислении статных сумм в имперское казначейство необходимо согласие на то со стороны Сейма. Что же касается милиционного фонда, то в Финляндии, как объяснил генерал-лейтенант Лангоф, точно также считают, что право распоряжения его капиталами зависит от взаимного соглашения Монарха и Сейма. По вступлении в силу Устава о воинской повинности 1878 года милиционный бюджет, согласно § 122 сего Устава, передавался земским чинам в полном его объеме, и Сейм на основании сего определял, какая сумма должна быть вотирована на военные надобности сверх свободных средств милиционного фонда; такой порядок соблюдался за все время применения означенного Устава. Земские чины Финляндии не дали своего согласия на отмену Устава о воинской повинности 1878 года, и, таким образом, состоявшееся односторонним распоряжением приостановление применения сего Устава не могло предоставить Монарху больше прав в отношении расходования средств милиционного фонда, чем ему принадлежало в то время, когда закон этот применялся. – Выражая все эти мысли, Финляндский Сейм высказывал, следовательно, свою точку зрения на данные вопросы права, и если изложенное им толкованием законов не соответствует взглядам, господствующим в империи, то одно это обстоятельство не может еще служить достаточным поводом к тому, чтобы признавать Сеймовый отзыв актом незакономерным. К подобному утверждению имеется тем менее оснований, что не далее, как два года тому назад Его Императорскому Величеству угодно было Всемилостивейше утвердить состоявшееся по представлению Сейма Постановление

об уплате в 1905 году финляндскою казною государственному казначейству пособия на военные нужды. Этот знаменательный факт мог лишь упрочить членов нынешнего Сейма в уверенности, что суждения их, в сущности лишь повторившие суждения земских чинов 1904/5 годов, являются признанными и закономерными.

С своей стороны, председатель, все члены Особого совещания и остальные приглашенные лица не усматривали возможности присоединиться к таковому мнению Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря Финляндии. Находя изложенные в Сеймовом решении суждения не только недопустимыми по форме, но и противоречащими действующим в крае законам, названные особы полагали, что настоящий отзыв Сейма по своему внутреннему содержанию совершенно не отвечает тому характеру, которому должен быть неизменно подчинен всякий ответ Сейма на обращенное к нему Высочайшее предложение. В этом отношении особенно несоответствующим надо признать прежде всего заявление Сейма о том, что Монарх не имеет права единоличного распоряжения милиционным фондом, каковое утверждение, исторически совершенно неправильное, заключает в себе открытую попытку расширить права народного представительства за счет прав Верховной власти. В отмеченном вопросе нельзя ссылаться на правила § 122 Устава о воинской повинности 1878 года, так как означенный Устав отменен Высочайшим Манифестом 29 июня 1901 года. Значение этой отмены нисколько не поколеблено и позднейшим Манифестом 22 октября/4 ноября 1905 года, ибо этот последний, говоря об отмене воинского Устава 29 июня 1901 года, ни словом не упоминает о Манифесте от того числа, а, следовательно, сохраняет его в полной силе. – Такой же характер имеет и другое соображение Сейма о том, что ввиду указаний § 27 Сеймового Устава и § 50 Формы правления об употреблении финляндских статных средств на пользу и благо края, Его Императорское Величество не в праве без согласия Сейма обращать доходы статного фонда на уплату налога в пользу империи. В § 27 Сеймового Устава сказано только, что немедленно после открытия очередного Сейма ему должно быть сообщено «о состоянии статного ведомства, дабы Сейм мог удостовериться, каким образом доходы казны употреблены на пользу и благо края». Само собою разумеется, что приведенное постановление не дает Сейму права делать какие-либо распоряжения относительно предстоящего еще в будущем расходования казенных (статных) фондов, входящих в сферу единоличных распоряжений Монарха. С другой стороны, денежное пособие, освобождающее население Финляндии от тяготы личной воинской повинности, имеет в виду именно благо края, так как в настоящее время вся забота по охране безопасности границ Финляндии возлагается исключительно на войска империи. Что касается § 50 Формы правления 1772 года, то в нем определено, что «комитетам государственных чинов должно быть предъявлено состояние государственной казны, дабы они могли удостовериться, что доходы употребляются к пользе и благосостоянию королевства». Из этого видно, что ссылка на Форму правления не может иметь никакого отношения к делу, так как Финляндия никогда королевством не была; если же под термином «королевство» разуметь государство, то должно будет признать, что упомянутая ссылка идет как раз против аргументации Сейма, ибо передача финляндских сумм государственному казначейству в пособие на военные нужды преследует цели именно государственной пользы.

Итак, ни § 50 Формы правления, ни § 27 Сеймового Устава не подкрепляют высказываемой Сеймом мысли, что для передачи средств статного фонда в имперскую казну в виде пособия на военные нужды требуется предварительное согласие на то финляндского народного представительства. Такое утверждение является совершенно произвольным и, не будучи основано ни на одном из действующих законов, не может опровергать того исторически сложившегося начала, что право Монарха на распоряжение упомянутым фондом безусловно и ничем не ограничено. Возражения против этого принципа могли бы быть делаемы только со стороны целесообразности, если бы, например, правительство распорядилось о перечислении в имперскую казну всего статного фонда; однако, со стороны юридической, даже подобное, практически трудно допустимое, распоряжение не подлежало бы спору. Обращаясь к истории, легко найти доказательства тому, что финляндские стат-

ные средства расходовались на государственные потребности по единоличному усмотрению Монарха; таково, например, участие финляндской казны в выкупе у Дании Зундской пошлины (1859–1868). Утверждая противное и распространяя свою власть на правительственные фонды, Сейм превысил предоставленные ему по закону полномочия и, следовательно, в полной мере заслуживает упрека в незакономерном образе действий. К подобному шагу он имел, однако, тем менее поводов, что в данном случае дело касалось лишь выполнения предначертаний Высочайшего Манифеста 16/29 марта 1905 года, приостановившего применение воинского Устава 1901 года и допустившего временное изменение порядка отбывания воинской повинности, притом согласно предложению, исходившему, как известно, с финляндской стороны. Если земские чины Сейма 1905 года при разрешении данного дел все же позволили себе высказать незакономерные суждения, и эти суждения были опровергнуты лишь в препроводительной бумаге генерал-губернатору, то в будущем такая ошибка уже не должна более допускаться, и правительству надлежит ныне и навсегда устранить все поводы к повторению нежелательного прецедента.

Далее, по поводу указания генерал-губернатора и министра статс-секретаря на то, что суждения, сопровождающие решения Сейма, составлены не Сеймом, а Экспедиционною комиссиею, надлежит заметить, что на основании § 77 Сеймового Устава исходящие бумаги Сейма, а в том числе и Сеймовые решения, подписываются тальманом и вице-тальманами, действующими в сем случае от имени всего Сейма; поэтому и мотивировка решения должна быть приписываема именно ему, тем более, что Экспедиционная комиссия воспроизвела лишь суждения Бюджетной комиссии, каковые суждения были ввиду у Сейма и им одобрены. Наконец, суждения Сейма имеют огромное значение еще и потому, что они публикуются во всеобщее сведение и делаются достоянием широких слоев населения. – По всем указанным соображениям названные Особы находят, что рассматриваемый отзыв Сейма вызывает осуждение не только с формальной стороны, как полагают действительный тайный советник Герард и генерал-лейтенант Лангоф, а по самому существу своему, как попытка Сейма вторгнуться в непринадлежащую ему область бюджетных прав Монарха.

Установив, таким образом, принципиальную точку зрения по существу представленного Сеймом отзыва, Особое совещание перешло к рассмотрению самого решения Сейма в связи с вопросом о дальнейших мерах правительства по этому делу.

При обсуждении сего вопроса действительный тайный советник Герард и генерал-лейтенант Лангоф заметили, что изложенное в заключении Финляндского генерал-губернатора и поддерживаемое министром статс-секретарем толкование § 75 Сеймового Устава могло бы указать надлежащий путь к разрешению поставленного вопроса, действительно, отзывы Сейма по Высочайшим предложениям об ассигновании денежных средств не могут быть относимы к числу законопроектов в строгом смысле этого слова и, следовательно, подлежат дальнейшему направлению не по первой, а по второй части упомянутого параграфа. А так как в этой последней части не установлено, чтобы Монарх пользовался только правом принятия или отклонения предусматриваемых в означенной части § 75 решений или заключений, то следует допустить, что Верховной власти принадлежит в таковых случаях также право их изменения. Указанная мысль выражена в законе, быть может, не вполне точно и определенно; однако, как усматривается из специально посвященной данному вопросу записки одного из авторитетнейших знатоков финляндской науки права профессора Александровского университета Германсона, приведенное толкование § 75 Сеймового Устава разделяется и другими юристами Финляндии и никаких сомнений у них не вызывает. Примеров изменения Монархом бюджетных постановлений Сейма можно найти немало и в практике прошлого; таковы, например, имевшее место в 1892 и 1895 годах случаи уменьшения по Высочайшему повелению различных ассигнований, разрешенных земскими чинами; нередко случалось также, что Его Величество изменял принятый Сеймом расчет расходов по коммуникационному фонду. Нельзя забывать при этом, что финляндская конституция отличается вообще крайне своеобразным построением, и что полномочия, предоставляемые ею Верховной власти, являются значительно более широкими, чем где бы то ни было. Его

Императорское Величество, в сущности, свободно распоряжается всеми средствами казны: если для покрытия текущих потребностей управления наличных средств оказывается недостаточно, то необходимые суммы, по предложению Монарха, отпускаются Сеймом, но фактическое расходование их зависит от свободного, ничем не стесненного усмотрения Его Величества. В сущности, коль скоро Сейм ассигновал известные кредиты в распоряжение правительства, то никакого специального акта утверждения их уже не требуется.

Итак, если Монарх не может быть лишен права изменять формальную сторону финансовых определений Сейма, то само собою понятно, что и в настоящем случае Его Величество, оставаясь в пределах разрешенных Сеймом ассигнований, имеет возможность обратить обсуждаемое решение к исполнению, преподав Сенату признаваемые им нужными указания при составлении росписи на 1908 год. Иной выход из настоящего положения был бы опасен и неминуемо привел бы к острому столкновению с общественным мнением в Финляндии. Между тем, на правительстве лежит прямая обязанность всеми силами стремиться обойти это нежелательное для обеих сторон столкновение и во что бы то ни стало избегнуть конфликта, тем более, что предлагаемое решение ни в чем не умаляет Верховных прав Государя Императора.

Наконец, генерал-губернатором было указано, что решение Сейма заключает в себе две отдельные части: собственно ответ на Высочайшее предложение и ходатайство о восстановлении в Финляндии войск; обе эти части самостоятельны и допускают разделение решения на два особых постановления, с различной их конечною судьбою, ибо второе из них подлежит безусловному отклонению. По этому поводу министр статс-секретарь Финляндии, с своей стороны, заметил, что, как ему кажется, вторая часть всеподданнейшего ответа Сейма не заключает в себе ходатайства именно о восстановлении войск, ибо в ней Сейм ходатайствует только, чтобы «военный вопрос, без замедления, был разрешен в установленном основными законами порядке»; между тем, разрешение этого вопроса может последовать также и в другом смысле и не заключает в себе непременно условия восстановления войск. На этом основании, министр статс-секретарь не разделял мнения генерал-губернатора, чтобы ходатайство о разрешении военного вопроса подлежало безусловному отклонению.

Изъясненные соображения приводят действительного тайного советника Герарда и генерал-лейтенанта Лангофа к упомянутому уже выше заключению, что, во внимание к последовавшему на Сейме ассигнованию необходимых сумм из временных налогов и прибылей Финляндского банка, Его Императорскому Величеству предстояло бы повелеть Финляндскому Сенату иметь в виду сие Сеймовое постановление при составлении росписи доходов и расходов на 1908 год.

Возражая против приведенных соображений, три члена: тайные советники Дейтрих и Сергеевский и генерал-лейтенант Бородкин рассуждали, что поддерживаемое Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем толкование § 75 Сеймового Устава является сомнительным и не соответствует ни точному тексту сего Устава, ни существующей практике. Общий смысл названного параграфа вполне ясен: Государь Император может только или отвергнуть Сеймовое решение полностью или полностью же его утвердить, совершенно независимо от того – каково именно материальное содержание этого решения, законодательное или финансовое. От указанного основного правила, насколько известно, практика не допускала отступлений, и сами же финляндцы всегда крепко держались за настоящее положение, не без оснований усматривая в нем одну из существеннейших привилегий своего представительного строя. Иное дело представляемые Сеймом заключения по вопросам административного свойства и другим поводам: в этой области Монарх никогда не был стеснен в праве издавать постановления, несогласные с сими заключениями; однако, к данному случаю это положение неприменимо, так как здесь дело идет не о простом заключении, но о решении Сейма. Допуская предположение о возможности изменения Сеймовых решений, нельзя обойти вопроса о том – где пределы такого изменения и в какую сторону оно допускается? Может ли правительство, например, увеличить разрешенное Сеймом ассигнование? На все эти вопросы ни в § 75, ни вообще в Сеймовом

Уставе нельзя найти никакого ответа. Если обратиться к сравнению первой и второй частей упомянутого параграфа, то легко будет увидеть, что все различие между ними сводится к формальной стороне: в тех случаях, когда вопрос касается издания Сеймового (или так называемого общего) закона, отзыв Сейма выливается в форму готового законопроекта (часть I); когда же существо дела не вызывает необходимости в издании общего закона, то ответ Сейма повергается на Высочайшее воззрение в виде представления (часть II). Примеры, приведенные в защиту высказываемого положения, будто существуют решения, подлежащие изменению Монархом, и решения, такому изменению не подлежащие, – на самом деле неубедительны, так как указываемые финансовые постановления Сейма являются не чем иным, как совокупностью отдельных решений, из коих то или другое может быть, конечно, и не утверждено Монархом. Однако примеров тому, чтобы Монарх изменял данное единичное ассигнование – приведено не было.

Ни в каком случае нельзя также согласиться с другим заявлением действительного тайного советника Герарда и генерал-лейтенанта Лангофа, будто бюджетные решения Сейма не нуждаются в Высочайшей санкции для того, чтобы приобрести обязательную силу. Указанная точка зрения, не подкрепленная никаким постановлением действующего законодательства, должна быть признана в то же время и чрезвычайно нежелательной по существу, как сообщающая Сейму непринадлежащие ему права по распоряжению финансовыми средствами края. Можно быть уверенным, однако, что русская правительственная власть никогда не примет подобная воззрения, в высокой степени вредного по тем выводам, какие из него неопровержимо следуют.

Переходя за сим к оценке настоящего решения Сейма по существу, три члена обратили внимание на содержащееся в Высочайшем предложении от 28 июля 1907 года указание о том, что расход по уплате пособия государственному казначейству должен быть обращен на средства милиционного фонда, составляющие 3 853 000 марок, и что к этой сумме, «по указанию Его Императорского Величества», будет отчислено из сбережений статного фонда 12 547 000 марок; для пополнения же недостающей затем суммы Его Величество «предлагает Сейму ассигновать из состоящих в его распоряжении средств необходимую сумму в размере, не превышающем 3 600 000 марок». Отсюда ясно, что согласие Сейма, чего не отвергает и генерал-губернатор, которым составлено Высочайшее предложение, испрашивалось не на весь кредит, а только на 3 600 000 марок, недостававших для доведения правительственных сумм до требуемого размера, и что на этом основании исчисление средств правительства сообщалось Сейму лишь для сведения, а также для разъяснения вопроса о том, почему от него требуется именно та, а не другая сумма. Что же делает Сейм? Во всеподданнейшем отзыве своем он доносит, что «принял к рассмотрению вопрос о вотировании настоящего пособия во всем его объеме», и что посему им определено «уплатить государственному казначейству из финляндских казенных сумм (statsmedel) 20 000 000 марок». Хотя с финляндской стороны в настоящее время стараются провести тот взгляд, что под выражением «казенные суммы» надлежит разуметь все средства, которыми будет располагать правительство, в том числе и находящиеся в распоряжении Сейма, – однако, такое толкование представляется весьма сомнительным. Наоборот, точный смысл выражения statsmedel означает суммы, состоящие в распоряжении Монарха, из чего следует, что Сейм в настоящем случае решил выдать всю сумму из правительственных фондов, а из своих средств – не дал ничего. Но если даже не признавать этого вывода и, следуя вышеприведенному взгляду, находить, что Сейм решил выдать из правительственных фондов только часть пособия, то и в этом случае он поступил противозаконно, так как распоряжение правительственными фондами (статным и милиционным) принадлежит исключительно Государю Императору, и Сейм не имеет права их касаться. Таким образом, настоящее решение представляет новую, ничем не прикрытую, попытку распространить власть Сейма на весь бюджет и тем лишить Монарха издавна принадлежащих ему прерогатив. Подобные посягательства неоднократно делались и ранее, например, в 1906 году при проведении нового Сеймового Устава, когда под видом «улучшения редакции» § 26 этого Устава Финляндский

Сенат пытался самовольно расширить бюджетные права Сеймa. Попытка эта не удалась, так как проектированная редакция § 26 и некоторых других связанных с ним параграфов вызвала возражения со стороны русских членов Особого совещания статс-секретаря Фрпша по рассмотрению проекта нового Сеймового Устава, как о том с точностью указано в журнале сего Совещания. Она возобновляется ныне уже путем практическим, притом с весьма большою настойчивостью, ибо повторена также и в другом отзыве Сеймa на Высочайшее предложение о доставлении средств на те потребности, для покрытия которых Ординарные статные доходы являются недостаточными. Отсюда ясно, что если обсуждаемый отзыв Сеймa не будет отвергнут, то обстоятельство это в связи с прецедентом ассигнования воинского пособия в 1905 году создаст для финляндцев удобную базу для распространения прав Сеймa на весь бюджет, который доселе неизменно держался на строгом разделении сумм, находящихся в распоряжении Монарха, и сумм, состоящих в ведении Сеймa. Не лишнее отметить, что указанное воззрение весьма недавно подтверждено было и нынешним министром статс-секретарем Финляндии генерал-лейтенантом Лангофом, заявившим во всеподданнейшем докладе своем от 1/14 июля 1907 года, что «в Финляндии существует строгое разграничение между фондами, состоящими в исключительном распоряжении правительства, и фондами, находящимися в ведении Сеймa; железные дороги содержатся на средства коммуникационного фонда, ассигнуемые Сеймом, тогда как на почтовое ведомство отпускаются кредиты из правительственного статного фонда».

По всем указанным причинам три члена находили, что представлялось бы более правильным обсуждаемое решение отвергнуть во всей полноте. Что же касается вопроса о том, какие, вместе с тем, меры должно было бы принять в сем случае правительство, то прямой ответ на этот вопрос, по мнению трех членов, уже заключается во всеподданнейшем докладе министра финансов от 6 июля текущего года, в котором статс-секретарь Коковцов предлагал «отсрочить разрешение настоящего дела до возобновления сессии Сеймa, с тем, однако, что, если Высочайшее предложение не будет принято Сеймом, то все 20 000 000 марок должны быть уплачены государственному казначейству из сумм милиционного и статного фондов».

Ввиду вышеизъясненного характера отзыва Сеймa имперское правительство должно ныне осуществить свое намерение, которое иначе явилось бы лишь пустою угрозою, забываемою когда приходится от слов перейти к делу. Единственно допустимое в данном случае различие могло бы заключаться лишь в том, чтобы, сделав распоряжение о немедленном перечислении в имперскую казну 16,4 милл. марок, относительно 3,6 милл. марок, подлежавших отпуску из Сеймовых средств, передать новое Высочайшее предложение предстоящему в феврале 1908 года очередному Сейму. Предлагаемый порядок в точности соответствует началам, выраженным в Высочайших предложениях 1905 и 1907 годов, и, будучи последовательно проведен, служил бы доказательством неуклонной решимости правительства настоять на безусловном выполнении тех мер, которые признаются им вполне законными и необходимыми.

Коснувшись в заключение вопроса о возможном при таких условиях конфликте с Финляндией, три члена заявили, что соображения этого рода не могут иметь в данном случае решающего значения. Оставаясь все время на строго законной почве, правительство не может сойти с ней из-за призрака конфликта с финляндцами, систематически, под личиною пресловутой лояльности, подрывающими власть русского Монарха, а с тем вместе и нераздельные с ним Державные права России над завоеванными финляндскими губерниями. Притом, незаконные притязания финляндцев настолько усилились за последнее время, что самая предупредительная уступчивость не в силах будет предотвратить наступление подобного конфликта. Поводов к нему накопилось достаточно, и вызывающее поведение финляндских властей с каждым днем все более и более обостряет положение. При этих условиях, всякая новая уступка правительства была бы принята в Финляндии лишь как признак малодушия и слабости и тем не только не отдалила бы опасности конфликта, но, можно думать, даже приблизила бы ее, ибо конфликты всего чаще возникают именно на почве

бессилия власти, которое в данном случае, если будет принято предложение Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря, сказалось бы с полною очевидностью. Согласно их предложению, решение Сейма на словах осуждается, а на деле приводится в исполнение. Ясно, что такое предложение создает в распоряжениях правительства внутреннее противоречие и в сущности глубоко роняет достоинство государственной власти, которая, вместо того, чтобы на действие отвечать действием, вместо того, чтобы дать решительный отпор попыткам присвоить народному представительству те полномочия, которые принадлежат только Монарху, – вступает в словесный спор, под рукою исполняя то самое, в чем и кроется наносимый ей удар.

Присоединяясь к высказанным тремя членами соображениям относительно желательности отклонения отзыва Сейма, присутствовавшие в заседании генерал от инфантерии Редигер и действительный статский советник Берендтс и с своей стороны признавали обсуждаемое решение Сейма неконституционным, нарушающим давние Монаршие прерогативы в области финансового управления, несогласным с достоинством Его Императорского Величества и России и, в частности, противоречащим § 26 Сеймового Устава, из коего явствует, что финляндский бюджет не составляет одного целого, а состоит из двух юридически неоднородных частей. На сем основании, названные Особы полагали, что отзыв финляндского Сейма представлялось бы правильным отклонить, с тем, однако, чтобы предстоящему в феврале 1908 года Сейму было передано новое Высочайшее предложение об отпуске 3,6 милл. марок в пособие государственному казначейству. По этому поводу надлежало бы издать особый Высочайший рескрипт на имя Финляндского генерал-губернатора, в котором было бы объявлено, что Государь Император, следуя завету Блаженной памяти Императора Александра II, не намерен поступаться каким-либо из прав и преимуществ, присвоенных Монарху по Основным законам Финляндии, и что посему, в надежде на законопослушание Сейма, Его Императорское Величество соизволяет внести на его обсуждение вторичное предложение о доассигновании за 1906 и 1907 годы из Сеймовых фондов 3 600 000 марок на военные нужды в дополнение к 16 400 000 марок, назначенных по Высочайшему повелению к отпуску на указанную цель из правительственных фондов.

В защиту изъясненной мысли, по мнению военного министра и профессора Берендтса, может быть приведено то соображение, что с 1809 года и по 1907 год Верховная власть ни разу не давала аутентического толкования тех обычно-правовых норм, которые разграничивают в области финансового управления права Монарха от прав народного представительства, и что не существует также подобного истолкования ни § 27 Сеймового Устава 1869 года, ни §§ 26 и 27 Сеймового Устава 1906 года.

Судя по впечатлению, какое произвели на население Финляндии Высочайшие рескрипты 1867 и 1891 годов, касавшиеся других отраслей публичного права, возможно рассчитывать на столь же сильное впечатление и ныне, если рескрипт будет составлен с надлежащею силою и достоинством. Между тем, неизбежным последствием принятия предложения трех членов о немедленном перечислении 16,4 миллиона марок явился бы острый конфликт с Сенатом. Правда, конфликт, по-видимому, вообще неизбежен, но в настоящую минуту он мог бы отразиться невыгодно на интересах России. Если еще две недели тому назад в Финляндии существовал полный разлад между различными политическими партиями, то в настоящее время, отчасти под влиянием последних событий, доселе враждовавшие партии протягивают друг другу руку примирения, причем делаются попытки к образованию какого-то нового союза «общей защиты конституции». Сенат, не имевший в современном его составе никакой твердой почвы под ногами, ныне легко может воспользоваться случаем выйти в отставку с ореолом мученичества из-за защиты конституции; между тем, организовать новый Сенат из элементов умеренных и пользующихся доверием хотя бы в одной части населения – было бы в данный момент едва ли возможно. Другую картину представит, вероятно, Финляндия через несколько месяцев, если замечаемая ныне тревога уляжется, и партии снова будут иметь случай разъединиться: в феврале Сейм соберется на новую сессию, причем, судя по газетам, надо ждать острых столкновений финноманов со шведоманами.

Если же нынешний Сенат выйдет в отставку не вследствие столкновения с правительством на данной почве, а из-за партийных раздоров, то можно будет надеяться найти новый состав, более подходящий с точки зрения имперских интересов.

С своей стороны, член Особого совещания сенатор Харитонов, высказываясь за отклонение данного решения Сейма в полном его объеме, находил возможным каких-либо дальнейших мер по сему поводу немедленно не принимать, но ограничиться в имеющем быть изданным по сему предмету акте категорическим указанием на то, что Государю Императору угодно оставить за собою право своевременно преподать особые по настоящему делу указания. Ни в чем не стесняя правительство в выборе средств к осуществлению своего права, подобный прием, вместе с тем, давал бы Верховной власти возможность воспользоваться для этого временем, наиболее удобным по политическим и иным соображениям. В частности, по поводу приведенного действительным тайным советником Герардом и генерал-лейтенантом Лангофом толкования § 75 Сеймового Устава сенатор Харитонов заметил, что бюджетные постановления Сейма должны быть признаны подлежащими дальнейшему направлению в том же порядке, как и проекты принимаемых им общих законов. На этом основании, они точно также подлежат либо целостному принятию, либо целостному же отклонению; какого-нибудь среднего пути Сеймовый Устав – как он, сенатор Харитонов, его понимает – в данном случае не знает. Правовая природа бюджетных определений вообще возбуждает немало споров; однако, юридическая наука на Западе все более склоняется к тому, чтобы считать их тем же законом, хотя и издаваемым на определенный, короткий срок, а у нас ввиду установившейся практики Государственного совета и Государственной думы, принявших законы об ассигновании средств для оказания помощи населению, пострадавшему от неурожая, – означенный вопрос, казалось бы, должен вызывать еще меньше сомнений. Высказывая свое мнение по § 75 Сеймового Устава, ни генерал-лейтенант Лангоф, ни действительный тайный советник Герард не выражают еще взглядов на этот предмет Финляндского Сейма, который легко может стать в данном отношении в коллизию с правительством, если бы оно по собственному почину приняло намечаемую ему новую точку зрения. Такой конфликт тем более возможен, что мысль о допустимости изменения Сеймовых решений не выражена с надлежащею ясностью ни в одном из действующих законов. Ввиду сего и так как настоящее решение Сейма заключает в себе кроме того еще и неподлежащее по его, сенатора Харитонова, мнению – удовлетворению ходатайство о восстановлении финских войск, то предположение об отклонении данного отзыва получает дальнейшее и весьма веское основание.

Выслушав и всесторонне обсудив вышеизложенные соображения отдельных членов и приглашенных лиц, Особое совещание остановилось на выраженной статс-секретарем Коковцовым мысли о том, что предлагаемый Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем Финляндии путь к практическому разрешению настоящего вопроса заслуживает полного внимания. Не подлежит сомнению, конечно, что обсуждаемое решение Сейма не составляет прямого ответа на переданное ему в июле сего года Высочайшее предложение и является актом совершенно незакономерным; с этой точки зрения отклонение отзыва во всей его полноте было бы простейшим решением вопроса. Осторожность требует, однако, самого бережливого отношения к возможному при подобных условиях конфликту, и прежде чем прибегать к каким-либо решительным действиям, надлежит использовать все пути и средства, ведущие к мирному улаживанию вопроса. В данном случае задача облегчается тем, что предложение к такому среднему пути является с финляндской стороны, и потому есть основание думать, что принятие его правительством не вызовет особых возражений в Финляндии. Если генерал-губернатор и министр статс-секретарь удостоверяют, что финансовые решения Сейма должны быть направляемы в порядке второй части § 75 Сеймового Устава, в которой не содержится, однако, тех ограничений власти Монарха, какие имеются в первой, то нет повода опасаться, чтобы избрание указанного означенными лицами пути было встречено в крае как вредное и опасное новшество.

В пользу приведенного взгляда, по мнению Особого совещания, могут быть высказаны также и следующие соображения практического свойства. Становясь на точку зрения, отстаиваемую тремя членами Совещания, нельзя избежать вопроса о том, каким именно образом могли бы быть фактически взяты те 16,4 миллионов, о немедленном перечислении коих говорится в их мнении. Средства финляндской казны находятся у заграничных банкиров и могут быть выданы ими не иначе, как по соответствующему приказу финляндских властей. Таким образом, правительство рискует оказаться в очень неудобном положении, и, чтобы выйти из него, ему останется лишь действовать принудительным способом – чего следует, конечно, всемерно избежать. В подобном конфликте, сущность и цели которого останутся для широких слоев общества непонятными, общественное мнение может оказаться не на стороне правительства. Будут указывать, что деньги даны Сеймом, но что правительство, во имя неясных соображений формального свойства, само не пожелало их взять.

Что касается предложенной тайным советником Харитоновым мысли о временном воздержании от немедленного принятия каких-либо действительных мер, то предложение это, по убеждению Совещания, в сущности, не разрешает вопроса, так как рано или поздно придется все равно подумать о реальном выходе из создавшегося положения, а, следовательно, стать лицом к лицу со всеми трудностями, о которых в данном случае идет речь. Если же надолго затянуть это неопределенное положение, то окажется, что Финляндия и денег не платит, и реальной повинности не несет. Последствие – еще более опасное для престижа Государственной власти. Тем же недостатком страдает и предложение военного министра и действительного статского советника Берендтса, отсрочивающих решение дела до следующего года. Не усматривая в таком откладывании ручательства за надлежащее разрешение вопроса будущим Сеймом, нельзя, вместе с тем, не заметить, что время осуществить свои права уже вполне назрело, и вопрос должен быть, наконец, переведен на практическую почву.

Между тем, обращением средств финляндской казны в государственное казначейство в пособие на военные нужды сметным порядком достигается та несомненная выгода, что при этом условии инициатива мыслимого отказа от примирительного предложения исходила бы уже от самих финляндцев. В данном случае вина за могущий возникнуть вследствие такого отказа конфликт была бы всецело на их стороне, почему и обращение к мере, проектируемой тремя членами, имело бы тогда более понятное для всех основание. Не подлежит сомнению, что при указанных обстоятельствах общественное сочувствие стало бы уже на сторону правительства, исчерпавшего все усилия в миролюбивых попытках покончить дело без осложнений. При этом надлежит, однако, принять все меры к тому, чтобы ни для кого не оставалось сомнений, что правительство не разделяет взглядов, приведенных в отзыве Сейма, и признает их несогласными с действующим законом. Указанная точка зрения могла бы быть выражена в предложенной статс-секретарем Коковцовым особой собственноручной Государя Императора надписи на Сеймовом отзыве. В этой Высочайшей резолюции следовало бы также изъяснить, что Его Императорскому Величеству по-прежнему принадлежит право исключительного распоряжения средствами как статного, так и милиционного фондов. Сделавшись общеизвестною широким кругам населения как империи, так и Финляндии, упомянутая Высочайшая резолюция устранила бы все возникшие по этому предмету за последнее время споры, к которым мог подать повод факт утверждения в 1905 году неясно редактированного Постановления об отпуске государственному казначейству пособия на военные нужды.

За сим, так как в решении Сейма все фонды оказываются слитыми воедино, причем такое слияние может в свою очередь повести к неверному пониманию, будто бы все 20 милл. марок перечисляются в имперскую казну с согласия Сейма, то в резолюции должно быть с точностью указано, что сумма в 16,4 миллиона марок подлежит отнесению на средства статного и милиционного фондов, единоличным распорядителем которых является Монарх, и что 3,6 миллиона марок заимствуются из временных налогов, вотированных Сеймом. При выполнении таковой Высочайшей воли Финляндский Сенат должен встретить тем менее

затруднений, что, как удостоверяют генерал-губернатор и министр статс-секретарь Финляндии, минувший Сейм ассигновал из вотированных им временных налогов в распоряжение правительства, в круглой цифре, около 11 миллионов марок – сумму, включающую в себя и те 3,6 миллиона марок, о которых шла речь в Высочайшем предложении.

Не почитая себя в праве принять прямую ответственность за то, что проектируемая Высочайшая резолюция будет исполнена Финляндским Сенатом, генерал-губернатор и министр статс-секретарь Финляндии выразили, однако, уверенность, что существующие законы не препятствуют Сенату привести эту резолюцию в исполнение и что последнее воспоследует, по всем предположениям без всяких затруднений. Ввиду сего, если бы со стороны Сената последовал в настоящем случае отказ, то такое обстоятельство, по мнению Особого совещания, дало бы правительству полное основание считать, что все способы миролюбивого решения обсуждаемого вопроса исчерпаны, и что необходимость прибегнуть к иным мерам обусловливается, во всяком случае, не нежеланием со стороны имперского правительства изыскать эти способы.

На основании всего изложенного, Особое совещание, совместно с приглашенными в его состав по данному делу особами, единогласно полагает:

Повергнуть на Всемилостивейшее Государя Императора благовоззрение, не угодно ли будет Его Императорскому Величеству на всеподданнейшем отзыве Сейма по делу о военном пособии государственному казначейству за 1906–1907 гг. Собственноручно начертать резолюцию следующего содержания:

«Обращаю внимание Сейма на то, что распоряжение средствами статного и милиционного фондов принадлежит исключительно моему непосредственному усмотрению, а потому, находя суждения, высказанные Сеймом во всеподданнейшем отзыве на предложение мое о пособии на военные нужды, несогласными с действующими законами, повелеваю: перечислить в ресурсы государственного казначейства 20 000 000 марок с отнесением из них 16 400 000 марок на суммы статного и милиционного фондов, а 3 600 000 марок на вотированные Сеймом временные налоги».

Подлинный подписали:

П. Столыпин, В. Коковцов, А. Редигер, П. Харитонов, В. Дейтрих, Н. Сергеевский, М. Бородкин, А. Лангоф, Э. Берендтс.

Скрепил:

Помощник управляющего делами Совета министров Плеве.

Штамп: с подлинным верно[6]: Начальник отделения канцелярии Совета министров Н. Кочкарев

ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 35. Л. 2–24. Типографский текст на полулистах большого формата, сшитых в тетрадь. Подпись делопроизводителя – автограф.

№ 275. Прошение об отставке Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда

29 ноября (12 декабря) 1907 г.

Ваше Императорское Величество!

Два года тому назад Вашему Императорскому Величеству благоугодно было назначить меня на должность Финляндского генерал-губернатора.

В настоящее время, достигнув почти семидесятилетнего возраста, я не чувствую более сил исполнять надлежащие на меня обязанности и нести ответственность за ход дел в этом крае.

[6] *Далее вписано чернилами*: За.

Поэтому приемлю долг отвергнуть на Всемилостивейшее Вашего Величества благовоззрение мое всеподданнейшее ходатайство об увольнении меня от означенной должности.

29 ноября 1907 г. С.-Петербург
Финляндский генерал-губернатор Герард

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2361. Л. 9. Рукопись.

№ 276. Письмо Императора Николая II председателю Совета министров П.А. Столыпину об отставке Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда и назначении В.А. Бекмана генерал-губернатором Финляндии

1(14) декабря 1907 г.

Случилось то, что я предвидел. После длинного и тягостного разговора моего с Герардом он на словах просил и затем прислал прошение об увольнении от должности. Удерживать его дольше нельзя. Теперь надо назначить ген. Бекмана генерал-губернатором. Об этом я предупредил В.К. Николая Николаевича. Прошу вернуть мне письмо Герарда.

Н.

1 декабря 1907 г.

Опубл.: Красный архив. 1924. Т. 5. С. 16.

№ 277. Из письма Императора Николая II председателю Совета министров П.А. Столыпину о разговоре с Финляндским генерал-губернатором Н.Н. Герардом

22 декабря 1907 г. (4 января 1908 г.)

[...] Сейчас из моего кабинета вышел Герард. Он вовсе не кипятился, как при последнем докладе, и теперь относится спокойно к прежде волновавшим его вопросам. Он мне назвал имя знатока финляндских дел – сенатора Судейкина, бывшего при покойном Плеве управляющим делами статс-секретариата, как полезного члена вашего совещания. Наведите о нем справку.

Николай.

22 декабря 1907 г.

Опубл.: Красный архив. 1924. Т. 5. С. 17; П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 43.

№ 278. Особый журнал Совета министров о порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора

4(17) января 1908 г.

ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ
4 января 1908 года

О порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора

Согласно указанию ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, войдя в рассмотрение вопроса о порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора, Совет министров принял во внимание, что до 1898 года порядок этот не был точно определен. Отсутствие твердо установленных правил по сему предмету имело своим последствием то, что на практике Финляндские генерал-губернаторы определялись и увольнялись весьма различно, причем некоторые из министров статс-секретарей Финляндии (граф Армфельдт, барон Шернваль-Валлен), несмотря на отсутствие законных оснований, считали себя впра-

ве входить по делам сего рода с всеподданнейшими докладами, доводя затем о последовавшей Высочайшей воле до сведения министров империи.

В 1898 году бывший военный министр, генерал-адъютант Куропаткин, предварительно назначения на должность Финляндского генерал-губернатора генерала от инфантерии Бобрикова, вошел к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ с особым всеподданнейшим докладом, в коем признавал необходимым замещать означенную должность (в то время соединенную с должностью Командующего войсками Финляндского военного округа) тем же порядком, какой был установлен для соответствующих должностей в прочих округах империи, а именно: ВЫСОЧАЙШИМ Указом Правительствующему Сенату и ВЫСОЧАЙШИМ приказом по военному ведомству. Вместе с тем генерал-адъютант Куропаткин полагал, что в рескрипте, коим удостаивается при сем назначении избранное МОНАРХОМ лицо, желательно было бы вводить указание на обязанность генерал-губернатора уведомить о состоявшемся назначении ИМПЕРСКИЙ Финляндский Сенат для опубликования и других с его стороны распоряжений.

На приведенном докладе генерал-адъютанта Куропаткина Собственною ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: *«Вполне разделяю изложенные здесь соображения и согласен»*. При этом ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было повелеть и на будущее время при назначении Финляндских генерал-губернаторов и Командующих войсками руководствоваться изложенными в означенном докладе основаниями. Согласно сему ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению и состоялось назначение Финляндским генерал-губернатором генерала от инфантерии Бобрикова, рескрипт на имя которого опубликован в Сборнике постановлений Финляндских без контрасигнации министра статс-секретаря (№ 35).

Те же начала были положены и в основание выработанной Особым совещанием под председательством бывшего министра статс-секретаря Плеве инструкции Финляндскому генерал-губернатору от 13 марта 1903 года, статья 2, которой была изложена следующим образом: «Финляндский генерал-губернатор назначается и увольняется Именным ВЫСОЧАЙШИМ указом Правительствующему Сенату и ВЫСОЧАЙШИМ приказом в установленном порядке».

За последовавшею в 1905 году на основании ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста 22 октября отменою упомянутой инструкции назначение нынешнего генерал-губернатора, действительного тайного советника Герарда состоялось в отступление от ВЫСОЧАЙШИХ предначертаний 1898 года уже ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою.

По мнению Совета министров, на будущее время надлежит в точности восстановить порядок назначения Финляндского генерал-губернатора, предуказанный ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ еще в 1898 году, ибо порядок этот, соответствуя статье 2 Основных государственных законов издания 1906 г., согласно коей Великое княжество Финляндское только во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства, вполне отвечает вместе с тем общегосударственному значению рассматриваемой должности. Финляндский генерал-губернатор не есть должностное лицо финляндской администрации. Он призван не только управлять Финляндией, но и блюсти права и интересы империи во вверенном его попечениям крае. Таким образом, среди прочих чинов местной администрации, Финляндский генерал-губернатор является представителем русской Государственной власти и в качестве такового должен быть назначаем и увольняем в общеимперском порядке.

Что же касается вопроса о том, насколько представляется необходимым издание при этом еще и особого рескрипта на имя вновь назначаемого или увольняемого генерал-губернатора, то в этом отношении Совет министров усматривал, что, хотя в упомянутой инструкции и не содержалось каких-либо указаний по сему предмету, тем не менее в 1904 году при назначении Финляндским генерал-губернатором шталмейстера князя Оболенского ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было дать на имя названного лица ВЫСОЧАЙШИЙ рескрипт, позднее помещенный и в Сборнике постановлений Ве-

ликого княжества Финляндского (1905 г., № 1а). В означенном рескрипте не содержалось, однако, поручения вновь назначенному генерал-губернатору уведомить о своем назначении ИМПЕРАТОРСКИЙ Финляндский Сенат, как то специально оговорено было во всеподданнейшем докладе генерал-адъютанта Куропаткина. Ввиду сего следует признать, что, с точки зрения инструкции 1903 года, издание рескрипта представляется необязательным. Такого же взгляда держится ныне и Совет министров, полагающий, что ВЫСОЧАЙШИЙ рескрипт на имя назначаемого или увольняемого генерал-губернатора не составляет обязательного и юридически необходимого в подобных случаях акта. По внутреннему же своему значению Рескрипт является выражением непосредственного волеизъявления МОНАРХА, обращенным к назначаемому или увольняемому лицу, а потому какой-либо контрасигнации сих рескриптов не требуется, как не было ее в рескриптах, данных на имя генерал-адъютанта Бобрикова и шталмейстера князя Оболенского. Заключая отсюда, что для назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора совершенно достаточно ВЫСОЧАЙШИХ указа и приказа, состоявшихся в общеимперском порядке, Совет министров находит, что обнародование подобных Указов должно производиться установленным порядком в официальных ведомостях империи и Финляндии, причем в империи означенные акты опубликовываются распоряжением Правительствующего Сената, а в Финляндии – местного Сената, на основании препровождаемых ему генерал-губернатором списков с соответствующих ВЫСОЧАЙШИХ указов. В пользу проектируемого порядка обнародования по Финляндии о вновь состоявшемся назначении или увольнении генерал-губернатора в местных официальных газетах («Finlands Allmänna Fidning» и «Suomalainen Virallinen Zehti»), но не в Сборнике постановлений Великого княжества Финляндского может быть приведено то соображение, что и по империи ВЫСОЧАЙШИЕ указы Правительствующему Сенату, касающиеся назначения или увольнения должностных лиц, не помещаются в Собрании узаконений и распоряжений правительства, но лишь публикуются распоряжением Сената в «Сенатских ведомостях» и «Правительственном вестнике». К тому же, согласно точному смыслу статьи 10 действующего Постановления от 27 июня 1902 года (С.П.Ф., № 24), в вышеозначенном Сборнике помещаются только: издаваемые Верховною властью узаконения и росписи доходов и расходов, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденные международные акты, а также те Сенатские определения и правительственные распоряжения, коим придается общеобязательное значение.

Переходя засим к вопросу о том, в каком порядке имеет быть назначаем и увольняем помощник Финляндского генерал-губернатора, Совет министров принял на вид, что порядок этот также не нашел точного определения в законе; на практике же назначения и увольнения означенных должностных лиц производились различным образом: как грамотами в финляндском порядке, так и ВЫСОЧАЙШИМИ указами в общеимперском порядке; этот последний порядок был применен, например, при назначении генерал-лейтенанта Шипова и нынешнего помощника Финляндского генерал-губернатора, генерал-маїора Зеїна, которые оба были назначены Именными ВЫСОЧАЙШИМИ указами Правительствующему Сенату и ВЫСОЧАЙШИМИ приказами. Принятие этого последнего порядка в качестве руководящего на будущее время имело бы за себя, по мнению Совета министров, между прочим, то соображение, что помощник Финляндского генерал-губернатора, в немалом числе случаев вступающий и полное отправление генерал-губернаторской должности, по всей справедливости должен быть почитаем представителем Государственной власти в Финляндии, а, следовательно, и не может быть назначаем или увольняем в ином порядке, нежели сам генерал-губернатор.

Вышеизъясненные предположения о назначении и увольнении Финляндского генерал-губернатора и его помощника в общеимперском порядке находят себе подкрепление, между прочим, в тексте необнародованного ВЫСОЧАЙШЕГО рескрипта 2 мая 1827 года*[1], по

*[1] Означенный рескрипт гласит буквально следующее: «Обратив внимание на доведенную вами до сведения НАШЕГО невозможность заместить состоящие ныне при Финляндской генерал-губерна-

силе коего при замещении должностей даже по генерал-губернаторской канцелярии надлежит вообще применять узаконения, изданные на сей предмет в империи, а не в Финляндии.

Руководствуясь изложенными суждениями, Совет министров полагает:

На основании статей 10 и 11 Основных государственных законов (Свод. зак., т. I, ч. I, изд. 1906 г.), в отношении порядка назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора и его помощника постановить:

1. Финляндский генерал-губернатор и его помощник назначаются и увольняются Именными ВЫСОЧАЙШИМИ указами Правительствующему Сенату и ВЫСОЧАЙШИМИ Приказами в установленном порядке.

2. Списки с Именных ВЫСОЧАЙШИХ указов о назначении или увольнении упомянутых (ст. 1) должностных лиц сообщаются Финляндским генерал-губернатором ИМПЕРАТОРСКОМУ Финляндскому Сенату, на предмет зависящих распоряжений, и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского, для сведения.

О вышеизложенном Совет министров долгом почитает всеподданнейше повергнуть на ВЫСОЧАЙШЕЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволение.

П о д п и с и: В.Н. Коковцов, Б.А. Васильчиков[571], П.А. Харитонов, А.Н. Шварц[572], И.Г. Щегловитов[573], М.А. Остроградский, А.А. Поливанов, В.А. Мясоедов-Иванов[574].

С к р е п а: Помощник Управляющего делами Совета министров П.В. Плеве.

Пометы: сверху по центру рукой Николая II: Принят к исполнению раз [и] навсегда. *Рукой делопроизводителя:* Собственною Его Величества рукою начертано: «Принять к исполнению раз навсегда». «11» января 1908 г. В Царском Селе. Председатель Совета министров Столыпин[а].

Опубл.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. М., 2011. С. 1–13. (Публ. по: Ф. 1276. Оп. 20. Д. 19. Л. 17–22; Оп. 18. Д. 64).

№ 279. Докладная записка председателя Совета министров П.А. Столыпина Императору Николаю II с планом ведения финляндских дел и увольнении Н.И. Герарда

6(19) января 1908 г.

Сегодня я представил Вашему Величеству целый ряд верноподданнейших докладов, которые накопил за последние дни вследствие моей болезни. Я сегодня стал, но еще нездоров и за обычную работу еще не принялся. Полагаю, что ранее конца недели мне нельзя будет выехать из дому и потому буду ходатайствовать о всеподданнейшем докладе в один из последних дней недели.

Финляндские журналы будут готовы на днях. Их три: 1) о 20 миллионах (предполагаемая резолюция на представление Сейма находится у Вашего Величества), 2) о росписи на 1908 год (предполагаемая резолюция Вашего Величества будет изложена в журнале) и 3) о порядке назначения и увольнения Финляндских генерал-губернаторов[575].

торской канцелярии две вакансии природными тамошними жителями, исповедующими Лютеранскую веру и имеющими потребное в оных должностях знание Российского языка, МЫ приняли также в соображение, что оная канцелярия, принадлежа к званию генерал-губернатора, яко наместнику НАШЕМУ в оном краю, находится в особенном положении, почему действующие в Финляндии и состоявшиеся до учреждения помянутой канцелярии общие постановления о замещении должностей не могут быть вместны в отношении к оной канцелярии. Вследствие того МЫ, соизволяя на представление ваше, повелеваем: изданных в Великом княжестве Финляндском законоположений, об определении в должности вообще, не принимать в руководство при замещении вакансий, открывающихся по тамошней генерал-губернаторской канцелярии». (*Прим. док.*)

[а] *Подпись – автограф.*

Я думаю, что последовательный ход событий должен быть таков: 1) получение Вашим Величеством журналов, 2) прием Вашим Величеством генерала Лангофа и наложение двух резолюций на представлениях Сейма, 3) увольнение Н.Н. Герарда и назначение генерала Бекмана.

Приму меры к незамедлительному представлению Вашему Величеству журналов, дабы все это могло произойти в течение настоящей недели.

Председатель Совета министров статс-секретарь Столыпин 6 января 1908 года

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2364. Л. 5–5 об. Рукопись на бумаге верже.

№ 280. Письмо вице-председателей Финляндского Сената к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу об официальной встрече Ф.А. Зейпа[576]

9(22) января 1908 г.

Перевод письма вице-председателей ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского от 22 января 1908 года за № 1.

Ваше Превосходительство.

Находясь в совершенно одинаковом положении по отношению к вопросу, вызвавшему доверительные письма Вашего Превосходительства к нам от 20 сего месяца, мы, нижеподписавшиеся, нашли соответственным изложить сообща то разъяснение, дать которое Ваше Превосходительство благосклонно предоставили нам возможность, благодаря помянутым письмам.

По действующему в Финляндии обычаю, ответный визит означает готовность иметь личное обхождение и, следовательно, также вступить в частные сношения с лицом, сделавшим визит. Мы не можем считать своею служебною обязанностью иметь с генерал-майором Зейном, прежняя деятельность коего в Финляндии охарактеризовалась враждебностью к этой стране и неуважением к ее правопорядку, иные сношения, кроме тех, кои могут оказаться необходимыми вследствие служебных дел.

Что же касается официальных сношений, то генерал-майор Зейн не имеет основания опасаться недостаточно корректного образа действия с нашей стороны. Во всех сношениях, могущих возникнуть между генерал-майором Зейном и нами по делам службы, с нашей стороны будут соблюдены по отношению к нему все правила приличия и служебного этикета, обусловливаемые тем, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было ВЫСОЧАЙШЕ назначить его помощником генерал-губернатора.

Подлинное подписали:

Л. Мехелин и Р. Вреде

НАФ. Фонд статс-секретариата Великого княжества Финляндского. Папка Fc:2. Л.16–16 об. Машинопись на полулисте большого формата.

№ 281. Высочайше утвержденное 11 января 1908 г. положение Совета министров о порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора и его помощника

11(24) января 1908 г.

Высочайше утвержденное 11 января 1908 года положение Совета министров о порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора (Собр. узак., ст. 119).

Финляндский генерал-губернатор и его помощник назначаются и увольняются Именными Высочайшими указами Правительствующему Сенату и Высочайшими приказами в установленном порядке.

Списки с Именных Высочайших указов о назначении или увольнении упомянутых (ст. I) должностных лиц сообщаются Финляндским генерал-губернатором Императорскому Финляндскому Сенату, на предмет зависящих распоряжений, и министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского, для сведения.

Опубл.: СУ. Ст. 119; ПСЗРИ Т. XXVIII. 1908. Отд. 1. СПб., 1911. Ст. 29953; Сборник новейших узаконений и высочайших повелений, касающихся Финляндии. 1907–1912 гг. (Издание канцелярии Совета министров). СПб., 1912. С. 34.

№ 282. Из статьи «Безумные обвинения», опубликованной в газете «Uusi Suometar»

15(28) января 1908 г.

[...] в этот раз мы беремся за перо по поводу высказанного г. Сергеевским специального мнения интервьюеру упомянутой газеты[577].

Г. Сергеевский нашел нужным к своему историческому очерку прибавить утверждение, будто **финляндцы неуклонно идут по пути к полному отделению Финляндии от России**.

Мы знаем, что это мнение очень часто встречается в самой непримиримой части русской прессы. Нельзя отделаться от впечатления, что эта часть прессы и ее авторы безусловно нуждаются в этом обвинении для достижения своих целей. Не беремся с уверенностью сказать, есть ли среди них лица, действительно верящие этому безумию. Это касается именно г. Сергеевского, который по-видимому теперь, как и раньше, оказывается жертвою укоренившихся в нем фантазий, не поддающихся ни влиянию исторических фактов, ни заключениям здравого смысла.

Не станем это разбирать. Но, раз русский, в положении тайного советника Сергеевского, заявляет читателям большой умеренной газеты в виде положительного, явного и неоспоримого факта, будто мы, финляндцы, добиваемся отторжения нашей страны от империи, то необходимо с финляндской стороны решительно и безусловно опровергнуть такое утверждение, так как более необоснованного обвинения нельзя придумать. В Финляндии едва ли можно насчитать сотню отчаянных голов, в которых на самом деле могла промелькнуть безрассудная мысль об отделении Финляндии от России. Если бы их нашлось даже и две сотни, то это доказало бы только, что Финляндия не может составлять исключения из того общечеловеческого явления, что отчаянные головы встречаются среди всякого народа. Это должно быть указано с финляндской стороны, особенно по поводу обвинений, предъявление которых стало возможным благодаря несчастному союзу «Войма». Нашему народу совершенно чужды и неизвестны всякие намерения и мысли об отделении Финляндии от империи, как это неоднократно уверялось в течение полувека и подтверждалось историей. По этому вопросу в стране господствует лишь одно мнение, одинаково разделяемое всеми, как бы ни была велика рознь между различными политическими партиями, народными элементами и общественными классами по другим вопросам.

Неужели этому не могут поверить русские? Неужели единогласные уверения нашего народа не в состоянии прекратить по крайней мере эти наиболее безумные, но и наиболее тяжкие обвинения против нашей страны? Пусть нас обвиняют в «сепаратизме», состоящем в том, что мы, финляндцы, желаем неуклонно придерживаться дарованной нам внутренней автономии, что мы даже желаем постепенного расширения, в законном и лояльном порядке, конституционных прав нашего народа и его представительства. Этого желания у нас никто

не отрицает. Но пора прекратить безумные обвинения, подобные тому, что мы стремимся «к отделению Финляндии от России».

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 78. Л. 13–15. Машинописный текст на листах большого формата. Перевод на рус. язык.

Опубл.: Uusi Suometar. 1908, 28 Tammikuu. № 22. S. 2.

№ 283. Представление Финляндского Сената о порядке рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Великого княжества Финляндского в особых совещаниях из русских и финляндских представителей

26 января (8 февраля) 1908 г.
Копия с перевода

Державнейший, Всемилостивейший Государь Император
и Великий князь

Высочайший Вашего Императорского Величества Манифест от 4 ноября (22 октября) 1905 г., имеющий по всему содержанию своему глубокое и отрадное значение для финского народа, стал исходною точкою многосторонней работы на пользу развития в области как законодательства, так и государственного управления. С чувством благодарности и удовлетворения Сенат видел, что большинство всеподданнейших проектов, повергавшихся Сенатом на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение, удостаивалось одобрения Вашего Величества. Плоды реформ, состоявшихся таким образом под эгидою Монарха, постепенно проявляются в общественной жизни.

Немаловажны те затруднения, которые приходится преодолевать в такое переходное время, в котором ныне находится внутреннее развитие Финляндии. Затруднения эти увеличивались вследствие вредного влияния беспокойного брожения, проникшего и в Финляндии в некоторые группы населения. Сенат однако надеется, что консолидационные и преобразовательные труды, руководство коими принадлежит правительству, дадут хорошие результаты, если только не будут вновь поколеблены правовые отношения Великого княжества к империи. Разные обстоятельства, вызывающие опасения в сем отношении, служат поводом к настоящему всеподданнейшему представлению.

Сознавая, сколь важно для Финляндии, чтобы управление сим краем велось в порядке, не подающем действительных поводов к неудовольствию в империи, Сенат всегда считал долгом идти в своих действиях на встречу основательным требованиям, выставляемым с русской стороны, и согласно с сим формулировал в всеподданнейших своих законопроектах те определения, которые, как это бывает иногда, в каком-либо отношении касаются интересов империи. Если Сенат при этом вследствие недостаточного знакомства с затрагиваемыми делом интересами в отдельных случаях упускал из виду обстоятельства, которые следовало принять в соображение, то подобное упущение немедленно могло быть исправлено, когда генерал-губернатор давал свое заключение при передаче дела в статс-секретариат. Генерал-губернатор на самом деле обращал особенное внимание на такие встречающиеся в управлении Финляндии вопросы, которые в чем-нибудь могут затронуть права и выгоды империи. Сенат полагает, что Ваше Императорское Величество нередко имели случай видеть это при всеподданнейшем докладе финляндских дел.

Хотя финляндское правительство, таким образом, заботливо старалось соображаться с русскими интересами, Совет министров в империи за последнее время в разных отзывах выступил против некоторых финляндских законопроектов, которые по правилам действующего Постановления от 1 августа 1891 г. сообщены были министром статс-секретарем на заключение подлежащих министров.

Разногласия относительно целесообразности какого-либо законоположения всегда возможны. Сенат не выступает с притязанием, чтобы Совет министров на том основании, что какой-либо вопрос касается главным образом Финляндии, должен был присоединиться к финляндскому проекту. С финляндской стороны не проявляется также недостаточной готовности к соответственным уступкам по спорным вопросам. Но в данных случаях в Финляндии озабочены тем, что Совет министров настаивает на разрешении известных вопросов в порядке, несовместимом с финляндскими Основными законами. Сенат считает долгом в сем отношении особо коснуться двух дел, которые по указанной причине еще не могли быть разрешены.

Ваше Императорское Величество соблаговолили в мае месяце 1906 г. Высочайше повелеть Сенату безотлагательно выработать проект Постановления в видах упрощения условия приобретения русскими уроженцами права гражданства в Финляндии. Это Высочайшее повеление было выполнено в начале июня того же года. В заключении Совета министров по этому предмету, данном в июле 1907 г., было заявлено, что дело касается общеимперского вопроса, и что законопроект по этому предмету должен быть передан русскому народному представительству. Такое мнение нельзя однако признать правильным. Выработанный Сенатом проект Постановления содержит только такие определения, которые должны быть применяемы в Финляндии и финляндскими властями. Этот проект служит основою финляндского законодательного акта и постановление по данному предмету может быть издано Вашим Императорским Величеством без участия Сейма. Какое влияние должна иметь приписка русских уроженцев в Финляндии для некоторых специальных прав, принадлежавших им в империи, например, для сословных прав при приписке дворян, это другой вопрос. Очевидно только эта сторона дела может стать предметом законодательного акта в империи.

В законе о свободе печати, принятом Сеймом в 1906 г. на основании Высочайшего Вашего Императорского Величества предложения, содержится правило, имеющее целью предупредить издание в Финляндии тайных русских государственных актов. Совет министров в представленном по этому поводу заключении не только подвергает подробной критике разные части его, высказываясь против утверждения его, но и выражает мнение, что Финляндскому Сенату надлежало бы выработать проект временного Постановления по сему предмету, которое было бы издано в административном порядке. Между тем законодательство, касающееся пользования свободою печати, согласно утвержденному Вашим Императорским Величеством 20 августа 1906 г. Основному закону о свободе слова, собраний и союзов, требует участия Сейма. Предложенный Советом министров способ действия составил бы, следовательно, нарушение Основного закона. Финляндское правительство очевидно не имеет права стать на сторону подобного рода требования.

В Финляндии также произвело удручающее впечатление то обстоятельство, что за последнее время русские издания официозного значения содержали статьи, свидетельствующие о недоброжелательности и подозрительности по отношению к финляндскому правительству и о неправильном понимании правового положения Финляндии. При этом высказывались мнения, отчасти однородные с политическими теориями, которые проповедовались в 90-х годах и которые стали осуществляться при режиме генерал-губернатора Бобрикова, навлекшем столь большие несчастия на Финляндию и создавшем также затруднения для империи.

Как уже выше замечено, возможность успешного выполнения задач финляндского правительства в существенной степени обусловлена тем, чтобы не нарушались правовые отношения между империею и Великим княжеством. Поддержание законности во всех отраслях общественной жизни составляет важнейшую обязанность правительственной власти в Финляндии и безусловно необходимо для того, чтобы органы правительства пользовались нравственным авторитетом, дающим среди общества опору их мероприятиям. Ваше Императорское Величество соизволили сами принять во внимание важное значение сего

обстоятельства, взяв на себя инициативу законодательной меры, предоставляющей народному представительству право проверять закономерность служебных действий членов правительства.

По поддержание законности в Финляндии по необходимости предполагает, чтобы и в тех случаях, когда финляндская административная или законодательная мера в каком-либо отношении касается интересов империи и потому подвергается рассмотрению со стороны русских министров, дело решалось в порядке, вполне согласующемся с финляндскими законами. Сенат не может отказаться от мысли, что такой взгляд на дело признается правильным и в России. Едва ли мыслимо ожидать каких-либо выгод для империи от политики, которая, будучи направлена к нарушению финляндских законов, тем самым вызывала бы неисчислимые по своим последствиям замешательства и конфликты.

По вопросу о том, может ли соблюдение прав Финляндии причинить какой-либо вред или затруднения для империи, в настоящее время имеется вековой опыт; – остается уже немного времени до столетней годовщины 29/17 марта 1809 г., когда завершено было соединение Финляндии с империею. Опыт этот, по мнению Сената, ясно доказал, что интересы империи могут быть охраняемы и удовлетворяемы во всех областях как внутренней, так международной политики, без того, чтобы возникали какие-либо препятствия от предоставления собственным властям Великого княжества ведать, согласно законам страны, особые его дела в осуществление скромных жизненных задач финского народа.

Для разрешения вопросов, касающихся как Великого княжества, так и империи, может однако послужить на пользу, если бы порядок предварительной подготовки таких дел подвергнут был целесообразному развитию.

Во многих случаях затруднительно посредством исключительно лишь письменных сношений достичь соглашения, необходимого для удовлетворительного решения вопроса, тогда как личные переговоры компетентных представителей затрагиваемых делом интересов часто могут привести к согласию и к достижению желаемого результата. Сенат при этом имеет в особенности в виду вышеупомянутые и некоторые другие дела, окончательное решение которых затрудняется тем, что при обсуждении финляндских проектов с русской стороны отчасти выдвигались соображения, которые не могли быть предвидены при выработке проектов. Сенат осмеливается надеяться, что разногласия могли бы быть устранены или, по крайней мере, в существенной мере сглажены, если бы Ваше Императорское Величество соблаговолили Высочайше повелеть, чтобы дела эти подвергнуты были совместному рассмотрению совещания из русских и финляндских делегатов.

Уповая, что Ваше Императорское Величество Всемилостивейше примете в уважение существующие в Финляндии опасения, вызвавшие настоящее всеподданнейшее представление, Сенат пребывает с глубочайшим верноподданническим благоговением, преданностью и усердием.

Державнейший, Всемилостивейший Государь Император и Великий князь, Вашего Императорского Величества верноподданные и слуги.

Л. Мехелин, А. Нюберг, Г. Снельман, Э. Пальдани, О. Доннер К. Кастрен,
Э. Ельт[578], Р.А. Вреде, Ю. Нуммелин. К.И. Тимгрен К. Альмквист, В. Кюандер,
А.В. Гранстрем, К.Ф. Игнациус,
Ф. Шернваль, Г. Вильскман, Г. Лилиус, О. Шильдт, Т. Вегелиус, А. Дегергольм,
Гельсингфорс, 8 февраля 1908 года
Перевод проверен в учрежденной Императорским Сенатом
Проверочной комиссии
За главного переводчика помощник его Рингваль
[а-а]С подлинным верно: За управляющего делами Е. Нюман[а-а]

[а-а] *Вписано чернилами.*

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 78. Л. 3–8. Машинописный текст на листах большого формата. Пометы чернилами. Л. 10–12. Типографский текст в составе рассылочного материала (С. 3–7).

РНБ. Шифр: 135/300-79. Государственный совет. Материалы. Т. 79 [1]. С. 3–7.

№ 284. Речь тальмана П.Э. Свинхувуда при открытии Сейма

29 января (11 февраля) 1908 г.

Ваше Высокопревосходительство.

Новое народное представительство Финляндии собирается теперь на второй Сейм, чтобы приступить к своей ответственной задаче. Прежде всего Сейм посвятит свою работу обсуждению важных проектов реформ, которые будут ему переданы. Финский народ горячо желает осуществления этих реформ и надеется, что они будут содействовать мирному развитию наших внутренних условий.

После распущения последнего Сейма произошли события, вызвавшие сильные сомнения в нашем народе. Так на один из высших постов в нашей стране и притом еще в уклоняющемся от наших законов порядке назначено лицо, принимавшее деятельное участие в проведении режима, отмененного потом великодушно Императором и Великим князем Манифестом от 4-го ноября 1905 г.[579]

В некоторых политических кругах империи раздались против Финляндии обвинения, резко противоречащие истине и на основании этих обвинений предъявлены были требования с целью нарушения политического положения и общественного строя нашей страны.

Насколько безосновательны эти обвинения, настолько же ясно, что осуществление опирающихся на них требований послужило бы на гибель нашей стране.

Финский народ всегда с готовностью исполнял свои обязанности по отношению к империи, о чем может свидетельствовать минувший столетний период. Но он также знает и то, что унаследованный им от отцов и утвержденный Государями правовой порядок является необходимым условием беспрепятственного хода его внутреннего развития.

И финский народ уповает, что ему и впредь будет предоставлено жить под охраною этого порядка.

От лица Сейма приношу всеподданнейшие чувства уважения и верноподданности Его Императорскому Величеству Великому князю Финляндии.

Опубл.: Финляндская газета. 1908. 31 января (13 февраля). № 18. С. 1.

№ 285. Отношение вице-председателя Хозяйственного департамента Императорского Финляндского Сената Л. Мехелина Н.Н. Герарду о срочной отправке мемории Сената Императору Николаю II

29 января (11 февраля) 1908 г.

Ваше Превосходительство,

Я только что узнал из письма профессора Германсона, что Лангоф сегодня направляет Императору просьбу об аудиенции для доклада по финляндским делам.

Поскольку чрезвычайно важно, чтобы секретная мемория Сената (которую Ваше Превосходительство получили вчера в измененной редакции) была передана Его Величеству при этой оказии, осмелюсь просить Ваше Превосходительство соблаговолить отправить этот документ сегодня же, если это не имело места вчера.

В случае, если какие-либо обстоятельства помешают отправке почтовым поездом, т. е. до 7 часов, осмелюсь настаивать, чтобы Ваше Превосходительство соблаговолили послать курьера поездом в 19.50, который доставит меморию завтра утром в руки г-ну Лангофу.

Было бы слишком долго разъяснять здесь причины, почему я должен буду почесть настоящей катастрофой, если мемория, о которой идет речь, не попадет к Лангофу вовремя, т. е. завтра утром, чтобы быть представленной Императору на этой первой, уже запрошенной аудиенции.

Прошу Ваше Превосходительство принять мои заверения в совершенном уважении и искренней преданности.

Л. Мехелин

Гельсингфорс, 11 февраля 1908 г.

FA РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–3. Рукопись на листа, сложенного вдвое, со следами сгиба, на французском языке.

№ 286. Отношение № 253 министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофа председателю Совета министров П.А. Столыпину о представлении Финляндского Сената о порядке рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Великого княжества Финляндского в Особых совещаниях из русских и финляндских представителей[580]

1(14) февраля 1908 г.

Его превосходительству П.А. Столыпину

Милостивый государь

Петр Аркадьевич.

При отношении от 29 января (11 февраля) сего года за № 857, Финляндский генерал-губернатор препроводил ко мне для доклада Государю Императору, всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сената от 8 сего февраля по новому стилю относительно порядка рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Великого княжества, в Особых совещаниях из русских и финляндских представителей[581].

Предварительно всеподданнейшего доклада этого дела Его Императорскому Величеству имею честь, с приложением копий помянутых отношения и представления, покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить меня Вашим, милостивый государь, заключением по представленному Финляндским Сенатом ходатайству о том, чтобы некоторые дела по Финляндии, затрагивающие интересы империи, были повергнуты совместному рассмотрению в Совещании из русских и финляндских представителей.

Прошу Ваше превосходительство принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

А. Лангоф

№ 253[а]

1/14[а] февраля 1908 года.

Пометы: сверху слева чернилами: № 81 *Сверху справа синим карандашом*: 2 Ф/к СМр 3/II 908 г. *Снизу по центру*: № 8585.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 78. Л. 1–1 об., 9. Машинопись на листах большого формата с воспроизведением формуляра бланка «Статс-секретарь Великого княжества Финляндского». Подпись – автограф.

РНБ. Шифр: 135/300-79. Государственный совет. Материалы. Т. 79 [1].

[а] *Вписано чернилами.*

№ 287. Именные и Высочайшие приказы об увольнении Н.Н. Герарда с поста Финляндского генерал-губернатора и назначении вместо него В.А. Бекмана

2(15) февраля 1908 г.

[ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШИЕ УКАЗЫ, данные Правительствующему Сенату.]

1908 года, февраля 2-го. «Члена Государственного совета, Сенатора, почетного опекуна С.-Петербургского присутствия опекунского совета учреждений Императрицы Марии, действительного тайного советника Герарда Всемилостивейше увольняем, согласно прошению, от должности Финляндского генерал-губернатора с оставлением членом Государственного совета, сенатором, и почетным опекуном»[582].

2-го февраля. «Командиру 22-го армейского корпуса, генералу от кавалерии Бекману Всемилостивейше повелеваем быть Финляндским генерал-губернатором».

[ИЗ ВЫСОЧАЙШИХ ПРИКАЗОВ] [По гражданскому ведомству] 2-го февраля 1908 года. Увольняется, согласно прошению, член Государственного света, сенатор, почетный опекун С.-Петербургского присутствия опекунского совета учреждений Императрицы Марии, действительный тайный советник Герард от должности Финляндского генерал-губернатора с оставлением членом Государственного совета, сенатором и почетным опекуном.

[ИЗ ВЫСОЧАЙШИХ ПРИКАЗОВ] [По военному ведомству] февраля 2-го дня, в Царском Селе. Назначаются: по кавалерии: числящийся по армейской кавалерии и в списках Генерального Штаба, командир 22-го армейского корпуса, генерал от кавалерии *Бекман* – Финляндским генерал-губернатором*...

Опубл.: Финляндская газета. 1908. 5(18) февраля. № 20. С. 1.

№ 288. Сообщение «Финляндской газеты» о запросе октябристов в Государственную думу «о финляндских делах»[583]

5(18) февраля 1908 г.

Запрос по финляндским делам

Внесенный в Государственную думу 63-мя ее членами, преимущественно фракции союза 17-го окт., запрос о финляндских делах сводится к следующим предъявляемым председателю Совета министров вопросам: 1) Действительно ли Финляндский генерал-губернатор и министр статс-секретарь не подчиняются требованиям Высочайшего указа 19-го окт. 1905 г. в отношении порядка всеподданнейших докладов, лишь в редких случаях сообщая таковые доклады свои на предварительное рассмотрение председателя Совета министров. 2) По каким причинам выраженная еще в 1899 году Высочайшая воля о соединении Имперских дорог с финляндскими и о приспособлении последних к типу имперских дорог остается до сих пор неисполненной, несмотря на первостепенную важность этого дела в военном, политическом, экономическом и общественном отношениях; и действительно ли благодаря отсутствию надзора со стороны Министерства путей финляндские дороги не могут пропустить подвижной состав имперских. 3) Были ли со стороны председателя Совета министров принимаемы меры против незакономерных действий, а также бездействия и медлительности подлежащих властей для установления законного порядка и предохранения государства от ущерба.

Опубл.: Финляндская газета. 1908. 5(18) февраля. № 20. С. 2.

---

* *Далее о других назначениях.*

№ 289. Обзор финской печати с реакцией на запрос октябристов в Государственную думу, опубликованный в «Финляндской газете»

5(18) февраля 1908 г.

Местная печать о запросе по финляндским делам

Внесенный в Государственную думу запрос по финляндским делам вызвал в местной печати большую тревогу. Уже первые слухи о запросе отражались в газетах обширными статьями и сообщениями. Опубликование текста запроса еще усилило тревогу, хотя авторы запроса категорически заявили, что, по их убеждению, дарованные Финляндии особые порядки внутреннего управления должны остаться нетронутыми. Общий тон местных газет – необходимость борьбы за финляндскую обособленность. Старофинская печать согласна удовольствоваться пассивным сопротивлением; шведская печать идет дальше и готова искать союзников среди русских революционеров.

В № 39 от 16-го февраля н. ст., в передовой статье «Uusi Suometar» пишет: «Никогда еще Финляндия не обращала на себя усиленного внимания империи как в настоящее время, и в этом отношении положение с каждым днем обостряется сильнее и сильнее. Чем вызван интерес к положению нашей страны, это всем известно. В широких и влиятельных русских сферах признано, что отношение Финляндии к империи ненормально, ложно и при нынешних обстоятельствах невозможно».

Поместив текст запроса, газета продолжает: «Посторонним людям, ненаходящимся в курсе правительственного дела, невозможно заблаговременно угадать, насколько эти мероприятия со стороны русских могут быть опасными как для положения нашей страны, так и для основного уклада нашего народа. Но едва ли можно сомневаться в том, что все это предвещает мало хорошего; напротив, чувствуется, что почва под ногами нашего народа колеблется».

«Ввиду таких обстоятельств приходится теперь много говорить о том, умели ли мы – сами финны, или те лица и группы, в руках коих находится власть и которые довели дело до настоящего положения, править политическим кораблем так, чтобы с нашей стороны было сделано все возможное, чтобы предотвратить эти многие и большой важности надвигающиеся опасности; давали ли мы им настоящий своевременный отбой? была ли наша мудрая политика поставлена в этом трудном международном(?) политическом вопросе так, что внутреннее положение нашей страны готово встретить опасность? Ни для кого не секрет, что суометарьянская партия в настоящее время не может ответить на эти вопросы в положительном смысле, так как она была устранена от воздействия на политическое течение». «Но оставив это в стороне, зададимся вопросом, что от нас требуется теперь и что требовалось прежде для ведения прямой действительной политики? На это прежде скажем, что только не культурный и неработоспособный народ может сидеть сложа руки, когда на него готовятся напасть с стремительной силой и отнять у него то, что у него имеется самое дорогое, самое ценное на земле сей. Народ, который достиг некоторой самостоятельности, обязан употребить весь свой ум и опыт, чтобы оградить эту самостоятельность от посягательства».

«Но задача эта для нас финнов при настоящем положении слишком сложна и трудна, ибо у нас не имеется никаких внешних средств, ни в международном, ни в политическом отношениях, чтобы отразить надвигающуюся грозу; хотя это самое ничуть не снимает с нас обязанности выдвинуть наружу пассивное сопротивление».

«Естественно, что задача пассивного сопротивления прежде всего и главным образом падает на местное финляндское правительство. Какова программа в этом отношении нашего Сената, что он с этою целью подготовил и выработал, и в каком направлении намерен действовать, – это никому из непосвященных в нашу правительственную политику неизвестно. Два дня тому назад главный орган нашего правительства, выясняя положение, откровенно заявил, что положение очень печально. Печальное положение прежде всего заключается в том, что сферы, ближе всего стоящие к Сенату, решительно ничего не знают, что впереди имеет в виду Сенат. А это самое дает повод сомневаться, действительно ли Сенат намерен что-либо предпринять, есть ли у него изготовленная определенная программа и план бу-

дущих действий»? Хотя этого одного мало. «Программа и план, представляющие действительное положение вещей, должны сейчас же вести к практическому осуществлению своей цели. Что наше местное правительство не сознает настоящей сути указанной программы, об этом суометарианской партией прямо и откровенно много раз было высказано. Поставив себя в затруднительное положение, Сенат дал повод сомневаться в нем не только финскому народу, но, как нам известно, и в империи во многих высших сферах на него стали смотреть косо и выражать недоверие».

«Как же быть теперь?» – спрашивает в заключение «Uusi Suometar», и отвечает: «До тех пор, пока нынешний Сенат правит страной, на нем должна лежать и вся тяжелая ответственность за последствия его правления. Народ в праве этого требовать».

«Hufvudstadsbladet», № 46, от 16-го февраля н. ст., констатирует «исполнение предсказания одного высокопоставленного русского сановника», который несколько лет тому назад говорил, что финляндцы напрасно возлагают надежду на парламентски управляемую Россию». Об этом, по мнению газеты, говорит запрос, предъявленный представителями партий большинства Гос. думы. «Все указывает, что вскоре новая гроза разразится над нашей страной. Раньше напор на финляндскую автономию исходил от могущественной, но не особенно многочисленной бюрократической группы, власть которой не могла быть продолжительна». Теперь «против финляндской государственной обособленности выступили не "ташкентцы", но партии большинства русского народного представительства», – причем газета не находит возможным приравнять умеренных правых и октябристов к «черносотенцам». – «Ясно, что направление, разделяемое собранием представителей русского народа и значительными слоями населения, далеко серьезнее, прочнее и внушительнее, – что с ним труднее бороться, чем в том случае, если бы оно было представлено только бюрократической группой, хотя бы и широко разветвленной». Газета не видит даже оснований ожидать, чтобы «последующие Думы, хотя и более прогрессивные», оказались менее национальными. «Именно то обстоятельство, что открытый ныне в Гос. думе поход против Финляндии состоит в связи с пробуждением национальных стремлений русского народа, делает положение столь серьезным, а виды на будущее столь мрачными. Было бы легкомыслием отворачиваться от этих фактов и бояться взглянуть прямо в глаза опасности, какова она есть».

Чтобы «успешно выдержать приближающуюся бурю», финляндский народ «должен приложить всю свою моральную силу сопротивления. Нельзя к сожалению отрицать, – продолжает газета, – что благодаря партийному разброду, племенной и классовой борьбе, мы теперь хуже вооружены для встречи испытаний, чем прежде. Ближе всего, само собою, подобает Сейму представлять интересы нашего народа и защищать наше право.

Надо надеяться, что Сеймовые партии объединятся для общего выступления, коль скоро дело идет о противодействии опасности извне. Ответственность падает, естественно, прежде всего на обе крупнейшие партии, – те, которым народ оказал наибольшее доверие; им нужно теперь доказать, насколько они отвечают этому доверию. Не подлежит сомнению, что социалисты готовы всеми силами защищать нашу автономию; но другой вопрос – согласны ли они соблюдать благоразумие, политический такт и самообладание, несомненно требуемые положением. Относительно суометарьянцев должно спросить: «можно ли их заставить отодвинуть в сторону пред величием задач свои партийные выгоды и свое преобладающее властолюбие. Наконец: склонны ли две сильнейших партии палаты работать вместе с нынешним конституционным правительством, так сильно осужденным?» На эти вопросы газета желает скорого ответа. «Последнюю же надежду» она возлагает на «лучшие элементы» русского народа, не определяя их яснее.

«Источником доходов для империи» Финляндия, по мнению шведской газеты, никогда не может быть; ее значение – стратегическое, требующее, чтобы население «было довольно своим положением и чувствовало выгоды соединения с Россией».

«Nya Pressen», № 13 от 11-го февраля н. ст. называет запрос «политическим фарсом» (en storpolitik fars), видит в нем «не что иное, как покушение на финляндскую конституцию путем произвольных ее ограничений». Лучший способ «поддержания идеи государственного единства» в отношении Финляндии состоит, по словам газеты, в «лояльном соблюдении

пути, начатого Александром I». Отвергая все содержание запроса, будто бы свидетельствующего о «полнейшем невежестве или явном пренебрежении к финляндским законам», газета говорит: «Буря, возбуждаемая ныне против Финляндии, во многих частях является грубым политическим фарсом ввиду невежества, дерзости, политической и нравственной неустойчивости многих участников. Когда такая личность, как черносотенец Пуришкевич[584], может занять в этой кампании руководящую роль, а с ним старые Бобриковские ташкентцы (?)*, то понятно, какие мотивы скрываются за всем этим. Наша страна однажды уже поборола успешно черносотенное нашествие; в будущем, близком или отдаленном, она добровольно не дастся в эксплуатацию карьеристам того калибра, какие теперь неустанно стараются создать из единственной части русской империи, где царит законный порядок, такой же очаг тревоги, какой имеется в их пределах. Но во имя здравого рассудка мы еще надеемся, что ответственные сановники сумеют в действительных интересах империи задавить в зародыше покушение, подготовляемое теперь неответственными публицистами и погромщиками против Финляндии и с нею – всей империи». Считаем полезным отметить, что запрос предъявлен конституционалистами, октябристами и умеренными, и не имеет ничего общего с «ташкентцами» и «погромщиками».

«Wiborgs Nyheter» высказывается определеннее гельсингфорсских газет. В № 35 от 12-го февраля н. ст. она пишет: «Третья Дума – Дума официальной России, как зовут ее не без оснований – очень скоро оправдала дурные предчувствия народностей в империи и Великом княжестве с самого ее созыва. Третья Дума не хочет дать народам, живущим в когтях двуглавого орла, права самим определять свои судьбы, тогда как обе ее предшественницы охотно признавали необходимость полной внутренней свободы для покоренных стран. Народности должны быть скованы теми же тяжелыми цепями, в какие закован русский народ, точно каторжники в рудниках». Октябристы, «насчитывая у себя многих в европейском смысле либеральных людей», «под двусмысленным предлогом защиты общегосударственных интересов, теперь вооружившись ложью, вероломством и насилием, собираются снова угнетать» финляндцев. Особенно опасно, по мнению газеты, именно отсутствие гарантий, что и «конституционная Россия не откажет народностям в праве самоопределения». Раньше финляндцы «были убеждены, что в борьбе за свою национальную свободу» не встретят «против себя русского народа, а скорее станут биться вместе с ним против общих врагов, Самодержавия и бюрократии». Теперь, встретив против себя «национализм в уборе общегосударственных интересов», финляндцы должны искать «союзников» для борьбы. Раньше они «питали симпатии к кадетам»; левее кадет стоящие партии «отталкивали их своими насилиями и революционными социальными программами». Теперь они «не желают иметь ничего общего с русским конституционализмом», должны «искать сближения и содействия с элементами русского освободительного движения».

Опубл.: Финляндская газета. 1908. 5(18) февраля. № 20. С. 1–2.

№ 290. Отношение профессора Э.Н. Берендтса помощнику управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве с замечаниями на Особый журнал Совета министров от 22 января 1908 г. о порядке направления финляндских дел[585]

21 февраля (5 марта) 1908 г.

Многоуважаемый Николай Вячеславович.

По поводу возвращаемого при сем Особого журнала Совета министров 22 января 1908 г. имею честь заметить следующее:

* *Так в тексте.*

Предположенное переложение обязанности сообщать все законодательные предположения по Финляндии Совету министров с министра статс-секретаря на генерал-губернатора едва ли менее будет служить появлению «нежелательных осложнений в области управления Финляндией на почве нарушения будто бы Россией того уклада управления, которым эта окраина по Всемилостивейшему изволению русских ГОСУДАРЕЙ доныне пользовалась». Наоборот – финляндцы еще более будут кричать, если поставят под опеку генерал-губернатора, председателя Сената, нежели если станут опекать министра статс-секретаря. Не следовало бы забывать, что финляндцы смотрят на генерал-губернатора как на орган **финляндского управления**. В их глазах – его положение выше положения министра статс-секретаря.

Жаль, что Совет министров не согласился с П.А. Столыпиным. Имею к Вам просьбу: мне нужно уехать на 6 дней в Эстляндию.

Не откажите в уведомлении – могу ли я уехать сегодня вечером, не опасаясь, что меня потребует П.А. Столыпин. В начале марта я назначаюсь членом совета Главного управления по делам печати. Следовательно, мне остается только короткое время свободы.

Мой адрес с 21 по 24: Станция Асс, имение Афор, с 24 по 26: Юрьев (Лифлянд. губ.) Профессор Э[а]. Берендтс, Звездочная улица, № 10.

Пользуюсь случаем просить Вас принять уверение в глубоком почтении и преданности

Ваш покорный слуга Э[б]. Берендтс

1908. 21/II

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 223. Машинописный текст. Л. 224–225. Рукопись черными чернилами на линованном листе, сложенном вдвое. Д. 89. Л. 161. Машинопись с рукописными пометами (заверенная Плеве). Д. 66. Л. 416. Машинопись. Л. 417а. Машинопись (2 экз.).

№ 291. П.В. Плеве. Замечания на всеподданнейшее представление Сената о порядке рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Финляндии[586]

23 февраля (7 марта) 1908 г.

Замечания
на всеподданнейшее представление Сената о порядке рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Финляндии

I

Всеподданнейшее представление Финляндского Сената от 8 февраля сего года о порядке рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Финляндии, вызывает ряд серьезных сомнений.

Прежде всего нельзя не заметить, что почтительный и лояльный тон представления совершенно не отвечает внутреннему содержанию этого документа и тем взглядам, которые в нем выражены. Так относительно существа политических отношений, существующих между империей и Финляндией, Сенат заявляет, что 17/29 марта 1809 г. завершено было соединение Финляндии с империей» (стр. 10).

Эта теория соединения или унии, весьма настойчиво проводимая нынешним Сенатом и нашедшая себе наиболее полное выражение в разработанном им проекте новой Формы правления для Финляндии, стоит в прямом противоречии не только с разумом ныне действующих Основных государственных законов, но и со всем ходом исторических событий.

[а] *в машинописи (Д. 66)*: А.

[б] *в машинописи (Д. 66) отсутствует.*

Согласно статье 2 упомянутых законов, Великое княжество Финляндское составляет нераздельную часть Российского государства и, следовательно, не может быть рассматриваемо иначе, как в качестве его инкорпорированной провинции, присоединенной по праву завоевания, но отнюдь не в качестве самостоятельной государственной единицы, добровольно вступившей в какие-либо договорные отношения с Россией (соединение, уния). В статье IV Фридрихсгамского трактата 5 сентября 1809 г., по которому шведский король Густав отказался от Финляндии в пользу Российской империи, указанная точка зрения выражена вполне определенно и ясно: «Губернии сии, – говорит означенная статья, – будут отныне состоять в собственности и державном обладании империи Российской и к ней навсегда присоединяются». Неоспоримо конечно, что произволением Императора Александра I за Финляндией был сохранен весь прежний уклад ее жизни, и что вновь покоренному краю было дано широкое внутреннее самоуправление. Но это самоуправление, признание которого сохранено и в нынешней редакции статьи 2 Осн. Гос. Зак., вовсе не предполагает особой государственности Великого княжества Финляндского – недопустимой ни юридически, ни с точки зрения жизненных интересов России[5].

Высказывая далее свои замечания по поводу журналов Совета министров по законопроектам о порядке приобретения уроженцами империи прав финляндского гражданства и о свободе печати, Финляндский Сенат совершенно замалчивает то обстоятельство, что оба эти журнала удостоились Высочайшего утверждения (первый 19 августа и второй – 15 сентября минувшего года), и что посему заключительные предположения Совета министров приобрели уже силу и святость закона. Таким образом, критикуя эти предположения, Сенат, в сущности, выступает с критикой Высочайшей власти, санкционировавшей мнение Совета. И если наряду с сим Сенат объявляет (по делу о печати) предложенный Советом способ действия (т. е. издание временного административного постановления по сему предмету) «нарушающим Основные законы», причем указывает, что «финляндское правительство очевидно не имеет права стать на сторону подобного рода требования» – то такое заявление не может быть понимаемо иначе, как в смысле открытого отказа подчиниться Высочайшей воле[6].

В заключительной части рассматриваемого отдела Сенат замечает, что «за последнее время русские издания официального значения содержали статьи, свидетельствующие о **недоброжелательности и подозрительности** по отношению к финляндскому правительству и о **неправильном понимании** правового положения Финляндии». Такой упрек по адресу официальных изданий, очевидно, является замаскированным упреком самому правительству, укоряемому в недоброжелательных чувствах к финляндскому краю и в непонимании Основных государственных законов. Что же касается последующей за сим фразы о том, что «при этом высказывались мнения, отчасти однородные с политическими теориями, которые **проповедовались в 90-х годах** и которые стали осуществляться при режиме генерал-губернатора Бобрикова, навлекшим столь большие несчастия на Финляндию и **создавшим также затруднения для империи**», то в этих словах Сената нельзя не усмотреть едва прикрытой угрозы правительству, на случай если бы оно стало настаивать на исполнении своих требований.

---

[5] *Далее зачеркнуто*: До тех пор, пока взгляды, претендующие на признание за Финляндией отдельной государственности, находили себе отражение лишь в повседневной печати и в словесных заявлениях некоторых лиц, – правительство империи могло оставаться безучастным зрителем совершающегося. Но когда подобные притязания находят себе место уже и в официальных документах, притом предназначенных для личного рассмотрения Его Императорского Величества, правительство вправе открыто заявить, что оно находит их недопустимыми и требующими категорического осуждения.

[6] *Далее зачеркнуто*: Подобный отказ в официальном документе свидетельствует о совершенно революционном настроении Сената и дает все поводы для придания его личного состава Верховному суду.

Вышеизложенное приводит к убеждению, что составленное в подобном смысле представление Сената вовсе не подлежит докладу Его Императорскому Величеству, как акт, по содержанию своему совершенно исключительный и недопустимый[в].

II

Переходя, за сим, к существу обвинений, предъявленных Сенатом к Совету министров, надлежит указать, что общим недостатком предположений Совета по всем рассмотренным им делам является, по мнению Сената, требование разрешения их в порядке, несовместимом с финляндскими Основными законами (стр. 5). В частности, по делу о перечислении русских уроженцев в Финляндию Сенат признает неправильным преподанное министру внутренних дел поручение перенести законопроект по сему предмету на рассмотрение русского народного представительства, так как упомянутый проект служит основою **финляндского** законодательного акта, и постановление по сему предмету может быть издано Монархом **без участия Сейма**. Поэтому предметом Императорского законодательного акта могут стать только те положения, коими определяются последствия приписки русских уроженцев в Финляндии по отношению к некоторым специальным правам, принадлежавшим им в империи, например – правам сословным.

Приведенные возражения Сената нельзя признать обоснованными. Согласно статье 2 Осн. Гос. Зак., особый (финляндский) порядок движения дел законодательных применяется исключительно к вопросам внутреннего для Финляндии значения. На этом основании все законодательные предположения, не имеющие этого специального характера и касающиеся также интересов империи (а в их числе, следовательно, и законопроект о перечислении), должны быть направляемы не иначе, как в общем порядке, то есть через Государственную думу и Государственный совет. С этой точки зрения Высочайшее повеление 19 августа 1907 года, состоявшееся по журналу Совета министров, должно быть признано правильным и закономерным – по крайней мере до тех пор, пока ст. 2 Основных государственных законов не будет установленным порядком изменена. Что же касается соображений Сената о том, что данный вопрос, по законам Финляндии, относится к числу дел административного законодательства и не требует участия народного представительства, то эти доводы не являются в данном случае идущими к делу. Разграничение областей административного и Сеймового законодательств применимо лишь к внутренним делам Финляндии и не может быть распространяемо на дела **общегосударственного значения** (к числу которых принадлежит и настоящий вопрос). Дела этого последнего рода Его Императорскому Величеству угодно было, силою статьи 2 Основных государственных законов, подчинить общему порядку рассмотрения, совершенно независимо от того, к какой законодательной сфере, административной или Сеймовой, они должны были быть отнесены, если бы сии дела касались исключительно одной Финляндии.

Не более убедительными представляются замечания Сената и по рассмотренному Советом министров законопроекту о свободе печати в Финляндии. В этом отношении Сенат находит состоявшееся повеление ему выработать проект временного административного постановления о печати нарушающим требования Основных законов, так как законодательство о порядке пользования свободою печати, согласно Основному закону 20 августа 1906 года, требует участия Сейма. Сенат забывает при этом, однако, что это требование совершенно разделяется и Советом министров и никогда им не отрицалось. Если же Совет выступил в данном случае с предложением принять административную меру, то таковое предложение было сделано им ввиду исключительности положения и только на время, так как, вследствие отмены предварительной цензуры Манифестом 1905 года и полного

[в] *Далее зачеркнуто*: Если бы, однако, правительство не усмотрело поводов для предания Финляндского Сената Верховному суду или для увольнения его, в полном составе, в отставку, то единственным ответом на настоящее представление являлось бы возвращение его обратно для немедленной переработки.

бездействия Сената (журнал стр. 16), законодательство о печати в Финляндии оказалось в весьма дефектном состоянии. Восполнить эти дефекты должен был именно проектируемый временный закон; издание же его вызывалось необходимостью, ибо принятый Сеймом законопроект, как состоявшийся с нарушением правил Выс. пост. 1 августа 1891 г. и не отвечающий интересам империи, был признан со стороны правительства неприемлемым. Между тем утверждение столь важного законопроекта как настоящий, в редакции, представляющейся с точки зрения правительства неприемлемой, могло бы грозить в будущем более чем серьезными осложнениями. Сеймовое законодательство, требующее согласия двух сторон – Монарха и народного представительства, – является по своей конструкции наиболее сложным и наименее легко поддающимся каким-либо изменениям. Вследствие этого весьма легко могло бы случиться, что все попытки правительства, направленные к изменению тех или иных параграфов раз утвержденного закона о печати, встретили бы себе упорное сопротивление со стороны Сеймовых депутатов, имеющих по закону полную возможность ответить отказом на всякое предложение правительства в упомянутом смысле. Ввиду сего и признавая совершенное законодательство о печати в Финляндии страдающим многими пробелами, Совет находил настоятельно необходимым испросить Высочайшее повеление Сенату выработать временные правила о печати, имеющие быть изданными в порядке административного законодательства и подлежащие соблюдению впредь до того времени, пока Сеймом не будет принят законопроект по сему предмету, приемлемый с точки зрения правительства.

По этому поводу представляется уместным отметить, что состоявшимся по журналу Совета министров Высочайшим повелением от 15 сентября 1907 года Сенату поручено представить упомянутый законопроект «в скорейшем, по возможности, времени». Между тем, это Высочайшее повеление не только не приведено Сенатом в исполнение до сего дня, но, как видно из заявлений Сената (стр. 7 представления), **не будет им исполнено вовсе**.

III

В заключительной части своего представления Сенат ходатайствует о Высочайшем повелении, чтобы дела, касающиеся как Великого княжества, так и империи подвергались впредь совместному рассмотрению Совещания из русских и финляндских делегатов. Не останавливаясь на употребленном со стороны Сената тенденциозном выражении «делегатов», уместном лишь в отношении совещаний международного состава и значения, и обращаясь к обсуждению проектируемой меры по ее существу, нельзя не указать, что предположение об этом уже имелось в виду со стороны Особого совещания[г] и по всестороннем обсуждении было им всецело отвергнуто. Мысль об учреждении Особого совета для обсуждения финляндских законопроектов, касающихся интересов империи, неоднократно возникала и раньше и близка была к практическому исполнению весною 1906 года, когда Высочайше учрежденное под председательством статс-секретаря графа Сольского Совещание (образованное для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений) проектировало поднести к Высочайшему Его Императорского Величества подписанию Указ об учреждении Комитета по делам, касающимся общих интересов империи и Великого княжества. Однако предположения совещания графа Сольского не получили осуществления вследствие предъявленных Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем настоятельных о том, чтобы ввиду возбуждаемого ими предположениями волнения в Финляндии они переданы были на обсуждение Финляндского Сената. Оценивая же упомянутую меру по существу, Особое совещание находило, что в тех случаях, когда в имперских учреждениях вырабатывается мера, имеющая быть приведенною в действие и в Финляндии, участие финляндских членов может принести известную пользу по ближайшей осведомленности их в местных условиях края. Опыт указывает, одна-

[г] *Вписано чернилами*: Высочайше учрежденного осенью 1907 г. для распоряжения некоторых финл. дел.

ко, что при всей кажущейся бесспорности этого положения, практическое его осуществление в виде неоднократно созывавшихся смешанных из русских и финляндских членов Комиссий не приводило к благополучным результатам. Подобного рода смешанные коллегии вели в действительности не к согласованию взаимных интересов империи и Финляндии, а к резкому их противопоставлению и не достигали своей цели, создавая лишь тягостные осложнения в ходе подлежащих дел. Причины этого явления понятны и кроются в том, что смешанные коллегии, не обладая решающею властью, не имеют побудительных оснований путем взаимных уступок приходить к соглашению, всегда рассчитывая, что Высшая воля Монарха решит дело во всем его объеме так, как этого желает та или другая сторона. [...] Тогда же, когда вопрос идет лишь о том, чтобы дать по выработанному финляндцами проекту заключение русских властей, участие финляндских членов не вызывается никакими соображениями. В таких случаях, с точки зрения имперских интересов, учреждение смешанной Комиссии излишне, так как при рассмотрении вопроса о том, насколько данный законопроект соответствует нуждам империи и согласуется с нормами действующего в ней законодательства, нет надобности в участии представителей Финляндии. С другой же стороны, участие последних не требуется и для освещения дела с точки зрения нужд и интересов Финляндии, ибо каждый финляндский законопроект, разработанный в местных учреждениях при содействии местных сил, уже по одному этому должен быть всецело приурочен к интересам края. Наконец, нельзя не заметить, что при истребовании заключений от имперских ведомств, постоянное участие финляндских представителей недопустимо еще и потому, что оно могло бы ставить имперские ведомства в неудобное положение вырабатывать свои заключения по финляндским делам совместно с финляндцами, в то время как финляндские проекты вырабатываются без всякого участия представителей имперских ведомств. По всем приведенным основаниям Особое совещание высказалось против учреждения смешанных коллегий для оценки финляндских законопроектов с точки зрения русских интересов и полагало, что эта обязанность может принадлежать единственно имперским ведомствам, объединенным ныне в лице Совета министров, в заседания коего по этим делам мог бы приглашаться в потребных случаях Финляндский генерал-губернатор (Учр. Св. Мин., изд. 1906 г., ст. 8).

Пометы: Сверху справа: Доверительно. *Снизу*: № 8584

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 78. Л. 29–36. Машинописный текст. Л. 37–40. Типографский текст с штампом: № 30.

№ 292. Письмо Императора Николая II председателю Совета министров П.А. Столыпину о докладе Финляндского генерал-губернатора Бекмана и необходимости роспуска Сейма

7(20) марта 1908 г.

Только что получил от ген. Бекмана прилагаемый доклад. Ему, конечно, виднее на месте значение и последствия предлагаемой им меры[587].

Поэтому я думаю согласиться на роспуск Сейма[588]. Но предварительно желаю знать ваше мнение, которое прошу прислать мне завтра, во вторник.

7 марта 1908 г.

Опубл.: Красный архив. 1924. № 5. С. 18.

№ 293. Отчет Финляндского Сената о прениях на Сейме по вопросу о политическом положении в Финляндии

17(30) марта 1908 г.

Копия с перевода

ДЕРЖАВНЕЙШИЙ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Состоявшееся 27 сего месяца на Сеймe Финляндии обсуждение дела о некоторых запросах привело к такому результату, что Сенат считает долгом всеподданнейше представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ особый отчет об этом деле.

Запросы были внесены по поводу тревожных известий из С.-Петербурга. Распространились слухи, что нападки, беспрерывно появлявшиеся долгое время в некоторой части русской повременной печати в видах возбуждения недоверия не только к финскому народу вообще, но в особенности также к генерал-губернатору Герарду, министру статс-секретарю Лангофу и Финляндскому Сенату, постепенно нашли отклик в обширных кругах и что в известных политических группах требуют ограничения автономии Финляндии. Слухи эти, по-видимому, были подтверждены тем обстоятельством, что относительно разных вопросов, касающихся Финляндии, возбуждены были запросы в Государственной думе.

В внесенных на Сеймe запросах выражались опасения, что отмеченные выше взгляды могут оказать вредное для Финляндии влияние: они сводились к вопросу, что сделано Сенатом для ограждения страны от такой опасности.

Вице-председатель Хозяйственного департамента Сената в ответ на это привел обстоятельства, которые, казалось бы, должны были успокоить выраженные опасения, и в сих видах в особенности указал на то, что со стороны имперского правительства не возбуждено никакого проекта, направленного к нарушению Основных законов Финляндии. Дело передано было в Сеймовую комиссию Основных законов для составления проекта мотивированного перехода к очередным делам. Заключение Комиссии с приложенными к нему тремя особыми мнениями поступило на рассмотрение Сейма 27 марта.

В самом заключении не предлагалось вдаваться в суждение образа действий Сената по данного рода делам, а выражены были те принципы, которых придерживаются в Финляндии по вопросу об отношениях края к империи. В двух особых мнениях, однако, было проектировано, чтобы Сейм высказал порицание Сенату. Старофинская партия поддерживала одно из этих мнений, в котором утверждалось, что деятельность Сената для достижения потребного разрешения спорных вопросов между империею и Финляндией была неудовлетворительна.

Это особое мнение при первом голосовании было отклонено. Таким образом при окончательном голосовании поставлены были на голоса заключение Комиссии и особое мнение социал-демократов. Члены старофинской партии в числе около 60 воздержались от голосования после того, как вследствие уклонения их от голосования, забаллотирована была также формула простого перехода к очередным делам, и доставили этим победу социал-демократам, которые располагали 71 голосом, против 47 голосов младо-финской и Шведской народной партий. Хотя 71 голос социал-демократов составляют меньшинство Сейма, они таким образом все-таки решили дело. Такой исход, против которого обе последние партии заявили протест в протокол Сейма, вызывает живейшее сожаление, – не потому, что в дополнении, которое, согласно особому мнению социал-демократов, имеет быть приложено к заключению Комиссии, высказывается страстное порицание Сената, но по той причине, что остальное содержание положений, которыми мотивируется это порицание, должно произвести впечатление крайне необдуманного поведения и совершенного непонимания требований настоящих политических условий.

Сенат решается всеподданнейше утруждать ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО вышеприведенным изложением дела, в надежде, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволите усмотреть, что эксцентричные ут-

верждения, содержащиеся в состоявшемся таким образом решении, отнюдь не выражают образа мыслей большинства Сейма.

Понятно, что общее избирательное право при первом его применении могло открыть доступ в Сейм сравнительно большому числу депутатов, недостаточно компетентных для выполнения задач Сейма. Но Сенат по-прежнему уверен, что общее избирательное право постепенно будет осуществляться с бóльшим пониманием дела и самостоятельностью. Не подлежит также сомнению, что глубокие слои народа были бы в большей степени восприимчивы к опасным воздействиям, если бы они еще были лишены политических прав, которые пробуждают в них сознание гражданской ответственности и интерес к общему благу. При суждении о деятельности Сейма в нынешнем его составе не следует также упускать из виду, что хотя резкое партийное дробление, составляющее наследие минувшего времени, затрудняло разрешение некоторых законодательных вопросов и вызывало сильные пререкания, в особенности по поводу обращенных к правительству запросов. Сейм все-таки в общем отнесся к своим задачам и разрешил их в благоприятном для развития края смысле. В многочисленных, возбужденных на Сейме проектах всеподданнейших петиций проявляется живое стремление поощрять духовное и материальное развитие и провести разного рода гуманитарные мероприятия. Таким образом, правительству доставляются многосторонние разъяснения о подлежащих устранению недостатках и о желаниях народа. В этом отношении благотворное значение общего избирательного права уже теперь подтвердилось.

Сенат считает долгом в связи с сим выразить мнение, что тревожное беспокойство, овладевшее страною вследствие вышеупомянутых слухов об угрожающих опасностях, уступит место более спокойному настроению, если ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно будет ВЫСОЧАЙШЕ повелеть, чтобы в скором времени созвано было Совещание из русских и финляндских делегатов, которые, согласно всеподданнейшему представлению Сената от 8 февраля сего года, подвергли бы обсуждению средства к урегулированию разных, важных для Финляндии вопросов, не получивших разрешения вследствие замечаний со стороны Совета министров.

По мнению Сената, для правильного и благоприятного хода законодательных работ важно, чтобы между правительством и Сеймом существовали удовлетворительные отношения. Не таково, однако, положение дел в настоящее время, как усматривается в особенности из вышеописанного заседания Сейма, на котором обе оппозиционные партии, старофинская и социал-демократическая, старались, хотя и на разных основаниях, провести выражение недоверия Сенату. Сенат признал нужным обсудить, не представляется ли желательным в интересах законодательного труда, чтобы состав Хозяйственного департамента подвергнут был такому изменению, которое обеспечивало бы лучшие отношения к Сейму. Вследствие сего члены Хозяйственного департамента считают долгом, не выжидая исхода трехлетнего периода, на который ВЫСОЧАЙШЕ назначены нынешние сенаторы, всеподданнейше предоставить свои должности в распоряжение ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, донося в то же время, что дело это не касается Судебного департамента Сената. Одновременно с сим соответственное уведомление сообщено генерал-губернатору, дабы предоставить ему возможность составить в намеченном смысле проект измененного состава Хозяйственного департамента Сената. Нижеподписавшиеся, вице-председатель и члены Сената, не преминут затем установленным порядком подать всеподданнейшие прошения об увольнении в отставку.

Сенат пребывает с глубочайшим, верноподданническим благоговением, преданностью и усердием.

ДЕРЖАВНЕЙШИЙ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ,
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
верноподданные и слуги

Л. Мехелин, Ф. Шернваль, О. Шильдт, Э. Ельт, К.Ф. Игнациус, Г. Лилиус,
К. Кастрен, А. Нюберг, О. Доннер, Т. Вегелиус, А. Дегергольм
Гельсингфорс. 30 марта 1908 года

Перевод проверен в учрежденной ИМПЕРАТОРСКИМ Сенатом Проверочной комиссии.

Главный переводчик Гейдеман

[a-a]С подлинным переводом верно.

Временно управляющий делами Финляндской Его Императорского Величества канцелярии Нюман[a-a]

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2386. Машинопись на полулистах большого формата, сшитых тесьмой в тетрадь, с водяными знаками: изображение грифона на сундуке, текст: Original Ligat Mills.

№ 294. Особый журнал Совета министров по вопросу о роспуске ныне собранного очередного Финляндского Сейма[589]

18(31) марта 1908 г.

Особый журнал Совета министров 18 марта 1908 года

По вопросу о роспуске ныне собранного очередного Финляндского Сейма

Впервые собранный весною 1907 года на основании нового Сеймового Устава Финляндский Сейм, ныне заседающий во второй сессии, неоднократно проявлял в своей деятельности неуместное отношение свое к мероприятиям высшего правительства. Так, при открытии 30 января текущего года нынешней сессии тальманом Сейма Свинхувудом, в ответ на милостивое приветствие ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, переданное Сейму генерал-губернатором, была произнесена речь, заключавшая в себе недопустимое осуждение последовавшего незадолго перед тем назначения на пост помощника Финляндского генерал-губернатора генерал-майора Зейна, а также несколько резких замечаний по поводу последних требований правительства. Мало того, в заключительной части своей речи, посвященной ответному приветствию со стороны Сейма, тальман позволил себе умалить принадлежащий ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ титул и тем оказал неуважение к Священной Особе МОНАРХА.

Новым выражением настроений, господствующих на Сейме, является состоявшееся в ночь с 14 на 15 марта сего года Постановление, по силе коего большинством 71 голоса социалистов против 47 голосов Шведской партии младофиннов, при воздержавшихся от голосования представителях старофинской партии, выражено в резкой форме недоверие Сенату за его уступчивость требованиям имперских властей, в особенности в отношении мер, принимаемых против русских революционеров. Означенное Постановление гласит буквально следующее: «Переходя к очередным делам, Сейм высказывает, что нынешний Сенат, который с самого начала не пользовался доверием широких слоев народа, не только упустил взять на себя, сообразно с своим непременным долгом, почин наиболее необходимых реформ, но и тормозил их; который, соблюдая в своих административных мероприятиях образ действий, направленный против пролетариата страны и для него притеснительный, помешал большинству народа собрать внутренние силы для отражения новых внешних испытаний; который оскорбил поддерживающую наши права часть русского народа тем, что допустил аресты, высылку и предание административным уголовным судам не только таких русских, кои оказались виновными в политических преступлениях под влиянием административного терроризма, но и других русских граждан, принадлежащих к партиям сопротивления; который далее, проявляя опасную уступчивость, подчинялся требованиям,

[a-a] *Вписано внизу страницы.*

предъявленным русской реакцией и содержащим ограничение прав нашего народа на самоопределение, и, сближаясь с реакцией, не исполнил своего непременного долга в борьбе за права нашего народа, – таким образом показал, что он не в силах отразить нападки, снова обращаемые русской реакцией против внутренней независимости нашей страны и свободы нашего народа». (Финляндская газета. № 40).

Финляндский генерал-губернатор, находя, что таковое суждение о действиях Сената не является выражением мнения всего финского народа и заключает в себе недопустимое суждение о мерах, принятых по ВЫСОЧАЙШЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА воле, признает, с своей стороны, правильным распустить настоящий очередной Сейм и назначить новые выборы на точном основании §§ 3 и 18 Сеймового Устава.

Всесторонне рассмотрев настоящее дело и находя, что принятое Сеймом постановление является оскорбительным для императорского правительства и требует немедленного и самого решительного воздействия, Совет министров пришел к единодушному заключению, что предлагаемый генерал-губернатором выход из создавшегося положения должен быть признан единственно правильным и допустимым с точки зрения достоинства имперской власти. По убеждению Совета министров, нынешний Финляндский Сейм, доказавший свое крайнее направление уже и ранее, при обсуждении дела об отпуске пособия государственному казначейству на военные нужды, долее не может быть терпим ни в каком случае, и всякое колебание и нерешительность правительства оказались бы только вредными и могли бы быть с полным основанием приняты в Финляндии как признак слабости власти. Между тем роспуск Сейма послужил бы на пользу края, так как есть некоторые основания надеяться, что новые выборы обеспечат в будущем Финляндском Сейме преобладание более умеренных и законопослушных элементов. Если бы, однако, эта надежда не оправдалась и если бы новые выборы не дали ожидаемых результатов, то, по убеждению Совета, правительство не должно останавливаться пред принятием дальнейших решительных мер и пред возможностью вторичного роспуска Сейма.

По изложенным соображениям Совет министров *полагает*:

Признать необходимым немедленный роспуск нынешнего Финляндского Сейма в порядке, предусмотренном Сеймовым Уставом 1906 года, и назначение новых выборов, согласно действующим в крае узаконениям.

Об изложенном Совет министров долгом почитает всеподданнейше повергнуть на ВЫСОЧАЙШЕГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благовоззрение.

П о д п и с и: П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, Н.К. Шауфус[590], Б.А. Васильчиков, А.П. Извольский, П.А. Харитонов, А.П. Шварц, И.П. Шипов[591], И.Г. Щегловитов, П.П. Извольский[592], А.А. Поливанов, И.Ф. Бострем[593].

С к р е п а: Помощник управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве

Пометы: сверху слева наискосок рукой Николая II: **Согласен.** *Сверху над текстом по центру рукой делопроизводителя:* Собственною его Величества рукою начертано «Согласен». В Царском Селе «19» марта 1908 г. Стас-секретарь Столыпин[а].

РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 66. Л. 370–373. Машинопись, размноженная литографическим способом.

Опубл.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. / 1908 год. М., 2011. С. 56–157 (публ. по: РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 21. Л. 95–98. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 91).

[а] *Подпись – автограф Столыпина.*

№ 295. П.А. Столыпин. Речь о Финляндии, произнесенная в вечернем заседании Государственной думы 5 мая 1908 года[594]

5(18) мая 1908 г.

Господа члены Государственной думы, поднятый сегодня впервые в Государственной думе вопрос, касающийся отношений империи к составной ее части – Финляндии, мало известен широким слоям русских образованных людей, но вместе с тем он вызывает к себе особенно страстное отношение и общества, и печати. Вот почему, может быть, в нарушение установившихся обычаев, я решился поделиться с вами моими мыслями о Финляндии в первой стадии развития этого вопроса, так как говорить об этом вопросе надо с особенным спокойствием и самообладанием, и мне кажется, что этим путем дело упростится, может быть, сократится и обсуждение его, так как правительство сразу выскажет свою точку зрения на отношение империи к Великому княжеству.

По прежде всего я должен объяснить вам, почему я считаю необходимым давать вам пояснение по финляндским делам. Ведь существует мнение, что Финляндия – совершенно особое государство, управляемое особыми своими законами через особое свое правительство. Если придерживаться этой точки зрения, то русское имперское правительство не имеет никакого касательства к Финляндии, и Государь Император, управляя империей через имперское правительство, управляет Финляндией через особое финляндское правительство – Сенат, разрешая лишь в случае надобности создавшиеся между двумя соседними подвластными Ему государствами недоразумения. Существует и другая точка зрения, что Финляндия есть такая же окраинная провинция, как, скажем, привислинские губернии или Кавказ, и что вся задача управления Финляндией сводится к тому, чтобы приблизить форму этого управления к Форме управления империей.

И та, и другая точка зрения неправильны. Что и как думает правительство, я разъясню дальше, но теперь с самого начала я хотел бы установить, что имперское правительство считает и будет считать себя ответственным за финляндские события, так как Финляндия – составная часть русской империи, а империя управляется объединенным правительством, которое ответственно перед Государем за все происходящее в государстве. (Рукоплескания справа и из центра.)

Что же, господа, происходило и происходит в Финляндии? Я должен признаться, что счел бы весьма трудной и неблагодарной задачу опровергать все факты, которые лежат в основе поданного в Государственную думу запроса. Ведь, господа, у всех на памяти действия финляндской Красной гвардии с ее пресловутым предводителем капитаном Коком во главе. Этот бывший офицер финляндских войск еще в мае 1906 года в Коке открыто заявлял, что мы, то есть Красная гвардия, естественные помощники русской революционной армии, и если по счастливым обстоятельствам нам пришлось достигнуть первенствующего значения, то это лишь случайно. Всем памятны и действия Красной гвардии в октябрьские дни 1905 года, когда она останавливала и действие железных дорог, и телеграфа, производила насилия над чинами жандармского надзора, а когда кончилась забастовка, начала производить открыто воинские упражнения, учения и парады по всей территории Финляндии, даже под стенами русской крепости Выборг.

Памятно также и отношение к этому местных властей. Так, когда губернатор по настоянию коменданта крепости запретил эти упражнения в районе крепости, то Высшие власти в крае отменили это распоряжение, заявив, что Красная гвардия – это мирное, невооруженное учреждение, это классовая организация внутреннего финляндского значения. Эта мирная организация через несколько времени, однако, принимает участие в свеаборгском бунте, портит полотно железной дороги, взрывает железнодорожный мост, вступает в бой с полицией, обстреливает воинский поезд. Но подавлен свеаборгский мятеж, и после этого Финляндский Сенат объявляет учреждение Красной гвардии закрытым.

В это время в Финляндии уже начинает действовать и укрепляться другая, гораздо более сильная, организация – общество «Воймы» – по-русски «сила». Если судить по от-

зывам печати того времени, то Воїма получила повсеместное распространение по стране, проникла во все слои населения. Случайные отголоски газет и из залы суда, где возникают отрывочные дела о складах оружия, дают яркую характеристику Воїмы. Некто Тидеман заявляет в то время, что Воїма заполнила тот пробел, который образовался в Финляндии вследствие упразднения финляндских войск; другой финляндец, один из главарей Красной гвардии, дал показание о том, что под видом спортивного общества Воїма распространила в Финляндии много тысяч винтовок. А что распространение оружия приняло в это время большие размеры – это подтверждается фактами. Я думаю, что подвоз в Финляндию целых нагруженных оружием кораблей был бы признан за провокационную сказку, если бы опять-таки не факты.

Один из самых ярких примеров и фактов – это случай с пароходом «Джон Графтон»; этот пароход случайно садится в финляндских шхерах на мель, к нему сейчас же подплывают два финляндских лоцмана, их встречают 20 человек вооруженной команды, принуждают их покинуть пароход, затем сама команда садится на парусную шлюпку, берет курс в море, и тут последовательно на «Джон Графтоне» раздаются три взрыва, и пароход идет ко дну. На обломках этого парохода всплывает оружие, винтовки, и через некоторое время у окрестных жителей отбирают до 1300 винтовок, а водолазы находят ящики с множеством винтовок и огнестрельного оружия.

Совершенно почти однороден случай с моторной шхуной «Петер», упоминаемой в запросе. Этот случай не менее романтичен. Команда, которая состояла из финнов и шведов, во время перехода морем связывает капитана, арестовывает его, затем высаживается на берег, выгружает груз. После этого полиция устанавливает, что груз этот получен в Любеке из Базеля и состоит из сотен ящиков опять-таки огнестрельного оружия и карабинов.

Я думаю, что самый интересный из всех транспортов оружия – это транспорт парохода «Ханхи». Груз этот прошел через Гельсингфорсскую таможню, и только вследствие подозрительности носильщика, который нашел его чрезмерно тяжелым, обнаружилось его содержимое, то есть оружие. Обнаружено его происхождение из Бьернеборга, откуда успели уже отправить в Куопио целый вагон винтовок. Обнаружен был и получатель этого груза, некто Маннелин. Маннелин показал, что груз этот принадлежал умершему уже в то время председателю союза Воїмы, который отдал в его распоряжение некоторую часть оружия для вооружения местных кадров национальной милиции. Маннелина судили, и финляндский суд присудил его за нарушение таможенного Устава к штрафу в 300 марок!

Затем, господа, в течение всего 1907 года ввоз оружия в Финляндию продолжался, и целые партии его были арестованы в Англии. Полиция установила даже фирму в Гамбурге, которой оружие заказывалось. Установлены, господа, не только месяцы, установлены числа, дни месяца, когда эти партии направлены были в Финляндию. В начале действий общества Воїмы местные власти относились к ним довольно снисходительно. Вот отзыв прокурора. Когда обнаружен был преступный характер тайного общества Воїмы, то прокурор Сената в первоначальном своем заключении не находил ничего преступного в том, что члены общества ставили своею целью защиту закономерного и общественного строя, как против всякого режима, нарушающего конституцию края и благоприобретенные права граждан, так и против других враждебных обществу элементов.

Точно так же установлено участие в этих враждебных действиях некоторых должностных лиц. Вполне удостоверена на судебном процессе виновность таммерфорсского полицмейстера – Нандельштадта[595] – и бьернеборгского – Эмана[596]; они оба устранены были от должности, и первый из них был даже судим. Что касается воззваний общества Воїмы, то полиция неоднократно обращала внимание на них финляндских властей, но судебные финляндские власти относились подозрительно к показаниям нашей полиции, даже подозревая подлинность этих воззваний и намекая на то, что они русского происхождения. Ввиду этого мне пришлось в очень категорической форме напомнить финляндским властям, что нельзя безнаказанно обвинять клеветническим образом целое ведомство в таком проступке, притом в официальном документе.

Точно так же довольно подозрительно относились финляндские власти к заявлениям русской полиции о действиях наших революционеров в Финляндии. Между тем, господа, опять-таки полицией установлено, что в течение одного 1907 года, начиная с февраля и кончая декабрем, на территории Финляндии происходило 25 конференций и собраний именно революционного характера. На территории Финляндии, господа, готовились и организовывались и многие из тех покушений, которые имели место в Петербурге. Там организован был взрыв 12 августа 1906 г., ограбление в Фонарном переулке, причем похищенные деньги увезены были в Финляндию[597]; покушение на убийство генерал-адъютанта Дубасова[598], убийство генерала Мина[599], убийства генерала фон дер Лауница[600], главного военного прокурора Павлова[601], начальника Петербургской тюрьмы полковника Иванова[602], Дерябинской тюрьмы – Гудима[603], Акатуевской тюрьмы – Бородулина[604] и начальника Главного тюремного управления Максимовского[605]. Там же подготовлялось покушение на военного министра, покушение на министра юстиции, наконец, покушение на Великого князя Николая Николаевича, и если бы не своевременный арест знаменитого Карла[606], организатора всех этих убийств и покушений, то нельзя было бы, вероятно, предотвратить и покушение посредством взрыва в зале Государственного совета.

Всем памятно, господа, что в течение нынешней зимы предупреждено было покушение на ограбление, посредством взрывчатых веществ, кассы конторы Императорских театров, так как своевременно арестована была вся злодейская шайка революционеров. Конечно, на памяти у вас и лаборатория взрывчатых веществ в Хаполе*, затем 20 начиненных бомб, найденных под льдом в течение текущей зимы около станции Куоккала вместе со всеми приспособлениями и массою взрывчатых веществ. Конечно, господа, и на территории империи приготовлялись и приводились в исполнение такие же террористические акты, но если принять во внимание, что территория Финляндии равняется территории одной нашей хорошей губернии, то и в наше даже ненормальное время только что описанные мною явления не могут быть признаны нормальными.

Но нормален ли, правилен ли и другой ряд явлений, затронутых в запросе, – направление тех дел, которые имеют общеимперское значение, которые касаются и Финляндии, и России? Я не хочу, господа, касаться личностей; не хотел бы никого обвинять и хотел бы оставаться в мире фактов, и в этой области я должен признать, что многое обстоит неблагополучно. Еще 1 августа 1891 года состоялось Высочайшее постановление о том, чтобы по тем законодательным делам, которые касаются равномерно и империи, и Финляндии, министр статс-секретарь запрашивал заключение подлежащего министра империи. Таким образом, по самой основной постановке вопроса, финляндское должностное лицо, финляндский министр статс-секретарь, является вершителем вопроса, касается ли данное дело интересов империи или не касается. От его доброй воли, от его усмотрения зависит, запросить по этому поводу имперские власти или не запрашивать.

Такая постановка вопроса, конечно, дала себя знать очень скоро и привела, конечно, к ненормальным результатам. Уже в следующем году после издания Высочайшего повеления, а затем и в 1896 году были изменены некоторые параграфы учреждений финляндского Сената именно по Милиционной его экспедиции без запроса военного министра. Затем 20 апреля 1906 г. был издан закон о русском языке в делопроизводстве присутственных мест Финляндии – опять без запроса русских властей. По закону о печати пропозиция Сейму была предложена без запроса русских имперских властей. Самый же законопроект о печати дошел до моего сведения вследствие запроса министру внутренних дел по одному только пункту, между тем сам генерал-губернатор считал необходимым и заключение министра юстиции, министра Двора и министра иностранных дел.

Таким образом случайно, благодаря одному лишь пункту, мне стало известно о законе, который в других пунктах, в других параграфах, в целом своем касался очень существенных интересов России и русских уроженцев. Затем многие законопроекты мне стали извест-

---

* *правильно: Хапала, Хаапала.*

ны только из газетных слухов. Правильно ли это? Между прочим, таким образом я узнал о законопроекте о промыслах, об оскорблении Величества, наконец, об отзыве Сейма, по предложению Государя Императора, относительно ассигнований сумм на те расходы, на которые не хватало Ординарных средств. Это тот самый отзыв Сейма, на который после обсуждения в Совете министров последовала резолюция Государя Императора, позднее опубликованная, подтвердившая незыблемость прав Монарха распоряжаться статным и другими правительственными фондами Финляндии.

Даже самый Сеймовый Устав 1906 г. чуть было не миновал имперских властей, так как по инициативе только Государя Императора была в то время образована Комиссия под председательством статс-секретаря Фриша для обсуждения тех вопросов этого Устава, которые касались интересов империи. Наконец, в самое последнее время, в феврале месяце 1907 г., без сношения с имперскими властями министр статс-секретарь доложил Государю Императору о том, что Сенат приступил уже к составлению проекта новой Формы правления. Между тем этот проект клонится к почти полному освобождению Финляндии от связи, от уз ее с державным государством, с Россией. По этому законопроекту предполагается проводить в порядке финляндского законодательства даже некоторые такие определения, которые нашли себе место в Основных законах и которые никоим образом не могут составить предмета законодательства местного.

Наконец, запрос касается еще железных дорог. Вопрос о соединении железных дорог имперских и финляндских – вопрос давнишний. Еще Император Александр Второй, когда ему предложили подписать законопроект, по которому финляндская колея была уже имперской колеи, отказался утвердить его и тогда же выразился так, что «этого Ему никогда бы не простил русский народ». Впоследствии точными и категорическими указаниями и повелениями Государя Императора вопрос этот приблизился к благополучному разрешению, и в настоящее время, как вам известно, Государем Императором утверждено направление той соединительной ветви, которая будет соединять русские железные дороги с финляндскими. Совет министров уже разрешил министру путей сообщения внести представление в Государственную думу об ассигновании одного миллиона рублей на приступ к сооружению этой ветви, а финляндские власти обещали в скором времени внести в русское казначейство ту сумму, которая причитается на долю Финляндии.

Точно так же в настоящее время уже действует Комиссия, которая производит пробу движения наших вагонов, наших локомотивов по финляндской колее, и по первым опытам Комиссии надо думать, что габарит наших вагонов подойдет к финляндской колее и сквозное движение окажется возможным и будет осуществлено. Что же касается проведения новых железных дорог в самой Финляндии, то этот вопрос вызывал уже недоразумения между нашим Генеральным Штабом и статс-секретариатом, и я полагаю, что и в этом случае, как и во многих случаях такого рода, разногласия должны были бы повергаться на Высочайшее благовоззрение не только одной заинтересованной стороной. Вот, господа, те факты, тот материал, который я могу представить вам по тем вопросам, которые затронуты авторами запроса.

Но при этом я думаю, что корень зла совершенно не в незакономерных действиях или бездействиях властей, а лежит гораздо глубже. К этому я сейчас перейду, но раньше, вскользь, по крайней мере, я должен сказать несколько слов о том, что делала русская правительственная власть за эти два года. Я не буду вас утомлять рассказами, пересказами тех сношений, которые имели почти все министерства с финляндскими властями как по поводу «Войны», «Красной гвардии», так и общего законодательства, так как для этого нужно было бы вам прочесть целые тома; я не буду говорить и о трудности действия нашей полиции в Финляндии, у которой там нет специальных агентов, – скажу только, что эти самоотверженные действия, может быть, предупредили не одно злодейское покушение в империи.

Я принужден, однако, хотя мимоходом указать на то, что правительство употребило все усилия, чтобы установить такой способ, который бы обеспечил сохранность нашего государства. Вот в этом смысле велись переговоры с Финляндским Сенатом, и в течение 1906 г.

было найдено как будто соглашение, так как Гражданская экспедиция Сената в октябре 1906 г. издала циркуляр относительно способа обысков, арестов, и, наконец, выдачи нашим властям наших русских революционеров. Но циркуляр этот не имел реального значения, не имел последствий, так как финляндская полиция, по собственной инициативе, наших русских революционеров не преследовала. Ввиду этого революционеры, перешедшие границу, находили себе в Финляндии, на территории русской империи, самое надежное убежище, гораздо более надежное, чем в соседних государствах, которые с большой охотой приходят в пределах конвенций и закона на помощь нашей русской полиции в этих преследованиях.

Таким образом, когда наступили особенно тревожные события, когда ежеминутно готовились из Финляндии покушения на русских министров и Великих князей, то само собой разумеется, что правительство должно было подумать о каких-нибудь экстренных мерах. Это была, несомненно, его обязанность, так как, опять-таки повторяю, за 26 верст от столицы, от резиденции Государя, готовились ежеминутно злодейские покушения. В это время и состоялось Высочайшее повеление о том, что если не будут ликвидированы самые опасные организации революционеров в Финляндии, то объявить Выборгскую губернию на военном положении.

И вот почти накануне объявления Выборгской губернии на военном положении стараниями русской полиции, которая организовала это дело, был задержан и арестован тот знаменитый Карл, о котором я упоминал выше, т. е. организатор всех последних покушений; с ним вместе была задержана, захвачена масса документов, которые осветили революционное движение в Финляндии, причем, к сожалению, почти одновременно с арестом другого революционера, Вайнштейна[607], документы, задержанные с ним, через два дня были похищены из канцелярии местного ландсмана вооруженной шайкой, напавшей на эту канцелярию. Вследствие помянутых арестов необходимость военного положения временно отпала, и Государь Император ограничился повелением установить по границам Финляндии сплошной военный кордон для того, чтобы механически не допускать подозрительных лиц, революционеров, из Финляндии в Россию.

Вот таким заслоном, таким путем и была временно огорожена наша граница, обеспечена безопасность столицы со стороны Финляндии, обеспечена от вылазок из Выборгской губернии, из Выборга, который когда-то был завоеван Петром и назван им «подушкой» Санкт-Петербурга. После всего этого дальнейшие переговоры с финляндскими властями повели к тому, что мы теперь ближе к более реальному осуществлению надзора на местах при совместных усилиях и русских, и финляндских властей за нашими революционерами, и от доброй воли, от успеха этих совместных действий зависит спокойствие столицы.

Точно так же, господа, и по одному вопросу – вопросу об общем законодательстве – правительством принимались те меры, которые были правительству доступны без нарушения местных финляндских узаконений. Я обратился с просьбой ко всем министрам и главноуправляющим, чтобы те заключения, которые посылаются ими министру статс-секретарю по запросам его относительно общих законопроектов, были предварительно посылаемы в Совет министров для общего их объединения и направления. Таким образом, Советом министров был рассмотрен целый ряд очень важных законопроектов, между прочим, законопроект относительно выплаты известного денежного вознаграждения Финляндией за отбытие или, вернее, за неотбытие финляндскими гражданами воинской повинности в минувшие два года. Затем рассмотрен был законопроект относительно приобретения прав гражданства русскими уроженцами, законопроект, который предполагалось направить сначала в порядке финляндского законодательства, причем в этом порядке отменялись бы даже некоторые статьи нашего Свода законов.

Но, господа, все эти мероприятия правительства по проявлениям, затронутым в запросе, имеют, по-моему, второстепенное значение. Для того, чтобы разрешить вопрос в корне, нужно, прежде всего, отдать себе отчет, в чем причина тех ненормальных отношений, которые создались между государством и завоеванной силой его оружия провинцией. Механически разрешить этот вопрос нельзя. Мне кажется, что для этого недостаточно даже,

может быть, и глубокого теоретического его изучения, тут нужно проникновение во внутренний мир противной стороны, и для того, чтобы разрешить домогательства, предъявленные России со стороны мирных, честных, культурных, трудолюбивых наших финляндских сограждан, нужно с полной справедливостью, без всякой предвзятости отнестись к этим домогательствам.

Я не желаю, господа, затрагивать каких-нибудь теоретических правовых вопросов – это дело ученых исследований, ученых диспутов. Я хотел бы лишь остановить ваше внимание на некоторое время на всем известных, впрочем, исторических фактах, которые в разном освещении, взятые с различных углов зрения, приводят к различным выводам, что и служит причиной того неопределенного, даже, скажу, тягостного положения, в котором находятся наши отношения к Финляндии.

Попробуем же, господа, проникнуть в мировоззрение финляндцев. Но для этого, господа, необходимо считаться с тем, что почти все политически мыслящие финляндцы, почти все финляндские политические партии в отношении своих исторических верований единодушны и почти солидарны. Это мировоззрение их основано, прежде всего, на том заявлении, которое было сделано на Сейме в Борго в 1809 г. Императором Александром Первым. Вот, господа, подлинные слова его грамоты:

«Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь подтвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего княжества, в особенности, и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой их силе и действии».

Таким образом, финляндцы все признают, что на Сейме в Борго Император Александр Первый даровал Финляндии конституцию и признал особую финляндскую государственность. Дальше в течение всего своего царствования, Александр Первый неоднократно подтверждал, что он желает свято хранить все старинные установления и законы Великого княжества. Особенно ярко подчеркнул это Император Александр Первый в манифесте от 1816 года. Вот, господа, выдержки из этого манифеста.

«Быв удостоверены, что конституция и законы, к обычаям, образованию и духу финляндского народа примененные и с давних времен положившие основание гражданской его свободе и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отменяемы без нарушения оных, Мы, при восприятии царствования над сим краем, не только торжественнейше утвердили конституцию и законы сии с принадлежащими на основании оных каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительном рассуждении о сем с собравшимися земскими края сего чинами, Мы, учредили особенное правительство под названием Правительствующего совета, составленного из коренных финляндцев, который доселе управлял гражданскою частью края сего и решал судебные дела в качестве последней инстанции, не зависев ни от какой другой власти, кроме власти законов и сообразующейся с оными Монаршей Нашей воли».

Наконец, Монарх заявляет, что он конституцию и законы, им для Финляндии утвержденные, «силою сего акта во всех отношениях паки утверждает».

Затем, господа, Император Александр Второй, созывая вновь Сейм в 1863 году, упоминает о конституционной Монархии. В 1869 г. Император Александр Второй утвердил Сеймовый Устав. Затем он даровал Финляндии особую монету и особое войско. Сеймовый Устав был признан нерушимым Основным законом, который не мог изменяться без согласия Монарха с земскими чинами. Общеизвестно также, что все русские Государи после Александра Первого, вступая на престол, торжественными манифестами подтверждали особое положение Финляндии в составе русского государства, особую организацию ее судебной и административной части. Все эти акты, в связи с другими актами, с другими действиями тех же Государей, получают и другую окраску. Но согласитесь, господа, что эти исторические прецеденты были достаточны для того, чтобы внушить финляндской интел-

лигенции твердую веру в то, что Финляндии присуще особое государственное устройство, существенно отличная от России государственность.

Это сознание укрепилось у финляндцев еще тем, что в конце прошлого столетия Россия, занятая своими домашними делами, мало интересовалась финляндскими делами, а от местных генерал-губернаторов требовалось только спокойствие и установление добрых отношений к финляндским гражданам. Вот почему эти принципы отдельной финляндской государственности начали понемногу переходить в особую науку своеобразного финляндского государственного права. Для того, чтобы создать эту науку, подбиралась масса документов, причем, конечно, груда таких документов, не подтверждавших этих принципов, отбрасывалась в сторону. Эта теория укреплялась еще проповедью профессоров Александровского университета, местными учеными и лицами свободных профессий. В Александровском университете все питомцы проникались этим политическим миросозерцанием, а затем, так как эти питомцы занимают все должности в крае, начиная с должности сенатора и кончая должностями ленсманов и даже констеблей, то учение это и проникало с успехом в самую толпу народа. Народные университеты и публичные лекции продолжали это же дело, и совершенно естественно, что теория скоро перешла в верование, верование перешло в догмат, догматы же трудно опровергать какими-либо рассудочными доказательствами. По этому догмату Финляндия – особое государство и притом государство конституционное, правовое государство, которое имеет задачи, совершенно различные от задач России; и чем теснее связана будет Финляндия с Россией, тем осуществление этих задач станет невозможнее. Вот, господа, то верование, которое из теории начало переходить в своеобразную науку финляндского государственного права, и для того, чтобы перейти в практическую науку, должно было быть проведено сначала в жизнь. На это и направлены были старания всей финляндской интеллигенции, начиная с 1863 года, начиная с возобновления созыва Сеймов. Старания эти были направлены, главным образом, на область административного законодательства и финансовую прерогативу Монарха. Вам известно, господа, что законодательство Финляндии делится на две категории: первая категория – это Сеймовое законодательство, принадлежащее Сейму, вторая же, весьма обширная категория законодательства, обнимающая всю область общего хозяйства, принадлежит исключительно Монарху и называется законодательством административным или экономическим. По учению финляндцев, если в каком-нибудь вопросе административного законодательства следует сделать добавление Сеймового характера, то весь вопрос раз навсегда переходит в ведение Сейма. Таким образом к Сейму перешли все почти нормы промыслового права и многие другие. По проекту новой Формы правления, о которой я говорил, все школьное дело, начиная от низших школ и кончая университетом, передвигается в Сеймовое законодательство. А что касается финансовой области, то известны, конечно, неоднократные попытки сузить самое право распоряжения правительственными фондами и затем уменьшить самое питание этих фондов: статного, миллионного и других.

Вам, конечно, памятен, господа, перенос доходов с винокуренного налога и гербового сбора из области статного фонда в фонды временных налогов, т. е. Сеймовые; точно так же были попытки передвинуть в разряд Сеймовых законов все таможенное законодательство со всеми таможенными доходами; наконец, непрерывно проходит во всей истории политической жизни Финляндии попытка сузить финансовые прерогативы Монарха, право Государя распоряжаться статным фондом.

Вот, господа, в этой политической атмосфере и застают Финляндию события 1905 года, послужившие пробным камнем и для многих русских, которые в это время, может быть, усомнились в будущности России. Поэтому понятно, что и многие политические деятели Финляндии должны были естественно, bona fide*, задать себе вопрос: не наступил ли психологический момент для осуществления накопившейся политической мечты, если не обособления Финляндии, то приобретения ею насколько возможно большей самостоятель-

* *добросовестно, честными средствами (юридич. термин, лат.).*

ности. А так как горячие головы идут всегда впереди интеллигенции, идут, может быть, дальше, чем хотела сама создавшая их сила, то станут понятны и появление Красной гвардии и Воймы, и наполненные оружием корабли, которые нам кажутся как бы страницей, вырванной из романов Майн Рида[608].

Помянутое настроение и господствующее политическое течение, может быть, и получили бы естественное развитие, может быть, и привели бы к широкому развитию финляндской самостоятельности и почти полному обособлению этой страны с сохранением только фактической ее связи с Россией, если бы в это время навстречу финляндской волне не хлынула другая волна – волна русского народного самосознания, русской государственной мысли.

По прежде чем объяснять вам, господа, какие притязания с русской стороны должны считаться, по мнению правительства, справедливыми и обязательными для России, мне приходится на время вернуться вспять. Я напоминаю вам, господа, что часть Финляндии, восточная ее часть, составляет древнее достояние России, закрепленное за нею еще Ореховским договором 1323 года. Затем, понемногу мы утрачивали эту территорию, и уже при заключении Столбовского мирного договора в 1617 г. граница русского государства была отодвинута приблизительно до Тихвина. Я упоминаю об этом для того, чтобы подчеркнуть, что Император Петр Великий силою оружия в течение 20 лет отвоевывал эти земли, что ему удалось отвоевать их почти все и кроме того взять Выборг, который он тогда и назвал **«подушкой Санкт-Петербурга»**, определив его политическое значение. Эти земли, а также и те, которые были отвоеваны позднее Императрицей Елизаветой Петровной и закреплены по Абоскому мирному договору 1743 г., были инкорпорированы в состав России; с ними обращались как с землями завоеванными, управлялись они Санкт-Петербургской камер-коллегией и другими коллегиями. Из них образована была сперва Выборгская губерния, затем Выборгское наместничество и затем опять губерния. По Ништадтскому и Аборскому договорам земли эти отошли к России в вечное неотъемлемое владение.

Но наступает царствование Александра Первого и новые войны. Еще до окончания войны Александр Первый объявляет всем западным державам о том, что «страну сию, таким образом покоренную, Мы навсегда присоединяем к Российской империи». Затем наступают события Боргского Сейма и то заявление Императора Александра Первого, которое я вам цитировал и которое составляет основание всей догмы, всего политического верования финляндских политических партий. Но нам, русским, надобно смотреть на эти события с другой точки зрения; нам надобно помнить, что после этого, после Боргского Сейма, был заключен Фридрихсгамский мирный договор, который составляет тот документ, тот акт, по которому мы владеем Финляндией и которым определяются отношения империи к Великому княжеству. А статья 4 Фридрихсгамского договора гласит:

«Его Величество король шведский, как за Себя, так и за преемников Его престола и Королевства Шведского, отказывается неотменяемо и навсегда в пользу Его Величества Императора Всероссийского и преемников Его престола и Российской империи, от всех своих прав и притязаний на губернии ниже сего означенные, завоеванные оружием Его Императорского Величества в нынешнюю войну от державы Шведской, а именно: на губернии Кюмменегардскую, Нюландскую и Тавастгусскую, Абоскую и Биернеборгскую с островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазаскую, Улеаборгскую и часть Западной Ботнии до реки Торнео, как то постановлено будет в следующей статье о назначении границ».

«Губернии сии со всеми жителями, городами, портами, крепостями, селениями и островами, а равно их принадлежности, преимущества, права и выгоды будут отныне состоять в собственности и державном обладании империи Российской и к ней навсегда присоединяются». Вот, господа, тот акт, тот законный титул, по которому Россия владеет Финляндией, тот единый акт, который определяет взаимоотношения России и Финляндии. И, господа, слова и действия Императора Александра Первого не находятся в разногласии. Никто из современников в этом его не упрекал. Он сам изумился бы, если бы ему сказали, что он создал особое Финляндское государство. Почти одновременно с Сеймом в Борго Александр Первый вводит всю Финляндию в 8-й Российский округ путей сообщения. На

этом самом Сеймe депутаты высказались за принятие рубля в качестве монетной единицы, «дабы Финляндия в отношении монетной системы не отличалась от остальных провинций России». Вот что постановил тот самый Сейм, который служит основанием всех финляндских притязаний.

Для современников было ясно, что Россия отвоевала от Швеции 6 финляндских губерний, которые не имели особого публичного правового устройства; это отдельные губернии, которые не могли войти в унию с Россией, так как для унии, как реальной, так и унии личной, необходимы две равноправные величины. Между тем Финляндия была признана состоящей в собственности и державном обладании России. Император Александр Первый даровал Финляндии внутреннюю автономию, он даровал ей и укрепил за ней право внутреннего законодательства, подтвердил все коренные законы, весь распорядок внутреннего управления и судопроизводства, но определение отношений Финляндии к империи он оставил за собою и определил его словами: «собственность и державное обладание».

Становится после этого понятным, почему Император Александр Первый объединил в одном управлении Старую и Новую Финляндии. Александр Первый не дарил завоеванную кровью наших предков часть Финляндии другому, соседнему, стоящему под его скипетром государству. Император Александр Первый только устраивал управление отдельных областей, входящих в состав государства. Манифест 11 декабря 1811 года, устанавливающий это управление, не был Сеймовым законом. Это был единоличный акт верховного управления Александра Первого, он был основан на Высочайше утвержденном мнении Государственного совета. Опять-таки повторяю, что все внутренние законы, порядок внутреннего управления Император Александр Первый торжественно подтверждал, но вместе с тем оставлял за собою определение отношений Финляндии к России. Вы не найдете в финляндском законодательстве никаких норм, устанавливающих, определяющих взаимные отношения Финляндии и России, их там быть не может. Отношения Финляндии к России определяются односторонним державным правом России, а за Россию в то время решал Монарх.

За отсутствием в то время одного общего пути для выражения воли Монарха и для превращения ее в законодательные акты, Император Александр Первый в вопросах взаимных отношений Финляндии и России опирался, как и последующие Монархи, на целый ряд тайных и явных финляндских комитетов. Так делал и Император Александр Второй. Александр Второй, когда торжественно подтверждал, что основанием к новому Сеймовому Уставу служат древнешведские акты, то есть Форма правления 1772 г., и Акт соединения и безопасности 1789 г., конечно, имел в виду подтвердить именно внутреннюю автономию Финляндии, так как в этих актах вы не можете найти, да и хронологически это невозможно, ни одной статьи, которая могла бы регулировать отношение Финляндии к державному государству.

Не мешает при этом припомнить, господа, что Император Александр Второй, который считается благодетелем Финляндии, посетивши Финляндский Сенат, сказал сенаторам: «Помните, господа, что вы принадлежите к великой семье, во главе которой стоит русский Император».

В соответствии с действиями помянутых Государей, развивая установленные ими положения, действовали и последующие Государи. В соответствии с этим находится и рескрипт Императора Александра Третьего от 1891 г., который требует установления порядка в делах общего законодательства в России и Финляндии. В соответствии с этим находится и Акт 1899 г., регулировавший в то время эти отношения.

Ведь совершенно естественно, господа, что раз Финляндия и Россия составляют одно общее политическое тело, то общими и едиными не могут быть только одни внешние международные отношения, а должно быть и единство некоторых государственных задач. Конечно, затруднительно было бы сейчас же вам представить исчерпывающий список этих задач, но, конечно, для всех ясно, что к ним относятся, например: общая защита всеми подданными русского Государя общего отечества, наблюдение за крепостями, наблюдение и защита береговых вод, наблюдение за почтовыми учреждениями, управление телеграфом,

некоторые отрасли железнодорожного, таможенного управления и, наконец, упорядочение прав русских уроженцев в Финляндии.

Все это настолько близкие России вопросы, они настолько задевают наши кровные интересы, что не могут быть предметом решения одних только финляндцев, в порядке одного только финляндского законодательства. Ведь этим порядком могли бы быть, действительно, отменены и некоторые статьи нашего Свода законов.

Русская точка зрения совершенно ясна. Россия не может желать нарушения законных автономных прав Финляндии относительно внутреннего ее законодательства и отдельного административного и судебного ее устройства. Но, господа, в общих законодательных вопросах и в некоторых общих вопросах управления должно быть и общее решение совместно с Финляндией, с преобладанием, конечно, державных прав России.

Финляндцы толкуют иначе.

Они полагают, что ни один общегосударственный закон не может воспринять силы, если не будет утвержден Сеймом; но если стать на эту точку зрения, то мы можем прийти к нелепому положению: один и тот же вопрос будет обсуждаться и решаться нашими законодательными учреждениями и Финляндским Сеймом. Скажем, что разрешен будет этот вопрос различно, не получится единогласного решения, и в империи не будет той державной воли, державной власти, которая могла бы разрешить этот вопрос. Вопрос останется неразрешенным или приведет к острому конфликту. Это, господа, конечно, ненормально, и повторяю, не в бездействии властей, не в незакономерных их действиях, коренится зло, а в том, что целая область нашего законодательства, громадная область наших взаимоотношений с Финляндией не урегулирована совершенно.

Господа, этот громадный пробел нетерпим, его надо пополнить. Господа, нельзя такие важные вопросы оставлять на произвол случая, случайных обстоятельств, случайных людей и событий. Не может и Дума постоянно регулировать их путем запросов. Запросами вы не можете уловить всех возникающих в этой области фактов. Затем, господа, я должен вам напомнить, что у нас есть теперь один незыблемый способ для разрешения всех законодательных дел, определенный статьею 86 Основных законов. Это путь через Государственную думу и через Государственный совет.

В интересующей нас области общего для России и Финляндии законодательства надлежит различать два момента. Первый момент – подготовительный – разрешение вопроса о том, касается ли вопрос империи или нет. При этом весьма важно, чтобы Монарх был осведомлен о тех вопросах, которые касаются России, своим же русским правительством как при предложении законопроекта, так и при его утверждении. Этот первый момент принадлежит к области Верховного управления, и относительно разрешения этого вопроса я получил совершенно определенные указания Государя Императора, которые и будут приведены в действие. Но есть и другой момент законодательства. Это самое рассмотрение и разрешение законодательных вопросов. Определен он может быть, конечно, только законодательным порядком. В этой последней стадии, несомненно, нужно знать мнение и нужно считаться с точкой зрения финляндцев. На обязанности и правительства, и Государственной думы лежит, однако же, поднятие вопроса о выработке общего порядка законодательного рассмотрения наших общих с Финляндией дел.

Повторяю, вопрос этот слишком важен; он касается распространения власти Государя Императора по общеимперским делам через общеимперские учреждения на протяжении и пространстве всей империи. (Возгласы: браво; рукоплескания в центре и справа.) Господа, в этом деле не может и не должно быть подозрения, что Россия желает нарушить автономные, дарованные Монархами права Финляндии. В России, господа, сила не может стоять выше права! (Рукоплескания в центре и справа; голоса: браво!) Но нельзя также допускать, чтобы одно упоминание о правах России считалось в Финляндии оскорблением.

Господа, в Финляндии (и в обществе, и в печати) раздаются голоса, что финляндский вопрос поднят в России темными силами реакции, ищут защиты в более интеллигентных, вероятно более либеральных, кругах, которые должны защитить Финляндию, финляндские

права от надвигающейся бюрократической грозы. Прислушиваются в Финляндии к тем голосам, которые не понимают, не могут понять, что суровая сила, подавляющая и ликвидирующая революцию, в связи с творческой силой, стремящейся преобразовать и местный, и общий строй, имеет одну цель – установление на пространстве всей России стройного правового порядка. (Голоса: браво, рукоплескания в центре и справа.)

Я не понимаю, господа, каким образом могут заподозрить правительство, творящее волю Государя и совокупно с представительными учреждениями стремящееся водворить в России спокойствие и прочный порядок, зиждущийся исключительно на законах; заподозрить его в том, что оно стремится рушить подобный же порядок у наших финляндских сограждан. Забывают, что с введением нового строя в России поднялась другая волна реакции, реакция русского патриотизма и русского национального чувства, и эта реакция, господа, вьет себе гнездо именно в общественных слоях, общественных кругах. В прежние времена одно только правительство имело заботу и обязанность отстаивать исторические и державные приобретения и права России. Теперь не то. Теперь Государь пытается собрать рассыпанную храмину русского народного чувства, и выразителями этого чувства являетесь вы, господа, и вы не можете отклонить от себя ответственность за удержание этих державных прав России. (Рукоплескания справа и в центре.)

Вы, господа, не можете отвергнуть от себя и обязанностей, несомых вами в качестве народного представительства. Вы не можете разорвать и с прошлым России. Не напрасно, не бессмысленно и не бессознательно были пролиты потоки русской крови, утвердил Петр Великий державные права России на берегах Финского залива. Отказ от этих прав нанес бы беспримерный ущерб русской державе, а постепенная утрата, вследствие нашего национального слабосилия или нашей государственной близорукости, равнялась бы тому же отказу, но прикрытому личиной лицемерия. Сокровище русской нравственной, духовной силы затрачено в скалах и водах Финляндии.

Простите, что я вспоминаю о прошлом, но и забывать о нем не приходится. Ведь один, с морским флотом, построенным первоначально на пресной речной воде, с моряками, им самим обученными, без средств, но с твердой верой в Россию и ее будущее шел вперед Великий Петр. Не было попутного ветра, он со своими моряками на руках, на мозолистых руках, переносил по суше из Финского залива в Ботнический свои галеры, разбивал вражеский флот, брал в плен эскадры и награждал чернорабочего творца новой России Петра Михайлова скромным званием адмирала. (Голоса: браво.)

Господа, неужели об этой стремительной мощи, об этой гениальной силе наших предков помнят только кадеты морского корпуса, которые поставили на месте Гангутской битвы скромный крест из сердобольского гранита? Неужели об этой творческой силе наших предков, не только силе победы, но и силе сознания государственных задач, помнят только они и забыла Россия? Ведь кровь этих сильных людей перелилась в ваши жилы, ведь вы плоть от плоти их, ведь не многие же из вас отрицают отчизну (рукоплескания справа и в центре), а громадное большинство сознает, что люди соединились в семьи, семьи – в племена, племена – в народы для того, чтобы осуществить свою мировую задачу, для того, чтобы двигать человечество вперед. Неужели и тут скажут, что нужно ждать, пока окрепнет центр, неужели в центре нашей государственной мысли, нашего государственного чувства ослабло понимание наших государственных задач?

Опубл.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия первая. Часть III. Заседания 61–98 (с 7 мая по 28 июня 1908 г.). СПб.: Государственная типография, 1908. С. 1397–1408; Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906–1911. М., 1991. С. 30–149.

№ 296. Отношение № 2565 Финляндского генерал-губернатора Н.А. Бекмана министру статс-секретарю А.Ф. Лангофу с представлением Финляндского Сената о сооружении памятника на месте боя, происшедшего 10 мая 1808 г.

5(18) апреля 1908 г.

5/18 апреля 1908 г.
№ 2565

г. Министру статс-секретарю Великого
княжества Финляндского

Для доклада ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ препровождаю Вашему Превосходительству всеподданнейшее представление Финляндского Сената от 9 марта 1908 года за № 473 о сооружении памятника на месте боя, происшедшего 10 мая 1808 года у церковного селения в приходе Кумлинге[609].

С своей стороны, нахожу совершенно неуместным возбужденное обществом Аландских студентов ходатайство о постановке памятника на том месте, где небольшой отряд русских войск потерпел поражение от значительно превосходивших его сил шведов и финнов, и, признавая удовлетворение такового нежелательным, прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать Высочайшее соизволение об оставлении без последствий представления Сената по настоящему делу.

Генерал от инфантерии Бекман. Директор канцелярии Кишпович.

Пометы: слева от текста черными чернилами: Составить всеподданнейший доклад и приложить к нему справки: краткое описание боя у Кумлинге и Объявление от 15 июля 1890 г. Прошу также справку о том, какие памятники в память этой войны поставлены в Финляндии и в каком порядке было дано разрешение на постановку их.

9/22 апреля 1908 года А. Лангоф

Штамп: делопроизводственный штамп статс-секретариата ВКФ для входящих документов.

НАФ. Фонд статс-секретариата Великого княжества Финляндского. Д. 100/1908. Машинопись на бланке «Финляндский генерал-губернатор». Подписи – автографы.

№ 297. Речь Маркова 2-го[610] от Союза имени Михаила Архангела на заседании Государственной думы по поводу запросов о Финляндии[611]

12(25) мая 1908 г.

Внесенный правыми и умеренно-правыми запрос дал повод председателю Совета министров нарисовать обширную картину будущей правительственной деятельности по части приведения законодательства Финляндии и России в общую, планомерную систему. Запрос наш был заключен, собственно говоря, в более узкие рамки; он касался отдельных случаев незакономерных поступков и незакономерных действий как финляндских властей, так, в особенности, русских властей, каковые, по мнению нашему, были обязаны наблюдать за властями финляндскими. Собственно в ответ на запрос председатель Совета министров не сообщил нам почти ничего, так что нам самим приходится осветить эту сторону интересующего нас вопроса, а затем уже мы разовьем свой взгляд на политическое положение и предстоящее Государственной думе законодательство по финляндскому вопросу. Финляндия, как известно, присоединена около 100 лет тому назад; при Швеции она была не самостоятельной страной, она была не особым государством, а представляла лишь несколько простых шведских провинций, каковые не имели ни своего особого Финляндского Сейма, ни своих особых финляндских законов. Финляндия, наравне с другими шведскими провинциями, посылала своих депутатов в общий шведский риксдаг. Таким образом, завоевав вооруженной силой финляндские губернии, Император Александр I имел перед собой не

какое-либо завоеванное государство, а несколько завоеванных провинций Шведского государства. Это положение вполне ясно и определенно было выражено как в тех государственных актах, которые издал в то время Император Александр I, так и в самом Фридрихсгамском мирном договоре между шведским Королем и русским Императором. 16 марта 1808 г., еще во время войны, Император Александр I, уведомил иностранные державы особой декларацией, что *«отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась Шведской, признается областью, Российским оружием покоренною, и присоединяется к Российской империи»*. В Манифесте 20 марта 1808 г. тоже во время войны Император Александр I говорил: *«Страну сию, оружием Нашим таким образом покоренную, Мы присоединяем отныне и навсегда к Российской империи, а вследствие того повелеваем Мы принять от обывателей присягу на верность Престолу и Нашему Подданству»*. В Манифесте того же 1808 г. 5 июля Император Александр I писал следующее: *«Присоединив навсегда Финляндию к России, с удовольствием Мы узрели торжественные обеты обывателей сего края, принесенные на верное и вечное их Российскому Скипетру подданство. В среде народов, Скипетру Российскому подвластных и единению империю составляющих, обыватели воссоединенной Финляндии с сего времени и навсегда восприяли свое место. От сего великого состава ничто их оторгнуть не может»*. Председатель Совета министров нам цитировал Фридрихсгамский мирный трактат от 5 сентября 1809 г., коим были окончательно определены отношения финляндских провинций, бывших шведских, к Российской империи. Таким образом, из всех документов международного характера, а также из Манифестов, изданных Императором Александром I по империи, совершенно ясно следует, что никакого финляндского государства Император Александр I не признавал, ибо завоевал несколько шведских провинций, именуемых Финляндией. Тем не менее, несмотря на столь ясное юридическое положение, возникло, как вам известно, финляндское учение о том, что Финляндия не есть присоединенная к Российской империи часть Швеции, а есть отдельное государство – Великое княжество Финляндское, добровольно соединенное с Россией под главенством одного Монарха, который для Финляндии не Император, а только Великий князь Финляндский. Главный основной повод для такого толкования дала известная грамота Императора Александра I, данная 15 марта 1809 г. на так называемом Сейме в Борго. Я не говорю – на Сейме в Борго, не говорю потому, что Сейм этот состоялся 15 марта 1809 г., мирный договор России со Швецией был заключен 5 сентября того же года, полгода спустя после этого якобы Сейма. В марте 1809 г. в Финляндии не существовало никаких полноправных финляндских граждан, а были лишь подданные шведского короля, который в это время вел с русским Императором войну. Позвольте вас спросить: разве могло считаться законным Финляндским Сеймом сборище, составленное из явных изменников своему законному шведскому Монарху? Ибо люди, которые во время войны заключают договоры с враждебным своему Монарху государем, суть конечно государственные изменники, но никаким образом не полномочные граждане государства.

Грамота Императора Александра I данная финляндцам в Борго, была делом его военных соображений, и, конечно, он мог давать свои милости кому ему было угодно, – но подданные шведского короля не только не имели права принимать этих милостей от Императора Российского во время войны, но не имели права даже являться к нему на подобные Совещания, а тем более Сеймы. И это тем более, что при шведском владычестве никакого финляндского Сейма не существовало, а был общий шведский риксдаг. Короче говоря, акт, на котором Финляндия думает обосновать юридическое бытие свое, как государства, совершенно несостоятелен. Это есть не более, как грамота Монарха Российского, выданная во время войны со Швецией подданным шведского государства. Когда Наполеон I вторгался в Россию, то он тоже издавал разные повеления и дарил льготы подданным русского Императора, ввозил фальшивые русские деньги и т. д. И, я думаю, что на этих актах никоим образом нельзя основывать каких бы то ни было юридических прав русских подданных, ибо эти права были получены от Императора французов во время войны с Россией. О подобных правах не следует даже напоминать, а не то, что основывать на них свои притязания. Итак, никакого Сейма в Борго не было, а было в Борго сборище изменников шведскому королю. Только потому,

что жребій воїны повернулся противъ Швеціи, а не противъ Россіи, только потому, что шведскій Король былъ побѣжденъ русскимъ Императоромъ и не могъ наказать своихъ измѣнниковъ, только поэтому эти люди остались ненаказанными и не повисли на шведскихъ висѣлицахъ. Императоры наши, завоевавшіе финляндскіе губерніи шведскаго королевства, безусловно, не считали и не могли считать Финляндію какимъ-либо особымъ государствомъ, и въ силу этого никакихъ Сеймовъ: ни при Императорѣ Александрѣ I, ни при Императорѣ Николаѣ I не собиралось. Первый Финляндскій Сеймъ былъ собранъ въ 1863 г. Императоромъ Александромъ II. Это былъ первый Сеймъ Финляндскій, основанный на законныхъ распоряженіяхъ законнаго россійскаго Монарха. Русскіе Императоры настолько не считались съ Финляндскимъ краемъ, какъ съ особымъ государствомъ, что нисколько не стѣснялись въ теченіе ряда лѣтъ измѣнять размѣры владѣній теперешняго Великаго княжества Финляндскаго. Всѣмъ извѣстно, что Императоръ Александръ I вскорѣ послѣ завоеванія этихъ шведскихъ губерній присоединилъ къ нимъ русскую губернію Выборгскую, завоеванную Петромъ Великимъ, и, конечно, онъ это сдѣлалъ только потому, что считалъ Финляндію такой же частью Россіи, какъ и Выборгскую губернію. Мало того, онъ присоединилъ къ Финляндскому Великому княжеству Аландскіе острова и Вестерботнію, которые при шведахъ никогда не входили въ составъ Финляндскихъ провинцій, ибо были чисто шведскими провинціями. Еще болѣе поучительны дѣйствія Императора Александра II, который въ 1863 г. – отторгъ отъ Финляндіи Сестрорецкій округъ безо всякаго согласія Финляндскаго Сейма, простымъ распоряженіемъ россійской самодержавной власти. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Финляндіи русскіе Императоры, то отбирали земли, то прибавляли, смотря по удобству управленія, нисколько не считаясь съ какой-то неприкосновенностью территоріи особаго княжества, ибо никакого особаго княжества, какъ такового, не было ни при Швеціи, ни при русскихъ Монархахъ. Я нисколько не отрицаю того, что со времени Императора Александра II и даже нѣсколько ранѣе, благодаря весьма настойчивымъ, систематическимъ и весьма хитроумнымъ пріемамъ финляндскихъ дѣятелей, русскіе Императоры издали рядъ актовъ, на основаніи которыхъ у теперешнихъ финляндцевъ является нѣкоторое основаніе предполагать, будто они теперь въ силу распоряженій и узаконеній, изданныхъ русскими Монархами, стали дѣйствительно самостоятельнымъ Великимъ княжествомъ. Я очень далекъ отъ того, чтобы отрицать силу за законами, изданными для Финляндіи россійскими самодержцами. Разъ они дали извѣстныя права финляндскому народу, разъ они создали Великое княжество, какъ дѣйствительно автономную область, имѣющую свое особое мѣстное законодательство, свою особую мѣстную конституцію, то, несомнѣнно, мы, русскіе, должны эти права уважать впредь до того времени, пока русскій Монархъ таковыя права не отберетъ, пока онъ такой конституціи не отмѣнитъ. С теченіемъ времени домогательства финляндцевъ въ смыслѣ обособленія отъ Россіи, въ смыслѣ своевольнаго расширенія дарованныхъ имъ правъ дѣлались все болѣе и болѣе настойчивыми. Мы дожили до того, что теперь государственные дѣятели Финляндіи открыто издаютъ книги, въ которыхъ доказываютъ, что нѣтъ государства Россіи, нѣтъ государства Финляндіи, а есть особое соединенное государство Финно-Россія, наподобіе того, какъ есть государство Австро-Венгрія; мы дожили до того, что финляндцы требуютъ себѣ особой арміи; мы дожили до того, что финляндцы требуютъ полнаго отдѣленія Финляндіи отъ Россіи и допускаютъ связь исключительно въ личности Монарха; мы дожили до того, что самые Основные законы Россійской имперіи Финляндцей уже не признаются, или признаются только постольку, поскольку Финляндскіе Сеймы, созданные великодушіемъ самодержавной русской власти, ихъ одобрятъ. Даже самый законъ о престолонаслѣдіи Россійскаго Императорскаго Дома и тотъ уже подвергается въ Финляндіи сомнѣнію и они требуютъ, чтобы и этотъ законъ прошелъ чрезъ ихъ Сеймъ. Я не отрицаю за финляндцами весьма вескихъ основаній къ такимъ попыткамъ, ибо русская власть въ цѣломъ ряде актовъ законодательнаго характера трактовала Положеніе Финляндіи въ имперіи въ смыслѣ финляндскихъ вожделѣній и создала такую почву, на которой эти притязанія финляндцевъ становятся понятными и даже естественными. Допустимъ даже, что юридическое положеніе финляндцевъ таково, какъ утверждаютъ намъ финляндцы, допустимъ, что, дѣйствительно, благодаря ряду, хотя и неосторожныхъ, но все-таки законныхъ дѣй-

ствий русской власти, Финляндия заняла такое юридическое положение, при котором она действительно может считать себя почти самостоятельным государством, может иметь свою армию, может иметь полную независимость от России, может делать все, что ей угодно в своем новом государстве. Допустим, что с юридической точки зрения это так и есть. – Что же отсюда выходит? Выходит, что Россия должна примириться с тем, что в 26 верстах от столицы государства, от резиденции Государя возникло новое самостоятельное государство и притом государство, весьма к России враждебное. Здесь целый ряд актов и действий, о которых речь впереди, доказывает, что Финляндия не дружественная нам страна, а явно враждебная. Ясное дело, что Великой державе, которая увидела в 26 верстах от своей столицы такого новоявленного врага, ничего не остается делать, как объявить этому врагу немедленно войну и завоевать его. Если желателен такой исход, если желательно, чтобы путем войны, путем кровавых битв было достигнуто правильное соотношение между Россией и Финляндией, то надо идти тем самым путем, коим до сих пор шли. Если же желательно прийти к мирному разрешению этого вопроса, что с моей точки зрения не только желательно, но и необходимо, то, очевидно, надо заявить, что ряд юридических актов, если за ними действительно укрывается столь вредная для России сила, необходимо отменить в силу жизненной необходимости, ибо жизненная необходимость требует, чтобы то нелепое положение, в котором очутилась Финляндия в составе России, было немедленно прекращено. Речи господ, которые с юридическими документами в руках доказывают, будто Финляндцы имеют право в 26 верстах от Петербурга образовать враждебное России государство, – напоминают мне случай из не столь отдаленного прошлого. В нашей Курской губернии, во время освобождения крестьян прославился некий курский дворянин Измаил Маков: когда последовал манифест 19 февраля об освобождении крестьян, этот исторический дворянин подал в курский суд жалобу на в Бозе почившего Императора Александра II о нарушении Императором его юридических прав. Он приложил к жалобе грамоты Императрицы Екатерины II и Петра III[612] и юридически вполне логично доказывал, что он, дворянин Измаил Маков, по прежнему имеет полное право продавать живых людей. Дворянин Маков был смешон, господа, и даже более того, – его заключили в психиатрическую лечебницу. Но что же делать нам с тем маленьким народом, который желает поступить в отношении к России точно так же, как курский дворянин Измаил Маков, хотевший доказать бумажными документами свои права на то, чего Россия ни в коем случае не может допустить и никогда не допустит? Подобно дворянину Макову финляндцы думают, что за ними юридическое право, что они могут кому-то жаловаться на Россию, апеллировать на державные решения России. Если целый народ нельзя заключать в сумасшедший дом, как это сделали с дворянином Маковым, то все же не пришлось бы надеть на него смирительную рубашку. Но перейдем, господа, к жизни. С историей мы покончим, тем более, что у нас впереди так много историков, и займемся тем, что нас окружает в данное время. Финляндия получила целый ряд благодеяний от России. Как известно, Император Александр I даровал Финляндии конституцию и весьма либеральную; в то время, когда его собственные русские подданные еще были рабами, когда его русский народ продавался на базарах – в это время финляндцы получили от него блага той свободы, которой вы, господа, только теперь наслаждаетесь. Финляндия получила почти полную автономию в своих внутренних делах, она получила почти полное избавление от солдатчины. В то время, господа, солдатчина была не та шуточная служба, как теперь. Военная служба была в то время пожизненной 25-летней каторгой. В то время люди уходили в солдатчину и гибли для своих семей, ибо они либо вовсе не возвращались в свои семьи, либо возвращались стариками с разрушенным здоровьем, с полной неспособностью возобновить свое мирное гражданское житие. И вот финляндцы еще в те времена были почти освобождены от тягостей солдатчины. В то время, когда русский народ бился, воевал, терял своих сынов и отстаивал русское государство, а в том числе и Финляндию, финляндцы в это время сидели дома. Выборгская губерния, Аландские острова, Вестер-Ботния – все эти земли были подарены Императором Александром I Финляндии со всеми их доходами, выгодами и преимуществами. И поныне Финляндия есть любимая дочь Рос-

сии, а никак не падчерица. Финляндия и поныне живет всецело на русские деньги, за счет русского народа. На военные надобности финляндцы платят до сих пор по 1 р. 25 к. с человека, а русские по 2 р. 83 к., на полтора рубля русский платит больше на военные надобности, чем финляндцы. Финляндцев почти 3 000 000 человек, и эта разница составляет ежегодную субсидию из России в пользу финляндцев в 4 000 000 руб. В то же время, так как финляндцы теперь совсем не ставят государству солдат, то Россия посылает своих русских сынов оберегать Финляндию, и за постой войск платит Финляндии от 2 500 000 р. до 3 000 000 р. денег ежегодно. Мало того, Россия, избавивши финляндцев от воинской повинности, сохраняет ежегодно около 30 000 молодых здоровых финляндцев их родине, обращая их на мирный труд. Если вы перейдете немножко на американский счет, и расцените трудовую стоимость каждого такого человека в 300 р. в год, то вы увидите, что Россия на этом приплачивает Финляндии до 9 000 000 р. в год. Затем, финляндцы не участвуют в платежах ни на Министерство Двора, ни на Министерство иностранных дел, ни на погашение государственных долгов. Это избавление от имперских расходов дает финляндцам новую экономию приблизительно в 6 500 000 р. в год.

В общем при самом грубом подсчете, грубом, конечно, в смысле ошибок в меньшую сторону, а не в большую, около 18 000 000 рублей ежегодно Россия дарит Финляндии. Мы здесь слышали, господа, что финляндцы мирный, честный, трудолюбивый народ. Это правда, но я обращаюсь, господа, к вашей справедливости. В Курской губернии, жителей немногим меньше, чем в Финляндии. Если бы Курская губерния получала из государственного казначейства ежегодно по 18 000 000 руб. субсидии, то я думаю, что через 100 лет даже и наши министры сказали бы, что в Курской губернии живут мирные, честные, трудолюбивые и культурные люди. Финляндия за эти 100 лет разжирела и отъелась на русских деньгах за счет русской крови, русского пота. Не трудно быть культурным, когда вас кормит все государство, и когда вы государству почти ничего не платите. Я утверждаю, что культура финляндская – это тепличный цветок, возросший в российских парниках, на русском навозе, на русском удобрении. Финляндцы выросли на наш счет и нечего им гордиться тем, что на русском удобрении растут финляндские орхидеи. Вы попробуйте-ка процвести, когда будете платить все то, что платит русский народ, когда будете защищать Россию так же, как защищают ее русские. Тогда мы посмотрим на финляндскую культуру, а пока пусть не хвалятся, пока пусть будут только благодарны великому благодетелю своему, который 100 лет кормил своей кровью и своим потом финляндскую окраину. Финляндцы в русском государстве не знают никаких ограничений; по всей России финляндцы признаются русскими подданными, и нет в России никаких ограничений, никаких сокращений в правах финляндцев. Финляндцы – полноправные граждане Российской империи. Вы это все знаете. Вы знаете, до чего доходит у нас полноправность финляндцев. У нас даже министры есть из финляндских граждан. Мы знаем, что наш военный министр – финляндский гражданин; мы знаем, что начальник нашего мобилизационного отдела – финляндский гражданин; мы знаем, что сам оберегатель жизни русского Государя, министр Двора – финляндский гражданин; мы знаем, что морской министр, герой недавнего прошлого, адмирал Авелан[613] – финляндский гражданин. Вот до чего дошло полноправие финляндцев в России. И что же получает Россия в ответ от этого мирного, честного, трудолюбивого и культурного народа? Русские лишены в Финляндии всяких избирательных прав. В Финляндский Сейм ни один русский уроженец не имеет права выбирать. (Но в русскую Государственную думу, в русский Государственный совет финляндцы имеют все избирательные права.) Не только в Сейм, но в любую городскую думу финляндского города, в любой сельской общине или финляндской деревне русский уроженец не имеет права голоса, хотя бы он там жил всю свою жизнь. Хуже того, в Финляндии имеются православные русские общины, и даже членами этих православных церковных общин не могут быть русские, ибо они русские, а не финляндцы. Русские не могут служить нигде в Финляндии, ибо от всех русских требуется окончание курса финляндского учебного заведения, а, конечно, русские не получают образования в финляндских учебных заведениях. Русский врач почти до сего времени не смел

лечить в Финляндии. Ведь это не анекдот, что когда знаменитый профессор Боткин[614] послал рецепт в финляндскую аптеку, то аптекарь отказал выдать лекарства, ибо профессор Боткин не имел-де звания финляндского врача. Теперь это отменено, но тем не менее и теперь чинятся всякие притеснения русским врачам, ни один русский врач не может служить на казенной финляндской службе. Если по ошибке русский врач забудет представить свидетельство медицинского управления, его штрафуют на 300 марок; но если это сделает финляндский врач, то он штрафуется только на 50 марок, ибо русские должны в шесть раз больше отвечать, чем финляндцы. Русские в Финляндии не могут торговать, не могут быть приказчиками, не могут владеть винокуренными и спиртоочистительными заводами, не могут владеть судами, не могут водить судов, не могут торговать на ярмарках, не могут быть приказчиками. Короче говоря, мирный, честный, трудолюбивый финляндский народ издал 171 узаконение, специально направленное к ограничению прав русских в Финляндии. А в России ни одного такого закона против финляндцев нет. Я, господа, обращаю ваше особое внимание на это обстоятельство, внимание всех русских людей не только правых и центра, но и левых, ибо справедливость для левых и правых одна – и если вы мне скажете, что это справедливо так поступать с русскими, тогда, значит, Государственной думе надо закрывать лавочку.

Господа, вы все помните, как разразилась война Англии с Трансваалем, она разразилась из-за того, что независимая республика буров установила ряд ограничений для английских уроженцев в своем государстве. Англия не потерпела, чтобы английские граждане несли ущерб хотя бы и в чужом государстве и были бы на положении каких-то партий, которых никуда не пускают. Англия не пожалела миллиардов денег, не пожалела расходов на трехлетнюю войну, разгромила республику буров, завоевала ее и сделала ее английской провинцией. Пусть Финляндия помнит, что такой способ действий, какой она принимает, приведет ее именно к таким же результатам; при системе такого полноправия, которое установлено для русских в Финляндии, кроме кровавой развязки ничего не может выйти, ибо великий народ, хозяин великого государства, не может допустить, чтобы его подданные плевали ему в ясные очи издевательскими плевками!

Все, что я рассказал, касалось мирной жизни; но за последнее время в Финляндии умножились до бесконечности преступные выступления против России, против русских властей, против всего русского. Еще недавно, на этих днях, вы слышали красноречивую речь г. председателя Совета министров. Неужели вас не охватил ужас, когда он спокойным и ясным голосом прочел этот кровавый синодик русских невинных жертв, жертв финляндской лояльности? Неужели ваше русское сердце не содрогнулось, когда вам перечисляли, что такого-то русского человека убили, такого-то собираются убить, там-то хотели взорвать, там-то взорвали, там-то покушались на Великого князя, и, что еще более ужасно, покушались на жизнь самого Государя. И это в течение 1–2 лет целая куча преступлений, ужасных, неслыханных, от которых мир содрогался. И все это сделано, все это замышлено и вышло из небольшой Выборгской губернии, из недр честного, мирного, культурного народа финляндского. Председатель Совета министров нам, конечно, не мог перечислить всего того, что сделано было преступного в Финляндии. Мы напомним, что кроме многих иных там убили одного из лучших русских людей, незабвенного героя Николая Ивановича Бобрикова, Финляндского генерал-губернатора, мученика русской государственной идеи. Он был убит за свою верность присяге. Его достойный помощник г. Дейтрих был тяжело ранен; целый ряд русских губернаторов и представителей власти были или убиты, или ранены. И все это осталось безнаказанным, почти без всякого расследования. Точно так и надо, чтобы тем, кто остается верен России, русской государственной идее и Царской присяге, была наградой смерть. Все эти убийства произошли якобы не в России, а в этом сверхвероятном Великом княжестве, где для русских нет ни прав, ни правды, ни закона. Может быть нам скажут, что это все отдельные выступления революционеров, выступления преступных организаций, не имеющих ничего общего с совокупностью финляндского народа. Конечно, я не думаю, чтобы народ финляндский во всей его совокупности был повинен в этих ужасных

преступлениях, ибо народов-преступников не бывает в природе, но тем не менее нельзя не обратить внимания на то, как относился финляндский народ в лице его властей, в лице его избранников, в лице его интеллигенции ко всем этим преступным явлениям. Если вы скажете мне, что эти преступления были осуждаемы финляндцами, что на них смотрели с отвращением, что финляндцы старались их предотвратить, я буду очень рад, я буду рад, если с этой кафедры мне сообщат, что это было так. Но то, что нам известно, говорит противное, говорит, что все эти преступления пользуются в Финляндии, в широких массах финляндского народа полным сочувствием, если не поддержкой.

Мы знаем, как действовала там революционная Красная гвардия и ее предводитель, бывший капитан русской Императорской армии Кок. Эта мятежная организация упражняла свои воинские доблести под стенами русской крепости «Выборг». Верный присяге и долгу Выборгский губернатор Медем[615] запретил под опасением наказания эти упражнения, но это распоряжение, законное распоряжение русской власти, было отменено генерал-губернатором Герардом, который вновь допустил упражнения преступной военной организации под стенами русской крепости. Вскоре после этого, как сообщил нам председатель Совета министров, эта самая Красная гвардия участвовала в сражении при Свеаборге и сражалась с русскими войсками в русской крепости. После этого Красную гвардию закрыли, но сейчас же возникла другая организация, столь же преступная и еще более многочисленная, которая назвалась Воймой. Мы слышали здесь, что эта самая Войма ввозила в Финляндию сотни тысяч военных ружей, не охотничьих ружей, а Маузеров и т. п., ввозила десятки миллионов патронов, ввозила артиллерию горную, пулеметы. Эта самая организация целой сетью циркуляров и прокламаций призывала финский народ к восстанию и к отторжению Финляндии от России. После того, как настойчивые требования из России заставили Финляндский Сенат закрыть эту преступную организацию Воймы, сейчас же возродилась, как феникс из пепла, новая организация «аграрный союз», которая продолжает дело Красной гвардии и Воймы. И мы не сомневаемся, что, пока этот аграрный союз не выкинет чего-нибудь невероятного, чего-нибудь особопреступного, он не будет закрыт, если не будут прекращены те нелепые порядки, которые практируются в Великом княжестве Финляндском. Я боюсь, чтобы этим ужасным случаем не оказалась атака города С.-Петербурга, потому что такая атака вполне возможна при том полном бездействии и слабости, которые выказывает и проявляет до сих пор, до самых последних дней, русская власть. Я не удивлюсь, если однажды 30 000 или 40 000 мирных финляндцев внезапно кинутся на Петербург, в то время, когда, быть может, в Петербурге не будет ни гвардии, ни других каких-либо войск. И быть может Россия будет свидетельницей завоевания Петербурга отрядом мятежников. Петербург охраняется одними лишь бумажными актами. Но охраняя столицу только бумажными актами, мы рискуем потерять ее вовсе.

Для того, чтобы вам, господа, понять, что собственно делается в Финляндии, я попрошу вас прослушать тот марш, который рассылался преступною организациею Воймы и который должны были разучить все мирные, честные, трудолюбивые финляндцы к тому моменту, когда они собрались поднять вооруженный мятеж против России:

«Началась жестокая война, пламенем мести захватила края она; кровавый финляндский небосклон, о свободе гласит он.

Выступайте, жители Саволакса и парни Эстерботтена, а также ты, народ карельский, против русского врага.

Финны понесутся вперед, как летит стрела, весь народ гласит: долой отсюда русскую власть. Наши здесь власть и сила, и воля народа – наш закон.

Перед нами ныне Монарх преклонится. Финляндии русский не возьмет.

Посмотри, как наши ребята рвутся против русских войск: *в скором времени железо закипит в крови русских сердец.*

Скоро власть Николая будет свергнута с помощью Господа Бога. *Растерзанным лежит орел под ногами финского льва.* Выступайте, люди молодые, силою бури могучей, а вы, старцы, также помогайте молодым.

Нам творец победу даст подобно древнему Израилю. *Финские герои, выгоните русских за их матушку Москву*».

Некоторые из вас, господа, смеются. Я смеяться не могу, не могу смеяться, когда такие марши распеваются дружественным нам народом, когда в 26 вер[стах] от столицы нашего Императора, от этого самого Таврического дворца затевается явное преступление против нашей родины. Простите, мне не смешно! Итак, господа, мы видим, что Финляндия в выступлениях отдельных лиц, отдельных организаций, целых учреждений стремится к явному отторжению от России. Я не буду утомлять вашего внимания чтением большого числа вырезок, которые я приготовил, они утомят внимание, хотя в одном из циркуляров главаря финляндской организации Маннелина, который, кстати сказать, до сих пор гуляет на свободе, повествуется, что было намерение совершить цареубийство в финляндских шхерах; и этот господин, который печатно признался, что он затевал цареубийство, гуляет свободно по Финляндии, был только оштрафован на 300 марок. Финляндские притязания, финляндские преступные желания растут, как ком снега; они уже не довольствуются тем, что хотят независимости своего Великого княжества, они мечтают о завоевании частей России. Я позволю себе прочесть несколько строк из сочинений финляндского писателя Иоганни Ахо[616]: «Кто знает, может быть, когда-нибудь выйдет из нашей среды новый Александр Великий, который объединит все финские племена, низвергнет Персию, явится основателем великой финской всемирной державы и понесет нашу цивилизацию далеко в глубь темной Азии...

Тогда гордые борцы севера внесут блага цивилизации в полярные страны, а юная и великая Финляндия объединит свое царство от Балтики до Берингова пролива, охватывая Ледовитый океан. Будем ждать; эта надежда поддержит нас вплоть до новой, отрадной великой борьбы». Положим, это написал только писатель, это не есть, конечно, доказательство стремлений всех финляндцев в данное время, но, господа, если писатели решаются писать такие вещи, то это значит, что подобные мысли уже бродят в голове народа. И не презирайте маленького народа: презрение к маленьким народам довело нас до Цусимы. Помните Цусиму, когда говорите о Финляндии. Все то, что происходит в Финляндии, остается до сих пор безнаказанным. Та самая Войма, которая призывала к цареубийству, которая вооружила всю Финляндию, которая готовила войну против России, она до сего времени не была судима, правда, она была отдана под суд, но суд тянется до сих дней. Еще 2 мая этого года в Абоском гофгерихте разбиралось дело Воймы, и вот что там несколько дней тому назад произошло: Заседание открылось в 11 ч. утра, причем, главным образом, разбирался вопрос, виновны ли в государственной измене лица, входящие в состав правления союза Воймы. Адвокат-фискал Эриксон дал заключение, в котором в более энергичной форме, чем прежде, высказал мнение, что нет основания привлекать воймистов к ответственности за государственную измену. Помощник прокурора нашел, что временное правление союза Воймы виновно в том, что замешано в дело ввоза запрещенного в стране оружия и боевых припасов и что, зная таковое запрещение, старалось скрыть свои действия. Однако, по мнению помощника прокурора, это дело, как касающееся нарушения таможенных правил, не подлежит разбору гофгерихта, вследствие чего официальный обвинитель обязан освободить от соответственного обвинения и передать дело на рассмотрение другого суда. Кроме этого, требования прокурор никаких обвинений не предъявлял. Короче говоря, Войму будут судить за таможенные нарушения, но не будут судить за государственную измену. Из того, что нам сообщили о деяниях полицеймейстера Нандельштадта и полицеймейстера Эмана, из того, что нам сообщили о действиях прокурора Сената Гротенфельта, который в официальной речи оправдывал все действия воймистов, признавал законное право граждан Финляндии на вооруженный отпор против исполнения повелений Российского Монарха, – из всего этого, мы видим, что и полиция, и суд, и власти, и общество финляндское – все они идут против России мятежом, все они готовы к мятежу, все они соучастники этого ужасного кровавого кошмара. И поэтому я, с большим прискорбием, услышал аттестацию фин-

ляндскому народу, что это мирный, честный, трудолюбивый и культурный народ. С этими похвалами надо было бы подождать.

Финляндцы, господа, бытие своего государства, которое я отрицаю, основывают на акте изменническом, на акте Сейма в Борго, когда изменники шведскому Королю собрались для того, чтобы продать своего Государя и вступить в переговоры с враждебным их государству Российским Монархом. С чего начали финляндцы, тем они и кончат. Когда возникнет в Европе война, когда русские войска будут, быть может, заняты где-нибудь в другом месте, то в это время в новый Борго соберутся новые изменники и также продадут Русского Монарха, как 100 лет тому назад продали Шведского Короля. Я этого боюсь, и прошу Государственную думу не забывать этого примера. Кто раз изменил, тот изменит и второй раз.

Теперь перейдем к вопросу о том, что делало наше русское правительство в этом тяжелом положении, созданном финляндским преступным мятежом. Председатель Совета министров нам сказал в начале своей речи, что имперское правительство считает и будет считать себя ответственным за финляндские события, так как Финляндия – это составная часть Российской империи – я с этим совершенно согласен и полагаю, что вся Россия так думает и ничего нового в этих словах Россия и не услышала. Завоевавши Финляндию, Россия всегда вправе была думать, что русское правительство введет там или свое управление или через финляндские власти, или как-нибудь иначе, но что во всяком случае, ни при каких обстоятельствах не создатся такое положение, чтобы центральная русская власть могла быть не ответственной за то, что происходит в одной из частей Российской империи. Поэтому заявление председателя Совета министров, конечно, весьма своевременное и весьма уместное в данное время, когда многие эту простую истину отрицают, меня нисколько не удивило. Но в то же время г. председатель Совета министров заявил с этой кафедры, что корень зла лежит не в бездействии, не в незакономерных действиях властей, что по мнению г. председателя Совета министров, корень зла лежит где-то глубже. Это, господа, естественное и натуральное состояние корней находится в глубине; корни зла, конечно, глубже лежат, но самое зло, дерево зла это именно и есть бездействие русских властей, выросшее на корнях преступной деятельности финляндцев. Я постараюсь обосновать свое утверждение. Председатель Совета министров не опроверг ни одного факта, изложенного в наших трех запросах; он подтвердил все факты и мало того, что их подтвердил, но усилил впечатление новыми фактами, нам неизвестными, еще более грозными, еще более ужасными. Факты вооружения финляндцев подтверждены с этой кафедры авторитетным голосом и, тем не менее, на вопрос: что же сделала русская власть к обезоружению преступников, покушавшихся предательски напасть на Россию? Обезоружило ли правительство тех, кто вооружился для мятежа? Разве какая-либо финляндская конституция могла помешать русским министрам, русским властям обезоружить явных мятежников? Разве есть на свете такая конституция, которая препятствовала бы при возникновении явного мятежа объявить страну или часть страны на военном положении? Конечно, нет; конечно, никакая финляндская конституция не мешала, не мешает и не может мешать русскому правительству рукою властной остановить преступное действие явных мятежников и преступников, и никакая программа будущей законодательной деятельности не может закрыть перед нашими глазами этого печального факта явного бездействия русской власти. Я уже не говорю о восстановлении в Финляндии законных прав Российской империи. Ввиду того, что произошло за эти 100 лет, ввиду существования актов, которые были выманены у русских Монархов подчас весьма сомнительными средствами, но все-таки были выманены, ввиду существования этих актов, действительно, затруднительно было бы определить ясно и точно юридические права России. Для сего, действительно, необходимо новое законодательство. Поэтому я не буду говорить о том, что русское правительство должно было гордо держать в Финляндии русское государственное знамя, – это пока еще поправимо. Но мне хотелось бы спросить председателя Совета министров по поводу отдельных фактов, которые были изложены в запросе и на которые, к великому прискорбию нашему, ответа не было. Ответа и не может быть, ибо г. председатель Совета министров желает, чтобы запрос этот был снят, а раз он

будет снят, то мы, конечно, никогда не получим ответа на этот волнующий нас вопрос. Вопрос о действиях русского действительного тайного советника Герарда, отменившего приказание Выборгского губернатора о том, чтобы под стенами русской крепости «Выборг» были прекращены явно преступные упражнения мятежнической военной организации численностью в 6000 чел. Герард отменил распоряжение губернатора и через несколько времени очень скоро эта самая организация вступила в бой с русскими войсками и пыталась захватить русскую крепость Свеаборг. Что сделало русское правительство с действительным тайным советником Герардом, виновным в столь явном акте государственной измены? Оставим как финляндцев доказывать свои конституционные права, ибо причем же тут финляндская конституция?* Я вас спрошу, разве была бы нарушена финляндская конституция, когда б действительный тайный советник Герард был предан за свое преступление русскому суду? Я полагаю, что ни один финляндец не сказал бы, что финляндская конституция нарушена. Часовой, который поставлен у порохового погреба и во время пожара от страха бежит, подлежит смертной казни. Неужели русский генерал Оболенский, бежавший со своего поста, бросивший Финляндию на произвол мятежников, неужели он не заслуживает военного суда? Неужели только одних часовых у пороховых погребов надо судить военным судом? Я хотел бы спросить г. председателя Совета министров, что сделали русские власти в отношении русского генерала Лангофа, носящего до сих пор мундир русской Императорской армии, генерала, который поднес на Высочайшее благоусмотрение, – сообщение о выработанном Сенатом проекте новой Формы правления, проекте, который само же наше правительство характеризует как проект отторжения Финляндии от России, т. е. как явный акт государственной измены?

Я полагаю, что какова бы ни была наша дальнейшая программа в законодательстве по финляндским делам, но эти вопросы ужасного позорного прошлого не могут быть замолчаны, не могут быть сняты с очереди, надо на них ответить; или все, что я спрашиваю, это не так, это неправда, или, скажите – да, были допущены ошибки, но впредь их не будет. Мы говорим об этом не для того, чтобы наносить какие-либо удары русскому правительству; у русского правительства нет более честных, открытых друзей, чем мы, правые.

Но мы никогда, будучи друзьями правительства, никогда мы не покроем его ошибок и всегда скажем в глаза правду даже самому Монарху. Это наша гордость. И вы у нас ее не отнимете. Нам было сказано, что в 26 верст от столицы, от резиденции Г о с у д а р я, был устроен в пределах Выборгской губернии явный очаг революции, оттуда выпускались вылазки против России из Финляндии. Вылазки – это буквальное выражение г. председателя Совета министров. Какой-то наглый враг угнездился в 26 вер[стах] от резиденции Г о с у д а р я И м п е р а т о р а, на расстоянии хорошего пушечного выстрела, и выпускает оттуда массу преступников, выпускает оттуда взрывчатые материалы, командует, как какой-нибудь Генеральный Штаб, целой армией мятежников. И что же делает русская правительственная власть? Она выставляет на границе какую-то механическую заслонку, как выразился, г. председатель Совета министров. Заслонкой заслонились от мятежников, но все-таки мятежников этих открыто и прямо не схватили. В древности щит был оружием оборонительным; древние щитами действительно загораживались от вражеских ударов, но в левой руке у них был щит, а в правой меч. У нас же про меч начисто забыли, про щит помнят, меч же ржавеет.

Нельзя одними щитами загораживаться от явных нападений врагов, надо бить и поражать врага, а не только заслоняться заслонами. Я не могу допустить мысли, чтобы русский орел стал бояться северных кошек. Неужели у русского страха так велики стали глаза, что кошки уже кажутся за львов? Я не хочу этому верить. Вот те основания, которые заставляют меня высказать от имени фракции правых, что, при всем нашем желании поддержать правительство не хуже господ октябристов, мы не можем в данном случае оказать этой поддержки. Мы не можем с чистой совестью снять наш запрос и сказать: «ваши объяснения

* Так в тексте. *(Прим. сост.)*.

нас успокоили». Нет, объяснения председателя Совета министров не только не успокоили нас, но они навели на нас ужас и страх. Мы, господа, не можем снять этого запроса. Воля Государственной думы отвергнуть его – это дело вашей совести, но мы добровольно не снимаем запроса и просим правительство дать нам ответ на те вопросы, которые мы ему поставили. Я не знаю собственно, чем руководствовалась фракция октябристов, когда сняла свою часть запроса, касающуюся финляндских железных дорог? Насколько мне не изменяет память, запрос господ октябристов касается того, что в мае 1899 г. – 8 лет тому назад – состоялось Высочайшее повеление о соединении русских железных дорог с финляндскими в стратегических целях. Восемь лет протекло и не только это Высочайшее повеление не было исполнено, но, наоборот, финляндцы за это время построили ряд железных дорог, направленных к соединению с Швецией. Было признано необходимым привести финляндские дороги к тому состоянию, в каком они должны были всегда находиться для пропуска русских поездов. Этого за 8 лет не было сделано, и тем не менее господа октябристы свой запрос сняли – они сказали: «мы удовлетворены». Чем же они были удовлетворены? Объяснением г. председателя Совета министров? Но там было сказано, что в настоящее время уже действует Комиссия, которая испробует наши вагоны, наши локомотивы по финляндской колее, и по первому опыту Комиссии нужно думать, что габарит наших вагонов подойдет к финляндской колее и сквозное движение будет возможно. Кроме того, по поводу проведения новых дорог в самой Финляндии было сказано, что этот вопрос вызывал уже недоразумения между нашим Генеральным Штабом и статс-секретариатом: финляндский гражданин генерал Редигер, стоящий во главе нашего военного ведомства, даже испытывал недоразумения в переговорах с финляндским гражданином генералом Лангофом, стоящим во главе статс-секретариата. Я понимаю, что это очень доказательно, и что господа октябристы могли на этом примириться, это действительно весьма важные и веские факты, но я думаю все-таки, что это не ответ, почему 8 лет не только не исполнялось Высочайшее повеление, но проявлялись действия, явно направленные к нарушению Царского повеления. Вместо того, чтобы соединяться с русскими дорогами, финляндцы почти соединились с шведскими дорогами. Нам говорят, что Комиссия едва через 8 лет начала действовать, и надо думать, что она достигнет того-то и того-то, а может быть и не достигнет. Неужели факт недоразумений, возникших между двумя финляндскими гражданами, уже настолько красноречив, чтобы можно было снимать запрос с очереди. Правда, кроме того, учреждена Комиссия, я понимаю, что Комиссия, которая состоит – я позволю себе прочесть имена членов Комиссии – от Министерства путей сообщения, из наиболее компетентного в этом деле ведомства: «Тваровский[617], Верженский[618], Мацеевский, Вигура[619], Книппер, Лесневский[620], Иоганн Густавович Линдквист и один русский Думитрашко[621] и к ним будут прибавлены еще от Финляндского Сената Ахонен[622], Гришенберг и Эрнгельм[623]». Я готов понять, что господ октябристов факт учреждения этой финляндско-польской Комиссии должен успокоить, ведь все-таки там есть один русский: быть может, он испортит вам затеянную музыку.

Я спешу докончить свою речь, которая растянулась, и должен сказать, что мы, правые, предъявляем запросы правительству не для того, чтобы наносить ему какие-нибудь удары, но и не для того явились мы в Думу, чтобы покрывать своими действиями ошибки правительства. Мы будем говорить ту правду, которую нам подсказывает наша правая совесть, мы свой запрос ставим в упор правительству и просим его также открыто и прямо на него ответить. Что касается того, что нам сказал г. председатель Совета министров по поводу будущего, по поводу того, что предполагается приступить к новому законодательству по делам Финляндии, то, конечно, кроме полного сочувствия, кроме полного одобрения со стороны правых, мы ничего не можем предложить правительству в ответ на эту часть декларации. Конечно, давным-давно пора русскому правительству вспомнить, что Российская империя едина и неделима, давным-давно пора устранить все то, что мешает развиваться и идти по пути культуры и прогресса русскому народу, а несомненно, что неестественное, нелепое положение, которое заняла Финляндия в России, такому культурному росту России мешает. Мы приветствуем это стремление правительства, хотя весьма сожалеем, что оно так поздно

появилось, – но лучше поздно, чем никогда. В этом отношении мы всячески поддержим действия правительства, но все-таки нам показалось не совсем правильным то упоминание, та оговорка, которая звучала в речи г. председателя Совета министров; он сказал, что хотя державные права России должны несомненно преобладать, но тем не менее русское правительство будет стремиться создать новое законодательство, которое определит сферу компетенции местного финляндского управления не иначе, как с согласия или одобрения (он не выразился так именно, но смысл был таков) Финляндского Сейма и финляндских властей. Мы думаем, что финляндские власти, Финляндский Сейм настолько превратно, настолько невероятно понимают свои права, что русскому правительству невозможно соединить эти два несоединимые стремления, невозможно оберечь интересы русского народа, права русского государства и удовлетворить аппетиты финляндских сепаратистов. Ставя задачу так, по-моему, правительство становится на ошибочный путь и не приведет своего законодательства к желаемому успеху, оно не приведет к мирному разрешению этого вопроса, а раз не будет мирного, то будет кровавое разрешение, чего не дай Боже! и поэтому мы всячески просим правительство не задаваться целью согласовать несогласуемое. Мы увидели, что на чердаке нашего государственного здания загорелся пожар. Мы закричали: «горим, тушите, там поджигатели, там жгут наш государственный дом», а домоправитель выходит и с этой кафедры заявляет: «да, там пожар, там поджигают, даже нескольких дворников убили, а остальные сами изменили, но, тем не менее, я полагаю, что мы не можем тушить пожар, мы не можем рукою властной и сильной хватать поджигателей, чтобы прекратить пожар, а будем создавать новые строительные правила. Мы построим дом на новых началах, тогда не будет пожаров, и, чтобы удовлетворить всех, пригласим поджигателей к разработке нашего проекта». Это, господа, невозможно, при этой постановке дела никакого толка из предположений правительства не выйдет. Хорошие слова останутся висеть в воздухе, и по-прежнему мятежная Финляндия будет грозить нашей столице, и по-прежнему спокойствие нашего Государя и безопасность Петербурга будут зависеть от доброго желания гг. финляндских полицеймейстеров в роде изменников Нандельштадта и Эмана. Этого мы, господа, не можем допустить, мы должны всячески просить наше правительство стать на другой путь, на путь ясный, определенный, чтобы было сказано: Россия есть империя, которая властвует над всеми своими подданными, и если конституция, данная Финляндии, почему-либо в данное время становится неудобной для русских интересов, то также, как сделано было с Царством Польским, где конституция, данная Императором Александром I, была отменена Императором Николаем I, должна быть отменена без всяких разговоров с финляндцами и конституция финляндская. Затем пусть будет дана Финляндии такая конституция, которая соответствует русским интересам, ибо русское государство завоевывало Финляндию только для себя, для своих русских потребностей, для своих русских удобств. И Петр Великий, и Елисавета Петровна, и Александр I, завоевывая Финляндию в течение 100 лет, конечно, не советовались с финляндцами, завоевывать им их землю или не завоевывать. Все эти Императоры действовали в силу сознания разумных польз своего государства и рукою властною захватили эти земли у шведского короля. И теперь русские Императоры не могут становиться на другой путь; они не могут стать на такой путь, при котором возможно существование под боком Петербурга такого нелепого враждебного России государства, и притом в такой опасной близости от резиденции русского Императора. Если вы дорожите благом России, если вы желаете действительно, чтобы государство наше было мощным, великим и могучим, то отбросьте все эти притязания финляндских изменников и сепаратистов и скажите могучее русское слово – Россия для русских, – все остальное да подчинится русским интересам!

Опубл.: Речи членов Государственной думы Маркова 2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 года. [Издание Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. № 5]. СПб., 1908. С. 3–28.

№ 298. Речь В.М. Пуришкевича от Союза имени Михаила Архангела на заседании Государственной думы по поводу запросов о Финляндии

13(26) мая 1908 г.

Господа народные представители, трудно всходить на эту трибуну, чтобы говорить по вопросу, который так больно ударяет по струнам русского сердца, со сдержанностью и хладнокровием, трудно говорить при обыкновенных обстоятельствах, если бы явился сюда наш правый первым и сказал свою речь здесь, зная все то, что делается на этой окраине по документам, но не выслушав еще ни одной из тех речей, которые мы терпеливо выслушивали с левой стороны в течение двух дней. Но когда выслушаешь все то, что нам говорилось, что произносилось оттуда, то нужно много выдержки для того, чтобы не потерять ни самообладания, ни хладнокровия и остаться в уважении к тому собранию, в котором находишься. Председатель Совета министров, господа, два дня тому назад, произнес здесь блестящую, патриотическую речь, в которой обрисовал во всей полноте ту картину разложения, которая происходит сейчас в Финляндии. И вот, после того, как эта речь появилась в газетах, на страницах левой печати начались комментарии. Начали говорить о том, что председатель Совета министров является выразителем одной, определенной школы, школы Ордина, указывалось на то, что в речи председателя Совета министров масса фактов, которые проходят красной чертой в трудах Сергеевского, Бородкина, Еленева, Ордина и других знатоков финляндского вопроса, и что вообще «школа» Ордина сказывается на всей его речи. Нам, правым, любо было слушать то, что говорил председатель Совета министров, так как мы предпочитаем всегда видеть оттуда, с министерской трибуны выходящим к нам русского человека школы Ордина, чем, не дай Бог, чтобы это когда-нибудь случилось, профессора по кафедре выборгской литературы, которому ближе могли быть идеалы «школы» гг. Небогатова[624], Базена[625] и Дрейфуса[626]. Господа, все эти прения, которые здесь происходили, они ужасны для нашего русского национального чувства, ужасны потому, что они показывают во всей наглядности и полноте то падение русских национальных идеалов, которого мы не могли допустить, и это падение совершилось так быстро, так стремительно – и потому оно так ужасно. В царствование Императора Александра II, когда ему было доложено, что из Финляндии один из шведов-сепаратистов желает выселиться и принять шведское подданство, то Его Величеству благоугодно было начертать на этом ходатайстве: «дозволить, ибо одним негодяем будет в Финляндии меньше». Господа, мне кажется, вдумываясь в эту заметку Государя, что гораздо лучше поступил тот шведский сепаратист, который не признал возможным бороться с чувством любви к Швеции и верноподданичества к России и выехал из пределов России, чем те сепаратисты, которые здесь, принеся присягу на верность Е г о В е л и ч е с т в у Самодержцу Всероссийскому, стремятся доказать существование тех отношений между Финляндией и Россией, каких фактически не существует. Господа, слушая речь председателя Совета министров, я старался забыть о том, что это говорит человек, облеченный всей полнотой исполнительной власти. Мне казалось, что говорит депутат Столыпин, и мне мысленно хотелось бы, чтобы человек этот обладал той полнотой власти и стал у той власти, которая дала бы ему возможность, зная все то, что здесь творится под боком у нас, крепкой и властной рукой обуздать течение, так разлагающе действующее на Россию, и положить ему преграду и конец. Увы! в действительности другое; не депутат Столыпин пред нами, а Столыпин-премьер, знающий положение дел в Финляндии и, увы! ничего не предпринявший. Я не буду, господа, возражать здесь тем из господ и октябристов, и левых, которые добивались каких-то призрачных еще больших свобод для той страны, которая пользуется неизмеримо большей свободой, чем пользуются граждане Русской империи, и поэтому я оставляю в стороне и ту речь, которую произнес здесь представитель партии 17 октября Петрово-Соловово[627], и ту речь, которую с потугами на юмор нес здесь чревовещатель от трудовиков, не имевший, конечно, успеха.

Я только хочу указать на два слова, которые сказал Петрово-Соловово: salus rei publicae suprema lex esto, сказал он, т. е. благо республики, благо страны да будет высшим законом. Но он забыл другое выражение того же великого народа – civis Romanus sum, я римский гражданин, и вот, господа, обидным и оскорбительным для нас, русских, является в данную минуту то, что мы, зная и из речи председателя Совета министров и из речей некоторых октябристов, что делается в Финляндии, как там относятся к нам, русским, какие там сложились взаимоотношения, – мы знаем, что слово civis Russicus sum, я русский гражданин, не имеет там никакого значения, оно попирается и ставится в ничто. Я хочу остановиться несколько подробнее на этих взаимоотношениях, чтобы показать во всей наготе то, в каком положении сейчас там находится русское имя, как там оно заплевано, забито и как после всего того, что мы знаем об этих к нам отношениях Финляндии, после того, что мы слышали, о чем мы каждый день читаем на страницах газет, являются господа, как Львов, и указывают, что мы хотим угнетать Финляндию, хотим лишить ее каких-то прав. Можем ли мы упрекнуть себя в том, господа, чтобы когда-либо к какой-либо порядочной народности, которая входит в состав империи, мы относились не так, как следует, чтобы мы не давали ей известных прав, тех прав которыми пользуются русские граждане. Наоборот, благодаря известным особенностям славянской расы, мы не в состоянии не только душить ту или другую нацию, но сплошь и рядом, благодаря нашей мягкости и податливости, мы не в состоянии не поддаться ассимиляции с нею; факты налицо, вам достаточно указать, что русские, живущие бок-о-бок с якутами, сплошь и рядом объякучиваются; мы знаем – факт несомненный, – что русские, проживающие в пределах Германии, некрасовцы, скорее выучиваются говорить по-немецки, скорее ассимилируются с немцами, чем таковые с нами. Следовательно, говорить, чтобы русский человек кого-то давил, да еще сознательно – это говорить сплошную неправду, и мы не можем упрекнуть себя в том, чтобы когда-нибудь в прошлом, с момента присоединения Финляндии, с Фридрихсгамского мира наши отношения к Финляндии были недоброжелательными. Целый ряд русских писателей сочувственно относился к Финляндии, и такие русские столпы как Аксаков[628] в 1863 г. после того, как был созван Финляндский Сейм, который с 1809 по 1863 г. не созывался, приветствовал открытие Финляндского Сейма, желая ему блага, блестящей будущности, надеясь, что работа его будет параллельно идти с работой русского государственного корабля и прочно свяжет те два народа, которые были связаны в силу победы русского оружия над шведами на веки. Но отличительной чертой тех народностей, которые входят в состав Великой русской империи, является то, что всякий раз, как им дается известная свобода и когда она расширяется, когда раздвигаются ее рамки русскою властью, всякий раз являются невозможные аппетиты у этих народностей и эти аппетиты ведут к тому, что приходится брать назад то, что было дано. Этого не избегла и Финляндия. И вот, когда стали появляться сепарнтические тенденции в Финляндии, – а они стали проявляться в ней именно с момента работы Финляндского Сейма, особенно интенсивно с 1863 г. – тогда русская общественная мысль в лице ее лучших представителей ополчилась против той свободы, которую неправильно истолковали финляндцы, и стала высказываться за необходимость обуздать их и отнять от них те права, пределы которых они преступно сами расширяли. Я не буду касаться, господа, юридических сторон и понимания их по смыслу Фридрихсгамского договора, я не буду входить в те подробности, о которых говорил, с одной стороны, депутат Милюков[629] и гр. Беннигсен[630] – с другой. Я позволю себе думать, что здесь не место с думской трибуны истолковывать те или другие политические акты, потому что здесь не университет. Можно держаться одного или другого мнения, и в конце концов, если бы даже то или другое мнение имело прочное основание, вопрос мог бы так и остаться открытым. Мы знаем сплошь и рядом, что по известным научным вопросам являются целые школы и ряды последователей и крупной величины каждой из них. Поэтому если право государственное, может быть, еще не разрешило вопроса о характере взаимных отношений наших с Финляндией, то не здесь с думской трибуны разрешать этот вопрос нам, обуреваемым еще известными страстями, отчуждением взаимным, исходящим из различия политических воззрений на государство и на понимание наших национальных

идеалов! Но мне кажется, что простой голос действительной насущности русских интересов, вот тот голос, который должен довлеть над нами, который должен указывать тот путь, по которому мы обязаны идти, если желаем сохранить место в истории, которое мы себе с таким трудом приобрели, – вот критерий наших суждений по этому вопросу. Поэтому, господа, скажу только два слова в области этого правового спора. Весь спор о финляндских отношениях к России колеблется, в сущности говоря, в понимании того, в каких отношениях находится Россия к Финляндии. Существует школа, которая доказывает, что Финляндия находится к России в отношении «персональной унии». Я позволяю себе поэтому остановить ваше внимание, внимание тех, которые не знают, что такое персональная уния, на ее понимании. Персональной унией называется случайное соединение под одним скипетром чуждых друг другу стран. В истории есть такие примеры. Великобритания и Ганновер были так соединены с 1714 по 1837 г. Персональной унией затем называется и под это понятие подходит факт, когда Государь одной страны призывается на трон другой. Так, Саксония и Польша при Августе Сильном[631] находились в персональной унии, в персональной унии этого характера находились Голландия и Люксембург. Можем ли мы сказать, что подобного рода отношения между Россией и Финляндией когда-либо существовали? Таких отношений нет и никогда не было, не было и другого – «реальной унии». Реальная уния – это, конечно, нечто более прочное. Если две страны, органически связанные и соединенные основными законами, имеют одного повелителя, то они находятся в состоянии «реальной унии». В таких отношениях реальной унии состоят Австрия и Венгрия, хотя Император Австрийский коронуется и в Вене, и в Пеште. Можем ли мы сказать, чтобы русский Г о с у д а р ь должен был бы короноваться и в Москве, и где-нибудь в Гельсингфорсе? Нет. Значит понятие о реальной унии в отношениях России к Финляндии отпадает. Остается третье понятие, понятие завоевания и, не подлежит ни малейшему сомнению, что те, кому знакома русская история, история войн на финском побережии, так талантливо, так блестяще описанная генералом Бородкиным на основании ценнейших источников и документов, тот поймет, что Финляндия была завоевана кровью русского солдата и присоединена к России на веки. Всякое посягательство на русские права, всякое стремление к какой-либо автономии поэтому там является шагом революционным, а революционные шаги должны быть подавлены силой раньше или позже! Господа, то течение, которое замечаем сейчас в Финляндии, это течение является далеко не новым, и мы сами виновники его роста. Да, с 1809 по 1863 г., т. е. в те времена, когда не созывался Финляндский Сейм, финляндского вопроса не существовало. Финляндия была совершенно довольна теми отношениями, которые существовали между нею и русскою властью и никаких вопросов об автономии не возбуждала. Но вот Сейм в царствование Императора Александра II получил жизнь. Император Александр II сам открывает в 1863 г. этот Сейм и мало-помалу мы видим не стремление к получению автономных прав, а мы видим прямо стремление к отделению Финляндии от России, сепаратические тенденции, которые развиваются все более и более. Я позволю себе указать только на несколько исторических фактов, чтобы не затруднять внимания вашего.

Скажите мне, господа, как бы посмотрели, не в России, а, скажем, во Франции, на тот факт, если бы группа французских подданных стала бы где-нибудь праздновать победу Германии над Францией. Не подлежит ни малейшему сомнению, что если бы инициаторов сего не предали бы смертной казни, то во всяком случае с ними поступили бы круто. Между тем мы имеем целый ряд фактов и доказательств того, как Финляндия, к России присоединенная, пользовавшаяся благами и громадной свободой уже с момента действия в ней Сейма, у себя празднует ряд побед, фиктивных, побед, которые, якобы, одержало шведское оружие над Россией. Упомяну только о нескольких фактах: в 1885 г. Финляндия празднует фиктивную победу своих войск под Индельсальмом, победу, которая одержана была, якобы, ее вождем Сандельсом в 1808 г. над соединенным отрядом Долгорукова[632] и Тучкова[633]. Интересен факт не только празднования этого, но и того отношения и попустительства русской власти, которое в этом праздненстве ярко проявляется. Поется саволакская песнь, по-

ется национальный гимн «Наша Родина», играется Бьернеборгский марш, и, в присутствии русского Куопиоского губернатора Иернсена[634], говорятся возмутительные речи. Мыслимы ли подобного рода факты где-либо в другой державе Европы? Никогда. Между тем такие факты имели место. Это был почин. Немного спустя после этого, устраивается памятник на месте так называемой Ютасской победы шведов и чествуется шведский представитель тех шведских войск, которые, якобы, одержали над русскими победу – фон Дёбельн[635]. Тут русского губернатора мы не видим, тут мы не видим того парада, который имел место при чествовании Индельсальмской победы, но здесь произносятся торжественные речи; здесь мы видим венки от шведских, от вазаских дам, здесь студенты из Упсалы посылают сочувственные телеграммы торжеству – словом, под покровом дремлющего русского орла открыто идет пропаганда сепаратических идей, открыто идет крамола. Я думаю, что здесь вопрос не о том, чтобы получить известного рода права, не о том, чтобы эти права расширить, а мечты о чем-то гораздо более преступном, и это преступное совершалось, повторяю, под благодушным покровительством русского правительства. Пускай говорят, что в Финляндии есть конституция. Можно держаться того или иного взгляда, мы спорить, повторяю, не будем об этом, не будем идти одни за господином Германсоном, за которым так поспешно пошел член Государственной думы Милюков, другие за гг. Бородкиным, Таганцевым, Сергеевским, Еленевым, устанавливающими правильное понимание тех взаимоотношений, которые между Финляндиею и Россиею существуют. Но в гражданском праве, как в римском, так и в русском, существует статья, где говорится, что «дар возвращается дарителю при неблагодарности одаряемого». И мне кажется, что в ту минуту, когда доказано, что одаренный поступил неблагодарно, что он безмерно расширил те права, которые ему даны были в известных размерах, не может быть речи о том, чтобы эти права еще расширялись в будущем, и чтобы эта политика попустительства, которая так широко развивалась в прошлом и не покинута еще и сейчас, чтобы она могла остаться безнаказанной и для тех, которые ее проводят, и для тех, которые развивают крамолу в стране под покровом этой политики. Ряд фактов из времен царствования Императора Александра II и из времен благополучно ныне царствующего Императора Николая II нам доказывает, что Финляндия, имея свое самостоятельное управление, законами нашими установленное, совершенно игнорировала имперские порядки, будучи поставлена в силу законов во взаимные и тесные отношения к империи. Подобные факты терпимы быть не могут. При всей доброте своей, благосклонности своей к Финляндии Император Александр II на одной из тех записок, где у него вырывались финляндцами постепенно прерогативы имперской власти, положил, наконец, резолюцию такого содержания: «исполнить, но следовало бы предварительно испросить Моего разрешения». Если мы были уверены, что подобного рода явления, имевшие место в царствование Императора Александра II, прекратились, то, конечно, можно было не поднимать ни запросов о Финляндии, ни говорить о тех отношениях, которые должны быть между нами и ею раз навсегда прочно и ясно установлены. Но жизнь подсказывает другое. Жизнь говорит нам, что, благодаря тому управлению, которое существует в Финляндии, благодаря существованию отдельного статс-секретариата в Великом княжестве Финляндском, благодаря удивительному отношению этих статс-секретарей и в прошлом, и в настоящем к русским властям, получается положительно недопустимое явление, явление, которое не могло бы иметь места ни в каком другом государстве, ни в какой другой державе. Укажу, господа, на следующее: Высочайшее постановление 1 августа 1891 г., изданное в видах ограждения интересов империи от возможности нарушения их в порядке финляндского управления, оказалось недостигающим цели и нарушалось. И кем нарушалось? Нарушалось министром статс-секретарем Великого княжества. Депутат Львов красноречиво здесь говорил о том, что Манифест 22 октября 1905 г. для Финляндии это такой Манифест, посягнуть на который было бы то же, что посягнуть на Манифест 17 октября, но депутат Львов не указал путь, которым был обнародован этот Манифест. Он был подсунут и поднесен Государю Императору, и имперское правительство ничего не знало о его существовании, ибо финляндские власти с имперским правительством по этому вопросу не сносились. Это

факт. Мало того, этому Манифесту было придано оскорбительное отношение к Верховной власти. Он в Финляндии распространялся под названием Манифеста «о восстановлении закономерности в крае», как будто все то, что раньше делалось русскими Царями, носило характер незакономерности. Подобного рода явления, подобного рода Манифесты не могут считаться равными Манифесту 17 октября, данному соизволением Государя Императора при нормальных условиях. Засим, господа, постановление 20 апреля 1906 г. о русском языке в делопроизводстве финляндском и Финляндии издано было также без сношения с имперскими властями. И, наконец, господа, в последнее время Финляндский Сенат и министр статс-секретарь Финляндии, как совершенно правильно говорил депутат Марков 2-й, в чем, не зная дела, упрекал его депутат Уваров, Финляндский Сенат и министр статс-секретарь Финляндии тайно от имперских властей составили проект новой Формы правления для Финляндии, извращающий ее отношения к России, и премьер-министр, глава русского правительства, узнал об этом только из финляндских газет.

Осуществления сего к счастью не было, не было, но, повторяю, прецедент, на который я имел честь вам указать, доказывает, что если бы не преждевременная болтливость финляндских газет, то не подлежит ни малейшему сомнению, что и это видоизменение Формы правления и взаимоотношения Финляндии к России могло бы на наше горе осуществиться. Подобного рода факты печальны и, более того скажу, носители и проводники этих фактов статс-секретари Финляндии – преступники. Нынешний статс-секретарь Финляндии Лангоф, обращаясь с речью в день вступления в должность статс-секретаря Финляндии, говорил следующее, – я цитирую из той шведской газеты, которая привела его речь целиком, восторгаясь ею: «После представления его превосходительство обращался к собравшимся с речью на русском языке, с удовольствием выслушанной финляндскими чиновниками: в ней прежде всего он обратил внимание, что после того, как благодаря высокому доверию Монарха, в настоящее, наполненное партийными раздорами, тяжелое время, он избран на ответственный пост министра статс-секретаря, он надеется оправдать это доверие и выполнить свою задачу лишь в том случае, если ему удастся заслужить в свою очередь *доверие той страны, на службе которой он состоит*». Я спрашиваю вас, статс-секретарь, назначенный Государем Императором, на службе российской находящийся, присягу принесший, смеет ли такой человек говорить, что он находится «на службе той страны, в которой он состоит?» А между тем этот статс-секретарь и сейчас у власти, и не лишен ее, и не понес заслуженной кары. Не возмутительно ли это явление при сопоставлении с тем, на что я указывал раньше. Иду дальше. В дальнейшем этого газетного отчета значится, что, обращаясь к чинам статс-секретариата Финляндии, он сказал: «что все рассматриваемые дела у него должны храниться в безусловной тайне». Я вас спрошу, в отношении кого это тайна? Это тайна не в отношении тех, которым знать этого не нужно, а несомненно это есть тайна от главы русского правительства, как указал тот факт, на который я ссылался.

Неужели же при таком положении дела, господа, при таком отношении представителей русского правительства в Финляндии к Финляндии и к России и ее правительству подобного рода положение терпимо в будущем? Мне кажется, что нет. Я не буду приводить вам целого ряда всех тех изощрений, ухищрений, которые практиковали еще со времени Императора Александра II и Сейм, и Финляндский Сенат, и финляндские статс-секретари для того, чтобы лазейками и подпольным путем, помимо законного русского правительства, выдергивать для Финляндии невозможные права и преимущества. Я не буду вас утомлять, но скажу, что в будущем, при рассмотрении нашего запроса, вчера поданного, по поводу уравнения несения воинской повинности русских и финляндцев, мы остановимся подробно на этом факте, начиная с того времени, когда либеральнейший и даровитейший русский военный министр Милютин вел борьбу с Финляндским Сеймом и статс-секретарем и теми господами, которые являлись к Государю Императору и вырывали один за другим законы и права Финляндии, которые не могли бы быть даны ей при нормальных условиях законного сношения ее властей с русским правительством. И что же в итоге всего этого получилось? у нас любят толковать о равноправии; но что вы скажете, господа народные представители,

на то, если я вам докажу, на основании документальных данных, что положение русского человека в Финляндии только несколько лучше положения еврея или цыгана. Странно, дико, народ-победитель, народ-завоеватель, народ, занимающий громадную территорию, первое место по территории среди держав мира, народ этот имеет под боком у себя насекомое, в сущности говоря, и это насекомое его душит. В древние времена, господа, Рим, покоривший этрусков, Рим, покоривший самаритян, Рим, покоривший галлов и другие народы, Рим мало-помалу давал права то одной, то другой, то третьей народности, сообразно тому, как они относились к римлянам, и каждое дарение римского народа побежденным было актом величайшей милости, и когда оно являлось преждевременным, когда являлось незаслуженным, тогда римские граждане возмущались и относились прямо обструкционно к той народности, которая неправильно получала эти дары. Вспомните страницу из римской истории, когда галлы, покоренные Цезарем, получили право мало-помалу иметь места в римском Сенате, не насмехались ли римляне над галлами, не говорили ли: «им нужно указывать путь к римскому Форуму и к римскому Сенату, потому что они настолько мало знают эти учреждения и город, что им туда не добраться»; честь получить право римского гражданина, право пользоваться благами римской свободы, это была честь, которая давалась тем только, которые проявили себя в достаточной степени лояльными по отношению к величайшей державе древнего мира. И вот, господа, казалось бы, что право русского гражданина это было бы величайшим правом, которым могли бы одарить *мы* ту народность, которая показала нам свою лояльность. И что же? горько и обидно читать страницы умаления *русских* прав, коим *Россия* – победительница подвергается в Финляндии, и о той сумме прав, которыми всякий финляндский выходец и уроженец пользуется в пределах Российской империи. Да, те, которые забывают горькую, печальную действительность, которые в ослеплении стремятся к какому-то культу космополитизма и либерализма, стараются доказать, что мы душим финляндцев, им следовало бы прочесть, как экстракт из всех тех трудов, которые издаются по вопросу о Финляндии, хотя бы брошюру Суворова: «К вопросу о равноправии»[636]... Кого? Евреев? Нет, *русского народа в пределах Финляндии*. Я не буду читать всего, это слишком тяжело и слишком обидно, но я позволю себе указать на рубрику тех прав, которых лишены русские в Финляндии и чем пользуются они у нас. Не говоря о том, что мы не имеем права принимать участия в выборах в Финляндии, и что финляндцы, проживающие в России, имеют возможность собираться и собирались здесь перед выборами в Государственную думу, чтобы давать выборщиков и, может быть, попасть в Государственную думу, не говоря об этом, я скажу, что всей суммой политических общественных, гражданских и экономических прав, – всеми этими правами финляндцы широко и невозбранно пользуются в пределах Российской империи, и с громадным трудом, урывками и при крайнем напряжении воли и интенсивности ее имеет возможность русский человек получить то то, то другое право в Финляндии. Я указал, господа, на то, что только евреи и цыгане пользуются меньшими правами в Финляндии, чем мы. И здесь попутно спрошу вас: Почему же русские евреи, знающие о тех правах, какими пользуются евреи там, почему евреи являются такими защитниками Финляндии, ее самобытных прав, ее самобытной свободы, почему они, так добиваясь свобод в России, не замечают отсутствия их в Финляндии и, зная, что не имеют вовсе права жительства в этой стране, которая находится рядом с Россией и которая является более культурной, не поднимают крика негодования по поводу этого? Да, потому, господа, что они отлично сознают, отлично понимают, что эта страна под боком русского государства является питомником русской революции, и, следовательно, в данный момент поднимать вопрос о том, что там-де евреи не равноправны, выходит за пределы их интересов. Я не буду, повторяю, вам перечислять тех законов, коими мы ограничены Финляндию в своих правах в ее пределах, вот он мортиролог, вот он перечень узаконений, ограничивающих права русских в Финляндии. Пробегите книгу Суворова, одна страница за другой укажут вам, каких прав, каких человеческих прав лишен русский гражданин в пределах Финляндии. А дальше, дальше позорная страница русского законодательства,

позорная страница потому, что здесь перечень тех преимуществ и тех привилегий, той свободы, которою обладают и наделены финляндцы в пределах России. И при таком положении дела позволяют себе говорить, здесь позволяют себе утверждать, что мы их душим, что мы их гнетем! Мне кажется, что если бы мы только на этой одной книге остановились и больше ничего кроме нее по этому вопросу не знали бы, если мы только ее одну прочли, мы должны были бы понять, что есть предел всему. И что если шли споры до сих пор и боролись между собою последователи разных школ по вопросу о финляндской конституции и ее пределах, – то эта одна книга должна была бы прочно доказать и убедить нас в том, что пора России опомниться, пора это зазнавшееся Великое княжество Финляндское сделать таким же украшением Русской Короны, как былые царства – Царство Казанское, Царство Астраханское, Царство Польское и Новгородская пятина, и мне кажется, что дело до этого и дойдет. В чем же причина, где корень отмеченного явления? Его сыскать не трудно: отличительною чертою нашей политики в Финляндии было до настоящего времени полное отсутствие последовательной политической программы. Я указывал уже несколько дней тому назад, и мне приходится повторить то же, что я уже сказал. Если мы всмотримся в управление генерал-губернаторов Финляндских: Адлерберга, Рокасовского, Берга, Бобрикова, Оболенского, Герарда и Бекмана, то мы увидим, господа, что у нас не существовало до сих пор и нет одной определенной политической программы в окраине этой, и мне кажется, что задача Государственной думы, – отвечаю на вопрос, который поставил депутат Милюков, что же будет сейчас делать Государственная дума, пойдет ли она по тем бюрократическим шагам и стопам, по которым шла прошлая бюрократия в своих отношениях к Финляндии, – мне кажется, что ответ на этот вопрос вырисовывается сейчас все ярче и ярче, все выпуклее и выпуклее перед нами, мне кажется, что наши запросы, постановления наши должны установить известные определенные отношения Финляндии и России раз и навсегда, что результатом их будет вытравление личной политики и проведения личных взглядов наших администраторов, а будет только один национальный русский взгляд на русские окраины вообще и на Финляндию в частности, т. е. такой, какой выскажет и установит русская Государственная дума в лице своего большинства, состоящего сейчас из лучших представителей ее состава. Спрашивается, господа, чем объяснить движение, сейчас охватившее Финляндию, движение, давшее ту ужасающую картину, которая с такой выпуклостью была очерчена и нарисована премьер-министром. Чем? Только одним – получить нам, победителям, себе в стране покоренной *человеческие* права! Да, господа, в ту минуту, когда русская власть не пошла на празднование Отасских побед, в ту минуту, когда русская власть почувствовала, что она должна быть и стала национальной в лице незабвенного Николая Ивановича Бобрикова, в ту минуту, когда она стала работать, когда она стала действовать, когда она стала проводить, не принижая финляндцев, не лишая их прав, нашу русскую политику, русскую программу, тогда поднялось то знамя восстания, которое разразилось в тех явлениях, свидетелями которых бы мы были в прошлом году.

Действительно, что может быть незаконного в том, что проводил Бобриков? Что, в сущности говоря, сделал Бобриков, которого убили, и убийцу коего Евгения Шаумана прославляли на всех перекрестках шведы в Финляндии как национального героя? Что сделал Бобриков? Был водворен русский язык в Сенате. Число уроков русского языка было несколько увеличено. Учреждена была первая русская газета. Начался пересмотр Сеймового законодательства. Начаты работы по обеспечению наделами безземельного населения, что явилось нежелательным тем господам, которые желали захватить финского крестьянина и повести за собой, в смысле шведоманства, состоялось постановление о праве уроженцев России приобретать недвижимое имущество в Финляндии, русские были допущены на гражданскую службу в Финляндии. Начали осуществляться те законные права победителя – русского народа в Финляндии, которых он был лишен вообще и которыми побежденные широко пользовались в пределах русской империи. И вот в эту минуту он был убит, и вспыхнуло знамя восстания. Я повторяю, отвечая депутату Милюкову я говорю, если Го-

сударственная дума может своими запросами сделать что-либо, то она должна именно быть тем memento mori и для Финляндии, и для русской дряблой власти, которая теряет свою национальную окраску, а между тем должна твердо помнить и сознавать, что в настоящее время с момента присутствия здесь народных избранников, т. е. представителей народа должна кончиться навсегда у нас в России политика Адлербергов, Бергов, Оболенских, Герардов и других господ, а должна строго проводиться ярко очерченная русская национальная политика как вообще в отношении всех окраин, так и, в частности, к финской окраине.

Неужели же, господа, мы отстали от Китая? Между тем, факты недавнего прошлого показывают нам во всей наготе, во всей красивой, скажу, наготе, то чувство национального подъема, которое сказалось в Китае. Несколько месяцев тому назад мы были свидетелями того, как Япония потребовала вознаграждение за свое судно, Тацу-Мару, которое было арестовано в Китае. В конечном результате была выдача Японии крупного вознаграждения китайским правительством, и вот весь Китай, тот Китай, который мы так любим бранить, как государство косности, рутины и реакции, весь этот Китай в лице своих торговых людей, следовательно, того класса, который может быть всего менее способен к патриотическому подъему из опасения денежных потерь, весь этот Китай наложил бойкот на японские товары и японские купцы терпят убытки и будут, по словам китайцев, терпеть их до тех пор, пока 100 долларами за каждый один, от китайского правительства полученный, Япония не искупит своей вины за оскорбление национального китайского чувства. Я вас спрошу: если восточный народ, который нам кажется менее культурным, если этот народ сумел отстоять так понятие своей народной гордости, национальной чести и национального достоинства, то неужели же мы, видя все то, что творится вокруг нас, и видя, как оскорбляет и оплевывает нас страна, возле нас находящаяся, будем терпеливо выносить это? Нас, правых, господа, постоянно бранят за то, что мы являемся рутинерами, сторонниками какой-то беззубой реакции, которая стремится задержать ход жизни нашего государственного корабля, но мне кажется, после всего того, на что я указал, что те нападки, которые исходили с левой стороны и со стороны представителей кадетской партии, выясняют нам все яснее и яснее, что не реакция является беззубой, а что беззубой является та оппозиция*[1], которая хочет укусить, и яснее, и яснее, что не реакция является беззубой, а что беззубой является та оппозиция*, которая хочет укусить и русское правительство в тот момент, когда оно встало на высоту своего патриотического долга, и нас, которые его поддерживают.

И каждому из нас, сходящих с этой трибуны, хотелось бы верить, что прошла та пора, прошло то время, когда русское правительство прислушивалось к тому, что скажет Европа, к тому, что скажет Запад, как там отнесутся к каждому патриотическому шагу нашему во внутренних наших делах, к шагу, который подскажет нам русское чувство, русская честь и русское достоинство. Мы должны вечно помнить и всегда знать, что это стремление прислушиваться к словам Европы, к ее воле, что оно приводило нас неоднократно к тяжелым поражениям, оно привело нас к ним в лице

Горчакова[637], в лице Шувалова[638] и Убри[639] из Сан-Стефано, в Берлин[640]. Несомненно, оно нас приведет еще и к другим подобного рода политическим и духовным поражениям, если мы, забывая наши национальные чувства, наш долг и наши обязанности, будем прислушиваться к тому, что будет говорить «культурный» Запад, и будем заменять наше национальное чувство космополитической тенденцией, которая не может нас духовно не развратить. Депутат Милюков указывает на то, что если мы вступим на путь репрессии в отношении Финляндии, если мы будем угнетать ту страну, которая является представительницей закона и порядка, то в конечном результате произойдет восстание в этой стране и польются потоки крови, и может быть страницы русской истории омрачатся вновь ужасами нового позора и с ним народной скорби. Мне кажется, как мы ни далеки от этого, как нам ни противны подобного рода явления, как нам ни не желательно это восстание, но я должен при-

*[1] Намек на Милюкова, которому вышибли, дав плюху, два зуба. (*Прим. док.*)

* *Повтор дважды – так в тексте.* (*Прим. сост.*)

помнить слова Муравьева[641], произнесенные им в былые годы: в 1863 г. Муравьев говорил: «наше счастье, что поляки взбунтовались; если бы они сидели смирно, то мы продолжали бы спать, а года через 3 они выкинули бы нас отсюда, как младенцев из люльки». Мне кажется, что подобного же рода фразу, подобного же рода мысль мы со всей справедливостью могли бы отнести и к Финляндии.

Если бы мы здесь забыли наш долг – долг чести, долг присяги, долг государственности, если бы, убаюканные мечтою о законности и лояльности того народца, который подготовляет у нас под боком революцию и восстания, который является очагом этого восстания и тем горнилом, откуда вытекают революционные герои, убивающие лучших слуг русского Государя, если бы мы замечтались, то не подлежит ни малейшему сомнению, что наше будущее печально в этой стране, что мы потерпим в ней тяжелый удар не только морального, а и военного поражения, и наш долг все это предотвратить. Я оставляю всякие политические теории, я не хочу их касаться, как и не касался, но позволю себе сказать, уходя отсюда, что перед нами вопрос сложный, запутанный, перед нами гордиев узел, и разрешение этого гордиева узла может быть одно: не распутывать его по ниточкам, а взять меч и разрубить этот гордиев узел, ибо только такое разрешение, только одно оно достойно русского народа и отвечает его задачам; но мне хочется думать, что Финляндия знает, чем она рискует. Нужно думать, что Финляндия не доведет нас до подобного рода поступков, если же подобного рода поступки нам предстоят в будущем, то нам придется, повторяю, сделать это, и чем скорее, тем лучше. Заканчивая, я скажу – партия 17 октября утверждала и надеялась на то, что правая фракция Государственной думы скажет с этой трибуны в лице того или другого из своих представителей: «запрос мы снимаем». Нет, господа, мы этого никогда не скажем. Мы верим тем чувствам глубокого патриотизма, которые одушевляют председателя Совета министров, мы знаем, что в лице его имеем по этому вопросу русского человека, дышащего почти тем же самым дыханием, коим дышим и мы, и мы отлично знаем, что он не один в этом вопросе; мы хотим, чтобы запросы наши, один, другой и третий, не снятые, были тем memento mori, которое напоминало бы стране, что мы не спим, что мы бодрствуем и никогда не простим той страницы русской истории, которая может обернуться нам на вечную погибель!

Опубл.: Речи членов Государственной думы Маркова 2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 года. [Издание Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. № 5]. СПб., 1908. С. 29–48.

№ 299. Особый журнал Совета министров от 22 января и 14 мая 1908 года о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи[642]

22 января (4 февраля) и 14(27) мая 1908 г.

На подлинном Ею Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: «Исполнит», в Царском Селе, 20 Мая 1908 года.

Скрепил: Председатель Совета министров, статс-секретарь Столыпин.

Верно: Помощник Управляющего делам Совета министров

Особый журнал Совета министров
22 января и 14 мая 1908 года
О порядке направления финляндских дел,
касающихся интересов империи

Вашему Императорскому Величеству угодно было Всемилостивейше повелеть Совету министров рассмотреть предположения о порядке направления касающихся интересов империи финляндских дел, выработанные Высочайше учрежденным, под председательством статс-секретаря Столыпина, Особым совещанием для обсуждения некоторых вопросов финляндского управления.

Приступив к исполнению этого Высочайшего поручения, Совет министров принял на вид, что, как изложено в журнале Особого совещания, современный порядок направления тех из возникающих по финляндской окраине дел, по которым, ввиду связи их с имперским управлением, требуются заключения имперских ведомств, – представляется далеко несовершенным и в действительности вовсе не обеспечивает для имперских властей возможности следить за движением законодательства в Финляндии. Порядок этот основывается на Высочайшем постановлении 1 августа 1891 года, вменившем министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского в обязанность, предварительно всеподданнейшего доклада проектов новых законов по Финляндии и предложений Сейму, запрашивать заключения министров империи в тех случаях, когда дело, вместе с тем, касается интересов империи и их ведомства; поступившие заключения, при докладе дела, повергаются на благовоззрение Вашего Императорского Величества.

Таким образом, согласно приведенному закону, разрешение вопроса о том, касается ли данный проект интересов империи или нет, предоставлено всецело министру статс-секретарю, который решает по собственному усмотрению, следует ли сообщить законопроект на предварительное заключение имперских министров, или же дело может быть доложено Вашему Императорскому Величеству без такового заключения. Поэтому, имперские ведомства имеют возможность высказываться по содержанию финляндских законопроектов только при условии, если министр статс-секретарь признает это желательным и необходимым. В противном случае министры империи получают сведения о деле лишь тогда, когда в Сборнике постановлений финляндских появляется утвержденный Высочайшею властью закон.

Наряду с этим, в Постановлении 1891 года не указано, какие меры могут быть приняты со стороны правительства, если будет обнаружено, что распубликованный по Финляндии закон затрагивает интересы всей империи, но издан без установленных сношений с подлежащими ведомствами. Остается невыясненным, может ли подобный закон, как состоявшийся в нарушение предписанного порядка, быть объявлен не имеющим силы или хотя бы приостановлен в своем действии впредь до пересмотра его кем следует? Равным образом, в рассматриваемом Постановлении не содержится никаких указаний и относительно того, какая именно власть уполномочена выступить в данном случае в качестве охраняющей права империи, а также в каком порядке должен последовать всеподданнейший доклад по такого рода делу? Наконец, не указано, влечет ли за собою обнародование означенного закона какую-либо ответственность для финляндских властей, и если да, то в какой мере и в каком порядке? На все эти вопросы Постановление 1 августа 1891 года не дает ответа, а на практике подобные, с нарушением законного порядка состоявшиеся, меры признаются сохраняющими полную силу.

Далее, в силу Постановления 1891 года, законопроекты, затрагивающие интересы империи, должны быть сообщаемы министром статс-секретарем на заключение тех министров, ведомства которых они касаются. Такой порядок направления дел Особое совещание признавало также неправильным. По смыслу закона решающей инстанцией, которая по своему выбору определяет, в какие именно ведомства должен быть направлен данный законопроект, является опять-таки министр статс-секретарь, то есть должностное лицо финляндского управления, не вполне осведомленное о компетенции и круге власти каждого из отдельных министров. Вследствие сего на практике нередко возникали случаи, что законопроект или направлялся в неподлежащее установление, или сообщался только одному из заинтересованных ведомств по произвольному выбору статс-секретариата.

Указанным не исчерпываются, однако, несовершенства Постановления 1891 года, которое недостаточно обеспечивает интересы империи даже и в тех случаях, когда сношение с заинтересованными ведомствами фактически произведено. В этом отношении закон должен устанавливать возможно строгие гаранты того, что поступившее заключение будет доложено Вашему Императорскому Величеству в надлежащей полноте и в надлежащем освещении. Между тем, подобных гарантий не существует в Постановлении 1891 года, хотя

они легко могли бы быть установлены, например, в виде правила о совместном докладе дела министром статс-секретарем с подлежащим министром империи.

Если, таким образом, коренной недостаток Постановления 1891 года заключается в чрезмерной широте усмотрения, предоставленной министру статс-секретарю в области выбора дел, затрагивающих, по его мнению, интересы империи, то естественною поправкою к сему, по мнению Особого совещания, явилось бы возложение на названное должностное лицо обязанности сообщать правительству проекты *всех без исключения* узаконений, предполагаемых к изданию по Великому княжеству Финляндскому. При этом условии сама имперская власть входила бы в рассмотрение вопроса о том, насколько данный законопроект касается интересов империи, причем суждения ее по этому предмету, несомненно, отличались бы большею компетентностью, нежели суждения министра статс-секретаря. Вместе с тем, была бы устранена существующая ныне зависимость русских министров от названного должностного лица.

Кроме проектов, имеющих законодательный характер (а именно: проектов новых *законов*, как Сеймовых, так и административных, и проектов Высочайших *предложений* Сейму), Особое совещание полагало необходимым сообщать на предварительное заключение имперских властей также проекты всеподданнейших докладов министра статс-секретаря, имеющих общее административное значение или касающихся испрошения Высочайшего разрешения на составление проектов законов и представлений Сейму, или же, наконец, относящихся до Сеймовых петиций и представлений Сейма. В настоящее время подобного рода доклады не передаются Имперским властям для предварительного отзыва и только в редких случаях сообщаются им, уже по воспоследования Высочайшей резолюции, для сведения.

Останавливаясь, засим, на вопросе о том, какой именно власти упомянутые проекты и акты должны сообщаться, и может ли быть сохранено за министром статс-секретарем принадлежащее ему ныне право собственного выбора ведомств, признаваемых им причастными к данному делу, Особое совещание признавало целесообразным постановить, что все финляндские законопроекты и проекты всеподданнейших докладов должны быть направляемы министром статс-секретарем к председателю Совета министров для передачи на заключение сего Совета, причем от председателя, в случае признанной им надобности, зависело бы ближайшее распределение поступивших дел по отдельным ведомствам до обсуждения их в Совете. Такой порядок, по мнению Совещания, являлся бы тем более правильным, что, за воспоследованием Высочайшего указа 19 октября 1905 года, деятельность всех начальников отдельных ведомств приведена к единству, соответственно чему все всеподданнейшие доклады по империи, имеющие общее значение или касающиеся других ведомств, подлежат предварительному сообщению председателю Совета министров.

Проектируемая передача всех дел финляндского управления на предварительный просмотр Совета министров могла бы вызвать с финляндской стороны упрек в том, что на практике подобный порядок неизбежно должен повлечь за собою чувствительное замедление в обычном течении этого рода дел. Во избежание сего, Особое совещание полагало установить, что председатель Совета министров обязан уведомлять министра статс-секретаря о заключении Совета по всем вышеозначенным делам в кратчайший по возможности срок.

По существующему порядку законопроекты, предполагаемые к изданию по Великому княжеству Финляндскому, повергаются на благовоззрение Вашего Императорского Величества министром статс-секретарем почти всегда единолично, независимо от того, имеют ли эти законопроекты исключительно внутреннее для Финляндии значение или касаются также интересов империи. Сохранение такого порядка на будущее время Особое совещание полагало возможным допустить лишь в отношении законопроектов первой категории, то есть таких, по коим со стороны Совета министров не последует возражений против дальнейшего направления их в порядке особого финляндского законодательства (осн. гос. зак., ст. 2). Что же касается тех случаев, когда Совет министров не найдет возможным согласиться с предположенным финляндскими властями направлением или разрешением дела, то, по

мнению Особого совещания, доклад такого, вызвавшего сомнения или замечания, дела мог бы быть вверяем министру статс-секретарю Финляндии не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим министром.

Далее, финляндская практика дает немало примеров, что состоявшаяся по делу Высочайшая резолюция остается необнародованной и несообщенной к сведению министров империи, вследствие чего и не может быть принимаема во внимание при рассмотрении аналогичных дел. В видах предупреждения подобных неправильностей на будущее время Особое совещание признавало существенно важным оговорить, что, по воспоследовании Высочайшей резолюции по делу, министр статс-секретарь Финляндии обязан немедленно сообщить председателю Совета министров о состоявшемся повелении Вашего Императорского Величества с препровождением списка с удостоившегося Всемилостивейшего утверждения закона или предложения и представлявшегося Вашему Величеству всеподданнейшего доклада.

Наконец, так как по силе действующих указаний Финляндский генерал-губернатор также облечен правом всеподданнейшего доклада по делам вверенного его управлению края, то проектируемые правила, приуроченные к деятельности министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, Особое совещание находило соответственным распространить и на генерал-губернатора.

Вышеизложенные предположения о сообщении всех финляндских законопроектов на предварительный просмотр Совета министров империи представляют, по мнению Совещания, чрезвычайную важность также и в том отношении, что они открывают для Совета возможность своевременным вмешательством предотвратить попытки со стороны Финляндских Сеймов и Сената расширить компетенций народного представительства за счет исторически унаследованных прерогатив Вашего Императорского Величества.

В заключение Особое совещание остановилось на выяснении двух вопросов, имеющих ближайшую связь с обсуждаемым делом, а именно: 1) не следует ли допустить, чтобы финляндские законопроекты, передаваемые на рассмотрение Совета министров, обсуждались в нем или в какой-либо особой Подготовительной комиссии при участии финляндских должностных лиц, и в каком именно порядке могло бы последовать издание предположенных Совещанием, в изменение Высочайшего постановления 1 августа 1891 года, правил, если бы Вашему Императорскому Величеству угодно было Всемилостивейше соизволить на приведение их в действие.

По первому из этих вопросов Совещание высказалось против учреждения смешанных коллегии для оценки финляндских законопроектов с точки зрения русских интересов и полагало, что эта обязанность может принадлежать единственно имперским ведомствам, объединенным ныне в лице Совета министров, в заседания коего по этим делам мог бы приглашаться в потребных случаях Финляндский генерал-губернатор (учр. Сов. Мин., изд. 1906 г., ст. 8). Что же касается вопроса о том, в каком порядке могло бы последовать издание предполагаемых правил, то в этом отношении Совещание приняло на вид, что сущность означенных правил сводится к установлении известного *надзора* со стороны Совета министров за деятельностью высших органов финляндского управления в видах устранения для них возможности проводить мероприятия, несовместимые с интересами империи. Власть такого надзора вытекает из понятия суверенитета, принадлежащего России по отношению к завоеванной ею Финляндии, и, следовательно, является вполне самостоятельной. Исходя из этого соображения, Особое совещание полагало, что упомянутый вопрос должен быть разрешен закономерною деятельностью имперских, а не местных финляндских установлений, причем проектируемые правила, согласно статье 11 Основных государственных законов, могли бы быть установлены Именным Высочайшим указом председателю Совета министров, в порядке Верховного управления состоявшимся. Что же касается Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря, то, по мнению совещания, Высочайшая Вашего Императорского Величества воля по сему предмету могла бы быть наудобнейше преподана им в форме особых Высочайших рескриптов.

Обращаясь к рассмотрению изъясненных предположений, Совет министров с полным единодушием примкнул к исходной мысли Особого совещания о том, что Высочайшее постановление 1 августа 1891 года, изданное в видах ограждения интересов империи от возможности нарушения их в порядке финляндского управления, оказалось в действительности не достигающими своей цели. Основной недостаток этого Постановления, как вполне верно указало Совещание, состоит в том, что не имперские власти призваны решать, затрагивает ли та или иная принимаемая по Финляндии мера интересы империи, а министр статс-секретарь Финляндии. Между тем, по существу своих обязанностей и по политическим тенденциям, укоренившимся среди финляндских должностных лиц, министр статс-секретарь не может правильно оценивать и разрешать подобного рода вопросы. Сравнительно недолгий срок действия Постановления 1 августа 1891 года полон примерами несоблюдения его со стороны министра статс-секретаря. Достаточно сказать, что даже такие крупные меры, затрагивавшие самые существенные общегосударственные интересы, каковы Манифест 22 октября 1905 года*[1] и Постановление 20 апреля 1906 года о русском языке в делопроизводстве административных учреждены Финляндии, изданы были без требуемого Постановлением 1 августа 1891 года сношения с имперскими властями, несмотря на то, что эти акты вносили в положение русского дела в Финляндии глубокое изменение. Наконец, в самое последнее время Финляндский Сенат счел возможным самовольно составить проект новой Формы правления для Финляндии, совершенно извращающий ее отношения к России, министр статс-секретарь, келейно от имперских властей, доложил о нем Вашему Императорскому Величеству и – председатель Совета министров узнал об этом только из финляндских газет*.

Признавая такое положенье совершенно нетерпимым, Совет министров в полной мере разделяет заключение Совещания о необходимости изменения Постановления 1 августа 1891 года в смысле возложения обязанности по охране общегосударственных интересов на должностных лиц имперского правительства, которое, по силе Основных законов (свод. зак., т. 1, ч. 1, изд. 1906 г., ст. 123), ответствует перед Государем Императором за общий ход государственного управления на всей территории Российского государства.

Переходя, засим, к вопросу о наилучших способах практического исполнения указанной мысли, Совет министров с особым вниманием остановился на заявлении министра финансов, заметившего, что, по его мнению, предлагаемое Особым совещанием решение обсуждаемого вопроса представляется, казалось бы, слишком прямолинейным. По предположениям Совещания, на министра статс-секретаря возлагается обязанность представления на предварительный просмотр министров империи не только проектов законов и Сеймовых предложений, но и проектов прочих всеподданнейших его докладов общего значения. Нечего, конечно, скрывать от себя, что в случае принятия такого предположения министр статс-секретарь Финляндии лишится той самостоятельности, какого он пользовался в течение целого столетия, и будет низведен до положения лица, состоящего под своего рода опекой со стороны Совета министров. Нетрудно предвидеть, что ближайшим последствием сего явился бы ряд нежелательных осложнений в области управления Финляндиею на почве нарушения, будто бы, Россией того уклада управления, которым эта окраина по Всемилостивейшему изволению Русских Государей доселе пользовалась. Не следует забывать, что действующие узаконения присваивают должности министра статс-секретаря совершенно своеобразный характер, существенно отличающий ее от министерских должностей в империи, причем наиболее яркой чертой этой обособленности служит то, что министр статс-секретарь не есть член объединенного Совета министров, а имеет в пределах своей компетенции непосредственное отношение к Верховной власти. Наконец, помимо этой

*[1] Этот Манифест распубликован Императорским Финляндским Сенатом под явно неуважительным для Священной Особы Монарха названием Манифеста «о мерах к восстановлению закономерного порядка в крае». (*Прим. док.*)

* *Это почти дословное изложение речи Пуришкевича на заседании Государственной думы.*

принципиальной стороны дела, нельзя не отметить, что осуществление вновь проектируемой меры практически привело бы к значительному осложнению работы Совета министров, и без того уже крайне обремененного, а вместе с тем и к неизбежному замедлению всех вообще финляндских дел, даже и тех, которые никаких имперских интересов не затрагивают.

Ввиду сказанного, министр финансов предпочел бы дать обсуждаемой мере несколько иную, более приемлемую для финляндцев постановку, а именно не подчинять всецело министра статс-секретаря надзору Совета министров, а лишь установить за правило, что по всякой принимаемой по Финляндии и докладываемой Государю Императору общей мере министр статс-секретарь обязывается запрашивать предварительно отзыв Финляндского генерал-губернатора, который, как представитель имперской власти, будет вполне компетентен указать, в каждом отдельном случае, подлежит ли данное дело сообщению на заключение имперских ведомств или нет. Изъясненный порядок вполне соответствовал бы притом и действующему финляндскому законодательству и административной практике (инс. Ген.-Губ. 31 января 1812 года, § 35; инс. Ст.-Секр. 17 марта 1826 года, отд. II, §§ 6 и 7; учр. Сен. 13 сентября 1892 года, § 26), согласно коим генерал-губернатор пользуется нравом высказывать свои мнения и замечания по всем восходящим на благовоззрение Вашего Императорского Величества делам.

По поводу приведенных соображений министра финансов председатель Совета министров заметил, со своей стороны, что состоявшее под его председательством Особое совещание вполне ясно отдавало себе отчет об изменении, вводимом им в существующее положение министра статс-секретаря, и признавало такое изменение необходимым в силу тех причин, уважительность коих не подвергается, кажется, никакому сомнению. Особому совещанию надлежало остановить свой выбор на одном из двух: или сохранить нынешнюю обособленность министра статс-секретаря и тем самым оставить дело охраны интересов империи в прежней зависимости от усмотрения названного должностного лица, или же наоборот – установить между ним и Советом министров некоторую связь, безусловно необходимую для ограждения интересов империи от дальнейших нарушений их в порядке финляндского законодательства. Правила Постановления 1891 года уже успели обнаружить свою несостоятельность, и дальнейшее сохранение их грозит в будущем новыми и еще худшими осложнениями. Как показала практика их применения, министры статс-секретари Финляндии не стеснялись обходить предписания этого Постановления и с присущим финляндским политикам упорством и искусством пользоваться минутою постепенно и неуклонно работали над созиданием и охраною финляндской обособленности. Почти ежедневный опыт приносит доказательства тому, что финляндские власти не только не прекращают стремление оградиться своего рода стеной от империи, но, напротив того, принимают все меры и не упускают ни одного случая, чтобы углубить, расширить и закрепить искусственно созданную для Финляндии чересполосицу в общегосударственном управлении. При этом, статс-секретарь Столыпин счел нужным категорически заявить, что в данном случае идет речь не о каком-либо изменении внутреннего строя финляндского управления, а о мере простой предосторожности и, так сказать, необходимой государственной обороны от нарушения интересов империи в порядке финляндского законодательства. Что же касается далее высказанного министром финансов предположения о том, что проектируемая мера поведет к чрезмерному обременению Совета министров делами, касающимися финляндского управления, то в этом отношении председатель полагал, что в действительности подобное обременение не может быть слишком значительным. Подробного обсуждения требуют не все законопроекты, предполагаемые к изданию по Великому княжеству Финляндскому, а только те из них, которые затрагивают интересы империи, все же прочие могут быть соединяемы для удобства рассмотрения в определенные группы и разрешаемы в общей их совокупности. Наконец, останавливаясь на предлагаемом статс-секретарем Коковцовым возложении обязанности оценивать финляндские законопроекты с точки зрения соответствия их интересам империи на Финляндского генерал-губернатора, председатель заявил, что он затруднился бы присоединиться к такой постановке дела по соображениям двоякого рода и,

прежде всего, со стороны практической. Генерал-губернатор, фактически совершенно разъединенный с имперским правительством и стоящий вне курса государственных дел в империи, не всегда в состоянии правильно оценить принимаемой по Финляндии меры с общегосударственной точки зрения, тем более, что и канцелярия его, весьма малочисленная по составу, совершенно не приспособлена для указанной цели. Лучшим подтверждением этого может служить то, что и по существующему закону Финляндский генерал-губернатор не лишен возможности, в случае признанной им необходимости, указывать министру статс-секретарю на желательность сношения по той или иной мере с имперскими властями. Однако это полномочие не воспрепятствовало постоянным нарушениям Постановления 1 августа 1891 года, и притом не только при действительном тайном советнике Герарде, но и при предместниках его. Еще менее приемлемо обсуждаемое предложение с точки зрения принципиальной. На основании Высочайшего указа 19 октября 1905 года направление и объединение деятельности главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления принадлежит Совету министров. Только это учреждение признается по закону компетентным органом для разрешения всех возникающих на практике вопросов подобного рода, и никакая другая власть, кроме власти Верховной не может быть облечена правом решающая голоса в делах высшего государственного управления. С этой точки зрения, присвоение Финляндскому генерал-губернатору полномочия высказываться окончательно о порядке направления финляндских дел шло бы в разрезе с основными принципами вышеупомянутого Указа 1905 года.

К изъясненным соображениям статс-секретаря Столыпина вполне присоединились и прочие члены Совета. Но их глубокому убеждению именно в последнеуказанном знаменательном акте Верховной власти, положившем конец прежнему разъединению государственного управления, раздробленного дотоле между отдельными самостоятельными и независимыми министрами, и лежит внутреннее обоснование намечаемой меры, являющейся естественным выводом и завершением Указа 19 октября 1905 года. По прямому смыслу этого Указа и подтвердивших его основных государственных законов (свод. зак., т. I, ч. I, изд. 1906 г., ст. 120–123), сила коих распространяется и на Финляндию, направление и объединение высшего государственного управления возлагается на Совет министров, а председатель Совета во главе прочих министров и Главноуправляющих признается ответственными перед Государем Императором за общий ход государственного управления. При столь определенных велениях законодателя является совершенно недопустимыми, чтобы Совет министров не был в курсе финляндских дел, затрагивающих интересы империи, и чтобы степень осведомленности его в означенных делах зависела от степени внимания к этим интересам со стороны министра статс-секретаря Финляндии. Поэтому Совет министров присоединяется к предположению Особого совещания о предоставлении Совету самому судить о том, касается ли то или иное возникающее по Финляндии дело имперских интересов или нет. Но, вместе с тем, входя в соображения, приведенные статс-секретарем Коковцовым, Совет министров находил вполне допустимым, чтобы обязанность сообщения финляндских дел на предварительный просмотр Совета была возложена не на министра статс-секретаря, как то полагало Особое совещание, а на Финляндского генерал-губернатора, который, одновременно с отсылкою дела в статс-секретариат, второй экземпляр оного вместе со своим отзывом препровождал бы к председателю Совета. При этом, министр статс-секретарь Финляндии не должен был бы докладывать дела Вашему Императорскому Величеству не получив заключения Совета. А так как по силе действующих узаконений Финляндский генерал-губернатор и министр статс-секретарь оба облечены правом входить к Вашему Императорскому Величеству с самостоятельными всеподданнейшими докладами, то, в видах обеспечения начал единства политики и ограждения интересов империи, Совет министров признает необходимым оговорить, что проекты таковых докладов, представляемых генерал-губернатором, буде они касаются принятия законодательной меры или предметов управления, имеющих общее значение, точно также подлежат предварительной передаче на заключение Совета.

Дальнейшие затем предположения Особого совещания, а именно: 1) о совместном докладе министра статс-секретаря Финляндии с председателем Совета или подлежащим министром*[2] по делам, с направлением или разрешением коих Совет не найдет возможным согласиться, или когда министр статс-секретарь не разделяет мнения Совета, и 2) о обязанности Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря сообщать председателю о воспоследовавших по их докладам повелениях Вашего Императорского Величества с препровождением списков с удостоившихся Высочайшего утверждения законов и предположений, а также самых всеподданнейших докладов, Совет министров находит обоснованными и вполне приемлемыми.

Равным образом, Совет не усматривает повода к возражениям против проектируемого направления обсуждаемого вопроса в порядке действия имперских, а не финляндских установлений, с тем однако, чтобы, в отличие от предположений Особого совещания, осуществление вновь устанавливаемых правил последовало не в форме Высочайших указа и рескриптов, а в форме Высочайше утвержденного положения Совета министров, состоявшегося в порядке статей 10 и 11 Основных государственных законов.

Завершая свои суждения по настоящему делу, Совет министров приемлет смелость повергнуть на Всемилостивейшее внимание Вашего Императорского Величества нижеследующие заключительные соображения.

В войну со Швецией 1808–1809 годов Всемогущему Промыслу Всевышнего угодно было благословить русское оружие блистательным успехом. Завоеванная самоотверженными усилиями русского народа Финляндия вошла в состав Российской империи как новое ее приобретение, отторгнутое от враждебной в то время Швеции отвагою и жертвами войска и дарованиями военачальников. Не честолюбивыми стремлениями, не желанием преходящей славы побед руководствовался Александр Благословенный, вступив в борьбу с могущественным соседом за обладание побережьем заливов Балтийского моря. Этим новым подвигом Его было завершено дело, начатое еще при Царях древней Руси и продолженное Великим Петром и Елизаветой, неуклонно стремившимися утвердить на финляндских берегах господство империи, как необходимый оплот столицы государства, как залоги прочности и безопасности его северных границ.

Венценосный Прадед Вашего Императорского Величества признал вместе с тем за благо явить знак особого милосердия к побежденным и великодушного к ним доверия. Финляндии были дарованы широкая самостоятельность во внутреннем управлении и отдельные органы администрации суда и законодательства. Пользуясь этим исключительным положением, неся значительно облегченное, по сравнению с остальной Россией, военное бремя и не уплачивая в казну империи никаких сборов на общегосударственные расходы, Финляндия могла отныне мирно развиваться, совершенствуя свою культуру и преуспевая в деле гражданского благоустройства.

К сожалению, в дальнейшем своем развитии Финляндия не пошла по пути, указанному ей милостью завоевателя и сознанием долга благодарности по отношению к народу, даровавшему ей беспримерную в истории завоеваний самостоятельность и особо выгодное положение. С течением времени в отношениях Финляндии к империи стала проявляться отчужденность, а в ее законодательстве – начала, противные интересам русского народа. Этот ход постепенного обособления края, продолжающийся еще и поныне, грозит в будущем опасными осложнениями. Государственная предусмотрительность требует положить ему предел. Одною из необходимых мер в указанном направлении было бы, по убеждению Совета министров, поставление финляндских дел, затрагивающих интересы империи, под действительный контроль имперских властей.

*[2] Подобного рода совместные доклады отдельных министров с министром статс-секретарем Финляндии неоднократно имели место и в прошлом. (*Прим. док.*)

Руководствуясь изложенными суждениями, Совет министров *полагает:*

В соответствие с возложенною на Совет министров задачею объединения деятельности отдельных частей государственного управления и на основании статей 10 и 11 основных государственных законов (свод. зак., т. I, ч. I, изд. 1906 г.), в отношении порядка направления финляндских дел, постановить:

На Совет министров возлагается суждение о том, какие из возникающих по Великому княжеству Финляндскому дел затрагивают вместе с тем интересы империи и посему требуют ближайшего со стороны министерств и главных управлений соображения.

Соответственно сему, одновременно с передачей министру статс-секретарю Финляндии дел, требующих всеподданнейшего доклада, Финляндский генерал-губернатор препровождает второй экземпляр их со своим заключением и относящимися к делу документами к председателю Совета министров для обсуждения в означенном Совете.

К числу дел, упомянутых в предыдущей (2) статье, относятся: 1) проекты законов для Великого княжества Финляндского как Сеймовых, так и административных; 2) проекты Высочайших предложений Финляндскому Сейму; 3) всеподданнейшие петиции и представления Сейма, и 4) всеподданнейшая представления Императорского Финляндского Сената, касающиеся: а) предметов управления, имеющих общее значение, б) испрошение Высочайшего разрешения на составление проектов законов и предложений Сейму и в) Сеймовых петиций и представлений Сейма.

На предварительный просмотр Совета министров сообщаются также проекты всеподданнейших докладов, составляемых Финляндским генерал-губернатором или министром статс-секретарем по их собственному почину и касающихся предметов, в статье 3 указанных.

По получении означенных выше (ст. 3 и 4) проектов председатель Совета министров в кратчайший, по возможности, срок уведомляет Финляндского генерал-губернатора или министра статс-секретаря, по принадлежности, о заключении Совета по данному делу, и без такого заключения дело не может быть доложено Государю Императору.

В тех случаях, когда Совет министров не найдет возможным согласиться с предположенным подлежащими властями Великого княжества направлением или разрешением дела или когда министр статс-секретарь не согласится с заключением Совета министров, Финляндский генерал-губернатор и министр статс-секретарь представляют по сему делу всеподданнейший доклад не иначе, как совместно с председателем Совета министров или подлежащим Имперским министром.

Финляндский генерал-губернатор и министр статс-секретарь о воспоследовавших (ст. 3 и 4) по их докладам Высочайших повелениях немедленно сообщают председателю Совета министров с препровождением списков с удостоившихся Высочайшего утверждения законоположений и предложений, а также самых всеподданнейших докладов.

О вышеизложенном Совет министров долгом почитает всеподданнейше повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами Совета министров и скреплением помощником Управляющего делами Совета.

С подлинным верно:

За начальника Отделения Канцелярии Совета министров Иванов

НАФ. Фонд Канцелярии генерал-губернатора. Д. 47/IV/1908. Типографский экземпляр.

Опубл.: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. / 1908 год. М., 2011. С. 219–226.

КОММЕНТАРИИ

[1] Николай II Александрович Романов (1868–1918), Император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский [20.10(1.11).1894–2(15).3.1917].

[2] В 1878 г. военным министром Д.А. Милютиным был утвержден Устав о воинской повинности, который вступил в действие с января 1881 г., с тем, чтобы он был пересмотрен через десять лет, поскольку в него были включены спорные положения. Через десять лет, в 1891 г., военный министр П.С. Ванновский представил всеподданнейший доклад о пересмотре Устава и об изменении финляндских войск, для чего в 1893 г. была образована Комиссия сначала под председательством генерал-лейтенанта К.И. Величко, потом генерала от инфантерии В.Д. Дандевиля, в которую от Финляндской администрации входил сенатор генерал-лейтенант Ф.В. Шауман. К весне 1898 г. комиссия закончила работу. Сущность проекта сводилась к следующему: 1) право отбывать военную повинность предоставлялось финляндским уроженцам; 2) допущено назначение офицеров русского происхождения в финские войска, с предоставлением им тем самым прав финляндского гражданства; 3) допущено назначение новобранцев на службу в русские войска; 4) исключено определение численности постоянных войск и запрещение выводить в мирное время финские войска из пределов края; 5) установлены для финских войск сроки службы, существующие в империи (5 лет действительной службы и 13 лет в запасе, в прошлом Уставе — 3 и 2 года соответственно); 6) распространены на Финляндию общеимперские установления об организации запаса, о призыве возрастов (был 21 год) и времени призыва, о порядке жеребьеметания и определения годности новобранцев к службе; 7) установлено требование знания рус. языка для предоставления льготы 1 разряду по образованию; 8) распространена на финские войска общевойсковая воинская присяга; 9) устранено участие Финляндского Сената в издании инструкций и руководств по призыву, в составлении списка должностей, освобождающих от обязательной службы и т. п., с предоставлением разрешения всех этих вопросов воен. министру. Высочайшей грамотой 19 июля 1898 г. был созван на 7 января 1899 г. в г. Гельсингфорсе чрезвычайный сейм для рассмотрения проекта нового Устава о воинской повинности. В заседании 2 августа 1898 г. Особое совещание под председательством К.П. Победоносцева признало желательным предоставить Сейму возможность высказать наиболее обстоятельно свое заключение о новом Уставе. (Военная энциклопедия. Под ред. К.И. Величко. СПб. 1912. Т. 6. С. 641).

Представление нового Устава о воинской повинности Сейму и явилось спусковым механизмом конфликта между Россией и Финляндией. Это один из самых обсуждаемых вопросов на протяжении многих лет.

[3] Великий князь Михаил Николаевич Романов (1832–1909), младший сын Императора Николая I, генерал-фельдцейхмейстер (1852), генерал-фельдмаршал (1878). Председатель Государственного совета (1881–1905). С 1862 по 1881 г. был наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией, проводил там реформы. В 1894 г. назначен председателем Комиссии для разработки вопросов, касающихся береговой обороны государства.

[4] Летом 1898 г. Император повелел Государственному секретарю представить сведения о возникновении, последующем ходе и положении вопроса о кодификации основных законов Великого княжества Финляндского. Эти сведения, с подробным изложением хода дела о порядке издания общегосударственных законов, были представлены Государственным секретарем 7 июля 1898 г., но никакого Высочайшего повеления по этому докладу не последовало. Лишь спустя несколько месяцев (по-видимому, в январе 1899 г.) Его Императорскому Величеству благоугодно было объявить председателю Государственного совета, великому князю Михаилу Николаевичу, Высочайшую волю о необходимости немедленно обнародовать порядок рассмотрения общих законоположений для империи и Великого княжества Финляндского и с этою целью составить

законодательный по сему предмету акт в Особом совещании под председательством Его Высочества. Ввиду сего великий князь Михаил Николаевич представил государю Императору свои соображения о способах приведения в исполнение означенной Высочайшей Воли. Одобрив эти соображения, Государь Император 13 января 1899 г. повелел образовать помянутое Совещание на следующих основаниях:

а) Совещанию предстояло «выработать законодательный акт, который определил бы на будущее время порядок издания и обнародования законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского».

б) «Точкою отправления» занятий Совещания должна была «служить Высочайшая резолюция, воспоследовавшая 11 февраля 1895 года по всеподданнейшему докладу Государственного секретаря, относительно дальнейшего направления означенного дела, в связи с предположениями Особого по оному Совещанию под председательством действительного тайного советника Бунге, выработанными большинством членов упомянутого Совещания».

в) На Совещание возлагалось «окончательное составление законодательного по объясненному выше предмету акта в такой форме, дабы он воспринял силу закона по надлежащем его обнародовании как в империи, так и в Великом княжестве Финляндском».

г) «Выработанный Совещанием на изложенных основаниях законодательный акт» имел быть «непосредственно поднесен к Высочайшему утверждению и подписанию».

[5] Высочайшее повеление Императора Александра III об учреждении Совещания объявлено графом Ф.Л. Гейденом 1 декабря 1891 г. После доклада записки Гейдена по делу о кодификации основных законов Великого княжества Финляндского, Император повелел рассмотреть эту записку в Особом совещании под председательством Н.Х. Бунге, а затем внести это дело в Государственный совет через его Кодификационный отдел. Этот отдел был упразднен в декабре 1893 г. с возложением его обязанностей на Государственную канцелярию.

[6] Александр III Александрович Романов (1845–1894), Император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский с 1881 года. Сын Императора Александра II и отец Николая II. Проводил политику русификации окраин, Польши, Финляндии, Прибалтийского края.

[7] Бунге Николай Христианович (Nikolai Karl Paul von Bunge) (1823–1895), экономист, министр финансов (1882–1886) и председатель Комитета министров (1886–1895). Действительный тайный советник (1885). Реформировал финансово-экономическую систему России, ввел вместо подушной подати подоходный налог. С 1869 г. Ординарный профессор по кафедре полицейского права университета Св. Владимира. В 1887–1889 гг. преподавал политическую экономию, статистику и финансы великому князю Николаю Александровичу (будущему Императору Николаю II). С 1890 г. Ординарный академик по разряду историко-политических наук (политическая экономия и статистика) историко-филологического отделения Академии наук. Подвергался нападкам правых, обер-прокурора К.П. Победоносцева и др.

[8] Членами совещания в 1891 г. были назначены: военный министр П.С. Ванновский, министр внутренних дел И.Н. Дурново, министр юстиции Н.А. Манасеин, главноуправляющий Кодификационным отделом при Государственном совете Э.В. Фриш, Финляндский генерал-губернатор Ф.Л. Гейден, министр статс-секретарь ВКФ В.А. фон-Ден, товарищ министра статс-секретаря В.Б. Проконе, сенатор Финляндского Сената барон Г.А. фон Альтфан, прокурор Финляндского Сената Г. Калониус.

[9] Гейден 2-й Фёдор Логгинович (Логгинович) (Friedrich Moritz Reichsgraf van Heyden) (1821–1900), граф, начальник Главного штаба (1866–1881), генерал от инфантерии (1870). Финляндский генерал-губернатор (1881–1897), командующий войсками Финляндского военного округа и член Государственного совета (1881–1890). Поддерживал финскую партию с целью ослабления шведской партии, заложил основы для централизации и русификации политики, проводимой потом П.И. Бобриковым.

[10] Ванновский Пётр Семёнович (1822–1904), военный министр (1882–1898), министр народного просвещения (1901–1902). Генерал от инфантерии (1883), генерал-адъютант. Член Государственного совета (1898–1902).

[11] Фриш Эдуард Васильевич (Frisch Eduard Wilhelm) (1833–1907), сенатор с 1874 г., товарищ министра юстиции (1876–1883), статс-секретарь (1887), член Государственного совета с 1883. В 1883–1893 главноуправляющий кодификационным отделом при Государственном совете, возглавлял Департамент законов Государственного совета с 1900 по 1906 г., председатель Государственного совета с мая 1906 г.

[12] Дурново Иван Николаевич (1834–1903), сенатор (1883). Статс-секретарь (1885). Чл. Гос. совета (с 1886). Главноуправляющий Ведомством учреждений императрицы Марии (1886–1889). Министр внутренних дел (1889–1895). Председатель Кабинета министров (1895–1903) и Особого совещания по делам дворянского сословия (1897–1901).

[13] Манас(с)еин Николай Авксентьевич (1834–1895), сенатор (1880), министр юстиции и одновременно генерал-прокурор Правительствующего сената (1885–1894), член Государственного совета (с 1885 г.). Действительный тайный советник (1890).

[14] Альфтан Георгий (Георг) Антонович фон (Georg von Alfthan), (1828–1896), барон, генерал-лейтенант, Нюландский губернатор (с 1873), член Сената (1888–1896), начальник Экспедиции земледелия и путей сообщения Сената (1890–1896).

[15] Ден Владимир Александрович фон (при рождении Вольдемар Карл фон Ден (Woldemar Carl von Daehn) (1838–1900), генерал-лейтенант (1888), ставропольский губернатор (1877–1883). Начальник Выборгской крепости и выборгский губернатор (1882–1885). Начальник Экспедиции по гражданским делам Сената (1885–1889). Помощник министра статс-секретаря в Санкт-Петербурге (1889–1901). Статс-секретарь по делам Финляндии (1891–1898). Вышел в отставку с чином генерала от инфантерии (1898).

[16] Проконе Виктор Борисович (Victor Napoleon Procopé) (1839–1906), с 22 июля 1891 г. товарищ министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В. Дена (переехал в Санкт-Петербург). Участник Комитета с 1892 г. по взаимоотношениям России и Финляндии. После того как Н. Бобриков стал генерал-губернатором Финляндии, противостояние между генерал-губернатором и канцелярией государственного секретаря усилилось. Бобриков стремился передать власть от госсекретаря генерал-губернатору. После ухода в отставку фон Дена в 1898 г. временно исправлял должность министра статс-секретаря. Вышел в отставку 3 (по другим данным, 11) марта 1900 г., получив звание генерала от инфантерии (1900). В Финляндию не возвращался. Автор мемуаров.

[17] Калониус Георг (Calonius Georg Henrik Willy) (1845–1897), советник Выборгского гофгерихта с 1889 по 1890 год и прокурор Сената с 1890 по 1897 год.

[18] Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904), сенатор. 17 августа 1899 г. назначен и. д. министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского с оставлением в должности Государственного секретаря. На этой должности был сторонником мягкой русификации и централизации управления. Убит эсером Е. Созоновым в Петербурге. Автор публицистических работ, герой мемуаров Н.К. Михайловского, Л. Тихомирова и др. Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского Э.А. Эрштрем вспоминал о Плеве: «...в противоположность Бобрикову, Плеве считал нежелательным при осуществлении своей программы по финляндскому вопросу напрасно дразнить финляндцев. Он предпочитал применять к ним возможно мягкие приемы, насколько это было возможно без ущерба для дела...» (Shilov D.N. Venäläistämispolitiikka 1900-luvun alun Suomessa. Oerstroem, Edward Anders: Palvelukseni Suomen valtiosihteerinvirastossa // Historiallinen aikakauskirja. 2005. Vol. 109. № 3. S. 328–337). Д.Н. Шилов приводит и другие важные части воспоминаний Эрштрема о Плеве: «Плеве полагал, что в Финляндии должны были считаться сохранившими свою силу основные законы шведского королевства, и что, следовательно, по отношению к Великому княжеству власть русского государя является ограниченною. По именно в этой области особенно резко обнаруживалось отмеченное мною выше расхождение

между содержанием частных разговоров, которые имел со мною Плеве, и его официальными отзывами. Вячесл[ав] Конст[антинович] был слишком озабочен сохранить репутацию одного из столпов русского консервативного лагеря, он слишком дорожил поддержкою органов нашей националистической печати («Новое время», «Московские ведомости», «Свет»), чтобы оказаться в явном с ними противоречии в таком коренном пункте их идеологии, как вопрос о неограниченности власти Русского самодержца. Эти чрезвычайно стеснявшие свободу его действий связи и традиции заставляли его официально выступать решительным противником финляндских притязаний или, в лучшем случае, как это наблюдалось мною в особенности в позднейший период — занимать по отношению к ним нейтральную позицию.

Что касается ближайших задач русской государственной власти в Финляндии, то <...> на первую очередь должен был быть поставлен вопрос о таком изменении правительственного механизма Великого княжества, которое обеспечивало бы возможность более энергичного воздействия на него со стороны русского правительства. <...> Затем программа Плеве обнимала собою признание равноправности в Великом княжестве русских уроженцев, объединение таможенной части и законов о денежном обращении, а также распространение на Финляндию действующего в империи Устава о воинской повинности. Впрочем, последний из перечисленных мною вопросов можно было в принципе считать предрешенным еще до назначения Вячесл[ав] Констант[иновича] министром статс-секретарем финляндским, и останься он даже по оному "при особом мнении", едва ли это повлияло бы на судьбу разработанного в Военном министерстве законопроекта». (Shilov D.N. Op. cit.). Благодарю Д. Шилова за присланные воспоминания Эрштрема о Плеве.

[19] К обсуждению на Совещании были представлены материалы, перечисленные в док. № 3.

[20] Сольский Дмитрий Мартынович, (1833–1910), граф (с 1902), статс-секретарь Его Императорского Величества (с 1864). Государственный секретарь в 1867–1878 гг., действительный тайный советник 1-го класса (с 12.5.1906), Государственный контролер России (1878–1889), председатель Департамента законов (1889–1893) и государственной экономии Государственного совета (1893–1905), председатель Государственного совета (24.8.1905–9.5.1906).

[21] Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), обер-прокурор Святейшего Синода (1880–1905), член Государственного совета (с 1872), писатель, переводчик, историк церкви. В 1860–65 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете; в то же время состоял преподавателем законоведения великих князей Николая Александровича, Александра Александровича, Владимира Александровича, а позднее будущего Императора Николая II. Представитель реакционных сил в политической элите России.

[22] Островский Михаил Николаевич (1827–1901), министр государственных имуществ (1881–1893), член Государственного совета (1878–1901), председатель Департамента законов Государственного совета (1893–1899); статс-секретарь, действительный тайный советник (1883); почетный член Императорской академии наук.

[23] Бобриков Николай Иванович (1839–1904), генерал-губернатор Финляндии (1898–1904). 17(29).8.1898 назначен генерал-губернатором Финляндии и командующим войсками Финляндского военного округа (по 1904).

Имя Бобрикова стало нарицательным не только в историографии, его режим получил название «бобриковщины». Будучи генерал-губернатором Финляндии, Бобриков проводил, не считаясь ни с чем, политику централизации власти, унификации статуса Финляндии и других окраин империи, ее властных институтов с имперским управлением, правового положения граждан Финляндии и подданных империи, вводил правовой режим, в котором находилась Россия, на территории Великого княжества (уничтожение свободы слова, смещение и назначение должностных лиц по прихоти начальства, насаждение православия и русского языка, презрение к правам и свободам граждан Финляндии, игнорирование местных правил и обычаев и т. п.). Эта политика явилась спусковым механизмом противостояния между Россией и Финляндией.

Назначение Бобрикова генерал-губернатором Финляндии вызвало удивление и недовольство во всех (кроме военных) сферах политической элиты. Великая Княгиня Ксения Александровна писала А.А. Оболенской 28 августа 1898 г.: «Да, назначение Бобрикова нас тоже не особенно порадовало! Что за удивительный выбор! Нужно было ждать два года, чтобы, наконец, родить (прости за выражение!) такого урода. Он, наверное, умный, но совсем не подходящий человек в Финляндию. Какая же у него представительность или, вообще, есть ли у него понятие, как себя держать и т. д. Говорят, что он усиленно изучил всю литературу Финляндии и делает вид, что все знает и глубоко понимает! Это, одним словом, просто хам!» (Ксения Александровна, вел. кн. Письмо Оболенской А.А., 6/18 октября 1898 г. Ай-Тодор // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2005. [Т. XIV]. С. 495). Вдовствующая императрица Мария Федоровна, имевшая глубокие симпатии к Финляндии писала сыну, Императору Николаю II, 19 октября 1902 г. в разгар патриотического воздействия Бобрикова на Финляндию: «Все, что здесь уже сделано и делается теперь, покоится на лжи и обмане и ведет прямо к революции. Ради Бога попытайся остановить деяния Бобрикова. Я вижу только один выход: ты должен немедленно отозвать его обратно — все население ненавидит его и не может даже слышать его имени. Я убеждена, что это лучший выход из создавшегося положения...» (С высоты престола. Из архива императрицы Марии Федоровны (1847–1928) / публикация, сопроводительный текст и комментарии Ю.В. Кудриной // Наше наследие. 2002. № 62. С. 30).

Генерал-губернатор Финляндии Н.Н. Герард, прибывший в Финляндию в декабре 1905 г., вспоминал позднее, что не мог по закону быть инициатором законов по внутреннему управлению краем, хотя и был поставлен во главе местного правительства.

«Когда я ознакомился с деятельностью Бобрикова, — вспоминал Герард, — я был поражен, что он, наоборот, считал возможным взять на себя разработку разнообразных проектов, как административных, так и законодательных. Не было вопроса, интересовавшего население, который подымался печатью или доходил иным путем до сведения русской администрации, которого не брал бы в свои руки Бобриков: борьба с пьянством, обеспечение безземельных рабочих, арендные отношения торпарей, постройка железных дорог, народное просвещение и проч. — все вбиралось в канцелярию Ген. губернатора с видом заботливости об управляемом крае. Но всмотревшись ближе, я убедился, что ни один из этих вопросов не подвинулся в его разрешении, а деятельность правительства в действительности сводилась к одной цели: подчинению финляндской народности русской администрации и борьбе с защищавшими свои права элементами» (см.: Герард Н.Н. Забытый генерал-губернатор Финляндии. Хельсинки, 2017. С. 192–193).

[24] Муравьёв Николай Валерианович (1850–1908), действительный тайный советник (1901), министр юстиции и генерал-прокурор (1894–1905).

[25] Александр I Павлович Романов (1777–1825), Император и самодержец Всероссийский (1801), протектор Мальтийского ордена (1801), великий князь Финляндский (1809), царь Польский (1815), старший сын Императора Павла I. При Александре I к России присоединены территории Восточной Грузии (1801), Финляндии (1809), Бессарабии (1812), бывшего герцогства Варшавского (1815).

[26] Харитонов Пётр Алексеевич (1852–1916), помощник статс-секретаря Департамента законов Государственного совета с 1892 г., товарищ государственного секретаря (1904–1906), сенатор и член Государственного совета с 1906 г., назначался к присутствованию в Государственном совете до конца жизни, статс-секретарь (1911), государственный контролер (1907–1916), временно руководил Министерством финансов с 1915 г.

[27] Имеется в виду Император Александр I.

[28] На этот «Адрес» были написаны «Опровержения» (см. док. № 28), которые фигурировали в 1910 г. как раздаточный материал для членов Государственного совета при рассмотрении проекта Закона о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения.

[29] Александр II Николаевич (1818–1881), Император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский (1855–1881).

[30] Сёдерхельм Вернер (Werner Woldemar Söderhjelm) (1832–1904), юрист, прокурор Сената (1897–1900). Выступил с протестом против Манифеста 1899, затем пытался привлечь внимание к ситуации в Финляндии через международную прессу. После его выступления против манифеста по языку в 1900 г. он не был уволен, но переведен в качестве сенатора в Департамент юстиции, и через несколько месяцев ушел в отставку.

[31] Тудер Карл Иванович (Стен-Карл) (Sten Carl Tudeer) (1840–1905), полковник, действительный статский советник (1888), шталмейстер Высочайшего Двора (1888–1991), выборгский губернатор (1885–1889). Сенатор (1889–1900), вице-председатель Хозяйственного департамента Сената (1891–1900). Его голос был решающим при голосовании о публикации Манифеста 3 февраля 1899 г. Подал в отставку в октябре 1900 г.

[32] Шауман Фредрик Вальдемар (Фёдор Оскарович) (Fredrik Waldemar Schauman) (1844–1911), начальник Вазаской губернии (1894–1898), сенатор (12.9.1898–5.7.1900), генерал-лейтенант (1896), тайный советник (1899). С 1900 в отставке. Выступил против публикации февральского манифеста 1899 г. Когда его сын, Е. Шауман, смертельно ранил Н.И. Бобрикова, арестован, несколько месяцев находился под стражей в Петропавловской крепости. После освобождения был обвинен в государственной измене и содержался в финской тюрьме до 1905 года, когда был оправдан и выпущен на свободу.

[33] Фридрихс Федор Александрович (1837–?), генерал-майор (1887), генерал-лейтенант (1899). Начальник Финляндского жандармского управления.

[34] Армфельт Карл-Александр Густавович (1850–1925), гофмейстер, граф, назначен после Проконе товарищем министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского 11(24) марта 1900 г. и уволен 13(26) ноября 1901 г. с оставлением гофмейстером Двора.

[35] Де-Понт Кастен Карлович (Kasten Fredrik Ferdinand De Pont) (1849–1929), генерал-майор (1896), тайный советник (1906), Нюландский губернатор (1897–1900) и Вазаский губернатор (1906–1910). Член правления Сберегательных касс в Финляндии и член правления Ипотечного общества Финляндии (1903–1906).

[36] Иогансон (Йоханссон) Густав (Gustav Johansson) (1844–1930), архиепископ Або и духовный глава Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии (1899–1930). Профессор догматики и этики в Гельсингфорсском университете (1877–1885). Епископ Куопио (1885–1897), епископ Савонлинны (до 1899). В 1899 г. назначен архиепископом Або. Как епископ, он возглавлял Комитет по переводу Библии с 1886 по 1912 г. и участвовал в реформе псалмов на финском и шведском языках.

[37] Бородкин Михаил Михайлович (1852–1919), полковник, генерал-майор (1900), генерал для особых поручений при военном министре, генерал-лейтенант (1907), помощник главного военного прокурора (1909–1911), начальник Александровской военно-юридической академии (с 1911). С 1916 член Государственного совета по назначению. В 1919 убит «красными». Военный юрист, историк Финляндии, получивший доступ к архиву Государственного совета для написания истории взаимоотношений Финляндии и России (Справки о «конституции» Финляндии. СПб., 1900; Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения. Исторический очерк». СПб., 1901; Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905; Современное положение русского Дела на Финляндской окраине. СПб., 1905 и др.). Автор справочного издания, не потерявшего значения до сих пор (Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб., 1902. Репринт 2010). Его работы являются одной из первых попыток систематизации документов, в Финляндии были встречены с большой долей скептицизма.

[38] Имеется в виду К. де Понт.

[39] «Объявляем чрез сие: что поелику обыватели некоторых приходов Финляндии чрез поверенных или депутатов приносили Нам всеподданнейшие прошения о разных нуждах сих прихо-

дов: то, хотя сей раз и соизволили Мы приказать принять принесенные ими прошения и обратили на их домогательство Всемилостивейшее внимание, однако ж за благо рассудили сим Высочайше внушить и подтвердить всем сословиям и обществам Финляндии, что подобные Депутации токмо вовлекают их в отяготительные и излишние издержки, нарушая при том порядок, в котором должны быть представляемы Монарху общие сего края и частные особых областей нужды и домогательства. В предупреждение того, и хотя Мы, следуя отеческому образу мыслей Наших, не желаем воспрещать никому, кто бы то ни был, обращаться к Нам по общим и частным делам, когда просьбы о том вносятся в установленные места и предписанным порядком, изъявляем сим Высочайшую волю Нашу, чтобы кроме избираемых с собственного позволения Нашего, не были отправляемы впредь к Нам никакие другие Депутации без предварительного о том донесения ландсгевдингу губернии, который имеет представлять о том генерал-губернатору и испрашивать разрешения, могут ли подобные депутации быть отправлены и будут ли Всемилостивейшее приняты: с чем каждому, до кого сие касается, соображаться. В г. Гельсингфорсе — 30-го июня 1826 г.».

[40] Мехелин Лео (Mechelin (Leopold) Leo Henrik Stanislaus) (1839–1914), выдающийся финский политик. Родился в шведскоязычной семье учителя (затем инспектора) Фридрихсгамской кадетской школы. В 1860 г. получил степень бакалавра и магистра в области философии, степень бакалавра в области права в 1864 г., докторскую степень в 1873 г. Профессор кафедры административного конституционного права (1874–1882), и. о. профессора экономического права и национальной экономики (1877–1882) в Гельсингфорском университете. В 1867–1872 и в 1893–1896 член правления Объединенного (Союзного) банка Финляндии. Председатель городского совета Гельсингфорса (1875–1876 и 1892–1899). Член Сейма от буржуазного сословия (1872), от рыцарства и дворянства (1877–1906). Сенатор (1.10.1882–20.6.1890, 1.12.1905–4.6.1908). Заместитель главы (1882–1888), глава Экспедиции торговли и промышленности (1890–1891), вице-президент Хозяйственного департамента Сената.

Будучи профессором университета, Мехелин выработал основы финской политической мысли, согласно которой Финляндия была независимым конституционным государством, объединенная с Россией только личной унией Монарха, поэтому абсолютная диктатура русских царей не может распространяться на территорию Финляндии. Неконституционные законы и правила, насаждаемые в свободной Финляндии Императором, финляндским генерал-губернатором Бобриковым, премьер-министром Столыпиным и т. п. не могут быть применяемы никаким образом, не потому, что они «плохи» или «несовершенны», а потому, что они незаконны и нарушают конституцию Финляндии. На этой позиции были воспитаны поколения финляндских студентов. Мехелин был основателем Либеральной партии Финляндии (1880–1885), написал ее программу (первая писаная программа политической партии Финляндии), а после ее роспуска никогда не вступал ни в какую другую партию. Его книга «Государственное правление великого герцогства Финляндского» (1886) стала отправной точкой для юридической битвы между Финляндией и Россией.

Он также разработал программу «пассивного сопротивления» русификации России. Считается, что именно он на тайном заседании Сената, лидером которого он был, написал петицию против призыва финнов в русскую армию. Выступал исключительно за мирное ненасильственное сопротивление и отказался подписывать в 1904 г. на Парижской конференции, организованной К. Циллиакусом, решение о вооруженной борьбе с царским режимом. Для воспрепятствования активной оппозиционной деятельности Мехелина российское правительство согласилось с предложенной Бобриковым мерой — высылкой его и его сторонников из Финляндии в 1903 г. Естественно, что лучшей международной рекламы трудно было придумать. Когда он вернулся после смерти Бобрикова, его приветствовала толпа из 10 000 человек. Мехелин был одним из архитекторов демократизации Финляндии в 1905–1906 гг. Он представлял Финляндию на переговорах с Россией в ряде комиссий, вырабатывал стратегию парламентского поведения, хотя и встречал сопротивление как со стороны активистов, так и со стороны старофиннов, последовательно проводил в жизнь политику «конституционалистов». Однако, после столыпинского

наступления на Финляндию он был избран в Сейм от шведской народной партии и сотрудничал со своим бывшим противником Даннельсоном-Кальмари в борьбе против имперской политики.

Это был человек, который не только предвидел, но и формировал будущее силой мысли. Мехелин являлся автором огромнейшего числа публицистических трактатов, интервью, книг и аналитических статей, многие из которых были переведены на русский язык (см.: Конституция Финляндии в изложении местного сенатора Л. Мехелина (Precis du droit public du grand duché de Finlande), 1888; Разногласия по русско-финляндским вопросам: Критический обзор Л. Мехелина. Пер. со швед. СПб., 1908 и др.). Ему посвящена огромная литература (см.: Хеденгрен И. Лео Мехелин: Биографический очерк. СПб., 1908; Stubb E. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. Rätt som argument: Leo Mechelin och finska frågan 1886–1912. 2012).

[41] Карамзина (Шерваль, Демидова) Ева Аврора Шарлотта (Eva Aurora Charlotta Stjernvall) (1808–1902), баронесса, фрейлина при Императорском дворе, общественный деятель, основательница Института сестер милосердия в Гельсингфорсе, занималась благотворительной деятельностью. Из шведских дворян, переехавших в Финляндию. Ее отец Карл Юхан Шерваль — первый губернатор Выборгской губернии, умер в 1815 г. Отчим Карл Юхан Валлен — второй губернатор Выборгской губернии, в 1820 г. стал членом Сената, а через год был назначен прокурором. В 1835 г. она пожалована во фрейлины императрицы Александры. Первое замужество в 1836–1840 гг. с П.Н. Демидовым, егермейстером (1798–1840), второе — в 1846–1854 с капитаном А. Карамзиным (1813–1854). Знаменита салонами в Петербурге и Гельсингфорсе, где бывали Императоры, художники, композиторы, писатели, политическая элита. Ее брат Эмиль Шерваль-Валле, министр статс-секретарь.

[42] Маннергейм Карл Эрик Йохан (Carl Erik Johan Mannerheim) (1865–1915), граф, старший брат Карла Густава Маннергейма (генерала и президента Финляндии), вице-генатсгефдинг, директор банка и оппозиционер, высланный из Финляндии в Швецию в 1903 г.

[43] Шинов Николай Николаевич (1846–1911), генерал от кавалерии, генерал-лейтенант (1894), командующий 1-й гвардейской кавалерийской дивизией, с 1899 г. помощник Финляндского генерал-губернатора. С 1904 г. член Военного совета, генерал от кавалерии, генерал-адъютант (1906), с 1911 член Государственного совета по назначению.

[44] Шерваль-Валлен Эмилий Карлович (Stjernvall-Walleen Emil) (1806–1890), барон, тайный советник (1861), министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского (1861–1881). Брат Авроры Карамзиной (Шерваль).

[45] Мария Фёдоровна (при рождении Мария София Фредерика Дагмар (Да́гмара) дат. Marie Sophie Frederikke Dagmar) (1847–1928), российская императрица, супруга Александра III (с 1866), мать Императора Николая II. Дочь короля Дании.

[46] Влияние на политику Николая II через его мать или супругу оказывалось не один раз. Н. Герард, как и многие другие, указывал на недостаток воли государя и на то, что «Самое большое влияние на Него в ту пору имела без сомнения Его мать...» (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 31). Хотя это замечания Герарда относится к 1880-м годам, оно справедливо и для описываемого периода, поэтому финны активно использовали этот способ влияния на Императора.

[47] Вопрос об обнародовании актов 3 февраля рассматривался в Сенате 6 февраля; голосовало 20 сенаторов, причем за обнародование было подано 11 голосов и против 9. Тогда сенатор Ф.В. Шауман заявил, что он изменяет свой вотум; голоса, таким образом, разделились, но вопрос был решен перевесом голоса вице-председателя Тудера, высказавшегося за обнародование.

[48] См.: Красный архив. 1928. № 8(27). С. 230–231.

[49] Публикуя данное письмо В. Семенников делает такое примечание к этому месту:

«В докладе Николаю от 5 марта 1899 г. Бобриков, между прочим, сообщал о некоем владельце фермы, который явился к нему с доносом о сборе подписей, происходящем в том приходе, где он живет. Из приложенного к докладу опроса этого фермера видно, что он считал это «оскорблением для государя Императора» и, указывая, что «народ подписывает этот адрес по глупости, но без

злого намерения», просил довести до сведения царя, «что в адресе не заключается вовсе мнения всего финского народа, а лишь шведской бюрократии», что «финский народ отлично понимает, что Финляндия должна иметь одну армию с Россией», что «манифест нисколько не нарушал основных законов империи и пр.» (Красный архив. 1928. № 8(27). С. 232).

[50] 11 марта 1899 г. Н.Н. Бобриков обратился с просьбой к министру внутренних дел И.Л. Горемыкину распространить жандармский контроль на всю Финляндию, в первую очередь над местной администрацией, сославшись на Императорское одобрение этой идеи. В результате была создана комиссия, результатом которой стало увеличение в 1900 г. штатного состава российской жандармерии в крае на 4 офицеров и 60 унтер-офицеров. [См.: Федоров М.А. К вопросу об инструкции Финляндскому Жандармскому Управлению 1903 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 6(92). URL: https://arxiv.gangn.ru/s207987840010309-8-1/]

[51] Предваряя доклад Проконе и реакцию на него Императора, Бобриков писал последнему: «До вручения генералу Проконе, при ближайшем его докладе, настоящей резолюции, не соизволите ли признать соответственным, в видах большей осторожности, предложить ему вопрос: согласна ли она с финляндскими законами?». И Бобриков предложил следующую резолюцию: «Генерал-лейтенанту Проконе. Порядок принесения нам всеподданнейших прошений, указанный высочайшим объявлением 30 июня 1826 г., необходимо согласовать с последующим законодательством и, в особенности, с сеймовым Уставом, по § 1 которого земские чины, собранные на сейм, представляют финский народ. До издания новых по сему нравил объявите генерал-губернатору мое повеление, чтобы: 1) отклонялись впредь всякие домогательства финляндцев, в какой бы форме таковые ни проявлялись, если только они направлены к отмене или изменению высочайших манифестов или иных нами утвержденных законодательных актов, сила которых, во всяком случае, должна оставаться неколебимой, и 2) воспретить впредь в великом княжестве сборища и сходки для составления сконом всеподданнейших просьб и жалоб без разрешения на то генерал-губернатора по особым ходатайствам губернаторов, сохранив право подачи тех и других лишь за отдельными общинами, семьями и их членами». [Опубл.: В. Семенников. Николай Романов и Финляндия // Красный архив. 1928. № 8 (27). С. 232.].

[52] См. док. № 27.

[53] Заметка «Адрес Финляндского Сената от 18 февраля 1899 г. и опровержение на него» рассылалась как анонимный документ в марте 1899 г. Авторство выявлено из делопроизводственной переписки. В архиве Э.В. Фриша документ сохранился в виде размноженной литографией рукописи с пометой «получено 23, представлено 26 февраля 1899 г.». При рассмотрении в 1910 г. законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения, этот материал был размножен типографским способом для раздачи членам комиссии и членам Государственного совета. Документ всегда состоял из двух столбцов: слева были выдержки из «Адреса» 18 февраля 1899 г., а справа — замечания Фриша. Здесь воспроизводится только правая колонка (собственно замечания статс-секретаря, так как сам «Адрес» опубликован в качестве самостоятельного документа полностью (см. док. № 9).

[54] Карл XII (1682–1718), король Швеции с 1697 г. Основные события жизни Карла XII связаны с его участием в Северной войне 1700–1721 гг. Погиб во время похода в Норвегию, принадлежащей Дании.

[55] В Швеции сложились оппозиционные королевской власти силы, что было связано и с тем, что у Карла XII не было наследника. После его смерти в 1719 г. была принята новая конституция, которая закрепила ведущую роль в формировании политики Государственного совета и риксдага, в которых подавляющее влияние имела аристократия.

[56] Густав III (Gustav III) (1746–1792), король Швеции с 1771 г.

[57] Густав IV Адольф (Gustav IV Adolf) (1778–1837), король Швеции в 1792–1809 гг.

[58] Петр I Алексеевич, прозванный Великим (1672–1725), последний царь всея Руси (с 1682 г.) и первый Император Всероссийский (с 1721 г.).

[59] Неклюдов Николай Адрианович (1840–1896), известный криминалист, нравовед, профессор уголовного нрава, деятель судебной реформы, тайный советник, обер-прокурор Общего собрания кассационных денартаментов, соединенного присутствия и дисциплинарного присутствия Сената (1885), товарищ государственного секретаря (1894), товарищ министра внутренних дел (1895). Участник многочисленных комиссий Сената.

[60] Минквиц Александр Юльевич фон (von Minckwitz Alexander Joachim) (1851–1928), нолковник (1894), директор канцелярии генерал-губернатора Финляндии (1895). Нюландский губернатор (1900–1901), генерал-майор в отставке (1901), управляющий делами Финляндской Е.И.В. канцелярией (1906–1913).

[61] Тронл (Тропль, Тройл) Самуэль Вернер фон (Von Troil Samuel Verner) (1833–1900), сенатор (1.10.1885–23.11.1891). Служил в Абоском гофтгернхте с 1859 г. С 1866 но 1885 г. директор отделения Банка Финляндии в Або. В Сейме с 1867 но 1900 г. Из них предводителем дворянства в качестве ландмаршала в Сейме 1882, 1885, 1897 и 1899 гг. Фон Тронль стал вице-председателем Хозяйственного денартамента Сената Финляндии (1885–1891). Защищал конституционный законодательный норядок Финляндии и ушел в отставку из Сената в знак протеста против изменений, которые начались с Почтового манифеста в 1890 г.

[62] Вегелиус Теодор (Karl Theodor Alexander Wegelius) (1850–1932), член Совета Объединенного банка Финляндии в 1875–1897 и 1910–1917 гг., председатель дирекции Финляндского банка (1898–1906). Секретарь сословия горожан в Сейме в 1877–1878, президент в 1897 и вице-президент в 1899 г. Член Хозяйственного департамента Сената Финляндии (1.11.1906–1.8.1908).

[63] Вярри Каарле (Kaarle Wärri) (1839–1923), член Сейма в 1877, 1882, 1885, 1888 и 1891 гг. Президент крестьянского сословия в Сеймах в 1894, 1897 и 1899 гг.

[64] Монтгомери Роберт (Montgomery Robert August) (1834–1898), профессор права, сенатор и общественный деятель, нрокурор Финляндии (с 1882 но 1886), вице-председатель Судебного денартамента Сената (1896–1898). Депутат Сейма от дворян (1863–1897), председатель валютного комитета в Сейме 1877–1878 гг. и юридического комитета в 1882, 1891 и 1894 гг. Председатель Банковского совета Банка Финляндии в 1868–1882 гг. Член комиссии но делам Финляндии в Санкт-Петербурге 1888–1891. Один из лидеров шведоязычных либералов.

[65] Вреде Раббе Аксель (Wrede Rabbe Axel) (1851–1938), профессор права и ректор Императорского Александровского университета, один из основателей Шведской народной партии Финляндии. Член Финского Сейма (1910–1913, 1917–1918). Вреде был признанным специалистом в области гражданского законодательства и процессуального права. Участвовал в работе над финской конституцией (1917) вместе с К.Ю. Стольбергом и А. Котоненом. Разработанный их грунной проект, стал основой для конституции, принятой в 1919 г.

[66] Борн Виктор Магнус фон (Viktor Magnus von Born) (1851–1917), член палаты дворянства и рыцарства (1877–1878, 1885–1906), нотариус Апелляционного суда Ловииса и исполняющий обязанности Юрисконсульта (1880–1881), редактор журнала «Остра Нюланд» (1881–1884). Усадьба Большого Сарвилахти была одной из крупнейших в Финляндии, и с ее финансовой независимостью фон Борн, возможно, был одним из самых известных нротивников Н. Бобрикова. Фон Борн был изгнан из Финляндии в нериод с 1903 но 1904 г. Член Сейма (1910–1914).

[67] Шауман Георгий (Schauman Georg Carl August) (1870–1930), ассистент профессора в библиотеке Гельсингфорского университета с 1889 г., библиотекарь в научных обществах в Гельсингфорской библиотеке (1905–1914), доцент кафедры истории экономики университета (с 1913), главный библиотекарь университета (с 1914). Сын А. Шаумана. Член Сейма (1897–1906, 1919–1930).

[68] Гартман (Хаартман) Карл Эрик Йоханнес фон (Haartman Carl Erik Johannes von) (1869–1925), вицегерадсгевдинг суда в Гельсингфорсе (1895–1902), бургомистр Гельсингфорса (с 2.7.1905). Муниципальный советник (1907–1918), бургомистр Гельсингфорса (1918–1925).

[69] Валлин Вальдемар (с 1906 Валли) (Walli, Waldemar, он же Anselm Waldemar Wallin) (1847–1926), настор Улеаборга (1885–1905). С 1905 г. настор в Темнере. Использовал обе фамилии. Валли был единственным священником Финляндской церкви, исключенным генерал-губернатором Н.И. Бобриковым на четыре месяца в 1903 г.

[70] Тальгрен Ивар Маркус (Ivar Markus Tallgren) (1850–1936), представитель духовенства в Сейме в 1888, 1891, 1894, 1897, 1899, 1904 и 1905 гг., асессор капитула кафедрального собора Або с 1897 по 1921 г.

[71] Вестерлунд Сакари (Sakari Adolf Westerlund) (1858–1925), учитель греческого языка, зам. директора, директор школы в Улеаборге (1882–1925). Вестерлунд представлял учителей енархии Куопио в Сейме 1897 и 1899 гг.

[72] Бергрот Густав Элис (Bergroth Gustaf Elis) (1854–1906), секретарь Общества миссии моряков (1886–1898), настор, член церковного собрания в 1898 и 1903 гг., представитель духовенства в Сеймах в 1891, 1899 и 1900 гг.

[73] Даниельсон-Кальмари Юхан Рихард (Danielson-Kalmari Johan Richard, до 1906 г. носил фамилию Даниельсон) (1853–1933), один из лидеров Финской (Старофинской) партии. С 1880 г. профессор Гельсингфорсского университета, ректор (1903–1906). Депутат Сейма (1885–1914), сенатор (1908–1909). Статский советник (1904), но не вошел в Сейм от рыцарского сословия. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона отмечала: «Д. всегда был ревностным сторонником фенноманского движения; до последнего времени он разделял либеральные взгляды и наряду с сенатором Мехелином, проф. Германсоном и др. был одним из самых выдающихся защитников финлянд. автономии. С начала нового режима в Финляндии Д. примкнул к консервативной, оппортунистической старофенноманской партии, путем компромиссов думавшей "спасти отечество". В духе этой партии он издал в 1901 г. политическую брошюру на финском и шведском языках "Mihin suuntaan?" ("Куда это ведет?"). После смерти Ирье-Коскинена в 1903 г., Д. стал главным руководителем старофенноманской партии». В 1899–1901 гг. поддерживал линию согласия, которую считал единственным способом ладить с Россией. Выступал за гибкое «относительное» принятие, так как считал, что нужно сотрудничать с младофиннами, которые поддерживают конституционность. В 1908–1909 гг. один из главных сторонников изменения линии в партии, рассматривая конституционность как единственный вариант политической линии, что привело к нападениям на него внутри партии. В 1921–1926 гг. ректор университета в г. Або.

[74] Пальмен (Палмен) Эрнст-Густав (Palmén Ernst Gustav) (1849–1919), барон, профессор финской и скандинавской истории (1884–1911). Член Сейма от дворянства (1888–1885), от духовенства (1888–1906), председатель финансового комитета (1907), второй вице-президент Сейма (1907–1907). Статский советник (1910).

[75] Доннер Отто (Otto Donner) (1835–1909), лингвист-угрофиновед и политик; отец Кая Доннера. Член Сейма Финляндии от духовенства (1877–1905), сенатор, глава Духовной экспедиции (1905–1908). Его родным языком был шведский, но по убеждениям он был фенноманом.

[76] Янсон Аксель Фредрик Саломон (Jansson Axel Fredrik Salomon) (1858–1906), после университета работал юристом в Судебном департаменте Сената и организовал собственную юридическую фирму (1885). Участник Сеймов 1894, 1897, 1899, 1904–1905 гг.

[77] Лилле Аксель (Axel Lille Johan) (1848–1921), основатель Шведской народной партии, ее лидер в 1907–1917 гг. Член Сейма от горожан (1885–1900, 1916–1917). С 1883 г. редактор основанного им главного органа свекоманской партии «Nya Pressen», объединил вокруг себя всех самых талантливых шведских журналистов в Финляндии. «С самого начала травли русскими финнофобами финляндской конституции она вступила в открытую борьбу за автономию Финляндии; при новом режиме газета смело отстаивала права своего народа. Ген. Бобриков приостановил ее в 1899 г. на два месяца, а в 1900 г. – навсегда» (Брокгауз и Ефрон). В 1902 г. переехал в Стокгольм, а в 1903 г. получил шведское гражданство.

[78] Борениус Карл Фердинанд (Carl Ferdinand Borenius) (1848–1918), лесопромышленник, нолитик, член Сейма как представитель буржуазии в 1891, 1894, 1897, 1899 и 1900 гг. Член Выборгского городского совета с 1880 но 1904 г., заместитель консула Испании в Выборге.

[79] Лайтинен Лаури Вилхо (Laitinen Lauri Vilho) (1858–1933), участник войны 1877–1878, фермер, офицер нолиции в сельской местности, участник Сейма в 1897 и 1899 гг.

[80] Суутарла (Zefanias Gustafsson Suutarla) (1834–1908), крестьянин, местный лидер. В качестве представителя крестьянского сословия работал в Сеймах в 1885, 1888, 1894, 1897, 1899, 1904–1905 гг., а с 1888 г. представитель суда Маску. В Сейме представлял консервативные взгляды. Много работал над улучшением ноложения финского языка, равно как и но вонросам сельского хозяйства. Представитель Общества народного просвещения с 1875 г. Член Финского литературного общества с 1877 г.

[81] Филинн II (Felipe II) (1527–1598), король Испании, Португалии, Сицилии и Неаноля, сын Императора Священной Римской имнерии Карла V и Изабеллы Португальской, представитель династии Габсбургов. Филинн укренил Монархию, но восстание в Арагоне заставило его лишить арагонцев вольностей, он был также лишен управления Нидерландами в 1581 г. Внешняя нолитика Филинна нривела к истощению страны и унадку экономики.

[82] Линдберг Ярл (Lindberg Jarl August Reinhold) (1850–1912), капитан нароходов (1879–1889), фермер, нредставитель буржуазного соловия в Сеймах 1888, 1891, 1894, 1899 гг.

[83] Хуонанен (правильно: Хуононен) Нестор (Nestor Huoponen) (1861–1916), член Сейма от крестьянского соловия в 1899–1906 гг, от Выборга в 1907–1909 гг.

[84] Аулин — см.: Ахмаваара Пекка.

[85] Сундвал Фредрик Вильгельм (Sundvall Fredrik Vilhelm) (1843–1929), депутат Сейма от горожан (1885, 1891–1906), нредставитель шведской нартии. Директор семинарии до 1903 г., нодал в отставку по нолитическим причинам и работал учителем религии в Гельсингфорсе.

[86] Фразер Георг (Fraser Georg), капитан. В 1903 г. выслан нод надзор нолиции в Россию, в ноябре 1904 г. вернулся в Финляндию. Во время 10-минутной остановки ноезда в Выборге на станции собралось «до ста человек представителей исключительно шведской интеллигенции и воснитанников шведского лицея для нриветствования» («Финляндская газета». 8 декабря 1904. С. 2). В 1905 г. участник революционных событий. См.: Antti Kujala. Vastakkainasettelun yhteiskunnan synty. Syksyn 1905 suurlakko Helsingissä ja muualla Suomessa. H., 2016. С. 153–155. Автор восноминаний.

[87] Германсон Роберт-Фридрих (Hermanson Robert Fredrich) (1846–1928), профессор государственного нрава в Гельсингфорсском университете (1884–1908). Автор работы «Конституционный статус Финляндии» (1902), ставшей основой для дискуссии с Россией о статусе Финляндии. Член церковных советов 1886–1903 гг. и нескольких юридических комитетов. Член Сейма от духовенства (1897–1906), председатель юридического комитета Сейма в 1899 г., внес большой вклад в противостояние февральскому манифесту 1899 г. Член российско-финляндской Таганцевской комиссии (1904). Председатель нарламентского комитета, разработавшего Сеймовый Устав 1906 г. и закон о выборах. Чиновник стате-секретариата Финляндии (1906–1809). Делегирован в Женеву но вонросу об Аландских островах в Северной Ирландии в 1920–1921 гг.

[88] Дандевиль Виктор Дезидерьевич (Дезидериевич) (1826–1907), член военного совета (1890), генерал от инфантерии (1891). В 1906 г. вышел в отставку.

[89] Светлов Николай Егорович (1852 — после 1917), начальник отделения Главного Штаба (1885–1902), нолковник (1889), генерал-майор (1899). Начальник штаба Казанского военного округа (1906–1908), уволен с нолучением звания генерал от инфантерии (1912).

[90] Сахаров Виктор Викторович (1848–1905), генерал-майор (1890), начальник Главного Штаба (1898–1904), военный министр (1904–1905), генерал-лейтенант (1904). Направлен в командировку для прекращения аграрных беснорядков в Саратовской и Пензенской губерниях. Застрелен эсеркой в доме Столыпина.

[91] В записке Д. Милютин писал: «Необходимая и неопровержимая политическая связь Финляндии с империей Российской должна выражаться прежде всего в единстве Верховной власти, а затем — в единстве управления делами дипломатическими и военными. Никакая часть государства не может иметь своей политики внешней, так же, как и своей отдельной вооруженной силы», «Генералы, штаб и обер-офицеры из уроженцев Финляндии служат безразлично в войсках финляндских и русских; с другой стороны — в финляндские войска назначаются офицеры из финляндцев или русских, по высочайшему благоусмотрению». (Сборник материалов по составлению и пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии. СПб., 1899. С. 3).

[92] Седергольм Теодор Карл Адольф (Carl Adolf Theodor Cederholm) (1824–1911), член Судебного департамента Сената (1873–1877 и 1882–1900), прокурор (1877–1882), член комитета по делам Финляндии в Петербурге (1882–1888), вице-председатель Судебного департамента Сената (1898–1900). Представитель дворянства в Сейме 1886 г. Выступил против публикации Февральского манифеста в 1899 г. Ушел в отставку в знак протеста с поста вице-президента Судебного департамента в феврале 1900 г.

[93] Палин Ялмар (Хьялмар) (Hjalmar Georg Palin) (1848–1907), генерал-майор (1888), начальник штаба Финляндского военного округа по части Финских войск при Финляндском генерал-губернаторе. Нюландский губернатор (1888–1899). Сенатор и начальник Гражданской экспедиции Хозяйственного департамента Сената (1888–1899).

[94] Игнациус Карл Фердинант (Ignatius Karl Ferdinant) (1837–1909), историк, глава Главного управления статистики (1868–1885) и сенатор (1.10.1885–27.8.1900, 1.12.1905–4.6.1908). Член Сейма от буржуазного сословия (1877–1885, 1904–1905). Член городского совета Гельсингфорса (1875–1878, 1903–1905). Сторонник пассивного сопротивления.

[95] Гюллинг Оскар (Oscar Fredrik Wilhelm Gylling) (1843–1908), сенатор (4.4.1889–27.8.1900), нотариус (1875–1880), судья суда Икаалинен (1880–1889).

[96] Клуберг Лун Густав Леонхард (Ludvig Gustaf Leonhard Clouberg) (1842–1906), сенатор (3.7.1893–5.7.1900), депутат Выборгского городского совета (1875–1879), председатель совета (1879–1893), советник гофтгерихта (1885), сенатор в Судебном департаменте Сената (1893–1900), ушел в отставку в знак протеста против манифеста о русском языке.

[97] Лангеншельд Густав (Gustaf Adolf Langenskiöld) (1852–1931), сенатор (2.1.1897–27.8.1900), судья Раазенорского суда (1887–1889) и асессор Выборгского надворного суда (1889–1897), адвокат в Гельсингфорсе (1900–1907). Член Сейма от рыцарства и дворянства (1882–1897 и 1900–1906). Заместитель председателя наблюдательного совета лесопромышленной компании (1908–1918), председатель (1918–1929).

[98] Идестам Густав Ричард (Gustaf Richard Idestam) (1832–1915), адвокат, член Сейма от рыцарского и дворянского сословия (1877–1878, 1882 и 1885 гг.). Член Судебного департамента Сената (10.02.1899–27.08.1900).

[99] Нюборг Карл Август (Carl August af Nyborg) (1833–1927), сенатор (1880–1902), первый глава Судебного департамента Сената (с 1892 г.), секретарь прокуратуры Сената с 1869 г., сенатор в Судебном департаменте, в Хозяйственном департаменте, глава Юридической экспедиции (01.10.1892–02.1.1897). С 1897 г. сенатор в Судебном департаменте. Вице-президент Судебного департамента Сената (1900–1902).

[100] Сольман И.Г. (Йохан Густав) (Johan Gustaf Sohlman) (1837–1908), юрист, секретарь крестьянского сословия в Сеймах в 1882 и 1885 гг., член городского совета Гельсингфорса (1883–1885). Сенатор в Хозяйственном департаменте (1887–1891, 1893–1901), в Судебном департаменте (1886–1887, 1891–1893, 1901–1905). Заместитель начальника Гражданской экспедиции (1887–1888), начальник канцелярии (1888–1891), сенатор без портфеля (1893–1899), глава Духовной экспедиции (1899–1901). Вице-президент Судебного департамента (1903–1905), вынужден уйти в отставку после всеобщей забастовки 1905 г.

[101] Энеберг Вальдемар (Waldemar Eneberg) (1840–1904), финский сенатор (1.10.1891–8.6.1904). Одна из ведущих персон финской партии в начале XX в. В 1891 г. назначен сенатором без портфеля в Хозяйственном департаменте Сената, в 1893 г. начальником Гражданской экспедиции, в 1897 г. начальником Юридической экспедиции. С 1899 г., после отставки Ю.С. Юрьё-Коскинена, лидер финской партии в Сенате. Его самым значительным достижением в Сенате было языковое регулирование 1902 г., которое дало финскому языку статус официального наряду со шведским. Посвящен в рыцари в декабре 1903 г.

[102] Бергбом Эрик Оссиан (Bergbom, с 1905 г. Вуоренхеймо, Erik Ossian Wuorenheimo) (1845–1917), сенатор (1896–1905). В 1892 г. стал главным управляющим Главного управления дорог и водных сооружений, в 1896 г. главой Экспедиции путей сообщения Сената. Член Сейма в 1888 г. от горожан. С 1904 г. дворянин, избран лейтенант-маршалом, а после отставки Линдера – земельным маршалом. После крупной забастовки осенью 1905 г. ушел из Сената вместе с другими сторонниками уступок.

[103] Шарнантье Альфред (Gustaf Robert Alfred Charpentier) (1839–1914), член Финансового департамента Сената (28.12.1897–27.8.1900), директор Финского сельскохозяйственного банка (1900–1902), директор Гельсингфорсского филиала Nordic Share Bank (1905–1906). Член Сейма в палате рыцарей и дворянства в 1877–1885, 1900 и 1904–1905 гг. Председатель комитета по банковскому праву (1896), председатель банковского комитета (1904–1905).

[104] Тропль (Тронл) Густав фон [Axel Gustav Samuel (Gösta) von Troil] (1837–1909), сенатор Хозяйственного департамента (1891–1900). Тайный советник (1898). Брат С.В. Тропля.

[105] Хуберг Свен Вильгельм (Sven Wilhelm Hougberg) (1839–1905), сенатор (20.6.1890–27.8.1900), присяжный в Выборгском гофтгерихте с 1866 по 1875 г., главный редактор канцелярии генерал-губернатора (1875–1882), директор (1882–1890), действительный статский советник (1884).

[106] Фельман Исак (Nils Isak Fellman) (1841–1919), ботаник, юрист, исследователь (совершал экспедиции в 1861 и 1863 гг. по русской Лапландии). Генеральный директор Государственного казначейства (1883–1887). Представитель буржуазного сословия в Сейме (1888). Сенатор Судебного департамента (1.12.1887–24.2.1900). Принадлежал к партии старофиннов, но в некоторых случаях расходился во взглядах со своими коллегами по партии. Поддержал публикацию февральского манифеста в 1899 г. Председатель Вазаского гофтгерихта (1900–1902). Ушел в отставку. Получил дворянский титул в 1902 г. Брат Г.Э. Фельмана.

[107] Борениус Хенрик Густав (Henrik Gustaf Borenius) (1840–1909), юрист и композитор. Занимал юридические должности в Сенате, помощник прокурора (1887–1892). Сенатор (1892–1902). Председатель Вазаского гофтгерихта (1902–1909).

[108] Гриненберг Леннарт (Gripenberg Alexander Lennart) (1852–1933), подполковник, член Сейма от дворянского сословия (1882–1906). Член Хозяйственного департамента Сената и глава Экспедиции торговли и промышленности (1896–1900). Депортирован по политическим мотивам, жил в Стокгольме (1903–1904). Причиной депортации было то, что он написал брошюру под псевдонимом «Немо», которая поддерживала пассивное сопротивление. Член Хозяйственного департамента Сената и глава Сената (1905–1907), глава Экспедиции путей сообщения (1905–1907) и Банка Финляндии (1907–1908).

[109] Нюберг Август (Nybergh Avgust) (1851–1920), юрист, член Сеймов от буржуазного сословия (1894, 1897 и 1904–1905), от Шведской народной партии (1910–1914). Служащий Выборгского суда (1879–1898). Сенатор (1898–1900, 1.12.1905–23.4.1909), член судебного и Хозяйственного департаментов, член сенатского Законодательного комитета (1892–1898, 1900 и 1909–1914). Сослан в 1903–1904 гг. После возвращения в Финляндию был членом Сената, главой Юридической экспедиции (1905–1909), член комиссии Харитонова в 1909 г. Вице-президент судебной ветви Сената (1917–1918), первый председатель Верховного суда (1918–1920).

[110] Вольф Евгений (Carl Oskar Eugène Wolff) (1851–1937), выборгский промышленник, один из основателей Финской пароходной компании (Suomen Steamship Oy). Член совета директоров

Северного фондового банка (Nordic Stock Bank) (1890–1899), председатель его совета директоров (1893 но 1899). В 1880–1890-х гг. занимал ност британского вице-консула в Выборге. Один из авторов «Большого адреса», нетиции Николаю II в ответ на февральский манифест 1899 г. После его оппозиционного выступления Российское правительство обратилось к правительству Великобритании с просьбой отозвать Вольфа (см.: Vice-Consul Wolff // Finland: An English Journal Devoted to the Cause of the Finnish People. 1899. № 4. P. 9–10). Из-за своей нолитической деятельности он был вынужден уехать из Финляндии в 1903 г. Участник финской делегации, которая с 1917 но 1918 г. носещала правительства Англии, Франции, Бельгии, Испании и Италии, а также Святой Престол в Ватикане с просьбой о признании независимости Финляндии. В 1919 г. исполнял обязанности носла Финляндии в Швеции.

[111] Берендсен Ивар (Ivar Berendsen, Ivar Maurice Berendsen) (1865–1939), таможенный администратор в Фредериксберге (1898), таможенный инспектор в Коненгагене (1903), с 1914 но 1935 г. служил в Фринорте. Председатель Студенческого общества в 1898–1901 и в 1907–1908 гг. «Интерес Б. к финским делам, вызванный тайным советником Петером Веделем, усилился с его женитьбой, и когда на рубеже веков нолитика русификации Финляндии усилилась и достигла своей кульминации при Николае Бобрикове, Б. стал энергичным представителем Финляндии частично в статьях в Politiken, а частично за пределами Евроны. В 1902 году он нолучил финское публичное обращение, а из многих финских публикаций следует, что он сыграл значительную роль в борьбе за сохранение финского языка и национальности». (Ларсен Х. Ивар Берендсен // Датский биографический лексикон https://biografiskleksikon.lex.dk/Ivar_Berendsen).

[112] Ireland and Finland // Finland: An English Journal Devoted to the Cause of the Finnish People. 1899. № 3. P. 10–11.

[113] Llewellyn Atherley-Jones (1851–1929), член лейбористской нартии, барристер, судья (с 1913). Депутат в 1885–1913. Выработал нолитику нового либерализма, обращенного к рабочему классу.

[114] Mr. Atherley-Jones and the Finnish Question // Finland: An English Journal Devoted to the Cause of the Finnish People. 1899. № 3. P. 9–10.

[115] Бальфур Артур Джеймс, 1-й граф Бальфур (Arthur James Balfour, 1st Earl of Balfour) (1848–1930), с 1891 г. нервый лорд казначейства и лидер налаты общин Великобритании. В 1902 г. сменил лорда Солсбери на ностах премьер-министра и главы Консервативной нартии. С конца 1905 г. в отставке.

[116] Бродрик Уильям (William Brodrick) (1856–1942), финансовый секретарь Военного министерства Великобритании в 1886–1892 гг., заместитель государственного секретаря в 1895–1898 гг., заместитель секретаря в 1898–1900 гг. Государственный секретарь но вопросам войны в 1900–1903 гг. Государственный секретарь Индии в 1903–1905 гг.

[117] Hodgetts E.A. Brayley (1859–1932), английский нисатель и историк, автор двухтомника «Россия в девятнадцатом столетии» (1908).

[118] Ордин К.Ф. Покорение Финляндии: Опыт описания но неизданным источникам: [В 2 т.]. СПб., 1889.

[119] Подробнее см.: Finland: An English Journal Devoted to the Cause of the Finnish People. 1899. № 5. P. 8–10.

[120] The Russian Tongue In Finland // Finland: An English Journal Devoted to the Cause of the Finnish People. 1899. № 5. P. 11–12.

[121] Фредерикс (Фридрикс) Владимир Борисович (Адольф Андреас Вольдемар) (1838–1927), барон (с 1913 — граф), государственный деятель, министр Императорского Двора Российской империи (1897–1917); канцлер российских Императорских и царских орденов; генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900). Присутствовал в Государственном совете с 6 мая 1897 г. Член Государственного совета с 4 ноября 1905 г. В 1925 г. выехал на жительство в Финляндию.

[122] Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902), военный министр (1898 — февраль 1904), участник заседаний Государственного совета по должности с 1898 г., член Государственного совета (с 1906). Туркестанский генерал-губернатор (1916–1917).

[123] Рыдзевский Константин Николаевич (1852–1929), заведующий канцелярией Министерства Императорского Двора (с 1897), генерал-майор (1898), назначен в свиту Его Величества. С 1900 г. и. д. управляющего кабинетом Его Императорского Величества, часто исполняя обязанности министра Императорского Двора и сопровождая Императора в его путешествиях. Товарищ министра внутренних дел, заведывающий полицией, командующий Отдельным корпусом жандармов в (1904–1905). Сенатор (1905), генерал-лейтенант (1906), генерал от кавалерии (1916). С 1917 г. во Франции.

[124] 7(20) июня 1900 г. последовал Высочайший манифест «О введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского» (см. док. № 52).

[125] Гончаров Стенан Осипович (Иосифович) (1831–1912), генерал-лейтенант (1888), генерал от инфантерии (1900), комендант Свеаборгской крепости (1887–1993), помощник Финляндского генерал-губернатора и командующего войсками Финляндского военного округа (1893–1897), исправляющий должность генерал-губернатора Великого княжества Финляндского после Гейдена до Бобрикова (1.1.1897–30.8.1898), член Военного совета Российской империи (1898–1912). Председатель Главного военно-санитарного комитета (1904–1910).

[126] Штейнгель Фаддей Федорович (Фабиан Готгард) (1762–1831), генерал от инфантерии (1819), барон, граф (1812). Участник русско-шведской войны 1808–1809 гг. С 1810 по 1823 г. генерал-губернатор Финляндии и начальник русских войск в крае. В 1812 г. назначен командующим Финляндским корпусом, участник русско-шведских переговоров в Або в августе 1812 г.

[127] Николай I Павлович (1796–1855), Император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский (1825–1855). Родной брат Императора Александра I, отец Императора Александра II.

[128] Екатерина II Алексеевна (София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg) (1729–1796), императрица Всероссийская (1762–1796). Правление характеризуется как «просвященный абсолютизм».

[129] Согласно Высочайшей Грамоте Императора от 18(30) июля 1899 г. очередной Сейм должен был собраться 11(23) января 1900 г. (см.: Финляндская газета. 1900, 11(23) января. № 5. С. 1). 9(21) декабря 1899 г. была подписана Высочайшая Грамота о всемилостивейшем повелении Финляндскому генерал-губернатору Н. Бобрикову открыть очередной Сейм земских чинов Финляндии (см.: «Финляндская газета». 1900, 13(25) января. № 6. С. 1).

[130] Уссаковский Евгений Евгеньевич (1851–1935), генерал-майор (1892), генерал-лейтенант (1899), генерал от инфантерии (1906). С 1898 г. помощник начальника главного управления казачьих войск, затем помощник начальника Главного Штаба. Член общего присутствия комиссии по устройству казарм (1901–1902). Уволен в 1906 г.

[131] Лобко Павел Львович (1838–1905), генерал от инфантерии (1900). Член Государственного совета (1898–1905). Государственный контролер (1900–1905; и. д. с декабря 1899). Генерал-адъютант (1905).

[132] Сыпягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902), товарищ министра внутренних дел (1894–1899). С 20.10.1899 управляющий министерством, с 26.2.1899 министр внутренних дел. Сторонник карательных мер против революционного движения и русификации Финляндии и Армении. Член Государственного совета с 20.10.1899. Убит эсером.

[133] Снельман Юхан Вильхельм (Snellman Johan Vilhelm) (1806–1881), философ, писатель, журналист, идеолог финского национального движения, один из известнейших фенноманов

XIX в. Сыграл ключевую роль в становлении финского языка в качестве государственного языка Финляндии и финской марки в качестве финской национальной валюты.

[134] Ирье-Коскинен (правильно — Юрьё-Коскинен Юрьё Сакари, Yrjö-Koskinen Yrjö Sakari, до 1882 г. Форсман, Forsman Georg Zacharias) (1830–1903), барон, сенатор (1882–1899), профессор, историк, политик и один из самых значительных теоретиков фенномании и лидеров финской партии. Член Сеймов в 1888, 1891, 1894 и 1900 гг.

[135] Варен Аксель (Axel Vilhelm Warén) (1968–1899), исследователь социальных и экономических условий в ряде приходов Финляндии, социолог, известный книгой «Финляндские торпари» (1898).

[136] Гебхард Ханнес (Gebhard Hannes) (1864–1933), экономист, предприниматель, профессор экономической истории и экономики, доктор философии, общественно-политический деятель, член Сейма Финляндии (1907–1909) от финской партии. Основатель кооперативной торговли в Финляндии.

[137] Leino Eino (Armas Einar Leopold Lönnbohm) (1878–1926), поэт и журналист, который считается одним из пионеров финской поэзии. Присоединился к младофиннам.

[138] Арвидссон Адольф Ивар (Adolf Ivar Arwidsson), (1791–1858), шведскоязычный поэт, писатель, журналист, историк. Известен как один из вдохновителей национального финского движения, «пионер идеи финской независимости». По политическим причинам вынужден был переехать из Финляндии в Швецию в 1822 г.

[139] Киплинг Джозеф Редьярд (Joseph Rudyard Kipling) (1865–1936), английский писатель. Наиболее известными в 1990-е гг. стихами были «Баллада о Востоке и Западе» и «Последняя песнь Честного Томаса». Лауреат Нобелевской премии по литературе.

[140] д'Аннунцио Габриеле (Gabriele D'Annunzio), граф, писатель, поэт, драматург, военный и политический деятель Италии.

[141] Зудерман Герман (Hermann Sudermann) (1857–1928), немецкий беллетрист и драматург. Автор пьесы «Родина» (1893).

[142] Гауптман Герхарт Иоганн Роберт (Gerhart Johann Robert Hauptmann) (1862–1946), лауреат Нобелевской премии по литературе.

[143] «Калевала» (карел. и фин. Kalevala), национальный эпос Финляндии, созданный на основе творчества народов, проживавших на территории нынешней Республики Карелия. Калевала состоит из 50 песен (рун). Публикация Э. Лённротом «Калевалы» в 1835 г. стала поворотным пунктом в истории финской культуры. Финны не просто почувствовали веру в себя как в самостоятельную нацию, веру в возможности собственного языка и культуры. Поэма сделала малочисленный народ известным во всем мире. Калевала является одним из самых «народных» эпических собраний мира.

[144] «Старшая Эдда» — поэтический сборник древнеисландских песен о богах и героях скандинавской мифологии и истории, сохранившийся в древнеисландской рукописи второй половины XIII в.

[145] Рунеберг Йохан (Юхан, Иоганн) Людвиг (Johan Ludvig Runeberg) (1804–1877), поэт шведского происхождения, писавший на шведском языке стихи национально-романтического содержания. Наиболее известен циклом стихов «Рассказы прапорщика Столя»; одно из стихотворений этого цикла — «Наш край» (1846) — стало гимном Финляндии.

[146] Киви Алексис (Aleksis Kivi, наст. фам. Стенвалль, швед. Stenvall) (1834–1872), писатель, основоположник реалистической литературы на финском языке.

[147] Роман «Семеро братьев», написанный не на шведском, как было принято, а на финском языке, Киви опубликовал в 1870 г., потратив на его создание 10 лет. Правдивое и жесткое, хотя и не лишенное юмора описание жизни семи братьев в бедной сельской местности вызвало противоречивые реакции общественности и критиков того времени.

[148] Перепечатка из «Московских ведомостей».

[149] Разработка Манифеста велась в Особом совещании и под руководством председателя Департамента законов Государственного совета Э.В. Фриша в январе 1900 г. (см. док. № 45).

19 июня (2 июля) 1901 г. Император указал, что «штатные должности в экспедициях и канцелярии Хозяйственного департамента Сената, а также в главных управлениях и губернских правлениях края отныне должны быть замещаемы только лицами, знающими русский язык, с тем, чтобы при отсутствии таких лиц должности оставались вакантными и только временное их исправление возлагалось на чиновников, не владеющих русским языком». Об этом на следующий день сообщил Финляндскому генерал-губернатору министр статс-секретарь В. Плеве. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 516. Л. 19). 15(28) августа 1901 г. Император, после недоразумений, возникших в Нюландском губернском правлении по поводу введения русского языка в делопроизводство, ввел следующие временные правила, предложенные ему статс-секретарем ВКФ Плеве: «1) в сношениях с правительственными установлениями империи со включением Великого княжества Финляндского, делопроизводственный язык коих русский, губернаторам предоставляется пользоваться русским языком, но при незнакомстве с этим языком докладчика исполнительная бумага составляется на местном делопроизводственном языке и сохраняется при делах, верность же изложения отправляемой по назначению бумаги на русском языке удостоверяется переводчиком или должностным лицом, его заменяющим, и 2) при сношениях с прочими правительственными учреждениями Великого княжества исходящие бумаги могут, по распоряжению губернаторов, быть излагаемы параллельным текстом на русском и местном языках, при чем, в случае незнакомства докладчика с русским языком, правильность изложения в бумаге обстоятельств дела удостоверяется скрепою докладчика, а тожество содержания обоих текстов сверяется переводчиком или лицом, его заменяющим». (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 516. Л. 20). 19 июня 1902 г. Император подписал постановление об употреблении русского языка в исходящих от финляндских правительственных установлений бумагах и об употреблении финского и шведского языков в судах и других правительственных установлений Финляндии (СПВКФ. № 18).

Однако под воздействием революционных событий 1905 г. закон 7(20) июля 1900 г., и Повеление Императора от 6(19) июня 1902 г. «отменены Сенатом по собственному усмотрению одновременно с открытием заседаний нового состава Сената», — сообщалось 4(17) декабря 1905 г. в «Финляндской газете». Доклады производились на финском языке, новому финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду перевод делал вице-председатель Хозяйственного департамента Сената Л.Г. Мехелин на французском языке. О переводах со шведского на финский шли дебаты. 20 апреля (3 мая) 1906 г. Высочайшее постановление вводило новый регламент в использовании русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии (См. док. № 177). Однако, после появления Столыпина в правительстве России бобриковская политика в отношении русского языка была восстановлена. Постановлением Императора от 18(31) декабря 1909 г. о канцелярии Финляндского генерал-губернатора было установлено, что все делопроизводство осуществляется исключительно на русском языке (СПВКФ. № 71). Материалы по этому вопросу см.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 204. Л. 417–501.

[150] Бем Эдвард (Edvard von Boehm) (1841–1919), губернатор (1895–1899), член Экономического департамента Сената (11.11.1899–11.11.1905), статский советник (1885), член Сейма от дворян (1904). Смотритель Императорского Дворца до 1917 г.

[151] Серлакиус Ю. (Johan Julian Serlachius) (1854–1925), юрист, член Сейма от горожан в 1885 и 1891 гг., советник Выборгского гофтгерихта (1897–1900), член Судебного департамента (25.2.1900–5.7.1900), ушел в отставку в знак протеста против языкового манифеста. Управляющий директор Финского городского ипотечного фонда (1901–1918). Член Верховного суда (1919–1924). Автор учебника по гражданскому праву (1900), по облигационному и морскому праву (1902, 1909).

[152] Йонсон Э. (Johan Mårten Eliel Johnsson), с 1904 г. Сойсалон-Сойнинен (Eliel Soisalon-Soininen) (1856–1905), статский советник, референт-секретарь в Главном управлении сенатского Департамента экономики (1892), секретарь на церемониях открытия и закрытия Сеймов (в 1894

и 1897 гг.), сенатор (9.4.1900–25.10.1901), прокурор имперского Сената (1901–1905). Согласился занять пост прокурора после ушедшего в знак протеста Сёдерхельма. Убит по политическим мотивам.

[153] Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), статс-секретарь Императора Александра I (1801–1812), один из его ближайших сподвижников. Докладчик Императора Александра I по финляндским делам (1808–1812); канцлер Абоского университета (1809–1812). Под его руководством подготовлены тексты манифестов Александра I от 15(27) марта и 23 марта (4 апреля) 1809 г. и речи государя на открытии Боргоского сейма 1809 г., в которых зафиксировано автономное положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Инициатор реорганизации в 1811 г. Комиссии финляндских дел. Государственный секретарь (1810–1812). Одновременно директор Комиссии составления законов (1810–1812); член правления (1808–1810), и. д. главноуправляющего (1821–1824).

[154] Шюбергсон Эмиль (Ernst Emil Schybergson) (1856–1920), член городского совета Гельсингфорса, член Сеймов от буржуазного сословия в 1885–1900 и 1905–1906 гг. Поддерживал конституционное сопротивление и был частью делегации, которая жаловалась Императору на буйство казаков в Гельсингфорсе в 1902 г. Летом 1904 г. депортирован в Нижний Новгород, откуда, ему было разрешено выехать за границу уже той же осенью и вернуться домой в начале следующего года. Член Сейма (1907–1909, 1910–1919), один из руководителей шведской партии, хотя дважды выходил из ее парламентской группы. Председатель парламентского банковского комитета и второй вице-председатель в Сеймах 1913 и 1918 гг. Член делегации, которая отправилась в Германию в октябре 1918 г., чтобы проинформировать принца Фридриха Карла Гессенского о результатах королевских выборов в Финляндии.

[155] Мерман Агатон (Agathon Meurman) (1826–1909), один из лидеров старофинской партии, крестьянин, председатель Общества народного образования (1884–1905), член Сеймов 1872, 1877–1878, 1882, 1885, 1888, 1891, 1894, 1897 (вице-президент), 1899 (вице-президент) и 1900 гг. Автор многочисленных статей.

[156] Бострем Кнут (Boström Knut Bernhard) (1854–1935), владелец типографии в Стокгольме, издавший работы Мехелина, брошюру «Kehoitus isänmaan puolustukseen» («Призыв к защите родины») в 1900 г. и т. п.

[157] Эрпрот (Эрпрут) Казимир Густавович (Ehrnrooth Johan Casimir) (1833–1913), генерал-лейтенант, в 1882 г. оставил болгарскую службу и вернулся в Россию, где был назначен товарищем статс-секретаря Великого княжества Финляндского, статс-секретарь по делам Финляндии (1888–1891). В 1891 г. российские газеты обвинили его в фальсификации шведской версии имперского судебного закона, он подал прошение и был освобожден от должности статс-секретаря в апреле 1891 г. (через несколько дней подал в отставку по военному ведомству).

[158] Издательство «Stockholm Wahlstrom & Widstrand».

[159] Кастрен Ионас (Castrén Jonas) (1850–1922), юрист. Член Сеймов 1888, 1891, 1894 и 1905–1906 гг. Депутат от партии младофиннов (1907–1914 и 1917) от Выборгского округа. В Сейме возглавлял комитет по сельскому хозяйству (1908) и комитет по конституционным вопросам (1909). С 1914 по 1917 г. и с 1918 по 1921 г. жил по политическим причинам в Швеции. С 1916 по 1918 г. был членом иностранной делегации Движения за независимость Финляндии в Стокгольме. Затем короткое время был официальным представителем финского белого правительства.

[160] Неовиус Арвид (Neovius Arvid Werner) (1861–1916), публицист, доктор философских наук (1891). Член редакционной коллегии «Nya Pressen» (1894–1900), активно выступал против политики Н. Бобрикова, выпускал подпольный журнал «Fria Ord». В ссылке в Стокгольме вместе с другими конституционалистами (1903–1905). Депутат Сеймов 1900 и 1905–1906 гг. и от Шведской народной партии в Сейме в 1907–1916 гг. В 1907 г. основал журнал «Политика и культура». В 1914 г. разработал план Монархической формы правления в независимой Финляндии (опубликован в 1917 г. в сборнике «Frågor för dagen»). Был связан с боевой технической группой

РСДРП. Через Неовцуса одно время шла переписка Петербургского комитета партии большевиков с В.И. Лениным и Н.К. Крупской.

[161] Витте Сергей Юльевич (1849–1915), министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906). Действительный тайный советник (с 1899 г.), член Государственного совета (с 1903 г.). Автор мемуаров.

[162] Витте вспоминал обстоятельства появления этого письма: «Я, в качестве министра финансов, должен был написать свое заключение по проекту Куропаткина и по принятому порядку представил свой отзыв в печатном виде для раздачи всем членам Государственного совета. Ранее обсуждения дела в стенах Государственного совета оно обсуждалось в частном совещании под председательством генерал-адъютанта Ванновского, в котором участвовали Куропаткин, Бобриков, Плеве, Сипягин (министр внутренних дел), я и еще несколько человек. Куропаткин, поддерживаемый Бобриковым, защищал свой проект; я защищал свою точку зрения. Моя же точка зрения была такова. Государь, как неограниченный в то время самодержавный Император Российский и великий князь Финляндский, имеет долг принимать меры, поскольку они вызываются существенною необходимостью для общей всех его подданных государственной пользы, хотя бы они касались и Финляндии. Таким образом, существо вопроса, по моему убеждению, лежало не в праве, а в действительной необходимости проектируемых Куропаткиным мер. По моему же мнению, меры эти в значительной своей части не вызываются существенными интересами империи, а между тем рождают существенные неудобства для финляндцев.

Поэтому, не соглашаясь всецело ни с проектом Куропаткина, ни с отрицательным отношением к нему Сейма, я предлагал такие изменения в проекте Куропаткина, которые, удовлетворяя, по моему мнению, действительные интересы империи, не представляют излишних и тягостных требований к Финляндии. <...> После сказанного совещания под председательством П.С. Ванновского я получил от генерала Куропаткина копию всеподданнейшего письма его, в котором он докладывал государю, что мой отзыв в Государственном совете по проекту закона о финляндской воинской повинности поставит его и его единомышленников в Государственном совете в крайне неловкое положение, так как в этом отзыве я дезавуирую ссылку на Александра III и вообще представляю соображения, крайне неудобные для проведения его проекта. В результате этого письма я должен был просить Плеве уничтожить все экземпляры моего отзыва и взамен его разослать другой, вновь ему препровожденный, в котором были пропущены все наиболее сильные места против соображений военного министра Куропаткина». (Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. 2-е изд. Л., 1924. Т. 2. С. 212–213.)

Было две редакции письма (первый вариант более язвительный и второй более мягкий). Публикуется второй вариант, направленный Витте на имя Государственного секретаря Макарова для рассылки членам Государственного совета при голосовании за проект закона об издании законов и постановлений общегосударственного значения 2 июня 1910 г. (см.: РГИА. Ф. 1218. Оп. 1. Д. 1. Л. 403). Первый вариант был опубликован за границей.

[163] Проект Устава о воинской повинности разрабатывался комиссией под руководством помощника Финляндского генерал-губернатора и командующего войсками Финляндского военного округа генерал-лейтенанта Б.Э. Индрениуса с 1871 по 1875 г. В проекте определялась постоянная численность финляндских войск, устранялась связь их с русской армией, начальником войск становился генерал-губернатор Финляндии и т. п. Военный министр Д.А. Милютин выступил против этого проекта. Но Финляндский генерал-губернатор граф Адлерберг настоял на передаче этого проекта Сейму, заседавшему в 1877–1878 гг.

[164] Адлерберг Николай Владимирович (1819–1892), граф, генерал-адъютант (1857), генерал от инфантерии (1870), Финляндский генерал-губернатор (1866–1881).

[165] Сейм возбудил ходатайство об отнесении 14 параграфов нового Устава (1–6, 9, 13, 19, 20, 120–123) к числу основных законов края, подлежащих изменению и отмене не иначе, как с согласия всех сословий Сейма. Этими параграфами устанавливались: цель существования финляндских войск — для защиты престола и отечества (1), содействия тем защите империи (123);

отмена поселенческой системы (2), состав вооруженных сил края состоит из действующих войск запаса и ополчения (3), распределение призывников между запасом и действующими войсками решается жребием (4), численность призыва определяется государем ежегодно по представлению Сената (5), призывной возраст — 21 год (6), срок службы в действующих войсках — 3 года, а в запасе — 2 года (9); финляндские войска комплектуются исключительно финляндскими гражданами (120). Параграфами 13 определялся порядок призыва на службу запаса, 19 — организация ополчения, 20 — порядок призыва его на службу, 121 — численность войск в мирное время и расположение их в губерниях края, 122 — порядок покрытия военных расходов, 123 — порядок мобилизации действующих войск.

[166] Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), генерал-адъютант свиты Е.И. В. (1859), военный министр (1861–1881), член Государственного совета с 1865 г., граф (с 1878).

[167] 6(18) декабря 1878 г. Устав был Высочайше утвержден (см.: ПСЗРИ. Собр. 2. Ст. 59100). Манифестом 6(18) декабря 1878 г. было повелено считать 14 параграфов Устава основными законами Финляндии «ввиду особенного их значения и отчасти заключающихся в них изменений основных законов».

[168] См. док. № 37.

[169] Наполеон I Бонапарт (Napulione Buonaparte) (1769–1821), первый консул (1799), Император Франции (1804–1814 и 1815).

[170] Бернадот Жан-Батист Жюль (Jean-Baptiste Jules Bernadotte) (1763–1844), маршал империи, участник революционных и наполеоновских войн, князь Понтекорво, впоследствии шведский кронпринц и король Швеции и Норвегии Карл XIV Юхан (с 1818).

[171] Кронхельм Александр Карлович (Alexander Cronhjelm af Hakunge) (1844–1905), член Сеймов от дворянства 1877–1878, 1882, 1885, 1891 и 1904–1905 гг. Председатель Главного управления по делам печати в Финляндии (с 1899 и. д., с 1903 утвержден), камергер.

[172] Годенгельм Б.Ф. (Bernhard Fredrik Godenhjelm) (1840–1912), директор школы и литературный исследователь, член Сеймов (1867–1885).

[173] Еленев Федор Павлович (1827–1902), публицист, известный статьями и брошюрами против финляндской конституции, ярый сторонник русификации Финляндии. Тайный советник (1880). Член Главного управления по делам печати (1868–1896). С 1889 г. член Совета Министерства внутренних дел. Автор книг «Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам» (1891), «Чего достигли и чего домогаются вперед достигнуть финляндцы по пути отпадения их от русской государственной власти» (1898) и др.

[174] Витте отметил совмещение в одном уме двух принципиально разных позиций: во-первых, страх у российского правительства вооруженной Финляндии и, во-вторых, желание сделать ее русской. Сразу после присоединения Финляндии Александр I указал на Боргоском Сейме, что «кроме учреждения милиции и образования регулярных войск на собственные Его Величества средства, никакой другой способ рекрутирования или же военной конскрипции не будет иметь места в Финляндии». Взамен военной повинности была установлена вакантная подать (в два раза меньше, чем платили финны шведам при содержании кнехта). В 1811 г. Император отклонил подготовленный Сеймом проект национальной обороны со словами «национальное вооружение может иметь нежелательные последствия». С 1812 г. для формирования финляндских войск стала применяться вербовка. В 1854 г. вакантная подать была устранена и кроме вербовки стали формироваться поселенческие части. В 1867 г. все особые финские части были устранены (кроме лейб-гвардии стрелкового батальона), а вакантная подать восстановлена. 31 декабря 1870 г. Император рескриптом Финляндскому генерал-губернатору объявил, что справедливо было бы и в Финляндии ввести всеобщую воинскую повинность, как и в России. 12 февраля военный министр Д.А. Милютин согласился с этим, оговорив рядом условий существование финляндских войск (чтобы они были под контролем России).

[175] См.: Сборник материалов по составлению и пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии. СПб., 1899. С. 25–126.

[176] Половцов (Половцев) Александр Александрович (1832–1909), с 1873 г. сенатор, с 1883 г. государственный секретарь с пожалованием в статс-секретари; с 1892 г. член Государственного совета. Действительный статский советник (1885).

[177] Примерно в то же время, 11(24) марта, Половцев так отозвался о Куропаткине в своей записной книжке: «Военный, но не министр». (РГИА. Ф. 583. Оп. 1. Д. 55. Л. 36 об.)

[178] См. док. № 60.

[179] Пален Константин Иванович (Magnus Konstantin Ferdinand Graf von der Pahlen) (1833–1912), граф, статс-секретарь (1867), министр юстиции (1867–1878), действительный тайный советник (1878), член Государственного совета (с 1878 г.), член множества комиссий при Государственном совете.

[180] Кремер Оскар Карлович (von Krœmer Johan Fredrik Oskar) (1829–1904), адмирал (1896), начальник главного морского штаба (1888–1896). Член Государственного совета с 1896 г. Из дворян Тавастгусской губернии. Председатель Российского общества Красного Креста (1898–1903).

[181] Роон Христофор Христофорович (Christoph Roop) (1831–1917), генерал от инфантерии (1885), член Государственного совета (1890). В 1906–1914 гг. член группы правых в Государственном совете.

[182] Семёнов-Тян-Шанский Пётр Петрович (до мая 1906 г. — Семёнов) (1827–1914), географ, ботаник, статистик, экономист, путешественник, государственный и общественный деятель. Член Государственного совета с 1897 г.

[183] Герард Николай Николаевич (Gerard Nikolai) (1838–1929), Действительный тайный советник (1896). Член Государственного совета (1898), председатель его Департамента гражданских и духовных дел (1902–1905). Финляндский генерал-губернатор (1905–1908). Сторонник сохранения финляндской автономии. Провел ряд реформ, отменивших политический режим «бобриковщины», сторонник создания одноналатного Сейма и всеобщего избирательного права. Подвергался критике со стороны русских националистов (Пуришкевич и др.), а также со стороны П.А. Столыпина, выступающего за централизацию управления Финляндией, лишения ее статуса автономии. Герард потерял расположение Императора и был заменен Ф.А. Зейном, сторонником политики, проводимой Бобриковым. После отставки в 1908 г. Герард остался членом Государственного совета (без обязанности присутствовать на его заседаниях), уехал в имение в Демьянках Гомельского уезда. В сентябре 1917 г. с семьей покинул имение (оно было разграблено в 1919 г., часть архива Герарда погибла) и переехал в Киев и вскоре в Петроград, где жили у дочери в убогих условиях. В 1922 г. получил приглашение от финского правительства переехать в Финляндию. С мая 1923 г. жил в Финляндии в санатории «Халила» как «гость государства». Автор мемуаров. Одной из тем размышлений было обоснование правильности или неправильности политики, выбранной им в Финляндии — понимание того, что стратегические задачи России состояли не в насилии над автономным краем, а в налаживании правоотношений в интересах как империи, так и ее окраины.

[184] Сабуров 1-й — Сабуров Андрей Александрович (1837–1916), статс-секретарь с апреля 1880 г., министр народного просвещения (1880–1881), сенатор в 1881 г., в 1886 г. заседал в Гражданском кассационном департаменте Сената. Член Государственного совета (1880–1916), один из лидеров группы центра, председатель 1-го департамента (1906–1916).

[185] Голубев Иван Яковлевич (1841–1918), сенатор (1881), член Государственного совета (1895), действительный тайный советник (1901), глава Департамента гражданских и духовных дел (с 1905 г.). Вице-председатель Государственного совета (1906–1916), и. о. председателя Государственного совета (11.8.1914–15.7.1915). Статс-секретарь (1910).

[186] Гудим-Левкович Павел Константинович (1842–1907), генерал-лейтенант (1895), генерал от инфантерии (1906), управляющий Кабинетом Е.И. В. (1895–1900), член Государственного совета (с 1.1.1900).

[187] Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918), историк, библиограф. Управляющий Общей канцелярией министерства финансов (1865–1879). Действительный статский советник (1866), тайный советник (1872). Член Совета министра финансов, председатель нодатной Комиссии, директор Департамента окладных сборов; член Совета министра финансов (С.Ю. Витте). С 1901 г. член Государственного совета. С 1902 г. действительный тайный советник. В 1908 исключен из числа присутствующих членов Государственного совета.

[188] Романов Петр Михайлович (1851–1911), директор Общей канцелярии Министерства финансов (1892–1897), товарищ министра финансов (1897–1904), тайный советник (1896), член Государственного совета (1905–1911).

[189] Стишинский Александр Семёнович (1851–1922), товарищ министра внутренних дел (1899–1904), член Государственного совета (1904–1917), действительный тайный советник. В 1905–1906 гг. участник Особых совещаний нод руководством Императора Николая II, обсуждавших проекты законов о «Булыгинской думе», о преобразовании Государственной думы и Государственного совета в законодательные органы и расширении круга избирателей, а также проект Основных государственных законов 1906 г. Служил в ведомстве Государственного контроля в правительствах А.И. Деникина и барона П.Н. Врангеля (1919–1920).

[190] Блом фон (Michael Leonard von Blom) (1856–1919), референт-секретарь но военным делам Финляндии в Российском военном министерстве (1896–1900), генерал-майор (1899). Ушел с военной службы в 1907 г. Член Хозяйственного департамента Сената (1900–1905), глава Милиционной (военной) экспедиции (1900–1903). Заключен в тюрьму большевиками носле Октябрьской революции 1917 г., умер в плену.

[191] Начальник Департамента законов Государственного совета А.А. Половцев записал в дневнике: «*15 [мая]. Вторник.* В о[бщем] собрании Гос[ударственного] совета слушается дело о воинской новинности в Финляндии. Ни прений, ни речей нет ввиду многоглаголия, сопровождавшего заседания Соединенных департаментов. По каждому вопросу собираются лишь голоса, причем мнения, более снисходительные в отношении финляндцев, нолучают значительное большинство голосов. В итоге нобежденным остается Куронаткин и нобедителем ночитается Витте, усердно ему противоречивший». (РГИА. Ф. 583. Он. 1. Д. 54. Л. 88. Опубл.: Красный архив. 1923. № 3. С. 92). В записной книге он просто отметил: «Финляндское дело». (РГИА. Ф. 583. Он. 1. Д. 55. Л. 61).

С.Ю. Витте более нодробно описывает это заседание и предшествующее ему обсуждение в Государственном совете: «Во время обсуждения дела в департаментах, когда оба мнения обрисовались, некоторые члены обратились к присутствовавшим финляндским сенаторам и спросили их, как они думают, если будет принято мнение большинства, нодцержавшего мои предложения, и затем нередано на вторичное обсуждение Сейма, то Сейм присоединится ли к нему или будет продолжать настаивать на своем проекте, на что сенаторы заявили, что они не имеют полномочия на решение этого вопроса, но что они лично уверены, что Сейм будет настолько благоразумен, что присоединится к мнению большинства, как оно выяснилось в департаментах. При обсуждении дела в общем собрании Государственного совета громадное большинство также присоединилось к умеренному проекту, мною представленному (более 50 голосов, в том числе великий князь Михаил Александрович, Владимир и Алексей Александровичи, а также принц Ольденбургский), а за нроект Куронаткина голоса нодали только около 15 человек (в том числе великий князь Михаил Николаевич и, конечно, Плеве и Бобриков).

<...> Если бы тогда его величество утвердил мнение большинства, то конфликт бы кончился; военный финляндский вопрос нолучил бы решение, соответствующее действительным русским нотребностям, и такое благонолучное для взаимных интересов решение наиболее существенного дела укрепило бы, дало бы, так сказать, нраво нолитического гражданства указу, который но способу его ноявления являлся довольно произвольным. К сожалению, это сделано не было.

Когда государю в установленном порядке были представлены оба мнения, он собрал частное совещание из следующих лиц: великого князя Михаила Николаевича, Куропаткина, Бобрикова, Плеве и Синягина; приглашенные советовали государю утвердить мнение меньшинства, впрочем, Государь отлично знал, что они другого совета не дадут, и потому именно их и пригласил. При таком положении дела Синягин, который мне рассказывал, что происходило в совещании, видя, что Государь с мнением большинства не согласился, и находя опасным утверждение крайнего мнения меньшинства, как могущее внести смуту в окраину, которая была спокойна и лояльна, поставил вопрос о том, чего собственно опасаются в утверждении мнения большинства и почему вообще вопрос о военном устройстве в Финляндии был поднят с такою горячностью. На это последовал ответ, что опасение заключается в том, чтобы эти войска в случае каких-либо неожиданностей не революционировались и не пошли против своего Монарха и империи. Синягин ответил на это, что хотя он такой возможности не верит в силу того, что вся предыдущая история со времени образования Великого княжества Финляндского показывает обратное, но, тем не менее, если делать такие невероятные предположения, то мнение меньшинства также не устраняет предполагаемую возможность, что раз предполагать возможность такой случайности, то нужно совсем уничтожить финляндские войска и призыв финляндцев в войска.

Соответственно всему изложенному его величество принял такое сложное решение. Он утвердил мнение меньшинства, но одновременно особым актом объявил, что впредь до последующих его распоряжений мнение это не приводить в исполнение, а уничтожить все финляндские войска, за исключением финляндского гвардейского батальона, всегда находившегося в Петербурге, и одного конного драгунского финляндского полка, недавно только учрежденного усопшим августейшим отцом его величества.

Причем о том, чтобы взамен уничтожения финляндских войск, предпринятого совершенно неожиданно для Финляндии, брать с финляндского казначейства какое-либо денежное вознаграждение в пользу общеимперской казны, не было и речи и не могло быть речи, так как решение об уничтожении финляндских войск последовало вопреки мнению и желанию Финляндского Сейма и не согласно ни с мнением большинства, ни с мнением меньшинства членов Государственного совета. Это решение крайне обострило финляндский вопрос. Финляндия пришла в брожение. Бобриков и Плеве начали русифицировать Финляндию, т. е. принимать целый ряд, с точки зрения финляндцев, незаконных мер, вводить русский язык, наводнять Финляндию русскими агентами, увольнять сенаторов и ставить вместо них людей, ничего общего с Финляндией не имеющих, а также высылать из пределов Финляндии лиц, которые так или иначе протестовали против подобного произвола. Плеве, чтобы угодить государю, пустил в ход свои полицейские порядки вовсю». (Витте С.Ю. Цит. соч. С. 213–215).

[192] Каханов (Коханов) Иван Семенович (1825–1909), генерал-лейтенант (1876), генерал от артиллерии (1890), виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1884–1893), член Государственного совета (1893).

[193] Игнатьев 2-й — Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906), граф (с 1877), генерал от кавалерии (1898). Брат Н.П. Игнатьева. Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1889–1897); член Государственого совета (1896–1906). Генерал-адъютант (1904). Убит эсером на заседании Тверского губернского земского собрания.

[194] Икскуль фон-Гильденбандт Александр Александрович (Alexander Karl Abraham Freiherr von Uexküll-Güldenband) (1840–1912), барон, действительный тайный советник (1899), сенатор с 1888 г., член Государственного совета (с 14.11.1899 г.), входил в состав присутствующих членов Государственного совета с 1906 г.

[195] Великий князь Владимир Александрович Романов (1847–1909), третий сын Императора Александра II, член Государственного совета (1872), сенатор (1868); генерал-адъютант (1872), генерал от инфантерии (1880), младший брат Александра III.

[196] Великий князь Алексей Александрович Романов (1850–1908), четвертый сын Императора Александра II, генерал-адъютант (1880), главный начальник флота и Морского ведомства и пред-

седатель Адмиралтейств-совета (1881–1905), генерал-адмирал Российской империи (1883), адмирал (1888). Член Государственного совета (с 1881).

[197] Ольденбургский Александр Константин Фридрих (Принц Александр Петрович) (Herzog Alexander Konstantin Friedrich von Oldenburg) (1844–1932), герцог, генерал от инфантерии (1895), сенатор, член Государственного совета с 1896 г. В 1917 г. эмигрировал в Финляндию, а через год во Францию.

[198] Набоков Дмитрий Николаевич (1827–1904), сенатор (1864), в 1867–1876 гг. начальник Ссобственной Е.И. В. канцелярии по делам царства Польского (проводил там судебную реформу по русскому образцу), член Государственного совета с 1876 г., министр юстиции (1878–1885).

[199] Гонецкий (Ганецкий) Николай Стенанович (1815–1904), генерал от инфантерии (1878), член Государственного совета с 1895 г.

[200] Игнатьев 1-й — Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф (1877), министр внутренних дел (1881–1882), генерал-адъютант (1860), генерал от инфантерии (1878), член Государственного совета (с 1877). Брат А.П. Игнатьева.

[201] Саломон Пётр Иванович (1819–1905), действительный тайный советник. Член Государственного совета (с 1889); присутствовал в Денартаменте гражданских и духовных дел (до 1896 г.).

[202] Маркус 1-й — Маркус Владимир Михайлович, (1826–1901), сенатор (1869), член Государственного совета по Денартаменту Государственной экономии (1884), действительный тайный советник.

[203] Мансуров 2-й — Мансуров Николай Павлович (1830–1911), самарский губернатор (1863–1865), действительный тайный советник, член Государственного совета (1873). Младший брат Б.П. Мансурова.

[204] Рихтер Отто Борисович (Otto Demetrius Karl Peter von Richter) (1830–1908), генерал-адъютант (1871), генерал от инфантерии (1886), управляющий делами министерства Двора (1881–1891). Член Государственного совета с 1887 г.

[205] Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал от инфантерии (1887), начальник Главного штаба (1881–1897), член Государственного совета (1893–1904), профессор Николаевской академии Генерального Штаба, писатель, историк военного искусства, редактор «Военно-статистических сборников», почетный член Петербургской академии наук.

[206] Волконский Михаил Сергеевич (1832–1909), князь, тайный советник (1876), статс-секретарь, сенатор (1885), обер-гофмейстер (1890), товарищ министра народного просвещения (1882–1896). Член Государственного совета (1896). В 1901–1903 гг. был определен к присутствию в Денартаменте промышленности.

[207] Бобринский Александр Алексеевич (1823–1903), граф, сахарозаводчик, обер-гофмейстер (1890), член Государственного совета с 1896 г.

[208] Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890), министр Имнераторского Двора и уделов (1881–1897), председатель Красного Креста (1904–1905), наместник на Кавказе (1905–1916). Генерал, состоящий при Особе Его Величества (23.08.1915). Член Государственного совета с 1897 г.

[209] Чихачёв Николай Матвеевич (1830–1917), адмирал (1892), генерал-адъютант (1893), начальник Главного морского штаба (1884), управляющий Морским министерством (1888–1896). Член Государственного совета с 1896 г. Председатель Денартамента промышленности, наук и торговли Государственного совета (1900–1906).

[210] Вешняков Владимир Иванович (1830–1906), экономист и статистик, сенатор (1885), статс-секретарь (1887), действительный тайный советник (1893), член Государственного совета (1893). Почетный член Имнераторской Санкт-Петербургской академии наук (1896).

[211] Горемыкин 1-й — Горемыкин Иван Логинович (1839–1917), статс-секретарь (1910), председатель Совета министров Российской империи (1906 и 1914–1916), министр внутренних дел (1895–1899), член Государственного совета (с 1895), сенатор (с 1894), 13-й по счету и последний действительный тайный советник 1-го класса (1916). Убит с семьей в своем имении.

[212] Махотин Николай Антонович (1830–1903), генерал от инфантерии (1894), в 1880-е гг. провел контрреформу средних и высших военных учебных заведений, в 1899 г. назначен членом Государственного совета.

[213] Розинг Илиодор Иванович (1830–1903), действительный тайный советник, сенатор (с 1870 г.), первоприсутствующий в Уголовном кассационном департаменте Сената (1881), член Государственного совета (с 1896).

[214] Протасов-Бахметев Николай Алексеевич (1834–1907), граф, генерал от кавалерии (1896), губернатор Астрахани и наказной атаман Астраханского казачьего войска (1880–1882), член Государственного совета (с 1890). С 1890 г. главноуправляющий собственной Е.И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии.

[215] Галкин-Враской Михаил Николаевич (1832–1916), статс-секретарь (1904), действительный тайный советник (1895), член Государственного совета с 1896 г.

[216] Менгден Владимир Михайлович (1825–1910), барон, с 1889 г. член Департамента законов Государственного совета. С 1906 г. состоял присутствующим членом Государственного совета. Действительный тайный советник (1896).

[217] Марков Павел Алексеевич (1841–1913), юрист, действительный тайный советник (1880), сенатор (1882), товарищ министра юстиции (1883). В 1890 г. назначен первоприсутствующим в Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената, а в 1896 г. первоприсутствующим в общем собрании кассационных департаментов и в высшем дисциплинарном присутствии. Член Государственного совета (с 1 апреля 1904 г.). В 1902–1903 гг. присутствовал в Департаменте гражданских дел. С 1906 г. состоял неприсутствующим членом Государственного совета.

[218] Горемыкин 2-й — Горемыкин Александр Дмитриевич (1832–1904), генерал от инфантерии (1893). Иркутский генерал-губернатор и командующий войсками Иркутского военного округа (1889–1900). Член Государственного совета (с 09.04.1900 г.), заседал в Департаменте промышленности, наук и торговли.

[219] Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917), агроном, экономист, министр земледелия и государственных имуществ (1894–1905). Действительный тайный советник (1896), статс-секретарь (с 1903 г.), почетный член Петербургской академии наук (1899), член-корреспондент Парижской академии наук (1902). Член Государственного совета (с 1893). После реформы Государственного совета в 1906–1917 гг. председатель бюро группы центра в нем.

[220] Тернер Фёдор Густавович (1828–1906), товарищ министра финансов (1887–1892). Сенатор, присутствующий в 1-м Департаменте Сената (1892). Член Государственного совета по Департаменту государственной экономии (1896); в 1906 г. председатель 2-го Департамента. Действительный тайный советник (с 1898 г.). Автор работ по земельному вопросу.

[221] Шамшин Иван Иванович (1835–1912), председатель Верховного уголовного суда (1906–1911), с 1893 г. член Государственного совета; заседал в Департаменте законов. В 1906–1912 гг. назначался к присутствованию в Государственном совете.

[222] Хилков Михаил Иванович (1834–1909), князь, министр путей сообщения (1895–1905), член Государственного совета с октября 1905 г., призывался к присутствованию с 1906 г. Действительный тайный советник.

[223] Шебеко Николай Игнатьевич (1834–1905), генерал-лейтенант (1887), товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир отдельного корпуса жандармов, генерал от кавалерии (1900), сенатор (1890), член Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных дел.

[224] Иващенков Анатолий Павлович (1842–1906), действительный тайный советник (1899). Товарищ министра путей сообщения С.Ю. Витте (1892), товарищ министра финансов С.Ю. Витте (1892–1897). Сенатор (1895), член Государственного совета (с 6.12.1899).

[225] Петров 1-й — Петров Николай Стенанович (1833–1913), действительный тайный советник, статс-секретарь (1885), член Государственного совета (с 1893).

[226] Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915), член Государственного совета с 1.4.1901 г., заседал в Денартаменте промышленности и торговли и в Особом присутствии для составления Уголовного уложения. Полный адмирал (1900).

[227] Сабуров 2-й — Сабуров Петр Александрович (1835–1918), сенатор с 1884 г. С 1.7.1899 г. назначен в 1-е Общее собрание Сената, с 5.11.1899 член комитета финансов. Член Государственного совета, сенатор (с 1900 г.), заседал в Денартаменте государственной экономии (1900–1905), назначался к присутствованию во 2-м Денартаменте Государственного совета с 1906 г. Действительный тайный советник (1901). Старший сын декабриста А.И. Сабурова, брат статс-секретаря А.А. Сабурова.

[228] Тыртов Павел Петрович (1836–1903), адмирал, с 1896 г. управляющий Морским министерством и член Государственного совета.

[229] Шишкин Николай Павлович (1830–1902), министр иностранных дел (1896 1897), действительный тайный советник, член Государственного совета (с 1897 г.).

[230] Петров 2-й — Петров Николай Павлович (1836–1920), механик, военный инженер, профессор, генерал-лейтенант, товарищ министра путей сообщения (с 1893 г.). Автор многих научных трудов но теории смазки. Почетный член (1894) Петербургской академии наук. С 1900 г. член Государственного совета, участвовал в работе Денартамента промышленности и торговли Государственного совета (1901–1905). Председатель 2-го Денартамента (вопросы частных железных дорог) и присутствующий член Государственного совета (1906–1916).

[231] Гончаров Сергей Сергеевич (1843–1918), действительный тайный советник (1904), глава ряда судебных налат, сенатор Уголовного кассационного денартамента (1891), член Государственного совета (с 1900 г.). Председатель Особого присутствия при Государственном совете для предварительного рассмотрения жалоб на определения денартаментов Сената (1906–1911). Председатель правой группы Государственного совета (1906–1908), член кружка внепартийного объединения (1910).

[232] Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф, историк. Действительный статский советник (1884), егермейстер Имнераторского Двора (1892), с 1904 г. обер-егермейстер Имнераторского Двора. Член Государственного совета (1900 1917). В 1906–1917 гг. назначался к присутствию в Государственном совете; входил в группу правых. С 1890 г. почетный член Имнераторской академии наук.

[233] Дервиз Дмитрий Григорьевич, фон (1829–1916), сенатор, член Государственного совета с 1884 г., действительный тайный советник (1902). В реформированном Государственном совете до января 1908 г. состоял присутствующим членом.

[234] Шидловский Николай Владимирович (1843–1907), член Государственного совета (с 1895 г. по Денартаменту экономии), действительный тайный советник (1902).

[235] Череванский Владимир Павлович (1836–1914), сенатор (1894), член Государственного совета с сохранением звания сенатора (с 1898 г.), в 1905–1906 гг. входил в состав Особого совещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменении. Тайный советник, действительный статский советник. Писатель.

[236] Верховский Владимир Владимирович (1849–1910), действительный тайный советник (1905). В 1883–1889 гг. директор Особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов; с 1889 г. член Совета министра финансов. Товарищ главноуправляющего собственной Е.И.В. канцелярии по учреждениям имнератрицы Марии (1890). Член Государственного совета (с 1896 г.), входил в группу центра.

[237] Бутовский Петр Михайлович (1842–1912), сенатор, с 1889 г. обер-прокурор 1-го Департамента Сената. Товарищ министра юстиции (1894), член Государственного совета (с 1901 г.), действительный тайный советник.

[238] Оболенский-Нелединский-Мелецкий Валериан Сергеевич (1848–1907), князь, с 1896 г. шталмейстер Высочайшего двора, с 1897 г. старший советник Министерства иностранных дел, в 1900–1906 гг. товарищ министра иностранных дел (посещение Госсовета по должности), с 23.4.1906 г. член Государственного совета с оставлением членом министерства иностранных дел.

[239] В записке 1871 г. Д. Милютин писал так: «Войска Финляндские, как в мирное время, так и в военное, могут быть употребляемы на службу по высочайшему благоусмотрению, как в пределах империи, так и за границей» (Сборник материалов по составлению и пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии. СПб., 1899. С. 3).

[240] Генриксон Карл Эдвин Симеон (Henriksson Carl Edvin Simeon) (1859–1931), канеллан Эсноо (1892), настор (1903–1905, 1912). Пастор Сунда (1909), одновременно тюремный проповедник в графстве Кастельхольм (1910).

[241] Флеере Аксель (Fleege Axel August Abraham) (1834–1905), настор Эсноо. В 1904 г. отказался предоставить призывные списки за 1903 г., за что Боргоский домканитул приговорил его к лишению трехмесячного оклада. Дело было передано в Або̀ский гофтгерихт, который, руководствуясь Всемилостивейшим Манифестом 11 августа 1904 г., сложил штраф со строптивого настора (Финляндская газета. 24 декабря 1904 г. С. 3).

[242] Ленсман — исполнительный полицейский чин в сельских местностях Финляндии.

[243] Великий князь Михаил Николаевич Романов.

[244] Велин Август-Магнус (Welin August Magnus), переводчик канцелярии Финляндского генерал-губернатора, 29 мая (11 июня) 1903 г. назначен ландсекретарем Тавангусской губернии, затем председатель Главного управления по делам печати в Финляндии. Уволен по болезни 8(21) июня 1905 г.

[245] Рапорты губернаторов направлены директором канцелярии генерал-губернатора Ф. Зейном прокурору Финляндского Сената 9(22) ноября 1901 г.

[246] Генец Арвид (Arvid Genetz, Arvi Jännes) (1848–1915), ноэт, профессор, сенатор (1901–1905). Член Комитета Общества народного образования, Комитета по переводу Библии, Венгерской академии наук и Финского научного общества, руководитель Финского литературного общества.

[247] Гротенфельт Юлиус (Berndt Julius Grotenfelt) (1859–1929), сенатор, член сенатского комитета по разработке законов (1893–1905). Прокурор Сената (1905–1908). Причиной его увольнения стала предполагаемая халатность в связи с делом союза «Войма». Член Сеймов (1910–1914), представлял северный избирательный округ округа Васа. Председатель парламентского комитета по законодательству и финансам в 1910 и 1911–1913 гг. Член сенатского министерства юстиции (1917–1918), член Верховного суда и юрисконсульт (1918–1920), президент Верховного суда (1920–1929).

[248] Лилиус Хуго (Lilius Frans Hugo) (1860–1936), член Або̀ского гофтгерихта (1899–1902), судья в Хейнола (1902–1905). Член сенатского комитета по разработке законов (1901–1905), а также член Хозяйственного департамента Сената и глава Гражданской экспедиции (1.12.1905–1.8.1908). Член Сейма от буржуазного сословия (1904–1905), от младофиннов (1910–1911). Адвокат (1908–1917), генеральный директор Коммерческого банка (1917–1922), парламентский омбудсмен (1923–1925, 1930–1931).

[249] Тилло А. (Thillot Alfred) (1863–1928), младший помощник главного переводчика (с 1892 г.), подал в 1901 г. на конкурс преподавателя русского языка, мл. инспектор преподавания русского языка при главном управлении училищного ведомства (1902) с сохранением прежней должности и. о. младшего помощника главного переводчика Сената (с 1910). Опубликовал

в соавторстве с капитаном Акселем Лилиусом (Axel F. Lilius) некоторые учебники на русском языке.

[250] Лильеблад Виктор Э. (Viktor Emil Liljeblad) (1847–1907), директор (1888–1891) Государственного казначейства, губернский секретарь Улеаборга (1891–1901), судья округа Хейнола (1901) и сенатор в Судебном департаменте (25.10.1901–11.11.1905).

[251] Маннергейм Айна (Aina Johanna Wilhelmina Mannerheim, урожденная Ehrnrooth) (1869–1964), графиня, жена графа К.Э. Маннергейма, концертная певица. После замужества посвятила свою певческую деятельность благотворительным концертам для пропаганды деятельности народных гимназий в Скандинавии. Участвовала в шведском Красном Кресте во время войны Финляндии за независимость в 1918 г.

[252] Кайгородов Михаил Никифорович (1853–1918), генерал от инфантерии, начальник штаба 37-й пехотной дивизии (1893–1900), командир 2-го Финляндского стрелкового полка (1900–1901), Нюландский губернатор (1901–1905), Иркутский губернатор (1905–1906), комендант Гродненской крепости (1915–1916). С 1916 г. в резерве Минского военного округа. По слухам, убит большевиками в октябре 1918 г.

[253] Кулефельт Георг (Kuhlefelt Georg Karl Fridolf) (1860–1918), мэр Ловиисa (1893–1903, 1906–1918), уволен по политическим причинам в 1903 г.

[254] Имеется в виду Виктор Магнус фон Борн

[255] Кумлин Виктор Абрахам (Kumlin Victor Abraham) (1853–1931), судья Резерборга (1889–1923).

[256] Маркелин (Markelin Georg Fredrik Albert) (1865–1934), главный ревизор Ревизионной палаты 1904–1932 гг.

[257] Гольмберг Якоб Вернер (Holmberg Jakob Werner) (1860–1917), заместитель уездного камергера (1894–1901), уволен по политическим причинам. Сотрудник управления ножарной частью (1903–1917).

[258] Розендаль Мауно (Rosendal (Magnus) Mauno) (1848–1917), член Кагала, младофин, учитель и директор финской гимназии (1888–1903, 1890–1892, 1907–1911) и директор школы в Улеаборге (1902–1917). Высылался в 1903–1905 гг., депутат Сейма от сословия горожан в 1905–1906, от младофиннов 1908–1909 гг. Автор многочисленных произведений, в том числе «Истории пробуждения Финляндии в XIX веке» в 4 томах (1902–1915).

[259] Линдфорс Юлиус аф (Lindfors Jakob Julius af) (1831–1903), генерал-майор (1876), бизнесмен, создатель страховой компании и ее директор (1901–1903), член банковского комитета (1880–1903), член Сейма от дворянства (1885, 1886, 1891).

[260] Костиандер (Torsten Costiander) (1831–1904), владелец поместья Пуутаярви и стекольного завода, государственный деятель, губернатор, полковник.

[261] Стандертшельд Карл Август (Carl August «Adi» Standertskjöld) (1855–1935), барон и промышленный директор, основавший деревообрабатывающую и бумажную фабрику Enso в Яаски.

[262] Васениус Фредрик Рафаэль (Wasenius Fredrik Rafael) (1858–1909), судья города Або по 1908 г.

[263] Хомен Ларс (Lars Homén) (1844–1906), сенатор (1900–1901, 1905–1906). Работал юристом в Гельсингфорсе в 1901–1905 гг. вместе со Свинхувудом. Советник Выборгского гофгерихта (1900).

[264] Хагельстам Юлиус Вентцель (Julius Wentzel Hagelstam) (1863–1932), педагог. Главным делом Хагельстама стало издание на шведском — втором государственном языке Финляндии — литературно-художественного журнала «Атенеум», получившего мировое признание. Проповедью финского искусства и оппозицией он заслужил неприязнь генерал-губернатора Н.И. Бобрикова, который обещал отправить журналиста в Сибирь. В 1903 г. журнал был закрыт, а Хагельстаму пришлось бежать в Швецию. С 1903 по 1917 г. в эмиграции, преимущественно в Париже.

В 1919 г. назначен на должность пресс-атташе финляндского посольства во Франции и до конца 1920-х гг. служил в Министерстве иностранных дел.

[265] Антель Кастен Самуэль (Kasten Samuel Antell) (1845–1906), полковник (1976). Член Хозяйственного департамента Сената (1.12.1905–20.11.1906), глава Финансовой экспедиции в Сенате Л. Мехелина. Участвовал в Сейме от сословия рыцарства и дворянства с 1877 по 1906 г. и занимал должность заместителя маршала в 1900 г., председатель правления палаты рыцарей и дворянства Сейма (1897–1906). Член городского совета Гельсингфорса с 1890 по 1892 г. и с 1898 по 1903 г. участник Комиссии Таганцева и ряда других.

[266] Мекемонтан Мауриц Бернгарт (Mexmontan Mauritz Bernhard) (1856–1936), магистр философии (1904), участник движения активистов, один из основателей союза «Войма» и член его правления, учитель фехтования в 1895–1926 гг. Участвовал в забастовках в 1902–1904 гг. В заключении в Санкт-Петербурге (1915–1917). Во время гражданской войны в Финляндии в 1918 г. организовал силы безопасности на юге Финляндии. Автор воспоминаний.

[267] Вероятно, председатель выборгского парусного общества.

[268] Хёйер Карл Теодор (Theodor Höijer) (1843–1910), архитектор. Спроектировал большое количество зданий в центре Гельсингфорса.

[269] В совещании под председательствованием Императора приняли участие великий князь Михаил Николаевич, Победоносцев, граф Сольский, Фриш, Муравьев, Синягин, Бобриков, Плеве. (Список присутствующих см.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 438. Л. 36 об.).

[270] Датировка по исследованию Таими Торвинен. (Taimi Torvinen. J.R.Danielson-Kalmari Suomen autonomian puolustajana. Helsinki 1965. С. 283). Принадлежность документа статс-секретарю Плеве приписывается на основании рукописной пометы Э. Эрштрема. В отношении конкретно этого документа было сказано, что в марте 1902 г. Плеве подготовил проект, который Даниэльсон получил в 1904 г.

[271] Барклай-де-Толли Михаил Богданович (Michael Andreas Barclay de Tolly) (1761–1818), генерал-фельдмаршал (1814). В 1808 г. направлен в Финляндию, где шла война со Швецией. «Б. в мае 1809 г. был назн. Финляндским ген.-губ-ром и главнокомандующим войсками, в Финляндии расположенными. Административные способности, проявленные Б. на этом посту, и тот такт, с которым он вел себя по отношению населения, возбужденного войною и делившегося на приверженцев Швеции, России и самостоятельной Финляндии, побудили Имп. Александра в январе 1810 г. призвать Б. на пост воен. министра» (Военная энциклопедия. Т. 4 / под ред. полк. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1911. С. 394–395).

[272] Линдер Константин Карлович (Constantin Linder) (1836–1908), камергер (1874–1891), егермейстер (1891–1900). Член Сейма от дворянства в 1863–1878, 1888–1905 гг. Управляющий в торговой палате Демидовых (1880–1883). Как член Комитета по установлению новых таможенных правил защищал российскую точку зрения. После 1899 г. считал, что замедлить русификацию Финляндии можно только путем сотрудничества с Россией и отказа от сопротивления. Вице-председатель Хозяйственного департамента Сената (1900–1905). С 1903 г. член Комитета по депортации оппозиционеров из Финляндии. Назначен председателем дворянского сословия в Сейме в 1904 г., после чего 87 представителей дворян написали генерал-губернатору И.М. Оболенскому, что тот не пользуется доверием дворянства и не может быть председателем сословия. Партия активного сопротивления включила его в список лиц, подлежащих ликвидации. 5(18) января 1905 г. назначен министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского, но после забастовки 15(23) ноября 1905 г. отправлен в отставку. 15.11.1905 назначен членом Государственного совета Российской империи.

[273] Сноре Вальфрид (Knut Robert Karl Walfrid Spåre) (1831–1903), полковник (1869), тайный советник (1896), губернатор Санкт-Михельской губернии (1891–1899). Сенатор (1899–1903), глава Экспедиции по сельскому хозяйству (1900–1903).

[274] Фельман Густав (Gustaf Esaias Fellman) (1843–1916), юрист, губернатор Улеаборга (1897–1900), сенатор в Финансовом департаменте и начальник Камерной экспедиции Сената (5.7.1900–11.11.1905), статский советник с 1894 г., получил дворянский титул в 1904 г. Брат И. Фельмана.

[275] Форсман Эрнести (Ernesti Forsman) (1843–1922), юрист, член Сейма от буржуазного сословия (1891), в 1900 г. стал советником Абоского гофтгерихта, сенатор Судебного департамента (11.7.1900–19.3.1903), председатель Выборгского гофтгерихта (1903–1906). Его братья — профессор Якко Форсман и сенатор Юрьё Сакари Юрьё-Коскинен.

[276] Кумлин Александр (Kumlin Alexander August) (1844–1912), советник Абоского гофтгерихта (1890–1900), сенатор (1900–1905).

[277] Андерсин Эмиль Фритиоф (Emil Frithiof Andersin) (1843–1906), мэр Куопио (1879–1883), судья судебного округа Куопио (1883–1890). Представитель крестьянского сословия в Сейме в 1872, 1882, 1885, 1888, 1899, 1900 гг. Председатель городского совета Гельсингфорса в 1884 г., член городских советов в Куопио в 1884–1889 гг. и Йоэнсуу в 1896–1899 гг. Сенатор в Судебном департаменте Сената (1900–1905).

[278] Неовиус Эдвард (Neovius Edvard Rudolf) (1851–1917), профессор математики Гельсингфорсского университета в 1883–1900 гг. Сенатор (1900–1905) и глава Финансовой экспедиции. После этого жил в Дании. Его научные исследования касались дифференциальной геометрии.

[279] Окерман Даниэль Вольдемар (Åkerman Daniel Woldemar) (1843–1919), советник Выборгского гофтгерихта (1890–1901). Сенатор и глава Экспедиции по торговле и промышленности (1901–1904), глава Юридической экспедиции (1904–1905), вице-председатель Судебного департамента (1910–1913). После убийства прокурора Э. Сойсалон-Сойнинена в 1905 г., был его преемником. Председатель Абоского гофтгерихта (1905–1910). Фенноман, участвовал в разработке закона о языке 1902 г., который уравнивал финский и шведский языки как официальные. Со временем занимал все более уклончивую позицию по отношению к российским властям, что в конечном итоге вызвало критику даже среди его старых финских партийных соратников.

[280] Гуммерус Валентин (Valentin Gummerus) (1852–1919), член Сейма от буржуазного сословия (1888, 1891), клерк юридического отдела Сената (1887–1891), судья окружного суда Хаухо (1891–1893), младший член юридического органа (1893–1899), судья Тирванского окружного суда (1901), член Судебного департамента Сената (1901– 1902), сенатор (1901–1905).

[281] Гренваль Филипп (Grönvall Filip) (1864–1936), референт-секретарь канцелярии Сената, советник по административному праву (1918–1933).

[282] Карл XI (1655–1697), король Швеции (1660–1697), самостоятельно правил с 1672 г. Укреплял абсолютизм и ограничил притязания дворянской олигархии. В 1680–1682 гг. возвратил земли, ранее отданные дворянам, государству, чем ослабил аристократию. Тайному совету были сохранены лишь консультативные функции. Он был разделен на Государственный совет (риксрод) и королевский совет (кунглигтрод). Король был освобожден от ограничений, налагаемых на него какими-либо конституциями.

[283] Норденстам Иван Иванович (Йохан Мауриц) (Nordenstam Johan Mauritz) (1802–1882), генерал-адъютант (1876), вице-председатель Хозяйственного департамента Финляндского Сената (1858–1882), руководитель конституционного комитета, созданного в 1864 г. для подготовки Сеймового Устава и новой Формы правления.

[284] Бергенгейм Эдуард (Bergenheim Edvard) (1798–1884), архиепископ Або и духовный глава евангелическо-лютеранской церкви Финляндии (архиепископ) в 1850–1884 г. Преподавал несколько различных предметов в Военной академии в Хамине. Член Сейма от духовного сословия и тальман Великого княжества Финляндского в 1863–1864, 1867, 1872, 1877–1878 гг.

[285] Френкель Франс (Frans Wilhelm von Frenckell), с 1868 г. фон (1821–1878), один из старейшин Таммерфорса (1845–1863), член Сейма от буржуазии (1863–1864, 1867) и от дворянства (1872, 1877–1878).

[286] Мякинеска Аукусти (Mäkipeska Aukusti, изначально August Heikinpoika) (1812–1887), депутат Сейма Финляндии от крестьянского сословия и тальман нарламентской группы в 1863–1864, 1867, 1872 гг.

[287] Армфельт Александр Густавович (1794–1875/1876), граф, министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского (1842–1875/1876).

[288] 6 апреля 1902 г. А.А. Половцев записал в дневнике: «6. Суббота. В Госуд[арственном] совете узнаю, что в Гельсингфорсе вспыхнуло восстание; что Плеве сохраняет еще на нять месяцев верховное заведывание финляндским статс-секретариатом, что до возвращения в. к. Михаила Николаевича не будет решаться вопрос о выборе государственного секретаря, но что если он, Плеве, будет спрошен, то предложит или Коковцова или Икскуля». (Красный архив. 1923. № 3. С. 33).

[289] Бьёрнберг Фредрик Геронимо (Fredrik Geronimo Björnberg) (1857–1924), полковник в отставке (1898), комиссар нетербургского отделения Банка Финляндии (1897–1906). Губернатор Вазаской губернии (1900–1903 и в 1905–1906). Товарищ министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского (1906–1909).

[290] Гриненберг Йоханнес (Johannes Gripenberg) (1842–1893), чиновник, нроработавший 20 лет в канцелярии государственного секретаря в Санкт-Петербурге и занимавший ност сенатора с 1891 но 1893 г. Окончил Гельсингфорсский университет со стененью бакалавра философии (1867) и год магистратуры в Казанском университете (1869). С 1868 г. в канцелярии государственного секретаря Санкт-Петербурга и после нескольких лет службы в российской дипломатической службе работал секретарем канцелярии государственного секретаря. В 1889 г. назначен губернатором Санкт-Михельской губернии, в 1891 г. главой сенатского отделения. Член Сейма 1891 г., где возглавлял комитет но правовым и экономическим вопросам.

[291] Волдемар (Владимир) Ден в 1891 г. занял должность ушедшего в отставку Эрнрута, став статс-секретарем но делам Финляндии.

[292] Бруноу А.А. (Brunou Alexander August) (1821–1887), нредседатель Судебного денартамента, сенатор в Судебном денартаменте (1872–1887).

[293] Норрман Оскар (Oscar Norrmén) (1822–1889), сенатор (1867–1888), секретарь Сената (1854), секретарь Комитета но строительству железной дороги Гельсингфорс — Хямеэнлинна (1857), референт-секретарь комитета но сельскому хозяйству (1860). Сенатор (1867–1888), глава Экснедиции но сельскому хозяйству (1873–1888). Член Сеймa в 1882 и 1885 гг.

[294] Гартман Лаврентий Гаврилович фон (Ларс Габриэль фон Хартман) (Lars Gabriel von Haartman) (1789–1859), барон (1849), действительный тайный советник, вице-председатель хозяйственного отделения Сената Финляндии (1841–1858), член Государственного совета Российской имнерии (1858). Рассматривал будущее Финляндии как важной части Российской имнерии.

[295] В приложении давалась форма Высочайшего ностановления (но представлению Финляндского генерал-губернатора, Сената, земских чинов и т. н. или но докладу министра статс-секретаря), форма сенатского указа (но Высочайшему указу), решения (ностановленного в судебном норядке), грамоты (но высочайшему новелению). (См.: ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. 2. 1902. СПб., 1904. Ст. 21770).

[296] Имеется в виду записка от 17(30) июля 1902 г. (см. док. № 84).

[297] Тонелиус Сакарн (Захариас) (Zacharias Topelius) (1818–1898), один из самых известных нредставителей литературы Финляндии. Поэт, романист, сказочник, историк и нублицист, он заслужил любовь и признание, как на родине, так и далеко за ее пределами. Тонелиус писал на шведском языке, хотя прекрасно владел и финским.

[298] Тегнер Эсайас (Esaias Tegnér) (1782–1846), ноэт, енископ, член Шведской академии и Шведской королевской академии наук. Выдающийся представитель шведского романтизма, гуманист, автор одного из самых известных и нереводимых на другие языки нроизведений шведской ноэзии — «Саги о Фритьофе», а также «Аксель». Оказал влияние на Рунеберга.

[299] Сигнеус Фредрик (Cygnaeus Fredrik) (1807–1881), литературный критик, профессор эстетики и современной литературы Гельсингфорсского университета, видный деятель финского национального пробуждения (1854–1867).

[300] Хейкель К.Ф. (Karl Felix Heikel) (1844–1921), директор банка. В январе 1900 г. Н.И. Бобриков назначил его тальманом от горожан.

[301] Нурдберг Йохан Улрик (Nordberg Johan Ulrik) (1856–1912), учитель математики и естествознания, директор школы (1885–1912).

[302] Новый воинский Устав вызвал сильную оппозицию не только в Сейме, но и во всей Финляндии. Делалось все, чтобы призыв не состоялся. В первый призыв на новых основаниях (в 1903 г.) из общего числа 7000 новобранцев было принято только 190 человек для гвардейского Финского батальона. Призыв прошел с большими трениями. Второй призыв в 1904 г. прошел более гладко, но последовавшие затем события привели к тому, что в марте 1905 г. применение Устава 1901 г. было приостановлено, а манифестом 22 октября 1905 г. вовсе отменено.

[303] Фрейберг Юлий Эдуардович (Freyberg) (1854–?), генерал-майор (1901), начальник Финляндского жандармского управления до 1905 г.

[304] Циллиакус Конни (Конрад Виктор) (Konni Zilliacus) (1855–1924), один из создателей партии активного сопротивления. В 1898 г., после путешествия по миру, возвратился в Финляндию, сблизился с Мехелином и обеспечивал конституционалистов международной поддержкой, создавая «общественное мнение Европы об угнетении Финляндии Россией». В 1900 г. начал издавать в Стокгольме газету «Fria Ord» («Свободное слово»). Газета поддерживала идеи финского сепаратизма и нелегально ввозилась в Финляндию вместе с другой нелегальной литературой. Финансировал деятельность российской оппозиции на японские деньги, организовал в октябре 1904 г. и марте 1905 г. Парижскую и Женевскую конференции российских оппозиционных партий (большевики и меньшевики отказались участвовать), на которой была выработана программа совместной борьбы с самодержавием, организации вооруженного восстания в России. Нелегально ввозил в Финляндию оружие (самый известный эпизод – с пароходом «Джон Графтон», который сел на мель в Финском заливе). Один из создателей союз «Войма» (1904–1905). В 1909 г. был вынужден уехать в Англию ввиду разоблачения его связей с японской разведкой. Во время Первой мировой войны поддерживал обученные немцами финские батальоны егерей. Идеи активного (в том числе и вооруженного) сопротивления диктату России, которые распространял Циллиакус, не стали бы столь популярны, если бы не «бобриковщина» и «столыпинщина», толкнувшая на сторону активистов многие слои финского общества в 1903 и 1910 гг. Автор воспоминаний. О нем см.: Jänis-Isokangas I. Konrad (Konni) Zilliacus and the Revolutionary Russia // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 3. 2018. С. 366–379; Fogelholm. C.-M. Patriot i ofärdstider. Litorale. 2019 (книга, написанная правнуком К. Циллиакуса).

[305] Вольф Густав Эдвард Регуэль (Gustaf Edvard Reguel Wolff) (1862–1917), бизнесмен, управляющий директор (в 1891–1897, 1901–1904) и крупный акционер лесозаготовительной компании Tornator. Принимал участие в деятельности активистов в начале XX в. и был депортирован из Финляндии в 1903 г. вместе со своим братом, консулом Евгением Вольфом. В 1905 г. они смогли вернуться в Финляндию.

[306] Седергольм Арне (Gustaf Arne Cederholm) (1870–1931), юрист, активист, один из основателей Кагала. Сын сенатора Теодора Седергольма. С 1894 г. юрист и банкир в Гельсингфорсе и Выборге. В помещении его адвокатского бюро в Гельсингфорсе в сентябре 1901 г. состоялось учредительное собрание Кагала.

[307] Вильгрен Эдвин (Willgren Edvin Oskar) (1859–1939), гердсгевдинг (1897–1904), секретарь банка (1904–1906), сотрудник канцелярии (1906–1926).

[308] Борн фон Эрнст (Born Ernst Viktor Lorenz von) (1885–1956), сын В.М. Борна. Закончил университет в 1904 г. и получил степень магистра в 1909 г. С 1909 по 1913 г. работал юристом в Гельсингфорсе, был мэром муниципалитета. С 1912 г. заместитель судьи. В 1915 г. заключен в «Кресты» в Санкт-Петербурге за противодействие Закону о равенстве русских подданных

с финляндскими гражданами (1912). С 1919 по 1954 г. член Сейма, в 1931–1941 гг. министр внутренних дел.

[309] Веллинг Вернер (Vellingk Gustaf Verner) (1863–1919), директор кооперативного банка Нюланда (1895–1919), в Хельсингском кооперативном банке (1919).

[310] Хагельстам Ярл (Hagelstam Jarl Alarik) (1860–1935), адъюнкт-профессор неврологии в Гельсингфорсском университете (1918–1926), руководитель госпиталя Мария и главный врач отделения внутренней медицины (1907–1927). Опубликовал исследования в области неврологии и внутренней медицины. Помимо прочего, изучал евгенику и в 1896 г. основал санаторий в Хювинкяя. Приверженец введения евгенических мер в Финляндии еще в 1910-х гг. Этот интерес был связан с широко распространенной заботой о шведскости в Финляндии, потому что была идея не только обучать, но и воспитывать хороших финских шведов.

[311] Тёрнгрен Адольф (Törngren Johan Adolf) (1860–1943), доктор медицины и хирургии, доцент в Гельсингфорсском университете (1889–1906), врач в больнице (1891–1906). Представитель рыцарства и дворянства в Сейме (1891–1906), служащий статс-секретариата Великого княжества Финляндского в Петербурге (1906–1909). Поверенный в делах Франции в Париже (1919). Возглавлял мирную делегацию на переговорах в Париже в 1919 г. Член Шведской народной партии (1914–1917). Автор мемуаров.

[312] Пфалер Леонард фон (Karl Elis Leonard von Pfaler) (1856–1931), юрист, член Сейма от горожан (1885–1906). Член городского совета Гельсингфорса (1892–1894, 1897–1905). С 1892 г. директор Гельсингфорсского филиала Северного фондового банка, с 1907 г. генеральный директор банка, президент Северного кооперативного банка (1919–1928).

[313] Равандер Отто Исаак (Ravander Otto Isak) (1843–1914), мореплаватель, коммерсант и депутат городского совета Улеаборга (1890–1909), заместитель консула Великобритании и Дании.

[314] Линден Михаил (Lindén Frans Mickael) (1853–1929), старший преподаватель семинара в Экенасе.

[315] Реутер Одо Мораннал (Odo Morannal Reuter) (1850–1913), профессор зоологии, энтомолог и ноэт, писавший на шведском языке. Доцент зоологии в Гельсингфорсском университете (1877–1882), адъюнкт-профессор (1882–1910). Член и почетный член нескольких зарубежных энтомологических обществ и ассоциаций. Председатель Финского научного общества (1884–1885).

[316] Реутер Юлиус Натаниэль (Julio Nathaniel Reuter) (1863–1937), профессор, лингвист, активист, член правления и секретарь «Кагала». Адъюнкт-профессор санскрита и сравнительной индоевропейской лингвистики в Гельсингфорсском университете (1891–1906), адъюнкт-профессор (1906–1931). Редактировал «The Finland Bulletin» (1900–1905) и писал статьи о положении в Финляндии в английских и американских журналах. В 1918 г. в составе делегации, посетившей правительства Дании, Норвегии и Соединенных Штатов с просьбой о признании ими независимости Финляндии.

[317] Высочайшее постановление от 1(14) августа 1902 г. о порядке удаления от службы должностных лиц административных ведомств.

[318] Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому об открытии в Финляндии отделений Государственного банка от 18(31) декабря 1903 г. См.: СПВКФ. 1904. № 4. С. 2; ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. 1. 1903. СПб., 1905. Ст. 23757.

[319] Александр Михайлович Романов (1866–1933), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, брат великого князя Николая Михайловича. Флигель-адъютант (1886), контр-адмирал Свиты (1903), вице-адмирал и генерал-адъютант (1909), адмирал (1915). Специалист в области кораблестроения. Член (1898) и председатель (1900) Совета по делам торгового мореплавания, председатель Особого совещания для рассмотрения вопроса об управлении торговыми портами (1901), главноуправляющий торговым мореплаванием и портами (1902–1905), младший флагман Черноморского (1903) и Балтийского (1905–1909) флотов. Во время Первой мировой войны заведующий организацией авиационного дела в армиях Юго-Западного фронта

(1914) и во всей действующей армии (1915), полевой генерал-инспектор авиации (1916–1917). Умер в эмиграции.

[320] Драчевский Даниил Васильевич (1858–1918), генерал-майор (1905), штаб-офицер для поручений при штабе Финляндского военного округа и заведующий передвижениями войск по железным дорогам и водяным путям Финляндского района (1898). Полковник (1898). Главный директор управления Финляндских казенных железных дорог (1903–1905). Градоначальник Ростова-на-Дону (1905–1907), Санкт-Петербурга (1907–1914). Погиб под Адлером во время красного террора.

[321] Шауман Евгений (Eugen Valdemar Schauman) (1875–1904), сын сенатора Ф.В. Шаумана. Студент (1895–1899). Участник столкновения с казаками в 1902 г., получил нагайкой по лицу, участник движения активистов. Чиновник Сената. Известен тем, что на фоне несчастной любви смертельно ранил Н.И. Бобрикова. Застрелился сразу же после покушения. Этот поступок сделал из Шаумана в глазах многих финляндцев национального героя типа Вильгельма Телля.

[322] Карлстедт Фердинанд (Carlstedt Ferdinand Alexander Vladimir) (1957–?), офицер-воспитатель 1-го кадетского корпуса (1890–1901), подполковник, начальник полиции Гельсингфорса (1901–1905), полковник (1902), уволен от занимаемой должности Гельсингфорсского полицмейстера 30 мая (12 июня) 1905 г. по причине болезни (по прошению). Командир батальона Дорогобужского пехотного полка (1906–1908), командир 73-го Крымского пехотного полка (1908–1912). Генерал-майор (1912).

[323] Гольмберг Анатолий Августович, штабс-капитан, помощник полицмейстера

[324] Львовский Александр Сильвестрович (1858–1938), чиновник для поручений при начальнике Главного Штаба (1891) с зачислением по гвардейской кавалерии. Полковник (1901). В 1902 г. назначен в распоряжение Финляндского генерал-губернатора. Губернатор Нюландской губернии (11.8.1905–4.12.1905). Генерал-майор (1906), уволен в отставку.

[325] Оболенский Иван Михайлович (1853–1910), князь, генерал-лейтенант по Адмиралтейству, генерал-адъютант (с 1.8.1904), губернатор херсонский (1897–1902) и харьковский (1902–1903). При Министерстве внутренних дел (1903–1904). Финляндский генерал-губернатор (1904–1905).

[326] Оболенский прибыл в Гельсингфорс только 5(18) августа 1904 г. До его прибытия временно исполнял обязанности Финляндского генерал-губернатора генерал от инфантерии Н.М. Турбин. Процедура встречи Оболенского и изложение прозвучавших торжественных речей изложена в «Финляндской газете» (20 августа 1904. № 122. С. 1).

[327] Плеве был убит в Санкт-Петербурге эсером. В «Финляндской газете» было опубликовано соболезнование вдове министра статс-секретаря от имени Финляндского Сената, но соболезнований от имени Императора опубликовано не было. До января 1905 г. официального назначения на должность министра статс-секретаря не было, обязанности его исполнял товарищ министра Э.А. Эрштрем, который за это получил монаршее благоволение («Финляндская газета». 4 февраля 1905 г. № 12. С. 3). Высочайшая благодарность от 5 февраля Эдуарду Эрштрему была вскоре опубликована. (См.: Финляндская газета. 28 февраля 1905 г. № 26. С. 1).

[328] Эрштрем Эдуард Андреевич (Oerstroem (Oerström) Edward Anders) (1862–1922), юрист, статс-секретарь по делам Финляндии. В 1900 г. назначен товарищем обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, а в марте того же года перешел на службу в Финляндский статс-секретариат управляющим его канцелярией. В 1902 г. назначен на должность товарища министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского. После убийства В.К. Плеве и отставки К.К. Линдера исполнял обязанности статс-секретаря. В 1906 г. сенатор, присутствующий в Судебном департаменте Сената. С января 1910 г. принимал деятельное участие в жизни местного городского самоуправления в качестве гласного Петербургской городской думы.

[329] Таганцев Николай Степанович (1843–1923), юрист, с 1903 г. член Комиссии по разработке нового Уголовного уложения при Министерстве юстиции, действительный тайный советник. С 1906 г. член Государственного совета. Доктор уголовного права (1870).

[330] Мартенс Фёдор Фёдорович (Friedrich Fromhold Martens) (1845–1909), юрист-международник, автор фундаментального труда в области международного права «Современное международное право цивилизованных народов» (1882), дипломат, член Совета министерства иностранных дел (с 1881 г.), один из организаторов созванных по инициативе Николая II Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг., вице-президент Европейского института международного права (1885), член Постоянной палаты третейского суда в Гааге.

[331] Сергеевский (Сергиевский) Николай Дмитриевич (1849–1908), юрист, ординарный профессор Санкт-Петербургского университета (с 1889 г.). С 1893 г. помощник статс-секретаря, с 1896 г. действительный статский советник, с 1897 г. статс-секретарь Государственного совета и управляющий отделением Свода законов Государственной канцелярии, где занимался систематизацией финляндских законов. С 1903 г. заслуженный профессор, с октября 1904 г. тайный советник и сенатор, с мая 1906 г. член Государственного совета.

[332] Судейкин Василий Тимофеевич (1857–1918), экономист, публицист, преподаватель финансового права на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (1892–1905). Специалист по истории экономических отношений, истории финансовой политики европейских стран. Член статистического совета Министерства внутренних дел. Действительный статский советник. Управляющий делами Финляндской Е.И. В. канцелярии Великого княжества Финляндского (1903–1906). Тайный советник (1906), назначен к присутствию в Правительствующем Сенате (1906). Начальник Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (1915–1916). Расстрелян.

[333] Берендтс Эдуард Николаевич (Berendts Eduard) (1860–1930), в 1891 г. исполняющий должность экстраординарного профессора кафедры государственного и административного права Демидовского юридического лицея, читал лекции по административному праву, затем ординарный профессор. Председатель Ярославской ученой архивной комиссии (1894–1900). Редактор трудов комиссии и «Временник Демидовского юридического лицея». Помощник статс-секретаря Государственного совета и чиновник особых поручений при министре статс-секретаре Великого княжества Финляндского (1900). Директор Демидовского лицея (1904–1905). В 1906–1907 гг. читал лекции по законоведению в Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге. Одновременно преподавал в Училище правоведения в качестве профессора финансового права, истории русского права и финляндского права. Член Совета Главного управления по делам печати (с 1908 г.). Сенатор (с 1914 г.). Член ЦК партии «Союз 17 октября». После октябрьской революции эмигрировал. С 1919 г. проживал в Эстонии, с 1 августа 1919 г. консультант по статистике Министерства внутренних дел Эстонии. С 1 октября 1919 по 1930 г. работал на кафедре финансового права на юридическом факультете Тартуского университета, где читал курсы лекций по финансовому праву, статистике и по философии права. Член «Русской Академической группы» в Эстонии.

[334] С.Ю. Витте писал о причине назначения И.М. Оболенского на пост Финляндского генерал-губернатора: «Приблизительно в это время отличился харьковский губернатор, шталмейстер князь И. Оболенский тем, что он произвел сплошное и триумфальное сечение бунтовавших и неспокойных крестьян вверенной его попечению губернии... То, что он так лихо выдрал крестьян, было аттестатом его молодечества и решительности. "Вот так молодец, здорово". "Кому же, как не ему, быть Финляндским генерал-губернатором?"». (Витте С.Ю. Цит. соч. С. 217). В другом месте Витте уточняет, что этот пост Оболенский занял благодаря Плеве. (Там же. С. 69).

[335] «И по содержанию своему и по форме — это акт чисто революционный, отвечающий по своей идее и по выставленным в нем требованиям постановлению революционного съезда в Париже в сентябре 1904 г. и сводящийся к домогательству, чтобы Монарх отказался от всех своих распоряжений последних лет». (Обзор периодической печати. Вып. 13. СПб., 1907. С. 19). Здесь

указывается Парижская конференция революционных и оппозиционных партий России, собранная К. Циллиакусом (на ней были представители эсеров, «Союза освобождения», Финской партии активного сопротивления и др.).

[336] Дейтрих Владимир Федорович (1852–1919), с 1902 г. помощник Финляндского генерал-губернатора генерала Н.И. Бобрикова и вице-председатель Финляндского Сената. Одновременно председатель Особого совещания по делам печати Великого княжества Финляндского, член Комиссии для пересмотра некоторых законоположений, касающихся Финляндии, председатель Комиссии для всесторонней разработки вопроса об улучшении положения безземельных в крае, председатель Совещательного комитета по делам русских училищ в Финляндии. Сторонник политики русификации в Великом княжестве Финляндском; участвовал в разработке законопроектов, ограничивавших финляндскую автономию. 6 июля 1905 г. в Гельсингфорсе ранен в результате покушения, организованного участниками финского национального движения. Действительный тайный советник (1914). Вице-председатель Государственного совета (с 1917 г.).

[337] Лангоф Август Фёдорович (Langhoff Carl Fredrik August) (1856–1929), барон, 23 января (6 февраля) 1906 г. назначен министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского. Генерал-лейтенант (6.12.1906).

[338] Из достаточно большого документа, в котором подробно описывались все неправомерные действия русской администрации в Великом княжестве Финляндском, в этом сборнике приводится лишь первая часть с требованием провести демократические реформы и восстановить законный порядок, что и было сделано Манифестом 17(30) октября 1905 г. (см. док. № 129).

[339] Тогда же учреждено Особое совещание под председательством графа Д.М. Сольского для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Думе правил.

[340] О том, почему финские члены комиссии не подписали третий журнал и об ошибках там см. письмо проф. Германсона Таганцеву от 30 апреля (13 мая) 1910 г. и ответ Таганцева от 4 мая 1910 г. (РГИА. Ф. 1218. Оп. 1. Д. 1. Л. 548–549 об., 550–550 об.)

[341] Марков Владимир Иванович (1859–1919), с 1898 г. делопроизводитель канцелярии Комитета по мобилизации войск Главного Штаба. С 1899 помощник главного редактора ежемесячного военного журнала Военный сборник и газеты Русский инвалид. Генерал-майор (1903), начальник мобилизационного отдела Главного Штаба (1903–1909). Губернатор Забайкальской области (1909). Сенатор и вице-председатель Хозяйственного департамента Сената (13.11.1909–21.4.1913). Генерал-лейтенант (1909). Министр статс-секретарь по делам Финляндии (1913–1917). Умер в тюрьме.

[342] Поворотный в истории российской истории документ появился в условиях нарастания революционных событий, всеобщего недовольства населением царским режимом. Перед первым лицом России встал выбор — вводить военную диктатуру (в диктаторы намечался великий князь Николай Николаевич, дядя Императора), или же демократизировать режим, вводить конституционную Монархию. Николай II склонялся к первому варианту, но Николай Николаевич отказался от предложенной ему роли, поэтому был подписан публикуемый Манифест. «Для прекращения смуты» Государственная дума наделялась законодательными правами, а правительство обязывалось предоставить населению свободу слова, собраний, совести, союзов. Манифест готовился в полной тайне, даже министр внутренних дел не знал о готовящемся акте. Автором Манифеста называют или С.Ю. Витте, написавшего его по поручению Императора, или А.Д. Оболенского и Н.И. Вунча (под руководством Витте). Манифест положил начало новой эпохи в развитии политической системы империи, в том числе, естественно, и Финляндии как ее части. Прямым следствием стал Указ от 19 октября 1905 г., превративший Совет министров в постоянно действующий орган (см. следующий документ) и от 20 февраля 1906 г., преобразовавший Государственный совет в верхнюю палату Парламента (см. док. № 160). И то, и другое изменило процедуру подготовки и рассмотрения законов о Финляндии. Следствием Манифеста стали и законы о легализации политических партий, профсоюзов, других общественных организаций 4(17) марта 1906 г. (см. док. № 164), появления легальной оппозиционной печати. Фундамен-

тальным законодательным актом, в котором закреплены изменения в политической системе общества, явились Основные государственные законы, высочайше утвержденные 23 апреля (6 мая) 1906 г. (см. док. № 183).

Манифест 17 октября был и остается одним из самых спорных актов Верховной власти, так как рост революционного движения в 1905 г. он фактически не остановил. Им оставались недовольны консерваторы за уступки либералам, либералы были недовольны половинчатостью реформ. Однако нужно подчеркнуть, что значение Манифеста и последующих за ним политических реформ, изменивших лицо политической системы царизма, велико: благодаря легализации политической оппозиции террористы («активисты») как в России, так и в Финляндии лишились поддержки почти всех оппозиционных политических сил, ушедших с поля террористической вооруженной борьбы в зал Государственной думы, на страницы газет, открыто критикуя антинародный политический режим.

[343] Указ непосредственно связан с содержанием Манифеста 17 октября (см. предыдущий документ). Совет министров становился постоянно действующим органом, ответственным перед царем (не перед Думой).

[344] Это переломный момент в развитии взаимоотношений России и Финляндии, определивший линию политической элиты Финляндии до 1908 г. История появления этого Манифеста в воспоминаниях Герарда и Витте описывается по-разному. В октябре 1906 г. развернулась политическая стачка, которая 8–11(21–24) октября распространилась на все железные дороги Московского узла после решения Центрального бюро Всероссийского союза железнодорожников. В столице 12–14(25–27) октября забастовали рабочие и служащие. Как пишет Герард, возникла опасность, что Финляндия будет втянута в стачку и Петербург останется без продовольствия. Тогда Витте написал записку Мехелину: «Vous connaissez bien mon attitude envers la Finlande. Je Vous prie de développer energiquement toute Votre autorité et influence pour que les voies ferreés finlandaises restent tranquilles et que le peuple finlandais en général agis de loyalement et conformement au degré de la culture» (Вы хорошо знаете мое отношение к Финляндии. Я прошу Вас энергично проявить весь Ваш авторитет и влияние, чтобы финские железные дороги оставались спокойными, и чтобы финский народ в целом действовал лояльно и в соответствии со степенью культуры). Далее Герард продолжает: «Эта депеша цитирована в ответном письме Мехелина от 15/28 октября, которое мне тогда же передал Витте. В этом ответном письме Мехелин ставит непременным условием для исполнения желаний Витте отмену почти всех постановлений, изданных при Бобрикове (начиная с Манифеста 1901 г. о воинской повинности), как несогласных с основными законами края, а также о предоставлении служебных должностей лицам, пользующимся общим уважением и известными своими качествами и знанием дела.

Это письмо было отправлено 15/28 октября, а 16/29 началась забастовка на Финляндских железных дорогах. Вслед за этим возникли и другие беспорядки. Князь Оболенский обратился к тому же Мехелину для изыскания мер борьбы с революцией, и результатом этого было представление в Петербурге проекта Манифеста об отмене Бобриковских постановлений и, как сказано в самом Манифесте, о восстановлении в крае законно мирного порядка. Манифест был Высочайше утвержден 22 октября и сообщен в Гельсингфорс, а 24 октября, как по мановению жезла, прекратились во всем крае забастовки». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 79). В другом месте Герард прямо указывает, что Манифест написан Мехелином. (Там же. С. 207).

Витте описал обстоятельства появления этого важнейшего акта немного иначе: «Когда после 17 октября я стал главою имперского правительства (это было несколько дней после 17-го), вдруг мне докладывают, что статс-секретарь по финляндским делам Линден просит его немедленно принять. Я ему назначил час. Явившись ко мне, он мне предъявил проект высочайшего манифеста, сущность которого состояла в том, что все сделанное режимом Бобрикова, начиная с указа о способе решения общеимперских финляндских вопросов, шло насмарку, при чем давались различные обещания относительно большего расширения финляндской конституции в смысле не только либеральном, но едва ли не излишне демократичном. Я спросил Линдена, что он собственно от меня хочет, что я, как председатель Совета, не могу высказать мнение правительства по это-

му документу без обсуждения его в Совете министров с моими коллегами, сам же, как председатель Совета, высказать официально свое мнение я не уполномочен законом. Линден меня просил высказать мое личное мнение. Я спросил его, что представляет собою рассматриваемый проект. Он мне ответил, что это проект, представленный князем Оболенским, который находит, что его необходимо осуществить. Я спросил Линдена: «А вы разделяете мнение князя Оболенского?» На что Линден мне ответил, что и он считает этот манифест необходимым. Тогда я ответил, что если генерал-губернатор представил такой проект, считая его осуществление необходимым, и статс-секретарь по делам Финляндии того же мнения, то я лично препятствий к этому делать не могу, но только нахожу некоторые выражения неосторожными, причем выразил сожаление, что делаются с Финляндией такие резкие скачки, то в одну, то в другую сторону». (Витте С.Ю. Цит. соч. С. 219).

[345] После опубликования Манифеста были пересмотрены правовые акты, регулирующие правовой статус тех или иных чиновников, в том числе и жандармов. Герард, на долю которого пришлось урегулирование положения в Финляндии после вступления Манифеста в действие, писал: «Министр внутренних дел обратился ко мне с вопросом, в каком виде, после Манифеста 22 октября могут продолжать в Финляндии свою деятельность жандармы; они, как и вся низшая полиция, были смешены с их постов во время забастовки, к ним настолько дурно отнеслось население, что они не смели показываться на улице в своих мундирах; дошло до того, что жандармский генерал Фрейберг обратился ко мне с просьбой разрешить жандармам не являться в суд в качестве свидетелей, боясь оскорблений толпы. Я дал ответ министру внутренних дел, что в силу манифеста 22 октября, отменившего так называемые Высочайшие повеления о мерах к возращении государственного и общественного спокойствия в крае, жандармы, в том виде как они были образованы во время Бобрикова, должны быть упразднены, и управление это может остаться лишь в том составе и с теми функциями, как было до издания означенных Высочайших повелений, т. е. на основании Положения 1887 года. Функции эти ограничивались охранением внешнего порядка в публичных местах и на железных дорогах и некоторым надзором за русскими, преимущественно военными, но политической полиции для надзора за финнами у русской власти более не существовало». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 82).

[346] Как одну из важнейших задач это определил Мехелин при начале работы Сената (см. док. № 139), хотя споры об этом были и в партийной среде, и в Сейме. Законопроект представлен Императору Герардом (см. док. № 158). «Закон о выборах для Великого княжества Финляндского» принят 7(20) июля 1906 г. (см. док. № 197).

[347] Законопроект о свободе слова был выработан, но не принят за время работы Сейма из-за разногласий Сената с Финляндским генерал-губернатором Н.Н. Герардом в некоторых формулировках.

[348] По сообщению «Финляндской газеты» Сенат разработал этот проект к началу февраля 1906 г. Закон принят 7(20) августа 1906 г. (см. док. № 207).

[349] Законопроект о свободе союзов был выработан, но не принят во время работы Сейма в 1906 г., так как Герард выступил против пункта о возможности организаций обществ с военной организацией, для чего нужно было только согласие Сената. Это давало возможность легализовать антироссийские военизированные структуры, которые находились бы за пределами контроля со стороны российских властей. Герард предложил поправку, что военные организации должны утверждаться только в законодательном порядке, спортивные общества могли приобретать оружие для спортивных и охотничьих целей только по постановлению Сената с последующим утверждением генерал-губернатором. Сейм не согласился с Герардом, и фундаментальный закон не был принят. Приход к власти Столыпина исключил возможность утверждения этого закона в принципе.

[350] Законопроект о свободе печати был разработан Комиссией Гражданского департамента и докладывался на совместном заседании обеих департаментов Сената 23 января (4 декабря) 1906 г. Рассмотрение законопроекта было передано в Комиссию сенаторов Шернваля, Лилиуса,

Доннера с участием Хомена, Вильскмана и Альмквиста от Хозяйственного денартамента (Финляндская газета, 8 февраля 1906 г. С. 3). Затем было привлечено литературное общество, союз газетных деятелей, издателей и др. лица, которые сильно изменили конструкцию законопроекта. 4(17) марта проект о печати был доложен на общем собрании обоих денартаментов. (Там же. 20 марта. С. 3). 16(29) марта «Финляндская газета» сообщила, что Сенат решил представить на высочайшее учреждение проект закона о свободе печати, который состоит из двух частей: собственно закон о свободе печати и дополнение к действующему уголовному уложению. (Там же. 29 марта. № 12. С. 3).

Герард признавал высокий уровень подготовленного закона, который согласовал идеи свободы и права с требованиями общественного порядка. Однако он сделал замечания по вопросу о сохранении тайны за перепиской с имперскими правительственными учреждениями, не подлежащей огласке в империи. Сейм оспорил этот тезис, и закон не был принят. Приход Столыпина исключил возможность свободы печати.

[351] 24 октября (6 ноября) было принято определение Императорского Финляндского Сената «о прекращении деятельности предварительной цензуры». (См.: СПВКФ. 1905. Часть 2. № 50. С. 5).

[352] Стренг Эмиль (Emil Streng) (1838–1911), сотрудник комитета по делам Финляндии в Санкт-Петербурге, член Судебного денартамента Сената (1887–1897), председатель Абоского гофтгерихта (1897–1905). Сенатор (29.3.1905–11.11.1905), вышел в отставку при изменении политической ситуации.

[353] Вуоренхеймо Оссиан — до 1904 г. Бергбом.

[354] Брандер — до 1906 г. Г. Палохеймо [Hjalmar Gabriel Paloheimo (Brander)] (1864–1919), промышленник, основавший первую крупную финноязычную промышленную группу в Финляндии. Член Сейма от крестьянского сословия (1904–1906), от финской партии (1907–1910). Член нескольких комитетов и в качестве сенатора (1918) отвечал за снабжение продовольствием.

[355] Дидрихс Сергей А. (Sergej Diedrichs), младший чиновник для особых поручений при канцелярии Финляндского генерал-губернатора (причислен к министерству внутренних дел), в марте 1905 г. назначен чиновником особых поручений пятого класса при Финляндском генерал-губернаторе. Действительный статский советник.

[356] Ав-Энегельм Аксель Матвеевич (Axel Fabian af Enehjelm) (1861–1922), офицер, капитан (1900), страховой агент (1902–1903), полицмейстер в г. Васа (1903–1905). Занимал должность полицмейстера в Гельсингфорсе (13.6–12.12.1905). Уволился с военной службы 30.1.1906. С 1907 г. занимал различные должности в канцелярии генерал-губернатора, в том числе по особым поручениям до 1910 г. Генеральный директор таможенного ведомства (1910). Действительный статский советник (1915). Губернатор Улеаборга (1915–1917), действительный статский советник (1916).

[357] Преженцев (Преженцов) Александр Богданович (1859–1915), командир 7-го Финляндского полка (1901–1904). Состоял в распоряжении командующего войсками Финляндского военного округа (1904–1905). Генерал-майор (1904). Начальник штаба 22-го армейского корпуса (1905–1906). Прикомандирован к Главному управлению Генерального штаба (1906–1907). Окружной генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа (1907–1909). Генерал-лейтенант (1909). Начальник штаба Виленского военного округа (1909–1913).

[358] Зальца Антон Егорович фон (1843–1916), начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии (1904–1905). Командир 22-го армейского корпуса в Гельсингфорсе (1905–1906) и 1-го армейского корпуса (1906–1908). Генерал от инфантерии (1908). Помощник командующего войсками Киевского военного округа (1908–1912). С 1912 г. командующий войсками Казанского военного округа.

[359] Кок Йохан (Kock Johan) (1861–1915), штабс-капитан в отставке (1896), репортер в Выборге (1900), организатор провоза нелегальной литературы из Швеции в Россию. Стал лидером

национальной гвардии в 1905 г., вел переговоры с Оболенским. В 1906 г. участник восстания в Свеаборге. После поражения восстания бежал в Швецию, оттуда в Великобританию и в США.

[360] Стояновский Иван Николаевич (1868?–1918), камергер, авантюрист. В 1905–1906 гг. пытался добывать деньги с помощью обмана. В ноябре 1906 г. был уволен из министерства внутренних дел и лишен звания камергера (подробнее об авантюрах Стояновского см.: Измозик В.С. И.Ф. Манасевич-Мануйлов: конец биографии // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 104–110).

[361] Берг Эрик (Кириллл Фёдорович) (Erik Berg) (1876–1945), корнет гвардии (с 1900 г. в отставке), переведен в подчинение генерал-губернатора Финляндии 22 ноября 1900 г. генеральный директор государственных железных дорог Финляндии (1904), и. о. генерал-губернатора после отставки Зейна. Служил при Императорском Дворе в Санкт-Петербурге (1907–1909), достигнув звания церемониймейстера. Сенатор (1909–1917), действительный статский советник (1915), умер во Франции.

[362] Шеман Николай Николаевич (1847–1912), капитан 1-го ранга (1894), генерал-майор по адмиралтейству (1899), генерал-лейтенант (1906). Директор Главного управления лоцманского и маячного ведомства в Финляндии (1894–1909).

[363] Возможно, упомянут Клеонин Константин Иванович (1855–?), генерал-майор с 1903 г., генерал-лейтенант с 1906 г.

[364] Эрко Ээро (Eero Erko, Erakkala, использовал обе фамилии) (1860–1927), журналист, основал в 1889 г. в Гельсингфорсе газету «Päivälehti», в которой работал редактором. В настоящее время газета называется «Helsingin Sanomat». Уволен распоряжением генерал-губернатора с должности редактора за антиправительственную деятельность. Выслан из страны (1903–1905), работал это время в Америке редактором. Вернулся в 1908 г., заняв должность главного редактора «Helsingin Sanomat». Член Сейма от сословия горожан (1894–1900, 1905–1905). Сеймовый депутат от партии младофиннов (1907–1914, 1917–1918). Сеймовый депутат от национальной прогрессивной партии (1918).

[365] Зейн Франц-Альберт Александрович (Franz Albert Seyn) (1862–1918), старший адъютант штаба Финляндского военного округа, подполковник (1895), директор канцелярии Финляндского генерал-губернатора (1900). Один из разработчиков реформы по упразднению финляндских вооруженных сил. Генерал-майор (1905). Гродненский губернатор (1906–1907). С 16 ноября 1907 г. помощник Финляндского генерал-губернатора, генерал-губернатор Великого княжества Финляндского (1909–1917). Герард отмечал, что, по словам помощника статс-секретаря Эрштрема, «Зейн и жандармский генерал Фрейберг были людьми самыми ненавистными в Финляндии, они были главными сотрудниками Бобрикова в проведении его политики, орудием этой политики был сыск и всякие репрессивные меры, преследование независимых деятелей края...» (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 183–184). При этом Герард отмечал, что Зейн отличался огромной трудоспособностью, тот ловил мысль начальника и сразу ее исполнял. «Ежели что мне не нравилось в нем, так это чрезмерное угодничество; в самой работе его был один недостаток, это необычайная категоричность всех составляемых им бумаг: почти без мотивировки они сводились к тому, чтобы запретить или приказать». (Там же. С. 83).

[366] Увольнение Оболенского и назначение Герарда произошло в один день. Однако в «Финляндской газете» от 1(14) января 1906 г. указывается, что 4(17) декабря 1905 г. Оболенский уволен по собственному прошению и функции финляндского генерал-губернатора исполнял командир 22-го корпуса генерал-лейтенант барон А.Е. Зальца. (Финляндская газета. 1906, 14 января. № 1. С. 2), который 9(22) марта 1906 г. «за временное исправление должности Финляндского генерал-губернатора» получил от Императора временное содержание (Финляндская газета. 1906, 27 марта. № 41. С. 3).

Витте вспоминал: «Ко мне явились главные политические деятели Финляндии во главе с Мехелином. Они мне дали слово, что Финляндия успокоится, будет вести себя совершенно корректно, забудет все сделанное в последние годы, если русское правительство вернется к прежней политике и будет добросовестно исполнять льготы, ей дарованные Императорами Александром I

и II. Я с своей стороны высказал государю мое убеждение, что необходимо вернуться к прежней политике его предков, что в высокой степени опасно создать вторую Польшу под Петербургом, что финляндцы до тех пор, покуда мы были корректны, были вполне корректны. Это единственная окраина, которая нам ничего не стоила и не сосала соки из великорусских крестьян. Я не указывал на конкретные меры, так как это не входило в мою компетенцию и у меня не было для сего времени, но только настаивал на нравственном примирении и на корректности действий. Как это сделать, это дело суждения ближайшего генерал-губернатора. Значит, дело сводилось к назначению соответствующего лица на этот пост». (Витте С.Ю. Цит. соч. С. 220–221).

Герард же в воспоминаниях уточняет, что впервые он получил известие о возможном его назначении от Витте на заседании 23 октября 1905 г.: «Витте, оторвав клочок находящейся перед ним бумаги, передал мне тут же написанную карандашом записку: "Считаю долгом вас предупредить, что в числе кандидатов на должность Финляндского генерал-губернатора у Государя в голове ваше имя". Записав это в дневнике, я прибавил: "Какое безумие. Я этого края вовсе не знаю, решительно ни с кем не знаком, и вдруг мне предлагают такое ответственное место в настоящую минуту, когда там полная революция... [...] Из слов Витте можно было понять, что он себе приписывает эту мысль. Но императрица Мария Федоровна мне лично говорила, что я ее кандидат, это же самое она повторяла и другим"». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 172–174). Герард не раз ссылался на авторитет императрицы Марии Федоровны: «...долгое время на дела Финляндии и мое положение, по всем признакам, имела преобладающее влияние императрица Мария Федоровна; это помогло мне провести важнейшие меры и законы». (Там же. С. 156).

Герард излагает и позицию Императора: «Он сказал мне при моем назначении, что я Его наместник в Финляндии и что между нами не должно быть посредствующих лиц; без сомнения, при этом устранялось участие в делах Финляндии Витте, но вскоре явились другие посредники, приобревшие на него влияние» (Там же. С. 154). В другом месте он добавил, что Император сказал: «Я не желаю обрусения этого края, но я считаю, что Финляндия должна быть для финнов, а не для шведов». Герард передает также и свою позицию перед отъездом в Гельсингфорс: «Дозвольте мне дополнить Ваши слова, сказал я государю, я полагаю, что для русской власти в Финляндии должны быть важнее всего интересы России и ее Монарха. Действительные интересы России не могут быть, как я думаю, в противоречии с действительными интересами Финляндии, нужно только уяснить себе и те, и другие и стремиться к их согласованию». (Там же. С. 175–176).

[367] Герард вспоминал, что Линдер поддерживал у Императора нерасположение к Мехелину, а «Мехелин платил ему сугубою ненавистью... и он, и многие другие представившиеся мне финляндцы выражали желание, чтобы Линдер был уволен от занимаемой им должности». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 87). Поскольку Линдер представлялся новому генерал-губернатору ненадежным сотрудником, то он ходатайствовал перед Императором об увольнении статс-секретаря, что и было сделано. 15(28) ноября 1905 г. Линдер отправлен в отставку, но, по ходатайству Герарда, назначен членом Государственного совета. Исполнение обязанностей было возложено на его заместителя Э.А. Эрштрема.

[368] Увольнение Линдера вызвало обсуждение в финских и шведских газетах, сводка которых приведена в «Финляндской газете» 27 ноября (10 декабря). Все газеты сходились на том, что вакантный пост статс-секретаря должен быть занят непременно финляндцем. Конституционалисты рекомендовали бывшего вазаского губернатора, полковника Ф. Бьернберга. «Hufvudstadsbladet» ссылается на его прежние «патриотические заслуги», на юридическое образование, хорошее знание обоих местных языков и пр. Младофинская «Helsingin Sanomat» рекомендует его, как человека популярного, свободомыслящего и прямодушного», но в особую заслугу ставит полковнику Бьернбергу его «большие связи в Петербурге», который «облегчат ему исполнение его важных задач». К этому присоединяется и «Helsingfors Posten». Все газеты высказываются за восстановление Особого комитета по финляндским делам, закрытого в 1891 г. Финляндский корреспондент «Stockholms Dagblad», говоря о проектах восстановления этого Комитета, назвал его «Финляндским Департаментом иностранных дел», придавая должности министра статс-секретаря значение посланника Финляндии при русском правительстве. В номере от 9 декабря

(№ 329) «Hufvudstadsbladet» напечатано, что «многие сограждане», не отвергая достоинства и заслуг полковника Бьернберга, находят, что «не следует никогда слепо смотреть в одну точку», и рекомендуют бывшего товарища министра статс-секретаря, графа Армфельта, как «такого финляндца, который теперь лучше всех способен быть представителем нашей страны у Престола». Он «самый лучший защитник нашей страны в Петербурге от нападений на ее права». Бьернберг назначен 9(22) февраля 1906 г. Высочайшею Грамотой товарищем министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского. (Финляндская газета. 1906, 27 февраля. № 25. С. 3, 10 марта. № 31. С. 1).

Связка поста статс-секретаря и воссоздание Комитета при статс-секретариате звучала и в отчетах Н.И. Бобрикова в 1902 г. (см. док. № 79) и оформлена в представлении Сената Императору Николаю II в начале 1906 г. (см. док. № 152).

[369] Герард описывал позднее свои мотивы в выборе списка сенаторов: «Статс-секретарем Финляндии был Линдер, его помощником Эрстрем. От них я узнал, что самая неотложная надобность заключается в назначении сенаторов, так как во время октябрьских событий бывшие сенаторы под угрозой мятежников подали в отставку. Объясняется это тем, что все они принадлежали к так называемой старофинской партии; назначенные при Бобрикове и Оболенском, они не расходились с последними, но стремились путем личных влияний смягчить требования тогдашней власти, и в этих видах шли перед нею на большие уступки. Между ними было много почтенных личностей, но во время октябрьской революции в обществе возникло против них очень сильное движение и от них потребовали, чтобы они подали прошения об отставке; в этом прошении, представленном кн. Оболенским в Петербург, они прямо заявляли, что не обладают достаточным авторитетом, чтобы сохранить свои должности при тогдашних обстоятельствах. Просьба эта была представлена князем Оболенским вместе со списком лиц, предложенных им на должности сенаторов.

Сенат состоял из двух департаментов, административного и судебного и исполнял министерские функции; во главе первого департамента по списку кн. Оболенского стоял Мехелин, во главе второго барон Вреде, оба высланные из края при Бобрикове за противуправительственную деятельность и возвращенные при Оболенском. Мне казалось необходимым утвердить этот список и не только потому, что я не был в состоянии в это время составить другой, но и вследствие знания вышеупомянутых обстоятельств, сопровождавших октябрьскую забастовку.

Я не мог не считаться со сношениями Витте и Оболенского с Мехелининым, имевшими своим последствием прекращение забастовки. Линдер и Эрстрем, с которыми я виделся в это время ежедневно, были того мнения, что в сущности выбора не было, и список, представленный Оболенским, должен быть утвержден. Я тогда же приступил к обсуждению списка, вместе с Линдером и Эрстремом, дававшими подробные сведения о каждом лице; против одного я вынужден был возражать, это адвокат Свинхувуд, пользовавшийся большою популярностью в крае и большим авторитетом, но оказалось, что незадолго перед тем он защищал на суде одного политического преступника, кажется, убийцу прокурора Юнсона и произнес крайне зажигательную речь, в которой принципиально защищал политические убийства и террор.

Рассмотрение этого списка еще не было окончено, дня через три после моего назначения ко мне явился профессор и вице канцлер Гельсингфорсского университета Даниельсон-Кальмари, как я потом узнал, лидер старофинской партии и, заявив что в это время производились выборы на чрезвычайный Сейм, назначенный на 7/20 декабря, уверял, что выборы дадут перевес старофинской партии, по крайней мере в городском и крестьянском сословиях, а потому просил не давать движения просьбе сенаторов об отставке до окончания выборов; когда я спросил об этом Линдера, он ответил, что уверен в том же и что получаемые им сведения подтверждают мнение Даниельсона.

Но когда за ним явился Мехелин, то он высказал противоположную уверенность, при этом с такою непримиримостью и так резко говорил против прежнего Сената, что никакого соглашения между ними быть не могло. Я остался при моем решении и представил на Высочайшее утверждение об увольнении прежних сенаторов и о назначении на их место лиц, представленных Оболенским, за исключением Свинхувуда». (Там же. Герард Н.П. Цит. соч. С. 185–186). Герард

настоял перед Императором, чтобы Мехелин был назначен председателем Административного департамента. Однако, позднее Герард указывал, что все предложенные сенаторы (как и предложенные Мехелином губернаторы) принадлежали к одной партии — конституционалистов, что было «общим недостатком». (Там же. С. 192).

Состав Сената был утвержден Высочайшим приказом № 91 от 26 ноября 1905 г. Нюберг утвержден начальником Департамента юстиции, Лилиус — Гражданской экспедиции, Антель — финансовой, Игнациус — камерной, Доннер — духовной, Шильдт — сельского хозяйства, Гриненберг — путей сообщения, Стольберг — торговли и промышленности, Гротенфельт утвержден прокурором Финляндского Сената. (Финляндская газета. 1905, 6(19) декабря 1905. № 176. С. 1).

[370] Вильскман Густав Вернер (Gustaf Werner Wilskman) (1849–1929), судья Сальми и Куркийойского суда (1897–1905), сенатор в Судебном департаменте Сената (1905–1909).

[371] Свинхуфвуд Пэр Эвинд (Svinhufvud Pehr Evind) (1861–1944), адвокат, депутат Сейма (1907–1914) и его первый тальман (до 1912 г.). В 1914 г., будучи председателем уездного суда, отказался признавать полномочия присланного из России прокурорского чиновника, за что был сослан в Сибирь. Председатель Сената Финляндии (1917–1918), и. о. главы государства (регент) (1918), премьер-министр (1930–1931), президент Финляндии (1931–1937).

[372] Так и было сделано: Вильксман был утвержден в Судебном департаменте, а Лилиус стал главой Гражданской экспедиции.

[373] Кумлин Фердинанд Александр (Kumlin Ferdinand Alexander) (1845–1910), юрист, асессор (1881–1903), председатель городского совета Або (1894), член Сейма от дворянского сословия (1891–1905). Уволен в 1903 г. по политическим мотивам, директор филиала Або в Объединенном банке (1903–1905). С 1.12.1905 член Судебного департамента Сената, а с 23.10.1906 председатель Выборгского гофтгерихта.

[374] Лундениус Йохан Фредрик (Johan Fredrik Lundenius) (1849–1911), оценщик в Абоском гофтгерихте (1893–1903), уволен по политическим мотивам, депортирован и жил до 1904 г. в Швеции. В 1900 и в 1904–1905 гг. член Сейма от буржуазии. С 1905–1909 гг. сенатор в Судебном департаменте.

[375] Правительство назначено с 17 ноября, работало с 1 декабря 1905 г. по 11 июня 1909 г. В состав Хозяйственного департамента под руководством Мехелина вошли Игнациус, Гриненберг, А. Нюберг, Лилиус, Антель. В состав Судебного департамента под руководством Р. Вреде вошли О. Доннер, О. Шильдт, К.Ю. Стольберг, Ф. Шерваль, Ю. Кари.

[376] Политика, проводимая Мехелином и поддерживаемая Герардом, имела целью примирение России и Финляндии, снятия всех противоречий при решении вопросов управления Великом княжеством Финляндским. Герард считал, что такой шанс был: «Нельзя не признать, что учреждения Финляндские не были согласованы с русскими и пользовались полной автономией, в основание же изданных тогда законов были положены начала свободы и права. Тогда как в России правительство вступило на путь реакции и строгого преследования оппозиционных элементов. Столкновения между теми и другими могли быть устранены только при искреннем благожелательстве со стороны руководителей обеих стран. Но случилось другое». (Гереард Н.Н. Цит. соч. С. 159). Другое – это Столыпин, сделавший все возможное для устранения автономии Финляндии.

[377] Позиции партий по вопросу об изменении выборной системы были различны. Социал-демократы высказались за одноналатный Сейм и всеобщее избирательное право. Младофинны считали, что переход от четырех курий к одной будет слишком большим прыжком, к которому Финляндия не готова, это нарушение коренного порядка и уклонение от основных законов (см.: Финляндская газета. 1905, 3(16) декабря. № 174. С. 2). В печати появилось сообщение о спорах в правительстве по решению этого вопроса: «При первом чтении проекта о реформе народного представительства большинство членов сенатской комиссии подали голоса за созыв Сейма каждый год и за выборы представителей на три года. Меньшинство стояло за созыв Сейма раз в два года с выбором представителей на четыре года. Вопрос о способе выборов и разделении на

округа поставлена в зависимость от более подробного выяснения дела. Большинство Комиссии высказалось за общее право голоса и за избирательное право женщин. Относительно возраста, с которого наступает обладание избирательным правом, Комиссия разделилась: одни высказывались за 21 г., другие за 24 года» (см.: Финляндская газета. 1905, 4(17) декабря. № 175. С. 3).

31 декабря 1905 г. (13 января 1906 г.) «Финляндская газета» сообщала: «29-го декабря (11-го января), в заседании Комиссии по пересмотру Сеймового Устава, разрешены большинством голосов некоторые существенные вопросы. Так, большинство 9 голосов против 5, постановлено включить в проект нового Устава правило, что право подачи голоса на выборах должно быть предоставлено каждому финляндцу, мужчине или женщине, достигшему 21 года. Вопрос о возрасте, достижение коего дает право быть избранным в члены сейма, еще не разрешен. Большинством 8 голосов против 5 решено не лишать права подачи голоса и тех финляндцев, которые пользуются в той или другой форме общественным призрением. Таким образом, по замечанию «Hufvudstadsbladet», № 10 от 12-го января — "избирателями (а может быть и избираемыми?) станут не только; получающие общественные пособия по бедности, но и состоящие под опекою или хозяйскою властью учреждений общественного призрения". С другой стороны, прежнее лишение избирательных прав нижних чинов финских войск во время состояния на действительной службе предполагается распространить и на офицеров этих войск. Все финские войска в настоящее время расформированы. Этими постановлениями Комиссии число избирателей в Финляндии увеличится слишком на миллион, — если конечно они не подвергнутся существенному изменению при дальнейшем ходе обсуждения и утверждения проекта». (см. Финляндская газета. № 189. С. 2). Этим Финляндия превращалась в самую радикальную и передовую страну мира (везде возрастной ценз был много выше, а также существовал имущественный ценз). Законопроект был представлен Герардом 17(30) марта 1906 г. (см. док. № 170), и до 14(27) апреля обсуждался в совещании по изменению Сеймового Устава и закона о выборах (см. док. № 168). Закон о выборах был утвержден 7(20) июля 1906 г. (см. док. № 197).

[378] 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) «Финляндская газета» сообщала: «По слухам, сообщаемым газетою «Uusi Suometar», Сенат решил в субботу (т. е. 6 января. – *Сост.*) войти с представлением на Высочайшее Имя проекта относительно положения русского языка в должностных учреждениях Финляндии. Как сообщают, проект этот следующего содержания: в Сенате и, следовательно, в исходящих из Сената бумагах употребляются исключительно только финский и шведский языки. Переводы на русский язык, прилагаемые к бумагам на Высочайшее Имя и к генерал-губернатору, подлежат проверке Особой учрежденной Сенатом комиссии. В Статс-секретариате в Петербурге употребляется исключительно русский язык в сношениях с имперскими должностными учреждениями и лицами, а также и с генерал-губернатором, в иных же случаях — которые едва ли представляются — употребляются местные языки страны. Бумаги, подписываемые самим генерал губернатором, составляются на русском языке и к ним, если они не предназначены в статс-секретариат, прилагается перевод на шведский и финский языки. То же самое относится и к генерал-губернаторской канцелярии, коль скоро бумага исходит по приказанию генерал-губернатора. В остальном исходящие из генерал-губернаторской канцелярии бумаги в присутственные места страны составляются на одном из языков страны. — Как сообщают, в проекте Сената относительно положения русского языка в присутственных местах Финляндии содержится постановление о необходимости знания русского языка при назначении на некоторые должности. По проекту знание русского языка требуется от занимающих должности в выборгском губернском правлении и в пограничных частях губернии. Кроме того, действительное знание русского языка требуется от назначаемых на должности в статс-секретариат и в канцелярию генерал-губернатора» (см. № 184. С. 2).

Как в декабре 1905 г., так и много позже вопрос о языках много раз обсуждался на заседаниях Сейма. 28 января (10 февраля) 1906 г. на заседании различных курий съезда было высказано недовольство тем, что сопроводительное письмо к необходимым бумагам от генерал-губернатора пришло на русском языке (а не на финском), что потребовало специального разбирательства (см.: Финляндская газета, 1906, 13 февраля. № 18. С. 2).

Регламент, определяющий употребление русского языка в делопроизводственной жизни Финляндии, принят 20 апреля (3 мая) 1906 г. (см. док. № 177).

Надежды Сената ограничить русский язык, и эйфория по этому вопросу в Сейме в декабре 1905 г. закончились столыпинским наступлением на все вольности финнов: 18(31) декабря 1909 г. Император подписал новое постановление, вводившее русский язык как основной язык делопроизводства (подробнее см. Т. 2).

[379] Некоторая часть губернаторов была заменена, Герардом отдален от должности директора канцелярии генерал-губернатора Ф.А. Зейн, уволен главный директор управления Финляндских казенных железных дорог генерал Д.В. Драчевский, назначенный в 1903 г. Мехелин стремился сменить и состав судей в финляндских судах, уволив из них старофиннов и заменив их конституционалистами. Эта тема много обсуждалась на страницах газет, в Сенате и в Сейме. Так, например, 1(14) февраля 1906 г. Э. Эстландер возбудил вопрос о том, что в статс-секретариате «продолжают служить многие, не имеющие на это права лица, участники упраздненной системы правления; в прочих судебных и административных учреждениях служат таковые же лица"» (Финляндская газета, 1906, 4 февраля. № 20. С. 1).

[380] Герард писал о Борне: «Согласно предложения Мехелина, по моему представлению, тальманом был назначен барон Борн, едва ли не самый крупный землевладелец края, так же подвергшийся высылке из Финляндии при Бобрикове; он оказался замечательно твердый и авторитетный человек; по убеждениям он был искренний Монархист и консерватор, не сочувствовавший ни идее расширения конституции Сейма в ущерб верховной власти, ни новому избирательному закону на начале всеобщего и равного избрания депутатов, а не по сословиям. Заседание под председательством Борна велось образцовым, а в речах своих он выражал полную преданность Монарху и благодарность за восстановление законного строя». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 209).

[381] Грамота об открытии чрезвычайного Сейма была подписана Императором 22 октября (4 ноября) 1905 г. (см.: СПВКФ. 1905. № 49. С. 3).

[382] Заметка интересна в двух отношениях. Прежде всего, в ней говорится об интересе Германии влиять на политику России через Финляндию. Это отражало уже некоторые реалии, складывающие на международной арене и проявившиеся полнее в 1917–1918 гг. Замечание, что только нейтралитет Финляндии исключит «возможность неприятельской высадки на финляндских берегах» полностью оправдалось в январе 1918 г., когда войска Германии высадились для борьбы с Россией.

Во-вторых, газета отражает многочисленные дискуссии в прессе и в политической элите о позиции Финляндии в российской революции. Герард вспоминал о тех днях: «В то время как в Финляндии повсеместно замечалось успокоение умов, и население обратилось к мирной работе, в империи продолжалось движение, достигшее в декабре 1905 года и в январе 1906 года своего высшего напряжения в Москве, Остзейском крае и на Кавказе. Близость финляндской границы к Петербургу вполне оправдывала предположение, что Финляндия будет использована русскими революционерами для их замыслов. Уже в декабре 1905 года я получил от Витте конфиденциальное письмо, в котором он мне сообщал о нескольких случаях революционной деятельности русских, проживавших в Финляндии и просил содействия финляндских властей в борьбе русского правительства с революционерами. Переговорив с Мехелиным и некоторыми губернаторами, я убедился, что положиться в этом деле на финляндские власти тогда было нельзя: к русской революции никто в Финляндии не относился враждебно, ей Финляндия была обязана переменой режима, установленного Бобриковым и едва смягченного при кн. Оболенском. Наконец, и по отношению к России революция имела в глазах финляндцев характер освободительного движения. Я ответил Витте, что полагаться в деле борьбы с революцией на финляндские власти в этот момент невозможно, и что меры должны быть приняты самим русским правительством. Кое-что впоследствии из этого и было сделано, главным образом, по надзору за границей». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 220–222).

См. также донесение Герарда на имя Столыпина 24 февраля (9 марта) 1906 г. о контроле русским правительством революционного движения в Великом княжестве Финляндском (док. № 241).

[383] Положение о выборах было издано 6/9 августа 1905 г. и содержало ограничения избирательных прав, которые предоставлялись лишь лицам, «владеющим собственностью». Таким образом, 85 % мест в Думе принадлежало помещикам. Данный указ предоставлял избирательные права рабочим, крестьянам (49 % всех выборщиков принадлежало крестьянам), иным категориям подданных по куриям (землевладельческая, крестьянская, городская, рабочая). Положение дорабатывалось специальными актами, регулирующими выборы в Польше, на Кавказе и т. п. (из 448 мест Первой думы автономистам (т. е. национальным меньшинствам) принадлежало 63). РСДРП, эсеры, Всероссийский крестьянский союз выборы бойкотировали. Выборы в Первую Государственную думу проходили с 26 марта по 20 апреля 1906 г. Первая дума работала с 27 апреля (10 мая) по 8 июля 1906 г. и была распущена за критику царского режима.

[384] Кинович Федор Михайлович (1858–1918), действительный статский советник (1906), губернатор Вазаской губернии (1903–1905), отправлен в 4-х месячный отпуск по докладу Герарда от 4(17) декабря. Директор канцелярии финляндского генерал-губернатора (1906–1909).

[385] Герард вспоминал, что оставить Зейна в прежней должности «было невозможно: ненависть к нему была так велика, что он не смел показываться на улице; когда его узнавали, он не раз подвергался оскорблениям», поэтому Герард просил министра внутренних дел Дурново назначить Зейна куда-нибудь губернатором, но получил отказ. (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 201). Поэтому был придуман отпуск на 4 месяца.

[386] Выбор Герарда остановился на Ф.М. Киновиче: он «заметно отличался от других и способностями, и знанием не только края, но и местного языка, и, наконец, направлением гораздо более умеренным, чем другие, поэтому он не был persona non grata ни у Бобрикова, ни у Оболенского, и не был близок ни с кем из их окружающих» (Там же. С. 202). Однако этот выбор привел к конфликту Герарда с Сенатом: Сенат выступил против того, что в канцелярии генерал-губернатора остались служить чиновники русского происхождения, признал действия Герарда незаконными и принял постановление, что служащими в его канцелярии и в статс-секретариате в Петербурге могут быть только граждане финского происхождения. Прокурор Сената также сделал представление Герарду о незаконности его действий. «Но я ответил, — вспоминал Герард, — что и постановление Сената, и представление прокурора оставлено мною без последствий, указав на законы, которыми я руководился. На этом инцидент был исчерпан» (Там же. С. 215).

[387] Не понятно, о каком из Армфельтов идет речь.

[388] Биография Лангофа опубликована в том же номере «Финляндской газеты». Перед этим, 22 января Лангоф был представлен Императору, а 20 февраля — Императрице Александре Федоровне.

Естественно, что финляндская элита видела на этом посту уроженца Финляндии. При увольнении Линдера в ноябре (декабре) 1905 г. газеты сватали на эту должность Бьернберга (см. Прим. к док. № 137). Герард так описывает назначение Лангофа: в феврале к нему явилась депутация от Сейма с бароном Борном во главе и с просьбой назначить на пост министра статс-секретаря уроженца Финляндии, «так как назначение русского было бы нарушением финляндской конституции», хотя никаким правовым актом не было определена эта норма. Мехелин выразил общее желание, чтобы был назначен Бьернберг (который понравился Лангофу). «В первый же приезд в Петербург я представил об этом государю, который выразил согласие, сказав, что знает Бьернберга, и поручил мне по возвращении в Гельсингфорс сообщить ему об этом и пригласить его явиться в Петербург для представления государю. Все было мною исполнено. Каково же было мое удивление, когда я получил личную от государя телеграмму, что статс-секретарем Финляндии назначен командир Семеновского полка генерал барон Лангоф, о котором я раньше не слыхал». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 227–228). Этот случай, заметил Герард, продемонстрировал, что между ним и государем уже встали другие люди.

[389] Речь идет об изменении бобриковского законодательства, относящегося к режиму употребления русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии. Этот вопрос был передан «в наследство» новому статс-секретарю А.Ф. Лангофу, который писал 15(28) февраля 1906 г. Герарду: «Из вопросов первостепенной и чрезвычайной важности переданы мне сенатором Эрштремом два, именно об употреблении русского языка в административных учреждениях Финляндии и об отмене назначения бургомистров. С этими вопросами я основательно ознакомился, но не приготовил их еще к докладу, так как считал бы настоятельно необходимым предварительно переговорить об них с Вашим Высоконревосходительством, тем более, что первый вопрос крайне важный, но не спешный и требует всестороннего обсуждения...» (ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 15. Л. 4 об. — 4). Вопрос о языке был решен через два месяца. Высочайшее его Императорского Величества постановление «Относительно русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии» было подписано 20 апреля (3 мая) 1906 г. (см. док. № 177).

[390] В тот же день Эрштрем написал Герарду, что назначение его сенатором состоялось. (ГА РФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 9. Л. 15).

[391] Этот проект не был отправлен на доклад в 1906 г., так как Сольский заговорил о совместной Комиссии. Об этом письма Бекмана № 5948 на имя председателя Совета министров и № 5949 на имя министра статс-секретаря. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 3. Л. 18, 19–19 об., 27 об. — 28). Затем этот вопрос рассмотрел Совет министров 23 декабря 1908 г. (подробнее см. Т. 2).

[392] Шильдт Онни (Schildt Onni Wolmar) (1851–1913), член Сената Финляндии и практик расширения сельского хозяйства. Глава молочной и животноводской школы в Ховиле с 1879 по 1903 г., инспектор Санкт-Михельской школы 1889–1899 гг., сенатор и глава Экспедиции сельского хозяйства (1905–1909).

[393] Шернваль Фредрик (Fredrik Gustaf Otto Selim Stjernvall) (1845–1916), канцелярист финансовой экспедиции Сената (1873–1878), финансовой экспедиции (1878–1880), протокольный секретарь (1880–1891) и референт-секретарь (1891–1902). Уполномоченный банка (1885–1905). Отстранен от должности в период репрессий. Сенатор Хозяйственного департамента Сената (1905–1908).

[394] Кари Юхо Кюёсти (Kari Juho Kyösti, использовал J.K. Kari) (1868–1921), учитель начальной школы в Або (1894–1905). Секретарь Социал-демократической партии в Або, член Сейма от буржуазного сословия (1904–1905). Сенатор без портфеля (1.12.1905–20.2.1907).

[395] Стольберг Карл Юхо (Ståhlberg Carl Johan) (1865–1952), один из лидеров младофиннов, секретарь Сената (1898–1903). Член Сейма от буржуазного сословия (1904–1905). Член Сейма (1908–1910, 1914–1918, 1930–1933). Сенатор, возглавлял Экспедицию торговли и промышленности (1905–1907). Сторонник пассивного сопротивления. Спикер Сейма (1914–1917). В 1908–1918 гг. профессор административного права университета в Гельсингфорсе. В 1918 году стал первым председателем Высшего административного суда. Первый президент Финляндии (1919–1925).

[396] Дегергольм Артур (Degerholm Arthur) (1864–1932), чиновник канцелярии Финляндского генерал-губернатора, референт-секретарь Гражданской экспедиции Великого княжества Финляндского в 1904 г., полковник, в феврале 1909 г. назначен заведывать церемониймейстерскими делами при торжественных случаях во время Сейма.

[397] Окер-Блом Ялмар (Christian Hjalmar Oker-Blom) (1870–1937), сын генерала от инфантерии, юрист и агроном, член Сейма от дворянского сословия (1899, 1900), чиновник Сената с 1899 г., секретарь Сельскохозяйственного совета (1906–1917).

[398] Позиция Сольского охарактеризована Герардом при описании им работы совещания, созданной для уточнения проекта Булыгинской Комиссии в 1905 г.: «Что касается председателя Гр. Сольского, то он стремился только к одному: исполнить волю государя и устранить все, что могло напоминать парламентаризм...» (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 140).

[399] Обстоятельства появления этой записки Мехелина описывает Витте, к которому Мехелин явился, встревоженный слухами, что в проекте Основных законов будет полностью уничтожена автономия Финляндии. «В то время ходила целая масса самых невероятных басен, которые многие принимали за действительность. Он мне ответил, что ему это передавали из достоверных источников, и что этот слух, если он распространится в Финляндии, опять внесет там смуту, после того как край начал успокаиваться и приходить в себя от "бобриковского кошмара". В то время еще вся империя была в смуте, а потому, находя нежелательным, чтобы распространялись неверные сведения, могущие мутить население вообще и финляндцев в частности, я ему сказал: «Я вас могу положительно уверить, что слухи, до вас дошедшие, не верны, дайте мне слово, что если я вам это сейчас докажу, то вы немедленно поедете в Финляндию и примете все меры, чтобы там не распространялись неверные сведения, распускаемые смутьянами, и что то, что я вам прочту, никуда останется между нами». Когда он мне дал это слово, которое он в точности и исполнил, то я ему сказал: «как раз только вчера я получил от его величества проект основных законов, составленный помимо Совета министров, для обсуждения его в совете». Там есть только одна статья, касающаяся Финляндии, которая гласит: «Великое княжество Финляндское, состоя в державном обладании Российской империи и составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется на особых основаниях» — и затем более ни слова. Мехелин видимо успокоился, но просил меня продиктовать ему эту статью. Я ее продиктовал, затем он мне сказал, что статья эта вследствие неопределенности своей редакции может вызвать впоследствии недоразумения, а потому просил меня разрешить ему представить к этому предмету соображения. Я это разрешил, и он мне представил краткую записку с проектом своей редакции (находится в архиве Совета министров). Я почел нужным, как статью проекта основных законов о Финляндии, так и записку Мехелина с предложенной им редакцией сейчас же переслать Герарду и просить его прибыть на заседание Совета министров, в котором обсуждалась, между прочим, статья о Финляндии». (Витте С.Ю. Цит. соч. С. 222–223).

Герард передает историю этого документа немного иначе: «При пересмотре русских основных законов, предпринятых графом Витте, в связи с изменением Государственных учреждений и образования Государственной думы, встретились затруднения в сохранении на будущее время в прежней редакции статьи 4 основных законов, гласившей так: "с Императорским Всероссийским Престолом нераздельны суть престол царства Польского и Великого княжества Финляндского". Статья эта потерявшая всякое значение для царства Польскаго, вполне определенно выражала ту мысль, что Финляндия соединена с Россией в лице Монарха и ограждала Финляндию от инкорпорирования в империю. Эту статью граф Витте признал недостаточною, не выражающею основных начал, которые должны лежать в отношениях России и Финляндии. Поэтому Государственной канцелярией или вернее статс-секретарем Харитоновым, участвовавшим неоднократно и прежде в разных комиссиях по финляндскому вопросу, была проектирована следующая статья, взамен статьи 4: Великое княжество Финляндское, состоя в державном обладании Российской империи и составляя нераздельную часть Государства Российская), во внутренних своих делах управляется на особых основаниях. Граф Витте сообщил этот проект на заключение Мехелина, который составил записку, доказывавшую неприемлемость редакции Государственной канцелярии, и в заключение представил свой проект закона или, вернее, два проекта: 1) Великое княжество Финляндское нераздельно соединенное с Российской империей и составляя в международных отношениях часть Российской державы управляется по своим особым основным законам, или лучше 2) Великое княжество Финляндское, нераздельно соединено с Российской империей, но управляется по своим особым законам. Только после этого гр. Витте спросил мое мнение, сообщив мне и проект Государственной канцелярии, и записку Мехелина». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 251–252).

[400] Имеется в виду барон Ю.А. Икскуль, один из основных участников совещания графа Сольского.

[401] Герард объясняет появление этого документа: Витте прислал ему проект Мехелина (см. док. № 154) и попросил отзыв на этот проект. «Так как прежнюю 4 статью никто не защищал, и никто не остановился даже на положенной в ее основание мысли, что уния Финляндии с Россией есть

так называемая личная и заключается в единстве Верховной власти, то я занялся составлением своего проекта, в основание которого считал нужным положить акты выражавшие наиболее ярко исторически сложившиеся отношения. Редакция Государственной канцелярии приняла выражения Фридрихсгамскаго договора по которому Швеция уступила Финляндию России. Для этих двух держав Фридрихсгамский договор имел обязательную силу и устранял Швецию от всякого вмешательства в Финляндские дела, но отношения России и Финляндии определялись не этими договорами, а актами, исходившими от Верховной власти, распространяющейся как на Россию, так и на Финляндию. Из этих актов я остановился на одном, который полнее всех и категоричнее определил взаимные отношения обеих стран, это Высочайшее повеление Александра II 1863 года об учреждении комиссии для пересмотра Основных законов Финляндии, оттуда я и заимствовал мой проект, сообщенный мною гр. Витте». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 252–253).

[402] Союз «Войма» (Voima) (сила, власть — *фин.*) (в ряде документов писалось Woima) и дело, связанное с ним, — важнейший фактор изменения российско-финляндских отношений в 1906 г., мощный инструмент Столыпина (и бобриковцев в широком смысле) в борьбе против политической линии, которую проводил Герард в 1906 г. Истоки этого союза лежат в позиции партии активистов (активного сопротивления), возникшей на фоне бобриковских реформ. К осени 1905 г. группа активистов, художников и студентов выдвинули идею создания политического союза под видом спортивной организации. Официальное образование состоялось в январе 1906 г. Задачей была поставлена организация филиалов союза в каждом муниципалитете под видом спортивного общества, члены которого занимались бы различными видами военной практики, прежде всего — лыжным спортом и стрельбой. Были составлены и напечатаны правила обучения. Первые циркуляры, появившиеся под псевдонимом, являются подлинными, остальные (как полагал Герард) — подделка российской полиции с целью политической провокации. У активистов были секретные склады оружия в Гельсингфорсе. Союз был распущен Сенатом 27 октября (9 ноября) 1906 г., руководство союза (23 человека) привлечено к следствию в Абоском гофгерихте, но были оправданы (протоколы судебных заседаний печатались в «Финляндской газете»).

Существование этой организации, которая, по мнению Столыпина, Пуришкевича и многих других, являлась несомненной угрозой России, было поставлено в вину Герарду. Описанию свой позиции по этому делу Герард посвятил также много места в воспоминаниях, как и в случае с Свеаборгским восстанием. В его рассуждениях прослеживается иной подход к ситуации: «Не скрою, что мне верилось с трудом существование тайного общества, направленного против русской власти; оно не могло составиться рабочими, открыто предъявлявшими свои требования, нелепость же организовать тайное общество из буржуазных элементов, когда Финляндия пользовалась так полно автономией, казалось очевидною. Но это безумие действительно совершилось и, я думаю, что именно "Войма", обнаружившая мою неосведомленность, более всего поколебала в государе доверие к проводимой мною политике; во всяком случае этим воспользовались недоброжелатели Финляндии. [...] Какая была задача "Воймы"? Объяснить ее можно следующим образом. Первая тайная организация в Финляндии, направленная против русской власти, образовалась за время Бобрикова. Сначала явилось неудовольствие на вводимым им меры, вскоре превратившись в противодействие, затем в систематическое сопротивление и сохранившее некоторое время характер пассивного. Но затем в этой среде оскорбленных и озлобленных людей, устраненных ото всякого участия в управлении своею родиной, собиравшихся втайне и за границей и обсуждавших способы сопротивления, выделилась партия горячих голов, не довольствовавшихся пассивным отказом от исполнения ненавистных мер, а предпринявших активную с ними борьбу. [...]

Исполнение Манифеста (22 октября 1905 г. — *сост.*) не возбуждало неудовольствия; самое управление краем было в руках конституционной партии, поводов к сопротивлению больше не существовало, и активистам пришлось прекратить свою тайную деятельность; так и поступило большинство членов этой партии. Но из их среды образовалась новая группа лиц, преимущественно молодежи, которая, отказавшись в это время от оппозиции, полагала, что нельзя складывать оружие, а надо им запасаться на случай, когда опять явится попытка нарушить основные законы края и когда явится вновь надобность в их защите. Нельзя не согласиться, что укреплению такой мысли содействовала русская реакционная печать, явно враждебная свободолюбивой

Финляндии, а также некоторые администраторы и некоторые из приближенных к государю лиц; а затем, как замечено выше, явное финноборство в расположенных в Финляндии войсках». (Там же. С. 294, 298–299).

Дело союза «Войма» стоит в ряду докладных Бобрикова, в которых он утверждал о подготовке восстания в Финляндии против России в 1901 г., сводок о военных планах Финляндии за 1906–1909 гг. и плана против восстания в Финляндии в октябре 1909 г. Действительно, закупалось и ввозилось оружие, но никаких выступлений против России с целью отделения от нее не было.

[403] Эро Кальске — псевдоним, под которым выступил Карл Маннелин. Как говорил Г.Г. Замысловский на заседании Государственной думы 5 мая 1908 г., шведоманские газеты отрицали подлинность этих циркуляров, а старофинны определенно указали на имя К. Маннелина, что потом и подтвердилось в ходе расследования дела о союзе «Войма».

[404] Герард рассказывает историю появления этого документа и резолюции на нем Императора: «Для обсуждения этих законопроектов я составил небольшое совещание, в состав которого кроме некоторых служащих я пригласил одного местного законоведа и одного чиновника из статс-секретариата; в основание законопроекта положены были либеральные и демократические начала... [...] Я заготовил представление с возражением лишь на небольшое число статей, имевших общегосударственное значение, но в то же время я находил, что утверждение Государем этих проектов не должно происходить в обыкновенном порядке, установленном для текущих дел, то есть по докладу одного статс-секретаря.

Я понимал, что при таком порядке на меня посыпятся самые грубые обвинения. Поэтому я представил Его Величеству о необходимости рассмотреть эти законопроекты в Особом совещании, с тем чтобы они были представлены на Высочайшее утверждение с замечаниями как этого совещания, так и генерал-губернатора. Государь вполне одобрил мою мысль, сам спросил меня из кого я думаю составить это Совещание, я предложил кандидатом на должность председателя Совещания членов Государственного совета Половцева и Андрея Сабурова, бывших в большинстве при обсуждении воинского Устава 1901 года, и сенатора Таганцева, исполнявшего обязанности председателя образованной еще во времена кн. Оболенского Комиссии для разрешения общегосударственных вопросов; остальных же членов Совещания я предложил назначить по соглашению с председателем. Государь на словах одобрил и это предложение, и поручил мне составить об этом письменный доклад, с указанием лиц, предлагаемых мною в председатели. [...] Но все мои планы были разрушены. Я получил обратно мой доклад, на котором рукою Государя было написано, что он назначает председателем Совещания члена Государственного совета Фриша, а членами профессора Сергиевскаго и директора Департамента полиции Гарина. Фриш участвовал и был ближайшим сотрудником Победоносцева в проведении и редактировании всех проектов Бобрикова, он был председателем Комиссии, выработавшей Манифест 1899 года, так ненавистный финляндцам, он же председательствовал в Департаменте Государственного совета при обсуждении Устава о воинской повинности 1901 года и пристрастно вел заседание, поддерживая при этом Куропаткина и Бобрикова. Я знал его хорошо, обладая большими юридическими познаниями и громадной служебной опытностью, это был чрезвычайно гибкий ум, улавливавший господствующее настроение и плывший всегда по течению; на него я не мог положиться.

Сергиевский еще более был известен в Финляндии как автор журнальных статей, в которых он выражал прямо враждебное отношение к Финляндии и грубо оскорблял Мехелина. Он был сотрудником «Нового времени» и принадлежал к приютившейся там клике Бобриковцев. Наконец, Гарин личность сама по себе ничтожная, но сделавший большую карьеру благодаря покровительству Дмитрия Тренова, бывшего тогда дворцовым комендантом и пользовавшегося тогда большим значением при государе.

Вот кого выбрал Государь для рассмотрения важнейших законодательных проектов Финляндии. Не говоря о том, что это могло меня компрометировать в глазах финляндцев, которые вероятно заподозрили бы меня в двуличии: с одной стороны, любезность с ними в Гельсингфорсе и, с другой – науськивание на них людей им враждебных, не говоря об этом, я почувствовал, что мое

положение поколеблено у государя, что между им и мной явилось постороннее влияние, мне явно неприязненное, и что на него оставляют следы враждебный мне статьи «Нового времени». Говорили потом что назначение Фриша, Сергиевскаго и Гарина состоялось под влиянием Дмитрия Тренова, я проверить этого не мог, но считаю это правдоподобным, однако Тренов был не один, который мог влиять на государя в неприязненном мне смысле, были и другие из окружавших государя приверженцев политики Бобрикова». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 229–233).

[405] Гарин Николай Павлович (1861–1936) директор Департамента полиции (1905), сенатор (1905–1913). В этой должности он состоял членом Особого совещания под председательством статс-секретаря Фриша по пересмотру проекта нового сеймового Устава Великого княжества Финляндского. В 1915 г. член Государственного совета. В 1916–1917 гг. помощник военного министра.

[406] Берг Фёдор Фёдорович (Friedrich Wilhelm Rembert von Berg) (1794–1874), генерал-губернатор Финляндии (1854–1861). С 1863 г. последний наместник царства Польского.

[407] Дурново Пётр Николаевич (1842–1915), товарищ (1900–1905), министр внутренних дел (1905–1906), назначен к присутствию в Государственном совете в 1906 г., лидер группы правых до 1915 г.

[408] 20 февраля 1906 г. Витте отношением № 258 переслал записку Дурново Финляндскому генерал-губернатору Герарду с запросом о его мнении по поводу создания русско-финляндского комитета для рассмотрения законопроектов, имеющих общегосударственное значение. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 3. Л. 5).

[409] В ряду финского законодательства см. Особый журнал Совета министров от 22.2.1910. После реформы Совета министров и Государственного совета порядок рассмотрения дел, общих для империи и Великого княжества Финляндского, был полностью изменен. Опираясь на этот манифест Столыпин провел положение Совета министров от 20 мая 1908 г., изменивший структуру взаимоотношений между Россией и Финляндией.

В «Высочайше утвержденном Учреждении Государственной думы» (Опубл.: СУ. 1906, 21 февраля. Ст. 197; ПСЗРИ. Отд. 1. Т. XXVI. СПб., 1909. Ст. 27424. С. 50) регулировался статус Государственной думы, в Именном Высочайшем Указе, данном Сенату «О переустройстве Учреждения Государственного совета» (СУ. 1906, 21 февраля. Ст. 198; ПСЗРИ. Т. XXVI. Ст. 27425) регулировался статус Государственного совета.

[410] Этот отзыв Герарда разослан членам совещания 16 марта 1906 г.

[411] Герард вспоминал, что в декабре 1905 г. «Сенат вошел с Всеподданнейшим представлением о восстановлении некоторых частей финских войск. Формальным основанием такому представлению служило то, что с отменою воинского Устава 1901 года было объявлено, что регулирование этого вопроса последует особо, как предполагалось в непродолжительном времени; так, по крайней мере, можно было объяснить назначение того трехлетнего срока, о котором упомянуто выше и которым ограничивалось обязательство финляндской казны уплачивать Государственному казначейству 10-миллионную сумму ежегодно. Это была формальная сторона, но с Мехелиным я имел неоднократные разговоры, в которых он старался меня убедить, что восстановление финских войск обязательно и основано на коренных законах Финляндии, и что оно необходимо в интересах общественного порядка. [...] Теперь я не мог согласиться с представлением Сената; во-первых, самое возбуждение Сенатом этого вопроса, имевшего общегосударственное значение, не вытекало из смысла Высочайшего повеления 1905 г., а во-вторых, домогательства финнов, нашедшие себе выражение в этом представлении, были чрезмерны: они желали, чтобы финские войска составляли отдельную от русской армии часть, чтобы они предназначались исключительно для защиты Финляндии и не могли быть переводимы в другие местности, за исключением одного случая, нападения извне на империю; в этом единственном случае для защиты империи финские войска могли быть выведены из пределов Финляндии». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 219–220). Герард дал отрицательное заключение на этот проект.

[412] Ненависть финляндцев к воинскому Уставу 1901 г. была столь велика, что в дни революционного напряжения этот закон был среди тех, отмены которых добивались граждане Финляндии. Герард вспоминал: «Это чувствовал кн. Оболенский и в начале 1905 года испросил отмену воинского Устава 1901 года, а впредь до выработки новых учреждений различных воинских частей, замену отбывания финляндцами воинской повинности уплатою Государственному казначейству десяти миллионов (3 750 000 рублей) ежегодно в течение трех лет.

Согласно этому Высочайшему повелению, принятому в крае восторженно, надлежало в течение трех лет внести в бюджет Великого княжества означенную сумму для перевода Государственному казначейству. По своему характеру эта сумма должна была быть отнесена к так называемому милиционному фонду, ежегодно пополняемому из определенных доходов казны и находившегося на хранении в Сенате, но распоряжение этими фондами принадлежало Монарху, которому поставлено было лишь одно условие, чтобы расходы из этого фонда производились согласно его назначению, т. е. на военные надобности.

Сначала при кн. Оболенском, а потом и при мне милиционный фонд был недостаточен для уплаты означенной воинской повинности, и из него Государственному казначейству могло быть отчислено всего 8 миллионов марок, а недостающая же сумма в два миллиона подлежала ассигнованию из других источников, что требовало уже сеймового постановления. Так смотрели на это дело и кн. Оболенский, и прежний Сенат, а также лица, участвовавшие, по приглашению кн. Оболенского, в Совещании по этому предмету, в том числе Мехелин; главное же это было с точностью указано в Манифесте об отмене воинского Устава. Согласно с этим при кн. Оболенском Сенатом было сделано распоряжение о передаче из милиционного фонда 8 милл. мар., а об ассигновании остальных денег было предложено тогдашнему Сейму.

В этом же порядке надлежало очевидно поступить и в 1906 г. (бюджет несколько запоздал и был мне представлен уже в 1906 г.). Получив его, я не нашел ни в нем, ни в объяснительной к нему записке вовсе упоминания о назначении 8 милл. марок из милиционного фонда. При моем незнакомстве с предшествующими событиями я мог легко пропустить это обстоятельство, но справкою канцелярии не было обнаружено. Тогда я сделал предложение Сенату исправить представленный мне бюджет, дополнить расходные статьи ассигнованием 8 милл. марок Государственному казначейству.

В ответ я получил объяснение Сената, что он не считает себя в праве ассигновать деньги из финляндской казны иначе, как на нужды края, а передача финских сумм в Государственное казначейство может состояться только по постановлению Сейма.

В подтверждение своего мнения Сенат ссылался на прецедент 1903 года: оказалось, что, хотя, согласно Высочайшему повелению, кн. Оболенский предложил Сейму ассигновать только два милл. марок, отнеся остальную сумму на милиционный фонд, но на сейме обсуждали вопрос во всем объеме и согласились на ассигнование всех 10 милл., отнеся 8 милл. на милиционный фонд, а 2 милл. на другие источники.

Разница была существенная, таким образом, милиционный фонд исключался из непосредственного распоряжения Монарха и поступал в общий разряд капиталов, расходование коих определялось постановлением Сейма, кн. Оболенский и статс-секретарь Линдер оставили это обстоятельство без внимания и Сеймовое постановление было Высочайше утверждено.

Ссылаясь на этот прецедент, Сенат отказывался в 1906 году ассигновывать 8 милл. на военные надобности в бюджетном порядке, а утверждал, что на этот предмет должно быть составлено особое предложение Сейму, от которого будет зависеть установить размер ассигнований и источника для их удовлетворения.

Но с этим я не мог согласиться, указанный мне прецедент 1905 года не имел для меня решающего значения, ввиду категоричности Высочайшего повеления, которым отменялось действие воинского Устава 1901 года, а явная ошибка кн. Оболенского для меня была не обязательна. Поэтому, представляя на Высочайшее утверждение бюджет на 1906 год, я дал заключение, что в бюджет должна быть включена для передачи Государственному казначейству сумма 8 миллио-

нов из миллионного фонда, а Сейму следовало особо предложить ассигновать дополнительные 2 миллиона.

Дело это было решено по докладу уже г. Лангофа, причем бюджет был утвержден в том виде, как его представил Сенат, а вопрос об уплате воинской повинности Государственному казначейству Высочайше повелено рассмотреть особо впоследствии, когда это будет указано Его Величеством. Это был кажется единственный случай, когда по докладу Лангофа было испрошено Высочайшее повеление, несогласное с моим мнением». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 216–218).

[413] Хотя вопрос о статусе русского языка в Финляндии в Манифесте 22 октября не упоминался, но к нему было приковано внимание общества, тем более, что он стал максимально актуальным при открытии Сейма в декабре 1905 г.: на каком языке ведутся прения, как ведется делопроизводство и т. п. 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) «Финляндская газета» сообщила о спорах в Сенате по этому поводу. Регламент об употреблении русского языка в делопроизводстве принят Императором 20 апреля (3 мая) 1906 г. (см. док. № 177).

[414] См. док. № 162.

[415] Свобода союзов была провозглашена в Манифесте 17 октября 1905 г. (см. док. № 129) и получила правовое обеспечение публикуемыми Временными правилами. Власть признала, что подданные могут самостоятельно, без властного импульса и разрешения, т. е. явочным путем (ст. 2), объединяться для создания политических обществ и профсоюзных организаций. Правила состояли из двух частей: правил об обществах и союзах и правил о профессиональных обществах. В 1907 г. Столыпин предложил ввести на смену этим правилам более строгий закон, позволяющий правительству контролировать все общественные организации и союзы, позволять (или не позволять) их создание. Законопроект был подготовлен к 1911 г., получил отрицательные отзывы в прессе и не был принят. (Подробнее см.: Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. М., 2021). Временное правительство 12 апреля 1917 г. постановлением «О собраниях и союзах» подтвердило явочный порядок их регистрации.

[416] 12(25) февраля 1906 г. Мехелин направил Витте по просьбе последнего свои предложения по изменению статьи Основных законов, в которой определялся статус Финляндии в составе империи (см. док. № 155). Герард представил Витте свой вариант (см. док. № 156). Для окончательного решения вопроса было созвано Совещание, протокол которого здесь публикуется. Герард вспоминал: «Для обсуждения этого вопроса были приглашены в заседание Комитета министров в марте месяце, именно в ту пору, которую я переживал после подачи просьбы об отставке и в ее ожидании. Заседание прошло оживленно. Проект Мехелина остался вовсе без обсуждения, его Витте сохранил лишь для себя. Проект Государственной канцелярии защищался сначала весьма горячо и умно Таганцевым, приглашаемом всегда по делам Финляндии. Но окончательно и кажется единогласно была принята моя редакция, с незначительными поправками. Таким образом явилась нынешняя 2 статья Основных законов Российской империи. (У меня не сохранилось других данных, ни моего проекта, поэтому для выяснения следовало бы привести полный текст ст. 2 осн. зак. Российской империи)». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 253).

[417] Благоволение Императора было начертано 4(17) марта на докладе Финляндского генерал-губернатора от 17 февраля (2 марта) 1906 г. (см. док. № 158).

[418] Состав созданного Совещания был назван в «Новом времени» и перепечатан «Финляндской газетой». Про состав совещания, который был назначен Императором против воли Герарда и без учета его предложений, Герард написал особо (см. Прим. к док. № 168).

[419] «Русское государство» – ежедневная газета, издаваемая при «Правительственном вестнике».

[420] Герард вспоминал, что, когда он подал в отставку, и она не была принята, Государь отдал ему две телеграммы союза русского народа (вторая телеграмма см. док. № 169): «На мой вопрос, что я должен делать с этими телеграммами, Государь отвечал: “Оставьте у себя”. Других объяснений он мне не дал». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 56, 237).

[421] О работе Совещания Герард вспоминал так: «Вскоре после моей аудиенции у государя Фриш представил заключение Совещания, рассматривавшего законопроекты Сеймового Устава и избирательного закона. Впоследствии он мне говорил, что Государь, сохраняя раз назначенный им состав Совещания, выразил ее председателю желание, чтобы Комиссия эта обратила внимание лишь на вопросы, имеющие общегосударственное значение и прерогативы Монарха, но не касалась вопросов чисто внутреннего значения, в которых Финляндия, по словам государя, вполне автономна. Таким образом, работа Совещания была поставлена в ясные границы, и результат ее был тот, что она приняла все мои замечания, а от себя же возбудила только один вопрос о праве русских подданных, имеющих собственность в Финляндии, участвовать в выборах Сеймовых депутатов. При совместном моем с Лангофом докладе этого заключения Лангоф просил государя выделить этот вопрос, не замедляя утверждения Уставов, с тем, чтобы мнение Совещания было сообщено на заключение Финляндского Сената и получило отдельное движение в законодательном порядке. Государь изъявил согласие». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 238).

Материалы совещания были изложены в качестве комментария к изданному Сеймовому Уставу 1906 г. См.: Корево Н.Н. Сеймовый Устав для Великого княжества Финляндского, высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. СПб.: Гос. тип., 1913.

[422] Было два имперских закона о православных приходах (1888 и 1905 гг.). Здесь речь идет о законе Великого княжества Финляндского. «В Великом княжестве в соответствии с унаследованной шведской моделью религиозного законодательства, имевшего в виду прежде всего лютеранскую церковь, предполагалась значительная включенность низовых церковных институтов в сферу гражданской жизни, выполнение ими функций местного управления и в силу этого — развитие органов приходского самоуправления и контроля гражданских властей за этими органами. В противоположность этому в империи светский и церковный бюрократический контроль за православным приходом (рассматриваемым во многом как фискальная единица) предельно ограничивал полномочия сохранившихся органов приходского самоуправления. Для лютеранской традиции такая включенность в местное управление и подотчетность гражданским властям была естественна. Но для православных все это представляло проблему и выявило двойственность подходов». (Беглов А. Православный приход на инконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 4(32). С. 107–135).

[423] «Устав Рыцарского Дома для рыцарства и дворянства Великого княжества Финляндского» от 9/21 апреля 1869 г. // СПВКФ. 1869. № 12.

[424] Согласно этой статье «рыцарство и дворянство является на Сейм согласно Уставу Рыцарского Дома».

[425] Герард вспоминал, как он вместе с Лангофом докладывал Императору законопроект по выборам и проект Сеймового Устава и обратил внимание государя на то, что женщины отныне смогут не только избирать, но и быть избранными. «Он спросил: "Хорошо ли это? Кажется, этого нигде нет?" Тогда я ответил, что в Финляндии женщины принимают большое участие в общественных делах; в их руках не только значительная педагогическая деятельность, но они организуют разные благотворительные учреждения и, наконец, участвуют в коммунальных собраниях; многие из них отличаются красноречием; вступление их в Сейм в качестве депутаток никого не удивит. Наконец, это внутренний вопрос Финляндии и для нас он кажется безразличным. Да при том, прибавил я, и принципиально я не знаю, как можно возражать против этого закона. Почему мой лакей, мой кучер могут быть депутатами Сейма, а моя мать и жена не могут? "Может быть вы правы", — сказал Государь и согласился с законопроектом». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 57).

[426] Герард вспоминает, что именно в марте он впервые прочитал о «Войме» в «Новом времени», которая приводила один из секретных циркуляров, содержащий призыв к активному сопротивлению. Газета говорила о тайном ввозе оружия и приготовлении к восстанию с целью отделения от России. Те же самые сведения Герард в тот же день получил и из Министерства внутренних дел. Тогда Герард сделал запрос об Э. Кальске и «Войма», но получил ответ, что имя такого гражданина Финляндии нет, а циркуляр, вероятно, вымышлен. (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 292–293).

Много раз на протяжении воспоминаний Герард возвращается к анализу ситуации и к публикуемым циркулярам. Он справедливо утверждает, что после Манифеста, восстанавливающего законный порядок в крае, появление экстремистских организаций в Финляндии не было выгодно никому в Финляндии, Свеаборгское восстание не нашло ни малейшей поддержки среди граждан Финляндии, да и сама «Войма», несмотря на постоянное вооружение, ни разу не выступила с 1905 по 1917 г., хотя ее имя и было одним из главных сильных аргументов для того, чтобы «приструнить» Финляндию. «Теперь я склонен думать, — пишет он, — что здесь была провокация... [...] можно ли сомневаться, что делом той же тайной полиции было и возбуждение общественного мнения против Финляндии. Не объясняет ли это также появление в Министерстве внутренних дел и в известной части русской печати большинства прокламаций "Воймы", от сочинения которых категорично отказывался на суде и в газетах глава этого жалкого союза; иные же, помнится, называли авторами некоторых циркуляров "Воймы" тех двух полицейских, Пеконен и Грасса, которые по моей рекомендации, поступили на службу д[епартамен]та полиции». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 336–337). Еще в 1907 г. его насторожило, что расследование по делу «Войма» было прекращено.

[427] Будберг Александр Андреевич (Alexander Paul Andreas Freiherr von Budberg-Bönninghausen) (1853–1914), барон, член Государственного совета по назначению; действительный статский советник (1891), шталмейстер (1900), обер-егермейстер (1913).

[428] Рассылалось членам совещания 7 апреля 1906 г. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 200–201.

[429] Армфельт Густав Мориц (Gustaf Mauritz Armfelt) (1757–1814), шведский придворный, дипломат, королевский фаворит и барон, с 1811 г. на службе у Александра I, генерал от инфантерии (1812), председатель Комитета по финским делам (1811–1814), исполняющий обязанности генерал-губернатора Финляндии, граф (1812), член Государственного совета (1812–1814). Оказал большое влияние на решение Александра включить так называемую Старую Финляндию (потерянные территории в 1721 и 1743 годах, т. е. старые с российской точки зрения) в Великое княжество и перенести столицу из Або в Гельсингфорс.

[430] Сопроводительное письмо Харитонова Сольскому от 5 апреля 1906 г. с указанием, что «прилагаемые проекты по финляндскому делу составлены мною по поручению Совещания. Одновременно проекты сообщены мною Э.В. Фришу». РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 196. Сопроводительное письмо членам Совещания от 7 апреля. Там же. Л. 200–201.

[431] Бирилёв Алексей Алексеевич (1844–1915), адмирал (1907), командующий Балтийским флотом, морской министр (1905–1907), член Государственного совета.

[432] Акимов Михаил Григорьевич (1847–1914), действительный тайный советник (1907), статс-секретарь (1908), министр юстиции (1905–1906). В начале 1906 г. настаивал на немедленном принятии новой редакции Основных законов. С 1906 г. член Государственного совета, председатель Совета (10.4.1907–28.6.1914).

[433] Икскуль фон Гильденбандт Юлий Александрович (Julius Karl Freiherr von Uexküll-Güldenband (Gyllenband) (1853–1918), тайный советник (1896), товарищ государственного секретаря при Плеве и Коковцеве (1899–1904). Государственный секретарь (1904–1909). Действительный тайный советник (1912). Член Государственного совета с оставлением в должностях статс-секретаря и сенатора (1909–1917).

[434] Философов Дмитрий Александрович (1861–1907), шталмейстер Двора Е.И. В. (с 1905 г.). Государственный контролер России (1905–1906), член Государственного совета (с 1906 г.), министр торговли и промышленности (1906–1907).

[435] 16 апреля день проведения заседания был определен 19 апреля на 2 часа дня, но по распоряжению председателя Совещания Сольского 19 апреля Совещание было отложено на день (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 221, 224). Совещание было перенесено на 20 апреля. В справке указаны участники: «Гр. Сольский, гр. Витте, Герард, Философов, гр. Толстой, Путилов (тов. М.Ф., есть право голоса), Федоров, Никольский, Генерал (представитель военного м-ва, без права голоса,

граф Пален, Фриш, Чивачев, Тернер, Голубев, Рихтер, Таганцев, Линдер, Дейтрих, Б. Икскуль, Харитонов». Лангофа в списках нет. (Там же. Л. 225–226).

[436] Список рассылки «По распоряжению г. председателя совещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений» состоял из трех документов: 1) проект правил о порядке составления и рассмотрения законов, общих для империи в Великом княжестве Финляндском (см. док. № 174), а также письма Будберга от 2 апреля (см. док. № 173) и справки из иностранных законодательств. (РГИА. Ф. 1455. Оп. 1. Д. 15. Л. 201).

[437] Закон был пересмотрен по инициативе Столыпина. См. Постановление о ведении делопроизводства на русском языке от 18(31) декабря 1909 г. (подробнее см. Т. 2).

[438] Совещание 20 апреля проходило под председательством Сольского, состав был определен 16 апреля. Кроме мемории (аналитической записки с изложением всего веера мнений участников совещания) был выработан и проект указа, который вызвал наибольшее количество возражений, прежде всего, со стороны Герарда и Лангофа. Первый вариант проекта указа был разослан 22 апреля и получил резкие возражения Лангофа, подвергся правке Фриша, Икскуля, второй — 23 апреля, третий — 24 апреля. Небольшую правку внес Сольский, но главным критиком проекта со стороны правительства выступил Голубев. Четвертый вариант был готов к утру 25 апреля и направлен Сольскому для доклада Императору (рукописную правку в него внес Харитонов). Чистовой вариант см. док. № 189. Все следующие документы до 25 апреля раскрывают ход работы над документом и главные аргументы сторон.

[439] Изменение архитектуры власти и управления в Российской империи непосредственно коснулось и правового положения высших чинов Великого княжества Финляндского. Данный Указ давал основание полностью изменить статус Финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря. Смысл Указа, как его понимал Корево в докладной Столыпину в ноябре — декабре 1906 г. (на основании формулировки Указа «об укреплении единства в деятельности Министерств и Главных управлений»), состоял в установлении «единства политики на всем пространстве государства Российского, не исключая и входившей в его состав Финляндии». (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 16. Л. 1.). Поэтому требовалось изменить статус генерал-губернатора Финляндии, который, в отличие от всех остальных генерал-губернаторов империи никак не был связан с Советом министров (остальные генерал-губернаторы входили или в Министерство внутренних дел, или в Военное министерство и т. п.). Корево предлагал Столыпину обязать отныне Финляндского генерал-губернатора лично докладывать о положении дел в Финляндии в Совете министров, который получал бы право издавать законы, регулирующие статус Финляндии. Пятый пункт Указа обязывал проведение всех дел, которые не были исключены предыдущими пунктами, через Совет министров. Это значило, что министр статс-секретарь Финляндии, который имел право непосредственного доклада Императору о всех делах в Великом княжестве, в том числе и законов княжества, теперь терял это право, а генерал-губернатор Финляндии должен (гипотетически) проводить все дела через Совет министров. Раньше Сенат для решения того или иного вопроса непосредственно сносился с тем или иным министром, не вступая в переписку с кабинетом министров. Корево предлагал поэтому Столыпину запретить министрам общаться с представителями Финляндии напрямую.

В самом Указе об этом не говорилось, но именно такую трактовку он получил в докладной записке Корево, и именно так его трактовал Столыпин. Таким образом, этот Указ стал основанием для совершенно новой политики в отношении Финляндии и статуса министра статс-секретаря и генерал-губернатора — началась разработка закона о порядке прохождении финляндских дел.

[440] Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. являются базовым законодательным актом, регулирующим разделение полномочий между Императорской властью и организованным по Манифесту 17 октября парламентом, состоящим из Государственного совета и Государственной думы. О разработке этого закона см. док. № 154–156.

[441] Сопроводительное письмо Дейтриха. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 247.

[442] А.Ф. Лангоф уточнил обстоятельства появления этих документов и привел резолюцию Императора: «Проект отсрочен по всеподд. представлению министра статс-секретаря от 25 апр./8 мая 1906 года; на этом представлении (хранится в Статс-архиве и приведено полностью в записках генер. Лангофа, т 2. стр. 131–132. Государь собственноручно начертал 29 апреля/12 мая следующую резолюцию: "Нахожу нужным отсрочить решение этого вопроса на некоторое время". Свою записку государю генерал Лангоф составил при содействии сенатора барона Р.А. Вреде и прокурора Гротенфельта, вызванных им из Гельсингфорса)». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 255).

[443] Участниками Совещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений были члены Государственного совета, министры и главноуправляющие, а также член-делопроизводитель, товарищ государственного секретаря П.А. Харитонов (полный состав см.: РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 184–183 об). 24 марта председатель Совещания граф Д.М. Сольский направил генерал-губернатору Н.Н. Герарду, статс-секретарю А.Ф. Лангофу, В.Ф. Дейтриху и Н.С. Таганцеву и Линдеру приглашение для участия «в обсуждении дела о порядке издания законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского» (совещание проходило в Мариинском дворце). РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 168, 169. Витте направил для рассмотрения на этом совещании отношение министра внутренних дел от 18 февраля 1906 г. и Финляндского генерал-губернатора от 24 февраля. (Там же. Л. 170).

Первая рассылка проекта мемории была осуществлена 22 апреля 1906 г. (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 227). Несколько дней шла напряженная работа по согласованию ее текста. Второй вариант был разослан 23 апреля. Несколько замечаний на проекте 23 апреля оставил Таганцев (Там же. Л. 266–267). Третий вариант мемории был разослан днем 24 апреля. 24 апреля ответили Пален, Витте, Сольский, вечером Будберг, Икскуль ответил настолько поздно, что его мнение не успели внести в отпечатанный для Императора экземпляр мемории. Наконец, утром 25 апреля документы для доклада Николаю II были отданы Сольскому. В приложенной записке рукой Харитонова написано: «Всеподданнейший доклад гр. Д.М. Сольского от 25 апреля 1906 г. Всеподданнейший доклад и мемория не были возвращены и оставлены Государем Императором у себя (до 27 апреля 1906 года)». (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 15. Л. 303).

Нужно обратить внимание, что на самом последнем этапе поправки вносил И. Голубев.

Это важнейшее заседание имело значимые политические и юридические последствия. Положения мемории были оспорены Герардом и рядом других политиков, прежде всего Лангофом. Поэтому они обращались к Императору с просьбой отложить проект Указа о создании специальной Комиссии (см. док. № 179–182, 186–187). Через несколько лет Столыпин реализует этот проект, создав Комиссию, рассматривающую законы, которые должны быть приняты для управления Финляндией.

Герард описывал этот сюжет так: «В заседании Комиссия приняла резолюцию вполне правильную; после заседания я уехал в Гельсингфорс, и туда мне был прислан к подписи журнал, в который вошли несколько суждений и правил, с которыми я не мог согласиться. В записках моих приведен один пример: по журналу Харитонова предполагалось учредить Особое присутствие для возбуждения общегосударственных вопросов с Особою канцелярией, содержание которой относилось на финские средства, таким образом явилось ассигнование сумм из финляндского капитала без всякого участия финляндских властей, в силу закона, составленного русским учреждением. Я тотчас послал гр. Сольскому телеграмму, а затем я тогда приехал в Петербург и объяснил ему на словах почему я не могу подписать этого журнала, по необходимости передать проект на заключение Финл. Сената, неправильности он объяснил спешностью работы, которую необходимо было закончить до открытия Думы. Затем по соглашению с гр. Сольским я испросил у Государя разрешения отсрочить рассмотрение этого вопроса, на что Государь согласился, прибавив от себя, что о времени возбуждения вновь того вопроса им будет дано особое указание. С.С. Лангоф представил этот вопрос на Высочайшее утверждение. Таким образом замер этот вопрос, который через три года был так грубо разрешен Столыпиным». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 254–255).

[444] Закон о выборах появился на основании Высочайшего Манифеста по поводу всеподданнейшей петиции земских чинов Финляндии о мерах по восстановлению закономерного порядка в крае (см. док. №131) и был представлен Н.Н. Герардом Императору 17 февраля (2 марта) 1906 г. (см. док. № 158), (см. также Прим. № 377 к док. № 139).

Важнейший закон как для Финляндии, так и для европейских стран и всего мира, так как он впервые в мире вводил равное избирательное право, разрушив средневековую сословную организацию. Женщины могли избирать и быть избранными в Сейм (что и произошло). Искусно разработана система пропорциональных выборов, обеспечивающих присутствие в Сейме всех партий и политических групп, обществ. Этим самым Герард, под руководством которого проходила разработка этого закона, обеспечил преобладание в Сейме финского населения (а не шведов). Одноналатная конструкция Сейма ломала классовые и сословные представления политических руководителей края о «правильном» устройстве демократии. Введение этого закона заставило все политические партии переосмыслить свои программные позиции, принять новые программы, на основании которых они и проводили выборную борьбу.

В воспоминаниях Герард размышляет о связи демократических перемен и судеб абсолютной власти: «Тогда представился мне вопрос: не затрагивала ли эта реформа отношений к России и к русскому Монарху? Казалось, что она вполне отвечала тому взгляду, который мне высказал Государь в первую мою аудиенцию, что Финляндия должна быть для финнов, а не для шведов. Шестилетняя борьба Бобрикова с последними дала лишь отрицательные результаты, укрепив их преобладающее влияние в крае. Наоборот, реформа, произведенная конституционалистами со шведоманами во главе, дала перевес финнам. Но достичь этого можно было только вызвав к жизни рабочее население, а последнее явилось в виде социалистической партии. Представляло ли это опасность для России? Соответствовало ли это ее интересам? Кто мог на это ответить? Для меня лично вопрос этот представлялся в таком виде: правительство конституционалистов утвердило общественный порядок и было проникнуто стремлением сближения с Россией, лишь бы за Финляндией была признана автономия, в том виде, как она создалась при Императоре Александре II, памятник которому до сих пор украшает одну из площадей Гельсингфорса. Шведоманы проводили эту идею с особенною последовательностью, имея при том большие родственные связи и деловые отношения в русском обществе. С этой стороны можно было быть спокойным. Старофинны даже во времена Бобрикова не были враждебны России. Но социализм представлял опасность как Финляндии, несмотря на благоразумие сеймовых депутатов, так и, в особенности, в России, где уже происходила классовая борьба и революция».

Герард пришел к выводу, что конституционалисты (Мехелин и Вреде) должны заключить союз со старофиннами (Даниельсоном–Кальмари) для борьбы с социал-демократами, но начатые переговоры сорвались. (Там же. Цит. соч. С. 329–330).

[445] Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911), действительный статский советник (1904), гофмейстер (1906). Гродненский (1902–1903) и саратовский (1903–1906) губернатор, министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906–1911), член Государственного совета (1907–1911).

[446] Назначение Столыпина председателем правительства произошло в один день с роспуском Государственной думы — 8(21) июля 1906 г. Н.Н. Герард подчеркивал, что Столыпин изменил политику в отношении Финляндии: «Руководителем русской политики был П.А. Столыпин, человек чрезвычайно властолюбивый и неразборчивый в средствах.

При первом же столкновении со мною он сделался не только моим противником, но и врагом финляндской автономии; не входя со мною ни в какие объяснения, он требовал к себе подчинения и воспользовался расположением Государя к Финляндии». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 59).

Герард и Столыпин познакомились у Горемыкина. Герард описывает впечатления от первой встречи с Горемыкиным и Столыпиным: «Я просидел у него часа два в разговоре о Финляндии и о событиях в России. Он уверял меня о полном согласии своем с моею политикой и резко говорил о Бобриковской системе. В этот же приезд я познакомился с новым министром внутренних дел П.А. Столыпиным, заменившим Дурново. Столыпин произвел на меня в этот раз очень

хорошее впечатление, он тогда долго расспрашивал о Финляндии, говоря, что вовсе не знаком с нею и не возражал против моих объяснений, подкупив меня обещанием назначить на должность губернатора генерала Зейна. Тогда же он просил меня указать ему двух финляндцев, для исполнения нижних полицейских обязанностей в местностях, населенных финнами и прилегающих к Финляндии. Я рекомендовал ему двоих...» (Там же. С. 243).

[447] Матросы и солдаты крепости Свеаборг выступили 16(29) июля, восстание было подавлено 20 июля (2 августа) 1906 г. В восстании участвовали солдаты 8 рот Свеаборгской крепостной артиллерии, матросы двух минных крейсеров, Свеаборгской флотской роты и 20-го флотского экипажа (всего около 2 тыс. чел.). Восстание готовили большевики и эсеры. В ходе восстания погибло 18 чел., ранено около 40 чел. Военному суду было предано 967 матросов и солдат.

[448] Из Гельсингфорса на остров Комендантский были переброшены две роты 2-го Финляндского стрелкового полка. К вечеру 19 июля к острову Михайловский подошли 2 броненосца и крейсер, которые открыли огонь, и через несколько часов мятежники сдались.

[449] Герард знал о существовании Красной гвардии, естественно, из отчета генерал-губернатора Оболенского, а также из слов своего окружения. Начальник жандармского управления Фрейберг утверждал, что организация направлена против русской власти и ставил его в известность о манифестациях (которые проводились мирно и без политических требований); Мехелин внушал, что требования Красной гвардии — сугубо экономические и социальные, поэтому репрессивных мер против них принимать не нужно; сенаторы же боялись Красной гвардии и были готовы принять против нее административные меры (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 198–200).

[450] В воспоминаниях Герард немного подробнее описывает те события: «С военными мятежниками были захвачены, с оружием в руках, и красногвардейцы, в числе 85 человек; остальным и с ними капитану Коку удалось скрыться. Этим одним не ограничивалось участие Красной гвардии в тогдашних событиях, план Кока состоял, очевидно, не только в материальной поддержке свеаборгским мятежникам, но и в производстве смуты во всем крае; забастовка в Гельсингфорсе не удалась, Кок употребил усилия, чтобы отвлечь расположенные там войска от Свеаборга; несколько сот красногвардейцев и забастовавших рабочих стали собираться на улицах Гельсингфорса. Другая часть, небольшая числом, бросилась разрушать мосты и полотно железной дороги от Гельсингфорса до Вильманстранда с целью помешать прибытию войск, находящихся в лагере. Но вся эта затея потерпела полную неудачу. Рабочие по большей части оставались спокойными, а железная дорога поправлялась железнодорожным управлением, охраняемым полицией и добровольцами-белогвардейцами настолько быстро, что барон Зальца прибыл в Гельсингфорс на другой же день, опоздав лишь 5-ю или 6-ю часами». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 270).

[451] 2-го августа на Гагнеской площади было столкновение между Красной и Белой гвардиями. Введенные в город войска не произвели ни одного выстрела, Красная гвардия бежала, беспорядки прекращены.

[452] Альфтан Макс Теодор (Max Theodor Alfthan) (1863–1914), начальник штаба финской службы по призыву (1897–1902). Полковник (1898). В 1902 г. уволился с действующей службы в знак протеста против Закона о призыве 1902 г. и работал директором бумажной фабрики в Тампере. Нюландский губернатор (1905–1910). Поддерживал тесные рабочие отношения с Герардом и Мехелином. Ушел в отставку из-за попыток русификации, и стал генеральным директором Финской ассоциации бумажной промышленности. Председатель Финского географического общества в 1907–1908 и 1910–1911 гг.

[453] Все корреспонденции в «Финляндской газете» о Свеаборгских событиях публиковались под контролем Герарда. Свеаборгское восстание важно не столько как революционный акт большевиков и эсеров, сколько как один из переломных моментов в развитии взаимоотношений России и Финляндии. Дело в том, что оценка события правительствами России и Финляндии была полностью противоположна, что вызвало конфликт между Столыпиным и Герардом, между двумя судебными и административными системами, между разными стилями и направлениями политического мышления. Это подробно описал Герард в воспоминаниях, отведя этому событию

и конфликту со Столыпиным (точнее, с определенным стилем политического мышления) гораздо больше места, чем другим сюжетам.

После окончания мятежа Герард получил от Столыпина депешу, «в которой он требовал, чтобы все виновные в участии в мятеже, как военные, так и штатские, были переданы военным властям и преданы военному суду... [...] Вопрос о судимости и компетенции судов возник у меня еще ранее; в первые же дни мятежа военные власти стали передавать арестованных не военного звания гражданским властям. Боясь ошибиться, я устроил у себя небольшое совещание, в котором участвовал барон Зальца и военный судебный следователь барон Нолькен, и мы, всесторонне обсудив этот вопрос, пришли к заключению, что по действующим в Финляндии специальным постановлениям военные подлежат военным судам, а гражданские — гражданским, хотя бы они совершили преступление совместно с военными.

Согласно этому, следствие и получило направление; поэтому требование Столыпина мне представилось незаконным, и я готовился дать ему такой же ответ, как его предшественнику Дурново; как вдруг получен был приказ военного министра по военному ведомству, предписывавший предавать военному суду всех участвовавших в Свеаборгском мятеже военных и гражданских, как русского, так и финляндского происхождения. Об этом распоряжении узнал Сенат, и ко мне явился помощник статс-секретаря Бьернберг, находившийся тогда в Гельсингфорсе, и в волнении сообщил, что сенаторы поражены таким нарушением финляндских законов и просят меня содействовать направлению дела в законном порядке. [...] ...я опасался откладывать решение дела и обратился к государю со следующей шифрованной депешей:

"Ваше ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, полученные здесь из Петербурга сведения, что все захваченные в Свеаборге не принадлежащие к военному званию мятежники предаются военному суду, вызвали крайнее волнение. Теперь общественное мнение возбуждено против Красной гвардии и революционеров; административные и судебные учреждения действуют энергично; законное течение дел дает надежду, что семена революции будут с корнем исторгнуты в этом крае. Предвидеть всех последствий от принятия столь не конституционной меры невозможно. Не соблаговолите-ли ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО хоть финляндских граждан предать гражданскому суду. Насколько возможно, я ручаюсь, что судебные приговоры будут строги. Простите, ГОСУДАРЬ, за смелость моего обращения, но долг верноподданного меня к этому обязывает".

В объяснение этой депеши должен сказать, что хотя по военным законам все лица невоенного звания, как русские, так и финляндцы, одинаково подлежали гражданскому суду, но достигнуть передачи в местные гражданские суды русских лиц невоенного звания мне представлялось невозможным, так как и в Кронштадте, и в Севастополе гражданские лица предавались за мятеж военному суду; да и преступники такого рода были еще неизвестны и могли быть прибывшими из России агитаторами; таких лиц впоследствии обнаружено было, кажется, три человека.

Но я считал себя обязанным ходатайствовать особо за финляндцев, так как предание их военному суду было нарушением не только военно-уголовных, но и основных законов Финляндии. Непосредственно от государя я ответа не получил, но от военного министра по телеграфу было сделано распоряжение по военному ведомству об изъятии от военного суда финляндских граждан, участвовавших в Свеаборгском мятеже и о предании их суду местных установлений по законам Финляндии.

Вслед за этим я представил государю всеподданнейший доклад о произошедшем, в заключении которого я вновь настаивал на необходимости соединения в одном лице должности генерал-губернатора Финляндии и командующего войсками, в ней расположенными. [...]

Каково же было мое изумление, когда я получил от Столыпина депешу, в которой вполне категорично говорилось, что главные виновники Свеаборгского бунта были финны, красногвардейцы, увлекшие за собой крепостные войска. Я ответил Столыпину следующим письмом: "М.Г. Петр Аркадьевич. Считаю своим долгом сообщить Вам, что, представив ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ всеподданнейший доклад о происшедших событиях в Гельсингфорсе во время Свеаборгского мятежа, я указал, на неотложность одной меры, которую, по моему глубокому убеждению, необходимо принять по отношению к управлению здешним краем: это соединение должности генерал-губернатора и командующего корпусом, расположенным в Финляндии

войск. К доводам, представленным мною на благовоззрение Его Императорского Величества, ныне присоединяю новый: в депеше Вашего Превосходительства от 26-го июля сказано, что причиною возмущения Свеаборгского гарнизона было допущение со стороны местной администрации и суда, агитации среди войск и явное самовооружение Красной гвардии. Очевидно такое объяснение может дать только военное ведомство. Но оно совершенно несогласно с моим взглядом на те же события: весь позор и вся ответственность за них, по моему мнению, должны падать на военное ведомство, так как, для меня нет сомнения, что мятеж подготовлялся артиллерийскими офицерами, из которых капитан Цион уже с января месяца проявлял свое преступное направление: на это местною администрацией было указано военному начальству, несмотря на то, что здесь нет специальной политической полиции. Такое разногласие по главным вопросам управления вытекает из раздвоения высших властей генерал-губернатора и командира корпуса: при чем каждый, не неся ответственности за всю совокупность принимаемых мер, может легко обвинять управление другого в упущениях и непредусмотрительности. Надеюсь, Ваше Превосходительство, что Вы признаете такое положение вещей опасным с точки зрения общих интересов России и поддержите мое представление перед его Императорским Величеством". На этом переписка прекратилась. [...] Мятеж этот был чисто военный, так же как в Кронштадте и других портовых городах. Но особенность Свеаборгского была та, что в нем участвовали финляндцы в числе нескольких сот красногвардейцев. Военное ведомство поддерживало мнение, что крепостные войска были вовлечены в мятеж финляндцами, но в чем заключались эти действия Красной гвардии оставалось мне неизвестным. Если бы мнение военного ведомства было правильно, то и в таком случае крепостное начальство должно одно нести ответственность за происшедшее, так как надзор в пределах крепости принадлежал исключительно ему, а гражданские власти, повторяю, были совершенно отстранены.

В возражение на эту мысль высказывалось, что солдаты крепостного гарнизона имели право отлучаться из крепости в город, и здесь мятежную пропаганду могли предупредить не крепостное начальство, а гражданские власти. Но и это возражение неосновательно: в Гельсингфорсе находились и другие войска, целый корпус, а между тем ни в одной части его не обнаружено революционного духа: напротив, войска этого корпуса действовали вполне правильно во все время мятежа, хотя доступ к ним революционеров, как русских, так и финляндских, был легче чем в Свеаборге. Наконец, не в одной этой крепости одновременно вспыхнул мятеж; очевидно, организаторами его в разных местах были одни и те же лица». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 274–280).

[454] Агеев Алексей Петрович (1852–?), полковник (1895), генерал-майор (1904). Командир Свеаборгской крепостной артиллерии (1904–1906). С началом стрельбы на территории Свеаборгской крепости выехал на гребном катере вместе с заведующим практическими занятиями Свеаборгской крепостной артиллерии полковником А.Д. Нотара на Инженерный остров, где оба были обстреляны и схвачены мятежниками. Нотара при этом был ранен, а затем зверски убит, а Агеев помещен под арест в один из крепостных казематов и содержался в нем до окончательного подавления восстания. В ноябре 1906 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам.

[455] Нотара Александр Дмитриевич (1863–1906), подполковник (1903). Заведующий практическими занятиями Свеаборгской крепостной артиллерии (1904–1906). Полковник (1904). Убит на Инженерном острове Свеаборгской крепости (ныне Суоменлинна, Финляндия) восставшими солдатами Свеаборгской крепостной артиллерии.

[456] Речь идет о заседании 18(31) июля. В том же номере газеты на первой странице помещено краткое сообщение, в котором передается смысл резолюций разных курий:

«Сеймовые сословия в заседаниях 18-го (31-го) дня прежде всего занимались текущими событиями и выработали занесенные в протокол резолюции, одинаковые по смыслу и различающиеся лишь в подробностях. Земские чины "сочувствуют русскому освободительному движению", но единодушно находят, что финляндцы не должны "вмешиваться в борьбу", ограничиваясь охранением своего общественного строя и порядка». (Финляндская газета. 1906. 2 августа. № 109. С. 1).

[457] Аладьин Алексей Фёдорович (1873–1927), член I Государственной думы от Симбирской губернии. За революционную агитацию судим, поселен в Симбирске, в 1897 г. бежал за границу, в декабре 1905 г. вернулся в Россию. Выехал с делегацией Думы за границу, в это время она была распущена. Остался там до 1917 г.

[458] Текст опубликован под заголовком: «Окончательный роспуск Красной гвардии. Императорский Финляндский Сенат постановил разослать начальникам всех губерний края следующий циркуляр:». Поскольку текст циркуляра закавычен и не является пересказом, то здесь он воспроизводится без газетного редакционного заголовка.

Герард несколько раз возвращается к теме участия Красной гвардии в свеаборгском восстании и в развитии революционного движения: «в августе и сентябре были приняты Сенатом две меры борьбы с этим движением: во-первых, полное запрещение ввоза из-за границы оружия, в том числе и пистолетов, как это было установлено в империи, о чем я уже упомянул выше, и во-вторых, определение порядка производства обысков, ареста и выдачи русских преступников, совершивших преступление в империи, но скрывавшихся в Финляндии. Этот последний вопрос был возбужден Министерством внутренних дел в переписке со мной. Правила были выработаны настолько удовлетворительно, что и Столыпин, и его товарищ Макаров выразили мне свое удовольствие, а в некоторой части местной печати их находили даже не вполне законными. Исполнение их также не давало повода к нареканиям со стороны Имперского правительства». Главный его вывод состоит в том, что «финский народ не примкнул к этому движению, край остался спокойным». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 281, 291–292).

[459] Закон принят на основании Манифеста 22 октября (4 ноября) 1905 г. (см. док. № 131).

[460] Социал-демократы сохранили без изменений программу, принятую в 1903 г., но на съезде партии в Улеаборге 20–27 августа 1906 г. приняли для участия в предстоящих выборах специальную «Выборную программу».

[461] Сейм закрыт 5(18) сентября 1906 г. Речь Императора публикована (см. док. № 210). С. 1).

[462] Сейм закрыт Высочайшей грамотой от 3(16) сентября (см.: СПВКФ. 1906. № 43. Герард передает атмосферу при закрытии этого Сейма: «При закрытии чрезвычайного Сейма общественное настроение было очень приподнято. Старинная Шведская Финляндия уступила место новой, либеральной, демократической, с преобладанием финской народности. Депутаты гордились своею работой и сознанием исполненного долга. Вся церемония закрытия Сейма отличалась торжественностью и подъемом народного духа. Никогда не говорилось таких прочувствованных речей, как председателем сословий в ответ на Высочайший рескрипт о закрытии Сейма; никогда не раздавалось таких восторженных криков: Элекен (ура) в честь Государя; мне все старались выразить уважение и привязанность. Депутаты разъехались по домам отлично настроенные. От одного только барона Борна я услышал совсем другое: прощаясь со мной, он высказал опасение, что последние реформы слишком радикальны, могут создать внутреннее затруднение и вызвать на арены деятельности элементы неуравновешенные и даже опасные». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 290–291).

[463] Докладная записка Герарда была написана на фоне процесса редактора Маннелина и капитана Оберга, обвиняемых в привозе в Гельсингфорс большого количества военных ружей и штыков на бьернеборгском пароходе «Hanhi» («Ханхи»), после обнаружения складов оружия в Бьернеборге, откуда оно рассылалось в Куопио, Гельсингфорс и другие города. Процесс начался 2(15) октября в Гельсингфорском раттаузе. Маннелин указывал, что в число задач «народного ополчения» должно входить и отражение опасностей, угрожающих финляндской самобытности со стороны России («Финляндская газета» от 20 октября 1906 г. с цитатой из «Uusi Suometar» от 19 октября).

«Ууси суометар» и «Ныя прессен» доказали связь прокламаций, подписанных «Эро Кальске» с редактором Маннелином. Сообщения появлялись в «Финляндской газете» от 20, 25 октября, а 30 октября она перепечатала статью «Uusi Suometar» от 28 октября о том, что циркуляры не выдумка канцелярии генерал-губернатора, а дело рук союза Voima.

Публикуемый текст почти в таком же виде (убраны места, где есть авторский текст генерал-губернатора) был издан газетой «Новое время» как телеграфная корреспонденция от официального корреспондента. В «Финляндской газете» эта корреспонденция была переопубликована 19 октября (1 ноября) 1906 г. Это значит, что докладная записка Герарда Императору была передана «Новому времени» кем-то из сотрудников канцелярии генерал-губернатора.

[464] См. док. № 204 и № 206.

[465] «Uusi Suometar» 19 октября (№ 242) писала: «Прошлой весной, когда газета «Vastaisuus» разослала свои пробные номера, лица, получившие эти номера, получили также особым письмом циркулярное послание, подписанное Эро Кальске, приглашавшее подписываться на газету «Vastaisuus» и сообщавшее, что в случай присылки денег подписку принимает Эро Кальске». Канцелярия союза «Войма» находилась в доме № 7 на Петровской улице, куда направлялись и письма на имя Эро Кальске, на которые он всегда отвечал.

[466] Речь идет о марте — апреле 1906 г.

[467] В воспоминаниях Герард пишет, что достоверные сведения о существовании «Войма» он получил только в августе 1906 г. при встрече с офицером русских войск, который занимался в Финляндии ведением своего хозяйства (Герард называет его именем «А»). Одновременно Герард пишет, что все финские деятели (Мехелин, губернатор Альфтан и другие, стремились представить «Войма» «в виде безрассудной мальчишеской затеи, не имеющей серьезного значения». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 294–295, 297).

[468] Циркуляры опубликованы в книге: Акты по «делу Войма» с пояснениями. Гельсингфорс, 1908. С. 6.

[469] См.: «Финляндская газета» от 6(19) мая. № 68.

[470] Вероятно, Гефферт Оскар (Geffert Oskar Fredrik) (1883–1906), (О Гефферте см.: Karjala, 14.06.1906, nro 133, s. 2, некролог см.: Karjala, 16.06.1906, nro 135, s. 1). В «Финляндской газете» говорилось о другом человеке: директор лесопилки Гефферт был убит членами «братского союза» осенью 1905 г.

[471] Предложение Генерал-губернатора Сенату было опубликовано в финских и шведских газетах, а потом и в «Финляндской газете». Обращение состояло из изложения обстоятельств дела (иногда дословно совпадающие с докладной Императору) и заканчивалось следующей просьбой: «Я предлагаю Императорскому Финляндскому Сенату сделать распоряжение о производстве самого тщательного расследования относительно существования в крае организации под названием «Сила» («Woima») для выяснения, какую цель организация эта преследует, и если бы оказалось, что общество это преследует цели незаконные и приобретает боевое оружие, запрещенное к ввозу в край, то прошу Сенат принять к своему обсуждению вопрос о немедленном прекращении такого опасного для общественного порядка союза и обсудить вместе с тем, можно ли вообще допустить существование такого союза без утвержденного Устава и насколько представляется правильною выдача такой нелегальной организации пособия со стороны куопского городского общественного управления». (Финляндская газета. 1906. 26 сентября (9 октября). № 145. С. 1).

[472] Подробное изложение дела см. Финляндская газета. 1906. 18 октября. № 150. С. 2 и следующие номера.

[473] Для перевоза оружия были наняты извозчики; когда на подводы навалили ящики, то один из них сломался, из него высыпалось оружие. «Извозчики заявили городовым, эти арестовали транспорт и доставили в полицию». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 295).

[474] Маннелин Карл (Mannelin Karl Petrus, фамилия позже Айнамо/Ainamo) (1883–1927), журналист, активист. Окончил Гельсингфорсский университет в 1907 г. (магистр философии). Участвовал в деятельности активистов и был вовлечен в союз «Войма» под псевдонимом Ээро Кальске. В 1906–1907 гг. он вместе с Йоханнесом Гуммерусом, председателем партии активистов, редактировал еженедельник «Фрамтид» на финском языке, а в 1909–1910 гг. на шведском языке. Был главным редактором «Loviisa Sanomat».

[475] На процессе Маннелин требовал вернуть ему оружие, так как он являлся его собственником.

[476] «Финляндская газета» почти каждый день перепечатывала сообщения из газеты «Uusi Suometar». Герард, как кажется, с благодарностью вспоминал работу журналистов, выяснивших многие обстоятельства связи «Войма» с Э. Кальске: после скандала с провозом оружия в сентябре 1906 г. и успокоительных речей финских чиновников, «явился новый обличитель в лице старофинской газеты "Ууси Суометар", которая изо дня в день стала раскрывать все нити этой тайной организации, называть лиц, в ней участвующих и объяснять цели, ими преследуемые. Политика конституционного Сейма, стремившаяся унизить старофиннов за их участие в бобриковском управлении, принесла свои плоды». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 297).

[477] Съезд проходил в Гельсингфорсе 15–16(28–29) октября 1906 г. Отчет о съезде см. «Финляндская газета». 1906. 17(30) октября. № 157. С. 1. Было представлено около 30 представителей городских и провинциальных групп. Прочитано и одобрено заявление в Сенат, в котором излагались цели общества («собрать граждан, разрозненных классовыми противоречиями и партийными спорами вокруг патриотической идеи — создать здоровую духовно и телесно молодежь, прежде всего имеющую в виду общее благо родины и защиты народной свободы». Отсутствие регистрации было объяснено тем, что союз ждал появление нового закона о свободе союзов. (Там же).

[478] Заявление в Гражданскую экспедицию Сената подано 1 ноября 1906 г. См. Акты по «делу Войма» с пояснениями. Гельсингфорс, 1908. С. 10–15.

[479] Полностью текст опубликован в «Nya Pressen» 19 октября (1 ноября) и перепечатан всеми газетами, в т. ч. и «Финляндской газетой» (12 октября (3 ноября) № 159. С. 1).

[480] «Нюландский губернатор препроводил в магистрат постановление Сената о закрытии общества "Voima" и поручил магистрату уведомить об этом председателя Союза. Губернатор уведомил также и полицмейстера об означенном распоряжении Сената для сведения и исполнения» (Финляндская газета. 1906. 17 ноября. № 166. С. 3). Письмо Мехелина Герарду об этом постановлении см. док. № 218.

[481] Макаров Александр Александрович (1857–1919), товарищ министра внутренних дел П.А. Столыпина (с 18 мая 1906 г.), который знал его по работе в Саратове. Руководил полицейской частью министерства и вел борьбу с революционным движением. Государственный секретарь (1909–1911), министр внутренних дел (1911–1912) и министр юстиции (1916) Российской империи. Действительный тайный советник (1917).

[482] Реакция Герарда и Сената была однозначной: выполнить требования этого письма (см. док. № 217).

[483] Речь о циркуляре от 4(17) ноября 1906 г. о борьбе с революционерами, скрывающимися в Финляндии (см. док. № 217).

[484] Речь идет о Всеподданнейшем представлении земских чинов Финляндии с законом о восстановлении в правах чиновников, удаленных со своих должностей в 1902–1905 гг. и о чиновниках, назначенных за то же время на должности с отступлениями от установленного Основными законами порядка. Закон утвержден Императором 9(22) декабря 1906 г. (см. Финляндская газета. 1906. 12(25) декабря. № 187. С. 1).

[485] См. публикацию Циркуляра Сената нюландскому губернатору о закрытии общества «Войма»: «Финляндская газета». 1906. 22 ноября. № 169. С. 1.

[486] См. Прим. к док. № 216.

[487] А.Ф. Лангоф отправил это заключение не Императору, как прежде, а министру внутренних дел П.В. Столыпину со своим заключением 24 февраля (9 марта) 1907 г. (см. док. № 242).

20 апреля (3 мая) Император повелел Финляндскому Сенату выработать проект нового постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи при условии, что этот проект будет основан на параграфе 5 проекта Сеймового Устава. 12 июня 1906 г.

Хозяйственный департамент финляндского Сената представил законопроект требуемого постановления. Статс-секретарь ВКФ Лангоф направил его с замечаниями Финляндского генерал-губернатора Герарда министру внутренних дел 25 января (7 февраля) 1907 г. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 66. Л. 519–519 об.). Представление Сената см. Там же. Л. 520–522. Выработанный им проект см. Там же. Л. 522 об. – 523. Вторично Лангоф отправил свои замечания и изложение изменившейся позиции Герарда 21 февраля (9 марта) 1907 г. (см. Там же. Л. 541–541 об.). Отрицательный отзыв МВД по этому вопросу в докладе от 27 июня 1907 г. см. Там же. Л. 545 об. – 552 об. Отзыв министра финансов см. Там же. Л. 553–553 об. 20 июля (2 августа) 1907 г. Совет министров оформил особый журнал «По проекту нового постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи» (см. док. № 253).

[488] Нюман Евграф (Eugraf Nyman) (1862–1934), сенаторстатский советник. Архивариус канцелярии министра статс-секретаря Финляндии до 1902 г., переводчик русского языка (1902–1905), главный директор главного таможенного управления (1905 1906). Прикомандирован к канцелярии статс-секретариата в качестве старшего референта-секретаря от губернатора Финляндии (с мая 1906 по 1910 г.), нюландский губернатор (1910–1913). Сенатор (15.11.1913–7.8.1914). Уволен со службы из-за кредитной истории.

[489] См. Прим. № 487 к док. № 220.

[490] Первое изложение доклада Артура Седергольма см. «Финляндская газета». 4(17) ноября 1906 г. С. 2. Дознание генералгевдинга Седергольма об отправке оружия и союзе «Voima» см. «Финляндская газета». 14(27) декабря 1906 г. С. 2.

[491] Войонмаа Эйно (Eino Wilhelm Voionmaa) (1872–1928), журналист и переводчик, редактор и корреспондент «Uusi Suometar» в 1892–1918 гг.

[492] Уггла Йохан Рафаэль (Uggla John Rafael) (1870–1954), юрист, секретарь окружного судьи (1891), канцелярист в Экспедиции прокурора Сената (1902), секретарь экспедиции (1906–1912), заместитель секретаря городского совета Гельсингфорса, секретарь Аландской делегации (1918), мирной делегации в Париже (1919). Член Сейма от рыцарства и дворянства в 1897–1906, 1904–1905, 1905–1906 гг.

[493] Корево Николай Николаевич (1860–1935), служащий кодификационного отдела Государственного совета (с 1890 г.), чиновник Государственной канцелярии (1894), заведующий делопроизводством комиссии для составления нов финляндским законам (1899). Участвовал в ряде комиссий, в частности, по вопросу о русском правописании, по систематизации финляндских законов. Действительный статский советник (1907), камергер (1909). Осуществлял редакцию и перевод законодательного корпуса Финляндии. Статс-секретарь Государственного совета сверхштата (1913). Тайный советник (1916), назначен сенатором. После Октября 1917 г. в эмиграции во Франции.

[494] Записка инициировала создание Н. Корево циркуляра, подписанного Столыпиным 5 января 1907 г. (см. док. № 230) и в дальнейшем целого ряда мероприятий в этом направлении, прежде всего, Постановления Совета министров от 20 мая 1908 г. и закона от 17 июня 1910 г. (Подробнее см. Т. 2).

[495] Коковцов (Коковцев) Владимир Николаевич (1853–1943), министр финансов (1904–1905 и 1906–1914), председатель Совета министров Российской империи (1911–1914). Действительный тайный советник (1905). С 1905 г. член Государственного совета. Назначался к присутствию на 1906–1917 гг.

[496] Циркуляр инициирован запиской Н. Корево (см. док. № 229). Это первое свидетельство о позиции Столыпина и начале процесса изменения порядка рассмотрения финляндских дел. Письмо направлено В.Н. Коковцеву. Того же содержания письма были отправлены 8 января 1907 г. барону В.Б. Фредериксу (№ 169), А.Ф. Редигеру (№ 170), А.А. Бирилеву (№ 171), Н.К. Шауфусу (№ 172), П.М. фон Кауфману (№ 173), князю Б.А. Васильчикову (№ 174), Д.А. Философову (№ 175), А.П. Извольскому (№ 176), П.Х. Шванебаху (№ 177), И.Г. Щегловитову (№ 178), П.П. Извольскому (№ 179). Циркулярное письмо написано Плеве. В сопрово-

дительной записке он писал: «В представленном Вашему высокопревосходительству в минувшем декабре доклад об отношениях Совета министров к финляндским делам указывалось на желательность: Циркулярного предложения министрам империи о том, чтобы они давали свои заключения по финляндским делам не иначе, как по предварительном осведомлении о сем председателя Совета министров и Приглашения Финляндского генерал-губернатор к участию в Совете министров на правах его члена.

Во исполнение 1 пункта имею честь представить циркулярные письма министру финансов, причем, в случае подписания его, такие же письма будут посланы прочим министрам». (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 16. Л. 12). В документе с левой стороны столбцом указаны получатели письма с указанием делопроизводственных номеров отправленных им циркулярных писем. На то, что это не просто преднисание министру Коковцову, скопированное для других министров, а циркуляр, указывает как сопроводительное письмо, так и сам характер подготовленного документа, и его содержание. В статье финской газеты это письмо упоминается как циркуляр. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 2. Л. 216). Процесс закончился Постановлением Совета министров 20 мая 1908 г. и принятием закона 17 июня 1910 г. (см. Т. 2).

[497] Плеве Николай Вячеславович (1871 – после 1929), секретарь переселенческого управления (1899), делопроизводитель того же управления (1900–1902), делопроизводитель Государственной канцелярии (1902–1904), помощник статс-секретаря Государственного совета (1904–1905). Помощник управляющего (с 1906), управляющий делами Совета министров (1910–1914), член Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского (с 1912 г.). Товарищ министра внутренних дел (с 1914 г.). Действительный статский советник (1911), гофмейстер (1916). Сенатор (1916), член Государственного совета (1917). Сын министра внутренних дел В.К. Плеве.

[498] В записке Корево на имя Столыпина от 25 декабря 1906 г. говорилось о возможности участия Финляндского генерал-губернатора в работе Совета министров (см. док. № 229). В развитие этой темы Плеве представил публикуемые размышления об этом и справку о взаимоотношениях правительства с Финляндским генерал-губернатором, ссылаясь на помету Столыпина на указанном отношении Корево. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 16. Л. 12).

[499] Закревский Арсений Андреевич (Zakrevski Arseni) (1783–1865), генерал-губернатор Финляндии (1823–1831), одновременно министр внутренних дел (1828–1831), московский генерал-губернатор (1848–1859).

[500] Меньшиков Александр Сергеевич (1787–1869), генерал-адъютант, адмирал, морской министр Российской империи (1836–1855), генерал-губернатор Финляндии (1831–1854). Правнук петровского фаворита.

[501] Теслев Александр Петрович (1778–1847), участник войн против Наполеона, назначен в 1833 г. помощником финляндского генерал-губернатора по гражданской части. Генерал от инфантерии (1841).

[502] Владимир Александрович Романов (1847–1909), великий князь, третий сын Александра II. Член Государственного совета (1872), сенатор (1868); генерал от инфантерии (1880). Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–26 октября 1905).

[503] Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1936), вице-директор Хозяйственного департамента (с 1901 г.); помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства (с 1904 г.); товарищ министра внутренних дел, заведующий Департаментом общих дел и особого делопроизводства по выборам в Государственную думу (1906–1911). Сенатор (с 1907 г.); Государственный секретарь (с 1911 г.); член Государственного совета (1917 г.).

[504] 6 января 1907 г., после отправки циркулярного письма министру финансов, сотрудник канцелярии Совета министров, И.П. Лодыженский написал на сопроводительной записке: «При таком сообщении всем министрам, кроме министра внутр[енних] дел, получится, что в делах самого М[инистерст]ва внутр[енних] дел не будет следа получения настоящего циркуляра и в будущем, может статься, м[инист]ру внутр[енних] дел поднесут в подписи заключение по какому-либо финляндскому делу без согласия с прочими ведомствами. Между тем, в этом деле

нредставляется важным достигнуть именно того, чтобы в заключениях М[инистерст]в империи м[инистр]ру ст[атс]-секретарю В[еликого] к[няжества] Финляндского не было разночтений. Ввиду сего и для надлежащей осведомленности органов М[инистерст]ва внутр[енних] дел о настоящем циркуляре, не следует ли, направить с м[инист]рами, уведомить от имени председателя Совета м[инист]ров также товарищей м[инист]ра внут[ренних] дел Макарова, Крыжановского и и. о. Морозова? в таком случае для них следовало бы изготовить подобного же содержания письма с следующим лишь изменением: последнюю фразу письма, начинающуюся со слов "Поэтому и[мею] ч[есть] обратиться к Вам, м[илостивый] г[осударь], с покорнейшею просьбою, в тех случаях, когда, но ходу дела" продолжить так "ведомству внутренних дел будет предстоять надобность сообщить заключение м[инист]ру ст[атс]-секретарю Финляндии, предварительно докладывать мне о содержании и т. д."». На следующий день Плеве дал расноряжение: «Следует написать письма Крыжановскому, Макарову, Гербелю, Бельгарду, Севостьянову и Морозову (если он, действ[ительно] исполняет обязан[ности] т[оварища] м[инист]ра) с таким изменением, какое нредложил И.Н. Лодыженский. Одно такое письмо показать до отправки мне». Публикуемый текст разослан А.А. Макарову (№ 181), С.Н. Гербелю (№ 182), А.В. Бельгарду (№ 183), М.П. Севастьянову (№ 184), П.Н. Морозову (№ 185).

[505] Палицын Фёдор Фёдорович (1851–1923), генерал от инфантерии (1907), начальник Главного управления Генерального Штаба (21.6.1905–13.11.1908). Член Государственного совета с 1908. В годы Первой мировой войны в расноряжении главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. После 1917 г. в эмиграции.

[506] См. Прим. № 496 к док. № 230.

[507] Николай Николаевич (Младший) Романов (1856–1929), великий князь, нервый сын великого князя Николая Николаевича (старшего). Генерал от кавалерии (6 декабря 1900). Верховный Главнокомандующий всеми сухонутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914–1915) и в мартовские дни 1917 г. В эмиграции с анреля 1919 г.

[508] Диков Иван Михайлович (1833–1914), адмирал (1905), генерал-адъютант (1906), морской министр (1907–1909).

[509] Редигер Александр Фёдорович (1853–1920), член Государственного совета; военный министр Российской империи (с июня 1905 но март 1909 г.). Член Совета государственной обороны (1905–1909); член Государственного совета с 1905 г.

[510] Извольский Александр Петрович (1856–1919), министр иностранных дел России (1906–1910), гофмейстер.

[511] Раух Георгий Оттонович (1860–1936), начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1906–1908), генерал-майор (1906), генерал-лейтенант (1908), генерал от кавалерии (1917).

[512] Отношение Н.Н. Герарда к А.Ф. Лангофу см. док. № 220.

[513] 15 августа 1907 г. П.А. Столыпин занросил у Ф. Бьериберга, управляющего делами Статс-секретариата Великого княжества Финляндского, нолный текст записки Германсона. Нужно обратить внимание, что просьба была направлена не к Лангофу. Полный текст записки был нредоставлен унравлением делами статс-секретариата П.А. Столыпину 4(20) сентября 1907 г. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 45. Л. 32, 65–65 об.).

[514] Нуммелин Ю. (Gustaf Julius Ferdinand Nummelin) (1845–1927), сенатор в Судебном денартаменте Сената (7.8.1900–25.10.1901, 23.10.1906–11.6.1909). В 1901 г. исключен но нолитическим мотивам.

[515] Снельман Г. (Anders Henrik Snellman) (1848–1911), сенатор (1905–1909), советник Выборгского гофтгерихта (1893–1900), судья Иломантского суда (1900–1905), сенатор (1905–1909).

[516] Тимгрен Карл Йохан (Carl Johan Timgren) (1852–1916), референт-секретарь в Судебном денартаменте Сената (1899–1905) и сенатор (1905–1909).

[517] Пальдани Эдвард (Edvard Paldani) (1858–1917), нотариус (1888–1894), секретарь Выборгского городского совета (1889–1892), заместитель прокурора (1894–1896), переводчик финского языка (1896–1903), уволен по политическим мотивам. Сенатор (1905–1909).

[518] Альмквист Карл Александр (Almqvist Carl Alexander) (1859–1919), сенатор (1.12.1905–11.6.1909). Переводчик в Абоском гофтгернхте (1889–1895). Секретарь валютного бюро Або (1886–1893), председатель (1896–1903) и секретарь городского совета Або (1893–1896). Сенатор в Судебном департаменте (1905–1909). Адвокат в Гельсингфорсе (1909–1913) и в Банке Финляндии в Тампере (1913–1916).

[519] Кюандер Вальдемар (Kyander Henrik Waldemar) (1850–1924), юрист, судья (1892–1905), сенатор Судебного департамента (1905–1909).

[520] Кастрен Каарло (Kaarlo Castrén) (1860–1938), член городского совета Гельсингфорса (1892–1897). В Сейме участвовал в работе палаты горожан в 1894 г. и с 1905 по 1906 г., но никогда не был депутатом. Сенатор (1906–1909). Ушел из Сената вместе с другими младофиннами в знак протеста против толкования Императорского закона об аренде земли, после чего снова открыл юридическую фирму. Министр финансов (1918–1919). Премьер-министр (1919).

[521] Гранстрем Аксель Вильгельм (Granström Axel Wilhelm) (1852–1918), помощник судьи (1880). Судья г. Кристинанкаунунки (1882–1883). Сотрудник Банка Финляндии (1884–1885), сотрудник Судебного департамента Сената (1886–1891) и секретарь Экспедиции промышленности и торговли (1891–1897). Судья Аландского судебного округа (1897–1901) и судья судебного округа Халикко (1901–1906). Сенатор Судебного департамента Сената (1906–1909).

[522] Ганскау Михаил Фёдорович (Michail Ganskau) (1868 — после 1917), действительный статский советник. Назначен в канцелярию генерал-губернатора Финляндии в 1899 г. Член-делопроизводитель Особого совещания по делам печати в Финляндии; временно и. д. директора канцелярии Финляндского губернатора (1906); вице-директор канцелярии Финляндского генерал-губернатора (с 1910); сенатор и член Хозяйственного департамента Сената (1912–1917).

[523] Документ является логическим и формальным продолжением Всеподданнейшего представления Императорского Финляндского Сената Сейму Финляндии относительно новой Формы правления для Великого княжества Финляндского от 19 мая (1 июня) 1907 г. (см. предыдущий документ).

[524] Сохранилась копия ведомственного экземпляра. См.: Гейден Ф.Л. Всеподданейшая записка финляндского генерал-губернатора [по поводу 3-х законопроектов Финляндского Сената: 1) свода действующих законов Великого княжества Финляндского, 2) закона о праве собственности и владения на земли и 3) сословных привилегий]; Учреждение управления губерний великого княжества Финляндии: Проект. [СПб., 1891?]. (РНБ. Шифр: 17.140.5.108).

[525] Вероятно, это первое письмо, в котором раскрылось разное понимание механизма доклада финляндских дел Императору со стороны Столыпина и Лангофа.

[526] Сведения о разработке новой «Формы правления» проникали в русскую печать и в политическое поле Совета министров еще с мая 1907 г. Было известно, что в Общем собрании соединенных департаментов рассматривался проект пронозиции Сейма Императору по данному вопросу. Проект Адреса Сейма был внесен младофиннами (см. док. № 244). Помощник управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве 25 мая 1907 г. прислал перевод статьи «Потребности в новой Форме правления» из гельсингфорской газеты «Hufvudstadsbladet» (№ 150) (см. док. № 249). Статья заканчивалась утверждением:

«Решение Сената теперь же, не считаясь с неясностью политической конъюнктуры, поставить вопрос о новой Форме правления в порядок дня, приветствуется всей страной с чувством полного удовлетворения». В Санкт-Петербургском «Новом времени» от 17 июня была опубликована заметка «На Финляндском Сейме», в которой Совет министров предостерегался о готовящемся на сейме новой Формы правления: «Такая осведомленность особенно необходима ныне, когда на Сейме возбуждены вопросы о Форме правления для Финляндии и когда Финляндский Сенат изготовил проект Высочайшего предложения по этому предмету для внесения на Сейм.

Каков этот проект, можно только судить лишь по отрывочным отзывам на Сейме и в газетах, из которых видно, что генерал-губернатор Финляндии соглашался на изготовление сенатом проекта лишь в качестве кодификационной работы. Казалось бы, поручение составить проект столь первостепенной важности и к тому же стоящий в непосредственной близи с ст. 2. Осн[овных] зак[онов] не могло быть дано сенату без того, чтобы Совет министров высказал свой взгляд. Но так как Сенатом проект Формы правления уже изготовлен и даже сообщен генерал-губернатору для представления через г.-л. Лангофа на Высочайшее благоволение, то было бы вполне своевременным, если бы Совет министров предупредил министра статс-секретаря, что считает данное дело безусловно затрагивающим коренные интересы империи и вовсе не внутренним финляндским делом, по крайней мере в значительной его части». Плеве тут же получил поручение: «Что это за проект Формы правления? Не прозевать бы! Прошу доложить». Ниже приписка: «Доложено 22 июня 1907 г. П[леве]». (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 9).

[527] Фабрициус Альмар (Ernst Almar Ferdinand Fabritius, псевдоним в Германии Fager) (1874–1953), стенографист, глава шведской стенографической службы в Сейме в 1894–1961 гг. В 1906 г. член руководства союза «Войма». В результате этой деятельности ему было предъявлено обвинение в государственной измене в Абоском гофтгерихте, а затем в Верховном суде в 1914 г. В начале Первой мировой войны Фабрициус вместе с доктором Сивеном, капитаном Ниландером и другими планировал создать Партию независимости по соглашению с Германией. Он считал, что Германия может в ходе Второй мировой войны двинуться в сторону Финляндии и оккупировать Аландские острова, а через Або — в Гельсингфорс, и в результате Финляндия должна использовать эту возможность для своих собственных стремлений к независимости. С 1915 г. полностью посвятил себя активистскому движению.

[528] Стенберг Херман (Herman Kaarlo Stenberg) (1873–1928), магистр философии (1897), учитель естествознания, егерь, журналист, активист, в 1898 г. совершил исследовательскую поездку в Сибирь. Один из основателей союза «Войма». Основатель и главный редактор еженедельника «Пяйва» (1907–1911), несколько раз привлекался к суду за помещение оскорбительных статей. Публиковался под псевдонимами Herman Wuorimaa и Kalle Wiinatsalo. Секретарь Карельского народного союза и редактор газеты «Vapaa Karjala». С 1924 года занимался просветительской деятельностью в шюцкоровском округе Йоэнсуу.

[529] Бекман Владимир Александрович (Woldemar Alexander Valerian von Boeckmann) (1848–1923), Финляндский генерал-губернатор (1908–1909).

[530] См. Прим. к док. № 220.

[531] Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), генерал-лейтенант (1906), генерал от инфантерии (с 1911), помощник военного министра (1906–1912). Член Государственного совета (1912–1917).

[532] Остроградский Михаил Александрович (1857–1923), тайный советник (1906), управляющий Министерством торговли и промышленности, товарищ министра с 1907 г., сенатор с 1910 г.

[533] Документ подготовлен Плеве. На черновике он написал: «Пр[ошу] начисто перестукать этот всепод. доклад пр[едседателя] С[овета] м[инистров] и показать его мне в четверг с канц. П[леве] 24/VII 907 г.». (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 85).

[534] 12(25) августа 1907 г. временно исполняющий обязанности финляндского генерал-губернатора В.А. Бекман (Н.Н. Герард был в отпуске) в ответ на запрос П.А. Столыпина от 31 июля 1907 г. о каких-либо документах по разработке новой Формы проекта сообщил, что все известные документы высланы в Совет министров и Герард вышлет свое заключение после возвращения из отпуска. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 35. Л. 92–92 об.). См. док. № 258.

[535] Ответ см. док. № 264.

[536] Министр внутренних дел был плохо информирован, поскольку подложность циркуляров была доказана иным способом. На заседании Гельсингфорсского ратгаузского суда 12 февраля и 19 марта 1907 г. свидетели доказывали, что изготовление и разбрасывание прокламаций было

делом центрального отделения полиции, поскольку заранее было известно — где и в какое точно время будут разбросаны прокламации, причем ни одного распространителя задержать не удалось. Фискал Альбрехт, против которого выступил председатель правительства России, обвинил гельсингфорсскую полицию «в таком преступном деянии, как изготовление революционных прокламаций и распространение их по улицам города в целях доказать этим путем якобы несуществующее в Финляндии революционное движение» — сообщалось в репортаже «Финляндской газеты» (2 июля 1907 г. № 92. С. 2).

[537] 27 июня (10 июля) 1908 г. Финляндский генерал-губернатор В. Бекман в Отношении № 4443 председателю Совета министров сославшись на Высочайшего повеление от 20 мая 1908 г. о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи, сформулировал свое заключение: «Разделяя, с своей стороны, мнение о необходимости издания нового кодифицированного закона, которым точно и определенно регулировались бы как различные отрасли внутреннего управления Финляндией, так и отношения ее к империи, я, однако, нахожу нужным, чтоб определения означенного закона были согласованы с относящимися до подобных же вопросов имперскими законами, разработка которых, однако, до сего времени еще не закончена. Таким образом, самые основы, на которых должны быть вырабатываемы подлежащие законопроекты для Финляндии, не могут почитаться установленными. Ввиду сего я признаю удовлетворение возбужденного Сеймом ходатайства несвоевременным и полагал бы препровождаемую при сем петицию оставить без последствий». (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 66. Л. 472; РНБ. 37.54.2.297; 135/300-78: [5]).

30 октября (12 ноября) 1908 г. Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского «По всеподданнейшей петиции Сейма о составлении новой Формы правления для Финляндии» признало ее "не подлежащею докладу Его Императорскому Величеству" (см. Т. 2). Совет министров в особом заседании 23 декабря 1908 г. поддержал этот вывод, поскольку «составленный Сеймом 1907 года проект Формы правления для Финляндии существенным образом затрагивает юридическое положение названного края, в качестве нераздельной части государства Российского, с перемещением притом действительной власти управления краем из рук ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА в ведение Сейма. Находя ввиду сего настоящее ходатайство Сейма 1907 года неприемлемым по существу, Совет министров вместе с тем не мог не признать, что издание, на приводимых Сеймом основаниях, особой Формы правления для Финляндии стало бы в противоречие со статьей 2 Основных государственных законов (Свод. зак., т. I, ч. I, изд. 1906 г.), ограничивающей пределы местного законодательства Финляндии внутренними ее делами» (см. Т. 2).

[538] Э.Н. Берендтс опубликовал в газете «Россия» (7 и 8 декабря 1907 г.) статью «Русские на финляндской службе», в которой предлагал уважить ходатайство финнов и внести на сейм предложение об изменении ст. 10 «Формы правления» и ст. 2. «Акта соединения» в смысле, указанном в § 77 проекта «Формы правления». В канцелярии Совета министров подготовили ответ Берендтсу, смысл которого в необходимости сохранения политических интересов России (ссылка на позицию Совета министров в журналах от 27 марта и 20 июля 1907 г.). См. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 2. Л. 182–184.

Пересылая эту петицию председателю Совета министров 27 июня 1908 г. на основании Высочайшего повеления от 20 мая 1908 г. Финляндский генерал-губернатор Бекман выразил свое мнение: «Разделяя, со своей стороны, мнение о необходимости издания нового кодифицированного закона... <...> я признаю удовлетворение возбужденного Сеймом ходатайства несвоевременным, и полагал бы препровождаемую при сем петицию оставить без последствий» (см. Т. 2). После рассмотрения петиции на заседании Особого совещания по делам Финляндии 30 октября 1908 г., его решение было передано в Совет министров, который рассмотрел в особом заседании 23 декабря 1908 г. (см. Т. 2).

[539] Мелартин Йохан Енгельберт (Melartin Johan Engelbert) (1866–1943), переводчик канцелярии Финляндского генерал-губернатора и духовной консистории (1896–1912), одновременно секретарь выборгского отделения полиции (1894–1906), протокольный секретарь Духовной экспедиции Сената (1912–1914). После обретения Финляндией независимости работал школьным

учителем в Эстонии и частным педагогом в Гельсингфорсе. В 1903 г. подчинился приказу выборгского губернатора Н.А. Мясоедова и не заключил под стражу русского коробейника, обвинявшегося в краже шапки. Поскольку это деяние противоречило финляндским законам, то Мясоедов получил выговор, а Мелартин был обвинен в превышении власти и осужден Выборгским судом в 1906 г. к заключению на один год. За своего переводчика вступился генерал-губернатор Герард, ходатайствующий в апреле 1907 г. через министра статс-секретаря перед Императором об отмене наказания. Император помиловал переводчика (см. Финляндская газета. 1907, 22 мая. № 69. С. 1).

[540] Зильберг Иван (Silberg Ivan Helmerich), младший инспектор преподавания русского языка при главном управлении училищного ведомства в Финляндии, надворный советник, старший делопроизводитель канцелярии Финляндского генерал-губернатора (1903).

[541] Проект ответа Столыпина см. док. № 267.

[542] См. док. № 255.

[543] Это письмо послужило толчком к выработке специального закона 1910 г., регулирующего механизм выработки имперского законодательства, затрагивающего интересы Финляндии. Можно сказать, что оно послужило толчком к созданию Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского и было разослано его членам.

[544] Эстландер Эрнст (Estlander Ernst Henrik) (1870–1949), профессор по истории права, член Шведской народной партии. Доктор права (1900), доцент, затем адъюнкт-профессор в Гельсингфорсском университете (1902–1908). Активный сторонник соблюдения законности и противник русификации. Член сейма от дворян в 1897–1906 гг. Член сейма от Шведской партии в 1907–1914 и 1917–1945 гг. Один из руководителей Кагала, был в 1904 г. депортирован из Финляндии за оппозиционную деятельность и жил в Новгороде.

[545] Няс Якоб (Jakob Näs) (1842–1918), фермер, член Сеймов (1894–1906, 1907–1908), представляя Шведскую народную партию Финляндии.

[546] Ренваль Хенрик (Henrik Gabriel, «Heikki» Renvall) (1872–1955), юрист и журналист. Активист, выступающий против русификации Финляндии. Член тайной организации «Кагал». Доцент Гельсингфорсского университета (1906–1917). Младофин. Член Сейма (1907–1908, 1910–1914, 1922–1924). Руководитель коллегии в Министерстве торговли и промышленности Финляндии (1917–1918). В середине 1920-х годов генеральный директор страховой компании Kaleva, в которой был членом совета директоров и заместителем директора.

[547] Ахмаваара Пекка (до 1906 Аулин) (Pekka Ahmavaara) (1862–1929), директор Финского банка и политический деятель. Член Сейма (1894–1906, 1907–1916, 1917–1919). Представлял младофиннов до 1918 г. и Национальную коалиционную партию в 1918–1919 гг. Выслан в Швецию в 1903 г., вернулся в 1905 г. В 1925 г. он был членом коллегии выборщиков, которая избрала президента Финляндии.

[548] Ференц Деак (Deák Ferenc) (1803–1876), венгерский политический деятель. Отец Австро-венгерского соглашения 1867 г.

[549] Туркиа Матти (Matti Turkia) (1871–1946), рабочий, журналист, член партии социал-демократов с 1904 г., секретарь партии социал-демократов, член Сейма в 1907 г. Активный участник гражданской войны в Финляндии в 1918 г.

[550] Ирьё-Коскинен (правильно — Юрьё-Коскинен) Сакари (Yrjö-Koskinen, Eino Sakari E.S.) (1858–1916), барон, депутат Сейма от рыцарей и дворянства (1897), фенноман (1907–1917), преподаватель французского и немецкого языков (1888–1916), ректор Реального лицея Тампере (1908–1916).

[551] Алкио Сантери (Alkio (до 1898 г. Filander), Alexander (Santeri)) (1862–1930), писатель и журналист. В 1906–1908 гг. участвовал в организации партии «Союз сельского населения Финляндии», переименованной вскоре в «Аграрный союз». Член Сейма первоначально от младофиннов, потом от Аграрного союза (1907–1908, 1909–1914, 1917–1922), один из вице-председателей

Сейма (1917–1919) в 1918–1919 гг. принимал участие в разработке конституции республики министр по социальным делам (1919–1920).

[552] Седергольм Карл Густав (Karl Gustaf (K.G.) Söderholm) (1859–1949), член сейма от горожан в 1904–1906 гг., от Шведской народной партии в 1907–1914 и в 1917 гг. Секретарь судебного департамента Сената (1897–1899), асессор и советник Вазаского гофтгерихта (1899–1917), председателя Вазаского гофтгерихта (1917–1923). Председатель Высшего административного суда (1923–1929). Министр юстиции (1918–1920, 1930–1931).

[553] Сетяля Эмиль Нестор (Emil Nestor Setälä) (1864–1935), филолог, лингвист, профессор Гельсингфорсского университета (1893–1929). Младофин, член Сейма (1907–1910, 1917–1927), председатель Комитета по конституционным вопросам (1907–1908, 1924–1925). Министр образования (1925), министр иностранных дел (1925–1926). Посланник Финляндии в Дании и Венгрии (1927–1930).

[554] Датируется на основании сопроводительного письма с пометой «Разослано 7 членам Совещания». (РГИА. Ф. 276. Оп. 18. Д. 54. Л. 42).

[555] См. док. № 256.

[556] Антон Детлов и Павел Григорьев устроили митинг среди нижних чинов армии и флота, за что и оказались в тюрьме под следствием. Обвинение в лице фискала Альбрехта считало, что они устроили митинг с антиправительственной целью. Адвокат-фискал Шюбергсон считал, что Альбрехта нужно привлечь к ответственности за служебный проступок, так как он «оперировал подозрениями, лишенными юридической основательности», так как доказательств преступной цели митинга не было добыто. (Финляндская газета. 1907, 12 марта. № 32. С. 2). Процесс над агитаторами закончился в мае 1908 г., они оба еще в 1907 г. дали признательные показания о «преступности» митинга и получили по 6 месяцев заключения. (Финляндская газета. 1908, 17 мая. № 67. С. 2).

[557] В сентябре 1906 г. было два взрыва «против полиции», один из них «против Альбрехта»: в подвале его дома произошел небольшой взрыв, известно, что хозяина не было дома и он жил на втором этаже. Финляндские газеты сошлись во мнении, что это чья-то провокация. (Финляндская газета. 1906, 29 сентября. № 139. С. 2).

[558] Датируется на основании сопроводительной письма с пометой «Разослано 5 членам Совещания». (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 48).

[559] Приглашение от имени П.А. Столыпина на заседание 19 октября было отправлено В.Н. Коковцеву, А.А. Поливанову, П.А. Харитонову, Н.П. Гарину, В.Ф. Дейтриху, Н.Д. Сергиевскому, М.М. Бородкину. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 41). Приглашение на заседание 3 ноября было отправлено 31 октября с пометой «Разослано 5 членам и А.А. Макарову». (Там же. Л. 51). Проект журнала был разослан 8 ноября 1907 г. (Там же. Л. 57).

[560] Один из первых документов, где сформулирована позиция председателя Совета министров по поводу реформирования системы представления актов Сейма и Сената. По всей видимости это письмо, как и письмо Герарда от 5(18) октября 1907 г. (см. док. № 259) было разослано членам Особого совещания по делам Финляндии.

[561] См. док. № 258.

[562] Приказ не выявлен.

[563] Герард просил об отставке в ноябре 1907 г. (см. док. № 275), но приказ об отставке последовал лишь 2 февраля 1908 г.

[564] Тройль Биргер фон (Birger Gustaf Samuel von Troil) (1868–1926), барон, отставной гвардии полковник, Выборгский губернатор (1907–1910).

[565] Речь идет об Особом совещании, проходившим 19 октября (1 ноября) и 3(26) ноября 1907 г. (см. док. № 266).

[566] Фролов Петр Алексеевич (1852–1918), генерал от инфантерии (1907), вр. исп. обязанности начальника Главного Штаба (1904–1905), член Военного совета (1905–1917).

[567] Речь идет о книге: Циллиакус К. Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России. СПб., 1906.

[568] Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889), профессор права (докторская диссертация «История местного управления в России», 1868), преподаватель Санкт-Петербургского университета. Об особенности местного управления Финляндии (См. Градовский А. Начала Русского Государственного права. Т. III: Органы местного управления. СПб., 1881; Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 299–338).

[569] Сергеевич Василий Иванович (1832–1910), историк права, тайный советник, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета. С 1906 г. член «Союза 17 октября». С 1 января 1907 г. член Государственного совета по назначению. Считал, что с самого начала Финляндия вошла в состав Российской империи как особенная часть. (См. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1890. С. 1–102 и др.)

[570] Н.Н. Герард вспоминал: «без всякого предупреждения меня был назначен моим помощником бывший директор моей канцелярии Зейн, одна из личностей наиболее ненавидимых в Финляндии за свою деятельность при Бобрикове и кн. Оболенском. Не только служба его в Финляндии, но и самое пребывание в ней было во всех отношениях нежелательно. Государь его лично не знал, и нельзя было не видеть той руки, которою он был подставлен. Это случилось в ноябре; Государь сообщил мне об этом телеграммой. Тогда я самым энергичным образом просил его об увольнении меня со службы и Государь согласился, но просил меня остаться до разрешения Сеймом одного Высочайшего предложения...» (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 62).

[571] Васильчиков Борис Александрович (1860–1933), князь, шталмейстер (1903), член Государственного совета (с апреля 1906), с 27 июля 1906 до 21 марта 1908 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием в Совете министров.

[572] Шварц Александр Николаевич (1848–1915), филолог, заслуженный профессор Московского университета, министр народного просвещения (1908–1910), действительный тайный советник.

[573] Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), криминолог, действительный тайный советник, министр юстиции (1906–1915), член Государственного совета с 1906 г. председатель Госсовета Российской империи (в 1917 году).

[574] Мясоедов-Иванов Виктор Андреевич (1841–1911), инженер-путеец, сенатор (с 1909), член Государственного совета (с 1910), товарищ министра путей сообщения (1900–1909).

[575] Особый журнал от 4(17) января 1908 г. См. док. № 278.

[576] Письмо вызвано следующими обстоятельства. Будучи назначенным новым помощником Финляндского генерал-губернатора Финляндии Зейн, который работал в канцелярии у Бобрикова, приехал в ноябре 1907 г. в Гельсингфорс и нанес визит (как это полагалось) руководителям департаментов Сената — Вреде и Мехелину. Однако ответного визита не было. Обиженный Зейн написал об этом 25 декабря 1907 г. (7 января 1908 г.) Герарду: «...я считаю своим долгом представить Вашему Высокопревосходительству о несоблюдении вице-председателями ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената общепринятых элементарных правил вежливости и служебной этики, несоблюдение коих со стороны лиц с меньшим служебным положением в отношении лица, занимающего более высокий служебный пост, граничит с умышленным нарушением служебной дисциплины, а потому и не может быть мною обойдено молчанием». Через неделю о конфликте было доложено Герардом Лангофу. Лангоф ответил: «При всеподданнейшем докладе настоящего дела 11/24 января 1908 года в Царском Селе Его Величеству благоугодно было повелеть мне сообщить Финляндскому генерал-губернатору, что дело Его Величеству доложено». Герард закрыл конфликтную ситуацию, повлияв на поведение Вреде и Мехелина и информировал Лангофа:

«В дополнение к письму от 1/14 сего января имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что сего числа помощник мой Генерального Штаба генерал-майор Зейн доложил мне, что вчера 16(29) января вице-председатели судебного и хозяйственного департаментов ИМПЕРАТОРСКОГО Финляндского Сената Вреде и Мехелин заезжали к нему и оставили свои визитные карточки». Публикуемое письмо дает представление как о стиле поведения и мышлении Зейна, так и об отношении к нему в Финляндии, где он станет генерал-губернатором.

[577] См. интервью Н.Д. Сергеевского: Финляндский вопрос. // Голос Москвы. 1908, 5 января. № 4. С. 2.

[578] Ельт (Хьельт) Эдвард (Edvard Immanuel Hjelt) (1855–1921), химик, профессор и ректор Императорского Александровского университета (1899–1905), статский советник (1904). Назначен в Сенат помощником Духовной экспедиции (1907), глава Экспедиции по торговле и промышленности (6.12.1907–1.8.1908). Вице-председатель Хозяйственного департамента Сената (1.8.1908–25.4.1909). Подал в отставку и стал вице-канцлером университета (1910–1921). Являлся ключевой фигурой в развитии отношений между Германией и Финляндией, с февраля 1915 г. вдохновлял егерское движение в Германии. В январе 1918 г. стал первым послом Финляндии в Берлине и энергично добивался репатриации егерей, чтобы они могли присоединиться к белым участникам Гражданской войны в Финляндии.

[579] Речь идет о назначении Ф.А. Зейна.

[580] Направляя 1(14) февраля 1908 г. Столыпину это представление Сената статс-секретарь Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангоф подчеркнул новизну и неопределенность политического документооборота. Употребление термина «милостивый Государь» по отношению к председателю Совета министров показывало истинное отношение Лангофа к Столыпину.

Столыпин дал задание Плеве написать «свое» заключение, которое и было готово (см. док. № 291). Заключение было нущено в ход как материал к заседанию Особого совещания по делам Финляндии 30 октября 1908 г. Представление Сената рассмотрено Особым совещанием № 12 и обсуждалось в Совете министров 23 декабря 1908. Переписка по журналу и по представлению Сената от 8 октября 1908 г. была закончена ответом (запрос Коковцева от 6 июля) Лангофа председательствующему в Совете министров Коковцеву 31 июля (13 августа) 1910 г. (подробнее см. Т. 2).

[581] Отношение генерал-губернатора см.: РНБ. 135–300 т. 79 [1: С. 2].

[582] Герард вспоминал: «В первых числах февраля состоялось мое увольнение. Когда я по этому случаю представлялся государю, он мне сказал: "Благодарю вас за себя и Россию". Но прием был холодный, никаких разговоров о Финляндии не было; аудиенция была очень непродолжительной. [...] По увольнении меня от должности Финляндского генерал-губернатора я остался членом Государственного совета, но к присутствию в Совете назначен не был, что всегда означало немилость. Главными противниками моими были, как я потом узнал, председатель Гос. совета Акимов и его родственник Дурново, бывший министр внутренних дел. Государь, казалось, этого не подозревал». (Герард Н.Н. Цит. соч. С. 162–163).

[583] 1 февраля 1908 г. 63 члена Государственной думы подписали запрос «По поводу неисполнения Финляндским генерал-губернатором и министром статс-секретарем требования Высочайшего указа от 19 октября 1905 г. в отношении порядка всеподданнейших докладов». (См. Запросы по финляндскому управлению в Государственной думе (1, 5, 12 февраля, 5, 12 мая 1908 г.). СПб., 1909). Второй запрос (в документе он идет под номером 2) поступил также от октябристов.

В Думу поступило еще два запроса: 5-го февраля от националистов (95 депутатов) был представлен запрос «Для побуждения финляндского генерал-губернатора и местных властей к ограждению государства от подготовлявшихся в Финляндии посягательств на государственный порядок и безопасность» о союзе «Войма» и бездействии власти, и запрос от 12 февраля, поступивший от правых (37 денутатов), также о бездействии финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда и местных финляндских властей по отношению к союзу «Войма». Ответ Столыпина и дискуссия по этому вопросу развернулась в Думе 5 мая 1908 г. (См. док. № 295, 297 и 298).

[584] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), действительный статский советник (1912), чиновник Министерства внутренних дел (1900–1905), Главного управления по делам печати (1905). С 1905 член «Рус. собрания» (в 1905–1913 с перерывами член его Совета). Один из основателей и лидеров «Союза русского народа» (1905), в 1908 создатель «Русского народного союза имени Михаила Архангела» (в 1908–1911 тов. председателя, с 1911 председатель его Главной палаты). В 1918 г. присоединился к Добровольческой армии. Умер в Новороссийске от тифа.

[585] Журнал от 22 января был объединен с журналом от 14 мая 1908 г.

[586] «Замечания» написаны по распоряжению Столыпина, получившего представление Сената 1(14) февраля 1908 г. (см. Прим. к док. № 286). Сам Плеве объяснял, что «эти замечания... представляются лишь в качестве материала для подготовки ответа на запросы Гос. думы по финлянд[ским] делам», но не являются официальным ответом Лангофу. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 78. Л. 16). Окончательный текст «Замечаний» был роздан участникам Особого совещания по делам Финляндии к заседанию 30 октября, но, как представляется, в политической публичной жизни Совета министров этот текст начал жить еще с февраля 1908 г., что объясняет это место публикуемого документа в данном сборнике. Исходя из этого в качестве основного текста «Замечаний» взят текст Плеве до его редактуры Столыпиным.

[587] 18(3) марта 1908 г. члены Хозяйственного департамента Сената подали в отсавку. Л. Мехелин обратился к Финляндскому генерал-губернатору В.А. Бекману с просьбой уведомить о новом составе Хозяйственного департамента Сената (Финляндская газета. 1908, 20 марта (2 апреля). № 44. С.1).

[588] Сейм распущен высочайшей грамотой от 22 марта (4 апреля) 1908 г. (Финляндская газета. 1908, 7 апреля. № 47. С. 1).

[589] В «Справке о роспуске незаседающего народного представительства (в промежутке между двумя его сессиями)», созданной для канцелярии Совета министров, была изложена сводка мнений немецких юристов о роспуске Рейхстага. См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 66. Л. 374.

[590] Шауфус Николай Константинович (Schaffhausen-Schönberg-Eck-Schaufuß) (1846–1911), военный инженер, генерал-лейтенант (1906). Член Комиссии для рассмотрения вопроса о соединении финляндских железных дорог с сетью железных дорог империи (1903), попечитель Петербургского технического железнодорожного училища (с 1903). С 1905 г. начальник Управления железных дорог Министерства путей сообщения и член от министерства в Совете по тарифным делам при Министерстве финансов. Министр путей сообщения (1906–1909). С 1908 г. член Государственного совета по назначению. С марта 1909 г. член 2-го департамента и Постоянной финансовой комиссии Государственного совета.

[591] Шипов Иван Павлович (1865–1919?), министр финансов (1905–1906), торговли и промышленности (1908–1909), управляющий Государственным банком (1914–1917).

[592] Извольский Пётр Петрович (1863–1928), действительный статский советник (1905). Обер-прокурор Святейшего Синода (1906–1909).

[593] Бострем Иван Фёдорович (Boström Ivan) (1857–1934), вице-адмирал, начальник морских сил Черного моря. С 1 февраля по 7 июля 1907 г. в должности товарища морского министра. Вице-председатель Адмиралтейств-совета (1907–1908). В 1911 вышел в отставку.

[594] Речь, произнесенная Столыпиным, имела целый ряд правовых последствий. Тезис о том, что обширная область законодательства, касающихся взаимных отношений империи и ВКФ, не упорядочена надлежащим образом, что нужен закон о рассмотрении вопросов законодательным порядком, был реализован в форме Высочайше утвержденного 20 мая 1908 г. положения Совета министров о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи. Одновременно с этим речь Столыпина побудила Финляндский Сенат 23 мая (5 июня) 1905 г. представить Императору свои соображения по этому поводу. Представления Сената в итоге разбирались Особым совещанием по делам Финляндии (см. Журнал № 11), особым заседанием Совета мини-

стров 23 декабря 1909 г. и были доложены Императору 1(14) мая 1910 г. В итоге представление Сената от 23 мая (5 июня) 1908 г. Государь «соизволил оставить без последствий» (см. Т. 2).

Речь Столыпина — определенная дуэль с Мехелином (см. Мехелин Л.Г. Разногласия по русско-финляндским вопросам: Крит. обзор Л. Мехелина: Пер. со швед. СПб, 1908). Критический разбор речи Столыпина с указанием передергиваний и ошибок мышления и описания см. [П. Гусев] в поисках правды и права // Финляндия. 1908. № 2–4). Столыпин мастерски использовал националистическую риторику, поддержанную затем В. Пуришкевичем и Марковым 2-м. См.: Громыко С.А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. 2016. № 4(56). С. 217–224.

[595] Нандельштадт Матти (von Nandelstadh Matti (Matts)) (1862–1931), лейтенант (1898), учитель гимнастики в Гельсингфорсской промышленной школе (1895–1905), примкнул к активистам и союзу «Войма», начальник полиции в Тампере (1906–1907), помощник управляющего плавательных кампаний (1907–1912), управляющий завода (1912–1917), губернатор Оулу (1917–1925).

[596] Эман Арвид (Öhmann Arvid), бьернеборгский полицмейстер (1900–1907). Он знал об отправке оружия из Бьернеборга в Куопио по железной дороге. (Финляндская газета. 8 декабря 1906 г. С. 1).

[597] В октябре 1906 г. военно-полевой суд приговорил по этому делу к смертной казни 8 человек из 11 подследственных.

[598] Дубасов Фёдор Васильевич (1845–1912), генерал-адъютант (1905), адмирал (1906). Московский генерал-губернатор с ноября 1905 по июль 1906 г., руководил подавлением московского восстания, приговорен эсерами к смерти. Покушения были проведены 23 апреля 1906 г. в Москве и 2 декабря в Санкт-Петербурге, оба раза он остался жив. В 1906 г. назначен членом Государственного совета, а затем и постоянным членом Совета государственной обороны. Одновременно член Комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования.

[599] Мин Георгий Александрович (1855–1906), генерал-майор (1906), командир лейб-гвардии Семёновского полка, активный участник подавления революции 1905 г. Убит эсеркой на перроне станции Новый Петергоф.

[600] Лауниц Владимир Фёдорович фон дер (1855 1906/1907), генерал-майор, тамбовский губернатор (1902–1905), санкт-петербургский градоначальник (1905–1906). Убит террористом.

[601] Павлов Владимир Петрович (1851–1906), генерал-лейтенант (1903), главный военный прокурор (1905) и начальник Главного военно-судного управления, член Военного совета. Убит эсером в декабре 1906 г.

[602] Иванов Анатолий Андреевич (1852–1907), начальник Санкт-Петербургской пересыльной тюрьмы (1890-1901), начальник Петербургского Дома предварительного заключения (1901–1903), начальник Петербургской одиночной тюрьмы (в настоящее время известна как «Кресты») (1903–1907). Убит эсером 13 августа 1907 г.

[603] Гудим убит 17 января 1907 г.

[604] Начальник Алгачинской тюрьмы Бородулин известен своими издевательствами над политическими заключенными. Убит эсерами 28 августа 1907 г. в Пскове (за ним охотились три месяца). После его убийства все начальники тюрем стали бояться издеваться над политическими.

[605] Максимовский Александр Михайлович (1861–1907), действительный статский советник, тайный советник, помощник начальника Главного тюремного управления (1902–1906), начальник Главного тюремного управления (1906–1907).

[606] «Карл» — псевдоним Альберта Давидовича Трауберга (1881–1908) — основателя и лидера лидера летучего боевого отряда Северной области партии социалистов-революционеров. Арестован по доносу провокатора Е. Азефа. Повешен.

[607] Технический секретарь ЦК РСДРП М.Я. Вайнштейн жил в Терноках рядом с В.И. Лениным.

[608] Рид Томас Майн (англ. Thomas Mayne Reid) (1818–1883), английский писатель, автор приключенческих романов для детей.

[609] В ходатайстве Сената говорилось: «В поданном в Сенат на Высочайшее Вашего ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Имя прошении общество Аландских студентов всеподданнейше ходатайствует о разрешении соорудить простой памятник на месте боя, происходившего во время войны 1808–1809 годов, а именно 10 мая 1808 года у церковного селения в приходе Кумлинге. Предполагается построить памятник в виде гранитной глыбы вышиною в два метра восемьдесят сантиметров, с надписью:

«18/10.V.08 г. В память храбрых предков. 19/10.V.08». Або-Бьернеборгский губернатор в истребованном всеподданнейшем заключении донес, что с его стороны не имеется препятствий к удовлетворению настоящего ходатайства. Согласно Высочайшему объявлению о публичных памятниках от 15 июля 1890 года, Сенат всеподданнейше подвергает настоящее дело на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение, считая долгом, с своей стороны, высказаться в пользу ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО соизволения на настоящее ходатайство».

Дело было закончено сообщением министра статс-секретаря А. Лангофа: «Его Величеству благоугодно было отклонить ходатайство о сооружении памятника на месте боя у селения Кумлинге в Царском Селе 1/14 мая 1908 года».

[610] Марков 2-й — Марков Николай Евгеньевич (1866 — после 1931), один из основателей и лидеров «Союза русского народа». С 1908 г. член «Союза Михаила Архангела». Монархист, черносотенец. Председатель Совета объединенного дворянства. Депутат III и IV Государственных дум. В период Гражданской войны в России в 1918–1922 гг. находился в армии генерала Н.Н. Юденича.

[611] Показательное выступление Маркова стало одной из основ русской националистической риторики, которая стала институционной благодаря ему и Пуришкевичу. (См.: Громыко С.А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. 2016. № 4(56). С. 217–224). Марков вывел деструктивные националистические стереотипы на уровень государственной политики и риторики. Тезисы о том, что Россия подарила Финляндии территории, поэтому может их забрать, что Финляндия жирует на российские деньги и т. п. формировали как общественное мнение, так и политику по отношению к Финляндии (и в широком смысле — вообще внутреннюю и внешнюю политику).

[612] Пётр III (Пётр Фёдорович Романов, при рождении Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский) (1728–1762), Император России в 1762 г., внук Петра I и внучатый племянник Карла XII. Свергнут с престола и убит. Важнейший документ царствования Петра Фёдоровича — «Манифест о вольности дворянства», благодаря которому дворянство стало исключительным привилегированным сословием Российской империи.

[613] Авелан Фёдор Карлович (Theodor Kristian Avellan) (1839–1916), генерал-адъютант (1903), полный адмирал (1905), в 1903–1905 гг. управляющий Морским министерством.

[614] Боткин Сергей Петрович (1832–1889), врач-терапевт, патолог, физиолог, профессор Императорской Медико-хирургической академии (с 1861 г.). Тайный советник (с 1877 г.). Лейб-медик (1872–1880).

[615] Медем Микаэль фон (Mikael von Medem), Выборгский губернатор в 1905–1906 гг.

[616] Ахо Юхани (Juhani Aho) (1861–1921), писатель, журналист, переводчик. Первый профессиональный писатель Финляндии. Автор таких произведений, как «Железная дорога» (1884) и «Юха» (1911); номинировался на Нобелевскую премию по литературе. Настоящее имя писателя — Йоханнес Бруфельдт (Johannes Brofeldt).

[617] В 1903 г. помощник управляющего эксплуатационным отделом Управления железных дорог (заведующий частью движения) инженер А.М. Тваровский назначен старшим инспектором при министре путей сообщения. В 1904 г. назначен начальником участка нути Екатерининской железной дороги.

[618] Вероятно, Вержепский Юлиан Матвеевич, польский дворянин, служащий Владикавказской железной дороги с 1892 г., начальник Кисловодской железнодорожной станции с 1910 г.

[619] Вигура Ян Иосифович (Казимеш) (Jan Wigura) (188–1937), польский юрист, депутат Государственной думы первого созыва от Радомской губернии.

[620] Лесневский (Leśniewski) Исидор Викентьевич (1859–1915), инженер путей сообщения, действительный статский советник. Начальник службы пути Забайкальской железной дороги, с 1908 г. помощник и первый заместитель начальника Николаевской железной дороги.

[621] Думитрашко Пётр Николаевич, товарищ министра путей сообщения Российской империи (1908–1916), член Государственного совета. В 1903 г. управляющий эксплуатационным отделом, действительный статский советник П.Н. Думитрашко назначен начальником Управления железных дорог. В 1905 г. назначен начальником Управления по сооружению железных дорог, сенатор (1916). С 1910 г. состоял членом Особой высшей комиссии для всестороннего обследования железнодорожного дела в России.

[622] Ахонен Андерс (Anders Ahonen) (1865–1932), директор казенного Железнодорожного управления (1908–1917). Эксперт на Тартуских мирных переговорах.

[623] Эрнгельм Аксель Теодор (Örnhjelm Axel Theodor), машинный инженер 1 класса, в октябре 1909 г. назначен на должность директора отделения службы тяги Управления финляндских казенных железных дорог (Финляндская газета. 17 октября 1909 г. С. 3).

[624] Небогатов Николай Иванович (1849–1922), контр-адмирал, участник Цусимского сражения (1905), осужден за гибель флота в 1906 г. на 10 лет заключения (из них отбыл в тюрьме 25 месяцев).

[625] Базен Франсуа Ахилл (François-Achille Bazaine) (1811–1888), маршал Франции (1864), 27 октября 1870 г. без единого выстрела сдал врагу свою 180-тысячную армию, блокированную в крепости Мец.

[626] Дрейфус Альфред (Alfred Dreyfus) (1859–1935), французский офицер, еврей по происхождению, герой знаменитого процесса (дело Дрейфуса в 1894 г.), обвиненный в шпионаже в пользу Германии на основании фальшивых документов. В 1906 г. оправдан.

[627] Петрово-Соловово Василий Михайлович (1850–1908), с 1905 г. член партии «17 октября», с 1907 г. член ЦК партии. С 1907 г. член III Государственной думы.

[628] Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), писатель, общественный деятель, идеолог славянофильства.

[629] Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк и публицист, член III и IV Государственных дум (1907–1917). Руководил работой кадетской фракции. Лидер Конституционно-демократической партии. Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г.

[630] Беннигсен Эммануил Павлович (1875–1962), депутат Государственной думы 1908 г. Окончил училище правоведения; некоторое время служил в русской администрации в Финляндии. Член III и IV Дум от Новгородской губ., октябрист. Состоял в звании камергера Двора. Член Комитета попечительства о трудовой помощи (1916–1917). В 1917 г. член Главного управления Красного Креста, эмигрировал, жил во Франции.

[631] Август Сильный (Фридрих Август I Саксонский, Август II Польский) (August II. der Starke; польск. August II Mocny) (1670–1733), курфюрст Саксонии с 7 мая 1694 г., король польский и великий князь литовский (1697–1704, 1709–1733).

[632] Долгоруков Михаил Петрович (1780–1808), князь, генерал-майор, генерал-адъютант (1807). В 1808 г. принял участие в боевых операциях русско-шведской войны, командовал Сердобольским отрядом в составе корпуса генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова, 15 октября 1808 г. в сражении у местечка Кольёнвирта (Koljonvirta) близ Идесальми (Idensalmi) в Восточной Финляндии бросился вперед, чтобы восстановить порядок и был убит прямым попаданием ядра.

[633] Тучков Николай Алексеевич (1766–1812), генерал-лейтенант российской армии, командир пехотного корпуса. В январе 1808 г. в качестве командира 5-й дивизии русских войск в Саво участвовал в Русско-шведской войне под началом Буксгевдена, его силы составили правое крыло русской армии. 15 октября предпринял неудачную попытку штурма Иденсальми, будучи побежден Юханом Сандельсом. В 1811 г. получил назначение Каменец-Подольским военным губернатором.

[634] Такого губернатора Иерпсепа в Куопио не было. С 1884 по 1888 г. губернатором был А.А. Ярнефельт.

[635] Дёбельн Георг Карл фон (Georg Carl von Döbeln) (1759–1820), шведский военачальник, отличился в сражениях у Иппяри, Лаппо, Йуутасе, оборонял Аландские острова, защищал Швецию во время вторжения корпуса Шувалова с севера. Заключил с Шуваловым перемирие на выгодных условиях.

[636] Суворов – псевдоним. См.: Корево Н.Н. К вопросу о равноправии: Положение русских в Финляндии и финляндцев в империи / [П. Суворов]. СПб., 1907.

[637] Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), министр иностранных дел с 1856 г.

[638] Шувалов Пётр Андреевич (1827–1889), граф, генерал-адъютант (1871), генерал от кавалерии, член Государственного совета, Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор (1864–1866), шеф жандармов и начальник Третьего отделения (1866–1874), чрезвычайный и полномочный посол в Великобритании (1874–1879), а потом представитель России на Берлинском конгрессе. Членом Государственного совета (1874) и чрезвычайный полномочный посол при Ее Величестве королеве соединенных королевств Англии и Ирландии.

[639] Убри Павел Петрович (1818–1896), дипломат, «правая рука» канцлера А.М. Горчакова. В 1871–1879 гг. посол в Германии, в 1879–1882 гг. посол в Австро-Венгрии.

[640] Речь идет о заключении Берлинского трактата (1878), явившегося завершением русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в его заключении приняли участие все великие державы, вынудившие Россию к пересмотру прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора. В итоге приобретения России и воевавших на стороне России за свою независимость балканских государств были сильно урезаны, а Австро-Венгрия и Англия получили даже определенные приобретения от войны, в которой не принимали участия.

[641] Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), генерал-губернатор Северо-Западного края (1863–1865), подавил революционное движение на территории Белоруссии и Литвы.

[642] Проект был разослан 16 мая с просьбой вернуть 17 мая вечером. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 246). 21 мая журнал с резолюцией Императора был разослан Финляндскому генерал-губернатору и статс-секретарю Великого княжества Финляндского и министру юстиции. 22 мая журнал был разослан еще по 20 адресам. (Там же. Л. 291). 22 мая 1908 г. Плеве направил отредактированную часть этого журнала в Осведомительное бюро (для публикации). (Там же. Л. 296–299 об.). Журнал был опубликован в том числе и в финской прессе. 29 мая (11 июня) 1908 г. шведоязычная газета «Nya Pressen» (№ 155) поместила большой комментарий к этому журналу, опубликованному двумя днями ранее. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 54. Л. 317–321).

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1899

Январь, 7(19) – речь Императора при открытии внеочередного Сеймa о необходимости принять новый Устав о воинской повинности.

Январь, 13(25) – Император создает Совещание для выработки закона о порядке «рассмотрения общих законоположений для империи и Великого княжества Финляндского» под председательством Великого князя Михаила Николаевича.

Январь, 18(30) – февраль, 1(13) – работа Совещания под председательством Великого князя Михаила Николаевича.

Февраль, 3(15) – Высочайший Манифест об утверждении Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского.

Февраль, 6(18) – Адрес Финляндского Сената об обнародовании в Великом княжестве Высочайшего Манифеста от 3(15) февраля.

Февраль, 12(24) – Император оставил Представление Сената от 6(18) февраля без последствий.

Март, 1(13) – манифестация в Гельсингфорсе у памятника Императору Александру I.

Март, 2(14) – «Великое посольство» с обращением против Манифеста, отправляется в Санкт-Петербург.

Март, 5(17) – Император в письме к министру статс-секретарю Великого княжества Финляндского В. Прокопе объявляет, что не примет депутацию из Финляндии.

Март, 28 (апрель, 9) – «Народный адрес» с протестом против Манифеста 3(15) февраля.

Май, 15(27) – отзыв земских чинов Финляндии по поводу Его Императорского Величества предложений с проектом Устава о воинской повинности и об основных началах устройства и управления финских войск.

Май, 17(29) – отзыв земских чинов Финляндии по поводу Высочайших предложений относительно уравнения тягости личной воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи и относительно уравнения военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи.

Май, 17(29) – решение земских чинов Финляндии о нарушении основных законов.

Май, 18(30) – закрытие чрезвычайного Сейма Финляндии.

Июнь, 8(20) – рескрипт Императора Финляндскому генерал-губернатору Н.И. Бобрикову о необходимости объяснения населению края «истинного значения мер, предпринимаемых для укрепления связи империи и Великого княжества».

Июнь, 14(26) – в Санкт-Петербург прибыло международное посольство, чтобы оставить подписанный 1063 известными учеными Адрес в поддержку Финляндии.

Июнь, 26 (июль, 7) – министр внутренних дел России сообщает международному посольству, что Император его не примет. Отправленный по почте Адрес не будет принят.

Июль, 5-8 (17-20) – в Або создается Финская рабочая партия (известная потом как социал-демократическая партия Финляндии).

Ноябрь, 16(28) – отношение Финляндского Сената Финляндскому генерал-губернатору с заключением по проекту Устава о воинской повинности и с заключением об уравнении личной и финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковою же в империи.

1900

Январь, 7(19) – заседание Особого совещания для обсуждения вопроса о введении русского языка в делопроизводство правительственных установлений Великого княжества Финляндского.

Май, 2(15) – министр внутренних дел постановил, что финские почтовые марки (с изображением герба Финляндии) должны быть заменены российскими марками на международных отправлениях с 1(14) августа 1900 г. и на внутренних отправлениях с 2(14) января 1901 г.

Июнь, 7(20) – Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского.

Июнь, 10(23) – группа депутатов палаты рыцарей (дворян) предыдущего парламента подписывает письмо против введения языковой реформы.

Июнь, 13(26) – барон фон В.М. Борн и профессор О. Доннер подают государственному секретарю В.К. Плеве письмо, в котором выступают против языковой реформы.

Июнь, 17(30) – представление Финляндского Сената Императору с протестом против введения русского языка в делопроизводстве Финляндии.

Июнь, 19 (июль, 2) – имперский указ о запрете свободы собраний.

Июнь, 23 (июль, 6) – Сенат голосует (12 голосов против 6) за публикацию Манифеста о языке. Сенаторы, выступающие против Манифеста, подают в отставку.

Август, 14(27) – Высочайшее повеление об оставлении без последствий петиции земских чинов об управлении краем и приступить к пересмотру Сеймового Устава.

28 ноября (11 декабря) – И. Ирье-Коскинен в открытом письме, опубликованном в «Uusi Suometar», объясняет причины принятия Манифеста.

1901

Январь, 14(27) – отношение № 26 министра финансов С.Ю. Витте государственному секретарю В.К. Плеве с протестом против позиции военного Министерства и Финляндского Сейма о введении воинской повинности в Финляндии.

Май, 15(28) – заседание Общего собрания Государственного совета об Уставе воинской повинности, не поддержавшего реформу, задуманную военным министром В.Н. Коковцевым. Император поддержал меньшинство в Государственном совете.

Июнь, 29 (июль, 12) – Манифест «Об издании Высочайше утвержденного для Великого княжества Финляндского нового Устава о воинской повинности».

Июль, 21 (август, 3) – около Гельсингфорса в усадьбе Турхольм прошла встреча политиков, на которой принято решение начать сбор подписей для Адреса против введения воинской повинности. Текст обращения написан Л. Мехелином.

Сентябрь, 2(15) – в Гельсингфорсе состоялось учредительное собрание Кагаала (Кагаля), организации, проповедовавшей национализм и применяющей террор. Руководителем стал Э. Эрко. Это единственная партия, у которой была программа отделения Финляндии от России.

Сентябрь, 15(28) – Всеподданнейший адрес финского народа Его Величеству Императору и Великому князю по поводу Высочайшего Манифеста от 29 июня (12 июля) 1901 года и высочайше утвержденного того же числа т. н. закона о воинской повинности Великого княжества Финляндского.

Сентябрь, 17(30) – в Сенат передана петиция о внесении изменений в закон о призыве, которую подписали полмиллиона финнов.

Ноябрь, 20 (декабрь, 3) – Сенат выработал заключение и проект по вопросу о пересмотре Сеймового Устава для ВКФ.

1902

Апрель, 3(16) – представление Финляндского Сената по вопросу о согласовании Манифеста от 3(15) февраля 1899 г. с Сеймовым Уставом для ВКФ.

Февраль 5(18) – начало беспорядков в Гельсингфорсе, поскольку казацкие войска разгоняют собравшихся на Сенатской площади демонстрантов.

Март, 27 (апрель, 9) – отмечается столетие со дня рождения Э. Лённрота, издателя «Калевалы», создателя «финско-шведского словаря».

Апрель, 3(16) – представление Финляндского Сената по вопросу о пересмотре Сеймового Устава для ВКФ.

Апрель, 4–5(17–18) – разгон казачьими войсками демонстрантов в Гельсингфорсе, собравшихся против введения нового воинского закона.

Апрель, 6(19) – Абоский гофтгерихт отказывается подчиняться призыву Сената о применении закона о незаконном призыве на военную службу.

Май, 9(22) – Финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков предложил Императору программу действий правительства для установления спокойствия в крае.

Июнь, 27 (июль, 10) – Высочайшее постановление об изменении Правил и Высочайше утвержденные правила о формах и порядке обнародования узаконений и правительственных распоряжений, издаваемых для Великого княжества Финляндского.

Сентябрь, 13(26) – Император утверждает доклад министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского В.К. Плеве о поручении Сенату согласовать Сеймовый Устав с Манифестом 3(15) февраля 1899 г.

Сентябрь, 19 (октябрь, 2) – сообщается, что вице-президент Стади и два сотрудника Абоского гофтгерихта (Прокопе и Бруун) уволены Сенатом за отказ применять Закон о военной службе.

Октябрь, 17(30) – Император по предложению Бобрикова не подтверждает правила работы Федерации спорта ВКФ и работа до 1906 г. остается нелегальной.

Октябрь, 29 (ноябрь, 11) – Пленарное заседание Абоского гофтгерихта представляет распоряжение районным судьям и присяжным о прядке передачи дел о преследовании.

Декабрь, (январь, начало) – делегация Абоского гофтгерихта проводит переговоры с представителями Вазаского гофтгерихта об оппозиции закону о воинском призыве.

1903

Январь, 2(15) – Абоский гофтгерихт выносит определение, что Постановление Сената от 11 ноября 1902 г. не может быть проведено в исполнение как незаконное.

Январь, 12(25) – Император приказывает, чтобы участники забастовок были уволены с поста государственных чиновников, им отказано в доступе на службу в государственные и муниципальные учреждения, к государственным субсидиям и займам, в выдаче загранпаспортов на протяжении 5 лет.

Февраль, 10(23) – генерал-губернатор Н.И. Бобриков освобождает от должности советника Абоского гофтгерихта Тендлена, Линдсрема, В. Кнорринга, ряд других лиц.

Март, 6(19) – уволены три члена Вазаского и 10 членов Выборгского гофтгерихтов.

Март, 20 (апрель, 2) – Император подписал Постановление по Великому княжеству Финляндскому о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия.

Апрель – май – из Финляндии изгнана группа оппозиционеров: В.М. фон Борн, К. Маннергейм, Е. и Р. Вольф, Й. Кастрен, В. Хагельштам, Л. Мехелин, А. Лилль, Э. Эрко. Политическая эмиграция в Швеции начинает сильную антирусскую пропаганду.

Июль, 11(24) – закрыта финская кадетская школа в Хамине.

Август, 4–7 (17–20) – финская рабочая партия проводит съезд в Форссе, меняет название на финскую социал-демократическую рабочую партию.

Ноябрь, 8(21) – открытие скульптурной группы «Александр I и Парламент 1809 года», созданная скульптором Э. Викстремом, без участия российских представителей. Рядом с царем аллегорические фигуры «Закон», «Мир», «Свет» и «Труд».

1904

Март, 2(15) – собрание финских оппозиционеров в Швеции призывает к отмене диктатуры, созыву парламента и восстановлению гражданских свобод.

Май, 23 (июнь, 5) – митинги протеста, запланированные оппозицией в Швеции, с призывом к отмене «незаконных» российских законов и созыву парламент, проводятся во многих местах Финляндии.

Июнь, 2(15) – встреча руководства «Кагаля» со П.Э. Свинхудом, достигнута договоренность об активной оппозиции на предстоящих парламентских выборах.

Июнь, 3(16) – Е. Шауман, сын бывшего сенатора, убивает генерал-губернатора Н.И. Бобрикова.

Июнь, 17(30) – финляндским генерал-губернатором назначен И.М. Оболенский.

Июль, 15(28) – в Санкт-Петербурге эсером Е.С. Созоновым убит министр внутренних дел, министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского В.К. Плеве.

Сентябрь – П.Э. Свинхувуд встречается в Новгороде с депортированными оппозиционерами Л. Хоменом, Э. Эстландером, Э. Шюбергсоном.

Октябрь, 29 (ноябрь, 11) – проходит учредительное собрание финской активной оппозиционной партии.

Октябрь, 1904 – октябрь, 1905. Деятельность Комиссии по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства (Комиссии Таганцева).

Ноябрь, 5(18) – П.Э. Свинхувуд избран, чтобы обратиться к Императору с просьбой восстановить бывший правовой статус Финляндии.

Ноябрь, 10(23) – 87 дворян подписывают Адрес на имя Императора против назначения вице-председатель Императорского Сената Финляндии от Экономического департамента К.К. Линдера министра статс-секретарем Великого княжества Финляндского.

Ноябрь, 19 (декабрь, 2) – 14(27) октября 1905 г. – работа Подготовительной комиссии под руководством Н.С. Таганцева по разграничению общегосударственного и местного финляндского законодательства.

Ноябрь, 19 (декабрь, 2) – депортированным оппозиционерам разрешается вернуться в Финляндию в течение парламентского срока.

Ноябрь, 25 (декабрь, 8) – начало работы Сейма.

Ноябрь, 26 (декабрь, 9) – открытие Сейма Финляндии и речь Императора с изложением задач.

Декабрь, 2(15) – в палате дворянства (рыцарства) Сейма подписана Петиция о восстановлении прав и свобод Финляндии.

Декабрь, 19(31) – «Большая петиция» принята всеми палатами Сейма. [Передана 7(20) января 1905 г.].

1905

Январь, 5(18) – К.К. Линдер назначен министром статс-секретарем.

Январь, 6(19) – депортированным оппозиционерам разрешается вернуться в Финляндию.

Январь, 9(22) – «Кровавое воскресенье», расстрел мирной демонстрации в Санкт-Петербурге с просьбой провести социальные и экономические реформы.

Январь, 12(25) – Доклад министра статс-секретаря ВКФ Линдера Императору с просьбой представлять акты Сейма на заключения Сената от имени Императора, но не спрашивая в каждом случае соизволения Императора.

Январь, 18(31) – П.Э. Свинхувуд подает в отставку с поста председателя комитета по правовым и экономическим вопросам, поскольку считает, что нормальная парламентская работа невозможна.

Январь, 24 (февраль, 6) – студент Л. Хохенталь убивает прокурора Э. Сойсалон-Сойнинена за то, что тот занимал соглашательскую позицию по отношению к политике России.

Февраль, 24 (март, 9) – в Гельсингфорсе проходит встреча парламентариев и оппозиции для организации забастовки.

Март, 16(29) – Высочайший Манифест о временной приостановке применения Устава о воинской повинности в Финляндии от 29 июня (12 июля) 1901 года.

Март, 16(29) – Высочайшее предложение земским чинам Финляндии о пособии на военные нужды, уплачиваемом финляндскою казною в государственное казначейство.

Апрель, 1(14) – в Гельсингфорсе проходит 3-тысячная демонстрация за всеобщее избирательное право.

Июль, 6(19) – Л. Хохенталь, адвокатом которого был П.Э. Свинхувуд, приговорен к пожизненному заключению, но 10 октября 1905 г. бежал из тюрьмы в Англию.

Июль, 22 (август, 4) – корабль «Джон Крафтон» с оружием, приобретенным активистами для борьбы против России, прибыл в Кемь. Часть оружия передано на берег.

Июль, 26 (август, 8) – корабль «Джон Крафтон» сел на мель около Пиетарсаари и был взорван.

Август, 6(19) – Высочайший манифест об учреждении Государственной думы.

Август 23 (сентябрь, 9) – Россия и Япония подписали мирный договор в Портсмунте.

Октябрь, 16(29) – российская забастовка распространяется на Финляндию. В Гельсингфорсе проводится несколько встреч, на которых обсуждаются способы, чтобы воспользоваться ситуацией.

Октябрь, 17(30) – Сенат проводит закрытое заседание.

Октябрь, 17(30) – Манифест об усовершенствовании государственного порядка о даровании гражданских свобод.

Октябрь, 18–29 (октябрь, 31 – ноябрь, 11) – всеобщая забастовка в Финляндии.

Октябрь, 18(31) – финляндский генерал-губернатор И.М. Оболенский принимает делегации Сейма и Железнодорожного собрания и соглашается уйти в отставку.

Октябрь, 19 (ноябрь, 1) – Именной высочайший указ о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений о создании Совета министров.

Октябрь, 19 (ноябрь, 1) – в Санкт-Петербург отправляется «Красная декларация», принятая в Тампере с призывом к отставке Сената, государственной независимости от России и выборов парламента на основании всеобщего и равного избирательного права.

Октябрь 1905 – февраль 1906 восстановление закономерного порядка в крае.

Октябрь, 22 (ноябрь, 4) – Император подписывает Манифест о восстановлении закономерного порядка в крае («Красную декларацию»), отменяет Устав о воинской повинности 18 июля 1901 г.

Октябрь, 22 (ноябрь, 4) – Высочайшая Государя Императора и Великого князя Грамота об открытии чрезвычайного Сейма с наказом разработать проект Основного закона о народном представительстве в Финляндии на основах всеобщего и равного избирательного права и проект законов о свободе печати, собраний и союзов.

Ноябрь, 9(22) – Финляндским генерал-губернатором назначен Н.Н. Герард.

Ноябрь, 17(30) – Л. Мехелин назначен вице-председателем Финляндского Императорского Сената.

Ноябрь, 21 (декабрь, 4) – Сенат создает Комитет по парламентской реформе под председательством Р. Германсона.

Ноябрь, 27–29 (декабрь, 10–12) – П.Э. Свинхувуд избирается сопредседателем партии младофиннов.

Ноябрь, 29 (декабрь, 12) – на заседании Комитета по парламентской реформе обсуждается состав нового парламента.

Ноябрь, 30 (декабрь, 13) – Комитет по парламентской реформе обсуждает избирательное право женщин.

Декабрь, 7(20) – церемония открытия чрезвычайного Сейма.

Декабрь, 8(21) – на первом Пленарном заседании П.Э. Свинхувуд избирается членом и председателем Юридического департамента Сената.

Декабрь, 9(22) – генерал-губернатор выступает с тронным словом на церемонии открытия Сеймa.

1906

Январь, 1(14) – в Комитет по правовым вопросам передается русское письмо, полученное палатой крестьян о праве использования национальных языков в государственной администрации.

Январь, 30 (февраль, 12) – Представление Финляндского Сената «Об учреждении при статс-секретариате Великого княжества Финляндского Совещательного комитета».

Февраль, 2(15) – активная оппозиционная группа закупает в Швейцарии более 3 тыс. винтовок с патронами.

Февраль, 13(26) – группа латышских революционеров (под руководством члена латвийской социал-демократической партии Я. Чокке) грабит отделение Банка России в Гельсингфорсе и передает 170 тыс. рублей Н. Буренину, члену боевой группы РСДРП(б). Я. Чокке осужден за убийство полицейских на пожизненное заключение.

Февраль, 20 (март, 5) – Манифест об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы.

Февраль, 26 (март, 11) – Сенат разрешает деятельность Финской ассоциации гимнастики и спорта.

Февраль, 28 (март, 13) – расформирован финский гвардейский батальон.

Март, 10–19 (март, 23 – апрель, 1) – Совещание Совета министров по проекту Основных государственных законов об уточнении статуса Финляндии.

Март, 14 – апрель 14 (март, 27 – апрель 27) – заседания Особого совещания для рассмотрения проекта Высочайшего предложения земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе.

Март, 17(30) – Финляндский генерал-губернатор Н.Н. Герард делает замечания на проект нового Сеймового Устава и закона о выборах.

Март, 20 – апрель, 20 (апрель, 2 – май, 3) – заседания Совещания для разработки необходимых в Учреждении Государственного совета изменений под руководством Д.М. Сольского.

Март, 22 (апрель, 4) – закончена первая редакция проекта правил «О порядке составления и рассмотрения законов, общих для империи и Великого княжества Финляндского», подготовленный Совещанием Д.М. Сольского.

Март, 27–30 (апрель, 9–12) – финская социал-демократическая партия проводит съезд в Тампере.

Апрель, 7(20) – заседание Совещания под личным Его Императорского Величества председательством по пересмотру Основных государственных законов о статусе Финляндии в составе империи.

Апрель, 19 (май, 2) – празднуется 100-летие со дня рождения Ю. Снельмана, в честь которого в течение 1906 г. около 100 тыс. финноязычных граждан поменяют свою шведскую фамилию на финскую.

Апрель, 20 (май, 3) – разработан проект Указа правительствующему Сенату о создании Комитета по делам Финляндии, вызвавший протест у Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда и министра статс-секретаря А.Ф. Лангофа.

Апрель, 23 (май, 6) – Н.Н. Герард добился того, что проект о создании Комитета по делам Финляндии не был опубликован.

Апрель, 23 (май, 6) – Высочайше утверждаются Основные государственные законы, вторая статья которых содержит указание на статус Финляндии: «Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства».

Май, 7–8(20–21) – народная партия Швеции самоорганизуется и объявляет себя представителем всех шведскоязычных кругов.

Июль, 7(20) – Манифест об утверждении Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского.

Июль – сентябрь – общество «Войма» ввозит оружие в Финляндию.

Август, 7(20) – Император подписывает закон о выборах в Финляндии, по которому вводится прямое и равное избирательное право, в том числе и для женщин.

Август, 7(20) – Император ратифицирует закон о свободе выражения мнений, собраний и ассоциаций, по которому право свободы слова и печати принадлежало только финляндским гражданам.

Октябрь – учреждена финская ассоциация сельского населения как общенациональная партия (аграриев). Лидер – С. Алкио.

Ноябрь, 16–22(29 ноября – 5 декабря) – в Таммерфорсе проведена Первая конференция боевых организаций РСДРП.

Декабрь 1906 – октябрь 1907 – разработка новой «Формы правления».

Декабрь, 13(26) – сенатор Л. Мехелин сообщает Финляндскому генерал-губернатору Н.Н. Герарду, что нужно приступить к выработке новой «Формы правления».

1907

Январь, 5(18) – циркуляр председателя Совета министров П.А. Столыпина В.Н. Коковцеву о необходимости все постановления по Финляндии рассматривать в Совете министров.

Февраль, 7(20) – по закону только финляндские граждане получили право устраивать публичные собрания.

Март, 20–23 (апрель, 2–5) – подтверждены результаты парламентских выборов: 80 мест для социал-демократов, 59 мест для старофиннов, 26 мест для младофиннов.

Апрель, 1–4(14–17) – проходит Учредительное собрание финского профсоюза.

Маї, 9(22) – новый парламент собрался в Гельсингфорсе.

Маї, 10(23) – П.Э. Свинхувуд избран спикером первого однопалатного парламента.

Маї, 12(25) – на церемонии открытия спикер П.Э. Свинхувуд выступает с речью о том, что не все обещания ноябрьского Манифеста выполнены.

Маї, 19 (июнь, 1) – Всеподданнейшее представление Императорского Финляндского Сената Сейму Финляндии относительно новой формы правления для Великого княжества Финляндского.

Маї, 19 (июнь, 1) – разработана «Форма правления».

Июль, 20 (август, 2) – Совет министров рассматривает Проект нового постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи, разработанный Сенатом.

Июль, 24 (август, 6) – Председатель Совета министров П.А. Столыпин докладывает Императору Николаю II о неправомерности разработки новой Формы правления Сенатом с предложением приостановить эту работу

Сентябрь, 19 (октябрь, 1) – Всеподданнейшая петиция Сейма Финляндии о новой Форме правления.

Октябрь 1907 – маї 1908 – разработка Положения о порядке рассмотрения финляндских дел.

Октябрь, 19 – ноябрь, 1 (ноябрь, 1–26) – заседание Особого совещания по делам Финляндии с обсуждением вопроса о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи.

Октябрь, 20 (ноябрь, 2) – торжественная церемония закрытия первой парламентской сессии.

1908

Январь, 4(17) – заседание Совета министров с обсуждением вопроса о порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора.

Январь, 11(24) – Высочайше утвержденное положение Совета министров о порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора и его помощника.

Январь, 22 (февраль, 4) – Совет министров рассматривает вопрос о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи.

Январь, 26 (февраль, 8) – представление финляндского Сената относительно порядка рассмотрения вопросов, затрагивающих интересы империи и Великого княжества Финляндского в особых совещаниях из русских и финляндских представителей.

Январь, 28 (февраль, 10) – открывается парламентская сессия. П.Э. Свинхувуд избран председателем Сейма.

Январь, 30 (февраль, 12) – торжественной открытие заседаний Сейма. Речь П.Э. Свинхувуда.

Февраль, 2(15) – генерал-губернатором Финляндии назначен В.А. фон Бекман.

Февраль, 13(26) – Л. Мехелин отвечает на вопросы об отношениях Финляндии и России.

Март, 14(27) – Сейм обсуждает отчет Конституционного комитета об отношениях Финляндии и России.

Март, 15(28) – Сейм выразил недоверие Сенату за его уступчивость требованиям имперских властей, в особенности в отношении мер, принимаемых против русских революционеров.

Март, 18(31) – Совет министров обсуждает вопрос о роспуске Сейма.

Март, 24 (апрель, 6) – Император распускает Сейм.

Май, 5(18) – председатель Совета министров П.А. Столыпин произносит речь о Финляндии на вечернем заседании Государственной думы.

Май, 14(27) – Совет министров рассматривает вопрос о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи. Разработано Положение о передаче всех дел, касающихся Финляндии на рассмотрение Совета министров.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Перечень вопросов по Финляндии, рассмотренных в Совете Министров в 1907–1908 гг.

1907

1907, январь 12. [Особый журнал] По вопросу о допущении финляндских заводов к конкурированию с русскими заводами в отношении казенных заказов [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 7. Л. 138–146; Ф. 1276. Оп. 2. Д. 225; Оп. 18. Д. 9; ПСЗРИ III. Т. XXVII. Ст. 28896; СУ. 6 марта 1907 г. Отд. 1. Ст. 473] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1907 г. М., 2011. С. 82–88.

1907, март 27. [Особый журнал] По проектам Высочайших постановлений об управлении Финляндскими казенными железными дорогами и о новом штате означенных дорог [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 9. Л. 123–135 об.; Оп. 18. Д. 18; ПСЗРИ III. Т. XXXVII. Ст. 29061; СПВКФ. 1907 г. № 18. С. 1] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1907 г. С. 264–273.

1907, июнь 26. [Особый журнал] По вопросам: 1) О предоставлении ИМПЕРАТОРСКОМУ Финляндскому Сенату возможности высказывать свое мнение по поводу заключаемых Россией с иностранными государствами торговых договоров и 2) Об изменении состоявшейся между Россией и Швецией конвенции по устройству казенного лососьего лова в реке Торнео [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 12. Л. 172–181; Оп. 18. Д. 30] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1907 г. С. 440–446.

1907, июль 20. [Особый журнал] По проекту нового постановления о порядке приобретения прав финляндского гражданства уроженцами империи [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 13. Л. 167–172; Ф. 1276 Оп. 18. Д. 21] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1907 г. С. 523–527.

1907, июль 20. [Особый журнал] По отзывам Императорского Финляндского Сената и Финляндского генерал-губернатора на журнал Совета министров 27 Марта 1907 года касательно проектов ВЫСОЧАЙШИХ постановлений об управлении Финляндскими казенными железными дорогами и о новом штате означенных дорог. [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 13. Л. 186–195; Оп. 18. Д. 18, 28] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1907 г. С. 531–537.

1907, июль 31. О постройке двух катеров в Або для императора [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д.13. Л. 210–210 об.].

1907, август 28 [Особый журнал] По проекту нового закона о свободе печати в Финляндии [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 14. Л. 94–103; Оп. 18. Д. 34] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1907 г. С. 580–586.

1908

1908, январь 4. [Особый журнал] О порядке назначения и увольнения Финляндского генерал-губернатора [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 19. Л. 17–22.; Он. 18. Д. 64]. [ПСЗРИ. III. Т. XXVIII. № 29953; СУ. 12 февраля 1908 г. Отд. 1. Ст. 119] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1908 г. М., 2011. С. 11–13.

1908, январь 4. [Особый журнал] По журналам № 3 и 4 высочайше учрежденного Особого совещания для обсуждения некоторых вопросов, касающихся Финляндского управления [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 19. Л. 29–29 об.].

1908, февраль 26 по март 11. [Особый журнал] По делу, по коему заключение Совета положено привести в исполнение, не испрашивая ВЫСОЧАЙШЕГО утверждения. По представлению Военного министра от 19 февраля 1908 года за № 115 (по Канц. Мин.) об отпуске средств на дополнительное довольствие войсковых частей, командированных на нашу

границу с Финляндией [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 21. Л. 72–74; Оп. 4. Д. 543] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1908 г. С. 144–145.

1908, март 11. [Особый журнал] Об издании инструкций судам военно-таможенной охраны у берегов Финляндии [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 21. Л. 61–66; Оп. 18. Д. 5] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. С. 148–153.

1908, март 18. [Особый журнал] По вопросу о роспуске ныне собранного очередного финляндского Сейма [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 21. Л. 95–98; Оп. 18. Д. 91]. [ПСЗРИ III. Т. XXVIII. Ст. 30188; СПВКФ. 1908 г. Ст. 11. С. 1] // Особые журналы Совета министров 1906 1908 гг. / 1908 г. С. 156 157.

1908, январь 22 и май 14. [Особый журнал] О порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи [РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 19. Л. 99–109; Оп. 18. Д. 54]. [ПСЗРИ III. Т. XXVIII. Ст. 30379; СУ. 1908, 28 мая. Отд. 1. Ст. 549] // Особые журналы Совета министров 1906–1908 гг. / 1908 г. С. 219–226.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Биобиблиографический справочник Финляндских генерал-губернаторов и министров статс-секретарей. 1899–1908 гг.

Генерал-губернаторы

Бобриков Николай Иванович
30 августа 1898 – 4 июня 1904

Бобриков Николай Иванович (1839–1904). Получил образование в 1-м кадетском корпусе. 6 декабря 1897 г. произведен в генералы от инфантерии; 28 марта 1898 г. назначен членом Военного совета.

Назначен Финляндским генерал-губернатором 17(30) января 1898 г. В должности Финляндского генерал-губернатора проводил политику русификации и унификации управления Финляндией в целях централизации власти в России. Военный стиль управления, игнорирование базовых интересов граждан Финляндии, политическая недальнозоркость, жесткость проведения политики породили повсеместное сопротивление в Финляндии, в результате чего появился термин «Бобриковщина». Убит 4 июня 1904 г. финским националистом Е. Шауманом.

Соч.: Всеподданнейшая записка Финляндского генерал-губернатора. 1898–1902. СПб., 1902; Всеподданнейший отчет Финляндского генерал-губернатора. 1902–1904. СПб., 1904; Berättelse öfver Finlands förvaltning från september 1898 till september 1902. Stockholm, 1905

Лит.: Бородкин М.М. Памяти Финляндского генерал-губернатора Николая Ивановича Бобрикова. Харьков, 1905; Он же. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905; Бобриков Николай Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907; Полвинен Т. Держава и окраина: Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997; Бахтурина А.Ю. Переписка генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Н.И. Бобрикова с Николаем II и В.К. Плеве по финляндскому вопросу в 1899–1900 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 10 (74) [Электронный ресурс]; Pogorelskin A. The politics of frustration: The Governor-Generalship of N.I. Bobrikov in Finland, 1898–1904 // Journal of Baltic Studies. 1976, Sept. V. 7. № 3. P. 231–246; Tommila P. Bobrikov ja Suomen sanomalehdistö. Turun yliopisto, Suomen historian laitos 1973; Polvinen T. Valtakunta ja rajamaa: N.I. Bobrikov Suomen kenraalikuvernöörinä 1898–1904. WSOY, 1985.

Оболенский Иван Михайлович
17(30) июня 1904 – 12(25) ноября 1905

Оболенский Иван Михайлович (1853–1910), государственный деятель. Окончил морской корпус.

17(30) 1904 г. назначен Финляндским генерал-губернатором; пытался ввести некоторое умиротворение в крае. При назначении на пост получил напутствие Императора с пожеланием проводить ту же политику, что и Бобриков. Заслужил уничижительные отзывы со стороны политической элиты России и Финляндии.

Проявил политическую беспомощность в ходе революционных событий в Финляндии. Уволен приказом Императора 12(25) ноября 1905 г.

Соч.: Оболенский И.М., Родионов Ю.Д. Докладная записка об экономическом значении Муромо-Сызранской железной дороги. [СПб.], 1884.

Лит.: Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. М., 1960. Т. 3; Бахтурина А.Ю. Великое княжество Финляндское в годы первой русской революции // Вопросы истории. 2006. № 39–53; Vladimirov V. The Revolution in Finland under Prince John Obolensky. (From the Russian). L., 1911; Kalleinen K. Obolenski Ivan Mihailovitsh (1853–1910) Suomen kenraalikuvernööri, kenraaliadjutantti // Suomen Kansallisbiografia. Osa VII. Helsinki, 2006; Ahrenberg J. Människor som jag känt : personliga minnen, utdrag ur bref och anteckningar. Femte samlingen // Ivan Mihailovitsh Obolenski. Helsingfors, 1910. P. 207–266.

Герард Николай Николаевич
6 декабря 1905–2 февраля 1908

Герард Николай Николаевич (Gerard Nikolai) (1838–1929), российский государственный деятель, член Государственного совета (1898), сенатор (1876), действительный тайный советник (1896).

С 1898 г. – член Государственного совета, а с 1902 г. – председатель Департамента гражданских и духовных дел, и. д. главноуправляющего Императорской канцелярии. Уволен 2(15) февраля 1908 г.

12(25) ноября 1905 г. приказом Императора назначен генерал-губернатором Великого княжества Финляндского (первый гражданский чин на этом посту) и управлял в либеральном духе.

Соч.: Письмо Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда председателю Совета министров графу С.Ю. Витте от 28 февраля 1906 года // Россия. Государственный совет. Временные организации. Материалы. Т. 77. СПб., 1910. С. 11–12; Забытый генерал-губернатор Финляндии / ред. А. Рантанен, О. Сендхардт, П. Хаппонен, Ю. Нуортева. Хельсинки, 2017.

Лит.: Бахтурина А.Ю. Кадровая политика генерал-губернатора Н.Н. Герарда в Финляндии в 1905–1906 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4(14). С. 119–129; Она же. Политика Финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда в газете «Новое время» и официальных документах // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 6(92). С. 13; Она же. Герард Николай Николаевич // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 107–109; Kalleinen K. Gerard Nikolai Nikolajevitsh (1838–1929) Suomen kenraalikuvernööri, valtakunnanneuvoston jäsen, todellinen salaneuvos // Suomen Kansallisbiografia. Osa III, Helsinki 2004. S. 207–208; Hakala P. De omhändertagna. Historisk Tidskrift för Finland, 91. P. 35. (2006). https://journal.fi/htf/article/view/51893

Бекман Владимир Александрович
2(15) февраля 1908 11(24) ноября 1909

Бекман Владимир Александрович (нем. Woldemar Alexander Valerian von Boeckmann) (1848–1923), государственный и военный деятель, генерал от кавалерии.

В службу вступил 1 сентября 1864 г. В 1866 г. окончил курс Николаевского училища гвардейских юнкеров. Выпущен корнетом (ст. 08.08.1866) в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. С 27 февраля 1884 г. – начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии. С 10 декабря 1886 г. – командир 29-го драгунского Одесского полка. Генерал-майор (1891). С 31 августа 1891 г. – начальник штаба 11-го армейского корпуса. Со 2 марта 1899 г. – начальник 8-й кавалерийской дивизии. Генерал-лейтенант (1899). С 23 ноября 1904 г. – командир 12-го армейского корпуса. С 12 января 1905 г. – командир 20-го армейского корпуса. С 9 ноября 1906 г. – командир 22-го армейского корпуса (по 2 февраля 1908). Генерал от кавалерии (6.12.1907).

Со 2(15) февраля 1908 г. по 11(24) ноября 1909 г. – Финляндский генерал-губернатор.

11.11.1909 назначен членом Государственного совета, к присутствию не назначался. После Февральской революции 1917 г. уволен со службы. Эмигрировал в Финляндию. Проживал в Хапила.

Лит.: Пятнов А.П. Бекман Владимир Александрович // http://knowledge.su/b/bekman-vladimir-aleksandrovich; Бекман Владимир Александрович // Всемирная история: Энциклопедия https://w.histrf.ru/articles/article/show/biekman_vladimir_alieksandrovich; Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2 т. Т. 1. М., 2012. С. 104; Незабытые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. Т. 3 / Сост. В.Н. Чуваков. М., 2001. С. 37; Kalleinen K. Von Böckmann Vladimir Alexandrovitj // Biografiskt lexikon för Finland 2. Stockholm, 2009; Tyynila M. Senaatti: tutkimus halituskenseljisenaatista 1809–1918. 1992; Kalleinen K. Böckmann Vladimir Aleksandrovitsh (1848–1923) Suomen kenraalikuvernööri, ratsuväenkenraali // Suomen Kansallisbiografia. Osa 11. Helsinki 2003. S. 66–67; Hakala P. De omhändertagna// Historisk Tidskrift för Finland, 91. P. 35. (2006). https://journal.fi/htf/article/view/51893

Министры статс-секретари

Прокопе Виктор Борисович
1898–1899

Прокопе Виктор Борисович (фин. Victor Napoleon Procopé) (1839–1906), генерал от инфантерии, Вазаский и Нюландский губернатор, член Финляндского Сената, товарищ министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского.

Родился под Митойненом в Финляндии, сын окружного судьи. Образование получил в Финляндском кадетском корпусе, из которого выпущен 6 июня 1857 г. поручиком в Екатеринославский лейб-гренадерский полк. 12 декабря 1878 г. произведен в генерал-майоры Свиты Е.И. В. 11 ноября 1884 г. Оставил строевую службу, поскольку был назначен губернатором Вазаской губернии. С 25 августа по 24 ноября 1888 г. занимал должность Нюландского губернатора, после чего вошел в число членов Финляндского Сената. 30 августа 1889 г. получил чин генерал-лейтенанта.

22 июля 1891 г. назначен товарищем министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского. С 1898 г. временно исправлял должность министра статс-секретаря. 11 марта 1900 г. вышел в отставку по прошению с производством в генералы от инфантерии, с мундиром и пенсией (сообщение в «Финляндской газете» от 11(24) марта 1900 г.).

Скончался в Санкт-Петербурге 10 сентября 1906 г., похоронен на Волковом православном кладбище.

Соч.: Min verksamhet såsom t. f. ministerstatssekreterare för Finland 1898–1899. Helsingfors, 1923.

Лит.: Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. II. М., 2009. С. 353; Saastamoinen L. Procopé Victor Napoleon (1839–1906), vt. ministerivaltiosihteeri, ministerivaltiosihteerin apulainen, senaattori, jalkaväenkenraali // Suomen Kansallisbiografia. Osa VII, Helsinki 2006. S. 802–803; Armfelt C.A. Vid finska statssekretariatet: anteckningar från min tjänstetid. Söderström, 1920; Ahrenberg J. Människor som jag känt: personliga minnen, utdrag ur bref och anteckningar. Fjärde Samlingen // Victor Napoleon Procopé. Helsingfors: Söderström, 1909. P. 183–218.

Плеве Вячеслав Константинович фон
17 августа 1890–15(28) июля 1904

Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904), российский государственный деятель, сенатор (1884), статс-секретарь (1895), действительный тайный советник (1899).

В 1884 г. назначен сенатором; присутствовал в 1-м департаменте Правительствующего Сената. 11 января 1885 г. занял пост товарища министра внутренних дел. В 1894 г. назначен Государственным секретарем и Главноуправляющим кодификационной частью при Государственном совете. 1 января 1899 г. произведен в чин действительного тайного советника.

17 августа 1899 г. назначен исполняющим должность министра – статс-секретаря Великого княжества Финляндского с оставлением в должности Государственного секретаря. 4 апреля 1902 г., после убийства Д.С. Сипягина, назначен министром внутренних дел

и шефом Корпуса жандармов (продолжая быть министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского). «Первоначально поддерживая политику Бобрикова, фон Плеве постепенно изменил свое отношение и стал более критичным» (Х. Иммонен).

Убит эсером Е. Созоновым в Петербурге. Отчислен приказом Императора 20 июля 1904 г. по причине смерти.

Лит.: Любимов Д.Н. Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб., 1904; Вячеслав Константинович Плеве / Собрание статей В.А. Грингмута: 1896–1907. Вып. 3. М., 1910; Овченко Ю.Ф. Полицейская реформа В.К. Плеве // Вопросы истории 1993. № 8; Минаков А.С. Кадровая политика министра внутренних дел В.К. Плеве // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени: к 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова. М., 2018. С. 409; Judge E.H. Plehve: repression and reform in imperial Russia, 1902–1904. Syracuse University Press, 1983; Immonen H. Plehwe, Vjatsheslav Konstantinovitsh von (1846–1904). Suomen ministerivaltiosihteeri, Venäjän sisäministeri // Suomen Kansallisbiografia. Osa VII. Helsinki, 2006. S. 743–745; Mechelin L. Herr von Plehwe och den finska frågan. Stockholm: O.L. Svanbäck, 1903. P. 35.

Эрштрем Эдуард Андреевич

20 июля (2 августа) 1904–10(23) января 1905 (исполняющий обязанности)

Эрштрем Эдуард Андреевич (1862–1922), юрист, статс-секретарь по делам Финляндии.

В 1883 г. окончил Училище правоведения. Поступил на службу в кодификационный отдел при Государственном совете. На этой должности оставался до 1886 г., с октября 1884 по май 1885 г. находился в командировке в распоряжении статс-секретаря Каханова для занятий в состоявшей под его председательством Комиссии по реформе местного управления.

В 1886 г. был назначен товарищем Лифляндского губернского прокурора, в 1889 г. товарищем прокурора вновь открытого Рижского окружного суда. В 1891 г. переведен на ту же должность в Петербургский окружной суд. В 1895 г. перешел на службу в центральное управление Министерства юстиции, где прошел должности начальника отделения и юрисконсульта. В 1900 г. назначен товарищем обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, а в марте того же года перешел на службу в Финляндский статс-секретариат управляющим его канцелярией.

В 1902 г. назначен на должность товарища министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского. После убийства В.К. Плеве и отставки К.К. Линдера исполнял обязанности статс-секретаря.

В 1906 г. – сенатор, присутствующий в Судебном департаменте Сената. С января 1910 г. принимал деятельное участие в жизни местного городского самоуправления в качестве гласного петербургской городской думы.

Соч.: Народное представительство в Финляндии по законам 1869 и 1906 гг. // Журнал Министерства Юстиции. 1907. № 2. С. 31–72; Новейшее финляндское законодательство об аренде земли // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1911. № 1 (Январь). С. 20–72.

Лит.: Сенаторы, присутствующие в департаментах: тайный советник Эдуард Андреевич Эрштрем // Правительствующий Сенат: [краткий исторический очерк и биографии сенаторов] / [Составитель М.Л. Левенсон]. СПб., 1912. С. 133; Эрштрем Эдуард Андреевич // Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917) / сост. Е.Л. Потёмкин. М., 2017. Т. 3. С. 558; Shilov D.N. Venäläistämispolitiikka 1900-luvun alun Suomessa. Oerstroem, Edward Anders: Palvelukseni Suomen valtiosihteerinvirastossa // Historiallinen aikakauskirja. 2005. Vol. 109. № 3. S. 328–337; Mechelin L. Herr von Plehwe och den finska frågan. Stockholm, 1903. P. 35.

Линдер Константин Карлович

10(23) января 15(23) ноября 1905

Константин Карлович Линдер (1836–1908), российский государственный деятель, сенатор; камергер (1874), обер-егермейстер Императорского Двора (1907). Член Государственного совета Российской империи (1905).

С 1900 г. вице-председатель Императорского Сената Финляндии от Экономического департамента.

10(23) января 1905 г. приказом Императора назначен министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского.

С 1905 г. член Государственного совета. В 1907 г. произведен в обер-егермейстеры.

Лит.: Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Россiйской империи, 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007; Линдер Константин Карлович // Высшее чиновничество Россiйской империи / сост. С.В. Волков. М., 2016. С. 50; Линдер Константин Карлович // Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917) / сост. Е.Л. Потёмкин. М., 2017. Т. 3; Kalleinen K.: Linder Constantin (1836–1908) ministerivaltiosihteeri, senaatin talousosaston varapuheenjohtaja, Venäjän valtakunnanneuvoston jäsen, ylihovijahtimestari // Suomen Kansallisbiografia. Osa VI. Helsinki, 2005. S. 177–179; Wolff Ch. Keisarin mies: Constantin Linder ja hänen maailmansa 1836–1908. Kääntäjä Nurmiainen, Jouko. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Siltala, 2016; Kalleinen K. Opportunisti vai vakaumuksellinen lojalisti? // https://agricolaverkko.fi/review/opportunisti-vai-vakaumuksellinen-lojalisti/

Лангоф Карл-Фридрих-Август Фёдорович
26 января (5 февраля) 1906 – 2(15) апреля 1913

Начальное образовние получил в лицее Гельсингфорса (1864–1870). Воспитывался в Финляндском кадетском корпусе. В службу вступил 10 июня 1875 г. Командир 1-го Нюландского Финского стрелкового батальона (16.12.1894–26.08.1896). Командирован состоять при военном министре для доклада по делам финских войск (4.08–15.12.1896), начальник штаба финских войск (26.08.1896–7.02.1897), командир лейб-гвардии 3-го стрелкового Финского батальона (26.01.1897–13.09.1899), командир лейб-гвардии Семеновского полка (13.09.1899–20.10.1904). Генерал-майор (6.12.1900). Командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии (20.10.1904–6.02.1906).

26 января (5 февраля) 1906 г. Высочайшей грамотой назначен министром статс-секретарем Великого княжества Финляндского. В том же году стал канцлером Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе. Генерал-лейтенант (6.12.1906). Состоял по гвардейской пехоте и числился в списках лейб-гвардии Семеновского полка и Генерального штаба. 14 января 1912 г. возведен в баронское Великого княжества Финляндского достоинство.

Столкнувшись на посту статс-секретаря с большими трудностями, с 1911 г. неоднократно подавал Императору прошения об отставке. 8 апреля 1913 г. уволен от службы с мундиром, пенсией и производством в генералы от инфантерии. После отставки жил в своем имении в окрестностях Гельсингфорса. Во время гражданской войны в Финляндии в 1918 г. был генеральным инспектором военных госпиталей в армии Маннергейма и ушел в отставку по окончании войны. В независимой Финляндии работал экспертом в Комитете по подготовке Закона о воинской повинности в 1919–1920 гг., состоял в объединении финских кадетов, которое возглавлял в 1923–1926 годах.

Соч.: Seitsemän vuotta Suomen edustajana valtaistuimen edessä: muistelmia ja muistiinpanoja vuosilta 1906–1913. Porvoo, 1922; Sju år såsom Finlands representant inför tronen: minnen och anteckningar åren 1906–1913. Band 1–3. Helsingfors, 1922–1923.

Лит.: Бахтурина А.Ю. Лангоф Август Федорович // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 279–280; Gluschkoff J. Langhoff, August (1856–1929): ministerivaltiosihteeri, jalkaväenkenraali, vapaaherra. Suomen Kansallisbiografia. Osa V. Helsinki, 2005. S. 736–737.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Август Сильный (August II. der Starke) 869, 962

Авелан Фёдор Карлович (Theodor Kristian Avellan) 859, 961

Агеев Алексей Петрович 635, 945

Адлерберг Николай Владимирович 193, 195, 873, 874, 903

Азеф Е. 960

Айранетов О.Р. 29, 1005

Акимов Михаил Григорьевич 597–599, 939, 958

Асаков Иван Сергеевич 868, 962

Аладьин Алексей Фёдорович 638, 946

Александр I Павлович Романов 22, 29, 48, 53, 55, 56, 78, 79, 83, 92, 94, 99–101, 117, 127, 129, 133, 137, 163, 165, 166, 173, 179, 192, 196–198, 201, 246, 265, 408, 409, 416, 423, 424, 448, 461, 462, 521, 523, 592, 690, 695, 704, 716, 795, 797, 799, 801, 834, 836, 849, 851, 852, 855–858, 866, 882, 888, 899, 902, 904, 913, 924, 939, 964, 966

Александр II Николаевич 22, 56, 83, 88, 89, 92, 95, 101, 117, 122, 129, 137, 166, 179, 195–197, 198, 243, 250, 320, 330, 466, 525, 623, 667, 676, 683, 705, 709, 712, 748, 754, 755, 758, 785, 795, 796, 799, 800, 816, 847, 849, 852, 857, 858, 867, 869, 870, 871, 885, 889, 899, 907, 933, 942, 950, 966

Александр III Александрович Романов 42, 83, 129, 137, 151, 166, 190–192, 197, 198, 232, 250, 320, 334, 592, 667, 677, 683, 709, 755, 795, 796, 799, 800, 852, 885, 891, 903, 907

Александр Македонский (Великий) 862

Александр Михайлович Романов 377, 680, 917

Александра Федоровна 930

Александрова А.Е. 1004

Алексей Александрович Романов 221, 222, 230, 235, 237 239, 906, 907

Алкио (Алькио) Сантери (Santeri Alkio) 771, 772, 955, 970

Альбрехт Отто Эмиль Фредерик 759, 776, 776, 954, 956

Альмквист (Алмквист) Карл (Carl Alexander Almqvist) 707, 718, 828, 923, 952

Альфтан Георгий (Георг) Антонович фон (Georg von Alfthan) 43, 114, 423, 780, 800, 886

Альфтан Макс Теодор (Max Theodor Alfthan) 635, 943, 947

Аминов Йохан Фредрик (Aminoff Johan Fredrik) 113

Ангерман 261

Андерсин Эмиль Фритиоф (Emil Frithiof Andersin) 272, 284, 914

Андерсон 259

Андреевский 800

Андреянова Н.Н. 1004

Андстен 260

д'Аннунцио Габриеле, граф (Gabriele D'Annunzio) 162, 900

Антель Кастен Самуэль (Kasten Antell) 260, 388, 389, 423, 434, 435, 440, 442, 445, 446, 457, 460, 467, 471–473, 475–477, 482, 517, 643, 913, 927

Антила 355

Арвидсон – *см.* Арвидссон А.И.

Арвидссон Адольф Ивар (Adolf Ivar (Iwar) Arwidsson) 162, 900

Арзамасцева Е.Н. 1004

Армфельд – *см.* Армфельт Густав Мориц

Армфельдт – *см.* Армфельт Александр Густавович

Армфельт 513, 930

Армфельт Александр Густавович (Armfelt Alexander) 287, 320, 525, 820, 915

Армфельт Густав Мориц (Gustaf Mauritz Armfelt) 113, 592, 889, 939

Армфельт Карл-Александр Густавович 64, 889, 926

Арсеньев Дмитрий Сергеевич 221, 222, 230, 235, 237–239

Аулин – *см.* Ахмавaара Пекка

Ахмавaара Пекка (Pekka Ahmavaara) 115, 260, 770, 895, 955

Ахо Иоганни (Юхани) (Juhani Aho) 862, 961

Ахонен Андерс (Ahonen Anders) 865, 962

Базен Франсуа Ахилл (François-Achille Bazaine) 867, 962

Бакман 354

Бальфур Артур Джеймс (Arthur James Balfour) 128, 130, 898

Барклай-де-Толли Михаил Богданович 265, 913

Бахтурина А.Ю. 974, 975, 978, 1004, 1005

Бек Б. 181

Бекман (Бёкман) Владимир Александрович (Woldemar Alexander Valerian von Boeckmann)

* Имена, выделенные курсивом, сопровождаются биографической справкой в комментарии к тексту документа.

747, 754, 757, 793, 820, 824, 831, 839, 855, 873, 931, 953, 954, 959, 971, 975, 976

Бельгард А.В. 951

Бем Эдвард (Edvard von Boehm) 168, 272, 284, 901

Бенгельсдорф 261

Беннигсен Эммануил Павлович 868, 962

Берг Кирилл (Эрик) Федорович (Erik Berg) 496, 498, 501, 924

Берг Фёдор Фёдорович (Friedrich Wilhelm Rembert von Berg) 525, 873, 874, 935

Бергбом Эрик Оссиан (Berghom Erik Ossian Wuorenheimo) 126, 127, 214–218, 221, 222, 230, 235–238, 240, 242, 243, 259, 272, 284, 491, 897, 923

Бергбум 356

Бергенгейм Эдуард (Bergenheim Edvard) 319, 914

Бергрот Густав Элис (Bergroth Gustaf Elis) 112, 261, 894

Берендс – *см.* Берендтс Э.Н.

Беренсен Ивар (Ivar Berendsen, Ivar Maurice Berendsen) 127, 898

Берендтс Эдуард Николаевич 33, 387, 388, 434, 437, 440, 442, 445, 460, 465, 467, 468, 471, 473–481, 582, 583, 779, 787, 794, 802, 803, 816, 818, 819, 834, 835, 919, 954

Бернадот Жан-Батист Жюль (Jean-Baptiste Jules Bernadotte) 197, 904

Бернер 615

Биоде Генрих 370

Бирилев (Бирилёв) Алексей Алексеевич 597, 599, 939, 949

Блиох И.С. 200, 201

Блом фон (Michael Leonard von Blom) 214, 215, 217, 218, 221, 222, 226, 230, 235, 237, 238, 240, 242, 243, 259, 272, 284, 906

Бобриков Николай Иванович 26, 46, 52, 58, 60–64, 66–71, 73, 74, 76, 86, 87, 108, 118–120, 124, 126, 132, 136, 137, 139, 141, 143, 172, 214, 217, 218, 221, 226, 232, 233, 237–239, 294, 320, 333, 334, 342, 343, 345–348, 363, 368, 369, 371, 372, 380–383, 402, 424–426, 433, 438, 523, 545, 547, 559, 672, 798, 821, 822, 827, 836, 860, 873, 885–894, 898, 899, 902, 903, 905–907, 912, 913, 916, 918, 920–922, 924, 926, 929, 930, 933–935, 942, 957, 964, 966, 967, 974, 977, 1001

Бобринский Александр Алексеевич 221, 222, 230, 235, 237–239, 908

Бонсдорф Адольф (Adolf Bonsdorff) 491

Боргстрем 260

Боренниус Г.А. (Henrik Gustaf Borenius) 126, 127, 168, 272, 284, 388, 390, 396, 434, 435, 442, 445, 446, 457, 460, 467, 471–473, 475–479, 481, 897

Боренниус Карл Фердинанд (Carl Ferdinand Borenius) 114, 177, 895

Борн Виктор Магнус фон (Viktor Magnus von Born) 111, 175, 183, 186, 188, 259, 260, 369, 374, 404, 405, 423, 507, 893, 912, 916, 929, 930, 946, 965, 966

Борн фон Эрнст (Ernst Viktor Lorenz von Born) 369, 916

Бородкин Михаил Михайлович 33, 37, 65, 118, 387, 388, 434, 437, 438, 444, 460, 463, 465, 467, 468, 471, 473–482, 779, 787, 793, 803, 813, 819, 867, 869, 870, 889, 956, 974, 1000, 1005

Бородулин И.Н. 846, 960

Бострем Иван Федорович (Boström Ivan) 843, 959

Бострем К.Б. (Boström Knut Bernhard) 181, 183, 902

Боткин Сергей Петрович 860, 961

Брандер Х.Г. (Brander) (с 1906 Hjalmar Gabriel Paloheimo) 491, 923

Браудер Роберт (R.P. Browder) 26

Бродрик Уильям (William Brodrick) 128, 898

Бруммер 260

Бруноу А.А. (Brunow Alexander August) 331, 915

Бруфельдт Йоханнес (Johannes Brofeldt) – *см.* Ахо Юхани

Будберг Александр Андреевич (Alexander Paul Andreas Freiherr von Budberg-Bönninghausen) 592, 594, 598, 609–612, 939–941

Буксгевден Федор Федорович (Фридрих Вильгельм) 963

Бунге Николай Христианович (Nikolai Karl Paul von Bunge) 43–45, 47, 82, 85, 322, 385, 388, 438, 525, 675, 683, 752, 755, 779–781, 800, 885

Бутовский Петр Михайлович 221, 222, 230, 235, 237, 238, 240, 911

Бухерт В.Г. 1002

Бьёрнберг, Фредрик Геронимо (Fredrik Geronimo Björnberg) 324, 328, 513, 514, 915, 925, 926, 930, 944, 951

Вайнштейн М.Я. 848, 960

Валин – *см.* Валлин В.

Валлен Карл Юхан 891

Валлин В., Валли В. (Waldemar Walli, Anselm Waldemar Wallin) 112, 115, 260, 894

Валлин Г. 84

Валь 260

Ванновский Петр Семенович 43, 150, 191, 192, 214, 217, 218, 221, 226, 227, 232, 233, 237–239, 675, 779, 884, 885, 886, 903

Варен Аксель (Axel Vilhelm Warén) 160, 260, 404, 900

Варен И. 260

Вартиа 261

Вартиала А.В. (Анна) 21, 36, 40, 1004

Васашерна 357

Васениус Фредрик Рафаэль (Wasenius Fredrik Rafael) 260, 912

Васильев Я.А. 36

Васильчиков Борис Александрович 823, 843, 949, 957

Вегелиус Теодор (Wegelius Karl Theodor Alexander) 103, 260, 707, 708, 718, 828, 842, 893

Ведель Петер 898

Велин Август Магнус (Welin August Magnus) 247, 911

Величко К.И. 884

Веллинг Вернер (Vellingk Gustaf Verner) 369, 917

Верженский Юлиан Матвеевич 865, 962

Верховский Владимир Владимирович 221, 226, 232, 233, 237, 238, 240, 910

Вестерлунд Сакари Адольф (Sakari Adolf Westerlund) 112, 894

Ветерхоф 260

Вешняков Владимир Иванович 221, 222, 230, 235, 237–239, 908

Виала 261

Вигура Ян Иосифович (Казимеш) (Jan Wigura) 865, 962

Вильгрен Эдвин (Willgren Edvin Oskar) 369, 916

Вильскман Густав Вернер (Gustaf Werner Wilskman) 503, 504, 707, 718, 828, 923, 927

Витте Сергей Юльевич 26, 37, 190, 212–214, 221, 222, 230, 235, 237–239, 522, 523, 526, 534, 597–599, 605, 609–612, 795, 903, 904, 906, 907, 910, 919–922, 924–926, 929, 932, 933, 935, 937, 939, 941, 965, 975, 1003

Владимир Александрович Романов 220, 221, 232, 235, 237–239, 598, 676, 887, 906, 907, 950

Войонмаа Эйно (Eino Wilhelm Voionmaa) 669, 685, 949

Волков С.В. 978, 1000

Волконский Михаил Сергеевич 221, 222, 230, 235, 237–239, 908

Вольке Ларс Эриксон (Wolke Lars Ericson) 29, 1005

Вольф Густав Эдвард Регуэль (Gustaf Edvard Reguel Wolff) 369, 916, 966

Вольф Евгений (Карл Оскар Эуген Вольф (Carl Oskar Eugène Wolff) 127, 129, 130, 183, 188, 354, 369, 897, 898, 916, 966

Воронцов-Дашков Илларион Иванович 221, 222, 230, 235, 237–239, 908

Востров А.В. 1005

Врангель Петр Николевич 906

Вреде Раббе Аксель (Wrede Rabbe Axel) 110, 112, 175, 490, 491, 503, 507, 707, 718, 747, 824, 828, 893, 926, 927, 941, 942, 957, 958

Вуич Николай Иванович 920

Вуоренхеймо – *см.* Бергбом

Вярри Каарле (Kaarle Wärri) 103, 893

Галкин-Враской Михаил Николаевич 221, 226, 232, 233, 237–239, 909

Ганскау Михаил Федорович (Michail Ganskau) 534, 709, 763, 952

Гарин Николай Павлович 525, 538, 539, 542, 544, 546, 547, 549, 551–553, 556–561, 565–580, 582–586, 779, 787, 803, 934, 935, 956

Гартман Карл Эрик Йоханнес фон (Haartman Carl Erik Johannes von) 111, 495, 893

Гартман Лаврентий Гаврилович фон (Lars Gabriel von Haartman) 331, 915

Гауптман Герхарт (Gerhart Johann Robert Hauptmann) 162, 900

Гебхард Ханнес (Gebhard Hannes) 160, 491, 900

Гейдеман Г. (Heideman Henrik Emanuel) 103, 107, 126, 127, 272, 518, 519, 671, 842

Гейден 2-й Фёдор Логинович 43, 45, 132, 138, 141, 143, 325, 525, 676, 683, 744, 755, 779, 885, 899, 952

Гельман 261

Генец Арвид (Arvid Genetz) 248, 272, 284, 911

Генриксон Карл Эдвин Симеон (Henriksson Carl Edvin Simeon) 246, 247, 261, 911

Герард Николай Николаевич (Gerard Nikolai) 23, 27, 37, 214, 217, 218, 220, 222, 230, 235, 237–239, 502–504, 511, 513, 514, 521, 523–526, 531, 534, 535, 537, 587, 597, 603, 605, 609–612, 621, 623, 634, 642, 645, 648, 653–656, 660, 661, 666, 668, 669, 676, 677, 684, 686–689, 706, 746–748, 750, 751, 585, 764, 765, 767, 772, 773, 776, 777, 789, 792–794, 802, 803, 805, 807, 809, 810, 812–814, 817, 819–821, 823, 824, 829, 831, 840, 861, 864, 873, 874, 881, 888, 891, 901, 905, 921–949, 951, 953, 955–958, 968, 969, 970, 975, 1003

Гербель Сергей Николаевич 951

Германсон Роберт Фридрих (Hermanson Robert Fredrich) 457, 460, 467, 478, 482, 687, 689, 706, 812, 829, 870, 894, 895, 920, 951, 968

Гессенский Фридрих Карл 902

Гефферт Оскар (Geffert Oskar Fredrik) 646, 947

Годенгельм Б.Ф. (Bernhard Fredrik Godenhjelm) 199, 904

Голубев Иван Яковлевич 214, 217, 218, 221, 226, 232, 233, 237, 238, 240, 612, 614, 905, 940, 941

Гольмберг 261

Гольмберг Анатолий Августович 381, 918

Гольмберг Якоб Вернер (Holmberg Jakob Werner) 259, 912

Гонецкий (Ганецкий) Николай Степанович 221, 226, 230, 233, 237–239, 908

Гончаров Сергей Сергеевич 221, 222, 230, 235, 237, 238, 240, 910

Гончаров Степан Осипович (Иосифович) 132, 136, 676, 899

Горемыкин 2-й Александр Дмитриевич 221, 222, 230, 235, 237–239, 909

Горемыкин 1-й Иван Логинович 221, 222, 230, 235, 237–239, 634, 892, 909, 942

Горчаков Александр Михайлович 525, 874, 963

Градовский Александр Дмитриевич 33, 800, 957

Транстрем Аксель Вильгельм (Granström Axel Wilhelm) 707, 718, 828, 952

Гренваль Филипп (Grönvall Filip) 272, 284, 293, 718, 914

Гресбек 261

Григорьев Павел 776, 956

Гripенберг Александр Леонард (Леннарт) (Gripenberg Alexander Lennart) 126, 127, 168, 369, 404–405, 517, 538, 540, 541, 544, 547–549, 552, 553, 555, 560, 562, 564, 566, 568, 569, 570–572, 574–578, 581, 582, 584–586, 707, 708, 718, 865, 897, 927

Гripенберг Йоханнес (Johannes Gripenberg) 331, 915

Гринненберг – *см.* Гриненберг Александр Леонард

Громыко С.А. 960, 961

Гротенфельт Юлиус (Berndt Julius Grotenfelt) 175, 258, 491, 668, 671, 708, 862, 911, 927, 941

Гудим 846, 960

Гудим-Левкович Павел Константинович 214, 221, 222, 235, 237, 238, 240, 906

Гулевич (ноднолковник) 204, 206, 208, 212

Гуммерус Валентин (Valentin Gummerus) 272, 284, 390, 914

Гуммерус Йоханнес (Gummerus Johannes) 747, 947

Густав III (Gustav III) 77, 795, 892

Густав IV Адольф (Gustav IV Adolf) 29, 77, 836, 856, 863, 866, 892

Гюллинг Оскар (Gylling Oscar Fredrik Wilhelm) 126, 127, 168, 896

Дальстедт 261

Дандевиль Виктор Дезидерьевич 118, 884, 895

Даниельсон Р.И. – *см.* Даниельсон-Кальмари Юхан Рихард

Даниельсон-Кальмари Юхан Рихард (Danielson-Kalmari Johan Richard) 112, 113, 158, 160, 175, 176, 323, 388, 390, 396, 430, 434, 435, 440, 442, 445, 446, 457, 460, 467, 471–473, 475–479, 481, 490, 491, 493–495, 503, 771, 797, 801, 891, 894, 926, 942

Даниэльсон – *см.* Даниельсон-Кальмари Юхан Рихард

Деак Ференц (Deák Ferenc) 770, 955

Дёбельн Георг Карл фон (von Döbeln Georg Carl) 870, 963

Дегергольм Артур (Degerholm Arthur) 518, 519, 828, 842, 931

Дейтрих Владимир Федорович 421, 591, 607, 608, 610, 779, 787, 803, 813, 819, 860, 920, 940, 941, 956

Демидов Павел Николаевич 891

Ден Владимир Александрович фон (Woldemar Carl von Daehn) 43, 331, 780, 800, 885, 886, 915

Деникин Антон Иванович 906

Де-Понт Кастен Карлович (Kasten Fredrik Ferdinand De Pont) 65, 889

Дервиз фон, Дмитрий Григорьевич 221, 226, 232, 233, 237, 238, 240, 910

Детлаф – см. Детлов Антон

Детлов Антон 776, 956

Дидрихс Сергей А. (Sergej Diedrichs) 492, 501, 923

Диков Иван Михайлович 679, 681, 951

Долгоруков Михаил Петрович 869, 962

Доннер Кай 894

Доннер Отто (Donner Otto) 113, 491, 517, 707, 708, 718, 828, 842, 894, 923, 927, 965

Драчевский, Даниил Васильевич 379, 615, 918, 929

Дрейфус Альфред (Alfred Dreyfus) 867, 962

Дубасов Федор Васильевич 846, 960

Думитрашко Петр Николаевич 865, 962

Дурново Иван Николаевич 43, 221, 226, 232, 235, 237–239, 780, 885, 886

Дурново Петр Николаевич 27, 526, 528, 535, 930, 935 942, 944, 958

Дусаев Р.Н. 33, 1004, 1005

Дусаева М.Р. 33, 1005

Екатерина II (Вторая) Алексеевна 858, 899

Еленев Федор Павлович 199, 867, 870, 904

Елисавета Петровна 851, 866, 882

Ельт (Хьельт) Эдвард (Edvard Immanuel Hjelt) 828, 842, 958

Ермолов Алексей Сергеевич 221, 222, 230, 235, 237–239, 909

Жабоедов-Госнодарец В. II. 1005

Закревский Арсений Андреевич (Zakrevski Arseni) 675, 950

Зальца Фон Антон Егорович 493, 497, 498, 634, 636, 923, 924, 943, 944

Звонарев А.В. 1004

Зейн Франц-Альберт Александрович (Franz Albert Seyn) 501, 511, 792–794, 802, 822, 824, 842, 905, 924, 929, 930, 943, 957, 958

Зеленов М.В. 24, 40

Зельман Вл. 758

Зильберг Иван (Silberg Ivan Helmerich) 763, 955

Зиновьев А.В. 1005

Зудерман Герман (Hermann Sudermann) 162, 900

Иванов Анатолий Андреевич 846, 960

Иванов Анатолий Евгеньевич 674, 678, 883

Иванович С.В. 33

Иващенков Анатолий Павлович 221, 222, 230, 235, 237–239, 910

Игнатиус К.Ф. (Ignatius Karl Emil Ferdinant) 126, 127, 168, 260, 405, 517, 707, 708, 718, 828, 842, 896, 927

Игнатьев 1-й Николай Павлович 221, 226, 235, 237–239, 907, 908

Игнатьев 2-й Алексей Павлович 220, 226, 232, 233, 237 907, 908

Игнациус К.Ф. – *см.* Игнатиус К.Ф.

Идестам Густав Рихард (Idestam Gustaf Richard) 126, 127, 168, 896

Иернсен 870, 963

Изабелла Португальская 895

Извольский Александр Петрович 679–681, 843, 949, 951

Извольский Пётр Петрович 843, 949, 959

Измозик В.С. 924

Икскуль фон Гильденбандт Юлий Александрович (Julius Karl von Uexküll-Güldenband) 598, 603, 605, 610, 611, 612, 932, 939, 940, 941

Икскуль фон-Гильденбандт Александр Александрович (Alexander Karl Abraham Freiherr von Uexküll-Güldenband) 220, 226, 232, 233, 237–239, 907, 915

Индрениус Бернгард (Indrenius Bernhard) 903

Иогансон (Йоханссон) Густав (Gustav Johansson) 65, 103, 247, 388–390, 396, 434, 435, 440, 442, 445, 446, 457, 460, 467, 471–473, 475–479, 481, 889

Ионсон Э. (Johan Mårten Eliel Johnsson) 168, 424, 901, 914, 967, 901

Ирье-Коскинен З. – *см.* Ирье-Коскинен Юрьё Сакари

Ирье-Коскинен Сакари – *см.* Юрьё-Коскинен Сакари (Yrjö-Koskinen Sakari)

Ирье-Коскинен Юрьё Сакари – *см.* Юрьё-Коскинен Юрьё Сакари (Yrjö-Koskinen Yrjö Sakari)

Кайгородов Михаил Никифорович 259, 381, 912

Калониус Георг (Calonius Georg Henrik Willy) 43, 885, 886

Кальске Эро (Ээро) (Kalske Eero) (псевдоним) – *см.* также Маннелин Карл (Karl Mannelin) 524, 590, 616, 646, 647, 649, 669, 670, 934, 938, 946–948

Карамзин Андрей Николаевич 67, 891

Карамзина (Шернваль) Ева Аврора Шарлотта (Eva Aurora Charlotta Stjernvall) 66, 67, 891

Кари Юхо Кюёсти (Kyösti Kari Juho) 517

«Карл» – *см.* Трауберг А.Д.

Карл V 895

Карл XI 276, 785, 914

Карл XII 77, 892, 961

Карл XIII 29

Карл XIV Юхан 904

Карлстедт Фердинанд (Carlstedt Ferdinand Alexander Vladimir) 381, 918

Карнишина Н.Г. 1005

Кастрен Йонас (Castrén Jonas) 183, 188, 259, 260, 369, 370, 491, 772, 902, 966

Кастрен Каарло (Castrén Kaarlo) 707, 708, 718, 828, 842, 952

Кауфман Пётр Михайлович фон 949

Каханов 2-й Иван Семенович 220, 226, 232, 235, 237–239, 907, 977

Кахилайнен 759

Керенский А.Ф. 26

Киви Алексис (Kivi Aleksis) 162, 900

Киплинг Джозеф Редьярд (Joseph Rudyard Kipling) 162, 900

Кирби Дэвид (D.G. Kirby) 26

Клеопин Константин Иванович 497, 924

Клинге М. 1005

Клуберг Людвиг Густав Леонхард (Clouberg Ludvig Gustaf Leonhard) 126, 127, 168, 896

Книпович, Фёдор Михайлович 511, 518, 534, 660, 668, 677, 709, 759, 767, 792, 855, 930

Книннер 865

Кнорринг В. 966

Кобеко Дмитрий Фомич 214, 217, 218, 221, 222, 230, 235, 237, 238, 240, 906

Ковалев Б.Н. 36

Коварская С.А. 36

Кок Йохан (Kock Johan) 493–497, 501, 636, 638, 639, 844, 861, 923, 943

Коковцов (Коковцев) Владимир Николаевич 637, 687, 752, 803, 806, 807, 815, 817–819, 823, 843, 880, 881, 915, 939, 949, 950, 956, 958, 965, 970

Колан 260

Колеров М.А. 29, 1005

Колчак Александр Васильевич 28

Корево Николай Николаевич 27, 37, 630, 671, 673, 938, 940, 949, 950, 963, 1000, 1001

Коркунов Николай Михайлович 32, 33

Костиандер (Torsten Costiander) 260, 912

Котен Александр фон (von Kothen Alexander) 491

Кочкарев Н.А. 617, 621, 642, 645, 664, 665, 819

Крамаренко 491

Крейц Густав Филинн (Creutz) 259, 404

Кремер Оскар Карлович (von Krœmer Johan Fredrik Oskar) 213, 221, 222, 230, 235, 237–239, 905

Кристиерсон Г. фон (von Christierson Georg Mauritz) 126, 127, 404

Крицкий 118

Кронгельм (Кронхельм) Александр Карлович (Alexander Cronhjelm af Hakunge) 199, 501, 502, 904

Кронхельм – *см.* Кронгельм Александр Карлович

Крунская Н.К. 903

Крыжановский Сергей Ефимович 677, 950, 951

Ксения Александровна (Великая Княгиня) 888

Кудрина Ю.В. 888

Кузьмин Ю.А. 978, 1000
Кулефельт Георг (Kuhlefelt Georg Karl Fridolf) 259, 404, 912
Куликов С.В. 1005
Кумлин Александр (Kumlin Alexander August) 175, 272, 284, 914
Кумлин Виктор Абрахам (Kumlin Victor Abraham) 259, 912
Кумлин Фердинанд Александр (Ferdinand Alexander Kumlin) 504, 927
Куропаткин Алексей Николаевич 131, 144, 146, 150, 158, 191–194, 213, 214, 217, 218, 221, 226, 230, 232, 233, 237, 238, 240, 425, 480, 821, 822, 899, 903, 905–907, 934
Куяла Антти (Kujala Antti) 29, 1005
Кюандер Вальдемар (Kyander Henrik Waldemar) 707, 718, 828, 952

Лагерборг 114
Лайтинен Лаури Вилхо (Laitinen Lauri Vilho) 115, 895
Лангеншельд Густав (Gustaf Adolf Langenskiöld) 126, 127, 168, 896
Лангоф Август Фёдорович (Langhoff Carl Fredrik August) 427, 428, 513, 514, 520, 522, 527, 529, 531, 538, 539, 540–543, 545, 547, 550–552, 556, 558–560, 564, 565, 567, 568, 571, 573, 574, 577–581, 583, 584, 587, 603–605, 608–612, 614, 621, 622, 629, 633–635, 649, 653, 656, 666, 676, 683, 684, 687–689, 745, 746, 748–750, 753–755, 783, 792, 793, 803, 805–807, 810, 812–815, 817, 819, 824, 829, 830, 840, 855, 864, 865, 871, 920, 930, 931, 937, 938, 940, 941, 948, 949, 951–953, 957–959, 961, 969, 978
Лангхоф – *см.* Лангоф Август Фёдорович
Ларичев А.А. 33, 1005
Ларсен Х. 898
Лауниц Владимир Фёдорович фон дер 846, 960
Леандер 260
Левинг 356
Лейко Айно 670
Ленин В.И. 23, 37, 903, 960
Лённрот Элиас (Lönnrot Elias) 900, 966
Лесневский (Leśniewski) Исидор Викентьевич 865, 962
Лилиус Гуго – *см.* Лилиус Хуго
Лилиус Хуго (Lilius Frans Hugo) 258, 504, 517, 707, 708, 718, 828, 842, 911, 922, 927
Лилиус Аксель (Axel Ferdinand Lilius) 912
Лилле Аксель (Lille Axel Johan) 114, 260, 369, 404, 894, 966
Лильеблад Виктор Эмиль (Liljeblad Viktor Emil) 259, 272, 284, 912
Линдберг Ярл (Lindberg Jarl August Reinhold) 115, 260, 895
Линден – *см.* Линдер Константин Карлович
Линден Михаил (Linden Frans Mickael) 369, 917
Линдер Константин Карлович (Linder Constantin) 272, 284, 421, 487, 488, 498, 503, 610, 897, 913, 918, 921, 922, 925, 926, 930, 936, 940, 967, 977, 978
Линдквист Иоганн Густавович 865
Линдфорс Юлиус аф (Jakob Julius af Lindfors) 260, 912
Лобко Павел Львович 149, 214, 217, 218, 220, 226, 232, 233, 237–239, 899
Лодыженский И.Н. 950, 951
Лонден Михаил – *см.* Линден Михаил
Лундениус Йохан Фредрик (Lundenius Johan Fredrik) 404, 405, 504, 707, 718, 927
Лысенков Н.А. 40
Львов Владимир Николаевич 868, 870
Львовский Александр Сильвестрович 381, 501, 918
Любимов Д.Н. 977
Люлю Юлиус 374, 425

Макаров Александр Александрович 649, 653, 684, 686, 687, 777, 903, 946, 948, 951, 956
Маков Исмаил 858
Максимовский Александр Михайлович 846, 960
Манасевич-Мануйлов И.Ф. 924
Манасеин Николай Авксентьевич 43, 45, 525, 885, 886
Маннелин Карл (Mannelin Karl Petrus) (см. также Э. Кальске) 668, 670, 685, 747, 845, 862, 934, 946–948
Маннергейм Айна (Aina Johanna Wilhelmina Mannerheim) 259, 912
Маннергейм Карл Роберт (Mannerheim Carl Robert) 183, 186, 188, 259
Маннергейм Карл Густав Эмиль (Carl Gustaf Emil Mannerheim) 891, 978
Маннергейм Карл Эрик Йохан (Mannerheim Carl Erik Johan) 66, 369, 891, 912, 966
Мансуров «второй» Николай Павлович 221, 222, 230, 235, 237–239, 908
Мансуров Борис Павлович 908
Мария Федоровна (Marie Sophie Frederikke Dagmar) 67, 144, 157, 213, 831, 886, 888, 891, 909, 910, 925
Маркелин (Markelin Georg Fredrik Albert) 259, 912
Марков 2-й Николай Евгеньевич 855, 866, 871, 875, 960, 961
Марков Владимир Иванович (Markov Vladimir) 460, 465, 467–469, 471, 473, 474, 476–481, 920
Марков Павел Алексеевич 221, 222, 230, 235, 237–239, 909
Маркус 1-й Владимир Михайлович 221, 222, 230, 235, 237–239, 908
Мартенс Фёдор Фёдорович (Friedrich Fromhold Martens) 33, 222, 387, 388, 434, 437, 440, 442, 445, 460, 465, 467, 468, 471, 473–481, 919

Махотин Николай Антонович 221, 230, 235, 237–239, 909

Мацеевский 865

Мегден – *см.* Менгден Владимир Михайлович

Медем Микаэль фон (Mikael von Medem) 861, 961

Мейнандер Хенрик (Meinander Henrik) 1006

Мексмонтан Мауриц Бернгарт (Mauritz Bernhard Mexmontan) 260, 747, 913

Мелартин Юхан Енгельберт 763, 954, 955

Меллер 261

Менгден (Мегден) Владимир Михайлович, барон 221, 226, 232, 233, 237–239, 909

Меннинг Брюс 29, 1005

Меньшиков Александр Сергеевич 676, 950

Мерман Агатон (Meurman Agathon) 177, 260, 902

Мессарош П.И. 1006

Мехелин Лео (Mechelin (Leopold) Leo Henrik Stanislaus) 27, 32, 33, 66, 110, 122, 175, 259, 260, 325, 331, 344, 348, 369–371, 374, 404–407, 423, 426, 429, 491, 495, 499, 503, 504, 517, 521–523, 538–586, 615, 642, 643, 654–656, 660, 661, 666, 668, 676, 707, 718, 747, 771, 796, 800, 824, 828–830, 842, 890, 891, 894, 901, 902, 913, 916, 921, 922, 924–927, 929, 930, 932, 934–937, 942, 943, 947, 948, 957–960, 965, 966, 968, 970, 971

Милюков Павел Николаевич 868, 870, 873, 874, 962

Милютин Дмитрий Алексеевич 194, 196, 202, 231, 232, 234, 235, 423, 433, 434, 464, 799, 871, 884, 896, 903, 904, 911

Мин Георгий Александрович 846, 960

Минаков А.С. 977

Минквиц Александр Юльевич фон (Alexander Joachim von Minckwitz) 76, 87, 689, 893

Михаил Александрович Романов 906

Михаил Николаевич Романов 37, 42, 43, 45, 46, 52, 54, 62, 77, 221, 226, 232, 235, 237–239, 246, 385, 388, 438, 443, 755, 884, 885, 906, 907, 911, 913, 915, 917, 964

Михайловский Н.К. 635, 886

Михелин – *см.* Мехелин Леонольд (Лев) Хенрик Станислав

Монтомери – *см.* Монтгомери Роберт

Монтгомери Роберт (Robert Montgomery) 33, 109, 423, 796

Морозов П.Н. 951

Муравьёв Михаил Николаевич (с 1865 года — Муравьёв-Виленский, 1) 875, 963

Муравьев Николай Валерьянович 46, 52, 132, 143, 221, 226, 232, 233, 237, 238, 240, 888, 913

Мюльберг 261

Мякинин О.В. 1006

Мякипеска Аукусти (Mäkipeska Aukusti) 319, 915

Мясоедов Николай Александрович 478, 479, 480, 481, 955

Мясоедов-Иванов Виктор Андреевич 823, 957

Набоков Дмитрий Николаевич 221, 222, 230, 235, 237–239, 908

Нандельштадт Маттн (von Nandelstadh Matti) 845, 862, 866, 960

Наполеон I Бонапарт (корс. Napulione Buonaparte) 196, 197, 856, 904, 950

Небогатов Николай Иванович 867, 962

Неземанн Франк 29, 1006

Неклюдов Николай Адрианович 85, 755, 893

Неовиус Арвид (Arvid Verner Neovius) 183, 188, 369, 771, 902, 903

Неовиус Эдвард (Edvard Rudolf Neovius) 272, 284, 914

Николаев А.Б. 1005

Николаев А.И. 754

Николай I Павлович 137, 173, 197, 330, 577, 675, 857, 884, 866, 899

Николай II Александрович Романов 23, 26, 42, 53, 54, 58, 61, 62, 64, 66–69, 71, 73, 74, 104, 108, 116, 129, 143, 164, 165, 244, 262, 363, 372, 373, 380, 383, 400, 401, 427–429, 458, 484, 487, 488, 509, 525, 528, 529, 536, 538, 586, 603, 605, 606, 609, 622, 629, 633, 640, 643–645, 648, 679, 683, 745, 754, 772, 773, 792, 793, 797, 820, 823, 829, 839, 843, 861, 870, 884, 885, 887, 888, 891, 898, 906, 919, 920, 926, 941, 970, 999

Николай Михайлович Романов, в.к. 917

Николай Николаевич Романов, в.к. 598, 679, 680, 681, 820, 846, 920, 951

Никольский 719, 939

Нолькен 944

Норденстам Иван Иванович (Йохан Мауриц) (Nordenstam Johan Mauritz) 319, 914

Нордлунд 248, 249

Норрмен – Норрман Оскар (Oscar Norrmén) 331, 915

Нотара Александр Дмитриевич 635, 945

Нуммелин Ю. (Gustaf Julius Ferdinand Nummelin) 707, 708, 718, 828, 951

Нуортева Юсси 21, 23, 25, 40, 975

Нурдберг Йохан Улрик (Nordberg Johan Ulrik) 354, 916

Нюберг Август (August Nybergh) 126, 127, 168, 369, 404, 517, 707, 708, 718, 828, 842, 897, 927

Нюбергсон 747

Нюборг А. Ав – *см.* Нюборг Карл Август

Нюборг Карл Август (Carl August af Nyborg) 126, 127, 168, 896

Нюман – 354

Нюман Евграф (Eugraf Nyman) 164, 660, 828, 842, 949

Нюман – 261

Няс Якоб (Jakob Näs) 770, 955

Оберг 946
Оболенская А.А. 888
Оболенский Алексей Дмитриевич 597, 598, 920
Оболенский Иван Михайлович 383, 401, 407, 429, 434, 459, 488, 502, 511, 672, 821, 822, 864, 873,874, 913, 918, 919, 921, 922, 924, 926, 929, 930, 934, 936, 943, 957, 967, 968, 974–975.
Оболенский-Нелединский-Мелецкий Валериан Сергеевич 221, 222, 230, 235, 237, 238, 240, 911
Обручев Николай Николаевич 221, 226, 232, 235, 237–239, 908
Овченко Ю.Ф. 977
Окер-Блом Ялмар (Christian Hjalmar Oker-Blom) 519, 931
Окерман Даниэль Вольдемар (Daniel Woldemar Åkerman) 272, 284, 390, 396, 914
Оккесон К.Г. (Åkesson Knut Gustaf) 175
Оксинен 261
Ольденбургский Александр Петрович (Alexander Konstantin Friedrich von Oldenburg) 221, 226, 232, 235, 237–239, 906, 908
Ордин Б.К. 1002
Ордин К.Ф. 33, 129, 867, 898, 1002
Островский Михаил Николаевич 46, 52, 887
Остроградский Михаил Александрович 754, 823, 953

Пааскоски Юрки (Paaskoski Jyrki) 29, 1006
Павел I 888
Павлов Владимир Петрович 846, 960
Пакаслахти Ааро (Pakaslahti Aaro) 26
Пален фон дер Константин Иванович 213, 221, 222, 230, 235, 237–239, 598, 603, 609–612, 905, 940, 941
Палин Ялмар Карлович (Hjalmar Georg Palin) 126, 127, 896
Палицын Фёдор Фёдорович 678–681, 951
Пальдани Эдвард (Edvard Paldani) 707, 718, 828, 952
Пальмен Э.Ф. – *см.* Пальмен Эрнст Густав
Пальмен Эрнст-Густав (Palmén Ernst Gustav) 113, 260, 388, 434, 435, 440, 442, 445, 446, 457, 460, 467, 471–473, 475–479, 481, 503, 771, 894
Пельконен Юхо (Pelkonen Juho) 114, 115
Петр I Алексеевич 29, 78, 797, 848, 851, 854, 857, 866, 882, 892, 961
Петр III Фёдорович (Karl Peter Ulrich) 858, 961
Петров 1-й Николай Степанович 221, 222, 230, 235, 237–239, 910
Петров 2-й Николай Павлович 221, 222, 230, 235, 237, 238, 240, 910
Петрово-Соловово Василий Михайлович 867, 868, 962
Печерин Я.И. 200, 201
Питю 355
Плеве Вячеслав Константинович фон 37, 44, 46, 52, 85, 86, 117, 132, 141, 143, 149, 172, 190, 214, 217–219, 221, 226, 232, 235, 237–239, 246, 264, 265, 341, 344, 364, 367, 368, 380, 384, 425, 433, 440, 441, 444, 465, 523, 671, 795, 801, 820, 821, 886, 887, 901, 903, 906, 907, 913, 915, 918, 919, 939, 965–967, 974, 976, 977, 999
Плеве Николай Вячеславович 77, 674, 754, 757,787, 803, 819, 823, 834, 835, 843, 949, 950, 951, 952, 953, 958, 959, 963
Победоносцев Константин Петрович 46, 52, 74, 119, 132, 143, 221, 226, 230, 235, 237–239, 884, 885, 887, 913, 934
Погодин С.Н. 1006
Полвинен Т. 974, 1006
Поливанов Алексей Андреевич 754, 823, 843, 953, 956
Половцов Александр Александрович 26, 213, 221, 222, 230, 235, 237–239, 609–612, 905, 906, 915, 934, 999
Преженцев (Преженцов) Александр Богданович 492, 493, 923
Прокопе Виктор Борисович (Procopé Victor) 43, 45, 46, 51, 52, 62, 64, 67, 68, 71, 72, 74, 247, 491, 885, 886, 889, 892, 964, 966, 976
Протасов-Бахметев Николай Алексеевич 221, 222, 230, 235, 237–239, 909
Пузыревский А.К. 200
Пукко 382
Пулькин М.В. 1006
Пуришкевич Владимир Митрофанович 834, 866, 867, 875, 879, 905, 933, 959, 960, 961
Путилов 939
Пфалер Леонард фон (Karl Elis Leonard von Pfaler) 369, 917
Пюлькинен Ю. 355
Пятнов А.П. 976

Равандер Отто Исаак (Otto Isak Ravander) 369, 917
Рантанен А. 23, 975
Раутавара А.Э. 709
Раух Георгий Оттонович 679, 681, 793, 951
Ребиндер 356
Редигер Александр Фёдорович 679, 681, 803, 816, 819, 865, 949, 951
Рейнбот 247
Рейниус 261
Рем (профессор) 322
Ремнетти 261
Ренвалл – *см.* Ренвалль Хенрик Габриэль
Ренвалль (Ренвал) Хенрик Габриэль (Henrik Gabriel Renvall) 491, 770–772, 955
Ренваль – *см.* Ренвалль Хенрик Габриэль
Ренлунд О. 369
Ренфорс 261

Реутер Одо Мораннал (Odo Morannal Reuter) 370, 917

Реутер Юлиус Натаниэль (Julio Nathaniel Reuter) 370, 917

Рехенберг 354

Рид Майн (Thomas Mayne Reid) 851, 961

Рингваль 709, 828

Рихтер Оттон Борисович (Otto Demetrius Karl Peter von Richter 221, 222, 230, 235, 237–239, 908, 940

Родионов Ю.Д. 974

Розенгейм 709

Розендаль Мауно (Rosendal (Magnus) Mauno) 260, 371, 912

Розинг Илиодор Иванович 221, 222, 230, 235, 237–239, 909

Рокасовский Платон Иванович 873

Романов Петр Михайлович 214, 217, 218

Роон Христофор Христофорович (Christoph Roop) 214, 217, 218, 221, 222, 230, 235, 237–239, 905

Ротте 261

Руneберг Йо́хан (Юхан, Иоганн) Лю́двиг (Johan Ludvig Runeberg) 162, 380, 900, 915

Рыдзевский Константин Николаевич 131, 899

Рябова А.Л. 1006

Рябова Л.К. 1006

Сабуров 1-й Андрей Александрович 214, 215, 217, 218, 221, 222, 230, 235, 237–239, 598, 599, 905, 934

Сабуров 2-й Петр Александрович 221, 222, 230, 235, 237–238, 240, 910

Сабуров А.И. 910

Саломон Пётр Иванович 221, 222, 230, 235, 237–239, 908

Сандберг 260

Сандельс Юхан 869, 963

Сауна-Якко 187

Сахаров Виктор Викторович 118, 895

Светлов Николай Егорович 118, 895

Свингувуд – *см.* Свинхувуд П.Э.

Свинхувуд Пэр Эвинд (Svinhufvud Per Evind) 491, 504, 829, 842, 912, 926, 927, 967, 968, 970, 971

Свинхуфвуд – *см.* Свинхувуд П.Э.

Севостьянов М.П. 951

Сегерстроле 404

Седергольм 261

Седергольм Арне (Gustaf Arne Cederholm) 369, 403, 916

Седергольм Артур 229, 668, 946, 949

Сёдергольм (Седергольм) Карл Густав (Karl Gustaf (K. G.) Söderholm) 258, 771, 772, 956

Седергольм Теодор Карл Адольф (Carl Adolf Theodor Cederholm) 126, 127, 896, 916

Сёдерхельм Вернер (Werner Woldemar Söderhjelm) 57, 59, 889, 902

Семенников В. 68 69, 73, 74, 891, 892, 1001

Семенов (Семёнов-Тян-Шáнский) Пётр Петро́вич 214, 217, 218, 221, 222, 230, 235, 237–239, 905

Сендхардт О. 23, 975

Сергеевич Василий Иванович 800, 957

Сергеевский (Сергиевский) Николай Дмитриевич 387–389, 434, 437, 438, 444, 457, 460, 463, 465, 467, 468, 471, 473, 474, 476–478, 482, 509, 525, 538–586, 787, 803, 813, 819, 825, 867, 870, 919, 934, 956, 958

Серлакиус Ю. (Johan Julian Serlachius) 168, 477–479, 481, 901

Серлахиус И.И. – *см.* Серлакиус Ю.

Сетяля Эмиль Нестор (Setälä Emil Nestor) 772, 956

Сигнеус Фредрик (Cygnaeus Fredrik) 352, 916

Сипягин Дмитрий Сергеевич 149, 221, 226, 232, 235, 237, 238, 240, 370, 899, 903, 907, 913, 976

Сирен 261

Снелльман (Snellman Johan (Juho) 771

Снельман F. (Snellman Anders Henrik) 707, 708, 718, 828, 951

Снельман И.В. – *см.* Снельман Ю.В.

Снельман Юхан Вильхельм (Snellman Johan Vilhelm) 32, 158–160, 179, 180, 181, 352, 899, 969

Созонов Е. 886, 967, 977

Сойсалон-Сойнинен Э. (Eliel Soisalon-Soininen) – *см.* Ионсон Э.

Солсбери (лорд) 898

Сольман И.F. (Johan Gustaf Sohlman) 126, 127, 168, 272, 284, 896

Сольский Дмитрий Мартынович 27, 37, 46, 52, 221, 222, 230, 235, 237–239, 511, 520, 521, 529, 531, 535, 591, 592, 598, 603, 605, 609, 610, 612–614, 766, 786, 790, 838, 887, 913, 920, 931, 932, 939–941, 969

Сперанский Михаил Михайлович 171, 265, 461, 592, 902

Споре Вальфрид (Knut Robert Karl Walfrid Spåre) 272, 284, 913

Стандертшельд Карл Август (Carl August "Adi" Standertskjöld) 260, 912

Стандершельд – *см.* Стандертшельд К.А.

Стенбек К.Е. (Stenbäck Kaarle Jooseppi) 175

Стенберг Херман (Herman Kaarlo Stenberg) 747, 953

Стигцелиус Е.А. (Stigzelius Erik Albert) 175

Стишинский Александр Семенович 214, 217, 218, 597, 599, 906

Столыпин Петр Аркадьевич 27, 634, 671, 673, 674, 677–679, 681, 688, 745, 746, 748, 750–754, 757–759, 764, 765, 772, 776, 779, 787, 789, 792–794, 803, 807, 819, 820, 823, 824, 830, 835, 839, 843, 844, 854, 867, 875, 880, 881, 890, 895, 901, 905,

922, 923, 927, 930, 933, 935, 937, 940–944, 946, 948–953, 955, 956, 958–960, 970, 971, 1002

Стольберг К.И. – *см.* Стольберг Карл Юхо

Стольберг Карл Юхо (Ståhlberg Carl Johan) 517, 707, 708, 718, 893, 927, 931

Стояновский Иван Николаевич 495, 924

Стренг Эмиль (Emil Streng) 490, 491, 923

Стромилов 518, 590, 622

Стэд (Stead) 127

Суворов П. 872, 963

Судейкин Власий Тимофеевич 387–389, 434, 437, 440, 442, 445, 460, 465, 467, 468, 471, 473–481, 820, 919

Сумберг 354

Сундвал Вильгельм (Sundvall Fredrik Vilhelm) 115, 895

Суутарла (Zefanias Gustafsson Suutarla) 115, 895

Таланцев Николай Степанович 26, 33, 37, 385, 387, 389, 434, 460, 465, 467, 473, 474, 476–481, 491, 511, 531, 537, 605, 610, 870, 913, 919, 920, 934, 937, 940, 941, 967

Тальгрен Ивар Маркус (Ivar Markus Tallgren) 112, 894

Тваровский А.М. 865, 961

Тегнер Эсайас (Esaias Tegnér) 352, 915

Тейттинен К.Х. (Teittinen Kaarle Henrik) 175

Телль Вильгельм 918

Тенсикала Е. (Tensikkala Erkki) 175

Терешкина Д.Б. 36

Тёрнгрен Адольф (Törngren Johan Adolf) 37, 369, 488, 917, 999

Тернер Федор Густавович 221, 222, 230, 235, 237–239, 610–612, 909, 940

Тернудд 261

Тернрус 259

Теслев Александр Петрович 676, 950

Тидеман 845

Тилло А. (Thillot Alfred) 258, 284, 293, 518, 519, 911

Тимберг 492

Тимгрен К.И. (Carl Johan Timgren) 707, 708, 718, 828, 951

Тимирязев 381

Тихомиров Лев Александрович 886

Толстой Лев Николаевич 939

Топелиус Захариас (Zacharias Topelius) 352, 915

Торонова Е.В. 36

Торна И. (Torppa Juho) 175

Трауберг Альберт Давидович («Карл») 846, 848, 960

Тренов Дмитрий 934, 935

Троил (Троиль, Тройл) Самуэль Вернер фон (Troil Samuel Verner) 103, 116, 893, 897

Троил Густав. Gustaf Axel Samuel von Troil 126, 127, 168, 897

Тройл Эрик Вернер Самуэль (Troil Erik Verner Samuel) 259, 260, 355

Троиль Биргер Густав Самуэль фон (Birger Gustaf Samuel von Troil) 793, 956

Труни 261

Тудер Карл (Tudeer Sten Carl) 59, 168, 889, 891

Туландер 354

Туманова А.С. 937

Турбин Н.М. 918

Туркиа Маттн (Matti Turkia) 770, 772, 955

Туркул 118

Тучков Николай Алексеевич 869, 962, 963

Тыртов Павел Петрович 221, 226, 232, 233, 237–239, 910

Убри Павел Петрович 874, 963

Уггла И. (Uggla John Rafael) 671, 949

Уссаковский Евгений Евгеньевич 146, 158, 899

Уткин Н.И. 1005

Фабрициус Альмар (Ernst Almar Ferdinand Fabritius) 747, 953

Фегерстрем 261

Федоров 939

Федорук Н.С. 36

Фельман Август Абрахам (August Abraham Fellman) 404, 405

Фельман Густав (Gustaf Esaias Fellman) 272, 284, 897, 914

Фельман Исак (Nils Isak Fellman) 126, 127, 897, 914

Филипп II (Felipe II) 115, 895

Филиппов Густав 187

Философов Дмитрий Александрович 598, 939, 949

Флеге А.А. – *см.* Флееге А.А.

Флееге А.А. (Axel August Abraham Fleege) 246, 247, 261, 911

Форсман 260

Форсман Г.З. (Georg Zacharias Forsman) *см.* Ирье-Коскинен Ю.С.

Форсман Эрнести (Ernesti Forsman) 272, 284, 914

Форсман Якко Оскар (Forsman Jakko Oskar) 914

Фразер Георг (Fraser Georg) 115, 259, 261, 354, 374, 404, 491, 500, 895

Фредерикс Владимир Борисович 131, 221, 222, 230, 235, 237–239, 898, 949

Фрейберг Юлий Эдуардович (Freyberg) 368, 496, 916, 922, 924, 943

Френкель Франс Вильгельм (Frans Wilhelm von Frenckell) 319, 914

Фридрихс Федор Александрович 63–65, 889

Фриш Эдуард Васильевич (Frisch Eduard Wilhelm) 43, 45, 46, 52, 77, 132, 143, 172, 221, 222, 230, 235,

237–239, 379, 525, 538–553, 555–586, 591, 592, 597–599, 603, 610, 612, 613, 750–752, 815, 847, 885, 886, 892, 901, 913, 934, 935, 938–940

Фролов Дмитрий 21, 25, 40

Фролов Петр Алексеевич 793, 957

Хагельстам Юлиус Вентцель (Julius Wentzel Hagelstam 260, 369, 966

Хагельстам Ярл (Jarl Alarik Hagelstam) 369, 917

Хакала Пертти 21, 25, 40

Хакман 260

Ханнонен Пяйви 21, 23, 40, 975

Харитонов Пётр Алексеевич 27, 37, 52, 143, 51, 591, 592, 612, 779, 787, 803, 817–819, 823, 843, 888, 897, 932, 939–941, 956

Хеденгрен И. 891

Хейер (Хёйер) Карл Теодор (Theodor Höijer) 260, 913

Хейкель К.Ф. (Karl Felix Heikel) 354, 405, 916

Хельман И. (Hellman Johan Fredrik) 175

Хилков Михаил Иванович 221, 222, 230, 235, 237–239, 909

Холмен К.В. (Hollmén Kaarlo Vilho) 175

Хомен Ларс (Lars Homén) 260, 912, 923, 967

Хорнборг 354

Христиерсон 404

Хуберг Свен Вильхельм (Sven Wilhelm Hougberg) 126, 127, 168, 897

Хультин (Хултин) Текла (Hultin Thekla (Tekla) Johanna Wirginia) 491

Хуонанин – *см.* Хуононен Н.

Хуононен Нестор (Nestor Huoponen) 115, 895

Царас 354

Циллиакус Конни (Konni Zilliacus) 369, 371, 794, 890, 916, 920, 957

Цион 945

Чаадаев 355

Чейсти Пол 29, 1005

Череванский Владимир Павлович 221, 226, 232, 235, 237, 238, 240, 910

Черкнер Август 369

Чивачев 940

Чихачёв (Чихачов) Николай Матвеевич 221, 222, 230, 235, 237–239, 908

Чичерин Б.Н. 33

Шабельский 501

Шамшин Иван Иванович 221, 222, 230, 235, 237–239, 909

Шанель де-ла (De la Chapelle) 261

Шартантье Альфред (Gustaf Robert Alfred Charpentier) 126, 127, 168, 260, 897

Шауман Оскар Теодор (Oskar Teodor Schauman) 357

Шауман Август (Schauman August) 32, 423, 893

Шауман Георгий (Schauman Georg Carl August) 111, 491, 893

Шауман Евгений (Eugen Valdemar Schauman) 380–382, 402, 406, 873, 889, 918, 967, 974

Шауман Ф.В. (Fredrik Waldemar Schauman) 59, 126, 127, 168, 382, 401, 425, 432, 884, 889, 891, 918

Шауфус Николай Константинович (Schaffhausen-Schönberg-Eck-Schaufuß) 843, 949, 959

Шванебах П.Х. 949

Шварц Александр Николаевич 823, 843, 957

Шварцберг И. (Schwartzberg Johannes) 175

Шебеко Николай Игнатьевич 221, 226, 232, 235, 237–239, 909

Шеман Николай Николаевич 497, 498, 924

Шереметев Сергей Дмитриевич 221, 222, 230, 235, 237, 238, 240, 910

Шернваль Аврора – *см.* Карамзина Аврора

Шернваль Г. – *см.* Шернваль Ф.

Шернваль Карл Юхан (Carl Johan Stjernvall) 113, 891

Шернваль Фредрик (Fredrik Gustaf Otto Selim Stjernvall) 175, 405, 517, 707, 708, 718, 828, 842, 922, 927, 931

Шернваль-Валлен Эмилий Карлович (Stjernvall-Walleen Emil) 67, 820, 891

Шидловский Николай Владимирович 221, 226, 232, 233, 237, 238, 240, 910

Шилов Д.Н. 886, 887, 978, 1000

Шильдер Н.К. 197, 592

Шильдт Онни (Schildt Onni Wolmar) 517, 828, 842, 927, 931

Шипов Иван Павлович 843, 959

Шипов Николай Николаевич 66, 822,891

Шишкин Николай Павлович 221, 222, 230, 235, 237–240, 910

Шродерус Г.Е. (Schroderus Henrik Edvard) 175

Штейнгейль – *см.* Штейнгель Ф. Ф.

Штейнгель Фаддей Федорович (Фабиан Готгард) 133, 148, 197, 899

Шувалов Пётр Андреевич 874, 963

Шюбергсон Эмиль (Ernst Emil Schybergson) 177, 902, 956, 967

Щегловитов Иван Григорьевич 823, 843, 949, 957

Эман Арвид (Öhmann Arvid) 405, 747, 845, 862, 866, 960

Энебек 261

Энеберг Вальдемар (Eneberg Waldemar) 126, 127, 168, 272, 284, 390, 396, 897

Энгельм Аксель Матвеевич ав (Axel Fabian af Enehjelm) 492, 923
Эркаль 261
Эрко Ээро (Eero Erko) 499, 500, 924, 965, 966
Эрнгельм Аксель Теодор (Örnhjelm Axel Theodor) 865, 962
Эрнрот (Эрнрут) Казимир (Йохан-Казимир) Густавович (Casimir Ehrnrooth) 182, 525, 902, 915
Эрстрем – *см.* Эрштрем Э. А.
Эрштрем Эдуард Андреевич (Oerstroem Edward Anders) 385, 387, 437, 459, 482, 511, 514, 515, 886, 887, 913, 918, 924, 925, 926, 931, 977
Эстландер Эрнст (Estlander Ernst Henrik) 404, 767, 770, 772, 929, 955, 967

Юганссон 926
Юденич Н.Н. 28, 961
Южаков С.Н. 32, 1000
Юлин 260
Юрьё-Коскинен Эйно Сакари (Yrjö-Koskinen Eino Sakari) 770, 955
Юрьё-Коскинен Юрьё Сакари (Yrjö-Koskinen Yrjö Sakari) 32, 37, 159, 176, 178, 180, 219, 264–265, 330–331, 801, 894, 897, 900, 914, 965, 999
Юсселиус А.А. (Jusélius August Artur) 175
Юссила О. 1006

Якубов А. 73, 84
Янсон Аксель Фредрик Саломон (Jansson Axel Fredrik Salomon) 114, 894
Янушковский Оскар 668, 677, 709
Ярнефельт А.А. 963

Ahrenberg Jac. 975, 976
Armfelt Carl Alex 976, 1006
Atherley-Jones 898

Backman Linda 1002
Bergholm Axel 1000

Carpelan Tor 1000

Engman Max 1004, 1006
Estlander Ernst 955, 1001

Gluschkoff Jaana 978
Grotenfelt Kustavi 1006
Georges 323

Hainari O.A. 1006
Hakala Pertti 975, 976
Harry Halén 1000
Hellman Ben 1001
Hermanson Robert 895, 1002
Hirvonen Maija 1000
Hodgetts E.A. Brayley 129, 898
Holmberg Håkon 1000

Immonen Hannu 977

Jänis-Isokangas I. 916
Judge Edward H. 977
Jussila Osmo 1006

Kalleinen Kristiina 975, 976, 978
Kirby D.G. 26, 1002
Kjellberg Johan 1001
Klinge Matti 1000
Kortti Jukka 1006

Langhoff August 978, 1003
Leino Eino (Armas Einar Leopold Lönnbohm) 162, 900
Llewellyn Atherley-Jones 128, 898

Mechelin L. 890, 891, 977
Minkvitz von A. – *см.* Минквиц А. Ю.

Olsoni Emerik 1001
Orrman Eljas 37, 1004

Piispala Elisa 37
Pogorelskin A. 974
Polvinen Tuomo 974
Procopé V. 886, 976, 1003

Rauhala K.W. 1006
Routavaara Akseli 1001

Saastamoinen Lotta 976
Shilov D.N. 886, 887, 977
Stubb Elisabeth 891

Teljo Jussi 1006
Terä Taimi 1001
Tommila Päiviö 974, 1006
Törngren Adolf 348, 488, 917, 1003
Torvinen Taimi 913
Troil Axel Gustav Samuel von – *см.* Тройл С.В. фон
Tyynila Markku 976, 1000

Vladimirov Vsevolod 975

Wolff Charlotta 978

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

Або-Бьернеборгская (Абовская, Абоская, Биернеборгская, швед. *Åbo och Björneborgs*, фин. *Turun ja Porin* –Турку-Пори) губерния 63, 64, 148, 175, 260, 261, 355, 630, 851

Або – *см.* Турку

Абовская, Абоская губерния – *см.* Або-Бьернеборгская губерния

Австрия 438, 652, 869

Австро-Венгрия 208, 256, 441, 701, 702, 857, 963

Адлер 918

Азия 862

Ай-Тодор (мыс, Крым) 888

Акмолинская область 204

Аландские острова (архипелаг, фин. *Ahvenanmaa*, швед. *Åland* – Оланд), Балтийское море 29, 78, 680, 851, 857, 858, 895, 953, 963

Аландский (швед. *Ålands*, фин. *Ahvenanmaan*) уезд, Абоская губерния 630

Америка – *см.* Соединенные Штаты Америки

Англия – *см.* Великобритания

Арагон (Испания) 895

Армения 899

Архангельская (фин. *Arkangelin*) губерния 204, 225

Асс (станция) 835

Астраханское царство 873

Аустерлиц (ныне г. Славков-у-Брна, Чехия) 206

Бавария (Германия, ныне ФРГ) 652

Базель (Швейцария) 845

Балтийское море (швед. *Östersjön*, фин. *Itämeri*) 862, 882

Балтика – *см.* Балтийское море

Белоруссия 963

Бельгия 255, 509, 652, 898

Берингов пролив 862

Берлин (Германия, ныне ФРГ) 28, 35, 355, 874, 958, 1001

Бессарабия 888

Биернеборгская губерния – *см.* Або-Бьернеборгская губерния

Биркалаский (швед. *Birkala*, фин. *Pirkkalan*) уезд, Тавастгусская губерния 630

Борго (швед. *Borgå*, ныне г. Порвоо, фин. *Porvoo*), Гельсингеский уезд, Нюландская губерния 29, 99, 197, 354, 408, 577, 690, 716, 717, 849, 851, 856, 863

Ботнический залив (фин. *Pohjanlahti*, швед. *Bottniska viken*), Балтийское море 78, 170, 355, 356, 472, 854

Брагестаде (швед. *Brahestad*, ныне г. Раахе, фин. *Raahe*), Салоский уезд, Улеаборгская губерния 349

Булонь (Булонь-сюр-Мер, Франция) 206

Бьеркэ (Бьерке, швед. *Björkö*, ныне г. Приморск), Странддаский уезд, Выборгская губерния 261

Бьернеборг (швед. *Björneborg*, фин. *Pori* – Пори), Ульфсбюский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 134, 189, 261, 349, 646, 669, 670, 685, 686, 688, 747, 845, 946, 960

Васа – *см.* Вааса

Вааса (Николайстадт, швед. *Nikolaistad*; Николайштадт, нем. *Nikolaistadt*; фин. *Nikolainkaupunki* – Николаинкаунунки; фин. *Vaasa*, швед. *Vasa* – *Васа*; устар. вариант Васа, швед. *Wasa*), Корсгольмский уезд, Вазаская губерния 197, 259, 261, 349, 355, 356, 379, 747, 851, 911, 923

Вазаская (Вазовская, швед. *Vasa*, фин. *Vaasan*) губерния 148, 175, 259, 261, 630, 686, 889, 915, 930, 976

Вазовская губерния – *см.* Вазаская губерния

Варшава (Польша) 152, 370

Варшавское герцогство (Великое герцогство Варшавское) 888

Ватикан 898

Великобритания 127, 128, 355, 356, 370, 576, 680, 845, 860, 869, 898, 916, 917, 924, 963, 968

Великое княжество Финляндское (фин. *Suomen suuriruhtinaskunta*, швед. *Storfurstendömet Finland*) – *см.* Финляндия

Вена (Австрия) 206, 869

Венгрия 869, 956

Вестерботния – *см.* Вестерботтен

Вестерботтен (Вэстерботтен, Вестерботния или Западная Ботния, швед. *Västerbotten*, фин. *Länsipohja*) 29, 78, 79, 148, 851, 857, 858

Ветели (фин. *Veteli*, швед. *Vetil*), Вазаская губерния 175

Вехкела (фин. *Vehkalahti*, швед. *Veckelax*), Выборгская губерния 261

Вехмоский (Вемоский, швед. Wehmo, фин. Wehmaan) уезд, Абоская губерния 630

Виинури, Вийнури – *см.* Выборг

Вильманстранд (или Ланнеэнранта, Ланненранта, швед. *Villmanstrand*, фин. *Lappeenranta*),

Ланвесиский уезд, Выборгская губерния 592, 943

Вирмоский уезд (швед. *Virmo*, фин. *Mynämäen*), Абоская губерния 630

Виролахти (фин. *Virolahti*, швед. *Vederlax*), Кюменский уезд, Выборгская губерния 261

Вихтис (швед. *Vichtis*, фин. *Vihti*), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 261

Вуокса (река, фин. *Vuoksi*, швед. *Vuoksen*) 680

Выборг (Виинури, Вийнури, фин. *Viipuri*, швед. *Viborg*), Страндаский уезд, Выборгская губерния 23, 134, 138, 151, 260, 261, 321, 349, 354, 355, 366, 367, 369, 489, 601, 679, 680, 782, 792, 793, 844, 848, 851, 861, 864, 886, 895, 898, 916, 923

Выборгская (фин. *Viipurin*, швед. *Viborgs*) губерния 22, 48, 73, 79, 134, 145, 148, 218, 244, 249, 261, 268, 406, 412, 430, 630, 646, 672, 793, 848, 851, 857, 858, 860, 864, 891

Вэстерботтен – *см.* Вестерботтен

Гамбург (Германия, ныне ФРГ) 845

Гамла-Карлебю (*Гамла* Карлебю швед. *Gamlakarleby*, фин. *Kokkola* – Коккола), Педерсёреский уезд, Вазаская губерния 261, 356, 767

Ганге, Гангэ – *см.* Ханко

Ганновер (Германия, ныне ФРГ) 869

Гейнола – *см.* Хейнола

Гельсингфорс – *см.* Хельсинки

Гельсингэ (Гельсинге, Хельсинге, швед. *Helsinge*, фин. *Helsingin maalaiskunta*), Гельсингеский уезд, Нюландская губерния 261

Германия 24, 128, 186, 208, 236, 255, 476, 509, 540, 541, 701, 868, 869, 902, 929, 953, 958, 962, 963

Гессенское Великое герцогство (Великое герцогство Гессен) 652

Голландия 869

Гродненская креность 912

Грузия Восточная 888

Дальний Восток 30

Дания 207, 255, 344, 703, 812, 891, 892, 914, 917, 956

Европа 23, 128, 129, 162, 196, 198, 234, 330, 375, 615, 870, 874, 898, 916

Европа Западная 201, 236, 368, 370, 438, 680, 794

Забайкалькая область 920

Закавказье 231

Закаснийская область 152

Западная Ботния – *см.* Вестерботтен

Западный край 657

Идесальми (швед. *Idensalmi*, фин. *Iisalmi* – Ийсалми, Инсалми, Исальми), Исальмиский уезд, Куопиоская губерния 260, 962, 963

Иденсальмиский (Исальмиский, швед. *Idensalmi* фин. *Iisalmen*) уезд, Куопиоская губерния 630

Ижорская земля – *см.* Ингерманландия

Израиль 862

Ийо (швед. *Ijo*, фин. *Ii* – Ий), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Икалисский (швед. *Ikalis*, фин. *Ikaalisen*) уезд, Абоская губерния 630

Иликийминки (фин. *Ylikiiminki*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Илистаро (фин. *Ylistaro*), Корсгольмский уезд, Вазаская губерния 630

Иломантсский (швед. *Ilomants*, фин. *Ilomantsin*) уезд, Куопиоская губерния 630

Ильмолаский (швед. *Ilmola*, фин. *Ilmajoen*) уезд, Вазаская губерния 630

Иматра (фин. *Imatra*), Яскисский уезд, Выборгская губерния 259

Ингерманландия (Ижорская земля; швед. *Ingermanland*; фин. *Inkeri*, *Inkerinmaa*) 24, 29

Инго (Инкоо, фин. *Inkoo*, швед. *Ingå*), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 261

Индия 898

Инженерный остров (ныне Сусисаари, фин. *Susisaari*), Финский залив 945

Икаалинен (фин. *Ikaalinen*; швед. *Ikalis* – *Икалис*), Икалисский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 896

Инкеройс (фин. *Inkeroinen*, швед. *Ingerois*), Кюменский уезд, Выборгская губерния 354

Иомала (Йомала, швед. *Jomala*), Аландский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 261

Инняри (фин. *Yppäri*), Вазаская губерния 963

Ирландия 128, 509, 895, 963

Исландия 162

Испания 115, 652, 895, 898

Италия 208, 370, 652, 898, 900

Итис (швед. Itis, фин. *Iittinen*), Нюландская губерния 175

Йоэнсуу (Йоэнсу, фин. *Joensuu*), Либелитский уезд, Куопиоская губерния 349, 355, 914, 953

Йуутаса (швед. Jutas, фин. *Juuttaan*), Вазаская губерния 963

Кавказ 148, 200, 228, 231, 234, 844, 884, 908, 929, 930

Кавказ Северный 204

Казанское царство 873

Каланоки (река, Калайоки, фин. *Kalajoki*) 356

Карелия, Реснублика Карелия (карел. *Karjalan tašavalta*, фин. *Karjalan tasavalta*, швед. *Karelska republiken*) 24, 148, 162, 851, 900

Карельская губерния – *см.* Карелия

Карис (швед. *Karis*, фин. *Karjaa* – Карьяа), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 261

Карья-Лохья (Карьялохья, фин. *Karjalohja*, швед. *Karislojo*), Раазеборгский уезд, Нюландская губерния 261

Каукола (фин. *Kaukola*, ныне нос. Севастьяново), Кексгольмский уезд, Выборгская губерния 261

Каянаский (швед. *Kajana*, фин. *Kajaanin*) уезд, Улеаборгская губерния 630

Кексгольмский (швед. *Kexholms*, фин. *Käkisalmen*) уезд, Выборгская губерния 630

Кельвио (швед. *Kelviä*, фин. *Kälviä* – Кялвия), Вазаская губерния 261

Кемиский (швед. *Kemi*, фин. *Kemin*) уезд, Улеаборгская губерния 245, 630

Кемнеле (фин. *Kempele*), Улеоский уезда, Улеаборгская губерния 630

Киев 905

Кийминки (фин. *Kiiminki*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Кимменегардская (Кимменегордская, Кюменегордская, Кюменегорская, швед. *Kymmenegårds*, фин. *Kymenkartanon*) губерния 851

Китай 797, 874

Клемис (швед. *Klemis*, фин. *Lemi*), Ланвесиский уезд, Выборгская губерния 261

Койвистоский приход, Выборгская губерния 249

Кольёнвирта (фин. *Koljonvirta*), Куониоская губерния 962

Комендантский остров, Финский залив 635, 943

Конгинкангас (фин. *Konginkangas*), Лауккасский уезд, Вазаская губерния 261

Коненгаген (Дания) 213, 898

Корсгольмский (швед. *Korsholms*, фин. *Mustasaaren*) уезд, Вазаская губерния 630

Котка (фин. *Kotka*), Кюменский уезд, Выборгская губерния 354, 747

Красное Село (фин. *Kyyrölä* – Кююрёля, ныне нос. Красносельское), Выборгская губерния 73

Кренгольм (Кренгхольм) остров на р. Нарва 355

Кристиананкаунунки (Кристийнанкаунунки, фин. *Kristiinankaupunki* или Кристинестад, швед. *Kristinestad*), Ильмолаский уезд, Вазаская губерния 403, 952

Кристинестад – *см.* Кристиананкаунунки

Кроноборгский (швед. *Kronohorgs*, фин. *Kurkijoen*) уезд, Выборгская губерния 630

Кронштадт (фин. *Retusaari*), Петергофский уезд, Санкт-Петербургская губерния 493, 498, 944, 945

Крым (полуостров) 148

Кубанская область 152, 231

Куйваниеми (фин. *Kuivaniemi*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерни 630

Кумлинге (швед. *Kumlinge*), Аландский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 855, 961

Куоккала (фин. *Kuokkala*, ныне Ренино), станция ж. д. Санкт-Петербург – Выборг – Хельсинки 846

Куолаярви (фин. *Kuolajärvi*), Кемиский уезд, Улеаборгская губерния 245

Куонио (фин. *Kuopio*), Куониоский уезд, Куониоская губерния 161, 261, 349, 354, 379, 646, 669, 670, 685, 747, 845, 889, 894, 914, 946, 960, 963

Куониоская (швед. *Kuopio*, фин. *Kuopion*) губерния 259, 261, 630

Куониоский (швед. *Kuopio*, *фин. Kuopion*) уезд, Куониоская губерния 630

Куортанеский (швед. *Kuortane*, фин. *Kuortaneen*) уезд, Вазаская губерния 630

Курикка (фин. *Kurikka*), Ильмолаский уезд, Вазаская губерния 747

Курикиаский приход, Ильмолаский уезд, Вазаская губерния 670

Курская губерния 858, 859

Кусамо (Куусамо, фин. *Kuusamo*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Кушка (Туркменистан) 471

Кюмменеский (Кюменский, швед. *Kymmene*, фин. *Kymin*) уезд, Выборгская губерния 630

Лагерный остров (ныне Сандхамн, швед. *Sandhamn*, Сантахамина, фин. *Santahamina*), Финский залив 635

Ладога (Ладожское озеро, карел. *Luadogu*, фин. *Laatokka*, швед. *Ladoga*) 63

Ланландия шведская (швед. *Lappland*, фин. *Lappi* – Лапни) 29

Ланвесиский (Ланнвесиский, швед. *Lappvesi*, фин. *Lappeen*) уезд, Выборгская губерния 630, 897

Ланмаркен Финляндский (Ланнмаркен, Ланнмарк, швед. *Lappmarken*) 419

Ланмаркенский (Ланнмаркский, швед. *Lappmarkens*, фин. *Lapin*) уезд, Улеаборгская губерния 245, 630

Ланно (дер., швед. *Lappo*, фин. *Lapua* – Лануа), Ланноский уезд, Вазаская губерния 963

Ланноский (швед. *Lappo*, фин. *Lapuan*) уезд, Вазаская губерния 630

Лауккасский (швед. *Laukas*, фин. *Laukaan*) уезд, Вазаская губерния 630

Лахтис (дер.,швед. *Lahtis*, фин. *Lahti* – Лахти), Холлолаский уезд, Тавастгусская губерния 355

Ледовитый океан (Северный Ледовитый океан) 862

Лемланд (швед. *Lemland*), Аландский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 261

Либелитсский (Либелитский, швед. *Libelits*, фин. *Liperin*) уезд, Куониоская губерния 630

Лильендаль (швед. *Liljendal*), Перноский уезд, Нюландская губерния 259

Лиминка (фин. *Liminka*, швед. *Limingo*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Литва 963

Лифляндская губерния 225, 835
Ловиза – *см.* Ловииса
Ловииса (Ловийса, фин. *Loviisa*, швед. *Lovisa* – Ловиза), Перноский уезд, Нюландская губерния 259, 893, 912
Лоймийокский (швед. *Loimijoki*, фин. *Loimaan*) уезд, Абоская губерния 630
Лондон (Великобритания) 130, 369, 746
Лохтео (швед. *Lochteå*, фин. *Lohtaja* – Лохтайя), Педерсереский уезд, Вазаская губерния 261
Луминоки (Лумийоки, фин., швед. *Lumijoki*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630
Любек (Германия, ныне ФРГ) 845
Люксембург 869

Маску (фин. *Masku*, швед. *Masko*), Маскуский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 895
Маскуский (швед. *Masko*, фин. *Maskun*) уезд, Абоская губерния 630
Мезенский уезд, Архангельская губерния 204
Мец (креность, Франция) 962
Михайловский остров, Финский залив 635, 636, 943
Москва 163, 488, 587, 862, 869, 929, 960
Мухос (фин. *Muhos*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Неаноль (Италия) 895
Нева (река) 679, 682
Нейшлот – *см.* Савонлинна
Нидерлады 895
Нижний Новгород 902
Николайстадт, Николайштадт – *см.* Вааса
Новгородская губерния 225, 962
Новгород (ныне г. Великий Новгород) 955, 967
Новгородская нятина 873
Новый Петергоф, станция ж. д. в Санкт-Петербурге 960
Норвегия 207, 355, 642, 703, 892, 904, 917
Нюланд – *см.* Усимаа губерния
Ниландская, Нюландская (швед. *Nylands*, фин. *Uudenmaan* – Уусимаа) губерния 148, 175, 186, 259, 261, 354, 630, 851, 917, 918
Нюстадт (швед. *Nystad*, фин. *Uusikaupunki* – Уусикаупунки), Вемоский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 260

Одесса 370
Олонецкая (фин. *Aunuksen*) губерния 225
Оривеси (фин. *Orivesi*), Руовесиский уезд, Тавастгусская губерния 261, 355
Остроботния (Эстерботтен, швед. *Österbotten* или Похьянмаа, фин. *Pohjanmaa*) 861
Остзейский край – *см.* Прибалтийский край
Оулу (фин. *Oulu*, швед. *Uleåborg* – Улеаборг), Улеоский уезд Улеаборгская губерния 112, 148, 259–261 349, 356, 379, 430, 615, 630, 664, 747, 851, 894, 912, 914, 917, 923, 946, 960

Париж (Франция) 370, 912, 917, 919, 949
Педерсэреский (Педерсёреский, швед, *Pedersöre*, *фин. Pedersören*) уезд, Вазаская губерния 630
Пензенская губерния 895
Перно (швед. *Pernå*, фин. *Pernaja* – Перная, ныне в составе г. Ловийса), Перноский уезд, Нюландскя губерния 259
Персия (Иран) 862
Петербург, Петроград – *см.* Санкт-Петербург
Петербургская губерния – *см.* Санкт-Петербургская губерния
Петергоф, Петергофский уезд, Санкт-Петербургская губерния 214, 244, 334, 336, 337, 340, 341, 383, 459, 484, 486, 488, 622, 629, 630, 633, 754, 804
Петронавловская креность (Санкт-Петербург) 889
Печорский уезд, Архангельская губерния 204
Пешт (восточная, равнинная часть Буданешта) 869
Пиелакс (дер., фин. *Pielahti*, швед. *Pielaks*, *Pjelax*), Вазаская губерния 668
Пиелисъярвинский (швед. Pielisjärvi, фин. Pielisjärven) уезд, Куопиоская губерния 630
Пиетарсаари (фин. *Pietarsaari* или Якобстад, швед. *Jakobstad*), Педерсёреский уезд, Вазаская губерния 261, 356, 968
Пийккисский (швед. *Piikis*, фин. *Piikkiön*) уезд, Абоская губерния 630
Польвиярви (нриход, фин. *Polvijärvi*), Пиелисъярвинский уезд, Куопиоская губерния 355
Польское царство – *см.* Польша
Польша (Польское царство) 30, 152, 175, 200, 271, 381, 425, 598, 599, 657, 798, 866, 869, 873, 885, 925, 930, 932, 935
Портсмунт (Великобритания) 968
Португалия 895
Прибалтийский (Остзейский) край 148, 175, 381, 425, 885, 929
Псковская губерния 225, 226
Пудасъярви (фин. *Pudasjärvi*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630
Пумала (Пуумала, фин. *Puumala*), Санкт-Михельская губерния 261
Пюттис – *см.* Пюхтяа
Пюхтяа (Пюхтя, *Пюхтяя*, фин. *Pyhtää*, швед. *Pyttis* – Пюттис), Кюменский уезд, Выборгская губерния 261
Пюхяноки (река, Пюхяйоки, Раянуро) 356
Пюхяярви (фин. *Pyhäjärvi*), Улеаборгская губерния 261

Радомская губерния 962
Разеборгский (Расеборгский, швед. *Raseborgs*, фин. *Raaseporin*) уезд, Нюландская губерния 259

Райвола (фин. *Raivola*, ныне нос. Рощино), Эуряняский уезд, Выборгская губерния 145, 218, 244

Рауталамнискнй (швед. *Rautalampi*, фин. *Rautalammin*) уезд, Куониоская губерния 630

Раутаярви (Раутъярви, фин. *Rautjärvi*), Яскисский уезд, Выборгская губерния 261

Раутъярвискнй нриход, Яскисский уезд, Выборгская губерния 249

Раяйоки (фин. *Rajajoki*, швед. *Systerbäck* ныне ликвидированная станция между Белоостровом и Солнечным) 35

Рим (Италия) 370, 872

Римито (швед. *Rimito*, фин. *Rymättylä* – Рюмяттюля), Вирмоский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 261

Рихимяки (Рихниймяки, фин. *Riihimäki*), станция ж. д. Рийхимяки – Санкт-Петербург 636

Россия 21–30, 32–38, 40, 47, 48, 53, 59, 62, 68, 71–74, 77–82, 90, 92, 93, 95, 97, 101, 103, 106, 115, 117, 118, 122, 123, 127, 129, 130, 133, 134, 136, 146–150, 155, 160, 162, 163, 166, 170, 175, 176, 181, 183, 187, 189, 190, 192, 193, 195–205, 207, 208, 211, 218, 221, 223–230, 233, 235, 237–242, 244, 250, 251, 265, 267, 268, 320, 322, 324–326, 330–332, 345–348, 355, 359, 370, 371, 373, 377–380, 383, 395, 400, 402, 406, 407, 409, 411, 416, 418, 422–426, 429–435, 439–442, 448–459, 461–464, 466, 467, 469–471, 476, 484, 488, 494, 495, 501, 502, 509, 510, 512, 520, 522–524, 526, 528, 532–534, 538, 540, 541, 546, 580, 585, 587, 592–594, 597–599, 610, 615, 639, 650, 652, 656, 657, 669, 674, 680, 685, 689–707, 717, 744, 746–748, 759, 781, 787, 794–802, 809, 815, 816, 825, 826, 828, 833–836, 846–867, 869–873, 878, 879, 882, 884–890, 892, 894, 895, 901, 902, 904, 905, 913, 916, 920, 921, 923, 925, 927, 929, 932–935, 938, 939, 942–946, 951, 954, 961–965, 967, 968, 971, 972, 974

Ростов-на-Дону 918

Руовеси (фин., швед. *Ruovesi*), Руовесискнй уезд, Тавастгусская губерния 261

Руовесиский (швед. *Ruovesi*, фин. *Ruoveden*) уезд, Тавастгусская губерния 630

Руоколахти (фин. *Ruokolahti*, швед. *Ruokolax*), Яскисский уезд, Выборгская губерния 261

Руоколахтиский нриход, Яскисский уезд, Выборгская губерния 249

Русь Древняя 882

Русь Занадная 175

Рюттюля (фин., швед. *Ryttylä*), станция ж. д. Риихимяки-Санкт-Петербург 636

Ряйсяля (фин. *Räisälä*, ныне нос. Мельниково), Выборгская губерния 261

Саариярвскнй нриход, Лаукасский уезд, Вазаская губерния 187

Савитайнале (фин., *Savitaipale*), Ланнвесиский уезд, Выборгская губерния 261

Саво – *см.* Саволакс

Саволакс, Саволакская (Саво, Савонмаа, фин. *Savo*, *Savonmaa*, швед. *Savolax*) область 861, 963

Саволакская губерния 148, 851

Савонлинна (фин. *Savonlinna*, швед. *Nyslott* – Нейшлот), Рантасальмиский уезд, Санкт-Михельская губерния 261, 889

Саксония 869, 962

Сало (фин. Salo), Салоский уезд, Улеаборгская губерния 355

Салоскнй (швед. *Salo*, фин. *Saloisten)* уезд, Улеаборгская губерния 630

Сальми (Салми, нос., фин. *Salmi*, швед. *Salmis*), Сальмисский уезд, Выборгская губерния 927

Сальмисский (швед. *Salmis*, фин. *Salmin*) уезд, Выборгская губерния 630

Сальтвик (фин., швед. *Saltvik*), Або-Бьернеборгская губерния 261

Сандвикская гавань (Гельсингфорс, швед. *Sandvikshamnen*, фин. *Hietalahden satama*) 668

Санкт-Михеле (швед. *Sankt Michel*, ныне г. Миккели, фин. *Mikkeli*), Санкт-Михельский уезд, Санкт-Михельская губерния 261, 349

Санкт-Михельская (швед. *Sankt Michels*, фин. *Mikkelin*) губерния 261, 268, 630, 913, 915

Санкт-Петербург (Петербург, Петроград, швед. *Sankt Petersburg*, фин. *Pietari*) 21–24, 29, 54, 66, 67, 88, 101, 127, 129, 130, 135, 140, 142, 148, 172, 177, 197, 214, 219, 264, 265, 268, 269, 320, 321, 324, 331, 334–337, 340, 341, 347, 370, 380, 406, 426, 429, 430, 489, 502, 511–513, 515, 517, 519, 523, 527, 538, 542, 596, 597, 603, 634, 658, 672, 675, 676, 687, 710, 758, 772, 782, 792, 799, 802, 820, 846, 848, 851, 858, 861, 866, 886, 891, 893, 896, 905, 907, 913, 915–919, 921, 923, 924–926, 928–930, 941, 944, 960, 964, 967, 968, 976, 977

Санкт-Петербургская (Петербургская) губерния 225

Сан-Стефано (ныне Ешилькёй – район Стамбула, Турция) 874

Саратовская губерния 895

Свартбек (швед. *Svartbäck*), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 354

Свеаборг (Свеаборгская креность, швед. *Sveaborg*, или Суоменлинна, фин. *Viapori*, *Suomenlinna*, ныне район г. Хельсинки), Гельсингескнй уезд, Нюландская губерния 23, 29, 78, 151, 471, 492, 496–498, 501, 634, 635, 637–639, 679, 782, 861, 864, 899, 924, 943–945

Свеаборгская креность – *см.* Свеаборг

Севастополь 944

Северная область 960

Северная Савония (Северное Саво или Северный Саво, Похьйоис-Саво, фин. *Pohjois-Savo*, швед. *Norra Savolax*) область 510

Северо-Занадный край 963

Семиналатинская область 204

Семиреченская область 204

Сердоболь (ныне г. Сортавала, карел., фин. *Sortavala*, швед. *Sordavala*), Сердобольский уезд, Выборская губерния 175, 260, 349, 367

Сердобольский (швед. *Sordavala*, фин. *Sortavalan*) уезд, Выборгская губерния 630

Сестрорецк (фин. *Siestarjoki*, швед. *Systerbäck*), Санкт-Петербургская губерния 857

Сестрорецкий округ – *см.* Сестрорецк

Сибирь 200, 204, 346, 912, 927, 953

Симбирск (ныне г. Ульяновск) 946

Симбирская губерния 946

Сицилия 895

Скандинавия 912

Скатуден (Скатудден, быв. полуостров, швед. *Skatudden*, фин. *Katajanokka* – Катаянокка), Финский залив 492, 493, 496, 634, 636

Сханнертуна (швед. *Snappertuna*), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 261

Соединенные Штаты Америки (США, Соединенные Штаты Северной Америки, Америка) 355, 357, 441, 686, 688, 917, 924

Соединенные Штаты Северной Америки – *см.* Соединенные Штаты Америки

Средняя Азия 201, 471

Стокгольм (швед. *Stockholm*, фин. *Tukholma*, Швецияя) 181, 183, 263, 349, 355–357, 368, 369, 370, 402, 404, 405, 746, 894, 897, 902, 916

Сторкюре (швед. *Storkyro* или Исокюрё, фин. *Isokyrö*), Корсгольмский уезд, Вазаская губерния 630

Странддаский (швед. *Stranda*, фин. *Rannan*) уезд, Выборгская губерния 630

Сунд (швед. *Sund*), Аландский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 261, 911

США – *см.* Соединенные Штаты Америки

Сейняйоки (фин. *Seinäjoki*, швед. *Östermyra*), Ланноский уезд, Вазаская губерния 261

Тавастгус (Тавастегус, швед. *Tavastehus*, ныне г. Хямеэнлинна, фин. *Hämeenlinna*), Гаугоский уезд, Тавастгусская губерния 260, 261, 349, 356

Тавастгуская (Тавастгусская швед. *Tavastehus*, фин. *Hämeen* – Хяме) губерния 148, 186, 261, 630, 851, 905, 911

Тайвалкоски (фин. *Taivalkoski*), Улеоский уезд, Улеаборгска губерния 630

Тайнальсари (Тайналсаари, фин. Taipalsaari), Ланнвесиский уезд, Выборгская губерния 261

Таммела (фин. *Tammela*), Таммелаский уезд, Тавастгусская губерния 261

Таммелаский (швед. *Tammela* фин. *Tammelan*) уезд, Тавастгусская губерния 630

Таммерфорс – *см.* Тамнерс

Тамнере (фин. *Tampere*, швед. *Tammerfors* – Таммерфорс), Биркалаский уезд, Тавастгусская губерния 114, 134, 281, 321, 354, 355, 495, 496, 620, 686–688, 914, 943, 952, 955, 960, 968, 969, 970

Тарту (Юрьев, Эстония) 24, 28, 35, 835

Теммес (фин. *Temmes*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Тенала (фин. *Tenala*), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 261

Терноки (Терийоки, фин. *Terijoki*, ныне г. Зеленогорск), Эуряяский уезд, Выборгская губерния 960

Терская область 152, 231

Торнео (Торнио, фин. *Tornio*, швед. *Torneå*), Кемиский уезд, Улеаборгская губерния 354, 355

Торнео (река, фин. *Tornionjoki*, швед. *Torne älv*) 851, 972

Тургайская область 204, 260

Тургольм, (Турхольм, швед. *Turholm*, фин. *Tullisaari*), остров Лаайасало (фин. *Laajasalo*, швед. *Degerö*) 260

Туркестан, Туркестанский край 152, 200, 201, 204

Турку (фин. *Turku*, швед. *Åbo* – Або), Пиккисский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 31, 84, 134, 189, 261, 349, 355–357, 366, 367, 430, 495, 496, 747, 889, 893, 894, 899, 912, 914, 927, 931, 939, 952, 953, 964, 972

Тюрвяский (Тюрвисский, швед. *Tyrvis*, фин. *Tyrvää*n) уезд, Абоская губерния 630

Тюрнявя (фин. *Tyrnävä*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Тюсьбю (фин. *Tuusula*, швед. *Tusby*), Нюландская губерния 492

Улеаборг (Улеоборг) – *см.* Оулу

Улеаборгская (Улеоборгская) губерния – *см.* Оулу губерния

Улеосало (швед. *Uleåsalo*, ныне община Оулунсало, фин. *Oulunsalo*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Улеоский (швед. *Uleå*, фин. *Oulun*) уезд, Улеаборгская губерния 630

Уллава (фин. *Ullava*), Педерсёреский уезд, Вазаская губерния 261

Ульфсбюский (швед. *Ulfshy*, фин. *Ulvilan*) уезд, Абоская губерния 630

Унсала (Уннсала, швед. *Uppsala*, Швеция) 870

Уральская область 204

Утаярви (фин. *Utajärvi*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Финляндия (Великое княжество Финляндское, фин. *Suomi*, швед. *Finland*) 21–40, 42–64, 66–104, 106–113, 116–176, 179, 181–232, 234–256, 258, 260, 262–278, 284, 287, 289, 293, 294, 319, 320, 322, 329, 330, 332, 334–337, 340–349, 351–353, 355–365, 367–430, 432–473, 475–482, 486–491, 494–497, 499, 501–518, 520–533, 535–543, 545, 546, 551, 552, 559, 561, 564–566, 573, 577, 578,

583, 585–588, 590–594, 596–617, 620–624, 629, 630, 633–636, 638, 639, 642–646, 648, 650–662, 665–667, 669–685, 687–709, 711–713, 716–721, 723, 726–729, 732, 735, 736, 742–758, 760, 762–769, 771, 773–813, 815–830, 832–841, 843–883, 884–908, 911–978, 999

Финляндия Старая (фин. *Vanha Suomi*, швед. *Gamla Finland*) 22, 148, 268, 852, 939, 946

Финляндский край – *см.* Финляндия

Финнмарк (нровинция, Норвегия) 29

Финский залив (фин. *Suomenlahti*, швед. *Finska viken*), Балтийское море 148, 854, 916

Финстрем (швед. *Finström*), Аландский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 261

Фонарный нереулок 846

Форсса (фин. *Forssa*), Таммелаский уезд, Тавастгусская губерния 966

Франция 23, 24, 208, 255, 510, 546, 680, 869, 898, 899, 904, 908, 913, 917, 924, 949, 962

Фредриксберг (швед. *Fredriksberg*, фин. *Pasila*) станция ж. д. в Хельсинки 636

Фридрихсгам – *см.* Хамина

Хайстила (фин. *Haistila*), Ульфсбюский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 747

Халила (фин. *Halila*, ныне нос. Сосновый Бор), Страндаский уезд, Выборгская губерния 975

Халико (Халикко, фин. *Halikko*), Халиккоский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 175

Халиккоский (Галиккоский, швед. *Halikko*, фин. *Halikon*) уезд, Абоская губерния 630

Хамина (фин. *Hamina*, швед. *Fredrikshamn* – Фридрихсгам), Кюменский уезд, Выборгская губерния 77, 261, 354, 797, 914, 966

Хаммарланд (швед. *Hammarland*), Аландский уезд, Або-Бьернеборгская губерния 261

Ханко (Ганге, Гангэ, гор. и норт, фин. *Hanko*, швед. *Hangö*), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 84, 261, 346, 354, 355

Ханаярвиский (Ганавесиский, швед. *Haapavesi*, фин. *Haapaveden*) уезд, Улеаборгская губерния 630

Ханала, Хаанала (дер., фин. *Haapala*, ныне нос. гор. тина Ленинское), Выборгская губерния 846

Хаукивуори (фин. *Haukivuori*), Йокасский уезд, Санкт-Михельская губерния 261

Хаукинудас (фин. *Haukipudas*), Улеоский уезд, Улеаборгская губерния 630

Хаухо (фин. *Hauho*), Хаухоский уезд, Тавастгусская губерния 914

Хаухоский (Гаугоский, швед. *Hauho*, фин. *Hauhon*) уезд, Тавастгусская губерния 630

Хейнола (Гейнола, фин. *Heinola*), Гейнолаский уезд, Санкт-Михельская губерния 170, 911, 912

Хельсинки (фин. *Helsinki*; швед. *Helsingfors* – Гельсингфорс), Гельсингеский уезд, Нюландска губерния 21–24, 30, 31, 45, 60, 62, 63, 65–67, 69, 72, 73, 75, 98, 103, 104, 107, 128, 134, 138, 148, 180, 249, 258–261, 266, 293, 294, 319, 321, 326, 349, 354–356, 359, 365–367, 376, 379, 381, 400, 404, 419, 428, 430, 431, 487–489, 492, 493, 495–497, 499, 501, 504, 508, 511, 513, 519, 523, 524, 527, 567, 590, 592, 597, 603, 609, 615, 616, 620, 634–639, 642–644, 646–649, 655, 656, 660, 661, 666, 668–670, 685–688, 747, 754, 772, 776, 792, 793, 828, 830, 842, 869, 884, 888, 890, 891, 893, 895, 896, 902, 912–918, 920, 921, 923–925, 930, 931, 933, 934, 939, 941–949, 952, 953, 955, 957, 964–966, 968, 969, 970, 975, 978, 1001–1003, 1006

Хикия (фин. *Hikiä*), станция ж.д. Риихимяки – Санкт-Петербург 636

Ховила (фин. *Hovila*), Куонноская губерния 931

Холлола (дер., фин. *Hollola*), Холлолаский уезд, Тавастгусская губерния 355

Холлолаский (Голлолаский, швед. *Hollola*, фин. *Hollolan*) уезд, Тавастгусская губерния 630

Хювинкяя (фин. *Hyvinkää*, швед. *Hyvinge*), Гельсингеский уезд., Нюландская губерния 917

Царское Село (ныне г. Пушкин), Царскосельский уезд, Санкт-Петербургская губерния 43, 73, 85, 357, 360, 363, 365, 367, 371, 372, 385, 427, 428, 511, 525, 538, 587, 600, 665, 679, 683, 792, 803, 823, 831, 843, 875, 957, 961

Цусима (остров, ныне архинелаг), Японское море 862

Черное море 959

Швейцария 370, 509, 668, 969

Швеция (швед. *Sverige*, фин. Ruotsi) 24, 29, 77, 78, 82, 100, 101, 129, 148, 162, 169–171, 176, 181, 183, 186, 196, 201, 262, 263, 266, 276, 355–357, 368, 369, 379, 402, 404, 456, 648, 679, 686, 690, 695, 703, 721, 760, 795, 797, 852, 855–857, 865, 867, 882, 891, 892, 898, 900, 902, 904, 912–914, 923, 924, 927, 933, 955, 963, 966, 967, 969, 972

Шельвик, Нюландская губерния 354

Шундео (швед. *Sjundeå*, фин. *Siuntio* – Сиунтио), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 261

Эйряняский (Эуряняский, Экорэнэский, Эуранягский, швед. *Äyräpää*, фин. *Äyräpään*) уезд, Выборгская губерния 630

Экенес (швед. *Ekenäs* или Таммисаари, фин. *Tammisaari*), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 261, 369, 917

Эстерботтен (Похьянмаа) – *см.* Остроботния

Восточный Похьянмаа (Эстерботтен) – *см.* Остроботния

Эрланген (Германия, ныне ФРГ) 322

Эсбо (Эсноо, Эсно, фин. *Espoo*, швед. *Esbo*), Разеборгский уезд, Нюландская губерния 247, 261

Эстляндия, Эстляндская губерния 225, 226, 835

Ювяскюля (фин. *Jyväskylä*), Лауккасский уезд, Вазаская губерния 349

Юка (Юука, фин. *Juuka*, швед. *Juga*), Пиелисъярвинский уезд, Куопиоская губерния 261

Юрьев – *см.* Тарту

Яаски (Яски, Яскис, фин. *Jääski*, швед. *Jäskis*, ныне нос. гор. тина Лесогорский), Выборгская губерния 261, 912

Яла (Яала, фин. *Jaala*), Нюландская губерния 261

Якобстадт, Якобштат – *см.* Пиетарсаари

Ямсяский (швед. *Jämsä*, фин. *Jämsän*) уезд, Тавастгусская губерния 630

Япония 681, 794, 874, 968

Яскис (швед. *Jäskis*, фин. *Jääski*, ныне нос. гор. тина Лесогорский), Яскисский уезд, Выборгская губерния 261

Яскисский (Яскиский, швед. *Jäskis*, фин. *Jääsken*) уезд, Выборгская губерния 630

СПИСОК АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1149. Департамент законов государственного совета.

Оп. 13. Дела за 1899 1906 гг.

Ф. 1218. Особая комиссия для обсуждения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения при Государственном совете.

Ф. 1276. Совет министров (1905–1917).

Оп. 18. Канцелярия Совета министров по делам Финляндии.

Оп. 24. Материалы по управлению Финляндией.

Оп. 25. Особые и общие журналы совета министров.

Оп. 26. Журналы Особых совещаний при Совете министров.

Ф. 1544. Совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях 1905–1906 гг.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 499. Канцелярия Финляндского генерал-губернатора.

Оп. 1. Дела за 1868–1917 гг.

Оп. 2. Дела за 1899–1908 гг.

Ф. 583. Половцев Александр Александрович.

Ф. 586. Плеве Вячеслав Константинович.

Ф. 601. Николай Второй, Император.

Национальный архив Финляндии (НАФ)

Ф. 1-е отделение канцелярии генерал-губернатора.

Ф. Даньельсон-Кальмари Ю.Р., сенатор. Личный архив.

Ф. Документы под грифом «Секретно» статс-секретариата Великого княжества Финляндского.

Ф. Канцелярия генерал-губернатора.

Ф. Юрьё-Коскинен Ю.С., сенатор, профессор.

Ф. Лангофф Август, министр статс-секретарь.

Ф. Мехелин Лео. Личный архив.

Ф. Особый отдел Канцелярии генерал-губернатора.

Ф. Секретные документы Гражданской экспедиции Сената.

Ф. Секретные документы Сената.

Ф. Статс-секретариат Великого княжества Финляндского.

Ф. Тёрнгрен Адольф, чиновник статс-секретариата.

Ф. Хозяйственный департамент Финляндского Сената.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

Словарь параллельный русскій, финскій и шведскій по общему уложенію и постановленіямъ Великаго княжества Финляндскаго. СПб., 1908.

Финляндия // Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1901. Т. 19. С. 246.

Справочные издания

Высшее чиновничество Россійской империи / сост. С.В. Волков. М., 2016.

Высшие чины Россійской империи (22.10.1721–2.03.1917) / сост. Е.Л. Потёмкин. М., 2017. Т. 3.

Шилов Д.П., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Россійской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007.

Carpelan, Tor. Ättartavlor för de på Finlands Riddarhus inskrivna ätterna. Första bandet A–G, H R, S–Ö. Helsingfors 1954, 1958, 1965.

Carpelan, Tor. Ättartavlor för de på Finlands riddarhus inskrivna efter 1809 adlade, naturaliserade eller adopterade ätterna. Enligt riddarhusdirektionens uppdrag utgivna. Helsingfors Frenckellska tryckeri aktiebolagets förlag 1942.

Harry Halén: Viaporin komendantit ja sotilaskuvernöörit 1808–1918. Unholan aitta 17. Helsinki 2003.

Hirvonen, Maija (toim.) Suomen kirjailijat. Finlands författare. Writes in Finland 1809–1916. Suomen kirjallisuuden seura. Helsinki 1993.

Holmberg Håkon. (Keisarillisen) Suomen senaatin talousosaston puheenjohtajat, jäsenet ja virkamiehet 1909–1918. Helsinki 1964.

Keisarillisen Suomen Hallituskonseljin ja Senaatin puheenjohtajat, jäsenet ja virkamiehet 1809–1909: biograafisia tietoja / Historiallisen Seuran toimesta julkaissut Axel Bergholm. Porvoossa: Werner Söderström, 1912.

Klinge, Matti: Hallituskonseljista korkeimpaan hallinto-oikeuteen 1809–2009. Suuriruhtinaanmaasta nykyajan oikeusvaltioksi. Korkein hallinto-oikeus, Helsinki 2009.

Suomen kansallisbiografia. Osat 1 10. Helsinki: SHS, 2003 2007.

Suomen kansanedustajat 1907–1982. Finlands Riksdagsledamöter 1907–1982. Suomen eduskunta. Helsinki 1982.

Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Päätoimittaja Raimo Savolainen. Edita, Helsinki Hallintohistoriankomitea. 1996.

Tiennäyttäjät 1–3. Suomen työväenliikkeen merkkimiehiä. toim. Hannu Soikkanen. Helsinki: Tammi 1967–1968

Tutkielmia Suomen suuriruhtinaskunnan keskushallinnon historiasta. Hallintohistoriakomitea. VAPK-kustannus 1992.

Tyynilä, Markku: Senaatti. Tutkimus hallituskonselji-senaatista 1809–1918. VAPK-kustannus. Helsinki 1992.

Библиография

Бородкин М.М. Финляндия в русской печати: Материалы для библиогр., собр. М. Бородкиным. СПб., 1902.

Корево Н.П. Финляндия в русской печати: Материалы для библиогр.: 1901–1913. Пг., 1915.

Estlander E. (red.) "Kagaalin" arkistoa. Kokoelma vuosina 1899–1905 ilmestyneitä poliittisia lentolehtisiä, julistuksia, kiertokirjeitä y.m. Julkaissut Eduskunnan kirjasto / Ur "Kagalens" arkiv. Samling av politiska flygskrifter, upprop, cirkulär m.m. tillkomna åren 1899–1905. Utgiven av Riksdagsbiblioteket XIII, Helsingfors Riksdagsbiblioteket 1939.

Estlander E. Öfärdsärens politiska litteratur (ur "Kagalens" Arkiv II"). Helsingfors 1945.

Hellman B., Kjellberg J. Библиография русской литературы, изданной в Финляндии 1813–1973. Suomen venäjänkielisen kirjallisuuden bibliografia 1813–1972. Bibliografi över den ryskspråkiga litteraturen i Finland 1813–1972. Helsingin yliopiston kirjasto. Helsinki 1988.

Olsoni E., Terä T. Suomen itsenäisyystaistelun bibliografia. Den Finska självständighetskampens bibliografi. Bibliographie des finnischen freiheitskampfes. Helsinki, 1942.

Routavaara A. Suomen sanomalehdistö 1771–1932. Bibliografinen esitys. La Presse Finlandaise en 1771–1932. SKS: Helsinki, 1935.

Нормативные правовые акты. Законы

Корево Н. Сеймовый Устав для Великого княжества Финляндского высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб., 1913.

Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд. Отдел первый. Т. XIX–XXXIII. СПб., 1899–1913.

Сборник новейших узаконений и высочайших повелений, касающихся Финляндии. 1907–1912 гг. СПб., 1912.

Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1899–1902; 1905–1908.

Сборник постановлений Великого княжества Финляндского, издаваемый при Финляндском Сенате (Suomen Suuriruhtinaanmaan Asetuskokoelma, Keisarillisen Suomen Senaatin julkaisema; Storfurstendömet Finlands Författningssamling, utgifven af Kejserliga Senaten för Finland) (с 1902 (№ 24) по 1905 (№ 48). Гельсингфорс, 1902–1905.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. СПб., 1889–1908.

Сборники документов, публикации документов

Бобриков Н.И. Всеподданнейшая записка Финляндского генерал-губернатора. 1898–1902. СПб., 1902.

Бобриков Н.И. Всеподданнейшая записка Финляндского генерал-губернатора. 1902–1903 г. СПб., 1904.

К вопросу о законах, общих для империи и Великого княжества Финляндского: [Сб. материалов]. СПб., 1906.

Материалы по вопросу о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. СПб., 1910.

Материалы по пересмотру Сеймового Устава для Великого княжества Финляндского от 3(15) апреля 1869 г. СПб., 1904.

Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3/15 февраля 1899 г. Берлин, 1901.

Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. М., 2011.

П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004.

Политические партии в Финляндии. СПб., 1909.

[Россия (1906). Совещ. по пересмотру основных гос. законов.] Протоколы заседаний Совещания под личным Его Императорского Величества председательством по пересмотру Основных государственных законов 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года. СПб., [1906].

Сборник материалов по составлению и пересмотру Устава о воинской повинности в Финляндии. СПб., 1899.

Семенников В. Николай Романов и Финляндия // Красный архив. 1928. № 8(27). С. 225–233.

Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906–1911. М., 1991.

«Финляндцы заявляют ныне права на совершенно независимое от России существование». Письма К.Ф. и Б.К. Ординов. 1885–1909 гг. / публ.: Бухерт В.Г. // Исторический архив. 2009. № 6. С. 113–132.

Финляндия. Сеймъ. Извлечение из речей земских чиновъ чрезвычайного Сейма 1899 года. [СПб.,] 1900.

Backman, Linda. Valtiopäivien avajaispuheet 1907–2006: Öppningsanföranden vid riksmötena 1907–2006. Eduskunnan kirjasto, Helsinki 2006. (6,31 MB, 573 s.). Электронная книга, свободный доступ. https://www.eduskunta.fi/FI/naineduskuntatoimii/julkaisut/Documents/ekij_8+2006.pdf

Finland and Russia. 1808–1920: From Autonomy to Independence: A Selection of Documents / Edited and translated by D.G. Kirby. L., 1974.

Hermanson, Robert. Suomen valtiosääntö. Porvoo: WSOY 1923.

Värnepliktsfrågan i Finland. Handlingar tillkomna i ryska riksrådet vid den därstädes våren 1901 försiggångna behandlingen af den finska värnepliktsfrågan. Stockholm, 1902.

Документы Финляндского Сейма

Извлечение из речей земских чиновъ Чрезвычайного Сейма 1899 года. [СПб.], 1900.

Перевод всеподданнейшего отзыва земских чиновъ Финляндии от 27 мая 1899 года по поводу высочайших Е.И. В. предложений с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об основных началах устройства и управления финских войск. Б.м., [189?].

Перевод всеподданейшего представления земских чиновъ Финляндии от 1 июня 1906 года. [Гельсингфорс: Сенат. тип., 1906].

Перевод всеподданнейшего отзыва земских чиновъ Финляндии, от 29 мая 1899 года, по поводу высочайших Его Императорского Величества предложений относительно уравнения тягости личной воинской повинности в Финляндии с таковой же в империи и относительно уравнения военно-финансовой тягости воинской повинности в Финляндии с таковой же в империи. Гельсингфорс: Сенатская тип., 1899.

Перевод всеподданнейшего отзыва земских чиновъ Финляндии от 27 мая 1899 года по поводу высочайших Е.И. В. предложений с проектом Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об основных началах устройства и управления финских войск. Гельсингфорс, 1899.

Наказ Сейма Финляндии и правила о производстве выборов на Сейме по пропорциональной системе, принятые и одобренные Сеймом на сессии 1907 года. Гельсингфорс, 1911.

Сеймовый Устав для Великого княжества Финляндского; Закон о выборах; Закон, содержащий переходные правила, вызываемые новым Сеймовым Уставом и Законом о выборах. Неофиц. изд. СПб., 1906.

Наказ Сейма Финляндии и правила о производстве выборов на Сейме по пропорциональной системе, принятые и одобренные Сеймом на сессии 1907 г. Гельсингфорс, 1910.

Отчет о прениях в заседании Финляндского Сейма 28 октября 1907 года по вопросу о пособии Государственному казначейству от финляндской казны на военные нужды за 1906 и 1907 годы. [Гельсингфорс, 1907].

Конволюты

Россия. Государственный совет. Временные организации (дополнения). Материалы. Т. 77 (1910). Комиссия II Государственного совета для рассмотрения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения. Продолжение. Проекты о порядке издания общих законов для России и Финляндии. РНБ. Русский фонд. Шифр: 135/300-77.

Россия. Государственный совет. Временные организации (дополнения). Материалы. Т. 78 (1910). Комиссия II Государственного совета для рассмотрения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения. Проекты новой Формы правления и о порядке направления Финляндских дел. Приложение 2-е к материалам Комиссии (1906–1908 гг.). РНБ. Русский фонд. Шифр: 135/300-78.

Россия. Государственный совет. Временные организации (дополнения). Материалы. Т. 79 (1910). Комиссия II Государственного совета для рассмотрения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения. Окончание. Об издании законов для Финляндии, имеющих общегосударственное значение. Учреждение Русско-Финляндской Комиссии. Приложение 4-е к материалам Комиссии (1908–1909 гг.). РНБ. Русский фонд. Шифр: 135/300-79.

Россия. Государственный совет. Департамент законов. Материалы. Т. 290. Ч. 1. (1901). 1901. Дело № 34 о введении нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском. 1901 г. РНБ. Русский фонд. Шифр: 135/286-290. Ч. 1.

Россия. Государственный совет. Департамент законов. Материалы. Т. 290. Ч. 2. (1901). 1901. Дело № 34 о введении нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском. 1901 г. Продолжение. РНБ. Русский фонд. Шифр: 135/286-290. Ч. 2.

Россия. Государственный совет. Департамент законов. Материалы. Т. 291. Ч. 2. (1901). 1901. Дело № 34 о введении нового Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском. 1901 г. Окончание. РНБ. Русский фонд. Шифр: 135/286-291.

Россия. Совет министров. [Законопроекты, внесенные Советом министров на рассмотрение Государственной думы 3-го созыва в 3-ю сессию. 1909–1910 гг. СПб., 1910]. РНБ. Русский фонд. Шифр: 30-31/5-32.

Газеты*

Новое время. СПб., 1907.

Финляндская газета. Гельсингфорс. 1900–1909.

Мемуары. Дневники

Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. 2-е изд. Л., 1924. Т. 1, 2.

Герард Н.Н. Забытый генерал-губернатор Финляндии. Хельсинки, 2017.

Из дневника А.А. Половцева // Красный архив. 1923. № 3.

Procopé V. Min verksamhet såsom t. f. ministerstatssekreterare för Finland 1898–1899. Helsingfors, 1923.

Langhoff A. Sju år såsom Finlands representant inför tronen: minnen och anteckningar åren 1906–1913. Helsingfors, 1922–1923.

Törngren Adolf. Med Ryska samhälls byggare och stattsmän åren 1904–1905. Helsingfors 1929.

Törngren Adolf. På utländsk botten. Från Finlands författningskamp åren 1899–1914. Helsingfors 1930.

Törngren Adolf. Från Finlands strid för rätt och frihet. Personliga upplevelser åren 1901–1914. Skrifter utgivna av Svenska litteratursällskapet i Finland 290. Helsingfors 1942.

Обзоры печати

Финляндия. Обзор периодической печати. [Выпуск I]. Ноябрь 1899 года. СПб., 1899.

Финляндия. Обзор периодической печати. [Выпуск II]. Декабрь 1899 года. СПб., 1899.

Финляндия. Обзор периодической печати. [Выпуск III]. Январь – февраль 1900 года. СПб., 1900.

* Все газеты, выходившие на территории Финляндии до 1939 года включительно оцифрованы и находятся в свободном доступе на платформе Национальной библиотеки Финляндии: https://digi.kansalliskirjasto.fi

Финляндия. Обзор периодической печати. [Выпуск IV]. Март – апрель 1900 года. СПб., 1900.

Финляндия. Обзор периодической печати. [Выпуск V]. Май – сентябрь 1900 года. СПб., 1900.

Финляндия. Обзор периодической печати. [Выпуск VI]. Октябрь – декабрь 1900 года. СПб., 1901.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск VII. 1901 год. По 1 октября. СПб., 1901.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск VIII. (1 октября 1901 г. по 1 апреля 1902 г.). СПб., 1902.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск IX. (По 1 ноября 1902 г.). СПб., 1902.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск X. (С ноября 1902 года по май 1903 года). СПб., 1903.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск XI. (С мая 1903 года по апрель 1904 года). СПб., 1904.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск XII. (С мая по ноябрь 1904 года). СПб., 1904.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск XIII. (1904–1907 годы в Финляндии). СПб., 1907.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск XIV. Первый однопалат. Сейм 1907 г. и нарушение им Монарших прав. Общегос. законодательство и рус. политика по отношению к финлянд. окраине. СПб., 1909.

Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск XV. Вторая сессия Сеймa 1907–1908 гг. Роспуск Сеймa; предвыборная агитация и выборы. Второй Сейм 1908 г. Социалисты. СПб., 1910.

Обзор источников

Бахтурина А.Ю. Документы ГА РФ о взаимодействии российской и финляндской общественно-политической элиты в начале XX в. // Документ. Архив. Информационное общество. Материалы I Международной научно-практической конференции. М., 2014. С. 477–483.

Вартиала А.В. Национальный архив Финляндии и документы по истории России // Новгородика-2015. От «Правды русской» к российскому конституционализму. Материалы V международной научной конференции. Великий Новгород, 2016. С. 294–299.

Сеймовые Уставы Великого княжества Финляндского : учебное пособие / авт.-сост. А.В. Звонарев, Н.Н. Андрсянова]. М., 2013.

Engman M., Rumpunen Kauko I. Suomalaiset Venäjällä: lähdeopas = Handledning till källor rörande finländare i Ryssland. Kansallisarkisto, 2004.

Engman M. Förvaltningen och utvandringen till Ryssland 1809–1917. Helsingfors: Tryckericentralen, 1995.

Valtionarkiston yleisluettelo. Översiktskatalog för Riksarkivet. II osa. Valtionarkisto. Helsinki, 1966.

Orrman E., Piispala E. (toim.). Suomen historian asiakirjalähteet. Helsinki, 1994.

Исследования

Александрова А.Е., Дусаев Р.Н. Концепция Л.С. Мехелина о характере взаимоотношений России и Финляндии // Юридическая мысль. 2010. № 3(59). С. 5 13.

Арзамасцева Е.Н. Визуальный образ российской власти в финляндской печати 1905–1908 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 196–205.

Бахтурина А.Ю. Великое княжество Финляндское в годы первой русской революции // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 39–53.

Бахтурина А.Ю. Дискуссии 1906–1910 гг. об участии депутатов от Великого княжества Финляндского в работе Государственной думы и Государственного совета // Таврические чтения-2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей: в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. 2019. С. 55–61.

Бахтурина А.Ю. Зейн Франц Александрович // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 199–201.

Бахтурина А.Ю. Переписка генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Н.И. Бобрикова с Николаем II и В.К. Плеве по финляндскому вопросу в 1899–1900 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 10 (74). С. 2.

Бахтурина А.Ю. Представительные органы Великого княжества Финляндского и российские государственные учреждения в годы первой русской революции // Государственные учреждения России XX–XXI вв.: традиции и новации. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Н.П. Ерошкина. М., 2008. С. 185–194.

Бахтурина А.Ю. Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905–1908 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 17. С. 59–69.

Бахтурина А.Ю. Финляндский вопрос // Россия в 1905–1907 гг. Энциклопедия. М., 2016. С. 1129–1137.

Бородкин М.М. Из новейшей истории Финляндии: Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905.

Вольке Л.Э. Ретроспектива российско-шведских военных взаимоотношений с 1771 по 1809 г. // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015. С. 56–84.

Востров А.В. Языковая ситуация в Финляндии в 1899–1918 гг.: финский, шведский и русский языки на рубеже эпох // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017. № 18(1–2). С. 160–171.

Дусаев Р.Н. Государственно-правовой статус Великого княжества Финляндского // Известия высших учебных заведений: Правоведение. 1975. № 2. С. 110–118.

Дусаев Р.Н., Дусаева М.Р., Ларичев А.А. Эволюция правового статуса Императорского Финляндского Сената в XIX – начале XX века // Юридические исследования. 2017. № 12. С. 61–70.

Жабоедов-Господарец В.П. Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 – февраль 1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017.

Зиновьев А.В., Уткин Н.И. Взаимоотношения Российской империи с Великим княжеством Финляндским: историко-правовой анализ и современность // Известия высших учебных заведений: Правоведение. 2000. № 2. С. 73–82.

Карнишина Н.Г. Статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в оценках дореволюционных ученых-юристов // История государства и права. 2010. № 15. С. 24–28.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи и Великое княжество Финляндское в 1905–1906 гг.: дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии при подготовке Основных государственных законов 1906 г. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2017. № 1(13). С. 126–141.

Куяла А. Коллизии российско-финляндских отношений. 1904–1917 гг. // Исторический архив. 2010. № 4. С. 87–121.

Куяла А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XVII. С. 198–212.

Куяла А. Финляндия и Россия как страны-соседи с ранних эпох до 1772 года // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII. С. 9–55.

Мейнандер Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты [пер. со швед. З. Линден]. М. 2008.

Мессарош П.И. Финляндия – государство или русская окраина?: значение особых учреждений Финляндской окраины Российской империи. 2-е изд. М., 2016.

Мякинин О.В., Рябова Л.К. Позиция правых сил в отношении «финляндского вопроса» на страницах газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.) // Гельсингфорс – Санкт-Петербург. Страницы истории (вторая половина XIX – начало XX века): Сборник статей. СПб., 2012. С. 145–166.

Неземанн Ф. От завоевания к автономии: политические и государственно-правовые причины особого положения Финляндии в Российской империи. // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XVII. С. 113 143.

Пааскоски Ю. Жалованные земли на территории Старой Финляндии, 1710–1812 // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII. С. 86–112.

Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9(32). С. 338–348.

Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997.

Пулькин М.В. Негативный образ финнов в российской публицистике в конце XIX – начале XX в.: истоки, трансформации, политические последствия // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 1(9). С. 73 82.

Юссила О. Великое княжество Финляндское: 1809–1917 гг. Хельсинки, 2009.

Armfelt C.A. Vid finska statssekretariatet: anteckningar från min tjänstetid. Helsingfors, 1920.

Armfelt C.A. Politiska brev från «ofärdstidens» inbrott 1898–1899. Helsingfors, 1923.

Castrén R. Finska deputationen 1808–1809. Helsingfors: Edlund, 1879.

Engman M. Pitkät jäähyväiset: Suomi Ruotsin ja Venäjän välissä vuoden 1809 jälkeen. WSOY, 2009.

Hainari O.A. Kustavi Grotenfelt: Suomen historia Ruotsin mahtavuuden aikakaudella 1617–1721. Jyväskylässä, 1922.

Jussila O. Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisten tulkintojen mukaan 1808–1863. Historiallisia tutkimuksia, 77. Helsinki, 1969.

Kortti J. The Young Finns and the Finnish Parliamentary Reform of 1906 // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1(13). С. 91–105.

Rauhala K.W. Suomen keskushallinnon järjestämisestä vuosina 1808 1817: 1–2. 1910. Helsinki, 1910.

Teljo J. Suomen valtioelämän murros 1905 1908. WSOY, 1949.

Tommila Päiviö: Suomen autonomian synty 1809–1819. Edita, Helsinki, 2008.

Kalewala

taikka

Wanhoja Karjalan Runoja

Suomen kansan muinoisista ajoista.

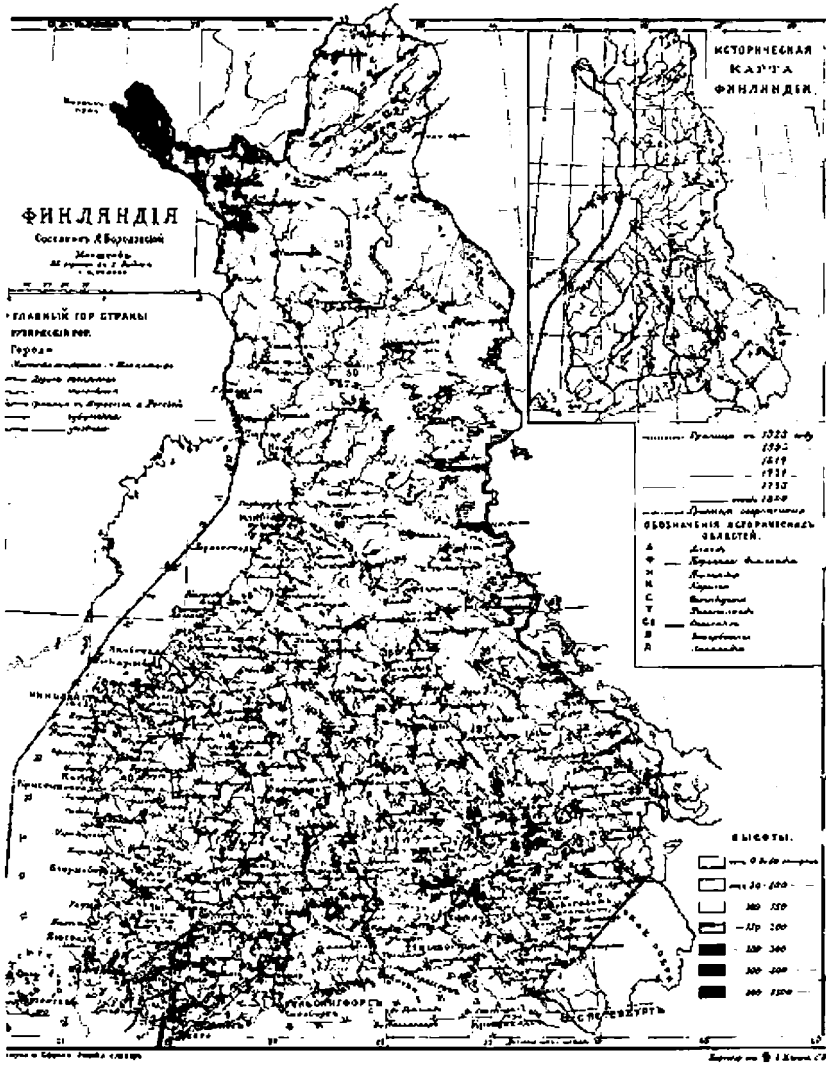
2. Osa.

HELSINGISSÄ, 1835.
Prändätty J. C. Frenckellin ja Pojan tykönä.

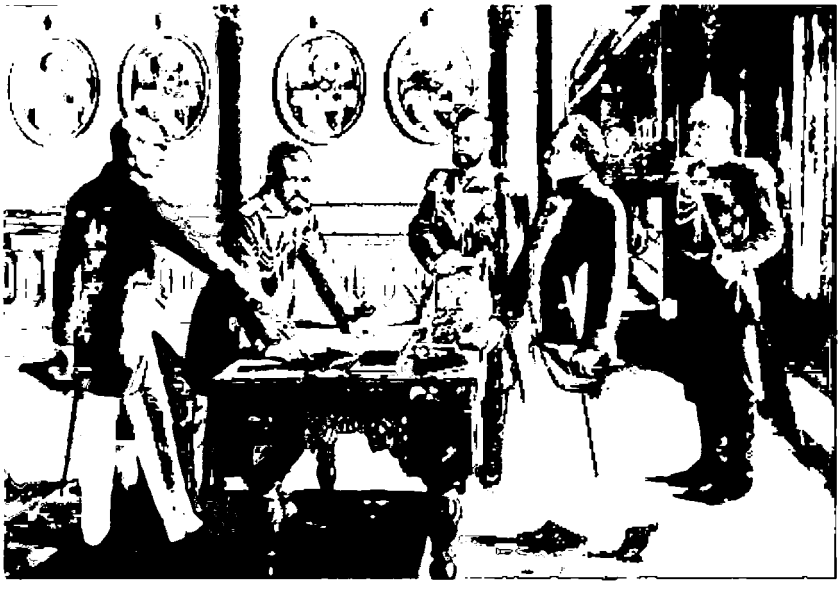
Калевала, или карельские стихи, с древних времен финнов. Часть 2.
[Составитель Элиас Лённрот].
Финское литературное общество, 1835 г.
Напечатано Я.К. Френкеллом и сыном. 1835.
[Первое издание. С. 3]

Эдельфельт Альберт (Edelfelt, Albert). Чаша для Финляндии. Картина.
Воображаемая сцена, в которой воин 30-летней войны поднимает чашу.
Герб Финляндии в виде льва в нравом верхнем углу, текст в рамке слева внизу:
Den första bägaren hurra! Kamrater, skall FINLAND ha.
[Первая чаша, ура! Друзья, это будет Финляндия!]. Тушь. Акварель.
Дата: 1893. *Размер*: 37,5 x 29,3 см.
Надпись снизу справа чернилами: till L. Mechelin med tack för godt samarbete af Albert Edelfelt 17 november 1893. [Л. Мехелину с благодарностью за хорошее сотрудничество от Альберта Эдельфельта].
Место хранения: Helsingin kaupunginmuseo. [Городской музей Хельсинки].
№ XXVIII–368–5.
https://finna.fi/Record/hkm.HKMS000005:km002qjp
Выставки: Pro Finlandia. Suomen tie itsenäisyyteen. Näkökulma: Ranska ja Italia. Kansallisarkisto. 3.12.2014–18–6.2015.

Карта Финляндии.
Дата: [1890-е]
Опубл.: Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; [под ред. К.К. Арсеньева и проф. Ф.Ф. Петрушевского]. Том XXXV[a] (70). Фенолы–Финляндия. Снб. 1902. С. 502

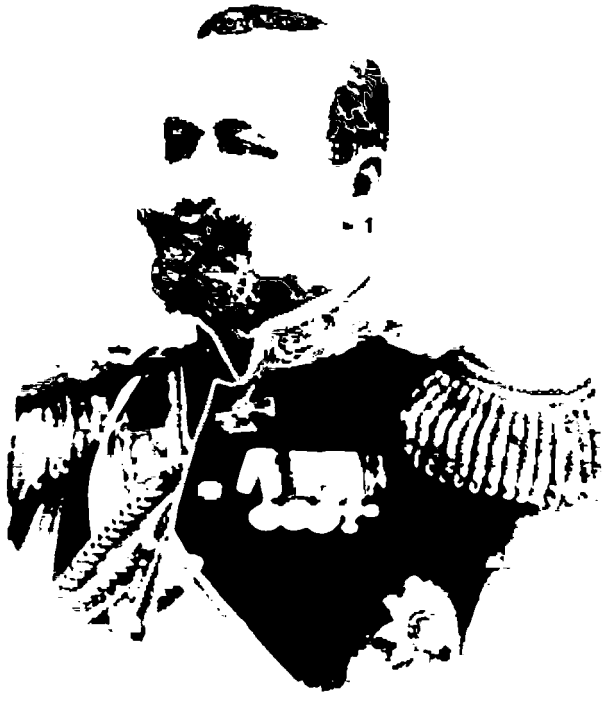

Литография рисунка «[Манифест] 15 февраля 1899 г.».
Подпись: нод изображением: Pobedonoszeff, Nikolai II, Kuropatkin, Plehwe, Bobrikoff.
Den 15. februari 1899 – Пеhnikuun 15 p. 1899. *На обороте*: Antell 160/76. *Размер*: 39,0 x 47,0 см.
Место хранения: Museovirasto. Historian kuvakokoelma. [Национальный совет древностей. Коллекция изображений исторни]. № HK10000: 157
https://finna.fi/Record/museovirasto.CBCD2D5838414E9CC1C09B15DA6A990F?imgid=1
Фрагмент

Генерал-губернатор
Бобрнков Николай Иванович.
30 августа 1898 – 4 июня 1904.
Дата: [1898]
Место съемки: С.-Петербург.
Фотоателье: В. Ясвоин.
Отпечаток ниже изображения:
W. Jasvoine. Изображение герба
Россnйской имперни. St. Petersbourg.
Grande Morskaja № 17.
Размер: 9 x 12, 18 x 24 см.
Место хранения:
Helsingin kaupunginmuseo
[Городской музей Хельсинки].
№ 250911
https://finna.fi/Record/hkm.
HKMS000005:km002zud
Фрагмент

Генерал-губернатор
Оболенский Иван Михайлович.
17(30) июня 1904 –
12(25) ноября 1905
Дата: [1904–1905]
Место съемки: [Гельсингфорс].
Размер: 27,0 x 23,0 см.
Место хранения:
Museovirasto. Historian
kuvakokoelma. [Национальный
совет древностей. Коллекция
изображений истории].
№ HK19710808: 35
https://finna.fi/Record/museovirasto.
8D28A2F331B19A7BC4F7BC95FC
641DE0
Фрагмент

Генерал-губернатор
Герард Николай Николаевич.
6 декабря 1905 – 2 февраля 1908
Дата: [1905–1908]
Место съемки: [Гельсингфорс].
Оттиск: N.N. Gerard.
Размер: 14,0 x 9,0 см.
Место хранения: Museovirasto.
Historian kuvakokoelma.
[Национальный совет древностей.
Коллекция изображений истории].
№ HK19400220: 48
https://finna.fi/Record/museovirasto.
5F8D4ABF2B940B67B8EC317F5AF-
9BFA4
Фрагмент

Генерал-губернатор Бёкман Владимир Александрович. 2(15) февраля 1908 – 11(24) ноября 1909.
Дата: [до 1914].
Место съемки: С.-Петербург.
Фотоателье: К.К. Булла.
Место хранения: ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Д 11978. *То же*: *Оттиск на паспорту*: Wl. BOEKMAN.
Размер: 16,0 х 11,0 см.
Место хранения: Museovirasto. Historian kuvakokoelma. [Национальный совет древностей. Коллекция изображений исторни]. № НК19710808: 21 https://finna.fi/Record/museovirasto.5151C38D00FC5FD00576F05681CF57C2?imgid=1 (отпечаток с фотографии)
Фрагмент.

Министр статс-секретарь Проконе Виктор Борисович. 1898–1899.
Дата: [1893].
Место съемки: С.-Петербург.
Фотоателье: К. Шапиро.
Надпись: на паспорту под изображением: К. ШАПИРО. С.П–Б. Невск[ий пр.] 32.
На обороте посередине: Åt min... Mili Mennander med innerlig tillgifvenhet och vänskap af V. Procopé. Pbmg. den 8 sept. 1893.
Размер: 17,0 х 11,0 см.
Место хранения: Museovirasto. Historian kuvakokoelma. [Национальный совет древностей. Коллекция изображений исторни]. № НК19261229: 36 https://finna.fi/Record/museovirasto.208F6454555269115AE98094BF4BD30E
Фрагмент

Министр статс-секретарь Плеве Вячеслав Константинович фон. 17 августа 1890 – 15(28) июля 1904.
Дата: [1896–1903].
Место съемки: С.-Петербург
Фотоателье: К.К. Булла.
Оттиски: на паспорту под изображением: Копия. К.К. Булла. С.-Петербург. Невский 48. Пассаж. *Надписи*: На обороте внизу: WK von Plehve, Rysslands inrikesminister, Finlands Minister-statssekreterare 1899–1904 1846–1904. Слева: von Plehve, Vyacheslav Konstantinovitsch 1846–1904.
Размер: 16,0 x 11,0 см.
Место хранения: Museovirasto. Historian kuvakokoelma. [Национальный совет древностей. Коллекция изображений истории]. № HK19270117: 112 https://finna.fi/Record/museovirasto.E52558EA34AF67331C-F5ECF759F54088
То же в др. паспорту: ЦГАКФФД СПб. Фотоальбом П 254. Снимок 128. *То же в др. паспорту*: ЦГАКФФД СПб. Фотоальбом П 786. Снимок 127 (указан автор снимка: Левицкий С.Л.)
Фрагмент.

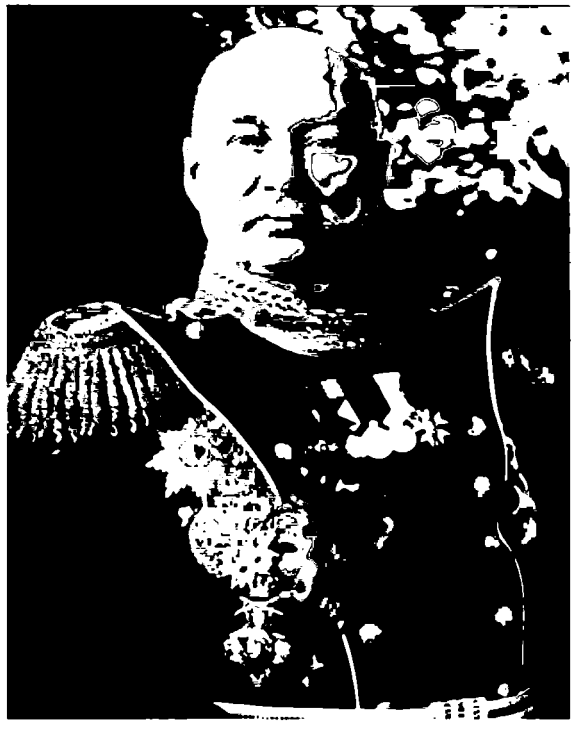

Министр статс-секретарь Эрштрем Эдуард Андреевич. 20 июля (2 августа) 1904 – 10(23) января 1905 (исполняющий обязанности)
Дата: [1900-е?].
Опубл.: Правительствующий Сенат: [краткий исторический очерк и биографии сенаторов] / [Составитель М.Л. Левенсон]. СПб.: Тино-литография С.-Петербургской Одиночной Тюрьмы, 1912. С. 133.

Министр статс-секретарь
Линдер Константин Карлович.
10(23) января – 15(23) ноября 1905
Дата: 1905.
Место съемки: Гельсингфорс.
Фотоателье: Apollo
Надписи: на наснорту
под изображением слева: Atelier
Apollo. Helsingfors. На обороте:
сверху: Konstantin Linder, Finlands
Ministerstatssekreterare 1904–1906
1836–1908, посередине: Linder,
Constantin 1836–1908.
Размер: 10,0 x 6,0 см.
Место хранения: Museovirasto.
Historian kuvakokoelma.
[Национальный совет древностей.
Коллекция изображений истории].
№ ПК10000: 1896
https://finna.fi/Record/museovirasto.9EF0
92DE070ACCB7337A97BC72F70A0F
Фрагмент

Министр статс-секретарь
Карл Фредрик Август Лангофф
26 января (5 февраля) 1906 –
2(15) апреля 1913.
[Генерал-майор Август Лангофф,
командир Семеновского
гвардейского полка].
Дата: 1900.
Надписи: на обороте сверху: August
Langhoff. На обороте слева: August
Langhoff.
Размер: 16,0 x 11,0 см.
Место хранения: Museovirasto.
Historian kuvakokoelma.
[Национальный совет древностей.
Коллекция изображений истории].
№ HK19710318: 10.
https://finna.fi/Record/museovirasto.6016
83C1E822A24694D74DE9E07EEFE9
Фрагмент

Научное издание

Россия и независимость Финляндии
1899–1920 гг.

Сборник документов
В трех томах

Том 1
От автономии к противостоянию
1899 - 1908 гг.

Ведущий редактор *Е.Д. Щепалова*
Редактор *В.Т. Веденеева*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Технический редактор *М.М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н.Н. Доломанова*
Верстка *А.З. Минегараев*
Корректор *Е.Л. Бородина*

Подписано в печать 04.08.2021
Формат 70×100/16. Печать офсетная. Усл. неч. л. 63,0
Тираж 300 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127254, Москва, Огородный проезд, д. 14
Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79
Тел.: 8 (499) 685-15-75, 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)